

СЪДЪРЖАНІЕ.

	ст.
.....	1
.....	2
.....	10
.....	20
.....	29
.....	29
.....	30
.....	31
.....	32
.....	33
.....	34
.....	35
.....	36
.....	37
.....	38
.....	39
.....	40
.....	41
.....	42
.....	43
.....	44
.....	45
.....	46
.....	47
.....	48
.....	49
.....	50
.....	51
.....	52
.....	53
.....	54
.....	55
.....	56
.....	57
.....	58
.....	59
.....	60
.....	61
.....	62
.....	63
.....	64
.....	65
.....	66
.....	67
.....	68
.....	69
.....	70
.....	71
.....	72
.....	73
.....	74
.....	75
.....	76
.....	77
.....	78
.....	79
.....	80
.....	81
.....	82
.....	83
.....	84
.....	85
.....	86
.....	87
.....	88
.....	89
.....	90
.....	91
.....	92
.....	93
.....	94
.....	95
.....	96
.....	97
.....	98
.....	99
.....	100

ЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 7/19. ЮЛЬ 1907

W. D. Cameron & Co. Boston

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій и узкихъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправную доставку, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербуріъ, Лиовская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныхъ деньгъ въ контору редакціи и не принимаютъ никакой участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 20 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятія статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на учай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) Непринятія рукописи, обратная пересылка которыхъ не была ачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ плаемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не какъ черезъ мѣсяць по ихъ доставленіи.

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW 1964

DK 1
B94
v. 19-22
MAIN

СОДЕРЖАНІЕ.

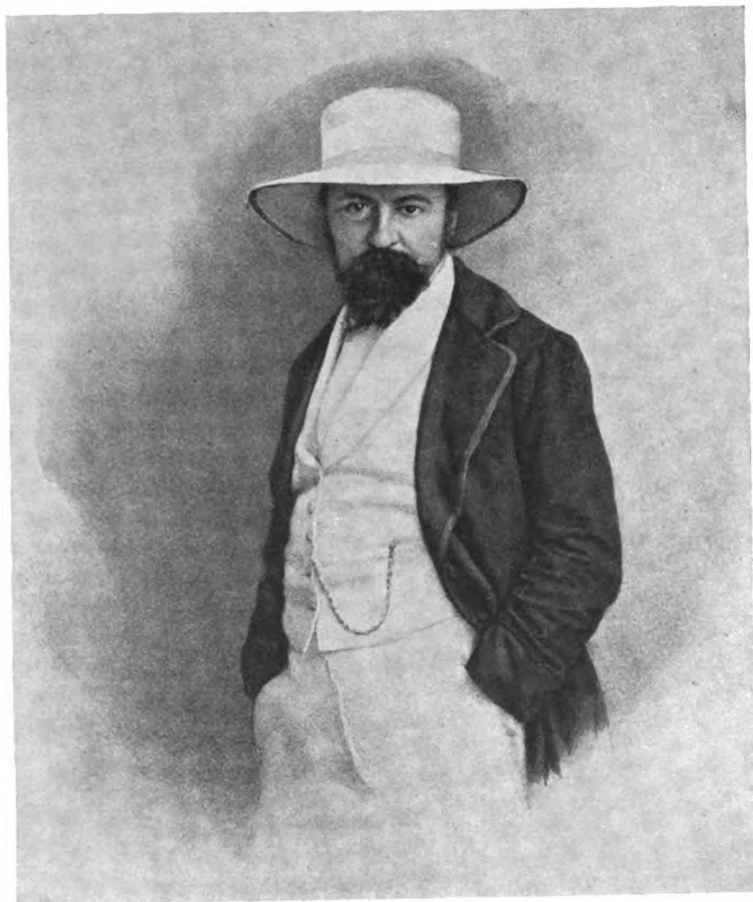
	СТР.
1. Пятидесятилѣтіе „Колокола“	1
2. 28 января. Неизданная статья А. И. Герцена	3
3. Дѣло о службѣ А. И. Герцена по вѣдомству императорскаго двора	10
4. Письма Герцена къ Мишле. М. О. Гершензона	20
5. Неизданное письмо къ Мишле. А. И. Герцена	29
6. Изъ хроники семейства Бакуниныхъ. А. А. Корнилова	39
7. М. А. Бакунинъ наканунѣ смерти. Воспоминанія А. Баулеръ	62
8. Матеріалисты двадцатыхъ годовъ. Н. П. Сильванскаго	88
9. „Политика“ Н. К. Михайловскаго . Н. С. Русанова	124
10. „Сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“	140
11. „Дѣло о распространеніи малороссійской пропаганды“. П. Гуревича	169
12. Партія „Народнаго Права“. Воспоминанія О. В. Аптекмана	177
13. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы (продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго	205
14. Изъ моего революціоннаго прошлаго (очеркъ второй). М. Р. Попова	241
15. „Дни свободы“ въ Кутаисской губерніи. В. А. Старосельскаго	278
16. Историческая библіографія: (I. — <i>П. Кропоткинъ</i> . — Идеалы и дѣйствительность. — Н. В. П. — „Украина“ за 1907 годъ; Столѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. Подъ ред. В. Подвинскаго . — В. Батурина скаго. III. — <i>Аптекманъ О. В.</i> — „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. — Т--ина)	307

17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 318
18. **Матеріалы, документи и мелкія замѣтки.** (Неизвѣстный
портретъ Герцена—37. ~~С. И.~~ Фотія И. Н. Мышкина—139.
Письмо кн. В. А. Долг ~~и др.~~ знар. проsv. гр. Е. В.
Путятину—176).
19. Письма въ редакцію д-ра мед. **Ф. Г—аго и В. К.** . . . 322
-

Въ этой книгѣ помѣщены портреты Герцена (на отдѣльномъ листѣ и въ текстѣ), снимокъ съ медали, выбитой по случаю десятилѣтія „Вольной русской прессы“, факсимиле двухъ „прошеній“ Герцена (въ текстѣ) и пая „Вольной русской типографіи въ Женевѣ“ (на отд. листѣ).

Александръ Ивановичъ
ГЕРЦЕНЪ.

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ

ВЪ ЖЕНЕВѢ.

—0—

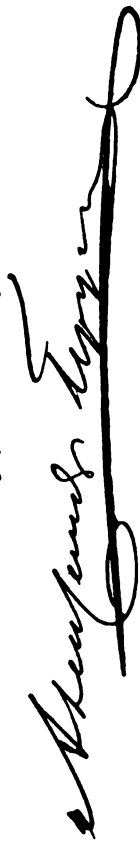
200ФР.

ПАЙ

200ФР.

ДВЪСТИ ФРАНКОВЪ.

Предъявитель пая участвуетъ въ выдѣлѣ Типографіи, получая процентъ, который будетъ причитаться согласно программѣ, на основаніи которой выпущены эти пай.

N. 6

1865

N. 6

—0—

Пятидесятилѣтіе „Колокола“.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (1-го іюля 1857 года) съ береговъ Темзы прозвучалъ первый призывной ударъ герценовскаго „Колокола“, прозвучалъ — и встрепенулось на родинѣ великаго писателя все живое, все честное, все нераздавленное въ конецъ гнетущими условіями режима рабства народа и деспотизма власти.

„Колоколь“ продолжалъ гудѣть, впечатлѣніе отъ его могучаго „звона“ все усиливалось, и вскорѣ сталъ онъ мощнымъ орудіемъ борьбы за свѣтъ и свободу, тотъ свѣтъ, что такъ старательно изгонялся изъ Россіи ея правительствомъ въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ, ту свободу, самое помышленіе о которой считалось дѣяніемъ глубоко крамольнымъ и достойнымъ нещадныхъ каръ.

Не „Колоколомъ“ начинается дѣятельность „вольнаго“ русскаго слова за-границей, — ему предшествовали „Полярная Звѣзда“ и другія изданія Герцена, — но знаменитый журналъ явился *первымъ* русскимъ *зарубежнымъ периодическимъ* изданіемъ, откликавшимся *непосредственно* и *систематически* на все русскія злобы дня, будившимъ въ русскихъ людяхъ *правосознаніе* и *чувство свободы*, призывавшимъ ихъ стать *гражданами*, заставившимъ самихъ враговъ свѣта, права и культуры почувствовать всю силу *свободной рѣчи свободного челоуѣка*.

Но чтобы сыграть такую громадную роль, какую сыграть въ русской жизни „Колоколь“, надо было, конечно, чтобы руководителемъ его былъ никто другой, какъ, отмѣченный печатью генія, Александръ Ивановичъ Герценъ.

Русское общество не должно забыть пятидесятилѣтія славнаго изданія славнаго сына Россіи.

Лучшимъ проявленіемъ признательности и почтенія нашей родины къ свѣтлой памяти ея великаго гражданина было бы перенесеніе праха Александра Ивановича изъ далекой Ниццы въ родную ему Москву.

Мысль о такомъ перенесеніи уже возникла, организовался и особый для этой цѣли комитетъ. Но необходимо, чтобы въ осуществленіи этой мысли приняло участіе все прогрессивное русское общество безъ различія партій, необходимо, чтобы дѣло это стало нашимъ дѣломъ, *національнымъ*, необходимо, чтобы повсемѣстно была открыта для этой цѣли подписка, необходимо, чтобы вся прогрессивная Россія объединилась въ единомъ настойчивомъ желаніи видѣть прахъ дорогого согражданина у себя на родинѣ, необходимо, чтобы чувство это претворилось въ живое дѣйствіе.

Къ дѣятельности въ этомъ направленіи мы и позволяемъ себѣ призвать въ частности и читателей нашего журнала.

Редакція.

28 января¹⁾.

(Посвящается другу моему Диомиду).

Реклю: сей человекъ предѣлъ мой нарушилъ.

Ломоносовъ.

Et le révolution se fait homme.

V. Coustn.

Орбиты планетъ извѣстны; образъ движенія ихъ раскрытъ: думаютъ, что уже достигли до полнаго знанія системы міра, какъ внезапно появляется комета, мерцая косою, прокладывая себѣ путь новый, самобытный, пересѣкая во всевозможныхъ направленіяхъ пространства небесныя. Надменный астрономъ теряется, думаетъ, что разрушены имъ открытые законы; но комета, нисколько не разрушая законовъ вселенной, сама подчинена имъ и имѣетъ свои законы, вначалѣ необъятные слабымъ мышленіемъ человѣческимъ, раскрытые впоследствии. *Являющееся въ безпредѣльныхъ пространствахъ системъ небесныхъ, повторяется въ развитіи человечества, коею орбита также вычислена,* также имѣла своихъ Кеплеровъ. Внезапно появляется великій, мощный, какъ будто смѣется надъ историкомъ и его законами и силою воли и рушить, и созидаетъ. Хотя воля человѣческая не закована въ законы математическіе, однакожъ мудрено допустить здѣсь произволь, замѣчая гармоническое *развитіе человечества*, въ которомъ всякая индивидуальная воля, кажется, поглощается общимъ движеніемъ; подобно, какъ движеніе земли уноситъ съ собою всѣ тѣла, на ней находящіяся. Между тѣмъ, вотъ Петръ. Силою своего гения, вопреки народу, онъ выдвинулъ отсталую часть Европы, и она, быстро развиваясь, устремилась за старшими братьями. Петръ, который также, подобно кометѣ, не совершивъ круговорота, исчезъ, удалился за предѣлы нашего міра, вѣкъ и семь лѣтъ тому назадъ, 28 января.

¹⁾ Статья эта, впервые появляющаяся въ печати извлечена мною изъ дѣла о Герцелѣ, хранящагося въ архивѣ бывшаго III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Она лежитъ тамъ въ числѣ бумагъ, взятыхъ у Герцена при его арестѣ въ 1834 году. 28 января — день смерти Петра I.

Мих. Лемке.

1*

Посмотримъ же: 1) Явился ли сей гигантъ вопреки всѣмъ историческимъ законамъ, столь самобытнымъ, столь заключеннымъ въ самомъ себѣ, что, съ одной стороны, въ немъ не было исторической необходимости, съ другой,—что безъ него Россія осталась бы донинѣ въ томъ состояніи, въ которомъ была до него и 2) Послѣ устремленія Россіи къ европеизму, въ чемъ и какъ успѣла она до нынѣшняго времени.

Ст а т ь я I.

Развитіе человѣчества требуетъ, скажемъ болѣе—обрекаетъ нѣкоторыхъ людей на высокую должность развивателей. Преклонимъ главы наши предъ ними, но не забудемъ, что они орудія идей, которыя и безъ нихъ, можетъ иначе, можетъ позже, но развились бы. Мѣра высоты развивателей есть ихъ самобытность и отчетливое познаніе того, что они совершаютъ. Принимая сей результатъ, поищемъ, возможно ли истолковать явленіе Петра изъ законовъ развитія идеи, понять оное не произвольнымъ, но необходимымъ.

Для сего предварительно разрѣшимъ слѣдующій вопросъ. Принадлежатъ ли славяне къ Европѣ? Намъ кажется, что принадлежатъ, ибо они на нее имѣютъ равное право со всѣми племенами, приходившими окончить насильственной смертію дряхлый Римъ и терзать въ агоніи находившуюся Византію, ибо они связаны съ нею, ее мощной связью—христіанствомъ; ибо они распространились въ ней отъ Азіи до Скандинавіи и Венеціи. Польша съ давнихъ временъ считалась нераздѣльною съ Европою, другіе осколки сего племени также давно уже сроднились съ нею.

Ежели примемъ, что принадлежатъ, ежели примемъ, что Европа составляетъ живой организмъ, имѣющей свою жизнь, свою цѣль, свой девизъ, несмотря на всю разнородность частей своихъ, то будемъ въ необходимости принять и слѣдующее. Въ семъ живомъ организмѣ славяне, какой бы индивидуализмъ ни имѣли, какое бы мѣсто ни занимали: по мнѣнію ли Мишле—охраняя восточные предѣлы Европы, или, какъ думалъ великій Петръ,—внѣдря въ Азію европеизмъ—ибо для цѣли жизни государства еще недостаточно быть ведетомъ для другихъ государствъ, или иначе—всѣ они должны вмѣстѣ съ Европою стремиться къ ея мечтѣ,—таково условіе всего органически живого. Иначе они не составили бы живой части Европы, на что, собственно, мѣстоположеніе не даетъ еще права, въ чемъ свидѣтельствуеетъ Турція, которая, съ самаго начала изгнавъ европеизмъ изъ Византіи, никогда не сроднилась съ Европою. Въ тенденціи Европы сомнѣнія нѣтъ, каждый знаетъ и никто не споритъ въ томъ, что она развиваетъ гражданственность и устремляетъ къ дальнѣйшей цивилизаціи (въ обширномъ смыслѣ) человѣчество, доставшееся ей отъ Рима и отъ Греціи—сихъ переходныхъ состояній—и соединившихся съ племенами новыми. Принявъ за основаніе высокое начало христіанство, развивалась на Востокѣ и Западѣ жизнь Европы. Доселѣ развитіе Европы была непрерывная борьба варваровъ съ Римомъ. Папъ съ *Императорами*, побѣдителей съ побѣжденными, феодаловъ съ народомъ, царей съ фео-

коммунами, съ народомъ. Но человѣчество находитъ себя и неимущимъ и должно находиться въ борьбѣ доколѣ не будетъ; не будетъ жить полною жизнью, не взойдетъ въ фазу историческую, въ фазу гармоніи, или должно почить въ самомъ себѣ, въ политическій Востокъ.

Въ этой борьбѣ родилось среднее состояніе, выражающее начало борьбы противоположныхъ началъ—просвѣщеніе, европеизмъ. Были ли славяны или, частнѣе говоря, у Россіи элементы къ такой оппозиціи? Ежели и были, то весьма слабыя. Норманы, въ очень ограниченномъ числѣ пришедшіе царить надъ нами, вскорѣ слились съ подданными и потонули въ Славянскомъ элементѣ ¹⁾. Укажите послѣ Владимира на одного изъ князей сохранившаго норманскіе обычаи. Преданная восточному созерцательному мистицизму, азиатская стоящая на овладѣваніи Россіею, къ чему располагало и самое огромное пространство ея по землѣ плоской, безгорной, удаленной отъ морей, покрывшей лѣсами. Въ удѣльной системѣ (которая, можетъ, произведена феодализмомъ, совсѣмъ не совпадала съ нимъ) не было ни оппозиціи общинъ, ни оппозиціи владѣльцевъ государю, а былъ элементъ каждый, особый формы деспотизмъ, сплавленный изъ началъ византійскаго, славянскихъ и азиатскихъ. Двухвѣковое иго татаръ способствовало Россію сплавить въ одно цѣлое, но снова не произвело оппозиціи. Основалось Самодержавіе,—и оппозиціи все не было. Вы ее не видите ни въ самыхъ ближайшихъ потомкахъ князей (мы исключаемъ изъ сего числа крамольныхъ бояръ, бывшихъ при Грозномъ, при Годуновѣ, при Шуйскомъ; не дерзкая аристократія составляетъ дѣятельную, живую, неутомимую оппозицію), не было ее и между народами и дворянствомъ, ибо сіе послѣднее собственно стало угнетать народъ и гнетомъ феодальной касты со временъ слабаго Шуйскаго. Частыя перемѣны династій, даже междуцарствіе, не возмущали мертвой тишины духа народнаго; просвѣщеніе не западало въ него, безпрерывныя войны не развивали его. И Россія, отставшая отъ Европы нѣсколько вѣками, подвигалась тихо, почти незамѣтно. Но наступило то время, когда Европа, наскучивъ феодализмомъ, начавшая изобрѣдывать все подлежащее уму, приготовлялась сдѣлать огромный переворотъ, долженствовавшій сплавить Европу въ другую форму. Оканчивался XVII вѣкъ, и сквозь вечернюю сумракъ его уже проглядывалъ вѣкъ дивный, мощный, дѣятельный, XVIII вѣкъ. Уже народы взглянули на себя, уже Монтескье писалъ и душнѣ становился воздухъ отъ близкой грозы. А Россія все еще не имѣла и элементовъ къ ускоренію хода. Но необходимость была огромна, отставшая часть Европы должна была сколько-нибудь нагнать ее, чтобъ послѣ имѣть право на плоды XVIII вѣка, который столь дорого стоилъ и который по сему долженъ былъ сдѣлаться общимъ достояніемъ, по крайней мѣрѣ, Европы, чтобъ послѣ видѣть эту революцію сквозь дымъ пылающей

¹⁾ Гдѣ же была такая оппозиція, такая и произвела она слѣдствія свои. Норманы не были норманами въ Новгородѣ. Новгородъ былъ вольнымъ городомъ до Іоанна III, Новгородъ зналъ Европу, былъ союзникомъ Ганзентическихъ городовъ. (Замѣчаніе сіе сделано другимъ моимъ, В. В. Пассекомъ).

Москвы, чтобъ послѣ идти самой въ Парижъ предписывать законы побѣдителямъ и побѣжденнымъ, неразрывно слить свои судьбы съ судьбами Европы и получить въ подарокъ часть своего племени—Польшу.

Явился Петръ! сталъ въ оппозицію съ народомъ выразилъ собою Европу, задалъ себѣ задачу перенести европеизмъ въ Россію и на разрѣшеніе ее посвятилъ жизнь. Германія, носившая слабѣйшіе зародыши гражданственной оппозиціи, растерзанная на нѣсколько частей, имѣла своего Петра, столь же колоссальнаго, столь же мощнаго. Петръ Германіи это—реформація. Она не донеслась къ отдѣленнымъ отъ міра католическаго, и у насъ цѣлый переворотъ кровавый и ужасный замѣнился гениемъ одного человѣка. Замѣтимъ, однакожь, что и Петръ, какъ всѣ революціи, былъ исключительно односторонній предѣлъ одной идеи и ее развивалъ всѣми средствами, даже доходилъ до жестокостей какъ реформація, какъ французскій конвентъ. Но ежели мы и примемъ необходимость Петра въ Россіи и въ сіе время болѣе, нежели когда нибудь, то тѣмъ не менѣе—обширна его самобытность. Появленіе его необходимо; но не вынужденно (такъ, какъ появленіе Лютера). Нѣтъ сомнѣнія, что Россія двинулась бы впередъ, перелетныя искры европеизма занялись уже при Годуновѣ, вторгались съ самозванцемъ, но далеко ли бы она ушла съ экзотическими отрывками сими? Не было, собственно, ни центра движенія, ни ускоряющаго толчка. То и другое создалъ Петръ. Задача, которую онъ разрѣшилъ, хотя необходима была для Россіи, но не ею предложена, а гениемъ Великаго; не ввѣрена ему обстоятельствами, но влита имъ въ обстоятельства, проведена его гениемъ въ идеи человечества и имъ же выполнена. Взгляните на этого изнѣженнаго царевича, 15-ти лѣтъ еще въ рукахъ нянюшекъ, окруженнаго рындами и всею пышностью восточнаго двора; невѣжду, ничему неученаю, котораго младенчество угрожается кинжаломъ, а юность—развратомъ, приготовляемымъ сестрою; взгляните и преклоните колѣно—это Петръ.

Укажите гдѣ, въ какой странѣ, на какомъ поприщѣ былъ человѣкъ болѣе самобытный, для котораго обстоятельства сдѣлали бы менѣе. Великъ герой Македонскій; индивидуально онъ одинъ могъ утвердить торжество Греціи надъ Азіею и начать новую жизнь самой Греціи, но онъ сынъ Филиппа. Самобытенъ Карлъ Великій, но набѣги на Францію вынуждали раздробленіе набѣгающихъ въ самомъ жерлѣ ихъ, и первый явившійся воинъ долженъ бы былъ обратитъ оружіе внѣ границъ; что касается до политическихъ мечтаній и ученыхъ заведеній Карла Великаго забудемъ ихъ. Примѣта, необходимое условіе геніальности есть успѣхъ, иначе мы должны будемъ включить въ число великихъ и Ріензи, и Бабефа и Малатесту и... По пятамъ же за Карломъ шло чудовище въ латахъ и кольчугахъ, съ копьемъ и опущеннымъ забраломъ, презирающее народъ и расторгнувшее связи гражданскія, для того, чтобъ тѣснѣе соединить узы семейныя. Мечемъ распорядило оно все, съ высоты скалы, на которой обитало, и учрежденія Карла Великаго не принесли полного плода, ибо явились слишкомъ рано. А его мысль возстановитъ Римскую Имперію не исполнилась, ибо явилась слишкомъ поздно. «Великъ Цезарь», сказалъ Мирабо: «изъ праха, брошеннаго Гракхомъ къ небу, родился Марій».

Мы можемъ сказать, что Цезаря вызвалъ Марій съ развалинъ Каррагенскихъ. Сверхъ того, поприще его прервано не оконченнымъ; мы знаемъ, что онъ сдѣлалъ Римъ своимъ, но не знаемъ, что бы онъ сдѣлалъ изъ своего Рима. Развѣ одинъ Наполеонъ пойдетъ въ сравненіе съ Петромъ, Наполеонъ,—котораго трупъ еще не охладѣлъ и котораго колоссальная тѣнь еще столь близка къ намъ, что мы можемъ разглядѣть ее,—необъятно великъ. Этотъ человѣкъ, начавшій нашъ XIX вѣкъ, окончившій разрушающій анализъ XVIII вѣка, однообразнымъ синтезомъ Европы, находившемся въ думахъ его; этотъ человѣкъ, который деспотизмомъ помогъ революціи облетѣть полъ міра, который былъ идиоломъ народа, имъ скованнаго, который врубилъ свой щитъ въ стѣнахъ Кремля и на пирамидахъ Египта и который окончилъ жизнь, подобно симъ пирамидамъ; на скалѣ одинокой жилъ онъ, самъ (очевидный пропускъ слова) Мавзолеей своей славы, воздвигнутой въ другомъ мірѣ, царя надъ безконечной степью волнъ. Напрасно вы будете выводить его чистую необходимость изъ революціи; онъ сынъ ея, какъ Александръ сынъ Филиппа; оба велики, оба самобытны, но одинъ, такъ сказать, матеріально произвелъ другого.

Когда мы обратимся къ отчетливости, къ познанію цѣли, то высота Петра дѣлается еще яснѣе. Густавъ Адольфъ, Александръ Македонскій, можетъ быть самый Наполеонъ дѣйствуетъ по какой то локаціи, неопреодолимому, темному стремленію, совершенно безотчетному, по тому мощному чувству, которое такъ изящно развито Шиллеромъ въ Валенштейнѣ и Вернеромъ въ Атиллѣ. Они стремились къ огромной Монархіи, коей предѣлы въ мечтахъ дѣлались тѣмъ далѣе, чѣмъ болѣе они завоевывали, и польза ими приносимая не была ихъ цѣлью, а дѣлалась, такъ сказать, *chemin faisant*. Неужели Александръ при Арбеллахъ думалъ, что онъ этой битвой прекратитъ возможность набѣговъ Персіи и надолго запретъ ворота изъ Азіи въ Европу? Неужели плебей Бонапартъ думалъ поразить феодальную идею законности, садясь на тронъ Генриха IV? Цѣль Петра, яснымъ Фаросомъ освѣщала его путь, и въ семъ отношеніи ему подобенъ одинъ Цезарь но не сравнивайте ихъ цѣли.

Остается намъ взглянуть, на сколько успѣлъ Петръ. Для этого должно рассмотретьъ жизнь Россіи въ продолженіе вѣка послѣ его смерти, ибо ясное дѣло, что есть психологическая невозможность въ 20 лѣтъ образовать, просвѣтить страну въ 16 000.000 жителей. Надлежало только влить въ нее элементы, которые бы устремили Россію къ Фаросу Петра, конечно, не съ быстротою, принадлежащею гению, но съ мощностью и силою характера славянскаго. Какіе это были элементы и какъ они развивались, это относится ко второму вопросу. Первую же часть разсужденія заключимъ слѣдующимъ.

Не поражало ли каждаго изъ насъ равнодушіе Россіи къ Петру? Правда, ему есть памятникъ, величественный среди его города, но надпись имѣетъ «Petro primo, Catherina II». Софья Доротея принцесса Ангальтъ-Цербская, жена Гольштинскаго принца Ульриха, заказала его Фальконету. Есть и другой памятникъ; подъ нимъ написано: *Прадѣду, правнукъ*; это дѣло семейное. Но гдѣ же тутъ Россія? Гдѣ? Есть ли день, въ который бы она собиралась въ память Великаго?

есть ли поэтъ, котораго онъ вдохновилъ? есть ли, наконецъ, твореніе, въ которомъ бы достойнымъ образомъ описаны были дѣянія Великаго? Но не будемъ поверхностными, не станемъ обвинять родину въ неблагодарности. Россія еще не имѣетъ голоса, она пойметъ Петра и не останется къ нему равнодушна. Народы во всѣ времена сильно симпатизировали съ людьми гениальными. Цѣлый Римъ плакалъ надъ окровавленной ризой Юлія, цѣлый Парижъ приливалъ бурными волнами своими къ одру умирающаго Мирабо. Цѣлая Франція оплакивала 5 мая. Цѣлая страна преклоняетъ колѣна въ день кончины Вашингтона. Пусть разовьется у насъ народность, пусть русскіе быстро слившіеся съ Европою или, лучше, вдохнувъ ее въ себя, оставятъ одни элементы имъ свойственные и переработаютъ ихъ въ свое собственное. Тогда потребуемъ отчета у Россіи, и она не измѣнитъ великому характеру своему. Чтобъ воротиться къ сравненію, которымъ мы начали, замѣтимъ, что Пифагоръ и Сенека имѣли темное чувство, провидѣли, что кометы не метеорическія явленія, а тѣла небесныя, постоянныя и имѣющія свои орбиты. Ньютону и Лапласу предоставлено было докончить то, что они предполагали. Но мы не забыли и тѣхъ, коимъ впервые явилась мысль сія.

28 Января 1833 г.

Александръ Герцень.

Медаль, выбитая по случаю десятилѣтія „Вольной Русской Прессы“.

Дѣло о службѣ А. И. Герцена по вѣдомству императорскаго двора.

Въ Московскомъ отдѣленіи архива императорскаго двора сохранились документы, или «дѣло», о службѣ А. И. Герцена въ экспедиціи кремлевскаго строенія или въ кремлевской экспедиціи. На службу сюда А. И. былъ записанъ еще въ дѣтствѣ,—что представлялось тогда явленіемъ обыкновеннымъ,—вмѣстѣ съ братомъ своимъ Егоромъ Ивановичемъ.

Объ этой службѣ нѣкоторыя свѣдѣнія сообщаетъ самъ А. И. Герценъ въ «Быломъ и Думахъ»¹⁾.

«Несмотря на зловѣщія пророчества хромого генерала²⁾,—говоритъ онъ,—отецъ мой опредѣлилъ таки меня на службу къ князю Н. Б. Юсупову въ кремлевскую экспедицію. Я подписалъ бумагу³⁾, тѣмъ дѣло и кончилось, больше я о службѣ ничего не слыхалъ, кромѣ того, что года черезъ три Юсуповъ прислалъ дворцоваго архитектора... извѣстить, что я получилъ первый офицерскій чинъ»⁴⁾.

Даже въ отношеніи чинопроизводства службу эту А. И. признавалъ для себя бесполезною. «Чины, полученные службой,—говоритъ онъ,—я разомъ наверсталъ, выдержавши экзамень на кандидата; изъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ годовъ старшинства не стоило хлопотать. А между тѣмъ эта мнимая служба чуть не помѣшала мнѣ вступить въ университетъ».

¹⁾ Сочиненія, т. II, Спб. 1905 г., стр. 77—78.

²⁾ А. Н. Бахметева, совѣтовавшая отцу А. И. отдать послѣдняго, чтобы «улеглись всѣ опасныя мысли», не въ университетъ и не на штатскую службу, а на службу военную: «одна военная служба.—говорилъ Бахметевъ.—можетъ разомъ раскрыть карьеру и поправить его» (А. И. Герценъ. Сочиненія, т. II, стр. 23).

³⁾ Здѣсь А. И. разумѣетъ, конечно, прошеніе объ опредѣленіи его на службу, находящееся въ дѣлѣ.

⁴⁾ Т. П. Пассекъ въ своихъ воспоминаніяхъ, сказавши, что А. И. Герценъ вмѣстѣ съ Егоромъ Ивановичемъ съ дѣтства былъ записанъ на службу въ кремлевскую экспедицію, далѣе говоритъ: «Конечно, служба эта была мнимая: ни тотъ, ни другой на нее никогда не являлись. Они подписывали (?) бумаги и больше о своей службѣ и не слыхали ничего. Только отъ времени до времени являлся отъ князя Юсупова, начальника Кремлевской экспедиціи, чиновникъ сообщить, что полученъ ими такой-то чинъ». («Изъ дальнихъ лѣтъ», т. I, Спб. 1878 г., стр. 232). Сообщеніе, что малолѣтніе Герцены подписывали канцелярскія бумаги, маловѣроятно и не согласно съ приведенными словами А. И. Герцена. Т. П. Пассекъ, вѣроятно, неправильно поняла вышеприведенное выраженіе А. И.: «подписалъ бумагу».

Въ виду того, что А. И. числился чиновникомъ кремлевской экспедиціи, совѣтъ университета отказалъ ему въ правѣ держать экзаменъ. Для служащихъ существовали тогда особые послѣобѣденные курсы, дававшіе право на такъ называемые «комитетскіе экзамены». Такъ какъ знанія, сообщаемыя профессорами на этихъ курсахъ, были «чрезвычайно ограниченныя», и «всѣ лѣнтяи съ деньгами, баричи, ничему не учившіеся, все, что не хотѣло служить въ военной службѣ и торопилось получить чинъ ассесора, держали комитетскіе экзамены», то А. И. не мирился съ мыслью поступить, вмѣсто университета, на эти курсы и заявилъ отцу, что подастъ въ отставку, если отецъ не найдетъ другого средства къ поступленію въ университетъ. «Отецъ мой,—разсказываетъ А. И.,—сердился, говорилъ, что я своими капризами мѣшаю ему устроить мою карьеру, бранилъ учителей, которые натолковали мнѣ этотъ вздоръ ¹⁾; но, видя, что все это очень мало меня трогаетъ, рѣшился ѣхать къ Юсупову».

Какъ отнесся къ дѣлу Юсуповъ,—это описываетъ А. И. слѣдующими весьма характерными чертами:

«Юсуповъ разсудилъ дѣло въ мигъ, отчасти по-барски и отчасти по-татарски. Онъ позвалъ секретаря и велѣлъ ему написать отпускъ на три года. Секретарь помялся, помялся и доложилъ со страхомъ пополамъ, что отпускъ болѣе, нежели на четыре мѣсяца, нельзя давать безъ высочайшаго разрѣшенія. «Какой вздоръ, братецъ,—сказалъ князь,—что тутъ затрудняться; ну въ отпускъ нельзя, пиши, что я командирую его для усовершенствованія въ наукахъ—слушать университетскій курсъ». Секретарь написалъ, и на другой день я уже сидѣлъ въ амфитеатрѣ физико-математической аудиторіи».

Въ упомянутыхъ архивныхъ документахъ содержатся свѣдѣнія, которыя могутъ служить дополненіемъ къ изложенному разсказу Герцена о своей службѣ по дворцовому вѣдомству. Въ этомъ «дѣлѣ» есть копія университетскаго аттестата Герцена, и вообще оно не лишено нѣкотораго значенія для біографіи послѣдняго.

Оба брата Герцены,—Александръ и Егоръ Ивановичи,—одновременно 10 декабря 1820 года подали прошенія объ опредѣленіи ихъ на службу въ кремлевскую экспедицію. Егору Ивановичу было въ то время 16 лѣтъ, тогда какъ Александру Ивановичу 9 лѣтъ. Какъ извѣстно, Егоръ Ивановичъ постоянно болѣлъ: «лѣтъ съ двѣнадцати и до тридцати онъ провелъ подъ ножомъ хирурговъ» (А. И. Герценъ, сочиненія, т. VII, стр. 16): не этимъ-ли и объясняется позднее его, сравнительно съ младшимъ братомъ, опредѣленіе на службу?

¹⁾ По словамъ Т. П. Пассекъ, сироты А. И. съ отцомъ объ университетѣ и комитетскихъ лекціяхъ вѣдалась задолго до поступленія въ университетъ; подъ 1826—1827 г. она сообщаетъ: «Иванъ Алексѣевичъ (отецъ Герцева) опасался, чтобы, подъ именемъ университетскаго вольнодумства, какъ онъ выражался, не развились опасныя мысли, уже видѣвшіяся въ Сашѣ, и не навлекли бы ему несчастья. Вмѣсто университета онъ совѣтовалъ ему, приготовившись, слушать лекціи комитетскія... что, по его вѣнью, согласовалось и съ положеніемъ Саши, съ дѣтства записаннаго... на службу въ Кремлевскую экспедицію... Саша, къ огорченію Ивана Алексѣевича, продолжалъ думать, что хочетъ быть студентомъ на общихъ университетскихъ основаніяхъ, а какъ служба помѣшаетъ, то выйдетъ въ отставку» (ibid).

Прошение Егора Ивановича, находящееся въ началѣ упомянутого «дѣла», такого же содержанія и съ такимъ же приложеннымъ къ нему свидѣтельствомъ, какъ и печатаемое ниже прошение А. И. Герцена. Прочіе документы въ этомъ «дѣлѣ» относятся къ послѣднему. Печатаются они безъ измѣненія, лишь съ исправленіемъ орфографіи, а собственноручныя бумаги Герцена безъ всякаго измѣненія.

Мих. Ив. Успенскій.

1) О зачисленіи А. И. Герцена на службу.

а) Прошение Герцена.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ Самодержецъ Всероссийскій Государь Всемиловитѣйшій.

Просятъ гвардіи капитана и кавалера Ивана Алексѣева Яковлева, воспитанникъ его, Александръ Ивановъ, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты. Находясь я при означенномъ воспитателѣ моемъ, російской грамотѣ читать и писать обученъ и имѣя себѣ отъ роду девять лѣтъ, но въ службу Вашего Императорскаго Величества вѣкуда еще не опредѣленъ, а ревностное желаніе имѣю продолжать оную въ вѣдомствѣ экспедиціи кремлевскаго строенія въ числѣ канцелярскихъ служителей, а что подлинно я, Герценъ, воспитанникъ гвардіи капитана Яковлева и не принадлежу ни къ воинскому вѣдомству, ни къ податному званію, о томъ прилагаю въ удостовѣреніе при семъ свидѣтельство, данное мнѣ за подписаніемъ разныхъ чиновныхъ особъ, всеподданнѣе прошу, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повѣдено было сіе мое прошеніе съ свидѣтельствомъ въ экспедиціи кремлевскаго строенія принять и меня въ вѣдомство оной въ число канцелярскихъ служителей опредѣлить. Всемиловитѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Декабря дня 1820 года.

Къ подаванію надлежитъ въ экспедицію кремлевскаго строенія.

Прошеніе сочинялъ и на—бѣло переписывалъ титулярный совѣтникъ Николай Степановъ сынъ Никоновъ.

Къ сему прошенію Александръ Ивановъ, сынъ Герцена руку приложилъ ¹⁾.

б) Свидѣтельство.

Мы, нижеподписавшіеся, симъ удостовѣряемъ, что предъявитель сего Александръ Ивановъ Герценъ, съ самаго младенчества воспитанникъ гвардіи капитана и кавалера Ивана Алексѣевича Яковлева, не принадлежитъ ни къ воинскому вѣдомству, ни къ податному званію и въ государственную службу вѣкуда еще не опредѣленъ, въ чемъ сіе ему отъ насъ въ справедливости и дано. Москва, декабря дня, 1820 года.

Отставный гвардіи капитанъ и кавалеръ Иванъ Алексѣевъ сынъ Яковлевъ. Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Левъ Алексѣевъ сынъ Яковлевъ. Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Павелъ Каверинъ. Генералъ-лейтенантъ, сенаторъ и кавалеръ Захаръ Алсуфьевъ. Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ князь Алексѣй Долгоруковъ. Тайный совѣтникъ, сенаторъ и кавалеръ Павелъ Г. Кутузовъ.

¹⁾ Снимокъ этого прошенія см. на 15 стр.

в) Постановленіе экспедиціи кремлевскаго строенія.

1829 г., декабря дня въ экспедиціи кремлевскаго строенія, по слушаніи прошеній гвардіи капитана Яковлева, воспитанниковъ его, Егора и Александра Яковлевыхъ Герценыхъ, по которымъ прошеніямъ господиномъ присутствующимъ въ экспедиціи и кавалеромъ княземъ Долгоруковымъ докладывано г-ну главноначальствующему оной и, въ сходственнсть послѣдовавшей отъ него резолюціи, приказали вышеозначенныхъ воспитанниковъ Егора и Александра Герценыхъ, по прошенію ихъ, въ вѣдомство сей экспедиціи принять и опредѣлить въ число канцелярскихъ служителей, съ чиномъ канцеляристовъ, впредь до усмотрѣнія ихъ способностей и прилежанія къ должности, на собственное содержаніе, коихъ внести въ списокъ по экспедиціи и въ вѣрности службы принять черезъ экзекутора къ присягѣ, а потомъ помѣстятъ ихъ въ полаты (?) въ исправленію должности. Представленные при сихъ прошеніяхъ свидѣтели оная хранятъ при дѣлѣ.

II) О поступленіи Герцена въ университетъ.

а) Прошеніе Герцена.

Въ Экспедицію Кремлевскаго Строенія Вѣдомства оной Губернскаго Секретаря Александра Герцена Доношеніе.

Желаніе имѣю я поступить въ Императорскій Московскій Университетъ на слушанія въ ономъ профессорскихъ лекцій, для чего и нужно мнѣ отъ оной Экспедиціи свидѣтельство, а потому покорнѣйше прошу Экспедицію Кремлевскаго Строенія сіе мое донесеніе принять и мнѣ для поступленія въ Университетъ выдать надлежащее свидѣтельство. Августа 19 дня 1829 года. Въ сему Доношенію Губернскій Секретарь Александръ Ивановъ сынъ Герценъ приложилъ.

б) Постановленіе экспедиціи.

1829 г. августа 19 дня въ экспедиціи кремлевскаго строенія, по слушаніи дошенія вѣдомства сей экспедиціи губернскаго секретаря Александра Герцена, приказали: онаго просителя Герцена для слушанія профессорскихъ лекцій уволить, для чего и дать ему надлежащее свидѣтельство. Титулярный Советникъ Борисовъ.

в) Свидѣтельство.

По указу Его Императорскаго Величества изъ экспедиціи кремлевскаго строенія находящемуся, вѣдомства оной, въ числѣ канцелярскихъ служителей въ воспитанниковъ гвардіи капитана Яковлева губернскому секретарю Александру Иванову сыну Герцену въ томъ, что подаваемъ онъ въ сію экспедицію доношеніемъ просилъ о дать ему на вступленіе въ Московскій университетъ для слушанія въ ономъ лекцій, на основаніи Высочайшаго указа августа 1829 года, свидѣтельства, почему экспедиція и опредѣлила онаго просителя Герцена для слушанія профессорскихъ лекцій уволить, для чего (и даю) ему свидѣтельство за подписаніемъ присутствующаго и съ изображеніемъ казенной печати въ Москвѣ, августа 20 дня 1829 г.

III) О принятіи Герцена снова на службу, по увольненіи (вслѣдствіе преобразованія Кремлевской экспедиціи).

а) Прошеніе Герцена.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Никола Павловичъ Самодержецъ Всероссийскій Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ Коллежскій Секретарь Александръ Ивановъ сынъ Герценъ, а чемъ тому слѣдуютъ пункты.

Въ службѣ Вашего Императорскаго Величества находился я при Московской Дворцовой Канторѣ, откуда прошлаго 1831 года Октября 12 числа отчисленъ, но Аттестата по сіе время не получалъ, а какъ я нынѣ увѣдомился, что въ Канцеляріи оной имѣется вакансія, то и желаю остаться по прежнему въ Канторѣ, почему всеподданнѣйше и прошу.

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелено было сіе мое прошеніе въ Московскую Дворцовую Канторѣ принять и мнѣ при прежней моей должности на имѣющейся вакансіи въ Канцеляріи оставить. Всемилостивѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества о сем моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Октября 7 дня 1832 г. Прошеніе сочинялъ на бѣло переписывалъ и къ оному руку приложилъ Коллежскій Секретарь Александръ Герценъ. Писано 7 Октября.

б) Справка и постановленіе.

По справкѣ оказалось, что коллежскій секретарь Александръ Герценъ состоялъ въ вѣдомствѣ бывшей экспедиціи кремлевскаго строенія въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ и, при преобразованіи оной въ Московскую дворцовую кантору, остался за реформой и изъ вѣдомства ея уволенъ, аттестатъ же, по неяви въ кантору, выдано ему не было. Секретарь Соколовъ Столоначальникъ Водо.

(На поляхъ написано:) Просителя коллежскаго секретаря Герцена опредѣлить попрежнему въ вѣдомство сей канторы, въ число канцелярскихъ чиновныхъ безъ жалованья, впредь до усмотрѣнія, о чемъ ему объявлять и помѣстить къ должности.

IV) О внесеніи въ формулярный списокъ Герцена о полученіи имъ степені кандидата въ университетъ.

а) Прошеніе Герцена.

Въ Московскую Дворцовую Кантору Вѣдомства оной коллежскаго секретаря Александра Иванова сына Герцена Довошеніе. Съ дозволенія бывшей Экспедиціи Кремлевскаго Строенія и по данному мнѣ отъ оной свидѣтельству былъ я допущенъ къ слушанью въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ профессорскихъ лекцій прошлаго 1829 г. Октября 14-го дня, гдѣ окончилъ курсъ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, удостоенъ степени кандидата, а нынѣ согласно моему прошенію отъ Университета уволенъ съ даннымъ мнѣ Аттестатомъ, который при семъ въ Московскую Дворцовую Кантору имѣю

всего, что в настоящее время делается в области
исследования, при чем следует указать, что в настоящее
время в области исследования в области исследования
в настоящее время в области исследования

Исследования в области исследования в области
исследования в области исследования в области
исследования в области исследования в области
исследования в области исследования в области

В настоящее время в области исследования в области
исследования в области исследования в области
исследования в области исследования в области
исследования в области исследования в области
исследования в области исследования в области

честь представить, покорѣйше прошу приказать о семъ внести въ формулярной о службѣ моей списокъ. Сентября дня 1833 года. Къ сему доношенію Коллежскій Секретарь Александръ Ивановъ сынъ Герценъ руку приложилъ ¹⁾.

(На поляхъ написано:) О ученой степени чиновника Герцена внести въ формулярный его списокъ, приложенный же аттестатъ оставить при дѣлѣ Кв. Урусовъ, Дмитрій Львовъ, С. Берхманъ.

б) Копія аттестата.

По указу Его Императорскаго Величества изъ Правленія Императорскаго Московскаго университета кандидату Александру Герцену, служащему въ экспедиціи кремлевскаго строенія (что нынѣ дворцовая контора) коллежскимъ секретаремъ въ томъ, что, онъ, Герценъ, съ дозволенія своего начальства, на основаніи положенія главнаго правленія училищъ, изъясненнаго въ отношеніи господина министра народнаго просвѣщенія къ г. попечителю университета отъ 17 сентября 1828 г., допущенъ къ слушанію въ семъ университетѣ профессорскихъ лекцій прошлаго 1829 года октября 14 дня, гдѣ окончивъ курсъ по отдѣленію физико-математическихъ наукъ, на основаніи положенія о производствѣ въ ученые степени 1829 г. января 20 дня, Высочайше утвержденаго былъ испытываемъ въ наукахъ онаго отдѣленія и оказалъ отличныя успѣхи доказанные и лучшимъ на заданный предметъ сочиненіемъ, за которое, равно какъ и за отличное поведеніе онъ, Герценъ, награжденъ серебряною медалью вслѣдствіе чего, опредѣленіемъ университетскаго Совѣта сего 1833 года іюня 30 дня, утвержденъ кандидатомъ отдѣленія физико-математическихъ наукъ, нынѣ, согласно съ прошеніемъ его, по опредѣленію правленія университета отъ онаго уволенъ. И какъ онъ, Герценъ, окончилъ полный курсъ ученія университетскаго, то имѣетъ право пользоваться Высочайше дарованными преимуществами, означенными въ 43 § положенія о производствѣ въ ученые степени и въ указѣ 1822 г. Іюля 9 числа. Данъ въ Москвѣ августа 3 дня 1833 г. На подлинномъ подписали: Ректоръ Алексѣй Болдыревъ, Непремѣнный заасъдатель Иванъ Давыдовъ, Деканъ Левъ Цвѣтаевъ, Деканъ Михаилъ Коченовскій, Деканъ Дмитрій Перевозчиковъ, Деканъ Аркадія Альфонскій Секретарь Чирковъ, (?) протоколистъ Васильниковъ (?). Вѣрно. Секретарь...

У онаго аттестата Его Императорскаго Величества Московскаго университета печать

У) Справки о Герценѣ: порученіе ему исправленія должности помощника секретаря по камеръ-цалмейстерской части; пересылка его аттестата Владімирскому губернатору.

а) Письмо ¹⁾ Московскаго генералъ-губернатора Дмитрія Влад. Голицына († 1844) президенту Моск. Дворцовой Конторы кв. А. М. Урусову.

Милостивый Государь князь Александръ Михайловичъ!

По встрѣтившейся надобности, покорѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, приказать доставить ко мнѣ копію съ формулярнаго списка слѣжившаго въ Московской дворцовой конторѣ титулярнаго совѣтника Герценъ

¹⁾ Снимокъ этого письма см. на стр. 17.

15726

11. Января 1833.

В. М. Павлову Старшему Коллеж.

Возвращаю оной Высочайшаго Царского Высочайшаго Указа о том
Титула

Доносиме

Въ установленномъ вѣдомствѣ Императорскаго
Училища и на греческомъ языкѣ оной учебно-
математическаго преподавателя и ассистента въ
Императорскомъ Медицинскомъ Университетѣ
Профессора при Высшемъ училищѣ 1813 года
Владимиръ М. пр. въ ономъ училищѣ по оному
его ученику. Медицинскому кадету изъ оной
серебрянаго Колежскаго, а ономъ училищѣ
преподавателю оной Инженернаго училища
и ономъ Медицинскомъ, который по указу
Императорскаго Высочайшаго Коллежъ
предоставилъ, по которому праву предоставилъ
оной вѣдомствѣ въ распоряженіи о ономъ
Колежѣ при 1833 году. Въ оной Доносиме
Коллежскому кадету. Медицинскому Колежскому
Титула по указу предоставилъ.

Съ совершеннымъ почтениемъ и преданностью имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Голицынъ.

27 Мая 1835 г.

(Надпись): Требуемой списокъ препроводить. Князь Урусовъ.

б) Постановленіе Московской Дворцовой Конторы.

1837 года ноября 10 дня. Въ журналѣ Московской Дворцовой конторѣ по 1-му столу записано: Господинъ президентъ сей конторы, въ присутствіи оной, по докладу господина въ должности вице-президента и гофмаршала барона Воде, приказать изволилъ, согласно предложенію его свѣтлости господина министра императорскаго двора, отъ 2-го іюня 1835 г. за № 2111, о порученіи коллежскому секретарю Соколову во время высочайшаго пребыванія въ Москвѣ исправленія должности помощника смотрителя по камеръ-палмейстерской части ¹⁾, но какъ означенный Соколовъ, по прошенію его, изъ вѣдомства сей конторы отъ службы уволенъ, то, въ такомъ случаѣ, на мѣсто его, поручить исправленіе сей должности, на время присутствія высочайшаго двора въ Москвѣ, состоящему при сей конторѣ въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ титулярному совѣтнику Герцену. Опредѣлили: О семъ записать въ журналъ и по вышеписанному приказанію г. президента учинить надлежащее исполненіе, о чемъ ему, Герцену, а равно и о помѣщеніи его къ должности главному смотрителю Аталыкову объявить. Журналистъ Шумилинъ.

в) Переписка съ Владимірскимъ губернаторомъ о высылкѣ ему университетскаго диплома Герцена.

1. Въ Московскую дворцовую контору. Отъ Владимірскаго гражданскаго губернатора. Сентября 4 дня 1839 г. № 10171. Г. Владиміръ.

Служащій въ канцеляріи моей старшимъ помощникомъ правителя канцеляріи титулярный совѣтникъ Александръ Ивановъ Герценъ довелъ до свѣдѣнія моего, что выданный ему изъ Императорскаго Московскаго университета аттестатъ, объ окончаніи въ ономъ наукъ съ званіемъ кандидата, находится при дѣлахъ Дворцовой конторы, по вѣдомству коей онъ состоялъ на службѣ съ 1831-го по 1835 годъ. Встрѣчая теперь надобность въ означенномъ аттестатѣ чиновника Герцена, я покорнѣйше прошу Дворцовую контору выслать ко мнѣ документъ этотъ подлинникомъ, сколь возможно поспѣшнѣе.

Гражданскій Губернаторъ Кутузовъ.

(Надпись): По справкѣ препроводить: Б. Воде...

2) М. И. Д. М. Д. К. по 1-му столу. 18 сентября 1839 г. № 4202. Г. Владимірскому гражданскому губернатору.

Вслѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 4-го сего сентября дня 10171 Московская дворцовая контора имѣетъ честь препроводить при семъ подлинный аттестатъ коллежскаго секретаря, — что нынѣ титулярный совѣтникъ, — Александра Герцена, выданный ему августа 3 дня 1833 года изъ Правленія Императорскаго Московскаго университета, о полученіи коего покорнѣйше проситъ Московская дворцовая контора ее увѣдомить.

¹⁾ Камеръ-палмейстерская часть — убранство и меблировка комнатъ; въ настоящее время состоятъ въ вѣдѣніи гофмейстеровъ.

3) Въ Московскую дворцовую контору. Отъ Владимірскаго гражданскаго губернатора. Сентября 27 дня 1839 г. № 11129. Г. Владимірь.

Честъ имѣю увѣдомить контору, что препровожденный при отношеніи ея ко мнѣ отъ 18 сего сентября за № 4202 подлинный аттестатъ коллежскаго секретаря (что нынѣ титулярный совѣтникъ) Александра Герцена, выданный ему изъ правленія Императорскаго Московскаго университета мною получить.

Гражданскій губернаторъ Кутузовъ.

(Надпись): Принять къ свѣдѣнію: Князь Голицынъ ¹⁾...

Сообщилъ Мих. Ив. Успенскій.

¹⁾ Что касается Егора Ивановича Герцена, то онъ и въ сороковых годахъ продолжалъ служить по дворцовому вѣдомству. Какъ видно изъ „Московской Справочной Книжки, изд. Вадимомъ Пассекомъ,—М. 1842 г.“. Е. И. состоялъ тогда архивариусомъ Московскаго дворцоваго архива и жилъ въ Запасномъ дворцѣ. (стр. 239).

Письма Герцена къ Мишле.

Эти письма были мнѣ недоступны, когда я, въ «Западныхъ друзьяхъ Герцена», излагалъ отношенія къ Герцену Мишле; въ моихъ рукахъ были только письма послѣдняго, другая же половина переписки — письма Герцена — находилась, безъ сомнѣнія, у наслѣдниковъ Мишле. Но тотчасъ по напечатаніи въ апрѣльской книгѣ «Былого» первой части «Западныхъ друзей», — въ двухъ выпускахъ французской *Revue* появилась полностью переписка Герцена и Мишле, съ предисловіемъ и примѣчаніями извѣстнаго французскаго историка, Габріэля Моно, женатаго на младшей дочери Герцена (Ольгѣ Александровнѣ) ¹⁾. Здѣсь, кромѣ 30 писемъ Мишле къ Герцену, изложенныхъ мною въ «Быломъ», приведены и 6 писемъ Герцена къ Мишле, которые, по словамъ г. Моно, одни только и уцѣлѣли, да еще 1 письмо друга Герцена, Гаука, писанное по просьбѣ и со словъ Герцена. Эти семь писемъ представляютъ собою новый и очень цѣнный матеріалъ для біографіи Герцена.

Изъ предисловія Г. Моно видно, что до начала переписки Герценъ познакомился съ Мишле лично. Весною 1851 г. Мишле лихорадочно работалъ надъ своими «Демократическими легендами» — серіей біографій героевъ и мучениковъ революціи, куда должны были войти очерки по исторіи освободительнаго движенія въ Италіи, Румыніи, Польшѣ, Россіи. Онъ всюду собиралъ матеріалы; ему и лично помогали указаніями — для Италіи другъ Маццини, Аккурси, для Румыніи — Братіано и г-жа Розетти, для Польши — Мицкевичъ. Очевидно, въ связи съ этими его розысками стояло и его знакомство съ Герценомъ. Послѣдняго привелъ къ нему, 17 іюня 1851 г., Бернацкій, и Герценъ принесъ съ собою и передалъ Мишле свою только что вышедшую французскую брошюру о развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Три дня спустя Мишле отдалъ ему визитъ. Завязавшееся такимъ образомъ личное знакомство скоро прервалось, такъ какъ Герценъ уѣхалъ въ Ниццу; но съ осени этого года началась между ними, и кажется — по почину Мишле, оживленная переписка, быстро и тѣсно ихъ сблизившая.

Первое уцѣлѣвшее письмо Герцена датировано 7 ноября 1851 г. изъ Ниццы. Онъ только что послалъ Мишле свой отвѣтъ на «Легенду о Косцюшкѣ», въ которой Мишле произнесъ такой жесткій и безнадежный приговоръ надъ Россіей; это, какъ извѣстно, — «Русскій народъ

¹⁾ Jules Michelet et Alexandre Herzen d'après leur correspondance intime (1851—1869), „La Revue, 1907, № 10—15 Mai, № 11—1 juin.

я социализм», печатающийся донинѣ съ подзаголовкомъ «Письмо къ Мишле». Получивъ рукопись 3 ноября, Мишле тотчасъ отвѣчалъ восторженнымъ письмомъ. Онъ былъ восхищенъ и тронутъ до слезъ; бодрая смѣлость Герцена заразила его: онъ теперь свѣтлѣе смотрѣлъ на будущность и Россіи, и самой Франціи. «Нѣтъ, вы не погибнете,— писалъ онъ.—Мы спасемся всѣ вмѣстѣ. Франція воскреснетъ въ 52 году, и міръ еще будетъ жить».

Именно на это письмо (гдѣ Мишле, между прочимъ, еще просилъ у Герцена біографическихъ свѣдѣній о Бакунинѣ и пр.) Герценъ отвѣтилъ 7 ноября.

«Не могу передать,—пишетъ онъ,—какъ благотворно было для меня ваше письмо; оно меня глубоко тронуло. Позвольте мнѣ позать вашу руку съ благодарностью, почтеніемъ и дружбой.

«Я еще вѣрю въ 1852 годъ, и если я въ концѣ своего письма говорю объ ожидающей насъ гибели, то я имѣлъ при этомъ въ виду только насъ, русскихъ. Мы—авангаръ арьергарда; намъ, какъ русскимъ, не остается ничего другого, какъ служить примѣромъ, подобно Пестелю, Муравьеву, Бакунину.

«Вотъ біографическія свѣдѣнія о нашемъ несчастномъ другѣ ¹⁾. Послѣ-завтра пришлю вамъ біографическія свѣдѣнія о Петрашевскомъ, и позволю себѣ при этомъ доставить вамъ еще нѣсколько экземпляровъ моего письма, такъ какъ боюсь, что Франкъ можетъ получить его только черезъ недѣлю ²⁾.

«Здѣсь критикуютъ мой французскій слогъ, и я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ. Одинъ изъ моихъ польскихъ друзей, Хоецкій, былъ такъ добръ, что выправилъ мою рукопись; тѣмъ не менѣе въ ней есть ошибки, и я долженъ просить васъ о снисхожденіи. Когда я пишу по-русски, я совершенно свободенъ, я чувствую себя въ своей сферѣ и даю себѣ волю, не думая о расположеніи словъ.

«Жду вашихъ замѣчаній, они будутъ для меня драгоценны. Я много вамъ обязанъ, потому что послѣднее время я былъ погруженъ въ болѣзненную апатію. Вы меня разбудили, и, больше того,—ваше послѣднее письмо, полное сочувствія, согрѣло мнѣ сердце; спасибо вамъ.

«Привѣтствую васъ отъ всего сердца. А. Герценъ.

«Постараюсь достать портреты нашихъ мучениковъ ³⁾; они существуютъ, но добыть ихъ изъ Москвы нелегко» ⁴⁾.

На это письмо Мишле отвѣчалъ 11-го. Онъ благодарилъ за записку о Бакунинѣ, а о французскомъ слогѣ Герцена онъ говоритъ: «Признаюсь—я считаю васъ однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей на нашемъ языкѣ; итакъ, кто осмѣлится васъ исправлять?» Біографическія свѣдѣнія о Бакунинѣ были ему нужны частью для себя: го-

¹⁾ Въ это время распространился слухъ, что Бакунинъ умеръ въ заключеніи.

²⁾ Парижскій книгопродавецъ, которому Герценъ, чрезъ посредство Мишле, поручилъ разослать свою брошюру «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» въ редакціи французскихъ газетъ.

³⁾ Мишле спрашивалъ Герцена, нельзя ли достать портреты Пестеля, Рылѣва и Бакунина; онъ хотѣлъ бы помѣстить ихъ въ свой *oratoire*.

⁴⁾ Біографическая записка о Бакунинѣ предоставлена г. Моно въ распоряженіе редакціи «Вылого» и впервые печатается нами вслѣдъ за статьей М. О. Гершензона. *Ред.*

товя къ печати отдѣльное изданіе своей «Легенды о Косцюшкѣ», он хотѣлъ пополнить ими то, что у него говорилось о Бакунинѣ в концѣ «Легенды». Но теперь онъ предлагаетъ Герцену, независимо отъ этого, напечатать всю замѣтку цѣликомъ въ какой-нибудь французской газетѣ, поручивъ присмотрѣ за этимъ дѣломъ одному бѣдному и обремененному семействомъ молодому человѣку, Леону Ноэллю. Герценъ прислалъ ему, кромѣ того, еще статью, написанную какимъ-то русскимъ; судя потому, что Мишле называетъ ее «извлеченіемъ изъ прусскаго сочиненія», это было, вѣроятно, изложеніе извѣстной книги Гакстгаузена о русской общинѣ. Мишле пишетъ, что для газеты статья слишкомъ велика, и предлагаетъ напечатать изъ нея пару отрывковъ—объ освобожденіи крѣпостныхъ и о финансахъ,—но прибавляетъ: можетъ быть какой-нибудь журналъ, напримѣръ *la Liberté de penser*, согласится взять и всю статью цѣликомъ.

Въ отвѣтъ на это Герценъ пишетъ 15 ноября, все изъ Ниццы:

«Прошу васъ располагать моей небольшой замѣткой о Бакунинѣ по вашему усмотрѣнію. Ея цѣлью было—облегчить вамъ вашу работу о немъ; вы нашли ее недурной,—это все, чего я желалъ. Если теперь это воспоминаніе о другѣ и мученикѣ можетъ еще послужить средствомъ помощи несчастному, я буду искренно радъ.

«Однако, отдавая замѣтку въ печать, слѣдовало бы оговорить, что она недостаточна: я здѣсь совершенно лишенъ возможности навести точныя справки (такъ, послѣ взятія Праги онъ жилъ не въ Кеттенѣ, какъ сказано у меня, а въ Дессау!»)

«Въ нѣмецкихъ газетахъ появились извѣстія, что онъ умеръ «отъ водянки». Неужели это вѣрно? Бѣдный Бакунинъ! Посылаю вамъ небольшой эксизъ¹⁾, набросанный *моей женою* по памяти; онъ довольно похожъ.

«Что касается остальныхъ статей, то я былъ бы радъ, если бы отрывки изъ нихъ появились въ какой-нибудь газетѣ и, по возможности, вся статья—въ *Liberté de penser*.

«Авторъ этихъ двухъ статей, мой соотечественникъ,—дѣятельный и еще только начинающій работникъ; это будетъ для него поощреніемъ, котораго онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ. Его имя пока—тайна.

«Кстати объ имени: мое письмо о Бакунинѣ я просилъ бы подписать моимъ псевдонимомъ *Искандеръ*; такъ подписано все, что я напечаталъ по-русски.

«Ваши письма я получилъ, думается, всѣ. Письмо отъ 3 ноября запоздало на день,—но тогда была очень дурная погода. Что касается Пьемонта, то здѣсь письма не вскрываются: палата отказала министерству въ правѣ на это. Но письма, которыя я получаю изъ Парижа, очень часто носятъ подозрительные слѣды, тогда какъ письма изъ Швейцаріи и Англии всегда хорошо запечатаны.

«Привѣтствую васъ отъ всего сердца. А. Герценъ.

«Извѣстіе касательно имени Польши²⁾ кажется мнѣ сомнитель-

¹⁾ Портретъ Бакунина.

²⁾ Мишле спрашивалъ: правда ли, что русское правительство (какъ сообщала Ростовская газета) окончательно рѣшило переименовать Польшу въ *Новороссію*?

ныиъ, такъ какъ и въ прошломъ году передъ новымъ годомъ говорили то же самое. Впрочемъ, нѣтъ жестокости и нелѣпости, которыя были бы совершенно невозможны для Николая и его министровъ.

«Два слова о моемъ французскомъ языкѣ, къ которому вы такъ снисходительны.

«Я дѣйствительно подъзуюсь нѣкоторымъ успѣхомъ, какъ сти-листъ, въ русской литературѣ. Въ 49 году я впервые попробовалъ написать нѣсколько статей по-нѣмецки и по-французски, но тотчасъ убѣдился, что мнѣ не хватаетъ глубокаго и точнаго знанія этихъ языковъ. Я бралъ ихъ смѣлостью и не могъ заставить себя взвѣшивать слова, когда чувство и мысль били черезъ край; но я непремѣнно долженъ поручать кому-нибудь исправлять матеріальную сторону языка. Я борюсь за мой слогъ съ моими друзьями-исправителями, какъ храбрый рыцарь,—но смиренно уступаю, гдѣ дѣло касается *subjonctif'a*.

«Вы можете освѣдомиться у г. Бернацкаго, находить ли онъ набросокъ *Бакунина* достаточно схожимъ.

«7-го или 8-го я послалъ вамъ подъ бандеролью еще три экземпляра моей брошюры. Получили ли вы ихъ? Спрашиваю объ этомъ, опять-таки, чтобы провѣрить почту».

Это письмо, какъ сказано, было писано 15 ноября, а на слѣдующій день, 16-го случилось у Герцена то несчастіе, которое подкосило жизнь Наталіи Александровны и надолго сломило его самого: во пути изъ Марселя въ Ниццу утонули его мать, младшій сынъ и воспитатель послѣдняго. 21 ноября другъ Герцена, польскій генераль Гаукъ, писалъ изъ Ниццы Мишле:

«Нашъ другъ Герценъ получилъ вчера ваше письмо отъ 17-го. Онъ не въ силахъ отвѣчать вамъ лично; его постигло большое горе. Его мать и восьмилѣтній сынъ, проживъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ, возвращались въ Ниццу. 15-го они отплыли изъ Марселя на пароходѣ *la Ville de Grasse*, который направлялся въ Каннъ. На слѣдующій день, въ 4 часа утра это судно столкнулось близъ Гіерскихъ острововъ съ шедшимъ изъ Генуи пароходомъ *la Ville de Marseille*. Ударъ былъ такъ силенъ, что первое судно, разрѣзанное на двое, пошло ко дну. Мать и сынъ Герцена погибли; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о ихъ судьбѣ,—даже ихъ трупы не найдены. Погибшій мальчикъ Герцена былъ глухо-нѣмой отъ рожденія, благодаря превратностямъ, которыя Герценъ и его жена претерпѣли по милости русскаго правительства. Тѣмъ не менѣе, одному учителю изъ Цюриха (который, повидимому, тоже погибъ въ этомъ кораблекрушеніи) удалось научить ребенка говорить совершенно свободно. Умъ и грація, которые обнаруживалъ этотъ ребенокъ, дѣлали его вдвое дороже родителямъ. Тщетно Герценъ ѣздилъ въ Гіеръ—онъ тамъ ничего не нашелъ, никакого слѣда погибшихъ. Если вамъ случится говорить объ этой катастрофѣ съ Бернацкимъ будьте такъ добры, предупредите его, что г-жа Рейхель, которая, какъ вамъ извѣстно, близка къ семьѣ Герцена, еще ничего не знаетъ объ этомъ несчастіи. Ей не хотять сообщить его вдругъ, въ виду состоянія ея здоровья.

«Въ вашемъ письмѣ отъ 17-го вы пишете, что присланная вамъ

статья не можетъ быть напечатана, такъ какъ подъ нею нѣтъ подписи, и упоминаете о достойномъ молодомъ человѣкѣ, о которомъ вы, повидимому, писали Герцену въ одномъ изъ предшествующихъ писемъ. Такъ какъ нашъ другъ не получилъ никакого письма, гдѣ бы упоминалось о какомъ-нибудь молодомъ человѣкѣ, то онъ заключаетъ отсюда (какъ, впрочемъ, вы уже указывали ему), что одно ваше письмо къ нему пропало. Прошу васъ смотрѣть на статьи, которыя онъ прислалъ вамъ, какъ на предназначенныя для васъ матеріалы, и слѣдовательно поступать съ ними по вашему усмотрѣнію,—передѣлать, исправлять и подписать какъ найдете нужнымъ. Авторъ послѣдней статьи, принужденный сохранять строжайшее инкогнито, прислалъ свою рукопись Герцену съ просьбою располагать ею совершенно свободно. Документы, помѣщенные въ приложеніи, переведены подъ приглядомъ Герцена; письмо Бѣлинскаго было даже лично прочитано его авторомъ нашему другу. Поэтому онъ отвѣчаетъ за достовѣрность этихъ документовъ.

«Герценъ шлетъ вамъ свой привѣтъ».

Вслѣдъ затѣмъ, 30 ноября, написалъ Мишле и самъ Герценъ.

«Одинъ изъ моихъ друзей,—писалъ онъ,—извѣстилъ васъ о несчастіи, постигшемъ мою семью. Мнѣ было невозможно самому написать вамъ и поблагодарить васъ за ваше письмо отъ 15 ноября.

«Теперь я возвращаюсь къ жизни съ сердцемъ, полнымъ безграничной боли и безсильнаго гнѣва. Самое обидное въ этихъ роковыхъ несчастіяхъ—то, что даже нельзя бороться; не имѣешь даже утѣшенія ненавидѣть своего врага, проклинать и осыпать бранью своего мучителя. Физическій міръ—это полу-организованный хаосъ, упроченный безпорядокъ, слѣпое, пьяное, тупое и неразумное движеніе ошупью.

«Я потерялъ мать, восьмилѣтняго сына и друга. Это былъ воспитатель моего сына, молодой человѣкъ 25 лѣтъ. Прекрасно умѣя плавать, онъ могъ спастись и уже схватилъ веревку, когда моя мать, увлекаемая теченіемъ, крикнула: «Спасите ребенка!». Видя, что никто не можетъ передать ему дитя, молодой человѣкъ отпустилъ веревку, бросился къ ребенку и взялъ его на руки, и въ эту минуту пароходъ исчезъ подъ водою. Имя этого доблестнаго юноши—Іоаннъ Шпильманъ».

«Если у васъ есть знакомый скульпторъ, я воздвигъ бы памятникъ этому преданному другу у Герскаго маяка. Какая группа! Мать, въ минуту смерти, думающая только о внукѣ и умоляющая спасти его, юноша, погибающій, чтобы спасти его, и ребенокъ, прекрасный какъ ангелъ. Я далъ бы 15—20 тысячъ франковъ за такой памятникъ; больше не могу. Это—сцена изъ интимной жизни изгнанниковъ, гонимыхъ врагами семьи и нравственности...

«Я буду очень благодаренъ г. Ноэлю, если онъ подпишетъ статью своимъ именемъ; вообще, поступайте съ ними по вашему усмотрѣнію и сохраните мнѣ вашу дружбу.

«Съ искренней симпатіей жму вашу руку. А. Герценъ».

Всѣ дальнѣйшія письма Герцена съ конца 1851 года и за весь 1852 г. утрачены. Писемъ Мишле къ нему за это время сохранилось

зять. Главный ихъ интересъ въ томъ, что Мишле писалъ по поводу гѣла Гервега; къ одному изъ такихъ мѣстъ г. Моно дѣлаетъ такое поясненіе: «Рѣчь идетъ объ одномъ другѣ, вѣроломно обманувшемъ довѣріе Герцена; послѣдній ограничился тѣмъ, что изложилъ его поведение своимъ друзьямъ по эмиграціи, которые и объявили его исключеннымъ изъ ихъ круга». Нижеслѣдующее письмо Герцена чрезвычайно важно для уясненія его собственнаго поведения въ этомъ дѣлѣ. Оно писано уже изъ Лондона, 13 октября 1853 г.

«Дорогой и уважаемый другъ,—пишетъ Герценъ. Большой радостью было для меня получить ваше доброе письмо отъ 13 сентября, тѣмъ болѣе, что мое послѣднее письмо, изъ Люцерна, должно было показаться вамъ страннымъ; и оно дѣйствительно было таково.

«Подавленный рядомъ несчастій, превышающихъ человѣческія силы, я не вполне отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что я дѣлалъ тогда. Окруженный гробами, жертва предательства и клеветы, я слѣдовалъ своему инстинкту. Я хотѣлъ передать на судъ нашей общины мое личное страданіе. Я хотѣлъ разоблачить всю низость, все вѣроломство изверга; я хотѣлъ морально уничтожить его.

«Это удалось мнѣ только на-половину. Мои друзья благородно поддержали меня своимъ участіемъ, но они еще слишкомъ слабы, чтобы защитить кого-нибудь изъ своей среды!

«Вѣра въ возможность такого суда была моей послѣдней иллюзіей. Еще полный моей неотвязной мысли, я рѣшился написать вамъ въ прошломъ году мое послѣднее письмо. Въ вашемъ отвѣтѣ мнѣ послышалась нѣкоторая нерѣшительность. И что мудренаго? Вы такъ мало знали меня со стороны характера. Однако я счелъ нужнымъ замолчать на время; ваше послѣднее письмо расторгаетъ мое молчаніе.

«У меня остались на свѣтѣ только мои дѣти и мой трудъ. Я много работалъ этотъ годъ. Я устроилъ на собственный счетъ русскую типографію; она вполне оборудована и работаетъ очень хорошо. Начиная отъ матрицъ и семи шрифтовъ и кончая факторомъ и наборщиками—все было трудно достать. Я соединилъ эту типографію съ типографіей польской централизаціи въ знакъ союза и полнаго единенія революціонной Польши съ нами.

«Затѣмъ я написалъ и издалъ двѣ брошюры по-русски, а теперь мы печатаемъ цѣлый томъ. До сихъ поръ еще ни разу не существовало свободной и независимой русской типографіи. Я пришлю вамъ нѣсколько образчиковъ.

«Въ Лондонѣ жить хорошо. Я узналъ Англію и вообще англосаксонскую расу—людей дѣла, практической поэзіи и постной свободы. Осмѣлюсь сказать: я думаю, что годъ, проведенный здѣсь, сильно измѣнилъ бы ваше мнѣніе объ этомъ народѣ.

«Мы вступаемъ въ новый фазисъ: партіи блѣднѣютъ и выдыхаются все это отходитъ въ прошлое. Люди, идеи, теоріи, знамена, стремленія—все износилось, и изъ того, что дѣйствовало въ *прологѣ*, въ *первой актѣ*, не перейдетъ ничего.

«Ради бога, извините меня передъ г. Прео¹⁾; вы не представляете себѣ нашего бродячаго существованія, какъ мы скитаемся изъ страны въ страну, оставляя всюду половину книгъ, вещей и пр. Я приложу всѣ старанія, чтобы отыскать рисунокъ г. Прео въ Швейцаріи, хотя я вовсе не отказался отъ мысли воздвигнуть памятникъ; но прикованный теперь къ Англии, я принужденъ отсрочить ея осуществленіе.

«Посылаю вамъ переводъ небольшой моей статьи въ отвѣтъ полякамъ, и нѣкоторыя подробности о задачахъ типографіи, взятая изъ одной англійской газеты.

«Моя брошюра о Россіи вышла вторымъ изданіемъ. Я ее также пришло вамъ; а пока примите увѣреніе въ моей искренней дружбѣ А. Герценъ.

Три недѣли спустя, 9 ноября, получивъ отвѣтъ на это письмо, Герценъ писалъ:

«Уважаемый другъ, я только-что получилъ вашу записку; вы осыпаете меня знаками дружбы. Не знаю, какъ васъ благодарить. Небольшая статья «Alliance» была русскимъ отвѣтомъ на адресъ, составленный польскими демократами. Починъ исходилъ отъ нихъ, выраженіе благодарности отъ насъ.

«Располагайте замѣткой о Бакунинѣ и Петрашевскомъ, какъ желаете. Онъ (Бакунинъ)—не въ Шлиссельбургѣ, онъ въ казематахъ петербургской крѣпости. Говорятъ, что съ нимъ обращаются недурно и что его не пытали.

«Гдѣ-же это будетъ напечатано? Напишите мнѣ, пожалуйста.

«Я издаю теперь третью русскую брошюру—собраніе рассказовъ. Нѣсколько образчиковъ изъ нея печатаются и въ нѣмецкомъ переводѣ. Я могъ бы прислать что-нибудь для фельетона по-французски, но сомнѣваюсь, будетъ ли оно принято. Преданный вамъ А. Герценъ.

«Я сегодня опять напишу относительно рисунка, Рибейроль на Джерсеѣ».

Послѣднее сохранившееся письмо Герцена къ Мишле представляетъ собою отвѣтъ на то «открытое письмо, которымъ Мишле привѣтствовалъ его мысль объ изданіи «Полярной Звѣзды» и которое Герценъ въ неполномъ переводѣ напечаталъ въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды». Оно помѣчено 8 іюля 1855 г. изъ Ричмонда.

«Дорогой и уважаемый другъ! Вы доставили мнѣ великую радость. Въ эти печальные и мрачные дни, когда живешь только гнѣвомъ и горечью, большое утѣшеніе—доставить ближнему минуту чистаго, безоблачнаго счастья. Вы сдѣлали это вашимъ письмомъ, которое я тотчасъ перевелъ и которое будетъ напечатано въ первомъ номерѣ *Полярной Звѣзды*. Не знаю, какъ васъ благодарить. Вы ничего не забыли (оттого, что помните сердцемъ)—ни Бакунина, ни слабѣющую руку²⁾, ни крестьянина въ его общинѣ. Благодарю васъ

¹⁾ Художникъ, другъ Мишле, набросавшій проектъ памятника утонувшимъ у Герскихъ острововъ, согласно мысли Герцена. Этотъ набросокъ Мишле въ мартѣ 1852 г. послалъ Герцену.

²⁾ Т. е. портретъ Бакунина, набросанный Н. А. Герценъ незадолго до ея смерти.

отъ всего сердца. Для насъ важно, чтобы голоса вродѣ вашего под-держивали насъ своей симпатіей. Этотъ лѣнивый народъ, славянинъ, «усыпляющій себя собственной пѣсней», по выраженію одного лѣтописца временъ Багрянородныхъ, нуждается въ сильной и энергичной мысли Запада. Славянскій міръ никогда не сумѣетъ развить свою дикую, врожденную социалистическую основу безъ той революціонной идеи, которая паритъ надъ Западомъ, какъ его безсмертная душа. Мы не претендуемъ на пресловутое *fará da se* помимо солидарности и единенія народовъ; мы останемся угрожающимъ полчищемъ подъ властью кнута, ставшаго скипетромъ. Вы сами сказали это въ вашемъ письмѣ. Да, великій экономическій вопросъ разрѣшится семейно; это вопросъ внутренній, касающійся каждаго члена.

«Послѣдній годъ былъ для меня необыкновенно важенъ. Только теперь у меня есть осязательныя доказательства, что я не даромъ пожертвовалъ всей моей жизнью съ 16-лѣтняго возраста, и оживая послѣ ряда несчастій, испытанный самымъ тягостнымъ скептицизмомъ, я встрѣчаю Надежду. И я буду упорнѣе, чѣмъ когда-нибудь, продолжать мой путь. Я на всѣ лады повторяю русскимъ, что социальная идея, выработанная Западомъ,—единственное средство рационально развить *способности и социальныя нравы* славянъ. Со смерти Николая спящій великанъ начинаетъ подавать признаки жизни. Въ высшей степени необходимо, чтобы обреченное меньшинство видѣло сочувствіе со стороны Запада. Съ этимъ сознаніемъ гораздо легче идти въ Сибирь.

«На обложкѣ перваго нумера *Звѣзды* будетъ изображено созвѣздіе *Малой Медвѣдицы*—вверху полярная звѣзда, остальные пять окружаютъ медальонъ съ пятью профилями *Пестеля, Муравьева* и др., внизу подпись: «Убиты 25 іюля 1826 г.». Пять звѣздъ созвѣздія точно соотвѣтствуютъ числу казенныхъ. Я передалъ Саффи ваше письмо. Съ его статьей о *Renaissance* была долгая исторія (статья превосходная; кромѣ того манчестерскій колледжъ пригласилъ Саффи прочитать курсъ объ итальянской литературѣ XV вѣка). Саффи хочетъ посвятить одну лекцію вашей книгѣ, равно какъ и книгѣ Кине. Когда это будетъ напечатано, мнѣ будетъ пріятно послать вамъ экземпляръ. Редакторъ отказался напечатать конецъ, потому, я думаю, что нашелъ его *не достаточно христіанскимъ*, тогда какъ вся статья—совершенно *антихристіанская*.

«Интересуются-ли у васъ ожесточеннымъ сопротивленіемъ, которое англійскій народъ оказываетъ глупому закону о празднованіи воскресенья? Пожалуйста не вѣрьте газетамъ. Это—очень серьезное и глубокое движеніе. Прошлое воскресенье въ Гайдъ-паркѣ текла кровь; теперь народъ хочетъ напасть на клубы въ Пэль-Мэль.

«Суть дѣла—не въ кабачкахъ: англійскому народу надоѣла олигархія, и онъ, какъ ребенокъ, пользуется первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы надуться, но не надо забывать, что прошлое воскресенье въ Гайдъ-паркѣ было больше ста тысячъ человѣкъ, и только шестьсотъ полиціеменовъ, а бывшіе тамъ солдаты стали на сторону народа. Теперь законъ отмѣненъ, но народъ не уступаетъ, и такъ какъ право мирно собираться безусловно санкціонируется закономъ, то полиціи предстоитъ немало хлопотъ. Представьте себѣ паркъ, обшир-

ностью превосходящій Елисейскія поля, здѣсь по воскресеньямъ парадируетъ въ экипажахъ знать, и вотъ несмѣтная толпа народа кричитъ среди свиста: «Go to church go to church!» потомъ отворяетъ дверцы, заставляетъ аристократовъ выйти и подъ хохотъ 50-тысячной толпы посылаетъ ихъ къ обѣднѣ. Эту пріятную прогулку продѣлалъ и герцогъ Бедфордъ съ супругою. Полиціи удалось сбросить въ Серпентайнъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ на набережной канала; очень боюсь, что сегодня всей полиціи придется, на манеръ фараона, пѣшкомъ перейти Серпентайнъ. Поэтому кончаю мое непомѣрно длинное письмо. Завтра добавлю, чѣмъ кончилась демонстрація.

«Понедѣльникъ. Не случилось ничего особеннаго; правительство удалило полицію. Однако толпа разбила всѣ окна въ самомъ аристократическомъ кварталѣ,—въ *Belgravia* и *Euston Square*.

«Не смѣю спросить васъ о состояніи вашей больной ¹⁾. Ваши слова такъ печальны. Можетъ быть эта мягкая погода поможетъ ей?

«Жму вашу руку съ сердечной дружбой. А. Герценъ.

«Я долженъ еще сдѣлать одно признаніе. Я не могъ подавить въ себѣ чувство, котораго вы не осудите, и переводя ваше письмо, опустилъ двѣ или три фразы, слишкомъ лестныя для меня. Искренно благодарю васъ за нихъ; я хочу сохранить ихъ для себя, какъ подарокъ. Въ своей русской статьѣ я даю въ переводѣ изъ *Renaissance*. «*Prescription de la nature*» и «*La Sorcière*», а изъ текста—часть открытія Италіи. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ вашей *Réforme*».

Переписка Герцена съ Мишле продолжалась послѣ этого еще 15 лѣтъ, до самой смерти Герцена, и писемъ Мишле за это время сохранилось четырнадцать, письма же Герцена утрачены всѣ.

М. Гершензонъ.

¹⁾ Дочь Мишле умерла отъ чахотки.

Неизданное письмо А. И. Герцена къ Мишле ¹⁾.

Monsieur!

Вы хотѣли знать нѣкоторыя біографическія подробности относительно Бакунина. Я глубоко тронуть честью, какую Вы мнѣ оказываете, обращаясь ко мнѣ и тѣмъ доставляя мнѣ случай говорить о героѣ, съ которымъ я былъ очень близокъ.

Быть можетъ, эти поспѣшно написанныя замѣтки заставятъ Васъ создать ему вѣнецъ мученика; онъ достоинъ, Monsieur, такого вѣнца, сплетеннаго Вашими руками.

Вы выразили также желаніе имѣть его портретъ; современемъ мнѣ, можетъ быть, удастся достать тотъ, который сдѣланъ въ Германіи въ 1843 году и который я видѣлъ въ Россіи. Онъ довольно похожъ. Пока же, чтобы дать Вамъ нѣкоторое понятіе о чертахъ Бакунина, рекомендую Вамъ старый портретъ Спинозы, который можно найти въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ его произведеній;— между этими двумя фізіономіями большое сходство.

Мишелю Бакунину теперь тридцать семь—тридцать восемь лѣтъ. Онъ происходитъ изъ старинной аристократической фамиліи, а по состоянію былъ равно далекъ какъ отъ крупнаго богатства такъ и отъ стѣснительной бѣдности. Такая среда является въ Россіи наиболѣе просвѣщенной и наиболѣе отзывчивой. Чтобы дать Вамъ, Monsieur, понятіе о глубокихъ духовныхъ запросахъ таящихся въ подобныхъ, столь спокойныхъ на первый взглядъ, семьяхъ, мнѣ достаточно будетъ указать Вамъ на судьбу дядей Бакунина—Муравьевыхъ, на которыхъ Мишель очень походилъ своимъ высокимъ ростомъ, небольшою сутуловатостью, свѣтлоголубыми глазами, широкимъ четырехугольнымъ лбомъ и даже довольно большимъ ртомъ.

Одно только поколѣніе изъ рода Муравьевыхъ, дало трехъ замѣчательныхъ представителей дѣлу декабристовъ, (двое изъ нихъ принадлежали къ наиболѣе вліятельнымъ членамъ общества, вслѣдствіе чего одинъ былъ повѣшенъ Николаемъ, другой погибъ въ Сибири), павача полякамъ, оберъ-прокурора святѣйшему синоду и, наконецъ, супругу одному изъ министровъ Его Величества.

¹⁾ Это письмо г. Моно предоставилъ въ наше распоряженіе, и поэтому оно и не вошло въ серію другихъ, опубликованныхъ имъ, писемъ Герцена, такимъ образомъ, оно пользуется въ печати въ первый разъ. Переводъ его сдѣланъ подъ нашей редакціей.
Ред.

Можно себѣ представить, какое единство и гармонія царство вали въ семействахъ, составленныхъ изъ столь разнородныхъ элементовъ.

Михаилъ Муравьевъ, виленскій военный губернаторъ, любилъ повторять: «Я принадлежу не къ тѣмъ Муравьевымъ, *которыхъ* вѣшаютъ, но къ тѣмъ, *которые* вѣшаютъ».

Бакунинъ провелъ свое дѣтство въ домѣ своихъ родителей въ Твери и близости отъ нея, въ наслѣдственныхъ владѣнiяхъ своего отца. Старикъ Бакунинъ, слышiй за человѣка очень умнаго и даже за стараго заговорщика временъ Александра, не очень то любилъ сына и отдѣлался отъ него при первой возможности, помѣстивши Мишеля въ петербургское артиллерiйское училище.

Русскiя военныя школы—это нѣчто свирѣпое: въ нихъ, прямо на глазахъ императора, воспитываютъ офицеровъ для его армiи т. е. «ломаютъ душу» дѣтей и дрессируютъ ихъ къ безусловному повиновенiю.

Бакунинъ, со своимъ энергичнымъ умомъ и крѣпкимъ тѣломъ, прошелъ благополучно черезъ это тяжелое испытанiе. Онъ окончилъ ученье, былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ на службу въ артиллерiю. Желая быть подальше отъ сына, отецъ, при посредствѣ близко знакомыхъ ему генераловъ, устроилъ такъ, что Мишеля перевели изъ Петербурга въ одинъ изъ артиллерiйскихъ парковъ, расположенныхъ въ печальной Бѣлоруссiи.

Молодой человѣкъ изнывалъ въ скучной обстановкѣ; онъ грустилъ, сдѣлался меланхоликомъ, такъ что начальство стало серьезно опасаться за его здоровье; только благодаря этому, со стороны начальства не встрѣтилось препятствiй, когда, годъ спустя Мишель подалъ въ отставку.

Освободясь отъ службы противъ желанiя своего отца, безъ связей, безъ поддержки, безъ денегъ, онъ приѣхалъ въ Москву. Это было въ 1836 году.

Онъ былъ какъ потерянный въ этомъ совершенно неизвѣстномъ ему городѣ, искалъ уроковъ по математикѣ—единственная наука, которую онъ немного зналъ—и не находилъ ничего. Къ счастью, спустя нѣкоторое время, его представили одной дамѣ, которую очень любила и уважала вся тогдашняя литературная молодежь, г-жѣ К. Левашевой (можно свободно назвать эту святую женщину; вотъ уже больше десяти лѣтъ, какъ ея нѣтъ на свѣтѣ). Это было одно изъ тѣхъ чистыхъ, самоотверженныхъ полныхъ возвышенныхъ симпатiй и душевной пылкости существъ, которыя распространяютъ вокругъ себя любовь и дружбу, согрѣваютъ и утѣшаютъ всякаго, кто къ нимъ приближается. Въ салонахъ г-жи Левашевой можно было встрѣтить самыхъ выдающихся людей Россiи: Пушкина, Михаила Орлова (не министра полицiи, а его брата, заговорщика), наконецъ Чаадаева, близкаго друга хозяйки, обращавшаго къ ней свои знаменитыя письма о Россiи.

Благодаря интуитивной проницательности, свойственной женщинамъ, одареннымъ великимъ сердцемъ, m-me Левашева разгадала силу характера и необычныя способности эксъ-артиллериста. Она ввела

его въ кругъ своихъ друзей. Тогда-то онъ и встрѣтился со Станкевичемъ и Бѣлинскимъ и близко сошелся съ ними.

Станкевичъ ¹⁾ натолкнулъ его на изученіе философіи.

Быстрота, съ которой Бакунинъ, едва знавшій тогда нѣмецкій языкъ, усвоилъ идеи Канта и Гегеля и овладѣлъ вполне какъ діалектическимъ методомъ, такъ и умозрительнымъ содержаніемъ ихъ произведеній, была прямо изумительна. Черезъ два года послѣ своего пріѣзда въ Москву онъ опередилъ своихъ друзей до такой степени, что они обыкновенно обращались къ нему, если встрѣчали какія-либо трудности.

Бакунинъ имѣлъ чудесный даръ развивать самые отвлеченные тезисы съ такою ясностью, что они становились доступны каждому, при томъ ничего не теряя въ своей идейной глубинѣ. Эту именно роль я считаю принадлежащей по праву славянскому гению по отношенію къ философіи; мы чувствуемъ большую симпатію къ нѣмецкой отвлеченности, но еще больше стремимся къ французской ясности.

Бакунинъ могъ говорить цѣлыми часами, спорить съ вечера до утра, не утомляясь, не теряя ни діалектической нити разговора, ни логичности изложенія. И онъ былъ всегда готовъ комментировать, разъяснять, повторять безъ малѣйшей догматики. Этотъ человѣкъ родился миссіонеромъ, пропагандистомъ, проповѣдникомъ. Независимость, автономія разума—вотъ что было тогда его лозунгомъ, и во имя освобожденія мысли онъ велъ свою войну съ религіей, и со всѣми авторитетами. А такъ какъ горячность пропаганды соединялось у него съ большимъ личнымъ мужествомъ, то отсюда можно было предвидѣть, что въ такую эпоху, какъ наша, онъ сдѣлается революціонеромъ равностнымъ, страстнымъ, героическимъ.

Пропаганда была дѣломъ всего его существованія. Монахъ воиствующей церкви—революціи, онъ проходитъ по свѣту, проповѣдуя свое отрицаніе христіанства, приближеніе послѣдняго суда надъ феодальнымъ и буржуазнымъ міромъ, социализмъ, примиреніе русскихъ съ поляками. У него не было въ жизни другого призванія, другихъ интересовъ—онъ былъ совершенно равнодушенъ къ внѣшнимъ условіямъ своего существованія. Онъ напоминаетъ намъ прозвѣстовъ первыхъ вѣковъ христіанства или, еще больше, тѣхъ неутомимо-дѣятельныхъ людей эпохи Возрожденія наукъ, которые, какъ Кардано, Бруно, Пьеръ Ромэ, переходили изъ страны въ страну, распространяя свои идеи, поучая, убѣждая, борясь съ предрассудками, ересью жизнью ради свободы слова—этихъ долго гонимыхъ и преслѣдуемыхъ людей, которые, послѣ долгихъ лишеній самоотверженной жизни, не знали, гдѣ преклонить голову, если смерть не приходила имъ на помощь—смерть на кострѣ или въ мрачной тюрьмѣ.

Оставляя родину, Бакунинъ ничуть не заботился о покидаемомъ имъ наслѣдствѣ. Онъ никогда не думалъ о томъ, гдѣ онъ будетъ завтра обѣдать. Если у него было немного денегъ, онъ ихъ расходовалъ не считая,—безразсудно раздавалъ ихъ другимъ. Если денегъ

¹⁾ Я говорилъ объ этомъ замѣчательномъ молодомъ человѣкѣ, умершемъ въ Итали, въ моей брошюрѣ „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ стр. 130—31

не было, онъ нисколько не унывалъ и смѣялся надъ этимъ со своими друзьями. Онъ умѣлъ сводить свои потребности почти къ нулю, отказывалъ себѣ во всемъ, и не только не особенно жаловался, и и дѣйствительно страдалъ меньше, чѣмъ другіе; къ недостатку денегъ онъ относился, какъ къ болѣзни.

Онъ былъ молодъ, красивъ, любилъ находить прозелитовъ между женщинами, многія были въ восторгѣ отъ него, и тѣмъ и менѣе ни одна женщина не играла большой роли въ жизни этого революціонера-аскета; его любовь, его страсть принадлежали иному.

Я познакомился съ Бакунинымъ въ 1839 году. Я возвратился тогда въ Москву изъ первой ссылки и начиналъ работать въ періодическихъ изданіяхъ, редактируемыхъ Бѣлинскимъ, близкимъ другомъ Бакунина. Годъ мы провели вмѣстѣ. Бакунинъ увлекалъ меня въ болѣе и болѣе въ изученіе Гегеля; я старался внести больше революціоннаго элемента въ его строгую научность.

Осенью 1840 года Бакунинъ покинулъ Россію и отправился въ Берлинъ заканчивать свое образование.

Изъ всѣхъ друзей я одинъ провожалъ его до Кронштадта. Еще только пароходъ вышелъ изъ устья Невы, на насъ обрушился одинъ изъ обычныхъ балтійскихъ урагановъ, сопровождаемыхъ потоками холоднаго дождя. Капитанъ принужденъ былъ повернуть обратно. Это возвращеніе произвело на насъ обоихъ чрезвычайно тяжело впечатлѣніе. Бакунинъ грустно смотрѣлъ, какъ снова приближался къ намъ петербургскій берегъ, который онъ думалъ оставить за собой на долгіе годы—съ его набережными, усѣянными мрачными фигурами солдатъ, таможенными, полицейскими офицерами и шпіонами дрожащими отъ холода подъ своими поношенными зонтиками.

Было ли это предназначеніемъ, указаніемъ providѣнія? Подобное обстоятельство удержало Кромвеля, когда онъ садился на корабль, чтобы плыть въ Америку. Но Кромвель покидалъ Старую Англію и былъ въ глубинѣ души въ восторгѣ, что нашелъ предлогъ въ ней остаться; Бакунинъ же покидалъ новый городъ царей.

— Ахъ, Monsieur, нужно видѣть безграничный энтузіазмъ, радость, слезы на глазахъ, каждый разъ когда русскій переѣзжаетъ границы своего отечества и думаетъ, что теперь онъ находится въ власти своего царя!—Я показалъ Бакунину на мрачный обликъ Петербурга и процитировалъ тѣ великолѣпные стихи Пушкина, гдѣ онъ говоря о Петербургѣ, бросаетъ, будто камни, не связывая ихъ между собой отдѣльныя слова:

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и гранитъ.

Бакунинъ не хотѣлъ спуститься на берегъ—онъ предпочиталъ дожидаться часа отъѣзда въ своей каютѣ на пароходѣ.

— Я оставилъ его, и мнѣ все еще помнится его высокая большая фигура, закутанная въ черный плащъ и поливаемая неумолимымъ дождемъ; помнится, какъ онъ стоялъ на передней палубѣ судна и

махать мнѣ въ послѣдній разъ своей шляпой, когда я входилъ въ перепечную улицу.

Бакунинъ изумлялъ сначала берлинскихъ профессоровъ своимъ воодушевленіемъ, талантомъ и смѣлостью выводовъ, до которыхъ онъ рѣшался доходить, но скоро онъ соскучился и разорвалъ съ квіетизмомъ нѣмецкой науки. Бакунинъ не видѣлъ другого средства, кромѣ борьбы, чтобы уничтожить противорѣчіе между мыслью и дѣломъ, и онъ все болѣе и болѣе становился революціонеромъ. Онъ былъ въ числѣ молодыхъ литераторовъ, которые въ «Галльскихъ Лѣтописяхъ», редактируемыхъ Арнольдомъ Руге, протестовали противъ безплодной, аристократической, безчеловѣчной системы пониманія науки, введенной нѣмецкими профессорами, противъ ихъ бѣгства въ область *абсолютнаго*, противъ ихъ безсердечной невозмутимости, не желающей принимать никакого участія въ трудахъ и тревогахъ современнаго человечества. Статьи Бакунина, написанныя съ большою смѣлостью и одушевленіемъ, были подписаны *Жюль Элизарв*. Впрочемъ, онъ писалъ очень мало и, когда приходилось братья за перо, работалъ съ большимъ трудомъ.

Въ 1843 году, преслѣдуемый Швейцарскими реакціонерами, Бакунинъ былъ выданъ однимъ изъ нихъ, Блюнчли, и тотчасъ же получилъ приказаніе вернуться въ Россію. Блюнчли, журналистъ и членъ цюрихскаго правительства, помимо дѣла коммуниста Вейтлинга, скомпрометировалъ большое число людей. Имѣя въ своихъ рукахъ «дѣла» Вейтлинга и его друзей, онъ составилъ брошюру, гдѣ обнародовалъ *се*, что, какъ должностное лицо, долженъ былъ сохранять въ тайнѣ. Тамъ не было ни одного письма, адресованнаго Бакунину или отъ него къ Вейтлингу, но въ какой-то записочкѣ Вейтлинга говорилось о Бакунинѣ, русскомъ социалистѣ. Этого было достаточно для Блюнчли.

Возвращаться въ Россію послѣ подобнаго обвиненія было невозможно и Бакунинъ отказался повиноваться императорскому приказу. Тогда царь приказалъ своему сенату судить его; его приговорили къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ вѣчной ссылкѣ «со дня возвращенія за неповиновеніе повелѣнію его величества и за поведеніе, неприличное для русскаго офицера». За лишеніе дворянскихъ правъ Бакунинъ поблагодарилъ императора письмомъ, напечатаннымъ въ газетахъ Парижа, гдѣ онъ теперь и поселился окончательно.

Послѣ отъѣзда Бакунина я былъ вторично отправленъ въ ссылку и только въ началѣ 1847 года нашелъ средства и возможность остаться Россію; тутъ только я снова увидѣлъ Бакунина въ Парижѣ. Онъ велъ очень уединенную жизнь, видѣлся только съ нѣсколькими русскими и польскими друзьями, часто бывалъ у Прудона и иногда посѣщалъ m-me Жоржъ Зандъ. Онъ чувствовалъ усталость, былъ печальнѣе, чѣмъ въ Россіи, но очень далекъ отъ отчаянія—въ 1847 г. времена были бурныя.

Изгнанный изъ Парижа, послѣ своей рѣчи въ 1847 году въ годовщину польской революціи, онъ отправился въ Брюссель. 24-е февраля открыло передъ нимъ свободный путь во Францію, блестящую арену и двери вѣчной темницы. Бакунинъ помолодѣлъ и въ первый

разъ почувствовали возможность проявить всѣ свои силы, всю свою дѣятельную энергію.

Въ мартѣ 1848 года онъ покинулъ Парижъ, чтобы принести свои совѣты, свой даръ слова на помощь австрійскимъ славянамъ. По дорогѣ, въ Шварцвальдѣ, онъ встрѣтился съ осажденными замкомъ возставшими крестьянами. Бакунинъ вспоминаетъ о своемъ званіи артиллериста, обучаетъ ихъ необходимымъ, для взятія замка, военнымъ дѣйствіямъ, даетъ имъ инструкціи и снова садится въ экипажъ чтобы продолжать путешествіе.

Когда Бакунинъ прибылъ въ Прагу, онъ засталъ тамъ славянской конгрессъ уже въ полномъ сборѣ. Представленный однимъ галиційскимъ депутатомъ, онъ получилъ приглашеніе принять участіе въ трудахъ этого перваго совѣщанія племени, которое просыпалось, наконецъ, отъ многовѣковаго летаргическаго сна. Тамъ говорили на всѣхъ славянскихъ языкахъ—недоставало только одного, русскаго. Никто въ мірѣ не могъ быть лучшимъ представителемъ революціонныхъ идей крошечнаго меньшинства своей родины—чѣмъ Бакунинъ. Самъ русскій, другъ Польши, вооруженный всѣмъ, что могла дать нѣмецкая наука, и въ тоже время социалистъ, какъ наиболѣе передовыя люди Франціи. Съ самаго своего появленія Бакунинъ пріобрѣлъ огромное вліяніе и очень большую популярность. Его благородная и совершенно славянская наружность, энергія, открытый характеръ, глубина и ясность рѣчи—соединили вокругъ него всѣхъ истинныхъ революціонеровъ Богеміи и славянскихъ владѣній Австріи.

Вамъ извѣстна исторія революціи въ Прагѣ. Это типичная исторія всѣхъ революцій, явившихся слѣдствіемъ 24-го февраля: въ началѣ быстрая побѣда, причѣмъ побѣдители чувствуютъ себя глубоко недостойными этого успѣха, слѣпая вѣра въ лицемѣрныя уступки властей, легкомысленные споры о формальностяхъ, потеря времени, неувереніе въ надлежащій моментъ взяться за оружіе и полное поражение.

Виндишгрецъ былъ въ восторгѣ отъ баррикадъ въ Прагѣ, сочувствовалъ какъ Марра и Кавеньякъ 22-го іюня 1848 г. въ Парижѣ. Онъ бомбардировалъ городъ въ теченіе шести дней. Съ самаго началъ сраженія Бакунинъ былъ непрерывно на улицахъ, но въ концѣ концовъ тамъ нечего было дѣлать. Возстаніе должно было быть подавлено пушками и перевѣсомъ силъ Виндишгреца. Населеніе Праги явно высказывало свои австрійскія симпатіи. Бакунинъ покинулъ городъ когда пораженіе сдѣлалось фактомъ несомнѣннымъ, и отправился дожидаться лучшихъ дней въ Дессау.

Никогда еще ни въ одной странѣ не было видано зрѣлища болѣе низкаго, болѣе постыднаго, чѣмъ поведеніе германскихъ правителей въ 1849 году. Людовикъ-Наполеонъ, Пій IX кажутся героямъ честности, искренности и лояльности рядомъ съ этими презрѣннымъ Габсбургами и Гогенцоллернами, вмѣстѣ съ ихъ товарищами изъ Сан-Соніи, Вюртемберга, Гессена, Бадена и др. Зрѣлища этихъ предательствъ, клятвопреступленій, жестокостей, одновременно кровожадныхъ и мелочныхъ, *которыя въ Веніріи вызвали негодованіе Паскевича*, привели въ ярость послѣднихъ свободныхъ людей Германіи, не склоние

шихся передъ реакціей; это было больше, чѣмъ негодованіе, сердце наполнялось непреодолимой жадой отмщенія и возмездія. Поступки пруссаковъ, на примѣръ, въ герцогствѣ Баденскомъ были настолько чувовишны, что я видѣлъ честныхъ нѣмецкихъ буржуа, которые въ теченіе всей своей жизни никогда не осмѣливались даже мысленно «спаривать» права королей и сильныхъ міра сего, но которые говорили мнѣ, блѣднѣя и дрожа отъ бѣшенства: «ахъ, если бы когда-нибудь намъ удалось задушить своими руками прусскаго офицера!» Подъ вліяніемъ лихорадочно-нервнаго возбужденія, съ экзальтаціей отчаянія, вызванной ужаснымъ оскорбленіемъ, революціонная партія сбѣжала въ Дрезденъ послѣднее усиліе.

Бакунинъ былъ тамъ; грустный, раздраженный, онъ не могъ больше выносить всего, что творилось, какъ показываетъ письмо, посланное имъ передъ дрезденской революціей одному изъ его друзей. Какъ только поднялось движеніе въ Дрезденѣ, онъ появился на баррикадахъ,—его тамъ знали и очень любили.

Образовалось временное правительство. Онъ предложилъ ему свои услуги. Болѣе энергичный, чѣмъ его друзья, онъ, не будучи облеченъ формальной властью, сдѣлался военнымъ комендантомъ осажденнаго города. Тамъ-то онъ и обнаружилъ не только мужество, но и присутствіе духа, геройское, непоколебимое.

Узнавъ, что королевскіе солдаты вовсе не приняли твердаго рѣшенія избивать своихъ братьевъ, что у нихъ были сомнѣнія, что они даже щадили зданія, Бакунинъ предложилъ выставить шедевры Дрезденской галлерей на стѣнахъ и на баррикадахъ. Это дѣйствительно могло остановить осаждающихъ. «А если они будутъ стрѣлять?» возразили члены муниципалитета. «Тѣмъ лучше, пусть падетъ на нихъ позоръ этого варварства.» Муниципальные эстетики не пожелали этого. Такимъ же образомъ былъ отвергнутъ цѣлый рядъ революціонныхъ и террористическихъ мѣръ, предложенныхъ Бакуниннымъ.

Когда больше ничего нельзя было сдѣлать, Бакунинъ предложилъ поджечь дома аристократовъ и взорвать на воздухъ ратушу со всѣми членами правительства, въ числѣ которыхъ былъ и онъ самъ. Онъ говорилъ это, держа въ рукѣ заряженный пистолетъ.

Остальное, должно быть, вы знаете. Арестованный черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Дрездена, Бакунинъ былъ судимъ военнымъ судомъ и приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ двумя своими храбрыми подвижниками Гейбнеромъ и Ричелемъ. По прочтеніи приговора—который не могли привести въ исполненіе, такъ какъ смертная казнь для политическихъ преступниковъ отмѣненная Франкфуртскимъ парламентомъ, не была еще возстановлена—приговоренныхъ *обманули*, предлагая имъ подать просьбу о помилованіи. Бакунинъ отказался и сказалъ, что единственная вещь, которой онъ боялся, это—попасть въ руки русскаго правительства, но такъ какъ его предполагають тильотинировать, то онъ не имѣетъ ничего противъ, хотя и предпочелъ бы лучше быть разстрѣляннымъ. Адвокатъ поставилъ ему на видъ, что одинъ изъ его товарищей, имѣвшій жену и дѣтей, вѣроятно, согласился бы просить помилованія, но отказывается сдѣлать это съ тѣхъ поръ, какъ узналъ объ отказѣ Бакунина. «Такъ ска-

жите ему,» тотчасъ отвѣтилъ Бакунинъ, «что я соглашаюсь, что подпишу прошеніе.» Больше на этомъ не настаивали и сдѣлали видъ что смягченіе наказанія было самопроизвольнымъ актомъ короле скаго милосердія¹⁾).

Тогда-то австрійское правительство потребовало, чтобы ему вдали Бакунина. Его отправили въ Австрію *съ оковами на ноги*. Тамъ его предали суду—судили человѣка, уже приговореннаго к смерти, и потомъ приговорили къ пожизненному заключенію за преступки, предшествовавшіе осужденію.

Когда въ Дрезденѣ отъ Бакунина добивались отвѣта, по какіи причинѣ онъ принялъ столь дѣятельное участіе въ нѣмецкой революціи, онъ сказалъ: «я продолжалъ здѣсь то, что дѣлалъ всю свою жизнь; здѣсь я служилъ дѣлу славянской революціи». Не потребовалось ничего другого, чтобы начать ужасныя мученія, которымъ онъ подвергали.

Между прекрасными законами, которые управляютъ Австріею, есть одинъ, разрѣшающій членамъ военного суда примѣнять *палачныя удары*, въ случаѣ, если всѣ судьи убѣждены, что обвиняемый говоритъ всей правды. Эти низкіе варвары примѣнили такой законъ къ Бакунину. Нужно Вамъ сказать, что онъ не скрывалъ рѣшительнаго ничего изъ того, что его касалось, но не желалъ говорить о другіхъ. Послѣ cadaго допроса Бакунинъ подвергался побоямъ.

Теперь дѣло было только за ударами нравственными. «Аугсбургская Газета», добровольный органъ вѣнскаго кабинета, печатала корреспонденціи изъ Праги, въ которыхъ говорилось, что вслѣдствіе важныхъ разоблаченій, сдѣланныхъ Бакунинымъ, было арестовано множество лицъ. Это напоминаетъ мнѣ исторію, которую разсказываетъ Андрианъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ государственнаго преступника». Сальвотти, имперскій инквизиторъ въ Миланѣ, говорилъ графу Гонфалоньери: —«Вы упорствуете въ своемъ намѣреніи ничего не говорить, разыгрывать изъ себя героя—прекрасно; но завтра велю напечатать въ газетахъ, что вы выдали своихъ друзей, и у васъ не будетъ никакого средства къ опроверженію». Этотъ благородный Сальвотти—теперь членъ Государственнаго Совѣта въ Вѣнѣ и занимается дѣлами Италіи.

Теперь мнѣ придется съ большимъ отарашеніемъ коснуться одного тяжелаго воспоминанія. Находились нѣмцы и, къ несчастію, также и поляки, распространявшіе постыдный слухъ, что Бакунинъ состоитъ агентомъ русскаго правительства. Эта клевета преслѣдовала его до темницы, благодаря одному фолкулеру газеты. Этотъ господинъ разсказывалъ, будто m-me Ж. Зандъ говорила, что знаетъ вѣрное отъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Ролленаго о сольства. Одинъ изъ друзей Бакунина обратился прямо къ m-me Ж. Зандъ, которая безусловно это опровергла и написала письмо посланное немедленно въ редакцію газеты Маркса. Постыдная клевета

¹⁾ Эти факты были мнѣ неизвѣстны, когда я писалъ свою брошюру „Du développement sur les idées révolutionnaires en Russie“.

эта была опровергнута только тогда, когда кости несчастного мученика трещали под орудіями пытки.

Не знаю, почему такъ выходитъ, но всякій разъ, когда видятъ русскаго революціонера, его принимаютъ за царскаго шпіона; иногда не находятъ способа согласовать аристократическое происхожденіе съ убѣжденіями демократа, иногда удивляются тому, что богатые люди дѣлаются социалистами. Наша привычка сорить деньгами, нашъ откровенный радикализмъ шокируетъ буржуазный міръ. Я слышалъ нѣсколько разъ слѣдующее замѣчаніе: «какъ ухитрился Бакунинъ имѣть деньги? Его семья не присылала ему ничего, и однако, иногда деньги у него бывали; по меньшей мѣрѣ, имѣешь право заподозрить, что онѣ ему доставались отъ русскаго правительства».—«А почему вамъ не приходитъ въ голову, что эти деньги исходятъ, напротивъ, отъ враговъ русскаго правительства?»

Въ заключеніе я долженъ сказать Вамъ, Monsieur, что подробности жизни Бакунина съ 1848 г. я знаю только по рассказамъ нѣкоторыхъ нѣмцевъ и по газетамъ.

Послѣднее видѣнное мною письмо отъ него было написано въ началѣ 1850 года изъ Градмина (Пражская крѣпость). Послѣ его отъѣзда не было никакихъ извѣстій. Камергеръ прусскаго короля хвалялся разъ за табль-д-отомъ въ Женевѣ, что онъ навѣстилъ Бакунина (не изъ сочувствія, но какъ диковину), онъ говорилъ, что надѣлъ его прикованнымъ къ стѣнѣ, въ маленькой темной камерѣ, слабого, страдающаго съ упавшимъ голосомъ.

Изъ Ольмюца Бакунинъ былъ перевезенъ въ сырую темницу въ Бенгрии, и оттуда, какъ намъ пишутъ, въ Шлиссельбургъ. Говорятъ, что тамъ его пытали.

А. Г.

P. S. Находясь въ Кенигштейнѣ, Бакунинъ выпустилъ маленькую очень энергичную брошюрку о Россіи подъ заглавіемъ: «Russische Zustände».

НЕИЗВѢСТНЫЙ ПОРТРЕТЪ ГЕРЦЕНА.

Какъ извѣстно, С. Л. Левицкій одно время имѣлъ фотографическое заведеніе въ Парижѣ; С. Л. приходился двоюроднымъ братомъ А. И. Герцену и часто предостерегалъ его не вмѣшиваться въ польскій вопросъ. „Пользы ты дѣлу не принесешь, а только потеряешь всю свою популярность въ Россіи“,—говорилъ Левицкій. Разъ въ подобнаго рода разговорѣ Левицкій предложилъ Герцену сѣсть и придать своему лицу выраженіе чловѣка, слушающаго вполнѣ заслуженную нотацію. И въ этой позѣ снялъ его.— „А теперь встань и читай нотацію“. Герценъ всталъ, принявъ соответственное положеніе, а Левицкій повторилъ снимокъ. Вотъ слышанное мною отъ С. Л. объясненіе прилагаемаго снимка.

Л. П.

Изъ хроники семейства Бакуниныхъ.

Семья, дѣтство и юность Михаила Александровича Бакунина.

(По неизданнымъ матеріаламъ).

Хроника семейства Бакуниныхъ, изъ котораго вышелъ извѣстный всей Западной Европѣ «апостоль разрушенія» Михаилъ Бакунинъ и его младшіе братья, принявшіе ревностное участіе въ нашемъ общественномъ движеніи шестидесятихъ годовъ и въ созидательной земской работѣ семидесятихъ и восьмидесятихъ,—уже по одному этому заслуживала бы вниманія русскаго общества. Но хроника эта и сама по себѣ чрезвычайно содержательна и представляетъ выдающійся историческій интересъ по тѣмъ многочисленнымъ нитямъ, которыя связываютъ это семейство съ цѣлымъ рядомъ выдающихся дѣятелей и событій русской государственной и общественной жизни въ теченіе всего XIX вѣка. Отецъ и мать Михаила Бакунина, принадлежа къ просвѣщеннѣйшимъ слоямъ общества начала прошлаго вѣка, находилъ въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ той самой средой, въ которой образовались тайныя общества двадцатыхъ годовъ; они были въ близкихъ дружескихъ и родственныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ вожаковъ общественнаго движенія того времени. Самъ Александръ Михайловичъ Бакунинъ, будучи старше этихъ своихъ друзей возрастомъ и богаче жизненнымъ опытомъ, пользовался особымъ ихъ уваженіемъ и принималъ нѣкоторое участіе своими совѣтами въ самыхъ раннихъ ихъ планахъ и предпріятіяхъ. Затѣмъ, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, родовое имѣніе Бакуниныхъ становится мѣстомъ встрѣчъ и вдохновенія замѣчательнѣйшихъ членовъ кружка такъ называемыхъ людей сороковыхъ годовъ, причемъ члены этого кружка Станкевичъ, Бѣлинскій и Боткинъ соединяются съ семействомъ Бакуниныхъ тѣснѣйшими и интимнѣйшими связями и ѣздятъ туда просвѣтляясь духомъ и переживать тамъ самые свѣтлые и возвышенные моменты своей юности. Представительницы женской половины этого семейства, обаятельныя личности которыхъ возстаютъ и очерчиваются передъ нами, какъ живыя, изъ огромной прекрасно сохранившейся переписки, переносятъ насъ въ міръ тѣхъ дворянскихъ семей начала

XIX вѣка, о которыхъ мы имѣемъ нѣкоторое представленіе лишь по романамъ Пушкина, Тургенева и Толстого.

Вообще исторія семейства Бакуниныхъ, вслѣдствіе постоянной живой связи членовъ этого семейства съ самыми возвышенными и передовыми идеями вѣка и съ самыми замѣчательными участниками и дѣятелями общественнаго движенія, переплетается тысячами нитей съ исторіей русскаго общества. Вотъ почему мнѣ представляется, что хроника этого семейства имѣетъ право на особое вниманіе и интересъ русскаго общества, не говоря уже о томъ, что дѣтскіе и юношескіе годы такой крупной исторической личности, какъ Михаилъ Бакунинъ, ходъ его внутренняго развитія и среда, въ которой онъ росъ и развивался,—все это само по себѣ въ высокой степени интересно и важно, а между тѣмъ до настоящаго времени остается совершенно неизслѣдованнымъ.

I.

Семейство Бакуниныхъ принадлежитъ къ числу старыхъ дворянскихъ родовъ и находится въ родственныхъ связяхъ со многими извѣстными дворянскими семьями (Муравьевыми, Львовыми, Корсаковыми, Воейковыми и др.), но въ исторіи до XIX вѣка оно ничѣмъ особеннымъ не прославилось и свѣдѣній о какихъ либо историческихъ подвигахъ и заслугахъ его членовъ въ старинныя времена не сохранилось.

Дѣдъ Михаила Александровича Бакунина, Михаилъ Васильевичъ, былъ богатый и властный баринъ. Въ семейныхъ преданіяхъ о немъ сохранилось нѣсколько анекдотовъ, свидѣтельствовавшихъ о его необыкновенной физической силѣ, смѣлости и властномъ характерѣ ¹⁾. Въ концѣ XVIII вѣка онъ купилъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ Тверской губерніи село Премухино съ окружными деревнями у Шишковыхъ и здѣсь устроилъ свое родовое гнѣздо въ обширномъ помѣщичьемъ домѣ съ огромнымъ паркомъ на берегу живописной рѣки Осуги. Жена его, Любовь Петровна, уже послѣ его смерти, построила здѣсь красивую каменную церковь, еще болѣе украсившую этотъ уютный и живописный уголокъ.

У Михаила Васильевича и Любови Петровны было три сына и четыре дочери: Михаилъ, Иванъ, *Александръ*, Татьяна, Парасковья, Пелагея и Авдотья. Старшій сынъ Михаилъ Михайловичъ былъ впоследствии губернаторомъ въ Петербургѣ, а затѣмъ сенаторомъ въ Москвѣ. Его дочь Авдотья Михайловна плѣнила сердце Адама Мицкевича, когда знаменитый польскій поэтъ въ двадцатыхъ годахъ служилъ противъ воли въ Москвѣ, будучи высланъ по Высочайшему повѣленію изъ Вильно. Авдотья Михайловна также не осталась равнодушна къ поэту; но романъ этотъ не увѣнчался бракомъ, такъ какъ

---

¹⁾ Одинъ изъ этихъ анекдотовъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ при помощи простой подворотни обратилъ въ бѣгство разбойниковъ, напавшихъ на его домъ. Другой повѣствуетъ о томъ, какъ онъ въ припадкѣ гнѣва на кучера, скакавшаго ему какую то дерзость, схватилъ и бросилъ его въ рѣку, по берегу которой въ это время онъ проѣзжалъ въ экипажѣ.

и женихъ и невѣста оказались слишкомъ ортодоксальными патріотами каждый своей народности и своей вѣры. У Авдотьи Михайловны, по свидѣтельству ея родныхъ, до самой смерти—а она умерла въ глубокой старости—хранилась переписка ея съ Мицкевичемъ; но она никогда никому не показывала этихъ писемъ и завѣщала ихъ сжечь послѣ ея смерти, что и было свято исполнено ея сестрой Екатериной Михайловной. Приверженность къ русскому быту и православной вѣрѣ, поощравшая Авдотью Михайловну Бакуниной выйти замужъ за поляка и ревностнаго католика Мицкевича, не мѣшала однако же ей быть сторонницей освободительнаго движенія того времени. По свидѣтельству ея двоюроднаго брата, А. А. Бакунина, Авдотья Михайловна до конца жизни сохранила симпатіи къ декабристамъ и не могла простить дальнему родственнику своему Михаилу Модестовичу Бакунину того, что онъ первый выстрѣлилъ по декабристамъ ¹⁾.

Вторая дочь Михаила Михайловича Бакунина—Екатерина Михайловна также была весьма незауряднымъ для своего времени человекомъ. Въ 1855 году она вступила одной изъ первыхъ въ отрядъ сестеръ милосердія, образованный тогда великой княгиней Еленой Павловной и съ честью работавшій въ Севастополь во время осады подъ руководствомъ Н. И. Пирогова. Въ концѣ осады Екатерина Михайловна была поставлена во главу этой общины, бывшей несомнѣнно однимъ изъ проявленій новой, только что пробуждавшейся тогда, жизни русскаго общества, всколыхнувшася подъ влияніемъ неудачной Крымской войны ²⁾.

Александръ Михайловичъ Бакунинъ былъ третьимъ сыномъ Михаила Васильевича. Онъ былъ слабый ребенокъ и въ девятилѣтнемъ возрастѣ отправленъ былъ на воспитаніе за-границу, въ Италію, гдѣ и кончилъ курсъ въ Падуанскомъ университетѣ по естественному (философскому) факультету, получивъ званіе доктора философіи за диссертацию о глистахъ на латинскомъ языкѣ, печатный экземпляръ который сохранился въ премухинской библіотекѣ. Онъ вообще былъ человекъ образованный и долго поддерживалъ, въ послѣдствіи связи съ разными писателями и учеными Западной Европы. По окончаніи курса въ Падуанскомъ университетѣ Александръ Михайловичъ поступилъ на службу заграницей же по министерству иностранныхъ дѣлъ и служилъ при нашихъ посольствахъ въ разныхъ государствахъ; «но годы, проведенные въ Италіи, и въ самой старости остались,—по свидѣтельству одной изъ его дочерей, Татьяны Александровны,—его любимѣйшимъ, живѣйшимъ воспоминаніемъ» ³⁾.

По преданію, сохранившемуся въ семьѣ, онъ былъ въ Парижѣ во время французской революціи и даже присутствовалъ при взятіи Бастилии. Въ началѣ революціи онъ повидимому былъ увлеченъ идеями

¹⁾ Срав. „Восшествіе на престолъ Императора Николая I“, бар. М. Корфа. изд. П.-е, стр. 171.

²⁾ Записки Е. М. Бакуниной напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1898 г., № 3, 4, 5 и 6-й. Тамъ-же ея біографія (въ № 7).

³⁾ Въ Бакунинскомъ архивѣ сохранилась неоконченная рукопись 1843 года предсказаній Т. А. Бакуниной семейныхъ мемуаровъ. Къ сожалѣнію рукопись эта, написанная прекраснымъ изящнымъ каллиграфомъ, прервана была на первыхъ же листахъ.

вѣка, но затѣмъ революціонный терроръ оттолкнулъ его отъ дѣла революціи и онъ возвратился въ Россію почти консерваторомъ, хоти и сохранилъ симпатіи къ гуманнымъ и либеральнымъ стремленіямъ XVIII вѣка.

По возвращенію на родину при Павлѣ Петровичѣ онъ перешелъ на службу въ придворное вѣдомство и его ожидала, по всѣмъ вѣроятіямъ, блестящая служебная карьера; но въ это время мать его, не задолго передъ тѣмъ овдовѣвшая и не чувствовавшая въ себѣ силъ справляться съ хозяйствомъ, стала настойчиво требовать, чтобъ Александръ Михайловичъ оставилъ службу и поселился въ деревнѣ принявъ на себя веденіе хозяйства. Александръ Михайловичъ подчинился требованію матери и поселился въ Премухинѣ съ матерью и сестрами—старыми дѣвами, проводившими свой вѣкъ въ молитвахъ и постахъ и чтеніи священныхъ книгъ. Въ этой обстановкѣ онъ прожилъ довольно долго,—не менѣе десяти лѣтъ,—сосредоточивъ все свои интересы на хозяйствѣ и управленіи крѣпостными крестьянами. Къ этому времени относится между прочимъ любопытный фактъ—разсказъ о которомъ сохранился въ семьѣ Бакуниныхъ. Движимы вѣроятнo идеями, привезенными съ запада, А. М. Бакунинъ написалъ для своихъ крѣпостныхъ крестьянъ особую «конституцію», которую и попытался ввести въ жизнь. Въ чемъ заключалась эта «конституція», намъ неизвѣстно; но извѣстно, что крестьяне ея не приняли даже возмущились противъ нея, какъ противъ новшества, вѣроятнo весьма мало считавшагося съ укладомъ ихъ быта. Просвѣщенному новатору пришлось отказаться отъ предпринятаго имъ реформы и предоставить своимъ «подданнымъ» жить по старинѣ.

Уже сорока лѣтъ отъ роду А. М. Бакунинъ влюбился въ блестящую молодую дѣвушку, сосѣдку по имѣнію, Варвару Александровну Муравьеву, пріѣзжавшую на лѣто съ матерью и отчимомъ П. М. Полторацкимъ въ сосѣднее съ Премухинымъ село Баховкино. Варвара Александровна была очень хороша собой, получила обычное свѣтское воспитаніе того времени и вращалась въ кругу своихъ родственниковъ—Муравьевыхъ—молодыхъ, блестящихъ и образованныхъ офицеровъ изъ извѣстной школы колонновожатыхъ—будущихъ членовъ тайныхъ обществъ двадцатыхъ годовъ, приведшихъ ихъ спустя нѣсколько лѣтъ къ катастрофѣ 14 декабря. Александръ Михайловичъ не надѣялся на взаимность со стороны свѣтской 18-ти лѣтней львицы, окруженной такою блестящею молодежью, и мучимый страстью, собрался ужъ стрѣляться; но его спасла одна изъ сестеръ, Татьяна Михайловна. Она, узнавъ о состояніи, до котораго дошелъ ея братъ, поѣхала къ Полторацкимъ, уговорила Варвару Александровну принять предложеніе А. М. Бакунина и родителей ея выдать ее за него замужъ.

Бракъ оказался вполнѣ счастливымъ и отъ этого брака произошла многочисленная семья, внесшая не мало въ исторію освободительнаго движенія не только Россіи, но и Европы.

II.

Ради молодой жены Александръ Михайловичъ возобновилъ свои свѣтскія связи и на зиму сталъ ѣздить съ женою въ Тверь, гдѣ въ это время былъ дворъ великой княгини Екатерины Павловны и мужа ея герцога Вюртембергскаго. Екатерина Павловна была, какъ извѣстно, сестра императора Александра Павловича и пользовалась особой его благосклонностью. Дворъ ея не отличался особенной пышностью; но великая княгиня, подобно сестрѣ своей Маріи Павловнѣ—великой герцогинѣ Веймарской,—была женщина просвѣщенная и питала нѣкоторую склонность къ поэзії и наукамъ. И хотя въ Твери не было своего Гете, но за то при Тверскомъ дворѣ частенько гащивалъ Н. М. Карамзинъ, бывший въ то время самымъ крупнымъ и самымъ популярнымъ представителемъ литературы и науки въ Россіи. Умъ и европейская образованность А. М. Бакунина здѣсь были также оцѣнены по достоинству и рядомъ съ Карамзинымъ ему не только не приходилось отодвигаться на задній планъ, но, какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ дневника, который онъ велъ въ 1810—1811 годахъ и большую часть котораго къ сожалѣнію уничтожилъ, онъ не безъ успѣха иногда состязался съ Карамзинымъ въ спорахъ на литературныя и историческія темы, когда дѣло касалось европейской исторіи и литературы ¹⁾.

Вывозя въ свѣтъ молодую жену, онъ вывозилъ и ея младшую сестру Е. П. Полторацкую ²⁾. Выѣзды эти были однако же вскорѣ прерваны рожденіемъ первой дочери Бакуниныхъ Любеньки (въ 1811 г.), вслѣдъ за которой, менѣе чѣмъ черезъ годъ (13 авг. 1812 г.) послѣдовала вторая—Варенька. Мирная жизнь маленькаго Тверскаго двора вскорѣ также была нарушена нашествіемъ Наполеона на Россію. Бакунины же, благодаря частому рожденію дѣтей, совершенно замкнулись въ свою семейную жизнь и, поселившись въ Премухинѣ, отдали себя всецѣло воспитанію дѣтей и сельскому хозяйству. Впрочемъ связей своихъ съ образованнымъ обществомъ они не утратили, а когда армія наша вернулась въ Россію въ 1815—1816 годахъ, послѣ продолжительныхъ войнъ съ Наполеономъ, у Бакуниныхъ возобновились прежнія дружескія отношенія съ родственниками Варвары Александровны—Муравьевыми.

Александръ и Михаилъ Муравьевы,—иниціаторы и организаторы первыхъ тайныхъ обществъ въ Россіи,—приходились Варварѣ Александровнѣ Бакуниной двоюродными братьями. Когда въ образованномъ по иниціативѣ Александра Муравьева «Союзѣ Спасенія» открылась борьба между правыми и лѣвыми его членами, и Михаилъ Муравьевъ соста-

¹⁾ Въ это время А. М. Бакунину предложено было черезъ великую княгиню Екатерину Павловну мѣсто попечителя Казанскаго университета и Казанскаго учебнаго округа; онъ отъ этого мѣста отказался и принялъ лишь скромное званіе Попечителя Тверской гимназіи. См. смотри объ этомъ у Кропотова „Жизнь графа М. Н. Муравьева“ стр. 207—208.

²⁾ Вслѣдствіи вышла замужъ за Павла Безобразова, отца извѣстнаго экономиста и статистика Владиміра Безобразова.

виль въ противовѣсъ уставу, выработанному Пестелемъ, свой уставъ, скопированный въ значительной мѣрѣ съ устава нѣмецкаго «Tugendbund'a», то прежде чѣмъ представить написанный имъ проектъ на судъ своихъ товарищей, онъ отвезъ его въ Премухино къ А. М. Бакунину ¹⁾. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно, внесъ ли Александръ Михайловичъ въ проектъ Муравьева какія-либо измѣненія, но уже самый фактъ представленія Муравьевымъ своего проекта на его одобреніе указываетъ на то отношеніе, какое имѣли въ это время къ Бакунину молодые «основатели» Союза Благоденствія.

III.

Хотя Александръ Михайловичъ женился поздно (40 лѣтъ отъ роду), однако бракъ его былъ очень счастливый и онъ успѣлъ создать огромную патріархальную семью. Почти не проходило года безъ прибавленія семейства и черезъ 14 лѣтъ брачной жизни у Бакуниныхъ было уже одиннадцать человѣкъ дѣтей. Старшая изъ нихъ была дочь Любовь Александровна (род. 10/ix 1811 года); за нею слѣдовала Варвара 13/viii 1812); за тѣмъ Михаилъ (18/v 1814); затѣмъ опять двѣ дочери: Татьяна (10/viii 1815) и Александра (8/viii 1816). За ними идутъ пять сыновей подъ рядъ: Николай (29/v 1818), Илья (19/viii 1819), Павелъ (21/viii 1820), Александръ (10/xi 1821), и Алексѣй (25/iii 1823) и наконецъ еще дочь Софья (4/ix 1824). Всѣ эти дѣти остались въ живыхъ за исключеніемъ послѣдней—Сонечки, которая умерла въ двухлѣтнемъ возрастѣ во время эпидеміи дезинтеріи, свирѣпствовавшей въ Премухинѣ въ 1826 году. Къ воспитанію дѣтей родители относились самымъ серьезнымъ образомъ и самъ отецъ близко интересовался ходомъ ихъ развитія. Чрезвычайно интересную и яркую картину премухинскаго образа жизни того времени мы находимъ въ одномъ изъ писемъ Михаила Александровича къ отцу (отъ 15 декабря 1837 г.), въ которомъ онъ по поводу возникшихъ тогда семейныхъ недоразумѣній и непріятностей бросаетъ ретроспективный взглядъ на прошлое. Мы не разъ еще будемъ обращаться къ этому замѣчательному письму, а теперь позволимъ себѣ привести изъ него довольно обширную выписку.

«Самымъ счастливымъ временемъ нашей премухинской жизни—вспоминаетъ молодой 23-хъ лѣтній Бакунинъ—были для насъ наши дѣтскіе годы; во мнѣ остались еще живы всѣ впечатлѣнія моего дѣтства; что посѣяно въ дѣтствѣ, то можетъ быть потрясено, но ничѣмъ, никакими силами искоренено, разрушено быть не можетъ; а любовь моя къ Вамъ, любезный Батюшка, любовь полная, неограниченная, началась съ моимъ дѣтствомъ; Вы были для насъ всѣхъ чѣмъ

¹⁾ Объ этомъ сохранился подробный рассказъ, записанный біографомъ Мих. Муравьева Кропотовымъ со словъ брата Алекс. и Мих. Муравьевыхъ и С. Н. Муравьева. Кропотовъ приписываетъ А. М. Бакунину очень большое вліяніе на направленіе того политическаго кружка, въ которомъ возникъ «Союзъ Благоденствія». См. «Жизнь гр. М. И. Муравьева въ связи съ событіями его времени», составл. Д. А. Кропотовымъ Спб. 1874 г., особенно стр. 199 и слѣд.

то великимъ, выходящимъ изъ ряду обыкновенныхъ людей. Мы не понимали и не могли понимать Васъ, но чувствовали Васъ. Слово Ваше было для насъ долго, очень долго безусловнымъ доказательствомъ истины. Вы были для насъ безусловнымъ и несокрушимымъ авторитетомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вы слились съ самыми лучшими воспоминаніями нашего дѣтства. Вы рѣдко бранили и, кажется, ни разу не наказывали насъ, но мысль, что Вы узнаете объ какомънибудь нашемъ поступкѣ, мысль, что Вы разсердитесь на насъ, приводила насъ въ ужасъ. Я помню, съ какою любовью, съ какою снисходительностью и съ какимъ горячимъ вниманіемъ Вы слушали нашу дѣтскую болтовню. Я помню, какъ мы были счастливы, когда мы приносили къ Вамъ пойманную нами бабочку или найденный и до сихъ поръ невиданный нами цвѣтокъ. Я никогда не забуду этихъ вечернихъ прогулокъ на пильный заводъ или въ Костюшино, гдѣ Вы намъ рассказывали какойнибудь исторической анекдотъ или сказку, гдѣ Вы заставляли насъ отыскивать рѣдкое у насъ растеніе и какъ гордъ и какъ счастливъ былъ тотъ, кому удавалось отыскать его... Помню еще одинъ лунный вечеръ: небо было чисто и усіяно звѣздами. мы шли въ Мытницкую рошу и Вы рассказывали намъ исторію солнца, мѣсяца, тучъ, грома, молніи и т. д. Помню одинъ лѣтній день, въ который я хорошо учился и Вы были довольны мною, и Вы помогли мнѣ устроить мостъ къ нашему маленькому острову... Помню, какъ одинъ разъ, гоняясь за бабочками, въ отсутствіе маменьки, мы позабыли, что наступило время обѣда и что Вы ждете насъ, какъ мы испугались, когда мы объ этомъ вспомнили и нашли Васъ сидящаго за столомъ и уже обѣдавшего. Вы намъ не сказали ни слова, встали прежде насъ и мы были этимъ такъ испуганы, мы не знали, что дѣлать; послѣ же обѣда, отдохнувши, Вы позвали насъ гулять и говорили съ нами, какъ будто ни въ чемъ не бывало, и мы были такъ изумлены тогда Вашею добротою, такъ счастливы и такъ веселы... Наконецъ, я помню эти зимніе вечера, въ которые мы всегда читали «Robinson Juisse», и это было для насъ такимъ великимъ, такимъ неограниченнымъ наслажденіемъ. Потомъ наступалъ великій постъ, и мы вмѣстѣ съ Вами говѣли и страстная недѣля имѣла для насъ что-то неизъяснимое, торжественное... Эта святая торжественность, нарисованная на Вашемъ лицѣ, эти черныя ризы, эта мрачная и грустная служба, позднія всенощныя... Послѣ всенощной мы приходили въ гостинную, которая не была еще освѣщена, Варенька садилась за фортепьяно и брала аккорды, Вы говорили намъ о страданіяхъ, о Божественной святости Спасителя... Потомъ, когда подавали свѣчи, мы вмѣстѣ читали Евангеліе... Наступала среда и мы вмѣстѣ исповѣдывались и послѣ исповѣди собирались вечеромъ къ ужину и было такъ тихо, такъ свято, такъ торжественно... Мы не понимали тогда, но чувствовали, что совершается что-то великое... Вы, маменька, сестры, всё мы были въ одной комнатѣ; тутъ не было никого посторонняго, никто не разрушалъ своимъ неумѣстнымъ присутствіемъ этой святой гармоніи... Потомъ въ четвергъ мы приобщались, потомъ мытье образовъ, двѣнадцать евангеліевъ, страстная пятница и плашаница, крашенье и дѣланье мраморныхъ яицъ; субботняя за-

утреня, гдѣ мы всѣ вмѣстѣ ходили къ плащаницѣ; потомъ заутреня свѣтлаго воскресенья, ожиданіе восхода солнца, возвращеніе весны— о все это слилось, неразрывно слилось съ нашею жизнью!... — Эти происшествія кажутся ничтожными, но они глубоко вошли въ душу, они оставили въ насъ неизгладимыя воспоминанія...

Да, батюшка, воспоминанія о Васѣ, и любовь къ Вамъ, премухинскій домъ, садъ и окрестности, любовь и природа и наслажденіе природою и дѣтство наше—все это составляетъ наше неотъемлемое сокровище и чуть ли не лучшую эпоху жизни нашего семейства...»

Такъ писалъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, уже взрослый, послѣ ряда пережитыхъ семейныхъ бурь и недоразумѣній, поколебавшихъ этотъ гармоническій и патріархальный міръ, въ которомъ онъ и его братья и сестры выросли и воспитались. Изъ этого описанія, ярко возсоздающаго передъ нами картину рѣдкой домашней идилліи въ помѣщичьей усадьбѣ двадцатыхъ годовъ, мы видимъ, что на ряду съ нѣкоторыми чрезвычайно впрочемъ смягченными чертами стариннаго Домостроя въ основаніе всего уклада и въ особенности воспитанія дѣтей положены были черты западно-европейскаго гуманизма XVIII вѣка, на которомъ воспитывался самъ Александръ Михайловичъ Бакунинъ. Въ его отношеніяхъ къ дѣтямъ ясно чувствуется человѣкъ, отдавшій дань поклоненія педагогическимъ идеямъ Руссо, такъ идиллически изложеннымъ въ знаменитомъ «Эмилѣ». Идеи Руссо, хотя бы и комбинированныя съ признаніемъ обрядовъ и догмы установленной религіи, были очень далеки отъ затхлой и мрачной атмосферы царившей въ это и въ предшествующее время въ другихъ благочестивыхъ русскихъ семействахъ, но они создавали въ Премухинѣ ту атмосферу гармоніи и патріархальности, которая невольно чувствовалась всѣми посѣтителеми этого мирнаго и обаятельнаго уголка. Эта атмосфера настраивала дѣтскую мысль на религіозный ладъ и въ томъ же письмѣ М. А. Бакунина, которое мы только что цитировали, мы находимъ любопытныя указанія на то, какъ эта обстановка реагировала въ дѣтскіе годы на чуткія души его сестеръ. Особенной религіозностью въ дѣтствѣ отличалась вторая дочь Бакуниныхъ Варвара. «Дѣтство сестры Вареньки—пишетъ Мишель—въ самомъ дѣлѣ замѣчательное: глубокое религіозное чувство началось въ ней съ самого младенчества. Она нѣсколько разъ говаривала мнѣ, что, бывши еще совершеннымъ ребенкомъ, она уже любила Бога и любила его пламеннымъ, безпредѣльнымъ чувствомъ безсознательной любви. Не даромъ бабушка Любовь Петровна сказала про нее, что она Ангелъ Божій... И въ самомъ дѣлѣ, не странное ли это явленіе и не доказательство ли это богато одаренной природы, что она, бывши ребенкомъ, была безпрестанно въ присутствіи Бога, вездѣ видѣла его; играя въ куклы, ей казалось, что онъ смотритъ на нее съ любовью, что онъ видитъ сердце ея и радуется, видя сердце ея чистымъ и исполненнымъ любовью къ нему... Не было ли это особенною благодатью Божьею, что она блаженствовала этою мыслию, что она во снѣ видѣла Спасителя, который, подошедши къ ней, сказалъ ей: «Если ты все также будешь любить меня, то я не оставлю тебя», и можно ли назвать это экзальтаціей? Откуда же взялась эта экзальтація?—Она можетъ

быть въ молодой пламенной дѣвушкѣ, но въ ребенкѣ ея рѣшительно быть не можетъ»... «Вышедши изъ дѣтства—продолжаетъ Михаилъ Александровичъ въ томъ же письмѣ свои воспоминанія — Варенька стала мало по малу терять эту небесную гармонию. Ее вмѣстѣ со мною и съ сестрами стали учить катехизису. Иванъ Алексѣевичъ ¹⁾ добрый человекъ, но онъ разумѣется не могъ внушить намъ религознаго чувства, не могъ внушить намъ любви, безъ которой въ жизни нѣтъ никакого смысла. Онъ рассказывалъ намъ чудеса и фантастическія исторіи изъ четьи-минеи. Это забавляло насъ, но нисколько не было полезно. Но Варенькина душа была слишкомъ пламенна, имѣла слишкомъ сильную потребность въ любви для того, чтобы удовлетвориться религіозною внѣшностью безъ всякаго содержанія. Ее стали мучить сомнѣнія. Откуда же взялись эти сомнѣнія? Никто не пробуждалъ ихъ въ ней, они родились въ ней самой непосредственно, были необходимымъ слѣдствіемъ неудовлетворенной потребности любви...»

Эти случайныя воспоминанія Михаила Александровича, приведенныя имъ въ письмѣ къ отцу, въ огромномъ письмѣ, имѣвшемъ вообще полемическое назначеніе, являются драгоцѣннымъ біографическимъ матеріаломъ и для біографіи самого Михаила Бакунина. Далѣе онъ вспоминаетъ, что сестра его, мучимая сомнѣніями, обращалась къ отцу за ихъ разрѣшеніемъ. Но Александръ Михайловичъ, воспитанный въ идеяхъ гуманизма и философіи XVIII вѣка и принявшій очевидно позднѣе, какъ одну изъ основъ своего домашняго быта, главнымъ образомъ, лишь внѣшную сторону положительной религіи, не могъ разрѣшить этихъ сомнѣній и даже не признавалъ законности тѣхъ запросовъ, съ которыми обращалась къ нему дочь. Онъ отвѣчалъ ей, что должно вѣрить, не разсуждая. «Какъ будто—съ горечью восклицаетъ Мишель—она хотѣла разсуждать!—Она хотѣла вѣрить и любить и сама не знала, чему вѣрить и что любить. Она удивлялась, видя, что вокругъ нея все спокойно, тогда, когда она сама мучилась. Она не могла понять общаго равнодушія къ религіознымъ предметамъ, почти совершенно ограниченнымъ формою и лишенымъ всякаго содержанія...» Позднѣе Михаилъ Александровичъ, самъ увлекаясь религіозными проблемами, пытался дать своимъ сестрамъ отвѣты на всѣ подобныя запросы; но въ то время самъ онъ находился въ корпусѣ въ Петербургѣ и надъ такими вопросами не задумывался; Варвара же Александровна ухватилась за попавшееся ей въ руки сочиненіе St. François de Salle «какъ за послѣднюю соломинку». «Она увидѣла въ немъ (т. е. въ Францискѣ) нераздѣльную и пламенную любовь къ Богу и совершенно предалась ему; но съ другой стороны она испугалась многихъ требованій римско-католическаго ученія, выполненіе которыхъ требовало совершеннаго отверженія отъ всего того, что составляетъ блаженство этой жизни и въ ней началась ужасная борьба между ея чистыми наклонностями и между тѣмъ, что она полагала христіанскимъ долгомъ. Она полагала себя обязанною оставить всѣхъ тѣхъ, кого она любила, оставить

¹⁾ Кажется, это былъ премудринскій діаконъ.

музыку, которую она всегда такъ страстно любила, для того, что совершенно отдаться Богу. Борьба эта мучила ее; она стала поститься выше силъ своихъ; Танюша и Саша (двѣ младшія сестры, которыя были моложе ея на три и на четыре года)—раздѣляли всѣ подвиги... Наконецъ мученія ея усилились до такой степени, что она чуть-чуть не зарѣзалась.....»

IV.

Самъ Александръ Михайловичъ занимался съ дѣтьми естествою исторіею и сообщалъ имъ разныя свѣдѣнія изъ физики, космографіи, исторіи и географіи. Кромѣ французскаго и нѣмецкаго языков преподававшихся гувернантками, ихъ обучали еще итальянскому языку и музыкѣ: дѣвочекъ—на фортепіано, Мишеля—на скрипкѣ. Съ 1822 въ Премухинѣ велась краткая запись всѣхъ достопримѣчательныхъ событій—родъ камеръ-фурьерскаго журнала—по которой можно прслѣдить пріѣзды учителей и учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ. Музыка и поэзія занимали въ премухинской жизни весьма почетное мѣсто. Самъ Александръ Михайловичъ легко и складно писалъ стихи и въ семейномъ архивѣ сохранилась большая поэма «Осуга», написанная имъ въ честь Премухина и въ которой онъ изобразилъ и свое домашній бытъ, и свои вкусы и свои взгляды на то, какъ слѣдуетъ устраивать свою жизнь. Дочери его также не лишены были дара легкаго и изящнаго выражать свои мысли и на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ, въ особенности на французскомъ, на которомъ по обычаю того времени велась большая часть переписки съ родными и друзьями. Кромѣ того онѣ хорошо знали изящную литературу, читая знаменитыя произведенія европейскихъ писателей въ подлинникѣ, отличались и играли на фортепіано и умѣли цѣнить хорошую музыку. Было в ходу и рисованье, талантъ къ которому впоследствии особенно проявился у Александра Александровича Бакунина. Воспитаніе всѣхъ дочерей было и начато и закончено дома въ Премухинѣ; но по своему образованности и по умственному развитію онѣ несомнѣнно далеко превосходили дѣвицъ того времени, получавшихъ образованіе въ институтахъ. Легкость, съ которой онѣ воспринимали впоследствии философскія поученія Мишеля и его друзей, и сужденія, которыя онѣ высказывали въ многочисленныхъ и обширныхъ письмахъ, посвященныхъ нерѣдко весьма отвлеченнымъ предметамъ, свидѣтельствуютъ намъ о томъ, что уровень познаній, полученныхъ ими въ Премухинѣ отъ отца и приглашенныхъ учителей, былъ во всякомъ случаѣ не ниже того, какой давала и даетъ у насъ средняя школа. Мальчики подготовлялись дома лишь до извѣстнаго возраста. Старшіе изъ нихъ Михаилъ и Николай были отправлены по достиженіи 14-ти лѣтъ на

1) Выше уже было указано на сохранившійся въ архивѣ отрывокъ мемуаровъ, которые собиралась писать въ 1843 г. Т. А. Бакунина. Отрывокъ этотъ (всего въ нѣсколько страницъ), написанный по-русски, обнаруживаетъ въ авторѣ, при нѣсколькихъ приподнятомъ настроеніи, большую здумчивость и несомнѣнную способность глубоко понимать окружающую жизнь и въ то же время легко и изящно выражать свои мысли и наблюденія.

возраста—первый въ 1828 году, второй въ 1833 году—въ Петербургъ въ артиллерійское училище; остальные четверо: Илья, Павелъ, Александръ и Алексѣй учились совмѣстно и всѣ вмѣстѣ опредѣлены были въ 1835 г. въ тверскую губернскую гимназію въ IV классъ. Старшему изъ нихъ—Ильѣ въ это время исполнилось уже 16, а младшему—Алексѣю было едва 12 лѣтъ. Илья не кончилъ гимназіи и въ слѣдующемъ 1836 году поступилъ юнкеромъ въ кавалерійскій полкъ, а остальные трое, по окончаніи гимназіи вступили въ Московскій университетъ въ 1839 году.

Михаилъ Александровичъ, будучи старшимъ изъ братьевъ, первый оставилъ отчій домъ. Онъ былъ отправленъ въ Петербургъ для опредѣленія въ корпусъ съ дядей его матери К. М. Полторацкимъ въ ноябрѣ 1828 года. Сохранилось характерное письмо, которымъ онъ самъ извѣщалъ объ этомъ событіи своихъ тетюшекъ (сестеръ отца), жившихъ въ Козицынѣ. Вотъ это письмо, помѣченное 27 ноября 1828 г. «Мы съ папенькой выѣхали изъ Премухина 25 числа въ 11 часовъ. Вы сами, я думаю, знаете, какъ оставлять домъ, въ которомъ родился, къ которому уже привыкъ и въ которомъ оставяешь мать, отца и сестеръ и братьевъ и всѣхъ родныхъ. Софья Борисовна и Константинъ Марковичъ ¹⁾ очень добры до меня. Je tacherai de tout mon possible de me rendre digne de leurs bontés. Прощайте, милыя тетеньки, поклонитесь отъ меня Клеопатрѣ Алексѣевнѣ, Настасѣ Ивановнѣ, Марѣ Феклистьевнѣ и всѣмъ вашимъ дѣвушкамъ и людямъ. Le siège de Stisterie est recommencée. Прощайте, милыя тетеньки. Пишите мнѣ иногда, пожалуйста.

Преданный вамъ племянникъ».

Въ цитированномъ уже выше письмѣ къ отцу отъ 15 декабря 1837 г. Михаилъ Александровичъ такъ вспоминаетъ объ этомъ времени: «Мнѣ было 14 лѣтъ, когда я поѣхалъ въ Петербургъ. Изъ родного премухинскаго міра я вдругъ попалъ въ новый, совершенно мнѣ чуждый міръ. Когда было рѣшено, что я поѣду въ Петербургъ съ К. М. Полторацкимъ, я былъ радъ, потому что я былъ ребенокъ, а ребенокъ обыкновенно радуется всякой новизнѣ. Разставаясь съ вами, съ маменькою, съ сестрами, я даже не былъ огорченъ или былъ весьма мало огорченъ, потому что я наслаждался безсознательно чудною премухинскою жизнью, наслаждался безсознательно любовью окружающихъ меня; я не понималъ смысла разлуки, я не испытывалъ еще разницы родного и чужаго круга. Но когда прелесть новости кончилась, когда я привыкъ къ своему новому положенію, когда все пошло обыкновеннымъ порядкомъ,—тогда только почувствовалъ я, что я уже не въ Премухинѣ».

«Да, батюшка, бывали минуты (и эти минуты были очень часты), когда мнѣ становилось холодно, видя себя окруженнымъ людьми мнѣ совершенно чуждыми, когда я не находилъ возлѣ себя ни одного изъ тѣхъ родныхъ и милыхъ образовъ людей, которыхъ я любилъ, самъ не зная, что я ихъ любилъ. Премухино сдѣлалось для меня съ тѣхъ поръ Меккою, къ которой стремились всѣ мои жела-

¹⁾ Полторацкіе.

нія, всё мои движенія, всё мои помышленія въ лучшія минуты петербургской жизни. И теперь еще, когда я вспоминаю святые и теплые годы моего дѣтства, и теперь еще я чувствую, что я люблю сильнѣе и болѣе и вась и матушку и сестеръ, съ которыми я связанъ узами истинной и горячей дружбы... Да, мысль о Премухинѣ освящала меня, письма ваши и сестеръ согрѣвали меня и я уже чувствовалъ, что я вась всѣхъ сильно люблю, что вы для меня дороже всего въ жизни...»

По приѣздѣ въ Петербургъ Мишель не сразу поступилъ въ училище, а сперва готовился къ вступительному экзамену подъ наблюдениемъ родственниковъ своихъ Львовыхъ и Ниловыхъ—въ особенности Петра Андреевича Нилова, пользовавшагося повидимому большимъ уваженіемъ въ Премухинѣ. Этотъ Ниловъ, женатый на родной сестрѣ А. М. Бакунина Прасковѣ Михайловнѣ, былъ повидимому челоуѣкъ старыхъ правилъ и заставлялъ мальчика, въ видахъ наставленія его на путь истины читать ему четьи-минеи, «приказывая вѣрить всѣмъ чудесамъ ея». Къ сожалѣнію никакихъ писемъ отъ этого періода жизни Мишеля въ Петербургѣ, такъ же, какъ и отъ двухъ первыхъ годовъ пребыванія его въ артиллерійскомъ училищѣ, куда онъ вступилъ по выдержаніи экзамена,—не сохранилось. Впослѣдствіи Мишель вспоминаетъ (въ цитированномъ письмѣ 1837 года) объ этомъ училищѣ съ отвращеніемъ. «Здѣсь—писалъ онъ—начинается новая эра моей жизни. До сихъ поръ душа и воображеніе мои были чисты и дѣвственны, они ничѣмъ еще не были замараны; въ артиллерійскомъ же училищѣ я вдругъ узналъ всю черную, грязную и мерзкую сторону жизни. И если даже я не впалъ въ пороки, которыхъ я былъ частый свидѣтель, то, по крайней мѣрѣ, привыкъ къ нимъ до такой степени, что они не только не приводили меня въ омерзеніе, но даже не удивляли меня. Самъ же я привыкъ лгать, потому что искусная ложь въ нашемъ юнкерскомъ обществѣ не только не считалась порокомъ, но единогласно одобрялась. Во мнѣ не было прежде сознательнаго религіознаго чувства, но было религіозное чувство, тѣсно связанное съ премухинской жизнью; Петръ Андреевичъ (Ниловъ) совершенно безвольно подкопалъ его, обременивъ его сказками изъ Четьи-Минеи, а въ артиллерійскомъ училищѣ оно совершенно во мнѣ исчезло, потому что въ мое время во всѣхъ моихъ товарищахъ было самое холодное равнодушіе ко всему святому, великому и благородному. Во мнѣ совершенно заснула всякая духовность, я лгалъ, выпрашивалъ у Княжевича денегъ подъ благовидными, выдуманнами мною предлогами... Въ это время одинъ изъ юнкеровъ заставилъ меня сдѣлать два векселя, я самъ сдѣлалъ нѣсколько долговъ... Въ продолженіе трехъ лѣтъ моего юнкерства я почти ничего не дѣлалъ и работалъ только въ послѣдній мѣсяцъ года, чтобы выдержать экзамень»...

Этотъ отзывъ самого Михаила Александровича о годахъ его ученія нельзя принять безоговорочно. По необыкновенной способности своей увлекаться, онъ и здѣсь, повидимому, увлекается воспоминаніями о мрачныхъ сторонахъ училищной жизни. Начиная съ 1831 года сохранилось нѣсколько писемъ его, по году которыхъ видно, что въ училищѣ, особенно во время экзаменовъ, ему приходилось заниматься довольно много и что предметы, преподававшіеся въ училищѣ, были

довольно разнообразны. Впослѣдствіи же Михаилъ Александровичъ всегда считался хорошимъ математикомъ.

Въ одномъ изъ писемъ къ роднымъ (въ началѣ 1832 г.) Мишель сообщалъ между прочимъ, что онъ очень занятъ сочиненіемъ, заданнымъ ему преподавателемъ французскаго языка на тему: «De l'influence des mœurs sur la littérature et de la réaction de la littérature sur les mœurs». Je dois finir cette composition pour les paques, parceque je la fais pour notre chef, le général Сухазанетъ, qui a voulu savoir comment on sait la langue française à l'école; quand je l'aurais finie, je reprendrai la lecture du Lycée de Laharpe, dont je fais un petit extrait. Les mathématiques prennent aussi beaucoup de temps; en général les occupations ne nous manquent pas¹⁾.

Въ письмѣ отъ 17 января 1833 года передъ производствомъ въ офицеры, которое послѣдовало въ концѣ января, Михаилъ Александровичъ писалъ домой, что экзамены были очень строги и что онъ выдержалъ ихъ очень счастливо лишь благодаря тому, что не спалъ ночи на пролетъ и 3—4 недѣли передъ экзаменами не ходилъ въ отпускъ къ теткѣ по праздникамъ.

Въ то время онъ былъ большимъ патриотомъ. Въ письмѣ къ родителямъ отъ 20 сентября 1831 г., писанномъ по французски, онъ приводитъ только что напечатанные тогда стихи Пушкина «Клеветникамъ Россіи» со слѣдующими любопытными комментаріями: «Ces vers sont charmants, n'est ce pas, chers parents, pleins de feu, de vrai patriotisme, s'est comme cela qu'un russe doit sentir! Pouchkine les a intitulé auparavant: «стихи на рѣчь, говоренную генераломъ Лафайетомъ», mais la censure a changé et a mis: «Клеветникамъ Россіи». Ce vieux Lafayette est un grand bavard, un génie destructeur, après avoir été un des principaux personnages dans la revolution ceux états unis et dans les deux revolutions françaises, il voudrait ébranler les Russes. Mais non, les Russes ne sont pas des Français,—ils aiment leur patrie, ils adorent leur souverain, sa volonté est une loi pour eux, il ne se trouverait pas un seul parmi eux qui hésite a sacrifier ses interets les plus chers, sa vie même pour son bien-être et pour celui de sa patrie»²⁾.

¹⁾ „О вліяніи нравовъ на литературу и обратномъ вліяніи литературы на нравы“. Я долженъ кончить это сочиненіе къ Пасхѣ, потому что я его пишу для начальника училища, генерала Сухазанета, который желаетъ знать, насколько владѣють въ училищѣ французскимъ языкомъ. Когда я его кончу, то вновь примусь за чтеніе „Lycée de Laharpe“, изъ котораго я дѣлаю себѣ выписки. Математика беретъ также много времени. Вообще въ занятіяхъ у насъ нѣтъ недостатка“.

²⁾ „Эти стихи прелестны, не правда ли, дорогие родители? Они полны огня, и истиннаго патриотизма вотъ каковы должны быть чувства русскаго! Пушкинъ ихъ озаглавилъ сначала: „стихи на рѣчь, говоренную генераломъ Лафайетомъ“, но цензура изменила этотъ заголовокъ и поставила: „Клеветникамъ Россіи“. Этотъ старикъ Лафайетъ большой болтувъ и геній—разрушитель: бывъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей революціи въ Соединенныхъ Штатахъ и въ двухъ французскихъ революціяхъ, онъ хотѣлъ бы поколебать и русскихъ. Но нѣтъ русскіе—не французы, они любятъ свое отечество и обожаютъ своего государя, его воля для нихъ законъ и между ними не вайдется ни одного, который поколебался бы пожертвовать самыми дорогими своими интересами и даже жизнью для его блага и для блага родины“.

V.

Въ январѣ 1833 г. Михаилъ Александровичъ былъ произведенъ въ офицеры. Производство юнкеровъ артиллерійскаго училища въ офицеры въ то время не означало совершеннаго окончанія школы. Съ производствомъ въ офицеры Михаилъ Александровичъ былъ переведенъ изъ юнкерскихъ въ офицерскіе классы артиллерійскаго училища. Эти офицерскіе классы соотвѣтствовали повидимому теперешней артиллерійской академіи. Однако съ производствомъ въ офицеры онъ приобрѣталъ большія права и значительную степень свободы. Мишель переѣхалъ изъ училища на частную квартиру и поселился у тетки, сестры отца, Прасковьи Михайловны Ниловой. Онъ сразу почувствовалъ себя человѣкомъ. Освобожденіе отъ училищной дисциплины и отъ училищной обстановки подѣйствовало на него въ высшей степени благотворно. Въ цитированномъ письмѣ къ отцу онъ вспоминаетъ это время, какъ время духовнаго и нравственнаго пробужденія. Просвѣтленію его души способствовало тогда еще одно обстоятельство. Эта была первая, въ сущности совершенно дѣтская любовь, однако же сильно всколыхнувшая впечатлительную душу Мишеля. Вотъ какъ онъ описываетъ это время: ¹⁾).

«Наконецъ я былъ выпущенъ въ офицеры 18-ти лѣтъ. Тутъ начинается другая эпоха моей жизни. Изъ стѣсненнаго строгаго военною дисциплиною состоянія, изъ совершеннаго отчужденія отъ свѣта, я вдругъ получилъ личную свободу, вдругъ очутился въ свѣтѣ. Я не берусь вамъ описать чувство, которое меня волновало при этой рѣзкой перемѣнѣ; скажу вамъ только, что я сталъ дышать свободнѣе, что я тутъ же почувствовалъ себя благороднѣе, что во мнѣ въ первый разъ послѣ столь долгаго времени совершеннаго паденія отозвалось опять движеніе духовной жизни. Сначала я увлекался новымъ для меня міромъ, я радовался... тому, что я могъ идти во всякое время, куда я хочу... Кромѣ классовъ, я почти не видался со своими товарищами; я разорвалъ съ ними почти всѣ отношенія. Присутствіе ихъ напоминало мнѣ всю пошлость и подлость моего прежняго состоянія. Въ это время я вообразилъ себя влюбленнымъ въ Марію Алексѣвну Воейкову. Это чувство, хотя и призрачное, хотя и совершенно дѣтское, было первымъ рѣшительнымъ пробужденіемъ моей духовности. Оно возобновило меня, очистивъ душу мою отъ ржавчины, покрывшей ее во время моего пребыванія въ артиллерійскомъ училищѣ. Жизнь, сильная благородная жизнь заиграла во мнѣ. Я, до тѣхъ поръ лѣнившійся, до тѣхъ поръ не заботившійся о своей будущности, я рѣшился работать надъ собою, передѣлать себя...»

Въ семейномъ архивѣ сохранились отъ того времени письма Мишеля къ сестрамъ, въ которыхъ онъ даетъ своему чувству полную волю и описываетъ свой трогательный дѣтскій романъ съ полной откровенностью и необыкновенно подробно. О пріятномъ знакомствѣ съ кузиной Воейковой, которую онъ встрѣтилъ у родственниковъ

¹⁾ Все въ томъ же письмѣ къ отцу отъ 20 декабря 1837.

своихъ Львовыхъ (семья извѣстнаго композитора Львова), Мишель упоминаетъ впервые въ письмѣ къ сестрамъ отъ 2 февраля 1833 г. Онъ былъ тогда только что произведенъ въ офицеры. Черезъ мѣсяцъ, 5 марта, онъ уже пишетъ сестрѣ Варенькѣ огромное письмо (по-французски), въ которомъ даетъ подробное описаніе своего романа. Въ самомъ началѣ письма онъ предупреждаетъ, что будетъ говорить объ одной лишь особѣ «de la personne, qui remplit tout mon coeur, et dont la douce image ne me quitte jamais; je vous parlerai de ma cousine Marie Woyekoff, de cette adorable Marie, dont je vous ai tant dit et dont je ne peut pas ne pas vous parler en vous entretenant de moi,—tellement son image est attachée à tous mes moments, à tous mes loisirs, à toutes mes occupations, à toutes mes actions».

«Aujourd'hui elle est partie, Petersbourg jadis si tumultueux est devenu desert... Et moi j'ai du rester! Que n'aurai-je-pas donné pour pouvoir la suivre! Elle est partie, et me voila seul, je n'irai plus chaque après diner la voir, lui parler, lui faire la lecture, comme je l'ai fait jusqu'ici... Non, elle est loin de moi!..

«Au moins, chère Warinka, pour me consoler, je vous parlerai d'elle, je vous decrirai comment j'ai passé le temps depuis que je suis officier. je vous parlerai surtout de quelques soirées délicieuses que je n'oublierai jamais: je vous ferai part de quelques paroles enchanteresses, que sa jolie bouche prononçait avec un sourire si délicieux» ¹⁾.

Далѣе онъ описываетъ, какъ онъ познакомился съ тринадцатилѣтней Мари Воейковой въ первый годъ своего пребыванія въ Петербургѣ, какъ они вмѣстѣ читали и проводили время у Львовыхъ, какъ затѣмъ она уѣхала изъ Петербурга, а у него осталось о ней пріятное воспоминаніе и какъ онъ иногда мечталъ въ училищѣ, что она вернется и онъ увидитъ ее опять уже взрослою и похорошѣвшею. Ожиданія его оправдались. Черезъ три года (въ 1832 г.) Мари пріѣхала опять прелестной 16-тилѣтней дѣвушкой. Она была рада, что Мишель ее не забылъ и высказала это, а Мишель пришелъ отъ этого въ совершенный восторгъ.

«Dans peu de temps—пишетъ онъ Варинкѣ — nous refimes connaissance et nous redevenons de grands amis. Ce n'était plus cette charmante enfant de 13 ans, c'était deja une jeune personne accomplie,

¹⁾ — «объ особѣ, которая наполняетъ собою все мое сердце и мнѣи образъ которой не покидаетъ меня никогда; Я буду Вамъ говорить о моей кузинѣ Мари Воейковой, объ этой обожаемой Мари, о которой я Вамъ уже столько разъ говорилъ и о которой я не могу не говорить, бесѣдуя съ Вами,—до такой степени ея образъ привязанъ ко всякой минутѣ моей жизни, ко всякому моему досугу ко всякому моему занятію, ко всякому моему дѣйствию».

«Сегодня она уѣхала, и Петербургъ, еще недавно такой шумный, сдѣлался пустыней... А я долженъ былъ остаться! Чего не отдалъ бы я, чтобы имѣть возможность слѣдовать за нею! Она уѣхала, и вотъ я одинъ! я не буду уже каждое послѣ обѣда писать ей, говорить съ нею, читать ей вслухъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ... Нѣтъ, она далеко отъ меня!

«По крайней мѣрѣ, милая Варенька, чтобы утѣшиться, я буду Вамъ говорить о ней, я опишу Вамъ, какъ я проводилъ время, съ тѣхъ поръ, какъ я произведенъ въ офицеры. Я расскажу Вамъ особенно о тѣхъ воспитательныхъ вечерахъ, которые я не буду никогда; я Вамъ передамъ очаровательныя слова, которыя ея хорошенькій ротикъ произносилъ съ такою прелестной улыбкой».

bonne, spirituelle, instruite, jolie, enfin tout à fait charmante. Вѣра Николаевна (мать Мари Воейковой) demeurait chez sa soeur Прасковья Ник. Бороздина, qui loge tout près de nous, et tout les samedies et les dimanches je voyais Marie. La veille du nouvel an nous l'avons passée chez ma tante Дарья Алексѣвна (Державина) et nous l'avons passée délicieusement...¹⁾

Далѣ слѣдуетъ описаніе совершенно дѣтскаго романа на 24 страничкахъ мелкаго французскаго письма. Самые ничтожные факты приобрѣтаютъ тутъ въ глазахъ влюбленнаго Мишеля громаднѣйшее значеніе. Среди обычныхъ забавъ и святочныхъ гаданій они вели соотвѣтствующіе разговоры: «nous avons défini l'amour, l'exaltation, le sentiment et la sensibilité, que nous distinguons fort bien de la sensiblerie et de mille autres choses»...²⁾ Въ училищѣ онъ въ это время предавался мечтамъ и строилъ «испанскіе замки». Дѣло пошло еще дальше послѣ производства въ офицеры (въ январѣ 1833 г.). Мишель сталъ видѣться съ кузиной каждое послѣ обѣда. Она вышивала, онъ ей читалъ вслухъ и становился все влюбленнѣе. О своихъ чувствахъ онъ не говорилъ, но приобрѣлъ расположеніе Мари, какъ и другихъ кузинъ—Львовыхъ, своею откровенностью и сдѣлался ихъ конфиден-томъ. Однажды у Львовыхъ былъ званый вечеръ. Кузина Львова требовала, чтобы Мишель былъ на этомъ вечерѣ, но Мари Воейкова была нездорова, и Мишель остался съ нею. Львовы на него посердились, но за то онъ выслушалъ ласковыя слова отъ Мари, которыя привели его «на верхъ счастья». Мари Воейкова поняла Мишеля безъ словъ и повидимому раздѣляла его чувство или по крайней мѣрѣ радовалась ему. Мишель же каждый простой споръ о томъ, что даетъ больше человѣку—рисованіе или музыка и т. д.—считалъ чуть не событіемъ...

Онъ описываетъ въ томъ же письмѣ пустоту молодыхъ людей. посѣщавшихъ Львовыхъ, и о женщинахъ говоритъ, что всѣ онъ болѣе или менѣе кокетки, и признается, что съ горестью увидаль, что и Мари не прочь пококотничать немного. Мишель напалъ на нее за это и это нападеніе еще болѣе сблизило ихъ. На первой недѣлѣ поста Мари говѣла и Мишелю пришлось сократить свои посѣщенія; но и тутъ ему повезло. Тетушки заставили его читать имъ соотвѣтствующія книги (Массильона) и это чтеніе показалось ему приятнымъ, такъ какъ Мари слушала также. Для тетушки Маріи Алексѣвны Державиной ему пришлось доставать «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ» Андрея Муравьева—и это доставило ему удовольствіе... Онъ чувствуетъ въ себѣ искренній порывъ благочестія, ходитъ въ церковь и

¹⁾ Черезъ короткое время мы возобновили знакомство и снова сдѣлались большими друзьями. Теперь это не было болѣе то прелестное тринадцатилѣтнее дитя, это была уже молодая особа, взрослая, добрая, умная, образованная, хорошенькая, словомъ совершенно очаровательная. Вѣра Николаевна жила у своей сестры Праск. Ник. Бороздиной, которая живетъ совсѣмъ близко отъ насъ, и каждую субботу и воскресенье я видѣлъ Мари. Канунъ Нового года мы провели у моей тетки Дарьи Алексѣвны и провели его восхитительно...

²⁾ Мы опредѣляли, что такое любовь, экзальтація, чувство и чувствительность, которую мы прекрасно отличали отъ сентиментальности и отъ множества другихъ вещей...

волятся съ увлеченіемъ и о Мари Воейковой и о своихъ домашнихъ. Онъ съ умиленіемъ описываетъ, какъ Мари причащалась въ бѣломъ платьѣ, послѣ чего поѣхала съ матерью въ Царское, гдѣ воспитывались братья ея лицеисты. Она ѣхала въ возкѣ (въ то время еще не было желѣзной дороги), а Мишель бѣжалъ около по дорогѣ, пока хватило силъ... Всю слѣдующую недѣлю они провели вмѣстѣ. Были въ концертѣ. Затѣмъ Воейковы опять ѣздили въ Царское. Мишель почти не спалъ ночь, чтобы нанять имъ лошадей и во время ихъ проводить. Онъ забрался къ нимъ въ 5-омъ часу утра, когда они еще спали, и терпѣливо ждалъ ихъ пробужденія... Затѣмъ былъ музыкальный вечеръ у Львовыхъ, и Мишель подробно описываетъ впечатлѣніе этого вечера и особенно отъ игры самого Львова (композитора). Затѣмъ М-те Воейкова уѣхала въ Москву, а Мари кузины и кузены отвоевали еще на нѣсколько дней, причемъ Мишель упрашивалъ тетку согласиться на это, конечно, усерднѣе всѣхъ... Наконецъ настала часъ разлуки. Передъ разставаніемъ Мишелю подаренъ былъ сувениръ и онъ отважился на прощанье поцѣловать въ первый разъ у дамы своего сердца ручку. Въ письмѣ онъ рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ съ энтузіазмомъ. Мари обѣщала ему давать о себѣ извѣстія черезъ кузину Танечку Полторацкую. Мишель конечно опять бѣжалъ за возкомъ черезъ весь городъ до изнеможенія. «Adieu, Michel, me crâit-elle, ne m'oubliez pas», et sa voix se perdit dans l'air et son image disparut de mes yeux et Petersburg me devint desert»... ¹⁾

Письмо оканчивается мечтою Мишеля о томъ, что сестры его подружатся съ Мари Воейковой, когда пріѣдутъ будущей осенью въ Петербургъ...

На этомъ романъ и кончился. Но въ психикѣ Мишеля онъ произвелъ благотворный для него кризисъ. Впрочемъ были и не совсѣмъ пріятныя для молодого офицера послѣдствія. Тетушка М. А. Державина, замѣтивъ настойчивыя ухаживанія Мишеля за кузиной, нашла его поведеніе неприличнымъ и сказала объ этомъ другой его тетушкѣ Прасковіи Михайловнѣ, у которой онъ жилъ. Прасковья Михайловна потребовала отъ Мишеля, чтобы онъ не выходилъ изъ дому безъ ея позволенія. Это требованіе не могло конечно не оскорбить молодого человека. Отсюда началась ссора съ теткою, которую Мишель очень любилъ и уважалъ. Эта ссора обострилась еще болѣе, когда до тетушки дошли слухи, о сдѣланныхъ Мишелемъ долгахъ въ училищѣ и о выданныхъ имъ векселяхъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Мишель рѣшился выѣхать изъ дома Прасковьи Михайловны, что облегчалось для него тѣмъ, что какъ разъ въ это время войска выступали въ лагерь и онъ могъ переѣхать туда.

Внутреннее его состояніе послѣ отъѣзда Мари Воейковой было во его воспоминаніямъ (въ письмѣ къ отцу) очень тяжелымъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но въ лагерь съ нимъ вновь произошелъ благотворный кризисъ, который онъ описываетъ въ письмѣ къ

¹⁾ „Прощайте, Мишель, кричала мнѣ она, не забывайте меня“, и ея голосъ за-
крытъ въ воздухѣ и образъ ея исчезъ изъ моихъ глазъ, и Петербургъ сдѣлался для меня
пустыней”...

отцу довольно подробно: «Я никогда не позабуду—пишетъ, онъ—одной ночи, проведенной мною въ лагеряхъ. Все вокругъ меня спало все было тихо; луна освѣщала все дальнее пространство, покрыто лагеремъ. Я съ однимъ изъ товарищей своихъ, съ которымъ мы за нимали одну палатку, сталъ читать стихи покойнаго Веневитинова и письма его къ какой то графинѣ. Эта чудная ночь, это небо, покрытое звѣздами, трепетный и таинственный блескъ луны и стихи этого высокаго, благороднаго поэта—потрясли меня совершенно. Все это наполняло меня какимъ то грустнымъ, какимъ то томительнымъ блаженствомъ. О, я былъ чистъ и святъ въ эту минуту, я былъ веси проникнуть чувствомъ безконечности и любовью пламенной, могущественной любовью ко всему прекрасному Божьему міру, ко всѣмъ людямъ, а особенно къ Вамъ, батюшка, къ маменькѣ, къ сестрамъ. Душа моя порывалась къ Вамъ, она жаждала видѣть Васъ, говоритъ съ Вами, открыться Вамъ, показать Вамъ всѣ свѣтлыя и черныя стороны свои, перелить въ Васъ всѣ тѣ вѣрованія, всѣ тѣ надежды, которыми она вдругъ ожила. О, батюшка, я былъ безконечно блажен; тогда, я чувствовалъ въ себѣ всемогущія силы для того, чтобы жить для того, чтобы достойно носить великое званіе человѣка. Въ первый разъ послѣ моего вступленія въ училище, я почувствовалъ сильную потребность открыться Вамъ и написалъ Вамъ письмо, въ которомъ я Вамъ признался во всѣхъ прошедшихъ винахъ своихъ, во всѣхъ порокахъ, которыми я былъ загрязненъ. Мысль о Премухинѣ опять воскресла во мнѣ; она представлялась мнѣ живѣе, чѣмъ когда-нибудь. Побывать въ Премухинѣ, увидѣть Васъ, маменьку, сестеръ казалоси мнѣ высшимъ блаженствомъ»...

Покаянное письмо, о которомъ Михаилъ Александровичъ здѣсь упоминаетъ, было написано 12 іюля 1833 г. Оно сохранилось въ семейномъ архивѣ. Мишель въ немъ кается во всѣхъ своихъ проступкахъ и промахахъ и описываетъ тутъ и ссору съ теткой и сдѣланные имъ долги. Первый вексель онъ далъ, оказывается, училищному маркитанту-разнощику по просьбѣ одного изъ товарищей еще въ первый годъ пребыванія своего въ училищѣ на сумму 2500 руб. (вѣроятно на ассигнаціи); но такъ какъ товаровъ у разнощика этого онъ забралъ всего рублей на 500 или 550, то впоследствии онъ отдѣлался отъ этого векселя при помощи родственника своего А. Н. Мордвинова, предложивъ разнощику взять за вексель въ расчетъ 600 руб. Кромѣ этого онъ сдѣлалъ однако же еще рублей на 300 мелкихъ долговъ и, когда пришло время уплаты, далъ вексель другому разнощику на 1000 руб., а когда тотъ черезъ короткое время сталъ требовать уплаты по векселю, то Мишель переписалъ этотъ вексель уже на 1300 рублей. Такимъ образомъ вся сумма его долговъ составляла по его расчету 1900 руб. Сообщая объ этомъ, Мишель не проситъ родителей платить его долги, а рассчитываетъ уплатить ихъ самъ изъ жалованья и изъ тѣхъ денегъ, которыя ему присылались изъ дому. Жалованья онъ получалъ 500 руб. въ годъ и квартирныхъ 200—очевидно на ассигнаціи. Повидимому искренній тонъ письма тронулъ отца и вѣроятно долги его были уплочены изъ родительскихъ средствъ, такъ какъ потомъ объ этихъ долгахъ нѣтъ

больше никакихъ свѣдѣній. Желаніе же Мишеля побывать въ Премухинѣ осуществилось не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ этого письма— въ августѣ 1833 г. Должно быть, по окончаніи лагернаго сбора онъ получилъ отпускъ. Онъ вспоминаетъ объ этомъ въ цитированномъ письмѣ къ отцу съ глубокимъ чувствомъ: «Желаніе это сбылось; я получилъ отпускъ и послѣ почти пятилѣтней разлуки, 19-ти лѣтъ я снова очутился въ Премухинѣ. Я не знаю, что со мною дѣлалось, когда я сталъ подъѣзжать къ Мытницамъ, когда я увидѣлъ премухинскій домъ, когда я вошелъ въ залу и увидѣлъ всѣхъ васъ, сидящихъ за обѣдомъ... когда я обнялъ маменьку и сестеръ, когда я пошелъ къ Вамъ и Вы обняли меня и стали разглядывать меня и стали говорить со мною дрожащимъ голосомъ... О! подобныя ощущенія чувствуются, а не описываются!... Въ первые дни послѣ моего приѣзда блаженство мое походило на сумашествіе. Потомъ мы переговорили съ Вами и съ маменькой о прошедшемъ; Вы были такъ добры, такъ снисходительны, Вы съ такою любовью говорили мнѣ о томъ, что Вы всю жизнь свою посвятили дѣтямъ, что въ насъ все счастье Ваше... Маменька плакала и обнимала меня... О, тогда я былъ совершенно счастливъ; на душѣ было такъ легко, такъ весело...»

Но это счастье не долго продолжалось; вскорѣ наступили тяжелые дни, надолго омрачившіе и поколебавшіе гармонію этого патриархальнаго уголка и совершенно испортившіе отношенія Михаила Александровича съ отцомъ.

VI.

Источникомъ черныхъ дней, нависшихъ надъ премухинскимъ гнѣздомъ былъ мрачный романъ, разыгравшійся подъ кровлею премухинскаго дома. Хотя въ семейномъ архивѣ сохранилась довольно обширная переписка между Михаиломъ и Александромъ Михайловичемъ по поводу этого романа, тѣмъ не менѣе возстановить все, какъ было, въ настоящее время мнѣ представляется немыслимымъ. А потому я коснусь этихъ грустныхъ происшествій лишь самымъ вѣдшимъ образомъ, насколько это необходимо для пониманія дальнѣйшихъ событій.

Александръ Михайловичъ вѣроятно замѣтилъ, что одинъ изъ братьевъ его жены, Алексѣй Павловичъ Полторацкій, неравнодушенъ къ его старшей дочери Любви Александровнѣ. По сохранившимся даннымъ нельзя судить, были ли у него сколько нибудь основательные поводы думать, что Любинька отвѣчаетъ своему дядюшкѣ взаимностью; но, повидимому, онъ думалъ, что это можетъ случиться, и мысль эта настолько его ужаснула, что онъ готовъ былъ сдѣлать что угодно, чтобы предотвратитъ несчастье, которое, какъ ему казалось, грозило его семьѣ. Алексѣй Павловичъ Полторацкій былъ братъ Варвары Александровны по матери, а Любви Александровнѣ приходился дядею. Бракъ между ними по нашимъ церковнымъ и гражданскимъ законамъ считался недопустимымъ. Поэтому возможность любви между молодыми людьми сдѣлалась для Александра Михайловича своего рода кошмаромъ. Ища выхода изъ опасности, въ реальности

которой онъ, очевидно былъ убѣжденъ, онъ ухватился за мысль вѣдать дочь за какого нибудь другого подходящаго молодого человѣка. Такимъ подходящимъ, по мнѣнію Александра Михайловича, женихомъ для его дочери оказался посватавшійся за нее нѣкто барон Ренне, имѣвшій репутацію вполне порядочнаго человѣка—и въ началѣ повидимому и самой Любви Александровнѣ не внушавшей отвращенія. Александръ Михайловичъ уговорилъ дочь принять предложеніе барона Ренне, и 26 мая 1833 г. Любовь Александровна стала невѣстою Ренне. Въ архивѣ сохранилось письмо Мишеля отъ 17 июля того же года, въ которомъ онъ поздравляетъ родныхъ изъ Петербурга съ этимъ событіемъ и подтверждаетъ, что онъ слышалъ о Ренне самые лучшие отзывы. Но затѣмъ, пріѣхавъ въ Премухино на побывку, Мишель скоро замѣтилъ, что Любинька не только не любит Ренне, но страдаетъ и мучается отъ необходимости выдти за него замужъ. Увидавъ это и узнавъ отъ сестеръ, что Любинька принялъ предложеніе Ренне по настоянію отца, Мишель возсталъ противъ этого и вмѣстѣ съ сестрами несомнѣнно помогъ Любинькѣ уяснить себѣ самой, что она не любитъ Ренне и никогда его не полюбитъ. Послѣдовала борьба и въ ней Александръ Михайловичъ проявилъ настоятельную стойчивость и упрямство, которыя можно объяснить только преслѣдовавшей его маніей. Въ концѣ концовъ, послѣ ряда мучительныхъ сценъ, совершенно измучившихъ бѣдную дѣвушку окончательно возненавидѣвшую своего жениха, она взяла свое слово назадъ, и Ренне въ декабрѣ 1833 г. уѣхалъ изъ Премухина навсегда. Александръ Михайловичъ, котораго не покидала овладѣвшая имъ манія, пытался подыскать другихъ жениховъ Любенькѣ, такъ что дочери воображали наконецъ, что для его успокоенія необходимо которой-нибудь изъ нихъ выйти замужъ. Варвара Александровна, склонная къ самопожертвованію, отказалась вдругъ отъ прежняго своего намѣренія не выходить замужъ вовсе и стала просить отца выдать ее за посватававшагося къ ней въ это время сосѣда Н. Н. Дьякова, котораго повидимому, вовсе не любила и знала весьма немного. Бракъ этотъ совершился въ январѣ 1835 года къ отчаянію Мишеля, который въ письмахъ очень старался отговорить сестру отъ этого безумнаго поступка. Для Любеньки же исходъ изъ ея труднаго положенія наступилъ лишь послѣ того, какъ она, встрѣтившись въ 1835 г. съ Николаемъ Владиміровичемъ Станкевичемъ, безповоротно отдала ему свое сердце. Станкевичъ въ 1836 г. сдѣлалъ формальное предложеніе, которое и было принято ею съ согласія ея родныхъ. Всѣ эти происшествія не могли, разумѣется, не нарушить семейнаго мира и прежнихъ простыхъ и довѣрчивыхъ отношеній между родителями и дѣтьми существовавшихъ въ Бакуинской семьѣ. Александръ Михайловичъ которому было уже за шестьдесятъ лѣтъ и который началъ около этого времени слѣпнуть, никакъ не хотѣлъ признать, что виновникомъ происшедшаго было то затменіе, которое нашло на него вслѣдствіе опасенія, быть можетъ и неосновательнаго, что между его дочерью и ея дядей можетъ произойти романъ. Онъ упорно считалъ виновникомъ происшедшихъ тяжелыхъ семейныхъ распрей и ссоръ Мишеля, который вмѣшался въ эти дѣла и всталъ, по выраженію

Александра Михайловича, между нимъ и дочерью. Порчѣ отношеній между родителями и Мишелемъ содѣйствовали, впрочемъ, и другія обстоятельства, случившіяся съ нимъ въ это время. Первымъ изъ такихъ обстоятельствъ была исторія, происшедшая въ 1834 г. у Михаила Александровича съ начальствомъ. Исторія эта сама по себѣ была ничтожна и заключалась въ томъ, что молодой офицеръ какъ-то вышелъ на улицу, одѣтый не по формѣ и встрѣтился съ начальникомъ артиллерійскаго училища генераломъ Сухазанетомъ, который грубо сказалъ ему: «Ужъ если надѣлъ ливрею, то носи ее, какъ полагается,» на что Михаилъ Александровичъ отвѣтилъ, что онъ никогда не надѣвалъ ливреи, да и надѣвать таковой не думаетъ. Это было сочтено за дерзость и его, не ожидая окончанія курса офицерскихъ классовъ, перевели въ одну изъ армейскихъ артиллерійскихъ бригадъ, квартировавшихъ въ Западномъ краѣ. Весну и часть лѣта 1834 г. Михаилу Бакунину пришлось провести въ мѣстѣчкѣ Молодечнѣ Минской губерніи, откуда ему, впрочемъ, удалось съѣздить на мѣсяцъ въ отпускъ въ Премухино. Осенью бригаду, въ которой онъ служилъ, перевели на зимнія квартиры въ мѣстечко Картузь-Березки, Гродненской губерніи. Во время похода Мишелю пришлось быть на смотрѣ, сдѣланномъ Паскевичемъ въ Вильнѣ, куда стянута была масса войскъ. При этомъ онъ побывалъ и на балахъ, изъ которыхъ одинъ былъ данъ генераль-губернаторомъ кн. Долгоруковымъ, а другой виженскимъ дворянствомъ. Здѣсь Мишелъ впервые знакомится съ польскими обществомъ. Польскія дамы по внѣшности ему очень понравились.

14 сентября онъ оставилъ Вильну и послѣ 19-ти дневнаго похода черезъ города Лиду и Слонимъ прибылъ въ составѣ своей части въ Картузь-Березку. Перечисливъ эти внѣшніе факты своей жизни, онъ пишетъ роднымъ въ письмѣ отъ 4 октября 1834 года: «Что же касается собственно до меня, то я вамъ скажу, что поддерживаемый слабою надеждою скоро возвратиться въ предѣлы святой родины, увидѣть себя снова посреди васъ, для того, чтобы ужъ долго не разлучаться, я употребляю всѣ средства, у меня подъ рукою находящіяся и сообразныя съ моею цѣлью, для того, чтобы какъ можно полезнѣе провести остальное время нашей разлуки. Огромный кругъ товарищества, представившійся мнѣ подъ Вильною, очень мало способствовалъ къ разсѣянію грусти, которая со времени выѣзда моего изъ Премухина, несмотря на всѣ мои усилія, почти ни на минуту меня не оставляетъ! Не находя въ моихъ сослуживцахъ и занятіяхъ (картахъ и водкѣ) ничего привлекательнаго, я отъ нихъ совершенно отдалился, такъ что я здѣсь одинъ, совершенно одинъ! Вѣчное молчаніе, вѣчная грусть, вѣчная тоска—вотъ товарищи моего уединенія! И если восторгъ чистой радости блеснетъ и освѣтитъ мгновенно кракъ, царствующій въ душѣ моей, я долженъ подавить его въ груди своей! Никто не услышитъ меня! Я одинъ! И восклицанія умираютъ въ пространствѣ и радость превращается въ горе! Я на опытѣ узналъ, что прелесть совершеннаго уединенія, такъ краснорѣчиво проповѣдуемая женевскимъ философомъ, есть самый нелѣпый софизмъ. Человѣкъ рожденъ для общества. Кругъ родныхъ и друзей.

понимающихъ его и дѣлящихъ вмѣстѣ съ нимъ радость и горе, обходимъ для него. Самовольное уединеніе почти всегда тожественъ съ эгоизмомъ, а эгоистъ можетъ ли быть счастливымъ?..»

Онъ пишетъ тутъ же, что усердно занимается въ уединеніи... «Повторяю географію вмѣстѣ съ французскимъ путешествіемъ пяти частяхъ свѣта, подареннымъ мнѣ сестрою Сашею и наполненнымъ, впрочемъ, самыми смѣшными несообразностями и промахами: возобновляю свои познанія въ физикѣ вмѣстѣ съ Бедамомъ; и твердое намѣреніе усовершенствоваться въ русскомъ языкѣ, со вниманіемъ разбираю правила его въ грамматикѣ Востокова, и разсуждаю о политикѣ и исторіи съ сочинителемъ de l'histoire de la restauration et des suites qui ont amené de chute des Bourbons, par un honnête homme (M-r de Capéfigue). Ограниченный малымъ числомъ этихъ книгъ ихъ перечитываю, пересматриваю по сту разъ въ день и такимъ образомъ буду скоро знать ихъ наизусть. Остальное время думаю объ васъ, друзья мои, мечтаю и записываю все, что только придетъ мнѣ въ голову. По причинѣ очень недавняго моего сюда прибытія я еще ни съ кѣмъ не успѣлъ познакомиться. Еврей, хозяинъ мой, говорилъ мнѣ про итальянца графа Мендоза, казеннаго управителя здѣшняго мѣстечка, и про двухъ нѣмцевъ, форштмейстера (лѣничаго) и доктора, какъ про очень умныхъ людей. Если слова справедливы, то я, узнавъ ихъ, достану можетъ нѣмецкихъ и итальянскихъ книгъ для усовершенствованія себя въ нѣмецкомъ и для изученія итальянскаго языка. «А служба?»—скажете вы мнѣ. Служба здѣсь для насъ не существуетъ. Она ограничивается лагерями, а что же касается до остального времени, то хотя я и ношу почетное званіе взводнаго командира, но такъ какъ у насъ внѣ лагерей французскіе не занимаются, то взводъ мною и расположенъ по деревнямъ, а рядовые всѣ находятся въ работѣ по хозяйственной части, въ которую мы не входимъ и которая вся лежитъ въ рукахъ и на отвѣтственности ротнаго командира...»

Изъ письма отъ 19 декабря 1834 года видно, что Мише очень хлопоталъ черезъ родственниковъ своихъ о переводѣ его въ Тверь. Но хлопоты эти остались безъ результата, на что онъ горько стѣнуетъ. «Но что же дѣлать,—пишетъ онъ тутъ же—плетью обу не перешибешь, и человѣку съ судьбою бороться невозможно. Въ мы идемъ, дѣйствуемъ, движемся по законамъ Провидѣнія; желалъ бы я только знать, какая цѣль моего существованія и какое мѣсто мнѣ предопредѣлено занимать въ общей безпредѣльной машинѣ? Въ томъ же письмѣ, упоминая о слухахъ о возможной войнѣ, онъ пишетъ: «Если же они (слухи) справедливы, то я тогда долженъ бы разстаться съ любимою своею мечтою: оставивъ военную службу, посвятить себя наукамъ и службѣ гражданской, ибо почитаю своимъ домъ для русскаго оставлять ряды тогда, когда отечество имѣетъ нужду въ воинахъ. На всякій случай я рѣшился заняться чтеніемъ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ, тактическихъ и фортификаціонныхъ книгъ. Во мнѣ нѣтъ того героизма, той отважности, которая заставляетъ искать опасностей, но я знаю также то, что трусость мнѣ несвойственна, и то, что я съ радостью пожертвую жизнью д

достоинства и чести отчизны, отважность же безъ цѣли и безъ пользы я считаю безразсудностью...»

Зимой 1834—1835 г. Мишель однако же попадаетъ въ Премуденно. Онъ успѣлъ получить командировку въ Тверь, откуда ему поручено было привести ремонтъ лошадей для бригады. Прибывъ на родину, онъ сказался больнымъ и рѣшилъ больше не возвращаться на службу. Родные были очень встревожены этимъ, тѣмъ болѣе, что до нихъ дошли слухи о томъ, что начальство собирается вытребовать Мишеля черезъ тверского коменданта, какъ самовольно отлучившагося, и предать его суду. Слухи эти были однако же несовсѣмъ справедливы. Какъ видно изъ переписки, сохранившейся въ семейномъ архивѣ, между генераломъ Н. Н. Муравьевымъ (дядей Бакунина) и генераломъ Нейгардтомъ, командиромъ корпуса, въ составъ котораго входила бригада, въ которой служилъ Мишель¹⁾. Благодаря представленному Мишелемъ свидѣтельству о болѣзни, онъ не былъ преданъ суду за самовольное неприбытіе къ мѣсту службы и ему было предоставлено подать въ отставку, чѣмъ онъ и не замедлилъ воспользоваться.

А. Корниловъ.

¹⁾ Вотъ текстъ письма корпуснаго командира генерала Александра Нейгардта къ Ник. Ник. Муравьеву (впослѣдствіи Карскому) отъ 4 августа 1835 г.:

«На письмо Ваше отъ 26 июля поспѣваю увѣдомить, что родственникъ Вашъ, находящій въ 1 артиллерійской дивизіи прапорщикъ Бакунинъ не былъ уволенъ въ отставку, но былъ командированъ для привода ремонта въ 3-ю пѣшую бригаду и за болѣзнь остался въ Твери, въ чемъ я представилъ законное свидѣтельство. Несмотря на то начальникъ дивизіи о высылкѣ его снесся съ тверскимъ комендантомъ, который послѣ отзыва увѣдомилъ, что прапорщикъ Бакунинъ по полученіи облегченія, скоро прибудетъ къ своему мѣсту; къ выключкѣ же, какъ неприбывшій къ своему мѣсту, прапорщикъ Бакунинъ представляемъ не былъ. Изъ сего Вамъ Превосходительству усмотрѣть изволите, что г. Бакунинъ въ предстоящемъ сентябрѣ самъ просить можетъ о увольненіи его за болѣзнь отъ службы.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч...»

М. А. Бакунинъ наканунѣ смерти.

ВОСПОМИНАНІЯ.

Я принадлежала къ небольшому социалистическому кружку возникшему въ 1874—1875 г. въ Петербургѣ. Нашъ кружокъ совершилъ ни тогда, ни впоследствии ничего выдающагося въ исторіи революціонной Россіи, но многое въ моихъ отношеніяхъ М. А. Бакунинымъ было-бы неясно, еслибъ я не остановилась несколько на его исторіи. Кромѣ того, мнѣ кажется, наше строеніе, больше даже нашего міросозерцанія, характерно того времени.

Въ ту пору социализмъ для очень многихъ, я сказала для огромнаго большинства, былъ откровеніемъ, захватившимъ всѣ лучшія стороны души и ставшимъ своего рода религіей, всякомъ случаѣ замѣнившимъ религію многимъ изъ насъ.

Изъ людей, отчасти извѣстныхъ въ революціонномъ движеніи, къ нашему кружку съ самаго начала его возникновенія принадлежали Елизавета Александровна Крашевская, рожденная Бова, и Владиміръ Николаевичъ Стрекаловъ.

Условія жизни, воспитаніе и отчасти возрастъ создали Стрекалова и для меня нѣсколько особое положеніе. Я пользовалась крѣпостное право, переживала со старшими по возрасту общественное оживленіе шестидесятыхъ годовъ и плодотворный пробужденія самосознанія „нигилизмъ“, со страстью вѣрила въ всѣ панацеи этой эпохи—школы, артельныя мастерскія, эмансипація женщинъ и т. п. И я, и Стрекаловъ, бывший моложе меня готовились быть общественными дѣятелями почти съ дѣтскаго возраста, ждали момента когда мы вырвемся на свободу изъ родительской власти и начнемъ работать на благо народа. Раздался выстрѣлъ Каракозова. Черный смрадъ реакціи зашилъ всѣ начинанія нашихъ старшихъ. Все куда-то унеслось въ обществѣ наступила растерянность. Мы мыкались, всякій могъ, искали, жаждали знать, стремились понять и все ждали какого-то момента наступленія настоящей жизни.

Вѣчно гнетущій вопросъ дня нашего поколѣнія: „зачѣмъ жить“—не давалъ покоя. Жить какъ всѣ и равнодушно смотрѣть на невѣжество и нищету народа, помогая, какъ добрые господа

дѣлать, то Ивану, то Петру, ничуть не облегчая вопіющаго горя кругомъ, мы не могли. Дѣтство, проведенное въ деревнѣ и шестидесятыя годы завѣщали намъ глубокую любовь къ народу.

Стрекаловъ настаивалъ на необходимости группироваться, искать людей для совместной работы. Для какой? «Тамъ увидимъ», говоритъ онъ и организовывалъ небольшія рефератныя собранія.

Помню его маленькую меблированную комнату, куда набивалось человѣкъ двадцать, комнату до того накуренную, что каждые четверть часа зимой приходилось открывать форточку, чтобъ не угасла отъ недостатка воздуха и отъ табачнаго дыма единственная лампа подъ зеленымъ полусгорѣвшимъ абажуромъ.

Тогда мы особенно интересовались вопросомъ объ единствѣ происхожденія человѣческаго рода, и Стрекаловъ въ рядѣ рефератовъ антропологическихъ сочиненій поддерживалъ теорію единства происхожденія, споря съ какимъ-то упрямымъ студентомъ-медикомъ, которому это единство почему-то не нравилась.

Рефератныя собранія продолжались недолго; во всякомъ случаѣ мы со Стрекаловымъ довольно скоро ихъ оставили. Потому мы долго скитались, каждый въ отдѣльности, по разнымъ кружкамъ, среди самыхъ разнообразныхъ элементовъ оппозиціи, но какъ-то никуда не могли примкнуть окончательно. Своеобразная диссинкразія отдаляла насъ отъ людей и людей отъ насъ. Намъ казалось, что всѣ говорятъ о социализмѣ много, но совсѣмъ его не понимаютъ или ничего не дѣлаютъ и только говорятъ. «Еще два патентованная говорильня», съ грустью замѣчалъ Стрекаловъ, выходя съ собранія.

По инициативѣ Крашевской мы задумали основать свой собственный кружокъ для пропаганды социализма. Крашевская была убежденной и фанатической социалисткой гораздо раньше насъ; мы со Стрекаловымъ пришли къ социализму сравнительно поздно. Не изученіе «Капитала» и не научная мысль привели насъ къ социализму, а то гнетущее исканіе цѣли жизни, о которомъ я уже говорила. И Луи Блана, и Фурье, и Овена, и Маркса мы знали раньше, но они намъ долго казались неубѣдительными, трюкчаными. Къ социализму мы пришли методомъ исключенія. Всѣ дороги были заказаны, во всѣ пути мы извѣрились, извѣрились въ самую пользу борьбы съ самодержавіемъ, которое мы, конечно, искренно ненавидѣли.

Послѣ паденія Наполеона III и провозглашенія во Франціи республики я помню моментъ энтузіама, охватившаго разные круги молодежи. Но настала версальская бойня коммунаровъ и идея республики начала казаться такой зловѣщей ничтожностью.

Социализмъ сразу рѣшалъ всѣ вопросы, сразу указывалъ, какъ намъ казалось, на корень всѣхъ золъ, все становилось такъ просто и такъ понятно, ярко. Людское общество вдругъ разступилось на двѣ стороны какъ Красное Море отъ жезла Моисеева: съ одной стороны стали буржуа эксплуататоры—паразиты труда съ другой стороны—народъ, вѣчный труженникъ на потребу

„буржуевъ“. Зачѣмъ жить? Для великой цѣли счастья всего людовѣчества. Какъ жить? Жить свято.

Мы были социалистами чистой воды и твердо вѣрили тогдашнему символу вѣры. Всякое занятіе, не имѣющее отношенія къ социализму, признавалось второстепеннымъ, а всякія чистополитическія стремленія считались постыдными. Конечно, и дурно если будетъ политическая свобода, но она необходима для буржуазіи—пусть буржуа ее и добываютъ, а намъ, социалистамъ она совершенно не нужна, наша задача—упорно работать для достиженія высшаго фазиса развитія чловѣчества социалистическаго строя, который несетъ въ себѣ высшія свободы, высшіе идеалы справедливости и счастья на землѣ. Для осуществленія этого счастья можно жить; достиженіе его казалось совершенно возможнымъ. Если мы, росшіе въ помѣщичьей средѣ, воспитанные на крѣпостномъ трудѣ, впитавшіе съ дѣтства буржуазныя привычки и эгоистическія вождѣленія, можемъ испытывать такъ глубокое удовлетвореніе при одной мысли о социальной революціи, то обездоленные и угнетенные правящими сословіями рабочіе и крестьяне должны нести отъ рожденія идеалы социализма въ своей душѣ. Они всѣ бессознательные социалисты, въ особенности русскіе крестьяне съ ихъ міромъ, артелями и пр. Стоятъ только умѣло подойти къ народу; сказать ему истину понятно возстанетъ великій русскій народъ.

Но, чтобъ быть услышанными народомъ, надо стать въ ея ряды, жить его убогой жизнью, порвать окончательно со всѣми преимуществами буржуазнаго положенія, изъ рядовъ эксплуататоровъ перейти въ ряды эксплуатируемыхъ, жить непривилегированнымъ трудомъ. И если кому либо изъ насъ не удастся сдѣлать ничего полезнаго для социализма, совѣсть его будетъ крайней мѣрѣ покойна: довольно мы брали у народа; если въ возможности отдать ему хоть часть захваченнаго, то хоть надо больше брать отъ него. Жить среди народа въ качествѣ крестьянина или рабочаго, даже не ведя пропаганды, уже считалось нами возможнымъ. Это на кружковомъ нарѣчій называлось „уйти на Аѳонъ“.

Я не имѣю претензіи утверждать, что такое сентиментальное сектантское отношеніе къ социализму было общераспространеннымъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ; я знаю только, что таково оно было у непосредственно связанныхъ со мною лицъ.

Кружокъ нашъ черезъ Крашевскую и отчасти чрезъ меня сталъ въ близкое общеніе съ П. П. Лавровымъ. Крашевская была одно время воспитательницей его дѣтей. Братъ ея Любовь принималъ дѣятельное участіе въ организаціи побѣга Лаврова. Мы П. П. знали съ дѣтства и имѣли на меня сильное влияніе въ отеческіе годы.

Когда послѣ великаго похода русской молодежи въ цюрихскій университетъ тамъ начались пресловутыя распри межъ „лавристами“ и „бакунистами“, мы за ними слѣдили съ большимъ интересомъ, хотя о нихъ доходили до насъ лишь отрывочныя

слухи. Моей близости къ Лаврову было достаточно, чтобъ стать, хотя-бъ отчасти, на сторону „лавристовъ“—тѣмъ болѣе, что о Бакунина мы имѣли весьма поверхностное представленіе. Я читала очеркъ о немъ Герцена, восхищалась „пышностью“ фигуры Бакунина, но отъ меня не ускользнуло слегка ироническое отношеніе къ нему Герцена. Нѣкоторые близкіе къ Герцену люди, съ которыми я была знакома, относились къ Бакунину съ большимъ недоувѣріемъ, что не могло не вліять и на мои представленія о немъ. Ко всему этому прибавлю, что въ 1869 г., когда, какъ кажется, въ первый разъ переводили въ кружкахъ Коммунистической Манифестъ Маркса на русскій языкъ, уже ходили толки о какихъ-то неблаговидныхъ поступкахъ Бакунина въ его сношеніяхъ съ Марксомъ.

Въ 1875 г. нашъ кружокъ былъ поглощенъ интересомъ къ Интернационалу. Намъ казалось совершенно необходимымъ, немедленно послѣ поселенія въ деревнѣ нѣкоторыхъ изъ насъ и образованія рабочихъ группъ въ городахъ, войти въ сношеніе съ Интернационаломъ и ввести нашу русскую организацію въ общеевропейскую организацію рабочихъ. Мы знали цѣли Интернационала, потому ему и сочувствовали, но мы сохраняли ни на чемъ не основанную увѣренность, что за явными статутами его непременно должны скрываться тайныя правила, составляющія самую суть организаціи. Такъ сильны были въ насъ русскія привычки жизни, что мы даже и представить себѣ не могли явной организаціи такого общества. Помню какъ Крашевская сердилась на Лаврова, когда на вопросъ объ организаціи Интернационала онъ указывалъ на разныя напечатанныя по этому поводу статьи и брошюры. Съ вопросомъ объ Интернационалѣ тѣсно связывалось, конечно, имя Бакунина, и лично мнѣ казалось совершенно необходимымъ войти въ сношенія именно съ нимъ. Предложеніе это встрѣчалось всегда очень неодобрительно моими товарищами, крѣпко державшимися за Лаврова.

Ранней весной 1876 г. мнѣ пришлось выѣхать за границу по причинѣ сильно разстроеннаго здоровья. Меня тянуло въ Лондонъ, Парижъ, на худой конецъ въ Женеву, но доктора и друзья настаивали на полномъ покоѣ и уединеніи. Послѣ долгихъ колебаній я выбрала мѣстомъ своего пребыванія Лугано. Почему-то всѣ были увѣрены, что тамъ нѣтъ ни одного русскаго, ни одного коммунара. Въ Лугано я должна была остаться два мѣсяца специально для отдыха, потомъ я должна была, списавшись съ Лавровымъ и получивъ отъ него рекомендацію, ѣхать въ Парижъ не только на возвратномъ пути въ Россію заѣхать для свиданія съ Бакунинымъ въ Локарно, а затѣмъ въ Женеву, чтобъ собрать тамъ дополнительныя свѣдѣнія объ Интернационалѣ и вступить въ сношенія съ коммунарами, а черезъ нихъ и съ Интернационаломъ вообще. Таковы были данныя мнѣ инструкціи.

I.

Въ Лугано я поселилась за городомъ, въ маленькой деревушкѣ, высоко пріютившейся на зеленѣющемъ склонѣ Монте-Бра. Послѣ двухнедѣльной жизни въ полномъ уединеніи, при полномъ почти воздержаніи отъ членораздѣльной рѣчи (итальянскаго языка я еще не знала), я рѣшила спуститься со своихъ высотъ, искать газетъ, книгъ, людей. Хозяинъ моего дома, жившій въ городѣ, указалъ мнѣ крошечную книжную лавку-библіотеку стараго гарибальдійца Императоре. У него не оказалось никакихъ книгъ, кромѣ итальянскихъ, но зато нашлись кое-какія французскія социалистическія газеты, на которыя я съ жадностью накинулась и тутъ-же рѣшила, что такъ дольше жить нельзя, не понимая что кругомъ дѣлается, говорится, что надо учиться итальянскому языку. Императоре рекомендовалъ мнѣ въ учителя il gran professore Pederczoli къ которому я и направилась.

Педерцолли, высокій, уже тучнѣвшій мужчина, съ надменнымъ видомъ, свойственнымъ мужчинамъ типа belâtres'овъ, встрѣтилъ меня торжественно, но вмѣстѣ съ тѣмъ до слащавости любезно; уроки давать благосклонно согласился и сейчасъ-же спросилъ довольно строго: вѣрю-ли я въ Бога и каковы мои политическія убѣжденія? Признаюсь, въ своей тогдашней наивности я приняла его за шпиона, при томъ глупаго. Какой порядочный человекъ можетъ спрашивать такія завѣтныя и вмѣстѣ съ тѣмъ опасныя вещи, какъ религіозныя и политическія убѣжденія у совершенно незнакомой ему женщины?

Я отвѣтила довольно сухо, что не занимаюсь ни религіозными, ни политическими вопросами. Мой будущій менторъ огорчился:

— Какъ, это досадно. А я хотѣлъ познакомить васъ съ вашими соотечественниками и моими друзьями Малономъ и Арну. Но если вы враждебно относитесь къ коммунарамъ, то такое знакомство разумѣется невозможно.

Я отвѣтила, что къ коммунарамъ не отношусь враждебно, но они не мои соотечественники, такъ какъ я русская.

— Вы русская, неужели? А вы знаете, здѣсь живетъ величайшій русский. Да, что-бы вы тамъ не говорили, величайшій!

— Кто это? спросила я насмѣшливо.

— Сударыня, это великій Бакунинъ.

Педерцолли посмотрѣлъ на меня вопросительно, а у меня „дыханье сперло“ отъ неожиданной радости, но мои подозрѣнія относительно Педерцолли еще увеличились. Я ничего не отвѣтила и, сговорившись о днѣ и часѣ перваго урока, поспѣшила уйти.

Я хотѣла написать Педерцолли, что уроковъ у него брать не намѣрена, до такой степени онъ мнѣ казался подозрительнымъ, но потомъ мнѣ стало стыдно за свои недостаточно обоснованныя подозрѣнія и еще болѣе за свою чисто русскую трусость передъ тѣмъ шпиономъ.

Педерцолли оказался отличнымъ и весьма добросовѣстнымъ учителемъ. Съ перваго-же урока я замѣтила большую перемену въ обращеніи со мной, онъ не задавалъ никакихъ стороннихъ вопросовъ, держалъ себя сдержанно, даже холодно, но это продолжалось недолго. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые никогда не отходятъ отъ себя, всякое предложеніе начинаютъ съ мѣстоимѣнія *Я* и ко всякому факту прицѣплятъ не столько свое мѣніе, сколько свою особу. Я узнала, что онъ итальянскій эмигрантъ, что женатъ на очень глупой, совершенно неспособной принимать его женщинѣ, что онъ социалистъ и что единственнымъ увлеченіемъ въ тѣсныхъ для него рамкахъ жизни въ Швейцаріи является его дружба съ коммунарами, особенно съ Бакунинимъ, у котораго онъ бываетъ ежедневно. Это меня очень удивило и расположило не въ пользу Бакунина. Если Педерцолли—ближайшій другъ Бакунина, то что-же тогда самъ Бакунинъ? Какъ возможно ежедневное общеніе умнаго человѣка съ Педерцолли?

Въ одинъ прекрасный день Педерцолли объявилъ, что говоритъ обо мнѣ Бакунину, который, также какъ его жена, очень желаетъ познакомиться со мною.

— Я объяснилъ Бакунину, что вы не революціонерка только потому, что объ революціонномъ вопросѣ вы не думали. Въдѣлѣмъ умный человѣкъ непременно революціонеръ, любезно пригласилъ Педерцолли.

Мнѣ было очень страшно. Я хотѣла видѣться съ Бакунинимъ въ совершенно дѣловой почвѣ послѣ свиданія съ Лавровымъ и предварительно списавшись съ моими русскими друзьями, явиться-же къ нему любопытствующей путешественницей мнѣ было прямо неприятно. Тѣмъ не менѣе я была довольна. Развѣ не огромное счастье узнать человѣка, дравшагося на баррикадахъ когда меня еще на свѣтѣ не было? Развѣ не огромное счастье бесѣдовать съ близкимъ другомъ Прудона, не говоря уже про Герцена и Огарева? Съ другой стороны, я боялась разногласій, которыя сразу должны были возникнуть между мною и Бакунинимъ. Я вѣдь твердо стояла на почвѣ мирной пропаганды социализма и была противъ легкомысленныхъ революціонныхъ попытокъ въ Россіи до вполне основательнаго подготовленія революціоннаго движенія.

Видла Бакунина помѣщалась за городомъ, на сторонѣ Монте Альваторе, но довольно далеко отъ озера. Мы вошли въ ворота и попали въ огороженное пространство, которое вѣрно было когда-то садомъ. Теперь все было перерыто. Кое-гдѣ торчали деревья, въ другихъ мѣстахъ виднѣлись гряды, всюду были кучи желтой земли и ямы, налившіяся дождевой водой. Вдали какіе-то люди копались въ землѣ. Около нихъ спиною къ намъ стоялъ гигантъ. Длинное пальто съ пелериной падало прямыми складками почти до земли: изъ подъ шляпы съ широчайшими полями выбивались кудри сѣдыхъ волосъ. Что-то монументальное и гордое исходило отъ этой пышной фигуры, рѣзко чернѣвшей на рыжемъ фонѣ взрытой земли.

— Michel, я привелъ своего русскаго друга, закричалъ I дерцолли.

Бакунинъ быстро обернулся, какъ-то засуетился, почему смѣшно распахнулъ пальто, точно собирался сдѣлать реверанс, отдалъ шопотомъ какое-то приказаніе рабочимъ, копавшимъ землю, и только потомъ пошелъ намъ навстрѣчу, шлепая кашами по вязкой грязи сада. Онъ былъ такъ высокъ, а я такъ мала, что могла видѣть только его протянутую руку, большую породистую, да низъ толстой вязанной фуфайки сомнительной чистоты.

На громкій зовъ: Антося! изъ дому вышла сухенькая, гонимая женщина, совсѣмъ еще молодая. Она была одѣта какъ итальянская работница: съ головы, окутывая станъ, спускалась черная вязанная шаль, изъ подъ юбки виднѣлись тонкія ноги въ „доляхъ“ (родъ деревянныхъ сандалій на высокихъ каблукахъ), одѣтыхъ на толстые черныя чулки съ бѣлыми носками. То была Антонія Ксаверьевна Бакунина. Она показала мнѣ незначительной и некрасивой. Педерцолли представилъ меня ей чрезвычайно церемонно. Мы пошли къ дому, обходя ямы, шагая по доскамъ, пробираясь въ ущельяхъ щебня и мусора.

По довольно темной лѣстницѣ мы вошли въ большую уютную комнату, свѣтлую, заставленную но неуютную. Въ одномъ углу ея помѣщалась желѣзная кровать, покрытая большимъ шестымъ платкомъ вмѣсто одѣяла; у двери стоялъ длинный столъ, на которомъ былъ поданъ чай, и на немъ-же лежала грудка табаку, стояла чернильница на развернутой газетѣ, валялись обломки игрушки, куски шоколада; другіе столы и большая конторка тонули подъ бумагами, среди которыхъ высовывались аптечныя стклянки. Полочка книгъ ютилась у стола. Книгъ было мало, зато всюду—на полу, на стульяхъ, на кровати—разбросаны были газеты разныхъ странъ, форматовъ и политическихъ оттѣнковъ. То была спальная, вмѣстѣ съ тѣмъ пріемная, столовая и рабочая кабинетъ Михаила Александровича.

Бакунинъ съ изысканной старческой простотой и привѣтливостью усадилъ меня легкимъ прикосновеніемъ къ плечу и сажающею тяжестью, какъ мнѣ показалось, съ тихимъ стономъ опустился на стулъ рядомъ со мною. Большая сѣдая голова была теперь на моемъ уровнѣ. Изъ подъ высококаго лба прямо мнѣ въ лицо глядѣли зеленые черствые, злые глаза, глядѣли пристально. Мне стало жутко и гдѣ-то глубоко шевельнулась неприязнь.

Разговоръ мы вели по французски, въ виду присутствія Педерцолли, и самый обыденный: о моемъ путешествіи, о впечатлѣніи, произведенномъ на меня Миланомъ и Венеціей.

— А вы вѣрите въ наслѣдника? вдругъ спросилъ меня Бакунинъ.

— Ну да, въ наслѣдника. Русскіе либеральничаютъ за границей по поводу царей, но всѣ вѣрятъ въ наслѣдниковъ.

И Бакунинъ, не дожидаясь отвѣта, громко засмѣялся.

— А въ непогрѣшимомъ папѣ тоже не вѣрите? Это ужъ

жмъ вехорошо. Вотъ когда ближе познакомитесь съ другомъ моемъ Педерцолли, увѣруете. Онъ у насъ непогрѣшимый папа. Смысливецъ необыкновенно доволенъ собою, прибавилъ Бакунинъ уже по русски.

Антонія Ксаверьевна съ кошачьимъ раскачиваніемъ своего лѣваго стана что-то говорила Педерцолли по итальянски, а тотъ, улыбаясь, смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ собачьей преданности.

Какъ все это казалось мнѣ страннымъ и непріятнымъ... Пили чай, курили, курили много, говорили о садѣ, о домѣ, о томъ, какъ М. А. будетъ сѣять огурцы и непременно укропъ, какія онъ посадитъ деревья.

— Зачѣмъ у васъ столько ямъ въ саду? спросила я.

— Ничего никогда не будетъ въ этомъ саду кромѣ ямъ, захватила на бойкомъ и гладкомъ, но нѣсколько вульгарномъ французскомъ языкѣ Антонія Ксаверьевна.

Французскій языкъ Бакунина былъ простъ и широкъ, какъ все въ его личности; фразы выливались сразу въ округленные, законченныя формы; легкій русскій акцентъ придавалъ имъ особую музыкальность.

— Ямы специально для лягушекъ, сказалъ Бакунинъ. До смерти люблю ихъ кваканье. Удивительно музыкальное животное. Жили въ русской деревнѣ? Что можетъ быть лучше русскаго лѣтняго вечера, когда въ прудахъ лягушки задаютъ свой концертъ.

Онъ опустилъ голову; злой огонекъ потухъ въ глазахъ, пеленка задернула лицо и тѣнью легла вокругъ губъ.

Педерцолли съ папосомъ рассказывалъ А. К. о смерти одного ихъ общаго знакомаго.

— Что ни говори, закончилъ онъ, но смерть страшна даже намъ, хотя, конечно, мы ада не боимся.

Бакунинъ точно встрепнулся:

— Смерть? Она мнѣ улыбается, очень улыбается, сказалъ уже по французски.

Потомъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ по русски:

— Знаете, у меня была сестра. Умирая, она сказала мнѣ: Мисель, какъ хорошо умирать! Такъ хорошо можно вытянуться... Неправда-ли, это самое лучшее что можно сказать про смерть?

Въ этихъ словахъ было столько простого, искренняго желанія отдыха, покоя. Они прозвучали диссонансомъ самодовольной болтливости Педерцолли и суеты, которой вѣяло отъ Антоніи Ксаверьевны. Бакунинъ мѣшала ложечкой чай и весь точно осѣлъ на локти, лежавшіе на столѣ.

Въ моемъ представленіи въ ту минуту исчезъ великій революціонеръ, неустанный борецъ, призывавшій къ разрушенію. Передо мной очутился утомленный жизнью старикъ. Онъ мнѣ казался такимъ одинокимъ, далекимъ отъ всего что его окружало непосредственно. Его русскія слова, сказанныя именно мнѣ, про-

звучали какъ призывъ издали близкаго, всегда любимаго дру
Меня охватила тоска, страхъ смерти, точно она дѣйствител
пронеслась мимо въ это мгновеніе. Придя въ себя, я отвѣтил
что такое опредѣленіе смерти понятно, но относится только
счастливымъ, уставшимъ на великой работѣ на благо людей.

Я поднялась и стала прощаться. А. К. пробовала удержат
меня, но Бакунинъ остановилъ ее.

— Ей далеко, не держи ее. . . . Приходите почаще,
хорошій человѣкъ.

Я уже настолькоъ была приручена имъ, что ощутила п
этомъ приглашеніи не простое удовольствіе, но радость.

Этимъ первымъ моимъ свиданіемъ съ Бакунинымъ опред
лились наши съ нимъ дальнѣйшія отношенія. Я не знала Ба
нина въ разгарѣ его политической дѣятельности. Для меня о
до своей смерти оставался просто человѣкомъ, больнымъ, п
старѣлымъ и подчасъ капризнымъ другомъ, всегда страдавши
физически, но въ которомъ еще жила сила ума, блескъ трибу
желѣзная воля, помогавшая ему выносить со смиреніемъ свято
лютый недугъ. Другіе русскіе моего поколѣнія, знавшіе Ба
нина, люди честные и искренніе, видѣли много дурныхъ сторо
его характера, рассказываютъ о его предосудительныхъ посту
кахъ. Я не оспариваю ихъ точку зрѣнія и еще менѣ беру
отрицать приводимые ими факты. Но пусть они не усмотрятъ
томъ, что я могу сказать о Михаилѣ Александровичѣ, никак
идеализація вольной или невольной: мнѣ посчастливилось не
дать его дурныхъ сторонъ, потому о нихъ мнѣ говорить не п
ходится.

Впослѣдствіи я узнала, что день, выбранный для перв
моего посѣщенія Бакуниныхъ, былъ весьма неудаченъ. Со сло
Педерцолли, Бакунинъ относился ко мнѣ съ большимъ недо
рїемъ и видѣлъ меня желалъ настойчиво именно, чтобъ состави
понятіе, что такое я изъ себя представляю и не шпионка-ли
поселившаяся въ Лугано для слѣженія за русскими, прїѣзжа
щими къ Бакунину. Въ день моего прихода отъ Бакунины
уѣзжалъ одинъ русскій и уѣзжалъ въ Россію. Именно его то
загораживалъ отъ меня Бакунинъ въ саду, распахнувъ свое п
рочайшее пальто, которое онъ называлъ хламидой. Мы часто
томъ смѣялись, вспоминая какимъ водевильнымъ недоразумѣніе
началась наша дружба.

II.

Вилла Бакунина въ Лугано не имѣла ничего общаго съ ви
лой Кафьеро въ Локарно, гдѣ сравнительно долго жилъ Бакуни
до моего знакомства съ нимъ и вплоть до неудавшагося и дурн
возстанія въ Болоньѣ. Бакунинъ принималъ въ немъ лично у
стіе. Послѣ этого между Бакунинымъ и Кафьеро произоше
разрывъ. Отъ Бакунина я никогда не слышала ничего опредѣл
наго ни о его участіи въ Болонскомъ возстаніи, ни о его жиа

въ Локарно. Я знала многое (вѣрное и ложное) отъ итальянцевъ, жившихъ на виллѣ Кафьеро съ Бакунинимъ и бывшихъ потомъ въ болонскомъ отрядѣ; я знала, что и въ Локарно, и въ Болоньѣ, и послѣ того Бакунинъ пережилъ много тяжелаго. Вотъ почему я никогда ничего не спрашивала у него, не рѣшаясь поднимать горькія воспоминанія въ душѣ больного и усталаго старика. Рассказывать что либо со словъ другихъ—не считаю возможнымъ. Бакунинъ говорилъ мнѣ только, что онъ послѣ болонскаго возстанія разошелся съ Кафьеро, что чувствовалъ себя усталымъ, чувствовалъ потребность покоя и рѣшилъ обратиться къ братьямъ своимъ съ просьбою выслать ему такую сумму денегъ, которую она считаютъ долею его наслѣдства отъ отца. Въ посмертныхъ бумагахъ Бакунина я видѣла большое черновое письмо его заглавленное, если не ошибаюсь: „Мое послѣднее посланіе братьямъ“.

Не знаю было-ли послано это письмо или нѣтъ, но знаю, что сестра Бакуниной, Софья Ксаверьевна, должна была лично видѣться съ братьями М. А. въ Россіи и что переговоры съ ними велись ею какъ разъ въ то время, когда я познакомилась съ Бакуниними. М. А. былъ безусловно убѣжденъ въ томъ что довольно большая сумма будетъ ему выслана (какая именно не помню), и въ этой увѣренности онъ купилъ луганскую виллу¹⁾, совершивъ для этого какую-то банковую операцію. За сколько была куплена вилла, какая операція понадобилась въ банкѣ, этого я сказать не берусь и, въ сущности, сохранила увѣренность, что и самъ Бакунинъ этого никогда въ точности не зналъ. Многие упрекали его въ неблаговидномъ отношеніи къ деньгамъ, у меня же сложилось убѣжденіе, что отношеніе его къ денежнымъ дѣламъ было легкомысленное, а не предосудительное. Не могу представить себѣ, чтобы онъ когда либо вымогалъ деньги сознательно и притомъ лично для себя. Его потребности во время моего знакомства съ нимъ были въ буквальномъ смыслѣ слова ничтожны, жизнь его была скудная до бѣдности, несмотря на владѣніе виллой. Одѣтъ онъ былъ всегда въ одно и тоже весьма истасканное платье, ѣлъ едва достаточную пищу, даже постели у него удобной не было: на его узенькой желѣзной кровати съ трудомъ умѣщалось его громадное тѣло. Она была ему коротка, вся шаталась и скрипѣла при малѣйшемъ движеніи, а большой старый платокъ служившій одѣяломъ, покрывалъ его еле-еле. Единственной его роскошью были табакъ и чай. Курилъ онъ цѣлый день, не переставая, и цѣлую ночь съ небольшими перерывами сна, когда боли давали спать. Чай пилъ пока курилъ. Табакъ покупался чуть не пудами и лежалъ грудами на всѣхъ столахъ. То былъ какой-то особенный, совсѣмъ черный и крупной рѣзки табакъ, изъ котораго Бакунинъ крутилъ запасы необыкновенно толстыхъ папирсъ. „Если буду при тебѣ умирать, часто говаривалъ онъ за-

¹⁾ Эта вилла, проданная немедленно послѣ смерти Бакунина за долги, была цѣлена лѣтъ шесть тому назадъ Маркомъ Матѣевичемъ Антокольскимъ.

жигая папиросу, ты смотри не забудь сунуть мнѣ въ ротъ папиросу, чтобъ я передъ самой смертью затянулся.

Прислуги у Бакунинахъ не было, всю домашнюю работу справляла Антонія Ксаверьевна, а такъ какъ у нея было трое дѣтей на рукахъ—на самаго Бакунина мало оставалось времени. Въ уходѣ же онъ нуждался, страдая болѣзнью мочевого пузыря, по мнѣнію кого-то. Говорю „кого-то“, потому что никто въ началѣ Бакунина не лечилъ. Въ Лугано былъ тогда пожилой докторъ итальянецъ, видомъ мужикъ-знахарь, который пѣшкомъ обходилъ окрестныя деревни въ горахъ, всѣ болѣзни приписывалъ „а un riscaldo“ и лечилъ ихъ слабительными и натираніемъ прованскимъ масломъ подходящихъ по его мнѣнію частей тѣла. Вотъ кажется этотъ докторъ и опредѣлилъ у Бакунина болѣзнь мочевого пузыря. Бакунину утромъ и вечеромъ надо было дѣлать какія-то втиранія, прибирать его комнату, а иногда, когда у него бывали сильныя боли, надо было помочь ему одѣться и раздѣться. Все это дѣлали по очереди итальянскіе рабочіе, жившіе тогда въ Лугано.

Такъ велико было обаяніе его удивительной личности до послѣдняго часа его жизни, что въ небольшой группѣ итальянскихъ анархистовъ-изгнанниковъ, простыхъ сапожниковъ, угольщиковъ и цирюльниковъ, Бакунинъ имѣлъ не только друзей, но обожавшихъ его сыновей. Ежедневно сапожникъ Андреа Сатандреа, послѣ тяжелой дневной работы, приходилъ на виллу укладывать М. А. въ постель и, сдѣлавъ всѣ нужныя манипуляціи, сидѣлъ съ нимъ до глубокой ночи. Утромъ приходилъ Филиппо Маццотти. Были и другіе сидѣльцы-добровольцы, но Бакунинъ не любилъ ихъ услугъ: малѣйшая неловкость раздражала его, хотя раздраженіе свое онъ ничѣмъ не выражалъ, кромѣ глухого стона, а бѣдный доброволецъ при этомъ львиномъ стономъ терялъ послѣдній признакъ умѣлости. Всѣ эти люди, едва жившіе на ничтожныя гроши, не только не получали никакой платы отъ Бакунина, но часто на собственные деньги покупали для него какія-нибудь нехитростныя лакомства. И еслибъ М. А. вздумалъ отказать принять отъ кого-нибудь изъ нихъ услуги или подарокъ, я знаю, что онъ причинилъ-бы имъ величайшее горе и оскорбленіе. Я никогда не видѣла ни раньше, ни позже такой восторженной и безкорыстной преданности. То было любовное, романтическое чувство учениковъ къ учителю, чувство, гдѣ преданность идеѣ сливается съ преданностью личности, несущей идею. Такъ, вѣроятно, нѣкогда складывались отношенія между великими художниками и ихъ учениками, между основателями религій и ихъ ближайшими послѣдователями.

Я помню какъ иногда въ воскресный день въ комнату Бакунина приходили двое, трое и больше рабочихъ. Сатандреа сидѣлъ недвижимо и, положивъ локти на столъ, а свою голову римскаго патриція на скрещенныя руки, смотрѣлъ большими черными экстагическими глазами прямо въ ротъ Бакунина. Маццотти, болѣе экспансивный, живой и наивный, улыбался, поддакивалъ, ка-

чать головой и съ грустью поглядывать на меня, жатѣя, очевидно, что я не понимаю великихъ словъ, не могу раздѣлять его жеста. А Бакунинъ курить папироску за папироской, отпирать глотками чай изъ огромной чашки и говорить по итальянски много и много. Иногда кто-нибудь изъ другихъ присутствовавшихъ (имена ихъ я теперь не припомню) что-нибудь возражать, и тогда, перебивая другъ друга или говоря заразъ, Сатандреа и Машотти принимались объяснять и убѣждать, а Бакунинъ слушать, одобрительно кивать головой или вставляя нѣсколько словъ. Въ началѣ я не понимала даже общаго смысла разговора, въ глядя на лица собесѣдниковъ, мнѣ казалось, что около меня происходитъ нѣчто необыкновенно важное и торжественное. Атмосфера такихъ бесѣдъ охватывала меня, создавала во мнѣ—я бы хотѣла сказать, за неизмѣнимъ другаго выраженія—молитвенное настроеніе. Крѣпла вѣра, ступеньки сомнѣнія. Значеніе личности Бакунина опредѣлялось для меня, фигура его росла. Я понимала, что сила его заключается въ умѣннѣ завладѣвать душами людей. Для меня не подлежало сомнѣнію, что всѣ эти люди, слушавшіе его, были готовы на все по одному его слову. Онъ владѣлъ ими. Я могла перенести эти впечатлѣнія въ другую обстановку, менѣе интимную, представить себѣ толпу и понимала, что влияние будетъ такое-же. Только настроеніе энтузіазма тихаго и внутренняго здѣсь станетъ неизмѣримо, сильнѣе, атмосфера сдѣлается прозвѣе отъ взаимнаго зараженія людей въ толпѣ.

Въ чемъ собственно состояли чары Бакунина? Точно этого опредѣлить, думается мнѣ, невозможно, потому что самое вѣрное опредѣленіе будетъ неясная формула: *во всемъ его существовѣ*. Не силой убѣжденія онъ дѣйствовалъ, не мысль онъ будилъ своей мыслью, но поднималъ всякое бунтующее сердце, будилъ стихійную злобу. Она охватывала красотой, становилась творческой и рисовала экзальтированной жаднѣ справедливости и счастья—печаль, возможность достижения. „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust“, повторялъ Бакунинъ до конца жизни. Не въ этой ли формулѣ надо искать разгадку его обаянія?

Наблюдая отношенія М. А. къ простымъ людямъ, я все болѣе удивлялась ему. Часто, въ длинныхъ бесѣдахъ вдвоемъ, излагая свои философскіе взгляды и какъ-бы ретроспективно разсуждая свое міросозерцаніе, онъ говорилъ о гегелианизмѣ и оспаривать его посылку за посылкой. Я только съ большимъ усиленіемъ мысли могла слѣдовать за ходомъ его логики. Тогда онъ удивлялъ меня яркостью своей оригинальной мысли, смѣлостью выводовъ. Когда-же я видѣла съ какой легкостью онъ входитъ въ умственное общеніе съ людьми еле грамотными, людьми другого класса, другой расы—удивленіе мое еще усиливалось. Вѣдь, несмотря на упрощенность жизни и обстановки, Бакунинъ оставался настоящимъ русскимъ баринкомъ съ головы до ногъ, а между тѣмъ стоялъ съ рабочими на гораздо болѣе равной ногѣ, чѣмъ какойнибудь Малюнь, который, кажется, былъ французскимъ фельдшаниномъ по рожденію. Въ отношеніяхъ коммунаровъ, жив-

шихъ въ Лугано, къ рабочимъ мнѣ всегда чувствовалось или заискиваніе или снисходительство. У Бакунина выходила органически, безъ малѣйшаго усилія, простая дружба. Онъ могъ кричать на Филиппо или на Андреа какъ на мальчишекъ, могъ держать ихъ подъ гипнозомъ своихъ идей и могъ подолгу рассуждать съ ними объ ихъ и своихъ ежедневныхъ дѣлахъ, выслушивать и сообщать партійныя и городскія сплетни, шутить, острить, хохотать ихъ шуткамъ. Тогда меня это поражало, потому что противорѣчиво моею теорію, по которой выходило, что нельзя быть усланнымъ народомъ, не ставъ въ его ряды. Потомъ, думая объ этомъ часто и много, я пришла къ заключенію, что именно его свойство настоящаго русскаго барина и помогали ему въ этихъ отношеніяхъ: въ нашихъ крѣпостныхъ нравахъ на практикѣ было много патріархально-демократическаго...

Все росшее во мнѣ чувство любви и почитанія къ М. А. единило меня съ кружкомъ луганскихъ анархистовъ и нѣкоторые члены его остались моими близкими друзьями на долгіе годы.

Не могу съ такимъ-же хорошимъ чувствомъ вспомнить интеллигентныхъ друзей Бакунина, жившихъ тогда въ Лугано. Кроме Педерполли, у Бакунина бывали часто коммунары Арну, Бену Малонъ, и г-жа Андре-Лео и затѣмъ еще одно французское семейство людей довольно богатыхъ, довольно праздныхъ, имѣвшихъ отдаленное отношеніе къ парижской коммунѣ. Мимоходомъ замѣчу, что около французской эмиграціи много ютилось сомнительныхъ элементовъ, личностей, не имѣвшихъ никакихъ политическихъ взглядовъ, уѣхавшихъ изъ Франціи неизвѣстно почему прѣпльавшихся за коммунаровъ, утративъ всякую иную среду. Въ русской эмиграціи попадались тогда шпионы, но такого неопредѣленнаго типа людей въ ней не было очень долго.

Первые шаги моихъ сношеній съ французскими революціонерами были въ высшей степени тягостны. Арну, всегда одѣтый съ иголочки, мягкій и вѣжливый, ничѣмъ не отличался, для меня отъ французовъ гувернеровъ и учителей гимназій, которыхъ встрѣчала въ Россіи. Малонъ, самонадѣянный и проникнутый насквозь, въ качествѣ парижанина, сознаниемъ своего превосходства казался мнѣ нестерпимымъ. Онъ доходилъ въ самоиѣвнїи до Геркулесовыхъ столбовъ. Однажды онъ сказалъ мнѣ серьезно и убедительно: *Allez à Paris, vous deviendrez plus intelligente.*

Больше всего я ожидала отъ знакомства съ М-мъ Андре Лео. Въ романы (напр. „*Le mariage scandaleux*“) переводились тогда на русскій языкъ и читались нами съ упоеніемъ. И вот эта женщина, превозносившая рабочаго со всѣми его неистощимыми добродѣтелями по сравненію съ сытыми и развращеннымъ буржуа, оказалась самой обыкновенной и скучной бужуазкой. Ея главное занятіе и насущный интересъ были выслѣживаніе любовныхъ похожденій Малона. По этому поводу выходили преглушь исторіи, развлекавшія Бакунина. Онъ хохоталъ до слезъ, когда Малонъ попадался и заставлялъ рассказывать себѣ всѣ малонскія похожденія и выходки по этому поводу Андре Лео во всѣхъ

подробностяхъ, далъ ей прозвище la dogana (таможня), а Малона величалъ контрабандистомъ, который подъ самымъ носомъ таможни провозитъ свою контрабанду. Я совершенно не могла объяснить себѣ, какъ могъ Бакунинъ такъ искренно увлекаться этимъ вздоромъ и осуждала его поощрительно-снисходительное отношеніе къ такой низменной страсти, тѣмъ болѣе, что она сопровождалась ложью и обманомъ. Когда я говорила объ этомъ Бакунину, онъ смѣялся еще больше и отвѣчалъ: „Нельзя-же во всякую минуту жизни священнодѣйствовать“. Нѣтъ, нельзя, но мнѣ, попавшей въ среду героевъ только что разыгравшейся великой трагедіи пролетаріата, было тяжело. Мнѣ хотѣлось видѣть въ нихъ неугасшимъ священнѣйшій огонь революціи. „Ты воображаешь, что революція это красиво? говорилъ М. А. Я видѣлъ революцію вблизи; охъ какъ это противно вблизи!“ Но я хотѣла-бы видѣть въ нихъ любовь и интересъ къ идеямъ, ради которыхъ они рисковали жизнью, и этого, казалось мнѣ, уже совсѣмъ не было. Когда они собирались у Бакунина, я ничего не слыхала кромѣ вѣчныхъ пересудъ, сплетенъ и банальныхъ разговоровъ о новостяхъ дня. Какъ я понимала Бакунина, когда онъ говаривалъ въ минуты грусти: „Я вѣдь одинокъ, глубоко одинокъ“...

Въ концѣ концовъ если французы, особенно Малонъ, чувствовали великое презрѣніе къ моему варварству, я очень скоро почувствовала недоброжелательное презрѣніе къ ихъ культурности. А когда я сообщала свое разочарованіе или свои недовольства Бакунину, онъ меня бранилъ за нетѣрпимость: «Всѣ вы видите все-раскольничьяго радѣнія—никогда не сойтись востoku съ западомъ», говорилъ онъ.

Очень скоро послѣ перваго знакомства я стала бывать у Бакунинныхъ почти ежедневно. Хотя жизнь М. А. была вполнѣ семейная (домъ его не былъ дворцомъ, гдѣ мужу и женѣ можно жечь на двухъ половинахъ), но замѣчалась какая-то неуловимая грань, отдѣлявшая Антонію Ксаверьевну и дѣтей съ ихъ жизнью и заботами отъ жизни М. А. Все-же жизни эти соприкасались тѣсно. Отношеніе М. А. къ женѣ тоже не мало поднимало во мнѣ недоумѣній. Мудрено было понять, что связывало въ настоящемъ и прошломъ этихъ двухъ людей: изъ ряда вонъ умнаго, блестящаго старика и лишенную всякаго умственнаго интереса, совсѣмъ еще, даже въ ту минуту, молодую женщину? Бываютъ браки, гдѣ различіе возраста сглаживается общностью умственныхъ интересовъ, созвучіемъ нравственныхъ сторонъ. Но и время даже не сгладило глубокой розни между М. А. и его женой. Иногда онъ говорилъ ей вещи прямо непонятныя, указывавшія на полное къ ней неуваженіе. Помню какъ однажды она высказала недобрительное мнѣніе о комъ-то изъ русскихъ революціонеровъ. Бакунинъ рѣзко перебилъ ее заявленіемъ, что она въ этомъ ничего не понимаетъ и тутъ-же, обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Антонія Ксаверьевна во всю свою жизнь не прочла ни одной серьезной книги. Впрочемъ нѣтъ, поправился онъ, самая серьезная книга, которую она прочла была „Les causes célèbres“ да и то потому,

что она была съ картинками... На такія выходки А. К. не обращала никакого вниманія, вздергивала свою тонко-скульптированную голову не то презрительно, не то совершенно равнодушно, смотрѣла въ сторону и молчала. Но зато если Антоніи Ксаверьевнѣ нужно было заставить Бакунина сдѣлать что нибудь, особенно если ей нужно было отстранить кого нибудь отъ Бакунина, она была, можно сказать, всесильна. Скоро по одному тембру ея голоса я уже догадывалась что ей надобно чего-то добиться отъ М. А. Зналъ это по крайней мѣрѣ инстинктивно и Бакунинъ. Онъ въ такихъ случаяхъ всегда раздражался, становился съ нею рѣзокъ. Но если не въ ту минуту, то позднѣе какая то таинственная сила приводила его именно къ тому рѣшенію, какое нужно было для А. К. Бакунинъ властно приказывалъ ей тогда поступить именно такъ, какъ ей хотѣлось, а А. К. подчинялась этому приказанію покорно и съ видомъ равнодушія. Изъ троихъ дѣтей Бакунинъ особенно любилъ младшую дѣвочку Маруську, относился не безъ нѣжности и къ старшей дѣвочкѣ Софѣ, которую звалъ Бомбой, но видимо не любилъ старшаго мальчика Карлучіо. Для Маруськи у него всегда былъ запасъ шоколада. Какъ бы ни былъ занятъ М. А. разговоромъ или писаньемъ—а писалъ онъ много и ежедневно—стояло только Маруськѣ заплакать наверху, онъ поднимался, отворялъ дверь и кричалъ, „Антося, о чемъ она плачетъ?“ и тотчасъ, не дожидаясь отвѣта, приказывалъ привести Маруську внизъ. Если приказаніе исполнялось (что случилось не всегда), давалъ дѣвочкѣ плитку шоколада. Одинъ разъ только я видѣла настоящее грубое обращеніе М. А. съ женой. Маруська ревѣла наверху. Бакунинъ въ этотъ день очень страдать, не могъ спуститься въ садъ и тѣмъ болѣе не могъ подняться по лѣстницѣ. Не добившись отъ А. К. отвѣта на свой вопросъ: что съ Маруськой? онъ послалъ меня на верхъ съ шоколадомъ. Меня А. К. встрѣтила безъ всякаго энтузіазма, шоколадъ вырвала изъ моихъ рукъ, объявивъ, что отъ этихъ глупостей Мишеля у ребенка только желудокъ разстраивается. Маруська завывала благимъ матомъ; А. К., потерявъ всякое терпѣніе, шлепнула ее. Вдругъ кто-то страшнымъ голосомъ закричалъ около насъ: „Не смѣй бить ребенка, не смѣй пальцемъ ее тронуть“. И я увидѣла такое гнѣвное лицо Бакунина, фигуру съ такимъ властнымъ, угрожающимъ жестомъ поднявшейся на А. К. руки, что мнѣ стало невыразимо страшно, а Маруська сразу притихла. Бакунинъ слышалъ у своей двери всю происходившую сцену и, несмотря на боль, поднялся наверхъ на защиту своей любимицы.

Очень любилъ М. А. доставлять дѣтямъ самыя недозволенные удовольствія—и, въ сущности, опасныя. Онъ разводилъ для нихъ костры, натаскивалъ кучу хвороста и, несмотря на протесты А. К., приказывалъ имъ поддерживать эти огни, пока не вернется или играть около нихъ „въ дикарей“. Потомъ уходилъ къ себѣ и забывалъ о дѣтяхъ и о кострахъ...

Однажды я засидѣлась у Бакунина больше, чѣмъ слѣдовало.

Отъ моего дома до его дома было болѣе часа ходьбы по пустынной и лѣсной горной дорогѣ. Набѣжала сильная гроза, дождь полилъ какъ изъ ведра—о возвращеніи домой нечего было думать. Я не знала есть-ли у Бакуниныхъ гдѣ нибудь въ домѣ лишняя кровать или диванъ. Кромѣ того, мнѣ было неизвѣстно насколько благосклонно къ моей просьбѣ о ночевкѣ отнесется А. К. Я слышала часто слышала ея обвиненіе друзей Бакунина въ безцеремонности, эксплуатаціи и пр., чтобъ не считаться съ ея мнѣніемъ. Къ моему удивленію, А. К., по собственному побужденію, пришла въ комнату Бакунина и предложила мнѣ остаться ночевать. Она повела меня по корридолу, по которому я никогда еще не проходила, и показала дверь приготовленной для меня комнаты.

Мы съ Бакунинымъ сидѣли до глубокой ночи. Онъ былъ веселъ, чувствовалъ себя хорошо, прогналъ Андреа, объявивъ, что ничего ему не надо дѣлать. Мнѣ особенно памятна эта ночь, такъ какъ М. А. въ первый разъ специально для меня говорилъ объ анархіи, о своихъ отношеніяхъ съ Герценомъ и особенно о своей любви къ Огареву.

Онъ считалъ, что основнымъ недостаткомъ Герцена было отсутствіе пониманія социализма, отсутствіе настоящей революціонности, а какъ человѣка онъ упрекалъ его въ сухости сердца. У меня осталось впечатлѣніе, что основой личнаго разлада Бакунина и Герцена была опять таки Антонія Ксаверьевна. Впослѣдствіи она часто рассказывала какъ недоброжелательно была встрѣчена Герценомъ, когда пріѣхала въ Лондонъ изъ Сибири, рассказывала это при Бакунинѣ, а тотъ приговаривалъ: „какъ вамъ это нравится?“

Но въ этотъ вечеръ я ничего не анализировала. Я переживала глубокой переломъ.

Чувство личности и культъ личности всегда были во мнѣ очень развиты. Несмотря на искреннее принятіе социализма, въ тайникахъ души и ума оставались грызущія сомнѣнія. Пока черной лентой развивалась въ сознаніи критика существующаго, получалось удовлетвореніе; пока мечта уносилась въ побѣдный (непремѣнно побѣдный) день социальной революціи, все существо трепетало энтузіазмомъ, но когда являлся вопросъ: „а потомъ?“—оживалъ злой червь сомнѣнія. Скучная сѣрая казарма—шепталъ червь сомнѣнія... А если я не захочу? Меня принудятъ? Страшна, преступна власть немногихъ надъ многими, но развѣ не страшнѣе еще для одного власть многихъ надъ нимъ? Надо было говорить себѣ: объ этомъ теперь нечего думать? Какъ и что будетъ этого никто не можетъ знать...

„Всякая власть развращаетъ, всякое подчиненіе власти умалчиваетъ“, проповѣдовалъ Бакунинъ. „Ни личнаго ни общественнаго давленія выносить нельзя“. Какъ гармонично входили права личности въ формулу разрушенія государства, въ автономію коммунъ при автономіи личности въ коммунѣ. Если въ теоріи Бакунина (въ „богословіи“ какъ называлъ М. А. всякое теоретическое разсужденіе) личность возстановлялась въ своихъ правахъ, то въ

лицѣ своего защитника, самого Бакунина, понятие о ней экзальтировалось. Въ его рѣчи чувствовалось горячее и глубокое убѣжденіе въ истинности социализма; все его прошлое утверждало эту убѣжденность, а развѣ можно было представить М. А., отрекающимся отъ себя, отъ права на свое самоопредѣленіе: кто когда встрѣчалъ болѣе рѣзко выраженную индивидуальность?

Если не сразу, если не такими именно размышленіями, то рядомъ отдѣльныхъ впечатлѣній, отдѣльныхъ мыслей—совершалось во мнѣ постепенная эволюція въ сторону анархизма. Но въ то „всенощное бдѣніе“, какъ называлъ М. А. долгія ночныя бѣсѣды, мнѣ казалось, что вдругъ и сразу во мнѣ наступилъ настоящій переходъ къ бакунизму и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное примиреніе съ социализмомъ.

Уже свѣтало, М. А. приказалъ мнѣ идти спать. Теперь я была ученикомъ; на учениковъ отечески ложилась власть М. А. Подчиненіе ей не всегда умалило учениковъ, но не развращало ли оно иногда самого Бакунина въ прошломъ?

Я нашла свою комнату. Вихремъ неслись мысли въ головѣ. Отрывки фразъ, послѣдніе отголоски сомнѣній и быстро успокаивающіе отвѣты. Передъ усталыми глазами въ полумракѣ комнаты носилась сѣдая голова, зеленые проникающіе глаза то тусклые и равнодушные, то ярко загоравшіеся внутреннимъ огнемъ. Я ничего не видѣла что стоитъ въ комнатѣ и только въ постелѣ почувствовала нѣчто несоотвѣтствующее дому Бакуниныхъ и ихъ обстановкѣ. Я утопала въ мягкихъ тюфякахъ подъ великолѣпнымъ шелковымъ одѣяломъ, между тончайшими простынями. Сразу мнѣ представилась убогая кроватка, на которой въ этомъ-же домѣ спалъ человѣкъ-великанъ, старый больной человѣкъ...

На другой день я подѣлилась своими ночными впечатлѣніями съ женой Маццотти. Почему Бакунину, который такъ мало и такъ плохо спитъ, не дадутъ ту большую, хорошую кровать что стоитъ въ комнатѣ для гостей, гдѣ никто не спитъ? Мариетта улыбнулась.

— Это вы спали въ комнатѣ Г., *del'amico della Vaschina*, отвѣтила она.

Я поняла... Велика была моя грусть, сильно мое негодованіе, но сильнѣе еще разгорѣлось чувство любви къ великому для меня, одинокому старику.

III.

Почему никому изъ окружавшихъ М. А. не приходило въ голову, что дни его уже сочтены? Злой, неизлечимый недугъ грызъ его изъ часа въ часъ, болевые припадки появлялись все чаще и видимо становились мучительнѣе. Бывали ночи, когда Бакунинъ не смыкалъ глазъ и настали такіе дни и ночи, когда онъ уже не могъ ложиться... Всѣхъ обманывала его изумительная выносливость. Когда его терзала боль, онъ упорно молчалъ и лишь по тяжелому дыханію можно было догадаться что съ нимъ.

Нарѣдка только изъ сжатыхъ губъ въ такія минуты вырывалось нѣчто вродѣ стога. Когда боль проходила или затихала, онъ велелъ, принимался острить, строить планы будущаго; распекать, поощрять, учить—и писалъ, пыхтя и массивно сторбивъ широкую синю. Я уже говорила, что видѣла его ежедневно, а вскорѣ я стала проводить съ нимъ цѣлые дни. Чѣмъ тѣснѣе мы сближались, тѣмъ рѣже мы вели политическіе или революціонные разговоры.

Люди, которые тонули и спаслись, рассказываютъ, что въ моментъ ожиданія смерти они вспоминали всю свою прошлую жизнь. Не потому ли что смерть уже коснулась его неслышнымъ зрыломъ, М. А. такъ много и такъ упорно говорилъ о прошлой жизни, о далекомъ юношествѣ, о давно невидѣнной русской природѣ? Онъ съ любовью пересказывалъ незначительные эпизоды дѣтскихъ лѣтъ, вспоминалъ собаку Турка, чтеніе „Швейцарскаго Робинзона“, часто и всегда съ чувствомъ любви вспоминалъ отца.

Къ сожалѣнію, я тогда не записывала этихъ рассказовъ, не считая этого нужнымъ, такъ какъ М. А. задумалъ диктовать мнѣ свои мемуары или, вѣрнѣе, поручить мнѣ ихъ составлять. Рѣшено было, что онъ будетъ систематически рассказывать мнѣ свою жизнь, я буду дома составлять каждый его рассказъ и потомъ читать ему написанное. Но къ работѣ мы не приступали. Какъ истинно русскіе люди, мы оба *собираемся*... Мимоходомъ сказать, ни на одномъ европейскомъ языкѣ нѣтъ такого истинно русскаго глагола. Западные люди готовятся къ работѣ—только мы собираемся работать... М. А. ждалъ отвѣта братьевъ и устройства сообразно съ этимъ отвѣтомъ дальнѣйшей своей жизни, а я, по его предписанію, ежедневно переписывала и перечитывала „Pensées“ Паскаля. Мемуары должны были быть написаны по французски и Паскаля слѣдовало мнѣ изучать для усовершенствованія въ этомъ языкѣ. М. А. говорилъ, что это самый лучший французскій стиль, что языкъ Паскаля ему по сердцу и ближе всего подходитъ къ его складу ума.

Когда М. А. чувствовалъ себя усталымъ и былъ въ слѣдствіе этого неразговорчивъ, онъ заставлялъ меня „рассказывать про деревню“. Но его интересовала не характеристика людей или измѣнившіеся съ его времени нравы, а главнымъ образомъ картины русской природы. Иногда онъ спрашивалъ, точно самъ вспоминалъ что-нибудь и хотѣлъ ярче вызвать въ себѣ воспоминаніе: „А было у васъ въ деревнѣ лѣсное болото?“ Или говорилъ: „Расскажи-ка какой у васъ былъ фруктовый садъ“. Если мой набросокъ картинки русской природы мнѣ удавался, М. А. черезъ день другой заставлялъ меня повторить рассказъ: „Ну-ка расскажи еще про заливные луга“.

Бывали дни, когда послѣ безсонной ночи М. А. не находилъ никакаго возможнаго положенія для своего тѣла, а между тѣмъ сонъ клонилъ его. Тогда онъ чувствовалъ облегченіе, стоя положивъ туловище на столъ. Въ такомъ положеніи онъ могъ дремать. „При моей прямотѣ, острить онъ, мнѣ отлично подъ пря-

мымъ угломъ, а ты возьми книжку и почитай какъ дьячекъ бормочи“.

Я брала первую попавшуюся книгу и читала вслухъ безъ интонаціи, не останавливаясь на знакахъ препинанія. А Бакунинъ дремалъ, почти спалъ. Проснувшись, онъ хвалилъ мое чтеніе.

— Славно выспался говорилъ онъ, выпрямляясь. Молодецы. Вѣдь вотъ какой сообразительный московскій народъ: никто изъ итальянцевъ не могъ понять какъ надо мнѣ читать вслухъ.

М. А. была страсть къ прозвищамъ и къ краткимъ характеристикамъ людей. Одного молодого человѣка эмигранта того времени онъ называлъ: „возьми въ руку пистолетикъ, прострѣй ты грудь мою“. Про другаго говорилъ: „развратная у него широкая рота мысли“. Я, конечно, тоже получила прозваніе. Сперва, за особенности моего говора, я звалась „московкой“. Мнѣ это не нравилось. Я связывала свое прозвище съ разсказомъ Бакунина о какой-то тверской барышнѣ, не изъ симпатичныхъ, которую въ семьѣ Бакуниныхъ звали la demoiselle de Moscou. Тогда Бакунинъ произвелъ меня въ «московскій народъ».

Ходить Бакунину было нелегко. Часто среди прогулки поднималась боль и она заставляла его по долгу стоять и выжидать. Обыкновенно онъ выходилъ въ садъ, но иногда отваживался до города. Онъ рѣдко отпускалъ меня отъ себя, почему прогулки мы совершали обыкновенно вдвоемъ. М. А. огромной рукой своей опирался мнѣ на плечо, какъ на палку. „Ну Эдипъ и Антигона“ сказалъ онъ, когда въ первый разъ ему пришлось идти по Лугано съ моею помощію. Онъ чувствовалъ себя въ этотъ день отълично, на ежеминутно сторожившее его чудовище-боль шевельнулось по дорогѣ. Бакунинъ шель съ трудомъ и все повторялъ съ искусственнымъ смѣшкомъ: «Ну Эдипъ и Антигона». Скоро за мною окончательно осталось названіе: «моя Антигона».

И все-таки, несмотря на быстрое, видимое ухудшеніе здоровья М. А. никто изъ беззавѣтно преданныхъ ему друзей не чувялъ близжащаго конца. Самъ М. А. говорилъ о смерти. Но кто не говоритъ о смерти? Разъ я сказала ему, что мнѣ все-же надо въ Парижъ для изученія ремесла (я хотѣла сдѣлаться цвѣтчицей) и что слѣдовало бы поторопиться съ его мемуарами. На это онъ сказалъ серьезно:

— Это чтобъ въ народъ идти? Поспѣешь послѣ моей смерти!

Антонія Ксаверьевна, больше насъ встревоженная здоровьемъ М. А.—потому, можетъ быть, что знала его лучше насъ, нашла наконецъ, доктора. Педерцолли сказалъ ей, что въ Лугано поселился молодой врачъ—нѣмецъ, кончившій курсъ въ Цюрихѣ. Бакунинъ обрадовался, послалъ меня къ нѣмцу, котораго я и привела. Послѣ консультаціи М. А. ожилъ. Онъ нашель, что «нѣмецъ отличный» и объявилъ, что онъ теперь счастливъ, узнавъ наконецъ, въ чемъ дѣло:

— Нѣмецъ нашель у меня болѣзнь простаты, объявилъ онъ. Я ужасно радъ, что страдаю въ простотѣ—и онъ захохоталъ бодро и весело.

Этот каламбуръ такъ ему понравился, что онъ повторять его всѣмъ. Пришли Малонъ и М-мъ Андре Лео справиться о здоровьѣ. М. А. сейчасъ же преподнесъ свой каламбуръ.

— J'ai commis un calembour, mon cher. J'ai dit que je souffre dans toute ma simplicité.

Слѣдовало длинное поясненіе созвучія слова простата съ простотой, на не малый скандалъ для чопорной Лео.

Можно ли было вѣрить, что онъ умираетъ, даже если-бъ это утверждалъ «отличный нѣмецъ»? Но нѣмецъ ничего не утверждалъ, а только отдѣлывался неопредѣленными словами.

Пришло, наконецъ, давно ожидаемое извѣстіе отъ Софін Ксавьеровны. Она увѣдомляла о своемъ пріѣздѣ съ родителями въ Лугано. Письма я не читала, но изъ разговора поняла, что въ немъ ни слова не упоминалось о рѣшеніи денежнаго вопроса братьями Бакунина. Въ тотъ моментъ положеніе дѣлъ Бакунина было критическое. Наступали сроки всяческихъ платежей по виллѣ, а, можетъ быть, сроки были уже пропущены и виллу могли со дня на день продать. Денегъ у М. А. не было никакихъ. На что велось вполнѣ упрощенное хозяйство—не знаю. Послѣ полученія письма отъ сестры А. К. рѣшила ѣхать къ ней навстрѣчу. Въ виду невозможности нанять кого-нибудь для присмотра за дѣтьми и за домомъ меня попросили переѣхать на виллу.

Должна сказать, что только взявъ на себя работу А. К., я поняла работоспособность и выносливость этой женщины. Мнѣ въ домашней работѣ помогали Мариетта Маццотти, приходившая ежедневно часа на три среди дня, но къ вечеру я все же отъ усталости еле двигалась и, исполняя свою обязанность «дьячка», засыпала надъ книгой, не усypивъ Бакунина. Въ домѣ стало затѣтно безпорядочно. Я съ ногъ сбивалась, но не могла всего переѣлать. Между тѣмъ у А. К. все было въ порядкѣ и она находила время принимать гостей, дѣлать визиты, тщательно заниматься своимъ туалетомъ, всегда кокетливымъ при кажущейся простотѣ, стирать дѣтское бѣлье, а ей никто не помогалъ. Когда я сказала объ этомъ однажды Бакунину, онъ остался мною очень доволенъ, былъ тронутъ, погладилъ меня по головѣ и сказалъ: «Умница, умѣешь все дѣлать, отъ того изъ жира сердца я переѣлъ тебя въ самое сердце».

«Жиръ сердца» было одно изъ картинныхъ выраженій М. А. Говора о комъ-нибудь изъ своихъ пріятелей, которыхъ онъ не особенно любилъ и цѣнилъ, онъ обыкновенно прибавлялъ: «ну, отъ того я дальше жира сердца никогда не пускалъ».

Но несмотря на непрестанное безпокойство, на изъятія въ хозяйствѣ и сильную усталость при полномъ отсутствіи отдыха, я вспоминаю съ великимъ удовольствіемъ тѣ нѣсколько дней жизни съ Бакунинымъ безъ А. К. Ея отсутствіе устранило дисгармонію и—сказать ли совершенно откровенно—дѣлало жизнь М. А. какъ-то достойнѣе. А между тѣмъ Бакунинъ скучалъ объ ней, ждалъ писемъ, которыя не приходили, съ дѣтскимъ нетерпѣньемъ, не соображаясь со временемъ, ожидалъ ея пріѣзда. Онъ

много говорилъ о всей семьѣ К.: говорилъ, что родители А. К. «незамысловатые», но хорошіе люди и съ особеннымъ удовольствіемъ ждалъ сестру А. К., которую очень цѣнили за доброе сердце, за умъ, за преданную дружбу къ себѣ.

Наконецъ, пришла телеграмма съ увѣдомленіемъ о днѣ и часѣ пріѣзда путешественниковъ. М. А. тщательно придумывала какой надо сдѣлать обѣдъ къ ихъ прибытію и заказать мнѣ борщъ и еще какія-то кушанья. Кухарка я была весьма плохая, но старалась изъ всѣхъ силъ, потому что ожиданіе М. А. заразило меня и я желала сдѣлать пріятное пріѣзжающимъ друзьямъ Мишеля.

Чѣмъ-то затхлымъ, мелкимъ, враждебнымъ моему духу повѣяло на меня, когда я принесла на верхъ въ комнату Бакунина большую миску борща и была представлена уже собравшимся вокругъ стола вновь прибывшему обществу. Софья Ксаверьевна произвела на меня очень симпатичное впечатлѣніе, показала умѣе сестры, прощае ея, прямѣе, задушевнѣе. Старикъ отецъ небольшого роста, коренастый, съ незначительнымъ лицомъ, котораго никакъ не запомнишь, имѣлъ видъ отставнаго писца какого-нибудь дореформеннаго провинціального учрежденія. Онъ говорилъ мало и тоже все такое чего не запомнишь; его присутствіе, какъ существа безразличнаго, дѣйствовало непріятно по контрасту съ Бакунинымъ, но не опредѣляло непріятной нравственной атмосферы, которая меня обдала. Жена его сразу стала мнѣ антипатичной. Какое-то застывшее неудовольствіе и мѣшанская надменность лежали на ея маленькомъ лицѣ, на всемъ ея существѣ вплоть до гладко причесанныхъ волосъ, прикрытыхъ кружевной косынкой. Однако не эта антипатичная незначительная женщина опредѣляла мое тяжелое впечатлѣніе, а ощущеніе, что чуждый элементъ какъ заноза глубже вѣдряется въ жизни Бакунина. Такъ мнѣ казалось тогда.

Продолжалась бесѣда, начатая въ моемъ отсутствіи, о свиданіи Софьи Ксаверьевны съ братьями Бакунина.

— Деньги мнѣ посланы, сказалъ Бакунинъ, чтобъ ввести меня въ общій разговоръ.

Я сейчасъ-же замѣтила, что М. А. не весель. Онъ продолжалъ разспрашивать С. К. о жизни своихъ братьевъ во всѣхъ подробностяхъ, очень смѣялся когда С. К. рассказывала какъ одинъ изъ нихъ принялъ ее въ оранжереѣ орхидей безъ всякаго костюма. Когда разговоръ переходилъ на деньги, М. А. точно отстранялъ его. Я рѣшила, что мое присутствіе стѣсняетъ ихъ семейный кругъ и ушла домой сейчасъ послѣ обѣда, хотя Бакунинъ меня и удерживалъ.

На другой день я застала Бакунина въ мрачномъ настроеніи духа, а домъ его нашла преобразеннымъ. Очень больша комната въ нижнемъ этажѣ была обращена въ столовую и гостинную, и М. А. приходилось спускаться туда къ обѣду и къ ужину. Въ завѣдываніе кухней вступила мать А. К.; дѣти были что называется, подтянуты и еще рѣзче подчеркнулось раздѣленіе

семьи на двѣ половины. Всюду въ домѣ слышалось польское щебетанье и только на верху, въ комнатѣ М. А., говорили по итальянски и по русски.

М. А. выяснилъ мнѣ въ общихъ чертахъ положеніе дѣла. Девять, посланныхъ братьями, не могло хватить на уплату долга до виллы, почему на семейномъ совѣтѣ, наканунѣ, было рѣшено ввиду предоставить кредиторамъ и уѣхать изъ Лугано. Куда? Окончательнымъ мѣстожителемъ былъ выбранъ, очевидно по желанію А. К., Неаполь, но для М. А. послѣ Болонскаго дѣла въѣздъ въ Италію былъ невозможенъ. Въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ тамъ былъ Никотера, въ прежніе годы близкій другъ Бакунина, много съ нимъ конспирировавшій. А. К. убѣдила Бакунина обратиться къ Никотера съ просьбой о разрѣшеніи жить въ Италіи. По существу, это почти значило отказаться отъ прошлаго. Такъ понимали этотъ поступокъ всѣ почитатели Бакунина итальянцы, бывшіе тогда въ Лугано. Они въ одинъ голосъ обвиняли А. К. за попытку заставить М. А. вступить на путь уступокъ. Но, несмотря на настояніе А. К., Бакунинъ, насколько мнѣ извѣстно, письма къ министру не написалъ, а согласился только на то, чтобы А. К. поѣхала въ Италію лично переговорить съ Никотера и заручиться его обѣщаніемъ, что М. А. въ Италіи тревожить не будутъ. Передъ поверхностнымъ судомъ, такъ называемаго общественнаго мнѣнія, съ точки зрѣнія общепринятыхъ формъ жизни, такое рѣшеніе Бакунина было менѣе достойно, чѣмъ прямое обращеніе его къ министру съ личнымъ письмомъ. Свиданіе съ Никотера А. К. должно было быть устроено при помощи Г., что ставило Бакунина въ ложное положеніе, такъ какъ роль Г. въ семьѣ Бакунина ни для кого не была тайной и даже не особенно скрывалась. Передъ самимъ собой Бакунинъ, какъ человекъ, ничѣмъ не поступался.

Психологія его брака, его интимныхъ отношеній къ женѣ останутся навсегда загадочными. Въ этомъ было несомнѣнно нѣчто патологическое. Но М. А. никогда не игралъ унижительной роли. Въ концѣ концовъ я думаю теперь, что М. А. въ глубинѣ своей души былъ снисходительнымъ отцемъ своей жены и нѣжнымъ дѣдомъ ея дѣтей. Вотъ почему у него не являлось вопроса о приличіи или неприличіи покровительства Г. передъ итальянскими властями. Но въ это время я раздѣляла раздраженіе итальянцевъ, ихъ опасенія, что буржуазія сдѣлаетъ изъ всего этого орудіе не только противъ Бакунина, но и противъ социалистовъ.

Но дѣлать было нечего. Бакунину снова—приходилось взять посохъ и идти куда поведетъ судьба. Снова пришелъ конецъ мечтѣ. Не было для него покоя ни въ какомъ уголкѣ земли.

М. А. не жаловался, но сильно упалъ духомъ, становился все раздражительнѣе, и болѣзнь, вѣроятно, сдѣлала значительный шагъ впередъ. Докторъ изъ „отличнаго нѣмца“ превратился въ „лиота“, добровольные сидѣльцы не могли ничѣмъ угодить, безсонныя ночи тянулись безъ перерыва... М. А. рѣшилъ, что, пока ликвидируются дѣла виллы, пока А. К. устраиваетъ переѣздъ въ

Неаполь, онъ поѣдетъ въ Бернъ къ своему другу Адольфу Фохту который его вылъчитъ и что тогда мы всё вмѣстѣ поѣдемъ въ Неаполь, гдѣ и будемъ писать его мемуары.

Незадолго передъ своимъ отъѣздомъ Бакунинъ сказалъ мнѣ:

— Я оставлю всё свои бумаги у тебя, а если въ Бернѣ умру ты сумѣешь съ ними распорядиться.

Дни шли, о бумагахъ не было рѣчи. Наканунѣ отъѣзда Бакунина я застала въ его комнатѣ Антонію Ксаверьевну за перекладкой бумагъ изъ стѣннаго шкафа въ чемоданъ. Все валялось зря въ перемежку. М. А. сидѣлъ тутъ-же, курилъ и совершенно равнодушно смотрѣлъ на варварское обращеніе съ его рукописями. Я не рѣшилась ничего по этому поводу сказать. Мое почитаніе къ Бакунину было такъ велико, что всякое его рѣшеніе было для меня свято, а привязанность къ нему мѣшала поднять вопросъ о бумагахъ, вопросъ имѣ самымъ связанный со смертью. Бумаги этихъ я такъ и не получила ни тогда, ни потомъ.

На другой день М. А. уѣзжалъ утромъ. Я пришла за частью его отъѣзда. Въ домѣ шла суетолока. Мы не остались ни на минуту вдвоемъ. Андреа, страшно встревоженный, убѣждалъ М. А. позволить ему проводить его доерна, но М. А. и слышать объ этомъ не хотѣлъ.

— Ну, до свиданья. Поручаю тебѣ всёхъ моихъ, береги ихъ, помогай имъ. Увидимся въ Неаполь.

Это были послѣднія слова, сказанныя мнѣ Бакунинымъ.

Въ тотъ же день уѣхала и А. К. въ Италію.

IV.

Я продолжала ходить на виллу Бакунина почти каждый день и все болѣе сближалась съ Софьей Ксаверьевной. Насъ соединяла, главнымъ образомъ любовь къ М. А.

Послѣ первой телеграммы о благополучномъ путешествіи доерна довольно скоро—совершенно не помню черезъ сколько времени—пришла телеграмма отъ Фохта или отъ Рейхеля (тоже не помню), что М. А. опасно заболѣлъ. Телеграмма была на имя Антоніи Ксаверьевны. Моей первой мыслью было немедленно поѣхать въ Бернъ, но Софья Ксаверьевна просила меня остаться и подождать пріѣзда сестры, чтобъ ѣхать не иначе какъ съ нею. Она находила, что мое присутствіе при Бакунинѣ безъ жены его будетъ компрометировать послѣднюю. Почему-то никто не долженъ былъ знать, что жена Бакунина въ Италіи или вообще не въ Лугано. Еслибъ я пріѣхала, явился бы вопросъ: почему же А. К. не пріѣхала? „Начнутъ пересуды, говорила С. К., а вы знаете какъ друзья Мишеля недоброжелательны къ Антошѣ“.

Я протестовала, говорила, что не могу оставить больного Бакунина совершенно одного въ Бернѣ, но С. К. сразу прекратила наше пререканіе, напомнивъ, что самъ Бакунинъ поручилъ

мнѣ свою семью, просилъ ей помогать, отъѣздомъ же своимъ въ Бернъ я серьезно скомпрометирую Антосю которую „сами знаете какъ любить Мишель“.

Доводы эти кажутся мнѣ теперь совершенно ничтожными, во тогда, подъ вліяніемъ слѣпото подчиненія волѣ Бакунина, они казались неопровержимыми. Могу сказать, что повиновение его волѣ мнѣ стоило дорого. Я не находила себѣ покоя, почти не спала и все время проводила въ хожденіи изъ горной деревушки, гдѣ жила въ Лугано къ Бакунинымъ за вѣстями изъ Италіи или изъерна, шла оттуда въ сапожную мастерскую, гдѣ работали Сатандреа и гдѣ меня ждали съ тревожнымъ интересомъ другіе рабочіе бакунисты; потомъ опять шла къ себѣ въ гору, куда поздно вечеромъ поднимались Сатандреа и Маццоти, чтобъ вмѣстѣ поговорить все о томъ же: какъ себя долженъ чувствовать Микеле, выживетъ ли онъ? Странно, что эти преданные Бакунину люди, ругая на чемъ свѣтъ А. К., ни въ чемъ въ данномъ случаѣ неповинную, также находили, что до ея приѣзда мнѣ ѣхать въ Бернъ не слѣдуетъ. Между тѣмъ надежды на скорый отвѣтъ отъ А. К. было мало. Софья Ксаверьевна разослала по всей Италіи телеграммы въ погоню за сестрой. Никто, даже она сама не знала гдѣ Бакунина. Вещи мои были уложены, всѣ текущія дѣла приведены въ порядокъ; я ждала съ часа на часъ телеграммы о томъ, что А. К. ѣдетъ въ Бернъ прямо или черезъ Лугано, но во всякомъ случаѣ *идетъ* и что тогда можно будетъ сѣхать и мнѣ. Ни откуда ни слова — ни изъерна, ни изъ Италіи...

Перваго іюля, въ день смерти М. А., я не ходила въ Лугано. Страшное утомленіе совершенно овладѣло мною и я рѣшила провести этотъ день дома. Рано утромъ 2 іюля я пошла къ Бакунинымъ. Сразу мнѣ показалось, что произошло нѣчто особенное. Въ саду было пусто, внизу дома—также. Я нашла С. К. въ дѣтской съ заплаканными глазами. Дѣти стояли около нея и тоже плакали, въ особенности Бомба. Я, конечно, сразу поняла... Дѣтей отравили въ садѣ; С. К. показала мнѣ телеграмму изъерна. Она была въ совершенномъ отчаяніи, плакала о Бакунинѣ, сѣтовала объ отсутствіи всякихъ вѣстей отъ сестры, умоляла меня не ѣхать въ Бернъ на похороны, ждать Антосю, которой она снова разослала во всѣ концы телеграммы. Но я и не собиралась въ Бернъ, не чувствовала даже потребности быть на похоронахъ, разъ мнѣ не привелось быть при М. А. въ послѣдніе дни его жизни. С. К. рассказала мнѣ, что послѣ полученія телеграммы она сообщила дѣтямъ о кончинѣ отца и рассказала имъ, чтобы они всегда чтили его память, какой онъ былъ великій человекъ, какъ онъ любилъ бѣдныхъ и Польшу. Дѣти плакали, и Бомба сказала: „*Aloro avevo ragione di amare papa Michele e mama diceva sempre ch'era un stupido*“.

Я спросила С. К., знаютъ ли друзья Бакунина въ Лугано о его кончинѣ, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, пошла въ сапожную мастерскую. Если на похоровахъ Бакунина гово-

рились торжественныя рѣчи отъ лица рабочихъ, то врядъ ли люди тамъ бывшіе ясно представляли себѣ какое глубокое горе испытывалъ тотъ небольшой кружокъ рабочихъ, который тѣснился около Бакунина въ Лугано. Когда я безъ всякихъ подготовлений, на порогѣ двери, сказала: Michele e morto, я даже испугалась собственныхъ словъ—такое потрясающее впечатлѣніе они произвели. Плакали не одни бакунисты, плакали и швейцарцы только слыхавшіе о Бакунинѣ отъ товарищей по мастерской Сатандреа кинулся на земь, билъ ногами по полу какъ ребенокъ и плакалъ навзрыдъ. Я увела его въ квартиру Маццоти, гдѣ онъ долго не могъ успокоиться. Да и трудно было успокаивать его людямъ, которые были почти въ такомъ же состояніи. Отъ этого дня у меня осталось смутное впечатлѣніе ужаса катаклизма. Рушились какія-то великія надежды, уходила изъ подъ ногъ почва и вмѣстѣ съ тѣмъ горе это экзальтировало надежды, укрѣпляло увѣренности.

Правило древнихъ говорить объ умершихъ только хорошее—не столько совѣтъ, но фактъ наблюденія. Всегда смерть стираетъ изъ памяти близкихъ недостатки умершаго; она увеличиваетъ человека. Личность Бакунина выросла для насъ въ день полученія извѣстія о его кончинѣ до сверхъестественныхъ размѣровъ и подняла насъ самихъ на болѣе высокій уровень. Куда бы ни отнесли насъ потомъ волны жизни, но у каждаго изъ насъ, сидѣвшихъ тогда въ бѣдной рабочей комнатѣ, билось сердце гордаго свободолюбиваго, независимаго человека, ненавидящаго всякій родъ стаднаго рабства. Какъ ни чужды были мы другъ другу по расѣ, привычкамъ жизни, общественному положенію—любовь къ учителю и внушенныя имъ идеи дѣлали изъ насъ настоящихъ братьевъ. Только впечатлѣнія кровной близости съ этими простыми людьми остались неизгладимо въ моей памяти, отношенія же къ смерти М. А. его культурныхъ друзей совершенно изгладились и смерть его скорѣе еще болѣе отдалила меня отъ нихъ въ эту минуту и навсегда потомъ.

* * *

Вскорѣ получилось извѣстіе о томъ, что А. К. проѣхала въ Бернъ; черезъ нѣсколько дней пришла вѣсть о ея возвращеніи въ Лугано. Никогда не забуду этого пріѣзда. Всѣ друзья М. А. также и нѣкоторые просто любопытные, пришли на вокзалъ друзья, чтобъ выразить свое уваженіе къ Бакунину, любопытные чтобъ посмотрѣть на вдову „глиняннаго русскаго“, какъ, звали Бакунина, противопоставляя его „золотому русскому“ фонъ-Дервизу у котораго также была вилла въ Лугано.

Антонія Ксаверьевна вышла изъ вагона въ глубокомъ траурѣ окинула взглядомъ группу ожидавшихъ ее и эффектно упала на руки рабочихъ, несмотря на всѣ усилія Педерцолли удостоиться такой чести. Это было красиво, внушительно и даже поучительно. Въ ту минуту никто не о чемъ не разсуждалъ, ни о чемъ не судилъ. Передъ нами была вдова Бакунина, и къ ней искренно

шли симпатіи, въ ней чествовали еще разъ Бакунина. И она это понимала, чувствовала и цѣнила. Въ ней было много врожденной чуткости не къ глубокому чувству, но къ вѣшной красотѣ всякаго положенія. Миѣ кажется, что это пониманіе красоты положенія и любовь къ красивой роли въ жизни свела ее съ Бакунинимъ и удержала съ нимъ до конца его жизни, заставляя терпѣть нужду, выполнять порой непосильную работу. Если она и сердилась на друзей Бакунина, то, главнымъ образомъ, тогда, когда они критическимъ отношеніемъ къ ней умаляли красоту ея роли. Ей никогда не приходило въ голову, въ этомъ я увѣрена, отвлекать сознательно Бакунина отъ его революціоннаго пути; я даже думаю, что она не осталась бы съ Бакунинимъ простымъ смертнымъ, а не великимъ революціонеромъ. Это было бы чрезвычайно обыкновенно, очень скучно и совсѣмъ некрасиво въ ея положеніи.

Въ Бернѣ ей пришлось вынести, по ея словамъ, много тяжелаго отъ друзей Мишеля. Одна только мадамъ Рейхель отнеслась къ ней съ добротою. Жена Адольфа Фохта не сказала съ ней ни слова про Бакунина и только спрашивала нравится-ли ей Бернъ и видѣла ли она его медвѣдей. Рейхели рассказали ей о послѣднихъ дняхъ жизни Бакунина. До послѣдней минуты и несмотря на ухудшеніе болѣзни онъ былъ бодръ и веселъ; велъ длинныя философскіе разговоры, удивлялъ ясностью своего ума, сохранившаго весь свой блескъ несмотря на страданія. Фохтъ и Рейхель были съ нимъ почти постоянно. Но скончался онъ въ совершенномъ одиночествѣ, умеръ, въ сущности какъ жилъ, одиоко. Рейхель былъ у него утромъ въ день смерти и долженъ былъ уйти по какому-то дѣлу. М. А. былъ въ очень подавленномъ физическомъ состояніи, но Рейхель, хотя и встревоженный ими, все же не предвидѣлъ столь близкаго конца. „До свиданія, Мишель“, сказалъ онъ собираясь уходить. — „Нѣтъ, прощай“, отвѣтилъ Бакунинъ, подавая руку. Рейхелю не хотѣлось уходить на такомъ словѣ и онъ опять сказалъ: „я сейчасъ возвращусь, до свиданія“, на что Бакунинъ отвѣтилъ, пожимая руку, „уже не на этомъ свѣтѣ“.

Когда послѣ того вошли въ комнату Бакунина онъ былъ уже мертвъ.

Такъ передала намъ Антонія Ксаверьевна рассказъ Рейхеля о его послѣднемъ свиданіи съ Михаиломъ Александровичемъ.

А. Баулеръ.

Матеріалісты двадцатыхъ годовъ.

I.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, незадолго до возстанія 14 декабря въ Москвѣ возникъ кружокъ молодыхъ философовъ, упивавшихся «магическими струями» «небесной» философіи Шеллинга. Эти шеллингианцы, «идеалисты двадцатыхъ годовъ», славятся, какъ предшественники знаменитыхъ идеалистовъ гегельянцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Они, дѣйствительно, очень замѣтны въ общемъ рисункѣ нашего умственнаго развитія, какъ начало одной изъ наиболѣе блестящихъ его линій. Они, однако, мало замѣчательны сами по себѣ и не они типичны для нашихъ двадцатыхъ годовъ. Въ эти годы шеллингианцы были новаторами, они стояли въ сторонѣ отъ главнаго теченія времени, которое завершилось столь незначительнымъ по обстановкѣ и столь крупнымъ по своему историческому значенію мятежемъ на Сенатской площади и при Бѣлой Церкви. Шеллингъ былъ чуждъ декабристамъ, за исключеніемъ немногихъ случайныхъ ихъ товарищей. Декабристы были учениками французскихъ писателей, политиковъ прежде всего, а въ области философской—французскихъ матеріалистовъ или, точнѣе, сенсуалистовъ. Типичными представителями двадцатыхъ годовъ были не мечтательные поклонники нѣмецкой небесной метафизики, а политики и матеріалисты, воспитанные на французской литературѣ Вѣка Просвѣщенія.

Идеалисты двадцатыхъ годовъ не знали мѣры въ нападкахъ на французскую литературу, на сухость и разсудочную холодность французскаго классицизма и эмпиризма; они противопоставляли имъ свободный романтизмъ и радость утоленія духовной жажды изъ источника знанія. Но французская литература также питала въ своихъ ученикахъ высокое воодушевленіе, особое воодушевленіе борьбы. Матеріалисты также томилась жаждой знанія, но утоляли ее не изъ нѣмецкой натурфилософіи, а изъ французской «Системы природы» Гольбаха, идущей безъ страха до крайняго отрицанія. Ученники французовъ не удалялись отъ жизни въ монашескую келью философіи и уроками философовъ пользовались для своихъ политическихъ цѣлей. Источникомъ ихъ воодушевленія была борьба съ дѣйствительностью и въ этой борьбѣ отрицаніе церкви и религіи у нихъ тѣсно соединилось съ отрицаніемъ стараго политическаго строя. Отъ своихъ

учителей французовъ XVIII вѣка они усвоили горячее стремленіе къ «благу общему», къ «благу человѣчества». Это благо человѣчества достигнуто будетъ тогда, когда настанетъ царство разума, когда разумъ разгонитъ тьму предубѣжденій и предрасудковъ, «свергнетъ къ землѣ идоловъ» разнаго рода, какъ писалъ ученикъ Вѣка Просвѣщенія Радичевъ. Въ стѣнѣ предубѣжденій, преграждающихъ путь въ вольное царство разума, одинаково гибельны предрасудки и суевѣрія средневѣковой церкви, какъ и средневѣковой рабской монархіи. «Гибельная цѣль заблужденій и пороковъ, изнуряющихъ человѣчество—говорила одна изъ первыхъ боевыхъ книгъ XVIII вѣка—идетъ отъ алтаря и трона»¹⁾.

У насъ въ началѣ XIX вѣка декабристы стояли передъ такою же тѣною отжившихъ учреждений, какъ французы передъ революціей; тамъ монархія опиралась на католичество; у насъ самодержавіе опиравлось на православіе. Ихъ боевое отрицаніе направлено было одновременно противъ церкви и противъ самодержавія и рабства. Воодушевленіе ихъ въ этой борьбѣ было сильнѣе воодушевленія «идеалистовъ», потому что оно шло до самопожертвованія, до готовности некоторыхъ изъ нихъ «жертвовать всѣмъ для блага общаго».

II.

Идеалисты шеллингианцы двадцатыхъ годовъ были очень немногочисленны. Германская философія долго не имѣла у насъ успѣха, хотя въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической Академіи профессоръ Велланскій началъ излагать философію природы уже съ 1805 года, а скорѣ послѣ появленія первыхъ сочиненій Шеллинга (1795—1803). Этого нѣсколько чудаковатый натурфилософъ, малороссъ родомъ, Данило Велланскій, (или по прозванію отца, Кавунникъ) вернулся въ 1805 году изъ заграничной ученой командировки большимъ поклонникомъ «Шеллингова огненнаго пера, жгущаго степныя селенія дряхлой учености». Новое ученіе онъ излагалъ въ 1805 году въ «Пролозіи къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ» и въ 1812 году въ обширномъ «Біологическомъ изслѣдованіи природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ». Въ этихъ сочиненіяхъ онъ мало останавливался на главныхъ положеніяхъ системы Шеллинга, и развивалъ не его «философію тождества», замѣчательный опытъ монистическаго воззрѣнія на міръ, а его «натурфилософію», увлекаясь его произвольными объясненіями началъ физики, химіи и фізіологіи. И въ этихъ объясненіяхъ Данило Велланскій слѣдовалъ даже не самому Шеллингу а больше его ученику натурфилософу Окену²⁾.

Велланскій постоянно жаловался на «слабое вниманіе публики» къ его философскимъ сочиненіямъ, а о своей «Пролозіи» говорилъ, что она «большею частью принята была за одну насмѣшку обыкновен-

¹⁾ Dumarvais, Essai sur les préjugés, 1750, гл. III, с. 78.

²⁾ «Систему натуральной философіи профессора Окена» (Lehrbuch der Naturphilosophie) Велланскій изложилъ въ своемъ «Обозрѣніи главныхъ содержаній философіи естествопознанія», изданномъ въ 1815 году. Обозрѣніе, изложенное въ 93-хъ §§ должно было служить руководствомъ къ лекціямъ. Велланскій не издалъ полнаго перелога Окена, только въ виду «слабago вниманія публики къ такимъ сочиненіямъ».

ной учености». Большой успѣхъ выпалъ на долю другого шеллингианца десятихъ годовъ, профессора педагогическаго института (преобразованнаго въ 1819 году въ петербургскій университетъ). Александръ Ивановичъ Галича (собственно Говорова), любимаго лицейскаго учителя Пушкина. Изданная имъ въ 1818—1819 гг. въ двухъ томахъ, замѣчательная для своего времени, «Исторія философскихъ системъ» заканчивалась популярнымъ очеркомъ системы Шеллинга и нашл себѣ многихъ читателей. Но Галичъ не имѣлъ замѣтныхъ послѣдователей; его профессорская дѣятельность была очень рано, въ 1821 годъ насильственно прервана изгнаніемъ изъ университета (вмѣстѣ съ тремя другими извѣстными профессорами, Арсеньевымъ, Германомъ и Раупахомъ); его обвинили въ томъ, что онъ «явно предпочитаетъ язычество христіанству, распутную философію—дѣвственной невѣстѣ, Христовой церкви, безбожнаго Канта—Христу, а Шеллинга—Духу Святому».

Современникъ этихъ двухъ профессоровъ шеллингианцевъ, московскій профессоръ И. И. Давыдовъ оставался въ десятихъ годахъ вѣрнымъ господствовавшей у насъ французской философіи. Давыдовъ не былъ за границей, въ Германіи, какъ Велланскій и Галичъ; онъ учился въ Россіи и усвоилъ изъ распространенныхъ здѣсь книгъ и воззрѣній высокое уваженіе къ французскому эмпиризму. Въ 1815 году онъ напечаталъ диссертацию: «О преобразованіи въ наукѣ, произведенномъ Бэкономъ», а въ 1820 году—«Опытъ руководства къ исторіи философіи», въ которомъ вполне обнаружилъ свое сочувствіе къ французской философской школѣ. Изъ нѣмецкихъ философовъ онъ оцѣнилъ одного Канта, но и ему не хотѣлъ уступить первенства предъ французскими мыслителями, и особенно Кондильякомъ. Подавляемый Кантомъ, но болѣе сочувствующій Кондильяку, онъ рѣшилъ дать имъ равныя по значенію мѣста въ философіи. Назвавъ Кант «Аристотелемъ Германіи», онъ тутъ же оговорился, что Кондильякъ имѣлъ бы предъ нимъ «первенство», «если бы болѣе любилъ древнихъ не презиралъ бы совершенно ученіе среднихъ вѣковъ и короче ознакомился съ современными философами, особливо съ учеными германцами». Сочувствуя «французской школѣ», Давыдовъ писалъ, что онъ «превосходитъ прочія ясностью и простотою формы, благородною разборчивостью, ненавистью къ восторженной мечтательности». Въ изданныхъ въ 1821 году «Начальныхъ основаніяхъ логики» онъ слѣдуетъ также главнымъ образомъ прежнимъ своимъ учителямъ Локку и Кондильяку. Но тутъ, уже поддавшись вліянію отчасти Галича, и, главнымъ образомъ, молодого московскаго профессора Павлова, онъ измѣняетъ ясности и положительности Кондильяка для восторженной мечтательности Шеллинга. Онъ присоединяетъ къ своей книгѣ предисловіе, несогласованное съ ея содержаніемъ,—въ духѣ новаго ученія Шеллинга. Въ этомъ предисловіи онъ предлагаетъ «по руководству Шеллинга съ которымъ первый въ отечествѣ нашемъ познакомилъ насъ почтенный профессоръ Галичъ, обозрѣть то, что необходимо для духовнаго совершенства»¹⁾, и вслѣдъ затѣмъ начинаетъ проводить идеи Ше

¹⁾ См. М. Филипповъ, Судьбы русской философіи. Русск. Бог., 1894, № 8. Здат же въ №№ 1, 3, 4 о другихъ шеллингианцахъ. О нихъ же: П. Милюковъ, Главныя теченія русской исторической мысли, гл. III.

днговой системы среди воспитанниковъ Благороднаго пансіона при университетѣ, въ которомъ онъ служилъ инспекторомъ¹⁾.

Наиболѣе замѣчательнымъ профессоромъ шеллингианцемъ былъ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ, начавшій свои блестящія лекціи въ Московскомъ университетѣ послѣ своего возвращенія изъ Германіи въ 1820 г. Онъ занималъ кафедрѣ физики и сельскаго хозяйства на физико-математическомъ отдѣленіи университета, но вмѣсто этихъ предметовъ читалъ введеніе къ философіи. «Павловъ—говоритъ Герценъ—стоялъ въ дверяхъ физико-математическаго отдѣленія и останавливалъ студента вопросомъ: Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?.. Отвѣтомъ на эти вопросы Павловъ излагалъ учене Шеллинга и Окена съ такой пластической ясностью, которой никогда не имѣлъ ни одинъ натуръ-философъ»²⁾.

Подъ вліяніемъ лекцій Павлова нѣсколько студентовъ Московскаго университета (1821—1824 гг.) углубились въ изученіе нѣмецкой философіи и особенно «твореній» Шеллинга, забросивъ всѣ остальные занятія. Они тѣсно сблизились между собой на почвѣ общихъ занятій германскимъ «любомудріемъ», какъ они называли германскую философію въ отличіе отъ «философіи» французской. По окончаніи университета, въ 1824 году, друзья поступили вмѣстѣ на службу въ московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и скоро получили извѣстность въ московскомъ дворянскомъ обществѣ подъ именемъ «архивныхъ юношей». Вдохнителемъ этого кружка былъ молодой поэтъ П. В. Вeneвитиновъ, игравшій въ немъ приблизительно такую же роль, какую позднѣе въ кружкѣ гегельянцевъ тридцатыхъ годовъ игралъ Н. В. Станкевичъ: онъ также, какъ Станкевичъ, умеръ безвременно на 22 мѣ году жизни, въ 1827 году. Наболѣе близки къ Вeneвитинову были князь В. Ѳ. Одоевскій, двое будущихъ славянофиловъ И. В. Кирѣевскій и А. И. Кошелевъ и Рожалинъ. Они впятеромъ образовали въ 1824 году «Общество любомудрія», облекши его строгой тайной. Собранія происходили въ квартирѣ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, подъ его предсѣдательствомъ; говорилъ больше всего Вeneвитиновъ и «своими рѣчами—вспоминаетъ Кошелевъ—часто приводилъ насъ въ восторгъ»³⁾.

Къ этому кружку юношей (изъ нихъ старшему кн. Одоевскому было въ 1824 году 21 годъ), примкнулъ человекъ старшаго поколѣнія, поэтъ В. К. Кюхельбекеръ (ему было уже въ это время 26—27 лѣтъ). Кюхельбекеръ не особенно интересовался философіей, но въ своей специально литературной области онъ проводилъ взгляды, родственные философіи своихъ друзей. Онъ отстаивалъ новую нѣмецкую эстетику и писалъ въ новомъ родѣ народнаго романтизма. Въ юности Кюхельбекеръ былъ увлеченъ «общимъ потокомъ» французскаго вліянія; въ его литературной дѣятельности это вліяніе выразилось въ томъ, что

¹⁾ Изъ устроенныхъ имъ литературныхъ собраній воспитанниковъ возникло литературное общество, такъ называемое Ранчевское (по имени переводчика Тасса, С. Е. Ранча, учителя пансіона) Изъ этого общества вскорѣ выдѣлился философскій кружокъ.

²⁾ Сочин. А. И. Герцена, т. II, ст. 309—310.

³⁾ Златвскія А. П. Кошелева, изд. въ Берлинѣ, и біографія его, изданная П. Кошелевымъ.

онъ, по его словамъ, «руководствовался въ словесности и эстетикѣ правилами французской школы Лагарпа, Батте и прочихъ»; въ это же время онъ живо интересовался политикой и «повторялъ и говорилъ, что тогда повторяла и говорила сплошь почти молодежь, не только молодежь». Въ 1820-мъ году онъ ѣздилъ за границу, въ 1821—1822 гг. служилъ въ Грузіи, затѣмъ годъ прожилъ въ деревнѣ и въ 1824 году онъ появляется въ Москвѣ другомъ московскихъ любителей мудровъ, очень далекихъ отъ политики. Къ этому времени онъ вовсе оставилъ эстетическія правила французской школы и «держался преимущественно нѣмцевъ, особенно же Шеллинга, Шлегеля и Лессинга»¹⁾.

Въ 1824—1825 гг. въ тѣ же годы, когда въ Петербургѣ издавалась знаменитая «Полярная Звѣзда» Рылѣева и А. А. Бестужева (1823—1825 гг.), кн. В. О. Одоевскій въ Москвѣ въ сотрудничествѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ издаетъ альманахъ «Мнемозину», этотъ интересный памятникъ новаго умственного движенія 20-хъ годовъ, идеалистическаго въ философіи и романтическаго въ литературѣ. «Мнемозина» собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ, издана была въ 4-хъ частяхъ; первыя три вышли въ теченіе 1824 года, четвертая въ началѣ 1825 года²⁾. Это—небольшія книжки въ малую осьмушку; на нихъ старомодный, кажущійся теперь наивнымъ, отпечатокъ. Обложка символизировала сочетаніе поэзіи съ философіей: лиру обвиваетъ внизъ змѣя, на лирѣ—сова и надъ нею вверху семь звѣздъ. Въ ряду сотрудниковъ—Пушкинъ; двѣ его превосходныя вещи: «Мой демонъ» и «Къ морю». Поэты—Баратынскій, Языковъ, князь Вяземскій. Особенно много романтическихъ стихотвореній, историческихъ поэмъ и прозы Кюхельбекера. Въ числѣ литографій—портретъ Байрона. Кромѣ рисунковъ приложены ноты наивныхъ романсовъ того времени Вельгорскаго и кн. Одоевскаго (на слова татарской пѣсни Пушкина) и изъ оперы Верстовскаго.

Видное мѣсто въ «Мнемозинѣ» занимали небольшія философскія статьи. Здѣсь помѣщена была статья учителя юныхъ любителей профессора Павлова, «О способахъ изслѣдованія природы», за подписью π π и двѣ статьи князя Одоевскаго: «Афоризмы изъ различныхъ писателей по части современнаго германскаго любомудрія» и отрывокъ изъ начатаго имъ словаря исторіи философіи, о греческой философской школѣ, «сектѣ идеалистико-элеатической» (Ксенофанъ Парменидъ, Зенонъ). Поклонникъ Шеллинга обратилъ вниманіе на эту греческую школу, потому что она «вмѣстѣ съ Пифагоромъ была, какъ бы предтечею возвышенныхъ мыслей самого божественнаго Платона» и черезъ Платона была «основаніемъ теоріи многихъ новѣйшихъ мыслителей, далеко оставившихъ за собою всѣ усилія прежде бывшихъ любителей»³⁾.

Павловъ и Одоевскій развивали нѣкоторыя основныя положенія системы Шеллинга. Павловъ краснорѣчиво доказывалъ безсиліе опытности, безсиліе эмпиризма объяснить порядокъ и гармонію природы

¹⁾ Госуд. Архивъ, I В. № 345 л. 92; показанія Кюхельбекера.

²⁾ Целебурныя помѣтки 17 января, 14 апрѣля (М. Качевова), 13 и 16 октября 1824 г. (С. П. Снегирева).

³⁾ „Мнемозина“, ч. II и IV.

Только умозрительная философія, доказывалъ онъ, можетъ «сорвать завѣсу, сокрывающую отъ насъ пружины сей гармонической машины, открыть причину всѣхъ ея несмѣтныхъ движеній и тамъ при самомъ началѣ дѣятельности природы водрузить знамя истины,—словомъ образовать общую теорію природы и при ея свѣтѣ благоговѣйною мыслію погружаться въ дѣла Всесотворшаго». Одна *опытность* недостаточна: необходимо восполнить опытъ *умозрѣніемъ*. Главное содержаніе статьи Павлова и состоитъ въ обоснованіи умозрѣнія, какъ особаго источника философскаго знанія. Онъ говоритъ объ основномъ камнѣ системы Шеллинга, о «чудной способности» самосознанія, самосозерцанія, интеллектуальнаго воззрѣнія, того особаго внутренняго опыта, того самосозерцанія духа, на которомъ Шеллингъ основалъ все свое ученіе, до воззрѣнія на міръ, какъ на самосозерцаніе абсолюта.—Въ согласіи съ статьей Павлова, князь Одоевскій въ своихъ афоризмахъ, не называя Шеллинга, излагаетъ коротко основное положеніе его системы, говоря о тождествѣ истинно Отвлеченнаго (идеальнаго) съ истинно Вещественнымъ (реальнымъ) и объ абсолютѣ, какъ идеѣ сего совершеннаго единства Отвлеченнаго съ Вещественнымъ. Съ другой стороны, Кюхельбекеръ въ статьѣ «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе», возставая противъ французскаго «мнимаго классицизма», восхваляетъ новое романтическое направленіе, «свободу изобрѣтенія, новостъ и народностъ» романтической поэзіи.

Политическое движеніе этихъ лѣтъ ничѣмъ не отразилось въ «Мнемозинѣ». «Полярная Звѣзда», насколько позволяла цензура, говорила въ «Думахъ» Рылѣва о возстаніи на «утѣснителей народа», о «свободѣ», искупаемой жертвами. Кружокъ «любомудровъ», издававшій «Мнемозину», стоялъ въ сторонѣ отъ этого движенія. Онъ относился къ политикѣ безъ той враждебности, съ какою нѣсколько позже одинъ изъ членовъ кружка И. Кирѣевскій писалъ о «глупомъ либерализмѣ» и о замѣнѣ его «уваженіемъ къ законамъ». Погруженные въ философію любомудры относились къ политикѣ не враждебно, но индифферентно. 1825 годъ заставилъ ихъ выйти изъ ихъ философскаго уединенія.

Весною 1825 года Рылѣвъ пріѣхалъ въ Москву; молодые философы познакомились съ нимъ на вечерѣ у М. М. Нарышкина (декабриста), гдѣ онъ читалъ свои «Думы». Его стихи и его «рѣзкія рѣчи» оставили въ нихъ сильнѣйшее впечатлѣніе.

Насталъ декабрь мѣсяцъ. «Никогда не забуду—пишетъ Кошелевъ—того потрясающаго дѣйствія, которое произвели на насъ первыя извѣстія о 14 декабря». Члены кружка пришли въ большое волненіе: они собирались уже не для философскихъ бесѣдъ, а для обсужденія политическихъ новостей. Собранія ихъ, въ связи съ прежней ихъ славой философовъ, показались опасными властямъ. При архивѣ былъ поставленъ караулъ. «Солдаты были снабжены патронами. Командовалъ не унтеръ-офицеръ, даже не простой офицеръ, а цѣлый маіоръ. Воображали, кажется, что архивные юноши произведутъ подражаніе петербургскому возмущенію». Въ Москвѣ ходили слухи о готовящемся грандіозномъ возстаніи на Югѣ; говорили, что Ермоловъ идетъ съ своими кавказскими войсками на

Москву. «Эти слухи были такъ живы и положительны, и казались такъ правдоподобными, что Москва, или вѣрнѣе сказать, мы ожидали всякій день съ Юга новыхъ Мининыхъ и Пожарскихъ. Мы, нѣмецкіе философы, забыли Шеллинга и Канта, ѣздили всякій день въ манежъ въ фехтовальную залу учиться верховой ѣздѣ и фехтованію и, такимъ образомъ, готовились къ дѣятельности, которую мы себѣ предназначали»¹⁾.

Это невинное фехтованіе не имѣло для «архивныхъ юношей» ни какихъ опасныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что они поспѣшили закрыть свое общество Любомудрія: уставъ и протоколы общества были торжественно сожжены.

Примыкавшій къ ихъ кружку Кюхельбекеръ былъ глубже захваченъ потокомъ времени. Въ апрѣлѣ 1825 года онъ переѣхалъ въ Петербургъ и, поддавшись вліянію Рылѣева и другого князя Одоевскаго Александра Ивановича, декабриста, въ ноябрѣ вступилъ въ Сѣверное тайное общество. 14 декабря онъ явился на Сенатскую площадь, стрѣлялъ въ великаго князя Михаила Павловича и въ генерала Воинова— и осужденъ былъ по первому разряду; 10 лѣтъ провелъ онъ въ арестантскихъ ротахъ въ Динабургѣ и Свеаборгѣ и умеръ на поселеніи въ Сибири.

III.

«Мнемозина» съ ея «небесной» философійю, отрѣшенной отъ дѣйствительности, шла противъ общаго теченія, и успѣха не имѣла: издатели вынуждены были прекратить изданіе на 4-й книжкѣ за недостаткомъ подписчиковъ. Новое теченіе не могло осилить господство вавшаго тогда у насъ въ культурномъ слоѣ общества, укоренившаго въ немъ съ XVIII столѣтія французскаго вліянія. Только Жуковскому своимъ нѣмецкимъ романтизмомъ, удалось пробить небольшую брешь въ старой культурной традиціи. Но эта традиція французской литературы, философіи и политики, оставалась еще прочно господствующей. Широта и сила французскаго вліянія въ это время отразилась, въ рѣзкихъ сатирическихъ чертахъ, въ ожесточенныхъ нападкахъ на галломанію, съ особой точки зрѣнія русскаго націонализма, пробужденнаго войной съ Наполеономъ.

Послѣ войны 1812-го года такимъ ожесточеннымъ обличителемъ галломаніи выступилъ Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ, авторъ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ» и замѣчательнаго «Путешествія въ Тавриду, отецъ трехъ декабристовъ, изъ которыхъ одинъ, Сергѣй былъ повѣшенъ, другой, Ипполитъ, былъ убитъ въ сраженіи подъ Бѣлой Церковью, третій, Матвѣй, сосланъ на каторгу. Въ своихъ «Письмахъ», печатавшихся въ «Сынѣ Отечества» съ 1813 по 1815 годъ И. М. Муравьевъ-Апостолъ горячо возстаетъ противъ пагубной моды на французскій языкъ и на губернаторовъ французовъ. На приходящихъ въ Россію «Любскихъ судахъ» говорить онъ— вмѣстѣ съ устерсами

¹⁾ Записки А. И. Кошелева, Берлинъ. Статья Д. В. Веневитинова въ Русск. Архивѣ 1885 г., ч. I. Статья Н. Котляревскаго въ Русск. Богатствѣ, 1905 г. № 7.

либургскимъ сыромъ приплывали цѣлыя груды французовъ: парикмахеровъ, поваровъ, модныхъ торговокъ, учителей». Они «разсыпались не только въ столицахъ, но и по всему пространству Россіи и находили средства овладѣть умами во многихъ домахъ, какъ знатныхъ, такъ и незнатныхъ». Благодаря французамъ гувернерамъ дѣти даже «Богу молиться не умѣютъ иначе, какъ по французскому молитвеннику». «Ослѣпленные предрасудками воспитанія» русскіе люди «не хотятъ видѣть вещей, такъ, какъ онѣ есть», «почитаютъ французовъ примѣромъ образованности и просвѣщенія, предпочитаютъ ихъ литературу нынѣшнюю варварскую всѣмъ прочимъ, развращенные ихъ нравы—своимъ отцовскимъ, чистымъ и непорочнымъ, языкъ ихъ—своему природному». И въ своемъ негодованіи на вліяніе французовъ авторъ «Писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ» доходитъ до того, что видитъ, подобно рисовальщикамъ патриотическихъ лубочныхъ картинокъ, въ «нынѣшнемъ французѣ синонимъ чудовищу, варвару, извергу»¹⁾.

О силѣ французскаго вліянія въ области литературы и философіи свидѣтельствуетъ ожесточенность нападокъ на него представителей новаго теченія. «Будемъ благодарны Жуковскому, восклицаетъ Кюхельбекеръ, что онъ освободилъ насъ изъ подъ ига французской совѣстности. Было время, когда у насъ слѣпо припадали передъ каждымъ французомъ, римляниномъ или грекомъ, освященнымъ приговоромъ Лагарпова лица. Нынѣ благоговѣютъ предъ всякимъ нѣмцемъ или англичаниномъ, какъ скоро онъ переведенъ на французскій языкъ; ибо *французы и по сѣю пору не перестали быть нашими законодателями*; мы осмѣлились заглядывать въ творенія сосѣдей ихъ единственно потому что *они стали ихъ читать*». Разсужденія Кюхельбекера о романтической поэзіи всѣ направлены противъ ига французскаго классицизма. Выдѣляя лучшихъ «истинныхъ поэтовъ» Франціи, Расина, Корнеля и Мольера, онъ находитъ и въ нихъ внутреннее омерзѣніе противъ подчиненія «условнымъ правиламъ» дожно-классицизма.

Вровень со статьей Кюхельбекера о романтизмѣ, полемикой противъ французовъ въ другой области, философской, переполнено разсужденіе Павлова о германской умозрительной философіи. Онъ забочень не столько тѣмъ, чтобы развить положенія этой философіи, сколько тѣмъ, чтобы въ сопоставленіи съ нею доказать недостаточность, безсиліе французскаго эмпиризма. «Опытъ—писалъ Павловъ—можетъ доводить до открытій, но до знанія явленій природы никогда. Эмпирическія свѣдѣнія никогда не могутъ быть выше обыкновеннаго разсказа; ихъ совокупность не болѣе значить, какъ собраніе матеріаловъ, разбросанныхъ въ беспорядкѣ. Пусть эмпирики выдумываютъ теоріи, чтобы устроить сей хаосъ: но ихъ усилія тщетны; они одну ложь замѣняютъ другою». Князь Одоевскій въ своихъ статьяхъ иронизируетъ надъ «весьма нефилософскими» эстетиками, «воклонниками Лагарповъ и Вольтеровъ». Онъ сѣтуетъ, что у насъ «лю сихъ поръ философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ

¹⁾ Нв. Кубасовъ. „И. М. Муравьевъ-Апостоль, авторъ Писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ“, Р. Стар. 1902, т. СХІІ, ноябрь, с. 348 и др.

въ образѣ французскаго говоруна 18-го вѣка» и для вѣщаго отличія «истинной небесной философіи» отъ философіи Вольтеровъ и Гельвеціевъ называетъ ее любомудріемъ. Положительныя задачи «Мне мозины»: «распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ изъ Германіи» связываются съ борьбой противъ «закоренѣлыхъ заблужденій» галломаніи, съ стремленіемъ «*положить предѣлъ нашей пристрастію къ французскимъ теоретикамъ*»¹⁾).

Въ галломаніи русскаго общества было немало комическихъ сторонъ, которыя давали пищу сатирикамъ съ XVIII вѣка. Ив. Матв. Муравьевъ-Апостоль продолжалъ дѣло сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени, когда смѣялся надъ французскими учителями, которые учили своихъ питомцевъ только «пѣть водевили, танцевать гавотъ, хрипѣть въ носъ тирады изъ французской трагедіи». Однако французское вліяніе выражалось не въ одномъ такомъ маскараднѣйшей подражательности. Отражаясь на массѣ общества только внѣшнимъ лоскомъ французскаго костюма и русско-гасконскаго жаргона, оно имѣло глубокое культурное значеніе для лучшихъ творческихъ силъ цѣлаго ряда поколѣній вплоть до 20-хъ годовъ. Французы «законодательствовали» у насъ не даромъ. Ихъ литература была крупною культурной силой. Основной фондъ ея составляли и потерявшіе еще тогда своего жизненнаго значенія великіе французскіе писатели XVIII вѣка, вѣка Просвѣщенія.

Въ пору своего увлеченія Гегелемъ Герценъ писалъ: «Что з огромное зданіе воздвигнула философія XVIII вѣка, у одной двери котораго блестящій, язвительный Вольтеръ... у другой—мрачны Руссо... «Мы забыли XVIII вѣкъ... времена Вольтера, Бюффона, чѣмъ ни говори, великія имена»²⁾).

Эта философія вѣка просвѣщенія имѣла въ себѣ громадную силу разрушенія, разрушенія стараго средневѣковаго государства и средневѣковаго церковнаго міровоззрѣнія. Политическій радикализмъ связанъ былъ въ ней съ философскимъ сенсуализмомъ, и въ этомъ соединеніи заключалась главная его сила, какъ боевого тарана. Это была самая подходящая «философія» для Россіи двадцатыхъ годовъ, съ средневѣковымъ самодержавіемъ и съ средневѣковымъ прославіемъ.

Въ кружкахъ декабристовъ всюду настольными книгами были французскіе классики по политикѣ и философіи, и тѣ иностранныя политическія сочиненія, которыя были усвоены французами. Эти книги изучались не менѣе серьезно, чѣмъ нѣмецкіе философы въ кружкѣ шеллингианцевъ и въ позднѣйшемъ кружкѣ гегельянцевъ. Французское вліяніе выражалось у насъ не только въ «несносномъ и виновномъ вздорѣ» французской болтовни въ салонахъ, но и въ серьезной работѣ надъ французской политической и связанной съ нею философской литературой.

Здѣсь было, надъ чѣмъ поработать. Не говоря уже о классикахъ, Монтескье, Руссо, Вольтерѣ, книги которыхъ были тогда еи

¹⁾ „Мне мозина,“ ч. II, с. 30, 40—42, ч. IV, с. 162, 232—233.

²⁾ Сочин. А. Н. Герцена, т. VI, стр. 8—9, (дневникъ 1812 г.).

не историческими, а живыми книгами, во французской политической и экономической литературѣ 20-хъ годовъ тогда блистали имѣвшіе общеевропейское значеніе новые писатели Бенжаменъ Констанъ, Лето де Траси, Ж. Б. Сей. По части философіи французы мало поддавались иностранному влиянію и слабо воспринимали нѣмецкій идеализмъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ эклектикъ Викторъ Кузенъ, читавшій первый свой курсъ въ изучаемое нами время съ 1815 по 1821 годъ. Но по части политической и экономической литературы французы, въ началѣ XIX вѣка, также, какъ и въ XVIII вѣкѣ, вполне усваивали новыя англійскія ученія. Адамъ Смитъ и Бентамъ, какъ въ XVIII вѣкѣ итальянецъ Беккариа, въ самомъ началѣ XIX вѣка, такъ сказать, натурализовались во Франціи. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» Адама Смита появилось во Франціи при жизни автора, въ 1802 году въ прекрасномъ переводѣ, съ примѣчаніями Гарнье ¹⁾. Въ томъ же году изданы были въ трехъ томахъ сочиненія Іереміи Бентама, частью въ переводѣ, частью въ изложеніи Дюмона ²⁾.

«Мы осмѣливались заглядывать въ творенія сосѣдей ихъ— французовъ—жаловался Кюхельбекеръ—единственно потому, что *они* стали ихъ читать». И надо прибавить, не заглядывая въ подлинники, люди 20-хъ годовъ изучали Бентама и Смита по французскимъ переводамъ. Въ 1822—1823 годахъ Евгенийъ Онѣгинъ, юный философъ въ осьмнадцать лѣтъ,

читалъ Адама Смита
И былъ глубокой экономъ,
То есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И какъ живетъ, и почему,
Не нужно золота ему,

Онъ читалъ Адама Смита, конечно, во французскомъ переводѣ Гарнье ³⁾. Бентамъ, тоже по французскому изданію Дюмона, сталъ славенъ у насъ наравнѣ съ французскими классиками. «Бывало, напримеръ, у насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ»,—писалъ Пушкинъ въ 1824 году (посланіе къ цензору). Здѣсь Бентамъ, какъ офрануженный англичанинъ, является рядомъ съ Руссо и Вольтеромъ, какъ въ Евгениѣ Онѣгинѣ рядомъ съ Ж. Б. Сеемъ.

Въ области философіи, по примѣру законодателей французовъ,

¹⁾ Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations, par Adam Smith, traduction nouvelle, avec des notes et observations par Germain Garnier. 5 томовъ, Paris, 1802 г.

²⁾ Traités de législation civile et pénale, par M. Jérémie Bentham, publiés en français par Et. Dumont, de Genève. Paris, 1802, т. I—III. Это изданіе частью было издано по рукописямъ, сообщеннымъ авторомъ. Этимъ изданіемъ пользовался въ 60-хъ годахъ А. Н. Шпигивъ издавая сочиненія Бентама.

³⁾ Многие знали объ Ад. Смитѣ изъ учебника русскаго академика, учителя вел. князя Николая и Михаила, А. К. Шторха, издаваемаго въ 1815 году на французскомъ языкѣ «Cours d'économie politique ou exposé des doctrines qui déterminent la prospérité des nations». Этотъ курсъ издавъ былъ затѣмъ, по нѣмецки, въ переводѣ съ французскаго. Эту книгу, какъ одинъ изъ источниковъ своего свободомыслия называлъ декабристъ П. А. Мухомовъ (Гос. Арх. I В, № 356).

не признававшихъ еще Канта, Фихте и Шеллинга, у насъ господствовали скептицизмъ Вольтера и Дидро и сенсуализмъ Гельвеція, Гольбаха и Кондильяка. Аббатъ Кондильякъ до нашихъ дней считается у французовъ однимъ изъ классическихкихъ писателей по философіи, а въ 10-хъ и 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія онъ пользовался славой перваго философа. Блестящій парижскій профессоръ Ларомигьеръ, ученикъ Кондильяка и издатель собранія его сочиненій (1798), излагалъ его ученіе въ 1811—1813 г., хотя затѣмъ мало по малу, подъ воздѣйствіемъ реакціи, смягчилъ крайніе выводы своего учителя, измѣнилъ ему и пришелъ къ спиритуализму.

Небольшой кружокъ московскихъ шеллингианцевъ смѣялся надъ распространеннымъ у насъ увлеченіемъ этими «французскими теоретиками». Но, увлекаясь «натурфилософіей», они не превосходили глубиной философскаго пониманія учениковъ Кондильяка, съ ихъ крайностями сенсуализма. Герценъ уже въ 1845 году, овладѣвъ ученіемъ Гегеля, сумѣлъ отдать должное французской философіи. «Энциклопедисты, писалъ онъ въ концѣ «Писемъ объ изученіи природы»— были односторонни до нелѣпости, но они не были такъ плоско поверхностны, какъ думали объ нихъ нѣмцы, судя по общедоступному языку ихъ... Нѣмцы привыкли читать въ потѣ лица тяжелые философскіе трактаты. Когда имъ попадается въ руки книга, отъ которой не трещить лобъ, они думаютъ (или правильнѣе думали лѣтъ двадцать тому назадъ), что это пошлость»¹⁾.

IV.

Французская литература XVIII и начала XIX вѣка представляла собою громадную политическую силу; всѣ декабристы испытали на себѣ ея покоряющую власть. На нихъ вліяли не только новые либеральные публицисты, но и старые политическіе классики XVIII вѣка. Изъ этихъ классиковъ Руссо въ особенности сохранялъ вполнѣ свое революціонное вліяніе на молодежь.

Въ 1823 году молодой офицеръ, поручикъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка А. С. Гангебловъ во время невольнаго уединенія на стоянкѣ въ глухой деревнѣ подъ Петергофомъ случайно прочелъ рѣчи Руссо «О вліяніи наукъ и художествъ на нравы». «Книга эта—восторженно вспоминалъ онъ впоследствии—мнѣ открыла необозримый просторъ для мысли; она поразила меня новизной и смѣлостью воззрѣній на ту степень искаженія своей природы, до какой, какъ вѣщалъ Руссо, дошелъ человѣкъ чрезъ лабиринтъ цивилизаціи... Идеи Руссо пламенными чертами запечатлѣвались на моемъ воображеніи»²⁾.

За два года передъ тѣмъ въ другомъ концѣ Россіи, въ Нижнемъ Новгородѣ другой молодой офицеръ, двадцатилѣтній прапорщикъ Н. А. Крюковъ, во время болѣзни, не выходя изъ дому, началъ читать разные

¹⁾ Сочиненія А. И. Герцена, т. IV, стр. 335.

²⁾ Воспоминанія А. С. Гангеблова, „Какъ я попалъ въ декабристы“. Русск. Арх. 1886. № 6, с. 193, и отд. изд.

французскія книги; изъ этихъ книгъ особенное впечатлѣніе на него произвелъ Руссо, давъ ему «страсть къ занятіямъ» и пробудивъ въ юношѣ «желаніе познать человѣка и то, что можетъ служить къ его счастью».

Третій молодой офицеръ, кавалергардскій поручикъ И. А. Анненковъ познакомился съ Руссо по урокамъ своего гувернера, швейцарца Дюбуа. «Первыя свободныя мысли—отвѣчалъ Анненковъ слѣдственной комиссіи—внушилъ мнѣ мой наставникъ; ибо онъ всегда выставлялъ свое правительство, какъ единственно не унижающее человѣчество, а про всѣ прочія говорилъ съ презрѣніемъ; наше же особенно было предметомъ его шутокъ. Онъ съ особеннымъ восхищеніемъ говорилъ о твореніяхъ Руссо, которыхъ чтеніе не мало подѣйствовало на меня». По вступленіи въ тайное общество Анненковъ снова вернулся къ Руссо и изучалъ съ своими друзьями «Общественный договоръ»¹⁾.

Руссо и другихъ французскихъ классиковъ вспоминали, какъ своихъ учителей, «нечувствительно разливавшихъ ядъ вольнодумства», и люди этого поколѣнія двадцатыхъ годовъ (14-е декабря застало ихъ молодыми людьми 20—25 лѣтъ), и люди поколѣнія десятыхъ годовъ, которое положило начало первому тайному обществу Союзу Спасенія 1817 года, и дало главнѣйшихъ дѣятелей Южнаго и Сѣвернаго Обществъ, какъ Пестель, Никита Муравьевъ, С. Муравьевъ-Апостоль, К. Рылѣвъ (имъ было въ началѣ 1826 года отъ 29 до 34 лѣтъ²⁾), — и немногіе, замѣшанные въ заговоръ, представители болѣе старыхъ поколѣній (изъ нихъ, напримѣръ, участвовалъ въ дѣлѣ генераль Фонвизинъ, 38-ми лѣтъ, и баронъ Штейнгель, 43-хъ лѣтъ).

Слѣдственная комиссія всѣмъ обвиняемымъ задавала одинъ и тотъ же вопросъ: «съ котораго времени и откуда заимствовали первыя вольнодумскія и либеральныя мысли, т. е. отъ внушеній друзей или отъ чтенія книгъ, и какимъ образомъ мнѣнія сего рода въ васъ въ вашемъ укоренялись?»

«Припоминая себѣ впечатлѣнія первой молодости—отвѣтилъ на это генераль Фонвизинъ—увѣрился я, что свободный образъ мыслей получилъ не отъ общества съ кѣмъ-либо, но, когда мнѣ было 17 лѣтъ (въ 1804 г.), изъ прилежнаго чтенія *Монтескю*, *Райналя* и *Руссо*, также древней и новѣйшей исторіи, изученіемъ которой занимаясь я съ особенною охотою».

Вольтера, Руссо и Гельвеція назвалъ въ отвѣтъ на тотъ же вопросъ, окончившій ученіе (морской кадетскій корпусъ) еще въ 1799 году, баронъ В. И. Штейнгель, и рядомъ съ этими французскими классиками — ихъ русскаго ученика Радищева («Поѣздка въ Москву»).

Монтескье и Руссо, *Общественный договоръ*, а также Макиавеля назвалъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, вмѣстѣ съ Пестелемъ бывшій основателемъ Союза Спасенія 1817 года³⁾.

¹⁾ Гос. Архивъ, I, В, №№ 368, 408.

²⁾ Пестель род. въ 1793 г., Н. Муравьевъ въ 1792 г., С. Муравьевъ-Апостоль въ 1796 г., К. Рылѣвъ въ 1795 г.

³⁾ Гос. Арх., I, В, №№ 353, 360 и 351.

Нѣкоторые указывали на классическую древность, примѣры исторіи грековъ и римлянъ, которые дѣйствовали на нихъ также, какъ на дѣятелей французской революціи. Такъ Каховскій говорилъ, что онъ «съ дѣтства изучая исторію Грековъ и Римлянъ, былъ воспламененъ героями древности». Одинаково съ нимъ на «чтеніе исторій республикъ римской и греческихъ» ссыался членъ общества Соединенныхъ Славянъ, И. В. Кирѣевъ, а основатель этого общества, П. И. Борисовъ, писалъ, что «жизнеописанія великихъ мужей Плутарха и Корнелія Непота поселили въ немъ съ дѣтства любовь къ вольности и народодержавію»¹⁾.

Вмѣстѣ съ литературой Вѣка Просвѣщенія на декабристовъ, по ихъ признаніямъ, оказали большое вліяніе Бентамъ и новые французскіе писатели, публицисты и экономисты, особенно Детю де Траси. Бенжаменъ Констанъ, и Ж. Б. Сей. Пестель писалъ, что сочиненіе де Траси сильно на него дѣйствовало; изъ его «Комментарія къ духу законовъ» Пестель не мало заимствовалъ въ свою «Русскую Правду». М. Ф. Орловъ иронизировалъ надъ пристрастіемъ многихъ своихъ товарищей къ де Траси говоря, что его книга «была для нихъ вышею степенью премудрости.»

Рядомъ съ Детю де Траси и Бенжаменомъ Констаномъ распространены были среди декабристовъ публицистическія работы забытаго теперь, но въ свое время очень славившагося французскаго писателя дипломата Биньона (позднѣ написавшаго многотомную исторію Франціи при Наполеонѣ). Особенно дѣйствовала на нихъ своимъ радикализмомъ книга его «Кабинеты и народы съ 1815 до конца 1822 года», имѣвшая шумный успѣхъ (въ 1822—1823 г.г. вышла въ трехъ изданіяхъ)²⁾. Въ чтеніи этой «ужасной» книги «Les cabinets et les peuples» Гангебловъ признавался, какъ въ преступленіи. Съ чтеніемъ «Общественнаго договора» Руссо и Биньона, „О конгрессахъ“, Анненковъ связывалъ свою рѣшимость вступить въ тайно Общество³⁾. Рыльевъ писалъ, что свободомысліе „постепенно возростало“ въ немъ, „отъ чтенія разныхъ современныхъ публицистовъ, какъ Биньонъ, Бенжаменъ Констанъ и другіе“. И одинаково съ нимъ точно сговорившись, князь Оболенскій, указавъ на разнообразіе своего чтенія, называетъ тѣхъ же двухъ авторовъ, Б. Констана и Биньона⁴⁾.

Вмѣстѣ съ книгами, многіе указывали на „духъ времени“, и вліяніе революцій, совершавшихся въ другихъ государствахъ. „Нынѣшній вѣкъ—писалъ Пестель—ознаменовывается революціонными мыслями. Отъ одного края Европы до другого видно вездѣ одно и то же, от

¹⁾ Дѣла, №№ 431 и 441. То же говорилъ Я. М. Андреевичъ, дѣло № 437, л. 2. См. также статью П. Е. Щеголева о Каховскомъ, *Былое*, 1906, № 1, с. 137.

²⁾ Baron Louis Pierre Bignon, род. въ 1771 г., ум. въ 1841 г. „Les cabinets et les peuples depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822. Раньше въ 1821 г., издана была и книга, направленная такъ же, какъ и названная, противъ Меттерниха и Священнаго Союзу „Du congrès de Troppau“.

³⁾ Дѣла № 49, № 368

⁴⁾ Дѣла №№ 334, л. 8. № 335, л. 5. П. Свистуновъ, корнетъ кавалергвдска полка называлъ прежде всего Руссо, Contrat Social, затѣмъ Бентама, Сейя и Бенжамена Констана (дѣло № 367). Н. П. Рѣпинъ, штабсъ-капитанъ называлъ „Монтескю, Филлажерри, Дестю де Трасси, Адамъ Смитъ и Сей“ (дѣло № 350).

Португалія до Россіи, не исключая ни единого государства, даже Англіи и Турціи, сихъ двухъ противоположностей. Духъ преобразованія заставляетъ, такъ сказать, вездѣ умы клочкаться“ ¹⁾. Одинаково съ Пестелемъ, Каховскій говорилъ о сильномъ дѣйствии на него „недавнихъ переворотовъ въ правленіяхъ“, и кн. Оболенскій заявилъ, что „свободомысліе укоренялось духомъ времени и наблюденіемъ происшествій, ознаменовавшихъ въ послѣдніе года почти всѣ страны міра (исключая Африки) революціями различнаго рода“ ²⁾.

Политическіе перевороты въ Западной Европѣ вызывали особенный интересъ къ газетамъ и журналамъ. Извѣстія объ этихъ событіяхъ проскальзывали и въ русскіе журналы, но главнымъ источникомъ служила французская журналистика. Свой свободный образъ мыслей одинъ изъ молодыхъ членовъ тайнаго общества, князь П. М. Голицынъ приписалъ прежде всего чтенію въ газетахъ „жаркихъ преній въ парламентахъ тѣхъ народовъ, кои имѣютъ конституціи“ ³⁾.

Такъ же какъ французской политической литературой, декабристы живо интересовались и французской философійю. Подъ давленіемъ этой философіи изъ нихъ немногіе сохранили религіозность; большинство относилось отрицательно къ христіанству и особенно къ его обрядности, а нѣкоторые доходили до атеизма въ духѣ этого времени, съ вызывающимъ отрицаніемъ Бога и съ „негодованиемъ“ на религію.

И. Д. Якушкинъ относился къ религіи съ уваженіемъ, высоко цѣня ее, какъ нравственное ученіе, но онъ никакъ не считалъ возможнымъ подчинить разумъ вѣрѣ. Другіе, какъ напримѣръ Н. П. Рѣпинъ, воспитанный подъ руководствомъ своего дѣда, вольтеріанца, отвергнувъ христіанство, отзывался о немъ „очень неуважительно“ ⁴⁾. Въ воспоминаніяхъ Гангеблова встрѣчается любопытный рассказъ о спорѣхъ въ крѣпости между И. А. Анненковымъ, „другомъ челоуѣчества“, усвоившимъ невѣріе отъ французскихъ философовъ, и „пламеннымъ христіаниномъ“, раскаявшимся матеріалистомъ М. С. Лунинымъ: «Оба они говорили превосходно. Первый (Анненковъ) выражался съ большою простотою и прямо приступалъ къ своей идеѣ; Лунинъ же впадалъ въ напыщенность, въ широковѣщательность, и нерѣдко позволялъ себѣ тонъ наставника, что впрочемъ оправдывалось и разностью ихъ возрастовъ». ⁵⁾ Лунинъ старался обратить своего молодого друга на путь истинный. Не разъ слышалось: «но другъ мой, вы напрасно такъ упорствуете; вѣрьте мнѣ, достаточно четверти часа нѣкотораго вниманія, чтобы вы вполне убѣдились въ истинѣ нашей вѣры». «Къ несчастью, замѣчаетъ Гангебловъ, этотъ quart d'heure тя-

¹⁾ Н. П. Сильванскій, Пестель предъ верх. уголовнымъ судомъ, с. 30.

²⁾ Дѣла, №№ 337, л. 7, № 335, л. 5.

³⁾ Дѣло № 362. Рядомъ съ этимъ онъ отмѣтилъ „чтеніе французскихъ, англійскихъ, вѣмецкихъ и итальянскихъ публицистовъ“. На „чтеніе книгъ и журнала „Constitutionnel“ сослался Іосифъ Поджіо: д. № 415, л. 4.

⁴⁾ Записки И. Д. Якушкина, с. 182—183.

⁵⁾ Анненкову было въ это время въ 1826 году, 24 года; Лунину—43. До своей эмиграціи за-границу (1816) онъ также былъ скептикомъ, но въ Парижѣ подъ вліяніемъ друга Гравеа увлекся католицизмомъ.

нулся чуть ли не болѣе мѣсяца, и я, получивъ свободу, оставилъ ихъ обоихъ съ разными убѣжденіями». ¹⁾

На югѣ въ Обществѣ Соединенныхъ Славянъ «проповѣдывалъ невѣріе своимъ товарищамъ», по словамъ Якушкина, основатель этого Общества Петръ Ивановичъ Борисовъ, молодой подпоручикъ артиллеріи. Артиллерійская бригада, въ которой онъ служилъ, стояла одне время въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика. Борисовъ нашель въ этомъ имѣніи бібліотеку французскихъ книгъ и зная нѣскольк французскій языкъ, началъ читать Вольтера, Гельвеція, Гольбахъ. Подъ вліяніемъ французовъ энциклопедистовъ онъ «сдѣлался—говорить Якушкинъ—догматически безбожникомъ». Изъ товарищей ея Славянъ «многіе ему вѣрили на слово». Удивляясь его скромному кроткому нраву, его благорасположенности ко всѣмъ, его предупредительности, Якушкинъ приходитъ къ заключенію, что этотъ безбожникъ «безсознательно для самого себя былъ проникнутъ истиннымъ духомъ христіанства» ²⁾. «Догматическое безбожіе» Борисовъ можетъ быть преувеличено въ разсказѣ Якушкина. На слѣдствіи онъ признался только въ религіозномъ «вольнодумствѣ»,—въ своихъ соинѣніяхъ относительно «нѣкоторыхъ мѣстъ стараго завѣта и нѣкоторыхъ обрядовъ, установленныхъ церковью, о коихъ не говоритъ Іисусъ Христосъ». Этимъ вольнодумствомъ онъ «обязанъ былъ, по его словамъ, нѣкоторымъ французскимъ авторамъ». Любопытно, что на него въ молодости повліялъ въ этомъ направленіи его отецъ (безпомѣстный дворянинъ Слободской Украины). «Мой родитель—разсказывалъ Борисовъ—не старался влить въ меня чрезмѣрной набожности: онъ часто говорилъ мнѣ, что Богу пріятнѣе всѣхъ жертвоприношеній видѣть чловѣка честнымъ, и желающимъ добра, что Богъ смотритъ не на полную, а на чистую руку, а еще болѣе на чистое сердце» ³⁾.

Религіозное вольнодумство и атеизмъ были широко распространены среди членовъ Южнаго Тайнаго Общества. Одинъ изъ немногихъ членовъ этого общества сохранившихъ свою религіозность, 22-хъ лѣтній поручикъ Николай Бобрищевъ-Пушкинъ съ недоувѣріемъ относилъ къ обществу, потому что большинство членовъ этого общества—говорилъ онъ—были «безбожниками». Самъ онъ остался «отъявленнымъ врагомъ» религіознаго «вольнодумства», не поддавшись «обольстительности» сочиненій Гельвеція, Даламбера, Гольбаха и Вольтера. Онъ принадлежалъ къ тайному обществу, потому что сочувствовалъ его политическимъ цѣлямъ, но его религіозность мѣшала его тѣсному сближенію съ товарищами. Когда младшій братъ его, Павелъ открылся ему о своемъ вступленіи въ члены общества, Н. Бобрищевъ

¹⁾ Воспоминанія А. С. Гангбллова, Р. Арх. 1888, № 6, с. 222. Самъ Гангбловъ не былъ матеріалистомъ, по недостатку образованія и недостаточному знанію французскаго языка: „обсуждаемые предметы были по своей высиренности не совсемъ для меня доступны“ Тамъ же, с. 221.

²⁾ Записки, Ш. Якушкина, с. 153—154.

Горбачевскій говорилъ на слѣдствіи, что Борисовъ въ одинъ годъ хорошо изучилъ французскій языкъ, переводилъ Вольтера и Гельвеція и давалъ читать эти педоды своимъ товарищамъ (д. № 434, л. 8).

³⁾ Дѣло № 434. „Однако я не безъ вѣри“ прибавилъ Борисовъ въ концѣ этого показанія.

Лушкинъ говорилъ ему такъ: «Да, Богъ знаетъ, хорошо ли это общество, ибо *большая часть изъ членовъ—безбожники*». ¹⁾

Однимъ изъ такихъ отъявленныхъ «безбожниковъ», пугавшихъ Бобрисева-Пушкина, былъ князь А. П. Барятинскій, ревностный пропагандистъ Южнаго Общества, бывший въ концѣ 1825 г. начальникомъ Тульчинской Управы. Въ его неизданномъ французскомъ стихотвореніи, не вошедшемъ въ небольшую книжку его стихотвореній, изданную въ 1824 году: *Quelques heures de loisir à Toulchin* (Часы досуга въ Тульчинѣ)—находимъ слѣдующія смѣлыя строфы:

«Возсѣдающій на молніяхъ, исполненный гнѣва, этотъ богъ выдыхаетъ испаренія дымящейся повсюду крови.

Да, у всѣхъ народовъ, во всѣ времена, всегда лилась кровь во имя твое, страшное всѣмъ.

Ты, далъ имъ это всеобщее стремленіе, ты самъ пилъ безъ конца кровь безпомощной жертвы.

.....
Когда темная ночь распространяетъ свои широкія завѣсы, читаю я твое величіе на челѣ звѣздъ;

Но крикъ птицы, умерщвленной острымъ когтемъ, внезапно отталкиваетъ отъ тебя мое упавшее сердце.

Вопреки всему величію твоего творенія, жестокость инстинкта кошки, отрицая благость твою, отрицаетъ твое существованіе.

Разобьемъ же алтарь, котораго онъ не заслужилъ. Онъ благъ, но не всемогущъ, или всемогущъ, но не благъ.

Вникните въ природу, спросите исторію, Вы поймете тогда, наконецъ, при видѣ зла, покрывающаго весь міръ, что для собственной славы Бога, если бы онъ даже существовалъ, надо было бы его отвергнуть». ²⁾

Если бы Богъ даже существовалъ, его надо было бы отвергнуть—это перифразъ извѣстнаго стиха Вольтера: *Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer.*

V.

Въ началѣ 20-хъ годовъ, въ то самое время, какъ въ Москвѣ загался кружокъ шеллингианцевъ, архивныхъ юношей, на Югѣ, среди штабныхъ офицеровъ 2-й арміи, главная квартира которой находилась въ мѣст. Тульчинѣ Подольской губерніи, образовался кружокъ молодыхъ офицеровъ, усердно изучавшихъ наряду съ французскими политическими книгами и французскую философію Гольбаха и Кондильяка. У московскихъ «любомудровъ» шли споры объ абсолютѣ и всеобщемъ духѣ,

¹⁾ Госуд. Архивъ, I В, № 422, л. 22, № 423, л. 5.

²⁾ *Ah brisons un autel qu'il n'a pas mérité:*

Il est bon sans puissance, ou puissant sans bonté.

Consultez la nature, interrogez l'histoire,

Vous y verrez enfin, que pour sa propre gloire

En voyant tant de mal couvrir le monde entier,

Si Dieu même existait, il faudrait le nier.

Черновикъ этого стихотворенія, со многими помарками, написанный на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1824 г.—въ Госуд. Арх. I В, № 474.

здѣсь—объ атеизмъ и объ ощущеніи, какъ основѣ мысли. Тѣ жили въ сторонѣ отъ политики, здѣсь съ дерзостью религіознаго отрицанія тѣсно соединялась дерзость отрицанія отжившихъ политическихъ порядковъ и съ спорами объ атеизмъ переплетались разсужденія о злодѣйствѣ рабства крестьянъ и военныхъ поселеній, о республикѣ, цареубійствѣ и вооруженномъ возстаніи.

Этотъ кружокъ молодыхъ прапорщиковъ и поручиковъ, въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ главы Южнаго тайнаго общества, Пестеля. Въ области политическихъ ученій они всецѣло подчинялись Пестелю, принявъ основанія его республиканской Русской Правды. Его авторитетъ въ этой области подавлялъ ихъ и они не входили въ подробности его проектовъ. Они еще только начинали изучать книги, хорошо имъ усвоенныя, и вліяніе французской политической литературы отражалось на нихъ, главнымъ образомъ, ревностью къ общественному благу, общимъ революціоннымъ воодушевленіемъ. Мысль ихъ, какъ неопитовъ, кажется, больше оставалась на поражавшемъ и пугавшемъ ихъ атеизмѣ.

Видную роль въ этомъ кружкѣ игралъ *Николай Крюковъ*, осужденный впослѣдствіи на каторгу по второму разряду. О постепенномъ развитіи своего политическаго и философскаго вольнодумства онъ подробно разсказалъ слѣдственной комиссіи ¹⁾. Я дополню разсказъ Крюкова разборомъ большой пачки его бумагъ, сохранившейся въ Государственномъ Архивѣ. Разсмотрѣвъ въ свое время эти бумаги—переводы, выписки и небольшіе отрывки собственныхъ сочиненій Крюкова—слѣдователь Боровковъ нашелъ въ нихъ *«полный сводъ соблазнительныхъ и развратныхъ умствованій новѣйшей философіи»*.

Отецъ Николая Крюкова, Александръ Семеновичъ, былъ Нижегородскимъ губернаторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и довольно состоятельнымъ помѣщикомъ Тульской губерніи ²⁾. Онъ былъ просвѣщеннымъ и гуманнымъ человѣкомъ и постарался дать своимъ сыновьямъ Николаю и старшему Александру, прекрасное образованіе. Получивъ извѣстіе объ ихъ арестѣ, онъ тяжело заболѣлъ: много мѣсяцевъ спустя генераль-губернаторъ на запросъ слѣдственной комиссіи сообщалъ, что онъ «безпрерывно находится въ болѣзни, приключившейся ему по полученіи извѣстія о преступленіи сыновей его» ³⁾.

Николай Крюковъ родился въ 1800 году. Онъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію молодежи, увлеченной политическимъ движеніемъ начавшимся въ 1817 году; Пестель былъ старше его на 7 лѣтъ. До 13-ти лѣтъ Крюковъ нѣсколько времени учился въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ. Въ 1813 году отецъ увезъ его съ собою изъ Москвы въ Нижній Новгородъ и началъ учить дома, пригласивъ учителей нижегородской гимназіи. Въ теченіе трехъ лѣтъ Крюковъ учился разнымъ предметамъ, въ томъ числѣ физикѣ и исторіи, ко

¹⁾ Это показаніе его давно напечатано Богдановичемъ въ „Исторія царствованія императора Александра I“, т. VI.

²⁾ Въ Крапивенскомъ уѣздѣ у него было имѣніе съ 286 душъ крестьянъ, а всего у него было до 400 душъ, изъ которыхъ, однако большая часть была заложена въ опекунскомъ совѣтѣ.

³⁾ Гос. Арх. I В, № 315, л. 200 и 328.

торами особенно интересовался, нѣмецкому и англійскому языкамъ и, конечно, французскому. Въ домѣ отца его жилъ французъ гувернеръ—неизбѣжная принадлежность всѣхъ дворянскихъ семействъ того времени; этотъ французъ, эмигрантъ Морино научилъ его только французскому языку; онъ не далъ ему, не хотѣлъ или не посмѣлъ дать книгъ Руссо, съ которыми Крюковъ познакомился позже, когда уже былъ офицеромъ.

Семнадцати лѣтъ Крюковъ поступилъ въ славившееся тогда частное военное училище Н. Н. Муравьева, «учебное заведеніе для колонновожатыхъ», въ которомъ учились многіе будущіе декабристы, и черезъ два года, въ мартѣ 1819 года, выпущенъ былъ въ офицеры прапорщикомъ квартирмейстерской части. Онъ былъ прикомандированъ къ штабу 2-й арміи и отправился въ Тульчинъ, гдѣ тогда Пестель только что началъ вести пропаганду. Изъ Тульчина онъ скоро уѣхалъ въ отпускъ къ отцу, въ Нижній Новгородъ. Здѣсь онъ заболѣлъ и во время болѣзни отъ скуки началъ читать. Я говорилъ уже выше, какое впечатлѣніе на него въ это время произвелъ Руссо, давшій ему «страсть къ занятіямъ»¹⁾.

Пробужденный книгою интересъ къ серьезнымъ занятіямъ политикой и философіей былъ подкрѣпленъ личнымъ вліяніемъ товарищей, раньше захваченныхъ умственнымъ теченіемъ времени. Въ Тульчинѣ, куда Крюковъ вернулся изъ отпуска въ 1820 году, въ это время образовался тѣсный кружокъ членовъ Союза Благоденствія, душою котораго былъ Пестель. Наблюдавшій этотъ кружокъ въ 1820 году Якушкинъ говоритъ, что члены его «почти ежедневно сообщались между собою и тѣмъ самымъ не давали ослабѣвать другъ другу. Впрочемъ—замѣчаетъ онъ—было достаточно уже одного Пестеля, чтобы безпрестанно одушевлять всѣхъ тульчинскихъ членовъ»²⁾. Въ концѣ 1820, или въ самомъ началѣ 1821-го года Николай Крюковъ былъ принятъ въ члены Союза Благоденствія, вслѣдъ за его старшимъ братомъ Александромъ.

Александръ Крюковъ своимъ характеромъ былъ совершенно не похожъ на брата Николая. Онъ былъ старше его на восемь лѣтъ; послѣ службы съ 1807 г. въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и послѣ похода за границу съ Нижегородскимъ ополченіемъ, онъ въ 1820 году служилъ въ одномъ мѣстѣ съ братомъ, въ Тульчинѣ, состоя адъютантомъ главкома 2-й арміи. Его товарищи по ссылкѣ рассказываютъ, что онъ былъ замѣчательно мягкимъ и добрымъ человѣкомъ; ибарить и гастрономъ, онъ, живя на поселеніи въ Минусинскѣ, всѣ вечера проводилъ за игрой въ карты у окружнаго начальника или у кого-либо изъ знакомыхъ изъ мѣстнаго общества. И въ молодости

¹⁾ Изъ книгъ, прочитанныхъ имъ въ это время, на него вмѣстѣ съ Руссо произвелъ самое впечатлѣніе Делиль (l'abbé Jacques Delille, † 1863). Этотъ поэтъ у насъ тогда былъ славенъ; въ 1804—1821 годахъ переводили по нѣскольку разъ его „Французскія сады“ (подражаніе Виргилію), его „Сады“ (Les jardins) и особенно „Дифирамбъ на безсмертіе души“ (4 перевода). Изъ сочиненій Делиля, можетъ быть, въ виду своего интереса къ естествознанію, Крюковъ особенно заинтересовался физико-философскою книгой Делиля: „Три царства природы“, (Trois règnes de la nature, 1808).

²⁾ Записки Якушкина, с. 42.

онъ тоже мало интересовался книгами, политикой и философией. Онъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія только потому, что по своему мягкому характеру легко поддавался влиянію другихъ ¹⁾. Онъ, кажется, былъ вполне искрененъ, когда на слѣдствіи объяснялъ свое вступленіе въ общество единственно влияніемъ Пестеля. Онъ признавался, что онъ сталъ вольнодумцемъ уже по вступленіи своемъ въ общество, когда Пестель «началъ разсуждать о конституціи». «Книгъ же, касающихся сего предмета,—спѣшилъ онъ оговориться—ни въ собственно библиотекѣ не имѣю, и ни отъ кого никогда не бралъ для чтенія (это послѣднее замѣчаніе, однако, не соотвѣтствовало истинѣ) ²⁾».

Александръ Крюковъ былъ принятъ въ Союзъ княземъ Александромъ Петровичемъ Бяратинскимъ ³⁾; ихъ сблизила служба; оба они состояли одинаково адъютантами главнокомандующаго князя Витгенштейна; у нихъ нашлись общія воспоминанія изъ Петербурга, такъ какъ оба они одинаково начали свою службу въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ ⁴⁾. Князь Бяратинскій, другъ Пестеля, ревностный пропагандистъ его идей, познакомившись при посредствѣ Александра Крюкова съ его братомъ, юнымъ поручикомъ, не замедлилъ и его привлечь въ Союзъ Благоденствія, изъ котораго вслѣдъ затѣмъ возникло Южное тайное общество ⁵⁾.

Оба брата Крюковы, только что принятые въ Союзъ Благоденствія, всецѣло подчинившись влиянію Пестеля, которому не многи могли противостоять, приняли участіе въ мартѣ 1821 года въ тѣхъ историческихъ засѣданіяхъ въ квартирѣ Пестеля, которыя, послѣ рѣшенія, принятаго на Московскомъ съѣздѣ членовъ Союза Благоденствія о его закрытіи, положили начало новому Южному Тайному Обществу. Воодушевленные рѣчами Пестеля, братья Крюковы вмѣстѣ съ семью другими участниками этихъ засѣданій ⁶⁾ послѣ выхода изъ общества умѣренныхъ членовъ Союза, Бурцева и Комарова, постановили не признавать закрытія Союза, реорганизовали Тульчинскую Думу, выбрали трехъ предсѣдателей, и затѣмъ согласно приняли республиканскую и революціонную программу Пестеля. Онъ говорилъ Пестель—«раздѣляли все со мною и цѣль, и способы оговорки и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое. Они же присутствовали все въ засѣданіи Думы и участвовали все въ возобновленіи».

¹⁾ Басаргинъ говоритъ о немъ: „Слабого характера, онъ долгое время былъ руководимъ княземъ Бяратинскимъ“: Декабристы Пестель, с. 144.

²⁾ Гос. Арх. I В., № 414. Ср. ниже с. 111—112.

³⁾ Баронъ Розенъ въ своихъ запискахъ неправильно называетъ его Александромъ Ивановичемъ (Записки бар. А. Е. Розена, Спб., 1907). Ошибку Розена повторилъ П. Головачевъ въ изданіи М. М. Зензинова: Декабристы, 86 портретовъ, М. 1906 г. основываясь на формулярѣ и собственноручномъ показаніи вн. Бяратинскаго (Гос. А. I В. № 401).

⁴⁾ А. А. Крюковъ вышелъ изъ Госуд. Коллегіи въ 1812 г.; а князь Бяратинскій поступилъ въ нее въ 1815 году (см. его формуляръ въ Госуд. Архивѣ, департаментскаго отдѣленія).

⁵⁾ Бяратинскій самъ признался въ этомъ на слѣдствіи, но прибавилъ, что принялъ Н. Крюкова по просьбѣ его брата.

⁶⁾ Пестель, Юшневскій, князь Бяратинскій, Ивашевъ, Басаргинъ, полковникъ Аврамовъ, докторъ Вольфъ.

вленіи общества». На слѣдствіи Николай Крюковъ сначала оспаривалъ это показаніе, но затѣмъ, «не допуская до очной ставки съ Пестелемъ» такъ же, какъ Басаргинъ, Вольфъ и Ивашевъ), «объявиль, что онъ согласенъ» съ этимъ показаніемъ Пестеля ¹⁾.

Изъ числа участниковъ этихъ засѣданій нѣкоторые вскорѣ затѣмъ отделились отъ общества (Басаргинъ, Ивашевъ, полк. Аврамовъ). Отделился отъ него на нѣкоторое время и старшій Крюковъ, Александръ. Но Николай Крюковъ, вмѣстѣ съ Юшневскимъ и княземъ Барятинскимъ, сохранилъ вѣрность разъ принятымъ рѣшеніямъ и въ послѣдній годъ дѣятельности Общества явился однимъ изъ наиболѣе активныхъ его членовъ, вполне преданныхъ Пестелю.

Вскорѣ послѣ мартовскихъ засѣданій, въ половинѣ 1821 года Николай Крюковъ командированъ былъ въ Подольскую губернію, на топографическую съемку. Онъ провелъ здѣсь болѣе трехъ лѣтъ, до начала 1825 года, и за это время, только пользуясь служебными поѣздками въ Тульчинъ, поддерживалъ связь съ членами Общества. Въ съемкѣ участвовало нѣсколько молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части. Лѣто они проводили на работахъ, а зимою жили уединенно въ мѣст. Немировѣ Подольской губерніи. Николай Крюковъ имѣлъ на своихъ товарищей большое вліяніе. Самъ онъ лично принималъ въ общество только двоихъ офицеровъ (поручика Н. В. Загорцакаго и прапорщика Юрасова). Но онъ *подготовилъ* къ вступленію въ общество многихъ своихъ товарищей по съемкѣ. Пестель заявилъ на слѣдствіи, что онъ не знаетъ, кто изъ молодыхъ офицеровъ, находившихся на съемкѣ въ Немировѣ, кѣмъ именно былъ принятъ въ общество, но точно опредѣлилъ роль Крюкова, какъ пропагандиста, сказавъ, что большая часть этихъ офицеровъ «черезъ него были приобщены къ обществу» ²⁾.

Одинъ изъ этихъ молодыхъ офицеровъ, Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ (младшій братъ упомянутаго выше ревностнаго христіанина Николая) такъ рассказывалъ о своей жизни въ Немировѣ и о своихъ отношеніяхъ къ Николаю Крюкову: «Прибывъ въ 1820-мъ году, семнадцати лѣтъ отъ роду, изъ Москвы (гдѣ онъ учился, такъ же, какъ Николай Крюковъ, въ училищѣ для колонновожатыхъ), во 2-ю армию, я былъ посланъ на съемку Подольской губерніи, гдѣ нашелъ товарищей себѣ по службѣ почти одинаковаго со мной возраста. Проводя цѣлое лѣто въ полѣ безъ всякаго общества, мы зимою жили въ мѣстечкѣ Немировѣ, въ 30 верстахъ отъ главной квартиры. Уединенное сіе мѣсто нашего квартированія, лишеніе всякаго посторонняго знакомства сдружило насъ, какъ братьевъ, и расположило способности наши, которыя только что начинали развертываться, единственно къ книжнымъ занятіямъ. Сперва стремились всѣ къ военнымъ наукамъ—и смѣялись надъ Крюковымъ

¹⁾ См. мою книгу: „Пестель передъ верховнымъ уголовнымъ судомъ“, с. с. 11, 45, 77. Къ приведеннымъ въ этой книгѣ, на стр. 77, очнымъ ставкамъ, надо прибавить еще, что в. А. П. Юшневскій, и В. П. Ивашевъ, „не допуская до очной ставки, подтвердили показаніе полковника Пестеля о засѣданіяхъ 1821 года“ (Гос. Арх., д. I В, №№ 338, 419).

²⁾ Названная книга, Декабристъ Пестель, с. с. 56—57.

2-мъ, который, будучи также присланъ къ намъ на съемку изъ главной квартиры и будучи уже зараженъ политическими мнѣніями хвалилъ занятія такого рода и восхищался хорошимъ тульчинскимъ обществомъ. Сперва мы смѣялись надъ ними и называли ихъ *Тульчинскими Политиками*. А потомъ я, ѣздивши довольно часто в Тульчинъ, нашель, какъ мнѣ казалось тогда, въ самомъ дѣлѣ въ нихъ людей, которые гораздо выше насъ своимъ образованіемъ, и мало-по-малу сталъ получать къ нимъ уваженіе и довѣренность. А именно про Пестеля и Юшневскаго въ это время повторялось единогласно что они умнѣйшіе и образованнѣйшіе люди въ свѣтѣ, но я ихъ лично не зналъ. Встрѣчая въ Тульчинѣ политическіе разговоры и жалоба на мнимый худой порядокъ вещей, я и самъ сталъ привыкать къ этой мысли».

Въ 1822-мъ году П. Бобрищевъ-Пушкинъ, какъ рассказываетъ онъ дальше, пріѣхалъ изъ Немирова въ Тульчинъ вмѣстѣ съ Николаемъ Крюковымъ и остановился на квартирѣ у его брата. Однажды ихъ навѣстилъ князь Барятинскій, завелъ разговоръ на политическую тему, и, послѣ ловкой переходной фразы: «что-жь, худое можно исправить», предложилъ вступить въ тайное общество. Бобрищевъ-Пушкинъ сначала удивился этому предложенію, потому что мало зналъ князя Барятинскаго, но потомъ догадался, что предложеніе сдѣланое ему «по рекомендаціи Крюкова» ¹⁾).

Подобнымъ образомъ были *пріобщены* къ обществу Николаемъ Крюковымъ еще пять офицеровъ, съ которыми онъ сблизился на съемкѣ, — все его однокашники по московскому учебному заведенію для колонновожатыхъ. Баронъ Алексѣй Ивановичъ *Черкасовъ*, подготовленный имъ, былъ принятъ въ Тульчинѣ капитаномъ Филипповичемъ въ 1821 году ²⁾). Вслѣдъ затѣмъ самъ Крюковъ при баронѣ Черкасовѣ принялъ въ общество Николая Александровича *Загорецкаго*. Оба они, какъ говорилъ Черкасовъ, весьма часто видались съ Крюковымъ «по связи дружбы и товарищества». Въ 1825 году, подготовленные Николаемъ Крюковымъ, приняты были въ общество его братомъ Александромъ поручики Иванъ Борисовичъ *Аврамовъ* и Николай Федоровичъ *Закинъ*. Всѣхъ ихъ связывало до нѣкоторой степени училище, учебное заведеніе для колонновожатыхъ; всѣхъ ихъ сблизжалъ возрастъ — старше всѣхъ былъ Загорецкій (29 лѣтъ); другіе же были, кто на годъ старше, кто на годъ моложе Николая Крюкова; всѣхъ ихъ сблизило долгое пребываніе въ глуши, въ мѣст. Немировѣ; и всѣхъ одинаково повліялъ живой и энергичный Крюковъ, своимъ жаромъ убѣжденнаго политика и философа. Его пропаганда шла успѣшно, потому что онъ опирался на авторитетъ Пестеля и тульчинскихъ членовъ общества, старшихъ годами и чинами, адъютанто

¹⁾ Гос. Арх. I В № 423, л. л. 21 22

²⁾ Кроме князя Барятинскаго и Николая Крюкова, на молодыхъ офицеровъ кавалерійской части вліялъ еще находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ ними въ тульчинской квартирмейстерской части, капитанъ *Николай Ивановичъ Филипповичъ*; онъ принадлежалъ еще къ Союзу Благочестія и, повинуясь, ревностно относился къ дѣлу заговора. Онъ умеръ въ мартѣ 1825 года (Гос. Арх. Алфавитъ членамъ злоумышленныхъ обществъ. Декабристъ Пестель, с. 47).

князя Барятинскаго и своего брата Александра. Одинъ изъ этихъ офицеровъ Заикинъ говорилъ, что онъ только «по слухамъ» зналъ Пестеля, и что всѣ «либеральныя понятія» онъ приобрѣлъ по выходѣ изъ училища, въ мѣстечкахъ Немировѣ и Тульчинѣ¹⁾).

Послѣ окончанія подольской съемки въ началѣ 1825 года молодые офицеры квартирмейстерской части были переведены въ Тульчинъ; здѣсь они причислены были къ штабу арміи и нѣкоторымъ изъ нихъ были поручены работы по съемкѣ Киевской губерніи. Въ Тульчинѣ въ это время было очень мало членовъ общества, послѣ того какъ нѣсколько участниковъ засѣданій 1821 года совершенно отделились отъ общества. Близкую связь съ Пестелемъ сохраняли: Юшневскій и князь Барятинскій; подъ влияніемъ Барятинскаго и своего младшаго брата Я. А. А. Крюковъ продолжалъ принимать участіе въ обществѣ. «Тульчинская управа,—говорилъ Пестель на слѣдствіи—съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе». Но она очень оживилась, когда въ Тульчинъ переѣхали молодые офицеры изъ Немирова. Самъ Пестель стоялъ отъ нихъ въ сторонѣ; кружокъ этотъ не особенно его интересовалъ; ему больше, чѣмъ юные свитскіе офицеры, нужны были полковые командиры и ротные, хотя бы и столь же юные, потому что они въ случаѣ мятежа могли увлечь за собою части войскъ. Но эти офицеры, мало его знавшіе, относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, и, во имя увлекавшаго ихъ заговора, готовы были слѣдовать за нимъ; они ревностно исполняли тѣ немногія порученія, какія имъ давалъ князь Барятинскій, сдѣланный въ ноябрѣ 1825 года начальникомъ тульчинской управы. Въ концѣ 1825 года Заикинъ, Загорецкій и особенно Н. Крюковъ поддерживаютъ сношенія между Тульчиномъ и Линцами, гдѣ жилъ Пестель, и Васильковомъ, гдѣ жили С. Муравьевъ-Апостоль и М. Бестужевъ-Рюминъ. Крюковъ, Бобрищевъ-Пушкинъ и Заикинъ участвуютъ въ скрытіи бумагъ Пестеля, передавая ихъ изъ рукъ въ руки, и съ большимъ уваженіемъ относясь къ этимъ бумагамъ, не рѣшаются ихъ сжечь.

Наиболѣе ревностнымъ и энергичнымъ въ этомъ офицерскомъ кружкѣ, тульчинской управѣ, былъ Н. Крюковъ. Онъ былъ воодушевленъ стремленіемъ къ «благу человѣчества», о которомъ такъ краснорѣчиво говорили его любимыя французскія книги.

Разговаривая однажды въ мѣст. Махновкѣ, въ трактирѣ, объ одномъ членѣ тайнаго общества полковникъ П. В. Аврамовъ, поведение котораго тогда многимъ казалось подозрительнымъ, онъ сказалъ Майбородѣ, (какъ тотъ разсказалъ потомъ въ своемъ доносѣ): «надобно этого каналью Аврамова уничтожить». На слѣдствіи Крюковъ говорилъ, что Майборода неточно передалъ его слова: «Не

¹⁾ Дѣла №№ 424 (Заикинъ), 425 (И. Б. Аврамовъ), 426 (Загорецкій), 428 (бар. Бестужевъ). — Въ ноябрѣ 1825 года, уже послѣ извѣстія о смерти Александра I И. Крюковъ вошелъ въ общество еще прапорщика Юрасова. Онъ раньше уже зналъ о дѣланіи общества, будучи близко знакомъ съ Бобрищевыми-Пушкиными, Заикинымъ, Аврамовымъ, Загорецкимъ, съ которыми жилъ въ одной квартирѣ. Но вслѣдъ за принятіемъ въ общество онъ тяжело занемогъ горячкою, и легъ въ госпиталь. Къ слѣдствію онъ примечать не былъ и только порученъ былъ секретному надзору начальства, съ обязательствомъ ежемѣсячно доносить о его поведеніи (дѣло № 126).

помню и не полагаю, чтобы употребилъ сіе низкое выраженіе», и тутъ же онъ сдѣлалъ слѣдующее любопытное признаніе, характеризующее его самоотверженную преданность дѣлу заговора: «Со стыдомъ теперь признаюсь, что увлекаемый тогда ложнымъ мнѣніемъ: всѣ средства хороши для достиженія добродѣтельной цѣли,—я готовъ былъ на всякое злодѣяніе». «Любовь къ человѣчеству», «блага общее», «благополучіе отечества» вдохновляли его, какъ и многихъ его товарищей декабристовъ. «Вступивъ въ тайное общество, я—говорить Крюковъ — чрезвычайно радовался, что могу симъ средствомъ содѣйствовать къ благополучію моего отечества». Однажды, когда онъ жилъ въ отпускѣ у отца въ Нижнемъ-Новгородѣ и тотъ замѣтилъ въ сынѣ признаки его религіознаго вольнодумства, Крюковъ успѣшилъ увѣрить его, что онъ ошибается... Совѣсть его мучила за этотъ обманъ, но онъ не послушалъ голоса совѣсти. Новое ученіе говорило ему, что «совѣсть зависитъ отъ образа мыслей»; съ другой стороны, онъ считалъ долгомъ своимъ «презрѣть все для блага общаго»¹⁾).

VI.

Въ бумагахъ Николая Крюкова сохранился интересный списокъ книгъ небольшой библиотечки изъ 58 названій. Кому принадлежали эти книги, мы не знаемъ, повидимому, не самому Крюкову. Но что эти книги читались въ кружкѣ его друзей, свитскихъ офицеровъ, о томъ свидѣтельствуютъ карандашныя отмѣтки Крюкова, у кого какая книга находится въ чтеніи. Отмѣтки относятся къ послѣднимъ мѣсяцамъ 1825 года и самый списокъ составленъ былъ въ 1825 году, какъ видно изъ водяного знака бумаги.

Книги — по преимуществу французскія, политическія и философскія. Здѣсь—политическіе классики XVIII вѣка: *Монтескье*, *De l'esprit des loix* и «Размышленіе о причинахъ величія и упадка Римлянъ» и *Руссо*, *Contrat social*. Здѣсь—почти всѣ сочиненія графа *Детю де Траси*, его «Комментарій къ духу законовъ Монтескье», «Элементы идеологіи» и «Логическіе принципы». Такое же вниманіе удѣлено *Ж. Б. Сею*. Въ библиотекѣ, кромѣ его большого трактата политической экономіи, (съ посвященіемъ Александру I) былъ и его маленькій «Катехизисъ политической экономіи въ вопросахъ и отвѣтахъ», и маленькій сборникъ его статей (*Petit volume*). По «естественному праву» находимъ старое сочиненіе *Бурламаки*, первой половины XVIII вѣка.

По философіи здѣсь было полное собраніе сочиненій *Гельвеція*, въ трехъ томахъ. Въ ней не было другого знаменитаго сенсуалиста Кондильяка, котораго усердно изучалъ Н. Крюковъ. Его замѣнялъ его ученикъ *Ларошьеръ*, съ его «Лекціями» философіи. По исторіи философіи находимъ забытую теперь «Сравнительную исторію философскихъ системъ» Дежерандо, а также, на русскомъ языкѣ, въ переводѣ съ нѣмецкаго, «Курсъ философіи» Снелля.

¹⁾ Гос. Арх. I B, № 408.

Была въ библіотекѣ и славившаяся въ то время «Исторія Америки» Робертсона. Этого Робертсона внимательно читалъ Пестель, сдѣлавшій изъ него много выписокъ въ свою записную книжку. Въ списокъ книгъ библіотеки Евгенія Онѣгина онъ попалъ на очень видное мѣсто рядомъ съ классиками ¹⁾.

По французской поэтической литературѣ—случайный выборъ: только сочиненія Расина и «Свадьба Фигаро» Бомарше ²⁾.

На французскомъ же языкѣ—«Элементы физиологіи», «Курсъ экспериментальной физики и химіи съ атласомъ и справочныя свѣдѣнія», Историческій словарь въ 6 книгахъ, словарь географической и большой атласъ ³⁾.

Изъ русской литературы въ этой библіотекѣ декабристовъ 1825 года интересно встрѣтить книгу, нашумѣвшую въ свое время, одного изъ учредителей Союза Благоденствія, «Опытъ теоріи налоговъ», Н. Тургенева, и «Статистику»—можетъ быть статистику К. И. Арсеньева, за которую онъ былъ изгнанъ изъ университета. Затѣмъ изъ русскихъ книгъ находимъ только сочиненія Державина въ 2-хъ частяхъ, и различные учебники, въ томъ числѣ руководство къ познанію всеобщей политической исторіи Кайданова, и два учебника по риторикѣ и поэзіи (Талызина и Никольскаго).

Небольшой особый отдѣлъ библіотеки составляютъ книги по военной специальности ея владѣльцевъ, по преимуществу переводныя русскія, а также и французскіе трактаты по артиллеріи, геодезіи, фортификаціи, «Правила для надписанія картъ и плановъ», «Школа кавалерійскаго солдата», «Россійскій новый опытный коноваль» и т. под.

Но самое любопытное въ этомъ списокѣ—карандашныя отмѣтки на поляхъ рукою Крюкова. Книги читались кружкомъ его друзей—членовъ южнаго тайнаго общества. Князь Барятинскій взялъ 12 ноября 1825 года политическую экономію Сея; братъ Н. Крюкова Але-

¹⁾ Этотъ списокъ книгъ Евгенія Онѣгина—въ черновыхъ наброскахъ къ VII главѣ поэмы:

Юмъ, Робертсонъ, Руссо, Мабли,
Баронъ д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
Локкъ, Фонтенель, Дидротъ, Парни.

²⁾ Comte Destutt de Tracy, Commentaire sur l'esprit des loix de Montesquieu. 4 vol. въ Парижѣ 1811 г., авторское изданіе въ Парижѣ 1819 г.); Elements d'idéologie. 4 vol. 1818, Principes logiques.—I. B. Say, Traité d'économie politique, 2 vol., 1814; Cathéchisme d'économie politique ou instruction familière; Petit volume contenant quelques aperçus des hommes et de la société.—Oeuvres complètes d'Helvétius, 4 vol.—Leçons de philosophie ou Essai sur les facultés de l'âme par P. Laromiguière. 1 vol.—Histoire comparée des systèmes de philosophie par M. Dégerando, 4 vol.—Histoire de l'Amérique par W. Robertson, 3 vol. I. I. Burlamaqui, Principes du droit naturel, 2 vol.—La nature et des gens et de droit public général, 2 vol.

Кромѣ этихъ, указанныхъ въ текстѣ, книгъ, въ списокѣ обозначены еще: Vie de George Washington par David Ramsays, 1 vol. Malesherbes, Observations sur l'histoire naturelle, 2 vol.—Recherches philosophiques sur les Grecs par de Paw 2 vol. L'égoïsme par Pizault Lebrun, 1 vol. Confessions de St. Augustin. Des femmes par Thomas, 1 vol. Mémoires de Montecucilli 1 vol. Voyage politique et commercial aux Indes Orientales, 3 vol.

³⁾ Nouveaux élémens de physiologie par Richerand, 3 vol. Cours de physique expérimentale et de chimie, par P. Iacotot, 3 vol, et 1 vol de planches.

ксандръ въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ Детю де Траси, „Комментарій на духъ законовъ“. Изъ товарищей Н. Крюкова, молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части, Аврамовъ взялъ того же автора, Детю де Траси, Элементы идеологіи; за барономъ Черкасовымъ записано было въ октябрѣ того же года «Коммерческое и политическое путешествіе въ Остъ-Индію»; Заикину выданы были въ апрѣлѣ 1824 года «Философскія разысканія о грекахъ». Докторъ Вольфъ, мало интересовавшійся политикой и философіей, взялъ въ ноябрѣ 1825 г. книгу по своей спеціальности «Новые элементы фізіологіи». Книги выдавались не только лицамъ, принадлежавшимъ къ обществу; я нахожу въ спискѣ три фамиліи, неизвѣстныя по дѣлу декабристовъ¹⁾.

Изъ числа наиболѣе славившихся въ это время писателей въ спискѣ указаны только Монтескье, Руссо, Гельвецій, Детю де Траси и Ж. Б. Сей. Николай Крюковъ знакомъ былъ и съ другими. Припоминая въ крѣпости авторовъ, имѣвшихъ вліяніе на его развитіе, онъ кромѣ *Монтескье* и *Руссо*, упомянутыхъ въ спискѣ, назвалъ *Вольтера* и *Беккариа*; кромѣ *Гельвеція*, упомянутаго въ спискѣ, назвалъ *Кондильяка* и *Гольбаха*; кромѣ *Сей* и *де Траси*,—*Бентама* и *Смита*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ указаннаго въ спискѣ *Бюрламаки*, теоретика естественнаго права первой половины XVIII вѣка (ум. въ 1748), онъ назвалъ и другаго законовѣда той же школы *Ваттеля* (Право народовъ или начал естественнаго права, 1758), и писателя конца XVIII вѣка *Филанджіери* автора обширной Науки законодательства (1780—1788), (съ которымъ поспѣшилъ познакомиться Радищевъ, какъ только вернулся изъ ссылки). Онъ припомнилъ тогда еще изъ знаменитыхъ авторовъ *Макіавелля*. Наконецъ, онъ назвалъ извѣстнаго тогда нѣмецкаго анатома френолога *Галля*, издавашаго два труда по анатоміи нервной системы на французскомъ языкѣ (1809—1820), *Лакретеля*, вѣроятно, Лакретеля младшаго, издавашаго въ 1801—1806 г. историческій обзоръ французской революціи, и *Вейса*, автора «Принциповъ философскихъ, политическихъ и моральныхъ» (ум. въ 1797),²⁾ которымъ, между прочимъ очень интересовался въ славянскомъ обществѣ маіоръ М. М. Спиридовъ.³⁾

О начитанности Крюкова во французской литературѣ свидѣтельствуютъ также нѣсколько его записныхъ тетрадей, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. 18 ноября 1825 года, когда члены общества начали опасаться ареста, онъ привезъ свои бумаги къ Пестелю

¹⁾ Сашальскій (?), Шрейдеръ, Шрадльборнъ; послѣдній взялъ комедію Бомарш

²⁾ Франц. Руд. Вейсъ швейцарецъ, Principes philosophiques, politiques et morales, род. 1757, ум. послѣ 1797.—(Называя Вейса, Крюковъ разумѣлъ, конечно, это французскаго писателя, а не нѣмца Христіана Вейса, издавашаго въ 1811 Untersuchungen über das Wesen und Wirken des Menschlichen Leben).

³⁾ Въ бумагахъ Спиридова, по его показанію, были „переводы изъ сочиненій г. Вейса, подъ названіемъ: „Правила философіи, политики и нравственности: 1. Власть. 2. Сравненіе разныхъ правительствъ. 3. Предварительный взглядъ на общество. 4. Происхожденіе общества. 5. Природная религія. 6. Распространеніе правительства Спиридовъ, кромѣ того, переводилъ отрывки изъ Стерна и изъ Саллюстія, рѣчи Магі и Цезаря. Въ числѣ собственныхъ его сочиненій, не дошедшихъ до насъ, было разсужденіе „О волѣ и вольности человѣка“ (дѣло № 433).—Вейса, вмѣстѣ съ Сеємъ, Филанджіери и Франклиномъ указываетъ въ числѣ книгъ, имѣвшихся въ полковыхъ библіотекѣхъ, Н. И. Лореръ въ своихъ запискахъ: „Русск. Бог.“ 1904, № 3, с. 60.

онѣ были защиты въ квартирѣ Пестеля въ одинъ большой тюкъ, вмѣстѣ съ «Русской Правдой» и другими бумагами Пестеля; въ этотъ же тюкъ вложены были и казавшіеся опасными черновики атеистическаго стихотворенія князя Барятинскаго. Этотъ тюкъ былъ закопанъ въ землю около деревни Кирнасовки и послѣ признанія Крюкова и другихъ выкопанъ и привезенъ въ Петербургъ, въ слѣдственную комиссію.

Крюковъ, повидимому, такъ же какъ Пестель, уничтожилъ часть бумагъ, наиболѣе опасныхъ, касавшихся политическихъ вопросовъ. Но судя по обилію его выписокъ изъ книгъ философскихъ, все таки надо думать, что онъ занимался, главнымъ образомъ, этими именно книгами, и больше всего Кондильякомъ, не вникая особенно въ естественное право Бюламаки и Филанджіери, и въ подробности трактатовъ о конституціи и политической экономіи Детю де Траси, Бентама, Сея, которыхъ усердно изучалъ Пестель.

Онъ изучалъ и эти книги. Въ бумагахъ его, напримѣръ, есть начатый имъ переводъ книги Сея; но онъ только началъ эту работу въ 1822—1823 г. и скоро оставилъ, переведя только первыя двѣ главы (6 страницъ); а переводовъ и выписокъ изъ книгъ Кондильяка и другихъ французскихъ философовъ мы находимъ въ его бумагахъ цѣлыя тетради.¹⁾ Политическими и экономическими книгами онъ занимался больше какъ бы по обязанности; въ изученіе же материализма онъ углублялся съ жгучимъ интересомъ атея, возставшаго на христіанство. Это изученіе французской философіи въ его представленіи не было наукой для науки, не было удаленіемъ въ келью философіи, какъ у идеалистовъ шеллингянцевъ. Въ его представленіи, усвоенномъ изъ французской литературы Вѣка Просвѣщенія, философія тѣсно связывалась съ жизнью, съ «благомъ челоувѣчества». «Тихій огонь любви моея къ челоувѣчеству—объяснялъ Н. Крюковъ комиссіи—возжегъ во мнѣ страсть къ просвѣщенію, которая, не бывъ озарена свѣтомъ христіанской религіи, превратилась наконецъ въ адскій пламень вольнодумства». Любовь къ челоувѣчеству требуетъ прежде всего просвѣщенія, торжества разума, борьбы съ суевѣріями всякаго рода. «Всевышній, думалъ я—пишетъ Крюковъ—одарилъ насъ разумомъ для распознанія добра и зла; слѣдовательно, это есть единственный

¹⁾ Слѣдственная комиссія обратила особенное вниманіе на листокъ въ его бумагахъ съ выписками и замѣтками объ аграрномъ законѣ и о конституціи, и сначала даже ошибочно думала, что это извлеченіе изъ Русской Правды. На этомъ листѣ входить слѣдующая выписка по французски изъ Плутарха, Жизнь Тиберія и Кая Гракха: «Издали законъ, по которому ни одинъ гражданинъ не имѣлъ права владѣть болѣе, чѣмъ пятью десятинами земли. Этотъ законъ обуздаль на нѣкоторое время жадность богатыхъ. Но впоследствии богатые землевладѣльцы нашли средство превратить сосѣдей въ своихъ арендаторовъ подъ чужими именами» и т. д. Рядомъ съ этою выпискою—слѣдующее замѣчаніе Крюкова: «Всякій имѣетъ право объявить правительству, что такой то гражданинъ нарушаетъ законъ, обладая свыше дозволеннаго количествомъ подъ чужимъ именемъ или какимъ бы то ни было другимъ образомъ». Тутъ же слѣдующія замѣтки самого Крюкова: «Позволить переименовать конституцію не иначе какъ переименовать всѣхъ депутатовъ и набравъ новыхъ для сего дѣла»—«Войско набирать конскрипціями».—«Собрать свидѣнія о доходахъ каждаго помѣщика, о вѣличествѣ въ качествѣ земли, наложить подати сообразно по количеству и качеству земли» (Гос. Арх. I В. № 408, л. 19—20). О «христіанскомъ вопросѣ въ обществѣ дельцовъ» см. гл. III статью В. И. Семевского въ сборникѣ «Крестьянскій строй» т. I, с. 209 и слѣд.

свѣтильникъ, которымъ мы должны руководствоваться въ жизни сей: а потому первый долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить свой разумъ, очистивъ его отъ вредныхъ предразсудковъ». Горячее стремленіе къ благополучію отечества, видъ «бѣдственнаго состоянія рабства» съ этой точки зрѣнія вызываетъ въ немъ негодованіе на религіозные предразсудки, препятствующіе просвѣщенію. «На съѣмкѣ Подольской губерніи, увидѣлъ я, до какой степени простирается угнетеніе крестьянъ помѣщиками и жидами. Чувствуя вполнѣ бѣдственное состояніе рабства и невѣжества болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что одно лишь общее просвѣщеніе можетъ сдѣлать государство благополучнымъ, и негодовалъ на религіозные предразсудки, препятствовавшіе распространенію онаго. Надежда на будущую жизнь, думалъ я, отвращаетъ отъ просвѣщенія, питаетъ эгоизмъ, способствуетъ угнетенію и мѣшаетъ людямъ видѣть, что счастье можетъ обитать на землѣ. Итакъ, религія казалась уже мнѣ болѣе вредною, нежели полезною»¹⁾.

Разсказывая слѣдственной комиссіи о томъ, какъ въ немъ разгорался мало по малу «адскій пламень вольнодумства», Крюковъ останавливается больше всего на томъ, что всегда больше всего его огорчало, на вольнодумствѣ религіозномъ. Вступивъ на пути отрицанія подъ влияніемъ чтенія, онъ, по его выраженію, «смѣло шел впередъ». «Во первыхъ, отвергъ многіе богослужебные обряды какъ нелѣпые обычаи, питающіе лишь суевѣріе. Потомъ стал сомнѣваться въ ипостасной троицѣ, какъ неудобопостижимой для ума человѣческаго... Долго не рѣшался я отвергнуть Бога, наконецъ оживотворивъ матерію и приписавъ все существующее въ природѣ дѣйствию случая, потушилъ едва мелькавшій свѣтъ чистой религіи, мною самимъ составленной. Однако же я никогда не могъ совершенно убѣдить себя въ этомъ ложномъ мнѣніи, ибо часто встрѣчалъ сильныя доказательства противу онаго, на которыя не находилъ никакого отвѣта, но полагалъ, что мое сомнѣніе происходитъ отъ долговременной привычки мыслить противнымъ образомъ, потому что какъ духъ, такъ и матерія равно для меня были непостижимы».

Этотъ атеизмъ внушенъ былъ ему знаменитою книгою Гольбахъ «Система природы», первая глава которой въ рукописномъ переводѣ сохранилась въ его бумагахъ²⁾. Эта «библія матеріализма» XVIII вѣка считалась долго послѣ своего появленія одною изъ самыхъ страшныхъ книгъ. У насъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка когда появлялось много переводовъ другихъ французскихъ философовъ, перевода это книги напечатать не оказалось возможнымъ, и переводъ ея ходилъ по рукамъ въ рукописяхъ. Система природы Гольбаха въ это время имѣла такое же значеніе, какъ полвѣка спустя «Сила матерія» Бюхнера. Она написана была, въ большей части, такъ же доступно, и такъ же живо и одушевленно, какъ и книга Бюхнера.

Приведемъ изъ этой книги, по рукописи Крюкова, ту страницу

¹⁾ Гос. Арх. д. № 408, л. II.

²⁾ Baron d'Holbach, *Système de la nature ou des lois du monde physique du monde moral*, 1770, самимъ авторомъ приписанная умершему уже Мирабо, секретарю академіи.

веденія, гдѣ Гольбахъ возстаетъ противъ «безчисленныхъ золь, причиняемыхъ землѣ духовнымъ и гражданскимъ самовластіемъ»; и зоветъ къ познанію «истины», ужасаясь отъ «неизмѣримой цѣпи злощастій», причиненныхъ человѣчеству «заблужденіями». «Отъ заблужденія, говоритъ Гольбахъ, происходятъ тягостныя оковы, каковыя повсюду тираны и служители церкви готовятъ для народовъ. Отъ заблужденія происходитъ рабство, обременяющее почти вездѣ народы, коимъ природа предназначила пещись свободно о своемъ благоденствіи. Отъ заблужденія проистекаютъ сіи духовныя ужасы, кои повсюду заставляютъ людей изсушать себя боязнью, или умерщвлять себя для пустыхъ призраковъ. Отъ заблужденій произошла та законрѣблая вражда, тѣ безчеловѣчныя гоненія, тѣ одновременныя убійства, тѣ ужасныя кровопролитія, коихъ подѣ предлогомъ выгоды небесъ, земля наша толикократно бывала позорищемъ. Наконецъ, отъ заблужденій, освященныхъ вѣрою, происходитъ сіе невѣжество и сія неизвѣстность, въ каковыхъ пребываетъ человѣкъ въ отношеніи къ его обязанностямъ, самымъ очевиднымъ; къ его правамъ, самымъ яснымъ и къ истинамъ, самымъ неоспоримымъ: во всѣхъ почти странахъ онъ ни что иное, какъ презрѣнный узникъ, лишенный величія души, разума, добродѣтели, коему безчеловѣчныя стражи никогда не позволяютъ насладиться зрѣніемъ свѣта. Приложимъ же стараніе о разсѣяніи мрака, препятствующаго человѣку смѣлыми стопами шествовать стезею истины. Внушимъ ему мужество и почтеніе къ своему разуму. Да познаетъ онъ свою сущность и законныя права свои; да послѣдуетъ опыту, а не воображенію, обманываемому самовластіемъ, да отречется онъ отъ предрасудковъ своего младенчества, да основываетъ нравственность свою на природѣ, на своихъ потребностяхъ, на существенныхъ выгодахъ, доставляемыхъ ему обществомъ, да отважится онъ любить самаго себя; да печется о своемъ благѣ, содѣлывая благо другихъ; словомъ, да будетъ онъ разсудительнымъ и добродѣтельнымъ, чтобы быть счастливымъ въ юдоли сей, и да оставитъ онъ навсегда пагубныя и бесполезныя вымыслы».

Въ записныхъ тетрадяхъ Крюкова—тотъ же кругъ литературы, который мы охарактеризовали выше. Здѣсь небольшія выписки на политическія и философскія темы изъ Руссо (Эмилъ), Гельвеція; цитаты изъ Паскаля; три выписки изъ Сея, нѣсколько выписокъ изъ книги г-жи Сталь, О Германіи.

Вотъ изъ этихъ тетрадей нѣсколько цитатъ, французскихъ острыхъ словъ: «Люди должны покоряться судьбѣ, но народы никогда, потому что они именно одни могутъ подчинить себѣ судьбу» (г-жа Сталь).

«Властители земли, если вы говорите народамъ: отдайте кесарю кесарю, то человѣчество скажетъ вамъ: отдайте человѣку то, что принадлежитъ человѣку, и роду человѣческому то что, принадлежитъ роду человѣческому; потому что таковъ законъ Бога».

«Король дѣлаетъ все то добро, которое въ его власти, когда онъ совершенно лишень возможности дѣлать зло»¹⁾.

¹⁾ Les individus doivent se résigner à la destinée, mais jamais les nations, car ce sont elles qui seules peuvent commander à cette destinée (M-me de Stael).

— Princes de la terre. Si vous dites aux peuples: rendez à Cezar ce qui appar-

Изъ Сея выписано, между прочимъ, его замѣчаніе о вліяніи революцій на развитіе богатства: «Революціи новаго времени, разрушивъ извѣстныя предрассудки, изошривъ умы и опрокинувъ неудобныя преграды, повидимому, были скорѣе благоприятны, чѣмъ вредны для успѣховъ развитія богатства.» Въ другой тетради на ту же тему о революціяхъ, живо интересовавшую Крюкова и его друзей: «Революціи, случающіяся въ большихъ государствахъ, никоимъ образомъ не бываютъ дѣломъ случая или каприза народа» (изъ мемуаровъ Сюлли) ¹⁾.

По-русски записаны максимы: «Съ народомъ все можно, безъ народа ничего нельзя». «Евангеліе научаетъ насъ прощать врагу собственному, но не врагу человечества».

Среди французскихъ изреченій—малороссійская пословица,—о вѣчавшая настроенію молодыхъ революціонеровъ: „Хоть гирше, аб инше. Хоть хуже, да иначе“ ²⁾.

Усерднѣе всего Крюковъ изучалъ аббата Кондильяка; въ тетрадяхъ его множество замѣтокъ, выписокъ изъ этого автора и большихъ переводовъ, сдѣланныхъ самимъ Крюковымъ. Онъ внимательно изучалъ и его трактатъ объ ощущеніяхъ, составившій одинъ изъ этаповъ развитія матеріализма (1754), и его «Логику» (1780), и его «Полный курсъ обученія», написанный для сына герцога Пармскаго котораго онъ училъ, и изданный въ 1775 г., въ 13-ти томикахъ. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ этого любимаго своего писателя онъ и самъ дѣлалъ попытки писать, самостоятельно изложить его ученіе.

Онъ началъ писать трактатъ о воспитаніи, которому вслѣдъ за Кондильякомъ, придавалъ громадное значеніе для „общаго блага«Разумъ насъ просвѣщаетъ, но не руководитъ нами (въ жизни)—писалъ онъ,—а все зависитъ отъ *воспитанія*, добраго примѣра и хорошаго законодательства». Воспитаніе поставлено здѣсь впереди «хорошаго законодательства». Также выдвинуто оно и въ слѣдующей его замѣткѣ, объясняющей, почему онъ занялся работой о воспитаніи. «Цѣль жизни истиннаго философа состоитъ въ томъ, чтобы быти полезну человечеству; посему главными занятіями его должны быти два предмета: *воспитаніе и наука общественная*. Я говорю *главными* занятіями, потому что хотя и прочія науки соотвѣтствуютъ той цѣли, однакожь оныя скорѣе могутъ быть разсматриваемы, какъ средства“ ³⁾.

tient à Cezar; l'humanité vous dira: rendez à l'homme ce qui appartient à l'homme au genre humain ce qui appartient au genre humain, car c'est la justice de Dieu..

— Un roi fait tout le bien qui est en son pouvoir, quand il ne peut point faire de mal (Гос. Арх. № 474, тетрадь № 10, л. л. 12, 21, водяной знакъ 1823).

¹⁾ Les révolutions qui arrivent dans les grands états ne sont point un effet hazard ni du caprice du peuple: Mémoires de Sully, vol. 1, pag. 133, (пер. № 1, л. 13) I. B. Say. Econ. Polit. (пер. № 9, л. 5).

²⁾ Тетради № 1, л. 10, № 10 л. 12, № 9, л. 11.

³⁾ Abbé Etienne Bonnot Condillac, род. 1714, ум. 3 августа 1780 г. *Traité des sensations*, 1754. *La Logique*, 1780. *Cours complet d'instruction*, Parme, 1775, 13 vols. *Oeuvres complètes*, Paris 1798 и 1821—1823.

⁴⁾ Дѣло № 408, л. 12 (показаніе) и дѣло №. 474, тетрадь № 10, л. 16 об.

Въ свое руководство по воспитанію, которое Крюковъ началъ писать въ формѣ писемъ къ матери, онъ хотѣлъ вложить все то, чему онъ самъ научился изъ французскихъ книгъ. Отъ этой работы сохранились только первоначальные наброски и замѣтки; начало сочиненія въ видѣ двухъ коротенькихъ писемъ и отрывокъ изъ того отдѣла руководства, въ которомъ должны были быть изложены основанія психологіи; въ этомъ отрывкѣ четыре маленькихъ главы, 1-я вводная, 2-я, что значитъ мыслить, 3-я—о чувственности и чувствованіяхъ, 4-я—о памяти и воспоминаніяхъ. Здѣсь Крюковъ кратко разъясняетъ основное положеніе сенсуализма Кондильяка о чувствованіи, какъ источникъ и существъ духовной жизни. „Думать или мыслить значитъ всегда чувствовать“ говоритъ онъ, повторяя слова Кондильяка: *penser c'est sentir*¹⁾. Въ связи съ этой работой стоитъ его большой

¹⁾ Приведемъ два небольшихъ отрывка изъ этихъ набросковъ.

Письмо 1-е.

Какъ нѣжная мать, пекущаяся о благѣ дѣтей своихъ, ты просила совѣтовъ моихъ касательно ихъ воспитанія. Это для меня тѣмъ болѣе приятно, что будучи соединенъ съ тобою узами родства и священнаго дружества, я принимаю живѣйшее участіе въ семъ важномъ дѣлѣ, которое будетъ имѣть вліяніе на счастье малютокъ. Дорого-бы заплатилъ я, чтобъ быть самому свидѣтелемъ ихъ успѣховъ и помогать имъ моими наставленіями. Но обстоятельства не позволяютъ мнѣ и я долженъ довольствоваться тѣмъ, что буду на нихъ дѣйствовать черезъ тебя.

Наука о человѣкѣ, коея цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ доставить человечеству всевозможное благополучіе, теперь сдѣлала большіе успѣхи, и хотя это есть поле столь обширное, что кажется всегда останется необработаннымъ, однакожъ мы теперь можемъ почерпнуть изъ оной множество истинъ, на которыхъ основываясь легко вывести правила къ руководству въ воспитаніи.

Прежде нежели къ сему приступать, посмотримъ, что должно разумѣть подъ словомъ *благополучіе* и до какой степени человѣкъ можетъ онымъ наслаждаться. Тогда имѣя въ виду цѣль, о которой будемъ имѣть ясное понятіе, станемъ изыскивать средства къ достиженію оной. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь изложить о семъ предметѣ мои мнѣнія, съ которыми надѣюсь ты согласишься (тетрадь № 3).

Изъ Главы 3: О чувственности и чувствованіяхъ.

Теперь мы исчислили всѣ состоянія нашей чувственности и видѣли, что всякое сотрашеніе одной или нѣсколькихъ нервъ приводитъ въ движеніе мозгъ, возбуждаетъ нашу чувствительность. Если прервать сообщеніе между мозгомъ и нервами, тогда мы перестаемъ чувствовать. Напр. если крѣпко перевязать руку, тогда чувство руки ослабѣваетъ или совсѣмъ прекращается.

Итакъ, если бы мы не имѣли ни нервъ, ни мозга, или если бы они не имѣли свойства содѣлывать насъ чувствительными, тогда бы мы были твари безчувственныя, какъ напр., камни, металлы и проч.

Какимъ образомъ движеніе нерва и мозга производитъ чувствительность? Мы этого не знаемъ, потому что это не можемъ показать намъ ни опытъ, ни наблюденіе; но мы увѣрены въ томъ, что мы имѣемъ чувствительность. Мы замѣчаемъ ее и въ подобныхъ себѣ по многимъ признакамъ, только не знаемъ, такъ ли они чувствуютъ, какъ мы, или слабѣе или сильнѣе, потому что не можемъ чувствовать чужими органами. Мы замѣчаемъ болѣе или менѣе чувствительности также и въ другихъ животныхъ, смотря по тому, болѣе или менѣе онѣ имѣютъ средствъ оную обнаруживать. Имѣютъ-ли чувствительность растенія и минералы? Этого мы не знаемъ, потому что они не обнаруживаютъ оной; однакожъ не можемъ утверждать, чтобъ они совсѣмъ ее не имѣли, ибо кто можетъ сказать, чтобъ растеніе не чувствовало боли, когда его срываютъ или когда не имѣетъ оно пищи; также чтобъ кислота (*acide*), который всегда ищетъ соединиться съ алкаліемъ (*alkali*) не чувствовалъ пріятности въ семъ соединеніи. Я не хочу сямъ замѣчаньемъ заставить предполагать чувствительность во всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые

переводъ отрывковъ изъ Кондильяка, въ 48 страницъ, посвященныхъ той же темѣ: «разбору способностей душевныхъ», съ тѣми же основными положеніями: «Всѣ способности душевныя заключаются въ способности чувствовать»... «Душа сама по себѣ въ насъ не дѣйствуетъ но дѣйствуетъ лишь посредствомъ чувствъ, и мы дѣйствій, собственно душѣ принадлежащихъ, не знаемъ и знать не можемъ» ¹⁾).

Надъ своимъ «руководствомъ къ воспитанію» Крюковъ работалъ усердно, независимо отъ личнаго интереса къ философіи, потому что видѣлъ въ этой работѣ свое общественное служеніе. Его французскіе книги говорили о необходимости дать торжество свѣту просвѣщенія надъ тьмой предрасудковъ. Слова этихъ книгъ находили живой откликъ въ его душѣ, потому что кругомъ онъ видѣлъ ту именно тьму невѣжества, противъ которой онъ такъ краснорѣчиво возставали. На Югѣ, въ провинціальномъ обществѣ средней руки, въ мѣстечкѣ Немировѣ его философія казалась такой же странностью, какъ во Франціи при появленіи первыхъ книгъ новой школы 75 лѣтъ, назадъ. Когда его будущіе друзья, молодые офицеры квартирмейстерской части не съемкѣ услышали въ первый разъ его разсужденія, они начали смѣяться надъ нимъ и надъ его знакомыми «Тульчинскими политиками» ²⁾).

И послѣ одного изъ такихъ первыхъ своихъ неудачныхъ выступленій въ роли философа и политика, Крюковъ записываетъ въ своей тетради: «Попробуйте заговорить въ нашемъ обществѣ о политикѣ или философіи, и вы увидите, какъ всѣ эти молодые люди, которые, какъ сказалъ Вольтеръ, не находятъ въ самыхъ серьезныхъ вещахъ ничего кромѣ предлога поострить, начнутъ насмѣхаться надъ вами, вы увидите, какъ женщины оставятъ васъ, какъ человѣка, который хочетъ показать, что онъ безъ предрасудковъ, и котораго добродѣтельная женщина должна избѣгать. И лицемѣры ополчатся на васъ изо всѣхъ силъ чтобы постараться убѣдить всѣхъ, что вы человѣкъ опасный, что вы преисполнены пороковъ, что для васъ—по ихъ выраженію—законъ вѣра нипочемъ, наконецъ, что вы человѣкъ погибшій, котораго надъ сторониться, чтобы избѣжать столь опаснаго примѣра, потому что—говорятъ они—свободомысліе прельщаетъ больше всего тѣмъ, что онъ даетъ полный просторъ всѣмъ страстямъ. Люди,—говорятъ они—для того именно, чтобы предаваться порокамъ, отвергаютъ всякую религію, единственную опору, какую мы имѣемъ въ нашей слабости,—какъ если бы религіозные обряды достаточны были для того, чтобы наста-

---

не обнаруживаютъ оной; ибо во всякомъ точномъ изысканіи предположенія могутъ только ввести насъ въ заблужденіе. Но хочу показать этимъ, что въ разсужденіи сего мы не ходимъ въ совершенномъ невѣжествѣ.

Какъ бы то ни было, но мы исчислили всѣ дѣйствія, собственно принадлежащія чувственности. Хотя мы не видимъ еще всей пользы, могущей отъ сего произойти, однакожь, это начинаетъ уже намъ нѣсколько показывать, что происходитъ въ насъ.

По мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ, намъ все будетъ мало и мало объясняться, и ясность будетъ заступать мѣсто смѣшанныхъ понятій, и мы болѣе и болѣе будемъ находить въ этомъ удовольствія—Между тѣмъ приступимъ къ изслѣдванію памяти (дѣло № 474, рукопись № 8).

¹⁾ Дѣло № 474, тетрадь № 14 (водяной знакъ 1823 г.).

²⁾ См. выше показаніе Бобрщева-Пушкина.

вить насъ на путь добродѣтели, какъ если бы добродѣтель состояла только въ слѣпыхъ вѣрованіяхъ» ¹⁾).

Послѣ такихъ разговоровъ французская книга казалась ему направленной прямо противъ русской дѣйствительности, и онъ съ живымъ вниманіемъ выписывалъ изъ нея слѣдующую цитату: «Привычка обращать въ смѣхъ все, что не согласуется съ принятыми обычаями, причиняетъ великій вредъ народамъ, ибо всякая почти новая истина не согласуется съ сими обычаями» ²⁾. «Яркое свѣтило, только что начавшее озарять горизонтъ благополучія несчастныхъ народовъ, переводилъ онъ изъ другой книги, затемняется еще облаками.— Можетъ быть лицемѣры, невѣжды и всѣ, находящіе собственную пользу въ удержаніи просвѣщенія, сіи тираны человѣческаго рода еще довольно сильны, чтобы составить грозную тучу, могущую помрачить столь яркое уже утро; можетъ быть они довольно еще многочисленны, чтобы слѣлать ее густою, и если соберется гроза сія, тогда возблещетъ молнія, ужасный грянетъ громъ, раздастся звукъ оружія, кровь польется рѣками. Но наконецъ умолкнетъ громъ, затихнутъ вѣтры, настанетъ тихая погода и тогда возсіяетъ солнце во всемъ своемъ блескѣ, тогда появится благополучіе народовъ, и человѣчскій родъ предстанетъ во всемъ своемъ блескѣ» ³⁾).

VII.

Потрясенные заключеніемъ въ крѣпости, судомъ и ссылкой на каторгу, нѣкоторые изъ этихъ скептиковъ и атеевъ французской школы, вернулись «къ повѣрьямъ дѣтства», какъ выразился И. Д. Якушкинъ, хотя и остались вѣрными своему политическому вольномыслию. Большинство, однако, несмотря на испытанія, сохранило вмѣстѣ съ политическимъ и религіозное «вольнодумство».

Остался вѣрнымъ атеизму основатель общества Соединенныхъ Славянъ П. И. Борисовъ, собственнымъ своимъ примѣромъ доказывавшій, что «можно быть добродѣтельнымъ, отвергая Бога»; но одинъ изъ его учениковъ, Ив. Вас. Кирѣевъ, послѣ страшныхъ душевныхъ страданій нашелъ утѣшеніе въ религіи. Остался вѣрнымъ атеизму и князь А. П. Барятинскій, но свитскіе офицеры его Тульчинской управы, Николай Крюковъ и Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ, отъ своего «негодованія» на религію перешли къ противоположной крайности полного признанія не только вѣры, но и всей церковной обрядности.

Павелъ Бобрищевъ-Пушкинъ не принадлежалъ раньше къ числу наиболѣе убѣжденныхъ отрицателей церкви и вѣры. Онъ былъ близокъ къ своему брату, который, какъ мы уже говорили, всегда возставалъ противъ безбожниковъ. Вліяніе этихъ безбожниковъ, съ княземъ

¹⁾ Этотъ отрывокъ въ тетради выписокъ, № 9, л. 12. Но это не выписка, а черновой записка, написанная самимъ Крюковымъ; объ этомъ свидѣлствуетъ много перепутанныхъ и передѣланныхъ словъ и фразъ. Написана ова по-французски и не очень отчетливо. Крюковъ началъ писать ее сначала по русски: „попробуй заговори въ нашихъ обществахъ о волюнтерѣ“, но зачеркнулъ эти слова и перешелъ на французскій языкъ.

²⁾ Тетрадь № 9, л. 11 обор.

³⁾ Тетрадь № 10, л. 15.

Барятинскимъ и Н. Крюковымъ во главѣ, одно время въ душѣ его взяло верхъ; но испытанія крѣпости и каторги заставили его искать утѣшенія въ религіи. «Во время своего заключенія—говорить Якушкинъ—онъ оцѣнилъ красоты Евангелія и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратился къ повѣрѣямъ своего дѣтства», и началъ «всячески отстаивать ихъ». Разочаровавшись въ «разумѣ», онъ началъ возвышать надъ нимъ «любовь», какъ основу религіи. О тщетѣ разума—бога французской философіи говорилъ онъ въ слѣдующихъ строфахъ стихотворенія, написаннаго въ Читинскомъ острогѣ въ 1828 году:

Что пользы въ разумѣ высокомъ?	<i>Что безъ любви всѣ созерцающа?</i>
Что мнѣ въ познаніи небесъ?	Къ чему мнѣ знать судьбы законъ?
Къ чему мнѣ зрѣть премудрымъ окомъ?	Безъ ней высокія познанья
На связь безчисленныхъ чудесъ?	Суть только призракъ прахъ и сонъ! ¹⁾

Къ «повѣрѣямъ дѣтства» возвратился, подавленный заключеніемъ въ крѣпости и Николай Крюковъ. «Здѣсь только въ крѣпости—писалъ онъ въ послѣднемъ своемъ отвѣтѣ комиссіи—я образумился. Здѣсь только умъ мой, не будучи обремененъ непрерывнымъ чтеніемъ и увлекаемъ разными мечтаніями, началъ свободнѣе разсуждать самъ собою. Здѣсь только увидѣлъ я мое заблужденіе. Здѣсь только усмотрѣлъ вредъ безвѣрія. Здѣсь наконецъ, вникнувъ съ должнымъ вниманіемъ въ Святое Евангеліе и посланія Святыхъ Апостоловъ, я обратился къ Христіанству». Это признаніе о душевномъ переломѣ, испытанномъ въ крѣпости, было искреннимъ; оно подтверждается разказами декабристовъ о религіозности Николая Крюкова, проявленной имъ въ Читинскомъ острогѣ. Николай Крюковъ примкнулъ къ маленькому кружку ревностныхъ христіанъ, который прозванъ былъ «конгрегаціей». Члены этого кружка по воскресеньямъ устраивали религіозныя чтенія; они собирались вмѣстѣ въ углу большого каземата острога, читали Апостолъ, Евангеліе, говорили проповѣди и въ заключеніе читали главу изъ «Часовъ благоговѣнія», переведенныхъ съ нѣмецкаго барономъ Розеномъ.

Кружокъ этотъ, въ которомъ выдавался, какъ ревностный «проборникъ христіанства», П. Бобрищевъ Пушкинъ, былъ немногочисленъ. Къ нему принадлежали, между прочимъ, князь Е. П. Оболенскій, князь А. И. Одоевскій, Д. И. Завалишинъ, баронъ А. Е. Розень, люди и раньше отличавшіеся религіозностью. Всего членовъ конгрегаціи было не болѣе 15 человекъ. Ревностный членъ кружка А. П. Бѣляевъ, назвавъ 13 фамилій, замѣчаетъ, «кажется, я не забылъ никого»²⁾. Это очень немного на 100 слишкомъ декабристовъ, жившихъ въ Читѣ. Христіанская проповѣдь Бобрищева-Пушкина, несмотря на силу личного его вліянія, обратила къ вѣрѣ немногихъ, не болѣе 3-хъ человекъ. Большинство относилось къ увлеченію христіанствомъ или индифферентно, или скептически, какъ Якушкинъ, иронизирующій надъ воз-

¹⁾ Подражаніе XIII-й главѣ Посланія къ Коринѳянамъ апостола Павла. Собр. стихотв. декабристовъ, изд. П. И. Фомина, т. II, с. 150.

²⁾ Кромѣ названныхъ въ текстѣ лицъ, къ кружку принадлежали еще Н. В. Басаргинъ, М. М. Нарышкинъ, А. П. Бѣляевъ и братъ его Павелъ, во всемъ слѣдовавшій за нимъ; изъ Сосвинцевыхъ Славянъ И. В. Кирѣевъ, Шимковъ, Мозгалевскій. Воспом. А. П. Бѣльева, гл. XII. Р. Ст. 1881 г., т. XXX, с. 815.

притомъ къ «повѣрѣямъ дѣтства», или же прямо враждебно, во имя своего убѣжденнаго деизма или атеизма. «Въ обществѣ, состоявшемъ свѣтшомъ изъ ста человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ изъ людей съ высокими образованіемъ—разсказываетъ ревностный членъ «конгрегаціи»—въ ходу были самыя разнообразныя, самыя занимательныя, и самыя глубокомысленныя идеи». «Тутъ много было невѣрующихъ, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики и систематически ярые матеріалисты, изучившіе этотъ предметъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда и сильно распространеннымъ уже философскимъ сочиненіямъ». Они часто насмѣхались надъ вѣрою и особенно надъ соблюденіемъ праздниковъ, таинствъ и постовъ. Эти насмѣшки давали поводъ къ спорамъ, въ которыхъ какъ защитникъ христіанства особенно выдавался Бобрищевъ-Пушкинъ. Изъ числа фанатическихъ противниковъ христіанства выдѣлялся князь А. П. Барятинскій. Между двумя партіями однажды, какъ разсказываетъ Бѣляевъ, разгорѣлся споръ о происхожденіи языка, привлекшій общее вниманіе. Бобрищевъ-Пушкинъ доказывалъ, что человѣкъ получилъ даръ слова, вмѣстѣ съ разумною душою, отъ божественнаго духа. Матеріалисты доказывали, что человѣкъ самъ изобрѣлъ языкъ, начавъ со звуковъ междометія; матеріалисты—иронизируетъ Бѣляевъ—тогда производили «ското-человѣка» «изъ глины, силами матеріи», какъ въ послѣдствіи производили его «отъ обезьяны». Въ защиту своихъ взглядовъ Бобрищевъ-Пушкинъ написалъ обширную статью о происхожденіи человѣческаго слова; Барятинскій написалъ на нее опроверженіе на французскомъ языкѣ, потому что владѣлъ имъ лучше, чѣмъ русскимъ. Отдавая справедливость уму и учености Барятинскаго, Бѣляевъ находитъ, что побѣда въ этомъ спорѣ была на сторонѣ его противника, «достойнаго христіанина».

Горячіе споры возникли также по поводу сдѣланнаго кружкомъ «конгрегаціи» перевода исторіи Гиббона. Этотъ переводъ, говоритъ Бѣляевъ о себѣ и о своемъ братѣ, «окончательно утвердилъ» насъ въ вѣрѣ, «несмотря на то, что Гиббонъ былъ деистъ и смотрѣлъ критически на христіанскую религію». Ихъ плѣнили въ исторіи Гиббона факты, доказывающіе чистоту и добродѣтельность первыхъ христіанъ, противники же ихъ ставили выше его скептическія мнѣнія, и благодаря ему только «утвердились въ невѣріи и стали въ немъ фанатиками»¹⁾.

Эти споры на почвѣ французскаго матеріализма скоро стали анахронизмомъ. Декабристы въ Сибири старались слѣдить за новой литературой по журналамъ и книгамъ, которые они получали въ большомъ числѣ. Но все-таки они, оторванные отъ жизни, заброшенные въ далекой Сибири, скоро отстали отъ умственнаго движенія эпохи. Поколѣнія 10-хъ и 20-хъ годовъ, въ лицѣ лучшихъ его, наболяе живыхъ и чуткихъ представителей, были смяты и уничтожены.

Новое поколѣніе 30-хъ годовъ подъ воздѣйствіемъ реакціи пошло по новому пути, предуказанному кружкомъ шеллингианцевъ 1824 года. Лучшіе люди этого поколѣнія, знаменитые идеалисты

¹⁾ Бѣляевъ, тамъ же, стр. 813—815.

30-х годовъ, ушли отъ жизни въ монашескую келью нѣмецкой философіи. Продолжая работу изученія нѣмецкой философіи, начату кружкомъ шеллингианцевъ, они перешли отъ Шеллинга къ Гегелю и тишинѣ реакціи усердно штудировали его «Логикю», «Энциклопедію и «Феноменологію духа».

Гегельянское движеніе началось ровно десять лѣтъ спустя послѣ 14-го декабря,—въ 1835 году, когда вдохновитель гегельянскаго кружка Н. В. Станкевичъ, ученикъ шеллингианца профессора Павлова, напечаталъ въ журналѣ «Телескопъ» переводъ «Опыта о философіи Гегеля». Черезъ три года, въ 1838 году выходитъ «Московскій Наблюдатель» подъ новой редакціей кружка гегельянцевъ, печатающаго и качества программы предисловіе къ переводу «Гимназическихъ рѣчей Гегеля. Продолжая традицію «Мнемозины» 1824 года, «Московский Наблюдатель» 1838 года начинаетъ рѣзкую полемику противъ французовъ, которыхъ онъ, словами эпиграммы Шиллера, называетъ «вадалами». «Французы,—писалъ «Московскій Наблюдатель» — никогда не выходили изъ области произвольныхъ разсужденій, и все святое великое и благородное въ жизни упало подъ ударами слѣпого, мерваго разсудка. Результатъ французскаго философізма былъ материализмъ, торжество неодухотворенной плоти». Гегельянцы жаловались, что «христіанство, это вѣчное и непреходящее доказательство любви Творца къ творенію» сдѣлалось у французовъ «предметомъ общихъ насмѣшекъ, общаго презрѣнія». Они сѣтовали на «духовное развращеніе французовъ» и порицали революцію, «послѣдствіе это духовнаго развращенія»: «Гдѣ нѣтъ религіи, тамъ не можетъ быть государства, и революція была отрицаніемъ всякаго государства, всякаго законнаго порядка, и гильотина провела кровавый уровень свѣта и казнила все, что только хоть нѣсколько возвышалось надъ бессмысленною толпою»¹⁾.

Идеалисты 30-хъ годовъ, однако, скоро сбросили съ себя очарованіе діалектики Гегеля, которая завела ихъ въ дебри оправданій действительности. «Философскіе монахи» скоро вернулись къ жизни. Одинъ изъ первыхъ разорвалъ кандалы гегельянскаго схластикъ Герценъ. «Схластикъ—писалъ Герценъ—также мало мистическая, какъ мистицизмъ: я до того натянулъ ея лукъ, что тетива порвалась и повязка упала». Повязка упала прежде всего рокового вопроса о Богѣ, душѣ и личномъ безсмертіи. Въ началѣ 40-хъ годовъ Герценъ самъ уже склонялся къ отрицанію личнаго духа и безсмертія души. Вопросъ рѣшенъ былъ для него книгой гегельянца Фейербаха «О сущности христіанства». «Прочитавъ первыя страницы,—пишетъ Герценъ—я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маски и маскларадное платье, прочь косноязычье и иносказанья... ненужно наоблекать истину въ мишуру»²⁾.

Въ 50-хъ годахъ, вслѣдъ за Фейербахомъ является откровенно смѣлый нѣмецкій материализмъ Фохта, Молешотта и Бюхнера. «Си

¹⁾ См. Н. Г. Чернышевскій, Очерки Гоголевскаго періода: Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 190.

²⁾ Сочиненія А. И. Герцена, т. II, стр. 318.

«Матерія» Карла Бюхнера, (1855 года), по обнаженности отрицанія и по своему разрушительному вліянiю на массу, пріобрѣтаетъ репутацію такой же «страшной» книги, какъ старая «Система природы» Гольбаха, 1780 года. Нѣмецкій матеріализмъ поддерживается въ 60-хъ годахъ французскимъ и англійскимъ позитивизмомъ. Отрицаніе «повѣрій дѣтства» становится на твердую научную почву. Въ 1861 году оно ярко выражается въ нигилизмъ Базарова. И также, какъ въ 20-хъ годахъ, въ эпоху декабристовъ, это боевое религіозное отрицаніе тѣсно соединяется съ отрицаніемъ политическимъ, съ революціоннымъ движеніемъ 60-хъ годовъ. Атака, также какъ въ 20-хъ годахъ, по примѣру французской философіи вѣка просвѣщенія, ведется разомъ противъ трона и алтаря.

Въ 1862 году, когда вышли въ свѣтъ «Отцы и дѣти» Тургенева, въ далекой Восточной Сибири, въ Петровскомъ заводѣ одиноко доживалъ свои дни И. И. Горбачевскій, одинъ изъ главныхъ дѣятелей Общества Соединенныхъ Славянъ. Ему было за 60 лѣтъ. Онъ не могъ воспользоваться амнистіей и вернуться въ Россію, за недостаткомъ средствъ, хотя страстно стремился на родину, чтобы повидаться съ своими товарищами по ссылкѣ. Князь Оболенскій, утѣшавшій его своими письмами, послалъ ему новинку, романъ «Отцы и дѣти». «Нигилисты,—отвѣчалъ ему изъ Петровскаго завода Горбачевскій—о которыхъ ты пишешь, и которые представлены въ романѣ Тургенева, они меня не удивляютъ, и ихъ явленіе не есть, по моему, новость: мнѣ кажется, они всегда были и будутъ при такомъ порядкѣ вещей... Они являются въ разные періоды подъ разными названіями»¹⁾).

Такъ новаго нигилиста-революціонера понялъ вполне и привѣтствовалъ старый революціонеръ матеріалистъ двадцатыхъ годовъ.

Н. П. Сильванскій.

¹⁾ Письма И. Горбачевскаго къ князю Е. Оболенскому: Русск. Старина, 1903 г., т. СХVІ стр. 231.

„Политика“ Н. К. Михайловскаго.

(Изъ воспоминаній о немъ и его писемъ).

Русская литература начинаетъ теперь напоминать собой знаменитый рогъ мюнхгаузскаго почтаря, ибо, оттаявъ нѣсколько отъ сорока-градусныхъ морозовъ цензуры, она вдругъ стала выкрикивать давно «забытыя слова» и напѣвать старыя аріи, которыя по настоящему-то ея органы должны были бы доносить до ушей читателя иногда уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Несмотря на самыя отчаянныя приемы «успокоенія», практикуемаго нашимъ благопечетельнымъ начальствомъ, въ печати все же стало возможно говорить, — пишушей братіи, — о вещахъ, прежде появившихся исключительно въ подпольной литературѣ. Наконецъ, и время `идеть своей чередой «смерть жадно жизни жатву косить», и многіе изъ дѣятелей, игравшихъ въ свое время видную «нелегальную» роль, умерли и очутились такимъ образомъ за предѣлами досягаемости нашего конституціоннаго правительства. Такъ что о нихъ, по крайней мѣрѣ, можно говорить безъ особыхъ стѣсненій.

Въ настоящей небольшой статьѣ мнѣ хочется познакомить читателей «Былого» съ подпольной, революціонной стороной многогранной индивидуальности Н. К. Михайловскаго, въ этомъ отношеніи оставшагося всего менѣе извѣстнымъ большой публикѣ. Объ этомъ правда, уже говорилось въ печати. Касался и я этого вопроса, насколько могъ, въ подцензурномъ еще «Русскомъ Богатствѣ» (см. ст. «Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ» 1905, январь). Подробнѣе нелегальная литературная дѣятельность славнаго публициста рассмотрѣна въ брошюрѣ Ю. Гарденина (В. М. Чернова), посвященной «Памяти Н. К. Михайловскаго» (Спб. 1906). Но у меня сохранилось нѣсколько давнишнихъ личныхъ воспоминаній о покойномъ, и осталось съ полсотни писемъ, адресованныхъ имъ мнѣ въ періодъ 1895—1904 г. И я думаю, что кое-что изъ этого матеріала можетъ показаться небезынтереснымъ читателю.

Мнѣ хотѣлось бы лишь предварительно въ немногихъ словахъ высказать свою точку зрѣнія на вопросъ, въ какой степени Михайловскій можетъ считаться «революционеромъ». Мнѣ кажется, что называть его революционеромъ въ специальномъ смыслѣ, т. е. человѣкомъ отдавшимъ себя практической революціонной дѣятельности, нельзя.

не погрѣшая противъ истины и противъ пониманія самаго типа этой исключительно крупной личности. Михайловскій былъ гораздо обильнѣе одаренъ способностями теоретическаго мышленія и литературно-публицистическими талантами, чѣмъ свойствами собственно революціоннаго дѣятеля. Что не мѣшало ему, конечно, «революционизировать» сознание мыслящей части русскаго общества, какъ революционизировали въ свое время и свою публику люди въ родѣ Вольтера, Руссо, Дидро, тоже не бывшіе и не могшіе еще быть при тогдашнихъ условіяхъ практическими революціонерами (я, разумѣется, оставлю здѣсь въ сторонѣ неинтересные вопросы литературнаго мѣстности, напр., насколько нашъ Михайловскій великъ или малъ по сравненію съ просвѣтителями XVIII го вѣка, а говорю лишь о характерѣ его литературнаго вліянія). Во всякомъ случаѣ, первымъ условіемъ для того, чтобы вѣрно понять и оцѣнить «политику» Н. К. Михайловскаго, является требованіе не видѣть въ знаменитомъ философѣ-публицистѣ непосредственнаго участника въ революціонномъ движеніи. Нерѣдко у Михайловскаго и въ жизни, и въ письмахъ вырывалось признаніе: «я лично не могу принимать въ этомъ участія и потому прямо приглашать людей на опредѣленныя революціонныя дѣйствія тоже не могу». Изъ чего опять таки не слѣдуетъ, чтобы онъ не помогалъ перомъ, совѣтомъ, указаніями, иногда даже практическими хлопотами уже сложившимся людямъ, тѣмъ героямъ русской революціи, которые завязали борьбу на жизнь и смерть со старой, официальной Россіей. Но это показываетъ лишь, съ какой серьезностью и добросовѣстностью, больше того, съ какой чуткостью и деликатностью Михайловскій относится къ вопросу о томъ, что требуется отъ настоящаго революціонера.

Какъ бы то ни было, но рядомъ съ теоретической работой мысли у этого замѣчательнаго писателя былъ настолько развитъ интересъ къ общественной жизни, что онъ долженъ былъ отзываться на ея явленія и въ особенности на наиболѣе крупныя и знаменательныя изъ нихъ, т. е. на нашу «политику», на нашу «революцію». Съ другой стороны, въ силу того, что онъ собственно никогда не былъ членомъ партіи, а лишь могучимъ возбудителемъ революціи въ умахъ, и даже, въ рѣдкихъ узловыхъ точкахъ своей писательской орбиты, сходясь вполнѣ въ своихъ выводахъ съ наиболѣе жизненнымъ теченіемъ, никогда не отождествлялся съ нимъ,—именно въ силу этого онъ, по большей части, не удовлетворялъ до конца наши различныя фракціи. Мнѣнія Михайловскаго революціонеры очень добивались; къ его взглядамъ они сильно прислушивались. Но «своимъ» въ узкомъ смыслѣ этого слова ни одной почти фракціи, за исключеніемъ развѣ «Народной Воли», его назвать было невозможно.

Укажу на нѣкоторые примѣры, всплывающіе на поверхность моихъ воспоминаній. Начало 70-хъ годовъ ознаменовалось въ Россіи, выработкой перваго народническаго социализма и приложеніемъ его на практикѣ въ видѣ «хожденія въ народъ». Какъ извѣстно, уже тогда обозначились два главныя теченія—пропагандистское и бунтарское и,—нѣсколько позже, одно второстепенное—якобинское, довольно сильно однако тронувшее въ иныхъ мѣстахъ молодежь. Оба

первыя теченія, вели между собою ожесточенную полемику по вопросу о томъ подготовить ли революцію пропагандою, или теперь же начинать въ народѣ бунтъ, чтобы втянуть его такимъ путемъ въ революцію. Но оба они были анти-государственническія. Оба ставилъ своею цѣлью одновременное нападеніе на весь современный политическій и экономическій строй съ тѣмъ, чтобы на развалинахъ стараго міра гнета и эксплуатаціи покрыть всю Россію федераціей общинъ трудящихся. Оба, наконецъ, были «аполитическими» въ томъ смыслѣ, что отрицали всякую чисто политическую революцію и объеяляли жестокою войну либераламъ и парламентаристамъ, мечтавшимъ конституціи.

Спрашивается теперь, какую позицію занялъ въ этой распрѣ «лавристовъ» и «бунтарей» Михайловскій. Мы, которые или сами со вершали знаменитый крестовый походъ въ народъ въ «сумасшедшее» какъ его называли потомъ иные революціонеры, лѣто 1874 г., или же пробуждались непосредственно подъ вліяніемъ этого похода къ сознательной жизни, разумѣется съ интересомъ читывались въ статьи Михайловскаго, ища въ нихъ подкрѣпленія, той или другой точки зрѣнія, раздѣлявшей насъ на два враждебные лагеря. Но того, что мы искали, мы не находили. Въ этихъ статьяхъ было по большей части то, что у насъ, братьевъ-враговъ, было общаго, то, что соединяло насъ. Но въ нихъ не давалось замѣтнаго предпочтенія тѣмъ или другимъ воззрѣніямъ. Михайловскій говорилъ намъ о противоположности между «націей» и «народомъ»; о стараніяхъ тогдашнихъ либераловъ обездолить трудящіяся массы, «отодравъ громаду народъ отъ земли и орудій производства»; о томъ, что мы «должники народа» и что ради уплаты этого долга мы должны (въ данный моментъ?) отказаться даже отъ «политической свободы», несмотря на ея «соблазнительность» для человѣка изъ интеллигенціи, «вкусившаго плодъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла». Это была, конечно, и наша общая точка зрѣнія въ двухъ лагеряхъ. Но какъ какъ,—спрашивали мы себя при чтеніи этихъ статей,—думаетъ все таки разрѣшить эти великія задачи самъ публицистъ? Пропагандою или бунтомъ? И этого-то мы въ статьяхъ Михайловскаго не открывали, а открывали порою нѣчто, шедшее за предѣлы нашего общаго—и лавристкаго и бунтарскаго—міровоззрѣнія въ видѣ гипотезы (преобладающемъ значеніи, которое могутъ приобрѣсти у насъ «политическіе вопросы», или въ видѣ соображеній о цѣлесообразности «государственной помощи для сохраненія въ народѣ имѣющихся уже у него орудій производствъ и приобрѣтенія новыхъ», что, кстати сказать, пахло для насъ уже положительной ересью въ направленіи государственности.

Я знаю, что среди тѣхъ изъ насъ, которые были бунтарями (отчасти и вскорѣ для кой-кого съ якобинскимъ оттѣнкомъ), царилъ убѣжденіе, или, вѣрнѣе, подозрѣніе, что Михайловскій исполнителъ тайной склонности къ лавризму. Но при этомъ мы руководствовались больше тѣмъ внѣшнимъ признакомъ, что статьи публициста были обыкновенно снабжены большимъ научнымъ аппаратомъ и цитатами изъ «книжекъ». Съ другой стороны, если лавристы и стара

лись поддерживать эту выгодную для них гипотезу об идейном соизначествѣ Михайловскаго, то они не могли скрыть и того обстоятельства, что славный публицистъ отказался принимать участіе во «Ваередѣ». Кстати сказать, я со словъ П. Л. Лаврова, узналъ впоследствии, что этотъ отказъ былъ полученъ имъ (въ отвѣтъ на его просьбу о сотрудничествѣ) въ мотивированномъ, посланномъ съ «оказіей» письмѣ Михайловскаго, который утверждалъ, что заграничный органъ можетъ быть лишь искусственнымъ, оторваннымъ отъ родной почвы продуктомъ, и что онъ, Михайловскій, предпочитаетъ вліять на русскую публику въ легальной, хотя бы даже и подневольной печати. Также, впрочемъ, отвѣтила на предложеніе Лаврова и вся редакція «Отечественныхъ Записокъ», кромѣ одного, тогда популярнаго, а впоследствии совсѣмъ выдохшагося С.

Новый интересъ статьи Михайловскаго стали возбуждать во второй половинѣ 70-хъ годовъ, когда герцеговинское возстаніе и— сначала—очень неудачная война съ Турціей, а также рядъ политическихъ процессовъ и окончательное крушеніе «хожденія въ народъ» вызвали въ революціонной интеллигенціи сильное умственное броженіе и вмѣстѣ серьезный кризисъ. Тогда-то выступили уже собственно «народники» въ формѣ не только теоретическихъ, но и практическихъ бунтарей, организующихъ манифестаціи, вооруженныя сопротивленія, убійства шпіоновъ, а скоро (съ образованіемъ общества «Земли и Воли») все болѣе и болѣе высокихъ гражданскихъ и военныхъ «чиновъ». И съ этими то укрѣпившимися и выигрывающими въ популярности народниками приходилось бороться еще болѣе поблѣдившимъ лавристамъ, которыхъ оставилъ самъ глава школы, недовольный умѣренностью своихъ учениковъ, и которые нѣкоторыми своими взглядами предвосхищали марксистовъ середины 90-хъ годовъ, съ удовольствіемъ плывшихъ по теченію «естественнаго хода вещей». Тогда какъ идеи «Набата», уже создавшія на югѣ Россіи небезынтересную разновидность «якобинцевъ-бунтарей», на сѣверѣ не группировали вокругъ себя значительнаго числа сторонниковъ, но зато мало по малу пропитывали нѣкоторыми своими элементами общую политическую атмосферу и должны были лечь отчасти въ основаніе назрѣваемаго міровоззрѣнія народовольчества.

Когда осенью 1877 г. я пріѣхалъ впервые въ Петербургъ, я засталъ въ разгарѣ борьбу между этими тремя направленіями, а главнымъ образомъ между бунтарями народниками и лавристами, въ то время какъ набатчики, благодаря своимъ никуда негоднымъ эмиссарамъ изъ заграницы, отличавшимся таинственностью манеръ и смѣлымъ обращеніемъ съ фактами, только портили агитаціонную дѣятельность болѣе серьезныхъ русскихъ якобинцевъ (въ значительной степени вышедшихъ изъ школы Зайчневскаго). И все это время молодежь жадно искала опоры для своихъ споровъ, между прочимъ, въ статьяхъ Михайловскаго, чуть не каждая изъ которыхъ служила предметомъ оживленныхъ обсужденій и разбиралась чуть не по слову. То была пора жаркихъ дебатовъ по поводу роли «ума» и

«чувства» въ эволюціи человѣчества, т. е. опять таки вопроса о пропагандѣ или о непосредственномъ бунтѣ: эта задача революціонной динамики не переставала волновать умы активно настроенной интеллигенціи.

Михайловскій и въ этотъ моментъ производилъ на каждую изъ враждующихъ фракцій двойное впечатлѣніе. Съ одной стороны каждая изъ нихъ находила въ немъ рядъ идей, наиболѣе соответствующихъ ея міровоззрѣнію, и всячески старалась вытягивать эти идельны нити сходства до возможно далекихъ предѣловъ, чтобы имѣть возможность видѣть въ знаменитомъ публицистѣ подлиннаго выразителя своихъ взглядовъ. Но эта операція не удавалась, нити эти рвались, и люди каждой фракціи не могли не замѣчать, что у Михайловскаго есть что-то свое, или, какъ казалось опять таки партійнымъ дѣятелямъ, нѣчто, враждебное имъ и болѣе подходящее программѣ ведущей съ ними войну фракціи. Словомъ, Михайловскій удовлетворялъ отчасти каждую изъ враждующихъ сторонъ, но одной онъ не удовлетворялъ сполна.

Наиболѣе распространенное мнѣніе считало его,—я уже сказалъ,—всею болѣе близкимъ къ лавризму. Но его блестящая полемика съ Юзовымъ-Каблицемъ изъ «Недѣли», бывшимъ тогда виднымъ теоретикомъ бунтарства, по поводу уже упомянутого первенства «ума» или «чувства», оставляла въ сущности недовольство Михайловскимъ въ обоихъ друго-вражескихъ лагеряхъ. Бунтари были раздражены указаніями ученаго публициста на роль пропаганды, на моральные мотивы умственной дѣятельности и т. п. И ходили слухи, что революціонное народничество, видя, что Каблицу не справиться съ знаменитымъ полемистомъ, выставило на подмогу своему товарищу своихъ наиболѣе сильныхъ или зубастыхъ оппонентовъ. Вторая, отвѣтная статья Юзова, въ которой Михайловскому бросалъ упрекъ, что онъ ставитъ если не «умъ», то «совѣсть на запятку» приписывалась коллективному сотрудничеству уже упомянутого Юзову затѣмъ одного крупнаго народника, писавшаго тогда въ «Словъ подъ псевдонимомъ Топорнина, и, наконецъ, одного изъ будущихъ вождей русской социаль-демократіи...

Но и лавристы оставались недовольны этой полемикой Михайловскаго. Имъ казалось, что защитникъ ихъ «ума» противъ «чувствъ» бунтарей, все же дѣлалъ черезчуръ много уступокъ послѣднему управленію. По этой части лавристы были, впрочемъ, очень строгими самымъ правовѣрнымъ изъ нихъ уже не нравилось, когда учителя ихъ въ одной изъ передовыхъ статей «Впереда» (тогда двухнедельной газеты) рядомъ съ ролью сознанія въ революціи указалъ и значеніе полусознательныхъ и даже безсознательныхъ «аффектовъ» и они считали за эту статью самого П. Л. Лаврова чуть не измѣтникомъ имъ же основанной партіи.

Въ другомъ знаменитомъ тогда спорѣ, тоже съ «Недѣлей», по поводу развѣнчиванія крестьянства Г. Ивановымъ (Успенскимъ), Михайловскій заслужилъ симпатіи набатчиковъ, говоря о разложении общины и о фатальномъ развитіи индивидуализма у мужика при существующихъ условіяхъ,—вещь, которую Ткачевъ развивалъ въ горахъ:

болѣе общимъ видѣ уже три года тому назадъ, въ программѣ «Набата», гдѣ указывалось на «огонь экономическаго прогресса, уже коснувшася коренныхъ основъ нашей народной жизни». Но русскіе яkobинцы не могли простить Михайловскому его рѣзкихъ выпадовъ противъ Ткачева, котораго Михайловскій, забавно пользуясь нѣскольکو горделивымъ литературнымъ псевдонимомъ своего противника (въ «Дѣлѣ») «Все тотъ же», называлъ все время «Все тѣмъ же... шутомъ гороховымъ». (Эту личную полемику съ Ткачевымъ Николай Константиновичъ не считалъ нужнымъ включить въ издание своихъ «Сочиненій», но въ свое время она вызвала не мало раздраженія среди сторонниковъ «политики» и «централизма»). Ироніи судьбы, какъ говорится, угодно было, чтобы Михайловскій почти въ эту же эпоху или нѣсколько позже обращался къ обществу съ нелегальнымъ «Летучимъ Листкомъ», помѣченнымъ апрѣлемъ 1878 г., въ которомъ говорилось вещи, можетъ быть ближе всего,—наканунѣ возникновенія народовольческаго направленія,—подходившія къ тому, что пропагандировалось Ткачевымъ, хотя въ обратномъ порядкѣ. Дѣйствительно, Михайловскій въ уже упомянутомъ «Листкѣ», составлявшемъ, какъ извѣстно, приложение къ тогдашней подпольной газетѣ «Начало», громко ставилъ правительству требованіе «конституціи, земскаго собора» и развивалъ эту мысль слѣдующимъ энергичнымъ образомъ: *«Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть тайный комитетъ общественной безопасности»*. Это предвосхищеніе Исполнительнаго Комитета находить свою аналогію,—въ обратной, какъ я уже сказалъ, послѣдовательности,—въ программѣ «Набата»: тамъ «ближайшая цѣль революціи» выставлялась въ видѣ «захвата политической власти, созданія революціоннаго государства». А затѣмъ это «революціонное государство» должно уже было развивать свою «конституціонную дѣятельность»: чтобы дать жизненную силу своимъ реформамъ, оно должно окружить себя органами народнаго представительства, *Народной Думы*, и санкціонировать ихъ волею свою реформаторскую дѣятельность».

Во всякомъ случаѣ и само «Начало» и «Летучій Листокъ» не приходились еще ко двору наиболѣе распространенному тогда направленію землевольчества. И прокламація Михайловскаго имѣла мало успѣха ¹⁾. Многие даже изъ довольно близко стоявшихъ тогда къ революціоннымъ «центрамъ», не подозрѣвали, кому она принадлежитъ. И лишь позже было узнано, что она была писана тѣмъ самымъ перомъ, которое страшно привлекало къ себѣ на рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ вни-

¹⁾ Было бы кстати интересно по этому поводу узнать исторію возникновенія этого «Начала», а также, на какіе элементы думали опираться инициаторы новаго органа. Не отливается ли на это хотя бы донныя благополучно здравствующія панъ В. Правшій, какъ мнѣ было извѣстно еще въ то время, выдающуюся роль въ организаціи «Начала»? Во всякомъ случаѣ, любопытна эта «политическая» жила, — то въ чисто институціонной, то въ яkobинской формѣ, — которая проникала дѣятельность лучшихъ элементовъ социализмовъ, работавшихъ среди русскихъ, хотя бы того же В., или «спонтаннаго набатчика» (еще до изданія «Набата»), П. Г. Зайчневскаго.

маніе враждующихъ революціонныхъ фракцій, и маня всѣхъ ихъ по очереди одними мыслями, и отталкивая и разочаровывая всѣхъ ихъ по очереди же другими.

Во второй половинѣ 1878 г. когда я познакомился съ Михайловскимъ у С. Н. Кривенко, онъ былъ уже несомнѣннымъ «политикомъ», какъ былъ «политикомъ» или, по крайней мѣрѣ, быстро становился имъ и самъ хозяиномъ, находившійся тогда подъ сильнымъ влияніемъ Николая Константиновича. Но, конечно, о народовольствѣ съ его политической программой не было еще и рѣчи: то было скорѣе настроеніе, чѣмъ определенное политическое міровоззрѣніе. Михайловскій шелъ въ этомъ направленіи, отчасти натолкнутый на такія мысли чтеніемъ Дюринга котораго въ эту эпоху онъ усиленно изучалъ и которымъ очень увлекался. Происхожденіе «справедливости» изъ чувства нормальной «мести», мести за боль, за оскорбленіе, за попраніе человѣческаго достоинства, было, если не ошибаюсь, тѣмъ пунктомъ ученія Дюринга который всего болѣе интересовалъ Михайловскаго. Терроризмъ землеволецъ находилъ, съ этой точки зрѣнія, эффектное философское обоснованіе. А возникшее рѣзко политическое настроеніе увлекалъ Михайловскаго все дальше по пути, освѣщаемому взглядами Дюринга насчетъ господствующей роли «политики» и «насилія» въ человѣческой исторіи: какъ теорія, народовольчество возникло у насъ въ значительной степени «подъ знакомъ» дюрингизма. Въ то время зналъ только «Курсъ національной экономіи и социализма» Дюринга тогда какъ, изъ сочиненій Маркса мнѣ были извѣстны, кромѣ «Капитала», «Манифестъ Коммунистической партіи», «Гражданская война во Франціи», «Нищета философіи» и «Къ критикѣ политическо-экономіи», при чемъ «Нищету» я даже всю перевелъ для себя, а изъ «Критики» значительную часть. Моему тогдашнему міровоззрѣнію, въ которомъ амальгамировались,—не могу уже точно сказать за данностью, какъ—якобинизмъ, бунтарство и марксизмъ, Дюрингъ былъ скорѣе чужды, а иными сторонами, напр., своими выходками противъ Лассаля, Маркса, почти всѣхъ французскихъ социалистовъ, прям антипатиченъ. Мы не сошлись,—если позволительно поставить в общія скобки этого «мы» знаменитаго уже въ то время писателя никому неизвѣстнаго, кромѣ членовъ нѣкоторыхъ студенческихъ рабочихъ кружковъ, 19-лѣтняго мальчика, который хотѣлъ жить своимъ умомъ, голова и сердце котораго бурлили и кипѣли тогдашними злобами дня, но который, конечно, долженъ былъ казаться зрѣлымъ людямъ очень зеленымъ и наивнымъ «мыслителемъ». Я познакомился Н. К. Михайловскому «самоувѣреннымъ не по возрасту», несмотря на противоположныя аттестаціи С. Н. Кривенко и одного очевиднаго экономиста изъ «Отечественныхъ Записокъ» (онъ живъ, прочтеть, можетъ быть, благодарность, которую я выражаю ему здѣсь они были лучшаго мнѣнія обо мнѣ. На меня же Михайловскій произвелъ впечатлѣніе бога отъ литературы, презрительно ронявшій нѣсколько словъ въ отвѣтъ, на горячіе вопросы и недоумѣнія и просилъ разрѣшить ихъ, обращенные къ нему ищущимъ правды юношей. Поздѣ я узналъ, что это впечатлѣніе было тоже ошибочно: у Николая Константиновича была просто особая холодная и непривѣтливая манера

говорить съ незнакомыми людьми о горячо интересовавшихъ самого его вопросахъ. Онъ, кстати сказать, такъ же не любилъ этихъ импровизированныхъ дебатовъ по серьезнымъ вещамъ, какъ и длинныхъ писемъ о нихъ (о чемъ ниже).

Уже начавъ писать, сначала въ «Новостяхъ», потомъ въ «Дѣлѣ», я иногда приносилъ Н. К. Михайловскому короткія статейки, которыя, впрочемъ, онъ превращалъ въ рецензіи, находя ихъ для статей въ знаменитыя «Отечественныя Записки» недостаточно цѣльными. Но и это случалось рѣдко. Зато мнѣ приходилось все чаще и чаще видѣть Михайловскаго у Кривенко, гдѣ съ нимъ встрѣчались уже сложившіеся тогда въ партію народовольцы, изъ которыхъ обыкновенно тамъ бывали: очень распространенный въ литературныхъ сферахъ «Николай Александровичъ» (псевдонимъ и понынѣ здравствующаго лица) и А. П. Корба. Самъ же Михайловскій нерѣдко захаживалъ въ извѣстную всѣмъ тогда бібліотеку на Невскомъ (противъ Гостиннаго Двора, если не ошибаюсь), устроенную для книгъ политическимъ, сидѣвшимъ по тюрьмамъ, и временно находившуюся въ завѣдываніи А. И. Эртеля. Сюда приходили на свиданіе съ Михайловскимъ самые крупные и сильно законспирированные члены партіи «Народной Воли», которымъ было неудобно видѣться съ нимъ на частныхъ квартирахъ.

Н. К. Михайловскій наконецъ-то обрѣлъ партію взрослыхъ и дѣйствительно изъ ряду вонъ выходящихъ политическихъ дѣятелей, которыхъ даже теперешніе любители «реальной политики» изъ кадетствующихъ и социаль-кадетствующихъ сферъ не могли бы не признать за людей съ «государственной складкой ума» (что нѣсколько позже и было, впрочемъ, сказано Г. А. Лопатину Энгельсомъ, передававшимъ нашему товарищу не только свое мнѣніе, но и мнѣніе умершаго незадолго передъ тѣмъ Маркса). Съ народовольцами Михайловскій сошелся ближе, чѣмъ съ какой либо изъ предшествующихъ революціонныхъ партій. По отношенію къ Народной Волѣ онъ не испытывалъ ни въ общемъ ни въ крупныхъ частностяхъ того отсутствія настоящей солидарности, которое мѣшало ему раньше принимать ближе къ сердцу интересы той или другой фракціи. Съ другой стороны, и народовольцы могли быть удовлетворены вполнѣ статьями Михайловскаго изъ того періода. Ибо знаменитый публицистъ со свойственнымъ ему блескомъ и оригинальностью развивалъ то тотъ, то другой пунктъ новаго міросозерцанія въ легальной прессѣ, въ жадно читавшихся тогда «Отечественныхъ Запискахъ»; и въ то же время печаталъ въ «Народной Волѣ» письма, подписанныя Гроньяромъ, и безыменные статьи, производившія сенсацію не только въ революціонныхъ, но и въ либеральныхъ кругахъ и заставлявшія читателей задаваться вопросомъ, кто же былъ ихъ авторъ; наконецъ, дѣятельно участвовалъ въ составленіи историческаго письма Исполнительнаго Комитета Александрѣ III.

Было бы лишнее напоминать читателю его легальную, вызвавшую безконечныя комментаріи статью о значеніи «принципа свободы», т. е. демократическихъ учреждений, для торжества социализма (написанную въ самый разгаръ народовольческаго движенія, осенью 1880 г.), какъ его двѣ другія столь же часто цитируемыя статьи объ интеллигенціи (читай: о *революціонной* интеллигенціи), относящіяся

наоборотъ къ началу свирѣпой реакціи, а именно къ зимѣ 1881—1882 гг. Знаменательно лишь то, что этотъ отнынѣ страстный «политикъ» отнюдь не думаетъ оттирать на задній планъ «экономіку», но и въ этихъ легальныхъ статьяхъ, и въ своихъ гроньяровскихъ письмахъ все время говоритъ о томъ, что всякая либеральная эра «очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно», и что только объединенною формулою «земли и воли» можно рѣшить великій вопросъ радикальнаго переустройства Россіи. Ему, однако, представлялось, что отправная точка должна лежать въ политикѣ, какъ въ орудіи не одного правового, но и социальнаго-экономическаго переворота. И онъ всячески отстаивалъ эту точку зрѣнія не только своими статьями, но совѣтами при работѣ другихъ и даже горячимъ обсужденіемъ ея въ сравнительно большихъ собраніяхъ,—что вообще случалось рѣдко съ нимъ, не любившимъ общественныхъ преній, но что онъ все-таки неоднократно продѣлывалъ все въ ту же первую страшно реакціонную зиму 1881—1882 г. Я говорю объ организованныхъ главнымъ образомъ по его инициативѣ «литературныхъ средахъ» въ гостинницѣ «Метрополь», на которыхъ сходились представители радикальной печати для обмѣна мыслей и для выработки общаго плана напора на закусившее удила самодержавіе. И я живо помню нѣсколько сценъ, когда Михайловскій,—повторяю очень не любившій полемизировать словесно и на большей публикѣ,—удачно и горячо разбивалъ «народничество» страшно поправѣвшаго въ то время Каблиця, или преслѣдовалъ своими саркастическими насмѣшками милѣйшаго Н. В. Шелгунова, который по оплошности пропустилъ тогда въ «Дѣлѣ» чрезвычайно двусмысленную статью Б. Ленскаго. «Интеллигенція, народъ и буржуазія», гдѣ доказывалось, что, пожалуй, отъ конституціи мужичку только нагоритъ, и что парламентаризмъ пойдетъ исключительно на пользу буржуазіи.

Знаю я также, что когда, находясь въ періодѣ моего «марксистскаго тезиса», я выступилъ въ полемику съ И. Кольцовымъ (Л. Тихомировымъ) изъ «Дѣла» по поводу того, что важнѣе, экономика или политика, въ эту «междоусобную войну»,—какъ выразился при свиданіи со мной по этому поводу Н. К. Михайловскій,—вмѣшался самъ онъ и снабжалъ моего оппонента и мыслями, и документами по нѣкоторымъ вопросамъ социологіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался убѣдить меня въ необходимости расширить кругъ моихъ занятій, которыя лежали тогда почти еще исключительно въ политико-экономической плоскости, налечь на философію и въ частности изучить Ланге и Дюринга. Отношенія его были со мной въ это время уже гораздо болѣе простыя, и отъ горделивости его мало что осталось: черезъ Кривенко онъ старался узнать, надъ чѣмъ я работаю, и я сталъ его, видимо, больше интересоватъ, чѣмъ раздражать.

Зима 1881—1882 гг. была послѣднею которую я провелъ въ Россіи. Реакція все росла и усиливалась. Литературныя сношенія съ далекой родиной становились все труднѣе и рѣже. А съ закрытіемъ «Дѣла» и «Отечественныхъ Записокъ» они свелись почти совсѣмъ на нѣтъ. Михайловскому въ самомъ же началѣ реакціи, если не ошибаюсь въ 1883 г., пришлось проѣхать въ Выборгъ, куда ссылалъ

его вошедшій въ силу Плева, за рѣчь, произнесенную имъ на студенческомъ вечерѣ на тему, что у насъ пропала «честь» и исчезла «совѣсть», и что пока мы не приобрѣтемъ снова этихъ качествъ, Россіи не выйти изъ реакціоннаго тупика. О Михайловскомъ мы узнавали только изрѣдка и по слухамъ, — оставляя, конечно, въ сторонѣ его замѣчательныя статьи изъ этого ужаснаго періода 80-хъ годовъ, когда знаменитый философъ-публицистъ по истинѣ превзошелъ себя въ борьбѣ съ реакціей, спустившейся изъ сферъ правительственныхъ въ самое общество и здѣсь производившей страшныя опустошенія среди молодежи и, казалось, совѣмъ уже установившихся въ революціонномъ смыслѣ людей. Я въ это время находился въ періодѣ «политическаго антитезиса», дѣятельно сотрудничалъ въ «Вѣстникѣ Народнои Воли», но не могу однако сказать, почему Михайловскій ничего не прислалъ намъ въ этотъ органъ, хотя его близкій пріятель, Тесевичъ, и далъ въ первый же номеръ «Вѣстника» статью въ защиту и философское обоснованіе терроризма подъ псевдонимомъ «Украинца». Единственно, что намъ было извѣстно о Н. К. Михайловскомъ, это, что Плева собирался было одно время жестоко расправиться съ нимъ, подозрѣвая его революціонное значеніе, — дѣло шло даже о ссылкѣ его въ Сибирь, — но затѣмъ остановился, «не желая превращать Михайловскаго во втораго Чернышевскаго».

Однако, для самага Николая Константиновича годы ужаснѣйшей реакціи не прошли даромъ. Онъ отстаивалъ грудью здоровыя силы русскаго общества отъ систематическаго и до безсмысленности жестокаго гнета правительства. Онъ продолжалъ съ прежней энергіей защищать идеалы общечеловѣческаго социализма и интересы русской свободы. Но у него выработывался скептическій взглядъ на наличность элементовъ, которые могли бы направить жизнь въ желательномъ смыслѣ. И этотъ пессимизмъ распространялся у него даже и на Западъ. Здѣсь я перехожу къ документамъ, которые могутъ освѣтить нѣкоторыя взгляды на «политику» Н. К. Михайловскаго въ послѣдніе десять лѣтъ его жизни. У меня дѣйствительно, осталось, — какъ я уже сказалъ въ началѣ этой статьи, — нѣсколько десятковъ писемъ отъ Николая Константиновича. Точно выражаясь, ихъ у меня теперь сорокъ пять; письма три—четыре, и къ сожалѣнію очень интересныхъ, были утеряны. Съ этимъ матеріаломъ можно, однако, отважиться на характеристику нѣкоторыхъ «нелегальныхъ» сторонъ міровоззрѣнія знаменитаго публициста-гражданина. А такъ какъ Николай Константиновичъ, по его собственному выраженію, не любилъ заниматься «эпистолярнымъ дѣломъ» или «эпистолярнымъ искусствомъ», и серьезныхъ писемъ отъ него осталось вообще очень мало, то моя коллекція имѣетъ не малый литературный интересъ. Скажу даже болѣе: она имѣетъ главнымъ образомъ этотъ интересъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ рѣчь идетъ преимущественно о радостяхъ и горестяхъ, — неизмѣримо больше о горестяхъ, — человѣка, всею душою преданнаго литературѣ, и литературѣ идейной, литературѣ общественной, но на каждомъ шагу борящагося съ тупоумной жестокостью нашихъ Макаровъ-Гасильниковъ, начиная съ министровъ переходя къ главному управленію по дѣламъ печати и кончая самонаибольшею цензурскою

сошкой. Въ этомъ смыслѣ матеріалъ, находящійся въ письмахъ Михайловскаго, очень поучителенъ. И я, можетъ быть, обработаю его позже именно съ этой стороны. Но теперь рѣчь идетъ о «политикѣ» Михайловскаго, и я почти исключительно буду касаться лишь политическихъ темъ, позволяя себѣ развѣ для иллюстраціи затрагивать прератности литературнаго дѣла.

Наши сношенія съ Михайловскимъ снова завязались на чисто литературной почвѣ. Моя первая статья, посланная въ «Русское Богатство» чисто случайно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чтенія книги г. Бельтова и появившаяся въ майскомъ номерѣ журнала за 1895 г. («На высотахъ объективной истины»), видимо заинтересовала Михайловскаго. Обѣщая напечатать ее «съ величайшимъ удовольствіемъ и возможно скорѣе», онъ проситъ меня разрѣшить ему придумать для меня литературный псевдонимъ попроче: я, признаться, подписался очень неуклюжимъ греко-римскимъ *Outis meminissimus*, въ честь филологическихъ шалостей автора «Монизма» съ классиками. Михайловскій, дѣйствительно, окрестилъ меня тотчасъ же Кудринимъ (по ассоціаціи «руссыя кудри»: Русановъ-Кудринъ), хлопоталъ за статью передъ цензоромъ, все же жестоко исказившимъ ее, и предложилъ мнѣ писать «отдѣльныя статьи» въ ожиданіи, пока онъ найдетъ мнѣ «другую работу». Черезъ недѣлю онъ, дѣйствительно, далъ мнѣ эту работу, прося писать, «корреспонденціи-письма» изъ Франціи, и помнить при этомъ, что «Русское Богатство» выходитъ подъ «предварительной и очень суровой цензурой», и что, кромѣ того, по программѣ изданія журналъ не имѣетъ права помѣщать собственно политическихъ корреспонденцій.

Тогда я предложилъ Михайловскому нѣсколько темъ, между прочимъ о «чертобѣсіи», т. е. о всемъ циклѣ явленій и идейной, и политической реакціи, обуявшей въ началѣ 90-хъ годовъ французскую буржуазію. Михайловскій остановился прежде всего на этой темѣ. И когда статья была получена, снова началось его ратоборство съ бдительнымъ начальствомъ: «Ваше «Чертобѣсіе» почему то ужасно напугало нашего цензора... Онъ говоритъ объ «общемъ духѣ», о католическихъ святыхъ, которые суть все же святые, объ отдѣльныхъ выраженіяхъ въ родѣ «ожирѣвшій буржуа» (письмо отъ 17-го сентября 1895 г.). Статья моя, послѣ всевозможныхъ перетираній ея цензурными жерновами, наконецъ вышла; и своимъ концомъ, гдѣ констатируя развитіе міровоззрѣнія труда (т. е. социализма), я видѣлъ въ его побѣдѣ выходъ изъ «чертобѣсіа» и восклицалъ вмѣстѣ съ божественнымъ Пушкинимъ: «Ты, солнце святое, гори»,—своимъ концомъ, говорю я, она подала поводъ Михайловскому бросить мимоходомъ взглядъ на общую эволюцію человѣчества. Онъ, дѣйствительно писалъ, приглашая меня «прочитать статью въ печати»: «Никакихъ замѣчаній не имѣю. *Лично я не раздѣляю тѣхъ оптимистическихъ взглядовъ, которыми такъ красиво оканчивается Ваше письмо, и ничею противъ нихъ не имѣю* (курсивъ мой здѣсь, какъ и будетъ повсюду, Н. Р.). А затѣмъ, и точка зрѣнія, и содержаніе, и изложеніе—все именно таково, какъ намъ нужно, и я не перестаю радоваться Вашему сотрудничеству» (письмо отъ первой половины октября

1895 г.). Мнѣ, конечно, было пріятно: такая оцѣнка давала мнѣ возможность рассчитывать на упроченіе моего положенія въ «Русскомъ Богатствѣ», откуда я надѣялся проводить въ легальной формѣ дорогія мнѣ идеи революціоннаго социализма. Но меня заинтересовалъ отзывъ Михайловскаго о моихъ «оптимистическихъ взглядахъ», и я просилъ его яснѣе высказаться по этому вопросу. Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 15 октября 1895 г.) онъ писалъ такъ: «Вы спрашиваете объ моемъ отношеніи къ оптимистическому концу Вашего перваго письма: Я думаю, что въ ближайшемъ будущемъ солнце святое не загорится, а затѣмъ оно и вообще можетъ и загорѣться и не загорѣться,— въ самомъ естественномъ ходѣ вещей я гарантіи не вижу. Это не мешаетъ мнѣ присоединиться къ исходной строчкѣ Вашего письма».

Моя новая корреспонденція,—между прочимъ, о Пастерѣ,—оказалась «пощипанной цензоромъ еще хуже». И Михайловскій просилъ меня разрѣшить ему «предварительно сглаживать и смягчать Ваши письма (дѣло будетъ только въ словарѣ), потому что я уже примѣнился къ этому ненавистному учрежденію, а своимъ смягченіемъ спасу самую суть». Тутъ же по поводу безобразнаго искаженія въ печати моей характеристики Пастера (цензоръ вымахнулъ всѣ страницы, гдѣ, отдавъ должное геніальности ученаго, я вскрылъ его клерикализмъ, его узко буржуазное міровоззрѣніе) Михайловскій пишетъ: «Пастера испортилъ не я, а цензоръ. Я совершенно согласенъ съ Вашей точкой зрѣнія и думаю, что Вы можете вернуться къ ней при первомъ удобномъ случаѣ, даже и пожалуй опять въ связи съ Пастеромъ... Я боюсь, что всѣ эти гадости, съ которыми мы здѣсь позорно свыклись, отобьютъ у Васъ охоту писать намъ. Это мнѣ будетъ очень больно, да и есть надежда, правда очень слабая,—что дѣло хоть немножко наладится къ лучшему» (письмо отъ 22-го октября 1895 г.).

Но уже въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 24-го ноября 1895 г.) Михайловскій констатируетъ исчезновеніе и этой слабой надежды: «Цензоръ и на этотъ разъ Васъ сильно потревожилъ, и притомъ жѣстами и для меня совершенно непонятно почему. Въ будущемъ году мы хотимъ проситься изъ-подъ цензуры. Если это и удастся, то передъ нами не Богъ знаетъ какіе горизонты раскроются, но, по крайней мѣрѣ, мы будемъ избавлены отъ порчи статей по мелочамъ и по чисто личнымъ соображеніямъ того или другого цензора: одному одно не нравится, другому другое... Знаете ли Вы, что мы иногда не можемъ даже перепечатать, просто процитировать статью изъ безцензурнаго изданія? Цензоръ съ своей точки зрѣнія справедливо говоритъ: то другое дѣло, а на вашъ журналъ я ставлю свой штемпель «дозволено»... Трудное наше дѣло, такъ трудное и горькое и унизительное, что постороннему человѣку и понять невозможно».

По поводу еще слѣдующей моей корреспонденціи (о Дюма) Михайловскій уже не ограничивается жалобами на цензуру, но снова касается, какъ ему кажется, моего оптимистическаго міровоззрѣнія и опять таки не расходясь съ моей рѣзко социалистической точкой зрѣнія. Дѣло въ томъ, что свою оцѣнку только что умершаго тогда драматурга, посвятившаго столько пьесъ вопросу о любви, бракѣ,

семьѣ, я закончилъ нѣсколькими страницами выводовъ. Я показалъ какимъ ужасающе лицемернымъ учрежденіемъ является въ обществѣ современный бракъ; сколько анти-соціальныхъ сторонъ заключаетъ въ себѣ теперешняя средняя семья; и какъ лишь при полной свободѣ отношеній между полами, но вмѣстѣ съ тѣмъ при широко разлитомъ въ обществѣ чувствѣ братской солидарности между людьми, человѣкъ избавится отъ массы ненужныхъ страданій и будетъ дѣйствительно искрененъ и дѣйствительно счастливъ. И вотъ въ письмѣ, относящемся къ декабрю 1895 г., я читаю: «Ваши разсужденія о семьѣ и проч. я отстригъ самолично, потому что все равно это сдѣлалъ бы цензоръ, а въ интересахъ Вашихъ корреспонденцій надо его заставить забыть ассоціацію представленийъ объ этихъ корреспонденціяхъ и красныхъ чернилахъ. Это сразу не дѣлается. Но и вообще объ этихъ вещахъ такъ просто у насъ писать нельзя, это—«подрываніе основъ»» *Что касается существа вашихъ разсужденій, то я вполне съ ними согласенъ, только сильнѣе подчеркнулъ бы возможность и друшіе выходы. Дѣло опять въ Вашей оптимистической стрункѣ, противъ которой, въ такомъ видѣ, я, разумѣется, ничего не имѣю, но я не знаю, доживетъ ли человечество до счастья; знаю только что это невѣдѣніе или сомнѣніе не упраздняетъ обязанности и счастья борьбы,—счастья, котораю мы здѣсь вполне лишены».*

Это мѣсто высоко интересно для міровоззрѣнія Михайловскаго 90-хъ годовъ. Онъ, конечно, цѣликомъ стоитъ на социалистическомъ точкѣ зрѣнія. Но мизерная дѣйствительность, окружавшая его въ то время въ Россіи, убиваетъ у него вѣру въ благополучный исходъ великаго современнаго движенія, и моя увѣренность въ этомъ результатѣ кажется ему опять «оптимистической стрункой.» Конечно, онъ энергично высказывается за «обязанность борьбы» при какомъ бы то ни было исходѣ (здѣсь Михайловскій подаетъ руку Лаврову). Но какой горечью пропитана за то его фраза о «счастьи борьбы,—счастьи, котораго мы здѣсь вполне лишены». Люди и настроеніе эпохи казались ему одинаково сѣрыми, и никакой дѣйствительно серьезно борьбы, а тѣмъ болѣе ощущенія «счастьи» въ этой борьбѣ Михайловскій отъ дѣятелей тогдашней эпохи не ждалъ. Хорошей иллюстраціе къ этому взгляду на современниковъ служатъ нѣсколько многозначительныхъ строкъ, которыми Михайловскій извѣщалъ меня объ отроившемся отъ «Русскаго Богатства» «Новомъ Словѣ» съ С. Н. Кривенко и г. В. В. во главѣ: «Отщепеншіеся сотрудники слишкомъ ужъ гнули кто въ сторону «маленькихъ дѣлъ» и свѣтлыхъ явленій: кто на сторону народничества на подкладкѣ экономическаго материализма, т. е. съ фырканиемъ по адресу политики (у насъ это такъ складывается, хотя не у всѣхъ, конечно)» (январь 1896 г.)

Минуя вѣчный мартирологъ русскаго писателя и редактора, и немогающаго въ борьбѣ съ цензурой, натыкаюсь на слѣдующій строкъ посвященный тогдашнему марксизму: «Русскій марксизмъ, дѣйствительно, очень распространяется, но тутъ много недоразумѣній и почвѣ расхожденія теоріи съ практикой, и я думаю, что въ концѣ концовъ и даже въ недалекомъ будущемъ произойдетъ надлежащее отдѣленіе козлицъ отъ овецъ» (18-го апрѣля 1896 г.). На этой фразѣ

авторъ письма обрываетъ свою мысль, сказавъ, что «писать объ этомъ трудно»: дѣло, очевидно, идетъ о предчувствовавшемся Михайловскимъ кризисѣ внутри марксизма и въ распаденіи его на болѣе мирные и болѣе революціонные элементы, какъ мы замѣчаемъ теперь не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ.

Но пока, даже и два года спустя, Михайловскій мрачно смотритъ на ближайшее политическое будущее Россіи и развѣтываетъ въ письмѣ по этому поводу такую общую картину пониженія революціонныхъ силъ націи и вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ такой интересный прогнозъ надвигавшихся событій, что я долженъ цитировать значительную часть этого высоко интереснаго для «политики» Н. К. Михайловскаго документа. Замѣчу лишь, что письмо это не въ примѣръ прочимъ длинно, для Михайловскаго даже очень длинно, и было переслано мнѣ съ оказіей (въ іюль 1898 г.), такъ что въ немъ Михайловскій нисколько не стѣснялся рысскихъ глазъ чернаго кабинета. Михайловскій написалъ мнѣ его съ цѣлью отговорить меня отъ желанія во что бы то ни стало, такъ или иначе, легально или нелегально, но снова жить или дѣйствовать въ Россіи. «Въ настоящій моментъ я васъ рѣшительно не благословляю на возвращеніе,—пропадете ни за грошъ. У насъ дѣло стоитъ вотъ какъ: старое старится, молодое не растетъ. Т. е. оно и растетъ, но ежегодно съ жестокою аккуратностью скашивается. Вотъ уже безъ малаго 20 лѣтъ изъ года въ годъ все талантливое и энергичное изъ молодежи рискуетъ быть высланнымъ или сосланнымъ, а затѣмъ и въ тину засосаться изъ-за книжки, разговора, знакомства, не говоря о прочемъ. Изъ года въ годъ снимаются и куда-то выбрасываются сливки и остается снятое молоко... Этимъ объясняется вся наша смута умовъ и въ частности распространеніе марксизма нашего, съ его темными и свѣтлыми сторонами. Чтобы усвоить марксизмъ, какъ его понимаетъ, напримѣръ, N..., не нужно ни ума, ни знаній; а кромѣ того признать свое безсиліе подъ научнымъ соусомъ и свалить работу на рабочаго—лестно и успокоительно. Все это я къ тому, что старое старится, а молодое не растетъ. Не вѣчно, конечно, такъ будетъ, но сейчасъ трудно, больше, чѣмъ трудно. Исходъ я себѣ представляю въ неопредѣленномъ, но не очень далекомъ будущемъ, двоякій. Или наверху одолѣетъ.... (слово не разобрано) либеральное теченіе (тамъ есть разныя), и тогда отъ замерзшаго общества будетъ зависѣть, какъ оно будетъ разогрѣваться; или мы вернемся къ террору съ неопредѣленностью его послѣдствій (я не считаю результаты террора 70-хъ л. опредѣленными)».

Неопредѣленность послѣдствій террора Н. К. Михайловскій видѣлъ въ томъ, что онъ не былъ доведенъ до конца, «былъ не переѣланъ, а не доѣланъ».—фраза, которую я въ свое время хорошо запомнилъ, но которую я теперь никакъ не могу найти въ лежащихъ предо мною письмахъ; и долженъ предположить, или что это письмо принадлежитъ къ числу затерявшихся, или же, что эта фраза была мнѣ передана изустно отъ Н. К. Михайловскаго однимъ его и моимъ общимъ другомъ. Эта мысль, впрочемъ, въ достаточно понятной, хотя и цензурной формѣ выражена имъ тремя годами позже, (письмо

отъ 19-го ноября 1901 г.): «Дѣла наши Вы знаете отъ другихъ, болѣе аккуратныхъ корреспондентовъ, но сколько я понимаю, освѣщаете ихъ слишкомъ оптимистически. Я предчувствую смутныя и мрачныя времена и вижу исходъ только въ одномъ, въ чемъ принять лично дѣйственное участіе не могу, а потому и друшмъ рекомендовать не могу, но что фатально, рано или поздно, должно быть ¹⁾».

Обнимаю Васъ.

Ник. Михайловскій».

На этомъ письмѣ я и позволю себѣ оборвать эту статейку, которая отнюдь не претендуетъ быть законченнымъ этюдомъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей пореформенной, но доконституціонной Россіи, а имѣетъ цѣлью дать лишь кой-какіе новые матеріалы для характеристики этой очень сложной и чрезвычайно крупной фигуры

Н. С. Русановъ.

¹⁾ То же, буквально то же самое и почти въ это же время, Михайловскій говорилъ въ Перми Е. К. Брешковской: „теперь долженъ начаться терроръ“...

Къ біографіи И. Н. Мышкина.

Въ официальномъ документѣ—предписаніи якутскаго губернатора Олекминскому исправнику отъ 19 іюля 1875 г. за № 21— читаемъ:

„12 числа сего іюля въ 3¼ часа пополудни явилась въ городъ Вилюйскъ незнакомая личность подъ именемъ поручика корпуса жандармовъ Мещеринова, и предъявила на имя исправляющаго должность Вилюйскаго исправника Баркова отъ Иркутскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія отношеніе отъ 4-го за № 317 барона Фридерикса, равно предписаніе унтеръ-офицеру дополнительнаго состава Иркутскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія Фоминову отъ того же 4-го іюля за № 418 объ оказаніи ему, Мещеринову, со стороны исправника содѣйствія къ сопровожденію содержащагося въ Вилюйскомъ тюремномъ замкѣ государственнаго преступника Чернышевскаго, переведеннаго сюда бы въ Благовѣщенскъ.

Получивъ накануне пріѣзда Мещеринова, т. е. 11-го іюля:

а) письма:

1) отъ письмоводителя Сунгарской Иностранческой Управы отъ 8/VII, въ которомъ онъ пишетъ, что Мещериновъ прибылъ въ Сунтарскую Иностранческую Управу изъ Олекминска на наемныхъ лошадахъ, не имѣя при себѣ ни казака и никакаго человѣка, и изъ его словъ можно заключить, что онъ былъ въ Олекминскѣ и никто его тамъ не зналъ;

и 2) отъ Помощника Вилюйскаго Окружнаго Исправника г. Порохова, который встрѣтилъ Мещеринова въ 10 верстахъ отъ Верхне-Вилюйской Тюремной Управы, у котораго также разспрашивалъ, когда должна быть почта изъ Якутска въ Вилюйскъ, и объяснилъ, что не знаетъ, когда онъ возвратится и какимъ путемъ изъ Вилюйска черезъ Сунтаръ или Якутскъ, можетъ быть и поѣхать;

и б) имѣя отъ меня распоряженіе относительно Чернышевскаго онъ, Мещериновъ, не только не допустилъ Мещеринова видѣться съ Чернышевскимъ, а дѣлать у него обыски, а напротивъ, усилилъ караулъ снаружи и внѣ, отослалъ фальшиваго Мещеринова съ двумя казаками въ Якутскъ, но этотъ мнимый офицеръ на дорогѣ отъ Вилюйска въ Якутскъ на 230-ой верстѣ 4 раза стрѣлялъ въ казаковъ и, опасно ранивъ одного изъ нихъ, самъ бросился въ бѣгъ, куда бросился за нимъ въ погоню и казакъ Маршанцовъ“.

Далѣе задается вопросъ Олекминскому исправнику, когда проѣхалъ Мещериновъ черезъ Олекминскъ, съ кѣмъ имѣлъ сношенія, у кого нашелъ

лошадей, почему не знала о немъ полиція, несмотря на секретное предписаніе слѣдить за проезжающими, запретить ѣздить на Сунтарь безъ особаго разршенія и выслать двухъ казаковъ за Мещериновымъ. Мещериновъ, арестованный въ Якутскомъ округѣ, назвался Михаиломъ Титовымъ.

Въ телеграммѣ же начальника III Отдѣленія читаемъ:

Покушавшійся увести Чернышевскаго мнимый Мещериновъ должно бы отставной подпоручикъ Николай Грибоѣдовъ и при немъ можетъ быть находилась въ Сибири нѣкая Зинаида Арсентова, вдова подпоручика и еще другіе помощники*.

„Сводъ показаній данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Показанія Курицына, Гольденберга и другихъ сознавшихся лицъ близко касаются дѣятельности трехъ извѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей: Якова Стефановича, сына священника Черниговской губерніи, бывшаго студента Кіевскаго университета, Льва Дейча, еврея, изъ мѣщанъ Кіевской губерніи, дезертира 130-го пѣхотнаго Херсонскаго полка, и дворянина Ивана Бохановскаго, товарища Стефановича по университету, изъ котораго оба они были исключены въ 1875 г. за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ.

Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что названныя лица принадлежали къ числу главныхъ дѣятелей пропаганды въ народѣ на югѣ Россіи и преимущественно въ Кіевской губерніи. По исключеніи изъ университета, Стефановичъ вмѣстѣ съ Дейчемъ, бѣжавшимъ въ то время изъ военной службы, отправились въ Швейцарію, сблизились тамъ съ русскими эмигрантами и получивъ отъ нихъ инструкціи, возвратились на югъ Россіи. Преступная дѣятельность ихъ выразилась въ слѣдующемъ:

Въ началѣ 1877 г. они организовали въ средѣ крестьянъ Чигинскаго уѣзда, Кіевской губерніи, нѣсколько революціонныхъ обществъ, именовавшихся «тайными дружинами», цѣлью которыхъ было подготовленіе народа къ ниспроверженію государственнаго и общественаго строя посредствомъ захвата и раздѣла между крестьянами имущества крупныхъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ фабрикантовъ и другихъ имущихъ лицъ. Для осуществленія этой цѣли, Стефановичъ, Дейчъ и примкнувшій къ нимъ Бохановскій прибѣгли къ Швану. Они составили и напечатали въ Швейцаріи подложную Высочайшую золотую грамоту и уставъ крестьянскаго общества, а себя

¹⁾ См. „Бѣлое“, Іюнь 1907.

назвали «государевыми комиссарами», уполномоченными царскою властью для истолкованія и распространенія намѣренной государемъ Обманутые крестьяне приводились ими къ присягѣ по особой составленной для сего формѣ и обязывались привлекать къ обществу другихъ, а затѣмъ, когда число такихъ возрасло до 1.000 человекъ Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій раздѣлили ихъ на дружины по 200 и 300 человекъ, выдавая черезъ дружинниковъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ денежныя субсидіи, а ихъ женамъ подарки. Благодаря своевременно принятымъ мѣрамъ, эта конспираціонная затѣя была разоблачена, а обманутые крестьяне не только сознались, но еще изобличили во всемъ задержанныхъ въ то же время Стефановичъ, Дейча и Бохановскаго, которые были извѣстны какъ между социальными кругами, такъ и между крестьянами подъ псевдонимами: Стефановичъ—«Дмитро Найдъ», Дейчъ—«Яшки» и Бохановскій—«Савки».

Такимъ образомъ, Чигиринское дѣло представляется первымъ опытомъ партіи «народниковъ бунтарей», представителями которой были Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Если въ разоблаченіи Курицына и другихъ поименованныхъ выше лицъ и не усматривается активнаго участія въ этомъ дѣлѣ партіи кievскихъ украинофиловъ то съ другой стороны показаніе Богославскаго представляетъ ясное указаніе на ту роль, которая принадлежала «старымъ громадамъ» въ попыткѣ произвести открытый бунтъ въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Роль эта уже въ достаточной степени намѣчена при изложеніи организационнаго дѣла партіи «Старой Громады». Она заключалась въ доставленіи Стефановичу матеріальныхъ средствъ, безъ чего Чигиринское дѣло не могло бы развиваться. Доказательствомъ тому, что Чигиринское дѣло велось при помощи украинофиловъ, служитъ, кромѣ изложеннаго выше въ показаніи Богославскаго, также показаніе Курицына въ которомъ онъ, со словъ содержащагося въ одесской тюрьмѣ Левченко, указываетъ, что Стефановичъ еще во время содержанія его въ кievской тюрьмѣ, изложилъ спеціально для украинофиловъ сущность Чигиринскаго дѣла и свои бунтарскія идеи, причемъ украинофилы, прочтя эту записку Стефановича на общей сходкѣ, остались ею очень довольны и тутъ же выдали посланнымъ отъ Стефановича 1.500 р. на продолженіе его плановъ. Слѣдовательно, украинофилы въ этомъ дѣлѣ были немаловажны, тѣмъ не менѣе они остались въ сторонѣ, благодаря осторожности своей умѣнью пользоваться стремленіями другихъ революціонныхъ партій

¹⁾ Положение дѣла въ Чигиринскомъ уѣздѣ украинофилами Старой Громады (извѣстно лучше, чѣмъ Стефановичу, который по теоріи тогдашнихъ общинниковъ представлялъ себѣ, что крестьяне могутъ бунтовать только въ пользу общины съ надѣею на каждого двора по ревизскимъ или наличнымъ душамъ, съ передѣлами полей черезъ извѣстные сроки и т. п.; чигиринскіе же крестьяне, привыкшіе къ наследственному владѣнію, а не паевому землевладѣнію, именно недовольны были приваженіемъ сверху практиковать въ своемъ хозяйственномъ быту общинную систему пользованія землею. Поэтому украинофилы Старой Громады не могли сочувствовать бунтарскимъ идеямъ Стефановича, шедшимъ въ разрѣзъ съ желаніями чигиринцевъ. Съ другой стороны можемъ вѣрно утверждать, что, узнавъ о «золотой грамотѣ» Стефановича, членовъ Старой Громады были очень возмущены способомъ дѣйствій «бунтарей», не останавливавшихся передъ подлогомъ, ни передъ обманомъ крестьянъ. Подобное же отношеніе къ

въ особенности такихъ, какъ партіи «бунтарей» и «террористовъ», для достиженія собственныхъ цѣлей, въ томъ разсчетѣ, что успѣшный исходъ болѣе острыхъ проявленій въ дѣятельности этихъ партій можетъ подвинуть впередъ и дѣло обособленія Малороссіи, составляющее конечную цѣль ихъ собственныхъ стремленій. Исходя изъ этого, несомнѣнно существующаго выжидательнаго положенія украинофиловъ и ихъ образа дѣйствій въ этомъ направленіи, представляется очевиднымъ, что украинофильская партія составляетъ весьма опасный элементъ въ сферѣ революціоннаго движенія вообще.

Одновременно съ образованіемъ заговора въ Чигиринскомъ уѣздѣ и даже ранѣе, Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій были самыми дѣятельными пропагандистами на югѣ Россіи вообще и преимущественно въ Кіевѣ и Одессѣ. Въ Кіевѣ они основали «коммуну», которая именовалась комунѣй Стефановича и помѣщалась, по указанію, сдѣланному Курицинымъ со словъ содержащагося въ Одесской тюрьмѣ политическаго преступника Левченко (онъ же Никитка), въ квартирѣ Тургеневой, которая послѣ Чигиринскаго дѣла бѣжала за границу, гдѣ находится и въ настоящее время. Засимъ они основали въ Кіевѣ подпольную типографію, въ которой отпечатаны были возмутительныя воззванія, появившіяся въ началѣ послѣдней Турецкой кампаніи въ Одессѣ и Кіевѣ. Хотя типографія эта и была открыта, но злоумышленники успѣли своевременно потопить типографскій станокъ въ Днѣпрѣ.

Наконецъ, Стефановичу, Дейчу и Бохановскому принадлежали, какъ мысль, такъ и исполненіе по дѣлу о покушеніи на жизнь ихъ товарища по коммунѣ, почетнаго гражданина Николая Гориневича, судившагося по процессу 193-хъ, котораго они заподозрѣли въ измѣнѣ. На совѣщаніи объ убійствѣ Гориневича, происходившемъ въ Елизаветградѣ, на квартирѣ, нанимавшейся въ домѣ Мандрики, для прятана укрывавшихся отъ преслѣдованія социалистовъ, присутствовали, кромѣ Стефановича, Дейча и Бохановскаго, слѣдующіе революціонеры: исключенный изъ одесской духовной семинаріи, сынъ діакона Дробязгинъ, казненный въ 1879 г. въ Одессѣ, рядовой изъ вольноопредѣляющихся 132 пѣхотнаго баталіона, бывший студентъ Новороссійскаго и Харьковскаго университета Викторъ Малинка (онъ же Фомка), казненный въ Одессѣ одновременно съ Дробязгинимъ, и уволенный въ запасъ 14 артиллерійской бригады изъ вольноопредѣляющихся бывший студентъ Новороссійскаго университета Викторъ Костю-

хъ и въ Чигиринскомъ дѣлѣ высказывалъ неоднократно въ своихъ статьяхъ и (формально) заграничный членъ Громады М. П. Драгомановъ.

Поэтому выдачи Громадою 1500 рублей Стефановичу не могло быть и не было въ действительности; если онъ и располагалъ такою суммою, то получилъ ее изъ какого-либо другого источника, а не отъ Громады. Показанія Курицина были часто ложны и совершенно вымышлены, какъ и въ данномъ случаѣ. Возможно и то, что часть его показаній, какъ и показаній Богуславскаго, была имъ подсказана. Во всемъ печатаемомъ документѣ очевидна тенденція доказать во что бы то ни стало связь между бунтарями и террористами и дѣйствіями Кіевской Громады. Такая тенденція особенно была желательна тогдашнимъ кіевскимъ черносотенцамъ — Юзефовичу и К°, имѣвшимъ несомнѣнное дѣло въ Новицкаго и Стрѣльникова.

А. Русовъ.

ринъ (онъ же Алешка), сосланный по тому же дѣлу въ каторжныя работы. Для совершенія задуманнаго преступленія, Гориновичъ былъ увезенъ ими обманнымъ образомъ въ Одессу, причемъ, хотя Гориновичу и нанесены были въ ночь на 11 июня 1876 г. тяжелыя раны въ голову, а самая голова облита была Дейчемъ сѣрною кислотой, тѣмъ не менѣе пострадавшій остался живъ. Впослѣдствіи Стефановичъ напечаталъ въ одномъ изъ соціально-революціонныхъ органовъ, издаваемыхъ въ Женевѣ, письмо изъ Лондона, въ которомъ, заявляя о подробностяхъ этого звѣрскаго покушенія, сдѣлалъ воззваніе къ соціалистамъ о необходимости подобнаго образа дѣйствій относительно всѣхъ, измѣняющихъ революціонному дѣлу.

Въ концѣ 1877 г. Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій были арестованы и заключены подъ стражу въ кievской тюрьмѣ, но въ августѣ 1878 г. успѣли бѣжать, при помощи тюремнаго сторожа Тихона, и затѣмъ скрыться за границу. Относительно этого побѣга Курицынъ, въ своемъ показаніи, говоритъ, что означенный тюремный сторожъ Тихонъ, который скрылся вмѣстѣ съ названными политическими преступниками, былъ подставное лицо, извѣстное въ революціонной средѣ подъ именемъ «Михайлы». Объ этомъ «Михайлѣ» Курицынъ заявляетъ только, что онъ былъ близокъ къ Чигиринскому дѣлу и что когда, послѣ раскрытія этого дѣла Валеріанъ Осинскій (казненный въ Кіевѣ) прибылъ изъ С.-Петербурга въ Одессу, съ цѣлью ознакомиться съ этимъ дѣломъ, то «Михайло», съ которымъ Осинскій до этого не былъ знакомъ вовсе, успѣлъ повліять на убѣжденія послѣдняго въ такой степени, что Осинскій, бывшій до этого лишь простымъ, хотя и довольно дѣятельнымъ пропагандистомъ, съ этого времени сдѣлался, народникомъ «бунтаремъ» и даже рѣшилъ принять участіе въ освобожденіи изъ тюрьмы Стефановича, Дейча и Бохановскаго. По всей вѣроятности, въ этой части заявленія своего Курицынъ не договорился, такъ какъ изъ показанія Гольденберга усматривается, что со словъ того же Курицына, какъ равно со словъ другихъ революціонныхъ дѣятелей, ему, Гольденбергу, извѣстно, что означенный «Михайло» есть Михаилъ Фоменко¹⁾, съ которымъ Гольденбергъ познакомился въ г. Липецкѣ, на съѣздѣ «террористовъ», чемъ будетъ въ своемъ мѣстѣ изложено ниже при указаніи дѣятельности этой послѣдней фракціи.

По словамъ Гольденберга, Фоменко принадлежалъ къ числу весьма энергичныхъ и рѣшительныхъ людей, пользующихся большимъ уваженіемъ въ революціонной средѣ. Такимъ образомъ, главнымъ дѣятелемъ въ побѣгѣ Стефановича, Дейча и Бохановскаго, былъ «Михайло», онъ же, по словамъ Гольденберга, Фоменко. Засимъ въ дѣлѣ этомъ принимали, по показанію Курицына, участіе упомянутыя выше «Никитка», оказывающійся Евпаторійскимъ мѣщаниномъ Левченко, Марья Ковалевская, а также Ѳедотка, одинъ изъ весьма видныхъ революціонныхъ дѣятелей, участвовавшій какъ въ Чигиринскомъ дѣлѣ

¹⁾ Въ показаніяхъ Гольденберга была несомнѣнная ошибка: „Михайло“ былъ Фоменко, а извѣстный впослѣдствіи народоволецъ, лишь недавно освобожденный изъ Шляссельбурга М. Ф. Фроленко.

такъ и подозрѣваемый въ соучастіи въ дѣлѣ покушенія на жизнь Гориновича. О Ѳедоткѣ никакихъ свѣдѣній до сего времени не получено, поэтому представляется нелишнимъ интереса то мѣсто покаянія Богославскаго, въ которомъ указывается, между прочимъ, на происхождение и мѣстопребываніе Ѳедотки. По словамъ Богославскаго, Ѳедотка есть бывший ученикъ Полтавской гимназіи Рахальскій, слушавшій нынѣ на австрійской границѣ полицейскимъ чиновникомъ. Кроме сего изъ заявленія Курицына, даннаго имъ со словъ Никитки, видно, что родная сестра означеннаго Ѳедотки жила въ Кіевѣ на одной квартирѣ съ Бабичъ, о которой упоминалось выше, а потому послѣдняя можетъ дать нѣкоторыя указанія какъ относительно происхождения, такъ и настоящей фамиліи Ѳедотки. Наконецъ, въ приготовленіи къ побѣгу названныхъ политическихъ преступниковъ участвовали, по словамъ Курицына, Василекъ, а также Косихинъ, содержавшійся въ послѣднее время въ одесской тюрьмѣ вмѣстѣ съ Курицынымъ. Относительно самаго побѣга Курицынъ объясняетъ, что освобожденные уѣхали изъ Кіева на лодкѣ по Днѣпру въ Кременчугъ, оттуда отправились въ Харьковъ, а затѣмъ уже изъ Харькова Стефановичъ и Дейчъ уѣхали чрезъ Волочискую таможену за границу, а Бохановскій остался для принятія участія въ покушеніи на освобожденіе политическаго преступника Войнаральскаго, послѣ чего также отправился за границу. При этомъ Курицынъ, со словъ казненаго въ Одессѣ Лизогуба, указываетъ, что Днѣпръ есть самый лучший путь для побѣга и что у революціонеровъ въ Кіевѣ есть лодочникъ, у котораго постоянно для подобной надобности имѣется наготовѣ лодка и даже барка. Засимъ, расклеенная въ Кіевѣ по поволу этого побѣга прокламація были по заявленію Курицына, отпечатаны упомянутымъ выше Левченко (онъ же Никитка), который признался ему въ этомъ.

Засимъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Курицынымъ со словъ содержавшагося съ нимъ въ одесской тюрьмѣ Левченко (онъ же Никитка), видно, что Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій возвратились изъ за границы въ Россію въ половинѣ сентября 1879 г. и поселились въ С.-Петербургѣ, куда Стефановичъ привезъ съ собою типографскія принадлежности, хрустальная бомбы и другіе снаряды для взрыва. Въ то время Левченко находился въ Одессѣ и, узнавъ изъ сообщенія Стефановича о намѣреніи его прибыть въ Кіевъ, отправился туда для предупрежденія избранныхъ лицъ о пріѣздѣ Стефановича. По прибытіи его оказалось, что Стефановичъ намѣренъ былъ устроить въ Кіевѣ типографію для изданія органа революціонной партіи «народниковъ», подобно органу террористовъ «Земля и Воля». Такъ какъ для этой печатни понадобились нѣкоторыя типографскія принадлежности изъ числа тѣхъ, которыя уцѣлѣли отъ прежней типографіи революціонеровъ, спрятанныхъ въ одной деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Кіева, то Левченко, по порученію Стефановича, отправился туда за ними, но вмѣсто того былъ задержанъ, по распоряженію мѣстнаго жандармскаго управленія, и, какъ оказавшійся причастнымъ къ дѣлу объ образованіи одесскаго преступнаго сообщества, отправленъ изъ Кіева въ Одессу, гдѣ Левченко содержится до настоя-

щаго времени. Послѣ ареста Левченко (онъ же Никитка), Стефанови возвратился въ С.-Петербургъ, взявъ съ собою проживавшаго въ Кіе революціоннаго дѣятеля, извѣстнаго въ преступной средѣ подъ именемъ «Жоржа», который послѣ побѣга Стефановича за границу заправля дѣлами партіи «народниковъ» и, пользуясь большимъ между социалстами почетомъ, собиралъ сходки, разъясняя на нихъ разные революціонные вопросы. Засимъ изъ показанія Гольденберга видно, что онъ встрѣчалъ Стефановича въ іюлѣ 1879 г. въ С.-Петербургѣ, а ноябрѣ того же года въ Одессѣ. Относительно Дейча Гольденбергъ говоритъ, что видѣлъ его осенью 1879 г. въ Харьковѣ, гдѣ Дей жилъ въ номерахъ, содержимыхъ въ д. Терещенко, на Клочковск улицѣ. При этомъ Гольденбергъ объясняетъ, что Дейчъ возвратилъ въ Россію съ цѣлью противодѣйствовать терроризму и направле агитаціи въ народъ.

Въ близкой связи съ дѣятельностью Стефановича, Дейча и Бохановскаго стоитъ революціонная дѣятельность Евпаторійскаго мшанина Никиты Васильева Левченко, извѣстнаго въ революціонн средѣ подъ именемъ «Никитки». При какихъ обстоятельствахъ бы задержано означенное лицо въ Кіевской губерніи уже изложено вышъ Содержась вмѣстѣ съ Левченко, Курицынъ имѣлъ возможность сблизиться съ нимъ и узнать отъ него многое какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ революціонныхъ дѣятеляхъ, съ которыми Левченко приходилъ въ ближайшее соприкосновеніе. По словамъ Курицына, которому Левченко извѣстенъ подъ именемъ «Никитки», послѣдній поимствовалъ первоначально свои социально-революціонныя тенденціи отъ кіевскихъ пропагандистовъ. Дѣятельность его на этомъ пути началась въ 1876 г. подъ руководствомъ дворянина Чубарова, казеннаго въ Одессѣ въ 1879 г., который свелъ его, между прочимъ, къ Стефановичемъ, Дейчемъ, Бохановскимъ и Дебогоріемъ-Мокрѣевичемъ. Въ 1877 г. Левченко содержалъ на средства Чубарова, Стефановича и Дебогорія-Мокрѣевича коммунистическую квартиру, на которой имѣли постоянное жительство Вѣра Засуличъ, покушавшаяся въ январѣ 1878 г. на жизнь генераль-адъютанта Трепова, подруга ея Маша оказавшая въ Петербургѣ, при ея арестѣ, вооруженное сопротивление Оедотка, котораго Богославскій въ своемъ показаніи называетъ бышимъ ученикомъ Полтавской гимназіи Рахальскимъ и братъ Никиты Павель Левченко, который 21 августа 1879 года задержанъ въ Херсонѣ за подговоръ ключника тамошняго тюремнаго замка къ передачѣ записки арестанткѣ Еленѣ Роскиковой, содержавшейся тамъ въ дѣлу о кражѣ денегъ изъ кладовой Херсонскаго губернскаго казначейства, и содержится нынѣ въ Кіевѣ, какъ причастный къ дѣлу объ организаціи тайнаго сообщества въ средѣ крестьянъ Чигиринскаго уѣзда. Кромѣ сего, въ квартирѣ этой находился складъ разныхъ революціонныхъ принадлежностей; тамъ же собирались многочисленные сходки. Въ томъ же 1877 г. Никита Левченко и упомянутый братъ его Павель Левченко, открыли въ Кіевѣ, на деньги Чубарова, слесарную мастерскую, гдѣ, послѣ ареста Стефановича, Дейча и Бохановскаго по Чигиринскому дѣлу, былъ произведенъ обыскъ, причемъ задержанъ и Никита Левченко, но по недостаточности уликъ тогда

освобожденъ; братъ же его успѣлъ до обыска скрыться и потому въ то время арестованъ не былъ. Послѣ того, опасаясь новаго ареста по волею Чигиринскаго дѣла, Никита Левченко уѣхалъ первоначально въ Чигиринскій уѣздъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ Стефановича и изслѣдованія всего происходящаго между крестьянами, а оттуда въ Харьковъ, куда пріѣхали въ то время и упомянутые выше Дебогорій-Мокрѣевичъ, Федотка и Викторъ Малинка, казненный 7-го декабря 1879 г. въ Одессѣ. Всѣ эти лица поселились въ одной комнатѣ съ проживавшимъ тогда въ Харьковѣ Брандтнеромъ, повѣшеннымъ въ маѣ 1879 г. въ Кіевѣ, и оставались тамъ до декабря 1877 г., послѣ чего Никита Левченко вмѣстѣ съ бывшей въ Харьковѣ, упомянутой выше Марьей Ковалевской, отправился въ Кіевъ для принятія участія въ приготовленіяхъ къ освобожденію изъ тюрьмы Стефановича, Девича и Бохановскаго, о чемъ изложено было выше.

Послѣ побѣга послѣднихъ, Никита Левченко отправился въ Одес-су, гдѣ жилъ въ квартирѣ Соколовской вмѣстѣ съ Владиміромъ и Давыденко, изъ коихъ Владиміръ, по нѣкоторымъ даннымъ, есть то самое лицо, которое казнено въ Кіевѣ подъ фамилію Антонова, а Давыденко казнень по дѣлу Чубарова въ Одессѣ; Соколовская же также привлекалась къ дѣлу Чубарова, но судебное преслѣдованіе противъ нея было прекращено. Вскорѣ, однако, Никита Левченко вмѣстѣ съ Давыденко переѣхали на другую квартиру въ домъ Серебрянаго, по Княжеской улицѣ, гдѣ Никита, по словамъ Курицына, печаталъ прокламаціи. Послѣ того, когда Давыденко былъ арестованъ, а Левченко при этомъ только случайно избѣгъ ареста, послѣдній, совместно съ прибывшими тогда въ Одессу Дебогоріемъ-Мокрѣвичемъ, Марьєю Ковалевскою и другими вооруженными лицами, занялся освобожденіемъ оставшагося въ означенной квартирѣ принадлежащаго Левченко и Давыденко имущества, въ числѣ котораго находился въ большомъ количествѣ шрифтъ и другіе сильно компрометирующіе предметы. Однако, освобожденіе имущества обошлось безъ всякихъ препятствій, благодаря тому, что квартира арестованнаго Давыденко оставалась необнаруженною. Послѣ того, на третій день, Никита Левченко уѣхалъ въ Кіевъ въ формѣ гимназиста реальной гимназіи, при чемъ сопровождавшая его вооруженная компанія, въ которой находились, между прочимъ, Брандтнеръ и Орловъ, должна была отбить Левченко въ случаѣ его ареста. Вскорѣ онъ опять вернулся въ Одессу, гдѣ видѣлся съ Соколовской, отъ которой узналъ, что по отношенію къ нему она не давала никакихъ показаній на допросѣ по дѣлу Чубарова, уговоривъ и лакея своего Алексѣя также не компрометировать его и не признавать, въ случаѣ предъявленія ему Никитки. Замѣтъ, въ концѣ 1878 г., на полученныя отъ Соколовской 50 руб., Никитка уѣхалъ въ Ростовъ на Дону, а потомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ остановился въ той самой квартирѣ, гдѣ были арестованы Дебогорій-Мокрѣевичъ и много другихъ революціонеровъ; Левченко же избѣжалъ ареста только потому, что переѣхалъ съ этой квартиры за три дня до этого случая, а въ самый моментъ арестованія Мокрѣевича и другихъ, подходя къ квартирѣ, услышалъ выстрѣлы, вслѣдствіе чего, догадавшись въ чемъ дѣло, успѣлъ скрыться и предупредить о слу-

чившемся соумышленниковъ своихъ, которые приглашены были на эту самую квартиру для принятія участія въ сѣздѣ социалистовъ. Сѣздъ этотъ, по заявленію Курицына, былъ назначенъ Дебогоріемъ-Мокричичемъ для обсужденія выработанной имъ съ Валеріаномъ Осинскимъ «грандіозной» программы революціонной дѣятельности. Ко дню сѣзда, который назначенъ былъ черезъ недѣлю послѣ ареста Дебогорія-Мокричича и другихъ лицъ, должны были прибыть социалисты изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и при томъ всѣхъ социальнореволюціонныхъ фракцій, а потому Никита Левченко и другіе революціонные дѣятели изъ числа проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ, стали дежурить недалеко отъ дома, въ которомъ были арестованы упомянутыя лица, и предупреждать всякаго, кто направлялся въ этотъ домъ. Такъ, Никита Левченко предупредилъ прїѣхавшаго на сѣздъ Василька, который оказался впослѣдствіи Васиціемъ Лепешинскимъ и, будучи арестованъ, содержится нынѣ въ одесской тюрьмѣ, а потомъ Михайла (по показанію Гольденберга, Михайла Фоменко), явившагося на сѣздъ изъ Петербурга. Такимъ образомъ, дежурившіе успѣли остановить многихъ, которымъ грозилъ въ противномъ случаѣ неминуемый арестъ. Мѣсяцъ спустя, Левченко уѣхалъ изъ Кіева въ Одессу, гдѣ съ нимъ познакомились нѣкоторые украинофилы, въ томъ числѣ Шульгинъ, Малеваный и Андріевскій, высланные впослѣдствіи административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, которые вели съ нимъ переговоры по поводу устройства типографіи для печатанія книгъ съ украинофильскими тенденціями. По этому предмету еще въ Кіевѣ съ Никитой Левченко велъ, по словамъ Курицына, переговоры указанный выше украинофилъ, учитель гимназіи Житецкій, который, между прочимъ поставилъ въ условіе, чтобы объ ихъ украинофильскихъ интимныхъ дѣлахъ Левченко никому ничего не говорилъ. Энергичнѣе же всѣхъ хлопоталъ по поводу устройства типографіи Шульгинъ, у котораго Никита Левченко жилъ бесплатно. Эту украинофильскую печатню предполагалось устроить въ деревнѣ подъ Кіевомъ, и для нея по словамъ Никитки, переданнымъ въ заявленіи Курицына, уже выписаны были украинофилами изъ за-границы станокъ и другія типографскія принадлежности. Тѣмъ не менѣе предпріятіе это разстроилось, вслѣдствіе чего украинофилы уступили станокъ и типографскія принадлежности Аксельроду, относительно котораго Левченко говорилъ Курицыну, что онъ былъ главою еврейской компаніи, которая издавала за-границей революціонную газету «Работникъ», прибылъ въ Россію въ августѣ 1879 г., принадлежалъ къ партіи «террористовъ» и намѣренъ былъ открыть въ Одессѣ подпольную типографію и вообще основать тамъ центръ южныхъ террористовъ, для чего имѣли прибыть къ нему изъ за-границы еще нѣсколько соумышленниковъ 1).

1) Житецкій, о которомъ идетъ рѣчь, никогда учителемъ гимназіи не былъ. Что касается типографіи, то она была дѣломъ особаго украинскаго кружка, совершенно отдѣльно отъ Кіевской Громады. Перевезенный уже станокъ и прочія принадлежности действительно оставались безъ употребленія вслѣдствіе ареста или эмиграціи почти всѣхъ членовъ кружка, но уступлены Аксельроду не были. Компанія газеты «Работникъ» состояла изъ Н. И. Жуковскаго, Э. К. Рали, Эльсница и еще нѣсколькихъ членовъ бывшихъ «бакунистовъ», въ которой уже только впослѣдствіи присоединился одинъ еврей—Аксельродъ.

А. Русовъ.

Въ концѣ апрѣля 1879 г. Никита Левченко отправился въ Симферополь, гдѣ онъ вступилъ въ сношеніе съ мѣстными социалистами, въ числѣ коихъ Левченко назвалъ Курицыну, между прочимъ, Львова, носящаго прозваніе «Соломончикъ» (братъ высланнаго изъ Кіева административнымъ порядкомъ Наума Львова), который служилъ ряжовымъ въ одномъ изъ расположенныхъ въ Симферополѣ полковъ. Запасшись у симферопольскихъ социалистовъ рекомендаціями къ социалистамъ въ Θεодосіи и Севастополѣ, Никита Левченко отправился предварительно въ Керчь, гдѣ живутъ его родная мать и братъ-слесарь, а оттуда чрезъ Таганрогъ и Ростовъ сперва въ Севастополь, а потомъ въ Θεодосію. Въ Севастополѣ Левченко поселился у учителя мѣстной гимназіи, къ которому онъ имѣлъ рекомендательное письмо изъ Симферополя. У него Левченко видѣлъ много гимназистовъ и дѣвушекъ изъ аристократическихъ семействъ, принадлежащихъ къ социальной партіи, приверженцевъ которой немало въ Севастополѣ, даже въ средѣ рабочихъ. Фамиліи означеннаго учителя Левченко Курицыну не назвалъ, но примѣты его характеричны: у него кривыя ноги съ вывороченными во внутрь колѣбнями; съ виду онъ еще молодой человѣкъ. Въ Θεодосіи Левченко остановился на квартирѣ моводого священника, фамилію котораго онъ также не назвалъ. Священникъ этотъ, принадлежащій къ социальной партіи, у котораго Левченко также встрѣтилъ значительное число социалистовъ разнаго званія и возрастовъ, состоитъ преподавателемъ въ одномъ изъ Θεодосійскихъ учебныхъ заведеній. Изъ Θεодосіи Левченко отправился прямо въ Одессу и прибылъ туда за три дня до суда по дѣлу Чубарова. Изъ социалистовъ-революціонеровъ, съ которыми Левченко встрѣчался въ Одессѣ въ этотъ пріѣздъ свой туда, онъ указывалъ Курицыну на Савелія Златопольскаго, извѣстнаго по секретнымъ свѣдѣніямъ за лицо, принадлежащее къ революціонному сообществу, и Акимова (онъ же Николайчикъ), арестованнаго въ Одессѣ подъ именемъ Никандра Асѣва, по обвиненію въ революціонной пропагандѣ. О лицахъ этихъ упоминаетъ въ своемъ заявленіи и Гольденбергъ, но не сопровождаетъ это указаніе никакими положительными данными о ихъ революціонной дѣятельности вообще. Въ августѣ 1879 г. Никита Левченко отправился въ Херсонъ съ цѣлью освобожденія, какъ онъ говорилъ Курицыну, изъ тамошней тюрьмы лица, сдѣлавшаго подкопъ подъ Херсонское казначейство; но это предпріятіе окончилось арестомъ брата его, Павла Левченко, о чемъ уже упомянуто было выше, причемъ Никита Левченко едва самъ избѣжалъ ареста при попыткѣ передать брату своему, подвергнутому аресту при полиціи, записку черезъ одного гимназиста. Указывая на Херсонское реальное училище, Никита Левченко говорилъ Курицыну, что онъ, во время пребыванія своего въ Херсонѣ, находился въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми учениками этого училища, которыхъ онъ впоследствии передалъ въ вѣдѣніе упомянутаго выше Аксельрода, который навѣдывается къ нимъ въ Херсонъ и привозитъ съ собою для распространенія между гимназистами запрещенныя книги. Кромѣ сего, со словъ Никитки, Курицынъ указываетъ, что гдѣ-то на Кавказѣ служитъ учителемъ и дѣятельно занимается революціонною пропагандою Хоржевскій, который

былъ высланъ изъ Кіева административнымъ порядкомъ за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность Никиты Левченко (онъ-же Никитка) представляется одною изъ видныхъ въ средѣ болѣе выдающихся революціонныхъ дѣятелей.

IV.

Все изложенное выше относительно преступнаго сообщества въ Кіевѣ и соприкасающихся съ нимъ революціонныхъ кружковъ въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ южной Россіи дополняется еще данными, изложенными въ показаніяхъ задержанныхъ въ Кіевѣ политическихъ преступниковъ: служившаго матросомъ во 2-мъ Черноморскомъ флотскомъ экипажѣ, бѣжавшаго въ концѣ 1878 г. съ мѣсячной службы Петра Ключникова и крестьянина Волинской губерніи, Кременецкаго уѣзда, Вишневецкой волости, деревни Муховець, Леонт Забрамскаго.

Ключниковъ начинаетъ свое показаніе съ г. Николаева, гдѣ онъ впервые, еще до побѣга изъ экипажа, познакомился съ лицами, принадлежавшими къ революціонной средѣ, чрезъ товарища своего матроса Логовенко, повѣшеннаго въ Николаевѣ за принадлежность къ преступному сообществу. Изъ числа этихъ лицъ, Ключниковъ упоминаетъ на Владиміра Свириденко, о которомъ уже упоминалось выше Александра Зайдера, Александра Лурье и бывшаго студента С.-Петербургскаго университета Рашкова, изъ коихъ первый былъ казненъ въ послѣдствіи въ Кіевѣ подъ фамиліею Антонова, а остальные осуждены въ Одессѣ по процессу 28-ми. Незадолго передъ знакомствомъ означенными лицами, совершенно было въ Николаевѣ злодѣйское убійство съ цѣлью ограбленія содержателя харчевни Головова, жены, служанки и мальчика. Имѣя нѣкоторое подозрѣніе, что преступленіе это было дѣломъ рукъ названныхъ лицъ, и желая проиритъ справедливость такого предположенія Ключниковъ предложилъ имъ ограбленіе командира своего экипажа, обладающаго, будто бы, значительными денежными средствами, для пріобрѣтенія которыя компанія эта придумывала въ послѣднее время различные способы.

Означенное предложеніе было принято и рѣшено привести тоже въ исполненіе. Въ покушеніи этомъ, по словамъ Ключникова, принимали участіе, кромѣ Свириденко и Логовенко, еще Иванъ Коміицевъ и Морозовскій, которые нынѣ, по указанію Ключникова, арестованы, а также матросъ Иванъ Тищенко, скрывшійся и до сего времени еще нерозысканный, который долженъ былъ отвлечь отъ командира его служителей и своевременно подать сигналъ для наденія. Въ назначенное время всѣ отправились къ дому командира, скрылись въ лѣсу, черезъ дорогу отъ дома, но на этомъ дѣло это окончилось, благодаря тому, что Ключникову, по его словамъ, удалось передъ тѣмъ уговорить Тищенко дать сигналъ передъ самымъ разсвѣтомъ, а не въ то время, когда всѣ лягутъ спать. Хотя на сдующій день названные лица согласились возобновить попытку ограбленія, но Ключниковъ ихъ отговорилъ отъ этого. При этомъ

время разговора, ему удалось узнать, что совершенное передъ тѣмъ убійство Головкина и другихъ было дѣломъ названныхъ выше: Логовенко, Морозовскаго, Коломійцева и еще четвертаго соучастника, котораго Ключниковъ не знаетъ. Кромѣ сего, Ключникову извѣстно, со словъ его товарища по экипажу Ворошилова, что въ Николаевѣ жилъ нѣкоторое время вмѣстѣ со Свириденко, по Севастопольской улицѣ, и распространялъ пропаганду между матросами, Сергѣй Диковскій, съ которымъ Ключниковъ послѣ того встрѣчался неоднократно въ Киевѣ среди революціонеровъ различныхъ партій и который пользовался въ этой средѣ большимъ значеніемъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, означенный Диковскій есть сынъ Симферопольскаго священника, находился въ числѣ студентовъ въ Новороссійскомъ университетѣ и былъ задержанъ 11 января 1880 г. на станціи Казатинъ, Кіево-Брестской желѣзной дороги. Онъ оказался причастнымъ къ дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Одессѣ и при допросѣ отказался дать объясненіе объ обстоятельствахъ, касающихся пребыванія его въ Киевѣ, но Ключниковъ въ этомъ отношеніи даетъ нѣкоторыя указанія, которыя изложены будутъ ниже въ связи съ данными, характеризующими и другихъ лицъ революціоннаго общества въ Киевѣ. Гольденбергъ лишь вскользь упоминаетъ о Диковскомъ, въ своемъ показаніи. По его словамъ, Диковскій несомнѣнно принадлежитъ къ той социальнореволюціонной партіи, стремленія которой въ послѣднее время выразились въ террористическихъ дѣйствіяхъ. Говоря о Диковскомъ, Курцинь, со словъ Никиты Левченко, между прочимъ указываетъ, что этотъ Диковскій находился въ послѣднее время въ перепискѣ съ скрывшимся за границу Фодоткою (онъ же Фоминъ), о которомъ упоминалось выше. Изъ того-же источника усматривается, что лицо, задержанное въ послѣднее время въ Киевѣ, на Кудрявской улицѣ, и содержащееся нынѣ въ кіевской тюрьмѣ, по обвиненію въ принадлежности къ преступному сообществу, лицо, отказавшееся открыть свою фамилію и происхожденіе, есть товарищъ Диковскаго по университету, находившійся въ близкихъ съ нимъ отношеніяхъ. Эта личность, какъ обнаружено послѣ задержанія его, есть сынъ дьяка Таврической губерніи Павелъ Лозяновъ, которому Диковскій, содержась уже въ тюрьмѣ, приготовилъ письмо, написанное шифромъ, но не успѣлъ передать таковое по назначенію. Этимъ исчерпываются свѣдѣнія, данныя Ключниковымъ относительно всего извѣстнаго ему о преступномъ сообществѣ въ г. Николаевѣ, откуда онъ отправился, вмѣстѣ съ Свириденко и на его средства, въ концѣ 1878 г. въ Киевъ.

Изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ революціоннымъ фракціямъ, съ которыми Ключниковъ приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе во время нахождения его въ Киевѣ, въ показаніяхъ его названы слѣдующія: Гаврило или Григорій, по ремеслу сапожникъ, подъ каковыми именами былъ извѣстенъ Ключникову Брандтнеръ, казненный въ Киевѣ за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. Въ квартирѣ его, бывшей по Мало-Ивановской улицѣ, гдѣ первоначально былъ помѣщенъ Ключниковъ, жила также Екатерина Сарандовичъ, осужденная за участіе въ томъ же дѣлѣ; туда же приходила какая-то молодая женщина, по имени

«Гая» (брюнетка, маленького роста, полная, смуглая, лѣтъ око 20-ти) личность невыясненная, находившаяся въ короткихъ отношеніяхъ съ Брандтнеромъ.

Засимъ, въ одномъ изъ домовъ по Тарасовской улицѣ, на квартирѣ братьевъ Ивичевичъ, умершихъ отъ ранъ, полученныхъ въ вооруженномъ сопротивленіи 11 февраля 1879 г. Ключниковъ встречалъ молодую женщину подъ именемъ Феклы (низкаго роста, полная, красивая блондинка, около 20-ти лѣтъ), о которой никакихъ свѣдѣній въ разъясненіе ея личности въ виду не имѣется.

Графиня Панина, содержавшая квартиру въ одномъ изъ домовъ на углу Житомірской и Владимірской улицъ, а въ ней столярную мастерскую, предназначавшуюся исключительно для лицъ революціонной среды. Работами въ этой мастерской завѣдывалъ Сергій Наддачинъ о которомъ уже упоминалось выше, а иногда за работами присматривало неизвѣстное лицо, приходившее къ Паниной и носившее прізвище «учитель», которое оказалось докторомъ Гавриловымъ. Имѣющимся свѣдѣніямъ, графиня Панина была скомпрометирована многими дѣламъ и въ послѣднее время находилась въ Одессѣ.

Маша—швачка (швея), проживавшая въ одной квартирѣ съ Срандовичъ, о которой упомянуто выше, и солдатъ «Гордѣй» проживавшій въ квартирѣ Грибенюка, о дѣятельности котораго уже изложено выше, со словъ Богославскаго. Личность солдата «Гордѣя» выяснена Ключниковымъ, но изъ показанія его видно, что онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ упомянутымъ выше революціоннымъ дѣятелемъ Іосифомъ Зелинскимъ, котораго Ключниковъ зналъ подъ прозвищемъ «помѣщикъ». Засимъ, изъ дѣятельности солдата «Гордѣя» Ключникову извѣстно только, что ему далъ Зелинскій 300 руб. для открытія въ деревнѣ, въ 60 верстахъ отъ Кіева, банлейной торговли съ цѣлью какъ пропаганды, такъ и устройства тамъ надежнаго притона для укрывательства скрывающихся отъ преслѣванія революціонныхъ дѣятелей. И дѣйствительно «Гордѣй», по словамъ Ключникова, истратилъ часть денегъ на покупку разныхъ принадлежностей и затѣмъ неоднократно уѣзжалъ въ неизвѣстную куда и пріѣзжалъ обратно въ Кіевъ. Въ той-же квартирѣ проживало нѣкоторое время хорошо знакомое Гордѣю и Петру Елошенко (осужденному въ каторжныя работы) лицо, носившее прізвище «Медвѣдь», также невыясненное, примѣты котораго, по словамъ Ключникова, слѣдующія: высокій толстый, лѣтъ около 35-ти, волосы темнорусые, съ небольшою бородою и грубымъ голосомъ.

Зина, по всей вѣроятности Зинаида Воскресенская, проживавшая первоначально въ Афанасьевскомъ яру, въ домѣ Бондаренко, а затѣмъ около Бибиковского бульвара, и находившаяся въ близкихъ сношеніяхъ съ упомянутымъ выше революціоннымъ дѣятелемъ Павломъ Орловымъ.

Избицкая, Марія, проживавшая въ угловомъ домѣ на Ивановской улицѣ, скрылись въ 1879 г. изъ Кіева отъ административной высылки къ которой она предназначена была за участіе въ сношеніяхъ браея, содержавшагося въ тюрьмѣ съ его единомышленниками. Она находилась, по словамъ Ключникова, въ близкихъ отношеніяхъ

упомянутымъ выше Свириденко, казненнымъ въ Кіевѣ подѣ именемъ Антонова, и съ Кобылянскимъ (онъ-же Григоренко и Володька), арестованнымъ въ 1879 г. по дѣлу объ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Крапоткина. По показанію Гольденберга, Избицкая имѣетъ родныхъ въ Острожскомъ уѣздѣ, Волинской губерніи, по убѣжденіямъ принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственно относится къ террористической системѣ. Кромѣ того, Гольденбергъ указываетъ, что Избицкая, проживая въ Кіевѣ долгое время, преимущественно заботилось о доставленіи матеріальныхъ средствъ для улучшенія жизни политическихъ заключенныхъ въ кіевской тюрьмѣ. Наконецъ, по словамъ Гольденберга, Избицкая, послѣ побѣга изъ Кіева, сдѣлалась нелегальною, т. е. скрывается подѣ чужою фамиліею.

Пѣховская, Софья, дворянка, проживавшая съ упомянутой выше Избицкой на одной квартирѣ, гдѣ, по словамъ Ключникова, жила также высокая женщина, по имени Саша, о которой никакихъ свѣдѣній не имѣется. Пѣховская и Саша также находились въ близкихъ отношеніяхъ съ Свириденко. По словамъ Гольденберга, Пѣховская польскаго происхожденія, во время проживанія въ Кіевѣ, нѣкоторое время исполняла обязанности хозяйки соціально-революціоннаго клуба. Въ 1879 г. она принимала участіе въ сборѣ денегъ на сооруженіе памятника на могилѣ умершихъ отъ ранъ политическихъ преступниковъ Ивичевичей, а въ текущемъ году задержана въ Кіевѣ и отправлена въ Варшаву, гдѣ она оказалась причастной къ дѣлу о преступной пропагандѣ. Нынѣ она содержится подѣ арестомъ.

Фани, отличавшаяся угреватымъ лицомъ, жила въ Афанасьевскомъ яру и была въ близкихъ сношеніяхъ съ солдатомъ «Гордѣмъ», черезъ котораго познакомилась съ упомянутыми выше лицами, посѣщавшими квартиру Избицкой, а именно: съ Сарандовичемъ, Игнатомъ Ивичевичемъ, Болеславомъ Костецкимъ, Сергѣемъ Наддачинимъ и другими. По показанію Курицина, данному со словъ Никиты Левченко, означенная Фани, будто бы скрылась изъ Кіева и обучается въ настоящее время фельдшерству въ одесской еврейской больницѣ. Кромѣ сего, Курицинъ въ своемъ показаніи, между прочимъ, указываетъ, что Фани до пріѣзда въ Одессу находилась въ Николаевѣ.

Корнелій, котораго Ключниковъ призналъ по фотографической карточкѣ за Корнелія Богряновскаго, осужденнаго въ Кіевѣ по дѣлу о покушеніи на ограбленіе почты, о которомъ уже упоминалось выше.

Леонидъ Зиксъ или Зикъ, занимавшійся, по словамъ Ключникова, пропагандою, для чего Зиксъ по временамъ уѣзжалъ изъ Кіева. По предъявленіи Ключникову фотографическихъ карточекъ разныхъ лицъ, задержанныхъ въ послѣднее время по обвиненію въ принадлежности къ революціонному сообществу, онъ призналъ Зикса безусловно въ карточкѣ, снятой съ арестованнаго въ Курскѣ лица, назвавшагося Добромисловымъ.

Бѣлый, личность невыясненная, примѣты которой, по словамъ Ключникова, слѣдующія: роста выше средняго, лѣтъ подѣ 30, волосы совершенно свѣтлые, съ эспаньолкой, женатъ. Прозвище «Бѣлый» получило, по всей вѣроятности, вслѣдствіе бѣлаго цвѣта волосъ. Лицо

это часто посѣщало въ концѣ 1878 г. и въ началѣ слѣдующаго года квартиру упомянутаго выше Свириденко, въ домѣ Костецкаго, гдѣ жилъ также и Ключниковъ, и принимало участіе въ совѣщаніяхъ, происходившихъ на этой квартирѣ въ присутствіи многихъ революціонныхъ дѣятелей, о которыхъ уже упоминалось выше; въ числѣ коихъ были, между прочимъ, Зубковскій, Дебогорій-Мокріевичъ, Гольденбергъ, Игнатъ Ивичевичъ, Валеріанъ Осинскій, Костецкій, графиня Панина и другіе. При этомъ Ключниковъ указываетъ на слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ означенной квартирѣ. Изъ Одессы прибылъ къ Свириденко и остановился у него на жительствѣ студентъ Новороссійскаго университета Сергѣй Диковскій. Съ нимъ былъ большой чемоданъ, въ которомъ, по словамъ Ключникова, находились между прочимъ, мѣдная форма для отливки пуль, типографскій шрифтъ въ набранномъ видѣ, причеиъ Свириденко указывалъ, что наборъ касался исполнительнаго комитета, и другія типографскія принадлежности, въ томъ числѣ валъ, обтянутый зеленымъ сукномъ, ось котораго была желѣзная. Такъ какъ при распаковкѣ означеннаго чемодана присутствовали и Бѣлый, притомъ въ числѣ разныхъ вещей находились ея вещи, то изъ этого Ключниковъ заключаетъ, что Бѣлый, который лишь незадолго передъ тѣмъ появился въ Кіевѣ, жилъ раньше въ Одессѣ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Диковскимъ. Кроме сего, Ключниковъ слышалъ отъ другихъ, что Бѣлый имѣлъ гдѣ-то домъ и кожевенный заводъ, но потерялъ все это по какой-то случайности, и что онъ уже судился по политическому дѣлу. Онъ жилъ съ женою и двумя малолѣтними дѣтьми около Васильковской улицы. Впослѣдствіи, именно въ февралѣ 1879 г. Ключниковъ встрѣтилъ Бѣлаго на Крещатикѣ.

Кроме сего Ключниковъ указываетъ еще на неизвѣстныхъ революціонныхъ дѣятелей, которыхъ онъ зналъ въ Кіевѣ подъ именами «Михаила фельдшера», «Сони», «Николая оратора» и «Николая учителя», изъ коихъ послѣдніе двое играли въ революціонной средѣ до вольно видную роль. Относительно этихъ лицъ Ключниковъ, между прочимъ, упоминаетъ, что «Михаилъ фельдшеръ» распространялъ революціонный журналъ «Земля и Воля», который привозилъ изъ С.-Петербурга въ большомъ количествѣ Волькенштейнъ, о которомъ будетъ сказано ниже, при изложеніи дѣятельности Черниговскаго революціоннаго сообщества. Засимъ, «Николай ораторъ» (роста выше средняго, худощавый, глаза сѣрые, съ окладистой бородой, волосы темныя съ рыжеватымъ оттѣнкомъ), находившійся въ особенно близкихъ отнoшеніяхъ съ упомянутымъ выше Костецкимъ, написалъ, по словамъ Ключникова статью, въ которой онъ обращался къ социалистамъ, убѣждая ихъ къ болѣе дѣятельной пропагандѣ въ народѣ, отбросивъ террористическую систему дѣйствій. Что касается личностей, извѣстныхъ подъ именемъ Сони и Николая учителя, то таковыя оказались: первая—Софьею Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ, принимавшій участіе въ вооруженномъ сопротивленіи 24 января 1879 г., за что приговорена была Кіевскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни замѣненной ссылкой въ каторжныя работы, а послѣдній—Николаемъ Позеномъ, арестованнымъ при вооруженномъ сопротивленіи 11 фев

рая 1879 г. Наконецъ, Ключниковъ указываетъ еще на одно лицо— студента въ очкахъ и съ эспаньолкой, которое оказалось студентомъ Кіевскаго университета Викентіемъ Янушкевичемъ. Изъ имѣющихся о Янушкевичѣ свѣдѣній видно, что онъ принималъ довольно видное участіе въ дѣятельности Кіевскаго преступнаго сообщества. Въ виду сего, въ сентябрѣ прошлаго года былъ произведенъ у него обыскъ, причѣмъ найдены двѣ книги преступнаго содержанія. При производствѣ по этому поводу дознанія, въ порядкѣ Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилъ 1 сентября 1878 г., между прочимъ, выразилось преступное направленіе и брата Янушкевича, Петра Янушкевича, который также жилъ въ Кіевѣ и въ прошломъ году уѣхалъ въ Асмолинскую Область на должность врача. Въ виду очевидно преступной дѣятельности Янушкевича съ одной стороны, а съ другой—невозможности преслѣдованія его въ судебномъ порядкѣ по недостатку фактическихъ къ тому данныхъ, означенному дознанію о немъ данъ былъ ходъ въ административномъ порядкѣ и Янушкевичъ высланъ на жительство въ Олонецкую губернію.

V.

Въ связи съ нѣкоторыми изложенными выше данными о лицахъ принадлежащихъ къ соціально-революціонному сообществу въ Кіевѣ, находится производящееся нынѣ въ Кіевскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи, въ порядкѣ закона 19 мая 1871 г., дознаніе объ образовавшемся въ Кіевѣ преступномъ кружкѣ имѣвшемъ террористическія цѣли.

Дѣло это возникло въ августѣ мѣсяцѣ 1879 г. вслѣдствіе задержанія въ Кіевѣ подозрительнаго лица, назвавшагося Харьковскимъ вѣщаниномъ Иваномъ Ивановымъ Григоренко. Поводомъ къ задержанію этого лица представлялось слѣдующее. Еще за два мѣсяца до этого, въ Кіевѣ упорно поддерживался слухъ объ образовавшемся тамъ совершенно правильно организованномъ революціонномъ кружкѣ, готовившемся осуществить на дѣлѣ новые соціалистическіе планы. При этомъ молва указывала на одного изъ главныхъ дѣятелей этого кружка, человека отчаяннаго, обладающаго непомѣрною физическою силою, хорошаго стрѣлка и ко всему этому настолько осторожнаго, что лишь немногіе близкіе къ нему по революціонной дѣятельности, знали его квартиру. Человѣкъ этотъ былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ подъ именемъ «Володьки». Когда свѣдѣнія эти въ нѣкоторой степени стали подтверждаться и въ тоже время сдѣлалось извѣстно о попыткѣ революціонеровъ совершить убійство генералъ-губернатора во время крестнаго хода, бывшаго въ Кіевѣ 15 іюля, со стороны мѣстнаго жандармскаго управленія приняты были самыя рѣшительныя мѣры къ задержанію Володьки, который по полученнымъ между тѣмъ свѣдѣніямъ, вслѣдъ за неудавшеюся попыткою 15 іюля, готовился къ совершенію другого преступленія, съ каковою цѣлью поджидалъ 22 іюля на Малой Владимірской улицѣ отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитана Судейкина. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, 21 августа удалось задержать

это лицо и обнаружить его квартиру въ домѣ Ждановскаго, на Крешатикѣ, гдѣ, по произведенному обыску, найдены: ружье, заряженный револьверъ, кинжалъ и разныя другіе сильно компрометирующіе предметы. Вслѣдъ затѣмъ оказалось, что паспортъ, по которому жилъ «Володька» подъ именемъ Харьковскаго мѣщанина Григоренка, былъ фальшивый. Самъ онъ, отказавшись обнаружить свое происхожденіе въ тоже время не отрицалъ принадлежности своей къ революціонному сообществу. Этимъ краткимъ сознаниемъ ограничились показанія этого лица о своей революціонной дѣятельности и только въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года оно открыло свое званіе, назвавшись дворяниномъ Людвигомъ Кобылянскимъ, что и подтвердилось на дѣлѣ, причѣмъ оказалось, что онъ уроженецъ г. Варшавы, по ремеслу слесарь, имѣетъ мать живущую въ одной изъ Привислянскихъ губерній и нѣсколькихъ братьевъ, принадлежащихъ, за исключеніемъ одного, къ социальнореволюціонной партіи. Говоря о Кобылянскомъ, Гольденбергъ называетъ его умнымъ, способнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, которому недостаетъ только теоретическаго развитія. По словамъ Гольденберга Кобылянский занимался пропагандой среди рабочихъ еще въ Варшавѣ откуда скрылся отъ преслѣдованія. О значеніи его въ дѣлѣ объ убійствѣ Харьковскаго губернатора князя Крапоткина будетъ сказано ниже, при изложеніи всего имѣющагося въ виду по этому дѣлу въ связи съ дѣломъ о Черниговскомъ преступномъ сообществѣ. Матросъ Ключникову, Кобылянский былъ извѣстенъ въ Кіевѣ подъ прозвищемъ «полячекъ». По его словамъ, Кобылянский жилъ въ октябрѣ 1878 г. въ квартирѣ Гребенюка, по Большой Васильковской улицѣ, гдѣ помѣщалась социальнореволюціонная столовая, и работалъ первоначально въ украинофильской мастерской, помѣщавшейся на Владимірской, противъ театра, а потомъ въ слесарной мастерской рядомъ съ домомъ Вереденко. Тамъ Кобылянский рассказывалъ о побѣгѣ своемъ изъ Варшавы, сопровождавшемся многими приключеніями, и тамъ же онъ получилъ фальшивый документъ на имя Воронежскаго уроженца который былъ поддѣланъ задержаннымъ въ Кіевѣ Болеславомъ Костецкимъ; печать же къ нему приложена была арестованнымъ Іосифомъ Зелинскимъ, о которомъ упомянуто будетъ ниже. Засимъ, начиная съ октября мѣсяца 1879 г., были разновременно задержаны слѣдующія лица, принадлежащія къ одному съ Кобылянскимъ преступному сообществу въ Кіевѣ:

Евпаторійскій мѣщанинъ Никита Левченко (онъ же Никитка), о мѣстѣ арестованія и о преступной дѣятельности котораго подробно изложено было выше. По обыску произведенному въ квартирѣ его, на Бульварно-Кудрявской улицѣ, въ д. № 15, найдены были всѣ принадлежности для составленія подложныхъ паспортовъ, а при самомъ Левченко, по задержаніи его, оказались заряженный револьверъ и ключъ къ шифру. Левченко, какъ причастный также и къ дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Одессѣ, отосланъ туда для производства о немъ дознанія.

Костецкій, Болеславъ, бывший студентъ Кіевскаго университета о преступной дѣятельности котораго также изложено выше, арестованъ вмѣстѣ съ Левченко въ селѣ Пирогово, близъ Кіева, куда, п

сознанію самого Левченко, сдѣланному имъ въ одесской тюрьмѣ Курицыну, онъ, а слѣдовательно и Костецкій, ѣздили по порученію Стефановича, для доставленія въ Кіевъ нѣкоторыхъ скрытыхъ въ означенной деревнѣ типографскихъ принадлежностей бывшей подпольной печатни Стефановича.

Лозьяновъ, Павелъ, сынъ дьячка Таврической губерніи, о которомъ, отчасти, упоминалось выше, при изложеніи дѣятельности Сергѣя Диковскаго, съ которымъ онъ былъ вмѣстѣ въ Новороссійскомъ университетѣ. При задержаніи у Лозьянова оказались: заряженный револьверъ, 16 патроновъ, нѣсколько подложныхъ паспортовъ и фальшивыхъ печатей, а также билетъ студента Онушко на право слушанія лекцій въ университетѣ Св. Владиміра. Хотя Лозьяновъ и отказался открыть свое званіе и таковое было обнаружено позднѣе, тѣмъ не менѣе, слѣдъ за его задержаніемъ, удалось обнаружить его квартиру, гдѣ по произведенному обыску найдены: кистень, револьверъ, значительное количество зарядовъ, фальшивыя печати, разная принадлежности для составленія подложныхъ видовъ, въ томъ числѣ изготовленный подложный паспортъ на имя харьковскаго мѣщанина Федора Петрова, съ фальшивою печатью совершенно одинаковою съ печатью на паспортѣ Григоренки, по которому жилъ Кобылянской, а также три номера революціоннаго изданія «Народная Воля» и нѣсколько запрещенныхъ книгъ.

Ильяшенко, Севастьянъ Ефремовъ, крестьянинъ Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, хутора Слѣпорода (онъ же Куценко), ѣздившій изъ Кіева въ Нѣжинъ съ подложнымъ паспортомъ на имя Бахмутскаго мѣщанина Гаврилука. Оказалось, что Ильяшенко уже розыскивается по другому дѣлу, возникшему въ Бессарабскомъ жандармскомъ управленіи, а потому онъ препровожденъ для производства предварительнаго дознанія въ Кишиневъ.

Диковскій, Сергѣй Дорофѣевъ, сынъ Симферопольскаго священника, задержанный въ формѣ артиллерійскаго капитана на станціи «Казатинъ», Кіево-Бретской желѣзной дороги, вмѣстѣ съ студентомъ Харьковскаго университета Дмитріемъ Буцинскимъ, изъ коихъ первый, назвавшись Зарубнымъ, имѣлъ при себѣ заряженный револьверъ, фальшивую печать Черниговской духовной консисторіи и подложное свидѣтельство Полтавской духовной консисторіи на имя Захарченко, а Буцинскій—подложное свидѣтельство Полтавскаго городского полицейскаго управленія на имя Рязанцева. О преступной дѣятельности Диковскаго уже упомянуто было выше; о дѣятельности жѣ Буцинскаго въ революціонной средѣ будетъ указано ниже, при изложеніи дѣятельности соціально-революціоннаго сообщества въ Харьковѣ, къ которому онъ принадлежалъ. Засимъ Диковскій оказался причастнымъ и къ дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Одессѣ, а потому оба они препровождены для производства предварительныхъ дознаній: Буцинскій—въ Харьковѣ, а Диковскій—въ Одессу.

Жуковъ, Владиміръ Ивановъ, дворянинъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, исключенный въ декабрѣ 1878 г. за участіе въ студенческихъ беспорядкахъ. При немъ оказалось, при задержаніи: заряженный револьверъ, 16 патроновъ, два номера рево-

люціоннаго изданія «Народная Воля» и подложный паспортъ на имя Бѣлгородскаго мѣщанина Владиміра Тихонова Лопухова.

Ивановъ, Игнатъ Кирилловъ, студентъ 2-го курса медицинскаго факультета Кіевскаго университета, имѣвшій при себѣ: динамитъ, снарядъ, заряженный револьверъ и двѣ записки преступнаго содѣянія. Кромѣ сего, въ квартирѣ его найденъ отточенный кинжалъ.

Левенсонъ, Викторія Викторова, жена потомственнаго почтеннаго гражданина, проживавшая въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя Ворониной и Клименко, Михаилъ Филимоновъ, студентъ университета Св. Владиміра.

Диковскій, Моисей Андреевъ, сынъ священника, который, вслѣдствіе требованія одесскаго временнаго генераль-губернатора, отправленъ въ Одессу, къ производящемуся тамъ дознанію о преступномъ сообществѣ, къ которому Диковскій оказался также причастнымъ.

Позень, Веніаминъ Павловъ, харьковскій мѣщанинъ, у котораго въ карманѣ пальто найдено: записка загадочнаго содержанія, подобная же записка, заключающая въ себѣ упрекъ за допущеніе ареста и товарища «Степана» (такимъ именемъ называлось упомянутое лицо, назвавшееся при арестованіи Бойченко), и замѣтка по поводу недостатковъ, проявившихся въ дѣятельности кіевскихъ релюціонеровъ, трактующая также о необходимости русскимъ релюціонерамъ ознакомиться съ положеніемъ соціальнаго вопроса западѣ.

Голубовъ, Лейзеръ, мѣщанинъ г. Рѣчицы, Минской губерніи, бѣжавшій въ 1878 г. изъ г. Шенкурска, Архангельской губерніи, гонимъ находился въ административной ссылкѣ за принадлежность революціонной партіи, и розыскивавшійся циркуляромъ III-го Отдѣла Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, за № 36 Голубовъ при арестѣ назвался дворяниномъ Владиміромъ Зотовымъ и предъявилъ въ удостовѣреніе своей личности свидѣтельство Феодосійскаго уѣзднаго предводителя дворянства, между тѣмъ по справкамъ оказалось, что помѣщикъ Зотовъ находится въ своемъ имѣніи никуда отсюда не уѣзжалъ.

Засимъ, неизвѣстныя три лица, изъ коихъ одно проживало по подложному паспорту на имя Черниговскаго мѣщанина Степана Сильева Бойченко, другое имѣло подложный паспортъ на имя сельскаго Мелитопольскаго уѣзда, Таврической губерніи, Тихона Аннона Троицкаго и, какъ оказалось по наведеннымъ справкамъ, бывъ въ Харьковѣ, гдѣ принимало участіе въ сходкахъ соціально-революціоннаго кружка и третье, у котораго отобраны были шифрованные письма, загадочныя записки и стихи возмутительнаго содержанія, назвавшееся сыномъ священника, Михаиломъ Родіоновымъ Поповымъ и предъявившее свидѣтельство, выданное на имя Попова Екатеринославскою духовною консисторіею, но въ удостовѣреніе своей самодѣятельности никакихъ другихъ данныхъ не представившее; вполнѣдствіе оказалось, что оно есть дѣйствительно то самое лицо, какимъ оно названо.

Кромѣ сего, въ числѣ задержанныхъ, званія которыхъ до сих поръ остаются невыясненными, находятся еще два лица, изъ коихъ

одного, арестованнаго съ подложнымъ паспортомъ Мелитопольской городской управы на имя потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя Николаева Погорѣлова, найдены по обыску, въ числѣ разныхъ бумагъ, статистическія свѣдѣнія о распредѣленіи въ Россіи поземельнаго налога между сословіями и рукопись подъ заглавіемъ «будущій строй», заключающая въ себѣ выдержки о государственномъ строѣ изъ сочиненій Овена, Сень-Симона, Фурье, Луи-Блана и Лассаля, а въ концѣ замѣтки, подъ заглавіемъ «главнѣйшіе факты современной экономической неурядицы на Западѣ и въ Россіи и политическія учрежденія». Другое же лицо имѣло подложный паспортъ Мелитопольской городской управы на имя Дьяченко, при чемъ печать на этомъ документѣ оказалась тождественною съ печатью на паспортѣ Погорѣлова.

Наконецъ, къ этому же сообществу оказалася причастнымъ бывшій студентъ Кіевскаго университета Николай Подревскій, высланный въ январѣ сего года изъ Кіева административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, вслѣдствіе чего уже сдѣлано распоряженіе о возвращеніи его въ Кіевъ съ мѣста ссылки.

Между тѣмъ, 4 марта сего года студентъ университета Св. Владимира Константинъ Поликарповъ, покушался въ своей квартирѣ на жизнь крестьянина Леонтія Забрамскаго, при чемъ нанесъ ему ударъ въ голову кистенемъ и 11 ранъ кинжаломъ, а затѣмъ, когда Забрамскій успѣлъ выбѣжать на дворъ, Поликарповъ выстрѣломъ изъ револьвера лишилъ себя жизни.

Обстоятельство это указало на принадлежность означенныхъ лицъ къ тому же преступному сообществу, поводомъ же къ покушенію на убійство Забрамскаго послужило возникшее въ этой преступной средѣ подозрѣніе, что аресты поименованныхъ лицъ находятся въ связи съ измѣною Забрамскаго.

По произведенному въ квартирѣ послѣдняго обыску, въ имуществѣ его оказалось: заряженный револьверъ, фальшивыя печати, въ томъ числѣ печать Черниговской мѣщанской управы, приложенная къ подложному паспорту Бойченко, разныя запрещенныя сочиненія, нѣсколько фунтовъ типографскаго шрифта и два жестяныхъ цилиндра съ конусообразными оконечностями. Кромѣ сего, на прежней квартирѣ его найденъ еще динамитный снарядъ, похожій на тотъ, съ которымъ былъ задержанъ студентъ Ивановъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Забрамскій, проживавшій послѣднее время въ Кіевѣ по подложному паспорту на имя дворянина Полозова, далъ чистосердечное показаніе о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ, въ которомъ онъ самъ вращался и къ которому принадлежали всѣ упомянутыя арестованныя съ іюля 1879 г. лица. По словамъ Забрамскаго, сообщество это имѣло правильную организацію, всѣ средства для составленія подложныхъ видовъ на жительство и кассу для оказания пособія неимущимъ членамъ революціонной партіи.

Изъ показанія Забрамскаго видно, что члены этого революціоннаго кружка собирались первоначально у Клименко и Левенсонъ, проживавшей по подложному паспорту на имя Ворониной, а потомъ въ квартирѣ дворянина Жукова (онъ же Лопуховъ), который былъ

извѣстенъ Забрамскому подѣ фамиліею Анитова; главнымъ же распорядителемъ было упомянутое выше лицо, назвавшееся при задержаніи Поповымъ, но носившее въ революціонной средѣ прозвище «генераль» а по арестованіи Попова, его замѣнилъ студентъ Ивановъ. Это революціонное сообщество имѣло, по словамъ Забрамскаго, сношеніе съ Петербургомъ, Москвою, Харьковымъ и Одессою, вслѣдствіе чего нѣкоторымъ членамъ его было извѣстно о готовившемся злодѣйскомъ покушеніи 19 ноября 1879 г. подѣ Москвою. Цѣлью этого кружка было: распространеніе какъ книжной, такъ и устной пропаганды, устройство въ этихъ видахъ подпольной типографіи и, наконецъ убійство Кіевскаго генераль-губернатора и другихъ высокопоставленныхъ правительственныхъ властей этого края, для каковыхъ цѣлей пріобрѣтены имъ необходимыя орудія и, между прочимъ, динамитныя снаряды. Давая болѣе или менѣе подробное показаніе объ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ преступной дѣятельности поименованныхъ задержанныхъ лицъ, Забрамскій, между прочимъ, указываетъ, что Веніаминъ Позень, имѣвшій прозвище «Веньки» и, назвавшійся Степаномъ Бойченко, называвшійся «Алешка», были одними изъ главныхъ руководителей сказанаго преступнаго сообщества.

Въ то же время произведенное дознаніе и отчасти разоблаченіе Забрамскаго указали на болѣе выдающееся преступное направленіе нѣкоторыхъ лицъ. Изъ нихъ обратили на себя вниманіе студентъ университета Св. Владиміра, Владиміръ Козловскій, и проживавшій съ нимъ въ одной квартирѣ губернской секретарь Иванъ Присецкій бывшіе въ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями: Валеріаномъ Осинскимъ, Софьею Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и Владиміромъ Дебегоріемъ-Мокрѣвичемъ, а также изъ числа привлеченныхъ къ дѣлу послѣднемъ преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ съ Поповымъ, Ивановымъ, Голубовымъ и Жуковымъ. По произведенному обыску, найденъ въ квартирѣ и въ другихъ помѣщеніяхъ Козловскаго и Присецкаго прокламація по поводу взрыва 19 ноября 1879 г. на Московско-Курской желѣзной дорогѣ, пластинка для вырѣзки фальшивыхъ печатей революціонное воззваніе подѣ заглавіемъ «обращеніе реалистовъ къ обществу», книга «наставленіе для типографщиковъ» и записка, указывающая на немаловажное значеніе въ означенномъ преступномъ сообществѣ дѣятельности арестованнаго Попова, который предположилъ устроить подкопъ для взрыва и съ этою цѣлью ѣздилъ въ Харьковъ за электрической батареей. Въ виду сего Козловскій такъ арестованъ, за появленіемъ же въ Кіевѣ Присецкаго, который обыска успѣлъ скрыться, учреждено наблюденіе. Кромѣ того сдѣлано распоряженіе о возвращеніи въ Кіевъ высланнаго административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь дворянина Константина Тесленки Приходько, также привлеченнаго въ качествѣ обвиняемаго по сему дѣлу. Наконецъ, обращаетъ на себя вниманіе студентъ С.-Петербургскаго университета Николай Королевъ, который, будучи въ февралѣ мѣсяцѣ сего года въ Кіевѣ, вращался въ этой же революціонной средѣ, а потому и въ отношеніи этой личности также сдѣлано съ отвѣтственное распоряженіе.

Независимо отъ изложеннаго, Забрамскій въ своемъ показаніи

объ организациі означеннаго преступнаго сообщества, указываетъ, что въ дѣятельности его принимали болѣе или менѣе видное участіе еще слѣдующія лица: бывшій студентъ Кіевскаго университета Каковскій, который, по словамъ Забрамскаго, перешель, будто бы, въ число студентовъ С.-Петербургскаго университета; слушательница Кіевскихъ женскихъ курсовъ Михалевичь, у которой, по видимому, хранились номера революціонной газеты «Земля и Воля»; Попка, онъ же «Идолъ», личность невыясненная, проживавшая, по словамъ Забрамскаго, до декабря 1879 г. въ домѣ № 16, по Кузнечной улицѣ, а послѣ того въ домѣ Людвиговскаго, по Костельной улицѣ; именованнѣе Вороновымъ, личность пока также невыясненная. По словамъ Забрамскаго, этотъ Вороновъ прибылъ въ Кіевъ въ концѣ іюля 1879 г. изъ Харькова, гдѣ онъ принималъ, будто бы, участіе въ освобожденіи политическаго преступника Фомина, жилъ онъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кіева, имѣя подложный паспортъ; прирѣты его: 30 лѣтъ, средняго роста, блондинъ, съ маленькой бородкой, взглядъ веселый. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, называвшійся Вороновымъ былъ студентомъ въ Харьковѣ, имѣлъ значительныя познанія въ химіи, вслѣдствіе чего въ революціонной средѣ пользовались его знаніемъ для приготовленія сильно дѣйствующихъ веществъ и химическихъ чернилъ для тайной корреспонденціи. Вообще лицо это пользовалось, по видимому, немаловажнымъ значеніемъ въ революціонномъ сообществѣ, составляющемъ предметъ производящагося нынѣ въ Кіевѣ дознанія, и получало изъ средствъ революціоннаго кружка денежныя пособія; такъ, однажды, по словамъ Забрамскаго, Вороновъ получилъ на экипировку отъ Попова 150 рублей. Кромѣ того, Забрамскій указываетъ, что Вороновъ носилъ съ собою заряженный револьверъ и что онъ, вмѣстѣ съ Поповымъ, замышлялъ убійство военнаго прокурора Стрѣльникова за то, что послѣдній, обвиняя политическихъ преступниковъ, домогается для нихъ смертной казни. Въ настоящее время Вороновъ, по слухамъ, находится въ Полтавѣ на службѣ въ акцизномъ управленіи, откуда онъ присылалъ въ Кіевъ для революціоннаго сообщества бланки Полтавскаго акцизнаго управленія.

Наконецъ, въ показаніяхъ Забрамскаго упоминается и о другихъ лицахъ, несомнѣнно принадлежащихъ или къ тому же сообществу или же къ другимъ революціоннымъ кружкамъ, но весь этотъ матеріалъ, безъ именъ и фамилій указываемыхъ лицъ, съ неясно и лишь вскользь намѣченными данными, даетъ теперь лишь самое неопредѣленное представленіе о степени участія этихъ неизвѣстныхъ лицъ въ революціонной дѣятельности какъ названнаго общества, такъ и другихъ кружковъ, но въ связи съ имѣющимися уже данными, вознаніе, безъ сомнѣнія, раскроетъ впослѣдствіи все недосказанное Забрамскимъ и такимъ образомъ освѣтитъ надлежащимъ образомъ картину дѣятельности этого преступнаго сообщества.

Въ настоящее же время можно констатировать лишь тотъ фактъ, что образовавшееся въ Кіевѣ изъ преступныхъ элементовъ крайне опасное революціонное сообщество, имѣвшее цѣлью террористическія стремленія, окончательно парализовано въ своихъ дѣй-

ствіяхъ арестомъ 22 главныхъ дѣятелей его, изъ коихъ нѣкоторые оказались принадлежащими къ революціоннымъ сообществамъ въ другихъ городахъ, на примѣръ, въ Одессѣ и Харьковѣ, и уже розыски вались какъ обвиняемые въ государственныхъ преступленіяхъ. Слѣдовательно, этимъ путемъ представится возможность выяснить связь этого преступнаго сообщества въ Кіевѣ съ другими революціонными сообществами и такимъ образомъ опредѣлить происхожденіе перваго

VI.

Независимо отъ того значенія, которое уже имѣетъ означенно въ послѣднемъ отдѣлѣ дѣло въ смыслѣ раскрытія преступнаго сообщества въ самомъ Кіевѣ, производимое дознаніе дало еще другіе несомнѣнно важные результаты, указавъ на преступную среду въ Курской губерніи и на мѣсто пребыванія скрывавшагося отъ преслѣдованія сына капитана 1-го ранга, бывшаго вольно-слушателя С.-Петербургскаго технологическаго института Федора Николаева Юрковскаго, извѣстнаго подъ именемъ инженера «Сашки», который былъ однимъ изъ главныхъ участниковъ кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства. Дознаніе по Курской губерніи, для выясненія преступной дѣятельности намѣченныхъ лицъ, производится и даетъ свои результаты; что же касается Юрковскаго, то онъ уже задержанъ въ той же губерніи и находится подъ арестомъ въ Одессѣ.

VII.

Для полноты картины, характеризующей дѣятельность различныхъ соціально революціонныхъ партій и кружковъ образовавшихся преимущественно въ Кіевской губерніи, необходимо указать на преступную дѣятельность черниговскаго помѣщика, дворянина Дмитрия Лизогуба и его революціоннаго кружка, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изложены въ показаніи политическаго преступника, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Курицына, который содержался съ Лизогубомъ въ одной камерѣ, вмѣстѣ съ другими политическими преступниками, а потому имѣлъ возможность провѣрить все извѣстное ему тѣмъ, что онъ слышалъ въ тюрьмѣ при откровенныхъ разговорахъ Лизогуба съ нимъ и другими преступниками, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ съ Лизогубомъ, который, по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, былъ казненъ въ августѣ 1879 г.

По словамъ Курицына, Лизогубъ былъ руководителемъ еще и въполнѣ сформировавшагося кружка, имѣвшаго строго опредѣленную организацію, съ характеромъ централизаціи, и большія денежныя средства. Кружокъ этотъ готовился осуществить грандіозные революціонные планы, которые, какъ изъ показанія Курицына можно отчасти заключить, выразились въ послѣдствіи въ цѣломъ рядѣ политическихъ убійствъ и покушеній. Лизогубъ былъ большимъ поклонникомъ с

темы партіи «народниковъ бунтарей» и, по словамъ Курицына, намѣренъ былъ продолжать дѣло упомянутыхъ выше представителей этой партіи Дейча, Стефановича и Бохановскаго, но въ гораздо большихъ размѣрахъ, съ каковою цѣлью онъ замышлялъ устроить на Дону нѣчто подобное тому, что было устроено названными выше революціонными дѣятелями въ Чигиринскомъ уѣздѣ. Вообще говоря о русскихъ революціонерахъ, Лизогубъ, по словамъ Курицына, постоянно жаловался на отсутствіе единства дѣйствій между различными революціонными кружками, хотя и идущими къ одной цѣли, но къ сожалѣнію разными путями, на отсутствіе необходимой энергіи и однообразной системы, а главное, на отсутствіе централизаціи, т. е. такого распорядительнаго органа, который управлялъ бы дѣйствіями всѣхъ революціонныхъ партій. Доказательствомъ тому, какое важное значеніе придавалъ Лизогубъ центральной, такъ сказать, власти въ революціонномъ дѣлѣ, служитъ отчасти его образъ дѣйствія даже во время содержанія его въ тюрьмѣ. Такъ, изъ показанія Курицына видно, что по поводу строгости содержанія въ одесской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ, Лизогубъ сдѣлалъ къ нимъ воззваніе, предлагая выбрать изъ своей среды одно лицо съ правами диктатора, приказанія котораго во всѣхъ случаяхъ были бы безусловно обязательны для остальныхъ. Эта мысль, повидимому, получила осуществленіе, такъ какъ и въ показаніяхъ другихъ сознавшихся лицъ дѣлается указаніе на существованіе какого-то кievскаго тюремнаго исполнительнаго комитета, но гдѣ помѣщается этотъ комитетъ, изъ сколькихъ лицъ онъ состоитъ и какая вообще его организація—въ означенныхъ указаніяхъ не упоминается.

Далѣе Курицынъ, со словъ самого Лизогуба, объясняетъ, что кружокъ послѣдняго располагалъ наличными денежными средствами болѣе чѣмъ въ 100 тысячъ рублей, составившимися какъ изъ собственнаго капитала его, Лизогуба, такъ равно изъ сборовъ съ лицъ, сочувствующихъ стремленіямъ революціонной партіи. Кромѣ сего, Лизогубъ обладалъ большимъ количествомъ земли и другою недвижимою собственностью, преимущественно въ Черниговской губерніи, а также векселями на большую сумму, которые во всякое время могутъ быть обращены въ деньги. Обстоятельство это отчасти подтверждается указаніями дворянина Дрыги, сдѣлавшаго разоблаченіе о преступномъ сообществѣ въ Черниговѣ, о чемъ будетъ изложено ниже.

Независимо отъ денегъ, кружокъ этотъ, по словамъ Курицына, располагалъ и другими революціонными средствами, какъ-то: оружіемъ, печатными станками и проч.

Такъ самъ Лизогубъ рассказывалъ въ тюрьмѣ, что его стараниями вывезено изъ заграницы нѣсколько печатныхъ станковъ самаго новѣйшаго усовершенствованія, которые при печатаніи не издаютъ никакого стука, а при своей легкости и незначительномъ объемѣ весьма удобны для перевозки въ обыкновенномъ чемоданѣ.

Выше уже было указано, что Лизогубъ намѣренъ былъ продолжать дѣло Стефановича, Дейча и Бохановскаго, поэтому бунтовская программа, выработанная этими представителями революціонной пар-

ті «народниковъ-бунтарей», легла и въ основаніе программы, вырботанной Лизогубомъ для своего революціоннаго кружка. Програма эту Курицынъ, со словъ Лизогуба и другихъ, содержавшихся съ нимъ политическихъ преступниковъ, формулируетъ слѣдующимъ образомъ всякій, принадлежащій къ этому кружку, обязанъ пользоваться кадымъ возникшимъ гдѣ-либо бунтомъ, а если такого нѣтъ, всѣми возможными средствами стараться вызывать бунты. Средствами къ этому должны служить, главнымъ образомъ, возбужденіе въ народѣ раныхъ неудовольствій и страстей посредствомъ распусканія ложныхъ слуховъ, равно другими способами, не стѣснясь въ выборѣ средствъ. Съ этою цѣлью необходимо селиться въ народѣ и самымъ подробнѣйшимъ образомъ изучать мѣстныя условія, а засимъ, сообразъ этимъ условіямъ, пользоваться всякимъ возникшимъ недоразумѣніемъ поселяя неудовольствіе противъ властей, мѣстныхъ помѣщиковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и т. д., и возбуждая народъ къ активномъ протесту посредствомъ распусканія такихъ, напримѣръ, ложныхъ слуховъ, что въ такой-то мѣстности крестьяне уже бунтуютъ, или взбутовались и отобравъ у помѣщиковъ землю, раздѣлили ее поровнъ. Засимъ, если гдѣ-либо существуетъ между крестьянами, какъ напримѣръ, въ Киевской губерніи обыкновеніе посылать въ Петербургъ ходовъ съ жалобами, то стараться поддерживать и сильнѣе развывать подобное желаніе, а гдѣ такового обыкновенія вовсе не существуетъ и самъ народъ не додумался до этого, то внушать ему цлесообразность этой мѣры, приучая къ мысли о необходимости сего такъ какъ въ случаѣ очевидной неосновательности жалобъ, ходовъ будутъ подвергаться аресту, а это обстоятельство можетъ послужитъ поводомъ къ бунту, тѣмъ болѣе, что ходоки обыкновенно избираются крестьянскими обществами изъ лицъ, пользующихся особеннымъ уваженіемъ и вліяніемъ. Далѣе: распускать отъ имени Государя всевозможные подложные манифесты и вообще стараться дѣйствовать отъ имени царя, призывая народъ именемъ Государя Императора къ помощи противъ дворянъ и чиновниковъ, причемъ на всякій случай имѣть на готовѣ подложные документы. Наконецъ, программа Лизогуба указывала на необходимость террора, направленной противъ властей, наиболѣе ненавидимыхъ народомъ, распуская по поводу каждаго убійства, прокламаціи и слухи.

Засимъ относительно средствъ, которыми должны пользоваться революціонеры, Лизогубъ, по словамъ Курицына, указывалъ между прочимъ, на лѣсничество. Удобство лѣсничества для цѣлей пропаганды заключается по рассказамъ Лизогуба, въ томъ, что они болшею частью изолированы отъ всякаго жилья и обыкновенно находятся посреди лѣса, гдѣ безопасно можно устроить тайную типографію, складъ оружія, взрывчатыхъ веществъ и вообще всего необходимаго для бунта, а также убѣжище для скрывающихся. При этомъ Курицынъ указываетъ, что Лизогубъ имѣлъ довольно подробныя свѣдѣнія о лѣсничествахъ въ Киевской губерніи, гдѣ ихъ очень много, между прочимъ, въ имѣніяхъ одного графа Бобринскаго болѣе 17, содержавшія вмѣстѣ съ Лизогубомъ, осужденный впоследствии и каторжныя работы по одному съ нимъ дѣлу и уже сосланный пол

тической преступникъ Кравцовъ даже имѣлъ въ числѣ хорошихъ знакомыхъ своихъ одного старшаго лѣсничаго, къ которому онъ далъ, по просьбѣ Лизогуба, для одного революціоннаго дѣятеля изъ кружка послѣдняго, рекомендательное письмо съ ходатайствомъ дать подателю мѣсто лѣсника. Кромѣ сего, указывая на необходимость пироксилина для исполненія преступныхъ замысловъ, Лизогубъ, по словамъ Курицына, говоритъ, что вещество это можно добывать на каменоломняхъ, въ 20 верстахъ отъ Вознесенска, вверхъ по рѣкѣ Бугу, въ слободѣ Александровкѣ, Херсонской губерніи, гдѣ оно употребляется для взрыва скаль.

Изъ лицъ, участвовавшихъ въ кружкѣ Лизогуба, Курицынъ не указываетъ ни на одного, ссылаясь на то, что Лизогубъ никого не называлъ ни по фамиліямъ, ни по именамъ и даже клички употребилъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Вообще, хотя Курицынъ, въ показаніи своемъ о Лизогубѣ и его кружкѣ, не даетъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ относительно ихъ дѣятельности и не указываетъ на членовъ этого кружка, тѣмъ не менѣе изъ означенной въ заявленіи Курицына характеристики этой дѣятельности, въ общихъ чертахъ, можно вывести заключеніе, что революціонная партія Лизогуба, имѣвшая, какъ это указано было выше, программой для своихъ дѣйствій бунтовскую и террористическую системы, послужила основаніемъ къ образованію той террористической партіи, съ которою знакомитъ въ своемъ показаніи Гольденбергъ и о которой изложено будетъ ниже. Въ пользу такого предположенія служатъ слѣдующія имѣющіяся подъ рукой данныя: во первыхъ—до Лизогуба и образованнаго имъ революціоннаго кружка, революціонная партія не проявляла своей дѣятельности въ формѣ политическихъ убійствъ; во вторыхъ—появленіе террористической партіи, образовавшейся, по показанію Гольденберга, въ началѣ 1878 г. совпадаетъ съ временемъ образованія революціоннаго кружка Лизогуба; въ третьихъ—по показанію Курицына, кружокъ Лизогуба не прекратилъ своего существованія вслѣдствіе ареста самого Лизогуба, но продолжалъ дѣйствовать въ духѣ его предназначеній до послѣдняго времени; въ четвертыхъ—упомянутая выше программа дѣятельности революціоннаго кружка Лизогуба представляется совершенно тождественною съ тѣмъ направленіемъ, которымъ ознаменовала себя террористическая партія; въ пятыхъ—Лизогубъ, по мѣрѣ совершенія террористическою партіею политическихъ убійствъ и покушеній, постоянно высказывалъ, по словамъ Курицына, близкое знакомство съ подробностями задуманныхъ злодѣяній, изъ чего представлялось несомнѣннымъ, что онъ стоялъ близко къ злоумышленникамъ; наконецъ, въ шестыхъ—Лизогубъ находился, по словамъ Курицына, въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ такими политическими преступниками, какъ, напримѣръ, Валеріанъ Осинскій, Кравцовъ, Малинка, Ковальскій и другіе представители партіи террора.

Точно также въ виду сдѣланныхъ Курицынымъ указаній, что Лизогубъ проектировалъ нѣчто подобное Чигиринскому дѣлу на Дону, представляется вѣроятнымъ, что члены образованнаго имъ революціоннаго кружка принимали болѣе или менѣе близкое участіе

въ вооруженномъ возстаніи, бывшемъ 2 апрѣля 1879 г. въ горо. Ростовѣ на Дону и сопровождавшемся насиліемъ и безпорядками, и ковое дѣло рассмотрѣно нынѣ временнымъ военнымъ судомъ.

Кромѣ сего, Курицынъ указываетъ на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, не принадлежа непосредственно къ кружку Лизогуба, тѣмъ менѣе находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Къ числу такихъ лицъ Курицынъ относитъ нѣкую Козину, аристократическаго происхожденія, сотрудничавшую въ журналѣ «Отечественныя Записки» подъ неполнымъ псевдонимомъ А—ва. Эта личность, по словамъ Курицына, была отлично знакома кромѣ Лизогуба, съ такими революціонными дѣятелями какъ Валеріанъ Осинскій, Кравцовъ и Биломе (осужденный по дѣлу Чубарова въ каторжныя работы), между которыми она извѣстна была подъ прозвищемъ «Таранта», засимъ, словамъ Курицына, Козина пользуется большими связями въ Петербургѣ и въ другихъ мѣстахъ; живетъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи, то за границей, при чемъ находится въ постоянныя разъѣздахъ. Она замужемъ и имѣетъ двухъ дочерей 11 и 14 лѣтъ, которыя уже вполне усвоили себѣ социальныя ученія и да находились одно время подъ руководствомъ такого репетитора, ка извѣстный революціонеръ Петръ Волошенко, имѣвшій въ революціонной средѣ прозвище «Волкъ», который впоследствии, за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, былъ посланъ, по приговору военно-окружнаго суда, въ каторжныя работы.

Наконецъ показаніе Курицына касается отчасти нѣкоторыхъ лицъ, которыя, по отзывамъ содержавшихся вмѣстѣ съ нимъ одесской тюрьмѣ политическихъ преступниковъ, принимали участіе въ революціонной дѣятельности. Изъ числа этихъ лицъ Курицынъ указываетъ на слѣдующихъ:

Пашенко, онъ же по прозвищу князь, личность невыясненная, по словамъ Курицына, весьма видная въ преступной средѣ. Онъ принадлежалъ къ той партіи, въ которой вращался извѣстный революціонный дѣятель, бывший студентъ Новороссійскаго университета Ковальскій, и участвовалъ въ одномъ съ нимъ дѣлѣ, но не былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими, благодаря случайности, по которой Пашенко не явился въ ихъ компанію для печатанія прокламацій. Далѣе изъ показанія Курицына видно, что Пашенко служилъ въ Русско-Американскомъ пароходствѣ и торговли и былъ близко знакомъ съ бывшимъ секретаремъ одесской думы Гернетъ, который, по имѣющимъ свидѣніямъ, высланъ за политическую неблагонадежность административнымъ порядкомъ на жительство въ Восточную Сибирь. Этотъ Пашенко, по словамъ Курицына, ввелъ въ революціонную среду проживавшаго съ нимъ на одной квартирѣ Виноградскаго, который занялъ затѣмъ мѣсто Пашенки въ обществѣ пароходства и торговли, а впоследствии былъ высланъ на жительство въ Восточную Сибирь. Наконецъ, Курицынъ указываетъ, что Пашенко, при содѣйствіи упомянутой выше аристократки Козиной, нашель невѣсту съ значительнымъ приданымъ, которое предназначается на революціонныя дѣла; но свадьба почему-то отложена, а Пашенко съ невѣстой отправились за границу. Въ видахъ разъясненія личности Пашенко, не лицъ

будетъ въ данномъ случаѣ упомянуть, что Богославскій, въ своемъ показаніи, указываетъ на лицо, которое носило въ революціонной средѣ кличку «князь» и называлось Фоминимъ—делегатомъ отъ Петербургскаго общества революціонеровъ. Лицо это, по словамъ Богославскаго, принимало участіе въ покушеніи на жизнь товарища прокурора Котляревскаго. Засимъ Веледницкій, въ своемъ показаніи, называетъ княземъ (онъ же Фоминъ) лицо, носившее въ революціонной средѣ имя «Алешки»; изъ показанія же крестьянина Забрамскаго видно, что лицо, содержащееся въ настоящее время подъ арестомъ подъ фамиліею Бойченко въ Кіевѣ и привлеченное къ дѣлу о преступномъ сообществѣ, имѣвшемъ террористическіе замыслы, также было извѣстно между революціонерами подъ именемъ «Алешки». Слѣдовательно, изъ всѣхъ этихъ указаній можно вывести или же быстрое предположеніе, что задержанный Бойченко, быть можетъ, и есть та самая личность, на которую указываетъ Курицынъ.

Миролюбовъ, одинъ изъ очень важныхъ агитаторовъ на югѣ Россіи, примыкалъ къ революціонному кружку казеннаго въ Одессѣ Ковальскаго. По словамъ Курицына, Миролюбовъ участвовалъ въ освобожденіи изъ Херсонской тюрьмы Свитица, осужденнаго въ каторжныя работы по дѣлу Ковальскаго, и онъ же способствовалъ побѣгу высланнаго послѣдствіи административнымъ порядкомъ Пылаева, котораго онъ посылалъ съ революціонною цѣлью въ Херсонъ. Агитационная дѣятельность Миролюбова проявилась преимущественно въ Херсонѣ, Николаевѣ, Одессѣ и въ Подольской губерніи, гдѣ онъ собирался затѣять нѣчто подобное дѣлу Стефановича, Дейча и Бохановскаго въ Чигиринскомъ уѣздѣ, при чемъ рассчитывалъ собрать остатки шаекъ извѣстнаго атамана разбойниковъ Лозинскаго. Кромѣ того, Миролюбовъ, по словамъ Курицына, принялъ на себя устройство демонстраціи во время суда надъ Ковальскимъ и другими, съ употребленіемъ для сего взрывчатыхъ снарядовъ, но почему то не успѣлъ въ этомъ. Наконецъ ему же, Миролюбову, приписывается Курицынымъ участіе въ дѣлѣ о кражѣ денегъ изъ Херсонскаго казначейства, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого дѣла, задержаннымъ нынѣ Юрковскимъ, и притомъ, вліяніе Миролюбова въ революціонныхъ кружкахъ Николаева и Херсона было настолько велико, что безъ его участія ничего преступнаго не предпринималось. Тотъ же Миролюбовъ, по словамъ Курицына, поступилъ въ университетъ по подложному документу, писанному рукою осужденнаго въ каторжныя работы Кравцова. По имѣющимся свидѣніямъ, Миролюбовъ уже высланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Ліонъ стоялъ во главѣ неизвѣстной партіи рабочихъ въ Одессѣ и не только былъ знакомъ почти со всѣми наиболѣе видными революціонными дѣятелями, но и принималъ, по словамъ Курицына, близкое участіе во многихъ революціонныхъ дѣлахъ. Ліонъ также высланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Кулишъ, офицеръ морской службы, принадлежалъ несомнѣнно къ революціонной партіи, такъ какъ Курицынъ встрѣчалъ его у лицъ, принадлежащихъ къ кружку казеннаго Ковальскаго, съ кото-

рымъ онъ. также находился въ близкихъ отношеніяхъ и даже писалъ ему два раза во время содержанія послѣдняго въ тюрьмѣ. По словамъ Курицина, у Кулиша есть въ Николаевѣ свой революціонный кружокъ состоящій изъ морскихъ офицеровъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что Кулишъ находится въ дальнемъ плаваніи, а такъ какъ онъ былъ извѣстенъ и раньше за неблагонадежное въ политическомъ отношеніи лицо, то со стороны военнаго губернатора г. Николаева сдѣлано распоряженіе о наблюденіи за Кулишемъ, по возвращеніи его изъ дальняго плаванія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Дѣло о распространеніи малороссійской пропаганды“.

Подъ такимъ удивительнымъ названіемъ разбиралось въ 1862 году въ С.-Петербургѣ, особой Высочайше утвержденной слѣдственной комиссіей, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, дѣло о коллежскомъ секретарѣ Александрѣ Ивановичѣ Стронинѣ (учителѣ полтавской гимназіи), губернскомъ секретарѣ Шевичѣ, штабсъ-капитанѣ Лободѣ, учителѣ полтавскаго кадетскаго корпуса Шимановѣ, лекарѣ Португаловѣ, кандидатѣ университета Бекманѣ и лекарѣ Зеленскомѣ. Обвинялись всѣ эти лица въ распространеніи «возмутительныхъ сочиненій и брошюръ», а главное «въ дѣятельномъ участіи въ образованіи кружковъ для возбужденія, подъ видомъ общества грамотности, неудовольствія народа къ правительству, *съ цѣлью отдѣленія Малороссіи*».

Обвиненіе это однако было настолько нелѣпо и необоснованно, что даже «генералы отъ Третьяго Отдѣленія» не могли, за неимѣніемъ достаточныхъ уликъ найти въ дѣянiяхъ этихъ лицъ состава преступленія и предать ихъ суду—а потому предпочли прибѣгнуть къ излюбленному и тогда методу,—къ административной карѣ. Послѣ четырехмѣсячнаго сидѣнія по разнымъ тюрьмамъ всѣ участники этого дѣла по особому состоявшемуся Высочайшему повелѣнію были сосланы въ различныя отдаленныя губерніи Европейской Россіи: Шевичъ—въ Оренбургскую, Лобода—въ Пермскую, Португаловъ—въ Пермскую, въ г. Шадринскъ, Бекманъ—въ Самарскую, Шимановъ—въ Курскую, Зеленскій—подъ надзоръ полиціи въ Полтаву, а главный обвиняемый Стронинъ ¹⁾—въ Архангельскую.

¹⁾ Известный въ 1870-хъ годахъ писатель и социологъ, обратившій на себя всеобщее вниманіе своими работами: „Исторія и Методъ“ (Спб. 1869); „Политика, какъ наука“ (Спб. 1872) и „Исторія общественности“ (Спб. 1886), вызвавшими самую широкую полемику въ русскомъ ученomъ мiрѣ (со стороны Михайловскаго, Спасовича, Барфена, де Роберти и др.). Происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ князя Юсупова и въ 1837 году былъ отпущенъ на волю. По окончаніи кievскаго университета въ 1848 г. посвящалъ себя педагогической дѣятельности въ разныхъ гимназіяхъ Юго-Западнаго края. Послѣ ссылки, онъ въ 1863—70 гг. занималъ различныя должности въ Архангельской губерніи, въ 1871—73 гг. былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Спб., съ 1878 г. состоялъ юрисъ-консультomъ министерства путей сообщенія, а затѣмъ былъ назначенъ членомъ совѣта этого министерства. Умеръ онъ въ 1889 году.

Все это дѣло является съ одной стороны чрезвычайно характернымъ для тогдашней политики правительства, только что вступившаго снова на путь политическихъ преслѣдованій, а съ другой стороны ярко обрисовываетъ и тогдашнихъ либераловъ.

Нечего и говорить, что во всей дѣятельности вышеупомянутыхъ лицъ даже съ точки зрѣнія правительства не было ничего преступнаго и опаснаго. Вся сущность этого «дѣла» заключалась въ слѣдующемъ:

Послѣ манифеста 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ нѣсколько учителей и другихъ представителей интеллигенціи въ Полтавѣ, въ полной увѣренности, что правительство само теперь призываетъ всѣхъ ему сочувствующихъ къ содѣйствію ему, и считая, что откликнуться на этотъ зовъ является ихъ нравственной обязанностью, съ горячимъ энтузіазмомъ стали заводить воскресныя и субботнія школы, устраивать народныя бібліотеки и публичныя лекціи, основывать общества грамотности и другія просвѣтительныя учрежденія и т. д. Насколько однако вся ихъ дѣятельность была лояльна можно видѣть хотя бы изъ того, что когда одинъ изъ лекторовъ въ воскресной школѣ коснулся вопроса о бытіи Бога, то онъ подвергся самымъ ожесточеннымъ нападкамъ, при чемъ ему пригрозили даже совершенно изгнать его изъ своей среды, если только онъ хоть еще разъ коснется этой темы. Даже главный изъ обвиняемыхъ, Стронинъ, незадолго до ареста, наотрѣзъ отказался примкнуть къ кружку, основанному прѣхавшимъ изъ Петербурга членомъ «Земли Воли», заявивъ, что «заговоръ есть только собственное признаніе своего политическаго безсилія». И тѣмъ не менѣе такія столь виновныя сами по себѣ занятія, какъ устройство народныхъ школъ, бібліотекъ и лекцій, намѣреніе издавать газету и т. д., правительствомъ были признаны за грозящую общественному спокойствію цѣлости государства сепаратистическую пропаганду.

Случайно попавшая въ руки полиціи, а затѣмъ въ третье отдѣленіе, переписка Стронина съ Шевичемъ окончательно рѣшилъ участь всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ. Всѣ они по распоряженію третьяго отдѣленія были арестованы въ сентябрѣ 1862 г., привезенъ въ Петербургъ и заключены по различнымъ тюрьмамъ. Стронинъ же и Шевичъ, какъ наиболѣе замѣшанные въ этомъ дѣлѣ, былъ

¹⁾ Лично противъ Стронина существовало еще одно подозрѣніе, именно сотрудничество въ „Колоколѣ“ Герцена. Такъ какъ Стронинъ въ 1858 г. былъ заграницей, между прочимъ также въ Лондонѣ, гдѣ познакомился съ Герценомъ, то по возвращеніи его въ Полтаву по городу стали ходить слухи о томъ, что онъ состоитъ сотрудникомъ „Колокола“, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ часто появлялись корреспонденціи изъ Полтавской губерніи. Во время пребыванія Александра II въ Полтавѣ, полтавскій губернаторъ, личный врагъ Стронина, воспользовавшись этими слухами, донесъ, что полтавскіе учителя въ политическомъ отношеніи вообще крайне неблагонадежны, и Александръ II передъ отъѣздомъ сказалъ между прочимъ директору: „приберите вы нашихъ учителей къ рукамъ“. Результатъ этого доноса былъ также и пріѣздъ въ Полтаву кievскаго попечителя Пирогова. Передъ послѣднимъ губернаторъ прямо обвинилъ Стронина въ перепискѣ съ Герценомъ. „У меня даже было перехвачено письмо отъ Стронина къ Герцену, но оно какъ то затерялось“, сказалъ онъ. „Очень жаль, что явилъ на это Пироговъ, но безъ официального документа невозможно мнѣ принять къ свѣдѣнію столь важное сообщеніе“.

даже посажены въ Алексѣвскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ и просидѣли до 1 января 1863 года, когда, наконецъ, были подвергнуты вышеупомянутой административной карѣ.

Въ виду того, что до сихъ поръ никакихъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ въ печати еще не появлялось, мы думаемъ, что приведенный ниже небольшой отрывокъ изъ хранящагося въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной Библіотеки дневника Стронина, въ которомъ онъ подробно описываетъ свой допросъ слѣдственной комиссіей, добавитъ еще нѣсколько новыхъ чертъ для характеристики первыхъ годовъ «эпохи великихъ реформъ».

П. Гуревичъ.

Отрывокъ изъ дневника А. И. Стронина.

Это было 1 ноября 1862 г., въ четвергъ. Въ необычное время вдругъ завязжалъ ключъ въ замкѣ. Отворилась дверь, и мнѣ къ моему немалому изумленію внесли мое собственное платье и даже бѣлье. „Слава тебѣ Господи, подумалъ я, наконецъ-то поведутъ на допросъ“—Спросить однако у моихъ стражей о причинѣ ихъ столь необычнаго визита я не хотѣлъ, такъ какъ все равно получилъ бы ихъ постоянный отвѣтъ: „Не знаемъ-съ“.

Наскоро переодѣвшись, вышелъ я изъ камеры въ корридоръ и увидалъ смотрителя, а съзади него солдата съ ружьемъ. вмѣстѣ вышли мы изъ равелина, и у меня отъ свѣжаго воздуха и свѣта даже голова закружилась. Вели невѣя довольно долго, пока, наконецъ, не подошли къ какому-то дому. Солдатъ остался въ передней, а я вошелъ въ приемную. Тамъ находились уже два какихъ-то генерала: 1) одинъ—военный, другой—статскій, а также какой-то священникъ, азіатскаго типа, съ фанатическимъ выраженіемъ лица.

„Прежде чѣмъ начнется вамъ допросъ, обратился ко мнѣ статскій генералъ, священникъ сдѣлаетъ вамъ увѣщаніе“. Сказавъ это, онъ вышелъ, а военный генералъ тотчасъ же обернулся къ окну и такъ простоялъ все время увѣщанія. Затѣмъ священникъ всталъ изъ-за стола, раскрылъ евангеліе и началъ читать отрывокъ изъ Посланія Павла къ кому-то. Я же въ это время занимался усерднымъ разглядываніемъ комнаты и находившихся въ ней лицъ. Прочитавъ тексты, священникъ сталъ мнѣ ихъ рассказывать своими собственными словами съ претензіями на краснорѣчіе, при чемъ, главнымъ образомъ заботился о томъ, чтобы не останавливаться и не запинаться. Сущность его увѣщанія, насколько я могъ понять, заключалась въ томъ, что, какъ части тѣла повинуются душѣ и никогда не обманываютъ ея, такъ и я долженъ повиноваться комиссіи и не обманывать ея. Поговоривъ на эту тему на всякіе часы нѣкоторое время, онъ, наконецъ, къ моему немалому облегченію кончилъ и ушелъ. „Теперь, сказалъ мнѣ вошедшій статскій генералъ, вы отвѣтите сперва на нѣсколько письменныхъ вопросовъ о себѣ самомъ и относительно вашихъ знакомыхъ въ Полтавѣ. Вы можете взять эти вопросные листки къ себѣ въ камеру и тамъ отвѣтить на нихъ“. Я взялъ листки, и меня тотчасъ

¹⁾ Какъ оказалось потомъ, одинъ изъ нихъ былъ оберъ-прокуроромъ сената Г-ве.

же увели, но не по прежней дорогѣ, а по другимъ какимъ-то ходамъ, такъ какъ въ сосѣдней комнатѣ очевидно находился другой обвиняемый, встрѣчающій меня съ которымъ очевидно была не въ видахъ комиссія.

Придя въ камеру и написавъ отвѣты на вопросы, я съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать, когда меня вновь поведутъ къ допросу. Черезъ часъ меня снова вызвала въ приемную, и генераль, подавая мнѣ какіе-то новые листки, громко прочелъ слѣдующее: „По имѣющимся въ комиссіи свѣдѣніямъ, вы обвиняетесь въ дѣятельномъ участіи въ образованіи кружковъ для возбужденія подъ видомъ обществъ грамотности неудовольствія народа къ правительству, съ цѣлью отдѣленія Малороссіи. На основаніи ст. 170, т. XVII, кн. 2¹⁾, вы имѣете показать съ полной откровенностью, кто были участниками этого предпріятія и съ кѣмъ вы входили въ переписку по этому поводу“.

„У, какая гнусность!.. сказалъ я, не помня себя отъ неожиданнаго сюрприза, я знаю, кому я этимъ обязанъ“. „Ну, пишите, какъ знаете“. Я тотчасъ же схватилъ перо и написалъ слѣдующее: „Единственнымъ источникомъ этого гнуснаго обвиненія могъ быть только полтавскій гражданскій губернаторъ, который уже не въ первый разъ клеветаетъ на меня и даже не въ первый разъ ловится въ клеветѣ. Подобное обвиненіе можно было рискнуть представить только въ настоящее время, благодаря обстоятельствамъ, которыя съ одной воскресной школы перенесли тѣнь подозрѣнія и на всѣ остальные. Я точно принималъ участіе въ образованіи обществъ грамотности, также какъ въ учрежденіи женской гимназій, но отъ этого до возбужденія народа и до отдѣленія Малороссіи еще слишкомъ далеко. Обвиненіе это столь вымышлено, до такой степени похожего не только на доказательство, но даже на подозрѣніе“.

Прочитавъ все это, статскій генераль сказалъ мнѣ: „Господинъ Строининъ, вы сами налагаете на себя руки“. „Какъ такъ?“ „Конечно, къ чему вы здѣсь, напримѣръ, заговорили о губернаторѣ, о нынѣшнихъ временахъ и т. п. Видь это все только ваши предположенія, однѣ догадки. Вы могли бы обійтись безъ этого. Комиссія требуетъ отъ васъ отвѣта на каждый вопросъ прямого и яснаго безъ всякихъ околичностей. Теперь можете идти“.

Въ теченіе четырехъ послѣдовавшихъ за этимъ допросовъ мнѣ было задано всего 29 вопросовъ, на которые я отвѣчалъ слѣдующее: 2)

В. 1. Въ такомъ-то письмѣ къ учителю Шевичу вы упоминаете о *малороссійскомъ движеніи* и говорите, что онъ кажется правъ въ своемъ замѣчаніи по этому поводу. Что вы разумѣете подъ малороссійскимъ движеніемъ и въ чемъ вы находите правымъ учителя Шевича?

Отв. 1. Подъ именемъ малороссійскаго движенія я разумѣлъ разработку малороссійскаго языка и литературы. Какое же именно замѣчаніе было сдѣлано Шевичемъ я не могу припомнить.

В. 2. Въ такомъ-то письмѣ вы говорите о пользѣ сношеній между одного поля ягодами. Что вы разумѣете подъ этимъ выраженіемъ?

Отв. 2. Вслѣдъ за манифестомъ объ освобожденіи крестьянъ усилились въ Полтавѣ и въ губерніи распространеніе воскресныхъ школъ, и дѣятели ихъ вскорѣ пришли къ убѣжденію, что усилія каждаго изъ нихъ слишкомъ ничтожны и что гораздо полезнѣе было бы связать ихъ между собою. Отсюда мысль объ

1) О выгодѣ добровольнаго сознанія и раскаянія.

2) Мы приводимъ здѣсь только наиболѣе интересныя въ общественномъ отношеніи.

учрежденіи обществъ грамотности. Извѣщая объ этомъ Шевича я и сказалъ, что сношенія между всѣми ревнителями грамотности или, какъ я выразился, одного для годами, конечно полезны.

В. 3. Въ письмѣ къ Шевичу вы говорите: вотъ въ одной Полтавѣ 18 рукъ протянуты вамъ на помощь. Что вы разумѣли подъ этимъ?

Отв. 3. Отвѣчая Шевичу на его жалобы касательно недостатка сочувствія къ школамъ, я извѣщалъ его, что въ Полтавѣ уже учреждено общество грамотности, куда записалось уже 9 человекъ.

В. 5. Въ такомъ-то письмѣ, говоря о сношеніяхъ совѣта съ тѣми мѣстностями, гдѣ уже есть или предполагаются общества грамотности, вы говорите, что они *очень и очень важны*. Въ какомъ отношеніи находите вы столь важными эти сношенія?

Отв. 5. Въ отношеніи быстрѣйшаго и удобнѣйшаго распространенія грамотности.

В. 6. Съ какой цѣлью приглашали вы учителя Шевича къ чтенію лекцій и къ какой дѣятельности думали вы направить настоящее неграмотное население?

Отв. 6. Къ чтенію публичныхъ лекцій приглашалъ я Шевича съ цѣлью распространенія въ неграмотной массѣ народа элементарныхъ познаній, полезныхъ для всякой практической дѣятельности.

В. 7. Извѣщая учителя Шевича о намѣреніи нашемъ издавать газету, и приглашая его въ сотрудники, вы говорите, что это самое лучшее средство для того, что онъ называетъ „*проникнуть въ губернію*“. Что вы разумѣли подъ этимъ выраженіемъ?

Отв. 7. Шевичъ постоянно жаловался на недостатокъ симпатій къ школамъ и говорилъ, что особенно въ уѣздахъ необходимо болѣе средствъ проповѣданія и это кажется назвалъ „проникнуть въ губернію“. Предлагая ему одно изъ этихъ средствъ, я и повторилъ его выраженіе.

В. 10. Въ одномъ письмѣ къ учителю Шевичу вы пишете слѣдующее: „Не отчаивайтесь. Пора отчаяній для насъ прошла. Между тѣмъ какъ николаевскому поколѣвію приходилось, стиснувши зубы, только молчать да идти въ чалотку, мы, хоть что-нибудь, можемъ сдѣлать. Вотъ видите, теперь ваши слова, что вы будете въ Лубенскомъ острогѣ надо понять такъ, что вы будете учить тамъ грамотѣ, а тогда это значило бы, что тамъ будутъ учить васъ. Еслибы Николай это узналъ, то вѣрно попросилъ бы сына перемѣнить ваши роли“. По какому поводу и въ чемъ убѣждали вы учителя Шевича не отчаиваться и какъ осмѣлились вы употребить столь неуважительныя выраженія о покойномъ Государѣ Императорѣ и Его Августѣйшемъ преемникѣ?

Отв. 10. Уже въ предыдущихъ пунктахъ я объяснялъ, что Шевичъ жаловался на апатію къ школамъ въ уѣздѣ и на недостатокъ въ обществѣ охоты къ чтенію и вообще смотрѣлъ на все мизантропически, а потому я и писалъ ему, что такому взгляду теперь нѣтъ мѣста. Что касается выраженій о нынѣ существующемъ Государѣ Императорѣ, то я ихъ не понималъ неуважительными и, если они имѣютъ этотъ видъ, то это ошибка языка, а не сердца.

В. 11. Въ письмѣ къ Шевичу вы пишете: „Университеты, говорите вы открываютъ, а я вамъ могу отвѣчать: уже и открываютъ. Да здравствуетъ эта неопредѣленность принциповъ, на которыя вамъ не приходилось жаловаться при покойникѣ. Впрочемъ тутъ, можетъ быть, есть и своя польза. Эти эпитеты, эта игра въ жмурки и раздражаетъ и ободряетъ: раздражаетъ

своимъ своеводемъ, ободряетъ—свое слабостью“. Какую пользу находили въ такихъ дѣйствіяхъ правительства, и кого и къ чему ободряютъ они?

Отв. 11. Пользу эту я нахожу въ равновѣсіи двухъ элементовъ всякой политической жизни: охранительной и преобразовательной, между которыми такіа дѣйствія правительства поддерживаютъ нѣкоторую борьбу, безъ которой нѣтъ и самой жизни. Отсюда уже само собой явствуетъ, кого и къ чему подобныя дѣйствія, по моему мнѣнію, ободряютъ: кого?—поборниковъ преобразованій; къ чему?—къ надеждамъ на реформы.

В. 15. Въ письмѣ къ Симонову вы пишете: „вѣроятно Волковъ въ союзъ съ голубыми задумалъ истребить красныхъ“. Что вы разумѣли подъ голубыми и красными?

Отв. 15. Подъ именемъ голубыхъ разумѣлъ носящихъ голубой мундиръ: т. е. жандармовъ, а именемъ красныхъ для игры словъ назвалъ такъ называемыхъ либераловъ въ Полтавѣ, въ томъ числѣ и себя.

В. 17. Въ запискѣ, писанной вами капитану Лободѣ, вы упоминаете *о дѣлѣ, предъ которымъ онъ училъ благовѣтъ васъ*. Какое это дѣло?

Отв. 17. Лобода въ такой степени былъ преданъ дѣлу воскресныхъ школъ, такъ много посвящалъ ему труда и времени, что я имѣлъ полное основаніе сказать, что онъ былъ для насъ живымъ урокомъ благовѣнія къ нашему скромному дѣлу.

В. 19. Въ письмѣ отъ такого-то числа къ капитану Лободѣ вы сказали слѣдующее: „Эхъ, жаль, что васъ нѣтъ въ Полтавѣ. Мнѣ все больше и больше кажется, что 19 февраля что-нибудь да принесетъ намъ. А правительство какъ нарочно, отталкиваетъ отъ себя даже многихъ людей умѣренныхъ, а къ тому времени оттолкнетъ еще больше. Два равно недовольныхъ класса будутъ другъ передъ другомъ, и кто знаетъ, не подадутъ ли одинъ другому руки. Настоящая реакція не можетъ быть продолжительна; это не то, что реакція 1849 года, ведущая къ апатіи и отчаянію: теперь и мы не тѣ, и Николай в тотъ. Разсчитываютъ, конечно, на то, что народъ безъ души отъ царя, и развѣ ему будетъ легче, если онъ подыметься на пановъ? Впрочемъ, будь, что будетъ, а умирать не хочется; страшно хочется жить, хочется знать нашъ грядущее“. Объясните подробно эти выраженія и поводъ къ нимъ.

Отв. 19. Поводомъ къ этой тирадѣ были извѣстія о закрытіи воскресныхъ школъ, прекращеніи нѣсколькихъ журналовъ, издаванъ новымъ цензурнымъ правилъ и т. д., пораившія даже умѣренныхъ, т. е. большинство грамотнаго населенія Полтавы. Объясненіе же ея заключается въ образовавшемся у меня мнѣніи, которое къ сожалѣнію и теперь меня не оставляетъ, что нашему отществу грозятъ внутреннія безпокойства. Мнѣніе это основано съ одной стороны на подтверждающихся со всѣхъ сторонъ извѣстіяхъ о недовольствѣ крестьянъ рѣшеніемъ ихъ вопроса, съ другой стороны на послѣднихъ распоряженіяхъ правительства.

В. 24. Въ бумагахъ Лободы найдена предьявляемая при семъ статья писанная вашей рукой: „Пора или не пора“? Съ какой цѣлью составили вы эту статью, оскорбительную для государя и для его правительства и съ какой цѣлью передали ее капитану Лободѣ?

Отв. 24. Это не моя статья. Она принадлежитъ изданію Голоса изъ Россіи, списокъ съ котораго, ходившій по рукамъ, дошелъ и до меня. Передана же она была мною Лободѣ съ цѣлью, которая надписана и на самой статьѣ прочтите и разорвите“.

В. 25 Въ бумагахъ того же Лободы найдено ваше письмо о вредѣ монархическаго начала. Какъ вы осмѣлились имѣть такую мысль?

Отв. 25. Письмо это есть продолженіе чисто теоретическаго спора моего съ Лободой на словахъ и въ немъ я доказывалъ только историческое соотвѣтствіе системъ политическихъ съ системами религіозными, не выводя изъ этого никакого практическаго заключенія. Если же статья выводитъ его, то выйдетъ только, что тамъ, гдѣ господствуетъ атеизмъ, естественна республика, а гдѣ мезимъ—монархія.

В. 27. Въ бумагахъ вашихъ, взятыхъ при обыскѣ въ вашей квартирѣ найдены возмутительнѣйшія статьи: „Русскій народъ и социализмъ“ и „Записка князя Оболенскаго“. Отъ кого вы получили ихъ и съ какой цѣлью хранили?

Отв. 27. Отъ кого я получилъ ихъ нѣтъ никакой возможности припомнить, такъ какъ первая изъ нихъ хранилась у меня болѣе 6 лѣтъ. Хранилъ же я ихъ, какъ матеріалъ для своихъ научныхъ работъ.

В. 28. Въ бумагахъ вашихъ, кромѣ того найдена статья: „Объ истекшемъ тридцатилѣтїи Россїи“, порицающая царствованіе покойнаго Государя Императора Николая Павловича, и другія подобныя же статьи: („Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“, „Рѣчь Николая въ Варшавѣ“, „Записки военнаго о Севастополѣ“ и т. д.) Кому принадлежать эти статьи и съ какой цѣлью хранили вы ихъ?

Отв. 28. Статья объ истекшемъ тридцатилѣтїи приписывалась однимъ—Герцену, другими—Грановскому. Хранилъ я всѣ перечисленныя статьи для своихъ научныхъ работъ*.

На этомъ допросъ кончился.

Письмо шефа жандармовъ кн. В. А. Долгоруков министру народн. проевѣщенія гр. Е. В. Путятину.

Милостивый Государь,
Графъ Евфимій Васильевичъ!

Ваше Сіятельство сообщили гр. М. А. Шувалову, письмо полученное Вами съ подписью 30 литераторовъ въ слѣдствіи арестованіи по распоряженію Высшаго Начальства Г-на Михайлова.

Государь Императоръ прочитавъ означенное письмо, изволилъ найти оное совершенно неумѣстнымъ и потому Высочайше повелѣлъ, если оно дѣйствительно подано Вамъ было, какъ дошло до свѣдѣнія Его Величества, камеръ-юнкеромъ Графомъ Кушелевымъ-Безбородко, Г-мъ Громеко и Г-мъ Краевскимъ, чтобы Вы сдѣлали сношеніе съ подлежащими Главными Начальниками, объ исключеніи Графа Кушелева-Безбородко изъ числа камеръ-юнкеровъ, увольненіи Г-на Громека отъ службы и выдержаніи Г-на Краевского на гауптвахтѣ въ теченіи восьми недѣль; прочимъ же лицамъ подписавшимъ письмо, чтобы Вы сдѣлали отъ имени Государя Императора, строгій выговоръ. О такой Высочайшей Волѣ сообщая Вашему Сіятельству, къ зависящемъ исполненію, прошу Васъ о послѣдующемъ почтить меня Вашимъ отзывомъ.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи *Кн. Долгоруковъ.*

---

¹⁾ Письмо это, появляющееся въ печати въ первый разъ, относится къ 1861 году. Написано оно по поводу петиціи литераторовъ, ходатайствовавшихъ о допущеніи ихъ представителя присутствовать при производствѣ слѣдствія по дѣлу арестованнаго тогда извѣстнаго писателя М. И. Михайлова.

Ред.

Партія „Народнаго Права“.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

„Люди, сознающіе всю опасность положенія, не видятъ иного исхода изъ него, кромѣ рѣшительнаго поворота въ направленіи интересовъ массъ, что возможно лишь при непосредственномъ участіи страны въ управленіи, т. е. при замѣнѣ самодержавія представительными учрежденіями“. (Изъ *Манифеста партіи „Народнаго Права“*).

— „Мы убѣждены, что Россія стоитъ наканунѣ политическаго переворота и только то движеніе можетъ имѣть успѣхъ, которое лозунгомъ борьбы выставитъ требованіе политической свободы“. (Изъ *статьи А. П. Богдановича „Насущный вопросъ“, заключительныя слова*).

Десятилѣтняя упорная и непримиримая борьба семидесятниковъ за освобожденіе, а особенно заключительный актъ этой борьбы—великая эпопея «Народной Воли», не могла, конечно, не повліять на дальнѣйшую эволюцію революціонной мысли боевыхъ элементовъ русской интеллигенціи. Въ моихъ воспоминаніяхъ о «Землѣ и Волѣ»¹⁾ особенно подчеркиваю эту громадную заслугу «Народной Воли»: «особенно подчеркнуваю, она покончила съ ортодоксально-народническими предубѣжденіемъ противъ требованія политической свободы и поставило это послѣднее, т. е. требованіе политической свободы, во главу угла своей программы.

Правда, еще за годъ безъ малаго до возникновенія партіи «Народной Воли» этотъ жгучій вопросъ прямо и рѣшительно выдвинулъ уже въ своей программѣ «Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ». Но въ то время народническія воззрѣнія еще владѣли умами революціонной интеллигенціи, а потому призывъ «Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза» не только не нашель отклика въ ея средѣ, т. е. средѣ интеллигенціи, но и вызвалъ еще рѣзкую отвѣдь со стороны народниковъ-землеволицевъ. Это, дескать, черная ересь... Проходитъ годъ—и по-

¹⁾ Общество „Земля и Воля“, глава IX: „Черный Передѣлъ“. Изд. „Донскъ Рѣчи“ 1907 г.

литическая свобода становится уже лозунгомъ, объединяющимъ наиболѣ дѣятельныя силы революціи. Вопросъ выдвинуть саму жизнь, поставленъ ребромъ желѣзной логикой событій. Теперь ужъ нельзя отъ него отворачиваться заклинаніями и проклятіями. Его надрѣшить во что бы то ни стало: to be or not to be? Въ революціонномъ мышленіи интеллигенціи пробита брешь.

Дрогнули народническія твердыни. И народники,—чернопередѣлы въ частности,—забили тревогу. Не терроръ ихъ пугаетъ: за исключеніемъ, можетъ быть двухъ-трехъ «непримиримыхъ», большинствъ если не сочувствовало террору, то во всякомъ случаѣ терпѣло его. Пугаль чернопередѣльцевъ крутой *идейный* поворотъ революціонной партіи, тревожило ихъ отступленіе отъ *старой* догмы: новая, все болѣе и болѣе выдвигающаяся *политическая* догма грозила стереть с лица земли старую, *народническую*. И возгорѣлась идейная борьба окончившаяся,—по крайней мѣрѣ, къ вопросу о *политикѣ*,—полною побѣдой новаго (народовольческаго) направленія.

Уже въ 1880 году зародилось *новое* общество «Земля и Воля». Общество выпустило свою программу, присланную, замѣтимъ въ скобкахъ, въ рукописномъ проектѣ на просмотръ чернопередѣльцамъ.

Въ этой программѣ политическія требованія признаются уже самымъ категорическимъ образомъ. Въ программѣ, между прочимъ сказано:—«Въ виду того, что всякая форма государственной организаціи, основанной на различіи классовъ, является воплощеніемъ поддержкой интересовъ эксплуатирующаго меньшинства (въ оригиналѣ сказано: «эксплуатируемаго», —очевидно, опечатка. О. А.), что современное русское государство является самымъ беззащитнымъ и самымъ грубымъ выразителемъ этой тенденціи, общество «Земля и Воля» признаетъ необходимость непосредственной борьбы съ его представителями, то есть такъ называемаго террора политическаго».

Мало того. Общество «Земля и Воля» предвидитъ даже возможность конституціоннаго движенія въ Россіи и не только не чураетъ его, а прямо зоветъ идти на встрѣчу ему. Оно говоритъ:—«Въ возможности конституціоннаго движенія въ Россіи, общество считаетъ необходимымъ воспользоваться естественнымъ въ такой моментъ возбужденіемъ умовъ, чтобы ослабить вѣру народа въ значеніе мирныхъ легальныхъ реформъ. Напримѣръ, во время избирательной агитаціи оно можетъ выставить даже своихъ кандидатовъ съ социально-революціонной программой. Отношеніе къ такой программѣ громадна парламентскаго большинства послужило бы одной изъ иллюстрацій того положенія, что народу остается надѣяться лишь на революцію».

Предъ нами, такимъ образомъ, программа по существу своему *за вычетомъ якобинизма*, мало отличающаяся отъ программы «Народной Воли». И тутъ, и тамъ социальное-революціонная основа, и тутъ и тамъ ставится точка на «і», то есть выдвигается политическій терроръ, политическая борьба. Мы ничего не знаемъ о дальнѣйшей судьбѣ этой народнической организаціи—какъ долго она просуществовала, что она успѣла сдѣлать. Мы отмѣтили ея существованіе лишь д

¹⁾ Курсивъ нашъ. О. А.

того, чтобы показать, какой огромный успѣхъ, въ смыслѣ выясненія *политическаго* сознанія, сдѣлали вскорѣ даже народники,—люди, по основному своему воззрѣнію, столь враждебно относившіеся до тѣхъ поръ къ политикѣ. Разъ начавшаяся работа мысли въ этомъ направленіи продолжалась безостановочно.

Уже въ 1883 году за-границей возникла изъ бывшихъ членовъ общества «Чернаго Передѣла» группа «Освобожденія Труда», поставившая себѣ цѣлью пропаганду социаль-демократическихъ идей. Основателями группы были: Г. В. Плехановъ, П. Б. Аксельродъ, Л. Г. Дейчъ, В. И. Засуличъ и В. Н. Игнатовъ. Такъ было заложено начало русской социаль-демократической революціонной партіи. Группа обнародовала свою программу. Мы отмѣтимъ, для нашей цѣли, въ этой программѣ лишь слѣдующій, весьма характерный пунктъ:

... «Группа Освобожденія Труда задается цѣлью пропаганды современнаго социализма въ Россіи и подготовки рабочаго класса къ сознательному социально-политическому движенію. Преслѣдуя эту цѣль всѣми зависящими отъ нея средствами, *группа Освобожденія Труда въ то же время признаетъ необходимость террористической борьбы противъ абсолютнаго правительства*¹⁾ и расходится съ партіей «Народной Воли» лишь по вопросамъ о такъ называемомъ захватѣ власти революціонной партіей и о *задачахъ непосредственной дѣятельности социалистовъ въ средѣ рабочаго класса*²⁾»).

Это признаніе со стороны бывшихъ чернопредѣльцевъ, а особенно со стороны Г. В. Плеханова, самаго яраго и послѣдовательнаго противника политическаго террора, въ высокой степени знаменательно.

Требованіе политической свободы, борьба за нее отнынѣ становятся насущнѣйшимъ вопросомъ революціонныхъ партій въ Россіи.

Какъ бы далеко партіи ни расходились по своимъ основнымъ взглядамъ, ихъ всѣхъ отнынѣ объединяетъ одно центральное неотложное требованіе—требованіе политической свободы. Относительно этого пункта уже больше не могло быть никакихъ разногласій: старый предразсудокъ—боязнь политической свободы—умеръ навсегда.

«Народная Воля» пала, пала въ упорной борьбѣ, въ неравномъ бою. Сошла съ исторической сцены мощная организація, державшая, въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ, Россію въ состояніи крайняго напряженія революціонной энергіи, сулившая нашей родинѣ лучшіе дни,—дни побѣды и свободы. Наступили 80-ые годы.

Ликующій кличъ рептилій: «правительство идетъ!» означало: идетъ темная реакція, идетъ беззаконіе и неправіе, произволь и насиліе.

Мракъ окуталъ нашу родину. Замерла всякая жизнь—и матеріальная, и духовная. Страна доведена до окончательнаго всеобщаго раззоренія. За промежутокъ времени съ 1880 по 1891 годъ приходится на 4 урожайныхъ года—семь неурожайныхъ! Это значитъ: неурожай въ Россіи вообще, а въ Поволжѣ въ особенности, сталъ обыч-

¹⁾ Курсивъ нашъ. О. А.

²⁾ Курсивъ авторовъ программы.

нымъ явленіемъ, а урожай представилъ собою счастливое лишь исключеніе. А за голодовками слѣдовали по стопамъ неизмѣнные зловѣщіе спутники ихъ: голодный тифъ, цынга и масса другихъ острыхъ и хроническихъ заболѣваній, доведшихъ, въ концѣ концовъ, массы народныя до маразма и вырожденія. Экономическое раззореніе и санитарная обездоленность шли рука объ руку. Наконецъ, пришли страшные 1891—92 годы. Голодь страшнымъ пожаромъ разлился по лицу русской земли, захвативъ огромную площадь въ 475.000 квадр. миль и около 40 милліоновъ душъ. Не выдержалъ народъ.

Выведенный изъ терпѣнія, онъ застоналъ, и стонъ его разнесся судорожными, дико разрушительными порывами гнѣва противъ своихъ угнетателей, истинныхъ и воображаемыхъ: *голодные и холерные бунты «кровавымъ смѣхомъ»* потрясли нашу убогую и голодную родину. Правительство на это отвѣтило кровавыми мѣропріятіями противъ народа, съ одной стороны, и дикими репрессіями противъ общества—съ другой. Голодные бунты, гдѣ они были—въ Витебскѣ, Полоцкѣ, въ Динабургѣ, въ Виндавѣ, въ Черниговской губ. и т. д.,—подавлялись съ звѣрской жестокостью (особенно усердствовалъ въ Черниговской г. начальникъ губерніи, Анастасьевъ). Противъ общества же, державшаго подать руку помощи изголодавшемуся и больному народу, пущенъ въ ходъ спеціально для этого придуманный правительственный прессъ: «Особый Комитетъ», въ члены комитета были выбраны столь популярныя лица, какъ Побѣдоносцевъ, Дурново, фонъ-Плеве, Воронцовъ-Дашковъ и гофмейстеръ графъ Строгановъ. Мрачный, полупомѣшанный изувѣръ, два полицейскихъ сыщика и два придворныхъ—вотъ кому поручено главное руководство дѣломъ общественной благотворительности. Кто не захочетъ идти рядомъ съ ними, тотъ—нигилистъ и крамольникъ, заслуживающій самаго строгаго наказанія ¹⁾).

Правительство торжествовало побѣду. Отъ «эпохи великихъ реформъ» остались буквально одни щепки.—«Старая Русь побѣдила!»—воскликаетъ въ своемъ «Красномъ знамени въ Россіи» тов. Мартовъ—горе побѣжденнымъ! Но побѣжденнымъ въ этой борьбѣ было не одно только революціонное движеніе. Побѣждено было все то, что стремилось къ свѣту и свободѣ, побѣждена была свободная научная мысль, разсѣвающая предразсудки, свободное слово, зовущее людей къ осмысленной борьбѣ за свое благо, побѣждено было все то, что протестовало словомъ и дѣломъ противъ унаслѣдованныхъ отъ старины гнилыхъ порядковъ азіатскаго государства». Побѣда, казалось, на долго обезпеченной. Правительство и его приспѣшники пѣли хоромъ: «громъ побѣды раздавайся, веселися славный Россъ!»

Но ликваніе было преждевременно. Для всякаго непредубѣжденного, вдумчиваго наблюдателя русской дѣйствительности ужъ въ началѣ 90-хъ годовъ было ясно, что *официальная* Россія находится на краю гибели, что ужъ близокъ часъ окончательной ликвидаціи крѣпостнически-бюрократическаго строя, что матеріальныя и духовныя

¹⁾ Всероссийское раззорѣніе. Соціалъ-Демократъ, книга 4-я. Ст. Г. В. Плеханова. Стран. 88-я.

условія для строительства новаго порядка вещей уже объективно готовы и даны въ самыхъ основахъ нашего соціального бытія.

Страшный экономическій кризисъ, пережитый нами въ формѣ всероссійскаго голода въ 1891—92 годахъ еще болѣе подкрѣпилъ это убѣжденіе.

Стало всѣмъ ясно, что «полное экономическое раззореніе нашей страны можетъ быть предупреждено лишь полнымъ политическимъ ея освобожденіемъ»¹⁾.

Одновременно съ этимъ, какъ субъективное выраженіе объективно совершавшагося процесса, началась молекулярная работа мысли: безпощадная критика существующаго, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, огромное накопленіе оппозиціоннаго и революціоннаго настроенія во всѣхъ слояхъ народа.

Народились новыя общественныя наслоенія, съ большими идейными запросами и огромной потенціальной энергіей. Запросы повелительно ищутъ себѣ удовлетворенія, энергія—выхода. На поверхности общественной жизни «тишь и гладь», а въ глубинахъ ея—кипятъ ужъ и клокочутъ могучія силы. Этотъ критическій моментъ, переживаемый тогдашней русской дѣйствительностью, живо схватилъ и мѣтко охарактеризовалъ незабвенный нашъ Н. В. Шелгуновъ слѣдующими словами: «Теперешній нашъ умственный моментъ—великій историческій моментъ. Въ немъ какъ бы повторяются сороковые годы, когда въ окружающемъ затишьи работало наболѣвшее чувство и зрѣла широкая общественная мысль.»

Первыми провозвѣстниками надвигающагося широкаго общественаго протеста были волненія учащихся высшихъ учебныхъ заведеній.

На наши университеты, на нашу высшую школу и науку обрушилось правительство съ особенной силой. Мысль, наука, свобода изслѣдованія испоконъ вѣку были ненавистны этому правительству. Погасить мысль, задушить свободное творчество ея, обезличить представителей науки, подавить малѣйшее проявленіе свободнаго духа въ учащихся—таковой всегда была и продолжала оставаться политика правительства по отношенію къ высшей школѣ.

И молодежь, чуткая къ малѣйшему давленію, отвѣтила на это цѣлымъ рядомъ не прекращавшихся общестуденческихъ протестовъ.

На протяженіи всего царствованія Александра III, когда все кругомъ молчало, эта не прекращавшаяся упорная борьба молодой интеллигенціи съ правительствомъ за свои права, за свою свободу, выдѣляется положительно свѣтлымъ пятномъ. Хотя борьба эта велась исключительно изъ-за академическихъ свободъ, общественное значеніе этой борьбы для того времени было во всякомъ случаѣ не лишено важности. Во-первыхъ, она создавала и поддерживала постоянно оппозицію въ широкихъ слояхъ общества, горячо сочувствовавшихъ движеніямъ молодежи. Она, во-вторыхъ,—склонила на свою сторону новую грядущую общественную силу—городскихъ рабочихъ. Эти послѣдніе со второй половины 90-хъ годовъ стали прямо выражать свои симпатіи молодежи, зовя эту молодежь для совмѣстной работы въ свои ряды,—ряды

¹⁾ Тамъ же стр. 101.

пролетариата. Къ сожалѣнію, молодежь не откликнулась на этот зовъ, она не поняла еще тогда великой исторической роли этой растущей общественной силы. Она рѣшила идти своимъ путемъ, дѣйствовать за свой страхъ и рискъ. Порою, правда, на молодежь на ходили сомнѣнія, она падала духомъ, обращалась тогда за совѣтами и поддержкой къ обществу, т. е. къ тому именно слою, который самъ едва-едва на собственныхъ ногахъ держался. Очевидно, тѣмъ же путемъ, которую рабочіе предлагали молодежи, пугала эту послѣднюю. Чрезвычайно любопытенъ въ этомъ отношеніи отвѣтъ, данный молодежи рабочимъ. Въ своемъ «Студенческомъ Вѣстникѣ» молодежь, между прочимъ, говоритъ: «... Отстаивая свободу науки, свободу учащейся личности, мы служимъ общему дѣлу! Тѣмъ энергичнѣе мы будемъ добиваться свободной науки, въ которой кроется отрицаніе произвола, тѣмъ горячѣе будемъ добиваться объединенія молодежи, увѣренные въ томъ, что ставъ полноправными гражданами, мы сумѣемъ проявить настойчивую дѣятельность, ибо въ молодые годы мы воспитаемъ въ себѣ общественные идеалы и положимъ ихъ въ основу своей дѣятельности. *Намъ нечего говорить о присоединеніи теперь къ общественному дѣлу, ибо мы давно уже присоединились к нему, борясь противъ общаго врага*» ¹⁾. (Курсивъ нашъ. О. А.)

Такъ и пошла молодежь *особо, своей* дорогой.

Въ то время, какъ студенческія движенія то и дѣло развертывались на поверхности жизни—въ «верхахъ» ея, не давая совсѣмъ уснуть нашей вялой общественной совѣсти, въ глубинахъ народной жизни, городской и деревенской, совершался глубокой процессъ творчества *новыхъ* формъ жизни, *новыхъ* стремленій, настроеній и понятій. Выросла огромная сила—двигательная сила, съ громадными запросами къ жизни,—не только матеріальными, но и духовными. *Выпрямилась, наконецъ, человѣкъ, выросъ, а съ этимъ—началось и растетъ дѣло свободы.* Крушеніе старыхъ хозяйственныхъ порядковъ вызвало къ жизни дремавшую доселѣ народную мысль. Масса неудержимо потянулась къ знанію, какъ подсолнечникъ къ свѣту: знать, чтобы понять, понять, чтобы дѣйствовать—становится культурнымъ лозунгомъ трудящихся массъ. *Умственное пробужденіе народныхъ массъ составляетъ чуть ли не самую характерную черту 90-хъ годовъ.* И это пробужденіе идетъ вширь и вглубь народныхъ массъ: жажда знаній охватываетъ не только городскихъ рабочихъ, не только крестьянъ, но даже прислугу, этихъ «бѣлыхъ негровъ» современнаго строя, этихъ кухарокъ и «кухаркиныхъ дѣтей», по циничному выраженію Делянова. Стоитъ только познакомиться съ работами изслѣдователей народной жизни по этому вопросу,—г. Пругавина «Запросы народа и задачи интеллигенціи» и г. Рубакина—«Къ характеристикѣ читателя и писателя изъ народа»,—чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ. Пишущему эти строки особенно живо припоминается это время. Онъ служилъ

¹⁾ Заимствовано изъ «Соціально-Демократа», книга 4-я. Библиографическая записка Г. П. стр. 129.

тогда земскимъ врачомъ въ Саратовской губерніи. Въ его распоряженіи находилась небольшая библіотека для народнаго чтенія. Такого рода библіотеки находились почти во всѣхъ деревняхъ, особенно гдѣ были врачебные пункты. Припоминаю, съ какой жадностью мои читатели, крестьянскіе юноши и подростки, набросились на мою библіотеку. Читались особенно охотно книги естественно-научнаго и историческаго содержанія. Правительство, конечно, забило тревогу и отдало народныя библіотеки и чтенія подъ надзоръ священниковъ и сельской полиціи.

Но особенно интенсивно заработала мысль городского рабочаго. Проснувшись пролетаріатъ и выпрямился во весь ростъ.

Въ названной уже нами книгѣ г. Рубакина «Къ характеристикѣ читателя и писателя изъ народа» собрана масса драгоцѣннаго матеріала, освѣщающаго со всѣхъ сторонъ интересующій насъ вопросъ.

Рабочій интересуется живо всѣмъ—повседневными вопросами жизни и великими «міровыми загадками». Умственное пробужденіе, работа мысли сдѣлали рабочаго весьма чуткимъ къ явленіямъ общественной жизни какъ русской, такъ и западно-европейской дѣйствительности.

Мы выше уже упомянули о томъ, какъ рабочіе отозвались на студенческія движенія. Въ оцѣнкѣ послѣднихъ они обнаружили много политическаго смысла. Приводимъ изъ этого обращенія рабочихъ къ студентамъ наиболѣе характерное мѣсто:—«Нынѣшнее правительство, — говорили рабочіе, — никогда не допуститъ ни свободы товарищескихъ обществъ, ни чистой науки, такъ какъ оно боится свободной мысли. Нужно бороться иначе. Соединяйтесь съ нами, братья, потому что нашъ рабочій идеалъ есть идеалъ всего человѣчества: мы удовлетворимъ и ваши требованія. Мы вамъ воздвигаемъ университеты. Нашъ тяжкій трудъ даетъ вамъ возможность образованія; поэтому покуда ваши сердца не застыли въ эгоизмѣ на теплыхъ мѣстечкахъ, пока вы молоды, мы призываемъ васъ: соединяйтесь съ нами!»¹⁾

Каковъ послѣдовалъ отвѣтъ молодежи—мы уже знаемъ.

Весною 1891 года тяжело заболѣлъ Н. В. Шелгуновъ. Петербургскіе рабочіе, услышавъ о тяжелой болѣзни любимаго писателя, поднесли ему сочувственный адресъ. Въ этомъ адресѣ рабочіе впервые изливаютъ свою душу предъ русскимъ писателемъ, обращаясь съ глубокимъ къ нему признаніемъ, какъ къ своему «учителю», показавшему имъ рабочимъ, «какъ вести борьбу»—«Только благодаря людямъ,—писали рабочіе Шелгунову,—которыя, по вашимъ собственнымъ словамъ, имѣютъ несчастье смотрѣть выше общаго уровня или выше классовыхъ интересовъ, научились мы понимать ваши сочиненія и узнали, какъ наши товарищи-рабочіе въ Западной Европѣ добились правъ, борясь за нихъ и соединяясь вмѣстѣ. Мы поняли, что намъ, русскимъ рабочимъ, подобно рабочимъ Западной Европы, нечего разсчитывать на какую-нибудь внѣшнюю помощь, помимо самихъ себя, чтобы улучшить свое положеніе и достигнуть свободы.»

¹⁾ Заимствовано изъ „Соціаль-Демократа“, книга 4-я. Библиографическая замѣтка. стр. 125.

12 апрѣля скончался Н. В. Шелгуновъ. На похоронахъ его произошла демонстрація, въ которой принимали дѣятельное участіе также и рабочіе. Это не обошлось, однако, имъ даромъ: нѣсколько рабочихъ было арестовано и выслано.

Несмотря на желѣзный гнетъ, политической и экономической, подъ которымъ особенно стоналъ русскій рабочий, этотъ послѣдній не вѣшалъ, однако, головы. Съ 90-хъ годовъ въ его средѣ начинается замѣтное стремленіе къ организаціонному строительству. Началось это движеніе какъ и въ средѣ интеллигенціи, въ формѣ *кружкованій*. Во главѣ этого движенія стали, тогда еще немногочисленные, социал-демократы.—«Къ началу 90-хъ годовъ,—разсказываетъ тов. Мартовъ въ «Красномъ Знамени»,—только въ немногихъ городахъ (Петербургъ, Владиміръ, Тула, Казань, Харьковъ, Кіевъ, Ростовъ-на-Дону, Вильна, Минскъ) были заложены начала социалдемократической пропаганды, и немногочисленные рабочіе кружки съ трудомъ поддерживали свое существованіе подъ постоянными ударами жандармовъ».

«Въ виду спокойнаго настроенія рабочихъ массъ во время оживленія промышленности, эти социалдемократическіе кружки не могли оказать на массы прочнаго вліянія. Они вербовали *новыхъ единичныхъ приверженцевъ, но вся ихъ дѣятельность проходила незамѣтно для большинства пролетаріата*»¹⁾. Дѣятельность социаль-демократовъ была вначалѣ, такимъ образомъ, исключительно *пропагандистская*. Насколько они въ этомъ успѣли, лучше всего иллюстрируетъ слѣдующій фактъ.

Майская демонстрація западнаго пролетаріата въ 1891 году имѣла очень внушительный характеръ. Русскіе рабочіе, не выступая пока открыто, не могли, тѣмъ не менѣе, не откликнуться на нее.

Въ первое воскресенье послѣ перваго мая (н. с.) въ Петербургѣ состоялось тайное собраніе, на которое собрались представители рабочихъ кружковъ со всѣхъ концовъ столицы. Рѣчи, произнесенныя на этомъ собраніи рабочими ораторами, составляютъ эпоху въ исторіи русскаго революціоннаго движенія.—«Чтобы улучшить наше положеніе²⁾,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ,—мы должны стремиться къ замѣнѣ существующаго экономического строя, дающаго широкій просторъ для произвольной кулаческой эксплуатаціи, на болѣе лучшей социалистической строй.

Но для того, чтобы осуществить на дѣлѣ такой экономической порядокъ, *намъ необходимо приобрести политическія права* (Курсивъ мой. О. А.), которыхъ въ настоящее время мы не имѣемъ. Приобрѣсти же политическія права мы будемъ имѣть возможность лишь тогда, *когда на нашей сторонѣ будетъ такая организованная сила*³⁾, которой правительство не рѣшилось бы отказать въ ея требованіяхъ».

Предъ нами ужъ ясно формулированныя задачи и цѣли пролетаріата: «всякая классовая борьба есть политическая борьба». Русскій рабочий вырастаетъ, какъ *классъ*.

Толчкомъ, рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ движеніи

¹⁾ Курсивъ мой. О. А.

²⁾ Социаль-демократъ. Книга 4-я. Рабочее движеніе въ 1891. стр. 123.

³⁾ Курсивъ мой. О. А.

русскаго рабочаго послужили голодные, 1891—92, годы. «На рабочей рынокъ ¹⁾ была сразу выброшена громадная масса окончательно раззорившихся крестьянъ, сбивающихъ цѣны на трудъ. А въ то же время нѣкоторыя отрасли промышленности (напримѣръ, бумаго-ткацкая) пострадали отъ сокращенія спроса въ деревнѣ, произведеннаго неурожаемъ. Обиліе безработныхъ позволило фабрикантамъ наверстать понесенные ими убытки ухудшеніемъ условій труда рабочихъ. Тѣмъ самымъ капиталисты вывели рабочую массу изъ покоя послѣднихъ лѣтъ. Въ 1892 году произошли кровавые беспорядки въ Юзовѣ, кончившіеся военнымъ судомъ и смертными приговорами. Въ 1893 году забастовки и беспорядки произошли въ Петербургѣ, Егорьевскѣ (Рязанской губ.), Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону; въ 1894 году—въ Шуѣ, Петербургѣ, Тифлисѣ, Минскѣ и Вильнѣ; въ 1895 году—въ обѣихъ столицахъ, Ивановѣ-Вознесенскѣ и Тейковѣ, Ярославлѣ, Самарѣ, Орлѣ, Рославлѣ (Смоленской губ.), Минскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ. Въ этомъ году число забастовавшихъ доходило уже, по умѣреннымъ расчетамъ, до 40—50 тысячъ. Слѣдующій, 1896 годъ, знаменитый петербургской стачкой ткачей, положилъ начало настоящей «стаечной эпидеміи», а вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ широкое поле дѣятельности для социал-демократическихъ организаций». Русскій пролетаріатъ, наконецъ, нашелъ свою дорогу. Отнынѣ поступательное его движеніе, какъ *класса*, обезпечено. Сама исторія зоветъ его на арену политической борьбы.

Подведемъ итоги. За кошмарными годами,—80-ми годами,—наступилъ рѣзкій переломъ въ исторіи развитія общественнаго сознанія въ Россіи, ознаменовавшійся первоначально энергичной молекулярной работой въ всѣхъ слояхъ общества и народа и обнаружившійся, наконецъ, со второй половины въ особенности 90-хъ годовъ значительнымъ подъемомъ оппозиціоннаго настроенія во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Всѣ недовольны.

Наиболѣе активныя общественныя группы,—учащаяся молодежь высшихъ школъ и городскіе рабочіе,—уже выступили съ своими опредѣленными требованіями и приѣмами борьбы. Это—чайки—буревѣстники: они уже предвѣщаютъ бурю. Единственный исходъ: *политическое освобожденіе страны*. Это чувствуется уже повсюду, это виситъ уже въ воздухѣ.

Необходимость организаціи общественныхъ силъ въ этомъ именно направленіи сознается съ особой настоятельностью.

Посильной попыткой отвѣтить на это назрѣвшее требованіе времени является организація въ 1893—94 годахъ партіи «Народнаго Права».

Въ началѣ 90-хъ годовъ въ Саратовѣ поселилась довольно значительная группа въ разное время вернувшихся изъ ссылки лицъ.

Тутъ находились и старики—землеволюты—семидесятники, были сравнительно и болѣе молодые—бывшіе народовольцы, было много мѣстной молодежи и совсѣмъ юной, группировавшейся вокругъ «стариковъ».

¹⁾ Красное знамя въ Россіи (Очеркъ исторіи рабочаго движенія). Мартова, стр. 53.

Изъ всѣхъ русскихъ провинціальныхъ городовъ Саратовъ съ давнихъ временъ—наиболѣе излюбленный нашими оппозиционными и революціонными элементами общества городъ. Родина Чернышевскаго, такъ бодро звавшаго на борьбу, съ такимъ святымъ убѣжденіемъ твердившаго: «пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ все таки на нашей улицѣ праздникъ»,—эта родина Чернышевскаго манила къ себѣ революціонныя силы. Въ семидесятыхъ годахъ здѣсь была резиденція пропагандистовъ, а впослѣдствіи и землевольской деревенщины. И въ 90-хъ годахъ Саратовъ оставался городомъ оппозиціоннаго и революціоннаго настроенія по преимуществу.

Оппозицію представляли мѣстные земскіе и общественные дѣятели, хранители завѣтовъ «эпохи великихъ реформъ», предки теперешнихъ ка-детовъ. По общественному своему положенію, они составляли реальную силу. Мирные и совершенно лояльные, они временами не прочь были и пофрондировать, но на рѣшительные шаги они абсолютно не были способны. Хорошо и то, что многіе изъ нихъ, если прямо и не сочувствовали революціоннымъ элементамъ, то, по крайней мѣрѣ, терпѣли ихъ, а порою—были и такіе—прямо таки и содѣйствовали имъ.

Представителями революціонной мысли были, помимо бывшихъ политическихъ ссыльныхъ, главнымъ образомъ, люди ужъ сформировавшагося тогда, такъ называемаго, «третьяго элемента». Ихъ было много и они собственно повсюду задавали тонъ. Эта была *мѣстная* реальная сила,—конечно, исключительно *идейно-культурная*.

Революціонные взгляды саратовскаго «третьяго элемента» въ описываемое нами время отличались значительной расплывчатостью, хотя въ основѣ этихъ взглядовъ несомнѣнно лежало «народничество».

Это не было *воинствующее, наивно-утопическое* народничество семидесятыхъ годовъ: это было народничество восьмидесятыхъ годовъ, явившееся, какъ *система* идей, какъ *идеологія* въ результатѣ многочисленныхъ и разностороннихъ изслѣдованій народной жизни. Народные «устои» тогда еще не потеряли своей прелести въ глазахъ интеллигенціи. На нихъ, на эти устои, еще тогда возлагались большія надежды. Помню хорошо, какъ эти вопросы горячо еще тогда дебатировались на кружкахъ. Въ это время вышли «Итоги» г. В. В. Въ Саратовѣ «Итоги» произвели сильную сенсацію. По почину саратовскаго статистика Н. Н. Черненкова, образовался даже кружокъ, основательно занявшійся изученіемъ «Итоговъ». Собирались въ домѣ Черненкова и читали эту книгу вслухъ, останавливаясь серьезно на всѣхъ мѣстахъ, требовавшихъ особеннаго вниманія.

Компетентность самого Черненкова значительно облегчала трудъ и придавала живость, интересъ этой совмѣстной работѣ. Конечно, не обходилась и безъ горячихъ дебатовъ. Какъ и повсюду, были и здѣсь скептики, которые доказывали, что къ выводамъ В. В. слѣдуетъ относиться *cum grano satis*. Хорошо помню одно такое собраніе, на которое и я попалъ. Соображенія, высказанныя скептикомъ, вызвали буквально бурю. Даже самъ хозяинъ этого собранія, гостепріимный, мягкій, высоко терпимый Н. Н. Черненковъ, сильно волновался. Аргументы скептика, если не попали въ глазъ, то задѣвали за живое.

Можно ли было сомнѣваться въ томъ, что община выдержитъ натискъ на нее зловредныхъ вліяній?

Вѣруя, по прежнему, въ «народъ», наши народники девяностыхъ годовъ воздержались, однако, отъ постройки какихъ либо народнически-революціонныхъ программъ, не пытались также дѣлать опыты революціонно-народныхъ организацій въ деревнѣ. Трагическій примѣръ семидесятниковъ, какъ *temento mori*, живо еще стоялъ предъ ихъ глазами. Народники 90-хъ годовъ больше тяготѣли къ мирной, культурной дѣятельности въ деревнѣ. Дѣятельность эта, правда, обставлена всякими приказными рогатками и заставами. Но что дѣлать? Всякіе революціонные-де опыты, пока масса еще не пробудилась, только приведутъ къ вящей правительственной реакціи, къ большому угнетенію. Теперь не время великихъ подвиговъ. Теперь время творчества, органическаго строительства, накопленія и сохраненія энергіи. Придетъ пора—и народъ скажетъ свое слово: тогда годами накопленная энергія найдетъ себѣ выходъ по линіи наименьшей траты силъ, тогда и наша тихая работа учтется народомъ, тогда и мы выступимъ сомкнутыми рядами. А пока—надо подождать...

На что собственно надѣялись эти милые люди—трудно сказать.

Одни ворожили: «вотъ пріѣдетъ баринъ, баринъ насъ разсудитъ», другіе гадали, — не заварится ли война и насъ порядочно таки помнутъ, и т. п. Однимъ словомъ,—*Eine alte Geschichte*. Недавно это было только, словно сейчасъ только слышу это. Какой дряхлостью отъ всего этого вѣтъ!.. Такъ думали и дѣйствовали и въ Саратовѣ, и повсюду вначалѣ 90-хъ годовъ.

Въ описываемое нами именно время, т. е. въ началѣ 1890 года, въ Саратовъ прибылъ изъ ссылки М. Н., одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей «старой гвардіи». Онъ выбралъ своимъ мѣстожителемъ именно Саратовъ потому, что тамъ особенно живы были старыя революціонныя традиціи и что тамъ сохранились кое какія еще личныя его связи. Здѣсь рѣшилъ окончательно обосноваться нашъ русскій Бланки, чуть ли не всю свою жизнь проведшій въ тюрьмахъ и ссылкѣ. Здѣсь онъ задумалъ осуществить свое дорогое революціонное дѣло, которое въ теченіе всей его долгой скитальческой жизни маячило предъ нимъ—гдѣ бы онъ ни былъ: въ полярныхъ кругахъ Архангельской губерніи или въ снѣжныхъ тундрахъ Якутской области. Вскорѣ, благодаря своимъ связямъ и знанію дѣла, М. Н. удалось не только занять прочное служебное положеніе, но и окружить себя, въ качествѣ сослуживцевъ, многими товарищами по ссылкѣ,—вѣрными единомышленниками. Въ Саратовѣ М. Н. вскорѣ занялъ центральное положеніе. Онъ быстро завязываетъ во всѣхъ слояхъ саратовскаго общества необходимыя знакомства и стягиваетъ къ себѣ разрозненныя силы мѣстной революціонной молодежи. До пріѣзда М. Н. тамъ былъ полный разбродъ силъ, стадо безъ пастыря. Было много революціонно-мыслящихъ людей, но не было революціоннаго настроенія, не было объединяющаго людей общаго дѣла. Не прошло и полгода, какъ все преобразилось. Вокругъ М. Н. сгруппировался тѣсно сплоченный кружокъ людей, большей частью изъ бывшихъ товарищей по

ссылкѣ. Все это люди, уже достаточно опытные въ борьбѣ, закаленные, съ большой теоретической подготовкой.

Въ средѣ ихъ: братья С—овы, Б—къ, Р—овъ, Б—скій, покойный Харьковцевъ и др. Кружокъ намѣтилъ цѣлый рядъ работъ, за которыя и взялся весьма энергично. Возникли, прежде всего, кружки самообразованія среди учащихся среднихъ учебныхъ заведеній. Юная интеллигенція ухватилась за это, какъ за якорь спасенія. Ужъ очень доняла ихъ мертвящая школьная выучка! Не помню, удалось ли кружку завязать такія же сношенія съ саратовскими рабочими. Знаю хорошо, что на счетъ этого было много разговоровъ и что кое-какіе шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы, тѣмъ болѣе, что въ Саратовѣ отъ 70-хъ годовъ оставались еще кое-какіе работники (напримѣръ, Я. С—овъ), не порвавшіе сношеній съ городскими рабочими. Работа кружка не ограничилась, однако, только пропагандою среди учащейся молодежи. Кружокъ вступилъ въ широкія сношенія съ нѣкоторыми просвѣтительно-культурными учрежденіями Саратова, въ частности—съ «Обществомъ изящныхъ искусствъ», организованнымъ по почину земскаго врача В. А. Копосова. На еженедѣльныхъ собраніяхъ этого общества читались рефераты на разныя литературныя темы. Губернская администрація, особенно при начальникѣ губерніи Косычѣ, относилась покровительно къ этому учрежденію. Засѣданія происходили публично.

Допускались и пренія, и обмѣнъ мыслей. Для того мрачнаго, темнаго времени, это просвѣтительное учрежденіе въ провинціи не лишено было культурно-общественнаго значенія. И (М. N.) обратилъ на него особенное вниманіе. Черезъ своихъ знакомыхъ членовъ-учредителей этого общества М. N. удалось провести въ члены общества нѣкоторыхъ товарищей своего кружка. Этимъ новымъ членамъ вскорѣ удалось кореннымъ образомъ измѣнить характеръ этого учрежденія: исключительно *изящно-литературныя* темы замѣняются мало-по-малу темами *критически-публицистическими*, опредѣленно-радикальнаго оттѣнка.

Нѣкоторые рефераты положительно выдавались какъ по литературной отдѣлкѣ ихъ, такъ и по содержанію. Помню такіе блестящіе рефераты о Гаршинѣ, Бурже, Лессингѣ и другіе. Засѣданія общества сильно оживились. Публика, особенно молодая, валомъ повалила. Ее не только захватывали рефераты, но въ большей еще мѣрѣ пренія по поводу этихъ рефератовъ. Засѣданія превращались, такимъ образомъ, въ своего рода митинги, на которыхъ порою горячо, страстно дебатировались по пути многіе «проклятые вопросы» нашей суровой дѣйствительности. Конечно, многое не договаривалось! но люди научились, говоря езоповскимъ языкомъ, а то и мудрымъ умалчиваніемъ своимъ, многое, очень многое сказать... Это была самая золотая пора въ дѣятельности этого общества, и дѣятельность эта, по справедливости говоря, внесла много умственного оживленія, много движенія въ сѣрую обыденную жизнь провинціального города. Наступилъ голодный годъ. Саратовскій кружокъ не могъ остаться безучастнымъ къ этому народному бѣдствію.

Кружокъ принялъ дѣятельное участіе въ устройствѣ столовыхъ

и питательныхъ пунктовъ въ чертѣ города. Дѣятельность предварительно обсуждалась не разъ товарищами кружка. Были скептики, которые рѣшительно высказывались противъ участія революціонеровъ въ этой благотворительной работѣ. Эта благотворительная работа, — говорили скептики, будетъ лишь способствовать болѣе вящему затемненію самосознанія массъ. Она только укрѣпитъ вѣру народа въ верховную власть, такъ какъ всю эту благотворительность народъ приписываетъ исключительно ей, этой верховной власти, какъ единственному источнику милости.

Одинъ изъ упорныхъ скептиковъ въ доказательство своихъ словъ показывалъ записки, полученныя имъ въ качествѣ участковаго сельскаго попечителя, отъ крестьянъ. Въ этихъ запискахъ стереотипно говорилось такъ:—«Ваше благородіе, г. попечитель! Сдѣлайте божескую милость отпустите намъ голоднымъ того хлѣба, который присланъ намъ матушкой-наслѣдницей. Земскаго хлѣба намъ не надобно». Работавшіе въ то время въ деревняхъ,—утверждали скептики,—были поражены тѣмъ фактомъ, что даже *частная* помощь голодающимъ объяснялась крестьянами, какъ *царская* помощь: это онъ, царь батюшка, приказалъ богатымъ кормить голодныхъ. Въ концѣ-концовъ одержали верхъ сторонники «кормленія». Да и, признаться, тяжело было оставаться тогда совершенно безучастнымъ.

Голодъ далъ рѣшительный толчекъ дальнѣйшей эволюціи саратовскаго кружка. Накопившееся годами общественное негодованіе заклокотало. Дальше идти некуда. «Чаша съ краями полна!» Вѣдь это пахнетъ полнымъ вымираніемъ. Общество заметалось. Такой общественный моментъ надо было использовать.

И М. N. сталъ работать въ этомъ направленіи.

Весною 1892 года, если не ошибаюсь, онъ, по дѣламъ службы, ѣздилъ въ Петербургъ. Тамъ онъ повидался съ Н. К. Михайловскимъ, К. А. Вернеромъ и другими лицами. М. N. ужъ тогда носился съ мыслью о необходимости приступить къ изданію въ Россіи революціоннаго органа съ программой широкаго освободительнаго движенія. Органъ этотъ долженъ былъ объединить всѣ оппозиціонные элементы общества и способствовать организаціи конституціонно-демократическаго общественнаго мнѣнія. Время для этого показалось подходящимъ. Свой планъ М. N. сообщилъ Михайловскому и Вернеру. Идея его встрѣтила сочувствіе и ему обѣщали всяческое содѣйствіе. Михайловскій обѣщалъ редактировать органъ, Вернеръ предлагалъ свое сотрудничество. По возвращеніи М. N. въ Саратовъ этотъ вопросъ уже обсуждался въ тѣсномъ кругу самыхъ близкихъ товарищей. Возникъ вопросъ принципиальной важности: можемъ ли мы издавать органъ исключительно конституціоннаго (политическаго) направленія? Это-де внесетъ смуту въ наши безъ того разстроенные ряды. Обсужденіе этого вопроса заняло много времени. Собирались нѣсколько разъ, то и дѣло возвращаясь къ этому вопросу, каждый разъ выдвигая то одну, то другую сторону. Наконецъ, согласились. Сошлись вотъ на чемъ.

Наличныя наши силы ничтожны, мы не можемъ, поэтому, раз

вернуть въ полномъ объемѣ и во всѣхъ направленіяхъ нашу программу и тактику, какъ это намъ, революціонерамъ-народникамъ, естественно желательно. Разумная тактика, наоборотъ, требуетъ отъ насъ по возможности большей концентрации силъ и дѣйствій. Переживаемый нами историческій моментъ безусловно требуетъ сосредоточенія всѣхъ силъ борьбы на завоеваніе политической свободы. Сознаніе необходимости политической свободы въ настоящее время представляется среди интеллигенціи всеобщимъ. Насущною потребностью теперь является усиленная *пропаганда* идей политической свободы въ широкихъ слояхъ общества.

Наше орудіе *пока—свободное слово*. Имъ мы будемъ бороться съ нашимъ исконнымъ врагомъ, имъ мы будемъ собирать сторонниковъ и борцовъ за освобожденіе. Когда наши силы окрѣпнутъ, когда наши ряды умножатся, когда оснуемся твердо въ обществѣ,—тогда—и только тогда—мы развернемъ *все* наше знамя, двинемся съ нимъ въ крестьянскія массы и рабочія среды. Тамъ теперь уже сидятъ люди, готовые объединиться и повести дружную атаку противъ ненавистнаго всѣмъ врага.

Поступая такимъ образомъ, мы ничуть не погрѣшаемъ противъ основныхъ принциповъ нашего революціоннаго народничества. Мы только не дѣлаемъ *второго* шага, не сдѣлавши *перваго*. Нашъ первый шагъ, это—первый этапъ на длинномъ и трудномъ пути освободительнаго движенія.

Я постарался передать (квинтъ-эссенцію) нашихъ предварительныхъ продолжительныхъ совѣщаній по этому важному вопросу.

Думаю, что передалъ суть вѣрно. Резолюціи эти имѣли рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы нашей саратовской группы и вполнѣ объясняютъ превращеніе этой группы въ партію «Народнаго Права»—и выступленіе этого послѣдняго. Когда мы стоворились, то М. Н. предложилъ не терять времени даромъ. Мы намѣтили на одномъ собраніи цѣлый рядъ вопросовъ по текущимъ явленіямъ русской дѣйствительности и подѣлили ихъ для обработки между товарищами. За работу взялись С—овъ, Р—овъ, Б—скій, Б—нъ, Харьковцевъ и пишущій эти строки. Черезъ нѣкоторое время появился рядъ статей, охватывающихъ нашу современность. По формѣ и по содержанию онѣ были вполнѣ удовлетворительны. Онѣ были прочитаны на народничито для этого назначенномъ собраніи—назовемъ его редакціоннымъ—и рѣшено использовать эти статьи, какъ матеріаль для № 1 будущаго органа.

Одновременно съ этимъ нашъ саратовскій кружокъ занялся привлеченіемъ въ свои ряды новыхъ рабочихъ силъ. Наши связи не ограничились только городомъ, но распространялись и на уѣзды Саратовской губерніи.

Вскорѣ, послѣ надѣлавшаго столько шума коллективнаго ухода всѣхъ врачей и фельдшеричъ изъ Саратовскаго земства¹⁾, къ намъ пристали и протестовавшія съ врачами «лѣкарскія помощницы»:

¹⁾ Причиной ухода со службы всего почти медицинскаго персонала—11 врачей и 4-хъ фельдшеричъ—было уничтоженіе автономной организаціи врачей—Санитарнаго Совѣта—новымъ „упрощеннымъ“ (саратовскимъ) земствомъ. *Авторъ*.

Е. К. Т—кая, Н. П. Ф—ова и Л. А. А—ова. Вскорѣ къ намъ присталь и С. К—овъ, агрономъ, служившій въ одной экономіи въ Саратовскомъ уѣздѣ. Вновь присоединенные оказались въ послѣдствіи дѣятельными членами «Народнаго Права». Е. Т—ая и Л. А—ва были въ 1893 году, если не ошибаюсь, отправлены за границу для практическаго изученія типографскаго дѣла.

Въ серединѣ іюня 1892 года я былъ вызванъ на мѣсто врача въ Лукояновскій уѣздъ (Нижегородской губ.), гдѣ вспыхнулъ голодный тифъ, охватившій почти весь уѣздъ. Меня торопили, такъ какъ тамъ чувствовался крайній недостатокъ въ врачебныхъ силахъ. Наканунѣ моего отъѣзда мы собрались у М. Н. Какъ хорошо, тепло мы провели этотъ вечеръ въ тѣсномъ кругу близкихъ товарищей! На меня точно пахнуло свѣжестью семидесятихъ годовъ! Сердечно, просто и серьезно. Какъ пѣлъ С—овъ! Особенно хорошо онъ пропѣлъ извѣстную тюремную пѣсню «Часовой!».

Мы незамѣтно засидѣлись за полночь. На другой день товарищидрузья пришли на пароходную пристань, чтобы попрощаться со мною.

М. Н. далъ мнѣ порученіе переговорить въ Нижнемѣ Новгородѣ съ В. Г. Короленко, а если я найду нужнымъ, то и съ Н. Ф. Анненскимъ и С. Я. Ельпатовскимъ, о проектированномъ нами органѣ. М. Н. видимо, рассчитывалъ на возможное ихъ содѣйствіе.

Въ Нижнемѣ, покончивши со своими служебными дѣлами, я поспѣшилъ повидаться съ В. Г. Короленко. Мы не видѣлись съ 1886 г., когда, возвращаясь изъ Якутской области, я по пути остановился въ Нижнемѣ и прожилъ въ семьѣ Короленко нѣсколько дней. Какъ и тогда, онъ и теперь встрѣтилъ меня сердечно и радушно. Онъ мало измѣнился. То же открытое, благородное, привлекательное лицо. Кое-гдѣ жизнь провела на его лицѣ бороздки, кое-гдѣ на головѣ засверкали бѣлизной волоски. Его литературная звѣзда высоко стояла, его имя, какъ литератора и общественнаго дѣятеля, произносилось съ обаяніемъ. Въ Нижнемѣ онъ стоялъ въ центрѣ кружка, отдавашаго свой умъ и талантъ на служеніе живымъ *мѣстнымъ* интересамъ населенія. В. Г. Короленко погрузился со своимъ кружкомъ въ самую гущу мѣстной жизни: мѣстные интересы, мѣстныя злобы и болячки нашли живой откликъ въ этомъ вѣчно дѣятельномъ, живомъ, реально-мыслящемъ кружкѣ людей. Въ то время В. Г. Короленко былъ весь поглощенъ своей работой въ Лукьяновскомъ уѣздѣ, ставшемъ тоже жертвою голода. Само собою, что, послѣ первыхъ привѣтствій и обычныхъ въ такихъ случаяхъ вопросовъ, гвоздемъ нашего разговора сдѣлался голодъ, этотъ «проклятый вопросъ» суровой, бездушной нашей дѣйствительности. В. Г. Короленко—чудесный собесѣдникъ. Я такого не встрѣчалъ. Онъ не только умѣлъ незамѣтно всецѣло захватить своего слушателя, но и самъ слушалъ хорошо. Бесѣда его не блистала фейерверкомъ.

Это была умная, живая, содержательная, пропитанная какимъ то особенно мягкимъ юморомъ бесѣда. Цѣннъ было въ этой бесѣдѣ—простота, отсутствіе фразы и прѣтвора. Отъ нея вѣяло цѣльнымъ, здоровымъ чувствомъ душевнаго спокойствія и равновѣсія. Изрѣдка два-три яркихъ штриха—и предъ вами вполне вырисовывается харак-

терь, положеніе даннаго лица или событія. Я не мало видѣлъ на своемъ вѣку умныхъ, хорошихъ людей, слушалъ ихъ рѣчи, но никакая бесѣда не оставляла во мнѣ этого,—прямо скажу,—чувства душевнаго здоровья, душевной ясности, какъ бесѣды съ В. Г. Короленко. Когда впослѣдствіи, послѣ переѣзда уже В. Г. Короленко въ Петербургъ, я, бывало, на время приѣзжалъ въ Петербургъ, я нигдѣ не находилъ себѣ такого полнаго отдыха,—именно *отдыха*,—какъ въ скромномъ домѣ Короленко.

И на этотъ разъ, въ Нижнемѣ, меня охватило то же чувство.

Наша бесѣда происходила въ саду. Мы не замѣтили, какъ пришло время обѣда. Послѣ обѣда Владиміръ Галактіоновичъ позвалъ меня въ свой кабинетъ и мы легли рядомъ на кровати.

Machen sie sich bequem!—подумалъ я почему-то по-нѣмецки.

Дѣйствительно, — было очень bequem: полусвѣтлая комната и удобная постель, на которой можно поваляться послѣ обѣда въ самую жару. Помнится, что разговоръ нашъ какъ-то коснулся недавняго протеста саратовскихъ врачей, въ числѣ которыхъ и я былъ, противъ земства. Владиміръ Галактіоновичъ заинтересовался кое-какими подробностями, потомъ вдругъ, совершенно неожиданно обратившись ко мнѣ, спросилъ:—«А вы читали, О. В., что объ васъ этотъ м... Т—въ написалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»?». Я до того былъ пораженъ, услышавъ отъ В. Г. такой рѣзкій эпитетъ, что даже приподнялся на локоть и смотрѣлъ на Владиміра Галактіоновича большими глазами.

— «Не читали, конечно! Онъ прямо васъ назвалъ: «знаемъ мы, моль, этихъ Аптекмановъ еще съ 70-хъ годовъ, когда они ходили «въ народъ» бунтовать его!». Признаться, я все ждалъ, но именно *этой* я не ждалъ отъ Т—ва, заключилъ живо В. Г. Короленко.

— Да увѣрены ли вы въ томъ, что это именно онъ написалъ?

— «Конечно! Я хорошо знаю его псевдонимъ (В. Г. назвалъ его, но я сейчасъ не могу припомнить). Я и самъ сразу не повѣрилъ моимъ глазамъ.

— «Это ужъ черезчуръ!» снова воскликнулъ Владиміръ Галактіоновичъ.

— Чортъ съ нимъ!—отвѣтилъ я. Поговоримъ о другомъ!

Владиміръ Галактіоновичъ заинтересовался нашимъ дѣломъ. Я передалъ ему, что мы задумали, и въ концѣ сообщенія не удержался и горячо проговорилъ: «намъ нуженъ теперь «Колоколь»—только Колоколь; пусть свободное слово опять раздается въ Россіи! Авось, проснемся!».

Владиміръ Галактіоновичъ внимательно слушалъ.

— «Вы сказали: Колоколь? Хоть бы колокольчикъ, Осипъ Васильевичъ! Хоть бы колокольчикъ! гдѣ ужъ намъ о Колоколѣ думать?»

Наступила маленькая пауза. На лицѣ Владиміра Галактіоновича легла мягкая тѣнь. В. Г., помнится, тогда же освѣдомился, знакомъ ли я съ А. И. Богдановичемъ и М. А. Плотниковымъ. В. Г. горячо рекомендовалъ ихъ обоихъ, какъ возможныхъ сотрудниковъ въ будущемъ нашемъ органѣ. Самъ онъ, помнится, опредѣленнаго отвѣта на счетъ собственнаго участія въ нашемъ органѣ не далъ. Очевидно, онъ не желалъ загодя связаться словомъ, пока не познакомится съ содержаніемъ органа.

На другой день, если не ошибаюсь, заручившись от Владимира Галактионовича необходимыми рекомендациями в Лукьяновъ къ нѣкоторымъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, я отправился на мѣсто своей службы.

Усиленная работа моя—борьба съ голоднымъ тифомъ въ Лукьяновскомъ уѣздѣ и съ холерой въ Нижнемъ-Новгородѣ поглотила меня всего.

Кто помнитъ это страшное время, тотъ знаетъ, какая тяжелая страда выпала на долю врачей вообще и земскихъ—въ особенности. Это время никогда не изгладится изъ моей памяти, да не изъ моей только, а изъ памяти также всѣхъ работниковъ народа, всего мыслящаго нашего общества. Оно записано кровью изголодавашагося, изстрадавашагося, въ конецъ изстерзаннаго народа.

Молодые врачи состарились въ нѣсколько дней, а старые—подводили итоги своей работѣ... Потрачена масса энергии, народу отданы лучшія силы души, знаніе, опытъ—и все это оказалось лишь работой Сизифа.

Развѣ шиломъ море нагрѣешь? Возможно ли излѣчить глубокія народныя раны настойкой ромашки? Да и настойка то эта то и дѣло вырывалась изъ рукъ врачей наглыми, грязными руками и расплескивалась во всѣ стороны!

Изъ года въ годъ мы регистрировали сотни тысячъ жертвъ, вырываемыхъ изъ великой народной семьи голоднымъ тифомъ, скорбутомъ и другими непрекращающимися у насъ инфекціонными болѣзнями. Изъ года въ годъ мы записывали страшныя завоеванія, дѣлаемая у насъ сифилисомъ, доведшимъ населеніе до поднаго вымиранія и вырожденія. Мы неустанно указывали на непрекращающійся ростъ заболеваемости и смертности населенія. Мы записывали и записывали, а народъ голодалъ, болѣлъ и умиралъ... А кругомъ—пиръ горой стоялъ: то ликовали всякіе беззаконники . . .

А холера? А борьба съ ней, навязанная и продиктованная намъ съ высоты канцелярскаго невѣжества медицинскимъ департаментомъ? И какъ финалъ всего этого—холерный съѣздъ министерства внутреннихъ дѣлъ, созданный по инициативѣ Л. Ф. Рагозина, бывшаго директора департамента! Никогда еще бюрократическое творчество не обнаружило столько тупою невѣжества, какъ на этомъ съѣздѣ!

Невѣжество. Но невѣжество, систематически примѣняемое къ населенію, превращается въ *преступленіе* противъ него. И все, что было сдѣлано правительствомъ во время холеры 1892 года, являлось лишь сплошнымъ преступленіемъ: совершенно бессмысленно растрочены сотни тысячъ и миллионы народныхъ средствъ въ безумной погонѣ за холерной запятой, грубо и жестоко оскорблялось народное чувство, попиралось человѣческое достоинство, сѣялись смута и народное недовольство, не мало способствовавшія стихійному взрыву холерныхъ безпорядковъ.

Когда теперь все это снова припоминаю, когда снова переживаю всѣ ужасы тогдашняго года: голодный, больной и униженный народъ, которому, какъ псу смердящему, бросали обглоданную кость, которому, какъ нищему, позволяли подбирать крохи со стола,—

когда, говорю я, все это снова оживаетъ предъ моими глазами, становится и жутко, и обидно.

Жутко за народъ, доведенный систематическимъ раззореніемъ и гнетомъ до состоянія жалкаго нищаго, обидно за сознательную часть народа, выносящую все это терпѣливо, покорно, успокаивая и убаюкивая себя ромашками и тому подобными «снадобьями».

Только годъ или два спустя завѣса окончательно спала съ глазъ интеллигенціи: сначала робко, потомъ все сильнѣе и сильнѣе сталъ раздаваться ропотъ; гнѣвъ и негодованіе, перелившіеся черезъ край, проявлялись все громче и громче; рѣшительнѣе выступалъ протестъ. На частныхъ и общественныхъ собраніяхъ, по тому или другому поводу, уже слышны были угрожающія нотки.

Пироговское общество, этотъ авангардъ передовой мысли русской медицины, уже готовитъ запросъ русскому правительству о причинахъ періодически проявляющихся у насъ народныхъ голодовокъ. Скептики насмѣшливо усматривали въ этомъ только ловкій дипломатическій маневръ, за которымъ скрывались робость духа и боязнь мысли самимъ прямо назвать то, что даже стало азбучной истиной для школьника. Какъ бы тамъ ни было, но въ этомъ запросѣ уже чуялся духъ грядущихъ многочисленныхъ резолюцій и петицій недавняго времени. То были первыя ласточки.

Зимою 1893 года я, въ качествѣ делегата отъ Херсонскаго губернскаго земства, былъ посланъ на холерный сѣздъ министерства внутреннихъ дѣлъ, о которомъ я выше упомянулъ. Мнѣ запрещенъ былъ тогда въѣздъ въ столицу, и я обратился въ департаментъ полиціи къ тогдашнему директору Дурново съ просьбою разрѣшить мнѣ пребываніе въ Петербургѣ пока продолжится сѣздъ. Разрѣшеніе, конечно, было получено. Здѣсь у «дяденьки», какъ мы называли «Дурново», я неожиданно встрѣтился съ М. Н. Онъ тоже сюда пришелъ за тѣмъ же. Когда приѣмъ у Дурново окончился, мы сошлись на улицѣ. Мы очень обрадовались другъ другу. М. Н. упрекнулъ меня, что я о себѣ не давалъ знать въ это безпокойное время. Я объяснилъ причины. Отъ него я тутъ же узналъ, что нашъ саратовскій кружокъ за это время продѣлалъ кое-какія превращенія. Вслѣдствіе перевода контроля въ Орель, туда переехали М. Н. и ближайшіе его сотрудники подъ контролю.

Центръ, такимъ образомъ, перемѣстился въ Орель, гдѣ уже образовались, со включеніемъ мѣстныхъ революціонныхъ силъ, значительная группа, съ тѣми же задачами и цѣлями какъ и въ Саратовѣ. Саратовская группа, само собою, не прекратила своего существованія и стала въ самыя тѣсныя отношенія къ орловской. Къ слову сказать, г. Орель тоже имѣлъ свои революціонныя традиции: здѣсь въ 70-хъ годахъ работала революціонная группа Зайчневскаго; здѣсь же выработалась М. Н. Ошанина, впоследствии энергичная представительница партіи «Народной Воли». Здѣсь же, въ Орлѣ, какъ противовѣсъ революціонному направленію 70-хъ годовъ и вообще революціонному воззрѣнію, зародилась, такъ называемая, «маликовщина» или «богочеловѣчество», — социалистически-мистическое ученіе, отрицавшее всякое насиліе.

111

О составѣ орловской группы скажу ниже, а пока продолжаю прерванную нить воспоминаній.

За нѣсколько дней до отъѣзда моего изъ Петербурга ко мнѣ зашелъ М. Н. и позвалъ меня пойти съ нимъ на одну сходку.

Сходка имѣла быть интересной. Молодой студентъ-медикъ читалъ докладъ свой о дѣятельности его на переселенческомъ пунктѣ. Я охотно согласился. Сходка собралась, помнится, у г. Серебренникова. Когда мы пришли, то застали уже тамъ небольшое общество: самого докладчика съ товарищами, Н. К. Михайловскаго, Ядринцева, И. И. Моллесона, инженера-технолога А. И. Венцковскаго, знакомыхъ саратовскихъ фельдшерицъ, хозяевъ дома и др.

Докладъ дѣйствительно былъ интересенъ по содержанию и живо изложенъ. Новаго ничего не было. Все то же: факты изъ безпросвѣтно-мрачной русской дѣйствительности. Докладъ вызвалъ живой обмѣнъ мыслей. Говорили больше молодые. Н. К. Михайловскій слушалъ, а М. Н. ловко направлялъ разговоръ, очевидно преслѣдуя опредѣленную цѣль: позондировать основательнѣе настроеніе присутствующихъ.

76

На меня эта сходка произвела тяжелое впечатлѣніе: не было настроенія цѣльнаго, бодрого и охватывающаго. Слышны были надрывающіяся струны, тревога, сомнѣніе, усталость... На себя будто мало полагались, въ старые пути извѣрились... Что дѣлать? куда идти?

Помню, какъ И. И. Моллесонъ, стоя на порогѣ внимательно слушалъ разговоръ, потомъ совершенно неожиданно выпалилъ: — «Сколько, господа, не будете спорить — не договоритесь, очевидно! Надо, какъ Кузьма Прутковъ училъ, смотрѣть въ корень вещей. Это значитъ: безъ конституціи намъ нѣтъ ходу!» Споръ снова возгорѣлся. Венцковскій сталъ горячо защищать необходимость въ настоящее время пропаганды идей политической свободы. И онъ всю освободительную работу исключительно сводилъ на это. Никто, конечно, и не возражалъ. Да и можно ли было возражать противъ положенія, ставшаго въ то время ходячимъ?

Холерный съѣздъ близился къ концу. Я имѣлъ возможность снова попасть на сходку, но уже исключительно студенческую.

Медики праздновали свою годовщину. Пригласили И. И. Моллесона, молодого земскаго врача Шмелева, меня. На сходкѣ должны были быть Манасеинъ, Михайловскій и, кажется, Ядринцевъ. Манасеинъ почему-то не могъ явиться. Михайловскаго же и Ядринцева мы уже застали тамъ. Сходка была небольшая: 200—250 человекъ. Отношенія молодежи къ Михайловскому меня очень тронули: въ нихъ слышалась неподдѣльная глубокая преданность учениковъ къ учителю жизни. Отъ сходки повѣяло молодостью и бодростью чувствъ. Старикамъ здѣсь было очень хорошо. Молодежь горячо привѣтствовала И. И. Моллесона, патріарха русской земской медицины.

Послѣдній отвѣтилъ краткой, но образной рѣчью, въ которой охарактеризовалъ шестидесятые годы и горячо убѣждалъ молодежь не забывать дорогихъ завѣтовъ учителей той эпохи. Нѣсколько весьма содержательныхъ, но сдержанныхъ словъ о наслѣдствѣ сказалъ и Михайловскій.

Пишущій эти строки охарактеризовалъ кратко семидесятые годы, связавъ ихъ съ теоріей прогресса Михайловскаго. Свободно говорить на сходкѣ нельзя было: слонявшіеся то и дѣло здѣсь лакеи мѣшали этому (сходка была въ какомъ то трактирѣ).

Разошлись поздно. На душѣ было ясно, бодро, словно послѣ прохладной ванны. Такъ подѣйствовала молодежь.

Съѣздъ закончилъ свою работу. Я условился съ М. Н. ѣхать вмѣстѣ. По дорогѣ я заѣхалъ въ Орель повидаться съ его женой. Наше дѣло пока подвигалось медленно, средства не притекали, люди приставали вяло. Но главная остановка была въ типографіи. Правда, въ Тифлисѣ обѣщали дать намъ полный комплектъ типографскаго набора (шрифта), но остальныхъ принадлежностей типографіи еще не было. «Панъ» сулилъ и сулилъ, такъ мы пока на посулъ и сидѣли. Но работа въ этомъ направленіи все таки пошла, и М. Н. меня увѣрялъ, что къ веснѣ 1893 года, самое позднѣе—лѣтомъ, все будетъ уже готово.

С. Н. Т—въ очень энергично взялся за это дѣло.

Я пробылъ въ Орлѣ 8—10 часовъ и на прощаніи М. Н. снова напомнилъ мнѣ, чтобы я приготовилъ отчетъ о холерномъ съѣздѣ. Мы распрощались.

Я вернулся въ Херсонъ къ своей сѣрой текущей санитарной работѣ.

Наступило лѣто 1893 года. Усилія М. Н. и Т—ва увѣнчались таки успѣхомъ. По ихъ инициативѣ въ Саратовѣ была созвана конференція съ цѣлью заложить основаніе новой организациі. Я самъ не попалъ на эту конференцію, а потому расскажу о ней лишь то, что я узналъ ужъ *post factum*, зимою 1894 года, отъ близкихъ товарищей въ Орлѣ.

Въ Саратовѣ прибыли супруги Н., Н. С. Т—въ, А. В. Г—скій, П. Ф. Н—евъ, покойные А. И. Богдановичъ и М. А. Плотниковъ, ближайшіе товарищи саратовскаго кружка—С—овъ, Р—овъ и другіе. На очереди стоялъ вопросъ о выработкѣ программы, или, какъ тогда выражались, манифеста партіи. Основные вопросы программы ужъ обсуждались саратовскимъ кружкомъ, какъ я уже упомянулъ объ этомъ выше, еще съ 1891 г.

Отношеніе членовъ партіи къ вопросу о политической свободѣ было уже твердо установлено. Всѣ согласились, что необходимо идти навстрѣчу назрѣвшей общественной потребности и выдвинуть требованія политической свободы въ манифестѣ на *первый* планъ. Дѣло стало лишь за тѣмъ, чтобы выработать соотвѣтственную редакцію манифеста, какъ выраженіе ближайшихъ задачъ и цѣлей партіи «Народнаго Права» (такъ отнынѣ стала называть себя новая партія). Редакціонная работа была поручена комиссіи, состоявшей, если не ошибаюсь, изъ трехъ членовъ: П. Ф. Н—ева, М. А. Плотникова и А. И. Богдановича. Проектъ манифеста былъ представленъ на разсмотрѣніе конференціи и, послѣ тщательнаго обсуждения, утвержденъ. Тогда же рѣшено было, впредь до отпечатанія манифеста, пустить его по возможности въ обращеніе въ публику.

Привожу текст манифеста «Народнаго Права» цѣликомъ 1).

«Есть моменты въ жизни государства, когда одинъ вопросъ занимаетъ первенствующее мѣсто, отодвигая на задній планъ всѣ другіе интересы, какъ бы существенны они ни были сами по себѣ,— одинъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущность народа. Такой моментъ Россія переживаетъ въ настоящее время и такой вопросъ, опредѣляющій ея судьбу, есть вопросъ политической свободы. Самодержавіе, получивъ самое яркое выраженіе и олицетвореніе въ царствованіе Александра III, доказало съ неоспоримою ясностью свою полную неспособность создать такой порядокъ вещей, который обезпечилъ бы странѣ наиболѣе полное и правильное развитіе всѣхъ ея духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Направление настоящаго царствованія, выраженное съ особенной рѣзкостью въ «реформахъ» послѣднихъ лѣтъ, въ учрежденіи земскихъ начальниковъ, въ ограниченіи правъ органовъ самоуправленія, а также въ систематической поддержкѣ капиталистическаго производства показываетъ ясно, что правительство продолжаетъ непреклонно слѣдовать политикѣ административнаго произвола и сословныхъ интересовъ, не обращая никакого вниманія на назрѣвшіе вопросы народной и общественной жизни. Результатомъ такой политики явилась общественная деморализація и общій упадокъ страны, послѣдствія и развитіе которыхъ правительство уже не въ силахъ предотвратить. Люди, сознающіе всю опасность положенія, не видятъ иного исхода изъ него, кромѣ рѣшительнаго поворота въ направленіи интересовъ массъ, что возможно лишь при немедленномъ участіи страны въ управленіи, т. е. при замѣнѣ самодержавія представительными учреждениями.

Такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть надежды, чтобы правительство добровольно вступило на указанный путь, то народу остается одно: противопоставить силу организованнаго общественнаго мнѣнія неподвижности правительства и узкимъ династическимъ интересамъ самодержавія. Партія «Народнаго Права» имѣетъ въ виду созданіе такой силы.

По мнѣнію партіи, народное право заключаетъ въ себѣ какъ понятіе о правѣ народа на политическую свободу, такъ и понятіе о его правѣ на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ на основаніи народнаго производства. Гарантіями этого права партія считаетъ:

Представительное правленіе на основаніи всеобщей подачи голосовъ.

Свободу вѣроисповѣданія.

Независимость суда.

Свободу печати.

Свободу сходовъ и обществъ (ассоціацій).

Неприкосновенность личности и ея человѣческихъ правъ.

Принимая во вниманіе, что Россія не есть однородное цѣлое, но весьма сложное политическое цѣлое, признаніе права политическаго самоопредѣленія за всѣми національностями, входящими въ ея составъ, есть необходимое условіе политической свободы.

1) „За сто лѣтъ“. Вл. Бурцева. 1897 г. Изданіе Фонда В. Р. П. стр. 260—262.

Понимая такимъ образомъ народное право, партія ставитъ себѣ задачей: соединить всѣ оппозиціонные элементы страны и организовать дѣятельную силу, которая добилась бы, при помощи всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ средствъ, какими она располагаетъ, уничтоженія самодержавія и обезпеченія каждому правъ гражданина и человѣка.

Будучи убѣждена, что ея стремленія отвѣчаютъ требованіямъ историческаго момента, партія надѣется, что ея зовъ найдетъ горячій отголосокъ въ умахъ тѣхъ, кто еще не потерялъ чувства человѣческаго достоинства, въ комъ самодержавіе еще не вытравило сознанія ихъ гражданскихъ правъ, кому стало непереносно ярмо насилія и произвола, и кому дороги общественное благо и высокіе идеалы истины и справедливости».

Такъ лѣтомъ 1893 года возникла партія «Народнаго Права». *Первый* шагъ сдѣланъ. Дальнѣйшее выступленіе и расширеніе поля борьбы—дѣло ближайшаго будущаго. Съѣздъ закрылъ свои собранія. И работа началась. Работа предстояла на первыхъ порахъ черная, связанная съ массой мелочныхъ, докучливыхъ, но неизбѣжныхъ пріемовъ. Надо было завязать связи, установить сношенія, рекрутировать новыя силы, привлечь средства и проч. и проч.

За это дѣло взялся М. Н. Онъ предпринялъ путешествіе по Россіи, исколесилъ ее за лѣто буквально вдоль и поперекъ, побывалъ во многихъ крупныхъ городскихъ центрахъ, розыскалъ старыхъ революціонеровъ, вернувшихся изъ ссылки; привлекъ новыхъ сторонниковъ, горячо пропагандировалъ манифестъ «Народнаго Права» и т. д., и т. д.

Въ концѣ іюля, если память мнѣ не измѣняетъ, М. Н. съ женою прибылъ въ Баку, гдѣ я тогда занималъ должность промыслового (заводскаго) врача. Пріѣздъ М. Н. оживилъ бакинскую колонію. А колонія была порядочная: преобладали старики изъ бывшихъ ссыльныхъ. Здѣсь же въ Баку жилъ «Титычъ», бывший земледелецъ. Не теряя времени, М. Н. вступилъ въ переговоры съ колоніей. Загорѣлись, какъ водится, горячіе споры, были живыя схватки. Скептики,—а такихъ въ колоніи было не мало,—горячо возражали противъ немедленнаго выступленія: время—де еще не настало, растратите свои выстрѣлы за даромъ, сами влопаются, какъ куры во щи—и дѣло освобожденія затормозите. Но въ концѣ концовъ все таки сговорились. М. Н. былъ на этотъ разъ неуязвимъ. Никогда еще, кажется, онъ такъ хорошо, убѣжденно, неотразимо не говорилъ.

Его споръ въ одинъ изъ вечеровъ въ Баку съ «Титычемъ» глубоко врѣзался въ моей памяти. Два сильныхъ и пытливыхъ ума, два волевыхъ темперамента столкнулись. Одинъ—какъ сформировались его убѣжденія, такъ и застыли они, выкристализовавшись въ стойкое, прочное образованіе. Другой—скептикъ, съ текучими, трудно укладываемыми въ рамки взглядами, вѣчно ищущій, но никогда не обрѣтающій. Объ послѣднемъ я уже говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ о «Землѣ и Волѣ»¹⁾.

¹⁾ Изъ исторіи революціоннаго народничества. Общество „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Глава V-я „Титычъ“. Изданіе „Донская Рѣчь“ 1907 г.

Долго спорили между собою М. N. и «Титычъ», каждый не хотѣлъ сдаваться, словно два рыцаря на турнирѣ, но въ концѣ концовъ скептикъ «Титычъ» сдался таки. Бакинская колонія пристала къ «Народному Праву»: общала матеріальную поддержку и всяческое содѣйствіе. Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Баку, М. N. напомнилъ мнѣ, чтобы я былъ готовъ, что въ случаѣ надобности меня вызовутъ. Какъ только типографія и органъ наладятся, приступимъ къ изданію органа для рабочихъ. Среди рабочихъ теперь сильное броженіе. Работа и для тебя найдется, а пока не трогайся съ мѣста!».

Это были послѣднія слова М. N. предъ прощаніемъ.

Спустя мѣсяць или полтора въ Баку пріѣхалъ народоправецъ Н. М. Ф—овъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что типографія уже налаживается и скоро все уже будетъ готово. Типографскаго шрифта имѣется ужъ въ достаточномъ количествѣ. Ф—овъ освѣдомился, скоро ли поѣду я въ Орель. Я отвѣтилъ, что жду оттуда письма. Въ концѣ декабря 1893 года письмо, наконецъ, получилось. Н. С. Т—въ кратко, но выразительно писалъ мнѣ, что товарищи ждутъ меня въ Орель къ новому году. Я подалъ въ отставку и въ январѣ 1894 года, приблизительно 10-го числа, я уже былъ среди товарищей моихъ въ Орлѣ. Я засталъ въ Орлѣ довольно значительную группу товарищей-народоправцевъ. Тамъ былъ «центръ» «Народнаго Права», а потому разныя лица, причастныя къ дѣламъ «Народнаго Права», то появлялись, то исчезали на горизонтѣ. Въ составъ «Народнаго Права» вошли слѣдующія извѣстныя мнѣ лица: *М. N. и ея жена, Н. С. Т—въ, А. В. Г—скій, И. Н. Л—овъ, Н. М. Ф—овъ, П. Ф. Н—евъ, А. И. Богдановичъ, М. А. Плотниковъ, С—овъ, П. С—овъ, С. С—овъ, Р—овъ, М. А. Р—съ, Н. П. Ф—ова, Р. М. Т—кая, С. К—овъ, Л. А. А—ова, М. Ж—ова, Л—ова, М—евичъ, А. И. В—скій, С—овъ, Ч—къ и я.*

Я не называю многихъ лицъ, которые, какъ покойные Н. К. Михайловскій и К. А. Вернеръ, хотя и не входили въ организацію, но очень близко къ ней стояли. Вокругъ «центра» группировался еще кружокъ мѣстной молодой интеллигенціи, имѣлись также связи среди земцевъ и «третьяго элемента» земства и проч. Въ общемъ работа здѣсь шла по тому же плану, какъ и въ Саратовѣ. М. N. и здѣсь пользовался авторитетомъ. Меня вскорѣ запрягли въ работу. Торопились выпускомъ № 1 «Народнаго Права». Мнѣ предложили написать руководящую статью. На ту же тему писалъ статью А. И. Богдановичъ. Онъ писалъ намъ, что статья уже готова и вскорѣ онъ привезетъ ее самъ въ Орель. Я взялся за работу и вскорѣ представилъ требуемую статью подъ названіемъ: «Что же теперь?»

Въ концѣ февраля, если я не ошибаюсь, пріѣхалъ, наконецъ, А. И. Богдановичъ. Вечеромъ того же дня назначено было засѣаніе Совѣта.

Засѣданіе происходило на квартирѣ Н. С. Т—ва. На Совѣтѣ присутствовали слѣдующіе члены: М. N., Т—въ, А. И. Богдановичъ, Н. М. Ф—овъ, А. В. Г—скій, И. Н. Л—овъ, Е. Т—ая и я. На очереди чтеніе статьи А. И. Богдановича подъ названіемъ «Насущный Вопросъ».

Статья была программная и представляла собою дальнѣйшее развитіе и изложеніе основначаль манифеста общества «Народнаго Права».

Это было необходимо. Статья была написана хорошим литературным языкомъ. Вполнѣ выдержанная въ идейномъ отношеніи, она точно формулировала направленіе «Народнаго Права». Только два пункта въ этой статьѣ («Насущный вопросъ») вызвали горячія возраженія, особенно со стороны пишущаго эти строки. Первый пунктъ касался критики историческаго значенія Великой Французской Революціи. Авторъ невѣрно понялъ и, неправильно оцѣнилъ нѣкоторые моменты этого великаго историческаго движенія. Если память мнѣ не измѣняетъ, дѣло шло о роли якобинцевъ въ Конвентѣ. А. И. Богдановичъ согласился съ высказанными ему возраженіями и совершенно выпустилъ этотъ пунктъ изъ своей статьи. Второй пунктъ, тоже подвергшійся сильному обстрѣливанію, касался политической автономіи Польши и другихъ окраинъ Россіи. Авторъ слишкомъ сгустилъ краски и прямолинейно поставилъ вопросъ. На большую публику это произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе. И въ этомъ случаѣ, къ чести А. И. Богдановича, дѣло легко уладилось: онъ выпустилъ нѣкоторыя выраженія и смягчилъ общую формулировку. Съ этими поправками статья «Насущный вопросъ» была принята Совѣтомъ, но съ условіемъ предварительнаго просмотра ея Н. К. Михайловскимъ. «Насущный вопросъ» долженъ былъ появиться въ № 1 «Народнаго Права», а потому А. И. Богдановичъ самъ взялся доставить ее Михайловскому, и на другой день онъ уже выѣхалъ изъ Орла. Чтобы не уклониться въ сторону, я здѣсь же скажу, что спустя недѣли двѣ три А. И. Богдановичъ снова пріѣхалъ въ Орель съ своей статьёй, уже просмотрѣнной Михайловскимъ.

Статья была передана въ типографію. Здѣсь же замѣчу кстати, что, много лѣтъ спустя, я слышалъ отъ многихъ представителей студенческихъ кружковъ, что статья «Насущный вопросъ» въ 90-хъ годахъ читалась молодежи съ захватывающимъ интересомъ. И не удивительно. Прочтите хоть нижеслѣдующія строки статьи и примите во вниманіе тогдашній историческій моментъ—и успѣхъ «Насущнаго вопроса» будетъ вполнѣ понятенъ. Вотъ эти строки:

«Въ своей программѣ политической свободы мы придерживались самыхъ общихъ и широкихъ положеній, не входя ни въ какія подробности, очень существенныя для практическихъ рѣшеній вопроса о политической свободѣ въ Россіи.

Обсужденіе и выясненіе ихъ будетъ одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашей печати. Здѣсь же мы имѣли въ виду дать общую схему политической свободы, показать, на сколько сложны связанные съ нею вопросы, и намѣтить путь, по которому должна пойти работа общественной мысли. Если до сихъ поръ возможны у насъ защитники самодержавія и ихъ послѣдователи, если, несмотря на вопіющую дѣйствительность, до сихъ поръ возможно у насъ отрицательное отношеніе къ политической свободѣ, то лишь благодаря отсутствію яснаго пониманія огромнымъ большинствомъ русскихъ обывателей того, что такое политическая свобода.

Мы нарочно употребляемъ слово «обыватели» вмѣсто «граждане», такъ какъ они явятся въ Россіи только тогда, когда для cadaго русскаго мыслящаго человѣка требованіе политической свободы ста-

нетъ столь же непреложнымъ, какъ для западнаго европейца». И далѣе.

«Пора проснуться и намъ. Пора стряхнуть съ себя гнетъ обветшалыхъ идей народничества, культурничества, проповѣди малыхъ дѣлъ. Пора также отрѣшиться отъ благовѣйнаго преклоненія предъ миѳическимъ, «богоносительнымъ» народомъ, съ его какой-то никому невѣдомой особенной правдой, яко-бы отличной отъ общечеловѣческой. Пора стать, наконецъ, на почву дѣйствительности. Вѣдь это абсурдъ—ожидать, что разныя архаическія формы народной жизни, навѣявшія намъ это миѳическое представленіе о народѣ, скорѣе процвѣтутъ подъ охраною чиновниковъ самодержавія, чѣмъ подъ щитомъ свободныхъ учреждений. Если дѣйствительно въ этихъ формахъ заложены задатки экономической независимости народа, то свободныя учрежденія только помогутъ имъ развиться и окрѣпнуть. Если же они отжили свое время и мы находимся въ періодѣ выработки новыхъ формъ народнаго хозяйства,—свободныя учрежденія помогутъ народу пережить критическій періодъ скорѣй и съ меньшей тратой силъ, чѣмъ подъ опекою царской бюрократіи. Жизнь на каждомъ шагу призываетъ насъ къ тому, съ чего начиналось движеніе вездѣ—къ борьбѣ за политическую свободу, которая никогда и ничему не являлась враждебной, кромѣ абсолютизма. Для него она—смерть, для народа—она первое условіе общественной жизни. Точно также, она и социализмъ не враждебныя, исключаютъ другъ друга начала, а, напротивъ—непрерывно связанныя. Политическій принципъ социализма состоитъ въ томъ, что не людей слѣдуетъ измѣнять для улучшенія социальныхъ отношеній, а совсѣмъ обратно,—слѣдуетъ измѣнять отношенія для того, что сами люди дѣлались лучше. Направляя такимъ образомъ свои силы на измѣненіе социальныхъ отношеній, социализмъ, съ одной стороны, нуждается въ свободѣ, какъ средствѣ для достиженія своихъ цѣлей, съ другой же—онъ расширяетъ самый источникъ свободы, поскольку вмѣняетъ свои задачи въ цѣли государству. Социализмъ, поэтому, только усиливаетъ стремленіе къ политической свободѣ и придаетъ требованіямъ ея особую жизненность и напряженность. *Политическая свобода, въ свою очередь, не только первый шагъ къ нему, но и необходимое условіе ея существованія* (Курсивъ нашъ О. А.). Гдѣ нѣтъ ея, тамъ немыслимъ и социализмъ, какъ широкое народное движеніе».

Наконецъ, заключительныя слова автора гласятъ:

— «Мы убѣждены, что Россія стоитъ наканунѣ политическаго переворота и только то движеніе можетъ имѣть успѣхъ, которое лозунгомъ борьбы выставитъ требованіе политической свободы»¹⁾.

Вышеприведенныя нами выписки изъ статьи «Насущный вопросъ» точно характеризуютъ воззрѣнія народоправцевъ. Народоправцы—социалисты, по основнымъ своимъ убѣжденіямъ; если хотите—социалисты-народники, но безъ народническихъ предрасудковъ и боязни политической свободы народниковъ-утопистовъ семидесятыхъ годовъ.

Моя статья была тоже прочитана на ближайшемъ засѣданіи. Въ

¹⁾ „Насущный Вопросъ“. Изданіе фонда В. Р. П. 1895 годъ. London стр. 30—32.

общемъ она была одобрена Совѣтомъ, но должна была тоже предварительно пройти черезъ редакцію Н. К. Михайловскаго. Статя моя служила дополненіемъ къ статѣ А. И. Богдановича, развивала дальше нашу программу. Въ догматической части я болѣе подробно останавливался на аграрномъ вопросѣ,—вопросѣ «земли и воли». Нѣкоторые изъ товарищей моихъ замѣтили по этому поводу что во мнѣ всетаки еще крѣпко сидитъ землевонецъ и революціонное народничество, хотя и радикально преобразованное, снова воскресло въ моей статѣ. Но это,—еще разъ скажу попутно,—и не противорѣчило основной тенденціи «Народнаго Права». И если Богдановичъ въ своей статѣ почти съ негодованіемъ отрешивается отъ народничества, то онъ имѣлъ въ виду исключительно *утопическое народничество* 70-хъ годовъ, съ его слѣпымъ предубѣжденіемъ противъ политической свободы,—во-первыхъ, и *легалное, реакціонное* народничество 80-ыхъ годовъ—во-вторыхъ. Этого не слѣдуетъ забывать при исторической оцѣнкѣ народоправства. Манифестъ народоправцевъ далъ лишь общую схему социально-политическаго мышленія, подчеркивая въ этой схемѣ *на-сущный вопросъ* данного момента,—«вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ ту или другую сторону зависитъ будущность народа».

Недѣли двѣ спустя по отправленіи моей статьи въ Петербургъ, «центръ» предложилъ мнѣ отправиться въ Одессу, чтобы завязать тамъ кое-какія сношенія съ мѣстной интеллигенціей.

Мы особенно рассчитывали на кое-кого изъ «стариковъ». Расчеты наши не оправдались. Только одинъ Б—овъ, познакомившись съ нашимъ направленіемъ по моей статѣ, которую я, по совѣту товарищей, захватилъ съ собою, обѣщаль свое содѣйствіе въ формѣ сотрудничества въ нашемъ органѣ. С. Л. Ч—скій скептически отнесся къ нашему опыту революціонной организаціи и не далъ опредѣленнаго отвѣта.

Вообще въ Одессѣ я засталъ далеко неподходящее для нашего дѣла настроеніе. Не то, чтобы намъ не сочувствовали совсѣмъ,—этого нельзя сказать!—но чуялась усталость, сомнѣніе; люди оглядывались по сторонамъ, глаза ихъ прямо говорили:—«попытайтесь! попытка—не шутка. Посмотримъ! если дѣло ваше пойдетъ, тогда, пожалуй, пристанемъ къ вамъ!»

Такъ я вернулся обратно въ Орелъ съ пустыми почти руками. А между тѣмъ я нашелъ въ Орлѣ кое-какія перемѣны. Типографія уже была водворена въ Смоленскѣ, не мала тревогъ это стоило намъ. Выборъ города,—передавали мнѣ,—вызвалъ сильные споры. Остановились на Смоленскѣ потому, что это городъ бойкій, торговый, а полиція тамъ примитивная. Правда, указывали—и весьма резонно—на то, что въ Смоленскѣ лѣтомъ 1894 года ожидается приѣздъ государя на маневры, что это одно ужъ обстоятельство вызоветъ бдительность властей. Это—во-первыхъ. А, во-вторыхъ, что квартира, гдѣ помѣщается типографія, находится не вдалекѣ отъ полотна желѣзной дороги, которое всегда ревниво охраняется, а особенно это будетъ имѣть мѣсто во время Высочайшихъ маневровъ. Тѣмъ не менѣе большинствомъ голосовъ выборъ палъ на Смоленскъ и типографія водворена тамъ. Типографская группа уже организовалась. Въ нее вошли:

М. А. Манцевичъ, Александрова,—какъ хозяйка квартиры, Е. Троицкая (родственница послѣднихъ), Н. Фоякова, какъ прислуга, и Лежава, черезъ котораго велись внѣшнія сношенія.

Составъ лицъ не оставлялъ ничего лучшаго желать. Все народъ выдержанный и надежный. Особенно,—къ слову сказать,—Н. П. Фоякова играла свою роль блистательно. Во время облавы на типографію,—разсказывали мнѣ,—въ моментъ обыска и предварительнаго допроса полиція самымъ безцеремоннымъ образомъ вытолкала Фоякову въ кухню, какъ слишкомъ ужъ «юркую» горничную, которая повсюду «суетъ свой носъ». Только впослѣдствіи полиція спохватилась и задержала Фоякову. Припоминаю, что Н. П. Фоякова стала входить въ свою роль еще въ Орлѣ. Я ее проводилъ на вокзалъ при отъѣздѣ ея изъ Орла въ Смоленскъ, усадилъ ее въ вагонъ. Я былъ пораженъ и вмѣстѣ съ тѣмъ встревоженъ, когда увидѣлъ, какъ скоро вокругъ нея образовалось общество кавалеровъ изъ «народа», выразившихъ ей свое «вниманіе» и «почтеніе». Я взглянулъ на Фоякову и встрѣтилъ живые, беззаботные глаза.

— Дѣйствительно, горничная! подумалъ я.

Итакъ, типографія устроилась. Но чего-то еще не хватало,—не могу сказать чего. Н. С. Т—въ металлъ громы и молніи, обвиняя въ чемъ то «Пана», его небрежность, неряшливость. Помню также, что товарищи жаловались на то, что черную работу, какъ, напримѣръ покупку бумаги для типографіи, приходилось дѣлать самимъ «старикамъ». Это было неудобно. Бумага покупалась въ Москвѣ и препровождалась въ Смоленскъ. «Старики» же были ужъ скомпрометированы и на виду у полиціи. На мой вопросъ, почему не поручать этого немудренаго дѣла «чистымъ» людямъ, получился грустный отвѣтъ: «таковыхъ нѣтъ!» Приходилось по неволѣ выѣзжать на плечахъ то Т—ва, то Ф—ова, то Р—ся, а за нѣкоторыми изъ нихъ уже слѣдили по пятамъ. Н. С. Т—ва въ Брестѣ на вокзалѣ, при выходѣ изъ него окружили охранники, прижали его къ стѣнѣ и, пользуясь общей суматохой и давкой, вытащили изъ его кармана бумажникъ, расчитывая, конечно, найти тамъ важныя бумаги. Мало того. Мы вскорѣ убѣдились въ томъ, что за квартирами М. Н. и Т—ва учрежденъ весьма тщательный надзоръ. Намъ грозилъ, такимъ образомъ, двойной провалъ: и здѣсь въ Орлѣ, и—что еще ужаснѣе было бы—въ Смоленскѣ, если бы прослѣдили наши періодическія сношенія съ послѣднимъ. Къ несчастью, въ это время какъ разъ открыта была въ Орлѣ ловкая шайка фальшивыхъ монетчиковъ.

Полиція стала на ноги и усилила свою бдительность. Пошли строгости. Мы забили тревогу. А шпіоны уже рыскали по нашимъ слѣдамъ. Мы приняли всѣ зависящія отъ насъ мѣры предосторожности.

Казалось, что достигли цѣли. М. Н., по дѣламъ службы, переѣхалъ въ Петербургъ. Онъ ужъ распрощался со всѣми. Онъ хлопоталъ теперь о томъ, чтобы разрѣшили его женѣ переѣхать въ Петербургъ. Онъ звалъ теперь меня туда, Т—ва и Г—скаго. Однимъ словомъ, рѣшено «центръ» перевести въ Петербургъ. Прочіе же члены—Ф—овъ и Р—сь поторопились выѣхать. Первый получилъ

мѣсто въ Харьковѣ, гдѣ успѣшно велъ дѣло среди интеллигенціи, завязывалъ новыя сношенія, устанавливалъ необходимыя связи. Я рѣшилъ хлопотать о разрѣшеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ. Съ этой цѣлью я нашелъ болѣе удобнымъ начать хлопоты не въ Орлѣ, а на родинѣ моей, въ Бахмутѣ, гдѣ меня знаютъ. Въ половинѣ марта я оставилъ Орель. Отвѣтъ изъ департамента полиціи о разрѣшеніи мнѣ двухъ-недѣльнаго прожительства въ Петербургѣ прибылъ на родину приблизительно на Вербной недѣлѣ. Я поторопился въ Петербургъ, рассчитывая на то, что мнѣ еще до Свѣтлыхъ праздниковъ удастся выхлопотать себѣ право жительства въ Петербургѣ на болѣе продолжительное время. Знакомые мои уже нашли мнѣ мѣсто въ Петербургѣ, а это именно и было нужно. Мои хлопоты увѣнчались *относительнымъ* успѣхомъ: мнѣ разрѣшили жительство въ губерніи, но не въ столицѣ. На первыхъ порахъ и это было хорошо. Я получилъ мѣсто эпидемическаго врача въ Новоладожскомъ уѣздѣ. Лѣтомъ сношенія съ Петербургомъ были очень удобны, но зимою затруднительны.

Я надѣялся, что къ зимѣ обстоятельства сложатся къ лучшему. Покончивши свои дѣла въ департаментѣ, я повидался съ М. N. Онъ былъ въ приподнятомъ настроеніи духа. Личныя его дѣла шли хорошо: женѣ разрѣшили поселиться въ Петербургѣ.

На наши народоправскія дѣла онъ тоже смотрѣлъ розово: все, дескать, идетъ хорошо, органъ скоро появится, а тамъ можно будетъ приступить и къ рабочему органу. А пока надо готовить брошюры для рабочихъ, на это теперь большой спросъ.

— «Наше общество,—заключилъ М. N.,—растетъ; что особенно важно, это то, что къ нему примкнули значительные общественные элементы».

М. N. выглядѣлъ тогда юношей. Удивительно это сочетаніе въ немъ голаго, почти холоднаго реализма съ живымъ, яркимъ романтизмомъ.

Я слышалъ нерѣдко нареканія на М. N., что онъ будто имѣлъ обыкновеніе дѣло представлять въ преувеличенномъ видѣ. Объ «обыкновеніи» здѣсь и рѣчи не можетъ быть. Тѣ, которые утверждаютъ это, не знаютъ М. N., не знаютъ его психологіи. М. N. розово, бодро смотрѣлъ на все, ибо онъ глубоко вѣрилъ въ свое дѣло, далеко прозрѣвалъ и мечты свои, помимо своей воли, легко олицетворялъ въ реальныя сущности.

М. N. собралъ совѣтъ. Собрались мы, помню, на квартирѣ покойной Батюшковой. На совѣтѣ присутствовали Т—въ, А. И. Богдановичъ, А. И. В—й, А. В. Г—скій и я. Недоразумѣнія, возникшія было между В—мъ и Т—мъ, разъяснились. Засѣданіе прошло живо, бодро, весело. «Центръ» переносится въ Петербургъ. Редакція и типографія функционируютъ уже. Центральный органъ выйдетъ на дняхъ. Въ будущемъ намъ рисуются веселыя перспективы...

А въ это время ангель смерти ужъ виталъ надъ нами, коса его уже заносилась надъ «Народнымъ Правомъ», уже слышенъ былъ ликующій возгласъ побѣдителя: «горе побѣжденнымъ!»

На третій день Пасхи, лѣто отъ Рождества Христова 1894-е,

партія «Народнаго Права» была разгромлена почти на всѣхъ ея позиціяхъ одновременно: въ Петербургѣ, Москвѣ, Орлѣ, Смоленскѣ (гдѣ взята типографія), Харьковѣ и Новгородѣ. Арестованы: Натансоны, Тютчевъ, Геденовскій, Флеровъ, Львовъ, Сотниковъ, Ромась, Фонякова, Троицкая, Александрова, Лежава, Манцевичъ, Яковлевъ, Жирякова, инженеръ Королевъ, податный инспекторъ Вальтеръ, П. Ф. Николаевъ, завѣдующій статистическимъ бюро петербургскаго губернскаго земства, Чермакъ и многіе другіе.

Ударъ былъ рѣшительный и роковой. Партія «Народнаго Права» была разбита на голову. Фактически, какъ *організація*, она перестала существовать. Она просуществовала не больше года—съ лѣта 1893 года по весну 1894 годъ—и не успѣла даже стать исходнымъ пунктомъ освободительнаго движенія.

Главные члены «Народнаго Права», послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости и тюрьмахъ, были сосланы въ Якутскую область, Восточную Сибирь и на Сѣверъ (Архангельскую и Вологодскую губерніи) на сроки отъ трехъ лѣтъ—минимумъ, до 8 годовъ—максимумъ. На 8 лѣтъ: Тютчевъ и Манцевичъ; на 5 лѣтъ В. Сибирь: Натансонъ, Л. Александрова. Ев. Яковлевъ, Ромась, Н. Фонякова, М. Жирякова, А. Лежава, А. В. Геденовскій; 3 года въ Архангельскую губ.: Эк. Троицкая, Максимова, Львова, Львовъ, Флеровъ (9 мѣсяцевъ «Кресты» еще); 3 года Вологда: Жданова; 3 года Вологод. губ.: Куманинь, Лебедевъ, Вл. Н.; «Кресты»: Сыцянко, М. и Гольденбергъ.

Гдѣ же причины этой роковой неудачи? Нѣкоторые указываютъ на дефекты въ организациі «Народнаго Права», на отсутствіе строго выдержанной централизаціи и конспиративности. Указываютъ на то, что почти всѣ шаги народоправцевъ были извѣстны администраціи съ самаго начала, что за ними по пятамъ слѣдили изъ Саратова до Орла, изъ Орла до Смоленска, гдѣ устроили типографію. Можетъ быть, въ этомъ есть доля правды, но не вся правда¹⁾. «Дефекты» во всякой организациі имѣются, провалы, жертвы тоже неизбѣжны, но *живое* дѣло отъ этого не гибнетъ. Въ борьбѣ оно крѣпнетъ, изъ поражений оно возстановляется, какъ фениксъ изъ пепла.

Гдѣ же послѣдователи? *Какъ стройная организациія, съ планомѣрной тактикой, съ вліяніемъ и вѣсомъ*, общество «Народное Право» не возродилось.

Можетъ быть,—моментъ былъ неподходящій? И этого нельзя сказать.

Все, повидимому, благопріятствовало началу такого опыта: и общее оппозиціонное настроеніе, и броженіе среди рабочихъ массъ городского и отчасти крестьянскаго населенія и объективный ходъ исторіи—полное экономическое наше раззореніе и банкротство правящихъ классовъ. Почему же опытъ не удался? По крайнему нашему разумѣнію единственно потому, что *точка приложенія революціонныхъ силъ взята не та: силы надо было приложить къ рабочимъ*

¹⁾ См. въ майской книжкѣ „Былое“ за настоящій годъ „Изъ обзора важнѣйшихъ дѣяній за 1894 годъ“. Ред.

массамъ особенно городскимъ, а не къ широкимъ оппозиционнымъ слоямъ общества.

Въ стремленіи партіи «Народнаго Права» «создать организованное общественное мнѣніе въ противовѣсъ неподвижности прависельства и узкимъ интересамъ самодержавія» заключалось здоровое ядро, и цѣль была бы достигнута, если бы она не возлагалась на самое общество. Полагаться на одно либеральное общество нельзя.

Ничего нельзя построить въ расчетѣ на него: это зыбкая, колеблющаяся, шаткая база — песокъ. На песцѣ же ничего нельзя строить.

Только опираясь на рабочія массы, можно что-нибудь строить.

In hoc vincis! Скажу здѣсь попутно, что послѣдніе Могикины изъ народоправцевъ въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ 96—98 годовъ видимо стали склоняться къ этой именно точкѣ зрѣнія: они посвящаютъ много мѣста хроникѣ рабочаго движенія въ Россіи, они обращаются къ «господамъ рабочимъ» съ воззваніемъ, ободряя ихъ въ непосильной борьбѣ съ гнетомъ, они, наконецъ, въ статьѣ «Разговоръ»¹⁾ явно становятся на сторону социалдемократизма. Это несомнѣнно шагъ впередъ.

Опытъ революціонной организаціи «Народнаго Права» — поучительный опытъ. Онъ ясно намъ говоритъ, какъ нецѣлесообразны и опасны бываютъ на практикѣ утопія и романтика. Опереться на одно «общество» — чистая утопія. Невольно при этомъ вспоминаются золотыя слова Герцена: — «идеи, пережившія свое время, могутъ долго ходить съ клюкой, могутъ даже, какъ Христось, еще разъ два, показаться послѣ смерти своимъ адептамъ, но трудно для нихъ снова завладѣть жизнью и вести ее. Они не увлекаютъ всего чело- вѣчества, или увлекаютъ только неполныхъ людей»¹⁾.

О. В. Аптекманъ.

¹⁾ „Наше Время“ № 2. Сборникъ свободной печати. Изд. общества „Народнаго Права“ 98 г.

²⁾ Былое и Думы. Т. II, стр. 274. Женевское изданіе.

Земское движеніе до образованія Партіи Народной Свободы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Мы будемъ не далеки отъ дѣйствительности, если скажемъ, что въ 1900 году однимъ изъ первыхъ проявленій правительственной реакціи была приостановка дѣятельности Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества.

Правительство рѣшило прежде всего уничтожить всероссійскій центръ, возлѣ котораго группировались земскія силы и особенно «третій элементъ», не на шутку ставшій тревожить бюрократію.

Учрежденіе это, которому въ 1900 году минуло ровно 135 лѣтъ существованія, давно уже, какъ мы видимъ было бѣльмомъ на глазу правительства, а начало 1900 г. какъ разъ совпало съ особеннымъ «шумомъ» поднятымъ въ самомъ «опасномъ» отдѣлѣ общества, въ III-мъ, гдѣ обсуждались вопросы политической экономіи и сельско-хозяйственной статистики ²⁾. Въ это время въ названномъ отдѣлѣ происходила, можно сказать битва двухъ направлений: такъ называемаго народническаго или, вѣрнѣе, социологической школы и марксистскаго, или школы экономическаго матеріализма. Со свойственной русской молодежи пылкостью, она быстро увлеклась ученіемъ этой послѣдней школы, какъ и представителемъ ея П. Б. Струве, отдѣльно изданная книга котораго—*«Критическія замѣчанія къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи»*,—уже въ 1894 году создали ему необыкновенную популярность среди учащейся молодежи и «третьяго элемента». ³⁾ Почти одновременно съ П. Б. Струве другимъ авторитетомъ для молодежи былъ М. И. Туганъ-Барановскій, докторъ политической экономіи и приватъ доцентъ С.-Петербургскаго университета, удаленный оттуда въ 1899 году по распоряженію министра народнаго

¹⁾ См. апрѣль, май, іюнь „Былое“ за 1907 г.

²⁾ По уставу 1872 г. Имп. В. Эк. Об-во дѣлилось на три отдѣла: I—сельско-хозяйственный; II—техническое сельско-хозяйственное производство и земледѣльческая механика и III—политическая экономія и сельско-хозяйственная статистика.

³⁾ Другая книга, создавшая себѣ не меньшую популярность, принадлежала Бельтову (псевдонимъ Плеханова): „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.

просвѣщенія. Особеннымъ вниманіемъ и популярностью среди «третьяго элемента» пользовались два его сочиненія: «*Промышленные кризисы*» и «*Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ*».

Въ началѣ 1900 г. П. Б. Струве и М. И. Туганъ-Барановскій выступили въ III-мъ отдѣленіи Вольнаго Экономическаго Общества съ рядомъ докладовъ, посвященныхъ марксизму и вызвали тѣмъ самыя горячія пренія двухъ названныхъ выше направленій среди молодежи, значительная часть которой въ буквальномъ смыслѣ слова преклонялись передъ докладчиками—это были тогда ея идолы ¹⁾.

Среди этой молодежи громадный % представляли земскій «третій элементъ», по-преимуществу земскіе статистики.

Можно сказать, что въ 1900 году при дебатахъ въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ уже опредѣленно выяснилась русская социалдемократическая партія.

Конечно, это обстоятельство въ глазахъ правительства составляло нѣчто ужасное и безусловно недопустимое, хотя въ сосѣдней странѣ, Германіи, эта партія насчитывала уже болѣе 30 лѣтъ существованія безъ всякаго видимаго вреда для государства. Но русская бюрократія предпочитала загнать русскую социалдемократическую партію въ подполье, чтобы превратить ее уже въ открыто революціонную, чего скоро и добилась.

По своему удивительному «безпристрастію» по части репрессій и неразборчивости, правительство точно также относилось и къ социологической школѣ, и къ чисто земскому направленію.

Его все страшило, все пугало, что выступало открыто, да и принципиально оно стояло за абсолютизмъ и могильную тишину, а потому, естественно, такой «революціонный» очагъ не долженъ былъ существовать.

И вотъ уже въ началѣ 1900 года возникаетъ вопросъ о «преобразованіи» Вольнаго Экономическаго Общества, чему много способствовалъ державшій носъ по вѣтру министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ А. С. Ермоловъ, а 21 апрѣля общему собранію было уже предъявлено Высочайшее повелѣніе отъ 8-го апрѣля, которымъ, «по всеподаннѣйшему докладу министровъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, въ виду предуказанной Его Императорскимъ Величествомъ необходимости пересмотра устава Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» былъ воспрещенъ доступъ «постороннихъ посѣтителей» какъ въ общія, такъ и въ собранія отдѣленій, а дѣятельность самаго общества была отдана подъ надзоръ г. Ермолова. Что же касается «пересмотра устава», то это, конечно, было только предлогъ ²⁾. Для отвода глазъ, была образована «особая временная комиссія» подъ предсѣдательствомъ товарища министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ В. И. Вешнякова,

¹⁾ Къ этому моменту или немного позже относится и громадная популярность магистра политической экономіи С. Н. Булгакова. Онъ былъ въ то время марксистомъ, что ярко выразилось въ его диссертаци «Капитализмъ и Земледѣліе».

²⁾ Нельзя не отмѣтить, что президентъ В. Эк. Об-ва, графъ П. А. Гейденъ, о которомъ мы уже говорили, и на этотъ разъ проявилъ много гражданскаго мужества для защиты общества, но изъ этого ничего не вышло.

въ которую вошли 8 членовъ совѣта Общества и столько же лицъ, приглашенныхъ Ермоловымъ.

Собрание Вольнаго Экономическаго Общества, заслушавъ изложенное повелѣніе, выразило «твердое убѣжденіе въ томъ, что Общество, являющееся старѣйшимъ общественнымъ учрежденіемъ въ Россіи, стремившееся выражать истинныя потребности времени и служить общенароднымъ интересамъ, можетъ плодотворно развивать свою дѣятельность лишь при сохраненіи начала публичности, гласности, полной самостоятельности и свободы научнаго изслѣдованія». Въ виду же отсутствія этихъ условій, оно постановило, «до тѣхъ поръ, пока съ разрѣшеніемъ уставнаго вопроса дѣятельность общества не войдетъ въ нормальныя условія,—приостановить эту дѣятельность въ тѣхъ ея частяхъ, которыя предусмотрѣны Высочайшимъ повелѣніемъ и которыя подлежатъ контролю министра земледѣлія».

Послѣ этого въ Обществѣ стали работать только коммисіи: почвенная, статистическая, по бесплатной разсылкѣ книгъ и по крестьянскому вопросу. ¹⁾ Но онѣ, когда надо было, все же достигали общественныхъ цѣлей. Особенно это можно сказать о коммисіи статистической, подъ флагомъ которой дѣйствовало, въ сущности говоря, III-е отдѣленіе, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго писателя и земскаго статистика Н. Ф. Анненскаго, о которомъ мы уже не разъ говорили.

Въ общемъ, можно сказать, что правительство и въ данномъ случаѣ своими репрессіями достигло только того, что Вольное Экономическое Общество, какъ гонимое, приобрѣло громадныя общественныя симпатія и вмѣсто открытой дѣятельности перешло къ закрытой, полулегальной, что, въ силу русской дѣйствительности, пожалуй, еще больше возвышало его авторитетъ.

Бюрократія думала, однако, совершенно иначе и одновременно съ уничтоженіемъ всероссійскаго «революціоннаго» очага, гдѣ находило себѣ пріютъ земство, принялось за коренную ломку послѣдняго.

По мысли «либеральнаго» министра финансовъ С. Ю. Витте, горячо, несомнѣнно, поддержанной реакціонными элементами, въ 1900 г. рѣшено было разрушить самый фундаментъ, на которомъ зиждется самоуправленіе—лишить его права самообложенія, или, другими словами,—лишить земство средствъ.

Для достиженія этой цѣли, 12 іюня 1900 года былъ изданъ законъ о предѣльности земскаго обложенія. Въ силу его увеличеніе сборовъ съ недвижимыхъ имуществъ выше установленныхъ закономъ, могло быть утверждено лишь губернаторомъ, согласно заключенію губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, если не будетъ признано «обременительнымъ для населенія или не вызывающимъ необходимости». Такимъ образомъ, судьей въ вопросахъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, являлись, вмѣсто земства, уже бюрократія. Какъ это отразилось на земскомъ хозяйствѣ, особенно въ моментъ наи-

¹⁾ Что касается коммисіи Вешнякова, то она къ концу 1900 г. закончила возложенную на нее миссію по переработкѣ устава и представила свой трудъ Ермолову, но въ портфель этого министра и была похоронена, а В. Эк. Общество, кажется, и до настоящаго времени не знаетъ, что сдѣлала вешняковская коммисія.

высшаго напряженія земской культурной работы, могутъ служить доклады управъ и дебаты въ собраніяхъ того времени. Для образчика приведемъ здѣсь докладъ смѣтно-ревизіонной комисіи Курскаго губернскаго земства, заслушанный и принятый очереднымъ губернскимъ земскимъ собраніемъ 1900 года.

Разсмотрѣвъ законъ 12 іюня 1900 года, названная комисіа нашла, что онъ отразился уже въ томъ же 1900 году на ходѣ земскаго хозяйства. «Не обсуждая вопроса о томъ, необходимо ли для государственной власти устанавливать заранѣе предѣлъ мѣстнаго обложенія,—писала комисіа,—слѣдуетъ имѣть въ виду, что предѣльная высота земскаго обложенія должна быть установлена по какому-либо конкретному признаку, а не находится въ зависимости отъ столь случайнаго обстоятельства, какъ высота земскаго обложенія по смѣтѣ 1900 г. Не закрывая глазъ на допущенныя Курскимъ земствомъ ошибки, возможно утверждать, что земскія учрежденія по вопросу о томъ, какія изъ мѣстныхъ нуждъ оказываются неотлагательными и въ какой мѣрѣ возможно и необходимо ихъ осуществить, являются судьями не менѣе компетентными, чѣмъ губернская администрація или даже министерство внутреннихъ дѣлъ. Ограниченіе правъ земства по самообложенію представляется тѣмъ болѣе непонятнымъ, что право сельскихъ обществъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не ограничено. Съ ограниченіемъ правъ земства еще вполне возможно помириться, если бы законъ 12 іюня служилъ бы къ существенному облегченію общеподатной тягости населенія; однако же, этой цѣли законъ не достигаетъ: земскіе сборы, какъ извѣстно, составляютъ небольшую часть государственныхъ налоговъ прямыхъ и косвенныхъ; земскіе платежи расходуются на удовлетвореніе ближайшихъ и мѣстныхъ нуждъ, между тѣмъ какъ расходы государства въ значительной степени имѣютъ въ виду пріобрѣтеніе такихъ благъ, которыми современное поколѣніе плательщиковъ едва ли воспользуется». Высказываясь, такимъ образомъ, за необходимость освободить земство отъ стѣснительныхъ правилъ закона 12 іюня, комисіа также указывала, что мѣстныя пользы и нужды не удовлетворяются земствомъ въ достаточной мѣрѣ за неимѣніемъ средствъ, доставляемыхъ почти исключительно сельско-хозяйственною промышленностью: для приведенія въ соотвѣтствіе средствъ земства съ возложенной на него обязанностью удовлетворенія всѣхъ мѣстныхъ потребностей необходимо расширеніе круга земскаго обложенія и освобожденіе земствъ отъ лежащихъ на нихъ обязательныхъ расходовъ. На основаніи вышеизложеннаго, собраніе, согласно предположенію комисіи, постановило:

- 1) возбудить ходатайство о непримѣненіи къ земскимъ учрежденіямъ Курской губерніи положенія 12 іюня 1900 г. о предѣльности земскаго обложенія,
- 2) ходатайствовать о разрѣшеніи земству Курской губерніи облагать торговыя и промышленныя заведенія, находящіяся въ предѣлахъ Курской губерніи, особымъ сборомъ, который можетъ быть опредѣленъ въ видѣ извѣстнаго $\%$ къ государственному промысловому налогу,
- 3) ходатайствовать о принятіи на средства государственнаго казначейства расходовъ по разѣздамъ чиновъ полиціи и судебныхъ слѣдователей, по вознагражденію казначействъ за

хранение и приемъ земскихъ сборовъ по содержанию домовъ арестуемыхъ и по этапно-арестантской повинности. Подобнаго рода ходатайства, мотивированныя, между прочимъ, необходимостью всеобщаго обученія возбуждались почти всѣми не только губернскими, но и уѣздными земствами.

Конечно, ходатайства эти не удовлетворялись, потому что правительство вѣдь и стремилось, какъ мы говорили, лишить земство средствъ, т. е. уничтожить почву для проявленія самостоятельной дѣятельности. Оно, вѣроятно, только радовалось, когда узнавало о такихъ сообщеніяхъ, какія, на примѣръ, дѣлала губернскому собранію та же Курская управа въ 1901 г.: «вслѣдствіе послѣднихъ распоряженій правительства о фиксаціи земскихъ смѣтъ, о размѣрѣ подлежащей къ зачету въ дорожную смѣту недоимки съ крестьянскихъ обществъ и частныхъ владѣльцевъ, рамки расширенія доходной смѣты настолько сужены, что приходится расходную смѣту суживать до невозможнаго».

Одновременно съ закономъ о предѣльности земскаго обложенія, того же 12 июня, опубликованъ былъ и «новый» законъ о народномъ продовольствіи, которымъ земство совершенно устранялось отъ завѣдыванія мѣстными продовольственными запасами и продовольственной помощью.

Объ этомъ законѣ мы уже говорили при обзорѣ 1899 г., когда онъ былъ переданъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, а потому здѣсь скажемъ лишь, что какъ земскія ходатайства о передачѣ этого закона, когда онъ былъ еще законопроектомъ, на разсмотрѣніе земскихъ собраний, такъ и пожеланія, чтобы при обсужденіи его правительствомъ участвовали и земскіе представители не только не были удовлетворены, но нѣкоторые предсѣдатели земскихъ собраний, какъ то было, на примѣръ, въ вятскомъ земствѣ, даже не допускали обсужденія этого вопроса въ собраніяхъ. Земскіе представители, въ лицѣ предсѣдателей Петербургской, Московской, Херсонской, Орловской и Саратовской губернскихъ земскихъ управъ и предсѣдателей уѣздныхъ управъ Петербургской губерніи были вызваны въ Петербургъ только по пустячному, сравнительно, вопросу, именно—по разсмотрѣнію проекта правилъ о повѣркѣ земской отчетности учрежденіями государственнаго контроля. Но и въ данномъ случаѣ роль ихъ была такова, что они заявили протестъ относительно ограниченія компетенціи комиссіи обсужденіемъ лишь практической стороны правилъ и потребовали передачи проекта на разсмотрѣніе губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ собраний.

Лишивъ земства такого существеннаго права, какъ самообложенія, устранивъ отъ народнаго продовольствія, правительство энергично стало тѣснить земство въ дѣлѣ народнаго образованія. Не ограничиваясь отклоненіемъ всякихъ ходатайствъ въ этой отрасли хозяйства ¹⁾,

¹⁾ Между прочимъ, въ 1900 году министерствомъ народнаго просвѣщенія проектировалъ „Наказъ училищнымъ совѣтамъ“, который, въ случаѣ его утвержденія, совершенно отчуждалъ земство отъ дѣла народнаго образованія. Земства энергично стали требовать, чтобы, прежде утвержденія этого наказа, послѣдній былъ сообщенъ для отзыва земскимъ собраніямъ, но всѣ ходатайства такого рода были отклонены, хотя въ концѣ концовъ „Наказъ“ не былъ приведенъ въ исполненіе.

бюрократія заставила и Верховную власть отрицательно отнестись къ земской работѣ по просвѣщенію народа, чтобы тѣмъ поставить земство въ совершенно безвыходное положеніе.

Такъ, по выраженному воронежскимъ губернаторомъ мнѣнію, что осуществленіе возбужденнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ вопроса о введеніи всеобщаго обученія въ губерніи, переданнаго для детальной разработки въ уѣздныя земскія собранія, окажется непосильнымъ для земства, такъ какъ для этого потребуется увеличенія земскаго обложенія на 450.000 руб. въ годъ, каковой расходъ не соотвѣтствуетъ нынѣшнему экономическому положенію населенія, обремененному и безъ того земскими налогами, Государь на Всеподданнѣйшемъ докладѣ написалъ: «надѣюсь, что губернское земское собраніе трезво отнесется къ подобному увлеченію».

Чтобы окончательно избавиться отъ земскихъ требованій относительно изданія общеземскаго органа, каковое стремленіе уже въ 60-хъ годахъ не безъ основанія объяснялось стремленіемъ земствъ къ единенію, хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ еще въ 1899 году разослалъ въ земскія управы объявленія, что съ января 1900 г. при департаментѣ будетъ издаваться періодическій сборникъ подъ заглавіемъ «*Вѣстникъ земскою и юродскою хозяйства*».

Толку изъ этого бюрократическаго предпріятія, конечно, никакого не получилось, и, кажется, пресловутый «*Вѣстникъ*» вовсе не выходилъ. Но земствамъ этимъ рѣшеніемъ былъ, что называется, заткнутъ ротъ. Правительство имѣло возможность отвѣчать: «зачѣмъ вамъ теперь общеземскій органъ, когда таковой уже будетъ издаваться министерствомъ?»¹⁾

Относительно другого рода нежелательныхъ земскихъ требованій принимались иныя, не менѣе энергичныя, мѣры. Губернаторы въ 1900 г. неукоснительно воспрещали вносить на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній ходатайства уѣздныхъ земскихъ собраній объ освобожденіи населенія отъ тѣлесныхъ наказаній, а если предводители дворянствъ, въ качествѣ предсѣдателей собраній, допускали, то имъ грозила кара до преданія суду включительно. Такъ, между прочимъ, возбуждено было за это судебное преслѣдованіе противъ уѣздныхъ предводителей дворянства: Черниговскаго—Г. Н. Глѣбова и Городнянскаго, Черниговской губерніи—М. Д. Карвольскаго-Гриневскаго.

Наконецъ, скажемъ, что въ 1900 году министерство внутреннихъ дѣлъ, вѣроятно, согласно взгляду, высказанному Витте, совершенно отказалось отъ введенія земскихъ учреждений не только въ сѣверо-западныхъ, но и въ юго-западныхъ губерніяхъ.

¹⁾ Скажемъ здѣсь къ слову, что первая мысль объ изданіи общеземскаго періодическаго органа принадлежала Костромской губернской земской управѣ. Эта мысль была весьма сочувственно принята Московскою губернской земскою управою. Планъ въ общихъ чертахъ былъ таковъ. Общеземскій органъ издается въ Москвѣ на средства всѣхъ губернскихъ земствъ и является выразителемъ общеземскихъ интересовъ, равно какъ и мѣстныхъ интересовъ всѣхъ, безъ исключенія земствъ. Онъ объединяетъ земскую дѣятельность и способствуетъ выясненію ея цѣлей и средствъ. Средства, необходимыя для изданія составляются изъ субсидій отъ отдѣльныхъ земствъ въ размѣрѣ 1000 руб. и больше. Очень многія земства согласились на это, но, понятно, министерство внутреннихъ дѣлъ не допустило осуществиться этому органу.

Однако, всѣ эти мѣры не оказывали никакого вліянія на земства.—онѣ, наоборотъ—сплачивали земскихъ дѣятелей и, согласно требованіямъ жизни, заставляли ихъ изыскивать новые пути для достиженія общественныхъ цѣлей и дѣйствовать болѣе энергично, опираясь на пробуждающуюся страну.

Съ 1900 г. земская оппозиція, не обращая уже вниманія на правительственныя распоряженія, начинаетъ почти открыто устраивать частичные сѣзды, которые назывались «слетами»¹⁾. Въ каждомъ случаѣ, когда предстояло объединить земства на какомъ-нибудь вопросѣ, «слетались» видные представители земской оппозиціи и близкія имъ лица изъ «третьяго элемента», а также представители городовъ и дѣлали тѣ или иныя постановленія, которыя затѣмъ проводились въ земскихъ собраніяхъ. Главнымъ пунктомъ для «слетовъ» была Москва, такъ какъ московское губернское земство играло руководящую роль, но «слетались» нерѣдко и въ губернскихъ городахъ, если являлся подходящий случай: какая-нибудь выставка, педагогическіе курсы, какой-нибудь мѣстный сѣздъ—медицинскій, учительскій и т. п. Нерѣдко въ такого рода «слетахъ» принимало участіе такое количество лицъ, что «слеты» носили характеръ сѣздовъ.

Уже въ 1901 году это явленіе настолько бросалось въ глаза, что правительство сочло необходимымъ обратить на это вниманіе губернаторовъ.

Но прежде, чѣмъ привести документъ, сочиненный по этому поводу Сипягинимъ, считаемъ необходимымъ сказать, что реакція въ 1901 году началась неслыханнымъ всемірнымъ скандаломъ. Опредѣленіемъ святѣйшаго синода отъ 20—22 февраля,—конечно, по указаніямъ Побѣдоносцева,—всемірный писатель XIX и начала XX вѣка Левъ Николаевичъ Толстой былъ... отлученъ отъ церкви! Въ этомъ историческомъ и единственномъ въ своемъ родѣ «опредѣленіи» говорилось нижеслѣдующее: «извѣстный всему міру писатель, русскій по рожденію, православный по крещенію и воспитанію своему, графъ Толстой, въ прельщеніи гордаго ума своего, дерзко возсталъ на Господа и на Христа Его, и на святое Его достояніе, явно передъ всѣми отрехшись отъ вскормившей и воспитавшей его Матери, церкви православной, и посвятилъ свою литературную дѣятельность и данный ему отъ Бога талантъ на распространеніе въ народѣ ученій, противныхъ Христу и Церкви, и на истребленіе въ умахъ и сердцахъ людей вѣры отеческой, вѣры православной, которая утвердила вселенную, которую жили и спасались наши предки и которую доселѣ держалась и крѣпка была Русь святая. Въ своихъ сочиненіяхъ и письмахъ, во множествѣ разсѣваемыхъ имъ и его учениками по всему свѣту, въ особенности же въ предѣлахъ дорогого отечества нашего, онъ проповѣдуетъ, съ ревностью фанатика, ниспроверженіе всѣхъ догматовъ

¹⁾ Такіе слеты имѣли мѣсто въ теченіи почти всѣхъ 90-хъ годовъ, но тогда устраивались они конспиративно и не имѣли постояннаго характера. Такъ, на примѣръ, кажется, въ 1892 году въ Москвѣ происходилъ такой частичный сѣздъ, устроенный И. И. Петрункевичемъ. Въ немъ принималъ участіе кн. Д. И. Шаховской, В. Е. Якушкинъ и др. земскіе дѣятели. Въ 1896 или въ началѣ 1897 г., вѣжется, было совѣщаніе въ Бурскѣ, гдѣ были кн. П. Д. Долгоруковъ, кн. Д. И. Шаховской и еще нѣкоторыя лица.

православной церкви и самой сущности вѣры христіанской: отвергаетъ личнаго живого Бога, въ Святой Троицѣ славимаго, Создателя и Промыслителя вселенной; отрицаетъ Господа Исуса Христа-Богочеловѣка, Искупителя и Спасителя міра, пострадавшаго насъ ради человѣковъ и нашего ради спасенія и воскресшаго изъ мертвыхъ; отрицаетъ безсѣменное зачатіе по человѣчеству Христа Господа и дѣвство до рождества и по рождествѣ Пречистой Богородицы Приснодѣвы Маріи, не признаетъ загробной жизни и мздовоздаянія, отвергаетъ всѣ таинства церкви и благодатное въ нихъ дѣйствіе Святого Духа и, ругаясь надъ самыми священными предметами вѣры православнаго народа, не содрогнулся подвергнуть глумленію величайшее изъ таинствъ, святую Евхаристію. Въ силу всего этого, церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею.»

Ни одинъ самый фанатическій поклонникъ Л. Н. Толстого не могъ бы оказать ему большей услуги для его популярности, какъ сдѣлало это приведенное «опредѣленіе» Св. Синода, и самый жестокій врагъ правительства не могъ бы посовѣтовать послѣдному худшаго средства для скомпрометированія. Съ этого момента Левъ Николаевичъ, и такъ всѣмъ чтимый и уважаемый, сдѣлался предметомъ всеобщаго поклоненія. Его случайныя поѣздки въ Крымъ для леченія сопровождались восторженными демонстраціями, и мы ниже увидимъ, какъ это отразилось, между прочимъ, и на земскомъ движеніи. Теперь же возвратимся къ циркуляру министра внутреннихъ дѣлъ относительно обнаруженнаго земскаго единенія. Онъ былъ сочиненъ 23-го августа и разосланъ, какъ мы говорили, губернаторамъ, а послѣдніе, основываясь на этомъ циркулярѣ, писали земскимъ управамъ нижеслѣдующее:

«За послѣднее время усматривается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ земскія и городскія управленія, желая возбудить какое-либо ходатайство по предметамъ, не относящимся исключительно къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, и имѣющимъ характеръ общегосударственный, входятъ въ предварительное сношеніе съ другими общественными установленіями и при томъ не только своей, но иногда даже и другой губерніи съ просьбой возбудить и съ ихъ стороны одновременно ходатайство, подобное предлагаемому. Принимая въ соображеніе, что такія дѣйствія выходятъ изъ предѣловъ власти, предоставленной земскимъ и городскимъ управленіямъ, отрывая послѣднія отъ работы на пользу мѣстную и увлекая ихъ на ложный путь, и имѣя въ виду, что по смыслу ст. 1947-й общ. учр. губ. свода зак. т. II, изданіе 1892 г., общественныя и сословныя собранія, а слѣдовательно и исполнительныя ихъ органы, не въ правѣ вступать въ сношенія съ другими собраніями по дѣламъ, относящимся къ общимъ правительственнымъ распоряженіямъ, иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, г. министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ меня обратить особое вниманіе на недопущеніе земскими и городскими управленіями указанныхъ выше неправильныхъ сношеній, съ предупрежденіемъ, въ случаѣ надобности, что такія дѣйствія, какъ носящія явный характеръ превышенія власти, могутъ повлечь за собою для виновныхъ законную отвѣтственность.»

Въ этомъ документѣ, ясно показывающемъ, что правительство не «усмирило» земство, обращаетъ на себя вниманіе очень важное обстоятельство—это именно участіе въ земскихъ дѣлахъ представителей городовъ. Съ одной стороны, отсюда видно, что земство сумѣло вовлечь въ свою организацію городское самоуправленіе, а съ другой— оно показываетъ, что правительство возбудило противъ себя и чисто буржуазные классы городского населенія, изъ которыхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, состояли городскія управы и Думы.

Нужно ли говорить, что приведенный министерскій циркуляръ не оказалъ ровно никакого воздѣйствія на земство.

Между прочимъ, скоро послѣ этого циркуляра, въ сентябрѣ 1901 г. въ Полтавѣ состоялся любопытнѣйшій областной съѣздъ дѣятелей по кустарнымъ промысламъ изъ губерній: Полтавской, Черниговской, Харьковской, Курской и Кіевской. Созывъ его разрѣшенъ былъ полтавскому сельско-хозяйственному обществу, но земскія сферы прекрасно использовали его въ своихъ цѣляхъ. Хозяиномъ съѣзда сдѣлалось полтавское губернское земство уже потому, что съѣздъ происходилъ въ помѣщеніи губернской земской управы. Роль «кустарей» играли, главнымъ образомъ, земцы, преимущественно «третій элементъ», и вообще интеллигенція.

Земскія собранія Полтавской, Черниговской, Харьковской и Курской губерній командировали на съѣздъ своихъ представителей, но кромѣ того, нѣкоторые земцы явились самостоятельно въ качествѣ «кустарей», какъ напримѣръ, кн. П. Д. Долгоруковъ, П. М. Линтваревъ и др. Полтавская губернія представлена была, конечно, болѣе всего, а полтавская губернская управа участвовала чуть ли не *in corpore* со всѣмъ своимъ «третьимъ элементомъ», при чемъ наибольшее число было статистиковъ съ А. А. Русовымъ во главѣ и агрономовъ. Затѣмъ участвовали и такія лица, какъ пишущій эти строки, какъ В. Г. Короленко и другіе подобные «кустари». Всего съѣхалось около 200 человекъ, но настоящихъ кустарей среди нихъ было очень мало. Предсѣдательствовалъ на съѣздѣ предсѣдатель Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества г. Квитка. Онъ, нужно думать, не мало удивлялся, когда «кустари» дѣлали постановленія—объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о разрѣшеніи женщинамъ поступать во всѣ высшія учебныя заведенія, о расширеніи земскаго самоуправления, о необходимости земскихъ съѣздовъ и т. п. Кромѣ публичныхъ засѣданій «кустари» устраивали частныя бесѣды и въ помѣщеніи полтавскихъ управъ, и на квартирахъ, и въ гостинницахъ. Здѣсь уже происходило единеніе и велись бесѣды на чисто земско-политическія темы. Съѣздъ продолжался 10 дней и былъ очень продуктивенъ въ политическомъ смыслѣ. Между прочимъ, постановлено было считать всѣхъ членовъ полтавскаго съѣзда членами петербургскаго кустарнаго съѣзда, который назначенъ былъ въ 1902 году и, какъ увидимъ, сыгралъ громадную роль въ земскомъ движеніи. Полтавскій съѣздъ закончился, если не измѣняетъ намъ память, празднованіемъ 25-ти лѣтня статистической дѣятельности старшаго изъ статистиковъ А. А. Русова, о которомъ мы не разъ говорили. Участники юбилея, конечно, не думали, что надъ юбиляромъ виситъ уже Дамокловъ мечъ,

который въ слѣдующемъ, 1902 году отрубилъ А. А. Русова не только отъ статистики, но и отъ земства.

По Полтавскому Съѣзду видно, что, какъ мы сказали, министерскій циркуляръ никакого вліянія на земское единеніе не оказалъ. То же самое показали экстренныя и очередныя земскія собранія 1901 г. Изъ постановленій этихъ собраній дѣлалось совершенно очевидно уже установившаяся солидарность земствъ.

Во-первыхъ не взирая на прежнія отклоненія ходатайствъ и на министерское предположеніе издавать «*Вѣстникъ земскаго и городскаго хозяйства*», губернскія и многія уѣздныя земскія собранія съ рѣдкимъ единодушіемъ сдѣлали постановленіе объ изданіи Московскимъ земствомъ общеземскаго органа и ассигновали по 1000 руб. на этотъ органъ. Затѣмъ, по случаю окончившагося въ 1901 году сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ, посыпались опять требованія объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, о введеніи всеобщаго обученія¹⁾, объ установленіи празднованія 19-го февраля, о расширеніи программы начальной школы, чтобы изъ послѣдней былъ прямой переходъ въ среднюю школу, объ учрежденіи комиссій, которыя бы содѣйствовали правовому самосознанію крестьянъ и т. д. и т. п.

Что еще особенно важно, такъ это то, что съ ходатайствами объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, по случаю 40-ка-лѣтія освобожденія крестьянъ, выступили въ 1901 г. и городскія Думы, тѣмъ подтверждая опасенія правительства о начавшейся связи земскаго и городского самоуправленій,—а также доказывали бесплодность министерскихъ приказовъ.

Было до очевидности ясно, что старые приемы уже не дѣйствовали, что нужны новыя мѣры, соотвѣтственно росту общественного самосознанія, но слѣпая бюрократія знать ничего не хотѣла, и отвѣтила земству, по прежнему, рядомъ репрессій.

Отказывая во всѣхъ ходатайствахъ, она въ то же время растерянно и безъ всякой системы то удаляла, то не утверждала земскихъ дѣятелей и чинила всяческія препоны.

Въ Ялтѣ, на примѣръ, не былъ утвержденъ предсѣдателемъ уѣздной земской управы г. Келлеръ, избранный громаднымъ большинствомъ гласныхъ; въ Полтавѣ было воспрещено празднованіе 19 февраля и приказано ничего не говорить объ освобожденіи крестьянъ; въ Перми министръ внутреннихъ дѣлъ не утвердилъ устава Пушкинскаго общества для содѣйствія народному образованію, проектированнаго губернскимъ земскимъ собраніемъ; во Владимірѣ были уволены земскіе статистики, за сочувственную телеграмму Н. Ф. Анненскому, избитому въ Петербургѣ во время демонстраціи на Казанской площади, въ Костромѣ администрація задержала всѣхъ статистиковъ, командированныхъ земствомъ на изслѣдованіе въ губернію; въ Вяткѣ главное

¹⁾ Какъ смотрѣло на всеобщее обученіе духовенство, руководимое Побѣдоносцевымъ, стоявшимъ во главѣ правительства, можно, между прочимъ, заключить изъ «*Почтенія*» костромскаго епископа Виссаріона, напечатаннаго въ 1901 г. въ «*Костромскіе Епархіальныя Вѣдомостяхъ*». Епископъ этотъ, предпочиталъ пьянство образованію, на томъ основаніи, что первое вредитъ только тѣлу, а послѣднее «развращаетъ душу».

управленіе по дѣламъ печати сначала задержало изданные губернскими земствомъ нѣкоторые рассказы Елпатьевского и Станюковича, «впредь до выясненія вопроса о правѣ земства издавать беллетристическія произведенія», а затѣмъ запретило и не возвратило земству этихъ изданій; въ Малмыжѣ, Вятской губерніи, не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя управы В. А. Батуевъ, который занималъ эту должность въ теченіе 9-ти лѣтъ; Дубяга, предсѣдатель Зѣньковской (Полт. губ.) управы, вынужденъ былъ «подать въ отставку»; въ Самарѣ губернаторъ устранилъ отъ должности 9 статистиковъ, а также техниковъ и другихъ служащихъ въ управѣ; въ Бѣлевѣ, Тульск. губ., не былъ утвержденъ предсѣдателемъ Ф. З. Арбузовъ, горячій защитникъ народнаго образованія; въ Оханскомъ, Пермской губерніи, земскомъ собраніи предсѣдатель Салтыковъ не разрѣшилъ заслушать докладъ управы о мелкой земской единицѣ, «на основаніи имѣющейся инструкціи»; не былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ и въ Пермскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, а постановленіе о томъ же Стерлитамакскаго, Уфимск. губ., собранія было опротестовано губернаторомъ.

Кромѣ того, министерство внутреннихъ дѣлъ въ 1901 г. внесло въ государственный совѣтъ проектъ установленія контроля за расходами земскими учрежденіями земскихъ капиталовъ; оно же предлагало губернаторамъ «имѣть строгое наблюденіе за недопущеніемъ земствомъ къ изданію неподлежащихъ (?) литературныхъ произведеній»; оно же разослало циркуляръ губернаторамъ пострадавшихъ отъ неурожая 1901 г. губерній, въ которомъ земскимъ начальникамъ предлагалось образовать продовольственные пункты въ каждой волости и «избрать» попечителей.

Къ этому, кажется, времени относится и разгромъ врачебно-продовольственнаго комитета Пироговскаго Общества, въ которое, какъ мы уже говорили, входило и входитъ очень много земскихъ врачей, находившихъ здѣсь большій просторъ и для обмѣна мнѣній, и для широкой постановки вопросовъ, чтобъ на мѣстныхъ земско-врачебныхъ сѣздахъ, которые преслѣдовались, какъ и земство вообще. Для земскихъ врачей Пироговское Общество было такимъ же всероссійскимъ центромъ, какъ для статистиковъ, агрономовъ, и частью—учителей—императорское Вольное Экономическое Общество.

Въ 1899 году, во время VII Пироговскаго Сѣзда, который происходилъ въ Казани и совпалъ съ голодомъ въ этой губерніи, членами сѣзда, по предложенію уже извѣстнаго земскаго врача Д. Н. Жбанкова, было пожертвовано нѣсколько тысячъ рублей и образованъ особый врачебно-продовольственный комитетъ, какъ для оказанія помощи голодающимъ, такъ и для изученія причинъ, вызывающихъ постоянныя голодовки, и производимыхъ ими болѣзней.

Въ тоже время Сѣздъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы правительство обратило серьезное вниманіе на постоянныя неурожайи и голодовки.

Образованной Комитетъ въ 1899 и 1900 г. оказывалъ помощь голодающимъ въ Казанской и сосѣднихъ губерніяхъ, а въ 1901 году возникли Отдѣленія Комитета въ Одессѣ,—для пораженныхъ неуро-

жаемъ Херсонской и Бессарабской губерній и въ Омскѣ—для борьбы съ голодомъ въ Сибири. За короткое время своего существованія, Комитетъ и отдѣленіе собрали до 70.000 руб. и оказывали весьма существенную помощь голоднымъ, но, какъ и Комитетъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества въ 1898 году, Пироговскій Комитетъ точно также былъ закрытъ въ разгаръ его дѣятельности въ 1901 году, чтобы дать просторъ земскимъ начальникамъ.

Послѣдніе, къ слову сказать, приобрѣтали все большее и большее значеніе, при чемъ для возвышенія земскихъ начальниковъ бюрократія, по обыкновенію, привлекла Верховную власть. На Всеподданѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ объ открытіи 1-го октября 1901 г. въ Витебской, Минской и Могилевской губерніяхъ учреждений, образованныхъ на основаніи законоположенія 12 іюня 1889 и 12 іюня 1900 г. и о вѣроподданическихъ чувствахъ, выраженныхъ по этому поводу, Государь написалъ: «Благодарю за выраженные чувства и надѣюсь, что земскіе начальники бѣлорусскихъ губерній принесутъ такую же пользу, какую они уже принесли въ другихъ мѣстностяхъ Россіи».

Верховная власть въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, проявляла волю свою на основаніи данныхъ и соображеній министровъ и другихъ лицъ, которые, собственно говоря, и были настоящими правителями страны. Въ инцидентѣ съ Клоповымъ 1898 году мы уже видѣли, какъ обстояли въ этомъ отношеніи дѣла.

Отсюда ясно, что Верховная власть находилась въ постоянномъ заблужденіи относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ странѣ. Такъ и въ 1901 году, прикрываясь этою властью, министры изобрѣтали все болѣе и болѣе крупныя мѣры, доказывая благотѣльность «сильныхъ средствъ», а между тѣмъ отъ нихъ уже явно начинали вздыматься волны революціи.

Нужно было быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не замѣчать движенія, не слышать всеобщаго недовольства въ странѣ ¹⁾).

¹⁾ Въ 1901 году сильныя волненія начались въ Финляндіи, съ которыми сурово боролся генералъ-губернаторъ Н. И. Бобриковъ, примѣняя „истинно русскія“ средства. Въ то же время въ Россіи недовольство охватило весьма широкіе круги. Дѣло, по обыкновенію, началось съ университетовъ, которые, какъ говорилъ еще Н. П. Пироговъ, „есть лучшій барометръ общества“ и „только тамъ, гдѣ политическія стремленія проникли глубоко черезъ всѣ слои общества, они уже не ясно отражаются на университетахъ“. Мы уже видѣли, что еще въ 70-хъ годахъ земцы указывали на ненормальное состояніе нашихъ средней и высшей школы. Правительство не только не считалось съ такого рода указаніями, а, наоборотъ, примѣняло къ молодежи такія же репрессіи, какъ и ко всему обществу. Съ водвореніемъ реакціи въ царствованіи Александра III-го она отразилась и на университетахъ. Въ 1884 году былъ сочиненъ „новый“ университетскій уставъ, который возвращалъ университетъ къ временамъ Толстого. Основными пунктами его, которые особенно отстаивалъ министръ народнаго просвѣщенія Деляновъ, были права министра „назначать“ ректоровъ, декановъ и профессоровъ и устройство испытательныхъ комиссій для государственныхъ экзаменовъ. Кромѣ того, по этому уставу отъ поступающихъ въ университеты требовалось полицейское свидѣтельство о благонадѣжности, запрещалось устройство въ зданіяхъ университетовъ читаленъ, столовыхъ, вухмистерскихъ, концертовъ, баловъ и другихъ публичныхъ собраній, не разрешалось студентамъ участвовать въ какихъ бы то ни было кружкахъ и обществахъ. Нарушители правилъ подвергались выговору, аресту въ карцерѣ, удаленію и исключенію изъ университета. Въ 1885 году была восстановлена форма. Въ 1899 году

И правительство, въ лицѣ министровъ, конечно, замѣчало это движеніе, знало о недовольствѣ, но объясняло ихъ, по обыкновенію, вліяніемъ «крамолы», на искорененіе которой и направлена была вся его энергія.

Въ 1902 г. въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ Плеве, оно рѣшило дать этой «крамолѣ» рѣшительную битву, стереть ее съ лица земли и возстановить полный авторитетъ правительства, проторивъ ему путь для совершенно свободныхъ, ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемыхъ дѣйствій.

Названный годъ занимаетъ, поэтому, одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи обще русскаго и земскаго освободительнаго движенія, тѣмъ болѣе, что онъ богатъ и сложенъ событіями, явившимися результатомъ одновременнаго дѣйствія двухъ диктаторовъ, если можно такъ выразиться, Витте и Плеве. Въ 1902 году не закатилась еще звѣзда перваго и въ тоже время ярко засвѣтилась звѣзда втораго. Оба властолюбивые, они ненавидѣли другъ друга и одновременно существовать не могли, но долгое время вынуждены были идти если не вмѣстѣ, то параллельно другъ другу.

Въ виду сказаннаго, намъ, для характеристики земскаго движенія въ 1902 году, придется раздѣлить послѣдній на четыре части: 1) Краткій періодъ управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Сипягинимъ, 2) совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности устроенныя Витте 3) изданіе «Освобожденія» и 4) самостоятельная, такъ сказать, дѣятельность Плеве.

Сипягинскій періодъ 1902 года, въ сущности говоря, ничѣмъ не отличался отъ 1901 года.

Къ крайнему неудовольствію правительства, земство, въ лицѣ

были введены „временныя правила“ объ отдачѣ въ военную службу студентовъ, удаленныхъ изъ университета за безпорядки. И вотъ послѣ „новаго устава 1884 года волненіе, все усиливаясь и усиливаясь, были: въ 1887, 1890, 1894, 1896, 1899, 1900 и 1901 гг. Прв этомъ въ 1900 г. министромъ народнаго просвѣщенія по поводу безпорядковъ въ этомъ году были примѣнены названныя „временныя правила“ 1899 года, а 14 февраля 1901 г. бывшимъ студентомъ Карповичемъ былъ произведенъ въ Боголѣпова выстрѣлъ, отъ котораго раненъ въ шею министръ и умеръ 2 марта того же года а Карповичъ впоследствии былъ приговоренъ на 20 лѣтъ къ каторжнымъ работамъ.

Вскорѣ послѣ покушенія на жизнь Боголѣпова, такое же сдѣлано и на Побѣдовоспева, но безъ всякихъ послѣдствій для послѣдняго. Покушавшійся самарскій земскій статистикъ Логовскій былъ приговоренъ на 6 лѣтъ къ каторжнымъ работамъ. Помимо студенческихъ волненій, охватившихъ рѣшительно всѣ высшія, мужскія и женскія, учебныя заведенія, начались сильныя уличныя безпорядки. Они имѣли мѣсто: въ Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Кишиневѣ, Херсонѣ, Ставрополѣ, Черниговѣ, Иркутскѣ, Харьковѣ, Вильнѣ, Екатеринодарѣ, Таганрогѣ, Астрахани, Сочи, Новороссійскѣ, Тифлисѣ, Ростовѣ на Дону, Саратовѣ, Митавѣ, Уральскѣ, Керчи, Елизаветградѣ, Витебскѣ, Владимірѣ, Могилевѣ, Симферополѣ, и др. мѣстахъ. Правительство пошло на уступки лишь по вопросу о средней и высшей школахъ, да и то, какъ увидимъ, на самое короткое время: вмѣсто Боголѣпова министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ генералъ Ванновскій, на имя котораго, 25 марта 1901 г. послѣдовалъ извѣстный Высочайшій рескриптъ „о сердечномъ поначеніи“ и общія реформы въ дѣлѣ народнаго образованія. Что же касается уличныхъ безпорядковъ, то они вызвали усиленіе охраны и изданіе губернаторами и градоначальниками „обязательныхъ постановленій“ о воспрещеніи сборищъ, сходокъ и т. п. Пресса въ 1901 г. подвергалась жестокииъ гоненіямъ. Между прочимъ были пріостановлены: „Сѣверный Курьеръ“, „Новости Дня“, „Жизнь“.

оппозиціонныхъ земскихъ дѣятелей и «третьяго элемента», продолжало съѣзжаться, сговариваться, совѣщаться, а земскія собранія не прекращали «недопустимыхъ» требованій.

Такъ, Вятское губернское земское собраніе настаивало на разрѣшеніи періодическихъ съѣздовъ предсѣдателей земскихъ управъ; Саратовское земство требовало измѣненій въ законоположеніяхъ относительно учительскихъ съѣздовъ, въ смыслѣ расширенія программъ съѣздовъ и предоставленія большей самостоятельности какъ представителямъ земства, такъ и учащимся во время занятій съѣздовъ; цѣлый рядъ земскихъ собраній высказался за пониженіе ценза для участія въ земствѣ; другіе, какъ Вологодское и Тамбовское, требовали допущенія въ народныя бібліотеки всѣхъ книгъ разрѣшенныхъ цензурою и т. д.

Въ то же время продолжались волненія, демонстраціи ¹⁾ и совершилось покушеніе на жизнь московскаго оберъ-полиціймейстера Д. Ф. Трепова.

Сипягинъ только и зналъ, что «отклонялъ» земскія ходатайства запрещалъ газеты ²⁾ «усмирялъ» волненія, производилъ обыски, высылалъ, ссылалъ, покуда, 2 апрѣля 1902 года, не былъ самъ убитъ ³⁾ Балмашевымъ, впоследствии казненнымъ.

Черезъ два дня послѣ смерти Сипягина, 4 апрѣля, на его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ В. К. фонъ-Плеве, оставаясь по прежнему и министромъ Финляндіи, гдѣ уже проявилъ свою жестокую дѣятельность. 6-го апрѣля, принимая высшихъ чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Плеве въ рѣчи своей, между прочимъ, сказалъ: «Становясь на его (т. е. Сипягина) постъ, молю Всевышняго даровать мнѣ нравственныя силы слѣдовать этому примѣру. Историческій смыслъ нашего времени столь глубоокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла. Въ порученномъ намъ государственномъ дѣлѣ приглашаю васъ на разумную, благожелательную и спокойную работу, требую честнаго и умѣлаго сотрудничества. Зная большинство изъ васъ, увѣренъ, что мое требованіе будетъ исполнено».

¹⁾ Такъ, 9-го февраля студенты московскаго университета и представители другихъ учебныхъ заведеній насильно проникли въ актовъ залъ, пѣли тамъ революціонныя пѣсни, а затѣмъ на окнахъ, обращенныхъ на Никитскую улицу, вывѣсили красныя флаги. Въ университетъ была введена полиція, которая и арестовала всѣхъ тамъ присутствовавшихъ, при чемъ у арестованныхъ были найдены финскіе ножи, кастеты и револьверы. По требованію Ванновскаго всѣ арестованные были исключены изъ университета. Беспорядки съ выставленіемъ красныхъ флаговъ имѣли мѣсто въ Кіевѣ, а также въ Петербургѣ, Одессѣ.

²⁾ Между прочимъ закрыта была „Россія“ за фельетонъ „Господа Обмановъ“, при чемъ писатель Амфитеатровъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ въ Сибирь (въ г. Минусинскъ).

³⁾ Д. С. Сипягинъ, по окончаніи Петербургскаго университета, служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и по дворянскимъ и земскимъ выборамъ въ Волоколамскомъ у., Московской губ. Затѣмъ послѣдовательно онъ былъ: Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, Харьковскимъ вице-губернаторомъ, губернаторомъ Курляндскимъ и Московскимъ, товарищемъ министровъ: государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ онъ сдѣланъ былъ по протекціи главы реакціоннаго дворянства графа С. Д. Шереметева, игравшаго громадную роль и въ царствованіе Александра III-го.

Очень скоро послѣ своего назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Плеве отправился по Россіи, главнымъ образомъ для уничтоженія . . . . земскихъ статистиковъ и борьбы съ земствомъ!..

Но здѣсь мы считаемъ нужнымъ, уклоняясь отъ хронологическаго порядка, остановиться на одномъ изъ важнѣйшихъ событій 1902 и 1903 года—на совѣщаніяхъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, показавшихъ, съ одной стороны, громаднй ростъ общественнаго самосознанія, съ другой—объединенность земствъ, и, наконецъ,—явившихся главною ареною борьбы Витте съ Плеве.

По инициативѣ министра финансовъ, 22 марта 1902 года было Высочайше утверждено Положеніе Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, образованнаго подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте.

На нашъ взглядъ, это совѣщаніе, въ основныхъ своихъ чертахъ, очень напоминало старую Кохановскую комиссію. Изъ его вѣдѣнія были окончательно устранены вопросы государственнаго и земскаго самоуправленія, а выдвинуты лишь чисто хозяйственныя нужды, о которыхъ въ теченіе всего времени существованія подробно трактовали земскія учрежденія, какъ то: организація мелкаго кредита, пути сообщенія, аренда, организація торговли сельско-хозяйственными произведеніями, въ связи съ условіями желѣзнодорожныхъ перевозокъ и службы почтъ и телеграфовъ, и другіе еще болѣе мелкіе вопросы.

Ниже подробную критику этой бюрократической затѣи дадутъ земскія собранія и участники уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а потому мы не будемъ здѣсь останавливаться на нелѣпой выдумкѣ Витте, а скажемъ о всероссійской кустарно-промышленной выставкѣ въ С.-Петербургѣ, совпавшей какъ разъ съ опубликованіемъ положенія объ особомъ совѣщаніи. На эту выставку, состоявшуюся въ мартѣ 1902 года, съѣхалось много земцевъ совмѣстно съ «третьимъ элементомъ». Все это были такіе же «кустари», какъ и полтавскіе, изъ которыхъ не мало участвовало также и на петербургскомъ съѣздѣ. Затѣмъ къ нимъ присоединилась петербургская интеллигенція. И вотъ въ это время на частныхъ совѣщаніяхъ, происходившихъ, главнымъ образомъ, внѣ Петербурга, земцы совмѣстно съ земскою и не-земскою интеллигенціею обсуждали и выработали черновой, такъ сказать, проектъ программы для заграничнаго органа «Освобожденія». Этотъ проектъ былъ увезенъ затѣмъ въ Москву, куда съѣхалось человекъ 15—17 земцевъ и лицъ «свободныхъ профессій», которые уже окончательно редактировали программу, напечатанную затѣмъ въ № 1 «Освобожденія» ¹⁾.

Но прежде чѣмъ этотъ органъ появился въ Россіи, правительству былъ сдѣланъ земскими дѣятелями предварительный сюрпризъ въ видѣ совершенно неожиданнаго земскаго съѣзда. Онъ состоялся въ Москвѣ, въ маѣ 1902 г., съ участіемъ представителей отъ 25-ти земскихъ гу-

¹⁾ Исторія изданія этой газеты въ свое время будетъ изложена въ „Быломъ“, а потому мы не будемъ касаться ея.

берній. Главною темою для обговорення було положення, которое создано совѣщаніємъ о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности, вслѣдствіе устранения отъ этого дѣла земскихъ учреждений. Совѣщаніе постановило: I. устраненіе земскихъ учреждений отъ выясненія нуждъ сельско-хозяйственной промышленности совершенно неправильно. Если Особое совѣщаніе признало, что «едва-ли цѣлесообразно предпринимать какія либо мѣры, не спрашивая мнѣнія тѣхъ, чьи нужды должны удовлетворять эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія», то очевидно, что такое мнѣніе могло быть представлено лучше всего земскими учреждениями, которыя являются единственными представителями всего населенія. Кромѣ того, а) земство имѣетъ въ этомъ отношеніи большой опытъ и теоретическій, и практической, б) земство является, въ большинствѣ случаевъ, исполнителемъ намѣченныхъ мѣропріятій, что должно придать его отзывамъ особую жизненность и силу, в) земство обладаетъ, въ видѣ своихъ экономическихъ совѣтовъ и статистическихъ отдѣленій, обширной организаціей, при помощи которой только и можно болѣе или менѣе удовлетворительно выполнить задачу выясненія сельско-хозяйственныхъ нуждъ населенія II. То обстоятельство, что земскія управы были запрошены о нуждахъ земледѣлія и сельско-хозяйственной промышленности въ концѣ 1894 г., не можетъ служить причиной не спрашивать эти учреждения и въ настоящее время. Въ то время имѣлось въ виду выяснить ближайшія задачи только что возникшаго министерства земледѣлія и основанія взаимодействия послѣдняго съ мѣстными учреждениями. Агрономическая и экономическая дѣятельность земства началась только въ первой половинѣ 90-хъ годовъ и лишь во второй половинѣ ихъ получила наибольшее развитіе. Съ другой стороны, неблагоприятныя условія, въ которыхъ находится сельско-хозяйственная промышленность, особенно рельефно обозначаются за послѣднее время. Особое совѣщаніе, которое, съ своей стороны, сознавало, очевидно, измѣнившіяся условія, признало необходимость новаго мѣстнаго опроса. III. Образованные губернскіе и уѣздные комитеты не могутъ явиться выразителями взглядовъ мѣстнаго населенія и при предположенныхъ способахъ опроса будутъ получены отвѣты, не выражающіе мнѣнія тѣхъ, чьи нужды удовлетворять должны эти мѣры, кто близко стоитъ къ земледѣлію и кому лучше всего извѣстны его слабыя стороны и насущныя требованія. IV. Для того, чтобы выработанныя правительствомъ мѣропріятія были согласованы съ дѣйствительными потребностями жизни, нужно, чтобы къ участию въ работахъ Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности были приглашены выборные отъ губернскихъ земскихъ собраній, а также слѣдуетъ признать необходимымъ, чтобы выборные представители губернскихъ земствъ вошли въ составъ учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія сельско-хозяйственнаго совѣта, такъ какъ только при этомъ условіи центральное правительство будетъ всегда совершенно освѣдомлено о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ населенія. V. Нужны сельско-хозяйственной промышленности отнюдь не могутъ быть удовлетворены отдѣльными частными мѣропріятіями, а прежде всего необходимо устранить

тѣ общія условія, которыя тормозятъ ея развитіа, такъ какъ послѣ ихъ устраненія можно будетъ съ надеждой на успѣхъ намѣтить частныя мѣры въ области сельскаго хозяйства. VI. Въ этихъ дѣлахъ слѣдуетъ признать обязательнымъ измѣненіе слѣдующихъ неблагопріятныхъ для сельско-хозяйственной промышленности общихъ условий: 1) такъ какъ вопросъ сельскаго хозяйства въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу крестьянскому; то прежде всего слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самостоятельности, а для этого нужно обезпечить правовое положеніе крестьянъ: а) уравниемъ личныхъ правъ съ лицами другихъ сословій, б) освобожденіемъ крестьянъ отъ административной опеки, в) огражденіемъ правъ крестьянъ правильною формою суда и г)—отмѣной тѣлеснаго наказанія; 2) такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни успѣхъ во всѣхъ видахъ промышленности (въ томъ числѣ сельскохозяйственной) зависитъ прежде всего отъ степени просвѣщенія народа, то необходимо предоставить общественнымъ учрежденіямъ широкую возможность скорѣйшаго осуществленія фактической общедоступности начальнаго образованія, расширить объемъ даваемыхъ въ начальныхъ школахъ знаній и устранить препятствія для внѣшкольнаго образованія; 3) такъ какъ воспособленіе сельско-хозяйственной промышленности на мѣстахъ возложено на земскія учрежденія, то для того, чтобъ учрежденія эти могли успѣшно выполнить эту обязанность, необходимо: а) чтобы земское представительство было организовано внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; б) чтобы земскія учрежденія были приближены къ сельскому населенію, в) чтобы земскимъ учрежденіямъ были обезпечены необходимыя имъ устойчивость и самостоятельность, безъ которыхъ они не могутъ быть удовлетворительными органами самоуправленія; 4) необходимо устранить недостатки современной финансовой и экономической политики государства, въ силу которой насущныя потребности мѣстнаго населенія не получаютъ справедливаго удовлетворенія по недостатку на мѣстахъ необходимыхъ для того средствъ, тогда какъ въ тоже время населеніе обременено платежами косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости, а государственныя смѣты составляются такимъ порядкомъ, при которомъ ихъ выполненіе заканчивается ежегодно значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами, отягощая тѣмъ излишними платежами населенія; 5) для правильной постановки и разрѣшенія экономическихъ вопросовъ должна быть предоставлена широкая свобода гласному обсужденію ихъ вообще, въ особенности въ печати; такая гласность существенно важна для самой разработки мѣропріятій общаго и частнаго характера и только такая гласность даетъ средство для постояннаго контроля за дѣйствіемъ и вліаніемъ принятыхъ мѣръ, только она одна даетъ возможность своевременнаго и точнаго знанія всѣхъ тѣхъ фактовъ текущей экономической жизни и происходящихъ въ ней измѣненій. Такая гласность нужна, разумѣется, не на одно время работы особаго совѣщанія, а она должна быть признана какъ всегда необходимое условіе правильной постановки всей экономической жизни страны».

Можете представить себѣ негодованіе правительства, когда оно

узнало объ этомъ крамольномъ, самовольномъ земскомъ съѣздѣ и дерзкихъ его постановленіяхъ! ¹⁾

Для Витте это былъ ушатъ холодной воды, а для Плеве—радостное негодованіе, если можно такъ выразиться.

Съѣздъ несомнѣнно компрометтировалъ затѣю Витте и Плеве, слѣдовательно, имѣлъ возможность, съ одной стороны, «подложить свинью» своему врагу, а съ другой—сразу взять штурмомъ ненавистное земство, съ которымъ ничего раньше не могли подѣлать.

Но Плеве еще не зналъ, что земство уже организовалось въ громадный союзъ. Онъ полагалъ, что ему придется имѣть дѣло исключительно съ небольшою, по его мнѣнію, группою оппозиціи, разсѣянной небольшими дозами въ земскихъ учрежденіяхъ, да съ «третьимъ элементомъ», главнымъ образомъ, съ земскими статистиками, которыхъ Плеве считалъ главнымъ гнѣздомъ революціи. Онъ и намѣтилъ планъ борьбы, согласно изложеннымъ соображеніямъ, какъ вдругъ въ іюнѣ 1902 года, въ Штутгартѣ, подъ редакціей Петра Бернгардовича Струве, начала издаваться газета «Освобожденіе», посвященная, какъ говорилось въ передовой статьѣ 1-го №,—вышедшаго 18-го іюня,—«великому дѣлу борьбы за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества».

Изъ перваго же № «Освобожденія» ясно было видно, что этотъ органъ является выразителемъ взглядовъ земской партіи.

Вслѣдъ за передовою въ 1-мъ №-рѣ ²⁾ помѣщены двѣ статьи: «Отъ русскихъ конституціоналистовъ» и «Открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей», не оставляющія никакого сомнѣнія, что «земскіе дѣятели»—и были душою «освобожденія».

---

¹⁾ Носились слухи, что о земскомъ съѣздѣ сообщилъ Плеве самъ московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергій Александровичъ.

²⁾ Сдѣлаемъ изъ этой статьи нѣкоторыя наиболѣе существенныя, на нашъ взглядъ, выдержки.

„Мы приступаемъ къ изданію“,—такъ начиналась она,—„внѣ предѣловъ дѣйствія русской полиціи и цензуры—органа, исключительно посвященнаго великому дѣлу борьбы за всестороннее освобожденіе нашей родины отъ полицейскаго гнета, за свободу русской личности и русскаго общества. Осуществленіе такого изданія настоятельно требуется всѣмъ ходомъ вещей въ Россіи, всѣмъ развитіемъ ея общественно-политической жизни; эта задача повелительно диктуется и положеніемъ нашей печати въ самой Россіи, и новѣйшимъ развитіемъ ея за границей“... „Нашъ органъ не будетъ „революціоннымъ“, во онъ будетъ всѣмъ своимъ содержаніемъ требовать великаго *переворота* русской жизни, замѣны произвола самодержавной бюрократіи правами личности и общества“... „Мы будемъ проповѣдывать не приспособленіе къ существующему политическому строю, подтачивающему лучшія силы нашего народа, а, наоборотъ, борьбу съ нимъ; мы не будемъ дипломатически замалчивать всѣхъ выводовъ, вытекающихъ изъ требованія политической свободы. Но мы не будемъ также выдумывать, создавать и разжигать искусственной розни между направленными, съ большей или меньшей сознательностью, на одну великую цѣль стремленіями разныхъ общественныхъ и личныхъ силъ, разныхъ умовъ и индивидуальностей. Не разединять, а объединять наша задача. Культурное и политическое освобожденіе Россіи не можетъ быть ни исключительно, ни преимущественно дѣломъ одного класса, одной партіи, одного ученія. Оно должно стать дѣломъ національнымъ или общенароднымъ“... „Великое благо сама по себѣ, свобода есть въ то же время важнейшее условіе совершенствованія всей народной жизни. Съ этой точки зрѣнія, мы будемъ въ нашемъ органѣ освѣщать всѣ явленія и стороны русской жизни. Тяжелое

Первая статья посвящена была фонъ-Плеве, который, при вступленіи въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ вышеприведенной нами рѣчи, обращенной къ своимъ сослуживцамъ, между прочимъ сказалъ: «историческій смыслъ нашего времени столь глубокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла». Какія же это «дѣла»?—спрашивали конституціоналисты. И отвѣчали, что «какое-бы дѣло» онъ (Плеве) ни началъ дѣлать,—русское общество можетъ спокойно продолжать заниматься своимъ собственнымъ дѣломъ. «Историческій смыслъ» момента не въ томъ, чего хочетъ г. Плеве, а въ томъ, чего хочетъ все русское общество. А «все общество требуетъ отъ власти въ одинъ голосъ—серьезной политической реформы, и «Освобожденіе» разсматриваетъ себя, какъ органъ этого единогласнаго настойчиваго общественнаго мнѣнія.

«Отличіе нашего органа отъ другихъ заграничныхъ изданій заключается въ томъ, что мы предполагаемъ объединить группы русскаго общества, которыя не имѣютъ возможности найти исходъ своему возмущенному чувству ни въ классовой, ни въ революціонной борьбѣ. Мы желаемъ выражать исключительно безсословное общественное мнѣніе и на него опираться». Затѣмъ конституціоналисты прямо заявляютъ, что болѣе всего связаны съ «земскою группою»: «историческая роль перваго организованнаго представителя русскаго общественнаго мнѣнія фактически выпадаетъ на долю земства, и земскіе люди обязаны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы использовать всѣ преимущества своего фактическаго положенія и выполнить свою отвѣтственную роль какъ можно лучше,—выполнить ее такъ, чтобы ни на минуту не лишиться нравственнаго права на дѣйствительное представительство общественнаго мнѣнія». Для этого должна быть выработана опредѣленная политическая программа. Реакція въ этомъ отношеніи не только не является препятствіемъ, но, наоборотъ, «она лишь приближаетъ ожидаемый нами моментъ». Опасность болѣе грозить съ другой стороны: она заключается въ компромиссахъ, на которые идетъ правительство, извѣрившись въ репрессіяхъ. Оно стремится фальсифицировать земское общественное мнѣніе. Однимъ изъ такихъ приѣмовъ является—«приглашеніе *официальныхъ* представителей земствъ, предсѣдателей и членовъ управъ, принять участіе въ бюрократическихъ губернскихъ и уѣздныхъ ко-

существованіе угнетенныхъ нуждой и безправіемъ крестьянъ и рабочихъ, ихъ борьба за лучшую долю, безусловно требующая свободныхъ юридическихъ формъ, непрерывная, постоянная героическая, борьба съ правительствомъ интеллигенціи и, въ частности, учащейся молодежи, плодотворная, но постоянно затрудняемая и урѣзываемая борьба органовъ общественнаго самоуправленія и, прежде всего, гонимаго земства, судьбы окончательно приниженой печати, развитіе религіознаго сознанія и борьба за его свободу—всему этому будетъ вѣстись лѣтопись на вашихъ страницахъ, всѣ эти стороны народной жизни найдутъ въ нашемъ органѣ посильное освѣщеніе своихъ наболѣвшихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ основной задачей вашего времени—національнымъ освобожденіемъ... Пусть національное освобожденіе будетъ открыто провозглашено общими дѣломъ дѣтей и отцовъ, революціонеровъ и умѣренныхъ. Пусть насилію, унижающему вашъ народъ и извращающему всю нашу жизнь, будетъ брошенъ въ лицо соединенный вызовъ, будетъ противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно (правительство) заслуживаетъ, передъ такой борьбой оно не устоитъ»...

митетахъ по вопросу объ улучшеніи сельско-хозяйственной промышленности». Конституціоналисты предостерегаютъ земство отъ этого подвоха со стороны бюрократіи и рекомендуютъ земскимъ людемъ придерживаться той тактики, которою руководствовались земцы въ 1881 году, когда ихъ приглашали въ Кохановскую комиссію. Заканчивалась статья «отъ русскихъ конституціоналистовъ» такъ: «чтобы избавить Россію отъ рокового пути западнаго парламентаризма, пришлось пустить въ ходъ новую идею національно-политической реформы. Земскій Соборъ изъ центра переносился въ провинцію: явилась, въ оппозицію идеѣ Лорисо-Меликовской конституціи, идея «самоуправляющейся мѣстной земли съ самодержавнымъ царемъ во главѣ». Этой своеобразной политической утопії суждено, какъ кажется, послужить послѣднимъ прибѣжищемъ людей, которые не хотятъ разстаться съ псевдо-патріотическимъ убѣжденіемъ, что въ области политической жизни Россіи суждено сказать свое «новое слово». Пора, однако, отрѣшиться отъ этой сентиментальной и вредной славянофильской иллюзіи. Свое слово мы, конечно, скажемъ въ томъ смыслѣ, что у насъ, какъ и вездѣ, представительныя учрежденія неизбѣжно примутъ особый оттѣнокъ, соотвѣтственно особенностямъ русской культурной и политической жизни. Но, само по себѣ, свободныя формы политической жизни такъ же мало національны, какъ мало національно употребленіе азбуки или печатнаго станка, пара или электричества. Это просто формы высшей культуры,—достаточно широкія и гибкія, чтобы вмѣщать въ себѣ самое разнообразное національное содержаніе. Они становятся необходимыми, когда общественная жизнь усложняется настолько, что уже не можетъ умѣститься въ рамкахъ болѣе примитивнаго общественнаго строя. Когда такое время наступаетъ, когда новый годъ исторіи стучится въ дверь, бесполезно ставить на пути его препятствія и задержки. Онъ все равно придетъ: осторожно и разумно поступить тотъ, кто посторонится и дастъ ему дорогу. Въ исторіи древняго Рима сохранилась одна поэтическая легенда: сивилла изъ Кумъ пришла къ царю Тарквинію продавать ему книги судебъ. Царю назначенная сивиллой цѣна показалась дорогой. Тогда сивилла бросила въ огонь часть книгъ, а за остальныя потребовала ту же цѣну. Царь все еще колебался: сивилла сожгла еще часть книгъ. Посовѣтовавшись съ авгурами, царь, наконецъ, купилъ—по прежней цѣнѣ—то, что осталось. Римская легенда даетъ полезный урокъ царямъ и авгурамъ. Съ исторической необходимостью торговаться опасно. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше она уступаетъ. И кто не хочетъ читать таинственную книгу судебъ въ ея естественномъ порядкѣ, тотъ дорого заплатитъ за послѣднія страницы, на которыхъ написана развязка».

Это предсказаніе конституціоналистовъ, какъ увидимъ ниже, сбылось очень быстро, но въ тотъ моментъ, когда на страницахъ «Освобожденія» появилась приведенная статья, бюрократія ни о чемъ еще и слышать не хотѣла.

Другая статья въ 1-мъ № «Освобожденія» доказывавшая близость послѣдняго къ земству—это было «открытое письмо отъ группы земскихъ дѣятелей», подписанное довольно значительнымъ числомъ наи-

болѣ вліятельныхъ и извѣстныхъ гласныхъ многихъ губернскихъ земскихъ собраній. Въ письмѣ земскіе дѣятели заявляли, что, «по ихъ мнѣнію, земство принуждено въ настоящее время принимать болѣе активное участіе въ общественной жизни Россіи, для того, чтобы содѣйствовать наилучшему выходу нашей страны изъ теперешняго тяжелаго, почти невыносимаго ея положенія». Указавъ далѣе, что земцы, работая, главнымъ образомъ, въ области культуры, и терпѣливо выжидая лучшихъ дней очутились теперь лицомъ къ лицу съ полнымъ банкротствомъ самодержавной бюрократіи, доведшей страну до гибели, группа земскихъ дѣятелей задается вопросомъ—«можемъ ли мы, земцы, при теперешнемъ положеніи вещей въ Россіи оставаться далѣе въ нашемъ выжидательномъ положеніи? И откуда же ждать спасительнаго выхода?» И отвѣчаютъ на эти вопросы, что земцамъ «нельзя болѣе, нечестно было бы оставаться нѣмыми зрителями того бѣдственнаго и опаснаго положенія, въ которомъ находится Россія». «Мы, — говорится въ концѣ статьи, — привѣтствуемъ появленіе «Освобожденія», какъ истиннаго выразителя нуждъ теперешней Россіи, и цѣликомъ присоединяемся къ заявленію, сдѣланному отъ лица конституціоналистовъ. Мы постараемся объединиться при помощи этого заграничнаго органа въ надеждѣ, что, когда наступятъ лучшіе дни, — будемъ уповать не слишкомъ отдаленные, — и когда послѣдуетъ культурное замиреніе Россіи, мы съ радостью будемъ содѣйствовать водворенію «Освобожденія» на родной почвѣ. Мы сдѣлаемъ все, что намъ въ настоящее время подсказываютъ и наше глубочайшее убѣжденіе, и наша совѣсть и будемъ содѣйствовать, насколько хватить нашихъ силъ и нашего умѣнія, устраненію правительственной и народной анархіи и царящихъ у насъ ужасныхъ недоразумѣній, которыя готовы толкнуть Россію на путь продолжительныхъ и совершенно излишнихъ страданій, насилій и кровопролитій. И тогда, съ водвореніемъ правового порядка, мы будемъ готовы вновь отдаться мирной, культурной работѣ, которая должна двигать по пути постояннаго прогресса горячо любимую нами Россію!»

Въ письмѣ «отъ земскихъ гласныхъ», напечатанномъ во 2-мъ № «Освобожденія», еще рельефнѣе выяснена связь земства съ названнымъ органомъ. «Мы, нижеподписавшіеся гласные земскихъ собраній», — говорится въ этомъ письмѣ, — «считаемъ своею нравственною обязанностью заявить свою солидарность съ тѣмъ общимъ направленіемъ, котораго, сколько намъ извѣстно, предполагаетъ держаться журналъ «Освобожденіе», и вмѣстѣ съ тѣмъ свою готовность, путемъ дѣйствія въ земской сферѣ, способствовать достиженію той конечной цѣли, которую имѣетъ въ виду этотъ журналъ и безъ осуществленія которой, какъ мы убѣждены, и самая земская дѣятельность неминуемо должна потерять всякое серьезное значеніе. Эта цѣль — приобрѣтеніе русскимъ народомъ общечеловѣческихъ правъ, — права свободно вѣрить, мыслить и говорить, права защищаться закономъ отъ всякаго произвола и насилія и, прежде всего, — право располагать своей судьбой, согласно съ своими желаніями и потребностями, устраивая и направляя свою государственную жизнь черезъ посредство своихъ выборныхъ представителей. Ставя себѣ такую задачу, мы вовсе не желаемъ по-

рвать связь съ той мирной и легальной дѣятельностью, на почвѣ которой мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, работали до сихъ поръ. Какъ раньше, такъ и теперь мы остаемся противниками всякаго насилія, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу. Поэтому мы намѣрены въ земствѣ и черезъ земство дѣйствовать путемъ распространенія и уясненія нашихъ идей и организациі сплоченной партіи, стремящейся къ осуществленію этихъ идей, будучи убѣждены, что ясно созннанное и твердо выраженное требованіе общественнаго мнѣнія есть такая сила съ которой вынуждено будетъ считаться и правительство. Но мы не можемъ не сознать, что въ условіяхъ современной русской жизни всякая мирная общественная дѣятельность съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе возможною. Какъ члены русскаго народа, какъ граждане русскаго государства, мы не можемъ относиться безучастно къ тому, что кругомъ насъ расшатываются всѣ основы общественности, исчезаетъ самое понятіе законности, и въ русской жизни не оказывается мѣста для правильнаго развитія государственной и общественной жизни, и идетъ лишь ожесточенная борьба не останавливающейся передъ насиліемъ революціонной партіи съ одной стороны, а съ другой — эгоистической олигархіи, стоящей теперь во главѣ правительства, неспособной обезпечить странѣ мирнаго развитія путемъ удовлетворенія истинныхъ потребностей народа и, все большимъ и большимъ усиленіемъ реакціи убивающей живыя силы страны и поддерживающей общее недовольство и раздраженіе. Становясь на спеціально-земскую точку зрѣнія, мы видимъ, что при такихъ условіяхъ не только правильное функціонированіе земства становится невозможнымъ, но и самому существованію его грозитъ постоянная опасность. Недовѣріе и недоброжелательное отношеніе къ нему правительства растетъ съ каждымъ днемъ и проявляется все въ большемъ стѣсненіи его дѣятельности. Уже самое положеніе 12 іюня 1890 года было очевидно вызвано недоувѣріемъ къ слишкомъ, яко бы, свободной дѣятельности земства и направлено къ тому, чтобы лишить его характера общественнаго представительства, приблизивъ земство къ бюрократическимъ учрежденіямъ. Но и измѣненное въ этомъ смыслѣ земство все же не приобрѣло довѣрія правительства. Напротивъ, цѣлый рядъ послѣдующихъ мѣръ направленъ былъ къ тому, чтобы стѣснить и ограничить его въ самыхъ серьезныхъ задачахъ. Установленіемъ предѣльнаго обложенія земство совершенно лишилось возможности сколько-нибудь широкаго экономическаго воздѣйствія на народную жизнь. Продовольственное дѣло формально было отнято у него. Въ исполненіе самой важнѣйшей культурной его задачи — народнаго образованія ему на каждомъ шагу ставились препятствія. Земскіе учителя огульно заподозрѣвались въ неблагонадежности и ставились въ положеніе поднадзорныхъ, лишались права даже свободнаго сношенія другъ съ другомъ. Далѣе, выборъ всякаго рода служащихъ въ земство былъ затрудненъ до послѣдней возможности проволочками съ ихъ утвержденіемъ и систематическимъ неутвержденіемъ даже такихъ лицъ, на которыхъ не могло лежать и тѣни какой-нибудь политической неблагонадежности. Земскія ходатайства отклонялись иногда даже безъ мотивовъ, а большею частью съ мотивами, имѣю-

щими характеръ чисто канцелярской отписки. Обмѣнъ мнѣній губернскихъ и уѣздныхъ земствъ разныхъ губерній между собою прямо запрещался. Учрежденіе обще-земскаго органа было отклонено сначала подъ тѣмъ предлогомъ, что такой органъ будетъ издаваться самимъ правительствомъ, а потому и вовсе не дозволено. Такое отношеніе правительства къ земству вполнѣ объясняется извѣстной запиской министра финансовъ г. Витте, въ которой опредѣленно высказывается руководящая мысль правительства о томъ, что дѣятельность земства должна быть постепенно сведена къ нулю и замѣнена чисто бюрократическимъ режимомъ. Такимъ образомъ, само правительство, ставя земство въ совершенно невозможное положеніе, заставляетъ его искать какого-либо выхода, и, конечно, этотъ выходъ можетъ быть найденъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ такомъ устройствѣ государства, при которомъ представители правительства и представители народа не являлись бы двумя недовѣряющими другъ другу враждебными сторонами, а, напротивъ, — правительство являлось бы законнымъ выразителемъ нуждъ и стремленій народа. Такое правильное взаимное отношеніе дало бы и правительству дѣйствительную силу, основанную не на враждебной обществу полицейской охранѣ, а на довѣрїи и любви къ нему общества и народа, — дало бы и народу возможность свободнаго и энергичнаго проявленія таящихся въ немъ живыхъ силъ; при такихъ условїяхъ взаимодействїя того и другого Россїя, несомнѣнно, была бы выведена изъ того состоянїя экономической и культурной слабости, въ которой она находится, и направлена бы на путь нравственнаго и матеріальнаго преуспѣянїя. Къ этой цѣли должно стремиться все русское общество, ея же достиженію въ своей сферѣ должно содѣйствовать и земство. Въ «Освобожденїи» мы видимъ союзника земства на этомъ пути, а потому привѣтствуемъ его появленіе и повторяемъ готовность идти съ нимъ рука объ руку къ достиженію общей намъ цѣли».

Съ появленїемъ «Освобожденїя» не оставалось уже никакого сомнѣнїя въ существованїи земской политической организаціи. Значить оно не только не было задушено, но, подъ гнетомъ репрессїй расцвѣло въ громадную силу, выступившую на борьбу съ бюрократїею за народное представительство.

Правительство, позидимому, растерялось. Оно привыкло имѣть дѣло съ «подпольною крамолою», а тутъ приходилось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ такъ называемымъ обществомъ, съ широкими слоями населенїя, дѣйствующими почти открыто.

Конечно, если бы во главѣ правительства было хотя одно лицо съ государственнымъ умомъ, для котораго бы, при томъ, интересы отечества составляли главное содержаніе его жизни, оно, несомнѣнно, воспользовалось бы этимъ далеко еще не революціоннымъ теченїемъ, чтобы безъ мукъ и жертвъ перейти къ новымъ формамъ жизни. Но такихъ лицъ не было, а, наоборотъ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ въ это время, какъ, впрочемъ, и всегда царили злоба, ненависть и борьба личныхъ интересовъ, самолюбія, своекорыстныхъ вождедѣній. Члены правительства одинъ передъ другимъ стремились, что называется, выслужиться совершенно не интересуясь родиной, а

стараясь лишь сохранить то status quo, при котором правители пользовались властью, богатством и почестями.

Первую скрипку въ этой ужасной игрѣ старался захватить Плеве. Онъ зналъ, что на либерализмъ далеко не уѣдешь и, съ свойственнымъ ему полицейскимъ самомнѣніемъ, сломя голову, ринулся въ битву, въ битву на много фронтовъ, въ битву нелѣпую и столь сложную, что мы затрудняемся изложить ее въ послѣдовательномъ хронологическомъ порядкѣ.

Съ точки зрѣнія хронологической, намъ надо было бы послѣдовать за Плеве въ Полтаву, куда онъ поспѣшилъ почти тотчасъ же послѣ своего назначенія, но по причинамъ, изложеннымъ нами выше, мы прежде всего остановимся на дѣяніяхъ Плеве по отношенію къ Московскому Съѣзду и Комитетамъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, тѣсно связаннымъ съ этимъ съѣздомъ.

Для участниковъ Московскаго Съѣзда, въ томъ числѣ для 16-ти предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, Плеве добился Высочайшаго выговора что, повлекло рядъ неприятностей министру внутреннихъ дѣлъ: кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, графъ П. А. Гейденъ, и М. А. Стаховичъ написали ему довольно дерзкія письма, заявляя, приблизительно, въ такомъ духѣ, что они не чувствуютъ за собою никакой вины и получили выговоръ, вслѣдствіе лицепріятнаго доноса со стороны его, Плеве, Государю.

Такимъ образомъ, эта мѣра не достигла цѣли. Плеве, какъ будто бы, даже испугался добытаго имъ выговора. По крайней мѣрѣ, въ концѣ сентября 1902 г. всѣ предводители дворянства получили отъ губернаторовъ «совершенно довѣрительно» не то предписаніе, не то просьбу слѣдующаго содержания:

«Въ виду возможности со стороны нѣкоторыхъ гласныхъ на предстоящихъ земскихъ собраніяхъ попытокъ возбудить вопросы, насколько справедливы дошедшіе до нихъ слухи о постигшемъ ихъ сослуживцевъ Высочайшемъ неудовольствіи (за съѣздъ въ Москвѣ), какимъ именно поступкомъ таковое обусловлено и затѣмъ предложить на обсужденіе, въ какой мѣрѣ допустимо дальнѣйшее оставленіе этихъ лицъ на земской службѣ я (губернаторъ), по предложенію Его Высочайшаго повелѣнія г. министра внутреннихъ дѣлъ, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, какъ предсѣдателя земскаго собранія, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы подобный запросъ въ земское собраніе внесенъ не былъ, буде же тѣмъ не менѣ таковой будетъ кѣмъ либо внесенъ, то прошу тотчасъ же своей властью, какъ предсѣдателя собранія, устранить обсужденіе его». ¹⁾

По отношенію къ предсѣдателю Московской губернской земской управы, Плеве употребилъ чисто полицейскіе приемы и, вслѣдствіе довѣрчивости и искренности Д. Н. Шипова, успѣлъ добиться для себя весьма благопріятныхъ условий.

¹⁾ На такое „довѣрительное“ письмо отъ орловскаго губерватора Крестія—Орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховичъ отвѣтилъ очень дерзкимъ письмомъ, въ концѣ котораго говорилось, что онъ, г. Стаховичъ, „совѣмъ не склоненъ измѣнить службу „не за страхъ, а за совѣсть“ и исполненіе закона на угольное послушаніе совѣту ли, безъ моеи просьбы мнѣ данному, или требованію, не на основаніи закона ко мнѣ предъявленному“.

Пригласивъ къ себѣ предсѣдателя московской губернской земской управы, министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что онъ, якобы, стоитъ на сторонѣ земства и признаетъ неправильнымъ то отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ, которое проводилъ Сипягинъ.

Новый продовольственный уставъ, законъ о предѣльности земскаго обложенія и прочія продовольственныя мѣропріятія въ томъ же духѣ онъ, Плеве, считаетъ также неудачными. Его отношеніе къ земскимъ учрежденіямъ иное, гораздо болѣе благопріятное, и политика его будетъ тоже иная. Но для успѣха ея нужно, чтобъ сами земскіе дѣятели пошли на встрѣчу желаніямъ министра. Въ правительствѣ,— по словамъ Плеве,—очень сильны теченія враждебныя земству, и каждый ложный шагъ земскихъ людей можетъ только испортить дѣло и парализовать добрыя намѣренія министра. *Прежде всего нужно, чтобы земскіе дѣятели отказались отъ вызывающаго образа дѣйствій, отъ всякаго намека на стремленіе добиться «представительства»* ¹⁾. «Не говорите ничего о представительствѣ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ,—сказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ,—и тогда мы можемъ съ вами столкнуться». Земскія учрежденія, какъ органы мѣстнаго хозяйственнаго управленія, должны быть поставлены въ такія условія, чтобы они были въ состояніи съ успѣхомъ выполнять свои важныя задачи на пользу населенія. Все, что служитъ помѣхой на этомъ пути, должно быть устранено. *Въ настоящее время земскіе дѣятели должны своимъ поведеніемъ показать, что ими не руководятъ никакія политическія вождельнія*. Только тогда министръ можетъ, опираясь на такое настроеніе въ земской средѣ, провести много полезнаго для земскаго дѣла. Для обсужденія всѣхъ вопросовъ, касающихся земскихъ учреждений, министръ обѣщалъ собрать въ началѣ 1903 года совѣщаніе изъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ и совмѣстно съ земскими дѣятелями надѣется разрѣшить всѣ вопросы относительно постановки земскихъ учреждений. Министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ лишь не мѣшать ему на этомъ пути.

Въ тоже самое время и по тому же поводу Д. Н. Шиповъ бесѣдовалъ съ министромъ финансовъ Витте. Послѣдній говорилъ совсѣмъ противное Плеве. Витте увѣрялъ предсѣдателя Московской губернской земской управы, что напрасно изъ его «записки», о которой мы уже говорили ²⁾, выводятъ заключеніе объ его враждѣ къ земскимъ учрежденіямъ. Напротивъ, онъ, Витте, полагаетъ, что рано или поздно, а земство добьется, государственнаго представительства, но

¹⁾ Тоже самое въ концѣ 1902 г. Плеве говорилъ представителямъ нижегородскаго земства. Именно съ членомъ нижегородской губернской земской управы Г. Р. Килевейнъ я съ другимъ земцемъ Плеве велъ такую краткую бесѣду:

Плеве. Кстати вы, господа, имѣли несчастье получить Высочайшій выговоръ.

Килевейнъ. Да, получили.

Плеве. Ну, такъ я, съ своей стороны, предваряю васъ: пока вы будете заботиться о мѣстныхъ вашихъ дѣлахъ,—вы встрѣните съ моей стороны всякую поддержку, но, помните, если вы преступите эту демаркаціонную линію,—вы увидите во мнѣ не министра внутреннихъ дѣлъ, а только шефа жандармовъ.

²⁾ См. „Земское движеніе“ въ ювской кв. „Было“.

онъ считаетъ, что Россія сейчасъ просто не дожила еще до конституціоннаго строя. Поэтому вся задача заключается въ томъ, чтобы ставить рядъ препятствій, заборовъ по пути неуклоннаго стремленія къ конституціонному представительству. Въ данное время онъ, Витте, предполагаетъ раскрыть какъ можно шире двери практической дѣятельности и предоставить земству на это большія средства, лишь бы удержать его отъ участія въ политическомъ движеніи.

Послѣ этихъ бесѣдъ съ министромъ довѣрчивый Д. Н. Шиповъ, предсѣдательствуя въ совѣщаніи предсѣдателей уѣздныхъ управъ Московской губерніи, въ концѣ августа 1902 г., предложилъ отказаться отъ 4 го пункта постановленія совѣщанія земскихъ дѣятелей по вопросу о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, указывая, что требованіе о пополненіи состава особаго совѣщанія выборными земскими представителями практическаго значенія имѣть не будетъ, такъ какъ это пожеланіе земцевъ будетъ разматриваться, какъ домогательство представителя въ высшемъ управленіи, а это обстоятельство можетъ и вовсе подорвать довѣріе къ земству въ сферахъ, относящихся вообще отрицательно къ принципу мѣстнаго самоуправленія.

Такъ москвичи и отказались отъ самаго важнаго пункта требованій земскаго совѣщанія.

По этому поводу въ № 7 «Освобожденія» за 1902 г. была напечатана рѣзкая статья, Антона Старицкаго озаглавленная «Ложный шагъ, въ которой, между прочимъ, говорилось: «московскіе земцы боятъ повредить ближайшимъ интересамъ земскаго дѣла». Ихъ замалчиваніе насущной потребности времени—это только тактика, долженствующая успокоить принципиальныхъ противниковъ мѣстнаго самоуправления.

«Если земство хоть что нибудь дѣлало въ это время, то не въ силу «довѣрія», которое ему оказывали, а лишь въ силу упругости, какую придавали ему признанныя потребности, и вопреки давленію, подъ которымъ протекала его дѣятельность... Ощущаемый въ настоящее время лучшими земскими дѣятелями позывъ къ творческой работѣ возникъ и усилился опять таки вмѣстѣ съ усиленіемъ оппозиціонныхъ, а не примирительныхъ тенденцій въ обществѣ и самомъ земствѣ».

Скоро, какъ мы увидимъ, Д. Н. Шиповъ на самомъ себѣ убѣдился въ справедливости вышеприведенныхъ строкъ, а до тѣхъ поръ былъ свидѣтелемъ «благожелательныхъ» дѣяній Плеве по отношенію къ земству и его представителямъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что отказъ Д. Н. Шипова отъ 4-го пункта постановленій московскаго сѣзда соотвѣтствовалъ отчасти его взглядамъ. Какъ склонный къ славянофильству, предсѣдатель московской губернской земской управы, кажется отрицательно относился къ парламентарному строю. Вообще, со времени появленія «Освобожденія» въ земской средѣ произошла замѣтная дифференціація.

Но объ этомъ мы будемъ говорить ниже, а сейчасъ перейдемъ къ дѣятельности комитетовъ по нуждамъ сельско-хозяйственной промышленности замѣтивъ предварительно, что въ августѣ 1902 года

появилось «циркулярное отношеніе» министра «предсѣдателямъ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ». Вызвано оно было тѣмъ, что нѣкоторые уѣздные предводители дворянства обратились съ вопросомъ, о чемъ и въ какихъ предѣлахъ возможно допускать сужденія въ состоящихъ подъ ихъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ комитетахъ, образованныхъ на основаніи Высочайшаго утвержденного 22 марта Положенія особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». На этотъ вопросъ Витте, ссылаясь на сужденія особаго совѣщанія, опубликованныя въ «*Правительственномъ Вѣстникѣ*» за 1902 г. (№№ 69, 27-го марта и 109, 18 мая), отвѣчалъ: «изъ этихъ сужденій видно, что губернскимъ и уѣзднымъ комитетамъ предоставленъ *полный просторъ въ изложеніи своихъ взглядовъ* на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности и на мѣры воспособленія ей въ зависимости отъ дѣйствительныхъ нуждъ данной мѣстности. Это довѣріе, оказанное лицамъ, вошедшимъ въ составъ комитетовъ, основывается на убѣжденіи, что они отнесутся къ возложенной на нихъ особымъ совѣщаніемъ задачѣ съ тактомъ и спокойствіемъ и не будутъ при занятіяхъ предложеннымъ имъ весьма важнымъ практическимъ дѣломъ преслѣдовать цѣлей, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ сельско-хозяйственной промышленности».

Переходя теперь къ дѣятельности комитетовъ, начнемъ съ Воронежскаго уѣзднаго.

Богатое послѣдствіями засѣданіе этого комитета состоялось 26 августа 1902 года подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства И. Т. Алисова и при участіи всѣхъ гласныхъ уѣзднаго и нѣкоторыхъ—губернскаго земства. Приглашены были также нѣкоторые извѣстные мѣстные хозяева. Ознакомивъ присутствующихъ съ официальной стороною организациі губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, предсѣдатель въ своей вступительной рѣчи остановился прежде всего на томъ фактѣ, что еще въ 1895 году уѣздное земство обсуждало вопросы о нуждахъ сельскаго хозяйства и что его компетентнымъ мнѣніемъ тогда уже были установлены факты вопіющей нужды, въ особенности въ средѣ крестьянскаго населенія. Съ тѣхъ поръ дѣла еще болѣе ухудшились. Насколько тяжело положеніе крестьянъ, доказываетъ безпокойное состояніе сельскаго населенія въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Воронежской губерніи. Такія волненія свидѣтельствуютъ, что чаша нужды переполнена. Предсѣдатель далекъ отъ мысли, что проявленіе безпокойства есть результатъ грубости и дикости крестьянъ и что сами крестьяне не могли бы улучшить своего экономическаго положенія. Причины переживаемаго кризиса кроются въ неудовлетворительности тѣхъ общихъ условій, въ которыхъ находится экономическая жизнь. Считая въ области сельскаго хозяйства интересы крестьянъ близкими и частнымъ владѣльцамъ, предсѣдатель пригласилъ высказать мнѣніе «мужественно и откровенно». «Мы,—говорилъ онъ, должны высказать откровенно правительству, что нынѣшнее положеніе дѣлъ далѣе терпимо быть не можетъ». Предлагая въ заключеніе самимъ членамъ комитета поставить тѣ или другіе общіе вопросы въ области сельско-хозяйственныхъ нуждъ или же составить по нимъ записки,

предсѣдатель, съ своей стороны, находилъ необходимымъ остановить особое вниманіе на вопросахъ: а) о значеніи земства, какъ мѣстнаго органа самоуправленія и общественной дѣятельности, б) о неудовлетворительномъ юридическомъ положеніи крестьянъ, какъ опоры сельскаго хозяйства, в) о тяжести прямыхъ и особенно косвенныхъ налоговъ, падающихъ на сельско-хозяйственную промышленность, г) о вліяніи таможенныхъ пошлинъ въ томъ же направленіи, д) о значеніи печати, какъ свободнаго слова, въ дѣлѣ обсуждения нуждъ сельско-хозяйственной промышленности и е) о значеніи правильно поставленнаго общаго образованія вообще и всеобщаго обученія для народной массы въ частности. Особый интересъ для комитета долженъ представлять вопросъ объ отношеніи къ затронутымъ нуждамъ земства. «Земство,—говорилъ предсѣдатель,—сдѣлало больше, чѣмъ кто либо въ дѣлѣ культурнаго развитія крестьянъ, но, къ сожалѣнію, всѣ благія начинанія его въ этомъ отношеніи разбивались о препятствіе и равнодушіе, бывшія внѣ сферы земскаго вліянія». Высказавъ далѣе надежду, что «правительство обратилось къ провинціальнымъ комитетамъ не съ тою цѣлью, чтобы труды ихъ остались безплодными», предсѣдатель просилъ членовъ «приступить къ работѣ съ бодрымъ духомъ» и воспользоваться правомъ откровенно высказаться по вопросамъ о тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ нуждамъ сельско-хозяйственной промышленности. Первымъ послѣ рѣчи предсѣдателя говорилъ гласный воронежскаго губернскаго земства, извѣстный педагогъ Н. Ф. Бунаковъ, предварительно заявивъ, что онъ можетъ высказать свой взглядъ лишь при условіи полной искренности, какъ подсказываетъ ему совѣсть, называя все дѣйствительными именами. Затѣмъ ораторъ произнесъ слѣдующую рѣчь. «Изъ предложеннаго правительствомъ списка вопросовъ, обнимающихъ болѣе или менѣе детально разныя стороны сельско-хозяйственной промышленности, видно, что у насъ, наконецъ, поняли печальное положеніе этой промышленности и предвидятъ грядущія грозныя послѣдствія; но, къ сожалѣнію, безъ достаточнаго вниманія относятся къ причинамъ, вызвавшимъ это тяжелое положеніе дѣла, а это очень жаль, потому что безъ устраненія этихъ коренныхъ причинъ никакими частными мѣропріятіями невозможно поправить дѣла. Упадокъ сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи есть лишь одинъ изъ общихъ симптомовъ нашей общей отсталости въ ряду цивилизованныхъ государствъ, явленіе, вызванное общимъ строемъ русской государственной и общественной жизни—полнымъ подавленіемъ личности, безправіемъ ея, отсутствіемъ свободы слова, антонизмомъ и даже враждой сословій, административнымъ усмотрѣніемъ, поставленнымъ выше суда, общимъ застоємъ, неудовлетворяющею общество постановкой образованія, жалкимъ положеніемъ народной школы, ужасающимъ экономическимъ положеніемъ и невѣжествомъ народной массы. Болѣе четверти вѣка мы стоимъ на одномъ мѣстѣ и даже пятимся назадъ, и это какъ разъ въ то время, когда всюду жизнь движется по пути освобожденія и расширенія гражданской самостоятельности личности и общаго развитія и очеловѣченія народныхъ массъ. Естественно, что такое общее положеніе дѣлъ не мо-

жетъ не отражаться на объденіи народа и нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Заботиться о какихъ либо частныхъ мѣропріятіяхъ, въ родѣ учрежденія инструкторовъ, борьбы съ оврагами, устройства опытныхъ полей и пр., не только бесплодно, бесполезно, а даже вредно, потому что эти частности будутъ отвлекать вниманіе отъ настоящаго дѣла. Это все равно, какъ если бы кто либо сталъ спрашивать специалистовъ о необходимости исправленія по частямъ и мелочамъ стараго, отслужившаго свое назначеніе дома. Нельзя только толковать о починка и частныхъ передѣлкахъ, когда настоятельно слѣдуетъ передѣлать цѣлое. Что нужно сдѣлать для того, чтобы бороться съ нуждой и заставить нашу жизнь и хозяйство двинуться по пути развитія. Прежде всего необходимо немедленно возстановить въ полной мѣрѣ тѣ учрежденія и освободительныя начала, которыми ознаменовалась первая половина царствованія государя Александра II-го, и которая, въ видѣ реформъ крестьянской, земской и судебной, не были закончены, а потомъ подверглись очень печальнымъ урѣзкамъ. Такъ, крестьянское освобожденіе безъ достаточнаго земельного надѣла, безъ избавленія отъ тѣлеснаго наказанія, безъ полнаго и всесторонняго проведенія въ жизнь идеаловъ, гласнаго, скорого и милостиваго суда. Дальнѣйшее развитіе реформъ Александра II должно направиться по пути полнаго освобожденія личности, свободы слова, свободы печати и развитія широкой общественной самостоятельности. Безъ этихъ общихъ условій немислимо развитіе личной самостоятельности, инициативы и предпримчивости, а безъ этихъ качествъ у хозяевъ и землевладѣльцевъ невозможно и поступательное развитие нашей сельско-хозяйственной промышленности. Вотъ почему русскимъ честнымъ людямъ остается уклониться отъ рѣшенія разнаго рода частныхъ практическихъ мѣропріятій, чтобы не затемнять, не маскировать общаго печальнаго положенія дѣла и сельско-хозяйственной промышленности, упадокъ которой находится въ прямой и близкой связи съ этимъ общимъ положеніемъ дѣла».

Вслѣдъ за этимъ прочелъ записку земскій гласный, докторъ, С. В. Мартыновъ ¹⁾.

Указавъ на то, что правительство уже обращалось къ земскимъ учрежденіямъ въ 1894 году и что послѣдніе, при помощи своихъ статистическихъ и сельско-хозяйственныхъ организацій, собрали и представили по вопросамъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности огромный матеріалъ, высокая цѣнность котораго нашла себѣ оцѣнку въ рѣчи, произнесенной бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ первомъ засѣданіи Особаго Совѣщанія, Мартыновъ понялъ новое обращеніе правительства къ мѣстнымъ людямъ, какъ необходимость пополненія матеріаловъ объ общихъ условіяхъ, въ которыхъ находится хозяйство. На это есть прямыя указанія въ инструкціяхъ мѣстнымъ комитетамъ. Прежніе солидные, собранные земскими учрежденіями, матеріалы о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности

¹⁾ С. В. Мартыновъ привлекался ранѣе по политическимъ дѣламъ и, послѣ продолжительнаго заключенія, былъ административнымъ порядкомъ сосланъ въ Восточную Сибирь. По отбытіи срока ссылки, онъ поселился въ Воронежѣ.

оказались недостаточными, потому что вопросы рассматривались изолированно, безъ отношенія ихъ къ современному политическому и финансовому положенію страны. Само правительство, видимо, пришло къ тому убѣжденію, что нужды сельскаго хозяйства настолько тѣсно переплетаются съ вопросами общегосударственными и до такой степени зависятъ отъ того или другого рѣшенія послѣднихъ, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга положительно невозможно. Современный упадокъ сельско-хозяйственной промышленности отнюдь не является случайнымъ или мѣстнымъ; хроническіе голодовки населенія, подрывающія громадныя количества сельскихъ хозяйствъ и захватывающія изъ года въ годъ огромные районы въ различныхъ полосахъ Россіи, а также аграрныя движенія, вспыхнувшія со стихійной силой въ разныхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстностяхъ, доказываютъ, что причины сельско-хозяйственнаго кризиса лежатъ глубоко въ основахъ современнаго политико-экономическаго строя страны, и завися въ незначительной степени отъ мѣстныхъ условій, не могутъ быть устранены мѣстными и разрозненными мѣропріятіями. Такимъ образомъ, при обсужденіи нуждъ сельско-хозяйственной промышленности, въ комитетахъ неизбѣжно должны возникнуть и обсуждаться вопросы общегосударственные, а затѣмъ уже частныя, спеціальныя вопросы. Между тѣмъ, ни составъ мѣстныхъ комитетовъ, ни юридическія полномочія не могутъ дать ни правительству, ни обществу гарантій въ томъ, что эти огромной важности вопросы будутъ поставлены и обсуждаться съ надлежащей полнотою и исчерпывающей всесторонностью. Нынѣшніе члены комитета не избраны населеніемъ, а попали случайно, по приглашенію. Къ тому же они не имѣютъ элементарныхъ гарантій личной неприкосновенности, необходимыхъ для гласнаго и объективнаго сужденія вопросовъ общегосударственнаго значенія. Въ видахъ этого, Мартыновъ предложилъ комитету высказаться передъ министерствомъ за неотложность передачи вопроса о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и неразрывно связанныхъ съ ними общихъ вопросовъ правового и экономическаго благосостоянія государства на обсужденіе всероссійскаго и всесословнаго представительнаго учрежденія съ тѣмъ, чтобы входящимъ въ составъ его выборнымъ людямъ было гарантировано закономъ необходимыя для обсужденія государственныхъ вопросовъ свобода слова и личная неприкосновенность.

Изъ возникшихъ преній по поводу рѣчи Бунакова и затѣмъ Мартынова выяснилось, что одни изъ членовъ комитета находятъ нужнымъ, раздѣляя взгляды первыхъ ораторовъ, заняться разработкою вопросовъ общаго характера, другіе внесли, съ своей стороны, нѣкоторыя новыя предложенія. Губернскій и уѣздный гласный Тамбовскаго земства докторъ А. И. Шингаревъ убѣждалъ комитетъ, что если онъ не присоединится ко взглядамъ Бунакова и Мартынова, то тѣмъ самымъ вырветъ у себя почву изъ подъ ногъ. Онъ же предложилъ поставить вопросъ о томъ, чтобы были выслушаны главныя невольные отвѣтки за сельскохозяйственныя неурядицы—крестьяне. Результатомъ этого предложенія было возбужденіе вопроса относительно организаціи совѣщаній въ средѣ самихъ крестьянъ, на мѣстахъ, такъ какъ участвовавшихъ въ комитетѣ представителей крестьянскаго со-

словія мало, а между тѣмъ только отъ того или другого отношенія крестьянъ къ дѣлу всецѣло зависить та или другая постановка сельско-хозяйственной промышленности.

За Шингаревымъ говорилъ завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ воронежскаго губернскаго земства Ф. А. Щербина. Указавъ, какъ и предыдущіе ораторы на крайне тяжелое положеніе дѣлъ въ сельско-хозяйственной промышленности, онъ предложилъ перейти отъ общихъ положеній на болѣе практическую почву. По его мнѣнію, не существовало никакого рѣзкаго противорѣчія между двумя, внесенными Бунаковымъ и Мартыновымъ, предложеніями и послѣдовавшими затѣмъ преніями. Возможно, что въ концѣ концовъ и комитетъ, разрабатывавъ тѣ или другіе вопросы общаго характера, имѣющіе отношеніе къ сельско-хозяйственной промышленности, придетъ къ выводамъ, близкимъ по существу съ сдѣланными предложеніями. Ф. А. предложилъ избрать одну или двѣ комиссіи для разработки предложеній Бунакова, Мартынова и Шингарева, а комитету приступить къ рѣшенію практическихъ вопросовъ, внесенныхъ правительствомъ. Такая комиссія и была избрана подъ предсѣдательствомъ Щербины, при чемъ въ докладѣ комитету онъ, между прочимъ, требовалъ свободы слова, печати, собраній и пр. и призналъ необходимымъ созывъ «всероссійскаго собора». Въ заключеніи доклада комиссія говорила: «такъ жить, какъ мы живимъ въ глухой провинціи, съ опасеніями за себя и за свое имущество, дольше нельзя. Нельзя хладнокровно смотрѣть на то, какъ капля за каплей разрушаются наши естественныя богатства, какъ растутъ въ окружающей средѣ произволъ и безправіе, какъ утрачивается и извращается чувство законности, какъ не находятъ приложенія къ дѣлу наши силы и какъ надъ всѣмъ этимъ грозною тучею надвигаются осложненія въ формѣ волненій народной массы. Указанный правительствомъ путь обращенія къ мѣстнымъ силамъ долженъ быть доведенъ до конца. Тѣ, у кого правительство спрашиваетъ мнѣніе о сельско-хозяйственныхъ нуждахъ на мѣстахъ, тѣ же мѣстные элементы должны быть выслушаны и въ мѣстныхъ совѣщаніяхъ. Участіе выборныхъ отъ разныхъ сословіи и мѣстностей въ общемъ Всероссійскомъ совѣщаніи комиссія находитъ поэтому полезнымъ и необходимымъ». Изложенный докладъ комиссіи былъ принятъ комитетомъ единогласно. Мало этого: онъ встрѣтилъ сочувствіе въ губернскомъ комитетѣ, засѣдавшимъ подъ предсѣдательствомъ воронежскаго губернатора Слѣпцова и при участіи до 80-ти землевладѣльцевъ. Какъ только Плеве узналъ о рѣчахъ и постановленіяхъ воронежскихъ комитетовъ, онъ пришелъ въ ярость¹⁾. Уѣзднаго воронежскаго предводителя дворянства, И. Т. Алисова, тотчасъ же вызвали въ Ливадію и одновременно было предписано произвести обыскъ, арестовать и отправить въ Петербургъ С. В. Мартынова. Н. В. Бунакову было предписано въ 24 часа ѣхать въ С.-Петербургъ и представиться директору департамента Лопухину, а если онъ не согласится ѣхать добровольно—

¹⁾ Въ то время Плеве съ Государемъ Императоромъ былъ въ Ливадіи. Носились слухи, что туда съ доносомъ отправился одинъ изъ участниковъ въ воронежскомъ губернскомъ комитетѣ орловскій землевладѣлецъ Б. Онъ доставилъ Плеве всѣ матеріалы относительно воронежскихъ комитетовъ.

отправить его въ Петербургъ съ жандармами. Въ то же время, у свояка Мартынова, члена воронежской губернской земской управы Д. А. Перелешина произведенъ былъ обыскъ. И этимъ дѣло не окончилось. 1-го ноября въ Воронежъ прибылъ командированный Плеве товарищъ его Зиновьевъ и началъ допрашивать каждого члена комиссіи, составившей вышеприведенный докладъ. Первый допрашивался управляющій казенною палатою, почтенный общественный дѣятель, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Г. С. Вашкевичъ. Зиновьевъ сталъ упрекать его, что при 60-ти лѣтнемъ возрастѣ Вашкевичу не слѣдовало принимать участіе въ «такомъ дѣлѣ». «Мы съ вами сѣдые люди,—сказалъ Зиновьевъ,—и намъ уже не слѣдъ увлекаться». На это управляющій казенною палатою возразилъ: «именно потому, что мы съ вами сѣдые люди, именно потому намъ и слѣдуетъ громко и безбоязненно сказать правительству правду, а не кричать: «слово и дѣло».—«Такъ что же,—спросилъ изумленный товарищъ временщика,—вы, значить, и теперь присоединяетесь ко всему тому, что сказано въ докладѣ?»—«Да, присоединяюсь,—отвѣтилъ благородный человѣкъ,—повторяю и заявляю, что это мое убѣжденіе».

Затѣмъ Зиновьевъ поодинокѣ вызывалъ: Переверзева (податнаго инспектора, секретаря комиссіи, составившей докладъ), Ф. А. Щербину, какъ предсѣдателя той же комиссіи, В. И. Колюбакина (бывшаго предсѣдателя воронежской губернской земской управы), г. Шуринова (гласнаго губернскаго земства), Н. И. Тезякова (извѣстнаго земскаго санитарнаго врача и писателя) и Д. А. Перелешина (члена воронежской губернской земской управы).

Любопытная бесѣда произошла затѣмъ у Бунакова съ директоромъ департамента Лопухинымъ въ Петербургѣ.

Лопухинъ. У васъ въ комиссіи потребовали введенія конституціоннаго образа правленія?

Бунаковъ. Этого я не слышалъ: у насъ говорилось о созывѣ земскаго собора.

Лопухинъ. Это одно и то же.

Бунаковъ. Въ первый разъ слышу: съ такой точки зрѣнія образъ правленія въ допетровской Руси, значить, былъ конституціоннымъ?

Лопухинъ. Я не для академическихъ споровъ васъ призвалъ. Съ вами будутъ еще разговаривать жандармы. А теперь скажите мнѣ какое участіе принимали вы въ дѣлѣ о подачѣ записки въ комитетъ гласнаго Мартынова?

Бунаковъ. Что за вопросъ? Гласный Мартыновъ человѣкъ достаточно зрѣлый (ему подъ 50 лѣтъ), чтобы самому отвѣчать за свои слова и дѣла.

Лопухинъ. Кто былъ въ комитетѣ?

Бунаковъ. Наши засѣданія были гласны, никакой тайны мы изъ нихъ не дѣлали, всему велись журналы,—зачѣмъ же буду я вамъ отвѣчать на такіе вопросы?

Лопухинъ. Вы не должны выѣзжать изъ Петербурга впредь до разрѣшенія.

Бунаковъ. Не выѣду.

Затѣмъ Н. Ф. Бунакова начали призывать въ жандармско

управленія, гдѣ сначала допросъ касался все больше Мартынова, и затѣмъ объявили, что и онъ, Бунаковъ, привлекается въ качествѣ обвиняемаго въ стремленіи измѣнить существующую въ Россіи форму правленія, за произнесеніе въ комитетѣ дерзкой рѣчи и т. д.

Кончилась вся его исторія тѣмъ, что Мартынова сослали въ Архангельскъ, Бунакова и Щербину—на мѣста ихъ родины, губернатора Слѣпцова и управляющаго казенною палатою Вошкевича лишили мѣстъ, а Перелешину воспретили быть членомъ земской управы. Словомъ, Плеве въ Воронежѣ произвелъ полнѣйшій разгромъ за чисто конституціонныя заявленія, которыя менѣе чѣмъ черезъ три года получили полное право гражданства, но уже чрезъ посредство революціи.

Чтобы не возвращаться болѣе къ воронежскимъ комитетамъ, скажемъ здѣсь же, что С. В. Мартыновъ написалъ изъ Архангельска нижеслѣдующее письмо Витте: «Въ ноябрѣ 1902 г. я обратился къ вашему высокопревосходительству съ просьбой употребить вліяніе для прекращенія репрессій министерства внутреннихъ дѣлъ за мнѣніе, высказанное мною въ засѣданіи воронежскаго уѣзднаго комитета. Отвѣта я не получилъ и высланъ на три года въ Архангельскую губернію. Обращеніе именно къ вамъ, полагаю, естественно; по вашей инициативѣ, подъ вашимъ руководствомъ собраны были комитеты со спеціальной цѣлью дать возможность высказаться по одному изъ насущныхъ вопросовъ русской жизни. Достоинство власти, созывавшей комитеты, и авторитетъ вашего превосходительства были порукой въ отсутствіи какихъ бы то ни было репрессій за исполненіе членами своихъ обязанностей. Но событія показали иное: административныя высылки, обыски съ обвиненіемъ въ государственныхъ преступленіяхъ, удаленіе отъ должности, допросы лицъ, принявшихъ участіе въ комитетѣ, розыски неблагонадежныхъ элементовъ и искорененіе несуществующей крамолы, таковы были ошибочныя яо существу и противозаконныя по формѣ репрессіи противъ тѣхъ, кто, довѣряя вашему высокопревосходительству, думалъ добросовѣстно исполнить свой долгъ. Эта исторія представляетъ много доказательствъ того, какъ злоупотребляла своею властью бюрократія, но никогда она не унижалась до провокаціи, и лишь комитеты, организованные вашимъ превосходительствомъ въ 1902 г., представляютъ единственный въ этомъ отношеніи примѣръ. Благодаря тому, что министерство внутреннихъ дѣлъ создало громкое дѣло изъ-за записки, прочитанной мною въ уѣздномъ комитетѣ, она циркулируетъ теперь въ тысячахъ списковъ, печатается во всѣхъ нелегальныхъ изданіяхъ и, смѣю спорить, никого не убѣждая въ справедливости и законности принятыхъ мѣръ, накладываетъ на правительство и на ваше высокопревосходительство тяжкій упрекъ въ безтактности и провокаторствѣ. Къ сожалѣнію, и я долженъ сказать, что вся отвѣтственность за дѣйствія, подрывающія самый авторитетъ и достоинство власти, падаетъ на ваше высокопревосходительство и ложится на васъ тяжелымъ обвиненіемъ. Средство исправить сдѣланную ошибку, если, конечно, это была ошибка, а не сознательная цѣль при организаціи комитетовъ, легко и путь извѣстенъ: чтобы выйти изъ унизительнаго положенія, вашему пре-

восходительству предстоитъ или настоять на полномъ прекращеніи всякихъ репрессій и признаніи происшедшаго, дѣйствительно, ошибкою или отказаться отъ своего поста. Иного пути нѣтъ, такъ какъ разсмотрѣніе дѣла о крамолѣ, открытой въ Воронежѣ, пока у насъ невозможно. Жду отъ вашего превосходительства отвѣта, въ надеждѣ, что вы предпочтете безъ чувства стыда и боли смотрѣть на окружающихъ, и обращаюсь вторично къ вамъ, потому что не увѣренъ, дошло ли до васъ прошеніе, поданное мною изъ тюрьмы.

С. Мартыновъ.

10 марта 1903 г.

Не менѣ печальныя послѣдствія были въ результатѣ дѣятельности и другихъ комитетовъ.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Вашингтон
1919 (т. I ?)

Изъ моего революціоннаго прошлаго.

(1878—1879 г.г.).

Очеркъ второй.

Годы 1878—1879—критическіе годы въ освободительномъ движеніи 70-хъ годовъ, годы перелома въ революціонной психологіи этой эпохи. Въ моей памяти они сохранились, какъ моментъ рѣзкаго поворота на новый путь революціонной дѣятельности, быстро нарастанія революціоннаго настроенія. Годы эти—межевые столбы между дѣятельностью предыдущей—путемъ пропаганды идей социализма—и дѣятельностью послѣдующей—активно революціонной и, наконецъ, террористической. Въ статьяхъ журнала „Былое“ часто высказывается мысль, что освободительное движеніе 70-хъ годовъ носило въ себѣ съ самаго начала тенденцію той дѣятельности, которая потомъ ярко выразилась въ программѣ народолюбцевъ. Мнѣ кажется такое мнѣніе ошибочнымъ, и возникло оно изъ слѣдующаго. Несомнѣнно, слово—революція значить ничто иное, какъ насильственный переворотъ. Такъ опредѣлялось это слово и во всѣ моменты движенія 70-хъ годовъ. Но и къ насильственному перевороту можно стремиться различными путями, руководиться той или иной тактической программой. Германскіе социаль-демократы стремятся къ революціи, т. е. къ насильственному перевороту, но средства партіи, ея тактика совершенно неревлюціонны. Такъ и представители движенія 70-хъ годовъ, перваго призыва, по своему революціонному настроенію, по своей революціонной психологіи рѣзко отличаются отъ представителей революціоннаго момента 78—79 г.г., момента высокаго революціоннаго подъема. Короче говоря, поскольку дѣло идетъ не объ отвлеченной идеѣ переворота, а о конкретной программѣ средствъ, моменты движенія начала и конца 70-хъ годовъ рѣзко разнятся между собою. Были, можетъ быть, отдѣльныя личности, даже и группы лицъ, среди которыхъ, по словамъ М. Ф. Фроленко, ходила мысль о необходимости открыть походъ противъ правитель-

ства, но, не говоря уже о томъ, что одно дѣло—говорить, а другое—дѣлать, нужно имѣть въ виду не отдѣльныхъ лицъ, а всю революціонную среду; а, въ общемъ, настроеніе революціонной среды въ началѣ 70-хъ годовъ было иное, чѣмъ оно стало съ 1878 г. Словомъ, я не хочу отнимать чести у русскаго правительства фигурировать на страницахъ исторіи освободительнаго движенія 70-хъ годовъ въ роли единственнаго автора террора конца этого движенія. Только жестокія репрессіи были причиной скопленія такого количества революціонныхъ актовъ террористическаго характера: 24 января 1878 г. В. И. Засуличъ стрѣляетъ въ Трепова; 23 февр.—покушеніе на товарища прокурора Киевскаго округа, Котляревскаго; 25 мая убить жандармскій офицеръ баронъ Гейкингъ; 1 іюля—попытка вооруженнаго освобожденія Войнаральскаго; 4 авг. убійство шефа жандармовъ, Мезенцева; 30 янв. оказано вооруженное сопротивленіе при арестѣ Ковальскаго; ночью съ 11 на 12 октября, въ Петербургѣ, оказано вооруженное сопротивленіе при арестѣ Малиновской и М. Федоровой; 16 дек. вооруженное сопротивленіе при арестѣ офицера Дубровина, въ Старой Руссѣ; 17 апр. вооруженное освобожденіе изъ коломенской части Прѣснакова. Я уже не говорю объ убійствахъ шпионовъ.—И все это на протяженіи одного года. Мнѣ кажется одного этого достаточно, чтобъ убѣдиться въ рѣзкой перемѣнѣ темперамента революціонеровъ по сравненію съ предыдущими годами. Этотъ же годъ былъ богатъ всякаго рода демонстраціями на почвѣ студенческихъ требованій, а также политическаго характера. Въ этомъ году имѣло мѣсто демонстративное шествіе студентовъ съ прошеніемъ къ наслѣднику, будущему Александру III. Почему студенчество избрало такую форму демонстраціи, теперь трудно понять, ибо, конечно, оно было чуждо той наивной вѣры, которая двинула рабочія массы ко дворцу 9-го января. Вѣроятно, считали что подъ такимъ предлогомъ демонстранты съ большей вѣроятностью могли выйти на улицу и вызвать сочувствіе средней публики. Въ этомъ же году была демонстрація по поводу похоронъ Подлевскаго, одного изъ участниковъ процесса 193-хъ. Объ этой демонстраціи скажу нѣсколько словъ, такъ какъ она совершенно забыта, а между тѣмъ несомнѣнно является однимъ изъ показателей нарастающаго революціоннаго чувства въ средѣ дѣятелей освободительнаго движенія 70-хъ годовъ.

Я участвовалъ въ ней, какъ представитель организаціи „Земли и Воли“, и потому въ моей памяти эта демонстрація сохранилась довольно живо. Я какъ бы вижу ту взволнованную, возмущенную до глубины души толпу учащейся молодежи, рѣшившейся на все. Подлевскій безнадежно заболѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія и, какъ студентъ, былъ переведенъ въ клинику Вилье. Уже дня за два до его смерти врачи потеряли надежду на его выздоровленіе, и студенты, подъ влияніемъ агитаціи представителей „Земли и Воли“ рѣшили устроить демонстративныя похороны. III-е отдѣленіе было освѣдомлено объ этомъ намѣреніи и, для предупрежденія демонстраціи, распорядилось

чтобъ полиція выкрала тѣло Подлевскаго изъ клиники Вилье и, до поры до времени, помѣстила его въ Николаевскомъ Сухопутномъ госпиталѣ, что на Пескахъ. Собравшіеся на похороны студенты, узнавъ о такой продѣлкѣ полиціи, были глубоко возмущены и, какъ только было получено извѣстіе, гдѣ находится тѣло Подлевскаго, толпа студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній, собравшаяся во дворѣ Медико-Хирургической Академіи, двинулась въ госпиталь. Полиція, продѣлавъ такую махинацію съ тѣломъ Подлевскаго, думала, очевидно, что этимъ устранила поводъ къ демонстраціи и совершенно успокоилась, не подозрѣвая, что подняла только масла въ огонь. Только когда толпа демонстрантовъ стала переходить Литейный мостъ, полиція спохватилась и распорядилась разводкой моста, чтобъ тѣмъ прекратить дальнѣйшее шествіе. Но было уже поздно. Толпа оттерла работающих по разводкѣ моста и перешла на другую сторону Невы. Достигнувъ Николаевскаго госпиталя, демонстранты, не ожидая распоряженія о похоронахъ Подлевскаго,—конечно, III-е отдѣленіе намѣрено было совершить ихъ ночью, по своей привычкѣ все дѣлать ночью—подняли гробъ съ тѣломъ и отправились съ нимъ обратно на Выборгскую сторону, гдѣ родные Подлевскаго хотѣли похоронить его на католическомъ кладбищѣ. Когда гробъ былъ вынесенъ изъ госпиталя, полиція сдѣлала натискъ на толпу съ цѣлью отнять у нея гробъ, но натискъ былъ отбитъ. Во время этой свалки, тѣло Подлевскаго едва не вывалилось изъ гроба. Это-то обстоятельство и помогло демонстрантамъ отстоять гробъ, потому что собравшаяся посторонняя публика была тоже возмущена надругательствомъ надъ мертвымъ и на полицію посыпались упреки и выраженія негодованія со всѣхъ сторонъ. Полиція сконфузилась и отступила. Толпа послѣ этого двинулась на Выборгскую сторону мимо дома пр. заключенія. Поровнявшись съ нимъ, толпа на рукахъ подняла гробъ надъ головами своими со словами: „Вотъ жертва насилія и произвола!“ Далѣе путь до кладбища былъ совершенно безпрепятственно, и демонстрація закончилась погребеніемъ Подлевскаго.

Въ этомъ же году имѣла мѣсто демонстрація по поводу похоронъ 8 рабочихъ, жертвъ взрыва на Пороховомъ заводѣ, на Васильевскомъ островѣ. Не помню сейчасъ, по какой винѣ начальства произошла этотъ взрывъ, но помню, что рабочіе обвиняли начальство. Ночью съ Васильевскаго острова пришли въ одну изъ консперативныхъ квартиръ „Земли и Воли“ Халтуринъ и еще одинъ рабочій. Они сообщили намъ о взрывѣ и рекомендовали устроить по этому поводу демонстрацію. По ихъ мнѣнію, она должна была имѣть успѣхъ, такъ какъ рабочіе въ высшей степени возмущены этимъ несчастьемъ и считаютъ начальство виновникомъ смерти восьми человекъ. Времени на подготовку демонстраціи оставалось мало, но все, что возможно было сдѣлать за короткое время до погребенія, было сдѣлано. Утромъ, на Смоленскомъ кладбищѣ, въ церкви, надъ гробами жертвъ взрыва, однимъ изъ рабочихъ была сказана рѣчь, въ которой начальство обвиня-

лось въ несчастіи. Нельзя сказать, чтобъ эта демонстрація вышла очень удачна; многое изъ того, что предполагалось, осталось невыполненнымъ; но, принимая во вниманіе условія, при которыхъ она происходила и новость такого протеста въ средѣ рабочихъ массъ, мы все же думали, что было сдѣлано все, что возможно.

Въ этомъ же году происходилъ судъ надъ 193-мя, извѣстный подъ названіемъ Большого процесса; беззаконіе этого суда ярко демонстрировалъ въ своей рѣчи на судѣ Ип. Н. Мышкинъ, а мы, на волѣ, узнали изъ разсказовъ избѣжавшихъ кары по этому процессу. Помню то негодованіе и жажду мести, съ которыми, вѣроятно, не я одинъ выходилъ изъ собраній молодежи, гдѣ освобожденные по этому процессу разсказывали о судѣ, во главѣ котораго стоялъ прокуроръ Желиховскій, ухитрившійся выставить процессъ 193-хъ, какъ процессъ одной организаціи. Когда все это вспоминаешь теперь, ясно видишь, какъ революціонизировалось настроеніе представителей освободительнаго движенія 70-хъ годовъ, и какъ они, быть можетъ, незамѣтно для самихъ себя, толкались въ томъ направленіи, которое, годъ спустя было формулировано въ программѣ „Народной Воли“. Правда, слово—терроръ еще не было произнесено въ это время и даже такой человекъ, какъ Александръ Дмитріевичъ Михайловъ, который потомъ представлялъ такую видную фигуру въ организаціи народовольцевъ, возвратившійся весной этого года изъ своихъ экскурсій въ сектанскія поволжскія организаціи и строившій планы революціонныхъ организацій среди сектантовъ, даже онъ не зналъ, что больше въ Поволжье не вернется. Но нервное настроеніе революціонеровъ того времени, насколько оно сохранилось въ моей памяти, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. И ему оставался только одинъ путь, который оно и выбрало—путь наименьшаго сопротивленія. Да и что оставалось другое для русскаго просыпающагося гражданина, когда ему рѣшительно не позволялось ничего въ области политики и общественности. Мирное обновленіе Россіи? Но если это иронически звучитъ въ наше время, то какой бы злой ироніей показалось тогда, въ 78—79 г.г., когда стоявшіе у кормила русскаго корабля, напримѣръ Дрентельнъ говорили революціонерамъ на ихъ заявленіе о неисполненіи по отношенію къ нимъ законовъ: „Вы же, господа, не признаете законовъ.“ Стало быть и они, представители власти и закона не должны ихъ исполнять! Такова была логика тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась судьба русскихъ обывателей, при знающихъ и не признающихъ существующіе законы. Когда задумывался въ уединеніи равелиновскаго и Шлиссельбургскаго каземата надъ вопросомъ: возможно ли было другое направленіе революціонной дѣятельности?—передо мной вставалъ образъ офицера Дубровина (казненнаго въ Петропавловской крѣпости 28 фев. 1879 г.), въ тотъ моментъ нашей встрѣчи, когда онъ, не говоря ни слова, показалъ мнѣ кинжалъ, съ надписью: „симъ защищайся“. Вспоминая его нервное настроеніе, я говорилъ себѣ: да, Дубр

внѣ былъ уже вполне террористъ, хотя террористической программы еще не было написано.

Въ іюнѣ еще никто не думалъ, что 4 августа будетъ убитъ Мезенцевъ. Говорили, что братъ Мезенцева сказалъ по поводу этого убійства, что въ лицѣ его брата убитъ не Мезенцевъ, а шефъ жандармовъ. Если правда, это дѣлаетъ честь его уму: именно система III-го отдѣленія толкнула на путь террора людей, вначалѣ шедшихъ въ народъ только съ однимъ оружіемъ—пропагандой. Интересно отмѣтить здѣсь разницу во взглядахъ на дѣятельность вышедшихъ на свободу по процессу 193-хъ и представителей организаціи «Земли и Воли». За время заключенія привлечавшихся по этому процессу, жизнь ушла далеко впередъ по революціонному пути, и когда на собраніяхъ заходила рѣчь о практическихъ программныхъ вопросахъ, землевольцы и выпущенные на свободу революціонеры перваго призыва, если позволительно такъ сказать, говорили на разныхъ языкахъ. Напримѣръ, Желябовъ и Тихомировъ приходили въ ужасъ отъ практической программы землевольцевъ. Послѣдніе представлялись имъ людьми насильственныхъ мѣръ, а не пропагандистами идей, не людьми, мирной проповѣдью зовущими народъ къ новой жизни на социалистическихъ началахъ. Съ этого времени вошло въ обиходъ называть землевольцевъ троглодитами. Съ такими дѣятелями, говорили Желябовъ и Тихомировъ—эти будущіе яркіе представители народолюбивческой программы—у нихъ, агентовъ мирной пропаганды, не можетъ быть ничего общаго. Однимъ словомъ, представители З. и В. и представители процесса 193-хъ казались людьми изъ двухъ различныхъ міровъ. Это было весной 78 г., а въ сентябрѣ Тихомировъ и Желябовъ явились изъ провинціи въ Петербургъ и оба пошли по одной дорогѣ, оба стали представителями политическаго террора. Еще яснѣе и рѣзче можно было наблюдать, на первыхъ порахъ, на Карѣ, какая пропасть легла между двумя нацѣленіями революціи, между дѣятелями начала 70-хъ годовъ и конца ихъ. Изъ этого ясно, какъ успешно правительство революціонизировало людей своими респрессіями.

Извиняюсь за это отступленіе. Я хотѣлъ представить 78 г. въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ моей памяти.

Въ то время даже, когда революціонное движеніе такъ рѣзко измѣнилось, землевольцы еще не отказались отъ своей программы и весной этого года планировали поселенія въ народѣ. А. Д. Михайловъ составлялъ планъ организаціонной дѣятельности среди сектантовъ Поволжья; я, Квятковскій, Марья Николаевна Ошанина и Ширяевъ мечтали объ организаціи поселеній въ Воронежской губ., не подозревая, что эта форма дѣятельности составляетъ уже прошлое въ движеніи 70 хъ годовъ, и то, о чемъ мечтали еще весной, осенью того же года будетъ оставлено навсегда. Но такъ какъ все же это было, то я расскажу и объ этомъ.

Весной 78 г. организовалась въ Петербургѣ группа для поселенія въ Воронежской губ.: я, Квятковскій, М. Н. Ошанина, ея сестра Н. Н. Оловеникова и др. должны были быть піонерами этого

поселенія. Первыми отправились, въ концѣ мая, въ Новохоперскій уѣздъ, на земскую службу въ качествѣ фельдшерицъ, Н. Оловенникова, и Геронимусъ. Вслѣдъ за ними, предполагалось, отправимся М. Н., Квятковскій и я. М. Н. должна была поселиться въ самомъ Воронежѣ и организовать справочное бюро для поселенцевъ. Квятковскій и я, въ качествѣ торговцевъ крестьянскими товарами, намѣрены были объѣхать Воронежскую губ. съ цѣлью подыскать наиболѣе подходящія мѣста съ точки зрѣнія дѣятельности по программѣ З. и В. Но намъ пришлось отложить до поры до времени нашъ отъѣздъ въ Воронежъ, въ виду предполагавшагося освобожденія Мышкина, и мы трое отправились въ Харьковъ. Здѣсь мнѣ не пришлось долго остаться, потому что въ это время Фроленко и Осинскій, съ освобожденными изъ тюрьмы Стефановичемъ, Дейчемъ и Бохановскимъ, прибыли изъ Кіева въ Харьковъ, откуда послѣдніе трое должны были отправиться въ Питеръ и затѣмъ за-границу. Мнѣ, какъ не бывавшему въ Кіевѣ и потому наименѣе подвергавшемуся опасности навести на слѣдъ бѣглецовъ, предложено было проводить ихъ въ Питеръ, чтобы оттуда они могли, при помощи Зунделевича, перебраться черезъ границу и уѣхать въ Швейцарію. Квятковскій, М. Н. и я рѣшили, чтобы я не возвращался уже въ Харьковъ, прямо отправился въ Воронежъ и занялся подготовкой къ нашему путешествію въ качествѣ торговцевъ, а они, по окончаніи дѣла съ освобожденіемъ, пріѣдутъ также въ Воронежъ. Я такъ и сдѣлалъ. Пріѣхавъ въ Воронежъ, я рѣшилъ пока одинъ отправиться въ качествѣ офени съ коробкой на плечахъ. Пріютился я въ Воронежѣ въ семействѣ Тулисовыхъ и, при помощи сестры Тулисова, Марьи Ивановны, приобрѣлъ коробку, сложилъ въ нее всякій мелкій крестьянскій товаръ и отправился въ Семилуки, деревню въ 11 верстахъ отъ Воронежа, гдѣ въ это время была ярмарка. Разложивъ свои товары въ мелочномъ ряду, я началъ торговлю. Изъ Воронежа, въ качествѣ охотниковъ, явились на ярмарку нѣсколько студентовъ съ Тулисовымъ, чтобы посмотреть насколько удачно я симулирую торговца. Подошли ко мнѣ, купили кое-какія мелочи и нашли меня въ этой роли на своемъ мѣстѣ. Мы распрощались, и мнѣ оставалось заводить новыя знакомства. Первымъ моимъ знакомымъ былъ крестьянинъ деревни Перелевки, Иванъ Голодоновъ, старикъ, служившій на ярмаркѣ ночнымъ сторожемъ у лавокъ. Днемъ онъ былъ совершенно свободенъ и потому я поручилъ ему караулить мой товаръ, когда мнѣ нужно было по какимъ-либо дѣламъ уходить: купить въ оптовой лавкѣ недостающихъ товаровъ, напиться чаю въ трактирѣ и т. под. Запросилъ онъ съ меня не дорого за свои услуги—складной ножъ, который обратилъ особенно его вниманіе среди другихъ мелочей моей торговли, и который я при продажѣ рекомендовалъ, какъ „аглицкій“ ножъ. Иванъ приглашалъ меня отправиться по окончаніи ярмарки, въ ихъ деревню, Перелевку, подавая мнѣ надежду на хорошую торговлю тамъ и въ окрестностяхъ. „Мы со старухой одни, у насъ на квартиру можешь расположиться и за любезное дѣло пойдетъ тор-

говля^а, говорилъ мнѣ Иванъ, когда я рекомендовался ему, какъ начинающій только заниматься этимъ дѣломъ. Я согласился и, по окончаніи ярмарки, мы отправились съ дѣдомъ Голодоновымъ въ Перелевку. Я взвалилъ себѣ на горбъ, какъ говорятъ крестьяне, коробку пуда въ полтора вѣсомъ, Иванъ же несъ на плечахъ пуда два соли. Пошли мы. Перелевка отъ Семилукъ находится верстахъ въ 14-ти. Въ дорогѣ насъ захватилъ дождь. Я порядкомъ таки усталъ; но предложить отдохнуть Ивану, старику, несшему тяжесть побольше моей, мнѣ, сравнительно съ нимъ молодому, было неловко, и я рѣшилъ не выдавать себя и ждать, пока Иванъ самъ предложитъ присѣсть. Жду нетерпѣливо, а Иванъ все шагаетъ мѣрнымъ шагомъ. Прошли мы больше половины пути, усталость даетъ себя знать, а Иванъ все молчитъ. Я уже сталъ терять надежду на отдыхъ, въ которомъ такъ нуждался. Показалась Перелевка. Ну, думаю себѣ, онъ отдыхать не намѣренъ и будетъ шагать такъ до Перелевки. Вдругъ, къ моему удовольствію, Иванъ говоритъ, указывая мнѣ на бугоръ; „У того бугра маленько присядемъ, нужно будетъ посчитать деньги, потому у меня, братъ, старуха бѣдовая, — сейчасъ ей подавай отчетъ, а то почнетъ моркву стругать“. Дотащился я кое-какъ до возделаннаго бугра. Иванъ пересчиталъ свои деньги, нѣсколько мелочи отложилъ и, кладя ихъ въ карманъ, сказалъ: „это надо отдать, братъ, — зайдемъ по дорогѣ въ кабакъ, — нашему кабатчику“, а остальные деньги, заворотивъ отдѣльно, спрятали за пазуху. „Другой разъ зайдешь, продолжалъ Иванъ посвящать меня въ свои тайны, выпьешь въ долгъ и, значить, надо теперь расплатиться, а то пожалуй болѣе и не повѣритъ. Только ты мотри, придемъ домой, не говори старухѣ моей, что, молъ, заходили въ кабакъ, на этотъ счетъ она у меня во какая строгая“. Пришли мы, наконецъ, въ Перелевку, зашли въ кабакъ. Думаю, выпью рюмку наливки для подкрѣпленія. Выпилъ и не почувствовалъ. Рѣшилъ выпить стаканъ водки. Выпилъ, сѣлъ на лавку и меня потянуло ко сну. Дремлю и сквозь дрему слышу, мой дѣдъ Иванъ хвалится кабатчику подареннымъ мною ножомъ. „Сказывалъ, будто настоящій аглицкій. Какъ по твоему, аглицкій ли въ самомъ дѣлѣ? — Это можно сейчасъ узнать, аглицкій сейчасъ скажется, отвѣтилъ кабатчикъ. Потянулся рукой къ бородѣ дѣда, вырвалъ изъ нея волосъ и началъ имъ дуть на лѣзвіе ножа. Меня это заинтересовало и я сталъ смотрѣть. Лезвіе пересѣкло волосъ, и кабатчикъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказалъ дѣду, ожидавшему съ затаеннымъ дыханіемъ результата экспертизы: „Настоящій аглицкій, хотъ кому покажи!“ Дѣдъ бережно вытеръ ножъ и, заворачивая его снова въ тряпку, сказалъ: „Должно быть аглицкій. И онъ сказывалъ, аглицкій, говоритъ, настоящій. А онъ такой человекъ, какъ я запримѣтилъ, — разъ скажетъ, значить дѣло свято. На вѣтеръ слова не бросаетъ, не какъ прочіе другіе изъ ихъ брата, торговцевъ“. Послѣ такихъ комплементовъ на мой счетъ, Иванъ обратился ко мнѣ: „Ну что жъ братъ, маленько отдохнули, выпили по рюмочкѣ, теперь можно и домой, старуха поди, что

нибудь настряпала“. Пришли мы къ Голодоновымъ. Старуха Ивана, дѣйствительно, угостила насъ щами и пышками со сметаной. Я помѣстился въ хибарочкѣ. На утро проснулся въ сильной лихорадкѣ. Прележалъ весь день. Лежу и сквозь дрему и лихорадочный бредъ слушаю причитанія старухи: „Бѣда эта хворь на чужой сторонѣ! Може чего ты покушалъ бы, молодецъ, — ты скажи, не сумливайся, если что!“ — Нѣтъ, ничего пока, бабушка, не хочется. Коли захочется—скажу, отвѣчаю я. „Ну, ну, касатикъ! А то, може, позвать бы попа,—запричастиль бы? Боже упаси, не равенъ часъ умрешь, все же и тебѣ лучше,—тѣлеса, по крайности, не будутъ рѣзать твои!“—Погоди бабушка, коли что, тамъ видно будетъ—скажу тебѣ. „Ну что жъ, какъ самъ знаешь, тебѣ лучше знать“. Къ вечеру лихорадка утихла.. На другой день я принялъ утромъ хининъ и, позавтракавъ, отправился по деревнѣ съ корбкой. Зазвали меня къ батюшкѣ. Матушка кое-что купила и, увидѣвъ карандаши, сказала своей дочери, гимназисткѣ, судя по формѣ: „уже выбери ты—ты лучше знаешь — карандашъ Ванюшъ.“ Я показалъ барышнѣ карандаши № 2 Фабера и говорю: вотъ, барышня, хорошіе карандаши. На что гимназистка, лукаво улыбаясь, сказала: „Ты таки понимаешь—хорошій или плохой; а я думала, просто тебѣ всучили продать, вотъ ты и расхваливаешь, а самъ-то, поди, въ карандашахъ столько понимаешь, сколько я въ китайской грамотѣ. Самъ-то ты, грамотенъ ли хоть сколько-нибудь?“—Маленько учили, отвѣчалъ я, и по печатному читаю и если что записать, то тоже могу. — „Ну то-то же, а рассказываешь: очень хорошій карандашъ! Положимъ, что въ этотъ разъ ты не ошибся, это дѣйствительно хорошій карандашъ, но признайся, вѣдь такъ, по привычкѣ, расхваливаешь?“ — Зачѣмъ, барышня? Вѣдь покупаемъ же мы и продаемъ, потому приноровились; сколько небось я ихъ продалъ.— „Ну, ладно, говорить-то ты, вижу, мастеръ, и дѣйствительно приноровился, видно, надувать простоту деревенскую, а пуще всего бабъ. Безъ запроса, по божецки—продолжала иронически подшучивать барышня—сколько стоитъ карандашъ?“ Очевидно она ожидала, что я запрошу тройную цѣну. Да что ужъ, барышня, лишняго не положу. Сами знаете цѣну, сколько небось исписали за все время, какъ въ гимназіи учитесь. — „А ты почему знаешь, что я учусь въ гимназіи?“—По формѣ, барышня, форма ваша показываетъ.—„Да ты вотъ какой, шутить барышня, и формы кто какія носятъ знаешь! Однако, сколько хочешь за карандашъ?“ — Торговаться что же, отвѣчаю. Въ Воронежѣ платите за такой карандашъ 5 коп., ну да 2 коп. набавите за то, что принесъ вамъ въ Перелевку. Значитъ и будетъ круглымъ счетомъ 7 коп. — „Это, значитъ по божецки будетъ?“—Полагаю, барышня, по божецки. „Ну, коли такъ, закончила барышня, барышня дала мнѣ еще два порושка хинина, когда я сталъ жаловаться на лихорадку. Изъ этого короткаго знакомства съ барышней, я заподозрилъ, что моя покупательница родственна мнѣ по духу,

и нарочно узнать фамилію батюшки въ этой деревнѣ. По разспросамъ въ Воронежѣ у знакомыхъ, оказалось, что моя перелевская покупательница принадлежала къ кружку, составленному въ Воронежѣ молодежью для самообразованія.

Совсѣмъ другой пріемъ ожидать меня въ барскомъ домѣ. Дня черезъ два, я отправился въ окрестности Перелевки. Прохожу мимо одной барской усадьбы, выбѣжала навстрѣчу мнѣ горничная и спросила — есть ли у меня пуговицы къ лѣтнему платью? На мой утвердительный отвѣтъ, она пригласила меня въ домъ, къ барынѣ. Сталъ показывать я барынѣ пуговицы къ платью; пуговицы у меня были только стеклянныя. Барыня спросила — нѣтъ ли у меня роговыхъ, стеклянныя, замѣтила она, разъ покатаешь платье, и побьются. И угораздило же меня сказать ей: кто-жъ, барыня, платье катаетъ, платье, говорю, всѣ нынче гладятъ. Барыня, очевидно, не любила выслушивать противорѣчія, да еще въ поучительномъ духѣ, и вскипѣла: „Попшелъ вонь! сказала она. Забирай свою дрянъ и сейчасъ убирайся вонь!“ Ушла моя барыня въ другую комнату, я собралъ свою коробку и вышелъ въ корридоръ. Пробѣгавшая туча брызнула дождекомъ, и я поджидая пока пройдетъ туча, поставилъ коробку и бесѣдную съ горничной въ корридорѣ. Барыня, очевидно, услышала нашъ разговоръ и выскочила въ корридоръ. „Ты все еще здѣсь, набросилась она на меня; — кому я сказала, чтобъ убирался вонь отсюда! Или ты ждешь, чтобъ тебѣ дали по шеѣ? Сейчасъ же пошелъ вонь!“ Горничная вступилась было за меня: „На дворѣ, барыня, дождь, такъ онъ только переждалъ, пока пройдетъ“... Но куда тебѣ, барыня и слушать не хочетъ. „Здѣсь ему не постояный дворъ и не кабакъ. Сейчасъ пусть убирается отсюда, чтобъ и духу его тутъ не было. Хамъ, грубиянъ! еще учить всякая сволочь будетъ!“ выкрикнула барыня и хлопнула за собой дверь. Этотъ случай съ пуговицами научилъ меня быть осторожнымъ съ господами, а то чего добраго и шею наkostenяляють за неумѣстные разговоры.

Отправился я дальше. По случаю болѣзни, старушка Голодониha сварила мнѣ курицу на дорогу. Вечерѣло, когда я подошелъ къ деревнѣ Богословской. Внизу, подо мной, растянулась деревня со своими дымящимися трубами. Былъ, помню, какой-то постъ, поэтому я рѣшилъ, чтобы не вводить въ соблазнъ незнакомыхъ мнѣ крестьянъ, поужинать курицей здѣсь, на горѣ, въ пролѣскѣ. Снялъ съ плеча коробку, поставилъ на землю и, усѣвшись на ней, принялся за ужинъ. Вдругъ, слышу шуршанье въ заросляхъ пролѣска. Очевидно, кто-то тамъ пробирался. Я вынулъ на всякій случай револьверъ и жду. Вылѣзаетъ изъ чащи молодой поросли мужичекъ и направляется ко мнѣ. Здравствуй! — говорить. — Здравствуй! — Нѣтъ ли огня? Охота покурить, да огня не захватить. — Садись, покуримъ. — Сѣлъ онъ и началъ вытряхивать табачную пыль изъ своего кисета. Я предложилъ своихъ корешковъ. Закурили. Куда, спрашиваю, направился? — „А вотъ тутъ не далече, къ Федѣ иду“, отвѣчалъ мужикъ. — Кто жъ такой этотъ

Федя будетъ? — „Да баринъ вотъ тутъ есть, може проходилъ. Мы всѣ его Федя, да Федя зовемъ, а онъ ужъ давно пересталъ быть Федей. Богатый, да скупой, окаянный“. — Зачѣмъ же тебѣ къ нему понадобилось? продолжаю спрашивать. „Да вишь ты, какое дѣло: подрядился мы съ осени съ бабой подѣ овесъ, тутъ вотъ овесъ подошелъ, а она—на тебѣ—родила! Такъ вотъ иду къ нему, не переведетъ ли насъ на пшеницу, да не дастъ ли съ полтину денегъ на крестины. Нынѣ всѣмъ плати, и попу нужно тоже заплатить, тоже даромъ не покрестить. Ну, спасибо за табакъ! надо идти къ Федѣ, аспидъ его возьми!“ Зашуршалъ мой нечаянный знакомецъ опять въ поросляхъ. Думаю, дай подожду, что ему скажетъ Федя. Сажу, слышу—шуршитъ мужичекъ обратно. „Ты все здѣсь еще?“—спрашиваетъ.—Здѣсь, отвѣчаю, торговать ужъ поздно, спать еще рано, вотъ и сумерничая здѣсь на прохладѣ. Садись, покуримъ еще, да рассказывай, чѣмъ Федя тебя порадовалъ?—„Порадовалъ, окаянный! Говорить: а я чѣмъ причиною, что твоя жена родила? Такой аспидъ! Сталъ было его просить, чтобъ уважилъ, такъ куда тебѣ, и слушать не сталъ. Такъ я и пошелъ ни съ чѣмъ, даромъ только проходилъ.“—Значитъ и на крестины денегъ не далъ, спрашиваю. „А то дастъ такой аспидъ! Такое горе, такое горе, что больше и некуда. Хорошо, коли еще попъ въ долгъ перекрестить, а то хотъ некрещенной оставайся!“—закончилъ мой собесѣдникъ. „Ну, знаешь что, говорю ему, бери меня кумомъ.“—«Сдѣлай милость, уважь, во какъ буду благодаренъ! Скажу тебѣ прямо: во какъ затянула», сказалъ онъ, проводя рукой по своей шеѣ. Передо мной сидѣлъ типъ обтерпѣвшагося русскаго крестьянина. Жаловался, правда, онъ на горе: но не нужно было особой проникательности, чтобъ видѣть, что къ горю онъ привыкъ и приглядѣлся. Пошли мы къ нему. Такимъ образомъ, я неожиданно попалъ въ кумовья. Окрестили мы новорожденную, назвалъ ее батюшка, по моей просьбѣ, Надеждой. Не знаю, живетъ ли еще моя Надежда гдѣ-то, въ одной изъ деревень Воронежской губерніи.

Такъ я прошелъ съ моей коробкой до Землянска, приглядываясь, гдѣ бы намъ поселить поудобнѣе кого-нибудь изъ нашихъ. Въ Землянскѣ зашелъ на почту и тамъ нашелъ ожидавшее меня письмо изъ Воронежа отъ М. Н. Она писала, чтобъ я возвращался въ Воронежъ, гдѣ она и Квятковскій ждали меня. По правдѣ сказать, я былъ очень доволенъ этимъ приглашеніемъ, потому что соскучился таки порядкомъ за мѣсяцъ скитанья съ коробкой за спиной, безъ газетъ и всякихъ свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ культурномъ мірѣ, внѣ той среды, въ которой мы выросли. По совѣту хозяина постоялаго двора, гдѣ я остановился, я отправился въ ближайшую деревню нанять подводу ѣхать въ Воронежъ. Вошелъ я въ первую попавшуюся избу и увидѣлъ пожилую женщину съ ухватомъ въ рукахъ. Помню, было это 29 іюня, во всякомъ случаѣ праздникъ. На мой вопросъ: могу ли я нанять подводу до Воронежа, старуха отвѣтила: „Посиди, подожди, вотъ пріѣдутъ наши съ ночного. Отчего не найти, дѣло

праздничное, должно согласятся“. Съль я ждать. На нашъ разговоръ вошла молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ и, обращаясь ко мнѣ, сказала: „Вишь вотъ моя матушка, меня посылаетъ въ церковь, а сама на старости лѣтъ у печки трудится. Ты бы, матушка, сама шла въ церковь, обратилась она къ свекрови, я, чай, помоложе тебя и мнѣ бы хлопотать, а ты бы по старости шла Богу помолилась“.—„Иди съ Богомъ, касатка, помолись, може Богъ дастъ и полегчаетъ на душѣ, а я ужъ какъ-нибудь управлюсь возлѣ печки“, отвѣтила любовно старуха. Затѣмъ, обратилась ко мнѣ, очевидно признавая во мнѣ городского: „Скажи, милый человекъ, не слышать ли у васъ въ городѣ, скоро ли наши ратнички домой повозвратятся?“ На мой отвѣтъ, что пока ничего не слышно и вѣрно до конца войны ждать нельзя, она сказала: „И чего только нашему царю да этому туркѣ нужно; чего то они все не подѣлятъ? И все то нашъ съ туркой воюють. На моемъ вѣку вотъ уже во второй разъ они сдѣшались. Какого имъ ляда, прости Господи, не достаетъ. Съ жиру, милый человекъ, поди все воюють? Имъ то чего, не сами вѣдь воюють, а солдатики свою кровь проливаютъ за нихъ! Вотъ коли бъ они сами промежь себя воевали, скажемъ, нашъ царь противъ турецкаго грудью выступилъ, тогда бъ, небось, подумали да подумали прежде, чѣмъ войну объявлять. А то, какъ что не по ихнему, такъ идите, солдатики, воевать. А тутъ вотъ кровью сердце обливается, какъ подумаешь о своемъ кровномъ дѣтищѣ. Какъ-то онъ тамъ, думаешь, сердечный, милуетъ ли еще его Господь, а може ужъ и головушку свою сложилъ. Другой всего годъ женился, сердечный. Вишь, вотъ, молодушка съ ихнимъ ребеночкомъ на рукахъ,—сердце замираетъ, какъ подумаешь, что коли Богъ не помиловалъ и онъ уже къ Господу представился, а они сиротками оставайся! Другой разъ подумаю этакъ про себя, посмотрю, значить, на нее, касатку, да на внучка своего, и скажу себѣ: хорошо еще, что Богъ далъ людямъ привычку. Ко всему-то человекъ привыкаетъ, по-малу привыкаетъ да привыкаетъ. А не дай Богъ людямъ привычки, чтобъ тогда люди дѣлали?.. Скажи ты, милый человекъ, чтобъ тогда?—одно страданіе до конца жизни?“ Меня поразила деликатность и та глубина чувства, съ которыми эта рѣдкая свекровь относилась къ своей невѣсткѣ. Но особенно поразила меня ея философія по поводу привычки. Я часто вспоминалъ въ казематахъ рavelина и Шлиссельбурга философа-крестьянку и черпалъ въ ея философіи успокоеніе въ тяжелыя минуты тюремной жизни.—Я съ удовольствіемъ провелъ время въ бесѣдѣ съ ней. Особенно поражало меня, какъ легко усваивала она чужія мысли, надъ которыми несомнѣнно голова ея раньше никогда не работала. Будь я съ ней знакомъ не часъ-два, а по крайней мѣрѣ день-два, и намѣревайся я остаться въ этой мѣстности, я безъ всякаго колебанія прямо сказалъ бы ей—кто я такой и какимъ образомъ очутился у нея въ избѣ. Такого глубокаго впечатлѣнія мнѣ не приходилось испытывать во все время моего скитанія въ народѣ. Я часто рассказывалъ о фило-

софѣ-старухѣ моимъ товарищамъ по заключенію и, вообще, часто вспоминался мнѣ этотъ образъ крестьянки съ ея выстраданной философіей. Помню, въ 1904 г. уже, значить всего за годъ до моего выхода на свободу, насъ посѣтилъ петербургскій митрополитъ Антоній и, въ разговорѣ, сообщилъ мнѣ, что, проѣздомъ на Кавказъ, проѣзжалъ мѣста моей родины и „вѣроятно, въ этомъ году, также буду тамъ“. Сказавъ это, онъ остановился въ раздумьѣ и затѣмъ сказалъ: „Вотъ я хвалюсь, а того и не подумалъ, что вы сдѣлать этого не можете, и своимъ рассказомъ быть можетъ, причиняю вамъ лишнюю горечь и душевную боль“. Я и тутъ вспомнилъ моего философа-старуху и сказалъ ему: „Не беспокойтесь, батюшка, когда я ходилъ въ народъ въ качествѣ революціонера, то встрѣтилъ одну старуху, которая благословляла Бога за то, что онъ далъ людямъ привычку, способность привыкать ко всему. Такъ и я привыкъ, и потому не завидую тѣмъ, кто можетъ по своей доброй волѣ ѣздить всюду и вообще располагать собой и своимъ временемъ“.

Пока я такимъ образомъ бесѣдовалъ со старухой, ея сынъ возвратился съ ночного. Мы съ нимъ поладили, и онъ свезъ меня въ Воронежъ. Квятковскій и М. Н. рассказали мнѣ, чѣмъ кончилось предполагавшееся освобожденіе Войнаральскаго, отправляемаго въ Централку. Насколько въ моей памяти сохранилось изъ этихъ рассказовъ, неудача предпріятія объясняется тѣмъ, что участники освобожденія поѣхали разными дорогами и, пока они съѣхались, удобный моментъ былъ упущенъ. Имъ пришлось приступить къ выполненію своего намѣренія уже довольно далеко, верстъ за восемь отъ Харькова, и къ тому же при очень неблагоприятныхъ условіяхъ—на виду у крестьянъ, убравшихъ хлѣбъ въ полѣ. Дѣло было такъ: Баранниковъ въ формѣ жандармскаго офицера, потребовалъ отъ унтеръ-офицеровъ, сопровождавшихъ Войнаральскаго, чтобъ они остановились. Тѣ, ничего не подозревая, повиновались. Баранниковъ выстрѣлилъ и ранилъ одного изъ нихъ. Другой унтеръ-офицеръ, очевидно, понявъ въ чемъ дѣло, вставилъ конецъ своей шапки въ кольцо кандаловъ Войнаральскаго, чтобъ тѣмъ предупредить попытку послѣдняго выскочить изъ телѣги, и крикнулъ ямщику: пошелъ! Квятковскій забѣжалъ впередъ и выстрѣлилъ въ лошадей, надѣясь, что попавъ въ голову лошади онъ свалитъ ее съ ногъ и тѣмъ задержитъ экипажъ. Но, очевидно, Квятковскому не удалось попасть лошади въ голову, а нѣсколько выстрѣловъ въ мягкія части только разгорячили лошадей и онѣ бѣшено помчались. Догнать ихъ было невозможно и пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ. Съ мѣста схватки, участники освобожденія направились прямо на вокзалъ, чтобъ сейчасъ же уѣхать изъ Харькова и предупредить оставшихся въ квартирѣ сдѣлать то же самое. Передъ отходомъ поѣзда, на вокзалѣ появились уже жандармы и полиція съ намѣреніемъ арестовать участниковъ нападенія, если узнаютъ ихъ по какимъ-либо признакамъ. Болѣе всего подвергались риску быть арестованными А. Д. Михайловъ, М. Н., Софья Львовна

Перовская и Томинъ, потому что первый игралъ роль помѣщика, прѣхавшаго на ярмарку, М. Н.—его жены, Софья Львовна—горничной, а Томинъ—кучера; всѣхъ ихъ, конечно, знать въ лицо дворникъ, который былъ уже на вокзалѣ. М. Н. кое какъ принарядилась въ дамской комнатѣ и вышла на платформу подъ вуалью, въ сопровожденіи какого-то генерала, съ которымъ успѣла завязать заранѣе знакомство тутъ же на вокзалѣ, всучила ему свой багажъ и поручила занять мѣсто въ вагонѣ. Исполнивъ все это, любезный кавалеръ пришелъ за М. Н. и провелъ ее въ вагонъ. Проѣхавъ нѣсколько станцій съ этимъ генераломъ, М. Н., не доѣзжая до Орла, встала подъ какимъ-то предлогомъ на какой-то станціи, поручивъ своему любезному спутнику доставить по данному адресу ея багажъ въ Орель. Въ доставленномъ генераломъ въ Орель багажѣ были револьверы и кинжалы, именно то, что М. Н. и А. Д. считали всего необходимѣе забрать изъ харьковской квартиры. А. Д. какъ-то счастливо, уже на ходу, вскопчилъ въ одинъ изъ вагоновъ этого же поѣзда и тоже благополучно унесъ ноги. Какъ успѣла избѣжать ареста Софья Львовна, не помню. Такимъ образомъ, изъ 4-хъ лицъ, завѣдомо извѣстныхъ дворнику постоялаго двора, гдѣ шли приготовленія къ освобожденію, только одинъ Томинъ былъ арестованъ на вокзалѣ.

Такимъ образомъ, я, Квятковскій и М. Н. опять съѣхались въ Воронежъ, чтобы заняться подготовкой поселенія въ Воронежской губ. Роли наши мы такъ распредѣлили: М. Н. должна была оставаться въ Воронежѣ и заняться организаціей бюро Воронежскаго поселенія и привлеченіемъ для этой цѣли мѣстной интеллигенціи. Мнѣ и Квятковскому нужно было купить лошадей и телѣгу съ будкой, накупить разнаго крестьянскаго товару, отправиться на развѣдки по губерніи для отысканія подходящихъ для поселенія мѣстъ и, по мѣрѣ ихъ отысканія, вызывать для поселенія, людей изъ организованной нами въ Питерѣ группы. Возвратившись въ Воронежъ съ коробкой, я поселился, въ качествѣ торговца, на постояломъ дворѣ, откуда отправился предварительно въ квартиру Тулисова и, переодевшись въ костюмъ культурнаго обывателя, явился на квартиру М. Н. Хорошо не помню теперь почему, но намъ съ Квятковскимъ нельзя было раньше двухъ недѣль отправиться въ путь, и потому мы съ нимъ поселились на одной квартирѣ и выдали себя за людей, ищущихъ мѣста на желѣзной дорогѣ.

Какія бываютъ иногда неожиданныя совпаденія. Мы наняли комнату у бывшей надзирательницы воронежской тюрьмы, которая была распропагандирована Завадской во время заключенія послѣдней въ этой тюрьмѣ. Всего этого мы совершенно не знали. Мы съ Квятковскимъ занимали большую комнату. Дня три спустя послѣ нашего водворенія, хозяйка обращается къ намъ съ просьбой уступить ей на одинъ вечеръ нашу комнату. „Вчера прѣехала, изъ Петербурга моя дорогая знакомая, Завадская, можетъ быть слышали, и общала придти сегодня ко мнѣ въ гости. Я познакомилась съ ней, когда она сидѣла въ тюрьмѣ, гдѣ я въ то

время была надзирательницей. Она такъ много сдѣлала для меня и я такъ ей благодарна, особенно за то, что она открыла мнѣ глаза какую я нехорошую занимала должность. И вотъ она теперь опять прѣѣхала къ намъ въ Воронежъ, и я такъ рада, что сегодня она будетъ въ моемъ домѣ гостей". При этомъ она прибавила, что если мы желаемъ познакомиться съ прѣѣзжей, то можемъ также быть въ числѣ гостей. Пока же просила, позволить ей приготовить нашу комнату къ приходу гостя. Мы ушли съ Квятковскимъ, принявъ приглашеніе хозяйки. Насъ эта неожиданность очень заинтересовала. Ни я, ни Квятковскій не были лично знакомы съ Завадской, хотя знали, конечно, что она была въ числѣ 193-хъ, по Большому процессу. Мы рѣшили, что обстоятельства покажутъ—открыться намъ Завадской, кто мы, или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ представиться ей, какъ ищущіе мѣста на желѣзной дорогѣ. До вечера мы пробыли у М. Н., которой сообщили о предстоящей намъ встрѣчѣ съ Завадской. Вечеромъ, возвратившись на квартиру, мы уже застали Завадскую у хозяйки и отрекомендовались ей, какъ было условлено. Предварительно, мы сговорились также съ Квятковскимъ, какъ держать себя въ случаѣ, если зайдетъ рѣчь о процессѣ 193-хъ и о движеніи, результатомъ котораго былъ этотъ процессъ. Я долженъ былъ отрицательно отнестись къ этому движенію, а Квятковскій соглашаться съ Завадской и поддерживать ее въ дебатахъ по этому вопросу. Завадская была типичная пропагандистка и принадлежала къ тому разряду молодежи 70-хъ, которые не знали другихъ темъ для разговора, кромѣ волнующихъ ихъ душу. Сначала мы, въ качествѣ людей совершенно незнакомыхъ съ тѣмъ движеніемъ, въ которомъ участвовала Завадская, спрашивали ее о процессѣ, о томъ, изъ-за чего она попала на скамью подсудимыхъ. Завадская только того и ждала. Она начала знакомить насъ съ современнымъ движеніемъ молодежи, говорила о причинахъ, вызвавшихъ это движеніе въ Россіи, о бѣдности русскаго народа, о святой обязанности русскою интеллигенціи придти на помощь русскому народу, которому она обязана своимъ просвѣщеніемъ. Словомъ, стала намъ доказывать, что культурные представители Россіи въ неоплатномъ долгу у народа и что пробилъ часъ, когда интеллигенція должна уплатить свой долгъ, внести свѣтъ въ народъ. Затѣмъ, входя все больше и больше въ роль глашатая приближающагося новаго историческаго момента, когда представители труда выступаютъ на сцену жизни, требуя и для себя равнаго участія въ возможномъ счастьи людей на землѣ, она стала намъ излагать социалистическія ученія Запада и знакомить насъ съ движеніемъ рабочихъ классовъ въ Европѣ. Я сталъ возражать ей, доказывая, что всѣ эти ученія—плоды увлеченія не созрѣвшихъ еще молодыхъ умовъ и незнанія жизни нашей учащейся молодежью. Что студенты, пока на университетской скамьѣ, проповѣдуютъ всякія крайнія теоріи, а вступивъ въ жизнь и узнавъ ее, дѣлаются людьми, какъ и всѣ въ той средѣ, гдѣ они живутъ и, можетъ быть, потомъ сами смѣются надъ своими юными увлеченіями. Однимъ словомъ, я исполъ-

звать весь запасъ аргументаціи трезвыхъ людей, которымъ они располагали противъ молодежи, захваченной движеніемъ 70-хъ годовъ. Завязался нескончаемый споръ между мной и Завадской. Присутствовавшая публика молчаливо слушала насъ, но ясно было, что она сочувствовала Завадской, особенно когда время отъ времени въ споръ вмѣшивался Квятковскій и поддерживалъ Завадскую. Поддержка Квятковского еще больше оживила ее, она съ еще большимъ энтузіазмомъ старалась доказать мнѣ, что я ошибаюсь, что если иногда люди съ самыми лучшими стремленіями, вступая въ жизнь, и пассуютъ передъ тѣми трудностями и препятствіями, которыя встрѣчаютъ на пути къ своимъ идеаламъ, это объясняется отчасти средой, слишкомъ неподготовленной еще къ новымъ запросамъ жизни, а также и тѣмъ, что сами люди эти — плоть и кровь окружающей ихъ среды и не имѣли еще времени накопить достаточный запасъ энергіи для борьбы съ отживающимъ строемъ. Россія, говорила она, политически не жила еще, и было бы чудомъ, если бы было иначе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Но то обстоятельство, что въ Россіи, не живущей цѣлые вѣка политической жизнью, въ Россіи, гдѣ еще только занимается заря новой жизни, мы имѣемъ людей, беззавѣтно отдавшихъ дѣлу освобожденія народа, это должно вселить въ насъ вѣру въ то, что Россія просыпается отъ долгаго сна. „И повѣрьте мнѣ, говорила вдохновенно Завадская, что чѣмъ дальше, тѣмъ все больше будетъ такихъ беззавѣтныхъ борцовъ за свободу и счастье народа. Послѣ процесса, въ которомъ я имѣла счастье участвовать, я еще болѣе укрѣпилась въ этой вѣрѣ. Если раньше я вѣрила въ это только потому, что такъ было въ другихъ государствахъ и, слѣдовательно, такъ будетъ и у насъ, если раньше моя вѣра основывалась только на томъ, что исторія, какъ выразился Чернышевскій, на диванѣ не сидитъ, а идетъ впередъ, и жизнь человѣчества развивается такъ же, какъ и жизнь отдѣльнаго человѣка,—то теперь моя вѣра укрѣпилась еще тѣмъ, что я видѣла и пережила въ нашемъ процессѣ“. Въ сосѣдней комнатѣ давно стоялъ на столѣ самоваръ, и хозяйка уже нѣсколько разъ приглашала насъ къ чайному столу; но мысли Завадской были далеко отъ чая, она старалась убѣдить меня въ справедливости того, за что судилась вмѣстѣ со своими товарищами по дѣлу. Въ виду такой вѣры въ наше дѣло, я и самъ, казалось, сталъ еще больше вѣрить и мнѣ становилось не пріятно продолжать взятую на себя роль трезвыхъ людей. Мнѣ было все труднѣй выжимать изъ головы мысли, которыхъ въ ней не было, все труднѣе вспоминать тѣ аргументы, надъ которыми работали головы, совсѣмъ иначе устроенныя. Наконецъ, хозяйка выручила меня. „Ну, дорогіе мои гости, сказала она, обращаясь къ молчаливо слушавшимъ насъ, мы ихъ не дождемся, пойдемте пить чай, а имъ я принесу сюда, пусть себѣ спорягъ“. Всѣ вышли и мы остались одни съ Завадской. „Ну, полно намъ, людямъ одного лагеря, ломать копыя, сказалъ я Завадской. А чтобъ вы не сомнѣвались въ томъ, что мы люди одного лагеря, скажите, пожалуйста, Ольга Александровна Натансонъ въ Петербургѣ сейчасъ?

и видѣли вы ее передъ отъѣздомъ?» Завадская смутилась этимъ вопросомъ, а можетъ быть и слишкомъ крупнымъ поворотомъ нашего разговора. «Я спрашиваю васъ, во первыхъ, потому, продолжалъ я, чтобъ убѣдить васъ, что мы люди одного дѣла, а, во вторыхъ, потому еще, что мы изъ Петербурга давно и мнѣ нужно знать—тамъ ли еще Ольга Александровна. Мнѣ помнится, вы съ ней знакомы, и вѣроятно у насъ съ вами изъ общихъ знакомыхъ въ Петербургѣ не одна Ол. Ал.» Я назвалъ ей еще нѣсколькихъ извѣстныхъ въ Петербургѣ именъ землевольцевъ и нѣсколько именъ изъ процесса 193-хъ, съ которыми я познакомился въ гостиницѣ Фредерикса (если мнѣ не измѣняетъ память), гдѣ нѣсколько номеровъ занимали освобожденные по Большему процессу. Завадская смѣрила меня глазами съ ногъ до головы и спросила: «Кто вы, и почему вы знаете этихъ людей?»—«Простите, сказалъ я, что позволилъ себѣ мистифицировать васъ. Случайность устроила намъ съ вами здѣсь встрѣчу, мы съ вами люди одного и того же лагеря, какъ я уже вамъ сказалъ. Приѣхали мы сюда для проведения въ жизнь той программы, которую вы сейчасъ съ такой вѣрой защищали, а назвалъ я вамъ эти имена, чтобъ у васъ не оставалось сомнѣнія въ подлинности нашихъ съ товарищемъ личностей.» Послѣ этого, у Завадской не оставалось большое сомнѣній и она со смѣхомъ сказала: „А я то распиналась, благо нашлись терпѣливые слушатели! И сколько пороуху зря потратила!“ Мы снова пожали другъ другу руки и отправились въ комнату, гдѣ остальная компанія пила чай. Завадская сказала шутя Квятковскому: „Спасибо вамъ за то, что помогли мнѣ убѣдить вашего товарища въ истинѣ моего вѣрученія.“ Квятковскій отвѣтилъ шуткой на шутку: „Быть можетъ, мой товарищъ сдался, чтобъ не остаться безъ чаю.“—Эта неожиданная встрѣча съ Завадской дала намъ въ Воронежѣ нѣсколько новыхъ знакомствъ, такъ какъ Завадская пользовалась въ Воронежѣ общей любовью культурной среды, въ которой было много людей съ солиднымъ общественнымъ положеніемъ.

Наконецъ насъ съ Квятковскимъ уже ничто не задерживало въ Воронежѣ. Мы стали готовиться къ выѣзду изъ Воронежа въ качествѣ торговцевъ, приступили къ покупкѣ лошади и крытой телѣги, въ которой обыкновенно торгуютъ въ развозъ товаромъ. Телѣгу мы приобрѣли на базарѣ, и я привезъ ее на постоянный дворъ, гдѣ находилась моя коробка съ товаромъ. Оставалось купить лошадь. Мы думали купить ее на толкучкѣ, но одно не предвидѣнное обстоятельство дало намъ возможность купить хорошую лошадь. На постояломъ дворѣ я выдавалъ себя за сельскаго лавочника, приѣхавшаго изъ деревни Перелевки купить товаръ, но въ дорогѣ у меня пала лошадь. Приходится теперь, говорилъ я на постояломъ дворѣ, купить лошадь. Указывалъ на Перелевку потому, что зналъ ее. Ко мнѣ на постоялый дворъ изрѣдка приходилъ Квятковскій, одѣтый въ обыкновенное культурное платье, а не въ поддевку, въ которой щеголялъ я обыкновенно, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда бывалъ у М. Н.; тогда я предвари-

тельно заходилъ къ Тулисовымъ и тамъ переодѣвался. Однажды, хозяйка постоялаго двора пригласила меня на чай и стала спрашивать о господинѣ, который заходилъ ко мнѣ. Я сказалъ ей, что это сынъ нашего батюшки, окончившій семинарію, а теперь, молъ вщеть невѣсту, приѣхалъ и въ Воронежъ поискать,— не найдется ли гдѣ подходящая. У хозяйки постоялаго двора была дочка невѣста, чѣмъ и объяснялось любопытство хозяйки на счетъ Квятковскаго. Разговорились мы съ хозяйкой, и она сообщила мнѣ свои планы на счетъ Квятковскаго и просила моего содѣйствія. Рассказывала мнѣ, сколько они дали бы приданаго за своей дочкой, если бы нашелся хорошей человѣкъ; говорила и о томъ, что желала бы выдать свою дочку за семинариста. Положеніе батюшки, по ея мнѣнію, самое завидное; человѣкъ образованный, говорила она, не то, что нашъ братъ, опять же обезпеченъ, на всю жизнь,—не то что чиновникъ какой нибудь. Такъ частенько она приглашала меня то пообѣдать, то чайку напитокъся, неизмѣнно заводя разговоръ на эту тему и обѣщая, въ случаѣ успѣха, отблагодарить меня. Я, конечно, высказывалъ ей мою готовность быть полезнымъ ей въ этомъ случаѣ и обѣщалъ, по приѣздѣ домой, поговорить объ этомъ съ батюшкой. Вотъ, говорилъ я ей, куплю лошадь, справлюсь съ своими дѣлами, уѣду домой, поговорю съ батюшкой и, коли что, нарочно приѣду къ ней и скажу ей виды на этотъ счетъ батюшки. Пока же предложилъ ей познакомиться съ Квятковскимъ: я ему шепну, что, молъ, есть подходящая невѣста. Предложеніе мое хозяйка охотно приняла и въ первый же приходъ Квятковскаго послѣ этого я познакомилъ хозяйку съ нимъ, а уже она со своей дочкой. Чтобъ больше склонить меня на свою сторону, хозяйка предложила мнѣ купить лошадь у нихъ: „ужъ я тебя не обману, говорила она, лошадь съ грѣхомъ, маленький шпатель имѣется, опоири, но лошадь крѣпкая, какъ разъ по вашему дѣлу“. Лошадь, оказалась сильной, рослой и даже красивой, а небольшой шпатель, благодаря которому она потеряла цѣнность, для насъ мало значилъ. Въ это время проѣздомъ былъ въ Воронежѣ Фроленко, я привелъ его на постоялый дворъ, запрягли мы лошадь въ телѣгу и проѣхали: лошадь, по общему приговору нашему съ Фроленко, оказалась самая для нашего дѣла подходящая и мы купили за 60 руб. лошадь, которая, не будь этого порока, стояла бы руб. 120. Пока Квятковскій сватался и тѣмъ отводилъ отъ меня глаза хозяйки, я занялся покупкой товара и скоро приготовилъ все къ отъѣзду. Такимъ образомъ, благодаря видамъ хозяйки постоялаго двора на счетъ Квятковскаго, обстоятельства неожиданно сложились благопріятно для насъ. Я сталъ желаннымъ гостемъ и, не навлекая никакого подозрѣнія, покончилъ съ своими дѣлами. Хозяйка проводила меня благими напутствіями, когда я уѣзжалъ, обѣщая ей похлопотать о ея дѣльцѣ по приѣздѣ въ Перелевку. Лошадь мы назвали Лешкой, въ честь Оболенева. Я выѣхалъ за городъ, гдѣ ожидалъ меня Квятковскій, которому въ телѣгѣ былъ приготовленъ такой же костюмъ, какъ у меня, т. е. поддевка, рубаха-косоворотка и высокіе сапоги. Квятковскій влѣзъ

въ телѣгу и тоже преобразился въ торговца. Покончивъ съ внѣшнимъ нашимъ видомъ, мы развернули карту Воронежской губерніи и намѣтили на ней нашъ путь, отмѣтивъ торговья села, ярмарки и прочее. Прямо изъ Воронежа мы направились въ Коротоякскій уѣздъ Вор. губ. и рѣшили отбыть первую ярмарку въ Дивногорскомъ монастырѣ. Приѣхавъ въ монастырь, я отправился къ монаху, который завѣдывалъ арендой мѣстъ на ярмаркѣ, внесъ деньги за мѣсто подъ лавку и купилъ кольевъ разной толщины для постройки лавки, потолка для столбовъ, потоньше для продольныхъ и поперечныхъ перекладинъ внизу и вверху. Принялись мы съ Квятковскимъ за постройку лавки, или вѣрнѣе холщевой палатки, какія обыкновенно строятся на деревенскихъ ярмаркахъ. Вкопали болѣе толстые колья въ землю, привязали вверху и внизу поперечины и обтянули холстомъ. Такимъ образомъ наша импровизированная лавка снаружи была готова. Принялись за внутреннюю отдѣлку: такъ на живую нитку приладили полки, построили во всю ширину лавки прилавокъ и разложили незатѣйливый крестьянскій мелочной товаръ. Скоро сказка сказывается, говорятъ, да не скоро дѣло дѣлается. Достать все, что нужно для постройки лавки, нетрудно, потому что все это берется торговцами на прокатъ у мѣстныхъ крестьянъ. Гораздо труднѣе было построить лавку намъ, занявшимся въ первый разъ въ жизни этимъ дѣломъ. Какъ ни казалась на первый взглядъ немудреной такая постройка, но встрѣчались трудности, предъ которыми мы становились втупикъ. Въ такихъ случаяхъ, Квятковскій отправлялся къ сосѣдямъ, занимавшимся такой же постройкой и, приглядѣвшись какъ дѣлаютъ они, возвращался и сообщалъ мнѣ, и мы вновь принимались за дѣло. Короче, на этотъ разъ мы кое-какъ соорудили постройку и открыли торговлю.

Чтобъ читателю ясно стало, зачѣмъ намъ понадобилось торговать на ярмаркахъ, надо имѣть въ виду практическую программу Э. и В. Программа дѣятельности въ народѣ Э. и В. была результатомъ хожденія въ народъ нашихъ предшественниковъ. Опытъ первыхъ пошедшихъ въ народъ представителей освободительнаго движенія 70-хъ годовъ показали, что расчетъ вызвать народъ на активную борьбу съ государственнымъ строемъ, враждебнымъ его интересамъ, путемъ пропаганды таковой борьбы, не достигаетъ успѣха и ни на чемъ не основанъ, кромѣ нашего горячаго желанія. Намъ, знавшимъ свой народъ по кривкамъ, психологія народныхъ массъ оставалась неизвѣстной. До непосредственнаго столкновения съ народомъ, представители революціоннаго движенія знали о немъ то, что знала и вся интеллигентная среда, отдѣленная непроходимую пропастью отъ народа. Они знали, что народъ угнетенъ, что онъ жаждетъ освобожденія отъ невыносимаго гнета. Если прибавить еще, что имъ были извѣстны *ria desideria* на счетъ земли, то вотъ и всѣ знанія отправившихся въ народъ съ призывомъ къ освобожденію. Но *arrigiti* не могли знать они того, что народъ, вѣка жившій внѣ всякой политической жизни и недвѣсивъ пассивно на буксирѣ за бюрократіей, отвыкъ рассчитывать на себя

самого и всѣ надежды свои возлагалъ на царя, который освободить его отъ гнета и осуществить его *ria desideria*. На первыхъ порахъ, при столкновении съ народомъ, легко было впасть въ заблужденіе, въ виду той легкости, съ которой народъ соглашался съ критикой государственныхъ порядковъ, слыша ее отъ тѣхъ, кто пришелъ къ нему, рѣшившись перешагнуть пропасть, отдѣляющую русскій народъ отъ интеллигенціи. При большемъ знакомствѣ съ психологіей народа становилась ясна причина этого. Не знавшій цѣлыя вѣка политической жизни умъ народа не былъ загроможденъ никакими политическими традиціями и пережиткамъ предшествующей исторической жизни и, въ этомъ отношеніи, представлялъ *tabula rasa*, на которой легко было все писать, разъ написанное не шло въ разрѣзъ съ его интересами. Но это еще не значило, чтобъ народъ готовъ былъ бороться за ту программу, которую ему предлагали и съ которой онъ соглашался. Народъ инстинктивно чувствовалъ, что для выполнения такой программы нужна сила, себя же такой силой онъ никоимъ образомъ не представлялъ и не могъ представить въ виду вышесказаннаго. Вотъ эту то истину и вынесли изъ народа наши предшественники. Вотъ почему и стали дебатироваться на сходкахъ вопросы о томъ, какъ подготовить народъ къ протесту противъ виновниковъ его угнетенія. Предлагались различные способы, вплоть до мистификаціи царскаго манифеста, призывающаго народъ къ возстанію противъ своихъ враговъ. Э. и В. остановилась на способѣ воспитанія въ народѣ протеста на почвѣ злобы дня, на томъ или иномъ фактѣ недовольства въ той или другой мѣстности, на почвѣ столкновений той или другой деревни съ той или иной стороной враждебной интересамъ народа, будетъ ли то столкновение съ администраціей, помѣщикомъ, кулакомъ и проч. Какъ ни однообразно угнетенъ нашъ народъ, все же въ одной мѣстности это угнетеніе чувствовалось слабѣе, въ другой сильнѣе, въ зависимости отъ личныхъ качествъ того или другого угнетателя. Ярмарка, такимъ образомъ, казалась намъ самымъ удобнымъ обсерваціоннымъ пунктомъ, въ которомъ легче всего было узнать, гдѣ въ окрестности живетъ, по словамъ крестьянъ, аспидъ цомѣщикъ, въ какомъ уѣздѣ исправникъ и становой донимаютъ крестьянъ. Вотъ съ какой цѣлью рѣшили мы съ Квятковскимъ объѣхать ярмарки въ качествѣ торговцевъ. Деревенская ярмарка—это центръ, куда изъ округа съѣзжаются крестьяне, и такихъ ярмарокъ въ Воронежской губерніи было въ то время много.

Въ Дивногорскомъ монастырѣ, на первой отбытой нами ярмаркѣ, мы завели первое наше прочное знакомство, съ семьей бывшаго двороваго Лукова, изъ села Корневица. Познакомились мы такъ: сидитъ Квятковскій съ гармоникой въ рукахъ на прилавкѣ и наигрываетъ; подходитъ группа деревенскихъ дѣвушекъ и упрашиваетъ Квятковскаго сыграть что-нибудь повеселѣе,— „что тилкаешь не зная что!“ говорятъ онѣ. Квятковскій отвѣтилъ имъ, что сыгралъ бы и веселую, да не умѣеть. „Ну, рассказывай—не умѣю! Такъ вотъ тебѣ и повѣрили. Торговецъ,—да не умѣеть

играть“. Потерявъ надежду заставить Квятковскаго сыграть, одна изъ дѣвушекъ сказала ему: „Ну, коли самъ не хочешь сыграть намъ, дай гармонію, Маша сыграетъ“. Квятковскій сталъ подшучивать: „Какая же такая Маша, которая умѣетъ играть на гармоникѣ,—ваша Маша, поди, и гармоники въ свой вѣкъ въ рукахъ не держала“. — „Ну не говори, ты допрежь узнай, а потомъ ужъ и скажешь. Наша Маша двухъ такихъ мужиковъ, какъ ты, за поясъ заткнетъ“, отвѣтила одна изъ дѣвушекъ. „Она на всѣ руки,—и косить, такъ за любого мужика сойдетъ“. „Буде тебѣ, Танька“, отозвалась изъ группы дѣвушекъ блондинка, на видъ старше другихъ дѣвушекъ, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Квятковскій предложилъ Машѣ гармонику. Она сначала немного сконфузилась, поцеремонилась, но подтѣ конецъ уступила просьбамъ и сыграла нѣсколько пѣсенъ. Квятковскій вступилъ съ ней въ разговоръ. Говорила Маша съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, серьезно, безъ обычной смѣшливости, сопровождающей разговоръ крестьянскихъ дѣвушекъ. Маша рѣзко выдавалась изъ среды остальныхъ своихъ подругъ и умомъ и выдержанностью и,—это ясно было,—пользовалась уваженіемъ у своихъ товарокъ. Квятковскій сказалъ Машѣ нѣсколько комплиментовъ и между прочимъ спросилъ ее: „Что же ты, Маша, при такихъ достоинствахъ до сихъ поръ не вышла замужъ?“—Не хочу, отвѣтила Маша. Выйди за мужика, то онъ, хоть ума-то у него и меньше, станеть драться,—я, молъ, мужикъ, а ты что—баба! А такъ я сама себѣ хозяйка, никому не обязанная“. „Что же ты, Маша, черничка что ли?“ вмѣшался въ разговоръ я, зная, что въ Воронежской губерніи очень распространено черничество,—т. е. дѣвушка даетъ обѣтъ не выходить замужъ и остается дѣвственницей. „Нѣтъ,—отвѣтила Маша,—я сама своя“.—Какъ это сама своя? И черничка тоже сама своя, возразилъ я. „Нѣтъ, черничка не своя, а божья. Черничку всякій узнаеть,—она чернымъ платкомъ для того покрывается, а я, видишь, покрывшись такимъ же платкомъ, какъ и прочія деревенскія наши дѣвушки. Только замужъ нейдю,—хочу сама себѣ хозяйкой быть. Сама своя,—вотъ и вся моя разница отъ прочихъ бабъ,“—закончила Маша рѣшительно и предложила своимъ товаркамъ идти. „Буде,—наговорилсъ!“ Уходя, дѣвушки предложили намъ пріѣзжать къ нимъ въ деревню. Вонъ на горѣ, Корневищемъ называется, указывали онѣ по направленію деревни, видимой не вдалекѣ. Ладно, отвѣтили мы;—а у кого тамъ останавливаются торговые?—Да хоть и у насъ,—отвѣтила Маша. Спросите Гуковыхъ, всякъ и укажетъ вамъ.

По окончаніи ярмарки въ Дивногорскомъ монастырѣ, мы отправились въ Корневище, спросили Гуковыхъ и помѣстились у нихъ въ квартирѣ. Семья Гуковыхъ производила впечатлѣніе незаурядныхъ крестьянъ. Особенно бросилось намъ въ глаза, что Маша пользовалась въ своей семьѣ необычнымъ въ крестьянской средѣ уваженіемъ къ дѣвушкѣ. Въ общихъ разговорахъ она принимала участіе и даже при насъ, постороннихъ людяхъ, тогда какъ обыкновенно дѣвушки крестьянскія лишь слушаютъ молча,

что говорятъ старшіе, и развѣ только улыбкой выдаютъ свое участіе въ общемъ разговорѣ. Въ семьѣ Гуковыхъ мы впервые познакомились съ тѣмъ острымъ недовольствомъ, съ какимъ крестьяне Воронежской губерніи относились къ охотѣ на волковъ великаго князя Н. Н. Старшаго. Это недовольство приходилось наблюдать потомъ по всѣмъ деревнямъ, по которымъ прошли охотники. Гуковъ обстоятельно познакомилъ насъ съ безцеремоннымъ отношеніемъ администраціи, желающей угодить знатному охотнику, къ интересамъ крестьянъ. Охота эта происходила въ деревенскую страду, въ августѣ мѣсяцѣ, и Гуковъ, рассказывая намъ объ ней и о пренебреженіи къ ихъ интересамъ, иллюстрировалъ и сравнивалъ такую безцеремонность съ недавнимъ прошлымъ, хорошо ему извѣстнымъ, съ крѣпостнымъ правомъ. „Просто бѣда, что только дѣлають,—говорилъ Гуковъ,—хозяевъ выгоняють изъ собственныхъ избъ и на ихъ мѣсто собакъ поселяють. А что собачни этой навезли,—цѣлыхъ двѣ избы подъ собачій постой требуютъ. Опять же этихъ собачниковъ (егерей)—цѣлое войско. Бдутъ это подъ командой главнаго собачника-генерала (кажется мнѣ, Ржевскаго), турки да и только на нашу землю ополчились. Скажи ты мнѣ, что, молъ, дядя Гуковъ, тамъ, скажемъ, на Москвѣ гдѣ-нибудь такъ-то и такъ было, вотъ какъ у насъ сейчасъ: цѣлое войско ополчилось на волковъ подъ командой генерала,—ей-ей ни въ жизнь не повѣрилъ бы,—враки, сказать бы. Ну а сейчасъ, какъ не вѣрить, когда своими открытыми глазами видишь. Да еще пріѣдетъ исправникъ дѣлать расиоряженіе для этихъ самыхъ собачниковъ: на облавы назначать мужиковъ, да собакамъ квартиры отводить,—такъ куда тебѣ—слова сказать не дастъ. Станемъ это говорить: ваше высокоблагородіе, сами знаете, страда теперь у насъ,—не до волковъ намъ теперь: на умѣ, какъ въ пору хлѣбъ убрать,—не осыпался бы на корню. Такъ и досказать не дастъ. Дураки, болваны! Сами своей пользы не понимаете!.. Вишь ты, выходитъ, они же наши благодѣтели, насъ дураковъ отъ волковъ оберегаютъ. Что ты имъ на это скажешь? По нашему, раззоряють они насъ, а по ихнему, благодѣтельствуютъ. Слушаешь это ихъ, слушаешь, да и плюнешь. Охотой не пойдешь, силой погонять и ищи потомъ на нихъ закона“.

Впрочемъ, объ этомъ еще буду говорить, когда будетъ рѣчь итти о нашемъ пребываніи въ селѣ Чесменкѣ и прилегающихъ къ нему деревняхъ. Пока я расскажу только, почему мы остановили свой выборъ на Корневицѣ, какъ на одномъ изъ пунктовъ предполагаемаго нами поселенія въ Воронежской губерніи. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году великій князь Николай Николаевичъ Старшій проживалъ въ Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чесменкѣ, и на досугѣ занимался травлей волковъ. Неподалеку отъ Чесменки, въ томъ же уѣздѣ, въ селѣ Козачковѣ, проживала нѣкая Числова, актриса, въ то время хорошо всѣмъ извѣстная особа. Пріѣхалъ ли онъ въ свое имѣніе Чесменку отдохнуть послѣ своихъ подвиговъ на Балканахъ, или, по другимъ причинамъ,—кто его знаетъ; но дѣло не въ томъ,

почему онъ попалъ въ этомъ году въ Чесменку, а въ томъ, что онъ жилъ тамъ въ это время и занимался травлей волковъ. Было это въ концѣ іюля и въ августѣ, т. е. какъ разъ въ то время, когда крестьяне были заняты уборкой своихъ полей,—была страда, какъ говорятъ на Руси. Князь самъ-то, можетъ быть, плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что его забава не такъ-то дешево обходилась крестьянамъ. Вѣдь всегда трудно поставить себя въ положеніе другого человѣка, особенно когда положеніе этого другого отдѣляется непроходимой пропастью отъ вашего собственнаго, какъ это было въ данномъ случаѣ. Богомолвъ же, бобровскій исправникъ, тотъ самый Богомолвъ, сынъ котораго зарѣзался осколкомъ стакана въ Петропавловской крѣпости, хотя и отлично понималъ, что стоитъ охота князя крестьянамъ, былъ не изъ тѣхъ, чтобы принимать во вниманіе интересы крестьянъ, когда выпадалъ случай послужить сильному міра сего. И потому въ страду онъ гналъ крестьянъ на облавы волковъ и въ то же время, если вѣрять крестьянамъ, въ присутствіи этихъ же крестьянъ, не мало не смущаясь, увѣрялъ князя, что крестьяне не только съ удовольствіемъ принимаютъ участіе въ его охотѣ, но считаютъ за великую для себя честь и счастье сдѣлать все возможное для удачной охоты князя. Крестьяне ругали, конечно, начальство на чемъ свѣтъ стоитъ, но главнымъ образомъ ругали исправника Богомолва. Не знаю, откуда дошелъ слухъ къ крестьянамъ, но они намъ рассказали и о томъ, что сынъ этого самаго ихъ исправника Богомолва лишилъ себя жизни въ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ сидѣлъ, по словамъ крестьянъ, за то, что пошелъ противъ начальства. Мы съ Квятковскимъ начали съ того, что объяснили Гуковымъ, что за человѣкъ былъ Богомолвъ-сынъ, и сказали, что такихъ людей, какъ Богомолвъ, теперь много въ Россіи. Люди эти, говорили мы, стоятъ за крестьянъ и требуютъ народу землю и волю. Что въ другихъ мѣстахъ, напр. въ нашей Владимірской губерніи (мы имѣли паспорта изъ волостного правленія Ковровскаго уѣзда Владимірской губерніи), такихъ людей уже достаточно даже среди крестьянъ, и что эти люди называютъ себя обществомъ Земля и Воля, потому что, они поставили своей задачей: добиться для крестьянъ — земли, отобравъ ее у помѣщиковъ, и дать крестьянамъ свободу, чтобы такимъ образомъ избавить крестьянъ отъ произвола, какой нынѣ тяготѣетъ надъ крестьянствомъ въ Россіи, „напримѣръ, недалеко ходить, у васъ въ настоящее время“. Конечно, говорили мы, начальство за это не особенно жалуется членовъ этого общества и, если кто изъ нихъ попадетъ въ руки правительства, то уже правительство не пощадитъ и сажаетъ ихъ въ тюрьмы и крѣпости, ссылаетъ въ Сибирь въ каторгу и проч. Богомолвъ былъ изъ этого общества З. и В. и попалъ въ руки начальства, а чтобы избавить себя отъ неволи, не желая томиться въ крѣпости, куда его засадило начальство, зарѣзалъ себя осколкомъ стакана.—Слушая нашъ разсказъ объ обществѣ З. и В. и его членѣ, Богомолвѣ, Маша сказала своему брату: „Вотъ и хорошо, что вы того-то не поймали въ прошломъ году, може и онъ

изъ такихъ же, какъ сынъ нашего исправника!“ И рассказала намъ, что въ прошломъ году, изъ коротоякской тюрьмы бѣжала „одинъ какой-то“, какъ выразилась она, и по деревнямъ сотскимъ и десятскимъ приказано было сдѣлать облаву. „Нашъ Петруха, говорила Маша, въ тѣ поры былъ сотскимъ. Идетъ это онъ на эту облаву, я и говорю ему: не замай, говорю, Петруха, ежели запримѣтишь гдѣ,—не наше дѣло: мало ли бываетъ такъ, что и ни за что попадаютъ въ тюрьму, а волюшка-то всякому мила. Пускай кто винить его, тотъ и ловить. И вотъ тутъ недалече, въ лѣскѣ, наши мужики и видали его, сердечнаго, въ овражкѣ, въ лопухахъ, да какъ будто и не замѣтили и прошли значитъ его. А вотъ и теперъ и того пуще скажу: хорошо, что не изловили его,—вишь вотъ какихъ нынѣ сажаютъ людей по тюрьмамъ, да въ Сибирь гонять! Мужику-то нашему и вовсе грѣхъ такихъ людей предавать,—они за насъ стараются, а мы будемъ ихъ же отдавать въ руки нашимъ же лиходѣямъ“.—Такимъ образомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше мы сближались съ семьей Гуковыхъ. И мы съ Квятковскимъ рѣшили, что Корневище можно избрать однимъ изъ пунктовъ для поселенія нашей группы. Квятковскій занялся сначала Машей, сталъ читать ей книжки и вообще пропагандировать ей программу З. и В. Постепенно и остальные члены семьи стали прислушиваться къ чтенію. Маша быстро проникалась пропагандируемыми ей идеями. Дѣло пошло такъ неожиданно быстро, что мы стали въ семьѣ Гуковыхъ своими людьми. Мы рѣшили окончательно, что Корневище будетъ первымъ этапнымъ пунктомъ въ нашей дѣятельности. Мы условились, что на зиму, по окончаніи осеннихъ ярмарокъ, мы возвратимся въ Корневище и, въ случаѣ представится необходимость уѣхать на время, то лошадь съ товаромъ будетъ оставаться у Гуковыхъ. Гуковы были согласны оказывать намъ помощь, по силѣ умѣнья, въ нашемъ дѣлѣ. До поры до времени мы рѣшили не посвящать другихъ изъ деревни въ нашу тайну съ семьей Гуковыхъ, хотя со стороны Маши и были предложенія на счетъ знакомства съ нѣкоторыми изъ крестьянъ Корневища, за скромность и честность которыхъ она ручалась. Неожиданная встрѣча съ Машей, и успѣхъ въ семьѣ Гуковыхъ такъ подкупили насъ, что Квятковскій рѣшилъ, въ случаѣ успѣха нашего поселенія въ Воронежской губерніи, жениться на Машѣ и поселиться въ Корневищѣ. Но пока я настаивалъ на томъ, чтобъ Квятковскій не подавалъ надеждъ Машѣ въ этомъ отношеніи и только въ случаѣ, если мы рѣшимъ окончательно вопросъ о поселеніи въ этомъ районѣ и въ частности въ Корневищѣ, тогда только начать объ этомъ рѣчь. Такъ по моему нужно было поступать потому, что иначе намъ пришлось бы сейчасъ же повести дѣло на чистоту и откровенно сказать ей, ея отцу и матери, что мы за люди. Квятковскій соглашался отложить окончательное рѣшеніе этого вопроса до возвращенія въ Воронежъ, гдѣ онъ выслушаетъ мнѣнія другихъ на этотъ счетъ и затѣмъ поступитъ такъ или иначе. Мнѣ и Марѣ Николаевнѣ пришлось много употребить усилій,

чтобъ Квятковскій не дѣлалъ рѣшительнаго шага и подождать пока окончательно будетъ рѣшенъ вопросъ о нашемъ поселеніи. И трудно сказать, какъ поступилъ бы Квятковскій, если бъ вскорѣ по возвращеніи въ Воронежъ мы не получили письма отъ Александра Дмитріевича, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Условившись съ Луковыми на счетъ того, что на зиму мы возвратимся къ нимъ въ Корневище, мы отправились дальше по деревенскимъ ярмаркамъ. Ярмарки давали намъ знакомства по деревнямъ. Являясь въ ту или другую деревню, мы находили тамъ знакомыхъ, съ которыми встрѣчались на районной ярмаркѣ. Намъ, торговцамъ мелочнымъ галантерейнымъ, по преимуществу крестьянскимъ товаромъ, особенно легко давались знакомства съ женскимъ элементомъ деревни. И дѣйствительно, въ короткій промежутокъ времени, въ какойнибудь мѣсяць-полтора, у насъ оказалось столько знакомства среди крестьянокъ, что въ деревняхъ мы то и дѣло встрѣчали нашихъ покупательницъ на ярмаркахъ. Этому способствовало, главнымъ образомъ, то, что Квятковскій охотно исполнялъ просьбы крестьянскихъ женщинъ,—смѣрять холсты, которые онѣ выносили на ярмарки для продажи. Сначала онъ мѣрилъ холсты только знакомымъ намъ бабамъ, потомъ стали появляться у нашей лавки знакомыя нашихъ знакомыхъ съ просьбой смѣрять. Въ концѣ концовъ, у нашей палатки на той или другой ярмаркѣ, толпились бабы съ холстами. Проходятъ бывало вдоль палатокъ на ярмаркѣ, отыскивая насъ и, завидѣвъ Квятковскаго или меня, говорятъ: „Вотъ они-то наши; Ликсандра, мы все къ тебѣ съ просьбой,—почитай всю ярмарку избѣгали, тебя все ищучи,—ужь уважь, пожалуйста, помѣрай наши холсты“. Квятковскій начинаеть мѣрять и выслушивать комплименты: „мы къ тебѣ, Александра, какъ ровно къ своему брату-сосѣду: помоги, молъ, сусѣдушка“. Я обыкновенно, для отвода глазъ сосѣдей торговцевъ, начинаю выражать неудовольствіе, что онѣ надобдають со своимъ холстомъ, мѣшаютъ торговать и проч. „Ну, что сердисься больно, Михайло. Вотъ Богъ вашу доброту и вознаградитъ, и вы еще пуще заработаете,—продадимъ холсты, чего купить надумаемъ—къ вамъ принесемъ денежки, ужь васъ не обойдемъ, не сумлевайся, Михайлушка!“ Это нововведеніе на ярмаркахъ—продажа бабами холста шебаямъ съ условіемъ: а ужь мѣрять пойдемъ къ нашему Александру—чрезвычайно вооружала противъ насъ шебаевъ. Часто происходили по этому поводу у насъ съ шебаями конфликты. Приведеть бывало баба шебая, который купилъ у ней холсты. Квятковскій начнеть, по ея просьбѣ, мѣрять холсты, шебай и начнеть упрекать: „что ломаешь торговлю: никогда такого обычая нигдѣ по ярмаркамъ не слышно было, что вы вводите,—кто покупаетъ, тотъ и мѣряеть. А это что: я кушлѣ, а онъ, вишь ты, мѣрять“. На это Квятковскій обыкновенно отвѣчалъ: „Ты погляди-то вокругъ себя; надр. у насъ покупатель покупаетъ, скажемъ, ленту или что другое,—кто мѣрять, покупатель или я? Такъ то и тутъ. Она продавецъ, она и мѣрять должна, а просить меня, я и мѣрю.“ Бабы въ свою очередь начинаютъ доказывать свое право мѣрять имъ холсты.

„Ты ужъ оставь это,—человѣкъ тутъ не причиной. Доведись это и на тебя, скажемъ, или на другого: нашъ знакомый, мы его попросили и онъ уважилъ нашу просьбу. Твои знакомые попросили бы тебя, сдѣлай, молъ, милость, смѣрь намъ холстъ, и ты уважилъ бы имъ,—кому какое дѣло?“—„Кому какое дѣло? передразниваетъ бабу шебай: вотъ не куплю и носись со своимъ смѣреннымъ холстомъ и тогда не будешь вводить свои обычаи въ торговлю.“ Но Квятковскій окончательно разочаровываетъ шебая.

„Не купишь ты, говорить онъ шебаю, мы примемъ за собой по твоей же цѣнѣ. Сколько давалъ за аршинъ?“ „Такъ, такъ, Александрюшка! Съ нашимъ почтеніемъ продадимъ тебѣ“—поддерживаютъ Квятковского бабы.—„Сколько давалъ?“ Передразниваетъ шебай Квятковского. „Дѣло сторговано“...—Вообще среди своего брата, торговца, мы не пользовались любовью, и бывали случаи, что намъ и грозили. Помню, на Урюпинской ярмаркѣ, приходитъ одинъ пожилой крестьянинъ и спрашиваетъ запаньи (широкая лента изъ мишуры, которой въ Воронежской губерніи крестьянки обшивали въ то время—паневы).—Отвѣчаю, есть. Крестьянинъ подаетъ мнѣ записку, въ которой я читаю: Варькѣ Степановой 70 арш., Анюткѣ Тарасовой 50 и такъ далѣе, цѣлый рядъ заказовъ запаньи, такъ что у насъ и въ лавкѣ столько ея не бывало. Я и говорю ему! „Столько ты покупаешь запаньи, а пришелъ къ намъ мелочникамъ покупать,—ты здѣсь ни въ одной лавкѣ сколько запаньи не найдешь. Положимъ, сходить въ оптовую лавку недолго и купить сколько тебѣ нужно, а говорю къ тому такъ, что чѣмъ тебѣ покупать у насъ и переплачивать по копейкѣ на аршинъ, пошелъ бы—вонъ на углу складъ товаровъ Сѣмьякина и купилъ бы нѣсколько мотковъ,—вотъ бы твои копейки и остались въ карманѣ у тебя.“—„Оно конечно, твоя правда, въ складѣ можетъ кто и дешевле купить бы, да нашего брата и тамъ знаютъ. Поглядить, мужикъ, молъ, да еще лучше накроешь, и вмѣсто того, чтобы выиграть и того лучше проиграешь“.—„Ну, ладно, говорю, схожу я,—барышъ пополамъ“. Пошелъ, взявъ нѣсколько мотковъ и отмѣрилъ отдѣльно каждой его заказчицѣ. Разсчитались мы съ покупателемъ. Но въ то время, какъ я съ нимъ велъ этотъ разговоръ, торговецъ, изъ противоположной лавки къ нему прислушивался, и какъ, только мой покупатель отошелъ отъ нашей лавки, онъ и набросился на меня: „Завидушій, проклятый! Сами въ лавкѣ своей поганой на грошъ товару имѣютъ, такъ, значить, чтобы другой вмѣсто ихъ не попользовался сталъ учить куда пойти, да какъ тамъ можно дешевле купить! Вотъ только прочить бы тебя, раскидать твою поганую лавку и зналъ бы тогда, какъ торговать слѣдуетъ. И будетъ то тебѣ когданибудь; помни слово мое!“ Пришлось на его угрозу показать ему револьверъ.

Такимъ образомъ и съ подобными инцидентами мы объѣхали нѣсколько ярмарокъ и завели достаточно знакомствъ по деревнямъ. Въ деревнѣ Шестаково, Бобровскаго уѣзда, гдѣ намъ пришлось прожить тоже недѣлю, крестьянинъ, у котораго мы стояли

на квартирѣ, предлагалъ остаться въ ихъ деревнѣ и завести лавку при чемъ обѣщаль построить лавку и отдавать намъ въ аренду. Мы сговорились съ нимъ, что осмотрѣвшись, если не найдемъ болѣе подходящаго мѣста, возвратимся въ Шестаково и порѣшимъ окончательно съ нимъ по этому дѣлу. Последнюю ярмарку мы провели въ Урюпинской станицѣ, гдѣ запаслись товаромъ и двинулись въ обратный путь къ Воронежу, съ тѣмъ расчетомъ, чтобъ мнѣ въ Борисоглѣбскѣ сѣсть въ поѣздъ и ѣхать въ Воронежъ, а Квятковскій оттуда отправится въ Корневище и, оставивъ тамъ лошадь и товаръ, то же на какой-либо изъ станцій сядетъ въ поѣздъ и приѣдетъ въ Воронежъ. На обратномъ пути мы и попали въ Чесменку.

При первомъ же знакомствѣ въ селѣ Чесменкѣ мы достаточно убѣдились въ томъ, что между крестьянствомъ и экономіей самыя враждебныя отношенія, и чѣмъ болѣе оставались въ Чесменкѣ и дѣлали разѣзды по другимъ деревнямъ, находящимся вблизи, тѣмъ все больше и больше въ томъ убѣждались. Обыкновенно, приѣзжая въ ту или другую деревню, кто либо изъ насъ, Квятковскій или я, отправлялись оповѣстить деревню о томъ, что вотъ, молъ, приѣхали торговые люди и остановились тамъ то,—загадывали, какъ говорить въ деревнѣ. Такъ было и въ Чесменкѣ. Квятковскій отправился загадывать, а я занялся перекладкой товара. Слышу, дочь старика, черничка Анна Васильевна вышла изъ избы и кричить: „Ванюшка, а Ванюшка,—гляди-ко, гдѣ твои телята! Будетъ тебѣ отъ тятки, коли попадутъ къ тѣмъ аспидамъ! Бѣги скорѣй, займи“!... На мой вопросъ, кто эти аспиды, Аннушка указала рукой по направленію экономіи и сказала: „А вотъ тѣ, прости Господи, дьяволы. Какъ только вотъ ту между перешли телята, либо другая скотина, такъ и неси полтину, а то и больше, и рубль заплатишь.“—„Да тамъ же, говорю я Аннѣ Васильевнѣ, кажись, никакого и посѣва не видно,—за что-жъ платить то?“—„За спасибо. За то, что ужъ такіе они жаднющіе къ деньгамъ, вотъ и обираютъ нашего брата, мужика“, отвѣтила она. „Не можетъ быть, что бы это дѣлалось съ вѣдома князя сказалъ я Аннѣ Васильевнѣ,—это ужъ вѣрно управляющій отъ себя,—наровить въ свою пользу. Вамъ бы слѣдовало жаловаться князю“.—„Князю?“—спросила съ досадою она. Жаловались, да ничего изъ этого не вышло...—Мы же и виноваты остались. Не знаешь ты, молодецъ, ихъ, вотъ если бы пожилъ на нашемъ мѣстѣ, тогда бы ты узналъ, во что намъ это сосѣдство обходится. Живемъ какъ на пожарѣ, вотъ какъ мы живемъ здѣсь!“

Скажу здѣсь мимоходомъ о черничкахъ Воронежской губерніи. Анна Васильевна, какъ ужъ замѣтилъ я выше, была тоже изъ черничекъ, которыхъ очень часто приходилось встрѣчать намъ въ нашей экскурсіи по Воронежской губерніи. Ихъ легко отличить среди крестьянскіхъ по чернымъ платкамъ. Лѣтъ Аннѣ Васильевнѣ было за 30, и жила она не въ общей избѣ съ семьей, а въ отдѣльной горенкѣ, на заднемъ планѣ двора, обсаженной деревьями. Мы, можетъ быть, съ ней и не познакомились бы, и не имѣли бы

возможности съ ней бесѣдовать, если бѣ смерть жены ея брата не заставила ее принять на себя временно, пока братъ вновь женится, хозяйственную часть въ избѣ. Какой обѣтъ налагаютъ на себя чернички, кромѣ безбрачія, я не добился, какъ ни интересовался этимъ, но, кажется, никакого другого опредѣленнаго. Ханжества, обычнаго богомолкамъ по городамъ, по крайней мѣрѣ у чернички Анны Васильевны, я не замѣчалъ. Точно также особеннаго богомольства и всякихъ частыхъ возваній къ Богу не было у ней замѣтно, развѣ можетъ быть, она предавалась этому духовному упражненію у себя въ горенкѣ. Складъ ума ея рѣзко раціоналистическій. Она охотно вступала въ разговоръ общественнаго и житейскаго характера. Когда, какъ-то разъ, зашелъ у меня съ ней разговоръ о школѣ, она убѣжденно высказывалась за школу и готова была приписывать всѣ бѣды крестьянства безграмотности. „Вся наша бѣда, говорила она убѣжденно,—наша безграмотность и наша темнота. Вотъ бы на что я ничего не пожалѣла и все, что у меня есть,—все отдала бы на школу. Сколько то ужъ я нашимъ указываю, говорю, хотя бы намъ какую школу, да никакъ съ ними не сговоришь!“ Не говоря уже объ Аннѣ Васильевнѣ, готовой, по ея словамъ, и отъ монастырей отказаться для школы и составилъ общее заключеніе о черничкахъ Воронежской губерніи, что по уму и характеру онѣ выдѣляются изъ общаго уровня женскаго элемента деревень и часто во всѣхъ отношеніяхъ выше средняго мужика.

Мы узнали въ Чесменкѣ, что главный штабъ охотниковъ, во главѣ съ генераломъ, завѣдующимъ охотой, и егерями, находится въ другой деревнѣ, недалеко отъ Чесменки, и отправились туда съ нашей торговлей. Заходило солнце, когда я шелъ по улицамъ загадывать, чтобъ приходили покупать туда, гдѣ мы остановились. По улицамъ на лошадяхъ гарцовали егеря, большинство, повидимому, изъ солдатъ. Съ полей шли крестьяне съ косами и граблями на плечахъ. Встрѣчаю ихъ ироническими словами: „Вотъ какъ стали у васъ нынчѣ по деревнямъ одѣваться,—не узвать и деревню!“ „А ты думалъ: у насъ нонѣ не то, что допрежъ“, поддерживаютъ мою иронію крестьяне. Остановились, поздоровались, расспрашиваю, что за люди разѣзжаются по деревнѣ. „Да вотъ, чортъ принесъ, прости Господи, откуда-то собачниковъ, охотой, вишь ты, нашли время заниматься. На дворѣ страда, а они съ жиру волковъ пріѣхали травить. Тамъ, братъ, что собачни навезли, гдѣ ужъ они и насобирали—двѣ избы подъ собакъ запоганили. Хозяевъ выгнали изъ избъ, а избы заняли собаками. Вотъ она правда: люди построили для своего приставища избы, опять же святтили ихъ, а они псовъ туда нагнали. Какъ хозяева ни упирались, никакихъ тебѣ резоновъ не принимаютъ и ничего не подѣлать, пришлось убираться. Просто сказать, выгнали, да я только, и жаловаться некуда. Моютъ это ихъ, чешутъ, докторъ это ихъ каждый день осматриваетъ,—какъ поживаете, дескать, ваши благородія, собачки! Просто смѣхъ, еслибъ только до смѣху было,—только чего съ жиру не придумаетъ человѣкъ.

Надысь,—есть тутъ у насъ бабушка Катерина,—проходитъ это она мимо двора, а егеря это намыливають собакъ,—купаютъ видишь ли,—смотрѣла это она на нихъ, смотрѣла, да и говорить: у насъ вотъ крошки родятся и помыть нечѣмъ, а вы вотъ собакъ мыломъ натираете. А они тебѣ хоть бы что, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ хорошимъ занялись и говорятъ въ отвѣтъ ей то: а ты какъ думала, бабка! хозяйинъ у насъ не скупой, не только намъ все продовольствіе выдается, но и собакамъ на мыло не жалѣетъ! Плонула это она въ отвѣтъ, да такъ таки прямо и сказала: видно-то вашъ князь больше собакъ любить, чѣмъ людей“.

Но интереснѣе всего то, что, какъ можно было заключить изъ разсказовъ крестьянъ, князь былъ въ пріятномъ заблужденіи на счетъ отношенія крестьянъ къ его препровожденію времени въ этихъ мѣстахъ. Разсказывали, напр., намъ, что при передвиженіи съ мѣста на мѣсто охотничьяго стана, князь выражалъ готовность оплатить услуги крестьянъ по охотѣ. „Почнетъ это онъ спрашивать насъ, разсказывали крестьяне,—что вамъ, молъ, мужички, слѣдуетъ отъ меня, то вамъ будетъ уплачено, а исправникъ тутъ какъ тутъ и зачнетъ брехать: „они, ваше высочество, за счастье для себя почитаютъ, что удостоились послужить вамъ“. Ну онъ, значить, и говоритъ на это: „спасибо вамъ, спасибо!“ Такъ значить за спасибо все и дѣлаемъ. А время-то, сами знаете, какое сейчасъ стоитъ. Не токмо за спасибо, а и Богъ съ тобой и твоими деньгами, только избавь, какъ видишь, что свое дѣло въ полѣ не ждеть: хлѣбушко, даръ Божій, осыпается“. Кромѣ этой причины, обострившей неудовольствіе крестьянъ къ экономіи, имѣлась, по словамъ крестьянъ, застарѣлая причина недовольства. На вопросъ, не слышно ли о нарѣкѣхъ земли, вопросъ, съ которымъ мы прежде всего обращались къ крестьянамъ въ той или другой деревнѣ, куда насъ заносила судьба, въ Чесменкѣ и смежныхъ съ нею деревняхъ, крестьяне отвѣчали: жди, какъ разъ нарѣжутъ! Не отняли бы и послѣдняго еще. И разсказывали намъ слѣдующее изъ недалекаго прошлаго ихъ деревни. Какъ будто бы какая-то графиня Орлова, которой принадлежали деревни Чесменка, Хрѣновая, Орловка и другія, еще въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія, изъ христіанской любви къ ближнимъ, освободила крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, надѣливши ихъ пахатной землей и лѣсомъ. И будто бы деревни Чесменка, Хрѣновая и др., кромѣ деревни Орловки, были обчекрыжены, по выраженію крестьянъ, въ земельномъ надѣлѣ удѣльнымъ вѣдомствомъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ крестьяне ссылались на Орловку, какъ единственную деревню, избѣжавшую такой участи и оставшуюся при своемъ надѣлѣ. „Вотъ будете въ Орловкѣ, говорили намъ крестьяне, и увидите какъ тамъ живутъ,—предъ каждымъ дворомъ,—что лѣсъ у нихъ! Да и во всемъ у нихъ достатокъ; такъ-то и мы жили бы, ни въ чемъ не нуждались“. По словамъ крестьянъ, поводомъ къ тому, что удѣльное вѣдомство лишило ихъ части надѣла, было то обстоятельство, что Орлова, отдавъ землю крестьянамъ, подарила удѣлу хрѣновскіе конскіе

заводы, но съ условіемъ перевода ихъ въ другое мѣсто. Удѣльное же вѣдомство, какъ будто бы, предпочло остаться здѣсь и потому, на какомъ-то основаніи, отрѣзало часть земли, подаренной графиней крестьянамъ. Насколько это вѣрно я, конечно не знаю, но въ этомъ основная причина острой вражды крестьянъ къ удѣльному вѣдомству. Принимая во вниманіе все вышесказанное о Чесменкѣ и смежныхъ съ нею деревняхъ, мы съ Квятковскимъ нашли необходимымъ начать наши поселенія въ этихъ деревняхъ. Съ такимъ планомъ мы и рѣшили возвратиться въ Воронежъ, чтобы туда вызвать наличный составъ лицъ, желавшихъ поселиться въ Воронежской губерніи. Намъ казалось, что если поселить по одному человѣку въ каждой губерніи въ качествѣ фельдшера, учителя, волостного писаря и т. д., да пары три разбѣжающихся, въ родѣ насъ, торговцевъ, то можно будетъ воспользоваться наличнымъ протестующимъ настроеніемъ крестьянъ и такимъ образомъ вызвать крестьянство на активный протестъ. Это и составляло задачу программы Земли и Воли, т. е. пользуясь отдѣльными случаями недовольства крестьянъ, призывая ихъ къ активному протесту и связывать между собою въ общія организаціи, тѣ деревни, гдѣ удалось бы вызвать протесты. Затѣмъ я уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Воронежъ, а Квятковский въ Корневище, чтобы тамъ оставить у Гуковыхъ лошади и товаръ и потомъ тоже съ какой нибудь станціи уѣхать въ Воронежъ.

Въ Воронежѣ, какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ,¹⁾ насъ ждали неприятныя вѣсти изъ Питера. А. Д. Михайловъ писалъ намъ, что центръ организаціи З. В. разгромленъ, и что онъ остался безъ средства и безъ людей. Мнѣ и Квятковскому необходимо было ѣхать въ Питеръ. Мы рѣшили, что сначала уѣду я, а онъ сѣздитъ въ Корневище и сообщитъ Гуковымъ, что у него умеръ отецъ и что, можетъ быть, ему придется уѣхать на мѣсяць-два домой, а потому поручаетъ на храненіе имъ лошади и товаръ. Я же изъ Питера долженъ буду писать Квятковскому, — ѣхать ли и ему въ Петербургъ или ожидать меня въ Воронежѣ. Въ Питерѣ въ это время царило уже совсѣмъ иное настроеніе. Проваль въ Питерѣ, который стоилъ намъ такихъ людей, какъ О. А. Натансонъ, Оболеневъ, Адрианъ Михайловъ и другіе видные члены организаціи, требовалъ мести и революціонизировалъ людей въ этомъ направленіи. Многіе, правда, еще стояли въ нерѣшительности предъ этими вопросами, вызванными погромомъ, но другіе, во главѣ съ А. Д. Михайловымъ окончательно рѣшили, что революціонное движеніе должно пойти новымъ путемъ. Я уже говорилъ, но повторю еще разъ, что въ одной изъ конспиративныхъ квартиръ, одинъ изъ присутствующихъ, когда шелъ разговоръ о томъ, какой родъ дѣятельности возможенъ при наличныхъ условіяхъ революціонной партіи, — нарисовалъ медвѣдя и прицѣлившася въ него охотника. Подавая этотъ рисунокъ мнѣ, онъ спросилъ, что я скажу на это? Я высказалъ свое мнѣніе, что для созданія организаціон-

¹⁾ „Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда.

ной силы, способной вызвать въ народѣ надежду на исполненіе его ожиданій на счетъ земли, пока къ такому средству прибѣгать рано и оно, вѣроятно, понадобится, какъ заключительный аккордъ организационной дѣятельности. Но А. Д. Михайловъ, всегда отдававшійся всецѣло той идеѣ, которая западала въ его голову,—быть можетъ я буду ближе къ истинѣ, если охарактеризую А. Д., какъ чело-вѣка, которымъ скорѣе овладѣвала идея, чѣмъ онъ ею,—считалъ всѣ такія разсужденія совершенно несвоевременными. Онъ прямо тутъ же сказалъ: „мы должны отнынѣ вступить съ правительствомъ въ борьбу, разбираясь въ средствахъ только по указанію самой борьбы. Мы должны прежде всего бороться всѣми средствами за наше существованіе, за существованіе революціонной партіи въ Россіи. И вотъ что намъ сейчасъ предстоитъ господа: во 1-хъ убрать Рейнштейна агента III-го отдѣленія, который, по свѣдѣніямъ отъ чина полиціи (Клѣтчиковъ), готовитъ намъ провалъ, не уступающій недавно нами пережитому, такъ какъ въ Москвѣ Рейнштейнъ оцупталъ московскую революціонную молодежь цѣлой сѣтью паутины; во 2-хъ намъ нужно отмстить Дрентельну за варварское избиеніе нашихъ товарищей въ Петропавловкѣ“. При этомъ онъ показалъ намъ письмо изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ говорилось объ избиеніи и о томъ, что на заявленіе заключенныхъ Дрентельну о незаконномъ обращеніи съ ними, тотъ сказалъ: „вы же не признаете законовъ, а требуете исполненіе ихъ отъ насъ“. „Вотъ что совершается надъ нашими товарищами, говоритъ А. Д., быть можетъ скоро то же будетъ совершаться и надъ нами! Мнѣ кажется, заключилъ А. Д., теперь не время заниматься обоснова-ніемъ программъ дѣятельности“. Мнѣ нѣтъ надобности говорить, что А. Д. ставилъ на первый планъ мечь правительству за всѣ его беззаконія надъ революціонерами. Такое настроеніе царило въ это время не только въ революціонной средѣ, даже и не въ интеллигентной только молодежи, но и вообще среди интеллигенціи; Этимъ только и можно объяснить, что въ столь короткій проме-жутокъ времени, протекшій съ послѣдняго разгрома, А. Д. успѣлъ вновь возстановить центральную организацію и имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно денежныхъ средствъ, чтобъ приступить къ устраненію Дрентельна, Рейнштейна и проч. Осо-бенно рѣзко выступило такое настроеніе А. Д. въ одномъ слу-чаѣ, о которомъ я позволю себѣ рассказать здѣсь. Устраи-нить Рейнштейна, какъ опаснаго врага организаціи, поручено было двумъ лицамъ. Они отправились въ Москву, гдѣ въ это время Рейнштейнъ разставлялъ свои сѣти. Одинъ изъ отправившихся былъ знакомъ съ этимъ агентомъ III-го отдѣленія и на этомъ знакомствѣ былъ построенъ весь планъ. Но Рейнштейнъ былъ очень остороженъ и, на предложеніе своего знакомаго придти къ нему въ гостиницу, подъ различными предлогами отказался. Планъ пришлось измѣнить. Построенъ былъ новый планъ: нанять въ гостиницѣ Мамонтова семейный № изъ трехъ комнатъ, рас-пространить среди московской молодежи слухъ, что приѣхалъ изъ Питера представитель З. и В. и прочтеть рядъ рефератовъ

по программѣ З. и В. Одной знакомой Рейнштейна вручить два билета для нея и Рейнштейна, и въ билетахъ сказать, что день и мѣсто чтенія будутъ объявлены въ самый день чтенія реферата, чтобы тѣмъ обезопасить мѣсто отъ агентовъ III-го отдѣленія. Въ виду перемѣны плана, нужно было еще одно лицо, которое заняло бы семейный № подѣ предлогомъ ожиданія своей семьи въ Москву. За этимъ и пришлось одному изъ участниковъ отправиться въ Питеръ. Когда А. Д. узналъ, что съ Рейнштейномъ еще не раздѣлались, онъ, ссылаясь на свѣдѣнія отъ „чина“ о грозящихъ для организациі опасностихъ со стороны Рейнштейна, набросился на пріѣхавшаго за медлительность. „Со дня на день можно ждать погрома, говорилъ въ запальчивости А. Д., когда опять организациі грозить потерять все, что съ такимъ трудомъ удалось возстановить, а они разѣзжаются изъ Петербурга въ Москву и обратно“... Пришлось урезонивать, ставить ему на видъ, что глупо руководиться только желаніемъ, и не принимать во вниманіе условій возможности выполнить это желаніе. Онъ нѣсколько успокоился и чистосердечно призналъ, что имъ дѣйствительно слишкомъ овладѣло чувство мести и что съ каждымъ новымъ свѣдѣніемъ о томъ, какъ жандармы расправляются съ своими плѣнниками, нашими товарищами, имъ все больше и больше овладѣваетъ желаніе отмстить во что бы то ни стало. Мнѣ кажется, я не ошибаюсь, если думаю, что вначалѣ поворота къ той революціонной дѣятельности, которая потомъ стала программой Народной Воли, А. Д. руководился только чувствомъ мести правительству за всѣ тѣ репрессіи, которыя оно сыпало щедрой рукой на революціонеровъ, и потомъ только, подѣ вліяніемъ извѣстнаго письма В. А. Осинскаго и послѣ того, какъ Желябовъ развилъ на Воронежскомъ и Липецкомъ съѣздахъ основныя положенія программы нарождающагося революціоннаго настроенія, онъ сталъ шире понимать значеніе террора. Не отказывая А. Д. въ рѣдкихъ организаторскихъ способностяхъ и въ томъ цѣнномъ качествѣ его таланта, благодаря которому А. Д. умѣлъ, усвоивъ чужую идею, облечь ее въ плоть и кровь и превратить въ реальность, я все же думаю, что не будь у А. Д. на первыхъ порахъ той страстности и почти узости пониманія дѣятельности, на которую повелительно толкали революціонеровъ окружающія условія, раскола З. и В. не произошло бы. За это говорить, между прочимъ, то, что многіе изъ чернопредѣльцевъ возвратились скоро къ дѣятельности народовольцевъ. Нашъ кіевскій кружокъ, затѣмъ кружокъ Щедрина въ Кіевѣ, уже раздѣляли программу народовольцевъ, хотя нѣсколько въ иномъ освѣщеніи. При послѣднемъ моемъ свиданіи, въ Одессѣ со Стефановичемъ и Дейчемъ, я предлагалъ имъ начать переговоры о соединеніи расколовшейся З. и В. и мнѣ казалось, что Стефановичъ тоже сознавалъ необходимость соединенія революціонныхъ силъ въ одну организацию, хотя, правда, онъ молча выслушивалъ наши споры съ Дейчемъ; послѣдній же энергично высказывался противъ соединенія, доказывая, что добывать конституцію Варшав-

скимъ и tutti quanti не дѣло социалистовъ. Когда стало извѣстно что Стефановичъ, Дейчъ и Плехановъ уѣхали за-границу, нашъ кievскій кружокъ послалъ своихъ представителей для переговоровъ съ народовольцами, если не о полномъ соединеніи, то по крайней мѣрѣ о согласованности дѣйствій. И мнѣ кажется, еслибъ нашъ кievскій кружокъ не былъ вскорости послѣ этого разгромленъ, то вѣроятно, онъ присоединился бы окончательно къ народовольцамъ, пока же онъ находился въ сепаратныхъ отношеніяхъ къ нимъ, т. е. входилъ по каждому случаю въ отдѣльныя переговоры. Такъ напримѣръ, нашъ кievскій кружокъ вступилъ въ договоръ съ одесскими представителями народовольческой организаціи, именно, съ Колоткевичемъ, В. Н. Фигнеръ и Кибальчичемъ, по вопросу объ изыятіи изъ обращенія южныхъ генералъ-губернаторовъ, кievскаго—Черткова и одесскаго—Тотлебена.

Я прервалъ нить моего разсказа на убійствѣ агента III-го отдѣленія, Рейнштейна. Вскорѣ послѣ совершенія этого факта, приступлено было къ устраненію шефа жандармовъ Дрентельна; его дѣло, окончившееся неудачей, взялъ на себя Мирскій. Вслѣдъ за этимъ, поднятъ былъ вопросъ о царевубійствѣ, вслѣдствіе непоколебимаго рѣшенія Соловьева совершить этотъ актъ на свой личный страхъ, еслибъ организація З. и В. была противъ него. Въ другомъ мѣстѣ я ужъ говорилъ о томъ разногласіи, которое было вызвано въ организаціи З. и В. этимъ вопросомъ. Но въ виду появившейся статьи Н. А. Морозова (въ декабрьской книжкѣ „Былое“), „Возникновеніе Народной Воли“, я еще разъ остановлюсь на этомъ вопросѣ.

На мой взглядъ, воспоминанія Морозова, какъ по поводу дѣла Соловьева, такъ и вообще о всѣхъ событіяхъ этого момента исторіи З. и В., носятъ слишкомъ субъективный характеръ. Отчасти такая субъективность, выразившаяся въ этой статьѣ, объясняется тѣмъ, что Морозовъ, какъ вѣрно замѣтилъ и М. Θ. Фроленко, смотритъ на эволюцію революціонной дѣятельности въ этотъ моментъ чрезъ типографское окно и потому ему кажется, что тогдашнія рѣзкія разногласія редакторовъ вѣрно отражали настроеніе умовъ революціонеровъ и за порогомъ редакціи. Что же касается всей хитростной дипломатіи, которая будто бы была пущена въ ходъ съ обѣихъ сторонъ при приѣмѣ новыхъ членовъ въ организацію З. и В. на Воронежскомъ съѣздѣ, то все это, мнѣ кажется, есть плодъ субъективнаго чувства Морозова, подогрѣтаго его поэтической фантазіей. Фроленко указывалъ уже по поводу себя лично, что не было никакой необходимости по отношенію къ нему прибѣгать къ такимъ приѣмамъ, какъ напр. прятать предварительно гдѣ-то за деревьями и затѣмъ уже пригласить участвовать въ собраніи съѣзда. Я, съ своей стороны, подтверждаю слова М. Θ. и приведу въ доказательство то обстоятельство, что Фроленко и Перовскую я встрѣтилъ въ Козловѣ на вокзалѣ и направилъ ихъ вмѣсто Тамбова въ Воронежъ, заявивъ, что мѣсто съѣзда, по независимымъ обстоятельствамъ будетъ не въ Тамбовѣ, а въ Воронежѣ. И такъ, по отношенію Фроленко и Перовской такіе приѣмы, о которыхъ разсказываетъ Морозовъ, ока-

зываются излишними. Что касается В. Н. Фигнеръ, которая тоже вступила въ это время въ организацію З. и В., не было также нужды въ какихъ бы то ни было прелиминаріяхъ въ родѣ предварительнаго оставленія ея гдѣ-то за деревьями. В. Н. еще при основаніи З. и В., т. е. въ концѣ 1876 года, потому только не вошла въ организацію, несмотря на общее желаніе членовъ З. и В. имѣть ее въ своей средѣ, что предпочла, вмѣстѣ съ Богдановичемъ, Иванчинымъ-Писаревымъ, Соловьевымъ и другими, вполне раздѣлявшими въ то время землевольческую программу, быть въ сепаратныхъ отношеніяхъ къ ней. На этомъ основаніи, встрѣтивъ В. Н., на моемъ пути въ Саратовъ, въ Тамбовѣ, и узнавъ отъ нея, что она рѣшилась вступить въ организацію, я, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что одного согласія В. Н. было достаточно, чтобъ В. Н. стала членомъ организаціи, предложилъ ей вмѣстѣ со мной ѣхать въ Воронежъ и приготовить все нужное къ приему сѣзжавшихся на сѣздъ землевольцевъ, и приѣзжавшіе прямо являлись въ квартиру, которую мы съ В. Н. наняли для явки. Здѣсь, на квартирѣ, еще до перваго собранія сѣзда перебивали почти всѣ сѣзжавшіеся на сѣздъ. То же самое можно сказать относительно Колоткевича, Желябова и М. Н. Опаниной. Конечно, сѣздъ открылся тѣмъ, что были предварительно названы вновь поступившіе члены, но и только, и ужъ во всякомъ случаѣ безъ тѣхъ дипломатическихъ тонкостей, о которыхъ рассказываетъ Морозовъ, потому что всѣ вступавшіе члены были хорошо всѣмъ извѣстны и предварительно принимали участие въ общихъ дѣлахъ съ землевольцами. Короче говоря, этотъ приемъ новыхъ членовъ была лишь обыкновенная въ такихъ случаяхъ формальность. Все это и многое другое въ статьѣ Морозова нельзя по моему объяснить однимъ тѣмъ, что Морозовъ смотрѣлъ на отношеніе членовъ З. и В. чрезъ типографское окно. Скорѣе, дѣло въ томъ еще, что Морозовъ былъ очень недавнимъ членомъ организаціи З. и В. Онъ только осенью 1878 года вступилъ въ организацію, совсѣмъ не зная, въ этотъ моментъ очень многихъ, да, пожалуй только и зная А. Д. Михайлова, Тихомирова, Квятковскаго и еще немногихъ изъ бывшихъ тогда въ Петербургѣ. Даже я, въ это время бывший въ Петербургѣ, зная о Морозовѣ только, что онъ—Морозовъ и числится въ организаціи. Лишь послѣ того, какъ съ приѣздомъ Стефановича и Дейча вновь возникли разногласія въ организаціи и была сдѣлана попытка сговориться, я узналъ о немъ больше, такъ какъ мнѣ предложили письменно изложить программу съ точки зрѣнія правой З. и В., а Морозову съ точки зрѣнія лѣвой. Тутъ только мнѣ стало извѣстно и о тѣхъ разногласіяхъ, которыя царили до Воронежскаго сѣзда въ редакціи З. и В. Мнѣ кажется, что этимъ можно объяснить то впечатлѣніе, которое произвело бурное засѣданіе, по поводу предложенія Соловьева, и многое другое на Морозова, какъ на новичка въ организаціи, и онъ, можетъ быть, искренно думалъ тогда, что съ Соловьевымъ нужно прятаться, и такъ это и сохранилось въ его памяти до сихъ поръ. Между тѣмъ старые члены З. и В.

посмотрѣли на это бурное засѣданіе совсѣмъ иначе, чѣмъ Морозовъ. Послѣ засѣданія, не помню въ тотъ же или на другой день, А. Д. Михайловъ, Квятковскій, З. и я отправились въ оперу, и тамъ вновь обсуждался нами вопросъ о соловьевскомъ намѣреніи; я отлично помню, что, возвращаясь домой, у насъ шелъ разговоръ о наблюденіяхъ у дворца въ связи съ намѣреніемъ Соловьева, при чемъ З., ссылаясь на то, что ему завтра нельзя будетъ взять на себя эту обязанность, предложилъ мнѣ замѣнить его, хотя и жалѣлъ, что на первомъ собраніи по этому поводу я высказывался особенно рѣзко противъ намѣренія Соловьева. Правда, я отказался отъ его предложенія, на томъ основаніи, что не раздѣляю его взгляда на это дѣло, но тѣмъ не менѣе, самое предложеніе можетъ дать читателю вѣрное представленіе объ отношеніяхъ между членами Земли и Воли въ этотъ моментъ. Откровенно говоря, я не помню, предлагалъ ли Александръ Михайловъ на этомъ же засѣданіи, чтобъ организація предоставила въ распоряженіе Соловьева лошадь и кого нибудь изъ членовъ общества въ роли кучера. Но психологически возможны два предположенія: 1-е, если Соловьеву на столько грозила опасность со стороны несочувствующихъ его намѣренію, что съ нимъ нужно было прятаться, тогда, на сколько я знаю Алекс. Дмитриевича, онъ, такой опытный конспираторъ, не сдѣлалъ бы такого крупнаго промаха: или 2-е, Алекс. Дмитриевичъ смотрѣлъ иными глазами, чѣмъ Морозовъ, на бурную сцену при возникновеніи вопроса о цареубійствѣ. Затѣмъ, какую лошадь организація могла предложить Соловьеву? Варвара у организаціи уже не было,—онъ былъ арестованъ въ октябрѣ 78 года и, слѣдовательно, къ услугамъ Соловьева не могъ быть предоставленъ землевольцами въ апрѣлѣ 1879 года. Можно было, правда, взять для Соловьева верховую лошадь въ татерсалѣ, какъ была тамъ же взята для Мирскаго. Но, очевидно, Морозову или памяти измѣнила, или ему и тогда это обстоятельство было неизвѣстно. Дѣйствительно былъ планъ взять для Соловьева верховую лошадь въ татерсалѣ, хотя это было и рисковано послѣ покушенія Мирскаго на Дрентельна тоже на лошади изъ татерсала. Соловьевъ пытался на Крестовскомъ островѣ учиться верховой ѣздѣ, но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ опытовъ самъ отказался отъ плана совершить покушеніе верхомъ. Да это и само собой понятно: Соловьевъ, никогда не ѣздившій верхомъ, едва ли могъ рискнуть совершить нападеніе на лошади, совсѣмъ ему неизвѣстной, и при томъ совершенно не умѣя держаться въ сѣдлѣ. Вотъ почему Соловьевъ совершилъ нападеніе такъ, какъ онъ его совершилъ, а не почему либо другому. Въ данномъ случаѣ, ему нуженъ былъ только револьверъ и точное опредѣленіе времени, въ которое онъ могъ бы встрѣтить Александра II-го въ извѣстномъ мѣстѣ, для чего нѣкоторыми лицами и взято было на себя наблюденія у Зимняго Дворца. Но, какъ мы видѣли выше, отъ членовъ организаціи не находили нужнымъ этого скрывать, потому что надѣялись, что тотъ или другой можетъ не отказаться взять на себя эту обязанность. Предъ покушеніемъ Соловьева, была также

организована разсылка прокламацій, и это также не было тайной для членовъ организациі. Въ одной изъ квартиръ надписывали адреса, вмѣстѣ съ самимъ Соловьевымъ, и тѣ, которые, при обсужденіи этого вопроса на первомъ засѣданіи, высказывались противъ намѣренія Соловьева. Наконецъ, о необходимости выѣзда изъ Петербурга, въ виду ожидавшейся попытки Соловьева, было сообщено всѣмъ членамъ организациі безъ различія ихъ взглядовъ на попытку Соловьева. Я, напр., за два дня до покушенія Соловьева, уѣхалъ изъ Питера и успѣлъ доѣхать только до Тамбова, какъ телеграфъ разнесъ вѣсть о покушеніи Соловьева на Государя. Точно также не совсѣмъ точно сохранился въ памяти Морозова составъ редакціи З. и В., что несомнѣнно опять таки объясняется тѣмъ, что Морозовъ только осенью 78 года сталъ членомъ организациі З. и В. Вопросъ о періодическомъ органѣ З. и В. возникъ гораздо раньше, чѣмъ Морозовъ вступилъ въ организацию, а именно съ основанія самой организациі, и Плехановъ намѣчался редакторомъ съ самаго возникновенія мысли о журналѣ З. и В. Для этого онъ и возвратился изъ за-границы, куда уѣхалъ послѣ Казанской демонстраціи, въ которой фигурировалъ какъ ораторъ, почему за нимъ и сохранилась съ того времени кличка „Ораторъ“. Весной 78 года, мы, наличные члены Земли и Воли въ Петербургѣ, слушали приготовленныя статьи для З. и В. Адриана Михайлова и редакціонную статью Плеханова. Кравчинскій, быть можетъ, и намѣчался въ редакторы З. и В., когда онъ былъ въ Петербургѣ лѣтомъ 78 года, но фактически имъ не былъ, потому что послѣ убійства Мезенцева, т. е. послѣ 4-го августа, онъ уѣхалъ за-границу, а З. и В. вышла въ ноябрѣ 1878 года. Мнѣ кажется, ближе будетъ къ дѣйствительности, что Морозова замѣнилъ въ редакціи К., который былъ арестованъ въ концѣ февраля или началѣ марта 1879 года. При обыскѣ чуть не погибъ портфель съ бумагами редакціи. К. какимъ то образомъ спасъ портфель, помнитъ, положилъ подъ себя на стулъ, съ котораго и не вставалъ въ продолженіи всего обыска. Отступивъ отъ хронологическаго порядка моихъ воспоминаній только благодаря статьѣ Морозова, я закончу это отступление такъ: несомнѣнно, въ этотъ моментъ организациі З. и В., существовало довольно рѣзкое разногласіе въ средѣ членовъ организациі, при чемъ одна половина ея членовъ тянула въ одну сторону, другая—въ другую. Правы или нѣтъ тѣ, кто считаетъ, что другого исхода не было, кромѣ раздѣла, но во всякомъ случаѣ той вражды, о которой говоритъ Морозовъ, между обѣими сторонами не было. Стоитъ только припомнить общій тонъ настроенія всѣхъ присутствовавшихъ на Воронежскомъ съѣздѣ, и затѣмъ то обстоятельство, что уже послѣ окончательнаго раздѣла З. и В. было обѣщано съ обѣихъ сторонъ не только не мѣшать другъ другу, но по возможности помогать, и это была вовсе не пустая любезность, а братское обѣщаніе. Я самъ присутствовалъ на окончательномъ раздѣлѣ и вынесъ такое впечатлѣніе. Уже послѣ раздѣла, я возвратился съ юга, куда я ѣздилъ за бланками въ одно казначейство, снабжав-

шее насъ ими. При встрѣчѣ съ Стефановичемъ, онъ меня предупредилъ, что мнѣ хотѣтъ предложить принять участіе въ предполагаемомъ подкопѣ подъ полотно желѣзной дороги, въ качествѣ хозяина квартиры, т. е. ту роль, которую потомъ взялъ на себя Гартманъ. Мнѣ никто изъ народовольцевъ не говорилъ объ этомъ, и весьма возможно, что Стефановичъ просто хотѣлъ предупредить меня на всякій случай, такъ какъ, по предложенію Стефановича, мнѣ предстояло ѣхать въ качествѣ крамара въ Чигиринскій уѣздъ. Но дѣло не въ томъ, и я упоминаю объ этомъ потому, что и послѣ раздѣла возможно было, значить, такое предложеніе чело-вѣку, уже вышедшему изъ организаціи.

Во время моего путешествія, съ цѣлью созвать съѣздъ земле-вольцевъ, я первую остановку сдѣлалъ въ Тамбовѣ. Тамъ были въ это время: Гартманъ, Фигнеръ, Богдановичъ, Аптекманъ, Титычъ и другіе. Конечно, среди собравшихся рѣчь шла, главнымъ образомъ, о томъ направленіи дѣятельности, которое она принимала въ это время въ Петербургѣ и которую довольно ясно для всѣхъ характеризовало только что произведенное покушеніе на жизнь Александра II-го Соловьевымъ. Даже тѣ, кто несочувственно относился къ направленію, говорили, что такое настроеніе въ настоящее время совершенно понятно, потому что люди съ боевымъ темпераментомъ не могутъ удовлетвориться той скромной, чтобы не сказать безцвѣтной, дѣятельностью, которая до сихъ поръ ведется въ деревняхъ, и налагая только veto на такую дѣятельность, ничего нельзя достигнуть. Настроеніе все же пойдетъ своимъ путемъ. Единственно, чѣмъ можно было отклонить такое настроеніе въ желательную сторону,—это создать что-нибудь крупное въ деревнѣ. Насколько я помню,—это было общее мнѣніе. Вообще, мнѣ кажется, глубоко заблуждаются, думая, что дѣятели деревни рѣзко оппонировали такому направленію дѣятельности. Гораздо ближе къ истинѣ будетъ сказать, что наиболѣе непримиримые представители обонихъ теченій въ организаціи Э. и В. были въ Петербургѣ. Работавшіе въ деревнѣ болѣе, чѣмъ кто другой, чувствовали себя неудовлетворенными своей дѣятельностію, и тѣ изъ нихъ, кто не соглашался съ мнѣніемъ, что изъ всей программы землевольцевъ слѣдуетъ остановиться только на дезорганизаторской дѣятельности, которая превращалась, такимъ образомъ, въ политическій терроръ, тѣ ясно сознавали все-таки необходимость создать въ деревнѣ что-нибудь крупное, могущее удовлетворить наличное революціонное настроеніе. Поэтому, прочитавъ въ статьѣ Морозова—„Возникновеніе Народной Воли“ строки: „Весной 1879 года мы получили, не помню отъ кого изъ двоихъ, Попова или Плеханова, грозное посланіе, гдѣ говорилось, что всѣ, работающіе въ народѣ, требуютъ созыва общаго съѣзда организаціи въ какомъ либо изъ городовъ центральной Россіи для того, чтобъ насъ судить, и исключить изъ своей среды, какъ людей неподходящихъ по духу“... и далѣе: «что намъ теперь дѣлать? Задавали мы себѣ вопросъ. Большинство будетъ на сторонѣ старой программы и насъ просто исключать»... Я былъ пораженъ. Воля ваша,—въ

моей памяти этого не сохранилось, и я даже склоненъ думать, что кто-нибудь изъ друзей Морозва просто подшутилъ надъ нимъ. Иначе мнѣ, напр., совершенно непонятно, почему могли волноваться Александръ Михайловъ, Тихомировъ и Квятковскій, когда они не только не находились въ одинаковыхъ условіяхъ, но даже въ гораздо лучшихъ, чѣмъ ихъ антагонисты, деревенщики. Гдѣ-то по деревнямъ разбросанъ былъ какой-нибудь десятокъ-два лицъ, совершенно оторванныхъ отъ культурнаго міра и связанныхъ съ нимъ только Александромъ Михайловымъ, Тихомировымъ и другими, составляющими въ это время центральное бюро организаціи. И вотъ эти-то десять-двадцать человекъ исключаютъ изъ своей среды свое центральное бюро и тѣмъ самымъ никого другого, какъ себя, ставятъ въ невозможное положеніе. Правда, Морозовъ говоритъ: „при раздѣлѣ З. и В. намъ не досталось ни копейки изъ ея матеріальныхъ средствъ“... Опять-таки полное незнаніе тогдашнихъ обстоятельствъ организаціи З. и В. Громадное состояніе Лизогуба— были единственныя средства организаціи, за исключеніемъ тѣхъ средствъ, которыя добывались А. Михайловымъ. Правда, надежды на лизогубовскіе капиталы остались надеждами, но за то 10000 изъ херсонскаго казначейства остались въ рукахъ народовольцевъ, между тѣмъ, какъ у чернопредѣльцевъ были только надежды на капиталы братьевъ И—хъ, о судьбѣ которыхъ я не знаю. Ближе къ истинѣ будетъ сказать, что въ матеріальномъ отношеніи народовольцы были лучше обставлены, чѣмъ чернопредѣльцы. Это и само собой будетъ понятно, если только помнить что весь составъ бюро организаціи З. и В. перешелъ въ партію, Народной Воли.

Такъ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуютъ событія, въ которыхъ я принималъ участіе или которыхъ былъ свидѣтелемъ ¹⁾: Воронежскій съѣздъ и затѣмъ время, прошедшее вслѣдъ за нимъ, вплоть до окончательнаго раздѣла организаціи З. и В. И на этотъ разъ я заканчиваю на этомъ мои воспоминанія изъ моего прошлаго. Во все это время, А. Д. Михайловъ работалъ съ невѣроятной тратой труда и своей неисчерпаемой энергіи. Его можно было застать дома только, когда онъ вставалъ рано утромъ и, одѣвшись, пилъ молоко вмѣсто утренняго чаю, шагая по комнатѣ съ кувшиномъ въ рукахъ, и потомъ вечеромъ, когда онъ, уставъ за день, лежалъ на кровати, съ заложенными подъ голову руками, и намѣчалъ передъ сномъ, что ему предстояло сдѣлать завтра. Такимъ я заставлялъ его въ его квартирѣ въ послѣднія мои дѣловыя сношенія съ нимъ по поводу отысканія пристанища для Мирскаго послѣ покушенія послѣдняго на Дрентельна. Это было мое послѣднее пребываніе въ Петербургѣ. Послѣ раздѣленія З. и В., я уѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ и оставался до моего ареста и суда.

М. Поповъ.

---

¹⁾ З. и В. наканунѣ Воронежскаго съѣзда.

„Дни свободъ“ въ Кутаисской губерніи.

Передъ наступленіемъ сильной грозы все живое испытываетъ безотчетный страхъ, ощущеніе тяжести, давящей со всѣхъ сторонъ.

Нѣчто подобное мы переживали въ ожиданіи политическихъ событій въ Кутаисѣ въ октябрѣ 1905 года. Только 21-го вечеромъ мною былъ полученъ искаженный телеграфомъ текстъ манифеста 17 октября. Въ тотъ же вечеръ онъ сталъ общеизвѣстенъ и 22 уже обсуждался на многолюдномъ митингѣ горожанъ.

Встрѣченъ онъ былъ недовѣріемъ. Его неполнота, недомолвки вызывали серьезныя опасенія. Не вѣрили и тому, что вскормленная насиліемъ бюрократія будетъ честно проводить положенныя въ его основу принципы; несмотря на это, манифестъ былъ лучемъ свѣта, внезапно прорѣзавшимъ окружавшую насъ тьму, и не подлежитъ сомнѣнію, что онъ могъ рѣшительно измѣнить формы дальнейшей борьбы за права и землю, еслибы правительство не повернуло въ сторону реакціи. Его реакціонная дѣятельность отразилась у насъ на Кавказѣ тотчасъ же. 22-го вечеромъ кутаисцы узнали уже о страшномъ избиеніи горожанъ въ Тифлисѣ. Тифлисскій погромъ настолько характеренъ и оказалъ столь важное вліяніе на общественное настроеніе, что я позволю себѣ рассказать о немъ вкратцѣ.

Въ теченіе трехъ дней, 18-го, 19 и 20-го октября, тифлисцы, упоенные наступившей свободой, беспрепятственно обсуждали на уличныхъ митингахъ новую политическую конъюнктуру.

На Головинскомъ проспектѣ, вблизи дворца, въ кварталахъ, населенныхъ рабочими, всюду собирались многолюдные митинги, произносились рѣчи, выносились резолюціи. Порядокъ охранялся самими горожанами и полиція устранилась совсѣмъ.

Намѣстникъ принималъ делегаціи отъ народныхъ собраній, обсуждалъ ихъ желанія и резолюціи.

21 октября появились первые зловѣщіе признаки наступающей реакціи: на Головинскомъ проспектѣ была организована патриотическая манифестация изъ нѣсколькихъ сотенъ патриотической лиги русскихъ рабочихъ, юнкеровъ и кадетовъ въ сопровожденіи внушительной военной силы. Манифестанты направили свой гнѣвъ, между

прочимъ, на мужскую гимназію. Туда ворвались «патріоты» и стали угрожать разстрѣломъ гимназистовъ, если они не перестанутъ играть марсельезу. Во избѣжаніе столкновенія съ воинствующими «патріотами» лѣвыя партіи перенесли митинги на окраины города и остальная часть дня прошла благополучно. 22-го состоялась вторая патріотическая манифестація. Процессія въ сопровожденіи войскъ, выйдя изъ ограды миссіонерской церкви съ образами и портретами Государя, двинулась къ Головинскому проспекту. Впереди ѣхали драгуны, по бокамъ казаки; замыкали шествіе пѣхотинцы. Они же стояли шпалерами возлѣ нѣкоторыхъ зданій 1-ой мужской гимназіи, редакціи газеты «Тифлисскаго Листокъ» и др.

Когда манифестанты появились на Голов. просп., тамъ гуляла лишь обыкновенная публика въ праздничномъ настроеніи по случаю дарованныхъ свободъ.

Поровнявшись съ 1-ой гимназіей, часть манифестантовъ набросилась на группу гимназистовъ, требуя снять шапки и принять участіе въ пѣніи патріотическаго гимна. Получивъ отказъ, манифестанты набросились на гимназистовъ, послѣдніе скрылись въ гимназію. Тогда изъ толпы по направленію бѣгущихъ мальчиковъ раздался выстрѣлъ, послужившій сигналомъ побоища, продолжавшагося 2¹/₂ часа. Стрѣляли какъ въ гуляющую публику, такъ и въ зданія гимназіи, тифлисскаго собранія, редакціи газетъ, въ меблированныя комнаты Мухранскаго и др.

Въ первой гимназіи ворвавшимися было убито 6 гимназистовъ и 3 воспитателя и въ числѣ первыхъ—гимназистъ Цирюльниковъ, восьми лѣтъ. Многихъ дѣтей директоръ Гамкрелидзе успѣлъ спрятать въ своей квартирѣ, но и она подверглась обыску и разгрому. Особенно усердно обстрѣливался гимназическій лазаретъ и церковь. Такой же участи подверглись редакціи 2 газетъ, нѣкоторыя общественныя зданія и представшіеся въ нихъ обыватели. Ихъ обыскивали и убивали.

Въ ресторанѣ «Пуръ-Гвино» ворвавшимися манифестантатами были убиты между прочими студентъ Юрьевскаго унив. кн. Вочнадзе съ женою, у которой пальцы съ кольцами оказались отрѣзанными. Такія же сцены происходили и въ другой части города на Авлабарѣ, гдѣ не щадили даже грудныхъ дѣтей. Жертвы насчитывались десятками.

Ужасы погрома и его обстановка произвели на кутаисцевъ удручающее впечатлѣніе и раскрыли перспективу ближайшаго будущаго. Они дали новое оружіе непримиримымъ и замкнули уста умѣреннымъ.

Въ знакъ траура по жертвамъ тифлисскаго погрома во всѣхъ городахъ губерніи была проведена однодневная забастовка.

Негодование общества не успѣло улечься, какъ вѣсти о погромахъ посыпались со всѣхъ концовъ, изъ столицъ, городовъ и мѣстечекъ Россіи.

Изъ Горійскаго уѣзда Тифлисскаго губ. ежедневно сообщались подробности экзекуцій, производимыхъ въ деревняхъ отрядомъ полковника Альфтана. Всѣмъ стало ясно, что манифестъ ничего не измѣнилъ въ мрачной дѣйствительности, что реакція, уже началась...

Наступило время усиленной, торопливой подготовки.

16-го ноября Кутаисъ демонстративно хоронилъ убитаго во время одесскаго погрома лаборанта Новороссійскаго университета А. Кладіашвили.

Съ ранняго утра многотысячная толпа горожанъ и прїѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ губерніи съ траурными знаками и знаменами революціонныхъ партій, нѣсколькими любительскими и ученическими духовыми оркестрами и пѣвческими хорами, поджидала у вокзала прибытія тѣла. Образцовый порядокъ какъ здѣсь, такъ и во все время печальной процессіи поддерживался исключительно ея организаторами и участниками. Вагонъ съ тѣломъ усопшаго былъ встрѣченъ похороннымъ маршемъ. Около полудня процессія направилась въ центръ города, гдѣ въ оградѣ одной изъ старинныхъ церквей была заготовлена могила. Впереди гроба и по сторонамъ шли *вооруженные гурійскіе дружинники сопровождавшіе усопшаю отъ Батума*. Общее настроеніе сказывалось въ горячихъ, полныхъ негодованія противъ насилія рѣчахъ.

День 16 ноября едва не сталъ трагическимъ для кутаисцевъ. Мнѣ стоило большихъ усилій удержать въ казармахъ казаковъ хоперцевъ на время, пока похоронная процессія, сплошь заполнявшая улицу и переулки возлѣ вокзала и казачьихъ казармъ, продвинется въ глубь города.

Погромы не запугали населенія. Наоборотъ: они подняли выше начавшую спадать революціонную волну и вызвали цѣлый рядъ серьезныхъ осложненій. Въ началѣ ноября въ Кутаисѣ и Чіатуралѣ было совершено 2 террористическихъ акта, жертвами которыхъ были помощникъ начальника станціи и ротный командиръ Бессарабскаго полка, капитанъ Тарасовъ. Приблизительно въ то же время митингъ учащихся въ кутаисскихъ учебныхъ заведеніяхъ постановилъ прекратить занятія впредь до созыва учредительнаго собранія. Городскія самоуправленія вынужденно прекратили всякую дѣятельность. Горожане отказались признавать компетенцію избранныхъ при цензовой системѣ представителей и подготавливали выборы на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

Для вершенія неотложныхъ дѣлъ образовались временные совѣты изъ части болѣе популярныхъ гласныхъ и членовъ управъ и представителей партій. Жалкая по составу и численности городская полиція, (городовые) не получая содержанія, забастовала и разбѣжалась. Земская полицейская стража тоже не могла функціонировать; ненавидимые населеніемъ стражники подвергались при разбѣздахъ систематическимъ нападеніямъ. Нападали даже на посты стражи и отбивали оружіе. Въ то же время группы молодежи съ тою же цѣлью врывались въ дома горожанъ и усадьбы и навели панику на женщинъ. Если прибавить къ этому, что 16 ноября началась почтово-телеграфная забастовка, которую поддержали желѣзнодорожные телеграфисты и что на вторичный призывъ къ рекрутскому набору не являлся никто ¹⁾, то картина общаго состоянія края представится легко.

---

¹⁾ Воляскій наборъ Кутаисской губерніи обыкновенно производится въ половинѣ октября, но въ октябрѣ была 1-ая всероссійская забастовка, и наборъ не состоялся.

Но политическая атмосфера стала пересыщенной съ того момента, когда революціонеры дождались наконецъ выписаннаго изъ Швейцаріи транспорта оружія и боевыхъ припасовъ. Ихъ привезъ 15 ноября иностранный пароходъ; остановившись далеко въ морѣ, онъ послалъ шлюпку увѣдомить условленное лицо. Пришлое ждѣть. Къ ночи поднялась буря, и выходъ въ море баркасовъ грозилъ имъ немалой опасностью. Но оставлять долѣе пароходъ на рейдѣ было опасно. Необходимость понуждала не медлить съ разгрузкой и къ пароходу поплыли три баркаса. Два изъ нихъ доплыли только на разсвѣтѣ; третій сбился съ пути и погибъ. Сдавъ двѣ трети груза, пароходъ ушелъ въ море, а нагруженные баркасы пошли по направленію къ установленному пункту, скалѣ, гдѣ надѣялись разгрузиться тайкомъ; но, подхваченные сильнымъ вѣтромъ, очутились въ порту, среди цѣлой флотилии пароходовъ и лодокъ. Пришлось разгрузиться на людномъ берегу и сдѣлать это такъ ловко, чтобы не привлечь вниманья стражи. Ящики вскрывались на суднѣ и грузъ уносился по частямъ мингрельцами и гурійцами, которые, незамѣтно передавая его съ рукъ на руки, доставляли на берегъ.

Нечаянный выстрѣлъ, произведенный однимъ изъ рабочихъ, заинтересовавшимся новой, неизвѣстной ему системой затворовъ винтовокъ, выдалъ тайну. На выстрѣлъ прибѣжали жандармъ и таможенная охрана. Между ними и грузчиками завязалась перестрѣлка, во время которой значительная часть ружей и патроновъ исчезла. Стражей и казаками были конфискованы 31 ящикъ винтовокъ (по 20 штукъ въ ящикѣ) и 54 ящика патроновъ. Въ перестрѣлкѣ были ранены казакъ и двое рабочихъ.

Въ руки охраны попалъ лишь одинъ баркасъ. Другой, воспользовавшись минутнымъ смятеніемъ, наступившимъ въ началѣ перестрѣлки, ушелъ въ море. Начальникъ береговой полиціи тщетно плавалъ на портовомъ катерѣ «Ріонъ» отъ одного парохода къ другому, прося ихъ догнать и арестовать бѣглеца. Начинаясь буря, и катеръ присталъ къ берегу. Здѣсь однако сыскался волонтеръ, предложившій свои услуги за соответствующую награду. Имъ оказался бывший помощникъ капитана одного изъ пароходовъ Р. О. П. и Т., уволенный за разные грѣхи. Взявъ казаковъ, онъ поплылъ на катерѣ «Ріонъ» и догналъ бѣглеца ночью въ разстояніи 25 верстъ отъ Сухума. Помощь «Ріону» оказала канонерская лодка «Донецъ». На баркасѣ были конфискованы 1200 винтовокъ и 40 ящиковъ патроновъ.

Случайный капитанъ «Ріона» привезъ въ Батумъ арестованныхъ и трофей, но въ тотъ же день (17 ноября) былъ убитъ въ ресторанѣ, гдѣ прокучивалъ награду.

Вскорѣ послѣ него былъ убитъ и жандармъ, проявившій большую энергію при арестѣ оружія на берегу и розыскѣ его у горожанъ потійцевъ.

Прибывшіе въ Кутансъ призваніе изъ Кут. уѣзда разбѣжались; во многихъ уѣздахъ вослѣдовалъ принципиальный отказъ служить самодержавному правительству; мѣстами были предъявлены требованія оставлять рекрутовъ въ предѣлахъ родины или Закавказья платить по 4 рубля въ мѣсяцъ и пр.

Не взирая на неудачу, постигшую оба баркаса, значительная часть ружей оказалась въ рукахъ населенія.

Какъ реагировали на революціонные проявленія народа послѣ манифеста 17 октября стоявшія въ Грузіи войска? Большая часть видѣла въ иноплеменныхъ «бунтовщикахъ» лишь «враговъ внутреннихъ», особенно роптали и негодовали запасные и казаки 2-й очереди, задержанные въ своихъ частяхъ до начала декабря. Другая, меньшая часть, волновалась и увлекалась политикой. Не малое вліяніе на нее оказывали телеграфныя извѣстія изъ Кронштадта, Севастополя и др. городовъ. Наконецъ, третья—относилась къ политикѣ безразлично, но, пользуясь общимъ недовольствомъ, выдвигала экономическія требованія.

«Безпорядки» происходили въ Тифлисѣ, Тонетахъ, въ Сухумѣ и многихъ другихъ городахъ. Кое гдѣ для усмиренія волновавшихся частей посылались болѣе надежныя. Какъ пѣхотинцы, такъ и казаки принимали участіе въ политическихъ митингахъ и предъявляли требованія ¹⁾. Ходили упорные слухи о зарожденіи въ войскахъ тайныхъ революціонной и антиреволюціонной организацій. Солдаты, преимущественно грузины и армяне, дезертировали массами и уносили оружіе. Въ одной Гуріи ихъ скрывалось до трехсотъ. Движеніе принимало такіе размѣры, что намѣстникъ счелъ нужнымъ въ приказѣ по Кавк. военному округу отъ 5 ноября 1903 г. за № 309 подтвердить г.г. военнымъ, что имъ воспрещается всякое участіе въ полит. сходкахъ, собраніяхъ, митингахъ и въ какихъ бы то ни было манифестаціяхъ политическаго характера, а также въ обществахъ и союзахъ, преслѣдующихъ какія бы то ни было политическія цѣли.

Общество и пресса поддерживали всякое проявленіе политическаго протеста въ войскахъ и жестоко осуждали реакціонныя теченія.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ политическія партіи брали на себя даже роли защитниковъ «крамольныхъ» нижнихъ чиновъ. Такъ по поводу ареста казака Лабинскаго полка самтредская организація Р. С.-Д. Р. П. отправила 26 ноября 1905 года слѣдующую телеграмму: Тифлисъ. Намѣстнику Его Величества, копии редакціи «Возрожденія», Депо Машинисту Далидзе. Несмотря на объявленіе Высочайшаго Манифеста 17 октября, который долженъ распространяться на казаковъ, сегодня арестованъ казакъ Лабинскаго полка на ст. Самтредѣ, которому грозитъ опасность быть преданнымъ военно-полевому суду за то, что онъ позволилъ себѣ свободно выразиться. Протестуемъ и требуемъ освободить арестованнаго. Если требованіе не будетъ исполнено, произойдетъ осложненіе ²⁾.

Однако, ни разоблаченія повременной печати и рѣзкія обличительныя статьи противъ реакціонныхъ теченій, ни проявленія симпатій общества къ прогрессистамъ не могли сдержать реакціи въ арміи. Въ офицерской средѣ они вызывали раздраженіе, выражавшееся

---

¹⁾ Въ Сухумѣ солдатско-казачій митингъ 17 ноября вынесъ резолюцію съ 32 требованіями.

²⁾ Въ началѣ декабря эта сотня, соединившись съ другой, стоявшей въ м. Квирилахъ, уѣхала самовольно домой, но была задержана въ Тифлисѣ. Населеніе Самтреди, Квирилы и прилегающихъ къ пути селъ устроила имъ рядъ овацій и угощеній.

не только въ рѣзкихъ отвѣтахъ и угрозахъ газетамъ, но и въ актахъ грубаго насилія.

Приказомъ отъ 12 ноября за № 323 намѣстникъ запретилъ военнымъ полемизировать въ печати противъ взводимыхъ на войсковыя части обвиненій и предложилъ не смущаться ея отзывами.

Приказъ не оказалъ однако рѣшающаго вліянія: 17 ноября редакція газеты «Черноморскій Вѣстникъ» была окружена казаками, а 5 офицеровъ, проникшихъ въ комнату секретаря, потребовали редактора, угрожая разгромомъ. •

Вѣсть объ этомъ распространилась по городу моментально. Къ помѣщенію редакціи направились толпы горожанъ. Къ счастью, офицеры были отосланы начальствомъ ранѣе, нежели успѣли осуществить угрозу.

Но полного развитія своего реакціонное настроеніе офицерства достигло лишь послѣ событій, вызванныхъ армяно-татарской рѣзней въ Тифлиссѣ.

Вечеромъ 22 ноября въ Тифлиссѣ, въ вспыхнувшей между армянами и татарами перестрѣлкѣ, было убито семь человекъ. Армянская дружина партіи Дашнакъ-Цутюнъ заняла посты въ армянской и татарской частяхъ города. Судя по тому размаху, который приняла рѣзня въ Елизаветполѣ и другихъ пунктахъ Закавказья во второй половинѣ ноября, не оставалось сомнѣнія, что тифлиссцамъ предстоятъ тяжелыя испытанія. Въ числѣ общественныхъ организацій, рѣшившихъ всѣми средствами воспрепятствовать кровопролитію, выступили и рабочіе желѣзнодорожнаго депо, наборщики и др. 23-го днемъ въ числѣ до 20 тысячъ они пошли по городу съ бѣлыми знаменами и призывали враждующія національности къ міру, братству и любви. Торжественная процессія не оправдала ожиданій: съ 23-го по 25-ое во взаимной распрѣ погибли еще 16 человекъ.

Между тѣмъ войскъ въ городѣ было мало. Многочисленныя мольбы о высылкѣ охраны на желѣзнодорожныя станціи, расположенныя въ районѣ междуусобицы, и въ другіе населенные пункты оставались неудовлетворенными. Татары со всѣхъ сторонъ стекались къ Тифлису.

Ввиду такого положенія дѣлъ администрація обратилась за содѣйствіемъ къ революціоннымъ организаціямъ и, заручившись ихъ согласіемъ выступить въ качествѣ вооруженной силы, исходатайствовала у намѣстника аудіенцію для представителя с.-д. Исидора Рамишвили, впослѣдствіи депутата Госуд. Думы. Въ результатѣ аудіенціи послѣдовало распоряженіе о выдачѣ изъ арсенала въ распоряженіе организацій 2000 ружей Бердана и соответствующаго количества боевыхъ патроновъ, но арсеналь выдалъ только 500, да и то на половину негодныхъ ружей.

Съ 25 по 29 ноября городъ, въ тѣхъ частяхъ, гдѣ ожидалась рѣзня, охранялся вооруженными партійными рабочими, стойко боровшимися съ нарушителями порядка. Но силы ихъ не соответствовали потребности. И цѣлесообразность жертвы при такихъ условіяхъ возбуждала сомнѣнія. Партіи рѣшили отказаться отъ вооруженной охраны 29 ноября. Вооруженіе рабочихъ по распоряженію намѣстника

и предоставленіе имъ охраны города вызвало сильное недовольство въ офицерскихъ кругахъ, преимущественно среди штабныхъ, близкихъ къ «русскому патриотическому обществу». За штабными возроптали и прочіе офицеры. 29-го въ Нагаловку ¹⁾ прїѣхалъ казачій офицеръ съ двумя сотнями казаковъ и потребовалъ отъ рабочихъ немедленной сдачи ружей. Онъ удалился лишь послѣ того, когда узналъ о состоявшемся рѣшеніи.

Требованіе объ отобраніи выданнаго партіямъ оружія были предъявлены и намѣстнику и увѣнчались его согласіемъ. Намѣстникъ предложилъ Рамишвили сдать оружіе и передать караулы войскамъ.

29-го ушли съ постовъ рабочіе, а 30 горѣли уже армянскія зданія въ татарской части города и пожарная команда долго не могла проникнуть къ мѣсту пожара вслѣдствіе учащенной стрѣльбы изъ оконъ близъ расположенныхъ домовъ и переулковъ. Рѣзня, постепенно слабѣя, продолжалась еще нѣсколько дней.

Вспыхнувшее недовольство и обида г.г. офицеровъ не улеглись по удовлетвореніи намѣстникомъ ихъ желаній (Да и ружья были возвращены далеко не всѣ). Они объединили недовольныхъ въ особую организацію.

Филіальное отдѣленіе этой организаціи возникло и въ Кутаисѣ. Оно имѣло «совѣтъ» для предварительной разработки вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на общихъ собраніяхъ. Членомъ собранія числился также начальникъ кутаисскаго жандармскаго отдѣленія. Съ дѣятельностью этой организаціи мы познакомимъ читателя ниже, теперь же возвратимся къ событіямъ изъ жизни губерніи, предшествовавшимъ возникновенію организаціи.

16 ноября въ Кутаисѣ началась почтово-телеграфная забастовка; нѣсколько дней спустя забастовали изъ чувства товарищества желѣзнодорожные телеграфисты. Сообщение съ Тифлисомъ почти прекратилось. 20-го забастовали городовые и городъ остался безъ всякой охраны. Одновременно съ этимъ усилились ночныя нападенія на прохожихъ съ цѣлью грабежа. Ко мнѣ ежедневно поступали жалобы на казаковъ Хоперскаго полка, но всѣ старанія полиціи выяснить степень ихъ виновности въ грабежахъ и дебошахъ оставались тщетными. Сношенія съ военными властями тоже не дали никакихъ результатовъ. Полковой командиръ неизмѣнно утверждалъ, что его люди не отлучались изъ казармъ и въ свою очередь сообщалъ, что жители оскорбляютъ казаковъ при каждой встрѣчѣ среди бѣлаго дня. Горожане изъ опасенія погрома увозили изъ города семьи, купцы стали увозить товаръ... Всѣхъ охватила паника, безотчетный страхъ... Военныя власти тоже поддались общему настроенію и нервничали. Я то и дѣло получалъ отъ нихъ увѣдомленія о прибытіи въ городъ сотенъ и тысячъ вооруженныхъ дружинниковъ, оказывавшихся всегда плодомъ досужаго вымысла жандармской полиціи. Въ городѣ дѣйствительно встрѣчались иногда вооруженные, но въ Закавказьѣ они не рѣдкость и въ обычное время. По моему требованію по ночамъ ходили въ

¹⁾ Рабочій кварталъ въ Тифлисѣ.

сопровожденіи околочныхъ патрули отъ пѣхотныхъ частей; пѣхотинцы же охраняли банки, казначейства, почтовую контору и другія учрежденія; 4—5 человекъ солдатъ находились въ каждомъ полицейскомъ участкѣ и столько же въ канцеляріи полиціймейстера. Усиленные наряды утомляли пѣхотный гарнизонъ и вызывали неудовольствіе, но использовать казачій полкъ при сложившемся отношеніи населенія къ казакамъ было опасно.

Моя точка зрѣнія была извѣстна начальнику гарнизона ген. Шишковскому, но тѣмъ не менѣе 27 ноября дневныя дежурства при полицейскихъ участкахъ и караулы при учрежденіяхъ были заняты безъ моего вѣдома казаками.

Часовъ около 11-ти городской голова сообщилъ мнѣ въ телефонѣ, что возлѣ его квартиры казаки избиваютъ всѣхъ проходящихъ мимо участка, имѣющихъ при себѣ оружіе, и конфискуютъ оружіе, что собравшіеся горожане сильно возбуждены и что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Предложивъ по телефону полковому командиру Щербинѣ принять мѣры, чтобы казаки не выходили изъ казармы до особаго распоряженія, я пріѣхалъ на мѣсто происшествія и засталъ слѣдующую картину: на Тифлисской улицѣ возлѣ полицейскаго участка стояла и гудѣла толпа негодующихъ. На улицѣ возлѣ панели лежалъ въ безсознательномъ состояніи окровавленный съ разбитымъ лицомъ человекъ. Другой столь же изуродованный, но еще въ сознаніи, сидѣлъ на биржевомъ экипажѣ. Тутъ же стояли въ выжидательной позѣ нѣсколько вооруженныхъ конныхъ казаковъ и дѣшій казачій нарядъ изъ участка. Едва я успѣлъ распорядиться подачей первой помощи избитымъ и отправкой въ казармы казаковъ, какъ прискакалъ новый эшелонъ. Въ то же время явилась вызванная мною земская стража въ количествѣ до 70-ти человекъ. Офицеръ доложилъ, что онъ посланъ ком. полка въ мое распоряженіе. Отправивъ въ казармы и этотъ эшелонъ, я пытался успокоить собравшихся, но было уже поздно. Всѣ улицы города спѣшно покрывались баррикадами. Ихъ воздвигали взрослые и дѣти, мужчины и женщины, чиновники, купцы и рабочіе... Матеріаломъ служили бревна, доски, пустыя бочки, телефонныя столбы и проволока. Я успѣлъ проѣхать на Балахванскую улицу, гдѣ ожидалось новое столкновение съ казаками и гдѣ изъ двора одного изъ офицеровъ Хоперскаго полка, Рыбальченко, былъ произведенъ казачкомъ выстрѣлъ. Тамъ собралась толпа горожанъ, занявшая также гостиницу «Франція» и сосѣднія зданія и построившая прочную баррикаду на углу Балахванской и пересѣкающей ее улицѣ ¹⁾. Къ ней снизу по Балахванской направлялась въ карьеръ полусотня казаковъ.

Остановленная мною, она нехотя повиновалась распоряженію вернуться въ казарму, но черезъ нѣсколько минутъ прибыла обратно въ удвоенномъ составѣ. Офицеры сотни заявили категорично, что теперь ужъ они не уѣдутъ, пока не разгонятъ собравшихся и что они должны охранять квартиру войсковаго старшины Рыбальченко отъ угрожающей ему опасности.

Положеніе было критическимъ. Озлобленные казаки и горожане

¹⁾ Названія этой улицы не помню.

съ баррикадъ могли каждое мгновение начать братоубійственную бойню. Ихъ раздѣлялъ только я и линія конныхъ стражниковъ земской стражи. Я зналъ, что горожане не вступятъ въ бой безъ необходимости, но можно ли было поручиться, что въ ихъ рядахъ нѣтъ провокатора или просто шальной головы? Достаточно было одного выстрѣла изъ за баррикадъ, хотя бы выстрѣла въ воздухъ, чтобы начался бой. Были основанія думать, что на крышахъ домовъ и въ верхнихъ этажахъ ихъ скрыты бомбометатели. Каждая минута казалась годомъ.

Заручившись обѣщаніемъ горожанъ сохранить неприкосновенность семьи и жилища г. Рыбальченко, если казаки уйдутъ, и соглашеніемъ Рыбальченко на снятіе военной охраны, я потребовалъ удаленія казаковъ черезъ командующаго войсками въ Кут. губ. ¹⁾ ген. Шишковскаго, они повиновались лишь послѣ долгихъ колебаній. Городъ уцѣлѣлъ...

Все время, пока я велъ переговоры и успокаивалъ стороны, съ городскихъ колоколенъ неслись въ даль звуки набата. Унять ихъ не удавалось. Они наводили панику на женщинъ и дѣтей и сзывали на помощь горожанамъ вооруженныхъ сельчанъ.

Въ Кут. губ. села расположены близко другъ къ другу. Набатъ, услышанный въ одномъ селѣ, передавался въ другое; всѣ округа на много верстъ огласилась тревожнымъ звономъ. Верховые гонцы скакали въ разныхъ направленіяхъ и давали указанія, куда идти дружинамъ. По просьбѣ горожанъ охрана его въ теченіе наступавшей ночи была поручена командиру Бессарабскаго полка, полковнику Шишкевичу.

Я возвращался домой позднимъ вечеромъ, пересѣкая серію баррикадъ. Ихъ разбирали настолько, чтобы могла проѣхать моя коляска. Черезъ нѣсколько минутъ по возвращеніи моею домой на Балахванской, выстрѣломъ изъ трехлинейной винтовки, былъ тяжело раненъ студентъ Петровъ. Пуля прошла черезъ легкія. Ночь прошла спокойно. На улицахъ оставались только войска.

28-го и 29-го во избѣжаніе возможныхъ столкновеній съ горожанами казакамъ было воспрещено выходить изъ казармъ. Имъ доставляли туда все необходимое. По моему требованію 28 утромъ горожане разобрали баррикады и слѣдили за порядкомъ на улицахъ. Гарантій порядка служило явное искреннее желаніе представителей партій не нарушать его безъ особо важныхъ причинъ и роспускъ по домамъ прибывшихъ изъ селъ дружинниковъ. Но и этотъ день городу суждено было пережить тревогу. Вечеромъ, когда уже стемнѣло, въ зарѣчной части вновь раздались частые сухіе звуки стрѣльбы изъ трехлинейныхъ винтовокъ. Какъ бы въ отвѣтъ на нихъ послѣдовали беспорядочные револьверные и ружейные выстрѣлы въ разныхъ частяхъ города и вновь зазвучалъ набатъ. Снятыя баррикады были восстановлены буквально въ нѣсколько минутъ.

Невозможно было дать себѣ отчетъ о мѣстѣ и причинахъ перестрѣлки. Невольно закрадывалось подозрѣніе, что это повтореніе неудавшейся вчера попытки погрома, осуществляемой при наиболѣе

¹⁾ Званіе, специально созданное для Кутаисской губ.

благоприятныхъ условіяхъ въ ночное время. Не зная, куда ѣхать, я разсылалъ на развѣдку въ разные концы конныхъ и пѣшихъ людей. Конные вернулись тотчасъ, такъ какъ возстановленныя баррикады преграждали имъ путь. Защитники баррикадъ негодовали на меня, такъ какъ я увѣрилъ ихъ утромъ, что опасность миновала. Черезъ нѣсколько минутъ вскорѣ выяснилось, что стрѣльба, вызвавшая тревогу, была результатомъ недоразумѣнія, къ счастью окончившагося безъ человѣческихъ жертвъ. Причиною послужило нападеніе нѣсколькихъ экспроприаторовъ оружія на квартиру командира Бессар. полка во время его отсутствія. Деньщикъ, охранявшій квартиру выстрѣлилъ въ ложившихся. Другой деньщикъ, испуганный происшедшимъ, добѣжалъ до полковой казармы и сообщилъ тамъ, что любимый командиръ убитъ. Люди высыпали на улицу съ винтовками въ рукахъ и увидѣли бѣгущую безпорядочно толпу; то были узнавшіе о случившемся солдаты сборной роты Куринскаго и Потійскаго полковъ, по которымъ бессарабцы и начали стрѣльбу. Ее остановилъ подѣхавшій на выстрѣлы командиръ полковникъ Шишкевичъ. Успокоивъ солдатъ, онъ тотчасъ далъ знать мнѣ и горожанамъ о причинахъ тревоги. Горожане успокоились, а черезъ $\frac{1}{2}$ часа ко мнѣ обратился какой то чудакъ изъ добровольной охраны съ вопросомъ, можно ли снимать баррикады?

29-го баррикады были разобраны вновь, но опасенія не прекратились. Было очевидно, что малѣйшая искра, простое недоразумѣніе можетъ вызвать страшныя послѣдствія. Руководители движенія прекрасно понимали всю безцѣльность одиночнаго выступленія Кутаисской губерніи, но ихъ власть надъ умами не могла предохранить отъ провокаторскихъ актовъ. Болѣе всего охранялись отъ нихъ казаковъ. По пути ихъ слѣдованія къ водопою разставлялась охрана изъ горожанъ. Партіи грозили разрушителямъ порядка строгими наказаніями, но на душѣ у всѣхъ было неспокойно. 29 или 30 утромъ состоялось собраніе чиновниковъ въ зданіи окружного суда. Большой залъ былъ переполненъ. По приглашенію собравшихся, переданному мнѣ прокуроромъ окружнаго суда, я поѣхалъ выслушать желанія собравшихся. Чиновники заявили, что они не могутъ ходить на службу и оставлять дома однѣхъ женъ и дѣтей, пока въ Кутаисѣ будутъ квартировать казаки; вслѣдствіе этого они постановили просить меня и намѣстника кавказскаго объ удаленіи казаковъ изъ города, а впредь до осуществленія этого ходатайства—прекращаютъ занятія. Въ числѣ собравшихся были какъ мелкіе служащіе, такъ и начальствующія лица.

Тутъ-же была избрана депутація къ намѣстнику.

Моя просьба не прекращать занятія была принята и состоявшееся постановленіе въ этой части было отмѣнено.

Съ просьбою объ удаленіи казаковъ обратились ко мнѣ и горожане въ лицѣ городского головы и дворяне въ лицѣ предводителя.

Необходимость этой мѣры была очевидной для всѣхъ.

Дни 27, 28, 29 и 30 ноября сохраняются на долго въ памяти населенія городовъ западнаго Закавказья. 27-го вечеромъ пластуны заняли мосты черезъ Ріонъ и обстрѣливали улицы, а затѣмъ разбили и разгромили нѣсколько магазиновъ. Такъ какъ начальникъ гарнизона не сумѣлъ или не захотѣлъ унять громилъ, то потійцы ожидали ежеминутно

повторенія разгрома и прїѣхавшіе ко мнѣ ночью 28-го депутаты заявили, что горожане будутъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. На помощь потїйцамъ двинулись вооруженные крестьяне изъ окрестныхъ селеній и ждали сигнала въ сел. Квалони. На ст. Самтреди ожидала распоряженія гурійская революціонная дружина. Потїйцы просили меня поѣхать къ нимъ, но оставить Кутаисъ въ такія минуты было немислимо и по моей просьбѣ въ Поті поѣхалъ генераль Шишковскій. На ст. Самтреди онъ между прочимъ осмотрѣлъ гурійскую красную сотню.

Его прїѣздъ и принятія мѣры къ разслѣдованію происшедшаго черезъ прокурора окруж. суда уняли бунновъ, но 28-го погрому вспыхнули одновременно въ Батумѣ и Новосенакахъ. Въ послѣднемъ пунктѣ дебошъ начали полицейскіе стражники, собравшіеся въ городъ со всего уѣзда; они были усмирены заявленіемъ начальника гарнизона, что онъ велитъ стрѣлять въ погромщиковъ; инцидентъ окончился сравнительно пустякомъ; но въ Батумѣ дѣла приняли иной оборотъ. Тамъ 28 днемъ неизвѣстнымъ былъ обезоруженъ казакъ. Въ 6 час. вечера взводъ его однополчанъ вышелъ изъ казармы и, направляясь черезъ турецкій базаръ на товарную ст., рѣзалъ и кололъ встрѣчныхъ. Въ теченіи 15—20 минутъ имъ было убито 7 и тяжело ранено 5 человекъ; изъ нихъ умерло 4. 29-го день прошелъ въ тревожномъ ожиданіи, но 30-го во время похоронъ жертвъ 28 ноября раздался повидимому провокаторскій выстрѣлъ, за которымъ послѣдовала уже перестрѣлка. Городъ забаррикадировался. Ночью перестрѣлка возобновилась; стрѣляли войска, охранявшія губернатора. Нѣсколько времени спустя въ проходившій по улицѣ взводъ солдатъ Херсонскаго полка была брошена бомба и стрѣльба приняла большіе размѣры.

1 декабря комендантъ Михайловской крѣпости навелъ на городъ орудія и предъявилъ горожанамъ требованія снять баррикады.

Въ то-же время въ городъ направились войска и начались обыски. Первой подверглась обыску и погрому городская управа.

Баррикады были разрушены и въ городѣ введено осадное положеніе. Сколькими жертвами заплатилъ Батумъ за это очевидно спровоцированное возстаніе—не помню, но ихъ было много.

Осадное положеніе убило совершенно городъ. Онъ замеръ, разорился и не оправился и до сихъ поръ.

Какъ объяснить странный фактъ одновременнаго возникновенія серьезныхъ осложненій между казаками и населеніемъ въ 4-хъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ? У меня нѣтъ категорическаго отвѣта на этотъ интересный вопросъ, но мысль о случайности чужда моему представленію. Будущее укажетъ, гдѣ скрывались тайныя пружины, приведшія въ движеніе погромный механизмъ. Кстати сказать, организація «патріотической» погромной рати въ Кутаисской губ., заселенной сплошь единовѣрными грузинами, почти невозможна; небольшое количество живущихъ въ городахъ и нѣкоторыхъ селахъ евреевъ не составляютъ экономически господствующаго класса и не вызываютъ взаимныхъ проявленій вражды.

Русскихъ въ губ. очень мало и отношеніе къ нимъ мѣстнаго населенія было всегда вполне корректнымъ. Въ концѣ ноября на ст.

Шорапанъ была попытка вызвать осложненія между русскими рабочими депо и грузинами, но инициаторъ—жандармскій унтеръ-офицеръ, распространявшій слухъ о предстоящемъ избіеніи русскихъ рабочихъ грузинами, потерпѣлъ полную неудачу. Согласно постановленію общаго собранія рабочихъ на митингѣ 26 ноября, вагонъ, въ которомъ жилъ жандармъ, былъ прицѣпленъ къ локомотиву и увезенъ со станціи.

Болѣе серьезныя попытки и, какъ казалось многимъ, съ большими шансами на успѣхъ имѣли мѣсто въ Батумской области. Тамъ одно время упорно циркулировалъ слухъ о предстоящемъ избіеніи грузинъ магометанами аджарцами. Послѣднихъ увѣрили, что грузины-революціонеры постановили взорвать магометанскую мечеть въ Батумѣ. Провокація не удалась. Переговоры съ аджарцами уяснили положеніе дѣлъ и погромъ не состоялся.

При невозможности организовать «патріотическаго» погрома вслѣдствіе однородности состава или отсутствія въ средѣ населенія національной вражды, кто-то скрытно, но упорно стремился использовать для этой цѣли настроеніе казаковъ.

Событія послѣднихъ дней ноября взбудоражили до крайности все населеніе Грузіи. 4 декабря на многолюдномъ митингѣ въ Тифлисѣ читалась и обсуждалась слѣдующая телеграмма отъ рабочихъ изъ Самтреды: На основаніи послѣднихъ событій въ Батумѣ, выразившихся въ полномъ терроризированіи населенія казаками, мы требуемъ снятія осаднаго положенія съ Батума, удаленія главныхъ виновниковъ насилія—губернатора и коменданта; удаленія всѣхъ казачьихъ частей изъ Батума и расселенія ихъ по мѣстамъ осѣдлости—Кубани, Дону и др. Принятая собраніемъ резолюція приглашала населеніе къ немедленному вооруженію всѣхъ наличныхъ силъ, съ цѣлью поддержанія требованій самтредскихъ товарищей, если они не будутъ удовлетворены.

1-го декабря подъ влияніемъ батумскихъ событій остановилось движеніе на западномъ участкѣ жел. дороги и для депутацій отъ городовъ были снаряжены особые поѣзда. Въ томъ, который везъ депутатовъ отъ дворянъ, горожанъ и чиновниковъ Кутаисской губ., поѣхалъ и я (2 декабря).

Въ «сферахъ» Тифлиса ходили уже слухи самаго невѣроятнаго содержанія, говорили о кутаисскомъ возстаніи, о временномъ правительствѣ, объ отдѣленіи западной Грузіи отъ Россіи... Готовились мѣры. Намѣстникъ, потрясенный еще продолжавшейся хотя и слабо въ Тифлисѣ армяно-татарской рѣзней и другими осложненіями, большой, принялъ меня суше обыкновеннаго; но выслушавъ докладъ о необходимости удаленія казаковъ изъ предѣловъ Кут. губ., согласился на эту мѣру. Она встрѣтила сочувствіе и въ его помощникахъ. Къ часу ночи я имѣлъ въ рукахъ предписаніе начальника штаба войскъ кавк. военнаго округа команд. войсками Кутаисской губ. о переводѣ Хоперскаго казачьяго полка и стоявшихъ въ Самтреды и Квирилахъ сотенъ Лабинскаго полка въ Елизаветпольскую губ. Выступленіе Хоперцевъ изъ Кутаиса должно было состоятся 12 декабря, къ каковому сроку въ Кут. губ. могли прибыть необходимыя съ точки зрѣнія штаба военныя пѣхотныя силы и регулярная кавалерія изъ Баку.

Моя устная просьба объ отставкѣ въ случаѣ невозможности удовлетворенія ходатайства о выводѣ казаковъ была отклонена намѣстникомъ рѣшительнымъ образомъ. Лабинцы не дождались предписанія о выступленіи. 3 декабря днемъ квартировавшая въ Квирилахъ сотня самовольно захватила вагоны и отправилась въ Самтреді; оттуда объ сотни на слѣдующій день уѣхали по направленію къ Тифлису, сопровождаемая оваціями населенія. Ихъ задержали въ Тифлисъ.

Единовременно съ кутаисской, прибыла въ Тифлисъ и батумская депутація. Ей тоже удалось получить согласіе намѣстника на снятіе съ города осаднаго положенія и вывода казаковъ; въ замѣнъ послѣднихъ въ Батумъ были переведены изъ Кут. губ. 2 баталіона Херсонскаго пѣхотнаго полка, охранявшія жел. дорогу, и 2 конныя батареи артиллеріи. Впрочемъ, согласіе намѣстника не привело къ цѣли. Командантъ крѣпости настоялъ на сохраненіи осаднаго положенія.

Надѣюсь, что читатель не посѣтуеть на то, что въ этомъ очеркѣ, посвященномъ, какъ и предыдущій ¹⁾, освободительному движенію въ Кутаисской губерніи, я привожу мѣстами главнѣйшія событія, имѣвшія мѣсто въ Тифлисъ, Батумѣ. Безъ этихъ отступленій было бы крайне трудно или даже невозможно объяснить многія явленія изъ жизни края, связаннаго воедино узами племеннаго родства, культурой и историческимъ прошлымъ. Полное единство интересовъ и пониманія, неуклонно соблюдаемый принципъ солидарности въ политической борьбѣ, и тѣсная связь, между политическими организаціями Тифлиса, Кутаиса и Батума были причиною того, что каждый ложный шагъ, сдѣланный тифлисской или батумской администраціей, каждое насиліе, правонарушеніе вызывали бурные протесты и въ Кутаисской губерніи. Почти такъ же горячо если не сердцемъ, то умомъ воспринимали кутаисцы все, что касалось борьбы за освобожденіе во всей Россіи. Села не отставали въ этомъ отношеніи отъ городовъ. Слабо дифференцированное по роду занятій населеніе городовъ, мѣстечекъ и сель жило одной общей жизнью, мыслило и чувствовало въ унисонъ, и его политическій пульсъ ударялъ въ тактъ съ общерусскимъ. Вотъ напр., вопросы, волновавшіе жителей небольшого мѣст. Хони, собравшихся совмѣстно съ сосѣдними сельчанами на митингъ 26 ноября. Обсуждалось политическое положеніе Россіи. Постановили: выразить порицаніе главѣ кабинета министровъ Витте, потребовать снятія военнаго положенія въ Польшѣ, послать привѣтъ Шмидту, его матросамъ и революціонерамъ солдатамъ. Впредь до осуществленія изложенныхъ выше требованій объ отмѣнѣ военнаго положенія не давать рекрутовъ и не платить податей и повинностей.

Такой же солидарностью и рѣшимостью характеризовались и всѣ постановленія народныхъ собраній въ губерніи, независимо отъ того, касались ли они злобы дня мѣстной или обще-русской. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ мое строго конституціонное управленіе губерніей не могло устранить революціонныхъ актовъ; оно лишь умѣряло эксцессы, свойственные борющимся вообще и пылкимъ, самонадѣяннмъ южанамъ въ особенности. Народъ сумѣлъ понять всю

¹⁾ Крестыанское движ. въ Кут. губ. „Былое,“ сентябрь и ноябрь 1906 г.

трудность моего положенія, окружалъ меня даже въ періодъ разгара политической борьбы неслыханными для губернаторовъ нашей родины заботами и почетомъ. Этотъ почетъ былъ зачтенъ мнѣ и ему въ вину, когда наступилъ періодъ явнаго правительственнаго террора. Точно также относились ко мнѣ и руководители политическихъ партій. Въ ноябрѣ партіи вышли изъ подполья. Въ Тифлисѣ и Кутаисѣ открыто функционировали политическіе клубы С.-Д. Р. П. и федералистовъ; мнѣ не рѣдко приходилось приглашать къ себѣ для урегулированія бурныхъ революціонныхъ потоковъ болѣе вліятельныхъ представителей организацій. А потоковъ такихъ было не мало! Въ концѣ ноября и въ декабрѣ я не располагалъ не только своими днями, но и ночами; а въ приѣмной дежурили всю ночь 2 чиновника особыхъ порученій.

Кутаисскія и батумскія событія конца ноября, вѣсти о массовыхъ арестахъ въ Петербургѣ, ар. Хрусталева-Носаря и др. не замедлили сказаться на настроеніи массъ въ губерніи. Они вызвали нѣсколько эксцессовъ и усилили темпъ революціоннаго движенія. Въ Лечхутскомъ и Рачинскомъ уѣздѣ появились «красносотенцы». Всѣ стражники были обезоружены и разбѣжались. Вскорѣ по военно-осетинской дорогѣ прекратилось движеніе, забастовали ямщики на почтовыхъ станціяхъ. Были случаи нападенія на проѣзжающихъ. Вozить деньги не рѣшался никто.

4 декабря на разсвѣтѣ въ м. Квирилахъ толпа окружила помѣщеніе стражниковъ полицейской стражи и полицейское управленіе и унесла 64 винтовки и 90 револьверовъ. Стражники не сопротивлялись. Покончивъ съ полиц. управленіемъ, революціонеры пытались напасть на казначейство, но были остановлены квирильскою соціалъ-демократической организаціей. Такъ какъ охранявшая квирильское казначейство казачья сотня ушла самовольно изъ мѣстечка наканунѣ этого событія, а полицейская стража, весьма не важная по составу и численности, была разоружена, то казначейство осталось безъ охраны. Ее приставили временно соціалъ-демократы.

Нѣсколько позже, когда изъ мѣс. Ново-Семаки войска ушли въ Батумъ, а изъ Цогери и Они въ Кутаисъ, участь Шорапанскаго полицейскаго правленія (Квирильскаго) постигла Ново-Селакское, Цагерское и Онійское. Казначейство въ Ново-Селакахъ уцѣлѣло только благодаря мѣстнымъ политическимъ организаціямъ. Необходимой воинской силы я уже не имѣлъ. Къ этому времени огромныя ранѣ войсковыя части, квартировавшія въ губерніи, растаяли почти совсѣмъ. Они пришли въ губернію на смѣну Куринскому и Потійскому полкамъ, мобилизованные для отправленія на Дальній Востокъ, въ полномъ боевомъ составѣ ¹⁾.

Въ первыхъ числахъ декабря послѣ роспуска сильно волновавшихся всюду запасныхъ нижнихъ чиновъ изъ 4.200 штыковъ въ полкахъ осталось лишь по 450—480. Роты въ составѣ 25—30 человекъ, обремененныя охраной складовъ ружей и патроновъ, а также живымъ и мертвымъ инвентаремъ, приобрѣтеннымъ для похода въ Манджурію, буквально не могли управляться даже съ ротнымъ хозяйствомъ. Положеніе полуротъ и ротъ, разбросанныхъ вначалѣ въ виду удобства

¹⁾ Бессарабскій полкъ, 2 баталіона Херсонскаго, нѣсколько батарей артиллеріи и лущечная рота.

расквартированія нахлынувшей массы войска и для несенія караульной службы по разнымъ мѣстечкамъ, стало не безопаснымъ. Во избѣжаніе возможныхъ нападений на такія слабосильныя роты и неизбѣжныхъ при этомъ кровопролитій онѣ были отозваны въ Кутаисъ. Впрочемъ въ первой половинѣ декабря 2 роты, квартировавшія въ Лечхутскомъ и Рачинскомъ уѣздахъ, ушли въ Кутаисъ не дождавшись распоряженій. Сотни Хоперскаго полка, выступленіе котораго изъ губерніи было назначено на 12 декабря, тоже были отозваны изъ Цагри, Лугдиди и Поти въ Кутаисъ.

Взамѣнъ части ушедшихъ солдатъ ожидались новобранцы, но они такъ и не прибыли до января. Для несенія гарнизонной службы въ Кутаисъ былъ присланъ батальонъ Кубанскаго полка неполнаго мирнаго состава. Бессарабцы и Кубанцы еле несли гарнизонную службу въ Кутаисъ изнывали отъ утомленія и оторвать отъ нихъ какую либо часть для караульной службы въ уѣздныхъ центрахъ по отзыву командующаго войсками въ губерніи и другихъ прочихъ военныхъ властей въ Кутаисѣ было совершенно невозможно.

Въ предѣлахъ губ. кромѣ Кутаиса къ 10 декабря оставались лишь—въ Озургетахъ—пластунскій батальонъ, котораго, несмотря на данное намѣстникомъ обѣщаніе, не могли никакъ увести оттуда въ Тквибули, для охраны каменноугольныхъ копей¹⁾—рота Бессар. полка въ Квирилахъ, Бѣлогорахъ и Цинѣ,—на жел. дорогѣ по одной ротѣ тенгинцевъ, присланныхъ и размѣщенныхъ безъ моего вѣдома наканунѣ второй всеобщей забастовки. Обѣ роты числились въ распоряженіи завѣдывающаго желѣзнодорожной охраной, но согласно моему предложенію командующимъ войсками въ губерніи на квирильскую роту была возложена также обязанность охраны казначейства

Кутаисъ, кромѣ военныхъ патрулей, ходившихъ только по ночамъ, охраняли 60 человекъ городской охраны, организованной горожанами взамѣнъ забастовавшихъ полицейскихъ.

Охранники не подчинялись формально полиціи но охотно и въ высшей степени толково исполняли указанія по поддержанію порядка и безопасности горожанъ. Отличительнымъ знакомъ ихъ была бѣлая повязка на лѣвой рукѣ съ крупными буквами К. Г. О.²⁾ и номеромъ.

Съ 16 ноября началась въ Кутаисѣ почтово-телеграфная забастовка, лишавшая насъ возможности сноситься съ остальнымъ міромъ, газеты изъ Тифлиса привозились кондукторскими бригадами; получались также и отдѣльные номера «Начала», доставлявшіеся тѣмъ-же путемъ изъ Петербурга, но переслать письмо было невозможно и импровизированная ген. Ширинкинымъ пересылка казенной корреспонденціи почтальонами съ жандармами закончилась на второй-же день нападениемъ на жандарма и отобраніемъ корреспонденціи. Но пока ходили поѣзда, все же оставалась возможность сношеній съ Тифлисомъ, черезъ посылаемыхъ туда лицъ. Въ ночь на 10 декабря прекратилась и эта возможность; вторая всеобщая политическая забастовка

¹⁾ По особому предл. Министра Внутр. Дѣлъ.

²⁾ Кутаисская Городская Охрана.

остановила движеніе. Привожу текстъ призывающей къ забастовкѣ телеграммы, доставленной мнѣ съ желѣзнодорожнаго телеграфа 9 декабря съ надписью: копія кутаисскому губернатору:

«Отъ Баку до Батума по всѣмъ вѣтвямъ. Начальникамъ станцій, депо, выборнымъ отъ служащихъ дороги, конференціи тифлискаго бюро социалдемократической организаціи рабочей партіи.

«Конференція делегатовъ отъ служащихъ закавказскихъ жел. дорогъ вслѣдствіе предложенія 29 дорогъ присоединиться къ объявленной ею всеобщей политической забастовкѣ, постановила примкнуть къ обще-россійской забастовкѣ съ 12 часовъ ночи на 10 декабря. Бюро конференціи проситъ товарищей телеграфистовъ остаться на станціяхъ для дежурства, только по одному телеграфисту, для пропуска поѣздовъ совмѣстно съ товарищами по движенію. Пропускать поѣзда только назначенные стачечнымъ бюро для организаціонныхъ сношеній.

«Всѣ поѣзда, застигнутые въ пути на малыхъ станціяхъ, должны доходить до сортировочныхъ станцій за исключеніемъ пассажирскихъ, которыхъ не выпускать изъ Тифлиса, а застигнутые на малыхъ станціяхъ, пропускать до Тифлиса, Баку и Батума. Подпись: Бюро Конференціи.

«Примѣчаніе. Къ этой забастовкѣ, какъ уже извѣстно, должны присоединиться и всѣ учрежденія конторы, за исключеніемъ торгующихъ съѣстными припасами и бакалейными товарами. Не будетъ также бастовать и трамвай въ Тифлисъ».

Забастовка въ учрежденіи и торгово-промышленныхъ предпріятій была отсрочена мѣстными организаціями на 2 дня и началась лишь 12 декабря. Къ ней присоединились многіе служащіе правительственныхъ учреждений и въ томъ числѣ низшіи судебный персоналъ, что вызвало отчаянные вопли высшихъ.

Съ 13 или 14 декабря городъ остался во тьмѣ; вслѣдствіе армяно-татарской рѣзни въ концѣ ноября жел. дороги на участкѣ между Тифлисомъ и Баку не работали и городскіе запасы керосина истощились вездѣ.

Ночная тьма какъ нельзя болѣе способствовала безнаказанности хищническихъ проявленій и они не замедлили проявиться. Снова посыпались жалобы на казаковъ.

Цѣлый рядъ произведенныхъ дознаній подтверждалъ ихъ виновность. Не вооруженные охранники не имѣли возможности задерживать вооруженныхъ винтовками казаковъ. Да и вступать въ перестрѣлку было нельзя; она несомнѣнно закончилась бы увѣреніемъ, что казаки подверглись злоумышленному нападенію и вызвала бы ужасный разгромъ. Произволъ со стороны хоперцовъ дошелъ до того, что 16, если не ошибаюсь, сотникъ Ларіоновъ съ казаками пріѣхали къ помѣщенію земской стражи и потребовали выдачи всего оружія, такъ какъ 27 ноября они по моему распоряженію выступали на защиту народа, а затѣмъ ходили въ патрули. Конечно, оружіе не было выдано, но стражники потребовали полной немедленной отставки и отказались отъ всякой службы.

Въ числѣ избитыхъ и ограбленныхъ были и чиновники, русскіе

и туземцы. Подъ вліяніемъ страха горожане предпочитали не выходить изъ домовъ и жизнь къ вечеру замирала, гробовая тишина на пустынныхъ не освѣщаемыхъ улицахъ производила удручающее впечатлѣніе. Стремленіе обезопасить себя отъ ограбленія и разгрома совпало съ революціоннымъ настроеніемъ массъ и въ городѣ стали все чаще появляться вооруженные «красносотенцы»—дружинники. Положеніе осложнялось но всѣ мѣры къ ускоренію выступленія казаковъ изъ губерніи были тщетны. Пришлось снова испробовать систему моральнаго воздѣйствія. Снова начались между мною и высшими военными властями переговоры. На моей сторонѣ былъ весь пѣхотный гарнизонъ на которомъ сказывалось вліяніе умнаго и честнаго командира бессарабцевъ полковника М. И. Шишкевича и это обстоятельство давало нѣкоторыя надежды на успѣхъ. Вопросъ о поведеніи казаковъ обсуждался на сколько мнѣ извѣстно въ общемъ собраніи того военного общества о которомъ я упомянулъ выше и вотъ 19 или 20 декабря я получилъ слѣдующую памятную записку.

Памятная записка. Г. Кутаискому губернатору.

1) 19 сего декабря я обращался къ гг. офицерамъ и нижнимъ чинамъ Хоперскаго полка съ объясненіемъ, что намъ надо избѣгать обостренныхъ отношеній съ горожанами Кутаиса. Они съ этимъ согласились и обѣщали не затрагивать жителей города и жить здѣсь спокойно.

2) Объ изложенномъ въ пунктѣ 1-мъ полкъ просилъ черезъ губернатора оповѣстить горожанъ. Въ свою очередь онъ проситъ распоряженія чтобы и горожане не задѣвали казаковъ.

3) Хоперцы просятъ распоряженія, чтобы въ городскихъ лавкахъ имъ продавалось все по тѣмъ же цѣнамъ, какъ и горожанамъ и не брали бы съ нихъ дороже.

4) Хоперцы просятъ распоряженій, чтобы въ полкъ не подбрасывались прокламаціи, такъ какъ онѣ раздражаютъ казаковъ.

5) Хоперцы просятъ распоряженій, чтобы керосинъ по приказанію городского управленія подвозился-бы въ полкъ, дабы изъ полка за нимъ не посылать въ лавку и тѣмъ избѣжать лишнихъ столкновеній ¹⁾.

6) Оружіе стражниковъ сдать на храненіе не имъ казакамъ, а бессарабцамъ.

7) Нѣкоторые изъ гг. офицеровъ и нижнихъ чиновъ Хоперскаго полка имѣютъ отъ населенія предупрежденіе, что будутъ убиты; поэтому Хоперцы просятъ предупредить населеніе, что всякое убійство ихъ сослуживца *вызоветъ кровавую расправу съ населеніемъ*, при чемъ, конечно, могутъ быть и безвинныя жертвы, разумѣется вслѣдствіе столкновенія.

Подпись: Ген.-Лейт. Шишковскій.

---

¹⁾ Вслѣдствіе того, что запасъ керосина былъ очень малъ, городская управа забрала его у торговцевъ и организовала отпускъ малыми количествами, соблюдая строго интересы всѣхъ. По моей просьбѣ воинскимъ частямъ отпускался керосинъ въ большомъ количествѣ нежели горожанамъ.

Нѣсколькими днями позже я получилъ копію постановленія офицерской организаціи, подписанную однимъ изъ старшихъ офицеровъ въ которой тоже фигурировалъ послѣдній изъ приведенныхъ выше пунктовъ, но въ другой редакціи онъ гласилъ, что въ случаѣ какого либо покушенія на жизнь офицера или нижняго чина гг. военные оставляють за собою право найти форму возмездія населенію, причемъ «*въ первую голову*» пойдуть руководители партій.

Кто терроризировалъ гг. офицеровъ и доставлялъ имъ ложные слухи? Думаю, что были добровольцы провокаторы, но ту-же роль игралъ и начальникъ жандармскаго управленія полковникъ Николаевъ. Его секретныя сообщенія были переполнены увѣреніями о готовящихся покушеніяхъ, изъ которыхъ не состоялось ни одно. Подъ вліяніемъ такихъ сообщеній напр., войска не явились на парадъ въ день объявленія манифеста 17 октября ¹⁾, а духовенство соглашалось начать службу лишь послѣ моего пріѣзда въ церковь. Мое присутствіе казалось гарантіей безопасности.

Въ сущности всѣ «точные свѣдѣнія» всевѣдующихъ жандармовъ не имѣли подъ собою никакой солидной почвы, всѣ онѣ были плодомъ досужей фантазіи или вѣрнѣе изобрѣтались съ опредѣленными цѣлями.

Партійныя организаціи въ декабрѣ рѣшительно высказывались противъ террористическихъ актовъ и всѣми силами стремились не обострять отношеній съ войсками. Всѣ желанія хоперцовъ исполнялись съ готовностью поступиться даже менѣе существенными интересами горожанъ, если это вызывалось необходимостью. Отношеніе горожанъ къ пѣхотнымъ частямъ и артиллеристамъ было наилучшее. Мною тоже принимались всѣ мѣры, чтобы предотвратить бѣдствіе и я утверждаю, что угрожающихъ симптомовъ со стороны населенія не было никакихъ.

Черезъ нѣсколько дней отъ начала забастовки городу угрожала опасность остаться безъ свѣстныхъ припасовъ. Необходимо было организовать подвозъ пшеничной муки, сахара, керосина и друг. производимыхъ въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ продуктовъ. Эту заботу мнѣ пришлось дѣлать съ представителями организацій. Не охраняемое войсками полотно дороги, въ декабрскую забастовку на участкѣ Кутаисъ-Поти, оставалось невредимымъ. Время отъ времени ходили делегатскіе поѣзда и подвозили нужное изъ Поти, если тамъ были запасы; но и этотъ способъ удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ города въ двадцатыхъ числахъ былъ пресѣченъ. Казаки испортили входную стрѣлку на ст. Кутаисъ и объявили, что будутъ громять делегатскіе поѣзда, они же разрушили на ст. «Ріонъ» телеграфный аппаратъ. Движеніе между ст. «Ріонъ» и Кутаисомъ прекратилось на долго.

Невозможныя условія, ненужныя осложненія въ борьбѣ съ которыми приходилось тратить всю энергію и время, и видимыя колебанія намѣстника въ осуществленіи обѣщанія вывести казаковъ изъ губерніи, побудили меня вторично просить объ отставкѣ. Официальное моти-

¹⁾ Парадъ состоялся, но въ полковой церкви курильцевъ.

вированное прошение пошло съ нарочнымъ, поѣхавшемъ въ делегатскомъ поѣздѣ около 20 декабря; по моей настойчивой просьбѣ этотъ поѣздъ былъ предоставленъ г.г. казначеямъ и адъютантамъ квартировавшихъ въ Кутаисѣ военныхъ частей, которыя должны были получить въ Тифлисѣ авансы на расходы по довольствію войскъ.

Поѣздъ прослѣдовалъ лишь нѣсколько станцій и, узнавъ, что ст. Тифлисъ объявлена на военномъ положеніи и занята войсками и что въ такомъ же положеніи вся дорога до границы Кутаисской губерніи— не рѣшился слѣдовать далѣе и вернулся обратно. ¹⁾

Всякая возможность сношенія съ Тифлисомъ съ этого момента была прервана и для меня.

Трудно вѣрится теперь, что цѣлый край могъ быть такъ отрѣзанъ отъ міра, какъ то было въ самомъ дѣлѣ! О московскихъ баррикадахъ мы узнали случайно изъ старыхъ газетъ, привезенныхъ 25 декабря торговцемъ евреемъ, пробравшимся черезъ Поти невѣдомыми способами изъ Одессы. До этого носились лишь смутные слухи, источникомъ которыхъ въ большой степени было предчувствіе чего то грознаго, большаго.

Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ въ двадцатыхъ числахъ декабря на нѣкоторыхъ станціяхъ жел. дороги начали группироваться революціонныя дружины.

Плохо вооруженныя и съ крайне малымъ запасомъ патроновъ они не представляли грозной силы, но призракъ «революціонной арміи» встревожилъ не на шутку и кутаисскія и тифлисскія военныя власти. По распоряженію ген. Шишковскаго темною ночью въ казарменный дворъ хоперцевъ были перевезены и поставлены орудія. Со стороны военно-осетинской дороги и вокзала былъ учрежденъ усиленный надзоръ. Возникалъ даже вопросъ о цѣлесообразности посланки отряда для преслѣдованія дружинниковъ, но въ виду малочисленности кутаисскаго гарнизона и нѣкоторыхъ другихъ соображеній былъ отклоненъ. Дружины группировались въ Самтреди, въ Квирилахъ и сел. Меквены (Лечхутск. уѣзда).

Всѣ напряженно ждали развязки; общее нервное, возбужденное состояніе отразилось и на спокойной доселѣ пѣхотной части кутаисскаго гарнизона. Около 20 декабря батальонъ кубанцевъ съ оружіемъ въ рукахъ обсуждалъ на митингѣ требованія, которыя намѣревался представить своему начальству.

Командиръ Бессарабскаго полка, пожелавшій прекратить митингъ, получилъ отъ одного изъ нижнихъ чиновъ рѣзкій отвѣтъ. Тогда бессарабцы, не принимавшіе участія въ митингѣ, но наблюдавшіе за происходившимъ со стороны, и обиженные обидой командира тоже взялись за оружіе. Инцидентъ не разыгрался только благодаря такту полк. Шишкевича. Кубанцы успокоились, извинились и ушли въ казарму.

Другимъ знаменіемъ времени, въ декабрѣ было стремленіе вкладчиковъ забрать изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ всѣ свои вклады и не иначе, какъ звонкою монетой. Въ половинѣ декабря возлѣ казна-

¹⁾ Это прошеніе было доставлено намѣстнику нѣсколько поздне.

чейства цѣлыми днями стояли ожидая очереди толпы горожанъ и сельчанъ. То же происходило и въ уѣздахъ. Забирали все—золото, серебро и даже мѣдь, ¹⁾ но не бумаги. Кредитные билеты или не принимались совсѣмъ, или шли за безцѣнокъ. Ихъ никто не соглашался мѣнять. Къ 16 декабря кутаиское казначейство уже не могло удовлетворять въ полной мѣрѣ требованія на размѣнную монету, но съ этого дня паника кончилась и вклады стали мало по малу притекать опять.

Но первымъ серьезнымъ актомъ драмы, прологъ которой я описалъ, было ночное нападеніе на взводъ солдатъ въ сел. Тквибули 28 декабря. Тквибульская рота состояла изъ 28 человекъ. Изъ нихъ 10 стояли на ст. Тквибули, въ вагонъ теплушкѣ, а 18 съ офицерами въ 3—4 верстахъ въ каменно-угольныхъ копяхъ, гдѣ компанія отвела имъ помѣщеніе.

Революціонеры дружинники подкрались къ станціи въ то время, когда смѣнившійся дневальный отошелъ за уголъ сосѣдняго зданія. Ему набросили на голову мѣшокъ и отобрали ружье, связали, кажется. Вслѣдъ за тѣмъ по вагону былъ данъ залпъ и брошена бомба, раздробившая переднюю часть вагона. 4 человекъ солдатъ выбыли изъ строя убитыми и тяжело ранеными. Остальные 5 вышли изъ вагона и открыли стрѣльбу по нападавшимъ. Сколько ихъ было неизвѣстно, но побѣда осталась за осажденными. Услышавъ выстрѣлы и узнавъ суть дѣла, часть роты, квартировавшая въ копяхъ пошла въ село, но нападавшіе скрылись безслѣдно.

И тквибульцы, очевидно не сочувствовали этому нападенію. Они торжественно похоронили убитыхъ въ церковной оградѣ и когда нѣсколько времени спустя полкъ пожелалъ перевезти тѣла въ Кутаискъ на военное кладбище, перенесли гроба черезъ случившійся заваль безъ всякихъ понужденій и платы.

Вѣсть о происшедшемъ въ Тквибули была получена въ Кутаискъ 29 утромъ.

Судьба остальныхъ людей роты оставалась неизвѣстной и внушала основательныя опасенія. На выручку имъ былъ наряженъ отрядъ подъ начальствомъ полковника Шишкевича изъ казаковъ и части пѣхотинцевъ, но казаки выступили ранѣе времени подъ начальствомъ сотника Некрасова. Въ пути Некрасовъ упалъ и сломалъ себѣ ногу; сотня вернулась съ дороги, что касается остальной части отряда, то она не выступала изъ города такъ какъ за 1/2 часа до назначеннаго срока узнала о благополучномъ прибытіи тквибульской роты въ казармы полка. Ночное нападеніе на тквибульскую роту вызвало вполне понятное раздраженіе въ войскахъ гарнизона и серьезныя негодованіе и опасенія въ горожанахъ. Всѣмъ припомнился пресловутый пунктъ постановленія г.г. офицеровъ, сулящій жестокою расправу, которой подвергнутся «въ первую голову» наиболѣе видные общественные дѣятели, а затѣмъ и все населеніе, но особенно боялись взрыва мести среди казаковъ.

¹⁾ Въ Они запоздавшій вкладчикъ поселанинъ увезъ свой вкладъ въ 2 мѣшкахъ, въ немъ были пятякошѣчныя, 3-хъ, 2-хъ коп. монеты.

Произведенное дознание установило, что нападавшие на солдатъ красносотенцы выѣхали изъ Кутаиса, въ окрестностяхъ котораго ихъ принялъ шедшій изъ города въ Тквибули паровозъ и вагонъ при такихъ условіяхъ осложненія казались неизбежными и изъ Кутаиса вновь потянулись вереницы увѣжающихъ. Паника достигла предѣла, когда полковникъ Шишкевичъ съ взводомъ солдатъ посѣтилъ квартиры нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей и видныхъ представителей партій и настойчиво пригласилъ ихъ принять участіе въ имѣющемъ быть въ тотъ же день засѣданіи старшихъ офицеровъ гарнизона. На это были приглашены также я и прокуроръ окружного суда Н. И. Толпыга.

Разумная, сдержанная тактика приглашенныхъ и предсѣдателя предотвратила возможное кровопролитіе. Представители партій заявили, что они и ихъ партіи не причастны къ содѣянному и выразили сожалѣніе по поводу инцидента. Было рѣшено снарядить поѣздъ въ Тквибули, привезти убитыхъ солдатъ и похоронить ихъ съ почестями, а въ пользу семействъ собрать пожертвованія. Но осложненіямъ очевидно не наступилъ конецъ. Вслѣдъ за печальнымъ инцидентомъ въ Тквибули красныя сотни напали на роты, Шенгинскаго полка, въ м. Квирилахъ и с. Бѣлогорск. Обѣ роты были достаточно сильны по (42—48 человекъ) занимали каменные зданія и казалось, не подвергались особенной опасности. Но послѣ тквибульскаго нападенія были основанія принять мѣры предосторожности и начальникъ гарнизона переслалъ командирамъ тайный приказъ соединившись въ м. Квирилахъ идти въ Кутаисъ. Я же поручилъ имъ забрать въ день выступленія и доставить въ Кутаисъ всѣ деньги и цѣнности изъ квирильскаго уѣзднаго казначейства.

Приказъ былъ переданъ, но красныя сотни, быть можетъ даже предупрежденныя кѣмъ либо, не замедлили использовать моментъ. 31 декабря рано утромъ Шишковскій писалъ мнѣ:

«Получилъ свѣдѣнія, что и на роту въ Квирилахъ было нападеніе и будто бы отобрано у нея 60 ружей! (?). Я этому, конечно, не могу вѣрить, но прошу Васъ какъ признаете возможнымъ выяснить это сколь возможно скорѣе». Въ тотъ же день я получилъ донесеніе о случившемся, присланное съ пѣшеходомъ нарочнымъ. Содержаніе его казалось еще менѣе вѣроятнымъ нежели то о чемъ сообщалъ ген. Шишковскій, но, увы, сомнѣнія быть не могло, размисты взяли въ плѣнъ 2 роты!

Утромъ 30-го декабря командиръ квартировавшей въ Квирилахъ роты (она помѣщалась на вокзалѣ, въ части зданія предназначеннаго для кондукторскихъ бригадъ) былъ приглашенъ къ телефону якобы для переговоровъ съ командиромъ бѣлогорской роты и плѣненъ въ телефонной комнатѣ; другому офицеру сообщили, что его вызываетъ офицеръ Бѣлогорской роты на ст. «Шорапань», отстоящую отъ Квириля на 4 версты. При ротѣ оставался лишь случайно задержанный забастовкой жел. дор. посторонній ей офицеръ.

Удаливъ такимъ образомъ двухъ офицеровъ, красносотенцы въ числѣ 2—3 сотъ человекъ, окружили казарму и потребовали выдачи

оружія и патроновъ. Послѣ весьма непродолжительной перестрѣлки (около $\frac{1}{2}$ часа) рота сдалась, потерявъ одного убитымъ.

Въ тотъ же день вышли изъ Бѣлогоръ въ Квирилы квартировавшая тамъ рота. Окруженная въ пути 2—3 десятками красносотенцевъ, она сдалась, потерявъ убитымъ ротнаго командира и 25 раненныхъ солдатъ.

Красносотенцамъ достались нѣсколько тысячъ боевыхъ патроновъ и около 120 ружей. Обѣ роты были отправлены ими въ м. Чіамури, гдѣ и содержались подъ охраной въ качествѣ плѣнныхъ.

Покончивъ съ ротами революціонеры отправились въ квирильское казначейство и конфисковали послѣ тщательнаго подсчета всѣ деньги; ихъ оказалось 220 т. рублей. Ихъ представители расписались въ книгахъ въ приемъ денегъ.

Какъ могло случиться, что относительно сильныя войсковыя части, изъ коихъ одна находилась въ каменной казармѣ, послѣ столь малыхъ потерь, попали въ плѣнъ выяснитъ только подробное разслѣдованіе на судѣ. Но возможность такого исхода казалась невѣроятной не только мнѣ и Шишковскому, но и всѣмъ офицерамъ и всему кутаисскому гарнизону.

Гарнизонъ недоумѣвалъ и волновался значительно менѣе, нежели можно было ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ, но все же воднобался. Въ военныхъ сферахъ возникъ вопросъ о посылкѣ въ Квирилы казаковъ; но въ состоявшемся совѣщаніи большинство высказалось противъ, находя не желательнымъ ослаблять и безъ того слабый гарнизонъ или подвергать опасности малочисленный посылаемый отрядъ. Красныя сотни поджидали его конечно и ихъ посты были поставлены повсюду въ скрытыхъ мѣстахъ. Сами они сгруппировались на пространствѣ между м. Квирилы и ст. Ріонъ и готовились къ бою.

Я протестовалъ противъ всякихъ военныхъ дѣйствій и былъ увѣренъ, что улажу инцидентъ безъ кровопролитія, но ни мои доводы, ни доводы большинства военныхъ, приглашенныхъ мною для совѣстной разработки мѣръ, вызываемыхъ событіями, не подѣйствовали въ достаточной мѣрѣ. Ночью 2-го января изъ Кутаиса вышла безъ моего вѣдома, въ Квирилы сотня казаковъ подъ начальствомъ сотника Ларіонова. Пройдя часть пути, она остановилась на отдыхъ возлѣ духана¹⁾. Тамъ Ларіоновъ отобралъ отъ одного изъ посѣтителей крестьянъ ружье дробовикъ и, желая сломать его, ударилъ прикладомъ объ полъ. Раздался выстрѣлъ и Ларіоновъ получилъ рану въ животъ. Сотня вернулась въ Кутаисъ на разсвѣтѣ и привезла раненнаго командира и плѣнныхъ. По пути ея слѣдованія утромъ оказались убитые...

1-го или 2-го января до насъ дошли слухи о новомъ существенномъ улучшеніи избирательнаго закона и другихъ важныхъ измѣненіяхъ въ конституціи. Въ либеральной части общества вновь промелькнулъ лучъ надежды. Меня поздравляли съ успѣшнымъ окончаніемъ трудной кампаніи безъ кровопролитія, тюремъ и насилій.

¹⁾ Духаномъ въ Имеретіи называется мелочная лавка, при которой имѣется нѣчто въ родѣ закуской и вино.

Съ января къ намъ стали чаще проникать газеты. Мы узнали объ усмиреніи московскаго и другихъ возстаній и революціонная волна пошла на убыль. По настоянію партій и вслѣдствіе общаго переутомленія борьбой, дружины таяли изо дня въ день. Среди горожанъ возникла мысль о необходимости организаціи полиціи, подчиненной власти. Борьба съ нарушителями порядка—насильниками, хулиганами и пр. началась по всему фронту. Но чья-то невидимая рука не унималась, не прекращала сѣять смуту. Наиболѣе удобной почвой по прежнему были казаки и ихъ-то терроризировали и настраивали противъ народа разные негодяи. Вотъ выдержка изъ письма ко мнѣ командира Хоперскаго полка 1-го января 1906 года: „Сегодня мнѣ доложили, что злоумышленники собираются бросить бомбы въ лошадей и казаконъ, когда они будутъ наповать (поить) у тупика, гдѣ заводъ Логидзе»... Казаки вѣрили и озлоблялись. Въ ночь на 5-е января погромъ въ городѣ не произошелъ лишь потому, что комаидиръ полка принялъ во-время энергичныя мѣры. По его просьбѣ 5-го утромъ я посѣтилъ казарму и долго говорилъ съ людьми. Темой послужилъ намъ манифестъ 17 октября и судя по вопросамъ, которые къ концу бесѣды сыпались со всѣхъ сторонъ, казаки-хоперцы знали о немъ только по наслышкѣ. Но сколько ненависти къ инородцамъ и злобы имъ было внушено! Какая отчужденность отъ жизни сказывалась въ каждомъ вопросѣ! Главной просьбой казаконъ была просьба приказать почтово-телеграфнымъ чиновникамъ выдать ихъ письма, а революціонерамъ—сдать оружіе... «Вы все можете сдѣлать» наивно утверждали они, ссылаясь на отношеніе ко мнѣ горожанъ въ дни баррикады»...

Отъ казаконъ я поѣхалъ на собраніе почтово-телеграфныхъ служащихъ. Они постановили приступить къ занятіямъ въ тотъ же день. 7-го была снята забастовка и съ желѣзной дороги. Движеніе, однако, предполагалось открыть лишь 8 или 9-го, такъ какъ требовалось время, чтобы оповѣстить объ этомъ персоналъ служащихъ, изъ коихъ многіе во время забастовки жили въ деревняхъ.

Оставалась наиболѣе трудная задача: освободить безъ кровопролитія плѣнныхъ тенгинцевъ, уговорить дружинниковъ возвратить оружіе и экспропрированную наличность квирильскаго казначейства и разойтись по домамъ.

Надежду на успѣхъ подавала общая перемѣна въ настроеніи народа, отрицательное отношеніе къ совершившимся выступленіямъ наиболѣе вліятельной партіи социаль-демократонъ меньшевиковъ и, наконецъ, личное мое вліяніе. 6 января, частью пѣшкомъ, частью на вагонеткѣ, я добрался до ст. Ріонъ. Паровозъ не могъ пойти вслѣдствіе неувѣренности, что путь не разобранъ мѣстами и глубокаго снѣга, покрывавшаго рельсы. Въ Ріонѣ не оказалось паровоза, пришлось ждать, пока его пришлютъ съ одной изъ большихъ станцій. Только ночью мнѣ удалось наконецъ достигнуть цѣли путешествія и отыскать вліятельныхъ лицъ, съ которыми можно было бы вступить въ переговоры.

Главный штабъ революціонныхъ дружинъ оказался на ст. Аджаметы Тамъ же и на ст. Квирилы стояли переполненные дружинни-

ками вагоны. Среди нихъ было много женщинъ съ краснымъ крестомъ на рукѣ, фельдшеровъ, братьевъ милосердія, а также лицъ, знакомыхъ мнѣ по прежней агрономической дѣятельности, солидныхъ зажиточныхъ хозяевъ-крестьянъ. Были и сомнительные персонажи, пользовавшіеся репутацией отчаянныхъ башибузуковъ. Со мною не было никого изъ охраны и дружинники оказали мнѣ полное довѣріе.

Въ результатѣ продолжительныхъ переговоровъ, законченныхъ лишь на слѣдующій день въ м. Квирилы, мнѣ было обѣщано разойтись по домамъ, возвратитъ деньги и тотчасъ же снарядитъ поѣздъ за плѣнными; за ними при мнѣ еще поѣхалъ помощникъ шорапанскаго уѣзднаго начальника. Въ тотъ же день, однако, мы узнали, что въ губернію идутъ изъ Тифлиса войска, что по ту сторону границы, въ Горійскомъ уѣздѣ горятъ села и что между красносотенцами и казаками, высланными на рекогносцировку границы, произошло столкновение. Мои надежды на мирное разрѣшеніе кризиса поколебались.

Посланный въ Кут. губ. отрядъ долженъ былъ встрѣтитъ въ тоннели, на границѣ, препятствіе для дальнѣйшаго движенія; тамъ былъ поставленъ на рельсахъ испорченный паровозъ. Вслѣдствіе нежеланія подавать войскамъ новаго повода къ неудовольствію, имъ высланъ былъ поѣздъ на ст. Молоти. Далѣе ѣхать было нельзя, вслѣдствіе ничтожнаго поврежденія маленькаго моста.

Но вернемся нѣсколько назадъ и прослѣдимъ за дѣйствіями отряда. Одновременно съ квирильской и бѣлогорской ротой, на ст. Цина подвергся нападенію казачій разъѣздъ. Дружинники потеряли въ стычкѣ 9 убитыхъ и 5 раненныхъ, но удержались на занятыхъ позиціяхъ. Обозленные этой стычкой войска, въ ночь подъ новый годъ, сожгли и разграбили въ м. Михайлово нѣсколько десятковъ большихъ магазиновъ и духановъ.

Когда дружинники по состоявшемуся рѣшенію оставили позиціи, а отрядъ получилъ приказъ двинуться въ Кутаисъ, онъ, переваливъ пѣшкомъ черезъ Сурамскій перевалъ, прибылъ на ст. Молиты и разстрѣлялъ тамъ двухъ человекъ, убѣгавшихъ въ горы при ихъ приближеніи. Въ Молиты ждалъ поѣздъ и войска двигались далѣе безпрепятственно.

Привожу приказъ, служившій напутствіемъ Алиханову-Аварскому и его отряду при «водвореніи спокойствія» въ Кут. губ. Онъ облегчитъ пониманіе многихъ позднѣйшихъ событій.

Приказъ по кавказскому военному округу. № 7. 5-го января 1903 г. Въ гор. Тифлисѣ.

Несмотря на снятое мною, съ доклада губернатора надвор. сов. *Старосельскаю*, военное положеніе въ кутаиской губерніи,—положеніе дѣлъ въ этой губерніи не только не улучшилось, но начинаетъ принимать мятежный характеръ.

Правительственные чиновники устранены, земская стража обезоружена и замѣнена своею милиціею, желѣзнодорожное сообщеніе не только прекращено, но на нѣвѣстныхъ участкахъ путь совершенно разобранъ; всѣ станціи заняты вооруженными отрядами мятежниковъ, которые осматриваютъ, отбиваютъ оружіе, пакеты, обезоруживаютъ жандармовъ, офицеровъ не пропускаютъ вовсе,—

наконецъ, банды мятежниковъ, занявъ Сурамскій переваль, поставили себѣ задачей преградить всякій доступъ изъ тифлисской въ кутаисскую губернію, причѣмъ самый тоннель былъ ими загражденъ впускомъ въ него паровоза.

Но этого мало,—отрядъ посланный мною для освобожденія роты Тенгинцевъ занимавшей станцію Ципа, при выполненіи своей задачи, имѣлъ перестрѣлку съ мятежниками, въ которой три казака убито, одинъ раненъ и убито четыре и ранено три казачьихъ лошади.

Наконецъ получено донесеніе, что командиръ Тенгинцевъ, шедшій, изъ Бѣлогоръ въ Квирилы, убитъ, нижніе чины обезоружены, въ Квирилахъ—захвачено казначейство, рота Тенгинцевъ обезоружена, причѣмъ одинъ рядовой убитъ, трое ранено.

Такое положеніе дѣлъ въ кутаисской губерніи недопустимо и вынудило меня, съ цѣлью воцаренія въ ней законности и порядка, принять безотлагательно и при томъ самыя рѣшительныя мѣры.

Отозвавъ изъ кутаисской губерніи надворн. совѣтника Старосельскаго, я объявилъ эту губернію на военномъ положеніи и назначилъ ея временнымъ генералъ-губернаторомъ генералъ-майора *Алиханова-Аварскаго*, съ подчиненіемъ ему всѣхъ войскъ, въ районѣ губерніи расположенныхъ. Выѣсть съ тѣмъ, въ предѣлы названной губерніи мною направлены: изъ Тифлиса отрядъ полковника *Гаврилова* въ составѣ: шести батальоновъ, роты саперъ, сотни пластуновъ, 4-хъ орудій, 4-хъ пулеметовъ и трехъ сотенъ казаковъ, а со стороны Батума, черезъ Озургеты на ст. Самтреди отрядъ полковника *Крылова* въ составѣ: пластунскаго батальона, двухъ батальоновъ херсонцевъ, взвода скорострѣльныхъ орудій и полусотни казаковъ.

Предоставивъ генералу *Алиханову* полную самостоятельность въ предстоящихъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ, я въ то же время далъ ему слѣдующія указанія:

1) Во всей губерніи правительственная власть, въ лицѣ ея представителей должна быть немедленно же возстановлена. Правительственныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ должны начать правильно функціонировать.

2) *Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ* относительно уничтоженія революціонныхъ организацій, ареста всѣхъ видовъ стачечныхъ и другихъ комитетовъ и въ кутаисской губерніи долженъ быть выполненъ въ полной его мѣрѣ, *не останавливаясь ни передъ какими суровыми мѣрами.*

3) Вооруженные отряды мѣстной милиціи не только въ городахъ, но и въ предѣлахъ кутаисской губерніи вообще должны быть *уничтожены такъ, чтобы самая мысль о возрожденіи ихъ уже болѣе не поднималась.*

4) При малѣйшей попыткѣ къ возстанію, къ вооруженному сопротивленію, равно въ случаяхъ метанія бомбъ или употребленія жителями противъ войскъ оружія, дѣйствовать безпощадно, имѣя въ виду телеграмму начальника главнаго штаба отъ 26 минувшаго декабря за № 9965 слѣдующаго содержанія:

„Государь Императоръ Высочайше указать соизволилъ, что на выстрѣлы войска обязаны отвѣчать выстрѣлами-же и сокрушать малѣйшее попятное вооруженнаго сопротивленія“.

Подписаль: главнокомандующій войсками округа, генералъ-адъютантъ графъ *Воронцовъ-Дашковъ.*

Войска горѣли нетерпѣніемъ исполнить приказъ. Первымъ по-

страдало м. Бѣлогоры. Полсотни домишекъ и лавокъ этого мѣстечка была превращена въ груды тлѣющихъ развалинъ. Къ счастью жители успѣли во время бѣжать. Затѣмъ отряды проѣхали дальше—въ м. Шорапань, гдѣ къ нимъ присоединились 2 роты освобожденныхъ изъ плѣна тенгинцевъ. Здѣсь было сожжено только 5 или 6 духановъ, но слѣдующее мѣстечко—Квирилы съ его многочисленными лавками было выжжено до тла. Послѣдовательно проходившими эшалонами было сожжено до 200 зданій. На слѣдующей ст. Свири были сожжены всѣ 10—12 частныхъ построекъ и разстрѣлянъ дежурный по станціи Жгенти. На ст. Аджаметы отрядъ встрѣтился съ делегатскимъ поѣздомъ и разстрѣлялъ 9 ѣхавшихъ въ немъ человекъ. На ст. Ріонъ былъ разгромленъ фруктовый кіоскъ и сожженъ духанъ.

Революціонеровъ показывали отряду разоруженные тенгинцы; они же подогрѣвали въ немъ человеконенавистничество своими вымышленными рассказами. Въ ночь съ 8 го на 9-ое кутаисцы ожидали погрома, но онъ начался только 9-го.

Къ несчастью города, отрядъ подошелъ къ Кутаису именно 9-го, когда въ память годовщины петербургскаго «усмирения» была объявлена однодневная забастовка. Около 9 часовъ утра хоперцы, всѣмъ полкомъ, съ командиромъ во главѣ, съ музыкой и пѣніемъ выѣхали изъ казармы и демонстративно объѣхали весь городъ. Возлѣ городского сада командиръ полка позвалъ околоточнаго надзирателя и поручилъ ему передать полиціймейстеру, что казаки силой откроютъ магазины, если ихъ не откроютъ тотчасъ владѣльцы. Къ 11—12 часамъ въ городъ прибыли пластуны, тенгинцы и, кажется, эриванцы съ провизіей для отряда, стоявшаго въ Ріонѣ и готовились уже приступить къ осуществленію угрозы, но были удержаны ген. Шишковскимъ и полк. Шишкевичемъ.

Къ 3-мъ часамъ по моему настоянію лавки открылись. Прибывшія войсковыя части уѣхали въ Ріонъ и въ городѣ установилась обычная жизнь.

Стемнѣло. Горожане заперлись въ домахъ, въ ожиданіи новыхъ тревоженій. Я кончалъ обѣдъ, когда мнѣ доложили о приходѣ офицеровъ по спѣшному дѣлу. Вслѣдъ за этимъ двѣ фигуры вошли въ столовую. Лица были незнакомыя. Одинъ изъ пришедшихъ капитанъ въ формѣ сапера заявилъ, что онъ присланъ съ отрядомъ возстановить желѣзнодорожный путь и телеграфы, другой юный капитанъ въ гвардейской формѣ, съ 2-мя георгіевскими крестами, отрекомендовался адъютантомъ Алиханова, Авсеенко.

На вопросъ чѣмъ вызвано ихъ посѣщеніе въ столь неурочное время отвѣтилъ первымъ адъютантъ. Онъ и его товарищъ уполномочены отрядомъ сообщить мнѣ, что отряды негодуютъ на мой образъ дѣйствій въ Кут. губ. Онъ требуетъ, чтобы мною былъ составленъ и выданъ офицерамъ полный списокъ крамольниковъ въ Кутаисѣ изъ числа которыхъ имъ извѣстно 144. Если же эти 144 и другіе не будутъ задержаны и выданы отряду для разстрѣла, то меня постигнетъ печальная судьба, а изъ числа горожанъ разстрѣлу подвергнутся не 144, а 1144. Саперъ поддержалъ требованіе. Онъ сообщилъ, что на телеграфѣ имъ найдено много компрометирующихъ телеграммъ, что

всѣ нити политическаго заговора извѣстны какъ ему, такъ и всему отряду, который идетъ, пылая гнѣвомъ учинить расправу. Съ отвратительнымъ цинизмомъ Авсеенко разсказалъ тутъ же, какъ онъ разстрѣливалъ начальниковъ станцій и др. крамольниковъ на Московско-Рязанской дорогѣ и получалъ за это награды, какъ полковники Гавриловъ и Крыловъ—начальники двухъ колонъ отряда будутъ выжигать всѣ села и жилища, расположенныя въ пятиверстной полосѣ вдоль линіи желѣзной дороги... Я предложилъ моимъ посѣтителемъ выйти.

Въ тотъ же вечеръ мною была сдѣлана послѣдняя попытка отстоять населеніе. Въ обстоятельной телеграммѣ я сообщилъ намѣстнику событія первыхъ дней и содержаніе разсказовъ офицеровъ...

Въ 11 часовъ ночи вспыхнулъ пожаръ: горѣлъ домъ на правой сторонѣ р. Ріона. Но вскорѣ пожаръ прекратился и городъ уснулъ.

Въ часъ меня разбудилъ дежурный чиновникъ. Я взглянулъ въ окно, было свѣтло. Весь городъ освѣщался краснымъ заревомъ пожара. Въ центрѣ его горѣла одна изъ наибольшихъ построекъ—домъ Гвелесіани, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщалась губ. типографія и магазины, а въ верхнемъ—губернское правленіе и самъ домохозяйинъ.

Изъ магазиновъ съ выломанными дверями раздавались частые выстрѣлы и одна изъ шальныхъ 3-хъ линейныхъ пуль уложила смѣльчака, пытавшагося проникнуть къ пылавшему зданію. Черезъ нѣсколько времени появился Бессарабскій полкъ, стрѣльба прекратилась; народъ и пожарная команда подъ наблюденіемъ вице-губернатора Кишнидзе приступили къ локализациі пожара. Сгорѣло 19 лучшихъ магазиновъ, на сумму около $\frac{1}{2}$ милліона. На утро судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ, былъ врученъ вещественныя доказательства оставленныя на мѣстѣ пожара—фуражки, сломанные клинки кинжаловъ златоустовск. заводовъ и пр. Нашлись ли виновники не знаю, но общественное мнѣніе усердно называло тенгинцевъ и казаковъ.

Двигаясь къ Кутаису, колона Гаврилова выдѣляла части для похода въ сторону отъ главной линіи ж. д. Одна часть его отправилась въ м. Чіатуры и Сочхари, другая—на сел. Богдади и Обчу. Всѣ четыре пункта также подверглись разстрѣлу, причемъ въ Чіатурахъ было сожжено около 22 магазиновъ, въ Сочхари—до 20, въ Богдади—весь торговый рядъ. То же произошло и въ Обчи, то же, безъ различія, продѣлывала и колона Крылова на западной границѣ губерніи

Капитанъ Авсеенко, какъ оказалось впоследствии, самозванецъ изъ «патріотовъ» ¹⁾ 9 и 10 января оставался въ Кутаисѣ и пировалъ съ военными тузами. Его апломбъ производилъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Въ отрядѣ онъ несомнѣнно располагалъ силой: онъ распоряжался пластунами и по слухамъ руководилъ усмиреніемъ Обчи и Богдади. Въ казармахъ хоперскаго полка и въ помѣщеніи роты тенгинцевъ

¹⁾ Вскорѣ выяснилось, что капитанъ Авсеенко, въ дѣйствительности прапорщикъ запаса Кошукъ былъ самозванцемъ. По распоряженію Алханова его арестовали въ Кутаисѣ, но онъ успѣлъ бѣжать, былъ вторично арестованъ въ Потіи и отправленъ въ Тифлисъ. Тамъ его помѣстили въ госпиталь откуда онъ бѣжалъ въ третій разъ.

онъ распорядился, какъ дома. 10-го между нимъ и начальникомъ жандармскаго упр. полковникомъ Николаевымъ, казаками и тенгинцами происходило совѣщаніе. Въ результатѣ этого совѣщанія въ половинѣ дня занимаемый мною домъ былъ окруженъ тенгинцами и вооруженными казаками, пришедшими вмѣстѣ съ офицерами.

Я вышелъ выслушать ихъ требованія: они сводились къ немедленной выдачѣ тенгинцамъ оружія.

Кто-то изъ горожанъ далъ знать объ осадѣ губернаторскаго дома ген. Шишковскому; тотъ пріѣхалъ и приказалъ войскамъ идти въ казарму, но тѣ послушались. Только пріѣздъ лжекапитана и его распоряженіе избавили меня отъ угрожающей опасности.

Въ тотъ-же день я получилъ телеграмму Алиханова, увѣдомляющую меня объ объявленіи въ губ. военнаго положенія, и предложеніе пріѣхать съ вице-губернаторомъ въ Квирилы.

Желѣзная дорога была въ рукахъ военныхъ. Я потребовалъ поѣздъ, но явившійся «капитанъ» предупредилъ мои распоряженія. Онъ вошелъ ко мнѣ безъ доклада и объявилъ меня и вице-губернатора Книшидзе своими плѣнниками.

Мы отправились подъ его охраной. Въ нашемъ вагонѣ помѣстился лжекапитанъ, жандармскій подполковникъ и нѣсколько жандармовъ охранявшихъ выходы. На ст. Ріонъ Авсеенко сталъ завѣшивая окно моего купѣ буркою: онъ объяснилъ что разъяренные, пьяные пластуны въ данный моментъ избиваютъ нѣсколькихъ задержанныхъ въ Ріонѣ кутаисцевъ, желавшихъ уйти отъ войскъ, что пластуны убьютъ и меня, если узнаютъ о моемъ пріѣздѣ... мы простояли въ ожиданіи болѣе получаса и благополучно поѣхали далѣе.

Въ дорогѣ Авсеенко сообщилъ, что въ Квирилахъ меня и Книшидзе ждетъ военно-полевой судъ...

Мы пріѣхали поздно. Алихановъ прислалъ сказать, что приметъ насъ на слѣдующій день утромъ.

Въ назначенный часъ его адъютантъ ввелъ насъ, меня и Книшидзе въ залъ перваго класса, гдѣ прихода генерала ожидали всѣ офицеры отряда. Послѣ общаго привѣтствія генералъ важно и торжественно прочелъ приказъ войскамъ, напоминающій имъ, что они пришли умиротворить край и слѣдовательно должны воздерживаться отъ излишней жестокости. Чтеніе приказа въ моемъ присутствіи по видимому было косвеннымъ отвѣтомъ на мою телеграмму гр. Воронцову.

По окончаніи чтенія, Алихановъ объявилъ намъ, мнѣ и Книшидзе, что мы устранены имъ отъ должностей и должны немедленно слѣдовать въ Тифлисъ, но такъ какъ въ пути намъ угрожаетъ смертельною опасностью гнѣвъ народа и войскъ, то онъ даетъ намъ сильную охрану...

Черезъ нѣсколько минутъ онъ же прислалъ мнѣ въ вагонъ собственноручное письмо графа Воронцова-Дашкова, которое воспроизвожу буква въ букву:

НАМѢСТНИКЪ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

НА Кавказѣ.

8 Января 1906 г.

№ 299.

гор. Тифлисъ.

Его Пр—ву В. А. Старосельскому.

Милостивый Государь,
Владиміръ Александровичъ.

Съ полученіемъ сего прошу Ваше Превосходительство, сдать Губернію Вице-Губернатору или лицу, — по выбору временнаго Генераль-Губернатора, отбыть въ г. Тифлисъ.

Примите увѣреніе въ моемъ уваженіи и преданности.

Подпись.

Въ чьихъ же рукахъ была власть? Кто управлялъ страной? Конечно не графъ.

Мой отъѣздъ изъ Квириль состоялся лишь черезъ два или три часа послѣ свиданія съ Алихановымъ. Онъ замедлился вслѣдствіе возникшей у кого-то идеи отправить въ моемъ поѣздѣ убитаго и похороненнаго на квирильскомъ кладбищѣ солдата тенгинца.

Въ качествѣ плѣнника я не имѣлъ права показываться на вокзалахъ, говорить съ посторонними и писать письма. Отъ Квириль меня сопровождалъ жандармскій офицеръ, командированный для этого кажется изъ Керчи. Въ Тифлисъ съ момента приѣзда и до выѣзда въ Петербургъ я жилъ въ гостиницѣ подъ сильной охраной, не имѣя возможности выяснить моего положенія ¹⁾. Завѣдывавшій охраной полицій-мейстеръ Мартыновъ увѣрялъ, что охрана имѣетъ цѣлью только предотвратить отъ меня опасность, угрожающую со стороны военныхъ. Власть надъ краемъ находилась всецѣло въ ихъ рукахъ.

Быть можетъ онъ былъ правъ, но объ этомъ до другого раза.

Такъ окончились дни иллюзорныхъ свободъ въ Кутаисской губерніи.

Вл. Старосельскій.

---

¹⁾ Меня охраняли скрывавшіеся въ сосѣднемъ номерѣ 4 переодѣтые агента полиціи. 2 околадочныхъ надзирателя и 2 или 3 городовыхъ, дежурившихъ въ корридорѣ и передней гостиницы.

Историческая библиографія.

П. Кропоткинъ. Т. V. Идеалы и дѣятельность въ русской литературѣ. Съ англійскаго. Переводъ В. Батуринаго, подъ редакціей автора. Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ, пересмотрѣнное и дополненное имъ. Изд. товарищества „Знаніе“. С.-Петербургъ. 1907.

Приступая къ чтенію появившейся на дняхъ въ русскомъ переводѣ работы великаго анархиста по исторіи русской литературы, необходимо прежде всего памятовать о томъ кругѣ читателей, для котораго она предназначалась и о тѣхъ условіяхъ, которые вызвали ея появленіе на англійскомъ языкѣ. Въ мартѣ 1901 года П. А. Кропоткинъ прочелъ въ Бостонѣ рядъ лекцій по исторіи русской литературы въ XIX столѣтіи, которые и были положены въ основаніе вышеупомянутой работы, вызванной настоятельной потребностью англійской и американской читающей публики въ какомъ либо популярномъ курсѣ по исторіи нашей литературы. Дѣло въ томъ, что и въ Англіи и въ Америкѣ существуетъ несомнѣнный и все растущій интересъ къ ней. Образованные американцы и англичане знакомы не только по наслышкѣ съ корифеями нашей литературы, Тургеневымъ, Толстымъ и Достоевскимъ; изъ новѣйшихъ писателей имъ извѣстны Горькій, Мережковский и въ послѣднее время Чеховъ. Всѣ вышеуказанные писатели появились въ довольно сносныхъ переводахъ (а Тургеневъ даже въ очень художественномъ переводѣ г-жи Гарнеттъ). Немудрено, что читающая публика этихъ странъ нуждалась въ популярномъ курсѣ русской литературы, особенно новаго ея періода. Предпримчивый англійскій издатель Гейнemannъ включилъ въ издаваемую имъ серію „Исторія всемірной литературы“ и томъ, посвященный нашей литературѣ, но къ сожалѣнію, поручилъ составленіе его г. Валишевскому. Этотъ спеціалистъ по амурнымъ дѣламъ російскихъ царицъ и царей выполнилъ порученную ему работу самымъ недобросовѣстнымъ образомъ: не говоря уже о томъ, что онъ допустилъ рядъ самыхъ грубыхъ промаховъ (напр. смѣшавъ В. Л. Пушкина съ А. С. Пушкинымъ и пр.), но вся его книга („History of Russian Literature“ of Waliszewski, published by W. Heinemann, London. 1902) была преисполнена злобнымъ желаніемъ развѣчать великихъ русскихъ писателей, которые въ его толкованіяхъ являлись лишь жалкими „подражателями“ западно-европейскимъ образцамъ. Тургеневъ напр. оказался подражателемъ Ауэрбаха и Жоржъ-Зандъ. Даже такой глубокосвоеобразный талантъ, какъ Достоевскій былъ подражателемъ „французскихъ бульварныхъ романистовъ“. Островскій оказался подражателемъ второстепенныхъ итальянскихъ драматурговъ Гаккони и Гольдони, Гоголь — Диккенса и т. д. Пушкинъ былъ облитъ помоями („картежникъ и пьяница“). Книга Валишевскаго получила широкое распространеніе; многіе читатели думали, что книга написана русскимъ, не подозревая, что ея авторъ — полякъ съелъ удобнымъ сводить счеты съ русскимъ правительствомъ путемъ

нападокъ на русскую литературу, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, вовсе не повинной въ его патриотической скорби.

Правда, въ Лондонѣ существовало и, кажется, до сихъ поръ существуетъ „Англо-Русское Литературное Общество“ (Anglo-Russian Literary Society); но дѣятельность этого общества имѣла такой своеобразный букетъ, что вызывало чувство отвращенія у всякаго, знакомаго съ русской литературой и положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Достаточно сказать, что однимъ изъ вдохновителей общества являлась пресловутая г-жа Новикова, восхвалявшая г. Побѣдоносцева, а въ качествѣ лекторовъ выступали люди специально откомандированные посольствомъ, а иногда и сыскнымъ отдѣленіемъ. На этихъ курьезныхъ лекціяхъ восхвалялась дѣятельность московскаго митрополита Филарета („неканонизированный русскій святой“, какъ выразился о немъ посольскій лекторъ), теоріи московскаго славянофильства съ умолчаніемъ о ихъ демократической сторонѣ и съ подчеркиваніемъ реакціонной, пѣлись гимны Александру III и т. д. Англичане, съ своей стороны, распространялись на тему о „могуществахъ“ Россіи, намекая въ прозрачной формѣ, что если бы русскіе „патріоты“ соединились съ англійскими джингоистами, то двѣ могущественныя державы могли бы слопать цѣлый міръ, и что имъ, дескать, въ сущности не изъ-за чего ссориться, ибо онѣ могутъ подѣлить міровой пирога самымъ дружескимъ образомъ.

При вышеуказанномъ трактованіи русской литературы появленіе книги П. А. Кропоткина было прямою необходимостью. Надо было ознакомить англійскую и американскую читающую публику съ подлиннымъ обликомъ нашей многострадальной литературы, цѣлое столѣтіе отражавшей лучшія стремленія и идеалы русскаго народа. И П. А. Кропоткинъ блестяще выполнялъ эту довольно трудную задачу. Его книга проникнута горячей любовью и уваженіемъ къ русской литературѣ, на первый планъ выдвинуты ея прогрессивныя стремленія и ея колоссальная заслуга въ дѣлѣ борьбы съ правительственнымъ деспотизмомъ.

Для русскихъ читателей значеніе книги П. А. Кропоткина, конечно, гораздо уже, но все же и для нихъ, по крайней мѣрѣ для известной ихъ части она далеко не бесполезна. Не говоря уже о томъ, что всякому изучающему анархизмъ въ лицѣ крупнѣйшаго и талантливѣйшаго его представителя, не бесполезно будетъ ознакомиться со взглядами П. А. Кропоткина на литературную дѣятельность Л. Толстого, Тургенева, Достоевскаго, Горькаго, Чехова и т. д., вышеуказанный трудъ будетъ чрезвычайно полезенъ для начинающихъ читателей, для рабочихъ кружковъ, самообразованія. Такимъ начинающимъ читателямъ теперь приходится обращаться или къ увѣсистымъ работамъ Галахова, Порфирьева, Пыпина или же къ требующимъ уже нѣкоторой подготовки работамъ Андреевича, Иванова-Разумника, Овсяннико-Куликовскаго. Единственной популярной работой въ этой области (если не считать бездарной и претенціозной компіляціи Энгельгардта) является известная книга г. Скабичевскаго. Но по сжатости изложенія и строгой послѣдовательности въ проведеніи поставленной себѣ авторомъ задачи мы рекомендовали бы для вышеуказанной цѣли работу Кропоткина, въ общемъ очень цѣнную, если къ ней не подходить съ узко-спеціальной критикой и не предъявлять къ ней тѣхъ требованій, выполненіе которыхъ вовсе не входило въ цѣли автора.

Н. В.

Украина. Науковий та літературно-публіцистичний промісячний журнал. Рік перший. Январь, Февраль, Мартъ, Апрель, 1907.

На смѣну просуществовавшей 25 лѣтъ „Кіевской Старинны“ выступаетъ новый научный, литературно-публицистическій ежемѣсячный журналъ „Украина“. Во вступительной замѣткѣ редакция указываетъ на тѣ измѣненія, которыми подверглась программа журнала, вслѣдствіе измѣнившихся цензурныхъ условий. Возникшая въ 1881 г. „Кіевская Старина“ не могла и думать о сколько-нибудь широкой программѣ, могущей отражать культурно-національные интересы Украины. Надъ малорусской литературой тяготѣлъ варварскій указъ, 1876 г., сводившій существованіе этой литературы почти къ нулю. Объ изданіи литературно-политическаго журнала на малорусскомъ языкѣ въ то время не могло быть и рѣчи; болѣе того, — сначала пришлось придать журналу строго научный характеръ (съ преобладаніемъ исторіи, археологій и фольклора), во избѣжаніе столкновеній съ цензурой, которая, впрочемъ, нерѣдко не дозволяла печатанія даже чисто этнографическихъ матеріаловъ. Такому крупному работнику, какъ покойный М. П. Драгомановъ приходилось прятаться подъ псевдонимами (Кузьмичевскаго, Т—ва, Толмачева и пр.), но, несмотря на эти ухищренія, благопечетельное начальство все таки узнавало объ этомъ сотрудничествѣ и редакция дѣлалась строжайшія „внушенія“ за помѣщеніе статей эмигрантовъ. Лишь въ послѣдніе годы путемъ упорной и настойчивой борьбы съ цензурнымъ вѣдомствомъ редакция удалось добиться разрѣшенія печатать въ журналѣ беллетристику по малорусски.

Теперь, при измѣнившихся условіяхъ, изданіе „Кіевской Старинны“ въ ея прежней, насильственно навязанной формѣ потеряло смыслъ; измѣнивъ названіе, журналъ будетъ выходить на малорусскомъ языкѣ, по расширенной программѣ (вводится отсутствовавшій прежде отдѣлъ публицистики), но редакция обѣщаетъ держаться тѣхъ же традицій, которыми руководилась при изданіи „Кіевской Старинны“: „спокойно, объективно обсуждать всѣ стороны современной и прошлой жизни Украины, не вдаваясь въ національный шовинизмъ, но и не распыляясь въ утопіяхъ космополитизма до забвенія своего національнаго я“.

Изъ помѣщенныхъ въ первыхъ четырехъ книжкахъ статей прежде всего слѣдуетъ отмѣтить очень интересную статью г. Русова „Спомини про пражське видання „Кобзаря“ (Воспоминанія о Пражскомъ изданіи „Кобзаря“ Шевченко), наглядно рисующую то тяжкое положеніе, въ которомъ находилась малорусская литература вплоть до недавняго времени, даже когда дѣло шло о такомъ гениальномъ поэтѣ какъ Шевченко.

Послѣ кожачиковскаго изданія „Кобзаря“ Шевченко (въ концѣ 60-хъ годовъ), разошедшагося очень быстро, новое изданіе не появлялась долго, хотя поклонники поэта успѣли собрать неизданныя его произведенія, хранившіяся въ вѣрныхъ рукахъ. Наконецъ, въ 1875 г. извѣстный въ настоящее время своими работами по антропологій Ф. К. Волкъ пріѣхалъ въ Петербургъ и показалъ г. Русову приготовленную къ печати рукопись „Кобзаря“, раздѣленную на двѣ части. Оказалось, что г. Волкъ ходилъ къ кіевскому цензору Пузыревскому, чтобы перечитать съ нимъ весь собранный матеріалъ и заранѣе опредѣлить степень его цензурности. Цензоръ за небольшое „вознагражденіе“ сдѣлалъ на рукописи соответственныя отмѣтки, при чемъ указалъ, что нѣкоторыя произведенія совсѣмъ нельзя подавать въ цензуру, во избѣжаніе очень серьезныхъ непріятностей.

Согласно указаніямъ такого компетентнаго въ этомъ отношеніи лица,

какъ цензоръ Пузыревскій, весь текстъ „Кобзаря“ былъ раздѣленъ на двѣ части: цензурную и нецензурную. Г. Русову было поручено поѣхать за-границу для напечатанія тамъ „Кобзаря“, но въ двухъ томахъ, согласно вышеуказанному раздѣленію, хотя и „цензурной“, по мнѣнію издателей, части предстояло прохожденіе чрезъ горнило иностранной цензуры, такъ какъ книга издавалась за-границей. Въ „Главномъ Управленіи по дѣламъ печати“ служилъ тогда хорошій знакомый г. Русова, большой почитатель Шевченко, извѣстный поэтъ А. П. Полонскій, который посоветовалъ г. Русову возможно поспѣшнѣ издать „цензурную“ часть, такъ какъ, по словамъ Полонскаго, цензурныя строгости все усиливались и могло случиться, что если запоздають съ изданіемъ, даже „цензурная“ часть „Кобзаря“ не будетъ пропущена въ Россію.

Обѣ части „Кобзаря“ были напечатаны у Э. Грегга (редактора прогрессивной газеты „Narodni Listy“). Первый томъ („цензурный“) былъ напечатанъ въ 5000 экз., при чемъ г. Русовъ, напуганный словами Полонскаго, перенесъ кое-что, казавшееся ему сомнительнымъ въ цензурномъ отношеніи, въ 2 й томъ, не предназначавшійся для подачи въ цензуру.

Вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ г. Русова были присланы Тургеневымъ, Полонскимъ, Костомаровымъ и Микѣшинымъ ихъ воспоминанія о Шевченко, которыя и были напечатаны при „Кобзарѣ“. (Кстати сказать, чрезвычайно интересныя и цѣнныя воспоминанія Тургенева до сихъ поръ, по небрежности, не включены въ полное собраніе его сочиненій).

Когда первый томъ „Кобзаря“ былъ, наконецъ, напечатанъ въ Прагѣ, Греггъ послалъ его въ Главное Управленіе по дѣламъ печати и Полонскому пришлось употребить не мало усилій, чтобы добиться пропуска въ Россію даже этого обрѣзаннаго изданія части произведеній одного изъ величайшихъ поэтовъ славянскаго міра.

Довольно интересная статья М. Т—скаго о Кулишѣ, къ сожалѣнію, не даетъ надлежащаго представленія объ этомъ крупномъ и своеобразномъ литературномъ дѣятелѣ. Плохо выяснена авторомъ эволюція во взглядахъ Кулиша и причины этой странной на первый взглядъ эволюціи. Участникъ Кирилло-Мефодіевскаго братства, другъ Костомарова и Шевченко, Кулишъ въ 70-хъ годахъ начинаетъ съ презрѣніемъ относиться къ Шевченко („пьяная муза Шевченко“), пытается неудачно соперничать съ Костомаровымъ („Исторія соединенія Руси“), стараясь доказать, что роль казачества въ Украинѣ не имѣла въ себѣ ничего „созидающаго“ и что главнымъ носителемъ культуры были польскіе паны, цивилизовавшіе украинскую „дичь“. Въ поэтическихъ произведеніяхъ этого періода онъ съ ненавистью относился даже къ крестьянамъ. Наконецъ, незадолго до смерти онъ сталъ сотрудникомъ „Русскаго Обзорѣнія“, помѣщая тамъ историческіе этюды и совершенно неудобочитаемыя повѣсти; отъ этихъ произведеній вѣяло уже старческимъ разложеніемъ. Украинцы отшатнулись отъ него и лишь смерть примирила его съ ними, въ особенноти, когда оказалось, что въ глуши деревенскаго уединенія онъ совершилъ колоссальную работу, переведя на малорусскій языкъ 13 драматическихъ произведеній Шекспира, „Донъ-Жуана“ и „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона, и массу мелкихъ стихотвореній Байрона, Шиллера, Гете и Гейне.

По нашему мнѣнію нельзя объяснять эволюцію взглядовъ Кулиша лишь необъятнымъ самомнѣіемъ, изъ котораго вытекала и его страсть къ диктаторству и его непріязненное отношеніе къ другимъ дѣятелямъ; несомнѣнно эта черта характера сыграла свою роль въ дѣлѣ эволюціи этихъ взглядовъ;

во несомнѣнно также и то, что обостренію самолюбія Кулиша и всѣхъ вытекавшихъ изъ него послѣдствій, способствовало то ужасное положеніе, въ которомъ находилась русская печать вообще, а украинская въ особенности. Взгляды Кулиша *по цензурнымъ условіямъ* того времени не могли встрѣчать энергичнаго отпора и онъ лишь укрѣплялся въ нихъ; онъ не могъ работать для дорогого ему дѣла украинской литературы, такъ какъ послѣдняя находилась подъ запретомъ и вотъ талантливый поэтъ упорно переводилъ Шекспира и Байрона и складывалъ эту работу съ горькой усмѣшкой въ сундукъ. Трудно было при такихъ условіяхъ сохранить душевную ясность и душевное равновѣсіе.

Автору настоящей рецензіи часто приходилось встрѣчать Кулиша въ Борзатѣ, (Чернигов. губ.) въ нѣсколькихъ верстахъ отъ которой находился его уторъ. Тяжело было встрѣчаться съ нимъ: онъ постоянно судился съ крестьянами, которые поджигали его сѣно и т. д. Кулишъ не могъ спокойно говорить о своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ крестьянамъ. Однажды я спросилъ его—пишетъ ли онъ что-нибудь по-малорусски?

— Пишу, мышамъ на сѣденіе,—горько засмѣявшись, отвѣтилъ онъ.

Крупный талантъ и незаурядная энергія Кулиша, вслѣдствіе ненормальныхъ условій русской жизни приняли ложное, пагубное направленіе и вина въ этомъ въ значительной степени лежитъ на томъ режимѣ, который погубилъ и искалчидъ столько талантовъ.

Въ апрѣльской книжкѣ въ статьѣ г. О. Л. („Де—що про українську прокламацію 1847 року“) приведены не лишены интереса свѣдѣнія по поводу прокламаціи, текстъ которой былъ напечатанъ въ январской книжкѣ нашего журнала. Появленіе прокламаціи совпало съ подвизавшимъ тогда въ Петербургѣ тревогу разслѣдованіемъ дѣятельности „Кирилло-Менодіевского Общества“ (Костомаровъ, Шевченко и др.) Прокламація встревожила и Николая I, увидавшаго въ ней явные слѣды польской „пропаганды изъ Парижа“. Бибииковъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, былъ послѣшво посланъ въ Кіевъ съ приказомъ „строго смотрѣть“. Бибииковъ, въ свою очередь, немедленно, еще до выѣзда изъ Петербурга, послалъ три эстафеты въ Кіевъ: губернатору Фундуклею: „Впослѣдствіе извѣщенія вашего пр-ства отъ 5 сего апрѣля о приклеенной на заборѣ одного дома возмутительной запискѣ, покорѣйше прошу распорядиться имѣть самое строжайшее наблюденіе въ г. Кіевѣ за всѣми жителями, въ особенности студентами и молодыми людьми, а равно за сохраненіемъ вездѣ порядка и спокойствія“; кіевскому коменданту предписывалось: „имѣть самое строгое наблюденіе за порядкомъ между войсками и караулами и вообще воинскими чинами, въ Кіевѣ находящимися, и распорядиться, чтобы всѣ они имѣли надлежащую осторожность на случай какого-либо безпорядка и чтобы обходы ночью были сильны и строго соблюдены“; наконецъ, попечителю учебнаго округа предписывалось: „имѣть самое строгое, личное и черезъ подвѣдомственныхъ вамъ лицъ, наблюденіе за студентами университета св. Владимира и учениками гимназій, дабы они не могли быть причастны ни къ какому неблагоразумнымъ дѣйствіямъ“. Не ограничиваясь вышеприведенными эстафетами, Бибииковъ подалъ докладную записку царю, въ которой говорилось, что „такъ какъ въ Малороссіи и между нѣкоторыми лицами изъ малороссіянъ, учащихъ и учащихся въ Кіевѣ, открылось въ настоящее время вредное направленіе, то по сему случаю казалось бы полезнымъ, на нѣкоторое время, управленіе кіевскимъ учебнымъ округомъ въ 3-хъ губерніяхъ подчинять во всѣхъ отношеніяхъ генераль-губернатору, подъ главнымъ наблюде-

ніемъ министра народнаго просвѣщенія". Царь согласился и Бибиговъ успокоенный уѣхалъ въ Кіевъ. Но вскорѣ гр. Орловъ запросилъ его о результатахъ „секретнаго разысканія“ по поводу прокламаціи, наклеенной на заборѣ дома „непотребной женщины“ и Бибигову пришлось отписываться, что ничего по этому дѣлу „по сіе время еще не открыто“. Такова исторія кіевской прокламаціи, ввѣдуражившей царя и высшихъ сановниковъ имперіи въ 1847 г.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что въ „Украинѣ“ довольно тщательно ведется библиографическій отдѣлъ, въ которомъ отмѣчается все, имѣющее то или иное отношеніе къ Малороссіи; тѣмъ болѣе мы были удивлены, встрѣтивъ въ обзорѣ журналовъ въ апрѣльской книжкѣ „Украины“ слѣдующее замѣчаніе по поводу помѣщенныхъ въ I—III кн. „Былого“ воспоминаній А. И. Коваленко („Одиннадцать дней на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій“): „Эти воспоминанія г. Коваленко,—говорилъ журнальный обозрѣватель „Украины“, г. Д. Д—ко,—были напечатаны первоначально въ англійскомъ журналѣ „The Strand Magazine“, а потомъ въ „Литературно-Науковим Вістникъ“—ъ за 1905 годъ. *О томъ, что это переводъ съ украинскаго, не упоминается*“. (Курсивъ нашъ). Очевидно, г. Д. Д—ко, возводящій такое странное обвиненіе на нашъ журналъ, не потрудился заглянуть на 309 стр. рецензируемой имъ III книжки „Былого“, гдѣ помѣщено письмо въ редакцію самаго А. М. Коваленко. Въ письмѣ этомъ, г. Коваленко, упомянувъ о томъ, что „отрывки“ изъ его воспоминаній были помѣщены въ „Strand Magazine“ съ искаженіями и произвольными вставками цѣлыхъ страницъ, заявляетъ далѣе, что „изъ всѣхъ, появившихся до сихъ поръ на русскомъ языкѣ текстовъ воспоминаній о „Броненосцѣ Потемкинѣ“ подѣ моимъ именемъ, я считаю правильнымъ и всецѣло мнѣ принадлежащимъ только текстъ, напечатанный въ журналѣ „Былое“. Такимъ образомъ, заявленіемъ самого г. Коваленко опровергается странное обвиненіе г. Д. Д—ко, которому мы можемъ лишь посовѣтовать быть впредь поосторожнѣе.

В. Батуринскій.

Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. По Б. Лимановскому, Л. Кульчицкому и др. Составлено подѣ редакціей Ю. Подвинскаго. Книгоиздательство „Молодая Польша“. Изданіе Л. В. Петкевича. Москва. 1907.

Брошюра эта составлена неизвѣстнымъ авторомъ подѣ редакціей г. Ю. Подвинскаго, главнымъ образомъ, на основаніи работы извѣстнаго польскаго историка и социолога Болеслава Лимановскаго („Столѣтняя борьба польскаго народа за освобожденіе“), при чемъ редакторъ оговаривается, что въ брошюрѣ „выпущены излишнія для русскаго читателя подробности и всѣ тѣ мѣста, гдѣ авторъ (Лимановскій) *излагаетъ свои субъективные взгляды и симпатіи*“. Къ сожалѣнію, у насъ не имѣется подѣ руками работы Лимановскаго для сличенія и поэтому невозможно опредѣлить, что именно разумѣетъ редакторъ брошюры подѣ „субъективными взглядами и симпатіями“ Лимановскаго, ознакомленіе съ которыми, по его мнѣнію, излишне для русскаго читателя. Укажемъ лишь, что Б. Лимановскій долгіе годы занимаетъ въ польскомъ революціоно-соціалистическомъ движеніи то же мѣсто, которое въ русскомъ движеніи занималъ П. Л. Лавровъ; помимо работы, положенной въ основаніе разбираемой нами брошюры, Лимановскому принадлежитъ обширная и очень дѣнная работа на ту же тему „Historya demokracji polskiej“, изданная лѣтъ 7 тому назадъ кружкомъ польской учащейся молодежи за границей (довольно подробно польское демократическое и социалистическое движеніе, въ связи съ такими же евро-

пейскими движеніями изложено въ его двухтомной капитальной, написанной по первоисточникамъ, работѣ „Historya Ruchu Spolecznego w XVIII—XIX stoleciach“). „Субъективные взгляды и симпатіи“ Лимановскаго въ общемъ настолько извѣстны, что прятать ихъ не было никакой надобности.

На пространствѣ 225 маленькихъ страницъ составитель пытается охватить періодъ отъ 1795 г. вплоть до настоящаго времени. Русскій читатель, знакомый съ періодомъ, предшествовавшимъ окончательному раздѣлу Польши, по работамъ Костомарова, Мордовцева („Гайдамачина“), В. Антоновича и др. русскихъ историковъ, едва-ли согласится съ нѣкоторыми положеніями автора брошюры (въ особенности въ „Введеніи“). Главы II и III посвящены исторіи „Герцогства Варшавскаго“ и „Царства Польскаго“ до возстанія 1830 г. Ходъ возстанія 1830—31 гг. довольно подробно изложенъ въ IV главѣ брошюры. Двѣ слѣдующія главы заняты періодомъ „демократической пропаганды“ и революционныхъ движеній 1846—49 гг. дѣятельность „Демократическаго Общества“, Л. Мѣрославскій, подготовка возстанія въ Познани и возстаніе въ Галиціи, сопровождавшееся кровавымъ крестьянскимъ мятежемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „галиційской рѣзни“ (1846), польское движеніе въ связи съ европейскою революціей 1848 г. и т. д.) Отдѣльная (VII-я) глава посвящена возстанію 1863 г. Къ сожалѣнію, эта глава, которая могла бы быть особенно интересной, изложена чрезвычайно сжато и даетъ лишь очень поверхностное понятіе объ этой едва-ли не наиболѣе трагической страницѣ изъ новѣйшей исторіи многострадальной Польши. Укажемъ лишь, что въ брошюрѣ, предназначенной для русскихъ читателей, составитель напр. ни однимъ словомъ не обмолвился объ участіи въ этомъ возстаніи Герцена, Огарева и Бакунина, хотя Герцену за защиту возстанія пришлось поплатиться упадкомъ „Колокола“, пользовавшагося до возстанія громаднымъ вліяніемъ. Бакунинъ же, помимо непосредственнаго участія, отдалъ дѣлу возстанія массу энергій.

Вслѣдъ за кровавымъ подавленіемъ возстанія, въ Польшѣ, лишенной наиболѣе энергичныхъ элементовъ, погибшихъ на висѣлицахъ, въ тюрьмахъ и Сибири, начинается періодъ такъ называемый „расу organicznej“;—„органическаго труда“, совпадающей съ пышнымъ развитіемъ капиталистическаго хозяйства. Романтически-революціонные идеалы смѣняются хвалебными гимнами „органическому труду“, понимаемому въ самомъ буржуазномъ смыслѣ. Не совсѣмъ точно составитель брошюры говоритъ о заговорѣ 1877 г. (довольно подробно этотъ заговоръ излагается въ вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чикаго анонимной брошюрѣ „Ruch narodowy w r. 1877“, spisał Były Confedrat, и въ появившихся одновременно съ этой брошюрой статьяхъ въ Kurjer-а Lwowski-омъ); заговоръ этотъ имѣлъ очень серьезные планы и очень характеренъ въ программномъ смыслѣ (требованіе восстановленія *исторической* Польши „od powza do powza“). Затѣмъ составитель переходитъ къ польскому социалистическому движенію, начало котораго относится къ 1875—76 гг. Довольно подробно изложена дѣятельность „Пролетаріата“. Глава IX трактуетъ о возрожденіи патриотическихъ стремленій и дальнѣйшемъ развитіи социалистическаго движенія. Заключительная глава посвящена обзору событій 1904—1907 гг. Глава эта носитъ чересчуръ злободневный характеръ и потому касаться ея мы не будемъ.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что крупнымъ недостаткомъ брошюры является совершенное отсутствіе какихъ-либо указаній на литературу предмета. Можно ожидать, что вопросъ объ автономіи Польши (въ связи съ автономіей Украины

и Литвы) уже въ скоромъ времени вызоветъ самыя страстныя пререканія и нападки со стороны реакціонеровъ и всякаго рода „патріотовъ“. Найдутся многіе читатели, которые пожелаютъ провѣрить нѣкоторыя положенія этой въ общемъ довольно интересной брошюры. Вслѣдствіе указаннаго нами отсутствія какихъ бы то ни было бібліографическихъ указаній, такая провѣрка окажется невозможной и это можетъ вызвать въ читателяхъ вполнѣ законное недоверіе.

В. Батуринскій.

О. В. Аптеманъ. — Изъ исторіи революціоннаго народничества — „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ (по личнымъ воспоминаніямъ) — Русская Историческая Библіотека. № 19

Теперь не только мудрено, но даже просто невозможно писать исторію политическихъ движеній въ Россіи за послѣдніе сорокъ лѣтъ благодаря близости времени ихъ къ намъ; но зато возможность собирать матеріалы по этой эпохѣ отъ современниковъ и очевидцевъ даетъ намъ право ожидать, что матеріалъ для исторіи будетъ, вѣроятно, обильнѣе нежели по аналогичнымъ событіямъ болѣе далекаго прошлаго. Не говоря уже о матеріалахъ, изданныхъ на иностранныхъ и на русскомъ языкѣ за-границей, цѣлый рядъ цѣнныхъ свѣдѣній собрали уже и въ отдѣльныхъ статьяхъ и въ опубликованныхъ уже мемуарахъ современниковъ и участниковъ. Разбираемая нами книга г. Аптемана представляетъ собою новый и интересный вкладъ по одному періоду въ исторію развитія русскихъ социалистическихъ партій. Его воспоминанія начинаются съ 1870 и оканчиваются 1880 годомъ. Описывая этотъ періодъ авторъ подзаголовкомъ книги, какъ будто-бы хочетъ сказать, что весь этотъ періодъ характеризуется какъ эпоха Земли и Воли. Исторически это будетъ не совсѣмъ точно. Авторъ начинаетъ свои воспоминанія со студенческихъ кружковъ самообразованія. Многіе изъ нихъ, но не всѣ были отмѣчены аграрно-социалистическимъ направленіемъ; старый лозунгъ шестидесятыхъ годовъ не былъ еще возобновленъ въ это время. Были въ первое время только кружки, изъ которыхъ нѣкоторые носили имя своего основателя или руководителя; только уже въ послѣдующую эпоху около половины семидесятыхъ годовъ образовались группы, носившія уже названія по направленіямъ, — „Лавристы“ или „впередовцы“, радикалы или Чайковцы; Бакунисты существовали сначала только за-границей; но и тамъ это не было чисто русское сообщество, кромѣ самаго Бакунина извѣстны были изъ русскихъ Ралли, Эльстницъ, Жуковский, Р.; но рядомъ съ ними существовали двѣ анархическія группы Интернаціонала—Южная Федерація и Итальянская секція. Что касается Земли и Воли, то опредѣлить время ея возникновенія довольно трудно. Г. Аптеманъ называетъ общество организовавшееся въ Петербургѣ въ концѣ 1876 года Землей и Волей,—этого названія какъ-то не было еще слышно въ ту пору. Называетъ его нашъ авторъ еще сѣверной, революціонной народной группой (стр. 76), а на страницѣ 99-й мы читаемъ, что „Сѣверная революціонно-народническая группа“ уже со второй половины 1878 года была известна подъ именемъ общества „Земли и Воли“. Помирить эти противорѣчивыя даты можно развѣ только тѣмъ, что именно со второй половины 1878 года общество Земля и Воля стало извѣстно всѣмъ, такъ какъ начала выходить газета „Земля и Воля“, а въ своемъ кругу новая организація носила это названіе гораздо раньше, можетъ быть, со времени основанія 1876 г.

Переходя къ разбору книги мы скажемъ, что первую главу, дающую

характеристику политики Александра II-го, можно бы выпустить. Она слишком схематична и не полна. Среди влияний вызывающих всеобщее недовольство у него пропущена такая крупная статья как классицизм и толстовщина и многое другое, что характеризовало эту эпоху со стороны явлений, вызывавших недовольство и оппозицію. Пропуская всѣмъ извѣстныя вещи, авторъ дѣлаетъ открытія и не совсѣмъ удачныя. Гдѣ это усмотрѣлъ онъ (стр. 25) „народническо-оптимистическое настроеніе“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, антитезою которому служилъ Щедринъ. Община защищалась отъ покушеній на раздробленіе ея, рѣзко подчеркивались своекорыстные мотивы противниковъ общины; но оптимизма „Отечественныхъ Запискамъ“ не откуда, и не изъ чего было взять. Литература объ Александровской эпохѣ уже довольно богата, и интересъ книги г. Аптекмана нисколько не пострадалъ бы, еслибъ при ней не было бы этого введенія. Въ Якутской тайгѣ, гдѣ писались эти воспоминанія, можетъ быть, было и не лишнимъ напомнить кое-что и освѣжить въ памяти автора и его слушателей изъ прошлой эпохи; но современный читатель въ этомъ отношеніи обставленъ достаточно хорошо.

Зато въ дальнѣйшемъ изложеніи, гдѣ у автора начинается рѣчь о зачаткахъ будущаго движенія, студенческихъ кружкахъ мы съ первыхъ же строкъ начинаемъ чувствовать вѣяніе молодой жизни и книга пріобрѣтаемъ захватывающій интересъ: страстное исканіе „правды истины“ и „правды справедливости“ исканіе путей разрѣшенія проклятыхъ вопросовъ. Упорное исканіе безъ дороги, безъ путевода, по книгамъ и дебатамъ о книгахъ, попытка практической дѣятельности, уже въ этихъ эмбрионахъ указываетъ на то, что не изъ любопытства, не ради развлеченія, а для выясненія задачи жизни взялись эти юноши за головоломную работу. Здѣсь авторъ самъ начинаетъ жить въ своихъ воспоминаніяхъ. Невольно рисуется въ воображеніи самъ авторъ, въ закопченной якутской юртѣ, съ перомъ въ рукѣ припоминающій дорогіе свѣтлые дни своей молодости, полные самоотверженнаго труда и борьбы среди разныхъ случайностей и опасностей, которыми была полна жизнь пропагандиста. То же впечатлѣніе производитъ авторъ и въ другихъ мѣстахъ своей книги, гдѣ онъ описываетъ лично пережитое имъ. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда онъ разбирается въ разныхъ влияніяхъ, дѣйствовавшихъ на направленіе наиболѣе отзывчивой части русскаго общества, мы встрѣчаемъ много пробѣловъ, изложеніе становится отрывочнымъ, языкъ теряетъ свою живость и образность. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что на примѣръ Историческія письма Миртова оказали громадное влияніе на міросозерцаніе молодежи; но было и другое влияніе не менѣе сильное. Молодежь зачитывалась книгой Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“. Подъ этимъ влияніемъ развилось и стремленіе молодежи къ подвижничеству, аскетизму или правильнѣе сказать къ строгой жизни, къ сокращенію своихъ потребностей. Въ книгѣ Флеровскаго, гораздо равнѣе чѣмъ выяснилъ этотъ вопросъ Каблицъ, была основа народничества съ его стремленіемъ къ опрощенію, съ вѣрой въ будущность земельной общины, со стремленіемъ въ народъ. Это стремленіе въ народъ представляеть собою очень любопытное и вѣстѣ съ тѣмъ сложное явленіе и г. Аптекманъ, по нашему мнѣнію, желая защитить это движеніе напрасно старается доказать, что оно не было стихійнымъ. Прежде всего нельзя смѣшивать стихійное съ бессознательнымъ, иначе во всякомъ массовомъ увлеченіи придется отрицать стихійное начало. Разумѣется отпра-вляясь въ народъ пропагандисты запасались свѣдѣніями, куда, какъ идти,

старались пристроиваться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были кое-какія заручки. Въ этомъ движеніи были даже люди отправлявшіеся въ опредѣленные мѣста, съ опредѣленными практическими цѣлями. Спропагандированные рабочіе съ фабрикъ, особенно въ лѣтнее время, уходили на работу и они не разъ звали къ себѣ въ деревню своихъ учителей, говоря что желающихъ учиться много, но учителей мало. Другіе шли съ тѣмъ, чтобы прінскать мѣстечко, гдѣ бы можно было пристроиться къ мѣсту, найти занятіе съ тѣмъ, чтобы осѣсть тамъ; третьи шли не за пропагандой, а прямо за тѣмъ, чтобы ознакомиться съ деревенской жизнью. Рядомъ съ этимъ однакоже было не мало лицъ, которыя шли туда, даже не давая отчета въ томъ, что они станутъ дѣлать въ деревнѣ, съ чего начнутъ? Основной причиной, погнавшей такую массу „народа въ народъ“, было недовольство теоретической работой въ кружкахъ и кое-гдѣ съ рабочими. Тяжело стало изучать народъ по книжкамъ да по случайнымъ экземплярамъ. Являлась усиленная потребность стать поближе къ народу, повѣрить себя, свой путь развитія и подготовку къ дѣлу. Интернаціональ уже перешелъ черезъ кульминаціонную точку своего развитія, двѣ соціально демократическія партіи въ Германіи слились. Эти крупныя успѣхи не давали покоя молодежи. Вотъ какъ работаютъ настоящіе дѣятели.—А мы то что сдѣлали? — думала она. Здѣсь и припомнились старыя еще времена Нечаевского дѣла, прокламаціи Бакунина. Были въ этомъ движеніи и такія лица, которыя шли прямо организовать бунты, слѣдуя совѣтамъ Бакунина, твердо вѣрившаго въ то, что народъ ждетъ только случая къ возстанію. Это и было испробовано на югѣ хотя и неудачно. Авторъ думаетъ, что бунтари стояли ближе къ народу и яснѣе поняли задачу своей дѣятельности. Съ этимъ трудно согласиться; но трудно и возражать если не держаться правила—считать всякую неудачу достойной осужденія только потому, что она была неудачей. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ затѣвались бунты, они могли дойти до вооруженнаго столкновенія; но дальше что? Жестокое усмиреніе, разгромъ. Сама подготовка Чигиринскаго дѣла и приемы ея указывали уже, что народъ сразу поднять нельзя. Только вѣрованіе въ то, что народъ съ минуты на минуту ждетъ сигнала къ поголовному возстанію, могло создать такую попытку.

Изложеніе попытокъ утвердиться прочнѣе среди народа, пристроиться въ волостныхъ писаряхъ, фельдшерахъ изложены у автора съ обычной ему искренностью и наглядностью. Онѣ какъ извѣстно тоже потерпѣли неудачу; но корень ея мы видимъ во-первыхъ въ неблагоприятныхъ условіяхъ времени; во-вторыхъ въ недостаткѣ силъ, которыя кромѣ того гибли чуть не ежедневно, что заставляло бросать работу на мѣстѣ за недостаткомъ наличныхъ силъ—силы нужны были и въ центрѣ при той широкой программѣ дѣятельности, какая предполагалась, и въ третьихъ въ манерѣ селиться группами, навлекавшими на себя подозрѣніе. Устроиться на мѣстѣ, создать что-нибудь въ деревенской глуши можно было только обрекая себя на долгіе годы миссіонерской дѣятельности въ одиночку, полагаясь только на самого себя. Это однако же было немислимо послѣ тѣхъ ожиданій, съ которыми у многихъ связывалась самая мысль о работѣ въ народѣ. Какъ же въ самомъ дѣлѣ быть, народъ страдаетъ, онъ бѣднѣетъ день ото дня, ему плохо живется? Почему же онъ не поднимается? Конечно не народъ виноватъ, виноваты мы, неумѣющіе подойти къ нему. Отсюда пересмотры программъ и перемѣны фронта, о которыхъ говоритъ авторъ. Новыя исканія путей приходилось вести среди страшныхъ пре-слѣдованій. Люди гибли и всѣ эти погибающіе были не отвлеченныя формулы

иссы и нѣкіе, а люди близкіе, съ которыми было много выстрадано, передумано, передѣлано. Надобно заступиться, надо показать, что нельзя безнаказанно издѣваться надъ людьми. Не теоретическія соображенія, а расправа съ Боголюбовымъ и брошюра „Заживо погребенные“, описывавшая жизнь и страданія политическихъ каторжанковъ въ центральныхъ тюрьмахъ вызвали кровавые протесты террора, на которые отвѣчено было сугубымъ терроромъ со стороны власти. Всѣ эти кровавыя столкновенія, неудачи новыхъ поселеній опять-таки вызвали пересмотръ программъ. Пришли къ мысли, что главныя неудачи въ томъ, что была совершенно заброшена политическая дѣятельность и что организація не была достаточно централизована. Программа и организація были перестроены; но перемѣнъ къ лучшему не произошло и по самой коренной причинѣ. По недостатку силъ. Для пріобрѣтенія политическихъ сторонниковъ надобно было имѣть широкій доступъ во всѣ мало-мальски оппозиціонные слои и прислойки общества. Такой возможности не было или она была въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Какой доступъ могли имѣть въ широкіе круги общества люди съ подложными паспортами, которыхъ уже розыскивали по примѣтамъ, а нѣкоторыхъ и по фотографіямъ. Сама организація раскопалась на народниковъ чернопредѣльцевъ и террористовъ политиковъ. Изъ не особенно обширной группы образовались двѣ еще болѣе мелкія. Это раздѣленіе, конечно, должно было имѣть роковое значеніе. Широкія заданія общества Земли и Воли терпѣли неудачу, главнымъ образомъ, отъ недостатка силъ, отъ малочисленности, и конечно расколъ, кромѣ ослабленія силъ долженъ былъ повліять неблагоприятнымъ образомъ на обѣ группы и со стороны настроенія.

На этомъ раздѣлѣ прекращаются воспоминанія Аптекмана. „Народной Воли“ онъ не касается. Народнической черной передѣль, къ которому присталъ нашъ авторъ, присутствовалъ недолго.

Просматривая воспоминанія нашего автора, сравнивая ихъ съ другими документами, мы видимъ въ нихъ характернаго представителя описываемаго періода, когда связью между отдѣльными лицами группы было взаимное довѣріе и симпатія, а не программа. Мы видимъ, что общими были только одни основныя стремленія. Программы, какъ мы видѣли, измѣнялись неоднократно, сама структура общества тоже; но это не только не вызывало конфликтовъ, но тѣснѣе сближало членовъ группы. Раздѣлъ партіи изъ-за тактики и отчасти принципіальныхъ соображеній показалъ, что этотъ періодъ пришелъ къ концу. Мы думаемъ, что въ качествѣ памятника этой эпохи воспоминанія г. Аптекмана на долго сохранять свое значеніе. Сама субъективность автора, его пристрастность въ нѣкоторыхъ случаяхъ (отзывъ о лавристахъ) и запальчивость въ отношеніи къ противникамъ (см. примѣчаніе по поводу воспоминанія г-жи Любатовичъ) представляютъ большой интересъ, какъ отголосокъ отношеній того времени. Если нашъ авторъ и ошибается иногда, и не соблюдаетъ послѣдовательности изложенія,—иногда забѣгаетъ впередъ и рядомъ съ этимъ возвращается назадъ такъ, что безъ другихъ пособій трудно оріентироваться въ хронологіи событій, то съ другой стороны при этомъ сохраняется полная безискусственность расказа. Ясно, что все это писалось первоначально для себя и для товарищей по ссылкѣ, которые и сами много знали и не были тѣмъ, что называется читающей публикой. Это располагало автора къ искренности. Съ этой стороны книга г. Аптекмана останется на долгія времена важнымъ пособіемъ для историка.

Т—инъ.

Книги и другія издания, поступившія въ редакцію.

- Первые борцы. (Биб. освобод. движенія) „Сѣверное Книгоиздательство“ СПБ. 1907 г. вып. I. Ц. 25 к.
- Послѣднее политическое движеніе въ Персіи по рассказамъ персовъ-тегеранцевъ вып. I. Ц. 40 к.
- Тоже по персидскимъ газетамъ вып. II. Ц. 40 к.
- 4 брошюры на малорусск. яз. Видання Товариства „Просвіта“.
- 6 брошюръ на бѣлорусск. яз. Суполька „Загляне солнцэ и у нашэ ваконцэ“. Янки Лучыны „Вязанка“. Ц. 6 к.
- Выдау А. К. Казки.
- Нѣсколько польскихъ брошюръ.
- К во „Другъ народа“.
- В. Моррисъ. Какъ я сталъ соціалистомъ. Ц. 2 к. пер. съ англ. Н. Шишко.
- І. Кокъ. Всеобщая забастовка въ Финляндіи. Пер. съ финск. подъ ред. Л. Игельстромъ. Ц. 25 к.
- Б. С—ти. Въ сумеркахъ. Эскизъ. Ц. 2 к.
- Б. Швархе. Семь лѣтъ въ Шлиссельбургѣ. Пер. съ польск. С. Верхоянца. Ц. 25 к.
- В. Черкезовъ. Предтечи интернаціонала. Пер. съ франц. Л. Гогелю. Ц. 30 к.
- Э. Лабулэ. Принцъ-собачка. Полит. сказка пер. съ франц. Л. Л. Бенель съ пред. Н. Рубакина. Ц. 30 к.
- Д. Мережковскій. Леонардо. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 3 р. 50 к.
- М. Могиланскій. Первая Государств. Дума. Изд. М. В. Пирожкова. Ц. 1 р. 1907 г.
- Въ помощь рабочему. Сборникъ статей о профессиональномъ и кооперативномъ движеніи. Складъ при кн. маг. „Народн. Образов.“. Ц. 20 к. М. 1907 г.
- Эрнестъ Унтерманъ. Діалектическіе этюды. Попул. лекціи изъ области пролетерскаго монизма. Пер. съ нѣмец. И. Г. Наумова. Изд. П. Г. Дауге. М. 1907 г. Ц. 60 к.
- Г. Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. 5. Т-во „Знаніе“. Ц. 80 к. СПБ. 1907 г.
- Карль Каутскій. Класс. интересы, частные интересы, обществ. интересы. Деш. 6-ка „Знанія“. Ц. 6 к. СПБ. 1907 г.
- Карль Каутскій. Революц. перспективы. (Добавленіе къ „Соц. револ.“ Деш. 6-ка „Знанія“. Ц. 10 к. СПБ. 1907 г.
- Леонидъ Андреевъ. Разказы и пьесы т. IV, изд. Т-во „Знаніе“. Ц. 1 р. СПБ. 1907 г.
- Сборникъ Т-ва „Знаніе“ кн. XVІІ, Ц. 1 р. СПБ. 1907 г.
- А. Купринъ. Т. 1. Изд. 3 К-во „Міръ Божій“. Ц. 1 р. СПБ. 1907 г.
- А. Купринъ. Т. 3. Изд. 2. К-во „Міръ Божій“. Ц. 1 р. СПБ. 1907 г.
- Письма Г. Беккера, І. Данцига. Ф. Энгельса, К. Маркса и др. къ Ф. Зорге и др. съ предисл. Н. Ленина. Изд. П. Дауге. Ц. 2 р. 25 к. СПБ. 1907 г.
- Андрей Нѣмоевскій Юрій. Изд. „Д. Р.“. Рост. на Дону. 1907 г. Ц. 3 к.
- С. Петлюра. Українска соціал-демократична партія въ Австріи. Київ. 1907 г.
- Э. Бернштейнъ. Стачка. Изд. „Общ. Польза“. Ц. 40 к. СПБ. 1907 г.

- Ф. Волховскій. Случайныя пѣсни. Изд. Колеватова. Ц. 60 к. Москва 1907 г.
- Л. Шестовъ. Добро въ учении г. Толстаго и Ф. Нитше (философія и проповѣдь).
- Крестыанскій Листокъ. № 6. 28 декабря 1906 г. Изд. Крестыан. Ком. при Вят. Ком. П. С. Р.
- Крестыанскій Листокъ № 2. 23 Мая 1906 г. Правит. и Дума.
- Крестыанскій Листокъ № 8 Мартъ и № 9 Апр. 1907 г. Изд. Крест. Ком. при Вят. Ком. П. С. Р.
- Крестыанскій Листокъ № 4. Изд. Вят. раб. Ком. П. С. Р. Апр. 1907 г.
- Солдатскій Листокъ № 1 и 2-ой. Апр. 1907 г.
- Партійныя Извѣстія № 8 и 9. 12 Апр. и 5 Мая 1907 г. Изд. Ц. К. П. С. Р.
- Листокъ Земли и Воли 23 Мая 1907 г. № 4. Изд. Ц. К. П. С. Р.
- Солдатская Доля № 17. Изд. Военно-Революц. Орган. Варш. Воен. Округа. Май 1907 г.
- Народная Армія № 3. Всероссийск. Офицерск. Союзъ. СПб. 1907 г. 25 М.
- 1 Листокъ на Польск. яз. Ком. Związku Polskiego L. S. D. P. R. Poalej-Zion Mai 1907 г.
- 1 листокъ на еврейск. яз. Изд. „Бунда“.
- Mysl Socjalistyczna Org. P. P. S. № 1 Maj 1907. № 2, Czerwiec, 1907.
- Gaseta Ludowa. Org. P. P. S. № 18, 5 Marca. 1907 Warszawa.
- 4 Листовки Уфим. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 1907.
- Два предвыборн. листка Брянск. Округ Ком. Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.
- Думскій Листокъ 1. Заявленіе С.-Д. фракціи о Госуд. политикѣ. Изд. Брянск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 1907 г.
- „Народное Ополченіе“. № 1 3.
- „Борьба“ журналъ учащихся Г. Череповца № 3, Янв. 1907 г.
- Извѣстія Украин. Обл. Ком. П. С. Р. № 1 Июнь 1907 г.
- Извѣщенія Ц. К. Орловск. Союза Учащихся П. С. Р. 1907 г.
- Къ арміи, флоту и казакамъ! листокъ. Бакинская организ. П. С. Р.
- Отчетъ Екатеринбург. Ком. П. С. Р. съ 5/III—15/IV 1907 г.
- Отчетъ Екатеринбург. орган. Кр. Кр. пом. полит. апр. 1907 г.
- Отчеты Севастоп. Ком. и рабочей орг. Сев. Ком. П. С. Р. съ 1 апр.—1 мая 1907 г. Сев. Ком. П. С. Р.
- Товарищи! Воззваніе къ войскамъ Забайкалья Ц. К. Забайк. Отд. Рус. Воен. Союза. Февр. 1907 г.
- Граждани! 14 мая была годовщина Коронованія. Грозненск. и Промысл. Орг.—ции Терско-Дагестан. Союз Р. С.-Д. Р. П. Май 1907 г.
- Товарищи солдаты! Астр. Ком. П. С. Р.
- Товарищи крестьяне! Вятск. Кр. Союза. Июль 1906 г.
- Towarzysze robotnicy! Cent. Kom. Rob. P. P. S. Warszawa. 22 Maja 1907.
- Къ новобранцамъ. Окт. 1906 г.
- Къ рабочимъ. 19 февр. 1907 г.
- Къ гражданамъ о выборахъ. 11 апр. 1907 г.
- Къ крестьянамъ. Крестыан. Ком. Тавр. Союза П. С. Р.
- Къ крестьянамъ. Нижегород. Губ. Ком. П. С. Р. 15 мая 1907 г.
- Ко всѣмъ рабочимъ табачникамъ. 18 мая 1907 г. Цент. бюро профес. союзовъ г. Симферополя.
- 1-ое Мая. Раіон. Ком. Крым. Союза Р. С.-Д. Р. П. Поалей-Ціонъ.
- Первое Мая. 30 апр. 1907 г.
- Что дѣлается въ Думѣ. 19 мар. 1907 г.
- Выборному отъ выборщиковъ.
- За кого голосовать. 10 февр. 1907 г.
- Какъ работаетъ Дума? Нижегород. Ком. Р. С.-Д. Р. П. апр 1907 г.
- Изд. Вят. Ком. П. С. Р.
- Памяти дорогого товарища. 9 янв. 1907 г.
- Резолюція частнаго совѣщанія представителей професіон. союзовъ строительныхъ рабочихъ Крыма. Изд. организ. Комит. Къ созыву Крымск. съѣзда Предст. Проф. Союза стр. раб. Май 1907.
- Резолюція съѣзда представителей отъ 29-ти студен. организацій. Изд. Союз. Сов. Ст. Казан. Ун.

Резолюція, состоявшейся 18 февр. 1905 г. общей сходки Казан. Ун. Изд. Союз. Сов. Ст. Казан. Ун. 19 февр. 1905 г.
Уставъ рабочаго бюро Василеостровск. района при Военно револ. орган.
Проектъ професіон. платформы Волжской Суд. О. П. С. Р. Центр.
Бюро. Ц. Б. В. С. О. П. С. Р. 1907 г.
Программа съѣзда крестьянскихъ работниковъ.
За что убиваютъ губернаторовъ? Симб. Ком. П. С. Р. 27 янв. 1907 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ А. И. Лиманова для Якутской области 48 р.; отъ доктора И. В. С. 20 р.; отъ Стокгольмской группы въ пользу Кроншт. и Свеаборск. матросовъ 22 р. 50 к.; отъ Г. Л. изъ Вильно—25 р.

Деньги переданы по назначенію.

Отчетъ

о суммахъ, поступившихъ въ пользу бывшихъ членовъ Государственной Думы, пострадавшихъ отъ репрессій—ареста, высылки, потери должностей и занятій и т. п., по 1-е іюля 1907 г.

Приходъ. Поступило: черезъ членовъ 2-й Государственной Думы—1) Черезъ Березина: отъ учителя Алмазова (черезъ газ. „Костромичъ“) 10 руб., Альмана 3 р., Брангольда (Золотоноша) 1 р., Вуровой (волынск. г.) 3 р., крестьянъ села Григорьевки, конотопскаго уѣзда, черниговской г., 1-го и 2-го обществъ 20 р., Зеленецкаго (Саратовъ) 2 р., Z 7 р. 75 к., Игнатъева 4 р., конторы редакціи „Каспій“ 45 р. 75 к., Кагана (Ростовъ на Д.) 5 р., Кошелева 5 р., Мельникова (царид. у., сарат. г.) 2 р., Нахумовича 10 р., Олича (Вольскъ) 10 р., сельскаго учителя Орлика (курск. г.) 1 р., Пиотровскаго (климович. у., моголев. г.) 3 р., служащихъ управленія службы тяги рязанско-уральской ж. д. (Саратовъ) 4 р. 65 к., Серебрякова 1 р., рабочихъ зав. „Ураль-Волга“ 36 р., Фаворской 2 р., Хитрова 16 р. 85 к., Чунгурова (мѣстечко Ленинъ, моголев. г.) 19 руб., Шварца (Сухумъ) 10 р., отъ разныхъ лицъ 30 р. 2) Черезъ Караваева: отъ Волковой (Москва) 20 р., Галина 3 р., Вленинскихъ 5 р., Кулябко 6 р., Нейманъ 5 р., Позднина 3 р. и Скворцова 1 р. 3) Черезъ Карташева: отъ симбирскихъ врачей 85 р., Спасскаго (Астрахань) 45 р., Юргенса 10 р. и NN 2 р. 4) Черезъ Кимрякова: отъ жителей бронницкаго уѣзда 20 р. 50 к. и отъ жителей села Павловки, москов. губ. 20 р. 5) Черезъ Таланцева отъ разныхъ лицъ 50 р. 6) Черезъ о-ца Тихвинскаго: отъ Влазьева и Никулина 5 р., Воробьева 3 р., Впачечникова 15 р., свящ. Ильина (Оренб. г.) 5 р. 85 к., Лебяжинскаго 11 р., Лобовикова 3 р., Лорецъ 10 р., К. М. (Балайда) 2 р., Петровскаго 41 р., отъ солдатъ изъ Туркестана 10 р., семьи Соловкиныхъ 1 р., Сутинскаго 1 р., Чистова 10 р., отъ мѣщанъ гор. Вѣрнаго 100 р., разныхъ лицъ 22 р. 7) Черезъ Попова 300 руб. (присланы русскими, живущими за границей).

Отъ депутатовъ второй Государственной Думы: Батурова 3 р., Березина 10 р., Бѣлаева 10 р., Карташева 10 р., Кимрякова 10 р., Костенко 5 р., Михайлова 20 р., о-ца Гр. Петрова 10 р., Попова 10 р., Смирнова 10 р., Сухорукова 3 р., Уразова 10 р., Шешина 4 р. и Щипина 10 р.

Черезъ бывшихъ депутатовъ первой Государственной Думы: 1) Брамсона и Бондарева: отъ Бака 200 р., Берсона 50 р., Вавельберга 200 р., Кафталя 50 р., Плавсона 100 р., Раппопорта 50 р., Семенова 3 р., Тищенко 200 р., Финкельштейна 3 руб., Фрицлера 5 р., NN 25 р.

2) Черезъ Литвинова отъ служащихъ и учителей саратовскаго городского управления 16 р. 50 к., служащихъ саратовскаго губерн. земства 10 р. и саратовскихъ приказчиковъ 8 р. 75 к. 3) Черезъ Нестеренкова (собранные имъ отъ разныхъ лицъ въ Киевской губ.) 42 р. 4) Черезъ А. А. Свѣчина отъ неизвѣстной 1000 р., отъ №№ 350 р.

Отъ бывшихъ членовъ 1-й Думы: А. В. Васильева 100 р. М. М. Винавера 100 р. Н. И. Каценельсона 100 р., М. М. Ковалевскаго 100 р., Г. Г. Кубилиса 5 р. и М. И. Шефтеля 100 р.

Черезъ редакціи газетъ: „Буржевыя Вѣдомости“ 5 р., „Думскій Листокъ“ отъ гражданъ Мамыжскаго уѣз. 30 р., „Каспій“ 11 р. 35., „Парусъ“ 12 р. 40 к., „Рѣчь“ 37 р., „Товарищъ“ 161 р. 50 к.

Черезъ Нанаръ 5 р., Каплана 15 р., Корнилова (отъ Александрова) 100 р., Оленникова отъ Л. О. и М. О. 675 р., отъ разныхъ лицъ 23 р. 50 к., Бревовкину 5 р., Плавсона (залогъ) 500 р. и по подписному листу Герасимова 11 руб. черезъ секретаря фракціи 3 р.

Всего прихода 5575 р. 35 к.

Расходъ. По 1-е іюля выдано депутатамъ первой и второй Думы: одновременныхъ пособій 23-мъ лицамъ 2309 р. 50 к.; ежемѣсячныхъ пособій 15-ти лицамъ 890 руб.; пособій по случаю пребыванія въ тюрьмѣ, болѣзни и т. п. 4-мъ лицамъ 222 р. 92 к.; пособій на переѣзды 10-ти лицамъ 277 руб.; командировка адвокатовъ для защиты 2-хъ депутатовъ 400 р.; залогъ за одного депутата 500 р.; выдано ссудъ 4-мъ депутатамъ 555 р. Расходы по справкамъ, перепискѣ, телеграфные, почтовые, канцелярскіе, жалованье секретарю и др. 243 р. 15 к. Всего расхода 5397 р. 57 к.

Остатокъ на 1-е Іюля 1907-го года 177 р. 78 к.

Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Былое“.

П о п р а в к а.

Важнѣйшія опечатки, замѣченныя въ помѣщенной въ № 6 статьѣ: «Красноярскъ въ концѣ 1905 года»,

Страница.	Строка сверху.	Снизу.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
27	3	—	тысяча	десяти тысячъ
38	—	5	делегатъ	делегаты
"	—	20	10-ти	30-ти

Письма въ редакцію.

I.

Въ № 3 „Былого“ за 1907 годъ помѣщено письмо въ редакцію г. Л. Слонимскаго по поводу извѣстной лекціи В. С. Соловьева 28 марта 1881 года.

Судя по этому письму, можно подумать, что въ этотъ вечеръ въ залѣ Кредитнаго Общества ничего особеннаго не произошло, и въ отношеніи публички къ лектору не было никакой разницы сравнительно съ другими лекціями В. С. Соловьева. Такъ, по словамъ автора, прерывать тишину рукоплесканіями „никому не приходило въ голову“, „никакихъ воогласовъ не было“, „никто не поднимался передъ эстрадой съ угрожающими словами“... „И если къ нему (Соловьеву) протягивались десятки трепетныхъ рукъ“, преимущественно курсистокъ, то вовсе не для того, чтобы качать, или носить его... „И Соловьеву было устроена овація только по окончаніи лекціи, когда онъ сходилъ съ кафедры и направлялся къ выходу“.

Съ этимъ я никакъ не могу согласиться. Подобно г. Слонимскому, и я присутствовалъ на этой лекціи отъ начала до конца, но у меня сохранились о ней совершенно другія воспоминанія. Прежде всего, я долженъ замѣтить, что дѣйствительно сама по себѣ эта лекція едва ли отличалась чѣмъ либо особеннымъ, по своему вліянію на слушателей, отъ многихъ другихъ публичныхъ лекцій. По крайней мѣрѣ, я видѣлъ въ теченіи ея обычныхъ разсѣянныхъ лица многихъ слушателей и слушательницъ. И только въ самомъ концѣ ея, когда Соловьевъ съ вдохновеннымъ видомъ пророка сказалъ: „Въ настоящую минуту рѣшается судьба людей, принимавшихъ участіе въ событіи 1 марта...“, по залу прошелъ какъ бы электрической токъ, и взоры всѣхъ устремились на лектора. Когда же онъ закончилъ лекцію словами: „Если Царь желаетъ доказать, что онъ дѣйствительно—представитель народа, то онъ *долженъ* ихъ простить“,—на нѣсколько мгновеній по всему залу воцарилась напряженная тишина... Но затѣмъ, когда Соловьевъ находился еще на кафедрѣ, сразу раздались оглушительныя рукоплесканія, экзальтированные крики, восторженный стукъ ногами и стульями... На глазахъ многихъ видны были слезы, въ разныхъ мѣстахъ слышались истерическія рыданія, нѣкоторые бросались другъ-другу на шею... Разобрать отдѣльныя выраженія въ этомъ хаосѣ звуковъ, конечно, было трудно, но несомнѣнно, что въ громадномъ большинствѣ это были восторженные знаки сочувствія и одобренія оратору. Но въ то же время у самой кафедры какой-то военный (кажется, генераль) что то кричалъ съ свирѣпымъ видомъ и угрожающими жестами по направленію къ лектору... Въ концѣ концовъ, Соловьевъ былъ вынесенъ молодежью на рукахъ до самой кареты, и въ этомъ актѣ я самъ принималъ участіе.

Въ общемъ, я долженъ сказать, что такого потрясающаго впечатлѣнія и столь сильнаго подъема духа, какіе произведены были тогда Соловьевымъ на

случайную и довольно разношерстную публику, я никогда в жизни болѣе не встрѣчалъ.

Судить о томъ, были ли тамъ въ залѣ предположенія о предстоящей Соловьеву административной карѣ, я не берусь, но полагаю, что громадное большинство присутствовавшихъ вовсе не такъ было настроено, чтобы думать объ этомъ.

Въ заключеніе позволю себѣ замѣтить: г. Слонимскій можетъ, конечно утверждать, что онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ, но отрицать и объяснять галлюцинаціями то, что видѣли, слышали, говорили и дѣлали другіе,— едва ли имѣетъ право.

Іюнь 1907 г.

Д-ръ мед. Ф. Г.—ій.

II.

Милостивый Государь Г. Редакторъ!

Покорнѣйшее прошу Васъ дать мѣсто въ Вашемъ журналѣ нѣсколькимъ моимъ замѣчаніямъ по поводу отзыва г. Богучарскаго („Былое“ 1907, іюнь, стр. 305—308) о редактированной мною „Хроникѣ социалистическаго движенія въ Россію 1878—1787 г.г. (М., 1906, изд. Саблина).

Противъ переводчика и меня, какъ редактора, г. Богучарскій выдвигаетъ рядъ обвиненій, и мелкихъ, и существенныхъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ я заранѣе шелъ навстрѣчу; съ другими, кажется, я въ правѣ не согласиться.

Рукопись перевода была предоставлена въ мои руки въ концѣ 1905 г. Тогда же было написано и предисловіе. Печатаніе началось съ начала 1906 г. и затянулось до осени. Во время печатанія я кое-гдѣ успѣлъ ввести поправки и ссылки (въ томъ числѣ на „Былое“) въ текстъ и примѣчанія, для чего отчасти воспользовался богатою литературою по исторіи нашихъ общественныхъ движеній, выходящей въ 1906 г. По техническимъ условіямъ печатанія въ общемъ пришлось сдѣлать ихъ немного. Главная редакторская работа совпала съ концомъ 1905 г. и первыми недѣлями 1906 г. и совершалась при условіяхъ болѣе тѣмъ неблагоприятныхъ; какъ указано у меня въ предисловіи, я долженъ былъ считаться только съ рукописью перевода, не имѣя въ рукахъ подлинника ¹⁾ Мнѣ было извѣстно, что въ подлинникѣ и переводѣ многія названія и имена искажены. Исправлять ихъ приходилось на основаніи очень скудныхъ данныхъ, которыя тогда (въ 1905 г.) можно было найти: русскихъ „легальныхъ“ изданій почти еще не было, изъ „незаконныхъ“ съ большимъ трудомъ удалось розыскать очень немногое (во всей Москвѣ нельзя было розыскать даже полнаго экземпляра „Государственныхъ преступленій въ Россіи“ г. Базилевскаго-Богучарскаго) ²⁾.

¹⁾ Это обстоятельство въ „предисловіи“ не оговорено. Приведенное же въ немъ французское названіе книги и напечатаннаго на французскомъ же языкѣ изъ нея выраженія давали полное основаніе предположить противное.

В. Б.

²⁾ Можно, конечно, только пожалѣть о тѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, при которыхъ г-ну В. К. пришлось редактировать переводъ. Условія эти объясняютъ многое, но... но, что бы сказалъ г. В. К. напр. въ томъ случаѣ, если бы, положимъ, онъ отозвался о переводѣ какой-нибудь книги, какъ о сдѣланномъ неудовлетворительно, а переводчикъ въ отвѣтъ на это сталъ бы говорить: надо же принять во вниманіе условія, при которыхъ я работалъ: въ нашемъ городѣ не было ни одного человѣка, знающаго

Недочеты перевода съ самаго начала были замѣчены мною; зналъ о нихъ и издатель. Я думаю, и продолжаю думать, что и при наличности ихъ изданіе „Хроники“ не лишено значенія. Съ этимъ, впрочемъ, согласенъ и г. Богучарскій; свою рецензію онъ заключаетъ словами: „тѣмъ не менѣе, мы считаемъ появленіе на русскомъ языкѣ „Хроники“ Шебеко фактомъ, заслуживающимъ полнаго вниманія: массою сырыхъ матеріаловъ, въ ней находящихся, она сослужить свою службу дѣлу позванія прошлаго нашего освободительнаго движенія“.

Въ „Хроникѣ“ упоминаются сотни именъ и названій, большая часть которыхъ была искажена. Многое мнѣ удалось исправить и оговорить (въ текстѣ, примѣчаніяхъ и въ концѣ книги); мѣстами проскользнули опечатки и мои недосмотры. Ихъ не такъ ужъ много, какъ говоритъ г. Богучарскій: одна изъ нихъ (какъ Антовъ, Малавскій) указаны въ опечаткахъ или исправлены въ дополненіяхъ и оглавленіи, другіе случайно были пропущены мною и исправляются дальнѣйшимъ текстомъ. Подавляющее большинство ихъ вообще несущественно.

При отсутствіи справочныхъ пособій и недостаточной разработкѣ матеріала подобныхъ недосмотровъ вообще мудро избѣгать. Въ изобиліи попадаются они даже въ такихъ изданіяхъ, какъ „Русская Историческая Библиотека“, хотя въ ней принимаютъ лица болѣе компетентныя въ исторіи нашихъ революціонныхъ движеній и гораздо лучше обставленныя въ условіяхъ своей редакторской работы, чѣмъ я—г. г. Богучарскій и В. Л. Бурцевъ. 3-ій выпускъ ея, посвященный „Процессу 16 террористовъ“ (1880 г.), напр., даетъ не меньшій процентъ такихъ недосмотровъ, чѣмъ редактированная мною „Хроника“.

Укажу нѣсколько первыхъ попавшихся: Ивичевы вм. Ивичевичи (стр. 6); стихотвореніе „Рѣчь Фигнеръ“ съ знакомъ вопроса (стр. 9), хотя это извѣстное стихотвореніе отъ имени Евгеніи Фигнеръ, приписываемое одному изъ адвокатовъ, участвовавшихъ въ „процессѣ 50“; Лангенсъ—вм. Лангансъ и Дм. Крапоткинъ—вм. Лизогубъ (стр. 13), Фоменко—и Фроленко (стр. 21)—не оговорено ихъ тожество; Черныявина — см. Черныявская (стр. 29); Цеймаръ—Веймаръ (стр. 59); Абрамъ (стр. 30) и Абрамовъ (? стр. 82)—не оговорено, что это былъ Лубкинъ („Птица“), Вередицкій (?) и Добронжицкій (?)—стр. 92; на всемъ протяженіи книги (стр. 121 и т. д.) „извѣстный народоволецъ Теноловъ“ вм. Теллаловъ и пр. и пр. 1).

Тутъ и опечатки, и недосмотры. Указываемъ ихъ не въ видѣ упрека почтенному редактору, а какъ доказательство того, что ихъ вообще трудно избѣгать при подобнаго рода работахъ. Думаю, что они не существеннѣе „Бе-

даннй языкъ, благодаря чему мнѣ не къ кому было обратиться за помощью, не было у меня и хорошаго лексикона и пр. и пр. Удовлетворился ли бы г. В. К. такими „объясненіемъ“?

1) Книга „Процессъ 16 террористовъ“ издана несомнѣнно съ большими редакторскими и корректорскими дефектами. Мы могли бы привести изъ этой книги примѣры тому еще болѣе рѣзкіе, нежели указанные г-номъ В. К.; тѣмъ не менѣе, кому придетъ въ голову допустить, чтобы редакторъ этой книги В. Л. Бурцевъ не *зналъ*, что „Абрамъ“ былъ Лубкинъ (о тожествѣ этомъ говорилъ Бурцевъ въ своей книгѣ „За сто лѣтъ“ ровно *десять лѣтъ* тому назадъ), Теноловъ—Теллаловъ (извѣстно ли г-ну В. К., что это не корректурная ошибка, и что именно Теноловымъ называлъ по ошибкѣ Теллалова въ своихъ показаніяхъ Гольденбергъ, такъ что „на всемъ протяженіи книги“ такъ и *следовало* называть Теллалова Теноловымъ; ну а въ примѣчаніи на стр. 121 у Бурцева явная корректурная ошибка) и пр. Что же касается тожества Фоменко—Фроленко, то г. В. К. ошибается: это обстоятельство Бурцевымъ оговорено. (Стр. 18).

В. Б.

резняка“ вм. „Березнюк“, „Крюковской“ вм. „Круковской“ и других моих недосмотровъ.

Многихъ изъ нихъ я сумѣлъ бы избѣжать, если бы мнѣ пришлось редактировать „Хронику“ не въ концѣ 1905 г., а годомъ, положимъ, позднѣе, когда въ моемъ распоряженіи могла бы быть цѣлая литература, вышедшая за послѣдніе полтора года. Но въ 1905 г. мудро было считаться съ *мартовской книжкой* „Былого“ за 1906 г., чего отъ меня требуетъ г. Болучарскій ¹⁾. Слѣдуетъ думать, что въ предѣлахъ того матеріала, который тогда могъ быть въ моемъ распоряженіи, мною сдѣлано достаточно, и что „Южный Рабочій Союзъ“ (вм. „Южно Русскій“), „Свободная русская типографія“ (вм. вольной) и т. д.—такія мелочи, вылавливать которыя не стоило труда. Я не ставилъ себѣ цѣли оговаривать всѣ ошибки „Хроники“, о чемъ и заявилъ въ предисловіи; ихъ общую тенденцію, такъ сказать, я достаточно отмѣтилъ въ предисловіи и примѣчаніяхъ. Самый фактъ изданія этой книги, мнѣ кажется, долженъ былъ бы заставить мягче отнестись къ ея пустяковымъ въ общемъ корректурнымъ и редакторскимъ недочетамъ и во всякомъ случаѣ удержать отъ оскорбительнаго сравненія съ г. Шебеко.

В. Н.

¹⁾ Не такимъ ужъ несообразнымъ, какъ кажется, г-ну В. К., представляется наше „*требованіе*“, если принять во вниманіе слѣдующее: г. В. К. заявляетъ, что „въ 1905 году мудро было считаться съ *мартовской книжкой* „Былого“. Дѣйствительно мудро, но какъ же умудрился г. В. К. „считаться“ въ 1905 году не только со многими книгами, вышедшими тоже въ 1906 году но даже,—и уже на *второмъ* листѣ перевода (стр. 29),—съ *майской книжкой* „Русскаго Богатства“? Какимъ образомъ „считался“ онъ на *шестомъ* листѣ „Хроники“ (стр. 89), съ *майской* и *июньской* книжками того же „Былого“
В. Б.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Серія періодическихъ сборниковъ, издаваемая при Комисіи по организаціи домашняго чтенія

подъ редакціей:

Прив.-доц. Н. Д. Виноградова (фило-
софскій отдѣлъ).
М. О. Гершензона (литературн. отд.).
Прив.-доц. І. М. Гольдштейна (эконо-
мич. отд.).

Б. А. Нистяковского (юридич. отд.).
Прив.-доц. Н. Н. Нольцова (естествен-
науч. отд.).
Проф. Д. М. Петрушевскаго (историч.
отдѣлъ).

ЦѢЛЬ ИЗДАНІЯ—поднять на уровень истинной научности дѣло оцѣнки текущей литературы.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: 1) Систематическіе обзоры научно-популярной литературы по разнымъ отраслямъ знанія, равно какъ и по беллетристикѣ.

2) Критическіе отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ, брошюрахъ и журнальныхъ статьяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія, а также и по беллетристикѣ.

3) Библиографическія свѣдѣнія.

4) Краткія ученія и литературныя извѣстія.

5) Почтовый ящикъ.

Въ приложеніи будутъ печататься программы, составленныя Комиссіей по организаціи домашняго чтенія.

Сборники будутъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками отъ 4 до 6 печ. листовъ, цѣной отъ 25 до 40 к. за книжку.

Вышелъ вып. I, содержащій 3 обзора и 53 рецензіи; 128 стр., ц. 40 к.

Печатается вып. II, содержащій 5 обзоровъ и 43 рецензіи; 126 стр., ц. 40 к.

Вып. III выйдетъ 15 Сентября.

До сихъ поръ изъявили согласіе участвовать слѣдующіе лица: Ю. И. Айхенвальдъ, проф. А. С. Алексѣевъ, Е. В. Аничковъ, С. А. Аскольдовъ, А. Д. Алфоровъ, С. М. Барцъ, М. В. Бернацкий, Н. А. Бердяевъ, С. Н. Блажко, доц. М. П. Бобинъ, М. И. Богольцовъ, пр.-д. М. М. Богословскій, А. А. Борзовъ, пр.-д. А. А. Боровой, В. Н. Вочкаревъ, Н. И. Бронштейнъ, В. Я. Брюсовъ, О. Е. Бужанскій, проф. В. П. Бузескулъ, проф. С. Н. Булгаковъ, М. И. Бѣлорусовъ, Андрей Бѣлый, А. М. Васютинскій, Э. А. Венгерова, С. А. Венгерова, поч. акад. А. Н. Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, пр.-д. Д. В. Викторова, А. С. Волжскій, А. Л. Волынский, пр.-д. А. Э. Ворисъ, бар. Н. Н. Врангель, Б. П. Вышеславцевъ, пр.-д. П. П. Гензель, пр.-д. М. Н. Гернетъ, доц. В. М. Гессенъ, проф. П. В. Гидуляновъ, Н. В. Гольденвейзеръ, Б. М. Гольштейнъ, Ф. М. Гольдштейнъ, пр.-д. А. В. Горбуновъ, А. Г. Горинфельдъ, пр.-д. Ю. В. Готье, проф. В. Э. Грабарь, И. Э. Грабарь, проф. И. М. Гревсъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, пр.-д. А. Д. Гуляевъ, проф. В. Э. День, А. М. Долматовскій, Н. А. Дубровский, пр.-д. Д. Н. Егоровъ, доц. В. Б. Ельяшевичъ, пр.-д. Е. Н. Ефимовъ, пр.-д. С. И. Живаго, С. О. Загорскій, Г. Я. Закъ, А. В. Зеребна, пр.-д. А. А. Ивановскій, проф. Л. А. Ивановъ, Вяч. И. Ивановъ, Р. В. Ивановъ-Разумникъ, проф. И. И. Иванюковъ, пр.-д. Н. А. Ивановъ, пр.-д. В. Е. Игнатъевъ, проф. Н. А. Каблуковъ, А. І. Калишевскій, В. Я. Канель, проф. Н. И. Каръевъ, пр.-д. А. А. Кауфманъ, Д. Н. Кашкаровъ, В. А. Келтуяла, пр.-д. А. А. Кизеветтеръ, пр.-д. И. А. Кистяковский, проф. В. А. Косинскій, П. С. Коганъ, А. П. Коптяевъ, А. Н. Котельниковъ, пр.-д. С. А. Котляревскій, Л. П. Кравецъ, Т. П. Кравецъ, пр.-д. В. А. Краснокутскій, пр.-д. С. Г. Крапивинъ, М. А. Кречмаръ, А. А. Круберъ, Е. Д. Кускова, М. К. Лемке, Н. О. Лернеръ, пр.-д. Н. О. Лосскій, проф. И. В. Лучицкій, О. И. Рудченко-Лѣтчикъ, Е. А. Ляцкий, проф. А. А. Мануиловъ, Л. С. Мееровичъ, Н. Миновичъ, Б. Л. Молдазевскій, С. П. Моравскій, пр.-д. М. И. Назаревскій, пр.-д. М. М. Нечаевъ, проф. П. И. Новгородцевъ, проф. И. Х. Озеровъ, проф. Р. М. Орженцкій, проф. В. К. Пискорскій, В. И. Пичета, пр.-д. С. В. Познышевъ, пр.-д. Н. Н. Полянский, проф. І. А. Покровскій, проф. М. М. Покровскій, С. Н. Прокловичъ, В. С. Протопоповъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. И. Ростовцевъ, В. Г. Рудневъ, А. М. Рыкачевъ, проф. С. Г. Сабининъ, пр.-д. В. А. Савальскій, пр.-д. А. Н. Савинъ, В. Ф. Саводникъ, пр.-д. П. Н. Сакулинъ, проф. Я. В. Самойловъ, Н. В. Самсоновъ, Н. П. Павловъ-Сильванскій, А. П. Семеновъ, пр.-д. Е. Д. Синицкій, А. С. Скляръ, проф. П. П. Соколовъ, пр.-д. Е. В. Спекторскій, проф. А. В. Сперанскій, Н. В. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ, П. Б. Струве, пр.-д. П. П. Сушкинъ, пр.-д. Б. И. Сыромятниковъ, М. А. Таганскій, проф. Ф. В. Тарановскій, пр.-д. Е. В. Тарле, пр.-д. В. Н. Теслохльбовъ, проф. П. В. Тихомировъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, пр.-д. В. М. Устиновъ, пр.-д. А. Ф. Флеровъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, С. Ф. Фортунатовъ, А. Л. Форшгетеръ, С. Л. Франкъ, проф. В. М. Хвостовъ, пр.-д. М. М. Хвостовъ, проф. Г. И. Челпановъ, К. И. Чуковский, проф. А. И. Чупровъ, проф. А. А. Чупровъ, проф. М. П. Чубинскій, проф. Л. В. Шалландъ, Н. Н. Шапошниковъ, пр.-д. М. Н. Шатерниковъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, пр.-д. В. Н. Ширяевъ, Г. Г. Шпеттъ, Ю. Д. Энгель, П. Д. Эттингеръ, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль, пр.-д. А. И. Яковлевъ, пр.-д. А. С. Яценко.

Складъ изданія въ книжныхъ маг. Т-ва И. Д. Сытина. Книгопродавцамъ 30% уступки. Объявленія (послѣ текста) о книгахъ, газетахъ и журналахъ принимаются по цѣнѣ въ 10 р. за страницу.

Адресъ редакціи: Москва, Б. Никитская, д. Семеновича, кв. 16.

Редакторъ-издательница **Е. Н. Орлова.**

БТ Б 1007

БЫЛОЕ

АВГУСТЪ
1907

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
1. Процессъ 50-ти. (Всероссійская Соціально-Револуціонная Организація. 1874—77 г.г.). И. С. Джабадари	1
2. „Что ни вѣтръ шумитъ“... пѣсня М. А. Бестужева	2
3. Изъ Шлиссельбурга на Сахалинѣ. И. Л. Манучарова	31
4. Суздальскіе узники. А. С. Пругавина	45
5. Записка по студенческому вопросу. Б. Н. Чичерина	77
6. Побѣгъ. А. Бычкова	84
7. Сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. (Окончаніе).	89
8. Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Коми- тета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“. Л. Пло- хоцнаго	125
9. Послѣдніе дни жизни Чернышевскаго. М. Н. Чернышевскаго	128
10. Къ біографіи П. Н. Ткачева (по неизданнымъ источни- камъ). М. К. Лемке	151
11. Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева	154
12. Изъ исторіи рабочаго движенія на югѣ Россіи (изъ записокъ соціалъ-демократъ). И. Дибровы	171
13. Къ дѣлу Каракозова. П. Гуревича	191
14. Пръзнанія Н. П. Востомарова въ III Отдѣленіи (по неиз- даннымъ даннымъ)	201
15. Изъ воспоминаній В. А. Данилова	211
16. Земское движеніе въ образованія партіи Народной Свободы (продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго	241
17. Декабристъ кн. Ф. М. Шаховской (біографическая замѣтка) П. Е. Щеголева	271
18. Памяти гр. П. А. Радзена. Кн. Г. Д. Долгорукова	301

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 8/20. АВГУСТЪ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтового Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 20 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятая статья подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) Непринятая рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ черезъ мѣсяць по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

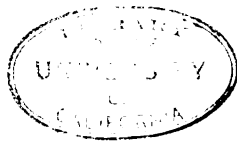
	СТР.
1. Процессъ 50-ти. (Всероссійская Соціально-Револуціонная Организація. 1874—77 г.г.). И. С. Джабадари	1
2. „Что ни вѣтръ шумитъ“... пѣсня М. А. Бестужева	~~25~~ 27
3. Изъ Шлиссельбурга на Сахалинѣ. И. Л. Манучарова	31
4. Суздальскіе узники. А. С. Пругавина	45
5. Записка по студенческому вопросу. Б. Н. Чичерина	77
6. Побѣгъ. А. Бычкова	84
7. Сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ. (<i>Окончаніе</i>).	89
8. Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Коми- тета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“. Л. Пло- хоцкаго	125
9. Послѣдніе дни жизни Чернышевскаго. М. Н. Чернышевскаго	128
10. Къ біографіи П. Н. Ткачева (<i>по неизданнымъ источни- камъ</i>). М. К. Лемке	151
11. Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева	156
12. Изъ исторіи рабочаго движенія на югѣ Россіи (<i>изъ записокъ соціалъ-демократа</i>). И. Дибровы	173
13. Къ дѣлу Каракозова. П. Гуревича	194
14. Признанія Н. И. Костомарова въ III Отдѣленіи (<i>по неиз- даннымъ даннымъ</i>)	200
15. Изъ воспоминаній. В. А. Данилова	229
16. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы (<i>продолженіе</i>). И. П. Бѣлоконскаго	241
17. Декабристъ кн. Ф. П. Шаховской (<i>біографическая замѣтка</i>) П. Е. Щеголева	274
18. Памяти гр. П. А. Гейдена. Кн. П. Д. Долгорукова	300

19. Историческая библиографія: I.—*Валерій Брюсовъ*—Лицейскіе стихи Пушкина. Н. Л. П. — *Witold Narkiewicz-Iodko*.—Polski socyalizm utopijny na emigracyi. III.—*Stanislaw Szpotanski*. Lud Polski. IV.—*Онъ же*.—Konarszczyzna. V.—Matoryaly do historyi P. P. S. VI.—*Antoni Humnicki*—Wspomnienia. Л. Василевскаго (Плохоцнаго) 308
20. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 316
21. Объявленія 319
22. **Матеріалы, документи и мелкія замѣтки.** („О наблюденіи за разглашателями новостей“. 1829 г.—43. Изъ записной книжки О. М. Достоевскаго—125. Дозваніе о типографіи „Народной Воли“ въ Одессѣ въ 1882 г.—290. Дознаніе объ Ольгѣ Любатовичъ и Герасимѣ Романенко—295).

Къ этой книгѣ приложены портреты П. Н. Ткачева, И. Л. Манучарова, кн. О. П. Шаховскаго и Н. Г. Чернышевскаго (въ текстѣ).

Петръ Никитичъ
ТКАЧЕВЪ.

Процессъ 50-ти.

(Всероссійская Соціально-Револуціонная Организациа).

1874—77 гг.

I.

Въ наше время обострившагося націонализма всякому, непосвященному въ тайны возникновенія «Всероссійской Соціально-революціонной организации», послужившей основаніемъ «процесса пятидесяти», покажется прежде всего страннымъ, какимъ образомъ главными участниками, а слѣдовательно и душою ея являются (изъ мужчинъ) большей частью грузины, притомъ выросшіе не въ центрѣ Россіи, а по рожденію и воспитанію—подлинныя дѣти далекой Грузіи. Это явленіе изумляло многихъ даже въ 70-хъ годахъ, въ эпоху широкаго распространенія идеи интернаціонализма въ Россіи. Не только газеты того времени, печатавшія судебный отчетъ по этому процессу, напримѣръ либеральный органъ Краевского «Голось», выражали изумленіе по этому поводу, но даже такой знатокъ исторіи общественныхъ движеній, какъ присяжный повѣренный В. Д. Спасовичъ, фигурировавшій въ процессѣ 50-ти въ качествѣ одного изъ защитниковъ по назначенію отъ суда, высказалъ такое же изумленіе при первой встрѣчѣ со мною въ Петропавловской крѣпости въ декабрѣ 1876 года.

Бесѣдуя наединѣ по дѣлу моей защиты, В. Д. Спасовичъ спросилъ меня: «почему въ нашемъ процессѣ главными участниками организации, какъ видно изъ дѣла, являются грузины—Циціановъ, Чикоидзе, вы—Джабадари, Гамлеридзе и полугрузинъ Здановичъ».

Этотъ вопросъ крайне удивилъ меня, такъ какъ съ момента возникновенія вышеназванной организации, т. е. фактически съ конца 1874 года, намъ самимъ ея участникамъ никогда не приходилось останавливаться на этой мысли, до такой степени въ тѣ времена наша революціонная молодежь въ Россіи (на сѣверѣ) и за-границей была чужда чувства племенной розни и не умѣла различать людей по происхожденію и по національности.

Видя мое удивленіе и стараясь все-таки выяснитъ себѣ поразившее его явленіе, Спасовичъ поставилъ вопросъ въ болѣе прямой формѣ: «Вы—грузины, сказалъ онъ, принимаете участіе въ русскомъ движе-

ни, конечно, не какъ социалисты-революціонеры, а какъ грузинскіе сепаратисты?» Велико было удивленіе Спасовича, когда я чистосердечно сказалъ ему, что ни одинъ изъ моихъ земляковъ, принимающихъ участіе въ нашемъ процессѣ, о сепаратизмѣ и не думалъ, а работалъ исключительно для торжества русской социальной революціи, которая одна дастъ свободу всѣмъ народамъ Россіи, а слѣдовательно и намъ грузинамъ; для большей убѣдительности я указалъ ему, какъ поляку, что къ нашей организаціи примыкали и поляки, совершенно чуждые польскому сепаратизму и отдавшіея обще-русскому социально-революціонному движенію. «Мы работали въ Россіи, говорилъ я, во имя общечеловѣческихъ интересовъ, а не узкихъ, изжитыхъ національныхъ».

При дальнѣйшей бесѣдѣ Спасовичъ вспомнилъ, что и онъ слышалъ мелькомъ о существованіи въ Петербургѣ группы польской молодежи, которая, подобно намъ, относилась прямо враждебно къ польскому сепаратизму и примыкала къ общерусскому социально-революціонному движенію. Какъ на одного изъ крупныхъ и талантливыхъ представителей такой польской группы въ 1873—75 годахъ, я указалъ ему на моего товарища по Академіи Гласко, погибшаго впоследствии въ административной ссылкѣ въ 1881 году.

Спасовичъ, охотно уступая въ вопросѣ польскаго и грузинскаго сепаратизма, какъ явленія изжитаго, замѣтилъ мнѣ: «да, сепаратизмъ вы считаете узкимъ и буржуазнымъ; но, вдумчиво продолжалъ онъ, знаете ли вы, что вы все-таки работаете не для социальной революціи; нѣтъ, она еще далеко, а расчищаете только путь намъ—*«буржуа-либераламъ»*, какъ вы насъ называете, и только. Мы воспользуемся вашимъ трудомъ и вашими жертвами».

Это было сказано очень искренне и серьезно.

Помню, эти слова долго гвоздемъ сверлили мнѣ голову, когда я, лежа на койкѣ въ моей крѣпостной камерѣ, вспоминалъ эту нашу бесѣду. Передо мной отчетливо рисовался обширный залъ Алексѣевского равелина, гдѣ произошла моя первая встрѣча съ Спасовичемъ. «Здѣсь, въ этомъ залѣ, говорилъ онъ мнѣ полупотомъ, происходилъ судъ надъ декабристами; отъ этихъ стѣнъ вѣетъ еще всѣмъ ужасомъ ихъ горя, горя побѣжденныхъ; но эта повѣсть уже стертая временемъ; а вотъ вамъ повѣсть вся еще трепещущая жизнью, вы о ней не могли еще слышать». И онъ рассказалъ мнѣ, какъ нѣсколько дней тому назадъ (6-го декабря 1876 года), на площади у Казанскаго Собора группа молодежи вздумала произвести демонстрацію. Какой-то рабочій, мальчикъ, выкинулъ красное знамя «Земли и Воли», а другой юноша, вѣроятно студентъ держалъ рѣчь передъ толпой народа. Эта невиданная дерзость возмутила полицію, она стала грубо разгонять толпу и била всѣхъ безъ разбора; на помощь полиціи примкнула часть публики и съ крикомъ «бей поляковъ» продолжала избивать прохожихъ даже на Невскомъ проспектѣ; многихъ арестовали и посадили въ тюрьму...

Я сдѣлалъ невольное движеніе.

— Вамъ это не нравится, вдругъ спросилъ меня Спасовичъ. Почему?

— Да, потому отвѣтилъ я, что я не бунтарь, а пропагандистъ-народникъ.

— Да вѣдь это тоже пропаганда, замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, это неразсчетливая агитація, бесполезно растрчивающая и безъ того скудная силы.

— Да?! задумчиво произнесъ онъ и, мѣняя разговоръ, спросилъ: А знаете-ли вы, кто васъ будетъ судить?

— Нѣтъ, равнодушно отвѣтилъ я, но онъ продолжалъ:

— Первоприсутствующимъ Особого Присутствія Правительствующаго Сената назначенъ сенаторъ Петерсъ, очень корректный господинъ и знающій судья. Членами Суда—Тизенгаузенъ—когда-то во времена Герцена—красный, въ такой степени красный, что въ чемоданѣ изъ-за-границы привозилъ «Колоколъ» и снабжалъ имъ не только насъ грѣшныхъ, но былъ поставщикомъ «Колокола» и во дворецъ.

Поглощенный нахлынувшими мыслями, я разсѣянно слушалъ мѣткія характеристики остальныхъ судей, даваемые Спасовичемъ; тутъ были и красныя, и трехцвѣтныя и другихъ цвѣтовъ лица. Замѣтивъ мою разсѣянность, Спасовичъ скоро ушелъ, пообѣщавъ зайти еще разъ, чтобы поговорить по вопросу о признаніи существованія организациі, вопросу крайне важному какъ для меня, такъ и для другихъ товарищей. Нужно было рѣшить, признавать ее или нѣтъ.

И вотъ я лежалъ опять одинъ въ моей кельѣ, еще весь потрясенный нахлынувшимъ новымъ строемъ думъ и чувствъ, пробужденныхъ неожиданно набѣжавшей волной жизни съ воли.

Нѣтъ, думалось мнѣ, надо попытаться вырвать у суда нашу свободу; я не хочу, чтобы наше дѣло служило чуждымъ цѣлямъ, я не хочу, чтобы свобода, которой мы служимъ, была узурпирована опять новыми захватчиками, могущими осквернить ее своекорыстіемъ и эгоизмомъ; нужно уговорить товарищей не признавать устава, найденнаго въ копии у Здановича; это отниметъ у суда самый сильный козырь къ обвиненію насъ; но нужно во что бы то ни стало ярче выяснить на судѣ наши цѣли, наши взгляды. Суду трудно будетъ доказать нашу формальную организованность и индивидуальность каждаго выскажется ярче и полнѣе, не давая почвы для формальнаго обвиненія.

Обдумавъ все это, я рѣшилъ на слѣдующемъ же свиданіи просить Спасовича передать отъ меня товарищамъ, чтобы они не признавали существованія организациі, такъ какъ такое признаніе усилитъ наказаніе; мы же должны стоять за экономію революціонныхъ силъ, конечно, въ предѣлахъ нравственнаго достоинства.

Правда, Спасовичъ ставитъ вопросъ ребромъ: какъ быть съ уставомъ, отобранномъ при арестѣ Здановича и съ письмомъ его, которымъ устанавливается несомнѣнная принадлежность многихъ изъ насъ къ революціонной организациі, въ томъ числѣ и меня. Если для суда это покажется несомнѣннымъ, то онъ и засудитъ насъ; но мы еще достовѣрно не знаемъ, какъ отнесется судъ къ этому вопросу; признаніе же въ принадлежности къ организациі наложитъ на насъ обязанность неминуемо указать подробности возникновенія и дѣятельности этой организациі, а это далеко нежелательно, такъ какъ не только усилитъ обвиненіе противъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ, но и можетъ

повредить лицамъ, находящимся еще на свободѣ. А потому гораздо удобнѣе не признавать организаціи и предоставить каждому подсудимому полную свободу дѣйствій, сообразно съ уликами, имѣющимися въ дѣлѣ. Вѣдь въ отношеніи многихъ изъ насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для обвиненія, а одно признаніе въ принадлежности къ организаціи можетъ дать основаніе суду отправить такого подсудимаго на каторгу.

Когда я объяснилъ Спасовичу всѣ эти соображенія, онъ согласился съ моими доводами; согласились съ ними и мои товарищи. Вотъ почему только тѣ изъ судившихся по процессу 50-ти членовъ «Всероссійской Соціально-революціонной организаціи» признали на судѣ свою принадлежность къ ней, которымъ это нужно было для огражденія другихъ подсудимыхъ отъ сопричисленія къ ней.

Благодаря такой постановкѣ дѣла, исторія возникновенія революціонной организаціи, послужившей основаніемъ для процесса 50-ти, осталась совершенно невыясненной какъ для суда, такъ и для общества; и, читая обвинительный актъ по процессу 50-ти, многие вѣрятъ на слово утвержденію этого акта, будто всѣ главные члены этой организаціи, какъ мужчины, такъ и женщины, получили образованіе въ Цюрихѣ и тамъ же составили тайное революціонное сообщество, послѣ чего отправились въ Россію съ цѣлью дѣйствовать согласно уставу, найденному при арестѣ Здановича.

Между тѣмъ такое утвержденіе обвинительнаго акта вѣрно только въ отношеніи женскаго кружка, составившаго только часть этой организаціи; зарожденіе же и возникновеніе всей этой организаціи совершалось въ Россіи, на русской почвѣ и совершенно иначе, чѣмъ это излагаетъ обвинительный актъ.

Вся мужская часть этой организаціи вышла изъ студенческихъ кружковъ столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній и нашла идейную подготовку еще въ ученическомъ мірѣ среднихъ учебныхъ заведеній въ различныхъ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Третья часть этой организаціи—рабочая—вскормлена русской деревней, русскими фабриками и заводами. Эта организація плотъ отъ плоти самой русской жизни, русской школы и русскаго подневольнаго труда.

II.

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, въ школахъ Тифлиса, какъ и другихъ крупныхъ городовъ внутренней Россіи, молодежь увлекалась самодѣятельностью, которая проявлялась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Увлеченіе это въ нашемъ городѣ Тифлисѣ было такъ сильно, что почти каждый юноша старался создать свой маленькій кружокъ со своими маленькими, но непременно собственными дѣлами. Къ такой самодѣятельности насъ поощряла прекрасная плеяда молодыхъ учителей, которые внѣ классныхъ занятій руководили нашимъ развитіемъ, приглашая иногда насъ къ себѣ по вечерамъ для бесѣды за чашкой чаю. Здѣсь, просиживая цѣлые вечера, молодые люди обсуждали самые жгучіе вопросы, поводомъ къ которымъ

служили тѣ или другія прочитанныя нами статьи Бѣлинскаго Писарева или Добролюбова, а также произведенія И. С. Тургенева, Достоевскаго, Л. Н. Толстого и отчасти Н. Г. Чернышевскаго; говорю отчасти, потому что наши лучшіе учителя словесности, какъ напр. очень любимый нами Н. В. Горяевъ, горячій поклонникъ великихъ художниковъ русскаго слова, относились отрицательно къ роману Чернышевскаго «Что дѣлать» и удерживали насъ отъ увлеченія лишеннымъ художественнаго достоинства произведеніемъ Чернышевскаго. Но эта недружелюбная критика нашихъ любимыхъ наставниковъ, колебля литературный авторитетъ Чернышевскаго, не могла затемнить въ нашихъ глазахъ того ореола мученичества, которымъ увѣнчанъ былъ Чернышевскій, несмотря на то, что мы совершенно не знали, или лучше сказать, крайне смутно знали, за что понесъ онъ свой мученической вѣнецъ.

Художественная литература будила мысль, оформливала характеры и молодежь искала хорошаго, добраго дѣла. Кто создавалъ библиотеку учебныхъ пособій для неимущихъ, кто фондъ для поддержки совершенно незнакомыхъ людей, довольствуясь лишь слухами о томъ, что они очень талантливы, но по бѣдности лишены возможности кончить курсъ; а иные, за ненахожденіемъ болѣе подходящей цѣли, увлекались задачей нравственнаго спасенія павшихъ женщинъ и спускались въ вертепы, чтобы извлекать оттуда этихъ несчастныхъ и помѣщали ихъ въ какую нибудь бѣлошвейную или иную мастерскую, тѣша себя надеждой, что они спасали ихъ навсегда.

Нашихъ учителей и насъ интересовалъ прежде всего человекъ, человѣческая душа, кто бы онъ ни былъ; этими чувствами мы обязаны были не только христіанскимъ традиціямъ семьи, но и учителямъ нашимъ, которые учили насъ любить угнетенныхъ; отсюда и ихъ гуманное отношеніе къ нашему языку и національнымъ традиціямъ.

Помню, однажды, какъ сидя за стаканомъ чая у Н. В. Горяева, мы съ увлеченіемъ говорили о русскихъ беллетристахъ; вслушиваясь въ нашу бесѣду, Горяевъ неожиданно задаетъ мнѣ вопросъ: «Вы, конечно, занимаетесь и вашей родной литературой?»—Нѣтъ, отвѣтилъ я; наша литература очень бѣдна; все ея богатство состоитъ изъ одной средневѣковой поэмы Руставели да нѣсколькихъ современныхъ стихотвореній двухъ-трехъ нашихъ князей, которыя мы знаемъ наизусть съ дѣтства, а больше у насъ ничего и нѣтъ.—«Да, чѣмъ же съ вами занимается вашъ учитель грузинскаго языка?» спросилъ насъ съ изумленіемъ Горяевъ.—Мы должны признаться, что мы почти не посѣщаемъ классовъ грузинскаго языка, потому что на этихъ урокахъ намъ учиться нечему—нашъ учитель грузинскаго языка такъ плохо владѣетъ хорошимъ литературнымъ грузинскимъ языкомъ, говорить съ нами такимъ испорченнымъ нарѣчіемъ (имеретинскимъ), что мы вынуждены поправлять его и невольно подсмѣиваемся надъ нимъ.

— «Что вы, что вы, господа; какъ же это можно не заниматься своимъ роднымъ языкомъ, воскликнулъ Горяевъ; неужели вы думаете ограничиться однимъ языкомъ русскимъ, или европейскими языками; это глубокая ошибка; подумайте, говорилъ онъ, если послѣ универ-

ситета вы захотите вернуться къ себѣ на родину и служить своему народу, вы должны знать свой языкъ въ совершенствѣ; во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ его знаетъ заурядный простой грузинъ; иначе какъ и чему вы его научите безъ языка? Конечно, вы можете наверстать недостатки изученія языка и послѣ, но знайте, что вы должны непременно владѣть имъ въ совершенствѣ. Вы и теперь могли бы многое сдѣлать для родной литературы, собирая во время каникулъ по деревнямъ былины, легенды, сказки и вамъ сказала бы спасибо ваша родина. Нѣтъ, господа, не ограничивайтесь любовью литературы русской и европейской, только потому, что эти литературы богаты, но любите и свою родную бѣдную, иначе вы не научитесь любить и вашего народа и не сумѣете, значить, любить и весь остальной міръ. Вся цѣль вашей жизни должна быть любовь къ міру во всемъ его разнообразномъ величіи и только тогда васъ всѣ полюбятъ, всѣмъ вы будете близки и будете счастливы, закончилъ онъ».

Да, любить весь міръ! какая заманчивая цѣль жизни для 17 лѣтняго юноши; а еще заманчивѣе надежда, что весь міръ тебя полюбитъ... Этимъ завѣтамъ, этой предначертанной цѣлью жизни и опредѣлились всѣ дальнѣйшіе шаги наши на жизненномъ пути.

Слѣдуя указаніямъ нашего любимаго, талантливаго учителя, преподававшего въ старшихъ классахъ нашей тифлисской реальной гимназіи, мы съ жадностью читали и Пушкина и Лермонтова, и Мольера, и Сервантеса, и Гете и Шиллера, и Шекспира и Байрона, и Гейне и Берне, не забывая и своихъ грузинскихъ писателей.

Несмотря на полное незнакомство съ русской, французской, нѣмецкой, англійской и испанской жизнью, русскіе и западно-европейскіе писатели казались намъ родными, до такой степени они были проникнуты широкими, общечеловѣческими идеалами.

Итакъ, лучшіе изъ нашихъ учителей были не только преподавателями науки, но и истолкователями жизни въ лучшемъ значеніи этого слова. Самъ попечитель Кавказскаго учебнаго округа Я. М. Невѣровъ, близкій другъ Грановскаго и Станкевича, и тогда уже почтенный старикъ, отличался удивительной любовью къ юношеству: бывало онъ останавливалъ на улицѣ насъ, мальчиковъ, совсѣмъ ему лично незнакомыхъ, здоровался съ нами, спрашивалъ о родителяхъ, съ интересомъ входилъ въ положеніе каждаго, а маленькимъ, даска своей старческой рукой, говорилъ: «учитесь, дѣти мои милые, учитесь!» и намъ какъ-то хорошо становилось отъ ласки этого старика; и мы охотно учились, считая науку святымъ дѣломъ; учились сами и помогали учиться болѣе слабымъ и менѣе состоятельнымъ товарищамъ.

Такъ, когда я былъ въ 6-мъ классѣ реальной гимназіи, мнѣ съ моими товарищами удалось собрать по подпискѣ нѣсколько десятковъ рублей; мы купили на эти деньги учебныя пособія и заложили такимъ образомъ фундаментъ «библіотекъ учебныхъ пособій для бѣднѣйшихъ товарищей»; библіотека эта помѣщалась въ моей квартирѣ, гдѣ я жилъ, отдѣльно отъ семьи, съ двумя товарищами и, какъ это всегда бываетъ, въ эту библіотеку вошли и книги неучебнаго характера, какъ то: Викторъ-Гюго, Луи-Бланъ, Милль съ примѣчаніями

Чернышевскаго, «Колоколь» Герцена и другія. Бѣдные ученики на расхвѣть разбирали учебныя пособія и объ этомъ скоро прослышалъ инспекторъ нашей реальной гимназіи—Иваненко; онъ узналъ о мѣстѣ нахождения ея и захотѣлъ ее осмотрѣть. Однажды вечеромъ, когда мы собрались въ количествѣ 10—15 человекъ у насъ на квартирѣ, и сидѣли, помню, за чтеніемъ новаго журнала «Дѣло», въ которомъ печатались талантливыя корреспонденці Жака-Лефрени (Эл. Реклю) изъ Парижа, къ намъ внезапно вошелъ Иваненко въ сопровожденіи двухъ воспитателей. «Что это, сборище?» спросилъ онъ насъ строго. Я объяснилъ ему, что мы каждую субботу собираемся читать что-нибудь интересное—журнальныя статьи, газеты.

— А какую это библіотеку вы тутъ завели?

Мы объяснили и это.

Не сказавъ ни слова, Иваненко пересмотрѣлъ нѣсколько книгъ и ушелъ.

Позднее посѣщеніе инспектора насъ не на шутку перетревожило; боясь дурныхъ послѣдствій, мы послали одного изъ нашихъ товарищей предупредить директора о случившемся; товарищъ этотъ былъ никто другой, какъ сынъ самого директора Пенгинскій, принимавшій участіе въ нашихъ чтеніяхъ. Директоръ Пенгинскій и инспекторъ Иваненко сочли однако нужнымъ сообщить о случившемся попечителю Невѣрову. Черезъ нѣсколько дней въ гимназію явился самъ Невѣровъ (это было въ 1871 году), вызвалъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ учредителей нашей библіотеки учебныхъ пособій и къ изумленію нашему сталъ благодарить насъ за нашъ починъ, за нашу заботливость о неимущихъ товарищахъ.

— Сколько же денегъ вы собрали, дѣти мои? — спросилъ онъ насъ съ доброй улыбкой. Мы сообщили, что собрали всего 70 руб.

— Этого мало, дѣти мои; я вамъ помогу; вы будете получать 100 р. въ годъ для вашей библіотеки учебныхъ пособій, но съ тѣмъ, чтобы библіотека помѣщалась въ гимназіи, а завѣдывать ею будетъ кто-нибудь изъ васъ—учредителей библіотеки.

Намъ жалко было разстаться съ нашимъ дѣтищемъ, нашей свободной библіотекой, но дѣлать было нечего; книги характера неучебнаго мы оставили у себя, остальные перенесли въ гимназію...

Это было время тревожное, очень тревожное, какъ въ Европѣ, такъ и въ Россіи. Учрежденіе республики во Франціи, возстаніе коммунистовъ въ Парижѣ и одновременно съ этимъ процессъ Нечаева въ Россіи, не могли не волновать насъ. Мы не могли говорить безъ слезъ о парижской драмѣ, о Франціи растерзанной и униженной врагами. Нечаевскій процессъ насъ интересовалъ, но не увлекалъ; убійство студента Иванова всѣхъ возмущало; культъ любви, въ которомъ насъ воспитывали, не мирился съ убійствомъ. Наши учителя относились прямо враждоно и къ дѣлу Нечаева и къ коммунѣ. Нечаева они считали пустымъ честолюбцемъ, а коммунистовъ называли сумасшедшими. Мы инстинктивно чувствовали, что они ошибаются въ этомъ, говорятъ не то, и стали искать удовлетворенія новыхъ запросовъ мысли въ другихъ сферахъ, въ другихъ слояхъ, окружающихъ насъ.

Въ 7-мъ классѣ намъ прѣлся вообще и нашъ тѣсный гимназическій кругъ; намъ хотѣлось разнообразія, новыхъ впечатлѣній и мы стали стараться расширить его; мы приглашали бывать у насъ офицеровъ, студентовъ, недавно исключенныхъ изъ Медико-Хирургической Академіи, трудящихся или мечтающихъ трудиться женщинъ, собравшихся ѣхать на женскіе курсы въ Россію, юнкеровъ, семинаристовъ старшихъ классовъ и учениковъ межевого училища. Этотъ новый разнообразный составъ кружка чрезвычайно оживилъ насъ; какъ разъ въ это время знакомые намъ петербургскіе студенты, прислали намъ сочиненія Ф. Лассалья, Капиталь Маркса и ром. Швейцера «Эмма и Люцинда». Все это увлекло насъ своей новизной. Но этотъ новый расширенный кружокъ былъ кружкомъ самообразования, съ задачами гуманной, просвѣтительной работы для народа, и только.

Нашъ новый, расширенный кружокъ, въ числѣ другихъ юношей, сталъ посѣщать и ученикъ выпускного курса межевого училища Мих. Чикоидзе, а также ученикъ классической гимназіи — кн. Александръ Циціановъ, ставшіе потомъ моими ближайшими товарищами по дѣлу «Всерос. соц. рев. организаціи», съ которыми пришлось потомъ дѣлить и тюрьму и скамью подсудимыхъ, а затѣмъ каторгу и ссылку.

Крупная фигура Чикоидзе сразу обратила на себя вниманіе. Небольшая голова, покрытая густой шапкой черныхъ волосъ нѣсколько склонялась на длинной шеѣ; горячіе, черные прямо страшно большіе глаза, всегда упрямо, неотвязно устремленные въ лицо собесѣдника, какъ-то невольно смущали; но пріятный густой баритоннаго тембра голосъ противорѣчилъ этому впечатлѣнію и бессознательно привлекалъ къ нему съ самой первой встрѣчи.

Приглашенный однажды на одно изъ нашихъ собраній, онъ пришёл довольно рано и когда я вошелъ въ комнату, то засталъ его въ горячемъ спорѣ съ двумя-тремя присутствовавшими тамъ женщинами о значеніи математическихъ наукъ для выработки строгаго мышленія; женщины не соглашались съ нимъ и, ложно толкуя Писарева, которому онъ, какъ и большинство молодежи поклонялись, утверждали, что строгость въ мышленіи достигается только изученіемъ естественныхъ наукъ, а не отвлеченной чистой математики. Чикоидзе строго, но добродушно качая своей волосатой головой, которую впоследствии другія женщины, его товарищи по процессу 50-ти, называли въ просторѣчій «шваброй», возражалъ своимъ оппоненткамъ, доказывая, что въ каждой отвлеченной математической формулѣ гораздо больше реальности, нежели въ теоріи происхожденія видовъ, къ небольшому смущенію своихъ оппонентокъ. Математика была его культомъ; впоследствии я узналъ отъ его товарищей по межевому училищу, а потомъ и по Михайловскому Артиллерійскому училищу, что онъ обладалъ необычайными математическими способностями, которыя были замѣчены сначала преподавателемъ Межевого Училища артиллеристомъ Воропаевымъ, а затѣмъ и профессоромъ Мих. Арт. Учил. въ Петербургѣ Будаевымъ, котораго поражалъ Чикоидзе не только способностями своими, но и обширными познаніями своими въ математическихъ наукахъ. Эти отзывы Воропаева и Будаева передавали мнѣ товарищи Чикоидзе, а самъ онъ былъ такъ скромень, что, кажется,

даже и не сознавалъ своихъ силъ и никогда не кичился своими знаніями.

Другой юноша, съ которымъ меня свела судьба на этихъ собраніяхъ, былъ кн. Александръ Циціановъ; это былъ молодой человекъ средняго роста, съ большимъ выдающимся лбомъ, съ особенно рельефно выступавшими лобными буграми, сильно оттѣняемыми его синими очками. Во время нашихъ споровъ онъ почти всегда сидѣлъ молча въ углу комнаты и, понуря голову, улыбался; трудно было разгадать, смѣется ли онъ надъ спорящими или сочувствуетъ комунибудь изъ нихъ.

Въ этомъ нашемъ юношескомъ кружкѣ, Циціанова я видѣлъ всего два и потомъ на нѣкоторое время потерялъ его изъ виду; потомъ я узналъ, что въ годъ моего окончанія курса гимназіи (въ 1872 году) Циціановъ бросилъ классическую гимназію и отправился въ Цюрихъ, а я и Чикоидзе отправились въ Петербургъ, чтобы поступить: Чикоидзе въ Артиллер. Училище, а я въ Медико-Хирургич. Академію, которую мнѣ пришлось, уже много лѣтъ спустя, промѣнять на юридическій факультетъ.

Вообще лѣтомъ 1872 года весь нашъ кружокъ разбрелся; значительная часть его уѣхала въ Россію для поступленія въ высшія учебныя заведенія; остальные заканчивали курсъ въ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ, поддерживая въ новыхъ рядахъ молодежи традиціи кружковой самостоятельности и самообразованія.

III.

Въ Петербургѣ я сразу попалъ въ среду молодежи, говорившей, мечтавшей и бредившей лишь о народѣ. Меня встрѣтили тамъ старшіе тифлисскіе товарищи; они проживали въ Лѣсномъ и ютились вчетверомъ въ одной комнатѣ; несмотря на то, что всѣ они получали порядочныя деньги изъ дому, я засталъ ихъ питающимися ржанымъ хлѣбомъ и безъ копѣйки денегъ; они нисколько не унывали и весело работали.

Мнѣ предстояло выбрать дорогу.

Еще на гимназической скамьѣ я мечталъ о врачебной дѣятельности. Незабытыя еще впечатлѣнія моего дѣтства въ деревнѣ, гдѣ я провелъ свои первые двѣнадцать лѣтъ жизни, подсказывали мнѣ, что въ роли врача можно очень много сдѣлать для бѣднаго люда. Мать моя, большая деревенская филантропка и глубоко вѣрующая женщина, бывало ежедневно посылала меня съ человекѣкомъ въ деревню, нагружая насъ чаемъ, сахаромъ, фруктами, свѣжимъ хлѣбомъ, булками, которая она выписывала себѣ изъ города и прочими съѣстными припасами, а также лекарствами для бѣдныхъ. Мы разносили все это бѣднымъ въ ихъ жилища, разбросанныя иногда въ разныхъ концахъ нашей обширной деревни (Сагареджъ), растянувшейся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ къ склону Цивскихъ горъ надъ долиной р. Іоры. На всю эту обширную деревню не было тогда ни одного врача, ни одного фельдшера и за всякимъ лекарствомъ крестьянамъ приходи-

лось ѣхать за 50 верстъ въ Тифлисъ. Естественно, какъ высоко цѣнили они заботливость моей матери. Меня, еще ребенка, уже тогда поражала бѣдность и убожество крестьянскихъ домовъ, куда я заходилъ, спѣша проворно выгрузить свою корзинку, чтобы избѣжать благодарности больныхъ, но они все-таки считали своимъ долгомъ подняться, если могли, съ постели, провожая меня благословеніями моей матери и выражая пожеланіе мнѣ долгой жизни, какой сподобился дѣдъ мой, умершій на 104-мъ году жизни.

Слезы и причитанія этихъ безпомощныхъ больныхъ, убожество ихъ жилищъ, нищенская обстановка и жизнь, въ которой они утопали, обезсиленные трудомъ, меня въ такой степени волновали, что иногда я отказывался исполнять порученія матери, потому что слезы и причитанія больныхъ меня самого доводили иногда до слезъ и заставляли горько чувствовать мою безпомощность серьезно помочь имъ. Но мать всегда умѣла склонить меня снова и снова посѣщать ихъ; «если ты не будешь, говорила она, ходить къ бѣднымъ, Богъ узнаетъ, что ты недобрый мальчикъ и, когда ты заболѣешь самъ и меня не будетъ съ тобою, никто тебѣ не поможетъ»; и я безпрекословно повиновался. Это чувство состраданія къ бѣднымъ, съ дѣтства развитое во мнѣ, опредѣлило и первые шаги моей жизни.

Естественно поэтому, что, попавъ въ Петербургъ, я постучался прежде въ двери Медико-Хирургической Академіи. Имѣя аттестатъ реальной, а не классической гимназіи, я въ сущности не имѣлъ права поступать въ эту Академію, но мнѣ посовѣтовали обратиться къ военному министру Милютину. По его распоряженію меня приняли въ Академію, такъ какъ мое хорошее знаніе языковъ французскаго и нѣмецкаго дѣнилось профессорами гораздо больше, нежели поверхностное знаніе гимназическаго курса латыни, съ какимъ вступали въ Академію классики. Что же касается преподаванія естественныхъ наукъ въ нашей реальной гимназіи, оно было поставлено такъ хорошо, что на 1-мъ курсѣ Академіи мнѣ почти ничего не приходилось дѣлать, такъ какъ уже въ гимназіи я зналъ гораздо больше по физиологіи, анатоміи, зоологіи, сравнительной анатоміи, химіи, физикѣ, ботаникѣ и минералогіи, нежели это требовалось по программѣ 1-го курса Медико-Хирургической академіи.

По принятіи меня въ Медико-Хир. Академію, я отправился въ Лѣсной Институтъ, гдѣ у меня были земляки. Этотъ институтъ былъ тогда центромъ сближенія петербургской молодежи; здѣсь въ обширномъ залѣ институтской бібліотеки и читальни можно было встрѣтить кого угодно—студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній Петербурга, а въ дешевой столовой при этомъ институтѣ обѣдалъ въ кредитъ каждый, кому хотѣлось ѣсть, лишь бы объ этомъ былъ предувѣдомленъ староста столовой. Тутъ-то впервые я увидѣлъ студенческія сходки; этими сходками руководили обыкновенно старые студенты или *въчные* студенты, какъ ихъ называли, а также иногда и люди, которые никогда студентами и не были, какъ-то нѣкоторые литераторы, а также бывшіе офицера, какъ Сергѣй Кравчинскій, Дмитрій Рогачевъ и многіе другіе.

Помню, меня очень поражало тогда, что темы споровъ на этихъ

сходкахъ, были тѣ же, что и въ далекомъ нашемъ тифлисскомъ кружкѣ: говорили о Парижской Коммунѣ, говорили о буржуазныхъ республиканцахъ, какъ объ измѣнникахъ народа, говорили о Нечаевѣ и его арестѣ въ Цюрихѣ и въ связи со всѣмъ этимъ о нашемъ правительствѣ, которое душитъ молодежь и народъ, какъ душило французское правительство Парижскую Коммуну.

Иногда я посѣщаль также сходки кружка студентовъ-кавказцевъ, которые собирались на квартирѣ кого-нибудь изъ земляковъ; но эти собранія были вообще мало-интересны, хотя темы были тѣ же, что и на русскихъ студенческихъ сходкахъ.

Проживъ первые мѣсяцы въ Петербургѣ и убѣдившись, что слушаніе лекцій въ Академіи—пустая трата времени для меня, такъ какъ программа 1-го курса, какъ я уже сказалъ, была пройдена мною еще раньше въ гимназіи, и находя, что основательное занятіе химіей мнѣ поможетъ въ изученіи многихъ отраслей медицины, я по совѣту студентовъ Лѣснаго Института Бакрадзе и Садовскаго попросилъ профессора Лѣснаго Института Бородина разрѣшить мнѣ заниматься въ лабораторіи института, такъ какъ при всемъ богатствѣ Медико-Хирургич. Академіи, ея химическая лабораторія постоянно пустовала и никто изъ студентовъ не занимался тамъ; старый профессоръ Зининъ поглощенъ былъ своими собственными изслѣдованіями, а профессоръ Бородинъ (однофамилецъ проф. Лѣснаго Института)—зять проф. Зинина занимался, по словамъ самого же Зинина, больше музыкой, чѣмъ химіей.

Профессоръ Лѣснаго Института согласился на мою просьбу и я приступилъ къ занятію количественнымъ анализомъ, т. к. качественнымъ анализомъ я занимался еще въ гимназической лабораторіи.

Въ виду того, что занятія въ лабораторіи велись обыкновенно по вечерамъ, начиная часовъ съ 5—6, мнѣ неудобно было уже жить въ Петербургѣ и я совсѣмъ переселился въ Лѣсной Институтъ, гдѣ къ услугамъ моимъ оказалась не только просторная комната, но и вся необходимая обстановка съ постелью, самоваромъ и даже булкой и молокомъ по утрамъ и обѣдомъ въ кредитъ въ столовой Института. Когда какой-то сторожъ явился ко мнѣ съ просьбой сообщить ему мою фамилію, чтобъ написать ее на дверяхъ моей комнаты, я просилъ его не дѣлать этого, такъ какъ я студентъ Мед. Академіи, а не Лѣснаго Института; но онъ преспокойно отвѣтилъ мнѣ: «да, я это знаю; мало ли студентовъ не лѣсниковъ, которые цѣлыми годами живутъ у насъ, а все же фамилію надо прописать на дверяхъ».

Дѣйствительно, порядки были въ то время такіе удивительно патріархальные, что тамъ, какъ мнѣ рассказывали, проживали нерѣдко литераторы и другіе интеллигенты, временно не имѣвшіе никакого пріюта. Я расположился такимъ образомъ въ Институтѣ на всѣхъ правахъ студента-лѣсника. Утромъ раза три въ недѣлю я шель въ Петербургъ, чтобъ работать въ препаровочной, гдѣ сверхъ программы 1-го курса я занимался практической анатоміей у проф. Ландцера, чтобъ облегчить себѣ предстоящія занятія на 2-мъ курсѣ у проф. Грубера, работы у котораго отнимали обыкновенно массу времени у студентовъ и мѣшали занятіямъ по физиологіи и гистологіи, читавшимся также на 2-мъ курсѣ.

По вечерамъ я возвращался опять въ Лѣсной и занимался химіей въ лабораторіи Института, а остальное свободное время посвящалъ чтенію книгъ по разнымъ общественнымъ и научнымъ вопросамъ, поставщикомъ которыхъ въ Институтѣ былъ въ то время большой библиоманъ, старый студентъ—Игнатій Госсельяни изъ типа вѣчныхъ студентовъ, котораго мы въ шутку назвали Игнатиємъ Лойоллой; онъ обладалъ рѣдкими библиографическими свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ знанія, и былъ живой книгой, очень полезной для студенчества. У него всегда можно было найдя цѣлый складъ лучшихъ произведеній того времени по вопросамъ социальнымъ, политико-экономическимъ и историческимъ. Благодаря сношеніямъ его со всѣми книжными магазинами, у него раньше всѣхъ можно было найти на столѣ всевозможную литературную новинку. Я обязанъ ему тѣмъ, что, не выходя изъ зданія Лѣснаго Института, могъ доставать самыя новѣйшія и самыя лучшія книги; я перечелъ въ то время неимоверную массу солидныхъ книгъ и журнальныхъ статей, составлявшихъ иногда библиографическую рѣдкость; черезъ него же я получалъ всякія запрещенныя и заграничныя изданія. Впослѣдствіи, въ разгаръ революціоннаго движенія того времени, послѣ бурныхъ сходовъ въ Институтѣ, кончавшихся обыкновенно поздно ночью, можно было встрѣтить раннимъ утромъ въ его комнатѣ цѣлый нелегальный складъ не однѣхъ книгъ, но и нелегальныхъ людей, располагавшихся въ его номерѣ, какъ въ своемъ собственномъ.

Зимой 1873 года, когда появился уже журналъ «Впередъ», издававшійся за-границей эмигрантомъ П. Л. Лавровымъ, сходки студентовъ еще болѣе участились. Мнѣ приходилось участвовать тогда на такихъ сходкахъ, наприм. на Петербургской сторонѣ и въ Измайловскомъ полку, гдѣ молодежь собиралась иногда въ числѣ около тысячи человѣкъ. Студенческая молодежь, интересовавшаяся общественными дѣлами, дѣлилась уже тогда на двѣ большія партіи: бакунистовъ и лавристовъ и оказывала поддержку соответственнымъ изданіямъ за-границей. Въ Мед. Академіи уже съ давнихъ поръ существовалъ обычай ежегодно устраивать студенческіе вечера, которые давали иногда до 5,000 руб. сбора. Распредѣленіе этихъ суммъ предоставлялись курсовымъ представителямъ. Зимой 1873 года мнѣ по выбору товарищей пришлось быть представителемъ отъ 2-го курса и принять участіе въ распредѣленіи этихъ суммъ. Вся Академія выбрала 10 человѣкъ, по 2 отъ курса; мы должны были обойти и осмотрѣть квартиры студентовъ, просившихъ пособія.

Мнѣ впервые пришлось тогда видѣть такія картины студенческой бѣдности, которая пожалуй оставляли за собою все видѣнное въ деревнѣ; нѣкоторые изъ студентовъ были въ такомъ ужасномъ положеніи, что мы тутъ же, не дожидаясь распредѣленія собранныхъ денегъ, выдавали имъ на свой страхъ по нѣсколько рублей, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти или отъ перспективы очутиться на улицѣ за неуплату квартирныхъ денегъ за уголь, который занималъ иногда студентъ, держа какой-нибудь перепиской себя, мать, сестру или маленькаго брата на какихъ ниб. 25 коп. въ день. Но рядомъ съ такими бѣдняками оказывались зачастую и люди, жившіе не только

безбѣдно, но по-студенчески даже роскошно; мы имѣ, конечно, отказывали въ пособіи. И вотъ, когда всѣ необходимыя свѣдѣнія были собраны, мы сошлись у одного изъ представителей курса, помнится у студента Воронцова, чтобъ окончательно распредѣлить собранныя деньги. Кто-то изъ присутствующихъ внесъ неожиданно предложеніе распредѣлить между дѣйствительно нуждающимися студентами только половину сбора, а другую половину около 2500 руб. отдать на поддержку изданій Лаврова и Бакунина, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что распространеніе такихъ изданій скорѣе приведетъ къ уничтоженію бѣдности и всяческихъ неправдъ, чѣмъ бесплодная филантропія; поднялись нѣсколько голосовъ протеста; заявляли, что мы не въ правѣ употреблять по своему усмотрѣнію, хотя бы на общественное дѣло деньги собранныя для студенчества. Но эта строго правовая постановка вопроса побѣдить не могла; многіе указывали, что сборъ былъ бы на половину меньше, если бы въ дѣло распространенія билетовъ не вложили свой трудъ и энергію лица, задавшіяся цѣлью поддержать именно названныя изданія; они говорили, что формально—правовая сторона лишена внутренней правды и проч. и проч. Самовластное употребленіе денегъ было принято. Но такъ какъ распредѣленіе этихъ суммъ происходило подъ контролемъ начальника и инспектора Академіи, то суммы, предназначенныя для выдачи на нелегальныя изданія, приходилось записывать на имя студентовъ заранѣе дававшихъ свое согласіе уступить получаемыя ими пособія на эти изданія. Это фиктивное распредѣленіе пособій нѣсколько испортило дѣло и меня очень шокировало; мнѣ казалось, что мы совершаемъ нѣчто вродѣ кражи и чтобы выйти изъ этого неловкаго положенія я предложилъ, чтобъ право распредѣленія пособій было по крайней мѣрѣ предоставлено намъ безконтрольно; но предложеніе мое было отвергнуто, такъ какъ начальство все равно не согласилось бы съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе такое фиктивное распредѣленіе пособій очень хорошо было извѣстно тогдашнему инспектору Пескову и начальнику Академіи Чистовичу; но во избѣжаніе разнаго рода осложнений, они смотрѣли на это сквозь пальцы, тѣмъ болѣе, что то же самое продѣлывалось и съ суммами, собираемыми съ баловъ и вечеровъ другими учебными заведеніями. Можно смѣло было сказать, что въ первое время, т. е. въ 1873—74 г.г., большая часть революціонныхъ изданій велась въ значительной мѣрѣ на деньги, собираемыя студентами; конечно, были единичныя пожертвованія состоятельныхъ лицъ, но сумма ихъ была несравненно ниже суммы сборовъ; такихъ лицъ можно было перечесть по пальцамъ. Сверхъ того, революціонныя изданія не только требовали издержекъ, но давали и нѣкоторый доходъ, такъ какъ молодежь, и другая интеллигенція часто платила за нихъ хорошия деньги; помню, какъ за нумеръ «Впередъ» и за «Государственность и Анархія» платили отъ 2 до 5 рублей, а иногда и больше. Правда, эти книги приходилось перевозить черезъ границу, что сопряжено было съ большимъ рискомъ и немалыми расходами, но расходы эти вполнѣ покрывались, вѣроятно, продажей изданій. Въ то время агентуру бакунистскихъ изданій держалъ нѣкто Рабиновичъ, вполнѣ известный ренегатъ, выдавшій почти весь составъ кружка Чайковцевъ;

агентура журнала «Впередъ» была въ рукахъ студента Медико-Хир. Академіи Гинсбурга, который до конца 1875 года дѣятельно собиралъ деньги для поддержки лавровскаго изданія; но съ каждымъ годомъ сборы были труднѣе и труднѣе и уже въ февралѣ 1875 года нашей, уже тогда создавшейся, организациі пришлось выдать въ Москвѣ Гинсбургу на поддержку журнала «Впередъ» 2.000 рублей черезъ Евг. Субботину. Между этими двумя агентами, т. е. Рабиновичемъ и Гинсбургомъ происходили вѣчныя недоразумѣнія, доходившія иногда почти до открытаго скандала; они перехватывали другъ у друга контрабандный путь, открыто обвиняли другъ друга въ яко бы умышленномъ провалѣ цѣлой партіи контрабанды и вся эта неприличная свара возмущала молодежь, которой не было никакого дѣла до ихъ счетовъ и которая относилась съ одинаковымъ интересомъ къ обоюроду изданія и съ одинаковой жадностью читала и тѣ и другія.

Молодежь была права, не дѣлая различія между этими изданіями. Споры петербургскихъ представителей бакунистовъ и лавристовъ были чисто академическіе, вродѣ того, напримѣръ, нужно ли дать народу знаніе и именно въ полномъ размѣрѣ, чтобъ произвести революцію; нужно ли самимъ революціонерамъ запастись большими знаніями, или же ограничиться имѣющимъ у нихъ багажемъ и идти съ нимъ на революціонное дѣло и т. п. На эти темы шли безконечные и безплодные споры, бесплодные потому, что никто не зналъ народа, никто не обращалъ вниманія на то, что въ сущности и та и другая тактика была хороша въ зависимости отъ того или другого даннаго историческаго момента, отъ той или другой мѣры накопленія революціонной энергіи въ народѣ. Въ этихъ спорахъ на ряду съ немногими серьезными людьми принимало участіе не мало болтуновъ, крикуновъ и фразеровъ, совершенно незнакомыхъ съ народной жизнью; эти люди отрицая всякую подготовительную организационную работу толкали болѣе впечатлительныхъ юношей на чрезвычайно скользкій путь, приводившій весьма часто къ разочарованію и ренегатству. Адепты же партіи лавристовъ, называвшіе себя также марксистами, хотя съ Марксомъ они, пожалуй, были менѣе знакомы, чѣмъ лучшіе представители бакунистовъ, вѣчно ходили, какъ бы съ тяжелой артиллеріей, пригнетавшей ихъ къ землѣ, слишкомъ не соответствовавшей пылкимъ запросамъ молодежи, готовой отдать безъ оглядки жизнь, лишь бы поскорѣе сломить цѣпи политическаго и экономическаго рабства, угнетавшаго народъ. Большинство этихъ марксистовъ разсуждали объ организациі рабочаго класса, о пропагандѣ теоріи Маркса среди рабочаго населенія, не имѣя ни мужества, ни таланта проникнуть въ эту среду, сойтись съ рабочими и подвинуть ихъ на что либо активное. Это были горожане—теоретики и только. Лучшая часть молодежи внимательно прислушивалась и къ тѣмъ и къ другимъ, но сама намѣчала свой путь. Она быстро разобралась въ этихъ иногда бесплодныхъ теоретическихъ спорахъ и произнесла свой приговоръ надъ обѣими партіями: лавристовъ она признала резонерами, не способными къ активной работѣ, бакунистовъ назвала вспышко-пускателями, которые толкаютъ молодежь на многочисленныя вспышки, кончающіяся горькимъ разочарованіемъ, а потомъ и бесплодной гибелью сотенъ молодыхъ жизней.

Теоретическіе споры о томъ, слѣдуетъ-ли бороться за политическую свободу или необходимо теперь же добиться торжества социализма, надѣли всѣмъ; всѣмъ хотѣлось бороться и за политическую свободу и противъ экономическаго рабства. Бросивъ безплодные споры и узкія одностороннія программы, молодежь ринулась въ народъ, ища тамъ отвѣта на свои наболѣвшіе вопросы.

Многимъ изъ насъ, дѣтямъ сельскихъ сословій хорошо было извѣстно и раньше, что такое народъ, чего онъ хочетъ. Проповѣдь Бакунина мы понимали въ томъ смыслѣ, что надо организовать массу интеллигентную, рабочую и крестьянскую противъ всей жизненной неправды, чтобы разомъ ударить на врага; задаваться же цѣлью преподавать народу тонкости ученія социализма, сдѣлать массу сознательной въ проведеніи въ жизнь социалистическаго, въ частности марксистскаго, идеала, мы считали сумасбродствомъ и толченьемъ воды. Другое дѣло горожане; ихъ увлекала стройность этой теоріи; они совершенно не знали массы и никогда не имѣли съ нею дѣла; они знали эту массу лишь по книгамъ, а когда соприкасались съ нею въ дѣйствительности, народъ казался имъ сфинксомъ; они думали, что проповѣдью отрицанія царя, бога, церковныхъ обрядовъ, брака и проч. можно увлечь народъ; мы же съ дѣтства знавшіе его въ деревнѣ безсознательно изучившіе тамъ психологію массъ, никогда не переоценивали ее; мы прекрасно знали, что къ народу надо подходить очень осторожно и при томъ умѣло, въ противномъ случаѣ вся эта масса пойдетъ противъ насъ и станетъ за правительство съ царемъ и духовенствомъ во главѣ. На ряду съ ея положительными сторонами, мы прекрасно знали отрицательныя свойства народной массы и мирились даже съ фактомъ возможнаго предательства насъ со стороны крестьянъ и рабочихъ. Примѣры такого предательства были уже въ концѣ 1873 и началѣ 1874 года, какъ были тѣ же примѣры и въ интеллигенціи. Естественной реакціей противъ вышеуказанныхъ безплодныхъ, наскучившихъ всѣмъ споровъ явилась могучая волна движенія въ народъ. Эта волна была такъ сильна, что стерла въ сердцахъ молодежи всѣ другіе расчеты, всѣ мечты о наукѣ, о личномъ будущемъ; получение диплома считалось тогда преступленіемъ; всѣ немедленно спѣшили покинуть стѣны учебныхъ заведеній, чтобы поскорѣе сжечь свои корабли; всѣ спѣшили облечься въ сермягу и двинуться въ народъ, чтобы тамъ жить его жизнью, дѣлать съ нимъ горе и радость. Не только высшія, но и среднеучебныя заведенія быстро пустѣли, а такъ какъ пристроиться всѣмъ сразу въ народъ было не легко, то большая часть этихъ молодыхъ людей продолжала оставаться въ Петербургѣ. Всего труднѣе приходилось тогда молодымъ дѣвушкамъ, которыхъ за самовольное оставленіе учебныхъ заведеній родственники часто лишали средствъ и онѣ не знали, чѣмъ жить. Нѣкоторыя изъ нихъ вступали въ фиктивные браки, чтобы избавиться отъ стѣснительной родительской опеки и располагать своими личными средствами, если они у нихъ были, но браки эти часто еще болѣе осложняли дѣло; если такая дѣвушка попадалась въ чѣмъ-нибудь, то администрація водворяла ее немедленно въ домъ фиктивнаго мужа, котораго это обстоятельство не могло не смущать. Я помню, какъ нѣкая П — а,

связанная фиктивнымъ бракомъ съ однимъ лицомъ и жившая позднѣе, какъ жена, съ другимъ, арестованная въ Петербургѣ, была выслана къ фиктивному мужу, а этотъ послѣдній отказался принять ее. Подобныя исторіи производили удручающее впечатлѣніе; еще болѣе удручаль меня эксцентричный наружный видъ этихъ дѣвушекъ, совсѣмъ негармонировавшій съ привычной условностью: высокіе смазные сапоги, платье какого-то необыкновеннаго покроя, поверхъ платья не то пледъ, не то платокъ, стриженные волосы, а на головѣ мужская шляпа. Весь этотъ ненужный маскарадъ меня удивлялъ не на шутку. Подобной эксцентричностью возмущала меня, напр., В. П. Рогачева (рожд. Карпова); она возмущала всѣмъ внѣшнимъ видомъ, своими жестами, разговоромъ; а между тѣмъ она была прекрасной души человѣкомъ; я познакомился съ нею ближе лѣтъ черезъ семь послѣ описываемаго періода, когда всѣхъ насъ, заключенныхъ, въ томъ числѣ ея фиктивнаго мужа Дм. Рогачева, изъ Харьковской Центральной тюрьмы пересылали въ Сибирь въ Карійскую каторжную тюрьму. Здѣсь на пути я напомнилъ ей наши первыя встрѣчи въ Петербургѣ и откровенно высказалъ мое тогдашнее возмущеніе. По внѣшности она уже перестала быть эксцентричной, но меня все-же поражало въ ней, что проведя на волѣ около 7 лѣтъ, и стоя почти въ сторонѣ отъ движенія (все это время она провела въ административной ссылкѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ), была, какъ и раньше, почти полной невѣждой; она не попыталась изучить даже исторію, пониманіе которой такъ важно для всякаго революціонера и на мое удивленіе, высказанное по этому поводу, она пояснила, что и до сихъ поръ остается при томъ же мнѣніи, что для революціонера не требуется знаній, что знаніе лишняя обуза для него и революціонеру нужно одно самоотверженіе и честность.

Вотъ какъ своеобразно преломлялся бакунизмъ въ нѣкоторыхъ умахъ. В. П. Рогачева смотрѣла, слѣд., на вопросъ о ненужности знанія не какъ на уступку требованіямъ момента, а какъ на безусловное положеніе, независимое отъ времени и мѣста; и такихъ было не мало.

Будучи революціонеромъ по убѣжденію, я не раздѣлялъ однако мнѣнія той части молодежи, которая, призывая всѣхъ идти въ народъ, требовала обязательнаго оставленія учебныхъ заведеній; мнѣ казалось что знаніе, какъ профессиональное, такъ и всякое другое, способствующее общему развитію человѣка, отнюдь не составляетъ того груза, который можетъ помѣшать революціонеру въ революціонной дѣятельности; поэтому, стоя довольно близко къ революціонной молодежи, я продолжалъ заниматься въ Академіи со всѣмъ юношескимъ пыломъ со всей жадной знанія.

Но судьбѣ угодно было распорядиться мною не такъ, какъ я того хотѣлъ.

IV.

Послѣ выхода изъ Академіи профессора Сѣченова, кафедру фізіологіи въ Академіи занялъ профессоръ Ціонъ, человѣкъ крайне не симпатичный, получившій мѣсто въ Академіи, благодаря лишь протек-

ціи высокопоставленныхъ лицъ. Профессора Академіи дѣлились въ то время на двѣ партіи—русскую и нѣмецкую; русская партія во главѣ съ Груберомъ (чехъ), Заворыкинымъ, Рудневымъ и Боткинымъ была противъ Ціона; нѣмецкая же партія во главѣ съ профессорами Эйхельдомъ, Ланцуертомъ и другими—за Ціона. Груберъ не скрывалъ своего антагонизма къ нему и нерѣдко во время экзаменовъ ни съ того, ни съ сего начиналъ держать рѣчь на своемъ полу-русскомъ, полу-латынскомъ и полу-нѣмецкомъ языкѣ о томъ, какъ профессоръ Ціонъ удостоился степени доктора медицины за открытіе какого-то якобы нерва, который впослѣдствіи оказался простой связкой; помню, какъ насъ смѣшилъ и его воляпюкъ и его придиричвость и то, что, добросовѣстно оцѣнивая знаніе студента, онъ нерѣдко произносилъ сурово: «ну, господинъ (имя рекъ), приходите еще разъ»; аудиторія разражалась гомерическимъ хохотомъ и громко апплодировала этой привычной фразѣ; и самъ срѣзавшійся студентъ хохоталъ обыкновенно до упаду, удивляясь, какъ это Груберъ, рассказывая о продѣлкахъ Ціона, все же узналъ, что онъ не готовъ къ экзамену. При всей неумолимой строгости къ знанію студентовъ, порою даже придиричвости его, многочисленныя поколѣнія студентовъ, прошедшія черезъ руки Грубера, всегда относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, главнымъ образомъ, потому, что онъ смѣло отстаивалъ неприкосновенность своихъ владѣній (анатомическій театръ на Выборгской сторонѣ) и во всѣ смутные періоды жизни Академіи, когда полиція разносила другія аудиторіи, она не могла проникнуть въ анатомическій театръ, куда обыкновенно спасались преслѣдуемые полиціей студенты. Тутъ Груберъ выходилъ въ своемъ кожанномъ халатѣ и, стоя въ трагической позѣ, объявлялъ полиціи и жандармамъ, будь въ числѣ ихъ хоть самъ Треповъ, что никто не смѣетъ переступить порогъ анатомическаго театра, что онъ Груберъ никому не позволитъ осквернить храмъ науки, который онъ обязанъ оберегать какъ святилище. Эта благородная рѣчь и его выразительная фигура производили должное впечатлѣніе на полицію и она стушевывалась, разсѣивалась, какъ дымъ. Осенью 1874 года, когда вспыхнули открытые беспорядки, вызванные Ціономъ, нѣкоторые изъ вожаковъ студентовъ, преслѣдуемые полиціей, нашли себѣ убѣжище въ анатомическомъ театрѣ; Груберъ объявилъ помощнику Трепова—Козлову, что готовъ встрѣтить грудью всякое насиліе, но студентовъ не выдастъ; объявивъ это, онъ заперъ дверь анатомическаго театра, и самъ лично поѣхалъ къ Александру II-му, который приказалъ полиціи не трогать этого помещенія.

Такая защита студентовъ отъ насилія полиціи страшно подкупала молодежь, и старикъ Груберъ пользовался неслыханной симпатіей ея, несмотря на то, что большинство студентовъ относилось отрицательно къ его строгимъ экзаменамъ и къ его ассистентамъ, которые фактически всегда его замѣняли.

Эта огромная популярность Грубера, личнаго врага Ціона, грозила послѣднему гибелью и самъ Ціонъ всѣмъ своимъ мелкимъ существомъ способствовалъ этой гибели. Въ то время, какъ всѣ знаменитости Академіи ходили на лекціи въ слякоть и дождь пѣшкомъ,

или тряслись на ванкѣ, профессоръ Ціонъ наряжался въ свой генеральскій мундиръ и пріѣзжалъ въ каретѣ. Его еврейское произношеніе, монотонность рѣчи, вся его невидная фигура прямо отталкивали насъ; только что вышедшій его курсъ фізіологіи съ массой научныхъ ошибокъ, которыя были тотчасъ же отмѣчены въ прессѣ, окончательно подорвалъ къ нему довѣріе студентовъ. Мало того, учредивъ экспериментальный курсъ фізіологіи, демонстрируя на немъ разные фізіологическіе опыты, онъ объявилъ, что студенты, желающіе заниматься въ его лабораторіи, обязаны подвергаться ежемѣсячному экзамену, въ противномъ случаѣ онъ никого не допуститъ къ этимъ занятіямъ. Такая регламентація обидѣла и возмутила всѣхъ студентовъ, искренно желавшихъ изучать фізіологію; это и понятно; незнающій студентъ не станетъ попусту ходить въ лабораторію и цѣлые часы, а можетъ быть и дни, посвящать необязательнымъ опытамъ по фізіологіи; очевидно Ціонъ путемъ стѣснительныхъ регламентацій хотѣлъ ограничить число занимающихся въ лабораторіи и тѣмъ избавить себя отъ обязанности руководить ихъ занятіями. Уже въ 1872 году студенты бойкотировали лабораторію Ціона и въ ней продолжали заниматься какихъ нибудь 4—5 человекъ, которые на моихъ глазахъ чуть не были избиты въ аудиторіи и одного изъ нихъ мнѣ лично пришлось спасать отъ наступавшихъ на него съ кулаками студентовъ. Лучшая, занимающаяся молодежь бойкотировала лабораторію Ціона; его регламентаціи подчинились только карьеристы, для которыхъ внѣ диплома другого божества не было.

Возмущеніе противъ Ціона росло; онъ счелъ нужнымъ свести счеты съ Груберомъ и его партіей и, не будучи въ состояніи открыто помѣряться съ ними силами, задумалъ выместить свою злобу на насъ—студентахъ.

Задумалъ онъ это сдѣлать во время экзаменовъ 1874 года, т. е. при переходѣ моемъ со 2-го курса на 3-й.

Ціонъ порѣшилъ рѣзать всѣхъ студентовъ, которые имѣли полные баллы у Грубера и Заворыкина; нѣкоторые изъ студентовъ прознали объ этомъ и, явившись рано на экзамень, стали предупреждать другихъ, что проф. Ціонъ хочетъ экзаменовать не только по фізіологіи, но и по анатоміи и гистологіи, надѣясь доказать этимъ, что лучшіе студенты Грубера и Заворыкина ничего не знаютъ. Весь курсъ изъ 250 человекъ постановилъ не отвѣчать Ціону ни на одинъ вопросъ по анатоміи и гистологіи; рѣшеніе это состоялось до моего прихода и когда мнѣ объявили его, я выразилъ сочувствіе—меня возмущалъ мелочный замыселъ Ціона. Вызывали обыкновенно по алфавиту; несмотря на это, меня почему-то вызвали первымъ; мнѣ достался билетъ—фізіологическія функціи почекъ.

— Прежде, чѣмъ говорить о фізіологическихъ функціяхъ, потрудитесь описать анатомическое и гистологическое строеніе почекъ», сказалъ мнѣ внушительно Ціонъ.

— Ваше желаніе исполнено не будетъ, отвѣтилъ я, потому что сегодня экзамень по фізіологіи, а по анатоміи и гистологіи экзамены мы уже сдали. Происходитъ длинное препирательство. Наконецъ, не слушая его, я приступаю къ изложенію фізіологическихъ функцій;

Ціонъ волнуется, призываетъ въ свидѣтели ассистентовъ, указывая имъ, что я не подчиняюсь его законнымъ требованіямъ; я съ своей стороны указываю на незаконность его требованій; слышенъ многоголосый ропотъ студентовъ по адресу Ціона и громкое обращеніе ко мнѣ: «не отвѣчайте ему, не отвѣчайте». Все это меня выводитъ изъ терпѣнія, я встаю съ кресла и говорю Ціону: «собственно говоря, съ вами и разговаривать то не стоитъ». Вставая съ кресла, я кладу на столъ перо, которое держалъ въ рукахъ и слышу въ это время крикливый возгласъ Ціона: «смотрите господа, онъ бросилъ въ меня перо». Эта ложь сильно возмутила меня; ассистентами были: Эйхвальдъ, Ландцертъ, Бородинъ и еще кто-то. Я обращаюсь къ нимъ и спрашиваю: «когда же я бросилъ перо въ Ціона?» Въ отвѣтъ полное молчаніе; тогда я говорю имъ: «въ учебномъ заведеніи, гдѣ потворствуютъ лжи, оставаться не стоитъ» и, присѣвъ тутъ же, я взялъ листъ бумаги и написалъ: «не желая больше оставаться въ академіи, прошу выдать мнѣ мои документы», и, вручивъ эту бумагу инспектору академіи Пескову, ушелъ. Вслѣдъ за мною были вызваны еще четыре студента и съ ними произошло то же, что и со мною. Тогда Ціонъ уступилъ и пересталъ экзаменовать по анатоміи и гистологіи, такъ что остальные экзамены прошли спокойно. Ціонъ просилъ конференцію предать насъ пятерыхъ академическому суду за оскорбленіе, нанесенное ему. Предсѣдателемъ суда былъ профессоръ Бородинъ (химикъ, онъ же композиторъ); всѣ остальные были нѣмецкой партіи и насъ осудили на 8 сутокъ на гауптвахту. Бородинъ пригласилъ меня къ себѣ на квартиру, просилъ подчиниться рѣшенію суда и взять назадъ заявленіе объ отставкѣ; я не согласился, не согласился, кажется, и Венгеровъ. Лучшіе студенты поклялись отомстить Ціону. «Не пройдетъ и года, говорили они мнѣ, какъ мы свалимъ этого карьериста и свалимъ такъ, что онъ не найдетъ себѣ кафедръ на всемъ земномъ шарѣ».

Дѣйствительно, такъ и случилось. Осенью 1874 года произошли такіе беспорядки въ академіи, что Ціонъ вынужденъ былъ навсегда покинуть кафедру физиологіи и только послѣ долгихъ скитаній, онъ устроился въ Парижѣ, но не профессоромъ по кафедрѣ физиологіи, а агентомъ министерства финансовъ; эта роль, очевидно, ему была болѣе по плечу.

Вскорѣ по объявленіи намъ вышеприведеннаго приговора академическаго суда, инспекторъ академіи просилъ насъ въ назначенный день явиться на адмиралтейскую площадь, откуда онъ и свелъ меня на гауптвахту при адмиралтейской части, а другихъ въ другія мѣста.

Отправляясь на гауптвахту, я взялъ съ собой «Капиталь» Маркса, книгу, которую я полюбилъ, изучая ее еще въ 1872 году и мнѣ доставляло удовольствіе перечитывать ее, начиная съ любой главы. На гауптвахтѣ, въ одной комнатѣ со мною оказались гвардейскіе офицеры, которые все время ѣли и закусывали, запивая все это хересомъ, мадерой и шампанскимъ. Несмотря на различіе нашихъ привычекъ, не прошло и двухъ дней, какъ мы перезнакомились и у насъ завязались оживленныя бесѣды; оказалось, что они знакомы съ произведеніями Герцена и Бакунина, слышали кое-что о Чернышевскомъ,

Михайловѣ, Писаревѣ. Но всѣхъ больше ихъ интересовалъ Бакунинъ; одинъ изъ нихъ, какъ оказалось, былъ съ нимъ лично знакомъ. Когда я заговорилъ о Лавровѣ и журналѣ «Впередъ», онъ отвѣтилъ мнѣ: «ну, это что за революціонеръ, писалъ бы лучше исторію, а революція не его дѣло». Ночью они рассказывали мнѣ о распутной жизни, какую вели высокопоставленныя лица, говорили, что у нихъ цѣлый гаремъ изъ дѣвицъ—институтокъ, что морское начальство воруетъ цѣлые милліоны во флотъ и сплавляетъ ихъ за-границу, что всѣ они готовы продать Россію нѣмцамъ и т. д. и т. д. Тутъ мнѣ пришлось встрѣчаться и съ дежурными по караулу изъ разныхъ полковъ; помню офицера Семеновскаго полка, который собирался поступить въ технологическій институтъ, и который не мало изумилъ меня своимъ знакомствомъ съ исторіей движенія въ Россіи; онъ говорилъ о значеніи декабристовъ и находилъ, что вся ошибка ихъ въ томъ, что они не сумѣли захватить въ руки власть; помню, какъ я горячо спорилъ съ нимъ по этому поводу, высказываясь противъ всякаго захвата власти, такъ какъ вмѣстѣ съ бакунистами я признавалъ принципъ народо-властія и былъ противъ всякаго захвата.

Случайная встрѣча на гауптвахтѣ съ массой офицеровъ разныхъ полковъ, ихъ смѣлое вольнодумство и рѣзкая критика существующаго порядка правленія, сходная въ нѣкоторыхъ частяхъ съ той критикой, которую мы сами высказывали, еще болѣе убѣдила меня, что почва для революціи готова даже въ такой средѣ, какъ гвардія. Но я, какъ и вся тогдашняя молодежь, если былъ противъ захвата власти, то въ особенности противъ захвата ея войскомъ, такъ какъ это могло бы привести только къ *pronunciamento*.

Недовольство въ крестьянской и рабочей средѣ, недовольство всей молодежи, недовольство, наконецъ, въ средѣ офицеровъ,—все это заставляло думать, что при умѣлой организаціи этихъ готовыхъ элементовъ, можно создать открытый сознательный протестъ, который будетъ услышанъ и поддержанъ всей страной. Эта мысль поглощала тогда всю мою душу.

Подавъ прошеніе объ отставкѣ, я тогда же, уходя съ экзамена, рѣшилъ уѣхать въ Парижъ и тамъ въ странѣ свободы закончить курсъ медицины и скорѣе вернуться въ Россію. Я тогда же условился ѣхать за-границу съ однимъ товарищемъ, студентомъ-медикомъ Иванушевичемъ, съ которымъ я жилъ на одной квартирѣ и который, какъ австрійскій сербъ, пользовался стипендіей славянскаго комитета. Его страшно тяготилъ петербургскій режимъ, онъ увѣрялъ меня, что даже славянамъ въ Турціи живется гораздо свободнѣе, нежели намъ въ Россіи и звалъ ѣхать въ Европу. Такое мнѣніе о положеніи славянъ въ Турціи не мѣшало ему мечтать объ освобожденіи ихъ изъ подъ турецкаго ига; онъ стоялъ близко къ подготовлявшемуся тогда движенію славянъ на Балканахъ; помню, какъ къ намъ приходили тогда сербы-офицеры русской службы и съ восторгомъ говорили о томъ, что скоро, очень скоро вспыхнетъ возстаніе на Балканахъ и славяне при помощи Россіи освободятся отъ ига турецкаго. Когда же освободится сама Россія, думалось мнѣ...

Иванишевичъ почти ежедневно посѣщаль меня на гауптвахтѣ; вмѣстѣ съ нимъ приходилъ ко мнѣ и Михаилъ Чикоидзе, который незадолго передъ тѣмъ рѣшилъ бросить Михайловское Артиллерійское училище, стѣснительные порядки котораго онъ не въ состояніи былъ терпѣть; онъ любилъ военныя науки, но питаль отвращеніе къ субординаціи, царившей въ русской военной службѣ. Здѣсь же на гауптвахтѣ мы порѣшили всѣмъ троимъ ѣхать въ Парижъ, побывать въ Цюрихѣ, Женевѣ, ознакомиться съ интернціональнымъ движеніемъ, которое тогда такъ интересовало насъ и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, устроиться, гдѣ это будетъ возможно.

Къ намъ присоединились вскорѣ еще два студента-технолога—Иванъ Кузьминъ и Николай Дмитріевъ, оба уроженцы Кавказа.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1874 года мы двинулись въ путь, денегъ у насъ было немного; помню, я внесъ въ общую кассу, кажется, двѣсти рублей, изъ которыхъ сто я передъ самымъ отъѣздомъ получилъ отъ уполномоченнаго Уральскаго Казачьяго Войска полковника П. В. Мартынова, сына и дочь котораго я подготовлялъ въ гимназію. Мартыновъ былъ человѣкъ образованный, все время возилъ съ Гакстгаузеномъ, Чернышевскимъ, какъ защитникомъ общиннаго землевладѣнія и относилъ къ молодежи съ большимъ сочувствіемъ и любовью. Его щепетильность въ дѣлѣ вознагражденія за трудъ была поистинѣ рѣдкая; онъ не только платилъ мнѣ за каждый урокъ по три рубля, но если я случайно просиживаль съ дѣтьми болѣе часа, то онъ оплачиваль и это добавочное время. Такое отношеніе было для меня большой неожиданностью и когда я отказывался принять деньги за эти добавочные часы, онъ говорилъ мнѣ: «помилуйте, вы такъ много трудитесь для моихъ дѣтей, я—честный человѣкъ цѣню вашъ трудъ». Эта его щедрость облегчила мнѣ возможность побывать за-границей. Онъ очень сожалѣлъ, что я бросилъ Академію.

Мы отправились за-границу черезъ Варшаву, на Границу, Вѣну, Мюнхенъ, Цюрихъ, Мюльгаузенъ, Парижъ.

Путешествіе это не обошлось безъ нѣкоторыхъ приключеній, о которыхъ писали тогда даже въ газетахъ. Направляясь изъ Швейцаріи въ Парижъ, мы приѣхали въ Мюльгаузенъ въ 1 часть ночи, а въ 3^{1/2} отходилъ нашъ поѣздъ; находя излишнимъ отправляться ночью на такое короткое время въ городъ и занимать номеръ на какихъ нибудь 2 часа, мы рѣшили провести эти часы въ довольно обширномъ саду, который находился тутъ же, противъ вокзала; привыкшіе въ Россіи проводить цѣлыя ночи на вокзалѣ, въ ожиданіи поѣзда, мы были поражены, когда по требованію начальства пришлось оставить вокзалъ. Мы вышли въ садъ; тамъ были очень удобныя скамейки, на которыхъ мы и расположились, разославъ на нихъ пальто и пледы.

Растянувшись такимъ образомъ съ возможнымъ удобствомъ, мы закурили папирсы, никакъ не ожидая грозы. Однако, не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ послышались тревожныя полицейскіе свистки и вслѣдъ за ними вдругъ откуда-то выросли передъ нами 5 бравыхъ сержанта, что-то тихо говорившихъ другъ другу по польски. Одинъ изъ нихъ освѣтилъ насъ свѣтомъ потайнаго фонаря и громко крикнулъ: *Stehen-sie auf*, а остальные подхватили ему въ тонъ—*auf*,

аі! Не давая прйдти въ себя, они оцѣпили насъ и скомандовали слѣдовать за ними; мы не хотѣли повиноваться; они схватили насъ, мы стали сопротивляться; произошелъ горячій обмѣнъ отборной брани на русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и даже грузинскомъ языкахъ, безъ котораго не умѣлъ обходиться Чикоидзе въ такихъ случаяхъ. Мюльгаузенъ, еще только недавно бывший французскимъ городомъ, только что перешелъ тогда въ германскіе руки и былъ поэтому почти на военномъ положеніи. Ночью всѣхъ арестовывали, но мы этого, конечно, знать не могли. Сержанты стали угрожать намъ револьверами и только тогда мы поневолѣ пошли за ними и скоро очутились въ полицейскомъ бюро. Надо было видѣть тутъ, озвѣрѣвшія лица этихъ поляковъ въ прусскихъ мундирахъ; одинъ изъ ярости своей вскочилъ на нары, досталъ со стѣны громадныхъ размѣровъ нагайку, которою онъ, вѣроятно, такъ недавно расправлялся съ французами и сталъ играть ею въ воздухѣ. При видѣ нагайки, мы всѣ пятеро приняли боевую позицію, а Чикоидзе съ ловкостью военного человѣка съ такой силой схватилъ руку сержанта, что она безсильно опустилась внизъ. Между сержантами нашелся благоразумный, который вырвалъ нагайку изъ рукъ собрата и бросилъ ее на нары; затѣмъ они потребовали у насъ паспорта и деньги, которыя всѣ хранились у меня, я отдалъ имъ паспорта, а деньги только показалъ и положилъ себѣ обратно въ карманъ. Уже было три часа ночи; черезъ полчаса нашъ поѣздъ отходилъ, но неумолимые прусскіе поляки, взявъ паспорта, втолкнули насъ въ темную, гдѣ мы и просидѣли всю ночь, пропустивъ, конечно, свой поѣздъ. Эта темная была такъ грязна и отвратительна, что могла бы съ честью поспорить съ русской каталажкой!

На другой день насъ пригласили къ начальнику полиціи, который оказался также полякомъ; онъ молча вернулъ намъ паспорта и отпустилъ насъ на всѣ четыре стороны.

При выходѣ изъ полицейскаго участка, насъ встрѣтила вдругъ цѣлая группа французовъ; привѣтствуя насъ, они сняли шляпы и объявили, что мы ихъ гости на чашку кофе; они выразили намъ соборѣзнованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ радость, что мы, испытавъ на себѣ прусскій режимъ, расскажем о немъ всей Россіи.

Придя въ кофейню вмѣстѣ съ нашими случайными друзьями, мы застали тамъ новую группу французовъ, которые спѣшили рассказать намъ о всѣхъ ужасахъ новыхъ прусскихъ порядковъ; мы отъ всей души сожалѣли, что такой симпатичный народъ, какъ французы, принужденъ терпѣть позорное иго грубыхъ пруссаковъ. Наше сочувствіе умиляло и утѣшало ихъ. Поѣздъ отходилъ въ 12 часовъ дня, намъ объявили, что для насъ готово особое купѣ, чтобы избавить насъ отъ встрѣчи съ прусскими свиньями; я хотѣлъ расплатиться за кофе, фуанцузы не позволили. Вдругъ кто-то изъ публики, видимо сотрудникъ какой-то газеты, подноситъ мнѣ составленную на французскомъ языкѣ телеграмму на имя тогдашняго русскаго канцлера князя Горчакова; въ телеграммѣ кратко излагалось, какъ совершенно неповинно 5 русскихъ *gentil hommes*’овъ (такъ значились мы въ нашихъ паспортахъ) подверглись аресту, оскорбленію на словахъ и даже угрозѣ нагайкой со стороны прусской полиціи.

Едва я успѣлъ подписать телеграмму, какъ откуда-то явились прусскіе жандармы, чтобы отнять телеграмму у француза, но толпа загородила дорогу жандармамъ и французъ съ телеграммой исчезъ. Телеграмма была отправлена по адресу. Что сказалъ Горчаковъ, не знаю, только она была помѣщена какимъ-то образомъ въ петербургскихъ газетахъ; нѣмецкія же газеты, и въ томъ числѣ, кажется, даже соц.-демократ. цюрихская газ. «Tagevacht», старались высмѣять этотъ фактъ. Мы выѣхали изъ Мюльгаузена съ такой оваціей, устроенной намъ французами, какой не удостоила наша революціонерствующая публика даже шлиссельбургскихъ узниковъ въ 1905 году, когда послѣ почти четверти вѣка заключенія, выпустили ихъ на свободу!

V.

Въ іюнѣ 1874 года въ Цюрихѣ оставалось уже очень мало отъ той, недавно такой обширной колоніи, которая прогремѣла здѣсь въ періодъ 1872—74 годовъ. Когда мы пріѣхали въ Цюрихъ, изданіе журнала «Впередъ» было перенесено уже въ Лондонъ, куда переѣхалъ и самъ Лавровъ со своими сотрудниками; Бакунинъ, послѣ бурной борьбы его съ марксистами въ Интернаціоналѣ, отдыхалъ въ итальянской Швейцаріи, въ м. Локарно. Молодежь разсѣянная извѣстнымъ циркуляромъ русскаго правительства, лишившимъ право вернуться на родину тѣхъ, кто останется въ Цюрихѣ, также разбрелась по разнымъ мѣстамъ—въ Женеву, Берлинъ, Парижъ, Лондонъ. Зато, къ удивленію нашему, мы застали въ Цюрихѣ многолюдную грузинскую колонію. Тутъ на ряду съ лицами, не успѣвшими окончить по тѣмъ или другимъ причинамъ курса средней школы въ Россіи, были доценты университетовъ (Меликовъ, Петріашвили, Тархановъ), были и отставные генералы со своими семьями, при чемъ матери этихъ семействъ щеголяли по улицамъ Цюриха въ грузинскомъ головномъ уборѣ, что составляло предметъ не малаго удивленія для обывателей этого города, принимавшихъ ихъ почему-то за египтянокъ. Часть грузинской колоніи, впрочемъ, перекочевала уже въ Женеву; тамъ въ это время жили сестры Николадзе, грузинскій писатель Георгій Церетели молодой князь Чолокаевъ, поселившійся у весьма симпатичнаго коммунара, Монтенью, въ квартирѣ котораго устраивались сходки и вечеринки, до которыхъ этотъ князь былъ большой охотникъ; тутъ былъ даже представитель Дагестана—студентъ московскаго, а потомъ Вюрцбургскаго университета—Магометъ Домгатъ, а также мой старый товарищъ по гимназическому кружку князь Александръ Циціановъ. Грузинская молодежь въ Цюрихѣ произвела на меня до нѣкоторой степени удручающее впечатлѣніе; она почти ничѣмъ не занималась и оказалась совершенно незнакомой не только съ народническимъ движеніемъ въ Россіи, но и съ тѣмъ, что происходило на ея собственныхъ глазахъ въ Цюрихѣ въ знаменательный періодъ 1872—74 годовъ, о чемъ мы такъ подробно знали даже въ Петербургѣ. Точно по отдаленной наслышкѣ говорили они съ нами о программахъ Лаврова и Бакунина и видимо ничто кругомъ не будило ихъ любознательности.

Зато, по ихъ словамъ, ихъ сугубо интересовала тамъ родина, ея литература, ея исторія и въ качествѣ вещественнаго доказательства такой любви къ ней, къ обѣду подавалось грузинское вино, которое наливалось обыкновенно по кавказски, прямо изъ бурдюка (козьяго мѣха), а также грузинскій сыръ и разныя другія родныя кушанья.

Зачѣмъ пріѣхали они сюда? думалъ я; но этотъ вопросъ оставался открытымъ.

Среди этой грузинской колоніи въ Швейцаріи, кромѣ кн. Ал. Циціанова, котораго, какъ я сказалъ, зналъ еще въ Тифлисѣ, меня привлекалъ къ себѣ и другой юноша, въ высшей степени симпатичный и общительный Эліозовъ; въ противоположность другимъ цюрихскимъ грузинамъ, они оба очень интересовались движеніемъ въ Россіи и сильно увлекались, какъ личностью Бакунина, такъ и его проповѣдью народничества; они были близко знакомы также и съ нѣкоторыми французскими коммунистами; оба они, восторгались русской молодежью, съ грустью указывали на безсодержательность молодежи грузинской, хотя нѣкоторые въ ея кругу безсознательно поддаваясь общему настроенію эпохи, мечтали объ общественной дѣятельности. Циціановъ и Эліозовъ передавали намъ съ Чикоидзе, что грузинская колонія основала даже здѣсь кавказское общество въ цѣляхъ всесторонняго изученія Кавказа. Конечная цѣль этого общества—кавказская федеративная республика; у нихъ былъ и уставъ, который я бѣгло прочелъ и вынесъ впечатлѣніе, что это общество мертворожденное. Изучать Кавказъ и исторію Грузіи въ Швейцаріи, конечно, нелѣпо; демократическая же республика въ этой феодальной странѣ—историческая невозможность. Мечты о демократической республикѣ были, конечно, навѣяны примѣромъ Швейцаріи; но неприкосновенность маленькой Швейцаріи охраняется соглашеніемъ смежныхъ великихъ державъ, заинтересованныхъ въ ея существованіи; кто же сталъ бы охранять неприкосновенность кавказской федеративной республики? Неужели Турція и Персія могли бы когда нибудь такъ усилиться, чтобы дать охрану этой новой республикѣ, выдвигая свой голосъ на равныхъ правахъ съ Россіей. Разсчитывать же на охрану со стороны какой-нибудь враждебной Россіи европейской державы или союза державъ также не было никакихъ основаній, т. к. ни у одной изъ такихъ державъ не было никакой, хотя бы мало-мальски вѣской, прицѣпки для этого; а безъ правовой, хотя бы и фиктивной опоры, иностранное вмѣшательство невозможно. Напротивъ, Кавказъ, исторически связанный съ русскимъ народомъ, долженъ вмѣстѣ съ нимъ добывать и свою свободу; это путь, давно предначертанный исторіей.

Всецѣло охваченные идеей международнаго социализма и отрицательно относясь къ буржуазнымъ республикамъ мы съ Чикоидзе, конечно, столь же равнодушно отнеслись и къ мечтѣ о кавказской федеративной республикѣ, тѣмъ болѣе, что внутреннее содержаніе этой расплывчатой политической формы въ вышеназванномъ уставѣ совсѣмъ не было опредѣлено. Намъ интересовало существованіе свободы и социальной правды во всемъ строѣ жизни, а формѣ правленія мы не придавали тогда рѣшающаго значенія.

Это основное различіе во взглядахъ дѣлало цюрихскій грузин-

скій кружокъ мало для меня интереснымъ; помимо того въ немъ отсутствовала какая бы то ни было оригинальность и новизна.

Напротивъ, меня, какъ и моихъ товарищей, чрезвычайно интересовала тогда могучая личность Бакунина, его роль въ интернаціоналѣ и громадное вліяніе въ средѣ романскихъ народовъ; интересовалъ онъ меня и какъ апостолъ анархизма, ученія, съ которымъ никто тогда еще не былъ какъ слѣдуетъ знакомъ въ Россіи. Мои товарищи просили меня съѣздить къ нему, познакомиться съ нимъ лично и передать имъ точныя впечатлѣнія встрѣчи; товарищи отпустили мнѣ на это деньги изъ общей нашей кассы и я отправился въ Беллинцону, поручивъ студенткѣ А. Розенштейнъ (по мужу Макаревичъ) сообщить по телеграфу Россу (Мих. Сажину), черезъ котораго Бакунинъ обыкновенно сносился съ посторонней публикой, чтобы онъ, Россъ встрѣтилъ меня въ Беллинцонѣ.

Переѣздъ по Фирвальдштетскому озеру, ночь проведенная въ Флюленѣ, путешествіе въ дилижансѣ черезъ С. Готардъ въ Беллинцону, все это оставило въ душѣ неизгладимое впечатлѣніе, какъ промелькнувшій волшебный сонъ.

Въ Беллинцонѣ, дѣйствительно, меня встрѣтилъ Мих. Сажинъ; первое впечатлѣніе встрѣчи съ нимъ было хорошее.

Онъ повелъ меня въ гостиницу, въ которой обыкновенно останавливался Бакунинъ и, какъ бы въ утѣшеніе мнѣ, взялъ тотъ самый номеръ, въ которомъ обыкновенно останавливался этотъ знаменитый революціонеръ. Спросивъ меня о цѣли пріѣзда, Сажинъ сказалъ мнѣ, что за Бакунинимъ слѣдятъ и каждое посѣщеніе новаго пріѣзжаго чрезвычайно плохо отзывается на старикѣ: это сильно волнуетъ, раздражаетъ старика, такъ-что если бываетъ какое нибудь экстренное дѣловое порученіе, то обыкновенно самъ Сажинъ передаетъ его Бакунину, какъ его личный секретарь.

У меня никакого особеннаго порученія къ Бакунину не было и мнѣ пришлось отказаться отъ мысли посѣтить его; со словъ Сажина это значило бы ухудшить и безъ того стѣсненное положеніе знаменитаго старика. Итакъ, мнѣ оставалось отказаться отъ мечты видѣться съ Бакунинимъ и ѣхать обратно.

Моя поѣздка, впрочемъ, не была вполнѣ безрезультатна. Здѣсь въ Беллинцонѣ я провелъ съ Сажинимъ почти сутки. Онъ рассказалъ мнѣ много интереснаго о недоразумѣніяхъ между Бакунинимъ и Лавровимъ, о расколѣ въ интернаціоналѣ и роли Бакунина въ этомъ расколѣ; говорили о Марксѣ и объ отношеніи его къ Бакунину, говорили наконецъ о Нечаевѣ и чайковцахъ, которые въ это время (іюль 1874 г.) работали уже въ народѣ и которыхъ уже стали арестовывать; аресты эти сначала ограниченные, стали черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того массовыми. Хотя Сажинъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ оставилъ Россію, но у него были очень свѣжія свѣдѣнія объ арестахъ, подробности о которыхъ я узналъ лишь въ сентябрѣ, когда въ Женеву пріѣхалъ мой товарищъ по Академіи Воронцовъ, бѣжавшій изъ Петербурга, спасаясь отъ ареста по прикосновенности къ кружку чайковцевъ.

Лежа въ постели, мы всю ночь проговорили съ нимъ, какъ бы

люди давно знакомые; онъ мнѣ рассказывалъ много интереснаго о Герценѣ и Огаревѣ, чего я тогда еще не зналъ и мнѣ хотѣлось слушать и слушать безъ конца. Говорили также о нѣкоторыхъ общихъ знакомыхъ, бывшихъ уже въ народѣ и принимавшихъ то или иное активное участіе въ движеніи. При этихъ разговорахъ я узналъ, что очень близко къ Сажину стоитъ нѣкто Рабиновичъ, о которомъ я упоминалъ выше и котораго я зналъ, какъ поставщика бакунинскихъ изданій въ Россіи.

Совершенно юный (кажется лѣтъ 17—18), способный, до юркости живой, Рабиновичъ раздражалъ всѣхъ на сходкахъ своими неумѣстными и рѣзкими призывами истреблять и убивать всѣхъ, кто только носитъ европейскій сюртукъ. Меня лично онъ до такой степени возмущалъ этимъ дикимъ призывомъ, что я пересталъ далѣе здороваться съ нимъ даже при случайныхъ встрѣчахъ.

Эта близость Мих. Сажина къ Рабиновичу, котораго петербургскіе революціонные кружки считали несноснымъ мальчишкой, а затѣмъ узнали какъ предателя, навѣяла мнѣ самыя грустныя мысли о самомъ Сажинѣ и о людяхъ, льнувшихъ къ Бакунину; поэтому я уѣхалъ изъ Беллинцоны сильно обезкураженный; я никакъ не могъ примириться съ тѣмъ; что люди, не имѣющіе кредита въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ, могутъ стоять близко къ личному секретарю Бакунина. Но вскорѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда я встрѣтился съ Сажинимъ въ Женевѣ, мнѣ все разъяснилось: но объ этомъ я буду говорить послѣ, когда придется коснуться Ткачева.

Вернувшись въ Цюрихъ, я передалъ товарищамъ моимъ, Чикоидзе и другимъ, обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ мною въ Беллинцонѣ, а на другой день мы выѣхали въ Парижъ.

И. С. Джабадари.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Что ни вѣтръ шумитъ“... Пѣсня М. А. Бестужева.

Въ изданномъ за-границей «Собраніи стихотвореній декабристовъ» (Лейпцигъ, 1862); въ рукописныхъ сборникахъ, сохранившихся въ семьяхъ потомковъ декабристовъ, наконецъ, въ изданіи А. Фомина: «Собраніе стихотвореній декабристовъ» (М. 1906 Ч. 1-ая) печатается обыкновенно за подписью Александра Бестужева нижеслѣдующее стихотвореніе, которое декабристы въ своемъ заключеніи распѣвали хоромъ на мотивъ народной пѣсни: «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море». Поддѣлываясь подъ народный стиль, авторъ воспѣваетъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола и поминаетъ поднятое имъ возстаніе Черниговскаго полка. Приводимъ эту пѣсню по списку, находящемуся въ сборникѣ (собств. В. Е. Якушкина) вмѣстѣ съ другими стихотвореніями декабристовъ и записками В. И. Штейнгеля. Это—наиболѣе исправный списокъ.

Что ни вѣтръ шумитъ во сѣромъ бору,
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ...
Съ нимъ Черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію мать.
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнушко.
Смертна ночь легла въ поле бранное.
Какъ на поле томъ бранный конь стоитъ,
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
«Конь! мой конь! скачи въ святой Кіевъ градъ:
«Тамъ товарищи—тамъ мой милый братъ...
«Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ,
«И скажи: «цѣпей я нести не могъ,
«Пережить нельзя мысли горестной,
«Что не могъ купить кровью вольности!»

Пѣсня эта въ дѣйствительности сложена не Александромъ, а Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ. Въ *неизданной части его записокъ* мы находимъ слѣдующій любопытный и колоритный рассказъ о томъ, какъ въ первый разъ пѣли эту пѣсню декабристы.

«Въ торжественный, святой день 14 Декабря 1829-го или 30-го

года — не могу припомнить — но только въ казематѣ Петровскаго острога я сидѣлъ въ коридорѣ, куря трубку послѣ нашего утренняго питія чая. Ко мнѣ зашелъ Тютчевъ.

— Хочешь чаю?

— Пожалуй, выпью стаканъ, дай трубку...

— Возьми самъ и садись гость будешь. Ну что *mon cher!* (это его обычное присловіе) ты насъ сегодня распотѣшишь, споешь намъ Славянскія дѣвы — послѣ обхода, — спросилъ я.

— Кажется спую, но какъ — это другое дѣло. Злодѣй Вадковской измучилъ меня, *mon cher*. Вытягивай ему каждую нотку до послѣдней тонкости, какъ она у него написана на бумагѣ. Я такъ не привыкъ, да и ночь вовсе не знаю. У насъ въ Семеновскомъ полку былъ великолѣпный хоръ пѣсельниковъ. Какъ пѣли русскія пѣсни!... Ахъ *mon cher!* — послѣ разгрома полка нашего мнѣ ужъ никогда не удавалось слышать ничего подобнаго. А управлялъ хоромъ я; ни я, никто изъ моихъ молодцовъ мы нотки не знали, а какъ пѣли, *mon cher!* Душа замираетъ. Сладко, согласно, никто на волосъ не сфальшитъ. А ежели и случался такой грѣхъ, то весь хоръ такъ и набросится на несчастнаго.

— Ну скажи — какъ же они знали, что онъ фальшитъ?

— А отъ того *mon cher!* — что у меня, какъ и у cadaго изъ нихъ камертонъ былъ въ душѣ, а ухо — въ сердцѣ. Вотъ еслибъ Одоевскій вмѣсто своихъ дѣвъ да написалъ что нибудь въ русскомъ духѣ — знаешь эдакъ — просто русскую пѣсенку, гдѣ бы хоть слегка были упомянуты мы — Черниговцы, когда мы шли съ Муравьевымъ умереть за Святую Русь — ну тогда бы ты, *mon cher*, сказалъ русское спасибо Тютчеву. Прощай — до скорога свиданія за обѣдомъ!»¹⁾

Этотъ безыскусственный простой разсказъ утвердилъ меня въ постоянномъ моемъ мнѣніи о музыкальномъ чутьѣ русскаго народа. Сойдутся пять-шесть человекъ русскихъ изъ разныхъ концовъ Россіи — запоютъ пѣсню прелесть!... Они не поютъ въ *unisson*, какъ большая часть другихъ народовъ, — но голоса безсознательно раздѣляются музыкально. А преимущественно русскія пѣсни они поютъ гармонически. Тютчевъ обладалъ такимъ мягкимъ, такимъ сладостнымъ тембромъ голоса, котораго невозможно было слушать безъ душевнаго волненія въ русскихъ пѣсняхъ — а въ особенности въ пѣсняхъ: «Не бѣлы то снѣги» или «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море». Понимая его очень хорошо, что *Славянскія дѣвы*, написанныя *Одоевскимъ* и положенныя на музыку *Вадковскимъ* — и стихотвореніе и музыка — обладаютъ неоспоримыми достоинствами, я смутно предчувствовалъ, что Тютчевъ не произведетъ своимъ голосомъ того впечатлѣнія, какого ожидали отъ этой арии. — Я взялъ карандашъ и написалъ русскую пѣсню на тему: *Ужъ какъ палъ туманъ на сине море* — пѣсню, которую онъ пѣлъ невыразимо хорошо.

Что ни вътрѣ шумитъ и т. д.

Я не ошибся въ своемъ предчувствіи... Несмотря на экзаль-

¹⁾ Тютчевъ служилъ въ Пензенскомъ полку. Говорилъ: „мы — черниговцы“, онъ въ силу близкихъ отношеній съ С. И. Муравьевымъ, раздѣливъ его судьбу. *Ред.*

тированное настроеніе присутствующихъ на обѣдѣ, который мы постоянно устраивали 14 декабря, когда по окончаніи его вышелъ хоръ и запѣлъ гимнъ Славянскихъ дѣвъ—впечатлѣніе на слушателей было не замѣтно, хотя гимнъ былъ аранжированъ превосходно—мотивъ его очень близко подходилъ къ мотиву народнаго гимна: «Боже царя храни» Львова и точно какъ будто бы гимнъ Львова былъ скомпанованъ по его образцу. Въ послѣднемъ куплетѣ, гдѣ рѣчь относится прямо къ Россіи и гдѣ Вадковской, непримѣтными оттѣнками гармоніи переходитъ въ чисто русскій міръ, и заканчиваетъ мотивомъ русской пѣсни,—всѣ присутствующіе невольно встряхнулись, а особливо, когда послышался въ этомъ куплетѣ упоительно задуманный голосъ Тютчева.

Онъ пѣлъ:

„Старшая дочь въ семействѣ Славяна
„Всѣхъ превзошла величіемъ стана.
„Силой гремитъ—но грустно поется.
„Въ теремѣ дни проводитъ какъ ночи
„Грустно чело—заплаканы очи
„И заунывно пѣсни поеть.
„Что же не выйдешь въ чистое поле—
„Не разгуляешь грусти своей?—
„Свѣтло душѣ на солнышкѣ волѣ,
„Сердцу свѣтло отъ ясныхъ лучей.
„Въ полѣ спѣши, съ меньшими сестрами
„И хороводъ веди за собой—
„Дружно сплетаясь руки съ руками
„Радостно пѣсню свободы запой“...

Но когда, послѣ нѣкотораго промежутка послышался симпатической голосъ Тютчева въ простой русской пѣснѣ «*Что ни вътрѣ шумитъ*»... гдѣ онъ былъ неподражаемо прекрасенъ—восторгъ былъ необычайный. Всѣ бросились его обнимать—меня хотѣли качать на рукахъ. Я убѣждалъ въ свой номеръ и заперся».

Въ заключеніе нѣсколько данныхъ объ исполнителѣ этой пѣсни.

Тютчевъ, Алексѣй Ивановичъ, изъ дворянъ Орловской губерніи, род. въ 1801 году, учился въ Морскомъ корпусѣ, въ 1815 году зачисленъ подпрапорщикомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ; въ 1820 году, послѣ извѣстной Семеновской исторіи, былъ переведенъ въ армію, въ Пензенскій пѣхотный полкъ, въ чинѣ штабсъ-капитана. О «винѣ» его въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ, прикосновеннымъ къ дѣлу, произведенному Высочайше учрежденной 17 декабря 1825 года Слѣдственной Комиссіею» читаемъ: «Въ 1825 году принять въ Общество Славянъ, о существованіи коего первый сообщилъ Сергѣю Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, ознакомилъ ихъ со своими сочленами и вмѣстѣ съ прочими присоединился къ Южному Обществу. Зналъ цѣль онаго вестъ въ Россіи республиканское правленіе и начать дѣйствіе въ 1826 году, и поклялся на образѣ стремиться къ достиженію сей цѣли. Равно зналъ о предположеніи общества истребить всю Августѣйшую фамилію, и слышалъ отъ Спиридова, что онъ, Тютчевъ, назначенъ въ число заговорщиковъ для нанесенія удара покойному императору. Сверхъ того уличался, что по приглашенію Борисова, привезшаго извѣстіе объ откры-

тии Общества, онъ, Тютчевъ, хотѣлъ было дѣйствовать, но былъ отъ того отклоненъ и что онъ приготавлилъ нижнихъ чиновъ къ возмущенію». По приговору Верховнаго уголовного Суда осужденъ на 20 лѣтъ каторги. Указомъ 22 августа 1826 г. повелѣно оставить его въ каторжной работѣ на 15 лѣтъ, а потомъ обратить въ Сибирь». Умеръ А. И. Тютчевъ въ 1856 году.

Изъ Шлиссельбурга на Сахалинъ.

19 декабря 1895 г. около 3 часовъ послѣ обѣда я позировалъ передъ нашимъ художникомъ товарищемъ Лукашевичемъ. Десять лѣтъ тому назадъ въ этотъ день Одесскимъ военно-окружнымъ судомъ я былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была замѣнена мнѣ 10-лѣтней каторгой (См. „Былое“ № 7 за 1906 г.)

Я выжилъ эти 10 лѣтъ и вывезутъ ли меня изъ крѣпости быть для меня вопросъ. До меня кончили срокъ заключенія только Карауловъ (приговоренный къ 4 годамъ каторги) и Лаговскій, который присланъ былъ въ крѣпость безъ суда по административному распоряженію на 5 лѣтъ и затѣмъ за нераскаяніе оставленный еще на 5 лѣтъ. Правда въ октябрѣ 1895 г., т. е. за 2 мѣсяца до окончанія моего срока Лаговскій былъ увезенъ. Но я еще лѣтомъ, въ іюль, подалъ въ департаментъ полиціи заявленіе приблизительно такого содержанія: «Я былъ приговоренъ къ смертной казни, но по капризу власть имущихъ, безъ всякаго повода съ моей стороны, смерть замѣнена была мнѣ десятилѣтнимъ заключеніемъ. Я ограничился тогда только устнымъ протестомъ противъ этого рѣдкаго въ судебной исторіи „смягченія“ приговора, потому что не ожидалъ выжить эти 10 лѣтъ. Но до конца срока теперь осталось полгода, и я считаю нужнымъ заявить, что ни въ чемъ не раскаиваюсь, а жалѣю только о томъ, что такъ мало поработалъ на революціонной нивѣ. Сочувствуя всѣми помыслами товарищамъ, навѣки заключеннымъ въ крѣпости,—я уйду изъ крѣпости добровольно только при условіи освобожденія всѣхъ товарищей по заключенію».

Это заявленіе было подано до увоза Лаговскаго, я боялся, что его оставятъ на третье пятилѣтіе, а меня, по какимъ-нибудь соображеніямъ, увезутъ въ срокъ. Чтобы предупредить такую неприятность, я и рѣшилъ высказаться.

Поэтому даже послѣ увоза Лаговскаго я не былъ увѣренъ, что увезутъ и меня. Тѣмъ не менѣе заучивалъ адреса родныхъ, письма ихъ, стихотворенія для передачи имъ, когда меня освободятъ.

На случай увоза, Лукашевичъ вздумалъ нарисовать меня и я пришелъ къ нему на сеансъ.

Я не помню, въ какомъ фазисѣ была его работа, когда дверь

отворилась и меня вызвали въ свою камеру. Я шель и не зналъ, о чемъ мнѣ объявятъ—о продленіи срока или о выпускѣ изъ крѣпости.

Комендантъ крѣпости полковникъ Гангартъ прочиталъ: . . . «за окончаніемъ срока каторжныхъ работъ по Высочайшему повелѣнію сослать на поселеніе на о Сахалинъ».

Я указалъ на свое заявленіе и на то, что я не измѣнилъ своего рѣшенія.

Комендантъ сослался на Высочайшее повелѣніе и на то, что содержаніе въ крѣпости стоитъ дорого и меня болѣе содержать въ крѣпости не будутъ.

— А я все-же, если не увозятъ товарищей, добровольно не уйду.

— Такъ васъ возьмутъ! сказалъ полковникъ и, обратившись къ жандармскому офицеру, приказалъ—выведите!

Двое жандармовъ вѣжливоенько взяли меня подъ руку и двинулись изъ камеры. Я не сопротивлялся. Въ корридорѣ я крикнулъ: Прощайте! на Сахалинъ! Товарищи отвѣтили—я слышалъ нѣсколько голосовъ. Большинство ихъ было въ мастерскихъ, въ старой тюрьмѣ. Когда я уже подходилъ къ дверямъ караулки, во дворѣ показался Юрковский, шедшій изъ мастерскихъ. Мы перекинулись прощальными привѣтствіями. Онъ не успѣлъ добѣжать до караулки,—меня принудили войти въ караулку.

Въ канцеляріи комендантскаго управленія меня переодѣли. Переодѣли—буквально, потому что я продолжалъ бездѣйствовать—я не одѣвался, но и не мѣшалъ жандармамъ, не застегивался, но и не мѣшалъ застегивать, не упирался, но и не двигался.

Въ сопровожденіи жандармскаго офицера при двухъ унтерахъ меня повезли въ Петербургъ. Выѣхали изъ крѣпости за свѣтло.

Я не помню, чтобъ испытывалъ какое-нибудь чрезвычайное удовольствіе, но осматривался съ интересомъ. Меня удивило, что крѣпость съ городского берега кажется какой то невзрачной, невысокой, а тамъ двухэтажная тюрьма, упирающаяся въ крѣпостныя стѣны, которыя на много выше зданія.

Я смотрѣлъ и мнѣ казалось, что я тамъ былъ давнымъ давно. Меня везли и я зналъ, что не могу сейчасъ вернуться, взглянуть еще разъ на своихъ недавнихъ товарищей и еще разъ крикнуть имъ: прощайте! Поэтому, должно быть, мнѣ казалось, что, какъ невозвратное прошлое,—заключеніе въ крѣпости было давно, давно... Было мнѣ отъ этого грустно и былъ я равнодушенъ къ окружающему.

Сопровождавшій меня офицеръ, человекъ пожилой, кажется подполковникъ, былъ обходительный человекъ. По чю, что онъ почти все время разговаривалъ со мной, но о чемъ—теперь ни какъ не вспомню. На полпути мы пили чай, пока перепрягали лошадей.

— Я васъ проведу по Невскому, сказалъ мнѣ офицеръ. За

Иванъ Львовичъ
МАНУЧАРОВЪ.

станемъ еще электричество. Увидите, какая у насъ теперь столица.

Когда мы въѣхали въ Петербургъ, то Невскій съ его электричествомъ опять, какъ и шлиссельбургскія улицы, не доставили мнѣ очарованія. Я легче почувствовалъ себя въ камерѣ Петропавловской крѣпости.

На другой день я заявилъ смотрителю Трубецкаго бастиона, что желаю телеграфировать братьямъ и матери съ сестрами о моемъ выѣздѣ изъ Шлиссельбургской крѣпости. Оказалось они уже были увѣдомлены, что могутъ, если пожелаютъ, имѣть со мной свиданіе въ Петербургѣ. И я сталъ ждать.

Пріѣхалъ младшій братъ, жившій ближе другихъ. Матери же, жившей въ Тифлисъ, сестры сказали, что въ судьбѣ моей произошла перемѣна къ лучшему и скоро отъ меня она получить письмо, вести же ее ко мнѣ на свиданіе въ тюрьмѣ, онѣ не рѣшились.

Съ братомъ мнѣ дали три или четыре свиданія. Братъ немного глуховатъ и потому черезъ двѣ рѣшетки, между которыми усѣлся смотритель-жандармъ, онъ ничего не могъ слышать. Мнѣ разрѣшили выйти изъ-за рѣшетки и сѣсть черезъ столъ съ братомъ. Тутъ же сѣлъ полковникъ кажется по фамиліи Лѣсникъ (это было въ декабрѣ 1895 года). Полковникъ не стѣснялъ насъ въ предметахъ разговора. Я оставилъ брата въ Тифлисъ реалистомъ 13 лѣтъ тому назадъ. Было о чемъ поговорить. Теперь онъ (будучи исключенъ изъ Технологическаго института) былъ техникомъ на постройкѣ желѣзной дороги въ Рязанской губерніи.

На третій день меня долго не вызывали на свиданіе. Я сейчасъ не могу понять почему, но я промучился эти часы, предполагая, что съ братомъ случилось какое-нибудь несчастье. Фантазія моя рисовала, что онъ, какъ глуховатый, не слышалъ шума мчащагося экипажа и попалъ подъ колеса. Мысль эта меня не покидала до тѣхъ поръ, пока не появились, наконецъ, жандармы и не повели меня на свиданіе. Здѣсь отчасти самъ я понялъ, отчасти мнѣ объяснили, почему произошло запозданіе въ свиданіи. Братъ устроилъ одному изъ «начальствъ» маленькое угощеніе въ ближайшей гостиницѣ и тотъ былъ въ самомъ благодушномъ настроеніи.

Разговоръ начался съ того, что въ ожиданіи свиданія я истомился. Братъ и полковникъ оправдывались, что вовсе не такъ долго они заставили ждать меня. Я указалъ на отсутствіе часовъ у меня. Полковникъ беретъ у брата его карманные черной стали часы и даетъ мнѣ: «Несите себѣ въ камеру». Я отпѣкивался:—Да вѣдь это не полагается. «Не ваше дѣло, я говорю: несите».—А какъ же братъ?!. «Мало часовъ въ магазинах!»

Когда кончилось свиданіе, я хотѣлъ вернуть брату часы, но онъ не хотѣлъ брать, и полковникъ настаивалъ, чтобъ я несъ ихъ къ себѣ въ камеру.

И вотъ въ камерѣ гробовую тишину наполнило монотонное тканіе. Я слушалъ и не вѣрилъ себѣ. Я не могъ заснуть ночью отъ ихъ тканья; я пряталъ часы подъ подушку, клалъ въ отда-

ленный уголъ, но привычное къ мирной тишинѣ ухо отовсюду слышало ходъ механизма карманныхъ часовъ средней величины. И я долго не могъ заснуть, пока отчасти не истомился, отчасти не прислушался къ тиканію.

Въ Петропавловской крѣпости въ это время должно быть было совсѣмъ мало народа, и мы сидѣли въ большой изоляціи. Я слышалъ только однажды, какъ кого-то вели на прогулку мимо меня.

Кажется, въ началѣ фѣвраля меня перевезли въ пересыльную тюрьму. Здѣсь посадили въ крошечную одиночную камеру. Гдѣ-то близко были общія камеры, потому что мнѣ слышенъ былъ гулъ голосовъ и лягъ кандаловъ. Я лежалъ на кровати и прислушивался къ незнакомому мнѣ гулу. Въ сумеркахъ наступила сравнительная тишина. И вдругъ раздалось пѣніе... мною овладѣло какое-то неиспытанное чувство... мнѣ показалось что-то сверхъестественно чарующее въ раздавшихся звукахъ. Я такъ давно не слышалъ хороваго пѣнія, что былъ ошеломленъ этимъ стройнымъ пѣніемъ вечерней молитвы.

Слѣдующіе дни чувства уже притупились и слухъ мой сталъ грубѣе, привычнѣе.

Въ пересыльной я пробылъ не болѣе 3—4 дней.

Скоро меня заковали и подъ конвоемъ жандармовъ отправили на Николаевскій вокзалъ. Когда меня вывели изъ тюрьмы я увидѣлъ кареты и сани. Меня повели по направленію къ каретамъ. Я обратился къ жандармскому офицеру съ вопросомъ—нельзя ли сѣсть въ открытыя сани. Оказалось, что нѣтъ,—нужно сѣсть въ закрытую карету. Шторы были спущены, и я ничего по дорогѣ не видѣлъ.

За то въ вагонѣ очутился въ приятномъ обществѣ административно высылаемой молодежи. Къ сожалѣнію я забылъ и фамиліи, и число своихъ спутниковъ и спутницъ. Помню хорошо, что былъ въ числѣ ихъ студентъ юристъ 3-го курса, еще студентъ, двѣ портнихи, учительница и нѣсколько рабочихъ. Весь путь до Москвы мы провели, конечно, во взаимныхъ оживленныхъ разспросахъ. Я далъ списокъ оставшихся въ крѣпости, умершихъ и краткую исторію жизни за эти 10 лѣтъ.

Въ Москвѣ тотъ же жандармскій офицеръ говорить: «Вотъ вы хотѣли ѣхать въ открытыхъ саняхъ,—въ Москвѣ это можно». И дѣйствительно весь длинный путь съ вокзала Николаевской ж. д. до пересыльной мы, политическіе, ѣхали въ саняхъ, позади партія уголовныхъ, шедшихъ шагомъ. Подвигались медленно. У меня сани были новыя стройныя. Сидѣніе кучера выгибалось лебединой шейкой. И мнѣ почему-то вспомнился разговоръ о древлянскихъ послахъ, которыхъ Ольга такъ же торжественно велѣла нести къ себѣ въ ладьяхъ, а затѣмъ велѣла бросить ихъ въ яму и закопать ихъ живьемъ.

Въ пересыльной тюрьмѣ меня разъединили со спутниками и, если я не ошибаюсь, меня посадили въ Сѣверную башню, и я тамъ первые два дня оставался одинъ. Въ другихъ башняхъ

сидѣли политическіе и я сталъ отъ нихъ получать объѣды и записки. Меня просили написать о жизни въ Шлиссельбургѣ. Если я не ошибаюсь со мной велъ переписку Тютчевъ, во второй или въ третій разъ ссылавшійся административно въ Сибирь. Если не ошибаюсь, то онъ тогда былъ арестованъ въ Смоленскѣ какъ членъ организаціи „народоправцевъ“. Впослѣдствіи на основаніи этихъ моихъ записокъ былъ составленъ маленькій очеркъ о Шлиссельбургской крѣпости за періодъ отъ 1885 г. до 1896 г. и помѣщенъ въ небольшомъ періодическомъ изданіи „Наше Время“, кажется, за 1897 годъ.

Черезъ два дня ко мнѣ въ башню привезли двухъ рабочихъ изъ Западнаго Края и затѣмъ, когда ихъ увезли въ Архангельскую губернію, привезли молодого человѣка изъ Одессы, члена общества „Соколы“. Въ башнѣ мы были заперты снаружи, а въ камерѣ запертъ былъ только я одинъ. Товарищи подходили къ моему окну.

Насталъ день сбора партіи для отправки на Сахалинъ. Изъ политическихъ отправлялся я одинъ. Меня перековали и выдали арестантскій полнякъ (т. е. шуба, халатъ, 2 пары котовъ, двѣ рубахи, двое кальсонъ, рукавицы кожанныя съ варежками, онучи холщевыя и шерстяныя, мѣшокъ и шапку). Конвой, принимавшій насъ, тщательно перерылъ все это въ мѣшкѣ. Меня поставили въ пару съ кѣмъ-то, причемъ смотритель предупредилъ меня, что скоро одна изъ дамъ благотворительницъ будетъ раздавать чай, сахаръ и 50 коп. денегъ, чтобъ я не отказывался, хотя не нуждаюсь въ подаваніи, чтобъ не вызвать общаго неудовольствія. Очевидно, что раньше бывали случаи отказовъ, такъ какъ я лично не подалъ повода къ такому безпокойству со стороны начальства. Полученное подаваніе я отдалъ тутъ же стоящему со мной въ парѣ, но такъ, что раздававшая это не замѣтила.

До Одессы доѣхали безъ инцидентовъ. Конвойный полковникъ, добродушный старикъ, не запрещалъ дѣлать по дорогѣ покупки. Самъ онъ ѣхалъ на Югъ, лѣчиться и взялъ командировку съ сахалинцами, чтобъ даромъ проѣхаться.

Въ Одессѣ насъ принимали въ одномъ изъ карантинныхъ зданій. Засѣдала цѣлая комиссія, очевидно, изъ врачей и членовъ городской думы. Изъ вагона меня вывели перваго подъ конвоемъ нѣсколькихъ жандармовъ и околочнаго, шествовавшего впереди. Когда меня ввели въ зданіе и подвели къ столу,—я, вида, что члены комиссіи сидятъ въ шапкахъ, не снявъ шапки, несмотря на подсказываніе околочныхъ и жандармовъ. Я только приподнял шапку и привѣтственно наклонилъ голову.

— Онъ здоровается!—презрительнымъ тономъ громко, такъ что я слышалъ, замѣтилъ одинъ изъ сидѣвшихъ, нагло смотря на меня.

Сосѣдъ шепнулъ ему: политическій. Тотъ какъ будто сконфузился.

— Надо раздѣваться! сказалъ военный врачъ.

Тогда я снялъ шапку, халатъ, рубашку.

— Довольно!..

Осмотрѣли грудь, велѣли повернуться, осмотрѣли спину, спросили о здоровьи. Я былъ здоровъ.

Меня отвели въ сторону и матросы стали шарить въ вещахъ.

Потянулся скучный осмотръ арестантовъ и ихъ вещей. Нѣкоторые—очень небольшой процентъ (2 или 3 изъ ста)—признавались негодными къ отправкѣ на Сахалинъ. Эти радовались. Другіе, надѣявшіеся, что будутъ забракованы, напротивъ отходили отъ стола разочарованные.

Кажется на другой день насъ отправили на пароходъ „Ярославль“. Меня вели отдѣльно съ особымъ конвоемъ. И меня одного привели въ трюмъ. Здѣсь старшій офицеръ парохода лейтенантъ Шидловскій обратился ко мнѣ съ рѣчью въ томъ смыслѣ, что я—лишенный всѣхъ правъ состоянія—посажень на каторжный пароходъ въ общій трюмъ; сейчасъ приведутъ сюда уголовныхъ, онъ, офицеръ, никакого различія между мною и уголовными дѣлать не долженъ и потому будетъ говорить мнѣ *ты*.

Я выразилъ удивленіе, замѣтивъ, что даже жандармскіе офицеры никогда въ тюрьмѣ не говорятъ осужденнымъ политическимъ *ты*, что даже въ Шлиссельбургѣ они избѣгали говорить *ты*, прибѣгая къ безличнымъ выраженіямъ, а здѣсь одинъ изъ морскихъ офицеровъ, которые во всѣ времена считались либеральными, объявляетъ, что будетъ со мною грубъ.

Г. Шидловскій возразилъ, что эта форма вѣжливости по отношенію къ политическимъ соблюдается только съ глазу на глазъ, а при общемъ заключеніи съ уголовными онъ не можетъ дѣлать исключенія.

Я закончилъ нашъ разговоръ заявленіемъ, что предпочту не имѣть съ нимъ никакого дѣла, чтобы не быть принужденнымъ на грубость отвѣчать грубостью.

Какъ увидимъ дальше, мнѣ пришлось нарушить это рѣшеніе и „пострадать“ за равноправіе въ грубости съ г. Шидловскимъ. Это случилось въ Коломбо. Объ этомъ въ свое время.

Оставшись одинъ въ трюмѣ, послѣ разговора со своимъ „начальствомъ“, я осмотрѣлся. Кругомъ нары въ два яруса. Въ одномъ концѣ трюма желѣзныя рѣшетки образуютъ помѣщеніе открытое къ палубѣ. Въ этой клѣткѣ ходитъ часовой матросъ. Я занялъ мѣсто на второмъ ярусѣ, у самаго края нары ближе къ рѣшеткѣ—все таки думаю у палубы чище воздухъ.

Привели уголовныхъ. Они бросались разбирать мѣста. Рядомъ со мной помѣстились земляки—горцы. Партія, съ которой я выѣхалъ изъ Москвы, наполнила только одинъ трюмъ; въ слѣдующіе дни заполнили остальные три трюма. Эти дни и до Константинополя насъ кормили очень хорошо. Борщъ былъ наварный съ прекрасной свеклой.—«Ого, говорили арестанты, пароходъ—все таки не тюрьма, не баланду будемъ ѣсть».—«Погодите, говорилъ арестантъ, идущій на Сахалинъ вторично, послѣ побѣга съ острова, не разъ о тюрьмѣ пожалѣете».

Въ день отхода „Ярославля“ на пароходъ пришелъ градо-

начальникъ Зеленый. Зачѣмъ онъ пришелъ, зачѣмъ онъ кричать на насъ послѣ напутственнаго молебна—положительно недоумѣвали арестанты. Послѣ молебна градоначальникъ, указывая на капитана, крикнулъ: «Теперь для васъ онъ—богъ и царь». Эта рѣчь вызвала больше насмѣшки, чѣмъ страха, несмотря даже на то, что тутъ же указывалось, что этотъ богъ могъ насъ опарить въ любой моментъ горячимъ паромъ.

Въ Красномъ морѣ насъ расковали. Стали выводить на палубу и ставить подъ душъ. Была страшная жара и мы ходили почти голые. Я устроилъ себѣ изъ рубашки родъ юбочки и въ этомъ одѣяніи оставался до Гонгъ-Конга. Тѣла наши покрылись сыпью, нарывавшимися мелкими прыщами. Послѣ Константинополя мы не получали мягкаго хлѣба, а исключительно только галеты или черные сухари. Щи, супъ, каша были такого качества, что многіе не ѣли, а остальные ѣли съ отвращеніемъ. Хорошо у кого былъ сахаръ, чтобы пить чай съ сухарями. Извуреніе отъ жары и существованія впроголодь было велико.

Случилось, что ко дню Пасхи, въ страстную субботу, мы пришли послѣ долгаго перехода въ портъ Коломбо. Казалось, что въ виду возможности достать свѣжей прѣвизіи съ берега, въ дни Пасхи угодять невольниковъ сносной пищей, но вышло не такъ. И на первый, и на второй день мясо дали съ запахомъ, а нѣкоторымъ достались куски совершенно гнилые. Арестанты сильно волновались. Вечеромъ при раздачѣ кипятку эти куски мяса показали боцману. Онъ взглянулъ и сказалъ: «собакъ—собачья и пища». Эти слова еще болѣе взволновали публику. Рѣшили просить меня поговорить со старшимъ офицеромъ. Я отказывался, ссылаясь на то, что рѣшилъ ни о чемъ съ начальствомъ не говорить—и тѣмъ болѣе—жаловаться на плохую пищу. Но публика очень просила—не для себя, а для нихъ, за нихъ заявить—имъ очень обидно было. Я ихъ предупредилъ, что буду говорить не просительнымъ языкомъ, и что, возможно, сразу же произойдетъ скандалъ.

Такъ и случилось.

Я заявилъ разводящему мастросу, что желаю видѣть старшаго офицера. Когда онъ пришелъ, то между нами произошелъ приблизительно такой діалогъ (воспроизвожу характеръ разговора совершенно точно).

— Я васъ пригласилъ не по личному дѣлу, началъ я, а чтобы поговорить съ вами по просьбѣ заключенныхъ со мной относительно скверной пищи, гнилого мяса, и, главное, цинично-грубаго объясненія вашего боцмана. Это безтактное отношеніе къ людямъ можетъ вызвать, я думаю, ни для кого нежелательное осложненіе. Правда, въ случаѣ волненій, какъ насъ стращали въ Одессѣ, насъ сварятъ въ горячемъ парѣ, но чтобы не было волненій, администрація должна относиться добросовѣстно...

— Смотри, Манучаровъ, держи языкъ за зубами!—прервалъ меня на этомъ старшій офицеръ, лейтенантъ Шидловскій.

— Ты не прерывай меня, ты выслушай меня до конца, я

говору съ тобой по ихъ порученію и ты меня не запугаешь, а что тебѣ не хочется выслушивать нареканія, что ты отвратительно кормишь—я это знаю... сталъ горячиться я, стараясь наговорить ему побольше ты, вида, что изъ объясненія по существу дѣла больше ничего выйти не можетъ.

Я все это быстро выпалилъ, а Шидловскій, ни слова не проронивъ, ушелъ и скоро вернулся съ командиромъ парохода подъ охраной значительнаго отряда матросовъ. Объясненія никакого не было. Отворили двери. Я не помню, сказали ли мнѣ ктонибудь, что нужно выходить, но я вышелъ изъ за рѣшетки на площадку, гдѣ было начальство. Кто то крикнулъ собрать мои вещи и мнѣ передали мѣшокъ съ моимъ „имуществомъ“. Молча двинулся наверхъ изъ трюма командиръ, вслѣдъ за нимъ старшій офицеръ Шидловскій, матросы и я между ними.

Иду и думаю, что такое „линьки“, Я тогда полагалъ, что это то же, что линейки. Будутъ бить линейками. Вѣдь бьютъ же китайцы бамбуковыми палками,—почему русскимъ не колотить брусьями. Впослѣдствіи уже на Сахалинѣ мнѣ объяснили, что линьки—это концы раскрученнаго смолянаго каната, родъ плети трехвостки.

Да, иду и думаю, что то будетъ...

Привели въ кануру какой то неправильной формы. Только у входа я, челоуѣкъ небольшого роста (2 ар. 4 в.), могъ свободно протаянуться на полу, а стоя,—головой упирался въ потолокъ... Я былъ доволенъ. Я снова въ одиночкѣ... Но что это?!.. Чувствую, какъ будто я въ желѣзной раскаленной печи. Въ особенности отъ двухъ стѣнъ несетъ такимъ жаромъ, какъ будто стѣны эти въ одно и то же время—стѣны пароходной топки. Теперь, соображая, что моя канура была не на глубинѣ, я думаю, что эти двѣ стѣны составляли стѣны пароходной трубы. А можетъ быть вся это чрезвычайная температура обуславливалась отсутствіемъ вентиляціи, хотя сомнѣваюсь...

Жара въ канурѣ была выше всякихъ силъ. Казалось, что я теряю сознание. Я лежалъ весь въ огнѣ. Голова горѣла. Въ вискахъ стучало. Трудно дышалось. Сколько времени я такъ пролежалъ—не помню. Во всякомъ случаѣ болѣе сутокъ и даже двухъ, потому что помню ночную темноту и то, что ночь нисколько не умѣряла той медленной сушки, которой я былъ подвергнутъ. Помню, что матросы приносили нѣсколько разъ сухари и воду.

Въ одно изъ этихъ посѣщеній я сказалъ матросамъ приблизительно слѣдующее: Я не знаю,—извѣстно ли врачу какая тутъ жара. Скажите ему; чтобъ онъ зналъ, что если я умру, то умру отъ того, что меня здѣсь поджариваютъ.

Скоро пришелъ фельдшеръ, который просунулъ въ дверь руку съ термометромъ. Недолго продержавъ, фельдшеръ взялъ руку назадъ и спрашиваетъ: «что дурно?!..»

— Я ни на что не жалуюсь, а только желаю, чтобъ медицинскій персоналъ парохода былъ освѣдомленъ, при какой темпе-

ратурѣ содержатся заключенные. Я боюсь, что я не переживу и не буду въ состояніи описать это когда нибудь.

Фельдшеръ ушелъ.

Потомъ пришли еще какіе то господа. Я приподнялся къ дверному окошечку. Впереди стоялъ очевидно врачъ. Кажется и Шидловскій былъ между ними.

Не помню, отвѣчая ли на вопросъ пришедшихъ или такъ по наитію, я что-то долго и горячо съ увлеченіемъ говорилъ, не помню точно что. Я говорилъ съ непривычнымъ для меня многорѣчіемъ, но они слушали меня долго.

Должно быть основываясь на этой „бесѣдѣ“ г. Шидловскій позже на Сахалинѣ говорилъ, что Манучаровъ—душевно больной.

Должно быть, какъ душевно больного, меня послѣ этого объясненія увели изъ карцера и посадили въ общій трюмъ, но не къ прежнимъ моимъ спутникамъ, а въ другой. Я знаю, что передъ тѣмъ какъ меня вести въ этотъ трюмъ, старшій офицеръ г. Шидловскій вызвалъ арестантскаго старосту этого трюма и заявилъ ему, что сейчасъ приведутъ сюда душевно больного арестанта, такъ чтобъ не обращали вниманія на мои слова и не разговаривали со мной. Это мнѣ сказалъ староста, когда онъ узналъ отъ меня въ чемъ дѣло.

А между тѣмъ здѣсь, въ трюмѣ, былъ дѣйствительно душевно большой,—рабочій латышъ, кажется, Нельке. Онъ забирался въ ватерклозеты и тамъ молился, не смущаясь окружающей обстановкой. Молился то громко, то шепотомъ. Днемъ при общей суматохѣ его молитвы мало кого беспокоили, развѣ кто нибудь, раздосадованный чѣмъ нибудь другимъ, крикнетъ на больного: «да замолчи ты, холера!» Но ночью, когда въ трюмѣ водворялась тишина и онъ приходилъ какъ будто въ большій молитвенный экстазъ, я не разъ просыпался отъ этихъ рыданій.

Староста нѣсколько разъ заявлялъ боцману объ этомъ больномъ, но тотъ не обращалъ вниманія, полагая, что разъ не дерется, „не гадить“, то никому не можетъ мѣшать въ общемъ трюмѣ. Боцманъ такъ именно отвѣчалъ старостѣ.

— Хоть бы вы, Иванъ Львовичъ, поговорили о парнишкѣ, сказалъ мнѣ староста послѣ одного изъ такихъ разговоровъ съ боцманомъ. А то какой день ничего не ѣсть,—все молится, добавилъ онъ.

— Ну говорить съ офицеромъ не стану, а вотъ достаньте бумагу и карандашъ—напишу доктору.

Я такъ и сдѣлалъ. Староста передалъ записку въ аптеку. Скоро явился Шидловскій и сдѣлалъ выговоръ старостѣ, почему онъ ему не заявилъ раньше. Нельке отъ насъ перевели въ лазаретъ.

Позже на Сахалинѣ я его видѣлъ здоровымъ, работающимъ. Онъ былъ малосрочный, тихій работникъ и скоро его выпустили съ острова на материкъ. Земляки его говорили мнѣ, что онъ очень боялся воды и когда его въ Одессѣ посадили на пароходъ

онъ забеспокоился. Безконечное путешествіе по водѣ, въ результатѣ котораго онъ ожидалъ утопленія его въ морской пучинѣ, такъ гнетуще на него повліяло, что онъ обратился въ молящагося безумца. Когда его выводили изъ нашего трюма, то онъ кричалъ и сопротивлялся, несмотря на то, что земляки, въ благорасположеніи которыхъ онъ былъ увѣренъ, объясняли ему, что наверху ему будетъ лучше. Его пришлось вытащить силой: его взяли подъ руку два матроса. Такъ же пришлось его спускать по трапу съ парохода на баржу на Сахалинѣ. За то, когда его съ пристани повели по дорогѣ черезъ лѣсокъ, привели въ больницу, и онъ сталъ прогуливаться по землѣ между деревьями, то радостью наполнился онъ и сталъ по немногу поправляться. Я видѣлъ Нельке черезъ 3 дня послѣ приѣзда на Сахалинъ при посѣщеніи въ больницу спутника своего бродяги Краснокутскаго. Нельке былъ спокоенъ и губы его не шептали молитвы.

Какимъ гомерическимъ хохотомъ разразилась бы комиссія, если бы Нельке при медицинскомъ осмотрѣ въ Одессѣ заявилъ просьбу направить его въ Сибирь потому, что онъ боится воды. А между тѣмъ не только на слабого Нельке, но и на вполне уравновѣщенныхъ здоровыхъ моихъ спутниковъ дѣйствовало столь продолжительное водное путешествіе въ клѣткѣ. Насъ выпускали на палубу не болѣе какъ на минутъ 10—15. Выпускали только въ пути, а въ портахъ увеличивали вдвое стражу. У меня была карта и я показывалъ спутникамъ сколько мы проѣхали и сколько оставалось до Сахалина. Еще до карцера я какъ то одному изъ спутниковъ начертилъ въ грубыхъ очертаніяхъ моря, черезъ которыя мы должны были проѣхать изъ Одессы до мѣста ссылки. И вотъ уставится бородачъ въ карту и смотреть, смотреть.—«И все это вода?» спрашиваетъ онъ подавленнымъ голосомъ.—«Все вода!»—«А гдѣ этотъ самый тайфунъ». — Тамъ дальше, въ китайскихъ моряхъ.—«Ухъ, кабы скорѣе миновать!»

Послѣ первой карты пришлось начертить другую, третью и затѣмъ чертилъ ихъ безъ конца. Спутники эти „карты“ посылали своимъ роднымъ въ письмахъ. Въ этомъ трюмѣ я занимался тѣмъ же для новыхъ моихъ спутниковъ. Мнѣ были благодарны.

И вотъ, когда представилась возможность, меня захотѣли отблагодарить.

Самое дорогое для арестантовъ въ заключеніи—это, конечно, спиртъ. Мнѣ кажется, что до Сингапура въ трюмахъ не появлялись крѣпкіе напитки, только побывавшіе въ лазаретѣ лакомились водкой и виномъ, которые тамъ выдавались слабымъ. Кромѣ того тамъ можно было достать и помимо того у матросовъ.

Въ Сингапурѣ публика ухитрилась сдѣлать большую закупку всякихъ ромовъ, коньяковъ и винъ. Несмотря на стражу цвѣтнымъ лодочникамъ удавалось подѣхвать къ нашимъ иллюминаторамъ и хотя заключенныхъ отдѣляла на разстояніи не менѣе 2 аршинъ отъ иллюминаторовъ желѣзная рѣшетка, но торговцы ухитрились на палкахъ получать сначала деньги и затѣмъ на тѣхъ же палкахъ подавать бутылки. Хотя получивъ деньги, цвѣт-

ные приятели могли отъѣхать отъ „Ярославля“, но обмана не бывало.

И вотъ въ вечеръ послѣ удачной стоянки въ Сингапурѣ меня пригласили на пиръ въ одну компанію. Я не сообразилъ, что приглашеніемъ одной компаніи не ограничится и, чтобъ не обидѣть другихъ, придется побывать въ нѣсколькихъ компаніяхъ и нагрузиться алкоголемъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ я когда нибудь въ жизни принималъ въ себя.

И случился скандалъ. Я опьянѣлъ. Я сталъ резониться съ часовыми, но къ своему счастью не разбушевался, какъ однажды еще на Кавказѣ, когда меня товарищи должны были связать, мать плакала, а старшая сестра стыдила. Поэтому я тогда же рѣшилъ никогда болѣе стакана вина не пить. Въ Харьковѣ въ компаніи издателей нашей тайной типографіи, любившими вечеркомъ позакусить у Курносихи малороссійской колбасой или у Штригера бифштексомъ, я началъ пить водку по рюмкѣ, по двѣ и даже по три въ вечеръ, въ особенности, если съ рижскимъ бальзамомъ, но никогда болѣе пьянъ не бывалъ, послѣ случая въ Тифлисѣ.

И вотъ я опять пьянъ.—И гдѣ же?—На каторжномъ пароходѣ. Къ счастью, повторяю, я на этотъ разъ какъ то не разбушевался, а сообразилъ, что мнѣ слѣдуетъ прилечь и я заснулъ на своемъ мѣстѣ. А когда другіе подняли шумъ, часовой вызвалъ начальство и стали собирать пьяныхъ, то часовой, сколько ни искалъ, говорятъ, меня не нашелъ.

Тогда я далъ, какъ говорится, зарокъ никогда не пить и вотъ уже 10 лѣтъ не пью ничего ни вина, ни водки, а пива никогда я не могъ пить.

Вышли мы изъ Одессы въ первыхъ числахъ марта (3 или 4) прибыли на Александровскій рейдъ 30 апрѣля. На одну ночь меня помѣстили въ карантинъ на берегу у пристани въ надзирательской комнатѣ. На другой день меня повели въ окружное полицейское управленіе. Здѣсь окружный начальникъ держалъ ко мнѣ рѣчь, сущность которой заключалась въ томъ, что, по желанію генерала ¹⁾, я первое время буду изолированъ отъ другихъ, политическихъ, чтобъ безъ ихъ вліянія могъ разобраться въ своемъ новомъ положеніи, что политическіе на островѣ вовсе не подвергаются говенію, напротивъ, здѣсь цѣнятъ и знаніе, и честность политическихъ. Многіе изъ политическихъ заслужили глубокую благодарность и уваженіе администраціи, такъ что здѣсь даже каторжнымъ политическимъ чиновники подають руку, не говорятъ *ты*.

Я вообще не умѣю отвѣчать на спичи, но, очевидно, чрезвычайность положенія внушила мнѣ нѣсколько словъ. Я прежде всего скромно замѣтилъ, что пожатіе руки со стороны тюремнаго надзора для политическаго не можетъ составить большой чести,

¹⁾ Генералъ Мерказинъ—объ немъ много могутъ поразсказать бывшіе до меня политическіе. При мнѣ этотъ генералъ преслѣдовалъ покойнаго (застрѣливагося) С. С. Солодовникова.

а затѣмъ, что я не понимаю о какой изоляціи можетъ быть рѣчь, разъ я являюсь на Сахалинѣ въ качествѣ окончившаго срокъ ка-торги, въ качествѣ ссыльно-поселенца.

— Ну, вотъ, объясняетъ холодно окружный начальникъ, — вы ссыльно-поселенецъ, васъ и пошлютъ на поселеніе куда нибудь въ глухую тайгу, гдѣ никого изъ политическихъ не будетъ, а только уголовные или пошлютъ на кардонъ по берегу, гдѣ и уго-ловныхъ не будетъ, а только нѣскольکو солдатъ да арестантовъ дровотасковъ при нихъ. Желаніе генерала, чтобъ вы жили здѣсь при окружномъ полицейскомъ управленіи и безъ моего разрѣше-нія никуда не отлучались.

Я сказалъ, что поселюсь тамъ, гдѣ мнѣ укажутъ, но, гдѣ бы я ни былъ, я не могу общать не имѣть общенія съ товарищами, и потому даже въ шлиссельбургскомъ одиночествѣ мы ухитря-лись удовлетворить это естественное чувство.

Мнѣ дали комнату при полиціи. Я не былъ запертъ, ходилъ оvoidно по корридорѣ и въ тотъ же день меня посѣтили това-рищи. Первый, котораго я увидѣлъ, былъ извѣстный мнѣ по Харькову В. П. Бражниковъ, одинъ изъ административно ссыль-ныхъ на Сахалинѣ въ это время. Мы встрѣтились въ окружной библіотекѣ, которая помѣщалась при полицейскомъ управленіи и въ томъ же корридорѣ, въ который выходила отведенная для меня комната.

Уходя на улицу я заявлялъ объ этомъ окружному началь-нику. Если это бывало въ неприсутственное время, то я раз-рѣшеніе спрашивалъ по телефону. И я не стѣснялся ни време-немъ, ни числомъ выходовъ въ день.

Однажды, мѣсяца черезъ полтора, жена окружного на мое заявленіе по телефону сказала съ досадой: „надоѣли!“ Съ тѣхъ поръ я пересталъ спрашиваться. Окружный молчалъ. А еще черезъ недѣлю двѣ я сказалъ, что мнѣ удобнѣе жить на частной квар-тирѣ. Онъ спросилъ губернатора и меня выпустили изъ полицей-скаго управленія.

Я сталъ „вольнымъ“ ссыльно-поселенцемъ.

И. Манучаровъ.

„О наблюдѣніи за разглашателями новостей“¹⁾).

Секретно.

Господину Рязскому Городничему Сухареву.

Рязскаго Гражданскаго Губернатора
КАНЦЕЛЯРІЯ

5 Июля 1829 года
№ 174

О наблюдѣніи за разглашателями новостей.

Въ Высочайшихъ указахъ 5-го Іюня 1757 19 Іюня 1762, 4 Іюня 1763 4 Марта 1764 и 5 Апреля 1772 годовъ повелѣно, чтобъ каждый изъ поданныхъ российской Имперіи и подъ Ея покровительствомъ проживающихъ Иностранцовъ принадлежалъ единственно званію своему, удаляясь сколько возможно отъ суетныхъ сужденій о дѣлахъ до него не принадлежащихъ, а

особливо удержавался бы отъ нарушеніе тишины и покоя, не пристойными разговорами, прѣвратными толкованіями и часто вымышленными извѣстіями о дѣлахъ политическихъ и военныхъ, 1807 же году Правительствующій Сенатъ по доходящимъ до него свѣденіямъ, бывший извѣстенъ, что есть люди, которыя отъ невежества, или отъ буйства и строптивости, или же отъ занятія своей празности, сеютъ слухи не пристойныя, сошлетая о проишествіяхъ по дѣламъ военнымъ и политическимъ, разнаго рода дживыя и большою частію недѣльныя новости во отвращенія могущаго произотить вреднаго влеченія на умы слабыя не просвѣщенныя, печатными отъ 18 Марта того года—указами о помянутыхъ Высочайшихъ повѣленіяхъ для непремѣннаго всехъ и каждому исполненія, предписалъ публиковать вновь воссенародное извѣстіе печатными указами, призывая и съ своей стороны cadaго къ употребленію болѣе своего времени на точное исполненіе обязанностей службою ли на него возложенныхъ или священнымъ долгомъ добраго сына отечества и вѣрнаго подданаго.

Сверхъ того 123 статьею устава благочинія воспрещены: всякое злословіе, лже-клеветы, поношеніе или разсѣяніе слуховъ умоляющихъ доверіе и почтеніе къ особамъ, коимъ подобааетъ почтеніе.

Но по свѣденіямъ до меня доходящимъ оказывается, что нѣкоторые люди конечно увлекаясь празностію, или личными видами изъ недоброжеланія къ лицамъ состояющимъ части правительства дозволяютъ себѣ вопреки выше приведенныхъ узаконеній входить въ сужденіе дѣлъ до нихъ не принадлежа-

¹⁾ Печатается съ сохраненіемъ не только стили, но и орфографіи.

Ред.

щихъ, и разсѣваютъ слухи для особъ власти имѣющихъ оскорбительныя, и вымышляютъ происшествія, коихъ со всемъ небываетъ; чему примеромъ можно поставить разнесшуюся по городу Рязани молву о задавленной здѣсь на ярмонкѣ 1-го сего Іюля дѣвочкѣ которая находится совершенно здорова.

Столь не приличное толкосмѣтнѣе слуховъ побуждаютъ меня предписать Вашему Высокоблагородію, чтобы вы безъ малѣйшей огласки сего предписанія по долгу званія своего наблюдали за всеми тѣми, кои впадаютъ въ разношеніи слуховъ не приличныхъ тишину и покой нарушающихъ и къ оскорбленію и поношенію не токмо начальства и особъ власти имѣющихъ но и дочастныхъ лицъ относящихся, о дѣлахъ не касающихся лица разглашаемо и вредныхъ очемъ либо толковъ и будѣ все сіе вами замѣчено будетъ, то отаковыхъ, не смотря ни на какое лицо, по точнѣйшимъ дознаніи происшествія, отъ кого оно произошло, не упуская ни малѣйшихъ слѣдовъ о семъ изъ-виду, немедленно доносить мнѣ, предвая вмѣстѣ съ тѣмъ, естли важность разсвѣнія того требовать будетъ, поступки сіи дѣйствию закона.

Гражданскій Губернаторъ и Кавалеръ *Карновъ*.

Секретарь *Ивановъ*.

СУЗДАЛЬСКІЕ УЗНИКИ.

(1800—1836 г.г.)

Самодержавіе и православіе, какъ извѣстно, издавна считались у насъ главными, „незыблемыми“ основами, на которыхъ покоился старый русскій государственный строй. Православная церковь не только ничего не имѣла противъ власти произвола, но, наоборотъ, употребляла съ своей стороны всѣ усилія для того, чтобы сохранить и отстоять абсолютизмъ въ его борьбѣ съ тѣми элементами, которые не мирились съ порабошеніемъ народа и общества, которые такъ или иначе выражали свой протестъ противъ невыносимаго гнета, одинаково царившаго какъ въ политической, такъ и въ религіозной, духовной области.

Какъ далеко заходила въ этомъ отношеніи угодливость высшей православной іерархіи предъ сильными міра сего, между прочимъ, наглядно доказываетъ фактъ обращенія нашихъ монастырей въ мѣста ссылки и заточенія. Въ теченіе XIX столѣтія особенною извѣстностью въ этомъ отношеніи пользовались два монастыря: Соловецкій и Суздальскій.

Находящійся въ г. Суздаль, Владимірской губерніи, Спасо-Евфиміевскій монастырь, собственно говоря, уже съ давняго времени служилъ мѣстомъ ссылки для лицъ, такъ или иначе, провинившихся противъ церкви или государства. Но крѣпость или, точнѣе говоря, тюрьма въ этомъ монастырѣ была выстроена лишь при Екатеринѣ II-ой. Съ тѣхъ поръ эта тюрьма почти постоянно была переполнена заключенными. И это продолжалось вплоть до самаго послѣдняго времени, а именно до начала 1905 года.

Къ сожалѣнію, существовавшія у насъ до послѣдняго времени цензурныя условія, не давали никакой возможности выяснить и надлежащимъ образомъ освѣтить это въ высшей степени крупное и въ то же время глубоко печальное, явленіе нашей государственной церковной жизни. Даже сырой, фактической матеріалъ по этому вопросу до сихъ поръ не опубликованъ, такъ какъ всѣ подобнаго рода матеріалы до сихъ поръ считаются „секретными“ и хранятся въ архивахъ святѣйшаго синода и министерства внутреннихъ дѣлъ, которые совершенно не доступны для изслѣдователя.

Въ виду такого положенія дѣлъ, предлагаемый вниманію читателей „секретный списокъ сосланнымъ подъ надзоръ и стражу

въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь разнаго званія лю-
дымъ“, на нашъ взглядъ, является интереснымъ и цѣннымъ исто-
рическимъ документомъ. Списокъ этотъ, обнимающій періодъ
времени съ 1801 года по 30 ноября 1836 года, былъ составленъ
архимандритомъ монастыря Серафимомъ и представленъ владі-
мирскому губернатору 1 декабря 1836 года за № 150. Въ немъ
перечислены 85 лицъ ¹⁾, томившіяся въ казематахъ суздальской
монастырской тюрьмы въ указанный періодъ.

Ссылка въ монастыри и заточеніе въ монастырскія тюрьмы,
какъ извѣстно, примѣнялись у насъ за самые разнообразныя
преступленія и проступки религіознаго, политическаго и обще-
уголовнаго характера. И дѣйствительно, знакомясь съ „секрет-
нымъ спискомъ“, вы прежде всего невольно поражаетесь огром-
нымъ разнообразіемъ, невѣроятной разнохарактерностью тѣхъ
„дѣяній“, которыя послужили причиной ссылки въ монастырь
лицъ, значащихся въ этомъ спискѣ.

Тутъ и государственный преступникъ, бывшій декабристъ,
князь Шаховской, ²⁾ тутъ и подполковникъ Лисевичъ, сосланный
„за жестокіе поступки съ крестьянскими женками помѣщика Ко-
валевскаго и прочія незаконныя дѣйствія“, тутъ и отставной под-
поручикъ Королько, сосланный „за богохуленіе“, тутъ и монахъ
Авель, сосланный „для смиренія“, тутъ и крестьянинъ Бобрецовъ—
„за распространеніе раскола“, тутъ и флотскій офицеръ, капи-
танъ 2 ранга Балле, сосланный „за позволеніе себѣ искать
плотскихъ удовольствій вопреки закона природы“, тутъ и графъ
Кирилль Разумовскій, заточенный въ монастырь „за невоздерж-
ную жизнь и вольныя мысли на счетъ нравственности и религіи“,
тутъ и рядовой уфимскаго полка Уткинъ—„за поношеніе высо-
чайшей его императорскаго величества особы, за побѣгъ изъ
военной службы, отступленіе отъ православной вѣры, отрицаніе
отъ повинновенія закону и установленной власти“, тутъ и іеро-
монахъ Лампадъ—„за распространеніе ученія несоотвѣтственнаго
установленіямъ церковнымъ“, тутъ и имеретинскій священникъ
Гегоргадзе—„за великое участіе въ послѣдне-бывшемъ въ Име-
ретіи бунтѣ“ и т. д.

Судя по „секретному списку“, лица духовнаго званія и сана,
разныя священники и монахи нерѣдко заключались въ монастыр-
скую тюрьму „за невоздержную и нетрезвую жизнь“, „за про-
исходящія отъ нихъ разныя неблагопристойности“, „за предосу-
дительныя и соблазнительныя поступки“, въ родѣ „исправленія
въ пьяномъ видѣ требъ у прихожанъ“, „за утружденіе его им-
ператорскаго величества всеподданѣйшими неосновательными прось-
бами“, „за ослушаніе и непокорность высшему начальству“ и т. д.

¹⁾ Въ спискѣ значится 88 узниковъ, но дѣло въ томъ, что трое изъ нихъ: кор-
нетъ Спечинскій, протоіерей Лекторскій и подпоручикъ Михайловъ записаны по два раза,
такъ какъ каждый изъ нихъ имѣлъ несчастье два раза попасть въ суздальскую тюрьму.

²⁾ Ниже мы даемъ біографическій очеркъ кн. Шаховскаго по неизданнымъ даннымъ.
Ред.

Разные корнеты, прапорщики, поручики, губернскіе секретари нерѣдко запирались въ монастырскіе казематы—иногда даже по ходатайству ихъ родителей—„за буйный и развратный нравъ“¹⁾, „за пьянство и буянство“, „за распутную жизнь и буйственные поступки“, „за дераскіе поступки противъ отца“ и т. д. Отставной подпоручикъ Сергѣй Михайловъ былъ заключенъ въ суздальскую тюрьму въ 1827 г. „по причинѣ нѣкотораю заблужденія отъ чтенія книгъ“. Настоятелю монастыря, по обыкновенію, было предписано „пристойными наставленіями и увѣщаніями стараться привести его, Михайлова, къ раскаянію въ заблужденіи, коимъ онъ зараженъ и обращенію на путь истинный“. Какъ всегда однако, наставленія и увѣщанія настоятеля и на этотъ разъ ни къ чему не привели: Михайловъ „не обратился на путь истинный“ и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, бѣжалъ изъ монастыря. Пойманный, онъ былъ снова заключенъ въ Суздальскую тюрьму, а оттуда въ 1833 году переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость²⁾.

Тюрьма Спасо-Евфиміева монастыря служила мѣстомъ заключенія не только для разнаго рода „преступниковъ“, но и для лицъ, несовершенно совершившихъ иныхъ преступленій и виновныхъ лишь въ томъ, что они имѣли несчастье заболѣть психическимъ расстройствомъ, или сойти съ ума,—какъ говорили въ то время. Такъ напримѣръ, протоіерей лейбъ-гвардіи уланскаго полка Стояновъ былъ заточенъ въ тюрьму Суздальскаго монастыря въ 1813 году „за поврежденіемъ въ разумъ“—впредь до исправленія. Штабсъ-капитанъ Березинъ въ 1816 году былъ запертъ въ казематъ суздальской тюрьмы „по сумасшествію его“, при чемъ предписывалось „да бы онъ, Березинъ, какъ сумасшедшій, не токмо не могъ имѣть съ кѣмъ сношенія или писать, но и говорить какія либо нелѣпости“.

Такого рода предписанія (а ихъ можно было бы привести не мало изъ того-же списка) ясно указываютъ на тѣ мотивы, которыми руководствовались власти, запирая въ монастырскую тюрьму несчастныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ, психически больныхъ людей. Очевидно, власти просто боялись „соблазна“, боялись „пагубнаго вліянія“, какое могли оказать на окружающихъ „нелѣпости“, разныя „нелѣпныя слова и рѣчи, разглашаемыя“ людьми, утратившими душевное равновѣсіе.

Наиболѣе крупную по численности группу монастырскихъ узниковъ обыкновенно составляютъ сектанты и раскольники. Въ прилагаемомъ спискѣ встрѣчаемъ, между прочимъ, нѣсколько выдающихся представителей этой категоріи людей. Такъ, подъ № 35-мъ значится: „старикъ, начальникъ секты скопцовъ, по имени неизвѣстный“, присланный по высочайшему повелѣнію въ

¹⁾ Въ то время, какъ извѣстно, словамъ: „развратъ“, „развратный“ придавался совершенно иной смыслъ, иное значеніе, чѣмъ дается теперь.

²⁾ Въ 1836 году Михайловъ значится въ спискѣ секретныхъ арестантовъ Шлиссельбургской крѣпости (см. статью г. П. Ш. „Изъ лѣтописей Шлиссельбургской крѣпости“, „Былое“, 1906 г., декабрь).

1820 году для содержанія за особымъ карауломъ, подъ строжайшей надзоръ.

Ознакомившись съ секретнымъ „дѣломъ“ этого таинственнаго уніка, хранящимся въ монастырскомъ архивѣ, мы убѣдились, что подъ именемъ „неизвѣстнаго“ былъ заточенъ основатель скопчества, знаменитый Кондратій Селивановъ. Проживая въ Петербургѣ въ домѣ богатыхъ купцовъ Ненастьеваыхъ, Селивановъ пользовался огромной популярностью въ разныхъ слояхъ петербургскаго общества. Многочисленные послѣдователи называли его не иначе какъ „Христомъ“ и „Живымъ Богомъ“; многіе изъ нихъ считали его „государемъ-батюшкой Петромъ Федоровичемъ“, т. е. императоромъ Петромъ III-мъ. Многія высокопоставленныя лица явно покровительствовали „Живому Богу“; особенно много сдѣлалъ для него завѣдывавшій въ то время духовными дѣлами оберъ-прокуроръ Св. Синода, извѣстный мистикъ, князь А. Н. Голицынъ.

Покровительство высокопоставленныхъ мистиковъ не спасло однако Селиванова отъ тяжелой кары, которая постигла его: въ 1820 году онъ былъ заточенъ въ суздальскую тюрьму, которая и стала его могилой. Просидѣвъ въ монастырскомъ казематѣ цѣлые двѣнадцать лѣтъ, Селивановъ умеръ въ 1832 году и тогда же тайно ночью былъ похороненъ, при чемъ монастырскимъ начальствомъ приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы мѣсто его погребенія осталось никому не извѣстно.

Въ той же тюрьмѣ томился и умеръ другой видный представитель скопчества статскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Глянскій, *бывшій камергеръ* короля Станислава-Августа Понятовскаго. Онъ былъ заключенъ въ суздальскую тюрьму въ 1804 году подъ именемъ „поляка Алексѣя Глянскаго“ и умеръ въ 1813 году (см. № 5-й списка).

Изъ послѣдователей рационалистическихъ сектъ въ спискѣ встрѣчаемъ „начальника (чисто бюрократическая терминологія!) секты молоканъ Тамбовской губерніи“, шацкаго купца Семена Швецова (№ 85), жителя Пятигорскаго округа Ефима Гушина, заточенаго за пропаганду „субботнической секты“ (№ 74) и т. д.

Нерѣдко причины ссылки и заключенія того или другога лица, присылавшагося въ Суздальскій монастырь, совсѣмъ не объяснялись. Такъ, на примѣръ отставной штабсъ-капитанъ Нониковъ (№ 25) былъ присланъ въ монастырь въ 1812 году „по высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ Владимірской духовной консисторіи для заключенія“, но при этомъ ни слова не было сказано въ чемъ же собственно состояла его вина или преступленіе, за которое онъ подвергся столь жестокой карѣ. Или другой примѣръ лишенный священства Василій Кочетовъ (№ 22) былъ присланъ по высочайшему повелѣнію „для заключенія навсегда“ въ монастырской тюрьмѣ,—но опять таки безъ всякаго объясненія причинъ и поводовъ, вызвавшихъ столь безчеловѣчное наказаніе, какъ пожизненное тюремное заключеніе.

Что касается общественнаго положенія, какое занимали лица

подвергшіяся ссылкѣ и заключенію въ Суздальской тюрьмѣ, то среди нихъ мы встрѣчаемъ и представителей высшей, титулованной знати, въ родѣ графа Кирилла Разумовскаго или князя Ф. П. Шаховскаго и разныхъ помѣщиковъ—дворянъ, и офицеровъ арміи и флота—начиная съ генераль-маіора (№ 3) и кончая корнетами и прапорщиками,—чиновниковъ, священниковъ, архимандритовъ, монаховъ, купцовъ, мѣщанъ и, наконецъ, многочисленныхъ представителей народа, плебса—крестьянъ, солдатъ и т. д. Въ видѣ одиночекъ, между прочимъ, встрѣчаются: врачъ—„уѣздный лекаръ“, „актеръ“, бакалавръ Кіевской духовной академіи и т. д.

Въ высшей степени важнымъ и существеннымъ является вопросъ: кто же ссылалъ, кто „заточалъ“ въ монастырскія тюрьмы и въ частности—въ Суздальскую крѣпость, которая давно уже извѣстна у насъ подъ именемъ „религіозной Бастиліи“?

Судя по отмѣткамъ архимандрита въ „секретномъ списокѣ“, огромное большинство заключенныхъ были присланы въ суздальскую тюрьму „по высочайшему повелѣнію“ или же „съ высочайшаго соизволенія“. Затѣмъ очень многія духовныя лица—архимандриты, протоіереи, іеромонахи и т. д. присылались по распоряженію „святѣйшаго правительствующаго синода“.

Но право заключать въ монастырскую тюрьму принадлежало не только высшимъ центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, но и губернскимъ властямъ какъ гражданскимъ, такъ и духовнымъ. Такъ, напримѣръ, муромскій крестьянинъ Яковъ Семеновъ былъ заключенъ въ Суздальскую тюрьму „какъ фанатикъ“ по распоряженію *владимірскаго губернатора*. Дьяконъ Юрьевской округи Егоръ Вишняковъ былъ заключенъ въ монастырь *Владимірской духовной консисторіей*, согласно резолюціи мѣстнаго архіерея. Какъ видите, дѣло по этой части обстояло очень просто!...

Въ заключеніе, пользуясь данными „секретнаго списка“, приведемъ нѣсколько цифръ, характеризующихъ условія заключенія въ «Суздальской Бастиліи».

Изъ общаго числа заключенныхъ (85 человекъ) умерло въ тюрьмѣ	20 человекъ ¹⁾ .
Переведено въ другіе монастыри	7 „
Отправлено въ другіе города подъ надзоръ мѣстнаго начальства	13 „
Отдано на поруки родственникамъ	2 „
Освобождено	18 „

Затѣмъ, кромѣ того, одинъ изъ заключенныхъ былъ отправленъ въ больницу умалишенныхъ, одинъ отправленъ въ Петербургъ, по требованію генерала Бенкендорфа и наконецъ одинъ—штабсъ-капитанъ Бекарюковъ бѣжалъ.

Оставалось въ монастырской тюрьмы къ 1-му декабря

¹⁾ Въ томъ числѣ одинъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись въ своемъ казематѣ.

1836 года 22 человекъ. Такъ какъ въ суздальской монастырской тюрьмѣ имѣется всего 22 каземата, то слѣдовательно въ моментъ составленія „списка“ тюрьма эта была полна заключенными.

Лица, умершія въ казематахъ монастырской тюрьмѣ за время съ 1801 по 1837-й годъ, пребыли въ заключеніи слѣдующіе сроки: трое—менѣе одного года ¹⁾, одинъ—одинъ годъ, одинъ—три года, одинъ—четыре года, одинъ—5 лѣтъ, одинъ—7 лѣтъ, послѣ чего онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ, повѣсившись въ своемъ казематѣ. двое—по 8 лѣтъ, одинъ—9 лѣтъ, одинъ—11 лѣтъ, одинъ—12 лѣтъ, двое—по 13 лѣтъ, одинъ—14 лѣтъ, двое—по 15 лѣтъ, одинъ—22 года и одинъ—25 лѣтъ.

Изъ 22-хъ заключенныхъ, сидѣвшихъ въ тюрьмѣ въ моментъ составленія „списка“, пятеро сидѣли 1 годъ, двое—по 2 года, 1—3 года, 1—4 года, 1—6 лѣтъ, двое—по 8 лѣтъ, 1—11 лѣтъ, 1—13 лѣтъ, 1—14 лѣтъ, трое—по 15 лѣтъ, 1—21 годъ, 1—23 года, 1—25 лѣтъ и 1—32 года.

Эти сроки заключенные *уже* просидѣли въ холодныхъ и сырыхъ казематахъ Суздальской крѣпости. Сколько времени имъ предстояло еще гнить за желѣзными рѣшетками монастыря—этого, конечно, изъ „секретнаго списка“ видѣть нельзя. Но изъ исторіи соловецкой тюрьмы мы знаемъ, что тамъ нерѣдко заключенные сидѣли по 40, 50 и даже по 60 лѣтъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока смерть не избавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшей неволи и страданій.

Въ виду этого невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ заключенные могли выносить въ теченіе столь долгаго времени тягостныя условія монастырскаго тюремнаго режима? Эта кажущаяся несообразность объясняется тѣмъ, что послѣ первыхъ же 10—15 лѣтъ заточенія, узники обыкновенно заболѣвали психическимъ разстройствомъ, „сходили съ ума“ и въ этомъ положеніи могли, оставаясь въ тюрьмѣ, въ теченіи долгихъ лѣтъ влачить свое жалкое существованіе... И все это происходило, все это совершалось при дѣятельномъ участіи „преосвященнѣйшихъ епископовъ и архіепископовъ“, отцевъ архимандритовъ, на глазахъ монастырской „братіи“, съ благословенія митрополитовъ и другихъ членовъ „святѣйшаго синода“...

А. Пругавинъ.

¹⁾ Изъ нихъ одинъ былъ переведенъ изъ соловецкой монастырской тюрьмы.

Секретно.

СПИСОКЪ.

Сосланнымъ подъ надзоръ и стражу Владимірской губерніи, въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, разнаго званія людямъ, съ 1801-го года по 30 ноября 1836-го года.

Число со-славныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
1	Капитанъ Василій Есеновскій, изъ оставшихся по бывшей тайной экспедиціи неосвобожденнымъ.	1801-го года мая 31-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ генераль-фельдмаршала, московскаго, военнаго губернатора и кавалера графа Ивана Петровича Салтыкова, съ предписаніемъ содержать его въ семъ монастырѣ подъ особеннымъ присмотромъ.	1816-го года октября 10-го дня померъ.
2	Бывшій, московскаго, Ставропигіальнаго, Заиконоспаскаго монастыря, Архимандритъ Владиміръ.	1803-го года, мая 16-го дня присланъ по силѣ указа Святѣйшаго, Правительствующаго Синода, изъ московской Синодальной конторы, при указѣ за невоздержанную жизнь и другія происходящія отъ него неблагопристойности, на пребываніе въ сей монастырь, съ предписаніемъ содержать его подъ присмотромъ.	1808-го года, іюня отъ 22-го, по указу Святѣйшаго Синода, переведенъ на пребываніе въ Московской Ставропигіальной Донской монастырь.
3	Ярославскій помѣщикъ генераль-маіоръ Побѣдинскій.	1803-го года, августа 5-го дня присланъ по Высочайшему повелѣнію при отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора князя Долгорукаго, по приговору всего дворянства, къ заключенію въ сей монастырь на покаяніе.	1808-го года, іюля отъ 22-го дня по Высочайшему указу, состоявшемуся въ 22 день мая того года, переведенъ въ губернский городъ Владиміръ, подъ надзоръ губернатора.

Число со-славныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
4	Актеръ Кочетковъ.	1804-го года, апрѣля 11-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію при секретномъ отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, съ предписаніемъ содержать его подъ присмотромъ и чтобы онъ, удаленъ былъ отъ возможности бесѣдовать и обращаться съ людьми не просвѣщенными.	1819-го года марта 16-го дня, по-меръ.
5	Полякъ Алексѣй Еленскій.	1804-го года Сентября 4-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при секретномъ отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора князя Долгорукаго за разглашеніе скопческой ереси.	1813-го года марта 23-го дня по-меръ.
6	Нижегородскаго, архіерейскаго дома, крестовый Іеромонахъ Іосифъ.	1804-го года, декабря 4-го дня, присланъ по указу Святѣйшаго Синода, изъ владимірской духовной консисторіи, при указѣ для содержанія въ семъ монастырѣ подъ строжайшимъ присмотромъ безъ священнослуженія, по изступленію ума, дабы впредь не могло отъ него произойти большихъ безпорядковъ и соблазна народнаго.	
7	Губернскій секретарь Иванъ Приморскій.	1805-го года, января 5-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при указѣ изъ владимірской консисторіи, для содержанія въ семъ монастырѣ, подъ особеннымъ присмотромъ, за пьянство, и буянство, до исправленія съ употребленіемъ средствъ къ отвращенію его отъ пьянства и дерзкихъ поступковъ.	По Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и по указу владимірской консисторіи, отосланъ въ оную при рапортѣ сентября 15-го дня 1818 года.
8	Отставной секретарь Петръ Волковъ.	1806-го года, января 10-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, за распутную жизнь и буйствен-	1811-го года, февраля 15-го по Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ, съ дозволеніемъ имѣть

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
9	Бывшій Онег- скаго, крестнаго монастыря, Архи- мандритъ Лаврен- тій.	ные поступки, для содержа- нія въ семь монастырѣ, до исправленія его съ прочими арестантами. 1806-го года, іюля 3 го дня присланъ по указу Святѣй- шаго Правительствующаго Синода, изъ владимірской консistorіи, при указѣ для содержанія его въ семь мо- настырѣ, къ воздержанію отъ пьянства, разныхъ безчиній и соблазновъ, подѣ строжай- шимъ присмотромъ.	ему жительство въ городѣ Пере- славлѣ, подѣ над- зоромъ мѣстнаго начальства. 1814-го года, ію- ля 25-го дня, по- мерь.
10	Псковской гу- берніи, отставной солдатъ, Сергѣй Лудановъ.	1806-го годя, октября 17-го дня, присланъ по Высочай- шему повелѣнію, при указѣ изъ владимірской консисто- ріи, на церковное покаяніе, за порѣзаніе крестьянина, во иаступленіи ума, съ предпи- саніемъ содержать его въ семь монастырѣ, подѣ наб- люденіемъ, дабы онъ не при- чинилъ кому либо какого вреда.	1819-го года, но- ября 20-го дня, померь.
11	Оренбургской губерніи Мензе- линской округи, помѣщикъ от- ставной подпору- чикъ, Александръ Буткевичъ.	1807-го года, марта 4-го дня присланъ по Высочайшему соизволенію при указѣ изъ владимірской консistorіи, къ содержанію въ семь мона- стырѣ, съ прочими арестан- тами, для окончанія опредѣ- ленной ему церковной епите- міи, за убійство изъ ружья крестьянина своего, по безу- млю его и пьянству.	1816-го года ію- ля 11-го дня, по Высочайшему ут- вержденному по- положенію коми- тета г.г. минист- ровъ, изъяснен- ному въ предпи- саніи г-на главно- командующаго въ С.-Петербургѣ у- правляющаго ми- нистерствомъ по- лиціи, отъ 19-го іюня того года, на имя владимірска- го гражданскаго губернатора, оба си: Буткевичъ и

Число со-слав-ныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
12	Слободскоукраинской губерніи, Изюмскаго уѣзда, слободы Спесакówki, казенный крестьянинъ, Никита Реусъ.	1807-го года, апрѣля 4-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на церковное покаяніе, безъ назначенія времени, за неумышленное въ сумасшествіи учиненное имъ смертоубійство, для содержанія въ семь монастырѣ, съ прочими арестантами.	Реусъ изъ сего монастыря, освобождены и отправлены къ нему, г-ну гражданско-му губернатору.
13	Тобольской губерніи, Курганской округи, Солтосарайской волости, крестьянинъ, Яковъ Шелеповъ.	1807-го года, іюля 28-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на церковное покаяніе, безъ назначенія времени, за убійство въ сумасшествіи жены своей, для содержанія въ семь монастырѣ, съ прочими преступниками.	1818-го года января 3-го дня по-мерь.
14	Дѣйствительный камергеръ графъ Кирилль Разумовскій.	1808-го года, мая 20-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при секретномъ отношеніи изъ комитета учрежденнаго указомъ 13 января 1807 года, за невоздержанную жизнь и вольныя мысли, на счетъ нравственности и религіи, для содержанія въ семь монастырѣ подъ присмотромъ.	1822-го года, августа 22-го дня, вслѣдствіе Высочайшей воли, изъ сего монастыря уволенъ въ губернской городъ Владиміръ, подъ личный надзоръ г-на губернатора.
15	Муромской округи, вотчины г. Юшкова, села Райскаго крестьянинъ Яковъ Семеновъ.	1810-го года, января 14-го дня, присланъ при отношеніи Г-на владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для содержанія въ семь монастырѣ, до дальнѣйшаго распоряженія, какъ фанатика, подъ секретнымъ присмотромъ.	Того же 1810-го года, мая 2-го дня, по отношенію его же г-на губернатора, отправленъ къ нему, губернатору, чрезъ суздальскаго городничаго.
16	Отставной поручикъ, Сергѣй Хвостовъ.	1810-го года, іюня 12-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи изъ комитета учрежденнаго указомъ 13 января 1807 года, за буйное и развратное поведеніе, впредь до исправленія.	1823-го года марта 24-го дня, по-мерь.

Число со- слав- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
17	Губернскій сек- ретарь Григорій Спиридовъ.	1810-го года, іюля, 26-го дня, присланъ вслѣдствіе Вы- сочайшей воли, при указѣ изъ владимірской консисторіи, за распутное и дурное поведе- ніе, для содержанія въ семъ монастырѣ, съ прочими по- добными ему, за особеннымъ надзоромъ.	1813-го года, ян- варя 20-го дня вслѣдствіе Высочайшей воли, изъ сего монастыря освобожденъ.
18	Стародубскій мѣ- шанинъ Иванъ Мазуръ.	1810-го года, августа 19-го дня, присланъ по Высочайше- му повелѣнію, при отно- шеніи изъ владимірскаго, губернскаго правленія, для заключенія въ сей монастырь, на всю жизнь, за зарѣзаніе въ сумасшествіи своего тестя.	1835-го года, ію- ня 27-го дня, по- меръ.
19	Слободскоук- раинской губер- ніи, Сумскаго уѣз- да, помѣщика Кордашевскаго, крестьянинъ Ва- силій Жуковъ.	1810-го года, ноября 21-го дня, присланъ по Высочайше- му соизволенію, изъяснен- ному въ указѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, чрезъ владимірскую консис- торію, при отношеніи изъ владимірскаго, губернскаго правленія, на церковное по- каяніе, безъ назначенія вре- мени, за убійство въ помѣ- шательствѣ ума трехъ мѣсяч- наго младенца, для содержа- нія въ семъ монастырѣ съ прочими преступниками, подъ наблюденіемъ, дабы онъ не могъ впредь кому либо при- чинить какого вреда, съ пред- писаніемъ по третямъ года объ немъ рапортовать.	1832-го года, ію- ня 27-го дня, по- меръ.
20	Лишенный свя- щенства Иванъ Селецкій.	1811-го года, апрѣля 25-го дня, присланъ по Высочайше- му повелѣнію при отноше- ніи отъ владимірскаго, граж- данскаго губернатора, князя Долгорукаго, для заключенія по безумію его навсегда въ сей монастырь, къ содержа- нію съ прочими арестантами.	По положенію комитета г.г. ми- нистровъ, изъ се- го монастыря освобожденъ де- кабря 18-го дня 1816-го года, и от- данъ сыну его, Меленковской округи, погоста Куземскаго свя- щеннику Андрею Иванову, съ рос- пискою.

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
21	Апамійскій митрополитъ Паисій игуменствующій въ Галатскомъ Вознесенскомъ монастырѣ.	1811-го года, апрѣля 30-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію, изъясненному въ указѣ Святѣйшаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисторіи, на пребываніе въ сей монастырь, по отрѣшеніи отъ должности, за расточеніе имъ монастырской собственности и за сопротивленіе Высшей власти, въ лицѣ Экзарха дѣйствующей.	1812-го года, октября 18-го дня по Высочайшей воли, изъ сего монастыря освобожденъ и повелѣно ему возвратиться въ монастырь, гдѣ онъ прежде игуменствовалъ.
22	Лишенный священства Василій Кочетовъ.	1811-го года, мая 29-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для заключенія навсегда въ сей монастырь, къ содержанію съ прочими арестантами.	
23	Сенатскій регистраторъ, Соловьевъ.	1811-го года, августа 20-го дня, присланъ вслѣдствіе Высочайшей воли, при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, для заключенія въ сей монастырь за пьянство и буйство, съ прочими преступниками.	1830-го года, іюля 31-го дня по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и врученъ для доставленія во владимірское губернское правленіе, Суздальскому частному приставу Смирнову съ роспискою.
24	Штабсъ капитанъ Бекаруковъ	1811-го года, ноября 15-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора, князя Долгорукаго, по особенному буйству его, къ заключенію въ сей монастырь, доколѣ можно будетъ съ благонадежностію облегчить его узы.	1813-го года, августа 24-го числа, въ ночь проломавъ въ нужномъ мѣстѣ окно, бѣжалъ куда не извѣстно, о чемъ того же числа донесено г-ну владимірскому гражданскому губернатору.

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
25	Отставной шт. капитанъ Нови- ковъ.	1812-го года, мая 5-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ владимірской консисторіи, для заключенія въ сей мона- стырь.	По Высочайшему повелѣнію изъ се- го монастыря ос- вобожденъ и от- данъ родственни- ку подполковнику Маслову, съ рос- пискою марта 8-го числа, 1818 года.
26	Бывшій при улан- скомъ лейбъ-гвар- діи полку, Прото- іерей Савва Стоя- новъ.	1813-го года, іюля 11-го дня, присланъ вслѣдствіе указа Святѣйшаго Правительству- ющаго Синода, при указѣ изъ владимірской констисто- ріи, для содержанія въ семь монастырь, за поврежденіемъ въ разумкѣ до исправленія соотвѣтственно званію и по- ложенію болѣзни его одер- жавшей, подъ присмотромъ, съ предписаніемъ о состояніи его, по третямъ года рапорто- вать.	
27	Титулярный со- вѣтникъ, Павелъ Молчановъ.	1815-го года, января 23-го дня, присланъ по Высочай- шему повелѣнію, при указѣ, изъ владимірской констисто- ріи, по навлеченію на себя, подозрѣнія въ покушеніи на жизнь отца своего, и образу жизни замѣчаніемъ для него предосудительнымъ, къ со- держанію въ семь монастырь, подобно сосланнымъ въ оный Разумовскому, Хвостову и прочимъ.	1829-го года, ав- густа 7-го дня, по- меръ.
28	Тверской епар- хіи Теробенской пустыни, Іеромо- нахъ Ириней.	1815-го года, 28 го октября, присланъ вслѣдствіе указа, Святѣйшаго Правительству- ющаго Синода, при указѣ изъ владимірской консторіи, за дерзновенное поруганіе имъ по сумасшествію его, Богородичныхъ иконъ, выко- лотіемъ на оныхъ глазъ и хулы на Божию Матерь и свя- тыни, съ запрещеніемъ свя- щеннослуженія и ношенія монашескаго одѣянія, для за- ключенія въ семь монастырь и содержанія подъ строгимъ	По указу Свя- тѣйшаго Синода, отъ 25-го мая 1818-го года, по исправленіи его въ разумкѣ, изъ сега монастыря уволень и опре- дѣленъ въ Му- ромскій, Спасскій монастырь куда и отправленъ іюня 30-го дня 1818-го года.

Число со-слан-ныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
29	Отставной кор-нетъ Спичинскій.	надзоромъ, не выпуская ни-куда изъ монастыря и изъ келии. 1815-го года, ноября 14-го дня, присланъ по положенію комитета г.г. министровъ. при указѣ изъ владимірской кон-систеріи, для содержанія въ семь монастырѣ, съ прочими арестантами, подъ надзоромъ, дабы отнять у него средство быть вреднымъ обществу, развратнымъ его поведеніемъ.	По Высочайшему соизволенію, изъ-ясненному въ указѣ Владимірской консисторіи, отъ 4-го іюля 1818-го года, изъ сего мо-настыря уволенъ и возвращенъ въ домъ родителя его
30	Юрьевскій ок-руги, села Новаго Прокудина, Діа-конъ Егоръ Виш-няковъ.	1815-го года, декабря 4-го дня, по резолюціи преосвя-щеннаго Ксенофонта Епи-скопа, бывшаго владимірскаго и кавалера, прописанный въ указѣ изъ владимірской кон-систеріи, ноября отъ 9 числа 1815 года, переведенъ изъ Флорищевой пустыни по при-чинѣ изступленія его въ умѣ, для содержанія въ семь мо-настырѣ съ прочими тако-выми же, не выпуская его изъ монастыря подъ особен-нымъ надзоромъ впредь до усмотрѣнія.	
31	Штабсъ капи-танъ Павелъ Бе-резинъ.	1816-го года, марта 12-го дня, присланъ по Высочай-шему повелѣнію, при отно-шеніи владимірскаго вице-губернатора и кавалера Дю-нанта, для содержанія по су-масшествію его, въ семь мо-настырѣ, съ предписаніемъ дабы онъ Березинъ, какъ сумасшедшій, не токмо не могъ имѣть съ кѣмъ сноше-нія, или писать, но и гово-рить какія либо нелѣпости.	
32	Бывшій муром-скій Протоіерей Гавріиль Лектор-скій.	1816 года, мая 11-го дня, при-сланъ по опредѣленію влади-мирской духовной консисто-рии, согласно резолюціи пре-освященнаго Ксенофонта Епископа, бывшаго владимір-скаго и кавалера, послѣдова-вшему при указѣ изъ оной	Вслѣдствие от-ношенія г-на Вла-димірскаго граж-данскаго губерна-тора, отъ 30-го ію-ня за № 348, изъ сего монастыря освобожденъ от-

Число со- слав- ныхъ.	Званіе людей со- славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
		консисторіи мая отъ 10-го 1816 года, по причинѣ одержанія его меланхолическими припадками, для дальнѣйшаго испытанія разстроеннаго его разсудка и содержанія за особеннымъ присмотромъ.	данъ владимірской градской полиціи, квартальному надзирателю Орлову, для доставленія къ нему г-ну губернатору, того же іюня, 30-го дня, 1831-го года, съ роспискою.
33	Прапорщикъ Павелъ Маклаковъ.	1818-го года, февраля 17-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ отношеніи Г-на министра духовныхъ и народнаго просвѣщенія и кавалера князя Голицына, отъ московскаго полицейместера Обрѣзова, при письмѣ отца его, сенатскаго г-на оберъ секретаря Маклакова, для воздержанія отъ развратнаго и буйнаго нрава его.	По Высочайшему соизволенію, декабря 6-го числа 1821-го года, изъ сего монастыря освобожденъ и представленъ владимірскому г-ну губернатору.
34	Отставной подполковникъ, Афанасій Лисевичъ.	1818-го года, іюня 14-го дня, присланъ по Высочайшему указу, состоявшему на мѣнѣніи Государственнаго Совѣта въ 9 день апрѣля 1817 года, при отношеніи изъ владимірскаго, губернскаго правленія, за жестокіе поступки съ крестьянскими женками помѣщика Ковалевскаго и прочія незаконныя дѣйствія съ предписаніемъ содержать его въ семь монастырѣ, съ подобными ему.	1831-го года ноября 9-го дня по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и представленъ къ владимірскому губернатору, за присмотромъ.
35	Старикъ начальникъ секты скопцовъ, по имени неизвѣстный.	1820-го года, іюля 17-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при секретномъ отношеніи отъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея, отъ 7-го числа того іюля, по означенной скопческой сектѣ, съ предписаніемъ содержать его за особымъ карауломъ, не допуская къ нему постороннихъ, дабы не было у него тайнаго сношенія съ единомышлен-	1832-го года, февраля съ 19-го на 20 число въ 1-мъ часу по полуночи, померъ.

Число со-слав-ныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убыль.
36	Шуйской округи, сельца Чижева, вотчины Г-жи Кульневой, крестьянинъ Федоръ Петровъ.	<p>никами его и чтобы онъ немогъ распространять ложнаго своего ученія, о положеніи же его, доносить начальству по-мѣсячно.</p> <p>1821-го года, февраля 17-го дня, присланъ по опредѣленію владимірскаго, совѣтнаго суда, при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, за отрѣзаніе головы у дочери своей, имѣющей отъ роду 43 недѣли и 5 дней, для исполненія положенной ему церковной десятилѣтней епитеміи и содержанія его въ ономъ монастырѣ съ прочими арестантами, подъ особеннымъ надзоромъ.</p>	<p>Ноября 7-го дня 1828-го года, въ исходѣ 6-го часа пополудни, найденъ удавившимся въ комнатѣ, въ коей онъ содержался, о чемъ по произведеніи суздальскимъ г-номъ городничемъ свидѣльства съ приложеніемъ онаго того же ноября 8-го числа, донесено г-ну владимірскому гражданскому губернатору.</p>
37	Отставной корнетъ, Никита Федоровъ Спичинскій.	<p>1821-го года, марта 13-го дня, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему по просьбѣ отца его майора Спичинскаго, при отношеніи правящаго должность владимірскаго гражданскаго губернатора, уголовной палаты предсѣдателя Зузина, за развратное поведеніе.</p>	<p>По Высочайшей Его Императорскаго Величества воли, изъ сего монастыря освобожденъ и отданъ присланному съ письмомъ отъ родителя его Спичинскаго, управляющему имѣніемъ его Никитѣ Андреянову съ роспискою; января 7-го дня 1831 года.</p>
38	Отставной прапорщикъ Александръ Петровъ Мещанковъ.	<p>1821-го года, марта 20-го дня, по назначенію С.-Петербургскаго военнаго ген.-губернатора, при отношеніи министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицина, отъ 19 февраля того же 1821 года, за дурные и дерзкіе поступки.</p>	<p>По предписанію г-на министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицина, апрѣля 15-го дня 1823 года, изъ сего монастыря освобожденъ и отпущенъ къ родителю его статскому совѣтнику Мещанкову.</p>

Число со-славныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предвса-ніемъ приславъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
39	Солбинской пу-стыни послуш-никъ Михаилъ Оферьевъ.	1821-го года, апрѣля 24-го дня, присланъ по опредѣленію владимірской духовной консисторіи, утвержденному преосвященнымъ Ксенофон-томъ епископомъ бывшимъ владимірскимъ и кавалеромъ, при указѣ изъ помянутой консисторіи, по причинѣ по-мѣшательства въ умѣ его, для содержанія его въ семъ монастырѣ, подъ надзоромъ.	
40	С.-Петебургской галерногоаванской Троицкой церкви Протоіерей Ан-дрей Ивановъ Бед-ринскій.	1821-го года, мая 10-го дня, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисторіи, по причинѣ по-мѣшательства ума его, къ за-ключенію въ сей монастырь, съ запрещеніемъ священно-служенія впредъ до совершен-наго его исцѣленія въ умо-поврежденіи.	
41	Тульской епар-хіи Каширской округи, села Сви-наго, священникъ Николай Василь-евъ.	1821-го года, августа 4-го дня, присланъ по опредѣленію Святѣйшаго Правитель-ствующаго Синода, при указѣ изъ владимірской консисто-ріи, по умоповрежденію его къ заключенію и содержанію въ семъ монастырѣ, впредъ до исцѣленія въ умоповре-жденіи его.	
42	Уфимскаго пѣ-хотнаго полка рядовой Федоръ Уткинъ.	1822-го года, іюня 22-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, изъ Уфимскаго батальона, посредствомъ вну-тренней стражи, за поноше-ніе Высочайшей, Его Импе-раторскаго Величества особы, за побѣгъ изъ военной служ-бы, скрытіе своего званія въ ложномъ именованіи себя инокомъ, отступленіе отъ православной вѣры, отрица-ніе отъ повиненія законамъ и установленной власти, пре-вратное по заблужденію его толкованіе священнаго писа-нія, съ предписаніемъ содер-жать его въ семъ монастырѣ,	1830-го года, ію-ля 15-го дня, по-меръ.

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какиѣмъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
43	Орловской град- ской полиціи, ря- довой Левъ Стрѣлковъ.	<p>подъ строгимъ присмотромъ, лишивъ его сообщенія съ прочими арестантами, въ предотвращеніи дальнѣйшаго соблазна по буйному его нраву, упорному и дерзновенному заблужденію; о образѣ же жизни его рапортовать по полугодно.</p> <p>1822-го года, іюня 27-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера графа Апраксина, за произведеніе имъ въ пьяномъ видѣ буйства, именованіе себя вторымъ Государемъ и дерзновенное поношеніе Священнаго имени Его Императорскаго Величества, съ предписаніемъ содержать его въ семь монастырѣ, дабы онъ не могъ въ нетрезвости своей, говорить нелѣпости и дѣлать соблазна.</p>	
44	34-го Егерскаго полка, рядовые: Семенъ Дмитриевъ.	1823-го года, февраля 2-го дня, присланы по Высочайшему соизволенію объявленному въ указѣ владимірскаго духовной консисторіи, отъ 25 декабря 1821 года, съ прописаніемъ въ немъ Святейшаго Правительствующаго Синода указа, посредствомъ внутренней стражи съ подорожною отправленною изъ Тираспольской градской полиціи, при отношеніи отъ начальника суздальской инвалидной команды, подпоручика Сорокина, за оскотленіе ими себя, съ предписаніемъ содержать ихъ подъ строгимъ и неослабнымъ надзоромъ, чтобы настоятель монастыря, чрезъ употребленіе пристойнаго наставленія, вразумленія и увѣщанія, прилагалъ попеченіе о приведеніи сихъ людей къ раскаянію въ заблужденіи, коимъ они	По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобождены, къ опредѣленію на службу въ Кавказскій отдѣльный корпусъ для отправленія ихъ туда ноября 13-го дня 1827-го года.
45	Филипъ Федоровъ.		переданы начальнику суздальской инвалидной команды, подпоручику Мехавицкому, съ роспискою.
46	Потапъ Копцовъ.		
47	Петръ Савковъ.		

Число со-слан-выхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убыль.
48	Іерусалимскаго въ Москвѣ под-ворья, Архимандритъ Арсеній.	заражены и къ исправленію на истинный, спасительный путь и чтобы о образѣ ихъ жизни и успѣхѣ въ отвращеніи ихъ отъ заблужденія, по полугодно было рапортовано.	
49	Имеритинскій священникъ Василій Ивановъ Гегоргалзе.	1823-го года, сентября 10-го дня, присланъ по Высочайшему соизволенію. при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи. за несоответственную званію его жизнь, расточеніе милостины и прочіе предосудительные поступки и самовольную отлучку его изъ Москвы, для содержанія въ семь монастырѣ, подъ стражею, съ предписаніемъ не допускать его до употребленія знаковъ къ званію архимандрита принадлежащихъ, и о поведеніи его по полугодно доносить Святѣйшему Синоду.	По Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и от-данъ присланно-му отъ г-на владимірскаго, гражданскаго губернатора графа Апраксина, при отношеніи за великое участіе въ послѣдне бывшемъ въ Имеретіи бунтѣ, съ предписаніемъ содержать его въ семь монастырѣ, по строгимъ надзоромъ.
50	Бывшій Черниговской епархіи, въ Нѣжинскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ настоятелемъ Архимандридъ Викторъ.	1824-го года, іюня 4-го дня, присланъ по Высочайшему повелѣнію данному Святѣйшему Правительствующему Синоду, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 4-го апрѣля 1824-го года, посредствомъ гражданскаго правительства, отъ черниговскаго граждан-	1825-го года, сентября 10-го дня, по Высочайшему повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и переведенъ для пребыванія Полтавской епархіи, во второкласной

Число со-сланныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
51	34-го Егерскаго полка, исключенный изъ воинскаго званія, рядовой Федоръ Петровъ.	каго губернатора Фролова-Багрѣева за дерзкіе противъ начальства поступки, по причинѣ замѣченнаго въ немъ нездраваго разсудка его, съ запрещеніемъ священнослуженія и ношенія знаковъ принадлежащихъ его званію. къ заключенію въ сей монастырь для дальнѣйшаго усмотрѣнія его разсудка и образа жизни, подѣ строгій надзоръ. 1824-го года, декабря 8-го дня отъ командира 34-го Егерскаго полка, при подорожный, данной изъ измайловской градской полиціи, посредствомъ внутренней стражи, за оскорбленіе имъ самого себя, на покаяніе, съ предписаніемъ содержать его подѣ строгимъ надзоромъ и чтобы настоятель, пристойными наставленіями и увѣщаніями, старался о приведеніи его къ раскаянію въ заблужденіи и къ обращенію на путь истинный и по полугодно о немъ рапортовать	Крестовоздвиженскій монастырь. По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъ сего монастыря освобожденъ и отпращенъ къ начальнику Суздальской инвалидной команды, подпоручику Помелову, октября 4-го дня 1831-го г., для отпращенія его посредствомъ внутренней стражи, на службу въ Архангельскій гарнизонный батальонъ.
52	Нижегородской епархіи Семеновскаго уѣзда, села Пятницкаго, дьячковъ сынъ исключенный изъ духовнаго званія, Федоръ Карповъ.	1825-го года, марта 24-го дня, присланъ изъ Нижегородской духовной консисторіи, при отношеніи чрезъ Суздальскаго городничаго капитана Макова, за нанесеніе имъ крестьянину Иванову по головѣ топоромъ удара, съ намѣреніемъ убить его и воспользоваться бывшими при немъ деньгами; для содержанія его въ семь монастырѣ чрезъ восемь лѣтъ.	1833-го года марта 23-го, вслѣдствіе указа Святейшаго Правительствующаго Синода, по выжити восьмилѣтняго срока, изъ сего монастыря освобожденъ и представленъ во владимірскую консисторію, при рапортѣ за присмотромъ монастырскаго служителя.
53	Тверской епархіи, города Кашина, Благовѣщен-	1825-го года, августа 5-го дня, присланъ при отношеніи отъ Суздальскаго городни-	

Число со-слав-ныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
	ской церкви, священникъ Галактіонъ Степановъ.	чаго, доставленный въ городъ Суздаль при особой подорожной данной отъ Тверскаго гражданскаго Губернатора, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, по открывшемуся въ немъ помѣшательству ума, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленно: заключить его, священника Степанова, въ здѣшній Спасо-Евфиміевъ монастырь, впредъ до совершеннаго исцѣленія въ умоповрежденіи его и о положеніи его рапортовать по полугодно.	
54	Новгородскаго Юрьева монастыря, Іеромонахъ Аполлонъ.	1825-го года, октября 12-го дня, присланъ отъ Преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургской полиціи съ квартальнымъ поручикомъ Лосевымъ, при подорожной данной ему отъ С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Милародовича, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, за разстройствомъ въ разсудкѣ его, къ заключенію въ сей монастырь, впредъ до совершеннаго исцѣленія въ умоповрежденіи его, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ, устраняя отъ всякаго сообщенія съ посторонними лицами; о положеніи его по полугодно рапортовать.	Вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ отношеніи г-на генералъ-адъютанта Бенкендорфа, ко владимірскому гражданскому губернатору, марта 3-го числа 1828-го года, для доставленія въ С.-Петербургъ, врученъ командированному для сего владимірскому квартальному надзирателю Орлову съ роспискою.
55	Штабсъ - ротмистръ Николай Костромитинъ.	1825-го года, ноября 11-го дня, присланъ при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора графа Апраксина, за предосудительныя поступки противъ отца своего, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ, со внушеніемъ ему обязанностей сыновнихъ къ почтенію родителя и къ раскаянію въ преступленіяхъ	Вслѣдствіе отношенія владимірскаго гражданскаго губернатора Куруты, отъ 21-го января, за № 795, изъ сего монастыря освобожденъ и для доставленія къ нему, отданъ владимірской градской полиціи,

Число со-слан-ныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
56	Архагангельской губерніи, Менаенскаго уѣзда, Кайнайскаго волости, крестьянинъ Игнатій Зиновьевъ Бобрецовъ.	<p>противъ его; и съ донесеніемъ по полугодно, о образѣ жизни и мыслей его.</p> <p>1825-го года, декабря 20-го дня, присланъ при отношеніи отъ владимірскаго, гражданскаго губернатора графа Апраксина, за распространіе раскола, съ предписаніемъ заключить его въ семь монастырѣ, подѣ строгій надзоръ и употреблять въ работу, пока не обратится къ православной вѣрѣ; и о обращеніи его по полугодно рапортовать.</p>	<p>чиновнику Орлову съ роспискою того же января, 22-го дня, 1829-го года.</p> <p>1829-го года, мая на 10 число въ ночь померъ.</p>
57	Отставной подпоручикъ. Олимпій Яковлевъ Королько.	<p>1826-го года, февраля 14-го дня, присланъ по Высочайше утвержденному положенію комитета г. министровъ, при отношеніи отъ владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера графа Петра Ивановича Апраксина, къ заключенію въ сей монастырѣ за Бога хуленіе, съ предписаніемъ содержать его въ семь монастырѣ подѣ строгимъ надзоромъ, до тѣхъ поръ, пока понимая наставленія отъ настоятеля и братіи, не познаетъ своего заблужденія и обратясь въ нѣдра церкви, чистосердечнымъ раскаяніемъ, не учинится достойнымъ воззрѣнія правительства и о плодахъ исправленія доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.</p>	<p>1832-го года, октября 27-го дня, вслѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, объявленнаго въ предписаніи г. министра внутреннихъ дѣлъ, правящему должностъ владимірскаго гражданскаго губернатора, владимірскому же г-ну вице-губернатору и кавалеру Смирнову, изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ къ нему, г-ну вице-губернатору.</p>
58	Исключенный изъ службы бывший гороховской уѣздный казнодекаръ, Алексѣй Навроцкій.	<p>1826-го года, іюля 9-го дня присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи отъ правящаго должностъ владимірскаго гражданскаго губернатора, владимірскаго же вице-губернатора и кавалера Лаубе, за нетрезвенную жизнь и буйственные по-</p>	<p>1832-го года, мая 22-го дня вслѣдствіе отношенія правящаго должностъ владимірскаго гражданскаго губернатора, г-на вице-губернатора и кавалера Сирнова, изъ сего</p>

Число со-слан-ныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ какимъ случаемъ убылъ.
59	Монахъ Авель.	<p>ступки, съ предписаніемъ заключить его, Навроцкаго, въ сей монастырь.</p> <p>1826-го года, августа 23-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, съ предписаніемъ, чтобы сей монахъ Авель, былъ заключенъ для смиренія въ оный Спасо-Евфиміевъ монастырь и содержать подъ строгимъ надзоромъ.</p>	<p>монастыря освобожденъ и отправленъ къ нему, г-ну вице-губернатору, во Влади-миръ.</p> <p>1831-го года, нояб-ря 29-го дня, по меръ.</p>
60	Отставной под-поручикъ Сергѣй Михайловъ.	<p>1827-го года, февраля 18-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи изъ владимірской градской полиціи, по причинѣ нѣкотораго заблужденія отъ чтенія книгъ, съ предписаніемъ чтобы онъ, Михайловъ, содержанъ былъ въ этомъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, подъ строгимъ присмотромъ и чтобы настоятель монастыря, пристойными наставленіями и увѣщаніями, старался привести его, Михайлова, къ раскаянію въ заблужденіи, коимъ онъ зараженъ и обращеніемъ на путь истинный, о успѣхѣ же въ обращеніи его, равно и образѣ жизни рапортовать Святѣйшему Синоду, чрезъ три мѣсяца</p>	<p>1829-го года, мая на 10 число въ ночь, чрезъ ограду монастырскую бѣжалъ не извѣстно куда, о чемъ того же 10-го числа, донесено владимірскому гражданскому губернатору.</p>
61	Рязанской епар-хіи, Данковскаго, Покровскаго монастыря, иеромонахъ Варсонофій.	<p>1827-го года, іюня 26-го дня, присланъ по указу Святѣйшаго . Правительствующаго Синода, послѣдовавшему отъ 8-го числа того іюня, при отношеніи отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, за разныя буйства и другія преступленія, сдѣланныя имъ въ помѣшательствѣ</p>	<p>1828-го года, декабря 14-го числа, померъ.</p>

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
62	Отставной фло- та капитанъ 2-го ранга, Иванъ Бал- ле.	<p>ума, для заключенія въ сей монастырь, съ запрещеніемъ священнослуженія, впредь до совершеннаго исцѣленія въ умоповрежденіи его, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ и по полугодно о положеніи его рапортовать.</p> <p>1827-го года, сентября 9-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, къ заключенію въ сей монастырь, за позволеніе себѣ искать плотскихъ удовольствій вопреки закона природы, при указѣ изъ Владимірской консисторіи, съ секретнымъ предписаніемъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, о образѣ жизни и плодахъ раскаянія его, Балле, доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.</p>	<p>1829-го года, августа 3-го дня, капитанъ Балле, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъ сего монастыря отправленъ въ Томскую губернію и для препровожденія туда, врученъ командированному отъ владимірскаго г-на губернатора владимірской полиціи, квартальному надзирателю Орлову съ роспискою.</p>
63	Надворный со- вѣтникъ Констан- тиновъ.	<p>1827-го года, 7-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, за разные противозаконные поступки и весьма безпокойный нравъ, склонный къ клеветѣ, кознямъ и проискамъ всякаго рода, при отношеніи г-на владимірскаго гражданскаго губернатора, съ предписаніемъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ, дабы лишить его всякой возможности причинять вредъ разглашеніемъ вредныхъ слуховъ, могущихъ произвести на другихъ, пагубное вліяніе; и по третямъ года рапортовать о образѣ жизни его и поведеніи.</p>	<p>По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, отъ 19-го іюля за № 3676, означенный Константиновъ изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ въ губернской городъ Владиміръ, г-ну владимірскому гражданскому губернатору и кавалеру Паскевичу, при отношеніи за № 115 1835-го года іюля 31-го числа.</p>
64	Берггешворенъ 12 класса, Нико- лай Фришъ.	<p>1827-го года, декабря 20-го дня, присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при</p>	<p>По Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской</p>

Число со-слан-ныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
		<p>указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, за прелюбодѣянiе его съ родной сестрой, на вѣчное покаяніе, съ предписаніемъ по принятіи, препоручить искусному іеромонаху, которому поставить въ непремѣнную обязанность, внушая ему, Фришу, сколько возможно чаще всю тяжесть содѣяннаго имъ прегрѣшенія и возбуждать въ немъ чувствованіе всей опасности грѣхопаденія, стараться чрезъ приличныя увѣщанія, преклонять совѣсть его къ чистосердечному въ томъ переди Богомъ раскаянію.</p>	<p>консисторіи, отъ 15-го февраля 1835-го года, за № 831, изъ сего монастыря освобожденъ и того же февраля 24-го числа, отправленъ съ нарочнымъ къ командиру владимірскаго внутренняго гарнизона батальона, подполковнику Зенкевичу, при отношеніи для опредѣленія въ одинъ изъ полковъ Кавказскаго отдѣльнаго корпуса, рядовымъ.</p>
65 66	<p>Графини Литты крестьяне: Прохоръ Титовъ, Кондрать Федоровъ.</p>	<p>1828-го года, декабря 3-го дня, присланы по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при указѣ изъ владимірскаго духовной консисторіи, по совращенію ихъ въ жидовскую ересь, въ сей монастырь на покаяніе, съ предписаніемъ о содержаніи ихъ подъ строжайшимъ наблюденіемъ.</p>	
67	<p>Никифоръ Максимовъ.</p>	<p>Того же 1828 года, декабря 27-го, присланъ по Высочайшему повелѣнію, при указѣ изъ владимірскаго консисторіи по той же жидовской ереси, въ сей монастырь на покаяніе для содержанія подъ строгимъ наблюденіемъ.</p>	<p>Вслѣдствіе отношенія г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, отъ 15-го октября 1831-го года, изъ сего монастыря освобожденъ и отправленъ къ нему г-ну губернатору, при отношеніи того же октября 19 за присмотромъ сего монастыря служителя, Ефима Обменина.</p>

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
68	Отставной кол- лежскій совѣт- никъ, Владиміръ Николаевъ Бан- тышъ-Каменскій.	1828-го года, декабря 29-го дня, присланъ по Высочай- шему Его Императорскаго Ве- личества повелѣнію, при от- ношеніи отъ г-на владимір- скаго гражданскаго губерна- тора и кавалера Куруты, за предосудительные поступки, къ заключенію въ сей мона- стырь, съ предписаніемъ со- держать его въ числѣ про- чихъ.	1829-го года, ян- варя 22-го померъ.
69	Государственный преступникъ, Ша- ховскій.	1829-го года, марта 6-го дня, по Высочайшему Его Импера- торскаго Величества повелѣ- нію, присланъ изъ Сибири, при отношеніи Енисейскаго гражданскаго губернатора, отъ 16 февраля 1829 года, по случаю помѣшателства въ умѣ его, для содержанія его здѣсь подъ строгимъ надзо- ромъ.	Того же 1829-го года, мая 24-го дня, померъ.
70	Троицкой Сер- гіевой лавры іеро- монахъ Мельхи- седекъ.	1830-го года, апрѣля 5-го дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъясненному въ указѣ изъ владимірской духовной кон- систеріи, присланъ при отно- шеніи отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, апрѣля отъ 4 того же года, по случаю разстроеннаго ума его, съ предписаніемъ дабы онъ іеро- монахъ Мельхиседекъ, содер- жанъ былъ въ семъ мона- стырѣ, подъ надлежащимъ надзоромъ; и въ какомъ онъ будеть находится положеніи разсудка, рапортовать Свя- тѣйшему Синоду по третямъ года.	Вслѣдствіе ука- за изъ владимір- ской духовной консистеріи, отъ 30 ноября 1832-го года, за № 5412 изъ сего монасты- ря освобожденъ и отправленъ въ оную консистерію за присмотромъ монастырскаго служителя, того же 1832-го года декабря 7-го дня.
71	Кіеволечерской лавы бывшій ба- калавръ мѣстной академіи іеро- монахъ Рафаилъ.	1830-го года, сентября 2-го дня, по указу Святѣйшаго Правительствующаго Синода, изъясненному въ указѣ вла- димірской духовной консисто- рии, съ даннымъ ему изъ Кіевской Дикастеріи паспор- томъ, за присмотромъ Кіево- Печерской лавры послушника	1835-го года, но- ября 17-го дня, по указу Святѣйша- го Правительст- вующаго Синода, изъясненному въ указѣ владимір- ской духовной консистеріи, отъ

Число со-слав-ныхъ	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
72	Московского Перевьявскаго монастыря, Іеромонахъ Лампадъ.	<p>Николая Семьянскаго, по причинѣ поврежденіи въ умѣ его, предписано чтобы онъ, Іеромонахъ Рафаиль, содержанъ былъ въ семъ монастырѣ, подъ строгимъ надзоромъ; и о положеніи въ какомъ онъ будетъ находиться, доносить Святѣйшему Синоду, по третямъ года.</p> <p>Присланъ по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, при отношеніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ Г-на Оберъ-прокурора тайнаго совѣтника и кавалера князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, отъ 27 декабря 1830 года, за распространеніе ученія несоотвѣтственнаго установленіямъ церковнымъ и по обнаруженному его самомнѣнію о дарованной ему на то благодати, съ предписаніемъ дабы онъ, Іеромонахъ Лампадъ, не выходя изъ подъ наблюденія епархіальнаго начальства, находился подъ бдительнымъ надзоромъ настоятеля, удаляя отъ него возможность преподавать другимъ духовныя наставленія; о образѣ же жизни и раскрываемыхъ имъ понятій, доносить Святѣйшему Синоду по третямъ года.</p>	<p>7-го сего же ноября за № 6364 означенный Іеромонахъ Рафаиль, изъ числа арестантовъ исключенъ и опредѣленъ въ число братства сего Спасо-Евфиміева монастыря.</p> <p>1833-го года, марта съ 3-го на 4-е число въ ночь померъ.</p>
73	Бывшій Виленскаго второкласнаго Свято - Духова монастыря настоятелемъ, лишенный Архимандрическаго чина и священническаго сана, монахъ Іоиль.	<p>По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской консисторіи, отъ 22 ноября 1830 года, присланъ при отношеніи изъ Минской духовной консисторіи, февраля отъ 21 числа 1831 года, за крайніе предосудительные поступки, неблагопристойные и соблазнительные, опорачивавшіе санъ его, съ предписаніемъ заключить его въ семъ монастырѣ навсегда, помѣстивъ на монашескую вакансію и содер-</p>	

Число со-сланныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
74	Житель Пятигорскаго округа, села Прасковой Евфимъ Гушинъ.	<p>жать подъ строгимъ надзоромъ; о образѣ же жизни и поведеніи его. Іюля, рапортовать Святѣйшему Синоду по полугодно.</p> <p>По положенію комитета Гг. министровъ, 7 октября 1830 года, Высочайшаго утвержденія удостоенному при отношеніи изъ Киаларскаго полицейскаго управленія, посредствомъ внутренней стражи, января отъ 21 числа 1831 года за совращеніе въ субботническую секту, съ предписаніемъ заключить въ семь монастырѣ и содержать подъ строгимъ надзоромъ, дабы онъ, Гушинъ, чрезъ сіе лишень былъ всякой возможности куда нибудь отлучаться.</p>	<p>Вслѣдствіе отношеніи г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты, отъ 23-го іюня 1831-го года изъ сего монастыря освобожденъ и отосланъ къ Суздальскому г-ну городничему Никифорову, іюля 5-го числа того же 1831-го года, для отправленія его. Гушина, въ Соловецкій монастырь</p>
75	Отставной подпоручикъ Сергѣй Михайловъ.	<p>По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 29 октября 1826 года, по причинѣ нѣкотораго заблужденія, отъ чтенія книгъ, съ предписаніемъ, чтобы онъ, Михайловъ, содержимъ былъ въ ономъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, подъ строгимъ присмотромъ и чтобы настоятель монастыря, пристойными наставленіями и увѣщаніями, старался привести его, Михайлова, къ раскаянію въ заблужденіи коимъ онъ зараженъ и обращенію на путь истинный, о успѣхахъ же въ обращеніи его, равно и образѣ жизни, рапортовать Святѣйшему Синоду чрезъ три мѣсяца; присланъ при отношеніи изъ владимірской градской полиціи, отъ 16-го февраля 1827 года; 1829 года мая на 10 число въ ночь, означенный Михайловъ, изъ сего монастыря бѣжалъ, который возвращенъ чрезъ по-</p>	<p>По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію объявленному въ отношеніи г-на владимірскаго губернатора и кавалера Сергѣя Степановича Ланскаго, отъ 15 октября за № 385, изъ сего монастыря переведенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, который переданъ для препровожденія въ оную, командированному изъ владимірской жандармской команды, унтеръ офицеру Колычеву того же октября 17-го числа 1833 года.</p>

Число со-славныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ приславъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
76	Воронежской епархіи, бывшій въ Валуйскомъ Успенскомъ монастырѣ строителемъ, лишенный священнодѣяствія, Іеромонахъ Геннадій.	<p>средство внутренней стражи. при отношеніи Суздальской градской полиціи, сентября 25 числа обратно изъ побѣга, съ предписаніемъ изъ владимірской духовной консисторіи, отъ 28 мая 1831 года, для содержанія въ семь монастырѣ въ числѣ арестантовъ. подъ строжайшимъ наблюденіемъ.</p> <p>1832-го года, марта 11-го дня, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Высочайшимъ соизволеніемъ объявленному въ указѣ владимірской духовной консисторіи, марта отъ 8 числа, присланъ съ подорожной данной отъ правящаго должность Воронежскаго гражданскаго губернатора Г-на Вице-Губернатора Смирнова, за ут-руждение Его Императорское Величество всеподданѣйшими неосновательными просьбами и даже ябедническими бумагами. за ослушаніе и непокорность къ высшему начальству и за прочіе предосудительные поступки, съ предписаніемъ запретить ему, Іеромонаху Геннадію, священнослуженіе, рукоблагословеніе, ношеніе рясы и камилавки, помѣстивъ на Іеромонашескую порцію и содержать подъ строжайшимъ надзоромъ; о образѣ же жизни его, доносить Святѣйшему Синоду по полугодно.</p>	<p>На основаніи указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода. изъясненнаго въ указѣ владимірской консисторіи, отъ 31-го августа, за № 3774, изъ сего монастыря переведенъ въ Ставропигіальный Соловецкій монастырь, который и отправленъ въ помянутую консисторіи при рапортѣ за надлежащимъ присмотромъ сентября 5-го числа 1833-го года.</p>
77	Бывшій Муромскій Протоіерей. Гавріиль Лекторскій.	<p>1832-го года, апрѣля 17-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ при отношеніи Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ Г-на Оберъ-Прокурора тайнаго совѣтника и кавалера князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, марта отъ 31 числа, за учинимые имъ безобразные и опасные для самого себя и прочихъ поступки.</p>	

Число со-слав-ныхъ.	Званіе людей со-славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
78	Бывшій Калугской епархіи, Боровскаго Пафнутіева монастыря, іеромонахъ лишенный священническаго и монашескаго сана. Евфимій.	<p>возвращенъ изъ С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, съ запрещеніемъ священнослуженія; съ предписаніемъ содержать его, Протоіерея Лекторскаго, какъ чловека вреднаго для общества своимъ пылкимъ умомъ направленнымъ къ страннымъ преобразованіемъ въ ономъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, подѣ строжайшимъ присмотромъ; о образѣ же мыслей и поведеніи его рапортовать Святѣйшему Синоду по полугодно.</p> <p>1833-го года, декабря 26-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, переведенъ изъ Соловецкаго монастыря, доставленъ при указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, того же декабря 25 дня, 1833 года, за № фелдъегерскаго корпуса, прапорщикъ Васильевъ, за ложные доносы и за неправильныя толкованія догматовъ, съ предписаніемъ о содержаніи его въ семъ монастырѣ и имѣніи за нимъ Евфиміемъ, неослабнаго наблюденія, дабы онъ не могъ распространять превратныхъ своихъ понятій о вѣрѣ.</p>	
79	Рядовой лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Карпъ Петровъ.	<p>1834-го года, января 6-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, переведенъ изъ Соловецкаго монастыря, доставилъ при указѣ изъ владимірской консисторіи, января отъ 5 дня, того же 1834 года, за № 6, фельдъегерскаго корпуса, подпоручикъ Непорожневъ, за упорное заблужденіе въ расколѣ, съ предписаніемъ о содержаніи его въ семъ монастырѣ, подѣ надлежащимъ надзоромъ, съ употребленіемъ кроткихъ и благоразумныхъ увѣщаній,</p>	Того же 1834-го года, сентября 10 числа, померъ.

Число со- слав- ныхъ.	Званіе людей со- славныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
80	Новгородской епархіи Перекомскаго заштатнаго монастыря, монахъ Антіохъ.	дабы склонить къ чистосердечному раскаянію и обращенію изъ раскольническаго заблужденія въ нѣдра православної церкви; о образѣ жизни рапортовать Святѣйшему Синоду, по третямъ года. 1834-го года, марта 31-го дня, по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода, присланъ при отношеніи отъ Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Ланскаго, отъ 30 го марта того же 1834 года, за № 4191, за присмотромъ жандарма Перышкина, за устройствомъ его въ разсудкѣ и дѣланіе ослушаніе начальству не желаніемъ находиться въ монастырѣ и за произношеніе разныхъ нелѣпыхъ словъ, съ предписаніемъ содержать его въ семь мо-настырѣ въ числѣ арестантовъ; о образѣ же жизни его, до-носить Святѣйшему Синоду по полугодно.	
81	Бывшій Моги-левской епархіи въ городѣ Чаусахъ Георгіевской цер-кви, священни-комъ, лишенный священническаго сана Мархиль.	1834-го года, іюня 15-го дня, по Высочайшему Его Импера-торскаго Величества повелѣ-нію, изъясненному въ указѣ владимірскаго духовной кон-систеріи, отъ 11 іюня за № 2446, присланъ посред-ствомъ внутренней стражи, при секретномъ отношеніи отъ Суздальскаго Г-на городнича-го Никифорова, того же іюня 15 числа, за нетрезвую жизнь, опущеніе своей должности, исправленія въ пьяномъ видѣ требъ у прихожанъ и буйные поступки; съ предписаніемъ содержать его въ здѣшнемъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, въ числѣ арестантовъ, на общемъ для нихъ положеніи.	По Высочайшему Его Императоска-го Величества по-велѣнію, изъяс-ненному въ указѣ владимірскаго кон-систеріи отъ 19-го сентября за № 4941 означенный Мар-хиль, изъ сего монастыря осво-божденъ и сланъ Суздальскому г-ну городничему Никифорову, для доставленія его, Мархилья, во Вла-димірь, къ отпра-вленію на поселе-нію въ Вологод-скую губернію сентября 26-го дня 1835-го года.

Число со- слан- ныхъ.	Званіе людей со- сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа- ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка- кимъ случаемъ убылъ.
82	Бывшій Иркут- ской епархіи, Се- ленгинскаго мо- настыря. Иеромо- нахъ, лишенный священства и мо- нашества, Доси- фей.	По Высочайшему Его Импе- раторскаго Величества пове- лѣнію, при секретномъ указѣ изъ владимірской духовной консисторіи, отъ 8 ноября 1834 года, за № 5366 къ за- ключенію навсегда въ сей монастырь, доставилъ фелдъ- егерскаго корпуса, подпору- чикъ Ахалинъ, за открытіе секты между жителями Тро- ицкосавской крѣпости, въ измѣненіи чина Божествен- ной литургіи, явно унижаю- щимъ таинство Евхаристіи и въ поруганіе всей церкви черезъ мнимое обновленіе ея, съ предписаніемъ чтобы на- стоятель Суздальскаго Спасо- Евфиміева монастыря, стар- ался кроткими и благоразум- ными увѣщаніями и вразум- лѣніями расѣивать въ немъ принятія имъ ложныя мнѣ- нія.	
83	Отставной кол- лежскій секретарь Иванъ Евграфовъ Антоновъ.	По Высочайшему Его Импе- раторскаго Величества пове- лѣнію, при секретномъ изъ владимірской духовной кон- систоріи указѣ, съ 22 января 1835 года, № 228, доставилъ штата московской полиціи Г-нъ квартальный поручикъ Бахтыревъ, по секретному и весьма важному дѣлу, съ предписаніемъ содержать его, Антонова, въ здѣшнемъ Спасо-Евфиміевѣ монастырѣ, въ числѣ арестантовъ, подъ строгимъ наблюденіемъ, два года.	
84	Бывшій священ- никомъ и сложив- шій съ себя санъ сей по собствен- ному желанію и разрѣшенію Свя- тѣйшаго Синода, Александръ Чер- нышевъ.	По Высочайшему Его Импе- раторскаго Величества пове- лѣнію, присланъ при отно- шеніи Г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Паскевича, отъ 15 мая 1835 года, за № 4991, по оказавшемуся въ поведеніи его съ 1832 года, признакамъ юродства, съ предписаніемъ принять и содержать его.	Вслѣдствіи от- ношенія г-на вла- димірскаго граж- данскаго губерна- тора Степана Фе- доровича и кавалера, Паскевича, отъ 24-го сентяб- ря за № 9650, озна- ченный Черны- шевъ, по сума-

Число со-слан-ныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписа-ніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убыль.
		Чернышева, въ ономъ мона-стырѣ съ прочими арестан-тами, безъ назначенія вре-мени.	шествию, переве-денъ въ губерн-скій городъ Вла-димиръ въ боль-ницу умалишен-ныхъ, при влади-мирскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, нахо-дящуюся того же сентября 26-го чис-ла 1835-го года.
85	Начальникъ сек-ты молоканъ Там-бовской губерніи Шацкій, купецъ Семень Швѣцовъ	1835-го года, декабря 13-го дня по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 5-го того же декабря за № 7034, присланъ при отношеніи отъ Шацкаго земскаго исправника Маска-тилева, на увѣщаніе, съ пред-писаніемъ имѣть его подъ строгимъ наблюденіемъ и о успѣхѣ увѣщанія доносить Его Высокопреосвященству, по третямъ года.	
86	Тульской епар-хій и округа, села Архангельскаго Стародубки то же лишенный свя-щенства Матвѣй Семеновъ.	По Высочайшему Его Им-ператорскаго Величества по-велѣнію, изъясненному въ указѣ владимірской духовной консисторіи отъ 28 го ноября 1835 го года, за № 6811, за произнесеніе въ нетрезвомъ видѣ дерзкихъ словъ противъ Особы Его Величества, за пьянство, буйство и своеволь-ство, съ предписаніемъ помѣ-стить въ семь монастырѣ въ число арестантовъ съ упо-требленіемъ въ черные труды и предотвращая всякое по-ползновеніе къ пьянству, буй-ству и своевольству, присланъ при отношеніи отъ Суздаль-скаго г-на городничаго Ни-кифорова, марта 6-го числа 1836 го года.	
87	Новгородской епархій, перво-класснаго Кирил-лобѣлозерскаго	По опредѣленію Святейша-го Правительствующаго Си-нода, изъясненному въ указѣ владимірской духовной кон-	

Число со-сланныхъ.	Званіе людей со-сланныхъ.	Кто, когда, откуда, за какую вину и съ какимъ предписаніемъ присланъ.	Кто изъ нихъ ка-кимъ случаемъ убылъ.
88	<p>монастыря, іеро-монахъ Филаретъ.</p> <p>Бывшій священникомъ и сложившій съ себя санъ сей по собственному желанію и разрѣшенію Святейшаго Синода, Александръ Чернышевъ.</p>	<p>систоріи отъ 24-го октября 1835-го года. за № 5923, по разстройству его въ разсудкѣ и въ упрежденіе вредныхъ отъ него дѣйствій, для содержанія его въ числѣ арестантовъ съ запрещеніемъ священнослуженія, подъ строгимъ надзоромъ, присланъ въ сей монастырь при отношеніи отъ Суздальскаго г-на городничаго Никифорова, 22-го апрѣля 1836-го года.</p> <p>По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ отъ г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Паскевича, отъ 15-го мая 1835-го года, по оказывавшемуся въ поведеніи его съ 1832-го года признакомъ юродства, съ предписаніемъ принять и содержать его. Чернышева, въ ономъ монастырѣ съ прочими арестантами безъ назначенія времени и того же 1835-го года, сентября 26-го, въ слѣдствіи отношенія г-на губернатора Паскевича, означенный Чернышевъ по сумасшествію его, переведенъ въ губернской городъ Владиміръ, въ больницу лишенныхъ ума, при владимірскомъ приказѣ общественнаго приарѣнія, находящуюся 1836-го года октября 16-го числа, по удостоверенію владимірской врачебной управы инспектора объ освобожденіи его, Чернышева, отъ помѣшательства ума, паки возвращенъ въ сей монастырь къ содержанію съ прочими арестантами, при отношеніи г-на владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Куруты отъ 10-го октября 1836-го года за № 9684.</p>	

Записка по студенческому вопросу Б. Н. Чичерина ¹⁾).

Студенческий вопросъ въ настоящее время снова выдвинулся на первый планъ. Обнадеженные переменною министерства, студенты всюду собираются подавать прошенія о своихъ нуждахъ и требуютъ себѣ правъ. Эти заявленія поддерживаются Университетскими Совѣтами; правительство готово имъ уступить.

Требованія состоятъ въ томъ, чтобы студенты получили корпоративныя права; они желаютъ имѣть своихъ выборныхъ, свои собранія для обсужденія общихъ дѣлъ, свои кассы, столовыя и читальни, которыми бы они завѣдывали сами.

Защитники этой программы утверждаютъ, что все это уже существуетъ на дѣлѣ, и что гораздо лучше, чтобы все это дѣлалось явно и законно, нежели тайно и незаконно. Они надѣются, что правильною организаціею парализуются вредные элементы, которые нынѣ при неустроенномъ состояніи, получаютъ верхъ надъ другими. Они видятъ спасеніе въ томъ, чтобы соединять студентовъ, а не въ томъ, чтобы разъединять ихъ.

Напрасныя надежды. Такого рода мѣры не уменьшаютъ, а лишь усиливаютъ зло. Это игра съ огнемъ, которая можетъ способствовать не тушенію пламени, а тому, чтобы разгорѣлся бы пожаръ.

Самое возбужденіе этого вопроса чисто искусственное. Оно коренится съ одной стороны въ смутномъ состояніи молодежи, съ другой стороны въ шаткости ея руководителей. Въ дѣйствительности, у студентовъ нѣтъ такихъ общихъ нуждъ, которыя требовали бы совокупныхъ совѣщаній и общихъ учрежденій. Настоящая задача студентовъ состоитъ въ томъ, чтобы учиться. Все, что отвлекаетъ ихъ отъ этой цѣли, есть зло; все, что производитъ агитацію и ставитъ учащихся въ ненормальное положеніе, есть еще большее зло. А къ этому именно клонятся выборныя учрежденія. Такихъ учрежденій нѣтъ ни въ Англіи,

---

¹⁾ Эта записка до сихъ поръ въ печати не появлялась; написана она, повидимому, въ 1874 году въ то время, когда шла совѣщанія по университетскому вопросу. *Ред.*

ни во Франціи, ни въ Германіи, тѣмъ менѣе они умѣстны въ Россіи, при слабости нашего образованія, при отсутствіи всякихъ преданій и при полной неустойчивости руководителей. Въ Германіи студенческія корпораціи существуютъ вѣками; но это не болѣе какъ частныя товарищества для общаго кутежа, для дуэлей и прогулокъ съ собаками. Работающіе студенты въ нихъ не участвуютъ или уходятъ изъ нихъ, какъ скоро онѣ принимаются за дѣло.

Студенты въ общемъ составѣ принадлежатъ къ университетской корпораціи; но они состоятъ въ ней подчиненными, а не самостоятельными членами. Они съ молодю приучаются къ разумной дисциплинѣ и это составляетъ лучшую школу для будущей самодѣтельности.

У насъ студенческая жизнь имѣетъ свои особенности. Въ наши университеты стекается масса молодыхъ людей, лишенныхъ всякихъ жизненныхъ средствъ, неимѣющихъ никакой опоры и семьи и получившихъ самое скудное и поверхностное образованіе. Но именно подобная масса нуждается не въ правахъ, а въ разумномъ руководствѣ. Къ сожалѣнію, именно этого она не находитъ, вслѣдствіе чего въ ней бродить всякія смутныя мысли и стремленія.

Напрасно мечтаютъ о томъ, что съ правильною организаціею выборовъ выдвигнутся впередъ лучшіе элементы, а непокойные и вредные будутъ затерты. Лучшіе студенты тѣ, которые работаютъ у себя дома и не занимаются общественными дѣлами. На студенческихъ же какъ и на мірекихъ сходкахъ владѣютъ горланы, которые, специально занимаясь агитаціею, всегда будутъ стоять во главѣ другихъ. И теперь они играютъ роль запѣвалъ; но будучи призваны правительствомъ, они явятся уже представителями цѣлой корпораціи, облеченными правами, имѣя закономъ упроченными. И теперь существуютъ сходки, неизбѣжныя какъ скоро есть вопросы, волнующіе толпу молодыхъ людей; но теперь это явленіе случайное и рѣдкое. Университетское начальство смотритъ на нихъ сквозь пальцы, когда онѣ имѣютъ невинный характеръ и всегда можетъ ихъ воспретить, какъ скоро онѣ принимаютъ болѣе бурное направленіе. Когда же сходки обратятся въ право, онѣ сдѣлаются явленіемъ постояннымъ и нормальнымъ; запрещеніе ихъ будетъ казаться дѣйствіемъ произвола. Подобная мѣра не что иное какъ узаконеніе агитаціи, парламентъ несовершеннолѣтнихъ, учрежденный въ странѣ, гдѣ не существуетъ парламентской жизни и въ средѣ взрослыхъ.

Напрасно мечтаютъ и о томъ, чтобы сходки ограничивались тѣми или другими курсами. Нѣтъ возможности, помѣщать студентамъ другіе курсы и даже факультетовъ войти въ общую аудиторію. Всякое живое преніе привлечетъ массы, а живыми преніями будутъ именно тѣ, въ

которыхъ будутъ высказываться самыя крайнія мнѣнія. Кто знаетъ молодые умы и ихъ увлеченія, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться.

Товарищество между студентами, о возстановленіи котораго хлопотуть, безспорно хорошая вещь, но товарищество во имя общихъ умственныхъ интересовъ, а не во имя искусственно организованной агитаци. Истинное товарищество есть дѣло свободы, оно устанавливается правами и всего болѣе процвѣтаетъ тамъ, гдѣ умы находятся въ спокойномъ состояніи. Оно существовало въ университетахъ въ то время, когда ни объ какихъ выборныхъ правахъ и учрежденіяхъ не было рѣчи и возстановится только тогда, когда умы придутъ въ нормальный порядокъ.

Для того чтобы привести ихъ въ это положеніе, необходимо прежде всего разумное руководство. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ молодежью, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что единственное средство получить надъ ними нравственный авторитетъ, состоитъ въ твердости, соединенной съ любовью. Не потачка страстямъ молодыхъ людей, не пошлое искаженіе популярности, не робкія уступки искусственному возбужденію, прикрывающаго себя именемъ современнаго духа, а ясное сознаніе цѣли и значенія студенчества можетъ ввести его въ надлежащую колею наши высшія учебныя заведенія. Молодыя силы привлекающіяся къ университетамъ, надобно направлять не къ безплодной агитаци, не къ легкомысленной игрѣ въ студенческой парламентаризмъ, а къ серьезной умственной работѣ, въ которой всего болѣе нуждается Россія, и которая нынѣ почти совершенно исчезла. Отсюда то страшное умственное оскудѣніе, которое замѣчается всюду и которое составляетъ главную язву нашего отечества.

Скажутъ, что уже всѣ другія мѣры испробованы, и что остается испробовать ту систему, о которой идетъ рѣчь. Но развѣ позволительно производить опыты надъ душою молодыхъ поколѣній, которыя мы должны беречь, какъ зеницу ока, ибо они составляютъ всю надежду Россіи? А если опять не удастся? Если вмѣсто того, чтобы направить юношество на разумный путь, оно будетъ направлено къ гибели? Если, возбудивши несбыточныя надежды и даровавши ни съ чѣмъ несообразныя права, придется потомъ принимать самыя круглыя мѣры, пожалуй даже закрывать университеты, чтобы организовать ихъ на новую ногу? Какая неисцѣлимая рана нанесется и молодымъ силамъ и всему русскому просвѣщенію, и какую страшную отвѣтственность берутъ на себя тѣ, которые наталкиваютъ правительство на подобный путь! Послѣ того тяжелаго гнета, который много лѣтъ господствовалъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, несомнѣнно нужна свобода; но есть свобода, которая ведетъ къ мирному развитію, и есть свобода, которая приводитъ

лишь къ новой и болѣе суровой реакціи. Именно эту послѣднюю хотятъ водворить защитники разбираемыхъ мѣръ, съ добрыми намереніями, безъ самоувѣрія, но не видно, что творять. Чтобы направить корабль въ нелюдимое море, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются подводные камни, нужна искусная и опытная рука; но гдѣ тотъ искусный мореплаватель, который стоитъ у кормила. А если кормчій, незнакомый съ своимъ дѣломъ, возьмется вести корабль среди мелей и камней, безъ карты и компаса, то не будетъ ли это верхомъ легкомыслія? И если направленный неопытною рукою корабль разобьется и драгоцѣнный грузъ погибнетъ, то на комъ будетъ лежать вина? И точно ли испробованы уже всѣ другія мѣры? Что мы видѣли до сихъ поръ въ народномъ просвѣщеніи, въ этой важнѣйшей и наиболѣе чувствительной отрасли общественной жизни? Постоянные переходы отъ одной крайности въ другую, отъ сильной суровости къ робкому слабодушію и обратно. Какъ будто нарочно обходится именно та разумная середина, которая составляетъ единственный истинный путь. И когда среди всеобщаго хаоса случайно образуется ядро, около котораго могли бы собраться разумныя силы, то со всѣхъ сторонъ на него сыплются удары, отъ которыхъ оно разсыпается въ прахъ.

Быть выданнымъ сверху и оплеваннымъ снизу, вотъ судьба, которая слишкомъ часто постигаетъ у насъ всякую твердую мысль и всякое разумное слово.

Но разумная середина не значить система единичная или колебаній между противоположными взглядами. Для дѣйствія на молодые умы нѣтъ ничего хуже колебаній, сдѣлокъ и полумѣръ. Нравственный авторитетъ надъ ними можетъ получить только тотъ, кто ясно сознаетъ, чего онъ хочетъ, и твердо идетъ своею дорогою, не уклоняясь ни на шагъ, но умѣя прежде всего приобрести уваженіе молодыхъ сердець. всегда чуткихъ къ нравственнымъ качествамъ. Робостью и полумѣрами уваженія никогда не приобретаешь. Твердость въ началахъ и мягкость въ исполненіи такова должна быть программа руководителей молодежи. Полумѣры же въ нѣкоторомъ отношеніи даже хуже крайностей, ибо онѣ ставятъ людей въ ложное положеніе и вселяютъ смуту и недоувѣріе въ умы.

Истинная задача народнаго просвѣщенія въ Россіи состоитъ не въ томъ, чтобы производить новые опыты или входить въ сдѣлки съ возбужденными страстями, а въ томъ, чтобы послѣ всѣхъ безконечныхъ колебаній, которымъ оно подвергалось въ теченіе многихъ лѣтъ, послѣ перемежающихся періодовъ гнета и распушенности, придти наконецъ по твердому пути и направить молодыя силы на серьезную умственную работу, необходимую для отечества. Не жалѣя силъ, времени, терпѣнія и

труда: нужна тщательная подготовка персонала, на которомъ лежитъ все зданіе народнаго просвѣщенія. А для того, чтобы совершить такое дѣло, необходима прежде всего сознательная и постоянная поддержка сверху, безъ которой руководитель на этомъ поприщѣ не можетъ сдѣлать ни одного полезнаго шага.

Побѣгъ.

(1882).

Прежде всего маленькое предисловіе.

До самаго послѣдняго времени я не разсчитывалъ говорить на страницахъ «Былого» ни о побѣгѣ моего брата Владиміра Бычкова изъ кievскаго тюремнаго замка, ни о томъ процессѣ, къ которому онъ привлекался, такъ какъ я зналъ со словъ Ангела Ивановича Богдановича (на дняхъ умершаго), что объ этомъ на страницахъ «Былого» будетъ говорить онъ.

И онъ, и я одинаково близко знали детали этого побѣга, ибо мы были участниками того же процесса.

И я былъ увѣренъ въ томъ, что если бы и о процессѣ, и о побѣгѣ написалъ Богдановичъ, а не я,—то читатель получилъ бы болѣе яркую картину изъ прожитаго нами *былою*, имѣющаго уже 25-ти лѣтнюю давность.

Но Богдановичъ умеръ. Я долженъ былъ взяться за перо.

Мой братъ бѣжалъ изъ кievской тюрьмы 19 декабря 1882 года.

Побѣгъ этотъ былъ совершенною неожиданностью для администраціи, считавшей невозможными побѣги изъ кievской тюрьмы, обнесенной высокой каменной стѣной, охраняемой внутри—и на дворахъ, и въ корридорахъ—надзирателями, а снаружи часовыми. И когда вечеромъ 19 декабря, черезъ какихъ нибудь $\frac{1}{2}$ часа послѣ побѣга, было установлено, что братъ бѣжалъ,—всѣ власти, наблюдавшія за тюрьмой (полиція, жандармы и прокурорскій надзоръ), страшно растерялись и не знали, гдѣ искать концовъ и начала загадочнаго побѣга.

Всю ночь длившіеся обыски и самое тщательное дознаніе могли констатировать только фактъ побѣга и больше ничего. Никакихъ слѣдовъ побѣга не было обнаружено.

Было установлено, что братъ передъ самой повѣрккой былъ въ сопровожденіи надзирателя въ конторѣ, гдѣ онъ ежедневно въ это же время дѣлалъ выписку продуктовъ для обѣда на всѣхъ политическихъ на слѣдующій день (онъ былъ старостой политическаго отдѣленія). Выйдя изъ конторы (опять таки въ сопровожденіи надзирателя), онъ пошелъ обратно въ камеру.

Но для того, чтобы попасть въ камеру, надо было сначала войти въ отдѣльный «политическій» дворикъ, гдѣ всегда—и день, и ночь—находился особый надзиратель и гдѣ по очереди гуляли политическіе. Дворикъ этотъ былъ отдѣленъ отъ большого двора «палями» и ворота этого дворика всегда были на замкѣ.

Надзиратель, сопровождавшій брата изъ конторы, отперъ ворота дворика, впустилъ брата въ нихъ и, будучи увѣренъ, что тамъ встрѣтитъ его другой надзиратель, заперъ ворота и ушелъ обратно въ контору...

Куда дѣвался братъ съ этого момента, осталось невыясненнымъ. Надзиратель дворика не видалъ его; надзиратель корридора привыкъ къ тому, что до повѣрки брата нѣтъ ни въ корридорѣ, ни въ камерѣ, такъ какъ онъ въ это время бываетъ въ конторѣ, и на отсутствіе брата не обращалъ вниманія.

Увѣренность въ томъ, что въ данномъ случаѣ не побѣгъ, а какое то случайное отсутствіе, была до того велика, что сначала даже не обратили вниманія на пустую камеру и продолжали производить повѣрку до конца, послѣ чего снова вернулись къ пустой камерѣ. Думая, что братъ замѣшкался въ конторѣ, послали туда надзирателя поторопить его. Надзиратель вернулся ни съ чѣмъ. Но о побѣгѣ даже и теперь не думали. Пересмотрѣли вторично всѣ камеры политическихъ, предполагая, что онъ случайно запертъ вмѣстѣ съ кѣмъ-либо изъ товарищей;—но и тамъ его не нашли...

Тогда только закралось тревожное подозрѣніе. Но и теперь была полная увѣренность въ томъ, что его сейчасъ же найдутъ внутри тюремной ограды.

Были вытребованы солдаты, окружившіе всю тюрьму цѣпью, и принялись самымъ тщательнымъ образомъ обыскивать всю тюрьму,—искали даже въ выгребныхъ ямахъ, въ дымовыхъ трубахъ, въ банѣ, въ грязномъ арестантскомъ бѣльѣ. Цѣлая сутки тюрьма была окружена цѣпью солдатъ; были увѣрены, что голодъ и жажда заставятъ бѣглеца вылѣзти изъ какого либо тайника.

Но ни бѣглець не показывался, ни даже слѣдовъ побѣга нигдѣ не было обнаружено: точно сквозь землю провалился, несмотря на то, что было еще свѣтло, когда обнаружился побѣгъ, и несмотря на то, что побѣгъ былъ совершенъ на глазахъ почти 2,000 человекъ всегда праздныхъ и всегда любопытныхъ уголовныхъ арестантовъ, расположенныхъ къ шпіонству.

Такъ и остался невыясненнымъ этотъ побѣгъ до настоящаго момента, когда я приступилъ къ описанію его.

Побѣгъ этотъ былъ устроенъ очень просто. Онъ не требовалъ ни длительной подготовки, ни затраты большихъ средствъ, ни участія большого числа помощниковъ, ни малѣйшаго риска пролить хоть одну каплю чужой крови.

Побѣгъ требовалъ только энергіи, рѣшимости и быстроты дѣйствія шести лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ подготовкѣ и въ выполненіи побѣга. А этихъ качествъ было тогда много у всѣхъ, просидѣвшихъ почти по два года въ тюрьмѣ и ежечасно бо-
рющихся съ болѣе чѣмъ суровыми мѣрами прокурора Стрѣльникова,

производившаго дознаніе по общему нашему дѣлу и пускавшаго въ ходъ всѣ средства сыщика и палача для того, чтобы во что бы то ни стало создать желательный для него процессъ, вынуждая давать показанія...

Подъ давленіемъ стрѣльниковскихъ приемовъ дознанія въ нашихъ озлобленныхъ пылкихъ и молодыхъ головахъ создавались грандіозные планы побѣговъ. То мы хотѣли пробиться «на волю» съ оружіемъ въ рукахъ сквозь ряды ключниковъ, надзирателей и солдатъ, ни жалѣя ни своей, ни чужой крови. То мы мечтали, что насъ освободятъ офицеры, связавши при помощи своихъ солдатъ всѣхъ надзирателей въ тюремныхъ корридорахъ...

Много и безъ конца мечтали. Но суровая дѣйствительность разбивала всѣ наши мечты... И когда выяснилось, что брату угрожаетъ наиболѣе серьезное наказаніе, что бѣжать компаніей нельзя,—мы рѣшили прежде всего выпустить изъ тюрьмы его одного, для чего нами сообщи и былъ детально разработанъ планъ побѣга, удавшійся какъ нельзя лучше.

Какъ и всѣ побѣги изъ тюрьмы, нашъ побѣгъ былъ построенъ исключительно на *возможности благоприятныхъ случайностей*, подготовить которыя должны были мы сами. Девяносто девять шансовъ было за то, что случайности не будутъ благопріятствовать намъ, несмотря на всѣ наши усилія завладѣть ими. Но, къ нашему удивленію, всѣ случайности сложились въ высшей степени благопріятно для побѣга,—и побѣгъ блестяще удался.

Труднѣе всего, конечно, было разсчитывать на то, что никто, изъ 2.000 уголовныхъ арестантовъ, вѣчно скучающихъ отъ нечего дѣлать, вѣчно глазѣющихъ сквозь оконную рѣшетку «на волю»,—не подглядитъ какъ нибудь подготовки къ побѣгу и не донесетъ сейчасъ же; побѣгъ долженъ былъ быть устроенъ у всѣхъ на глазахъ. Чтобы избѣжать этой помѣхи, рѣшено было устроить побѣгъ въ моментъ вечерней повѣрки уголовныхъ (добившись предварительно того, чтобы уголовныхъ повѣряли раньше политическихъ), когда арестанты выстраиваются въ ряды въ корридорахъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ выбрать такой день, когда будетъ холодно и сильный вѣтеръ.

Въ такіе дни арестанты, всегда плохо одѣтые, не вылазятъ на окна безъ крайней нужды.

Холодный и вѣтренный день былъ нуженъ еще и для того, чтобы заглушить шумъ, который неизбежно долженъ быть произведенъ въ тотъ моментъ, когда бѣгущій будетъ по веревкѣ спускаться съ каменной ограды тюрьмы. Этотъ шумъ могъ привлечь вниманіе часового, карауливашаго стѣну; при холодѣ часовой будетъ закутанъ въ шубу: порывы вѣтра приучатъ его къ шуму,—и онъ не обратитъ вниманія на него.

Но нельзя было всецѣло разсчитывать на то, что часовой не замѣтитъ побѣга только благодаря холоду и вѣтру. Рѣшено было отвлечь его вниманіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда братъ долженъ былъ спускаться съ ограды. Для этого потребовалась помощь человѣка «съ воли». Этотъ человѣкъ въ условленный часъ точно установленнаго дня долженъ былъ подойти къ тюремной оградѣ и

вступить въ бесѣду съ выглядывавшимъ изъ окна политическимъ арестантомъ. Часовой станеть прогонять его,—въ этотъ моментъ за спиной часового братъ быстро спустится со стѣны и пойдетъ мимо часового прямо къ тому человѣку, котораго гонить часовой, помогая часовому гнать его. вмѣстѣ съ нимъ братъ и долженъ былъ удалиться отъ тюремной ограды.

Но и помимо этихъ главныхъ моментовъ случайнаго характера обезпечивающихъ успѣхъ побѣга съ внѣшней стороны,—надо было многое приготовить для того, чтобы обезпечить побѣгъ всѣмъ необходимымъ матеріаломъ: костюмомъ, веревкой и пр.

Большихъ усилій требовалось для того, чтобы въ моментъ наиболѣе благоприятный для побѣга все необходимое было въ опредѣленномъ мѣстѣ и чтобы три человѣка здѣсь же поджидали брата, чтобы помочь ему быстро переодѣться, взобраться по спинамъ этихъ трехъ товарищей на каменную стѣну и по веревкѣ въ условный мигъ, по сигналу, спуститься за ограду.

Наконецъ, надо было сейчасъ же послѣ побѣга принять быстрыя мѣры къ тому, чтобы немедленно были уничтожены всѣ слѣды преступления. Надо было троимъ, помогавшимъ побѣгу, уйти незамѣтно со двора, надо было уничтожить веревку и оставшійся арестантскій костюмъ брата...

Совершенно неожиданно для насъ всѣ детали нашего плана были выполнены съ замѣчательною точностью, тихо, безъ шума и въ заранѣе установленный мигъ. Случайности благоприятствовали намъ...

Прошло не болѣе двухъ минутъ съ того момента, какъ братъ вошелъ въ политическій дворикъ, возвращаясь изъ конторы (надзиратель этого дворика былъ отозванъ въ корридоръ),—а братъ уже былъ за тюремной оградой и шагаль вмѣстѣ съ товарищемъ по направленію къ городу...

Дѣло было такъ.

Отвлечши вниманіе надзирателя, карауливаго политическій дворикъ,—трое помощниковъ брата, обмотавши вокругъ себя заранѣе заготовленныя полотнища простынь, обращенныхъ въ длинную веревку,—пробрались въ условленное мѣсто и ждали брата. Когда онъ изъ конторы подошелъ къ нимъ,—все было готово. Одинъ изъ товарищей уперся руками въ стѣну, нагнувши свою спину;—другой, взобравшись на него, представлялъ собою вторую ступень живой лѣстницы, по которой братъ, переодѣвшись въ вольный костюмъ, быстро взобрался на стѣну и сталъ ждать сигнала для спуска на ту сторону ограды.

Раздался сигналъ, и братъ, перекинувши черезъ стѣну веревку (конецъ которой держалъ третій помощникъ), быстро спустился по ней. Въ этотъ же моментъ веревка была взята обратно и братъ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ къ часовому, отгонявшему «вольнаго» человѣка, разговаривавшаго съ заключенными.

Была сильная буря; вѣтеръ завывалъ и шумѣлъ; слышно было, съ какимъ напряженіемъ «вольный» человѣкъ пытался что то сказать говорившему съ нимъ изъ окна тюрьмы; окрики часового едва были слышны...

Помощники брата торопились уйти скорѣе по камерамъ, чтобы до повѣрки сжечь все, что могло быть слѣдомъ преступленія...

И когда они поднялись въ корридоръ, то изъ окна корридора видно было, какъ братъ, не торопяся, закутавши лицо отъ вѣтра,—шелъ уже далеко отъ тюремной ограды...

Я уже говорилъ о томъ, какой переполохъ поднялся въ тюрьмѣ, когда обнаружилось, что Владиміръ Бычковъ бѣжалъ изъ тюрьмы.

Восемь мѣсяцевъ о немъ не было ни слуха.

18 августа 1883 года онъ былъ узнанъ на улицѣ города Томска уголовнымъ ссыльнымъ (изъ дворянъ) Аграновичемъ, который тотчасъ же донесъ объ этомъ полиціи и жандармамъ, которые немедленно же приняли мѣры къ тому, чтобы задержать брата.

Братъ тоже узналъ Аграновича, который пользовался многими услугами брата, когда оба они содержались въ кievской тюрьмѣ, гдѣ въ конторѣ постоянно околичивался Аграновичъ. Замыслы Аграновича были ясны для брата, и онъ пытался скрыться отъ него, но не успѣлъ. Полиція и жандармы уже окружили его, но онъ не сдался безъ боя.

Отстрѣливаясь отъ нападавшихъ, пока были патроны въ револьверѣ, онъ ранилъ двоихъ изъ нихъ и послѣднимъ выстрѣломъ въ високъ убилъ самъ себя на повалъ.

Въ Томскѣ же его и похоронили жандармы.

О процессѣ, въ которомъ участвовало семь человѣкъ, обвиняемые въ принадлежности къ революціоннымъ кружкамъ въ періодъ 1879—81 годовъ, разбиравшемся въ Кіевскомъ военно-окружномъ судѣ съ 6-го по 14 августа 1883 года,—я расскажу какъ нибудь въ другой разъ.

Повторяю, я не собирался говорить о немъ. И чтобы подобрать матеріалъ объ этомъ процессѣ, надо не мало времени. Затрудненіе осложняется еще и тѣмъ, что я нигдѣ не могъ до сихъ поръ найти копію обвинительнаго акта по этому процессу.

Быть можетъ, кто нибудь изъ живыхъ участниковъ этого процесса поможетъ мнѣ найти копію этого обвинительнаго акта или указать, гдѣ можно достать ее.

Редакція «Былого» не откажется быть посредникомъ между мной и тѣмъ, кто пожелалъ бы оказать мнѣ эту услугу.

А. Бычковъ.

Сводъ показаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ пре- ступленіяхъ.

(Окончаніе). ¹⁾

VIII.

Въ іюль 1879 г., состояшій подъ надзоромъ полиціи въ г. Черниговѣ, дворянинъ Владиміръ Дрыга сдѣлалъ заявленіе, указавшее на существованіе преступнаго сообщества въ Черниговской губерніи. Разоблаченія этого лица оказались такъ близко связанными въ нѣкоторыхъ частяхъ съ дѣломъ объ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина, равно съ дѣятельностью, указанной впослѣдствіи Дрыгою, объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, что представляется необходимымъ всѣ имѣющіяся по означеннымъ тремъ предметамъ свѣдѣнія изложить вмѣстѣ.

Судя по заявленію дворянина Дрыги и другимъ имѣющимся подъ рукою указаніямъ, Черниговское преступное сообщество вызвано къ жизни и поддерживалось средствами упомянутаго въ предыдущемъ отдѣлѣ дворянина Дмитрія Лизогуба, который обладалъ значительнымъ количествомъ земли въ Черниговской губерніи и вообще, какъ богатый помѣщикъ и капиталистъ, пользовался тамъ большимъ вліяніемъ. Кромѣ Лизогуба, значительная доля участія въ образованіи этого преступнаго сообщества принадлежала энергіи и стараніямъ Валеріана Осинскаго, раздѣлявшаго, повидимому, всѣ заботы по исполненію предначертаній Лизогуба въ сферѣ революціонной дѣятельности послѣдняго. Самъ Дрыга принадлежалъ также къ революціонному кружку Лизогуба, и личное участіе его, по словамъ Дрыги, ограничивалось преимущественно тѣмъ, что, состоя повѣреннымъ и тайнымъ корреспондентомъ Лизогуба, онъ, Дрыга, расходовалъ изъ находившагося въ его распоряженіи наличнаго капитала Лизогуба болѣе или менѣе значительныя суммы на приготовленіе къ преступленіямъ.

Первоначальное указаніе Дрыги коснулось лица, которое было извѣстно ему подъ псевдонимомъ Безмѣнова, пріѣхавшаго въ Черни-

¹⁾ См. Бѣлое, іюнь и іюль.

говъ въ томъ же юлѣ мѣсяцѣ 1879 г., передъ самымъ заявленіемъ Дрыги, съ цѣлью получить деньги для осуществленія новаго политическаго преступленія. Хотя въ то же время и приняты были мѣры къ задержанію этой личности, но самъ Безмѣновъ, заподозрѣвшій измѣну со стороны Дрыги, сумѣлъ скрыться, въ оставленныхъ же имъ на квартирѣ вещахъ найдены: вексельный бланкъ, химическія чернила, какіе-то порошки, склянки съ различными составами и машинка для штемпелей. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что лицо называвшееся Безмѣновымъ (средняго роста, носитъ рыжую бороду, заикается, пріѣзжало 9 мая 1879 г. изъ Курска въ Кіевъ и остановилось въ гостиницѣ «Заря» по Безаковской улицѣ, въ домѣ Фидлера, а черезъ пять дней обратно выѣхало въ Курскъ, что оно проживало также подъ именемъ Михаила Дмитріевича Михайловскаго, что 13 іюня оно было проѣздомъ, вмѣстѣ съ дворяниномъ Василиемъ Андреевымъ Черныявскимъ,¹⁾ въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, гдѣ они останавливались на постояломъ дворѣ Голикова, и наконецъ, что съ нимъ, Безмѣновымъ былъ, по показанію купца Марголина, знакомъ остерскій уѣздный предводитель дворянства Черниговской губерніи, дворянинъ Александровичъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти свѣдѣнія до сего времени не привели къ обнаруженію званія Безмѣнова, между тѣмъ личность эта представляется немаловажною: на нее указывалось какъ на товарища извѣстнаго революціоннаго дѣятеля Фомина и убійцу жандарма въ Херсонѣ, при покушеніи на освобожденіе политическаго преступника Войнаральскаго!²⁾

Засимъ дворянинъ Дрыга указалъ, что незадолго до пріѣзда въ Черниговъ лица, называвшагося Безмѣновымъ, онъ видѣлся съ неизвѣстнымъ ему молодымъ человѣкомъ, съ которымъ ѣздилъ въ Кіевъ, гдѣ молодой человѣкъ купилъ въ американскомъ магазинѣ винтовку, изъ которой впослѣдствіи упражнялся въ стрѣльбѣ въ Городнянскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, при чемъ Дрыга выразилъ предположеніе, что этотъ молодой человѣкъ участвовалъ въ убійствѣ харьковскаго губернатора князя Кропоткина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дрыга заявилъ, что означеннаго молодого человѣка звали Зубковскимъ.

Между тѣмъ, еще гораздо раньше заявленія Дрыги, именно въ маѣ 1879 г., было задержано лицо, которое представлялось несомнѣнно принадлежащимъ къ революціонной средѣ и потому обратило на себя особенное вниманіе. Лицо это первоначально, при задержаніи, назвалось дворяниномъ Александромъ Соковичемъ; засимъ бывшимъ студентомъ кіевского университета дворяниномъ Иваномъ Карповымъ Панькѣвымъ и, наконецъ, когда эти показанія были опровергнуты, бывшимъ студентомъ кіевского университета Афанасіемъ Андреевымъ Зубковскимъ. По наведеннымъ справкамъ послѣднее показаніе подтвердилось, при чемъ оказалось, что Зубковскій есть уроженецъ г. Миргорода, Полтавской губерніи, сынъ священника, воспитывавшійся первоначально въ полтавской семинаріи и привлекавшійся въ 1876 и 1877 годахъ къ двумъ дѣламъ: о принадлежности его къ

¹⁾ Подъ этимъ псевдонимомъ былъ въ Липецкѣ А. И. Желябовъ. *Ред.*

²⁾ Это былъ А. Д. Михайловъ. *Ред.*

преступному сообществу въ Полтавѣ и объ участіи его въ образовавшемся въ г. Житомирѣ, Волинской губерніи, кружкѣ, имѣвшемъ цѣлью противоправительственную пропаганду. По поводу этихъ дѣлъ у Зубковскаго въ началѣ 1877 г. былъ произведенъ въ Кіевѣ обыскъ, по которому найдены разныя сочиненія революціоннаго содержанія, послѣ чего онъ скрылся и, будучи уволенъ изъ университета, скрывался подъ чужими именами. Но открывъ свое происхожденіе, Зубковскій въ то же время отказался дать какія-либо свѣдѣнія о мѣстѣ своего пребыванія послѣ побѣга изъ Кіева, подъ предлогомъ нежеланія скомпрометированія лицъ, у которыхъ онъ проживалъ въ это время.

Въ виду сего, когда заявитель Дрыга указалъ на молодого человека, котораго онъ подозрѣвалъ въ соучастіи по дѣлу объ убійствѣ князя Кропоткина, назвавъ его Зубковскимъ, ему, Дрыгѣ, была предъявлена фотографическая карточка задержаннаго въ Роменскомъ уѣздѣ лица, въ то время уже открывшаго свое званіе, и онъ призналъ въ этомъ лицѣ того самого молодого человека, о которомъ упомянуто выше. Поэтому тогда же Зубковскій былъ переведенъ для производства дознанія, по указаннымъ Дрыгою обстоятельствамъ, сперва въ Харьковъ, а затѣмъ въ Черниговъ.

Во время производства означеннаго дознанія, Дрыга сдѣлалъ дополнительное заявленіе. опредѣливъ, съ одной стороны, ту роль, которая принадлежала Зубковскому въ приготовленіяхъ къ означенному преступленію, и указавъ, съ другой стороны, на предполагаемаго имъ убійцу князя Кропоткина и на лицъ, которыя его укрывали послѣ совершенія преступленія. По показанію Дрыги, убійца былъ варшавскій житель, по ремеслу слесарь, пріисканный въ Варшавѣ для совершенія преступленія; участіе же Зубковскаго заключалось въ руководствѣ эгимъ лицомъ и пріисканіи для него безопаснаго помѣщенія послѣ убійства. Засимъ, по указанію Дрыги, убійца, по совершеніи преступленія, прибылъ въ Черниговъ, гдѣ ночевалъ по запискѣ Зубковскаго въ квартирѣ отставнаго чиновника Тринитатскаго, служащаго въ черниговской земской управѣ, а такъ какъ неизвѣстный человекъ рассказалъ ему про убійство, то Тринитатскій поспѣшно отправилъ его въ село Плехово, Черниговскаго уѣзда, къ земскому врачу Александру Буличу, который отвезъ его затѣмъ къ помѣщику Комаровскому.

Это послѣднее показаніе Дрыги относительно укрывательства лица, которое, по показанію его, было убійцею князя Кропоткина, подтвердилось показаніями помѣщика Комаровскаго и Булича, при чемъ они объяснили, что привезенный къ нимъ незнакомый человекъ былъ замѣтно польскаго происхожденія и имѣлъ грубую отъ работы руки. Въ этомъ отношеніи показаніе Комаровскаго заслуживаетъ тѣмъ большаго вѣроятія, что онъ представляется человекомъ непроникнутымъ социальнo-революціонными заблужденіями и лишь случайно укрывавшимъ у себя, по неотступной просьбѣ Булича, лицо, на которомъ тяготѣло столь злодѣйское преступленіе. Что касается чиновника Тринитатскаго, то всѣ показанія его отличались крайнею неопредѣленностью, причемъ, сознаваясь во всемъ въ частномъ съ нимъ разговорѣ, при формальномъ опросѣ Тринитатскій давалъ совершенно про-

тивоположное показаніе, доходя даже до совершеннаго отрицанія знакомства своего съ Зубковскимъ, по запискѣ котораго неизвѣстный ночеваль, тогда какъ, напротивъ, показанія жены Тринитатскаго представлялись согласными съ показаніями Дрыги и Булича.

Между тѣмъ, независимо отъ сознанія Булича, было произведено дознаніе въ упомянутомъ выше селѣ Плеховѣ, гдѣ Буличъ служилъ земскимъ врачомъ, при чемъ укрывательство у него неизвѣстнаго чловѣка, бывшаго, по словамъ Дрыги, убійцею князя Кропоткина, подтверждалось свидѣтельскими показаніями, изъ коихъ показаніе бывшаго при Буличѣ фельдшера Николая Тупало имѣетъ особое значеніе, такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ того, что неизвѣстный былъ привезенъ къ Буличу чиновникомъ Тринитатскимъ и что этотъ неизвѣстный, въ разговорѣ своемъ съ Буличемъ назвался убійцею князя Кропоткина. Кромѣ того выяснилось, что неизвѣстный, во время пребыванія своего у Булича въ селѣ Плеховѣ, упражнялся въ стрѣльбѣ изъ револьвера, при чемъ найденныя на мѣстѣ стрѣльбы пули оказались одинаковаго размѣра съ тою, которою былъ раненъ князь Кропоткинъ.

Наконецъ, при производствѣ дознанія относительно означеннаго предполагаемаго убійцы харьковскаго губернатора сдѣлалось извѣстно, что этотъ неизвѣстный, укрывавшійся у Тринитатскаго, Булича и Комаровскаго, ночеваль, по просьбѣ Тринитатскаго, также и въ квартирѣ проживающей въ Черниговѣ акушерки Франштейнъ, которая подтвердила это обстоятельство, а служащая у нея крестьянка Матрена Гарусова даже видѣла у ночевавшаго подъ подушкой револьверъ, о чемъ она сообщила на слѣдующій день акушеркѣ Франштейнъ.

Во время производства въ Черниговѣ изложенныхъ выше дознаній, имѣвшихъ цѣлю выясненіе во всей подробности обстоятельствъ, связанныхъ съ укрывательствомъ тамъ лица, на котораго заявлено Дрыгою подозрѣніе въ совершеніи убійства въ Харьковѣ, было задержано въ Кіевѣ лицо, которое было извѣстно въ революціонной средѣ подъ именемъ «Володьки», а по задержаніи назвалось мѣщаниномъ Григоренко. впоследствии же оказалось дворяниномъ Людвигомъ Кобылянскимъ. Обстоятельства, сопровождавшія арестъ этого лица въ Кіевѣ и характеристика его подробно изложена выше (въ отдѣлѣ настоящаго обзора), при изложеніи дѣятельности преступнаго сообщества, имѣвшаго террористическіе замыслы, дознаніе о которомъ составляетъ предметъ производящагося нынѣ въ Кіевѣ обширнаго дознанія. Такъ какъ, съ одной стороны, задержаніе въ Кіевѣ Кобылянскаго (онъ же Володька и Григоренко) совпало по времени съ производствомъ дознанія въ Черниговѣ по разоблаченіямъ Дрыги, а съ другой стороны, имѣлись въ виду тождественныя физическія особенности, отличавшія какъ задержаннаго Кобылянскаго, такъ равно и того чловѣка, котораго, непосредственно послѣ убійства князя Кропоткина, укрывали въ Черниговской губерніи Тринитатскій, акушерка Франштейнъ, Буличъ и наконецъ Комаровскій,—то явилось предположеніе, не есть ли Кобылянской и помянутый чловѣкъ одно и тоже лицо. Когда послѣ того предположеніе это нашло себѣ подтвержденіе и въ другихъ данныхъ, Кобылянской былъ доставленъ изъ Кіева въ Черниговъ, гдѣ изъ числа

15 свидѣтелей—12 признали его за означеннаго молодого человѣка, а остальные нашли большое съ нимъ сходство.

Рядомъ съ производствомъ изложеннаго дознанія, имѣвшаго результатомъ своимъ окончательное выясненіе личности, представлявшейся виновникомъ убійства князя Кропоткина, шло по Чернигову изысканіе, имѣвшее цѣлью выясненіе другой подозрительной личности, равно преступной дѣятельности земскаго врача Каминера, въ имѣніи котораго, деревнѣ Паперни, недалеко отъ Чернигова, укрывалась эта новая личность. Хотя укрывательство это, по словамъ Дрыги, и относилось къ лѣту 1877 года, тѣмъ не менѣе указанная личность по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя даны были Дрыгѣ помѣщицею Линдфорсъ, сосѣдкою по имѣнію Каминера, представлялась весьма важною потому, что личность эта, по завѣренію Линдфорсъ, принимала впослѣдствіи ближайшее участіе въ политическомъ преступленіи. Прежде всего обнаружено было преступное направленіе какъ самого врача Каминера, такъ равно и всего семейства его, изъ коихъ три дочери, Августа, Анна и Надежда, отданы были въ 1874 г. подъ надзоръ полиціи, но успѣли скрыться и долгое время неизвѣстно гдѣ проживали. Семейство Каминера, какъ оказалось по дознанію, постоянно посѣщалось разными лицами, которыя укрывались лѣтомъ въ имѣніи Паперни часто очень продолжительное время, ведя подозрительный образъ жизни. Что касается указанной Дрыгою личности, послужившей поводомъ къ дознанію въ имѣніи Каминера, то въ отношеніи ея было обнаружено, что дѣйствительно лѣтомъ 1877 г. жилъ въ имѣніи Паперни, подъ видомъ учителя, неизвѣстный человѣкъ, называвшійся «Гришкой», который сблизился съ мѣстными крестьянами, училъ молодыхъ разнымъ пѣснямъ, а стариковъ и прибѣгавшихъ къ нему больныхъ—врачевалъ, и вообще пользовался между ними большою популярностью и уваженіемъ.

Первоначально, по нѣкоторымъ даннымъ, явилось предположеніе не есть ли Гришка одно и то же лицо съ задержаннымъ въ Кіевѣ, «Володькою», оказавшимся впослѣдствіи Кобылянскимъ, но, затѣмъ, когда въ Елизаветградѣ задержанъ былъ 14 ноября 1879 г. съ большимъ количествомъ нитроглицерина, купеческій сынъ Григорій Гольденбергъ, и когда снятая съ послѣдняго фотографическая карточка была предъявлена свидѣтелямъ, удостовѣрившимъ проживаніе Гришки въ имѣніи Каминера, свидѣтели эти положительно признали въ Гольденбергѣ то лицо, которое имъ было извѣстно подъ именемъ Гришки.

Впослѣдствіи и самъ Гольденбергъ подтвердилъ это обстоятельство въ показаніи своемъ о революціонной дѣятельности вообще и объ участіи въ ней его самого въ частности.

Изъ показанія Гольденберга видно, что убійство князя Кропоткина принадлежитъ по замыслу и исполненію всецѣло ему одному, слѣдовательно, если только это показаніе Гольденберга подтвердится представится очевиднымъ, что помѣщица Линдфорсъ, сообщавшая Дрыгѣ свѣдѣнія о Гришкѣ и указавшая при этомъ на причастность его къ политическому дѣлу отчасти знала подробности названнаго убійства.

По словамъ Гольденберга, преступная мысль созрѣла въ немъ подъ влияніемъ убѣжденія въ томъ, что князь Кропоткинъ былъ глав-

нымъ виновникомъ тяжелой участи политическихъ преступниковъ, заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ Харьковской губерніи. Но предварительно исполненія задуманнаго плана, онъ, Гольденбергъ, считалъ необходимымъ узнать, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ замыселъ на единомышленниковъ его. Съ этою цѣлью, будучи въ Кіевѣ и въ Харьковѣ, онъ высказывалъ мысль о необходимости принятія крайней мѣры противъ князя Кропоткина разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ въ Кіевѣ упомянутымъ выше въ различныхъ отдѣлахъ настоящаго обзора: Афанасію Зубковскому, Людвигу Кобылянскому, Валеріану Осинскому, Павлу Орлову, Игнату Ивичевичу, Людмилѣ Самарской, Надеждѣ *Силуницкой*, Вѣрѣ Ремизовской, равно студенту кіевскаго университета, находящемуся подъ секретнымъ надзоромъ кіевской полиціи Богицкому и студенту Харьковскаго университета Дмитрію Буцинскому, привлеченному и содержащемуся нынѣ въ Харьковѣ по обвиненію въ принадлежности къ тамошнему преступному сообществу, о которомъ изложено будетъ ниже, а также въ Харьковѣ—студенту Харьковскаго университета Ивану Іонову Глушкову, дворянину Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда, высланному за принадлежность къ революціонной партіи на жительство въ Олонецкую губернію, Эмануилу Воронцу, бывшему студенту того же университета Алексѣю Ивановичу Преображенскому, изъ коихъ Глушковъ и Козловъ розыскиваются нынѣ для привлеченія къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ, а Преображенскій, причастный къ тому же дѣлу, уже содержится подъ арестомъ.

Всѣ означенныя лица, по словамъ Гольденберга, сочувственно отнеслись къ его преступному замыслу, причемъ онъ, Гольденбергъ, Самарская и Ивичевичъ высказались за открытое убійство, а остальные въ пользу совершенія такового изъ-за угла. Когда, такимъ образомъ, замыселъ былъ въ принципѣ рѣшенъ, осуществленіе его представило необходимымъ на нѣкоторое время отложить, такъ какъ въ началѣ января мѣсяца въ центральныхъ тюрьмахъ допускалось свиданіе заключенныхъ съ родными, а потому явилось опасеніе, что совершеніе преступленія до этого могло вызвать распоряженіе о недопущеніи этихъ свиданій. Проживая въ то время въ Кіевѣ, преимущественно на квартирѣ, которую содержала на Ивановской улицѣ Софья Пеховская, гдѣ тогда помѣщался соціально-революціонный клубъ, о которомъ уже упоминалось выше, Гольденбергъ въ концѣ января отправился, наконецъ, въ Харьковъ, куда одновременно съ нимъ прибыл также Кобылянскій, Зубковскій и Людмила Волкенштейнъ, о мужѣ которой, земскомъ врачѣ г. Кобелякѣ, Полтавской губерніи, будетъ сказано ниже въ слѣдующемъ отдѣлѣ. Изъ этихъ лицъ Волкенштейнъ приняла на себя роль хозяйки конспиративной квартиры, нанятой съ двоякою цѣлью: служить мѣстомъ сходакъ и затѣмъ укрыть участниковъ преступленія послѣ его совершенія. Въ это время прибыла въ Харьковъ, проѣздомъ въ Петербургъ, дочь чиновника Зинаида Воскресенская, высланная въ 1879 г. за прикосновенность къ дѣлу объ изданіи въ Петербургѣ и распространеніи возмутительныхъ брошюръ, подъ строгій надзоръ полиціи въ Олонецкую губернію, и предупредила Зубковскаго о сдѣланныхъ въ то время

Веледницкимъ разоблаченіяхъ, а такъ какъ Зубковскій получилъ отъ Веледницкаго, черезъ Валеріана Осинскаго, фальшивый паспортъ, то ему, Зубковскому, могла грозить опасность. Въ виду сего изъ предосторожности, конспиративная квартира была переведена въ другой домъ, а упомянутыя выше лица размѣстились на разныхъ квартирахъ. Засимъ, кромѣ поименованныхъ единомышленниковъ, Гольденбергъ указываетъ еще на дворянина Леонида Дическулло, проживавшаго въ Одессѣ подъ фамиліею Виноградова и розыскиваемого по прикосновенности къ дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ, и названнаго выше Козлова, съ которымъ Гольденбергъ будучи въ Харьковѣ, находился въ сношеніяхъ; причемъ Козловъ былъ ему особенно полезенъ, такъ какъ онъ зналъ и передалъ Гольденбергу многое, относящееся до князя Кропоткина. Наконецъ, 9 февраля 1879 г., Гольденбергъ окончательно рѣшилъ привести задуманное преступленіе. Съ этимъ намѣреніемъ, пользуясь выѣздомъ князя Кропоткина вечеромъ 9 февраля, онъ вмѣстѣ съ Кобылянскимъ стали ожидать возвращенія губернатора, вблизи дома послѣдняго. Когда, около полуночи, карета князя Кропоткина стала приближаться къ дому, Гольденбергъ подбѣжалъ къ ней и, схватившись за ручку дверецъ съ лѣвой стороны, произвелъ выстрѣлъ во внутрь кареты. Въ ту же ночь Гольденбергъ, по его показанію, отправился въ Кіевъ, гдѣ сообщилъ объ убійствѣ Самарской, Орлову, Дическулло и Игнату Ивичевичу. Все дѣло по убійству князя Кропоткина обошлось имъ, по словамъ Гольденберга, въ 520 рублей, которые даны были Зубковскимъ.

Такимъ образомъ сознаниемъ Гольденберга, принимающаго активную дѣятельность въ этомъ преступленіи на одного себя, не измѣняется постановка произведеннаго по Чернигову дознанія, вызваннаго заявленіемъ Дрыги, такъ какъ близкое участіе въ этомъ преступленіи Кобылянскаго и Зубковскаго этимъ не только не умаляется, но напротивъ подкрѣпляется съ значительнымъ расширеніемъ круга, болѣе или менѣе причастныхъ къ сему дѣлу лицъ. Кромѣ сего, какъ Богославскій, такъ въ послѣдствіи и Забрамскій указываютъ на Кобылянскаго какъ на убійцу Харьковскаго губернатора.

Но независимо отъ упомянутыхъ двухъ лицъ, оказавшихся Кобылянскимъ и Зубковскимъ, о близкомъ участіи которыхъ въ убійствѣ князя Кропоткина сдѣлалось первоначально извѣстно со словъ дворянина Дрыги, послѣдній указалъ еще на одно лицо, которое, по его предположенію, должно было весьма близко стоять къ тому же преступленію. Лицо это Дрыга назвалъ Никандромъ Мощенковымъ, а вслѣдствіе принятыхъ въ тоже время мѣръ, выяснилось, что этотъ Мощенковъ есть, по всей вѣроятности, никто иной, какъ тотъ самый Никандръ Платоновъ Мощенковъ, сынъ священника г. Валокъ, Харьковской губерніи, который воспитывался въ Харьковской семинаріи, находился затѣмъ въ числѣ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института и привлекался въ 1874 и 1875 годахъ въ Харьковѣ, а въ 1877 году въ Самарѣ и Саратовѣ къ дознаніямъ по дѣламъ политическаго свойства.

По произведенному розыску, Мощенковъ 29 августа 1879 г. былъ задержанъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ занималъ съ преступною

цѣлью мѣсто волостного писаря, и доставленъ въ Харьковъ для производства дознанія съ цѣлью выясненія участія его въ дѣлѣ по убійству князя Кропоткина.

Дознаніе въ Харьковѣ, произведенное первоначально путемъ секретныхъ изысканій, дало такіе результаты, по которымъ представлялось почти несомнѣннымъ участіе въ этомъ убійствѣ не только названнаго Мощенкова, но и друга его, бывшаго студента Харьковского ветеринарнаго института, сына священника Николая Быковцева. Основаніемъ къ такому предположенію послужили слѣдующія обстоятельства. Никандръ Мощенковъ, за которымъ былъ учрежденъ въ февралѣ 1878 г. полицейскій надзоръ, находился безотлучно въ Харьковѣ, проживая съ фельдшерницею Елизаветою Абрамовою Хотинскою на разныхъ квартирахъ. Последняя квартира, въ которой жилъ Мощенковъ съ Хотинскою, была въ домѣ священника Николаевского, по Клочковской улицѣ, куда одновременно переѣхали названныя выше Быковцевъ съ своею любовницею, акушеркою Лукиною-Бутенковой, на которой онъ впослѣдствіи женился. Квартира эта принадлежала ссыльному поляку Милешкѣ, человѣку во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежному. За недѣлю до убійства князя Кропоткина, внезапно совершилось въ одинъ и тотъ же день, именно 2-го февраля, крещеніе Хотинской и бракосочетаніе ея съ Мощенковымъ, а на слѣдующій день Мощенковъ уже подалъ въ Харьковское полицейское управленіе прошеніе о выдачѣ его женѣ отдѣльнаго вида на жительство, который и былъ полученъ имъ 4 февраля. Засимъ, Мощенковъ и Быковцевъ, при опросѣ ихъ, уже послѣ задержанія перваго въ Тамбовской губерніи, дали совершенно согласное между собою объясненіе, что Мощенковъ и его жена уѣхали 5 или 6 февраля изъ Харькова по направленію въ Курскъ, откуда жена отправилась въ Черниговъ, а онъ поѣхалъ далѣе въ Тамбовъ; между тѣмъ, при секретномъ изысканіи, нѣсколько свидѣтелей положительно удостовѣрили, что Мощенковы уѣхали рано утромъ, 16 февраля, слѣдовательно вслѣдъ за убійствомъ князя Кропоткина.

Впослѣдствіи, когда свидѣтелямъ сдѣланъ былъ формальный опросъ, они не подтвердили данныхъ раньше показаній, вслѣдствіе чего обвиненіе ихъ въ участіи по означенному преступленію оказалось неимѣющимъ подъ собою основанія и остается недоказаннымъ до настоящаго времени. Но таково положеніе возбужденнаго противъ Мощенкова и Быковцева преслѣдованія лишь съ юридической стороны, на дѣлѣ же значеніе ихъ въ этомъ дѣлѣ остается неопровергнутымъ.

Въ пользу устойчивости имѣющихся противъ Мощенкова и Быковцева данныхъ представляется слѣдующее: во-первыхъ, внезапный отъѣздъ Мощенкова изъ Харькова во времени, совпадающемъ съ временемъ совершенія убійства князя Кропоткина, притомъ безъ вѣдома полиціи, подъ надзоромъ которой Мощенковъ находился, во-вторыхъ, поспѣшное совершеніе передъ тѣмъ обрядовъ крещенія Хотинской и вѣнчанія съ нею Мощенкова, равно исходатайствованія для нея отдѣльнаго вида на жительство; въ-третьихъ, упорное нежеланіе Мощенкова доказать свое алибі съ 6 по 16 февраля, подъ предлогомъ рѣшимости не навлекать преслѣдованія противъ лицъ, у которыхъ

онъ жилъ въ это время; въ четвертыхъ, безслѣдное исчезновеніе книги для записи жильцовъ въ домѣ священника Николаевского, въ которой, будто бы, сдѣлана была отмѣтка о времени выбитія Мощенкова съ женою изъ Харькова; въ пятыхъ, уклончивыя въ этомъ отношеніи показанія означеннаго священника Николаевского, который, по имѣющимся свѣдѣніямъ, вышелъ изъ той же семинаріи, въ которой находились Мощенковъ и Быковцевъ. Въ виду изложеннаго представляется болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что если Мощенковъ и Быковцевъ не принимали прямого участія въ дѣлѣ по убійству князя Кропоткина, то, по меньшей мѣрѣ, имъ было извѣстно о преступномъ замыслѣ и приготовленіяхъ къ исполненію такового. Во всякомъ случаѣ, лица эти принимали видное участіе въ революціонной дѣятельности, какъ это будетъ указано ниже, при изложеніи дѣятельности объединенной революціонной общины.

IX.

Кромѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ отдѣлѣ лицъ, входящихъ отчасти въ составъ дознанія по убійству Харьковскаго губернатора князя Кропоткина, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія лица, преступная дѣятельность которыхъ по Черниговской губерніи представляется несомнѣнною:

Варзеръ, мировой судья, состоящій съ 1876 г. подъ особымъ негласнымъ надзоромъ полиціи. Онъ представляется стоящимъ очень близко къ революціонной средѣ и отчасти зналъ о приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ Зубковскимъ къ убійству князя Кропоткина; жена же Варзера играетъ, повидимому, еще болѣе видную роль въ революціонной дѣятельности, нежели онъ самъ. Изъ имѣющихся свѣдѣній видно, что она была въ Цюрихѣ и Парижѣ на медицинскихъ курсахъ, ведетъ дѣятельную переписку съ разными лицами и намѣрена снова въ непродолжительномъ времени отправиться за-границу. Изъ сестеръ ея одна была замужемъ за русскимъ эмигрантомъ и умерла въ Швейцаріи, а другая находится въ Черниговѣ, замужемъ за бывшемъ учителемъ Константиновичемъ, нынѣ служащимъ въ должности товарища директора Черниговскаго городского банка, наконецъ братъ г-жи Варзеръ, Иванъ Григорьевичъ Рашевскій, служилъ мировымъ судьей въ Черниговскомъ уѣздѣ. Жены Константиновича и Рашевскаго также принадлежатъ къ сторонникамъ революціонной партіи, а чрезъ нихъ заражены социализмомъ и ихъ мужья. По произведенному у мирового судьи Варзера, 29 августа 1879 г., обыску найдены были запрещенныя книги, а также разные стихи и собственноручныя наброски, рельефно обрисовывающіе его личное направленіе и образъ мыслей.

Карпинскій, директоръ Черниговскаго городского банка, представляющійся однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ антиправительственной партіи. Дѣятельность этого лица тѣмъ болѣе опасна, что Карпинскій, какъ директоръ банка, исполняющій обязанности агента С.-Петербургскаго общества поземельнаго кредита и исправляющій другія почетныя въ Черниговѣ должности, пользуется громаднымъ значеніемъ въ Черниговской губерніи. По заявленію Дрыги, Карпин-

скій находился въ близкихъ отношеніяхъ съ упомянутымъ въ то, по волюціоннымъ дѣятеlemъ Лизогубомъ (казненъ), вслѣдствіе чего и селя послѣдняго на значительную сумму хранились частнымъ образомъ, вопреки правиламъ устава, въ кассѣ Черниговскаго городскаго банка.

Волкенштейнъ, Александръ, земскій врачъ г. Кобелякъ, Полтавской губерніи, бывшій студентъ Кіевскаго университета, прилежалъ по процессу 193-хъ, но былъ оправданъ. Революціонная дѣятельность его относится собственно къ Кіеву, гдѣ, по словамъ Ключникова, Волкенштейнъ вращался въ томъ революціонномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ между прочимъ и Валеріанъ Осинскій (казненный), Дебогорій-Мокрѣвичъ, Сергѣй Диковскій и другія лица, упомянутыя выше, при изложеніи дѣятельности революціоннаго сообщества. По словамъ Ключникова, Волкенштейнъ снабжалъ означенный революціонный кружокъ запрещенными изданіями и, между прочимъ, привозилъ изъ Петербурга въ большомъ количествѣ экземпляровъ социально-революціонный листокъ «Земля и Воля», который раздавался между членами кружка для дальнѣйшаго распространенія. По словамъ Лизогуба, переданнымъ содержавшимся съ нимъ въ одной камерѣ Курицинымъ, Волкенштейнъ считался въ революціонной средѣ устарѣвшимъ социалистомъ, но какъ денежный человекъ имѣлъ въ ней рѣшающее значеніе. Въ послѣднее время участіе его, по словамъ Дрыги, проявилось въ Черниговѣ, гдѣ онъ былъ знакомъ съ многими революціонными членами тамошняго общества.

Кромѣ сего учитель Кіевскаго училища Ставровскій, жена чиновника особыхъ порученій при Черниговскомъ губернаторѣ Ефименки, шуринъ послѣдней Петръ Петровичъ Червинскій и, наконецъ, еще одно лицо, которое было извѣстно ему подъ псевдонимомъ Вайнера, онъ же Мойша, Илья Абрамовъ и Аркадій. Это послѣднее лицо представлялось, по словамъ Дрыги, весьма важнымъ въ революціонной средѣ и принимало участіе въ изданіи социально-революціоннаго журнала «Земля и Воля», считаясь его корреспондентомъ. Всѣ принятія своевременно мѣры къ обнаруженію званія и къ розысканію этого лица оставались долгое время безъ успѣха. Послѣ же сознанія Гольденберга, вслѣдствіе указанія его на то, что арестованный въ Петербургѣ, принадлежащій къ террористической партіи, Зунделевичъ носилъ въ революціонной средѣ имена Мойши и Аркадія, фотографическая карточка его была предъявлена Дрыгѣ и онъ призналъ Зунделевича за того самого человека, котораго онъ зналъ за Вайнера. Означенный Зунделевичъ привлеченъ въ С.-Петербургѣ къ дознаніямъ по дѣламъ о подпольныхъ типографіяхъ «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ», а также къ дѣлу о взрывѣ въ Зимнемъ Дворцѣ 5 февраля сего года. Засимъ объ участіи его въ дѣлѣ покушенія 2 апрѣля 1879 г. будетъ указано ниже, при изложеніи той части показанія Гольденберга, въ которой сдѣланы имъ разоблаченія виновниковъ этого преступленія.

Лихачевъ, Ѳедоръ, отставной штабсъ капитанъ, проживающій уже около 20 лѣтъ въ селѣ Плеховѣ, имѣнии его жены, гдѣ скрывался у земскаго врача Булича неизвѣстный молодой человекъ, оказавшійся послѣдствіемъ Кобылянскимъ, участникомъ въ убійствѣ князя Кропот-

цѣлью . Лихачева указываеться, какъ на виднаго революціонера, имѣ-общинъ: большое вліяніе на простой народъ и интеллигентную моло-да се о дѣятельность его въ этомъ направленіи отличается крайнею осто-ростю, вслѣдствіе чего онъ до сего времени ни разу не на-влекъ . себя даже подозрѣнія въ этомъ отношеніи. По произведен-ному у Лихачева обыску, послѣ сдѣланнаго дворяниномъ Дрыгою за-явленія, хотя въ книгахъ его и не найдено ничего запрещеннаго, но при этомъ на поляхъ нѣкоторыхъ сочиненій обнаружены собственно-ручныя замѣтки Лихачева, въ достаточной мѣрѣ ясно характеризу-ющія его преступное направленіе. Кромѣ сего указывалось, что Ли-хачеву содѣйствуетъ въ его революціонной дѣятельности мѣстный свя-щенникъ Александръ Волковичъ, но при обслѣдованіи этого обстоя-тельства не обнаружено данныхъ, которыя бы удостовѣрили полити-ческую неблагонадежность Волковича, а оказалось, что Волковичъ ведетъ крайне невоздержанную во всѣхъ отношеніяхъ жизнь, несо-вмѣстимую съ его духовнымъ саномъ.

Булашевичъ, мелкій чиновникъ Черниговской казенной палаты, который, по словамъ Дрыги, находясь въ близкихъ отношеніяхъ съ агитаторами, состоящими подъ надзоромъ полиціи, пересылалъ по при-надлежности и получалъ на ихъ имя корреспонденцію.

Бѣлоконскій, Иванъ, бывший студентъ Кіевского университета. О свойствѣ преступной дѣятельности его по Кіеву уже указано было выше, при изложеніи преступной дѣятельности различныхъ револю-ціонныхъ фракцій въ Кіевской губерніи. Что же касается участія его въ дѣятельности революціоннаго сообщества въ Черниговской губерніи, то, хотя произведеннымъ дознаніемъ и не обнаружено данныхъ, на основаніи которыхъ представилось бы возможнымъ формулировать принадлежность его къ этому сообществу, тѣмъ не менѣе онъ былъ задержанъ. Въ то же время выяснилась близость отношеній его съ сыномъ коммерціи совѣтника, Львомъ Семиренко, бывшимъ студентомъ Кіевского университета, извѣстнымъ по своей преданности революціон-ному дѣлу, которое онъ поддерживалъ матеріальными средствами. Такъ какъ до задержанія Бѣлоконскаго, послѣдній находился на са-харномъ заводѣ Яхненка-Семиренко, въ Городищенскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ качествѣ народнаго учителя, распространяя между заводскимъ населеніемъ и мѣстнымъ крестьянствомъ преступную пропаганду, то независимо отъ обыска, произведеннаго у Бѣлокон-скаго, сдѣланъ былъ также обыскъ и въ имуществѣ Яхненки-Семи-ренко, при чемъ найдены, какъ запрещенныя книги и компрометиру-ющая переписка, принадлежавшія Бѣлоконскому, такъ и записные листки самого Семиренко, указывавшіе на преступность образа мы-слей и направленія послѣдняго.

Изъ показанія политическаго преступника Курицына видно, что Левъ Семиренко былъ извѣстенъ въ революціонной средѣ за дѣятель-наго соціалиста и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ казенными Лизогубомъ и Осинскимъ, Стефановичемъ, Дебогоріемъ-Мокрѣвичемъ и вообще со всѣми выдающимися революціонерами. Онъ занимался съ другомъ своимъ, Бѣлоконскимъ, распространеніемъ книгъ революціон-наго содержанія, какъ между заводскою интеллигенціей, такъ равно

между рабочими и крестьянами. Что касается Бѣлоконскаго, то, по словамъ Курицына, онъ слылъ въ революціонной средѣ за стараго и преданнаго соціалиста, часто ѣздившаго въ Петербургъ, откуда онъ привозилъ для распространенія на югъ цѣлыя тюки революціонной газеты «Земля и Воля». Въ виду столь преступнаго направленія, Семиренко высланъ въ текущемъ году административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь, каковую мѣру предположено принять и въ отношеніи Бѣлоконскаго.

Кромѣ сего Курицынъ указываетъ, что въ прошломъ году Бѣлоконскій ѣздилъ за-границу по порученію, между прочимъ, богатой помѣщицы Таврической губерніи Нестроевой, жены уѣзднаго предводителя дворянства, которая находится подъ надзоромъ полиціи по особому Высочайшему повелѣнію. При этомъ Курицынъ сообщаетъ, что названная Нестроева извѣстна въ преступной средѣ за весьма сочувствующую революціонному дѣлу и дѣятельно помогаетъ его предствителямъ, какъ деньгами, такъ и другими находящимися въ ея распоряженіи средствами. Она завѣдомо даетъ пропагандистамъ пристанище въ своемъ имѣніи, выдавая ихъ за учителей, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ и работницъ. Такъ у нея жили, по словамъ Курицына, Дробязгинъ, привлеченный къ дѣлу Барановича; Добровольскій, высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Варвара Виттенъ, осужденная въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго; Ивановская, привлекавшаяся по тому же дѣлу; Елена Виттенъ, по мужу Россикова, главная участница кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства, и многіе другіе революціонеры. Кромѣ сего, по словамъ Курицына, названная Нестроева привозила изъ за-границы запрещенныя сочиненія и снабдила одного пропагандиста деньгами, на которыя тотъ открылъ будто бы въ Кіевской губерніи кожевенное мастерство, будучи самъ знатокомъ кожевеннаго ремесла. Что касается ея мужа, проживающаго въ г. Алешкахъ, то за несочувствіе соціализму, революціонеры относятся къ нему крайне враждебно.

Х.

Дѣлая свои разоблаченія относительно черниговскаго преступнаго сообщества и дѣла по убійству харьковскаго губернатора, князя Кропоткина, дворянинъ Дрыга въ то же время указалъ на существованіе въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, объединенной революціонной общины, при чемъ назвалъ только трехъ извѣстныхъ ему участниковъ этой общины, упомянутыхъ въ предыдущихъ двухъ отдѣлахъ. Илью Абрамова Вайнера, онъ же Мойша, который оказался содержащимся въ С.-Петербургѣ подъ арестомъ, по обвиненію въ весьма важныхъ государственныхъ преступленіяхъ, Зунделевичемъ, Семена Игнатьева Безмѣнова (псевдонимъ), личность до сего времени невыясненная, и бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Никандра Мощенко.

Помимо общихъ распоряженій,—сдѣланныхъ въ то же время III-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріей по губерніямъ Тамбовской, Воронежской и Самарской, съ

цѣлю выясненія дѣятельности означенной объединенной революціонной общины и надлежащаго наблюденія за лицами, которыя будутъ навлекать на себя подозрѣніе въ преступномъ направленіи,—сдѣлано было также распоряженіе о розыскѣ указанныхъ Дрыгою участниковъ этой общины.

Результатомъ этихъ распоряженій было задержаніе 28 августа 1879 г. Мощенкова, который, какъ уже упомянуто выше, оказался въ должности волостного писаря въ Княже-Богородицкой волости Тамбовской губерніи.

Произведеннымъ по этому поводу дознаніемъ обнаружено, что съ октября мѣсяца 1878 г. стали появляться въ Тамбовѣ, повидимому, никому тамъ неизвѣстные молодые люди, искавшіе занятій. Такъ въ октябрѣ явился кіевскій мѣщанинъ, Иванъ Даниловъ Федоровъ и, обратившись къ проживавшему въ Тамбовѣ кандидату сельскаго хозяйства, Михаилу Владиміровичу Девеля, былъ принятъ послѣднимъ къ себѣ домашнимъ секретаремъ, а около 1 декабря, по рекомендаціи Девеля, поступилъ сперва на мѣсто помощника волостного писаря, а затѣмъ чрезъ самое короткое время, на мѣсто волостного писаря въ Пичерскую волость, Тамбовскаго уѣзда.

Послѣ того, прибыли въ январѣ 1879 г. дворянинъ Эдуардъ Карловъ Пекарскій, назвавшійся Иваномъ Кирилловымъ Пекарскимъ, и сынъ Шенкурскаго уѣзднаго казначея, Николай Петровъ Любовь, которые получили, по рекомендаціи того же Девеля, мѣста: первый—сперва волостного писаря, а потомъ—письмоводителя къ непремѣнному члену тамбовскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, Сытину, а Любовь—волостного писаря Ивановской, а впослѣдствіи Александровской волости.

Затѣмъ въ апрѣлѣ явился Владимиръ Дмитріевъ Троицкій и, по рекомендаціи Девеля, принятъ на должность писаря въ Ивановскую волость. Наконецъ, въ іюнѣ прибыли сперва Мощенковъ, получившій мѣсто волостного писаря чрезъ Пекарскаго, а потомъ слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ въ С.-Петербургѣ, Екатерина Алексѣева Скуратова, которая явилась, какъ уже знакомая Девеля, и по его ходатайству была допущена фельдшерницей въ Самнурской больницѣ, близъ села Ивановки.

Вслѣдъ затѣмъ, а именно 14 іюля, Владимиръ Троицкій, служившій въ Ивановской волости волостнымъ писаремъ, внезапно скрылся, при чемъ было обнаружено, что онъ прикрывался чужимъ именемъ, имѣя фальшивый документъ, а послѣ преступнаго покушенія 19 ноября 1879 г. подъ Москвою, оказалось, что называвшійся Троицкимъ былъ никто иной какъ архангельскій мѣщанинъ Левъ Гартманъ—главный виновникъ названнаго покушенія. Кромѣ того выяснено, что до пріѣзда въ Тамбовъ, Гартманъ проживалъ подъ именемъ Лихачева въ Саратовской губерніи.

28 августа 1879 г., какъ сказано выше, былъ арестованъ Мощенковъ, а вслѣдъ затѣмъ бѣжалъ Пекарскій съ пріѣхавшею за нимъ женщиною, которая оказалась Елизаветою Николаевою Мощенковою, женою Никандра Мощенкова, играющаго весьма видную роль въ революціонной дѣятельности объединенной общины, но, за всѣми принятыми мѣрами, до сего времени еще не розысканною. Изъ дальнѣйшихъ свѣ-

дѣній о Пекарскомъ видно, что, послѣ побѣга своего, онъ скрывался до конца сентября въ Тамбовѣ подѣ фамилію Боголюбова, затѣмъ уѣхалъ въ Москву съ паспортомъ проживавшаго въ Тамбовѣ мѣщанина Николая Иванова Полунина, принимавшаго участіе въ безпорядкахъ студентовъ Харьковскаго ветеринарнаго института, и, наконецъ, задержанъ въ Москвѣ и привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о взрывѣ 19 ноября.

Нѣкоторое время спустя скрылся волостной писарь Пичерской волости Федоровъ, жившій съ молодою женщиною, которую онъ выдавалъ за свою жену, причемъ представилъ документъ о бракосочетаніи ихъ, въ коемъ послѣдняя значилась дочерью Серпуховскаго купца Елизаветою Александровою Романовою. Хотя Федоровъ проживалъ подѣ своею фамиліей и съ надлежащимъ паспортомъ, но по справкѣ относительно его жены, которая уѣхала раньше побѣга Федорова, выяснилось, что въ Серпуховѣ купца Романова вовсе не существуетъ и предъявленнаго Федоровымъ метрическаго свидѣтельства о бракосочетаніи выдаваемо не было. Слѣдовательно документъ этотъ представляется, очевидно, подложнымъ.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснилось, что всѣ означенныя лица, въ томъ числѣ упомянутые выше Любовь, у котораго по обыску найдены запрещенныя книги, и Екатерина Скуратова, находились въ близкихъ между собою отношеніяхъ и прибыли въ Тамбовъ съ заранѣе опредѣленнымъ планомъ распространенія преступной пропаганды. Что касается Девеля, который, какъ по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, былъ студентомъ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, содержался подѣ стражею и наконецъ выключенъ изъ института за участіе въ бывшихъ тамъ безпорядкахъ, то по произведенному дознанію выяснилась несомнѣнная принадлежность его къ революціонной партіи и положительная, доказанная свидѣтельскими показаніями связь съ названными выше лицами, дѣйствовавшими въ опредѣленномъ направленіи.

Независимо отъ сего, дознаніе выяснило близкое знакомство означенныхъ личностей съ проживающими въ Тамбовѣ лицами, въ числѣ коихъ были: 1) сынъ архитектора Федоръ Михайловъ Снигиревъ, уволенный въ 1878 г. изъ Харьковскаго ветеринарнаго института за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ и содержавшійся впоследствии двѣ недѣли подѣ арестомъ въ арестантскихъ ротахъ за участіе въ студенческихъ безпорядкахъ, бывшихъ въ Харьковѣ 14 декабря 1879 года; 2) жена чиновника Варвара Александровна Лолицкая, живущая отдѣльно отъ мужа, въ квартирѣ которой скрывался Пекарскій послѣ побѣга изъ волости; 3) Тамбовскій мѣщанинъ Николай Степановъ Никифоровъ, привлекавшійся въ 1874 и 1875 годахъ въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу о преступной пропагандѣ и отданный подѣ надзоръ полиціи, впоследствии же вновь привлекавшійся къ дознанію о государственномъ преступленіи, по которому Никифоровъ выдержанъ былъ два мѣсяца подѣ арестомъ при полиціи; 4) жена послѣдняго, Олимпіада Александровна Никифорова, урожденная Мацнева, дочь весьма зажиточнаго помѣщика, бывшая слушательница женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ, а впоследствии фельд-

шерица въ селѣ Песчаномъ, куда она совершенно тайно выбыла изъ Тамбова въ то время, когда тамъ уже производилось дознаніе по настоящему дѣлу; 5) мѣщанинъ Николай Ивановъ Полуниинъ, бывшій студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, исключенный въ 1878 г. за участіе въ бывшихъ тамъ безпорядкахъ. Онъ передалъ свой паспортъ скрывавшемуся Пекарскому, съ которымъ послѣдній задержанъ въ Москвѣ; 6) сынъ дворянина Николай Ивановичъ Воскресенскій; 7) сынъ чиновника Аполлонъ Прозоровскій, находившійся въ числѣ привлеченныхъ къ дѣлу преступной пропагандѣ, въ 1874 и 1875 годахъ, и состоящій по этому дѣлу подъ надзоромъ полиціи; 8) дворянинъ Сергѣй Александровъ Петровъ; 9) коллежскій секретарь Николай Николаевъ Ивановъ; 10) губернский секретарь Владиміръ Марковичъ Бурцевъ, привлекавшійся къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ 1874 и 1875 годахъ и содержавшійся по этому дѣлу подъ стражею при полиціи 4 мѣсяца; 11) бывшій учитель приходскаго училища мѣщанинъ Николай Дмитріевъ Болдинъ, скомпрометированный по тому же дѣлу.

Всѣ перечисленныя лица изобличаются въ большеемъ или меньшемъ участіи въ преступной дѣятельности, причемъ обнаружено, что въ квартирѣ Федора Снигирева бывали въ 1878 году сходки, на которыхъ присутствовали изъ числа названныхъ лицъ: Девель, Прозоровскій, Петровъ, Ивановъ, Полуниинъ, Болдинъ, Никифоровъ и Бурцевъ. На этихъ сходкахъ происходили пренія, преимущественно о передѣлѣ земли между крестьянами съ отобраніемъ земельной собственности отъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Въ настоящее время, дознаніе по сему предмету, производившееся въ порядкѣ закона 19 мая 1871 г., уже окончено и направлено къ прокурору Саратовской судебной палаты, при чемъ всѣ поименованныя лица за исключеніемъ Екатерины Скуратовой, привлечены къ этому дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ, съ принятіемъ въ отношеніи находящихся въ Тамбовѣ Девеля и Полунина мѣры содержанія подъ арестомъ.

Хотя, такимъ образомъ, Екатерина Скуратова и выдѣлилась изъ числа обвиняемыхъ по сему дѣлу, вслѣдствіе недостатка, главнымъ образомъ, данныхъ по обвиненію ея въ прямыхъ сношеніяхъ съ Гартманомъ, тѣмъ не менѣе личность эта, какъ несомнѣнно преданная революціонному дѣлу, обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Засимъ, по Самарской губерніи дознаніе коснулось проживавшаго въ Саратовѣ, служившаго вольноопредѣляющимъ въ расположенномъ тамъ 91 резервномъ баталіонѣ, Георгіѣ Николаевѣ Преображенскомъ, который, по собраннымъ свѣдѣніямъ, во время проживанія въ Самарской губерніи казненнаго государственнаго преступника Соловьева, служившаго нѣкоторое время подъ чужою фамиліею въ должности волостного писаря, находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ и вообще принадлежалъ къ революціонной партіи. Кромѣ того Преображенскій одно время занимался у Саратовскаго нотариуса Праотцева, который также навлекъ на себя сильное подозрѣніе въ сношеніяхъ съ пропагандистами и въ особенности съ означеннымъ Соловьевымъ. Въ июль 1879 г. Преображенскій, подъ предлогомъ свиданія съ матерью, прибылъ въ Петербургъ по проходному свидѣтельству Саратов-

скаго полицмейстера: билетъ же его былъ препровожденъ въ канцелярію С.-Петербургскаго градоначальника, куда, какъ оказалось по справкѣ, Преображенскій за билетомъ не явился. Послѣ того, не смотря на принятія мѣры къ розыску, мѣсто пребыванія его обнаружено не было; въ послѣднее же время онъ задержанъ подъ чужою фамилією въ Москвѣ.

XI.

Относительно объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, политической преступникъ Курицынъ даетъ нѣкоторые указанія со словъ содержащагося съ нимъ въ одесской тюрьмѣ Гольденберга. Хотя указанія эти очень неполны и непослѣдовательны, тѣмъ не менѣе они представляютъ нѣкоторый интересъ въ общемъ измѣненіи революціоннаго движенія въ Россіи.

По словамъ Курицына, такое опредѣленіе времени, съ котораго организовалась объединенная революціонная община въ томъ видѣ, въ какомъ она проявилась въ губерніяхъ Тамбовской, Воронежской и Самарской—невозможно. Точно также невозможно разсматривать дѣятельность этой общины въ отдѣльности, ибо таковая по способу распространенія пропаганды въ народѣ, находится въ тѣсной связи съ дѣятельностью той соціально-революціонной партіи въ Россіи, которая признавала способъ преимущественно устной пропаганды или такъ называемое «хождение въ народъ» за наилучшій для достиженія соціально-революціонныхъ цѣлей.

Связь эта, по словамъ Курицына, проявлялась въ Харьковѣ и другихъ мѣстахъ, гдѣ революціонные дѣятели обучались ремесламъ, знакомились съ сельскими работами, безъ знанія которыхъ немислимо было бы ходить въ народъ. Такъ для этой цѣли устроена была сапожная мастерская въ Харьковѣ, въ домѣ Подольской, гдѣ былъ арестованъ въ 1877 г. Малинка, казненный 7 декабря 1879 г., по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда. Тамъ же, въ Харьковѣ, помещалась, въ квартирѣ казеннаго въ Кіевѣ государственнаго преступника Брандтнера, столярная мастерская, въ которой обученіемъ руководилъ Иванъ Глушковъ, бѣжавшій въ половинѣ октября 1879 г. за-границу, который причастенъ къ производящемуся нынѣ въ Харьковѣ дѣлу о преступномъ сообществѣ. Засимъ, кузнечному ремеслу революціонныя дѣятели обучались, между прочимъ, въ кузницѣ Харьковскаго ветеринарнаго института, гдѣ этому ремеслу, въ силу программы, долженъ былъ учиться каждый студентъ-ветеринаръ. Въ Саратовѣ была слесарная мастерская, устроенная еще Ковальскимъ ¹⁾ и Войнаральскимъ, ссужденными по процессу 193-хъ. Сельскимъ полевымъ работамъ революціонеры обучались, по словамъ Курицына, въ Мариупольскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, въ имѣніи, принадлежащемъ родственнику Елисаветы Хотинской, по мужу Мощенковой, розыскиваемой по черниговскому дѣлу, каковое имѣніе владѣльцемъ его, принадлежащимъ также къ соціально революціонной

¹⁾ Ошибка: Ковалькомъ.

партіи, предоставлено въ полное распоряженіе революціонеровъ. Кромѣ сего, полевымъ работамъ, въ особенности косьбѣ социаль-революціонеры обучались въ чьихъ-то имѣніяхъ, находящихся въ Миргородскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, и въ Валуйскомъ или Бирючскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи.

Относительно Полтавской губерніи дѣлаеть, между прочимъ, указаніе и Гольденбергъ, называя имѣніе «Калиновъ мостъ», въ Пирятинскомъ уѣздѣ, которое было арендовано въ 1877 г., упомянутымъ въ отдѣлѣ социаль-революціонной партіи украинофиловъ, Федоромъ Зенченко съ единственною цѣлью ознакомленія революціонныхъ дѣятелей съ сельскимъ хозяйствомъ и полевыми работами, дабы сдѣлать ихъ способными для успѣшной пропаганды въ народѣ. Въ тоже время Гольденбергъ указываетъ и на владѣлицу имѣнія «Калиновъ мостъ», Софью Александрову Лесневичъ, которая принимала дѣятельное участіе въ революціонномъ дѣлѣ по Киеву.

Подобная-же подготовительная, такъ сказать, школа для пропагандистовъ, существуетъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, въ имѣніи помѣщика Александра Энгельгардта—селѣ Батищевѣ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Самъ Энгельгардтъ, бывший профессоръ С.-Петербургскаго земледѣльческаго института, за которымъ учрежденъ по Высочайшему повелѣнію надзоръ полиціи за участіе въ безпорядкахъ и противозаконныхъ сходкахъ въ названномъ институтѣ, извѣстенъ за челоуѣка энергическаго и крайне опаснаго по своимъ политическимъ тенденціямъ. Живя безвыходно въ своемъ имѣніи и занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, которое ведется у него съ замѣчательнымъ успѣхомъ, Энгельгардтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ дѣлу социаль-революціонеровъ, подготавливая къ нему молодыхъ людей, преимущественно студентовъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, университетовъ и другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній путемъ сближенія ихъ съ условіями крестьянскаго быта. Въ означенномъ имѣніи, преимущественно во время полевыхъ работъ, проживаютъ болѣе или менѣе продолжительное время молодые люди, работающіе наравнѣ съ простыми рабочими. Энгельгардтъ ведетъ дѣло свое весьма осторожно, вслѣдствіе чего, несмотря на бдительный надзоръ за нимъ, серьезныхъ данныхъ къ изобличенію его во вредномъ направленіи не имѣется.

Засимъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, была обнаружена и закрыта социаль-революціонная кузница, существовавшая въ 1876 и 1877 годахъ въ имѣніи помѣщика Богдановича. Точно также существовала кузница, носившая названіе «гвардейской» въ Самарской губерніи.

Обучившись ремесламъ и въ особенности полевымъ работамъ, революціонные дѣятели направлялись, по словамъ Гольденберга, въ народъ для распространенія среди крестьянъ социаль-революціонныхъ идей, изображая изъ себя чаще всего странствующихъ по селамъ сапожниковъ, которыхъ особенно много на югѣ въ Донской области или просто бродячихъ столяровъ, плотниковъ и вообще рабочихъ. Такіе бродячіе пропагандисты обязательно каждую весну отправлялись на Донъ—на «косовицу», куда, какъ извѣстно, стекается масса крестьянъ косарей изъ сѣверныхъ и другихъ губерній Россіи, нанимались

тамъ къ какому-либо помѣщику въ косари и, сближаясь, такимъ образомъ, съ простымъ народомъ, пропагандировали социально-революціонныя идеи. Послѣ окончанія полевыхъ работъ на Дону, многіе изъ пропагандистовъ уходили на Волгу и нанимались тамъ въ рабочіе преимущественно на пристаняхъ, равно на рыбныхъ промыслахъ въ Архангельской губерніи и на берегу Каспійскаго моря, гдѣ также стекалось большое число рабочихъ, особенно сектантовъ и бѣглецовъ изъ Сибири. Кромѣ сего, пропагандисты поступали также рабочими на Донскія каменно-угольныя копи и на извѣстный заводъ Юза.

Въ Воронежской губерніи революціонеры сосредоточивали, по словамъ Курицына, свою дѣятельность, преимущественно въ Валуйскомъ и Бирюцкомъ уѣздахъ, гдѣ крестьяне, вслѣдствіе столкновенія въ 1874 и 1875 годахъ съ помѣщиками изъ-за лѣса, были недовольны властями и потому легко воспринимали революціонную пропаганду. Въ Тамбовской губерніи они, главнымъ образомъ, старались, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, сблизиться съ раскольниками. Съ этою цѣлью многіе революціонеры изучали наизусть евангеліе и библію, и, перетолковывая на свой ладъ тексты священнаго писанія, развивали среди раскольниковъ социальныя идеи.

Такимъ образомъ, дѣятельность объединенной революціонной общины въ Тамбовской, Воронежской и Самарской губерніяхъ, на которую указалъ дворянинъ Дрыга, находится въ прямой связи съ дѣятельностью одной обширной революціонной партіи, стремившейся къ ниспроверженію существующаго порядка въ государствѣ путемъ предварительной подготовки къ сему народныхъ массъ. Притонами и центрами сходовъ революціонныхъ дѣятелей этой партіи были: Харьковъ, Ростовъ на-Дону, Саратовъ и, главнымъ образомъ, Петербургъ, гдѣ больше всего, по словамъ Курицына, добывалось денежныхъ средствъ.

До 1873 года пропаганда этой партіи была исключительно устная, но въ этомъ году въ Харьковъ пріѣхалъ, по словамъ Курицына, нижегородскій семинаристъ Ливановъ, бывший членомъ этой партіи и осужденный по процессу 193-хъ, и впервые привезъ со собою запрещенныя брошюры, до тѣхъ поръ еще невиданныя въ Харьковѣ. Брошюры эти Ливановъ сталъ распространять преимущественно между студентами Харьковскаго ветеринарнаго института, гдѣ онъ, въ особенностяхи брсшюра «Отщепенцы», производили сильное впечатлѣніе.

Въ то время, когда Ливановъ пріѣхалъ въ Харьковъ, упомянутые выше Мощенковъ и Быковцевъ, привлеченные нынѣ къ дѣлу объ убійствѣ харьковскаго губернатора, уже были извѣстны какъ революціонные дѣятели. Кромѣ ихъ, въ Харьковѣ дѣятельно занимался пропагандой бывший студентъ ветеринарнаго института Емельяновъ, осужденный въ Петербургѣ подъ фамилію Боголюбова за участіе въ манифестаціи на Казанской площади. При помощи этихъ лицъ, Ливановъ успѣлъ сформировать кружокъ народниковъ—пропагандистовъ, преимущественно изъ студентовъ—донскихъ казаковъ. Съ этого времени образовался въ Харьковѣ кружокъ донскихъ пропагандистовъ, который находился въ тѣсной связи съ пропагандистами на Волгѣ, въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ, а также съ кievскими пропа-

гандистами, такъ что члены этого кружка, скомпрометировавши себя на Дону, уходили въ одну изъ указанныхъ выше губерній по Волгѣ.

Въ концѣ 1877 г., подъ вліяніемъ казеннаго Валеріана Осинскаго, донскіе пропагандисты отчасти приняли программу народниковъ-бунтарей, представителями которыхъ въ Кіевѣ были Стефановичъ, Дейчъ и Бохановскій. Что касается Мощенкова и Быковцева, то они оставались преданными программѣ прежней партіи, сторонники которой, подъ руководствомъ ихъ, продолжали революціонную дѣятельность въ прежнемъ направленіи, сосредоточивъ ее главнымъ образомъ въ Донской области. Въ этомъ отношеніи Быковцевъ, по словамъ Курицына, представляется для Харькова и Дона тѣмъ же, чѣмъ былъ для Кіевской губерніи Стефановичъ. Онъ изучалъ всѣ характеристическія особенности нравовъ и обычаевъ этой области самымъ подробнѣйшимъ образомъ и кромѣ Дона и Харькова не былъ ни въ какой другой мѣстности, тогда какъ Мощенковъ, не менѣе впрочемъ, Быковцева, преданный дѣлу пропаганды, напротивъ, постоянно находился въ разъѣздахъ по разнымъ городамъ и революціоннымъ пунктамъ. Этимъ объясняется и послѣдняя дѣятельность Мощенкова по пропагандѣ въ Тамбовской губерніи, гдѣ онъ успѣлъ, какъ уже упомянуто выше, получить мѣсто волостного писаря. Вообще въ революціонной средѣ Быковцевъ и Мощенковъ пользовались большимъ вліяніемъ. Они еще съ дѣтства были связаны самыми тѣсными узами и оба носили одну и ту же кличку «харьковскій хохоль», кромѣ того, были извѣстны между революціонерами подъ именами: Быковцевъ—Николая, а Мощенковъ—Никандра.

Съ 1874 года въ дѣлахъ этого кружка принимали самое живое участіе фельдшерница Елизавета Хотинская и Роза Файнзильбергъ, изъ коихъ первая вышла замужъ за Мощенкова и розыскивается до настоящаго времени для привлеченія къ дѣлу о черниговскомъ преступномъ сообществѣ, къ которому причастна и Файнзильбергъ.

Засимъ Курицынъ указываетъ, что въ числѣ участниковъ кружка Мощенкова и Быковцева находилось много лицъ, изъ числа нынѣ привлеченныхъ къ дѣлу о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ, о дѣятельности котораго изложено будетъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

XII.

Въ концѣ ноября 1879 г., въ Харьковѣ, случайно найдено было въ недостроенномъ домѣ доцента Харьковскаго университетѣ Юсифа Сыцянка, небольшое количество оружія, нѣсколько гильзъ, начиненныхъ взрывчатымъ веществомъ и разныя запрещенныя сочиненія. Чрезъ нѣсколько дней хозяинъ дома, доцентъ Сыцянка, заявилъ, что въ жилищѣ его домѣ, въ чуланѣ, имъ усмотрѣны спираль Румкорфа, гальваническая батарея и проволока.

Дознаніемъ по этому дѣлу обнаружено слѣдующее. Въ исходѣ 1878 и началѣ 1879 г. революціонные дѣятели, сосредоточившіеся въ Петербургѣ, пришли къ заключенію о необходимости расширенія ихъ дѣятельности въ провинціи. По составленному плану однимъ изъ глав-

ныхъ центровъ намѣченъ былъ Харьковъ, какъ городъ, расположенный на желѣзной дорогѣ, удобный по своему центральному положенію для юга Россіи и привлекающій къ себѣ значительное число революціонеровъ и учащейся молодежи. Съ этою цѣлью въ мартѣ 1879 г. командирована была изъ Петербурга въ Харьковъ Ковальская—жена учителя. Прибывъ въ Харьковъ, подъ предлогомъ поступленія въ фельдшерскую школу, она имѣла намѣреніе завести знакомство съ молодыми людьми, собирать ихъ у себя для чтенія разныхъ сочиненій по политической экономіи и при ближайшемъ съ ними знакомствѣ намѣтять тѣхъ, которые по характеру и наклонностямъ своимъ окажутся наиболѣе пригодными для преступной дѣятельности.

Ковальская пробыла въ Харьковѣ около шести недѣль. Въ теченіе этого времени въ квартирѣ ея и, по ея почину, въ квартирахъ другихъ лицъ, устраивались сходки, въ которыхъ принимали участіе гимназисты, гимназистки и студенты первыхъ курсовъ университета и ветеринарнаго института. На этихъ сходкахъ, кромѣ чтенія разныхъ сочиненій по политической экономіи, читались также и раздавались для распространенія газеты «Земля и Воля» и другія запрещенныя изданія. Главное участіе въ этой преступной дѣятельности принимали студенты Харьковскаго университета Дмитрій Буцинскій, происходящій изъ духовнаго званія и Алексѣй Преображенскій, сынъ священника Курской губерніи.

16 апрѣля свѣдѣнія объ этихъ сходкахъ дошли до жандармскаго управленія и въ квартирѣ Буцинскаго, гдѣ проживала и Ковальская, былъ произведенъ обыскъ, при которомъ найдено нѣсколько запрещенныхъ сочиненій. Сами же Буцинскій, Ковальская и Преображенскій, до этого обыска, успѣли скрыться изъ Харькова. Впослѣдствіи по разслѣдованіи оказалось, что въ сходкахъ у Ковальской принимали участіе и играли болѣе видную роль бывшіе студенты Харьковскаго университета Яковъ Кузнецовъ (изъ духовнаго званія) и Митрофанъ Блиновъ, а также ученика Харьковскаго реальнаго училища Александръ Сыцяно (сынъ доцента) и Иванъ Гейеръ, изъ дворянъ.

Въ началѣ лѣта 1879 г. въ Харьковъ прибылъ Петръ Теллаловъ, Севастопольскій мѣщанинъ, бывшій воспитанникъ горнаго института, извѣстный въ кружкѣ подъ названіемъ «старосты». Онъ прежде всѣхъ сошелся тамъ съ находившимся подъ надзоромъ полиціи, бывшимъ студентомъ С. Петербургскаго земледѣльческаго института, судившимся по процессу 193-хъ, Иваномъ Глушковымъ, который въ половинѣ сентября скрылся изъ Харькова и, по имѣющимся положительнымъ даннымъ, уѣхалъ за-границу, а затѣмъ, чрезъ Глушкова, познакомился съ упомянутыми выше Кузнецовымъ, Блиновымъ и Александромъ Сыцяно. Съ этого времени преступная дѣятельность въ Харьковѣ приняла болѣе широкіе размѣры. Въ квартирѣ Кузнецова и Блинова, жившихъ вмѣстѣ, а иногда и въ другихъ мѣстахъ, устраивались сходки, въ которыхъ принимали участіе не только студенты, но и лица, не принадлежащія къ учащейся молодежи, какъ напримѣръ, рабочіе и даже нижніе чины. Главная дѣятельность въ этомъ кружкѣ принадлежала Теллалову, а за нимъ Глушкову и Блинову. Подъ ихъ

руководствомъ кружокъ этотъ состоялъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ революціонерами другихъ городовъ, при чемъ въ перепискѣ пользовался особымъ шифромъ. Кромѣ чтенія лекцій о цѣляхъ и средствахъ преступной пропаганды въ Россіи, кружокъ этотъ получалъ запрещенныя книги и занимался ихъ распространеніемъ. Въ кружкѣ существовала также касса, составлявшаяся изъ денежныхъ взносовъ лицъ, принадлежавшихъ къ кружку, а также имѣлись печати и разные бланки для составленія паспортовъ. Кассою завѣдывалъ Теллаловъ; составленіемъ же и выдачею паспортовъ занимался студентъ Харьковскаго университета, сынъ чиновника, Константинъ Филипповъ. Складъ запрещенныхъ сочиненій находился въ квартирѣ Александра Сыцяно, гдѣ устраивался также печатный станокъ, не бывшій, однако, въ употребленіи.

Въ образовавшійся, такимъ образомъ, въ Харьковѣ революціонный кружокъ пріѣзжали разныя лица изъ другихъ городовъ. Изъ ихъ числа особенно выдается нѣкто, называвшійся Биконсфильдомъ, Гришкою, Ѳедоромъ и другими прозвищами. Бывая въ Харьковѣ и принимая участіе въ сходкахъ, преимущественно въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ 1879 г., лицо это, очевидно, имѣло задачею дать Харьковскому кружку болѣе опредѣленную организацію. Въ кружкѣ онъ читалъ лекцію о раздѣленіи русскихъ революціонеровъ на двѣ партіи—народниковъ и террористовъ, и, принадлежа самъ къ послѣдней, приглашалъ своихъ слушателей примкнуть къ этой партіи, направившей, по его словамъ, свою дѣятельность главнымъ образомъ на царевубійство. вмѣсто съ нимъ пріѣзжалъ въ Харьковъ нѣкто, называвшійся Борисовымъ, человекъ съ большимъ образованіемъ и замѣчательнымъ ораторскимъ талантомъ, читавшій лекцію на ту же преступную тему. Чтеніе Борисова производило на слушателей глубокое впечатлѣніе и вызвало во многихъ сочувствіе къ его идеямъ.

Во второй половинѣ октября, называвшійся Биконсфильдомъ, привезъ въ Харьковъ съ юга два пуда динамита и первоначально хранилъ его въ квартирѣ Кузнецова, а вскорѣ, затѣмъ, отдалъ на храненіе Александру Сыцяно. Дней черезъ пять послѣ проѣзда чрезъ Харьковъ императорскаго поѣзда, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно кѣмъ доставлены были къ Теллахову спирали Румкорфа, гальваническая батарея, проволока—изолированная гутаперчею—взрывчатые снаряды и оружіе, найденные впоследствии въ домѣ Сыцяно. Аппараты эти оказались совершенно сходными съ тѣми, которые были употреблены при производствѣ 19 ноября, подъ Москвою, взрыва подотна желѣзной дороги и, по словамъ нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, предназначались также для производства взрыва гдѣ-то на югѣ.

Впоследствии обнаружено, что лицо, называвшееся Биконсфильдомъ и разными другими прозвищами, былъ никто иной, какъ Гольденбергъ, задержанный 14 ноября съ большимъ запасомъ нитроглицерина, вслѣдствіе сдѣланнаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи секретнаго распоряженія, по которому жандармскимъ желѣзно-дорожнымъ чинамъ было предписано обращать вниманіе на багажъ пассажировъ, проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Послѣднія, изложенныя выше, указанія относительно пребыванія Гольденберга въ Харьковѣ подтверждаетъ и самъ Гольденбергъ въ разоблаченіяхъ своихъ о революціонной организаціи, при чемъ представляется, повидимому, совершенно чистосердечнымъ въ этой части своего заявленія, хотя и въ прочихъ частяхъ его не представляется до сихъ поръ повода къ какимъ-либо сомнѣніямъ.

По словамъ Гольденберга, онъ прибылъ въ Харьковъ въ первой половинѣ сентября, гдѣ, чрезъ посредство привлеченнаго къ этому же дѣлу дворянина Николая Богуславскаго, познакомился съ упомянутыми выше Глушковымъ, Блиновымъ, Кузнецовымъ и Теллаловымъ. По словамъ Гольденберга, цѣлью прибытія его въ Харьковъ было познакомить тамошнихъ революціонныхъ дѣятелей съ послѣдними дѣйствіями партіи «террористовъ» послѣ съѣзда послѣднихъ въ г. Липецкѣ, о чемъ будетъ изложено ниже. Поэтому онъ устроилъ въ Харьковѣ, при содѣйствіи Кузнецова и Блинова, нѣсколько сходокъ. На первой изъ нихъ, происходившей въ квартирѣ учителя народной школы въ Харьковѣ, Дмитрія Маныга (сынъ матроса), содержавшагося нынѣ въ Харьковской тюрьмѣ, собрались, между прочимъ, кромѣ Маныги и его жены, повивальная бабка Татьяна Иванова Лебедева, дочь купца Авдотья Краснокутская, арестованная по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Бессарабіи; дворянинъ Кіевской губерніи Николай Николаевъ Колодкевичъ, о которомъ уже упоминалось выше, розыскиваемый по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ; Иванъ Каменцовъ, изъ дворянъ Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи, студентъ Харьковскаго университета; аптекарскій ученикъ Викторъ Даниловъ, изъ дворянъ; упомянутые выше Теллаловъ, Богуславскій, Филипповъ и неизвѣстный называвшійся Афанасіемъ. Развивая на этой сходкѣ теоретическіе взгляды свои на террористическое движеніе и не касаясь практическихъ вопросовъ, Гольденбергъ, по его словамъ, пришелъ къ убѣжденію, что понятія эти совершенно новы для большинства присутствовавшихъ, но въ то же время подмѣтилъ въ молодежи желаніе ближе ознакомиться съ тѣми вопросами. На второй сходкѣ, бывшей, по словамъ Гольденберга, у студента Осипова, на которой собралось около 40 человекъ, говорилъ, кромѣ Гольденберга, Андрей Ивановъ Желябовъ, о которомъ будетъ изложено ниже, при чемъ развивая тѣ же положенія, которыхъ касался и Гольденбергъ, Желябовъ распространялся въ смыслѣ возможности достигнуть путемъ террора вліянія на общество и даже на внѣшнія дѣла государства. Изъ дальнѣйшаго показанія Гольденберга видно, что онъ пробылъ въ Харьковѣ до половины октября, послѣ чего, узнавъ о готовящемся въ Москвѣ покушеніи, отправился туда для принятія участія въ этомъ преступленіи. Кромѣ сего изъ показанія его видно, что въ 20 числа сентября изъ Петербурга пріѣхали въ Харьковъ Ипполитъ Кошурниковъ и Андрей Прѣсняковъ, о которыхъ будетъ сказано ниже и привезли съ собою около 3 пудовъ динамита и проволоки. Динамитъ этотъ первоначально хранился въ гостиницѣ, въ которой лица эти остановились, а затѣмъ у студента Нечаева, о которомъ свѣдѣній не имѣется; впослѣдствіи же былъ перевезенъ въ домъ акушерки, жены офицера Екатерины Григорьевой Сикорской, также привлечен-

ной къ харьковскому дѣлу, гдѣ Гольденбергъ нанялъ для себя квартиру

Засимъ, что касается упомянутой выше личности, называвшейся Борисовымъ, которая на второй сходкѣ революціонеровъ, устроенной Гольденбергомъ въ квартирѣ студента Осипова, развивала террористическія идеи, то, судя по имѣющимся въ показаніи Гольденберга указаніямъ, личность эта есть, по всей вѣроятности, названный выше Андрей Ивановъ Желябовъ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ путемъ дознанія, такъ и по показанію Гольденберга, изъ числа присутствовавшихъ на этой сходкѣ говорило о преимуществѣхъ террористической системы только одно, кромѣ его, Гольденберга, лицо, которое по дознанію называлось Борисовымъ, а по показанію Гольденберга Андреемъ Ивановымъ Желябовымъ. Засимъ, по обстоятельствамъ дознанія, лицо это было съ большимъ образованіемъ и обладало значительнымъ ораторскимъ талантомъ, такъ что произвело на слушателей глубокое впечатлѣніе; тоже самое говоритъ Гольденбергъ о Желябовѣ, представляя его чело-вѣкомъ съ громадными способностями, знаніемъ, развитіемъ, умомъ и ораторскимъ талантомъ, благодаря которымъ онъ способенъ вліять на людей. Наконецъ, путемъ дознанія выяснилось, что называвшійся Борисовымъ былъ гдѣ-то учителемъ въ Кіевѣ и Гольденбергъ, упоминая о Желябовѣ, также указываетъ, что послѣдній былъ гдѣ-то учителемъ. Такъ какъ личность Борисова до сего времени еще не выяснена, то приведенныя указанія представляются не безъ значенія, тѣмъ болѣе, что Борисовъ, если только онъ и Желябовъ одно и то-же лицо, окажется причастнымъ еще и къ другимъ болѣе важнымъ преступленіямъ, о которыхъ будетъ изложено ниже ¹⁾).

• Кромѣ сего, по даннымъ, обнаруженнымъ до настоящаго времени, въ Харьковскомъ революціонномъ кружкѣ участвовали, кромѣ упомянутыхъ выше, еще слѣдующія лица: учительница Харьковской земской школы Полина Чернышева; сынъ отставного штабсъ-ротмистра Владиміръ Жебуневъ, уже привлекавшійся къ дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ и судившійся по процессу 193-хъ, отецъ котораго имѣетъ въ Екатеринославскомъ и Павлоградскомъ уѣздахъ до 7000 десятинъ земли; дворянинъ Купянскаго уѣзда Викторъ Тихоцкій; бывшій студентъ Харьковскаго университета Дмитрій Буцинскій (изъ духовнаго званія); бывшій студентъ того же университета, Евгенийъ Никитинъ (изъ мѣщанъ); купеческій сынъ, почетный гражданинъ, Евграфъ Легкій; студенты Харьковскаго университета: Владиміръ Усаковскій и Иванъ Торчинскій (оба изъ духовнаго званія); ученикъ Харьковскаго реальнаго училища Густавъ Крушель; мѣщанинъ Никифоръ Пивоваровъ—лакей доктора Сыцяно; жена служащаго въ Москвѣ чиновника, родная сестра доцента Сыцяно, Викторія Гюльцгофъ, ея сыновья, ученики реальнаго училища: Александръ, Василій, Викторъ Гюльцгофъ; дочери доцента Сыцяно—Анна и Марія Сыцяно; фельдшерница Анна Шандоръ, бывшій студентъ Харьковскаго универ-

¹⁾ Подъ фамиліей Борисова былъ, дѣйствительно, Желябовъ, носившій одно время кличку Борисъ. *Ред.*

ситета Нифонтъ Долгополовъ; бывшій студентъ Харьковскаго университета, сынъ священника Курской губерніи, Алексѣй Преображенскій; бывшій студентъ того же университета, изъ духовнаго званія Евгеній Козловъ; бывшій ученикъ Харьковскаго реального училища Александръ Гранатъ; мѣщанка Софья Филатова; врачъ Николай Степановъ Ивановъ, окончившій недавно курсъ въ Харьковскомъ университетѣ и Татьяна Иванова Иванова, въ которой предполагается жена врача Иванова, Татьяна Абрамова. Изъ нихъ задержаны: Маныгъ, Чернышева, Тихоцкій, Долиновъ, Кузнецовъ, Блиновъ, Александръ Сыцяно, Гейеръ, Легкій, Богославскій, Никитинъ и Буцинскій, которые содержатся въ Харьковскомъ тюремномъ замкѣ. Засимъ Усаковскій, Гейеръ, Крушель, Пивоваровъ, Торчинскій, Гюльцгофъ съ дѣтьми, дочери Сыцяно, Шандоръ и Сикорская отданы подъ надзоръ полиціи; Долгополовъ находится въ административной ссылкѣ въ Восточной Сибири, вслѣдствіе чего сдѣлано распоряженіе о возвращеніи его въ Харьковъ; остальные же скрылись и къ розыску ихъ приняты мѣры.

Кромѣ того привлеченъ къ дѣлу и содержится подъ стражею доцентъ Іосифъ Сыцяно, который хотя и не принималъ, повидимому, прямого участія въ преступной дѣятельности, но несомнѣнно зналъ о принадлежности своего сына къ преступному сообществу и помогалъ ему скрывать слѣды преступленія. Такъ, по его совѣту и указаніямъ была совершена сыномъ его перевозка склада запрещенныхъ изданій и шрифта изъ городскаго дома своего на дачу, и также уничтоженъ печатный станокъ, о которомъ упомянуто выше.

Въ настоящемъ дѣлѣ представляется тотъ замѣчательный фактъ, что большая часть задержанныхъ лицъ не только не обнаруживаетъ дерзкаго заpiresательства, составлявшаго до сихъ поръ отличительное свойство всѣхъ, такъ называемыхъ, социалистовъ-революціонеровъ, а напротивъ даетъ подробныя, чистосердечныя показанія, при чемъ нѣкоторые высказываютъ даже несомнѣнное раскаяніе. Такъ, напримеръ, студентъ Кузнецовъ, считавшійся однимъ изъ непримиримыхъ агитаторовъ и бывшій главнымъ дѣятелемъ по распространенію въ средѣ учащейся молодежи подпольныхъ изданій, въ настоящее время не только раскрываетъ всѣ подробности своей дѣятельности, но открыто уличаетъ своихъ прежнихъ товарищей. Не меньшею откровенностью отличается и Богославскій, еще недавно пользовавшійся безграничнымъ довѣріемъ такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Гольденбергъ, Теллаловъ и Глушковъ. Студентъ Блиновъ, занимавшій одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ кружкѣ харьковскихъ социалистовъ, посвященный во всѣ ихъ тайны, показаніями своими значительно способствовалъ разясненію дѣла и, между прочимъ, открылъ значеніе шифра, извѣстнаго весьма немногимъ изъ социалистовъ и употреблявшагося въ самой серьезной перепискѣ между ними:

XIII.

Одновременно съ возникновеніемъ, изложеннаго въ предыдущемъ отдѣлѣ, дѣла о революціонномъ сообществѣ въ Харьковѣ былъ

задержанъ въ Елисаветградѣ, при указанныхъ выше обстоятельствахъ, кievскій купеческій сынъ Григорій Гольденбергъ, высланный административнымъ порядкомъ въ апрѣлѣ 1878 г., изъ Кіева въ Холмогоры за участіе въ преступной пропагандѣ и бѣжавшій оттуда въ іюнѣ того же года.

Послѣдовавшее нѣсколько дней спустя преступное покушеніе подъ Москвою, выразившееся во взрывѣ полотна на курской желѣзной дорогѣ, придавало задержанію Гольденберга особое значеніе по причинѣ оказавшагося при немъ нитроглицерина.

Въ послѣднее время Гольденбергъ сталъ обнаруживать проблески раскаянія, но первоначально сдѣланныя имъ показанія были крайне отрывочны и неопредѣленны, выражая нерѣшительность его и борьбу съ самимъ собою на пути къ полному сознанію.

Наконецъ, Гольденбергъ сдѣлалъ, повидимому, вполнѣ достовѣрное заявленіе, указывающее на обширность свѣдѣній его о социальномъ-революціонномъ движеніи въ Россіи.

Показаніе его выясняетъ преимущественно революціонную дѣятельность партіи «террористовъ»; что касается организациі дѣятельности другихъ революціонныхъ партій, то Гольденбергъ даетъ лишь самое слабое о нихъ понятіе, обѣщая впоследствии сообщить самыя подробныя и обстоятельныя по сему предмету свѣдѣнія.

Партія «террористовъ», которая для достиженія противоправительственныхъ цѣлей избрала средствомъ политическія убійства, появилась, по словамъ Гольденберга, въ 1878 г. До іюля 1879 г., партія эта не имѣла опредѣленной организациі, вслѣдствіе чего дѣятельность ея, проявившаяся въ цѣломъ рядѣ преступленій, не имѣла общей связи, а злоумышленники дѣйствовали совершенно случайно и внѣ всякаго руководительства и ясно опредѣленной цѣли.

Относительно убійства харьковскаго губернатора князя Кропоткина уже подробно изложено было въ особомъ отдѣлѣ. Преступленіе это, по словамъ Гольденберга, составляетъ его личное дѣло: имъ оно задумано и имъ же приведено въ исполненіе; остальные же участвовавшіе въ этомъ дѣлѣ, или въ качествѣ пособниковъ, или же сочувствовавшихъ преступленію, — отводятся Гольденбергомъ на задній планъ.

Засимъ, относительно другихъ политическихъ убійствъ и покушеній, совершенныхъ со времени появленія террористической фракціи по іюль 1879 г., Гольденбергъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія:

Первое политическое преступленіе, выразившееся въ покушеніи на жизнь бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника генераль-адъютанта Трепова, не составляло, по словамъ Гольденберга, такого дѣйствія, которое бы имѣло характеръ порученія со стороны какого-либо преступнаго органа, а было дѣломъ побужденія одной преступной личности, именно дочери капитана Вѣры Засуличъ, дѣйствовавшей совершенно самостоятельно.

Политическій преступникъ Курицынъ, въ своей запискѣ о революціонной дѣятельности Лизогуба (казненъ) и его кружка, между прочимъ указываетъ, со словъ самого Лизогуба, что убійство генераль-адъютанта Трепова замышлялось независимо отъ Вѣры Засуличъ, съ каковою цѣлью злоумышленники, не бывшіе вовсе солидарны

съ Засуличъ и даже вовсе ее не знавшіе, подробно изучали образъ жизни петербургскаго градоначальника и его привычки, приготовили для исполненія преступленія двѣ верховыя лошади, такъ какъ совершеніе убійства замышлялось на улицѣ; но когда уже все было готово и даже назначенъ былъ день убійства—Засуличъ, неожиданно для всѣхъ, предупредила ихъ, чѣмъ навлекла на себя даже неудовольствіе и порицаніе со стороны революціонеровъ, видѣвшихъ въ самопожертвованіи Засуличъ необдуманный поступокъ. Далѣе Курицынъ сообщаетъ, что послѣ оправдательнаго приговора суда, Засуличъ скрывалась около мѣсяца у сотрудника журнала «Отечественныя Записки» Жемчужникова, гдѣ она познакомилась со многими революціонными дѣятелями, до этого ее совершенно не знавшими.

Засимъ, Арсеній Богославскій даетъ нѣкоторое указаніе объ этомъ преступленіи, говоря, что покушеніе на жизнь генераль-адъютанта Трепова замышлялось по инициативѣ Валеріана Осинскаго и приведено въ исполненіе Вѣрою Засуличъ по рѣшенію исполнительнаго революціоннаго комитета.

Такимъ образомъ, въ показаніяхъ названныхъ трехъ политическихъ преступниковъ о покушеніи на приведенное преступленіе является противорѣчіе, которое можетъ быть объяснено тѣмъ, что никто изъ нихъ не зналъ этого дѣла изъ прямого, такъ сказать, источника, а каждый сообщалъ только то, что самъ слышалъ отъ другихъ.

Вторымъ, по времени, преступленіемъ было покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ, совершенное въ началѣ 1878 г. Необходимость этого преступленія, о которомъ, по словамъ Гольденберга, было сообщено ему незадолго до покушенія Валеріаномъ Осинскимъ, мотивировалась тѣмъ, что товарищъ прокурора Котляревскій принималъ будто бы слишкомъ строгія мѣры противъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ. Участвія въ настоящемъ покушеніи онъ, Гольденбергъ, никакого не принималъ и только впослѣдствіи узналъ, что оно было совершено Фоминымъ, настоящая фамилія котораго Медвѣдевъ, осужденнымъ по дѣлу Войнаральскаго въ каторжныя работы безъ срока, затѣмъ Алексѣемъ Ѳедоровымъ, о которомъ никакихъ свѣдѣній въ виду не имѣется, и Иваномъ Ивичевичемъ (умершимъ отъ ранъ).

Политическій преступникъ Курицынъ, въ своемъ показаніи объ этомъ преступленіи, данномъ со словъ Никиты Левченко, указываетъ, что покушеніе на жизнь товарища прокурора Котляревскаго совершено Валеріаномъ Осинскимъ, Фоминымъ и Ивичевичемъ, а Богославскій, въ своемъ показаніи, называетъ виновниками этого преступленія только послѣднихъ двухъ. Слѣдовательно, не будетъ ли Осинскій тѣмъ самымъ Ѳедоровымъ, о которомъ говоритъ Гольденбергъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній знаетъ о участникахъ настоящаго покушенія отъ Осинскаго.

Засимъ, слѣдовало убійство въ Кіевѣ жандармскаго офицера Гейкинга, совершенное бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи, носившемъ прозвище «Голотупенко». Въ разъясненіе этой личности, Гольденбергъ сообщаетъ слѣдующее: онъ 22 лѣтъ, роста средняго, шатень, безъ бороды, съ маленькими усами, слабого сложенія,

блѣдный, по происхожденію русскій; приходилъ въ августѣ 1879 г. ночевать въ домъ какого-то судебного слѣдователя, на Шулявской улицѣ, гдѣ жили онъ, Гольденбергъ и Сергѣй Диковскій.

По поводу этого убійства Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, говоритъ, что убійцею былъ социалистъ, прїѣхавшій съ сѣвера, великороссъ, высокаго роста, стройный, красивый, съ русыми волосами. ¹⁾

О послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ убійствѣ генераль-адъютанта Мезенцова, лично, Гольденбергъ ничего положительнаго не знаетъ, такъ какъ онъ не только не участвовалъ ни въ совѣщаніяхъ по этому преступленію, ни въ приготовленіяхъ къ оному, но получивъ незадолго до этого свѣдѣнія о готовившемся убійствѣ отъ сына чиновника Павла Орлова, сосланнаго въ каторжныя работы за вооруженное сопротивленіе въ Кіевѣ, даже счелъ необходимымъ, по совѣту того же Орлова, своевременно уѣхать изъ Петербурга. Затѣмъ, находясь въ Кіевѣ, онъ, Гольденбергъ, узналъ 4 августа о совершеніи преступленія отъ знакомой названнаго Орлова, жены дворянина Екатерины Тумановой, по мужу Гамкрелидзе, содержавшейся въ 1877 въ смиренномъ домѣ, по обвиненію въ пропагандѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, по какому дѣлу, судившійся вмѣстѣ съ нею, мужъ ея сосланъ въ Сибирь. Наконецъ, только впоследствии ему, Гольденбергу, сдѣлалось извѣстно, что участниками этого преступленія были: Сергѣй Кравчинскій, Ипполитъ Алексѣевъ Кошурниковъ и Адрианъ Михайловъ, изъ коихъ первый былъ фактическимъ убійцею, а остальные его ближайшими пособниками.

Изъ числа этихъ лицъ Михайловъ, сынъ губернскаго секретаря, былъ задержанъ гораздо ранѣ заявленія Гольденберга и нынѣ приговоренъ С.-Петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ къ повѣшенію, но приговоръ этотъ Всемиловѣйше замѣненъ ссылкой въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. О Кошурниковѣ Гольденбергъ упоминаетъ только, что лицо это называлось также Воронинымъ и что примѣты его слѣдующія: 25 лѣтъ, высокаго роста, брюнетъ, носить бороду и усы. ²⁾ Что касается Кравчинскаго, то о немъ извѣстно, что онъ отставной подпоручикъ артиллеріи, воспитывался въ Артиллерійскомъ училищѣ; по выходѣ въ отставку былъ слушателемъ С.-Петербургскаго лѣснаго института, но не кончивъ курса, присталъ къ революціонной партіи и занялся преступной пропагандой. Въ 1875 г. Кравчинскій былъ задержанъ въ Твери, но на пути въ станovou квартиру бѣжалъ и находится нынѣ за-границею.

Объ убійствѣ генераль-адъютанта Мезенцова, государственныи преступникъ Богославскій говоритъ, что оно стоило революціонерамъ до 2.000 рублей. Объ этомъ онъ зналъ отъ революціонныхъ дѣятелей Каца, Зубковскаго, Якова Шульгина, Колодкевича и нѣкоего Сухманева, который нынѣ розыскивается. Объ этомъ Сухманевъ Гольденбергъ сообщаетъ, что онъ находится въ одномъ изъ селъ въ Каневскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, а его родной братъ служащій во-

¹⁾ Все это, какъ извѣстно, невѣрно. Убійство Гейкинга совершилъ Г. А. Поцке.
Ред.

²⁾ Кошурниковъ одинъ изъ псевдонимовъ А. И. Баранникова.
Ред.

еннымъ писаремъ въ Кіевѣ и тоже принадлежащій къ революціонному сообществу въ Кіевѣ, живетъ на Жилианской улицѣ, въ зданіи, гдѣ помѣщается управленіе воинскаго начальника.

Засимъ, о покушеніи на жизнь генераль-адъютанта Дрентельна Гольденбергъ никакихъ свѣдѣній не имѣетъ, хотя онъ и встрѣчался, незадолго до совершенія этого преступленія, съ осужденнымъ по сему дѣлу въ каторжныя работы, бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи Мирскимъ.

Что касается покушенія 2 апрѣля, то изъ показанія Гольденберга видно, что онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе и что ему принадлежитъ самая мысль о цареубійствѣ.

По словамъ Гольденберга, мысль эта родилась въ немъ вскорѣ послѣ убійства князя Кропоткина. Прибывъ, подъ ея вліяніемъ, въ Петербургъ, Гольденбергъ обсуждалъ этотъ вопросъ съ Зунделевичемъ, о которомъ упоминалось выше, и дворяниномъ Александромъ Семеновымъ Михайловымъ¹⁾, родители котораго живутъ въ Курской губерніи, а прежде жили въ Кіевѣ. Этотъ Михайловъ, по словамъ Гольденберга, былъ студентомъ технологическаго института, но въ 1875 году, за участіе въ безпорядкахъ, бывшихъ въ этомъ институтѣ, подвергся высылкѣ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ.

Встрѣтивъ въ этихъ лицахъ, противъ ожиданія, полное единомысліе, Гольденбергъ сталъ готовиться къ осуществленію самого преступленія. Первоначально въ дѣло это былъ посвященъ коллежскій секретарь Соловьевъ (казненный по этому дѣлу), а затѣмъ Людвигъ Кобылянской, участвовавшій вмѣстѣ съ Гольденбергомъ въ убійствѣ князя Кропоткина, и, наконецъ, лицо, извѣстное Гольденбергу подъ именемъ Александра, которое онъ называетъ также Преображенскимъ. По предъявленіи нынѣ Гольденбергу фотографической карточки содержащагося въ С.-Петербургской крѣпости Александра Квятковскаго, онъ призналъ въ изображенной личности того самого Александра, который принималъ участіе въ покушеніи.

Между названными шестью лицами происходило, по словамъ Гольденберга, нѣсколько собраній въ разныхъ трактирныхъ заведеніяхъ и затѣмъ, когда въ принципѣ состоялось полное между ними соглашеніе, рѣшено было какъ можно скорѣе приступить къ приведенію преступнаго замысла въ исполненіе. По словамъ Гольденберга, онъ первый вызвался совершить это преступленіе, а за нимъ—Кобылянской, но ихъ предложенія не были приняты на томъ основаніи, что Гольденбергъ—еврей, а Кобылянской—полякъ, тогда какъ признавалось безусловно необходимымъ, чтобы злоумышленникъ былъ непременно русскій. Поэтому, когда послѣ того предложилъ свои услуги Соловьевъ, его признали совершенно пригоднымъ для задуманнаго дѣла.

Послѣ того были приобрѣтены револьверъ и патроны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что осуществленіе преступнаго замысла должно было вызвать обыски и аресты со стороны полиціи, всѣ нелегальные, т. е. тѣ изъ числа революціонеровъ, которые скрывались подъ чужими фамиліями, были предупреждены о необходимости не-

1) Ошибка: Александромъ Дмитриевичемъ Михайловымъ.

медленнаго выѣзда изъ Петербурга. Поэтому и Гольденбергъ, какъ тоже нелегальный, 31 марта отправился въ Харьковъ, гдѣ и узналъ отъ студента тамошняго университета, Подгаевского, о неудавшемся покушеніи 2 апрѣля. Въ квартирѣ этого Подгаевского были оставлены, по словамъ Гольденберга, привезенныя имъ изъ Петербурга, въ большомъ количествѣ, предназначавшіяся для распространенія: подпольное изданіе «Земля и Воля» и прокламаціи по поводу убійства князя Кропоткина и покушенія на жизнь генераль-адъютанта Дрентельна.

Во время пребыванія своего въ Петербургѣ до отъѣзда 31 марта въ Харьковъ, Гольденбергъ жилъ въ квартирѣ служащаго въ типографіи, дворянина Адама Бржезовскаго, къ которому рекомендовала его слушательница женскихъ курсовъ при медико-хирургической академіи Марфа Ласкоронская, урожденная Соколовская. Изъ этихъ лицъ, Бржезовскій, по имѣющимся свѣдѣніямъ, привлекался къ дѣлу о преступной пропагандѣ въ Закавказскомъ краѣ въ числѣ 38 лицъ, но преслѣдованіе противъ него было прекращено въ іюлѣ 1878 г. Но Гольденбергъ ни о немъ, ни о Ласкоронской не сообщаетъ такихъ свѣдѣній, которыя бы указывали на принадлежность этихъ лицъ къ революціонной партіи.

XIV.

Въ іюлѣ 1879 г. Гольденбергъ получилъ свѣдѣніе, что въ г. Липецкѣ, Тамбовской губерніи, назначенъ съѣздъ соціально-революціонныхъ дѣятелей изъ партіи террористовъ. Свѣдѣніе это сообщилъ ему, скрывающійся подъ чужимъ именемъ, дворянинъ Николай Николаевичъ Колодкевичъ, носящій прозваніе «Коть Мурлыка», который привлекался въ Кіевѣ къ политическому дознанію, а нынѣ розыскивается по дѣлу о преступномъ сообществѣ въ Кіевѣ. Впрочемъ, по словамъ Гольденберга, мысль о подобномъ съѣздѣ сильно занимала и его самого въ послѣднее время, по поводу чего онъ возбуждала этотъ вопросъ еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Кіевѣ, при чемъ, упомянутые выше Зубковскій и Зунделевичъ приняли на себя войти по сему предмету въ сношеніе съ наиболее вліятельными дѣятелями революціонной партіи, узнать ихъ мнѣніе и, если послѣдуетъ соглашеніе, опредѣлить время и мѣсто съѣзда.

Изъ дальнѣйшаго показанія Гольденберга видно, что съѣздъ въ Липецкѣ дѣйствительно состоялся и имѣлъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ революціоннаго движенія. На немъ присутствовали, кромѣ Гольденберга, между прочимъ, слѣдующія лица: упомянутыя выше—Александръ Михайловъ, Николай Колодкевичъ, Андрей Желябовъ и Александръ (онъ-же Преображенскій), признанный Квятковскимъ; затѣмъ Степанъ Ивановъ Ширяевъ, (онъ-же Смирницкій), сынъ священника Смоленской губерніи, содержащійся въ С.-Петербургской крѣпости по дѣлу означеннаго Квятковскаго (онъ-же Чернышевъ), Левъ Александровъ Тихоміровъ (онъ-же Тигрычъ), бывший студентъ С.-Петербургскаго университета, который судился по процессу 193-хъ и, будучи отданъ подъ надзоръ полиціи, скрылся; наконецъ магистръ

русской словесности Петръ Осиповъ Морозовъ ¹⁾, Михаилъ Фоменко ²⁾, извѣстный въ революціонной средѣ подъ именемъ Михайлы, о которомъ упоминалось раньше и неизвѣстная женщина, которую Гольденбергъ называетъ Марьей Николаевной ³⁾).

Эта послѣдняя, по словамъ Гольденберга, называлась иначе «Якобсоной», такъ какъ она принадлежала раньше къ фракціи «якобинцевъ». Представителемъ этой фракціи является, по показанію Гольденберга, русскій эмигрантъ Ткачевъ, а выразителемъ принциповъ и взглядовъ этой фракціи представляется органъ «Набатъ». По словамъ того же Гольденберга, фракція «якобинцевъ» въ количественномъ отношеніи самая незначительная изъ всѣхъ социальнореволюціонныхъ партій, притомъ ничтожна по значенію и вліянію въ революціонной дѣятельности вообще. Означенная Марья Николаевна, по словамъ Гольденберга, занималась въ Петербургѣ агитаціей среди либераловъ и конституціоналистовъ. Примѣты ея: 28 лѣтъ, высокаго роста, шатенка.

Засѣданія съѣзда въ Липецкѣ происходили въ лѣсу и въ другихъ пригородныхъ мѣстностяхъ. Результатомъ ихъ было, по словамъ Гольденберга, общее соглашеніе о необходимости совершенія новаго преступленія противъ жизни Государя Императора, но уже не тѣмъ способомъ, какъ 2 апрѣля, а посредствомъ взрыва поѣзда на желѣзной дорогѣ.

По словамъ Гольденберга, на этомъ съѣздѣ впервые заговорили о примѣненіи къ дѣлу динамита. При этомъ рѣшено было по возможности скорѣе выполнить замыселъ указаннымъ способомъ, а также высказывалась необходимость одновременно съ этимъ направить убійство на Одесскаго, Кіевскаго и С.-Петербургскаго генералъ губернаторовъ. Кромѣ того, установлено было прибѣгать также къ агитаціи среди молодежи, войска и въ общественныхъ сферахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ же съѣздѣ дана была, по словамъ Гольденберга, правильная организація террористической фракціи, причѣмъ для управленія дѣлами образованы были распорядительная коммисія и исполнительный комитетъ. Коммиссія, по кругу возложенныхъ на нее обязанностей, являлась какъ бы высшимъ органомъ, а исполнительный комитетъ—низшимъ. Распорядительная коммисія обязана была знать все, совершающееся не только въ террористическомъ движеніи, но и во всей революціонной средѣ; на нее же возложено было изысканіе средствъ къ выполненію преступныхъ замысловъ. Напротивъ, члены исполнительнаго комитета являлись исключительно активными дѣятелями, непосредственными участниками задуманныхъ преступленій. Коммиссія, по словамъ Гольденберга, должна была находиться въ Петербургѣ, а члены исполнительнаго комитета въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ надобность укажетъ.

Засимъ, на томъ же съѣздѣ были избраны въ члены распоряди-

¹⁾ Конечно, полный вздоръ: въ Липецкѣ былъ Николай Александровичъ Морозовъ. *Ред.*

²⁾ Ошибка: Михаилъ Фроленко. *Ред.*

³⁾ М. Н. Оловенникова—Ошанина—Баранникова. *Ред.*

тельной комисіи, упомянутые выше: Михаилъ Фоменко (онъ-же Михайло), Александръ Михайловъ и Левъ Тихоміровъ, который сильно протестовалъ противъ этого избранія, такъ какъ онъ желалъ быть активнымъ дѣятелемъ, а въ члены исполнительнаго комитета назначены всѣ остальные присутствовавшія на съѣздѣ лица. Впослѣдствіи, по словамъ Гольденберга, къ комитету примкнули: дочь маіора, Софья Иванова, арестованная подъ именемъ жены Лысенко по дѣлу о тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ, неизвѣстная Сергѣева ¹⁾ и Акимова ²⁾, (она же Баска), о которой упоминалось выше, затѣмъ Вѣра Николаевна Филиппова, урожденная Фигнеръ, агитировавшая, по словамъ Гольденберга, въ концѣ 1879 г. въ Одессѣ, среди конституционалистовъ и подлежащая задержанію во время пребыванія ея послѣ того въ Петербургѣ, но успѣвшая скрыться, и крестьянинъ Андрей Прѣсняковъ, обвиняемый въ убійствѣ тайнаго агента Шарашкина и розыскиваемый для привлеченія къ этому дѣлу. По имѣющимъ свѣдѣніямъ, Прѣсняковъ принадлежалъ къ преступному обществу «друзья». Кромѣ того, на съѣздѣ были избраны редакторами предполагавагося подпольнаго органа печати Левъ Тихоміровъ и Николай Морозовъ, привлекавшійся къ процессу 193-хъ и стоявшій, по словамъ Гольденберга, весьма близко къ редакціи подпольнаго органа «Народная Воля». Что касается устройства самого органа печати, то вопросъ этотъ было рѣшено обсудить въ Воронежѣ, гдѣ въ то же время назначенъ былъ съѣздъ членовъ партіи «народниковъ», во главѣ которой стояли Стефановичъ и Дейчъ.

Послѣ того Гольденбергъ отправился въ Петербургъ, гдѣ Ширяевъ уже приступилъ къ заготовленію динамита для замышляемаго преступленія, а изъ Петербурга, чрезъ Одессу и Кіевъ, въ Харьковъ.

О дѣятельности Гольденберга въ этомъ послѣднемъ городѣ уже изложено было выше, въ отдѣлѣ о харьковскомъ революціонномъ сообществѣ. Въ Харьковѣ же, по словамъ Гольденберга, происходили въ концѣ сентября между нимъ и прибывшими туда Кошурниковымъ, Прѣсняковымъ, Колодкевичемъ и Желябовымъ совѣщанія относительно приведенія въ исполненіе состоявагося въ Липецкѣ рѣшенія о взрывѣ на желѣзной дорогѣ. Съ этою цѣлью Кошурниковъ, который еще до пріѣзда въ Харьковъ производилъ изысканія на Николаевской желѣзной дорогѣ, отправился для производства тѣхъ же изысканій въ Крымъ, но поѣздка эта осталась безъ результата. Затѣмъ послѣдовало соглашеніе объ устройствѣ мины подъ Лозово-Севастопольской дорогой и мѣстомъ взрыва былъ избранъ г. Александровскъ, Екатеринославской губерніи. Для исполненія этого плана отправился въ Александровскъ Желябовъ и, назвавшись купцомъ Черемиссовымъ, заявилъ въ тамошней думѣ желаніе открыть въ этомъ городѣ кожевенный заводъ. Предложеніе это было принято весьма сочувственно и Желябовъ, нанявъ домъ вблизи полѣтна желѣзной дороги, далъ задатокъ. Въ домѣ этомъ должны были, по предполагаемому плану, поселиться Желябовъ, Акимова (она же Баска), выдававшая себя за жену послѣдняго, и въ

¹⁾ Е. Д. Сергѣева—жена Л. А. Тихомірова.

Ред.

²⁾ А. В. Якимова.

Ред.

качествъ рабочихъ Тихоновъ и Иванъ. Относительно послѣднихъ двухъ Гольденбергъ указываетъ слѣдующее: Тихоновъ—выше средняго роста, брюнетъ, отъ роду около 24-хъ лѣтъ, безъ бороды, въ 1877 г. бѣжалъ изъ Архангельской губерніи, гдѣ онъ находился въ административной ссылкѣ, затѣмъ былъ арестованъ въ Москвѣ, но оттуда снова бѣжалъ; нѣкоторое время жилъ въ Ростовѣ на Дону, а потомъ пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ Гольденбергъ и познакомился съ нимъ, осенью 1879 г. Что касается рабочаго Ивана, то онъ по происхожденію русскій, средняго роста, лѣтъ около 19, плотенъ, принадлежитъ какъ и Тихоновъ, къ партіи террористовъ ¹⁾. По заранѣе задуманному плану, предположено было пробуравить въ ночное время полотно желѣзной дороги, вставивъ туда мѣдную трубку, начиненную динамитомъ, произвести взрывъ въ моментъ прохожденія въ этомъ мѣстѣ императорскаго поѣзда. Необходимые для сего инструменты и приспособленія были по словамъ Гольденберга, изготовлены подъ его наблюденіемъ въ Харьковѣ.

Въ то же время предположено было устроить мину и на одесской желѣзной дорогѣ, вслѣдствіе чего Гольденбергъ, какъ изъ показанія его видно, отдѣливъ нѣкоторую часть отъ привезеннаго Прѣсняковъ въ Харьковъ динамита, о которомъ упоминалось выше, послалъ такую въ Одессу съ повивальной бабкой Татьяной Ивановой Лебедевой, которая, по имѣющимся свѣдѣніямъ, судилась по процессу 193-хъ и, будучи также привлечена впослѣдствіи къ дѣлу объ убійствѣ въ Москвѣ тайнаго агента Рейнштейна, отдана была поэтому послѣднему дѣлу подъ надзоръ полиціи. Устройство мины близъ Одессы приняли на себя Колодкевичъ и Фоменко (онъ же Михайло), который долженъ былъ пристроиться сторожемъ на желѣзной дорогѣ и противъ своей будки заложить мину подъ рельсы. По словамъ Гольденберга, Фоменко дѣйствительно пристроился на 14 верстѣ отъ Одессы сторожемъ при камняхъ, а затѣмъ получилъ мѣсто будочника и жилъ вмѣстѣ съ Лебедевой, которая выдавала себя за его жену.

Во время всѣхъ этихъ приготовленій, Гольденбергъ получилъ свѣдѣніе о приготовленіяхъ, дѣлавшихся по тому же замыслу. Поэтому онъ 18 октября отправился туда и принялъ участіе въ работахъ въ домѣ Сухорукова, каковою фамиліею назывался Левъ Гартманъ, скрывшійся послѣ взрыва 19 ноября за-границу. По показанію Гольденберга, участниками этого покушенія были, кромѣ Гартмана и его, Гольденберга, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья Перовская, привлекавшаяся къ нѣсколькимъ дѣламъ по политическимъ предпріятіямъ и бѣжавшая отъ конвоя во время сопровожденія ея въ Олонецкую губернію, куда она предназначалась для водворенія на жительство, съ учрежденіемъ за нею полицейскаго надзора: затѣмъ студентъ 5-го курса медико-хирургической академіи Гришка ²⁾ (выше средняго роста, около 24 лѣтъ отъ рода, шатенъ), принадлежавшій, по словамъ Гольденберга, къ организованному въ Петербургѣ кружку «свобода или смерть»; наконецъ, Галина Чернявская, которая привлекалась

¹⁾ Окладскій. *Ред.*

²⁾ Григорій Исаевъ. *Ред.*

къ дѣлу Чубарова въ Одессѣ, но, будучи отдана по этому дѣлу на поручительство съ денежнымъ залогомъ, скрылась изъ Одессы и розыскивается до настоящаго времени, и упомянутые выше: Ширяевъ, Кошурниковъ, Александръ Михайловъ, Николай Морозовъ и Арончикъ Изъ числа этихъ лицъ Гартманъ, Перовская и студентъ Гришка жили въ домѣ, изъ котораго устраивался подкопъ, а остальные въ разныхъ домахъ, при чемъ устроена была также конспиративная квартира для укрывательства на случай опасности. Работы по устройству этого подкопа, сопряженныя съ большими трудностями, производились сравнительно быстро, въ особенности съ того времени, когда сдѣлалось извѣстно, что 19 ноября Государь Императоръ будетъ въ Москвѣ. Независимо отъ трудностей работъ, производство ихъ сопровождалось постепенными тревогами и опасеніями за возможность быть застигнутымъ врасплохъ. Въ этихъ видахъ, въ самомъ домѣ Сухорукова заложены были мины на случай необходимости взорвать домъ при явной опасности. Самый домъ былъ Гартманомъ заложенъ одной купчихѣ за 1000 руб., такъ какъ наличныхъ средствъ, бывшихъ въ распоряженіи его по сему дѣлу, оказалось недостаточно. Между тѣмъ и наличнаго динамита также оказалось недостаточно, а потому Гольденбергъ отправился въ Одессу, чтобы привезти въ Москву ту часть динамита, которая предназначена была для заложения мины на Одесской желѣзной дорогѣ, гдѣ таковая уже представлялась пока излишнею. На пути въ Одессу, Гольденбергъ встрѣтился въ Елизаветградѣ, съ бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи Кибальчицемъ, который проживалъ въ Одессѣ подъ фамиліею Иваницкаго и состоялъ подъ надзоромъ полиціи по дѣлу о государственномъ преступленіи, но успѣлъ скрыться. Кибальчичъ, по словамъ Гольденберга, везъ съ собою проволоку для мины въ г. Александровскъ, которую устраивалъ Желябовъ. Но по прибытіи въ Одессу, Гольденбергъ познакомился чрезъ Колодкевича съ студентомъ Новороссійскаго университета Герасимомъ Романенко, арестованнымъ впоследствии австрійскими властями въ Лембергѣ. Засимъ, 13 ноября, съ динамитомъ этимъ и съ запасомъ денегъ, добытыхъ для московскаго дѣла упоминавшимся въ настоящемъ обзорѣ Саввою Златопольскимъ, Гольденбергъ отправился изъ Одессы въ Москву, но въ Елизаветградѣ былъ задержанъ.

XV.

Въ показаніи своемъ Гольденбергъ указываетъ еще нѣсколько лицъ, съ которыми онъ приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе во время своей революціонной дѣятельности. Изъ лицъ этихъ обращаютъ на себя особенное вниманіе.

Плехановъ, Георгій Валентиновъ, дворянинъ Тамбовской губерніи, Липецкаго уѣзда, бывший юнкеръ Константиновскаго военного училища, а впоследствии студентъ горнаго института. Первую извѣстность Плехановъ получилъ по манифестаціи на Казанской площади, но тогда задержанъ не былъ и розыскивается съ того времени. По имѣющимъ свидѣніямъ онъ находится въ Парижѣ. По словамъ Гольденберга, Пле-

ханова звали въ средѣ молодежи «Жоржемъ», онъ былъ по убѣжденіямъ «народникъ» и противникъ террористической системы.

Болотниковъ, Иванъ Никитинъ, окончившій курсъ въ технологическомъ институтѣ и состоявшій лѣтомъ 1879 г. учителемъ въ ремесленномъ училищѣ, по 1 ротѣ Измайловскаго полка. Онъ, по словамъ Гольденберга, принадлежитъ къ крайнимъ либераламъ и сочувствуетъ революціонному движенію. Гольденбергъ, котораго Болотниковъ зналъ подъ прозвищемъ «Биконсфильдъ», жилъ у него на квартирѣ, въ д. № 4 по Свѣчному переулку, въ іюлѣ 1878 г.

Головинъ, Ипполитъ, дворянинъ, привлекался по дѣлу о покушеніи на жизнь генераль-адъютанта Дрентельна за укрывательство преступника Мирскаго, но былъ оправданъ. Нынѣ находится въ Черниговской губерніи, гдѣ за нимъ учрежденъ полицейскій надзоръ. По словамъ Гольденберга, Головинъ воспитывался въ технологическомъ институтѣ, и по убѣжденіямъ не болѣе какъ либераль.

Назаровъ, Алексѣй, бывшій студентъ кіевскаго университета. За принадлежность къ противоправительственной партіи былъ высланъ на жительство въ Холмогоры, Архангельской губерніи, откуда бѣжалъ вмѣстѣ съ Гольденбергомъ; послѣ того былъ задержанъ въ Петербургѣ и уже высланъ въ Восточную Сибирь. Назаровъ, по словамъ Гольденберга, имѣетъ дядю кіевскаго профессора Хржанцевскаго, который поддерживалъ его матеріально.

Лисовская, Анна, польскаго происхожденія, проживала въ 1878 и 1879 г. въ Кіевѣ, гдѣ она слушала фельдшерскіе курсы. По убѣжденіямъ пропагандистка, но сочувственно относится къ фракціи террористовъ. Участвовала вмѣстѣ съ Избицкою, о которой упомянуто выше, въ дѣлѣ предоставленіи средствъ политическимъ заключеннымъ.

Ивановъ, Николай Степановъ, студентъ 5 курса медицинскаго факультета Харьковскаго университета, принадлежитъ, по словамъ Гольденберга, къ людямъ, раздѣляющимъ взгляды и стремленія социальнo-революціонной партіи и притомъ признающимъ терроръ какъ неизбежное зло.

Морозовъ, Петръ Осиповъ, магистръ русской словесности, участвовавшій, по словамъ Гольденберга, въ съѣздѣ террористовъ въ Липецкѣ, о чемъ уже упомянуто выше, принадлежитъ къ числу весьма опасныхъ революціонныхъ дѣятелей, вслѣдствіе особенности характера его дѣятельности, недающей возможности уличать его во вредномъ направленіи. ¹⁾

Глеке, Марья Григорьевна, урожденная Ярошенко, сестра жены Морозова, имѣетъ имѣніе въ селѣ Засулы, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, гдѣ скрывался Гольденбергъ и гдѣ былъ задержанъ также Зубковскій.

Гамалей, Александръ Павловичъ, и жена его, Александра Андреевна, помѣщики Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губерніи, представляются Гольденбергомъ сочувствующими социальнo-революціонному движенію. Одинъ изъ сыновей ихъ, Владиміръ, привлеченъ къ дѣлу о

¹⁾ Какъ уже отмѣчено, П. О. Морозовъ никакого касательства къ Липецкому съѣзду не имѣлъ. Гольденбергъ смѣшалъ его съ Н. А. Морозовымъ. *Ред.*

кіевскомъ преступномъ сообществѣ, а остальные два сына, Яковъ и Викторъ, а также и дочери, Ольга и Софья, равно какъ и жена Виктора Гамалея, Жозефина, урожденная Недзѣльская, также извѣстны по принадлежности къ революціонной партіи. По словамъ Гольденберга, Жозефина Гамалей даже знала о томъ, что онъ, Гольденбергъ, былъ убійцею князя Кропоткина, а Софья и Ольга Гамалей дали ему три вексельныхъ бланка на 300 рублей на освобожденіе изъ ссылки Самарской.

Изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго.

(Неизданные отрывки).

— По поводу споровъ о классическомъ и реальномъ образованіи, — провести идею что реальное образованіе не *можетъ* не сохраняться у насъ, не развиваться и не усиливаться, но рядомъ съ нимъ должно непременно идти (вмѣсто классическаго) *познаніе Россіи* (усиленное) ея исторіи, языковъ, народности, обычаевъ всѣхъ славянскихъ исторій и нарѣчій идаже отчасти Византизма. Если ужъ нельзя быть нашему юношеству на дѣлѣ Русскимъ, то пусть будутъ хоть по наукѣ. Однимъ словомъ во что бы то ни стало преодолѣть и сознать законы русской мысли и русскаго развитія и ихъ особенности индивидуальности въ отличіе отъ всепоглотившей римско-германской мысли. Эта же *русская мысль* и ея законы почти и не подозрѣваются русскими даже въ томъ что она должна быть на свѣтѣ, есть дѣйствительно и что съ условіями ея развитія слита можетъ быть вся русская будущность.

— 2) Отчего у насъ вяло образованіе? потому что намъ нужно не просвѣщеніе не промышленность не счастье, а централизація государства въ самодержавіи, а слѣд. чиновники.

Но въ чемъ же ошибка? именно въ томъ что самодержавіе себя со знало (при Петрѣ) на европейскій манеръ и утратило мысль о древне-русскомъ *отношеніи своемъ къ народу*.

Государственная центральная идея у насъ пересолила, черезъ норму перешла, враждебное и побѣдное европейское начало въ себя приняла. а слѣдовательно завела дружину для самосохраненія, т. е. чиновниковъ, прежде же оно свободно относилось къ народу и Земскаго Собора не боялось.

Еще къ вопросу о переговорахъ „Исполнительнаго Комитета Народной Воли“ съ „Добровольной Охраной“¹⁾.

Въ напечатанныхъ въ апрѣльской книжкѣ «Былого» воспоминаніяхъ Вл. Дебогорія-Мокрѣевича имѣются кое-какіе указанія, на мало выясненный до сихъ поръ фактъ переговоровъ между Исполнительнымъ Комитетомъ «Народной Воли» и лицами, стоящими близко къ придворнымъ сферамъ. Въ свое время среди русской и польской эмигрантской публики ходили разнообразныя слухи объ этихъ переговорахъ, при чемъ въ виду молчанія непосредственно заинтересованныхъ сторонъ, распространялись свѣдѣнія довольно легендарнаго характера. Между прочимъ мнѣ пришлось слышать, будто уполномоченные одной изъ придворной партій, переговаривавшіеся съ представителями «Народной Воли» въ Парижѣ, настаивали на томъ, что въ случаѣ, если до окончанія коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ «Народной Волей» не будетъ произведено никакого террористическаго акта, то можно ожидать широкой амнистіи и кое-какихъ реформъ либеральнаго характера. Въ качествѣ ведущаго переговоры съ «Народной Волей» выступалъ—по той же версіи—*Галкинъ-Врасскій*. По другой версіи взаимнѣ за прекращеніе террористической дѣятельности до окончанія коронаціи, входившія въ переговоры съ «Народной Волей» лица, обѣщали: 1) освободить Чернышевскаго, 2) повліять на то, чтобы въ предстоящемъ процессѣ 17-ти никому не былъ вынесенъ смертный приговоръ и 3) выдать «Народной Волѣ» миллионъ рублей.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу познакомить читателей съ отголосками этого дѣла, сохранившимися въ польской социалистической (эмигрантской) литературѣ.

Въ № 11 «Przedsvit'a» за 1891 годъ напечатаны «Письма изъ

¹⁾ Относительно «Добровольной Охраны», переименовавшейся вскорѣ послѣ ея возникновенія въ „Священную Дружину“, равно какъ и объ ея попыткахъ войти въ сношенія съ „Народной Волей“, мы располагаемъ теперь очень цѣнными матеріалами и документами, которыя черезъ нѣкоторое время и опубликуемъ. Въ переговорахъ этихъ Галкинъ-Врасскій никакого участія не принималъ. Не точны и нѣкоторыя другія помѣщаемыя въ настоящей замѣткѣ свѣдѣнія. Замѣтку эту, тѣмъ не менѣе, мы печатаемъ безъ всякихъ измѣненій.

Ред.

Россіи», принадлежавшія перу тогдашняго редактора лондонскаго органа польскихъ социалистовъ-революціонеровъ—Станиславу Мендельсону. Въ этихъ письмахъ имѣются слѣдующія строки: «Сейчасъ же послѣ вступленія Александра III на тронъ панслависты, прикидывающіеся либералами и либералы, симулирующіе желаніе политическаго переворота въ Россіи, стакнулись прежде всего противъ такъ называемыхъ русскихъ террористовъ. Предпринимались попытки разгромить партію «Народной Воли» не только преслѣдованіями и варварской жестокостью, но пущены были въ ходъ клевета, полицейская агитація и подвохи подъ маской либерализма».

Эти слова сопровождаются подстрочнымъ примѣчаніемъ злобнаго характера, направленнымъ противъ М. П. Драгоманова, къ которому Мендельсонъ всегда относился съ нескрываемой ненавистью, подозревая его во всякихъ сквернахъ.

Привожу это примѣчаніе полностью: «Вспомнимъ здѣсь на первомъ планѣ полицейскую агитацію нѣкоего Драгоманова, якобы эмигранта, который на рептильнія средства и при помощи правительственныхъ фигуръ и обыкновенныхъ шпииковъ издавалъ въ Женевѣ журналъ п. з. «Вольное Слово». По всей вѣроятности подъ влияніемъ этого «радикала» Исполнительный Комитетъ «Народной Воли» совершилъ ошибку, чтобы не употребить болѣе сильнаго выраженія, войдя съ . . . ской полиціей въ переговоры, содержаніе которыхъ навсегда останется пятномъ на людяхъ тогдашняго «Комитета».

Эта злобная и скверная выходка Ст. Мендельсона, вообще не церемонившагося со своими политическими противниками (что его, между прочимъ, въ концѣ концовъ заставило порвать всякія связи и съ польскимъ социалистическимъ лагеремъ) не могла, конечно, остаться безъ отвѣта. И вотъ въ № 13-мъ «Przedsvita» за тотъ же годъ мы находимъ опроверженіе въ видѣ письма П. Л. Лаврова. Привожу этотъ документъ полностью:

«Въ редакцію «Przedsvita»

Парижъ, 30 сентября 1891 г.

Гражданинъ редакторъ!

Мое вниманіе было обращено на примѣчаніе къ 7-ой стр. № 11 «Przedsvit» за текущій годъ. Авторъ говоритъ тамъ о «нѣкоемъ Драгомановѣ» и о «Комитетѣ Народной Воли». Первый безразличенъ какъ для меня, такъ и для моихъ друзей, русскихъ социалистовъ; поэтому мнѣ нѣтъ необходимости говорить объ этомъ. Что же касается «Комитета», о которомъ идетъ рѣчь, то я хочу замѣтить, что свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ *совершенно неточны*. Однако я смѣло беру на себя отвѣтственность за эти «переговоры», на которые, кажется, авторъ намекаетъ. «Комитетъ»—членомъ котораго я никогда не былъ—не принималъ и не могъ принимать въ нихъ никакого участія. Такимъ образомъ, это явная ошибка, если авторъ говоритъ о «пятнѣ на репутаціи». Что же касается тѣхъ, кто хотѣлъ бы меня обвинить въ томъ, что я при этомъ случаѣ вошелъ въ сношеніе съ «. . . ской полиціей», то опроверженіе подобныхъ обвиненій было бы ниже моего достоинства, и мнѣ только остается пожалѣть, что—надѣюсь, по ошибкѣ—я нахожу это примѣчаніе въ журналѣ, который я уважаю

и который выходит под редакціей кружка бывших союзниковъ «Комитета Народной Воли» въ то время, когда этотъ комитетъ существовалъ.

Съ социалистическимъ привѣтствіемъ.

Петръ Лавровъ.

Редакція «Przedsvit'a» снабдила письмо Петра Лавровича слѣдующимъ примѣчаніемъ.

«Къ этому письму мы прибавимъ нѣсколько словъ объясненій:

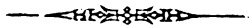
1) Что касается фактической стороны дѣла, то авторъ «Писемъ изъ Россіи» опирается на печатномъ отчетѣ, который извѣстенъ и гражд. Лаврову и котораго онъ въ свое время не опровергнулъ.

2) Хотя мы и раздѣляемъ всеобщее уваженіе (uznanie), съ которымъ относятся къ гражд. Лаврову всѣ социалисты, однако, въ оцѣнкѣ факта переговоровъ мы остаемся при своемъ мнѣніи. Впрочемъ, это мнѣніе мы высказывали въ свое время гражд. Лаврову. Будучи убѣждены въ томъ, что польскіе социалисты всегда должны дѣйствовать солидарно съ русскими революціонерами, мы однакоже не желаемъ совершить вмѣстѣ того, что считаемъ болѣе нежели ошибкой.

3) Двусмысленное выраженіе «пятно», употребленное авторомъ «Писемъ изъ Россіи», оказалось неудачнымъ, если гражд. Лавровъ понялъ его односторонне. Оно должно было выразить отрицательное отношеніе къ политическому шагу и ничего больше, и намъ непріятно, если это выраженіе было не такъ понято.

Изъ вышеприведеннаго письма Лаврова видно, что онъ принималъ на себя полную отвѣтственность за переговоры, которые были ведены съ «Народной Волей» отъ имени лицъ, близко стоявшихъ ко двору императора Александра III. Было бы любопытно отыскать тотъ «печатный отчетъ», о которомъ говоритъ редакція «Przedsvit'a». Въ архивѣ П. П. С. въ Лондонѣ его во всякомъ случаѣ нѣтъ, хотя, если онъ былъ въ рукахъ Мендельсона, то можно было предполагать, что онъ тамъ сохранится. Слѣдуетъ еще прибавить, что слова Вл. Дебогорія-Мокрѣевича (Былое, IV. 907 стр. 61). «Не помню, отъ Драгоманова или отъ кого-то другого я слышалъ, будто бы «Исполнительнымъ Комитетомъ» тогда же (1882—1883) были сдѣланы публикаціи въ желательномъ для «охранцевъ» смыслѣ въ одномъ изъ польскихъ изданій, въ газетѣ, что ли, печатавшейся, кажется, въ Варшавѣ» — фактически не подтверждаются. Ни въ одномъ изъ выходившихъ въ то время польскихъ революціонныхъ органовъ ничего подобнаго не было.

Л. Василевскій (Плохоцкій).

Послѣдніе дни жизни Н. Г. Чернышевскаго.

Семнадцать лѣтъ прошло со дня второй и послѣдней смерти моего отца. Первая смерть, несомнѣнно болѣе страшная чѣмъ вторая, случилась еще почти полъ вѣка тому назадъ. Немного уже осталось въ живыхъ свидѣтелей той смерти, а скоро будутъ стариками и болѣе молодые свидѣтели его смерти 17 октября 1889 г. въ Саратовѣ. Не многимъ подѣлились своими воспоминаніями о немъ его современники, не много удѣлили ему и позднѣйшіе писатели—не ихъ въ томъ вина!—и въ концѣ концовъ о жизни моего отца извѣстно и до сихъ еще довольно мало, по крайней мѣрѣ мало для составления настоящей біографіи. Будемъ надѣяться, что въ этомъ отношеніи много поможетъ какъ выпущенное теперь полное собраніе его сочиненій, такъ и появляющіеся по временамъ отдѣльные очерки и воспоминанія разныхъ лицъ.

Для исторіи литературной и политической жизни, конечно, наибольшей интересъ имѣютъ тѣ свѣдѣнія изъ жизни писателя, которыя обрисовываютъ его общественную дѣятельность. Но чѣмъ крупнѣе писатель, тѣмъ больше пріобрѣтаютъ интереса даже и мелкіе случаи изъ его обыденной жизни, характеризующіе его просто какъ человѣка.

Я не специалистъ по исторіи литературы, я даже и вовсе не писатель, и не беру на себя смѣлость вдаваться въ оцѣнку литературной дѣятельности моего отца. Но внутренняя, домашняя жизнь его извѣстна мнѣ ближе чѣмъ кому-нибудь другому. Я попробую описывать только то, чему былъ самъ ближайшимъ свидѣтелемъ, или то, о чемъ могу судить по имѣющимся у меня матеріаламъ такъ, какъ можетъ судить и обыкновенный человѣкъ, не писатель.

Я начинаю съ конца: случайно попались подъ руку письма 1889 г. и я хочу возстановить въ памяти нѣкоторыя подробности послѣднихъ дней жизни и смерти моего отца. Подробности эти, при всей своей безобидности, не могли быть опубликованы тогда же по цензурнымъ условіямъ, налагавшимъ тяжелое veto на каждую строчку о Чернышевскомъ.

Затѣмъ, я предполагаю печатать постепенно и другіе имѣющіеся у меня матеріалы для біографіи моего отца.

Въ концѣ 1883 г. отецъ былъ возвращенъ изъ Сибири и «водворенъ» на жительство въ Астрахани, гдѣ и пробылъ пять съ половиною лѣтъ. Надеждамъ его на дальнѣйшій переводъ въ Петербургъ

или Москву, гдѣ ему было бы легче заниматься литературнымъ трудомъ, не суждено было осуществиться: всѣ мои прошенія по этому поводу (самъ онъ ничего не просилъ) не имѣли успѣха и, наконецъ, удалось лишь добиться перевода изъ Астрахани «на родину въ Саратовъ». Это было лѣтомъ 1889 г. Въ Саратовѣ и до сихъ поръ есть у насъ на берегу Волги свой маленькій домикъ въ шесть комнатъ, въ одной изъ которыхъ родился и жилъ мой отецъ съ 1828 по 1846 г. непрерывно, а потомъ нѣздами изъ Петербурга и въ бытность учителемъ саратовской гимназiи въ 1852—1853 гг. Занять этотъ домъ тотчасъ по переѣздѣ изъ Астрахани оказалось невозможнымъ, такъ какъ онъ сдавался въ наемъ, и въ то время жилъ въ немъ нашъ давнишній знакомый, извѣстный въ Саратовѣ присяжный повѣренный Ал. Ард. Токарскiй (бывшiй, между прочимъ, въ прошломъ году членомъ Государственной Думы). Отказывать ему въ квартирѣ до истеченiя контракта не хотѣлось, а потому временно матушка наняла квартиру въ домѣ Никольскаго на Соборной улицѣ ¹⁾). Въ августѣ мы съ женой прiѣхали навѣстить стариковъ. По условiямъ службы мнѣ нельзя было провести въ Саратовѣ болѣе 2—3 дней, и это были послѣднiе дни, въ которые я видѣлъ отца живымъ. Онъ не казался мнѣ больнымъ—напротивъ, меня, какъ всегда, поражала его необыкновенная бодрость и молоджавость (въ густыхъ волосахъ на головѣ не было ни одного сѣдого волоска—они были, и то въ очень умѣренномъ количествѣ, лишь въ бородѣ). Его смѣло можно было считать лѣтъ на десять моложе, въ особенности когда онъ велъ обыкновенную бесѣду. Старость и усталость чувствовались лишь тогда, когда онъ съ обыкновенной бесѣды переходилъ на разговоръ о болѣе интимныхъ, такъ сказать, сторонахъ жизни кого-нибудь изъ нашихъ родныхъ или близкихъ, которыми онъ интересовался и которымъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь помочь. Нѣсколько дрожащимъ голосомъ и грустнымъ-грустнымъ проникающимъ въ душу тономъ, почти полупшепотомъ, спрашивалъ онъ меня о разныхъ сторонахъ жизни того или другого человѣка и такой разговоръ будилъ во мнѣ воспоминанiя о старикѣ священникѣ, у котораго мнѣ приходилось исповѣдываться во дни моей юности... Да и сами бесѣды имѣли характеръ исповѣди, на которой раскрывались самыя укромныя уголки сердца.

Наканунѣ моего отъѣзда съ отцомъ случился приступъ сильной лихорадки. Онъ прилежъ на кровати, какъ бы извиняясь за свою болѣзнь, началъ объяснять ея причину. Голосъ его страшно измѣнился и сталъ рѣзкимъ и низкимъ (обыкновенно онъ говорилъ мягкимъ теноромъ). Причину болѣзни онъ объяснялъ желудочными недомоганiями и неисправностями, а эти послѣднiя явились слѣдствiемъ его питанiя въ Сибири. Питался онъ тамъ почти исключительно кашей (ѣлъ онъ ее, кстати, прямо изъ горшка, чему свидѣтельствуетъ сохранившаяся серебряная столовая ложка, почти четверть которой сточилась отъ ежедневнаго тренiя о глиняныя стѣнки горшка въ продолженiе почти

¹⁾ Фотографiя этого дома (а также и нашего собственнаго) помѣщена въ статьѣ Юдина (Ист. Вѣстникъ, 1905 г., дек.) „Н. Г. Чернышевскiй въ Саратовѣ“. Упомянувъ объ этой статьѣ, не могу не отмѣтить, что въ ней довольно много неточностей.

двадцати лѣтъ). Бывало у него и молоко, которое, по его словамъ, было ему прямо необходимо, какъ лекарство, но часто и его онъ отдавалъ какой-нибудь бѣдной женщинѣ для кормленія ея голоднаго ребенка, а самъ оставался на кашѣ и черномъ хлѣбѣ.

Въ день нашего отъѣзда онъ сравнительно поправился и мы никакъ не думали, что больше намъ уже и не придется съ нимъ увидѣться.

16 октября 1889 г., вечеромъ, мы получили, одну за другою, двѣ телеграммы: «Николай Гавриловичъ сильно боленъ. Завтра другая телеграмма. Ѳедоровъ». «Апоплексія, положеніе опасное, если можно выѣзжайте. Ѳедоровъ»¹⁾). Слабая надежда наша на благополучный исходъ не оправдалась: на другой день пришли поразившія насъ какъ громомъ двѣ телеграммы съ горькою вѣстью: «Умеръ. Ждать васъ или нѣтъ, отвѣчайте. Ѳедоровъ» и другая—«Папаша скончался 12 ч. 37 м. пополуночи. Чернышевская». Конечно мы съ женой тотчасъ же рѣшили ѣхать и послали въ Саратовъ телеграмму съ просьбою подождать хоронить до нашего пріѣзда. До отхода поѣзда оставалось лишь нѣсколько часовъ и я едва успѣлъ заѣхать къ А. Н. Пыпину, который, какъ на грѣхъ, въ тѣ дни прихворнулъ и очень былъ огорченъ тѣмъ, что не могъ ѣхать вмѣстѣ съ нами. Печальна была наша дорога, никогда еще съ такимъ тяжелымъ чувствомъ не подѣзжалъ я къ Саратову; я былъ совершенно подавленъ и пріѣхалъ совсѣмъ больной. Насъ встрѣтили на вокзалѣ М. Н. Пыпинъ и К. М. Ѳедоровъ. Изъ нашихъ ближайшихъ родственниковъ въ Саратовѣ въ то время жили: Николай Дмитріевичъ Пыпинъ (отецъ А. Н. Пыпина), дочь его Варвара Николаевна Пыпина и сынъ Михаилъ Николаевичъ Пыпинъ—всѣ они теперь уже умерли; а также здравствующие и понынѣ Константинъ Николаевичъ Буковскій съ женою Варварою Александровною, дочерью родной сестры моей матушки. К. Н. Буковскій, служившій въ Саратовскомъ земствѣ, распорядился похоронами. Ближайшими свидѣтелями послѣднихъ минутъ жизни моего отца, кромѣ матушки, были К. М. Ѳедоровъ, жившій вмѣстѣ съ ними въ той же квартирѣ, и тетушка моя, Варвара Николаевна Пыпина (старшая сестра А. Н. Пыпина) необыкновенной доброты и рѣдкой души женщина—я никогда не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить о ней. Затѣмъ ближайшимъ помощникомъ въ первыхъ хлопотахъ послѣ смерти былъ и младшій братъ А. Н. Пыпина, Михаилъ Николаевичъ Пыпинъ, нынѣ недавно умершій. Письма его служатъ мнѣ матеріаломъ для настоящей моей замѣтки, пополняя мои личныя воспоминанія о тѣхъ печальныхъ дняхъ, подробно описывать которыя было запрещено газетамъ по цензурнымъ условіямъ того времени. Первымъ же вопросомъ при встрѣчѣ было: «Почему же не пріѣхалъ Саша?» (т. е. А. Н. Пыпинъ). Оказывается, въ Саратовѣ всѣ были увѣрены, что на похороны пріѣдетъ и А. Н. Пыпинъ, но къ сожалѣнію онъ не могъ этого сдѣ-

¹⁾ Константинъ Михайловичъ Ѳедоровъ, нынѣ редакторъ-издатель асхабадской газеты „Закаспійское Обозрѣніе“ и авторъ книжки „Н. Г. Чернышевскій“, жилъ нѣсколько лѣтъ у моего отца и писалъ подъ его диктовку.

лать, не рискуя серьезно расхвораться. По дорогѣ къ дому я узналъ и подробности о ходѣ болѣзни отца.

Какъ я уже упоминалъ, въ августѣ при мнѣ, съ отцомъ случился сильный приступъ лихорадки. Хотя онъ скоро и поправился, повидимому, но это было уже, вѣроятно, началомъ серьезной болѣзни. Лечиться какъ слѣдуетъ отецъ не любилъ, полагаясь на свой крѣпкій организмъ и ограничивался принятіемъ домашнихъ средствъ, которыя сводились къ приему хины и очищенію желудка. Въ половинѣ сентября случился второй, уже болѣе сильный, приступъ лихорадки (конечно, это была уже не просто лихорадка, а нѣчто болѣе серьезное), во время котораго былъ приглашенъ и докторъ (Брюзгинъ), которому, впрочемъ, отецъ не далъ себя изслѣдовать и лечение опять таки свелось къ домашнимъ средствамъ. Все это время отецъ видимо лишь перемогался, что называется; болѣзнь уже стала развиваться сильнѣе, чему по всей вѣроятности способствовали и семейныя непріятности и огорченія, подробно рассказывать о которыхъ я считаю еще несвоевременнымъ.

Несмотря на свою болѣзнь, отецъ не переставалъ работать и продолжалъ переводить исторію Вебера и разбирать матеріалы для біографіи Добролюбова ¹⁾). Переводилъ онъ обыкновенно диктую К. М. Ѳедорову и переводъ шель необыкновенно быстро—въ день переводилось не менѣе половины печатнаго листа, а иногда даже значительно больше,—около цѣлаго печатнаго листа очень убористаго шрифта. Знакомые съ техникою этого труда могутъ оцѣнить такую необычайную быстроту работы.

Привожу краткій послѣдовательный ходъ развитія болѣзни, какъ было записано у меня тогда же.

11 октября, среда.—Утромъ (въ 10¹/₂ час.) отецъ пошелъ на почту. (Онъ всегда самъ отправлялъ всю свою корреспонденцію). Погода была сырая и холодная. Жаловался на тяжесть шубы и надѣлъ болѣе легкое осеннее пальто, но по дорогѣ снялъ и его и остался въ легкомъ люстриновомъ пиджакѣ и полотнянной жилеткѣ. Заходилъ къ Пыпинымъ, Эрминіи Сократовнѣ (сестрѣ матушки) и въ аптекарскій магазинъ, гдѣ спрашивалъ какого то слабительнаго. Пришелъ домой совершенно усталый и прилежъ. Былъ ознобъ.

12 октября, четвергъ.—Цѣлый день работалъ. Перевелъ 18 печатныхъ страницъ исторіи Вебера. Къ вечеру стало нехорошо. Прилежъ. Ничего не ѣлъ и пилъ только молоко.

13 октября, пятница.—Работалъ съ 8 до 10 час. утра, послѣ чего сталъ жаловаться на усталость. Къ вечеру былъ опять ознобъ и легкій бредъ.

14 октября, суббота.—Не работалъ и только написалъ письмо въ Астрахань (кому—не помню теперь) съ благодарностью за при-

¹⁾ Эта работа такъ и осталась неоконченною. Первый томъ, почти совершенно законченный, вышелъ уже послѣ смерти моего отца. Вторымъ томомъ предполагалъ заняться А. Н. Пыпинъ, но не успѣлъ. Въ настоящее время всѣ матеріалы для біографіи Добролюбова переданы нами въ полное распоряженіе Литературнаго Фонда, который и предполагаетъ приступитъ къ ихъ разборкѣ и опубликованію въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ.

сланный тростникъ для мундштуковъ. Между 4 и 9 былъ сильный бредъ. Въ 7 час. вечера былъ докторъ Брюзгинъ. По уходѣ его, самъ сдѣлалъ себѣ промывательное. Съ 9 до 11 час. спалъ, но безпокойно. Ночью былъ сильный поносъ (наканунѣ, въ пятницу и въ четвергъ выпилъ на 15 к. англійской соли).

15 октября, воскресенье.—Всталъ въ 6 ч. утра. Сталъ читать корректуру 1-го тома Вебера (2-го изданія) и прочиталъ цѣлый листъ. Утромъ былъ сильный ознобъ. Часовъ въ 12 ходилъ по всѣмъ комнатамъ, какъ человѣкъ, не находящій себѣ мѣста. Пришелъ въ гостиную, хотѣлъ было прилечь на диванъ, но раздумалъ: «нѣтъ, ужъ я лучше пойду прилягу». Прилегъ у себя на диванѣ. Просилъ потереть спину, сначала у поясницы, потомъ все выше и выше, наконецъ, ужъ затылокъ и макушку. Сначала просто рукой, а потомъ просилъ, чтобы потерли маслицемъ какимъ-нибудь. Днемъ былъ поносъ и рвота. Въ этотъ день зашелъ провѣдать отца А. А. Токарскій. Отецъ поздоровался съ нимъ, какъ съ Токарскимъ, т. е. назвалъ его правильно Александромъ Ардальоновичемъ, но сказалъ: «А я ваше лекарство еще лишній разъ принялъ»—видимо принимая его за доктора. Часовъ въ 6 хотѣлъ сдѣлать себѣ промывательное и все самъ приготовилъ, но не могъ справиться и упалъ на лицо. Вѣроятно, въ это именно время произошелъ параличъ лѣвой стороны. Перенесли его на диванъ уже въ безсознательномъ состояніи. Ночью былъ сильный бредъ. Привожу этотъ бредъ, какъ онъ былъ записанъ К. М. Федоровымъ.

«Инга, инк . . . (вздыхъ) совсѣмъ я разстроены . . . Съ новой строки . . . Если послать въ Шлезвигъ-Гольштейнъ тысячу тридцать шведскаго войска, оно легко разобьетъ всѣ силы датчанъ и овладѣетъ всею Ютландіею и всѣми островами, кромѣ развѣ Копенгагена, который будетъ защищаться упорно. Но въ ноябрѣ, въ скобкахъ поставьте 9-го числа, сдался и Копенгагенъ; датчане обратили все населеніе датской столицы въ свѣтлое серебро, отослали въ Египетъ энергическихъ людей патріотической партіи . . . . Да съ, да съ, такъ гдѣ жъ это, да, съ новой строки . . . Когда мы пріѣхали въ Бѣлградъ по смерти князя Никиты, тамъ, разумѣется, не было и разговоровъ, кромѣ какъ чѣмъ окажется чешская партія . . . Скована ли она, подобно старочешской узкой, не имѣющей гибкости, мрачной программой не очень далекой отъ іезуитскихъ рѣчей . . . .

Здѣсь больной вдругъ замолчалъ и черезъ четверть часа вздохнувъ, тихимъ голосомъ снова началъ:

«Самая маленькая судьба этого человѣка рѣшена, ему нѣтъ спасенія, онъ умретъ черезъ 1½ или 2 недѣли . . . Въ его крови найдена хоть микроскопическая частичка гноя, судьба его рѣшена: черезъ 1½, 2 недѣли онъ умретъ отъ гнойнаго зараженія крови. Нещцѣлимость—непріятна, безсиліе врача—оскорбительно, потому съ самаго возникновенія теоріи гнойнаго зараженія крови были составлены другія, отрицавшія неизбежную смертельную развязку этого зараженія . . . . Между прочимъ священникъ Иванъ Ивановичъ Волковъ, одинъ изъ товарищей Александра Николаевича Добролюбова по семинаріи . . . . .

Н. Г. Чернышевский.

16 октября, понедельник.—Въ 3 ч. утра послѣднія его слова были: «Странное дѣло—въ этой книгѣ ни разу не упоминается о Богѣ»—о какой книгѣ говорилъ онъ—неизвѣстно. Въ 4 ч. утра началась хрипота и икота, наступила агонія, продолжавшаяся почти сутки. Въ ночь на 17 октября скончался.

Отецъ лежалъ въ гробу, окруженномъ со всѣхъ сторонъ роскошными вѣнками. Лицо его было глубоко спокойно; слѣды страданія и скорби исчезли и, несмотря на четвертый уже день (похороны были задержаны до моего приѣзда, т. е. до 20 октября), онъ производилъ впечатлѣніе спокойно уснувшего, сладко отдыхающаго человѣка. Да, только тутъ и нашель онъ отдыхъ, котораго не зналъ всю свою жизнь, и не хотѣлъ знать, да, можетъ быть, и дѣйствительно не чувствовалъ потребности въ отдыхѣ, поддерживаемый кипучею работою нервовъ. Въ первые дни по возвращеніи изъ Сибири, на добродушный совѣтъ А. Н. Пыпина отдохнуть и поберечь себя, не утомлять себя работою, отецъ, видимо волнуясь отъ мысли, что его считаютъ уже разслабленнымъ старикомъ, писалъ: « . . . Ты совѣтовалъ мнѣ отдохнуть отъ утомленія изнурительнымъ путемъ. Мой путь былъ столько жъ изнурителенъ, какъ былъ бы переѣздъ на порядочномъ извозчикѣ изъ Малой Морской на Большую Морскую, и въ каждую минуту его, точно такъ же какъ по окончаніи его, я столько же нуждался въ отдыхѣ, сколько всякій живущій въ своей квартирѣ здоровый человѣкъ нуждается въ отдыхѣ, когда проснувшись послѣ хорошаго сна, умывшись и одѣвшись, напьетса чаю. Въ минуту приѣзда сюда, какъ и на каждой станціи пути, я былъ совершенно готовъ по неустойчивости сѣсть за работу, работать, пока захочется ѣсть, и поѣвъ, продолжать работу до поздней ночи—если начало ея было утромъ, или до поздняго времени дня, если начало ея было ночью. Я умѣю ѣздить не подвергая себя ни малѣйшему утомленію. Но изнурительно мнѣ жить безъ работы . . . »

Незадолго до послѣдней утренней панихиды мѣстный фотографъ-любитель (кажется фамилія его Ольденбургъ) снялъ фотографію съ гроба, окруженнаго вѣнками, но, къ сожалѣнію, условія съемки были крайне неблагоприятны, а фотографическій аппаратъ оказался изъ посредственныхъ, такъ что снимокъ вышелъ довольно неудачный.¹⁾ Впрочемъ, нѣкоторыя надписи на лентахъ вѣнковъ вышли отчетливо. Всѣхъ вѣнковъ было болѣе сорока. На большинствѣ изъ нихъ были ленты съ надписями, а именно:

- Автору «Что дѣлать» отъ русскихъ женщинъ.
- Отъ женщинъ-труженицъ (отъ учительницъ).
- Великому незабвенному учителю и борцу за правду, Н. Г. Чернышевскому. Русскія женщины. (Изъ Петербурга).
- Отъ одесскихъ почитателей и почитательницъ.
- Отъ женщинъ. (Служащихъ въ земствѣ).

¹⁾ Раньше, когда отецъ лежалъ еще на столѣ, была снята, и довольно удачно, фотографія мѣстнымъ фотографомъ Егеревымъ. Хотѣли было снять гипсовую маску съ лица покойнаго, но не могли найти никого, кто бы взялся за это, или, лучше сказать, сумѣлъ бы взяться.

— Миръ праху твоему, страдалецъ. (Отъ мѣстнаго кружка молодежи).

— Уму и таланту. (Отъ служащихъ въ контролѣ сборовъ тамб.-сарат. ж. д.)

— Мыслителю и гражданину.

— Памяти великаго писателя отъ интеллигенціи (оба эти вѣнка отъ мѣстныхъ политическихъ ссыльныхъ).

— Учителю.

— Отъ Саратовскаго Литературнаго Фонда.

— Н. Г. Чернышевскому отъ редакціи и сотрудниковъ газеты «Саратовскій Дневникъ».

— Николаю Гавриловичу Чернышевскому (отъ редакціи газеты «Саратовскій Листокъ»),

— Сѣятелю великихъ идей отъ кружка почитателей.

— Страдальцу отъ нижегородскихъ почитателей.

— Великому писателю отъ нижегородскихъ почитателей.

— Николаю Гавриловичу Чернышевскому.

— Отъ Харьковской интеллигенціи.

— Отъ молодежи незабвенному и дорогому (отъ мѣстныхъ ссыльныхъ).

— Страдальцу отъ студентовъ Казанскаго университета. (Оба эти вѣнка погребены вмѣстѣ съ гробомъ).

— Гражданину и мыслителю отъ студентовъ Петровской Академіи.

— Н. Г. Чернышевскому отъ московскаго студенчества.

— Дорогому учителю, страдальцу за идею отъ студентовъ Петербургскаго университета.

— Апостолу правды Н. Г. Ч. отъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова (серебряный вѣнокъ).

— Н. Г. Чернышевскому. Студенты Горнаго Института.

— Н. Г. Чернышевскому отъ студентовъ Лѣснаго Института.

— Николаю Гавриловичу Чернышевскому отъ учащихся въ Петербургѣ пермяковъ.

— Н. Г. Чернышевскому отъ русскихъ студентовъ Дерптскаго университета и ветеринарнаго института.

— Н. Г. Чернышевскому отъ студентовъ технологовъ.

— Н. Г. Чернышевскому отъ студентовъ Новороссійскаго университета.

— Отъ русской учащейся молодежи дорогому учителю и Wielkiemu obroncy ucisnionych mlodziej polska-studiosi warsovienses.

Кромѣ этихъ вѣнковъ и вѣнковъ отъ родныхъ (много вѣнковъ было прислано уже послѣ похоронъ) было нѣсколько вѣнковъ и безъ всякихъ надписей съ одними лишь черными лентами—время было тяжелое и потому нѣкоторыя лица нашли, вѣроятно, рискованнымъ печатать на лентахъ какіе либо надписи изъ боязни конфискаціи ихъ полиціею.

Вѣсть о кончинѣ отца быстро разнеслась по всей Россіи, и отовсюду стали получаться телеграммы и письма съ выраженіями соболѣзнованія о горькой утратѣ. Всѣ телеграммы адресовались или

прямо на имя матушки или въ редакціи мѣстныхъ газетъ. Привожу текстъ главнѣйшихъ изъ полученныхъ телеграммъ:

Астрахань.—Сейчасъ почитатели покойнаго Николая Гавриловича отслужили панихиду и выражаютъ вамъ соболѣзнованіе по случаю тяжелой утраты.—*Никольскій.*

Барнаулъ.—Утрата незабвеннаго Николая Гавриловича вызываетъ глубочайшее горе.—*Овсянкинъ, Олесиновъ, Голубевъ, Олесинова, Шерръ.*

Варшава.—(Письмо на имя редактора газеты «Саратовскій Дневникъ».).

«Глубокоуважаемый г. Редакторъ.

Къ Вамъ, какъ представителю тѣхъ работниковъ мысли, къ которымъ принадлежалъ незабвенный Н. Г. Чернышевскій, варшавская учащаяся молодежь рѣшается обратиться съ слѣдующей просьбой въ твердой надеждѣ, что Вы не откажетесь исполнить ее.

Во первыхъ, выразите отъ лица этой молодежи глубокое сочувствіе семьѣ дорогого ей покойника. Скажите ей, что ея горе глубоко чувствуется нами и что ударъ, поразившій ее, поразилъ также и насъ, такъ далеко живущихъ отъ незабвенной могилы. Скажите ей, что Николай Гавриловичъ не умеръ, что какъ въ душѣ своихъ родныхъ, такъ и въ нашихъ лучшихъ воспоминаніяхъ, въ нашихъ задушевнѣйшихъ думахъ онъ живетъ и долго еще будетъ жить, что и мертвый онъ будетъ будить въ насъ лучшія стремленія и напоминать намъ о лучшихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, что и мертвый онъ по старому заставляетъ насъ забывать о всѣхъ недоразумѣніяхъ, возникавшихъ и возникающихъ между представителями двухъ народностей..... Скажите семьѣ покойнаго, что какъ ни ничтожно это утѣшеніе въ сравненіи съ утратой, понесенной ею, оно идетъ отъ сердца не одного десятка, а можетъ быть, и не одной сотни молодежи, которая всегда видѣла и видитъ въ Николаѣ Гавриловичѣ своего дорогого учителя. Во вторыхъ, отъ лица той же молодежи возложите на могилу Николая Гавриловича два вѣнка, сведенные между собою связью (что имѣетъ особое символическое значеніе.).

Если съ надписями будутъ какія затрудненія, то снимите ихъ и вручите семьѣ покойнаго.

Русскіе и польскіе студенты университета и ветеринарнаго института.

(При письмѣ былъ присланъ вѣнокъ, или вѣрнѣе, два вѣнка, соединенныхъ между собою металлическою лентой съ надписью «*Studiosi Warsovienses*». На лентѣ же было написано: по-русски—«Отъ русской учащейся молодежи дорогому учителю» и по-польски—«*Wielkiemu obroncy ucisnionych mlodziez polska*».).

Дерптъ.—Все русское студенчество въ Дерптѣ, глубоко пораженное вѣстью о кончинѣ незабвеннаго Николая Гавриловича, скорбитъ вмѣстѣ съ вами о тяжелой утратѣ.

Дерптъ.—Въ присутствіи 20 студентовъ сейчасъ отслужена въ соборѣ панихида.

Казань.—Примите искреннее выраженіе моей глубокой скорби по поводу вашей невозвратной утраты.—*Рейнгардтъ.*

Минскъ.—Глубоко опечаленные утратой великаго учителя двухъ

поколѣній, шлемъ вамъ искреннее выраженіе нашего соболѣзнованія. Вы похоронили то, что было смертнаго въ Николаѣ Гавриловичѣ, но слава его не умретъ, пока живы въ русскомъ обществѣ любовь къ народу и стремленіе къ справедливости, пока не угасла въ немъ вѣра въ лучшіе идеалы челоувѣчества.—*Почитатели.*

Москва.—Глубоко огорчены кончиною уважаемаго Николая Гавриловича. Просимъ выслать корректуру и оригиналь исторіи Вебера.—*Типографія Исленьева.*

Москва.—Редакція «Русской Мысли» приноситъ выраженіе искренней печали о кончинѣ Николая Гавриловича Чернышевскаго.—*Лавровъ, Гольцевъ, Ремезовъ.*

Москва.—Редакція «Русскихъ Вѣдомостей», высоко цѣня заслуги покойнаго супруга вашего въ области науки и публицистики, проситъ васъ принять выраженіе искренней скорби по поводу его кончины.

Нижній.—Глубоко сочувствую вашему горю о незамѣнимой утратѣ. Присоединяю и мое послѣднее прости незабвенному Николаю Гавриловичу, великому страдальцу.—*Илларионъ Короленко.*

Нижній.—Приношу мою искреннюю, глубокую скорбь на могилу покойнаго.—*Захарьинъ.*

Нижній.—Примите глубокую скорбь объ утратѣ великаго писателя и челоувѣка.—*Анненскій, Анненская, Бюословскій, Бюгородскій, Баршевъ, Барянскій, Бодановичъ, Вознесенскій, Васильевъ Н., Васильевъ, Вѣнскій Д., Васнецовъ, Владиміровъ, Гацисскій, Голиковъ, Добровольскій, Дряинъ, Ермолинскій, Елпатьевскій С., Елпатьевская Л., Евтихеевъ, Захарьинъ, Зетрѣвъ, Исаковичъ, Короленко И., Короленко В., Короленко А., Кошкарровъ, Кисляковъ М., Кисляковъ А., Кисляковъ Н., Колосовъ, Кащенко П., Кащенко В., Кащенко О., Карповъ, Козлова, Козловъ, Килевейнъ Г., Красовскій, Константиновъ, Лазаревскій, Лошкарева, Лошкаревъ, Личжусъ, Ланинъ, Меморскій А. Н., Неволинъ, Ольхинъ, Остафьевъ, Позернъ, Пругавинъ, Поповъ, Пастуховъ, Плотниковъ, Романовъ, Розанова, Розановъ, Рождественскій П., Савельева А. И., Савельевъ, Севастьяновъ, Сиповичъ, Силантьевъ, Страхова, Соколовъ Н., Соколовъ, Сибиряковъ, Фрелихъ А., Фрелихъ Н. А., Фрелихъ Н. Н., Фольцъ, Цомакионъ, Шмидтъ О., Шмидтъ О., Ширяева, Ширяевъ, Щеловъ*

Одесса.—Почитательницы и почитатели Чернышевскаго съ прискорбіемъ узнали о кончинѣ великаго мыслителя и ученаго, имя и идеи котораго никогда не изгладятся изъ памяти русскаго общества. Миръ праху твоему честный челоувѣкъ.

Одесса.—Студенты Новороссійскаго университета съ глубокимъ прискорбіемъ услышали вѣсть о кончинѣ великаго писателя Чернышевскаго, оказавшаго неоцѣненную услугу русскому обществу въ пробужденіи въ немъ сознательнаго и критическаго отношенія къ дѣйствительности. Съ благоговѣніемъ преклоняемся предъ прахомъ нашего незабвеннаго учителя, имя котораго долго долго будетъ жить въ памяти современниковъ и потомства.

Петербургъ.—Примите выраженіе горести о кончинѣ незабвеннаго публициста Николая Гавриловича Чернышевскаго.—*Кетрицъ, Кудрявцевъ, Медвѣдевъ.*

Петербургъ.—Память о честномъ человѣкѣ будетъ для насъ незабвенна.—Нефедовъ, Спицынъ, Лепешинскій, Нефедова.

Петербургъ.—Студенты С.-Петербургскаго университета выражаютъ свое искреннее и глубокое соболѣзнованіе по поводу утраты дорогого учителя и человѣка, слово котораго не расходится съ дѣломъ. Память его для насъ незабвенна.

Петровское-Разумовское.—Тяжело и горько намъ было услышать вѣсть о кончинѣ глубокоуважаемаго Николая Гавриловича. Мы не жили въ ту великую эпоху русской жизни, которой онъ является самымъ яркимъ и живымъ выразителемъ, но и для насъ онъ былъ любимымъ учителемъ и мужественнымъ гражданиномъ, а теперь, сошедши со сцены, оставилъ русскую молодежь еще болѣе осиротѣлой въ самое тяжелое для нея время. Пусть наша искренняя любовь къ покойному и глубокое сочувствіе къ его идеаламъ смягчаютъ горе и тоску отъ понесенной вами утраты.—*Студенты Петровской Академіи.*

Харьковъ.—Харьковскіе студенты выражаютъ искреннее соболѣзнованіе по случаю смерти незабвеннаго Николая Гавриловича. Сейчасъ отслужили панихиду.

Харьковъ.—Лучшая часть русскаго общества, а съ нимъ и студенчество, понесли громадную потерю въ лицѣ угасшаго въ глуши покойнаго вашего мужа, Николая Гавриловича. Будьте увѣрены, что въ этотъ страшный день у гроба дорогого покойника вмѣстѣ съ вами мысленно присутствуютъ и всѣ лучшіе люди Россіи. Да поможетъ вамъ это сознаніе легче справиться съ вашимъ горемъ.—*Студенты ветеринарнаго института.*

Число телеграммъ конечно было бы больше, если бы и въ это дѣло не вмѣшивалась полиція: какъ потомъ выяснилось, многія телеграммы оставались не отправленными и возвращались обратно подавателямъ. Старанія полиціи были направлены и къ тому, чтобы въ печати не появлялось подробныхъ описаній похоронъ (коротенькія замѣтки все-таки были помѣщены въ мѣстныхъ газетахъ).

Привожу теперь выписки изъ писемъ М. Н. Пыпина къ роднымъ въ Петербургъ:

«Безсиліе врачей оскорбительно—сказалъ, между прочимъ, Николай Гавриловичъ въ своемъ предсмертномъ бреду; еще болѣе оскорбительны ихъ невѣжество и небрежность—скажу я, какъ скажутъ и многіе другіе; первый приглашенный докторъ не понялъ болѣзни, а второй, если и понялъ, то не принялъ никакихъ серьезныхъ мѣръ для предотвращенія апоплексическаго, т. е. мозговаго удара. О ходѣ болѣзни я ничего не буду писать тебѣ, Сережа; ¹⁾ скажу только, что она была мучительна; еще мучительнѣе была агонія, длившаяся полсутокъ.

«Варенька ²⁾ послала за мною тотчасъ, какъ только скончался Николай Гавриловичъ (впрочемъ и сама пришла слѣдомъ за посланной, такъ какъ забыла написать, что мнѣ слѣдовало захватить изъ дому). Пока я и нашъ дворникъ обмывали тѣло, Костенька ³⁾, пере-

¹⁾ Сергѣй Ник. Пыпинъ, умершій въ 1903 г.

²⁾ Варвара Ник. Пыпина, тоже уже покойная. (1892 г.).

³⁾ К. М. Федоровъ.

писчикъ Николая Гавриловича, и Буковскій (мужъ Ольги Сократовниной племянницы, дочери Анны Сократовны) отвезли къ намъ почти всѣ бумаги, бывшія въ письменномъ столѣ Николая Гавриловича; у Ольги Сократовны остались спрятанными наиважнѣйшія его бумаги, переданныя имъ ей лично въ первые дни болѣзни. Этотъ Буковскій и распоряжался затѣмъ. Пришли мы съ Варенькой домой часа въ 4, а въ 7-мъ я отправился къ нашему священнику сказать о похоронахъ, панихидахъ и т. д. Мнѣ не приходилось присутствовать на утреннихъ панихидахъ; надо было оставаться дома; со словъ другихъ только могу сказать, что на нихъ народу было немного; но на вечернихъ бывало очень много, день ото дня все больше и больше, такъ что напр. на второй уже день масса публики стояла на лѣстницѣ и на дворѣ за невозможностью проникнуть въ комнаты. На первой вечерней панихидѣ обращалъ на себя всеобщее вниманіе Мосоловъ, политическій ссыльный шестидесятихъ годовъ, ученикъ Николая Гавриловича (т. е. въ здѣшней гимназіи). Уже съдой старикъ онъ горько плакалъ все время панихиды. Плакали многіе. Съ перваго же дня стали носить вѣнки. . . . (дальше идетъ перечисленіе нѣкоторыхъ вѣнковъ и надписей, которыя уже приведены выше). Во время шествйя процессіи (по Александровской улицѣ) возложенъ на катафалкъ вѣнокъ отъ студентовъ Казанскаго университета, а вчера особый депутатъ отъ студентовъ московскихъ вообще произнесъ передъ Ольгою Сократовною (на квартирѣ ея) рѣчь соболѣзнованія и привезъ великолѣпный и громадный фарфоровый вѣнокъ. Съ ихъ надписями вышла исторія—у полиціи уже былъ списокъ надписей (на панихидѣ замѣтили переодѣтыхъ, а на дворѣ и у воротъ стояли прямо въ формѣ) и она заявила, чтобы сняли ленты съ надписями «Автору «Что дѣлать» и «Сѣятелю великихъ идей»; однако ихъ оставили до Миши. Вѣнокъ съ надписью «Страдальцу» принесенъ уже при Мишѣ и онъ сказалъ тѣмъ, кто его принесъ: «Къ прискорбію моему долженъ заявить, господа, что этотъ вѣнокъ долженъ остаться здѣсь» (т. е. не можетъ быть оставленъ на катафалкѣ). Вѣнки, за исключеніемъ Ольги Сократовнинаго и Сашинаго ¹⁾, лежавшихъ на груди Николая Гавриловича, и вѣнковъ живого и хвойнаго, облежавшихъ его голову, были всѣ размѣщены по угламъ и крышѣ катафалка; ленты съ надписями, за исключеніемъ надписей «Автору «Что дѣлать» и «Сѣятелю» (онѣ были особливимъ образомъ свернуты), развѣвались по воздуху и надписи издалека можно было видѣть, а нѣкоторыя даже и прочесть. Когда у могилы тѣло покрыли коленкоромъ и собрались уже привинчивать крышку, внезапно появились тѣ два металлическихъ вѣнки съ надписями «Страдальцу» и «Миръ праху твоему, страдалецъ», были возложены на грудь и тотчасъ же наложили крышку и закрѣпили ее. . . . «Мое разстройство было бы несравненно больше, еслибъ я присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ жизни Николая Гавриловича; но тамъ изъ насъ была только Варенька, и та съ Ольгой Сократовной прятались отъ Николая Гавриловича, когда онъ былъ въ памяти; на второй день болѣзни Николай Гавриловичъ самымъ настоящимъ

¹⁾ Т. е. А. Н. Пшпява.

образомъ просилъ Ольгу Сократовну не посылать ни за докторомъ, ни за Варенькою. Доктору Брюзгину удалось изслѣдовать больного, когда тотъ былъ уже безъ памяти. Возвращусь нѣсколько назадъ: почти мѣсяцъ тому назадъ 16 сентября Николай Гавриловичъ заболѣлъ точно такъ же; несмотря ни на что Ольга Сократовна послала за ближайшимъ врачомъ, вотъ этимъ Брюзгинимъ; Николай Гавриловичъ не далъ себя изслѣдовать и прямо ему сказалъ, чтобы тотъ больше не приходилъ, что «я лечиться не стану». Когда Варенька, за которою тогда послала Ольга Сократовна, вошла къ нему, онъ первымъ дѣломъ просилъ ее ничего не говорить ему о болѣзни и т. д., Варенька въ тотъ разъ пробыла тамъ часа два и по приходѣ рассказывала мнѣ, что онъ, напр., ходитъ, говоритъ о чемъ нибудь и безпрестанно разговоръ смѣнялся бредомъ; я выразилъ опасеніе за воспаленіе мозга, но когда Варенька сказала, что предъ ея уходомъ онъ сталъ ужасно потѣтъ, я за вѣрное сказалъ Варенькѣ, что болѣзнь миновала, или начала проходить; такъ оно и было. Въ этотъ разъ Брюзгинъ находилъ только малярійную лихорадку и далъ только хины; но уже А. А. Токарскій замѣтилъ (онъ бывалъ у Чернышевскихъ и Ольга Сократовна взвалила на него предъ Николаемъ Гавриловичемъ отвѣтственность за приглашеніе доктора) неладное и заговорилъ о консилиумѣ. Это было 15-го вечеромъ; 16 съ ранняго утра Токарскій поѣхалъ за докторами: тотъ отказывается, тотъ спитъ; въ концѣ концовъ кромѣ Брюзгина явились Кротковъ и Бонвечъ; результатомъ ихъ совѣщаній была телеграмма Мишѣ, что Николай Гавриловичъ заболѣлъ, но опасности нѣтъ; въ этой же телеграммѣ было сказано, что окончательное мнѣніе или діагнозъ будетъ ими высказанъ завтра; Бонвечъ взялъ пять рублей и уѣхалъ; но Брюзгинъ и Кротковъ (специалисты по нервнымъ болѣзнямъ) оставались, причемъ Кротковъ высказалъ мнѣніе о возможности воспаленія мозговыхъ оболочекъ; Николай Гавриловичъ былъ въ бреду, но сознание окружающаго, должно быть, еще было, ибо на многократныя, настойчивыя и громкія просьбы Кроткова: «Николай Гавриловичъ, высуньте языкъ»—Николай Гавриловичъ разъ произнесъ: «Я бы вамъ его высунулъ, да вы мнѣ его вырвете» и въ другой разъ: «Онъ у меня толстый». Слышалъ, что только при этомъ второмъ отвѣтѣ у докторовъ явилась мысль о возможности удара (т. е. я слышалъ такъ, что если больной чувствуетъ, что языкъ его толстъ, то это указываетъ на возможность удара); но чего либо экстреннаго не предпринимали все-таки. Въ 12 час. или въ 1 ч. (того же 16 октября) замѣтили, что отнялась лѣвая сторона. Въ 9-мъ часу вечера Варенька вернулась домой, чтобы захватить кое-что изъ бѣлья и сказать, что она пойдетъ туда опять и говорила, что больной такъ хрипитъ, что слышно чуть не на дворѣ, что послали въ аптеку за кислородной подушкой и мускусомъ, на голову же клали резиновый мѣшокъ со снѣгомъ. Какъ мнѣ ни хотѣлось пойти съ нею, я на это не рѣшился; тамъ все время были (съ утра до самаго конца) оба доктора, былъ тамъ Буковскій, былъ наконецъ Костенька, который у нихъ считается давно уже своимъ человѣкомъ; не хотѣлось оставлять одного папеньку и разныя другія соображенія; главное, я никакъ не думалъ о близкой смерти; правда, съ тѣхъ са-

михъ поръ, какъ я увидѣлъ Николая Гавриловича лично, я полагаю, что онъ умретъ разомъ, отъ удара мозгового или нервнаго; теперь, если мелькала мысль о возможности его смерти, то съ нею боролась другая мысль, что удастся его вылечить; правда, ужасно было бы его положеніе, если бы онъ выздоровѣлъ лишь настолько, чтобы сознавать невозможность работы; смерть была предпочтительнѣе—многіе говорили это, между прочимъ, говорила мнѣ это лично Ольга Сократовна, а кто не говорилъ, тотъ думалъ. Во всякомъ случаѣ я сказалъ Варенькѣ, чтобы непременно послали за мною, если бы была надобность. Повторяю, о близости смерти не помышлялъ. Калитку приказалъ не запирасть и не раздвѣваясь прилежъ. Въ концѣ перваго за мною прислали и сама Варенька пришла, какъ говорено выше, Я ужъ и позабылъ, что хотѣлъ сдѣлать оговорку; вся она, впрочемъ, въ томъ и состоитъ, что я намѣревался переждать нѣсколько дней; а затѣмъ у меня явилась мысль послать тебѣ письмо съ Мишей, хотя бы безсвязное и кое-какъ нацарапанное; я счелъ это болѣе удобнымъ въ виду тѣхъ мѣръ, за которыя взялась полиція; на примѣръ, многія телеграммы, посланныя здѣшними литераторами въ петербургскія и московскія газеты, хотя и были приняты на станціи, но затѣмъ были возвращены подателямъ. Полиція вела себя, положимъ, не очень нахально, но все же въ достаточной мѣрѣ нагло и подло; шныряли переодѣтые; у нашей церкви поставили городовыхъ конныхъ и пѣшихъ; околodочные въ формѣ и безъ формы шныряли и въ церкви и около нея; на примѣръ, хотъ на кладбищѣ: стоитъ группа изъ пристава, помощника его и околodочнаго; я прохожу съ давнимъ моимъ и нашимъ знакомымъ Г. П. Ф.—мъ; приставъ шепчетъ (можно было слышать) «это кто?»—околodочный докладываетъ ему на ухо; о моемъ спутникѣ тоже. Оправдывали поведеніе администраціи внушеніями свыше, т. е. изъ Петербурга. Нѣкоторые умники находили поведеніе деликатнымъ; что же назвали бы они неделикатнымъ? Могло быть и то, что полиція боялась быть нахальнѣе; говорятъ, что предупреждали, что въ случаѣ чего ее могутъ разнести. Надо отдать справедливость молодежи вообще, поднадзорной въ особенности; спасибо, спасибо имъ; только они и выказали себя настоящими почитателями и цѣнителями Николая Гавриловича. На панихидахъ и погребеніи были преимущественно молодежь, а въ ней преобладалъ женскій полъ; не возвращенные еще тягостями жизни и разными расчетами и соображеніями, сохранившіе свое сердце и душу чистыми, они отдали должную дань памяти покойнаго; безъ душевнаго волненія нельзя было видѣть нѣкоторыя молодья, почти дѣтскія личики, проникнутыя глубокою скорбью. Многіе плакали. Многіе можетъ быть не понимали истинныхъ заслугъ Николая Гавриловича, но всѣ знали въ общемъ, что за человекъ былъ покойный. Вѣрное въ общихъ чертахъ пониманіе его встрѣчалось тамъ, гдѣ нельзя было и предполагать; напр., противъ насъ живетъ старичекъ; Богъ его знаетъ, кто онъ такой; возвращаемся мы съ Варенькой съ кладбища, и вотъ что намъ рассказываетъ Прокофѣичъ: ¹⁾ стоялъ онъ на углу у дома Чернышевскихъ со

¹⁾ Дворникъ дома Пешинныхъ.

скамьей, приготовленной для литіи, здѣсь же и толпа народа, собравшагося въ ожиданіи процессіи. И вотъ въ этой толпѣ старичекъ этотъ (совершенно трезвый) кричалъ: «За что замучили человѣка? За то, что правду говорилъ. А сами гдѣ?» . . . . . и ужасно бранилъ «начальство». Какъ его не забрали въ полицію—удивлялся и Прокофьичъ. Варенька слышала по пути, какъ одна старушка, видя полицію, сопровождающую гробъ, сказала: «И мертваго то боятся, спокойно умереть не дадутъ». Мнѣ на пути также пришлось слышать нѣсколько добрыхъ замѣчаній. . . . .

. . . «На другой день смерти Николая Гавриловича явился къ Ольгѣ Сократовнѣ артиллерійскій офицеръ К. и просилъ позволенія снять съ Николая Гавриловича портретъ масляными красками (фотографическую карточку сняли еще утромъ въ день смерти). «Для кого же вы будете снимать? спрашиваетъ она.—«Конечно, для васъ».—«Въ такомъ случаѣ можно», разрѣшила она и К. тотчасъ же отправился въ Радищевскій музей, откуда вернулся не только съ мольбертомъ, палитрой и проч., но привезъ съ собою и профессиональнаго художника Попова, и тотчасъ принялись за дѣло съ двухъ — разныхъ пунктовъ. Этотъ К. хотя никогда у насъ не былъ и мы ни разу его не видѣли, однако намъ родственникъ: онъ женатъ на . . . Ольга Сократовна у нихъ бывала. Портреты еще не отосланы, но схожи, причемъ портретъ, рисованный Поповымъ лучше; быть можетъ потому, что онъ удачнѣе выбралъ мѣсто для сниманія ¹⁾. . . . (Ольга Сократовна) намѣревалась снять фотографію съ кабинета, но раздумала, и кабинетъ былъ карандашно срисованъ тѣмъ же К-мъ. . . . Черезъ полчаса по нашемъ возвращеніи со станціи, стали собираться народъ въ ожиданіи выноса и все больше и больше; уже фотографъ, приглашенный по желанію Ольги Сократовны, чтобы снять фотографію съ гроба со всѣми на немъ вѣнками, не безъ труда могъ поставить свой аппаратъ, а священникъ съ трудомъ могъ проникнуть къ гробу для послѣдней предъ нимъ службы; словомъ, такъ много было народу, что и своимъ трудно было повернуться.

. . . «Мнѣ довольно приходилось видѣть покойниковъ, но никогда я не видѣлъ, чтобы лицо могло такъ измѣняться со смертью, какъ измѣнилось оно у Николая Гавриловича (оно стало значительно красивѣе и очень напоминало лицо Некрасова). Какъ будто бы самыя черты рѣзко измѣнились; особенно это измѣненіе бросилось въ глаза, когда къ вечеру перваго дня лицо немного припухло; опасались, что оно распухнетъ еще болѣе, но этого не случилось; напротивъ, къ вечеру втораго дня опухоль уменьшилась, но не високъ, гдѣ, вѣроятно и произошло кровоизліяніе въ мозгъ. Не осталось на лицѣ и слѣдовъ того изнуренія, которое такъ бросалось мнѣ въ глаза при обмываніи и которое такъ врѣзалось мнѣ въ память. Тѣ, кто видѣлъ Николая Гавриловича въ первый разъ въ гробу и представить себѣ не могли его лица живого. . . . .

. . . «Понесли гробъ: въ ногахъ А. А. Токарскій и В. Н. Поллакъ (литераторъ, знакомый Николаю Гавриловичу и ему понравившійся),

¹⁾ Портретъ, рисованный Поповымъ, находится у меня; это, вѣришь, наскоро набросанный этюдъ, чѣмъ законченный портретъ. Портрета же, рисованнаго К—мъ, я не видалъ и не знаю, какава судьба постигла его.

въ серединѣ я и Костенька, въ головахъ К. Н. Буковскій и Миша. Буковского кто то смѣнилъ на полпути, Токарскаго кто то смѣнилъ у дома Чернышевскихъ (около ихъ дома было двѣ литіи—по пути въ церковь и обратно); около церкви стояла уже толпа; передъ входомъ выстроились шпалерами нѣсколько городовыхъ; высшіе полицейскіе чины мелькали тамъ и сямъ; нести было тяжело; какой то умникъ распорядился притомъ нести гробъ въ церковь не по Гимназическому а по Бабушкину взвозу, чѣмъ путь значительно удлинился; полицейскіе, конные и пѣшіе, хотя и не въ большемъ количествѣ, провожали процессію до самаго кладбища.

. . . «Въ церкви очень многіе прощались (всѣмъ было немисливо) съ Николаемъ Гавриловичемъ, причемъ я замѣтилъ, что преимущественно цѣловали его руку; принуждены были разрывать на части гирлянды изъ живыхъ цвѣтовъ, каковыя части дальше раздѣлялись на части мельчайшія, а также отрывать листы изъ лавровыхъ вѣнковъ.

. . . «При выносѣ изъ церкви произошла нѣкоторая особенность. Мы выходили изъ церковнаго притвора на паперть, когда среди пѣнія и плача, Ольга Сократовна, не спускавшая глазъ съ лица Николая Гавриловича, воскликнула рыдающимъ голосомъ: «Голубчикъ, онъ слышитъ, онъ плачетъ; Миша, смотри—слеза!» Миша оглянулся и подавленнымъ отъ слезъ голосомъ сказалъ «да, да». Оглянулся и я и, дѣйствительно, замѣтилъ, что во внутреннемъ углу лѣваго глаза проступила капля прозрачной жидкости. . . .

«Изъ церкви несли тѣ же; только Токарскаго, который еще съ той смѣны ушелъ въ судъ, замѣнилъ докторъ Кротковъ. Отслужили литію у угольнаго дома ¹⁾ и начали подниматься по Гимназическому взвозу; теперь все громче и громче стали раздаваться голоса, чтобы служить литію у гимназій, но директоръ, очевидно ожидая этого, вслалъ сказать священнику, что онъ не желаетъ, чтобы у гимназій служили литію, и священникъ отказался служить ее... У гимназій мы всѣ смѣнились, чтобы дать мѣсто массѣ желающихъ нести гробъ и съ нетерпѣніемъ того ожидающихъ. Шли по Нѣмецкой, Александровской и Московской. Прошли уже нѣкоторое разстояніе по этой послѣдней, когда ко мнѣ, шедшему въ сторонѣ, обратился одинъ изъ молодежи, котораго я постоянно видѣлъ на панихидахъ: «Вотъ женщины желаютъ нести, да не знаютъ какъ»—а я ему: «Что жъ онѣ думаютъ, вѣдь это надо сейчасъ, дальше имъ будетъ не подъ силу». Тотъ бросился въ женскую толпу, тамъ заполошились и тотчасъ же смѣнили всѣхъ мужчинъ. А дальше имъ было бы дѣйствительно не подъ силу; въ городѣ было очень грязно, а за городомъ и говорить нечего: грязь чуть не по колѣно. Когда отошли отъ торода, многіе сѣли въ экипажи, и мы впередъ поѣхали на кладбище; но мужская и женская молодежь (впрочемъ и не одна молодежь) бодро шли впередъ и съ неослабѣвающей охотой несли гробъ до самаго кладбища; на Московской улицѣ провожающіе организовали хоръ и онъ пѣлъ прекрасно; лучше чѣмъ тотъ хоръ, который былъ въ церкви и который на половину состоялъ изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Участіе въ

¹⁾ т. е. у нашего дома—на углу Бол. Сергіевской и Гимназической.

немъ многихъ женскихъ голосовъ придавало пѣнію еще больше красоты и задушевности; я никогда не слыхалъ такого хорошаго похороннаго пѣнія. Катафалкъ, везомый четырьмя лошадьми, украшенный вѣнками съ развѣвающимися лентами, несеніе гроба женщинами, этотъ хоръ, масса провожающихъ—придавали всей процессіи торжественно-необычайный видъ и дѣлали похороны такими похоронами, какихъ Саратовъ не видѣлъ, да никогда и не увидитъ. А тотъ, кто лежалъ въ этомъ гробу? Какъ мало все это согласовалось съ тою простотою, которую онъ вездѣ и во всемъ любилъ! Но развѣ можно считать эту торжественность оскорбленіемъ его памяти? Скорѣе можно считать такимъ оскорбленіемъ то безучастіе, если не сказать больше, которое было выказано такими сферами интеллигенціи, отъ которыхъ наиболѣе было возможно ожидать всяческихъ заявленій сочувствія къ памяти покойнаго; такъ, на панихидахъ я видѣлъ только двухъ докторовъ, да трехъ адвокатовъ; два адвоката привезли маленькій вѣнокъ безъ всякой надписи и моментально исчезли. На кладбищѣ было 4 адвоката (т. е. присяжныхъ повѣренныхъ), да 3 доктора; было нѣсколько чиновниковъ контроля тамбово-саратовской ж. д., одинъ акцизный...

... «Теперь, бросая ретроспективный взглядъ на эти четыре мѣсяца, право все больше и больше проникаешься предположеніемъ, почти увѣренностью, что это было сплошное мученье, медленное, неуклонное приближеніе къ смерти. Въ докторской замѣткѣ, помѣщенной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Саратовскаго Листка» и содержащей краткое описаніе болѣзни Николая Гавриловича, было сказано, что вообще онъ «казался совершенно здоровымъ». Это вздоръ; вообще эта замѣтка не внушила мнѣ довѣрія: очень ужъ сквозить въ ней желаніе самооправданія заднимъ числомъ... Здѣсь вообще могли очень мало печатать о Николаѣ Гавриловичѣ; напримѣръ, воскресному фельетонисту того же «Листка», желавшему коснуться тогдашней злобы дня, цензоръ (это было 21 октября) прямо сказалъ, что онъ не пропуститъ ни одного слова. Фельетонистъ «Дневника» вернулся о томъ нѣсколько словъ (22 октября), но такъ тупо и безтактно, что я никакъ не ожидалъ этого. С. С. Гусевъ хотѣлъ провести маленькую параллель между смертью купца и писателя: параллель старая и давно избитая, но здѣсь она могла бы прійтись кстати, ибо 18 октября хоронили здѣсь богатаго купчину; вышло нѣсколько безтактныхъ словъ...

... «Смерть вообще производитъ ошеломляющее дѣйствіе; тѣмъ болѣе эта; а то, что слѣдуетъ за нею, вся эта суета, безпорядокъ— всего этого не уложить въ стройную рамку послѣдовательнаго разсказа; и мнѣ гораздо легче писать вамъ не гонясь за послѣдовательностью и порядкомъ; и теперь еще, уже на пространствѣ трехъ недѣль, я точно въ туманѣ представляю себѣ тѣ печальные дни: надо очень хорошо владѣть словомъ, чтобы только приблизительно выразить свое чувство; право я никакъ не могу хорошенько выразить свою настоящую мысль; какъ то невольно, подавляюще, чувствовалось, что умеръ какой то необычный человѣкъ; какая то невыразимо-тоскливая жалость охватила меня всего, когда я только мель-

комъ взглянулъ на Николая Гавриловича со сложенными на груди руками и подвязаннымъ подбородкомъ. Плохо помню, какъ я дошелъ туда; но тамъ первую бросилась мнѣ въ глаза фигура Ольги Сократовны, согнувшаяся, съ компрессомъ на головѣ и какъ то странно потемнѣвшимъ лицомъ; потомъ я помню, что она взяла меня за руку, сказала: «Подите, проститесь съ нимъ» и хотѣла подвести меня къ дивану, на которомъ онъ лежалъ; но не доходя до него нѣсколькихъ шаговъ она пригнулась къ моему плечу и горько-горько заплакала, а я нѣжно цѣловалъ ея руку, бывшую въ моей рукѣ...

. . . «Пока приготавливали воду для обмыванія, я прошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣли еще оба доктора—Кротковъ и Брюзгинъ—только что кончившія составленіе подробнаго письма П. И. Боккову ¹⁾ (въ отвѣтъ на его телеграмму о томъ, какъ идетъ ходъ леченія); я на минуту присѣлъ около нихъ и спросилъ о причинѣ смерти; Кротковъ отвѣтилъ: «Апоплексія: кровоизліяніе въ мозгъ». Передъ тѣмъ, прежде чѣмъ задать этотъ вопросъ, я счелъ вѣжливостью сначала назвать себя, и Кротковъ спросилъ меня: «Вы братъ Александра Николаевича?»—Да, молъ. А днемъ, до смерти, онъ спрашивалъ Ольгу Сократовну, почему она не извѣстила тебя въ самомъ началѣ болѣзни, что онъ слышалъ, что вы такъ близки. Она отвѣтила, что ты и самъ старикъ, притомъ некрѣпкаго здоровья, что, вѣроятно, ты не совсѣмъ здоровъ, что вотъ отложилъ свою поѣздку, быть можетъ именно вслѣдствіе этого. Въ послѣдовавшіе дни—я писалъ уже объ этомъ—многие справлялись о твоёмъ приѣздѣ. Писалъ и о томъ, какъ мы жалѣли, что пришлось тебѣ отложить свою поѣздку. Кто же зналъ?»

. . . «Надо было, однако, приступить къ обмыванію. И удивительное дѣло! Прошло, по моему приблизительному разсчету, никакъ не меньше часу съ минуты смерти (какъ только Николай Гавриловичъ скончался, Варенька сбѣжала внизъ въ кухню, разбудила кухарку и послала ее за мною; поднявшись въ комнаты она вспомнила, что надо написать мнѣ, что я долженъ захватить изъ дому, тотчасъ же написала мнѣ и опять спустилась внизъ, чтобы передать записку кухаркѣ, но та уже убѣжала; тогда Варенька опять поднялась наверхъ, одѣлась и пошла сама; потомъ когда мы пришли, пока ждали воды и т. д., надо было приготовить то, да другое; а когда Ольга Сократовна и Варенька стали торопить меня (хотя задержка вызывалась никакъ не мною, а неимѣніемъ теплой воды), доктора раза два повторили: «Да не безпокойтесь, мы такъ положили его, что если и застынетъ, такъ не бѣда,—такъ вотъ, говорю я, прошло не меньше часу съ послѣдней минуты (хотя Варенька была въ это время около постели, но она этой минуты не уловила, и только увидѣвъ, что докторъ закрываетъ глаза Николая Гавриловича, во время агоніи бывшіе полуоткрытыми, она поняла, что все кончено)—до обмыванія, а тѣло было горячее, положительно горячее, и это обстоятельство мучительно дѣйствовало на меня; мнѣ все казалось, что жизнь еще теплится въ этомъ тѣлѣ, что быть можетъ въ немъ есть еще капля жизни; и странно: во очію

¹⁾ Известный московскій врачъ, очень давнишній знакомый и близкій нашему семейству человекъ.

я видѣлъ передъ собою, поднималъ, поворачивалъ и мылъ тѣло Николая Гавриловича, а моему воображенію необъяснимымъ образомъ оно представлялось или тѣломъ слабого, больного, беспомощнаго ребенка, или вызывало въ моемъ воображеніи картину какого-то великаго художника, изображающую «Снятие съ креста», снимокъ съ которой, видѣнный мною уже не помню гдѣ, издавна какъ-то врѣзался въ мою память и запечатлѣлся въ ней. Удручающимъ, тяжелымъ образомъ дѣйствовало это на меня; а рядомъ съ этимъ и другое оскорбительно-тягостное чувство съ какою то обидою и упрекомъ говорило во мнѣ, что этотъ послѣдній долгъ, воздаваемый мною Николаю Гавриловичу, это было *единственное*, что во всю его жизнь я могъ сдѣлать для дорогаго, но уже теперь мертваго человѣка. Передъ умершимъ человекомъ всегда чувствуешь себя виноватымъ, даже и въ томъ случаѣ, если самая строгая совѣсть не найдетъ въ чемъ упрекнуть себя; и тѣмъ ужасно это ощущеніе, что всякое слово, всякій помыселъ, сами по себѣ извинительные, обиденные—все здѣсь ставишь себѣ въ вину. Я въ личныхъ сношеніяхъ весьма не экспансивный человѣкъ; но сколько разъ, именно въ такіе дни, когда Николай Гавриловичъ приходилъ къ намъ такой больной, слабый, унылый (до слезъ жаль было на него смотрѣть въ такихъ случаяхъ), сердце мое переполнялось всею тою любовью, всею тою нѣжностью, съ какимъ только оно способно, готово было раскрыться передъ нимъ до самой своей глубины; хотѣлось раскрыть всю свою душу, всѣ накопившіяся въ ней горечи несчастной и мучительной своей жизни передъ этимъ любящимъ и благороднымъ сердцемъ! Услышать отъ него любящее и утѣшительное слово,—сказать ему самому все, все хорошее и лучшее, что только могъ бы сказать! И никогда не хватало у меня на это духу. Я зналъ, я чувствовалъ его любящую натуру, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ казалось, что онъ глубоко, глубоко скрываетъ вообще свои чувства, не любитъ слышать изліяній отъ другихъ. Если въ этомъ я ошибался и ошибаюсь, да проститъ мнѣ его память.

. . . «Столъ оказался нѣсколько малъ, такъ что въ головахъ пришлось подставить еще маленькій круглый столикъ, подушка попалась мягкая, и вотъ, чтобы голова не слишкомъ низко лежала, кому то пришла (сколько помнится—Варенькѣ) счастливая мысль положить на этотъ столикъ подъ подушку нѣсколько книгъ; удобнѣе всего оказался для этой цѣли Брокгаузъ; мы ихъ и положили нѣсколько; вы ихъ увидите на фотографической карточкѣ; онѣ хорошо вышли; подъ каждую руку, чтобы онѣ лежали прямѣе, также положили по одному тому того же Брокгауза; а когда утромъ явился фотографъ, Константинъ Михайловичъ, кажется, догадался, очень умѣстно, положить на столъ Вебера—переведеннаго и въ подлинникѣ. Карточку вы теперь вѣроятно имѣете—она вышла очень хороша; жаль только, что фотографъ не догадался опустить ту занавѣсъ, что висѣла надъ дверью въ гостиную; поэтому обстановка послѣдней, особенно столъ съ лампой, кажется стоящею около самаго гроба. Ольга Сократовна и Варенька жалѣютъ очень, что волосы у Николая Гавриловича лежатъ не такъ, какъ они лежали у него живаго, т. е. не такъ пышно; и досадовали на себя, что не поправили ихъ; пеняли даже на того,

кто ихъ причесываль. Варенька спрашиваетъ меня: «кто причесываль?»—«Да вы же,»—отвѣчаю. Я началъ причесывать Николая Гавриловича еще въ спальнѣ, прежде чѣмъ мы его понесли; волосы отъ лежанія и мытья были, конечно, спутаны; я отчасти расчесалъ ихъ своимъ металлическимъ гребешкомъ, пронялъ рядъ, а затѣмъ передалъ гребешокъ Варенькѣ и просилъ ее докончить прическу, когда мы совсѣмъ уложимъ Николая Гавриловича на столъ; но Ольга Сократовна и Варенька не соображаютъ того, что мертвые волосы не могутъ же лежать такъ, какъ лежать и держатся волосы живые. Кстати о волосахъ: мы—я и Варенька—очень жалѣемъ, что такъ мало ихъ обрѣзали. Случилось это потому, что Варенька надѣялась, что отрѣжетъ ихъ Ольга Сократовна, но позабыла, что Ольга Сократовна имѣетъ на этотъ счетъ разныя примѣты. Между тѣмъ въ среду, на второй день, приходитъ къ намъ одна давно знакомая, хорошая и умная барышня; она только что узнала о смерти Николая Гавриловича, разстроенная прибѣжала къ намъ, чтобы спросить о причинѣ и болѣзни и попросить Вареньку провести ее къ Чернышевскимъ посмотрѣть и проститься; пока Варенька передавала ей скорбную повѣсть, та очень плакала; потомъ онѣ вмѣстѣ пошли туда. Тамъ между прочимъ, эта барышня просила Вареньку дать ей на память нѣсколько волосъ Николая Гавриловича. Варенька передала о ея желаніи Ольгѣ Сократовнѣ, при чемъ просила отрѣзать и для себя; но Ольга Сократовна сказала, что сама она рѣзать не будетъ, но что если угодно это Варенькѣ, пусть она отрѣжетъ сама; и притомъ отсовѣтывала это дѣлать, приводя какія-то примѣты; Варенька примѣты эти не захотѣла взять во вниманіе и отрѣзала и себѣ, и Л. П-нѣ по очень немногу. А вечеромъ я сообразилъ, что слѣдуетъ послать Еничкѣ...¹⁾ и просилъ Вареньку отрѣзать мнѣ еще прядь для Енички. Она говорить, что надо объ этомъ сказать Ольгѣ Сократовнѣ, а та кстати сама подошла къ намъ и я передалъ ей свое желаніе.—«Да отрѣжьте, но только пожалуйста сами». Я отправился на поиски ножницъ и нашель таковыя въ комнатѣ у Константина Михайловича; старыя, сломанныя и въ добавокъ тупыя. И рѣзать было неловко, и жаль было рѣзать много; намъ слѣдовало сдѣлать это передъ тѣмъ, какъ класть на столъ; на затылкѣ можно было бы отрѣзать въ достаточномъ количествѣ для всѣхъ своихъ.

Слуховъ и толковъ, которые циркулировали всѣ эти дни—и не передать; нѣкоторые были довольно характерны; говорили, на примѣръ, и опасались, что похороны заставятъ сдѣлать раньше и скрытно; какъ бы подтвержденіемъ этого слуха можетъ служить слѣдующій случай: передъ послѣдней панихидой, очень незадолго до ея начала, одна давняя знакомая Ольги Сократовны, вертѣвшаяся здѣсь всѣ эти дни съ утра и до ночи, подходитъ ко мнѣ и говорить: «Михаилъ Николаевичъ, вонъ тамъ, въ самыхъ дверяхъ передней стоитъ Иванъ Яковлевичъ С.; человекъ онъ хорошій, лицо почетное. Вамъ онъ давно хорошій пріятель,—вамъ слѣдовало бы провести его въ гостиную». «Пожалуй, она права»—подумаль я, и дѣйствительно провелъ его въ гостиную, на минуту съ нимъ при-

¹⁾ Т. е. сестрѣ—Евгеніи Николаевнѣ Шпыной.

сѣлъ и, между прочимъ, спрашиваю, былъ ли онъ на предшествовав-шихъ панихидахъ.—«Нѣтъ, не былъ, отвѣчаетъ онъ; представь себѣ: меня вчера утромъ Ананій Ивановичъ (Недошивинъ, городской голова) увѣрилъ, что Николая Гавриловича похоронили вчера рано утромъ». С. кажется единственный изъ представителей нашего муниципалитета, бывшій хоть на одной панихидѣ и въ церкви, и на отпѣваніи. Изъ земскихъ гласныхъ я видѣлъ только двухъ—одинъ изъ нихъ присяж-ный повѣренный. Изъ офицеровъ былъ только одинъ—тотъ К., о ко-торомъ я упоминалъ въ одномъ письмѣ. Меня возмутило отсутствіе новаго предсѣдателя губернскаго земства Б. Человѣкъ умный и слы-ветъ передовикомъ. Съ Николаемъ Гавриловичемъ былъ лично зна-комъ. Въ началѣ осени была въ Саратовѣ сельско-хозяйственная вы-ставка; Николай Гавриловичъ два раза посѣтилъ ее; въ одно изъ этихъ посѣщеній кто-то познакомилъ его съ Б.; завязался разговоръ, во время котораго объяснилось, что Б. бывалъ у Николая Гаврило-вича, еще будучи студентомъ. Здѣшній желѣзнодорожный правитель-ственный контроль считается съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, ли-беральнымъ мѣстомъ служенія и прибѣжищемъ либеральнаго проле-таріата; служить тамъ не сочтеть для себя позорнымъ самый рьяный свободомысль; и чиновники контроля оправдали свою репутацію: ис-правно посѣщали панихиды, на гробъ Николая Гавриловича возложили прекрасный съ хорошею, хотя и скромною надписью («Уму и таланту») вѣнокъ и провожали гробъ до могилы; одинъ изъ нихъ—давній и хо-рошій Мишинъ знакомый В. И. К.; жена этого К.—давняя моя зна-комая, женщина врачъ; на третій день она приводила къ гробу своего десятилѣтняго сына, чтобы тотъ, по ея словамъ, «поклонился праху великаго человѣка и на вѣкъ запечатлѣлъ черты его лица».

.... «Докторъ Н. также на всѣ панихиды приводилъ десятилѣт-няго сынишку и взялъ его съ собой даже на кладбище. На кладбищѣ много вообще было провожающихъ, и пѣвшихъ, и на экипажахъ; по-слѣдніе, хотя и не всѣ занятыя, ѣхали въ четыре ряда; число прово-жающихъ счетомъ я затруднился бы опредѣлить; старшій кладбищен-скій священникъ, о. Матвѣй Розановъ (по наружности чистый апо-столь) сказалъ: «Я на кладбищѣ вотъ уже двадцать лѣтъ, а такихъ похоронъ не видѣлъ». (Кстати: Константинъ Михайловичъ¹⁾) послалъ въ «Живописное Обозрѣніе» карандашные рисунки памятника и ка-бинета Николая Гавриловича; кабинетъ срисовывалъ художникъ По-повъ, памятникъ—не знаю) и надѣется, что ихъ помѣстятъ²⁾... Уди-вили меня два случая во время похороннаго шествія. На углу какихъ-то улицъ стоитъ кучка чужекъ: не то мастеровые, не то прикащики изъ какой нибудь немудрящей лавчонки; подбѣгаетъ еще мужиченка и спрашиваетъ: «Кого хоронятъ?»—«Чернышевскаго»—былъ простой отвѣтъ, произнесенный однимъ изъ молодыхъ парней, но въ этомъ простомъ отвѣтѣ я уловилъ вовсе не простой смыслъ; чувствовалось, что отвѣчавшій сознаетъ, что «Чернышевскаго» должны знать всѣ, находить, что одного этого имени достаточно, чтобы понимали всѣ

¹⁾ Федоровъ.

²⁾ Эти рисунки не были помѣщены.

кою хоронять; и самая фамилія была произнесена какимъ-то теплымъ, сердечнымъ тономъ. Этотъ тонъ и эта сознательность, содержимость, такъ сказать, отвѣта меня и подивили. Ясно, что для парня фамилія «Чернышевскій» имѣетъ какое-то внутреннее, хорошее содержаніе, является олицетвореніемъ какой-то идеи. Вѣдь такое *open in nomine* не подъ силу многимъ людямъ съ образованіемъ. Но отъ кого и что онъ слышалъ? Я нисколько не удивился бы, если бы мнѣ сказали, что Николай Гавриловичъ въ своихъ частыхъ и продолжительныхъ прогулкахъ по Саратову (въ первое время) свелъ знакомство и съ такимъ слоемъ населенія и ему успѣлъ внушить къ себѣ любовь. Говорилъ же Константинъ Михайловичъ, что въ Астрахани простой народъ зналъ и любилъ Николая Гавриловича. А въ другой разъ меня удивила уже женщина, простая женщина, одѣтая такъ, какъ одѣвается напр. наша Сиклитія, не рвано, но бѣдно: иду въ сторонѣ, взглянулъ на гробъ и между барышнями и барынями, несущими его, вижу и эту женщину, также участвующую въ несеніи гроба; потому и бросилась мнѣ въ глаза ея фигура, что слишкомъ дисгармонировала она съ этими пальто и шубками, шляпами и шапочками. Подошелъ близко, всмотрѣлся: лицо не молодое, серьезное, какое-то проникновенное, какъ сказалъ бы Достоевскій. И женщина эта также осталась для меня загадкой....

. . . . «Въ виду того, что тебѣ, Саша, ¹⁾ дорога каждая строчка о Николаѣ Гавриловичѣ, слѣдовало бы обратиться по возможности ко всѣмъ, знавшимъ Николая Гавриловича и имѣвшимъ съ нимъ какія-либо сношенія, и просить и ихъ также о сообщеніи тебѣ всевозможныхъ свѣдѣній. Мнѣ тебя не учить стать и навѣрное эта мысль явилась у тебя раньше моего; но какъ ты приведешь ее въ исполненіе—вотъ что мнѣ интересно... было бы крайне обидно, если бы съ Николаемъ Гавриловичемъ повторилось то же, что съ Добролюбовымъ; сколько мнѣ извѣстно, воспоминаній о послѣднемъ было и есть крайне мало. Біографія Николая Гавриловича, конечно, еще немыслима, но... впрочемъ, еще разъ повторю: ученаго учить лишь портить. Немного *á rporos*. Еще съ перваго дня смерти Николая Гавриловича мнѣ вспомнились и до сихъ поръ ежедневно вертятся у меня четыре строки изъ стихотворенія Некрасова на смерть Добролюбова:

Но слишкомъ рано твой ударилъ часъ,
И вѣщее перо изъ рукъ упало!
Какой свѣтильникъ разума угасъ,
Какое сердце биться перестало!

Не правъ ли я, искренно полагая, что эти прекрасныя, благородныя слова можно примѣнить къ смерти Николая Гавриловича, какъ и къ смерти Добролюбова, котораго Николай Гавриловичъ такъ любилъ и такъ высоко ставилъ; «не въ Россіи надо было ему жить», сказалъ мнѣ однажды Николай Гавриловичъ. А самому Николаю Гавриловичу еще болѣе нельзя было въ ней жить».

¹⁾ А. Н. Пыпинъ.

Наконецъ склепъ былъ задѣланъ и могила приведена въ порядокъ и украшена массою вѣнковъ. Но оставлять вѣнки на могилѣ было немислимо: они лежали совершенно открыто, на могилѣ не было никакой ограды, и ручаться за сохранность вѣнковъ было невозможно. Поэтому къ ночи мы отвезли всѣ вѣнки домой и спрятали ихъ у Пыпиныхъ. Но крайне дорожа надписями на лентахъ и боясь, чтобы эти ленты какъ-нибудь не затерялись, я отвязалъ ихъ отъ вѣнковъ и, уѣзжая изъ Саратова, взялъ съ собою въ Петербургъ. Слышалъ потомъ, что нѣкоторыя лица, приславшіе вѣнки, были недовольны этимъ и осуждали меня, но я сдѣлалъ это исключительно въ видахъ болѣе бережнаго ихъ сохраненія. А черезъ полтора года (лѣтомъ 1891 г.) на средства, собранныя почитателями моего отца, на могилѣ его была поставлена желѣзная часовня, сдѣланная по рисунку художника Э. Г. Беренштама, со стеклами, съ крѣпкою дверью, и тогда всѣ вѣнки со всѣми лентами были развѣшаны нами въ этой часовнѣ. Часовня эта стоитъ около самой церкви, у задней ея стѣны. Казалось бы, что помѣщеніе въ такой желѣзной, весьма солидной, часовнѣ вѣнковъ должно было въ достаточной степени гарантировать ихъ сохранность. Но, увы! даже и этого оказалось мало. Лѣтомъ 1905 г. матушка моя пріѣхала какъ-то на кладбище отслужить, по обыкновенію, панихиду и къ ужасу своему замѣтила, что съ одной стороны часовни выбиты стекла, а съ памятника сорванъ серебряный вѣнокъ, присланный отъ высшихъ учебныхъ заведеній г. Харькова. Наглость вора дошла до того, что на желѣзномъ переплетѣ рамы, изъ которой были выбиты стекла, онъ нацарапалъ, вѣроятно осколкомъ стекла, свою подпись: «Петръ . . . 27 іюля» (точную дату теперь забылъ). Конечно, матушка тотчасъ же заявила о покражѣ полиціи, общая хорошую награду за находку вѣнка, но этимъ заявленіемъ все дѣло ограничилось, а вора такъ таки и не нашли.

Мих. Чернышевскій.

Къ біографіи П. Н. Ткачева.

(По неизданнымъ источникамъ).

Личность Петра Никитича Ткачева, равно какъ роль его въ рускомъ освободительномъ движеніи, такъ значительна, что всякое новое біографическое указаніе пріобрѣтаетъ вполнѣ понятный интересъ. Въ моемъ распоряженіи находятся нѣкоторыя, касающіяся и Петра Никитича свѣдѣнія, заимствованныя мною изъ сенатскаго архива.

Читателямъ процессовъ М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго уже хорошо извѣстно, чѣмъ была Высочайше учрежденная слѣдственная коммисія кн. Голицына. Между массою дѣлъ, подлежащихъ ея разбирательству, было между прочимъ и дѣло о студентахъ Ольшевскомъ, Кемарскомъ, Ткачевѣ и Яковлевѣ. Познакомлю съ нимъ лишь настолько, чтобы сдѣлать понятнымъ все, что имѣется въ немъ о Ткачевѣ.

Студентъ петербургскаго университета Леонидъ Ольшевскій въ декабрѣ 1861 г. былъ высланъ на родину за участіе въ университетскихъ беспорядкахъ. Пробывъ на родинѣ подъ надзоромъ полиціи, Ольшевскій черезъ четыре мѣсяца самовольно вернулся въ Петербургъ. Черезъ нѣсколько дней оберъ-полиціймейстеръ получилъ анонимный доносъ на Ольшевскаго, обвинявшій послѣдняго въ распространеніи прокламацій. 15 мая его арестовали, но при обыскѣ ничего не нашли. Черезъ пять дней Ольшевскому даже удалось получить право жить въ Петербургѣ для сдачи экзаменовъ. Черезъ мѣсяцъ другой анонимъ указалъ полиціи на то, что Ольшевскій ловко скрылъ свои бумаги при первомъ обыскѣ. Сдѣланъ былъ вторичный обыскъ. Среди бумагъ была найдена одна, на которой было написано что-то самое обыкновенное и не заслуживающее никакого вниманія—при чтеніи въ обычномъ порядкѣ, но совсѣмъ другое, если читать по одному слову въ каждой строкѣ съ лѣвой стороны, потомъ со второй строки на правой сторонѣ и, наконецъ, одно за другимъ слова, написанныя снизу, послѣ оставленнаго пробѣла. При такомъ чтеніи получалось: «Александръ долженъ непременно отправиться на тотъ свѣтъ въ самомъ не скоромъ времени, иначе всѣ дѣла примутъ дурной оборотъ и намъ придется поплатиться»...

Сейчасъ же Ольшевскій былъ арестованъ. На третій день своего заключенія онъ ухитрился написать товарищу Кемарскому такую

записку: «въ бумагахъ моихъ найдены записки Печаткина и Ткачева, легко можетъ случиться, что ихъ потребуютъ для допроса, равно и тебя. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы вы всѣ показали, что я никогда не сообщалъ вамъ никакихъ моихъ плановъ или мыслей, что вы рѣшительно ничего не знаете. Сообщите это и лешиной величинѣ ¹⁾. Берегись Карла Ивановича, это тоже шпіонъ. Скажешь тоже, что ты недавно живешь со мною и большую часть времени не былъ дома, а потому и не могъ знать, что я дѣлаю, что никто къ намъ не приходилъ и, насколько тебѣ извѣстно, я былъ занятъ постоянно чтеніемъ»...

Но ухитрившись написать, Ольшевскій не ухитрился передать записку въ вѣрныя руки, и она попала прежде всего къ жандармамъ, а оттуда въ III Отдѣленіе. Разумѣется, очень скоро Кемарскій былъ арестованъ. Ткачевъ былъ на свободѣ до 17 ноября. Въ этотъ день, къ нему явился надзиратель перваго квартала Литейной части и отвезъ его вмѣстѣ съ бумагами прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ засѣданіе слѣдственной комиссіи.

Изъ бумагъ самая преступная была тетрадь съ стихотвореніями, ходившими тогда по рукамъ, въ родѣ «Памяти Михайлова», «Памяти Павлова» и пр.

Въ тотъ же день Ткачева «увѣщевалъ» священникъ Петропавловскаго собора Михаилъ Архангельскій, а допрашивали члены слѣдственной комиссіи генераль Огаревъ и сенаторъ Гедда.

Вотъ показанія арестованнаго:

«Зовутъ меня Петромъ Никитовичемъ Ткачевымъ, отъ роду 18 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго, у исповѣди и св. Причащенія былъ ежегодно, имѣю мать, брата и двухъ сестеръ, двухъ дядей Федора Николаевича и Николая Николаевича Анненскихъ ²⁾, оба въ отставкѣ, живутъ въ Петербургѣ; самъ недвижимой собственности не имѣю; мать имѣетъ имѣніе въ Великолуцкомъ уѣздѣ Псковской губерніи. Воспитывался во 2-й петербургской гимназіи, поступилъ въ университетъ въ прошедшемъ году въ августѣ мѣсяцѣ, уволенъ былъ изъ него за невзятіе матрикулъ, опредѣленныхъ занятій не имѣю, живу у матери. Былъ въ прошедшемъ году подъ слѣдствіемъ за безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ, арестованъ былъ при Кронштадтской крѣпости. По окончаніи слѣдствія былъ оставленъ на порукахъ у матери.

«Съ бывшими студентами Ольшевскимъ и Кемарскимъ былъ знакомъ; познакомился съ ними въ Кронштадтѣ, въ особенно близкихъ сношеніяхъ ни съ однимъ изъ нихъ не былъ. У Ольшевскаго я бывалъ, насколько могу припомнить, иногда разъ въ недѣлю, иногда 2, а иногда и въ двѣ недѣли разъ. Къ Кемарскому ходилъ я въ то же самое время, какъ и къ Ольшевскому, такъ какъ они жили на одной квартирѣ.

«Съ московскимъ студентомъ Ольшевскимъ познакомился въ

¹⁾ Такъ звали товарищи Яковлева.

²⁾ Первый—отецъ нинѣ извѣстнаго писателя Н. Ф. Анненскаго, женаго на родной сестрѣ П. Н. Ткачева.

Кронштадтѣ. Планы, о которыхъ говорилъ мнѣ Ольшевскій, касались чисто его только одного; такъ, напримѣръ, онъ мнѣ говорилъ, что онъ думаетъ отправиться въ университетъ въ Кіевъ держать тамъ экзамень кандидатомъ и т. под. О другихъ же какихъ-нибудь своихъ планахъ и намѣреніяхъ онъ мнѣ ничего, насколько могу вспомнить, не говорилъ. Изъ знакомыхъ Ольшевскаго я зналъ Кемарскаго, съ которымъ познакомился въ Кронштадтѣ, и студента Медико-Хирургической академіи Яковлева; съ Яковлевымъ я познакомился у Ольшевскаго, видѣлся съ нимъ вообще очень рѣдко, по большей части у Ольшевскаго, у самого его на квартирѣ былъ не болѣе, какъ разъ или два.

«Относительно предъявленныхъ мнѣ возмутительныхъ сочиненій Ольшевскаго чистосердечно показываю слѣдующее: сочиненій этихъ я никогда, ни одинъ, ни съ Ольшевскимъ не читалъ, и даже не зналъ, что они есть у Ольшевскаго, исключая впрочемъ, статьи его: «Мѣры правительства для успокоенія Польши». Объ этой статьѣ мнѣ Ольшевскій дѣйствительно когда-то, не помню именно когда, говорилъ и даже показывалъ ее, но однако не прочелъ; потому что я, не считая себя въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ Ольшевскимъ, чтобы могъ имѣть право на его тайны,—я не спросилъ его объ этомъ. Что касается до участія Яковлева или Кемарскаго въ составленіи этихъ бумагъ, то объ этомъ я рѣшительно ничего не знаю, такъ какъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ не былъ. При мнѣ, впрочемъ, они, насколько помню, никогда и ничего не говорили объ этихъ бумагахъ. А другихъ знакомыхъ Ольшевскаго я не зналъ. Не помню, именно, въ какое время, приблизительно, однако, незадолго до ареста Ольшевскаго, я, зайдя къ нему какъ то утромъ, увидѣлъ у него на столѣ большой свернутый листъ. Я хотѣлъ подойти и посмотреть, что это такое, но Ольшевскій предупредилъ меня. Онъ самъ взялъ листъ, развернулъ его и на вопросъ мой: «что это такое?» отвѣчалъ, что онъ пишетъ статью о мѣрахъ правительства, примѣняемыхъ къ усмиренію Польши. Я не спросилъ его, зачѣмъ и съ какой цѣлью онъ пишетъ эту статью, такъ какъ не считалъ себя въ правѣ дѣлать ему подобные вопросы; я только сказалъ: «какія же это мѣры?» Не помню, что отвѣчалъ мнѣ на это Ольшевскій; помню только, что разговоръ у насъ перешелъ на польскія дѣла. Я спросилъ Ольшевскаго, не имѣетъ ли онъ какихъ извѣстій изъ Польши. Онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ, что у него тамъ теперь нѣтъ знакомыхъ. Я сообщилъ ему какія-то, не помню именно какія, кажется объ Ярощинскомъ,—извѣстія объ этомъ, почерпнутыя мною изъ газетъ. И послѣ этого я вскорѣ и оставилъ его совсѣмъ, забывъ о его статьѣ».

Послѣ допроса Ткачева отправили къ оберъ-полиціймейстеру, а 19-го онъ былъ заключенъ уже въ крѣпость.

27 ноября съ него сняли второй допросъ, желая допытаться чего-нибудь путемъ взятой при обыскѣ тетради стиховъ.

Ткачевъ на этотъ разъ показаль:

«Около года тому назадъ я познакомился въ Публичной библиотекѣ съ однимъ господиномъ, познакомился настолько, что при встрѣчѣ

съ нимъ мы кланялись, разговаривали — но не болѣе, ни онъ моей фамиліи, ни я его не знали, ни онъ моего мѣстожителства, ни я его не знали. Одинъ разъ вечеромъ, помню, что это было передъ какимъ то праздникомъ, кажется, передъ Рождествомъ,—когда я собирался выйти изъ Публичной библіотеки, господинъ этотъ вошелъ туда; увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ, отвелъ меня въ сторону и спросилъ: читалъ я сочиненіе Огарева «Что нужно русскому народу». Я отвѣтилъ, что нѣтъ. Тогда онъ всунулъ мнѣ въ руку листъ какой то свернутой бумаги и отошелъ. Меня это удивило, что человѣкъ, котораго я такъ мало знаю и который меня такъ мало зналъ, давалъ мнѣ въ публичномъ мѣстѣ запрещенныя сочиненія. Однако, боясь обидѣть его отказомъ, я взялъ бумагу, положилъ ее въ карманъ и пошелъ домой. Придя домой, я развернулъ данный мнѣ листъ и тутъ увидѣлъ, что вмѣсто одного ихъ было цѣлыхъ два; вѣроятно, этотъ господинъ вмѣсто одного экземпляра, по разсѣянности, далъ мнѣ два. Я прочелъ сочиненіе—и оно не произвело на меня почти никакого впечатлѣнія, такъ какъ я вообще не согласенъ съ мыслями г. Огарева, хотя, впрочемъ, въ основной идеѣ этой прокламаціи я не видѣлъ ничего возмутительнаго, противоправительственнаго. Основная мысль та, что народу нужна земля да воля. Но развѣ само правительство нѣсколько разъ ясно и открыто не высказывало эту мысль? Чѣмъ же иначе, какъ не этой мыслью можно объяснить Положеніе 19 февраля, чѣмъ иначе можно объяснить и другія чловѣколюбивыя мѣры, принимаемыя правительствомъ для улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, для обезпечиванія имъ въ будущемъ пользованія землею. Прочтя сочиненіе Огарева, я свернулъ его и положилъ въ карманъ, послѣ хотѣлъ возвратитъ его господину, который далъ мнѣ его, но такъ случилось, что я его недѣли двѣ или три не встрѣчалъ, по случаю праздниковъ библіотека была закрыта. А потомъ я съ матушкой ѣздилъ въ деревню, тамъ совершенно и забылъ о сочиненіи Огарева, забылъ даже, гдѣ оно у меня лежало, забылъ до того, что когда у меня былъ обыскъ, то я совѣмъ и не подозрѣвалъ, что оно у меня въ карманѣ, вынулъ его оттуда вмѣстѣ съ другими бумагами и самъ подаль его квартальному надзирателю. Читать это сочиненіе я никому не давалъ, гдѣ оно напечатано—не знаю, вѣроятно, впрочемъ, въ Лондонѣ.

Найденныя у меня стихотворенія списывалъ я въ различные періоды моей жизни, нѣкоторыя тогда еще, когда я былъ въ гимназіи. А потому я теперь рѣшительно не могу сказать, отъ кого я ихъ всѣхъ доставалъ. Помню, что стихотвореніе «Памяти Михайлова» далъ мнѣ студентъ Піотровскій, съ которымъ познакомился въ Кронштадтѣ. Послѣднія три стихотворенія получилъ я отъ одного господина, иностранца Неймарса, съ которымъ я познакомился на лекціяхъ въ Думѣ. Онъ мнѣ говорилъ, что списалъ ихъ изъ какого-то русскаго заграничнаго изданія. Кто сочинялъ ихъ, онъ самъ навѣрное не зналъ: разъ онъ мнѣ сказалъ, что Огаревъ, другой разъ, что Блюммеръ. Не знаю, когда онъ былъ правъ. Списывалъ я эти стихи обыкновенно подъ первымъ впечатлѣніемъ минуты. Послѣ, когда я ихъ съ болѣе холоднымъ разсудкомъ перечитывалъ, то я въ нихъ

ничего болѣе не видѣлъ, какъ только громкія фразы да пустую болтовню. Оттого-то, вѣрно, что тамъ было много громкихъ фразъ, они при извѣстныхъ обстоятельствахъ и могли произвести на меня то впечатлѣніе, подѣ влияніемъ котораго я ихъ списывалъ. И такъ какъ я не считалъ эти стихи чѣмъ-нибудь важнымъ, то и не торопился слишкомъ уничтожить ихъ. Нѣкоторые, впрочемъ, я хранилъ ради смѣха; такъ, на примѣръ, стихотвореніе «Воскресеніе Христово», авторъ котораго, между прочимъ, до того увлекся, что забылъ то время, въ которое мы живемъ, говоря, на примѣръ, что ангелы поютъ, забылъ о томъ, что касается до дня освобожденія или воскресенія— 18 вѣковъ. По стилю своему, впрочемъ, это стихотвореніе можетъ быть отнесено скорѣе къ 18 столѣтію, къ періоду первой французской революціи, чѣмъ къ 19 вѣку. Не менѣе забавно стихотвореніе «Движеніе впередъ», въ которомъ авторъ призываетъ Европу открыть глаза и т. д. Ни списывать этихъ стихотвореній, ни даже читать ихъ я никому не давалъ. А списывалъ я ихъ въ тетрадь, какъ я уже говорилъ, подѣ влияніемъ минутнаго впечатлѣнія, и разъ списавъ, не торопился уничтожить, не считалъ достойнымъ и слишкомъ большого вниманія».

Въ концѣ 1864 года сенатъ призналъ недоказаннымъ обвиненіе Ткачева «въ сообщничествѣ со студентомъ Ольшевскимъ въ преступныхъ его замыслахъ», а «за имѣніе у себя возмутительнаго воззванія подѣ заглавіемъ «Что нужно народу» и за недонесеніе о томъ кому слѣдуетъ» счелъ нужнымъ заключить его въ крѣпость на три мѣсяца.

Мих. Лемне.

Матеріалы для біографіи П. Н. Ткачева.

I¹⁾.

Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ парижскомъ пріютѣ для душевно больныхъ St.-Anne скончался П. Н. Ткачевъ, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ и старѣйшихъ русскихъ эмигрантовъ революціонеровъ. Покойный уже нѣсколько лѣтъ находился въ St.-Anne, страдая параличемъ мозга, этой страшной болѣзью, которая медленно убивала больного, оставляя при немъ всѣ признаки физическаго здоровья и характерныя черты его нравственной фізіономіи, которыя не извращались, а какъ бы постепенно таяли подѣ дѣйствіемъ недуга. Съ каждымъ годомъ надвигался впередъ этотъ процессъ уничтоженія личности. Въ первый годъ болѣзни больной еще владѣлъ собой, не утрачивалъ инициативы, и могъ задавать вопросы о томъ, что интересовало его въ жизни, отъ которой онъ былъ отдѣленъ стѣнами больницы. Потомъ онъ уже могъ только отвѣчать на предложенные ему вопросы, впадая въ оцѣпенѣніе какъ скоро кончалось мгновенное возбужденіе, вызванное вопросомъ. За три недѣли до смерти Петръ Никитичъ былъ, по свидѣтельству лицъ видѣвшихъ его, живымъ мертвецомъ, который хотя двигался и ходилъ, но уже никого не узнавалъ, ни о чемъ не спрашивалъ и ни на что не отвѣчалъ. Умеръ онъ 4-го января въ 12 ч. 15 м. ночи, а похороны происходили 5-го. Друзья и знакомые покойнаго пытались было отдалить день похоронъ, чтобы имѣть время извѣстить всѣхъ, кто желалъ бы присутствовать при погребеніи, но по правиламъ больницы это оказалось невозможнымъ, почему группа лицъ, собравшихся въ день похоронъ на одномъ изъ дворовъ громадной St.-Anne была немногочисленна: всего 20—30 человекъ. Въ числѣ ихъ, кромѣ родственницъ покойнаго, была русская парижская политическая эмиграція почти въ полномъ составѣ и два извѣстные француза: Эли Реклю и Вальянъ.

День 5-го января былъ пасмурный и холодный. Ровно въ 9 час. погребальный кортежъ двинулся подѣ проливнымъ дождемъ. За гробомъ несли 2 вѣнка: одинъ изъ красныхъ иммортелей—отъ родственниковъ покойнаго; другой—изъ желтыхъ перевитыхъ плющемъ съ развѣвающейся красной лентой, на которой было написано золотыми буквами: ancienne redaction du Tocsin несъ П. В. Григорьевъ, одинъ изъ бывшихъ редакторовъ „Набата“. Когда кортежъ пришелъ на кладбище и гробъ опущенъ въ могилу, П. Л. Лавровъ сказалъ на французскомъ языкѣ рѣчь, въ которой говорилъ преимущественно о литературной дѣятельности покойнаго въ Россіи и о вліяніи, которая эта послѣдняя производила на тогдашнюю русскую молодежь. О заграничной дѣя-

¹⁾ Изъ „Общаго Дѣла“ за 1886 г. № 81.

тѣльности П. Н. Ткачева вслѣдъ затѣмъ говорилъ П. В. Григорьевъ, который въ своей рѣчи, сказанной по-русски, взглянулъ на покойнаго какъ „на одного изъ выдающихся дѣятелей нашей бурной эпохи, свѣтлыхъ мыслителей и самыхъ талантливыхъ писателей террора“. „Мы всѣ здѣсь, стоящіе надъ его гробомъ, говорилъ ораторъ-поэтъ, еще шли по дорогѣ мирной пропаганды и еще проповѣдывали мирныя средства борьбы съ правительствомъ, когда онъ одинъ уже звалъ насъ съ почвы чисто-экономической на политическую, говорилъ объ организаціи и т. д. Словомъ звалъ на путь террора“. Послѣ П. В. Григорьева, отъ имени бланкистовъ сказалъ рѣчь Вальянъ и... церемонія кончилась. Однимъ русскимъ изгнанникомъ стало въ Парижѣ меньше, одной новой могилой русскаго изгнанника стало больше на парижскихъ кладбищахъ. Сколько ихъ уже теперь, и сколько еще прибудетъ до тѣхъ поръ пока свободная Россія не остановитъ, наконецъ, этого потекшаго изъ нея ручейка политической эмиграціи! Увы, въ настоящую пору на очереди все чаще стоитъ вопросъ не о близкомъ пользоваіи свободой, но о серьезной общественной борьбѣ за нее; ручеекъ можетъ обратиться въ рѣчку, а жизнь русскаго политическаго эмигранта, болѣе одинокая, болѣе удаленная отъ родины и менѣе встрѣчающая въ ней поддержки, тяжелѣе жизни прочихъ его европейскихъ собратій по эмиграціи и легче сламывается.

П. Н. Ткачевъ похороненъ на кладбищѣ на мѣстѣ купленномъ на 5 лѣтъ. На этой временной его могилѣ вмѣсто памятника лежитъ только деревянная дощечка съ надписью Pierre Tkatcheff. Существуетъ намѣреніе собрать по подпискѣ сумму (500 фр.) необходимую, чтобы купить покойному вѣчное мѣсто на кладбищѣ и украсить его могилу приличнымъ для эмигранта памятникомъ: мраморной доской съ изваяннымъ на ней терновымъ вѣнцомъ.

П. Н. Ткачевъ былъ замѣтною, недюжинною личностью. Біографія его была бы интересной во многихъ отношеніяхъ. Не знаемъ будетъ ли она когда-нибудь написана, но съ своей стороны, въ качествѣ матеріала для нея, мы надѣемся представить нѣсколько свѣдѣній о покойномъ, доставленныхъ намъ его близкими и вятыхъ изъ нашихъ личныхъ воспоминаній.

Рѣчь Лаврова на могилѣ П. Н. Ткачева:

„У могилы исчезаютъ всѣ личные раздоры, обращаются въ ничто всѣ раздѣленія партій и приходится вспоминать лишь объ общей борьбѣ противъ общаго врага. Поэтому я считаю для себя долгомъ и честью придти поклониться гробу того, кто вѣкогда занималъ мѣсто въ самыхъ передовыхъ рядахъ русскихъ борцовъ за социалистическія идеи и противъ деспотизма продолжающаго давить наше отечество. Оцѣнка дней покойнаго послѣ 1874 г. принадлежитъ личнымъ друзьямъ П. Н. Ткачева и сотрудникамъ въ „Набатѣ“, въ особенности его друзья изъ Франціи и другихъ странъ, которыхъ руководила, какъ и его, неукротимая энергія и вѣчно живой умъ незабвеннаго Бланки, должны вамъ яснить мѣсто, которое онъ занималъ среди ихъ. Мы же можемъ только упомянуть, что эта его дѣятельность находила мало отзвонъ въ Россіи и наши свѣдѣнія о ней недостаточны.

Но иное дѣло предшествовавшая этому времени литературная дѣятельность Ткачева, которая вся принадлежитъ революціонному движенію нашей родины. Его блестящій талантъ писателя, его разнообразныя свѣдѣнія дѣлали его драгоценнымъ сотрудникомъ изданій, которыя продолжали дѣло Чернышевскаго, Добролюбова, подрывая политическую, экономическую и литературную рутину во всѣхъ ея сферахъ и подготавливая обширное движеніе социально-

революціоннаго апостольства, начавшагося въ 1878 г., чтобы потомъ перейти въ болѣе кровавую борьбу. Статьи Ткачева читались тогда молодежью въ школахъ и заставляли биться много молодыхъ сердецъ ненавистью къ тираніи и эксплуататорамъ народа. Именно литературные труды и навлекли на Ткачева преслѣдованіе полиціи. Онъ былъ арестованъ по обвиненію въ томъ, что помѣстилъ слишкомъ рѣзкое предисловіе къ нѣмецкой социалистической книгѣ, и въ томъ, что участвовалъ въ кружкахъ молодежи, взволнованной уже революціоннымъ вліяніемъ. Его осудили на заключеніе болѣе года въ Петропавловской крѣпости. Послѣ этого его послали въ маленькій городъ Псковской губ. Великія Луки, изъ котораго онъ бѣжалъ, чтобы предложить свое сотрудничество русской социалистической прессѣ въ Парижѣ и Лондонѣ.

Сотрудничество это было принято съ радостью, но должно было, къ несчастью, быть очень непродолжительнымъ. Энергія и талантъ Ткачева поставили его во главѣ отдѣльной группы. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ успѣлъ придать этой немногочисленной группѣ видъ значительной и сильной партіи. Если женеваскій „Набатъ“ былъ мало распространенъ въ молодежи, онъ былъ кошмаромъ русскихъ прокуроровъ и полиціи смотрѣла на Ткачева какъ на главу опаснаго движенія, угрожавшаго ежеминутно потрясти престолъ.

Когда теченіе событій видоизмѣнило движеніе и вслѣдствіе этого всѣ группы сблизились въ общей энергической дѣятельности, позволительно было надѣяться, что русскіе яковинцы (какъ называли друзей Ткачева) соединять свои усилія съ усиліями сторонниковъ научнаго социализма. Но именно тогда неизлечимая болѣзнь поразила Ткачева въ полномъ развитіи силъ (ему было 40 лѣтъ) и прекратила его неутомимую дѣятельность. Если мы лишь сегодня приходимъ поклониться его могилѣ, мы уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ знали, что онъ умственно умеръ. Смерть физическая была для него лишь прекращеніемъ страданій.

Его французскіе друзья сейчасъ скажутъ вамъ лучше, чѣмъ могъ бы это сказать я, какова была его дѣятельность въ 1874 г. въ группахъ европейскихъ бланкистовъ. Но на насъ, русскихъ социалистахъ революціонерахъ, лежитъ обязанность вспомнить съ симпатической оцѣнкой тѣ годы, когда онъ занималъ мѣсто въ главныхъ рядахъ нашихъ борцовъ за новый общественный строй.

Новое поколѣніе революціонеровъ найдетъ для себя урокъ въ жизни тѣхъ, которые пали не ослабѣвъ, къ какой бы группѣ они не принадлежали. Это—урокъ упорства въ борьбѣ противъ общаго врага. Мы всѣ должны вспомнить, что Ткачевъ могъ стоять съ тѣми, которые принуждены были противъ своего желанія быть его противниками. Вѣчная война деспотизму! Непреклонная борьба за страждущіе классы народа!

II 1).

П. Н. Ткачевъ извѣстенъ своимъ сотрудничествомъ въ журналѣ „Русское Слово“, участіемъ въ разныхъ политическихъ процессахъ и, наконецъ, какъ редакторъ „Набата“. Юность его прошла въ ту переходную пору, когда либеральное одушевленіе русскаго общества, вызванное реформами 60-хъ годовъ,

1) Изъ „Общ. Дѣла“ за 1886 г. № 83.

затяну и стало замѣняться раздумьемъ и колебаніями человека, обитавшаго на старой дорогѣ, но не умѣвшаго еще проложить новой. Правительство поворачивало назадъ. „умѣренные“ опустили руки, а пылкая молодежь неготовая и группировалась въ боевыя партіи подъ знаменами социализма и революціи. Беззабѣтно увлекаясь какими-то революціонными явленіями, гдѣ бы оно ни случилось, дома или за-границей. Реакція напала на нее всеми своими силами, и процессы слѣдовали за процессами. Она преслѣдовала ее въ школахъ, университетахъ, литературѣ, и рѣдкій юноша сколько-нибудь интересовавшійся общими вопросами, не былъ жертвой этихъ реакціонныхъ преслѣдованій и хоть на короткое время жизни не познакомился съ слѣдственными политическими комиссиями и административными расправами. Вместе съ обыкновеннымъ курсомъ ученія наша молодежь проходила другой—чрезвычайный, подготовительный курсъ практически-революціонной школы, воспитывавшій ея характеръ, и для П. Н. Ткачева эта школа началась очень рано. Въ первый разъ онъ былъ арестованъ по случаю одной студенческой исторіи, когда ему едва исполнилось 16 лѣтъ. Не за долго до этого онъ окончилъ гимназію и подалъ прошеніе о поступленіи въ университетъ на юридическій факультетъ. За участіе въ студенческой исторіи онъ былъ лишень этого права и отправленъ подъ надзоръ полиціи на мѣсто родныя въ имѣніе близъ Великихъ-Луки, Псковской губ. Тамъ онъ сталъ, безъ посторонней помощи, готовиться къ экзамену на кандидата правъ, и вскорѣ, когда гроза миновала, сдать его блестящимъ образомъ. Затѣмъ случилась „каракозовская исторія“, и въ то время, когда всѣхъ арестовали, а „Московскія Вѣдомости“ кричали, что слѣдуетъ „обыскать всю Россію“, онъ былъ арестованъ во второй разъ. Миновала и эта гуча, но не надолго. П. Н. былъ арестованъ въ третій разъ въ 1869 г. и по обвиненію въ составленіи прокламаціи къ „обществу“. (Стенографическій отчетъ объ этомъ дѣлѣ находится въ газетахъ той поры). По этому дѣлу онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ 4 года, а всего, за всѣ 3 ареста—6 лѣтъ. Изъ тюрьмы онъ въ 1873 г. былъ отправленъ административно подъ надзоръ полиціи въ Великія-Луки. Въ концѣ же этого года въ декабрѣ онъ эмигрировалъ за-границу при содѣйствіи М. И. Куріяннова. Подготавливаясь къ университетскому экзамену, отбывая тюремную и ссылочную повинность, П. Н. Ткачевъ помещалъ въ „Русскомъ Словѣ“ статьи, которыя бойкостью и талантною изложенія напоминали лучшія времена этого журнала, а по духу своему представляли продолженіе тѣхъ литературныхъ традицій, которыя твердо соблюдалъ Благосвѣтловъ, редакторъ этого органа молодой поры нашего нигилизма. Статьи эти были первыми пробами пера П. Н., но и тогда они выдвинули его изъ ряда и обратили на него вниманіе. Своей литературной извѣстностью онъ обязанъ и тому, что его привлеченіе къ слѣдствію по Нечаевскому процессу, произвело нѣкоторое впечатлѣніе въ публикѣ. Находясь въ то время въ Россіи, мы помнимъ, что вскорѣ послѣ Нечаевского процесса два факта почти одновременно служили нѣкоторое время предметами особенныхъ толковъ тогдашней публики, а именно: прикосновенность къ Нечаевскому процессу литератора Ткачева и рѣчь сказанная на судѣ г-жей Дементьевой рѣчь, о которой нынѣ едва ли многіе помнятъ, по которой въ исторіи русскихъ политическихъ процессовъ послѣднихъ лѣтъ должна быть признана первымъ свободнымъ и мужественнымъ словомъ, публично обращеннымъ русской женщиной къ ея политическимъ судьямъ. За-границей Ткачевъ работалъ сначала въ единственномъ почти тамъшнемъ русскомъ органѣ „Впередъ“, но скоро

отдѣлился отъ него и сталъ редакторомъ журнала „Набатъ“, съ которымъ и связана вся его послѣдующая дѣятельность. Выходъ его изъ „Вперѣда“ былъ, шумный и ознаменовался брошюрой, написанной П. Н. противъ редактора „Вперѣда“ П. Л. Лаврова, въ которой онъ нападалъ на послѣдняго съ той же безпощадной рѣзкостью и безграничнымъ отрицаніемъ, съ которымъ въ былое время относился въ „Русскомъ Словѣ“ къ писателямъ, не ладившимъ съ направлениемъ этого журнала. Эта достойная сожалѣнія рѣзкость произвела дурное впечатлѣніе на читателей нашей революціонной прессы, сразу поставила П. Н. въ изолированное положеніе среди русской эмиграціи и заставила заговорить о его чреамѣрномъ самолюбіи и властолюбіи. Насколько справедливы эти упреки, мы разбирать не будемъ, но оставляя въ сторонѣ вопросы, формы и личности, надо сказать, что такъ или иначе, разрывъ Ткачева съ „Впередомъ“ рано или поздно долженъ былъ бы состояться вслѣдствіе одного принципиальнаго различія, для объясненія котораго необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи партій нашего тогдашняго радикализма, которое было результатомъ всей предшествовавшей исторіи его, начиная съ 60-хъ годовъ.

Первое время пробужденія революціонныхъ идей въ русскомъ молодомъ поколѣннн, а именно начало 70-хъ годовъ, относится къ нынѣшней порѣ нашего революціонаризма, какъ зарожденіе къ развитію, какъ общій, широкій очеркъ къ специальному трактату и, если можно такъ выразиться, какъ увертюра къ оперѣ. Всѣ идеи политики, революціи, федерализма, социализма, терроризма и бунтарства, которыя впоследствии подѣлили революціонеровъ на партіи и специально разрабатывались отдѣльными кружками, въ то время еще не были до такой степени дифференцированы и составляли достояніе каждаго революціонера во всей своей совокупности. Но надъ всѣми ими преобладали два факта: стремленіе къ политической революціи и убѣжденіе, что русскій народъ жаждетъ ее и готовъ къ ней. На этомъ основаніи возникли грандіозныя предпріятія, для характеристики которыхъ приведемъ слѣдующіе примѣры: на востокъ Россіи тамошніе революціонные кружки замыслили смѣлымъ нападеніемъ освободить партію арестантовъ, завладѣть съ помощью ихъ однимъ изъ поволжскихъ пароходовъ и отплыть по Камѣ въ область волновавшихся въ то время заводскихъ рабочихъ. Полагали, что освобожденные арестанты послѣдуютъ за своими освободителями, что заводскіе рабочіе тотчасъ же поднимутся и составятъ первое ядро народной революціонной арміи, къ которой пристанетъ все недовольное рѣшеніемъ земельного вопроса крестьянство. Въ Москвѣ и Петербургѣ образовалось тайное общество (Каракозовское) со связями въ провинціи и съ террористическимъ отдѣленіемъ для прямого нападенія на центральную власть. Полагали, что нѣсколько террористическихъ ударовъ въ центръ разрушатъ обаяніе правительства въ народѣ, и онъ, недовольный возстанетъ. Еще раньше этого, въ пору первыхъ опытовъ и завязей революціонной организаціи, петербургскіе члены ея на вопросъ своихъ провинціальныхъ сочленовъ объ общемъ планѣ выполненія революціи, говорили, что она начнется съ высадки на Черномъ морѣ герцоговнскаго героя Луки Вукаловича. Полагали, что Л. Вукаловичъ согласится и что его появленіе въ Россіи съ горстью славянскихъ удалцовъ будетъ искрой, отъ которой вспыхнетъ вся недовольная страна. Разумѣется, не всѣ раздѣляли вполнѣ эти оптимистическія идеи, но онѣ давали тонъ и направляли дѣятельность. И надо сказать, что въ ту пору *первыхъ* разочарованій въ то, чему такъ долго и восторженно

вѣрило не разъ и общество, эти идеи не были такъ странны, какъ они казались впоследствии и потому имѣли силу покорять порою своей власти даже самые скептическіе и недюжинные умы. Съ вѣрою въ революціонную готовность народа и политическую подвижность общества дѣлалось тогда все: заводились рабочія ассоціаціи, открывались школы, писались прокламаціи къ обществу, къ народу, офицерамъ, переводились апокалипсическія пророчества Ламение и отлитографированныя славянскимъ шрифтомъ, одѣтыя по церковному въ кожаный переплетъ съ металлическими застежками, пускались въ обращеніе между раскольниками. Съ этой же вѣрой стрѣлялъ и Каравозовъ въ царя и . . . . .

. . . . . И онъ надѣялся, что его слова разнесутся по Россіи призывнымъ кличемъ къ топорамъ и что при звукѣ его выстрѣла вашъ, зарывшійся въ землю народный „Вій“ выйдетъ на ея поверхность и подниметъ свои тяжелыя вѣки. Жизнь уничтожала эти иллюзіи, но революціонеры отчаянно защищали свою вѣру и прежде, чѣмъ оставить ее, готовы были на всѣ крайности, чтобы испытать ея дѣйствительность. Такъ мы помнимъ, что задолго до каравозовской исторіи одинъ изъ тогдашнихъ наиболѣе искреннихъ и дѣятельныхъ, но совсѣмъ не выставлявшихся на видъ и потому мало извѣстныхъ революціонеровъ—Николай Умновъ, толкуя съ товарищами о неудачахъ ихъ революціонной агитаціи, говорилъ, что народъ не идетъ за революціонерами, можетъ быть, потому, что не вѣритъ ихъ искренности: „умремъ за него, дадимъ себя повѣсить правительству и онъ тогда повѣритъ намъ“,—заклучилъ онъ, и человекъ, говорившій это, былъ изъ тѣхъ, которые дѣлаютъ, что говорятъ. Но жизнь все-таки по немногу брала свое и вслѣдъ за исторіями каравозовской и нечаевской наступила реакція. Какъ всякая реакція, она начала съ противоположенія старому. Прежде на первомъ планѣ стояла идея политическая, она выдвинула на первое мѣсто идею социалистическую и довела ее до исключительности; прежде думали, что народъ и общество готовы; она говорила, что ихъ надо готовить; прежде зывали къ дѣйствию, она зывала къ пропагандѣ: прежде думали, что революція наступитъ завтра, она говорила, что революція наступитъ лишь тогда, когда народъ будетъ „спропагандированъ“. Такимъ образомъ возникло направленіе, во главѣ котораго сталъ П. Л. Лавровъ и главной задачей котораго была пропаганда идей научнаго социализма между рабочими и въ интеллигенціи съ цѣлью подготовленія социалистической революціи; направленіе давно подготовленное общимъ ходомъ русской жизни и быстро сложившееся въ дѣятельную партію подъ живымъ вліяніемъ впечатлѣній Парижской Коммуны. Какъ всякая реакція, она во многомъ исправила ошибки прошлаго, но частью и сама сдѣлала нѣсколько ошибокъ, вызвавшихъ необходимость новой реакціи. Идеи Ткачева были совсѣмъ иного рода. Между тѣмъ какъ его противники сосредоточились на социализмъ и относились почти равнодушно къ борьбѣ за политическую свободу, предоставляя ее буржуазіи, онъ говорилъ, что самая существенная и неотложная потребность русской революціи заключается въ ниспроверженіи существующей формы правительства и захватѣ власти революціонерами. Пока власть въ рукахъ правительства, никакая пропаганда невозможна, потому что она всегда будетъ подавлена силой и поведетъ только къ истребленію пропагандистовъ. Напрасно будутъ пытаться поднять народъ пропагандой; онъ не поднимется, несмотря ни на какую пропаганду, писалъ Ткачевъ, какъ бы ни было велико его недовольство существующими порядками, потому что недовольство

массы, т. е. средняго человѣка, по мнѣнію Ткачева, можетъ вызвать ее на вооруженіе только при одновременномъ существованіи двухъ условій, а именно: 1) когда ея положеніе тяжело до невыносимости и 2) когда государственная власть настолько разстроена и ослабѣла, что борьба съ нею не представляетъ прятнаго риска и опасностей и можетъ быть ведена съ надеждой на успѣхъ. Первое изъ этихъ двухъ условій революціи уже существуетъ; народъ чувствуетъ невыносимость своего положенія; остается дать ему второе, т. е. облегчить его чувство страха передъ властью. Для этого необходимо рядомъ смѣлыхъ нападеній на правительство привести его въ разстройство, чтобы, пользуясь его замѣшательствомъ, захватить власть въ свои руки и съ ея помощью вмѣсто прежняго консервативнаго государства, создать государство революціонное. Это государство обратитъ *возможную* революціонную силу народа въ *дѣйствительную* и положить основаніе всѣмъ тѣмъ реформамъ въ духѣ социализма, осуществленіе которыхъ окажется *возможнымъ* въ настоящее время, т. е. такимъ, которая или будутъ вызваны народомъ, или не встрѣять съ его стороны противодѣйствія. Учрежденія, уже осужденныя сознаниемъ народа, революціонная власть уничтожитъ, а другія, вреднаго дѣйствія которыхъ народъ еще не созналъ, она перестанетъ поддерживать (отниметъ отъ нихъ свою санкцію), вслѣдствіе чего онѣ повалятся сами. Только при такомъ воздѣйствіи власти на народъ возможно будетъ правильное развитіе всѣхъ социалистическихъ бытовыхъ элементовъ, заключающихся въ народной жизни, а безъ него они не приведутъ ни къ чему и самая народная община и артель могутъ просуществовать вѣка, не только не обнаруживая прогресса, но даже составляя главный базисъ социальна-политическаго консерватизма русской государственной жизни. Изъ этого видно, что вся программа Ткачева держалась на захватѣ власти. Что же касается до возможности ея захвата, то онъ доказываетъ ее утвержденіемъ, что русская государственная власть не имѣетъ никакихъ историческихъ и нравственныхъ основъ въ обществѣ и народѣ, держится одной традиціонной привычкой къ повиновенію, да обаяніемъ грубой силы, которая дѣйствительна только до тѣхъ поръ, пока эта сила не встрѣчаетъ никакого серьезнаго противодѣйствія, но понизятся тотчасъ же до нуля, какъ только противодѣйствіе явится. Отсюда „Набатъ“ заключалъ, что нѣсколько тысячъ революціонеровъ, надлежащимъ образомъ организованныхъ, могутъ расшатать власть и овладѣть ею. На это и должно быть обращено ихъ вниманіе. Они должны помнить, что не пропаганда дѣлаетъ возможной революцію, а, напротивъ, революція дѣлаетъ возможной пропаганду; они должны не *подготовлять* революцію, а *дѣлать* ее, а для этого имъ необходимо сплотиться въ соответственную *боевую* организацію, которая должна принять форму строго централизованнаго заговорнаго тайнаго общества. Старые революціонеры, писалъ Ткачевъ, были гораздо ближе къ истинѣ, когда они вѣрили въ близость революціи и готовились произвести ее, и вина ихъ только въ томъ, что они, увлекшись своей вѣрой, изъ-за цѣли забывали о средствахъ и потому не работали той централистической, боевой организаціи, которая одна могла дать имъ побѣду. Таковъ общій очеркъ политико-соціальныхъ взглядовъ Ткачева, который мы изложили по сборнику главныхъ его передовыхъ статей въ „Набатѣ“, вышедшему недавно въ Женевѣ очень своевременно, но подъ страннымъ заглавіемъ: „Ораторы-Бунтовщики передъ русской революціей“ и безъ указанія на цѣль и содержаніе изданія. Ясно, что идеи П. Н. очень мало отвѣчали тѣмъ, которымъ служилъ въ то время „Впередъ“, и если Ткачевъ

принималъ все таки нѣкоторое участіе въ послѣднемъ органѣ, то это можно объяснить или тѣмъ, что онъ надѣялся дать преобладаніе своимъ идеямъ въ „Впередѣ“, или тѣмъ, что въ то время его собственныя идеи не получили еще той рѣзкой опредѣленности, съ какою онѣ явились потомъ, или, наконецъ, тѣмъ, что, не имѣя собственнаго органа, онъ предпочелъ дѣйствовать въ чужомъ и во многомъ чуждомъ ему, чѣмъ осудить себя на бездѣйствіе. Менѣе затруднительно объяснить отношеніе Ткачева къ другому литературно-публицистическому заграничному предпріятію, тоже не совсѣмъ совпадающему съ его взглядами. Въ то время, когда Ткачевъ уже отдѣлился отъ „Вереда“, но не имѣлъ еще „Набата“, именно въ 1875 году въ Женевѣ возникло намѣреніе основать журналъ, который былъ бы органомъ большинства русскаго образованнаго общества, имѣлъ бы предметомъ то, въ чемъ согласны всѣ его партіи и ближайшею цѣлью ограниченіе самодержавія національнымъ представительствомъ. Программа этого органа, составленная въ такомъ духѣ, была по настоянію нѣкоторыхъ участниковъ предпріятія предложена П. Н. съ цѣлью пріобрѣтенія его сотрудничества. И какъ ни очевидна была разница между этой чисто общественной программой и тѣми исключительно революціонными идеями, которыя впослѣдствіи проповѣдывалъ „Набатъ“, но будущій редакторъ послѣдняго не возсталъ противъ этой программы и только проектировалъ въ ней нѣсколько несущественныхъ измѣненій, изъ которыхъ можно было видѣть, что онъ, не желая себя связывать предложенной ему программой, въ то же время считалъ ея задачи не бесполезными для революціоннаго дѣла, какъ онъ самъ его понималъ. Такое отношеніе Ткачева къ программѣ общественнаго органа даетъ право заключить, что если бы вслѣдъ за программой появился и самый органъ (нынѣшнее „Общее Дѣло“) то онъ не прочь былъ бы отъ условнаго сотрудничества въ немъ. Но обстоятельства сложились иначе. Въ томъ же году когда происходили эти переговоры, черезъ два, три мѣсяца, Ткачевъ получилъ уже возможность редактировать свой „Набатъ“, между тѣмъ какъ „Общее Дѣло“, несмотря на неутомимую энергію его настоящаго издателя, М. К. Элпидина, могло появиться только въ маѣ 1877 года. Ставъ во главѣ „Набата“ и начавъ излагать въ немъ тѣ воззрѣнія о которыхъ мы говорили выше, Ткачевъ пришелъ въ столкновеніе со всѣми почти партіями, на которыя дѣлилась тогда русская эмиграція и болѣе всего съ двумя главными изъ нихъ; партіей „научнаго социализма“ „Впередъ“, самой значительной, лучше всѣхъ организованной и болѣе чѣмъ прочія имѣвшей связей и сторонниковъ въ Россіи и партіей анархистовъ, послѣдователей Бакунина, имѣвшей своимъ органомъ „Общину“. Первые говорили, что его призывы къ немедленнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ и бунтамъ могутъ быть на руку только правительству, а послѣднимъ, отвергающимъ всякую власть, разумѣется была противна его проповѣдь власти и централизаціи. Редакторъ „Набата“ отвѣчалъ своимъ противникамъ обвиненіями ихъ въ доктринерствѣ, фантазерствѣ, буржуазности и реакціонерствѣ и писалъ статью за статьей въ доказательство этихъ обвиненій. „Набатъ“ такимъ образомъ сразу принялъ полемическій характеръ, который съ теченіемъ времени развивался въ немъ все болѣе, почти совсѣмъ поглотилъ все содержаніе журнала, и наконецъ заставилъ призадуматься прочихъ его сотрудниковъ. Чѣмъ болѣе длилась эта полемика, тѣмъ положеніе „Набата“ становилось все болѣе изолированнымъ. За границей у него были только враги, а въ Россіи, гдѣ теоретическія разногласія въ станѣ революціонеровъ никогда почти не получаютъ такого преобладающаго харак-

тера, какъ за-границей, потому что тамъ практическая потребность ежеминутной борьбы съ общимъ и близкимъ врагомъ сдерживаетъ ихъ въ извѣстныхъ границахъ, напоминая о необходимости единенія и союза, эта полемика находила немного отголосковъ, и порою даже просто игнорировалась. Такъ нѣкоторые изъ ближайшихъ сотрудниковъ „Набата“ говорили намъ, что отправляясь въ Россію для распространенія и пропаганды своего изданія и адресуясь къ противникамъ его, они не разъ бывали вмѣстѣ и озадачены, и пріятно поражены тѣмъ, что никогда не встрѣчали съ ихъ стороны той враждебности, которой могли ожидать. Напротивъ, даже приверженцы „Впередъ“ встрѣчали ихъ радушно, оказывали имъ всякое содѣйствіе, какъ людямъ такъ или иначе служащимъ революціонному дѣлу, а свое нерасположеніе къ полемическому „Набату“ высказывали только тѣмъ, что вовсе избѣгали говорить о немъ. Никакой журналъ не можетъ долго благополучно существовать при условіяхъ такой нравственной изолированности и она скоро дала себя почувствовать „Набату“. Дѣла его стали разстраиваться; онъ началъ выходить рѣже и неправильно; одно время, вслѣдствіе переселенія Ткачева въ Парижъ, онъ даже лишился прежняго своего вдохновителя и редактора и издавался подъ редакціей Григорьева, который вскорѣ тоже отошелъ отъ него. Наконецъ, когда „Набатъ“ захирѣлъ совершенно, одинъ изъ ближайшихъ пріятелей Ткачева предложилъ ему совсѣмъ преобразовать „Набатъ“ и вмѣсто прежняго журнала издавать еженедѣльный листокъ съ единственной цѣлью борьбы и обличенія деспотизма. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ сообщеннаго намъ отвѣта Ткачева на это письмо, такъ какъ изъ нихъ можно видѣть, какъ самъ редакторъ „Набата“ смотрѣлъ на цѣль и значеніе своего журнала и своей дѣятельности въ немъ.

„Будемъ говорить о возобновеніи „Набата“ за-границей, но прежде позвольте пополемикаровать съ Вами на счетъ Вашего мнѣнія о томъ, что будто прошлое „Набата“ было такъ дурно что о немъ *стыдно* даже вспоминать, будто и на меня падаетъ значительная доля отвѣтственности за это дурное прошлое. Я совершенно съ этимъ не согласенъ. Прежде всего я не вижу въ прошломъ „Набата“ ничего такого о чемъ *стыдно* было бы вспоминать. „Набатъ“ въ предѣлахъ возможности вполнѣ выполнилъ свою задачу и выполнилъ ее вполнѣ удачно. Онъ оказалъ неоцѣнимую услугу развитію революціоннаго дѣла, онъ въ значительной степени содѣйствовалъ выработкѣ того новаго направленія революціонной дѣятельности, которое дало въ послѣднее время такіе плодотворные практическіе результаты. Намъ упрекаютъ, что мы мало заботились о распространеніи „Набата“ въ Россіи, что мы не организовали въ Россіи своей партіи и т. д. Но, во первыхъ, что могли мы сдѣлать для этого при отсутствіи всякихъ опредѣленныхъ матеріальныхъ средствъ и при той систематической преднамѣренной враждебности, съ которой относились къ „Набату“ анархическіе и впередовскіе кружки. Во вторыхъ, и это самое главное, я никогда не придавалъ особаго значенія распространенію „Набата“ въ Россіи. „Набатъ“ былъ не агитационный революціонный листокъ; его задача состояла лишь въ томъ, чтобы вернуть революціонеровъ къ тѣмъ единственно практическимъ вѣрнымъ идеямъ и принципамъ революціонной дѣятельности, отъ которыхъ они, подъ влияніемъ реакціи, подъ влияніемъ анархистскихъ и Л—хъ бредней стали было отрещиваться. Эти идеи и принципы не заключали въ себѣ ничего новаго, но ихъ недурно было *напомнить*. И „Набатъ“ могъ выполнить (и дѣйствительно выполнилъ) эту задачу, не будучи даже распро-

страненъ въ Россіи. Достаточно было, чтобы съ его программой и съ основными принципами ознакомились лишь *нѣкоторые* революціонные дѣятели, чтобы среди нихъ онъ возбудилъ толки и распри, достаточно было напомнить забытыя идеи небольшому числу революціонеровъ, а за тѣмъ уже сама революціонная практика не замедлила доказать разумность, практичность этихъ идей и распространить ихъ среди большинства революціонеровъ. Я очень хорошо знаю, что въ Россіи мало кто имѣетъ въ рукахъ „Набатъ“, но о его существованіи о его программѣ, о его принципахъ извѣстно было во всѣхъ почти революціонныхъ кружкахъ. Вкривь и вкось обсуждая эту программу и эти идеи, извращая ихъ, клевета на нихъ, анархисты и лавристы распространили ихъ среди молодежи и подготовили ихъ окончательное торжество, торжество, выразившееся въ образованіи партіи „Народной Воли“, въ образованіи цѣлаго ряда „исполнительныхъ“ и иныхъ комитетовъ,—въ программѣ, принятой на Липецкомъ съѣздѣ,—и, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ удачныхъ и неудачныхъ покушеній. Истинность и неопровержимость идей, проводимыхъ въ „Набатѣ“ такъ была для меня очевидна, что я ни минуту не сомнѣвался въ томъ, что онѣ восторжествуютъ, что онѣ найдутъ себѣ практическое осуществленіе даже въ томъ случаѣ, если бы „Набатъ“ не выходилъ изъ предѣловъ Швейцаріи, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ издавался лишь хоть въ 10-ти экземплярахъ. Вотъ почему я и не считалъ особенно нужнымъ заботиться объ организаціи средствъ для его распространенія въ Россіи. При томъ же, повторяю опять,—при неимѣніи денегъ и при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ я находился къ анархистамъ и лавристамъ—смѣшно бы было обманывать себя иллюзіями на счетъ возможности широкаго распространенія „Набата“ въ Россіи. Но для успѣха и торжества идей и программы „Набата“,—въ такомъ распространеніи не представлялось надобности. Таково было мое убѣжденіе—и факты, какъ вы сами видите, вполне его оправдали. Потому, я рѣшительно Васъ не понимаю, когда Вы говорите, будто изданіе „Набата“, такъ, какъ оно велось,—было „смѣшной комедіей, отъ участія въ которой мнѣ бы слѣдовало отказаться“. Эта „смѣшная комедія“ положила начало цѣлому перевороту въ направленіи и характерѣ дѣятельности революціонной партіи, и я долженъ не *стыдиться*, а, напротивъ, *гордиться* тѣмъ, что принималъ въ ней участіе“.

На предложеніе преобразовать „Набатъ“ Ткачевъ отвѣчалъ, что преобразование это должно заключаться въ томъ, чтобы сдѣлать „Набатъ“ „листкомъ чисто оппозиционнымъ“, успѣхъ котораго будетъ исключительно зависѣть отъ „степени его распространенности въ Россіи“. „Теперь „Набатъ“, писалъ онъ, долженъ быть не учителемъ теоретикомъ, а, если можно такъ выразиться, практическимъ агитаторомъ. Чтобы осуществить эту задачу, онъ долженъ быть прежде всего органомъ общераспространеннымъ. А для этого необходимо два условія: 1) денежные средства — постоянныя и опредѣленныя, и 2) нѣсколько лицъ и даже кружковъ въ Россіи, которые взяли бы на себя формальную обязанность распространенія „Набата“. Только при *наличности* этихъ двухъ условій,—я могу въ настоящее время принимать участіе въ возобновенномъ „Набатѣ“;—могу отдать себя въ полное и безусловное его распоряженіе, и если нужно, брошу для него всѣ свои чисто личныя дѣла и занятія, поселюсь въ Женевѣ, и буду работать исключительно лишь для него. Но при отсутствіи хотя бы одного изъ этихъ условій,—возобновеніе „Набата“ я считаю бесполезнымъ, и если онъ все-таки возобновится, то участіе мое въ немъ будетъ ограничиваться лишь *случайнымъ*, а не постояннымъ литературнымъ сотрудниченіемъ“.

ствомъ. Вообще, кажется мнѣ, что даже и при полномъ осуществленіи двухъ указанныхъ мною условій—возобновленіе изданія „Набата“, за-границей въ данную минуту не представляетъ существенной необходимости. Революціонный журналъ необходимъ въ минуту ослабленія революціонной практической дѣятельности, въ минуту революціоннаго застоя и затишья. Въ минуты же открытой борьбы, которая переживаетъ теперь револ. партія,—гораздо полезнѣе всѣ, имѣющіяся въ распоряженіи у револуц. деньги, а равно физическія и умственныя силы, исключительно и всецѣло обратить на организацію покушеній вродѣ тѣхъ, которыми ознаменовали себя послѣдніе дни. Отвѣчать на висѣлицы журнальными статьями черезчуръ наивно. Теперь нужно думать ни объ устройствѣ типографій, ни о приобрѣтеніи шрифтовъ, ни объ изданіи печатныхъ листковъ, а... Конечно, эти минуты активной борьбы, — при той дезорганизаціи револ. силъ, какая у насъ существуетъ и которая такъ рѣзко обнаружилась въ послѣднее время—особенно изъ послѣдняго процесса, не будутъ слишкомъ продолжительны. Аресты большинства наиболѣе энергичныхъ револ. дѣятелей не замедлятъ произвести нѣкоторое, хотя минутное, затишье въ револ. дѣятельности. Вотъ въ этотъ-то моментъ затишья и необходимымъ будетъ не одинъ, а два и болѣе револ. журнала. А теперь журналы только будутъ отымать и людей и въ особенности, *матеріальныя средства* отъ практическихъ предпріятій, къ осуществленію которыхъ должны стремиться всѣ честные люди“.

Итакъ, Ткачевъ думалъ, что идеи „Набата“ привели революціонеровъ на истинный путь и вызвали новое направленіе, выразившееся въ партіи „народовольцевъ“. Читатель, конечно, спроситъ справедливо ли и насколько справедливо это утвержденіе. Прежде всего надо сказать, что взглядъ Ткачева на такое значеніе „Набата“ не можетъ быть опровергнуто одной малой распространенностью этого изданія и враждебными отношеніями къ нему большинства революціонеровъ. Какъ ни важны оба эти условія, но вліяніе ихъ не всегда такъ рѣшительно, какъ обыкновенно это думаютъ. Часто мысль, узнавая только нѣкоторыми, распространяется черезъ нихъ на всѣхъ; между тѣмъ какъ изданіе, которое у всѣхъ въ рукахъ, не оказываетъ, порою, вліянія даже и на нѣкоторыхъ. Новыя идеи могутъ быть встрѣчены недружелюбно только потому, что онѣ новыя; но если въ нихъ есть доля истины, то онѣ все-таки проникнутъ въ души людей и, несмотря на крики антипатіи и заговоръ молчанія, будутъ незамѣтно для нихъ вліять на ихъ дѣятельность. Поэтому, если сила истины была въ идеяхъ „Набата“, то было въ нихъ и вліяніе истины, и весь вопросъ въ томъ была ли въ нихъ эта сила и въ чемъ она заключалась. Самъ редакторъ „Набата“ говорить, что въ его идеяхъ нѣтъ ничего новаго, что вся его задача—напомнить *старую* истину, вернуть революціонеровъ на *старый* путь, словомъ, онъ хотѣлъ оживить старое. Но старое не оживаетъ вполнѣ, и всякая пережитая идея воскресаетъ не иначе, какъ къ новой формѣ и обстановкѣ, почему возвращеніе къ старому есть всегда преобразование. Но ничего новаго нѣтъ въ „Набатѣ“. Отбрасывая подробности, мы видимъ, что все существенное его программы заключается въ мысли о захватѣ власти, основанной на вѣрѣ въ готовность страны къ этому, вѣрѣ до того безусловной, что она не допускаетъ даже никакой остановки. *Дѣлать* революцію, когда ея силы въ сборѣ, и призывать къ ней когда онѣ въ разбродѣ, вотъ и дѣли и средства его. Эта-то идея революціи *quand même*, ея то преувеличеніе силъ револ. кружковъ и возбудили реакцію, замѣнившую вызовъ къ бунту пропагандой и подготовкой. Но если реакція была вызвана несостоятельностью этихъ идей, то онѣ при вторичномъ

своемъ появленіи не могли вызвать ничего, кромѣ новаго впечатлѣнія своей несостоятельности. И наоборотъ, если жизнь все-таки привела революціонеровъ на нѣкоторыя изъ оставленныхъ ими позицій, то естественно предположить, что этотъ поворотъ былъ вызванъ не старыми идеями, уже доказавшими свою несостоятельность, а какимъ-нибудь новымъ элементомъ, который, сочетавшись съ прошлымъ, видоизмѣнилъ его и придалъ ему новую силу. Но есть ли и на самомъ дѣлѣ этотъ элементъ, и въ чемъ могъ бы онъ заключаться? Намъ кажется, что такой элементъ есть и заключается онъ въ болѣе общественномъ характерѣ новаго нашего револ. движенія, которымъ оно и отличается отъ стараго. Говоря это, мы дѣлали противопоставленіе между элементами революціоннымъ и общественнымъ, которое требуетъ объясненія.

Повидимому нѣтъ никакого основанія противопоставать общественность, революціонаризму. Революція есть моментъ въ жизни общества. По общепринятому понятію, которое мы только и имѣемъ въ виду, это—сила, прилагаемая для осуществленія идей, которыя содержатся въ обществѣ и могутъ быть осуществлены только силой. Въ такомъ смыслѣ революціонеры, передовая рать общественной арміи, ничѣмъ не отличающейся отъ послѣдней по характеру своихъ идей. Но на практикѣ никогда такого полного совпаденія не бываетъ. На практикѣ революціонеры обладаютъ не только гораздо большей степенью, дѣятельной энергии, но и самые идеалы ихъ значительно повышаютъ идеалы и требованія общественнаго большинства; обыкновенно даже между идеалами и дѣятельной энергіей существуетъ извѣстная пропорціональность, такъ что люди тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ выше ихъ идеалы и наоборотъ. Съ другой стороны, революціонеры, сосредоточивъ всѣ свои усилія и помыслы на одной цѣли революціоннаго переворота, естественно бываютъ склонны цѣнить въ жизни только тѣ явленія, которыя непосредственно и прямо ведутъ ихъ къ этой цѣли и смотрѣть какъ на задержку на все, что входитъ въ составъ медленнаго органическаго роста общества, или что, хотя и ведетъ къ той же цѣли, но болѣе далекимъ и косвеннымъ путемъ. Такъ что если революціонеры энергичнѣе и въ идеяхъ и въ дѣятельности, то за то они и гораздо болѣе *исключительны* чѣмъ общественная масса. Эта исключительность, свойственная почти всѣмъ крайнимъ партіямъ, проявилась у насъ въ Россіи съ особенной силой, благодаря двумъ условіямъ, изъ которыхъ одно—отрицательнаго характера—заключается въ полномъ отсутствіи политической опытности, а другое—положительнаго свойства—въ томъ особомъ увлеченіи, глубинѣ и свѣжести чувства, съ которымъ молодая русская жизнь восприняла социалистическія идеи Запада. Съ этой исключительностью нашего револ. радикализма мы хорошо ознакомились на обоихъ путяхъ его: легально-литературномъ и революціонномъ. Въ литературѣ, напр. у насъ существовало направленіе, которое, сосредоточившись на цѣли сформированія гражданской личности, выбросило за бортъ, какъ лишнее бремя, всѣ эстетическіе и художественные элементы развитія т. е. цѣлую почти половину жизни человѣка; а практической революціонаризмъ, увлеченный надеждой на быстрый револ. переворотъ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на людей, посвящавшихъ свою дѣятельность развитію земскаго самоуправленія, образованія и грамотности въ народъ и т. д., видя въ этомъ одну пустую трату силъ на отвлекающія отъ револ. дѣла иллюзіи. Словомъ, всѣ элементы прогресса, не ведущіе прямымъ путемъ къ революціи, исключались одинъ за другимъ изъ симпатіи революціонеровъ, и во время полного господства такой исключительности у насъ, можно сказать, были

двѣ главныя партіи: революціонная и общественная, отдѣленные другъ отъ друга цѣлой массой недоразумѣній, которыя до того ослабили ихъ взаимныя нравственныя связи, что порою можно было сказать, что всѣ онѣ заключались въ одномъ только общемъ обѣимъ сторонамъ чувствѣ ненависти къ правительственному деспотизму. Въ такомъ направленіи дѣло шло долго, и идеи „Набата“ составляютъ, такъ сказать, кульминаціонный пунктъ этой исключительности въ области политической, точно такъ же какъ идеи его антагониста „Впередъ“ изображаютъ тотъ же предѣлъ въ области движеній социалистическихъ. Это было два теченія, которыя отдѣлились съ разныхъ сторонъ отъ широкаго разлива идей 60-хъ годовъ, и, столкнувшись на своемъ пути, вступили въ борьбу другъ съ другомъ. Но такъ какъ оба они были одинаково односторонни: одно потому, что исключало изъ своей дѣятельности политическій элементъ революціи, а другое, потому, что всѣ задачи своей пропаганды сводило къ одному лишь пункту захвата власти посредствомъ организаціи существующихъ уже силъ и не давало никакихъ новыхъ идей, которыя могли бы увеличить послѣднія, то эта междоусобная борьба ихъ не заключала никакихъ элементовъ примиренія и могла только увеличить существующія между ними противорѣчія. Сила, способная примирить послѣднія, явилась только съ появленіемъ того новаго революціоннаго направленія, признаки котораго впервые замѣчаются въ партіи народовольческой. Несмотря на свои тѣсныя связи съ существующими уже революціонными партіями и особенную близость къ партіи „Впередъ“, народовольческая партія была все-таки *новой* партіей и по характеру своихъ идей и по мотивамъ, вызвавшимъ ихъ. Этимъ мотивомъ была тяжелая практическая борьба, требованія которой обусловили идеи и складъ партіи. Въ борьбѣ она родилась, борьбою крещена и въ борьбѣ выросла. Люди, выступившіе на активный бой съ деспотизмомъ, сразу очутились на почвѣ общей всей нашей интеллигенціи, живо почувствовали общность интересовъ связывавшихъ ихъ со всѣми образованными людьми и не могли не понять всей тѣщеты недоразумѣній, залегшихъ между ними и обществомъ. И вотъ общественный элементъ сталъ проникать въ кружки борющихся революціонеровъ. Допоявленія народовольческой партіи у насъ было два большихъ лагеря: революціонный и общественный; съ ея появленіемъ разстояніе между ними стало уменьшаться, стала складываться партія революціонно-общественная, и въ этой партіи явился центръ, около котораго могли бы со временемъ сгруппироваться всѣ люди дѣла и свободы въ одну большую рать освобожденія Россіи отъ абсолютизма, если бы разъ начавшееся движеніе продолжало слѣдовать въ томъ же направленіи. Мы знаемъ, что послѣднее предположеніе вызоветъ массу возраженій. Намъ укажутъ на подавленность русскаго общества, на отсутствіе всякихъ смѣлыхъ попытокъ къ борьбѣ со стороны его массъ, кружковъ и отдѣльныхъ личностей, и скажутъ: „Въ этомъ обществѣ нѣтъ уже теперь и одного человѣка, способнаго, хоть бы въ видѣ исключенія, ощутить даже ту потребность протеста, которая въ билое время заставила Герцена основать свободную русскую прессу за границами Россіи; оно не можетъ и не хочетъ поддержать своимъ содѣйствіемъ даже той, которая еще существуетъ тамъ, и вы все-таки думаете, что въ немъ живы еще тѣ стремленія, которыя необходимы для образованія стройной партіи борьбы съ деспотизмомъ!“ Не есть ли все это иллюзіи людей, утратившихъ въ своемъ „далекѣ“ чутье нашей безотрадной современности? Нѣтъ мы не ослѣпляемся, и изъ своего далека видимъ и эту замирающую жизнь, и все ея нравственное

оскуднѣніе. Но мы говоримъ не о мертвыхъ, а о живыхъ, а Россія жива и живые люди не могутъ долго лежать трупами. Мы знаемъ, что жизни нѣтъ теперь въ Россіи не потому, что живое умерло въ ней, а потому что усиленный гнетъ реакціи загналъ подъ землю всѣ живыя силы ея и вызвалъ на ея поверхность только одно постыдное, злое, эгоистическое и бессмысленное. Мы знаемъ, что для того, чтобы произвести такое извращеніе жизни, надо было поставить въ осадное положеніе всю страну, и что такое положеніе не можетъ долго длиться, и должно быть болѣе страшно для тѣхъ, кто давить, а не для давимыхъ.

Развивающейся жизни Россіи не убить: она идетъ своей дорогой и подъ гнетомъ, но вида чрезмѣрное напряженіе силъ давителей, мы можемъ смѣло утверждать, что недалекъ отъ насъ ужъ тотъ моментъ, когда они надорвутся отъ натуги, чудовищный гнетъ сломится въ ихъ рукахъ, и все, что было владено въ землю, выступитъ на ея поверхность, а все, что нахально красовалось и вопило на ея поверхности, уйдетъ со стыдомъ подъ землю.

Мы могли бы привести много доказательствъ въ подтвержденіе сказаннаго о различіи между „Набатомъ“ и новымъ революціоннымъ направлениемъ, впервые сказавшимся въ партіи „Народной Воли“, но за недостаткомъ мѣста ограничимся указаніемъ на главныя черты этого различія, по отношенію, напр. къ вопросу о конституціи. „Набатъ“ видѣлъ въ ней только царство буржуазіи, считалъ ее безусловно вредной и даже угрожалъ ею революціонерамъ,

Нынѣче, говорилъ онъ, передъ вами государство самодержавное, которое всѣ ненавидятъ, а завтра оно будетъ конституціоннымъ, которое всѣ будутъ поддерживать; торопитесь же разрушить это государство, пока оно не успѣло преобразоваться и, захвативъ власть, произведете всѣ реформы, необходимыя для того, чтобы увѣнчавшая ихъ конституція не была буржуазной, какой она непременно будетъ, если ее создастъ правительство, а социальнo-демократической, какою она можетъ быть только въ силу революціи.

Такого отрицательнаго взгляда на конституціонныя реформы мы уже не встрѣчаемъ въ революціонерахъ новаго направленія. Они говорятъ еще о захватѣ власти, считая его при извѣстныхъ условіяхъ и возможнымъ и полезнымъ, но и въ конституціи „не захваченной“ они уже не видятъ факта во всѣхъ отношеніяхъ ретрограднаго, но смотря на нее, какъ на первый шагъ къ освобожденію Россіи, и думаютъ, что этотъ шагъ далъ бы преобладаніе не идеямъ буржуазности, а тѣмъ идеямъ демократизма и общинности, которыя и теперь преобладаютъ въ русской интеллигенціи. Словомъ, они болѣе вѣрятъ въ силу авторитета идей общественныхъ и—менѣе въ силу правительственнаго гнета. Таковъ смыслъ наиболѣе вліятельныхъ статей „Вѣстника Народной Воли“, а мы знаемъ, что гораздо раньше этихъ статей, члены народовольческой партіи въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ Александру III-му предъявили требованія конституціонныхъ реформъ весьма умѣренныхъ, если не терять изъ виду, что эти требованія были заявлены революціонерами. Читатель самъ пойметъ, какое изъ двухъ направленій,—„Набата“ или народовольческое, ближе къ общественному. Если же мы прибавимъ къ этому, что „Набатъ“, въ виду полной законченности своей теоріи и программы, отрицалъ необходимость всякой теоретической пропаганды между тѣмъ какъ новое револ. направленіе созидало для нее въ лицѣ „Вѣст. Нар. Воли“ особый органъ, отводяшій много мѣста для анализа историческихъ и общественныхъ условій русской жизни, то всего сказаннаго будетъ довольно для оправданія нашего утвержденія, что

въ этой общественности и надо видѣть то *новое*, которое, провикнувъ въ мысль революціонеровъ, дало имъ возможность снова овладѣть старой идеей политической свободы, заброшенной было одними и окаменѣвшей въ рукахъ другихъ.

Но новая партія была вмѣстѣ и старой и даже гораздо болѣе старой, чѣмъ ратовавшій за старое „Набатъ“. Если прошлое возвращается не иначе какъ въ новой формѣ, то и новое часто есть до известной степени возвращеніе къ прошлому. Въ началѣ каждаго переворота всѣ основныя идеи и элементы ея являются обыкновенно разомъ, и послѣдующая работа состоитъ въ томъ, чтобы согласовать ихъ, развить и отыскать для каждаго надлежащее мѣсто. Начало всѣхъ нашихъ современныхъ революціонныхъ движеній лежитъ въ движеніи 60-хъ годовъ, и, какъ мы уже сказали, въ эту пору политическія стремленія шли параллельно съ общественными и социалистическими, и даже стояли впереди какъ условіе, безъ котораго недостижимо все прочее. Тѣ же элементы мы видимъ и въ новомъ революціонаризмѣ; послѣ недолгаго разброда они собрались опять и выстраиваются въ томъ же порядкѣ, какъ въ свою начальную пору; но только всѣ они уже гораздо болѣе развиты и сознательны чѣмъ прежде, и это особенно замѣтно на идеѣ политической. Прежде она была болѣе вѣрой, порывомъ, чѣмъ сознательной мыслью; она увлекала людей, но люди не знали ея границъ, шли впередъ вѣруя, что все готово для побѣды, и потому когда эта вѣра была разрушена у политическихъ стремленій ихъ не оказалось почвы, и они должны были временно уступить мѣсто идеямъ исключительнаго социализма, которыя въ зародышной формѣ уже существовали прежде, но получали преобладаніе по мѣрѣ того, какъ терпѣла пораженіе и отступала политическая идея.

Нѣкоторое время она была совсѣмъ забыта и теперь появляется снова уже не какъ спящая вѣра, зовущая къ натиску, а какъ сознательная мысль, знающая трудности борьбы, изучающая условія почвы, на которой она ведется и надѣющаяся съ помощью знанія выиграть дѣло, проигранное однимъ энтузіазмомъ. Послѣднее револ. движеніе есть, поэтому, развившаяся форма его начальнаго движенія въ 60-хъ годахъ, и въ этомъ смыслѣ мы и говоримъ, что выражающая его партія отражаетъ болѣе глубоко прошлое, чѣмъ пропаганда „Набата“. Между тѣмъ какъ первая стремится обнять всѣ элементы движенія 60-хъ годовъ, идеи „Набата“ представляютъ послѣднее только въ моментъ той его наибольшей исключительности и сѣуженности, которыя, съ одной стороны, въ литературѣ, заявили себя въ журналѣ „Рус. Слово“, а въ политикѣ сказались въ Нечаевскомъ процессѣ, и для оцѣнки пропаганды „Набата“ характерно то, что главный представитель ее Ткачевъ былъ и сотрудникъ „Русскаго Слова“ и однимъ изъ привлеченныхъ по Нечаевскому процессу.

Вотъ почему, несмотря на сходство идей „Набата“ съ идеями народо-вольческой партіи въ наиболѣе рѣзкихъ и эффектныхъ сторонахъ, имъ нельзя, по нашему мнѣнію, приписать того рѣшительнаго вліянія на возвращеніе революціонеровъ къ политическимъ цѣлямъ, о которомъ говорится въ письмѣ Ткачева. Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы пропаганда „Набата“ не имѣла никакого вліянія даже въ частностяхъ. Полемика послѣдняго, въ виду таланливости и образованности главнаго ея представителя, не могла пройти безслѣдно для уясненія сознанія революціонеровъ. Собраніе статей Ткачева и теперь можетъ быть прочитано не безъ пользы всякимъ, кто умѣетъ отличить

парадоксъ отъ вѣрной мысли, а критика анархизма имѣла несомнѣнное вліяніе на распаденіе этой партіи, которая тогда была еще довольно сильна, а въ настоящее время совсѣмъ исчезла въ Россіи.

Предложеніе преобразовать „Набатъ“ изъ органа полемическаго въ органъ борьбы съ абсолютизмомъ, не могло осуществиться въ условіяхъ, поставленныхъ Ткачевымъ, т. е. при полной матеріальной обеспеченности и правильномъ содѣйствіи изъ Россіи—этихъ двухъ вещахъ, составляющихъ постоянную, но, къ несчастію, никогда еще не осуществившуюся мечту всякаго русскаго заграничнаго органа. Но преобразованный „Набатъ“ началъ все-таки выходить въ Женевѣ въ видѣ еженедѣльнаго листка подъ редакціей друзей Ткачева, жившаго въ то время въ Парижѣ. Ткачевъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей, но онѣ были далеко слабѣе всего прежде написаннаго имъ, его даже не узнавали въ нихъ. Говорятъ, что это надо объяснить тѣмъ, что талантъ Ткачева былъ по преимуществу полемическаго характера, для котораго уже не было мѣста въ новомъ органѣ; но намъ кажется, что не малое вліяніе тутъ должно быть признано и за той исключительностью идеи стараго „Набата“, для которой въ новомъ тоже не могло уже быть мѣста. Если практическая борьба съ абсолютизмомъ не можетъ быть успѣшной безъ практической поддержки общества, то и идейная борьба съ нимъ тоже не будетъ успѣшной безъ искренней нравственной связи съ нимъ.

Новая цѣль требовала и новаго настроенія, несомнѣннаго съ прежней исключительностью революціонаризма Ткачева. Намъ кажется, что и сравнительная блѣдность послѣднихъ статей Ткачева и невозможныя условія, поставленныя имъ для преобразованія „Набата“ свидѣтельствуютъ, что онъ въ это время находился въ переходномъ состояніи: оставлялъ старый путь, который ему уже казался пройденнымъ, но не успѣлъ еще хорошенько разглядѣть новаго. Лично на насъ Ткачевъ всегда производилъ впечатлѣніе челоуѣка, личность котораго далеко не исчерпывалась его политической программой въ „Набатѣ“ намъ казалось, что онъ шире этой программы, и что она была не послѣднимъ, а только первымъ словомъ его. Рѣзкая односторонность его публицистики часто исчезала въ его частной бесѣдѣ, и его политическія антипатіи не мѣшали ему отличать хорошее въ тѣхъ людяхъ, которыхъ онъ безпощадно преслѣдовалъ какъ публицистъ. Такъ, напр., возставая противъ Достоевскаго за его политическій обскурантизмъ, онъ умѣлъ цѣнить громадныя таланты этого своеобразнаго художника и увлекался имъ. Въ разговорахъ съ друзьями онъ высказывалъ порою идеи болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя излагалъ въ „Набатѣ“, и когда его спрашивали, почему же онъ и печатно не высказался въ томъ же смыслѣ, онъ только пожималъ въ отвѣтъ плечами, какъ бы желая сказать: „что же вы хотите,—меня бы не поняли, моя мысль была бы перетолкована“. Все это естественно заставляетъ предположить, что не малая доля рѣзкихъ политическихъ парадоксовъ редактора „Набата“ должна быть поставлена на счетъ тѣхъ преувеличеній, встрѣчающихся почти въ каждомъ дѣятелѣ, который, выступивъ на путь политической борьбы, удѣляетъ значительную долю своихъ заботъ на составленіе, умноженіе и дисциплину партіи своихъ сторонниковъ. Хотя по своей политической программѣ Ткачевъ, какъ мы уже сказали, и является представителемъ поры наибольшей исключительности революціонаризма 60-хъ годовъ, но въ немъ, повидному, не замерли еще совсѣмъ отголоски и той болѣе широкой начальной поры этого движенія, когда политика, общественность и социализмъ шли рядомъ, не раздѣляясь, и намъ ду-

мается, что онъ возвратился бы къ духу и принципамъ этой поры, если бы ему не суждена было печальная доля его блестящаго предшественника по дѣятельности въ „Рус. Словѣ“, Писарева—умереть въ тотъ моментъ, когда въ немъ начиналось нравственное преобразование и новый путь открывался передъ нимъ.

Вскорѣ послѣ смерти Ткачева возникла мысль почтить его дѣятельность постановленіемъ памятника на его могилѣ. Мысль тѣмъ болѣе симпатичная, что въ ней заключается протестъ противъ невниманія, съ которымъ мы, русскіе, обыкновенно относимся къ нашимъ выбывающимъ изъ строя борцамъ. Наши живые скоро забываютъ своихъ умершихъ, и едва ли многіе изъ насъ даже и знаютъ теперь, гдѣ находятся могилы Герцена, Огарева, Бакунина, Зайцева и другихъ, мысль которыхъ живила насъ. Культъ могилъ не въ обычаѣ русской интеллигенціи; ей симпатичнѣе памятники, говорящіе о жизни, а не о смерти. Такимъ живымъ памятникомъ могло бы быть хорошее изданіе избранныхъ трудовъ умершаго публициста съ его біографіей и, если можно, портретомъ. Но многіе изъ самыхъ крупныхъ нашихъ дѣятелей свободнаго слова не дождался еще и этихъ памятниковъ, которые служили бы вѣчной связью живыхъ съ умершими и говорили бы современникамъ, о пространствахъ, пройденныхъ русской свободной мыслью на пробитыхъ ею вдали отъ Россіи путяхъ.

Изъ исторіи рабочаго движенія на югѣ Россіи.

(Изъ записокъ соціалъ-демократа).

Въ концѣ 1899 года (дѣло было въ Кіевѣ) ко мнѣ зашелъ пріятель-студентъ, питерскій лѣсникъ, гостившій въ Кіевѣ на святкахъ, и предложилъ взять на себя занятія съ кружкомъ рабочихъ-ремесленниковъ, образовавшимся на Подолѣ. ¹⁾ Устроителемъ этого кружка былъ въ свою очередь, пріятель моего лѣсника, тоже недавно пріѣхавшій изъ Питера ювелиръ-рабочій, у котораго не было «связей» ни съ мѣстнымъ комитетомъ с.-д. партіи, ни, вообще, съ мѣстной интеллигенціей. Лѣсникъ предлагалъ познакомить меня съ этимъ ювелиромъ.

Лѣсникъ былъ малый добрый, а мнѣ давно хотѣлось ближе примкнуть къ рабочему движенію: до тѣхъ поръ я ограничивался лишь знакомствомъ съ марксистской теоріей да кое-какимъ «содѣйствіемъ» революціи... Послѣ небольшого колебанія, я изъявилъ согласіе.

Черезъ нѣсколько дней сказанный ювелиръ сидѣлъ за моимъ столомъ и пилъ чай. Это былъ очень солидный и скромный, молодой еврей-рабочій, въ золотыхъ очкахъ, бритый и стриженный, въ пиджакѣ и синей рубахѣ подъ жилеткой,—словомъ, всѣ черты, такъ сказать, «истинно-еврейскаго» внѣшняго облика (какъ его привыкли себѣ представлять, «истинно-русскіе» люди)—пейсы, ермолка или фуражка съ пуговицей на макушкѣ, козлиная борода и долгополый «лапсердакъ»—отсутствовали у него, какъ бы подвергнувшись атрофіи. Я, признаю, въ первый разъ встрѣчался съ типомъ «сознательнаго» еврейскаго пролетарія и съ удивленіемъ наблюдалъ новое для меня явленіе.

Между тѣмъ онъ очень стѣснялся, поминутно краснѣлъ, сквозь частыя веснушки лица, и говорилъ очень тихимъ голосомъ, хотя довольно правильнымъ литературнымъ языкомъ и даже съ нѣкоторымъ излишкомъ «ученыхъ» терминовъ. Я чувствовалъ большое расположеніе къ гостю, хотя въ то же время съ головы не выходила задняя мысль, столь неразлучная съ нами въ Россіи: «не провокаторъ ли?»... Я, конечно, не давалъ ее замѣтить гостю, и условился съ нимъ, куда мнѣ явиться на первое собраніе его кружка.

¹⁾ Портовая, торговая и промышленная часть г. Кіева.

Собрание происходило на Подоль, въ квартирѣ Абрама (имя ювелира), крохотной комнатѣ пролетарія, зарабатывающаго рублей 35-40 въ мѣсяцъ. Собралось человѣкъ 7 «сознательныхъ» рабочихъ-евреевъ, по ремеслу—граверовъ, шапочниковъ, заготовщиковъ обуви, дамскихъ портныхъ, столяровъ. Все это были хорошіе, теплые ребята, свободомыслящіе въ дѣлѣ религіи и національныхъ предрасудковъ, такъ же мало сохранившіе изъ традиціонныхъ еврейскихъ чертъ, какъ и Абрамъ, хозяинъ квартиры. Абрамъ угощалъ насъ чаемъ съ полубѣлымъ хлѣбомъ и колбасой, этой вещественной уликой нарушенія Моисеева закона...

Толковали объ условіяхъ социалдемократической пропаганды среди мѣстныхъ рабочихъ, о предстоящихъ намъ задачахъ...

Надо сознаться, я очень мало представлялъ себѣ, въ чемъ именно заключаются эти задачи и что отъ меня лично потребуется. Я только всею душою готовъ былъ отдать всѣ свои усилія на пользу рабочаго дѣла и чувствовалъ, что кое-въ-чемъ могу быть полезенъ. Но какъ и за что взяться прежде всего, я не зналъ. Между тѣмъ изъ разговора оказалось, что члены кружка обладаютъ обширными связями въ рабочей средѣ особенно, конечно, среди евреевъ-рабочихъ Подола, въ различныхъ ремеслахъ¹⁾; сверхъ того, почти всѣ мои новые знакомые были родомъ изъ сѣверо-западныхъ городовъ—Вильны, Ковна, Гомеля, Бобруйска и т. д. и, по большей части, своею «сознательностью» обязаны были «Бунду» (Всеобщ. с.-д. еврейскому союзу Литвы и Польши), подъ опекой котораго прошли полную школу революціонной практики. Они прекрасно знали въ чемъ ихъ ближайшая задача и какъ къ ней приступить. Мнѣ оставалось лишь слушать и учиться—положеніе нѣсколько странное для человѣка, призваннаго какъ бы въ руководители. Но, между тѣмъ, мои кліенты, повидимому, нисколько не смущались моимъ, болѣе или менѣе, пассивнымъ поведеніемъ: имъ нужно было, на самомъ дѣлѣ, лишь *присутствіе, наличность* «интеллигента»,—нѣчто вродѣ образа, безмолвно стоящаго въ красномъ углу.

Живо жестикулируя и бранясь между собою по товарищески—какъ это свойственно евреямъ въ интимномъ кругу—они очень толково и безъ излишней траты времени на разговоры намѣтили планъ библіотеки для рабочихъ и общей кассы взаимопомощи, назначили взносы туда и сюда, выбрали кассира, библіотекаря, выяснили какіе можно составить кружки пропаганды изъ «сознательныхъ», «полусознательныхъ» и «первоначальныхъ» товарищей, имъ ближе извѣстныхъ, предоставили мнѣ пріискать интеллигентовъ-пропагандистовъ для этихъ кружковъ. Передо мной вставала картина вполне разработанной, готовой техники дѣла, которую оставалось лишь пустить въ ходъ. Я былъ восхищенъ фактомъ подобной практической сноровки въ общественномъ дѣлѣ и именно среди трудовой массы, казалось бы, окончательно забытой русскими порядками. Я отдавалъ себѣ

¹⁾ Кружное, чисто-капиталистическое производство въ ремеслѣ распространено было въ то время въ Кіевѣ, особенно, въ сферѣ изготовленія готоваго платья, обуви мебели, деревянной и желѣзной и въ слесарномъ дѣлѣ.

ясный отчетъ, что 99% интеллигенціи не могутъ, по степени подобной дѣловитости, идти ни въ малѣйшее сравненіе съ этими «новыми людьми»! Я лично пригодился имъ лишь, какъ своего рода моральный авторитетъ, къ суду котораго они, въ силу своей вѣры во всемогущество образованія, прибѣгали въ экстренно-спорныхъ случаяхъ. Эту роль безпристрастнаго предсѣдателя я сумѣлъ выдержать до конца въ моемъ маленькомъ самопроизвольно-зародившемся «Ремесленномъ Комитетѣ». И благодаря этому, и благодаря моему искреннему уваженію къ практической опытности моихъ товарищей-рабочихъ, я до конца остался со всѣми ними въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Скоро выяснилось, что и малѣйшихъ подозрѣній въ провока-торствѣ нельзя питать къ добрѣйшему Абраму, который отличался замѣчательнымъ искусствомъ въ дѣлѣ привлеченія и сплачиванія людей. У него тоже была выработана техника этого спеціального дѣла. Роль наживки для новичковъ и, вмѣстѣ, пробнаго камня играла у него неизмѣнно одна и та же «марксистская» газета «Сѣверный Курьеръ», выходившая тогда, по счастливой для насъ оплошности начальства. Давши 2—3 номера газеты на прочтеніе, Абрамъ заводилъ затѣмъ непринужденный разговоръ о прочитанномъ, и съ тонкимъ умѣньемъ разбирался въ людяхъ, глядя по отвѣту. По достаточномъ испытаніи онъ привлекалъ «сѣгитированнаго» въ кружки. Скоро, такимъ образомъ, онъ и выдвинулъ, и привлекъ въ «Комитетъ», дѣйствительно, самыхъ дѣльныхъ людей изъ всего ремесла въ Кіевѣ. Они же очень быстро довели нашу организацію до нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Удивляло меня еще насколько между ними распространено было знакомство съ книжками, содѣйствующими проясненію рабочихъ мозговъ. «Спартакъ» Джіованніолли, «Оводъ» Войничъ, «На разсвѣтѣ» Ежа, потомъ «Ткачи» Гауптмана, «Дурные пастыри» Мирбо—читались запоемъ и, такъ сказать, повально; ихъ участь раздѣляли нѣкоторыя популярныя книжки по исторіи культуръ и марксистской теоріи. Затѣмъ, конечно,—«нелегалщина»...

Много можно было бы поразсказать и о типахъ, наблюдавшихся мною тогда въ рабочей средѣ и объ удивительныхъ проявленіяхъ духовнаго подъема, происходившаго въ ней на моихъ глазахъ. Но не это сейчасъ меня занимаетъ. Мнѣ хочется разсказать здѣсь не о тогдашнемъ движеніи среди болѣе все же развитого и подготовленнаго исторически еврейскаго пролетаріата, а о первыхъ всходахъ будущаго революціоннаго дѣйствія въ самой сырой, нетронутой, если хотите, опять таки, «истинно-русской» массѣ, всходахъ, которые мнѣ тоже пришлось тогда близко видѣть и которымъ даже пришлось подавать родъ акушерской помощи въ ихъ рожденіи на свѣтъ. Волею судебъ послѣднее произошло именно, благодаря моему участію въ самоорганизаціи кіевскихъ евреевъ-рабочихъ.

Въ числѣ участниковъ нашего «Ремесленнаго комитета» былъ одинъ юноша—столяръ, по имени Саулъ, онъ же Николай. Ни то, ни другое имя его не было настоящимъ, такъ же, какъ и фамилія—Левинъ. На самомъ дѣлѣ онъ звался (скажемъ) Натанъ Мейеръ, родомъ изъ Полоцка, т. е. изъ черты осѣдлости. На родинѣ его звали русскимъ именемъ Николай, въ Кіевѣ же онъ былъ на положеніи

«безправнаго», такъ какъ тамъ (и до сихъ поръ) могутъ жить лишь гильдейскіе купцы и дипломированные ремесленники, а у Николая диплома не было. Поэтому онъ, подобно тысячамъ обитателей Подола, жилъ, прячась отъ полиціи, въ квартирахъ «правныхъ» товарищей и про всякій случай имѣлъ паспортъ вольной фабрикаціи на имя Саула Левина.

Этотъ «двуличный» или, если угодно, «тріединный» человекъ свелъ знакомство съ русскими булочниками, въ то время какъ прочіе товарищи не выходили изъ круга своихъ еврейскихъ рабочихъ. Уже этотъ одинъ фактъ обращалъ на него особое вниманіе, ибо еврею быть въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ «несознательными» русскими было не такъ-то легко. Съ нашимъ же «Николаемъ» русскіе булочники не только были въ пріятельскихъ отношеніяхъ, но и сильно его уважали. Это зависѣло, безъ сомнѣнія, и отъ того, что Николай обладалъ необычайнымъ природнымъ краснорѣчіемъ, хотя и выражался по-русски съ трудомъ. Еще замѣчательнѣй, что онъ излагалъ прекрасно по-русски свои мысли на бумагѣ—чего никто изъ прочихъ нашихъ «комитетчиковъ» не могъ сдѣлать. Когда же онъ говорилъ, то глаза его мрачно горѣли, а энергичное, смуглое лицо принимало суровое выраженіе: видно было, что онъ глубоко переживаетъ свои слова. Но поэтому, быть можетъ, онъ говорилъ вообще мало, больше молчалъ.

Въ то время, какъ въ нашемъ «комитетѣ» происходили споры и излагались планы относительно наилучшаго устройства организаціи на Подолѣ, Николай упорно обращался всегда къ одной темѣ—къ своимъ излюбленнымъ булочникамъ: онъ настаивалъ на томъ, что булочники во всемъ Киевѣ готовы уже къ открытой борьбѣ, надо лишь «ихъ поагитировать», т. е. заняться немного «развитіемъ» болѣе выдающихся изъ нихъ и распространять среди нихъ с.-демократическую литературу. Товарищи относились къ словамъ Николая нѣсколько насмѣшливо, по тремъ причинамъ: онъ, въ спокойномъ состояніи, не умѣлъ ловко аргументировать и любой противникъ засыпалъ его словами; онъ былъ моложе прочихъ, отчего считался «непрактичнымъ» (ему было лѣтъ 18)—впрочемъ его монументальная фигура и суровый видъ, скорѣй, заставляли считать его старше остальныхъ; наконецъ, страннымъ казалось всѣмъ—и мнѣ, въ томъ числѣ,—чтобы были готовы къ борьбѣ самые неразвитые изъ кievскихъ рабочихъ, между тѣмъ какъ болѣе развитыхъ еще надо готовить.

Но Николай отстаивалъ своихъ булочниковъ такъ упорно, что я прозвалъ его про себя, «тяжелой артиллеріей». Мы рѣшили, во всякомъ случаѣ, поглядѣть кружокъ пріятелей Николая изъ числа болѣе развитыхъ.

Я пошелъ къ нимъ съ Николаемъ. Комната, гдѣ собрались человекъ 6 булочниковъ, была куда бѣднѣй комнаты Абрама (дѣло уже было не на Подолѣ, а въ верхнемъ городѣ). Это было сырое и низкое помѣщеніе, почти безъ всякой мебели, кромѣ грубыхъ деревянныхъ кроватей. Тутъ жило, повидимому, съ десятокъ человекъ. Собравшіеся рабочіе были всѣ худы и измождены. На неестественно блѣдныхъ (отъ вѣвшейся муки) лицахъ у большей части выдѣлялись вос-

паленные, красные глаза. Они выражались уже языкомъ русскихъ крестьянъ, за исключеніемъ одного нѣмца Альберта и одного поляка Матвѣя; у нѣкоторыхъ рѣчь носила хохлацкій оттѣнокъ. Всѣ были страшно бѣдно одѣты—въ тѣ самая лохмотья, которыя, пожалуй, всѣ читатели и до сихъ поръ видятъ на рабочихъ-булочникахъ. Они просили позаняться съ ними, дать имъ книжекъ, рассказывали о тяжелыхъ условіяхъ своей работы и, какъ и Николай, настаивали, что вся масса кіевскихъ булочниковъ готова хоть сейчасъ къ общей забастовкѣ. Надо замѣтить, что каждый вечеръ занятій являлся для нихъ своего рода подвигомъ, ибо праздниковъ у нихъ не было, работали они безвыходно въ своихъ подвалахъ-мастерскихъ по 17—20 часовъ, и отлучиться можно было лишь, поставивъ за себя замѣстителя съ платой ему 1 руб. Мѣсячный же заработокъ равнялся 15—20 рублямъ.

Меня поразила видѣнная картина. Мнѣ и раньше, конечно, приходилось видѣть рабочихъ-булочниковъ, но... не приходилось встрѣчаться съ ними, какъ *съ людьми*, требующими для себя, какъ и я, свѣта и борьбы. Неощутимыя соціальныя перегородки такъ основательно слѣпляютъ наши глаза, что мы сквозь нихъ только и замѣчаемъ, что привычныя, слѣдовательно, какъ бы и «нормальные» внѣшніе облики другихъ людей. Мы говоримъ себѣ: «вотъ типичный булочникъ!»—и успокаиваемся на чувствѣ какой-то полу-презрительной жалости. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же мы можемъ ему помочь? Ничѣмъ. Слѣдовательно, булочнику только и остается, что быть булочникомъ.

Въ это время мы съ нашимъ «Ремесленнымъ комитетомъ» успѣли уже присоединиться къ мѣстному комитету Р. С.-Д. Р. П., что означало для насъ возможность получать с.-демократическія брошюры журналы и проч., а также пропагандистовъ. Впрочемъ «возможность» еще далеко не обозначала фактической достаточности того и другого. Самъ «Кіевскій комитетъ» вѣчно испытывалъ голодъ по литературной части, а прогандистовъ было—разъ-два, и обчелся. Приходилось перебиваться кое-какъ, едва утоляя $\frac{1}{10}$ часть запросовъ. Тѣмъ не менѣе къ булочникамъ мы приставили «пропагандиста», зеленаго студентика, который, конечно, самъ еще едва учился тѣмъ теоріямъ, которыя проповѣдывалъ. Но недостатокъ опыта и знаній замѣнялся искреннимъ жаромъ, съ какимъ онъ отдавался дѣлу, а булочники знали сами такъ мало, что и крупцы знаній казались имъ откровеніемъ. Притомъ, имъ опять таки важнѣй всего было заполучить къ своему дѣлу «интеллигента», какъ санкцію правильности этого дѣла, какъ знамя, ободряющее въ борьбѣ. Совѣты же Николая и собственный разсудокъ и усердіе направляли ихъ въ задуманной стачкѣ.

Я вскорѣ узналъ, какія огромныя усилія прилагались булочниками-руководителями. Николай доставилъ мнѣ вскорѣ самодѣльную, рукописную брошюрку, изготовленную упомянутымъ выше полякомъ Матвѣемъ. Въ подражаніе весьма распространенной тогда нелегальной брошюркѣ «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», онъ озаглавилъ свое произведеніе «Что нужно знать и помнить каждому булочнику?» Здѣсь, ужасными каракулями и не очень-то грамотно,

но въ замѣчательно-яркихъ лирическихъ краскахъ, изображалось положеніе товарищей-булочниковъ, которымъ недоступно ни весенней природой часокъ полюбоваться, ни «въ церковь сходить въ воскресенье», ни даже семью свою повидать хоть разъ въ мѣсяцъ; «наши родные дѣти не знаютъ насъ въ лицо, потому что мы являемся домой лишь по ночамъ, когда они спятъ, и уходимъ чуть займется свѣтъ». «Булочники—говорилъ авторъ—цѣлый день жарятся въ мастерской, какъ въ пеклѣ, а, когда выскочишь подъ ворота подышать воздухомъ, весь перепачканный въ мукѣ, какъ бѣлый чортъ, то ужъ хозяинъ грозитъ расчетомъ»... Въ концѣ брошюрки стоялъ, какъ водится, призывъ къ борьбѣ за улучшеніе условий труда.

Эта брошюрка была написана Матвѣемъ почти за годъ передъ тѣмъ, и можно себѣ представить, сколько труда и поту положилъ онъ на ея сочиненіе! Но онъ этимъ не ограничился. Въ теченіе года онъ переписалъ ее собственноручно не менѣе 15 разъ и разнесъ по знакомымъ ему мастерскимъ, производя всюду неотразимое впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь все, въ ней сказанное, каждое слово было кровною правдой, а призывъ къ борьбѣ открывалъ впервые свѣтлую дверь передъ отчаявшимися людьми. Матвѣй поддерживалъ свое писанье и пространными устными бесѣдами, наконецъ, взявъ кусокъ угля въ руки, онъ чертилъ на стѣнахъ мастерской (гдѣ, по общему правилу, рабочіе и жили) импровизированныя прокламаціи. Спрашивается: какъ онъ не попался въ своей смѣлой пропагандѣ въ когти полиціи? Дѣло очень простое: ни хозяева, ни полиція и не предполагали тогда еще въ Кіевѣ, чтобы среди такого забитаго работой и хозяйскимъ окрикомъ племени проявился малѣйшій протестъ! Поэтому не озаботились насажденіемъ здѣсь ни шпіонства, ни провокаціи, и пропаганда быстро дѣлала свое дѣло по линіи наименьшаго сопротивленія. Вскорѣ тотъ же Матвѣй, по моей просьбѣ, лично обошелъ большую часть пекаренъ г. Кіева и собралъ полную «статистику» числа рабочихъ въ нихъ, съ указаніемъ женатыхъ и холостыхъ. Для него не существовало границъ въ стремленіи къ дѣйствию, а отсутствіе свое изъ мастерской ему удавалось скрывать отъ хозяйина, благодаря всегдашней готовности товарищей покрыть его.

Его неумѣлая брошюра доставляла мнѣ величайшее удовольствіе: столько въ ней было искренняго чувства; я ее всячески старался сохранить, несмотря на большую опасность для самой же предполагаемой забастовки, въ случаѣ, нагрянули бы ко мнѣ съ обыскомъ. И я бы сберегъ ее до сихъ поръ, какъ драгоценную память, если бы—по російскимъ условіямъ—рядъ послѣдовательныхъ «чистокъ» не заставилъ меня пожертвовать и этимъ самоцвѣтнымъ камнемъ... Конечно, теперь, послѣ ряда потрясающихъ историческихъ событій, можетъ показаться смѣшной та маленькая брошюрка, но не забывайте, что на зарѣ классоваго сознанія то были первые ростки, изъ которыхъ развились красные цвѣта будущаго...

Однако Матвѣй не былъ главнымъ двигателемъ въ средѣ булочниковъ. Онъ былъ лишь самородкомъ-пропагандистомъ, агитаторомъ и, если хотите, пѣвцомъ движенія. Его истиннымъ дирижеромъ былъ другой человекъ—пекаръ Алексѣй. Но я въ это время еще мало съ

нимъ былъ знакомъ и скажу о немъ подробно дальше. Всего же ихъ руководящій кругъ обнималъ 50 съ лишнимъ человѣкъ, которые были знакомы со всѣми рѣшительно пекарнями въ городѣ и предмѣстьяхъ и въ каждой изъ нихъ имѣли преданныхъ и «съагитированныхъ» людей. Пекаренъ въ городѣ съ предмѣстьями было тогда до 150, а рабочихъ въ нихъ, вѣроятно, было больше 1000 чел., со словъ рабочихъ булочниковъ (иныхъ данныхъ у насъ тогда не имѣлось).

Въ мартѣ мѣсяцъ булочники, подъ дѣйствіемъ усиливающейся агитации, стали очень неспокойны. Ихъ «булочный комитетъ» заявлялъ, что придется вскорѣ объявить стачку, ибо рабочіе стали съ трудомъ переносить хозяйскія ежовыя рукавицы. Стали мѣстами даже бросать работу. Положеніе особенно обострилось на Пасхѣ, въ виду того, что тутъ булочники имѣли 2 дня «свободы», могли между собою повидаться и еще больше наэлектризовать другъ друга. Сверхъ того, эта пасхальная «свобода» была, сама по себѣ, такого свойства, что могла особенно раздражать людей: хозяева заставляли 3 послѣднихъ дня передъ Пасхой работать круглыя сутки, не покладая рукъ, какъ бы стремясь возмѣстить предстоящую потерю 2 дней; рабочіе такъ утомлялись, что и праздникъ имъ былъ не въ праздникъ. Мы получили согласіе Кіевского комитета на стачку и обѣщаніе помощи и стачечныхъ листовъ. 23-го апрѣля, черезъ недѣлю послѣ Пасхи, предположили объявить стачку. За два дня передъ тѣмъ создали вышеупомянутыхъ 50 человѣкъ «довѣренныхъ» (на одномъ изъ острововъ Днѣпра). Тамъ съ ними вели бесѣду Николай, Матвѣй и Алексѣй. На слѣдующій день, въ субботу, назначено было предстачечное собраніе делегатовъ отъ всѣхъ пекаренъ—всего до 200 человѣкъ.

Начать собираться было рѣшено съ 8 часовъ утра, сходитьсь постепенно, группами по 2—3 человѣка, съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ собраться къ 11 часамъ. Мѣсто было у насъ предварительно высмотрѣно за городомъ, на той сторонѣ Днѣпра, въ глубинѣ лѣса. Мы нѣсколько разъ уже тамъ собирались съ еврейскими рабочими, такъ что мѣсто могло считаться надежнымъ и безопаснымъ отъ жандармскаго глаза. Выработалась у насъ и техника собранія: на опушкѣ гостей принимали два распорядителя, направлявшихъ затѣмъ каждаго входящаго къ патрулю въ лѣсу (шагахъ въ 30). Этотъ послѣдній передавалъ ихъ дальнѣйшему патрулю, выкрикивая пароль (напр. «Волга-а!»); второй передавалъ ихъ третьему и т. д., до самаго мѣста собранія. Эта техника удавалась намъ въ совершенствѣ, ее же мы рѣшили примѣнить и къ собранію булочниковъ. Но увы! оказалось, что расчетъ былъ не совсѣмъ удаченъ.

Я пошелъ на собраніе часамъ къ 10. Уже проходя загородной слободкой по шоссе, ведущему къ лѣсу, я былъ нѣсколько обезпкоенъ видомъ многочисленныхъ толпъ нашихъ будущихъ забастовщиковъ, непринужденно шагавшихъ поперекъ всего шоссе, въ измазанныхъ мукою передникахъ и шляпахъ, съ огромными полубѣлыми «калачами»¹⁾ подъ мышкой (было условлено, чтобы хлѣбъ несли съ собою сами участники собранія). Веселый говоръ стоялъ надъ шерен-

¹⁾ „Калачемъ“ на югѣ зовется 5 и 10 фунтовый плетеный полубѣлый хлѣбъ.

гами рабовъ капитала, вырвавшихся изъ своихъ душныхъ подваловъ на вольный воздухъ... Мнѣ, привыкшему къ строгой «конспираціи», очень не нравилось это непринужденное поведеніе; мнѣ казалось, что сами собаки Никольской слободки понимаютъ, что это булочники идутъ на заговорщицкое, потаенное сборище... Но приходилось махнуть рукой и спѣшить къ лѣсу.

У опушки, по условію, стояли Алексѣй съ Матвѣемъ. Радостно поздоровавшись, они указали мнѣ первый патруль въ лѣсу и сообщили, что уже многіе прошли. Я направился въ лѣсъ. Но уже у второго или третьяго патруля я замѣтилъ образовавшееся скопленіе народа, весело болтавшаго съ давно не видѣнными пріятелями. На мое замѣчаніе, они отвѣтили, что «ничего-моль, сейчасъ придемъ». Дальше уже никакого патруля не оказалось—исчезъ. Тутъ я понялъ, какая великая разница между воспитавшимися на конспираціи и дисциплинѣ еврейскими рабочими и нашими русскими нетронутыми, широкими натурами. Послѣ я множество разъ убѣждался, что главный врагъ собственно-русскаго рабочаго движенія (и не только въ средѣ рабочихъ) непониманіе первостепеннаго значенія товарищеской дисциплины. Еврейскіе «патрули», стоявшіе въ томъ же лѣсу всего лишь за нѣсколько дней передъ тѣмъ, не двигались съ мѣста цѣлый день, не рѣшаясь даже сбѣгать напиться воды, шаговъ за 300, когда пересохло горло. Лишь получивъ смѣну отъ распорядителей, они приходили браниться съ послѣдними за то, что остались забыты на своемъ посту.

Такую же педантическую пунктуальность я потомъ встрѣтилъ въ «рабочихъ обществахъ» Финляндіи. Нечего удивляться, что въ послѣдней странѣ с.-демократія пожинаетъ богатые урожаи умѣлыхъ пофѣвовъ...

Считая, что съ патрулемъ вышло случайное недоразумѣніе, которое исправятъ распорядители, я поспѣшилъ дальше, къ знакомому мѣсту собранія. Патрулей—ни души. До назначенной полянки было версты три. Пришедши туда, я долженъ былъ лишь констатировать полное отсутствіе народа. Значить, разбрелись кто куда, по всему огромному лѣсу... Положеніе было изъ самыхъ глупыхъ. Идти назадъ, поправить дѣло, разставить на-ново патрули? Не стоило—потому что было уже около 11, и главная масса уже прошла. Идти по лѣсу собирать народъ?—предпріятіе бесполезное: по одиночкѣ всѣхъ не соберешь, а посылать другихъ—мѣста не знаютъ. Осталось сѣсть на полянкѣ словно заяцъ въ сказкѣ, прогнанный изъ избушки козой, и ждать. Я сѣлъ и сталъ ждать. Ни души. Только весеннее солнце сіяетъ, да вѣтеръ шелеститъ верхушками сосенъ. Я не могу вамъ рассказать, какіе бѣсы гнѣва и отчаянія раздирали мою грудь втеченіе долгихъ часовъ, пока я сидѣлъ на этой полянкѣ! Все было такъ налажено, готовилось такъ издавна, и вотъ должно рушиться изъ-за пустяка, изъ-за россійской халатности!... Скверно я себя чувствовалъ.

Впрочемъ моя недолгая революціонная практика успѣла уже воспитать во мнѣ совершенно необходимую въ Россіи добродѣтель—воловье терпѣніе. Я рѣшилъ сидѣть тутъ хоть до завтрашняго дня, а дождаться хоть части булочниковъ. И вотъ, часовъ около 2-хъ

стали они, наконецъ, появляться усталые и недовольные—словомъ, въ настроеніи, мало подходящемъ къ случаю. Появились Матвѣй и Алексѣй, которые сейчасъ же отправились скликать и остальныхъ. Стали подваливать новыя и новыя толпы. Скоро набралось больше 100 человѣкъ, но многіе, очевидно, такъ и заблудились невѣдомо гдѣ. Какъ результатъ неудачнаго начала, поднялась, по русскому обычаю, русская ругань. Непечатныя выраженія такъ и висѣли въ воздухѣ. Деморализація развивалась дальше. Хлѣбъ успѣли весь пріѣсть, захотѣлось пить. Любители вина объявили, что пойдутъ искать «казенки». Они ее, дѣйствительно, нашли на желѣзнодорожной станціи версты за двѣ, и принялись выпивать. Время шло, пора было начинать, а никто и не думалъ. Другіе побрели въ сосѣдную деревню за молокомъ; сыскали молоко, но вмѣстѣ съ кувшинами явились и посланныя бабами ребята; ребята донесли о необыкновенномъ сборищѣ матерямъ, которыя послѣжили въ лѣсъ на даровое зрѣлище,—за ними мужики... Я ужъ ожидалъ, что вотъ-вотъ пожалуетъ и урядникъ. Я ничего не могъ предпринять, ибо совершенно не былъ знакомъ рабочимъ, укрывшись подъ псевдонимомъ «петербургскаго булочника».

Но урядникъ не пожаловалъ. Вмѣсто него явилось намъ подкрѣпленіе, въ видѣ одного «комитетчика»-шапочника Гриши, прекрасно говорившаго по-русски, и двухъ барышень-портнихъ (обѣ онѣ звались Розами). Появленіе изящно одѣтыхъ барышень въ красныхъ кофточкахъ (по случаю близкаго 1-го мая) произвело неожиданно-благоприятное дѣйствіе. Во-первыхъ, прекратилось поминаніе родителей, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло вліяніе «истинно-русскихъ» выпивающихъ и бранящихся элементовъ. Цивилизація вступала въ свои права. Во-вторыхъ, нашлись немедленно галантные кавалеры, которые набрали тутъ же въ изобиліи растущихъ прекрасныхъ огромныхъ весеннихъ цвѣтовъ «сна», и, сдѣлавъ букеты изъ ихъ лиловыхъ колокольчиковъ, поднесли барышнямъ, а себѣ воткнули по цвѣтку въ петлицу. Немедленно началось повальное подражаніе.

Надо вамъ сказать, что это были за экземпляры рода человѣческаго! Рѣдкій былъ одѣтъ болѣе или менѣе прилично, по городски—въ пиджакѣ, штиблетахъ и шляпѣ. Большинство являло видъ какихъ-то дикарей нашего времени. Изорванные, измазанные, въ опоркахъ, грубыхъ рубахахъ, многіе безъ шапокъ! Громадное большинство были просто курскіе, орловскіе, калужскіе мужики, лишь нѣсколько мѣсяцевъ пришедшіе въ городъ и не выдавшіе за тяжелой работой свѣта. Были здѣсь и три делегата босой команды изъ пропойць-булочниковъ, приглашенные для переговоровъ, на случай возможнаго съ ихъ стороны штрейкбрехерства. И всѣ они подтянулись въ присутствіи дамъ. Я видѣлъ, какъ одинъ неподдѣльный сынъ «Калуцкой губерніи», на которомъ пиджакъ сидѣлъ, какъ на коровѣ сѣдло, выломавъ порядочную сосновую вѣтку, заткнулъ ее себѣ въ грудной карманъ, вмѣстѣ съ пучкомъ цвѣтовъ «сна».

Было часовъ 5, когда стало, наконецъ, возможно приступить къ дѣйствіямъ. Сначала были сказаны «агитаціонныя рѣчи»—объ общихъ условіяхъ булочной работы, о необходимыхъ требованіяхъ,

Огромный успѣхъ имѣли опять таки рѣчи «барышень», о солидарности рабочихъ и о близкомъ 1-мъ мая. Курскимъ и «калуцкимъ» очень было лестно, что такія нарядныя особы тоже о нихъ заботятся. Они не догадывались, что это свои же, работницы: они такихъ еще не видали. Потомъ перешли къ главному, къ выясненію того, какъ устраивается стачка и какъ надо себя вести въ теченіе ея. Десятокъ разъ повторялось всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности, что работу бросать надо заразъ во всѣхъ пекарняхъ, что идти на уступки отдѣльнаго хозяина нельзя, надо дожидаться общихъ уступокъ, что нельзя пить водки, вредить чѣмъ-либо хозяину, драться, ругаться и т. п., что слѣдуетъ держаться внѣ казармъ, лучше всего проживать у товарищей, чтобы избѣгнуть полицейскихъ насилій, что нечего бояться полицейскихъ угрозъ и даже побоевъ, а дружно держаться до побѣды и проч.

Все это выслушивалось съ величайшимъ воодушевленіемъ: разспросовъ было безъ конца. Здѣсь мнѣ выяснились двѣ вещи. Во первыхъ, какое-то восторженное уваженіе всѣхъ булочниковъ къ пекарю Алексѣю. Онъ разрѣшалъ всѣ затруднительные вопросы и слово его считалось послѣднимъ. «Алексѣй сказалъ»—этого было достаточно. Алексѣй былъ у нихъ «правильнымъ», святымъ человѣкомъ. Я тутъ обратилъ на него впервые пристальное вниманіе. Онъ былъ тощъ и неестественно блѣденъ, какъ всѣ булочники, но его каріе глаза горѣли какимъ-то неугасимымъ, внутреннимъ огнемъ. Онъ какъ будто совершалъ священнодѣйствіе. Его нравственнымъ авторитетомъ объяснялось поразительное единодушіе движенія до самого конца и то, что никто не подался соблазну выдать хозяевамъ или начальству всю затѣю. Она осталась послѣднимъ абсолютно неизвѣстна и грянула имъ, какъ снѣгъ на голову.

Второе обстоятельство, мнѣ выяснившееся,—крайняя темнота въ мозгахъ многихъ булочниковъ. Одинъ юноша, напр., долго слушалъ повѣсть объ ихъ 17—18 часовомъ трудѣ и возможности добиться лишь 12 часовъ работы, потомъ обратился ко мнѣ съ недоумѣніемъ: «какъ же вотъ ты говоришь все—17 часовъ работы, а я работаю всего-на-все 7 часовъ въ день». Я былъ сразу поставленъ въ тупикъ, и призвалъ на помощь Алексѣя. Алексѣй размѣялся: «ахъ, ты, дуракъ! какъ же ты 7 часовъ работаешь? А тѣ-то часы, что просиживаешь у печки, дожидаясь, пока хлѣбъ взойдетъ, потомъ испечется,—ты и не считаешь?» и тутъ же по пальцамъ разсчиталъ ему, что онъ тоже работаетъ всѣ 17 часовъ. Малый былъ удивленъ и убѣжденъ. Навѣрное эта наука имѣла рѣшающее значеніе для всей его послѣдующей жизни.

Были и еще трогательные и смѣшные эпизоды. Было два делегата отъ еврейскихъ булочныхъ. Одинъ изъ нихъ—Гершъ, единственный рабочій у своего хозяина-еврея—работалъ, какъ выяснилось, по 21 часу въ сутки. Глядя на его несчастную, изможденную фигурку и на кроткую улыбку на его лицѣ, при разсказѣ объ этихъ чудовищныхъ «условіяхъ труда» вполнѣ можно было повѣрить ему. Всѣ присутствовавшіе булочники, безъ различія національности (были тутъ великороссы, хохлы, нѣмцы и поляки), прониклись вдругъ энтузіаз-

момъ къ его страданіямъ, превзошедшимъ всю хорошо имъ знакомую каторгу производства основной пищи людей,—и съ громкими криками «ура» принялись качать сконфуженнаго Герша. О, это качанье тоже много-много значило для множества бывшихъ тутъ безсознательныхъ антисемитовъ!

Немного раньше произошла смѣшная исторія. Бабы и мужики, явившіеся вслѣдъ за своими кувшинами и ребятами, не покидали своихъ зрительныхъ позицій, когда уже всѣ кувшины давно были опростаны. Ораторъ говорилъ о 1-мъ мая, приглашая булочниковъ и на будущее время не забывать этого рабочаго праздника. Булочники, уже заряженные достаточной дозой электричества, въ готовности къ завтрашней забавкѣ, отвѣчали громкими криками «ура!» Вдругъ я слышу за ихъ голосами тонкіе бабьи голоса, тоже кричащіе «ура!» Гляжу: бабы весело машутъ пустыми кувшинами и заявляютъ свою солидарность! Врядъ ли поняли онѣ, о чемъ рѣчь, но заразились настроеніемъ. Теперь—кто знаетъ?—можетъ быть, и онѣ понимаютъ...

Наконецъ, все и всѣмъ было разжевано и разъяснено. Съ босяками-ех-булочниками, поторговавшись, заключили договоръ: 10 рублей въ сутки на пропой—и они не пойдутъ къ хозяевамъ. Договоръ заключался съ комичной торжественностью, Алексѣю потомъ пришлось идти къ босячку «полиціймейстеру» для его утвержденія, и надо сказать, что договоръ потомъ честно соблюдался, даже, когда руководители стачки попали въ тюрьму, и некому было взносить условленную контрибуцію... Солнце уже заходило, когда мы, выпроводивъ постепенно всѣхъ изъ лѣсу, сами двинулись въ путь.

Косые лучи солнца изъ-за Днѣпровскихъ горъ падали сквозь высокія колонны сосенъ и ярко выдѣляли на пескѣ и прошлогоднихъ иглахъ лиловыя пятна огромныхъ «снговъ». Мы шли, позабывъ о неудачахъ начала дня и полные надеждъ на завтрашній день. Алексѣй, чувствуя себя героемъ событія, рассказывалъ мнѣ свою біографію. Матвѣй шелъ съ другой стороны и вспоминалъ какіе-то стихи. Это была поэтическая душа.

Алексѣй, родомъ изъ Переяславля, былъ прежде пекаремъ въ пекарнѣ своего родного брата-хозяина. По его же словамъ, онъ былъ «звѣремъ до рабочихъ», стараясь соблюсти, какъ можно лучше братній интересъ. Потомъ попалась ему въ руки какая-то социалистическая брошюрка—«и какъ обухомъ по головѣ меня ударило». Цѣлую ночь онъ не спалъ, дня три ходилъ, какъ потерянный, потомъ сразу и цѣликомъ обернулся въ сторону рабочихъ. Сталъ ихъ во всемъ защищать. Конечно, братъ его скоро выжилъ изъ дому, но, какъ отличный мастеръ, онъ скоро нашель другое мѣсто. Съ тѣхъ поръ его задачей стало общее рабочее дѣло, дѣло самоосвобожденія. Переворотъ, съ нимъ случившійся, не остался тайной для міра булочниковъ, и вотъ—первопричина завоеваннаго имъ уваженія. Разставаясь съ нимъ, скажу безъ прикрасъ,—я былъ счастливъ, что такъ близко видалъ примѣръ могучаго дѣйствія нашей идеи на твердыя сердца.

И все же мнѣ какъ-то не вѣрилось въ дѣйствительный успѣхъ всего предпріятія—не потому, чтобы смущала его все же импровизированность, не потому, чтобы внушала страхъ сила хозяевъ надъ

такимъ первобытнымъ народомъ, какъ только что видѣнные мною булочники и не потому, наконецъ, чтобы грозили крушеніемъ нашимъ планамъ неизбѣжныя полицейскія репрессіи—нѣтъ, всѣ эти неблагоприятные шансы съ избыткомъ перевѣшивались ярко выразившимся на сходкѣ колоссальнымъ запасомъ рабочей ненависти противъ хозяйскаго живодерства. Но какъ то казалось несбыточнымъ такое дѣло, какого никогда еще не видано было не только въ Кіевѣ, но и вообще на югѣ Россіи: одновременное и согласное возстаніе противъ застарѣлыхъ порядковъ одного изъ самыхъ «смирныхъ» «цеховъ» по цѣлому громадному городу. И была слишкомъ необычна возможность перехода завтра же нашей никому невѣдомой, кротовьей работы къ широкому и всѣмъ бьющему въ глаза воплощенію. Однако съ нами стояло, нами руководило что-то громадное, далеко превосходящее наши малыя силы, и отъ того все, что для насъ было почти невѣроятно, совершилось. Видно, и въ нашихъ мѣстахъ приходилъ конецъ пресловутому долготерпѣнію російскаго народа, считавшемуся его тысячелѣтне испытаннымъ свойствомъ.

Слѣдующій день, воскресенье, прошелъ въ тревогѣ и неизвѣстности, ибо мы съ Николаемъ и булочниками руководителями условились не видѣться въ этотъ день, чтобы не рисковать, при началѣ стачки, навести на ея слѣдъ какихъ либо ищеекъ. Внѣшнихъ же признаковъ стачки нельзя было замѣтить, т. к. моментомъ ея начала были 12 час. дня, и, слѣдовательно, хлѣбъ имѣлся въ булочныхъ все воскресенье. Обѣщанную Кіевскимъ комитетомъ первую помощь въ видѣ 35 рублей для пополненія стачечной кассы (булочники собрали между собой что-то около 20 руб.) и отпечатанныхъ 2 сотенъ стачечныхъ прокламацій я переслалъ въ стачечный комитетъ еще въ субботу вечеромъ. Надо признаться, что «прокламаціи» эти никуда не годились. У Кіевскаго комитета дѣла были, по обыкновенію, весьма плохи, типографія своя еще лишь налаживалась послѣ бывшаго за годъ передъ тѣмъ «провала»; нашъ заказъ былъ сданъ комитетомъ на руки существовавшей тогда организаціи гимназистовъ, подъ названіемъ «Молодая Россія», выпускавшей гектографированный журналъ этого же имени. Пока я находился на описанной сейчасъ сходкѣ, безъ меня пучекъ гектографированныхъ прокламацій былъ принесенъ запыхавшимся меркуріемъ «Молодой Россіи», подъ его гимназической блузой; увы! отпечатки вышли столь слабы, что на бумагѣ видны были лишь блѣдныя души буквъ и невѣдомы читателю остались ни горячія слова воззванія, ни также, что всего хуже, 11 пунктовъ предъявляемыхъ хозяевамъ требованій! Вотъ въ какихъ условіяхъ приходилось работать російскимъ социалдемократамъ. Какъ никакъ, «прокламаціи» были переданы Николаемъ булочникамъ, а тѣ ихъ ночью разнесли по мастерскимъ, стучась въ окна подваловъ и бросая ихъ въ открывшуюся на стукъ форточку со словами: «вотъ тебѣ письмо отъ тетки изъ деревни!» Сильно насъ ругали булочники за неудобочитаемость листовъ: вѣдь листки такая важная вещь для подымаемой массы!

Плохо проспавъ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ, я утромъ съ бьющимся сердцемъ побѣжалъ въ мелочную лавочку за хлѣбомъ. Войдя въ лавку, я еле ротъ могъ раскрыть отъ волненія, и мнѣ казалось, что лавочникъ на лицѣ моемъ долженъ ясно читать ужасную тайну. Все таки я спокойно спросилъ два фунта «калача», успѣвъ впрочемъ, съ замираніемъ сердца, уже убѣдиться, что на полкахъ хлѣба не видно. Лавочникъ быстро отвѣчалъ: «хлѣба нѣтъ сегодня, и не будетъ». «Какъ такъ?» еле пролепеталъ я,—языкъ у меня во рту положительно не ворочался.—«Да такъ, что во всемъ городѣ всѣ булочки и хлѣбопеки взбунтовались!»—«Что вы! не можете быть!» нашель еще я силу выразить свое изумленіе, для вящаго соблюденія «конспираціи» и затѣмъ стрѣлою помчался домой удостовѣрить своимъ великолѣпное событіе. Потомъ я пошелъ на ближайшій рынокъ, гдѣ помѣщалась одна изъ крупныхъ пекаренъ города, принадлежавшая Антоненку. Вхожу туда—вижу въ кассѣ хозяина, за пустымъ прилавкомъ пару продавщицъ, распродающихъ послѣдній черствый хлѣбъ. Съ невиннымъ видомъ спрашиваю: «развѣ не пекли сегодня?» Получаю сердитый отвѣтъ: «не пекли», и больше никакихъ объясненій. Хозяинъ въ кассѣ сидитъ, какъ сычъ въ дуплѣ, и подозрительно тебя оглядываетъ, какъ будто прикидываетъ къ тебѣ мѣрку—не ты ли возмутитель и подстрекатель? Конечно, поторопился убраться по добру, по здорову. На бульварѣ близъ рынка вижу группы сидящихъ безъ дѣла—въ ожиданіи, не сдадутся ли хозяева—рабочихъ булочниковъ. Но хозяева, конечно, не сдавались. Подумайте: вмѣсто 363 дней въ году, дерзкіе рабы желаютъ отдавать хозяину лишь 315 дней, оставляя себѣ—неслыханное дѣло! 4 воскресенья въ мѣсяцъ; вмѣсто 17—20 часовъ они соглашаются потѣть около печей лишь полъ сутокъ, да и то съ опредѣленнымъ перерывомъ (1½ ч.) на обѣдъ и завтракъ! Посчитайте-ка: въ сутки это убавляется около 6 часовъ эксплуатаціи, въ 315 сутокъ $315 \times 6 = 1890$ часовъ, да 48 дней «прогульныхъ» $48 \times 18 =$ по меньшей мѣрѣ, 864 часа, а всего $864 + 1890 = 2754$ часа долой съ cadaго чловѣка! Вѣдь это, какой хотите, хозяинъ оскорбится. Придется каждому хозяину увеличить число рабочихъ, по крайней мѣрѣ, на половину. А они, сверхъ того, требуютъ платы, вмѣсто 15—20 руб. на брата, по 25, пекарю, вмѣсто 25—30, по 40 руб., да мальчишкамъ ученикамъ, этимъ бесплатнымъ «попихачамъ» по 10 руб. Вѣжливаго обращенія! гигиеническихъ мастерскихъ! отдѣльных помѣшеній для житья!

Къ обѣду мы не могли больше сидѣть спокойно въ нашей тѣсной квартирѣ, и рѣшили пойти пройтись по улицамъ, не увидимъ ли какихъ болѣе опредѣленныхъ проявленій хода событій. Мы снарядили въ походъ все наше маленькое семейство, и, толкая передъ собой въ высшей степени «конспиративную» вещь—дѣтскую коляску съ спицимъ въ ней младенцемъ, направились сперва опять къ тому же рынку.

Толпы праздныхъ булочниковъ теперь запруживали его. На ихъ лицахъ можно было прочесть только ожиданіе да рѣшимость вести себя «по хорошему», не дѣлать «безобразіевъ» (выражаясь полицейскимъ жаргономъ). По другой сторонѣ прилегающей къ рынку улицы вдругъ показался нашъ Матвѣй. Онъ, повидимому, дѣлалъ смотръ

товарищамъ этой части города и укрѣплялъ ихъ въ стойкомъ сопротивленіи. Онъ замѣтилъ меня, и весело, и «конспиративно» подмигнулъ, будто говоря: «не безпокойтесь, все въ порядкѣ!» и затѣмъ красивый профиль его рябоватаго лица, его сѣрая шляпа и праздничный костюмъ промелькнули передъ нами, быстро исчезая въ другую часть города. На углахъ топтались безъ дѣла одинокія фигуры: «ага, шпики!» подумали мы, не сказавъ между собой ни слова.

Здѣсь было еще нѣсколько булочныхъ, — принадлежавшихъ туркамъ ¹⁾. Съ ними трудно было справиться рабочимъ, ибо половина персонала у нихъ состояла изъ своихъ родственниковъ, выписанныхъ изъ Турціи и участвовавшихъ долею въ прибыляхъ. Мы заглянули въ эти пекарни: забастовка дѣйствовала все же и здѣсь, ибо на полкахъ видны были исключительно однѣ французскія булки, совершенно при томъ бѣлыя, недопеченныя. Какъ я узналъ потомъ, турки хозяйева старались нагнать прибыль тѣмъ, что день и ночь выпекали этотъ лишь сортъ хлѣба, моря на работѣ и самихъ себя, и свою родню. За кассой я съ удивленіемъ увидаль толстаго помощника пристава въ формѣ оказалось, вышло распоряженіе, въ предупрежденіе вздорожанія хлѣба, наблюдать за продажей чинамъ полиціи. То то хозяйева были довольны этимъ благосклоннымъ участіемъ! Вы подумайте только!.. Еще видали мы на рынкѣ необычайное оживленіе среди бабъ, торгующихъ такъ наз. въ Кіевѣ «бабскими» булками. Имъ забастовка прилась какъ нельзя болѣе кстати.

Вернулись мы домой въ прекрасномъ настроеніи. Намъ ужасно смѣшно было ходить среди толпъ народа, въ избиліи насыщенныхъ шпионами, городовыми и околочниками, изъ которыхъ каждый выслѣживалъ, какъ какое-то золотое руно, «подстрекателей» и «студентовъ», и оставаться никому невѣдомыми, словно подъ шапкой невидимкой.

Вечеромъ прибѣжалъ Николай, веселый и довольный, и принесъ кучу новостей о стачкѣ. Во первыхъ, забастовка началась дружно всюду въ полдень воскресенья, какъ только посадили въ печь дневное тѣсто. Только въ двухъ трехъ пекарняхъ рабочіе не выдержали характера и бросили работу еще ночью, а готовое тѣсто вышвырнули, въ помойную яму. Иные хозяйева полѣзли въ драку, но рабочіе, безъ словъ, уходили домой изъ мастерскихъ. Были стычки, но незначительныя, большею частью, у мальчиковъ съ хозяевами или немногими «вѣрными» пекарями. Ни одной мастерской въ городѣ и предмѣстьяхъ не осталось, гдѣ бы работали. Хозяйева самыхъ крупныхъ и благоустроенныхъ мастерскихъ, на Крещатикѣ, (гдѣ условія и раньше были гораздо лучше) сразу выказали готовность къ уступкамъ, но рабочіе заявили, что станутъ лишь вмѣстѣ съ прочими. Все начальство въ городѣ, отъ послѣдняго замухрышки «шпикиа» до жандармскаго генерала (знаменитаго въ своемъ родѣ Новицкаго) и до генерал-губернатора всполошилось небывалымъ происшествіемъ. Схватились за законы, и тамъ нашли—о, ужась! въ ремесленномъ уставѣ блаженныя памяти Великой Екатерины тѣ самые пункты требованій,

¹⁾ Турки избрали себѣ на югѣ специальностью булочное ремесло.

которые стояли въ преступныхъ прокламаціяхъ, именно, 12 часовой день, съ 2 часовымъ даже (а не 1½ часа) перерывомъ, и, разумѣется, воскресный отдыхъ.

Неожиданное столкновение двухъ началъ очень затруднило административныхъ мудрецовъ. Выходъ найденъ былъ чисто-отечественный: съ одной стороны, потащили булочниковъ на допросъ (въ томъ числѣ, побывали и всѣ наши друзья), гдѣ допытывались, кто ихъ мутить? (булочники отвѣчали, повторяя уроки предстачечнаго собранія,— «хозяева-молъ жить не даютъ»); съ другой стороны, губернаторъ созвалъ совѣщаніе хозяевъ, гдѣ убѣждалъ ихъ, что противъ закона—нельзя, и обязалъ вывѣсить въ мастерскихъ объявленіе, сообразное съ ремесленнымъ уставомъ. Тутъ же обращалъ ихъ вниманіе, что начальству невозможно впредь обходиться безъ мягкихъ булокъ. Генераль-губернаторъ же (покойный Драгомировъ), для успокоенія публики, объявилъ, что всѣ желающіе могутъ получать въ избыткѣ... солдатскій хлѣбъ изъ казармъ, по дешевой цѣнѣ. (Надо замѣтить, что о всемъ, происходившемъ въ «высшихъ сферахъ» успѣлъ узнать тотъ же Матвѣй, такъ какъ его «вольная» жена состояла кухаркой у мѣстнаго прокурора, а прокуроръ, въ домашнемъ быту, очень любилъ переменить косточки власть имущимъ, кухарка же считалась въ домѣ своимъ человѣкомъ: вотъ какъ на свѣтѣ тѣсно связано «высокое» съ «низкимъ»!)

Все, рассказанное Николаемъ, подымало наше самочувствіе гораздо больше, чѣмъ можетъ казаться нынѣшнему читателю. Не то даже было главное, что стачка, несомнѣнно, удалась, а то, что, наконецъ, и у насъ, кругомъ насъ, «зашевелилось болото проклятое»! Кто живо помнитъ атмосферу рабской скуки, царившую у насъ съ начала восьмидесятыхъ годовъ, тотъ вполне оцѣнитъ всю глубину этого восхитительнаго злорадства (если можно такъ выразиться), овладѣвшаго нами,—чувства, должно быть, хорошо знакомаго освобождавшимся крѣпостнымъ.

Мы условились съ Николаемъ собрать на завтра «стачечный комитетъ» булочниковъ, для болѣе точнаго учета происшедшихъ событий и для выясненія дальнѣйшей борьбы. Но... судьбѣ или (что у насъ весьма близко между собою) полиціи—было угодно иначе. Одинъ изъ числа упоминавшихся «верхнихъ» 5 десятковъ булочниковъ—по имени, помнится, Сашка Козель—не выдержалъ, во время допроса, обычныхъ патріархальныхъ «увѣщаній», и—какъ водится—открылъ имена вдохновителей и руководителей предпріятія—слѣд., Матвѣя, Алексѣя, нѣмца Альберта и проч. Всѣхъ ихъ, въ ту же ночь, снова потянули къ отвѣту и ввергнули въ темницу. И намъ ужъ не пришлось видаться ни съ «стачечнымъ комитетомъ», ни съ приготовленными ему на смѣну замѣстителями. Послѣ этого мы оказались совсѣмъ оторваны отъ нашихъ кліентовъ, свѣдѣнія получали лишь отрывочныя, и забастовка, съ первыхъ почти шаговъ, оказалась предоставленной на волю стихій. Теперь ее вела уже сама рабочая масса—масса самыхъ сѣрыхъ, самыхъ неразвитыхъ, самыхъ забытыхъ полу-рабочихъ, полу-мужиковъ. И надо удивляться, что, при этихъ

условіяхъ, стачка длилась, въ общемъ, еще цѣлый мѣсяць, отличаясь подчасъ рѣдкостнымъ упорствомъ и самопожертвованіемъ.

Сначала мы съ Николаемъ все же не бросали надежды снова связаться съ булочниками. Мы надѣялись собрать новую «массовку» 1-го мая, въ другомъ мѣстѣ, — чтобы поддержать «бодрость въ неравномъ бою». Въ виду этого, на другой день послѣ сказаннаго ареста нашихъ друзей, мы отправились розыскивать мѣсто для предполагаемаго собранія. На этотъ разъ путь нашъ лежалъ въ другую сторону окрестностей Кіева — въ Голосѣвскій мѣст. Мы, конечно, изъ соображеній «конспираціи», вышли изъ дому отдѣльно, но потомъ сошлись у конки, на томъ же рынкѣ. Въ конку вошли, какъ заговорщики, не глядя другъ на друга. Пока еще конка не двинулась, мы увидали прямо передъ собой, на горѣ, по бульвару необычайное движеніе огромной толпы народа: среди людей ворочались на лошадахъ казаки, подымались нагайки... Мы сразу вскочили, какъ ужаленные, сердце отчаянно забилось. Мы знали, что тамъ какъ разъ находилось Исправительное отдѣленіе (въ просторѣчій — не насмѣшка ли? — именовавшееся почему то «Комитетомъ»), гдѣ заточены были герои стачки. Мы бы, конечно, побѣжали туда со всѣхъ ногъ, не глядя на «конспирацію», если бы у насъ не было еще болѣе важнаго дѣла въ виду. Вся публика въ конкѣ пришла тоже въ ажитацію, вновь подходившіе сообщали, что это загоняютъ въ «Комитетъ» толпу булочниковъ-забастовщиковъ. Мы видали, въ иные моменты, въ расчищаемыхъ въ толпѣ «просѣкахъ», красный околышъ и красные лампы толстаго генерала на лошади... Я какъ будто слышалъ издалика, какъ онъ, хриплымъ голосомъ пьяницы и командира, кричить на тысячную толпу зрителей: «разойдитесь! разойдитесь! всѣхъ въ тюрьму упрячу!»...

Конка двинулась. Въ это время ее бѣгомъ догналъ, направляясь отъ «Комитета» толстый человѣкъ съ золотой цѣпью на брюхѣ. Запыхавшись, онъ вскочилъ въ конку на ходу, и принялся вытирать платкомъ бритыя щеки и лысину подъ шляпой. Отдышавшись, онъ изрекъ: «Нехай (пускай) попробуютъ тюремнаго хлѣба, якъ не хочуть хозяйскаго! теперь стануть смирнѣе». И расхохотался, ища у публики сочувствія взглядомъ. Однако весь вагонъ молчалъ, какъ и мы (къ стачкѣ булочниковъ, вообще, публика относилась, въ общемъ дружелюбно). Толстый человѣкъ, какъ оказалось изъ его словъ, былъ одинъ изъ хозяевъ бѣгавшій насладиться зрѣлищемъ укрошенія взбунтовавшихся рабовъ. Мы впились въ него глазами, какъ въ личнаго своего врага, и много бы хотѣлось ему сказать... Но всѣ слова застрѣвали въ горлѣ. На другой день мы узнали, въ чемъ было тамъ дѣло.

Потерявши организаторовъ, булочники тоже стремились, естественно, возстановить между собою связь, но не знали, какъ это сдѣлать. Они скопились на одной изъ площадей, въ числѣ болѣе 200 человѣкъ. Толковали объ арестѣ товарищей и возмущались. Въ это время подошелъ братъ (второй) Алексѣя — Семень, рабочій-хлѣбопекъ, совершенно бывший до тѣхъ поръ въ сторонѣ отъ движенія, пожилой человѣкъ, за 40 лѣтъ, семейный и (по нынѣшнему) «черносотенный». Этотъ огромный, рыжій, бородатый человѣкъ произнесъ вдругъ зажигательнѣйшую рѣчь объ участи своего брата и прочихъ заключен-

ныхъ, и требоваль отъ собравшихся, немедленно идти освобождать товарищей изъ нѣдръ «Комитета». Рѣчь новообращеннаго произвела неотразимый эффектъ: вся толпа немедленно повалила къ «Комитету». Окна послѣдняго выходили на улицу, въ окнахъ сидѣли заключенные булочники и, завидя «освободителей», разразились восторженными криками. «Освободители» имъ отвѣчали тѣмъ же, потомъ требовали къ себѣ начальнаго тюрьмы; тотъ въ отвѣтъ вызваль казаковъ и жандармовъ... Послѣдующее понятно: т. е. всѣхъ 200 человѣкъ загнали во дворъ «Комитета». Конечно, продержали ихъ тамъ недолго, на другой день выпустили. Но ихъ поведеніе вѣроятно, принесло свою пользу, распространивъ отвѣтственность первыхъ попавшихся по всей массѣ. По крайней мѣрѣ, за эту стачку пострадали очень мало, и даже Алексѣй и Матвѣй были лишь высланы, просидѣвъ съ мѣсяць, въ родные города. Семень же весьма прославился между товарищами, и, какъ я потомъ слыхаль, сталъ усердно почитать нашу литературу. Задѣло, значить, за живое, заговорила элементарное, зоологическое чувство родства!

Остального теченія забастовки я ужъ не могу изложить въ строгой послѣдовательности, принимая во вниманіе, въ какое и сама она перешла хаотическое состояніе.

Полиція, конечно, всячески поощряла рабочихъ къ работѣ. Сначала думали прекратить «безобразіе» кулакомъ: рабочихъ, какъ овецъ, загоняли въ мастерскія затрещинами, пинками и зуботычинками; но они сейчасъ же снова уходили, не внемля угрозамъ—полиціи приходилось разводиться руками, познавая на горькомъ опытѣ, какъ безсильна «политика» передъ «экономикой». Впрочемъ болѣе богатые и болѣе упорные хозяева (особенно, изъ нѣмцевъ) давали полицейскимъ хорошую премію за укрощеніе строптивыхъ и за возвращеніе ихъ на путь истины. Тогда къ услугамъ хозяевъ отпускались болѣе значительные отряды сихъ дѣлъ мастеровъ, и послѣдніе принимали экстренно-энергическія мѣры: въ нѣсколькихъ мастерскихъ изловленные и загнанные въ подвалъ хлѣбопеки окружались нарочитою стражей и прямо принуждались къ работѣ. Вы можете себѣ представить, какъ усердно шла здѣсь работа изготовленія хлѣба и что за хлѣбы были ея естественнымъ результатомъ! Достаточно сказать, что этотъ способъ производства не получилъ значительнаго распространенія, а рабочие такихъ мастерскихъ были наиболѣе упорными стачечниками: чуть ослабѣетъ охрана, они снова бросали свою каторгу...

Большую частью хозяева (за исключеніемъ упомянутыхъ турокъ, у которыхъ все же имѣлся хоть половинный персоналъ рабочихъ), старались поддерживать производство иными мѣрами. Рассказывали намъ о богачѣ хозяинѣ, владѣльцѣ нѣсколькихъ домовъ и нѣсколькихъ пекаренъ въ разныхъ концахъ города, поставившемъ на работу своихъ дворниковъ, нанявшемъ на подмогу солдатъ, городовыхъ; за пекаря былъ онъ самъ: болѣе двадцати лѣтъ онъ не прикасался къ тѣсту, не жарился у печи, а здѣсь, совлекши съ себя парадный цилиндръ, бѣлыя перчатки, множество перстней и золотыя часы, опоясывался передникомъ и принимался помахивать лопатой. Тяжело досталось облѣнившемуся буржуа возвращеніе къ полузабытому ремеслу!

Если же принять во внимание, что городские и дворники больше всего заставляли вспоминать изречение «услуга намъ при нуждѣ дорога...», то понятно станетъ, много ли успѣли этотъ и другіе хозяева учесть, въ свою пользу, прибавочной стоимости отъ трудовъ своихъ импровизированныхъ рабочихъ.

Очень скоро отдѣльные хозяева стали идти на уступки, какъ ни упирались вначалѣ и какъ сперва ни надѣялись на всемогущество полицейскаго искусства. Лишенные руководства, рабочіе нерѣдко шли на сдѣлку. Но, во-первыхъ, хозяева немедленно же принимались, какъ водится, забывать договоръ ¹⁾ и преслѣдовать «зачинщиковъ»; во-вторыхъ, въ разныхъ мастерскихъ устанавливали разныя условія труда: рабочимъ становилось обидно, и они снова, въ разныхъ мѣстахъ, бросали работу; потомъ снова принимались, опять бросали... Примѣрно, къ концу второй недѣли, полиція всюду махнула рукой на рабочихъ, и предоставила «экономикѣ» ея естественному теченію: трудно вѣдь въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подѣлать съ рабочими, разсѣянными по всему городу и прячущимися по квартирамъ друзей и родныхъ—труднѣе даже, чѣмъ на большихъ заводахъ съ ихъ рабочими казармами. Естественный же процессъ колебался между двумя полюсами: съ одной стороны, крупныя пекарни (напримѣръ, Кирхгейма на Крещатикѣ) пошли на всѣ условія, требуемыя рабочими и добросовѣстно ихъ соблюдали; съ другой, было множество мелкихъ, захудалыхъ пекаренъ, которыя «по совѣсти» не могли ничего уступить рабочимъ, ибо только и держались, что варварской эксплуатаціей труда. Рабочіе всюду подзадоривались успѣхомъ «кирхгеймскихъ», а захудалыя мастерскія предпочитали закрыться, чѣмъ согласиться. Цѣлый мѣсяцъ и продолжался процессъ установленія равновѣсія въ разныхъ мастерскихъ, глядя по близости даннаго предпріятія къ одному изъ сказанныхъ полюсовъ. Для захудалыхъ исторія кончалась, по большей части, закрытіемъ: помню, потомъ я въ разныхъ концахъ города наткнулся на зловѣще забитыя окна бывшихъ булочныхъ, съ надписью «нанимается магазинъ» (это по-кѣвски означаетъ «сдается въ наймы»). Повліяло на судьбу многихъ хозяевъ и то, что они связали себя неустойками по контрактамъ съ учебными заведеніями и проч. учрежденіями, куда они поставляли хлѣбъ: уплата неустоекъ ихъ разорила. Надо еще упомянуть, что и отцы города съ ихъ «санитарными комиссіями» вдругъ очнулись отъ нормальнаго для нихъ забвенія и стали составлять протоколы на хозяевъ за анти-санитарное состояніе рабочихъ помѣщений; по такимъ протоколамъ прикрывлось тоже до десятка пекаренъ. Словомъ,—стачка, какъ и всѣ ея сестры во всемъ мірѣ, обратилась къ благополучію крупнаго капитала въ данной отрасли и разорила хозяйскую мелочь. Рабочимъ не приходилось однако объ этомъ жалѣть: общее сокращеніе рабочаго дня требовало во всѣхъ мастерскихъ увеличенія рабочаго контингента—стали устанавливаться двѣ 12 часовыя смѣны. И какъ ни старались потомъ многіе хозяева отнять у

¹⁾ Къ вышеуказаннымъ, по приказу начальства, правиламъ о порядкѣ работъ въ хозяйствѣ, ни рабочіе серьезно не относились: вѣдь вѣдомо, каково у насъ, вообще, отношеніе къ «закову». Регуляторомъ фактически служили именно сдѣлки.

рабочихъ все завоеванное, но установившееся новое отношеніе равновѣсія было ужъ очень трудно уничтожить. И, напримѣръ, 4 свободныхъ, «выходныхъ» дня въ мѣсяцъ для каждаго рабочаго остались съ тѣхъ поръ въ кievскомъ булочномъ производствѣ ненарушимо. Слѣдовательно, рабочіе стали похожи на огромное большинство «счастливыхъ» рабочихъ, могущихъ хоть разъ въ недѣлю повидать свою семью ¹⁾.

Разскажу еще нѣсколько эпизодовъ, рисующихъ отраженіе нашей стачки на жизни кievскаго населенія. Какъ движеніе самыхъ нижнихъ, самыхъ темныхъ, «безсознательныхъ» элементовъ общества, она отразилась сильнѣе всего именно на такихъ же темныхъ слояхъ, не помышлявшихъ ранѣе ни о какой борьбѣ. Заволновалась, напримѣръ, прислуга у «господъ» въ городѣ. Въ началѣ стачки можно было слышать часто, что прислуга отбилась вовсе отъ работы: не спросясь убѣгаетъ изъ дому, пропадаетъ по лавочкамъ, на улицѣ, гдѣ событіе подвергалось всестороннему анализу. Этажемъ ниже насъ жилъ мелкій почтовый чиновникъ съ женой и двумя ребятишками. У нихъ была прислуга—Маруся, деревенская дѣвочка лѣтъ 17. По ея молодости и глупости, ей платили не болѣе 1½ рубля въ мѣсяцъ, заставляя, сверхъ кухонной и комнатной работы, еще вязать чулки и вышивать «мережки» на господъ: таковъ былъ, впрочемъ, ихъ уговоръ съ ея добрыми родителями. И вотъ забастовка булочниковъ повліяла на нее, словно первая въ жизни рюмка вина. Она вдругъ впала въ буйное состояніе и объявила своимъ хозяевамъ: «не хочу, тай не хочу на васъ робити! Отъ забастую, та й годі—шо ви мені зробите?» Ея хозяйева ротъ открыли отъ изумленія и словомъ не осмѣлились ей перечесть. Они и сами не понимали, что это за новая сила грядетъ—стачка—и опасались, что теперь, вообще, свѣтъ навыворотъ пойдетъ: прислуга сверху, а «господа» подъ низомъ... Такъ Маруся и прогуляла безпрятственно дня два, да и потомъ уже не съ такимъ усердіемъ безплатно «мережила» хозяевамъ, строптивость осталась; «господа» же стали смирнѣе, перестали такъ щедро награждать ее оплеухами.

Другой случай еще больше насъ тронулъ. Въ одно воскресенье, по дѣлу о стиркѣ бѣлья, намъ пришлось заглянуть къ прачкѣ, женѣ сосѣдняго дворника (дворники въ Кievѣ въ то время мало имѣли понятія объ обязанностяхъ охранной политики). Въ темной дворничьей набралось человекъ пятнадцать землекоповъ и каменщиковъ съ сосѣдней постройки. Дворникъ, человекъ старый, читалъ имъ вслухъ... нашу несчастную, злополучную, неудобочитаемую прокламацію къ булочникамъ! Съ великимъ трудомъ онъ выискивалъ и вычитывалъ стдѣльные слова и полу-фразы и, къ нашему искреннему удивленію, напряженно-молчавшіе слушатели что-то умудрялись понимать—и очень одобряли требованія булочниковъ близкія и ихъ сердцу...

Еще одинъ эпизодъ имѣлъ связь съ матеріальной помощью, по-

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что сейчасъ же послѣ стачки стали въ Кievѣ заводиться «механическія» пекарни, гдѣ трудъ вымѣщиванія тѣста замѣняется работою машинъ. Это—еще одна иллюстрація «концентраціи» производства, т. е. прогресса капитала. Именно *этимъ путемъ*, а вовсе не поощреніемъ капиталистической эксплуатаціи марксизмъ содѣйствуетъ такому прогрессу. Говорю потому, что до сихъ поръ сильны у насъ по этой части предрассудки.

лученной булочниками отъ Кіевскаго с.-д. комитета. «Помощь» эта состояла въ первоначально-данныхъ 35 рубляхъ и еще въ нѣсколькихъ десяткахъ рублей, переданныхъ мною изъ добротныхъ пожертвованій черезъ Николая—это на всѣхъ забастовщиковъ 150 мастерскихъ! При всей ея мизерности, «помощь» эта получила широкую славу: всюду народъ трубилъ, что оттого булочники крѣпко могутъ держаться, что «студенты» помогаютъ. И вотъ однажды, еще во время забастовки одинъ чиновникъ—велосипедистъ, съ виду, вѣроятно, чѣмъ-то напоминавшій «студента», сдѣлался (разсказываю непосредственно съ его словъ) объектомъ своеобразной «петиціи»: проѣзжая вдвоемъ съ пріятелемъ на велосипедѣ, за городомъ, мимо кирпичныхъ заводовъ (гдѣ, какъ извѣстно, работа ограничивается лѣтнимъ сезономъ и рабочіе набираются изъ деревенскихъ пролетаріевъ) они вдругъ увидали двухъ рабочихъ, бросившихся передъ ними на колѣни и умолявшихъ: «господа студенты, зробіть и намъ такую стачку, якъ булочникамъ». Чиновникъ и его пріятель много смѣялись наивной просьбѣ—они смѣялись именно тому, что—вотъ молъ ваши создатели будущаго строя рабочіе!..

Впрочемъ Кіевскій комитетъ получилъ гораздо больше пожертвованій на эту стачку, чѣмъ сказанная «помощь». Стачка вызвала огромное сочувствіе и давали деньги охотно. Всего было собрано до 850 руб.—огромныя деньги для Кіева въ то время. Часть ихъ—150 р. какъ сейчасъ помню, пришла изъ Берлина. Но мы ужъ не могли доставить ихъ по назначенію. Такъ онѣ и поступили въ стачечный фондъ Кіевскаго комитета. Былъ однако одинъ случай, когда у насъ было очень сильное побужденіе тронуть эти деньги для передачи, помимо всякихъ «конспиративныхъ» посредниковъ. Въ подвалѣ нашего дома жилъ пожилой булочникъ рабочій съ 6-ю дѣтьми, работавшій въ одной изъ ближайшихъ пекаренъ. Ихъ хозяинъ оказался исключительно злостенъ и упоренъ. Цѣлый мѣсяць онъ отказывался отъ какихъ либо уступокъ. Но и рабочіе не становились на работу на прежнихъ условіяхъ, въ томъ числѣ и нашъ сосѣдъ. Мы постепенно узнавали, какъ онъ и его семья прожили послѣдніе гроши, какъ распроданы утварь, заложили зимнее пальто отца семейства—и все-таки послѣдній не шель кланяться хозяину, но искалъ себѣ другой, «черной» работы. Сладко, значитъ, приходилось ему въ «бѣлой» работѣ! Мы ломали голову, какъ бы ему помочь, не нарушая въ то же время строгихъ тисковъ «конспираціи». Но—какую—послѣдняя, перевѣсила: я не рѣшился подвергать риску все дѣло, при извѣстной мнѣ уже достаточно способности булочниковъ соблюдать секретъ. Можетъ быть, эта «конспиративность» была и преувеличенной, но изъ нея читатель можетъ наглядно судить объ атмосферѣ нашей тогдашней с.-демократической работы. Каждый шагъ обставлялся тысячею предосторожностей. Булочникъ дѣйствительно досталъ себѣ «черную» работу—кажется, сталъ крочникомъ въ подольской гавани, хозяину же его пришлось прикрыть свое дѣло.

Скажу въ заключеніе, что знаю о судьбѣ нѣкоторыхъ упоминавшихся мною здѣсь личностей. Ювелиръ Абрамъ, послѣ нѣсколькихъ отсидокъ въ тюрьмѣ, года черезъ три, предпочелъ перебраться

въ Америку, гдѣ нынче вовсе объамериканился и съ жалостью вспоминаетъ дикую родину, гдѣ «сознательнымъ» рабочимъ вести знакомство между собою, а тѣмъ паче съ «интеллигентами», можно было лишь украдкой, съ опасностью для жизни. Николая сильно стали преслѣдовать шпіоны послѣ стачки, ибо упомянутый Сашка Козель описалъ его примѣты жандармамъ какъ оратора, говорившаго на предстачечномъ собраніи. Чтобы избавить его отъ неминуемаго «провала», мы его потихоньку «сослали» въ Черниговъ, гдѣ онъ проскучалъ мѣсяца 2 и затѣмъ вернулся въ Кіевъ, «очищенный» этимъ «карантинномъ»: въ самомъ дѣлѣ, шпіоны его явно позабыли, и онъ остался цѣлъ. Въ дальнѣйшемъ его личная судьба какъ-то сдвинула его съ революціоннаго пути, и онъ исчезъ изъ поля моего зрѣнія. Отъ Алексѣя и Матвѣя я долго еще получалъ поклоны черезъ товарищей по адресу «петербургскаго булочника». Не знаю, что съ ними, но, если остались цѣлы, то навѣрное въ недавнихъ событіяхъ принимали не послѣднее участіе.

На массу же кіевскихъ булочниковъ ихъ чисто «экономическая» забастовка оказала сильнѣйшее дѣйствіе, въ смыслѣ политическаго— иначе, «классоваго»—воспитанія. Не прошли даромъ ни полицейскіе побои, ни жандармскія «увѣщанія», допросы, угрозы и высылки. Въ слѣдующіе 2 года произошли въ Кіевѣ энергичныя уличныя манифестаціи ярко-политическаго характера. И, какъ мнѣ писали мои корреспонденты изъ Кіева (я жилъ уже въ другомъ концѣ Россіи), булочники принимали въ нихъ живѣйшее участіе, всегда выступая дружнымъ, сплоченнымъ отрядомъ.

Такъ скоро и основательно прошли они наглядный курсъ классоваго воспитанія.

Иванъ Диброва.

КЪ ДѢЛУ КАРАКОЗОВА.

Съ настоящей запиской мнѣ удалось ознакомиться по копіи, посланной предсѣдателемъ слѣдственной комисіи графомъ М. Н. Муравьевымъ предсѣдателю Верховнаго уголовного суда П. П. Гагарину въ сопровожденіи нижеслѣдующаго письма:

16 августа 1866 г.

Милостивый государь

Князь Павелъ Павловичъ!

Во исполненіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству копію со всеподданнѣйшей моей записки отъ 9-го сего августа съ послѣдовавшей на ней Высочайшей резолюціей.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Графъ М. Муравьевъ.

Записка эта является прекраснымъ матеріаломъ для объясненія наступившей послѣ покушенія Каракозова 4 апрѣля 1866 г., въ высшихъ сферахъ сильнѣйшей реакціи. Характерна между прочимъ послѣдняя часть этой записки. Изъ нея видно, что Муравьевъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, всякимъ поворотомъ «высшихъ сферъ» вправо, для возбужденія ихъ противъ поляковъ и принятія противъ послѣднихъ различнаго рода карательныхъ мѣръ.

П. Гуревичъ.

**Всеподданнѣйшая записка предсѣдателя слѣдственной комиссіи
по дѣлу о злоумышленіи 4 апрѣля 1866 г. графа М. Му-
равьева ¹⁾.**

Въ истекшемъ іюнѣ мѣсяцѣ я всеподданнѣйше повергалъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества обзоръ обнаруженныхъ, состоящую подѣ моимъ предсѣдательствомъ слѣдственной комиссіей, фактовъ, по дѣлу о злоумышленіи 4 апрѣля и соотношеній къ этому преступленію разныхъ социалистическихъ, съ революціонной цѣлью сообществъ и отдѣльныхъ личностей, стремящихся къ ниспроверженію существующаго порядка.

Въ настоящее время порученное комиссіи дѣло, равно производство Московской Комиссіи о главныхъ и ближайшихъ участникахъ преступления, преданы на разсмотрѣніе Верховнаго Уголовнаго Суда.

Остальныя затѣмъ, болѣе или менѣе прикосновенныя къ дѣлу лица, должны подлежать, сообразно степени ихъ вины, административнымъ взысканіямъ, по предварительному о томъ соглашенію съ шефомъ жандармовъ и съ Высочайшаго соизволенія, согласно существующему нынѣ порядку.

Окончивъ такимъ образомъ возложенное на меня Высочайшею волею порученіе, по изслѣдованію злоумышленія 4 апрѣля, я осмѣливаюсь испрашивать Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на освобожденіе меня отъ дальнѣйшихъ занятій по предсѣдательствованію въ слѣдственной комиссіи.

Комиссіи сія дѣлала все, что могла, насколько это было возможно, путемъ официальнаго изслѣдованія, къ открытію зла, и хотя ближайшіе дѣятели злоумышленія и самыя связи революціонныхъ сообществъ достаточно обнаружены, но, конечно, остались сокрытыми еще многіе зловредные элементы, ибо всегда главные и тайные руководители политическихъ сообществъ, чѣмъ высшее имѣютъ въ нихъ значеніе, тѣмъ болѣе ограждаются таинственностью даже отъ своихъ единомышленниковъ, и потому не иначе могутъ быть открыты, какъ продолжительнымъ, тщательнымъ полицейскимъ наблюденіемъ и секретными розысканіями.

Хотя нѣкоторые изъ арестованныхъ главныхъ революціонныхъ агентовъ упорно запираются и тѣмъ самымъ отнимаютъ возможность

---

¹⁾ На этой запискѣ, представленной 9 августа 1866 г. Александромъ II была положена слѣдующая резолюція: „Записку эту внести въ комиссію подѣ предсѣдательствомъ князя Гагарина. На увольненіе гр. Муравьева отъ предсѣдательства въ слѣдственной комиссіи согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы имъ представлена была подробная записка съ его мнѣніемъ, какъ поступить съ тѣми лицами, которыя подлежатъ будутъ только административнымъ взысканіямъ“.

путемъ формальнаго изслѣдованія обнаружить тайныхъ вліятельныхъ руководителей и дѣятелей, но общій ходъ дѣла ясно указываетъ, что таковыя, скрываясь въ столицахъ, поддерживали сношенія съ революціонными заграничными агитаторами, а редакторы и сотрудники нѣкоторыхъ журналовъ, раздѣляя противоправительственныя идеи, систематически распространяли въ продолженіе многихъ лѣтъ всевозможныя разрушительныя ученія, стремящіяся къ ниспроверженію порядка и государственнаго управленія.

Лица сіи, болѣе или менѣе состоящія уже на замѣчаніи правительства, были въ сношеніяхъ съ государственными преступниками: *Михайловымъ*, *Чернышевскимъ*, *Серно-Соловьевичемъ* и другими, и вмѣстѣ со своими сотрудниками по редакціи, составляли тѣ социалистическія противоправительственныя средоточія (кружки), которыя при слабости мѣстнаго надъ ними надзора, прикрываясь легальностью предоставленнаго имъ права изданія, безвозбранно группировали вокругъ себя всѣ нечистые и зловредные элементы общества и гласно, посредствомъ своевольной прессы и привлеченія къ себѣ молодого поколѣнія, громили основу общественной нравственности и государственнаго строя.

Комиссіей также обнаружены въ столицахъ нѣкоторые отдѣльные тайные дѣятели, которые подъ фирмою литературныхъ занятій были руководителями разныхъ социалистическихъ изданій, переводовъ, учебниковъ для народа и иныхъ книгъ, въ видахъ распространенія социалистическаго ученія. Они также были участниками въ составленіи разныхъ обществъ, читаленъ, артелей, бесплатныхъ школъ и иныхъ учреждений, имѣвшихъ цѣлью подъ видомъ благотворенія, соединять и объединять въ социалистическомъ и противоправительственномъ направленіи мысли молодого поколѣнія.

Изъ сихъ отдѣльныхъ дѣятелей болѣе замѣчательны: артиллерій полковникъ Лавровъ, преданный нынѣ военному суду; отставной подполковникъ Путята, бывший преподаватель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; Константиновъ, помощникъ инспектора Императорскаго Училища Правовѣдѣнія; соумышленникъ его, бывший студентъ Линева, недавно еще открывшій книжный магазинъ на Васильевскомъ островѣ; кандидатъ Албертинъ, помощникъ редактора С.-Петербургскихъ Вѣдомостей; поручикъ инженеровъ путей сообщенія Михайловъ, учредитель бесплатной школы съ нигилистическимъ направленіемъ; Яковлевъ, титулярный совѣтникъ, теперешній мировой судья, у котораго былъ общій съ извѣстнымъ по нигилистическому направленію служащимъ въ Правительствующемъ Сенатѣ губернскимъ секретаремъ княземъ Голицынымъ, книжный магазинъ съ читальней при немъ, куда собирались члены разныхъ социалистическихъ обществъ, составляли онымъ уставы и вводили въ дѣйствіе безъ разрѣшенія правительства; бывший редакторъ журнала «Русское Слово», кандидатъ университета Благовѣстловъ; кандидатъ Евгений Печаткинъ, давно извѣстный своей политической неблагонадежностью, имѣвшій большой книжный магазинъ и переплетную артель, о закрытіи коихъ мною сообщено Министру Внутреннихъ Дѣлъ; студентъ С.-Петербургскаго университета Рождественскій, составитель вмѣстѣ съ полковникомъ Лавровымъ и

подполковникомъ Путятюу устава издательской артели не разрѣшеннаго правительствомъ, но приведеннаго въ исполненіе. Кромѣ упомянутыхъ, есть еще инья личности, видимо неблагонадежныя, но противъ которыхъ не имѣется достаточно юридическихъ обличительныхъ фактовъ, въ особенности нѣкоторыя женщины, самаго крайняго нигилистическаго направленія, участвующія въ преподаваніи въ разныхъ бесплатныхъ школахъ, учрежденныхъ ими, швейныхъ и иныхъ заведенійхъ, а также соединяющія у себя и въ сихъ заведеніяхъ, на вечерахъ, разныя лица, извѣстныя социалистическимъ направленіемъ. Обо всѣхъ сихъ лицахъ предполагается сдѣлать въ свое время, какъ сказано выше, соотвѣтственныя административныя распоряженія.

Я смѣю думать, что въ настоящее время въ рукахъ правительства имѣется достаточно обнаруженныхъ уже фактовъ для правильнаго взгляда на настоящее положеніе дѣлъ и обузданія зла, угрожающаго гибельными для государства послѣдствіями.

Хотя по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію нѣкоторыя изъ обвиненныхъ въ особой комиссіи мѣроположеній сообщены подлежащимъ вѣдомствамъ, и при благонамѣренномъ и настойчивомъ исполненіи они безъ сомнѣнія принесутъ значительную пользу, но наша бѣда состояла всегда въ томъ, что не доставало послѣдовательности и настойчивости въ исполнителяхъ. Притомъ для полнаго успѣха необходимо единство взглядовъ и дружное содѣйствіе всѣхъ главныхъ распорядителей. При сихъ только условіяхъ правительство достигнетъ своей цѣли.

Для болѣе ясной видимости политико-нравственнаго положенія государства я считаю долгомъ всеподаннѣйше доложить Вашему Величеству, что изъ всѣхъ многочисленныхъ допросовъ и разговоровъ съ лицами, участвовавшими въ разныхъ политическихъ сообщенияхъ, *явно обнаруживается, что мысль объ измѣненіи существующаю порядка государственнаго управленія, съ ниспроверженіемъ Монархической власти и Самодержавія, проникла уже въ разные слои общества и продолжаетъ распространяться подъ фирмою даже будто бы мнѣній, исходящихъ изъ высшихъ слоевъ общества и самою правительствомъ.*

Грустно думать, что продолжительными, совокупными дѣйствіями враговъ Россіи можетъ, наконецъ, наступить тотъ моментъ, когда всѣ правительственныя усилія будутъ недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, ежели не будутъ приняты противъ сего послѣдовательныя энергическія правительственныя мѣры, въ особенности дѣйствующія на моральное настроеніе умовъ.

Однѣми строгими мѣрами наказанія зла остановить нельзя. Конечно, необходимо наказать, въ примѣръ другимъ, главныхъ виновниковъ государственнаго злоумышленія, но въ отношеніи моральной заразы надлежитъ въ точности исполнить мудрыя указанія Вашего Величества, начертанныя въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая; требовать содѣйствія всѣхъ консервативныхъ здравыхъ силъ Россіи и съ помощью благонамѣренной прессы гранить извращенныя понятія, проникнувшія уже въ разные слои общества.

Повторяя о необходимости болѣе бдительнаго на мѣстахъ надзора, я не могу не выразить своего убѣжденія, что для полнаго успѣха слѣдуетъ обратить болѣе тщательное вниманіе на выборъ лицъ, назначаемыхъ въ должности губернаторовъ, какъ я объ этомъ упоминалъ уже во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 9-го іюня. Этотъ важный предметъ государственной администраціи видимо не соотвѣтствуетъ еще настоятельнымъ потребностямъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и Сибирскомъ краѣ. Равнымъ образомъ нельзя не обратить вниманія на недостаточность полицейскаго надзора, который долженъ служить основаніемъ къ удержанію общественного порядка въ городахъ и селахъ. Къ сожалѣнію эта часть у насъ далеко еще не соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ, и даже въ столицахъ по сію пору не существуетъ той зоркой стражи, которая должна обезпечивать спокойствіе общества. При всемъ попеченіи объ этомъ настоящаго петербургскаго оберъ-полицеймейстера и настойчивой его заботливости, онъ, по неимѣнію средствъ лишень возможности даже учреждать полицейскій надзоръ надъ лицами завѣдомо неблагонадежными, отданными подъ таковой по распоряженію комиссіи. Получивъ по сему предмету отзывъ свиты Вашего Величества Генераль-маіора Трепова, я сообщилъ объ этомъ по принадлежности Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ предыдущемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ я имѣлъ счастье представить Вашему Величеству о необходимости принятія мѣръ къ устраненію польскаго элемента отъ участія въ мѣстномъ управленіи на желѣзныхъ дорогахъ, какъ главныхъ артеріяхъ внутреннихъ сообщеній. Изъ дѣлъ Комиссіи видно, что въ обѣихъ столицахъ находится много поляковъ и обнаружены тайныя между ними и политическими кружками сношенія. Они распространяютъ во внутреннихъ губерніяхъ польскую пропаганду, входятъ въ сношенія даже въ Сибири съ сосланными туда политическими преступниками, *вымѣниваютъ фальшивыя, привозимыя изъ заграницы кредитныя билеты, составляютъ такимъ образомъ денежный фондъ, для пособія ссыльнымъ и заграничнымъ эмигрантамъ*; многіе изъ нихъ, находясь въ сношеніи съ мѣстными противоправительственными кружками подкупомъ и разными искательствами проникая въ тюрьмы и остроги, содѣйствовали освобожденію политическихъ преступниковъ, снабжая ихъ деньгами и фальшивыми паспортами для побѣга за границу. Въ Москвѣ организованъ даже польскій фондъ, подъ наименованіемъ «Народной опеки», который служилъ для вышесказанной цѣли и, будучи въ сношеніяхъ съ разосланными правительствомъ въ разные города центральныхъ губерній поляками, распространялъ повсюду столь враждебную противъ правительства пропаганду.

Я обязанностью поставляю упомянуть объ этомъ потому, что зловредныя политическія тенденціи, проникнувшія во многіе слои нашего общества, видимо поддерживаются и усиливаются содѣйствіемъ польскаго элемента. Это доказывается обнаруженными уже фактами и нѣкоторыми личностями, скрывавшимися въ столицѣ подъ разными псевдонимами и бѣжавшими за границу съ фальшивыми паспортами. Въ виду всего этого я полагаю бы необходимымъ строго подтвердить

подлежащимъ вѣдомствамъ, о дѣйствительномъ усиленіи надзора за огромною массою поляковъ, находящихся какъ въ столицахъ, такъ и внутри Имперіи, сосредоточивая сихъ послѣднихъ въ болѣе отдаленныя и пустынныя мѣстности, избѣгая назначенія лицъ польскаго происхожденія на должности, какъ въ губерніяхъ, такъ и центральныхъ управленій на точномъ основаніи неоднократно состоявшихся по сему предмету Высочайшихъ указаній.

Признанія Н. И. Костомарова въ III Отдѣленіи.

(По неизданнымъ даннымъ)

Исторія тайнаго Общества св. Кирилла и Меодія извѣстна до сихъ поръ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Опубликованы кое-какія воспоминанія, кое-какіе официальные документы, но подлинное производство, хранящееся въ архивѣ III Отдѣленія, остается неизвѣстнымъ. Предполагая сущность процесса обще-извѣстной, мы не будемъ ни рассказывать исторіи возникновенія дѣла по доносу студента Петрова, ни перечислять лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу и на этотъ разъ дадимъ въ полномъ видѣ *показанія Николая Ивановича Костомарова*, данныя имъ въ III Отдѣленіи и до сихъ поръ въ литературѣ совершенно неизвѣстныя. Эти показанія дадутъ огромный матеріалъ для сужденія о цѣляхъ и задачахъ Общества св. Кирилла и Меодія и проливаютъ свѣтъ на сложную духовную личность выдающагося историка.

Приводимъ официальный перечень бумагъ, взятыхъ при обыскѣ у Костомарова.

1) Три легенды о св. Кириллѣ и Меодіи. Въ этой легендѣ описаны жизнь Кирилла и Меодія, ихъ проповѣдь въ славянскихъ земляхъ, изобрѣтеніе ими буквъ славянскихъ и переводъ св. писанія на славянской языкъ.

2) Записка, писанная Костомаровымъ: „Когда всѣ славянскіе народы воспрянуть отъ дремоты своей, прекратятъ пагубныя раздѣленія, угаснетъ, всякая семейная ненависть, сильные обнимутъ слабыхъ, свободные, благородные, согрѣтые любовью ко Христу, единому царю и учителю, соберутся славяне съ береговъ Волги, Дуная, Вислы, Ильменя, съ морей Адриатическаго и Камчатскаго, въ Кіевъ, градъ великій, столицу славянскаго племени, воспоютъ гимнь Богу на всѣхъ языкахъ своихъ и представители всѣхъ племенъ, воскресшихъ изъ настоящаго униженія, освобожденныхъ отъ чуждыхъ цѣпей, воссядутъ на горахъ Сихъ, загромить въчевой колоколь у св. Софій; возрадуются благочестивые, устрашатся коварные, судъ, правда и равенство воцарятся, и когда исполнятся предреченіе св. Андрея и будетъ благодать надъ всею славянщиною. Вотъ судьба нашего племени, его будущая исторія, связанная тѣсно съ Кіевомъ, и оттого-то твою душу наполняетъ чувство таинственно святое и вмѣстѣ сладо-

стное какъ надежда, и вмѣстѣ томительное, какъ долгое ожиданіе. Вѣрь мнѣ, это будетъ, будетъ, будетъ! Ты странникъ въ Кіевѣ и предчувствуешь будущее возрожденіе внуковъ своихъ—крови своей, и всякій славянинъ, кто ни прибудетъ въ Кіевъ, тоже чувствуетъ: ибо здѣсь поднимется завѣса тайны и явится безвѣстное“.

3) Подулисть, на которомъ начерно набросаны мысли о панславизмѣ. Здѣсь, между прочимъ, сказано: „Эта идея въ числѣ другихъ, порожденныхъ нашимъ мыслящимъ вѣкомъ, едва ли не самая нравственная, справедливая, богатая жизнію и полная надеждъ. Это стремленіе цѣлаго племени славянскаго, выйти изъ вѣковой запоздалости, стремленіе каждому изъ славянскихъ народовъ даровать собственное развитіе при помощи другихъ родственныхъ націй, всѣмъ вмѣстѣ братскою семьею принять живое участіе въ движущейся сферѣ образованности человечества, и дабы явиться предъ Судіею съ незакрытымъ въ землю талантомъ. Ничего не можетъ быть справедливіе такой идеи, ничего, потому что подобнаго явленія исторія до сихъ поръ намъ не представляетъ“.

4) Письмо Кулѣша къ Костомарову: „Не все то можно безвредно для студентовъ (на лекціяхъ) сказать, что пишете вы ко мнѣ. „Горькая, ничтожная судьба Украины происходить отъ ничтожества души народа“. Меня не смутитъ эта бойкая, подобная пущенному сильною рукою казака (русскаго) булыжнику, фраза, потому что я въ груди своей ношу эту народную душу, и знаю что она не ничтожна; но многихъ можетъ сбить ваша фраза съ толку, а другихъ заставить опустить руки; у насъ же и безъ того дѣлателей мало. Если вы говорите, что въ моей новой книжкѣ историческая истина высказана съ такою смѣлостію, съ такимъ благороднымъ чувствомъ, какъ еще не было на Руси, отчего же вамъ не проповѣдывать бы въ моемъ духѣ на каедрѣ? Зачѣмъ падать на душу народа, за которую еще вамъ слабо говорить единственная въ новой Европѣ поэзія украинская и которая такъ сильно напрягалась, когда ей ея Моисей говорилъ: „Тимъ и сталась по всему свѣту страшная казацкая сила, що у васъ була воля и душа едина?“ Въ ни во что ей вмѣняете вы потопленіе „губителя мучителя Фараона“. Вы въ досадѣ на продолжительное ея странствованіе въ пустынѣ поражаете ее послѣднимъ проклятіемъ, называя ничтожною. Погодите! Будетъ, можетъ быть, время, когда отъ одного звука грубъ ея падуть стѣны и твердыни, для разрушенія которыхъ вы считаете необходимыми оружія; будетъ время и царей-поэтовъ, которые все покорятъ своему божественному могуществу; будетъ время и воздвиженію храма, въ которомъ поклонятся и чуждые народы; будетъ время и пророкамъ, искупителямъ многихъ. Раздѣленіе вашего на избранныхъ и неизбранныхъ я не принимаю и боюсь, чтобъ вы не зашли съ такимъ взглядомъ на исторію въ глубокій мракъ. Благодать Божія всѣмъ дарована, и въ каждомъ народѣ мужъ свѣтлаго ума и чистой воли можетъ сдѣлать много для его чести и будущаго могущества (нравственнаго или вещественнаго). До сихъ поръ въ Малороссіи являлось ихъ мало. Всѣ наши лучшіе умы обращали свою дѣятельность для пользы своего семейства, для ложно-понимаемаго спасенія своей души, для науки, отвлеченной отъ тока настоящей жизни; теперь только, именно теперь, когда вы раскрыли ротъ, чтобъ сказать съ каедръ: „душа этого народа ничтожна“, самыя горячія чувства малороссійскихъ дѣятелей сосредоточиваются на народѣ. Браните низость представителей его, но не называйте ничтожною его душу. Это непростительное богохульство! Смотрите, отъ Сагайдачнаго, прилагавшаго по-

печенія объ утверженіи просвѣщенія въ отечествѣ, до Хмельницкаго какимъ являлся народъ украинскій! А когда потомъ, при губительномъ вліяніи невѣжественнаго московскаго правительства, на гетманствѣ удержались только холопы и подножки“.

5) Письмо того же Кулѣша къ Костомарову. Изъ этого письма, какъ и изъ предыдущаго, видно, что Костомаровъ опровергалъ мнѣнія Кулѣша о достоинствахъ малороссійскаго нарѣчія, доказывая, что малороссіянамъ надобно заботиться не столько о своемъ языкѣ, сколько о добродѣтеляхъ. Кулѣшъ, возражая на это, объяснялъ: „Христіанство никакъ не должно охлаждать наше стремленіе къ развитію своихъ племенныхъ началъ: ибо не безъ причины брошено на землю зерно и пустолю уже глубоко корень. Вотъ Петръ Великій онѣмечилъ часть русскихъ. И что жъ? Только тѣ и близки къ идеѣ христіанства, которыхъ не коснулось его преобразование. А вы равнодушно говорите, что потеря нашего языка и обычаевъ не будетъ для насъ несчастіемъ! Что же касается до развитія, а не стоянія, то оно совершается сперва въ дѣйствателяхъ, а потомъ особенно при лучшихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ перейти къ народу. Для неграмотныхъ невѣждъ нужно писать учебники, наставительныя, практическія книги и по возможности заводить школы, но дѣлать возгласы объ этомъ крайне безразсудно. Надобно дѣлать такъ, что будто бы это произошло случайно: помѣщикъ увидѣлъ въ книжной лавкѣ книжку и купилъ для своей сельской школы, а туда для науки могутъ отдавать своихъ дѣтей и казаки: обо всемъ этомъ мы поговоримъ въ Кіевѣ“.

6) Письмо Кулѣша же къ Костомарову: „Проведите вечеръ у насъ и спасите меня отъ скуки, которая готовится мнѣ посреди множества людей, у которыхъ со мною нѣтъ ничего общаго. Мы окончимъ нашъ диспутъ о христіанствѣ, если это будетъ дозволено комнатами“.

7) Письмо того же Кулѣша къ Костомарову: „Коновченко препростодушно мнѣ пишетъ, что деньги „отдавъ неимущему“. Это все равно, если бъ я укралъ у него денегъ, чтобъ помочь бѣдняку. Растолкуйте ему, что благодѣянія не должны превышать средствъ, и что въ иной юной республикѣ его бы за этотъ поступокъ предали смерти или изгнали остракизмомъ“.

9) Письмо того же Кулѣша къ Костомарову на малороссійскомъ нарѣчіи. Одно мѣсто изъ него въ русскомъ переводѣ значить слѣдующее: „Сколько было добра въ сердцѣ нашего украинскаго народа, но все это въ ничто обратилось отъ несогласія: ибо не исполнили завѣта Хмельницкаго, чтобы всѣ за одно стояли!“

10) На двухъ листочкахъ малороссійскія стихотворенія возмутительнаго содержанія. Напримѣръ: одни изъ нихъ оканчиваются стихами.

„Згине панство Гуноее (отъ слова Гунны)

„Воскресне свобода!

„Слава тебѣ, Украинно!“

11) Драма, въ рукописи, на польскомъ языкѣ, безъ означенія имени сочинителя. Предисловіе къ драмѣ такого содержанія: „Польша въ продолженіе подстолѣтія представляетъ зрѣлище съ одной стороны безпрестанной и неутомимой жестокости ея гонителей, а съ другой такую твердость и такое безпредѣльное обреченіе себя на пагубу, что подобныхъ не было со временъ преслѣдованія христіанства. Особенно около 1822 г. начались притѣсненія Польши въ высшей степени, со всѣхъ сторонъ и на весь народъ. Тогда появился до-

стопаматный въ нашей исторіи сенаторъ Новосильцевъ. Онъ первый возбудилъ звѣрскую ненависть русскаго правительства къ полякамъ, имѣя въ предметѣ уничтоженіе польской народности. Тогда пространство отъ Просны до Двѣпра, отъ Галиціи до Балтійскаго моря было замевуто, и мы находились въ обширной темницѣ. Все управленіе обратилось въ огромную пытку, при которой дѣйствовали цесаревичъ Константинъ и сенаторъ Новосильцевъ, и сей послѣдній, вѣрный принятой системѣ, началъ подвергать мукамъ дѣтей и юношей, чтобы разрушить надежду народа въ самомъ зародышѣ.

„Общества любителей словесности были дозволены полякамъ вѣнскимъ конгрессомъ и императорскими привилегіями. Не менѣе того, эти Общества возбудили подозрѣніе правительства. Новосильцевъ, будучи отправленъ въ Вильну съ уполномочіемъ отъ цесаревича, представилъ цѣль Общества какъ бунтъ противъ правительства, арестовалъ нѣсколько сотъ студентовъ, былъ самъ ихъ обвинителемъ, судьей и палачемъ! Потомъ въ Литвѣ онъ упразднилъ нѣсколько училищъ, а воспитанниковъ запретилъ принимать въ казенныя и частныя учебныя заведенія. Многіе студенты, принадлежавшіе къ знатымъ домамъ литовскимъ, тогда приговорены были къ ссылкѣ въ Сибирь въ рудники и гарнизоны.

„Всѣ авторы, писавшіе о преслѣдованіяхъ Литвы, соглашаются, что въ судьбѣ виленьскихъ студентовъ было что-то таинственное. Дѣйствительно, наказаніе небесное постигло гонителей, оставило глубокое впечатлѣніе въ современникахъ и переноситъ читателей въ вѣка вѣры и чудесъ“.

Кромѣ того, въ началѣ драмы находится слѣдующее посвященіе: „Блаженныя памяти Ивану Соболевскому, Кипріяну Дашкевичу, Феликсу Кулаковскому, товарищамъ школы, заточенія и ссылки, преслѣдованнымъ за любовь къ отечеству, умершимъ вслѣдствіе тоски по отчизнѣ въ Архангельскѣ, Москвѣ и Петербургѣ, великомученикамъ за права ихъ народа, посвящаетъ сочинитель“.

Далѣе слѣдуетъ драма. Дѣйствіе происходитъ въ Сибири. Между дѣйствующими лицами находятся упомянутые Соболевскій, Дашкевичъ и Кулаковскій. Разговоры ихъ состоятъ изъ тѣхъ же жалобъ, помѣщенныхъ въ предисловіи. Но драма не кончена, и потому невозможно опредѣлить, въ чемъ состоитъ общее содержаніе.

12) Стихотворенія художника Шевченки на малороссійскомъ языкѣ въ двухъ книгахъ. Изъ нихъ одна рукописная, превосходно иллюстрированная, а другая печатная. Находящіяся въ рукописной стихотворенія, кромѣ одного, всѣ тѣ же, которые помѣщены въ напечатанной съ дозволенія цензуры. Во многихъ изъ этихъ стихотвореній проявляются вольныя мысли, а не напечатанная еще болѣе исполнена подобными мыслями.

13) Кольцо, съ надписью св. Кирилла и Меодія.

14) Печать съ вырѣзкою: „Іоанна гл. VIII, стихъ 32, Н. К.“. Въ этомъ текстѣ евангелиста Іоанна сказано: „И разумѣете истину, и истина свободитъ вы“.

15 апрѣля 1847 года адъюнктъ Костомаровъ далъ слѣдующіе отвѣты на предложенные ему вопросы.

В о п р о с ъ 1-й. Извѣстно ли вамъ было о существованіи тайнаго Общества, называемаго славянскимъ Обществомъ св. Кирилла и Меодія; если было извѣстно, то подробно опишите цѣль онаго, составъ и всѣ дѣяствія, въ видахъ онаго предпріятыя?

Отвѣтъ. На первый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я не знаю и не зналъ о существованіи тайнаго славянскаго общества, которое бы называлось обществомъ Кирилла и Меодія.

Вопросъ 2-й. Если вы не знали объ Обществѣ, то объявите, отъ кого слышали разсужденія о славянствѣ, соединенія славянскихъ племень, преобразованія государственнаго управленія и другихъ подобнымъ предметахъ; не можете ли нынѣ, по объявленіи вамъ о существованіи славянскаго Общества, сообразить, что слышали, и объясните подробно все, что можетъ раскрыть начало и дѣйствія этого Общества.

Отвѣтъ. На второй пунктъ имѣю честь отвѣчать, что несмотря на повсемѣстные толки о славянствѣ, идея соединенія славянъ не доходила, по моему понятію и свѣдѣнію, ни на письмѣ, ни въ устахъ до какого бы то ни было политическаго постояннаго стремленія.

Вопросъ 3-й. Какіе разговоры по этому предмету и гдѣ именно происходили; повменуйте всѣхъ лицъ, вамъ извѣстныхъ, занимающихся подобными мыслями, и объясните, въ какой степени каждое изъ этихъ лицъ участвовало въ означенныхъ разговорахъ.

Отвѣтъ. На третій пунктъ имѣю честь отвѣчать слѣдующее: Живя въ Кіевѣ, я весьма часто бесѣдовалъ о славянствѣ, самъ всею душою любя этотъ предметъ, съ почтенными товарищами моими, которые мнѣ помогали и указаніями, и совѣтами въ моихъ ученыхъ розысканіяхъ, въ особенности съ профессоромъ Иванишевымъ, Костыревымъ, Селинымъ и бывшимъ профессоромъ Максимовичемъ. Предметы разговоровъ никогда не выходили изъ чисто-ученой сферы этнографіи, исторіи и филологіи. Г. помощникъ Кіевскаго округа, Юзефовичъ, также со мною очень часто бесѣдовалъ о славянствѣ, и не только въ ученоемъ, но и въ политическомъ отношеніи, раздѣляя со мною то мнѣніе, что всѣ племена славянскія должны будутъ соединиться подъ скипертомъ русскаго государя, и что ученые и литераторы должны имѣть эту мысль, безъ которой такъ называемый панславизмъ сухъ и безплоденъ. Эти всѣ почтенныя особы могутъ поручиться, что въ разговорахъ съ ними я не показывалъ никакого противозаконнаго направленія. То же долженъ я сказать о бесѣдахъ съ помѣщиками Ригельманомъ и Тарновскимъ, съ которыми я часто велъ разговоры о славянствѣ чисто въ ученоемъ отношеніи. Кромѣ того, я самъ прежде говорилъ о томъ же съ Кулѣшемъ, отъ котораго не слыхалъ ничего предосудительнаго, хотя очень часто съ нимъ спорилъ за привязанность его и за высокое мнѣніе о своей Малороссіи, чего я не могъ съ нимъ раздѣлить, какъ великороссіянинъ, что видѣть можно изъ переписки его со мною. Впрочемъ нелѣпыхъ толковъ о возстановленіи Малороссіи я отъ него не слыхалъ никогда, о соединеніи же славянъ онъ говорилъ очень мало и не въ противозаконномъ духѣ. Кандидатъ Гулакъ, человекъ превосходнаго образованія, но ума и мышленія не твердаго, и характера до крайности страннаго, по-

знакомившись со мною въ исходѣ 1845 года, занимался древностями и законами славянскихъ народовъ, а въ апрѣлѣ и въ маѣ 1846 года начала ему входить въ голову мысль: заимствованное имъ отъ меня кольцо съ именемъ Кирилла и Меѳодія сдѣлать девизомъ какого-нибудь Общества, не сознавая вполнѣ какого. Такъ какъ онъ не сознавалъ, чего именно хотѣлъ, и мѣнялся съ каждымъ днемъ въ своихъ убѣжденіяхъ, то я смотрѣлъ на это, какъ на ребячество, слѣдствіе того, что онъ начитался о разныхъ Обществахъ, и рыцарскихъ орденахъ и имѣлъ такое настроеніе; что принималъ въ себя все, что читалъ, на нѣкоторое время. Съ нимъ жилъ молодой братъ его, Навроцкій, студентъ съ весьма ограниченными способностями, и также нѣкоторое время увлеклся мыслью объ Обществѣ, не показывая вовсе сознанія, какого Общества желаетъ. Это была чистѣйшая фантазія. Съ іюня мѣсяца я не слышалъ отъ Гулака уже ничего ни объ Обществѣ, ни объ идеяхъ славянскаго соединенія, до самого декабря; онъ занимался исторіею Помераніи. Я съ нимъ почти даже раззнакомился, но Н. Е. Писаревъ прикомандировалъ его ко мнѣ для изданія Вельчекинской лѣтописи. Въ началѣ текущаго года Гулакъ уѣхалъ. Навроцкій во все продолженіе 1846 года бывалъ у меня очень рѣдко; яснаго, опредѣлительнаго сознанія не показывалъ и уже не видался со мною болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Кромѣ этихъ, бывали у меня въ домѣ студенты Марковичъ, Посяда, Андрузскій, но всѣ три совершенно не были заняты славянствомъ, а только Марковичъ и Андрузскій были привержены исключительно къ малороссійской народности, а Посяда не показывалъ никакого направленія. Эти студенты приглашены были по тому поводу, что г. Юзефовичъ препоручилъ мнѣ передать студентамъ переводы писателей съ латинскаго языка, которые писали о Малороссіи, и я поручилъ имъ перевести сочиненіе Пасторія: „De Bello Scithico Cosaccico“, но увидѣвши въ нихъ неохоту и неспособность, отказалъ имъ отъ дома. Въ домѣ у меня никакихъ собраний и сходбищъ не было, исключая нѣсколькихъ случаевъ, а именно въ декабрѣ мѣсяцѣ по случаю посѣщенія меня помѣщикомъ Савичемъ. Но тогда былъ и профессоръ Максимовичъ и ничего не было предосудительнаго. Хотя этотъ г. Савичъ показывалъ довольно либеральное направленіе, но умѣрялъ его. Въ другой разъ, по случаю приѣзда Кулѣша, нашло ко мнѣ нѣсколько студентовъ, и такъ нагло, что я принужденъ былъ просить ихъ немедленно удалиться, и съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не ступалъ ко мнѣ ногой въ домъ, кромѣ Марковича, который былъ два раза и то по хозяйственному дѣлу. Студентъ Марковичъ имѣлъ большую охоту издавать „Сельское чтеніе“ (Одоевскаго) для простыхъ малороссіянъ, на малороссійскомъ языкѣ, и къ этой мысли приступили въ декабрѣ Гулакъ, Шевченко, Кулѣшъ и я. Поводомъ къ этому были еще два или три собранія, одно у меня, другое у Гулака, а третье въ квартирѣ Кулѣша, на которыхъ не было и помина о соединеніи славянъ, а толковали о средствахъ къ печати, для которыхъ положили, чтобъ каждый пожертвовалъ.

по десяти рублей. Всѣ такія свиданія ни малѣйшей связи не имѣли съ глушѣйшими бреднями Гулака о составленіи Общества, о каковыхъ я даже не могъ никогда и предполагать, чтобъ они возобновились, ибо, казалось, совершенно исчезли еще въ маѣ мѣсяцѣ. Несправедливо обвиняютъ меня, будто-бы у меня въ домѣ собирались студентскія какія-то сходки: я держалъ себя въ большемъ отдаленіи отъ студентовъ. Художникъ Шевченко бывалъ у меня единственно нѣсколько разъ въ сентябрѣ, а потомъ въ декабрѣ, и то большею частью при Максимовичѣ. Хотя молва называетъ его составителемъ бродячихъ стиховъ очень гадкаго содержания, но я отъ него объ этомъ признаніи не слышалъ, и когда разъ спросилъ, онъ вспыхнулъ и назвалъ мнѣ какую-то другую фамилію. О славянствѣ онъ вовсе не заботился, ни въ хорошемъ ни въ дурномъ смыслѣ, а былъ пламенный малороссъ до крайности и грубаго характера, но о политическомъ бытіи Малороссіи въ видѣ государства не говорилъ.

Вопросъ 4-й. Для чего сами вы избрали кольцо съ надписью именъ св. Кирилла и Меодія, перевели съ польскаго рукопись называемую „Законъ Божій“; кѣмъ присоединенъ къ этой рукописи уставъ славянскаго Общества; кому давали вы переписывать рукопись и у кого должны находиться экземпляры оной.

Отвѣтъ. На четвертый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я дѣйствительно, сдѣлалъ себѣ кольцо съ именами Кирилла и Меодія на томъ основаніи, на какомъ въ Кіевѣ по обычаю, дѣлаютъ кольца съ именами святыхъ, наприм. Варвары и проч. Я занимался тогда сочиненіемъ о Кириллѣ и Меодіи и, нашедши, по историческимъ свидѣтельствамъ, что самыя русскіе славяне первоначально были обращены Кирилломъ, соображая, какое важное мѣсто занимаютъ ихъ заслуги для нашего образованія, мнѣ стало досадно, что память такихъ великихъ мужей церкви и славянства почти забыта потомками: ибо нигдѣ не увидишь ни образа этихъ святыхъ, ни храма во имя ихъ. Эти то мысли расположили меня сдѣлать себѣ кольцо съ ихъ именами, полагая, что это будетъ самое приличное для меня, какъ для занимающагося русскою исторіею. Когда Гулакъ и Бѣлозерскій увидѣли это, то я самъ предлагалъ и себѣ подѣлать такія же кольца, не предвидя несчастія, какое постигнетъ меня по волѣ Божіей. Гулакъ носилъ послѣ того кольцо, и Бѣлозерскій изъявилъ желаніе, но скоро уѣхалъ изъ Кіева навсегда, и потому я ничего не могу сказать о его направленіи и образѣ мыслей, ибо съ нимъ не говорилъ болѣе. Хотя Гулакъ и проектировалъ Общество, но я послѣ того такъ мало помнилъ объ этомъ, что самое кольцо въ декабрѣ еще подарилъ своей невѣстѣ, которая многимъ показывала странную на немъ надпись, и только по случаю привезенія вещей ея въ мой домъ кольцо это у меня опять попало. А сочиненія я не переводилъ съ польскаго въ собственномъ смыслѣ, ибо оно написано было по малороссійски, и только часть его была по польски, и я въ немъ перевелъ то съ польскаго, что было на этомъ

языкъ: ибо списывать польское для меня было гораздо труднѣе, нежели, разобравши, выразить на природномъ языкѣ. Я никогда не раздѣлялъ въ душѣ подобныхъ убѣжденій, и даже если-бы сбился съ пути чести и присяги, то и тогда не могъ бы раздѣлять ихъ, будучи русскимъ: ибо оно явственно есть исчадіе польщины. При томъ у меня осталась книга Мицкевича („Pielgrzymka“) съ моими замѣчаніями, изъ которыхъ видно, что я не расположенъ вѣрить этимъ мерзостямъ. Я его держалъ у себя, смотря на него, во-первыхъ, какъ на историческій документъ мятежа польскаго; во-вторыхъ, какъ на одну изъ грезъ, на которыя попадаетъ славянофильство, и считалъ для себя нужнымъ знать подобныя заблужденія, ибо я самъ всегда имѣлъ въ виду идею славянскаго соединенія въ одну федеративную монархію, т. е. чтобъ всѣ славянскіе народы были соединены съ Россійскою имперією на такомъ основаніи, на какомъ теперь Царство Польское, и потому съ жадностью ловилъ всякія и правильныя, и ложныя мысли о славянскомъ соединеніи, дабы составить себѣ понятіе, въ какихъ видахъ переходить эта идея въ умахъ. Кѣмъ пополнено оно,—не знаю, но у меня оно не все, ибо я назначилъ его къ истребленію и оно уже вырвано. Переписывая его, я отдѣлилъ сначала польское, потомъ малороссійское; на чемъ оно изорвано,—не помню. Помню, что оно начиналось стихами: дитина люба, потомъ слѣдовало по польски предисловіе и нѣчто въ родѣ правилъ славянской республиканской федераціи. Что оно называется „Законъ Божій“—это я слышу въ первый разъ, но вспоминаю, что давно слышалъ о такомъ сочиненіи на малороссійскомъ языкѣ, весьма предосудительномъ, и любопытствовалъ его достать; приписывали его какому-то съ иностранной фамиліей, если не измѣняетъ мнѣ память, де-Бельмену. Сочиненіе это досталось мнѣ въ кипѣ разнаго малороссійскаго сбора, но такъ какъ я, получая пѣсни, сказки и т. п., отлагалъ разборъ ихъ до вакаціоннаго времени, то и не знаю достовѣрно, откуда оно мнѣ пришлось, ибо я нашелъ его въ кипѣ пѣсень, сказокъ и анекдотовъ въ 1846 году въ маѣ, а собиралъ этнографическіе матеріалы преимущественно въ 1845 г., на Волыни; доставляли мнѣ кромѣ того, ихъ съ разныхъ мѣстъ. Я никому не давалъ его, кромѣ Гулака, который мнѣ сказалъ, что оно ему уже извѣстно, а въ декабрѣ попросилъ себѣ на одинъ день, увидя, что я сравнивалъ его съ Pielgrzym'кою, и завезъ. Оно въ моемъ спискѣ названо—Поднѣстранка. Я теперь только узнаю, что оно называется „Законъ Божій“, каковое названіе мнѣ было давно знакомо, но я не зналъ, какое сочиненіе такъ называлось. Гулаку же я далъ его въ полной увѣренности, что въ немъ перебрали всѣ противозаконныя идеи, ибо онъ никакого расположенія къ нимъ не показывалъ, и съ обязанностию никому не давать ¹⁾).

Вопросъ 5-й. Добавьте, не извѣстно ли вамъ еще что-нибудь, сверхъ

1) Текстъ „Закона Божія“ мы разсчитываемъ дать на страницахъ „Былого“.

вышеобъясненнаго, о славянофилахъ, и вообще все, что можетъ повести къ полному обнаруженію славянскаго Общества?

Отвѣтъ На пятый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что въ Кіевѣ я не замѣчалъ особеннаго славянофильства ни въ комъ, въ смыслѣ политическомъ, и ежели Гулакъ составлялъ уставы Общества, то и въ немъ не было твердаго убѣжденія и намѣренія дѣйствовать злоумышленно, а просто ребяческая глупость составить Общество, какое бы то ни было, хотя бы рыцарскій орденъ. Я съ своей стороны признаю себя виновнымъ за необдуманность, съ какою самъ убѣждалъ дѣлать кольца съ именами Кирилла и Меодія, увлекшись почитаніемъ святыхъ, и еще за то, что съ такою же необдуманностью, занятый тогда слишкомъ другими семейными обстоятельствами, отдать Гулаку Поднѣстранку, которая, впрочемъ, ему была уже безъ того извѣстна. Что лично до моихъ мнѣній, то я открываюсь, что всегда сознавалъ святость монархическаго правленія, ибо будучи христіаниномъ, хотя можетъ быть, не истиннымъ, но вѣровавшимъ всегда въ простотѣ сердца слову Божію, ясно видѣлъ, что отъ первой страницы Библии до Апокалипсиса, монархія признается нормальною формою общества, какъ это видно изъ прямого смысла словъ; между тѣмъ, когда тѣ, которые оправдывали республику, принуждены бывали уродовать и искажать прямой смыслъ; но будучи грѣшнымъ человѣкомъ увлекался социальными вопросами объ аристократіи и демократіи, не въ смыслѣ правительства, а въ смыслѣ сословій, и въ своихъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ, часто пристрастно, всегда былъ на сторонѣ демократическаго, т. е. простаго класса. Вообще же славянофильство, по моему мнѣнію, не такъ распространено и не такъ вредно, какъ исключительная привязанность къ какой-нибудь части общаго отечества русскаго въ юнныхъ головахъ: ибо ежели бы молодые люди исключительно привязались не только къ идеѣ народности малороссійской, которая существуетъ, но и какому-нибудь Новгороду или Суздали, то и тогда это бы увлекало ихъ въ міръ пустыхъ и несбыточныхъ фантазій.

На дополнительные вопросы, предложенные г. адъютантъ-профессору Костомарову, онъ отвѣчалъ 17-го апрѣля 1847 года.

Вопросъ 1-й. Въ первомъ показаніи вашемъ объяснили вы, что рукопись, называемая „Законъ Божій“ была у васъ неполная: ибо часть отъ нея оторвана, и что вы не знаете, кто ее пополнилъ, но въ вашихъ бумагахъ оказался списокъ этой рукописи на цѣльныхъ листахъ, а у Гулака найденъ еще списокъ той же рукописи, писанный вашею рукою, на малороссійскомъ и русскомъ языкахъ, совершенно полный, съ возмутительными возваніями въ концѣ: „Къ братьямъ украинцамъ“ и „Къ братьямъ великороссіянамъ и полякамъ“. Изъ этого открывается, что вами переписаны были, по крайней мѣрѣ, три экземпляра „Закона Божія“. Съ какою цѣлю вы разнужали экземпляры этой рукописи и не передали ли еще кому оныхъ кромѣ Гулака?

Отвѣтъ. На первый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я и прежде показалъ, что рукопись была дана Гулаку, который ее завезъ и показалъ, что въ томъ экземплярѣ, въ которомъ она у

меня найдена, она не полная, что и дѣйствительно такъ было. Я показалъ, что я перевелъ съ польскаго то, что было на польскомъ, а малороссійское оставилъ, что явствуетъ изъ того списка, который данъ былъ Гулаку. А сколько помню, то у меня было два экземпляра оной, именно: въ одномъ выписалъ малороссійское, а въ другомъ присоединилъ переводъ того, что было на польскомъ. А кромѣ Гулака я ее никому не давалъ, что я вѣрно знаю.

Вопросъ 2-й. Такимъ образомъ вы размножили экземпляры преступнѣйшей рукописи, сами сознавались, что вами выдумано кольцо съ вырѣзкою имени св. Кирилла и Меодія, сверхъ того имѣется въ виду показаніе, что вы были главнымъ представителемъ славянскаго Общества умѣренной партіи, а по временамъ предавались либерализму и отвергали монархическое правленіе. При столь важныхъ уликахъ, не изъявите ли полного признанія, и въ томъ случаѣ подробно объясните начало, составъ, всѣ совершенныя и предположенныя дѣйствія славянскаго Общества.

Отвѣтъ. На второй пунктъ имѣю честь отвѣчать, что я выдумалъ кольцо совершенно безъ всякой цѣли сдѣлать его девизомъ, а просто изъ того же почитанія святости, какую оказываютъ ношеніемъ колецъ Варвары Великомученицы, Макарія и т. д., а если кому-либо вздумалось, заимствовать его отъ меня, сдѣлать его въ безумной головѣ своей девизомъ какого-то Общества, то чѣмъ я виноватъ? Что я былъ представителемъ славянскаго Общества умѣренной партіи, и при томъ главнымъ, то на это я могу отвѣчать только то, что я любилъ заниматься славянскою литературою, филологіею, исторіею, думалъ о соединеніи славянъ, но никогда не отдѣлялъ этой мысли отъ другой святой, задушевной—желанія славы и первенства законному отцу-государю и любезному отечеству моему русскому. Монархическаго правленія я никогда не отвергалъ въ своей жизни.

Вопросъ 3-й. Въ одной изъ записокъ, найденныхъ у васъ, сказано, что славянскіе народы воспрянуть отъ дремоты своей, соединятся, соберутся со всѣхъ концовъ земель своихъ въ Кіевъ, столицу славянскаго племени и представители всѣхъ племенъ, воскресшихъ изъ настоящаго униженія, освободятся отъ чуждыхъ цѣпей, воссядутъ на горахъ (кіевскихъ) и загремѣтъ въчовой колоколъ у св. Софіи; судъ, правда и равенство воцарятся. Вотъ судьба нашего племени, его будущая исторія, связанная тѣсно съ Кіевомъ. Вѣрь мнѣ, это будетъ, будетъ, будетъ... Здѣсь (въ Кіевѣ) поднимается завѣса тайны и явится безвѣстное". Объясните, съ какою цѣлью составлена была эта записка и не выражались ли въ ней надежды и правила славянскаго Общества?

Отвѣтъ. На третій пунктъ имѣю честь отвѣчать, что записка, найденная у меня, гдѣ говорится о собраніи славянъ въ Кіевѣ, есть отрывокъ повѣсти: „Паничъ Наталичъ“ въ которой представленъ молодой человекъ, увлекающійся фантазіею и впадающій въ разныя грезы, въ томъ числѣ и въ панславистическія. Я смѣю представить, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего противозаконнаго, ибо здѣсь говорится о соединеніи славянъ и объ освобожденіи племенъ славянскихъ отъ чуждаго ига, т. е. турец-

каго и венгерскаго (словаковъ). Пиша это самъ, по своимъ понятіямъ, я не предполагалъ, непременно въ Кіевѣ совершенія какого-то возрожденія славянъ, а представилъ здѣсь мечтателя, доведшаго идею панславизма до смѣшнаго восторженія. Я здѣсь осмѣивалъ увлеченіе молодежи, и лучшимъ доказательствомъ того служить то, что герой моей повѣсти женится и дѣлается отличнымъ и добрымъ чиновникомъ въ таможенѣ, чѣмъ хотѣлъ я выразить, что бредъ фантазіи съ лѣтами проходитъ, и юноша, остепенясь, дѣлается добрымъ семьяниномъ и полезнымъ гражданиномъ.

Вопросъ 4-й. Въ другой запискѣ вы съ особеннымъ восторгомъ говорите о панславизмѣ, какъ о лучшей идеѣ нашего вѣка, и о стремленіи славянскаго племени къ собственному развитію. Какая была цѣль ваша при составленіи этой записки?

Отвѣтъ. На четвертый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что ежели я говорилъ съ восторгомъ о панславизмѣ, какъ о лучшей идеѣ нашего вѣка, и о стремленіи славянскаго племени къ собственному развитію, то такія мысли повторялись тысячу разъ и въ „Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія“, и само правительство наше посылаетъ въ славянскія земли путешественниковъ и, ревнуя о просвѣщеніи, поощряетъ и награждаетъ ученыхъ, трудящихся для исторіи и филологіи славянскихъ народовъ.

Вопросъ 5-й. Изъ пяти писемъ, полученныхъ вами отъ Кулѣша видно, что хотя вы опровергали чрезмѣрное понятіе его о Малороссіи, но съ тѣмъ вмѣстѣ раздѣляли его мнѣнія по другимъ предметамъ, напримѣръ, вы находили, что въ его сочиненіи объ Украинѣ, исполненномъ мыслей о прежней свободѣ, „историческая истина высказана съ такою смѣлостію, съ такимъ благороднымъ чувствомъ, какъ еще не было на Руси“. Почему вы одобряли такіе поступки Кулѣша?

Отвѣтъ. На пятый пунктъ имѣю честь отвѣчать, что говоря о сочиненіи Кулѣша, я съ одной стороны дѣйствительно указывалъ на нѣкоторыя историческія достоинства, находившіяся въ этой книгѣ, а съ другой—это былъ комплиментъ. Я велъ частый и продолжительный споръ съ Кулѣшемъ и на словахъ, и на письмѣ, и желалъ отвлечь его отъ исключительной фанатической преданности Малороссіи помощію разсужденій и историческихъ доводовъ. Зная его крайнее самолюбіе, я не хотѣлъ нападать на него сразу и почиталъ удобнѣйшимъ прежде похвалить его, а потомъ уже опровергать, что и дѣлалось.

Вопросъ 6-й. Что означаютъ слова Кулѣша въ одномъ изъ тѣхъ же писемъ: „Христіанство не должно охлаждать наше стремленіе къ развитію своихъ племеннымъ началъ, ибо не безъ причины брошено въ землю зерно и пустило уже глубоко корень?“

Отвѣтъ. На шестой пунктъ имѣю честь отвѣчать, что слова Кулѣша: Христіанство и проч. означаютъ то, что я къ нему писалъ, что истинный христіанинъ не долженъ пристращаться къ какимъ-нибудь обычаямъ народнымъ и вообще къ массѣ того, что

называется народностію, и что ежели малороссійская народность пропадает совершенно, то это еще не потеря для человечества, ибо значить, такъ нужно, и онъ отвѣчалъ что зерно въ землю брошено, т. е. народность, языкъ, нравы, и потому христіанство не мѣшаетъ имъ развиваться.

Вопросъ 7-й. Далѣе Кулѣшъ, разсуждая о какомъ-то развитіи, опровергаетъ, кажется, вашу мысль, и говорить, что дѣлать возгласы крайне безразсудно, а должно дѣйствовать на народъ, распространеніемъ сочиненій и школъ. такъ чтобы это происходило какъ бы случайно. Объясните, въ чемъ состояли ваши сужденія и намѣренія по означенному предмету.

Отвѣтъ. На седьмой пунктъ имѣю честь отвѣчать, что слова Кулѣша о возгласахъ относятся къ тому, что я ему писалъ, что не смотря на хвастовство малороссіянъ, ихъ заслуги ограничиваются только пустыми возгласами о томъ, что у насъ такъ хорошо, мы то-то и то-то, и этимъ доказывалъ ничтожество ихъ народности, а онъ мнѣ отвѣчалъ, что должно дѣйствовать школами и т. п. Въ томъ же письмѣ я ему писалъ, что кто любитъ Малороссію, тотъ долженъ не хвалить и превозносить свою народность, а долженъ заботиться о просвѣщеніи и благосостояніи своихъ земляковъ на томъ пунктѣ, на которомъ его судьба поставила и которой предоставленъ ему отъ общественныхъ властей.

Вопросъ 8-й. Вы писали къ Кулѣшу, что не считаете малороссіянъ достойными высокой участи. Кулѣшъ, защищая свою родину между прочимъ отвѣтствовалъ вамъ: „будетъ, можетъ быть, время, когда отъ одного звука трубъ ея падутъ стѣны и твердыни для разрушенія которыхъ вы считаете необходимымъ оружіе“. Изъ этого видно, что вы считали необходимымъ дѣйствовать оружіемъ. Объясните, какія предположенія имѣли вы по этому предмету?

Отвѣтъ. Я писалъ Кулѣшу объ оружіи, вовсе не разумѣя здѣсь какого-нибудь мятежническаго дѣйствія, а говорилъ о слабости Малороссіи, которая, бывъ военною страной, не могла ни удержать своей казацкой самостоятельности, ни даже выбиться безъ чужой помощи изъ-подъ ига польскаго, и писалъ: то развѣ теперь-когда уже Малороссія прежняя, казацкая совсѣмъ исчезла, развѣ теперь, какъ отъ трубъ Іисуса Навина возстанутъ стѣны ея? (не помню словъ, а въ такомъ смыслѣ), а онъ мнѣ отвѣчалъ, что дѣйствительно отъ ея трубъ падутъ и проч. Обстоятельнаго своего письма я не помню, но знаю только, что мнѣ въ своей жизни никогда не входила мысль о дѣйствіи оружіемъ за Малороссію, надъ движеніемъ въ пользу коей и литературой ея, я, какъ природный русскій, посмѣивался.

Вопросъ 9-й. Почему вы позволяли себѣ имѣть переписку съ Кулѣшемъ, тогда какъ все содержаніе его писемъ или прямо преступно, или чрезвычайно сомнительно, и почему писемъ его тотчасъ же не представляли начальству?

Отвѣтъ. Зная Кулѣша прежде, какъ до безумія преданного Украинѣ безъ всякихъ, однако, политическихъ идей и т. п.; я принималъ, усилившуюся въ немъ въ Петербургѣ привязанность къ

Малороссіи за слѣдствіе долгаго проживаніи внѣ Малороссіи и вель съ нимъ споръ въ намѣреніи разувѣрить его историческими доказательствами. Начальству же моему извѣстна была эксцентрическая привязанность его Малороссіи.

Вопросъ 10-й. Студентъ Посяденко писалъ къ Гулаку: „я удалился на время отъ вашего вполне христіанскаго Общества, но духъ мой никогда не удалится отъ него: ибо въ самой глубинѣ души моей положена мысль, никому еще невѣдомая; вотъ почему прежде, чѣмъ увидѣлъ я Костомарова, душа моя принадлежала уже Обществу, коего никто изъ васъ не знаетъ“. Не явво ли письмомъ этимъ доказывается существованіе тайнаго Общества, и не извѣстно ли вамъ, о какой мысли невѣдомой говорить здѣсь Посяденко?

Отвѣтъ. Студентъ Посяденко пишетъ, вѣроятно, разумѣя подъ Обществомъ кругъ знакомыхъ. Этотъ студентъ познакомился со мною въ маѣ прошлаго года и бывалъ послѣ того очень рѣдко, пока, наконецъ, я совершенно отказалъ ему. Но о какой мысли невѣдомой говорить Посяденко, мнѣ это неизвѣстно, и я полагаю, что слова его есть совершенный вздоръ, ибо этотъ студентъ вель жизнь совершенно уединенную, какъ я слышалъ отъ него же самого, и душа его, вѣрно, принадлежитъ такому обществу, котораго никто не знаетъ, и даже самъ онъ. Впрочемъ, бывши мало знакомъ съ Посяденкомъ, я не могу увѣрить ни въ чемъ, а знаю только то, что этотъ Посяденко никакого не показывалъ особеннаго направленія, кромѣ обыкновенной простоты и мужиковатости студента изъ простаго званія. Знакомство съ нимъ и возникло, и кончилось единственно по поводу перевода сочиненія Пасторія, къ чему онъ оказался неспособнымъ.

Вопросъ 11-й. Послѣ Пасхи 1846 г. вы сказывали студенту Посяденкѣ, что было бы не худо составить общество въ духѣ славянскомъ и читали при этомъ нѣсколько пунктовъ въ родѣ проекта; спустя нѣсколько дней послѣ того у васъ Гулакъ и Навроцкій, разсуждая о предположеніи основать общество говорили, что должно назвать его Обществомъ св. Кирилла и Меодія и придумать какой-нибудь символъ, а въ августѣ того же года вы, или Гулакъ говорили Посяденкѣ, что и его сдѣлають членомъ того же общества. Подтверждаете ли вы это, какіе пункты проекта вы показывали Посяденкѣ, не былъ ли это уставъ общества, вами ли онъ сочиненъ и въ какомъ именно смыслѣ, состоялось ли это общество и какой символъ для него придуманъ?

Отвѣтъ. Студенту Посяденкѣ я никогда не говорилъ о проектѣ заводить общество въ духѣ славянскомъ, и это показаніе Посяденки есть самая безстыдная ложь. Студенту Посяденкѣ я говорилъ, что надобно найти такихъ студентовъ, которые бы раздѣлили между собою трудъ переводить съ латинскаго авторовъ, писавшихъ въ южной Россіи—проектъ, извѣстный начальству нашему. Этотъ студентъ, котораго я выгналъ за мужичество и нахальство, теперь клевететь на меня съ досады и передѣлываетъ, то, что было. Въ августѣ же Посяденку я даже не видалъ. Говоря о переводѣ съ латинскаго, я никакихъ пунктовъ проекта не показывалъ, а просто далъ ему книгу; а что Гулакъ говорилъ, что должно

составить общество, и не придумать, а взять символомъ его кольцо мое съ именемъ Кирилла и Меѳодія, то это справедливо и уже мною изложено въ первомъ показаніи, но это общество никогда не состоялось, по крайней мѣрѣ самъ Гулакъ пересталъ мнѣ говорить объ немъ. Гулакъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ предполагаемомъ планѣ, но такъ странно и смѣшно, что я не принималъ этого никогда серьезно. Для яснѣйшаго же усмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ, я излагаю здѣсь, какимъ образомъ я познакомился съ этими людьми. Прибывши въ Кіевъ въ 1844 году, я въ домѣ Юзефовича познакомился съ Кулѣшемъ, котораго Юзефовичъ рекомендовалъ мнѣ съ самой выгодной стороны, какъ чловѣка, преданнаго малороссійской исторіи и могущаго мнѣ много пособить въ занятіяхъ исторіею Богдана Хмельницкаго, которую я хотѣлъ тогда начинать. Потомъ я не былъ въ Кіевѣ. Въ 1845 году меня перевели въ кіевскую гимназію учителемъ, гдѣ я сблизился съ Кулѣшемъ и познакомился въ квартирѣ его съ Бѣлозерскимъ и Марковичемъ, потомъ въ Гулакомъ. Всѣ они были напитаны пламеннымъ жалавіемъ трудиться для украинской исторіи, филологіи и народности. Когда Кулѣшъ уѣхалъ въ Петербургъ, я, никогда не преданный украинomanіи, возставалъ противъ бесплоднаго направленія, которое увлекало молодыхъ людей отъ дѣльнаго занятія науками и вдавало въ глупости, какъ напр., въ загадки, сказки и т. п. въ тѣхъ лѣтахъ, когда надобно заниматься чѣмъ-нибудь подѣльнѣе, и зная покровительство, оказываемое правительствомъ нашимъ и начальствомъ занятію славянщиною, тѣмъ болѣе еще, что я этимъ людямъ, особенно Бѣлозерскому, хотѣлъ сдѣлать добро, думая, что онъ можетъ, занявшись славянскими языками, въ чемъ онъ прежде получилъ достаточныя основанія, быть кандидатомъ для поѣздки въ славянскія земли, и зная при томъ огромныя свѣдѣнія Гулака, старался отклонить ихъ отъ украинomanіи и развить въ нихъ любовь къ славянству, въ чемъ оба они имѣли начало. Такимъ образомъ я занимался съ Гулакомъ сербскими пѣснями по вечерамъ, потомъ онъ занимался законодательствомъ древнихъ славянъ, а я древнѣйшею исторіею славянъ, а Бѣлозерскій, квартировавшій далеко, занимался также ревностно чешскою литературою, и вообще славянскою филологіею. Въ это время пламеннаго занятія славянствомъ, въ которомъ я просиживалъ и дни и ночи, ибо готовился къ каедрѣ, я сдѣлалъ себѣ кольцо съ именемъ Кирилла и Меѳодія, будучи увлеченъ почитаніемъ такихъ великихъ святыхъ мужей, изобрѣтателей азбуки нашей и переводчиковъ св. писанія, что очень понравилось Гулаку и Бѣлозерскому, и Гулакъ тотчасъ сдѣлалъ себѣ кольцо, хотя не такое, какъ у меня, что уже доказываетъ, что тутъ не было идеи общества, потому что, въ противномъ случаѣ, знаки были бы одинаковы. Все это дѣлалось зимою и весною 1846 года. Потомъ Гулакъ и Бѣлозерскій начали называть обществомъ такой кругъ людей, занимающихся славянствомъ, а далѣе Гулакъ началъ мечтать о томъ, чтобъ установить опредѣленные правила, на что я отвѣчалъ, что это ребячество. Въ самомъ дѣлѣ это было слѣдствіе

дерптскаго духа, занесеннаго Гулакомъ изъ мѣста своего воспитанія. Эта мысль объ обществѣ сдѣлалась въ немъ совершеннымъ полубезуміемъ; онъ самъ не сознавалъ ни правилъ, ни цѣли чего хотѣлъ и увлекался то въ литературу, то въ политику, смотря по тому, какая книга на него подѣйствуетъ. Но такъ какъ я не отвѣчалъ ему на это желаніемъ, а смѣялся, то онъ, казалось, и оставилъ. Бѣлозерскій же держалъ тогда экзамень, жилъ нѣсколько времени у Гулака, и тогда я съ нимъ видѣлся очень рѣдко, ибо квартировалъ уже отъ нихъ далеко, и совершенно занялся наукою и другимъ кругомъ знакомствъ. Къ тому еще мнѣ не нравилось ребячество и фантазерство ихъ обоихъ; я съ ними совершенно раззнакомился до того, что Бѣлозерскій уѣхалъ изъ Кіева, не попрощавшись со мною, навсегда. Съ половины мая, іюня, іюля, августъ и сентябрь я не видалъ Гулака, а въ октябрѣ, какъ я выше замѣтилъ въ первомъ показаніи, Писаревъ прикомандировалъ его мнѣ для изданія Вельчекинской лѣтописи. Гулакъ не показывалъ тогда ни малѣйшей склонности заводить общество, занимался, кромѣ лѣтописи, исторіею Помераніи и законодательствомъ славянскихъ народовъ, и очень часто я доставлялъ ему книги изъ университетской библіотеки. Вообще онъ отъ меня тогда скрывался и обращался не какъ съ близкимъ знакомымъ, бывалъ рѣдко и очень неохотно. Въ это-то время онъ выманилъ у меня рукописное сочиненіе, въ духѣ самой противозаконной крайноманіи, сочиненное, какъ я подозрѣваю по названію въ другихъ спискахъ: „Законъ Божій“, де-Вельменомъ, какъ я показала уже прежде. Съ тѣмъ Гулакъ уѣхалъ. А студентъ Навроцкій въ близкихъ отношеніяхъ со мною никогда не былъ, и только весною, когда Гулакъ бредилъ объ обществѣ, Навроцкій тоже заговаривался, но такъ безсвязно, что я до сихъ поръ не помню, о какомъ обществѣ онъ говорилъ, но, кажется, что онъ разумѣлъ подъ обществомъ кругъ людей, занимающихся однимъ предметомъ. Бѣлозерскій, мнѣ помнится, (ибо этому уже годъ) также далѣе не простиралъ своихъ взглядовъ. Поэтому я ничего не могу сказать болѣе объ этомъ предметѣ, кромѣ сказаннаго уже чисто-сердечно въ первомъ моемъ показаніи, что Общество Кирилла и Меодія никогда не существовало и было однимъ бредомъ; ежели жъ бы оно стало чѣмъ-нибудь правильнымъ въ противозаконномъ духѣ, то я бы непременно донесъ объ этомъ. По здравому разсудку, кругъ людей, занимающихся однимъ какимъ-нибудь предметомъ, нельзя назвать обществомъ, развѣ только принимая слово общество въ такомъ смыслѣ, въ какомъ называется обществомъ и кругъ знакомыхъ. Вольно было легкомысленнымъ людямъ называть обществомъ то, что въ глазахъ моихъ обществомъ никогда не было. Студенты, какъ Марковичъ, Посяденко, Навроцкій, втершись въ мой домъ, дѣйствительно разглашали, что они были въ обществѣ, что доходило стороною до моего слуха, за что я имъ далъ отказъ, и даже весьма неучтивый; къ несчастію, наглость малороссіянина не знаетъ никакихъ предѣловъ вѣжливости, такъ что мой служитель Посяденку едва было не вывелъ за руки, а Навроцкому я принужденъ былъ сказать, чтобъ онъ никогда уже

ко мнѣ не являлся, и только послѣ того въ остальные четыре мѣсяца я ихъ не видалъ въ глаза. Но я съ этими студентами никогда не дружилъ и всегда считалъ ихъ за пустыхъ людей, и если они приходили въ мой домъ, никогда незванные, то я всегда показывать видъ, что они мнѣ въ тягость, а часто просто просилъ уходить. Такія посѣщенія были при томъ рѣдки. Я обманулся только въ Гулакѣ и Бѣлозерскомъ, особенно въ первомъ, ибо г. Бѣлозерскій въ близкихъ отношеніяхъ со мною не былъ, уже по короткости времени нашего знакомства. Гулакъ дѣйствительно обнаруживалъ склонность къ либерализму, занесенную имъ изъ Дерпта, въ особенности глупую и странную страсть къ корпораціямъ и обществамъ, но мнѣ послѣ показывалось, что онъ измѣнился; Бѣлозерскій же былъ вначалѣ, подобно Кулѣшу, который надъ нимъ имѣлъ вліяніе, эксцентрически преданъ Малороссіи, но ни отъ того, ни отъ другого я не видалъ злоумышленнаго, коварнаго, либеральнаго направленія и мечты ихъ мнѣ казались дѣтствомъ и увлеченіемъ, ибо все ограничивалось нелѣпыми возгласами въ пользу и преимущество малоросіянъ надъ другими народами.

Вопросъ 12-й. При васъ, въ собраніи у Гулака, Савичъ и Навроцкій разсуждали о необходимости уничтожить въ Россіи монархическій образъ правленія, о введеніи народнаго правленія, въ которомъ бы каждое славянское племя имѣло своего представителя, а Савичъ при этомъ доказывалъ возможность произвести такой переворотъ и воспользоваться для этого строемъ въ Кіевѣ крѣпостью. Вполнѣ ли вы раздѣляли эти мнѣнія Савича?

Отвѣтъ. Савичъ, отрекомендованный мнѣ Гулакомъ, былъ со мною знакомъ очень на далекой ногѣ, такъ, что я его видалъ раза три въ жизни. Онъ оказывалъ либеральное расположеніе, за что я съ нимъ раззнакомился, такъ что, когда онъ, уѣзжая за границу, хотѣлъ побывать у меня, то я приказалъ сказать, что меня дома нѣтъ. Онъ былъ помѣшанъ на французскомъ коммунизмѣ и считалъ возможнымъ, что общество человѣческое дойдетъ до того, что все будетъ общимъ, даже жены, а о разговорѣ у Гулака я не помню. Либеральныхъ же мнѣній его я отнюдь не раздѣлялъ.

Вопросъ 13-й. Съ какою цѣлю вы составили три легенды о св. Кириллѣ и Меѳодіи?

Отвѣтъ. Легенды о Кириллѣ и Меѳодіи мною не составлены, а переведены изъ Acta sanctorum для сочиненія моего: о томъ, кто просвѣтилъ Россію свѣтомъ христіанской вѣры, которое сочиненіе, углубляя меня въ житіе святыхъ Кирилла и Меѳодія и подало мысль сдѣлать кольцо. Впослѣдствіи я, переработавши его хотѣлъ напечатать вмѣстѣ съ легендами.

Вопросъ 14-й. Для чего вы хранили у себя написанныя на нѣсколькихъ листочкахъ стихотворенія возмутительнаго содержанія, даже „Сонъ“, соч. Шевченки исполненное самыхъ наглыхъ и дерзкихъ описаній особъ высочайшаго дома, равно двѣ книги: печатную и рукописную, сочиненій того

же Шевченки, исполненных подобныхъ мыслей! Кто переписывалъ и иллюстрировалъ означенную рукописную книгу?

Отвѣтъ. Сочиненія эти держалъ я болѣе для языка, но раздѣлять гнусныхъ мыслей, въ нихъ изложенныхъ, я не могъ никогда. Я имѣлъ намѣреніе давно уже составить словарь малороссійскихъ нарѣчій въ сравненіи съ другими нарѣчіями славянскими и трудился надъ этимъ предпріятіемъ еще въ Харьковѣ, гдѣ помогали мнѣ профессора Метлинскій и Срезневскій. Вслѣдствіе того я собиралъ всякій сбродъ на малороссійскомъ нарѣчій. Иллюстрированная книга была приведена въ это положеніе де-Бельменомъ, котораго я лично вовсе не знаю. Эта книга была у Юзефовича.

Вопросъ 15-й. Кѣмъ сочинена драма на польскомъ языкѣ, въ которой предисловіе исполнено клеветъ на правительство Россіи, а дѣйствующими лицами выведены политическіе преступники? Отъ кого получили вы эту драму для чего хранили у себя и давали-ли ее кому-либо для снятія копій?

Отвѣтъ. Драма, писанная на польскомъ языкѣ, Мицкевича, я ее не читалъ вовсе; бывши учителемъ, отнял ее у ученика, который инспекторомъ былъ наказанъ. Я ее никому не давалъ и не показывалъ, а хранилъ у себя на основаніи дозволенія профессорамъ имѣть запрещенныя сочиненія, но что въ ней я до сихъ поръ не знаю, а знаю только, что она Мицкевича, по заглавію „Dziady“.

Вопросъ 16-й. Почему на печати вашей вырѣзано; Іоанна гл. VIII ст. 32, и съ какою мыслью вы приняли этотъ стихъ себѣ девизомъ?

Отвѣтъ. На печати моей вырѣзанныя слова означаютъ то, что во всякой запутанности, какъ мірской, такъ и ученой, должно прибѣгать къ истиннѣ евангельской, которая одна можетъ освободить человѣка изъ стѣсненнаго положенія.

Вопросъ 17-й. Объясните содержаніе предъявляемыхъ вамъ писемъ и стиховъ; кто такіе Метлинскій, Тихоновичъ и Александровъ, какого рода сношенія были у нихъ съ вами, не принадлежали ли они, и въ какой степени къ славянскому Обществу?

Отвѣтъ. Метлинскій—профессоръ Харьковскаго университета, Тихоновичъ—учитель 1-й гимназіи въ Харьковѣ латинскаго языка, а Александра я не знаю и въ первый разъ слышу о немъ. Съ Метлинскимъ и Тихоновичемъ я знакомъ совершенно дружески, какъ ни съ кѣмъ. Живя еще въ Харьковѣ я былъ съ ними неразлученъ; а съ Метлинскимъ и Срезневскимъ занимался славянскими языками. Метлинскій и Тихоновичъ люди самые честные, преданные правительству, и, такъ какъ я, чуждые общества; такими я зналъ ихъ. Здѣсь, въ ихъ письмахъ, идетъ дѣло о проектѣ изданія „Сельскаго Чтенія“ для малороссійскаго простого народа: мысль не заключавшая ничего политическаго. Я уже въ показаніи изложилъ, что было намѣреніе издавать „Сельское

Чтеніе“ для малороссіянь, перевода статьи изъ изданія ¹⁾ князя Одоевскаго. Я писалъ объ этомъ Метлинскому, предлагая ему собрать для этого дѣла охотниковъ участвовать и деньгами, и перомъ, чтобъ потомъ, когда соберутся средства представить это на разрѣшеніе правительству. Я, не видя ничего въ этомъ, ни противозаконнаго, ни идеи общества, о чемъ и писалъ въ письмѣ Метлинскому, взялся въ числѣ многихъ участвовать въ этомъ дѣлѣ, если не перомъ по малороссійски, то частью денегъ, выборомъ статей, совѣтомъ, присмотромъ за печатью, если то будетъ нужно, не ради любви къ Малороссіи, а изъ любви къ просвѣщенію, покровительствуемому правительствомъ. Намекъ на мой планъ есть то, что я въ письмѣ къ нему писалъ, чтобъ каждый изъ подписчиковъ получилъ въ вознагражденіе часть экземпляровъ, и чтобъ прежде всего составлена была программа со всѣми подробностями и одобренная министерствомъ народнаго просвѣщенія, и чтобъ наконецъ испросить содѣйствіе министерства государственныхъ имуществъ къ разсылкѣ изданія между народомъ. При семъ имѣю честь объяснить имѣющіяся въ письмѣ сомнительности. 1) Здѣсь говорится о войнѣ за правописаніе. Метлинскій очень жарко спорилъ о томъ, какое правописаніе избрать для малороссійскихъ сочиненій и присылалъ мнѣ разные замѣчанія по этому предмету, и я отвѣчалъ ему всегда, что это просто пустяки и смѣшно. Теперь онъ это опровергаетъ и доказываетъ важность. 2) Здѣсь говорится о войнѣ за дворянство. Это слѣдующее: по поводу статьи моей въ „Библіотекѣ для чтенія“ и по поводу другихъ замѣчаній относительно исторіи Малороссіи, въ которыхъ я указалъ, что прежнее малороссійское дворянство все исчезло или ополячилось подъ игомъ Польши, а нынѣшніе дворяне—новички, и потому не имѣютъ того высокаго значенія древности, какъ русскіе, возникъ споръ, и я писалъ объ этомъ Метлинскому, а онъ, какъ малороссіянь, здѣсь, кажется, обижается. 3) Объ имѣніи. Я точно имѣлъ намѣреніе купить имѣніе близъ Кіева. 4) Ты понимаешь и пр. Я писалъ къ нему и прежде всегда говорилъ, что стремленіе къ поддержанію народности необходимо связано тѣсно должно быть съ православіемъ и самодержавіемъ. Что онъ понимаетъ подъ національными и официальными формами, я не знаю: онъ ссылается на географическое Общество; я не знаю изданій этого Общества, и потому для меня намекъ этотъ непонятенъ. Александрова же стиховъ я объяснить не умѣю, ибо не знаю этого человѣка, а кажется, что это также нѣчто въ родѣ крайноманіи. Приписку въ письмѣ Тихоновича, я понимаю такъ, что необходимы правила для подписчиковъ. Метлинскій любитъ украинскій языкъ и пѣсни, а Тихоновичъ этимъ вовсе не занимается; оба малороссіяне по роду. При семъ имѣю честь, припомнивши, показать, что я нѣсколько разъ говорилъ Гулаку, Бѣлозерскому и Навроцкому, чтобъ они не мечтали объ обществѣ и если составили какіе уставы, то чтобъ

¹⁾ Мысль эта известна начальству.

все порвали: ибо всякое названіе общества есть уже преступно, на что они увѣряли, что у нихъ уже ничего нѣтъ и они объ обществахъ и не думаютъ, почему я полагаю, что бредъ ихъ окончился.

Еще припоминаю, что Гулакъ предлагалъ мнѣ нѣсколько разъ составленные имъ разные проекты, но я не знаю даже, до чего они клонились и отвѣчать шутками на всѣ подобныя фантазіи.

Имѣю честь представить при семъ припомненіе весьма важное обстоятельство. Во время занятія славянскими древностями и исторіею, я дѣйствительно имѣлъ такую мысль, что хорошо было бы, ежели бъ при императорскомъ университетѣ св. Владиміра было основано Общество филологіи, исторіи и древностей славянскихъ, даже такъ, чтобы уже существующая коммиссія для древностей была преобразована въ такое Общество. Эту мысль я сообщалъ многимъ, и въ томъ числѣ помощнику попечителя. Но это было не болѣе, какъ частная мысль, а не замыселъ, и предположеніе такое только тогда могло бы осуществиться, когда бы правительство сочло это нужнымъ. Дѣйствительно мнѣ казалось, тогда, что такое Общество всего приличнѣе могло бы быть названо именами св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ, какъ университетъ названъ именемъ просвѣтителя Россіи. Эта мысль, высказываемая многимъ, могла породить толкъ о заведеніи Общества и участіи въ немъ моемъ, и потому показанія студента Посяденка, что онъ слышалъ о чемъ-то въ родѣ Общества св. Кирилла и Меѳодія, размысливши, припомнивши, я считаю теперь не совсѣмъ безсознательнымъ; ибо желаніе возможности такого Общества меня точно занимало, но желаніе, а не замыселъ.

На счетъ печати вашей съ вырѣзкою ссылки на текстъ изъ евангелиста Іоанна: „И уразумѣте истину и истина свободитъ вы“, показали вы, что текстъ этотъ взятъ только въ томъ смыслѣ, что во всѣхъ дѣлахъ одна истина можетъ освободитъ человѣка изъ стѣсненнаго положенія. Но въ § 23 известной вамъ рукописи (Законъ Божій) сказано: „И пришелъ Сынъ Божій на землю, чтобъ открытъ истину, дабы та истина освободила родъ человѣчскій“. Въ §§ 26 и 30 той же рукописи почти тоже сказано. Не эти ли рукописи подали вамъ мысль сдѣлать упомянутую печать, и не была ли печать такимъ же знакомъ славянскаго Общества, какъ кольцо св. Кирилла и Меѳодія.

Печать моя сдѣлана была по слѣдующему незначительному случаю: Кулѣшъ рассказывалъ мнѣ еще въ 1844 году планъ своего романа и затруднялся развязкою, а потомъ, пришедши ко мнѣ черезъ нѣсколько дней, объявилъ, что онъ придумалъ лучше всего оставить такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ случилось то событіе, которое онъ избралъ для своего романа сюжетомъ, и произнесъ этотъ текстъ: „И уразумѣте истину“ и пр., указывая на то, что истина вывела его сама изъ затруднительнаго положенія. Мнѣ понравившись это, и какъ я себѣ дѣлалъ тогда печать, то и вырѣзалъ на ней помянутый текстъ. Это можетъ засвидѣтельствовать Кулѣшъ, если вспомнить.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи той же рукописи (Законъ Божій) ока-

зывается, что она не можетъ быть переводомъ: ибо все обнаруживаетъ въ ней оригинальное сочиненіе, приуроченное къ Россіи и Малороссіи. Объясните это, какъ слѣдуетъ.

Подлинникъ сочиненія, извѣстнаго мнѣ подъ именемъ „Поднѣстранки“, а другимъ подъ именемъ „Закона Божія“ писанъ по малороссійски, о чемъ я показывалъ. Списокъ, съ котораго я переписывалъ, не знаю гдѣ. Обыкновенно, всѣ списки малороссійскіе я бросалъ въ кучу негодной бумаги, предварительно переписавъ иногда въ двухъ и даже трехъ вариантахъ, что можно видѣть изъ тысячей пѣсень, сказокъ, документовъ и т. п., хранящихся у меня. Кѣмъ сочиненъ подлинникъ, я не знаю, о чемъ уже показалъ, какъ я не знаю сочинителей многихъ подобныхъ бродячихъ произведеній на малороссійскомъ языкѣ, напр. Разговора Великороссіи съ Малороссією, Царства праведныхъ, Грицька Залѣзняка и т. п. Объ этомъ сочиненіи я упоминалъ г. помощнику попечителя, именно когда читалъ ему одну статью свою, и по случаю зашелъ разговоръ о бродячихъ малороссійскихъ сочиненіяхъ, и въ самой этой статьѣ, напечатанной въ одномъ изъ номеровъ „Библіотека для Чтенія“, за прошлый годъ (Мысли объ исторіи Малороссіи), я, исчисляя бродячія малороссійскія сочиненія, назвалъ и „Поднѣстранку“.—А сколько мнѣ помнится, при этой рукописи находились и стихи, надъ которыми стояло заглавіе „Поднѣстранка“.

Эти показанія Костомаровъ добавилъ слѣдующимъ разъясненіемъ:

О рукописи „Законъ Божій“, я объявляю, что когда меня схватили въ Кіевѣ, то попечитель и губернаторъ сказали, что Гулакъ явился съ этой рукописью въ III-е Отдѣленіе и объявилъ, будто я, будучи участникомъ заговоровъ Общества Кирилла и Меѳодія, завлекалъ его и далъ ему рукопись, прося распространять ее въ народѣ. Я отвѣчалъ, что рукопись мнѣ извѣстна, но не знаю, откуда я получилъ ее, и даже помнится, что отъ самаго Гулака, только неясно, ибо въ вполнѣдствіи онъ захватилъ списокъ, переписанный мною. Попечитель и губернаторъ, засмѣявшись, сказали, что это отнюдь не въ порядкѣ вещей. Тогда я, ясно не припоминая, отъ кого именно я получилъ ее, и соображая, что у Гулака списокъ мой, а у меня другой, и такимъ образомъ, довоюсь, кажется правдоподобнымъ, пришелъ въ такой испугъ и совершенное безпамятство, что въ моей головѣ перемѣшались: и одна польская рукопись, переведенная мною, и мысль о томъ, что „Законъ“ мнѣ казался произведеніемъ польскаго эмигранта. и, наконецъ, невинное намѣреніе мое издать на славянскихъ языкахъ, и въ томъ числѣ на польскомъ, сочиненія о Кириллѣ и Меѳодіи, и я сказалъ нелѣпость, что я ее перевелъ съ польскаго, чего вовсе не было, и такимъ образомъ самъ на себя наклепалъ переводъ. Когда же меня заставили написать, то я съ тѣхъ поръ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ несправедливаго показанія на себя самого. И, зная, что Гулаку она давно извѣстна, мнѣ казалось, что она доставлена мнѣ имъ, однако, неясно, ибо въ одно и то

же время я переписывалъ и пересортировывалъ всякую всячину въ своихъ бумагахъ, и Гулакъ, какъ и другіе, мнѣ кое-что доставлялъ. Списавши ее наскоро, я впоследствии уже переписалъ ее, и Гулакъ захватилъ у меня списокъ, какъ я объяснилъ.

7-го мая Костомарову пришлось дать слѣдующіе отвѣты:

Вопросъ: 1) Объясните, когда началось славянское Общество, когда и кѣмъ принято символомъ кольцо и образа, и въ чемъ состоялъ уставъ Общества?

Отвѣтъ: Въ концѣ 1845 года, занимаясь въ Кіевѣ славянскими языками и исторіею славянскихъ народовъ, я познакомился съ двумя молодыми людьми, Бѣлозерскимъ и Гулакомъ, которые, оба, одаренные прекрасными дарованиями, имѣли отличное образование и хороша свѣдѣнія въ славянскихъ языкахъ и исторіи. Такъ какъ я всегда старался распространить любовь къ занятіямъ наукою о славянствѣ, то сблизился съ ними; мы занимались весьма прилежно, хотя не вмѣстѣ, но видались и передавали другъ другу свои замѣчанія. Въ это время когда я просиживалъ дни и ночи надъ книгами и писалъ между прочимъ сочиненіе о Кириллѣ и Меѳодіи, я былъ увлеченъ почитаніемъ святыхъ, просвѣтителей славянъ, изобрѣтателей азбуки и переводчиковъ св. писанія, и сожалѣя, что память ихъ мало у насъ чтима, такъ что нѣтъ нигдѣ ни ликовъ ихъ, ни храмовъ во имя ихъ, несмотря на важныя благодѣянія, оставленныя ими и нашей церкви, и нашему образованію, я сдѣлалъ кольцо съ именами ихъ подражая кіевскому обычаю носить кольца въ честь святыхъ. Увидя это, Гулакъ себѣ сдѣлалъ кольцо и Бѣлозерскому это понравилось, но онъ не носилъ. Послѣ Пасхи 1846 года Бѣлозерскій и Гулакъ (вообще расположенный къ ученымъ товариществамъ по дерптскому духу) начали называть обществомъ такой кругъ знакомыхъ, занимающихся славянскою наукою, на что я не соглашался, представляя, что кругъ нашъ не должно называть этимъ словомъ, которое противозаконно, а съ своей стороны говорилъ, что весьма было бы хорошо, ежели бы въ Кіевѣ, съ дозволенія правительства, было основано ученое Общество любителей славянской науки, которое всего приличнѣе могло быть названо именемъ Кирилла и Меѳодія, какъ университетъ названъ именемъ св. Владимира, просвѣтителя Россіи. Такъ продолжалось до конца мая. Тогда Бѣлозерскій уѣхалъ въ Полтаву, а я перешелъ на другую квартиру, занялся другимъ кругомъ знакомствъ, потомъ уѣхалъ въ Одессу, и такъ воображаемое Общество само собою исчезло. Я называю его только воображаемымъ, ибо я не соглашался именовать его обществомъ, и кольца своего символомъ онаго не считалъ, а Бѣлозерскій кольца вовсе и не имѣлъ. Устава у насъ не было никакого; Бѣлозерскій говорилъ о какомъ-то уставѣ иллпрійскомъ, который онъ гораздо ранѣе откуда-то переписалъ или передѣлалъ; но этотъ уставъ не служилъ ни правиломъ, ни основаніемъ. Впоследствии, воротившись, я не видался съ Гулакомъ и даже съ нимъ раззнакомился, но осенью

Писаревъ прикомандировалъ его ко мнѣ для изданія лѣтописи маллороссійской, тогда Гулакъ бывалъ у меня, но рѣдко и неохотно, безъ прежней откровенности, и объ обществѣ ни слова не говорилъ.

2) Въ чемъ состояла цѣль славянистовъ, какимъ путемъ они впади въ заблужденіе и какими средствами намѣрены были дѣйствовать?

Съ идею объ обществѣ Гулакъ и Бѣлозерскій соединяли чисто ученое направленіе и не показывали желанія дѣйствовать сколько-нибудь для потрясенія или нарушенія существующаго порядка, напротивъ, съ жаромъ говорили о присоединеніи славянъ къ русскому государству, о будущемъ величій Россіи, о распространеніи православія или, по крайней мѣрѣ, Кирилловскаго богослуженія между иновѣрными славянами и самыя разговоры касались болѣе западныхъ славянъ, однако, впадали и въ мечтанія слѣдующаго рода:

Многіе изъ западныхъ славянофиловъ изображаютъ въ плѣнительномъ видѣ славянскую предъисторическую патриархальную общинность, которая, по ихъ мнѣнію, составляетъ сокровище, какимъ славяне могутъ гордиться, и славою такого первобытнаго состоянія, когда они были образованнѣе сосѣдей своихъ, замѣнить ту отсталость отъ прочихъ европейскихъ племенъ, въ каковой ихъ упрекаютъ. Нѣмецкіе ученые, унижая племя славянское, раздражаютъ славянофиловъ; отъ этого послѣдніе дошли до другой мечты, что племя славянское впереди покажетъ что-то новое, чудесное, невиданное въ человѣчествѣ во всѣхъ отношеніяхъ общественной и умственной жизни и пророчатъ славянамъ великую будущность, вытекающую изъ развитія ихъ первобытныхъ патриархальныхъ началъ, съ которыми они появляются въ доисторическомъ мракѣ. Отъ этихъ двухъ идей: увѣренности въ первобытномъ блаженствѣ и древней образованности славянъ и надеждъ на будущее возрожденіе славянъ порождается множество системъ, кружащихъ въ разныхъ отгѣнкахъ подъ перомъ и въ устахъ западныхъ и нашихъ славянофиловъ.

Такая идея будущности славянъ невольно вскользаетъ въ голову, разгоряченную сильнымъ занятіемъ, а потому Гулакъ и Бѣлозерскій мечтали о томъ, что чрезъ нѣсколько вѣковъ славяне образуютъ такое государственное тѣло, въ которомъ будетъ нѣкій новый, еще не существовавшій въ исторіи человѣчества государственный и гражданскій порядокъ, основанный на религіи Іисуса Христа и на чистѣйшихъ началахъ доисторической славянщины, долженствующей воскреснуть въ обновленномъ видѣ; они не сознавали ясно, что будетъ это новое, славянское общественное зданіе, а вообще говорили, что нѣтъ возможности никакому пытливому уму и воображенію представить себѣ ясно, какова будетъ будущность славянская, ибо славяне суть предъизбраны провидѣніемъ для величайшихъ цѣлей, и достиженіе ими своего назначенія будетъ такимъ же переворотомъ въ человѣчествѣ, какъ переселеніе народовъ и конецъ древняго міра. Труды же славянофиловъ должны вы-

ражать собою надежду только будущаго блаженства, впрочемъ безъ малѣйшаго противорѣчія существующимъ властямъ и настоящему порядку. Новое государство откладывалось на тысячелѣтїя, а достиженіе къ оному предполагалось не политическими переворотами, а мирнымъ, не насилуемымъ ходомъ развитія умственнаго путеводаимаго вѣроу, въ чемъ также полагалось отличіе и преимущество славянъ предъ другими народами. Всѣ эти мечтанія относились преимущественно къ западнымъ славянамъ, отъ которыхъ онѣ зашли къ намъ, особенно отъ иллирійцевъ.

Итакъ, вообще, надежды и планы нашего воображаемаго Общества выражались въ четырехъ предположенїяхъ:

1) Вѣра въ великую будущность славянъ, которую однако никто себѣ опредѣлительно не представлялъ.

2) Надежда на присоединеніе славянъ къ россійскому государству.

3) Распространеніе православнаго исповѣданїя, или, по крайней мѣрѣ, кирилловскаго богослуженїя между всѣми славянами.

4) Распространеніе знанїя исторїи и языковъ славянскихъ между всѣми славянами. Душѣ обоимъ моихъ знакомцевъ представляется открытъ, въ какой степени занимали ихъ эти идеи.

3) Въ чемъ состояло ваше участіе въ славянскомъ Обществѣ?

Я съ своей стороны хотя на общество не соглашался, однако занимаясь почти до болѣзни мракомъ первобытной славянщины, также впадалъ въ ученые мечтанїя о будущей судьбѣ и возрожденїи славянъ по первобытнымъ началамъ; эти мечтанїя у меня шли параллельно съ углубленїемъ въ древность, и никогда не дѣлались положительнымъ убѣжденїемъ, такъ что, когда я вступилъ въ кругъ ясной исторїи, то убѣдился ученымъ образомъ, что съ одной стороны доисторическая славянская патріархальность есть не болѣе, какъ не сформировавшееся общество полудикаго племени и не составляетъ особенности славянъ, а обща всѣмъ младенчествующимъ народамъ, а съ другой, что будущее возрожденіе можетъ только выразиться въ стройной монархіи. Тогда я принялъ за исходный пунктъ ту идею, что панславизмъ долженъ вести славянъ къ соединенїю съ Россїею, какъ единственною державою славянскою, сохранившею свою самобытность, а чтобъ не раздражать другихъ славянъ, которые дорожатъ своею народностїю, я предполагалъ, что надобно пустить въ ходъ ту идею, что всѣ народы славянскїе, находящіеся теперь подъ чуждою властію, образуютъ федеративную монархію подъ властію русскаго государя, не относя туда собственной россійской имперїи. Зная же по опыту и наблюденїю, какъ легко входятъ въ голову мечтательныя панславистическія идеи (вредныя, замѣчу, тѣмъ болѣе, что поляки стали принимать панславизмъ за средство для своихъ цѣлей и представлять Польшу свѣтомъ славянства, а славянство свѣтомъ челоуѣчества), я предполагалъ написать два сочиненїя съ цѣлью предотвращенїя молодыхъ людей отъ впаденїя въ такія идеи:

1) Составить повѣсть, въ которой осмѣять мечтательное сла-

вянофильство, съ его идеями возрожденія, по собственнымъ началамъ, и съ этой цѣлю набросать повѣсть „Паничъ Наталичъ“, гдѣ представилъ молодого человѣка, помѣшавшагося на панславизмѣ отъ уединенія и сильнаго занятія пустыми мечтами.

2) Составить сочиненіе о панславизмѣ, которое я хотѣлъ раздѣлить на двѣ части, и въ первой показать, что патріархальная славянская блаженная демократія есть мечта, равно какъ и древняя образованность; и что, такимъ образомъ, нѣтъ тѣхъ свѣтлыхъ началъ, какихъ ищутъ славянофилы. А во второй показать, что будущее возрожденіе славянъ не можетъ совершиться ни по первобытнымъ началамъ, какихъ нѣтъ, ни по западнымъ либеральнымъ, чуждымъ и гибельнымъ для нашего племени, что истинныхъ началъ славянскихъ должно искать въ ясной исторіи русскаго народа, единственнаго, сохранившаго свою самобытность; и поэтому, если только благими видами провидѣнія оправдается надежда славянофловъ на возрожденіе, то оно можетъ совершиться по началамъ русскимъ, существующимъ и существовавшимъ, а не по небывалымъ началамъ доисторической славящины; что наконецъ всѣ славянофилы, если хотятъ узнать коренные элементы и, такъ сказать, эссенцію жизни славянской, должны обратиться къ изученію Россіи, а славяне западные, во всевозможнѣйшемъ сближеніи съ Россіею, искать желаемаго обновленія по началамъ истинно славянскимъ.

Съ полною откровенностію излагая здѣсь ходъ моихъ славянскихъ занятій, сознаю, что всѣ панславистическія мечтанія, идеи, предположенія были у меня незамѣтнымъ для меня самого слѣдствіемъ сильнаго занятія наукою о славянствѣ; изученіе оной я не предполагалъ противнымъ благонамѣреннымъ видамъ правительства, которое всегда благосклоннымъ вниманіемъ одобряло и ученыхъ нашихъ славянофиловъ, и путешественниковъ въ славянскія земли: отъ этого я съ жаромъ и принялся за изученіе славящины. Если же, увлекаясь наукою, я заходилъ въ мечтаніе о такихъ предметахъ, о которыхъ мнѣ мечтать не слѣдовало, то это дѣлалось неволью, ибо и у нашихъ, и у западныхъ славянофиловъ встрѣчалъ я подобныя идеи, возгласы, надежды; и я тѣмъ же увлекался, но не выходилъ изъ чисто ученой сферы, не умалялъ славянствомъ моимъ ни на волосъ любви моей къ государю моему, не распространялъ ничего, что бы могло въ комъ-нибудь потрясти вѣрность и долгъ, а въ послѣднее время, занимаясь по долгу службы русскою исторіею, совсѣмъ отсталъ отъ панславизма во всѣхъ отношеніяхъ и углубился въ изученіе древностей русскихъ, положивъ себѣ правиломъ, что ученый не долженъ строить утопій и даже съ благою цѣлю пускаться въ предположенія, которыя дѣло правительства, а не науки.

4) Кто еще, кромѣ Гулака и Бѣлозерскаго, участвовали въ славянскомъ Обществѣ, и поясните, что означаютъ сомнительныя выраженія въ перепискѣ ихъ съ вами?

Студентъ Навроцкій, живя съ Гулакомъ на его иждивеніи,

только физически, такъ сказать входилъ въ этотъ кругъ трехъ славянофиловъ, но ни умственно, ни сердечно принимать въ немъ участія не могъ, по совершенной ограниченности своей въ наукѣ славянской и по официальнымъ занятіямъ лекціями профессоровъ. Украинфильство есть привязанность весьма малаго числа малороссіянъ къ своей народности, происшедшая оттого, что эта народность гаснетъ, народъ простой мѣняетъ свой языкъ на русскій, а извѣстно, когда исчезаетъ народность, всегда является въ пользу ея агоническое движеніе. Украинфильство глубокихъ корней не пустило, ибо книги, по малороссійски писанныя, расходятся плохо и появляются рѣдко, и преслѣдованіе ихъ скорѣе возбудитъ то, что усыпаетъ навѣки. Въ Кіевѣ прошлый годъ родилась мысль издавать „Сельское Чтеніе“ для малороссіянъ, выбирая статьи отъ Одоевскаго или Заблоцкаго; просили и меня содѣйствовать этому, на что я сказалъ, что соглашусь, когда будетъ соизволеніе министра народнаго просвѣщенія и содѣйствіе министра государственныхъ имуществъ. Кулѣшъ точно преданъ Малороссіи, за что я съ нимъ спорилъ до личностей. Онъ полагаетъ, что малороссіяне, будучи превосходиѣ насъ, великороссіянъ, получаютъ преимущественно передъ нами довѣренность государей, будутъ занимать мѣста, превзойдутъ насъ въ наукахъ, литературѣ однимъ словомъ, все, чѣмъ будетъ гордиться Россія, все, что въ ней будетъ честнаго, справедливаго, вѣрнаго царю и отечеству, все будетъ преимущественно отъ малороссіянъ. Кромѣ этихъ идей соревнованія, я отъ него не слыхалъ никакихъ нелѣпыхъ толковъ о какомъ-нибудь возстановленіи Малороссіи или потрясеніи правительственныхъ властей. Въ перепискѣ его выражается споръ о народности и литературѣ. Дѣйствительно, нѣкоторыя фразы, напримѣръ о трубахъ, объ оружій и т. п. кажутся сомнительными. Но это значитъ слѣдующее: я разбиралъ повѣсть объ украинскомъ народѣ; одно въ ней хвалилъ, другое порицалъ, и говорилъ, что когда мнѣ придется съ каеэдръ говорить объ исторіи Малороссіи, то я постараюсь наповалъ поразить историческими доводами это украинфильство и ложный взглядъ на казачество, писалъ къ нему, что предаваться сильно Малороссіи не стоитъ, тѣмъ менѣе стараться поддерживать ея народность; что Богъ одни народности избралъ для саморазвитія, а другія, напротивъ, должны исчезать, примыкая къ избраннымъ, и что малороссійская относится къ неизбраннымъ, доказывалъ это фактами, именно тѣмъ, что малороссіяне, бывши военнымъ народомъ, нося почти всѣ оружіе, не имѣли столько энергіи, тобъ самимъ собою освободиться отъ татаръ и поляковъ и успокоены единственно Россією; изъ этого я выводилъ заключеніе, что когда провидѣнію угодно было, тобъ малороссійская народность уступила мѣсто русской, то и не нужно стараться ее воскрешать, ибо это во всякомъ случаѣ будетъ напрасное усиліе и отъ трубъ израильскихъ не возстанутъ ея стѣны. Въ отвѣтъ на это раздраженный Кулѣшъ перифразируя мои слова, пустилъ въ меня посланіе съ трубами, отъ которыхъ падаютъ стѣны и твердыни, и возстанетъ Украина.

Все это не больше, какъ обыкновенная привычка выражаться гиперболически, принятая имъ и вообще малороссіянами. Сколько Кулѣшъ позволилъ мнѣ знать себя, я такъ понималъ ихъ и понимаю. Художникъ Шевченко знакомъ со мною мало, былъ у меня раза три, четыре, не говорилъ ничего ни благонамѣреннаго, ни злонамѣреннаго, обращался со мною осторожно и даже никогда не выставлялъ преимуществъ своей малороссійской народности, а рассказывалъ смѣшные анекдоты о своихъ землякахъ, описывалъ ихъ обряды и т. п. Направленіе стиховъ его, напечатанныхъ еще въ 1840 году, уже поэтому не имѣетъ ничего общаго съ пребываніемъ его въ Кіевѣ, позднѣйшимъ и короткимъ. Молодые же люди, какъ Марковичъ и другіе увлекаются народностію, отчасти по врожденной юношѣ любви къ своему углу, а отчасти по неохотѣ заняться чѣмъ-нибудь дѣльнымъ. Несмотря на то, что они выражаются гиперболически и съ важностью о пустякахъ, этотъ пылъ легко проходитъ, когда служебное занятіе, семейныя дѣла и т. п. не позволяютъ имъ болѣе заниматься пѣснями, загадками и проч., чему я не разъ былъ свидѣтелемъ. Не входя съ ними въ близкія сношенія, не допуская ихъ къ домашнему знакомству, я не знаю ихъ внутренняго направленія вполнѣ, но по долгу совѣсти и присяги показываю, что въ Кіевѣ я ни отъ кого не слышалъ чего-нибудь возмутительнаго, клонящагося къ нелѣпостямъ о возстановленіи Малороссіи и т. п. Бывши причастенъ славянскимъ мечтаніямъ, украинскимъ я причастенъ не былъ, вооружался противъ нихъ сильно, что ясно доказываютъ письма Кулѣша; писалъ исторію Малороссіи, которая бы очень не понравилась украинофиламъ, и потому не имѣю сердечнаго побужденія падать такое направленіе, котораго я не раздѣлялъ и надъ которымъ смѣялся. Увлеченіе малороссіянъ происходитъ еще отъ того, что нѣтъ правильной исторіи Малороссіи, ибо исторія Бантыша скучна и неудобочтима, а такое глупое изданіе, какъ исторія Маркевича, гдѣ всякій гетманъ представляется гениемъ, почти равнымъ Наполеону, сбиваетъ съ толку неопытныя головы, воображающія себѣ что-то изумительное въ казачествѣ. Главное, что поражаетъ незнающаго безсмысленнаго украинофильства, это ихъ преувеличенія съ какими они посредственнаго писателя готовы поставить выше Шекспира, и каждую пѣсню считаютъ превосходнѣе вѣковаго произведенія искусства. Притомъ это остатокъ идеи народности, которая въ образованномъ кругу перешла уже свою крайность, а въ западной Малороссіи еще не подчинилась истинной точкѣ зрѣнія.

5) Дѣйствительно ли въ декабрѣ 1846 года при васъ, у Гулака, помѣщикъ Савиць разсуждалъ о революціонныхъ предположеніяхъ, говоря, что въ случаѣ возстанія можно воспользоваться кіевскою крѣпостью. Точно ли Гулакъ, предаваясь революціоннымъ идеямъ, говорилъ, что въ случаѣ необходимости должно пожертвовать царскою фамиліею, и правда ли, что на лекціяхъ въ университетѣ, вы старались выводить примѣры изъ древней русской исторіи о народныхъ волненіяхъ и убійствѣ великихъ князей?

О толкахъ и разговорахъ, происходившихъ будто бы у Гулака, по совѣсти объявляю, что ничего не знаю. Савичъ, съ которымъ я едва знакомъ, не говорилъ ничего относительно Россіи или монархическаго правленія, ни о Малороссіи. Разговоръ же о крѣпости, преступный и до крайности нелѣпый, вѣроятно, есть выдумка, по крайней мѣрѣ, я не былъ при немъ. Савича я не знаю и не могу сказать ничего ни хорошаго, ни дурного объ его направленіи и мнѣніяхъ относительно правительства и существующаго порядка. Разговоръ Гулака тоже при мнѣ не происходилъ; а будто я на лекціяхъ проводилъ примѣры объ убійствѣ великихъ князей — есть клевета, и при томъ невѣжественная, ибо ни одинъ изъ нашихъ великихъ князей въ древности не былъ убитъ во время революціи, — и я не столько несвѣдущъ въ русской исторіи, чтобъ въ какомъ-нибудь отношеніи взять для сравненія съ настоящимъ временемъ что-нибудь изъ удѣльнаго хаоса, въ которомъ общественныя начала еще не сформировались, въ который Россія совѣмъ не то была, что по образованіи изъ него стройной монархіи при Іоаннѣ III. Наконецъ, я еще такъ нравственно не падалъ, чтобы осмѣлился слушать, не только самъ принимать участіе въ разговорахъ столь гнусныхъ, каковы означены въ предложенномъ мнѣ вопросѣ.

6) Для чего вы хранили у себя возмутительныя сочиненія, откуда получили рукопись „Законъ Божій“, для чего передали ее Гулаку, и не считались ли означенныя сочиненія средствами для достиженія цѣлей Общества?

Непозволительныя рукописи, какъ-то: „Dziady“, „Поддѣстранку“, или „Законъ Божій“, „Сонъ“ и другія я приобрѣталъ отчасти по врожденной страсти къ рѣдкостямъ, отчасти съ цѣлю, что все пригодится для изслѣдованій языка и для соображеній историческихъ, но теперь я крайне сожалею и глубоко раскаиваюсь, что держалъ и переписывалъ эти мерзости. То только служить мнѣ утѣшеніемъ, что, видя Богъ, какъ далеко я былъ отъ всѣхъ гнусныхъ революціонныхъ убѣжденій и отвратительныхъ мыслей, обращеніе дара Божія — слова на подлое змѣиное шипѣніе противъ священныхъ предметовъ, установленныхъ и благословленныхъ небомъ. „Законъ Божій“ я списалъ еще давно, сколько могу припомнить отъ Хмельницкаго, который служилъ въ кавказскомъ корпусѣ, случайно квартировалъ со мною недолго въ Харьковѣ и потомъ уѣхалъ, кажется, въ Петербургъ. Нѣсколько лѣтъ эта рукопись валялась у меня безъ употребленія, пока несчастный случай не привелъ меня читать Мицкевича, и я вспомнилъ объ ней, открылъ и смотрѣлъ на нее, какъ на историческій памятникъ, близкихъ къ нашему времени заблужденій. Гулакъ, бывая у меня въ домѣ по случаю перевода лѣтописи, захватилъ ее у меня, воспользовавшись моею разбѣянною, происшедшею оттого, что я занятъ былъ сильно своимъ сватовствомъ. Такимъ образомъ Богъ попустилъ меня за грѣхи мои въ величайшее несчастье быть невольнымъ орудіемъ распространенія подлѣйшей рукописи. Мнѣ кажется, она произведеніемъ поляка, ибо тексты: всяка власть, истинна

быть слугою, толкуются и упоминаются также точно у Мицкевича, Лелевеля и въ запискахъ Даниловича, покойнаго профессора, тайнаго недоброжелателя нашего, хотя ученаго человека. При томъ многіе поляки изъ юго-западной Руси, напр. Чайковскій, Залѣвскій и другіе кричали о возстановленіи и славѣ Украины, такъ что порицали своихъ соотечественниковъ. Эта рукопись не имѣла ни малѣйшаго приложенія къ прежнимъ занятіямъ славянскимъ и къ тому ученому бреду, который происходилъ въ апрѣлѣ и маѣ, и обимъ знакомцамъ моимъ была неизвѣстна. Также „Сонъ“ и прочія стихотворенія со славянствомъ не имѣли отношенія, и не служили ни правилами, ни возбужденіями.

7) Почему вы избрали текстъ изъ св. писанія: „И уразумѣете истину, и истина свободитъ вы“, для своей печати, и не была ли она печатью Общества?

О печати своей я съ полною откровенностію объявляю, что она сдѣлана рѣшительно безъ всякаго непозволительнаго умысла и не служила никакимъ девизомъ Общества или тайныхъ цѣлей и намѣреній. Текстъ заключаетъ общечеловѣческую, примѣняемую къ тысячѣ случаямъ жизни истину, а для меня, какъ для занимающагося исторіею, онъ казался самымъ приличнѣйшимъ.

8) Не имѣете ли добавить еще что-либо къ своему показанію?

Такъ, съ полною откровенностію, съ совершеннымъ признаніемъ, какъ только могу вспомнить и сообразить въ настоящемъ моемъ горѣ, я представляю все, что знаю, и все, что не только было, но и что происходило въ душѣ моей. Занимаясь прошлый годъ славянствомъ, я былъ увѣренъ, что дѣйствую и думаю, не отступая ни отъ закона, ни отъ долга, ни отъ любви къ государю; что и дѣйствительно такъ было; но я заходилъ въ мечтанія, безъ коихъ наука можетъ обойтись, заходилъ невольное, безъ злоумышленія, съ горячею любовью къ долгу; при томъ не разносилъ изъ кабинета никакихъ утопическихъ мечтаній, зная, что самое невинное мечтаніе, переходя въ неопытную толпу, можетъ производить дурныя послѣдствія; тѣмъ не менѣе, убѣжденъ, что ученые не должны и съ ревностнѣйшими желаніями пользы и славы государю и отечеству, заходить далѣе того, сколько имъ открыто указано благоразумнымъ правительствомъ; въ противномъ случаѣ они вмѣсто добра, по самому незнанію своему, будутъ только препятствовать тому, чего сами, какъ вѣрные сыны, желаютъ. Все это я теперь ясно вижу и сознаюсь, что въ этомъ я, при всей видимой мною законности своихъ занятій, впадалъ въ прегрѣшеніе невольное, какъ мудро выражается церковь; и еще глубже раскаиваюсь, что держалъ непозволительныя рукописи. Самъ Господь указалъ мнѣ, какъ я поступилъ легкомысленно и неосторожно; но я не имѣлъ въ душѣ злыхъ помышлений, и потому, полагаясь на Бога, въ руцѣ коего сердце царевъ, со страхомъ и благоговѣніемъ, слезами умоленія орошаю священныя стопы августѣйшаго государя, отца моего, и умоляю его высокую благодать объ отеческомъ милосердіи.

Наконецъ, на вопросъ, предложенный адъюнкту-профессору Костомарову онъ отвѣчалъ 19 мая.

Вопросъ. 1) Коллежскій секретарь Гулакъ, сознавшись, наконецъ, въ участіи съ вами по славянскому Обществу, объяснилъ дѣло согласно съ вашимъ показаніемъ, но, между прочимъ, объявилъ, что рукопись: „Законъ Божій“ имъ сочинена, тогда какъ, по вашимъ словамъ, рукопись эта есть сочиненіе въ духъ польскомъ и была получена вами отъ офицера Хмельницкаго. Объясните это противорѣчіе.

Отвѣтъ. Вѣроятно, Гулакъ, движимый, наконецъ, раскаяніемъ въ своемъ безразсудномъ и безчестномъ поступкѣ, именно, что онъ, отбѣжая въ С.-Петербургъ, утащилъ у меня рукопись и черезъ то повергъ меня отвѣтственности и за то, что эта рукопись, быть можетъ, распространилась, за то единственно, что, по добротѣ души, я слишкомъ былъ добѣрчивъ къ людямъ и не предполагалъ тайнаго зла, вѣроятно, Гулакъ думаетъ теперь этимъ загладить передъ Богомъ то, чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ за добро.

24 мая Костомаровъ далъ дополнительное объясненіе:

«Съ полною откровенностію и раскаяніемъ объявляю, что я, въ безпокойномъ волненіи духа, не точно выражаясь, обвинилъ Савича въ какомъ-то коммунизмѣ совершенно необдуманно и неосновательно, такъ что, припомнивши и обдумавши, вынужденъ теперь съ ужасомъ сознаться въ своей неумышленной винѣ и со слезами просить прощенія: ибо я оговорилъ челоуѣка, котораго едва знаю, и согрѣшилъ предъ Богомъ и государемъ».

Этими объясненіями были закончены допросы Н. И. Костомарова. Въ всеподданѣйшемъ докладѣ шефъ жандармовъ Орловъ предполагалъ „Коллежскаго асессора Костомарова, участвовавшаго въ украинно-славянскомъ Обществѣ, придумавшаго кольцо и названіе Обществу св. Кирилла и Меѳодія, давшаго ходъ преступной рукописи „Законъ Божій“, и хотя въ послѣдствіи откровенно сознававшегося, но тѣмъ болѣе виновнаго, что онъ былъ старѣе всѣхъ по лѣтамъ (ему было тогда двадцать восемь лѣтъ), а по званію профессора обязанъ былъ отвращать молодыхъ людей отъ дурнаго направленія, заключить въ крѣпость на одинъ годъ, и послѣ того отправить въ одну изъ отдаленныхъ Великороссійскихъ губерній на службу, но ни какъ не по ученой части, съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора“.

Императоръ Николай написалъ противъ этихъ строкъ доклада „Въ Вятку“.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Процессъ Сыцянка, 1879—1880).

Съ паролемъ, даннымъ мнѣ Желябовымъ, пришелъ ко мнѣ Гольденбергъ. Когда я припоминаю мое отношеніе къ Гольденбергу, мнѣ и теперь кажется страннымъ то, что ни одной фактической услуги мнѣ оказывать ему не приходилось. Другіе, приходившіе ко мнѣ, всегда приходили не изъ празднаго любопытства, а нуждаясь въ какой бы то ни было помощи или указаніяхъ. Это отношеніе ко мнѣ Гольденберга—отношеніе празднаго любопытства—и спасло меня: онъ не могъ ничего сказать обо мнѣ въ черезчуръ откровенныхъ своихъ показаніяхъ, но сказаннаго имъ достаточно было для того, чтобы послѣ ареста Гольденберга и меня арестовали, какъ «крайняго революціонера». Послѣ своего ареста Гольденбергъ былъ перевезенъ въ Одессу.

Подъ вліяніемъ хитрыхъ приемовъ жандармскаго полковника, товарища прокурора и личнаго честолюбія, онъ далъ откровенныя показанія и оговорилъ приблизительно сто человѣкъ. Въ числѣ этихъ оговоренныхъ были юноши изъ Харькова, Александръ Сыцянка, Богуславскій, студенты Блиновъ и Кузнецовъ были близко знакомы и составляли нѣчто въ родѣ общей организаціи. Харьковъ всегда былъ городъ положительный... Въ немъ были по преимуществу, люди мысли, не чувствъ и страстей... И этотъ кружокъ носилъ такой же характеръ дѣятельности, основанной на продуманной мысли, а не на порывахъ чувствъ и страстей.

Кружокъ былъ народнической съ оттѣнкомъ народовольчества... Потомъ это направленіе, общее съ нѣкоторыми другими городами черноземной полосы, кто то изъ старыхъ радикаловъ назвалъ народнико-народовольческимъ... Люди этого направленія, не партіи, всегда оказывали помощь и содѣйствія народовольцамъ безъ увлеченія и страсти, какъ города по ту сторону Днѣпра. Харьковскую организацію тѣсно связывали тѣ собранія, на которыхъ присутствовали Гольденбергъ, Желябовъ, Перовская, Теллаловъ и другіе нелегальные.

Александръ Сыцянка былъ въ послѣднемъ классѣ реального училища. Его отецъ, лекторъ электро-терапии въ Харьковѣ, имѣлъ мастерскую, въ которой приготавливались электрическія аппараты для

леченія. Ему нужны были 2—3 слесаря. При содѣйствіи сына въ эти слесаря попали радикалы. Между ними былъ Ванечка Окладскій. Ванечка работаль въ мастерской и въ то же время заводилъ знакомство съ другими рабочими города Харькова.

Кружокъ Сыцяно, Блинова и другихъ, въ то время, когда организовались 3 совмѣстныхъ взрыва, держаль складъ или былъ этапомъ, гдѣ на перепутьи, временно хранились разныя вещи: буравъ, спирали Румкорфа, также нелегальная литература. Александръ Сыцяно имѣль преимущество предъ другими членами кружка. У его отца былъ собственный домъ. Отецъ предоставляль дѣтямъ полную свободу. Въ рассказываемое нами время отецъ Сыцяно строиль второй домъ. Нижній этажъ этого дома настолько былъ достроенъ, что тамъ помѣстилась сапожная мастерская, верхній этажъ еще не былъ гождъ для жилья. Чердакъ тоже считался не жилымъ мѣстомъ. Александръ Сыцяно использоваль этотъ чердакъ, какъ складъ для нелегальной литературы. У молодого Сыцяно временно сохранялся буравъ, котормъ сверлили стѣну, спирали Румкорфа, оказавшіяся не нужными послѣ неудачнаго покушенія подъ Александровскомъ. Все это хранилось у Сыцяно въ мастерской его отца.

Мальчикъ, ученикъ сапожника, жившій въ недостроенномъ домѣ нижняго этажа, чѣмъ-то провинился. Онъ, скрываясь отъ наказанія, залѣзъ на чердакъ. Желая найти укромный уголокъ, онъ какъ разъ попалъ на складъ революціонныхъ изданій. Забывши объ опасности, угрожавшей ему за его проступокъ, или, можетъ быть, своей находкой разсчитывая заглядить вину, мальченка побѣжалъ съ этой находкой къ своему хозяину. Хозяинъ донесъ въ жандармское правленіе. Въ ту же ночь былъ обыскъ. Нашли спираль Румкорфа. Арестовали утромъ Александра и его отца, нашли нѣкоторыя замѣтки съ адресами другихъ лицъ кружка: Богуславскаго, Кузнецова, Блинова, Гейера. Послѣ обыска всѣхъ арестовали. Первое время на допросахъ они держали себя бодро.

Въ этомъ кружкѣ особенною популярностью пользовался Гольденбергъ. Онъ здѣсь рекомендовалъ себя, какъ убійца кн. Кропоткина. Между радикалами средней величины Гольденбергъ считался огромной величиной. Дическуль, судившійся по процессу 193, сестры Тумановы, судившіяся по процессу 50, всѣ они выражались съ крайней почтительностью о Гольденбергѣ. Покушеніе на князя Кропоткина, отважно и удачно совершенное Гольденбергомъ, сдѣлало его героемъ въ глазахъ революціонеровъ и особенно въ собственныхъ глазахъ. Онъ не выдавался ни развитіемъ, ни ораторскими способностями. Выступленія его въ Харьковѣ какъ народовольца на сходкѣ въ Москалевской школѣ были неудачны. Александръ Сыцяно, тогда народникъ, оппонировавъ ему, Гольденбергу, ставиль его въ затруднительное положеніе. «Герой» не могъ справиться съ молодымъ юношей, ученикомъ реального училища. «Теперь намъ нужны не сильныя сердца и не сильныя умы, говорили они, а намъ нужна рука, которая не дрогнула бы». Это мнѣніе старыхъ радикаловъ о Гольденбергѣ создавало вокругъ его личности ореолъ. Честолюбіе растетъ (часто) обратно пропорціонально внутреннимъ достоинствамъ. Такъ росло честолюбіе и самомнѣніе

Гольденберга. Этимъ и воспользовались производившіе дознаніе и достигли желательныхъ результатовъ. Показанія Гольденберга съ подробными характеристиками арестованныхъ въ Харьковѣ юношей были имъ предъявлены, молодежь смутилась. Если прибавить къ этому тѣ приемы, которые практиковали тогда жандармы, и то грубое обращеніе въ тюрьмѣ, которому подвергалась молодежь и самую личность харьковского губернатора фонъ Валя, — то будетъ вполне понятно, что молодежь начала рассказывать все, что она знала про себя.

Въ это начало темнаго времени жизни русскаго общества былъ арестованъ и я, 19-го декабря 79 г.

Я жилъ въ Харьковѣ, въ аптекѣ лаборантомъ; у меня была отдѣльная комната. Когда ночью пришли и разбудили меня, первое, что поразило ихъ, это отсутствіе у меня постели и несмотря на зиму легкое старое шелковое порванное покрывало; начали обыскивать, при обыскѣ ничего не нашли. Послѣ обыска меня заключили въ губернскую тюрьму. Всѣ политическіе сидѣли въ одиночныхъ камерахъ, въ казенномъ платьѣ и на казенной пищѣ. Пользовавшіеся особеннымъ благоволеніемъ жандармскаго управленія носили свое нижнее бѣлье. Меня одѣли въ грязную съ насѣкомыми холщевую рубашку, дырявый порванный арестантскій халатъ.

Въ первый же день, когда я очутился одинъ въ своей камерѣ, меня преслѣдовала одна мысль: у меня остался морфій, подмѣшанный въ начатой четверкѣ чая, также въ коробочкѣ были различные яды. Я боялся, чтобы прислуга, или кто-нибудь изъ постороннихъ не воспользовались чаемъ, не заварилъ его и не произошло бы несчастнаго случая. Ходя по комнатѣ я забылъ про арестъ и про все, что меня окружало и мнѣ угрожало. Меня мучила одна мысль: какъ бы предупредить возможность отравленія челоуѣка. Я перебиралъ въ своей головѣ всѣ возможныя формы предупрежденія сегодня, въ этотъ же день. Самое простое было написать письмо провизору аптеки, но это письмо могло бы повредить провизору: поэтому я выбралъ другой путь. Ко мнѣ вошелъ старшій надзиратель и добродушно началъ посвящать меня въ устройство вентиляторовъ. «Вотъ тутъ, говорилъ онъ, если воздухъ покажется вамъ нечистымъ, вы откройте этотъ душничекъ, воздухъ станетъ полироваться и очищаться». Въ этой простой фразѣ, обращенной ко мнѣ, я увидѣлъ его участіе и сейчасъ явилась мысль использовать это участіе, спросить, не согласится ли онъ передать письмо къ провизору нелегально. Безъ всякихъ подходовъ я подошелъ къ нему и попросилъ у него бумагу и карандашъ, заявивъ, что мнѣ очень нужно написать записку, и спросилъ, согласится ли онъ передать эту записку по назначенію. Онъ съ предупредительностью согласился и черезъ 15 мин. у меня въ рукахъ былъ карандашъ и бумага. Записка была при немъ же написана. Я его торопилъ передать; онъ меня успокаивалъ, что все будетъ сдѣлано въ тотъ же моментъ. Въ запискѣ я просилъ провизора передать Г—ману, чтобы онъ очистилъ мою комнату и уничтожилъ чай съ морфіемъ;—нечего и говорить, что записка въ тотъ же часъ была передана жандармскому управленію. Въ тотъ же день былъ обыскъ на моей квартирѣ, чай былъ забранъ, было забрано фунта два по-

рошку, который одинъ юноша террористъ безъ моего вѣдома и разрѣшенія пряталъ у меня въ комнатѣ, желая насытить порошки нитроглицериномъ, для приготовленія динамита; найденъ былъ какой-то кусочекъ смѣси, который посчитали пистоннымъ составомъ для бомбъ, системы Кибальчича.

Это было утромъ. Въ полдень того же дня позвали меня въ контору. Въ конторѣ я засталъ жандармскаго полковника. Онъ обратился ко мнѣ словами: «если у васъ есть уваженіе ко мнѣ, какъ къ человѣку»... Не успѣлъ онъ окончить слова «уваженіе, какъ къ человѣку», внутренность моя вся перевернулась, кровь хлынула къ головѣ,—настолько мнѣ показалось оскорбительнымъ для человѣка его сопоставленіе; я сталъ въ позицію и сказалъ довольно рѣзко (я не могу безъ смѣха теперь вспомнить ни эту патетическую рѣчь, ни эту позу) приблизительно слѣдующее: «и вы еще говорите о человѣкѣ, если бы у васъ и была искра человѣка, можетъ быть она и есть у васъ и вы эту искру божью хотите использовать для своей сыскной цѣли, и т. д. и т. д.» Я патетически махнулъ рукой и сказалъ: «уводите, болѣе не могу быть здѣсь» и пошелъ. Была нѣмая сцена. За мной пошли конвойные. Я направился въ камеру. Изъ конторы нужно было итти черезъ дворъ, подниматься на верхній этажъ. Мнѣ не пришлось дойти до своей камеры. Меня повели въ нижній этажъ въ темный карцеръ, тамъ-то въ темномъ карцерѣ я просидѣлъ мѣсяцъ на хлѣбѣ и водѣ. Въ это время мнѣ пришлось о многомъ передумать. Я понялъ психологію человѣка, любящаго людей и принужденнаго, изъ-за борьбы за личность человѣка, становится убійцею...

Послѣ мѣсячнаго пребыванія въ темномъ карцерѣ меня повели на допросъ въ присутственное мѣсто. На допросѣ я заявилъ, что, называя причинкомъ, я имѣлъ въ виду общую характеристику, а не оскорбленіе одной какой-нибудь личности. Мнѣ показали тетрадь, гектографированную, въ палецъ или въ 1½ толщиною, въ ½ листа форматомъ; то были показанія Гольденберга. Изъ этихъ показаній мнѣ прочли только одну строчку. Товарищъ прокурора сидѣлъ мояча. Жандармскій полковникъ обратился ко мнѣ съ фразой: «онъ, Гольденбергъ, можетъ говорить только правду. Надѣюсь, что вы отрицать это не будете. Если онъ назвалъ васъ ярымъ революціонеромъ, то очевидно для этого были факты, которые мы и безъ того знаемъ. Если вы будете давать намъ объясненія, вы этимъ только облегчите вашу участь».

Я смотрѣлъ ему въ глаза. Вѣроятно мои глаза показали ему, что фразы его не по адресу. Мой взглядъ былъ достаточнымъ отвѣтомъ безъ словъ.

— «Итакъ вы ничего не желаете намъ сказать».

Я отвѣтилъ: «и не желаю и не могу».

Допросъ прекратился, но меня повели не въ карцеръ, а въ одиночную камеру.

Въ харьковской тюрьмѣ сидѣли въ это время арестованные по нашему будущему процессу: Филипповъ изъ Кіева—членъ южно-русскаго рабочаго союза, Хрущевъ—членъ рабочей боевой организациі народоволецъ тоже изъ Кіева, послѣ еще привели Тринидатскаго по

дѣлу Лизогуба, казеннаго въ Одессѣ изъ группы Чернаго Передѣла, доктора Булича и другихъ.

Наступилъ 1880 годъ.

Начинались какія то вѣянія. Лорисъ-Меликовъ изъ Харькова уѣхалъ въ Питеръ. Генераль-губернаторомъ былъ Дундуковъ-Корсаковъ. Мѣсто Валя занялъ Грессеръ.

Отношенія къ заключеннымъ подслѣдственнымъ жандармскаго полковника были разсчитаны не только на то, чтобы подавить ихъ душевное состояніе средствами устрашенія, но дѣйствуя на ихъ чувство любви къ близкимъ людямъ. Заключенныхъ приводили на слѣдствіе въ присутственныя мѣста. Тамъ же давали имъ свиданія съ матерями и съ женами во время перерывовъ допроса. Матерямъ и женамъ разрѣшали приносить съ собою обѣдъ и тамъ, въ перерывѣ допросовъ обѣдать вмѣстѣ съ своими сыновьями и мужьями въ присутствіи жандармскаго полковника Голубева и съ его участіемъ. Во время слѣдствія дверь въ сосѣдную комнату, гдѣ ожидали ихъ близкіе родственники, была отворена, матери и жены слышали грубый голосъ жандармскаго полковника Голубева, который говорилъ, что все уже извѣстно, что заключенные упорствомъ могутъ сами себя повредить, говорилъ о каторгѣ, намекалъ на смертную казнь, говорилъ о милости Царя... Чистосердечное сознаніе можетъ облегчить ихъ участь и читалъ знаменитую статью «о подстрекателяхъ, укрывателяхъ и т. д.» Говорилъ имъ, что молодая жизнь можетъ быть загублена, что смертная казнь имъ угрожаетъ, между тѣмъ, какъ онъ, самъ Голубевъ, понимаетъ, что они не преступники, а увлеченные. Ему нужно имѣть данныя для смягченія ихъ вины и этими данными могутъ быть только чистосердечное показаніе. Онъ не требовалъ чтобы кто-нибудь изъ нихъ оговаривалъ другихъ. Пусть каждый чистосердечно покажетъ только то, что касается его личности. Матери и жены слышали это; до слуха допрашиваемыхъ юношей доносились рыданія близкихъ, любимыхъ людей. Если къ этому прибавить что Богуславскому было всего 18 лѣтъ, у него была мать и невѣста, Сыцянку всего 19 лѣтъ, Блинову около 21 года, тогда будетъ вполнѣ понятно, съ какой угодливой откровенностью разсказывали эти юноши всѣ частности своего участія. Молодой Сыцянку въ порывѣ самоотверженія, чтобы спасти своего стараго отца, котораго онъ очень любилъ, разсказывая о себѣ, рисовалъ ту часть бурава, которую онъ видѣлъ черезъ порванную рогожу тюка. Этотъ рисунокъ былъ приложенъ при его показаніяхъ. Рисунокъ этотъ показывали другимъ, какъ образецъ откровенности. Показывали также показанія и запугивали изстрадавшихся, потерявшихъ голову юношей все больше и больше. Система Голубева вполнѣ удалась. Кто желалъ говорить только о себѣ, невольно и безсознательно говорилъ и о другихъ. Кузнецовъ сказалъ обо мнѣ, что я заходилъ къ нему за нумерами «Народной Воли». Гейеръ говорилъ, что онъ слышалъ обо мнѣ, какъ революціонерѣ, что я бывалъ на собраніяхъ въ домѣ его матери и въ Москалевской школѣ, гдѣ учителемъ былъ Манычъ. Говорили, что они знали Гольденберга какъ убійцу Кропоткина, встрѣчали Гольденберга на собраніяхъ, говорили о тѣхъ рѣчахъ какія произносилъ Гольденбергъ на собраніяхъ въ Москалев-

ской школѣ и у m-me Гейеръ; говорили о рѣчахъ Желябова и другихъ народовольцевъ, однимъ словомъ рассказали все то, что нужно было жандармамъ. Старикъ, Сыцяно-отецъ, желая оправдать сына: сказалъ о себѣ то, чего не было. Кромѣ этихъ приемовъ, дѣйствуя на нравственное чувство человѣка, употребляли другія средства. Сыцянокъ просидѣлъ двѣ недѣли слишкомъ въ темномъ карцерѣ на хлѣбѣ водѣ. Положеніе въ карцерѣ было удручающее. Кружка воды меньше бутылки и 1 фунтъ арестантскаго чернаго хлѣба... Въ праздникъ давали соленую рыбу: чувствовалась жажда, а воды не прибавляли... Тутъ врядъ ли была умысль... Просто была постъ. Арестанты обязательно ѣли постное. Разъ я пожелалъ умыться, услужливый надзиратель слилъ мнѣ кружку воды на руки и потомъ объявилъ, что другой кружки воды въ этотъ день не будетъ...

Съ удаленіемъ Валя условія измѣнились... Дундуковъ Корсаковъ былъ простой гуманный человѣкъ, аристократъ въ лучшемъ смыслѣ. Всякаго соприкасающагося съ нимъ онъ считалъ формально за челоувѣка и относился къ нему какъ къ человѣку... Губернаторъ Грессеръ всегда сохранялъ приличный дѣловой видъ. Въ обращеніи не позволялъ себѣ грубыхъ рѣзкихъ выходокъ...

Замѣна хитраго Лорисъ-Меликова, разыгравшаго изъ себя Гарунъ-аль-Рашида, добродушнымъ Дундуковымъ-Корсаковымъ отразилась во всемъ,—отразилась и на тюрьмѣ.

Положеніе заключенныхъ стало легче.

Рядомъ со мной сидѣлъ Быковцевъ. Онъ былъ другъ и пріятель Мощенко. Былъ съ нимъ въ харьковской семинаріи. Мощенко былъ мой старый знакомый. Въ нашемъ кружкѣ 69—70 года онъ принималъ участіе и, какъ семинаристъ, поддерживалъ сношенія нашего кружка съ семинаріей. Тогда Быковцевъ и Мощенко сидѣли по обвиненію въ убійствѣ Кропоткина. Гольденбергъ, въ своихъ показаніяхъ оговаривая сто человѣкъ, очень подробно говорилъ о террористическихъ фактахъ въ которыхъ онъ принималъ участіе, въ томъ числѣ и объ убійствѣ князя Кропоткина, исполненіе котораго выпало на его долю. Всѣхъ привлекавшихся по этому дѣлу мы иронически называли «убійцами Кропоткина». Послѣ показанія Гольденберга ясно было, что ни Мощенко Никандръ, ни Быковцевъ убійцами Кропоткина не были. Гольденбергъ, дававшій откровенныя показанія о дѣлахъ исполнительнаго комитета, не ограничился одними своими разсказами; онъ тайно пріѣзжалъ въ Харьковъ и вмѣстѣ съ жандармами ходилъ ночью по улицамъ и указывалъ тѣ дома сходокъ, номера которыхъ онъ не зналъ¹⁾,

¹⁾ Объ этомъ намъ сообщалъ Кобылявскій, участникъ покушенія на Кропоткина. Харьковская губернская тюрьма мрачное зданіе стараго типа тюремныхъ замковъ. По угламъ массивнаго трехэтажнаго зданія, съ сводчатыми потолками, возвышаются четыре башни. Вверху каждой башни была камера. Въ этихъ камерахъ не кого не сажали. Тамъ былъ складъ старыхъ вещей. Маленькое, круглое окно въ $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ, съ желѣзной рѣшеткой въ перекрестъ, освѣщала эту камеру. Кажется тамъ печи не было. Она была сыра, мрачна, высоко отъ всѣхъ остальныхъ, выше всего зданія. Изъ круглаго окна, глубоко въ стѣнѣ башни, нельзя было видѣть, что дѣлается на тюремномъ дворѣ, не видно было и лица заключеннаго.

Кобылянскаго привезли и посадили въ такую камеру. Лица его мы не видали. Онъ крикнулъ свою фамилію уголовнымъ, они передали намъ. За нимъ слѣдила очень

также вѣроятно онъ разсказалъ и объ участіи Харина въ тогдашней дѣятельности харьковской революціи; съ этимъ участіемъ Харина было связано имя Мощенко. Лорисъ-Меликовъ, диктаторъ Харькова, сослалъ Харина на одинъ годъ въ Архангельскую губ., Въ виду этого нужно было прекратить разслѣдованіе дѣла объ участіи Харина въ организаціи убійства Кропоткина. Нужно было оставить въ покоѣ или по крайней мѣрѣ не привлекать къ судебной отвѣтственности и тѣхъ чье участіе было связано съ участіемъ Харина.

Никандръ имѣлъ на Харина огромное вліяніе, дѣлалъ ему часто выговоры за его поведеніе и за его аристократизмъ, былъ, какъ въ шутку называли, его исповѣдникомъ.

Черезъ шелку въ стѣнѣ я велъ переговоры съ Быковцевымъ. Скоро черезъ уголовныхъ арестантовъ, убиравшихъ наши параша, мы завели сношенія со всей тюрьмой. Черезъ нѣкоторое время согласились устроить голодовку, чтобы добиться нѣкоторыхъ вольностей—общихъ прогулокъ по 4 человѣка, сидѣнья въ камерѣ по 2 человѣка. Нѣкоторые юноши и до этого помѣщались въ камерѣ по два. Это были Блиновъ, Кузнецовъ, Сыцяно и Легкій. Добились благодаря Легкому. Легкій, энергичный молодой человѣкъ лѣтъ 17—18 атлетическаго сложенія, рѣшилъ повѣситься предъ повѣркой, въ надеждѣ что проходя при повѣркѣ военная стража, увидѣвъ его висящимъ сейчасъ сниметъ его. Вѣроятно ему пришлось бы провисѣть до утра, такъ какъ заходя въ камеру стража считала пустой формальностью и на пути заглядывала въ окошко въ дверяхъ, не интересуясь есть-ли тамъ кто нибудь или нѣтъ. Камера Легкаго была въ концѣ верхняго корридора, поэтому оканчивая провѣрку, стража сейчасъ же проходила обратно, Легкій повѣсился въ тотъ моментъ, когда услышалъ приближеніе стражи. Онъ слышалъ какъ стража подошла къ его двери, потомъ, какъ онъ передавалъ, онъ потерялъ сознаніе и помнилъ только послѣдній моментъ самочувствія, какъ бы уколы иголки въ вискахъ.

Старшій надзиратель, шпіонъ по профессіи, на обратномъ пути, посмотрѣлъ въ окошко, увидѣвъ висящаго Легкаго. Отворилъ дверь и вмѣстѣ со стражей вынулъ его изъ петли. Легкаго привели въ чувство; онъ объявилъ, что одиночное заключеніе для него такъ невыно-

---

строго. Черезъ парашниковъ передать ему записку было невозможно. Окно оставалось единственнымъ средствомъ сношенія.

Уголовнымъ невозможно было и черезъ окно. Часовой специально поставленный оберегалъ окно снаружи.

Мы тогда уже гуляли по четыре человѣка. Намъ во время прогулки удалось бросить шаръ съ хлѣбомъ и понасть прямо въ окно его камеры. Вышива отъ земли приблизительно саженой 5—6. Въ шарѣ была бумага и карандашъ. Въ запискѣ Кобылянской сообщалъ то, что намъ было уже извѣстно о Гольденбергѣ, но кромѣ того сообщилъ, что Гольденберга привозили въ Харьковъ тайно, водили по улицамъ я онъ, Гольденбергъ, показывалъ дома, номера которыхъ не зналъ. И всѣ подробности мѣстныхъ и скамейку, на которыхъ сидѣлъ онъ, Кобылянской, съ Гольденбергомъ въ садикъ предъ домомъ губернатора, на Воскресенской площади, дожидаясь возвращенія Кропоткина домой изъ института благородныхъ дѣвицъ.

Изъ какихъ источниковъ зналъ это Кобылянской въ запискѣ не говорилось, и мы вѣрили Кобылянскому.

симо, что все равно онъ покончить съ собой, если его не посадятъ вмѣстѣ съ кѣмънибудь изъ товарищей. Голодовка продолжалась 5 дней. Каждый день приносили пищу; юноши выбрасывали ее въ корридоръ вмѣстѣ съ посудой. Послѣ нашего заявленія о голодовкѣ насъ посадили по два въ камерѣ. Голодали мы сидя по два. Я сидѣлъ вмѣстѣ съ Никандромъ, мы не выбрасывали пищу, она стояла у насъ на столѣ, также стояла на столѣ улущенная пища Никандра, доставленная ему на остатки средствъ Лизогуба (средствами распорядителя Тринидатскій). Въ первый же день нашей голодовки инспекторъ врачебнаго отдѣленія вмѣстѣ съ полиціймейстеромъ обходили камеры голодающихъ; явились въ нашу камеру, они говорили о томъ, что не могутъ подчиниться нашимъ требованіямъ, что существуетъ извѣстная инструкція исполнять которую обязано начальство и эта инструкція установлена не для того, чтобы заключенные вводили свои инструкціи, замѣтилъ полиціймейстеръ. Ему на это отвѣтили: «задача полиціи и задача обывателя діаметрально противоположны: обыватель желаетъ жить, развиваться, пользоваться жизнью; идеаль полиціи—кладбище, полиціи нуженъ покой, а жизни нужно движеніе, борьба. Вотъ вы и осуществите этотъ свой идеаль, если не исполните нашихъ требованій. Мы умремъ». Наше объясненіе произвело впечатлѣніе на инспектора врачебной управы Денисова, но чтобы узнать серьезно ли наше рѣшеніе голодать, наши требованія не удовлетворили сразу; только на 6 день намъ объявили, что всѣ требованія удовлетворяются.

Во время общихъ прогулокъ часть заключенныхъ близко сошлась между собою. Отецъ Сыцяно съ чувствомъ декламировалъ стихи «Esse homo».—Оставъ отца и мать, такъ начинались они. Образуясь союзъ, вырабатывалось общее положеніе этого союза. Въ этомъ союзѣ приняли участіе народовольцы изъ боевой рабочей организаціи, Ник. Хрущевъ, членъ кievскаго южно-русскаго рабочаго союза Филипповъ, Легкій, А. Сыцяно, Лазарь Сазоновъ-Голубовъ, я и другіе. Въ принципѣ мы признавали террористическіе факты съ поправкой Н. Хрущева, который никакъ не могъ помириться на фактѣ убійства. Оговорка заключалась въ томъ что совершившій убійство, не долженъ стараться спастись, а долженъ предоставить себя въ распоряженіе своихъ враговъ и за смерть челоуѣка заплатить свою жизнь. Легкій протестовалъ, ему мало было убить одного врага, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ перебить ихъ съ дюжину. Филипповъ не признавалъ террора, какъ факта борьбы, чего не признавали вообще и мы всѣ. Мы смотрѣли на терроръ, какъ на отправленіе высшей справедливости, какъ на министерство юстиціи революціи. Главной задачей нашего тюремнаго кружка въ программѣ считалась пропаганда, развивающая сознаніе и потомъ организованное возстаніе. Практической непосредственной дѣятельностью—взаимопомощь при побѣгѣ изъ Сибири и каторги, на которую каждый изъ насъ могъ смѣло разсчитывать. Былъ установленъ общій шифръ, ключъ, пароль, кой-какія связи по Сибири. Эти пароли были у насъ общіе съ тюремными кievскими паролями, ключомъ и шифромъ, какіе были въ то время приняты по инициативѣ Щедрина въ Кіевѣ и оттуда пере-

везены къ намъ. Связи тоже передалъ Щедринъ. ¹⁾ Хрущевъ былъ приговоренъ въ каторжныя работы на 20 лѣтъ. Филипповъ въ ссылку, откуда возвращенъ былъ для суда по процессу Сыцянка; также изъ ссылки былъ возвращенъ для суда по процессу Сыцянка Никитинъ. Жизнь наша въ тюрьмѣ оживилась, окрѣпли духомъ, бодро держали себя на слѣдственныхъ показаніяхъ, отказывались отъ того, что говорили прежде, но это не имѣло уже значенія. Матеріалъ для обвиненія былъ данъ... обвинительный актъ былъ составленъ.

Разъ ночью, сидящіе во 2 этажѣ одиночныхъ камеръ замѣтили движеніе. Это перевозили изъ харьковскихъ центральныхъ тюремъ Андреевской и Печенегской тѣхъ революціонеровъ, которые были осуждены на каторгу по процессу 193 и 50, по процессу Ковальскаго, по процессу Долгушина и другихъ. Это были такъ называемые «заживо погребенные». Содержать ихъ въ центральной Россіи, послѣ убійства князя Кропоткина, оказалось для правительства неудобнымъ, ихъ нужно было удалить съ поля зрѣнія въ далекую Сибирь.

Всѣ политическіе изъ центральныхъ тюремъ харьковской губерніи передъ отправленіемъ на Кару отправлялись опять-таки въ уѣздный городъ Мценскъ, а не въ губернской. Перевозимые въ мценскую тюрьму, ночевали одну ночь въ харьковской губернской тюрьмѣ. Мы завели съ ними переписку; переписка ограничивалась передачей писемъ на волю, о томъ, что ихъ перевозили въ мценскую тюрьму. Въ губернской остался одинъ Плотниковъ по процессу Долгушина, его показанія въ центральной тюрьмѣ, какъ характеристика дѣятельности кружка Долгушина, были уликой противъ одного изъ привлекающихся по процессу Сыцянка, почему онъ и былъ оставленъ. Завести сношеніе съ нимъ не было никакой возможности, всѣ записки онъ рвалъ, не достаивая отвѣтомъ. Плотниковъ сошелъ съ ума въ одиночкахъ центральныхъ тюремъ... Ему пришлось пережить очень тяжелый фактъ. Отецъ его, священникъ, пріѣхалъ къ нему на свиданіе и на свиданіи ударилъ его по щекѣ... Что хотѣлъ отецъ этимъ показать: свою родительскую власть или вѣрноподданническія чувства,—кто знаетъ...

Наконецъ мы получили обвинительный актъ. Началось время либеральныхъ вѣяній. Въ воздухѣ пахло Лорисъ-Меликовской конституціей. Въ Харьковѣ былъ генераль-губернаторомъ Дундуковъ-Корсаковъ, жена котораго въ юности, какъ говорили, сочувствовала декабристамъ, смотрѣлъ на молодежь снисходительно-покровительственно. Все это создало либеральное отношеніе къ подсудимымъ. Можесть быть и Лорисъ-Меликовъ, симпатизировалъ городу, гдѣ началась его политическая карьера.

На судѣ намъ нужно было организовать поведеніе подсудимыхъ. Нужно было согласить шкурныя инстинкты однихъ съ молодой энергіей другихъ, желающихъ искупить ошибки своего поведенія на дознаніи. Маньчъ, Блиновъ, Богуславскій пылали желаніемъ поскорѣе заключить въ свои объятія женъ, матерей, невѣстъ, хотя бы даже высылкой спастись отъ тюрьмы, такъ сильно давившей ихъ нравственный міръ. Ихъ нужно было сдерживать. Никитинъ, Филипповъ, Легкій съ негодо-

¹⁾ О немъ см. статью М. Р. Попова въ „Быломъ“ 1906, декабрь.

ваніемъ говорили о такихъ шкурныхъ инстинктахъ, нужно было примирить и это негодование. Осторожный Тихотскій, осторожность котораго граничила съ трусостью на судѣ, не хотѣлъ обнаружить фактовъ, компрометирующихъ судебное дознаніе.

Лучшій способъ заставить самоспасающагося не говорить больше чѣмъ слѣдовало, соблюсти свое достоинство заключался въ слѣдующемъ: въ нашемъ исполнительномъ комитетѣ было постановлено, что Легкій будетъ дергать за фалду, каждый разъ того, кто увлечется самоспасаніемъ. Вышла на судѣ комичная сцена. Манычъ, увлекшись, на судѣ почти впалъ въ слезливый тонъ, Легкій сначала дергалъ; Манычъ не обращалъ вниманіе на предостереженіе и продолжалъ въ томъ же тонѣ, тогда Легкій схватилъ его своими могучими руками за бока сюртука и посадилъ на скамью. Трогательная рѣчь Маныча прекратилась и онъ обратился по адресу Легкаго: «вы меня губите».

Въ обвинительномъ актѣ всѣхъ обвиняли въ принадлежности къ тайному сообществу именуемому себя партіей «Народной Воли». Въ разныхъ формахъ выразилась эта принадлежность: одни сочувствовали, другіе помогали, третьи укрывали, четвертые знали и не доносили т. е. были попустители. Меня кромѣ обвиненія въ сообществѣ, какъ сочувствующаго и помогавшаго, обвиняли въ оскорбленіи чиновника при исполненіи имъ своей обязанности, хотя и не въ присутственномъ мѣстѣ, но при зеркалѣ, хотя и не бранными словами, но словами опозоренными исторіею. Въ обвинительномъ актѣ каждый значился по списку въ порядкѣ отвѣтственности. Самой крупной отвѣтственности подвергался Сыцяноко молодой, его отецъ, Легкій и т. д. Когда спросили меня признаю ли я себя виновнымъ, первый вопросъ былъ: признаю ли себя виновнымъ въ оскорбленіи чиновника словами опозоренными исторіею. Не отвѣчая прямо на этотъ вопросъ, я сказала маленькую рѣчь, нарисовалъ картину опричины при Иоаннѣ Грозномъ, опричника съ собачьей головой и метлой при поясѣ, скачущаго по подавленной Россіи, наводящаго ужасъ на все населеніе именемъ котораго пугали дѣтей, о безправіи того времени, потомъ перешелъ къ нашему теперешнему положенію, указалъ на тотъ фактъ, что я былъ арестованъ безъ постановленія объ арестѣ 19-го декабря, а постановленіе было помѣчено 21-го дек.; воспользовавшись этимъ фактомъ для того чтобы указать на безправіе теперешнихъ русскихъ обывателей. Я провелъ параллель между опричиной и теперешнимъ военнымъ положеніемъ, указалъ на то что можно еще допустить одного генералъ-губернатора, но сколько генералъ-губернаторовъ у насъ въ городѣ Харьковѣ. Проходя по улицамъ мимо жандар. полковника, околоточнаго надзирателя, даже мимо простого городского чувствуешь себя въ какомъ то положеніи оторопи. И когда я назвалъ опричникомъ члена жандарм. правленія, производившаго дознаніе, я этимъ не оскорблялъ его, а только характеризовалъ, и думаю, что другой характеристики нашего современнаго положенія болѣе вѣрной, какъ опричина, нельзя найти. Говорилъ я тихо, раздѣльно, медленно и произвелъ на публику, состоявшую изъ чиновниковъ, судей военныхъ и гражданскихъ и родителей подсудимыхъ, сильное, но различное впечатлѣніе. Въ залѣ была такая тишина, что

былъ слышенъ полеть мухи, да раздавался мой голосъ. Моя рѣчь произвела впечатлѣніе на прокурора военнаго окружнаго суда. Военный прокуроръ Бирюковъ былъ одинъ изъ тѣхъ старыхъ, военныхъ прокуроровъ для которыхъ чувство справедливости и чести было выше формализма закона. Сѣдой высокаго роста, съ классическимъ профилемъ, — онъ производилъ впечатлѣніе уважающаго себя и другихъ человѣка. Прокуроръ, когда я сѣлъ, обратился къ суду и попросилъ судъ предупредить меня, что, если въ будущемъ я позволю себѣ рѣзкія слова по адресу существующаго строя, то судъ лишитъ меня слова. Я всталъ и слегка головою поклонился прокурору и суду, какъ бы благодаря за то, что меня не прерывали. Послѣ моего поклона прокуроръ всталъ и обращаясь къ суду сказалъ: «подсудимаго Данилова я считаю за человѣка рѣзкаго, несдержаннаго въ выраженіяхъ, когда онъ хочетъ характеризовать какую нибудь личность или событіе, правдивымъ, искреннимъ и откровеннымъ и потому (неспособнымъ къ конспиративной заговорщицкой дѣятельности, почему и отказываюсь его обвинять въ принадлежности къ тайному революціонному сообществу, именуемому себя партией «Народной Воли»...

Въ послѣднемъ словѣ отецъ Сыцяноко говорилъ о своемъ сынѣ какъ талантливомъ юношѣ, способномъ сдѣлаться въ будущемъ честнымъ гражданиномъ и, если въ чемъ нибудь виновенъ его сынъ Александръ, то пусть судятъ отца, такъ какъ онъ отецъ отвѣтственъ за сына; его рѣчь прерывалась рыданіями и произвела сильное впечатлѣніе на публику; еще болѣе сильное впечатлѣніе на публику произвела рѣчь молодого Сыцяноко, онъ, наоборотъ, оправдывалъ во всемъ отца и признавалъ себя виновнымъ во всемъ, рисовалъ картину своего сидѣнья въ карцерѣ на основаніи показаній свидѣтелей и говорилъ, что если, что нибудь онъ показывалъ компрометирующее его отца, то онъ дѣлалъ это безсознательно, подавленный тяжелымъ впечатлѣніемъ тюрьмы. Прокуроръ требовалъ всѣмъ смягченія наказанія. Относительно меня прокуроръ засчиталъ время моего предварительнаго заключенія въ счетъ двухъ мѣсяцевъ минимальнаго наказанія.

Этотъ минимумъ онъ находилъ возможнымъ примѣнить ко мнѣ въ виду того, что я былъ незаконнымъ отношеніемъ ко мнѣ, раздражень, и не чувствуя за собой никакого преступленія, обозвалъ словомъ опозореннымъ въ исторіи жандармскаго полковника. Сыцяноко и Легкаго приговорили къ ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи Сибири. Они оба были въ Киренскѣ. Голубовъ ссылался въ Якутскую область, Никитинъ на прежнее мѣсто жительства, Филипповъ въ Западную Сибирь, остальные освобождены были (Блиновъ, Кузнецовъ, Гейеръ, Маньчъ, Тихотскій, Богуславскій, Сыцяноко—отецъ). Послѣ того какъ прокуроръ отказался меня обвинять въ принадлежности къ тайному сообществу, обвиненіе падало само собой. Но на столѣ вещественныхъ доказательствъ лежалъ кусочекъ якобы пистоннаго состава, 2 ф. чернаго порошку, чай съ морфіемъ и коробочка съ веществами, считавшимися ядами. Больше для соблюденія формальности меня вызвали къ столу вещественныхъ доказательствъ, чтобы я далъ объясненія по поводу ихъ. Относительно порошковъ въ ко-

робкѣ сомнѣнія не было; порошки оказались, по медицинскому анализу, простымъ хининомъ; морфій въ чай попалъ случайно, потомъ я взялъ со стола страшный пистонный составъ для приготовления бомбъ, въ недоумѣніи повертѣлъ его въ рукахъ, отломилъ кусочекъ, взялъ въ ротъ, попробовалъ на вкусъ, немножко пососалъ и, наконецъ, проглотилъ, потомъ, припоминая я сказалъ: да это просто смѣсь бертолетовой соли съ сахаромъ, дѣтское полосканіе отъ дифтерита. Послѣ этого меня отвели за рѣшетку.

Послѣ суда въ комнату подсудимыхъ явился членъ суда Гельмерсенъ поздравить меня съ оправданіемъ такими словами: «если когда нибудь вы могли быть въ чемъ нибудь заподозрѣны, то теперь послѣ этого суда, Вы являетесь совершенно чисты отъ всякихъ подозрѣній». Въ аптеку явился другой членъ суда спеціально поздравить меня съ оправданіемъ. На улицѣ встрѣтилъ меня одинъ чиновникъ, попросилъ позволенія пожать мнѣ руку и сказалъ: «когда я былъ на судѣ и слушалъ вашу рѣчь — я не зналъ на небѣ я или на землѣ»¹⁾.

В. А. Даниловъ.

---

¹⁾ В. А. Даниловъ былъ сосланъ потомъ въ каторжные работы по другому дѣлу.
Ред.

Земское движеніе до образованія партіи народной свободы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Послѣ Воронежскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, по тяжести послѣдствій, слѣдуетъ поставить Суджанскій, Курской губерніи, комитетъ.

Къ работамъ онъ приступилъ, кажется, 4 іюля 1902 года и въ немъ тотчасъ-же вопреки препятствіямъ со стороны администраціи, первую роль стало играть земство, въ лицѣ энергичнаго и просвѣщеннаго предсѣдателя суджанской уѣздной управы, кн. П. Д. Долгорукова, члена той же управы В. В. Усова и др. Кн. Долгоруковъ,—указавъ, что въ числѣ «общихъ» вопросовъ, подлежащихъ обсужденію комитета, есть, между прочимъ, такіе, какъ правопорядокъ крестьянъ и укладъ ихъ жизни, обособленіе крестьянъ отъ другихъ сословій, судъ, обычай и отдѣльные законы, приниженныхъ сословій, мало-земелье, черезполосица, отсутствіе судебной защиты для купленныхъ земель и вообще отсутствіе огражденія имущества ихъ, натуральная повинности,—предложилъ, а комитетъ единогласно согласился, «возбудить передъ министромъ финансовъ черезъ Курскій губернской комитетъ ходатайство о томъ, чтобы запрошенъ былъ отзывъ суджанскаго уѣзднаго земскаго собранія по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію уѣзднаго земскаго комитета, дабы послѣдній могъ принять ихъ въ соображеніе при своихъ работахъ. При этомъ предсѣдатель суджанской управы внесъ на обсужденіе комитета и еще одинъ вопросъ, возбужденной суджанскимъ экономическимъ совѣтомъ—объ учрежденіи должностей земскихъ повѣренныхъ по дѣламъ, для доставленія населенію юридической помощи. Такое «настроеніе» суджанскаго комитета и вліяніе земскаго элемента не предвѣщало ничего хорошаго, такъ какъ, правительство стремилось совершенно изолировать комитеты отъ земства. И, дѣйствительно, черезъ два мѣсяца Суджанскій комитетъ прекратилъ свое существованіе при такого рода обстоятельствахъ: 14 сентября 1902 г., въ залѣ суджанской уѣздной земской управы назначено было засѣданіе комитета. Пред-

¹⁾ См. „Былое“—апрѣль, май, іюнь, іюль за 1907 г.

сѣдательствовалъ предводитель дворянства А. В. Евреиновъ. Участвовало 74 члена, въ томъ числѣ 31 крестьянинъ. Публики было до 80 человекъ. Послѣ прочтенія докладовъ подготовительной комиссіи, приступлено было къ чтенію записокъ отдѣльныхъ членовъ. В. В. Усовъ прочиталъ блестяще составленный обширный докладъ—«о разорительности политики министерства финансовъ». По окончаніи—дружные апплодисменты членовъ и публики. Податной инспекторъ возражалъ, что комитетъ не въ правѣ «критиковать» вообще политику министерства финансовъ. Евреиновъ, кн. Долгоруковъ и Усовъ доказывали обратное. Затѣмъ были прочитаны: записка Говоруна—«о земской юридической помощи населенію» (постановлено: «принять и благодарить докладчика»); конспектъ записки—«о реформахъ крестьянскаго судоустройства» (всѣ положенія были приняты при апплодисментахъ присутствовавшихъ); конспекты записокъ: кн. Долгорукова, о «мелкой земской единицѣ», «объ отрицательныхъ сторонахъ винной монополіи» и «о церковныхъ приходахъ»—(всѣ положенія приняты при апплодисментахъ присутствовавшихъ); Обширный докладъ секретаря суджанской управы П. Т. Волкова—«причины, препятствующія теперешнему земству вліять на экономической подъемъ населенія». — Докладъ этотъ встрѣченъ былъ дружными апплодисментами. Предсѣдатель Евреиновъ, заявилъ, что, по обстоятельствамъ, отъ него независимымъ, онъ не можетъ допустить обсуждения доклада, какъ касающагося земскаго самоуправленія, равно долженъ снять докладъ о прессѣ и сектантахъ. Князь Долгоруковъ заявилъ на это, что, такъ какъ снимаютъ такіе важные, съ его точки зрѣнія, вопросы, какъ о земскомъ самоуправленіи, онъ считаетъ своимъ долгомъ отказаться отъ активной работы въ комитетѣ тѣмъ болѣе, что онъ, выполнѣ раздѣляя принятую комитетомъ 4-го іюля программу, заявляя о томъ въ своей запискѣ министру внутреннихъ дѣлъ, объяснилъ при томъ, что если бы какой либо изъ вопросовъ, касающихся земскаго самоуправленія, отсутствовалъ въ программѣ, то онъ самъ бы внесъ его въ комитетъ. Теперь онъ можетъ оставаться въ комитетѣ лишь какъ должностное лицо—предсѣдатель управы,—работать же не можетъ по долгу своей совѣсти. Громкіе дружные и продолжительные апплодисменты и крики «браво!» сопровождали его заявленіе. Послѣ этого старый земецъ Арнольдъ также заявилъ, что при такомъ положеніи работы комитета не имѣли бы значенія: «заниматься пустыми вопросами—значило бы толочь воду. Лучше бросить». Къ кн. Долгорукову присоединился и членъ земской управы В. В. Усовъ, а другой членъ—Ляховъ прибавилъ: «къ намъ обращались, прося откровенно высказаться о своихъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ, вѣдать которыя, какъ извѣстно, предоставлено земству, а теперь не даютъ говорить». Предложилъ отказаться отъ работъ въ комитетѣ и третій членъ управы. крестьянинъ Н. Л. Выдринъ, и гласный К. Н. Тахтамировъ, высказавшій предположеніе, что врядъ ли кто изъ остальныхъ членовъ останется въ комитетѣ. Раздались дружные апплодисменты, и рѣшительно всѣ члены, включая и крестьянъ, заявили объ отказѣ. Тогда предсѣдатель А. В. Евреиновъ произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ, что до сихъ поръ, онъ видѣлъ лишь сочувствіе со стороны членовъ къ

работамъ комитета и довѣріе лично къ себѣ, давая всѣмъ просторъ для выраженія своихъ мнѣній. Теперь же, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, онъ принужденъ изъять кой-какіе вопросы. Сожалѣя, что такъ хорошо и дружно начатая работа должны прерваться, Евреиновъ заявилъ, что не можетъ дальше вести комитета и горячо благодарилъ всѣхъ за то серьезное вниманіе, съ которымъ всѣ отнеслись къ докладамъ. Князь Долгоруковъ пояснилъ, что члены комитета не имѣютъ никакой претензіи къ нему, Евреинову, зная взгляды послѣдняго, и выражаютъ Евреинову благодарность, такъ какъ прекрасно понимаютъ, что если предсѣдатель не разрѣшилъ обсуждать нѣкоторыхъ докладовъ, то, значить, на это имѣются непреодолимая препятствія. Присутствовавшіе аплодировали этимъ словамъ кн. Долгорукова и разошлись.

Результатомъ описаннаго инцидента въ суджанскомъ комитетѣ былъ вызовъ въ С.-Петербургѣ Евреинова и кн. Долгорукова. Въ департаментѣ полиціи имъ поставили въ вину «слишкомъ широкую программу комитета». Кн. Долгоруковъ видѣлся только съ директоромъ департамента Лопухинымъ. Евреиновъ же имѣлъ весьма бурное объясненіе съ Плеве. Послѣдній самымъ грубымъ образомъ угрожалъ суджанскому предводителю дворянства, и заявилъ, что если онъ не подастъ въ отставку, то послѣдуетъ Высочайшій приказъ объ его устраненіи отъ должности. Евреиновъ, однако, не остался въ долгу и, въ свою очередь, что называется, «отчиталъ» министра внутреннихъ дѣлъ ¹⁾.

Отъ Плеве Евреиновъ отправился къ Витте и указавъ ему на произволъ Плеве, вмѣшивающагося въ дѣла комитетовъ, которые находятся въ вѣдѣніи особаго совѣщанія, гдѣ предсѣдательствуетъ онъ; Витте ²⁾. Послѣдній очень любезно принялъ суджанскихъ представителей и высказалъ желаніе узнать отъ нихъ «всю правду» ³⁾. «Повѣрьте,—пояснялъ министръ финансовъ,—государь хочетъ знать всю правду». При этомъ Витте передавалъ земскимъ людямъ, что онъ находится въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Плеве. «Спягинъ,—говоритъ Витте,—былъ честный человѣкъ, съ нимъ у меня были отношенія дружескія, мы были на «ты», стоило лишь поѣхать, переговорить, и было улажено; онъ былъ человѣкъ хорошей, правда, ему не достовало...» И Витте жестомъ руки, касаясь лба, пояснялъ, что въ головѣ

¹⁾ Курское дворянство, возмущенное вызовомъ въ Петербургъ г. Евреинова черезъ департаментъ полиціи, въ коллективномъ письмѣ на имя суджанскаго предводителя дворянства выразило сочувствіе послѣднему и порицаніе Плеве.

²⁾ Послѣ этого посѣщенія Евреиновъ написалъ письмо Витте, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: „Чтобы указать, что я не былъ голословенъ, когда говорилъ вашему высокопревосходительству, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыя ставитъ мѣстные комитеты министерство внутреннихъ дѣлъ, невозможно работать, позвольте вамъ послать вырѣзку изъ газеты „Русскія Вѣдомости“ о засѣданіи Пензенскаго губернскаго и Саратовскаго уѣзднаго комитетовъ. Изъ этого отчета вы изволите усмотрѣть, что губернаторы не позволяютъ поднимать общихъ вопросовъ (тоже самое было въ Пермскомъ губернскомъ комитетѣ), и уѣзды, съ ретроградями во главѣ, занимаются лишь изысканіемъ мѣръ упирать легче мужиковъ въ тюрьму. Очевидно, что при этихъ условіяхъ Особое Совѣщаніе немного узнаетъ объ общихъ нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.“

³⁾ Одновременно съ Евреиновымъ у Витте былъ и кн. Долгоруковъ.

его друга было не все на мѣстѣ. «Ну, а этотъ,—т. е. Плеве,—говорить далѣе Витте,—ходить на своихъ ногахъ и считается здѣсь умнымъ»...

Чтобы не возвращаться болѣе къ суджанскому комитету, намъ слѣдовало бы тутъ же сообщить свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ кн. П. Д. Долгорукова и другихъ дѣятелей по комитету. Но такъ какъ первый изъ нихъ одновременно понесъ кару за рядъ «преступлений» и предшествовавшихъ засѣданію, и имѣвшихъ мѣсто послѣ закрытія комитета, какъ въ Суджѣ, такъ и въ Курскѣ, то изложимъ названныя свѣдѣнія въ другомъ мѣстѣ, а теперь приведемъ краткія данныя о дѣйствіяхъ другихъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Какъ воронежскій и суджанскій, и многіе другіе комитеты въ общемъ не дали никакихъ утѣшительныхъ для правительства результатовъ и точно также находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ земства.

Такъ, Череповецкій, Новгородской губерніи, комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, высказавшись за надѣленіе обездоленной части крестьянства землею, за облегченіе всѣхъ прямыхъ налоговъ для бѣдныхъ, постановилъ кромѣ того: «открыть путь къ болѣе полному, непрерывному, прочно организованному участию народа въ дѣлахъ всего управленія, не только мѣстнаго, но и центрального, безъ чего всякія заботы правительства и земства объ образованіи и о нуждахъ всякаго рода промышленности мелкихъ, крупныхъ, ни къ чему иному, кромѣ гибели народной, не приведутъ».

Въ Темниковскомъ, Тамбовской губ., комитетѣ извѣстный земскій дѣятель Ю. А. Новосильцевъ, въ качествѣ предсѣдателя Темниковскаго комитета, пригласивъ въ засѣданіе всѣхъ гласныхъ земскаго собранія, представилъ комитету докладъ, въ которомъ указывалось, что прежде всего слѣдуетъ поднять личность русскаго крестьянина и обезпечить развитіе его самодѣятельности, а для этого необходимо уравнивать его съ лицами другихъ сословій въ правахъ личныхъ и гражданскихъ, подчинить общей администраціи и общимъ судебнымъ установленіямъ въ области суда. Желательнымъ затѣмъ представляется освобожденіе общественной дѣятельности отъ чрезмѣрной опеки въ различныхъ ея проявленіяхъ; этому на первой очереди способствовало бы возвращеніе къ земскимъ учрежденіямъ въ ихъ первоначальномъ видѣ.

Въ Грязовецкомъ, Вологодской губерніи, комитетѣ, въ засѣданіе котораго точно также были приглашены всѣ гласные земскаго собранія, приняты были единогласно нижеслѣдующіе тезисы записки, внесенной предсѣдателемъ земской управы П. В. Брянчаниновымъ: 1) измѣненіе правопорядка въ смыслѣ предоставленія населенію большей самодѣятельности («въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія», дополнилъ комитетъ), 2) уравниеніе крестьянъ съ другими сословіями, 3) реформа мѣстнаго самоуправленія, въ смыслѣ предоставленія сельскому населенію непосредственнаго и ближайшаго въ немъ участія, 4) возможно болѣе широкая постановка дѣла народнаго образованія и въ частности устраненіе существующихъ препятствій и ограниченій всѣхъ начинаній въ этой области общественныхъ учреждений и отдѣльныхъ

лицъ, 5) широкая гласность при обсужденіи мѣръ для поднятія сельско-хозяйственной промышленности и другихъ общественныхъ вопросовъ («безъ чего никакая общественная работа не можетъ быть плодотворна»,—добавилъ комитетъ) и 6) привлеченіе земскихъ собраній къ обсужденію какъ вышеизложенныхъ, такъ и другихъ мѣръ къ поднятію сельско-хозяйственной промышленности.

Выразивъ г. Брянчанникову «глубокую благодарность» за его записку, комитетъ высказался, что обсужденіе предложенныхъ Особымъ Совѣщаніемъ вопросовъ можетъ быть плодотворно произведено единственными компетентными въ нихъ учрежденіями—именно земскими собраніями.

Въ Ветлужскомъ, Костромской губерніи, комитетъ, съ одной стороны, рѣшено было пригласить всѣхъ гласныхъ земскаго собранія, а съ другой—постановлено вовсе не приглашать земскихъ начальниковъ,—самыхъ желательныхъ для правительства лицъ,—такъ какъ они, по основательному мнѣнію комитета, могутъ импонирующе дѣйствовать на участвующихъ въ комитетъ, крестьянъ.

Въ числѣ разныхъ вопросовъ, Ветлужскій комитетъ, между прочимъ, считалъ нужнымъ обсудить: 1) необходимость изданія новыхъ законоположеній, прочно устанавливающихъ гражданскія и имущественныя права крестьянъ и устраняющихъ обособленность ихъ отъ другихъ сословій, 2) измѣненіе крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, 3) финансовая политика, 4) правильная и благопріятная постановка земскихъ учреждений съ предоставленіемъ имъ болѣе широкихъ правъ и 5) мелкая земская единица.

Въ Казанскомъ уѣздномъ комитетъ, вслѣдствіе заявленія гласнаго свѣжскаго земства, кн. П. Л. Ухтомскаго, предсѣдателя Казанской губ. земской управы В. В. Марковникова и гласныхъ губернскаго земства—Л. А. Каземъ-Бекъ и Мельникова, было постановлено—«возбудить предъ Особымъ Совѣщаніемъ ходатайство объ уравниеніи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, что существенно можетъ послужить средствомъ къ подъему экономическаго благосостоянія всей массы народонаселенія имперіи и развитію сельско-хозяйственной промышленности».

Козловскій, Тамбовской губерніи, комитетъ, высказавшись за «самое широкое участіе населенія, въ лицѣ его органовъ самоуправления, въ мѣрахъ, принимаемыхъ для удовлетворенія мѣстнымъ нуждъ», въ то же время выразилъ пожеланіе, чтобы ранѣе рѣшенія какихъ бы то ни было вопросовъ, были запрошены земства.

Среди постановленій Новомосковскаго, Екатеринославской губ., комитета, были, между прочимъ: осуществленіе явочнымъ порядкомъ библиотекъ, читаленъ, публичныхъ чтеній, бесѣдъ, книготорговли, періодическихъ изданій и всякаго рода просвѣтительныхъ мѣропріятій; усиленіе самостоятельности земства и привлеченіе къ болѣе активному участію въ немъ сельскаго населенія; безпрепятственное общеніе земствъ въ формѣ областныхъ земскихъ сѣздовъ.

Въ Черниговскомъ комитетъ предсѣдатель уѣздной земской управы г. Тризна указалъ на необходимость: поднятія личности крестьянина и обезпеченія его самостоятельности; фактическаго осуще-

ствленія общедоступности народнаго образованія; широкой постановки земскаго самоуправленія; полной гласности и свободы печати; участія въ комитетахъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній.

Въ Рязанскомъ уѣздномъ комитетѣ предсѣдатель рязанской уѣздной земской управы, г. Елагинъ, заявилъ, что, «пока не будетъ измѣненъ правопорядокъ въ деревнѣ, ни о какомъ общемъ улучшеніи сельскаго хозяйства говорить нельзя».

Тоже самое говорилъ въ своей запискѣ, внесенной въ Борисоглѣбскій комитетъ, Тамбовской губ., предсѣдатель уѣздной земской управы Измайловъ, указавъ, кромѣ того, что «законнымъ представителемъ населенія является земство, а потому оно и должно провести въ жизнь всѣ проектируемыя мѣры».

Балахнинскій, Нижегородской губ., комитетъ, выслушавъ предложеніе гласнаго нижегородскаго губернскаго земства, Г. Р. Килевейна, постановилъ: «обратиться къ очередному уѣздному земскому собранію съ просьбой высказаться о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ».

Такое же постановленіе сдѣлалъ Богородскій, Тульской губерніи, комитетъ, по предложенію предсѣдателя земской управы М. Ц. Ушакова и гласнаго М. Д. Ершова.

Въ засѣданіи Александровскаго, Екатеринославской губ., комитета, по предложенію земскаго гласнаго, извѣстнаго профессора, Н. А. Карышева принята резолюція, между прочимъ, о томъ, что, пока будутъ у насъ исключительные законы для крестьянъ,—до тѣхъ поръ развитіе самодѣятельности среди огромной массы населенія невозможно. Точно также необходимо и измѣненіе финансовой политики,—измѣненіе, которое бы равномѣрнѣе распредѣляло налоговое бремя между разными экономическими группами государства.

Кадниковскій, Вологодской губ., Новоторжскій, Тверской губ., и другіе комитеты постановили ходатайствовать объ отиѣны тѣлеснаго наказанія.

Саратовскій уѣздный комитетъ требовалъ созыва сельскихъ сходовъ для обсужденія вопросовъ о нуждахъ сельской промышленности.

Въ Рузскомъ, Московской губерніи, комитетѣ извѣстный земскій дѣятель кн. Павелъ Д. Долгоруковъ, въ качествѣ предсѣдателя комитета, высказалъ пожеланіе, чтобы была дана возможность правильнаго функціонированія земства, которое должно явиться дѣйствительнымъ выразителемъ мнѣнія земской Россіи. Для этого необходимо возстановить принципъ безусловности земскаго представительства. Если постановленія особаго совѣщанія не будутъ отданы на разсмотрѣніе земскаго собранія, то Рузскій комитетъ ходатайствуетъ, чтобы особое совѣщаніе приняло въ расчетъ земскія представленія и разсмотрѣло ихъ при участіи приглашенныхъ земскихъ дѣятелей.

Въ Мензелинскомъ, Уфимской губ., комитетѣ землевладѣлецъ Татищевъ доказывалъ необходимость «націонализаціи земли», т. е. «перехода всѣхъ частныхъ земель въ руки государства, которое тогда въ состояніи было бы надѣлать необходимымъ количествомъ земли воздѣльвателей ея». Если сейчасъ невозможна полная націонализація, то «мѣстная, частная—возможна, и она—единственная мѣра, могущая

дать крестьянамъ то, безъ чего не поднимешь радикально ихъ благосостоянія».

Въ Тульскій уѣздный комитетъ извѣстный земець Я. Я. Гуревичъ внесъ записку, въ которой доказывалъ необходимость расширить площади крестьянскаго землепользованія, облегченія податной тяготы, путемъ введенія подоходнаго налога, гарантіи личности, отмены тѣлеснаго наказанія, уравненіе крестьянъ съ прочими сословіями ¹⁾.

Достаточно и приведенныхъ данныхъ, чтобы убѣдиться, что многіе уѣздные комитеты не только не оправдали надежды Витте, но, къ удовольствію Плеве, совершенно скомпрометировали его въ глазахъ высшихъ сферъ. Плеве, отстранивъ Витте, ждалъ поддержки со стороны губернскихъ комитетовъ, учрежденій уже безусловно бюрократическихъ, но, увы,—и здѣсь земство испортило дѣло.

Мы уже знаемъ, что было въ Воронежскомъ губернскомъ комитетѣ,—такія же «нежелательныя» явленія имѣли мѣсто и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ комитетахъ, не взирая на энергичныя стремленія губернаторовъ направить дѣятельность комитетовъ на «належащій» путь.

Они такъ дѣйствовали, согласно строжайшему приказу Плеве. Послѣдній, побывавъ въ Ливадіи, гдѣ осенью 1902 г. жилъ Государь, добился, что и уѣздные и губернскіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности были подчинены министру внутреннихъ дѣлъ впредь до внесенія ими своихъ работъ въ Особое Совѣщаніе, гдѣ предсѣдательствовалъ Витте. Достигнувъ этого, Плеве тотчасъ же отдалъ распоряженіе губернаторамъ, чтобы они совершенно не допускали обсужденія въ комитетахъ «общихъ вопросовъ», какъ-то—о народномъ образованіи, о правовомъ положеніи крестьянина, о земскомъ самоуправленіи и т. п. Губернаторы, конечно, успѣшили выполнить волю министра.

Такъ, засѣданія Тамбовскаго губернскаго комитета 11—13 января 1903 года, сопровождалось такого рода инцидентами. Губернаторъ, знаменитый фонъ-деръ-Лауницъ, безъ всякаго предисловія, заявилъ, что, по его распоряженію, составлена сводка работъ уѣздныхъ комитетовъ и предложилъ правителю канцеляріи прочесть эту сводку. Очень скоро выяснилось, что никакой «сводки» сдѣлано не было, а правитель канцеляріи читалъ только «выборки». Тогда губернский предводитель дворянства, кн. Чолокаевъ, замѣтилъ, что трудно обсуждать эти выборки, не имѣвъ и не имѣя въ рукахъ подлинныхъ докладовъ. На это губернаторъ замѣтилъ, что «не было времени все напечатать». Вслѣдъ за этимъ Темниковскій предводитель дворянства, Новосильцевъ, спросилъ,—«вошли ли въ сводку и будутъ-ли обсуждаться наиболѣе существенныя постановленія Темниковскаго комитета?» На это губернаторъ категорически отвѣтилъ: «нѣтъ». На слѣдующій день, въ засѣданіи 12 января, кн. Чолокаевъ предложилъ прежде всего выслушать журналъ предыдущаго засѣданія, но губернаторъ отвѣтилъ от-

¹⁾ Сообщаю здѣсь къ слову, что за записку, поданную въ Тульскій уѣздный комитетъ, былъ арестованъ членъ комитета, крестьянинъ Новиковъ.

казомъ, находя чтеніе журнала «совершенно излишнимъ», въ виду того, что «каждому предоставлено подавать письменно свои особыя мнѣнія». Тогда кн. Чолокаевъ заявилъ, что онъ считаетъ дальнѣйшее свое участіе въ засѣданіяхъ губернскаго комитета бесполезнымъ и излишнимъ. Фонъ-дербъ-Лауницъ и на это отвѣтилъ, что губернскому предводителю разрѣшается представить особое мнѣніе и предложилъ перейти къ очередному вопросу. Но тутъ Новосильцевъ заявилъ о необходимости оглашенія постановленій Темниковскаго уѣзднаго комитета, какъ основныхъ. Получивъ отъ губернатора отпоръ, Новосильцевъ присоединился къ заявленію кн. Чолокаева, что вызвало отказъ отъ участія въ комитетѣ со стороны тамбовскаго уѣзднаго предводителя дворянства Петрова-Соловова и губернскаго земскаго гласнаго отъ Козловскаго уѣзда Любощинскаго.

13-го января губернатору было доставлено нижеслѣдующее «заявленіе»:

„Будучи призваны къ участію въ губернскомъ комитетѣ, мы, нижеподписавшіеся, полагали, что цѣль нашей работы состоитъ въ томъ, чтобы общими силами обсудить вопросы, которые разсматривались въ уѣздныхъ комитетахъ и дать по нимъ наше заключеніе. Несмотря, однако на сдѣланное предсѣдателемъ заявленіе, что, при желаніи комитета, подлинныя тексты журналовъ могутъ быть доложены, тѣмъ не менѣе, какъ это выяснилось изъ первыхъ двухъ засѣданій, предложеніе нѣкоторыхъ членовъ комитета не только внести на обсужденіе вопросы, обсуждавшіеся въ комитетахъ, но хотя бы только огласить ихъ, были встрѣчены со стороны г. предсѣдателя категорическимъ отказомъ. Съ другой стороны, матеріалъ, предлагаемый нашему разсмотрѣнію, составляетъ не сводъ мотивированныхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, а лишь весьма односторонне и во многихъ случаяхъ невѣрно составленную выборку изъ журналовъ означенныхъ комитетовъ, большею частью, по разнымъ вопросамъ. Въ этой выборкѣ вовсе не упоминается объ условіяхъ жизни мѣстнаго населенія, въ которыхъ уѣздные комитеты усматривали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельско-хозяйственной промышленности, и которыя они, руководствуясь циркуляромъ господина предсѣдателя Особаго Совѣщанія на имя предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, подвергли обстоятельному разсмотрѣнію. Такимъ образомъ, рамки, въ которыя предсѣдатель поставилъ нашу дѣятельность, стѣснены до такихъ предѣловъ, при которыхъ она не можетъ имѣть никакой цѣнности для правительства. При такихъ условіяхъ нашей работы мы неизбежно должны представить правительству, призвавшему насъ на совѣщаніе по важнымъ вопросамъ мѣстной экономической жизни, одностороннее и потому уже невѣрное выраженіе нашего мнѣнія.

При данной постановкѣ дѣла мы лишены возможности исполнить возложенную на насъ Высочайшею Волею серьезную и отвѣтственную задачу, а потому имѣемъ честь заявить, что мы не находимъ возможнымъ принимать участіе въ засѣданіяхъ Тамбовскаго губернскаго комитета. Настоящее заявленіе просимъ приложить къ журналу. Подписали: Тамбовскій уѣздный предводитель дворянства Петрово-Соловова, Темниковскій—Новосильцевъ, Моршавскій—Груаинновъ, предсѣдатель Тамбовской губернской земской управы—Колобовъ, члены той же управы: кн. Кугушевъ, Врехатовъ, Кондыревъ, Баратын-

ский; председатели уездных земских управ: Тамбовской—Фигатовъ, Борисоглебскій—Измайловъ, Маршанскій—Половъ, Темниковской—Корольковъ, Коаловской—Ушаковъ; губернскіе гласные: В. Комича, С. Комича и М. Лавинскій.

Затѣмъ, лично отъ себя темниковскій уѣздный предводитель дворянства Новосильцевъ написалъ такое письмо:

„М. П. Сергѣй Кузьвичъ 11-го января состоялось открытіе Тамбовскаго губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Обращаясь къ г. председателю онаго вынудилъ меня въ числѣ многихъ отказавшихся отъ участія въ дальнѣйшихъ занятіяхъ комитета. Причины моего отказа отчасти изложены въ копіи съ заявленія, при семъ прилагаемаго на усмотрѣніе вашего высокопревосходительства. Если мы, въ числѣ около 30 человекъ, не покинули зала засѣданія, а оставались до конца втораго засѣданія, хотя не принимали въ немъ никакого участія, то единственно потому, что не желали подавать поводъ къ нареканіямъ на насъ въ демонстративномъ и, быть можетъ, не вполне корректномъ поступкѣ. Принимая во вниманіе, что почти всѣ постановленія Темниковскаго уѣзднаго комитета остались не рассмотрѣнными, и не зная, съ какими заключеніями тамбовскому губернатору благоугодно будетъ представить ихъ въ Особое Совѣщаніе, я, какъ председатель уѣзднаго комитета, долгомъ считаю копію съ оныхъ постановленій препроводить на рассмотрѣніе вашего высокопревосходительства“.

Въ Тверской губернской комитетъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, 23 января 1903 г., были посланы два такого содержанія заявленія: первое по адресу комитета, а второе—на имя председателя комитета, тверскаго губернатора.

Въ комитетъ:

„Будучи Высочайшею волею призваны къ участію въ занятіяхъ губернскаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, мы, нижеподписавшіеся, какъ лица, занимающія извѣстныя должности, считаемъ своею обязанностью принять участіе въ занятіяхъ комитета. При этомъ считаемъ, однако, своимъ долгомъ заявить слѣдующее: 1) хотя мы занимаемъ должности председателя и членовъ губернской земской управы и приглашены къ участію въ комитетъ въ качествѣ таковыхъ, но, имѣя въ виду крайнюю сложность какъ вопросовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, такъ и стоящихъ въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ ними вопросовъ о жизненныхъ нуждахъ нашего сельскаго хозяйства, мы отнюдь не можемъ считать себя въ комитетъ представителями земства и, при обсужденіи вопросовъ этихъ въ комитетъ, мнѣніе, высказываемое нами, должно быть рассматриваемо какъ личное мнѣніе cadaго изъ насъ. 2) Признавая, какъ выше сказано, всю важность поставленной комитетамъ задачи, мы не можемъ не сознавать, что при случайности состава комитета, образуемаго по усмотрѣнію председателя его, при краткости времени, назначеннаго для его занятій, при отсутствіи средствъ и матеріаловъ для выясненія многихъ сторонъ сельско-хозяйственной жизни нашего населенія и при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлены работы комитетовъ, нельзя рассчитывать на успѣшное выполненіе ими задачъ, возложенныхъ на нихъ Высочайшею волею. Единственныя учрежденія, которыя могли бы выполнить, при всемъ несовершенствѣ ихъ вышнней

организациі и отсутствіи необходимой для того самостоятельности, болѣе или менѣе удовлетворительно эту задачу—земскія учрежденія. О необходимости поручить земскимъ собраніямъ Тверской губерніи разработать вопросы о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности во всей ихъ полнотѣ мы считаемъ долгомъ заявить губернскому комитету и предлагаемъ ему возбудить объ этомъ ходатайство. 3) Имѣя въ виду, что заключенія земскихъ собраній по всѣмъ вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности и жизни нашего населенія должны быть переданы въ центральное учрежденіе, будетъ ли то Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности или иное учрежденіе, мы признаемъ безусловно необходимымъ возбудить ходатайство, чтобы въ составъ его,—на правахъ съ прочими членами и съ гарантіей въ личной неприкосновенности за выражаемые взгляды и убѣжденія,—были допущены два представителя, избранные тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, для защиты и проведенія въ этомъ учрежденіи тѣхъ положеній и мѣръ, къ измѣненію существующихъ порядковъ въ цѣляхъ улучшенія быта сельскаго населенія и условій сельскаго хозяйства, которыя будутъ выработаны губернскимъ земствомъ“.

Это заявленіе было подписано всѣмъ составомъ губернской управы, а именно его подписали: предсѣдатель управы *В. фонъ-Дервизъ* и члены: *Н. Миллюковъ* и баронъ *И. С. Вревскій*. Кромѣ того, къ заявленію присоединились: предсѣдатели: Корчевской земской управы—*Пулоковскій*, Новоторжской—*Н. Балашинскій*, Zubцовской—*В. Безобразовъ*, Ржевской—*М. Потемкинъ*, Бѣжецкой—*Н. Трубниковъ* и Весьегонской—*С. Мясниковъ*.

На имя губернатора, какъ предсѣдателя губернскаго комитета, послано было такое заявленіе:

„На основаніи Высочайше утвержденнаго положенія Особого Совѣщанія, на губернскіе комитеты возложено разсмотрѣніе постановленій уѣздныхъ комитетовъ со всѣми матеріалами, туда поступившими, и представленіе Особому Совѣщанію своихъ по нимъ заключеній. Отсюда слѣдуетъ, что на губернскій комитетъ возложена весьма сложная и отвѣтственная задача ознакомиться съ мнѣніями уѣздныхъ комитетовъ во всей ихъ полноты. Для облегченія этой задачи Ваше Сіятельство поручили избранному вами лицу составленіе свода заключеній уѣздныхъ комитетовъ, а затѣмъ, при открытіи комитета, объявили, что сводъ этотъ и предлагается для обсужденія комитета, при чемъ все, что не вошло въ сводъ, хотя бы и имѣло мѣсто въ постановленіяхъ уѣздныхъ комитетовъ, не подлежитъ обсужденію. Между тѣмъ, многими изъ насъ было обращено вниманіе Вашего Сіятельства на всю неполноту свода, на многіе и существенные пропуски по уѣздамъ: Весьегонскому, Бѣжецкому, Старицкому, Корчевскому и особенно по Новоторжскому уѣзду; было указано на субъективность сдѣланныхъ извлеченій и на полное отсутствіе указаній,—какія явленія и какія мѣры, по мнѣнію уѣздныхъ комитетовъ, имѣютъ существенное и важное значеніе и какія имѣютъ второстепенное и третьестепенное. Словомъ, мы обращаемъ ваше вниманіе на невозможность, на основаніи сдѣланнаго свода, правильной оцѣнки тѣхъ показаній, которыя дали въ уѣздныхъ комитетахъ мѣстные люди. Въ виду этого было предложено нами ознакомиться въ подлинникахъ съ тѣми постановленіями комитетовъ, которыя объединены въ форму опредѣленныхъ заключеній, остальное же передать для разсмотрѣнія особой комиссіи, которая бы и внесла свои заключенія на обсужденіе губерн-

скаго комитета. Первую часть этого предложенія вы отвергли безусловно, относительно же комиссії вы изъявили согласіе, но подъ условіемъ, что послѣдняя не войдетъ въ разсмотрѣніе тѣхъ вопросовъ, которые не включены въ сводъ по своему общегосударственному значенію, а такъ послѣднее представляется понятіемъ въ высшей степени неопредѣленнымъ, тѣмъ болѣе, что самая задача, возложенная на комитетъ о нуждахъ сельской промышленности, имѣетъ значеніе именно государственное, то и роль комиссії представляется совершенно бесполезной, такъ какъ нужды сельской промышленности тѣсно связаны съ нуждами народнаго образованія, правового положенія крестьянъ, финансовой политики, положенія мѣстнаго самоуправления и проч. Не имѣя возможности касаться этихъ вопросовъ ни въ комиссії комитета, ни въ самомъ комитетѣ, лишенные, вопреки циркуляру предсѣдателя комитета Особаго Совѣщанія на имя предводителей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, возможности разъяснить, по мѣрѣ нашихъ силъ и нашего разумнія, дѣйствительныя причины расстройтва сельско-хозяйственной промышленности и нашего общаго имущественнаго оскуднѣнія, мы лишены всякой возможности выполнить возложенную на насъ Высочайшею волею, выраженною въ положеніи Особаго Совѣщанія, отвѣтственную задачу, такъ какъ поставлены, вашимъ распоряженіемъ, въ условія, заранѣе предрѣшающія чисто формальное, а потому и безплодное разсматриваніе частныхъ вопросовъ, имѣющихъ, по нашему мнѣнію, далеко не столь важное значеніе. Сознывая всю отвѣтственность, лежащую на насъ передъ правительствомъ и населеніемъ, къ истинному освѣщенію интересовъ котораго мы призваны, какъ члены губернскаго комитета, мы имѣемъ честь довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства, какъ предсѣдателя комитета, что не считаемъ для себя возможнымъ принимать дальнѣйшее участіе въ трудахъ Тверскаго губернскаго комитета.

Заявленіе это подписали земцы: *И. И. Петрунkevичъ, В. Д. фонъ-Дервизъ Н. А. Балавинскій, А. С. Юрковъ, В. А. Пулковскій, М. И. Петрунkevичъ С. А. Мясниковъ, С. Д. Квашининъ-Самаринъ, Н. А. Калитневскій, П. А. Трубниковъ, В. А. Безобразовъ, М. А. Потемкинъ, Н. К. Милуковъ и баронъ Н. С. Вревскій.*

Въ Московскомъ губернскомъ комитетѣ изъ состава его вышли— предсѣдатель губернской земской управы Д. Н. Шиповъ и предсѣдатели всѣхъ уѣздныхъ земскихъ управъ Московской губерніи. Причиной выхода было то обстоятельство, что комитетъ, своимъ чиновничьимъ большинствомъ, рѣшилъ, что пунктъ записки Шипова и товарищей, касающійся правового положенія крестьянъ и условій, обезпечивающихъ плодотворную работу земскихъ учреждений не подлежатъ обсужденію въ губернскомъ комитетѣ. Послѣдствіемъ этого выхода былъ слѣдующій циркуляръ по печати отъ 25 февраля 1903 г. за № 1996: «Главное управленіе по дѣламъ печати, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 140 уст. о ценз. и печати, предлагаетъ г.г. редакторамъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ не перепечатывать какъ полностью, такъ и въ извлеченіяхъ помѣщеннаго въ № 53 газеты «Русскія Вѣдомости» письмо предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова, а равно воздержаться отъ обсуждения этого письма».

Въ Тульскомъ губернскомъ комитетѣ, открытомъ 14 января 1903 года, всякія попытка со стороны членовъ выдвинуть тѣ вопросы, ко-

торые составляли предметъ обсуждения въ уѣздныхъ комитетахъ, встрѣчали запрещеніи со стороны предсѣдателя. Такой порядокъ занятій имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что уже со второго засѣданія сталъ послѣдовательно уменьшаться составъ комитета, такъ что послѣднее засѣданіе состоялось всего при наличности 14 членовъ, въ то время какъ на первомъ было 42. Члены губернской земской управы представили губернатору записку съ просьбой направить ее въ особое совѣщаніе.

Вологодскій губернский комитетъ призналъ необходимымъ: 1) уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, 2) уменьшеніе правъ надъ крестьянскимъ населеніемъ земскихъ начальниковъ, 3) всеобщее обученіе, 4) расширеніе программы народной школы, 5) пониженіе всѣхъ вообще налоговъ (прямыхъ и косвенныхъ), а въ особенности выкупныхъ платежей. Губернаторъ не допустилъ голосовать вопроса о равноправіи крестьянъ, какъ не допустилъ обсуждения нѣсколькихъ докладовъ, внесенныхъ отдѣльными членами.

Въ Харьковскій губернский комитетъ извѣстнымъ земскимъ дѣятелемъ Н. Н. Ковалевскимъ былъ внесенъ обширный и обстоятельный докладъ, озаглавленной—«Возрастающее оскудѣніе деревни». Эпиграфомъ къ нему авторъ взялъ извѣстныя слова Джона Стюарта Милля: «Когда цѣль состоитъ въ томъ, чтобы надолго улучшить положеніе народа, тогда незначительныя средства не просто производятъ незначительныя дѣйствія, а вовсе не производятъ никакого дѣйствія». Этимъ эпиграфомъ исчерпывалось все значеніе особаго совѣщанія. Губернский комитетъ передалъ докладъ Ковалевскаго въ особую комиссію, а затѣмъ предсѣдатель комитета, губернаторъ Гербель, не допустилъ обсужденіе его въ комитетѣ.

Изъ приведенныхъ данныхъ о дѣятельности губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, очевидно, что они не поддержали правительство, и многіе изъ нихъ почти не отличались отъ уѣздныхъ комитетовъ. Ясно было, что не только земство играло первостепенную роль и въ губернскихъ комитетахъ, но что оно участвовало, какъ организованная сила, исполняя постановленіе Московскаго съѣзда и руководствуясь указаніями «Освобожденія»¹⁾.

¹⁾ Между тѣмъ, Плеве, опасаясь, чтобы земство не приняло никакого участія въ обсужденіи вопроса о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, еще въ іюлѣ 1902 г. разослалъ черезъ губернаторовъ такого рода циркуляръ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства.

(ТАКОЙ-ТО) ГУБЕРНАТОРЪ

Конфиденціально.

20 іюля 1902 г.

№

Г.

Милостивый Государы

ЕГО ВЫС-ДИО

Г. (такому-то) предводи-
телю дворянства.

Высочайше утвержденнымъ 22-го марта сего года положеніемъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности участіе земскихъ учрежденій въ обсужденіи подлежащихъ рассмотрѣнію названнаго Совѣщанія вопросовъ не признано необходимымъ, и для

Теперь, ознакомившись съ направлениемъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и съ мѣрами въ отношеніи къ нимъ правительства, послѣдуемъ, какъ выше обѣщали, за Плева въ Полтаву, куда онъ отправился почти тотчасъ по полученіи портфеля министра внутреннихъ дѣлъ.

Слѣдующая поездка его на югъ Россіи объясняется сильными волненіями среди крестьянъ въ Харьковской и, главнымъ образомъ, въ Полтавской губерніи. За Харьковскую губернію Плева былъ «спокоенъ», такъ какъ «хозяйномъ» ея состоялъ тогда извѣстный, «энергичный» кн. Иванъ Оболенскій, жестоко расправившійся не только со «своими» крестьянами, но «усмирившій» и крестьянъ соседнихъ уѣздовъ Полтавской губерніи, гдѣ въ то время губернаторомъ былъ Бельгардъ, не соответствовавшій «новому режиму».

На крестьянскія волненія Плева, конечно, смотрѣлъ, исключительно съ полицейской точки зрѣнія, какъ на результатъ дѣятельности крамолы, сосредоточенной въ земствѣ, въ лицѣ «третьяго элемента», преимущественно среди земскихъ статистиковъ.

Поэтому, явившись въ Полтаву, онъ прежде всего разгромилъ статистическое отдѣленіе полтавскаго губернскаго земства, выславъ завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ А. А. Русова, и исходатайствовалъ усиленную охрану для Полтавскаго, Константиноградскаго, Переяславскаго и Кременчугскаго уѣздовъ.

Убѣжденіе Плева въ крамольной дѣятельности земскихъ статистиковъ было такъ велико, что онъ вошелъ даже по этому поводу съ любопытнымъ всеподданѣйшимъ докладомъ, опубликованнымъ въ началѣ іюня 1902 г. и озаглавленномъ—«О прекращеніи въ 1902 г. собиранія статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земледѣльческой полосы Россіи».

Первая часть этого «доклада» посвящена критики статистическихъ работъ, но изъ второй части выясняется, что «умысль другой тутъ былъ», и вовсе не «работы» интересовала временщика, а нѣчто другое. Именно во второй части Плева докладывалъ: «За послѣдніе годы обнаружилась и другая отрицательная сторона земскихъ оцѣночныхъ работъ. Для собиранія необходимыхъ статистическихъ свѣдѣній земскія учрежденія должны были подобрать постоянный личный составъ, пополняемый въ лѣтніе мѣсяцы временными сотрудниками нерѣдко далеко не безупречными въ политическомъ отношеніи. Число такихъ сотрудниковъ, какъ усматривается изъ нижеслѣдующей таблицы, достигало въ 1900 и 1901 годахъ во многихъ губерніяхъ значительныхъ размѣровъ.

доставленія Особому Совѣщанію свѣдѣній и замѣчаній по вышеупомянутымъ вопросамъ учреждены особые губернскіе и уѣздные комитеты.

Принимая, такимъ образомъ, во вниманіе, что обсужденіе вопросовъ о нуждахъ сельско хозяйственной промышленности по программѣ занятій Особого Совѣщанія не можетъ входить въ компетенцію Земскихъ Собраній, и предвидя возможность возбужденія такихъ вопросовъ на предстоящихъ уѣздныхъ очередныхъ собраніяхъ, имѣю честь просить Васъ, Милостивый Государь, ни въ какомъ случаѣ не допускать возбужденія и обсуждения означенныхъ вопросовъ, а также вопросовъ, касающихся занятій и учреждений Особого Совѣщанія, на предстоящемъ (та комъ-то) уѣздномъ очередномъ земскомъ собраніи.

Г У Б Е Р Н І Я:	Постоянных статистиковъ.	Временныхъ сотрудниковъ.	Всего.
Вологодская	14	64	78
Вятская	23	71	94
Олонецкая	25	44	69
Орловская	24	22	46
Пензенская	—	—	49
Полтавская	37	594	631
Псковская	22	16	38
Рязанская	23	67	90
С.-Петербургская	25	32	57
Тульская	—	—	49

«Между тѣмъ, преградить неблагонадежнымъ лицамъ доступъ къ занятію статистическими работами не всегда представляется возможнымъ, ибо нѣкоторые земства, по спѣшности дѣла, допускали статистиковъ къ работамъ до получения разрѣшенія губернатора. Такъ въ Орловской губерніи изъ числа 46 лицъ, приглашенныхъ къ оцѣночно-статистическимъ изслѣдованіямъ, 30 человекъ приступили къ работамъ безъ согласія губернскаго начальства. Такая обстановка оцѣночнаго дѣла давно уже обращала на себя вниманіе министерства, но ни указанія губернаторскаго, ни надзора полиціи, ни разнообразныя справки объ отдѣльныхъ личностяхъ не въ состояніи были, однако, въ достаточной степени оградить населеніе отъ вреднаго, въ политическомъ отношеніи, вліяніе нѣкоторыхъ изъ числа подобныхъ лицъ. Постоянное, особенно при облѣдованіи земельныхъ имуществъ, общеніе съ крестьянами даетъ неблагонадежнымъ людямъ широкое поле для противоправительственной пропаганды, бороться съ которой, при слабости полицейскаго надзора въ селеніяхъ, представляется крайне затруднительнымъ. Послѣднія событія въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ съ очевидностью выяснили необходимость немедленно положить предѣлъ вредному вліянію, которое оказывали на населеніе нѣкоторые изъ земскихъ статистиковъ. При этомъ не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, что предстоящія въ указанномъ направленіи мѣры, какъ преслѣдующія интересы государственнаго порядка, должны быть осуществлены во всякомъ случаѣ, хотя бы отъ сего еще болѣе замедлились оцѣночныя работы. Сдѣлавъ поэтому распоряженіе о временномъ до 1-го числа наступающаго іюня приостановленіи разъѣздовъ статистиковъ по уѣздамъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ заключенію о неотложной необходимости принятія, впредь до разрѣшенія общаго вопроса о переустройствѣ оцѣночнаго дѣла такой мѣры, которая бы устранила нежелательныя явленія существующаго порядка земскихъ статистическихъ облѣдованій. Подобною мѣрою, по моему мнѣнію, должно быть воспрещеніе разъѣздовъ статистиковъ для собиранія свѣдѣній въ теченіе нынѣшняго года.. Руководствуясь изложенными соображеніями, я полагалъ бы: собираніе въ текущемъ году статистическихъ свѣдѣній о земельныхъ имуществахъ въ губерніяхъ: Бессарабской, Екатеринославской, Казанской, Курской,

Орловской, Пензенской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Тульской, Харьковской и Черниговской прекратить, предоставивъ примѣненіе этой мѣры въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ 22-хъ губерній усмотрѣнію начальниковъ губерній.»

Въ тѣсной связи съ приведеннымъ всеподанѣйшимъ докладомъ объ охраненіи народа отъ земскихъ статистиковъ находятся и два любопытныхъ документа, вполне характеризующихъ направленіе правительственной дѣятельности въ 1902 году.

Одинъ изъ нихъ принадлежитъ Тверскому губернатору, другой—департаменту полиціи, и оба пушены въ ходъ одновременно съ опубликованіемъ всеподанѣйшаго доклада Плеве, т. е. въ іюнь мѣсяцѣ.

Первый документъ былъ такого содержанія:

Секретно.

Циркулярно.

Г. г. Земскимъ начальникамъ тверской губ.

На основаніи циркулярнаго предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшаго ко мнѣ 21-го минувшаго мая, по поводу безпорядковъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ, покорнѣйше прошу Васъ, милостивый государь, въ дополненіе къ циркулярному сообщенію отъ 16-го іюля 1898 г. за № 2028, учредить и имѣть самое тщательное наблюденіе, при содѣйствіи волостныхъ старшинъ и другихъ подвѣдомственныхъ вамъ сельскихъ властей, за настроеніемъ мѣстнаго крестьянскаго населенія и о каждомъ случаѣ немедленно сообщать мнѣ и принимать самыя энергичныя мѣры къ возможно быстрому прекращенію возникающихъ волненій. При этомъ вамъ надлежитъ съ особеннымъ вниманіемъ относиться ко всякимъ нежелательнымъ проявленіямъ въ общественной жизни мѣстнаго крестьянскаго населенія и, въ случаѣ замѣчаемаго Вами учащенія этихъ проявленій, принимать мѣры къ немедленному обследованію обстоятельствъ, вызывающихъ таковыя явленія, и тѣмъ устранять возможность ихъ повторенія и развитія на ихъ почвѣ волненій и безпорядковъ. Въ видахъ же наиболѣе успѣшнаго осуществленія наблюденія за настроеніемъ сельскаго населенія, считаю необходимымъ сообщить вамъ для свѣдѣнія и соображеній, что въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ получены указанія на стремленіе злонамѣренныхъ лицъ организовать кружковую пропаганду среди крестьянскаго населенія. Съ этою цѣлью въ кружокъ выбираются ими наиболѣе развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которымъ сообщаютъ различныя научныя свѣдѣнія, преимущественно по исторіи, социологіи и рабочему движенію, при чемъ главнымъ средствомъ ознакомленія членовъ кружковъ съ указанными свѣдѣніями является широкое распространеніе въ средѣ крестьянъ какъ тенденціозныхъ, такъ и нелегальныхъ изданій. Не касаясь того вреда, который имѣетъ для народа проникновеніе въ его среду изданій подпольной прессы, надлежитъ имѣть въ виду, что раздача сельскому населенію книгъ даже вполне легальныхъ даетъ возможность неблагонадежнымъ лицамъ вступать въ частыя и тѣсныя сношенія съ народомъ, создаетъ между ними оживленный обмѣнъ мнѣній и сближаетъ ихъ съ крестьянами. Опредѣляя путемъ такого общенія развитіе крестьянъ даннаго села, ихъ отношеніе

къ различнымъ сторонамъ общественной жизни, упомянутыя лица избирають изъ среды крестьянъ наиболѣе даровитыхъ и склонныхъ къ усвоенію революціоннаго ученія, ведутъ съ ними особыя занятія и готовятъ изъ нихъ вожаковъ крестьянскаго движенія. Кромѣ того, общедоступная народная литература, въ подборѣ тенденціозныхъ изданій, создаетъ искусственное политическое броженіе въ деревнѣ, такъ какъ изображаетъ различныя темныя стороны крестьянской жизни, бѣдствіе и нищету народа и тѣмъ усиливаетъ въ крестьянствѣ элементы недовольства. Распропагандированные члены кружковъ являются, въ свою очередь, пропагандистами среди своихъ односельчанъ и, такимъ образомъ, кружокъ такихъ крестьянъ полагаетъ основаніе будущему „Крестьянскому боевому союзу“, привлекая къ себѣ съ теченіемъ времени все новыхъ и новыхъ членовъ. Изъ тѣхъ же свѣдѣній усматривается, что неблагонадежныя лица заводятъ связи съ деревней, въ большинствѣ случаевъ, черезъ учащуюся молодежь, учениковъ училища садоводства и др., а въ будущемъ стремятся образовать кружки изъ сельскихъ учителей и учительницъ, намѣреваясь, для ознакомленія съ ними, воспользоваться съѣздами ихъ на организуемые лѣтомъ педагогическіе курсы. Кромѣ того, преступныя агитаторы, для развитія пропаганды, пользуются крестьянами тѣхъ селъ, гдѣ вредная ихъ дѣятельность уже окрѣпла, при чемъ для этой цѣли крестьяне эти рассылаются въ видѣ батраковъ, книгоношъ, торговцевъ и т. п. въ тѣ мѣстности, гдѣ предполагается посѣять противоправительственныя идеи. Подписаль: губернаторъ князь *Н. Голицынъ*. Скрѣпилъ: правитель канцеляріи *Плетневъ*. Вѣрно. Помощникъ правителя канцеляріи *А. Дмитриевъ*.

Въ документѣ же департамента полиціи, разосланнаго губернаторамъ, а губернаторами сообщеннаго земскимъ начальникомъ говорилось нижеслѣдующее:

М. В. Д.
Деп. Полиціи.

Совершенно секретно.
Циркулярно.

Изъ поступившихъ въ Департаментъ Полиціи свѣдѣній усматривается, что распространеніе среди сельскаго населенія Имперіи революціонныхъ изданій осуществляется, въ большинствѣ случаевъ, слѣдующимъ образомъ:

Въ томъ или другомъ районѣ появляются неизвѣстные молодые люди, которые, проѣзжая въ желѣзно-дорожныхъ поѣздахъ и въ экипажахъ или верхомъ по проселочнымъ дорогамъ, изъ вагоновъ и экипажей, проходя пѣшкомъ по селамъ и деревнямъ, разбрасываютъ имѣющіяся у нихъ книжки и брошюры революціоннаго содержанія, или раздають таковыя встрѣчнымъ крестьянамъ, рекомендуя ихъ читать и передавать для чтенія другимъ. Нерѣдко изданія эти тайно подбрасываются во дворы и постройки крестьянскихъ усадебъ и явно—на ярмаркахъ и базарахъ въ крестьянскія телѣги, а затѣмъ развозятся самымъ населеніемъ по отдаленнѣйшимъ и наиболѣе глухимъ мѣстамъ. Упомянутыя книжки и брошюры охотно передаются безъ всякаго злого умысла отъ одного лица къ другому, при чемъ наблюдались даже случаи публичнаго чтенія такихъ изданій среди толпы крестьянъ. По ознакомленіи крестьянъ съ содержаніемъ означенной литературы, среди нихъ возникали толки о предстоящемъ раздѣлѣ помѣщичьей земли и болѣе или менѣе натянутыя отношенія съ мѣстными землевладѣльцами; и лишь по прошествіи

значительнаго промежутка времени уѣздная полиція, встревожившись свѣдѣніями о происходящемъ среди крестьянъ броженіи, прибываетъ на мѣсто, гдѣ узнаетъ лишь, что проходившіе или проѣзжавшіе неизвѣстные люди раздавали встрѣчнымъ крестьянамъ книжки. Означенныя книжки и брошюры отбираются, конечно, далеко не всѣ, а по дѣлу объ обнаруженіи ихъ среди крестьянъ производятся дознанія, оказывающіяся, обыкновенно, безрезультатными, такъ какъ виновные въ распространеніи революціонныхъ изданій остаются не обнаруженными и, вѣроятно, лишь переносятъ свою дѣятельность въ другія мѣста. Изъ вышеизложеннаго нетрудно усмотрѣть, что въ борьбѣ съ такого рода пропагандой административнымъ разслѣдованіемъ и отобраніемъ революціонныхъ изданій нельзя достигнуть успѣха и что всѣ усилія администраціи въ борьбѣ со зломъ должны быть направлены прежде всего на обнаруженіе и задержаніе агитаторовъ и распространителей подпольныхъ изданій, а также на изысканіе мѣръ къ затрудненію ихъ преступной дѣятельности. Для достиженія этой цѣли, мѣстныя жандармскія и полицейскія силы, въ виду ихъ сравнительной малочисленности и обширности районовъ наблюденія, оказались бы, конечно, недостаточными, вслѣдствіе чего необходимо, казалось бы, принять мѣры къ вразумленію самихъ крестьянъ, чтобы они собственными средствами задерживали и представляли въ распоряженіе властей агитаторовъ и содѣйствовать этимъ уничтоженію зла въ самомъ корнѣ. Изъ числа крестьянъ, конечно, найдутся столь благоразумные люди, которые сами стали бы способствовать изловленію преступныхъ агитаторовъ. Въ виду вышеизложеннаго предлагаю Вашему Превосходительству объявить земскимъ начальникамъ, мировымъ посредникамъ и уѣзднымъ исправникамъ, чтобы они разъяснили лично на сходахъ крестьянамъ всю несостоятельность революціонныхъ ученій

(Подпись): Исправляющій должность

Директора Департамента полиціи *Допухинъ*

То обстоятельство, что приведенные документы явились вслѣдъ за всеподданѣйшимъ докладомъ Плеве о прекращеніи статистическихъ изслѣдованій, при чемъ въ циркулярѣ тверскаго губернатора прямо указывается на волненія въ Харьковской и Полтавской губерніяхъ, причины каковыхъ приписывались Плеве, главнымъ образомъ, влиянію земскихъ статистиковъ, это обстоятельство, повторяемъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что циркуляры губернаторовъ и департамента полиціи направлены были преимущественно, если не всецѣло, именно противъ земскаго элемента и не только «третьяго», но, вѣроятно, и—«второго», т. е. противъ «неблагонадежныхъ» выборныхъ земцевъ.

Московскій съѣздъ, изданіе «*Освобожденія*» заставляли правительство насторожиться еще до открытія дѣйствій вредныхъ сельскохозяйственныхъ комитетовъ и, какъ мы уже говорили, придти къ убѣжденію въ существованіи земской организаціи и въ союзѣ оппозиціонной части «второго» земскаго элемента съ «третьимъ».

Такой взглядъ правительства въ достаточной степени выяснился, между прочимъ, во время пребыванія Плеве въ Курскѣ, когда тамъ происходили маневры въ присутствіи Государя.

Мы поэтому остановимся здѣсь на курскихъ событіяхъ, предварительно сообщивъ свѣдѣнія о первой выставкѣ по народному образованію въ Курскѣ и земскомъ «слетѣ», предшествовавшихъ маневрамъ.

Выставка по народному образованію происходила въ Курскѣ съ 23 по 30 іюня 1902 года. Она устроена была курскимъ губернскимъ земствомъ по инициативѣ комисіи курскаго губернскаго земства по народному образованію, въ составъ которой входили такіе выдающіеся земскіе дѣятели, какъ В. Е. Якушкинъ, А. Н. Рутценъ, Н. В. Широковъ и др., а предсѣдателемъ комисіи былъ Кн. П. Д. Долгоруковъ. Кромѣ того, членами комисіи состояло и много лицъ изъ «третьяго элемента».

Ходатайство о выставкѣ направлено было, куда слѣдуетъ, еще въ 1901 году, но разрѣшеніе послѣдовало лишь въ апрѣлѣ 1902 года, за 2½ мѣсяца до открытія выставки. Несмотря, однако, на краткость времени комисіа курскаго губернскаго земства по народному образованію дѣйствовала настолько энергично, что успѣла привлечь на выставку 14 губернскихъ и 19 уѣздныхъ земствъ—губерній: Владимирской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Смоленской, Таврической, Тамбовской, Тульской, Уфимской и Ярославской. Такимъ образомъ, изъ 33 земскихъ губерній (безъ Курской) только 11 не имѣли на выставкѣ своихъ представителей,—всѣ остальные фигурировали на ней, при чемъ одни въ лицѣ губернскихъ земствъ, другіе—въ лицѣ одного или нѣсколькихъ уѣздныхъ, третьи, наконецъ,—въ лицѣ губернскихъ и уѣздныхъ. Изъ Курской губерніи участвовали всѣ 15 уѣздовъ. Кромѣ того, были экспонаты и представители отъ городовъ (Харьковъ, Тверь, Одесса, Ростовъ, Петербургъ и Ярославль) и цѣлаго ряда просвѣтительныхъ обществъ.

Одновременно съ выставкою въ Курскѣ организованы были прекрасныя педагогическія курсы ¹⁾.

Вслѣдствіе этого въ небольшой городъ Курскъ съѣхалась цѣлая масса народу и, главнымъ образомъ, земскаго элемента.

Достаточно сказать, что кромѣ земскихъ дѣятелей и лицъ служащихъ въ земскихъ учрежденіяхъ, которые посѣщали выставку безплатно и не регистрировались, въ 8 дней функціонированія выставку посѣтили 5002 посѣтителя, въ среднемъ по 625 въ день.

Главнымъ контингентомъ посѣтителей выставки и курсовъ являлись учителя и учительницы, которыхъ съѣхалось болѣе 2000 душъ.

---

¹⁾ Скажемъ здѣсь къ слову, что педагогическія курсы устраивались курскимъ губернскимъ земствомъ, начиная съ 1897 г. Въ 1899 г. руководителемъ курсовъ былъ извѣстный уже намъ Н. Ф. Бунаковъ, въ 1901 г.—В. П. Вахтеровъ. Въ 1902 г. курсы поставлены были особенно широко: лекціи по закону Божію читалъ извѣстный намъ свщ. Петровъ, педагогической психологіи—Каптеревъ, исторіи педагогики—Нечаевъ, земледавдію—Ивановскій, исторіи литературы—Алферовъ, русской исторіи—Рожковъ. Практическія занятія по естествознанію вели: Мальчевскій, Арцимовскій, Якобсонъ и Редикорцевъ.

Они, не считая Курской, прибыли изъ 41-й губерній и областей Россіи.

Пріѣхали учителя и учительницы не только изъ земскихъ губерній; но были даже изъ Сибири, съ Кавказа, съ Прибалтійскаго края и т. д.

Помимо выставки и курсовъ, у учителей были частныя бесѣды, засѣданія и т. д., на которыхъ участвовали и земцы. Насколько удовлетворены были учителя и учительницы пребываніемъ въ Курскѣ, доказательствомъ тому можетъ служить нижеслѣдующаго содержанія адресъ, поднесенный всею массою учителей и учительницъ курскому губернскому земству:

«Глубокоуважаемые представители курскаго земства!

Мы, учительницы и учителя народныхъ школъ, съѣхавшіеся въ Курскъ съ разныхъ концовъ Руси на общеобразовательные учительскіе курсы и первую выставку по народному образованію, позволяемъ себѣ высказать тѣ чувства, которыя волнуютъ насъ наканунѣ отъѣзда. Курское земство первое сознало, что важнѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ успѣха просвѣщенія народныхъ массъ, кромѣ удовлетворительной внѣшней обстановки школы, является всесторонне развитая личность учителя. Когда мы, разсѣянные по всѣмъ угламъ огромной нашей родины, читали, что германскіе наши коллеги ежегодно собираются въ университеты для пополненія своихъ знаній, то мы рисовали такое положеніе, какъ высокой и недостижимый для насъ идеаль.

Но радостная вѣсть объ устройствѣ курскимъ земствомъ общеобразовательныхъ учительскихъ курсовъ, подъ руководствомъ выдающихся лекторовъ, приблизила наши мечты къ дѣйствительности. Теперь понятно то особое душевное волненіе, которое испытывали мы, получивши возможность самимъ прослушать эти курсы. Мы глубоко убѣждены, что труды и расходы земства по устройству курсовъ и выставки, свидѣтельствующіе о широтѣ его взглядовъ, будутъ вполне вознаграждены тѣмъ оживленіемъ, какое внесутъ слушатели курсовъ въ свою школьную работу на предстоящій учебный годъ, и тою любовью съ какою передадутъ они многое изъ полученнаго на лекціяхъ въ темную среду народа. Нельзя умолчать и о той заботливости, предупредительности и внимательности, какими представители земства окружали учащихся, не дѣлая никакого различія между своими и чужими избѣгая всевозможныхъ формальностей. Мы были допущены не только на курсы и выставку, но и къ участию въ обсужденіи докладовъ и рефератовъ, составленныхъ лучшими дѣятелями по народному образованію. Все это сдѣлало нашу работу въ Курскѣ болѣе продуктивною. Съ особеннымъ сожалѣніемъ оставляя курсы и выставку, мы позволяемъ себѣ, хотя отчасти, выразить тѣ чувства искренней признательности и благодарности, которыя питаемъ къ вамъ, глубокоуважаемые представители курскаго земства, и покорнѣйше просимъ васъ выразить чистосердечную нашу благодарность курскому губернскому земскому собранію».

Но въ адресѣ не отмѣчено и не могло быть отмѣчено еще одно

громадное значеніе курской выставки и курсовъ. Это именно—единеніе учителей какъ между собою, такъ съ другими представителями «третьяго» земскаго «элемента» и съ земцами. Въ этомъ отношеніи курскій учительскій съѣздъ имѣлъ громадное значеніе.

Земскіе дѣятели, также въ значительномъ числѣ прибывшіе на выставку, устроили, какъ мы уже говорили, въ Курскѣ «слетъ». Засѣданія ихъ были и открытыя, и закрытыя.

Нужно ли говорить, что правительство обратило вниманіе на описанныя событія въ Курскѣ, но послѣдствія этого вниманія явились немного позже.

Въ августѣ 1902 года въ окрестностяхъ Курска состоялись маневры въ присутствіи Государя.

Извѣстно съ одной стороны, что пріѣзда Государя въ Курскъ очень добивался курскій губернаторъ графъ Милютинъ, но, съ другой, стороны, возможно, что Курская губернія избрана была для маневровъ, какъ ближайшая къ югу Россіи, гдѣ обнаружались крестьянскія волненія ¹⁾).

Вѣрны ли эти предположенія или нѣтъ, достовѣрно можно сказать, что Плеве воспользовался маневрами для своихъ цѣлей. За это время были произнесены три рѣчи Государемъ къ представителямъ дворянства, земства и крестьянства. Первые двѣ рѣчи сказаны были въ моментъ прибытія Государя на курскій вокзалъ, передъ маневрами, а послѣднія по окончаніи маневровъ, но мы соединимъ ихъ вмѣстѣ, такъ какъ онѣ тѣсно связаны между собою и заключаютъ полную правительственную программу.

Когда на курскомъ вокзалѣ Государя встрѣтили представители дворянства и земства, первымъ онъ сказалъ:

«Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ Своихъ монарховъ за вѣрную и самоотверженную службу Престолу и Отечеству. Незабвенный Отецъ Мой, довершая славныя дѣла Моего Дѣда, призвалъ васъ къ руководству крестьянскимъ управленіемъ. На этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за эту службу. Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія: дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время, есть неуройства и въ крестьянскомъ. Для устраненія послѣднихъ, по Моему повелѣнію, соображаются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ необходимыя мѣры. Къ участию въ этихъ трудахъ будутъ призваны въ свое время губернскіе комитеты съ участіемъ дворянства и земства. Что же касается помѣстнаго землевладѣнія, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ Моею непрестанною заботою».

Къ представителямъ земства Курской губерніи Государь Императоръ обратился со слѣдующими словами:

«Благодарю васъ за привѣтствіе и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Земское хозяйство—дѣло первѣйшей

¹⁾ Южные земства считались также опаснѣе сѣверныхъ. Плеве говорилъ: „земцы на югѣ хуже, чемъ въ центрѣ: болтають“.

важности, и Я надѣюсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы. Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ тоже время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устройство въ области хозяйственныхъ нуждъ. Успѣшно выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ моемъ къ вамъ благоволеніи».

Наконецъ, рѣчь къ крестьянамъ, сказанная послѣ маневровъ въ Курскѣ, состоялась при весьма внушительной, можно сказать,—демонстративной обстановкѣ. По проекту Плеве, въ городъ съѣхалось множество придворной знати и помѣстной аристократіи, явились всевозможныя депутаціи, были вызваны губернаторы сосѣднихъ губерній, и для довершенія эффекта, вытребованы волостные старшины и сельскіе старосты губерній: Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской. Къ послѣднимъ Государь и держалъ рѣчь:

«Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи,—сказалъ онъ. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство сумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего Батюшки, сказанныя имъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: «слушайтесь вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ». Помните, что богатѣютъ не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божиимъ. Передайте въ точности, что я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды Я не оставлю своимъ попеченіемъ».

Вслѣдъ затѣмъ началась «дѣятельность» Плеве.

Прежде всего министръ внутреннихъ дѣлъ лично приступилъ къ изученію «духа» курскаго земства.

Изъ донесеній жандармовъ, а главнымъ образомъ черезъ посредство вице-губернатора фонъ-Бюнтинга министръ внутреннихъ дѣлъ, конечно, имѣлъ достаточно данныхъ, чтобы не сомнѣваться въ крамольности наиболѣе вліятельныхъ земцевъ и въ особенности «третьяго элемента». Ему все было извѣстно и о выставкѣ по народному образованію, и о земскомъ «слетѣ», и объ участіи курскихъ земцевъ на Московскомъ съѣздѣ и т. д.

И вотъ Плеве рѣшилъ «поговорить» съ курскими земцами. Позднимъ вечеромъ, наканунѣ посѣщенія министромъ внутреннихъ дѣлъ губернской земской управы, помѣщеніе послѣдней тщательно осматривалъ вышеназванный вице-губернаторъ фонъ-Бюнтингъ, и только тогда управа узнала, что на другой день, 31 августа, удостоится лицезрѣть министра. Дѣйствительно, онъ прибылъ въ этотъ день въ 2 ч. пополудни и прежде всего бесѣдовалъ со всѣмъ составомъ управы. Главною темою бесѣдъ были полтавскіе крестьянскіе безпорядки, виновниками которыхъ Плеве считалъ полтавскихъ земскихъ статистиковъ.

Далѣе министръ вскользь намекнулъ, что онъ тоже помѣщикъ и что всѣ помѣщичьи интересы ему нечужды; тутъ же онъ сообщилъ, что въ его имѣніи устроена школа и сейчасъ же перекочилъ на психіатрическую колонію, стоящую много денегъ земству,

и выразилъ нѣчто въ родѣ сожалѣнія, что земскій бюджетъ очень скромный, сравнительно съ государственными средствами. Потомъ Плеве бесѣдовалъ лично съ предсѣдателемъ губернской земской управы Н. В. Раевскимъ. Министръ при этомъ вывѣдалъ, что Раевскій—не конституціоналистъ, что онъ—ярый противникъ земскихъ начальниковъ, не сторонникъ мелкой земской единицы, что, наконецъ, предсѣдатель курской губернской земской управы, въ бытность въ Петербургѣ на кустарномъ съѣздѣ, участвовалъ въ частныхъ совѣщаніяхъ земскихъ дѣятелей. Словомъ, Плеве узналъ о Раевскомъ все, что надо было ему по полицейскимъ соображеніямъ. Но самымъ любопытнымъ это былъ разговоръ Плеве съ секретаремъ управы, бывшимъ земскимъ статистикомъ Е. А. Звягинцевымъ. Этотъ образованный челоуѣкъ и писатель, конечно, возбуждалъ подозрѣніе администраціи, а слѣдовательно и Плеве. Онъ собственно не разговаривалъ, а допрашивалъ Звягинцева, предложивъ ему рядъ нижеслѣдующихъ вопросовъ: «Какъ вы относитесь къ церковнымъ школамъ?» «Много ли вы пишете докладовъ для управы?» «Каковъ подборъ служащихъ въ канцеляріи управы?» «Вліяете ли вы на составъ народныхъ учителей?» «Что вы думаете о профессиональномъ образованіи?» «Что, по вашему мнѣнію, особенно тормозитъ земство въ его просвѣтительной работѣ?» «Чѣмъ вы объясняете рецидивизмъ безграмотности въ массѣ?» А въ концѣ концовъ Плеве сказалъ Звягинцеву: «Я знаю васъ по вашимъ педагогическимъ статьямъ, которыя съ удовольствіемъ читалъ, но, кромѣ того, ваша фамилія, знаете, мнѣ, какъ будто, знакома... по департаменту полиціи... Скажите, вы, вѣдь, привлекались, кажется, по какому-то дѣлу?» Этотъ послѣдній вопросъ, конечно, и являлся главною причиною бесѣды Плеве съ Звягинцевымъ.

Какъ впоследствии обнаружилось, и въ чемъ нельзя было сомнѣваться, болѣе всего Плеве интересовался княземъ П. Д. Долгоруковымъ. Но на этотъ разъ онъ не заикнулся о немъ ни единымъ словомъ, ограничившись, вѣроятно, собираніемъ секретныхъ свѣдѣній о предсѣдателѣ суджанской уѣздной земской управы и предсѣдателѣ комиссіи курскаго губернскаго земства по народному образованію. Весь гнѣвъ свой Плеве по отношенію къ кн. Долгорукову проявилъ лишь въ концѣ 1902 года.

Мы здѣсь уже кѣстати изложимъ всю любопытную исторію гоненій на предсѣдателя суджанской управы.

Въ серединѣ октября 1902 года кн. П. Д. Долгоруковъ получилъ отъ исправляющаго должность губернатора, вице-губернатора фонъ-Бюнтинга, «весьма секретное» предложеніе немедленно сдать должность предсѣдателя суджанской уѣздной управы члену, заступающему мѣсто предсѣдателя. Затѣмъ, когда кн. Долгоруковъ пріѣзжалъ въ ноябрѣ въ Курскъ, чтобы предсѣдательствовать въ комиссіи губернскаго земства по народному образованію, ему былъ объявленъ указъ сената о томъ, что сенатъ «слушалъ» Высочайшее повелѣніе, состоявшееся по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, «объ удаленіи князя Долгорукова отъ должностей почетнаго мирового судьи, предсѣдателя Суджанской уѣздной земской управы и члена училишнаго совѣта, съ воспрещеніемъ ему на 5 лѣтъ всякой общественной дѣятельности, и «при-

казалъ удалить» ¹⁾. Изъятіе выдающагося общественнаго дѣятеля возмутило положительно всѣхъ лучшихъ гражданъ губерніи; возмущеніе это, вѣроятно, сопровождалось бы большими, открытыми проявленіями симпатій со стороны общества, но консервативные элементы употребили всѣ усилія, чтобы не допустить демонстраціи, указывая на опасность, какая грозила бы земству. Открывшееся въ это время губернское земское собраніе, въ лицѣ значительнаго числа гласныхъ, рѣшило, выразивъ, по поводу удаленія Долгорукова, сожалѣніе собранія, закрыть въ знакъ печали засѣданія на два дня и постановить о необходимости общественнымъ дѣятелямъ гарантіи личной неприкосновенности и отвѣтственности только по суду. Но 21 ноября пріѣхалъ изъ Петербурга губернскій предводитель дворянства Дурново и рѣзко заявилъ, что «не допустить» никакой демонстраціи по поводу удавленія Долгорукова, но постарается уладить дѣло о немъ черезъ дворянство. Конечно, это была только увертка, такъ какъ было извѣстно что Дурново въ переговорахъ съ Плеве предлагалъ услуги послѣднему узнать, — какъ велико состояніе кн. Долгорукова и можетъ ли онъ оказывать помощь оппозиціонной заграничной печати. Любопытно, что губернскій предводитель дворянства, даже не сознавалъ всей странности своего поступка, хотя бы съ точки зрѣнія дворянской чести, и лично рассказывалъ всѣмъ о вышеизложенномъ.

Протестъ Дурново противъ выраженія симпатій со стороны земскаго собранія и обѣщаніе возвратить права кн. Долгорукову дворянскими ходатайствами оказали свое дѣйствіе на реакціонную часть собранія, и въ первый день засѣданій собранія, открывшагося 23 ноября,

¹⁾ До объявленія этого указа кн. П. Д. Долгоруковъ успѣлъ совершить еще одно „новое преступленіе“. Состоявшееся подъ его предсѣдательствомъ въ Курскѣ 21 октября общее собраніе членовъ общества взаимнаго вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ постановило ходатайствовать: объ отмініи тѣлеснаго наказанія для учителей земскихъ школъ изъ крестьянъ, о допущеніи народныхъ учителей къ участию въ земскихъ собраніяхъ при разсмотрѣніи вопросовъ по народному образованію, о предоставленіи учителямъ правъ участія на сельскихъ сходахъ, о созывѣ всероссійскихъ съѣздовъ учителей и организаціи курсовъ на нихъ.

Изъ-за этого засѣданія, кажется, возникло самостоятельное „дѣло“.

Кстати, мы приведемъ здѣсь образчикъ взгляда на обязанности учителей со стороны инспектора народныхъ училищъ. Въ то время, какъ эти учителя стремились, какъ мы видимъ, къ защитѣ своихъ человѣческихъ правъ, имъ внушались совершенно полицейскія воззрѣнія. Вотъ, наиримѣръ, какой „циркуляръ“ разослалъ въ 1902 году инспекторъ народныхъ училищъ Корочанскаго у., Курской губ.

„Совершенно секретно.

Г. Завѣдующему N-скимъ училищемъ.

Въ огражденіе подвѣдомственныхъ мнѣ училищъ отъ проникновенія въ среду ихъ учащихся и учащихся какихъ-нибудь изданій преступнаго содержанія, имѣю честь покорнѣйшей просить васъ, милостивый государь, принять самое строгое и совершенно негласное наблюденіе, чтобы вы въ числѣ первыхъ узнавали о полученіи кѣмъ-нибудь изъ учащихся и учащихся мѣстнаго училища означенныхъ подпольныхъ изданій, если бы таковыя сверхъ всякаго ожиданія получились, и немедленно сообщали мнѣ объ этомъ съ препровожденіемъ, если окажется возможность, и самихъ изданій, хотя бы въ одномъ экземплярѣ.

Инспекторъ народныхъ училищъ Данковскій“.

Нужно ли говорить, что подобныя циркуляры, возмущая совѣсть, отталкивали учителей и учительницъ отъ своего начальства и еще болѣе приближали ихъ къ земству.

внесено было предложеніе выразить кн. Долгорукову глубокую благодарность за его плодотворную службу не отъ имени всего собранія, а только отъ комиссій—смѣтной, экономической и народнаго образованія. Эта благодарность сопровождалась шумными апплодисментами всей присутствовавшей публики. Тогда Дурново приказалъ очистить залъ, что и было исполнено при сильнѣйшихъ свисткахъ и шиканьи публики. На другой день всѣмъ гласнымъ вмѣстѣ съ докладами управы были розданы пакеты, неизвѣстно какъ попавшіе въ собраніе. Въ нихъ вложены были гектографированные листки, въ которыхъ, между прочимъ, говорилось:

„Рожденный ползати—летати не можетъ.“
Письмъ о соколѣ.

„Господа гласные Курскаго губернскаго земства! Возмущенная публика, собравшаяся въ большомъ количествѣ на открытіе земскаго собранія, не можетъ обойти молчаніемъ вашего пассивнаго отношенія къ позорному событію—устраненію князя П. Д. Долгорукова отъ земской дѣятельности. Особенно ничтожной покажется та доля вниманія, которая была удѣлена собраніемъ этому прискорбному факту, когда мы взглянемъ на плодотворную дѣятельность князя Долгорукова по Суджанскому уѣзду, отмѣченную въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 24 ноября ¹⁾. Прибавимъ къ этому его открытую и честную дѣятельность въ уѣздномъ комитетѣ по улучшенію сельскаго хозяйства, его руководство комиссіей по народному образованію, при губернскомъ земствѣ, устройство всероссійской выставки по народному образованію, организацію общеобразовательныхъ курсовъ для учителей, энергичное участіе въ экономическомъ совѣтѣ, предсѣдательство въ обществѣ взаимопомощи учащимъ въ Курской губ. и, наконецъ, его участіе въ общеземскихъ совѣщаніяхъ, имѣющихъ цѣлью установленіе однообразной дѣятельности земствъ. Итакъ, если сопоставить всю колоссальную работу, которую несъ на своихъ плечахъ неутомимой безкорыстной труженикъ на „земской почвѣ“, то будетъ совершенно понятно разочарованіе публики, увидѣвшей отношеніе гласныхъ къ товарищу“ ²⁾.

Были, кромѣ того, глупѣйшія распоряженія, которыя представляли бюрократію министерства народнаго просвѣщенія въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Вотъ одно изъ такихъ распоряженій:

Циркулярно

Г. Завѣдующему . . . училищемъ.

Вслѣдствіе предложенія г. директора народныхъ училищъ Самарской губерніи отъ 20 сентября сего года, за № 2637, имѣю честь сообщить вамъ, м. г., что выѣхавшія вечернія занятія, состояща изъ бесѣдъ на заданныя учителемъ темы (полезно ли курить, польза чтенія книгъ, кто лучше—мужчина или женщина, о буквѣ „Ѣ“ и т. п.), какъ непредусмотрѣнныя законоположеніями о начальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, не должны быть допускаемы.

Инспекторъ народныхъ училищъ Ключевъ.

¹⁾ Эта статья, напечатанная въ 324 № „Р. В.“ за 1902 г.—„Комиссія курскаго губернскаго земства по народному образованію“—принадлежала И. П. Бѣловонскому.
Примѣч. Ред.

²⁾ Не можемъ не указать, что въ пылу понятнаго негодованія за недостаточно горячее отношенія собранія къ кн. Долгорукову, составители прокламаціи, по нашему

Мы нарочно привели выдержку изъ прокламаціи, чтобы показать тѣсное единеніе «третьяго элемента»,—перу котораго, несомнѣнно, принадлежалъ гектографированный листокъ,—съ лучшими земскими силами и безпристрастное отношеніе этого элемента, принадлежавшаго уже къ различнымъ партіямъ, къ представителямъ оппозиціи въ земствѣ.

Что касается дворянъ, то на депутатскомъ собраніи, состоявшемся 27 ноября, было постановлено—уполномочить губернскаго предводителя дворянства Дурново лично исходатайствовать у Государя для кн. Долгорукова аудіенцію или принять отъ него докладную записку, и въ случаѣ ни на то, ни на другое не послѣдуетъ согласія,—ходатайствовать, чтобы въ Суджанскій уѣздъ, для разслѣдованія долгоруковскаго дѣла, было послано лицо, не принадлежащее къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ. Но въ Суджу, въ ноябрѣ 1902 г., посланъ былъ не только представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, но самъ товарищъ Плеве—«знаменитый» фонъ-Валь, который, прежде чѣмъ допрашивать «главнаго виновника», кн. Долгорукова, предварительно «бесѣдовалъ» съ другими членами комитета по сельскохозяйственной промышленности. Первымъ, кажется, допрошенъ былъ членъ суджанской уѣздной земской управы В. В. Усовъ. Затѣмъ допрашивался кн. П. Д. Долгоруковъ, при чемъ между нимъ и фонъ-Валемъ произошла прелюбопытнѣйшая слѣдующая бесѣда:

Фонъ-Валь. Да знаете ли вы,—началь товарищъ министра ломанымъ русскимъ языкомъ,—князь, что за одинъ вашъ поступокъ уже можно было бы судить васъ по статьѣ 252, т. е. за подстрекательство къ государственному преступленію? И, вѣдь, если вы юристъ по образованію, вы должны знать, что послѣдствія, вытекающія изъ этой статьи, очень тяжки.

Кн. Долгоруковъ. (Удивленно и вопросительно смотритъ на Валя).

Валь. Помилуйте, вы являетесь какъ бы должностнымъ лицомъ, вамъ известны виды правительства, не менѣе того ¹⁾ вы позволили себѣ этимъ дѣломъ привѣтствовать въ Курскѣ, во главѣ учительской депутаціи графа Толстого когда онъ проѣзжалъ изъ Крыма. И дѣлали тамъ какую-то демонстрацію. Вы, конечно, сожалеете теперь объ этомъ? ²⁾

Кн. Долгоруковъ. Единственно о чемъ я сожалею, такъ это о томъ, что изъ 500 бывшихъ тогда учителей въ Курскѣ удалось, вслѣдствіе поздняго

мнѣнію, несправедливо обвинили и другихъ представителей земской оппозиціи. Дѣло въ томъ, что эта оппозиція во-первыхъ, ровно ничего не могла подѣлать съ реакціоннымъ большинствомъ, во главѣ съ предсѣдателемъ собранія Дурново, а во-вторыхъ,—она же именно, объединившись въ трехъ комиссіяхъ, и составила благодарность кн. Долгорукову, ту самую благодарность, которая вызвала одушевленные аплодисменты со стороны публики и вмѣстѣ съ тѣмъ—со стороны составителей прокламаціи.

¹⁾ Вмѣсто *тѣмъ не менѣе*. *Русскій* товарищъ министра имѣлъ, какъ, известно, мало понятія о русскомъ языкѣ, что не мѣшало ему быть „истинно-русскимъ чело-вѣкомъ“.

²⁾ Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, что отлученіе гр. Л. П. Толстого имѣло большое значеніе для освободительнаго движенія. Въ г. Курскѣ, во время описанной нами выставки, имѣла мѣсто одна изъ политическихъ демонстрацій по случаю проѣзда великаго писателя.

времени, попасть на вокзалъ лишь какимъ-нибудь 60 человѣкамъ. Если бы это отъ меня зависѣло, то я бы содѣйствовалъ тому, чтобы какъ можно болѣе учителей и учительницъ могли увидать Толстого.

Валъ. Что вы, князь, говорите! Вѣдь вы знаете, что Толстой, когда-то (?) великій художникъ, теперь палъ (!!) и сдѣлался просто революціонеромъ и агитируетъ противъ правительства. Я могу васъ увѣрить, что мы уже давно могли бы возбудить противъ него нѣсколько дѣлъ. И если онъ цѣль, то это только благодаря милосердію Государя...

Кн. Долгоруковъ. Ваше превосходительство,—развѣ только благодаря этому? Ну, а Европа?

Валъ. Ахъ, князь, какъ вы говорите: „Европа“! Кто же на Европу во внутреннихъ распоряжкахъ обращаетъ вниманіе.

Кн. Долгоруковъ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ вполнѣ понятномъ и естественномъ актѣ учителей я не вижу никакого преступленія и даже нарушенія тишины и спокойствія. Они вели себя вполнѣ чинно и только при отъѣздѣ поѣзда вмѣстѣ съ собравшеюся публикой махали стоявшему у окна графу Толстому платками и крикнули „ура“. По словамъ сопровождавшихъ графа лицъ, подобныя встрѣчи были во время остановокъ на всемъ пути изъ Севастополя. Не думаю, чтобы подобная сцена въ какомъ бы то ни было культурномъ государствѣ могла быть приравнена къ преступленію. Если бы было совершено что-либо запрещенное закономъ, то ваши же жандармы, стояшіе у каждаго окна и у дверецъ вагона, должны были бы составить протоколъ. И если уже кто нарушилъ общественную тишину и спокойствіе, то это именно жандармы, которые бросились въ толпу съ криками: „Кто вамъ приказалъ (?) кричать „ура“? Нельзя безъ приказа кричать „ура“! 1).

Валъ. Но сознайтесь, что учителя на подобныхъ сценахъ приучаются къ демонстраціямъ и противоправительственнымъ актамъ.

Кн. Долгоруковъ. Ну, ужъ съ этимъ я никогда не могу согласиться. Я увѣренъ, что ни одинъ изъ учителей, пробѣжавшихъ послѣ цѣлаго дня утомительныхъ занятій на курсахъ пять верстъ до вокзала, лишь бы взглянуть на Толстого и услышать отъ него, быть можетъ, нѣсколько словъ, не думалъ, что онъ идетъ на противоправительственную демонстрацію. Учителя, вѣдь, живые люди и не могутъ смотрѣть на такого человѣка, какъ графъ Толстой, исключительно съ полицейской точки зрѣнія. Вѣдь, кромѣ заслугъ Толстого, какъ художника и мыслителя, онъ для нихъ еще извѣстный педагогъ, создатель яснополянской школы и авторъ знаменитой азбуки. Что же касается до соображенія въ подобную минуту съ видами правительства, то мнѣ приходится на умъ слѣдующее. Вообразите, что мы при жизни Пушкина узнали бы, что онъ проѣзжалъ черезъ нашъ городъ. Я ни минуты не колеблясь, сдѣлалъ бы все возможное и побѣжалъ бы куда угодно, лишь бы имѣть счастье видѣть Пушкина. А, вѣдь, и Пушкинъ былъ не на хорошемъ счету у правительства.

Валъ. Ну, вотъ, вы говорите: „Пушкинъ!“ Какъ же можно сравнивать Толстого съ Пушкинымъ? Если хотите знать, то самъ Толстой не признаетъ Пушкина. У меня на это есть документальныя (?) данныя.

Кн. Долгоруковъ (удивленно смотритъ на Валю).

1) Жандармы, скажемъ къ слову, знали, какъ „устраиваются“ официальныя демонстраціи, когда „ура“ кричать „по приказу“.

Валь. Могу васъ увѣрить! Недавно литераторы задумали праздновать юбилей Пушкина и обратились къ Толстому, чтобы онъ присоединился къ нимъ. На это онъ отвѣтилъ письмомъ (копія котораго у насъ есть), что при теперешнемъ положеніи Россіи нельзя забавляться празднованіемъ такого писателя, какъ Пушкинъ, который не понималъ общественныхъ задачъ своего времени, а былъ пѣвцомъ любовныхъ утѣхъ, поэзія для поэзіи... И чуть ли не въ тотъ же день было получено письмо, кажется, изъ Швеціи отъ сына графа Толстого, Льва Львовича (копія котораго у насъ есть), въ которомъ онъ пишетъ, что—„да, настало время всему русскому народу праздновать Пушкина, что къ нему, дѣйствительно, не заросла народная тропа и что теперь не признавать Пушкина можетъ лишь профанъ“...

Здѣсь кстати уже приведемъ и не менѣе любопытную бесѣду о кн. Долгоруковѣ фонѣ Плеве съ суджанскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства А. В. Евреиновымъ. Послѣдній, въ концѣ января 1903 года, отправился въ Петербургъ отъ суджанскаго дворянства, съ цѣлью восстановить права князя Долгорукова. Евреиновъ вовсе не искалъ встрѣчи съ Плеве и думалъ дѣйствовать другими путями. Но случайно онъ столкнулся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Михайловскомъ театрѣ. Плеве, словно бы забывъ объ инцидентѣ съ Евреиновымъ, очень любезно заговорилъ съ послѣднимъ и просилъ его непременно зайти къ нему. Евреиновъ зашелъ на другой день, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, прочелъ докладную записку о князѣ Долгоруковѣ, въ которой, между прочимъ, перечислялись всѣ заслуги предсѣдателя суджанской уѣздной земской управы. Выслушавъ эту записку, фонъ Плеве вдругъ заявилъ, что онъ самъ... „высоко цѣнить полезную дѣятельность кн. Долгорукова и ни одной минуты не поколебался бы немедленно дать ему... губернаторское мѣсто, если бы Долгоруковъ согласился принять его. И тутъ же Плеве предложилъ Евреинову вопросъ: „но, вѣдь, князь не приметъ такого назначенія,—не правда ли, Алексѣй Владиміровичъ?“ Евреиновъ, разумѣется, подтвердилъ сомнѣнія министра и, въ свою очередь, спросилъ,—не найдеть ли возможнымъ Плеве вернуть Долгорукову мѣсто предсѣдателя управы. Но на это Плеве отвѣтилъ категорическимъ отказомъ: „теперь,—сказалъ онъ,—я этого ни въ какомъ случаѣ допустить не могу. Успокойте уѣздъ, прекратите демонстраціи, выберите новаго предсѣдателя управы и тогда я обещаю, что въ іюнѣ—юлѣ возвращу вамъ кн. Долгорукова ¹⁾. Въ февралѣ 1903 года, въ письмѣ отъ 22 числа, Плеве писалъ Дурново, что ходатайство послѣдняго о кн. Долгоруковѣ не увѣнчилось успѣхомъ ²⁾, при чемъ налагалась вина Долгорукова: участіе въ Московскомъ съѣздѣ по вопросамъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, дѣятельность въ суджанскомъ комитетѣ и сообщеніе суджанскому собранію о вызовѣ его, Долгорукова, въ Петербургъ.

Одновременно правительство въ лицѣ Плеве воевало и съ другими отдѣльными земскими дѣятелями и земствами. Послѣднія не

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что, послѣ изыятія кн. Долгорукова, ни одинъ изъ суджанскихъ членовъ не желалъ баллотироваться въ предсѣдателя, тѣмъ протестуя противъ провозвѣла Плеве.

²⁾ Любопытно, что лично Дурново Государь обѣщалъ возвратить кн. Долгорукова къ общественной дѣятельности. Въ данномъ случаѣ повторилось тоже самое, что было съ Родичевымъ.

только не унимались, а требованія ихъ и «преступная» дѣятельность повышалась все болѣе и болѣе.

Мы не будемъ излагать здѣсь всѣхъ постановленій земскихъ собраній 1902 года, такъ какъ они касались всѣхъ тѣхъ «запрещенныхъ» вопросовъ, о которыхъ мы не разъ уже говорили, а отмѣтимъ лишь наиболѣе выдающіеся факты.

Такъ земскія собранія подняли цѣлую бучу изъ-за новаго ветеринарнаго закона, опубликованнаго 12 іюня 1902 года. Къ земцамъ немедленно присоединились ветеринарныя общества, московское общество сельскаго хозяйства, многіе комитеты о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Протестъ былъ такъ великъ и рѣзокъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ вынуждено было разослать циркуляръ губернаторамъ, въ которомъ говорилось, что министерство, до введенія закона, 15 января 1903 года составитъ въ Петербургѣ совѣщаніе изъ предсѣдателей или членовъ губернскихъ управъ и ветеринарныхъ инспекторовъ для обсужденія закона уже опубликованнаго.

Чтобы не возвращаться къ этому вопросу, скажемъ здѣсь, что названное совѣщаніе состоялось 20 января 1903 года, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьева, и хотя на немъ присутствовали земцы, избранные Плеве, все же ветеринарный законъ былъ проваленъ, и его не удалось осуществить, какъ и лечебный уставъ, и наказъ училищнымъ совѣтамъ.

Губернаторы, исполняя требованія Плеве, изъ кожи лѣзли, чтобы смирить земцевъ, но это почти не удавалось ¹⁾.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1902 г. гласный профессоръ В. Д. Кузминъ-Караваевъ доложилъ распоряженіе тверскаго губернатора, воспрещающее доступъ публики на засѣданіе редакціонной комиссіи, обсуждающей предварительно докладъ, поступающіе на разсмотрѣніе губернскаго собранія. Гласный Петрушкевичъ нашелъ распоряженіе губернатора незаконнымъ и противорѣчащимъ духу земскаго положенія. Гласный Е. В. де-Роберти, профессоръ брусельскаго вольнаго университета, сказалъ, что при теперешнемъ положеніи обсужденіе этихъ вопросовъ придется лишь переложить изъ редакціонныхъ комиссій на общее собраніе гласныхъ, чѣмъ будетъ совершенно парализовано стѣснительное для собранія распоряженіе. Земское собраніе постановило обжаловать дѣйствія губернатора.

Еще большій отпоръ дало губернатору кн. Оболенскому харьковское губернское земство. Очередное собраніе 1902 г. въ Харьковѣ происходило при исключительныхъ условіяхъ. За особымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, возсѣдалъ правитель канцеляріи губернатора Пивоваровъ; въ залѣ собранія присутствовали агенты охраннаго отдѣленія. Такими мѣрами губернаторъ кн. Оболенскій, желалъ «напугать» оппозицію, т. е. такихъ гласныхъ, какъ Н. Н. Ковалевскій, М. М. Медиль, М. Д. Делярю, Г. М. и П. М. Ляйтваревъ М. И. и Ф. И. Иванцие и нѣкоторыхъ другихъ. Но оппозиція не испугалась и добилась того, что собраніе постановило обжаловать неумѣстную рѣчь кн. Ивана Оболенскаго и передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и въ сенатъ. Когда его постановленіе состоялось, губернаторъ прислалъ къ предводителю дворянства Курчанинову своего ставленника, извѣстнаго Гербеля, съ «требованіемъ» «отмѣнить постановленіе собранія», грозя въ противномъ случаѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ закрыть собраніе! Это «требованіе» было предъявлено въ то время, когда у Курчанинова обѣдали нѣкоторые гласные. Сообщеніе Курчанинова, что сказалъ ему Гербель, вызвало среди гласныхъ гомерическій смѣхъ. При этомъ Курчаниновъ прибавилъ, что онъ отвѣчалъ Гербелю, что отмѣнить постановленія собранія никто не можетъ. Обезкураженный кн. Оболенскій сталъ тогда острить по адресу собранія. Овъ, между прочимъ, сказалъ: «нашли земцы кому жаловаться—полицейскому (т. е. Плеве) на полицейскаго» (т. е. на него князя). Затѣмъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилась грубая, невѣжественная и безалазная передоная статья противъ земства.

Между тѣмъ правительство получало весьма тревожныя свѣдѣнія не только о явной, но и тайной дѣятельности земствъ.

Характернымъ образчикомъ административныхъ развѣдокъ въ этой области можетъ служить нижеслѣдующій документъ, принадлежащій перу новоторжскаго исправника.

„Его сіятельству господину Тверскому губернатору
Новоторжскаго уѣзднаго исправника
Рапортъ.

Мною получены негласнымъ путемъ свѣдѣнія о нижеслѣдующемъ: въ бывшемъ 10 числа (декабря) засѣданіи учащихъ въ новоторжской земской управѣ разсматривали рецензіи на книгахъ для чтенія въ школахъ, разбрались и предлагались книги для чтенія въ народѣ нецензурнаго содержанія, книгъ выписано много. У каждого учителя и учительницы имѣются библіотеки, отдѣльныя отъ библіотекъ училищныхъ. Книги изъ этихъ тайныхъ библіотекъ выдаются только самымъ надежнымъ, а большею частью читаются самими учителями и учительницами. Учащіе тайно собираются на собранія тамъ, гдѣ возможно, на какихъ собраніяхъ бывають дворяне: И. П. Петрункевичъ, Циргъ и другіе. Кроме того, между земскими дѣятелями бывають какія то совѣщанія. такая живая дѣятельность, происходитъ почти повсемѣстно въ имперіи, но съ той только разницей, гдѣ открыто, а гдѣ тайно, такъ что является неудобной. Отъ всѣхъ учителей заявлено земской управѣ о томъ, чтобы на будущее время были назначаемы на мѣста въ Новоторжскій уѣздъ лишь только съ согласія всѣхъ учащихъ, надо полагать въ виду того, чтобы не попалъ въ составъ учащихъ человекъ, могущій выдать особую дѣятельность ихъ. Въ районахъ Прямухинской и Пречистенской волостяхъ, будто бы замѣчается скрытое социальное броженіе, руководители котораго являются Петрункевичи, Циргъ, Н. А. Балавинскій (предсѣдатель новоторжской управы), Ландъ, учащіе и другіе, изъ каковыхъ извѣстны своимъ либерализмомъ старшина Невскій и писарь Новиковъ, бывшій учитель. Дѣйствуютъ преимущественно на богатыхъ крестьянъ, а потомъ уже и на остальное населеніе, прежде всего внушаютъ, что Бога нѣтъ, церковь—это заблужденіе и т. п., а потомъ уже переходять къ критикѣ и отрицають власти въ такомъ видѣ, въ какомъ въ настоящее время существуетъ“.

№ 455

17 декабря 1902 г.

Уѣздный исправникъ К. Чабуринъ.

Какъ ни глупъ и невѣжествененъ этотъ безграмотный документъ, но въ немъ имѣется значительная доля истины.

Въ это время, дѣйствительно, «между земскими дѣятелями» были «какія-то совѣщанія», дѣйствительно «живая дѣятельность» происходила «почти повсемѣстно въ Имперіи».

Но самонадѣянный министръ внутреннихъ дѣлъ, возлагая надежды на свой полицейскій талантъ, вѣрилъ, что все и вся онъ усмирить и уничтожить не только въ земскихъ сферахъ, но и въ другихъ.

Смѣшались и выбрасывались за бортъ неэнергичные админи-

страторы и замѣщались ретивыми помпадурями временъ Николая I-го, повсемѣстно насаждались сыскъ и шпіонство, разгромные циркуляры сыпались, какъ изъ рога изобилія. На эти послѣдніе возлагались, по-видимому, особенныя надежды.

Одно изъ обширнѣйшихъ подобнаго рода произведеній было посвящено печати. Послѣднюю Плеве считалъ самымъ ужасающимъ зломъ, при чемъ, какъ ниже увидимъ, совершенно откровенно высказывалъ такого рода взглядъ на прессу. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что ей онъ посвятилъ особенное вниманіе при первыхъ же шагахъ своей дѣятельности.

Всего черезъ 2¹/₂ мѣсяца послѣ своего назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе по дѣламъ печати уже получило наказъ составить и разослать редакторамъ поврежденныхъ изданій нижеслѣдующее административное узаконеніе.

Циркулярно.
Конфиденціально.

По приказу г. Министра внутреннихъ дѣлъ, главное управленіе по дѣламъ печати имѣетъ честь объявить г.г. редакторамъ безцензурныхъ поврежденныхъ изданій, что на будущее время сохраняютъ свою силу, на основаніи ст. 140 Устава о ценз. и печ., слѣдующія распоряженія о воспрещеніи печатать: 1) Всеподданнѣйшіе адреса безъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а равно слухи о предполагаемомъ или уже послѣдовавшемъ составленіи или представленіи такихъ адресовъ. 2) По дѣламъ производящимся въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ: а) документы и свѣдѣнія, извлеченныя изъ сихъ дѣлъ, безъ разрѣшенія надлежашей власти и б) сужденія, происходящія въ сихъ учрежденіяхъ. 3) Циркулярныя распоряженія правительственныхъ учреждений и начальствующихъ лицъ, если эти распоряженія не были объявлены официальнымъ порядкомъ, или если по отношенію ихъ не было испрошено разрѣшенія того учрежденія или лицъ, отъ котораго распоряженіе исходитъ. 4) По военному и морскому вѣдомствамъ: а) свѣдѣнія, касающіяся мобилизаціи арміи и флота, ихъ вооруженія, мѣропріятій и предполагаемыхъ преобразованій по названнымъ вѣдомствамъ, а равно всякихъ извѣстій, относящихся къ боевой готовности, кредитовъ на различныя военныя потребности, постройки стратегическихъ дорогъ, укрѣпленій и военныхъ судовъ, дислокаціи и передвиженія войскъ и т. п., каковыя свѣдѣнія и извѣстія могутъ быть заимствованы лишь изъ газеты „Русскій Инвалидъ“, и б) свѣдѣнія и статьи, касающіяся внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ частей, могущія колебать основы военной дисциплины. 5) Извѣстія и статьи, касающіяся охраны Китайской Восточной ж. д. и охранной ея стражи. 6) Свѣдѣнія, касающіяся командировки въ Персію агентовъ М—ва Финансовъ и результатовъ этой командировки. 7) Въ отношеніи учебныхъ заведеній: а) статьи, обсуждающія временныя правила о студенческихъ организаціяхъ 22-го декабря 1901 г., б) свѣдѣнія и статьи о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, и о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, налагаемыхъ на учащихся, в) всякаго рода коллективныхъ заявленій и адресовъ отъ имени учащихся, а равно сообщеніе о подобныхъ заявленіяхъ и адресахъ и г) выставляемые въ стѣнахъ учебныхъ заведеній объявленія и вообще о

внутренней жизни этих заведений без предварительнаго на то дозволенія подлежащаго учебнаго начальства. 8) По дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ: а) свѣдѣнія объ арестахъ по этимъ дѣламъ и производимыхъ по нимъ дознаніяхъ и слѣдствіяхъ, за исключеніемъ свѣдѣній, публикуемыхъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ и другихъ официальныхъ изданіяхъ; б) біографическія свѣдѣнія или какія либо иныя извѣстія о политическихъ преступникахъ и ихъ портреты и в) свѣдѣнія объ исполненіи смертныхъ приговоровъ и объ исполняющихъ ихъ лицахъ. *Примѣчаніе:* воспрещеніе, указанное въ пунктѣ б этого распоряженія, распространяется и на лицъ, посягнувшихъ на жизнь особъ иностранныхъ царствующихъ домовъ и главъ государствъ. 9) Извѣстія о беспорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, а равно о другихъ нарушеніяхъ скопомъ общественнаго порядка и спокойствія, безъ разрѣшенія высшей полицейской власти. 10) Сообщенія о появленіи чумныхъ заболѣваній среди населенія или распространеніи чумной эпидеміи въ Россіи и сопредѣльныхъ съ ней государствахъ, безъ предварительнаго разрѣшенія означенныхъ свѣдѣній медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. 11) Свѣдѣнія о личномъ составѣ сысковой полиціи и ея дѣятельности. 12) Всякаго рода воззванія и приглашенія къ пожертвованіямъ, независимо отъ формы ихъ изложенія и отъ того, предлагаются ли они къ печати въ текстѣ изданія или въ отдѣлѣ объявленій безъ особаго каждый разъ разрѣшенія полиціи или учрежденій, коимъ будутъ посылаться собранныя пожертвованія. 13) Свѣдѣнія: а) о самоубійствахъ, если на оглашеніе этихъ свѣдѣній не послѣдуетъ письменнаго дозволенія родителей или близкихъ родственниковъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія мѣстнаго полицейскаго начальства, и б) о тѣхъ случаяхъ покушенія на самоубійство, которые произошли не въ публичныхъ мѣстахъ. 14) Сообщенія и статьи о мѣропріятіяхъ правительства по расколу за послѣднее время. 15) Статьи, обсуждающія опредѣленія и посланія Св. Синода отъ 20-го и 22-го февраля 1901 г. относительно графа Толстого. 16) Неблагопріятн. извѣстія относительно кредитоспособности и состоятельности торгово-промышленныхъ учрежденій и лицъ равнѣ признанія ихъ несостоятельности по суду. 17) Свѣдѣнія о сдѣлкахъ на процентныя бумаги, состоявшія послѣ узаконеннаго часа до окончанія биржи. 18) Свѣдѣнія объ отправляемыхъ государственнымъ банкомъ партіяхъ монеты съ указаніемъ времени отправки, мѣсто и назначеніе пересылаемыхъ суммъ и состава экспортирующихся чиновъ. 20) Всякаго рода сенсационныя телеграммы, полученныя редакціями отъ неизвѣстныхъ имъ лицъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше распоряженій, сохраняетъ свою силу и опубликованное въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ общее распоряженіе отъ 12 декабря 1872 г., предостерегающее безцензурные органы печати отъ заимствованій, цѣликомъ или въ выдержкахъ и отрывкахъ, статей и документовъ, которые помѣщаются въ специальныхъ или строго научныхъ повременныхъ и другихъ изданіяхъ, преслѣдуютъ исключительно научныя цѣли и по содержанию своему не предполагаются для распространенія среди широкаго круга читателей, что могло бы имѣть нежелательныя послѣдствія. Поэтому при заимствованияхъ изъ специальной или ученой литературы г.г. редакторамъ безцензурныхъ изданій рекомендуется соблюдать должный тактъ и необходимую осмотрительность, принимая въ соображеніе, что они имѣютъ дѣло съ читателями разной степени образованія и развитія. Всѣ прочія дѣйствовавшія до нынѣ распоряженія въ отношеніи безцензурныхъ изданій, объявленныя на

основаніи ст. 140 Устава о ценз. и печ., должны почитаться отмѣненными настоящимъ распоряженіемъ. Подписалъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати сенаторъ Звѣревъ. Вѣрно: помощникъ правителя дѣлъ *Н. Дяновъ*.

Но и послѣ этого были изданы еще циркуляры, воспрещавшіе писать: 1) о пріѣздѣ Харьковскаго губернатора кн. И. М. Оболенскаго въ Петербургъ ¹⁾, 2) о дѣлѣ помощника присяжнаго повѣреннаго Рогачевскаго, разсматривавшемся въ Харьковѣ 3) предписывалось всѣ отчеты о придворныхъ событіяхъ и т. п. извѣстія, подвергающіяся цензурѣ Императорскаго Двора, помѣщать цѣликомъ, безъ всякихъ сокращеній, въ томъ видѣ, въ какомъ разрѣшала цензура Двора.

Возвращеніе къ Николаевскимъ временамъ наблюдались и въ другихъ сферахъ ²⁾.

Курскій губернаторъ, уже извѣстный намъ, графъ Милютинъ издалъ, на примѣръ, такой циркуляръ:

Секретно.

Циркулярно.

Гг. земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ Курской губерніи.

Въ циркулярномъ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 21 іюля 1883 г. № 525, между прочимъ, было сообщено, что при исполненіи закона 3-го мая 1883 г. (п. 4), позволяющаго раскольникамъ занимать общественныя должности, надлежитъ руководствоваться какъ мѣстными условіями и обстоятельствами, такъ равно нравственнымъ характеромъ ученія и другими свойствами секты, къ которой будетъ принадлежать набираемое лицо, отнюдь не допуская утвержденія въ должностяхъ, соединенныхъ съ властью или вліяніемъ, такихъ лицъ, кои замѣчаются въ распространіи своихъ заблужденій между православными. Между тѣмъ изъ сообщенныхъ министерству свѣдѣній усмотрѣно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ раскольники, избираемые, на основаніи упомянутаго выше закона, на разныя общественныя должности, преимущественно по волостному и сельскому управленіямъ, пользуются своимъ служебнымъ положеніемъ во вредъ православної церкви и безнаказанно совращаютъ православныхъ... Вслѣдствіе этого, господниъ министръ внутреннихъ дѣлъ, циркуляромъ отъ 24-го мая 1887 года № 334, просилъ губернаторовъ обратить вниманіе на то, что, при изданіи закона 3-го мая 1883 г. о правахъ раскольниковъ. Правительство, какъ объяснено въ циркулярѣ за № 525, избѣгая всего того, что могло бы имѣть видъ послабленія раскольничьимъ ученіямъ, стремилось предоставить общегражданскія права и удовлетворить религіознымъ потребностямъ сектантовъ въ той степени въ какой то и другое не можетъ навести вреда господствующей церкви. Поэтому Высочайше утвержденными по сему предмету правилами дозволяется раскольникамъ занимать общественныя должности съ утвержденіемъ въ указанныхъ случаяхъ подде-

¹⁾ Это запрещеніе вызвано было несомнѣнно покушеніемъ на жизнь Оболенскаго въ Харьковѣ 29 іюля. Покушавшійся Кочура былъ приговоренъ къ смертной казни, которая была отиѣнена по ходатайству Оболенскаго.

²⁾ Скажемъ вкратцѣ, что черезъ недѣлю послѣ назначенія Плеве министромъ, неожиданно, 11 апрѣля 1902 г., былъ удаленъ министръ народнаго просвѣщенія Ванновскій, не закончивъ ни одной изъ своихъ реформъ, основанныхъ на „сердечномъ попеченіи“. Вмѣсто Ванновскаго назначенъ былъ Зенгеръ.

защищхъ властей. Установленіемъ правила, по которому вступленію въ отправленіе должности должно предшествовать утвержденіе въ оной, имѣлось въ виду именно воспрепятствовать раскольникамъ пользоваться властью и вліяніемъ для распространенія своихъ лжеученій“. На основаніи приведеннаго, курскій губернаторъ „вмѣнялъ въ непремѣнную обязанность гг. земскимъ начальникамъ и уѣзднымъ исправникамъ Курской губерніи, при разсмотрѣніи списковъ лицъ, избранныхъ въ должности волостного старшины, сельскаго старосты и т. п. членовъ сельскаго управленія изъ среды раскольниковъ, руководствоваться правилами и указаніями министерства внутреннихъ дѣлъ, преподанными въ циркулярѣ отъ 29-го мая 1887 г. за № 334, и не утверждать раскольниковъ, выбранныхъ въ должность старосты, кои замѣчаются въ распространеніи своихъ заблужденій между православными, и вообще лицъ, не внушающихъ къ себѣ довѣрія“. (Подписаль) Графъ Милютинъ. Свѣрять: дѣло-производитель *Авдеевъ*.

Но всѣ эти мѣры, произволы и насилія лишь усиливали освободительное движенія вообще и земское въ частности.

И. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Декабристъ князь Ѳ. П. Шаховской.

(Биографическая замѣтка).

Въ опубликованномъ въ настоящей книгѣ «Былого» «Спискѣ сосланнымъ подъ надзоръ и стражу Владимірской губерніи, въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, разнаго званія людямъ, съ 1801-го года по 30 ноября 1836 года» останавливаетъ вниманіе № 69-ый.

«Государственный преступникъ Шаховскій, 1829 года, марта 6-го дня, по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, присланъ изъ Сибири, при отношеніи Енисейскаго гражданскаго губернатора, отъ 16 февраля 1829 года, по случаю помѣшательства въ умѣ его, для содержанія его здѣсь подъ строгимъ надзоромъ.—Того же 1829-го года, мая 24-го дня померъ».

Этотъ Шаховской въ свое время былъ княземъ Шаховскимъ, однимъ изъ учредителей «Союза Спасенія», преобразованнаго въ 1817 году въ «Союзъ Благоденствія». Уже изъ за одного этого обстоятельства стоило бы собрать немногочисленныя и скудныя извѣстія объ общественной дѣятельности и жизни князя Шаховскаго. Правда, внѣ отношеній къ общественному движенію, отношеній, продолжавшихся весьма недолго и кончившихся задолго до декабрьской катастрофы, жизнь кн. Шаховскаго не представляетъ никакихъ выдающихся эпизодовъ; наоборотъ, если она и возбуждаетъ интересъ, то исключительно, какъ типическая исторія средняго дворянина, отбывшаго извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, а затѣмъ занимающагося въ собственныхъ помѣстьяхъ хозяйствомъ. И только несчастный конецъ—незаслуженная кара, тяжелая болѣзнь, сумашествіе—окрашиваетъ эту жизнь неожиданными красками ¹⁾.

I.

Князь Ѳедоръ Петровичъ Шаховской родился въ 1797 году въ средней по достаткамъ, но родовитой дворянской семьѣ. Отецъ его—Петръ Ивановичъ въ чинѣ отставнаго тайнаго совѣтника въ 20-хъ годахъ проживалъ въ своемъ имѣніи Заостровѣ Холмскаго уѣзда,

¹⁾ Въ основу очерка положены дѣла декабристовъ, хранящіяся въ Государственномъ Архивѣ М. И. Д.; главнымъ образомъ, дѣло Шаховскаго (I В № 354) и его записка объ имущественномъ положеніи въ дѣлѣ I В № 315. Ссылка на листы этихъ дѣлъ не дѣлаемъ.

Новгородской губернии. Мать—Анна Ѳедоровна урожденная княжна Щербатова (умерла 2 ноября 1825 года). Достатки Шаховскихъ были далеко не крупныя. На имѣніи были большіе долги, а судебный процессъ, который долженъ былъ бы въ случаѣ удачнаго исхода обезпечить семью Шаховскихъ, тянулся многіе годы (въ 1826 году тяжба продолжалась уже 11-ый годъ) и, очевидно, поглощала не мало денегъ. Кромѣ сына Ѳедора въ семьѣ было двѣ дочери Прасковья и Катерина. Каждая изъ нихъ получила при выходѣ замужъ по 230 душъ крестьянъ.

О воспитаніи и образованіи кн. Шаховского нѣтъ свѣдѣній. Онъ показывалъ въ 1826 году передъ слѣдственной комиссіей, что «обучался одинъ годъ въ пансіонѣ г-на Жакино, но по краткому времени пребыванія не могъ приобрѣсти никакихъ познаній». Но, несмотря на полное отсутствіе систематическаго образованія, князя Шаховского нельзя не причислить къ образованнымъ людямъ того времени: стоитъ только перечитать его отвѣты на слѣдствіи и оцѣнить ихъ стиль и логику. Чего не далъ пансіонъ, то было дано собственнымъ желаніемъ и условіями общественной жизни. «Въ послѣдствіи (по выходѣ изъ пансіона Жакино)—читаемъ въ показаніяхъ Шаховского—занимаясь по собственной охотѣ къ наукѣ, имѣлъ я случай во время пребыванія 38 Егерскаго полка для караула въ Москвѣ, слушать курсъ политическихъ и дипломатическихъ наукъ у профессора Шлецера».

Но еще до курсовъ Шлецера Шаховского многому научила жизнь. Въ 1813 году, на 17 году, Шаховской былъ зачисленъ въ резервную команду лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, находившагося въ это время во Франціи. На слѣдующій годъ Шаховской прибылъ къ полку «въ село Мегрень» и началъ свою дѣйствительную службу въ чинѣ подпрапорщика (съ 30 января 1814 года). Въ маѣ онъ былъ уже прапорщикомъ. Мы знаемъ теперь, какія впечатлѣнія дала нашимъ офицерамъ жизнь за- границей въ 1813—1814 гг. Вліянію западныхъ идей и западной дѣйствительности поддавался, конечно, и Шаховской. Его формуляръ такъ говоритъ о его «походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля» за рубежомъ Россіи. Онъ участвовалъ въ походахъ и дѣлахъ: «1814 года по переходѣ за Рейнъ въ предѣлы Франціи, марта 18, при городѣ Парижѣ, и отъ онаго черезъ Нормандію до города Шербурга, а оттуда на Россійской эскадрѣ въ городъ Кронштадтъ».

II.

По возвращеніи въ Россію, Шаховской принялъ живѣйшее участіе въ возникавшемъ тогда общественномъ движеніи. Особенно оживленной была осень 1816 года въ С.-Петербургѣ. Въ это время начались въ различныхъ кружкахъ, военныхъ, по преимуществу, толки о необходимости основать тайное общество для спасенія отечества. Шаховской могъ толковать о недостаткахъ строя, о тайномъ обществѣ прежде всего въ кружкѣ своихъ однополчанъ—семеновскихъ офицеровъ: И. Д. Якушкина, С. И. и М. И. Муравьевыхъ-Апостоловъ, С. П. Трубецкого. «Въ 1816 году—показывалъ въ 1826 году Шахов-

ской,—частое свиданіе и короткое знакомство въ полку доставило мнѣ случай узнать нѣкоторыхъ людей, которые приобрѣли полную мою довѣренность, сколько познаніями своими, столько и совѣтами обратилъ старанія мои къ пользѣ умственнаго образованія. Наконецъ, поручикъ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ открылъ мнѣ, что есть общество, имѣющее предметомъ благосостояніе Россіи, изложивъ притомъ вкратцѣ всѣ положенія онаго». Это было еще не общество, а только тотъ кружокъ офицеровъ Семеновскаго полка, который, соединившись съ П. И. Пестелемъ, началъ работать надъ уставомъ тайнаго общества.

Не только политическія идеи интересовали въ это время Шаховского: онъ былъ еще и ревностнымъ масономъ. Съ такой характеристикой остался онъ въ извѣстныхъ «Запискахъ» И. Д. Якушкина. Мы не знаемъ, когда онъ вступилъ въ масоны, но въ 1816 году мы находимъ его въ *Ложѣ Трехъ Добродѣтелей*.

Объ этой ложѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ запискахъ М. А. Фонвизина читаемъ слѣдующее извѣстіе: «члены Союза (Благоденствія) учреждали и отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія. таковы были общество военное, члены котораго узнавали другъ друга по надписи, вырѣзанной на клинкахъ шпагъ и сабель: «За правду», литературныя,—одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, послѣднее подъ названіемъ «Зеленой Лампы», и двѣ масонскія ложи, въ которыхъ большинство братій состояло изъ членовъ «Союза Благоденствія»¹⁾.

Военное общество насъ не интересуетъ, объ одномъ изъ литературныхъ, связанныхъ съ Шаховскимъ, мы скажемъ ниже; провѣримъ свидѣтельство Фонвизина о масонскихъ ложахъ. А. Н. Пыпинъ высказалъ предположеніе о томъ, что ложи эти—Трехъ добродѣтелей и Михаила Избраннаго²⁾. А. Н. Пыпинъ въ спискахъ ложи *Трехъ Добродѣтелей* отмѣтилъ множество фамилій лицъ, принимавшихъ участіе въ движеніи декабристовъ. Тутъ были и кн. С. Г. Волконскій, кн. И. А. Долгорукій, кн. С. П. Трубецкой, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы, Н. И. Муравьевъ, П. И. Пестель. Нижеслѣдующія данныя совершенно подтверждаютъ догадку А. Н. Пыпина о ложѣ *Трехъ Добродѣтелей*³⁾.

13 апрѣля 1826 года М. И. Муравьевъ далъ, между прочимъ, слѣдующее показаніе: «Александръ Муравьевъ въ 1817 году хотѣлъ, чтобы общество, которое онъ составилъ, дѣйствовало черезъ масонскую ложу, почему и была основана ложа *Трехъ Добродѣтелей*. Но онъ оставилъ скоро сію мысль, потому что все время засѣданія ложи занято масонскими работами и что всякій масонъ имѣетъ право приѣхать въ ложу. Князь Лопухинъ, Александръ Муравьевъ, кн. Долгорукій, кн. Трубецкой, кн. Ѳ. Шаховской, Никита Муравьевъ, братъ мой и я принадлежали сей ложѣ; это самое меня заставило вспомнить, что кн. Ѳ. Шаховской принадлежалъ обществу прежде, нежели гвардей-

¹⁾ Обществ. движ. въ Россіи въ первую половину XIX в. Т. I. Декабристы М. А. Фонвизинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. П. Штейнгель. СПб. 1905. Стр. 187, 188.

²⁾ А. Н. Пыпинъ. Обществ. движ. при Александрѣ I Изд. 2 СПб. 1885. Стр. 327.

³⁾ Нѣкоторыя подробности объ этой ложѣ см. въ статьяхъ А. Н. Пыпина. „Матеріалы для исторіи масонскихъ лож“. Вѣст. Евр. 1872 г., февр. стр. 592.

скій отрядъ пришелъ въ Москву (т. е. осенью 1817 года ¹⁾). Александръ же Муравьевъ по поводу этой ложи показалъ: «хотя я и не былъ начальникомъ ложи, называемой *Трехъ Добродѣтелей*, а былъ онимъ князь Лопухинъ, я же былъ вторымъ по немъ членомъ, но сознаюсь, что имѣлъ преступное намѣреніе подъ покровомъ сей масонской ложи обезопасить членовъ общества; почему и старался привлечь въ нее членовъ. Но сіе происходило въ С.-Петербургѣ, прежде выступленія Гвардейскаго отряда въ Москву. Въ Москвѣ же я ложи не держалъ» ²⁾. Дѣйствительно въ спискахъ ложи Александръ Муравьевъ въ 1817—18 годахъ показанъ намѣстнымъ мастеромъ, а затѣмъ отсутствующимъ, въ Москвѣ. Любопытно, что вступленіе въ ложу большого числа декабристовъ произошло именно въ 1816 г.

Къ этой то ложѣ принадлежалъ и Шаховской. Исполняя всю масонскую обрядность, онъ думалъ вмѣстѣ съ другими братьями и о томъ, какъ учредить общество. Къ концу 1816 года, съ присоединеніемъ къ кружку Пестеля, обрисовались очертанія тайнаго «Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ стечества» или «Союза Спасенія». Для выработки устава или «статута» общества была выбрана коммиссія. Въ нее вошли кн. И. А. Долгорукій, кн. С. Н. Трубецкой, П. И. Пестель и кн. Ѳ. П. Шаховской. Послѣдній былъ секретаремъ коммиссіи. «Статутъ» до насъ не дошелъ, но извѣстно, что многое въ немъ было заимствовано изъ уставовъ масонскихъ ложъ. Эти заимствования—нужно думать—сдѣланы въ извѣстной мѣрѣ подъ влияніемъ кн. Ѳ. П. Шаховского. Въ коммисіи, выработавшей уставъ, мы знаемъ Пестеля за заговорщика, Шаховского за масона; о князьяхъ Долгорукомъ и Трубецкомъ мы не имѣемъ столь же опредѣленныхъ указаній. Если Пестель вносилъ заговорщическій духъ въ уставъ общества, то масонской обрядностью общество, быть можетъ, обязано кн. Ѳ. П. Шаховскому. 9 февраля 1817 года на общемъ собраніи уставъ былъ принятъ и общество получило свое утвержденіе. Въ этомъ же году на засѣданіяхъ въ Москвѣ оно было преобразовано въ «Союзъ Благоденствія».

Шаховской остался членомъ и преобразованнаго общества. Онъ принималъ участіе въ засѣданіяхъ, посвященныхъ реформѣ Союза. Въ своихъ показаніяхъ въ 1826 году онъ говоритъ: «въ 1817 году въ Москвѣ былъ я въ одномъ собраніи, въ которомъ положено было о установленіи управъ: въ оныя уполномоченный могъ принимать не помню 5 или 10 человекъ». Въ Москвѣ же онъ присутствовалъ на собраніи у Александра Муравьева, когда И. Д. Якушкинъ вызвался совершить царевубійство. Но объ этомъ собраніи подробнѣе мы скажемъ ниже.

Свѣдѣній о томъ, что именно дѣлалъ Шаховской по «Союзу Благоденствія», не сохранилось: мы не знаемъ даже, принялъ ли онъ кого-либо въ общество. Ст. Мих. Семеновъ показывалъ въ 1826 году, что онъ принялъ въ Союзъ Благоденствія нѣкимъ Волковымъ въ январѣ или февралѣ 1819 года. «Въ это время, говоритъ онъ, въ Москвѣ

¹⁾ Госуд. Арх. I В. № 397 л. 117.

²⁾ Госуд. Арх. I В. № 351 л. 20.

учреждались двѣ управы: 1) Оед. Шаховскаго (Волковъ и Семеновъ) и 2) Александра Муравьева (Мих. Муравьевъ, Петръ Колошинъ, студентъ Богородицкій и Раичъ)». Это извѣстіе, къ сожалѣнію, не подтверждается извѣстными намъ данными—Александръ Муравьевъ ни слова не говоритъ объ управѣ кн. Шаховскаго.

Мы приводили выше свидѣтельство М. А. Фонвизина о литературномъ обществѣ, дѣйствовавшемъ въ духѣ Союза Благоденствія. Это свидѣтельство можно дополнить его показаніями. На вопросъ слѣдственнаго комитета о томъ, какія вольныя общества были основаны членами Союза. Фонвизинъ отвѣчалъ: «Вольныхъ обществъ ни одного мнѣ не было извѣстно, да, кажется, ни одного не существовало, кромѣ опыта, сдѣланнаго кн. Ѳедоромъ Шаховскимъ, учредить общество литературное изъ нѣкоторыхъ молодыхъ московскихъ литераторовъ, который не удался, ибо послѣ двухъ собраній они разстались»¹⁾.

Объ этомъ литературномъ обществѣ, учрежденномъ Шаховскимъ, говоритъ въ своихъ показаніяхъ и своихъ запискахъ В. П. Зубковъ. Шаховской предлагалъ ему, Зубкову, въ 1817 или 1818 году вступить въ литературное общество. Зубковъ не знаетъ его названія, но помнитъ, что былъ писанный уставъ. «Цѣль общества кажется, заключалась единственно въ распространеніи общепользныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованіяхъ». Зубковъ въ это общество не вступилъ²⁾.

Вотъ все, что мы знаемъ объ общественной дѣятельности Шаховскаго. Съ 1819 года онъ начинаетъ отдаляться отъ Союза Благоденствія.

III.

Отдаленію Шаховскаго отъ дѣлъ общества способствовали его семейныя и служебныя обстоятельства. 13 марта 1817 года онъ былъ произведенъ въ подпоручики Семеновскаго полка; вмѣстѣ съ 1-ымъ батальономъ этого полка онъ прибылъ въ Москву и, находясь здѣсь, осенью онъ подалъ прошеніе о переводѣ въ 38-ой Егерскій полкъ. 16 января 1818 года онъ былъ перечисленъ въ этотъ полкъ штабсъ-капитаномъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ женился на княжнѣ Натальѣ Дмитріевнѣ Щербатовой, дочери князя Дмитрія Михайловича Щербатова. Этимъ бракомъ Шаховской пріобрѣлъ хорошую родню: братъ его жены Иванъ Дмитріевичъ служилъ въ Семеновскомъ полку и дружилъ съ Якушкинымъ, Лореромъ, переписывался съ С. И. Муравьевымъ. Послѣ извѣстной Семеновской исторіи онъ былъ обвиненъ въ одобрителномъ отзывѣ о поведеніи Семеновскихъ солдатъ и разжалованъ въ солдаты³⁾.

¹⁾ Госуд. Арх. I. В. № 353 л. 25.

²⁾ Записки В. П. Зубкова. Съ пред. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго. СПб. 1906.

³⁾ О немъ въ ст. В. И. Семевскаго „Волевіе въ Семеновскомъ полку въ 1820 г.“ („Былое“, 1907 г., мартъ, стр. 106—107).

Въ декабрѣ 1819 года Шаховской былъ назначенъ адъютантомъ къ ген.-лейт. И. Ѳ. Паскевичу и вмѣстѣ съ женой отправился въ Петербургъ. Въ военной службѣ Шаховской оставался недолго. Въ 1820 году онъ былъ произведенъ по Егерскому полку въ капитаны, 17 октября 1821 года во время расположенія главной квартиры въ Витебскѣ Шаховской былъ отчисленъ отъ должности адъютанта и вернулся въ полкъ, а въ 1822 году «по жестокой хронической болѣзни», уволенъ былъ въ отставку съ чиномъ маіора. По формулярному списку 1826 года Шаховской «состоитъ въ комплектѣ, а находится въ отпуску по приказу главнокомандующаго 2-ой арміей въ городѣ Москвѣ съ 7 декабря 1821 года по 1 апрѣля с. г. (т. е. 1826 года.)» Въ началѣ 1822 года до отъѣзда въ Москву съ Шаховскимъ случилась небольшая неприятность. По предписанію начальника главнаго штаба князя Волконскаго комендантъ Верекинъ отобралъ у Шаховского всѣ бумаги и при возвращеніи ихъ взялъ съ него и съ его жены подписку въ томъ, что «по дѣлу Семеновскаго полка и о полковникѣ Шварцѣ они никакой переписки не имѣли». Обыскъ у Шаховского являлся, очевидно, результатомъ его родственныхъ связей съ кн. Ив. Дм. Щербатовымъ. Приблизительно въ это же время и по этому же поводу былъ сдѣланъ запросъ и объ И. Д. Якушкинѣ.

Выходъ въ отставку былъ вызванъ и болѣзью Шаховского, и необходимостью устроить свои дѣла. Съ женитьбой ему пришлось ближе стать къ помѣщичьему хозяйству и крестьянскому быту. Самъ онъ отъ своихъ родителей при женитьбѣ ничего не получилъ, а жена принесла ему въ приданое 420 душъ, значившихся въ двухъ уѣздахъ: Нижегородской губерніи—Ардатовскомъ въ селѣ Орѣховцѣ и Арзамасскомъ въ селахъ Кузьминѣ и Слизневѣ. По выходѣ въ отставку Шаховской вмѣстѣ съ семьей поселился въ Орѣховцѣ.

Орѣховецкіе крестьяне требовали къ себѣ большаго вниманія. Въ 1820 или началѣ 1821 года выгорѣло 60 дворовъ со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ. Въ этомъ экстренномъ случаѣ Шаховскіе были поставлены въ необходимость помочь погорѣльцамъ и сохранить доходъ получаемый съ имѣнія. Имѣніе было съ этой цѣлью заложено.

Въ запискѣ объ имущественномъ положеніи, писанной въ 1826 году, Шаховской сообщаетъ не лишеныя интереса свѣдѣнія о своемъ хозяйствѣ.

„Прибывъ въ село Орѣховецъ (въ 1822 г.) нашли мы крестьянъ въ великой бѣдности, и желая облегчить ихъ и дать средства къ поправленію ихъ состоянія, положили значительный капиталъ, обративъ часть онаго на усовершенствованіе ихъ хлѣбопашества и хозяйственныхъ заведеній. Вскорѣ, общій доходъ ихъ увеличился. Экономическія поля и нѣкоторые мірскіе доходы съ почтовой гоньбы и постоянныхъ дворовъ, ежегодно составляютъ капиталъ, который обезпечиваетъ плату податей и сборъ магазейнаго хлѣба, и который, увеличиваясь, въ послѣдствіи принесетъ большую пользу, какъ при рекрутской повинности, такъ и въ несчастныхъ случаяхъ, могущихъ навлечь разореніе крестьянскаго состоянія. Надѣля также крестьянъ лучшею и ближайшею землею, по малому количеству оной, соразмѣрно съ числомъ жителей, для своей пашни нанимаемъ въ годы. Съ введеніемъ лучшей системы земледѣлія получали мы хорошей доходъ;

но въ прошломъ (1825 году), новое несчастье постигло насъ: 180 десятинъ крестьянскаго и нашего ржаного посѣва, выбиты сильнымъ и крупнымъ градомъ такъ, что едва могли собрать по нѣсколько колосевъ, изъ которыхъ выбили часть зеренъ; но они оказались къ посѣву не удобны и употреблены въ пищу.— По принятымъ мѣрамъ крестьяне большого разстройства не потерпѣли, заплатили подати бездоимочно, и съ малою отъ насъ помощью прокормились безъ нужды; сами же мы лишились всѣхъ средствъ получить достаточный доходъ, для уплаты процентныхъ денегъ въ С. Петербургскій Опекунскій Совѣтъ, и въ отсутствіи моемъ жена выслала всѣ послѣднія, какія у нея оставались, деньги и сколько могла занять; но все было недостаточно;—и уже сестра моя, бывъ тогда въ Петербургѣ, нашла средство достать нужную сумму для уплаты процентовъ и просрочки.

Послѣ кончины родительницы моей, послѣдовавшей 2-го ноября 1825 года по духовному ея завѣщанію, поступило ко мнѣ за выдѣломъ сестрамъ моимъ остальное недвижимое имѣніе: Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда село Верзилово, при которомъ 146 ревизскихъ душъ, и Калужской губерніи, Козельской округи, въ селѣ Фроловскомъ: 116.—

Съ полученіемъ сего имѣнія, достались мнѣ слѣдующіе долги: по залогу онаго въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, остальныхъ за неуплатою 32. 600; частныхъ, по заемныхъ обязательствамъ, и за выкупъ вещей старшей сестры по духовному завѣщанію, въ 2 т., всего 16 т. и данныхъ ей же отъ покойной нашей родительницы заемныхъ писемъ, на 40 т. рублей.

Сверхъ сего, отъ села Фроловскаго отошло болѣе 600 десятинъ лучшей луговой, лѣсной и пашенной земли, по неосмотрительности, сдѣланной при написаніи данной записи, при замужествѣ сестры княжны Катерины, по которой отхожая пустошь Вершинина, при общемъ управленіи имѣнія, бывъ въ половинномъ владѣніи у крестьянъ деревни Ягловой (?), поступившей сестрѣ, и у крестьянъ села Фроловскаго, назначеннаго на мою часть, —отдана ей, какъ по отказнымъ книгамъ значится, —все безъ остатка⁴.—Г. Шишкинъ по продажѣ Сестрою моею имѣнія сего, войдя во владѣніе причислилъ и дачу Вершинину въ свое владѣніе. Дѣло о семъ, какъ о незаконномъ завладѣніи, —началось за нѣсколько времени до кончины матери моей, и по приказанію ея, ѣздилъ я въ городъ Козельскъ, гдѣ сообразя поданное отъ бурмистра прошеніе, и объясненіе г-на Шишкина, согласное съ данной записью, на основаніи которой написана была купчая, нашелъ что онъ имѣлъ на сію пустошь полное право.—

Между тѣмъ крестьяне оставались всего при 200-хъ десятинахъ, самой дурной земли, и то въ черезполосномъ владѣніи, и пришли въ совершенное разореніе. Видя ихъ въ столь затруднительномъ положеніи, отправился я для осмотра имѣнія, и узналъ, что Шишкинъ, завладѣвъ значительнымъ количествомъ земли, въ приписанной части къ селу Фроловскому, въ Пищовой дачѣ общаго владѣнія моего, съ князьями: Голицынымъ и Вадбольскимъ. Съ возвращеніемъ сей земли, представлялось средство улучшить состояніе несчастныхъ Крестьянъ почему и поспѣшилъ я подать прошеніе въ Козельской Уѣздный Судъ, и приложивъ выписки съ отказныхъ книгъ и духовнаго завѣщанія, доказывающихъ право владѣнія моего въ сей дачѣ, просилъ отказать оную за меня, что въ скорости и исполнено; а на г-на Шишкина, за насильственное завладеніе и получаемый въ три года доходъ, обращено по сдѣланной оцѣнкѣ взысканіе.

Такимъ образомъ, съ прошедшаго года, крестьяне пользуются сею землею,

и хоть она отстоитъ въ 7-ми верстахъ отъ деревни, но они успѣли постѣять озимой хлѣбъ и завели 12 десятинъ экономическаго поля. Притомъ, для облегченія ихъ, сложилъ я болѣе трети части оброка прежде положеннаго, приведя сборъ онаго въ самое удобное время, и потому разчету, сколько слѣдуетъ за годовой взносъ процентовъ, по залогу ихъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Наконецъ съ большимъ затрудненіемъ, приведя имѣніе въ нѣкоторый порядокъ, рѣшилъ я перезаложить оное въ 24-хъ лѣтній банкъ, и изъ прибавочныхъ денегъ уплатилъ частныя долги,—и употребилъ большую сумму на заведеніе хозяйства въ селѣ Верзиловѣ, какъ на поддержаніе строенія, такъ и на заведеніе земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ луговыхъ и овощныхъ, ожидая, что по близкому разстоянію отъ Москвы, по качеству земли и по усовершенствованному сѣвообороту, сдѣланныя издержки возвратятся и доходъ можетъ быть хорошій.

За уплатою частнаго долга и сдѣланными необходимыми расходами, на приведеніе имѣнія и крестьянъ въ лучшее устройство, остается долга на имѣніи: казеннаго, по залогу 52/т. и по обязательствамъ, даннымъ отъ покойной родительницы, сестрѣ моей, княгинѣ Прасковѣ, нынѣ Войно-Куринской на 40/т.; что вмѣстѣ составляетъ сумму 92/т. рублей. Съ искреннымъ желаніемъ исполнить священную для меня волю матери моей, не предвижу я возможности выплатить деньги сіи доходами съ имѣнія, столь разстроенаго и обремененнаго долгами; для чего и предлагалъ я сестрѣ принять въ уплату село Фроловское, устроенное уже стараніемъ моимъ и значительными издержками, о чѣмъ еще писалъ ей въ концѣ іюня мѣсяца».

IV.

Со времени выхода въ отставку постояннымъ мѣстожителемъ Шаховскаго стало имѣніе его жены Орѣховецъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи. Погруженный въ хозяйственныя заботы, Шаховской уже не имѣлъ возможности прилежать дѣламъ общества и самъ собой отдалился отъ него. Правда, по зимамъ онъ пріѣзжалъ въ Москву, но никакого фактическаго участія въ жизни общества не принималъ. Объ этомъ засвидѣтельствовали всѣ, кого спрашивали въ слѣдственной комиссіи.

Не знаемъ, гдѣ застала Шаховскаго катастрофа 14 декабря, но присягу на вѣрность Николаю I онъ принесъ въ церкви своего села Орѣховца. До Шаховскаго доходили, конечно, слухи объ арестахъ по всей Россіи, и онъ не могъ надѣяться, что гроза пронесется мимо него. Но прошелъ январь, почти весь февраль, а Шаховскаго не трогали. Въ это время имя его уже не разъ было произнесено на допросахъ комиссіи, и слѣдователи уже знали о немъ и какъ объ одномъ изъ учредителей Союза Спасенія и первыхъ членовъ Союза Благоденствія и какъ объ участникѣ собранія у Александра Муравьева, гдѣ Якушкинъ вызвался совершить царубійство.

Въ концѣ января нижегородскимъ гражданскимъ губернаторомъ Крюковымъ было перехвачено какое-то письмо, которое извѣщало Шаховскаго о томъ, что комиссія освѣдомлена о немъ и розыскиваетъ его въ Калугѣ. Губернаторъ сейчасъ же донесъ объ этомъ военному министру, а «для предупрежденія отлучки Шаховскаго изъ мѣста жи-

тельства, на случай личного требованія въ С.-Петербургъ, распорядился приглашеніемъ его въ Нижній-Новгородъ».

Князь Шаховской не сталъ ждать требованій изъ Петербурга, а, явившись къ губернатору, подалъ ему слѣдующее заявленіе:

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

Исполненіе воли правительства составляетъ общую обязанность вѣрноподанныхъ. Желая ускорить оправданіе мое передъ лицомъ Государя Императора, покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство отпустить меня въ Санктъ-Петербургъ.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь! Вашего превосходительства покорнымъ слугою князь Федоръ Шаховской. Марта 2 дня 1826 года.

На слѣдующій же день губернаторъ исполнилъ просьбу Шаховского и отправилъ его въ Петербургъ съ полицейскимъ чиновникомъ. Шаховской выѣхалъ изъ Нижняго, совсѣмъ не думая, что больше сюда онъ не вернется. Въ Орѣховцѣ онъ оставилъ беременную жену съ 6-лѣтнимъ сыномъ.

Слѣдственная комиссія въ засѣданіи 14 марта заслушала отношеніе начальника главнаго штаба о прибытіи Шаховского съ объявленіемъ Высочайшей воли, чтобъ князь Шаховской былъ допрошенъ въ комитетѣ. Къ этому времени комиссія уже успѣла получить всѣ нужныя ей свѣдѣнія объ обществѣ, а потому и не торопилась допрашивать Шаховского: послѣдній являлся для комиссіи только человѣкомъ котораго нужно было обвинить, и совсѣмъ не былъ источникомъ свѣдѣній ¹⁾ Только 2 апрѣля состоялся первый допросъ.

V.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на исторіи осужденія князя Шаховского. Это—одинъ изъ самыхъ неправосудныхъ эпизодовъ суда надъ декабристами, могущій служить иллюстраціей всего процесса.

Кн. Шаховской—единственный изъ декабристовъ, во все время слѣдствія не измѣнившій принятой имъ тактикѣ оправданія. На допросахъ онъ держался замѣчательно выдержанно: давая послѣднія показанія своимъ слѣдователямъ, онъ не увеличилъ ни на іоту тотъ слѣдственный матеріалъ, который могъ быть извлеченъ изъ его первыхъ отвѣтовъ. Ни очныя ставки, ни предъявленіе показаній другихъ участниковъ не сбили Шаховского съ намѣченнаго имъ пути защиты. Онъ—рѣшительное исключеніе среди всѣхъ декабристовъ, слѣдственные процессы которыхъ производятъ тяжелое впечатлѣніе полнѣйшей бессистемностью показаній, обиліемъ сообщеній, признаній и раскаяній.

---

¹⁾ Первое время Шаховской сидѣлъ въ помѣщеніи главнаго штаба потомъ въ военно-сухопутномъ госпиталѣ, отсюда его перевели въ Петропавловскую крѣпость.

Показанія же Шаховского полны достоинства, котораго такъ не хватало его товарищамъ. Князь Шаховскій призналъ, что онъ былъ членомъ Союза Благоденствія. «Въ содѣйствіи Союзу Благоденствія движимъ былъ убѣжденіемъ, что въ ономъ, кромѣ добродѣтели и нравственности, ничего не было». Объ участи своемъ въ учрежденіи «Общества истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» онъ не рассказывалъ, да его и не спрашивали объ этомъ; онъ отозвался рѣшительнымъ незнаніемъ сокровенныхъ и преступныхъ цѣлей «Союза» или, другими словами, конституціоннаго смысла его дѣятельности; наконецъ, Шаховской заявилъ, что съ 1819 или 1820 года онъ никакого участія въ «Союзѣ Благоденствія» не принималъ. Слѣдственный комитетъ принялъ всѣ эти утвержденія кн. Шаховского и не искалъ доказательствъ въ показаніяхъ другихъ участниковъ, все свое вниманіе онъ обратилъ лишь на тотъ вопросъ, былъ ли Шаховской на томъ совѣщаніи 1817 года, гдѣ Якушкинъ вызвался совершить цареубійство, и разъ онъ былъ, то какую роль онъ игралъ въ этихъ разговорахъ. И слѣдственную комиссію, и составителя «Донесенія» Блудова особенно привлекло къ себѣ только что упомянутое совѣщаніе въ Москвѣ 1817 года: оно нужно имъ было для сгущенія красокъ и усугубленія вины. И дѣйствительно въ «Донесеніи» читаемъ слѣдующій живописный рассказъ:

„Во время сихъ преній (объ уставѣ), на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы, Якушкинъ, Фонвизинъ, Лунинъ и князь Шаховскій, родилась или, по крайней мѣрѣ, объявлена въ первый разъ ужасная мысль о цареубійствѣ ¹⁾ Одного члена, Александра Муравьева, князь Трубецкой увѣдомлялъ изъ Петербурга „что Государь намѣренъ возвратитъ Польшѣ всѣ завоеванныя нами области, будто предвидя неудовольствіе, даже сопротивленіе Русскихъ, онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ дворомъ и предать отечество въ жертву неустройствъ и смятеній“. Сіе извѣстіе, столь нелѣпое, какъ потомъ признали сами члены тогдашняго Тайнаго Общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ (князь Федоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дожидаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ ²⁾; хотѣли бросить жребій, и наконецъ Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту волненіемъ и словами товарищей предложилъ себя въ убійцы. Онъ, и въ изступленіи страстей, какъ мнѣ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался. „Рокъ избралъ меня въ жертвы, говорилъ онъ, сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не могу жить; совершу ударъ и застрѣлюсь“.

¹⁾ Пестель утверждаетъ, что еще прежде, въ томъ же 1817 году, Лунинъ, говорилъ, что если „при началѣ открытыхъ дѣйствій Общества“ рѣшится убить Императора, то можно будетъ для сего выслать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько человекъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ, между прочимъ, говорилъ это. Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей, такъ называемую *cohorte perdue* (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство онаго Лунину, чтобъ всѣхъ изгубить, *pour faire main basse sur tout*. Пестель въ этомъ не сознается.

²⁾ Князь Федоръ Шаховскій, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, изъяснилъ въ сіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ *le tigre*; въ послѣдствіи онъ отсталъ отъ Общества и жилъ въ отдаленной отъ столицы деревнѣ. Передъ Комиссіей князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ членомъ Тайнаго Общества.

Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашились или образумились и остановили его; генераль-маіоръ Фонвизинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія основательное, съ чѣмъ послѣ и самъ князь (Туракинъ) Трубецкой, призванный ими въ Москву для объясненій, принуженъ былъ согласиться. Сергѣй Муравьевъ-Апостоль, сверхъ того въ письменномъ мнѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ бесплодно; ибо Тайное Общество ихъ не имѣетъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался; но обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ Обществомъ“.

Выясняя роль Шаховского въ тайномъ обществѣ, мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, вѣрна ли дѣйствительности эта картина собранія у Александра Муравьева, да и вообще разслѣдованіе этого инцидента было бы важно лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ вытекалъ изъ процесса органическаго развитія заговора, если бы вопросъ о цареубійствѣ былъ выдвинутъ, какъ результатъ соединенія цѣлей и пріемовъ, программа и тактика тайнаго общества. Но хорошо извѣстный разсказъ самаго главнаго героя эпизода И. Д. Якушкина въ его «запискахъ», сходящійся съ совершенно прямыми и искренними его показаніями на слѣдствіи, ясно показываетъ, что преступная мысль явилась скорѣе результатомъ повышеннаго патріотическаго чувства, чѣмъ революціоннаго настроенія.

Быть можетъ, авторъ «Донесенія», чувствуя, что настроеніе И. Д. Якушкина на этомъ собраніи далеко не было чисто революціоннымъ, рѣшилъ на Шаховскомъ показать безмѣрно революціонный характеръ собранія. Для украшенія картины понадобились и *le tigre* и совершеніе преступления на караулѣ, между тѣмъ и тотъ и другой вымыселъ весьма далеки отъ достовѣрности.

На дѣлѣ Шаховского можно показать, какъ недобросовѣстно комиссія, а затѣмъ Верховный Судъ строили обвиненія. Не входя въ разборъ слѣдственнаго производства, мы возьмемъ лишь мотивированный приговоръ изъ «Донесенія» Комиссіи, выбранной Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ и руководимой М. М. Сперанскимъ. Отмѣтимъ, что въ основу приговоровъ полагались краткія выписки изъ дѣла или обвинительные акты, составленные слѣдственной комиссіей. Такъ какъ Шаховской не учинилъ признанія то къ составленію приговора комиссія отнеслась еще съ большимъ вниманіемъ. Приговоръ гласитъ:

«На члена тайнаго общества, князя Шаховского, показываютъ: генераль-маіоръ Фонвизинъ, полковникъ Александръ Муравьевъ, подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостоль и капитанъ Никита Муравьевъ, «что князь Шаховскій участвовалъ въ совѣщаніи 1817 года, когда Якушкинъ вызвался покуситься на жизнь покойнаго Государя».

Изъ числа сихъ четырехъ лицъ Матвѣй Муравьевъ - Апостоль дополнилъ, «что на семъ совѣщаніи князь Шаховской предложилъ совершить покушеніе въ то время, когда Семеновскій полкъ будетъ въ караулѣ, и что послѣ онаго его не иначе называли, какъ *le tigre*».

Но князь Шаховской, отвергая сіи улики, утверждаетъ, что на совѣщаніи не былъ и объ умыслахъ ничего не зналъ.

На очныхъ ставкахъ князь Шаховской остался при своихъ отзывахъ, а изъ обвинителей Фонвизинъ показалъ сими словами: что онъ не можетъ утвердительно сказать, былъ-ли князь Шаховской, при означенномъ намѣреніи, но, кажется, былъ. Полковникъ-же Александръ Муравьевъ показалъ сими словами: что за долгопрошедшимъ временемъ не можетъ утвердительно сказать, былъ-ли Шаховской въ означенномъ собраніи но, кажется, былъ, а то чтобы воспользоваться для покушенія временемъ, когда Семеновскій полкъ будетъ въ караулѣ, князь Шаховской точно говорилъ, и о семь-же говорилъ впослѣдствіи и наединѣ; а подполковникъ Матвѣй Муравьевъ и капитанъ Никита Муравьевъ-же и на очныхъ ставкахъ остались при сдѣланныхъ ими показаніяхъ».

Если мы обратимся къ слѣдственному производству, то увидимъ что показанія цитируются неполно, во вредъ подсудимому. Напримѣръ, правда, Никита Муравьевъ показалъ, что князь Шаховской находился на совѣщаніи, но онъ кромѣ того показалъ еще, что «Шаховской сильно опровергалъ сіе предложеніе и не дождавшись даже конца, оставилъ собраніе и возвратился къ себѣ на квартиру». Такое рѣшительное заявленіе о роли Шаховского уравниваетъ настоящее показаніе Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола о покушеніи на караулѣ и о прозвище, будто бы ему данномъ. Но и это показаніе, роковое для Шаховского, изложено совсѣмъ невѣрно. М. И. Муравьевъ показалъ, что *le tigre* не звали всѣ вообще, а звалъ только его братъ С. И. Муравьевъ. Но С. И. Муравьевъ рѣшительно отрицалъ, что онъ когда-либо давалъ такое прозвище. Вотъ его показаніе.

«Припоминаю теперь, что дѣйствительно А. Муравьевъ сдѣлалъ первый предложеніе на означенномъ совѣщаніи въ 1817 году, *начиная немедленно дѣйствіе*, и кажется, о покушеніи на жизнь покойнаго Государа. О дѣйствіяхъ-же кн. Шаховского, при семь случаѣ, я, какъ ни старался, ничего припомнить не могу. Помню, что было предложено воспользоваться, для предполагаемаго дѣйствія, тѣмъ временемъ когда Семеновскій баталіонъ будетъ въ караулѣ. Но не упомню князь ли Шаховской или другой кто, сіе предложилъ; не помню также обстоятельства, что въ разговорахъ съ братомъ называлъ я Шаховского *le tigre* и наконецъ позволю себѣ представить на благоразсмотрѣніе комитета что прошло уже 9 лѣтъ упоминаемому обстоятельству; что предположенное дѣйствіе было столь же мгновенно принято, какъ и отвергнуто, такъ что въ какихъ-нибудь пять или шесть дней всѣ разговоры о томъ были кончены, что я въ то время былъ болѣнъ, и что жестокія страданія препятствовали мнѣ обращать большое вниманіе на все то, что было кѣмъ говорено.—И что, не помня твердо изложенныхъ въ семь запросѣ показаній, не простительно было бы мнѣ утвердить оныя, и тѣмъ повлечь отвѣтственность кн. Шаховского».

Наконецъ, комиссія могла бы отдать должное и признаніямъ Александра Муравьева. Прежде, чѣмъ привести ихъ, нужно замѣтить, что Александръ Муравьевъ, покинувшій общество съ 1819 года, во время допросовъ, по истинѣ, впалъ въ бездну отчаянія и былъ необыкновенно жалокъ въ своихъ отвѣтахъ. Вотъ характерный отрывокъ изъ

его показанія комитету. Читатель не посѣтуетъ на нѣкоторую длину его, но отрывокъ этотъ освѣщаетъ роль Трубецкого и ужъ очень ярко рисуется картину слѣдственнаго раскаянія.

Случай, о которомъ Высочайше утвержденный комитетъ требуетъ моего показанія, слишкомъ для меня важенъ, чтобы я могъ не размысливъ и не ужаснувшись неоднократно объ ономъ, донести, сколько силы памяти моей позволить.

И такъ, честь имѣю донести во первыхъ, что никто изъ членовъ сего преступнаго общества, никто изъ бывшихъ при семъ преступномъ разговорѣ, мнѣ не другъ, да и быть не можетъ; по причинѣ противомыслія и противочувствія нашего, а скорѣе могъ бы я называть ихъ противнымъ тому именемъ, еслибъ любовь христіанская, не воспрещала почитать кого бы то ни было за врага.—Слѣдовательно и покрывать никого, ни себя, ни другихъ не могу даже и подумывать осмѣлиться. Но долгъ мой однако донести на заданные пункты.

1.

Что преступный разговоръ сей былъ общій, былъ шумный, происходилъ въ безпорядкѣ, что многіе говорили вмѣстѣ, не слушая и не выслушивая другихъ. Иной (съ позволеніемъ сказать) курилъ табакъ, другой ходилъ по комнатѣ, и проч: и потому утвердительно сказать кто именно: я, или именно другой кто, первый сдѣлалъ извѣстное предложеніе, никакъ не могу, какъ ни старался и не стараюсь объ этомъ вспомнить. Предъ Господомъ Богомъ утверждаю, что не могу вспомнить сего, уже болѣе восьми лѣтъ бывшаго. И въ семъ особенно. покорнѣйше прошу Васъ, Высочайше учрежденный комитетъ, позволить мнѣ, дать присягу, дабы увѣрились вы, что я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія не сознаваться, или кого покрывать; ибо я считаю себя равно виноватымъ что могъ даже участвовать въ подобномъ гнусномъ и преступномъ разговорѣ, равно раскаиваюсь, равно помилованія прошу!—А еслибы я точно помнилъ, что я именно сдѣлалъ оное предложеніе, то повѣрите, что при самомъ моемъ первомъ показаніи Господину Генераль-Адъютанту Левашеву, въ томъ бы сознался;—ибо я тогда не думалъ, что посаженъ буду въ крѣпость, что ожидаетъ меня столь горькая и плачевная участь.

2.

О семеновскомъ баталіонѣ, упомянуто было; и по сему воспоминаю что Князь Ѳеодоръ Петровичъ Шаховской былъ тутъ, и сдѣлалъ сѣе предложеніе. Но говорилъ ли онъ съ большимъ жаромъ нежели прочіе,—я бы солгалъ, еслибъ его въ семъ обвинилъ, впрочемъ онъ обыкновенно говорить громко.

Назвалъ ли его Сергѣй Муравьевъ-Апостоль (le tigre) истинно не слыхалъ; да и какъ было слышать, когда не одинъ, а нѣсколько говорили вмѣстѣ. не выслушивая другъ друга?⁴

Чтобы покончить рѣчь о недостаткахъ слѣдствія, необходимо отмѣтить, что комиссія, и Верховный Судъ совершенно забыли слѣдующее объясненіе, данное Лунинымъ 2 мая 1826 года ¹⁾. А между тѣмъ это былъ отвѣтъ на прямой вопросъ комитета о роли Шаховского на собраніи у Александра Муравьева.

¹⁾ Госуд. Арх. I В № 355 л. 23.

«Въ 1817 году я пріѣхалъ въ Москву по дѣламъ до моего имѣнія касающимся, не имѣя никакого свѣдѣнія о намѣреніи тайнаго общества посягнуть на жизнь покойнаго *Императора*. При совѣщаніи, или лучше сказать засѣданіи тайнаго общества, ибо намѣреніе сіе было принято до моего прибытія и безъ моего свѣдѣнія;—при засѣданіи по сему предмету въ моемъ присутствіи происходившемъ, находился князь Шаховской, и сколько могу припомнить, говорилъ то что ему приписываютъ; наименованія же *«le ligre»* даннаго ему по сему поводу Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ я не помню.—Но не взирая на невоздержанность рѣчей князя Шаховского, свойственное въ тогдашнее время пылкости молодыхъ его лѣтъ, я какъ въ князѣ Шаховскомъ, такъ и въ другихъ членахъ общества не примѣтилъ готовности къ исполненію предположеннаго намѣренія.—Послѣдствія оправдали мое по сему предмету мнѣніе».

VI.

Мы исчерпали всѣ данныя слѣдствія по дѣлу Шаховского. Единственный *историческій* выводъ изъ всѣхъ показаній, что Шаховской былъ на собраніи у Якушкина и находился въ возбужденномъ состояніи, какъ и всѣ присутствовавшіе. Единственный *юридическій* выводъ тотъ же: обвиненіе же въ томъ, что онъ вызвался совершить покушеніе на караулъ, можетъ считаться абсолютно не доказаннымъ. А если принять во вниманіе, что слѣдствіе никакихъ дѣйствій за Шаховскимъ не открыло, что принадлежность къ Союзу Благоденствія не преслѣдовалась, что многіе вельможные люди, въ родѣ Перовскаго, Лопухина, И. Долгорукаго, бывшіе членами этого союза, не преслѣдовались, то со стороны слѣдователей и главнаго руководителя было бы справедливо совершенно освободить отъ дѣла. Но комиссія Верховнаго Уголовнаго Суда, распредѣлившая всѣхъ привлеченныхъ по разрядамъ, отнесла Шаховскаго въ восьмой разрядъ.

Чтобы осмыслить эту квалификацію, остановимся нѣсколько на очень тонкой лѣстницѣ преступленій, составленной спеціально для декабристовъ М. М. Сперанскимъ. Во всемъ дѣлѣ онъ усматривалъ одинъ главный умыселъ: *умыселъ на потрясеніе имперіи, на ниспроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка*. По средствамъ, всѣ преступленія дѣлились на три рода: 1) цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій. Каждый изъ этихъ трехъ родовъ дѣлился на виды. Шаховской оказался совершившимъ преступленіе противъ втораго рода; слѣд., виновнымъ въ бунтѣ. Но этотъ родъ раздѣлялся на три вида 1) знаніе, 2) согласіе, 3) дѣятельное участіе и семь подвидовъ. Шаховскій нарушилъ шестой подвидъ и былъ признанъ виновнымъ въ «полномъ знаніи умысла на бунтъ, но безъ всякаго дѣйствія».

Всѣмъ, попавшимъ въ VIII разрядъ, было опредѣлено наказаніе: лишить чиновъ, дворянства и сослать на поселеніе. Это наказаніе, положенное разрядной комиссіей, оставлено безъ измѣненія и Верхов-

нымъ Судомъ, и Николаемъ I. Указомъ 20 августа 1826 года пожизненная ссылка замѣнена двадцатилѣтней.

VII.

27 іюля 1826 года въ сопровожденіи фельдъегеря Гейнриха и четырехъ жандармовъ Шаховской вмѣстѣ съ Заикинымъ были отправлены въ Сибирь. Заикина должны были везти въ Гижигинскъ, а Шаховскаго въ Туруханскъ. Въ архивѣ комендантскаго управленія С.-Петербургской крѣпости сохранились свѣдѣнія о деньгахъ и вещахъ кн. Шаховскаго. Денегъ было съ нимъ при отправленіи 480 руб. ассигнаціями. Среди бумагъ и вещей было не мало счетовъ и донесеній по имѣніямъ, и среди книгъ: «сочиненія Пушкина, Басни Крылова, хозяйственныхъ 2, о воспитаніи въ Нью Ланаркѣ, о уголовныхъ наказаніяхъ.»

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года мы находимъ Шаховскаго въ Туруханскѣ. 5 октября онъ пишетъ не разъ цитированную нами записку о своемъ имущественномъ положеніи. Для характеристики его положенія приведемъ слѣдующій отрывокъ.

«Жену свою оставилъ я въ Селѣ Орѣховцѣ, въ тяжелой беременности съ мучительными припадками;—съ нею сынъ нашъ Дмитрій по 6-му году.—Если Богъ укрѣпилъ силы и сохранилъ дни ея, то въ половинѣ сего мѣсяца должна разрѣшиться отъ бремени. Но если ужасное несчастье постигнетъ меня, и послѣдняя отрада исчезнетъ въ душѣ моей съ ея жизнью, то одно и послѣднее желаніе мое будетъ знать, что сынъ мой останется на рукахъ ея семейства, въ родѣ отца ея, князя Дмитрія Михайловича Щербатова.

Въ продолженіе пребыванія моего въ С.-Петербургѣ, сперва получалъ я письма отъ нее черезъ дежурство Главнаго Штаба, потомъ черезъ Комитетъ. О переведеніи меня въ крѣпость я не рѣшался ее увѣдомить, а послѣднія двѣ недѣли я уже, ни одного письма отъ нее не получилъ, послѣ того, которымъ я, отъ 14 іюля, увѣдомилъ ее о нашей участи, и просилъ, чтобы она, какъ можно скорѣе, распорядилась взять имѣніе мое въ Опеку, по малолѣтству нашего сына, къ которому оно переходитъ, съ тѣмъ, чтобы она была опекуншею, а отецъ ея примѣрной и строгой честности, по горячей любви своей къ внуку, не откажется быть его попечителемъ.—Сіе положеніе, горестное и сомнительное, усиливается разстояніемъ шести тысячъ верстъ отдѣляющимъ меня отъ родины и осиротѣлаго моего семейства, и мѣстомъ пребыванія моего, гдѣ кончатся всѣ сношенія и почта не останавливается за бурями, которыя во всякое время свирѣпствуютъ на рѣкѣ Енисеѣ, одно сообщеніе съ городами губерніи, изъ которыхъ ближайшій, Енисейскъ, отстоитъ на 1090 верстъ разстоянія. Въ мѣсяцъ отходитъ она одинъ разъ, но приходитъ непостоянно, и часто два мѣсяца, ожидая разлитія рѣки или зимняго пути, останавливается и такимъ образомъ прерываются всѣ сношенія.»

Князь Федоръ Петровичъ
ШАХОВСКОЙ.

VIII.

Ссылка совершенно подточила здоровье Шаховского и повлияла на его психику и умственные способности. «Имъ овладѣла сильная религіозная экзальтація на нервной почвѣ, выразившаяся въ формѣ обоснованнаго на рационалистическихъ началахъ протеста противъ господствующаго вѣроисповѣданія». ¹⁾

Изъ Туруханска Шаховской былъ переведенъ въ Енисейскъ, а изъ Енисейска въ 1829 году былъ присланъ въ Суздальскій монастырь. Конецъ Шаховского извѣстенъ.

П. Щеголевъ.

Декабристы. 86 портретовъ. Пояснительный біографическій текстъ П. М. Головачева. Изд. М. М. Зевянова, М. 1906. Стр. 264. Въ очеркѣ о Шаховскомъ совершенно невѣрны даты его перевода изъ Сибири и смерти.

Дознаніе о тайной типографіи „Народной Воли“, обнаруженной въ Одессѣ 19 декабря 1882 г.

Хотя по имѣющимся свѣдѣніямъ, главный агентъ террористическаго кружка на югѣ, Вѣра Филипцова, вскорѣ послѣ совершения убійства генераль-маіора Стрѣльникова и была вынуждена, скрываясь отъ преслѣдованій, оставить Одессу, но городъ этотъ не переставалъ и послѣ ея отъѣзда служить центромъ дѣятельной противоправительственной агитаціи. Кружки социалистическаго направленія продолжали существовать среди тамошней молодежи, сотрудниковъ мѣстныхъ газетъ и студентовъ университета и вынуждали имѣть за ними строгое наблюденіе.

Въ началѣ декабря 1882 г. было замѣчено, что нѣкоторые лица, извѣстные своею политическою неблагонадежностью, имѣють частыя сношенія съ бывшимъ поднадзорнымъ Аванасіемъ Спандони-Басманджи ¹⁾, а этотъ послѣдній съ неизвѣстнымъ человекомъ, который, въ свою очередь, водится съ лицомъ, окружающимъ себя большою таинственностью и тщательно скрывающимъ свою квартиру. Наблюденію удалось обнаружить домъ, въ которомъ проживало это лицо (Успенскій переулокъ № 8), а 9 декабря его видѣли вѣдущимъ съ вокзала желѣзной дороги и везущимъ оттуда большую плетеную корзину и сундукъ.

Съ того дня неизвѣстный сталъ проявлять еще большую осторожность и рѣже прежняго оставлять свою квартиру. Въ виду возникшаго подозрѣнія, что квартира эта служитъ для революціонныхъ цѣлей, 19 декабря онъ былъ арестованъ на улицѣ, равно какъ и упомянутый выше знакомый его, часто посѣщавшій его и Спандони. По доставленіи въ жандармское управленіе первый

¹⁾ *Спандони-Басманджи*, Аванасій, одесскій мѣщанинъ, бывший народный учитель, родился въ 1855 г., воспитывался въ частной гимназій Стави въ Одессѣ, но курса не окончилъ; въ 1878 г. привлекался по дѣлу о преступномъ сообществѣ, образованномъ въ Одессѣ Сергѣемъ Чубаровымъ, но за недостаткомъ уликъ освобожденъ отъ преслѣдованія; принадлежалъ къ кружку такъ называемыхъ „башенцевъ“, былъ въ сношеніяхъ съ Полюк, Лизогубомъ и въ социально-революціонной средѣ носилъ названіе „Грека“; въ іюль 1879 г. по распоряженію временнаго одесскаго генераль-губернатора высланъ изъ Одессы въ Восточную Сибирь и водворенъ въ г. Верхоянскѣ подъ надзоромъ полиціи; въ январѣ 1881 г. состоялось распоряженіе о возвращеніи его въ Европейскую Россію съ воспрещеніемъ жительства въ столицахъ и въ предѣлахъ Одесскаго генераль-губернаторства и съ оставленіемъ подъ надзоромъ; поселился въ г. Кіевѣ; постановленіемъ особаго совѣщанія отъ 12 ноября 1881 г. оставленъ подъ надзоромъ полиціи еще на одинъ годъ; 9 сентября 1882 г., по истеченіи этого срока отъ надзора, освобожденъ; осенью 1882 г. переселился изъ Кіева въ Одессу.

назвался отставнымъ штабсъ-капитаномъ Сергѣемъ Дегаевымъ ¹⁾, а второй сыномъ священника Богодѣповымъ. Впослѣдствіи задержанъ и Спандонн.

Немедленно произведенъ былъ обыскъ въ квартирѣ, занимаемой Дегаевымъ подъ именемъ и по подложному виду отставного поручика Суворова. Въ квартирѣ этой задержаны двѣ женщины: Любовь Дегаева ²⁾, жена Сергѣя и другая, называвшаяся кухаркою Дегаевыхъ, изюмскою мѣщанкою Натальею Фисенко, а также обнаружена тайная типографія соціально-революціоннаго сообщества, именующаго себя партіею „Народная Воля“. Дегаевъ и жена его не скрыли настоящаго своего имени, но мнимый Богодѣповъ оказался бѣжавшимъ въ 1878 г. изъ Холмогоръ административно-ссылнымъ, сыномъ священника *Дмитріемъ Суровцевымъ* ³⁾, а мнимая Фисенко сестрою государственнаго преступника Ивана Калюжнаго, купеческою дочерью *Маріею Калюжною* ⁴⁾.

Квартира № 27 дома № 8 по Успенскому переулку, въ которой проживали Дегаевы, состоитъ изъ 5-и комнатъ, кухни и чулана. Она была наполнена типографскими принадлежностями. Шрифту найдено болѣе 12 пудовъ, изъ нихъ 9 пудовъ 24 фун. уже бывшаго въ употребленіи и 2 п. 24 ф. совершенно новаго; 5 типографскихъ кассъ, 8 предметовъ разнаго типографскаго прибора и, сверхъ того, одна жестянка съ краскою, другая для отливки валика, губка, поташъ и щетка. Часть шрифта была въ наборѣ въ количествѣ 9-ти страницъ. По снятіи съ нихъ оттисковъ обнаружено, что наборъ этотъ служилъ для напечатанія возванія такъ называемаго Исполнительнаго Комитета отъ 19 марта 1882 г. по поводу убійства генераль-маіора Стрѣльникова, части программы того же комитета и нѣскольکو страницъ № 8—9 „Народной Воли“ отъ 24 февраля и прибавленія къ нему отъ 9-го марта 1882 г.

Кромѣ типографіи въ той же квартирѣ найдено большое количество предметовъ, служившихъ для изготовленія подложныхъ видовъ, а именно: 32 фальшивыхъ печати, вырѣзанныхъ на мѣди, оселкахъ, аспидной доскѣ и гипсовыхъ; три пакета съ марками для прописки видовъ; въ нѣсколькихъ конвертахъ болѣе ста подлинныхъ подписей должностныхъ лицъ отъ разныхъ документовъ, съ оттисками печатей различныхъ правительственныхъ учрежденій пакетъ съ надписью: „списокъ проваденныхъ печатей“, со спискомъ разныхъ

¹⁾ *Дегаевъ*, Сергѣй, сынъ статскаго совѣтника, воспитывался во 2-ой Московской гимназій, затѣмъ въ артиллерійскомъ училищѣ; по окончаніи курса зачисленъ въ крѣпостную артиллерію; поступилъ въ Михайловскую артиллерійскую академію и отчисленъ отъ нея въ январѣ 1876 г.; съ того же времени замѣченъ въ политической неблагонадежности; въ 1880 г. уволенъ отъ службы согласно прошенію съ чиномъ штабсъ капитана; въ апрѣлѣ 1881 г. привлечался къ дознанію о террористахъ, содержался подъ стражей, но дѣло о немъ прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

²⁾ *Дегаева*, Любовь, урожденная Иванова, дочь чиновника, родилась въ Холмогорахъ въ 1860 г.; воспитывалась и окончила курсъ въ архангельской женской гимназій.

³⁾ *Суровцевъ*, Дмитрій, сынъ священника села Верхнесмещенскаго, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губ., родился въ 1853 г.; воспитывался въ вологодской семинаріи и въ Петровской Земледѣльческой академіи, но былъ уволенъ изъ послѣдней со 2-го курса; въ маѣ 1876 г. арестованъ въ Пермской губ. и привлеченъ къ дознанію по дѣлу о преступной пропагандѣ въ г. Москвѣ и въ Вологодской губ.; въ августѣ 1877 года дѣло о немъ разрѣшено административнымъ порядкомъ и онъ по Высочайшему повелѣнію высланъ подъ надзоръ полиціи въ г. Холмогоры Архангельской губ.; бѣжалъ оттуда 14 сентября 1878 г. и съ тѣхъ поръ проживалъ нелегально.

⁴⁾ *Калюжная*, Марія, дочь купца 2-й гильдіи, родилась въ г. Лебединѣ Харьковской губ. въ 1865 г.; воспитывалась сначала въ 1-й харьковской женской гимназій, съ 1880 г. въ ромненской, изъ VI класса которой уволена.

мѣсть и учрежденій; формы паспортовъ, дубликаты, вырѣзанные изъ документовъ прописки и копій съ нихъ, наставленія о краскахъ, употребляемыхъ при пропискѣ документовъ и проч.

Въ числѣ книгъ были почти всѣ изданія типографіи террористическаго кружка за послѣдніе годы, а также брошюры, отпечатанные за границей въ минувшемъ году, біографіи государственныхъ преступниковъ и т. п.

Изъ рукописей обращаютъ на себя вниманіе: послѣдняя программа социальна-революціоннаго сообщества; статья о дѣятельности генераль-маіора Стрѣльникова по обнаруженію государственныхъ преступленій и о положеніи политическихъ заключенныхъ въ одесскихъ тюрьмахъ; списокъ лицамъ, привлеченнымъ къ дознанію генераль-маіоромъ Стрѣльниковымъ; вѣсколко другихъ статей преступнаго содержанія, приготовленныхъ, повидимому, для напечатанія въ ближайшихъ листкахъ „Народной Воли“; замѣтки о приѣмахъ, употребляемыхъ при печатаніи и объ обращеніи съ типографскими принадлежностями.

Наконецъ, найдены при обыскѣ и приобщены къ дѣлу въ видѣ вещественныхъ доказательствъ: шифръ для тайной переписки, сборные печатные листки въ пользу сообщества, подлинные и подложные документы супруговъ Дегаевыхъ, разныя замѣтки, адреса, фотографіи и проч.

Въ квартирѣ Суровцева также произведенъ былъ обыскъ, при чемъ найдено два подложныхъ вида на имя сына врача Трухлискаго и сына священника Боголѣпова и третій не вполне оконченный на имя Солонцева, а также фальшивая печать ярославской городской управы, по собственному показанію Суровцева, вырѣзанная имъ самимъ. Кромѣ того: родъ дневника, веденнаго имъ съ 1880 г., замѣтка, озаглавленная: „моментальный типографщикъ“; адресъ А. К. въ Минусинскѣ Енисейской губ., означающій, по объясненію Суровцева, административно-ссыльнаго Александра Каменскаго; небольшое количество цѣпанистаго кали.

Дегаевъ, Суровцевъ и Спандони отказались отъ всякихъ объясненій; но Любовь Дегаева и Марія Калужная дали весьма обстоятельныя, и какъ кажется, вполне откровенныя показанія, на основаніи которыхъ настоящее дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Лѣтомъ 1881 г., вскорѣ послѣ освобожденія своего изъ подъ стражи по дѣлу о террористахъ, къ которому онъ привлекался въ качествѣ обвиняемаго, Сергѣй Дегаевъ вмѣстѣ съ своею женою отправился въ Тифлисъ, гдѣ поступилъ на службу закавказской желѣзной дороги. Туда же въ іюнь 1882 году прибыла Галина Чернявская, до того времени проживавшая въ Москвѣ съ Суровцевымъ въ домѣ Шильдбаха (Мясницкой части), гдѣ помѣщалась тайная типографія „Народной Воли“ и съ нимъ же скрывшаяся 5-го іюня вслѣдствіе произведенныхъ въ этотъ день въ Москвѣ арестовъ. Въ Тифлисъ Чернявская поселилась въ томъ же домѣ, гдѣ жили Дегаевы, назвалась Еленой Ивановой Дубенскою, но квартирной хозяйкѣ своей была известна подъ именемъ Ивановой. Съ нею, съ офицеромъ Антоновымъ, а также съ третьимъ неизвѣстнымъ лицомъ, уѣхавшимъ, какъ показываетъ Дегаева, учителемъ въ Владикавказъ, совѣтовался Дегаевъ о задуманномъ имъ ограбленіи государственнаго казначейства. Планъ этотъ былъ одобренъ всѣми названными лицами, но для осуществленія его у нихъ не хватило силъ и средствъ, а потому Чернявская отправилась въ Харьковъ сообщить о немъ находившейся въ этомъ городѣ Вѣрѣ Филипповой и переговорить съ ней о приведеніи его въ исполненіе.

Чернявская выехала изъ Тифлиса въ концѣ августа 1882 г. и возвратилась туда въ началѣ сентября, а 22-го того же мѣсяца снова вышла въ Харьковъ, взявъ съ собою и полуторагодовалую дочь свою Ольгу. Вмѣстѣ съ нею поѣхали и супруги Дегаевы.

Въ Харьковѣ скрывалась отъ преслѣдованія Вѣра Филиппова. Прибывшая въ этотъ городъ во второй половинѣ сентября 1882 г. Марія Калюжная встрѣтила ее у подруги своей Ольги Степановой вмѣстѣ съ матерью, жившею въ домѣ дѣда, отставнаго генераль-лейтенанта Павла Гелькѣ. Вѣра Филиппова посѣщала этотъ домъ подъ именемъ „Елизаветы Петровны“. Узнавъ, что она принадлежитъ къ социальнореволюціонному сообществу, Калюжная послѣ третьяго или четвертаго свиданія заявила ей желаніе принять активное участіе въ революціонныхъ предпріятіяхъ и, по собственному выраженію, предложила ей свои услуги „на всякое дѣло“. Это, объяснила Калюжная, значило, что она обязывалась не отказываться отъ какого бы то ни было порученія, такъ называемаго, Исполнительнаго Комитета. Филиппова пригласила Калюжную оставить домъ Степановыхъ, гдѣ та было пріютилась, и нанять себѣ квартиру и съ этого времени стала снабжать ее матеріальными средствами. Калюжная поселилась сначала по Клочковой улицѣ въ домѣ № 69 и прожила тамъ до 10 ноября, а потомъ переехала въ Нѣмецкую улицу № 69, гдѣ оставалась до 30 ноября. На обѣихъ квартирахъ посѣщали ее Филиппова, Ольга Степанова и сестра казеннаго государственнаго преступника Настасья Осинская. Филиппова иногда ночевала у Калюжной, такъ какъ сама не имѣла постоянной квартиры въ Харьковѣ. Съ Осинскою же Калюжная познакомилась у трехъ акушерокъ: Маріи Гулевой, Софіи Цейтлинъ и Ульяны Освадуровой, жившихъ по Клочковой улицѣ въ домѣ № 45, съ которыми свела ее Степанова. Филиппова по словамъ Калюжной съ этими акушерками знакома не была.

Между тѣмъ въ концѣ сентября прибыли въ Харьковъ супруги Дегаевы и Чернявская. Дегаевъ долженъ былъ оттуда ѣхать въ С.-Петербургъ, отвезя предварительно жену къ сестрѣ своей Натальѣ Маклецовою, женѣ механика пивовареннаго завода въ селѣ Троицкомъ, Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губ. Дегаева ждала мужа въ Харьковѣ, на вокзалѣ желѣзной дороги. Вѣра Филиппова пріѣхала на вокзалъ и привезла два письма, которыя вручила Дегаевой для передачи мужу. Оба письма были адресованы въ С.-Петербургъ.

Оставивъ жену у сестры, въ селѣ Троицкомъ, Дегаевъ уѣхалъ обратно въ Харьковъ. Въ то же время, какъ узнала впоследствии Дегаева, Чернявская отвезла дочь свою къ сестрѣ, учительницѣ въ Екатеринославской губ., а сама возвратилась на Кавказъ, гдѣ должна была руководить задуманнымъ ограбленіемъ горійскаго казначейства. Для этой цѣли по распоряженію Филипповой имѣлъ быть командированъ въ Горы молодой человѣкъ, который при посредствѣ знакомыхъ Дегаева долженъ былъ сначала получить мѣсто писца въ городской управѣ, затѣмъ перейти въ казначейство и, выбравъ удобную ночь, опить караульныхъ солдатъ водкою съ примѣсью усыпляющаго вещества и, когда они уснутъ, разбить кладовую и похитить хранившіяся въ ней суммы.

22 ноября Дегаевъ пріѣхалъ къ женѣ въ село Троицкое и предложилъ ей отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Одессу для открытія тамъ тайной типографіи. Дня черезъ два оба прибыли въ Харьковъ.

Еще въ октябрѣ Филиппова предлагала Калюжной принять на себя обязанность служанки въ квартирѣ, гдѣ должна была помѣщаться тайная

типографія. 24 ноября Филиппова дважды посѣтила ее, сначала съ Дегаевымъ, а потомъ и съ его женою. Въ оба раза рѣчь шла объ устройствѣ тайной типографіи въ Одессѣ.

Въ Харьковѣ къ супругамъ Дегаевымъ присоединился Суровцевъ и всѣ трое выѣхали въ Одессу, куда прибыли 26 ноября. Дегаевы остановились въ центральной гостиницѣ по подложному виду на имя супруговъ Суворовыхъ. Подъ тѣмъ же именемъ переѣхали они въ декабрѣ на квартиру въ Успенскомъ переулкѣ.

30 ноября выѣхала изъ Харькова въ Одессу Марія Калюжная. Филиппова снабдила ее подложнымъ видомъ на имя Натальи Фисенко и въ то же время просила оставить ей адресъ, по которому могли бы быть посылаемы къ ней письма изъ Одессы. Калюжная дала ей адресъ подруги своей Софіи Сяявиной, которая должна была передавать эти письма Ольгѣ Степановой для доставленія Филипповой. Прибывъ въ Одессу 2-го декабря Калюжная три дня прожила въ гостиницѣ Санъ-Суси, дважды видѣлась съ Дегаевымъ въ Александровскомъ паркѣ и на Ришельевской улицѣ, а 5-го числа перебралась на квартиру его въ Успенскомъ переулкѣ.

Въ это время тайная типографія еще не была доставлена въ Одессу. Въ ожиданіи ея жильцы дома № 8, а также ежедневно приходившій къ нимъ Суровцевъ занимались приведеніемъ въ порядокъ типографскихъ кассъ.

Типографія должна была быть прислана изъ Москвы. Накладную на ее полученіе передалъ Дегаеву Спандони, а съ вокзала привезъ ее Суровцевъ, еще ранѣе принесшій въ конспиративную квартиру до пяти пудовъ шрифту небольшими пачками въ карманахъ и узлахъ. Тогда всѣ занялись разборомъ шрифта.

Суровцевъ собирался тайно переѣхать на квартиру Дегаевыхъ, но отказался отъ этого намѣренія, такъ какъ признано было нужнымъ вызвать изъ Харькова еще одно лицо въ помощь одесскимъ заговорщикамъ и помѣстить его въ той же квартирѣ. Дегаевъ высказывалъ предположеніе, что прислана будетъ либо Настасья Осинская, либо дѣвушка, которую онъ называлъ Марусею.

15 декабря посѣтилъ Дегаевыхъ Спандони, котораго всѣ называли „Александромъ Петровичемъ“ и долго совѣщался съ ними объ устройствѣ типографіи. Два дня спустя, т. е. наканунѣ дня ареста онъ возвратился къ нимъ съ письмомъ отъ Вѣры Филипповой, навѣщавшей, что въ Одессу отправлено до 40 пудовъ шрифту, одна часть котораго назначалась для Дегаевыхъ, а другая для устройства второй тайной типографіи. Спандони рассказалъ, что писалъ Филипповой о необходимости послѣшить отправленіемъ въ Одессу хозяина и хозяйки этой новой типографіи, но кто они были, и гдѣ имѣла быть помѣщена самая типографія—осталось неизвѣстнымъ. На слѣдующій же день, т. е. 18 декабря послѣдовалъ арестъ всѣхъ заговорщиковъ и обыскъ въ конспиративной ихъ квартирѣ.

Дознаніе о дочери инженера Ольгѣ Люботовичъ и о бывшемъ студентѣ Новороссійскаго университета Герасимѣ Романенко, обвиняемыхъ въ принадлежности къ террористической фракціи соціально-революціоннаго общества.

Арестъ Ольги Люботовичъ.

6-го ноября 1881 г. въ Москвѣ, въ Grand Hôtel подъ именемъ Маріи Святской задержана государственная преступница Ольга Люботовичъ.

Прошлое ея.

Дочь служившаго въ Москвѣ инженера путей сообщенія, Ольга Люботовичъ, будучи 17 лѣтъ отъ роду, въ 1871 г. отправилась въ Швейцарію, гдѣ слушала курсъ медицины въ дюринскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Россію она поступила простую работницею на бумагопрядильную фабрику въ окрестностяхъ Москвы и распространяла среди рабочихъ соціалистическія ученія. Арестованная въ 1875 г. она три года просидѣла въ тюрьмѣ, а въ 1877 г., по осужденіи ея судомъ, выслана была въ Сибирь и водворена въ Тобольской губ. Въ іюль 1878 г. она бѣжала съ мѣста ссылки за-границу, а вслѣдъ за распаденіемъ соціалистическаго сообщества на группы террористовъ и народниковъ, появилась въ Россіи, какъ членъ первой изъ этихъ группъ и какъ лицо, близкое къ Николаю Морозову, выбранному на Липецкомъ съѣздѣ редакторомъ обзорнія „Народная Воля“. Осенью 1880 г., проживая съ нимъ въ С.-Петербургѣ на одной квартирѣ подъ именемъ супруговъ Хитрово, она была заподозрѣна полиціею и въ ноябрѣ того же года вмѣстѣ съ Морозовымъ подвергнута домашнему аресту, но оба успѣли скрыться.

Люботовичъ время съ февраля 1880 г. по май 1881 г. провела за-границей, возвратившись въ С.-Петербургъ проживала въ селѣ Исаковкѣ, находящемся за Охтою, подъ именемъ Ольги Дорошенко и была въ частныхъ сношеніяхъ съ арестованной 3-го сентября государственной преступницей Татьяной Лебедевой. Въ половинѣ октября она выбыла въ Москву, гдѣ и была арестована.

Письма Николая Морозова.

При произведенномъ на квартирѣ ея обыскѣ въ числѣ прочихъ бумагъ найдено было нѣсколько писемъ, частью зашифрованныхъ, оказавшихся писанными къ ней содержавшимся въ то время въ С.П.Б. Домѣ Предварительнаго Заключенія государственнымъ преступникомъ Николаемъ Морозовымъ.

Въ первомъ письмѣ Морозовъ пишетъ, между прочимъ: „Наша жизнь еще нужна. Отдадимъ ее на мщеніе врагамъ. Не давай тоскѣ овладѣвать тобой, работой больше, какъ можно больше, какъ можно больше. Это облегчитъ тебя. Заводи сношенія, организуй партію въ ожиданіи меня. Помни, что теперь ты

одна представительница терроризма и на тебѣ лежитъ обязанность не дать ему заглохнуть. Работой же для него. Умереть теперь было бы малодушно. Обо мнѣ не беспокойся. Я общалъ тебѣ и сумѣю выпутаться теперь или послѣ суда. Вѣрь этому. Что я умру—невѣроятно; теперь, къ сожалѣнію, очень многіе опаснѣ меня“.

Та же увѣренность выражается Морозовымъ и во второмъ письмѣ: „Едва ли я умру“, пишетъ онъ. „Къ сожалѣнію теперь здѣсь много людей хуже меня“. Далѣе, отвѣчая вѣроятно на заданный ему вопросъ, Морозовъ объясняетъ: „мнѣ кажется, инсurreкція—явленіе стихійное и какъ ученымъ со всѣми ихъ физическими приборами не вызвать бури въ природѣ, такъ и нашей интеллигенціи не вызвать инсurreкціи въ народѣ, если она не должна въ данный моментъ произойти сама“.

Во прежнемъ письмѣ Морозовъ убѣждаетъ Любатовичъ удалиться на время за-границу. „Нельзя ли устроить это, право?“ спрашиваетъ онъ. „Едва ли тебѣ возможно при настоящихъ условіяхъ создать компанію; лучше переждать, чтобы сдѣлать дѣло хорошо. Я хочу выпутаться самъ“.

Показанія Любатовичъ на допросѣ.

На допросѣ Ольга Любатовичъ старалась извратить смыслъ тѣхъ выражений писемъ Морозова, изъ которыхъ можно было заключить о вѣроятномъ разстройствѣ социальна-революціоннаго сообщества, какъ послѣдствіи задержанія главнѣйшихъ его руководителей. Она увѣряла, что выраженное Морозовымъ сомнѣніе въ возможности для нея „при настоящихъ условіяхъ создать компанію“ является лишь отвѣтомъ на заявленное ею желаніе „образовать новую организацію, задающуюся исключительно цѣлями систематическаго террора“. По поводу напоминанія Морозова: „помни, что теперь ты одна представительница терроризма“, Любатовичъ вошла въ подробныя объясненія. „Подъ словомъ терроризмъ“,—показала она,—„авторъ письма подразумѣвалъ систематическій терроръ, теорія котораго отчасти расходится съ программой Исполнительнаго Комитета. Въ то время, когда было писано упомянутое письмо, очень немногіе изъ членовъ Исполнительнаго Комитета и партіи „Народной Воли“ раздѣляли теорію систематическаго террора; вотъ почему я, расходясь съ большинствомъ во взглядахъ, какъ на способъ ближайшей революціонной дѣятельности, такъ и на принципы организаціи, вышла изъ членовъ Исполнительнаго Комитета и задумала создать новую организацію террористовъ, сплотивъ единомыслящіе со мною элементы, оставшіеся до тѣхъ поръ разрозненными. Поступая подобнымъ образомъ, я думала, что принесу наибольшую пользу тому великому революціонному дѣлу, во имя котораго вотъ уже два года работаетъ наша революціонная партія и во главѣ ея эта сильная организація, носящая названіе „Исполнительнаго Комитета“. Только потому рѣшилась я выйти изъ этой организаціи и создать самостоятельную группу, что, по моему мнѣнію, это способствовало бы расширенію революціонныхъ силъ и болѣе наглядно содѣйствовало бы выясненію и систематизаціи практическихъ задачъ партіи“. Итакъ, выйдя изъ организаціи, я намѣревалась, конечно, не вредить моимъ старымъ товарищамъ, а, напротивъ, идти рука объ руку съ ними къ одной и той же дорогой для всѣхъ насъ цѣли“.

Высказанное Морозовымъ мнѣніе объ инсurreкціи, по увѣренію Любатовичъ, послѣдовало вслѣдствіе сообщеннаго ему предположенія, „воспользоваться

жными еврейскими беспорядками для возбужденія общаго возстанія въ народѣ во имя ближайшихъ экономическихъ его требованій“.

Арестъ Герасима Романенко.

По задержаніи Любатовичъ за квартирую ея въ Москвѣ установлено было наблюденіе и въ тотъ же день арестованъ зашедшій навѣстить ее молодой человекъ, назвавшійся дворяниномъ Иваномъ Петровымъ. На немъ найдено: записная книжка, рукопись на 10-ти почтовыхъ листахъ малаго формата, заключающая въ себѣ біографію государственнаго преступника Желябова и печатный листокъ подъ № 51 добровольнаго сбора въ пользу редакціи „Народной Воли“, покрытый значительнымъ числомъ подписей жертвователей подъ разными прозвищами.

Дознаніемъ обнаружено, что означенный молодой человекъ проживалъ въ Большой Московской гостиницѣ съ 25 октября 1881 г. по паспорту на имя дворянина Алексѣя Зимина, но что онъ въ дѣйствительности сынъ землевладельца Бессарабской губ., бывший студентъ Новороссійскаго университета Герасимъ Романенко. Перевезенный въ С.-Петербургъ, Романенко при допросѣ далъ пространное и обстоятельное показаніе.

Показаніе Романенко на допросѣ.

Родился онъ въ селѣ Кирьянкѣ, Бессарабской губерніи, Оргѣевского уѣзда въ 1860 г.; воспитывался сначала во французскомъ пансіонѣ Бюссара, потомъ въ кишиневской гимназій, а по окончаніи въ ней курса съ золотой медалью въ 1872 г. поступилъ въ Новороссійскій университетъ; въ 1875 и 1877 гг. ѣздилъ за-границу для излеченія болѣзни, проживалъ въ Италіи и преимущественно въ Швейцаріи, гдѣ свелъ знакомство съ нѣкоторыми русскими эмигрантами; по возвращеніи въ Одессу въ іюнь 1878 г. образовалъ кружокъ студентовъ Новороссійскаго университета, собиралъ ихъ на сходки и былъ близко знакомъ съ проживавшимъ въ то время въ Одессѣ подъ именемъ Сидоренко государственнымъ преступникомъ Колодкевичемъ. Въ показаніи своемъ Гольденбергъ, между прочимъ, упоминаетъ и о знакомствѣ съ Романенко, котораго встрѣчалъ у Колодкевича.

Въ концѣ 1879 года Романенко снова отправился въ Италію, а въ августъ 1880 г. переселился въ Швейцарію, гдѣ и узналъ объ оговорѣ Гольденберга. Въ Женевѣ онъ снова сошелся съ русскими эмигрантами и въ особенности сблизился съ однимъ изъ нихъ, принадлежащимъ къ партіи народниковъ, съ которымъ выработалъ: „программу общественной организаціи, направленной въ смыслѣ требованія отъ правительства преобразованій“. Организацию эту онъ намѣревался предложить на обсужденіе партіи „Народной Воли“ и въ случаѣ согласія ея—войти въ сношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ, въ противномъ же случаѣ вести дѣло независимо отъ него вмѣстѣ съ общественниками ¹⁾.

Съ этой цѣлью въ іюнь 1881 г. Романенко возвратился въ Россію подъ чужимъ именемъ и тотчасъ же вступилъ въ сношенія съ руководителями „На-

¹⁾ Въ отобранныхъ у Романенко бумагахъ встрѣчаются указанія на организацію новаго учрежденія, входящаго въ составъ общей организаціи „Народной Воли“.

родной Воли". Онъ выразилъ имъ желаніе стать къ террористической организаціи въ такіе отношенія, которыя не лишили бы его известной доли свободы въ дѣйствіяхъ. Изъ объясненія Романенко слѣдуетъ заключить, что онъ примкнулъ къ той группѣ членовъ соціально-революціоннаго сообщества, которая занимается литературнымъ дѣломъ. Здѣсь поэтому представляется умѣстнымъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности подпольной печати за рассматриваемый періодъ времени.

Объявленіе отъ общества «Краснаго Креста» «Народной Воли».

Въ № 7-мъ „Народной Воли“ (23 дек. 1881 г.) напечатано объявленіе отъ имени Центрального Управленія общества Краснаго Креста. Въ объявленіи этомъ объясняется, что цѣль вышеуказаннаго общества состоитъ „въ оказаніи матеріальной и нравственной поддержки всѣмъ лицамъ, подвергшимся гоненію за свободу мысли и совѣсти“.

Объявленіе Исполнительнаго Комитета.

Кромѣ вышеупомянутаго объявленія, такъ называемый, Исполнительный Комитетъ издалъ еще бы два другихъ, помѣченныхъ 22 ноября 1881 г. Въ первомъ заявляется, „что покушеніе Санковскаго на жизнь начальника полиціи (онъ же и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ) Черевина произведено помимо всякаго со стороны Комитета вѣдѣнія и участія“. Во второмъ заключается протестъ противъ распространившагося въ обществѣ слуха, будто 300 тысячъ рублей похищены изъ кассы московскаго воспитательнаго дома агентами Комитета для цѣлей сообщества. Оба послѣднія объявленія перепечатаны въ томъ же № 7 „Народной Воли“.

№ 7 «Народной Воли».

Передовая статья этого выпуска посвящена полемикѣ съ заявленіемъ „русскаго гостя“ изъ партіи народниковъ на послѣднемъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Хурвѣ. За нею помѣщенъ отчетъ засѣданій конгресса. Въ статьѣ, озаглавленной „Единеніе власти съ землею“, обсуждаются правительственныя распоряженія по питейному и переселенческому вопросамъ. Далѣе напечатана противоправительственная рѣчь, произнесенная на одномъ изъ губернскихъ земскихъ собраній, а также одно административное распоряженіе. Слѣдуютъ корреспонденціи и, наконецъ, отчетъ о поступившихъ въ кассу сообщества денежныхъ суммахъ.

№ 6 «Зерна» и № 3 «Рабочей газеты».

Кромѣ этого выпуска „Народной Воли“ 10-го ноября 1881 г. появился № 6 „Зерна“, рабочаго листка, издаваемого народниками, а 8-го декабря № 3-й „Рабочей Газеты“, органа партіи „Народной Воли“.

Возваніе къ студентамъ отъ Центрального кружка С.П.Б. университета.

Въ типографіи послѣдней напечатано также помѣченное 25 окт. 1881 г. возваніе къ студентамъ отъ центрального кружка С.П.Б. университета. „Не-

обходимо“, говорится въ этомъ воззваніи, „внести единство и систему въ дѣйствія студентовъ, организація, объединеніе которыхъ являются дѣломъ перво-степенной важности“ и студенты приглашаются сплотиться въ опредѣленныя группы. „Только выступивъ какъ организованная сила съ опредѣленной программой студенчество наше“—такъ заключается воззваніе—„можетъ претендовать на видное общественное значеніе“.

Памяти гр. П. А. Гейдена.

Я въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ часто встрѣчался на общественномъ поприщѣ съ покойнымъ гр. Гейденомъ. Это обстоятельство обязываетъ меня присоединить къ появившимся уже о немъ статьямъ и свои воспоминанія и наблюденія, чтобы облегчить, помѣръ силъ, работу будущаго его біографа, а также и работу историка нашего времени, которому нельзя будетъ миновать личности гр. Гейдена, крайне интересной и характерной среди совокупности явленій послѣднихъ десятилѣтій.

Мое первое знакомство съ покойнымъ графомъ было во время самой мрачной реакціи, царившей въ Россіи. Знакомство наше вышло уморительное и дало Петру Александровичу возможность проявить тотъ юморъ, который былъ такъ знакомъ и знавшимъ его въ частной жизни, и слышавшимъ его въ Государственной Думѣ.

Это было зимой 1892 года въ Самарѣ, во время свирѣпствовавшего тогда голода послѣ неурожая 1891 года. Я организовывалъ въ уѣздѣ работу санитарно-продовольственныхъ отрядовъ, впервые тогда устроенныхъ на частныя средства. Въ Самару я періодически пріѣзжалъ для закупки продуктовъ и медикаментовъ, а также для улаживанія съ администраціей недоразумѣній, возникавшихъ уже тогда между медицинскимъ персоналомъ и полиціей. Въ Самарѣ жилъ и мой братъ, завѣдывавшій тамъ общественными работами. Однажды мы узнали, что въ той гостиницѣ, гдѣ мы стояли, остановились два англійскихъ квакера—мистеръ Джонсъ и мистеръ Бруксъ, привезшіе съ собой нѣсколько сотъ тысячъ рублей и посѣщающіе голодныя губерніи, чтобы передать эти собранныя въ Англіи деньги въ частныя руки и организаціи. Ихъ сопровождалъ гр. Гейденъ, къ которому они обратились въ Петербургѣ, когда искали себѣ честнаго и безпристрастнаго посредника. Когда я утромъ вошелъ въ общую залу, гдѣ они пили чай, чтобы познакомиться съ ними, я увидѣлъ одного господина чернаго—постарѣй, и другого рыжаго—помоложе, оба были съ окладистыми бородами, съ усами и вообще самаго космополитическаго вида. Только третій съ длинной сѣдой бородкой, съ бритыми усами и характернымъ профилемъ, сразу бросался въ глаза своимъ видомъ, не то англичанина, не то голландца. Вотъ этотъ ужъ навѣрно квакеръ, подумалъ я, направился къ нему, представился и спросилъ его по-англійски, понимаетъ ли онъ по-русски. И каково было мое уди-

вление, когда я услышалъ въ отвѣтъ, на чисто русскомъ языкѣ съ особенной свойственной покойному графу заминкой: «по-русски то я понимаю отлично, а вотъ по-англійски не совсѣмъ». Мы скоро сошлись съ нимъ и много смѣялись надъ моей ошибкой, каковая, по его словамъ, случилась съ нимъ и въ другомъ городѣ.

Мы совершили потомъ поѣздку въ самый отдаленный Богульминскій уѣздъ, при чемъ цѣлыя версты пришлось ѣхать по вырытымъ въ снѣгу, какъ корридоры, траншеямъ, стѣны которыхъ порой достигали до 5 аршинъ вышины. Это были своеобразныя общественныя работы, которыя якобы имѣли цѣлью сравнять ухабы на большой транспортной дорогѣ, отъ желѣзной дороги до Бугульмы, по которой двигались безконечныя транспорты продовольственнаго хлѣба и яровыхъ сѣмянъ. Главнымъ же образомъ это имѣло цѣлью доставить всѣмъ доступный заработокъ на мѣстахъ для той части взрослого населенія, которая по закону не пользовалась продовольственной помощью. Разумѣется, эти переѣзды въ 50—60 верстъ среди снѣговъ, а затѣмъ и посѣщеніе зарытыхъ въ снѣгу деревушекъ съ жалкими, темными, часто курными избами, отапливающимися смрадными кизяками, съ разобранными соломенными крышами, съ голоднымъ изнуреннымъ населеніемъ, болѣющимъ цѣлыми селеніями тифомъ и цынгой,—вызывали изумленіе англичанъ.

Мнѣ они оставили также нѣсколько тысячъ рублей, что было очень кстати, т. к. нужды было неисчерпаемое море, а частныя средства ограниченны.

Въ Петербургѣ мнѣ приходилось встрѣчаться съ гр. Петромъ Александровичемъ въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, президентомъ котораго онъ состоялъ. Времена были трудныя: внутри общества шла ожесточенная борьба между марксистами и народниками,—извнѣ былъ натискъ реакціи, косившейся на вѣковыя привилегіи общества. Только тактъ и идейное упорство графа могли провести Вольно-Экономическое общество въ теченіе столькихъ лѣтъ между Сциллой внутреннихъ треній и Харибдой репрессій. Тогда на сцену выступалъ русскій марксизмъ съ его молодыми крайностями, и Гейдену,—старому земцу,—приходилось нерѣдко отстаивать любимое имъ земское дѣло не только,—выражаясь въ современныхъ терминахъ,—«справа», но и «слѣва». Помню я напр., одно продовольственное совѣщаніе въ Вольно-Экономическомъ обществѣ, на которое были приглашены земцы со всѣхъ концовъ Россіи, для сообщенія фактическихъ свѣдѣній и цифровыхъ данныхъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы, услышали, какъ какой-то молодой человѣкъ, съ еле пробившейся бородкой, обругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ земство и земцевъ, сказавъ, что это никуда негодное учрежденіе, что слушать земцевъ даже не стоитъ, что деревня съ ея буржуазными интересами слишкомъ много отвлекаетъ вниманія отъ города и фабрики и т. д. Къ несчастію, теперешняя фаза земства, какъ бы оправдываетъ крайности молодого оратора. Но тогда какъ разъ земство было однимъ изъ немногихъ очаговъ, въ которыхъ теплилась русская общественность; благодаря своей организаціи, оно

должно было въ ближайшемъ будущемъ сыграть видную роль въ общей волнѣ освободительнаго движенія. Понятно, что гр. Гейденъ, самъ давнишній земецъ и носитель лучшихъ его традицій, могъ лишь отрицательно относиться къ такому огульному осужденію земства. И не мало усилій стоило ему, а также и почтенному Н. Э. Анненскому, котораго ужъ никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ «господскому» земству, чтобы сгладить всю шереховатость этого выступленія. Такія сцены только подтверждаютъ въ моихъ глазахъ рассказы тогдашнихъ членовъ Вольно-Экономическаго общества, и прежде всего самаго гр. Петра Александровича о его постоянныхъ дипломатическихъ шагахъ внутри общества и въ переговорахъ съ министромъ земледѣлія Ермоловымъ, въ вѣдѣніи котораго оно числилось. Къ несчастію, слишкомъ малое время, отдѣляющее насъ отъ этихъ дней, не позволяетъ передать нѣкоторые удивительные по своему трагикомизму рассказы графа Гейдена про ослѣпленное доктринерство одной стороны и жалкое малодушіе и даже двоедушіе другой.

Убѣжденная терпимость ко взглядамъ имъ не раздѣляемымъ была отличительной чертой покойнаго графа, и она-то очевидно и помогала ему примирять и спаивать самыя непримиримыя теченія въ Вольно-Экономическомъ обществѣ. Кромѣ того его благородная и правдивая натура и природное добродушіе побуждали самыхъ крайнихъ и недовѣрчивыхъ радикаловъ.

Наиболѣе краснорѣчивымъ подтвержденіемъ этого были послѣдніе выборы его въ президенты, на которые я въ качествѣ члена общества былъ вызванъ. Выборы эти имѣли по тому времени важное политическое значеніе, т. к. министерство земледѣлія мобилизовало всѣхъ чиновныхъ и реакціонныхъ членовъ общества и выдвинуло своего официальнаго кандидата на должность президента. Но и другая сторона не дремала и всѣ общественные и передовые элементы объединились вокругъ гр. Гейдена. Многіе члены пріѣхали на выборы изъ провинціи. Въ результатѣ выборовъ президентомъ оказался гр. Гейденъ, при чемъ онъ прошелъ такимъ значительнымъ большинствомъ, что можно было предполагать, что многіе изъ петербургскихъ чиновниковъ при закрытомъ голосованіи баллотировали за прогрессивнаго кандидата.

Такимъ образомъ при тогдашней группировкѣ оппозиціи гр. Гейденъ какъ бы объединялъ и представлялъ собой лѣвое крыло общественныхъ теченій. Какимъ же образомъ онъ очутился почти на правомъ крылѣ перваго народнаго представительства? Есть ли это своего рода оптической обманъ или произошла какая либо передвижка, измѣнившая взаимоотношенія оппозиціонныхъ силъ страны?

Для выясненія этого прослѣдимъ роль гр. Гейдена на общественныхъ сѣздахъ, происходившихъ въ концѣ девяностыхъ годовъ и, главнымъ образомъ, въ началѣ текущаго десятилѣтія, тѣхъ сѣздовъ, которые сыграли въ нѣкоторомъ родѣ роль *Vorparlament*'овъ. На всероссійскомъ кустарномъ сѣздѣ графъ Петръ Александровичъ былъ выбранъ въ предсѣдатели главной общей секціи, засѣданія которой были наиболѣе многолюдны. Я лично почти не бывалъ на засѣданіяхъ этой секціи,

т. к. мнѣ пришлось заниматься по другимъ болѣе спеціальнымъ секціямъ, но за то почти ежедневно у насъ были съ гр. Гейденомъ и съ представителями министерства земледѣлія организаціонныя засѣданія, въ которыхъ онъ проявлялъ замѣчательный тактъ и дипломатическій талантъ, но при этомъ безъ помощи хитрости и уловокъ, а исключительно добродушной прямою.

Что касается до земскихъ съѣздовъ, постояннымъ участникомъ и членомъ бюро которыхъ состоялъ гр. Гейденъ, то мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться на первомъ же съѣздѣ губернскихъ предсѣдателей управъ, созванномъ по инициативѣ Д. И. Шипова въ Нижнемъ-Новгородѣ во время бывшей тамъ 1895 году выставки. Изъ предсѣдателей губернскихъ управъ было всего 4 или 5 человекъ, въ томъ числѣ я и гр. Гейденъ, приведшій на совѣщаніе двухъ представителей министерства финансовъ, которые официально по порученію министра просили предсѣдателей губернскихъ управъ объяснить имъ причину, почему такъ плохо подвигаются оцѣночныя работы. Изъ очень интересныхъ свѣдѣній, данныхъ почти всѣми предсѣдателями, явствовало, что работа затормозилась вслѣдствіе препятствій, чинимыхъ министерствомъ внутреннимъ дѣлъ. И вотъ теперь прошло съ тѣхъ поръ уже 12 лѣтъ, а «возъ и нынѣ тамъ». Интересно, что и по этому самому съѣзду, какъ бы официально признанному министерствомъ финансовъ фактомъ обращенія къ нему, министерство внутреннихъ дѣлъ производило затѣмъ разслѣдованіе и пыталось воспрепятствовать повторенію его. Съѣздъ этотъ былъ зачаткомъ организаціи земскихъ съѣздовъ.

Когда въ 1903—05 годахъ земскіе съѣзды разрослись и были уже не частными совѣщаніями въ квартирѣ Д. И. Шипова или въ московской гостиницѣ Эрмитажъ, а могучей организаціей, изъ нѣсколькихъ сотъ представителей болѣе или менѣе правильно выбранныхъ отъ земствъ и городовъ, и съ постояннымъ бюро въ нѣсколько десятковъ человекъ, то гр. Гейденъ неизмѣнно выбирался ихъ предсѣдателемъ ¹⁾.

Такъ какъ эти съѣзды имѣли тогда несомнѣнно важное политическое значеніе, то фактъ этотъ нельзя объяснить одними лишь техническими качествами предсѣдательства графа. Хотя онъ былъ дѣйствительно хорошимъ предсѣдателемъ и производилъ своего рода обаятельное впечатлѣніе на членовъ съѣздовъ, но очевидно что для своихъ выборовъ онъ долженъ былъ занимать центральную позицію среди составлявшихъ съѣзды элементовъ, которые не оформились тогда еще въ опредѣленные партіи.

Большинство участниковъ съѣздовъ вошло послѣдствіемъ въ составъ конституціонно-демократической партіи, меньшинство составило

¹⁾ Здѣсь невольно вспоминается объясненіе гр. Гейдена, въ качествѣ предсѣдателя, съ явившимся на засѣданіе съѣзда въ Москвѣ приставомъ Носковимъ, который былъ командированъ съ тѣмъ чтобы разогнать съѣздъ. Картина, когда является въ дверяхъ переполненной залы Носковъ и вставшій графъ Петръ Александровичъ за предсѣдательскимъ столомъ въ полъ оборота объясняется съ нимъ, была очень удачно схвачена фотографомъ на моментальномъ снимкѣ и затѣмъ фигурировала во многихъ иностранныхъ журналахъ.

ядро октябристовъ. Болѣ лѣвые элементы въ организаціи земскихъ съѣздовъ отсутствовали, единичные же правые, представлявшіе изъ себя зародышъ господствующаго теперь въ земствѣ классового сословнаго направленія, въ лицѣ нѣкоторыхъ курянь, демонстративно и мотивированно покинули одно изъ засѣданій съѣзда.

Но еще ближе, еще интимнѣе, чѣмъ на земскихъ съѣздахъ и въ засѣданіяхъ ихъ центрального бюро, мнѣ пришлось сойтись съ гр. Гейденомъ въ образовавшемся въ Москвѣ, одновременно со съѣздами, кружкѣ «Бесѣда». Кружокъ этотъ, состоявшій, главнымъ образомъ, изъ земцевъ,—многіе изъ его состава входили въ бюро съѣздовъ и земскихъ организацій,—не имѣлъ прямой организаціонной связи со съѣздами, и тѣмъ не менѣе вліялъ на ходъ работъ и фізіономію съѣздовъ. Въ этомъ кружкѣ, собиравшемся въ Москвѣ въ теченіе семи лѣтъ, раза 4 или 5 въ годъ и состоявшемъ подъ конецъ изъ 45 лицъ, съѣзжавшихся со всѣхъ концовъ Россіи, шла предварительная разработка нѣкоторыхъ политическихъ вопросовъ обсуждалась тактика данной минуты, происходило сближеніе и отчасти политическое воспитаніе лицъ, ставшихъ потомъ въ центрѣ разныхъ партій. Гр. Гейденъ несмотря на свой возрастъ (онъ былъ старшій изъ всего состава кружка) аккуратно приѣзжалъ на собранія кружка изъ Петербурга или изъ Псковской губерніи. Мнѣ живо припоминается, какъ онъ, несмотря на утомленіе отъ долгой дороги, принималъ живѣйшее участіе въ преніяхъ, интересовался имѣвшимися всегда на собраніяхъ кружка матеріалами: новыми книжками по общественнымъ вопросамъ, брошюрками, листками и т. п., записывалъ ихъ названія, просилъ ему ихъ высылать. Онъ принималъ также участіе въ изданіи серіи сборниковъ по разнымъ злободневнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, предпринятомъ нѣкоторыми членами кружка.

Въ этомъ кружкѣ онъ въ живыхъ, подчасъ юмористическихъ разсказахъ передавалъ подробности изъ жизни петербургскаго бюрократическаго міра и при томъ не только теперешняго, но и восмидесятыхъ и даже семидесятыхъ годовъ. Подобные разсказы при тогдашнихъ условіяхъ цензуры имѣли важное значеніе информации относительно настроенія петербургскихъ сферъ для многихъ членовъ кружка, жившихъ въ провинціи. Своею живостью и отзывчивостью гр. Гейденъ поражалъ насъ, гораздо *болѣе молодыхъ*, чѣмъ онъ, годившихся ему въ сыновья. Мнѣ приходилось наблюдать многихъ людей, сознательная жизнь которыхъ захватила шестидесятые годы. Очевидно на нихъ запечатлѣлись тѣ свѣтлые дни общественнаго подъема и бодрого настроенія. Эти люди, несмотря на свои годы, какъ-то моложе насъ, выросшихъ въ грустное безвременье послѣдующей эпохи.

Другой отличительной чертой графа Петра Александровича была его щепетильная лояльность.

Въ немъ сказывался прежній судейскій дѣятель. Онъ нерѣдко говорилъ, что важнѣе, чѣмъ дѣлать новыя завоеванія, отстаивать свои права на основаніи существующихъ законовъ и что у насъ недостаточно знакомы съ законами.

Эта черта вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ оптимизмомъ, вынесеннымъ имъ изъ эпохи его молодости, можетъ отчасти объяснить, по-

чему онъ, будучи близокъ къ «Союзу Освобожденія», не примкнулъ къ нему вплотную, а позже, будучи убѣжденнымъ и искреннимъ конституціоналистомъ, не вошелъ въ составъ конституціонно-демократической партіи. Онъ вынесъ изъ своей юности впечатлѣніе мирнаго и закономѣрнаго возрожденія родины, которое своимъ величіемъ заслоняло истинную причину этого возрожденія. Графъ Петръ Александровичъ, горѣлъ оппозиціоннымъ огнемъ и всю жизнь посвятилъ отстаиванію правового строя и общественности и если онъ былъ умѣренъ, то лишь по глубокому убѣжденію. Поэтому, когда ему пришлось выступить на парламентской аренѣ, онъ не могъ остаться октябристомъ военно-полевыхъ судовъ и крупно-буржуазныхъ интересовъ, а основалъ партію «мирнаго обновленія», которая однимъ уже своимъ названіемъ отражаетъ его политическій и этический обликъ.

Кстати, разъ зашла рѣчь о политической фізіономіи графа Гейдена и въ частности объ его отношеніи къ «Союзу Освобожденія», то мнѣ хочется привести интересную сцену, о которой мнѣ недавно напомнилъ одинъ изъ ея участниковъ.

Я уже говорилъ, что формально къ «Союзу Освобожденія» графъ Гейденъ не принадлежалъ, но многихъ членовъ его онъ хорошо зналъ, относился къ ихъ дѣятельности съ полнымъ сочувствіемъ, готовъ былъ оказывать и самому Союзу всякаго рода услуги. Литературую Союза онъ также интересовался очень живо.

Какъ-то разъ въ одной изъ комнатъ Вольно-Экономическаго Общества происходитъ засѣданіе Совѣта «Союза Освобожденія»¹⁾. Были тутъ я, кн. Д. И. Шаховской, В. Я. Богучарскій и другіе. Къ дверямъ подходитъ гр. Гейденъ и спрашиваетъ: — «можно войти?» — «Нельзя, нельзя, графъ», — раздаются шумные голоса, все ему хорошо знакомыхъ лицъ. Онъ вызываетъ секретаря Вольно-Экономическаго Общества В. Я. Богучарскаго и съ чрезвычайно милой улыбкой на умномъ, отлично все понимающемъ, лицѣ говоритъ: «ну, и порядки въ тутъ завели: президенту Обществу запрещается входить въ комнаты принадлежащаго Обществу зданія... А, впрочемъ, вотъ что: который послѣдній № «Освобожденія» полученъ и нельзя ли мнѣ его пріобрѣсти? Да вотъ еще что: я видѣлъ тамъ, кажется, Дмитрія Ивановича (кн. Шаховскаго) и Петра Дмитриевича (меня), — нельзя ли мнѣ съ ними повидаться хоть здѣсь въ корридорѣ, если ужъ туда мнѣ входъ воспрещенъ». Сценка для гр. Гейдена чрезвычайно характерная.

Когда собралась добытая революціоннымъ путемъ Государственная Дума, въ значительной своей части состоявшая изъ радикальныхъ элементовъ и когда вслѣдствіе оппозиціоннаго настроенія Россіи правые элементы стоявшіе за сохраненіе прежняго строя почти не были выбраны, а немногіе выбранные не имѣли лидеровъ и молчали, то такой врагъ бюрократическаго и автократическаго строя, какъ гр. Гейденъ очутился на правомъ крылѣ Думы, или скорѣе былъ однимъ изъ самыхъ правыхъ среди выступавшихъ ораторовъ.

¹⁾ Совѣтъ—ежегодно избиравшійся съѣздами—главный распорядительный органъ Союза. Онъ соотвѣтствовалъ центральнымъ комитетамъ нынѣшнихъ политическихъ партій.

Мы не знаемъ, какое мѣсто занялъ бы гр. Гейденъ въ третьей Думѣ, если бы онъ въ нее попалъ и что будетъ представлять собою эта Дума, не знаемъ также къ чему приведетъ попытка правительства приручить законодательное собраніе и не будетъ ли результатъ тотъ же, что и съ попытками приручить университеты и земство. Но пока приходится очень жалѣть, что гр. Гейденъ, поѣхавшій, вѣрный своему оптимизму до конца, на сѣздѣ этихъ аграрно-реакціонныхъ элементовъ въ Москву, не принималъ участія въ этомъ сѣздѣ: онъ умеръ, какъ воинъ на полѣ брани, но навѣрно, если бы онъ очутился на этомъ сѣздѣ, не мало пришлось бы выслушать отъ него горькихъ истинъ и юмористическихъ замѣчаній сѣхавшимся аграріямъ по поводу ихъ сокровенныхъ замысловъ и азіатскихъ политическихъ понятій.

Въ первой Государственной Думѣ онъ былъ, несмотря на свои лѣта, однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей, какъ на ораторской трибунѣ, такъ и въ работахъ комиссій. Его любили, уважали и внимательно выслушивали всѣ, даже его политическіе противники, несмотря на то, что онъ держался съ большою независимостью и всегда имѣлъ смѣлость имѣть собственныя убѣжденія. Съ юношескимъ пыломъ взбѣгалъ онъ на кафедру, съ которой съ невозмутимой методичностью проводилъ свои правовые взгляды. Пересыпая свои рѣчи остроумными замѣчаніями, подавая иногда съ мѣста ѣдкія реплики, вызывавшія хохотъ всей залы, онъ давалъ образцы настоящаго англійскаго парламентскаго остроумія. Приведу одинъ примѣръ, весьма характерный по формѣ для его остроумія, по существу его политическаго міросозерцанія и для той тактики, которой онъ придерживался.

Приближались уже послѣдніе дни первой Государственной Думы, въ воздухѣ была масса электричества.

Несмотря на большую организаціонную работу самой Думы и почти превышающую человѣческія силы законодательную работу ея комиссій, одинъ изъ главныхъ упрековъ, раздававшихся противъ нея состоялъ въ томъ, что она еще ни одного закона не издала. Между тѣмъ многіе законы были уже выработаны въ комиссіяхъ или приближались къ окончательной выработкѣ. Тогда большинство Думы установило на цѣлый мѣсяць впередъ послѣдовательный порядокъ поступленія законопроектовъ изъ комиссій и обсужденія ихъ Думой. Этимъ предполагалось, главнымъ образомъ, подвинуть законодательную работу Думы и употребить обычное лѣтнее каникулярное время на форсированное проведеніе необходимыхъ законовъ и тѣмъ ужъ окончательно обезоружить враговъ Думы, игравшихъ на ея якобы неработоспособности.

Графъ Гейденъ остался тѣмъ же оптимистомъ, какъ и въ періодъ земскихъ сѣздовъ. Онъ дѣйствовалъ, какъ будто былъ не въ первой русской Государственной Думѣ, работавшей въ атмосферѣ полного административнаго произвола, подъ ежеминутной угрозой закрытія, а въ какомъ нибудь западно-европейскомъ парламентѣ опирающемся на незыблемый конституціонный строй и правильное взаимоотношеніе власти исполнительной къ власти законодательной. Тамъ, дѣйствительно, темпъ законодательной работы можетъ быть много медленнѣе, т. к., она продолжается безостановочно, безъ страха за

ближайшее будущее и съ разрѣшенными уже наиболѣе важными для страны вопросами. Тамъ парламентъ, въ работоспособности котораго никто не сомнѣвается и при благопріятной окружающей обстановкѣ, во время цѣлой парламентской сессіи, не торопясь, обсуждаетъ всего 3—4 законопроекта. И вотъ гр. Гейденъ въ энергичной рѣчи возстаетъ противъ вышеупомянутаго предложенія принять въ короткій срокъ такую массу законовъ, — «это будетъ какой-то законодательный пулеметъ» — заканчиваетъ онъ при дружномъ хохотѣ всей Думы.

Тогда правительство какъ бы бастовало и не вносило ни одного существеннаго закона. Если бы гр. Гейденъ былъ депутатомъ второй Думы, каждое засѣданіе которой начиналось перечнемъ вновь вносимыхъ министерствами законопроектовъ, то онъ вѣроятно уличилъ бы на этотъ разъ уже бюрократическій «пулеметъ».

Въ послѣдній разъ мнѣ пришлось видѣть графа Гейдена на одномъ изъ засѣданій этой второй Думы въ ложѣ бывшихъ депутатовъ.

Для насъ, работавшихъ вмѣстѣ съ покойнымъ Петромъ Александровичемъ, его смерть громадная потеря. Въ тяжелыя минуты не будетъ среди насъ этого добраго и правдиваго человѣка съ его бодрящей милой улыбкой, съ его непоколебимымъ оптимизмомъ и вѣрой во всегдашнюю и легкую побѣду права надъ произволомъ.

Для него же, можетъ быть, счастье, что онъ ушелъ изъ этого міра теперь и имѣлъ возможность унести съ собой свой оптимизмъ. Къ несчастью, есть большая доля вѣроятности, что ближайшее будущее несетъ съ собой мало отраднаго. Политика сословныхъ привилегій и сословнаго разобщенія послѣднихъ двадцати лѣтъ завершилась актомъ 3-яго іюля и грозитъ еще болѣе разжечь сословную вражду. И насколько при правовомъ строѣ ярко бы свѣтился духовный образъ графа П. А. Гейдена, настолько онъ померкъ бы въ разгарѣ междусобной распри и расхоронившихся страстей. Здѣсь для него не нашлось бы мѣста.

Кн. Петръ Долгоруковъ.

Историческая библиографія.

Валерій Брюсовъ. *Лицейскіе стихи Пушкина. По рукописямъ московскаго Румянцевскаго музея и другимъ источникамъ. Къ критикѣ текста. М. 1907. Книгоиздательство „Скорпіонъ“.*

Г. Брюсовъ установилъ по рукописямъ московскаго Румянцевскаго музея цѣлый рядъ ошибокъ въ текстѣ I тома академическаго изданія сочиненій Пушкина, редактированнаго покойнымъ Л. Н. Майковымъ. Терпѣливо провѣривъ майковскую работу надъ текстомъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина по хранящейся въ Румянцевскомъ музеѣ тетради поэта, г. Брюсовъ обнаружилъ у Майкова неровное и небрежное отношеніе къ вариантамъ, пропуска словъ, невѣрное чтеніе многихъ стиховъ, невѣрное воспроизведеніе даже печатнаго текста и тому подобныя промахи и пришелъ къ вѣрному, хотя не новому выводу, что первый академическій томъ не даетъ авторитетнаго, безспорно-правильнаго пушкинскаго текста, что, конечно, далеко не безразлично и въ эстетическомъ, и въ научномъ отношеніи. Съ этой стороны работа г. Брюсова весьма цѣнна. Можно только пожалѣть, что есть въ ней одинъ излишній, побочный элементъ, которому не мѣсто въ работѣ, стремящейся приблизить изученіе Пушкина къ почти научной точности.

Въ приложеніи къ своему изслѣдованію г. Брюсовъ сообщаетъ „не появившіяся въ печати редакціи стихотвореній Пушкина“—„Уныніа“ („Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой...“) и посланія къ Н. И. Кривцову („Не пугай насъ, милый другъ...“) Оба эти стихотворенія Пушкинъ печаталъ самъ, значитъ въ томъ видѣ, въ какомъ считалъ ихъ обработанными и законченными; замѣтимъ, что многія изъ своихъ лицейскихъ пьесъ Пушкинъ не вносилъ въ издававшіеся имъ сборники, и въ печати они стали появляться лишь послѣ смерти поэта. Въ наше время, когда каждая строчка Пушкина, какъ говорится, „цѣнится на вѣсь золота“, возникла усердная погоня за „новыми“, „незадавными“ стихами Пушкина. А такъ какъ такія новинки попадаютъ нечасто, то онѣ... фабрикуются. Дѣлается это очень просто: берутся пушкинскіе черновики, полные неясныхъ намековъ на образы и мысли поэта, испещренные множествомъ помарокъ и поправокъ, блѣдныя фрегменты,—и изъ нихъ „извлекаются“ отдѣльные стихи и даже слова, кажущіеся „удобными“ изслѣдователю; при этомъ изслѣдователь кое-что въ случаѣ надобности добавляетъ отъ себя,—и вотъ получаютъ „новые стихи Пушкина“, „еще не появившіеся въ печати“, стихи, которые были бы новы даже для самого Пушкина. Такихъ „извлеченныхъ“ стиховъ не мало нафабриковалъ проф. И. А. Шляпкинъ въ своей книгѣ

„Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, что вызвало въ свое время статью П. Е. Щеголева „*Незатисанныя* стихотворенія Пушкина“ („Историч. Вѣстникъ“ 1904 г. январь); уже изъ заглавія статьи видно, какъ отнесся къ этимъ поддѣлкамъ критикъ, достойно оцѣнившій фальсификаторскіе приемы „извлека-теля“. Несмотря на это, противъ соблазна надарить Пушкина „новыми“ сти-хами не устоялъ и Ѳ. Е. Якушкинъ (во II томъ академич. изданія); не устоялъ, наконецъ, и г. Брюсовъ. Воспользовавшись черновиками пушкинскихъ стихо-твореній, совершенно отдѣланныхъ ихъ творцомъ, г. Брюсовъ „извлекъ“ изъ бумагъ поэта „новыя редакціи“. Какая надобность въ извращеніи стиховъ Пушкина, неизвѣстно, но въ фальсификаціи пушкинскихъ стиховъ г. Брюсовъ ушелъ недалеко отъ г. Шляпкина. У г. Брюсова Пушкинъ несладко выра-жается („Унынье“):

Не спрашивай, зачѣмъ съ унылой думой
Въ кругу друзей я вѣчно омраченъ.

Въ пушкинскомъ черновикѣ (г. Брюсовъ даетъ его транскрипцію) первый стихъ отдѣленъ отъ второго четырьмя исчерканными стихами, а въ бѣловой редакціи, непечатанной Пушкинымъ, нѣтъ этой тяжелой тавтологіи: „съ унылой думой я омраченъ“, а сказано:

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омраченъ.

Въ той же пьесѣ у г. Брюсова читаемъ:

Отъ юности, отъ жизни, сладострастья
Останется уныніе одно.

Между тѣмъ Пушкинъ печаталъ это мѣсто въ болѣе совершенномъ видѣ, замѣнивъ неопредѣленный, расплывчатый образъ „жизни“ болѣе конкретнымъ и подходящимъ:

Отъ юности, отъ нѣтъ и сладострастья
Останется уныніе одно.

Другую „новую“ редакцію—посланія къ Кривцову г. Брюсовъ смастерилъ подобнымъ же образомъ. Въ 6-ой стихъ, который у него не вытанцовывался изъ-за недостатка въ одномъ словѣ г. Брюсовъ вставилъ недостававшее слово, взявъ его изъ бѣловой редакціи пьесы. Въ 9-мъ стихѣ передѣлалъ пушкинское „на порогъ“ въ „на пороги“, ради размѣра; въ 11-мъ стихѣ, также ради раз-мѣра, измѣнилъ пушкинскую форму родительнаго падежа „пафосской“ въ „пафосскія“; въ 13 или 14-й стихи вставилъ три недостающія слова, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ: „вѣрной“ и „круговой нальемъ“. Получилась „новая“ редакція, что и требовалось доказать, но виновать въ ней, конечно, не Пуш-кинъ. Поздравлять великаго поэта съ новымъ дѣтищемъ не приходится. Сто-ить сравнить редакцію Пушкина съ брюсовской редакціей, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Отъ пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,—

гласить брюсовская „редакція“. А у Пушкина читаемъ:

У пафосскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ.

Компануя свою „редакцію“ изъ пушкинскихъ набросковъ, г. Брюсовъ посягаетъ не только на форму, но и на мысль поэта:

Пусть *кипящей* жизни чашу
Тянетъ медленно другой.

Но у Пушкина первоначальная мысль измѣнила свой ходъ, и онъ выразился иначе и лучше:

Пусть *остылой* жизни чашу
Тянетъ медленно другой.

При добромъ желаніи и той свободѣ въ обращеніи съ Пушкинымъ, которую позволяеть себѣ г. Брюсовъ, такихъ „редакцій“ можно подкинуть Пушкину много, но едва ли въ нихъ нуждается и великій поэтъ, и его читатели, довольствующіеся тѣмъ, что у него есть.

Н. Л.

I.

Witold Markiewicz-Iodko i Szymon Dykstaajn. Polski socjalizm utopijny na emigracyi. (Dwie rozprawy). Kraków ¹⁾.

Послѣ того какъ возстаніе 1830—1831 гг. было подавлено, громадное количество поляковъ покинуло родину. За-границей очутились: сеймъ въ полномъ его составѣ, множество должностныхъ лицъ, литераторовъ, публицистовъ, ученыхъ и, наконецъ, весь корпусъ революціонной арміи въ количествѣ 70.000 человекъ. Часть эмигрантовъ поселилась въ Прусской и Австрійской Польшѣ, но всѣ болѣе значительно скомпрометированныя лица направились дальше на западъ—въ Швейцарію, Францію и Англію. Особенно много польскихъ эмигрантовъ сосредоточилось во Франціи. Польская эмиграція распалась довольно скоро на два лагеря—аристократическій и демократическій. Во главѣ перваго всталъ кн. Чарторыскій, возлагавшій всѣ надежды на дипломатическое вмѣшательство западноевропейскихъ правительствъ въ русско-польскія отношенія. Демократическіе элементы сконцентрировались въ основанномъ въ 1832 г. „Демократическомъ Обществѣ“, которое сыграло очень важную роль въ польской жизни въ періодъ 1832—1848 гг. По мнѣнію „Демократическаго Общества“ поляки только въ томъ случаѣ смогутъ расчитывать на помощь Европы (тутъ понимались не правительства, а революціонные и демократическіе элементы западноевропейскихъ обществъ), если проникнутся демократическими взглядами, господствующими на Западѣ, и станутъ распространять ихъ въ польскомъ обществѣ. Слѣдуетъ поэтому организовать самостоятельно, порвать связи съ аристократическими элементами и признать, что національное

¹⁾ Витольдъ Наркевичъ-Юдко и Шимонъ Дикштайнъ. Польскій утопическій социализмъ среди эмигрантовъ. (Два очерка). Краковъ.

единство является лишь маской, под которой скрывается эгоизм привилегированных классов. Действуя таким образом, польские демократы приобря- тают для дела восстановления Польши народные массы родины и помощь всех демократов Европы.

Однако в самом „Демократическом Обществе“ не было полного единства взглядов. Часть его членов видела возможность восстановления Польши лишь при условии международного демократического революционного движения. Другая часть возлагала все надежды исключительно на собствен- ные силы—на восстание народных масс в Польше. Еще большие разногла- сия господствовали в среде членов „Демократического Общества“ по социаль- ному вопросу. Большинство стояло за уничтожение барщины и надѣление поль- ских крестьянъ землей, при чемъ некоторые изъ членовъ „Д. О.“ высказыва- лись в пользу бесплатного отчуждения помещичьей земли, другие же склоня- лись в пользу выкупа. Меньшинство состояло изъ сторонниковъ полного уни- чтожения частной собственности на землю. И вотъ между этимъ меньшинствомъ, находящимся подъ влияніемъ идей чартизма, кружковъ, проникнутыхъ духомъ Бабѳа, С. Симона и Фурье, и большинствомъ, чуждымъ социалистическихъ взглядовъ, возникаетъ идейная борьба, закончившаяся исключеніемъ и выхо- домъ изъ „Демократического Общества“ социалистовъ. Послѣдніе основываютъ самостоятельную организацію (Lud Polski) „Польскій народъ“.

Сочиненіе извѣстнаго польскаго публициста В. Іодко посвящено ана- лизу идей, исповѣдуемыхъ организаціей „Польскій народъ“ и ея виднѣйшими представителями: Зенономъ Свентославскимъ, Станиславомъ Ворцелдемъ и Тадеушемъ Кремповецкимъ. Онъ сопоставляетъ ученіе западноевропейскихъ социалистовъ-утопистовъ со взглядами ихъ польскихъ учениковъ и разбираетъ критически эти взгляды съ точки зрѣнія научнаго социализма. По пути имъ изложена исторія социалистическихъ группъ среди польскихъ эмигрантовъ и дана оцѣнка ихъ значенія вѣ польскомъ революціонномъ движеніи.

Сочиненіе Ш. Дикштайна, автора всеѣмъ извѣстной агитаціонной брошюры „Кто чѣмъ живетъ“, посвящено тому же предмету, что и работа В. Іодко. Поскольку однако В. Іодко больше занимается рассмотрѣніемъ взглядовъ польскихъ социалистовъ-утопистовъ, постольку у Дикштайна главное вниманіе обращено на исторію развитія социалистическихъ кружковъ среди польской эмиграціи. Впрочемъ работа Дикштайна имѣетъ чисто публицистическій, аги- таціонный характеръ, вѣ то время какъ трудъ В. Іодко отличается строго- научной объективностью.

II.

Stanisław Szpotanski. Lud Polski. Z dziejów polskiej myśli socjalistycznej. Lwów. 1907 г. ¹⁾

Той же темѣ, которую обработали В. Іодко и Ш. Дикштайнъ, посвященъ и трудъ молодого польскаго историка, С. Шпотанскаго. Послѣдній болѣе по- подробно рассматриваетъ внутреннюю жизнь „громадъ“, составляющихъ органи- зацію „Польскій народъ“. Новаго трудъ С. Шпотанскаго даетъ—по сравненію

¹⁾ Станиславъ Шпотанскій. Польскій народъ. Изъ исторіи польской социалисти- ческой мысли. Львовъ. 1907.

съ работами В. Юдко и Ш. Дикштайна—весьма немного. Въ отношеніи же объективности оцѣнки идей „Польскаго народа“ и критическаго анализа сочиненій его руководителей работа Шпотанскаго значительно уступаетъ очерку В. Юдко. Свой взглядъ на значеніе польскаго утопическаго социализма тридцатыхъ годовъ Шпотанскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Огромное значеніе польскаго эмиграціоннаго социализма состоитъ въ томъ, что онъ былъ выраженіемъ чувствъ и стремленій борющихся за свободу крестьянъ-солдатъ, а не только социально-философской системой Ворцелле и Свентославскаго—системой, которая заняла бы второстепенное мѣсто рядомъ съ системами С. Симона, Фурье и другихъ мыслителей той эпохи развитія социалистической мысли. Онъ развивался въ тяжелыхъ жизненныхъ условіяхъ, которые вызвали его классовый характеръ, ставящій его въ этомъ отношеніи выше тогдашняго социализма, развивающагося въ кабинетахъ ученых“. Шпотанскій даетъ обширныя выписки изъ сочиненій членовъ „Польскаго народа“ и приводитъ дословно самыя характерныя его воззванія и другіе документы, въ которыхъ отражается фizioномія первой польской социалистической организаціи, это значительно увеличиваетъ цѣнность его работы, такъ какъ оригинальныя изданія „Польскаго народа“ мало доступны широкой публикѣ.

III.

Stanislaw Szpotanski. Konarszczyzna. (Przygotowania powstancie w Polsce w 1835—1839 roku). Kraków ¹).

„Конарщиной“ обыкновенно принято называть заговоръ, лично руководимый Ш. Конарскимъ въ Подоліи и Лявѣ. Авторъ этой книжки распространяетъ названіе „Конарщина“ на все движеніе второй половины тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія, вызванное „Молодой Польшей“, эмиссаромъ которой былъ Шимонъ Конарскій, разстрѣленный въ 1839 г. въ Вильнѣ. Эта замѣчательная личность, вызвавшая нескрываемое удивленіе даже въ своихъ палацахъ, выступаетъ у С. Шпотанскаго на фонѣ общеполитической и конспиративной жизни польскаго общества. Дѣятельность „Молодой Польши“, которая въ извѣстной степени была въ польскихъ провинціяхъ Россіи и Австріи тѣмъ, чѣмъ „Польскій народъ“ среди эмигрантовъ, — охарактеризована С. Шпотанскимъ подробно. Онъ подвергаетъ анализу и весьма интересные по тому времени крайне-демократическіе и антицерковныя взгляды руководителей „Молодой Польши“, отразившіяся, главнымъ образомъ, въ статьяхъ 10 №№ „Сѣвера“ (Północ), издаваемого этой организаціей. С. Шпотанскій тщательно использовалъ весь имѣющійся печатный матеріалъ, касающійся дѣятельности „Молодой Польши“ и ея эмиссаровъ. Кромѣ того онъ предпринялъ изысканіе въ Рапперсвильдѣ, Краковѣ и Львовѣ, что ему позволило собрать извѣстное количество новыхъ фактовъ, провѣрить уже извѣстные и возстановить истину, очистивъ ее отъ наслоеній легендарнаго характера. Вслѣдствіе этого монографія С. Шпотанскаго является важнымъ подспорьемъ для изученія эпохи конца тридцатыхъ годовъ.

¹) Станиславъ Шпотанскій. Конарщина (Подготовленіе къ возстанію въ Польшѣ въ 1835—1839 г.). Краковъ.

IV.

Materyaly do historyi P. P. S. i ruchu rewolucyjnego w zaborze rosyjskim od r. 1893 do r. 1904. Tom I. Rok 1893—1897¹⁾. Warszawa, 1907.

Эта объемистая книга (VIII+376 стр.), прекрасно изданная фирмой „Życie“, является самымъ серьезнымъ вкладомъ въ литературу по истории польскаго революціоннаго движенія девяностыхъ годовъ. Для историка этой эпохи „Матеріалы“ представляютъ незамѣнимый источникъ самыхъ разнообразныхъ данныхъ, всесторонне характеризующихъ не только П. П. С., не только проявление революціонной борьбы и рабочаго движенія, но и все то, что въ той или иной степени привлекало къ себѣ вниманіе администраціи и являлось объектомъ правительственныхъ репрессій. Составитель сборника не мало потрудился надъ собраніемъ и систематизированьемъ этихъ данныхъ. Прежде всего онъ добросовѣстно использовалъ весь существующій печатный матеріалъ, разбросанный по нелегальнымъ изданіямъ. Затѣмъ ему пришлось просмотрѣть богатый лондонскій архивъ П. П. С., откуда онъ извлекъ массу цѣнныхъ документовъ въ видѣ конфиденціальныхъ отчетовъ партіи, ея циркуляровъ, отрывковъ изъ писемъ членовъ центральнаго комитета и т. д. и т. д. Кромѣ того имъ были составлены и разосланы множеству лицъ, участвовавшихъ въ движеніи, спеціальныя опросныя листы, касающіеся арестовъ, забастовокъ и т. д. Полученный такимъ путемъ матеріалъ былъ подвергнутъ критическому разбору и проверкѣ, и въ результатѣ получился трудъ, стоящій на высотѣ своей задачи.

„Матеріалы“ расположены въ хронологическомъ порядкѣ, что, съ одной стороны, облегчаетъ пользовааніе ими, а съ другой—даетъ постепенно развертывающуюся картину роста социалистическаго и рабочаго движенія въ Польшѣ. Каждая часть, относящаяся къ одному году, распадается на двѣ главы. Въ первой сосредоточены данныя, характеризующія организационный ростъ П. П. С. и ея идейную эволюцію. Во второй сгруппированы по рубрикамъ свѣдѣнія, касающіяся: 1) финансовъ партіи, 2) границы и доставки контрабанднымъ путемъ литературы, 3) издательской дѣятельности, 4) забастовокъ, 5) празднованій 1-го мая, 6) манифестацій, 7) террористическихъ актовъ, 8) правительственныхъ преслѣдованій и 9) смерти партійныхъ работниковъ. Первая глава касается собственно П. П. С., и въ ней говорится о другихъ организаціяхъ лишь постольку, поскольку онѣ входили въ соприкосновеніе съ П. П. С. Во второй главѣ собраны свѣдѣнія, относящіяся къ проявленіемъ социально-политической жизни, независимо отъ ихъ партійнаго характера. Такъ напр. въ рубрикѣ „Преслѣдованія“ рассмотрѣны дѣла: вѣроисповѣдныя, патриотическія, студентскія и тому подобныя кромѣ социалистическихъ и рабочихъ. Особенно тщательно обработаны рубрики: забастовокъ и преслѣдованій. Послѣ списка забастовокъ за каждый годъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, мы находимъ табличку, сопровождаемую объясненіями и позволяющую намъ сразу же уяснить себѣ характеръ стачечнаго движенія въ данномъ году, ко-

¹⁾ „Матеріалы по исторіи П. П. С. и революціоннаго движенія въ Русской Польшѣ съ 1893 по 1904 годъ. Томъ I. Года 1893—1897“. Варшава (собственно Краковъ). 1907

личество рабочихъ, принимавшихъ въ немъ участіе, процентное отношеніе ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ, сумму дней забастовокъ, прикосновенность къ нимъ партійныхъ организацій и т. д. Болѣе важныя забастовки (какъ напр. забастовка ткачей въ Бѣлостокъ въ 1895 г. или стачка рабочихъ „Гуты Банковой“ въ Домбровѣ въ 1897 году) описаны очень подробно. Таблицы и объясненія къ рубрикѣ „преслѣдованія“ превращаются въ небольшія монографіи, полныя обстоятельныхъ выводовъ, касающихся распредѣленія арестовъ и процессовъ по категоріямъ, профессій и занятій арестованныхъ, мѣстности, гдѣ производились аресты, партійной принадлежности приговоренныхъ, характеры приговоровъ и т. д. Эти выводы опираются на критически проверенныя данныя. Въ „Прибавленіяхъ“ къ каждой изъ частей помѣщены матеріалы, по своему характеру аналогичные входящимъ въ первую главу, но не относящіеся непосредственно съ П. П. С.

Для всякого, кто хочетъ ближе познакомиться съ исторіей развитія П. П. С. и вообще къ социальнo-политической жизни Русской Польши въ періодъ, предшествовавшій революціонному движенію 1905—1906 гг., „Матеріалы“ прямо необходимы.

V.

Antoni Gumnicki. Wspomnienia z lat 1888—1892 (Przyczynek do historii naszego ruchu socjalistycznego). Warszawa, 1907 ¹⁾.

Небольшой по своимъ размѣрамъ трудъ А. Гумницкаго интересенъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что онъ относится къ періоду польскаго социалистическаго движенія, который не оставилъ почти никакихъ слѣдовъ въ литературѣ. А между тѣмъ этотъ періодъ, въ качествѣ непосредственно предшествовавшаго возникновенію „Заграничнаго союза польскихъ социалистовъ“ и организаціи эмигрантами послѣдняго П. П. С., очень важенъ. Пока настроеніе социалистическихъ кружковъ Русской Польши этого періода не будетъ окончательно выяснено, дальнѣйшая идейная эволюція польскаго социализма не станетъ намъ вполне понятной. Поэтому то трудъ А. Гумницкаго слѣдуетъ привѣтствовать какъ цѣнный матеріалъ, который отчасти заполняетъ существующій пробѣлъ.

„Воспоминанія“ А. Гумницкаго распадаются на четыре части. Въ первой онъ характеризуетъ варшавскую университетскую молодежь конца 80 годовъ. Вторая, самая интересная, посвящена „Союзу польскихъ рабочихъ“—организаціи, которая сыграла очень выдающуюся роль въ польскомъ рабочемъ движеніи, а по своимъ взглядамъ напоминала позднѣйшій „экономизмъ“ русской социалдемократіи. Третья часть даетъ кое-какія новыя свѣдѣнія о дѣятельности „Союза польскихъ рабочихъ“ въ Лодзи въ періодъ 1891 и 1892 гг., четвертая же описываетъ знаменитую лодзинскую всеобщую забастовку 1892 г. закончившуюся кровавымъ побоищемъ, въ которомъ пало около сотни рабочихъ.

„Воспоминанія“ А. Гумницкаго отличаются полной объективностью. Авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ социалистическихъ партій Польши.

¹⁾ Антоувъ Гумницкій. Воспоминанія 1888—1892 гг. (Къ исторіи нашего социалистическаго движенія). Варшава (собственно Краковъ). 1907 г.

кроме того онъ жилъ 11 лѣтъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи. Эти обстоятельства съ одной стороны, позволили ему отрешиться отъ тенденціонныхъ взглядовъ на періодъ 1890—1892 гг., господствующихъ въ некоторыхъ кружкахъ, а съ другой—сохранить свѣжесть тогдашнихъ впечатлѣній.

А. Василевскій (Плохотный).

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

„Україна“. Науковій та літературн. публиц. щомісячній журн. т. II. Іюнь 1907 г.

Ч. К. Ножинъ. Правда о Портъ-Артурѣ. Часть II. Изд. П. А. Артемьева. СПб. 1907 г.

Борьба общественныхъ силъ въ русск. революціи. „Крестьянство и революція въ Россіи“ вып. III. Москва 1907 г. Ц. 80 к.

Поль Луи. Рабочій и Государство. (Библиотека Общ. Пользы). Сравнительная исторія законодательства о трудѣ въ обѣихъ частяхъ свѣта. Перев. съ франц. СПб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Н. И. Сувиловъ. Безработица и страхование отъ ея послѣдствій въ западной Европѣ. Библ. Общ. Пользы. СПб. 1907 г.

Русская Муза. Составилъ П. Я. Изд. редакціи журн. „Русское Богатство“ В. Либкнехтъ. Германія полвѣка тому назадъ (къ юбилею март. революц.). СПб. Книгоиздат. „Паллада“ 1907 г.

О. Мирбо. Себастьянъ Рокъ. Изд. С. Скирмунта. Ц. 1 р.

Новая Книга. Критико-библиограф. еженед. Книгоизд. „Паллада“. Ц. 15 к. Старообрядческій Вѣстникъ. № 1 Москва. Ц. 15 к.

А. А. Лопухинъ. Изъ итоговъ служебнаго опыта. Изд. В. М. Саблина. Москва 1907 г. Ц. 50 к.

E.—I. Michelot avocat. Essai sur l'histoire de Nicolas II et le Début de la Révolution Russe. Paris (E. Flammarion) 1907. 10 k.

Солдатскій Листокъ № 1. Забайкальское отдѣленіе Всероссийскаго Военнаго Союза. Апрѣль 1907 г.

Солдатскій Листокъ № 2. Забайкальск. Отд. Всеросск. Воен. Союза. Апрѣль 1907 г.

Часть близится. (Трудъ № 11). Май 1907 г. Воронежск. Комит. Парт. С. Р.

Борьба и жизнь № 1. Изд. Воронежск. Комит. Парт. С. Р. 16 Мая 1907 г. Сѣверный Рабочій. № 7, 13 и 14 отъ 4 Марта, 6 и 18 Мая 1907 г.

Извѣстія Закавказскаго Областнаго Комитета № 1 Іюнь 1907 г. Изд. Закавк. Обл. Комит. Партіи Соц. Рев.

Три денежныхъ отчета Елизаветград. Комит. Парт. С. Р. съ 16 Ноября 1906 года по 1-ое Іюля 1907 г.

Земельный проектъ фракціи соц. револ. (Рѣчь соц. рев. Мушенко Деп. Курской губ.). Изд. Тамб. Ком. П. С. Р. 1907 г.

Братья-Крестьяне! Крестьян. орган. при Тамб. губ. Ком. П. С. Р. Изд. Тамб. губ. Ком. П. С. Р. 4 июля 1907 г.

Братья-Крестьяне! Абакумовское Сельское Братство П. С. Р. Тамб. губ. и уѣзда. Изд. Тамб. губ. Ком. П. С. Р. 28 июня 1907 г.

Товарищи-Крестьяне! 21 июня 1907 г. Тамб. губ. Боевой Ком. П. С. Р.

Ко всему трудовому народу. Поволжск. Обл. Ком. П. С. Р. 7 июня 1907 г.

Къ трудовому народу. Тамб. губ. Боевой Ком. П. С. Р. 12 июня 1907 г.

Крестьяне, дѣйствуйте сами! 17 Мая 1907 г. Тамб. Ком. Парт. С. Р.

Ко всѣмъ рабочимъ прядильныхъ и ткацко-отбѣльн. и ситцевыхъ фабрикъ Московск. промышл. района. Центр. Област. Бюро рабочихъ союзовъ по обработкѣ волокна Московск. района.

Ко всѣмъ трудящимся. Первый листокъ Керченской организаци. Керченск. Комитетъ Партии С. Р. Керчь. Июль 1907 г.

Извѣщеніе. Закав. Обл. Комитетъ П. С. Р. Июль 1907 г.

Крестьянамъ о роспускѣ Думы. Пензенск. Автономная Группа Соц. Рев. Пенза. 6 июня 1907 г.

Опросный Листъ. (Стат. Бюро при Ц. К. К. Р. С. П. С. Р.).

Организаціонный Уставъ Кіевского рабоч. Союза П. С. Р.

Ко всѣмъ безправнымъ російскимъ гражданамъ! Парт. Соц. Револ. Елисаветград. Ком. П. С. Р. Іюнь 1907 г.

Оповѣщеніе. Партии Соц. Револ. Елисаветгр. Ком. П. С. Р. Іюнь 1907 г.

Къ Обществу! Парт. С. Р. Елисаветгр. Ком. Пар. С. Р. Апрель 1907 г.

Государственная Дума и царское правительство! Елисаветград. Ком. П. С. Р.

Казакѣ-Люди. („Борьба и жизнь“ изд. Воронеж. Ком. П. С. Р. № 1). Май 1907 г.

Пѣсни Революціи. Мартъ 1907 г. Воронежск. Ком. Парт. С. Р.

О социализациі земли. Товарищи крестьяне! Апр. 1907 г. Воронежск. Ком. Парт. С. Р.

Граждане! Мартъ 1907 г. Воронежск. Ком. Пар. С. Р.

Товарищи рабочіе! Апр. 30 1907 г. Воронеж. Ком. Парт. С. Р.

Письмо отъ русскихъ крестьянъ царю Николаю II. Апр. 1907 г. Воронежск. Ком. Парт. Соц. Револ.

Слѣдуетъ ли переселяться? Типографія В. К.

Уставъ крестьянск. Союза П. С. Р. Воронежск. губ. Мартъ 1907 г. Воронежск. Ком. П. С. Р.

Къ солдатамъ и казакамъ! Елисаветгр. Ком. П. С. Р. Мартъ 1907 г.

Что дѣлаетъ въ Петерб. крестьянскій депутатъ Горячко? Елисаветгр. Ком. П. С. Р. Мартъ 1907 г.

Братья Крестьяне! Елисаветград. Ком. П. С. Р.

Къ Гражданамъ! Елисаветгр. Ком. П. С. Р.

Программа Парт. С. Р. Елисаветгр. Ком. Пар. С. Р. Май 1907 г.

Buletyn Przedzjazdowy. Wydawnictwo P. P. S. Warszawa 6 czerwca 1907.

Buletyn Przedzjazdowy. Wydawnictwo P. P. S.

Po zamachu Stanu. Centralny Komitet Robotniczy Polskiej Partji Socjalist. Warszawa dnia 29 czerwca 1907 cena 2 kop.

Къ мѣстнымъ Отдѣламъ Волжской Судоходн. Организ. Центр. Бюро В. С. П. С. Р. Іюль 1907 г.

Провокаторскій манифестъ и наши задачи. Севастоп. Ком. П. С. Р.

Къ гражданамъ гор. Севастополя. Севастопольск. Совѣтъ Безработныхъ.

Извѣщеніе вновь организован. боевой дружины. Севаст. Ком. П. С. Р.
Извѣщеніе по поводу отколовшихся дружинниковъ Сев. Ком. П. С. Р.
Опросный Листъ. Волжская Судоходн. организація П. С. Р. Июль. 1907 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ поступило:

Отъ W. L.—25 руб. Отъ И. С.—20 руб. Отъ г. Шадермана изъ Балты—
25 руб. Для каторжанъ: Отъ М. Р. П.—100 руб.

Деньги переданы по назначенію.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Международный Комитетъ

для помощи

**безработнымъ рабочимъ
Россіи.**

Утвержденный Интернаціональнымъ
соціалистическимъ Бюро.

Lausanne (Suisse)

29. Rue Solitude 29.

Милостивый Государь.

Международный Комитетъ для помощи безработнымъ Россіи обращается къ Вамъ съ горячей просьбой принять участие въ готовящемся къ изданію литературно-художественномъ сборникѣ, посвящаемомъ въ Россіи, по желанію Комитета, памяти Александра Ивановича Герцена.

Комитетъ не сомнѣвается, что цѣль изданія—помощь безработнымъ—найдетъ въ Васъ сочувствіе и Вы не откажете подарить нѣсколько часовъ литературнаго и художественнаго творчества тѣмъ обездоленнымъ, которые, служа физическимъ трудомъ общему благосостоянію, отдають жизнь за освобожденіе страны отъ политическаго и экономическаго рабства.

Обращаясь къ художникамъ и литераторамъ всѣхъ странъ, Комитетъ пытается образовать цѣнный вкладъ въ сокровищницу всемірной литературы и искусства и создать этимъ памятникъ великому борцу за соціальное освобожденіе—рабочему классу всѣхъ странъ.

Сборникъ этотъ—литературно-художественное изданіе—будетъ, конечно, безпартийнымъ, но объединяющимъ произведенія какъ свободной отъ партийности художественной, критико-публицистической и научной литературы, такъ и произведенія партийныхъ литераторовъ, посвященные нуждамъ рабочаго класса и объективнымъ вопросамъ политической и соціальной жизни.

Сборникъ будетъ издаваться въ Россіи и за границей.

Питая глубокую надежду, что многіе придутъ на помощь Международному Комитету въ осуществленіи этой цѣли, Правленіе Комитета проситъ Васъ обращаться за справками и высылать рукописи по адресу: M-r N. Herzen, prof. Lausanne. Suisse. Avenue de Rumine 57.

Между прочимъ въ сборникъ будутъ напечатаны неизданная статья А. И. Герцена „Мѣсто человѣка въ природѣ“ и письма къ нему Карла Фогта, Кардейля и польскихъ повстанцевъ 1862 г.

Предѣдатель: Н. Герценъ, проф.

Секретарь: К. Злинченко.

Къ изданію сборника.

Имѣя въ виду техническую трудность изданія интернаціональнаго литературно-художественнаго сборника, Правленіе Международнаго комитета для помощи безработнымъ Россіи выработало слѣдующій проектъ изданія:

1) Произведенія западно-европейскихъ авторовъ, до переводовъ, появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами.

2) Брошюры эти объединяются въ одинъ томъ и постепенно переводятся на разные языки, если окажется невозможнымъ одновременное изданіе этого тома на всѣхъ языкахъ. Въ это изданіе входятъ переводы со славянскихъ и другихъ языковъ.

3) Произведенія славянскихъ авторовъ—польскихъ, мадорусскихъ и другихъ появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами и въ переводахъ на другіе европейскіе языки.

Произведенія русскихъ авторовъ появятся въ русскомъ сборникѣ въ оригиналахъ, до перевода ихъ на западно-европейскіе языки. Въ русской сборникъ войдутъ переводы съ другихъ языковъ.

4) Произведенія финляндскихъ, латышскихъ, грузинскихъ, армянскихъ и др. авторовъ культурныхъ народовъ Россіи появятся въ оригиналахъ отдѣльными брошюрами или, при недостаткѣ матеріала, въ переводахъ на европейскіе языки.

5) Произведенія европейскихъ авторовъ появятся въ сборникѣ на европейскихъ языкахъ въ брошюрѣ на ново-еврейскомъ языкѣ.

6) Произведенія японскихъ авторовъ будутъ напечатаны въ европейскихъ и русскихъ оригиналахъ, а затѣмъ въ переводахъ на разные языки.

Европейскій сборникъ посвящается рабочимъ всѣхъ странъ.

Музыкальныя и живописныя произведенія (ноты, гравюры и т. п.) войдутъ во всѣ изданія.

Pat. 116
2910
13-Н
А

5

ВЫЛОЕ

**ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ**

Вылое

**ГОДЪ ВТОРОЙ
№ 21. СЕНТЯБРЬ 1907**

ИЗВЪ
ЛИЦИСТЫ
АТО

ПЕТЕРБУРГЪ

DK1
B9

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиовская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписнымъ деньгъ въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 23 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятая статья подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) Непринятая рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ черезъ мѣсяць по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
1. Изъ дневника сенатора В. П. Безобразова	1
2. Помилованіе Н. И. Тургенева (по архивнымъ даннымъ) П. Щ.	33
3. Идейныя основы „Народной Воли“. Н. С. Русанова	37
4. Первый процессъ „ингидлистовъ“ въ Берлинѣ. Г.	77
5. Миссія П. С. Ванновскаго . (Изъ воспоминаній о студенче- скомъ движеніи 1899 г.). Н. И. Юрданскаго	83
6. Первые шаги. (Воспоминанія бывшаго члена петербургскаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. 1896—97 г.). К. Я.	134
7. Евреи въ Москвѣ (по неопубликованнымъ документамъ). О. Гольдовскаго	153
8. Процессъ 50-ти. (Всероссійская Соціально-Революціонная Организація. 1874—77 г.г. Продолженіе). И. С. Джаба- дари	169
9. Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ Россіи въ началь 80-хъ годовъ. С. А. Иванова	193
10. Документы и матеріалы къ исторіи переговоровъ Исполнитель- наго Комитета съ Священной Дружиной.	208
11. Записка В. К. Плеве по университетскому вопросу.	213
12. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы (продолженіе). И. П. Бѣломоискаго	226
13. Записка министра юстиціи графа Палена . („Успѣхи револю- ціонной пропаганды въ Россіи“ 1875 г.)	268
14. Изъ дальнихъ лѣтъ. (Отрывки изъ воспоминаній). С. Л. Чудновскаго	278
15. По поводу статьи С. И. Сомова . (Письмо къ редакціи). С. Цедербаума	296

16. Историческая библиографія: I. — Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. С. Ш. II. — В. Симооскій. Пушкинъ. Жизнь и творчество. III. — Сочиненія Пушкина. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Подъ ред. Саитова. IV. — Библиотека великихъ писателей. Подъ ред. Венгерова. Пушкинъ, т. I, вып. I и II. — Н. К. П—ва. V. — С. М. Степнякъ-Кравчинскій. Собраніе сочиненій. Подъ ред. Венгерова. — Д. П. Сильчевскаго. — VI. — Кіевскій и одесскій погромы въ разслѣдованьяхъ сенат. Турау и Кузьминскаго. VII. — Бѣлостокскій погромъ. VIII. — Дѣло о погромѣ въ Симферополѣ. IX. — Гомельскій процессъ. — Ю. Н. Лавриновича 300
17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 313
18. Матеріалы, документы и мелкія замѣтки. (Докладъ III отдѣленія объ Андрузскомъ — 132. Характерный документъ — 277. Къ замѣткѣ XX о К. Г. Неустроевѣ — О. С. Любатовичъ — 299).
19. Письмо въ редакцію. Ф. Крылова 316
20. Объявленія 321

Къ этой книгѣ приложены портреты И. С. Джабадари и 14 участницъ процесса 50-ти.

При этой книгѣ „Былого“ всѣмъ подписчикамъ разсылается объявленіе объ изданіи газеты „Жизнь и Школа“.

Иванъ Спиридоновичъ
ДЖАБДАРИ.

Изъ дневника сенатора В. П. Безобразова. ¹⁾

1884.

Носково. ²⁾ Сколько разъ я сожалѣлъ (и сожалѣли другіе), что не веду записокъ, и сколько разъ принимался ихъ писать (въ молодости) ³⁾, но не надолго,—и вотъ, наконецъ, сегодня рѣшился. Il vaut mieux tard, que jamais.

Прошлаго года записки гр. Литке, а теперь Блунчли сильно побуждаютъ меня къ этому дѣлу.

Но *поздно* я начинаю ⁴⁾,—все интересное и для меня, и для другихъ уже пережито, остается самое неинтересное въ моей жизни,—доживать свой вѣкъ празднымъ зрителемъ происходящаго и *излишнимъ* человѣкомъ въ отечествѣ (какимъ я впрочемъ почти всегда былъ въ моей жизни). Эта мысль всегда останавливала меня начинать записки въ послѣдніе годы, а между тѣмъ случались обстоятельства,

---

¹⁾ Владиміръ Павловичъ Безобразовъ, авторъ многочисленныхъ работъ по экономическимъ вопросамъ, академикъ и сенаторъ, род. въ 1828 году, учился въ Царско-сельскомъ лицей. Пройдя всю служебную лѣстницу, в. въ 1864 году былъ назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и въ этомъ же году былъ избранъ Академіей Наукъ адъюнктомъ по части статистики. Преподавалъ политическую экономію Великимъ князьямъ Алексѣю Александровичу, Николаю Константиновичу, Сергѣю Александровичу и Константину Константиновичу. 1 янв. 1885 года былъ назначенъ сенаторомъ. Умеръ 28 авг. 1889 года. (О Б. см. „Критико-биографическій словарь“ С. А. Венгерова, т. 2-й: біографія, перечень трудовъ, характеристика). „Мой отецъ—пишетъ дочь В. П. М. В. Безобразова, любезно представившая въ наше распоряженіе отрывки изъ дневника—былъ человѣкъ сердечный, добродушный и искренній, а не только честный, умный, образованный и дѣловой работникъ. Такихъ людей не только у насъ, но и всадѣ мало, и потому повѣсть о его страданіяхъ производитъ глубокое впечатаніе“.

Прим. ред.

²⁾ Имѣніе покойнаго въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губ.

Прим. ред.

³⁾ Есть записки чисто моихъ душевныхъ состояній (или лучше мученій), которыя много велъ въ послѣдніе годы. Хочу ихъ сжечь передъ моей смертью. Пусть не будетъ ни на кого нареканій, кто причинялъ мнѣ страданія—можетъ быть я самъ больше всѣхъ виноватъ. Сверхъ того—есть записки въ первой молодости,—и потому за ось нумеромъ (подробна).

⁴⁾ Буду стараться сколько нибудь загладить прошедшее,—вспоминаю о немъ по новоду разныхъ обстоятельствъ настоящаго.

свиданія, о которыхъ я сожалѣлъ, что не записалъ. Такъ можетъ случиться и теперь. Во всякомъ случаѣ буду записывать мои наблюденія и размышленія, если не для потомства, то для себя самого—если Богъ дастъ еще прожить и перечестъ здѣсь писанное—и также отчасти для дѣтей.

Здѣсь въ деревнѣ свободнѣе начать это дѣло и войти въ него такъ, чтобы привыкнуть, чѣмъ въ Петербургѣ.

30 августа. Я бы хотѣлъ записать исторію съ моимъ сенаторствомъ,—какъ послѣднюю въ моей неудавшейся карьерѣ. Сколько лѣтъ (кажется около 15) возбуждается этотъ вопросъ!—надѣюсь теперь въ послѣдній разъ.

На этотъ разъ, казалось, это должно было состояться,—такое соединеніе шансовъ, столькихъ сильныхъ людей, сего желавшихъ, и никою нежелавшихъ (какъ прежде Рейтернъ, три раза становившійся поперекъ)—и для всякаго другого *попроще* и поплоче меня навѣрное бы состоялось,—а для меня нѣтъ.

С. Мордвиновъ ¹⁾ пишетъ мнѣ на этихъ дняхъ, что говорилъ съ Набоковымъ, мин. юстиціи; онъ очень желаетъ, очень ко мнѣ лично расположенъ, но *невозможно*. Отчего—трудно понять, и даже невозможно (вѣроятно говорилъ, что я хочу остаться въ Мин. Фин., но я согласенъ и совѣмъ въ Сенатъ). Всѣхъ на свѣтѣ дѣлаютъ сенаторами, а меня невозможно. Дѣйствительно, я согласенъ, невозможно.

Невозможно, чтобы петербургскіе сановники допустили меня эмансипироваться, приобрести самостоятельность (въ Сенатѣ) отъ начальства. Они знаютъ, что я заговорю не какъ они; они знаютъ, что я бѣденъ и надо меня держать взаперти въ Мин. Фин., что въ отставку я выйти не могу.

Признаюсь, это дѣло меня огорчаетъ не столько по существу, сколько по лживости людей: всѣ ко мнѣ расположены, всѣ меня любятъ и всѣ ссылаются другъ на друга, что другіе мѣшаютъ. Бунге и Толстой—на Набокова; Набоковъ—на Бунге (какъ передавалъ Грейгъ), что не довольно настаивалъ, и на Государя, что не хочетъ новыхъ административныхъ сенаторовъ. Вел. Кн. Сергій Александровичъ тоже говоритъ, что все дѣлаетъ, что говорилъ съ Государемъ и что Онъ ко мнѣ расположенъ. Всѣ расположены (это, вѣроятно, какъ къ человеку) и тѣмъ болѣе всѣ сговорились (*tacitu consensu*) *не давать мнѣ ходу*. Это понятно. Имъ всѣмъ невыгодно. Только одинъ Государь можетъ быть заинтересованъ дать мнѣ ходъ, хоть въ совѣтники Престола. Вѣдь совѣтниковъ, кажется, будетъ немного для этого царствованія.

Я болѣе не въ лѣтахъ, чтобы порвать эту интригу и *дѣйствовать*, чтобы пройти всѣ преграды (хотя и было бы возможно). Для этого нѣтъ у меня стимуловъ и главное честолюбія (его никогда не было достаточно и въ молодости, а подавно теперь).

У меня только три мотива желать сенаторства.

---

¹⁾ Семенъ Александровичъ († 14 декабря 1900 г.) былъ членомъ Государственнаго Совѣта, въ 1884 г. сенаторомъ въ кассационномъ департаментѣ.

1.) Главное—обезпеченіе Оли большой пенсіей, чѣмъ по теперешнему моему чину.

2.) На случай смѣны Министра Финансовъ и назначенія такого, съ которымъ я не буду въ дружескихъ отношеніяхъ (какъ съ Бунге и Грейгомъ), и на случай требованій отъ него противъ моей совѣсти,—во время убраться изъ Мин. Фин. (чтобъ не быть вынужденнымъ выйти въ отставку, какъ при Брокъ или терпѣть невозможныя униженія, какъ при Рейтернѣ).

3.) Я еще соображаю, что, если Богу угодно будетъ продлить мои дни, и я тогда не въ силахъ буду писать, какъ теперь, и удовлетворять этимъ мою жажду дѣятельности, то мнѣ будетъ ужасно такъ жить. А я еще могу тогда трудиться съ пользой, подавая совѣты и мнѣнія и въ Сенатѣ, и въ Госуд. Совѣтѣ.

Но всѣ эти мотивы недостаточно сильны, чтобъ заставить меня достаточно энергически дѣйствовать для достиженія цѣли. Все, что я могу и считаю моей обязанностью передъ моею совѣстью и Государемъ (т. е. государствомъ) сдѣлать, это изложить это положеніе такъ, чтобы зналъ его Государь, и зналъ, что онъ одинъ можетъ меня изъ него вывести.

Я не могу также рѣшиться на довольно энергическое дѣйствіе, чтобы превозмочь всѣ интриги къ тому, чтобъ меня держать взаперти и не давать мнѣ ходу,—и потому, что я не могу подняться на *достаточною* *время жизни*, чтобъ *начинать* государственную дѣятельность. Я къ ней стремился всю мою жизнь, считалъ (и теперь считаю) себя наиболѣе къ ней способнымъ и теперь уже поздно. Богъ ведетъ насъ къ своимъ цѣлямъ. До сихъ поръ, хотя мои работы въ наукѣ и литературѣ были искажены и попорчены постоянными перерывами государственныхъ (т. е. служебныхъ) занятій, и хотя я совсѣмъ не былъ къ нимъ *приготовленъ и достаточно обученъ*, но онѣ всего болѣе мнѣ удались. Вѣрно такъ хочетъ Богъ, чтобъ я ихъ продолжалъ и при нихъ остался до конца жизни. Такъ и будетъ. (Вѣдь мечталъ же я съ ранняго дѣтства быть литераторомъ—какъ тогда говорилось—но, конечно, *вѣсть съ тѣмъ* и всего болѣе мечталъ быть государственнымъ дѣятелемъ).

Чтобы ни говорили, виновать человѣкъ самъ въ своей карьерѣ. Не сдѣлалъ я ту, о которой мечталъ, значитъ, былъ къ ней неспособенъ (у меня былъ всегда *недостатокъ характера*, нужнаго для государственнаго человѣка).

Все, на что я могу рѣшиться относительно сенаторства, это—употребить усиліе, чтобъ мое положеніе было извѣстно государю:—это *последній* мой шагъ въ этомъ дѣлѣ и послѣ этого я его *забуду*.

Поэтому сегодня отправилъ къ В. Кн. Сергѣю Александровичу письмо, въ которомъ изложилъ все мое положеніе, какъ оно выше описано. Писалъ очень рѣшительно и откровенно и просилъ только объ одномъ, чтобы онъ показалъ мое письмо Государю. Также пишу гр. Д. А. Толстому, чтобъ объяснить ему, что я считаю себя свободнымъ отъ него. (Это освобожденіе, какъ и вообще освобожденіе отъ всякихъ покровителей, есть величайшее счастье, которое я обрѣтаю въ жизни въ вознагражденіе за всю горечь этихъ обстоятельствъ).

Но, чтобъ воспользоваться этимъ счастьемъ, я долженъ, наконецъ, рѣшить, что это *последній шагъ*. Богъ мнѣ свидѣтель, что на это мнѣ не трудно рѣшиться для моихъ интересовъ; и если есть у меня сомнѣніе, что я поколеблюсь въ этомъ рѣшеніи, то только потому, что беспокоюсь о судьбѣ Оли.

Сегодня послѣ всѣхъ этихъ размышленій,—я собственно начинаю мой дневникъ.

Сегодня получилъ отъ В. К. Елизаветы Ѳедоровны и также Елизаветы Маврикіевны изъ Ильинскаго такія любезныя депеши въ отвѣтъ на мои поздравленія съ именинами, что рѣшился ѣхать въ Ильинское отъ Троицы, куда ѣду говѣть. Не мѣшааетъ подкрѣпить письмо словесными объясненіями съ Сергѣемъ Александровичемъ, чтобъ все было ясно. А кромѣ того я ихъ люблю и мнѣ очень пріятно ихъ видѣть.

8 сентября. Троица Сергія. Вчера пріѣхалъ сюда съ Олей, чтобъ говѣть. Сегодня исповѣдался у отца Авраамія. Удивительное успокоеніе нахожу я всегда здѣсь, въ особенности, когда говѣю. Удивительно, какая установилась нравственная связь съ ранняго дѣтства между мной и этимъ мѣстомъ—Троицей. Хотя я здѣсь совсѣмъ чужой формально (по имуществу и т. д.), но нѣтъ мѣста въ Россіи (не исключая даже Владиміра ¹⁾) которое было бы ближе мнѣ, какъ Троица. Нигдѣ въ Россіи, и стало быть нигдѣ на землѣ, я не чувствую себя такъ близко землѣ, такъ тѣсно съ ней связаннымъ, какъ здѣсь.

10 сентября. Москва. (Сѣверная гостиница). Пріѣхалъ вчера въ Москву, чтобъ ѣхать сегодня въ Ильинское. Состарился я или умудрился, но эта поѣздка для меня большая жертва. Вообще выѣзжать изъ Носкова сдѣлалось для меня тягостнымъ. Ничего лучше для себя я не знаю, какъ жить тамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько успокоенъ новымъ приказчикомъ на счетъ хозяйства, этой единственной бѣды для меня въ деревнѣ). И странно, нисколько не чувствую желанія уѣзжать, какъ говорятъ, развлечься. Чѣмъ больше безвыѣздно живу въ Носковѣ, тѣмъ меньше хочется выѣзжать. И этому не вѣрятъ въ Петербургѣ, говоря что это невозможно для моей *соціальной натуры*.

10 сентября, 5 час. дня. Ильинское. Пріѣхалъ въ Ильинское и очень не радъ, что пріѣхалъ . . . . Меня сюда звали, я несравненно меньше ѣздилъ, чѣмъ меня звали. Я сообщилъ, что сегодня пріѣду; вчера телеграфировалъ. Я пріѣхалъ и, можно сказать, очутился на улицѣ. Никто не позаботился меня встрѣтить. Насилу нашелъ уголь, для меня назначенный. Я здѣсь болѣе часу и никому въ голову не приходитъ повидаться со мной. Заняты театромъ, репетиціей. И тутъ все позабыто. Я пошелъ къ Серг. Алек., но тамъ репетиція, и я ушелъ въ свою комнату. И не знаю, что дѣлать: ждать приглашенія или итти. Знаю, что все это *наивно*, отъ неумѣнья жить. Но отъ этого не лучше. Вотъ это характеристично: хотятъ вести высшій

¹⁾ Городъ, гдѣ родился авторъ дневника.

этикетъ и, при этомъ, *laisser aller*. Этикетъ требуетъ тоже соблюденія извѣстныхъ обязанностей (любезности, учтивости, гостеприимства etc.), а тутъ никакихъ обязанностей для себя не признаютъ. Такъ что *on ne sait sur quel pied danser*. Если Серг. Алекс. позволяетъ себѣ такъ со мной обращаться, потому что у меня есть въ немъ надобность, то *тѣмъ хуже для него* (но я этого не думаю: все это дѣлается по безсознательности). Надобности у меня въ окончательномъ результатѣ нѣтъ, а гораздо болѣе у него во мнѣ надобность. Высокопоставленнымъ лицамъ придется ограничиться для своей компаніи шутами и негодяями. А въ тѣхъ серьезныхъ историческихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ *несомнѣнно* (т. е. несомнѣнно, если Россія способна къ историческому развитію!) они будутъ, имъ будетъ тяжело бороться съ этими обстоятельствами со своимъ *лакейскимъ entourage'омъ*; а кромѣ лакеевъ никто не можетъ быть съ ними хорошъ, и всякій порядочный человѣкъ отъ нихъ бѣжить. Я зналъ только одно исключеніе—*Елену Павловну*; она одна умѣла цѣнить людей.

11 сентября. Я былъ увѣренъ, что все объяснится *непониманьемъ* и привычкой не обращать вниманіе на другихъ. «Надо ихъ *очень любить* (т. е. человѣку серьезному), чтобъ не покидать ихъ»—сказала мнѣ раньше бар. Пилларъ фонъ Пильхау и это правда. Я ихъ люблю, просто люблю, привязанъ къ нимъ и потому прошая.

Вел. Князья пришли ко мнѣ съ ужасными нѣжностями; и я все позабылъ, да и нельзя иначе,—ибо не вѣдаютъ, что творятъ.

Съ Серг. Алекс. какъ въ старыя времена, совсѣмъ интименъ, и вообще въ домѣ обращаются со мной какъ съ другомъ семейства.

Вчера обѣдали довольно пріятно. Послѣ обѣда я много говорилъ наединѣ съ В. К. Константиномъ Константиновичемъ.

Сегодня общій завтракъ. (До завтрака интимная бесѣда съ Конст. Кон. и Павл. Алек.). Серг. Алек. проситъ меня не уѣзжать сегодня, какъ я рѣшилъ: меня сюда ожидали на продолжительное время. Онъ проситъ нѣсколько разъ; я говорю, что трудно, что дочь одна въ деревнѣ. Онъ наконецъ сердится и рѣзко говоритъ: «ну, какъ хотите». Какъ они не привыкли и не любятъ встрѣчать малѣйшее противорѣчіе своимъ желаніямъ, а въ особенности, чтобъ люди могли не жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, чтобы имѣть *честь* съ ними быть, *не принять* ихъ приглашенія (да возможно ли это?) Особенно было непріятно Серг. Алек., когда я сказалъ: «вѣдь если я останусь, я всетаки почти Васъ не увижу» (театральная репетиція). Такихъ рѣчей имъ никто не говоритъ. Самое лучшее доказательство ихъ любви, что они выносятъ это обращеніе.

Видя, какъ всѣ желаютъ, чтобъ я остался (и къ тому же я приѣду только нѣсколькими часами позже въ Носково), я отложилъ свой отъѣздъ до завтра.

Характеристическая черта избалованности высокопоставленныхъ: они боятся *снизойти*, чтобъ показать, какъ желаютъ, чтобы съ ними были! показать открыто свою любовь, показать, что они въ комъ нибудь нуждаются сдѣлать *усиліе*, чтобъ упробить остаться! Но всякое *усиліе effort*, для нихъ самая мудреная вещь; все должно легко, само собой имъ доставаться.

Послѣ завтрака я катался съ В. Князьями и бар. Пильхау. Потомъ пили чай. Потомъ я ушелъ къ себѣ.

Вечеромъ. Все это записалъ не потому, чтобы это было сколько нибудь интересно, а потому что интересенъ *общій смыслъ* или лучше безсмысліе этой жизни: только идиоты или негодяи, добивающіеся чего нибудь, соглашаясь на веденіе этой жизни (или это не негодяи, а люди, не могущіе добыть иной кусокъ хлѣба для своихъ семей, какъ прислуживая тутъ), могутъ выдержать эту жизнь. Она лишена всякого внутренняго содержанія: ни у кого изъ высокопоставленныхъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ цѣлей жизни, даже просто никакихъ цѣлей. Объ этомъ вчера говорилъ со мной Илья Александровичъ Зеленый... Зеленый—положительно единственный человекъ, котораго я встрѣтилъ въ моей жизни, съ которымъ можно говорить; всѣ другіе или ничего не понимаютъ, или не говорятъ что думаютъ. Эту жизнь можно такъ кратко опредѣлить: при отсутствіи всякаго въ ней содержанія, люди стараются замаскировать ее необычайнымъ *наружн.нв содержаніемъ*, механической *чрезвычайной дѣятельностью*; за 4 герас соединяются, антракты всѣ наполнены прогулками и всякими пустыми развлечениями; все это такъ переполнено всякой всячиной, и всякій вздоръ дѣлается съ такой серьезностью, главное все спѣхъ: *не опоздать* къ завтраку, обѣду, прогулкѣ и т. д, что каждому кажется, что онъ что-то *дѣлаетъ*. Когда не удастся наполнить день всякой всячиной, тогда *ужасно скучаютъ*. Такъ можно жить иногда, въ путешествіи для отдыха, нѣкоторое время и то не на одномъ мѣстѣ. Это *свѣтская жизнь*, но наполняющая всю *жизнь* людей. А они проводятъ такъ всю жизнь. Только ограниченность и невѣжество къ этому способны. Однако и почитываютъ и затрагиваютъ разныя матеріи, книги, писателей, но все это *скользитъ* какъ-то безслѣдно.

12 сентября. Утромъ 10 ч. уѣхалъ изъ Ильинскаго, простившись накануне вечеромъ, въ Москву, откуда на почтовыхъ въ 3 ч. въ Дмитровъ, куда прибылъ въ 9 ч. вечера. Тамъ ночевалъ...

15 сентября. Въ однообразной жизни Носкова рѣшительно нечего записывать, а вспомню прошедшіе дни.

На переѣздѣ между Ильинскимъ и Москвой и въ Ильинскомъ, я думалъ, что вся эта мѣстность особаго рода. Тутъ много барскихъ старыхъ помѣстій; нѣкоторыя поддерживаются владѣльцами и теперь, упадка нѣтъ въ этой мѣстности, но нѣтъ и движенія и жизни. Подлѣ аристократическихъ усадебъ помѣщиковъ несчастныя лачуги крестьянъ; тоже и въ Ильинскомъ. Грустно на это смотрѣть. Можно думать, что богатые помѣщики не помогаютъ крестьянамъ, но я совсѣмъ не объ этомъ думаю и не объ этомъ сожалѣю, какъ бы ни думалъ я дурно объ этихъ помѣщикахъ. Дѣло въ томъ, что плохъ этотъ подмосковный народъ, испорченный издавна со временъ Московскаго государства и неспособный при легкости заработка солидно разжиться. Только около фабрикъ жизнь въ Москов. губ., но какая же это жизнь. Проживаютъ все, что получаютъ. Ничего не сберегаютъ.

Читалъ я исповѣдь Льва Толстого, ходящую въ рукописи по рукамъ. Я удивляюсь глупости (sic! Великіе художники, каковъ Толстой, могутъ быть глупы) и невѣжеству этого писанья; тутъ излагаются самыя дѣтскія размышленія (возмутительно, что Толстой излагаетъ ихъ съ необыкновеннымъ самоинѣніемъ, воображая, что въ самомъ дѣлѣ,—воображая наивно,—онъ проповѣдуетъ что-то новое и гениальное), которыя могутъ быть интересны только, какъ психіатрической феноменъ. И публика читаетъ это съ жадностью, потому что это запрещено. Еслибы это было напечатано, то надо надѣяться, что нашлось бы достаточно силъ въ нашей литературѣ, какъ она ни плоха, чтобы возражать на всю эту чепуху. А теперь ее читаютъ наши полуобразованные люди съ подобострастіемъ. Вотъ вредъ стѣсненія свободы печати.

Въ Москвѣ я прочелъ телеграмму изъ Кіева о буйствѣ студентовъ университета къ его юбилею. Это извѣстіе произвело на меня сильное впечатлѣніе; я ему придаю большое значеніе и ожидаю большихъ послѣдствій (интересно, что въ официальныхъ извѣстіяхъ объ юбилеѣ объ этомъ умалчивается). Эти буйства—возмутительная *гадость*; объ этомъ не можетъ быть спора,—въ особенности и потому, что это произошло, когда были гости, и даже иностранцы.

Тяжко для Россіи, что мы не можемъ приглашать къ себѣ на *ученый* праздникъ, безъ опасности для иностранцевъ быть побитыми камнями. Конечно, эти студенты не имѣли никакого чувства русскаго патріотизма (тутъ, кажется, дѣйствовали поляки и обезумѣвшіе хлопманы).

Но совпаденіе этого скандала съ изданіемъ новаго университетскаго устава интересно! Что скажутъ теперь поборники и творцы этого устава, что это освобожденіе студентовъ отъ профессоровъ и только профессора могутъ быть имъ недовольны!

Конечно, возмутительны дѣйствія кіевскихъ студентовъ, но грустно подумать, сколько раздраженія накопилось въ средѣ нашей молодежи; и кто въ этомъ виноватъ?

О новомъ университетскомъ уставѣ скажу только, что это такая же *ложка* нашего государственнаго строя въ консервативномъ духѣ, какъ проектъ Кахановской комиссіи реформы мѣстныхъ учреждений (сегодня окончилъ его чтеніе)—*ложка* въ либеральномъ духѣ. И вотъ наши правители думаютъ только о *ложкѣ*, а не объ исправленіи и починкѣ госуд. зданій. Такъ пошло съ Петра В., онъ далъ примѣръ, *допущенный* русскимъ народомъ (къ его *стыду*), и такъ пошло. Онъ по крайней мѣрѣ былъ гений, а его подражатели *ничтожество* (кромѣ Н. Милютина и освобожденія крестьянъ, которое хотя было ложкой, но сдѣлало *великое дѣло*).

Съ Серг. Алек. въ Ильинскомъ я не говорилъ о моемъ письмѣ, которое видѣлъ у него на столѣ. Какъ я сказалъ въ письмѣ, такъ и поступилъ: послѣ этого послѣдняго шага я больше не буду ни говорить, ни даже думать о сенаторствѣ. Я только просилъ Серг. Алек. дать прочесть мое письмо Государю. Изъ Ильинскаго я писалъ гр. Д. А. Толстому въ томъ же духѣ. Больше я ничего не дѣлалъ. *Fais ce que dois, advienne que pourra.*

Сегодня былъ у меня купецъ Кафтанниковъ. Я ему продалъ весь мой урожай, хлѣбъ и овесъ. Вотъ типъ новѣйшаго нашего tiers état. Интересны соприкосновенія этого люда со мной.

19 сентября. Сегодня уѣхала Оля въ Петербургъ. Грустно было мнѣ съ нею разставаться, даже очень грустно. Но я самъ хотѣлъ, чтобъ она уѣхала, видя, какъ ей скучно въ Носковѣ и какъ хочется скорѣе въ Петербургъ.

Не хочу я, чтобъ мои дѣти приносили для меня жертвы. Я страдаю отъ этихъ жертвъ, и, напротивъ, счастливъ, когда имъ пріятно безъ меня, если это не вредно для нихъ, какъ въ настоящемъ случаѣ (Оля ѣдетъ въ Петербургъ съ Ольгой Дмитр.): это эгоизмъ своего рода. Я это мыслю, не только пишу, искренне, безъ ироніи.

Хочу испытать свои силы,—жить *совсѣмъ одинъ*. Величайшее благополучіе чловѣка на землѣ, когда онъ *самъ себя удовлетворяетъ*. Въ какой степени чловѣкъ къ этому способенъ, настолько онъ имѣетъ цѣнность, настолько онъ чловѣкъ. Хочу испытать въ этомъ отношеніи мои силы (я соціабеленъ, люблю общество, но могу выдержать и съ наслажденіемъ одиночество), это испытаніе будетъ самоэкзаме́нь. Если будетъ трудно, то не сдѣлать ли изъ этого эпитимью, которую наложилъ на меня отецъ Авраамій (у Троицы), предоставивъ мнѣ избрать самому родъ эпитимью (это ужасно трудная задача и можетъ быть, и тутъ Богъ мнѣ помочь).

21 сентября. Хотѣлъ я записывать всякій день и никакъ не удается. Въ теченіи дня нѣтъ времени, а вечеромъ передъ сномъ (настоящее время для дневника) такъ устаю, что не могу писать.

Не знаю, что было бы далѣе съ этимъ одиночествомъ, а пока не вижу, какъ бѣжить время. Тутъ много причинъ: не только работа, но и *разнообразіе* занятій и чтенія, которое я всегда забочусь для себя устроить.

Пока я могу жаловаться не на одиночество, а на *недостаточность* его: мнѣ мѣшаютъ люди, и я бы хотѣлъ ихъ меньше видѣть. Вчера обѣдалъ священникъ и пріѣхалъ проѣздомъ К. Савеловъ ¹⁾ Я боюсь положительно, что и сегодня пріѣдутъ гости, и вообще ихъ слишкомъ много будутъ ѣздить, мѣшаютъ работать. Немножко «началь», но чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

Священникъ начинаетъ быть для меня тяжелъ. Я предпочитаю этотъ типъ нашего духовенства вполне невѣжественный, наивно гру-

¹⁾ Сосѣдъ, землевладелецъ, живіе Новое Село въ 15 в.

бый, — новѣйшимъ либеральнымъ и только потертымъ прогрессомъ, и такимъ же невѣжественнымъ. Послѣдніе болѣе меня возбуждаютъ, а къ первымъ я могу относиться равнодушнѣе. Но, наконецъ, и нашъ священникъ своей дчкой (хотя бы и наивной) нетерпимостью начинаетъ возмущать меня и быть мнѣ противенъ: всѣ прихожане должны гонѣть, о тѣхъ, которые не исполняютъ, онъ доносить архіерею. «Должно ихъ заставлять, но епарх. начальство относится слишкомъ небрежно (а тутъ главная забота о доходахъ); лютеранина я не стану отпѣвать, я его передъ смертью не исповѣдую и не приобщу, безъ предварительнаго обращенія и документа» и т. д. Мнѣ стало гадко слушать этого рода рѣчи. Тутъ никакой христіанской любви, тутъ ученье Христа забыта.

21 сентября. Я все недоволенъ собой, что не могу окончательно, безповоротно покорить въ себѣ всякія желанія практической (госуд.) дѣятельности и считать всякую госуд. дѣятельность для себя невозможной. Конечно, это не легко похоронить себя заживо, заморить существенныя наклонности моей природы къ этой дѣятельности; это было не легко для другихъ подобныхъ мнѣ людей. Я вижу это изъ мемуаровъ Блунчли, какъ было горько ему, когда актриса постоянно отбрасывала его отъ государственныхъ дѣлъ, къ которымъ влекла его натура. Но это необходимо мнѣ для пріобрѣтенія окончательнаго душевнаго мира. Послѣ всего того, что я испыталъ (въ особенности послѣднія перипетія съ сенаторствомъ и съ неприглашеніемъ меня въ Кахановскую комиссію), я долженъ убѣдиться окончательно, что ни династія, ни правительство, ни общество не нуждаются во мнѣ и не желаютъ моего труда, что никакое практическое дѣло не существуетъ для меня. Надо же окончательно разстаться со всякою мыслью о такомъ дѣлѣ и построить все будущее на однихъ занятіяхъ наукой. Ихъ достанетъ, чтобъ съ избыткомъ наполнить мою жизнь. Il faut enfin se resigner.

19 октября . . . . .

Вчерашнія газеты съ извѣстіями о снова поднимающейся нигилистической смутѣ производятъ на меня глубокое впечатлѣніе (сборища студентовъ въ Москвѣ противъ Каткова, прокламаціи, вездѣ разбросанныя и проч.). Неужели *опять*. Но можно ли было думать, что все такъ вдругъ улеглось послѣ 1 марта? Развѣ внутренней хронической недугъ (хотя и недугъ въ *верхнихъ только* пластахъ общественнаго организма) можетъ такъ вдругъ прекратиться. Первое извѣстіе о безпорядкахъ въ кievскомъ университетѣ (на юбилей) показало мнѣ очень *серьезныя*. Мой полтичекскій инстинктъ меня рѣдко обманывалъ. Я чувствовалъ, что опять что-то начинается. Приходится припомнить слова Непира (англійскаго посла въ прошедшемъ царствованіи): «La vague n'est pas grande, mais la digne n'est pas forte»¹⁾. Нуженъ госуд. человекъ, который бы *всѣмъ* овладѣлъ,—и нигилизмомъ, и реакціей Каткова—и ставъ выше, *повеле* бы общество. Но нынѣшнему царствованію недостаетъ *госуд. людей*. Не вижу откуда оно ихъ возьметъ. Государь стоитъ слишкомъ далеко отъ обществен-

¹⁾ Волни не велика, но плотина не крѣпка.

ныхъ круговъ, изъ которыхъ бы онъ могъ достать себѣ людей. Все, что его окружаетъ, не можетъ сдѣлаться матеріаломъ для госуд. чело-вѣка: все старое не годится (Побѣдоносцевъ всего менѣе), а въ моло-дежи, окружающей престолъ, кажется, нѣтъ ничего умственно зна-чительнаго.

Фатализмъ моей жизни (или ея госуд. карьеры): въ дѣятельную эпоху прошедшаго царствованія въ 1859—63 гг. я былъ слишкомъ молодъ для дѣйствія (для инициативы), а теперь—слишкомъ старъ. Но вѣроятно, просто у меня нѣтъ настоящихъ въ характерѣ условій для госуд. чело-вѣка. Были бы, то и тогда и теперь справился бы съ обстоя-тельствами. Нѣтъ честолюбія—и нѣтъ главнаго условія для успѣха госуд. дѣятельности. Я и теперь счастливъ, что стою въ сторонѣ отъ *бурь*, кажется наступающихъ, и не желаю госуд. поста; хотя грустно, что не могу принести пользу своимъ совѣтомъ.

Въ запискахъ Пирогова выражена моя мысль (въ томъ что я писалъ въ «Сборникѣ Государственныхъ Знаній»¹⁾ о нашей смутѣ)—реформы прошедшаго царствованія были опозданы (во всемъ виновато царствованіе Николая I). Отсюда болѣзненное состояніе общества. Реформы были *скоропостижны*, взбудоражили общество, потому что онѣ были опозданы, и ими пришлось спѣшить (главное—освобожденіе крестьянъ).

Вотъ какъ *непоправимо* опозданіе.

Мнѣ надо окончательно успокоиться, что называется «*на лонгъ науки*» и разрѣшить хоть подъ конецъ моей жизни ея коренное про-тиворѣчіе и ея коренной порокъ (смѣшеніе науки и госуд. дѣятель-ности и колебаніе между ними),—и сосредоточиться на наукѣ, кото-рая была благодарнѣе для меня. Еслибъ это было въ З. Европѣ, то возможно было бы соединеніе политической дѣятельности и науки, у насъ не возможно. И это была коренная моя ошибка, лучше не ошибка, а роковое моей жизни. Я все думалъ, что предназначенъ къ госуд. дѣятельности, къ госуд. службѣ, а когда она меня обманывала, какъ было непрерывно, удалялся въ науку, какъ *au pis aller*—для кото-рой не былъ приготовленъ, но все-таки надо сдѣлать въ наукѣ, что можно, наполнивъ ею остатокъ моихъ дней.

7 ноября. Былъ у меня сегодня М. А. Саблинъ. Я былъ у И. И. Янжула, засталъ тамъ М. М. Ковалевскаго и провелъ съ ними цѣлый день. Заѣхалъ потомъ къ И. Аксакову и не нашель: переѣ-халъ на новую квартиру.

Очень доволенъ днемъ, проведеннымъ среди *интеллигенціи*. Какъ приятно быть съ людьми истинно просвѣщенными; понимаютъ на по-лусловъ, и бесѣдѣ нѣтъ конца. Мнѣ приятно, что я внушаю довѣріе этимъ людямъ (и, кажется, симпатію), считающимися въ рядахъ *поли-тически крайнихъ*. Но это нелѣпость, эти люди такого же направ-ленія какъ и я,—*умѣренно либеральнаго*. Не могутъ же они меня обманывать. И вотъ эти недоразумѣнія русской жизни, посѣваемая недобросовѣстными людьми (въ томъ числѣ революціонерами) на почвѣ

¹⁾ Изданіе покойнаго, гдѣ участвовали лучшія ученныя силы.

невѣжества, вносятъ страшную смуту въ наше общество. Горькіе плоды еще впереди.

Фабричный кризисъ. Янжуль говоритъ, что кризисъ не настоящій и очень медленный, уже 3 года, не по всѣмъ отраслямъ. Всего болѣе закрылось въ 3 года суконныхъ фабрикъ.

Вечеромъ въ ресторанѣ Славянскомъ Базарѣ встрѣтилъ Серг. Ив. Четверикова (суконнаго фабриканта) и Лепешкина (занимающагося кустарной промышленностью).

Четвериковъ о кризисѣ. «Кому же теперь хорошо. Я никогда не принадлежалъ къ ноющимъ, но теперь ужасно. Кромѣ общихъ причинъ, особая причина жестокаго кризиса въ суконномъ производствѣ (главнѣйшее въ Москов. округѣ); мы продолжали усилить производство гладкихъ суконъ, когда (уже 36 лѣтъ) всѣ перешли къ неваленнымъ (триковымъ) тканямъ. Тутъ всего болѣе вредитъ Польша: она имѣетъ всѣ условія болѣе выгодныя для промышленности, чѣмъ Москов. край. Чтоже установить внутреннія таможи? Что запретительный тарифъ это пустяки для насъ. Пошлина на сукно и до возвышенія была запретительная. Кавказскій транзитъ—пустяки; это все просили невѣжды. Главное же, что фабричная промышленность искусственно сконцентрирована въ Московской области, гдѣ всего менѣе для нея условій».

Вообще рѣчь Четверикова, приводящаго цитаты изъ Гете,—смѣсь вздора, невѣжества, высокопарности, раздраженія съ здоровыми просвѣщенными мыслями. При этомъ много кичливости и самомнѣнія. Его взгляды—переходъ отъ нашего коммерческаго невѣжества къ настоящему просвѣщенію, которое еще не наступило даже въ этой самой образованной купеческой средѣ.

Лепешкинъ излагаетъ вздорныя, утопическія понятія о кустарныхъ промыслахъ (Капиталистическое хозяйство). Соціалисты изъ купеческой среды. Мускусъ—пока наука найдетъ радикальное леченіе.

2 ноября. Бесѣда за завтракомъ въ Славянскомъ Базарѣ съ Соболевскимъ (редакт. Рус. Вѣст.) и Саблиннымъ.

Выѣхалъ изъ Москвы съ почтовымъ поѣздомъ. Встрѣтился съ Екатериной Дмитриевной Елеазаровой. Что такое эта персона, не разобралъ; давалъ ей хину отъ разстройства нервовъ, и она была очень благодарна; эта была благодарна за немногое. Въ Твери разстались. Въ вагонѣ бесѣда старообрядца, православныхъ, евреевъ, мусульманина о религіи. Еврей-караимъ доказываетъ, что всѣ религіи равны. Удивительная вѣротерпимость русскаго народа.

3 ноября. Тверь. Прибылъ въ Тверь въ 8½ ч; у Бакуниныхъ ¹⁾ нашель Мотю.

Былъ у Сомова, Жизневскаго, Покровскаго и Рихтера.

Сомовъ говорилъ, что здѣсь опасныя политическія сѣзды у людей, мнѣ извѣстныхъ своимъ умѣреннымъ образомъ мыслей. Онъ съ послѣднимъ соглашался, но говорилъ, что не виноватъ, что такъ смотрятъ на нихъ въ Петербургѣ. И вотъ наши недоразумѣнія, и вотъ отсутствіе всякихъ убѣжденій у людей, имѣющихъ подобно Сомову

¹⁾ М. А. Бакунинъ и его братья—двоюродные В. П. Безобразова.

200 тыс. дохода и дорожащихъ безъ всякой нужды улыбкой Мин. Вн. Д.

4 ноября. Кого ни вижу здѣсь, кого ни видѣлъ въ Москвѣ, всѣ раздражены противъ правительства за антилиберальное направленіе. Всѣ говорятъ, что революціонные элементы усиливаются и что можетъ произойти нѣчто скверное. Бѣда та, что наше общество не способно къ явному законному протесту, и что неудовольствіе возможно только подпольное и преступное.

4 ноября. Былъ у Е. П. Безобразовой ¹⁾ съ Мотей. Я въ Твери для устройства Моти, который поступаетъ на службу въ тверскую казенную палату. Тутъ особое общество малообразованныхъ среднихъ провинціальныхъ классовъ. Тутъ помѣщикъ-крѣпостникъ (Zeichen der Zeit—знаменіе времени): «А вы еще придерживаетесь идей 60-хъ годовъ. Но всѣ убѣдились, что онѣ вздоръ». Онѣ прямо доказываетъ, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права все упало въ Россіи.

Замѣчательно, съ какой смѣлостью воздымается у насъ теперь обскурантизмъ и грубая, невѣжественная понятія, которыя прятались и стыдились свѣта 10 лѣтъ тому назадъ.

Наша смута: Вечеромъ у Бакуниныхъ. Между прочимъ, молодой еврей Шоръ, сосланный сюда по политическимъ подозрѣніямъ. Споръ, что нужнѣе: конституція (П. Бакунинъ и я) или свобода слова (Шоръ). Шоръ отвергаетъ всякую пользу представительства, даже доказываетъ его вредъ—нужна только свобода слова и мѣстное самоуправленіе. Отчасти славянофильское, отчасти федеративное (не антимонархическое направленіе). Во всякомъ случаѣ замѣчательная черта—это направленіе въ новѣйшей молодежи всѣхъ оттѣнковъ, враждебное конституціонализму. Бакунинъ приписываетъ это вліянію Чернышевскаго (т. е. социализма).

5 ноября. Былъ съ Мотей у Любови Ив. Петрункевичъ и Александра Никол. Дьякова ²⁾

Какіе симпатичные люди все племя Бакуниныхъ и какъ я съ ними схожусь!

6 ноября. Петербургъ. Прибылъ въ Петерб. съ ужасно неприятными чувствами.

Вечеромъ Kreuzchen ³⁾ у Шренка. Эта академическая интеллигентная среда показала мнѣ очень узкой умственно въ сравненіи съ міромъ мыслей и думъ, въ которомъ я вращался въ Носковѣ.

7 ноября. Засѣданіе Академіи Наукъ (общее собраніе). Выбранъ въ академики Радловъ. Страхи Веселовскаго и Толстого, что не будетъ избранъ. Я тотчасъ, переговоривъ съ вліятельными академиками, видѣлъ, что онѣ будутъ избранъ. Я изумлялся въ этомъ мелкомъ случаѣ, какъ человѣкъ (Толстой), стоящій во главѣ Госуд. управленія, мало сознаетъ положеніе. Въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ онѣ можетъ сдѣлать болѣе серьезные промахи.

¹⁾ Вдова Арсенія Николаевича В., новоторжская землевладѣлица.

²⁾ Родственники В. П. Безобразова.

³⁾ Очередная собранія академиковъ на ихъ квартирахъ разъ въ мѣсяцъ.

7 ноября. Былъ у В. К. Сергѣя Александровича. Встрѣтились совсѣмъ друзьями.

8 ноября. Сегодня *важный день моей жизни*. Въ ней ожидается цѣлый переворотъ. Получилъ внезапно прилагаемое письмо гр. Толстого.

Секретно.

Сегодня я просилъ Его Величество назначить васъ сенаторомъ, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ. Государь принялъ это предложеніе *всѣмъ сочувственно*. Сегодня прѣзжаетъ Набоковъ, и я ему это скажу. Теперь было бы очень кстати, еслибы Великій Князь Сергій Александровичъ благоволилъ захватить къ Министру Юстиціи, чтобы подкрѣпить мое ходатайство.

Искренно преданный

Д. Толстой.

9 Ноября 1884.

Былъ у В. К. Сергѣя Алекс. Не засталъ; онъ уѣхалъ въ Гатчино. Я ему написалъ съ нарочнымъ о томъ, что просилъ Толстой.

Вечеромъ у меня В. К. Конст. Конст. и Дмитрій Конст. Они говорили о томъ, какъ сильно Государь руководствуется *par de partis pris* и *idées préconçues*. «Покойный Государь былъ ужасно вспыльчивъ, а нынѣшній, при всей своей добротѣ, долго сердится, будируетъ, ворчитъ и *не легко* забываетъ».

Я не записывалъ всѣхъ, кого вижу, всего, что случается и все, что я дѣлаю; это невозможно.

9 ноября. Я былъ у гр. Д. А. Толстого, чтобъ благодарить. Онъ говоритъ: «Я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ сказать Государю о вашемъ сенаторствѣ. Я сталъ снова ему говорить, что съ нынѣшнимъ направлениемъ департамента сената, *антиправительственнымъ*, нельзя управлять государствомъ. Нѣсколько недавнихъ рѣшеній сената противъ Мин. Внутр. Дѣлъ и губернаторовъ въ ихъ столкновенияхъ съ городскими обществами и земствомъ,—похороны Тургенева, панихида по Кошелевъ и проч. За все это Катковъ ругалъ сенатъ. Государь говоритъ, что онъ опять поговорить съ Набоковымъ, который жалуется, что у него *мало правительственныхъ* сенаторовъ. На это я (Толстой) говорю: я могу рекомендовать на борьбу правительственныхъ сенаторовъ Акад. Безобразова, а Соборъ избереть Анучина (котораго хотять спустить). Государь говоритъ, что онъ отлично васъ (т. е. меня) знаетъ и очень сочувствуетъ назначенію васъ сенаторомъ. Я *ручаюсь*, что Безобразовъ будетъ правительственный (?); Государь говоритъ, что онъ въ этомъ убѣжденъ». Теперь Толстой передаетъ это Набокову, но настаиваетъ, чтобы на него дѣйствовалъ В. К. Сергѣй Александровичъ.

Все это направленіе, которое принимаетъ это дѣло, начинаетъ меня страшить. 1) Я, выходятъ, буду въ Сенатъ, какъ партія Толстого; и во многихъ случаяхъ мнѣ будетъ трудно по моимъ убѣжденіямъ защищать его; 2) ужасно много дѣла въ 1 д-нтъ и придется

бросить науку. Всѣ эти страхи еще усилились послѣ разговора съ Мордвиновымъ. Онъ рассказывалъ, что Толстой хотѣлъ наполнить I д-тъ своими клѣнтами и лишить его всякой независимости.

Да будетъ воля Божія! Я никакихъ обязательствъ ни Толстому, ни кому другому не давалъ, кромѣ вѣрноподданической присяги. Убѣжденія мои извѣстны всему свѣту, а также моя независимость. Буду исполнять мой долгъ по совѣсти. А затѣмъ, если будетъ слишкомъ много дѣла, можно уйти изъ I д-та. Но науку я не брошу.

11 ноября. Вечеромъ былъ у Д. К. Никого не было, и это было пріятно. Это единственный изъ высокопоставленныхъ, съ которымъ можно спокойно говорить и договориться,—со всѣми другими главное мѣсто шуточки и разговоры, которые никогда ни къ чему не приводятъ. *Все flüchtig (мимолетно)! Il n'y'a jamais de conversations qui comptent et qui finissent.* Всѣ разговоры случайны и безъ результатовъ, какъ бы всегда мимоходомъ.

11 ноября. Воскресенье. Были у меня О. А. Наумовъ, О. Воейковъ, М. П. Веселовскій, И. И. Кауфманъ, Рафаловичъ. Велась бесѣда о Кахановской комиссіи—главный, или лучше сказать, единственный интересъ общественной жизни теперь въ Петербургѣ.

Въ Кахановской комиссіи, кажется, безтолковщина,—всѣ недовольны. Я это ожидалъ. Можетъ ли законодательная работа итти успѣшно, когда нѣтъ у законодателя руководящей идеи; ея нѣтъ и вкупѣ у лицъ, тутъ трудящихся. А нужно болѣе: нужно личное творчество, а къ нему не способенъ, начиная съ Каханова, никто. Законодательная работа не можетъ быть *коллективная*. Собраніе можетъ только дополнить, исправить, измѣнить, но зерно должно принадлежать одному лицу и его личной идеѣ. Такъ вездѣ. Тутъ нѣтъ ничего подобнаго.

Сколько можно понять въ комиссіи 2 партіи или лучше два теченія: прежній составъ комиссіи (здѣшніе чиновники и дѣльцы)—бюрократы съ кабинетными доктринерскими взглядами, именующие себя либералами, и земскіе эксперты, именующие себя консерваторами. Послѣдніе желали бы возстановленія *сословнаго дворянскаго самоуправленія волостей* въ родѣ прежнихъ мировъ, посредниковъ, назначенныхъ исключительно *отъ дворянъ*. Имѣеть смыслъ глубокой и либеральной, что посредники, долженствовавшіе произвести жестокую операцію упраздненія крѣпостнаго права, были исключительно дворяне. Теперь *дворянское* самоуправленіе было бы не столько безсмыслицей по идеи, но и практически несостоятельно. Смѣшно, что упомянутые консерваторы ссылаются на меня и мои сочиненія; ничего подобнаго я не проповѣдовалъ. Я даже гораздо раньше былъ противъ всякихъ сословныхъ привилегій. Сходство только въ томъ, что я желаю соединеніе въ низшей инстанціи судебной власти съ распорядительной, на подобіе англійскихъ мировыхъ судей. Говорятъ, будто этой партіей руководствуетъ гр. Д. Толстой. Мнѣ кажется, онъ слишкомъ уменъ, чтобъ считать возможнымъ возстановленіе дворянскаго управленія, которое и въ старое время было ни на что не годно.

Чрезвычайно грустно, что между бюрократическимъ петербургскимъ доктринерствомъ и этими невозможными дворянскими поползно-

веніями, нѣтъ ничего средняго, нѣтъ ничего дѣйствительно либеральнаго или просто практически осуществимаго.

12 ноября. Обѣдалъ сегодня у гр. Толстого съ академиками нѣмцами. Все время былъ разговоръ о Дм. Милютинѣ и послѣдней войнѣ. Совершенно согласенъ съ тѣмъ, что говорилъ Толстой о безславіи этой войны и о военной бездарности Милютина. Очень характерично, что Толстой сказалъ съ ироніей Милютину: «Вы *штатскій* военный министръ», и тотъ, не понявъ его, былъ этимъ очень доволенъ, сказавъ «да». Я не могу простить Милютину, что онъ гналъ всѣ таланты (Леера) изъ-за своего непомѣрнаго самолюбія. Дм. Милютинъ самый чистый экземпляръ доктринеровъ прошедшаго царствованія—безплодныхъ людей!

Какія бы ни были политическія убѣжденія Толстого, въ которыхъ я съ нимъ несомнѣнно расхожусь при несправимости моего либерализма, но онъ мнѣ очень симпатиченъ своей натурой и въ особенности, вѣроятно, *соимъ воспитаніемъ*. Общность воспитанія дѣло великое. Я былъ воспитанъ съ Толстымъ въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ въ Москов. Дворян. Институтѣ и Лицеѣ. Что то необыкновенно общее въ нравственныхъ понятіяхъ и навыкахъ жизни, которое сильнѣе всякихъ политическихъ убѣжденій, соединяетъ насъ. Можетъ быть, я чувствую это единство, не взирая на бездну политическую, насъ раздѣляющую, потому что политическія убѣжденія, хотя и крѣпкія, далеко на дальнемъ планѣ въ сравненіи съ общечеловѣческими мыслями и въ особенности чувствами.

Толстой полушутя рассказывалъ академикамъ, что Г. говорилъ ему: «а вѣдь С. развратилъ Безобразова, онъ сильно его поилъ». Не знаю, радоваться непрерывнымъ со всѣми разговорамъ Г. обо мнѣ или огорчаться этимъ новымъ знакомъ вниманія къ моей особѣ (!?). Вижу только одно, и вижу всякій день, что наверху всего болѣе интересуются всякими пустяками и всего менѣе серьезными дѣлами. Удивительно. Это при положительномъ расположеніи ко мнѣ всѣхъ.

14 ноября. Экономическій обѣдъ, подѣ предсѣдательствомъ Грейга. Было 27 челов. Ничего практическаго. Сообщали о своихъ занятіяхъ и путешествіяхъ лѣтомъ. Я сообщилъ о разъѣздахъ въ Ярославской и Костром. губ., Ламанскій ¹⁾ объ Италіи, объ удивительныхъ ея успѣхахъ по устройству финансовъ бумажнаго денежнаго обращенія, благодаря сознанію истинныхъ началъ науки, при бѣдности страны.

16 ноября. Я сейчасъ изъ Гатчина. Всѣ были со мной замѣчательно любезны и Государь, и Императрица. Обращаются всѣ какъ бы съ другомъ дома: если это такъ, то они правы. Я чрезвычайно лично ихъ всѣхъ люблю, къ нимъ привязанъ и имъ преданъ, какъ людямъ мнѣ близкимъ, независимо отъ моихъ монархическихъ чувствъ и убѣжденій.

Затѣмъ, къ Государю, и передъ тѣмъ проникъ къ В. К. Сергѣю Алекс. Совсѣмъ обошелся какъ другъ. «Ваши дѣла идутъ отлично (сенаторство), laissez moi faire et ne me demandez rien. Je travaille

¹⁾ Евгеній Ивановичъ управляющій Государственными Вѣками.

pour Vous». Всего менѣе я желаю спрашивать. Я рѣшился даже не думать объ этомъ. Что будетъ, то будетъ. Государь принять въ кабинетѣ, очень высоко послѣ членовъ Госуд. Совѣта и прежде сенаторовъ. Меня эта милость сконфузила и произвела кажется на присутствующихъ рѣзкое впечатлѣніе (особенно на Делю ¹⁾ который тутъ былъ и какъ всегда самолюбивъ и la tête hante). Государь говорилъ долго, спрашивалъ подробно, гдѣ я былъ и что дѣлалъ лѣтомъ. Затѣмъ, на мой вопросъ о запискахъ Литке, сказала, что уже сказала Литке присылать ему прямо; что мои подготовленія, которыя я дѣлалъ прошедшей зимой (я обозначалъ, что читать и докладывать Государю каждый томъ этихъ записокъ), и обработки не нужны, ибо онъ все читаетъ съ женой подрядъ. «Неправда ли В. В-во интересно, какъ я Вамъ говорилъ». — «Да очень интересно». — Я очень радъ, что В. В-во сэкономитъ эти записки въ Госуд. Архивѣ для потомства, иначе они бы пропали». Я не думаю, чтобы Государь не хотѣлъ болѣе имѣть моихъ докладовъ по запискамъ изъ Литке, потому что онъ ими недоволенъ (иначе это меня бы огорчило), все обращеніе со мной не таково.

Наконецъ, былъ у Е. Ѳ. Прелестная женщина. Что-то въ ней особенно чарующее. Со мной очень мила.

17 ноября. Утромъ кое-кто пріѣзжалъ, какъ всегда въ воскресенье. Все разговоры о Кахановской комиссіи. Ничего примѣчательнаго. Такая суматоха да отчаянный ревматизмъ въ правой рукѣ (мѣшаетъ писать), что ничего не успѣваю записывать. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Петербургѣ, сегодня могъ въ *первый* разъ заняться на $\frac{1}{2}$ часа. Эта жизнь настоящая каторга. И даромъ совѣмъ тратятся силы, Богъ знаетъ на что.

Я никакъ не успѣваю записывать всякій день, — а разомъ за 2 и 3 дня. Это не то, что записывать всякій день, а многое существенное ускользаетъ изъ памяти. Отъ этого я такъ долго и не касался моихъ записокъ, боясь, что онѣ будутъ плохи. Впрочемъ, пишу не для потомства, а для собственнаго самосознанія и для дѣтей.

Надѣюсь, что когда буду здоровѣе (все время съ пріѣзда недомогаю), пойдетъ лучше.

19 ноября. У насъ академическій вечеръ. Гр. Толстой, всѣ академики (объ партіи, ²⁾ что мнѣ только и пріятно въ этомъ случаѣ). Разныя, такъ называемыя, высокопоставленныя лица. Кажется все сошло благополучно. По слабости вѣчной моего характера (ничѣмъ другимъ я не могу объяснить, для чего было устраивать этотъ вечеръ) я не могъ по настояніямъ гр. Толстого, уже 3 года повторяющимся, отказаться отъ устройства этого вечера. Но ужасно счастливъ, что онъ прошелъ, и что я хотя сколько-нибудь успокоился. Это было истинное наказаніе — возился съ Кумберландомъ, Бишономъ etc.

Но самое примѣчательное въ этотъ день письмо, которое я получилъ отъ В. К. Сергѣя Александровича.

¹⁾ Товарищъ по Лицею.

²⁾ Пѣвецкая и русская.

Дорогой Владиміръ Павловичъ!

Сегодня утромъ я былъ у Набокова и долго говорилъ съ нимъ— признаюсь, препятствій не мало и, кажется, удастся его уломать, хотя *очень* трудно. Вы можете быть увѣрены, что я сдѣлаю все что отъ меня зависитъ. St. voilal

До свиданія.

Вашъ Сергѣй.

19 ноября 1884 г.

Размышленія печальныя, которыя сдѣланы на счетъ этой новой катастрофы моей жизни, я напишу въ болѣе свободную минуту. Только со мной случаются такія странныя вещи, что человѣкъ, преклоняющійся передъ всякой малѣйшей силой, какъ Набоковъ, дѣлаетъ по поводу меня оппозицію всесильнымъ и даже самому Государю!

Трудно разобрать всю эту чепуху!

Я отвѣтилъ Серг. А., что очень тронуть его дружбой, она мнѣ дороже самой жизни. Оппозиція противъ меня и *недоброжелательство сановниковъ, раздираемыхъ своими партіями, изъ которыхъ я ни къ одной не принадлежу*, меня не удивляетъ (и даже совсѣмъ понятна для меня ихъ точка зрѣнія). Только положительная роль Государя можетъ меня вывести изъ этого печальнаго положенія, и, наконецъ, я подчиняюсь волѣ Господней, *желаю быть назначеннымъ сенаторомъ, никакъ не въ личныхъ моихъ интересахъ* (для себя лично я не желаю ничего лучше теперешняго моего положенія), а только чтобы служить Государю и моему семейству. Таково было почти буквально мое письмо къ Сергѣю Алекс. Это, впрочемъ, постоянно я ему и всѣмъ говорю. Такъ и думаю.

20 ноября. Обѣдалъ у А. I. Послѣ обѣда явился на нѣсколько минутъ К. Н. Его обращеніе со мной учтивое, но ужасно холодное, впрочемъ, вполне мной заслуженное въ послѣднее время, (записки Литке), да и нисколько меня не огорчающее... Возникла мнѣ мысль, что все это положеніе объясняется такъ: Набоковъ сопротивляется моему назначенію, какъ креатура Констант. Ник., какъ другъ Рейтерна (котораго вражда противъ меня не прекращается), а человѣкъ хорошій quasi-либеральный, т. е. бюрократически-демократическій, котораго я 25 лѣтъ тому назадъ прозвалъ доктринеромъ партіи Головина *tutti quanti*! Теперь эта партія противъ меня вслѣдствіе хорошихъ отношеній къ Д. А. Толстому.

Я всю мою жизнь имѣлъ противъ себя *то ту, то другую* изъ этихъ двухъ теперь партій — quasi-либеральной (чиновничей) и quasi-консервативной (аристократической) и никогда не имѣлъ серьезной поддержки *ни одной*. Однако, первая была всего чаще противъ меня, хотя я и съ ней имѣлъ мало общаго!

Все это натурально. Я никогда не былъ въ хвостѣ никакой партіи. И хотя бы это были партіи! Просто смѣшно. Я принадлежу къ всесвѣтлой великой либеральной партіи, съ глубочайшимъ чувствомъ русскаго патриотизма (см. записки Блунчли.). Таковымъ меня признаютъ всѣ мыслящіе люди и въ З. Европѣ и въ Россіи.

22 ноября. Со вчерашняго дня опять сильный пароксизмъ ревматизма въ правой рукѣ совсѣмъ меня растревожилъ. Рѣшился за-

сѣсть дома для полнаго облегченія. Едва могу писать. Отказался отъ всѣхъ приглашеній, которыя сыпятся на меня со всѣхъ сторонъ. Всегда было такъ, но нѣвышній годъ особенно ужасно. Чистая кар-торга эта жизнь. Очень радъ успокоиться дома.

Вчера, наконецъ, послалъ послѣдніе томы отчета о выставкѣ 1882 г. Счастливъ, что, наконецъ, окончилъ эту двухлѣтнюю работу.

24 ноября. Чисто личное. Я, конечно, слишкомъ впечатлительнъ и сенситивенъ и не долженъ довѣрять моимъ впечатлѣніямъ, особенно, относительно лично меня. Но у меня теперь разныя огорченія и домашнія и публичныя, и со всѣхъ сторонъ признаки еще дальнѣйшихъ надвигающихся тучъ.

Кажется, недоброжелатели вымѣщаютъ свою зависть къ правительству *свыше*. (Къ прошлогоднимъ свиданіямъ съ Государемъ и проч.) Это всегда такъ и часто у меня было: враги торжествуютъ, когда покровители *слабо покровительствуютъ* и останавливаются передъ первымъ препятствіемъ. *Такой фаворъ* только вредитъ въ жизни. И сколько онъ мнѣ уже повредилъ.

Говорятъ у меня нѣтъ враговъ! Правда, не должно бы быть, я *никому*, по совѣсти, и даже надѣлавшимъ мнѣ много зла—никогда не хочу дѣлать вредъ. Положительно передъ Богомъ, я всегда готовъ даже уступить *люю пользу*, если она кому-нибудь вредна.

Я слишкомъ презираю тлѣнъ всякихъ земныхъ благъ. Но какъ же, какъ не тайными врагами объяснить такія странныя положенія, въ какихъ я теперь и часто былъ.

25 ноября. Воскресенье. Судя по значенію (официальному) разныхъ лицъ, бывшихъ у меня сегодня, — мнѣ не такъ плохо, какъ вчера казалось; впрочемъ, въ петербургскомъ обществѣ трудно что нибудь *разобрать*.

26 ноября. Былъ у С. А. Онъ переѣхалъ въ городъ совсѣмъ третьяго дня. Принимаетъ меня, какъ друга, по прежнему. Женитьба не измѣнила нисколько отношенія. Звалъ завтракать завтра съ В. А. и женой. Я предпочелъ завтракать у него послѣ завтра одинъ. Не хочу соваться и втираться чрезъ него въ intimité съ другими....

29 ноября. Завтракалъ у С. А. Собственно былъ въ первый разъ въ новомъ помѣщеніи (городскомъ). Супруга прелестна; что-то, однако, меланхолическое ощущается подъ ея красотой и красивой внѣшней обстановкой. На меня нашли грустныя думы, впрочемъ, они ничѣмъ инымъ не объясняются, кромѣ привычки. Я привыкъ бывать у С. А. на его холостой ногѣ. Теперь совсѣмъ другое. Мнѣ уже трудно, какъ старику, привыкать къ другому. Впрочемъ, со мной были чрезвычайно любезны,—и болѣе даже этого,—хотятъ, чтобы я былъ въ домѣ, *какъ другъ дома*.

Обѣдалъ у гр. Литке. Слышалъ отъ него довольно странныя вещи. И. спросила, почему онъ не представляетъ записокъ отца. Онъ отвѣтилъ, что Государь приказалъ представлять ихъ Безобразову (*и это было такъ*). «Mais pourquoi avons nous besoin de tiers». ¹⁾

Все остальное ясно и видно выше.

¹⁾ Зачѣмъ намъ нуженъ третья лица, посредники.

Не знаю слѣдуетъ ли мнѣ всѣмъ этимъ оскорбляться. Во всякомъ случаѣ нѣтъ. Я исполнилъ мой долгъ: спасъ записки гр. Литке, *нужныя для исторіи* (для исторіи Ник. Павл.) отъ гибели (Головининъ и Конст. Ник. уничтожили бы ихъ) и затѣмъ мнѣ все равно, что отъ всей этой исторіи о запискахъ гр. Литке послѣдовало. Знаю только, что эта исторія была для меня не выгодна.

30 ноября. Обѣдъ у Леера. Единственный человѣкъ, съ которымъ я теперь въ Петербургѣ могу говорить душа въ душу, и который меня понимаетъ. Вечеръ—былъ у Ламанскаго.

1 декабря. Засѣданіе Академіи Наукъ. Гр. Толстой ничего не говоритъ со мной о фатальномъ моемъ дѣлѣ (сенаторствѣ), и я ничего не говорю, далъ себѣ честное слово ни съ кѣмъ объ этомъ не говорить и это позабыть.

Обѣдъ у Тернера.

Вечеръ у В. К. Дмитрія Константиновича.

2 декабря. Воскресенье. У меня утромъ довольно много учениковъ (лицейскихъ), что для меня особенно пріятно.

Я не записываю все ничтожное, хотя и очень хлопотливое, происходившее въ эти дни. Никогда еще суета петербургской жизни не доходила около меня до такой крайней степени, хотя я не сдѣлалъ ни одного визита. Можно бы по этимъ безчисленнымъ приглашеніямъ на обѣды, вечера и проч. подумать, что я въ ходу. Между тѣмъ по весьма положительнымъ признакамъ вижу, что мои предчувствія выше описанныя, что надо мной *тучи,—не ошибочны*.

3 декабря. Интересныя вещи рассказывалъ мнѣ сегодня у меня С. А. Мордвиновъ и для общей политической ситуаціи и для моей личной. Набоковъ одержалъ побѣду надъ Толстымъ по вопросу I департа. Сената, доказавъ невозможность назначать туда сенаторовъ по указанію гр. Толстого: «тогда нужно составить весь I Деп. по указаніямъ всѣхъ министровъ, и что-же будетъ? Сенатъ утратитъ всякую самостоятельность стоять за законъ. Политика правительства шла зигзагами, такъ и пойдетъ измѣнчиво Сенатъ. Это невозможно». Государь согласился (онъ передъ тѣмъ согласился съ Толстымъ совсѣмъ въ другомъ направленіи). Это все прекрасно, но такъ ли это было и не хвастаетъ ли Набоковъ? Развѣ онъ способенъ къ героизму? Вообще, по разнымъ другимъ свѣдѣніямъ, положеніе Толстого ослабло.

Я вѣчно попаду въ щель. Ясно, что въспросъ о моемъ сенаторствѣ провалился вмѣстѣ съ реорганизаціей I Д-та. Но какъ все это ни обидно, все къ лучшему. *L'homme propose et Dieu le mène*. Это было бы началомъ нескончаемыхъ недоразумѣній, еслибъ я былъ посаженъ въ Сенатъ, какъ клевететь Толстого, каковымъ я быть не могу.

Упрекаю себя, что не могу безусловно мириться и покориться моей судьбѣ—быть въ ученомъ кабинетѣ и не имѣють политической дѣятельности. Рассказы Мордвинова о занятіяхъ Кахановской комиссіи, признаюсь, разжигаютъ во мнѣ зависть къ политической жизни, отъ которой судьба меня удалила,—какъ слухи о свѣтской жизни разжигаютъ свѣтскую женщину, отъ нея отторгнутую. Это нехорошо и доказы-

васть, что я еще недостигъ полнаго мира въ душѣ моей. Постараюсь достигнуть.

4 декабря. Балъ у Вышнеградскаго. Я отмѣчаю (вообще я не записываю подобныхъ вещей и моего времяпрепровожденія) этотъ балъ только потому, что онъ для меня признакъ прогрессивнаго развитія нашей общественной жизни. Тутъ было *среднее* и *образованное* наше общество (ученые, писатели, высшіе чиновники—не министры). Прежде было только высшее и низшее общество. Кромѣ танцующихъ, было съ кѣмъ побесѣдовать серьезно. Я себя чувствовалъ въ своемъ кругу, въ своей водѣ. И оказывается своей просвѣщенностью неизмѣримо выше beau mond'a, а благовоспитанностью и элегантностью нисколько не ниже.

7 декабря. Былъ сегодня у гр. Д. А. Толстого. Онъ энергически говорить, что мое дѣло (сенаторское) не провалилось, какъ я былъ убѣжденъ. Свое дѣло я считалъ потеряннымъ,—и это нисколько меня не беспокоитъ. Но интересенъ разговоръ съ Толстымъ для характеристики нашего общаго положенія.

Я сообщалъ Толстому, что Набоковъ «гарцуя» провалилъ въ разговорѣ съ Государемъ его проектъ передѣлки состава I Д-та Сена-та и что я съ общимъ вопросомъ тоже провалился. *Толстой.* «Это пустяки. Я говорилъ и еще буду говорить съ Государемъ. Увидимъ, кто будетъ правъ».

Эта борьба интересна. Увидимъ ея послѣдствія скоро. Кто лжетъ и кто обманываетъ себя, трудно понять въ этой путаницѣ. Мое дѣло связано съ общимъ вопросомъ.

Я совершенно спокоенъ насчетъ исхода этого дѣла, какъ бы оно не рѣшилось. Я всегда спокоенъ, когда мнѣ не предлежитъ вопроса и сомнѣнія, гдѣ моя обязанность. А тутъ мнѣ дѣлать нечего. И только остается ничего не дѣлать (т. е. въ этой передрыгѣ), и продолжать работать въ моемъ кабинетѣ. Это я и дѣлаю.

13 декабря. Не записывалъ эти дни, потому что при всей пестротѣ суматошной петерб. жизни не было ничего примѣчательнаго. Вчера былъ экономическій обѣдъ, ¹⁾ (Вопросъ о сельскохоз. кризисѣ въ Европѣ и Россіи), замѣчательный тѣмъ, что пренія продолжались до 12¹/₂ час. ночи—такъ долго я не запомню. Эконом. обѣды на 26 году своей жизни процвѣтаютъ, и интересъ къ нимъ поддерживается. Это случается слишкомъ рѣдко въ Россіи, чтобъ общества и учрежденія послѣ жары въ началѣ не падали черезъ нѣсколько времени.

14 декабря. Музыкальный вечеръ у Сака. Познакомился съ итальянскими пѣвицами изъ Вѣны, сестрами M-me Stahl.

18 декабря. Не записывалъ нѣсколько дней, отчасти потому, что не было ничего примѣчательнаго, отчасти потому, что не успѣвалъ посреди суматохи. Началъ вчера, 17 декабря, бесѣды о географіи и исторіи Россіи съ В. Кн. Елизаветой Маврикіевной.

22 декабря. Всѣ эти дни страдалъ такой жестокой бессоницей,

¹⁾ В. П. былъ распорядителемъ этихъ обѣдовъ, происходившихъ разъ въ мѣсяцъ у Донона.

что явились опасенія очень скверной развязки для моего организма, и нужно было принять рѣшительныя мѣры, какъ лѣченія, такъ и измѣненія образа жизни. Теперь лучше. Мнѣ необходимо еще пожить хоть немного, чтобъ устроить дѣла дѣтей, послѣ моей смерти, а затѣмъ да будетъ воля Господня.

Вчера пригласилъ меня къ себѣ В. Кн. Сергѣй Александровичъ и сообщилъ, что Министръ Юстиціи былъ у него наканунѣ, чтобъ сообщить, что въ среду, 19 дек. онъ докладывалъ Государю о назначеніи меня сенаторомъ къ Новому Году, и Государь согласился. Я благодарилъ Серг. Алекс. и сказалъ, что мнѣ особенно пріятно быть обязаннымъ за это *ему* (а не *министралу*, чтобъ не быть къ нимъ *анижированнымъ*). *Сергѣй Алекс.* «Вы всего болѣе обязаны за это самому Государю».—И это было сказано не изъ-за скромности, а съ удивительной искренностью. И въ самомъ дѣлѣ не такъ ли? Не самъ ли Государь пожелалъ и заявилъ, ибо что-то много было сопротивленій отъ министровъ и нужна была положительная воля Царя сломать это сопротивленіе.

Государь былъ все время особенно ко мнѣ хорошъ. И это правдоподобно.

Итакъ, судьба моя совершается. Послѣ перерыва 20 лѣтъ, я снова выхожу на путь государственной дѣятельности. Къ добру ли? Меня смущаетъ мысль, что прійдется (если назначать въ I Д-тъ) отстать отъ ученыхъ работъ,—и тогда умереть, ничего не сдѣлавъ въ жизни. Ничего серьезнаго ни на госуд., ни на ученомъ поприщѣ. Я положительно радуюсь только за Олю (пенсія). Затѣмъ мнѣ пріятно, что дружба Серг. Алекс. есть настоящая дружба.

23 декабря. Вечеромъ у Д. К. Были Г. М. и П. Н. Какъ всегда пустѣйшіе разговоры о лошадяхъ и проч. Я уже къ этому привыкъ.

Разговоръ о Н. К. Несчастный этотъ челоуѣкъ. Нельзя ничего понять въ его судьбѣ. Хотя я все знаю, но всетаки ничего не понимаю. Боленъ ли онъ душевно или нѣтъ? Теперь у него непріятности съ ген. губерн. и всегда со всѣми непріятности. Равнодушіе къ его судьбѣ у родныхъ изумительно.

28 декабря. Сегодня второй урокъ у В. Кн. Елизаветы Маврикіевны. Потомъ обѣдалъ у нихъ (обѣдала также Александра Іосифовна).

29 декабря. Сегодня въ годовомъ засѣданіи Академіи гр. Толстой сообщилъ мнѣ странныя вещи. Онъ не знаетъ, кончено ли дѣло, подписанъ ли указъ. Набоковъ былъ у него уже послѣ доклада Государю, но до подписанія указа (и даже писалъ что-то ему о своихъ *недоумѣніяхъ*), сказалъ: «вся Академія будетъ скандализирована этимъ назначеніемъ.» Толстой говорилъ (?), что «поручился за меня *официально и нравственно.*» Объ этомъ Толстой 2 раза мнѣ говорилъ, сказавъ, что «у васъ есть враги». (Никогда я въ этомъ не сомнѣвался, хотя всѣ мнѣ говорятъ, что нѣтъ). Я спросилъ въ какомъ же отношеніи нравственно нужно поручиться—въ политическомъ или насчетъ поведенія (кутежа). *Толстой.* «Въ послѣднемъ», и притомъ объяснялъ, что я кучу де только съ высокопоставленными и Государь это знаетъ. Что это такое все? Вообще темнота. Не достаетъ только,

чтобъ меня обвинили, посреди добродѣтельныхъ петерб. нравовъ (?) — въ безнравственной жизни. И кто-же говорить это Набоковъ! Ясно откуда идетъ эта агитація: отъ Головнина, В. Кн. Конст. Ник., *Рейтерна* и самаго Набокова. Все это соединилось противъ меня. Иного болѣе враждебнаго кружка я не знаю.

31 декабря. Готовлюсь ко встрѣчѣ новаго года съ грустнымъ чувствомъ. Во первыхъ меня давить *неизвѣстность* моей судьбы; до сихъ поръ не знаю ничего положительнаго относительно сенаторства. Во вторыхъ—(какъ это ни разрѣшится), выказавшаяся ко мнѣ злоба людей, которымъ я не хотѣлъ никакого зла. Очень мнѣ тяжело. Я слишкомъ мирный человѣкъ, чтобъ легко переносить вражду людскую. И тутъ вижу 2 явленія обычныя: возвышеніе возбуждаетъ злобу и зависть. Я не довольно честолюбивъ, чтобъ ихъ переносить и это всегда такъ было, и потому я не шель впередъ, а уступалъ. Во 2-хъ всякое черное пятнышко раздувается въ человѣкѣ сколько нибудь не ничтожномъ, а ничтожный, какъ пустой пузырь безпрепятственно подымается вверхъ.

Но да будетъ воля Господня! Это упованіе на волю Божию и безпрекословное ей подчиненіе есть самая большая сила, если не противъ людей, то противъ ихъ вражды.

1885.

Благослови Господь Новый Годъ! Начинаю его съ милостивой благодарности за милость Божию.

2 янв. Наконецъ совершился вчера переворотъ въ моей публичной жизни, который тщетно ожидался 13 лѣтъ. Я назначенъ сенаторомъ. Сколько разъ,—три раза положительно—это было близко совершенію, и враги не допускали, особенно Рейтернъ. И теперь они употребили всѣ усилія, но положительная воля Государя и сильное на него дѣйствіе В. К. Сергѣя Александровича не допустили торжества враговъ.

Но и теперь дѣйствовали враги, — даже до смѣшнаго и глупаго. Никто меня не увѣдомилъ о назначеніи, и я только вчера во дворцѣ, на выходѣ узналъ, что напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», и сталъ на прежнемъ мѣстѣ, (а не съ сенаторами). Положеніе мое было комическое: на всѣ поздравленія я долженъ былъ отвѣчать, что я ничего не знаю, когда уже напечатано въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Вернувшись домой, я только нашель прилагаемое, присланное изъ Канцеляріи Министерства Юстиціи. И больше ничего, — ни отъ кого изъ начальствъ¹⁾. Набоковъ, проходя мимо меня въ Зимнемъ Дворцѣ, даже не подошелъ и не поклонился. Ни онъ, ни весь высшій міръ не скрываютъ своего неудовольствія. Впрочемъ, — я думаю Набоковъ тутъ только орудіе (а не прямо противъ меня), Го-

¹⁾ Прилагается при дневникѣ приказъ Министра юстиціи за № 19662 отъ 1 января 1885 г.

ловнина, Рейтерна, Кост. Ник., Домонтовича и tutti quanti, — а Набоковъ только уязвленъ въ своемъ самолюбіи, такъ какъ онъ былъ противъ.

Вотъ какъ глупы наши государственные мужи, — не умѣютъ даже скрыть своего озлобленія, — и faire bonne mine à mauvais jeu.

6 января. Ужасно трудно вести записки посреди этой адской петербургской суматохи. Я это предвидѣлъ и потому не хотѣлъ ихъ писать. Когда происходитъ интересное, тогда то и некогда писать.

Сдѣлаю перечень остальныхъ дней:

2-го января получаю кучу поздравительныхъ писемъ и телеграммъ (съ сенатор.). Изъ нихъ вижу, кто настоящіе друзья, — кто искренно радуется, а кто и лицемѣрно. Но вотъ теплая записка отъ А. В. Головинина (?). Какъ ее понять? 3-го января мое рожденіе. Завтракали у насъ В. К. Сергѣй Александровичъ, Конст. Конст., Дмитрій Конст., Петръ Ник. и Георгій Михайловичъ.

При этомъ имѣлъ съ Серг. Алек. задушевный разговоръ, какой рѣдко случается съ нимъ получать. Онъ подтверждалъ, что онъ и Государь должны были побороть чрезвычайную оппозицію министровъ (Набокова, но еще кого, (?) не знаю), чтобъ сдѣлать меня сенаторомъ и что всякія глупости были пущены на мой счетъ. Тутъ мы встрѣтились въ одномъ чувствѣ и про него пущены ..... Calomniez, calomniez, et en reste toujours quelque chose. Отъ этого разговора я убѣдился, что безъ рѣшительной личной воли Государя, я бы не сталъ сенаторомъ (мое письмо о томъ къ С. А.). Говорятъ, что государь сталъ во многихъ случаяхъ проявлять самостоятельную свою волю, помимо всякихъ вліяній. Вечеромъ у насъ танцевали. Были В. К. Конст. Конст. и Дмитрій Конст. Говорятъ, все очень удалось. Для меня лично было *тяжко* (было пріятно только, что очень довольна была Оля — величайшее, единственное мое удовольствіе доставлять ей удовольствія), 4-го января я представлялся Государю и Императрицѣ. Императрица была очень любезна, говорила о Вел. Князьяхъ. Государь никого не принималъ въ кабинетѣ, такъ много было народа. Поэтому я и не могъ высказать, что предполагалъ (я написалъ Серг. Алек. письмо, въ которомъ просилъ передать Государю мою глубочайшую благодарность, изглаживающую всѣ прежнія несправедливости, и пламенное желаніе доказать *на дѣлѣ* мою благодарность, послуживъ престолу. Онъ мнѣ, впрочемъ, сказалъ, что уже раньше говорилъ Государю, какъ я благодаренъ. Государь обошелъ всѣхъ; сенаторовъ, которыхъ было много (благодарившихъ за награды); кажется ни одного не знаетъ. Со мной милостивъ, но ничего особеннаго. Спросилъ, легко ли мнѣ будетъ соединять академическія занятія съ сенатскими; подъ занятіями разумѣлись засѣданія Академіи; разспросилъ, сколько ихъ, и затѣмъ сказалъ, что это не трудно соединить. Въ числѣ представлявшихся сенаторовъ, князь Шаховскій убѣждалъ меня съ самаго начала поставить себя съ Министромъ Юстиціи, не какъ съ начальникомъ говоря, что сенаторы исподличались, унижаясь передъ Мин. Юст. и тѣмъ унижая сенатъ. Онъ излилъ масла на мое сердце. Я только и думалъ объ этомъ въ эти дни. 5 Января. Наконецъ я засталъ Набокова, чтобы говорить о моихъ будущихъ занятіяхъ. Разговоръ былъ сухой, почти непріятный, — чисто офи-

ціальный. Чтобы быть только членомъ общаго собранія не можетъ быть рѣчи, уѣхать же такъ немислимо. Онъ мнѣ предложилъ Д-тъ Герольдіи и я очень доволенъ. Неужели мнѣ сенать теперь—удовлетвореніе самолюбія на службѣ. Центръ моей тяжести въ наукѣ и литературѣ: чѣмъ больше для меня времени, тѣмъ лучше. Впрочемъ, Стояновскій сказалъ мнѣ, что Панинъ помѣщалъ въ Д-тъ Герольдіи строптивыхъ (и умнѣйшихъ) сенаторовъ для усмиренія. Вечеръ въ Мраморномъ Дворцѣ. 6 января. Спектакль въ Морскомъ училищѣ изъ кадетъ. Совсѣмъ излишнія занятія въ школѣ. Кадеты въ женскихъ роляхъ оскорбляютъ нравственное чувство. Возбужденіе тщеславія: оваціи кадету Голицыну за его французскій выговоръ, а онъ родился и воспитывался въ Парижѣ. Мать французенка. По-русски не говоритъ совсѣмъ. Не можетъ отвѣчать учителямъ по французски. Учитсѣ плохо, а его возвеличиваютъ и имъ восхищаются (пустячками,—репетируетъ хорошо французскіе стихи). Новая чепуха. Вотъ какъ у насъ сбиваютъ съ толку молодежь.

Со мной Императорская фамилія, тутъ бывшая, очень любезна (Вел. Кн. Владиміръ, Алексѣй и Сергѣй Алекс., Константинъ и Дмитрій Конст., Вел. Княжны Марія Павловна, Елизавета Федоровна, Елизавета Мавриковна, Евгенія Максимиліановна, Лейхтенбергскіе). Всѣ Вел. Кн. и сама Вел. Княгиня упрекаютъ меня и говорятъ, что она очень сердится, что я у нея не бываю и знать не хочу. Но когда же ее застать? А приглашеній отъ нея не получаю. Говоритъ, чтобы я пріѣхалъ, когда хочу. Странные люди. Не умѣютъ жить. И всѣ они такъovy. Одна Ольга Павловна умѣла жить.

Я вижу, что (съ сенаторствомъ тѣмъ болѣе) попалъ въ петербургскій водоворотъ!

9 янв. Дѣлаю визиты сенаторамъ. Вчера былъ у Утиныхъ, подтверждающей мое мнѣніе, что въ Петерб. образовался средній свѣтскій кругъ самостоятельный (не лѣзущій въ grand monde), благовоспитанный и *болѣе образованный*, чѣмъ высшій.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, это величайшее благополучіе попасть въ Деп. Герольдіи. Всѣ этого добиваются. Это недоразумѣніе, что Набоковъ хотѣлъ этимъ меня обидѣть. Это была скорѣе любезность. Я очень доволенъ. Я всетаки *трудящійся* (безъ труда?) сенаторъ, чего бы не было, еслибъ я только былъ въ Общ. Собраніи. Печально, что всѣ говорятъ о взяткахъ въ Д-тъ Герольдіи.

11 янв. Вчера большой балъ въ Зимнемъ Дворцѣ. Для меня примѣчательнаго было только то, что во время ужина (я сидѣлъ въ послѣдней комнатѣ съ В. К. Дмитріемъ Конст.), Государь, обходя всѣ залы и проходя мимо насъ, подошелъ ко мнѣ (одному во всей комнатѣ) и подалъ очень благосклонно руку. Это произвело впечатлѣніе. Но вообще еще замѣчаю, что мое возвышеніе и милость ко мнѣ производятъ дѣйствіе *охлаждающее* на всѣ мои отношенія: всѣ какъ то ко мнѣ почтительнѣе, но и холоднѣе (кромѣ самыхъ вѣрныхъ друзей) и суше. Очевидно зависть. При этомъ раздраженіе, какъ и зачѣмъ я выскочилъ изъ рядовъ ученыхъ? «Зачѣмъ де это ему нужно перебивать у насъ дорогу!»

Двѣ вещи, всегда замѣчаемыя на этихъ балахъ, поразили меня:

1) нельзя понять, для чего ѣздить сюда разные личности (въ родѣ т-те Ламанской), которыхъ всѣ избѣгаютъ, какое это имъ удовольствіе; 2) ужасно, какъ всѣ лѣзутъ впередъ, чтобы попасть на глаза царской фамиліи,—и главнѣйше люди ничтожные и неинтересные для царской фамиліи. Наглость страшная

12 января. Я опять въ ужаснѣйшей суматохѣ. 120 визитовъ сенаторамъ! Едва успѣваю кое что записывать. Вчера заѣзжалъ къ Д. К. на его дежурство у Государя. Проговорили *интимнѣйшимъ* образомъ 2 часа. Съ нимъ можно говорить по душѣ. Я сообщилъ ему, какъ мнѣ тяжело слышать отъ людей самыхъ порядочныхъ и вполне тому вѣрящихъ, величайшія мерзости про супружескую жизнь С. Онъ говоритъ, что знаетъ это,—ему говорятъ почтеннѣйшіе люди; вообще о высокопоставленныхъ мерзвѣйшее мнѣніе—и что тутъ ничего не подѣлаешь.

Обѣдъ у Бунге (съ Тернеромъ и Ермаковымъ),—онъ его устроилъ вродѣ прощальнаго; пилъ за мое здоровье. Бунге былъ очень нѣженъ и припоминалъ, какъ онъ, пріѣхавъ въ первый разъ изъ Кіева въ Петербургъ (1854 г.), искалъ рекомендаціи ко мнѣ и ко мнѣ явился. Былъ у меня обѣдъ, на которомъ я познакомилъ его съ Милютиными и ихъ кружкомъ. Отсюда онъ вышелъ въ люди. Впослѣдствіи былъ приглашенъ въ редакціонную комиссію. Когда его сдѣлали мин. финансовъ, онъ сказалъ мнѣ: (думалъ сказать любезность): «Вѣдь вы насъ всѣхъ издали въ свѣтъ, въ томъ числѣ и меня». Я отвѣчалъ: «Чтожъ для меня въ этомъ толку. Базуновъ издавалъ въ свѣтъ Пушкина и всѣхъ великихъ людей, и это ему не помѣшало обанкротиться».

13 января. Утромъ завтракъ по случаю рожденія Е. М. Со мной всѣ любезны, даже по своему и В. К. В., хотя онъ грубъ и высокомеренъ со всѣми.... Изумилъ меня своимъ неприличнымъ поведеніемъ К. Н. Вообще онъ велъ себя такъ, какъ будто желаетъ всѣмъ давать чувствовать, что на всѣхъ плюетъ. Кричалъ во время обѣда на всю комнату (вообще всѣ, когда они между собой и съ своими ведутъ себя удивительно развязно,—шумъ гамъ страшный). Въ срединѣ завтрака, когда наѣлся, началъ курить и т. д. Только что всѣ встали, онъ ушелъ къ себѣ на верхъ и больше не возвращался, игралъ на билліардѣ со своимъ камердинеромъ, чѣмъ онъ исключительно занятъ, когда бываетъ здѣсь (а не у К.). Этимъ очевидно онъ хотѣлъ показать, что общество его камердинера ему пріятнѣе, чѣмъ вся его родня. Я пошелъ къ нему, чтобы благодарить его за теплое поздравленіе съ сенаторствомъ; слышалъ и въ городѣ, что онъ будто бы ему радовался. Послѣ поцѣлуевъ онъ говоритъ мнѣ: «Однако, любезный другъ, любя васъ, мнѣ васъ жалко, вы на новомъ поприщѣ не можете такъ успѣшно дѣйствовать, какъ на *прежнемъ* (это фраза всѣхъ враговъ, какъ будто я бросаю науку), вы будете дряннѣйшій сенаторъ, потому что не получили юридическаго образованія». На эту штуку, идущую отъ враждебнаго лагеря, я сильно и спокойно возражалъ. К. Н. сказалъ, что послѣ моего возраженія беретъ свои слова назадъ.

Трагическое и комическое зрѣлище представляетъ эта билліард-

ная игра. Самый умный и способный изъ нихъ *rédaît à cela!* Онъ таковъ же, какъ и въ запискахъ Литке. При умѣ необычайное легкомысліе и ребячество. Ему, кажется, доставляетъ наслажденіе фрондировать такимъ образомъ, играть на билліардѣ и показывать всѣмъ пренебреженіе и что его оставляютъ безъ работы, вмѣсто того, чтобы создать себѣ дѣло (какъ создаютъ ничтожные, но дѣльные люди). Но инициативы у нихъ нѣтъ. Все-таки уровень ума не высокъ! Какая пустота!

14 января. Былъ утромъ у О. Э.—въ первый разъ говорю съ ней. Она положительно умная женщина (это извѣстно) и была очень любезна, чего не ожидалъ. Сейчасъ самый интимный разговоръ о членахъ семейства, какъ это дѣлаютъ со мной всѣ они, смотря на меня, какъ на друга дома.

Урокъ у В. К. Елиз. Мавр. и обѣдалъ у нихъ. Обращеніе ихъ и жизнь крайне просты.

Вечеромъ маскарадъ *большою сѣтѣ* у Демута съ благотворительной цѣлью. Присутствуютъ Великіе Князья. Тутъ было только то примѣчательно, что никто не подходилъ къ буфетамъ, такъ всѣ настрашены грабежомъ благотворительницъ.

16 января. Экономическій обѣдъ, вопросъ о преобразованіи мѣстнаго самоуправленія. Ничего примѣчательнаго кромѣ того, что *всѣ* (всѣхъ партій) высказались противъ проектовъ Кахановской комиссіи, — *либерально-бюрократическихъ*. Я говорилъ въ томъ же смыслѣ, за несвоевременность въ настоящую эпоху реакціи (реакція еще болѣе въ обществѣ, чѣмъ въ правительствѣ) предпринимать такую серьезную реформу,—и мои слова были встрѣчены общимъ одобреніемъ. Во время обѣда совѣмъ неожиданно мнѣ была сдѣлана овація: Грейгъ (предсѣдатель) предложилъ тостъ за мое здоровье, чтобы поздравить меня съ сенаторствомъ. Чрезвычайныя пламенныя привѣтствія со всѣхъ сторонъ. Я отвѣчалъ шуткой, которая, кажется, очень удалась. Въ этой популярности, несомнѣнно, искренней въ кругу, заключающемся въ себѣ представителей всѣхъ нашихъ партій и кружковъ,—я однако же не вижу ничего другого (и ничего серьезнаго), какъ то, что довольны моими распоряженіями на экон. обѣдахъ, которые для большинства не представляютъ ничего другого, кромѣ пріятнаго препровожденія времени.

19 января. Вечеръ у Леера.

Кавказскій и вообще нашъ окраинный воинственный генераль (Комаровъ) проповѣдуетъ необходимость нашего распространенія въ Азіи до Индіи (чуть-чуть не въ Индіи), завладѣніе Персіей и Персидскимъ заливомъ! Возражателей упрекаетъ въ отсутствіи патриотизма. Вотъ эти азіатскія завоевательныя настроенія въ нашемъ обществѣ, хотя бы и въ меньшинствѣ, и отпугиваютъ Европу и заставляютъ говорить, что мы угрожаемъ ея цивилизаціи.

25 января. Балъ у Ламанскаго.

Очень характеристично и очень мнѣ антипатично поведеніе Ламанскаго: составивъ себѣ состояніе чрезъ должность управл. госуд. банк., онъ теперь играетъ въ оппозицію, зло критикуетъ мин. фин., (которое прежде всего болѣе заслуживало порицанія за операціи его

самого, за дозволеніе ему соединять съ должностію упр. госуд. банкомъ частныя финансовыя спекуляціи) и становится защитникомъ либеральныхъ идей,—земства, самоуправления и т. д. Вотъ наша либеральная партія, рекрутируемая изъ недовольныхъ и насытившихся прежнихъ чиновниковъ!

27 января. Балъ въ концертномъ залѣ. Конст. Ник. и Алек. Іосиф. раздражены распоряженіемъ объ ограниченіи титуловъ и правъ Вел. Князей двумя поколѣніями отъ Императоровъ. Между тѣмъ эта мѣра, неизбѣжная при размноженіи Имп. фамиліи и нужная для государства (сокращеніе расходовъ) благодѣтельна для самихъ членовъ: ставя ихъ въ положеніе, соотвѣтствующее ихъ средствамъ, иначе ихъ потомки банкроты. Всѣ тянутся и разоряются.

Еще я замѣтилъ толки высокопоставленныхъ лицъ объ ужасномъ положеніи Россіи. Мы въ совершенной реакціи общества относительно реформъ прошедшаго царствованія. Какъ это ни естественно, но очень печально.

2 февраля. Въ субботу вечеромъ въ томъ же кругу. Хотя тоже самое въ безконечный разъ, но все-таки удивлялся и скорбѣлъ ихъ пустотѣ: забавляются взрослые люди ничтожнѣйшими разговорами, шутками, пѣснями, какъ дѣти 10—12 лѣтъ. Изумительная ничтожность.

7-10 февр. Скончался академикъ Гельмерсенъ. Сегодня была служба въ церкви св. Екатерины. Очень для меня впечатлительная. Прекрасное пѣніе. Проповѣдь порядочная. Простота и серьезность церемоніи восходитъ къ началу христіанства (наша церковь во внѣшнихъ обрядахъ только), къ IV вѣку.

Смерть Гельмерсена напомнила мнѣ многое,—дѣятельность въ Геогр. Общ-вѣ Литке и весь этотъ кружокъ. Знаменитости академіи вымираютъ. Кто ихъ замѣнитъ? При нынѣшнемъ положеніи (штаты) Академіи пополненіе ея замѣчательными людьми очень затруднительно.

Сегодня весь Петербургъ занятъ болѣзью гр. Толстого и ожидающимъ выходомъ его изъ Мин. В. дѣлъ. Одни въ уныніи—консерваторы, дворяне (on va nous démolir, сказала мнѣ одна графиня); другіе радуются—чиновники-либералы. Интересно, будетъ ли съ личной перемѣной перемѣна въ политикѣ. Я не ожидаю, ибо реакція въ натурѣ вещей, naturgemäss (послѣ 1 марта), какъ бы она ни была печальна и антипатична.

10 февраля. Воскрес. Сегодня было много у меня народа (дворяне, приглашенные на эконо. обѣдъ). Теперь злоба дня—болѣзнь Толстого и ожидаемый его уходъ изъ Мин. В. д. Сколько бы онъ ни возбуждалъ раздраженія противъ себя и своей политики я убѣжденъ, что кто бы его ни замѣнилъ, тѣмъ будутъ несравненно болѣе недовольны. Я не сочувствую нисколько политикѣ Толстого (politique de compression et status quo), но она послѣдовательна. Всѣ знаютъ à quoi s'en tenir и онъ государственный человѣкъ болѣе, чѣмъ кто либо. Кто можетъ его замѣнить. Печальное явленіе: госуд. людей (т. е. около и вблизи трона) нѣтъ. Отчего это? 1) потому что во вторую половину прошедшаго царствованія возвышались посредственностей въ министерствахъ (эта была особенность самолюбія всѣхъ министровъ, за исключеніемъ Н. Милютина) въ отличіе отъ мин-въ Никол. Павл. и 2) по-

тому что нынѣшній Государь болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники боится новыхъ людей и живетъ въ тѣсномъ кружкѣ.

Другая злоба—подымающіяся дворянскія притязанія. Это естественная реакція. Но эти дворяне (замѣчательно, изъ молодого поколѣнія) сами не знаютъ, чего хотятъ. Грустное настроеніе времени: молодежь или съ дворянской фанаберіей, или съ кваснымъ патриотизмомъ— (травля остзейцевъ, Финляндіи, завоеванія въ средней Азіи и проч.) шовинизмъ или нигилисты. Здравыхъ либеральныхъ мыслей въ новомъ поколѣніи совсѣмъ нѣтъ.

17 февр. Такъ былъ разстроенъ всѣ эти дни, что не могъ записывать. Около меня снова собрались тучи, едва ли только мнѣ кажущіяся. Со всѣхъ сторонъ ощущаю пренебрежительное или враждебное со мной обращеніе. Сенаторство нисколько меня не успокоило, а только даетъ понодь разыгрываться надъ мною всякимъ недоброжелательствамъ.

Не могу приладиться къ новому положенію. Нельзя понять отношеній Мин-ва Юстиціи къ сенаторамъ. Многолѣтняя практика и податливость многихъ сенаторовъ установили какія-то подначальственные отношенія. Они, кажется, въ подчиненіи не только у М-ра Юстиціи, но даже у его правителя канцеляріи.

Если не для себя, то для достоинства Сената я не могу подчиниться такимъ отношеніямъ. Но воевать тоже не расположенъ и рѣшусь на это только въ крайней необходимости. Я поручилъ это передать Набокову, удостовѣрять его, что ничего лучшаго, какъ мира не желаю, ни въ чемъ отъ него не нуждаюсь, но не могу выносить и оскорбительнаго обращенія. До сихъ поръ болѣе 1½ мѣсяца меня не назначаютъ къ присутствованію никуда, несмотря на обѣщаніе назначить въ д-тъ Герольдіи и на то, что другіе сенаторы въ одно время со мной и даже позже назначенные, уже давно распределены. Затѣмъ въ списокѣ сенаторовъ я напечатанъ въ числѣ *неприсутствующихъ*! Это положительная обида (безъ всякихъ со мной объясненій), еслибъ даже это положеніе удовлетворяло меня, но я его не желаю по многимъ причинамъ. Любошанскій взялся объяснить съ Набоковымъ.

Экономическій обѣдъ 13 февраля былъ наинепріятнѣйшій. Дворяне (предводители съ дворянскимъ міросозерцаніемъ), приглашенные на этотъ обѣдъ, передъ самымъ обѣдомъ отказались отъ него (очевидно по стачкѣ), принявъ первоначально. Этого еще не бывало въ исторіи нашихъ обѣдовъ. Эти господа боятся преній и предпочитаютъ обдѣлывать дѣла (испрашивая для себя Госуд. Банкъ) втихомолку въ канцеляріяхъ и будуарахъ. На мою рѣчь (противъ этого банка и нуждъ дворянства въ новыхъ воспособленіяхъ казны) одинъ членъ возражалъ, что я говорю противъ *личной воли Государя*.

Такая неприличная выходка, которую ораторъ объяснилъ тѣмъ, что я оскорбилъ дворянство (?), возмутила всѣхъ; этого тоже у насъ на экон. об. никогда не было. Все это знаки времени. Прелесть нашихъ обѣдовъ именно заключалась въ свободѣ мнѣній. Многие рѣшительно думающіе противъ Госуд. Позем. банка молчали, другіе (самъ Грейгъ въ *résumé*) стушевали свои мнѣнія. Они невыгодны, при тепе-

решнемъ теченіи. И вотъ у насъ всегда такъ. Говорили искренно и рѣшительно въ моемъ направленіи только П. Л. Корфъ, Е. И. Ламанскій и Яковлевъ.

Вотъ меня упрекаютъ, что я себя веду *непропорціонально* (новое слово) и потому страдаю, но что же мнѣ дѣлать, когда я не могу лгать и не быть искреннимъ. И какая польза для государства, когда никто не искрененъ. Въ этомъ наша главная бѣда. Да большинство ихъ, привычное всегда лгать, утратило всякое сознание своего мнѣнія.

Помѣшаю вырѣзку изъ газеты «Новое Время»¹⁾ не потому, чтобы я придавалъ ей значеніе лично относительно себя (отъ перваго до послѣдняго слова все это выдумка, я даже подходящаго къ этой фантазіи не говорилъ), но это служить характеристикой нашего времени. Такими сплетнями и пустяками интересуется праздная публика. Затѣмъ, при необычайной строгости цензуры для всего серьезнаго, господствуетъ полная свобода для всякой печатной мерзости (личныхъ пасквилей). Я думаю и теперь остаться при моемъ принципѣ: оставлять все, что бы ни писалось относительно меня, хотя бы гнуснѣйшую клевету, безъ возраженія.

21 февр. Чѣмъ больше я размышлялъ, тѣмъ болѣе радуюсь обруганію меня въ «Гражданинѣ». Въ какомъ бы ложномъ видѣ я ни былъ тамъ представленъ, *одно вѣрно* и это будетъ понято самой невѣжественной публикой: что я враждебенъ дворянскому лагерю (лагерю притязаній на невозможныя вымогательства отъ казны и на фантастическія привилегіи) и что онъ мнѣ враждебенъ. Это истина—и мнѣ больше ничего не надо. Истинное общественное мнѣніе—мнѣніе мыслящихъ и честныхъ людей Россіи, которыхъ *мало*, но мнѣніемъ ихъ я только и дорожу,—оцѣнить это. Я не имѣю ничего общаго съ этими эксплуататорами народнаго достоянія, и въ этомъ истина.

Потомъ былъ на панихидѣ Бар. Пилларъ фонъ Пильхау (она скончалась сегодня). Былъ Государь Императоръ и вся Имп. фамилія. Много мыслей тѣснится при этомъ въ моей головѣ. Я очень сожалѣю объ этой кончинѣ. Большая потеря для Сергѣя Алекс. Она мнѣ очень нравилась своимъ *искреннимъ* обращеніемъ со мной, весьма примѣчательномъ при ея по преимуществу придворномъ характерѣ. Одна мысль у меня сегодня господствовала на панихидѣ и очень уныло звучитъ въ моей душѣ! Какая разница съ недавнимъ прошлымъ.

Какъ ни огорченъ сегодня Серг. А., но я бывалъ у него послѣ неизмѣримо сильнѣйшихъ потрясеній, взрыва и всѣхъ покушеній, смерти матеря и отца и оставался съ нимъ. Сегодня не остался. Что же это? Перемѣна въ отношеніяхъ? Или я не умѣю себя вести.

24 февр. Вчера былъ вечеромъ съ В. К. Ничего особеннаго. Обыкновенныя шалости, ребячество и добродушіе.

Утромъ хоронили Бар. Пилларъ въ Лаврѣ. Былъ Государь, Императрица и вся Имп. фамилія. Ей оказаны необыкновенныя почести, какъ другу покойной Императрицы. Это хорошо со стороны Государя. Онъ, *гажета*, и въ этой хорошей чертѣ Ник. П. хочетъ подражать ему.

¹⁾ Перевечатка изъ „Гражданина“ съ комментаріемъ.

Сегодня у меня было много посѣтителей. Фантазія «Гражданина» производитъ дѣйствіе и при пустотѣ настоящаго историческаго момента и пустоѣ публики производитъ свои дѣйствія на умы. Всѣ говорятъ, что неприлично такъ вести себя сенатору. Но все это ни сколько меня не смущаетъ, хотя друзья (!) и говорятъ мнѣ, что надо обратить вниманіе! Любощинскій опять сегодня говорилъ у меня, какъ я неостороженъ на слова (съ этимъ я согласенъ, но не въ настоящемъ случаѣ). Онъ говоритъ, что я сказалъ на этомъ обѣдѣ совершенную правду, почти въ каждой странѣ нужно вести себя по климату,—гдѣ ходятъ безъ всего, у насъ въ шубѣ. Я этого не понимаю! Если эти господа имѣютъ убѣжденія, то чего они достигли своей политикой? Того, что ихъ убѣжденія не имѣютъ никакого практическаго смысла и значенія! Все равно, что они не имѣли бы никакихъ убѣждений. Я достигъ того, что остался во всѣхъ моихъ дѣлахъ *въ-ренихъ моими убѣжденіями*, поскольку это было возможно *бѣдному человеку*, т. е. соединимо съ прокормленіемъ и поставленіемъ на путь моихъ дѣтей. Въ этомъ послѣднемъ только и заключается моя политика, мои *уступки климату*. Эти уступки никогда не были противъ совѣсти и я думаю, что могу пользоваться упѣхомъ на этомъ пути. Люди или не понимаютъ меня, не зная, какъ я бѣденъ и какъ люблю моихъ дѣтей, или расположены осуждать меня, досадуя, что я достигая не меньшаго, чѣмъ они съ неизмѣримо меньшими уступками *климату*, чѣмъ они.

Если я не достигъ министра, то я никогда не стремился къ этому *сoute que soute*, т. е. съ тѣмъ, чтобы покинуть мои убѣжденія. А съ моими убѣжденіями, какъ бы они ни были умѣрены, я не могу быть министромъ въ рус. Гос.—иѣ или развѣ, если бы это случилось, остаться болѣе 24 час. Если я не сумѣлъ (да и главное не желалъ, не было довольно на это честолюбія) овладѣть такъ положеніемъ и обществомъ и силами на верху, чтобы достигнуть *власти mangre tout* (т. е. всѣхъ обманувъ, какъ Бисмаркъ), то для этого у меня *недоставало ума*, что я всегда сознавалъ, не доставало увѣренности, что достигнувъ власти м—ра я смогу съ пользой служить Россіи и *недоставало* также умѣнья этого достигнуть. Я и не стремился, за исключеніемъ годовъ первой молодости.

Но, коротко говоря, я достигъ того, что, не поступаясь ни на минуту моими убѣжденіями, я сенаторъ, тогда какъ за эти же убѣжденія (конечно, по недоразумѣнію) *людей ссылали*.

Неужели это мало съ практической точки зрѣнія, съ которой меня такъ много осуждаютъ. Было бы, конечно, еще практичнѣе не имѣть никакихъ убѣждений или, имѣя ихъ, не стѣсняться ими. Этого я никогда не могъ и въ этомъ драма моей жизни.

Всегда на меня нападали крайнія партіи. Больше нападали красные, и имъ я былъ много обязанъ за то, что мы существовали (т. е. за милости или терпѣніе правительства). Теперь, какъ и прежде, часто нападаютъ бѣлые, и этому я радуюсь, ибо и это правда—я не принадлежу къ крайнимъ партіямъ и долженъ выдерживать ихъ *выстрѣлы*.

Любощинскій сказалъ, что Набоковъ говоритъ, что виноватъ предо

мною. Два мѣсяца обо мнѣ забыли. Виновата-де канцелярія! (что не значають къ присутствованію въ дѣтъ Герольдіи). И то, слава Богу, что винится. И тутъ можно было *ожидать* худшаго.

Также точно упрекають меня (вчера Корсаковъ¹⁾ и крайніе темпераменты, что я слишкомъ мягокъ, другіе (Любошинскій), что я слишкомъ рѣзокъ. Слыша эти противоположныя обвиненія, я долженъ думать, что я на вѣрномъ пути.

2 марта. Опять нѣсколько дней не записывалъ, но ничего примѣчательнаго. Толки о взятіи Герата и натянутыхъ отношеніяхъ къ Англіи. Генералы завоевываютъ вопреки нашимъ обѣщаніямъ не подвигаться, а дипломатамъ приходится играть жалкую роль,—извиняться.

Вчера у Штрауха путешественникъ Поляковъ рассказывалъ диковинныя вещи про Сахалинъ. Тамъ ужасная неурядица. Мѣстное управленіе грабитъ страшно. Сильно-каторжные содержатся ужасно, а Галкинъ-Врасскій, бывшій тамъ 10 дней, находитъ, что все отлично. Такъ мы ничего не умѣемъ устроить въ дальнихъ областяхъ, а все захватываемъ больше. А колоніи англичанъ и французовъ процвѣтають.

4 марта. Сегодня послѣ урока обѣдалъ у В. К. Конст. Конст. съ Александрой Іосифовной, (которая непременно желала, чтобы я остался обѣдать) и Конст. Ник. Все семейство очень ко мнѣ нѣжно, и я не могу не быть имъ благодаренъ. Очень любезенъ Конст. Ник. и я это цѣню. Онъ имѣетъ основаніе на меня сердиться (Записки Литке) и не считать своимъ, и любезность его доказываетъ его *доброе сердце*. Послѣднее несомнѣнно при всѣхъ его недостаткахъ. Онъ психологическій феноменъ, какъ выразился Литке²⁾; соединеніе нравственныхъ противоположностей. Нужно его близко знать, чтобы не судить о немъ ни слишкомъ дурно, ни слишкомъ хорошо!

Но все таки грустно видѣть празднымъ человѣка, который бы могъ много трудиться для пользы Россіи. И такихъ людей много.

«Какъ я радъ видѣть человѣка, котораго мнѣ всегда неприятно видѣть» (такъ онъ началъ со мной—это значитъ любезность, это его манера). Потомъ «я ничего не знаю (когда заговорили о Сахалинѣ) и знать не хочу». Однако, видимо, много знаетъ и всѣмъ интересуется.

Насчетъ натянутыхъ отношеній къ Англіи сказалъ: «Неужели будетъ такая глупость, какъ война!» Видимо раздраженъ и расположенъ критиковать правительство, но слабѣе, чѣмъ прежде. Насчетъ положенія графа Д. А. Толстого (его отъѣзда въ Крымъ и болѣзни) говорить тенденціозно противъ Толстого, (который его главный врагъ) и невѣрно, что онъ разсердился на Государя и хотѣлъ итти въ отставку, потому что Государь послалъ флигель-адъютанта въ остзейскій край узнать, что тамъ происходитъ (безпорядки). «Развѣ Госу-

¹⁾ Николай Семеновичъ, троюродный братъ, владѣлецъ Тарусова, бывшій непремѣнн. членомъ Думъ. уѣзда.

²⁾ Его воспитатель.

дарь не имѣть права помимо М-ра Внутреннихъ Дѣлъ командировать своего флигель-адъютанта?» Дѣло было не такъ: Гр. Толстой огорчился рѣзкой резолюціей Государя, что онъ узнаеть объ остзейскихъ безпорядкахъ отъ постороннихъ лицъ и что отъ него ихъ скрывали—и не просился въ отставку. Съ тѣхъ поръ положеніе Толстого отлично, Государь съ нимъ очень любезенъ, хотя говорятъ и остались слѣды недоувѣрія...

Помилованіе Н. И. Тургенева.

(По архивнымъ даннымъ).

Въ 1850 году Николай Ивановичъ Тургеневъ, заочно осужденный въ 1826 году на смертную казнь, обратился къ императору Александру II съ слѣдующимъ прошеніемъ ¹⁾.

Всеимпостивѣйшій Государь!

Осмѣливаюсь обратитъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества вниманіе на участь, которая тяготитъ меня болѣе тридцати лѣтъ, и которую я повергаю на милостивое и справедливое благоусмотрѣніе Ваше, Всеимпостивѣйшій Государь.

Я былъ, въ отсутствіи, осужденъ верховнымъ судомъ въ 1826 году. Обвиненія, на коихъ основывался приговоръ, состояли въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) что я принадлежалъ къ одному тайному обществу, имѣвшему цѣлю бунтъ.

2) что я участвовалъ въ возстановленіи сего общества.

3) что я участвовалъ въ намѣреніи ввести республиканскій образъ правленія.

Тщательное и безпристрастное разсмотрѣніе рапорта Слѣдственной Комиссіи показываетъ, что изъ сихъ трехъ пунктовъ одинъ только первый до меня касаться можетъ, и сіе въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Я дѣйствительно принадлежалъ къ одному такъ называемому тайному обществу. Но сіе общество ни мало не имѣло цѣлю бунта. Слѣдственная Комиссія разсматривала уставъ сего общества и не нашла въ немъ ничего *предосудительнаго*. Впрочемъ Комиссія признала, что я содѣйствовалъ къ *уничтоженію* сего общества. Такимъ образомъ по сему пункту я не могу быть подверженъ отвѣтственности.

Обвиненіе, что я участвовалъ въ возстановленіи сего самаго общества, къ закрытію коего я содѣйствовалъ, основывается на противорѣчивыхъ показаніяхъ различныхъ подсудимыхъ. Впрочемъ въ то время, въ которое приписываютъ мнѣ возстановленіе общества, никакого общества не существовало, и дѣйствія вновь образованнаго общества, описываемыя въ рапортѣ Слѣдствен-

---

¹⁾ Приводить прошеніе съ буквальной точностью. Подчеркнуты и отиѣченныя въ водонитивнѣй знакомъ вопроса мѣста печатаются курсивомъ. Отиѣтки принадлежать Государю.

ной Комиссіи, происходили очевидно послѣ моего отъѣзда за границу въ началѣ 1824 года, то есть почти за два года до несчастныхъ происшествій 14 декабря.

Обвиненіе, въ 8-мъ пунктѣ заключающееся, основывается на принимаемыхъ мнѣ словахъ, произнесенныхъ въ разговорѣ съ другими подсудимыми. Изъ конхъ двое сіе показаніе противъ меня подтверждаютъ, а четверо отвергаютъ.

Слѣдственная Комиссія, которая въ рапортѣ помѣстила всѣ возможные и невозможныя обвиненія противъ меня, усомнилась однако же въ заключеніи своемъ, признать основательнымъ подобное обвиненіе. Она его отстранила выѣсть съ другимъ обвиненіемъ, которое не было допущено и судомъ, по которому, по чрезвычайной важности своей, было изложено въ рапортѣ, и, составляя единственное определенное показаніе противъ меня, не могло не повредить, мнѣ нравственно болѣе нежели всѣ прочія обвиненія. А между тѣмъ по самому рапорту Слѣдственной Комиссіи видно, что совѣщаніе, на которомъ я, по показаніямъ приводимымъ въ рапортѣ, изъяснилъ преступное мнѣніе, что сіе совѣщаніе происходило въ 1825 году, то есть *въ то время, когда я былъ въ Неаполь*.

Всемилюстивѣйшій Государь! Въ русскомъ законодательствѣ есть спасительный и признаваемый всѣми законодательствами законъ, по силѣ коего судъ въ сужденіи и приговорѣ долженъ ограничиваться обвиненіями, по слѣдствію обнаруженными и доказанными, и не присовокуплять иныхъ обвиненій. Если бы сей законъ былъ приложенъ къ обвиненіямъ до меня касающимся, то открылось бы ясно, что всѣ сія обвиненія ограничиваются единственнымъ обстоятельствомъ, что я принадлежалъ къ таинному обществу, которое, по самымъ словамъ рапорта, не представляло, въ то время когда я принадлежалъ къ нему, ничего преступнаго, къ обществу, которое было уничтожено при *собственномъ моемъ содѣйствіи*.

Истина сихъ изъясненій моихъ можетъ быть безъ труда открыта, если Вашему Императорскому Величеству благоудно будетъ поручить кому бы то ни было разсмотрѣть обстоятельства дѣла, собственно до меня касающіяся.

Нѣкоторые изъ судей моихъ объявили въ послѣдствіи, что причиною моего осужденія была моя неявка къ суду. Но неявка къ суду допускается всѣми законодательствами, и *закономъ русскіе не содержатъ* на сей случай никакого постановленія. Впрочемъ, если я, по сдѣланному мнѣ въ самомъ началѣ требованію, не явился немедленно, то сіе было единственно потому, что за нѣсколько дней до сего требованія, по дошедшимъ до меня слухамъ, я отправлялъ въ С.-Петербургъ изъясненіе всѣхъ до меня касающихся въ семъ дѣлѣ обстоятельствъ, въ полной увѣренности, что сіе изъясненіе совершенно отстранитъ меня отъ всякаго процесса: я не имѣлъ никакой причины предполагать, чтобы обвиненія противъ меня могли принять ходъ столь для меня неожиданный и столь противный существу дѣла.

Всемилюстивѣйшій Государь! Ограждая себя силою закона, я чувствую, что я еще болѣе огражденъ совѣстію. Самый поверхностный взглядъ на мою жизнь открываетъ несообразности и неосновательность возводимыхъ противъ меня обвиненій. Но жизнь моя была посвящена одной мысли; освобожденію крѣпостныхъ людей. Возможность сего освобожденія я видѣлъ только, и не могъ не видѣть, въ самодержавной власти Императорской. Какъ же согласить съ сею мыслию и съ симъ убѣжденіемъ памѣривше быти и участіе въ заго-

воръ? Бунтъ и заговоръ противъ Монарха коему я былъ преданъ всеми чувствами души, который съ благоволеніемъ принималъ наложеніе моихъ мнѣній о крѣпостномъ состояніи, отъ котораго я надѣялся совершенія того великаго блага, достиженіе коего было единственною цѣлю моея жизни!

Правда: я не скрывалъ своего образа мыслей; говорилъ всегда откровенно и свободно. Дѣйствовалъ также. Сильнѣе я возмущалъ противъ себя негодсваніе и неприязнь многихъ людей, коихъ враждебное расположеніе могло бы уже и тогда оказаться для меня пагубнымъ, еслибы они не встрѣчали преграды въ благорасположеніи ко мнѣ Государя Императора. И противъ сего то императора я могъ желать бунта и заговоровъ! Но еслибы это было возможно, возможно ли, чтобы я имѣлъ довольно духа для того чтобы обратиться нынѣ къ Вашему Императорскому Величеству? Напротивъ, глубокое желаніе засвидѣтельствовать предъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь, и предъ свѣтомъ мои искреннія чувства любви и преданности къ памяти Великаго и Народолюбиваго Императора всего болѣе побудили меня принять сію смѣлость. Въ продолженіи тридцати лѣтняго изгнанія я исповѣдывалъ, безъ страха и безъ надеждъ, сія чувства, и смѣю сказать, что жизнь моя служила лучшимъ доказательствомъ моей невинности лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ поразившихъ меня обвиненій и приговоровъ. Я могъ бы, укрѣпляемъ частою совѣстію и надеждою на правосудіи Бога всевѣдущаго, спокойно ожидать конца уже довольно долгой жизни. Но у меня есть *дѣла* ¹⁾, коихъ внезапныя стремленія влекутъ къ запрещенному какъ имъ такъ и отцу—къ Отечеству. Ихъ и мою ; часть предаю правосудію.

Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшій Государь! всеподданнѣйшій слуга. Н. Тургеневъ.

Парижъ Rue St. Houvé 362.

4 іюля 1856 года.

Эту просьбу Государь прочелъ, отмѣтилъ указанныя выше мѣста и написалъ: „представить мнѣ справку о немъ“. III отдѣленіе могло дать лишь краткую справку съ выпискою пунктовъ обвиненія изъ записки, такъ какъ дѣло объ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ, по сообщенію III отдѣленія (неверному) находилось въ военномъ министерствѣ. Государь написалъ на справкѣ III отдѣленія. „Рѣшу о немъ когда представлена будетъ полная о немъ справка“. (Эта резолюція положена 5 іюля). Тогда кн. Долгоруковъ обратился за подробной справкой къ военному министру, военный министръ сообщилъ ту же выписку. На очный же запросъ о болѣе подробной справкѣ 13 іюля военный министръ сообщилъ, что подробности „могли бы быть навлечены изъ подлиннаго дѣла, которое, сколько ему извѣстно, сдано для храненія, въ государственныя архивы“. Въ докладной запискѣ Государю Дубальтъ сообщилъ объ этомъ Государю, но подлинное дѣло не понадобилось. 30 іюля 1856 шефъ жандармовъ Долгоруковъ подалъ очень краткую записку о Н. Н. Тургеневѣ съ мнѣніемъ: „Тургенева помиловать, дозволивъ ему пользоваться прежними правами, возвратиться, съ семействомъ, въ Россію и жить гдѣ пожелаетъ, но кромѣ столицы, подъ надзоромъ“. Государь согласился съ этимъ мнѣніемъ.

26 авг. 1856 года кн. Долгоруковъ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ

¹⁾ Это слово подчеркнуто и на поляхъ знавъ вопроса

„поручить посольствамъ нашимъ въ Парижъ и Лондонъ¹⁾ объявить Тургеневу и Головину о Монаршей милости, засвидѣтельствовать имъ паспорта на слѣдованіе въ Россію и истребовать отъ нихъ отамы, гдѣ они будутъ жить въ Имперіи; о томъ же, когда отправятся въ отечество, почтить его увѣдомленіемъ“.

1 мая 1857 года министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ что Николай Тургеневъ съ сыномъ Александромъ и съ дочерью Фанни Александровою паспортъ выданъ.

Далѣе въ дѣлѣ находимъ записку: 11 мая прибылъ изъ-заграницы въ С.Петербургъ Николай Тургеневъ... (Дальше идетъ справка о немъ)... *Соображеніе*. По принятому въ законодательствѣ порядку, гдѣ употреблено слово Высочайше помилованъ, тамъ прощенный восстанавливается во всѣхъ правахъ, какъ онъ былъ до осужденія, слѣд. имѣетъ право пользоваться и прежними чинами, и въ этомъ смыслѣ была представляема вышеупомянутая записка. Но при этомъ не можетъ быть не введено условіе, соблюдаемое при всѣхъ помилованіяхъ—безъ права на прежнее имущество: ибо имѣніе перешло уже въ собственность другихъ и возвращеніемъ онаго прежнему владельцу нарушились бы права новыхъ владельцев. Тургеневъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ полнаго помилованія, что онъ осужденъ былъ аночно, безъ представленія съ его стороны оправданій, потомъ принялъ Монаршую милость съ благоговѣніемъ и возвратился съ покорностью... На этомъ основаніи испрашивается дозволенія составить въ этомъ духѣ проектъ указа Сенату о возвращеніи чина и т. д. 12 мая этой запискѣ послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

12 мая 1857 года въ Царскомъ селѣ были даны Указа Сенату о Н. Н. Тургеневѣ.

А 16 мая 1857 года шефъ жандармовъ, прерывая этотъ указъ министру внутреннихъ дѣлъ, обратился къ нему съ вопросомъ: „не изволите ли приказать учредить за г. Тургеневымъ секретное наблюденіе“?

п. щ.

---

¹⁾ Въ одной и той же бумагѣ рѣчь идетъ о Н. Н. Тургеневѣ и бывш. кол. серж. Иванѣ Головинѣ, именномъ всѣмъ правъ состояніи во имѣніи Госуд. Совѣта 12 дек. 1844 г. О немъ см. статьи въ „Виломъ“ М. К. Лемке.

Идейныя основы „Народной Воли“.

(Къ исторіи народовольчества).

I.

Предлагаемый читателямъ «Былого» этюдъ не принадлежитъ къ категоріи личныхъ воспоминаній, касающихся того или другого момента въ развитіи народовольчества, характеристики того или другого дѣятеля. Онъ не является также и собственно исторіей «Народной Воли», изложеніемъ различныхъ событій, опредѣлявшихъ или отражавшихъ судьбу народовольческаго теченія въ его цѣломъ. Для такой работы не настало еще время, такъ какъ, несмотря на многочисленность матеріаловъ, посвященныхъ въ послѣдніе годы этой эпохѣ русскаго революціоннаго движенія, ихъ все еще далеко недостаточно для полной и связной исторіи народовольчества. Здѣсь предлагается читателямъ лишь краткая попытка указать на возникновеніе, развитіе и упадокъ или преобразование *идей*, легшихъ въ основаніе «Народной Воли» и сдѣлавшихъ ее опредѣленнымъ явленіемъ русской политической жизни. Разумѣется, авторъ этюда оставляетъ за собой право вводить въ этотъ, такъ сказать, очеркъ идейной исторіи «Народной Воли» свои личныя воспоминанія или касаться извѣстныхъ событій и извѣстныхъ лицъ, драматизировавшихъ недолгое, существованіе партіи, и т. д. Однако главнымъ предметомъ этой статьи, повторяемъ, служитъ попытка изучить вкратцѣ судьбу народовольчества съ его внутренней, идейной стороны, показать, какіе элементы входили въ народовольческое міровоззрѣніе и какъ они отражались и въ теоріи, и на практикѣ «Народной Воли».

Нечего говорить, что эту задачу авторъ постарается выполнить съ возможно большей объективностью и свободой критики и безъ всякаго идейнаго фетишизма передъ прошлымъ, хотя и считаетъ народовольчество однимъ изъ величайшихъ и самыхъ привлекательныхъ явленій русской общественной исторіи. Во всякомъ случаѣ мы теперь настолько отдалились отъ этого періода, что получилась уже возможность разсматривать его подъ историческимъ угломъ зрѣнія и въ перспективѣ, позволяющей освѣтить совокупность элементовъ, составлявшихъ своимъ соединеніемъ «Народную Волю», а вмѣстѣ съ тѣмъ анализировать каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Дѣйствительно, не-

чего скрывать отъ себя тотъ фактъ, что между этими элементами или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми изъ нихъ, существовало извѣстное противорѣчіе, внутреннее треніе; но оно было сравнительно мало замѣтнымъ въ пору расцвѣта «Народной Воли», потому что это движеніе сплавило тогда ихъ вмѣстѣ огнемъ энтузіазма и дѣлало изъ нихъ, если позволено будетъ употребить это естественно-научное сравненіе, не механическую смѣсь, а химическое соединеніе.

Какіе же это были элементы? Среди нихъ можно отличить по крайней мѣрѣ четыре главнѣйшихъ. Это, во-первыхъ, элементъ народничества. Это, во-вторыхъ, принципъ политической борьбы за народовластіе, «народную волю». Это, въ-третьихъ, извѣстнаго рода бланкизмъ, признававшій огромное значеніе за личностью и организацией личностей. Это, въ-четвертыхъ, вѣра въ систематическій терроръ, какъ одно изъ цѣлесообразнѣйшихъ орудій произведенія переворота, въ частности добыванія политической свободы. Мы пока не анализируемъ эти элементы, а лишь опредѣляемъ. Но уже и теперь мы можемъ сказать, что различная пропорція, въ которой они входили для образованія цѣлаго направленія, равно какъ преобладаніе того или другого изъ нихъ въ тотъ или другой моментъ существованія «Народной Воли», у той или другой группы выдающихся представителей теченія, опредѣляли въ общихъ чертахъ характеръ дѣятельности и судьбу партіи. Только анализируя эти главнѣйшіе элементы, мы можемъ отвѣтить себѣ на вопросъ, что же такое собственно было народолюбчество, оставившее въ исторіи русскаго политическаго развитія глубокой слѣдъ и служащее до сихъ поръ предметомъ оживленныхъ споровъ не только между врагами и друзьями «Народной Воли», но въ лагерѣ самихъ друзей.

II.

Итакъ, элементъ первый—«народничество». Въ первыхъ же строкахъ знаменитой «Программы Исполнительнаго Комитета», которая была напечатана почти въ самомъ началѣ существованія новой партіи, въ 3-мъ № газеты «Народная Воля», мы читаемъ: «По основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы социалисты и народники». Какъ видите, хотя эта программа была однимъ изъ самыхъ многозначительныхъ политическихъ манифестовъ народолюбчества, отмежевавшихъ это направленіе отъ «Земли и Воли», инициаторы новаго социально-революціоннаго движенія, даже самими словами, самой редакціей своего profession de foi хотятъ установить свою прямую идейную связь съ народничествомъ, преемственность своихъ взглядовъ съ общимъ развитіемъ революціонной мысли. И припоминаніе о томъ, что они социалисты и народники, отнюдь не является у составителей программы ни простой фразой, ни макіавелистическимъ приемомъ съ цѣлью привлечь къ себѣ сторонниковъ стараго направленія. Нѣтъ, дѣйствительно элементъ народничества, хотя и значительно видоизмѣненный, составляетъ существенную черту новой партіи. И понятно почему. Прежде всего, въ рядахъ народолюбцевъ очутилось большинство самыхъ выдающихся дѣятелей «Земли и Воли». Александръ Михайловъ, Н. А. Моро-

зовъ, Л. Тихомировъ, Квятковскій, Перовская, и т. д. Во-вторыхъ, прямо вошедшіе въ новую партію люди были еще недавно страстными народниками. Яркимъ примѣромъ можетъ служить Желябовъ, котораго въ извѣстномъ смыслѣ можно считать наибольшимъ «политикомъ» «Народной Воли», но который, какъ извѣстно, еще недавно были ревностнымъ «деревенщикомъ» и, по словамъ М. Фроленко, совсѣмъ незадолго до Липецкаго съѣзда, даже и согласившись на террористическую дѣятельность, поспѣшилъ сейчасъ же оговориться въ томъ смыслѣ, что идетъ «лишь на единичный фактъ». И, конечно, эта многозначительная оговорка въ устахъ такого человѣка, какимъ былъ Желябовъ, указывала не на робость импровизированнаго террориста, а на угрозенія совѣсти народника. Кстати сказать, М. Фроленко живо рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, о «Липецкомъ и Воронежскомъ съѣздахъ» (см. «Былое», 1907, № 1) удивленіе, которое онъ испыталъ, когда услышалъ въ Липецкѣ Желябова, развивавшаго уже стройную политическую (террористическую) программу.

Но кромѣ торжества большинства революціоннаго персонала въ «Землѣ и Волѣ» и «Народной Волѣ», народнической элементъ въ программѣ новой партіи объяснялся еще и чисто идейнымъ образомъ, а именно тѣмъ, что народничество было въ это время господствующимъ міровоззрѣніемъ русской передовой—революціонной—интеллигенціи; и что народовольцы, отрѣшившись отъ «деревенщицкихъ» предразсудковъ противъ политической борьбы, другими частями своего міровоззрѣнія еще держались, какъ мы вскорѣ увидимъ, за принципы народничества.

Но что такое было само народничество? Это вопросъ очень серьезный, надлежащій отвѣтъ на который тѣмъ болѣе важенъ, что полемика, возгорѣвшаяся по поводу его между нашими социаль-демократами и тѣми, кого они считаютъ теперешними «народниками», внесла много страстности съ обѣихъ сторонъ въ эти пренія и затемнила сушность этой столь же теоретически интересной, сколько жизненной задачи. На очищенный отъ шлаковъ политической страсти вопросъ о народничествѣ придется, по нашему крайнему разумѣнію, отвѣтить, что это есть міровоззрѣніе, ставящее во главу угла общественной эволюціи потребности, интересы и идеалы массъ и въ этомъ смыслѣ заслуживающее названія «философіи массъ». Какъ таковая философія, народничество принадлежитъ къ тому же разряду социологическихъ обобщеній, къ какому принадлежитъ ученіе Маркса, приложенное къ объясненію общественныхъ явленій, или такъ называемый «историческій материализмъ».

Русское народничество находится въ близкомъ родствѣ съ революціоннымъ марксизмомъ и отчасти даже прямо выросло изъ него,—какъ мы это увидимъ,—отчасти же наряду съ нимъ является продуктомъ всей новѣйшей историко-соціологической точки зрѣнія. Эта точка зрѣнія подготовлялась въ послѣдніе вѣка мыслителями въ родѣ Вико, Монтескье, Гербера; блестящими политическими и культурными историками Франціи Огюстэномъ Тьерри, Гизо, Мишлэ; глубокомысленными философами Германіи, Кантомъ и Гегелемъ; гениальными и просто высоко-талантливыми французскими социалистами Сень-Симономъ,

Пьеромъ Леру, Пруденомъ; главою позитивизма Контомъ, историкомъ Боклемъ, и т. д. Несмотря на различныя отгѣнки мысли у того или другого автора, несмотря даже на значительныя отклоненія иныхъ изъ нихъ отъ основной идеи, общее всемо имъ новое міросозерцаніе представляетъ нѣсколько характерныхъ чертъ, которыя позволяютъ отграничить его отъ другихъ философско-историческихъ направленій. А именно оно старается внести въ пеструю смѣну повидимому случайныхъ событій понятіе о законосообразности и открыть болѣе общія причины разнообразныхъ человѣческихъ бѣдствій. При чемъ оно стремится построить формулу развитія человѣческаго общества, его необходимаго перехода изъ одного состоянія въ другое. Оно находитъ основу этой законосообразности историческихъ событій и правильности переходовъ отъ одного фазиса эволюціи къ другому въ томъ, что исторія человѣчества и дѣлается преимущественно или даже исключительно всемо человѣчествомъ, коллективностью членовъ общезитія, обширными группами людей. Подъ такимъ угломъ зрѣнія даже тѣ изъ мыслителей этого направленія, которые наиболѣе склонны придавать значеніе дѣятельности такъ называемыхъ великихъ или, проще сказать, историческихъ личностей, усматриваютъ причину ихъ вліянія въ томъ, что онѣ умѣли сознательно или инстинктивно опредѣлять направленіе и силу господствующаго историческаго течения и наилучше удовлетворяютъ наросшимъ потребностямъ крупныхъ человѣческихъ дѣленій: націй, классовъ, сословій, корпорацій и т. д.

Кто станетъ, напр., отрицать своего рода идейный энтузіазмъ, съ которымъ Гегель относится къ великимъ людямъ? И однако въ извѣстной бутадѣ, бросаемою Гегелемъ во введеніи къ своей «Философіи исторіи» по адресу педантическаго школьнаго учителя, осмѣливающагося нападать на Александра Македонскаго или на Цезаря, этотъ крупнѣйшій изъ идеалистовъ Германіи находитъ величіе историческихъ героевъ въ томъ, что они стремились совершить и дѣйствительно совершали «истинно великое и необходимое», т. е. вытекавшее изъ историческихъ потребностей эпохи и коренившееся въ основныхъ интересахъ современнаго имъ человѣчества. Съ другой сторонѣ, Сень-Симонъ (а по его стопамъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и Огюсть Контъ), который хочетъ вручить даже судьбу всего человѣчества въ своей соціальной утопіи «совѣту изъ двадцати одного генія», ставитъ однако «великою цѣлью» организованнаго такимъ образомъ общества «возможно скорѣйшее улучшеніе жребія самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса», т. е. опять-таки удовлетвореніе основныхъ потребностей громаднаго большинства людей.

Съ социалистомъ Сень-Симономъ мы ближе, кстати сказать, придвигаемся къ коренному пункту русскаго народничества, бывшаго внѣ всякаго сомнѣнія, одной изъ разновидностей социализма, и притомъ — уже въ противоположность сень-симоновской доктринѣ — социализма революціоннаго. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ соціальный вопросъ началъ все рѣзче и настойчивѣе ставиться въ Западной Европѣ, великое значеніе «самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса» стало признаваться всеми тѣми политиками, историками и социалистами новѣйшей школы, которыхъ только не ослѣпляла

классовая точка зрѣнія привилегированнаго меньшинства. Разъ утверждалось, что исторія въ своемъ правильномъ и законномъ ходѣ зависитъ отъ роста человѣческихъ потребностей въ обществѣ и болѣе или менѣе цѣлесообразнаго удовлетворенія ихъ тѣми или иными способами, подсказываемыми самой эпохой, то оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы, признать, что эволюція общества требуетъ прежде всего осуществленія потребностей громаднаго большинства человечества. А оно, это громадное большинство, какъ разъ слагалось изъ членовъ «наиболѣе бѣднаго класса», т. е. трудящихся массъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыми изъ мыслителей упомянутой нами новѣйшей школы было выработано понятіе о классахъ въ человѣческомъ обществѣ и о борьбѣ ихъ (уже упомянутымъ Сень-Симономъ, особенно въ послѣдній періодъ его дѣятельности, и его школой, откуда оно было заимствовано Луи Бланомъ, углублено Пруденомъ и т. д.), то въ воздухѣ уже носилась, такъ сказать, та формула современной соціальной эволюціи, которую скоро долженъ былъ бросить міру Карлъ Марксъ: осуществленіе коммунистическаго строя путемъ революціонной борьбы класса пролетаріевъ съ классомъ капиталистовъ въ рамкахъ буржуазнаго общества и на почвѣ обобществленія средствъ производства крупной индустріей. Виновникомъ и орудіемъ этого переворота становилось, такимъ образомъ, все трудящееся человечество въ лицѣ класса, являшагося въ силу неизбѣжныхъ историческихъ условій главнымъ двигателемъ общественнаго прогресса. Вмѣсто того, чтобы искать спасителей внѣ себя, хотя бы въ искренно желавшихъ ему блага великихъ историческихъ личностяхъ, классъ трудящихся долженъ былъ полагаться исключительно на самого себя и на растущее въ немъ самое сознаніе своихъ правъ, правъ выразителя общечеловѣческихъ интересовъ и идеаловъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не что другое, какъ это, и выражалъ составленный Марксомъ уставъ образовавшагося въ 1864 г. Международнаго общества рабочихъ или знаменитаго Интернаціонала: «Освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ... Борьба за освобожденіе рабочаго класса не есть борьба за классовыя привилегіи и монополіи, но за равныя права и обязанности и за уничтоженіе всякаго классового господства... Экономическое порабоженіе рабочаго собственникомъ орудій труда, т. е. самыхъ источниковъ жизни, лежитъ въ основаніи всѣхъ формъ гнета,—общественной нищеты, умственнаго прозябанія и политической зависимости... Экономическое освобожденіе рабочаго класса является, поэтому, великою цѣлью, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство», и т. д. ¹⁾.

Но мы знаемъ, что именно Интернаціональ,—наряду съ парижской Коммуной,—былъ однимъ изъ тѣхъ явленій западно-европейской соціально-политической жизни, которая всего болѣе повліяла въ началѣ 70-хъ годовъ на выработку міросозерцанія русской передовой интеллигенціи въ смыслѣ соціалистическомъ и революціонномъ.

---

¹⁾ См. статью „Internationale Arbeiter-Association“ въ словарѣ: Carl Stegman und C. Hugo, Handbuch des Socialismus; Цюрихъ, 1897, стр. 341.

Разумѣтся почва для воспринятія ученія социализма русской интеллигенціей была подготовлена уже нѣкоторыми фактами нашей общественной жизни и мысли. Упомянемъ о быстро развивавшемся обнищаніи крестьянства подѣ вліяніемъ реформы 19-го февраля, проведенной почти исключительно въ интересахъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и къ вящей выгодѣ нарождающейся буржуазіи; о пропагандѣ Герцена, Чернышевскаго, Добролюбова, выдвигавшихъ каждый по своему, каждый въ своей сферѣ значеніе трудящагося народа и нѣкоторыхъ экономическихъ и идейныхъ сторонъ его коллективнаго бытія: общины, артели, мірскаго духа, трудового начала и т. п. Но въ этихъ нѣсколькихъ общихъ формулахъ слѣдовало поставить точки надъ і. И здѣсь-то по истинѣ велика была роль социализма Запада, съ которымъ русская интеллигенція знакомилась отчасти теоретическимъ и книжнымъ путемъ, отчасти при посредствѣ личныхъ сношеній съ выдающимися эмигрантами, ютившимися тогда преимущественно въ Швейцаріи, Англии, Франціи. Пусть читатель приведетъ себѣ на память воспоминанія объ этой эпохѣ Кропоткина, Бардиной, Вѣры Фигнеръ и т. п., и онъ убѣдится какимъ революціонизирующимъ элементомъ для русской молодежи было соприкосновеніе ея съ теоріей и практикой Интернаціонала, смыслъ котораго освѣщался какъ нельзя болѣе кстати трагической судьбою только что подавленной версальцами Коммуны. Энергичными словами «освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ» провозглашалось наступленіе новой эпохи, а именно рабочаго социализма, социализма самихъ трудящихся массъ, въ противоположность прежнему «утопическому» социализму съ его вѣрой въ могущество системъ, придумываемыхъ гениальными учителями человечества и насаждаемыхъ проницательными правителями и добродѣтельными капиталистами. И съ свойственной ей логикой и идейнымъ энтузіазмомъ русская молодежь всосала въ себя и пыталась претворить въ жизнь принципы новаго ученія. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что поскольку мысль Маркса выражалась въ Интернаціоналѣ, постольку наше народничество, скоро ставшее наиболѣе популярнымъ ученіемъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, включало въ себѣ элементы марксизма.

Но тутъ же придется сдѣлать одно существенное поясненіе. Интернаціональ сталъ ферментомъ идейнаго броженія для русскихъ революціонеровъ въ тотъ моментъ, когда онъ уже раздирался внутренними распрями между марксистами и бакунистами. Наша молодежь восприняла доктрины Интернаціонала преимущественно въ ихъ бакунистскомъ истолкованіи и приложеніи къ практикѣ. Но если у сторонниковъ Бакунина было общимъ съ марксистами признаніе основной цѣли, а именно экономического переворота въ видѣ «соціальной революціи», то по вопросу о средствахъ достиженія этой цѣли оба лагеря братьевъ - враговъ расходились самымъ кореннымъ образомъ. Въ представленіи учениковъ Маркса политика являлась подчиненнымъ экономикѣ, но могущественнымъ, но цѣлесообразнымъ средствомъ «экономическаго освобожденія» трудящихся. Бакунисты же отвергали всякую собственно такъ называемую политическую дѣя-

тельность и провозглашали необходимость единовременного нападения на существующий экономический и политический строй, такъ что средствомъ «великой цѣли» являлась въ сущности-то сама же эта цѣль, и орудіемъ совершенія «соціальной революціи» сама соціальная революція. Въ этой именно формѣ были восприняты положенія рабочаго социализма нашими революціонерами, большинство которыхъ принадлежало къ «бунтарямъ», выработывавшимся подъ вліяніемъ Бакунина, но и меньшинство, состоявшее изъ лавристовъ, раздѣляло аполитическіе взгляды бунтарства.

Здѣсь должно указать на то обстоятельство, что именно наше бунтарство, бывшее основнымъ ядромъ русскаго народничества, стояло гораздо ближе къ социологіи марксизма, чѣмъ наши лавристы. Какимъ бы парадоксальнымъ ни могло показаться съ перваго взгляда читателю это положеніе, оно подтверждается сравненіемъ духа этихъ различныхъ направленій. Дѣйствительно, что представляетъ собой съ самой общей точки зрѣнія ученіе Маркса? Теорію общественно-историческаго «сенсуализма», какъ я охарактеризовалъ его въ своей статьѣ «Міровой ростъ и кризисъ социализма» (см. «Вѣстникъ русской революціи»), или доктрину, согласно которой движушими силами исторіи являются, главнымъ образомъ, не идеи и логическіе формулы, возникающія въ умѣ выдающихся мыслителей, а великіе полубезсознательные, но тѣмъ болѣе энергичные инстинкты и аффекты, которые вырастаютъ на почвѣ основныхъ потребностей массъ, т. е. громаднаго большинства человѣчества. Несомнѣнно, что таковъ же былъ по духу, центральный пунктъ бунтарскаго міровоззрѣнія, желавшаго опираться на коллективныя стремленія и народныя идеалы, въ противоположность лавризму, который видѣлъ ось революціонной дѣятельности въ пропагандѣ социалистическихъ идей среди народа «критически мыслящими личностями». Приведу лишь одинъ два примѣра въ доказательство именно такой постановки вопроса бунтарями.

Въ своемъ обращеніи къ «умственному пролетариату, къ русской соціально-революціонной молодежи» Бакунинъ говоритъ: «Никакой ученый не въ состояніи научить народъ, не въ состояніи опредѣлить даже для себя, какъ народъ будетъ и долженъ жить на другой день соціальной революціи. Это опредѣлится во 1-хъ, положеніемъ каждаго народа и, во 2-хъ, тѣми стремленіями, которыя въ нихъ появятся и будутъ сильнѣе дѣйствовать, отнюдь же не руководствами и уясненіями сверху, и вообще ни какими теоріями выдуманнми наканунѣ революціи» ¹⁾). Наоборотъ, у народа есть безсознательно сложившіеся самою жизнью созданные идеалы, совпадающіе съ идеалами социализма, и революціонной интеллигенціи остается только «организовать всеобщее народное возстаніе» въ имя этихъ жизненныхъ идеаловъ. Въ свою очередь такой выдающійся бунтарь 70 годовъ какъ Кравчинскій, въ письмѣ къ Лаврову развиваетъ такъ точку зрѣнія революціоннаго

---

¹⁾ Цитирую по выдержкамъ, приведеннымъ О. В. Антекляномъ въ его воспоминаніяхъ «Изъ исторіи революціоннаго народничества „Земля и Воля“; № 19 „Русской Исторической бібліотеки“, стр. 89

народничества: «Не идей недостаетъ народу. Всякій, кто много шатался по народу, скажетъ вамъ, что въ его головѣ совершенно зрѣлы основы «элементарнаго» (конечно, не научнаго) социализма. Все, чего недостаетъ народу, это *страсти*. Но и страсти вспыхиваютъ мгновенно и неожиданно»¹⁾). И роль революціонеровъ состоитъ въ томъ, чтобы пробудить эту страсть, а разъ всколыхнутый, народъ самъ осуществить путемъ возстанія свой «элементарный» социалистическій идеаль.

Такая постановка вопроса была въ особенности ясно выражена двумя-тремя годами позже въ газетѣ «Земля и Воля», бывшей официальнымъ органомъ партіи, того же имени, первая основанія которой были положены въ началѣ 1877 г. и которая вскорѣ стала воплощеніемъ *par excellence* русскаго революціоннаго народничества. Въ передовой статьѣ перваго номера (отъ 25 октября 1878 г.),—авторомъ ея, какъ извѣстно, былъ только что цитированный Кравчинскій,—дѣятельность землевольцевъ выводилась изъ слѣдующихъ теоретическихъ соображеній: «Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей... революція дѣло народныхъ массъ. Подготавливаетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только *орудіями* исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организовавъ народъ во имя его стремленій и требованій и принимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ природы, совершается въ данный періодъ. Въ этой роли они—ничто; въ предѣлахъ ея они одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи. Поэтому, основаніемъ всякой историко-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности. Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ «земли и воли». Земли—какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами. Отнятіе земель у помѣщиковъ и бояръ, изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденъе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли—такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-социалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ. Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа. Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры настоящаго... Мы не станемъ предѣлывать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго социалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ же будущее будущему. Настоящему пред-

¹⁾ См. мою статью «П. Л. Лавровъ» въ № 2-мъ «Близого» за 1907 г.

стоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущей социалистической строй из тех элементарных основ социализма, которые уже созданы в умах народа»¹⁾).

Что касается до этих «основ», то их революционные народники видѣли в томъ же, в чемъ ихъ видѣлъ Бакунинъ, который характеризовалъ, какъ извѣстно, міросозерцаніе народа тремя чертами: убѣжденіемъ, что вся земля принадлежитъ трудящемуся народу: сознаніемъ, что ею должна распоряжаться община, а не отдѣльное лицо; антигосударственными тенденціями общины, которая стремится къ самой широкой автономіи и самоуправленію. Эти черты правового сознанія народа и разумѣлись землевольцами, когда они писали на своемъ знамени двойную формулу, давшую названіе ихъ партіи. Во имя «земли и воли», народъ, по ихъ глубокому убѣжденію, поднимется противъ самодержавнаго правительства съ цѣлью низвергнуть всякую государственность. Во имя «земли и воли», онъ возстанетъ противъ формирующейся въ Россіи буржуазіи, существованія которой хотя пока въ грубомъ начальномъ видѣ, партія не только не отрицала, но усиленія которой она даже опасалась, если народъ не успѣетъ сломить абсолютизма до неизбѣжной замѣны его буржуазной конституціей.

Этотъ элементъ народничества легъ—мы увидимъ ниже, съ какими измѣненіями,—и въ основу программы новой партіи, партіи «Народной Воли», какъ она создавалась окончательно осенью 1879 г., послѣ лѣтнихъ сѣздовъ, Липецкаго и Воронежскаго, и тщетныхъ попытокъ установить извѣстный *modus vivendi* между «деревенщиками» и политическими тенденціями, раскалявавшими своей борьбой все болѣе и болѣе старую «Землю и Волю». Прочитируемъ, дѣйствительно, далѣе «Программу Исполнительнаго Комитета», начальную фразу которой мы уже разъ поставили передъ глазами читателей. Итакъ, говорили члены вновь образовавшейся партіи,—и такъ «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы социалисты и народники. Мы убѣждены, что только на социалистическихъ началахъ человѣчество можетъ воплотить въ своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее матеріальное благосостояніе и полное всестороннее развитіе личности, а стало быть, и прогрессъ. Мы убѣждены, что только *народная воля* можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, *проходитъ* предварительно черезъ сознаніе народа. Народное благо и народная воля—два наши священнѣйшіе и неразрывно связанные принципа...

«Вглядываясь въ обстановку, среди которой приходится жить и дѣйствовать народу, мы видимъ, что народъ находится въ состояніи полнаго рабства экономическаго и политическаго... Надъ закованными въ цѣпи народомъ мы замѣчаемъ облегающіе его слои эксплуатато-

---

¹⁾ Перепечатано въ «Революціонной журналистикѣ семидесятихъ годовъ» Базилевскаго, № 7, «Русской Исторической Библіотеки», стр. 71—72.

ровъ, создаваемыхъ и защищаемыхъ государствомъ. Мы замѣчаемъ, что это государство составляетъ крупнѣйшую въ странѣ капиталистическую силу, что оно же составляетъ единственнаго политическаго притѣснителя народа, что благодаря ему только могутъ существовать мелкіе хищники. Мы видимъ, что этотъ государственно-буржуазный народъ держится исключительно голымъ насилиемъ: своей военной, полицейской и чиновничьей организаціей, совершенно такъ же, какъ держались у насъ монголы Чингисъ-Хана. Мы видимъ совершенное отсутствіе народной санкціи этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводитъ и удерживаетъ такіе государственные и экономическіе порядки, которые не имѣютъ ничего общаго съ народными желаніями и идеалами.

«Въ самомъ народѣ мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старыя, традиціонныя принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свобода совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе въ народномъ духѣ всей нашей исторіи, если бы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться, такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями.

«Поэтому мы полагаемъ, что, какъ социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять съ народа подавляющей его гнетъ современнаго государства, произвести политической переворотъ съ цѣлью передачи власти народу. Этимъ переворотомъ мы достигнемъ: во-первыхъ, что развитіе народа отнынѣ будетъ идти самостоятельно, согласно его собственной волѣ и наклонностямъ; во-вторыхъ, того, что въ нашей русской жизни будутъ признаны и поддержаны многіе чисто социалистическіе принципы, общіе намъ и народу.

«Мы полагаемъ, что *народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительнымъ Собраніемъ, избраннымъ свободно, всеобщей подачей голосовъ, при инструкціяхъ отъ избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная, форма проявленія народной воли, но единственно въ настоящее время возможная на практикѣ, и мы считаемъ нужнымъ поэтому остановиться именно на ней.

«Такимъ образомъ, наша цѣль: отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію, составленному, какъ сейчасъ сказано, которое должно пересмотрѣть всѣ наши государственныя и общественныя учрежденія и перестроить ихъ, согласно инструкціямъ своихъ избирателей» ¹⁾.

Несомнѣнно, элементъ народничества присущъ этой программѣ, присущъ не на словахъ только, но въ самомъ ходѣ мыслей. И однако здѣсь онъ уже претерпѣлъ извѣстное измѣненіе. Его чистота уже нарушена нѣкоторыми оговорками и ограниченіями, наконецъ самымъ, если можно такъ выразиться, тембромъ звучащимъ въ исповѣданіи вѣры новой политической партіи. Говорится въ программѣ Исполни-

¹⁾ См. „Литература партіи „Народной Воли“ Базилевскаго. Выпускъ верный. № 9 „Русской Исторической Библіотеки“ стр. 107—108.

тельнаго Комитета о «еще живыхъ, старыхъ, традиціонныхъ принципахъ», но уже подчеркивается, что они «всячески подавляются». И въ самомъ терминѣ «традиціонный» уже слышенъ отголосокъ критическаго отношенія къ основамъ народной жизни. «Федеративному устройству» въ народѣ придается значеніе только «зачатковъ». Въ утвержденіи, что благодаря «политическому перевороту» произведенному партией, явится возможность «признать и поддержать многіе чисто социалистическіе принципы, общіе намъ и народу», опять-таки чувствуется оттънокъ мысли, ставящей революціонную интеллигенцію не только на одинъ уровень съ цѣлымъ народомъ, но въ извѣстномъ смыслѣ и выше его, такъ какъ партія является совершительницей этого благодѣтельнаго переворота. Въ самой мотивировкѣ революціонной дѣятельности «Народной Воли», въ социалистическихъ обосновкахъ программы для внимательнаго читателя не можетъ укрыться извѣстное отклоненіе отъ чисто народнической постановки вопроса. А именно необходимость и цѣлесообразность политической революціи аргументируется тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ «слои эксплуататоровъ, облегающихъ народъ», и «создаются и защищаются исключительно государствомъ»; а посему стоитъ только низвергнуть режимъ этого «голага насилія», и «народнымъ желаніямъ и идеаламъ» можно будетъ вполне осуществиться и развернуться. Роль революціонной партіи, какъ берущей на себя задачу такого низверженія, вырисовывается, такимъ образомъ, во всемъ своемъ исключительномъ историческомъ значеніи.

Могъ ли допустить это чистокровный народникъ? Разумѣется, нѣтъ. Конечно, взглядъ на государственность, — и на государственность вообще, а не только на русскій абсолютизмъ, — какъ на одно изъ основныхъ золь человѣческаго общежитія, перешель къ русскимъ народникамъ еще отъ Прудона и Бакунина. И въ народнической литературѣ 70-хъ годовъ вы не разъ встрѣтитесь съ изложеніемъ воззрѣній, согласно которымъ русскій народъ, въ сущности, наиболѣе, молю, склонный къ «анархіи» между современными народами, постоянно на протяженіи всей своей исторіи боролся противъ государства и его представителей во имя своихъ идеаловъ — высшей общественности и полной личной свободы. Но рядомъ съ этимъ въ той же литературѣ вы встрѣтите недвусмысленное признаніе существованія привилегированныхъ классовъ, какъ другого основнаго зла человѣческой исторіи, а не только производнаго явленія, вытекающаго лишь изъ политическаго гнета. Вмѣстѣ съ основателями Интернаціонала и вмѣстѣ съ Бакунинымъ русскіе народники видѣли источникъ политической зависимости, главнымъ образомъ, въ «экономическомъ порабощеніи» народа. И съ этой точки зрѣнія, напр., авторъ статьи «По поводу подвиговъ прессы», помѣщенной въ первомъ номерѣ «Земли и Воли», полемизируя съ «Голосомъ», совершенно логически насмѣхается надъ публицистами этой газеты, утверждавшими, что у насъ еще нѣтъ буржуазіи, потому что въ рукахъ нашихъ имущихъ классовъ нѣтъ еще политической власти. Въ этой полемикѣ встрѣчается даже слѣдующее многозначительное мѣсто: «одинъ русскій публицистъ (дѣло идетъ о Ткачевѣ? Н. Р.), рассчитывая на поголовное невѣжество ино-

странцевъ относительно Россіи, вздумалъ какъ то, года три тому назадъ, рассказывать имъ сказки насчетъ всеословности русской земли, отсутствія буржуазіи въ Россіи и сословныхъ тенденій въ русской внутренней экономической политикѣ, но и тамъ онъ былъ обозванъ Энгельсомъ и Марксомъ «зеленымъ гимназистомъ» и принужденъ былъ замолчать передъ своими оппонентами¹⁾. Во второмъ номерѣ той же «Земли и Воли» авторъ фельетона «Письмо чистосердечнаго россиянина» прямо заявляетъ, что у насъ единственное средство добиться даже чисто политической свободы, это начать агитацію во имя основныхъ экономическихъ потребностей среди народа и преимущественно крестьянства. «Это путь, намѣченный самимъ народомъ,—говоритъ авторъ.—Всегда и вездѣ онъ шелъ отъ экономическихъ вопросовъ къ политическимъ, хотя иногда и казалось, что дѣло идетъ наоборотъ»²⁾. Ходъ мыслей землевольческаго писателя таковъ: народъ не только угнетается государствомъ, но и эксплуатируется привилегированными классами, и въ этомъ экономическомъ порабоженіи даже корень зла. Пусть народъ двинется противъ этихъ эксплуататоровъ во имя осуществленія своихъ основныхъ экономическихъ требованій, ведущихъ къ социализму, и если онъ встрѣтитъ по дорогѣ правительственныя репрессіи, онъ сумѣетъ защитить существенныя политическія свободы, потребныя для его развитія, свободы, которыя имущими сословіями будутъ защищаться лишь неискренно, ради своихъ эгоистическихъ интересовъ.

Ясно, какимъ отклоненіемъ отъ такихъ взглядовъ была народо-вольческая программа, которая перевертывала отношеніе между экономикой и политикой и поддерживая съ одной стороны повидимому народнической взглядъ на зловерность государства, съ другой стороны вела рѣчь лишь о русской государственной власти, какъ создательницѣ не только политическаго гнета, но и державшейся исключительно на голомъ насиліи экономической эксплуатаціи народа со стороны имущихъ классовъ. Въ то время, какъ «Земля и Воля» проповѣдывала возстаніе народа, трудящихся массъ во имя осуществленія ихъ коренныхъ и прежде всего экономическихъ потребностей противъ привилегированныхъ классовъ и охраняющаго ихъ государства, «Народная Воля» выдвигала на первый планъ борьбу революціонной партіи (разумѣется опирающейся на возможно широкіе слои населенія) противъ русскаго неограниченнаго правительства, и лишь посредственно, отраженнымъ ударомъ борьбу противъ экономическихъ враговъ народа.

Наконецъ, въ программѣ Исполнительнаго Комитета народничество претерпѣвало еще одно отклоняющее первоначальныя лучи доктрины преломленіе. Изъ требованія возможно лучшаго выраженія народной воли въ этой программѣ выводилась необходимость не уничтоженія государственной власти вообще, а, наоборотъ, организаціи новаго государственнаго строя при посредствѣ Учредительнаго Собранія, «избраннаго свободно, всеобщей подачей голосовъ». Правда, программа оговаривалась, что «это, конечно, далеко не идеальная форма

¹⁾ «Революціонная журналистика семидесятихъ годовъ», стр. 93.

²⁾ Ibid, стр. 120.

проявления народной воли». Но и съ этой оговоркой Учредительное Собрание, выражающее народную волю въ данный историческій моментъ, при существованіи различныхъ борющихся классовъ и прежде всего привилегированныхъ сословій, держащихъ народъ, трудящіяся массы, въ экономической зависимости,—Учредительное Собрание, говоримъ мы, проектируемое программой Исполнительнаго Комитета, далеко не походило на тотъ политическій или, лучше сказать, аполитическій идеаль, который рисовался въ воображеніи чистокровныхъ народниковъ. Для нихъ дѣло шло не о представительствѣ, хотя бы и опирающемся на «всеобщую подачу голосовъ» даже и «при инструкціяхъ отъ избирателей». Они ставили своимъ идеаломъ участие всѣхъ трудящихся въ обсужденіи и веденіи всѣхъ дѣлъ, какія только могутъ возникнуть въ строю, слагающемся изъ федераціи автономныхъ общинъ, въ свою очередь состоящихъ изъ равноправныхъ и свободныхъ личностей. Этому идеальному режиму не могло удовлетворить не только представительство Учредительнаго Собрания, но и любая изъ существующихъ политическихъ формъ прямого народнаго законодательства, на примѣръ, современнаго референдума и т. д. А ужъ о представительномъ началѣ, которое очевидно имѣли въ виду составители программы Исполнительнаго Комитета, и говорить нечего. И на примѣръ, даже осуществись гипотеза автора передовой статьи во второмъ номерѣ «Народной Воли» (отъ 1-го октября 1879 г.) относительно нахождения въ Учредительномъ Собраніи «90⁰/₁₀₀ депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью,—отъ партіи»¹⁾, то никто изъ чистокровныхъ народниковъ не могъ бы признать въ такомъ положеніи вещей и намека на то «раствореніе правительства въ экономическомъ организмѣ», о которомъ любилъ говорить Прудонъ и которое было идеаломъ и русскихъ бакунистовъ и народниковъ.

Элементъ политики и даже въ формѣ представительства, парламентарной дѣятельности, врывался такимъ образомъ въ народничество, поскольку оно продолжало еще составлять замѣтную часть міровоззрѣнія «Народной Воли». А что оно продолжало, дѣйствительно, играть такую роль, видно хотя бы изъ того, что только что цитированный нами авторъ вслѣдъ за приведенными выше словами говорить: «Что можетъ постановить такое Собрание? Въ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства, мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація—вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія»²⁾.

Мы подошли теперь какъ разъ ко второму элементу, который входилъ въ составъ народовольческаго міровоззрѣнія и вносилъ пертурбацію въ только что разсмотрѣнный нами принципъ народничества. Этимъ элементомъ была, какъ мы сказали въ началѣ нашей

¹⁾ Литература партіи Народной Воли», выпускъ первый, стр. 56.

²⁾ Ibid.

статьи, политика, точнѣе выражаясь, политическая борьба за народо-властiе, «народную волю» съ вытекающими изъ нея требованiями парламентарной дѣятельности.

Къ разсмотрѣнiю этого, второго элемента народовольчества мы и переходимъ.

III.

Если въ признанiи значенiя народныхъ стремленiй и идеаловъ «Народная Воля» шла по стопамъ народничества и лишь осганавливалась, какъ мы видѣли, на полдорогѣ, то въ выдвиганiи на первый планъ въ данный моментъ политической борьбы она оказалась высоко оригинальной. И переворотъ, который она успѣла совершить въ умахъ русской социальнo-революционной интеллигенци, былъ ея величайшей исторической заслугой. Мы не говоримъ здѣсь пока ни о захватѣ власти, въ которомъ наиболѣе бланкистски настроенные народовольцы видѣли наилучшiй приѣмъ для произведенiя политическаго переворота; ни о террорѣ, который фатально становился однимъ изъ все болѣе и болѣе популярныхъ орудiй борьбы съ правительствомъ еще во дни «Земли и Воли», имѣвшей свои боевыя дружины и свой Исполнительный Комитетъ. Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ въ виду политическую борьбу вообще, какъ средство осуществить «народную волю» и добиться народо-властiя. Казалось бы, политическая борьба должна сейчасъ же придти на умъ социалисту, который ставитъ своею цѣлью осуществленiе кореннаго переворота въ рамкахъ современнаго классового общества и классового же государства. И однако надлежащiй взглядъ на политику еще теперь не успѣлъ проникнуть въ сознание всѣхъ социалистовъ даже болѣе культурныхъ, чѣмъ Россiя, странъ, ибо тамъ въ послѣднее время аполитизмъ снова возрождается среди революционнхъ синдикалистовъ Франци и Итали. Насколько же труднѣе было доказать, а главное отстоять самой практикой жизни значенiе политической борьбы въ Россii конца 70-хъ годовъ, гдѣ существовало такое предубѣжденiе противъ «политики» какъ разъ среди наиболѣе передовыхъ и активнхъ революционеровъ. Между тѣмъ, этотъ замѣчательный подвигъ былъ совершенъ «Народной Волей». И будущiе историки русской общественности, какъ бы высоко они ни поставили эту сторону дѣятельности новой партii, никогда въ достаточной степени не оцѣнятъ грандиозности идейной революци, вызванной въ интеллигенци работой народовольцевъ. Даже теперь, когда значенiе политической борьбы осзнано (надолго-ли?) всѣми живыми людьми въ Россii, многiе изъ современнхъ критиковъ «Народной Воли» бьютъ въ сущности ея же добромъ да ей же челомъ, и ихъ голоса спустя чуть не тридцать лѣтъ являются лишь ослабленнымъ эхомъ народо-вольческаго profession de foi.

Другой вопросъ, насколько удачны были тѣ теоретическiя разсужденiя, которыми обосновывалась на практикѣ политическая дѣятельность «Народной Воли». Но и эту задачу можетъ удовлетворительно разрѣшить лишь объективное изслѣдованiе, а не придиричая критика и ужъ, конечно, не историческая злоба враговъ.

Въ общемъ эта теоретическая защита политики публицистами «Народной Воли» не можетъ быть признана вполнѣ удачной. Она во всякомъ случаѣ была гораздо менѣе удачной, чѣмъ практическая защита этой же политики Исполнительнымъ Комитетомъ. Два обстоятельства мѣшали надлежащему теоретическому рѣшенію вопроса, который сама жизнь превращала изъ книжнаго въ глубоко реальный. Это, во-первыхъ, свойство ума русской интеллигенціи, которая никогда не удовлетворяется частной постановкой и частнымъ рѣшеніемъ злободневнаго вопроса, а превращаетъ его въ очень широкій, почти во всеобъемлющій абстрактный вопросъ и ищетъ на него такого же всеобщаго, исчерпывающаго всѣ случаи и устраняющаго всѣ сомнѣнія отвѣта. Это, во-вторыхъ, трагическая обстановка, при которой приходилось рѣшать проблему, такъ какъ борьба народовольцевъ противъ абсолютизма, уже привлекавшая къ себѣ вниманіе всего міра, требовала необыкновеннаго напряженія партійныхъ силъ и вызывала такія правительственныя репрессіи, что о спокойномъ и философскомъ трактованіи жгучихъ задачъ дѣйствительности не могло быть и рѣчи.

Такъ прежде всего вопросъ о томъ, должно ли было русскимъ социалистамъ вступить на путь политической борьбы съ правительствомъ, скоро превратился въ вопросъ, что имѣетъ преимущественное значеніе въ человѣческомъ обществѣ, экономика или политика; и если экономика, то не ставятъ ли народовольцы свою дѣятельность на ненаучную почву, а если политика, то не грѣшатъ ли тѣмъ же самымъ чернопередѣльцы. Легко представить себѣ, какіе общіе, и вмѣстѣ торопливые отвѣты на крайне широко формулированный вопросъ должны были даваться въ этой полемикѣ съ обѣихъ сторонъ. Причемъ въ самомъ почти началѣ споръ обѣихъ фракцій, на которыя раскололась «Земля и Воля», перешелъ въ полемику между русскимъ дюрингианствомъ и русскимъ марксизмомъ, что еще болѣе осложнило пренія и отразилось на дальнѣйшей судьбѣ и народовольчества.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, большинство теоретическихъ выразителей и практическихъ дѣятелей «Народной Воли» заявило себя на сторонѣ «политика»—Дюринга и высказалось противъ «экономиста»—Маркса, хотя были, и особенно въ началѣ въ рядахъ народовольцевъ вліятельныя члены, которые не только не считали свою дѣятельность противорѣчащей взглядамъ автора «Коммунистическаго манифеста», «Гражданской войны во Франціи» и «Капитала», но наоборотъ живо интересовались его отношеніемъ къ тогдашнимъ русскимъ дѣламъ, стараясь даже установить съ нимъ болѣе тѣсныя идейныя и практическія связи. Эта линія поведенія отражалась даже на рѣшеніяхъ Исполнительнаго Комитета въ первые годы существованія партіи. Такъ, въ 1880 г. Исполнительный Комитетъ послалъ Марксу письмо съ партійной «программой рабочихъ», вызвавшей сочувствіе и привѣтствіе стараго революціонера. Къ Марксу же около этого времени Исполнительный Комитетъ обращался съ официальнымъ письмомъ, прося его помочь русскимъ революціонерамъ, а въ частности Гартману въ ознакомленіи культурныхъ странъ съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и дѣятельностью социалистовъ. Съ другой стороны

самъ Марксъ съ крайнимъ интересомъ и симпатіей слѣдившій за борьбою русскихъ революціонеровъ противъ правительства, почти съ самаго начала сталъ на сторону народовольцевъ противъ чернопередѣльцевъ. Въ письмѣ отъ 5-го ноября 1880 г. къ Зорге, авторъ «Капитала» считаетъ даже «террористическій центральный комитетъ» какъ бы практическимъ выразителемъ воззрѣній Маркса въ далекой Россіи, противоставляя народовольцамъ партію «Чернаго Передѣла», которую онъ рѣзко критикуетъ, какъ анархическую «партію пропаганды», враждебную «всякому революціонно-политическому дѣйствию»¹⁾. Нѣсколько позже, въ предисловіи къ русскому переводу «Манифеста Коммунистической партіи», изданіе котораго было предпринято «Русской соціально-революціонной бібліотекой», Марксъ и его alter ego Энгельсъ такъ отзывался о положеніи дѣлъ въ Россіи, сложившемся подъ непосредственнымъ вліяніемъ дѣятельности народовольцевъ: «А Россія! Во время революціи 48—49 гг. не только европейскіе монархи, но и европейская буржуазія обрѣли въ русскомъ вмѣшательствѣ единственный якорь спасенія въ виду только что выросшаго пролетаріата. Царь былъ провозглашенъ шефомъ европейской реакціи. Въ настоящее же время онъ . . . . ., а Россія является авангардомъ революціоннаго движенія Европы». Даже по отношенію ко взгляду на будущее русской общины, судьбы которой служили тогда предметомъ полемики если не между народовольцами и чернопередѣльцами (ибо и послѣдніе надѣялись въ это время на общину, какъ на точку опоры для агитаторской дѣятельности «народобоевой партіи» въ народѣ, въ противоположность политической дѣятельности «Народной Воли»), то между народовольцами и начавшими въ то время рѣзче формулировать свои взгляды первыми русскими марксистами,—даже относительно перспективы, ждущей нашу общину, Марксъ и Энгельсъ выражали мнѣніе, въ общемъ очень благоприятное для революціонной тактики народовольцевъ. Дѣйствительно, въ упомянутомъ предисловіи ставился, жгучій для насъ русскихъ, вопросъ: «можетъ ли *русская община*, представляющая форму первобытнаго землевладѣнія, хотя и сильно пошатнувагося, перейти непосредственно къ высшей формѣ коммунистическаго землевладѣнія? Или же ей предстоитъ пройти тотъ процессъ разложенія, въ которомъ и состоитъ историческое развитіе *Запада*?» И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ говорилось: «Единственно возможный въ настоящее время отвѣтъ на это слѣдующій: *Если русская революція послужитъ сигналомъ для революціи пролетаріата на Западѣ и, такимъ образомъ, обѣ дополнятъ другъ друга, то существующее общинное землевладѣніе въ Россіи можетъ послужить исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія*». Понимала значеніе этого симпатичнаго отношенія Маркса къ программѣ и дѣятельности народовольцевъ и редакція официального органа партіи и, печатая

¹⁾ Письмо это напечатано теперь въ сборникѣ „Briefe und Auszüge aus Briefen von .. Friedrich Engels, Karl Marx an F. A. Sorge und Andere; Stuttgart, 1903“. Ср. мои статьи: Н. Е. Кудринъ, „Тридцать лѣтъ рабочаго движенія и социализма“ въ майской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1907 г., стр. 75—76.

упомянутое предисловіе въ номерѣ 8—9 «Народной Воли» (отъ 5-го февраля 1882 г.), сопровождала его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Съ удовольствіемъ помѣщаемъ «предисловіе», имѣя въ виду глубокой научный и практической интересъ затронутыхъ въ немъ вопросовъ. Намъ особенно пріятно отмѣтить заключительные слова: въ нихъ мы видимъ подтвержденіе одного изъ основныхъ положеній теоріи народо-вольства,—подтвержденіе, основанное на изслѣдованіи такихъ авторитетныхъ ученыхъ, какъ Марксъ и Энгельсъ. Давно ожидаемое продолженіе знаменитаго труда Маркса («Капиталь») разовьетъ, конечно, съ надлежащей полнотой, между прочимъ и тѣ положенія, которыхъ «предисловіе» могло только коснуться»¹⁾.

Но, несмотря на эти колебанія въ отношеніяхъ къ Марксу, въ общемъ теорія политической борьбы выработывалась народовольцами въ духѣ, враждебномъ автору «Капитала». И въ основѣ этой идейной вражды,—по моему крайнему убѣжденію вредно отразившейся на всемъ послѣдующемъ развитіи социализма въ Россіи,—было уже упомянутое фатальное недоразумѣніе, которое неизбежно повело къ переоцѣнкѣ дюрингианства и къ превращенію его въ боевое оружіе противъ того, что казалось тогда большинству дѣятелей въ обѣихъ враждующихъ фракціяхъ сущностью ученія Маркса, а именно его якобы равнодушіемъ къ собственно политической борьбѣ. Пишущій эти строки участвовалъ дѣятельно въ этой полемикѣ и притомъ сначала въ лагерѣ нашихъ первыхъ марксистовъ, затѣмъ, послѣ идейнаго «кризиса», въ лагерѣ народовольцевъ. Поэтому онъ позволилъ себѣ привести нѣсколько личныхъ воспоминаній, но все въ томъ же объективномъ тонѣ, который онъ старается провести чрезъ весь этотъ этюдъ. Эти воспоминанія уяснятъ психологическую и историческую фатальность недоразумѣнія, раздѣлившаго тогдашнюю социальную-революціонную армію на два враждебные лагеря.

Въ моментъ, когда совершался этотъ историческій расколъ, я не принадлежалъ ни къ одной изъ обѣихъ сторонъ. Не входя въ подробности моего тогдашняго міровоззрѣнія,—мнѣ теперь самому трудно въ точности анализировать его,—я могу сказать, что оно представляла нѣкоторую амальгаму народничества (общее наслѣдіе тогдашней эпохи), якобинизма или, если хотите, бланкизма (раннее вліяніе П. Г. Зайчневскаго) и марксизма (результатъ первыхъ моихъ серьезныхъ занятій въ подлинникъ надъ выдающимися экономистами Запада). Эти особенности моего міросозерцанія конца 70-хъ годовъ мѣшали мнѣ цѣликомъ пристать къ какой бы то ни было изъ соперничавшихъ тогда во вліяніи на умы фракцій. Въ частности мой марксизмъ препятствовалъ мнѣ примкнуть какъ къ народникамъ - «деревенщикамъ», ставшимъ чернопредѣльцами, такъ къ народникамъ политикамъ, сложившимся въ «Народную Волю». Отъ первыхъ меня отдѣляло мое скептическое отношеніе къ ихъ черезчуръ розовому взгляду на будущность русской общины и на невозможность развитія у насъ капитализма. Такъ я писалъ «Противъ экономического оптимизма» г. В. В., хотя и полагалъ, что русская община рухнетъ въ силу извѣ-

¹⁾ Литература партіи „Народной Воли“. Выпускъ второй, стр. 66—167.

стныхъ специальныхъ условій нашей жизни, а не какого-то фатальнаго закона разложенія коллективной собственности, выставляемаго «заядлыми доктринерами-марксистами» и рекомендовалъ бороться съ капитализмомъ, но отнюдь не «сидти къ капитализму на выучку» (буквальная фраза изъ моей только что упомянутой статьи, помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Дѣла» за 1880 г., фраза, которую пятнадцать лѣтъ спустя подхватилъ народившійся тогда въ періодъ остраго увлеченія марксизмомъ г. П. Струве, но подхватилъ съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее лозунгомъ «русскихъ учениковъ»). Отдѣляло меня отъ чернопредѣльцевъ ихъ, какъ мнѣ казалось, недостаточно твердое признаніе «политики», той политики, которая опирается на потребности и идеалы массъ. Полемизируя съ нашими политиками - дюрингистами, я, напр. тѣмъ не менѣе прямо оговаривался, что «экономическая борьба *непреклонно* должна выразиться въ политической борьбѣ, и вотъ тутъ - то дѣйствительно нечего открещиваться отъ политики» (изъ статьи «Экономика и политика» въ мартовской книжкѣ «Дѣла» за 1881 г.).

Замѣчу кстати, что одна изъ мыслей, развиваемыхъ мною въ статьѣ «Противъ экономическаго оптимизма», показала народовольцамъ настолько «политической», что ко мнѣ пришелъ познакомиться и переговорить о моемъ возможномъ участіи въ «Народной Волѣ» человекъ, который считался въ то время «перомъ» партіи и подписывалъ свои легальныя статьи въ «Словѣ» и «Дѣлѣ» псевдонимомъ «И. Кольцовъ». Эта мысль заключалась въ отрицаніи правильности соображеній г. В. В. относительно того, что если русскій капитализмъ развивается лишь путемъ правительственной «политики», то западноевропейскій, напр., англійскій, развивался путемъ общественной «экономики». И я спрашивалъ г. В. В., къ какому разряду явленій надлежитъ отнести насильственное обезземленіе крестьянъ въ Англии, заранее отвѣчая, что, конечно, этотъ процессъ былъ проявленіемъ отнюдь не собственно экономики, а «внутренней политики».

Изъ нашихъ разговоровъ съ г. И. Кольцовымъ (Л. Тихомировымъ тожъ) для насъ обоихъ выяснилось, что совпаденіе нашихъ мыслей въ одномъ пунктѣ вовсе не обозначало сродства нашихъ міровоззрѣній. Ибо, если чернопредѣльцы мнѣ казались недостаточными «политиками», то народовольцы мнѣ представлялись чрезмѣрными, гипертрофированными «политиками», политическая дѣятельность которыхъ не опиралась въ надлежащей степени на экономическую агитацію въ массахъ и висѣла въ воздухѣ. И въ своей статьѣ «Экономика и политика» я предостерегалъ «Народную Волю» отъ преждевременнаго, если я позволю себѣ такъ выразиться, кесарскаго сеченія, предостерегалъ, насколько то было возможно въ тогдашней подцензурной печати, говоря: «Что можетъ выйти, если мы попробуемъ содрать внѣшнюю оболочку въ то время, когда распознаніе внутренней оболочки не достигло еще надлежащихъ предѣловъ»... Экономическія формы еще держатся. Болѣзненный процессъ общественнаго политическаго обнаженія выразится не въ томъ, что лопнетъ внутренняя оболочка, а въ томъ, что вокругъ ея послѣ мучительнаго воспаленія образуется новая, болѣе толстая внѣшняя оболочка,

которая долъше можетъ задерживать распаденіе внутренней оболочки».

Впрочемъ, мои прозрачныя анатомическія аналогіи и предостереженія опаздывали по сравненію съ развертывавшейся тогда трагедіей русской исторіи: въ той самой мартовской книжкѣ «Дѣло», гдѣ была помѣщена моя только что цитированная статья, на первой страницѣ, въ траурной рамкѣ, можно было прочесть объявленіе министра внутреннихъ дѣлъ: «Воля Всевышняго свершилась. Въ 3 часа 35 минутъ сего 1-го марта Онъ призвалъ къ Себѣ Государя Императора Александра Николаевича». Какъ шелъ въ нашей внутренней политикѣ тотъ процессъ, который я называлъ «мучительнымъ воспаленіемъ», достаточно извѣстно. Во всякомъ случаѣ, тогдашняя Россія была ареной любопытнаго психологическаго факта, или лучше сказать психологической метаморфозы: если массы остались въ общемъ равнодушны къ событію 1-го марта; если наше такъ называемое «общество» и наши «либералы» постыдно смалодушничили и подались «вправо», давъ возможность восторжествовать необыкновенно продолжительной реакціи, — то наоборотъ, все, что было въ нашей интеллигенціи живого, искренняго, честнаго и смѣлаго, болѣе или менѣе быстро перешло на сторону партіи, гордо развернувшей противъ вѣкового деспотизма знамя «Народной Воли». На этотъ фактъ до сихъ поръ не достаточно обращалось вниманія, а между тѣмъ онъ составляетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій русской общественной жизни въ началѣ 80-хъ годовъ. Катастрофа 1-го марта отнюдь не подорвала сейчасъ же—какъ это привыкли слишкомъ часто и голословно утверждать пристрастные лѣтописцы,—авторитета, престижа и даже ореола партіи. Наоборотъ, упомянутое событіе привлекло къ «Народной Волѣ» горячія, а главное дѣйственыя симпатіи многихъ людей того времени. Правда, первое марта раздифференцировало, разслоило нашу интеллигенцію: робкіе, эгоистичные элементы отпали отъ революціи. Но за то въ общемъ число дѣятельныхъ и самоотверженныхъ приверженцевъ народовольчества быстро возросло, вслѣдствіе того, что подъ знамя активной борьбы съ архаическимъ деспотизмомъ стеклось съ разныхъ концовъ революціоннаго горизонта много новыхъ борцовъ. Еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, еще приблизительно до половины 80-хъ годовъ народовольчество, несмотря на провалы, несмотря на усовершенствованное шпіонство и провокацію, ужасающія репрессіи правительства, было самымъ популярнымъ теченіемъ и—прошу обратить вниманіе читателей на это выраженіе,—самымъ культурнымъ факторомъ русской общественной жизни. Если оно и стало затѣмъ умирать, то не прежде того, какъ внѣдривъ въ умы и своихъ друзей, и своихъ враговъ идею о необходимости политической борьбы, и внѣдривъ ее практически, какъ бы ни отстаивали въ убѣдительности отъ народовольческой практики тѣ или инныя теоріи, торопливо выдвигавшіяся сторонниками «Народной Воли».

Возвращусь опять къ нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ, оставаясь лишь на самыхъ типическихъ изъ нихъ для эпохи, а потому касающихся меня лишь постольку, поскольку я представляюсь себѣ безъ всякой ложной скромности, но и безъ противной гипер-

трофи своего «я», человѣкомъ довольно удачно отражавшимъ и выражавшимъ эволюцію тогдашней передовой, т. е. революціонной интеллигенціи. Первое марта явилось для меня, какъ и для многихъ, исходнымъ пунктомъ сильнѣйшаго умственнаго кризиса. Съ моральной точки зрѣнія, со стороны чувства, я собственно, былъ давно на сторонѣ народовольческихъ прѣмовъ: «сдиранія внѣшней оболочки». ¹⁾ Но цѣлесообразность ихъ казалась мнѣ очень сомнительной съ точки зрѣнія моего тогдашняго міровоззрѣнія. Трагедія на Екатерининскомъ каналѣ вызвала во мнѣ первую крайне энергичную логическую встряску. Замѣшательство правительства въ первые дни, недѣли, мѣсяцы; его неуклюжее хватанье за народную «мужицкую» политику; его страхъ передъ революціонерами; впечатлѣніе, произведенное на Европу, — все это убѣждало меня въ той мысли, что «Народная Воля» нашла надлежащую точку опоры для приложенія революціоннаго рычага. Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и разладъ между моимъ «чувствомъ» и моимъ «умомъ» кончился капитуляціей послѣдняго. На возраженія противъ моей «Экономики и политики» со стороны г. И. Кольцова, защищавшаго въ своей статьѣ «Къ вопросу объ экономикѣ и политикѣ» (напечатанной въ майской книжкѣ «Дѣла» за 1881 г.) Дюринга противъ «неожиданно маньяка» Маркса и утверждавшаго, что «для обществѣ фактъ насилія между людьми—элементъ болѣе важный, чѣмъ производство», я еще считалъ долгомъ отвѣчать этюдомъ объ «экономическомъ принципѣ въ социологіи» (октябрь и декабрь «Дѣла» за тотъ же годъ) и продолжалъ развивать свою и не чернопередѣльческую, и не народонолическую точку зрѣнія на «значеніе политики», поскольку «она является необходимой въ качествѣ рѣшенія социальнаго вопроса». Но въ моей душѣ возставали уже противъ моихъ собственныхъ взглядовъ возраженія, логически, а главное психологически болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, какія я находилъ въ статьѣ моего оппонента. И зима 1881-1882 г., послѣдняя, которую я пронесъ въ Россіи передъ своимъ отъѣздомъ за-границу, откуда мнѣ пришлось возвратиться лишь почти четверть вѣка спустя, эта памятная для меня зима была періодомъ жесточайшей самокритики и ломки установившихся воззрѣній.

Испытывая процессъ реакціи противъ разрушавшагося тогда въ моемъ умѣ міровоззрѣнія, я перескочилъ черезъ тотъ пунктъ, на которомъ бы остановился теперь (насчетъ этого см. мою статью «И. Л. Лавровъ», въ февральской книжкѣ «Былого» за этотъ годъ, стр. 278), и изъ марксиста сталъ отчаяннымъ «политикомъ» въ духѣ Дюринга, какъ это сказалось годъ-два спустя на моихъ первыхъ статьяхъ въ «Вѣстникѣ Народной Воли». Но эта метаморфоза постигла не одного меня, и потому-то я и говорю о ней. Она коснулась даже выдающихся чернопередѣльцевъ, будущихъ основателей группы «Освобожденія труда», хотя отразилась на нихъ такимъ образомъ, что, пре-

¹⁾ Такое отношеніе къ террору раздѣляли со мной не мало людей, хотя и скептически относившихся къ народолюбчеству, какъ я постараюсь, когда-нибудь показать въ воспоминаніяхъ о Халтуринѣ, поступленіе котораго въ число рабочихъ Зиняго Дюрца было сообщено мнѣ тогда же однимъ изъ такихъ инстинктивныхъ сторонниковъ, но идеальныхъ противниковъ террора.

вративъ ихъ изъ народниковъ въ русскихъ марксистовъ, заставила ихъ въ брошюрѣ «Соціализмъ и политическая борьба» рекомендовать товарищамъ, оставивъ народническія иллюзіи на скорую соціальную революцію, не пугать либераловъ и буржуазныхъ демократовъ призракомъ одновременнаго—во вкусъ, молю, народовольчества—политическаго и экономическаго переворота, а вмѣстѣ съ ними добиваться пока исключительно политической свободы. Людей же, ставшихъ, въ родѣ меня, приверженцами народовольчества подѣ влияніемъ напряженнаго и страстнаго раздумья надъ политическимъ значеніемъ 1-го марта, было не мало какъ разъ между лицами, стоявшими на почвѣ революціоннаго соціализма, и потому всего болѣе подвергнувшихся дѣйствию «предметныхъ уроковъ» «Народной Воли».

Съ другой стороны, въ смыслѣ популяризаціи идей народовольчества, велика была, въ литературныхъ и вообще интеллигентныхъ кругахъ, роль Михайловскаго, который, какъ я уже говорилъ въ статьѣ «Политика» Н. К. Михайловскаго» (см. июльскую книжку «Былого») былъ горячимъ поклонникомъ Дюринга еще съ конца 70-хъ годовъ и старался проводить съ обычнымъ блескомъ и энергіею взгляды на доминирующее значеніе «политики», прибавлю, впрочемъ, для современной русской жизни. Дѣлаю эту оговорку потому, что принимая, негласно, напр., въ полемикѣ г. И. Кольцова противъ меня, дѣятельное участіе въ оборонительной и наступательной кампаніи дюрингианства противъ идей, считавшихся тогда, марксистскими, Н. К. Михайловскій уклонялся, однако, самъ отъ печатной борьбы противъ того, что въ то время часто связывали, и порою совершенно всуе, съ именемъ Маркса. Здѣсь сказывалось обычное не только литературное, но и политическое чутье. Н. К. Михайловскаго, который, несмотря на свой боевой темпераментъ, не любилъ полемики для полемики, полемики, не ведшей непосредственно къ извѣстному практическому и, прежде всего, общественному результату. Не высказалъ ли онъ однажды слѣдующей замѣчательно тонкой мысли: «не все ли мнѣ равно, какимъ путемъ вы приходите въ тотъ же Римъ, куда иду и я, хотя другой дорогой?» (передаю смыслъ фразы, а не букву). Ему, очевидно, не хотѣлось авторитетомъ своего имени обострять совершенно абстрактную полемику, о томъ, что «выше» вообще политика или экономика. Но въ приложеніи къ данному моменту русской дѣйствительности Михайловскій поистинѣ мастерски отстаивалъ народовольческую «политику», толкавшую Россію къ государственному перевороту, противъ ставшей официальной «экономики», карикатуру которой, въ видѣ демагогическаго народолюбія правительство монополизировало въ 1881-1882 г., стараясь науськивать массы на интеллигенцію. Пусть вспомнятъ хотя бы его статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ» за декабрь 1881 г. и январь 1882 г., именно объ этой интеллигенціи и о великомъ историческомъ значеніи ея передоваго, революціоннаго отряда.

Что касается до господствующаго направленія въ тогдашней собственно народовольческой литературѣ, то оно, поскольку не было чистымъ дюрингианствомъ, отстаивало идею политической борьбы утвержденіемъ, что въ Россіи политическій переворотъ будетъ тѣсно связанъ съ соціальнымъ, съ экономическимъ, и народъ, освобожден-

ный отъ правительственнаго гнета, немедленно же осуществить свои приближающіеся къ социалистическимъ идеалы. Въ конституціонныя, парламентарныя формы будетъ непременно влито трудовое содержаніе. На «свободномъ Земскомъ Соборѣ» — говоритъ авторъ передовой статьи въ номерѣ 6-мъ «Народной Воли» (отъ 23 октября 1881 г.) — «явятся только мужикъ да интеллигенція». Онъ высказывалъ «увѣренность», что въ случаѣ «ограниченія монархіи народнымъ представительствомъ», «народное представительство выразило бы интересы только труда и науки» ¹⁾).

Однако, какъ бы ни были сами по себѣ торопливы и не совѣмъ убѣдительно дюрингианствующія или аппелирующія къ трудовымъ стремленіямъ народа теоріи «Народной Воли», сама практика партіи оказалась наилучшимъ приемомъ аргументаціи въ пользу политической борьбы. Острымъ клиномъ врѣзалась тогда въ сознаніе всѣхъ социалистически и революціонно настроенныхъ представителей интеллигенціи мысль о необходимости политической дѣятельности, о невозможности организовать какую бы то ни было жизненную партію въ Россіи безъ осуществленія гражданскихъ и общественныхъ предпосылокъ: «свободы совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій» и т. д., какъ формулировалъ еще въ 1879 г. свои требованія Исполнительный Комитетъ, поставившій вмѣстѣ съ тѣмъ основнымъ требованіемъ «постоянное народное представительство, имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ» и избираемое всеобщей подачей голосовъ. Такимъ образомъ выдвигалась на первый планъ той самой партіей, которая стояла на почвѣ несомнѣннаго революціоннаго социализма и которую нельзя было заподозрить въ буржуазныхъ тенденціяхъ. Разбивался долготѣнній предрасудокъ противъ политической борьбы, какъ разъ среди тѣхъ элементовъ, которые были наиболѣе активными и самоотверженными дѣятелями общественнаго прогресса. И какъ бы въ послѣдовавшіе затѣмъ годы долгой реакціи ни замиралъ духъ революціоннаго протеста, требованіе политической борьбы жило, по крайней мѣрѣ, въ формѣ славной традиціи, въ умахъ русскихъ социалистовъ и, лишь только позволили обстоятельства, вспыхнуло яркимъ пламенемъ «освободительнаго движенія».

IV.

Но въ силу тѣхъ самыхъ историческихъ условій, при которыхъ «Народная Воля» ставила свое замѣчательное для эпохи требованіе непосредственной политической борьбы съ правительствомъ, это требованіе принимало всего чаще у партіи форму задачи совершенія государственнаго переворота путемъ заговора, опирающагося, правда, на различные элементы «народа», «общества», наряду съ «войскомъ» и «администраціей», но организуемаго и доводимаго до конца самой «Народной Волей». Въ цитированной уже нами части «Программы

¹⁾ «Литература партіи Народной Воли». Выпускъ первый, стр. 262.

Исполнительнаго Комитета» эта инициативная роль партіи ярко обрисовывается словами, что «ближайшей задачей» народовольцевъ является «снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства, произвести политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу». Въ слѣдующей, пока не приведенной нами части программы рѣшающее значеніе дѣятельности самой партіи выясняется еще болѣе. Тамъ говорится о «пропагандѣ» и «агитаціи» въ «народѣ» и «обществѣ», въ смыслѣ «популяризаціи во всѣхъ слояхъ населенія демократическаго политическаго переворота, какъ средствъ соціальной реформы» и возбужденія наивозможно широкаго «протеста противъ существующаго порядка и требованія реформъ въ духѣ партіи, особенно же требованія созыва Учредительнаго Собранія». Но рядомъ съ этимъ говорится о «дѣятельности разрушительной и террористической», которою, конечно, должна заниматься и можетъ заниматься лишь сама партія; равно какъ только она можетъ работать надъ «организацией тайныхъ обществъ и сплоченіемъ ихъ вокругъ одного центра».

Съ другой стороны, въ параграфѣ носящемъ знаменательное по сопоставленнымъ въ немъ элементамъ названіе «Приобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ», дѣятельность партіи изображается такими опредѣленными чертами, что не можетъ быть и тѣни сомнѣнія относительно перенесенія центра тяжести предстоящаго политическаго переворота на самое «Народную Волю». А различныя силы, на которыя она должна при этомъ опираться, размѣщаются въ порядкѣ, какъ разъ свидѣтельствуемъ о томъ, что верховная инициатива принадлежитъ партіи, и что она разсматриваетъ тѣ или другіе элементы съ специальной точки зрѣнія успѣшности заговора. Такъ, напр., въ этомъ параграфѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее заявленіе: «По отношенію къ перевороту особенно важны администрація и войско». И непосредственно вслѣдъ за этимъ идетъ фраза, заключающая въ себѣ любопытную логическую неточность, которая, конечно, указываетъ ни на что другое, какъ на нѣкоторое колебаніе самой политической мысли составителей этой въ общемъ столь ясной программы: «не менѣе серьезное вниманіе партія должна обратить на народъ». Выходитъ, что признавъ *особенную* важность «администраціи» и «войска», партія какъ бы спохватывается и приписываетъ такое же особенно важное значеніе («не менѣе серьезное вниманіе» и т. д.) и народу. Здѣсь заговорщицкіе отгѣнки мысли видимо переплетаются и вступаютъ въ борьбу съ народническими и широко политическими. И эта коллизія идей не разрѣшается и послѣдующимъ объясненіемъ: «главная задача партіи въ народѣ—подготовить его содѣйствіе перевороту», такъ какъ и здѣсь переворотъ рисуется совершеннымъ партией и, если можно такъ выразиться, «извнѣ» народа. Наконецъ, говоря объ «организациіи и совершеніи переворота», программа даетъ уже окончательную формулу инициативной дѣятельности «Народной Воли»: «Въ виду придавленности народа, въ виду того, что правительство частными усмиреніями можетъ очень надолго сдерживать общее революціонное движеніе, партія должна взять на себя починъ самаго переворота, а не дожидаться того мо-

мента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея». Самое большее, «революція» является для составителей программы лишь однимъ изъ роговъ смертоносной для правительства исторической дилеммы, другимъ рогомъ которой «Народная Воля» считаетъ собственную политическую конспирацію: «Какимъ бы путемъ ни произошелъ переворотъ, гласятъ заключительныя строки цитируемаго нами документа, какъ результатъ самостоятельной революціи или при помощи заговора, обязанность партіи способствовать немедленному созыву Учредительнаго Собранія и передачѣ ему власти Временнаго Правительства созданнаго революціей или заговоромъ»¹⁾).

Если вы вдумаетесь въ различныя стороны этого хода мыслей, и въ «заговоръ», и въ «починъ переворота», и въ «передачу власти народу», то вы безъ труда найдете здѣсь знакомый уже изъ западно-европейской жизни элементъ «бланкизма». Въ Россіи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ почва для воспріятія бланкистскихъ воззрѣній была подготовлена разнообразными и даже противорѣчивыми какъ теоретическими, такъ и жизненными вліяніями.

Тутъ было прежде всего прямое перенесеніе идей Бланки о произведеніи политическаго переворота революціонерами съ цѣлью организовать жизнь народа на социалистическихъ началахъ или, точнѣе выражаясь, помочь скорѣйшей выработкѣ народомъ новыхъ формъ общежитія. Ибо не надо забывать, что французскій знаменитый конспираторъ въ своихъ планахъ захвата власти никогда не упускалъ изъ виду коренной противоположности интересовъ трудящихся классовъ интересамъ буржуазіи и буржуазнаго государства, противоположности, которая должна лежать въ основѣ социальной революціи и рано или поздно вызвать ее. Но онъ полагалъ, что народу, вслѣдствіе самихъ условій его тяжелой трудовой жизни, нѣтъ возможности достаточно сознательно отнестись къ своему положенію и произвести революцію на основѣ ясно понятыхъ задачъ. Потому то онъ и вмѣнялъ въ обязанность революціонерамъ въ качествѣ небольшого, но вполне сознательнаго и строго организованнаго меньшинства, совершить необходимый переворотъ для народа и за народъ и затѣмъ поставить его въ такую обстановку, при которой трудящіеся массы могли бы скоро проникнуться сознательнымъ отношеніемъ къ своимъ насущнымъ потребностямъ и прочно основать социалистическій строй. А пока, революціонеры должны были твердо держать въ рукахъ захваченную ими центральную власть и воспитывать трудящихся въ понятіи о грядущемъ обществѣ, гдѣ не будетъ «ни Бога, ни властелина» (ni Dieu, ni maître). И въ этой сначала боевой и конспиративной, а затѣмъ, если можно такъ выразиться, революціонно-педагогической дѣятельности, Бланки придавалъ огромное значеніе личностямъ и организаціи личностей изъ такъ называемыхъ *déclassés* буржуазіи, т. е. людей, вырванныхъ обстоятельствами жизни и собственной гордой независимостью ума и сердца изъ среды имущихъ и правящихъ классовъ и перешедшихъ на сторону народа. Эти *déclassés* могли приблизительно соотвѣтствовать нашимъ «разночинцамъ» и нашей «внеклассовой ин-

¹⁾ „Литература партіи „Народной Воли“. Выпускъ первый, стр. 109—110, passim.

теллигенціи». И среди русских социалистов-революционеров, особенно находившихся предварительно под влиянием Ткачева и его «Набата», число таких понемногу стало увеличиваться во второй половине 70-х годов, особенно на юге, где были даже так называемые «бунтари—якобинцы» (напр. Россикова), среди русских социалистов-революционеров, говоримъ мы, могли естественно прививаться идеи бланкизма. Л. Тихомировъ къ концу 70-хъ годовъ, М. Н. Ошанина еще съ первой половины того же десятилѣтія были убѣжденными «якобинцами». Вообще по мѣрѣ того, какъ никогда не блестящая особа яркимъ блескомъ звѣзда талантливаго, но безтактнаго П. Н. Ткачева стала совсѣмъ клониться къ горизонту, идеи его, благодаря ироніи политической судьбы, стали, наоборотъ, получать право гражданства среди русской революціонной интеллигенціи. И сама «Народная Воля», которая считала нужнымъ отречься отъ непопулярнаго ткачевизма (въ интересной статьѣ «Политическая революція и экономическій вопросъ», помѣщенной въ № 5 газеты, отъ 5-го февраля 1881 г. представляющей максимумъ уступокъ въ сторону если не марксизма, то Маркса ¹⁾), въ не малой степени отражала идейное влияние Ткачева, прилагавшаго, хотя и не всегда удачно, къ Россіи взгляды Бланки.

Какъ ни странно можетъ это показаться съ перваго взгляда, но «бланкизмъ» подготовлялся въ умахъ русской революціонной интеллигенціи, а въ частности среди дѣятелей «Народной Воли», еще и тѣми писателями, которые какъ разъ были сильными оппонентами Ткачева и его якобинскихъ плановъ рѣшенія социальнаго вопроса путемъ политическаго заговора: я разумѣю П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго. Въ столь родственныхъ между собою мировоззрѣніяхъ творцовъ «русской социологической школы» были дѣйствительно элементы, которые при извѣстномъ психическомъ складѣ нашей революціонной интеллигенціи и въ данный историческій моментъ могли благоприятствовать выработкѣ политическихъ взглядовъ, казалось бы крайне палеко отстоящихъ отъ первоначальныхъ идей обоихъ мыслителей. Мало того. Сами же мыслители могли при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ пойти на встрѣчу взглядамъ, противъ которыхъ они раньше боролись. Особенно удивляться этому нечего. Мы знаемъ изъ геологіи явленія такъ называемаго метаморфизма, состояшія въ томъ, что слои, образование которыхъ гипотеза приписываетъ влиянію воды, измѣняютъ свое строеніе отъ близости преобразующаго ихъ фактора, въ родѣ центральнаго огня, сосѣдства вулкановъ и непосредственнаго соприкосновенія съ вулканическими скалами и т. п. Подобнаго же рода метаморфизмъ мы замѣчаемъ и въ идейной области, когда извѣстныя группы представлений и воззрѣній нѣкоторыми своими сторонами или сами по себѣ, или вслѣдствіе сильныхъ политическихъ пертурбацій приходятъ въ соприкосновеніе съ другими идейными группами въ сущности несложнаго типа и подвергаются

---

¹⁾ См. въ томъ же номерѣ выпускѣ „Литература партіи Народной Воли“, стр. 208 - 210.

усиленному процессу ломки и преобразования подъ вліяніемъ возникшаго взаимодействія.

Конечно, если сказать безо всякаго объясненія, что Лавровъ и Михайловскій были въ числѣ подготовителей «бланкизма», вошедшаго въ міровоззрѣніе «Народной Воли», то это покажется ни на чемъ не основаннымъ утвержденіемъ. Но введите нѣсколько промежуточныхъ звеньевъ въ цѣпь этого анализа, и высказанная мысль теряетъ свою парадоксальность. Несомнѣнно, оба писателя были по самому складу своего міровоззрѣнія противниками якобинскихъ приѣмовъ рѣшенія соціального вопроса. И однако, у нихъ есть цѣлый рядъ идей, которыя нуждаются только въ извѣстнаго рода политической атмосферѣ, чтобы породить и развить изъ себя нѣкоторые бланкистскіе выводы.

Такъ, напр., у Лаврова въ тѣхъ же «Историческихъ Письмахъ» вы найдете очень много мѣстъ, гдѣ «критически мыслящей личности», какъ носительницѣ истинно-человѣческой «цивилизациі», приписывается громадное значеніе въ процессѣ переработки закостенѣлой, почти зоологической «культуры» человѣческаго общества. Авторъ «Писемъ», конечно, стоитъ на точкѣ зрѣнія, исключающей преклоненіе предъ отдѣльными личностями и показывающей великую роль общественныхъ условій и всего общества. Но все же онъ энергично отстаиваетъ мысль, что безъ живыхъ личностей нѣтъ исторіи; что для торжества извѣстной прогрессивной идеи надо, чтобы она нашла своего выразителя въ томъ или иномъ конкретномъ, вначалѣ хотя бы единичномъ человѣкѣ, который будетъ затѣмъ распространять ее среди другихъ, которые въ свою очередь сложатся въ цѣлую партію, и т. д. А въ результатѣ получится существенное измѣненіе во всемъ строѣ общества, несмотря на первоначальное великое сопротивленіе, на соціальную инерцію коснѣющаго въ старыхъ формахъ жизни большинства членовъ общегитія. Кто изъ читавшихъ «Историческія Письма» не помнитъ знаменитаго мѣста, начинающагося словами: «какъ личность, слабая личность осмѣливается» и т. д. и представляющаго настоящій историческій апоѳеозъ личности, краснорѣчивое приглашеніе каждому отдѣльному человѣку дерзать и врываться активнымъ факторомъ въ ходъ исторіи? Неужели такія разсужденія могли остаться безъ вліянія на пылкую, чуткую, героическую русскую молодежь? Разумѣется, нѣтъ, и, напр., хожденіе въ народъ, которое вдохновлялось въ значительной степени этой проповѣдью Лаврова (наряду, конечно, съ Бакунинымъ) было не столько даже политическимъ явленіемъ, сколько актомъ личнаго подвижничества и мученичества лучшей части нашей интеллигенціи. Разумѣется, пока у самого автора «Историческихъ Писемъ» и статей въ «Впередѣ» это активное воздѣйствіе личностей на исторію сводилось къ распространяющейся все далѣе и далѣе, — «математически», какъ выражается въ одномъ мѣстѣ самъ Лавровъ, — пропагандѣ идей, вплоть до того времени, когда мысль о соціальной революціи охватитъ громадное большинство общества, о какомъ-нибудь бланкизмѣ и говорить было нечего. Но пусть въ головѣ революціонеровъ возникнетъ мысль перейти, если можно такъ выразиться, отъ «дѣла словомъ» къ «дѣлу дѣломъ»; пусть въ ихъ душѣ выростетъ могучая потребность сократить муки

родовъ готовящейся этимъ длиннымъ путемъ соціальной революціи; пусть они замѣтятъ слабую отзывчивость трудящихся массъ на ихъ пропаганду, даже на ихъ бунтовскую агитацію въ цѣляхъ всенароднаго возстанія; пусть ихъ революціонный энтузіазмъ достигнетъ своей высшей точки подѣ влияніемъ правительственныхъ преслѣдованій,—и эти неустрашимые логики идеи и дѣйствія неизбежно перейдутъ отъ пропагаторской роли «критически мыслящей молодежи» къ боевой роли заговорщиковъ á la Бланки, низвергающихъ современный строй, «не дожидаясь народа».

Замѣчу кстати, что самъ Лавровъ, если не цѣликомъ, то на половину продѣлалъ эту эволюцію. Съ 1882 г. онъ становится «вѣрнымъ союзникомъ» Народной Воли, а со слѣдующаго года однимъ изъ редакторовъ заграничнаго органа партіи и до конца своихъ дней былъ всего ближе къ народовольческому направленію. Болѣе того, именно въ его рѣчахъ, статьяхъ и письмахъ послѣдняго періода, относящагося къ 90-мъ годамъ истекшаго вѣка, вы найдете наиболѣе яркую и энергичную защиту заговорщицкой дѣятельности, направленной, правда, не на одновременное совершеніе политическаго и экономическаго переворота, какъ то рисовалось народовольцамъ, но во всякомъ случаѣ на низверженіе абсолютизма, т. е. на политическую революцію.

Отъ бланкизма, распространявшагося, такъ сказать, отраженнымъ ударомъ отъ нѣкоторыхъ частей лавровскаго міровоззрѣнія, перейдемъ къ бланкизму, порожденному такимъ же косвеннымъ, хотя болѣе близкимъ путемъ, извѣстными сторонами взглядовъ Михайловскаго. Прежде всего, послѣдній писатель былъ менѣе «интеллектуалистомъ» и болѣе «активистомъ» (да простятъ мнѣ читатели употребленіе здѣсь этого нынѣ нѣсколько спеціальнаго термина), чѣмъ Лавровъ, особенно же ранній Лавровъ. Значеніе «чувствъ» въ прогрессѣ человѣчества не уступало ничуть, согласно взглядамъ Михайловскаго значенію «ума». Въ соответствии съ этимъ агитаторская, активная роль человѣка не затушевывалась у него пропагандистской, интеллектуальной ролью, какъ то отчасти замѣчалось въ большинствѣ лавровскихъ статей «Впередъ» (такъ приблизительно до 1875—1876 г.). Съ другой стороны, Михайловскій, хотя тоже отлично понимавшій значеніе общихъ законовъ развитія общества, отмѣрялъ вообще большую долю влиянія личности и организациі личностей на ходъ исторіи. Онъ былъ философскимъ пѣвцомъ «индивидуальности» и ея «борьбы» за эту «индивидуальность». Въ примѣненіи къ человѣческому обществу онъ любилъ противопоставлять «идеалы» человѣка «естественному ходу вещей». Съ 1877 г. онъ особенно энергично взывалъ къ «личности», какъ къ верховному критерию идейной жизни и дѣятельности. И, живо интересуясь Дюрингомъ и симпатизируя его міровоззрѣнію, онъ съ явкою обрабатывалъ для читателя взгляды берлинскаго философа на «суверенитетъ личности», т. е. на верховное значеніе живого конкретнаго человѣка. Конечно, этотъ «суверенитетъ» означалъ скорѣе тенденцію къ анархизму, чѣмъ къ бланкизму и якобинству. Но между однимъ и другимъ принципомъ тогдашня русская дѣятельность вызвала практическое сближеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, противопоставляя свои соціалистическіе «иде-

алы» трагическому «естественному ходу вещей» въ задыхающейся подъ гнетомъ деспотизма Россіи, суверенная, энергичная, активная личность хотѣла вмѣшаться въ исторію и взырала къ такимъ же сувереннымъ личностямъ, какъ полноправнымъ участникамъ въ общественной жизни, приглашая ихъ въ союзъ съ собой воздѣйствовать на теченіе событій. Увы! суверенная личность живыхъ конкретныхъ представителей народа, трудящихся массъ по своей исторической зажитости не отвѣчала на этотъ призывъ, и задача сводилась къ активному вмѣшательству въ исторію сознательнаго меньшинства, слагавшагося изъ суверенныхъ личностей социалистовъ-революціонеровъ. Получалось опять-таки ядро заговорщиковъ à la Бланки, которымъ приходилось «снимать гнеть съ народа» и ставить его въ такія условія, чтобы онъ могъ начать жизнь, достойную идеаловъ суверенной личности. Еще болѣе чѣмъ за годъ до возникновенія Исполнительнаго Комитета Народной Воли Михайловскій предвидѣлъ именно такую форму борьбы социалистовъ-революціонеровъ съ правительствомъ, говоря въ «Летучемъ листкѣ» (апрѣль 1878 г.): «разрозненные, беспорядочные, они (факты протеста общества противъ правительства. Н. Р.) должны быть возведены въ принципъ. Принципъ этотъ называется: *конституція, земскій соборъ...* Историческаго движенія остановить нельзя. *Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки.* Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго правленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть *тайный комитетъ общественной безопасности.* И тогда горе безумцамъ, становящимся поперекъ путей исторіи!»¹⁾ Когда возникла Народная Воля, и созданъ ея Исполнительный Комитетъ, Михайловскій отнесся къ этой формѣ социально-революціоннаго движенія съ такимъ сочувствіемъ, съ какимъ онъ еще не относился ни къ одной изъ предшествующихъ. Онъ писалъ въ органѣ партіи свои «Письма социалиста». Онъ участвовалъ въ составленіи историческаго отнынѣ ультиматума, поставленнаго народовольцами новому императору. Онъ, какъ мы уже видѣли, отстаивалъ «интеллигенцію», т. е. социально-революціонную и въ особенности народовольческую партію, отъ нападеній правительственной и общественной реакціи. И роль активнаго и сознательнаго меньшинства революціонеровъ, врывающихся въ такъ называемое естественное теченіе событій настолько занимало его, что онъ избралъ въ 1882 г. этотъ вопросъ даже предметомъ очень любопытнаго, къ сожалѣнію, неконченнаго социологическаго изслѣдованія «Герои и толпа».

Можно, конечно, спросить, долго ли Михайловскій въ случаѣ торжества Исполнительнаго Комитета надъ врагомъ, т. е. совершенія политическаго переворота, удовлетворялся бы революціонной педагогикой, практикуемой «Народной Волей» à la Бланки надъ народомъ? Характеръ его общаго міровоззрѣнія подсказываетъ намъ, что этотъ бланкизмъ скоро былъ бы имъ подвергнутъ критикѣ, какъ не удовлетворяющій требованіямъ широкаго народнаго развитія. Ибо трудно предположить, чтобы культъ суверенной личности, защищаемой съ

¹⁾ «Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ», стр. 67.

такой энергіей и краснорѣчіемъ этимъ публицистомъ-философомъ, могъ означать для Михайловскаго лишь полноту и свободу истинно человѣческой жизни для сознательнаго меньшинства, а не для всѣхъ членовъ общезитія, для трудящихся массъ, для народа.

Но съ этимъ вопросомъ можно обратиться и къ Народной Волѣ, вообще къ представителямъ направленія, въ которомъ,—мы видѣли,—элементъ широкой политической борьбы за народовластіе, за «самодержавіе народа», какъ часто выражался органъ партіи, боролся съ элементомъ бланкизма. Очевидно и этотъ бланкизмъ являлся въ сознаниіи иныхъ представителей партіи вынужденнымъ, рекомендуемымъ на тотъ конецъ, если народъ не проявитъ достаточно широкой политической самодѣятельности. Ибо та самая Народная Воля, которая въ лицѣ составителей уже цитированной нами программы Исполнительнаго Комитета говорила преимущественно языкомъ конспиратора и якобинца, дѣлаетъ, напр., слѣдующія характерныя оговорки въ любопытной передовой статьѣ номера четвертаго своей газеты (отъ 5-го декабря 1880 г.): ...«Всякая инсurreкція наибольшіе результаты даетъ тогда, когда она является только прелюдией къ народной революціи или ея эпизодомъ; говоря другими словами,—если инсurreкція только даетъ толчокъ народной революціи. Насколько возможно взвѣситъ все наше положеніе, въ Россіи дѣло такъ бы и вышло.

«Будемъ ли мы однако въ состояніи подготовить удачное возстаніе раньше стихійнаго народнаго движенія, или оно предупредитъ наши расчеты, въ обоихъ случаяхъ—намъ кажется—наиболѣе производительно затратить силы организованна партіей, мы можемъ только, направляя ихъ для разрѣшенія, такъ сказать, народныхъ силъ, для превращенія народныхъ массъ въ *сознательную, политическую силу*. Вотъ почему мы постоянно говоримъ и говорили о *передачѣ* власти народу, о народной волѣ, о народномъ самодержавіи. Для народа важно достигнуть лучшихъ общественныхъ формъ, но еще важнѣе—достигнуть этого *самоу*; для него всего важнѣе пережить такой исторической моментъ, въ теченіе котораго онъ, народъ, былъ бы дѣйствительнымъ распорядителемъ своихъ судебъ. Такіе моменты никогда не забываются и создаютъ изъ обывателей гражданъ». ¹⁾

Въ послѣдующей части статьи авторъ считаетъ даже «самымъ несчастнымъ случаемъ» такое положеніе дѣлъ, при которомъ «Народной Волѣ», захватившей въ руки центральную власть, пришлось бы самой «создавать новый государственный строй, декретировать необходимыя реформы». Это показывало бы, продолжаетъ революціонный писатель,—что «народный организмъ не проявляетъ уже ни одной искры жизни». А въ противномъ случаѣ, въ «обыкновенное время» захватъ власти партіей былъ бы лишь средствомъ «революционизировать всю Россію», «призывать» самъ «народъ къ захвату власти», и т. д. Въ заключеніе развивается даже то соображеніе, что и специальная задача «борьбы и разрушенія», является чистѣйшей химерой безъ участія народа. Сама по себѣ интеллигенція не можетъ поставить «нѣсколь-

¹⁾ „Литература партіи Народной Воли“. Выпускъ первый, стр. 178.

кихъ тысячъ борцовъ одновременно»—очевидно это число казалось автору статьи, находившемуся въ состояніи революціоннаго энтузіазма, вполне достаточнымъ для произведенія самаго широкаго переворота. Какъ бы то ни было, даже «разложеніе правительственныхъ войскъ совершится—по мнѣнію писателя—въ значительной степени вслѣдствіе антиправительственнаго настроенія массъ, которыя заражаются иногда на самыхъ баррикадахъ».

Но эти серьезныя оговорки не могли все таки оттѣснить бланкистскій элементъ въ теоріи и практикѣ Народной Воли. Именно само тогдашнее состояніе массъ, трудовыхъ слоевъ города, не говоря уже о деревнѣ, фатально должно было подсказывать людямъ великой энергіи и великой идейной страсти поднять на себя, на плечи партіи совершеніе политическаго переворота. Конечно, этотъ бланкизмъ не принималъ у лучшихъ выразителей Народной Воли того каррикатурнаго оттѣнка, который старались придать ему послѣ пристрастные критики сошедшей со сцены партіи. Но несомнѣнно, что степень важности общественныхъ и политическихъ элементовъ, существовавшихъ въ тогдашней Россіи, оцѣнивалась народовольцами чаще всего въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, насколько тотъ или другой классъ, социальная группа, организованная сила могли, во мнѣніи этихъ глубоко активныхъ революціонеровъ, служить дѣлу непосредственнаго переворота, совершаемаго самой партіей.

Такъ въ любопытномъ документѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Подготовительной работы партіи» и какъ бы представляющемъ стратегическое и тактическое руководство членовъ Народной Воли, «главнымъ источникомъ силъ» для начальной дѣятельности рисуется «интеллигенція». И это понятно, потому что сознательныхъ элементовъ среди массъ, рабочей и крестьянской интеллигенціи, было мало, пропорціонально даже чрезвычайно мало по сравненію съ интеллигенціей, если можно такъ выразиться, интеллигентной. Точно также очень большой вѣсъ, который придается въ этомъ документѣ при работѣ въ «войскѣ» пропагандѣ среди офицерства сравнительно съ пропагандой среди солдатъ, объясняется тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ арміи: воздѣйствіе на нижнихъ чиновъ было почти невозможно въ силу крайней малочисленности сознательныхъ революціонеровъ изъ народа, которые, благодаря своему непривилегированному положенію, могли бы лучше ускользать при этой пропагандѣ среди своихъ товарищей-солдатъ изъ сѣтей шпіонства и провокаціи. «Городскому рабочему населенію» авторы «Подготовительной работы» совершенно вѣрно приписываютъ «особенно важное значеніе для революціи» какъ по его «положенію», такъ и «относительно большей развитости»: «успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска». И это опять понятно: во времена Народной Воли наилучшіе результаты были достигнуты среди городского пролетаріата, который подвергался наибольшему воздѣйствію цѣлаго ряда коротко живущихъ, но энергичныхъ поколѣній революціонеровъ въ столицахъ и крупныхъ центрахъ. Что касается до крестьянства, то документъ рекомендуетъ: «не ведя массовой пропаганды, сходиться съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ».

партиі, знакомя ихъ съ ея цѣлями» ¹⁾. И опять-таки выводъ этотъ вытекалъ изъ тогдашняго положенія дѣлъ, такъ какъ крестьянство могло въ то время имѣть лишь второстепенное по сравненію съ рабочими значеніе для переворота прежде всего въ силу невозможности составить въ деревнѣ конца 70-хъ годовъ мало-мальски широкую мѣстную организацію.

Въ заключеніе еще два слова о «бланкизмѣ». Можно, конечно, иронизировать надъ иллюзіями заговорщиковъ низвергнуть извѣстный строй «не дожидаясь народа», или при маломъ участіи массъ. Но эта иронія зачерпываетъ слишкомъ мелко данную не только жизненную, но социологическую задачу. Должно сказать, что именно индифферентное настроеніе массъ и создаетъ фатально такія иллюзіи. Съ другой стороны эти иллюзіи не только неизбежны, но въ широкомъ смыслѣ онѣ полезны и даже спасительны. Ибо благодаря имъ въ лучшихъ людяхъ даннаго общества, гдѣ массы еще не втянулись въ сознательную политическую жизнь, поддерживается вѣра въ значеніе энергичной общественной дѣятельности. И даже пораженія «заговорщиковъ» пропагандируютъ лучше идеи, во имя которыхъ сознательные революціонеры стремятся пересоздать извѣстный строй, во имя основныхъ потребностей интересовъ трудящихся массъ. Кромѣ того, до тѣхъ поръ, пока человѣчество не установитъ коммунистическаго строя, обезпечивающаго свободу и развитіе каждой личности, во всякой, самсой «сознательной» революціи будетъ участвовать значительное большинство, лишь не совершенно понимающее истинное значеніе совершающагося переворота. И, стало быть, во всѣхъ такихъ случаяхъ будетъ ядро болѣе сознательныхъ участниковъ въ революціи, и доза «бланкизма» будетъ несомнѣнно присуща даже самымъ широкимъ общенароднымъ движеніямъ.

Я не хочу удлинять эту статью указаніемъ на историческіе факты свидѣтельствующіе о томъ, что въ революціонныя эпохи «захватъ власти» удачно практикуется борющимися партиями, которыя въ данный моментъ могутъ быть малочисленнѣе, но лучше организованы. Въ этомъ смыслѣ исторія Великой французской революціи поучительна вплоть до 18-го брюмера Бонапарта.

V.

Намъ остается анализировать послѣдній элементъ, входившій въ составъ народовольчества: терроризмъ, систематическій терроръ, систематическій если не въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, въ представленіи тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые видѣли въ немъ одно изъ самыхъ цѣлесообразныхъ орудій для совершенія желаннаго переворота. При этомъ я заранѣе извиняюсь передъ читателемъ, если по самымъ условіямъ нашей якобы «свободной», а на самомъ дѣлѣ подневольной печати я принужденъ буду выполнить эту задачу лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. И эту часть своего этюда я буду тракто-

¹⁾ „Литература“ в т. д., *ibid.*, стр. 285 (отдѣлъ второй: документы).

вать такъ же объективно, какъ трактовалъ до сихъ поръ другія его части. Это будетъ краткимъ историческимъ анализомъ, а не какой-нибудь «апологіей», какъ любятъ выражаться враги свободного, хотя бы и вполне безпристрастнаго изслѣдованія. Сдѣлавъ эту необходимую оговорку, приступаю къ самой задачѣ.

Разсматривая вопросъ философски, мы можемъ сказать, что терроръ Народной Воли является несомнѣннымъ политическимъ актомъ, орудіемъ политической борьбы поскольку исходитъ изъ предположенія, что физическимъ уничтоженіемъ или моральнымъ устрашеніемъ представителей извѣстнаго режима вы можете измѣнить самъ этотъ режимъ. Въ широкомъ смыслѣ терроръ является очень распространѣннымъ историческимъ явленіемъ. Онъ практиковался всегда и вездѣ не только въ частномъ, только что указанномъ нами случаѣ борьбы революціонеровъ противъ даннаго политическаго строя, но и однимъ классомъ противъ другого (вспомните свирѣпыя коллизіи различныхъ сословныхъ партій въ мелкихъ государствахъ античной Греціи, различныхъ классовъ въ древнемъ Римѣ и т. д.), равно какъ служилъ излюбленнымъ средствомъ борьбы внѣшнихъ завоевателей или туземныхъ непопулярныхъ правительствъ противъ цѣлыхъ,—чужихъ или своихъ,—народовъ и населеній страны. Почти одновременные подвиги герцога Альбы въ Нидерландахъ и Ивана Грознаго въ Новгородѣ и Псковѣ принадлежать къ одной и той же категоріи правительственнаго террора.

Что касается до террора, какъ его практиковали русскіе революціонеры, пытавшіеся систематизировать его въ эпоху народовольчества, то его прецеденты существуютъ опять таки съ незапамятныхъ временъ и у всѣхъ народовъ въ видѣ политическихъ убійствъ, а въ частности столь популярныхъ въ античномъ мѣрѣ «тиранноубійствъ». И этотъ родъ террора представляетъ собою очень распространенное явленіе, хотя въ общемъ менѣе распространѣнное, чѣмъ терроръ, культивируемый имущими и правящими классами и деспотическими правительствами. Тачъ что, когда носители правительственной власти или писатели, состоящіе на службѣ у нея, говорятъ объ исключительности, о неслыханности этихъ «злодѣяній», то въ интересахъ возстановленія исторической истины приходится сказать, что политическое убійство лицъ, стоящихъ у руля государственной машины, такъ же старо, такъ старъ мѣръ; и что въ борьбѣ партій и при смутныхъ обстоятельствахъ оно съ успѣхомъ практиковалось какъ разъ тѣми самыми лицами и партіями, которыя впоследствии добившись власти, особенно громко вопіяли о неслыханности и о чудовищности такихъ покушеній.

Именно возражая такимъ противникамъ террора, Феликсъ Піа въ своемъ «Письмѣ англійскому парламенту и англійской печати» по поводу отголосковъ дѣла Орсини въ Англии писалъ: «Спрашивается, можно ли убить убійцу... если убійца императоръ? Да, это вопросъ огромный,—мы знаемъ это,—вопросъ даже смѣшной въ извѣстномъ смыслѣ, вопросъ, чреватый отвѣтами «да» и «нѣтъ», совершенно со временемъ и мѣстомъ, старый вопросъ, зубатый и бородастый, какъ Іегова, а главное-то, совершенно праздный вопросъ, ко-

торый пришлось поставить при первомъ тираннѣ и который будетъ рѣшень лишь съ исчезновеніемъ послѣдняго» ¹⁾). И далѣе: «...Покушеніе есть естественное, хотя и незаконное дѣтище тиранніи, какъ порядокъ есть естественное и законное дитя свободы... стремленіе къ расширенію прямо пропорціонально давленію въ мірѣ нравственномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, въ сердцахъ, какъ и въ бомбахъ, и... рука, закрывающая предохранительный клапанъ, сама же повинна во взрывахъ» ²⁾). Или, наконецъ: «Конечно, можно по праву возставать противъ убійства, ибо оно порождаетъ убійство, ибо оно вынуждаетъ людей наказанія поднимать руку на людей преступленія, ибо оно приводитъ жертвы къ необходимости стать палачами. Но тѣ самые господа, которые такъ попираютъ принципы, когда дѣло идетъ о крови народа, и которые такъ громко провозглашаютъ ихъ, когда рѣчь заходитъ о шкурѣ монарха, тѣ, которые отличаются деревяною нечувствительностію при видѣ декабрьскаго покушенія (переворотъ 2-го декабря 1851 г., совершенный Людовикомъ Бонапартомъ, вскорѣ ставшимъ извѣстнымъ подъ именемъ императора Наполеона III. Н. Р.) и дрожатъ въ лихорадкѣ при видѣ покушенія январскаго (взрывъ бомбъ, брошенныхъ Орсини противъ императорской четы 14-го января 1858 г. Н. Р.), тѣ, которые сейчасъ пронзительнѣе всѣхъ кричатъ противъ убійства и покушеній, въ сущности - то составляютъ самый страшный обвинительный актъ противъ монарха, который не только совершилъ покушеніе на право и жизнь самодержца—народа, но который возводитъ покушеніе въ систему, убійство въ режимъ, *coup d'Etat* въ конституцію и который, по собственному же признанію, можетъ властвовать лишь опираясь на право силы, на милость сабли, на разумъ молчанія, на тюрьму, на ссылку, на каторгу и на смерть» ³⁾).

Вообще говоря, политическое убійство и въ частности «тиранноубійство» находило всегда не только исполнителей, но и страстныхъ защитниковъ. Весь античный міръ былъ воспитанъ не только на правѣ, но на обязанности «добраго гражданина» устранять силою врага народа и отечества. Въ средніе вѣка къ традиціямъ древнихъ присоединилась литература католическихъ поборниковъ политическаго убійства, и создалось цѣлое политическое направленіе «монархистовъ», переходившее и на новые вѣка. Борьба съ королями и революція на почвѣ Англии въ XVII-мъ столѣтіи, Великая французская революція и послѣдующія перипетіи борьбы деспотическихъ режимовъ съ народами выдвинули цѣлый рядъ политическихъ писателей, философовъ, моралистовъ, поэтовъ, публицистовъ, защищавшихъ «тиранноубійство». Шиллеръ, Байронъ, Шелли, Гейне, Викторъ Гюго, Кардуччи, Мадзини, Мильтеръ, разсудительный, уравновѣшенный Мильтеръ и т. д. и т. д. въ той или иной формѣ, кто въ прозѣ, кто въ стихахъ, кто въ философскомъ трактатѣ, кто въ публицистическихъ разсужденіяхъ, сдѣлали

¹⁾ См. мой сборникъ: (Н. Е. Кудрявъ) „Политическіе памфлеты. Серія I. Французскіе памфлеты XIX вѣка“. С.-Петербургъ, 1906, стр. 304. (Изданіе „Общественной Пользы“). Это коротенькое письмо Пиа составляетъ едва ли не самую интересную аргументацію въ литературѣ защитниковъ террора.

²⁾ Ibid., стр. 305.

³⁾ Ibid., стр. 306.

популярнымъ, осятели, окружили ореоломъ политическое убійство. И та самая буржуазія, которая теперъ при всякомъ террористическомъ покушеніи противъ «тирана» инстинктивно или лицемѣрно-сознательно становится на сторону носителя власти, составила себѣ не такъ давно настоящую историческую карьеру практикой и теоріей «тиранноубійства».

Другой вопросъ, чисто соціологическій, заключается въ томъ, насколько,—независимо отъ нравственной стороны дѣла,—цѣлесообразенъ террористическій приемъ рѣшенія политической и соціальной проблемы. Можно-ли, говоря иначе, думать, что физическое устраненіе или моральное устрашеніе носителей власти вызоветъ измѣненіе въ самой правительственной системѣ? Объективное изслѣдованіе подсказываетъ намъ, что категорически отвѣчать «нѣтъ», какъ то часто дѣлается заинтересованными лично или общественно противниками террора, мы не имѣемъ логическаго основанія. Указаніе на то, что за «тиранноубійствомъ» или вообще терроромъ, направляемымъ противъ главныхъ виновниковъ извѣстнаго режима, неизмѣнно слѣдуетъ реакція, не совсѣмъ вѣрно. Есть несомнѣнные историческіе факты, свидѣтельствующіе о противномъ: такъ, напр., за устраненіемъ Гумберта въ Италіи, Кановаса въ Испаніи, фонъ-Плеве въ Россіи наступила полоса не реакціи, а большаго или меньшаго прогресса въ каждой изъ упомянутыхъ странъ. Все дѣло въ общихъ историческихъ условіяхъ, при которыхъ совершается актъ, устраняющій или парализующій дѣятельность данныхъ правительственныхъ лицъ. И вотъ тутъ, дѣйствительно, придется сказать, что если условія кризиса назрѣли, если политическое положеніе находится въ неустойчивомъ равновѣсіи, если массы достаточно нареволюціонизированы или, по крайней мѣрѣ, вышли изъ состоянія индифферентизма и проявляютъ активную нервность то «тиранноубійство» можетъ послужить отправнымъ пунктомъ общественнаго и всенароднаго движенія, подобно тому, какъ простой поворотъ рукоятки паровоза, находящагося подъ высокою давленіемъ, приводитъ въ движеніе весь поѣздъ.

Но безпристрастіе заставляетъ сдѣлать и дальнѣйшую оговорку: къ несчастію для плановъ активныхъ революціонеровъ, съ террористическими актами происходитъ нерѣдко то, что происходитъ съ «бланкистскими» попытками заговора. Онѣ по большей части наиболѣе неизбѣжны психологически тогда, когда наименѣе необходимы политически. Именно потому, что до неустойчиваго политическаго равновѣсія не дошло еще дѣло, что массы еще не поддерживаютъ достаточно активно революціонную партію, люди убѣжденія и энергіи, составляющіе такую партію, прибѣгаютъ къ террористическимъ средствамъ, чтобы своею инициативою, «не дожидаясь народа», низвергнуть данный политическій строй, низвергая носителей власти. Но строй, въ силу самыхъ историческихъ условій, которыхъ мы только что упомянули, не рушится. И вотъ среди сторонниковъ мирнаго развитія возникаетъ иллюзія, будто террористическій актъ создалъ реакцію, тогда какъ онъ вызвалъ ее лишь наружу; а въ лагерь революціонеровъ вырастаетъ другая иллюзія, а именно, что реакція прокинулась лишь потому, что терроръ не былъ доведенъ до конца, что онъ не пре-

вратился въ систематическій. И при этомъ забывается, что потому-то онъ и не могъ вырости въ систему, что въ обществѣ и массахъ не было достаточно элементовъ для революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ ясно, что такое систематическій терроръ. Это такой терроръ, удары котораго падаютъ на властныхъ враговъ съ неумолимостью законовъ природы или—беря аналогію въ человѣческомъ мірѣ—съ правильностью конституціонныхъ традицій въ благоустроенномъ культурномъ государствѣ. Пусть, напр., въ парламентарной странѣ министръ вноситъ непопулярный среди депутатовъ, мало того грозящій свободѣ или счастію населенія проектъ. Вы можете быть увѣрены, что противъ такого проекта выскажется огромное большинство представителей, и, въ силу практики такъ называемой министерской отвѣтственности, авторъ проекта долженъ будетъ подать въ отставку. И вотъ терроръ былъ бы только тогда систематическимъ, если бы идущіе противъ народа министры въ деспотической странѣ оказывались настолько же, если позволено такъ выразиться, отвѣтственны предъ динамитомъ, насколько парламентарные министры, идущіе противъ представителей народа, отвѣтственны передъ вотомъ палаты. Какъ недовѣріе парламента фатально, въ силу традиціи истинно конституціоннаго правленія, устраняетъ со сцены враждебнаго палатѣ министра, такъ террористическій актъ, съ правильностью хорошо организованнаго механизма, долженъ былъ бы фатально устранять со сцены сановнаго врага народа. Но существованіе такого на дѣлѣ, а не на словахъ только систематическаго террора предполагаетъ такую симпатію во всей странѣ къ революціонерамъ, такое число исполнителей, помощниковъ, жертвователей, укрывателей и т. д., что тутъ терроръ являлся бы прямымъ выраженіемъ, если не вполне еще побѣдоносной, то уже побѣждающей массовой революціи. Въ противномъ случаѣ, когда терроръ практикуется лишь сравнительно небольшою революціонною организаціей, онъ потребовалъ бы отъ нея столь значительныхъ жертвъ, и матеріальныхъ, и моральныхъ, что сдѣлать его дѣйствительно систематическимъ было бы чрезвычайно трудно, и онъ не произвелъ бы надлежащаго ни психологическаго, ни политическаго дѣйствія...

Послѣ этихъ общихъ, но необходимыхъ разсужденій мы приступаемъ къ роли террора въ народовольствѣ. Терроръ не есть порожденіе Народной Воли, но онъ былъ ею возведенъ въ рангъ политическихъ приемовъ борьбы и вошелъ полноправнымъ элементомъ въ теорію и практику партіи. Дѣло обстояло, дѣйствительно, такъ. Въ теченіе большей части 70-хъ годовъ (мы не говоримъ уже о предшествующей политической исторіи) правительство отвѣчало на пропаганду социалистическихъ идей молодежью—ибо фактически и бунтарство свелось къ пропагандѣ—такими репрессіями, которыя были совершенно непропорціональны «преступленіямъ» даже съ точки зрѣнія строго государственной. Нужно было все бездушіе, все историческое непониманіе, все эгоистическое властолюбіе архаическаго режима, чтобы преслѣдовать человѣческую мысль и идеальныя стремленія лучшихъ сыновъ Россіи съ той безпощадностью, проявленія которой, ни-

мало не смущаясь, излагаетъ хотя бы «Хроника социалистическаго движенія въ Россіи 1878-1887 г.г.»¹⁾), написанная жандармскими публицистами школы Плеве. Если уже произведение, говорящее все время о «милосердіи» правительства, пестритъ годами каторги за найденную книжку, смертными казнями за проблематическую расклейку прокламацій несовершеннолѣтними, арестами и высылками невинныхъ по про.гому подозрѣнію или по корыстнымъ навѣтамъ шпионовъ, то можно себя представить, какія жестокія формы въ дѣйствительности принимала эта борьба безконтрольной власти противъ людей и идей, казавшихся ей опасными. И однако въ теченіе сравнительно долгаго времени социалисты не отвѣчали дѣйствіями на насилія правительства, съ свѣтлою вѣрою апостоловъ утверждая, что они «борются не противъ людей, а противъ учреждений». Первое вооруженное сопротивленіе въ видѣ безвреднаго выстрѣла, произведеннаго, если не ошибаюсь, въ 1875 г. Циціановымъ при обыскѣ, было совершенно исключительнымъ фактомъ. Въ 1876-1877 было два-три случая убійства шпионовъ. Лишь къ концу 70-хъ годовъ въ рядахъ социалистовъ растетъ мысль насилію противопоставлять силу, и покушеніе Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей 24-го января 1878 г. въ Трепова за надругательство надъ Боголюбовымъ, было введеніемъ къ эрѣ политическихъ покушеній.

Въ началѣ здѣсь играло главную роль чувство благороднаго негодованія, мести за поправное человѣческое достоинство товарищей, и такой актъ отмщенія совершался послѣ сильнаго душевнаго колебанія. «Тяжело поднимать руку на человѣка», заявляла на судѣ Засуличъ, и судъ оправдалъ вынужденную террористку, а умѣренно либеральный «Голосъ» признавался даже, что людямъ общества, присутствовавшимъ на процессѣ, казалось, будто судятъ само общество, безучастно относившееся къ произволу и беззаконіямъ администраціи. Со свойственной ему чуткостью, Н. К. Михайловскій, въ уже цитированномъ нами «Летучемъ листкѣ», провидящемъ образованіе Исполнительнаго Комитета, защищаетъ этотъ первый актъ террора и говоритъ: «Мы не смѣемъ жертвовать тѣми частными лицами, которымъ «тяжело поднять руку на человѣка», и не можемъ отдаваться на жертву мясникамъ, которымъ это легко». Въ легальныхъ статьяхъ онъ популяризируетъ въ это время взгляды Дюринга, который выводитъ даже понятіе справедливости изъ чувствъ нормальной мести. Въ общемъ революціонеры стоятъ еще на моральной точкѣ зрѣнія отмщенія за поруганную личность. Но затѣмъ удачныя и неудачныя покушенія на Котляревскаго, Гейкинга, Мезенцева, вооруженныя сопротивленія при обыскахъ и арестахъ на югѣ и т. п. неуклонно вели русскихъ социалистовъ къ политической оцѣнкѣ террористическихъ актовъ.

Эта нотка все громче и громче звучитъ въ мнѣніяхъ наиболѣе активныхъ членовъ образовавшейся «Земли и Воли» и статьяхъ ея офіціального органа. Такъ въ № 1-мъ газеты этого имени, отъ 25-го

---

¹⁾ См. русскій переводъ (съ французскаго) этого «Офіціального отчета;» Москва, 1907 г.

октября 1878 г., авторъ передовой статьи, уясняя, между прочимъ, взглядъ партіи на убійство Мезенцова 4-го августа 1878 г.,—и знаменательно, что этимъ авторомъ былъ самъ убійца Кравчинскій,—пишетъ еще: «съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ воз-
стать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ... Террористы это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго—охранять этихъ работниковъ (въ народѣ. Н. Р.) отъ предательскихъ ударовъ враговъ»¹⁾. И революціонеръ даже предостерегаетъ своихъ товарищей отъ увлеченія терроромъ, какъ отъ «великой ошибки». А всего какихъ-нибудь пять мѣсяцевъ спустя, въ № 2—3 «Листка Земли и Воли» (отъ 22-го марта 1879 г.) авторъ передовой.—на сей разъ Н. А. Морозовъ.—по поводу террора уже пишетъ: «Политическое убійство—это прежде всего актъ мести... Это единственное средство самозащиты при настоящихъ условіяхъ и одинъ изъ лучшихъ агитационныхъ приемовъ... Это—осуществленіе революціи въ настоящемъ... Мы признаемъ политическое убійство за одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ деспотизмомъ»²⁾. А всего нѣсколько дней спустя, Соловьевъ не безъ сильной оппозиціи «деревенщиковъ» Земли и Воли, но поддерживаемый террористами партіи, стрѣлялъ, 4-го апрѣля 1879 г. въ Александра II, по отношеніи къ которому слѣдующій же 4-й номеръ «Листка» (отъ 6-го апрѣля) писалъ: «Въ другой странѣ нельзя было бы взыскивать на царя отвѣтственность за все, что дѣлается въ странѣ. Но развѣ у насъ царь не абсолютный повелитель? Развѣ его воля не законъ? Если это всевластіе—фигія, то зачѣмъ же онъ не откажется отъ нея, зачѣмъ онъ не дастъ Россіи возможности самой выбрать тѣхъ лицъ, которыя непосредственно управляютъ дѣлами?»³⁾ Такимъ образомъ, еще прежде, чѣмъ «Земля и Воля» распалась на «Народную Волю» и «Черный передѣлъ», террористическая часть старой партіи уже проводила въ официальномъ партійномъ «Листкѣ» взгляды, которые были выраженіемъ народовольчества съ его признаніемъ высоко политическаго значенія террора. «Зачѣмъ царь не даетъ Россіи возможности самой выбрать тѣхъ лицъ, которыя непосредственно управляютъ дѣлами»—было уже прямымъ предвосхищеніемъ того историческаго ультиматума, что скоро партія Народной Воли поставитъ императорской власти: или—смерть, или—народное представительство!... Исполнительный Комитетъ Народной Воли былъ, значить, не только практическимъ, но и теоретическимъ продолжателемъ того Исполнительнаго Комитета Земли и Воли, который еще весной 1878 г. возникъ изъ землевольческой «дезоргани-
торской группы».

Что касается до собственно Народной Воли, то знаменательно, что, несмотря на очень важное мѣсто, которое терроръ занялъ въ ея практикѣ, въ программѣ онъ не игралъ той исключительной, всепоглощающей роли, которую ему хотять приписать придирчивые кри-

1) «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ», стр. 74.

2) Ibid, стр. 282—283, *passim*.

3) Ibid, стр. 298.

тики, представляя партію какимъ-то сборищемъ «маніаковъ терроризма». Приведу два-три наиболее ясныя и опредѣленные мѣста, касающіяся этого вопроса. Вотъ параграфъ о «дѣятельности разрушительной и террористической» въ «Программѣ Исполнительнаго Комитета»: «Террористическая дѣятельность, состоящая въ уничтоженіи наиболее вредныхъ лицъ правительства, въ защитѣ партіи отъ шпіонства, въ наказаніи наиболее выдающихся случаевъ насилія и произвола со стороны правительства, администраціи и т. п.,—имѣетъ своей цѣлью подорвать обаяніе правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы противъ правительства, поднимать, такимъ образомъ, революціонный духъ народа и вѣру въ успѣхъ дѣла и, наконецъ, формировать годныя и привычныя къ бою силы»¹⁾. Вотъ относящееся къ тому же вопросу мѣсто изъ «Подготовительной работы партіи: «Партія должна... начать дѣло и довести его до конца. Искусно выработанная система террористическихъ предприятий, одновременно уничтожающихъ 10—15 человекъ столповъ современнаго правительства, приведетъ правительство въ панику, лишитъ его единства дѣйствій и въ то же время возбудитъ народныя массы, т. е. создастъ удобный моментъ для нападенія»²⁾. Какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, особенно, если сопоставить ихъ съ общимъ духомъ программы, терроръ вдвигался партіею въ рядъ другихъ революціонныхъ и даже, какъ выразились бы теперь, «освободительныхъ дѣйствій»: дѣятельности среди интеллигенціи и общества, рабочихъ, войска и т. п. Народовольцы были несомнѣнными революціонерами, но они представляли себѣ русскую революцію отнюдь не въ видѣ результата террора, а скорѣе какъ равнодѣйствующую активнаго движенія различныхъ слоевъ и силъ Россіи—движенія, правда, предваряемаго, вызываемаго и направляемаго крѣпкой организаціей сознательнаго меньшинства заговорщиковъ.

Не переставая ни на минуту быть революціонерами, народовольцы не были однако, говоря въ общемъ, романтиками террора. И брошюра Н. А. Морозова «Террористическая борьба» не могла бы, напр., служить выраженіемъ наиболее распространенныхъ въ партіи взглядовъ. Изъ документовъ, рѣчей на судѣ, самой дѣятельности выдающихся членовъ Народной Воли проглядываетъ даже довольно часто сожалѣніе, что бѣлый терроръ, терроръ правительственный, сдѣлалъ необходимымъ красный терроръ, терроръ революціонеровъ,—фактъ, дѣйствительно не подлежащій сомнѣнію. Въ сдержанномъ и политически продуманномъ «Письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III», въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ «цареубійство» признается «очень популярнымъ въ Россіи» и «императорскому правительству» ставится рѣшительная дилемма, партія выражаетъ сожалѣніе, что «кровавая борьба» отнимаетъ у нея силы для «созидательной работы»; и даже прямо заявляетъ, что какъ только правительство оставитъ путь произвола, «Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованная около него сила разойдется для того,

¹⁾ «Литература партіи Народной Воли». Выпускъ первый, стр. 109.

²⁾ Ibid. Выпускъ второй, стр. 282.

чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. «Мирная, идейная борьба смѣнить насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости»¹⁾ Въ концѣ дѣлается вторичное «торжественное» заявленіе, «предъ лицомъ родной страны и всего міра», что въ случаѣ осуществленія правительствомъ амнистіи и различныхъ свободъ, необходимыхъ для правильныхъ выборовъ депутатовъ въ Народное Собраніе, партія подчинится «рѣшенію» этого собранія, и «правительство, санкціонированное» имъ, не встрѣтитъ уже «никакого насильственного противодѣйствія» со стороны Народной Воли.

Можно, конечно, легко понять основанія этого легализма, который, не будь партія глубоко увѣрена въ своемъ торжествѣ при новыхъ порядкахъ, повелъ бы ее къ отказу отъ революціонной дѣятельности въ конституціонномъ государствѣ—что въ сущности противорѣчило мировоззрѣнію этихъ «соціалистовъ и народниковъ». Но, оставя это въ сторонѣ, мы во всякомъ случаѣ можемъ констатировать, что среди народовольцевъ было мало сторонниковъ террора для террора. И, конечно, не въ интересахъ своей защиты, а въ интересахъ истины, такой пламенный и героическій человѣкъ, какимъ былъ Желябовъ, на процессѣ цареубійць оглядывается меланхолически назадъ и произноситъ слѣдующія знаменательныя слова: «Русскіе народовольцы не всегда дѣйствовали метательными снарядами... въ нашей дѣятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной»²⁾. Равно какъ не лицемѣрнымъ политиканствомъ, а принципиальнымъ выраженіемъ взглядовъ «Народной Воли» на терроръ должно считать извѣстное заявленіе Исполнительнаго Комитета по поводу убійства президента С.-Американскихъ Штатовъ, Гарфильда, заявленіе, въ которомъ партія протестуетъ противъ «политическихъ убійствъ» въ тѣхъ странахъ, «гдѣ свободная народная воля опредѣляетъ не только законъ, но и личность правителей», и оправдываетъ «насиліе только тогда, когда оно направляется противъ насилія»³⁾.

Надо вообще замѣтить, что элементы народничества, широкой политической борьбы и бланкизма, несмотря на нѣкоторое треніе между собою, оказывали, вмѣстѣ зятые, несомнѣнное противодѣйствіе четвертому изъ разсмотрѣнныхъ нами элементу народовольчества, террору, развитыя въ единоспасающій принципъ. Мы раньше видѣли психологическія и политическія основанія возникновенія терроризма. Но тѣ изъ народовольцевъ, которые тяготѣли больше своихъ товарищей къ «народничеству», полагали, что употребленіе террора не должно вытѣснять революціонной дѣятельности съ цѣлью вызвать возстаніе среди наиболѣе активныхъ слоевъ народа во имя осуществленія «соціалистическихъ идеаловъ, общихъ народу и партіи». «Якобинцы»-народовольцы точно также думали, что изъ-за террора не

¹⁾ Литература партіи Народной Воли. Выпускъ второй, стр. 306.

²⁾ Дѣло 1-го марта 1881 года. (Полный правительственный отчетъ); Одесса, 1906, стр. 211.

³⁾ Литература партіи Народной Воли. Выпускъ первый, стр. 251 (номеръ шестой газеты; отъ 23 октября 1881 г.).

должно забывать организаци заговора, который даст «Народной Воле» центральную власть. Въ свою очередь «политики» партіи не согласились бы пожертвовать цѣликомъ террору той широкой агитацией въ различныхъ слояхъ населенія, которая привела бы, по ихъ мнѣнію, страну къ революціи на почвѣ требованію гражданскихъ и политическихъ свободъ.

Фактъ знаменательный: незадолго передъ своимъ арестомъ Желябовъ, этотъ вдохновитель столькихъ террористическихъ покушеній, говорилъ М. Н. Ошаниной, прибывшей въ то время изъ Москвы въ Петербургъ: «Мы затерроризировались; намъ теперь нужно бы налечь на организацию революціонныхъ силъ въ странѣ; но пока мы не можемъ отступить, не довершивъ начатаго» (т. е. царевубійства: я по возможности точно передаю эти слова, сообщенныя мнѣ покойной, одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ). Желябовъ, который былъ наиболѣе блестящимъ ораторомъ партіи, который пользовался крупнымъ успѣхомъ и какъ пропагандистъ, и какъ агитаторъ, чувствовалъ, что если не въ теоріи, то на практикѣ террору должно создать извѣстный противовѣсъ и всѣми силами своей богатой натурой врался къ широкой революціонной дѣятельности.

Чистые террористы стали появляться лишь въ періодъ упадка «Народной Воли», когда шансы поднять революціонное движеніе въ странѣ временно пали; и въ душѣ искреннихъ и энергическихъ личностей, вродѣ Софьи Гинцбургъ, съ неумолимостью психоза работала одна мысль, «одна, но пламенная страсть»: терроромъ всколыхнуть то стоячее бодото, какимъ этой дѣвушкѣ казалась Россія конца 80-хъ годовъ, гдѣ между тѣмъ уже бродили и зрѣли незамѣтно новыя революціонныя силы—трудящаяся масса...

Такъ въ моемъ представленіи располагаются, комбинируются и взаимодействуютъ «идейныя основы» «Народной Воли».

Н. С. Русановъ.

Первый процессъ „нигилистовъ“ въ Берлинѣ *).

Въ октябрѣ 1878 года небольшая русская колонія въ Берлинѣ была сильно исполошена назойливѣйшимъ слѣженіемъ полиціи и систематическими арестами. Въ каждомъ домѣ, гдѣ жилъ русскій студентъ, постоянно находился или появлялся агентъ полиціи, который неусыпно слѣдилъ за приходившими и за каждымъ шагомъ наблюдаемаго. Арестованныхъ не задерживали долго, ихъ подвергали нѣкоторымъ допросамъ и разспросамъ и отпускали съ миромъ. Такъ перебрали всѣхъ живущихъ въ студенческомъ кварталѣ русскихъ и въ концѣ концовъ осталось подъ арестомъ человѣкъ пять—шесть.

Время это совпало съ введеніемъ закона противъ социалистовъ, который въ свою очередь былъ вызванъ покушеніемъ Нобилинга на жизнь Императора Вильгельма. Арестованнымъ русскимъ предъявили обвиненіе съ составленіи заговора (Hochverrath); слѣдственные власти искали связи между русскими и нѣмецкими политическими преступниками. Нѣсколько недѣль слѣдствие не могло выяснитъ опредѣленныхъ пунктовъ обвиненія; наконецъ, оно остановилось на обвиненіи въ тайномъ сообществѣ (Geheime Verbindung). Обвинялось всего два человѣка: Гуревичъ и Аронзонъ, остальныхъ ихъ товарищей освободили изъ заключенія, при чемъ всѣхъ ихъ выслали изъ предѣловъ Пруссіи. Обвиненіе въ тайномъ сообществѣ, какъ оказалось, основывалось на томъ, что австрійская полиція сообщила прусской полиціи рядъ документовъ (прокламацій и т. п.) писемъ и фотографій, найденныхъ у нѣкоего русскаго, жившаго въ Вѣнѣ подъ именемъ Фрименъ, онъ же Либерманъ. Фрименъ-Либерманъ былъ еще дѣтомъ того же 1878 года арестованъ въ Вѣнѣ по подозрѣнію въ социалистической, противоправительственной дѣятельности и пропагандѣ и въ сношеніяхъ съ революціонными дѣятелями въ Лондонѣ и Швейцаріи. Изъ писемъ и фотографій, найденныхъ у Либермана, прусскія власти обнаружили, что въ Берлинѣ существовалъ кружокъ русскихъ, бывшихъ въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Либерманомъ и издававшихъ подъ редакціей послѣдняго журналъ на древне-еврейскомъ языкѣ подъ названіемъ: «Гозмесъ» (Правда). Кромѣ того, найдена была прокламація, озаглавленная: «Къ Еврейской Молодежи», содержащая изложеніе социалистическихъ взглядовъ.

*) Такъ назывался этотъ процессъ въ нѣмецкой печати того времени.

Слѣдствіе не могло быть закончено и обвиненіе не могло быть предъявлено, по прусскимъ законамъ, пока прусскія власти не добились выдачи Либермана. Тѣмъ временемъ, Либермана судили въ Вѣнѣ и тамошній судъ оправдалъ его. Но австрійская полиція не выпустила изъ рукъ Либермана и, проводивъ его до баварской границы, выдала берлинской полиціи. Около Рождества 1878 года Либерманъ былъ привезенъ въ Берлинъ и судебный слѣдователь, знаменитый Гольманъ, (производившій въ свое время слѣдствіе о сдѣланномъ покушеніи на жизнь Бисмарка Кульманъ), съ торжествомъ сообщилъ Гуревичу и Аронзону о прибытіи Либермана въ берлинскую тюрьму.

Слѣдствіе велось еще три мѣсяца. Прусскія власти переписывались съ русскими по поводу арестованныхъ и, не получая никакого отвѣта, рѣшили произвести судъ надъ тремя обвиняемыми. Въ обвинительномъ актѣ указывалось, что обвиняемые занимались антиправительственной пропагандой и устроили тайное сообщество. Обвинялъ знаменитый прокуроръ по дѣламъ противъ социалистовъ г. Тесендорфъ. Въ своей рѣчи онъ воспользовался произведеннымъ какъ разъ около этого времени покушеніемъ Соловьева на Александра II и сказалъ: «Передъ вами русскіе нигилисты, мы до сихъ поръ не знали что такое русскіе нигилисты. Теперь, послѣ выстрѣла Соловьева въ императора Александра, мы знаемъ, кто они такіе». На судѣ между прочимъ выяснилось, что переводъ, сдѣланный въ Берлинѣ присяжнымъ переводчикомъ (Герлахъ) съ русскихъ документовъ, былъ полонъ грубѣйшихъ ошибокъ. Такъ, напримѣръ прокламацію, носившую заглавіе «Къ Еврейской Молодежи», присяжный переводчикъ обозначилъ «Къ *Европейской* Молодежи». Тѣмъ не менѣе, всѣ три обвиняемые были приговорены къ тюремному заключенію отъ года до шести мѣсяцевъ и къ высылкѣ по судебному приговору изъ предѣловъ Пруссіи навсегда.

Во все время слѣдствія, суда и тюремнаго заключенія всѣмъ троицъ русскимъ угрожали выдачей ихъ Россіи, хотя на судѣ представитель русскаго посольства въ Берлинѣ заявилъ, что русское правительство не намѣрено требовать выдачи этихъ лицъ. Говорили впоследствии, что прусское правительство предлагало эту выдачу русскому, но что послѣднее (князь Горчаковъ) не интересовалось этой выдачей. Дѣйствительно, никого изъ нихъ не выдали, но прусская полиція принуждала каждого изъ трехъ осужденныхъ, по отбытіи наказанія, отправиться въ другое мѣсто. Такимъ образомъ, Аронзонъ попалъ въ Швейцарію, Гуревичъ въ Лондонъ, а впоследствии и Либерманъ также въ Лондонъ.

Грубость обращенія берлинской полиціи съ русскими была прямо возмутительна. Когда ихъ арестовали, то предварительно снявъ фотографіи съ нихъ во всевозможныхъ позахъ (даже лежа), ихъ привели въ огромный залъ, гдѣ на эстрадѣ сидѣлъ полицейскій комиссаръ Меершейтъ фонъ-Гиллесемъ, а зала была наполнена агентами тайной полиціи. Тутъ вводили каждого арестованнаго на эстраду и полицейскій комиссаръ, показывая пальцемъ на русскаго, восклицалъ съ дѣланнымъ пафосомъ: «Вотъ г-нъ, имя рекъ, обратите хорошенько вниманіе на этого опаснаго и закоренѣлаго преступника, и если вы его

когда-нибудь встрѣтите Унтеръ-денъ-Линденъ, то онъ не уйдетъ, а вылетитъ». При этихъ словахъ вся толпа полицейскихъ сыщиковъ бросается впередъ къ арестованному со сжатыми кулаками и выкрикиваетъ угрозы и ругательства. Вся эта сцена производила отвратительное впечатлѣніе какой-то гнусной комедіи дурного полицейскаго пошиба.

Когда арестованныхъ нѣсколько дней послѣ суда выводили изъ мѣста предварительнаго заключенія къ зеленой каретѣ, въ которой они должны быть отправлены для отбыванія тюремнаго заключенія (въ Plötzensee), то по всему двору, отъ выхода до кареты, стояли двѣ шеренги полицейскихъ, которые каждого, проходящаго мимо нихъ русскаго, провожали криками ругательствами и угрозами. По прибытіи въ тюрьму арестованные выстраивались въ рядъ съ другими уголовными преступниками. Эти ряды обходили надзиратели и старшіе инспектора. Помнится, какъ полицейскій инспекторъ, подходя къ русскому, накинулся на него ни съ того ни съ сего съ криками и угрозами: «Васъ мало били кнутомъ, погодите, мы васъ здѣсь проучимъ». Получалось впечатлѣніе, что это какое-то усердіе по приказу, какое-то хамское издѣвательство надъ беззащитнымъ и безсильнымъ. Обращеніе въ тюрьмѣ было также крайне грубо: у нижнихъ чиновъ тюрьмы и полиціи были очевидно инструкціи по возможности больше запугать и подвергать униженіямъ русскихъ арестованныхъ. Все время имъ грозили выдачей Россіи, гдѣ ихъ будутъ бить «кнутами», какъ выражались низшія административныя власти.

На личности Арона Либермана, который былъ главнымъ обвиняемымъ въ этомъ дѣлѣ, стоитъ остановиться немного болѣе подробно. Онъ былъ уроженецъ, на сколько помнится, города Сувалки и, проживая долго въ Вильнѣ, развилъ тамъ очень дѣятельную агитацію среди еврейской и христіанской молодежи. Онъ зналъ прекрасно древне-еврейскій, русскій, польскій и нѣсколько иностранныхъ языковъ. На древне-еврейскомъ языкѣ и на еврейскомъ жаргонѣ онъ написалъ нѣсколько талантливыхъ и интересныхъ произведеній въ духѣ революціоннаго социализма. Привлекаемый къ политическому дѣлу въ Вильнѣ, онъ скрылся и отправился въ Лондонъ, гдѣ вошелъ въ кружокъ Лаврова, который тогда началъ издавать журналъ «Впередъ». Будучи прекраснымъ наборщикомъ, граверомъ и литографомъ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ печатаніи и изданіи журнала «Впередъ». Изъ Лондона онъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ сначала сотрудничалъ въ издаваемомъ извѣстнымъ еврейскимъ писателемъ Петромъ Смоленскимъ журналѣ—«Гашахаръ», а затѣмъ сталъ издавать при содѣйствіи берлинскаго и другихъ кружковъ революціонный органъ «Гозмесь». Въ рукописяхъ отъ него осталось нѣсколько сочиненій, между прочимъ, замѣчательно талантливое произведеніе въ видѣ талмудическаго трактата революціонно-философскаго содержанія.

Поведеніе Либермана на судѣ было твердое и скорѣе вызывающее. На вопросъ предсѣдателя, какого онъ вѣроисповѣданія, онъ отвѣтилъ: «Никакого, но я имѣлъ несчастье родиться евреемъ». На дальнѣйшіе вопросы, социалистъ ли онъ (этотъ вопросъ предлагался всѣмъ тремъ подсудимымъ), онъ отвѣтилъ: «Да, социалистъ-революціо-

неръ». При каждомъ случаѣ онъ старался излагать свои революціонныя взгляды и выказать свое пренебреженіе къ суду и судьямъ. Онъ призналъ, что онъ авторъ прокламаціи—«Къ Еврейской Молодежи». Это была натура цѣльная и мужественная.

Его странная и крайне неудобная привычка сохранять въ вѣнчѣйшемъ порядкѣ и собирать всѣ письма, записочки и бумажки, написанныя, его друзьями и товарищами, а также оставлять у себя копіи всѣхъ безъ исключенія писемъ, написанныхъ имъ другимъ, дѣлало его небезопаснымъ корреспондентомъ въ революціонномъ мірѣ. Когда онъ въ Вѣнѣ обратилъ на себя вниманіе полиціи своимъ поведеніемъ и у него произвели обыскъ, то у него нашли огромную коллекцію писемъ на всевозможныхъ языкахъ и изъ большого числа городовъ Европы. У него хранился огромный запасъ подробнѣйшихъ адресовъ друзей въ Россіи. Все это попало въ руки австрійской полиціи, и если бы послѣдняя нашла нужнымъ выдать все это русской полиціи, то число жертвъ этого провала въ Россіи было бы трудно подсчитать.

Когда всѣ три участника этого процесса очутились внѣ власти прусской полиціи, то товарищи Либермана потребовали отъ него, чтобы онъ уѣхалъ въ Америку, что онъ и сдѣлалъ въ скорости. Повидимому, отношеніе товарищей подѣйствовало на него весьма угнетающимъ образомъ и въ скорости онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ Нью-Йоркѣ.

Либерманъ есть родоначальникъ социалистической агитаціи и движенія среди еврейской молодежи и рабочихъ; онъ положилъ начало социалистической и революціонной литературѣ на жаргонѣ и таковой же литературѣ на древне-еврейскомъ языкѣ.

Въ большой дружбѣ съ Либерманомъ и сотрудникомъ его журнала былъ Лейзеръ Цуккерманъ. Даровитый писатель и поэтъ на древне-еврейскомъ языкѣ и на жаргонѣ, онъ былъ крайне впечатлительный и склоненъ къ меланхолии. Происходя изъ патриархальной, строго-религіозной и буржуазной еврейской семьи, онъ вырвался изъ этой среды и разрывъ его съ послѣдней, въ особенности съ унимъ, строгимъ и аскетически религіознымъ отцемъ, причинялъ ему страшную душевную боль. Онъ оставилъ также молодую жену, сдѣлавшись социалистомъ, изучилъ ремесло наборщика и въ видѣ простаго рабочаго обошелъ всю Германію и Швейцарію. Помнится, какъ онъ разъ на вечеринкѣ, выпивши немного, все твердилъ: «Я сѣялъ зло безъ наслажденія». Какъ въ его поэзіи, такъ и въ его натурѣ было много Байроновскаго, Лермонтовскаго и въ лицѣ его выражались безконечныя душевныя страданія. Впослѣдствіи онъ жилъ въ Петербургѣ и долго былъ наборщикомъ въ тайной типографіи въ Саперномъ переулкѣ, гдѣ и былъ арестованъ и судился вмѣстѣ съ Квятковскимъ и другими. Онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 8 лѣтъ, если не ошибаюсь. По окончаніи срока каторги, онъ былъ сосланъ на поселеніе, гдѣ кончилъ самоубійствомъ. Это тоже былъ одинъ изъ пионеровъ еврейскаго социализма. Цуккерманъ былъ изъ Могилева Губернскаго, а Либерманъ жилъ преимущественно въ Вильнѣ; въ обоихъ городахъ социалистическое движеніе приобрѣло впослѣдствіи большое развитіе.

Другіе два его товарища еще нынѣ живы и изъ нихъ Гуревичъ находится въ Россіи, а Аронзонъ въ качествѣ практикующаго врача живетъ въ Америкѣ и женатъ на сестрѣ извѣстнаго нѣмецкаго соціалиста Эдуарда Бернштейна.

Дѣятельность берлинскаго кружка русскихъ соціалистовъ не ограничивалась обнаруженной пропагандой среди русскихъ евреевъ. Жившіе въ Берлинѣ русскіе были въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ жившими въ Кенигсбергѣ и съ прусско-русской границей, а также съ Петербургомъ и другими центрами Россіи. Главная дѣятельность сосредоточилась на контрабандной перевозкѣ заграничной нелегальной литературы («Впередъ» и женевскія изданія); кромѣ того, Берлинъ представлялъ первую станцію отдохновенія послѣ перехода границы для дѣжавшихъ изъ Россіи болѣе или менѣе важныхъ революціонныхъ дѣятелей. Такъ, тамъ перебивали въ разное время Вѣра Засуличъ, Клеменць, Сергѣй Кравчинскій, Сажинъ, Черкесовъ, Николай Морозовъ и многіе другіе. Довольно часто туда пріѣзжалъ Аронъ Зунделевичъ, руководившій дѣломъ перевозки на границѣ и переправой людей черезъ нее. Мѣстная колонія русскихъ, имѣя постоянныя сношенія съ Петербургскими центральными кружками, была прекрасно освѣдомлена обо всемъ происходившемъ въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ и съ своей стороны сообщала объ этомъ нѣмецкимъ соціалистическимъ газетамъ, которыя уже тогда расходились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, среди рабочихъ и интеллигентныхъ соціалистовъ. Тѣмъ не менѣе, соображенія и опасенія прусской полиціи о вліяніи русскихъ соціалистовъ на нѣмецкихъ были совершенно неосновательны; скорѣе наоборотъ, нѣмецкіе соціалисты сильно вліяли на мысли и дѣйствія пріѣзжихъ русскихъ. Впрочемъ, многіе русскіе не поддавались этому вліянію и относились крайне критически къ дѣятельности германской соціальной демократіи, но не желали или не имѣли возможности сколько-нибудь активно вмѣшиваться въ эту дѣятельность. Путемъ личныхъ знакомствъ и отношеній и изъ чувства общей симпатіи, нѣкоторые просто демократично настроенные нѣмцы, а также много соціаль-демократовъ (не изъ вожаковъ) оказывали всякое содѣйствіе русскимъ революціонерамъ, какъ въ транспортѣ книгъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ.

Характерно отношеніе вожаковъ нѣмецкой соціальной демократіи къ вышеописанному процессу русскихъ. Либкнехтъ и другіе вожаки въ своихъ изданіяхъ, выходившихъ тогда за-границей, въ виду законовъ о соціалистахъ, бросали тѣнь на политическую честность этихъ русскихъ. Это отношеніе объяснялось тѣмъ, что прусское и имперское правительство, желая оправдать передъ рейхстагомъ и общественнымъ мнѣніемъ исключительные законы, силились раздуть значеніе дѣятельности русскихъ, и тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ имѣлъ... храбрость заявить еще въ то время, когда само слѣдствіе даже не было закончено, а о судѣ и помину не было, что въ Берлинѣ открытъ опасный заговоръ среди русскихъ.

Вожакъ нѣмецкой соціальной демократіи, опасаясь, «безтактностей» русскихъ революціонеровъ, и не желая дать правительству повода смѣшивать ихъ съ послѣдними, старались бросать тѣнь на русскихъ.

До чего германское правительство еще долго, а можетъ и по сей день, было убѣждено въ опасности тѣхъ русскихъ, которыхъ судили въ изложенномъ здѣсь процессѣ, можетъ служить доказательствомъ то, что когда 20 лѣтъ спустя одинъ изъ приговоренныхъ къ высылкѣ изъ предѣловъ Пруссіи хлопоталъ о возвращеніи ему права бывать въ Пруссіи, то германскій рейхсканцлеръ Каприви официально и безусловно отказалъ ему въ этомъ.

Г.

Миссія П. С. Ванновскаго.

(Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи 1899 г.).

I.

Въ настоящей статьѣ я хочу остановиться на одномъ изъ эпизодовъ нашей вчерашней исторіи: на миссіи генераль-адъютанта Петра Семеновича Ванновскаго, производившаго въ 1899 году разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ студенческихъ безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ. Комиссія генерала Ванновскаго, благодаря оригинальной личности ея предсѣдателя, сыграла весьма видную роль въ пробужденіи политическаго сознанія русской демократіи. Она сильно помогла демократическимъ душамъ оторваться отъ психологической пуповины, привязывавшей ихъ къ старому порядку. Подробности этого эпизода мало извѣстны за предѣлами тѣснаго кружка участниковъ, да и въ ихъ памяти онѣ съ каждымъ днемъ стираются бороздами новыхъ болѣе яркихъ и глубокихъ впечатлѣній великой народной борьбы; между тѣмъ, онѣ заслуживаютъ своего уголка въ исторіи.

II.

Правительство признало студенческое движеніе 1899 года революціонной вспышкой и расправилось съ его дѣятелями въ порядкѣ стараго политическаго процесса. То же мнѣніе сложилось и въ общественныхъ кругахъ, близкихъ къ бюрократическимъ вершинамъ. По словамъ правительственнаго сообщенія того времени истинная цѣль движенія заключалась въ ниспроверженіи существующаго государственнаго строя. Такимъ образомъ, студенты всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи въ приблизительномъ количествѣ 30 тысячъ человекъ были объявлены людьми, стремившимися къ политическому перевороту и предпринявшими для этого цѣлый рядъ агрессивныхъ дѣйствій. Въ дѣйствительности, движеніе 1899 года сдѣлалось революціоннымъ только въ процессѣ его разгрома, подъ двойнымъ влияніемъ съ одной стороны сердечнаго попеченія комиссіи Ванновскаго, а съ другой—

выхъ рукавицъ охраннаго отдѣленія Горемыкина-Пирамидова. Въ началѣ же оно было совершенно чуждо революціоннаго сознанія, такъ какъ подавляющее большинство его участниковъ столь же мало знали о томъ, что оно дѣлаетъ революцію, сколько мольеровскій герой о томъ, что онъ всю жизнь говоритъ прозой.

Современное студенчество только съ большимъ усиленіемъ воображенія можетъ представить себѣ «отдѣльныхъ посѣтителей университета» поколѣнія 1895-99 годовъ. Это поколѣніе попало въ высшія учебныя заведенія изъ химической реторты толстовско-дедяновской гимназіи, гдѣ оно обрабатывалось въ самый проклятый періодъ исторіи русской средней школы, въ десятилѣтіе 1885-1895 годовъ. Въ гимназіяхъ шла тогда священная война противъ «краснаго призрака» или, вѣрнѣе, противъ призрака краснаго призрака. Русскіе и чешскіе воители въ каждомъ гимназистѣ видѣли баррикаднаго героя и старались умертвить въ немъ мятежный духъ. Книги были изгнаны изъ гимназическаго обихода. Чтеніе Бѣлинскаго считалось по меньшей мѣрѣ излишнимъ; чтеніе журналовъ—преступленіемъ. Мы знали и читали только то, что находили дома, то есть только то, что знали и читали въ нашихъ семьяхъ, въ провинціальной обывательской средѣ того времени. Лишь немногіе изъ насъ, попадавшіе случайно въ сферу вліянія какого-либо освѣщаго въ провинціи, но еще не выѣтрившагося окончательно интеллигента, прикосновеннаго къ движенію семидесятихъ годовъ, урывками узнавали, что за частоколомъ латинскихъ и греческихъ классиковъ и приложений къ «Нивѣ» или «Родинѣ» существуетъ богатый и разнообразный міръ. Но такихъ было немного. И когда мы сошлись въ университетѣ, мы оказались въ полномъ смыслѣ слова политическими младенцами.

Къ счастью, мы попали въ хорошую школу. Этой школой былъ конечно, не университетъ какъ таковой, а жизнь крупнаго промышленнаго города, начавшаго тогда пробуждаться отъ реакціонной спячки. Глубокія теченія въ низахъ, прежде всего, почувствовались на верхушкахъ буржуазной демократіи—въ студенствѣ. Четырехлѣтіе съ 1895 по 1899 года дало намъ большой опытъ, но опытъ, главнымъ образомъ, организаціонный, а не политическій. Нужно было движеніе 1899 года, этотъ *coup de maître*, чтобы мы опредѣлились въ политическомъ отношеніи. И правительство артистически сумѣло сдѣлать этотъ ударъ.

Студенческая масса, воспримчивая, честная, проникнутая тѣмъ товарищескимъ духомъ, который теперь безъ остатка вытравленъ политической дифференціаціей общества, и къ 99 году мало опредѣлила свой политическій символъ вѣры. Но она пережила слишкомъ много за четырехлѣтній періодъ, чтобы сохранить первобытную невинность. Горячіе споры между марксистами и народниками, краткія извѣстія о стачкахъ рабочихъ, и рядъ безпорядковъ въ университетахъ пробуждали политическую мысль. Студенчество росло, и ростъ его опредѣлялся оживленіемъ тайныхъ студенческихъ организацій, еще въ 1895 году влачившихъ весьма жалкое существованіе.

Наиболѣе прочною и вліятельною студенческою организаціею въ

Петербургскомъ университетѣ была въ то время такъ называемая «касса взаимопомощи студентовъ петербургскаго университета». Она охватывала сравнительно небольшой кругъ студентовъ, отъ 300 до 400-хъ человѣкъ, но вслѣдствіе относительной однородности своего состава и гибкости организациі представляла серьезную силу. Организационная схема кассы взаимопомощи была очень проста. Студенты, знавшіе другъ друга и сходяшіеся въ своихъ взглядахъ, образовывали кружки отъ 10 до 15 человѣкъ въ каждомъ. Кружки посылали по одному делегату въ «представительское собраніе», которое являлось законодательною властью организациі, за исключеніемъ особо важныхъ случаевъ, когда примѣнялся референдумъ. Исполнительную власть представляли предсѣдатель и казначей, а затѣмъ съ 1898 года правленіе изъ пяти членовъ. Въ представительскомъ собраніи и сосредоточивалась преимущественно жизнедѣятельность кассы. Кружки выступали на сцену только въ исключительныхъ случаяхъ, и даже членскіе взносы уплачивали весьма неакуратно, какъ и всегда въ тайныхъ организацияхъ, гдѣ приходится потратить много времени и предосторожностей, чтобы внести свой членскій двугривенный. Вслѣдствіе этого финансовое состояніе «кассы» было весьма плачевно. Ея функціи, какъ организациі товарищескаго кредита, по неволѣ сводились къ нулю, несмотря на огромную нужду въ студенческой средѣ. Тѣмъ ярче выступали за то политическія функціи идейнаго руководства. Только съ открытіемъ студенческой столовой касса приобрѣла нѣкоторые постоянные источники дохода и стала располагать небольшими но вѣрными деньгами.

Кромѣ кассы, петербургское студенчество объединялось еще въ старыхъ, такъ сказать, зоологическихъ формахъ: въ землячествахъ. Въ нихъ входили учащіеся всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, окончившіе среднюю школу въ одной губерніи. Никакого идейнаго ценза для вступленія въ землячество не требовалось; достаточно было считаться «порядочнымъ человѣкомъ», т. е., стоять внѣ подозрѣній въ какой-либо близости къ правительственному механизму и не нарушать основныхъ требованій уголовного уложенія. Въ своихъ, по большей части, неписанныхъ уставахъ, землячества говорили о цѣляхъ взаимопомощи и самообразования. Въ нѣкоторыхъ упоминалось о задачахъ воспитанія въ студентѣ «человѣка и гражданина». Въ дѣйствительности, осуществлялась только цѣль взаимопомощи, да и то весьма своеобразно. Земляческія средства получались, главнымъ образомъ, со студенческихъ вечеровъ, устраиваемыхъ въ родныхъ городахъ. Такимъ образомъ, землячества были только распредѣлительными и регистраціонными бюро. Эта необходимая жизненная дѣятельность поддерживала ихъ вялое и безцвѣтное существованіе. Кромѣ того, они, несомнѣнно, были полезны тѣмъ, что помогали молодымъ студентамъ нѣсколько ориентироваться въ новыхъ условіяхъ жизни и хотя отчасти пріучали ихъ числиться и работать въ нелегальныхъ организацияхъ, на конспиративномъ поприщѣ. Номинально въ Петербургѣ считалось въ наше время довольно много земляческихъ организаций. Въ 1897 году, когда, подъ вліяніемъ славы московскаго «союзнаго совѣта», въ Петербургѣ было предпринято объединеніе землячествъ по москов-

скому типу, удалось зарегистрировать около 50 землячествъ, и 44 изъ нихъ дѣйствительно прислали своихъ представителей на собранія, происходившія въ теченіе цѣлаго полугода. Точныхъ цифръ членовъ въ каждомъ отдѣльномъ землячествѣ я теперь, конечно, не могу вспомнить, да эти цифры и не имѣютъ значенія, такъ какъ онѣ всѣ были болѣе или менѣе произвольны. Но въ среднемъ, на отдѣльное землячество приходилось около 25-30 членовъ. Въ мелкихъ землячествахъ—было, на примѣръ, новозыбковское,—бывало и по 15 человекъ; въ землячествахъ крупныхъ городовъ число членовъ превышало иногда 100 человекъ. Эти цифры относятся уже 1898-99 годамъ, когда стало сильно расти общее число студентовъ и начался подъемъ общественнаго настроенія.

Студенты специальныхъ институтовъ Петербурга также были связаны организаціями, но особаго характера. Они пользовались признаннымъ начальствомъ самоуправленіемъ, которое не приобрѣло политическаго вліянія, по крайней мѣрѣ, за предѣлами даннаго заведенія. Общей почвою, на которой сошлись и выдвинулись руководители движенія 1899 года были все-таки землячества.

Такимъ образомъ, изъ всего контингента студентовъ «набора» 1895 года выдѣлилось за четырехлѣтіе не болѣе 1500 человекъ, выварившихся въ котлѣ студенческой общественной дѣятельности. Они играли роль революціонной бациллы во всѣхъ студенческихъ движеніяхъ этого періода. Однако и этотъ наиболѣе сознательный слой находился на весьма невысокомъ уровнѣ политическаго развитія.

III.

Политическая эволюція организованной части петербургскаго студенчества является единственнымъ показателемъ эволюціи студенческой массы. При этомъ исторія кассы взаимопомощи студентовъ университета характеризуетъ судьбы наиболѣе энергичныхъ и революціонныхъ элементовъ студенчества, а исторія земляческихъ организацій—судьбы среднихъ, демократически настроенныхъ, но не сформировавшихся окончательно слоевъ.

Это различіе вполне объясняется способомъ образованія организацій того и другого типа. «Касса» состояла изъ кружковъ, объединившихъ людей по сходству убѣжденій. Ея сфера была болѣе узкой, но зато болѣе плотной. Для того, чтобы объединиться по «убѣжденіямъ», необходимо было имѣть какія нибудь убѣжденія или, по крайней мѣрѣ, думать, что таковыя имѣются. Это одно повышало политическій уровень членовъ кассы. Кромѣ того, конспиративность кассы порождала слухи о ея революціонности. А въ то время слово революція еще не было вынесено на базаръ житейской суеты и не трепалось по газетнымъ полосамъ, а произносилось только потихоньку, съ священнымъ трепетомъ и великимъ страхомъ. Въ результатъ касса подбирала людей, которые должны были пойти дальше на поприщѣ поли-

тической дѣятельности и которые въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно пошли дальше. Если бы когда-нибудь оказалось возможнымъ прослѣдить личную исторію всѣхъ членовъ кассы, то ея вкладъ въ русскую революціонную армію выразился бы въ солидной цифрѣ. Я могу упомянуть только о томъ, что въ теченіе періода съ осени 1896 года и до зимы 1899 года весь составъ представительскаго собранія смѣнился вслѣдствіе арестовъ. Изъ стараго состава осталось только трое, которые и были арестованы въ мартѣ 99 года.

Земляческія же организациі были въ политическомъ отношеніи сѣчью запорожскою, куда могъ войти всякій, кто въ Бога вѣровалъ и горилку пилъ. Молодежь, входившая въ нихъ ежегодно, отличалась полнѣйшею политическою свѣжестью и должна была путемъ болѣе или менѣе сложныхъ переживаній приходить къ той чертѣ, за которою уже стояли даже самые неопытные члены кассы взаимопомощи. Поэтому, землячества всегда отставали на одинъ шагъ отъ кассы. Новыя вѣянія, прежде всего, усваивались въ кассѣ и оттуда уже пустились въ обращеніе среди остальнаго студенчества. На практикѣ это обстоятельство приводило иногда къ нѣкоторымъ треніямъ и даже антагонизму, имѣвшему, однако, благотворное воспитательное вліяніе.

Первоначально, въ 1895 году «политика» и въ самой кассѣ не пользовалась особымъ расположеніемъ. Въ представительскомъ собраніи большинство относилось очень недовѣрчиво ко всякимъ попыткамъ сліянія академическихъ вопросовъ съ общеполитическими проблемами и даже видѣло въ такихъ попыткахъ неумѣстное стремленіе отдѣльныхъ лицъ использовать студенческія организациі въ постороннихъ, партійныхъ цѣляхъ. Это большинство стремилось къ созданію прочной профессиональной организациі съ нѣкоторыми просвѣтительными учрежденіями вокругъ нея,—планъ, который ежедневно разрушался и политическимъ и академическимъ безправіемъ.

Разногласія однако не принимали очень острыхъ формъ и выливались, обыкновенно, въ борьбу по конкретнымъ вопросамъ. Такъ въ 95 и 96 году шла борьба изъ-за размѣровъ, такъ называемыхъ, «отчисленій». Подъ этимъ разумѣлись суммы, передававшіяся изъ кассы въ общество помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ (красный крестъ) и иногда въ активныя партійныя организациі. Суммы эти передавались чрезъ должностныхъ лицъ кассы настолько конспиративно, что даже представительское собраніе не знало, куда онѣ пошли. Въ публиковавшихся отчетахъ эти суммы обозначались курьезнымъ названіемъ «интимные расходы». Тогдашніе академики очень косо посматривали на отчисленія по двумъ причинамъ; во-первыхъ, они недовѣрчиво относились къ подпольнымъ партіямъ, во вторыхъ, при бѣдности кассы, не хотѣли обременять ее лишними обязательствами. Послѣднее соображеніе при нелегальномъ положеніи организациі, все равно дѣлавшемъ ее неспособной выполнять функціи общества взаимнаго кредита, не могло, разумѣется, убѣдить тогдашнихъ политиковъ. Они настаивали на увеличеніи процента отчисленій, видя въ этомъ политическое обязательство студенчества; академики

же соглашались на небольшое процентное отчисление, какъ на филантропическую и корпоративную помощь пострадавшимъ товарищамъ. Борьба шла довольно долго и окончилась въ 1896 году торжествомъ политиковъ, которые добились 50 проц. отчислений. Въ это время вообще замѣтно усилилась политическая струя.

Какъ извѣстно, въ этотъ именно періодъ приняло замѣтныя формы марксистское и социалдемократическое движеніе. Хотя основаніе петербургскаго «союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса» относится къ концу 1894 года, но до знаменитой петербургской стачки 1895 года, эта организація ограничивалась кружками, скрытыми въ глубинѣ подполья и не имѣвшими имени даже среди широкихъ слоевъ студенческой публики. Стаечная волна привлекла общее вниманіе къ новой революціонной силѣ—пролетариату. Марксистское литературное направленіе сразу превратилась въ социалдемократическую партійную величину. вмѣстѣ съ тѣмъ, марксизмъ быстро окрасилъ мышленіе интеллигенціи и заставилъ ее пересмотрѣть всѣ унаслѣдованныя истины прошлаго. Подвергся пересмотру и вопросъ о значеніи и роли студенчества въ освободительной борьбѣ. По старому взгляду, какъ онъ формулировался въ студенческой средѣ, учащаяся молодежь была аванпостомъ не только общества, но и передовой его части интеллигенціи. И если интеллигенція являлась творческой силой, то этой силой обладало и студенчество. Поэтому, студенчество считалось обязательнымъ, какъ можно больше проявлять себя во всевозможныхъ протестахъ. Однако, по странному противорѣчію съ основными послылками, содержаніе протестовъ студенческими «бунтарями» суживалось на практикѣ до предѣловъ университетскихъ стѣнъ. Красивая и широкая концепція студенчества—носителя высокихъ идеаловъ интеллигенціи заканчивалась куцымъ положеніемъ: такъ какъ университетскій режимъ является частичнымъ проявленіемъ общаго режима, то студенты должны бороться противъ общаго режима, борясь противъ университетскаго режима. Въ результатѣ получалось поразительное крохоборство и убожество мысли. Какъ только начинались волненія и собирались сходки, такъ немедленно поднимался крикъ по поводу измѣненія устава, при чемъ толпа требовала всегда возвращенія къ «уставу 64 года», котораго никогда не существовало, разумѣя подъ нимъ уставъ 63 года, полный всевозможныхъ недостатковъ. Предъявивъ это требованіе, поругавшись съ ректоромъ и попечителемъ сходки или мирно расходились, не зная, что дѣлать дальше или насильственно разгонялись. Исходъ зависѣлъ отъ настроенія и такта начальства. Его дѣйствія могли внести нѣкоторое разнообразіе въ студенческіе споры, могли осмыслить движеніе. Послѣ первыхъ же репрессій начинали, напримѣръ, волноваться, требуя возвращенія исключенныхъ товарищей и т. д. Движеніе пріобрѣтало ясную цѣль. Предоставленные же самимъ себѣ сходки были обречены расплыться въ безконечныхъ и беспорядочныхъ рѣчахъ, тѣмъ болѣе, что въ тѣ блаженныя времена предсѣдателя не полагалось, ибо это значило завѣдомо обречь себя на исключеніе и административную высылку. Сходки велись по способу, практикуемому на нѣкоторыхъ анархистскихъ собраніяхъ: предсѣдателя не было, говорить начинали нѣсколько чело-

вѣкъ, а затѣмъ трибуна оставалась за наиболѣе энергичнымъ. Мы однако не дѣлали изъ нужды добродѣтель...

Въ рамкахъ борьбы противъ университетскаго режима ничего другого, кромѣ «предъявленія требованій», явно бесплоднаго, очевидно, нельзя было и ожидать. Но выйти за эти рамки мѣшали стѣны старой идеологіи. Марксисты-студенты, сгруппировавшіеся въ каскѣ, поставили своєю цѣлью разбить старыя стѣны и выступили съ проповѣдью «новаго слова».

Они поставили вопросъ очень прямолинейно; тактическіе выводы страдали отчасти неполнотою, отчасти нѣкоторою узостью, нашедшею потомъ выраженіе и въ пресловутомъ экономизмѣ. Но въ основѣ ихъ позиція была правильная и плодотворная.

Прежде всего, они постарались разрушить укоренившійся и безплодный предразсудокъ относительно идейнаго единства студенчества, какъ передового отряда критически мыслящей интеллигенціи. Они говорили: общество распадается на антагонистичные классы; студенты—дѣти общества; слѣдовательно, и они распадутся на разнородныя группы. Единой борьбы, поэтому, они вести не могутъ. Кромѣ того, сами по себѣ студенты безсильны. Они должны примкнуть къ тому классу, къ которому влечетъ ихъ умъ и сердце, если желаютъ чего нибудь достигнуть. Наиболѣе революціоннымъ, наиболѣе демократическимъ классомъ современнаго общества является пролетаріатъ. Къ нему и должны итти тѣ, кто не желаетъ оставаться въ лагерѣ обгряющихъ руки въ крови. Съ этой точки зрѣнія всякія студенческія вспышки на почвѣ университетскаго режима представлялись или излишними или даже вредными, такъ какъ давали возможность правительству безъ большихъ хлопотъ извлекать изъ обращенія наиболѣе работоспособные и многообщающіе элементы студенческой массы. Борьба противъ университетскаго режима, при данныхъ условіяхъ, все равно превращалась въ политическую борьбу. Политическая же борьба должна вестись планомерно и въ цѣлесообразныхъ формахъ, то есть въ формахъ социалдемократической борьбы. Въ интересахъ успѣшности этой борьбы и старыя типы студенческихъ организацій подверглись со стороны марксистовъ жестокой критикѣ.

Земляческая форма организаціи вызвала особенно рѣзкія нападки, какъ объединеніе, основанное на случайномъ географическомъ признакѣ, и обреченное ржавѣть отъ внутреннихъ классовыхъ противорѣчій. Единственной цѣлесообразной формой признавалось объединеніе по убѣжденіямъ для участія въ рабочемъ движеніи или для содѣйствія ему.

Схематичность этой проповѣди теперь очевидна для всякаго. Можно даже поставить теоретическій вопросительный знакъ относительно степени развитія классовыхъ противорѣчій среди студенчества, бывшаго, въ общемъ и цѣломъ, мелко буржуазной массой. Но тогда эта схема не казалась искусственной и сухой. Наоборотъ, она вдохновляла сердца.

Ея сила заключалась въ томъ, что она переносила вопросъ объ академическомъ гнетѣ и безправіи на политическую почву, что она, такимъ образомъ, указывала выходъ изъ тупика нелѣпой борьбы за

новый уставъ, въ которой погасало всякое демократическое чувство. Марксистская постановка вопроса рѣшительно перебрасывала студенчество съ уединеннаго острова академіи на материкъ всероссійской жизни и освѣщала яркою и опредѣленною мыслью стихійное недовольство студенческой массы.

Безусловно, все студенчество никогда не могло усвоить ни теоретическихъ, ни практическихъ посылокъ научнаго социализма. Но въ первыхъ, марксисты проповѣдывали свой символъ вѣры и вербовали свою армію. Слѣдовательно, они не могли вести половинчатой пропаганды. Во-вторыхъ, неприспособленность извѣстной части аудиторіи къ пониманію пропаганды только тогда стала уменьшать цѣнность пропаганды, когда студенты марксисты не сумѣли занять вполнѣ правильной позиціи къ возникавшему рядомъ съ социалистическимъ демократическому студенческому движенію. Но это было трудной задачей, которая часто оказывается не по плечу и болѣе зрѣлымъ политикамъ. Кромѣ того, существеннаго практическаго значенія эта ошибка не имѣла, такъ какъ въ массѣ проповѣдь марксизма усваивалась, прежде всего, какъ проповѣдь политической борьбы. Марксизмъ пробуждалъ политическую мысль демократіи; пробужденная же она развивалась самостоятельно и создавала формы проявленія, не считаясь со схемами.

Однако и политическая подготовка студенчества шла съ большимъ трудомъ. Какъ только касса заняла совершенно опредѣленную отрицательную позицію по отношенію къ студенческимъ безпорядкамъ и традиционнымъ студенческимъ организаціямъ, въ землячествахъ организовалась довольно сильная, хотя и разнородная оппозиція. Она опиралась на тотъ фактъ, что студенты пріѣзжаютъ изъ гимназій слишкома неподготовленными, чтобы стать въ ряды партійныхъ отрядовъ; поэтому, полная опредѣленность студенческихъ организацій можетъ легко оттолкнуть многихъ, впоследствии способныхъ сдѣлаться дѣльными и цѣнными работниками въ освободительной борьбѣ. Затѣмъ, по мнѣнію землячества, уже опредѣлившаяся партійная организація не даетъ студенту самостоятельно продумать проклятые вопросы и механически вкладываетъ его въ рамки того или другого міросозерцанія. Наконецъ, землячества отстаивали въ извѣстной степени именно студенческіе безпорядки, какъ защиту своего достоинства, оскорбляемаго университетскимъ гнетомъ, и какъ превосходное средство для воспитанія добрыхъ гражданскихъ чувствъ въ молодежи. Поэтому землячества, одобряя въ принципѣ политцизмъ, пропагандируемый кассой взаимопомощи, для себя отпускали его въ очень умѣренной дозѣ.

Въ этой оппозиціи участвовали и сторонники чисто студенческаго движенія и сторонники тѣхъ политическихъ теченій, которая теперь принято объединять подъ общимъ названіемъ социаль-народническихъ и нѣкоторые марксисты, которые инстинктивно сознавали, что отрицательное отношеніе массы къ землячествамъ и ихъ жизни не можетъ служить полнымъ отвѣтомъ марксизма на требованія момента и старались прививать землячествамъ идею политической борьбы во всемъ ея объемѣ.

Земляческая оппозиція не создала ни самостоятельнаго идейнаго теченія, ни прочной организаціи. Но она пыталась достигнуть обѣихъ цѣлей. Въ началѣ 1897 учебнаго года нѣсколько человекъ попытались создать союзъ землячествъ, по примѣру гремѣвшаго тогда московскаго совѣта. Благодаря энергіи инициаторовъ, въ Петербургѣ отыскалось 44 землячества, которыя послали своихъ представителей въ учредительное собраніе. Засѣданія учредительнаго собранія продолжались въ теченіе, по крайней мѣрѣ, шести мѣсяцевъ, къ счастью ни разу не обративъ вниманія бдительной петербургской полиціи. На этихъ засѣданіяхъ перебивала масса студенческой публики и обсуждены были до мельчайшихъ подробностей всѣ проклятые вопросы студенческой жизни. Здѣсь столкнулись и высказались всѣ направленія студенческой мысли того времени, и участники собраній могутъ засвидѣтельствовать, что они провели время съ удовольствіемъ и пользой. Но тутъ же выяснилось, что идея чисто студенческихъ организацій и чисто студенческаго движенія изжила свой вѣкъ. Собранія прекратились, не окончивъ обсуждения немногихъ параграфовъ устава союзной организаціи. Ихъ политическая дѣятельность выразилась въ одной или двухъ прокламаціяхъ и въ участіи въ демонстраціи въ память погибшей въ Петропавловской крѣпости Маріи Вѣтровой.

Не всѣ участники собраній, временно прерывая ихъ, сдѣлали выводъ о бесплодности своей попытки. Многие разошлись въ увѣренности, что союзная организація будетъ жить, что удастся, такимъ образомъ, создать школу, гдѣ студенты до поры до времени будутъ готовиться къ политическому поприщу. Но эта увѣренность не оправдалась. Собранія не возобновились. Политика побѣдила академизмъ во всѣхъ его формахъ. Суровая борьба разгоралась, и освободительная армія требовала все новыхъ и новыхъ солдатъ, не справляясь строго о высотѣ ихъ теоретической подготовки.

IV.

Побѣдѣ политическихъ настроеній въ значительной степени содѣйствовало то обстоятельство, что всѣ взгляды, зарождавшіеся въ студенческихъ головахъ, созрѣвали и подвергались немедленной проверкѣ въ высокой температурѣ непрерывнаго общественнаго подъема. Теорія тотчасъ же примѣнялась на практикѣ и выясняла свою дѣйствительную цѣнность нагляднымъ образомъ. За четырехлѣтіе съ 1895 по 1899 годъ петербургскій университетъ пережилъ цѣлый рядъ беспорядковъ и волненій, несмотря на то, что касса взаимопомощи пускала въ ходъ все свое вліяніе, чтобы сдержать накопившееся недовольство. Еще въ 1894 году, когда смерть Александра III вызвала въ обществѣ безсмысленныя мечтанія, разрѣшившіяся нѣсколькими туманными адресами и петиціями, въ петербургскомъ университетѣ состоялись сходки, на которыхъ рѣшено было обратиться съ петиціей относительно измѣненія устава. Петиція не удалась, такъ какъ къ ней хотѣли привлечь и солидныя профессорскія имена, но они по

разнымъ причинамъ, уклонились ¹⁾. Затѣмъ въ 1895 году произошла извѣстная битва подъ Палкинымъ, вспышка винныхъ паровъ и физиологическаго протеста противъ полицейскихъ кулаковъ, пріобрѣвшая по русскимъ условіямъ также политическое значеніе, но строго осужденная всѣмъ передовымъ студенчествомъ.

Радикальная часть студенчества только тогда вмѣшалась въ эту исторію, когда возникъ вопросъ о разслѣдованіи жестокихъ увѣчій, нанесенныхъ расходившимися полицейскими и дворниками студентамъ.

Наконецъ, въ 1896 году петербургскіе студенты пережили болѣе или менѣе серьезныя волненія. Поводомъ послужила демонстрація московскихъ студентовъ въ память жертвъ ходынского торжества и массовыя исключенія изъ московскаго университета, послѣдовавшія за нею. Московскія событія не были въ Петербургѣ полною неожиданностью. Незадолго до безпорядковъ изъ Москвы пріѣзжалъ делегатъ, который обратился въ кассу взаимопомощи съ очень туманнымъ запросомъ, какъ отнесутся въ Петербургѣ къ возникновенію безпорядковъ въ Москвѣ. Ни цѣль ни форма безпорядковъ точно не были указаны. Предложеніе мотивировалось обильными фразами о необходимости на почвѣ университетскаго режима бороться противъ общаго режима и т. д.

Насколько помнится, форма демонстраціи въ память ходынскихъ жертвъ и самими москвичами была принята только въ послѣдній моментъ и, кажется, при очень энергичномъ сопротивленіи значительной части союзнаго Совѣта. Несмотря на неопредѣленность запроса представительское собраніе кассы сочло необходимымъ устроить референдумъ по этому поводу. Въ результатѣ москвичъ получилъ вполне категорическій отрицательный отвѣтъ, мотивированный обычными тогда марксистскими соображеніями противъ студенческихъ безпорядковъ. Однако, когда фактъ совершился, когда сотни студентовъ были выброшены изъ университета, студенческая масса не могла остаться равнодушной. Начались сходки, которыя продолжались съ утра до вечера въ теченіе, кажется, трехъ или четырехъ дней. На этихъ сходкахъ выяснилась полная беспомощность старыхъ формъ студенческаго движенія.

Ораторы, по обыкновенію, подняли знамя устава 63 года. Говорили о необходимости автономіи, допущенія женщинъ и пониженія платы. Затѣмъ, позвали ректора, которому и предъявили «требованія». Ректоръ совершенно резонно отвѣтилъ, что измѣненіе устава отъ него не зависитъ. Опять начались рѣчи. Начальство имѣло достаточно ума, чтобы не прибѣгать къ репрессіямъ, и на третій день сходка почувствовала себя въ затруднительномъ положеніи: потоки краснорѣчія изсякли, а что дѣлать дальше—никто не зналъ. Касса взаимопомощи рѣшила, что необходимо какъ можно скорѣе ликвидировать «безпорядки». Пріѣздъ покойнаго попечителя округа Капустина помогъ облечь ликвидацию въ приличную по внѣшности, но дѣтскую по существу форму. Капустинъ явился на сходку и выслушалъ нѣ-

---

¹⁾ Рассказываютъ, что въ Кіевѣ одинъ изъ ученыхъ мужей даже объявилъ себя передъ студенческой депутаціей анархистомъ, чтобы имѣть основаніе отказать.

сколько рѣчей съ снисходительно-добродушной улыбкою стараго сатира.

Въ отвѣтъ на заявленія студентовъ онъ, также добродушно улыбаясь, заявилъ, что удивляется, какъ студенты, среди которыхъ много юристовъ, не понимаютъ, что измѣненіе устава—вопросъ, разрѣшаемый законодательнымъ порядкомъ. И онъ обстоятельно разъяснилъ намъ, въ чемъ состоитъ этотъ порядокъ. По существу же вопроса, онъ ловко отмѣтилъ, что студенты сами не ясно представляютъ себѣ, чего они хотятъ; что уставъ 63 года вовсе не идеаль и т. д., что, наконецъ, всѣ эти требованія пересмотра устава раздаются каждый годъ и что правительство не можетъ удовлетворять желанія каждаго поклѣнія студентовъ, мѣняющихся, какъ вода въ рѣкѣ. Тогда студенты предложили Капустину передать ихъ требованія министру для возбужденія вопроса въ законодательномъ порядкѣ. Кто то хотѣлъ уже бѣжать за бумагой, чтобы немедленно составить текстъ петиціи. До этого момента Капустинъ держалъ себя и умно и съ достоинствомъ.

Но какъ только онъ услышалъ слово: петиція, его старое бритое лицо сановнаго лакея дрогнуло въ нешуточномъ испугѣ. «Нѣтъ, нѣтъ! никакихъ петицій я не имѣю права принимать!»—залепеталъ онъ, отмахиваясь руками. «Ну, возьмите, по крайней мѣрѣ, списокъ нашихъ требованій, на листкѣ изъ записной книжкѣ»—уговаривали его студенты, протягивая клочекъ бумаги, гдѣ значилось: автономія, допущеніе женщинъ и т. д. Однако Капустинъ отмахивался и отъ несчастнаго бумажнаго обрывка, какъ отъ ядовитой змѣи, и увѣрялъ, что онъ хорошо помнитъ желанія студентовъ, что онъ ихъ и раньше зналъ, что, наконецъ, напрасно придаютъ такое значеніе передачѣ петиціи черезъ него, такъ какъ онъ, въ сущности, ничего не передаетъ, а только докладываетъ министру о томъ, что происходитъ въ университетѣ и, между прочимъ, и о студенческихъ требованіяхъ.

Эквилибристика Капустина предъ ужаснымъ листкомъ была смѣшна, но и студенческая вѣра въ этотъ листокъ была болѣе чѣмъ наивна. Наивенъ былъ и конецъ этихъ безпорядковъ.

Капустинъ прекратилъ переговоры, послѣ обѣщанія доложить дѣло министру, серьезнымъ предупрежденіемъ, что долше онъ уже не можетъ терпѣть продолженія сходовъ и, что если онъ не прекратятся, то передаетъ университетъ въ руки «другой силы» т. е. полиціи. Члены кассы повели агитацію за прекращеніе сходовъ, и онъ закончили. Но для эффектнаго конца одинъ изъ земляческихъ дѣятелей промозгъ утѣшительную рѣчь на ту тему, что студенчество съ гордостью можетъ разойтись по домамъ, такъ какъ оно побѣдило: требованія студентовъ дойдутъ до министра и будутъ рассмотрѣны въ законодательномъ порядкѣ.

Этотъ оптимизмъ очень понравился публикѣ, которая разошлась, наградивъ и оратора и самое себя дружными аплодисментами.

Курьезное теченіе и конецъ безпорядковъ дали хорошій матеріалъ для политической агитаціи и для критики традиціонной «сходочной» формы студенческихъ волненій. Выяснилось, что сходка превращается въ безпорядокъ только тогда, когда начальство обладаетъ

генеральскою глупостью и не имѣть терпѣнія выждать внутренняго истощенія толпы.

Вторые беспорядки—получившая заслуженную извѣстность демонстрація въ память М. Э. Вѣтровой, были уже гораздо болѣе серьезны. Ужасный фактъ самосожженія въ таинственныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости въ то время превышалъ выносливость нервовъ, еще не приученныхъ къ такимъ фактамъ политикою «конституционныхъ кабинетовъ». Какъ только оно стало извѣстно студенчеству—рѣшеніе было готово. Я помню, какъ одинъ изъ товарищей сообщилъ на очередномъ засѣданіи представительскаго собранія о смерти Вѣтровой. Прерывающимся голосомъ сказалъ онъ нѣсколько словъ. Тѣсная комнатка гдѣ-то на Петербургской сторонѣ, гдѣ мы собрались, казалось, закачалась предъ нами, въ облакахъ табачнаго дыма. Демонстрація вылилась въ единодушномъ рѣшеніи, безъ рѣчей, безъ голосованій. Чувство разрушило гнилую дипломатію, и прокламаціи, выпущенныя различными студенческими организаціями съ призывомъ на Казанскую площадь, проникнуты уже вполне опредѣленнымъ политическимъ настроеніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были болѣе умѣренными, другія болѣе крайними, но суть у всѣхъ была одинакова. Странное наказаніе, придуманное комитетомъ министровъ для демонстрантовъ: трехдневное заключеніе въ «Крестахъ», безусловно, сыграло добрую роль въ развитіи политическаго самосознанія студенчества.

Однако, и на этотъ разъ о революціонной сознательности студенчества можно говорить только съ большими и существенными ограниченіями. Даже касса взаимопомощи и совѣтъ объединенныхъ землячествъ, которые во время этой демонстраціи дѣйствовали вмѣстѣ, держались очень нерѣшительно.

Они согласились выпустить воззваніе «къ обществу», но, напри- мѣръ, предложенную одновременно агитаціонную прокламацію «къ народу» пришлось выпустить безъ фирмы. Между тѣмъ, эта прокламація имѣла большое практическое значеніе. Она должна была быть разослана по всѣмъ мелочнымъ лавкамъ и мелкимъ магазинамъ, расположеннымъ на пути слѣдованія задуманной демонстраціи, и содержала изложеніе причинъ и смысла шествія.

Съ 3 на 4 марта группа самоотверженныхъ товарищей цѣлую ночь напролетъ раскладывала конверты съ этой прокламаціей по почтовымъ ящикамъ въ разныхъ частяхъ города. Впечатлѣніе произведенное ими, осталось неизвѣстнымъ. Мнѣ рассказывали лишь про одного букиниста около Литейнаго, который получивъ прокламацію, побѣждалъ съ нею къ приставу, а тотъ въ награду за преданность произвелъ у него обыскъ.

Еще болѣе ярко рисуется настроеніе момента отношеніе организаціи къ рабочимъ. Рабочія организаціи тогда уже имѣли имя; невольно возникъ вопросъ, выпускать призывъ къ рабочимъ или нѣтъ, и единодушно былъ рѣшенъ отрицательно. Марксисты возстали противъ этого, отдавая дань «экономизму», остальные протестовали, находя, что въ случаѣ присутствія рабочихъ демонстрація приметъ ужъ слишкомъ революціонный характеръ и вызоветъ слишкомъ суровыя репрессіи. Тогда была распространена неизвѣстно на чужь

основанная увѣренность, что по отношенію къ студентамъ правительству не посмѣтъ принять такихъ жестокихъ мѣръ, какъ по отношенію къ рабочимъ. Во всякомъ случаѣ, рабочіе не были призваны, и демонстрація носила чисто студенческой характеръ съ участіемъ нѣкотораго количества интеллигенціи и нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ, пришедшихъ, несмотря на отсутствіе приглашенія. Мысль о томъ, что всякая демонстрація только выигрываетъ, когда она является всенародной, какъ-то даже не приходила въ голову.

Послѣдовавшія за демонстраціею сходки показали, что въ массѣ дѣло обстояло еще хуже. Сходки возникли по тому поводу, что въ Казанскую часть, гдѣ полиція переписала демонстрантовъ, попало всего только около 1200 человекъ. Между тѣмъ, въ Казанскомъ соборѣ и на площади было, конечно, въ десять разъ больше. Часть, разумѣется, благоразумно ретировалась, но большая часть была искусно отрѣзана и разбѣяна полиціей. Теперь, послѣ переписки 1200 человекъ, у многихъ явилось вполне естественное желаніе раздѣлить отвѣтственность товарищей, заявивъ о солидарности съ ними. Изъ разныхъ способовъ заявленія выбрали форму листовъ съ собственноручными подписями незаписанныхъ участниковъ демонстраціи. Это рѣшеніе было принято быстро и единодушно, но затѣмъ вопросъ, казавшійся самымъ пустымъ, вызвалъ ожесточенные споры, продолжавшіеся, если не ошибаюсь, два дня,—вопросъ о томъ, какъ озаглавить подписной листъ. Кто-то предложилъ формулу, гдѣ указывалось, что предполагаемая фамилія принадлежать лицамъ, участвовавшимъ въ демонстраціи въ память замученной правительствомъ М. Ф. Вѣтровой. Эта формула вызвала рѣзкіе протесты. Изъ студенческой массы, которая, обыкновенно, изображаетъ роль «народа», кричащаго или безмолвствующаго, стали выдѣляться ораторы, весьма связно доказывавшіе, что они участвовали не въ демонстраціи, а въ попыткѣ отслужить панихиду. Что служеніе панихиды они считали и продолжаютъ считать своимъ товарищескимъ долгомъ по отношенію къ почившей *курсисткѣ* Вѣтровой, и что они, отправляясь въ Казанскій соборъ, были убѣждены въ томъ, что правительство не можетъ препятствовать выполненію почтеннаго христіанскаго обряда. Такимъ образомъ, они не могутъ сказать про себя, что участвовали *въ демонстраціи*. Другіе говорили на ту тему, что предложенная формула носитъ слишкомъ рѣзкій политическій характеръ, что надо какъ нибудь отмѣтить чисто студенческой характеръ манифестаціи. Сторонники рѣзкой формулы произнесли нѣсколько хорошихъ и дѣльныхъ рѣчей, разъяснившихъ «христіанамъ» политическую ситуацію, но, въ концѣ концовъ, настроеніе большинства было настолько расплывчато, что надъ подписями пришлось написать только: списокъ лицъ, бывшихъ на панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ. Листы были посланы градоначальнику, гдѣ на нихъ не обратили вниманія. Полиція, непривыкшая тогда къ массовымъ выступленіямъ, чувствовала себя достаточно ошеломленной уловомъ 1200 человекъ, чтобы увеличивать эту цифру еще нѣсколькими сотнями. Споры между студентами на сходкѣ по поводу заголовка листовъ сопровождались частными спорами между нѣкоторыми видными дѣятелями совѣта землячества и кассы взаимно-

помощи. Земляки горячо доказывали, что всякая определенная постановка политических вопросов непременно потерпит крушение на почвѣ политической незрѣлости студенческой массы и что удачный исходъ демонстраціи въ значительной степени объясняется взрывомъ моральнаго, а не политическаго негодованія и подъемомъ товарищескаго чувства.

Но «товарищескому» чувству невольно приходилось брать въ руководители политическую мысль. Въ особенности ярко эта необходимость сказалась во время сходокъ, вызванныхъ беспорядками въ варшавскомъ университетѣ по поводу участія варшавскихъ профессоровъ въ открытіи виленскаго памятника Муравьеву. Сходки, посвященные муравьевскому вопросу, были замѣчательны тѣмъ, что на нихъ въ первый разъ выступила реакціонная часть студенчества въ качествѣ организованной и покровительствуемой начальствомъ силы. Она безпрепятственно устраивала свои особые сходки не на исторической «площадкѣ», а въ аудиторіяхъ, выбрала себѣ президіумъ, который входилъ въ какія-то таинственные сношенія съ инспекціей и т. д. Эти истинно-русскіе люди, какъ они себя тогда же называли, перенесли вопросъ на чисто политическую почву. Въ рѣчахъ, которыя они охотно произносили, говорилось о польскомъ вопросѣ въ духѣ «Московскихъ Вѣдомостей» и указывалось на задачи Россіи, какъ великой и единой державы.

На одной изъ особыхъ сходокъ, кто-то изъ руководителей «истинно-русскихъ» студентовъ произнесъ даже цѣлую лекцію объ историческомъ и современномъ положеніи польскаго вопроса. Истинно-русскихъ людей набралось, въ общемъ, немного; они сформировали свои кадры, главнымъ образомъ, изъ сыновей чиновниковъ Царства Польскаго, какъ известно, одной изъ самыхъ худшихъ частей русской бюрократіи. Но наглое и вызывающее поведение этой кучки надѣлало много хлопотъ передовой части студенчества и произвело нѣкоторое впечатлѣніе на массу, которая, отнюдь не становясь на «истинно-русскую» точку зрѣнія, тѣмъ не менѣе колебалась оскорбить товарищей политическимъ заявленіемъ слишкомъ рѣзкаго свойства. Если, въ концѣ концовъ, сходка поручила все-таки кассѣ взаимопомощи выработать адресъ съ выраженіемъ сочувствія варшавскимъ студентамъ, то это рѣшеніе огромнаго большинства было достигнуто чрезвычайно сомнительнымъ въ политическомъ смыслѣ ходомъ.

Нѣкоторые ораторы изъ земляческихъ организацій сорвали аплодисменты, доказывая, что варшавскіе профессора уже по одному тому заслуживаютъ порицанія, что внесли политическіе раздоры въ стѣны храма науки и тѣмъ оскорбили и науку и ея слушателей, проникнутыхъ чувствомъ національнаго безпристрастія. Съ такою постановкою вопроса соглашался кое-кто даже изъ истинно-русской оппозиціи. Адресъ, выработанный и посланный кассою, исходилъ, однако, изъ другихъ взглядовъ. Но его текстъ уже не обсуждался на сходкѣ.

Муравьевскія волненія были послѣдними предъ движеніемъ 1899 года. Ими заканчивается цѣлый періодъ въ исторіи студенчества, періодъ борьбы съ общимъ режимомъ на почвѣ университетскаго режима. Рядъ мелкихъ, чисто академическихъ всплешекъ и столкнове-

ній съ профессорами, съ инспекціей и ректоромъ, я не вспоминаю. Ихъ значеніе ограничивается только сплоченіемъ отдѣльныхъ группъ студентовъ, сплоченіемъ, оказавшимъ существенную услугу въ 1899 году.

Такимъ образомъ, къ началу большого движенія 1899 года петербургское студенчество пережило и передумало цѣлый рядъ конфликтовъ, приводившихъ мысль къ политическимъ выводамъ определеннаго характера. Оно подверглось продолжительному воздѣйствію социалдемократической агитаціи, которая, при всей своей односторонности въ тотъ періодъ, имѣла благотворное вліяніе, ставя ребромъ коренной вопросъ о несовмѣстимости абсолютизма съ мало-мальски культурными формами общежитія. Наконецъ, студенчество, въ довольно значительной своей части, приобрѣло организационныя навыки и техническій опытъ массовыхъ выступленій, накопленный въ предшествовавшихъ волненіяхъ, благодаря тому, что они оканчивались безъ жертвъ. Въ то время, какъ изъ другихъ университетовъ при аналогичныхъ обстоятельствахъ изгонялись сотни, въ Петербургѣ въ теченіе всего періода 95—99 года ни одинъ человекъ не былъ уволенъ за участіе въ сходкахъ и демонстраціяхъ. Эта начальственная терпимость создала «старую гвардію», умѣвшую вести дѣла. Кромѣ того, долговременность существованія студенческихъ организацій и выполнение ими все же и нѣкоторыхъ профессиональныхъ задачъ установило личныя связи между студенческими представителями съ одной стороны и представителями профессуры, литературы и общества—съ другой. Наконецъ, мы имѣли связи и съ другими университетами и высшими учебными заведениями. Средняя школа конспиративной дѣятельности была, однимъ словомъ, пройдена нами съ успѣхомъ.

Что же касается уровня нашего политическаго развитія, то его нужно было поднять еще очень высоко, чтобы мы получили даже формальное право на званіе политическихъ борцовъ. За исключеніемъ немногихъ, примкнувшихъ къ партійнымъ организаціямъ и почти не интересовавшихся событіями университетской жизни, большинство передового студенчества представляло очень сырую и рыхлую массу. Стихійное недовольство, демократическое чувство, бурный темпераментъ молодежи, запасъ общихъ фразъ изъ революціоннаго катехизиса и разнообразныхъ «возмутительныхъ» фактовъ изъ русской дѣйствительности—вотъ тотъ политическій капиталъ, которымъ мы располагали.

Разсыпанная картина нашихъ политическихъ свѣдѣній не была приведена въ систему, не освѣщалась регулирующимъ свѣтомъ определенной идеи. Даже основной вопросъ объ отношеніи къ абсолютизму не былъ нами разрѣшенъ твердо и безповоротно, не былъ нами даже и продуманъ во всей его величинѣ. Если когда-нибудь будутъ опубликованы студенческія показанія, данныя генералу Ванновскому то позднѣйшія поколѣнія будутъ поражены наивностью политической мысли и дѣтскою ея неопытностью въ элементарныхъ вопросахъ государственной жизни. О томъ, чтобы студенты ясно представляли себѣ путь борьбы, ея средства, нечего, конечно, и говорить. Въра въ то, что наиболѣе чувствительную для студенчества прорѣху—университетскій уставъ, можно починить и при абсолютизмѣ теплилась у очень и

очень многихъ. Нежеланіе примѣшивать къ своему студенческому дѣлу народъ изъ опасенія повредить практическимъ успѣхамъ своей политики также таилось у многихъ. Можно, пожалуй, сказать что большинство студенчества стремилось къ реформамъ, но можно утверждать, что это большинство было противъ революціи, то есть противъ политики и тактики, основанной на стремленіи къ ниспроверженію существующаго строя. На этой чертѣ студенчество останавливалось. Правительство перевело студентовъ чрезъ эту черту въ періодъ волненій 1899 года.

V.

Причины и внѣшняя исторія движенія 1899 года еще у всѣхъ въ памяти. Внутренняя же исторія со всѣми закулисными чертами пока еще по разнымъ соображеніямъ несвоевременна. Поэтому я заранее долженъ оговориться, что въ дальнѣйшемъ изложеніи во многихъ случаяхъ долженъ буду ограничиться общими чертами.

Какъ извѣстно поводомъ къ возникновенію волненій послужила лихая кавалерійская атака, изобрѣтенныхъ Клейгельсомъ конныхъ городовыхъ на кучку весьма мирно настроенныхъ студентовъ у Румянцевскаго сквера. Городовые изрядно отхлестали нагайками студентовъ, хотя, по сравненію съ нынѣшними избиеніями, избиеніе 8 февраля 1899 года можетъ показаться дружескимъ пинкомъ. Безпричинность избиенія страшно возмутила студенчество. Прийдя съ поля битвы въ университетскую столовую, помѣщавшуюся тогда на 10 линіи Вас. Острова, публика сильно волновалась и толковала о томъ, что завтра же необходимо назначить сходку. Вечеромъ, на обычныхъ вечеринкахъ также говорили о сходкѣ и ходило выпущенное кѣмъ-то приглашеніе. Но чрезвычайнаго возбужденія, которое показывало бы величину надвигавшихся событій, не было замѣтно. Въ кассѣ господствовало желаніе использовать этотъ случай только для политической агитации; никакихъ предпріятій не намѣчалось, и вопросъ даже не обсуждался. По отношенію къ сходкѣ, назначенной на 9 февраля, держалась увѣренность, что она будетъ немногочисленной и разрѣшится безплодной болтовней, какъ большинство мелкихъ сходокъ, успѣвшихъ уже надѣсть старымъ студентамъ. Я былъ такъ убѣжденъ въ этомъ, что, несмотря на живое участіе во всѣхъ студенческихъ дѣлахъ, не хотѣлъ итти въ университетъ и спокойно сидѣлъ въ столовой, когда около 12 часовъ туда прибѣжалъ страшно возбужденный товарищъ и рассказалъ, что въ университетѣ собралось около трехъ тысячъ человекъ, что на площадкѣ не хватило мѣста и пришлось выломать двери въ актовую залу, что сходка протекаетъ въ образцовомъ порядкѣ, подъ руководствомъ предсѣдателя, и съ сильнымъ подъемомъ настроенія. Мы немедленно отправились въ университетъ и тамъ сразу увидѣли, что налетѣла буря. Когда масса самопроизвольно выходитъ изъ обычнаго аморфнаго состоянія и организуется, она способна совершить большія дѣла. Правда, во главѣ сходки стали солдаты студенческой старой гвардіи, знакомые члены студенческихъ организацій, но они были оторваны отъ этихъ организацій и выбро-

шны наверхъ глубокой массовой волной. Содержание движенія и формы его дышали новою жизнью, накопленный опытъ былъ учтенъ только въ организационной техникѣ. Сходка 9 февраля уже намѣтила общую линію движенія. Вечеромъ того же 9 февраля состоялось засѣданіе представительскаго собранія кассы взаимопомощи, на которомъ касса признала полномочія, полученныя отъ сходки группою лицъ, назвавшихъ себя «организационнымъ комитетомъ» и присоединилась къ общему движенію. Черезъ недѣлю всѣ высшія учебныя заведенія въ Россіи были закрыты, а менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли, 20 февраля, растерявшееся правительство назначило генерала Ванновскаго для «разслѣдованія причинъ и обстоятельствъ» происходящихъ беспорядковъ. Разъ поставленное на дорогу, движеніе развивалось быстро и рѣшительно. Но прежде чѣмъ оно нашло эту дорогу, оно пережило колебанія, которыя, какъ и сама найденная дорога, чрезвычайно характерны для политическаго состоянія студенчества въ тотъ періодъ.

Студенты, попавшіе въ первый организационный комитетъ, всѣ уже въ той или другой степени прижыкали къ нахѣтившимся въ то время социальнo-политическимъ программамъ. Одни склонялись къ социалдемократіи, другіе—къ начинавшему возрождаться и складываться социальнo-народничеству.

Но по отношенію къ выпавшей на ихъ долю задачѣ: руководить возникшимъ движеніемъ, у нихъ безъ особыхъ разногласій и треній, составилъ особый свой планъ. Этотъ планъ не былъ выдуманъ заблаговременно злонамѣренными агитаторами, какъ потомъ утверждало правительство и его сторонники. Этотъ планъ созрѣлъ стихійно въ горячей атмосферѣ первыхъ сходокъ и первыхъ засѣданій организационнаго комитета, какъ-то даже внѣ сознанія его авторовъ. Лучшее доказательство стихійнаго появленія плана—это его анонимность. До сихъ поръ никто не можегъ указать, кто именно высказалъ его впервые. Повидимому, каждый предлагалъ отдѣльныя мѣры, совокупность которыхъ и составила планъ кампаніи.

Особенностями этой кампаніи были и ея средства и ея цѣли. Въ качествѣ средства влчыве рѣшено было примѣнить массовую стачку, которой суждено было сыграть такую рѣшающую роль въ славные октябрскіе дни, и «обструкцію», т. е. насильственное прекращеніе лекцій въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ не удастся приостановить мирнымъ путемъ. Цѣлью же являлось вырвать движеніе изъ рокового тупика пересмотра устава и придать ему тотъ политическій характеръ, который отвѣчалъ бы поводу волненій. Студенческія требованія на зготъ разъ должны были носить и достаточно широкій и достаточно конкретный характеръ гражданскихъ требованій.

Проведеніе плана организационнаго комитета встрѣтило значительныя трудности. Прежде всего, въ началѣ было нѣсколько трудно опредѣлить, куда склонится «тысячеголовое чудовище»—масса. Ораторы, выступавшіе изъ нея и неизвѣстные организованнымъ кругамъ, представляли «гласъ народа» довольно плохо. Какой-то студентъ, напяливъ на себя парадный мундиръ, билъ себя въ грудь и кричалъ, что нужно протестовать, ибо поругана честь мундира. Но масса, какъ

и всегда, оказалась гораздо догадливѣе, чѣмъ о ней обыкновенно полагають ея профессиональные печальники. Основная идея предложеннаго плана тотчасъ же была схвачена массою превосходно. Гораздо труднѣе было уладить дѣло съ вождями. Здѣсь организационный комитетъ долженъ былъ выдержать дружественныя стычки и съ академистами и съ политиками.

Академисты опять выдвинули требованіе пересмотра университетскаго устава и успѣли даже заручиться со стороны кое-кого изъ либеральныхъ профессоровъ обѣщаніями содѣйствовать петиціи въ этомъ смыслѣ. На первой сходкѣ сторонникомъ академистовъ выступилъ и Г. С. Носарь, будущій предсѣдатель совѣта рабочихъ депутатовъ — Хрусталевъ. Онъ со свойственной энергіей и дѣловитостью произнесъ весьма содержательную рѣчь, гдѣ подробно изложилъ проектъ петиціи, даже съ указаніемъ различныхъ параграфовъ, которые слѣдовало отмѣнить или измѣнить въ университетскомъ уставѣ. Однако, при дальнѣйшихъ переговорахъ съ нимъ членовъ организационнаго комитета оказалось, что Г. С. академистъ—изъ дипломатическихъ сосображеній. Увидя, что масса способна стать на болѣе широкую точку зрѣнія, онъ присоединился къ организационному комитету и проявилъ тамъ энергичную дѣятельность. Съ другими же академистами пришлось достаточно поспорить прежде, чѣмъ удалось одержать побѣду. Но ихъ позиція была очень слаба. Организационный комитетъ прямо поставилъ вопросъ: какая связь между тѣмъ, что произошло 8 февраля и тѣмъ или другимъ параграфомъ университетскаго устава? Путемъ какихъ логическихъ доводовъ можно прійти къ мысли, что избіеніе нагайками является основаніемъ для ходатайства о свободѣ науки? Затѣмъ, самый способъ ходатайствъ, петицій былъ дискредитированъ всѣми прошлыми опытами.

Никто изъ академистовъ не могъ отвѣтить даже на простой, чисто технической вопросъ: кому и какимъ образомъ мы подадимъ петицію, если такая будетъ написана и подписана? Гимнастическія упражненія Капустина предъ ключками изъ записной книжки были всѣмъ памяты. Въ 1899 году дѣло обстояло еще хуже, ибо «добраго» Деянова смѣнилъ твердокаменный Боголѣповъ. Наконецъ, если бы совершилось чудо, и петиція была бы принята, то кто же могъ поручиться за сколько-нибудь удовлетворительные результаты. Для того, чтобы обратить на себя вниманіе, очевидно, надо было дѣйствовать, надо было серьезнымъ актомъ показать, что студенчество не потерпитъ надругательства надъ собою, такъ какъ избіеніе 8 февраля является несомнѣннымъ поруганіемъ личности и поруганіемъ той науки, во имя которой собрались здѣсь студенты. Послѣ 8 февраля пушено было крылатое слово—наша *alma mater* стала *mater corrupta*.

Сходка горячо привѣтствовала такую постановку вопроса, и въ Петербургѣ организационный комитетъ одержалъ сравнительно легкую побѣду именно потому, что онъ апеллировалъ непосредственно къ студенческой массѣ. Въ Кіевѣ же и Москвѣ, гдѣ петербургскимъ делегатамъ пришлось первоначально столкнуться съ организаціями, петербургской точкѣ зрѣнія приходилось туго. Кіевскія студенческія организаціи отличались всегда большимъ словеснымъ радикализмомъ.

Ихъ прокламаціи, написанныя высокимъ стилемъ и пересыпанныя стихотворными цитатами, возбуждали въ холодныхъ петербуржцахъ добродушную насмѣшку; въ свою очередь кievляне также не были довольны петербуржцами. Петербургская постановка вопроса показала имъ гораздо менѣе радикальной, чѣмъ прежнія требованія объ измѣненіи устава. Цѣлую ночь провелъ питерскій делегатъ, убѣждая кievскую организацію въ преимуществахъ своего предложенія. Въ концѣ концовъ онъ добился только права выступить на сходкѣ лично и отдать, такимъ образомъ, дѣло на судъ студенчества. Сходка приняла петербургское предложеніе съ полнымъ сочувствіемъ. Въ Москвѣ союзный совѣтъ землячествъ сомнѣвался, что студенты примутъ петербургскій дозунгъ. Но они его приняли, хотя затѣмъ, кажется, къ петербургскимъ требованіямъ были прибавлены и чисто академическія. Вообще, провинція не разсчиталась сразу такъ безповоротно съ академизмомъ, какъ Петербургъ.

Но если съ академизмомъ организаціонный комитетъ легко свелъ ликвидаціонные счеты, то его споръ съ «политиками» былъ гораздо сложнѣе и горячѣе. Участіе и санкція кассы взаимопомощи были, по многимъ соображеніямъ, весьма цѣнны для движенія и нужно было во что бы то ни стало добиться соотвѣтствующаго постановленія представительскаго собранія. Въ это время подавляющее большинство членовъ собранія принадлежало къ социалдемократіи. На экстренномъ засѣданіи 9 февраля они стали на обычную точку зрѣнія: студенческое движеніе излишне, такъ какъ студенчество не представляетъ изъ себя социальной силы; студенческое движеніе вредно, такъ какъ это влечетъ растрату накопляющагося революціоннаго капитала. Протестовать противъ возмутительныхъ актовъ правительственнаго произвола можно лишь однимъ путемъ—путемъ работы въ пролетаріатѣ, которая тогда, между прочимъ, также почти исключала политическіе моменты.

Это была эпоха «Рабочей Мысли», эпоха экономизма, который всего менѣе былъ способенъ занять правильную позицію по отношенію къ политической борьбѣ другихъ классовъ. Реакція противъ этого направленія уже назрѣвала въ видѣ элементовъ будущей «Искры», и грядущіе споры социалдемократовъ впервые разыгрались въ миниатюрѣ на собраніи кассы взаимопомощи. Часть социалдемократовъ горячо стали за поддержку начавшагося движенія и за участіе въ немъ съ цѣлью придать ему наиболѣе сознательный характеръ.

Организаціонному комитету удалось добиться положительнаго рѣшенія, но большинство социалдемократовъ было довольно, что свалило руководство на плечи комитета и относилась къ движенію весьма холодно вплоть до тѣхъ поръ, пока не выяснились его грандіозные размѣры.

Такое же отношеніе господствовало и въ нестуденческихъ с.-д. кругахъ. Они, повидимому, полагали, что движеніе не выйдетъ за предѣлы обычныхъ семейныхъ безпорядковъ. Между тѣмъ, въ рабочей средѣ очень интересовались студенческими дѣлами. Въ первые же дни волненій въ столовую какъ-то зашелъ рабочій съ Балтійскаго завода и потребовалъ старшаго дежурнаго студента, передалъ ему записку,

нацарапанную на клочкѣ сѣрой бумаги. Въ этой запискѣ отъ имени рабочихъ Балтійскаго завода студентамъ посылался упрекъ: почему они не выпускаютъ печатнаго листка съ объясненіемъ цѣлей движенія. «Мы—гласила записка—очень интересуемся, изъ за чего вы бунтуете, а понять не можемъ. Многіе распространяютъ слухъ, что вы хотите отнять у крестьянъ землю и возобновить крѣпостное право. Однако мы этому не вѣримъ и знаемъ, что такіе слухи распространяютъ шпионы». Письмо закончилось убѣдительною просьбой выпустить «листокъ». Мы передали записку въ петербургскую социалдемократическую организацію, такъ какъ не имѣли непосредственныхъ связей съ заводами и не могли, поэтому, удовлетворить запросъ Балтійскихъ рабочихъ. Установить тѣсныя сношенія съ заводами, чтобы связать студенческое движеніе съ рабочимъ и придать ему еще болѣе широкій размахъ или не приходило въ голову, или совѣтъ не входило въ планъ организаціоннаго комитета, который стремился обезпечить себѣ сплоченное большинство на доступныхъ студентамъ политическихъ требованійхъ. Для этого нужно было придать движенію такой характеръ, чтобы оно, не сходя съ политической почвы, не переходило, однако, въ юридически революціонное дѣяніе. Организаціонный комитетъ стремился къ тому, чтобы, съ одной стороны, его существованіе не могло быть поведено подъ статьи закона о тайныхъ революціонныхъ обществахъ, а, съ другой стороны, чтобы и самыя цѣли движенія не могли послужить поводомъ къ обычному обвиненію по 250 статьѣ стараго уголовнаго уложенія то есть въ намѣреніи въ болѣе или мене отдаленномъ будущемъ ниспровергнуть существующій строй. Какъ недурно формулировала задачи движенія одна курсистка, мы должны были бороться за законъ, а не противъ закона. Съ этою цѣлью, организаціонный комитетъ выставилъ только три требованія: обезпеченіе неприкосновенности личности, изданіе точныхъ правилъ о полномочіяхъ полиціи при столкновеніяхъ съ толпою, судебная отвѣтственность администраціи за ихъ нарушеніе и судебное разслѣдованіе избіенія 8 февраля. Трехъ требованія эти одновременно были очень узкими, поскольку они не охватывали всѣхъ правъ человѣка и гражданина, и слишкомъ широкими, поскольку они были невмѣстимы абсолютистско-полицейскимъ государствомъ. Въ массѣ они приняли еще болѣе обобщенную форму, и студенты просто говорили: мы боремся за священныя элементарныя права личности, за ея неприкосновенность. И таковъ былъ дѣйствительный смыслъ борьбы. Принятіе организаціоннымъ комитетомъ неполной и неудачной формулировки въ значительной степени объясняется изрядною политическою невинностью его членовъ, принадлежавшихъ къ тому въ большинствѣ къ естественникамъ по специальности. Но въ этомъ фактѣ заключалось и нѣчто болѣе важное съ исторической точки зрѣнія. Дѣло въ томъ, что какъ ни свѣжи были естественники въ вопросахъ государственнаго и административнаго права, однако; они сразу поставили вопросъ о томъ, насколько совмѣщается неприкосновенность личности съ абсолютизмомъ и насколько, слѣдовательно, выставленіе подобныхъ требованій имѣетъ реальное значеніе. Горячіе споры, возникшіе по этому поводу, не привели ни къ какимъ результатамъ. Выяснилось только, что нѣкоторые

склоняются къ той точкѣ зрѣнія, которая составляла особенность русскаго либерализма въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ: именно что абсолютизмъ еще не исключаетъ законности. На этой фикціи, какъ извѣстно, была построена либеральная защита полноправія земскихъ и судебныхъ учреждений и т. п. И вотъ эта либеральная фикція поколебала организаціонный комитетъ. Онъ поручилъ одному изъ товарищей посоветоваться съ знакомыми и авторитетными юристами относительно формулировки требованій. Результатомъ юридической консультаціи и былъ выпущенный организаціоннымъ комитетомъ листокъ: «наши требованія». Такимъ образомъ, еще въ 1899 году либеральная идеологія могла овладѣть студенческимъ движеніемъ. Массовое студенчество да отчасти и организаціонный комитетъ искренно думали, что они борются за законъ, а не противъ закона, полагая, что полицейскій абсолютизмъ знаетъ какіе-либо законы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая устранить и формальные поводы для обвиненій, организаціонный комитетъ неоднократно и въ рѣчахъ, и въ листкахъ утверждалъ, что наше движеніе—не политическое. Но такъ какъ оно не было и академическимъ, то придумана была особая терминологія: наше движеніе—движеніе общественное, выражающее протестъ противъ попиранія произволомъ насильнической администраціей элементарныхъ и священныхъ правъ человѣческой личности.

Эта идея была усвоена студенческой массой достаточно прочно, и всякое отклоненіе отъ принятой линіи, какъ вправо, такъ и влѣво, встрѣчалось потомъ весьма недружелюбно. Когда одинъ изъ членовъ организаціоннаго комитета, пользовавшійся обычно громадною популярностью, говоря рѣчь на сходкѣ 9 или 10 февраля, произнесъ шуточные слова, въ которыхъ можно было усмотрѣть непочтительное отношеніе къ царскому портрету сходка заревѣла, какъ разъяренное животное. Ораторъ едва могъ закончить свою рѣчь. И послѣ него пришлось произнести двѣ рѣчи спеціально для того, чтобы успокоить аудиторію, доказавъ ей, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, что оратора не такъ поняли.

Даже во второмъ періодѣ движенія, когда «касса взаимопомощи» выпустила противъ воли организаціоннаго комитета прокламацію, гдѣ студенческое движеніе объявлялось революціоннымъ броженіемъ пробуждающейся буржуазіи и первымъ проблескомъ тѣхъ бурь, которые должны свести въ могилу русскій абсолютизмъ,—эта прокламація, получившая громкое названіе «манифеста» вызвала такое раздраженіе, что въ столовой ее рвали и топтали ногами. Организаціонный комитетъ долженъ былъ сдѣлать официальное заявленіе, что, не входя въ критику содержанія прокламаціи, онъ указываетъ на полную свою непричастность къ ея появленію. Надо, впрочемъ, замѣтить, что плохой приемъ «манифеста» зависѣлъ и отъ другихъ причинъ. Дѣло заключалась, конечно, не въ смѣшной игрѣ словами: политическое или общественное. Споръ о словахъ скрывалъ споръ по существу; бытъ ли движенію революціоннымъ или оппозиціоннымъ?

На той точкѣ, на которую движеніе стало въ первый періодъ, оно не могло долго оставаться. Равновѣсіе было слишкомъ неустойчивымъ. Но это все-таки было равновѣсіе. Ни правая ни лѣвая чашка

вѣсовъ не могла перетянуть. Нужно было еще бросить что либо на вѣсы для того, чтобы студенчество рѣшительно склонилось въ ту или другую сторону. Правительство бросило комиссію Ванновскаго.

VI.

Назначеніе разслѣдованія дѣйствій полиціи и притомъ разслѣдованіе въ столь экстраординарной формѣ, естественно, принято было студентами, какъ побѣда движенія, сумѣвшего поколебать основной столпъ полицейскаго абсолютизма: догматъ непогрѣшимости полиціи. Но чувство одержанной побѣды не переходило въ ликование, наоборотъ, оно осложнялось многими сомнѣніями. Студенты знали, что комиссія является слѣдствіемъ растерянности правящихъ сферъ, выразившейся въ рядѣ запутанныхъ придворныхъ интригъ. Витте, уже тогда обладавшій жонглерскою ловкостью рукъ, хотѣлъ студентами сбить съ позиціи Горемыкина, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ ставшаго на защиту Клейгельса и охраннаго отдѣленія.

Витте принадлежала записка, которой онъ провель «позаимствованную» имъ изъ профессорскихъ круговъ мысль о необходимости спеціальной внѣвѣдомственной комиссіи для изслѣдованія дѣла. Самое происхожденіе комиссіи внушало, слѣдовательно, очень основательныя сомнѣнія относительно ея состава и направленія ея работъ. Затѣмъ, личность Ванновскаго пользовалась скорѣе отрицательной, чѣмъ безразличной—не говоря уже о положительной—репутаціей. Мы знали о немъ, что это бывшій военный министръ Александра III, одинъ изъ вождей реакціонной военной партіи, свалившей либеральнаго Милютина, человекъ безъ образованія, суровый, послѣдовательно уничтожившій въ арміи всѣ слѣды эпохи либеральныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ. Наконецъ, откуда-то узнали, что онъ родственникъ Горемыкина, котораго мы считали, вмѣстѣ съ Боголѣповымъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ бѣдъ. Всѣ эти данныя настраивали очень отрицательно по отношенію къ Ванновскому. Впрочемъ въ видѣ смягченія впечатлѣнія, прибавляли, что Ванновскій—уже развалина, въ университетскихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ; такимъ образомъ, исходъ дѣла будетъ зависѣть отъ комиссіи. Организационный комитетъ, не входя въ оцѣнку личности Ванновскаго, принципиально призналъ самый фактъ назначенія комиссіи недостаточнымъ для прекращенія забастовки и призвалъ студенчество крѣпко держаться вплоть до удовлетворенія выставленныхъ требованій.

Забастовка продолжалась. Однако сейчасъ же послѣ назначенія Ванновскаго, начали въ изобиліи распространяться иные болѣе примирительные взгляды, которые нашли сильную поддержку въ либеральныхъ профессорскихъ кружкахъ. Дѣло въ томъ, что интриги правящихъ сферъ дали возможность либеральной партіи профессоровъ предпринять нѣкоторые практическіе шаги. Почтенные ученые, академики Н. Н. Бекетовъ и А. С. Фаминцынъ, тотчасъ же послѣ избіенія 8 февраля, собравшіе матеріалъ для доказательства полицейскихъ

побоевъ и пытавшіеся всѣми силами достигнуть наказанія виновныхъ, получили аудіенцію у Государя специально для доклада объ инцидентѣ у Румянцевскаго сквера. Эта аудіенція, состоявшаяся послѣ того, какъ вопросъ о назначеніи разслѣдованія былъ предрѣшенъ, сама по себѣ не опредѣляла дальнѣйшаго теченія событій. Организационный комитетъ, интересуясь ея исходомъ послалъ двухъ своихъ членовъ къ Н. Н. Бекетову узнать, чѣмъ кончится его попытка. Студенты дождались возвращенія Н. Н. изъ Зимняго Дворца и вмѣстѣ съ семьей Н. Н. и нѣкоторыми писателями и профессорами присутствовали при рассказѣ Н. Н. о приѣмѣ.

Николай Николаевичъ показалъ имъ текстъ своего доклада. Это было краткое изложеніе безобразнаго факта избіенія въ очень мягкихъ и дипломатическихъ выраженіяхъ. Оканчивалось оно просьбою о разслѣдованіи и какъ бы оправданіемъ студенческихъ безпорядковъ нѣкоторыми соображеніями, изъ которыхъ особенное впечатлѣніе произвело на членовъ организационнаго комитета указаніе, что студенты не заслуживали бы имени русскихъ, если бы не протестовали противъ нанесеннаго имъ оскорбленія. Такое объясненіе движенія съ точки зрѣнія патріотизма и народной гордости не приходило намъ въ голову. Н. Н. Бекетовъ только добродушно усмѣхнулся, когда студенты выразили ему свое удивленіе. Затѣмъ, Н. Н. Бекетовъ рассказалъ, что его докладъ былъ выслушанъ благосклонно, что собранные имъ и акад. Фаминцынымъ матеріалы по поводу избіенія приняты и будутъ переданы въ комиссію, и что ему и акад. Фаминцину будетъ дана возможность оказать содѣйствіе трудамъ этой комиссіи.

Послѣднее указаніе вызвало въ слушателяхъ нѣкоторое недомѣніе. Возникъ споръ о томъ означаетъ ли это, что почтенные ученые будутъ назначены членами комиссіи или только то, что они будутъ спрошены въ качествѣ свѣдующихъ людей. Оптимисты утверждали первое, пессимисты склонялись ко второму. Н. Н. Бекетовъ заявилъ, что онъ самъ не знаетъ, какъ толковать спорныя слова, но что онъ считаетъ своимъ долгомъ предостеречь студентовъ отъ постройки прекрасныхъ замковъ на зыбкой почвѣ. Въ виду этого трезваго предостереженія, организационный комитетъ пришелъ къ твердому и ясному заключенію, что профессора не будутъ членами комиссіи Ванновскаго. Между тѣмъ академикъ Фаминцынъ примкнулъ къ оптимистическому толкованію открытыхъ перспективъ. Онъ полагалъ, что оба почтенные академика уже являются членами комиссіи. Визитъ къ Ванновскому не вывелъ А. С. Фаминцына изъ заблужденія, хотя Ванновскій сказалъ академикамъ очень неопредѣленную фразу: что-то въ родѣ того, что въ свое время онъ позоветъ ихъ.

Но неопредѣленность эгихъ словъ зависѣла только отъ опредѣленности предшествующихъ ожиданій. Для Ванновскаго, даже и не думавшаго объ участіи профессоровъ въ работѣ комиссіи, его слова были вполне ясны. Тѣмъ не менѣе, увѣренность А. С. Фаминцына стала распространяться среди профессоровъ. Образовалась цѣлая либеральная партія, которая вступила въ энергичную борьбу съ организационнымъ комитетомъ. Линія поведенія, рекомендуемая этою партіею,

обосновывалась приблизительно слѣдующимъ образомъ. Ванновскій полонъ благихъ намѣреній. Онъ призываетъ почтенныхъ и авторитетныхъ профессоровъ въ свою комиссію. Этимъ профессорамъ студенчество довѣряетъ. Слѣдовательно, оно можетъ довѣрять и комиссію, и Ванновскому. Нужно выразить это довѣріе въ опредѣленной формѣ, чтобы развязать руки Ванновскому отъ полицейскихъ путъ и дать ему возможность перейти къ творческой работѣ. Нужно прекратить забастовку. Что касается высланныхъ,—въ то время уже было выслано нѣсколько десятковъ человѣкъ—то отвѣтственность за ихъ судьбу надо возложить на Ванновскаго. Онъ почувствуетъ себя обязаннымъ вернуть ихъ и сумѣетъ этого добиться. Какъ результатъ этой политики, въ перспективѣ либеральная партія рисовала новый уставъ высшихъ учебныхъ заведеній, выработанный профессорами въ полномъ согласіи со студенческими желаніями.

Либеральная партія вела свою агитацію съ несвойственной ей страстностью и энергіею; при этомъ чѣмъ болѣе она восхваляла будущую комиссію, тѣмъ болѣе розовыми красками приходилось ей изображать и личность Ванновскаго. Какъ ни мало вѣрило радикальное студенчество либераламъ, однако, либеральные восторги показывали, что по тѣмъ или инымъ причинамъ, но Ванновскій вовсе не производитъ впечатлѣнія реакціоннаго людоѣда. Наоборотъ, изъ всѣхъ анекдотовъ о немъ, въ изобиліи составленныхъ либералами немедленно послѣ его назначенія, явствовало, что Ванновскій, по меньшей мѣрѣ, раздѣляетъ точку зрѣнія Витте, находившаго, что если студенты виноваты, то и полиція не безъ грѣха.

Во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, проникавшія въ студенческую среду о личности Ванновскаго въ значительной мѣрѣ разсѣяли первоначальное отталкивающее впечатлѣніе, вызванное его назначеніемъ. Комиссія Ванновскаго стала возбуждать извѣстный интересъ, какъ что-то новое, еще неизвѣданное. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ организаціонномъ комитетѣ не разъ возникала мысль о томъ, чтобы завязать сношенія съ комиссію Ванновскаго съ цѣлью повліять на ходъ разслѣдованія. Эта мысль осуществилась, благодаря личной инициативѣ двухъ членовъ организаціоннаго комитета В. А. Власова и меня. Для насъ комиссія Ванновскаго представляла непосредственный интересъ. Дѣло въ томъ, что первая же высылка захватила, какъ и слѣдовало ожидать, нѣсколькихъ членовъ перваго организаціоннаго комитета, уже давно извѣстныхъ полиціи по своей дѣятельности въ университетѣ. Въ число высланныхъ попалъ и я, и Власовъ. Но въ то время, какъ другіе высланные были захвачены полиціей или на квартирѣ, или въ университетѣ, или на улицѣ, мы счастливо избѣжали ареста, такъ какъ приняли самыя тщательныя мѣры предосторожности. Я, напримѣръ, уже съ 9 февраля не ночевалъ на своей квартирѣ, а затѣмъ обрилъ бороду, надѣлъ синіе очки и ходилъ въ штатскомъ платьѣ, напоминая скорѣе сыщика, чѣмъ студента. Затѣмъ въ университетѣ, гдѣ хозяйничала уже полиція, приглашенная ректоромъ Сергѣевичемъ, мы не ходили. Въ студенческой столовой бывали только въ обѣденные часы и расходились вмѣстѣ съ тысячной толпой, среди которой насъ было трудно замѣтить. Вечеромъ

же уже ни на какихъ собраніяхъ мы не участвовали, а отправлялись куда нибудь на ночевку. Въ виду общаго сочувствія къ студентамъ въ тѣ дни недостатка въ квартирахъ для ночлега не было. Часто неизвѣстные товарищи предлагали свои услуги и доставляли весьма удобныя помѣщенія. Мы рѣшили вести такой нелегальный образъ жизни, пока не попадемся, такъ какъ не хотѣли уѣзжать изъ Петербурга въ самый разгаръ движенія, захватившаго насъ съ невиданной силой. Однако кочевой бытъ представлялъ и много неудобствъ. Кромѣ того, опасность ареста всегла висѣла надъ нами, такъ какъ по самому характеру своей работы мы не могли усиленно прятаться и должны были появляться или въ столовой, или въ толпѣ передъ университетомъ и т. п. Однажды, когда я уходилъ изъ столовой, товарищи замѣтили, что въ подворотнѣ противоположнаго дома прячется полиція. Я едва успѣлъ вскочить на извозника и отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ оттуда выскочилъ приставъ и, сѣвъ на другого извозника, погнался за мною. Мнѣ удалось спастись, заставивъ извозника сдѣлать нѣсколько неожиданныхъ поворотовъ. Приставъ пролетѣлъ мимо меня. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе усиливалась слезка, и мы ничего не имѣли противъ того, чтобы возвратить себѣ легальность, тѣмъ болѣе, что назначеніе разслѣдованія какъ будто обезпечивало отъ повторенія высылки.

Размышляя о способахъ возвращенія въ первобытное состояніе, я остановился на одномъ. Мнѣ казалось, что, разъ Ванновскій производитъ слѣдствіе, то мы ему несомнѣнно нужны въ качествѣ самыхъ важныхъ свидѣтелей или обвиняемыхъ—этому мы не придавали значенія. Если же мы ему нужны, то онъ долженъ оставить насъ въ Петербургѣ для допроса, который неизвѣстно когда состоится и который можетъ потребовать передопроса и т. д. Однимъ словомъ, я рѣшилъ, что мы можемъ обратиться къ Ванновскому, чтобы онъ задержалъ насъ въ Петербургѣ въ качествѣ лицъ, привлеченныхъ къ дознанію. Я сообщилъ этотъ планъ Власову, и мы столковались по-пробовать. Но итти прямо къ Ванновскому, значило бы отдавать себя во власть всякихъ неожиданностей которыя, быть можетъ, удалось бы предупредить, если совершить нѣкоторые подготовительные шаги. Мы узнали, что въ число членовъ комиссіи, имена которыхъ не были опубликованы, входитъ членъ консультаціи министерства юстиціи И. В. Мѣщаниновъ. Кто-то сказалъ, что Мѣщаниновъ—человѣкъ шестидесятихъ годовъ и либераль. Въслѣдствіи, сдѣлавшись товарищемъ министра народнаго просвѣщенія при Ванновскомъ, Мѣщаниновъ весьма основательно опровергъ всякіе слухи о своемъ либерализмѣ. Но въ 1899 году въ качествѣ неизвѣстнаго чиновника онъ, можетъ быть, и позволялъ себѣ иногда полиберальничать. Какъ бы то ни было, мы рѣшили обратиться къ Мѣщанинову. Другіе члены, изъ которыхъ намъ были извѣстны имена главнаго военнаго прокурора Маслова и завѣдывающаго канцеляріей министерства юстиціи по политическимъ дѣламъ Стремоухова уже окончательно не внушали довѣрія, въ особенности г. Стремоуховъ. Среди нашихъ товарищей по симферопольской гимназіи и по университету, оказался одинъ не то дальній родственникъ, не то близкій знакомый Мѣщанинова. Узнавъ о

нашихъ замыслахъ, этотъ товарищъ предложилъ предупредить Мѣщанинова о нашемъ приходѣ. Онъ сдѣлалъ это и сообщилъ намъ въ какіе часы удобнѣе всего застать дома г. Мѣщанинова. Намъ не было назначено прѣма, но по нашему впечатлѣнію, нашъ приходъ не былъ нежелателенъ. На другой же день мы съ любопытствомъ отправились къ Мѣщанинову, захвативъ съ собою комплектъ «бюллетеней» нашего «Правительственнаго Вѣстника».

Мѣщаниновъ занималъ тогда довольно скромную квартиру на Николаевской улицѣ. Онъ встрѣтилъ насъ съ гораздо большимъ любопытствомъ, чѣмъ мы его, и принялъ насъ весьма любезно, но чрезвычайно нервно. Несмотря на то, что наше появленіе не было для него неожиданностью, онъ сдѣлалъ видъ, что очень удивленъ.

— Какъ вы прямо сюда пришли?—спросилъ онъ насъ. Вы знаете, это очень неудобно. Охранное отдѣленіе рветъ и мечетъ. Насъ всѣхъ уже объявили неблагонадежными и отдали подъ надзоръ. Замѣтили у моего подвѣзда гороховое пальто? Оно появилось съ того дня, какъ я назначенъ членомъ комиссіи... Намъ приходится быть очень осторожными, очень... Но, впрочемъ, садитесь, садитесь... Мы сѣли, сѣлъ и онъ, но все время онъ какъ то опасно озирался, словно боясь, что вотъ войдутъ «гороховыя пальто» и арестуютъ его вмѣстѣ съ нами.

— Ну, господа, затѣяли вы дѣло,—продолжалъ онъ.

Мы объяснили, что студенчество поставлено въ безвыходное положеніе. Законныхъ средствъ защиты нѣтъ. Приходится поневолѣ прибѣгать къ экстраординарнымъ способамъ.

— Да, да. Но теперь, слава Богу, все пойдетъ къ лучшему. Комиссія назначена. Ванновскій настроенъ очень хорошо. Конечно, онъ солдатъ, старикъ, въ университетскихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, но мы его постепенно обрабатываемъ и своего добьемся. Мы сами были студентами... Мы все знаемъ... Уставъ 63 года — вотъ наша цѣль.

А наши требованія? Неприкосновенность личности, судебная отвѣтственность администраціи и т. д.

— Я слышалъ, слышалъ. Читалъ вашъ листокъ. Ну, знаете, эти требованія... Сейчасъ, главное—уставъ, уставъ 63 года, и мы его вамъ преподнесемъ. Но и вы поддержите насъ. Прежде всего, надо окончить забастовку.

— Но мы должны же видѣть какое-нибудь дѣло со стороны комиссіи. По крайней мѣрѣ, возвращеніе высланныхъ...

— Вопросъ о нихъ непременно будетъ поставленъ. Но главное нужно прекратить забастовку, нужно показать довѣріе комиссіи; это придастъ ей силу... Затѣмъ, въ вашихъ бюллетеняхъ слѣдовало бы иначе относиться къ Ванновскому. Въ одномъ изъ бюллетеней было, на примѣръ, напечатано, что онъ—гнилая руина. Согласитесь, что это неудобно.

— Мы должны вамъ совершенно опредѣленно заявить, что въ бюллетеняхъ организаціоннаго комитета такихъ выраженій не было. Наши бюллетени носятъ строго офиціальныя характеръ и пишутся

нарочито дѣловымъ языкомъ. Точно также мы сообщаемъ только проверенные факты...

— Да! можетъ быть это и не въ официальномъ бюллетенѣ, но это было сказано въ одномъ изъ листковъ.

— Теперь ихъ издается очень много. Мы принимаемъ отвѣтственность только за свои, тѣмъ болѣе, что мы не знаемъ, какіе листки вы получаете...

— Въ комиссію доставляетъ ихъ охранный отдѣленіе.

Мы разсмѣялись.

— При такихъ условіяхъ вы рискуете получить листки, написанные Пирамидовымъ.

— Да. Это можетъ быть. Онъ чинитъ всякія препятствія, всячески затрудняетъ работу.

— Позвольте уже присылать вамъ листки непосредственно въ комиссію. Вышедшіе же мы можемъ вамъ передать теперь же.

— Благодарю. Пожалуйста. Только знаете ли, нельзя ли какъ-нибудь не по почтѣ? Я боюсь, что наша переписка теперь просматривается.

— Хорошо это можно устроить.

— Пожалуйста. А все-таки я на вашемъ мѣстѣ напечаталъ бы въ листкахъ, что-нибудь приятное Ванновскому, какой-нибудь такъ сказать, комплиментъ ему.

Мы промолчали, и затѣмъ перешли къ личному дѣлу. Мѣщаниновъ отнесся очень сочувственно къ нашему желанію, но безнадежно разрушилъ юридическую конструкцію нашего плана. Онъ разъяснилъ намъ, что Ванновскій производитъ не слѣдствіе, а разслѣдованіе по особому высочайшему повелѣнію. При такомъ разслѣдованіи никакихъ лицъ привлеченныхъ къ дознанію не можетъ быть, такъ какъ оно не опредѣляется никакими юридическими нормами. Лицо, удостоенное довѣріемъ монарха, облечено полномочіями узнавать о дѣлѣ все, что ему покажется нужнымъ, и всѣми способами, которые оно признаетъ цѣлесообразными. Опросъ свидѣтелей является, разумѣется, естественнымъ требованіемъ всякаго разслѣдованія факта, но однако формально Ванновскій имѣлъ бы права обойтись и безъ него.

— Однако вліяніе Ванновскаго можетъ помочь вамъ остаться въ Петербургѣ—закончилъ Мѣщаниновъ.—Я совѣтую вамъ обратиться къ нему; кстати вы познакомитесь и съ его отношеніемъ къ студентамъ. Но непосредственно идти къ нему неудобно. Надо подготовить почву. Лично я съ нимъ едва познакомился и поэтому ничего не могу предпринять въ этомъ направленіи. Но среди членовъ нашей комиссіи есть товарищъ военнаго прокурора генераль Лузановъ. Онъ—старый знакомый и, кажется, даже другъ Ванновскаго. Побѣжайте къ нему и расскажите откровенно, въ чемъ дѣло. Я надѣюсь, что онъ дастъ вамъ добрый совѣтъ, какъ подойти къ Ванновскому. Только вы не говорите, что я направилъ васъ къ нему. До свиданія. Поддержите же комиссію своимъ поведеніемъ. Кончайте забастовку. Въ листкахъ же не допускайте ничего такого... революціоннаго. Сохрани Богъ отъ этого.

Бесѣда была закончена, и мы вышли, имѣя уже нѣкоторыя положительныя обѣщанія относительно направленія работъ комисси Ванновскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы узнали, что и Ванновскій и его сотрудники заподозрѣваемые въ либерализмъ, уже взяты подъ надзоръ охраннаго отдѣленія, что политическая полиція, привыкшая къ самодержавной власти, не скрываетъ своей злобы и готовится къ реваншу. Это обстоятельство мы вполне оцѣнили только впоследствии. Разговоръ же съ Мѣщаниновымъ направилъ наше вниманіе на благія намѣренія «просвѣщенныхъ» членовъ комисси и заставилъ выдѣлить ихъ изъ «сплошной реакціонной массы» студенческихъ враговъ.

Однако, несмотря на привѣтливость Мѣщанинова, путешествіе къ генералу Лузанову внушало намъ нѣкоторыя сомнѣнія. Мы не боялись ареста, но опасались нарваться на плохой приемъ, который поставилъ бы насъ въ глупое положеніе. Тѣмъ не менѣе останавливаться въ началѣ пути намъ не хотѣлось, и мы рѣшили отправиться въ военно-судное управленіе, гдѣ жилъ генералъ Лузановъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія къ намъ вышелъ старикъ съ весьма привѣтливыми манерами и тонкимъ обращеніемъ. Онъ очевидно былъ искренно удивленъ столь необычнымъ визитомъ и спросилъ, чѣмъ можетъ служить.

Мы изложили, что, находясь въ такихъ-то и такихъ-то обстоятельствахъ, полагаемъ, что комиссія Ванновскаго можетъ вывести насъ изъ затрудненій и обращаемся къ нему, какъ одному изъ членовъ комисси, вѣроятно, знакомому съ Ванновскимъ, за совѣтомъ, какъ намъ поступить. Удивленіе генерала еще болѣе возросло.

— Но кто же васъ направилъ ко мнѣ?—спросилъ онъ насъ.

— Никто—невинно отвѣчали мы.—Просто узнали, о томъ, что вы состоите членомъ комисси и обратились къ вамъ, какъ къ профессору. Лузановъ былъ профессоромъ военно-юридической академіи.

— Благодарю васъ за довѣріе. Я постараюсь помочь вамъ. Завтра я увижу предсѣдателя комисси и скажу ему о васъ. Онъ, вѣроятно, найдетъ какой-нибудь выходъ. Но за вами не числится больше никакихъ грѣховъ, кромѣ участія въ студенческомъ движеніи? По свѣдѣніямъ департамента полиціи на него оказываютъ сильное вліяніе агитаторы революціонныхъ партій.

— Свѣдѣнія департамента полиціи, ваше превосходительство, завѣдомо не отвѣчаютъ дѣйствительности. Дѣйствія полиціи вызвали безпорядки, и теперь нѣтъ ничего удивительнаго, что полиція правдами и неправдами старается оправдать свое поведеніе. Между тѣмъ, ея поведеніе ничѣмъ не можетъ быть оправдано.

— Ну да, конечно: нагайки въ XIX столѣтіи, это—недопустимо. Я помню, какъ мы были возмущены, когда въ семидесятыхъ годахъ для усмиренія военно-медицинской академіи употребили насиліе. Но тамъ студенты изломали скамьи, били окна... Впрочемъ, вѣдь и у васъ 8 февраля было очень неспокойно на актѣ? Зачѣмъ вы вышли изъ университета очень бурно, съ пѣснями, и оказали сопротивленіе полицейскому отряду, бросали въ него метлами, камнями?

Это было изображеніе событій 8 февраля, нарисованное и рас-

пространенное Пирамидовымъ, обычное изображеніе русской полиціей всякихъ общественныхъ движеній по старой схемѣ: агитація злонамѣренныхъ личностей, серьезная опасность общественному порядку, нападеніе на чиновъ администраціи и т. д. Мы энергично боролись противъ измышленій охраннаго отдѣленія и постарались выяснить Лузанову, что движеніе возникло безъ всякаго воздѣйствія постороннихъ силъ, что единственнымъ злонамѣреннымъ агитаторомъ является охранное отдѣленіе, что бурная форма протеста объясняется исключительно отсутствіемъ законныхъ способовъ самозащиты.

— Но теперь, когда назначено разслѣдованіе, движеніе прекратится?—спросилъ Лузановъ.

— Это очень сложный вопросъ, генераль. Мы теперь связаны съ другими высшими учебными заведеніями Петербурга и Россіи. Товарищеская солидарность не позволяетъ намъ принимать быстрыхъ рѣшеній за свой личный счетъ. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что и петербургскіе студенты потерпѣли кары. Нѣсколько десятковъ нашихъ товарищей произвольнымъ распоряженіемъ полиціи оторваны отъ науки и высланы. До ихъ возвращенія едва-ли возможно говорить о прекращеніи забастовки. Вообще, дальнѣйшій ходъ движенія въ значительной степени зависитъ отъ хода занятій комиссіи.

— Комиссія одушевлена самымъ искреннимъ желаніемъ раскрыть правду. Наши работы идутъ довольно быстро, несмотря на то, что многимъ изъ насъ приходится знакомиться съ совершенно новымъ міромъ. Я, напримѣръ, профессоръ учебнаго заведенія, которое также считается высшимъ, но наши слушатели, офицеры,—совсѣмъ не то, что вы. Во всякомъ случаѣ, мы скоро приступимъ къ опросу студентовъ.

— Студенты сдѣлаютъ все, чтобы раскрыть правду, къ которой стремится комиссія, по словамъ вашего превосходительства. Съ своей стороны, организаціонный комитетъ приметъ мѣры, чтобы доставлять въ распоряженіе комиссіи всѣ свои изданія, такъ какъ мы предостерегаемъ васъ, генераль, отъ пользованія средствами департамента полиціи. Это—очень мутный источникъ.

— Да, да. Пожалуйста, доставляйте. Это очень важно. Затѣмъ, генераль задалъ рядъ вопросовъ о днѣ 8 февраля. Вообще, видно было, что онъ очень интересовался установленіемъ фактической стороны происшествія, очень мало задумываясь, въ противоположность Мѣщанинову, надъ общими вопросами университетскаго быта. Закончилъ бесѣду генераль приглашеніемъ притти къ нему вечеромъ на слѣдующій день, чтобы узнать отвѣтъ Ванновскаго. Когда мы уходили генераль проводилъ насъ до дверей и, открывая ихъ, еще разъ поблагодарилъ за довѣріе и прибавилъ:

— Вы можете спокойно притти завтра. Я васъ не выдамъ полиціи.

— Помилуйте, ваше превосходительство, мы никогда и не допускали мысли объ этомъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ.

Въ общемъ пріемъ Лузанова произвелъ на насъ утѣшительное впечатлѣніе, хотя его разспросы о фактической сторонѣ всѣхъ происшествій 8-го февраля намъ не понравились—не потому, что они носили немного полицейскій запахъ, но потому, что они казались мелкими

и мелочными въ сравненіи съ громадными основными вопросами, вставшими изъ нагаекъ и снѣжковъ 8 февраля. Но для насъ было важно и отрадно уже то, что мы совершенно неожиданно встрѣтились съ возможностью раскрыть всѣ факты и всѣ требованія, что правительственное разслѣдованіе лишено обычнаго колорита жандармскаго застѣнка. Это побуждало насъ воспользоваться комиссіей Ванновскаго, чтобы какъ можно шире и глубже освѣтить печальное положеніе студенчества.

На другой день мы съ пачкою бюллетеней были опять у Лузанова. Генераль встрѣтилъ насъ съ тою же привѣтливою и тонкою сдержанностью. Онъ принялъ многозначительный видъ и сказалъ.

— Я говорилъ о васъ съ Ванновскимъ. Въ началѣ онъ отнесся довольно сурово, но затѣмъ онъ рѣшилъ оказать вамъ свое содѣйствіе. Послѣ завтра вы должны притти къ нему, и онъ вамъ лично скажетъ, что нужно сдѣлать, чтобы остаться въ Петербургѣ.

Замѣтивъ, что эта таинственность намъ не внушаетъ особаго расположенія, генераль Лузановъ началъ горячо и съ чувствомъ увѣрять насъ, что мы спокойно можемъ довѣриться Ванновскому.

— Я знаю П. С. Ванновскаго давно—говорилъ онъ—еще съ Павловскаго военнаго училища. Конечно, юнкера—не студенты, но и они—молодежь. Ванновскій же умѣлъ обращаться съ ними. Правда, у него ежовыя рукавицы, но за то онъ прямодушенъ и справедливъ, ненавидитъ всякую ложь и чуетъ ее. Потомъ, вы можете довѣрить и его опытности. Его годы, его долгая государственная дѣятельность научили его многому, и вы можете быть увѣрены, что онъ дастъ совѣтъ, который принесетъ вамъ пользу. Общайтесь мнѣ, что вы исполните то, что онъ вамъ скажетъ. Въ его словахъ не будетъ ничего, что могло бы задѣть вашу честь или даже ваше самолюбіе.

Желаніе получить обѣщаніе выполнить неизвѣстное намъ предложеніе, разумѣется, нами не было удовлетворено.

Мы заявили, что постараемся выполнить желаніе генерала Ванновскаго, поскольку это будетъ въ нашихъ силахъ, но не имѣемъ возможности связать себя заранѣе даннымъ обѣщаніемъ.

Такимъ образомъ, наши путешествія привели насъ къ Ванновскому, отношеніе котораго къ студентамъ могло, какъ намъ казалось, повліять на многое въ дальнѣйшемъ ходѣ событій. Надъ визитомъ къ Ванновскому мы серьезно задумались; въ особенности, насъ занимало таинственное предложеніе, которое онъ долженъ былъ намъ сдѣлать. Мы не были намѣрены итти на какія либо уступки. Между тѣмъ было ясно, что Ванновскій потребуетъ какого-либо отреченія въ качествѣ цѣны за оставленіе въ Петербургѣ. Очень можетъ быть, что Мѣшаниновъ и Лузановъ, говоря съ нимъ о насъ, представили насъ въ видѣ людей, утомившихся своими скитаніями и желающихъ найти болѣе или менѣе почетный исходъ. Въ дѣйствительности, мы хотѣли только сбросить съ рукъ лишніе путы для того, чтобы получить возможность болѣе свободной дѣятельности, такимъ образомъ, свиданіе съ Ванновскимъ могло обратиться въ сплошное и непріятное недоразумѣніе. Но останавливаться было уже поздно.

Въ назначенный день, рано утромъ, мы пришли на уголь Садовой, около инженернаго замка, гдѣ жилъ Ванновскій. Свиданіе съ нимъ имѣло для насъ въ тотъ моментъ особую важность, такъ какъ онъ приступалъ къ массовому опросу студентовъ, разъ, и, два, потому, что охранный отдѣленіе пустило всѣ средства, чтобы вызвать студенческое движеніе на улицу и, расправившись съ нимъ снова нагайками, получить поводъ для репрессій въ грандіозныхъ размѣрахъ. Тогда ходили слухи, что заготавливается тысяча вагоновъ для вывоза студентовъ изъ Петербурга. 19 февраля студенты, наконецъ, поймали охранный отдѣленіе на грубой и дерзкой провокаціи.

Организаціонный комитетъ, давно уже чувствуя, что политическая полиція стремится провоцировать какой-либо эксцессъ и сознавая, что при данныхъ условіяхъ вся сила движенія заключается въ сдержанности, почти ежедневно въ бюллетеняхъ призывалъ студенчество къ спокойствію и выдержкѣ, предостерегая его отъ всякихъ уличныхъ выступленій. 19 февраля—въ то время запрещенный «праздникъ»—всегда проходило въ университетѣ въ нѣкоторомъ броженіи. Зная это и опасаясь, что кто-нибудь въ порывѣ гражданскаго чувства попытается ознаменовать день освобожденія крестьянъ небольшою демонстраціей—а это было легко сдѣлать, такъ какъ университетъ былъ закрытъ, а около него каждое утро собиралась толпа студентовъ, находившихся въ очень «бодромъ», какъ писали въ бюллетеняхъ, настроеніи—организаціонный комитетъ выпустилъ по поводу 19 февраля специальное воззваніе, въ которомъ предлагалъ студенчеству провести этотъ день въ нарочитомъ спокойствіи. Между тѣмъ утромъ 19 февраля на стѣнѣ университета оказалась наклеенной прокламація, гдѣ студенты ни болѣе ни менѣе какъ приглашались на Казанскую площадь. Эта же прокламація въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ ходила по рукамъ среди студентовъ, толпившихся около университета. На прокламаціи, какъ и на всѣхъ прокламаціяхъ организаціоннаго комитета, была приложена печать: «касса взаимопомощи студентовъ с.-петербургскаго университета».

Студенты читали прокламацію, противорѣчившую всѣмъ предшествующимъ заявленіямъ, съ понятнымъ недоумѣніемъ. Наконецъ, кто-то догадался обратиться къ организаціонному комитету, засѣдавшему въ столовой. Комитетъ немедленно рѣшилъ, что это—дѣло рукъ охранныя отдѣленія. Тотчасъ же на гектографѣ напечатали нѣсколько строкъ, предостерегающихъ студентовъ отъ нарушенія принятой тактики и объявляющихъ провокаторскими всѣ противоположные призывы. Къ университету же былъ немедленно командированъ одинъ изъ членовъ комитета, чтобы захватить хотя одинъ экземпляръ провокаторской прокламаціи. Но, очевидно, шпіоны уже убрали ее. Произведенное по горячимъ слѣдамъ разслѣдованіе дало несомнѣнныя доказательства благороднаго происхожденія прокламаціи. Охранка не потрудилась даже сдѣлать копіи печати кассы взаимопомощи, а приложила бывшую у нея старую печать, арестованную вмѣстѣ съ кассиромъ около двухъ лѣтъ до настоящаго случая, печать совсѣмъ иной формы, чѣмъ ея преемница. Старые члены кассы безошибочно

узнали, знакомую печать ¹⁾). Безцеремонность Пирамидова и его шайки становилась слишком назойливой, и мы хотѣли поставить предъ Ванновскимъ вопросъ о дѣйствіяхъ охраннаго отдѣленія исполнѣ ясно и открыто, чтобы направить его вниманіе въ эту сторону, такъ какъ мы опасались, что наши либеральные друзья изъ профессорской коллегіи да отчасти и студенческая масса будутъ при допросахъ налегать больше всего на необходимость реформы университетскаго устава.

Когда мы пришли къ Ванновскому насъ уже ожидали. Чинсвикъ особыхъ порученій—одинъ изъ тѣхъ гуттаперчевыхъ молодыхъ людей, которые рождаются въ Петербургѣ специально для того, чтобы состоять при высокихъ особахъ—любезно привѣтствовалъ насъ и привелъ въ высокій и просторный залъ, гдѣ и просилъ подождать выхода его высокопревосходительства. Ждать пришлось очень недолго. Вскорѣ изъ дверей быстрыми и рѣшительными шагами вышелъ Ванновскій. Онъ подошелъ къ намъ съ весьма суровымъ видомъ и съ любопытствомъ окинулъ насъ взглядомъ.

Въ свою очередь и мы съ любопытствомъ разсматривали генерала. Листки, называвшіе его гнилой руиной, несомнѣнно, удалялись отъ истины. Передъ нами стоялъ невысокій плотный старикъ, бодрый и подвижной, съ интеллигентнымъ лицомъ. Голосъ его звучалъ ясно и твердо. Свои мысли онъ выражалъ кратко и опредѣленно.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ намъ.—Вы хотите остаться въ Петербургѣ, чтобы мутить здѣсь? Заварили кашу? Этотъ тонъ менѣе всего могъ привести насъ въ смущеніе, такъ какъ, объясняя возникновеніе беспорядковъ, мы имѣли подъ собою твердую почву. Отвѣтъ нашъ былъ исполнѣ спокоенъ.

— Мы этой каши не заваривали. Студенты были вынуждены дѣйствовать такъ, какъ они дѣйствуютъ?

— Какъ не заваривали? А кто изорвалъ объявленіе ректора 6 февраля, кто на актѣ освисталъ ректора?

— Эти факты не имѣютъ прямого отношенія къ движенію. Движеніе вызвано возмутительнымъ избіеніемъ студентовъ полиціей.

— Я не говорю о нагайкахъ.. Нагайки, это гнусность...

— Между тѣмъ, у насъ не было возможности защищаться отъ этой гнусности законными средствами. Наши профессора ничего не могли сдѣлать, какъ и мы. А ректоръ призналъ въ своей рѣчи, которая, вѣроятно извѣстна вашему превосходительству, что скорѣе всего ротмистръ, устроившій избіеніе будетъ произведенъ въ подполковники за эту атаку и что законность—такая птица, которая не выноситъ нашего климата.

— Да, ректоръ вашъ сказалъ безтактную рѣчь; но, вѣдь, эти беспорядки были у васъ заранѣе подготовлены? Вѣдь еще 6 февраля вы изорвали объявленіе ректора, рѣшили освистать его и освистали на актѣ, въ присутствіи высокопоставленныхъ особъ, въ присутствіи митрополита... Что это за безобразіе! Подумайте, что было бы, если бы полкъ освисталъ своего командира?

---

¹⁾ Впослѣдствіи это подтвердилось в разслѣдованіемъ Ванновскаго и даже гвардiйско-судебной комедіей свѣдѣствіа по процессу организаціоннаго комитета.

Такое сопоставленіе повергло насъ въ изумленіе. Мы со всевозможною деликатностью объяснили генералу, что въ университетѣ нѣсколько инныя отношенія, чѣмъ въ полку, и что выраженіе одобренія и неодобренія представителямъ профессорской корпораціи составляетъ у насъ довольно обыкновенное явленіе. Почти каждая лекція популярныхъ профессоровъ оканчивается аплодисментами слушателей. Затѣмъ, мы рассказали Ванновскому событія въ ихъ истинномъ свѣтѣ и истинной послѣдовательности. Онъ очевидно уже внимательно ознакомился съ официальной версіей и поэтому часто задавалъ намъ провѣрочные вопросы, сначала нѣсколько недобѣрчиво и подозрительно, потомъ съ живымъ интересомъ и безъ заднихъ мыслей. Подробности сходокъ, различныя бытовыя черты студенческой жизни, затрагиваемыя нами въ разсказѣ, его видимо поражали. Для него оставалось совершенно непонятнымъ, какъ студенты могутъ обсуждать и оцѣнивать поступки своего «начальства», къ которымъ онъ причислялъ и профессоровъ, какъ они могутъ соединяться въ тайныя организаціи, устраивать вечеринки, на которыхъ говорится о политическихъ вопросахъ.

— Странно и неумѣстно!—нѣсколько разъ повторялъ онъ.

Отъ случая 8 февраля мы должны были перейти къ общему положенію студенчества. Мы указали, что полицейскій режимъ привелъ къ удивительному, но несомнѣнному факту: поступленіе въ университетъ является уже преступленіемъ или подготовленіемъ преступленія. Каждый студентъ, по самому своему званію, отдается подъ надзоръ полиціи, которая отнимаетъ у него самыя элементарныя права, въ родѣ права собраться съ друзьями въ количествѣ болѣе пяти человекъ, и преслѣдуетъ его политическимъ шпіонствомъ, отравляя существованіе и дѣлая невозможными даже научныя работы, такъ какъ и наука также отравлена нелѣпой и подлой политической подозрительностью.

Тайная полиція—говорили мы—убиваетъ своимъ надзоромъ даже необходимое для научной работы товарищеское общеніе. Мы не можемъ довѣрять другъ другу, такъ какъ не знаемъ, кто рядомъ съ нами сидитъ на скамьѣ: дѣйствительно студентъ или только шпіонъ, одѣтый студентомъ...

— Этого не можетъ быть!—горячо вдругъ прервалъ Ванновскій.

— Чего не можетъ быть?—удивленно спросили мы.

— Чтобы шпіоны одѣвались студентами! Это гнусно! Это мараетъ честь мундира!—волновался старикъ.

— Тѣмъ не менѣе это составляетъ обычное явленіе,—отвѣчали мы, испытывая самое горячее негодованіе при видѣ подобной наивности. И не только шпіоны, но и провокаторы. Въ этомъ и состоитъ система нашей политической полиціи: съ одной стороны подстрекать, а съ другой—ловить...

И мы рассказали Ванновскому нѣсколько совершенно несомнѣнныхъ случаевъ, когда на сходкѣ обнаруживали билетъ агентовъ охраннаго отдѣленія у студентовъ, говорившихъ наиболѣе революціонныя рѣчи или наиболѣе дерзко нападавшихъ на университетскую ад-

министрацію. Наконецъ, мы подробно выяснили провокаторскую вы-ходку съ прокламаціей по поводу 19 февраля. Ванновскій только разводилъ руками.

— Вотъ почему возникло наше движеніе,—закончили мы.—Мы хотимъ освободиться отъ произвольнаго и незаконнаго гнета тай-ной полиціи, мы хотимъ, чтобы ея дѣйствія опредѣлялись строго за-конными правилами. Въ отвѣтъ на это она извращаетъ факты, под-дѣлываетъ документы и стремится представить насъ въ видѣ револю-ціонеровъ, съ которыми государственная власть должна безпощадно расправиться. Отъ васъ, ваше превосходительство, зависитъ теперь возстановить истину...

Ванновскій замѣтно былъ пораженъ нарисованною картиною.

— А революціонные агитаторы не играли у васъ роли? Кто ѣздилъ по учебнымъ заведеніямъ провозглашать забастовку и при этомъ переодѣвался въ соотвѣтствующую форму? Вѣдь это безчестно снимать свой мундиръ и надѣвать чужой?

Послѣднее утверженіе мы оставили безъ отвѣта, но на первые вопросы дали ясный отвѣтъ.

— Никакихъ революціонныхъ агитаторовъ не было. Все сдѣлано самими студентами и когда вы допросите ихъ, то и члены организаціоннаго комитета и всѣ, кто выполнялъ его порученія, назовутъ себя и скажутъ, что они дѣлали.

— Вы увѣрены, что они назовутъ себя и все скажутъ?—быстро спросилъ Ванновскій.

— Настолько увѣрены, что сейчасъ могли бы назвать вамъ фа-милиі своихъ товарищей и не дѣлаемъ этого только потому, что не уполномочены официально на такого рода заявленія. Но каждый изъ товарищей скажетъ вамъ самъ все о своей дѣятельности. Вообще, мы ничего не скрываемъ; наоборотъ, мы добиваемся, чтобы всѣмъ были извѣстны наши цѣли и наши средства, такъ какъ за насъ—правда. Вы можете свободно отказаться отъ темныхъ свѣдѣній департамента полиціи; всѣ нужныя вамъ свѣдѣнія дастъ организаціонный коми-тетъ.

Генераль, очевидно, не ожидалъ такого оборота дѣлъ. Повиди-мому, онъ думалъ, что члены организаціоннаго комитета представля-ютъ изъ себя тѣхъ самыхъ таинственныхъ злонамѣренныхъ агитато-ровъ, о которыхъ доносилъ ему Пирамидовъ и которыхъ ему при-шлось бы тщательно розыскивать. Онъ былъ даже растроганъ и ска-залъ намъ съ нѣкоторою торжественностью.

— Благодарю васъ за довѣріе. Свѣдѣнія моей комиссіи никому переданы не будутъ.

— Это соображеніе для насъ не имѣетъ значенія. Мы готовы на все.

— Я съ своей стороны могу обѣщать вамъ, что приложу всѣ усилія къ тому, чтобы выяснить только правду. Вы можете вѣрить моему безпристрастію. Я уже очень старъ, я получилъ отъ моихъ императоровъ, которымъ я служилъ вѣрой и правдою, все, чего мо-жетъ желать человекъ. Больше мнѣ ничего не нужно, и ни для кого я не стану кривить душой.

— Но, можетъ быть, вы—вдругъ перемѣнили онъ тонъ,—добиваетесь какой-нибудь конституціи?

— Наше движеніе не можетъ ставить такой цѣли.

— Ну, то-то. Вы, конечно, люди молодые и склонны мечтать о всякихъ конституціяхъ, но, повѣрьте мнѣ, у меня вотъ уже волосъ не осталось и видѣлъ я много, увѣряю васъ—Россія еще не созрѣла для конституціи. Да еще и неизвѣстно—меланхолически добавилъ онъ—лучше ли эти конституціи-то? Посмотрите, что въ Австріи дѣлается въ парламентѣ? Безобразіе! Драка!

Мы промолчали, не желая пускаться въ рискованную область государственно-правовыхъ споровъ и перевели разговоръ на необходимость возвращенія высланныхъ товарищей не только въ Петербургъ, но и въ провинціальныхъ университетахъ.

У насъ было достаточно данныхъ о томъ, какъ производились эти высылки. Не говоря уже о томъ, что охрана выслала такихъ студентовъ, которые за все время движенія ни разу не были въ университетѣ, самая высылка не обставлена была даже минимальными формальностями. Въ Петербургъ къ высылаемымъ являлся утромъ околоточный и предъявлялъ восьмушку писчей бумаги, на которой было отгектографировано: по распоряженію министра народнаго просвѣщенія вы исключаетесь изъ университета и высылаетесь изъ г. Петербурга и Петербургской губ. впредь до особаго распоряженія. Когда въ василеостровскомъ участкѣ собралась солидная компанія высылаемыхъ, то юристы подняли протестъ, указывая, что министръ народнаго просвѣщенія не обладаетъ правомъ высылки и что они не подчинятся незаконному распоряженію. Довольно продолжительный споръ былъ законченъ очень просто; послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ найти законное объясненіе высылки, охрана по телефону заявила, что студенты высылаются по распоряженію охраннаго отдѣленія и что, если они не пойдутъ сейчасъ же на вокзалъ добровольно, то ихъ свезутъ силой. Въ Москвѣ же, бывшей тогда, какъ извѣстно, удѣльнымъ княжествомъ, гдѣ всѣ даже необременительные для власти законы имѣли только относительное значеніе, творились, по слухамъ, еще болѣе невѣроятныя вещи. Тамъ, за недостаткомъ надлежащихъ чиновъ, обыски у студентовъ производились жандармскими унтерами, и эти унтера подвергали студентовъ высылкѣ: просто передавали обреченнаго ближайшему городовому для отправления на вокзалъ.

Ванновскій выслушивалъ съ сомнѣніемъ пикантныя иллюстраціи къ самодержавной законности.

— Правда ли это? Какъ же такъ?—часто прерывалъ онъ нашъ рассказъ.

— Все правда, генераль, и даже только доля правды. Вообще, мы до сихъ поръ въ своихъ бюллетеняхъ сообщаемъ только проверенныя свѣдѣнія.

— По крайней мѣрѣ, о дѣйствіяхъ правительства вы, дѣйствительно, хорошо освѣдомлены,—улыбаясь, сказалъ генераль.—Дѣло у васъ, видно, хорошо организовано. Помилуйте, сегодня, напримѣръ, засѣданіе комитета министровъ, а завтра утромъ у васъ уже точный отчетъ о немъ? Вѣдь это же тайныя засѣданія... Какъ же вы узнаете?

— Это уже наша тайна, ваше превосходительство. Мы должны быть заблаговременно осведомлены о всѣхъ намѣреніяхъ правительства, чтобы давать движенію вѣрный ходъ, и мы достигли очень хорошей осведомленности...

— Да, да... Просто удивительно.. Тайное совѣщаніе министровъ и вдругъ— у васъ отчетъ... Даже не понимаю.

Въ результатъ этого разговора Ванновскій обѣщаль намъ немедленно же возбудить вопросъ о возвращеніи высланныхъ. Онъ заявилъ, что лично вполне стоитъ за возвращеніе, но опасается противодѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ; тѣмъ не менѣе, онъ надѣется побѣдить это противодѣйствіе. Что же касается провинціальныхъ университетовъ, то Ванновскій заявилъ совершенно опредѣленно, что его докладъ можетъ, конечно, оказать нѣкоторое влияніе и на ихъ судьбу, но что по отношенію къ нимъ онъ не имѣетъ никакихъ полномочій и не будетъ даже касаться ихъ въ своемъ разслѣдованіи.

Послѣднее сообщеніе очень разочаровало насъ, мы предвидѣли, что оставленіе провинціальныхъ университетовъ на произволъ мѣстнаго начальства вызоветъ большія осложненія. Тѣмъ не менѣе, дѣлать было нечего, и мы ограничились только новымъ повтореніемъ усиленной просьбы, чтобы компетенція комиссіи Ванновскаго была распространена и на провинцію.

Наконецъ, послѣ выясненія общихъ вопросовъ, бесѣда перешла къ той темѣ, которая была болѣе или менѣе формальнымъ поводомъ къ свиданію. Послѣ того, что намъ удалось установить, вопросъ объ оставленіи въ Петербургѣ уже не представлялъ для насъ особаго значенія; однако, обсужденіе его носило также любопытный характеръ.

Ванновскій началъ самымъ неприятнымъ для насъ образомъ.

— Узнавъ о вашемъ желаніи, я прежде всего, обратился къ директору департамента полиціи Зволянскому, спрашивая его мнѣнія...

Мы невольно презрительно пожали плечами.

— Онъ сказалъ мнѣ, что здѣсь думать нечего, что онъ пришлетъ своихъ агентовъ, которые васъ и арестуютъ, какъ только вы ко мнѣ явитесь. Но я заявилъ, что разъ вы довѣряете свою безопасность мнѣ, то я обязанъ обезпечить ее и не могу допустить вашего ареста... Зволянскій долго не соглашался со мною, но, послѣ спора, мнѣ удалось столкнуться съ нимъ на слѣдующемъ выходѣ. Вы отпавитесь къ нему...

Здѣсь мы оба сдѣлали жестъ рѣшительнаго отрицанія.

— Я вамъ даю слово, что вы тамъ не будете арестованы. Все, что отъ васъ потребуетъ онъ, это—подписка, гдѣ вы дадите слово не принимать болѣе участія въ движеніи. Тогда вы можете оставаться въ Петербургѣ. Конечно, я рассчитываю, что вы честно выполните свое обязательство. Ну, что же?

Генераль пристально смотрѣлъ намъ въ глаза. При такихъ обстоятельствахъ отягощать себя ложью было бы политически преступно. Отстраниться же отъ движенія для насъ было невозможно. Размышлять было нечего и, пока я собирался облечь отказъ въ болѣе или менѣе дипломатическую форму, мой товарищъ сразу снялъ тяжесть съ нашихъ плечъ категорическимъ: «нѣтъ, мы очень благодарны за

ваше содѣйствіе, но этого предложенія мы не можемъ принять». Нашъ отказъ, очевидно, былъ непріятенъ Ванновскому. Несомнѣнно, мы отчасти затрогивали этимъ его самолюбіе, но, видимо, его также безпокоила наша судьба. Горячо, съ чувствомъ и даже краснорѣчиво онъ сталъ убѣждать насъ дать подписку Зволянскому. Но аргументы его были не новы и не убѣдительны. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ онъ говорилъ о разбитой карьерѣ, о горѣ родителей, о тяжелой долѣ выброшенныхъ за бортъ. Все это мы знали, и въ отвѣтъ могли повторить только свое: «нѣтъ».

— Что же вы опять будете скитаться и прятаться? Развѣ это пріятно?

— Что же дѣлать? Будемъ прятаться.

— Но васъ, въ концѣ концовъ, поймають и арестуютъ?

— Это не такъ легко, но вполне возможно. Мы не закрываемъ глазъ. Когда мы начинали движеніе, мы, генераль, знали, что насъ ожидаютъ суровыя кары, и обдумали всѣ послѣдствія своего поведенія. Мы готовы принять отвѣтственность, какова бы она ни была, но измѣнить своему дѣлу считали бы безчестнымъ. Позвольте еще разъ принести вамъ благодарность за доброе содѣйствіе и выразить сожалѣніе, что доставили вамъ напрасныя хлопоты.

И мы стали откланиваться.

Что то дрогнуло въ лицѣ старика. Неожиданно, онъ подошелъ къ намъ и, пожимая руки, сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Ну, до свиданья... Желаю вамъ всего лучшаго. Я сдѣлаю для васъ все, что смогу.

Такъ закончилось это любопытное свиданіе, на которомъ реакціонный генераль и министръ почти пожелалъ успѣховъ представителямъ «бунтующаго» и заподозрѣннаго въ симпатіяхъ къ «конституціямъ» студенчества.

Это свиданіе имѣло большое значеніе для организационнаго комитета. Мы знали теперь, какъ, въ общемъ, пойдутъ работы комиссіи; мы знали, какую директиву дать допрашиваемому Ванновскимъ студенчеству; мы завязали, наконецъ, если не оживленные, то правильныя сношенія съ комиссіей. Послѣ насъ у Ванновскаго были еще нѣкоторые члены организационнаго комитета уже въ качествѣ официальныхъ представителей и снова поддерживали наши требованія, выдвигая между прочимъ возвращеніе высланныхъ, какъ первое условіе того, чтобы студенчество почувствовало извѣстное довѣріе къ добрымъ намѣреніямъ комиссіи. вмѣстѣ съ тѣмъ организационный комитетъ доставлялъ комиссіи всю издаваемую имъ литературу и вѣль усиленную агитацію противъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разоблачая продѣлки охраннаго отдѣленія. На допросахъ же, которымъ комиссія подвергла около тысячи человекъ студентовъ, всѣ товарищи держались тактики, рекомендованной комитетомъ: обрѣзывая полицейскія поползновенія нѣкоторыхъ членовъ комиссіи, съ полною откровенностью разъясняя цѣли движенія.

Въ виду того, что одновременно комиссія допрашивала и агентовъ администраціи, начиная съ градоначальника и кончая городскими, которые всѣ поголовно лягали, изворачивались, путались и по

падались во лжи, (напримѣръ, Клейгельсъ утверждалъ, что избіенія нагайками быть не могло, ибо по утвержденной формѣ конныхъ городовыхъ имъ не полагается нагаекъ, между тѣмъ студенты представили нагайку, отнятую у городского во время атаки 8 февраля); въ виду того, что охранный отдѣленіе систематически препятствовало Ванновскому въ его намѣреніяхъ, не доставляло ему нужныхъ свѣдѣній, присылало какія-то фантастическія прокламаціи, якобы выпущенныя организационнымъ комитетомъ, и наша агитація противъ министерства внутреннихъ дѣлъ имѣла большой успѣхъ среди членовъ комиссіи и прежде всего оказала громадное вліяніе на Ванновскаго, который пересталъ подозрѣвать въ студентахъ какихъ-то злостныхъ заговорщиковъ, полныхъ преступныхъ и мрачныхъ замысловъ. Насколько подобныя подозрѣнія, первоначально бывшія весьма сильными, постепенно испарились, показываетъ моя бесѣда съ генераломъ Лузановымъ, который допрашивалъ меня въ общей очереди въ первыхъ числахъ марта, уже послѣ возвращенія высланныхъ.

Кромѣ обычныхъ вопросовъ о фактической сторонѣ столкновения 8 февраля, о теченіи сходовъ, мнѣ пришлось, какъ бывшему председателю кассы взаимопомощи, дать подробное описаніе этой организаціи и ея дѣятельности и затѣмъ, какъ члену организационнаго комитета, дать отчетъ о его работѣ. Между нами, во время допроса, шла непрерывная борьба: я стремился къ общимъ характеристикамъ явленій, генералъ старался добыть фактической «слѣдственный» матеріалъ, сообщенія о лицахъ, средствахъ и т. п. Кое-что было неудобно сообщать, кое-что просто казалось мнѣ пустыми мелочами, совершенно не имѣющими значенія. Такъ, напримѣръ, Лузанову весьма хотѣлось выяснитъ, бросалъ ли я снѣжками въ атаковавшій насъ полицейскій отрядъ; первый ли я произнесъ слово «обструкція» для опредѣленія студенческой тактики или нѣтъ; какъ устраивались собранія кассы взаимопомощи, въ какихъ отношеніяхъ она находилась къ революціоннымъ организаціямъ; кто изъ членовъ организационнаго комитета ѣздилъ делегатомъ въ Москву и Кіевъ. Затѣмъ, я тогда же замѣтилъ, что въ комиссіи составилось предубѣжденіе, противъ нѣкоторыхъ профессоровъ, говорившихъ рѣчи на традиціонныхъ вечерахъ 8 февраля, въ особенности противъ Свѣшникова, Мякотина и Туганъ-Барановскаго. Мнѣ было заранѣе извѣстно, что рѣчь М. И. Свѣшникова, который защищалъ самостоятельное политическое значеніе чисто студенческихъ волненій, въ виду исторически сложившагося государственнаго характера нашихъ университетовъ, въ отчетѣ департамента полиціи превратилась въ восхваленіе событія 1 марта. Поэтому, я очень рѣзко и опредѣленно протестовалъ въ своемъ показаніи противъ приписыванія кому-либо изъ профессоровъ роли агитатора, подстрекавшаго студентовъ къ безпорядкамъ. Я видѣлъ, что Лузанову это не совѣтъ понравилось. ¹⁾ Тѣмъ не менѣе, его любезность не уменьшилась, а скорѣе даже увеличилась.

---

¹⁾ Изъ опубликованнаго теперь доклада Ванновскаго видно, что полицейская выдвинула относительно роли профессоровъ все-таки нѣмалую дорогу въ умы и сердца членовъ комиссіи.

Когда онъ прочелъ мое, довольно длинное показаніе, онъ, пріятно улыбаясь, замѣтилъ:—сразу видно, что руководитель! Вотъ сколько написали.

Затѣмъ, переходя въ серьезный тонъ, началъ увѣрять меня, что все кончится благополучно, что никто изъ насъ не пострадаетъ. Я отвѣтилъ, что это, конечно, очень пріятно, но не столь существенно.

—Да, да, я понимаю, что вы рѣшились на жертвы. Но для насъ, для комиссіи важно добиться, чтобы никто изъ васъ не пострадалъ. Мы пришли къ твердому убѣжденію въ необходимости иного исхода. Вообще, я долженъ вамъ сказать,—патетически закончилъ онъ—что разслѣдованіе оставляетъ въ насъ самое благопріятное впечатлѣніе о студентахъ. Мы знали и раньше молодежь, но эта молодежь военная, офицеры: это—совсѣмъ иное. Со студентами, въ массѣ, мы познакомились въ первый разъ, и я прямо говорю: мы можемъ спокійно умереть, съ такими молодыми людьми Россія не погибнетъ».

Такимъ образомъ, комиссія для разслѣдованія безпорядковъ въ петербургскомъ университетѣ превратилась въ комиссію для изслѣдованія молодого поколѣнія! Болѣе восьми лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; нашему поколѣнію пришлось быть дѣятельнымъ участникомъ величайшей исторической трагедіи. И въ различныхъ перипетіяхъ прерватной борьбы, когда злобный лай враговъ новой жизни достигаетъ свирѣпаго напряженія, я часто вспоминаю, что правительственная комиссія такъ сказать, освидѣтельствовавшая насъ при вступленіи на общественную арену, вынуждена была выдать намъ патентъ на гражданскія заслуги. Мнѣніе Лузанова не было его исключительно-личнымъ мнѣніемъ. Очевидно, онъ выражалъ взглядъ всей той части комиссіи, которая группировалась около Ванновскаго и руководилась настроеніемъ своего предсѣдателя. Большинство студентовъ, сталкивавшихся при допросахъ съ Ванновскимъ, выносило самое лучшее впечатлѣніе. Ванновскій не особенно стѣснялся въ выраженіяхъ и бывалъ очень рѣзокъ, когда рѣчь шла о Клейгельсѣ или Пирамидовѣ. Онъ подчеркивалъ передъ студентами свое негодованіе и отвращеніе къ гнусной практикѣ политической полиціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что студенты выносили изъ залъ инженернаго замка, гдѣ происходилъ допросъ, впечатлѣніе одержанной ими моральной побѣды.

Чувство моральной побѣды дѣлало студенческую массу болѣе воспримчивой и къ либеральной агитаціи, видѣвшей уже и практическую побѣду. Либеральные профессора требовали прекращенія забастовки, попрежнему увѣряя, что академики Бекетовъ и Фаминцынъ войдутъ въ комиссію, когда тамъ начнется разработка университетскаго устава, и обвиняли организаціонный комитетъ въ томъ, что его непримиримость угрожаетъ отнять у студенчества плоды его побѣды.

Положеніе комитета было очень трудно. Онъ не могъ проникнуться либеральнымъ довѣріемъ къ результатамъ работъ Ванновскаго; но онъ не могъ также начисто отрицать возможность нѣкоторыхъ университетскихъ реформъ. Упреки либераловъ, что мы губимъ дѣло университетской реформы производили на насъ впечатлѣніе. Это были тяжелые дни, когда бремя отвѣтственности сильно давило намъ плечи. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга либеральнымъ профес-

сорамъ удалось уже пріостановить забастовку. Мы чувствовали, что надо усилить движеніе, расширивъ его. Въ этотъ періодъ на квартирѣ Л. Ф. Пантелѣва, какъ-то совершенно случайно собралось нѣсколько человѣкъ писателей и професоровъ. Кто-то передалъ объ этомъ организаціонному комитету. Мы рѣшили послать туда двухъ своихъ членовъ. Выборъ палъ на меня и С. Н. Салтыкова. Цѣль собранія была совершенно не ясной, составъ его неизвѣстенъ. Мы поѣхали «на всякій случай», такъ какъ старались не упускать ни одной возможности принести пользу движенію. Кромѣ Л. Ф. Пантелѣва на собраніи были, сколько помнится, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Г. Короленко, В. А. Мякотинъ, М. И. Свѣшниковъ и др.

Повидимому, они сами собрались также случайно. Однако разговоръ вышелъ довольно серьезный. Сначала мы обратились къ присутствовавшимъ съ просьбой высказать ихъ мнѣніе по поводу того, что слѣдуетъ дѣлать студентамъ. Наиболѣе опредѣленный отвѣтъ далъ В. Г. Короленко, но и этотъ отвѣтъ гласилъ только то, что если студенты хотятъ выразить протестъ, то они выскажутся за продолженіе движенія; если же они рассчитываютъ на какіе-либо практическіе результаты, то продолженіе движенія, несомнѣнно, не цѣлесообразно. Но по какой дорогѣ итти—это должны опредѣлить сами студенты.

Тогда мы прямо поставили вопросъ о поддержкѣ. Мы указали, что одними студенческими силами нельзя ничего достигнуть, что необходимо участіе общества и спрашивали, могутъ ли представители литературы и общества оказать намъ какую-либо поддержку и какую именно. Это было попыткой вывести движеніе за стѣны университета, попыткою явно бесплодной. На прямой вопросъ мы получили прямой отвѣтъ, что никакихъ ложныхъ надеждъ намъ не желаютъ подавать и что никакой поддержки ни литература, ни общество оказать намъ не могутъ.

Организаціонный комитетъ, послѣ долгихъ размышленій и оцѣнки возможныхъ практическихъ реформъ, пришелъ къ выводу что нельзя ожидать рѣшительно ничего даже въ области университетскаго устава, такъ какъ комиссія Ванновскаго, при всѣхъ ея благихъ намѣреніяхъ, просто неспособна къ выработкѣ устава. Если же ей и удастся выработать доброкачественный университетскій уставъ, то такой проектъ погибнетъ въ канцеляріяхъ. Абсолютизмъ и свобода науки несовмѣстимы. Поэтому организаціонный комитетъ выбралъ дорогу политическаго протеста.

Но студенчество еще разъ поколебалось. Подъ вліяніемъ шумливой агитаціи либеральныхъ профессоровъ и подъ вліяніемъ благоприятнаго впечатлѣнія, произведеннаго комиссіей Ванновскаго, либерально оппозиціонные элементы студенческаго движенія снова выплыли на поверхность. Въ этотъ моментъ вѣра въ практическіе результаты движенія достигла высшей точки. Одно высшее учебное заведеніе за другимъ прекращало забастовку и возвращалось къ занятіямъ. 1-го марта сходка въ университетѣ, послѣ горячей борьбы организаціоннаго комитета съ либералами, также постановила возобновить занятія. Черезъ нѣсколько дней усилія организаціоннаго комитета, не пре-

кращавшаго сношеній съ Ванновскимъ, увѣнчались успѣхомъ. Несмотря на противодѣйствіе министерства внутреннихъ дѣлъ, Ванновскому удалось добиться возвращенія петербургскихъ высланныхъ студентовъ. Интересно, что это распоряженіе никогда и нигдѣ не было опубликовано официально. Фактически оно было объявлено чрезъ организационный комитетъ, который частными телеграммами и письмами увѣдомилъ высланныхъ студентовъ о возможности возвращенія. Этимъ закончился первый періодъ движенія и въ Петербургѣ воцарилось относительное спокойствіе.

VII.

Преращеніе забастовки не означало, однако, конца движенія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ отливовъ, которые часто наблюдаются въ теченіи массъ и которые сплошь и рядомъ внезапно смѣняются новыми и сильнѣйшими приливами. Условія, при которыхъ петербургское студенчество возвратилось къ научнымъ занятіямъ, заставляли думать, что этотъ приливъ начнется въ скоромъ времени. Настроеніе массы мѣняется съ поразительною быстротою: вѣра мгновенно переходитъ въ отчаяніе, любовь въ ненависть. Правительство съ своей стороны сдѣлано все, чтобы ускорить новый взрывъ негодованія. Уже 1-го марта на сходкѣ чувствовалось, что полное недовѣріе передовыхъ элементовъ студенчества къ правительственнымъ намѣреніямъ у рядовыхъ студентовъ выражается въ смутной тревогѣ. Борьба, длившаяся почти мѣсяць и вызвавшая крайнее напряженіе силъ, повысила политическую чуткость массъ. Даже для нихъ было что-то неловкое въ прекращеніи забастовки безъ какихъ-либо осязательныхъ результатовъ; даже для нихъ за теплыми словами комисси Ванновскаго слышался угрожающій ропоть враговъ всякаго проявленія свободы. И въ теченіе ближайшихъ дней опасенія стали принимать вполне определенную форму. Въ періодъ отъ 1 до 16 марта, когда началась вторая забастовка, выяснилось для многихъ то, что еще скрывалось въ первый періодъ движенія среди сутолоки повседневной борьбы.

Во-первыхъ, студенты поняли, что министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ Боголѣповъ и Горемыкинъ, нисколько не желаютъ мириться съ испытаннымъ пораженіемъ. Если они не могли свергнуть Ванновскаго сразу, если у него оказалось достаточно вліянія, чтобы вырвать петербургскихъ студентовъ изъ рукъ политической полиціи, то они зашли къ нему въ тылъ.

Провинціальныя университеты, оставшіеся беззащитными, подверглись самому беспощадному и дикому разгрому со стороны университетскихъ и полицейскихъ властей. Делегаты провинціальныхъ университетовъ пріѣзжали въ Петербургъ и съ горькими упреками требовали защиты и отъ Ванновскаго, къ которому они являлись, и, главнымъ образомъ, отъ организационнаго комитета, который они обвиняли въ преждевременной капитуляціи предъ правительствомъ. Судьба провинціальныхъ товарищей волновала и студенческую массу, въ сильной степени проникнутую чувствомъ корпоративной солидарности. Въ довершеніе всего оказалось, что и изъ петербургскихъ выслан-

ныхъ нѣкоторые не могли возвратиться, такъ какъ охранное отдѣленіе постаралось замѣшать ихъ въ партійныя политическія организаціи по обыкновенію вопреки всякой очевидности.

Ванновскій, на всѣ требованія, касавшіяся провинціи, только разводилъ руками, съ огорченіемъ увѣряя въ своемъ безсиліи.

Во-вторыхъ, быстро зародившаяся вѣра въ комиссію Ванновскаго также быстро стала убывать. Даже либеральная агитація поблекла и замолкла, когда окончательно выяснилось, что ни въ одной изъ стадій комиссіонной работы профессора не будутъ участвовать. Это породило среди студенчества недовѣріе къ конечнымъ результатамъ дѣятельности Ванновскаго. Сторонники академической реформы впали въ полное уныніе, такъ какъ, при всемъ либеральномъ оптимизмѣ, они были достаточно умны, чтобы понять, что разношерстная и странная компанія, заставлявшая въ комиссіи, не способна сдѣлать ничего добраго въ области университетскаго устава.

Въ-третьихъ, безпомощность комиссіи Ванновскаго въ особенности ярко обрисовывалась нагlostью петербургской полиціи. Всѣ студенты знали, что Ванновскій подробно освѣдомляетъ высшія сферы о ходѣ своихъ работъ и знали, что онъ не могъ безъ неодобренія произносить имена Клейгельса и Пирамидова. Между тѣмъ, полицейскій офицеръ, руководившій избіеніемъ, и начальникъ охраннаго отдѣленія, поддѣлавшій съ цѣлью провокаціи документъ, и градоначальникъ, покрывавшій это,—всѣ административные герои оставались на своихъ мѣстахъ, не говоря уже объ ихъ главныхъ руководителей Боголѣповѣ и Горемыкинѣ, возбудившихъ въ то время всеобщую ненависть. Прочность ихъ положенія выражалась и въ предпринятомъ ими разгромѣ провинціальныхъ университетовъ и въ нелѣпыхъ придиркахъ, которыми они преслѣдовали петербургскихъ студентовъ. Такъ, напримѣръ, по настоянію Боголѣпова, правленіе университета постановило подвергнуть всѣхъ возвратившихся изъ ссылки студентовъ трехдневному аресту въ карцерѣ. Наказаніе—никогда на нашей памяти не примѣнявшееся въ университетѣ и наложенное на людей и безъ того пострадавшихъ, вызвало сильное раздраженіе. Большинство высланныхъ отказалось подчиниться этому глупому распоряженію, и, слѣдовательно, назрѣвалъ новый конфликтъ, такъ какъ они подлежали новому увольненію за непослушаніе.

Всѣ обстоятельства складывались словно нарочно такъ, чтобы показать, что рискованная игра сыграна въ пустую. Политика Боголѣпова и Горемыкина заранѣе предсказывала печальную судьбу трудовъ Ванновскаго; а благожелательность самого Ванновскаго только усиливала сознаніе непримиримаго антагонизма между свободолюбіемъ студенчества и мракобѣсіемъ правящей бюрократіи, цѣпко державшей въ своихъ рукахъ дѣйствительную власть. Уже начинали ходить упорные слухи, будто комиссія теряетъ всякій авторитетъ въ высшихъ сферахъ на томъ основаніи, что Ванновскій, слабый старикъ, обольщенъ студентами. И чѣмъ болѣе вѣрили въ личную доброжелательность и искренность Ванновскаго, тѣмъ болѣе подозрительно и мрачно смотрѣли на стѣну, окружавшую его и подавлявшую его усилія. Вопросъ о неразрывной связи общаго режима съ частичными

его проявленіи снова вставалъ на очередь, и въ прощальной прокламациі организационнаго комитета («манифестъ»), выпущенный послѣ сходки 1-го марта этотъ вопросъ разрѣшался уже съ достаточно откровенною революціонностью. Студенчество на опытѣ познавало, что стѣна абсолютизма разбиваетъ всякое реформаторство. Если Ванновскій, облеченный довѣріемъ, реакціонеръ, слуга трехъ императоровъ, одинъ изъ самыхъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, ставъ неожиданно на сторону студенчества въ явно возмутительномъ инцидентѣ, ничего не можетъ сдѣлать, то, очевидно, и никто изъ верхнихъ сферъ не можетъ сдѣлать ничего. Студенчество какъ говорилось въ одной изъ прокламаций, стало на защиту «элементарныхъ, можно сказать, священныхъ правъ человѣческой личности», но вполне разбилось объ устои «общаго режима». Слѣдовательно, борьба должна направиться противъ исконныхъ устоевъ, должна стать политической борьбой, въ какую бы форму она ни выливалась.

Этотъ выводъ не трудно было сдѣлать, и его сдѣлали очень и очень многіе. Онъ и окрасилъ второй періодъ движенія 1899 г., начавшійся 16 марта и закончившійся только въ маѣ безпримѣрнымъ разгромомъ петербургскаго студенчества. Даже по официальнымъ прокламациямъ организационныхъ комитетовъ второго движенія видно, какъ расширилось содержаніе, и какъ повысился тонъ студенческой политической литературы. Но еще болѣе рѣзко вырисовывается измѣнившійся характеръ движенія на сходкахъ 16 и 17 марта, постановившихъ возобновить забастовку.

Февральскія сходки, при всемъ подъемѣ настроенія, отличались большою жизнерадостностью, мѣшавшею углубляться въ суть вещей. Какъ только выяснилось, что студенчество проникнуто желаніемъ бороться, сходки пошли живо, даже весело. При этомъ рѣчи, какъ и уже отмѣчалъ, носили очень осторожный характеръ. Ораторы боялись слова политика, какъ жупела и металла. Въ мартѣ сходки носили совсѣмъ иной характеръ. Онѣ были менѣе многолюдны, чѣмъ въ февралѣ, и не такъ единодушны, хотя утвержденіе полицейскихъ агентовъ будто на сходкахъ 16—17 марта собралась только кучка клеомѣренныхъ, которая и взорвала спокойствіе университета—обычная клевета, но зато онѣ были и гораздо серьезнѣе, вдумчивѣе, и сознательнѣе. Съ одной стороны онѣ отбросили покровы умѣренности, съ другой въ сильной степени излѣчились отъ политическаго чедомыслія. Духъ веселой безопасности также отсутствовалъ на этихъ сходкахъ. Толпа была настроена даже съ нѣкоторой торжественностью. Чувствовалось, что происходитъ переломъ, чреватый послѣдствіями, чувствовалось, что многіе изъ насъ уже никогда не возвратятся въ эти старія стѣны. А когда, по требованію сходки, председательское мѣсто занялъ одинъ изъ членовъ перваго организационнаго комитета, то настроеніе сходки получило яркую и опредѣленную формулировку въ его вступительной рѣчи. Ораторъ съ полною ясностью указалъ, что, начиная вторую забастовку, студенты рѣшаются на очень важный шагъ: на политическій протестъ, протестъ противъ существующаго порядка, который не желаетъ поступиться даже мечами, что, вступая на эту дорогу, нельзя разсчитывать на под-

держку многихъ элементовъ общества, сочувствовавшихъ первой забастовкѣ и необходимо приготовиться къ самымъ жестокимъ репрессіямъ, что поэтому при обсужденіи вопроса надо руководиться не столько горячимъ чувствомъ, сколько холоднымъ разумомъ, чтобы потомъ не сваливать отвѣтственности на отдѣльныхъ лицъ, будто бы увлекшихъ своими пламенными рѣчами на гибельный путь. Послѣдующія рѣчи держались того же тона.

Въ первый разъ въ актовомъ залѣ петербургскаго университета звучали несомнѣнно революціонныя ноты при полномъ сочувствіи многочисленной аудиторіи. Всѣ ораторы, въ числѣ которыхъ выступалъ и погибшій И. П. Каляевъ, говорили о необходимости протеста противъ политическаго гнета, о произволѣ и насиліи, отравляющихъ русскую жизнь. Разумѣется, эти рѣчи не отличались опредѣленностью политическихъ программъ; въ то время объ этомъ нечего было и думать. Это были горячія расплывчатая декламация общедемократическаго содержанія, но въ нихъ вѣялъ духъ приближающейся революціонной грозы. На этихъ же сходкахъ были оглашены съ кафедры привѣтственные письма бернскихъ и лозаннскихъ русскихъ студентовъ, составленныя уже въ обычномъ стилѣ социалдемократическихъ прокламацій и заканчивавшіяся традиціоннымъ возгласомъ: «долой абсолютизмъ! Да здравствуетъ социализмъ!» Студенчество Россіи привѣтствовалось заграничными товарищами въ качествѣ борцовъ за политическую революцію. И эти привѣтствія были встрѣчены не криками негодованія, а громкими восторженными аплодисментами. Я помню, что опредѣленность политическаго настроенія удивила даже членовъ организаціоннаго комитета, хорошо знавшихъ свою аудиторію. Но это удивленіе очень скоро ослабло, когда мы увидѣли, что, по отношенію къ лозунгамъ движенія къ его формальной сторонѣ студенчество относится чрезвычайно консервативно. Люди дѣлали революцію, но боялись сказать себѣ это, боялись назвать себя революціонерами, чтобы не потерять преимуществъ якобы легальной почвы, на которой они стояли. Мнѣ кажется однако, что въ этой боязни сказывалась не столько боязнь революціоннымъ методовъ, сколько недовѣріе къ заговорщическимъ революціоннымъ организаціямъ стараго типа. Въ попыткѣ создать «политическое», но не «революціонное» движеніе отразилось не только вліяніе либерально-оппозиціонной идеологіи, но и стремленіе найти новую форму революціонной борьбы, которая обезпечивала бы возможность массовыхъ дѣйствій.

Второй періодъ движенія, когда академическіе вопросы даже не поднимались изъ гроба, когда головы работали исключительно надъ разрѣшеніемъ политической проблемы, является переходнымъ состояніемъ студенчества, границы котораго упираются, быть можетъ, только въ сентябрьскія резолюціи объ открытіи дверей высшихъ учебныхъ заведеній для народныхъ митинговъ. Но въ обратную сторону эти границы лежатъ гораздо ближе: даже на февральскихъ сходкахъ не было того политическаго настроенія которое обнаружилось на мартовскихъ. Если «манифестъ» кассы взаимопомощи и вызвалъ негодованіе, хотя онъ появился въ началѣ второй забастовки, то глав-

нымъ образомъ, не по существу своего содержанія, а по формѣ. Въ «манифестѣ» касса взаимопомощи объявляла студентовъ революціонерами. Между тѣмъ, такое объявленіе было слишкомъ авторитетно для того, чтобы быть выгоднымъ. Доктринерскій тонъ манифеста и наклеиваніе на движеніе ярлыка «буржуазности», несмотря на извѣстную долю основательности, также повліяли на раздражительное отношеніе къ этой малозначительной прокламаціи. Традиціи русской интеллигенціи, тогда еще презиравшей «буржуазность» во всѣхъ ея видахъ, протестовали противъ такой квалификаціи движенія. Но, несомнѣнно, что и «явно преступный», по полицейской терминологіи, стиль манифеста былъ слишкомъ рѣзокъ для переходнаго настроенія студенческой массы, хотя та же масса сумѣла переварить «манифестъ» организаціоннаго комитета, также признанный «явно преступнымъ» политической полиціей. Тѣмъ не менѣе, боязнь слова «революціонный» показывала, что студенчество должно еще пережить дальнѣйшія испытанія чтобы очиститься отъ предрасудковъ.

Испытанія эти не земедлили. Политическая полиція не могла спокойно отнестись къ возобновенію забастовки и обструкціи. 20-го марта первый организаціонный комитетъ былъ арестованъ и, затѣмъ, началась дикая травля студенчества, цѣлая эпопея арестовъ, высылкъ и исключеній, тянувшаяся въ теченіе марта, апрѣля и даже мая; начался жандармскій процессъ студентовъ, замѣшанныхъ въ движеніи, гдѣ студенты получили политическое крещеніе отъ такихъ мастеровъ своего дѣла, какъ жандармскій полковникъ Шмаковъ и товарищъ прокурора Трусевичъ. Но почва была уже вспахана. Роль Ванновскаго во второмъ движеніи сводилась къ нулю въ смыслѣ политическаго творчества, но онъ еще могъ нанести нѣсколько ударовъ наивной вѣрѣ въ старый порядокъ, сохранившейся въ студенческихъ душахъ. И онъ это сдѣлалъ. Организаціонный комитетъ не прерывалъ сношеній съ Ванновскимъ, надѣясь, что вліяніе генерала можетъ принести нѣкоторую долю пользы. Немедленно послѣ возобновенія забастовки къ Ванновскому были отправлены двое членовъ комитета, чтобы объяснить ему причины новой вспышки. Они застали генерала въ большемъ раздраженіи и огрченіи. Онъ упрекалъ студентовъ за то, что они обрекаютъ на бесплодность труды комиссіи, указывалъ, что реакція теперь воспользуется забастовкой, какъ поводомъ къ принятію репрессивныхъ мѣръ; онъ, наконецъ, опять началъ поддѣрживать «революціонные происки». Делегаты комитета скоро убѣдили его, что фактическія свѣдѣнія охраннаго отдѣленія совершенно ложны, что сходки и ихъ постановленія вполне законны и что революціонные происки—старая полицейская сказка. Но изъ мотивовъ движенія Ванновскій повидимому понялъ и оцѣнилъ только одно: товарищеское чувство. То обстоятельство, что петербургскіе студенты поднявшіе всероссійское движеніе, обязаны были стоять за интересы своихъ товарищей въ провинціальныхъ университетахъ, показалось ему достаточно убѣдительнымъ. Возвращеніе высланныхъ и исключенныхъ въ провинціальныхъ университетахъ онъ не могъ не принять справедливымъ актомъ, послѣ того какъ онъ добился этого для Петербурга. Въ результатъ переговоры, начавшіеся безъ особаго

дружелюбія, кончилися обѣщаніемъ Ванновскаго оказать возможное содѣйствіе удовлетворенію студенческихъ требованій. Правда, онъ тогда же сказалъ, что считаетъ все дѣло безнадежнымъ и въ первый разъ, довольно скептически говорилъ о своемъ вліяніи и о томъ «довѣріи», которымъ онъ такъ гордился и хвалился раньше. Борьба съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ которую онъ былъ вовлеченъ совершенно неожиданно объективнымъ ходомъ вещей, научила его кой-чему, и онъ меланхолически жаловался на противоположныя вліянія, сводящія на нѣтъ его усилія. Для насъ однако важно было уже то, что мы разрушили предубѣжденіе, сложившееся въ его умѣ противъ второй забастовки и приобрѣли въ немъ до извѣстной степени союзника. Его безуспѣшныя попытки выступить въ защиту арестованныхъ студентовъ были весьма полезны для проясненія политическаго сознанія тѣхъ, кто еще сохранялъ вѣру въ легальные пути.

Ванновскій сдержалъ свое обѣщаніе съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что поворотъ въ правительственной политикѣ послѣ 20 марта и для него былъ неожиданнымъ. Когда членовъ перваго организаціоннаго комитета вечеромъ 20 марта развезли по тюрьмамъ, моя мать немедленно отправилась на квартиру Ванновскаго. Было уже около 10 часовъ, и онъ ложился спать, такъ что ее не хотѣли принять. Она завила, что неотложно должна его видѣть, такъ какъ пріѣхала по поводу ареста организаціоннаго комитета. Черезъ нѣсколько минутъ къ ней выбѣжалъ Ванновскій и, въ сильномъ волненіи, спросилъ: что случилось?

— Членовъ организаціоннаго комитета арестовали.

— Какъ арестовали? Этого не можетъ быть? Пока я не закончила разслѣдованія, никто не имѣетъ права арестовывать студентовъ за участіе въ движеніи!

— Я сама проводила ихъ сейчасъ въ тюрьму!

— Ахъ, Господи! Вѣдь, они могутъ подумать, что я ихъ выдала! Скажите имъ, что я здѣсь ни при чемъ, что я не далъ ни одного свѣдѣнія министерству внутреннихъ дѣлъ! ¹⁾

— Но что же дѣлать, чтобы спасти ихъ?

— Не знаю, не знаю. Я попытаюсь, но теперь едва-ли что выйдетъ... Вѣдь, теперь они попали въ руки департамента полиціи, а вы знаете, что тамъ за люди... Теперь ихъ не выцарапаешь!

Дѣйствительно, ему ничего не удалось сдѣлать, хотя онъ пытался возстановить свое значеніе. Уже изъ тюрьмы онъ вызывалъ нѣкоторыхъ недопрошенныхъ и даже допрошенныхъ членовъ комитета «для дополненія показаній», чтобы выяснить истинный характеръ второй забастовки. Охранное отдѣленіе и здѣсь не могло обойтись безъ подлога. Поводомъ къ аресту и центромъ нашего процесса былъ пресловутый «манифестъ» кассы взаимопомощи, приписанный Пирамидовымъ организаціонному комитету, несмотря на то, что, въ дѣйствительно-

¹⁾ Это было святою истиной. Жандармы и прокуратура жаловались намъ, что Ванновскій ничего не даетъ имъ изъ своихъ матеріаловъ. На жандармскомъ свѣдѣніи такъ и не былъ установленъ составъ комитета, о которомъ Ванновскій имѣлъ точныя данныя.

сти, организаціонный комитетъ употребилъ всѣ старанія, чтобы воспрепятствовать появленію этой прокламаціи. И у студентовъ, а затѣмъ, и у Ванновскаго теплилась нѣкоторая надежда раскрытіемъ этой полицейской махинаціи разрушить мстительные планы политическихъ сыщиковъ. Конечно, изъ этого ничего не вышло. Когда я былъ доставленъ жандармами на дополнительный допросъ, Ванновскій производилъ впечатлѣніе совершенно безпомощнаго человѣка. Онъ уже не рѣшился допрашивать въ простой обстановкѣ частной бесѣды. Мнѣ пришлось предстать предъ собраніемъ всей комиссіи, и Стремоуховъ старательно выскивалъ въ прокламаціяхъ различныя «революціонныя» фразы, чтобы поставить меня въ затрудненіе. Но я твердо стоялъ на старой точкѣ зрѣнія: движеніе было общественнымъ, но не «революционнымъ» въ смыслѣ уголовного кодекса. Ванновскій бѣгалъ вокругъ стола и какъ то жалобно посматривалъ то на меня, то на закрытую дверь, гдѣ остались сопровождавшіе меня двое жандармовъ.

— Все эта бумажка надѣлала!—кричалъ онъ, тыкая пальцемъ въ «манифестъ».—Вамъ нужно было отказать отъ нея!

— Но мы въ тотъ же день печатно заявили, что мы не причастны къ этой прокламаціи.

— Да, но такого заявленія недостаточно. У васъ слишкомъ мягко сказано. Надо было прямо сказать, что она выпущена разными прохвостами, революціонерами.

Это было уже наивно.

Въ концѣ Ванновскій не выдержалъ официальнаго тона и, когда я подходилъ къ двери, онъ подбѣжалъ ко мнѣ и незамѣтно для сидѣвшей за столомъ комиссіи пожимая мнѣ руку, проговорилъ: «ничего, ничего... Вы не бойтесь... авось, какъ-нибудь дѣло уладится...»

Утѣшеніе это было излишнимъ уже потому, что фонды самого Ванновскаго стояли къ это время такъ низко, что мы, сидя въ тюрьмѣ, смѣясь спрашивали другъ у друга: нѣтъ ли здѣсь гдѣ нибудь и Ванновскаго? Навѣрно, Пирамидовъ его уже арестовалъ!

Ареста Ванновскій, разумѣется, избѣжалъ, но чрезъ нѣсколько дней фарсъ съ «комиссіей по разслѣдованію причинъ и обстоятельствъ» былъ законченъ, и докладъ Ванновскаго былъ брошенъ въ чью-то мусорную корзину.

Генераль выполнилъ свою миссію: онъ провелъ борозду для посява революціи. Онъ воочию показалъ молодой Россіи безсиліе личности, опутанной сѣтями общаго политическаго строя. Онъ показалъ, что въ абсолютистскомъ государствѣ единственнымъ рѣшающимъ факторомъ является политическая полиція, которая дѣйствуетъ, не считаясь ни съ законами, ни съ интересами частныхъ лицъ. Онъ показалъ, что борьба съ беззаконіемъ на легальной почвѣ, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, является пустымъ ребячествомъ, и что въ Россіи нельзя бороться за законъ, такъ какъ нынѣ законный порядокъ состоитъ именно въ беззаконіи. Кромѣ того, общеніе съ Ванновскимъ открыло студентамъ и такія особенности высшихъ сферъ, которыя, не имѣя историческаго значенія, чрезвычайно сильно подры-

вали въковой пѣтеть къ власти и разрушали фетишистическую психологію стараго порядка.

Послѣ распахши, сдѣланной Ванновскимъ, сотни студентовъ, попавшіе въ руки Пирамидова, Трусевича и Шмакова, оказались благодарной почвою для этихъ сѣятелей. Высланные и сосланные по различнымъ городамъ и всеямъ обширнаго отечества участники студенческаго движенія учли приобрѣтенный ими опытъ въ энергичной политической пропагандѣ, которую они, не теряя времени, занялись со всею энергіей новообращенныхъ. Группа же членовъ организаціонныхъ комитетовъ, выпущенная изъ тюрьмы 25 мая 1899 года, немедленно примкнула къ рабочему движенію, въ которомъ она ранѣе не принимала участія, и основала социалдемократическую «группу двадцати», интересную тѣмъ, что она, хотя и считалась частью петербургскаго «Союза борьбы», но по своимъ идеямъ представляла начало того теченія въ русской социалдемократіи, которое въ скоромъ времени нашло выраженіе въ «Искрѣ» и которое выдвинуло на первый планъ политическія задачи рабочаго движенія въ отличіе отъ «экономистовъ» «Союза», сводившихъ свои задачи къ своеобразному трэдъ-юніонизму.

Впослѣдствіи, дѣятели студенческаго движенія 1899 года дали человѣческой матеріаль и для другой партіи, появившейся на политической поверхности: партіи социалистовъ-революціонеровъ. Ив. Плат. Каляевъ былъ членомъ третьяго организаціоннаго комитета и авторомъ нѣсколькихъ талантливо написанныхъ прокламацій.

Исторія еще разъ выбросила Ванновскаго на гребень студенческаго моря уже въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Онъ пробовалъ создать систему «сердечнаго попеченія», но этотъ краткій опытъ кончился, какъ извѣстно, еще большимъ огорченіемъ для старика, чѣмъ его комиссія 1899 года. Тѣмъ не менѣе, эра «сердечнаго попеченія» имѣла для студенчества приблизительно такое же значеніе, какое для русскаго «общества» имѣла потомъ эра «довѣрія».

Старый генералъ, вѣрный слуга трехъ императоровъ, человѣкъ съ твердымъ характеромъ ясными желаніями, по прихоти исторіи, сыгралъ видную роль въ процессѣ революціоннаго пробужденія демократической мысли. Случай свелъ его со студентами тогда, когда онъ изжилъ честолюбивныя стремленія и сильныя страсти; когда онъ пережилъ себя, какъ политическаго дѣятеля и оставался только «честною шпагою», офицеромъ старой дворянской арміи съ ея понятіями о чести и вѣрности. Поэтому онъ могъ взглянуть на вещи, поскольку ихъ сущность была для него доступна, съ точки зрѣнія грубоватой, но прямодушной солдатской морали. Нагаечная атака претила его душѣ, какъ безславная расправа; провокація и шпіонство возмущали потому, что они марали честь студенческаго мундира; политическіе извороты департамента полиціи раздражали бюрократическою канителью и подленькою вороватостью его солдатскій умъ, привыкшій мыслить и дѣйствовать напроломъ. Взявшись разслѣдовать незначительный случай, одно изъ маленькихъ безобразій абсолютистскаго механизма, Ванновскій подошелъ къ нему безъ заднихъ мыслей и постороннихъ соображеній. Поэтому ему удалось увидѣть дѣло въ болѣе или менѣе правильномъ освѣщеніи. Но малѣйшая попытка тронуть самый нич-

тожный винтъ государственной машины, заставила заскрипѣть и задвигаться весь безобразный механизмъ, чтобы отбросить дерзкаго нарушителя вѣкового строя. Ванновскій показаль эту картину встревоженнаго и злобнаго улья полицейскаго государства молодому поколѣнью.

Молодое поколѣнне сумѣло разгадать, въ чемъ секретъ полицейско-государственнаго механизма. Не только академическое, но и либерально-оппозиціонное студенческое движеніе были убиты сердечнымъ попеченіемъ Ванновскаго. Студенчество, послѣ небольшихъ колебаній, круто повернуло назадъ и быстро пошло революціоннымъ путемъ.

Ник. Юрданскій.

Докладъ III-го отдѣленія объ Андрузскомъ.

Послѣдовало на сѣмъ докладъ Высочайшее повелѣніе: „Андрузскаго отправить въ Соловецкій монастырь, впредь до приказа“.
5 апрѣля 1850 года.

Андрузскій, въ 1847 году, былъ студентомъ университета Св. Владимира, оказался прикосновеннымъ къ дѣлу объ Україно-Славянскомъ Обществѣ, сочинилъ возмутительнаго содержанія стихи и проекты о государственномъ преобразованіи. По Высочайшему повелѣнію онъ отправленъ былъ для окончанія курса наукъ, въ Казанскій университетъ съ тѣмъ, чтобы потомъ опредѣленъ былъ на службу въ Великороссійскую губернію, подъ строгимъ надзоромъ и съ воспрещеніемъ увольнять его въ Малороссію. Вскорѣ Андрузскій, по слабости зрѣнія, признанъ былъ неспособнымъ продолжать ученье и отправленъ на службу въ Петрозаводскъ.

Въ 1850 году, Олонецкій Гражданскій Губернаторъ донесъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о подозрительныхъ у Андрузскаго бумагахъ, онъ распорядился объ отобраніи ихъ у него и между прочими оказались:

1. Конституція республики, штаты которой состоятъ изъ Украинъ, Черногоріи, Галиціи съ Краковомъ, Польша съ Познанью, Литвой и Жмудомъ, Бессарабіи съ Молдавіей и Валахіей, Остзее, Сербіи, Болгаріи и Дона.

2. Отрывки изъ Надійской драмы: „Торжество свѣтлой мысли“, ¹⁾ какъ напримѣръ, „при твоёмъ законномъ содѣяствіи, моя милая, зарѣзать родную мать, отца, ничего не стоитъ; да и что тутъ толковать? Что такое мать? Вѣдьма? Что такое родитель, братъ?—Черви! убить, искоренить ихъ, несвоевое племя родныхъ! коварная, гнусная челядь враговъ съ безобразною личиною теплаго чувства—вотъ это родные“.

3. Двѣ тетрады отрывковъ изъ журнала Андрузскаго, изъ коихъ видно, что онъ остался при прежнихъ преступныхъ мысляхъ, напр.

„Никто яко Богъ! нехай ваша хата, если будетъ нашъ верхъ!“

„За-границей гадають про права челоуѣка, а тутай про права подданаго“.

Вспоминая событія Малороссіи во времена Гетманщины, онъ укоряетъ малороссовъ за ихъ хладнокровное терпѣніе отъ притѣсненій русскихъ.

„Шереметьевъ безстыдно выгоняетъ гетмана Кирія; что же дѣлаетъ Украина? А мнѣ какое дѣло!“

¹⁾ Напечатана въ 1847 г. въ литературномъ и ученомъ сборникѣ.

„Брюховецкій подличаетъ передъ Москвою, выдаетъ казаковъ на казнь, что же Украина? А мнѣ какое дѣло!“

„Алексѣй приказалъ перевести на русскій языкъ литовскій статутъ и судить въ судахъ по этому уже переводу; что же Украина? А мнѣ какое дѣло!“

„Петръ не подтверждаетъ уже казацкихъ правъ вымываетъ Полуботка и другихъ въ столицу, безчеститъ ихъ, моритъ въ кандалахъ, посылаетъ казаковъ на каторжную работу въ Ладугу, Воронежъ и далѣе, что же Украина? А мнѣ какое дѣло!“

„Петръ какъ Государь, властвуетъ въ Кіевѣ, разоряетъ Батуринъ казаками же вырѣзываетъ Ромень; что же Украина? А мнѣ какое дѣло!“

„Что не на насъ, то не до насъ! Пускай горитъ сусѣдъ, только бы наше было цѣло.“

„Наше будущее темно, мрачно, нуженъ великій умъ, великая сила, чтобы измѣнить настоящую власть.“

„Чтобы создать Украину нужно рушить Россію; а она укрѣпилась съ вѣками: зажмури глаза и не забуду рассуждать, только подумаю вмѣстѣ съ Богданомъ: что будетъ, то будетъ, на все Богъ!“

„Мы хуже ляховъ, они сохранили свой языкъ и творятъ свой судъ, а мы что?“

„Ценсура смотритъ только, чтобы Царя не бранили и противъ Бога не писали, а не обращаетъ вниманія на вредъ, который производятъ эти сѣрыя книжки, приучающія дѣтей къ не правильному взгляду, картинками и писаними забиваютъ ихъ головами; что же послѣ того удивительнаго, что молодые люди рано приучаются къ картежъ, вину и дѣвкамъ, страшась бездны премудрости.“

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

(Воспоминанія бывшаю члена петербургскаго «Союза борьбы за освобожденіе рабочаю класса» 1896—1897 и.).

Половина девятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, какъ извѣстно, ознаменовалась идейнымъ переломомъ въ средѣ русской интеллигенціи. „Критическія замѣтки“ Струве, появившіяся въ 1894 году и „Къ монистическому взгляду на исторію“ Бельтова—въ 1895—какъ бы открывали собою новую эпоху. Нарасхватъ раскупалась книжка Волгина, ходили изъ рукъ въ руки „Наши разногласія“ Плеханова, появившіяся цѣлымъ десятилѣтіемъ раньше. Молодежь увлекалась политической экономіей, вѣнцомъ изученія которой служилъ „Капиталь“ Маркса. Читались и перечитывались статьи Маркса и Энгельса, „Эрфуртская программа“ Каутскаго штудировались основательно. Въ то время какъ въ литературномъ мѣрѣ шла страстная полемика между марксистами и народниками, воспринявшая социаль-демократическое ученіе интеллигенція стремилась въ рабочую среду. Здѣсь социаль-демократы нашли подготовленную почву. Жизнь,—величайшій агитаторъ и пропагандистъ,—позаботилась о томъ, чтобы поствъ давалъ надлежащіе всходы. Кромѣ готовой почвы новые дѣятели нашли въ рабочей средѣ и сѣятелей,—въ видѣ, правда немногочисленнаго, кадра сознательныхъ рабочихъ, подготовленныхъ революціонерами предшествовавшей эпохи и отчасти разившихся самостоятельно.

Скудость въ литературѣ матеріала изъ эпохи 96—97 годовъ побудила меня взяться за перо. Задача оказалась труднѣе, чѣмъ я предполагалъ. Несмотря всего лишь на десятилѣтнюю давность пережитаго, моя память, къ сожалѣнію, не сохранила многихъ деталей изъ жизни организаціи, въ которой я работалъ. Моя работа среди петербургскихъ рабочихъ длилась всего годъ, но въ этотъ годъ пришлось пережить такую массу новыхъ впечатлѣній и работать такъ напряженно, что память не успѣвала всего регистрировать.

Періодъ, къ которому относятся мои воспоминанія, характеризуется переходомъ отъ пропаганды, имѣвшей задачей выработку отдѣльныхъ интеллигентныхъ рабочихъ, къ агитаціи, ш-

тающейся воедѣйствовать на массы. Вліяніе преобладавшей въ первой половинѣ 90-хъ годовъ кружковщины сказывалось еще и теперь. Въ концѣ 1895 года новыя вліянія нашли себѣ выраженіе въ возникшей тогда организаціи „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Въ созданіи „Союза“, кромѣ интеллигентовъ соціаль-демократовъ принимали участіе двое рабочихъ, съ которыми мнѣ пришлось мелькомъ встрѣтиться нѣсколько позже.

Моему знакомству съ рабочими предшествовало участіе въ смѣшанномъ землячествѣ, сохранившемъ названіе губерніи, изъ представителей которой оно первоначально образовалось, но полнымъ многородными элементами. Здѣсь преобладали марксисты. Въ этомъ землячествѣ я познакомился съ И. Г. С—вичъ, впоследствии всецѣло отдавшейся партійной работѣ. Товарищъ А—повъ ввелъ меня въ одинъ домъ, гдѣ собиралась молодежь, преимущественно технологи и дебатировались теоретическіе вопросы. Черезъ технолога Р—на я познакомился съ рабочими одного изъ заводовъ Выборгской стороны. Первый блинъ вышелъ комомъ: знакомство скоро пришлось прервать. Рабочіи, передавшій Р—ну эти знакомства, возбудилъ основательныя подозрѣнія, да еще сталь, вдобавокъ, распускать неблаговидныя слухи про Р—на.

Слѣдующее мое знакомство носило также мимолетный характеръ. И. Г. С—вичъ, занимавшаяся съ кружкомъ за Невской заставой, познакомила меня съ рабочимъ Обуховскаго завода, чтобы въ случаѣ надобности я могъ ее замѣнить. Свиданіе состоялось въ трактирѣ на Лиговкѣ.

Приблизительно около половины апрѣля 1896 года я получилъ отъ К. М. Т—ва кружокъ, состоявшій изъ троицъ рабочихъ: ткача Г—ва, маляра К—ва и гравера С—ова. Это были люди въ достаточной степени сознательные, почти вполне интеллигентные, что избавляло меня, какъ новичка въ дѣлѣ пропаганды, отъ многихъ затрудненій. Хотя всѣ трое получили первоначально народовольческое воспитаніе, но ко времени нашего знакомства они уже стали соціаль-демократами. Г—въ представлялъ изъ себя человѣка сложившагося, убѣжденнаго, солиднаго и хладнокровнаго работника. Ему, между прочимъ, принадлежитъ „Разсказъ рабочаго о стачкѣ на ткацкой фабрикѣ Кожевникова“, помещенный въ содержательной брошюрѣ К. М. Тара. Г—въ имѣлъ вліяніе на своихъ товарищей по кружку и на фабрикѣ. Своимъ трезвымъ словомъ онъ не разъ умѣрялъ восторженнаго К—ва. Этотъ привлекалъ своей экспансивностью, живостью мысли и фантазіи. Казалось, вся душа у него въ глазахъ. Читая или что-нибудь рассказывая, я видѣлъ всегда по его глазамъ, насколько онъ меня понималъ и какъ относится къ моимъ словамъ. Отзывчивый и нервный, почти болѣзненно впечатлительный, онъ не былъ достаточно устойчивъ и впоследствии, запуганный жандармами наговорилъ много лишняго, въ чемъ горько и страстно каялся, но вновь арестованный, еще пуще запутался. Не знаю дальнѣйшей судьбы Караса, какъ мы его называли. Вѣроятно, смятый и ис-

калѣченный, онъ окончательно опустился, увеличивъ собой число жертвъ полицейскаго режима. С—овъ былъ человекъ выдержанный. Ведя занятіе съ кружкомъ, я встрѣчался еще съ нѣкоторыми рабочими, но пока эти встрѣчи носили случайный характеръ. Мой кружокъ предъявлялъ ко мнѣ довольно большіе запросы, что заставляло меня самого работать теоретически. Эту работу мнѣ облегчало мой ближайшій товарищъ К. М. Т—въ. Кромѣ лекцій по исторіи рабочаго движенія въ Западной Европѣ мнѣ пришлось, согласно желанію рабочихъ позаняться съ ними „Капиталомъ“ Маркса. Однако событія толкали насъ на другой путь.

Въ то время, какъ мы, выскивая себѣ въ полѣ укромные уголки, отдавались теоретическимъ занятіямъ, разыгралась въ Москвѣ знаменитая Ходынская катастрофа, а вскорѣ надѣлавшая много шуму крупная стачка въ Петербургѣ. Начавшаяся на Обводномъ каналѣ 22-го мая стачка скоро охватила чуть ли не всѣ бумагопрядильныя и ткацкія фабрики Петербурга. Впоследствии товарищъ И—въ, занявшійся исторіей этой стачки, по порученію „Союза борьбы“, при скромномъ подсчетѣ насчитывалъ 30—35 тысячъ забастовавшихъ рабочихъ,—по тогдашнему времени чрезвычайно внушительная цифра. Правительство сообщеніе, насколько помню, оцѣнивало число забастовавшихъ рабочихъ въ 14 тысячъ вопреки всякой очевидности.

Ближайшимъ поводомъ къ стачкѣ послужила неуплата заработной платы за дни коронаціи, когда фабрики стояли. Начавшаяся по столь скромному поводу стачка превратилась въ борьбу за сокращеніе рабочаго дня. Правительство не упустило, съ своей стороны, случая дать рабочимъ наглядный урокъ политическаго обученія. Послѣ того какъ градоначальникъ Клейгельсъ со слезами на глазахъ безуспѣшно убѣждалъ рабочихъ прекратить „бунтъ“, мѣшающей царю послѣ торжественной коронаціи возвратиться въ свою столицу,—какъ будто забастовщики препятствовали возвращенію государя,—фабриканты, изъ коихъ нѣкоторые были готовы идти на уступки рабочимъ, получили указаніе свыше, что такая „уступчивость“ противорѣчитъ видамъ правительства, готоваго поддержать хозяевъ. Стачка закончилась въ половинѣ іюня крупной моральной побѣдой рабочихъ: имъ было обѣщано законодательное сокращеніе рабочаго дня. Кромѣ этого пока еще „журавля въ небѣ“, рабочіе получили и „свѣяцу въ руки“ въ видѣ уничтоженія нѣкоторыхъ повседневныхъ злоупотребленій на фабрикахъ, какъ задержка въ выдачѣ заработной платы, различные способы обчитыванія при сдѣльной платѣ и т. д.

Въ мою задачу не входитъ подробное описаніе стачки, да я и не располагаю необходимыми для этого документами. Но попытаюсь отвѣтить на естественно возникающіе вопросы: 1) какое отношеніе къ стачкѣ имѣли социаль-демократы, какими организациями они были представлены, какое значеніе имѣла стачка для нихъ? 2) какую позицію занимали не бастовавшіе рабочіе Петер-

бурга? 3) что дала стачка для развитія самосознанія рабочихъ Петербурга?

Лѣтняя стачка 1896 года представляетъ крупный этапъ рабочаго движенія въ Петербургѣ. Не „злонамѣренные агитаторы“ ее создали, что признало даже правительство въ своемъ официальномъ сообщеніи: она выросла изъ самой жизни, возникла и въ значительной степени развивалась стихійно. Собирались въ Екатерингофскомъ паркѣ рабочіе представители, обсуждавшіе положеніе дѣлъ, попадались даже листки, писанные самими рабочими. Но и „злонамѣренные агитаторы“ не дремали, стараясь освѣтить положеніе, формулировать требованія рабочихъ, регулировать стачку, организовать помощь. Стачкѣ придавалось огромное значеніе, нѣкоторыя горячія головы готовы были видѣть въ ней начало русской революціи.

Петербургскіе социаль-демократы не были въ это время объединены въ одну организацію. Кромѣ „старыхъ“ социаль-демократовъ, образованныхъ „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, успѣшно рекламированный правительственнымъ сообщеніемъ, существовала группа „молодыхъ“ или „пѣтуховъ“, состоявшая преимущественно изъ технологовъ и маленькая группа, къ которой примыкалъ авторъ. „Союзъ борьбы“, сильно пострадавшій весной въ связи съ первомайскими прокламаціями, напрягалъ свои силы, чтобы удовлетворить требованіямъ момента. Прокламаціи „Союза“ появились съ нѣкоторымъ запозданіемъ. Онѣ разбрасывались на фабрикахъ, въ домахъ, занимаемыхъ рабочими,—на лѣстницахъ, во дворѣ.

Въ прокламаціи „Союза“ отъ 30-го мая 1896 г., такимъ образомъ формулированы требованія стачечниковъ.

Чего требуютъ рабочіе Петербургскихъ бумагопрядильнъ и ткацкихъ.

- 1) Мы хотимъ, чтобы рабочій день у насъ продолжался отъ 7 час. утра до 7 час. вечера, вмѣсто теперешнихъ отъ 6 час. утра до 8 вечера.
- 2) Чтобы обѣденное время длилось полтора часа и, такимъ образомъ, весь рабочій день продолжался 10¹/₂ час. вмѣсто 13 час.
- 3) Чтобы расцѣнки были повышены такъ, чтобы наши заработки не уменьшились бы.
- 4) Чтобы шабашили по субботамъ вездѣ одновременно въ 2 часа.
- 5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машинъ и не пускали ихъ въ ходъ раньше времени.
- 6) Чтобы заработокъ за первую половину мѣсяца выдавали правильно и во время, а не оттягивали.
- 7) Чтобы было заплачено сполна за корсаціонные дни.

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса. 30 мая 1896 г.

Какъ видить читатель, первоначальный поводъ забастовки занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду требованій, выставленныхъ рабочими и кратко сформулированныхъ „Союзомъ“. Чисто экономическаго характера стачка, благодаря страстному отношенію къ ней властей, сказавшемуся въ выступленіяхъ градоначальника Клейгельса и министра финансовъ Витте, въ многочисленныхъ арестахъ рабочихъ подготовила почву для широкой пропаганды политическаго характера.

Маленькая группа, къ которой принадлежалъ я, состояла собственно изъ трехъ лицъ съ такимъ распределеніемъ занятій. К. М. Т.—въ вѣль сношенія съ организаціями и завѣдывалъ обще-организаціонными дѣлами, поскольку таковыя могли быть у столь малочисленной группы; ему въ значительной степени принадлежала руководящая роль въ группѣ. Владиміръ Павловичъ Иваншинъ, умершій эмигрантъ, организовалъ техническую часть. На мнѣ лежали непосредственныя сношенія съ рабочими. Группа наша и возникла то, отчасти благодаря стачкѣ. Связи съ рабочими у насъ быстро росли. Черезъ Г—она я приобрѣлъ связи на „Новой Канавѣ“, какъ зовутъ рабочіе Обводный каналъ, черезъ кого-то изъ рабочихъ того же кружка—на Путиловскомъ заводѣ и Екатерингофской мануфактурѣ. Къ концу стачки у насъ завязались знакомства въ разныхъ концахъ Петербурга.

Первая прокламація, которую мнѣ пришлось распространить, принадлежала группѣ „народовольцевъ“ 4-го „Летучаго Листка“. Эта группа отличалась отъ насъ разлѣ названіемъ и традиціями, проводя взгляды въ сущности социаль-демократическіе. Непримиримостью съ обѣихъ сторонъ больше отличались люди, довольно далеко стоявшіе отъ дѣла. Во время стачки наша группа распространяла и прокламаціи „Союза“, выпускала и свои. Народоправцы, которые въ то время официально перестали существовать, относились къ намъ сочувственно и не разъ оказывали матеріальную поддержку. „Союзу борьбы“, благодаря многочисленнымъ арестамъ растерявшему значительную часть своихъ связей, приходилось пользоваться нашими услугами. Характеръ завязавшихся у меня во время стачки знакомствъ въ рабочей средѣ былъ различный. Въ одномъ случаѣ создавалось нѣчто вродѣ кружка, въ которомъ приходилось вести—хотя по условіямъ момента и не систематическія—занятія съ рабочими, въ другомъ знакомство поддерживалось для собиранія свидѣній о ходѣ стачки и распространенія агитаціонной литературы. На одной крупной фабрикѣ, между прочимъ, нашъ агитаторъ оказался неграмотнымъ, что не мѣшало ему дѣятельно исполнять свою роль.

Стачка проходила спокойно, рабочіе обнаружили большую выдержку. Лишь въ видѣ исключенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на Екатерингофской мануфактурѣ, разыгрывались безпорядки. Заводскіе рабочіе оказывали матеріальную поддержку стачечникамъ, устраивали сборы въ ихъ пользу. Движенія въ пользу присоединенія къ стачкѣ почти не наблюдалось, да и выставленный

стачкою лозунгъ не былъ достаточно для этого широкъ. Приходилось слышать отъ заводскихъ рабочихъ отзывы въ такомъ родѣ: „Что же, у насъ и безъ того 12-ти часовой день, а гдѣ еще и меньше, намъ ихнія требованія не подходятъ“. Въ сферахъ особенно опасались забастовки Путиловскаго завода ¹⁾, видными пайщиками котораго состояли многія высокія особы.

Въ широкой публикѣ стачка пользовалась сочувствіемъ и отчасти находила матеріальную поддержку. Разговоры въ конкѣ зачастую вертѣлись около событій дня и робкій обыватель осмѣливался до того, что иной разъ громко ирипцалъ дѣйствія начальства. Изъ вагона конки нерѣдко можно было видѣть небольшія группы рабочихъ подъ конвоемъ блюстителей порядка въ видѣ браныхъ городскихъ. Изъ оконъ арестныхъ помѣщеній при полицейскихъ участкахъ выглядывали блѣдныя лица рабочихъ, махавшихъ платкомъ или пробовавшихъ заговаривать съ проходящими. Тогда еще не стрѣляли за выглядываніе изъ оконъ. Въ пригородахъ и въ полѣ за заставами разѣбжали конные патрули. Съ тѣхъ поръ петербургскій обыватель не такіе виды видалъ, но тогда эти патрули производили впечатлѣніе.

Для рабочихъ стачка сыграла огромную роль, какъ одно изъ первыхъ массовыхъ выступленій, демонстрировавшихъ мало сознательнымъ слоямъ пролетаріата солидарность интересовъ рабочихъ, антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ и роль правительства въ столкновеніяхъ между ними. Та-же стачка обнаружила и слабыя стороны нарождавшагося рабочаго движенія, поставивъ передъ рабочими Петербурга вопросъ о необходимости организаціи, несомнѣстимой съ волей полицейско-самодержавнаго правительства. Развившееся вслѣдъ за стачкой стремленіе къ устройству рабочихъ кассъ, не достигавшихъ, благодаря полицейскимъ условіямъ большихъ размѣровъ, слѣдуетъ приписать вызванному стачкой сознанію необходимости организаціи помощи: нервъ войны—деньги. Открывъ глаза многимъ, до того чуравшимся социалистовъ, стачка чрезвычайно облегчила доступъ въ рабочую среду революціонной интеллигенціи. Съ другой стороны этой стачкой какъ бы сама жизнь поставила точку на пропагандистскомъ періодѣ и открывала просторъ для агитаціи. Очередной вопросъ для социаль-демократовъ составлялъ переходъ къ болѣе широкому кругу идей, вносимыхъ въ рабочую среду: мѣсто „экономикки“ скоро должна занять политика. Ниже, при описаніи дѣятельности „Союза борьбы“ мы увидимъ какъ сложилась работа въ новомъ періодѣ, какое мѣсто въ ней занимала пропаганда и какое отводилось агитаціи.

„Союзъ борьбы“ какъ по принципиальнымъ соображеніямъ, такъ и по соображеніямъ практическаго свойства стремился объединить дѣятельность социаль-демократовъ въ Петербургѣ. Первое время дѣятельности нашей маленькой группы мы не стремились къ тѣсному сближенію съ интеллигентской организаціей,

---

¹⁾ Гдѣ и забастовала не надолго паровозо-сборочная мастерская.

каковой являлся „Союз“. Имѣя въ виду пропаганду социаль-демократизма, желая стать ближе къ рабочему и не стремясь къ строго партійной окраскѣ звоей работы, мы не нуждались въ такомъ сближеніи, поддерживая связи съ организаціями для добытія литературы и въ видахъ освѣдомленности. Но при измѣнившихся обстоятельствахъ, мѣнялись и наши дальнѣйшіе планы. Еще въ началѣ стачки велись переговоры между К. М. Т—вымъ и представителями „Союза“. На собраніи въ Шуваловскомъ паркѣ, гдѣ участвовали представители „Союза“, „молодые“ и мы, мы не могли не убѣдиться, что у насъ нѣтъ серьезнаго основанія для обособленія отъ „Союза“. Не знаю, считались ли мы послѣ этого собранія формально вступившими въ „Союз“, но переговоры и взаимное зондированіе продолжались. Дипломатическимъ представителемъ „Союза“ былъ С. И. Р—ко.

Въ началѣ августа „Союз“ устроилъ собраніе въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, гдѣ присутствовали и я. К. М. Т—въ случайно не попалъ на собраніе. Здѣсь обсуждались тактическіе и организаціонные вопросы. Если на собраніи въ Шуваловскомъ паркѣ еще и не было оформлено наше вступленіе въ „Союз“, то на этотъ разъ и присутствовали на собраніи въ качествѣ новаго члена „Союза“. Послѣ собранія въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ мнѣ приходилось имѣть дѣло съ членами „Союза“ С—нымъ и В—ромъ, изъ которыхъ послѣдній часто меня посѣщалъ. Но прежде чѣмъ мы успѣли окончательно войти въ „Союз“, послѣдній подвергся новому разгрому, причѣмъ были арестованы и всѣ участники собранія въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ. И въ это время выѣзжали изъ Петербурга вмѣстѣ съ товарищемъ М. Я. С—ковымъ. На нашихъ квартирахъ былъ произведенъ тщательный обыскъ, причѣмъ у С—кова, очень близко стоявшаго къ нашей группѣ, искали типографію, о которой мы и не грезили.

Арестъ почти всѣхъ членовъ „Союза“ грозилъ потерей имени организаціи, стижавшей уже себя значительную извѣстность. Намъ передавали, что литераторъ П—совъ, съ которымъ до того мы не имѣли сношеній, не зная, вѣроятно, о нашемъ присоединеніи къ „Союзу“, старался установить съ нами связь, опасаясь, чтобы мы не выпустили воззванія подъ своей фирмой. Но мы предупредили его одновременно обратившись отъ имени „Союза“ къ обществу „съ прокламаціей“. А упустить моментъ значило констатировать разгромъ „Союза“. Вскорѣ мы устроили совместно съ возвратившимися изъ провинціи членами „Союза“ „пленарное“ засѣданіе, на которомъ—увъ! было пять или шесть человекъ. Отнынѣ существованіе нашей группы, какъ таковой, окончательно прекращается, т. к. мы уже составляемъ организческую часть „Союза“. Прокламаціи во-время поддержали иллюзію несокрушимости и неуловимости организаціи.

Проходитъ нѣкоторое время, прежде чѣмъ организація оправилась отъ ряда разгромовъ, завершившихся августовскимъ. Возвращаются изъ провинціи нѣкоторые члены, уѣзжавшіе на канікулярное время, нѣкоторые члены организаціи, благополучно от-

бывъ тюремную повинность, также успѣвають возвратиться къ прерванной тюремнымъ заключеніемъ работѣ; вступаютъ въ наши ряды новые товарищи, частью изъ учащейся молодежи частью—люди съ болѣе богатымъ жизненнымъ опытомъ. Въ сентябрѣ „Союзъ борьба за освобожденіе рабочаго класса“ уже вновь твердо стоитъ на ногахъ. Организациа быстро разрастается. Является необходимость въ планомѣрномъ раздѣленіи труда.

До сихъ поръ я не касался организаціонной стороны „Союза“, которую могъ знать лишь со словъ другихъ. Теперь, забывая нѣсколько впередъ, скажу, какъ конструировался „Союзъ“ къ зпмѣ 96—97 года. Основными ячейками организациа служили такъ называемыя районныя группы. Эти группы составлялись изъ интеллигентовъ, имѣвшихъ связи и кружки въ томъ или другомъ рабочемъ районѣ. Такъ въ организациа были представлены Василеостровскій районъ, Петербургскій, Выборгскій, районъ Обводнаго канала, Невскій, Нарвскій... Одинъ изъ членовъ таковой группы входилъ въ качествѣ ея представителя въ центръ. Этотъ представитель не былъ выборнымъ, т. к. центръ пополнялся лишь путемъ адаптаціи. Помимо вліянія конспиративныхъ соображеній это происходило въ слѣдствіе историческаго роста организациа. Кромѣ представителей рабочихъ районовъ въ составъ центра входили заведующій технической частью (печатаніемъ), заведующій сношеніями съ заграницей, кассиръ... Нѣкоторые изъ товарищей по центру не имѣли строго опредѣленнаго круга обязанностей, но на ихъ долю доставалось не мало все усложнявшейся организаціонной работы. Оговариваюсь, что практика иногда заставляла дѣлать отступленія отъ начертанной схемы.

Обратимся отъ схемы къ дѣйствительности. Районныя группы составляли наиболѣе близкую къ жизни часть организациа. Строгаго разграниченія работы на пропагандистскую и агитаціонную не проводилось. Каждый изъ интеллигентовъ-членовъ группы имѣлъ свой кругъ связей въ рабочей средѣ, иногда сводившійся къ кружку, иногда къ нѣсколькимъ кружкамъ, иногда ограничивавшійся отдѣльными рабочими разныхъ фабрикъ и заводовъ. Отъ пониманія членами районной организациа своей задачи зависѣлъ въ значительной степени характеръ ихъ дѣятельности: одни могъ отдавать предпочтеніе пропагандѣ, другой агитаціи. Нѣкоторымъ коррективомъ къ этому служило общее направленіе дѣятельности организациа, а главное запросъ на то или другое со стороны рабочихъ. Внося поправку въ предыдущее изложеніе, можно было бы эти рабочіе кружки признать за первыя ячейки организациа. Центръ тяжести дѣятельности „Союза“ лежалъ, разумѣется здѣсь, и у насъ была тенденція, совершенно естественная, считать эти кружки таковыми. Получилась бы стройная схема: рабочіе кружки даннаго района образуютъ районную группу, а эти группы—объединены общегородской организаціей пролетаріата. Но эти „кружки“—я называю ихъ такъ за неимѣніемъ болѣе подходящаго выраженія, не имѣли опредѣленныхъ границъ, не имѣли вполне опредѣленной физіономіи (въ смыслѣ организаціонномъ) въ на-

стоящемъ, хотя въ ближайшемъ будущемъ, какъ рисовалось нѣкоторымъ изъ насъ, именно они должны были играть первенствующую роль; включая въ себя наиболѣе сознательныхъ представителей рабочаго класса, они въ крупныхъ событіяхъ рабочей жизни могли образовать естественное ядро для объединяющагося и организующагося пролетариата. Нѣкоторые изъ интеллигентовъ вели кружковыя занятія довольно систематически, въ томъ-же кружкѣ разбирались вопросы повседневной рабочей жизни и общеполитическаго характера, сюда доставлялась литература,—агитационная, полученная изъ центра и та легальная и полуполегалная литература, часто беллетристика, которой долго питалась наша милодежь въ періодъ пробужденія политической мысли. При посредствѣ сознательныхъ рабочихъ приобрѣтались связи на тѣхъ фабрикахъ и заводахъ, гдѣ еще не имѣлось знакомствъ, собирались свѣдѣнія изъ рабочей жизни, свѣдѣнія о тѣхъ взаимоотношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, сводка и освѣщеніе которыхъ являлись всегда могучимъ орудіемъ агитаціи. Наконецъ, отсюда нерѣдко исходилъ спросъ на прокламаціи частнаго характера, иногда здѣсь же, самими рабочими или при ихъ участіи составлялся и самый текстъ. Текстъ прокламаціи или матеріаль для нихъ поступалъ или прямо въ центръ, или подвергался предварительному обсужденію въ районной группѣ. Центръ рѣшалъ, нужна-ли прокламація, иногда, нѣсколько измѣнивъ, давалъ ей окончательную редакцію. Въ идеѣ это обусловливалось необходимостью согласованія отдѣльныхъ прокламацій съ общей политикой даннаго момента, проводимой центромъ, но на практикѣ вызывало иногда справедливыя нареканія.

У автора этихъ строкъ, бывшаго представителемъ Нарвскаго и нѣкоторое время Невскаго районовъ, существовала значительная близость съ рабочимъ Балтійскаго завода А. М. С—евымъ, завязывались случайныя связи и въ другихъ рабочихъ районахъ столицы. Связи приобрѣтались различными путями. Наиболѣе планомѣрный способъ состоялъ въ знакомствѣ черезъ кружковыхъ или вообще извѣстныхъ рабочихъ. Въ такомъ случаѣ обыкновенно знакомили съ людьми, нѣсколько подготовленными чтеніемъ литературы и разговорами съ сознательными товарищами. Но при быстро ускорявшемся темпѣ работы этотъ способъ не всегда оказывался достаточнымъ. Приходилось искать другіе пути. Случалось, что знакомый паренекъ, самъ не особенно давно распропагандированный, предлагаетъ свои услуги: „есть у меня въ мастерскихъ Варшавской дороги землякъ только чертъ его знаетъ: сами посмотрите, да пока что и не говорите, что вы отъ организаци, чтобы не отпугнуть“. И вотъ гдѣ-нибудь въ портерной происходитъ „свиданіе друзей“. Иногда черезъ случайнаго знакомаго, отъ котораго и толку не ожидали большого, удавалось получить цѣнныя связи. Нѣкоторые товарищи, особенно С—ловъ, обладавшій юмористической складкой, любили самостоятельно доходить до искомаго. Сядетъ себѣ въ паркѣ въ праздничный день. На скамейку подсаживается фабричный. Тары... бары... чело-

вѣкъ иной разъ окажется подходящій, знакомство идетъ дальше-больше. Съ А. М. С—евымъ мы дѣлали экскурсіи по всему рабочему Петербургу. Я ходилъ подъ видомъ рабочаго, его товарища. Съ условіями производства я успѣлъ ознакомиться настолько, чтобы не попадать въ просакъ. Но меня выдавали руки. Наши скитанія приносили нѣкоторые плоды. Такъ мы разыскали одного рабочаго, еще раньше принимавшаго участіе въ кружкахъ, а потомъ почему то отставшаго. Черезъ него приобрѣли знакомство въ гильзовомъ отдѣлѣ патроннаго завода, гдѣ вскорѣ составилъ кружокъ. Проникли къ наборщикамъ. На первыхъ порахъ мы встрѣтили неудачу. Одинъ изъ наборщиковъ Императорскихъ театровъ, выслушавъ наши „подходы“, замѣтилъ: „Чего мнѣ нужно добиваться? вы хотите 8-ми часового рабочаго дня, а я семь часовъ работаю, а жалованья мнѣ хватаетъ“. Болѣе успѣшно пошло дѣло съ непривилегированными наборщиками. Они ютились въ огромномъ каменномъ домѣ со специфическимъ запахомъ жилыхъ квартиръ. Недалеко находилась и типографія, куда я заходилъ раза два—три, чтобы ознакомиться съ условіями работы.

Постараюсь на конкретныхъ примѣрахъ познакомить читателя съ характеромъ нашихъ связей въ различныхъ районахъ. Нѣкоторое время главнымъ полемъ моихъ дѣйствій служилъ Путиловскій заводъ. Частенько подходилъ я къ заводу по соединительной вѣтви желѣзной дороги, чтобы обезопасить себя отъ сыщиковъ, которые не любили преслѣдовать въ открытомъ полѣ. Въ вечернее время литейная мастерская бросала волшебный отблескъ на окрестности. Въ одномъ двухъ-этажномъ деревянномъ домѣ обычной казарменной внѣшности, какихъ сколько угодно вы встрѣтите на рабочихъ окраинахъ Петербурга, находилась наша заводская штабъ квартира. Здѣсь жили двое молодыхъ заводскихъ рабочихъ. Они оба, — вдумчивый, серьезный и глубокой О. и немножко легкомысленный и нетерпѣливый Николай—были дѣятельны и въ распространеніи литературы, и въ доставленіи свѣдѣній о заводскихъ распорядкахъ, и даже пробовали составлять листки. Мои лекціи вмѣ, начавшіяся въ до-союзный періодъ моей работы, продолжались недолго. Что касается доставлявшейся рабочимъ литературы, то кромѣ прокламацій общаго и частнаго характера, агитационныхъ листковъ и брошюръ, вродѣ брошюры „О штрафахъ“, „Какъ министръ финансовъ заботится о рабочихъ“, жевневскихъ изданій, какъ Дикштейнъ „Кто чѣмъ живетъ“, здѣсь находили читателей Джаваниоли „Спартакъ“, Францоza „Борьба за правду“, Швейцера „Эмма“, ссчиненій Шелгунова и пр. Расходилась брошюра Свидерскаго „Трудъ и капиталъ“, читались рѣчи Лассала, даже Марксъ и Энгельсъ. Въ занятіяхъ съ начинающими рабочими мнѣ приходилось пользоваться рукописными лекціями „О заработной платѣ“, принадлежащими перу одного изъ извѣстныхъ социаль-демократовъ.

Познакомился я съ другими рабочими квартирами на Путиловскомъ заводѣ. Одинъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ былъ бывшій лакей, другой—плотникъ, лѣтъ подлѣ сорокъ. Послѣдній, ра-

ботавшій на Тентелевскомъ химическомъ заводѣ, представлять типъ хозяйственнаго мужичка. Семья его жила въ деревнѣ, къ которой и онъ устремился помыслами и гдѣ рассчитывалъ закончить свое жизненное поприще. Получая рублей 50 въ мѣсяць и во всемъ себѣ отказывая, онъ предполагалъ сколотить сумму, необходимую для заведенія кабака. Разумѣется, такой господнигъ былъ намъ не съ руки.

Небольшой кружокъ рабочихъ Путиловскаго завода я посѣщала иногда съ А. М. С — евымъ. Они съ жадностью слушали бесѣды на политико-экономическія темы.

Былъ и еще у меня кругъ знакомства на Путиловскомъ заводѣ. Это были рабочіе интеллигенты. Они интересовались литературой, выписывали толстые журналы, обнаруживая склонность къ умственному эпикурейству, а иногда и къ вкусной выпивкѣ. Когда же дѣло касалось распространенія литературы и другихъ сколько-нибудь опасныхъ предпріятій, они предпочитали уклоняться, ссылаясь на то, что „мы де не можемъ изъ-за этого ризковать, если насъ заберутъ, это большая потеря. Вы ужъ лучше такого-то попросите“. Хорошо зарабатывая, они проявляли склонность къ „обстановочкѣ“. Быть можетъ, широкое движеніе слѣдующихъ лѣтъ захватило и этихъ рабочихъ-буржуа, не лишенныхъ честолюбія и знаній.

Кромѣ меня одновременно и другіе члены организациі имѣли связи на Путиловскомъ заводѣ. Здѣсь же устроился М — кій, скорѣе интеллигентъ, чѣмъ рабочій, поступившій на заводъ съ уже опредѣленными намѣреніями.

Подробности организационной работы отвлекали меня отъ кружковыхъ занятій, которыя я передавала товарищамъ. Но у О. и Николая я бывала частенько, заходя къ нимъ во всякое время и поздно вечеромъ, и въ обѣдненный перерывъ, когда они, уплетая куски хлѣба, экономно намазанные масломъ, торопясь на работу, успѣвали передать мнѣ кое-что изъ заводской жизни и получали отъ меня литературу. Зайдя какъ-то къ нимъ въ субботу—день полудки—я отправился осматривать заводъ. У входа толпились жены рабочихъ, спѣшившіе перехватить мужей, имѣвшихъ слабость къ выпивкѣ. Сторожъ спокойно взялъ отъ меня рабочій номеръ и повѣсилъ рядомъ съ прочими. На заводѣ, благодаря полудкѣ, не мы одни ходили безъ дѣла, а потому на меня никто не обращалъ вниманія. Заводъ прозвель на меня сильное впечатлѣніе, особенно паровой молотъ и мастерская боссемерованія стали, гдѣ расплавленная огненножидкая масса металла огненнымъ потокомъ разливалась по формамъ.

Какъ-то въ одной изъ рабочихъ квартиръ на Путиловскомъ заводѣ у насъ состоялась вечеринка. Изъ интеллигентовъ, кромѣ меня, были В. Г. С — скій и В. Ю. К — а, было вѣсколько рабочихъ съ Путиловскаго завода, А. М. С — евъ съ Балтійскаго и К. С — ь изъ-за Невской заставы. Вечеринка устраивалась по инициативѣ О — а, который хотѣлъ познакомить насъ на нейтральной почвѣ съ рабочими, не затронутыми пропагандой, а главной его цѣлью являлась популяризація идеи рабочей кассы. Ра-

бочіе отнеслись очень сочувственно къ кассѣ, но работницы съ шоколадной фабрики, также приглашенные на вечеринку, обнаруживали больше интереса къ танцамъ, а на вопросы отвѣчали крайне застѣчиво и односложно. Рабочія кассы, знаменовавшія тенденцію со стороны рабочихъ къ организованной борьбѣ, вызванную лѣтней стачкой, не могли, разумѣется, получить широкаго развитія въ условіяхъ подпольнаго существованія. Но попытки къ образованію кассъ можно отмѣтить въ различныхъ районахъ столицы.

Теперь я предлагаю читателю послѣдовать за мною по Петергофскому шоссе и черезъ Нарвскія ворота пробраться въ городъ. Недалеко отъ Нарвскихъ воротъ жило много рабочихъ Новаго Адмиралтейства, Екатерингофской мануфактуры и другихъ фабрикъ. Здѣсь я познакомился съ рабочимъ Д., мало развитымъ, но обнаружившимъ большую склонность къ социаль-демократическимъ идеямъ. Усиленно работая надъ собой, путемъ чтенія и разговоровъ вырабатывая свое міросозерцаніе, онъ скоро сталъ центромъ кружка, не замедлившаго дать развѣтвленія. Здѣсь, какъ и всюду, рабочіе проявляли огромную любознательность. Ихъ требованія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были значительно шире тѣхъ, отвѣтъ на которыя могъ входить въ задачи организаціи. Рабочіе часто находились въ положеніи людей, у которыхъ внезапно раскрылись глаза и, жадно всматриваясь въ міръ Божій, они хотѣли сразу разобраться въ массѣ вновь возникшихъ вопросахъ. Помимо вопросовъ политики и экономіки зачастую затрагивались и религіозные. Я ввелъ въ этотъ районъ В. Г. С—каго, В. В. П—на, покойнаго Николая Эрнестовича Баумана, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшаго изъ провинціи. Всѣ они, не исключая Баумана, сохранили еще народовольческія симпатіи и, ставъ социаль-демократами, нѣсколько отличались отъ общей окраски работниковъ „Союза“ нѣкоторымъ тяготѣніемъ къ „политическому фактору“. Новый курсъ „Союза“ съ политической агитаціей вполнѣ пользовался ихъ симпатіей. Бауманъ, надо сказать, уже съ самаго начала болѣе другихъ признавалъ партійную дисциплину. Эти товарищи скоро завоевали симпатіи рабочихъ, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло.

Познакомивъ товарищей съ рабочими описываемаго района, я сохранилъ непосредственную связь съ основнымъ кружкомъ, посѣщая Д. У него бывали земляки. Такъ однажды мнѣ пришлось встрѣтиться съ конюхомъ и „кухоннымъ мужикомъ“ одной высокопоставленной особы. Эти „аристократы“ не безъ чувства профессиональной гордости повѣтствовали объ образѣ жизни и привычкахъ знатныхъ господъ, передавая слышанное отъ болѣе приближенныхъ челядинцевъ. Вѣроятно, по ассоціаціи идей, т. к. говорилось о тунеядствѣ, разговоръ перешелъ на монаховъ. Въ заключеніе новые знакомые приглашали меня къ себѣ въ гости, но организація не ставила себѣ задачей пропагандировать дворянскую вельможу, и я такъ не воспользовался любезнымъ приглашеніемъ.

Съ Д. я дѣлалъ набѣгъ къ пашковцамъ на Васильевскій островъ. Они были по ремеслу сапожники. Встрѣтили насъ чрезвычайно серьезно.— „О чемъ же будемъ разговаривать?“ — спросилъ, усадивши насъ, старшій изъ хозяевъ. Я предоставилъ ему выборъ темы для разговора.— „Поговоримъ о Вэгъ“.— Не особенно интересуясь богословскими вопросами, я старался найти мостики къ политической темѣ, что мнѣ скоро удалось. Перейдя затѣмъ къ противоположности классовыхъ интересовъ, я болѣе говорилъ для моего спутника, чѣмъ для хозяевъ, которые, какъ я скоро убѣдился, крѣпко забронированы противъ доводовъ противника. Мой оппонентъ сдѣлалъ мнѣ, впрочемъ, цѣнную уступку. Когда я спросилъ его, кто же по его мнѣнію скорѣе убѣдитъ рабочихъ,— тотъ ли, кто, исходя изъ фактовъ ихъ повседневной жизни, воочію убѣждающихъ ихъ въ противоположности интересовъ труда и капитала, будетъ призывать рабочихъ къ единенію и борьбѣ за идеалы социализма или релігіозный проповѣдникъ, призывающій ко всепрощенію и любви къ ближнему, котораго онъ не можетъ не видѣть и въ капиталистѣ, пашковецъ признавалъ, что рѣчь перваго будетъ, къ сожалѣнію, убѣдительнѣе для аудиторіи. Мое посѣщеніе пашковцевъ вызвано было тѣмъ, что я слышалъ отъ рабочихъ объ ихъ вліяніи въ рабочей средѣ и оппозиціи социальдемократамъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій мой визитъ не имѣлъ и продолжить знакомство съ пашковцами мнѣ помѣшало арестъ.

Представителемъ Василеостровскаго района былъ В. И. Г — ъ, энергично развившій агитацію въ этомъ районѣ, гдѣ связи у „Союза“ были довольно обширныя. На Балтійскомъ заводѣ работалъ А. М. С — евъ, о которомъ я упоминалъ. Съ нимъ я поддерживалъ тѣсныя сношенія и нерѣдко его посѣщалъ. А. М. занималъ отдѣльную комнату съ совершенно студенческой обстановкой, какъ у многихъ интеллигентныхъ рабочихъ того времени: кровать, столъ, два-три стула, этажерка съ книгами. У С—ева я располагался, какъ дома, часто съ нимъ совѣтывался, дѣлился своими впечатлѣніями и планами. Кромѣ С—ева у меня были лишь мимолетныя знакомства на Балтійскомъ заводѣ. Посѣщали мы, между прочимъ, одного слесаря семейнаго, хорошо зарабатывавшаго, сочувствовавшаго намъ, но не принимавшаго, помнится, активнаго участія въ нашей дѣятельности. Иногда я встрѣчался съ рабочей молодежью.

На Петербургской сторонѣ, районнымъ представителемъ которой былъ К—ъ, могу лишь отмѣтить небольшой кружокъ молодыхъ рабочихъ, съ которыми вела занятія П—ва. Здѣсь я читалъ между прочимъ, въ видѣ опыта одну рукопись релігіозно-политическаго содержанія, обличавшую лицемѣріе официальной церкви. Сколько помню, она произвела благоприятное впечатлѣніе. Квартира, гдѣ жили эти рабочіе, оказалась пагубной: черезъ стѣнку занималъ комнату сыщикъ, и П—ва была арестована на мѣстѣ „преступленія“.

Кратковременныя знакомства съ рабочими бывали у меня и на Выборгской сторонѣ—на фабрикахъ, въ арсеналѣ, на пивова-

ренномъ заводѣ Новая Баварія. На гильзовомъ отдѣлѣ патроннаго завода, что на Литейномъ, образовался кружокъ, о которомъ я упоминалъ.

На Большой Охтѣ со специальной цѣлью организаціи тамошнихъ рабочихъ, сравнительно менѣе другихъ распропагандированныхъ, поселился отъ „Союза“ товарищъ И—въ, котораго мнѣ приходилось посѣщать по дѣламъ организаціи. Изъ рабочихъ я бывалъ у одного съ Больше-Охтенской бумагопрядильни. Звали его Павломъ. Вдумчивый и отзывчивый юноша, съ нѣжной, мечтательной душой онъ, несмотря на тяжелый пятнадцатичасовой трудъ на фабрикѣ, находилъ время на саморазвитіе, съ жадностью поглащая книжки и брошюры. Нищенская плата не позволяла ему устраиваться сколько-нибудь сносно. Онъ ютился въ обычной квартирѣ фабричныхъ рабочихъ, гдѣ въ двухъ комнатахъ, кромѣ него, да еще одного-двухъ холостяковъ рабочихъ, помѣщалось двѣ или три семьи. Крикъ и плачъ дѣтей, перебранка женщинъ, подчасъ пьяный шумъ или супружеская ссора... И въ этой обстановкѣ онъ сидѣлъ за книгами, блѣдный и тѣдешный. На грубо сколоченномъ столѣжкѣ лежали его любимые авторы, въ томъ числѣ помню Некрасова. Разница въ положеніи фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ обращала на себя вниманіе. Этой разницѣ соответствовало болѣе или менѣе глубокое внутреннее различіе между тѣми и другими. Длинный рабочий день, низкая заработная плата содѣйствовали извѣстной забитости, темнотѣ и невѣжеству первыхъ. Заводскіе рабочіе, какъ болѣе культурные, скорѣе проникались политической стороной нашей платформы. Фабричные, болѣе интенсивно чувствуя экономическій гнетъ, болѣе тяготѣли къ примитивной формѣ классово-борьбы, ихъ было труднѣе расшевелить, но, толкаемые безысходностью своего положенія къ стихійному протесту, они естественно были активнѣе заводскихъ и болѣе склонны къ массовымъ выступленіямъ. Заводскіе скорѣе могли выставить кадръ сознательныхъ рабочихъ, способный къ болѣе широкой постановкѣ вопросовъ, болѣе устойчивый и неподверженный паникѣ.

За Невскою заставой издревле существовали кружки, выработавшіе вполне сознательныхъ рабочихъ. Интеллигентные рабочіе выработывались на заводахъ иногда и помимо непосредственнаго воодушевленія революціонеровъ, т. е. лучшей зарплатой и большій досугъ давали имъ и большую возможность умственно развиваться; да и самыя условія заводской работы требуютъ въ большей степени умственнаго развитія. Въ частности за Невскою заставой существовали рабочіе, принимавшіе участіе еще въ „Землѣ и Волгѣ“. Лично мнѣ не приходилось съ ними сталкиваться, но слыжалъ я о нихъ отъ К. М. Т—ва. Во время нашихъ исканій по рабочему Петербургу А. М. С—въ припомнилъ объ одномъ такомъ рабочемъ въ районѣ фарфороваго завода. Онъ имѣлъ, какъ мы слышали, рабочий кружокъ, но велъ дѣло настолько конспиративно, что набѣгалъ интеллигентовъ. Намъ такъ и не удалось завязать съ нимъ сношенія. „Союзъ“ имѣлъ не

мало связей на заводах и фабриках Невской заставы. Зимой мы узнали о существовании там небольшой группы, организованной заводским служащимъ Г—гомъ, пожелавшей присоединиться къ „Союзу“. Отъ имени „Союза“ велъ переговоры М—въ, потомъ я. Помимо обычной кружковой пропаганды въ группѣ вырабатывался уставъ рабочей кассы, въ чемъ принимали главное участіе рабочіе. Здѣсь мы нашли энергичнаго работника въ лицѣ К. С—а. Но здѣсь же обрѣли и провокатора въ лицѣ Ларіоныча, слесаря-кустара. Относительно его провокаторскаго амбула мы получили свѣдѣніе отъ товарищей изъ Дома Предварительнаго Заключенія. Но К. С—ъ и Г—гъ горячо защищали Ларіоныча. Такое положеніе мѣшало безапелляционному осужденію и двое членовъ „Союза“ предприняли разслѣдованіе этого дѣла. Изъ Предварилки запросили подробныхъ данныхъ относительно виновности Ларіоныча. На лицѣ, знавшихъ этого господина, онъ производилъ благопріятное впечатлѣніе. Пожилой и массивный, онъ такъ толково и дѣльно говорилъ о задачахъ рабочаго класса, о политической борьбѣ, о необходимости рабочей кассы, въ составленіи устава которой принималъ участіе. На рабочихъ онъ имѣлъ влияние. Когда до Ларіоныча дошли слухи о павшемъ на него подозрѣніи, онъ съ дрожью въ голосѣ и какъ бы невольно выступающими слезами на глазахъ говорилъ о человѣческой несправедливости, о своихъ заслугахъ и т. д. Впослѣдствіи и защитники его должны были принять, что онъ провокаторъ.

На Обуховскомъ заводѣ, за Невской заставой, у меня были кое-какія знакомства, которыя я передалъ одному изъ присоединившихся къ намъ народовольцевъ.

Изъ изложеннаго видно, какимъ образомъ множились связи нашей организаціи въ рабочей средѣ и какъ складывались наши отношенія съ рабочими. Спросъ на интеллигентовъ былъ большой и по мѣрѣ того какъ росла популярность „Союза“ рабочіе именно отъ „Союза“ хотѣли получать интеллигентовъ. По мѣрѣ почкованія кружковъ, которые въ большинствѣ случаевъ, повторяю, не были уже прежними кружками пропаганды, увеличивалось въ организаціи число интеллигентныхъ работниковъ, занятыхъ непосредственно въ рабочей средѣ. „Союзъ“ имѣлъ свой резервъ въ лицѣ занимавшихся исполненіемъ различныхъ порученій для центра и районныхъ группъ и по мѣрѣ потребности входившихъ въ рабочую среду интеллигентовъ. Была попытка организовать подъ непосредственнымъ влияніемъ „Союза“ резервъ изъ учащейся молодежи, которая, оставаясь вдали отъ дѣла, должна была теоретически подготовиться къ работѣ и ознакомиться съ дѣятельностью организаціи. Но наши резервы слишкомъ быстро пускались въ дѣло, да и по своей подготовкѣ они быстро сравнивались съ дѣйствующимъ кадромъ, продолжая работать надъ собой и приступивъ къ дѣлу. Академія социальныхъ наукъ, въ видѣ тюрьмы, ждала большинствомъ изъ насъ още впереди.

Говоря о „Союзѣ“, нельзя не отмѣтить того важнаго обстоятельства, что большинство изъ членовъ „Союза борьбы“ имѣло

тѣсный кругъ друзей, не входившій непосредственно въ организацію или, если и входившій, не игравшій въ ней опредѣленной роли, но вносившій свою долю вліянія на дѣятельность „Союза“ и оказывавшій безчисленный рядъ услугъ, столь необходимыхъ въ конспиративной работѣ.

„Союзъ“ имѣлъ связи со всѣми крупными фабрично-заводскими предпріятіями столицы и со многими мелкими. Пропагандистско-кружковая дѣятельность, преобладавшая было сначала въ нѣкоторыхъ районахъ, хотя въ общемъ „Союзъ борьбы“ вступилъ на путь агитаціи съ самаго своего основанія, постепенно отступала на второй планъ. Брошюра „Объ агитаціи“, изданная, кажется Виленской еврейской организаціей выражала общую въ то время тенденцію перейти, наконецъ, къ прямому воздѣйствію на массы.

Какъ извѣстно, фракціонныхъ разногласій тогда еще не существовало, но въ вѣдрахъ „Союза борьбы“ имѣлись различныя теченія, встрѣчавшіяся въ центрѣ. Представители одного теченія, наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ котораго являлся С. П. Р.—ко, оставались централистами-конспираторами, считая себя въ то-же время блюстителями марксистскихъ традицій. Ставя конспирацію на большую высоту, будучи централистами по конспиративнымъ соображеніямъ по преимуществу, они стояли противъ демократизаціи центра и высказывались противъ введенія въ центръ рабочихъ. По отношенію къ народолюбцамъ они держались политики непримиримости, хотя тѣ народолюбцы, съ которыми мы имѣли дѣло и которые высказались въ своемъ послѣднемъ „Летучемъ листкѣ“ (4-мъ), почти не отличались отъ социаль-демократовъ, а ихъ типографія до провала печатала социаль-демократическіе брошюры. Представители другого теченія, не упуская изъ виду девиза „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, стремились къ демократизаціи центра, насколько это оказывалось допустимымъ по условіямъ времени и стояли за большую автономность районныхъ группъ, главнымъ же образомъ наставляли на приобщенія рабочихъ къ дѣятельности центра. Въ этомъ они видѣли первый шагъ по пути превращенія „Союза“ изъ интеллигентской организаціи въ классовую организацію пролетаріата—залогъ успѣха дальнѣйшей дѣятельности „Союза“. Не безъ нѣкоторой борьбы удалось провести въ центрѣ А. М. С.—ева и К. С.—а. „Союзу“ оставалось идти дальше по этому пути, но ожидавшій вскорѣ организацію разгромъ остановилъ дѣло. Къ народолюбцамъ группы 4-го „Листка“ представители этого теченія относились вполне терпимо и стояли за соглашеніе съ ними, находя, что преждевременно дѣлать шкуру еще не убитаго медвѣдя. Кромѣ этихъ двухъ теченій сохранились еще и пережитки экономизма ¹⁾. Такъ М.—въ стоялъ за пропаганду и

¹⁾ Въ литературѣ „экономизмъ“ отнесать къ болѣе поздней эпохѣ, но я полагаю правильнымъ допустить, что въ началѣ своей дѣятельности „Союзъ“ именно придерживался „экономизма“ направлялъ свою дѣятельность къ агитаціи экономической борьбы. Лишь послѣ стачки 96 года прокламація „Союза“ приобрѣла болѣе яркую политическую окраску.

агитацию экономической борьбы, относясь скептически къ конституціи, находя, что конституція сыграетъ въ руку буржуазіи, т. е. поведетъ къ ея организованному господству.

Какъ видитъ читатель, у насъ существовали въ нѣкоторомъ родѣ всѣ три теченія современнаго европейскаго социализма.

„Союзъ борьбы“ росъ отъ центра къ периферіи. Отдѣльные представители „центра“, представлявшаго изъ себя первоначальное ядро, по мѣрѣ роста связей, передавали ихъ новымъ товарищамъ: такимъ образомъ составлялась районная группа. Но отчасти наблюдался ростъ организаціи извнѣ, отъ периферіи: на долю „Союза“, какъ видѣлъ читатель, досталась и задача объединенія разрозненныхъ силъ. Включая въ себя отдѣльныя группы, вродѣ группы за Невской заставой, нѣсколькихъ изъ числа уцѣлѣвшихъ отъ разгрома и принявшихъ социаль-демократическую программу народолюбцевъ, „Союзъ борьбы“ стремился стать единой социаль-демократической организаціей Петербурга. Преимущественный ростъ организаціи отъ центра къ периферіи являлся неизбежнымъ по условіямъ времени, когда не было ходу самостоятельности рабочихъ даже въ тѣхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какіе ей предоставляетъ наша оригинальная „конституція“.

„Союзъ борьбы“ имѣлъ связи и въ провинціи. У меня сохранились въ памяти сношенія съ Москвою, Минскомъ, Иваново-Вознесенскомъ... Существеннѣйшее значеніе для организаціи имѣла литература. Получая заграничныя изданія и лишь отчасти располагая отпечатанными въ Россіи, „Союзъ“ широко пользовался прокламаціями, какъ формой, наиболѣе доступной для массъ и наиболѣе жизненной. Прокламаціи пользовались какъ общими вопросамъ рабочей жизни, такъ и частностями, обращаясь къ рабочимъ отдѣльныхъ предприятий. Но намѣчая еще реальныхъ формъ политической борьбы, прокламаціи „Союза“ уже подчеркивали необходимость для пролетаріата стремиться къ завоеванію политическихъ свободъ. Литературой приходилось снабжать иногда и провинцію, даже... Владивостокъ.

Изъ другихъ организацій „Союзъ борьбы“ имѣлъ официальные сношенія съ еврейской рабочей организаціей, „Польской партией социалистической“, Московской социаль-демократической группой. Официальнымъ представителемъ „Союза“ за границей являлась группа „Освобожденіе Трудъ“.

Съ тѣхъ поръ какъ „Союзъ“ оправился отъ осенняго провала, у насъ существовала мысль о собственномъ печатномъ органѣ. Но эта мысль долго оставалась мечтой, какъ и собственная типографія. М—цъ, находившійся со своей группой въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ „Союзомъ“, а потомъ вступившій въ организацію, возился со шрифтомъ, но поставить типографію ему не удалось. Въ началѣ 97 года вопросъ о газетѣ былъ рѣшенъ, бывшій народоправецъ М. П. М—скій набросалъ намъ даже рисунокъ для заглавнаго листа, изображавшій энергичную фигуру пролетарія съ гордо развѣвающимся знаменемъ въ рукахъ. Въ январѣ С. И. Р—ко и Л. Н. П—ва были выбраны редакторами

газеты, а въ февралѣ вышелъ первый... и послѣдній номеръ „Петербургскаго рабочаго листка“. Устроенный однимъ изъ членовъ центра архивъ организаціи сталъ жертвою жандармовъ.

Въ февралѣ или мартѣ 97 г. у насъ былъ выбранъ представитель на первый социаль-демократическій съѣздъ въ Россіи. Выборъ палъ на Б. И. Г.—на.

Въ самомъ началѣ 1897 года въ рабочемъ мірѣ Петербурга вновь произошло крупное событіе. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ обѣщаннаго сокращенія рабочаго дня ткачи и прядильщики вновь забастовали, требуя исполненія лѣтнихъ обѣщаній правительства. Зимнее время,—какъ разъ стояли суровые крещенскіе морозы,—не благоприятствовало забастовкѣ. Число забастовавшихъ рабочихъ достигало половины лѣтней цифры. Стачка не исходила отъ „Союза“, а возникла по почину самихъ рабочихъ. „Союзъ“ и не рѣшился бы взять на себя отвѣтственность, призывая къ стачкѣ въ такое трудное время года. Тѣмъ не менѣе совершившійся фактъ оставалось признать и использовать въ организаціонныхъ цѣляхъ. Чтобы не отставать отъ событій, приходилось довести свою работоспособность до значительныхъ размѣровъ. Наша техника стояла не высоко, а по недостатку людей оставалось использовать лицъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ технической части. Какъ ни какъ, нашъ миміографъ выполнилъ и на этотъ разъ свое назначеніе.

Несмотря на напряженную дѣятельность „Союза“ послѣ осенняго провала, случилось какъ то такъ, что у насъ въ нужный моментъ не оказалось связей на одной изъ крупныхъ фабрикъ Невскаго района, откуда началась стачка. Я поѣхалъ на Большую Охту къ Павлу, о которомъ упоминалъ. У него были земляки на этой фабрикѣ. Приѣхали. Заходимъ въ рабочую казарму, гдѣ жили земляки. Землякъ, оказывается, переѣхалъ на частную квартиру. Мы—туда. Земляка не застали, а между тѣмъ мнѣ надо было получить свѣдѣнія о ходѣ забастовки на этой фабрикѣ. Я осторожно сталъ спрашивать незнакомыхъ намъ жителей квартиры, которые всѣ работали на одной фабрикѣ. Обычной замкнутости на этотъ разъ какъ не бывало. Пожилая уже женщина-работница, повидимому, сильно взволнованная всѣмъ, въ то время происходившимъ, возбужденно заговорила: „Я тебя не знаю, мой милый, кто ты такой,—можетъ быть и шпіонъ, а правду я всетаки скажу: тридцать лѣтъ я на ихъ работаю, натерпѣлись мы,—довольно!“ Затѣмъ слѣдовали частныя подробности забастовки, которыхъ не помню.

Какъ извѣстно, демонстративное напоминаніе правительству о его лѣтнихъ обѣщаніяхъ не осталось безплоднымъ. Стачечное движеніе петербургскихъ ткачей и прядильщиковъ завершилось закономъ 2 іюня 1897 года, сократившимъ до 12 часовъ рабочій день въ фабрично-заводской промышленности, хотя и оставившимъ фабрикантамъ нѣкоторыя лазейки.

Большое впечатлѣніе произвелъ на рабочихъ адресъ англійскихъ рабочихъ, подписанный вождями англійскаго рабочаго дви-

женія. Подлинникъ на особой англійской бумагѣ вродѣ пергамента—хранился въ архивѣ „Союза борьбы“. Въ переводѣ адресъ былъ распространенъ среди рабочихъ. Англійскіе товарищи привѣтствовали выступленіе петербургскаго пролетариата. Отъ „Союза“ былъ посланъ отвѣтъ, составленный и переведенный на англійскій языкъ А. Н. П—совымъ. Отвѣтъ также былъ отпечатанъ и распространенъ вмѣстѣ съ адресомъ¹⁾.

Желая изобразить въ своихъ воспоминаніяхъ характеръ первой социаль-демократической организаціи, рядомъ непрерывныхъ звеньевъ связанной съ дальнѣйшей дѣятельностью русской социаль-демократіи, я далеко не исчерпалъ всего, относящагося къ этому періоду. Характеристику лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, въ моемъ изложеніи даже не упомянуты, играли видную роль въ организаціи, считаю преждевременной въ виду близости описываемой эпохи.

Закончу свои записки пожеланіемъ, чтобы товарищи также подѣлились своими воспоминаніями, а кто располагаетъ документами, опубликовалъ бы и ихъ, дабы возсоздать „доисторическую“ эпоху социаль-демократіи.

К. Я.

---

¹⁾ Адресъ относился къ лѣтней стачкѣ и адресованъ „Стачечному комитету“, но дошелъ до насъ съ огромнымъ завысаниемъ и циркулировалъ зимой, почему ошибочно оказался связаннымъ въ моей памяти съ зимней стачкой.

К. Я.

Евреи въ Москвѣ.

(По неопубликованнымъ документамъ).

Массовыя выселенія евреевъ изъ Москвы, начавшіяся съ первыхъ дней 1891 г., съ момента полученія первоначальныхъ извѣстій о назначеніи въ Москву новаго генераль-губернатора, — покойнаго вел. кн. Сергѣя Александровича продолжали возрастать съ небывалой энергіей во все послѣдующее время и займутъ безспорно одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи русскихъ евреевъ конца прошлаго вѣка.

Высочайшее повелѣніе 29 марта 1891 г. предписывало выселеніе изъ Москвы евреевъ ремесленниковъ, но мѣстная администрація сразу раздвинула рамки, начавъ поголовное выселеніе и той категоріи лицъ, которыя жили подъ охраной дважды подтвержденнаго циркулярнаго распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ, послѣдовавшаго въ мартѣ 1880 года¹⁾. Люди, прожившіе въ Москвѣ 20—30—40 лѣтъ, должны были въ короткіе сроки продать свое имущество и уѣхать. Кто не успѣлъ, по бѣдности, исполнить требованія полиціи, кто не успѣвалъ за безцѣнокъ продать свою жалкую рухлядь, — а были случаи продажи всей обстановки за 1—2 рубля бѣдняками, жившими въ Марьяной рошѣ. — тотъ подвергался аресту, заключался въ пересыльную тюрьму наравнѣ съ преступниками и всякимъ сбродомъ, ожидавшимъ очереди для отправки по этапу. Здѣсь эти люди, всю жизнь

¹⁾ Достоинно особеннаго вниманія, что такъ называемые николаевскіе солдаты (большая часть кавтонисты, т. е. насильно отобранныя у родителей въ царствованіе Императора Николая I дѣти, сданные въ солдаты и прослужившія затѣмъ по 20—30 лѣтъ) были также выслаемы изъ Москвы, несмотря на то, что имъ и потомству ихъ даровано право повсемѣстнаго въ Имперіи жительства. Для оправданія такого нарушенія закона и воинской чести были привлечены формальныя соображенія о томъ, что вслѣдствіи отставки солдатъ „старого набора“ (т. е. до 1874 г.) обязанъ принисаться къ какому-либо обществу, а потому дозволено было остаться лишь тѣмъ, кто въ свое время привился въ Москвѣ или Московскому уѣзду. Нечего и говорить, что еврей, окончившій срокъ своей военной службы по новому воинскому уставу, немедленно въ день увольненія, выселится въ черту осѣлости, если не имѣетъ самостоятельнаго права жительства. Рядомъ съ этимъ фактомъ невольно вспоминается что на стѣнахъ часовни (на Ильинской площади), возстроенной въ память гренадера, назвавшаго геройской смертью подъ Плевной, не мало еврейскихъ именъ.

кровавымъ плѣтомъ добывавшіе хлѣбъ насущный, очутились подъ властью тюремныхъ надзирателей, которые сразу уравнили ихъ въ правахъ съ приговоренными къ каторгѣ преступниками. Въ такой обстановкѣ они проводили иногда по нѣсколькимъ недѣлямъ и затѣмъ толпами отправлялись на „родину“, которой многіе никогда не видали. Передъ зданіемъ тюрьмы лицамъ непривилегированныхъ сословій (ремесленники почти безъ исключенія мѣщане, т. е. непривилегированные) надѣвали *деревянные наручники*, о чемъ и дѣлалась отмѣтка въ препроводительномъ листѣ, составлявшемся въ губернскомъ правленіи: подъ рубрикой „въ какомъ видѣ“ отправляется по этапу, стояли слова: „въ деревянныхъ наручникахъ“. Трудно сказать въ точности, сколько народу прошло чрезъ эти пытки безъ суда,—нѣкоторые такъ и умерли въ тюрьмѣ, не дождавшись этапа (напримѣръ мѣщанинъ Швадеръ, Аврумъ Бухштейнъ и др.).

У кого были хотя бы самыя жалкія средства, отправлялся въ черту осѣдлости на свои средства; помощи, на скорую руку организованной единовѣрцами, — при снисходительнѣйшемъ, замѣчу кстаті, попустительствѣ администраціи, основательно считывавшей еврейскими-же руками нѣсколько затушевать ужасающую картину разгрома и разоренія,—помощи этой, не взирая на всю значительность собранныхъ средствъ, доставало только на избавленіе многихъ отъ тюрьмы, этапа и наручниковъ. Но что можно сдѣлать, когда внезапно срываются съ насиженныхъ гнѣздъ тысячи семействъ когда бѣда несетса такой лавиной, что даже раскрытое бѣдѣ еврейское сердце не вмѣщаетъ горя. Люди притались въ морозы на кладбищахъ, чтобъ избѣгнуть тюрьмы и этапа; женщины рожали въ вагонахъ; было много случаевъ выселенія больныхъ, которыхъ на вокзалъ привозили въ каретахъ, а въ вагонъ переносили на носилкахъ, напр., Яковъ Натанъ Фриденсонъ, который затѣмъ и умеръ въ г. Лодзи. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда полицейскій врачъ признавалъ передвиженіе опаснымъ, администрація ссылалась на хроническую болѣзнь, и больного перевозили въ мученіяхъ на вокзалъ, такъ какъ нельзя же было ожидать выздоровленія отъ хронической болѣзни.

Особенно памятна очевидцамъ прекрасная морозная январская ночь (1892 г.). Остатки домашняго скарба, толпы евреевъ нищенски одѣтыхъ съ женами, дѣтьми и стариками заполнили Брестскій вокзалъ.

Передъ угрозой этапа и пересыльный тюрьмы она рѣшились ухватъ, несмотря на 30 градусный холодъ, не добившись отсрочки. Судьбѣ угодно было надъ ними пошутить: по представленію оберъ-полиціймейстера генераль-губернаторъ распорядился о пріостановкѣ выселенія до прекращенія сильныхъ морозовъ, но... распоряженіе это было объявлено—*послѣ выселенія*.

Такимъ образомъ около 20000 евреевъ, прожившихъ въ Москвѣ кто 15, кто 25 а кто и 40 лѣтъ, были насильственно водворены въ черту еврейской осѣдлости, гдѣ они наравнѣ съ остальнымъ евр. населеніемъ не имѣли права селиться „въ городовъ и

мѣстечекъ* т. е. въ селахъ и деревняхъ и увеличили голодную массу городского пролетаріата.

А московскія власти съ какимъ то ненасытнымъ упоеніемъ ускоряли выселеніе, отказывали всѣмъ, безъ разбора и исключенія, въ какихъ бы то ни было оторочкахъ или иныхъ послабленіяхъ.

Великій Князь Сергій Александровичъ ставилъ выше всего исполненіе Высочайшаго повелѣнія, а управляющій ген.-губ. канцеляріей поражалъ даже евреевъ, приученныхъ къ жестокости и безсердечію власти, какой-то поистинѣ садической ненавистью и той почти восторженною радостью, съ которой онъ совершалъ эти ежедневныя безостановочныя и безкровныя казни.

Каковы же были результаты этого спасенія столицы отъ евреевъ.

Въ 1893 году представители крупныхъ, исключительно русскихъ купеческихъ и фабричныхъ фирмъ подали московскому генераль-губернатору просьбу, въ которой указывали на вредъ и убытки, причиненные удаленіемъ евреевъ и стѣсненіемъ пріѣзда ихъ въ столицу, указывали, что для московской торговли существенно важно, чтобы еврей купцы имѣли пріѣздъ нѣсколько разъ въ году; указывали, что значительная часть населенія Богородскаго уѣзда, Московской губ., занята кустарными промысламъ шелковаго производства; преимущественными покупателями ихъ были купцы-евреи, пріѣзжавшіе изъ черты осѣдлости, и московскіе евреи, проживавшіе въ Москвѣ до 1891 г. и выселенные, какъ выше описано. Послѣ того наступилъ кризисъ кустарныхъ промысловъ Богородскаго уѣзда, многіе крестьяне разорились и производство шелка значительно сократилось, торговые обороты уменьшились на сто милліоновъ и центръ торговли угрожаетъ перейти изъ Москвы съ Лодзь. Московскій генераль-губернаторъ положилъ на эту просьбу такую резолюцію:

1 августа 1892 г. № 16041 господину пристапу городского участка. Московскіе и Ивано-Вознесенскіе фабриканты и торговцы обратились къ Его Императорскому Высочеству московскому генераль-губернатору съ прошеніемъ объ изданіи облегчительныхъ правилъ относительно пребыванія и временныхъ пріѣздовъ въ Москву иногороднихъ купцовъ и прикащиковъ изъ евреевъ. Вслѣдствіе предложенія за № 2480 предписываю вашему высокоблагородію объявить просителямъ, проживающимъ въ Москвѣ, что по сношеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи поселившимся въ столицѣ евреямъ купцамъ 1-ой гильдіи имѣть одного или двухъ прикащиковъ изъ единоѣрцевъ не признаю подлежащимъ удовлетворенію, ибо упомянутые купцы на основаніи 12 ст. уст. о пасп. могутъ держать только прикащиковъ, взятыхъ съ собой при переселеніи ихъ изъ черты осѣдлости въ Москву.

Что же касается ходатайства просителей объ измѣненіи правилъ, изложенныхъ въ 161 ст. уст. о пасп., то такое намѣненіе можетъ послѣдовать лишь въ законодательномъ порядкѣ, почему означенное ходатайство по этому предмету будетъ

имѣться въ виду при пересмотрѣ правъ евреевъ по торговлѣ.
Подпись московскаго оберъ-полиціймейстера.

Число ремесленниковъ въ Москвѣ, само собой разумѣется, сократилось, такъ какъ евреевъ ремесленниковъ не осталось; но дѣла христіанъ отъ этого не поправились, а населеніе терпѣло большія неудобства. По словамъ проф. моск. унив. И. И. Янжула, среднія хозяйства въ Москвѣ стали испытывать затрудненія, благодаря отсутствію евреевъ ремесленниковъ. Мелкія починки, поправки и дешевыя поддѣлки негдѣ заказывать, русскіе ремесленники не принимаютъ такихъ заказовъ и ссылаются на то, что это было дѣло евреевъ, которыхъ теперь нѣтъ. Извѣстное безпристрастіе проф. Янжула и умѣнье его оцѣнивать экономическія явленія придають его сообщенію особенную цѣну. Въ заключеніе нельзя не отмѣтить почти непонятнаго по своей психологіи факта. Многие евреи, выселенные изъ Москвы, переѣхали на жительство въ Варшаву и другіе города Царства Польскаго. Здѣсь они встрѣтились съ коренными польскими евреями, положеніе которыхъ и до наплыва новыхъ конкурентовъ было достаточно плачевно; конечно, польскіе евреи встрѣтили пришельцевъ недружелюбно, но при этомъ ихъ менѣе беспокоила конкуренція переселенцевъ, чѣмъ ихъ пристрастное отношеніе мѣстныхъ евреевъ ко всему польскому. Называя себя русскими, изгнанники на первый планъ выставляли свои чисто русскія симпатіи.

Дальнѣйшая забота администраціи свелась къ тому, чтобы, по возможности, еще сократить число живущихъ въ Москвѣ евреевъ и всячески затруднить пріѣздъ евреевъ изъ чужбы осѣлости. Кромѣ условій, предусмотрѣнныхъ закономъ (ст. 12, 161 уст. о пасп. и бѣгл. т. XIV св. зак. изд. 1890 г.) изобрѣтательность полиціи создала цѣлый рядъ новыхъ формальностей для временнаго пребыванія евреевъ въ Москвѣ. Прикащики должны представлять свидѣтельства о болѣзни своихъ хозяевъ и невозможности имъ самимъ пріѣхать для покупки товара въ Москву; требуются свидѣтельства о „добромъ поведеніи“ и производится постоянная провѣрка цѣли пріѣзда; лишь при наличности счетовъ, удостоверяющихъ покупку товара, разрѣшается пребываніе въ Москвѣ ¹⁾. Кушцы 1 гильдіи, пробывшіе въ чертѣ осѣлости 6 лѣтъ и перешедшіе затѣмъ въ 1 гильдію г. Москвы, могутъ привозить съ собою для торговли приказчиковъ изъ единовѣрцевъ,—съ разрѣшенія генераль-губернатора; разрѣшенія такого добиться невозможно. Евреи, окончившіе университетъ и приписавшіеся къ гильдіи, по закону имѣютъ право держать при себѣ приказчика изъ единовѣрцевъ—безъ особаго на то разрѣшенія; но въ Москвѣ необходимо просить о разрѣшеніи, затѣмъ производится разслѣдованіе, продолжающееся долгіе мѣсяцы, пока проситель, истомившись въ безконечномъ ожиданіи, не броситъ своего дѣла, или полиція не найдетъ болѣе или менѣе остроумнаго повода для отказа. Во всемъ, что касается евреевъ, по-

¹⁾ Этотъ порядокъ не измѣнился и до настоящаго времени.

лица проявляет неслыханное усердие, и если бы в других сферах государственной и полицейской службы мы встрѣтились съ такой рьяной настойчивостью, съ такой энергіей, находчивостью, неустаннымъ прилежаніемъ и изобрѣтательностью въ толкованіи закона сообразно съ духомъ времени, Россія не знала бы многихъ бѣдъ и заботъ. Для поимки евреевъ организованы были ночные обходы полиціи, окружавшей намѣченные заранее дома, подворья и улицы; полицейскіе агенты врываются въ квартиры и въ меблированныя комнаты, и тутъ же, не стѣсняясь ничѣмъ, не останавливаясь передъ раздѣтыми женщинами, провѣряли права испуганныхъ, внезапно разбуженныхъ обитателей квартиръ и немедленно арестовывали тѣхъ, кто осмѣлился спать въ столицѣ, не позаботившись о предварительномъ на то разрѣшеніи полиціи.

Въ „Вѣдомостяхъ Московской Городской Полиціи“ сплошь и рядомъ можно было читать о назначеніи повышенныхъ денежныхъ наградъ за поимку еврея, не имѣющаго права проживать въ столицѣ; въ № 276, 22 октября 1897 г., московскій оберъ-полиціймейстеръ назначаетъ одинаковое вознагражденіе за поимку 1 еврея и за поимку двухъ лицъ, обвиняющихся въ грабежѣ. Съ другой стороны, когда полиція совершаетъ акты явнаго беззаконія и въ усердіи своемъ доходитъ до того, что выселяетъ изъ Москвы лицо съ высшимъ образованіемъ, права котораго ужъ вѣ сомнѣніи даже для самыхъ рьяныхъ комментаторовъ закона, взысканіе, если оно иногда назначается расходившемуся ревнителю, отличается необыкновенною скромностью. Къ тому же времени относится въговоръ, сдѣланный оберъ-полиціймейстеромъ приставу 2-го уч. Мясницкой части Шидловскому за произвольное и противозаконное выселеніе изъ Москвы еврея съ университетскимъ образованіемъ, имѣющаго и помимо того всѣ права на повсемѣстное жителство, но это ничтожное взысканіе напечатано было не въ полицейскихъ вѣдомостяхъ, для всеобщаго свѣдѣнія, подобно громкимъ извѣщеніемъ о наградахъ за поимку евреевъ, а въ приказѣ по полиціи (17 окт. 1897 г. № 230), рассылаемомъ лишь должностнымъ лицамъ. Большаю же частью остаются безнаказанными самыя явныя жестокости.

Въ 1895 или 1896 г. околоточный надзиратель 1 уч. Мясницкой ч., явившись въ 11 часовъ ночи въ квартиру купца Шлосберга, настойчиво требовалъ немедленнаго (т. е. сейчасъ же ночью) выселенія 10 л. племянника его, сына царкосельскаго 1 гильдіи купца Вилецкина; мальчикъ пріѣхалъ къ дядѣ погостить, но полиція не усмотрѣла ни свидѣтельства о добромъ поведеніи, ни другихъ кабалистическихъ формальностей, безъ которыхъ не допускаютъ въ Москву купцовъ или ихъ дѣтей вопреки 12 ст. уст. о пасп.

Какъ бы для надѣвательства полиціей установлено было правило—спеціально для евреевъ, чтобъ на вывѣскахъ обозначались въ точности, кромѣ фамиліи, также имя и отчество, причѣмъ отчество пишется всегда съ краткимъ окончаніемъ, никогда не

встрѣчающимся ни въ разговорномъ языкѣ, ни въ торговой перепискѣ (напр. Верка Шліомовъ Гольдбергъ). И вотъ всѣ еврейскіе магазины украсились уничижительными, непривычными для русскаго слуха именами Шлемки, Таубки, Ривки и т. п., вывезенными изъ черты осѣдлости, представляющими большею частью искаженный всякими писцами переводъ съ жаргона на которомъ имена эти далеко не имѣютъ уничижительнаго характера. Законъ требуетъ, чтобы евреи именовались тѣми именами, которыя значатся въ ихъ метрическихъ свидѣтельствахъ и которыя часто искажаются безграмотными писарями учреждений, выдающихъ документы, иногда передѣлываются самими евреями на соответствующія русскія (Шлейма-Шліома-Соломонъ), сообразуясь съ новыми условіями жизни среди чисто русскаго населенія и т. п. Въ послѣднее время все чаще встрѣчаются въ метрикахъ евреевъ чисто русскія имена, такъ какъ неоднократно было разъяснено, что у евреевъ нѣтъ святцевъ, и они вольны въ выборѣ именъ, тѣмъ не менѣе, власти не могли ни понять этого, ни привыкнуть къ тому, что еврей носятъ настоящее русское имя, не смѣшное и не уничижительное — полицейскія власти считали это просто неслыханною наглостью, и сплошь и рядомъ приходилось несчастнымъ носителямъ этихъ именъ выслушивать со стороны полиціи возраженія, поштыя шутки и глумленія по этому поводу. Поэтому полиція съ радостью отмѣчала искаженныя жаргономъ библейскія имена и въ то время, какъ всякій купецъ могъ писать на своей вывѣскѣ одну фамилію даже безъ начальныхъ буквъ имени и отчества, еврею не разрѣшалось полѣзять вывѣску, пока онъ не начертаетъ полнаго имени и отчества, и тѣмъ эти имена искаженнѣе и смѣшнѣе, тѣмъ съ большею точностью и рельефностью они должны быть выписаны; имя и отчество должны быть совершенно ясно изображены и такъ же отчетливо выступать, какъ и фамилія. Въ разрѣшительныхъ бумагахъ московскаго оберъ-полиціймейстера оговаривалось всегда, что разрѣшеніе дается съ тѣмъ, чтобы имя и отчество „онаго еврея“ было изображено „крупнымъ и жирнымъ шрифтомъ“. Увлеченіе доходило до того, что на вывѣскѣ товарищества на вѣрѣ, коего вкладчиками состоятъ евреи, выписывались поименно всѣ участвующіе. Такъ на вывѣскѣ Т. Дома Высоцкій и К^о (Лубянско-Ильинскія Торговыя помѣщенія) красовалась слѣдующая надпись: «Оптовая торговля развѣшаннымъ чаемъ Торговаго Дома В. Высоцкій и К^о. Учредитель 1-ой г. купецъ Іосифъ Яковлевичъ Высоцкій. Вкладчики на вѣрѣ пот. поч. гражданинъ Есель Шмерковъ Цетлингъ и 1-ой гильдіи купецъ жена Либа Вульфовна Гавронская».

Здѣсь умѣстно будетъ привести ст. 81 уст. торг., согласно которой во всякомъ г-вѣ на вѣрѣ имена вкладчиковъ не вносятся въ названіе фирмы, а замѣняются словомъ „Компанія“; но, какъ правильно неоднократно заявлялъ на своихъ пріемахъ бывшій московскій оберъ-полиціймейстеръ Власовскій, „для евреевъ нѣтъ закона“.

Во всѣхъ официальныхъ отношеніяхъ, запросахъ, отвѣтахъ, резолюціяхъ и другихъ бумагахъ принято писать „еврей такой-то“, давая этимъ знакомъ пароль всѣмъ, кто по ошибкѣ взглянулъ бы на просителя, какъ на человѣка. Нельзя не привести здѣсь интереснаго запроса, сдѣланнаго оберъ-полиціймейстеромъ одному изъ приставовъ: «сообщить свѣдѣнія о вѣроисп. пом. евр. раввина еврея имя рекъ».

Такое систематическое издѣвательство надъ цѣлымъ классомъ тружениковъ не вызывало съ ихъ стороны ни одного протеста только вслѣдствіе паническаго страха и полной увѣренности, что борьба бесполезна и что если жалоба можетъ быть и будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ уважена въ какой-нибудь послѣдней инстанціи, то тѣмъ временемъ мѣстныя власти найдутъ средства умѣрить энергію жалобщика. Но всего этого оказалось мало.

Наблюденіе за правами евреевъ организовано было при охранномъ отдѣленіи московскаго оберъ-полиціймейстера слѣдующимъ образомъ. Назначены были особые полицейскіе надзиратели для поимки и ареста; не зналъ въ точности, кто изъ евреевъ имѣетъ право жительства и у кого этого права нѣтъ, надзиратели ловили на улицахъ всѣхъ евреевъ или, лучше сказать, всякаго человѣка, которому Богъ далъ семитическій обликъ. Сосредоточивъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, въ торговой части города и около биржи, они ежедневно арестовывали десять, двадцать человѣкъ, а тотъ день, когда арестованныхъ бывало менѣе 10 человѣкъ, полиц. надзир. называлъ «неурожайнымъ» днемъ и прибавлялъ: «ловъ нынче маловатъ», такъ что слово «ловъ» стало именемъ нарицательнымъ для ловли евреевъ. Каждый еврей, съвачень ли онъ былъ по дорогѣ на биржу или во время дѣловаго разговора съ русскимъ купцомъ, обязанъ былъ на мѣстѣ доказать свое право пребыванія въ столицѣ; тяжесть доказательства возложена была на него, а презумпція установлена противъ него. Если паспортъ не въ карманѣ, если у полицейскаго надзирателя появляется какое-либо сомнѣніе, еврей немедленно отправляется въ участокъ. Были случаи, что такому аресту подвергались и гильдіи купцы и евреи съ университетскимъ образованіемъ; если кто отказывался слѣдовать въ участокъ, то свистками слышались городовые и дворники, сбѣгались звѣваки, и во главѣ толпы, глумившейся надъ евреемъ, послѣдній препровождался въ участокъ. Такимъ образомъ были арестованы, между прочимъ, московскій купецъ Бѣленькій, кандидатъ правъ Закъ (выпуска моск. университета 1887 г.), Дусманъ и другіе. Одинъ изъ нихъ (Закъ) подалъ жалобу моск. оберъ-полиціймейстеру, но былъ черезъ нѣсколько дней вызванъ въ управленіе сыскной полиціи, и здѣсь ему объяснили, что въ жалобѣ его усматривается не личный протестъ, а «кагальный»;—ему настоятельно рекомендуется передать своимъ единовѣрцамъ, что дѣйствія полиціи правльны, а всякія возраженія незаконны, неосновательны и бесполезны, а самъ жалобщикъ поступить благо-

разумиѣе, если возьметъ обратно свое прошеніе, хотя бы для того, чтобъ не подвергнуться выселенію изъ Москвы.

Перечисленіе всѣхъ случаевъ немислимо, а изобрѣтательность и цинизмъ въ толкованіи законовъ со стороны полиціи были безпредѣльны. Одинъ надзиратель увидѣлъ въ пролеткѣ старика еврея, на ходу вспрыгнуть къ нему въ экипажъ и потребовать паспортъ (моск. купецъ Якубъ). Минскій 1 г. купецъ Цукерманъ, имѣя право пріѣзда въ Москву для покупки товаровъ, прибыль сюда во время еврейскихъ праздниковъ и не счелъ нужнымъ заготовиться доказательными документами и счетами; на вопросъ полиціи о цѣли пріѣзда, онъ заявилъ, что намѣренъ купить мануфактурный товаръ, но такъ какъ было извѣстно, что обыкновенно онъ пріѣзжаетъ по банковскимъ дѣламъ, состоя доврѣненнымъ лицомъ банкирской конторы, то отвѣтъ его признали за явную ложь и ему предписано было къ вечеру уѣхать. Телеграмма, посланная оберъ-полиціймейстеру, съ усердной просьбой дозволить ему остаться на 1 сутки, въ виду того, что въ день высылки 1 октября (Покровъ день) всѣ банки и лавки закрыты, и лишь 2 октября онъ можетъ купить товаръ и представить счета,—остались безъ послѣдствій. Такъ какъ пайщиками банкирской конторы состоятъ малолѣтніе его родственники, а онъ состоитъ повѣреннымъ ихъ матери-опекуни, то предсѣдатель минскаго сиротскаго суда гр. Чапскій удостоверилъ московскаго оберъ-полиціймейстера телеграммой, что Цукерману, дѣйствительно, по дѣламъ опеки необходимо пріѣхать въ Москву и просить дозволить ему пріѣздъ; телеграмма была препровождена къ генераль-губернатору, но послѣдній нашелъ невозможнымъ удовлетворить просьбу графа Чапскаго. Здѣсь, можетъ быть, уместно будетъ вспомнить, что во время коронаціонныхъ торжествъ изъ Москвы выселенъ былъ минскій 1 гильдіи купецъ Веніаминъ Полякъ; онъ заявилъ, что пріѣхалъ для покупки товара и для присутствія при коронаціонныхъ торжествахъ. Это послѣднее обстоятельство и погубило его; оберъ-полиціймейстеръ призналъ такую цѣль пріѣзда настолько незаконной, что ее не могла покрыть и покупка товара вполне законная. Той же участи чуть не подвергся извѣстный миллионеръ И. Бродскій; онъ пріѣхалъ на коронацію въ качествѣ представителя отъ кіевскаго биржевого комитета и поселился на одной квартирѣ съ ген. Драгомировымъ, съ которымъ былъ очень друженъ. Черезъ день полиція потребовала немедленнаго выѣзда Бродскаго, никакія официальные просьбы не помогали, и только вмѣшательство Драгомирова избавило его друга отъ внезапнаго путешествія въ Кіевъ.

Возвратимся теперь къ арестованнымъ евреямъ и ихъ судьбѣ.

Однимъ изъ поводовъ ареста и высылки служить невиннае самой полиціи, выдающей евреямъ паспорта. По ст. 37 полож. о видахъ на жительство, полиція дѣлаетъ въ паспортныхъ книжкахъ отмѣтки о принадлежности владѣльца ея къ купеческому сословію, для чего послѣдній предъявляетъ свое купеческое свидѣтельство; а по ст. 5 п. 5 Выс. утв. мѣрн. гос. сов. отъ 3 іюня

1891 года евреи, пользующіеся правами временнаго пребыванія въ черты ихъ осѣдности, обязаны предъявлять полиціи, независимо отъ вида на жительство, также и надлежащія документа, удостоверяющіе ихъ право на жительство въ данной мѣстности; по ст. 7 п. 5 того же закона евреи, какъ въ случаѣ неизвѣстнаго вида на жительство, такъ и въ томъ случаѣ, когда они будутъ обнаружены, хотя бы съ видомъ на жительство, но въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не имѣютъ права пребывать, высылаются въ мѣста постояннаго ихъ жительства и т. д.

И вотъ, къ прѣбавшему купцу еврею, не исполнившему на родинѣ предписанія 37 ст.—(не говоря уже о тѣхъ, кто дѣйствительно не имѣетъ права жительства въ Москвѣ), примѣняется ст. 7.

Собравъ въ участкѣ десятокъ, другой арестованныхъ евреевъ, полицейскій надзиратель провѣряетъ ихъ права; кто обладаетъ всѣми правами, но арестованъ за отсутствіемъ въ карманѣ паспорта, того освобождаютъ, снесясь предварительно по телефону съ участковымъ управленіемъ по мѣсту его жительства въ Москвѣ,—прочіе же остаются подъ арестомъ до слѣдующаго отходящаго по М. Брестской ж. д. поѣзда. На вокзалъ они препровождаются подъ конвоемъ городовыхъ, которые покупаютъ въ кассѣ на деньги этихъ невольныхъ пассажировъ билеты, записываютъ ихъ номера и присутствуютъ при отходѣ поѣзда. Снабженные, такъ называемыми, проходными свидѣтельствами несчастные купцы безъ товара ѣдутъ на родину, куда пересылаются ихъ паспорта,—ѣдутъ безъ остановки, потому что съ проходными свидѣтельствами имъ нигдѣ нельзя остановиться.

Несчастіе никогда не обходится безъ осложнений—такъ и здѣсь. Разные мошенники и проходимцы, узнавъ при какихъ обстоятельствахъ арестуютъ евреевъ, часто останавливаютъ ихъ внезапнымъ вопросомъ о паспортѣ и пр. Бывали случаи, когда испуганный купецъ откупался отъ мнимаго сыщика и лишь черезъ нѣсколько времени узнавалъ о своей ошибкѣ, когда его останавливалъ настоящій уполномоченный полицейскій агентъ.

Но оставимъ купцовъ, приказчиковъ, торговлю и матеріальныя интересы и перейдемъ къ религіи и просвѣщенію и посмотримъ, что испытали евреи въ этой сферѣ въ то время, когда оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцевъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ увѣрялъ Государя Императора, что Россія единственная страна, очастливленная истинной вѣротерпимостью.

23 сентября 1892 года Государь Императоръ, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ о самовольномъ открытіи равниномъ Миноромъ и старостой Шнейдеромъ синагоги въ Москвѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) московскаго раввина Минора уволить отъ сей должности съ водвореніемъ его на жительство въ чертѣ еврейской осѣдности и съ воспрещеніемъ ему навсегда въѣзда въ мѣста, лежащія внѣ этой черты, 2) старосту Шнейдера удалить изъ предѣловъ Москвы и Московской губерніи на 2 года и 3) объявить московскому еврейскому молитвенному обществу,

что если къ 1 января 1893 года выстроенное на Солникѣ зданіе синагоги не будетъ продано или обращено подѣ благотворительное заведеніе, то оно будетъ продано съ публичныхъ торговъ московскимъ губернскимъ правленіемъ.

Итакъ, синагога, разрѣшенная къ постройкѣ надлежащей властью, строившаяся много лѣтъ и стоившая до 200,000 р. не была открыта. Оставалась въ Москвѣ довольно помѣстительная молельня банкира Л. С. Полякова при его домѣ, но тамъ разрѣшено было молиться только его семьѣ, и неоднократныя просьбы о разрѣшеніи открыть ее для общей молитвы оставлены были безъ послѣдствій.

Кромѣ того было въ Москвѣ 14 молельнь, устроенныхъ въ разныхъ частяхъ города, большей частью на задворкахъ, въ небольшихъ квартирахъ, при самыхъ убійственныхъ въ санитарномъ отношеніи, условияхъ.

Въ мартѣ 1894 года, наканунѣ праздника Пасхи, послѣдовало соглашеніе между московскимъ генераль-губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ о закрытіи 9 молельнь, при чемъ оставлены были самыя ничтожныя по размѣрамъ и самыя антисанитарныя. Въ упѣлѣвшихъ 5 молельняхъ имѣется 816 мѣстъ, а между тѣмъ въ Москвѣ насчитывается болѣе 1500 однихъ евреевъ солдатъ расквартированныхъ здѣсь войскъ.

Тѣснота заставила въ іюнѣ того же года ходатайствовать о разрѣшеніи расширить эти молельни, и въ томъ же мѣсяцѣ (за № 8081) московскій оберъ-полиціймейстеръ увѣдомилъ молитвенное правленіе, что по вопросу о молельняхъ имъ было сдѣлано представленіе Его Императорскому Высочеству, въ силу котораго оставленныя 5 молельнь признаны достаточными.

Въ 1895 г. наканунѣ осеннихъ праздниковъ, исполнявшій должность предсѣдателя правленія г. Шикъ вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи молиться въ молельнѣ Полякова, и тогда просьба эта была уважена на 9 дней, по истеченіи которыхъ запрещеніе вошло въ прежнюю силу, и молельня вновь закрылась для постороннихъ лицъ.

Давка въ молельняхъ приняла столь угрожающіе размѣры, что правленіе вынуждено было повторить свои ходатайства и въ слѣдующіе праздники, но каждый разъ получался отказъ.

Послѣдняя попытка была сдѣлана 13 ноября 1895 г. Была подана просьба о томъ, чтобы московскій генераль-губернаторъ повергъ къ стопамъ Его Императорскаго Величества ходатайство о разрѣшеніи открыть синагогу къ предстоящимъ коронаціоннымъ торжествамъ, въ видѣ особой милости дабы московскіе евреи имѣли возможность съ достойною торжественностью праздновать радостное событіе. Просьбу эту московскій генераль-губернаторъ назвалъ дерзкимъ нарушеніемъ Высочайшаго повелѣнія, и въ этихъ выраженіяхъ резолюція была объявлена всему составу правленія, вызванному для этой дѣли къ оберъ-полиціймейстеру.

Благодаря этимъ мѣрамъ, давка въ оставшихся молельняхъ приняла опасные размѣры, и пришлось запретить женщинамъ

доступъ въ молельни такъ какъ не хватало мѣста и для мужчинъ и при малѣйшемъ испугѣ присутствіе женщинъ могло оказаться роковымъ.

Извѣстно, что для всѣхъ молитвъ во время праздниковъ и вообще для торжественныхъ молитвъ должно быть на лицо не менѣе 10 евреевъ, такъ что приходилось собираться въ частныхъ квартирахъ по 10—20 человекъ для молитвы. Но полиція предупредила, что такія собранія будутъ считаться незаконными сборищами, а хозяинъ квартиры будетъ подвергаться преслѣдованію за открытіе молельни безъ разрѣшенія властей. И вотъ, во время осеннихъ праздниковъ 1897 года производились строжайшіе обходы квартиръ: тамъ обыскивали всѣ комнаты и даже шкафы, и если находили молящихся, то разгоняли ихъ, какъ заговорщиковъ, и пользовались кстаті случаемъ, чтобы провѣрить ихъ права на жительство. Во 2 уч. Мясницкой части, такимъ образомъ, былъ совершенъ обходъ почти всѣхъ квартиръ, занятыхъ евреями. Полиція пыталась проникнуть въ Александровскую казарму, гдѣ солдатамъ евреямъ разрѣшено было молиться; въ виду отсутствія мѣстъ въ молельняхъ туда же приходили для молитвы и нѣкоторые не военные евреи, которымъ положительно некуда было дѣться; имъ угрожала тяжкая для религіознаго человѣка перспектива не молиться въ синагогѣ: въ самый важный и единственный въ году праздникъ Іомъ Кипуръ (постъ и отпущеніе грѣховъ). Сыщики узнали объ этомъ, и полиція нагрязнула въ казармы. Но военное начальство воспротивилось такому вторженію полиціи, и ей пришлось ожидать окончанія молитвы; тогда переписали всѣхъ молившихся вмѣстѣ съ солдатами.

Во исполненіе Высочайшаго Указа отъ 23 сентября 1892 года въ зданіи синагоги къ 1 января 1893 г. переведены были два училища, на которыхъ мы остановимъ теперь наше вниманіе: Александровское ремесленное училище и училище - пріютъ подъ названіемъ Талмудъ Тора. Достаточно будетъ привести только рядомъ документы, касающіеся открытія и закрытія этихъ учрежденій, чтобы безъ всякихъ комментариевъ понять истинныя цѣли преслѣдователей.

Начнемъ съ Александровскаго ремесленнаго училища.

„Управленіе московскаго генераль-губернатора 1 отд. (4 сентября 1880 г. № 484).

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу о предложеніи Московскаго Еврейскаго Общества ознаменоваль день 25 лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества учрежденіемъ въ Москвѣ ремесленнаго училища и о ходатайствѣ наименовать это училище „Александровскимъ“, Высочайше изволилъ изъявить на сіе свое согласіе, повелѣть при этомъ благодарить Московское Еврейское Общество за его вѣрноподданническія чувства“.

Второй документъ.

„Московскій оберъ-полиціймейстеръ. Отдѣленіе хозяйственное 27 мая 1895 г. № 5532.

Министръ внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ московскимъ генераль-губернаторомъ и согласно отзыва министра народнаго просвѣщенія призналъ соответственнымъ существующее въ Москвѣ, по временнымъ правиламъ, Еврейское Ремесленное Училище упразднить и обязать хозяйственное правленіе: 1) со дня объявленія настоящаго распоряженія прекратить приемъ воспитанниковъ въ названное училище и 2) отсюда не оставлять обучающихся въ училищѣ на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Означенное распоряженіе относится только до еврейскаго ремесленнаго училища, именуемаго „Александровскимъ“, и не касается до училища-пріюта, носящаго названіе Талмудъ Тора“.

Въ другомъ родѣ, но столь же вѣрныя документы, касающіеся другого училища.

Суточный приказъ московскаго оберъ-полицеймейстера 16 сентября 1881 г. № 259. Московскій общественный развѣтъ Миноръ, въ виду того, что въ здѣшней столицѣ среди еврейскаго общества очень много еврейскихъ сиротъ обоюго пола и особенно дѣтей, нуждающихся въ пріютѣ и первоначальномъ религіозно-нравственномъ воспитаніи—въ мартѣ мѣсяцѣ сего года ходатайствовалъ о разрѣшеніи учредить на основаніи 1074 ст. XI т. ч. 1 Св. Зак. при молитвенномъ Правленіи, находящемся въ Солянскѣ, въ д. Рыженкова, пріютъ для означенныхъ дѣтей, подъ именемъ Талмудъ Тора и вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшить ему для этой цѣли открытъ добровольную подписку.

Имѣя московскій генераль-губернаторъ увѣдомилъ меня, что управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ, по сношеніи съ министромъ народнаго просвѣщенія и согласно ходатайства раввина Минора разрѣшаетъ устроить и содержать въ Москвѣ на счетъ добровольныхъ пожертвованій пріютъ для еврейскихъ дѣтей обоюго пола подъ именемъ Талмудъ-Тора, ¹⁾ но съ тѣмъ, чтобы пріютъ этотъ подчинялся въ учебномъ отношеніи училищному начальству и чтобы въ ономъ преподавался русскій языкъ.

Прежде чѣмъ представить документъ объ уничтоженіи этого училища, надо сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ среднія и высшія учебныя заведенія принимается евреевъ лишь 3 проц. общаго числа поступающихъ и кромѣ того заведенія эти доступны лишь для болѣе или менѣе зажиточнаго класса. Что касается городскихъ школъ, то по статистическимъ изслѣдованіямъ, результатъ приема въ гор. нач. уч. въ 1891—1892 г. произведеннаго московской городской управой, представлялся въслѣдующемъ видѣ.

Изъ 100 православныхъ принято въ 1890—91 году 70,7, не принято 26,6, а изъ ста евреевъ принято 57,7, не принято 42,3; при этомъ надо замѣтить, что Москва дѣлится въ учебномъ отношеніи на 3 пояса, и первый и второй поясъ обнимаютъ тѣ мѣстности, гдѣ живетъ самая значительная доля московскихъ евреевъ (внутри кольца, образуемаго Садовой улицей). И вотъ, въ частности, въ этихъ, то двухъ поясахъ, непринятыхъ въ городскія

¹⁾ Т. е. школа грамотности.

школы еврейских дѣтей оказалось 64,2 проц. Слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ же году не было принято 73 ученика (16 мальчиковъ и 57 дѣвочекъ) *только* потому, что они евреи (какъ сказано въ отчетѣ). Въ 1891—92 году цифры приблизительно тѣ же; не принято 10 человекъ съ указаніемъ о дѣйствительной причинѣ отказа (иудейское вѣроисповѣданіе). Мальчиковъ принимаютъ меньше, чѣмъ дѣвочекъ; но тогда какъ православныхъ мальчиковъ принято меньше дѣвочекъ на 7,3 проц., у старообрядцевъ на 6 проц., у евреевъ эта цифра вырастаетъ до 14,9 проц. Подводя итогъ, надо сказать, что въ то время какъ изъ православныхъ, единовѣрцевъ и старообрядцевъ непринятыхъ оказывается немного болѣе 1/4 (26—27 проц.), изъ евреевъ болѣе 2/5 (42 проц.); а между тѣмъ по даннымъ 1890—91 года дѣтей православныхъ и пр., заявившихъ желаніе поступить въ школу, было 90,5 проц., общаго числа просителей, а евреевъ 5,5 проц.; если же принять во вниманіе, что въ то время православные, единовѣрцы и старообрядцы составляли примѣрно 91,9 проц. всего населенія, а евреи 2,0 проц. то станетъ ясно, насколько усиленіе въ еврейскомъ населеніи спросъ на первоначальное обученіе (населеніе евреевъ меньше общаго числа населенія въ 45 разъ, а желающихъ поступить въ школу лишь въ 15 разъ, что даетъ отношеніе 45:15, т. е. 3:1). Прибавьте, что отказъ вообще вдвое чаще встрѣчаютъ евреи, (если брать абсолютныя цифры), и тогда будетъ ясно, что, относительно говоря, отказъ постигаетъ еврейскаго мальчика и дѣвочку въ 5—6 разъ чаще.

Съ 1891—92 года обстоятельства стали, конечно, тяжелѣе, потому что духъ времени обуялъ не однихъ чиновниковъ въ тѣсномъ смыслѣ, но и уловилъ въ свои сѣти массу добровольцевъ.

По закрытіи Александровскаго ремесленнаго училища, училище-пріютъ подлежало перенесенію въ зданіе синагоги, для чего, по предписанію власти, пришлось перестроить зданіе внутри для приспособленія подъ училище. Былъ представленъ планъ, который былъ утвержденъ губернскимъ правленіемъ, управой и генераль-губернаторомъ, затрачено было на перестройку тысячъ восемь. Комиссія, командированная для осмотра, возраженій на мѣстѣ не представила, но донесла московскому генераль-губернатору, что хотя и не замѣчается въ работахъ никакихъ отступленій отъ утвержденного плана, но изъ всего характера передѣлки явно намѣреніе привести зданіе въ такой видъ, чтобы, въ случаѣ, если во взглядахъ правительства произойдетъ поворотъ, оно могло бытъ превращено вновь въ синагогу безъ капитальной перестройки зданія. Такой „обходъ“ представлялся преступнымъ для чистыхъ сердецъ чиновниковъ, знающихъ лишь прямые пути и этимъ объясняется упрекъ, сдѣланный въ предложеніи генераль-губернатора, которое было сообщено оберъ-полиціймейстеромъ въ отношеніи отъ 24 окт. 1897 г. о закрытіи училища... Но объ этомъ постѣ.

Возвращаясь къ училищу, замѣчу, что въ немъ находило, пріютъ, одежду, пищу и обучалось Закону Божію, русскому языку, чистописанію, географіи, арифметикѣ, еврейскому языку и исторіи

еврейскаго народа довольно значительное количество бѣдныхъ дѣтей, преимущественно сиротъ—въ 1892—93 году 65 мальчиковъ, въ 1893—94 г. 70, въ 1894—95 г. 62, въ 1895—96 г. 60, въ 1896—97 г. 44.

Преподаваніе велось въ училищѣ такъ успѣшно, что инспекторъ народныхъ училищъ не только лично, но и въ официальныхъ бумагахъ выражалъ удовольствіе по поводу порядка и успѣховъ дѣтей, особенно въ *выговоръ русскаго языка*, и даже рекомендовалъ расширить курсъ ученія для представленія оканчивающимъ льготы 3-го разряда по воинской повинности.

Но и это училище не надолго пережило ремесленное. Изъ отчета хозяйственнаго правленія московскаго еврейскаго общества за 1896 г. видно, между прочимъ, что уцѣлвшіе еще остатки благотворительныхъ и образовательныхъ учреждений московскихъ евреевъ не давали покоя администраціи и послѣ перестройки спнагоги и затратъ, на нее сдѣланныхъ. Смотритель училища Фидлеръ, проживавшій въ Москвѣ 10 лѣтъ, вдругъ оказался не имѣющимъ права жительства и былъ выселенъ изъ столицы; съ его выселеніемъ дѣти остались безъ преподавателя закона. Раввинъ предложилъ замѣнить учителя безъ особаго на то вознагражденія, но разрѣшенія не получилъ. Попечитель московскаго округа потребовалъ представленія „вполнѣ убѣдительнаго“ доказательства, что въ училищѣ разрѣшено преподаваніе вышеупомянутыхъ предметовъ и „документа“ на основаніи котораго учреждено училище, и въ случаѣ неимѣнія такого „документа“, обязывалъ принять мѣры къ немедленному закрытію училища (отношенія попечителя округа отъ 16 окт. 1896 г. № 20433, 2 ноября 1896 г. № 21864 и 2 декабря 1896 г. № 23604). Грозилъ бѣда и при томъ, казалось, неустранимая, потому что „документа“ не было, училище было открыто на основаніи суточного приказа оберъ-полиціймейстера. Но послѣ многократныхъ объясненій и просьбъ была представлена къ утвержденію программа, хотя она отлично была извѣстна начальству, которое, посѣщая училище, постоянно выражало, по поводу преподаванія и успѣховъ учениковъ, свое одобреніе.

Къ великой радости учителей (изъ нихъ трое были православные) и родителей, попечитель (1 мая 1897 г. № 10039) объявилъ, что къ оставленію пріюта Талмудъ Торы препятствій со стороны управленія округа не будетъ. Но вслѣдъ затѣмъ, 28 іюля 1897 г. за № 9206, московскій оберъ-полиціймейстеръ вдругъ заинтересовавшись училищемъ, предложилъ хозяйственному правленію представить свидѣнія о количествѣ дѣтей въ еврейскомъ училищѣ и о числѣ обучавшихся въ послѣдніе 5 лѣтъ.

Ровно черезъ три мѣсяца, 28 октября, объявлено хозяйственному правленію слѣдующее распоряженіе московскаго генералъ-губернатора:

„М. В. Д. московскаго оберъ-полиціймейстера канцелярія. Отдѣленіе хозяйственное октября, 24 дня 1897 г. № 13624.

Г. приставу 2 участка Мясницкой части.

Въ виду незначительности числа учениковъ, обучающихся

въ московскомъ еврейскомъ училищѣ-пріютѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Талмудъ Торы, и такъ какъ дѣти евреевъ, проживавшихъ въ Москвѣ, не лишены по закону права поступать въ общеобразовательныя учебныя заведенія, названный пріютъ, по соглашенію Его Императорскаго Высочества московскаго генералъ-губернатора съ управляющимъ министерства внутреннихъ дѣлъ, подлежитъ закрытію.

Вслѣдствіе сего и согласно предложенію Его Императорскаго Высочества за № 2491, предписываю вашему высокоблагородію о вышеизложенномъ объявить хозяйственному правленію для еврейскихъ молитвенныхъ учрежденій г. Москвы, подъ росписку, съ тѣмъ, чтобы правленіе это въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня отобранія помянутой подписки озаботилось обращеніемъ зданія, въ которомъ нынѣ помѣщается сказанный пріютъ, подъ благотворительное заведеніе или больницу.

При этомъ предлагаю вамъ предупредить правленіе, что неисполненіе имъ распоряженія въ назначенный срокъ, а равно допущеніе какихъ-либо отступленій при передѣлкѣ зданія для новаго его назначенія, подобно самовольно допущеннымъ правленіемъ при приспособленіи такового для размѣщенія въ немъ пріюта Талмудъ Тора, вызоветъ немедленное распоряженіе о приведеніи въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 23 сентября 1892 года, въ силу котораго *зданіе, предназначавшееся подъ синагогу подлѣжитъ продажѣ съ торговъ.*

Подписку названнаго правленія въ объявленіи и въ обязательствѣ точнаго исполненія всего вышеизложеннаго представить ко мнѣ учредивъ съ своей стороны *строгое наблюденіе* за своевременнымъ исполненіемъ сказаннаго и о слѣдующемъ донести. Исправляющій должность оберъ-полиціймейстера полковникъ Треповъ. Управляющій канцелярією Бельгардтъ"...

Такимъ образомъ, училище, въ которомъ получали общее религіозно-нравственное образованіе, пищу, одежду и обувь немующія сироты, пало жертвой замаскированнаго стремленія московской администраціи во что бы то ни стало свести Высочайшее повелѣніе 23 сентября 1892 г. къ послѣднему его пункту, т. е. къ продажѣ Храма Божія съ торговъ ¹⁾.

Такъ длилась эта глухая борьба, не ослабѣвая ни на мигъ, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ. Благодаря тому, что преслѣдованія производились не только систематически, но и „со вкусомъ“, съ какою то противоположнымъ увлеченіемъ,—образовались традиціи, ничѣмъ неискоренимыя пока будетъ оставаться въ силѣ прежнее безправіе 6 милліонной массы еврейскаго населенія Россіи.

Можно съ увѣренностью сказать, что если еврей гибнуть физически отъ постоянной травли, то въ представителяхъ власти укрѣпляются привычки и приемы, которые, дискредитируя власть окончательно, приводятъ къ убѣжденію, что новая Россія должна

¹⁾ Открытіе синагоги разрѣшено вновь въ 1906 году.

прежде всего искоренить традиціи старой администраціи, вырожденной на алчности, невѣжественности и челоуѣконенавистничествѣ. Само собой разумѣется, что и среди администраціи встрѣчаются не только порядочные, но истинно гуманные и просвѣщенные люди, но эти рѣдкія исключенія лишь подчеркиваютъ низкій общій уровень нашихъ архаическихъ блюстителей „порядка“.

О. Гольдовскій.

Процессъ 50-ти ¹⁾).

(Всероссійская Соціально-Револуціонная Организація 1874—1877 г.).

VI.

Послѣ двѣнадцатичасового переѣзда мы подѣзжали къ Парижу; было раннее утро; передъ нами вырисовывался этотъ великій, много-страдальный городъ, куда еще такъ недавно мы уносились мечтой, когда, оцѣпленный кольцами вражескихъ штыковъ, онъ истекалъ кровью. Вотъ и улицы, надъ которыми почти еще вчера грохотали пушки; горькое чувство охватывало меня, когда впервые пришлось блуждать по этимъ улицамъ. Стѣны домовъ зіяли еще кое-гдѣ пробоинами, но это были безкровныя раны; живая, теплая людская кровь давно уже была всюду смыта, и народъ, какъ въ муравейникѣ, беззаботно кишѣлъ въ этихъ улицахъ, предаваясь съ прежней изумительной энергіей своему дневному труду, точно торопился затушить этимъ трудомъ, быть можетъ, еще неизжитое горе.

Мы прибыли въ Парижъ съ сѣвернымъ поѣздомъ, который оставался въ рабочей части города, именуемойся Батиньолемъ; это обстоятельство облегчило намъ возможность наблюдать рабочую жизнь въ Парижѣ и мы нашли себѣ помѣщеніе въ этомъ же кварталѣ, недалеко отъ рабочаго парка Монсо и знаменитаго Монмартра, въ какой-то захудалой гостиницѣ m-eug Блана, скорѣе похожей на трактиръ, чѣмъ на гостиницу.

Въ этомъ домѣ жило много рабочихъ, занимавшихъ какіе-то темные углы, гдѣ можно было оставаться только ночью, чтобъ выспаться, а выспавшись, надо было спѣшить вонъ изъ этой конуры, мракомъ и размѣромъ своимъ напоминающей гробъ. Такъ какъ насъ было пять человѣкъ, а комната съ окномъ, которую мы заняли, могла вмѣстить только четырехъ, то одному изъ насъ пришлось принанять одинъ изъ такихъ же гробовъ, за который мы платили, кажется, десять франковъ въ мѣсяцъ. Въ этотъ гробъ мы ходили ночевать по очереди, черезъ четыре дня на пятый, да и то было невыносимо; какъ-сво же было тѣмъ, которые считали для себя большимъ счастьемъ имѣть хоть такое пристанище!

¹⁾ См. „Вилло“. 1907 г. Августъ.

Здѣсь мы наблюдали весь ужасъ жизни европейскаго рабочаго, безпріютнаго, голоднаго и унылаго; уныніе до такой степени пора- жало насъ, что мы удивлялись, какъ такой унылый народъ могъ со- вершать недавніе геройскіе подвиги во время коммуны и осады Парижа. Но, вспоминая рѣки пролитой крови, рѣшили, что герои погибли, а остались жить робкіе и унылые.

И странное дѣло, въ этомъ всемірномъ городѣ, за участь кото- раго такъ горячо билось мое сердце и который я такъ любилъ, я искалъ прежде всего моихъ земляковъ—русскихъ.

Еще передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, по инициативѣ нѣсколь- кихъ студентовъ II курса Мед. Академіи рѣшено было сняться всѣмъ студентамъ вмѣстѣ съ проф. Груберомъ въ пику проф. Ціону; когда мы собрались въ фотографію, я только что былъ выпущенъ съ гаупт- вахты; я сообщилъ встрѣтившимся товарищамъ, что навсегда оставляю Академію и на дняхъ выѣзжаю въ Парижъ; одни изъ товарищей, нѣ- кто Михайловъ, который на лѣто уѣзжалъ въ Лондонъ, предложилъ мнѣ взять рекомендательное письмо къ его родной сестрѣ (по мужу Даниловой), которая была знакома со всей русской эмигрантской колоніей, какъ въ Швейцаріи, такъ и въ Парижѣ; я поблагодарилъ его за эту товарищескую заботливость и охотно взялъ письмо.

Поверхностно осматрѣвъ нѣкоторыя части города и его досто- примѣчательности, я отправился къ Даниловой; она жила съ молодымъ ученымъ Чуриновымъ, который сразу заинтересовалъ меня, заслонивъ собою всѣ другія впечатлѣнія этой первой встрѣчи. Онъ былъ человѣкъ, въ высшей степени симпатичный; послѣ первыхъ незначущихъ фразъ, онъ заговорилъ со мною о своемъ очень интересномъ трудѣ «о воен- номъ подборѣ», написанномъ имъ на премію Парижской Академіи Наукъ. Я почувствовалъ въ немъ серьезнаго ученаго, несмотря на его скромность, которая въ особенности понравилась мнѣ въ немъ, какъ явленіе очень рѣдкое въ ученой братіи. Послѣ многолѣтнихъ трудовъ произведение его было напечатано и премировано Академіей; объ этомъ я читалъ долго спустя, кажется по выходѣ моемъ съ каторги.

Материалы для этого своего труда онъ черпалъ изъ французской исторіи, которую ему пришлось изучать всесторонне—весь долгій пе- ріодъ войнъ и революцій, пережитыхъ французскимъ народомъ.

Я такъ заинтересовался его темой, что пресиль прочитатъ намъ написанное имъ въ рукописи; онъ согласился. На чтеніе пришли Чи- коидзе и другіе мои товарищи по путешествію, пришелъ также и Соколовъ, авторъ «Отщепенцевъ», которые тогда гремѣли въ Петер- бургѣ, которыми зачитывалась молодежь. Къ нашему горю мы узнали тутъ, что Соколовъ страдаетъ алкоголизмомъ и дѣйствительно, онъ былъ навеселѣ. Это страшно огорчило насъ; онъ мѣшалъ чтенію и, прочитавъ нѣсколько главъ, Чуриновъ предлѣжилъ для сокращенія времени, изложить намъ на словахъ содержаніе дальнѣйшихъ главъ.

Не успѣлъ Чуриновъ окончить свое изложеніе, какъ Соколовъ всталъ и ходя по комнатѣ обратился къ намъ: «Ну, для кого и для чего писать всю эту ученую мудрость? Кто не знаетъ, что послѣ ряда войнъ, французскій народъ мельчаетъ; доказывать такую ба-

нальность все равно, что доказывать, что дважды два четыре». Мы стали возражать, а Соколовъ сталъ горячиться. «Ну, что же господа, говорилъ онъ, продолжайте учиться и удивляйте мѣръ своими учеными трудами, которые будутъ оплачиваться потомъ и кровью голоднаго народа. вмѣсто того, чтобы отдать жизнь на завоеваніе политической и экономической свободы массъ, вы хотите, напустивъ на себя видъ ученаго, копаться десятки лѣтъ въ архивной пыли, а потомъ провозглашать всѣмъ извѣстную истину, что благодаря господствующимъ классамъ и ихъ политикѣ, масса народа физически и умственно вырождается. Все это извѣстно всѣмъ; вы лучше скажите, что надо дѣлать чтобы возродить вымирающей народъ?»—Соколовъ говорилъ горячо и убѣдительно, потягивая стаканъ за стаканомъ изъ бутылки съ какимъ-то напиткомъ, который охотно придвигалъ увлекающемуся оратору гостепрѣимный хозяинъ. Соколовъ, несмотря на свой недостатокъ, своимъ яркимъ вмѣшательствомъ сразу заставилъ насъ бросить ученый споръ о военномъ подборѣ; онъ окончательно овладѣлъ словомъ и продолжалъ: «Господа, revenons à nos moutons, moutons russes! Вы прѣехали изъ Россіи, расскажите, о чемъ тамъ думаютъ; намѣреваются ли спасать овецъ, стригомыхъ мошенниками, если да, то какъ?»

И пошла опять давно знакомая мнѣ рѣчь о знаніи и революціи, о необходимости бросить науку и идти въ народъ; и я здѣсь убѣдился, что русскій человекъ, разъ онъ революціонеръ, одинаково смотритъ на свое назначеніе, будь онъ въ Парижѣ или Петербургѣ: идти немедленно въ народъ, дѣлать съ нимъ горе, пока не настанетъ свѣтлое время для всѣхъ...

Когда мы расходились мой пріятель Чикоидзе взялся проводить Соколова, котораго онъ сразу полюбилъ, въ особенности когда во время спора случайно узналъ, что Соколовъ артиллеристъ и математикъ. «Разъ вы математикъ, мы другъ друга скоро поймемъ», говорилъ Соколовъ.

Наша первая встрѣча, какъ я уже сказалъ, произошла на квартирѣ Даниловой, которая жила въ Латинскомъ кварталѣ, недалеко отъ университета. Несмотря на страшную даль, Данилова иногда приходила къ намъ, въ Батиньоль и приглашала знакомиться, не теряя времени съ остальными русскими, проживавшими въ Парижѣ. Когда занятый работой въ Батиньоль, я отказывался идти съ ней, за недостаткомъ времени, она говорила: «нѣтъ, я должна перезнакомить васъ со всѣми, т. к. братъ проситъ меня объ этомъ въ письмѣ, которое вы сами же доставили мнѣ», и я сдавался.

Такъ, однажды она потащила насъ къ И. С. Тургеневу; но онъ, къ сожалѣнію, выѣхалъ тогда на дачу и насъ принялъ у него, его хорошій знакомый Васильевъ, который жилъ у Тургенева. Она познакомила насъ также и съ Германомъ Лопатинымъ, который оказался товарищемъ по дѣтству съ Иваномъ Кузьминымъ, спутникомъ моимъ въ Парижѣ.

Васильевъ рассказывалъ намъ за стаканомъ чая, котораго мы давно уже не пили, о жизни Тургенева, о его взглядѣ на русскую молодежь. Тургеневъ, по его словамъ, отрицательно относился къ

тогдашнему движенію въ народъ. Самъ Васильевъ показался мнѣ чловѣкомъ скучнымъ, а больше всего возмущало меня то, что онъ какъ бы отказывался отъ права на независимое мышленіе, что Тургеневъ былъ для него высшимъ авторитетомъ; я самъ былъ большимъ почитателемъ Тургенева, но по вопросу о движеніи въ народъ я не считалъ его непогрѣшимымъ.

Изъ бесѣдъ съ Васильевымъ я узналъ также, что въ Парижѣ есть компанія бывшихъ цюрихскихъ студентовъ, которые посѣщали иногда бібліотеку Тургенева и это меня заинтересовало. Какъ бы отвѣчая моему желанію, однажды приходитъ къ намъ Данилова и сообщаетъ, что нѣсколько молодыхъ русскихъ женщинъ желаютъ познакомиться съ нами, но она не знаетъ, какъ устроить намъ свиданіе съ ними.

Рѣшено было на другой же день встрѣтиться на лекціи профессора Клода Бернара, который читалъ въ *jardin des plantes*; чтенія эти происходили въ сравнительно небольшой аудиторіи, а физиологическіе опыты производились на открытомъ воздухѣ въ саду.

Какъ живая встаетъ передо мною статная, но уже старческая фигура Клода Бернара; несмотря на свой возрастъ, онъ самъ возился съ лошадыю съ чисто демократическою простотой и самъ пристраивалъ приборъ, при помощи котораго предстоило демонстрировать давленіе крови въ сосудахъ. Каждый изъ присутствовавшихъ свободно обращался къ нему съ вопросами и онъ съ большой готовностью самъ, а иногда его ассистентъ Лоранъ, также крупный ученый, давали подробныя объясненія. Такая простота и любезность знаменитаго ученаго,—имя Клода Бернара я хорошо зналъ еще заочно,—меня прямо поражала; я невольно переносился въ Петербургъ съ его чопорными, бездарными, сухими и надменными профессорами, въ родѣ господъ Ціоновъ, Ланьцеровъ и имъ подобныхъ, которые не только съ постороннею публикой, которой они и не допускали, но и съ самими студентами были грубы и невнимательны.

Клодъ Бернаръ не пряталъ науку въ застѣнки, онъ съ одинаковой снисходительностью относился какъ къ стекавшимся со всѣхъ концовъ міра молодымъ ученымъ, такъ и къ какой-нибудь старой торговкѣ яблоками, которую непогода загоняла иногда въ его аудиторію, и которая, слушая его вся трепетала въ священномъ ужасѣ передъ тайнами жизни, открываемыми этимъ старикомъ.

Тутъ я воочию убѣдился, почему у французовъ даже самыя глубокіе ученые такъ популярны въ народѣ, а у насъ, въ Россіи, ихъ никто не знаетъ даже по имени. Да, и много ли у насъ такихъ ученыхъ! Большинство нашихъ преподавателей скорѣе департаментскіе чиновники, чѣмъ люди науки, работающіе не для себя, не для сухой науки, но и для народа.

Стоя въ такомъ раздумьи поодаль отъ лектора, я замѣтилъ неподалеку на скамейкѣ подъ деревомъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ чрезвычайно просто и въ незатѣйливыхъ шляпкахъ. Онѣ какъ то выдавались среди пестрой аудиторіи Клода Бернара и невольно привлекли мое вниманіе; я замѣтилъ, что и онѣ наблюдаютъ за мною и почему-то отвернулись. Въ это время ко мнѣ подошла Данилова и

говорить: «эти дѣвушки здѣсь, пойдемте я васъ познакомлю»; она подвела меня къ нимъ и что то пробормотала; я снялъ шляпу и протянулъ имъ руку, чтобы пожать ихъ худенькія, полудѣтскія ручки, какъ въ тѣ времена жали руку въ Петербургѣ, а жали такъ, что кости хрустѣли. Дѣвушки не замѣтили моего движенія, онѣ не тронулись съ мѣста, не протянули мнѣ руки, а отвѣтили лишь легкимъ поклономъ; одна изъ нихъ, съ очень свѣтлыми, почти бѣлыми волосами, потупила глаза, вычерчивая что-то зонтикомъ по песку и тихо проговорила въ мою сторону: «здѣсь не Россія, здѣсь мы отвыкли подавать руку», какъ бы въ извиненіе, сказала она.—Ну, и прекрасно, отвѣчалъ я, нѣсколько смущенный; поступокъ барышни мнѣ все таки показался страннымъ; я невольно посмотрѣлъ на свои руки и тутъ только замѣтилъ такія мозоли на нихъ, что и самъ обрадовался отказу этихъ дѣвушекъ въ рукопожатіи.

Дѣло въ томъ, что недѣли черезъ двѣ, по приѣздѣ въ Парижъ, я и Чикоидзе, желая поближе познакомиться съ рабочими, отправились на работу въ небольшую кузницу, гдѣ работали всего четыре человѣка; кузница помѣщалась недалеко отъ насъ, шагахъ въ пяти—десяти. Когда мы представились хозяину кузницы и объяснили ему наше желаніе учиться кузнечному ремеслу, ему сначала показалось страннымъ, что два бравыхъ молодца желаютъ на *старости* лѣтъ (намъ только что минуло тогда 21 годъ) учиться кузнечному ремеслу, но потомъ, разспросивъ кто мы и зачѣмъ намъ это ремесло, отъ котораго онъ самъ готовъ былъ бы бѣжать, онъ заинтересовался нами и принялъ обоихъ въ молотобойцы.

Еще въ дѣтствѣ мнѣ нравилось смотрѣть на раскаленное желѣзо, сыпавшее искры, какъ звѣзды, а гимназистомъ я любилъ лѣтъ извѣстную пѣсню: кузнецъ, раздуй огонь въ печи, желѣзо раскали краснѣй...; но тогда я видѣлъ въ этомъ актѣ одну поэзію и не понималъ, какой адскій трудъ быть кузнецомъ.

На другой день по поступленіи на работу, въ назначенный часъ, помнится часа въ 4 утра, я уже былъ въ кузницѣ; Чикоидзе рѣшилъ идти послѣ, когда я нѣсколько освоюсь съ этимъ дѣломъ, и облегчу ему путь къ усвоенію ремесла; его затрудняло почти полное незнаніе французскаго языка.

Мнѣ дали 20-ти фунтовый молотъ, который мнѣ показался сначала очень легкимъ, но когда мнѣ показали, какъ нужно описывать этимъ молотомъ цѣлый кругъ, держа за самый кончикъ рукоятки, я понялъ, что дѣло мое плохо; цѣлый часъ промучился я, пока научился наносить ударъ, какъ слѣдуетъ. Если бы я не постигъ въ этотъ часъ искусства молотобойца, суровый французъ не преминулъ бы выгнать меня; но когда онъ убѣдился, что наконецъ то это искусство постигнуто мною, онъ весело воскликнулъ: «ah, c'est bien ça, mon vieux Caucas!» Я расхохотался на всю кузницу, такъ что прохожіе на улицѣ остановились и заглянули къ намъ; меня разсмѣшила кличка, которую далъ мнѣ кузнецъ—mon vieux Caucas, такъ онъ и продолжалъ величать меня впослѣдствіи.

Я вернулся домой въ 6 час. вечера; день былъ не легкій; съ 4 час. утра до 7 всѣ работали безъ отдыха; въ 7 час. утра полага-

лось $\frac{1}{2}$ часа отдыха, когда пили по стакану кофе съ хлѣбомъ; съ $7\frac{1}{2}$ час. до 12 час. дня опять непрерывная работа; въ обѣденное время часовой отдыхъ и съ 1 часа дня до 6-ти часовъ вечера—опять работа безъ перерыва; такимъ образомъ мы работали $12\frac{1}{2}$ часовъ въ сутки.

Вернулся я домой весь разбитый, у меня не было ни одного живого мѣста; всѣ сухожилія и связки казались мнѣ надорванными, сочлененія рукъ вывихнутыми; ладони были въ такихъ пузыряхъ, что о работѣ на слѣдующій день, казалось, не могло быть и рѣчи. Чтобы испытать все удовольствіе каторжнаго рабочаго труда, я отправился въ вышеописанный гробъ, гдѣ и спалъ мертвецкимъ сномъ до утра, пока не всталъ изъ сосѣдняго гроба другой рабочій и стукомъ своей деревянной обуви (jabot) не нарушилъ моего перваго рабочаго отдыха. На утро, къ удовольствію, въ тѣлѣ моемъ все обстояло благополучно, кромѣ рукъ: на ладоняхъ огромные пузыри, наполненные сукровицей, еще болѣе вздулись. Я побѣждалъ все таки въ кузницу и показалъ старику мои пузыри; «ah, ça ne fait rien, mon vieux Caucass, prend le marteau!» и я взялся за молотъ. Не успѣлъ я ударить имъ два-три раза, какъ всѣ пузыри лопнули, а сукровица вытекла; съ тѣхъ поръ пузырей ужъ не было, на ихъ мѣстѣ образовались мозоли.

Вотъ мнѣ и показалось, что мои новья знакомки отказали мнѣ въ рукопожатіи за эти мозоли и я простилъ имъ это. Я тогда еще не зналъ ихъ и далекъ былъ отъ мысли, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они сами станутъ работницами и узнаютъ, что такое трудовые мозоли. Бѣлокурая дѣвушка, давшая мнѣ урокъ парижскаго обычая не подавать руки мало знакомымъ людямъ, оказалась Варварой Ивановною Александровою. Она первая нарушила молчаніе и спросила меня какимъ-то дѣтскимъ картавымъ говоромъ: «не васъ-ли это арестовали въ Мюльгаузенѣ?»—А вы откуда объ этомъ знаете, спросилъ я.—«Мы прочли въ «Голосѣ», сказала она и вслѣдъ за этимъ всѣ три стали смѣяться до упаду; сталъ хохотать и я, Чикоидзе и всѣ присутствующіе русскіе.—Да, развѣ такъ смѣшно быть арестованнымъ? спросилъ я. Вѣдь по арестованнымъ плачутъ, а вы смѣетесь закончилъ я полушутя, полусерьезно. — «А вотъ вы приходите къ намъ если, хотите, мы дадимъ вамъ газеты, въ которыхъ описываютъ вашъ арестъ; это вамъ интересно, конечно».

Мы съ Чикоидзе согласились, конечно на это предложеніе и не откладывая въ долгій ящикъ, въ тотъ же вечеръ нанесли визитъ нашимъ новымъ загадочнымъ знакомкамъ. Онѣ были для насъ дѣйствительно загадочными, такъ какъ мы еще ничего о нихъ не знали даже отъ Даниловой, которая познакомила насъ и сама куда-то исчезла. Вечеръ еще не наступалъ, когда мы были уже въ латинскомъ кварталѣ, гдѣ эти дѣвушки занимали довольно большую квартиру на ул., Port-royal. Когда мы пришли къ нимъ, въ пріемной уже сидѣла группа молодыхъ людей, только что пріѣхавшихъ изъ Лондона, куда они ѣздили «на поклоненіе» къ П. Л. Лаврову. Докладчикомъ этой лондонской поѣздки былъ нѣкто Фесенко, впоследствии кажется уѣздный предводитель дворянства въ Черниговской губерніи. Онъ говорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, очень вяло и все время

развивалъ слушателямъ программу лавристовъ, которая какъ онъ выражался, сводилась къ тому, что «прежде чѣмъ отправляться въ народъ, надо узнать его, понять его и только «усосавши и усмаковавши» все это погрузиться въ море народное и организовывать его на революціонное дѣло». Онъ восторгался мирной пропагандой, постепенной и продолжительной организаціей народа и въ такомъ способѣ дѣйствія видѣлъ залогъ успѣха революціонной молодежи; бросаться же очертя голову, какъ это, по его мнѣнію, совѣтовалъ Бакунинъ, онъ находилъ безумнымъ,

Ему возражали, что не менѣе безумно растягивать подготовительный періодъ организаціи революціонныхъ кадровъ въ народѣ на цѣлые десятки лѣтъ, какъ это совѣтуютъ лавристы, которыхъ онъ такъ усердно защищаетъ; «идти въ народъ чуть ли не съ сѣдыми волосами, уже и силъ не хватить», говорили ему. Словомъ, мы всѣ сдѣлали такой сильный натискъ на лондонскихъ пилигримовъ, что они ментально снялись и ушли. Барышни намъ понравились, и Чикоидзе радостно шепнулъ мнѣ, что хозяйки, кажется, раздѣляютъ наши убѣжденія. Кромѣ Варвары Александровой, тутъ были Софья Бардина и, если не ошибаюсь, Хоржевская, которая все время молчала и въ спорахъ никакого участія не принимала. Всѣ эти дѣвушки вмѣстѣ съ другими ихъ подругами стали впослѣдствіи нашими товарищами по работѣ въ народѣ и затѣмъ, осужденные по процессу 50-ти дѣлили съ нами тюрьму и ссылку.

Послѣ этой первой встрѣчи, въ Парижѣ, я больше къ барышнямъ не ходилъ да и некогда было; я продолжалъ посѣщать мою кузницу, гдѣ старикъ кузнецъ скоро счелъ нужнымъ оплачивать мой трудъ и мнѣ неловко было манкировать, а послѣ 12¹/₂ часового труда въ самый разгаръ лѣтняго пекла (конецъ іюля и начала августа), какого я послѣ Парижа нигдѣ не видывалъ, я рѣшительно не въ состояніи былъ ходить по гостямъ. Только въ воскресенье я заходилъ въ «Jardin des plantes» и тамъ видѣлъ этихъ барышень, кажется, еще раза два, но никакихъ дѣловыхъ сношеній у насъ еще не завязывалось въ то время.

Насколько я усердно посѣщалъ нашу кузницу, настолько Чикоидзе все болѣе и болѣе охлаждвалъ къ ней отчасти по слабости здоровья, отчасти потому, что совершенно не владѣлъ тогда французской рѣчью, что крайне стѣсняло его; наконецъ онъ совсѣмъ бросилъ ходить въ кузницу послѣ того, какъ однажды не въ пору ударилъ большимъ молотомъ по раскаленной полосѣ желѣза и испортилъ этимъ всю работу стараго кузнеца, который грубо выругался по французски.

Наше изученіе парижскаго рабочаго міра не ограничилось однако кузницей; помню какъ однажды, по просьбѣ одного изъ моихъ товарищей, мы отправились на биржу труда, чтобы наняться въ чернорабочіе и узнать всю нужду этой категоріи рабочихъ. Было еще темно, когда мы пришли туда; трехъ товарищей мы не могли добудиться и я отправился вдвоемъ съ Дмитріевымъ. Зрѣлище было замѣчательное, обширная площадь были биткомъ набита полуголоднымъ изнуреннымъ рабочимъ народомъ; у каждого рабочаго было въ рукахъ какое-чи-

будь орудіе—лопата, кирка, заступъ, тачка и наконецъ корзина, поражавшая насъ своей величиной; прикрѣпленная къ спинѣ рабочаго, она высоко подымалась надъ его головой. Мы замѣшались въ эту пеструю толпу, предлагая, какъ и другіе свой трудъ, но, къ изумленію нашему, никто насъ не бралъ. Догадавшись, что безъ всякого орудія труда, съ голыми руками насъ не возьмутъ, мы хотѣли наскоро купить у кого-нибудь изъ рабочихъ одну изъ вышеописанныхъ корзинокъ, но въ отвѣтъ на такое предложеніе намъ разсмѣялись въ глаза; да, мы и сами съ Дмитріевымъ смѣялись не мало, понявъ свою наивность. Когда всѣ разбрелись на работы и только нѣсколько не нанятыхъ рабочихъ направились въ кофейню, туда зашли и мы съ ними; тутъ въ огромномъ котлѣ варилось сладкое кофе съ молокомъ; громадная чашка вмѣщающая не менѣе двухъ чайныхъ стакановъ кофе и $\frac{1}{2}$ фунта бѣлаго хлѣба предлагалось здѣсь за два су, т. е. за 3 коп.; мы заплатили наши 4 су и расположившись, какъ и другіе рабочіе, прямо на мостовой, съ необычнымъ аппетитомъ поглащали и кофе и хлѣбъ.

Дмитріевъ былъ крайне обезкураженъ неудачей нашего похождения; его не мало возмущалъ гоноръ съ какимъ простые рабочіе вели себя на биржѣ; «ходитъ, говоритъ, онъ, подлець, съ корзиной, что твоя каланча, да еще фордыбачится, словно ему принадлежитъ весь Парижъ; никакой скромности въ немъ; то ли дѣло, нашъ бѣдный мужикъ; какъ онъ скромень и тихъ! а этотъ чванливый французъ, даже съ корзиной на спинѣ держитъ себя пѣтухомъ».

Изъ этихъ сѣтованій я заключилъ, что въ душѣ моего товарища наступила реакція противъ хожденія въ народъ, по крайней мѣрѣ въ Парижъ; и заключеніе мое оправдалось; вскорѣ онъ вѣрнулся въ Россію и вновь поступилъ тамъ въ одно изъ высшихъ учебнчхъ заведеній, кончилъ тамъ курсъ и занялся мирной педагогической дѣятельностью. Теперь онъ уже выслужилъ и соответственные чины и пенсію...

Сербъ Иванишевичъ, который больше былъ занятъ славянскимъ движеніемъ въ Турціи, чѣмъ революціей въ Россіи, относился безразлично къ нашимъ экспериментамъ хожденія въ народъ и быстро рѣшилъ свою жизненную задачу, поступивъ въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ, гдѣ благополучно и кончилъ курсъ медицины, какъ я о томъ слышалъ впоследствии.

Всецѣло вѣрными народничеству изъ насъ пятерыхъ остались мы двое—я да Чикоидзе, хотя и Иванъ Кузьминъ, вернувшись въ Россію, принялъ впоследствии небольшое участіе въ движеніи, о чемъ я буду говорить ниже.

VII.

Я уже говорилъ выше, что въ Цюрихѣ мы нашли кавказскую молодежь организованной, связанной уставомъ въ общество, ставившее себѣ цѣлью кавказскую федеративную республику. Однимъ изъ учредителей этого общества былъ публицистъ, Николадзе, «Николка публицистъ», по терминологіи Серно-Соловьевича, извѣстный за-границей

В. С. ЛЮБАВИЧЪ.

Б. А. КАМИНСКАЯ.

А. С. ХОРЖЕВСКАЯ.

В. И. АЛЕКСАНДРОВА.

О. С. ЛЮБАВИЧЪ.

С. И. БАРДИНА.

А. Г. ТОПОРКОВА.

Женщины процесса 50-ти.

еще во времена Герцена, какъ редакторъ издатель «Современности», затѣмъ, перекочевавшій на Кавказъ и подвизавшійся въ грузинской литературѣ, предварительно сжегши всѣ корабли; но послѣ двухъ трехъ лѣтъ такой дѣятельности, онъ не поладилъ съ мѣстными грузинскими писателями и, отряхнувъ прахъ съ ногъ своихъ, въ 1873 году уѣхалъ въ Цюрихъ, куда онъ увлекъ съ собою нѣкоторую часть кавказской, преимущественно женской, молодежи.

Я говорилъ уже, что мы отнеслись совершенно равнодушно къ вышеуказанному обществу кавказцевъ и почти забыли о нихъ въ Парижѣ. Вдругъ, во второй половинѣ августа 1874 года я получаю письмо съ 200 франками, въ которомъ Чикоидзе и я приглашаемся на конгрессъ въ Женеву «для обсужденія національныхъ вопросовъ»; приглашеніе было обставлено такъ официально, за подписью предсѣдателя правленія и секретаря, что и меня и Чикоидзе оно невольно заинтересовало; неловко было отказать еще и потому, что названное общество приглашало ѣхать насъ на его счетъ, выславъ на каждого по 100 франковъ.

Мы поѣхали въ Женеву, гдѣ застали уже съѣхавшимися всѣхъ почти грузинъ, бывшихъ тогда за-границей. Тамъ былъ представителемъ Дагестана докторъ Домгатъ, былъ совершенно юный П. Алибековъ, въ качествѣ представителя Арменіи, была и А. Ц. Домбровская, уроженка Кавказа полу-полька, полу-нѣмка, всѣ же остальные, насколько помнится, были грузины.

Изъ грузинъ тутъ были: Георгій Церетели, Александръ Сараджевъ, Инановъ, Джапаридзе, Петръ Меликовъ, кн. Рев. Челокаевъ, кн. Александръ Циціановъ, кн. Гурамова, Екатерина Меликова, двѣ сестры Николадзе, Эліазовъ, Сергѣй и Конст. Месхи и многіе другіе, которыхъ я теперь не припомню; въ общемъ на конгрессѣ присутствовало человѣкъ сорокъ.

Конгрессъ былъ объявленъ публичнымъ; думали было даже вести пренія на французскомъ языкѣ, но скоро оказалось, что огромное большинство не владѣетъ имъ; рѣшили затѣмъ вести пренія на грузинскомъ языкѣ, но и это оказалось неудобнымъ, во-первыхъ потому, что многіе изъ грузинъ, воспитывавшіеся въ русскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ, не могли и двухъ словъ сказать на родномъ языкѣ, а во-вторыхъ, на конгрессѣ присутствовали дагестанецъ, армянинъ, русскіе, изъ уваженія къ которымъ надо было остановиться на языкѣ доступномъ всѣмъ; остановились поэтому на языкѣ русскомъ.

Помѣщеніе для конгресса было нанято гдѣ-то совсѣмъ за городомъ; домъ стоялъ особнякомъ, въ немъ былъ свѣтлый, довольно вмѣстительный залъ; сюда въ первые дни заглядывали и русскіе эмигранты Ткачевъ, Гольденбергъ, Элпидинъ, Ник. Жуковский, французскіе коммунары—Ле-Франсъ, Монтельсъ, Бабикъ и другіе, наконецъ, нѣкоторыя русскія женщины, среди которыхъ особенно выдѣлялась своей внѣшностью Гребницкая—сестра Д. И. Писарева, которая являлась на конгрессъ въ мужскомъ костюмѣ. Послѣ конгресса я познакомился съ нею ближе и она поражала меня не только эксцентричной внѣшностью своею, но и оригинальнымъ образомъ мыслей, прямо грани-

чившимъ съ помѣшательствомъ; она въ самомъ дѣлѣ была ненормальна; уже скорѣ послѣ того она покончила съ собою самоубійствомъ.

Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ Георгій Церетели; избранъ былъ, кажется и вице-предсѣдатель, но кто—не помню; секретаремъ—докладчикомъ былъ, кажется, А. Сараджевъ.

До открытія засѣданія, члены конгресса почтили память погибшихъ коммунаровъ вставаньемъ, такъ же почтили и память покойнаго Дзигаева, ближайшаго сотрудника Бакунина, тогда единственнаго изъ кавказцевъ. Дзигаевъ былъ родомъ осетинъ; самоучкой добрался онъ до 3 класса реальной гимназій уже 18-ти лѣтъ отъ роду и затѣмъ, не окончивъ курса, уѣхалъ за-границу, гдѣ скоро сталъ ревностнымъ адептомъ Бакунина. Я зналъ Дзигаева еще въ дѣтствѣ, когда онъ учился въ реальной гимназій; мнѣ онъ казался человѣкомъ въ высшей степени симпатичнымъ; его товарищи отзывались о немъ, какъ объ очень начитанномъ и способномъ юношѣ.

Когда усопшихъ почтили вставаньемъ, была прочитана привѣтственная телеграмма члена-учредителя общества кавказской федеративной республики Н. Я. Николадзе, который извинялся, что по болѣзни не могъ явиться на конгрессъ.

Главный вопросъ, подлежавшій разрѣшенію конгресса, заключался въ томъ, слѣдуетъ ли кавказцамъ и въ частности грузинамъ, стремиться къ созданію федеративной кавказской республики, и если да, то какія мѣры надо принять для этого? Или же:

Слѣдуетъ намъ кавказцамъ примкнуть къ революціонному движенію въ Россіи, задачи котораго сходны по цѣли съ социальнореволюціоннымъ движеніемъ въ Западной Европѣ и работая рука объ руку съ русскими революціонерами, стремиться къ ниспроверженію существующаго политическаго и экономическаго гнета во всемъ русскомъ государствѣ?

Ничтожное меньшинство въ лицѣ Домгата, Циціанова, Челокаева, Эліазова, Чикоидзе и меня, высказались за то, что ни о какой федеративной республикѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ между отдѣльными національностями не существуетъ ни взаимныхъ симпатій, завѣщанныхъ прошлой исторической жизнью, ни общихъ интересовъ, ни общности культуры; что для созданія этой общности потребуются гигантская, мирная работа цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, а за это время при теперешнихъ обще-государственныхъ условіяхъ отъ кавказскихъ народностей можетъ пожалуй остаться одно лишь печальное воспоминаніе. Всеобщая же дружная работа всѣхъ безъ различія народностей, составляющихъ русское государство, во имя освобожденія всего русскаго народа отъ деспотизма, гнета и власти капитала скорѣе приведетъ къ торжеству свободы и лучшаго социальнаго строя—этой конечной цѣли человѣчества; что стремленіе къ объединенію Кавказа въ форму кавказской республики сведетъ великую социальнореволюціонную борьбу къ узкой національной задачѣ, которая вызоветъ опасный антагонизмъ между русскимъ народамъ съ одной и кавказскими народами съ другой, а также вызоветъ раздраженіе и между самими кавказскими, не равными по силѣ народностями. Такой неосторожный политическій шагъ, при маломъ политическомъ развитіи

кавказскихъ народовъ и самаго народа русскаго, можетъ привести къ тѣмъ же печальнымъ событіямъ, театромъ которыхъ еще такъ недавно была Польша; эти чаянія завершатся не свободою, а полнымъ разгромомъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній меньшинство конгресса высказалось за присоединеніе кавказской интеллигенціи къ всероссійской социальнo-революціонной организаціи въ цѣляхъ завоеванія политической и экономической свободы всѣхъ безъ различія народовъ русскаго государства подъ общимъ русскимъ, социальнo-революціоннымъ знаменемъ.

Услыхавъ это наше мнѣніе, громадное большинство членовъ конгресса стало клеймить насъ измѣнниками отечеству, которые во имя какихъ-то туманныхъ социалистическихъ идеаловъ хотятъ принести въ жертву родную землю, родной народъ и его языкъ, литературу, нравы и обычаи, хотя ни на что подобное мы покушаться и не думали. Никто изъ членовъ большинства не умѣлъ понять, что борьба на общечеловѣческой почвѣ не только не убиваетъ любви ко всему родному, но напротивъ облагораживаетъ узко-національную, зоологическую любовь и содѣйствуя осуществленію общенародной свободы, тѣмъ самымъ способствуетъ и свободѣ національной, не противопоставляя, а совмѣщая ихъ. Никто не хотѣлъ понять, что подобно тому, какъ для евангельской любви нѣтъ ни эллина, ни іудея, такъ и для новаго социалистическаго евангелія не должно существовать и самой идеи національной борьбы.

Большинство конгресса не хотѣло понять насъ потому, что по убѣжденію и направленію своему они въ массѣ не были ни революціонерами, ни социалистами; они по-просту тѣшили себя дѣтскими надеждами о возстановленіи Грузіи со всей ея мишурной, средне-вѣковой помпой, ради которой пришлось бы принести народъ въ жертву интересамъ кучки своекорыстныхъ честолюбцевъ, мечтавшихъ разыгрывать изъ себя меценатовъ въ будущей республикѣ; если бы это было иначе, кто мѣшалъ предкамъ этихъ защитниковъ кавказской федеративной республики создать ту же республику до присоединенія Кавказа къ Россіи; зачѣмъ было отдавать себя какой-то невѣдомой россійской державѣ, если грузины, армяне, татары, чеченцы, дагестанцы и проч. могли бы объединиться между собою и создать нѣчто въ родѣ Швейцарской республики на Кавказѣ. Но большинство членовъ конгресса этими вопросами не задавались, не желая смотрѣть прямо въ лицо исторіи и трудить надъ ними свою усталую голову; имъ хотѣлось жить, а можетъ быть просто играть иллюзіями, потому что дѣйствовать они не собирались.

Всѣ члены большинства конгресса вернулись въ Россію и въ то время, какъ почти всѣ лица, примкнувшіе къ меньшинству конгресса, бросились со всѣмъ пыломъ молодости работать на пользу общерусскаго революціоннаго движенія, не забывая и Кавказа, куда вполнѣдствіи были посланы нѣкоторые члены революціонной организаціи, всѣ эти узкіе націоналисты поступили въ чиновники, а нѣкоторые изъ нихъ дослужились и до казенной пенсіи...

Вся русская эмигрантская компанія въ Женевѣ, а также фран-

цузскіе коммунары, которые въ это время собрались тамъ въ большомъ количествѣ слушать чтеніе Лефрансэ о коммунѣ и республикѣ Гамбетты, отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ мнѣнію меньшинства нашего конгресса, что чрезвычайно обрадовало насъ. Мы считали себя побѣдителями, хотя и остались въ меньшинствѣ.

Несмотря однако на нашъ полный идейный разрывъ, посѣщеніе нами этого конгресса послужило къ объединенію нашему, правда, не съ ними, а совсѣмъ съ другими лицами, привлеченными интересомъ этого конгресса. Такъ, послѣ одного изъ засѣданій, Домгатъ, Чикоидзе и я отправились обѣдать въ извѣстный тогда всѣмъ русскимъ кафэ Грессо, гдѣ собиралась обыкновенно въ обѣденные часы вся женевская молодая русская колонія. Во время обѣда къ намъ неожиданно подошли вдругъ двѣ молодыя русскія дѣвушки, обѣ небольшого роста, показавшіяся мнѣ совсѣмъ юными; онѣ отозвали меня въ сторону и одна изъ нихъ, улыбаясь и краснѣя, сказала: «не можете ли вы одолжить мнѣ на нѣсколько дней 500 франковъ?» Я совершенно растерялся отъ такого неожиданнаго вопроса, во-первыхъ, обѣ дѣвушки мнѣ были совершенно незнакомы, во-вторыхъ, у меня не было этой суммы; мнѣ пришлось, конечно, отказать. Видимо сконфуженныя дѣвушки сѣли за столъ неподалеку отъ насъ и потребовали себѣ обѣдъ. Я сообщилъ Домгату и Чикоидзе объ ихъ странной просьбѣ. «Что же ты далъ, конечно?» быстро спросилъ меня Домгатъ. Я отвѣтилъ, что у меня нѣтъ такихъ денегъ и что онѣ мнѣ совсѣмъ незнакомы. — «Это ничего, что незнакомы, я по виду вижу, что эти хорошія дѣвушки; у меня есть деньги; вотъ, возьми и отдай имъ. Можетъ быть онѣ очень нуждаются, а можетъ быть деньги нужны имъ на какое нибудь хорошее дѣло». — Я тутъ же взялъ деньги и передалъ молодымъ незнакомкамъ; передавая деньги, я неожиданно замѣтилъ, что съ ними сидитъ улыбаясь во весь ротъ моя недавняя парижская знакомая В. И. Александрова, которая на этотъ разъ протянула мнѣ руку; я сейчасъ догадался, что это она направила ко мнѣ своихъ товаровъ за деньгами. Черезъ нѣсколько дней, деньги были возвращены мнѣ съ благодарностью и дѣвушки просили насъ зайти къ нимъ на квартиру; онѣ уже слышали о конгрессѣ кавказцевъ, о мнѣніи меньшинства; онѣ просили при этомъ, чтобы я привелъ съ собою и тѣхъ двухъ, съ которыми я обѣдалъ въ день займа денегъ, т. е. Домгата и Чикоидзе. Двѣ мои новыя знакомыя оказались Евгенія Субботина и Вѣра Любатовичъ.

Мы, кажется, въ тотъ же вечеръ поспѣшили къ нашимъ молоденькимъ знакомкамъ. Идя къ нимъ, я встрѣтилъ на улицѣ Николая Жуковскаго и Гольденберга (эмигранта), которые сообщили мнѣ, что меня очень хочетъ видѣть мой близкій товарищъ Крафтъ, только что пріѣхавшій изъ Петербурга и поселившійся въ типографіи Александрова (кавказскаго, въ то время уже эмигранта); это извѣстіе показало мнѣ очень страннымъ, такъ какъ никакого товарища Крафта у меня никогда не было; тогда Гольденбергъ и Жуковскій высказали опасеніе, не имѣемъ ли мы дѣло со шпіономъ. Все это меня крайне заинтересовало и я сейчасъ же отправился къ Крафту, такъ какъ тогда я ни въ чемъ не былъ замѣшанъ и шпіоновъ не опасался.

Войдя въ типографію, я прямо наткнулся на этого Крафта и съ радостью узналъ въ немъ своего товарища по академіи Воронцова. Онъ лежалъ въ типографіи прямо на голомъ полу и что-то читалъ; приходу моему онъ сильно обрадовался, но послѣ первыхъ привѣстій, съ волненіемъ заговорилъ о грандіозныхъ провалахъ повсюду въ Россіи, гдѣ только были революціонные кружки. Случайно уцѣлѣвъ одинъ изъ немногихъ, онъ почувствовалъ бесполезность дальнѣйшаго пребыванія въ Россіи, тѣмъ болѣе, что послѣ оговора нѣкоторыми изъ арестованныхъ, его искали и онъ счелъ лучшимъ спастись за-границу, чѣмъ бесполезно томиться въ тюрьмѣ.—Что же вы, совсѣмъ навсегда сюда?—спросилъ я.—«Нѣтъ, только переждать, чтобы слѣды замело и узнать, въ чемъ оговоръ, а тамъ... опять побреду въ Россію; бороться, такъ бороться до конца; погибнемъ—на смѣну другіе придутъ» говорилъ онъ спокойно и просто.—«Васъ и Иванишевича, кажется, тоже оговорили», добавилъ онъ.

Я никакъ не могъ объяснить себѣ, кто могъ оговорить меня, такъ какъ никакихъ практическихъ дѣлъ съ революціонерами въ Россіи у меня еще не было, а за-границей съ эмигрантами я также ни въ какія практическія отношенія не вступалъ. Впослѣдствіи разъяснилось, что оговоренъ былъ не я, а только Иванишевичъ; оговоръ оылъ сдѣланъ Рабиновичемъ, а отчасти и Исаакомъ Павловскимъ, впослѣдствіи сотрудникомъ «Новаго Времени», писавшимъ письма изъ Парижа за подписью И. Яковлевъ.

Вѣсти, сообщенныя мнѣ Воронцовымъ, сильно огорчили меня; мнѣ некогда было разспрашивать подробности и я распрощался съ нимъ, такъ какъ спѣшилъ къ товарищамъ, съ которыми условился идти вмѣстѣ къ нашимъ новымъ знакомкамъ. Проводивъ меня, Воронцовъ опять улегся на полъ и принялся штудировать Шиллера на нѣмецкомъ языкѣ. Мнѣ говорили, что онъ работалъ по 18-ти часовъ въ сутки, выучивая наизусть всѣ слова, какія попадались въ этой книгѣ и черезъ три недѣли настолько оладѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, что могъ уже читать любую нѣмецкую книгу.

Я ушелъ отъ Воронцова чрезвычайно взволнованный; гибель массы товарищей и знакомыхъ будила во мнѣ какую-то нравственную потребность идти на смѣну погибшимъ за общее всенародное дѣло. Я переносился мыслью въ далекій мрачный Петербургъ съ его тоскливо однообразными улицами и грозной Петропавловской крѣпостью, на которую я когда-то очень долго смотрѣлъ, какъ очарованный, въ первый день моего пріѣзда въ Петербургъ. Революціонные кружки охватывали тогда уже нѣсколько десятковъ губерній и дать заглухнуть такому широкому движенію я считалъ прямо преступнымъ. Когда-то еще будетъ такая широкая, могучая волна движенія въ молодежи, думалось мнѣ и я тутъ же рѣшилъ немедленно вернуться въ Россію.

Съ этими думами, подъ впечатлѣніемъ рассказовъ Воронцова о Россіи, о погромахъ, поглотившихъ столько жертвъ, я вмѣстѣ съ Чикоидзе и Домгатомъ пришелъ къ тѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, которыя такъ гостепріимно звали насъ къ себѣ. Онѣ жили гдѣ-то далеко, въ загородной части Женевы, на Chemin de Carouge, въ какомъ-то небольшомъ деревянномъ домикѣ въ нижнемъ этажѣ.

Въ небольшой тѣсной комнатѣ мы застали Софію Бардину, Варвару Александрову, Евгенію Субботину, Вѣру Любатовичъ, Лидію Фигнеръ, Бетю Каминскую, Александру Хоржевскую и, кажется, еще кого-то; однимъ словомъ, цѣлое женское общество. Когда мы выразили наше удивленіе при видѣ такой многолюдной дамской компаніи, одна изъ присутствующихъ замѣтила: тутъ далеко не всѣ мы; Ольга Любатовичъ недавно уѣхала съ Маріей Субботиной по дѣламъ въ Сербію, а въ Бернѣ осталась Вѣра Филиппова (Фигнеръ), Дора Аптектманъ и А. Топоркова. Всѣ были такія юныя, очень просто, но изящно одѣты, такъ что невольно привлекали взоръ; нѣкоторыя изъ нихъ были такъ застѣнчивы, что потупляли глаза при обращеніи къ нимъ. Отъ нихъ вѣяло деревней, можетъ быть глушью провинціи; во всякомъ случаѣ добрая половина этихъ дѣвушекъ, очевидно, не успѣла еще переступить порога, такъ называемаго, свѣта; въ нихъ не было ни спокойной развязности свѣтской женщины, ни безшабашнаго внѣшняго удалства моихъ петербургскихъ знакомокъ съ ихъ старыми, безъ нужды надѣтыми сапогами и стриженными волосами. Глядя на этихъ дѣвушекъ, можно было думать, что это семья; и въ самомъ дѣлѣ, это была очень тѣсная, но товарищеская семья, а не кровная. Среди нихъ болѣе всѣхъ выдѣлялась бойкостью Софія Бардина, которую всѣ ея подруги называли «теткой», хотя всѣ онѣ были почти ровесницы ей. Это была дѣвушка съ оригинальной большой головой, некрасивымъ, но очень умнымъ лицомъ, выдающимся высокимъ лбомъ, изъ подъ котораго блестяла пара небольшихъ черныхъ искрившихся юморомъ глазъ; эта женская голова почему-то съ перваго взгляда напоминала голову Вольтера; Бардина была одѣта вся въ черномъ и сидѣла на диванѣ передъ большимъ круглымъ столомъ. Она привѣтливо пригласила насъ присѣсть къ этому столу; голосъ у нея былъ мягкій, симпатичный, пѣвучій, контраaltoваго тембра. Не успѣли мы сѣсть къ столу, какъ другія, болѣе робкія дѣвушки обступили свою «тетку», какъ дѣти; одна сѣла на одну сторону и крѣпко ухватилась за ея руку, другая—по другую и охватила ее за талію, третья всѣмъ корпусомъ перегнулась черезъ ручку дивана и обхватила обѣими руками ея плечи, четвертая пыталась также примѣститься какъ нибудь ближе къ «теткѣ», но Бардина, видя, что ей грозитъ задушеніе, высвободилась отъ ихъ тѣсныхъ объятій и шуточно воскликнула, обращаясь къ намъ: «что за чортъ, просто не дадутъ съ людьми слово сказать!» Всѣ засмѣялись, но не уступили своихъ позицій; засмѣялись и мы; намъ вспомнилась картина дѣтства; мы дѣти также обступали мать, когда къ намъ приходили незнакомые люди, выглядывая какъ звѣрки изъ-за ея плечъ.

Какія могутъ быть дѣла у этихъ дѣвушекъ, подумалъ я, вспоминая о только что сообщенной намъ поѣздкѣ двухъ изъ нихъ въ Сербію?

Когда неловкость первой встрѣчи прошла, мы заговорили о Россіи; я сообщилъ послѣднія новости о погромахъ; дѣвушки забыли свою застѣнчивость; онѣ бросили «тетку» и придвинулись къ намъ, слушая нашъ разсказъ съ широко открытыми глазами; посыпались вопросы за вопросами; не арестованъ ли такій-то; не замѣшана ли

такая-то; и слыша какое-нибудь знакомое имя, восклицали: «Боже, только что выпустили и опять въ тюрьму!» У насъ оказались общіе знакомые; но что меня больше всего удивляло, это то, что въ эту минуту у нихъ и на умѣ, и на сердцѣ было то же, что и у меня: бросить за-границу, оставить университетъ и ѣхать въ Россію.

Возникъ тутъ же вопросъ—если ѣхать, то зачѣмъ? т. е. какой способъ революціонной дѣятельности признали наиболее плодотворнымъ; порицали борьбу въ разсыпную, признавали необходимымъ объединить дѣятельность, но не допускали централизація, боясь «генеральства», о которомъ тогда, какъ здѣсь за-границей, такъ и въ Петербургѣ, никто и слышать не могъ; послѣ нечаевского процесса это отрицательное отношеніе къ руководительству сверху доходило въ молодежи до такой степени, что нерѣдко каждый мало-мальски выдающійся своей организаторской дѣятельностью или инициативой, обвинялся въ генеральствѣ, въ желаніи захватить въ руки все. Нецаевъ у всѣхъ былъ на памяти, всѣхъ возмущалъ и отталкивалъ его образъ дѣйствій и это, какъ мнѣ кажется, и было главной причиной привычки обвинять чуть ли не cadaго въ генеральствѣ. Конечно, не безъ вліянія остались для насъ и господствовавшія тогда анархическія теоріи, отрицавшія вскую власть въ семьѣ, церкви, обществѣ и государствѣ. Но несмотря на такое отрицательное отношеніе къ единственной извѣстной въ то время организаціи—нецаевской, мы въ тотъ же вечеръ пришли все-таки къ выводу, что если члены организаціи явятся носителями нравственныхъ началъ истинной свободы, то въ такой организаціи не будетъ мѣста для лицъ, желающихъ генеральствовать.

Мнѣ было чрезвычайно пріятно встрѣчаться съ этими дѣвушками, которыя только на видъ казались очень юными, въ дѣйствительности же онѣ были самыми развитыми, самыми подготовленными для революціонной дѣятельности, какихъ я только встрѣчалъ не только среди женской, но и мужской молодежи; школьнаго знанія у нихъ было слишкомъ достаточно, такъ какъ, окончивъ курсъ въ гимназіяхъ или институтахъ, онѣ еще года 2—3 учились въ Цюрихскомъ университетѣ; помимо общей начитанности, онѣ прекрасно знали всю западно-европейскую и русскую революціонную литературу, что рѣдко встрѣчалось даже въ петербургской молодежи; правда, онѣ мало интересовались тогдашней русской публицистикой, съ которой считалась молодежь русскихъ университетовъ, но въ ней имъ и не было нужды, такъ какъ онѣ были хорошо знакомы по первоисточникамъ съ вопросами, трактуемыми ими; онѣ изучали исторію всѣхъ, сколько нибудь крупныхъ революціонныхъ движеній, прекрасно знали французскихъ социалистовъ, а также Герцена, Бакунина, Лассаля, Маркса и пользовались также рѣдкимъ счастьемъ слышать живое слово такихъ гигантовъ русской мысли и революціоннаго дѣла, какъ Бакунинъ и Лавровъ; я не говорю уже, что онѣ присутствовали на международныхъ конгрессахъ Интернаціонала, происходившихъ въ Швейцаріи—въ Сентъ-Имѣ и Женевѣ. Словомъ, я убѣдился, что женщины петербургскихъ революціонныхъ кружковъ, которыхъ я встрѣчалъ въ Россіи, не выдерживали никакого сравненія съ этимъ новымъ для меня миромъ русскихъ женщинъ-революціонерокъ.

Когда вскорѣ послѣ вышеописаннаго конгресса, всѣ кавказцы разъѣхались, Чикоидзе, Циціановъ и я продолжали еще оставаться въ Женевѣ, чтобы завязать между прочимъ и болѣе тѣсныя сношенія съ русскими эмигрантами, которыхъ было въ то время не мало въ Женевѣ. Тамъ я познакомился съ Ткачевымъ, который, благодаря своему пристрастію къ яacobинизму и бланкизму, стоялъ тогда одиноко. Я его видѣлъ всего раза два; взглядъ его стеклянныхъ глазъ, оттѣненныхъ рыжеватыми волосами, производилъ на меня впечатлѣніе психически разстроеннаго; движенія его были какія-то не то робкія, не то вкрадчивыя; онъ былъ крайне молчаливъ, но по нѣкоторымъ вопросамъ его я замѣтилъ, что онъ очень интересовался возстаніями на Кавказѣ; но когда я сталъ говорить съ нимъ объ этомъ Кавказѣ, то по нѣкоторымъ его замѣчаніямъ убѣдился, что онъ не имѣетъ никакого представленія о немъ, ни о народахъ, его населяющихъ; онъ думалъ, напримѣръ, что поднять возстаніе среди грузинскаго населенія, значитъ поднять возстаніе и на всемъ Кавказѣ; онъ очень удивился, когда я ему объяснилъ, что на Кавказѣ приходится считаться съ національнымъ антагонизмомъ между собою многочисленныхъ народностей, его населяющихъ; что татары и армяне за грузинами не пойдутъ; что соціально революціонная дѣятельность на Кавказѣ немислима безъ согласованія ея съ такой же дѣятельностью въ Россіи и что преступно даже подымать возстаніе на Кавказѣ, когда въ Россіи все еще молчитъ. Ткачевъ былъ того мнѣнія, что на окраинахъ легко устроить возстанія на почвѣ національной независимости и что такое одновременное возстаніе въ Польшѣ, Прибалтійскомъ краѣ, въ Сибири и на Кавказѣ можетъ послужить хорошимъ сигналомъ для возстанія и въ Центральной Россіи.

— Ну, а если Россія не возстанетъ, спросилъ я Ткачева, вѣдь тогда правительство при помощи русскаго народа сломитъ Польшу и Остзейскій край и сравняетъ съ землей, смететъ всѣ народы Кавказа; ужели же мы—соціалисты-революціонеры въ правѣ вести окраины на такой рискованный шагъ; напротивъ, говорилъ я, мы обязаны удерживать ихъ отъ всякаго опрометчиваго шага, чтобы не дать повода правительству вести русскій народъ на вторичное завоеваніе Кавказа, Польши и проч. и тѣмъ навсегда разобшить чувствомъ ненависти эти народы—ненависть дурная основа соціальной правды, къ которой мы стремимся.

— «Можетъ быть, вы правы,—сказалъ мнѣ Ткачевъ; но вѣдь вамъ, окраинцамъ, долго таки придется ждать возстанія въ Россіи; а у васъ такъ это легко дѣлается—засѣлъ въ горы съ однимъ ружьемъ и перестрѣлялъ цѣлый полкъ русскихъ солдатъ!» закончилъ спокойно свою рѣчь Ткачевъ, смотря на меня въ упоръ своими стеклянными глазами.

Во все время этого разговора молодая, довольно полная кокетливая дама ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, часто останавливаясь передъ большимъ зеркаломъ, прихорашиваясь передъ нимъ, то поправляя свои волосы, то оправляя платье, чѣмъ очень сильно раздражала меня, отвлекая вниманіе и мѣшая нашей бесѣдѣ; это была жена Ткачева (урожденная Дементьева), судившаяся съ нимъ по Нечаев-

скому процессу, но которая по отзывамъ моихъ товарищей, близко ее знавшихъ, въ революціонномъ движеніи никакого серьезнаго значенія не имѣла.

Ткачевъ не имѣлъ приверженцевъ въ Петербургѣ; но по вопросу о роли окраинъ въ русской революціи, бакунисты, къ сожалѣнію, были одного мнѣнія съ нимъ; выражаясь вульгарно, мнѣ чудилось, что Ткачевъ и ему подобные смотрѣли на обитателей окраинъ, какъ на пущечное мясо, само по себѣ мало цѣнное и которое нечего жалѣть ради успѣха революціи. Эти люди жаждали революціи, но не вѣрили въ скорое осуществленіе ея; они видѣли, что русская жизнь—это море, застывшее въ мертвой зыби и чтобы взбаламутить его, чтобы дать выходъ силамъ, клокотавшимъ въ его бездонной глубинѣ, нуженъ гигантскій и терпѣливый трудъ многихъ и многихъ поколѣній, безстрашныхъ и самоотверженныхъ; имъ же не хватало на это ни терпѣнія, ни самоотверженія, а потому они и были сторонниками возстанія тамъ, гдѣ оно казалось, легче возбудимымъ, хотя бы и во имя задачъ, чуждыхъ соціально-революціоннымъ цѣлямъ; а къ чему приведетъ такое возстаніе, это повидимому ихъ мало заботило.

Самъ Бакунинъ едва ли раздѣлялъ такіе взгляды Ткачева и ему подобныхъ, и лично я думаю, что если Бакунинъ и принималъ участіе въ польскомъ возстаніи, то это просто въ силу увлеченія, присущаго человѣку, рожденному для вѣчной борьбы, въ которой онъ и провелъ всю свою жизнь, а не въ силу хладнокровнаго расчета.

Когда я передалъ Чикоидзе и Циціанову содержаніе нашей бесѣды съ Ткачевымъ, послѣдній порывисто зашагалъ по комнатѣ и нервно дергая свою жидкую бородку, сталъ по обыкновенію своему произносить бранныя слова. Когда Циціановъ пересталъ ругаться, Чикоидзе сказалъ: «и какъ это русскому человѣку не стыдно проповѣдывать кавказцамъ застѣсть въ горы и перестрѣлять цѣлый полкъ русскихъ солдатъ! Этого не можетъ совѣтовать ни одинъ порядочный русскій человѣкъ; да, я послѣдняго русскаго солдата, честно исполняющаго свой долгъ, не промѣняю на цѣлую сотню Ткачевыхъ; русскаго солдата я знаю, на его рукахъ я выросъ; если бы я питалъ ненависть къ русскому солдату, какъ къ русскому, конечно я послѣдовалъ бы проповѣди Ткачева, но вѣдь я этой ненависти не питаю, а напротивъ, я хочу уничтожить всякую ненависть и между самими народами Кавказа, и, если хочешь, между обитателями всей земли, а въ томъ числѣ русскимъ народомъ и его врагами; такъ, во имя чего же я буду уничтожать цѣлые полки русскихъ солдатъ, безъ всякаго съ ихъ стороны повода; я не стремлюсь возстановлять грузинскаго царства, я не стремлюсь возстановлять старые грузинскіе феодальные порядки, мы стремимся объединить общей любовью нашъ народъ со всѣми народами міра на почвѣ великаго ученія социализма; а почему же намъ не начать этого общежитія съ народовъ русскаго государства? на нашъ вѣкъ хватитъ и этихъ задачъ. Къ чему же приведутъ въ такомъ случаѣ всѣ эти сепаратныя, національныя возстанія, которыя разъединятъ, а не сблизятъ народы?»

Да, такъ думали мы тогда, когда намъ было лишь 21 годъ и оставались вѣрными этимъ взглядамъ всю свою жизнь; поэтому мы

выступили на арену политической дѣятельности не какъ грузины, а какъ члены общерусской революціонной семьи. Русская молодежь была ближе намъ, чѣмъ узко-націоналистическая грузинская, армянская и всякая другая кавказская; насъ связывала общность идейнаго воспитанія, общность взглядовъ и убѣжденій.

Мы рѣшили работать въ Россіи рука объ руку съ русскими. глубоко убѣжденные, что если намъ когда-нибудь суждено побѣдить въ Россіи, тѣмъ самымъ мы побѣдимъ и на Кавказѣ; завоевавъ свободу народу русскому, тѣмъ самымъ завоюемъ ее и для народовъ Кавказа. Въ нашемъ лицѣ мы вносили въ общее дѣло русской свободы и скромную лепту Кавказа. Не сепаратизмъ, а совмѣстная работа — вотъ былъ нашъ лозунгъ.

Охваченные стремленіемъ продолжать дѣло погибшихъ пионеровъ русскаго революціоннаго движенія, мы съ Чикоидзе рѣшили попытаться создать новую революціонную организацію, воспользовавшись, конечно, уроками нашихъ погибшихъ товарищей. Строгій подборъ людей прежде всего былъ необходимъ; мы знали, что недавніе провалы произошли, главнымъ образомъ, благодаря малодушію такихъ ренегатовъ, какъ М. Рабиновичъ, Городецкій, Низовкинъ, Гриценковъ Ярцевъ и друг., погубившихъ своими признаніями обширную сеть кружковъ организаціи Чайковцевъ.

Такъ какъ наши новыя знакомки тоже собирались въ Россію и мы съ ними сходились въ убѣжденіяхъ, то рѣшено было войти съ ними въ болѣе тѣсныя сношенія, не ограничиваясь выясненіемъ однихъ программныхъ вопросовъ. Изъ нѣсколькихъ разговоровъ съ этими дѣвушками мы убѣдились, что въ смыслѣ идейнаго и нравственнаго закала лучшаго ничего нельзя было искать; онѣ представляли собою не случайную компанію студентокъ, а уже тѣсно сплоченный кружокъ, созданный извѣстнымъ нами дѣлу организаціи. Затѣмъ, необходимо было вступить также въ болѣе тѣсныя сношенія съ заграничными типографіями, гдѣ печатались нелегальныя изданія, такъ какъ для устройства типографіи въ Россіи требовались большія денежные средства и силы. Для осуществленія этихъ задачъ рѣшено было одному изъ насъ остаться въ Женевѣ; остался Чикоидзе, болѣе сблизившійся съ женскимъ кружкомъ; я же въ октябрѣ уѣхалъ въ Петербургъ.

VIII.

Я засталъ Петербургъ совершенно разгромленнымъ; одни сидѣли въ тюрьмѣ, другіе, только что выпущенные, находились подъ сильнымъ надзоромъ, третьи скрывались, прячась въ разныхъ квартирахъ; о тѣхъ большихъ сходкахъ, которыя бывали въ Лѣсномъ и Измайловскомъ полку въ концѣ 1873 и началѣ 1874 годовъ и рѣчи быть не могло; можно было собираться по 10—20 человекъ и то съ большою опаской; вдобавокъ, майскій инцидентъ съ Ціономъ отозвался уже въ самомъ началѣ новаго семестра и въ октябрѣ вспыхнули въ Ака-

демій безпорядки изъ-за того же Ціона; къ Мед. Академіи присоединился Технологическій Институтъ и нѣкоторыя факультеты Петерб. Университета. Я пріѣхалъ въ разгаръ этихъ безпорядковъ и хотя не былъ уже студентомъ-медикомъ, но принялъ въ нихъ участіе. Полиція арестовала съ десятокъ студентовъ; пошли требованія объ ихъ освобожденіи; академическое начальство воспретило сходки въ библіотекѣ Мед. Академіи, гдѣ онѣ обыкновенно происходили открыто; поэтому рѣшили собраться въ Технологическомъ Институтѣ; Институтъ оцѣпили жандармы съ пожарной командой; стали окачивать холодной водой студентовъ, разгоняя ихъ; всѣмъ этимъ усмирениемъ руководилъ самъ Треповъ, при содѣйствіи помощника своего генерала Козлова. Часть студентовъ, не успѣвшая выйти черезъ подъѣздъ, осталась во дворѣ Института; начальство объявило ихъ арестованными; тогда студенты, успѣвшіе уйти, вернулись назадъ и громадной толпой въ нѣсколько сотъ человѣкъ бросились на жандармовъ и подъ холоднымъ душемъ пожарныхъ трубъ, стали штурмовать ворота Технологического Института; ворота поддались нашему дружному напору, съ крикомъ «ура» мы ворвались во дворъ института и на глазахъ Трепова и Козлова освободили всѣхъ бывшихъ тамъ. Эта было часовъ въ 8 вечера; шпіоны прослѣдили всѣхъ участниковъ этого штурма и, по приходѣ домой, многихъ арестовали въ ту же ночь; помню, когда мы ворвались во дворъ института, меня схватилъ за руку самъ Козловъ, желая передать въ руки жандармовъ, но догадливая группа студентовъ, сдѣлала стройный натискъ, вырвала меня изъ рукъ Козлова и я окольными путями благополучно добрался домой.

Это было моимъ первымъ и послѣднимъ чисто-случайнымъ участіемъ въ уличной схваткѣ съ полиціей; на второй день я уже не принималъ участія въ продолжавшихся еще студенческихъ безпорядкахъ; мнѣ казалось, что значеніе ихъ крайне не велико для дѣла соц.-револ. борьбы, которому я уже рѣшилъ посвятить себя; я былъ конечно всей душой противъ руководства русской наукой такими чиновниками карьеристами, какъ Ціонъ и ему подобные, которые стѣсняли учащихся въ свободномъ изученіи предмета и я считалъ своимъ долгомъ стоять противъ всякаго ограниченія этой свободы; но мнѣ казалось, что не слѣдуетъ искусственно создавать студенческія исторіи, якобы въ цѣляхъ усиленія революціонныхъ кадровъ, какъ того держались нѣкоторые; для меня было несомнѣнно, что естественно возникшая студенческая исторія даетъ крупныхъ протестантовъ, которые сами безъ всякихъ искусственныхъ мѣръ вовлеченія, примыкаютъ къ общей борьбѣ противъ чиновничьяго деспотизма, царящаго безгранично во всѣхъ сферахъ жизни русскаго государства; искусственно же вызванныя, онѣ ведутъ только къ охлажденію и разочарованію. Мы, студенты, были естественными врагами политическаго режима; вѣдь мы не могли не видѣть и не замѣчать оскудѣніе, и даже отсутствіе талантовъ въ русской наукѣ и литературѣ, вызванное гонениемъ противъ живого духа; старые представители науки и литературы продолжали еще работать, новыхъ не нарождалось, преобладать стали бездарности, такъ какъ вся трудящаяся и талантливая масса молодежи, вслѣдствіе безпрерывныхъ студенческихъ волненій, прину-

ждена была или бѣжать изъ университетовъ, или изгонялись изъ нихъ, т. к. университетское начальство, пресмыкаясь предъ властью, первымъ дѣломъ вымѣщало свою злобу на лучшихъ студентахъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, крупные представители петербургскихъ револ. кружковъ, какъ я уже сказалъ, почти всѣ были арестованы или скрывались. Мнѣ удалось, однако, повидаться, хотя и мелькомъ, съ Дмитриемъ Клеменсомъ, Сергѣемъ Кравчинскимъ, Грибоѣдовымъ, Саблинымъ, Морозовымъ, Сердюковымъ и другими.

Я вступилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ прямые переговоры о необходимости собрать оставшіяся силы для продолженія борьбы. Переговоры съ Клеменцомъ закончились въ одинъ вечеръ; это происходило у А. М. Эпштейнъ; Клеменць заявилъ мнѣ категорически, что онъ и раньше былъ противъ всякой организациі, а теперь и подавно, такъ какъ опытъ убѣдилъ его окончательно не только въ бесполезности организациі, но и въ ея вредѣ, если при тѣхъ громадныхъ силахъ, которыми мы располагали еще такъ недавно, говорилъ онъ, ничего нельзя было сдѣлать, то что можно сдѣлать теперь, когда почти никого не осталось.

Сердюковъ, напротивъ, отнесся къ моему мысли восторженно; онъ предложилъ мнѣ всѣ свои связи и даже, если понадобятся, денежные средства какъ для организациі, такъ спеціально для изданія книгъ и газеты; отъ средствъ я отказался, такъ какъ женскій кружокъ, съ которымъ мы сблизились за-границей, располагалъ уже очень крупными средствами, но охотно принялъ его рекомендаціи къ старымъ испытаннымъ революціонерамъ, которые, правда, еще не были руководителями кружковъ, но которые уже побывали въ крупныхъ пердѣлкахъ; это облегчали намъ первые шаги.

Пользуясь результатомъ предшествовавшей дѣятельности въ народѣ, мнѣ хотѣлось попытаться сплотить въ одну организацию интеллигенцію и рабочихъ вмѣстѣ; до сихъ поръ всѣ организациі и организованные кружки были исключительно интеллигентскіе, теперь хотѣлось поставить революціонное дѣло на болѣе широкую, чисто народную почву.

Работа въ средѣ петербургскихъ рабочихъ Синегуба, Чарушина, Кравчинскаго, Кропоткина, Шишко, Рогачева и другихъ не осталось бесплодной и хотя ихъ уже не было (они были арестованы или скрывались), но занятія съ рабочими продолжались довольно дѣятельно другими.

На Лиговкѣ, недалеко отъ Воздвиженской церкви существовала еще тогда артель рабочихъ, преимущественно заводскихъ и желѣзнодорожныхъ, артель эту посѣщали нѣсколько интеллигентовъ, занимаясь съ рабочими послѣ работъ, часовъ съ 8—9 вечера; они преподавали главнымъ образомъ школьные предметы и, несмотря на усталость, рабочіе съ замѣчательнымъ вниманіемъ относились къ этимъ занятіямъ.

Въ то время, когда я впервые познакомился съ этой артелью (это было въ концѣ октября 1874 г.), занятіями ея руководилъ весьма толковый, мирный пропагандистъ, обладавшій основательными соціально-экономическими познаніями—И. А. Жуковъ; это былъ человѣкъ за-

мѣчательно уравновѣшеннаго характера, весьма осторожный въ занятяхъ съ рабочими и умѣвшій быстро подмѣчать въ рабочихъ склонность и способность къ активной революціонной дѣятельности; онъ задался цѣлью намѣчать всюду, куда только онъ попадалъ, годныхъ взрослыхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимался и съ рабочими-мальчиками, сообщая имъ помимо школьныхъ знаній и кое-что, что воспитывало бы ихъ въ революціонномъ духѣ; этихъ птенцовъ своихъ онъ держалъ при себѣ и жилъ съ ними одной жизнью, что ихъ сильно привязывало къ нему; изъ числа этихъ юнцевъ вышли вскозь сначала участники по процессу 50-ти, а потомъ и по процессу Казанской демонстраціи, а впоследствии и рабочихъ кружковъ «Народной Воли» (Яковъ Потаповъ, Иванъ Окладскій и др.); остальныхъ юнцевъ я потерялъ изъ виду и не знаю, что изъ нихъ вышло.

Яковъ Потаповъ, привлекавшійся къ дознанію по процессу 50-ти, а затѣмъ въ декабрѣ 1876 года, въ день Казанской демонстраціи былъ арестованъ на площади съ краснымъ знаменемъ въ рукахъ. Иванъ Окладскій, работавшій (въ 1875 г.) сначала въ Одессѣ и проживая затѣмъ подъ именемъ Петра Сидоренко въ Тулѣ, въ качествѣ брата Ольги Любатовичъ, спасся бѣгствомъ во время ея ареста по дѣлу процесса 50-ти, а впоследствии (въ 1879 г.) вмѣстѣ съ Желзбовымъ участвовалъ въ заложении мины на полотнѣ жел. дороги подъ Александровскомъ, но, приговоренный въ 80 году (по дѣлу 16 террористовъ) къ смерти, замѣненной ему пожизненной каторгой, кончилъ весьма печально...

Среди взрослыхъ рабочихъ Воздвиженской артели было нѣсколько интеллигентныхъ, съ которыми можно было уже начать дѣло организациі рабочихъ другихъ городовъ. Среди нихъ выдавался болѣе другихъ Михаилъ Грачевскій, который и раньше работалъ въ качествѣ пропагандиста, привлекался еще по процессу Долгушина, хотя и не былъ судимъ, затѣмъ участвовалъ въ первыхъ шагахъ организациі рабочихъ въ Москвѣ по дѣлу 50-ти, а впоследствии принималъ участіе въ дѣятельности «Народной Воли», какъ членъ Исполнительнаго Комитета. Грачевскій былъ интеллигентный рабочій, въ высшей степени дѣятельный и преданный революціонному дѣлу; въ кругу рабочихъ онъ пользовался всегда большой симпатіей, а для интеллигенціи онъ былъ незамѣнимымъ человекомъ, такъ какъ черезъ него можно было проникнуть во всѣ фабрики и заводы. По наружности его и складу рѣчи трудно было опредѣлить съ перваго раза, рабочій онъ или интеллигентъ. Его худощавое блѣдное лицо съ румянцемъ грудного больного, рѣдкой русой бородкой и русыми, слегка кудрявыми волосами, большими голубыми глазами, всегда широко раскрытыми, какъ у страдающаго грудью и слегка покраснѣвшими вѣками, которые иногда подергивались судорогой,—внушало мнѣ опасеніе еще въ Петербургѣ, что Грачевскому остается недолго жить. Но когда пришлось мнѣ работать съ нимъ въ Москвѣ, я видѣлъ съ какой энергіей взялся онъ за организацию рабочихъ и убѣдился, что въ этомъ тщедушномъ тѣлѣ таятся неисчерпаемая сила. Въ одинъ мѣсяць мы исходили съ нимъ всю Москву вдоль и поперекъ и во время этихъ непрерывныхъ хожденій, онъ меня всегда поражалъ своей неутомимостью; онъ готовъ

былъ цѣлые дни оставаться голоднымъ, лишь бы пріобрѣсти хоть одного новаго сознательно сочувствующаго намъ рабочаго.

Другой выдающійся членъ Воздвиженской артели—рабочій Василій Грязновъ, по профессіи кузнецъ; онъ поражалъ своей начитанностью и любовью къ книгамъ; онъ до такой степени любилъ книги, что это даже мѣшало ему заводить сношенія съ рабочими, онъ прекрасно зналъ рабочую массу и когда мы восторгались къмъ либо изъ рабочихъ, онъ всегда обдавалъ насъ холодной водою; стоитъ вамъ увлекаться такой дрянью, говорилъ онъ. Мы недолюбливали его за этотъ скептицизмъ и шутя называли его «баринкомъ», такъ какъ онъ хотѣлъ знаться только съ распропагандированными рабочими.

Третій выдающійся членъ Воздвиженской артели—Петръ Алексѣевъ, стяжавшій такую огромную извѣстность по процессу 50-ти за рѣчь, произнесенную имъ на судѣ,—былъ не заводскимъ, а фабричнымъ рабочимъ, по профессіи ткачъ, хотя въ Петербургѣ временно онъ работалъ на заводѣ. Несмотря на его малую интеллигентность, не трудно было замѣтить даже при первомъ знакомствѣ выдающуюся силу характера въ немъ; довольно словоохотливый въ своей средѣ, онъ проявлялъ необыкновенную сдержанность въ теоретическихъ спорахъ съ нами, только изрѣдка вставлялъ какъ я-нибудь ироническія замѣчанія; каждому изъ насъ (мнѣ, Грачевскому, И. Жукову) казалось, что онъ относится къ намъ съ недовѣріемъ и это не мало озабочивало насъ, такъ какъ въ центральномъ рабочемъ ядрѣ онъ долженъ былъ занять видное мѣсто; была даже маленькая стычка между нимъ и Грачевскимъ, котораго онъ грубо оскорбилъ; Грачевскій показалъ себя замѣчательно благороднымъ; «я прощаю тебѣ это оскорбленіе во имя того дѣла, которому отдаю свою жизнь», спокойно и серьезно сказалъ онъ Петру Алексѣеву; эти слова до того потрясли Петра Алексѣева, что онъ прослезился и горячо обнялъ Грачевскаго; съ тѣхъ поръ между ними не было уже никакихъ недоразумѣній.

Въ періодъ переговоровъ моихъ съ петербургскими кружками и сближенія съ Ив. Жуковымъ и другими участниками Воздвиженской артели, которую посѣщалъ, какъ преподаватель ариметики, и мой товарищъ Ив. Кузьминъ, я встрѣтилъ также въ Петербургѣ и Георгія Здановича, котораго, правда, очень немного зналъ и раньше, до отъѣзда моего за границу; по возвращеніи моемъ, мы стали встрѣчаться чаще въ разныхъ кружкахъ и обмѣнявшись взглядами, оказались въ главныхъ чертахъ единомышленниками въ вопросахъ о способѣ практической дѣятельности: онъ оказался согласнымъ съ мнѣніемъ меньшинства женеваго конгресса кавказцевъ, относился отрицательно къ программѣ петербургскихъ лавристовъ и примыкалъ больше къ программѣ бакунистовъ; мы стали иногда посѣщать вмѣстѣ Воздвиженскую артель. Здановичъ зналъ также, что я уже нахожусь въ извѣстныхъ обязательныхъ отношеніяхъ къ Чикоидзе и Циціанову, а также поддерживаю связь съ кружкомъ цюрихскихъ женщинъ, съ которыми въ то время онъ еще не былъ знакомъ.

Обязательныя отношенія къ женскому кружку оформились лишь въ ноябрѣ 1874 года. Чикоидзе, какъ я уже сказалъ, поддерживалъ сношенія съ этимъ женскимъ кружкомъ послѣ моего отъѣзда въ Рос-

сію; но эти отношенія не имѣли еще практической почвы. Такъ какъ этотъ женскій кружокъ представлялъ собою организованное цѣлое со своимъ уставомъ и съ довольно крупными денежными средствами, то для объединенія его съ нами требовалось согласіе всѣхъ членовъ кружка, которые были разбросаны по разнымъ мѣстамъ: такъ, Ольга и Вѣра Люботовичъ, по возвращеніи въ Россію, были арестованы и содержались осенью 1874 г., въ Черниговской тюрьмѣ, Бардина уѣхала въ Тамбовъ къ себѣ на родину; Марія Субботина была въ своемъ курскомъ или орловскомъ имѣніи, Евгенія Субботина, Вѣра Фигнеръ и Дора Аптекманъ оставались въ Бернѣ, Лидія Фигнеръ и Варвара Александрова и Бетя Каминская были въ Петербургѣ.

Передъ разѣздомъ ихъ, въ началѣ ноября Чикоидзе сообщилъ мнѣ письмомъ изъ Женевы, что фричи (такъ звали этотъ женскій кружокъ въ Цюрихѣ) разбредаются изъ Швейцаріи, думаютъ, подобно намъ, начать работу въ Россіи и желаютъ окончательно объясниться съ нами для составленія одной революціонной организаціи. Мнѣ неловко было говорить объ этомъ съ присутствовавшими тогда въ Петербургѣ членами этого кружка, такъ какъ я не зналъ въ то время съ полной достовѣрностью, кто изъ нихъ является полноправными членами кружка и потому счелъ болѣе удобнымъ лично повидаться съ Чикоидзе, чтобы узнать отъ него непосредственно, чего желаютъ фричи, а потому я поѣхалъ для этого на нѣскольکو дней за-границу, т. к. Чикоидзе не могъ самъ выѣхать; его задерживали тамъ еще другія дѣла.

Для переѣзда черезъ границу я взялъ заграничный паспортъ у одного своего земляка, князя Ратіева, облачился въ его шубу и выѣхалъ въ Бернъ. Передъ отѣздомъ Варвара Александрова дала мнѣ письмо къ Евгеніи Субботиной; къ назначенному дню Чикоидзе и Циціановъ пріѣхали также въ Бернъ, гдѣ мы встрѣтили Евгенію Субботину, Д. Аптекманъ, Александру Хоржевскую, Топоркову и Вѣру Филиппову.

Евгенія Субботина жила отдѣльно въ какой то гостиницѣ, куда я и пріѣхалъ прямо по данному мнѣ въ Петербургѣ адресу.

Выходя съ вокзала и подымаясь по высокой лѣстницѣ, чтобы идти въ верхнюю часть Берна, я былъ удивленъ неожиданной встрѣчей съ тремя моими петербургскими знакомыми, съ которыми я расстался въ Петербургѣ всего за нѣсколько дней до моего отѣзда, послѣ встрѣчи съ ними въ квартирѣ А. М. Эпштейнъ; это были— Николай Морозовъ, Саблинъ и Грибоѣдовъ. Несмотря на ноябрь мѣсяцъ, всѣ трое были одѣты довольно легко и просто. Тошій, высокій Морозовъ, которому вѣроятно тогда не было и 20 лѣтъ, сильно сгибался подъ какимъ то громаднѣмъ узломъ, который онъ несъ на спинѣ. Поровнявшись съ ними, я обратился шутя къ двумъ его другимъ товарищамъ съ вопросомъ: что это вы навалили все на одного?— онъ моложе насъ, отвѣтилъ Саблинъ, и долженъ нести; мы разсмѣялись; они сообщили мнѣ, что перебрались черезъ границу при помощи контрабандистовъ, что вѣроятно устроила имъ Анна Михайл. Эпштейнъ.

Узнавъ отъ меня, что я черезъ день уѣзжаю обратно въ Рос-

сію, Саблинъ воскликнулъ съ радостью: «счастливый человекъ можетъ ѣздить свободно! Да, и мы, впрочемъ, тоже скоро вернемся, лишь бы замести слѣды, а тамъ опять воротимся; да и дѣлать то здѣсь нечего нашему брату, сказалъ онъ, грустно понуривъ голову».

Но мнѣ не пришлось уже встрѣтиться съ ними въ Россіи, а съ Морозовымъ насъ свела еще судьба въ московскихъ и петербургскихъ тюрьмахъ.

Чикоидзе подтвердилъ мнѣ въ Бернѣ то, о чемъ писалъ въ Петербургъ; мы пошли съ нимъ къ фричамъ; въ небольшомъ номерѣ Евгеніи Субботиной мы встрѣтили Вѣру Фигнеръ, которая молчаливо слѣдила за нашей бесѣдой, а также Топоркову, Дору Аптекманъ и Хоржевскую. Я предложилъ Чикоидзе открыто поставить вопросъ объ объединеніи нашихъ кружковъ въ присутствіи всѣхъ членовъ кружка фричей, для чего нужно всѣмъ фричамъ собраться въ Россію; а такъ какъ главнымъ базисомъ революціонной дѣятельности предполагалось нами избрать Москву, то и было условлено устроить съѣздъ въ Москвѣ въ декабрѣ 1874 года.

Бернскія фричи выразили на это согласіе и дѣйствительно къ этому времени изъ Берна вернулись въ Москву Евг. Субботина, Ан. Хоржевская и А. Топоркова; въ Бернѣ оставались только Д. Аптекманъ и Вѣра Фигнеръ (Филиппова), которая вернулась въ Россію въ 1876 г. когда большая часть фричей была арестована и на ея долю выпала тяжелая задача ликвидаціи дѣлъ нашей организаціи.

Итакъ, въ Бернѣ было заложено начало объединенію женскаго кружка фричей съ нами и чтобъ закрѣпить нашу дѣловую связь фричи выдали мнѣ письмо, по которому я получилъ въ Россіи двѣ тысячи руб. на начатое тамъ дѣло организаціи рабочихъ.

На обратномъ пути въ Россію, по совѣту Чикоидзе, я заѣхалъ къ его школьному товарищу Степану Кардашову, который учился въ Дрезденѣ на химическомъ отдѣленіи тамошняго политехникума; онъ никакого отношенія къ революціонному движенію не имѣлъ и совсѣмъ не думалъ посвятить себя революціонной дѣятельности въ Россіи; но Чикоидзе предполагалъ, что въ организаціи понадобятся люди съ техническимъ знаніемъ, которое сплошь и рядомъ необходимо для революціонныхъ цѣлей; если бы Кардашевъ почему либо не согласился на содѣйствіе намъ въ этомъ отношеніи, то онъ поручилъ мнѣ обратиться къ другому его товарищу Айвазову въ Петербургъ, который тогда посѣщалъ технологической институтъ.

И. С. Джабадари.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Е. П. ТУМАНОВА.

Н. Г. ГЕОРГИЕВСКАЯ.

В. Н. БАТЮШКОВА.

Л. Н. ФИГНЕРЪ.

М. Д. СУББОТИНА.

Е. Д. СУББОТИНА.

Н. Д. СУББОТИНА.

Женщины процесса 50-ти.

Къ характеристикѣ общественныхъ настроеній въ Россіи въ началѣ 80-хъ годовъ.

Революціонная исторія семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ является еще во многихъ отношеніяхъ terra incognita для современной публики. Не только нѣкоторые отдѣльные эпизоды этой исторіи, но и цѣлыя революціонныя эпохи не получили еще даже съ фактической стороны надлежащаго вѣрнаго и безпристрастнаго освѣщенія. А ходячіе слухи и варианты грѣшатъ часто крупными неточностями и ошибками. Между тѣмъ все это представляетъ значительный интересъ, особенно теперь, когда сводятся окончательные итоги русскаго освободительнаго движенія за цѣлый историческій періодъ.

За послѣднее время въ печати, трактующей исторію прошлаго революціоннаго движенія, неоднократно высказывалось утвержденіе, что послѣ 1 марта 1881 года организація „Народной Воли“ была разбита и вся дѣятельность ея шла къ упадку быстрыми шагами. И дѣйствительно съ внѣшней стороны, особенно для посторонняго наблюдателя, слѣдующіе за 1 марта 1881 и 1882 годы рисовались временемъ сравнительнаго революціоннаго затишья. Въ этотъ періодъ вся „боевая“ дѣятельность „Народной Воли“ проявились только въ двухъ эпизодахъ: въ устраненіи одесскаго военнаго прокурора ген. Стрѣльникова и въ вооруженной попыткѣ Поливанова освободить заключенныхъ изъ саратовской тюрьмы (лѣтомъ 1882 г.). Никакихъ другихъ открытыхъ выступленій тогда не было.

Въ виду этого невольно возникаетъ для каждаго вопросъ: если это было такъ на самомъ дѣлѣ, что же именно могло побудить правительство, несомнѣнно хорошо освѣдомленное о подобномъ положеніи дѣлъ, а до извѣстной степени и о силахъ революціонной организаціи, искать примиренія и вступать въ какіе либо компромиссы, а тѣмъ болѣе въ обязательныя условія съ революціонной партией уже обезсиленной, клонящейся къ упадку.

Постараюсь выяснитъ по возможности это кажущееся противорѣчіе.

Многочисленными арестами, происшедшими частью еще до

1 марта, частью непосредственно вслѣдъ за нимъ, народовольческая организація и въ особенности центральная, была значительно ослаблена, а въ послѣдующіе два года на нее обрушивались все новыя и новыя неудачи. Тѣмъ не менѣе урокъ въ личномъ составѣ пополнялся до известной степени новыми силами и о приостановкѣ борьбы не было и рѣчи. Въ концѣ 1881 г. изъ рядовъ организаціи, перенесшей свою главную квартиру въ Москву, было снова выхвачено нѣсколько человекъ (Вогдановичъ, Стефановичъ, Булановъ, Клименко, Калужный, вслѣдъ за ними очень скоро Тедлаловъ и др.). Но значеніе эти, лучше сказать, впечатлѣніе подобныхъ арестовъ и для самого правительства бываетъ нерѣдко двойное. Торжествуя свой частный успѣхъ, оно зачастую наталкивается при этомъ на такія косвенныя указанія, которыя вовсе не способны успокоить его на пріобрѣтенныхъ лаврахъ. Въ результатъ своихъ разслѣдованій оно удостоверяется, какъ это бывало не разъ, что и послѣ одержанной побѣды, несмотря на богатый уловъ опасныхъ противниковъ, гдѣ то тамъ во мракѣ, за предѣлами досягаемости, продолжаетъ существовать революціонная организація, не намѣревающаяся вовсе положить оружіе. Революціонная организація обладаетъ, особенно въ известные моменты, способностью возрождаться, какъ фениксъ изъ попла, возстановля очень скоро свои утраченные органы. И само правительство, въ лицѣ своихъ наиболѣе умныхъ и дальновидныхъ представителей, отлично понимаетъ, что, при наличности всѣхъ его могущественныхъ средствъ, средствъ самообороны, для него не можетъ быть ни отдыха, ни перерыва борьбы до тѣхъ поръ, пока не измѣнится настроеніе той среды, изъ которой вербуются его противники. Привлечь къ себѣ симпатіи этой среды туманно-либеральной фразеологіей и составилию, напр., одну изъ отличительныхъ чертъ политики гр. Лорисъ-Меликова. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, незамѣтны были еще признаки, предвѣщающіе перемѣну общественнаго настроенія въ своемъ оскуденіи симпатій къ дѣятельности революціонеровъ и еще менѣе было признаковъ, позволявшихъ надѣяться на общественное сочувствіе реакціонному направленію правительственной политики. Такимъ образомъ у правительства не имѣлось еще на лицо никакихъ данныхъ надѣяться на революціонное успокоеніе. Это сознаніе постоянно грозившей опасности, неизвѣстность съ какой стороны можетъ быть нанесенъ противникомъ ударъ, постоянное напряженіе, при которомъ, отразивши одно нападеніе, необходимо быть всегда на готовѣ для того, чтобы парировать другія, — вся эта перспектива борьбы съ противникомъ малоуловимымъ, борьбы, которой не предвидится и конца, наконецъ, грозившая опасность личной гибели производить угнетающее впечатлѣніе и на психологію людей, стоящихъ у власти. Прибѣгать же, какъ это дѣлается теперь, къ крайнимъ средствамъ, не имѣющимъ почти примѣровъ въ исторіи цивилизованныхъ народовъ и разрубать мечемъ гордіевъ узелъ своего положенія, объявляя открытую войну всѣмъ сознательнымъ элементамъ общества, всему народу—у

правительства того времени не было достаточно поводов, потому что активную борьбу съ нимъ вело не все общество, не весь народъ, а лишь только отдѣльныя революціонныя группы, опиравшіяся на общественное сочувствіе. По тому настроенію, которое царитъ теперь, когда нервы всѣхъ и каждого, притупленные всякими ежедневными современными ужасами, уже слабо реагируютъ на самые кровавые эксцессы, трудно судить о томъ настроеніи, которое господствовало тогда и о впечатлѣніи производимомъ не только едличнымъ террористическимъ фактомъ, но даже простымъ ожиданіемъ его. Легко, конечно, теперь, оглядываясь въ исторической перспективѣ на все прошлое, констатировать а posteriori постепенное паденіе послѣ 1 марта 1881 г. общей революціонной волны, паденіе, растянувшееся, однако, и тогда на цѣлыя годы и въ значительной степени обусловленное, вдобавокъ, многими частичными исключительными причинами, а не исторической необходимостью. Но въ то полное тревоги и смятенія время, которое переживала тогда вся Россія, это вовсе не было очевидно для всѣхъ, въ томъ числѣ и для самого правительства. И поэтому, чтобы разобратъся иполнѣ въ положеніи и настроеніи послѣдняго, нужно сумѣть перенестись въ обстановку прошлаго и учесть тотъ психологическій моментъ, который переживался тогда всѣми.

Вышеупомянутые московскіе аресты, происшедшіе въ концѣ 1881 года, не являлись результатомъ одной только обычной полицейско-агентурной ловкости и наблюдательности. Но объ этомъ говорить сейчасъ не мѣсто и не время. Замѣчу только, что тогда выступала уже на политическую авансцену далеко не заурядная для того міра фигура Судейкина, начинавшаго осуществлять систему своей провокаторской дѣятельности „на два фронта“,—съ одной стороны затягивая въ свою игру—и не безъ нѣкотораго успѣха—кой кого изъ арестованныхъ революціонеровъ, а съ другой—запугивая правительство грознымъ призракомъ надвигающейся революціонно-террористической опасности, попутно создавая себѣ при этомъ репутацію чуть ли не единственнаго въ Россіи человѣка, способнаго предотвратить опасность новыхъ-террористическихъ выступленій народовольческой организаціи.

Весною 1882 г. произошли новые аресты въ Петербургѣ (Грачевскій, Корба, Прибылевъ и др.), а затѣмъ вскорѣ лѣтомъ была арестована въ Витебскѣ уже почти готовая къ работѣ народовольческая типографія. Репутаціи Судейкина шла въ гору, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ правительство натолкнулось на несомнѣнно подготовлявшееся покушеніе террористическаго характера (въ квартирѣ Прибылева была арестована мастерская для изготовленія динамита). Одновременно съ Грачевскимъ былъ задержанъ въ Петербургѣ гусарскій маіоръ Тихоцкій, арестъ котораго прозвель въ „сферахъ“ не малое впечатлѣніе. Тихоцкій вращался въ высшихъ кругахъ Петербурга, танцевалъ даже на придворныхъ балахъ. Кромѣ двухъ-трехъ выслѣженныхъ загородныхъ свиданій его съ Грачевскимъ, никакихъ другихъ уликъ

противъ него не было, но и этого было, конечно, достаточно при царившей тогда въ „сферахъ“ общей запуганности, чтобы возбудить всевозможныя подозрѣнія и опасенія. И въ сущности подозрѣнія эти были не безосновательны. Не задолго передъ этимъ Тихоцкій, не принимавшій до тѣхъ поръ ни малѣйшаго участія въ революціонной дѣятельности, познакомился съ Грачевскимъ, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Подъ влияніемъ новаго знакомаго Тихоцкій революционизировался, оказавшись при этомъ человѣкомъ очень полезнымъ и цѣннымъ. Репутація гусарскаго жуира очень помогала ему въ работѣ, открывая доступъ въ такія сферы, въ которыя съ другой репутаціей и проникнуть было бы трудно. На балахъ, послѣ танцевъ, подъ шумъ музыки онъ просвѣщалъ своихъ дамъ революціонными разговорами и даже революціонными прокламаціями, заводилъ полезныя связи и знакомства, однимъ словомъ очень ловко проникалъ въ самый центръ враждебнаго лагеря. Предварительное дознаніе не могло обнаружить противъ него никакихъ новыхъ уликъ, кромѣ свиданій съ Грачевскимъ, что онъ объясняетъ простымъ рестораннымъ знакомствомъ (репутація гусара-жуира и тутъ пошла ему въ пользу). Случай помогъ ему уцѣлеть отъ крупной улики. Въ моментъ ареста при немъ находилось очень компрометирующее его письмо, которое онъ успѣлъ спустить подъ подкладку пальто (или оно само провалилось туда), гдѣ оно и осталось незамѣченнымъ и было уничтожено имъ уже въ Петропавловской крѣпости во время гулянья. Заключенный послѣ ареста въ Петропавловку Тихоцкій удостоился посѣщенія министра внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстого, при чемъ между ними произошелъ слѣдующій курьезный діалогъ:

— Стыдно и жалко! Жалко и стыдно! Маіоръ! Гусарскаго полка! и до чего довелъ себя! началъ Толстой войдя въ камеру арестованнаго.

— Можетъ быть и жалко, наше высокопревосходительство, но не стыдно, — отвѣчалъ Тихоцкій, перефразируя слова министра.

Бесѣда приняла, такимъ образомъ, съ первыхъ же словъ не совсѣмъ удобную и пріятную для высокаго посѣтителя форму.

— А я все же говорю: стыдно и жалко! Жалко и стыдно, повторилъ Толстой, спѣша удалиться изъ камеры.

Въ концѣ концовъ Тихоцкій ни въ чемъ не уличенный, былъ исключенъ изъ службы и высланъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь.

Приблизительно около этого же времени были произведены на Кавказѣ аресты среди офицеровъ. Правительство забило тревогу, тѣмъ болѣе, что оно имѣло помимо этого и другія указанія на то, что революціонное движеніе вообще затронуло офицерскую среду. 1882 годъ дѣйствительно ознаменовался попыткой поставить болѣе широко и прочно дѣло военной организаціи и связать ея дѣятельность съ общею дѣятельностью Народной Воли, подъ знаменемъ которой возникающая организація и должна

была начать свою работу. Что подобныя попытки не являлись фантастическими и беспочвенными показали даже непродолжительный опыт 1882 г., въ теченіе котораго безъ особаго труда было привлечено къ революціонному дѣлу въ той или другой формѣ, сотни двѣ или даже болѣе офицеровъ разныхъ родовъ оружія, изъ среды которыхъ и должна была возникнуть специальная военная организація—центральныя и филиальныя отдѣленія. Дѣло тогда только начиналось; нащупывалась почва. Нужно было приглядѣться хорошенько къ людямъ и затѣмъ уже сдѣлать окончательный выборъ. Какъ извѣстно, все задуманное и уже начавшееся осуществляться въ желанномъ направленіи дѣло рухнуло, подкошенное въ самомъ началѣ предательскою рукою Дегаева.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о зарождавшейся въ 1882 г. военной организаціи даны въ іюльской книжкѣ „Былого“ (1906 г.) М. Ю. Ашенбреннеромъ и затѣмъ дополнены въ слѣдующей книжкѣ (августъ) „данными официального дознанія о распространеніи преступной пропаганды среди военныхъ, возбужденнаго въ первой половинѣ“ 1883 г. (послѣ ареста Дегаева и совершеннаго имъ предательства). Къ сожалѣнію, М. Ю. Ашенбреннеръ очень скупо использовалъ имѣющійся у него матеріалъ, обойдя молчаніемъ разныя подробности, характеристики и тому подобныя конкретныя данныя и факты, которыя могутъ въ значительной степени оживить этотъ уголокъ прошлой исторіи. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, дѣло зарождалось и развивалось въ наиболѣе подходящей и отзывчивой средѣ, преимущественно среди молодыхъ офицеровъ. Выдвигая сознательныхъ активныхъ революціонеровъ эта молодая офицерская среда поставляла и другой болѣе пассивный, но все же очень полезный матеріалъ. Это были люди безъ ясно опредѣленнаго политическаго направленія, не идущія на прямую революціонную работу, но готовые изъ простой политической порядочности, во имя товарищества, дружбы или своеобразнаго рыцарски-военнаго чувства оказать всякую помощь, содѣйствіе гонимому и травимому революціонеру. Въ нѣкоторыхъ военныхъ частяхъ преимущественно въ частяхъ специальныхъ родовъ оружія—напр., среди артиллеристовъ и въ особенности среди моряковъ, подобное настроеніе и отношеніе къ революціи было очень распространеннымъ. Въ 1882 г. въ отдаленномъ Владивостокѣ морскіе офицера, бывавшіе въ тюремномъ караулѣ, выговаривали и пеняли Мышкину, арестованному во Владивостокѣ послѣ бѣгства съ Кары, за то, что онъ по прибытіи въ городъ не отправился тотчасъ же къ первому попавшемуся морскому офицеру, убѣрая его, что всякій изъ нихъ не только не выдастъ бы его, но всегда помогъ бы укрыться и затѣмъ переправиться въ Японію или Америку. Въ 1883 г. лейтенантъ Серебряковъ, выданный Дегаевымъ въ числѣ многихъ другихъ, какъ членъ центральной военной организаціи, находился въ моментъ выдачи въ Балтійскомъ морѣ въ плаваніи на военномъ транспортѣ «Красная Горка». Когда транспортъ пришелъ въ одинъ изъ Балтійскихъ портовъ и когда по случаю вечера съѣздъ

на берегъ командъ и офицеровъ былъ отложенъ до утра, командиръ судна получилъ секретное сообщеніе о томъ, что на берегу лейтенантъ Серебряковъ будетъ арестованъ въ качествѣ политическаго преступника. Тѣмъ или инымъ путемъ это было доведено до свѣдѣнія Серебрякова и другіе офицера транспорта помогли ему добраться ночью въ яликъ до берега, гдѣ онъ и скрылся благополучно. Василій Ивановъ бѣжалъ изъ кievской тюрьмы при содѣйствіи офицера Тихановича, руководившагося при этомъ въ значительной степени своими личными отношеніями и симпатіями. И подобныхъ случаевъ сочувственнаго отношенія къ революціонерамъ офицерской среды того времени можно было бы привести еще не мало. Но имѣлись еще нѣкоторые признаки и того, что военно-революціонное дѣло можетъ встрѣтить нѣкоторое сочувствіе и поддержку, если не активную, то по крайней мѣрѣ пассивную, даже и въ высшей военной сферѣ со стороны отдѣльных ея представителей. Приведу нѣсколько примѣровъ тѣмъ болѣе, что они относятся къ людямъ съ громкою военной репутаціей.

Наиболѣе талантливымъ изъ всего русскаго генералитета того времени являлся несомнѣнно Скобелевъ. О широкой популярности его среди русскои арміи говорить тоже нечего,—она всѣмъ извѣстна. Тѣмъ не менѣе или, можетъ быть, благодаря именно этому, онъ не пользовался особымъ благорасположеніемъ высшихъ сферъ, несмотря даже на свое свойство съ членами царствующей фамиліи (его сестра была замужемъ за герцогомъ Лейхтенбергскимъ). Въ глазахъ этихъ сферъ онъ являлся чѣмъ то вродѣ *enfant terrible* въ генеральскихъ эполетахъ. Скобелева хвалили, расточали ему комплименты, но не любили, завидовали ему и особеннаго хода не давали. Между тѣмъ честолюбіе у него было не малое и его недожупная натура рвалась къ чему то большему. Подъ влияніемъ ли этого неудовлетвореннаго честолюбія, для котораго занимаемое имъ положеніе не давало достаточно пищи, въ силу ли нѣ котораго свойственнаго ему авантюризма (не въ дурномъ смыслѣ этого слова), или по какимъ-либо инымъ болѣе идейнымъ стимуламъ—такъ или иначе,—но попытка была предпринята завести сношенія съ революціонной партией.

Дѣло происходило такъ.

Въ 1882 г. Скобелевъ предпринялъ путешествіе по Европѣ. Это путешествіе сопровождавшееся произнесеніемъ публичныхъ рѣчей по вопросамъ внѣшней политики Россіи, произвело тогда большую сенсацію, какъ въ европейской прессѣ, такъ и въ дипломатическихъ сферахъ. Вскорѣ по приѣздѣ Скобелева въ Парижъ къ П. Л. Лаврову явился спутникъ Скобелева, состоявшій при немъ въ званіи официальнаго или приватнаго адъютанта и передалъ Лаврову слѣдующее отъ имени своего патрона: генералу Скобелеву крайне нужно повидаться съ Петромъ Лавровичемъ для переговоровъ о нѣкоторыхъ важныхъ вопросахъ. Но, въ виду служебнаго и общественнаго положенія Скобелева, ему

очень неудобно прибыть самолично къ Лаврову. Это слишкомъ афишировало бы ихъ свиданіе, укрыть которое при подобной обстановкѣ было бы очень трудно отъ многочисленныхъ глазъ, наблюдающихъ за ними обоими. Въ виду этого онъ проситъ Лаврова назначить ему свиданіе въ укромномъ нейтральномъ мѣстѣ, гдѣ они могли бы обсудить на свободѣ все то, что имѣеть сказать ему Скобелевъ.

Петръ Лавровичъ, этотъ крупный философскій умъ и теоретикъ революціи, въ дѣлахъ практики и революціонной политики, оказывался часто настоящимъ ребенкомъ. Онъ наотрѣзъ отказался отъ предлагавшагося ему свиданія, и такъ какъ въ ту минуту въ Парижѣ не оказалось никого изъ достаточно компетентныхъ и освѣдомленныхъ революціонеровъ (народовольцевъ), которымъ онъ могъ бы сообщить о полученномъ имъ предложеніи—на этомъ и кончилось дѣло. Впослѣдствіи въ 1885 г. мнѣ пришлось говорить съ Петромъ Лавровичемъ объ этомъ инцидентѣ и выразить сожалѣніе, что Лавровъ отклонилъ подобное свиданіе и не использовать такой благоприятный случай.

— Да помилюйте! — воскликнулъ Лавровъ съ искреннимъ неподдѣльнымъ изумленіемъ. Ну объ чемъ бы сталъ я говорить съ генераломъ Скобелевымъ?!

О томъ, что не произошло, можно, конечно, строить только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки. Можно, однако предполагать, не пускаясь въ область фантазій, что не для одного только личнаго знакомства искалъ Скобелевъ свиданія съ Лавровымъ.

Въ томъ же году вышеупомянутымъ маіоромъ Тихоцкимъ велись въ Петербургѣ бесѣды на политическія темы съ генераломъ Драгомировымъ, занимавшимъ тогда постъ начальника военной Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Разговоры эти, которыя касались между прочимъ вопроса о задачахъ военно-революціонной организаціи, Драгомировъ заключилъ, по словамъ Тихоцкого, слѣдующею дословною фразою:

— Что же господа! если вы будете имѣть успѣхъ—я вашъ.

Послѣ Скобелева Драгомировъ былъ тогда, пожалуй, наиболѣе популярнымъ военнымъ именемъ въ Россіи. Популярность Скобелева была шире и демократичнѣе, ибо распространялась и въ массѣ нижнихъ чиновъ арміи. Кто изъ русскихъ солдатъ не зналъ тогда «бѣлаго генерала»? Имя Драгомирова было извѣстно и популярно въ военно-теоретическихъ и въ боевыхъ сферахъ.

Приведу еще одинъ случай, относящійся къ той же категоріи фактовъ и къ тому же времени.

Въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Одессѣ, поступилъ на службу вольноопредѣляющимся одинъ молодой чело-вѣкъ N, попавшій еще на родинѣ до поступления своего на службу въ списки «политически-неблагонадежныхъ», о чемъ, разумѣется, было своевременно доведено до свѣдѣнія подлежащаго военнаго начальства. Черезъ два-три мѣсяца послѣ опредѣленія въ полкъ N. получилъ приглашеніе явиться къ корпусному

командиру и не въ канцелярію, а въ его частную квартиру. Генераль встрѣтилъ N—а очень любезно, усадилъ его въ своемъ кабинетѣ и повелъ разговоръ на слѣдующую тему. До его свѣдѣнія, заявилъ онъ, было конечно доведено о политической неблагонадежности N—а, а недавно къ нему поступило донесеніе о его будто бы попыткѣ вести революціонную пропаганду между солдатами полка. Сдѣлавъ затѣмъ отступленіе въ поясненіе того, почему онъ самъ человѣкъ либеральныхъ взглядовъ, несогласный съ реакціонною политикой правительства, остается тѣмъ не менѣе на службѣ (обычныя ссылки на семью, необезпеченное матеріальное положеніе и т. п.), генераль заговорилъ объ опасности и трудности, нахсясь въ подневольномъ положеніи «нижняго чина» заниматься революціонной дѣятельностью и пропагандой въ войскѣ. „Если вы хотите работать въ этомъ направленіи среди военныхъ,—говорилъ онъ,—выходите въ офицеры. Тогда руки у васъ будутъ развязаны и вы будете имѣть дѣйствительную возможность сдѣлать что-нибудь, а не погибнуть столь бесполезно. Подумайте объ этомъ и, если вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ и пожелаете быть офицеромъ, я могу оказать вамъ со своей стороны всякое содѣйствіе и помочь сдать скорѣе офицерскій экзаменъ, и затѣмъ дамъ вамъ свою рекомендацію, чтобы вы могли устроиться на службѣ въ той военной части, которую изберете, хотя бы даже въ корпусѣ жандармовъ, разъ это будетъ соответствовать вашимъ планамъ. Но за то обѣщайте мнѣ, что пока не выйдете въ офицеры, оставаясь солдатомъ, вы не будете проявлять въ полку революціонной дѣятельности, которая, могу васъ увѣрить, ни къ чему, кромѣ гибели не поведетъ“.

Врядъ ли можно предположить здѣсь какую-нибудь хитрость или двойную игру. Если бы корпусный командиръ просто хотѣлъ избавиться отъ безпокойнаго солдата, у него въ рукахъ было, конечно, достаточно средствъ устроить это безъ всякаго труда. Сколько офицеровъ, а не то что солдатъ, переводилось на службу въ глухіе гарнизоны Средней Азии, Кавказа и другихъ отдаленныхъ окраинъ за простое, недоказанное ничѣмъ подозрѣніе въ прикосновенности къ чему то.

Приведенные эпизоды, число которыхъ можно было бы пополнить и другими, не перешедшіе въ какое-либо фактическое дѣйствіе рисуютъ, конечно, только проблематическіе перспективы и притомъ для индивидуальныхъ случаевъ. Но какъ показатель известнаго настроенія военной среды, они все же имѣютъ свое симптоматическое значеніе. И остановился на этихъ примѣрахъ, потому что есть полное основаніе предполагать нѣкоторую осведомленность правительства объ революціонномъ или, по крайней мѣрѣ, оппозиціонномъ настроеніи части офицерства. Мы привыкли относиться очень недоувѣрчиво и скептически къ тому, что осталось лишь возможностью, но перейдя во что-нибудь реальное. Но правительство не могло въ свое время относиться такъ индеферентно къ этой угрожающей ему возможности.

Несмотря на опредѣлившееся уже, повидимому, къ началу

1882 г. направление внутренней политики, настроение правительства было нерѣшительное и реакція какъ бы застыла на мертвой точкѣ въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій. Крутой поворотъ назадъ совмѣщался съ попытками монархически-народной политикой, съ призывомъ въ бюрократическія комиссіи «свѣдущихъ людей» изъ общества, съ идеей крестьянскаго банка и т. п. за-тѣями. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ шла борьба за власть между отдѣльными ея представителями (Игнатьевъ, Толстой, Воронцовъ-Дашковъ). Не раздавленное еще революціонное движеніе и констатированное броженіе въ военной средѣ заставляло правительство задумываться. Приобщеніе къ революціонному движенію военныхъ элементовъ и опасность военной организаціи всегда являлись однимъ изъ самыхъ грозныхъ признаковъ для всякаго самодержавнаго правительства¹⁾. Противъ этой рисовавшейся тогда опасности были пущены въ ходъ по шаблонному бюрократическому рецепту прежде всего обычныя мѣры «пресѣченія» и «предупрежденія». Разсылались по полковымъ канцеляріямъ соотвѣтственные секретные циркуляры съ предписаніемъ усилить надзоръ и сыскъ въ офицерской средѣ; принимались различныя мѣры предосторожности. Офицерамъ, присутствующимъ на высочайшихъ смотрахъ и парадахъ предписывалось, напр., не имѣть при себѣ револьверовъ, одѣвая лишь одни пустыя кобуры²⁾. Характерно секретное предписаніе, бывшее у меня въ рукахъ, разосланное по отдѣльнымъ войсковымъ частямъ одесскаго военного округа. Въ немъ указывалось на случай, имѣвшій недавно мѣсто, когда офицеръ, состоявшій на службѣ ходатайствовалъ объ отдачѣ ему на поруки брата арестованнаго по обвиненію въ государственномъ преступленіи. Вполнѣ понимая, говорилось въ этомъ секретномъ циркулярѣ, наличность вполнѣ естественныхъ родственныхъ чувствъ и заботу о братѣ, предлагаю однако, полковымъ командирамъ внушить подчиненнымъ имъ офицерамъ о несоотвѣтствіи подобныхъ ходатайствъ съ званіемъ офицера.

Но подобныя набитыя мѣры считались уже и тогда недостаточными и неудовлетворяющими серьезности положенія. Онѣ дополнялись новыми, улучшенными приѣмами. Родоначальникъ

¹⁾ Даже и послѣ того, какъ правительство получило отъ Дегая всѣ свѣдѣнія о военно-революціонной организаціи и арестовало большую часть скопированныхъ локализациями Дегая офицеровъ, оно продолжало очень нервно относиться ко всему, что въ революціонномъ движеніи имѣло отношеніе къ военному міру. Показанія, даваемые арестованнымъ Ашенбреннеромъ, въ тотъ же день отвозились въ Гатчину къ Александру III. Въ концѣ 1884 г. во время ростовскихъ арестовъ былъ захваченъ въ одной антекѣ складъ революціонныхъ документовъ и въ числѣ ихъ, между прочимъ, черновыя рукописи «письма къ солдатамъ», писанныя моею рукой. Въ 1886 г. послѣ моего ареста этотъ черныкъ былъ предъявленъ мнѣ въ числѣ первыхъ обвинительныхъ документовъ, причемъ производившій дознаніе жандармскій офицеръ, знавшій, что въ бумагахъ мирового судьи Бардовскаго (тогда уже казеннаго) находился тоже текстъ воззванія къ офицерамъ, витребовалъ тотчасъ же изъ архива дѣло Бардовскаго и привнесъ слѣчать оба текста, стараясь установить связь между обоими документами.

²⁾ Подлиннаго текста этого предписанія я не имѣлъ, но объ немъ мнѣ сообщали нѣсколько офицеровъ.

русской политической провокаціи Судейкинъ, раскидывавшій вездѣ свои тенета, не оставилъ безъ вниманія и военную среду.

Вскорѣ послѣ своего прѣзда въ Петербургъ въ 1882 г. М. Ю. Ашенбреннеръ получилъ неожиданно негаданно черезъ вторых— третьихъ руки предложеніе отъ совершенно незнакомыхъ людей доставить ему мѣсто петербургскаго полиціимейстера съ прекраснымъ конечно, окладомъ, при чемъ это предложеніе облекалось въ такія формы, будто полицейская служба Ашенбреннера можетъ содѣйствовать какимъ-то благимъ замысламъ. Для дальнѣйшихъ переговоровъ его приглашали посѣтить квартиру одной княгини, фамилію которой я сейчасъ не помню. Изумленный и встревоженный такимъ страннымъ и подозрительнымъ предложеніемъ Ашенбреннеръ попросилъ одну знакомую, имѣвшую большое знакомство въ Петербургѣ, разузнать о личности этой княгини. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что въ ея квартирѣ собирается очень темное и подозрительное общество, въ которомъ фигурируютъ очень разнообразная публика: офицеры, полицейскіе, жандармы, даже студенты, и курсистки. Наводившую эти справки знакомую Ашенбреннера прямо предупреждали, что вся эта компанія находится въ связи съ Судейкинымъ и его присными. Получивъ такія свѣдѣнія, Ашенбреннеръ, разумѣется не пошелъ на этотъ зовъ. Вскорѣ онъ получилъ новое приглашеніе отъ литератора С., лично ему совершенно незнакомаго, посѣтить его для переговоровъ о дѣлѣ, чуть ли не о томъ же самомъ, т. е. о мѣстѣ полиціимейстера. На совѣщаніи петербургскаго центрального военного кружка, до свѣдѣнія котораго Ашенбреннеръ довелъ объ этихъ зазываніяхъ, было рѣшено, что подъ именемъ Ашенбреннера къ С. отправится другой офицеръ, чтобы провѣсти рекогносцировку и по возможности выяснить истинную подкладку этихъ подозрительныхъ предложеній. Но какъ только нашъ офицеръ, явившись къ С., отрекомендовался ему подполковникомъ Ашенбреннеромъ, С. заявилъ: вы вовсе не Ашенбреннеръ, я васъ знаю, вы такой то (послѣдній тоже не былъ знакомъ съ С.). Этимъ разговоръ ихъ и кончился, но въ результатѣ все же выяснилось, что С. и другія подозрительныя личности имѣли надлежащія точныя свѣдѣнія, до знакомства съ наружностью включительно объ офицерахъ и не только петербургскихъ, но и прѣзжихъ изъ провинціи съ приблизительной характеристикой ихъ политическаго направленія, безъ чего намъ трудно было бы останавливать свой выборъ на томъ или другомъ лицѣ. Изъ какихъ источниковъ могли они получить подобныя свѣдѣнія можно говорить только предположительно. Но естественно мысль останавливается на томъ, что источникомъ этимъ являлись полицейско-сыскныя сферы.

Я остановился нѣсколько подробно на военно-революціонныхъ эпизодахъ того времени въ виду того, что они именно сильно озабочивали тогда правительство и военно-революціонныя опасности являлись, какъ мнѣ кажется, однимъ изъ сильныхъ стимуловъ, побудившихъ правительство или отдѣльныхъ его представителей задуматься надъ вопросомъ, не благоразумнѣе ли

будетъ пойти на извѣстныя уступки и купить ими относительную безопасность и успокоеніе?

Новые улучшенные способы борьбы съ революціей вводились, конечно, не въ однихъ только военныхъ сферахъ, но практиковалось по всему фронту оборонительной линіи. Заручиться помощью революціонеровъ, т. е. quasi и ex-революціонеровъ представлялась для Судейкина очень заманчивымъ и выгоднымъ приемомъ, обѣщавшимъ богатый урожай. Дѣятельность Судейкина была неоднородна; онъ имѣлъ достойныхъ помощниковъ. Такъ въ Москвѣ въ этомъ же духѣ работали начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія жандармскій подполковникъ Скандраковъ, настоящій alter-ego Судейкина, другъ его и сослуживецъ по Кіеву, заручившійся еще до появленія Дегаева нѣсколькими агентами помощниками изъ революціоннаго лагеря, напр., въ лицѣ нѣкоего П—а, уличеннаго впоследствии показаніями Дегаева и нѣкоторыми другими данными. Въ эти сѣти сыска и провокаціи попадали порою и порядочныя люди—молодые фантазеры, мечтавшіе воскресить въ своемъ лицѣ фигуру Клѣточникова. Въ концѣ 1883 г. мнѣ самому пришлось столкнуться съ подобнымъ эпизодомъ и разслѣдовать дѣло о двухъ студентахъ Петровской Академіи II., и II., поступившихъ на службу къ Скандракову,—въ чемъ они и признались чистосердечно—съ наивною цѣлью одурачить послѣдняго и разыграть роль второго Клѣточникова¹⁾. Тутъ происходили иногда своеобразныя столкновенія на почвѣ конкуренціи и боязни, что одинъ перебьетъ дорогу другому и воспользуется львиною долею общей добычи. Напр., II. наговаривалъ Скандракову на двухъ упомянутыхъ студентовъ-петровцевъ, обвиняя ихъ въ двуличности и обманѣ.

Не была упущена Судейкинымъ изъ виду и революціонная литература, какъ оружіе, которое можно использовать не безъ выгоды въ свою пользу для борьбы съ терроромъ. Образцомъ этого можетъ служить исторія возникновенія и прекращенія революціонной газеты „Вольное Слово“. Было бы желательно, чтобы люди, хорошо знакомые съ этой исторіей, рассказали то, что имъ о ней извѣстно. Газета „Вольное Слово“, издавалась, какъ извѣстно въ Женевѣ въ 1882—1883 годахъ подъ редакціей Драгоманова. Никто не заподозритъ, конечно, послѣдняго въ какихъ-либо темныхъ двусмысленныхъ предпріятіяхъ. Но при немъ находился въ качествѣ практическаго дѣльца до постановкѣ газеты и дальнѣйшаго веденія, нѣкто Мальшинскій, оказавшійся впоследствии лицомъ, близкимъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ и къ самому Судейкину. Нужно думать что не безъ содѣй-

¹⁾ Н. и П.—дѣйствительно оказались порочными людьми, искренне пытались одурачить Скандракова и разыграть роль Клѣточникова. Время тогда было смутное (тогдашесъ послѣ убійства Судейкина), революціонная среда да столько замутилась, что необходимо было тогда же очистить ее отъ всѣхъ сконпрометировавшихъ себя людей. Въ виду этого, несмотря на ихъ, повидимому, порядочность имъ обонявъ было предложено отстраниться отъ всякихъ революціонныхъ дѣлъ что они и исполнили добросовѣстно. Скандраковъ все же арестовалъ ихъ и выслалъ на родину.

ствія послѣдняго „Вольное Слово“ попадало въ Россію въ большомъ количествѣ и одно время, при крайнемъ недостаткѣ въ революціонной литературѣ и при большомъ спросѣ на нее распространялось въ широкихъ кругахъ общества. Постепенно въ „Вольномъ Словѣ“ началась правильная газетная кампанія противъ политическаго террора. Завершилось все это тѣмъ, что одна изъ передовицъ вызвала открытый протестъ со стороны русскихъ эмигрантовъ, проживавшихъ въ Женевѣ (Засуличъ, Кравчинскій, Плехановъ, Аксельродъ), напечатаншимъ въ женевскихъ газетахъ открытое письмо на имя Драгоманова, по поводу означенной передовой статьи; письмо это было перепечатано въ «Календарѣ Народной Воли». Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что Мальшинскій скрылся съ горизонта, и изданіе „Вольнаго Слова“ скоро прекратилось ¹⁾.

Подводя итогъ всѣмъ этимъ эпизодамъ изъ дѣятельности Судейкина (а рассказанное здѣсь является лишь уголкомъ ея), нельзя отказать ему въ разносторонности тѣхъ новыхъ приемовъ борьбы съ революціей, дополнившихъ и исправлявшихъ старую систему сыска, которые впоследствии получили такое широкое примѣненіе и распространеніе при его пріемникахъ. Несомнѣнно ему принадлежитъ честь и приоритетъ открытія и примѣненія этой системы, по крайней мѣрѣ въ Россіи. Не даромъ она получила полное одобреніе со стороны шефа парижской полиціи, пріѣзжавшаго, какъ тогда говорили, въ Петербургъ по приглашенію русскаго правительства для совѣта о лучшей постановкѣ политическаго сыска въ Россіи.

Не одни только профессионалы въ родѣ Судейкина и ему подобныхъ напрягали всѣ силы и пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы побороть русскую революцію, прибѣгая даже къ созданію контръ-революціонныхъ организацій или, по крайней мѣрѣ, пытались создать ихъ. Даже высшіе административно-бюрократическія сферы дѣлали попытки охранить самодержавіе, пользуясь подобными же приемами и стараясь развить въ томъ же духѣ и направленіи свою охранительную дѣятельность.

Въ 1882 и 1883 годахъ появилось и функционировало въ своемъ родѣ нелегальное, конспиративное общество извѣстное тогда подъ именемъ „Священной Дружины“ или „Священной Лиги“. Членами его состояли разныя высокопоставленныя лица. Въ связи съ этимъ обществомъ существовало другое, называвшееся „Добровольною Охраною“, представлявшее собою какъ бы филиальное отдѣленіе перваго и хронологически появившееся позднѣе. Внутренняя исторія этихъ конспиративныхъ сообществъ документально очень мало извѣстна. По аналогіи съ современностью они оба являются какъ бы прототипомъ „союза русскихъ людей“ союза активной борьбы съ революціей и тому подобныхъ организацій нашего времени, можетъ быть съ нѣскольکو менѣе ясными и болѣе распылчатыми цѣлями, съ тою еще разницей, что

¹⁾ Мальшинскій умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ въ качествѣ издателя реакціоннѣйшей газеты „Народъ“. Ред.

теперь они спустились изъ высшихъ сферъ въ низшія, демократизировались, благодаря чему и оказались болѣе способными проявить свою активную дѣятельность, на которую мало способны персоны высшихъ ранговъ, особенно въ тѣхъ рискованныхъ, вызывающихъ формахъ, въ которыхъ невольно облекается подобная дѣятельность. Впрочемъ передъ коронаціей, т. е. въ началѣ 1883 г. „Добровольная Охрана“ довольно энергично вербовала въ свои ряды всѣхъ и каждого, организуя цѣлые отряды—„десятки“ и „сотни“ подъ начальствомъ „десятниковъ“ и „сотниковъ“, которые должны были въ коронаціонные дни разсыпаться по Москвѣ, слѣдить въ толпѣ за подозрительными лицами задерживать, ихъ и вообще оберегать особу Александра III отъ покушеній и отъ всякой опасности. Съ цѣлью привлеченія въ ряды этой царской охраны возможно большаго количества людей, распускались въ массахъ печатныя правила-прокламаціи съ разъясненіями, какъ должна происходить вербовка этихъ «десятковъ» и «сотенъ» и въ какихъ формахъ надлежитъ имъ проявлять свою дѣятельность. Прокламаціи эти распространялись не только въ Москвѣ и вообще въ Европейской Россіи, но даже и въ Сибири, откуда мнѣ было доставлено нѣсколько экземпляровъ. Все это устранивалось, или по крайней мѣрѣ проектировалось, несмотря на то, что Судейкинъ гарантировалъ безопасность коронаціи отъ какихъ-либо покушеній, организованныхъ революціонной партіей (онъ тогда уже могъ обѣщать это). Въ высшихъ сферахъ Судейкину и вѣрили, и какъ видно, все же нѣсколько сомнѣвалось въ точности его свѣдѣній, опасались частныхъ, единоличныхъ выступленій и на всякій случай принимали дополнительныя предохранительныя мѣры.

Что касается «Священной Лиги» (idem «Священной Дружины»), то она повидимому, представляла собой конгломератъ очень не однородный. Лѣвая часть ея въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ, соприкасалась съ «Земскою Лигой», обсуждая съ нею сообща разныя конституціонныя проекты, правая—примыкала къ ретрограднымъ кругамъ, чуть ли не до близости съ сыскнымъ вѣдомствомъ и мечтала организовать активную борьбу съ революціей, проектируя при этомъ по примѣру послѣдней прибѣгать даже къ нелегальнымъ конспиративнымъ приемамъ борьбы до террора включительно. (Далѣе разговоровъ дѣло у нихъ пошло, не пошло). Все это было очень хаотично, спутанно и противорѣчиво, въ соотвѣтствіи съ запутанностью и неопредѣленностью переживавшагося тогда момента ¹⁾.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное выше можно нарисовать приближительно слѣдующую картину общественно-политическаго

¹⁾ Мы возмѣтали всѣ эти, касающіяся „Священной Дружины“ и „Добровольной Охраны“ строки почти безъ всякаго измѣненія, но должны тутъ же сказать, что свѣдѣнія объ этихъ организаціяхъ у автора настоящей статьи, *милосельбуржца С. А. Иванова* весьма неясны, неточны и частью прямо неверны. Мы имѣемъ объ этомъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, съ исторіею со временимъ и возмаломъ читателей нашего журнала.

положенія Россіи и настроеніе правительства къ осени 1882-го г., когда начались переговоры его съ революціонной партіей. На фонѣ этой картины представлялась революція, хотя и поражаемая, но еще не раздавленная и по прежнему мало уловимая, несмотря на всѣ старанія покончить съ нею во что бы то ни стало. Погибали, арестовывались отдѣльныя ея представители, нѣрѣдко цѣлыя группы, но убыль ихъ пополнялась до известной степени привлеченіемъ новыхъ элементовъ, по крайней мѣрѣ на столько, что уцѣлѣвшія и вновь появившіяся революціонныя группы продолжали оставаться постоянною угрозою для самодержавнаго правительства, которое стояло во главѣ болѣе чѣмъ стомилионнаго государства, безконтрольно располагало всѣми его громадными средствами, не жалѣя ихъ для борьбы съ крамолою ¹⁾. Впечатлѣніе 1-го марта и предшествовавшаго ему грознаго боевого періода было еще слишкомъ свѣжо и нервы лицъ, стоящихъ у власти болѣе нежели напряжены постояннымъ ожиданіемъ грядущей опасности, такъ какъ настроеніе и тактика революціонной партіи, по видимому не измѣнились и вынуждали правительство быть всегда на сторожѣ предъ возможностью новаго террористическаго наступленія. Доходившія стороною неясныя, но несомнѣнно достовѣрныя указанія о появленіи военной организаціи, добраться до которой однако не удавалось, возбуждали еще большія опасенія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что правительство даже переоценивало грозившую ему опасность, что являлось какъ разъ на руку Судейкину, въ примыкъ интересахъ котораго было поддерживать, а не колебать это убѣжденіе ²⁾. Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство, получавшее съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе острое, общественное значеніе. Съ момента воцаренія Александра III прошло уже болѣе года, а коронація все еще не могла состояться

¹⁾ Довольно распространенное мнѣніе о сильномъ ослабленіи революціонной партіи тотчасъ послѣ 1-го марта и въ послѣдующіе годы, которое явилось при этомъ какъ бы естественнымъ, неизбѣжнымъ завершеніемъ цѣлаго революціоннаго періода, — представляется мнѣ слишкомъ преувеличеннымъ. Недостатка въ революціонныхъ элементахъ, на которыхъ зиждется активная дѣятельность, не было и послѣ 1-го марта, сочувственное отношеніе либеральныхъ сферъ не уменьшилось. De facto сильно пострадала преимущественно центральная организація партіи, почти переставшая даже функционировать въ теченіе нѣкотораго періода времени. При наличности практиковавшихся тогда организаціонныхъ принциповъ и отношеній это отражалось очень неблагоприятно во всѣхъ отрасляхъ революціонной работы, которая въ этихъ условіяхъ тормозилась и замирала. Темъ не менѣе несмотря на усилившейся до нельзя сенискъ и тѣ вѣркія тиски, въ которыя фатально заключена жизнь всякой нелегальной организаціи, положеніе далеко не было безнадежно. Только крайне неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ, выразившееся въ рядѣ исключительныхъ событій (напр., Дегаящина и др. случаи) не дали возможности организаціи возродиться и окрѣпнуть и притомъ именно тогда, когда между прочимъ намѣчалось нѣкоторое исправленіе организаціонныхъ принциповъ съ цѣлью централизировать нѣсколько нагубное вліяніе „центральныхъ“ погромовъ на дѣятельность всей партіи.

²⁾ Идея создать себя при помощи революціонной провокаціи вліятельное политическое положеніе не была, повидимому чужда Судейкину еще въ на началѣ 1882-го г., то есть за годъ до появленія Дегая. Онъ тогда уже дѣлалъ первые шаги къ этому направленію старалась залучить въ помощники себя кое-кого изъ арестованныхъ революціонеровъ.

въ виду опасеній, что она можетъ быть ознаменована какимъ либо террористическимъ инцидентомъ. А дальнѣйшее откладываніе коронаціи являлось крайне неудобно. Это совершенно роняло престижъ правительства какъ дома въ Россіи, такъ и за-границей, такъ какъ естественно объяснилось его слабостью и боязнью передъ революціонерами. Изъ такого положенія нужно было найти какой нибудь выходъ, который и былъ прінсканъ въ формѣ попытки войти въ соглашеніе съ революціонною партіей и заключить хотя бы временное перемиріе на пріемлимыхъ для обѣихъ сторонъ условіяхъ. Уже одинъ этотъ фактъ самъ по себѣ безъ разсмотрѣнія общественно-политическихъ условій того момента и общаго настроенія, говоритъ самъ за себя и свидѣтельствуеетъ, что правительство считало свое положеніе критическимъ. Для него со всѣми его унаслѣдованными традиціями и принципами власти подобный шагъ являлся почти невозможнымъ. Остается разумѣется открытымъ вопросъ имѣло ли правительство намѣреніе добросовѣстно выполнить принимаемыя имъ на себя обязательства или же оно рассчитывало только выиграть время для совершенія обряда коронаціи, проектируя сообразовать свою дальнѣйшую политику съ наличностью тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ и условій. Но во всякомъ случаѣ даже предумышленный обманъ со стороны правительства т. е. намѣреніе его ограничиться однимъ только обѣщаніями, уже самая попытка охранить свою безопасность подобными средствами служитъ характернымъ показателемъ внутренняго политическаго положенія Россіи.

Сергій Ивановъ.

Документы и материалы къ исторіи переговоровъ Исполнительнаго Комитета съ Священной Дружиной¹⁾.

I.

Немногіе члены Исполнительнаго Комитета, находящіеся за границей, и съ которыми я успѣлъ снестись, передали мнѣ слѣдующее:

Есть пункты, относительно которыхъ они могутъ говорить за всѣхъ своихъ товарищей, и другіе, по которымъ имъ необходимо снестись съ Россіей. Они довѣряютъ мнѣ начать переговоры на тѣхъ основаніяхъ, относительно которыхъ они безусловно увѣрены въ согласіи своихъ товарищей. Именно:

1. Они требуютъ прежде всего какого либо ручательства, что переговоры идутъ съ людьми дѣйствительно серьезными, а не выдающими себя за имѣющихъ право вести подобныя переговоры.

2. За основаніе переговоровъ должно быть принято письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III отъ 10 марта 1881 года и въ предѣлахъ условій этого письма они могутъ ручаться за согласіе ихъ товарищей еще и въ настоящее время.

3. Если разъ лица, съ которыми начаты переговоры, могутъ считаться компетентными во всемъ, касающемся ихъ, то надо, чтобы нѣкоторыя предварительныя дѣйствія со стороны правительства ручались за искренность его въ этомъ случаѣ.

4. Они могутъ поручиться, что:

а) если по предыдущимъ тремъ пунктамъ произойдетъ удовлетворительное соглашеніе, то, до коронаціоннаго манифеста Алек-

¹⁾ Помѣщенные документы имѣются у насъ въ подлинникахъ. Они писаны собственною рукою П. Л. Лаврова и переданы въ наше полное распоряженіе лицамъ, имѣющимъ на то всѣ права. Современнѣе мы опубликуемъ весьма интересные документы, касающіеся организаціи Священной Дружины, а теперь скажемъ лишь, что съ Исполнительнымъ Комитетомъ (черезъ П. Л. Лаврова) вела переговоры именно Священная Дружина, а не „Земская Лига“, которой фактически и не существовало, но отъ имени которой Священная Дружина, развившаяся въ свою очередь изъ „Добровольной Охраны“, поручила агенту своему доктору Нивинскому вступить въ переговоры съ Исполнительнымъ Комитетомъ партіи Народной Воли. Помѣщенные документы относятся ко времени переговоровъ именно съ Нивинскимъ, а не съ Николадзе, переговоры съ которымъ велись въ другое время и совершенно отдѣльно и независимо отъ переговоровъ съ Нивинскимъ.

Ред.

сандръ III будетъ огражденъ отъ всѣхъ попытокъ организованныхъ или организуемыхъ Комитетомъ.

б) если Исполнительный Комитетъ увидитъ изъ ряда дѣйствій правительства, что оно серьезно приступило къ исполненію условій соглашенія, то, насколько эта увѣренность будетъ длиться, Исполнительный Комитетъ не предприметъ ничего противъ Александра III.

И если русскимъ социалистамъ будетъ обезпечено право мирно распространять свои идеи, то онъ рѣшительно откажется отъ всякой террористической дѣятельности.

Въ виду развитія со времени 10 марта взглядовъ, которые прежде не имѣлись въ виду, лица, съ которыми я (*неразборчиво*) сочли нужнымъ сказать въ поясненіе сказаннаго въ письмахъ къ Александру III отъ 10 марта о выборахъ въ Народное Собраніе, что ихъ товарищи понимаютъ это собраніе, какъ созывъ представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ настоящаго рабочаго народнаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. д.), для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ преобразованій, которыя обезпечили бы благосостояніе рабочаго класса.

II.

Прелиминарныя условія.

I. Земская Лига обязуется прежде всего (доказать) выяснить свою силу и (полную) благонадежность своихъ намѣреній) свои цѣли; для этого:

а) Земская Лига выхлопочетъ амністію Чернышевскаго, или

б) облегченіе участи политическихъ каторжныхъ (въ Сибири),

с) Сверхъ того, Земская Лига оставляетъ въ залогъ крупную сумму, которая должна быть возвращена Лигѣ, по исполненію ею обязательства, въ случаѣ же неисполненія — можетъ быть конфискована.

д) Сверхъ того, Земская Лига даетъ возможность *обстоятельную* ознакомленія со своими средствами и цѣлями (наиболѣе желательнымъ посредствомъ принятія въ составъ своихъ членовъ) какому нибудь лицу, которое бы пользовалось довѣріемъ Земской Лиги и Исполнительнаго Комитета. Лицо это выбирается по соглашенію обѣихъ сторонъ. Если это лицо находится въ ссылкѣ, то должно быть предварительно амнистировано.

Исполнительный Комитетъ не требуетъ отъ этого лица сообщенія какихъ либо секретовъ Земской Лиги и довольствуется *общимъ* его удостовѣреніемъ въ томъ, что силы и цѣли Земской Лиги позволяютъ Исполнительному Комитету вступать съ ней въ соглашеніе.

II. Немедленно по полученіи означеннаго ручательства, Исполнительный Комитетъ обязуется опубликовать прокламацію, къ сему прилагаемую, и пунктуально соблюсти данныя въ ней обѣщанія.

III. Земская Лига должна сообщить теперь же, въ какіе приблизительно сроки она считаетъ возможнымъ (при пассивномъ содѣйствіи Исполнительнаго Комитета) подготовить:

а) болѣе или менѣе полную амнистію,

б) доставить русской прессѣ и русскому обществу возможность (свободно) подготовиться къ Земскому Собору, путемъ (болѣе или менѣе) достаточно свободнаго обсужденія русскихъ общественныхъ вопросовъ

с) подготовить, наконецъ, созывъ самого Земскаго Собора, который (какъ кондіція *sine que non*) долженъ быть *непремѣнно* *осна-роднымъ*, долженъ быть избранъ при вполнѣ свободной агитаціи и долженъ имѣть права Учредительнаго Собранія.

IV. Въ случаѣ, если бы Земская Лига въ означенные ею самой приблизительно сроки, оказалась безсильной исполнить принятія на себя обязательства, Исполнительный Комитетъ тѣмъ самымъ освобождается отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ самой Лигѣ.

III.

Проектъ прокламаціи.

Къ Исполнительному Комитету обращались въ послѣднее время съ укорами, которые вызываютъ его на новое заявленіе. Его обвиняютъ сторонники либеральныхъ учрежденій въ Россіи въ томъ, будто онъ своею террористическою дѣятельностью не позволяетъ правительству Александра III вступить на путь либеральныхъ реформъ а, напротивъ, вызываетъ въ императорѣ то раздраженіе, которое заставляетъ будто бы Александра III окружать себя людьми все болѣе ненавистными русскому обществу, все болѣе враждебными всякой свободѣ. Эти взгляды нашли себѣ выраженіе даже въ нѣкоторыхъ кружкахъ вполнѣ сочувствующихъ цѣлямъ, къ которымъ стремится русская революціонная партія.

Дѣятельность русскаго правительства и отсутствіе рѣшительной дѣятельности у русскихъ либераловъ не давали до сихъ поръ Исполнительному Комитету повода усомниться въ вѣрности избраннаго имъ пути; но въ виду частыхъ обвиненій на него взводимыхъ за его будто бы упорство на этомъ пути, онъ считаетъ возможнымъ сдѣлать еще одно заявленіе.

10 марта 1881 г. онъ обращался къ Александру III съ указа-ніями условій «созданныхъ исторіею», на которыхъ «революціонное движеніе» можетъ замѣниться «мирною работою». Александръ III не обратилъ вниманія на это обращеніе. То, что совершилось послѣ 10 марта, давало бы право Исполнительному Комитету считать мирное обращеніе 10 марта уже достояніемъ исторіи и произнести надъ Александромъ III такой приговоръ, какой Исп. Ком. произнесъ и исполнилъ надъ Александромъ II. Но Исп. Ком. не изъ любви къ самому террору и не изъ мстительности выбралъ путь терроризма, а лишь

придя къ убѣжденію, что лишь этотъ печальный для него самого путь можетъ привести къ ближайшимъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ соціально-революціонною партією. Для него остаются существенными не путь, а цѣли, къ которымъ онъ ведетъ. Если бы онъ дѣйствительно осуществились инымъ путемъ, Исп. Ком. съ радостью отказался бы отъ прежнихъ пріемовъ. Онъ, поэтому признаетъ, что и до сихъ поръ онъ не отрекается ни отъ одной строки изъ того, что сказано въ письмѣ къ Александру III отъ 10 марта. Онъ и теперь согласенъ считать условія, тамъ высказанныя, условіями, на которыхъ «революціонное движеніе» можетъ «замѣниться мирною работою». Онъ заявляетъ, что приговоръ его надъ Александромъ III еще не произнесенъ и что, пока это не сдѣлано, личность Александра III еще на нѣкоторый срокъ обезпечена отъ попытокъ со стороны лицъ и кружковъ, входящихъ въ организацію русской соціально-революціонной партіи «Народной Воли». Онъ заявляетъ, что этотъ приговоръ не имѣлось въ виду произнести до тѣхъ поръ, пока коронаціонный манифестъ, опредѣляющій программу новаго царствованія, не показалъ бы, что нечего уже ждать отъ правительства Александра III пониманія истинныхъ потребностей Россіи и приступа къ улучшенію ея положенія. Поэтому, какъ самъ Александръ III, такъ и его совѣтники желающіе его безопасности, имѣютъ время одуматься. Люди, надѣющіеся помочь нынѣшнимъ дѣйствіямъ Россіи путемъ мирныхъ реформъ или чисто политическаго переворота, могутъ еще попробовать устранить новыя, печальныя для всѣхъ катастрофы. Отъ самого Александра III, отъ его совѣтниковъ, отъ сторонниковъ политическихъ свободъ въ Россіи зависитъ, чтобы приговоръ надъ Александромъ III вовсе произнесенъ не былъ. Пусть Александръ III выразитъ въ опредѣленномъ заявленіи и осуществитъ въ рѣшительныхъ мѣрахъ свой переходъ къ либеральной внутренней политикѣ. Пусть друзья политической свободы и и экономическаго улучшенія положенія русскаго народа пріобрѣтутъ вліяніе на дѣла путемъ ли господства въ совѣтахъ императора, путемъ ли организаціи сильной партіи политической оппозиціи произволу самодержавія, и опасность для личности императора совсѣмъ исчезнетъ.

Мы ждемъ и слѣдимъ за дѣятельностью правительства и русскіхъ либераловъ. Если мы увидимъ, что серьезныя мѣры принимаются для облегченія положенія нашихъ мучениковъ въ тюрьмахъ, въ ссылкѣ, на каторгѣ, для возвращенія нашихъ эмигрантовъ, для свободнаго обсужденія въ печати созыва учредительнаго народнаго собранія, для замѣны особенно-ненавистнаго персонала въ управленіи болѣе человѣчнымъ, то безопасность, объявленная нами временно для Александра III, распространится и на орудія его управленія.

Если въ опредѣленный срокъ собственная инициатива Александра III, или вліяніе на него либеральныхъ совѣтниковъ или рѣшительныя мѣры политической оппозиціи приведутъ къ созыву въ Россіи представителей всѣхъ классовъ общества съ преобладаніемъ постояннаго рабочаго народнаго элемента и съ необходимымъ участіемъ представителей интеллигентныхъ группъ (университетовъ, прессы и т. п.) для устройства новаго государственнаго порядка и для экономическихъ

преобразований, которые обезпечили бы положеніе рабочаго класса, то Исп. Ком. найдеть, можетъ быть, возможнымъ вовсе прекратить со своей стороны террористическія дѣйствія.

Но это—выжиданіе, не болѣе. Не имѣя возможности особенно довѣрять ни успѣху русскихъ либеральныхъ партій, ни искренности русскаго правительства при самыхъ либеральныхъ его заявленіяхъ, русская соціально-революціонная партія не положитъ оружія и всегда будетъ готова заявить о томъ, что время выжиданія прошло, что Исп. Ком. возвращается къ революціоннымъ дѣйствіямъ, если онъ убѣдится въ лицемѣрїи правительства или въ окончательномъ безсилїи либеральныхъ партій.

Дѣлая это заявленіе. Исп. Ком. сдѣлалъ все, что можетъ, чтобы доказать свою готовность достигъ ближайшихъ цѣлей своихъ и мирными средствами, которые кажутся возможнымими другимъ группамъ русскаго общества. Оставаясь вѣрными какъ общимъ стремленіямъ революціоннаго социализма, такъ и своимъ ближайшимъ цѣлямъ, онъ дѣлаеть послѣднюю попытку. Если она не удастся, онъ пойдетъ впередъ по ближайшему пути, съ котораго ничто не заставитъ его сойти.

IV. 1)

Первое, что мнѣ вспоминается, это одна необыкновенно грустная исторія, которую стыдно разсказать, а грѣхъ утаить. Я буду кратко—стыдно.

Дѣло было не помню въ которомъ году незадолго до коронаціи Александра III. Правительство было въ большемъ смущенїи, оно ожидало какого нибудь сюрприза въ моментъ коронаціи и вообще опасалось новыхъ террористическихъ предпріятій. Дѣйствовало, хотя не знаю дѣйствовало ли, но во всякомъ случаѣ было образовано тайное противо-революціонное общество, состоявшее подъ покровительствомъ . . . . . (это послѣднее мнѣ подтвердилъ предсѣдатель цензурнаго комитета Ведровъ при объясненїи щедринскаго «Общества проломленныхъ головъ»). Складывались и другія тайныя общества съ тою же цѣлью.

Однажды ко мнѣ явился N 2) съ слѣдующимъ сообщеніемъ. Онъ хлопоталъ о газетѣ, которую намѣревался издавать, и, не знаю какимъ образомъ, добрался съ этою цѣлью до Воронцова-Дашкова. Тотъ сказалъ ему, что это можно устроить, можно устроить и гораздо большее. Государь настроенъ наилучшимъ, наиблагосклоннѣйшимъ образомъ, онъ готовъ дать Россїи конституцію, но надо, чтобы прежде прекратились дѣйствія террористовъ, потому что не можетъ же правительство выступить на либеральный путь подъ угрозою.

---

1) Въ числѣ матеріаловъ и документовъ, относящихся къ переговорамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, считаемъ нужнымъ помѣстить и отрывокъ изъ напечатаннаго въ „Революціонной Россїи“, касающагося этого предмета воспоминаній Н. К. Михайловскаго. Онъ относится къ переговорамъ, которые велись черезъ Н. Я. Николадзе.

2) Н. Я. Николадзе.

Ред.

Ред.

«Вотъ, сказалъ онъ, примите на себя трудъ переговоровъ съ революціонерами, и если коронація пройдетъ благополучно, можете разсчитывать не только на газету, но и на многое другое. Если хотите—прибавилъ онъ—я вамъ устрою свиданіе съ Государемъ, и онъ самъ вамъ скажетъ это.»

Въ подтвержденіе N показалъ мнѣ одну-двѣ записки Воронцова-Дашкова незначительнаго содержанія—приглашеніе пожаловать къ нему тогда-то и тогда-то. N сообщилъ мнѣ, что въ дѣлѣ этомъ принимаетъ участіе Шуваловъ, не помню который по имени, но знаю, что онъ былъ тогда личнымъ другомъ Государя. Знаю также, что этотъ Шуваловъ занимался одно время химіей и затѣмъ былъ психически боленъ, о чемъ я слышалъ отъ его учителя химіи Г. ¹⁾ и психіатра Т., ²⁾ которымъ Шуваловъ самъ разсказывалъ о ниже-слѣдующей исторіи.

N., у котораго было мало связей въ революціонной партіи, предложилъ мнѣ дѣйствовать вмѣстѣ. Я зналъ, что партія была въ это время въ упадкѣ,—кто арестованъ, кто казненъ, и только Вѣра Филиппова (Фигнеръ) была изъ крупныхъ дѣятелей на свободѣ, скрываясь въ Харьковѣ. Ожидать чего-нибудь на коронаціи и безъ того нельзя было, но правительство этого не знало, а у страха глаза велики. Поэтому согласиться на предложеніе было лестно. Но я все-таки рѣшилъ сначала посоветоваться съ К., ³⁾ съ которымъ былъ тогда очень близокъ, а N. не особенно довѣрялъ. Съ К. происходили въ это время тоже какія-то заигрыванія, и мы рѣшили, что принять предложеніе слѣдуетъ, но держать ухо востро. Я поѣхалъ въ Харьковъ къ Вѣрѣ, а N.—за границу, въ Парижъ. Онъ вернулся съ очень страннымъ результатомъ, никого не нашелъ, а не вдолгъ и совсѣмъ переселился изъ Петербурга на югъ, гдѣ и понынѣ (1903 годъ, іюль) проживаетъ. Я его и въ Петербургѣ почти не видѣлъ, а послѣ переѣзда онъ у меня ни разу не былъ, хотя въ Петербургѣ наѣзжалъ.

Моя поѣздка въ Харьковъ (я ѣздилъ туда подъ предлогомъ устройства своихъ книгъ у харьковскихъ книгопродавцевъ) была добычливѣе. Вѣру я розыскалъ... Этотъ удивительный человекъ очень усталъ отъ своей бурной жизни, и въ ту минуту и отъ тяжелаго положенія скрывающагося, вѣчно съ оглядкой, вѣчно подъ страхомъ быть къмъ нибудь узнанной. Мы рѣшили такъ: партія, которая, повторяю, и безъ того была безсильна, общаетъ воздержаться отъ дѣйствій во время коронаціи, но мы съ своей стороны боялись въ виду этого безсилія, предъявить какія нибудь очень большія требованія, тѣмъ больше, что не были увѣрены, что насъ не надуютъ. Поэтому, не опредѣляя ближайшимъ образомъ тѣхъ реформъ, которыя должно произвести правительство послѣ коронаціи, мы потребовали въ видѣ задатка и въ удостовѣреніе добрыхъ намѣреній правительства исполненія къ 19 февраля двухъ пунктовъ: освобожденія Чернышевскаго и разслѣдованія безчинствъ, произведенныхъ не задолго передъ тѣмъ на

¹⁾ Нововинъ, убитый въ Архангельскѣ, Гольдштейнъ.

Ред.

²⁾ Докторъ Томашевскій.

Ред.

³⁾ С. Н. Кривенко.

Ред.

Карѣ. ¹⁾ Это были болѣе, чѣмъ скромныя требованія, но вѣдь все дѣло наше было, собственно говоря, безнадежно, много запрашивать не приходилось, при томъ же это былъ задатокъ...

Справедливость требуетъ сказать, что оба требованія были исполнены, но не 19 февраля, а гораздо позже: Чернышевскій былъ возвращенъ сначала въ Астрахань, а потомъ на родину въ Саратовъ, а для разслѣдованія Карійскаго дѣла былъ командированъ флигель-адъютантъ, помнится, Нордъ. На счетъ же либеральныхъ реформъ мы были обмануты. Кѣмъ—не знаю, такъ какъ весьма возможно, что N. передалъ Воронцову и Шувалову наши два пункта, какъ окончательные, исчерпывающіе всѣ наши желанія. По крайней мѣрѣ Шуваловъ говорилъ впослѣдствіи Т.: ²⁾ «что это, какія скромныя требованія поставили N. и Михайловскій?» Утѣшеніемъ можетъ развѣ послужить то, что все равно никакихъ реформъ, кромѣ попятныхъ, Россія при Александрѣ III не получила бы...

Вскорѣ послѣ этого я, будучи уже высланъ изъ Петербурга ³⁾ и проживая въ Выборгѣ, услышалъ объ арестѣ Вѣры. Я былъ необыкновенно встревоженъ этимъ извѣстіемъ. Въ Харьковѣ Вѣра была устроена какъ нельзя лучше и, казалось, могла тамъ прожить въ безопасности многіе годы. Я боялся, что именно я навелъ на ея слѣдъ полицію, такъ какъ я состоялъ подъ негласнымъ надзоромъ, а въ Харьковѣ ѣздилъ ⁴⁾ совершенно открыто, имѣя въ случаѣ надобности объясненіе въ необходимости сношеній съ тамошними книгопродавцами. Мои опасенія оказались напрасными: Вѣру выдалъ одинъ рабочій, указавъ ее полиціи на улицѣ. ⁵⁾ Однако, администрація что-то узнала, если не прямо о цѣли моей поѣздки, то о ея общемъ характерѣ. Губернаторомъ былъ тогда въ Харьковѣ Калачовъ, переведенный потомъ губернаторомъ же въ Кострому (теперь занимаетъ какой-то высокій постъ въ Петербургѣ). Однажды, онъ заговорилъ обо мнѣ съ моимъ зятемъ Мягковымъ, служившимъ въ костромскомъ губернскомъ правленіи и между прочимъ сказалъ: «Вы думаете, мы не знаемъ, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Харьковъ?» Но на этомъ разговорѣ и кончился, такъ какъ Мягковъ ничего о моей поѣздкѣ не зналъ. ⁶⁾

¹⁾ Въ маѣ 1882 г. было избіеніе каторжанъ послѣ побѣга Мышкина и др. изъ Карійской тюрьмы. *Ред.*

²⁾ Томашевскому.

³⁾ Въ декабрѣ 1882 г. за произнесеніе рѣчи на вечерѣ студентовъ Михайловскій и Шелгуновъ были высланы изъ Петербурга. *Ред.*

⁴⁾ Въ половинѣ октября 1882 г.

Ред.

⁵⁾ Фигнеръ была выдана не Меркуловымъ, а Дегасемъ.

Ред.

⁶⁾ Напоминъ читателю слѣд. мѣсто изъ статьи покойнаго А. А. Спандона „Страшница изъ воспоминаній“: когда въ 1882 году, сюда въ одесскую тюрьму, Спандонъ въпросилъ жандармскаго полковника Катанскаго разрѣшить ему нѣтъ въ камерѣ соч. Михайловскаго, то Катанскій отвѣтилъ: „Знаю! Михайловскій—тотъ самый, который пріѣзжалъ въ октябрѣ въ Харьковъ къ Фигнеръ“. (Гилое, 1906 г., май, стр. 23)

Ред.

Записка В. К. Плеве по университетскому вопросу.

Совершенно секретно.

Во исполнение ВЫСОЧАЙШИХЪ повелѣній, послѣдовавшихъ 25 мая и 3 июня сего 1881 года, объявленныхъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, образована подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Делянова особая комиссія, съ цѣлью выработать правила для усиленія надзора за учащейся молодежью. Въ засѣданіяхъ комисіи, состоявшихся 22, 27 и 30 того же іюня, приняли участіе представители министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, директоръ департамента государственной полиціи дѣйствительный статскій совѣтникъ Фонъ-Плеве и директоръ строительнаго училища дѣйствительный статскій совѣтникъ Бернгардтъ; народнаго просвѣщенія, попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитріевъ; военнаго, состоящій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, генераль - майоръ Лалаевъ; государственныхъ имуществъ, директоръ департамента [земледѣлія и сельской Промышленности тайный совѣтникъ Вешняковъ; путей сообщенія, инспекторъ института инженеровъ путей сообщенія дѣйствительный статскій совѣтникъ Коковцевъ 1-й; отъ вѣдѣства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, исправляющій должность директора московскаго техническаго училища, профессоръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Архиповъ.

Открывая засѣданія, статсъ-секретарь Деляновъ въ краткомъ историческомъ обзорѣ указалъ важнѣйшіе безпорядки, возникавшіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе и мѣры, принятія въ разное время правительствомъ для предотвращенія ихъ повтореній. Статсъ-секретарь Деляновъ не помнитъ никакихъ безпорядковъ политическаго свойства въ нашихъ университетахъ до 1856 года, никакихъ волненій, кромѣ случаевъ, незначительныхъ по числу участвовавшихъ и не имѣвшихъ связи между собою. Дозволеніе, данное студентамъ с.-петербургскаго университета, попечителемъ княземъ Щербатовымъ, устраивать сходки и собранія, первоначально съ цѣлью чисто литературной и для учебныхъ занятій вскорѣ возбудило подобныя же стремленія и въ другихъ университетахъ. Студенты на сборищахъ, имѣ разрѣшаемыхъ, постепенно стали переходить отъ литературныхъ занятій къ обсужденію своихъ правъ, своего общественнаго положенія, университетской организаціи, дѣйствій своего начальства и выражать въ шумныхъ демонстраціяхъ свое одобреніе или неодобреніе. Въ 1858 и 1859 г. г. волненія распространившіяся въ университетахъ, привлекли вниманіе правительства, вызвали распоряженія, клонившіяся къ пре-

дупрежденію безпорядковъ и послужили поводомъ къ пересмотру университетскаго устава; въ 1861 году волненія студентовъ приняли такіе размѣры, что вынудили временно закрыть С.-Петербургскій университетъ.

Введеніе новаго университетскаго устава въ 1863 г. не прекратило безпорядковъ. Статсъ-секретарь Деляновъ управлялъ въ то время с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ, въ званіи попечителя, и спокойствіе въ университетѣ приписываетъ преимущественно усердію и заботливости ректоровъ Ленца и Воскресенскаго; они не оставляли безъ вниманія никакого проявленія, даже косвенно клонившагося къ нарушенію порядка, и подавляли всякую попытку къ волненіямъ, посредствомъ заблаговременно принимаемыхъ мѣръ. Со смертію Ленца и оставленіемъ должности Воскресенскимъ, строй жизни университета значительно перемѣнился къ худшему.

Во время слѣдствія по покушенію Карказова на жизнь ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, графъ Муравьевъ усмотрѣлъ, что между участниками въ этомъ преступленіи и нѣкоторыми учащимися въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ существовала какая-то связь, вслѣдствіе сего по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію была составлена подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова особая коммиссія, которою выработаны дополнителныя правила по надзору за студентами, а также правила, клонившіяся къ уменьшенію числа постороннихъ слушателей въ университетахъ. Упомянутыя правила удостоились ВЫСОЧАЙШАГО утвержденія 26 мая 1867 года.

С.-Петербургскій университетъ праздновалъ 8 февраля 1869 г. день воспоминанія о полувѣковомъ своемъ существованіи; по этому случаю онъ былъ осыпанъ милостями и щедротами Монарха, повелѣвашаго въ самый день праздника учредить 100 стипендій Императорскаго Имени, по 300 рублей каждую, и пожаловалъ 20000 руб. для роздачи въ видѣ единовременныхъ пособій недостаточнымъ студентамъ; а въ мартѣ того же года возникли самыя безобразныя безпорядки какъ въ стѣнахъ университета, такъ и Медики-Хирургической академіи и въ Технологическомъ Институтѣ. Для предупрежденія таковыхъ на будущее время Государю Императору благоугодно было повелѣть составить новую, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Делянова, коммиссію, изъ представителей всѣхъ тѣхъ министерствъ, въ вѣдомствѣ коихъ имѣются сіи учебныя заведенія. Правила, составленныя этою коммиссіею, были рассмотрѣны въ особомъ Комитетѣ изъ министровъ: военнаго, государственныхъ имуществъ, финансовъ, народнаго просвѣщенія, путей сообщенія, шефа жандармовъ, и затѣмъ удостоены ВЫСОЧАЙШГО утвержденія 8 Іюля 1869 года, но и эта мѣра не имѣла никакого практическаго результата. Въ 1874-г. безпорядки возникли въ учебныхъ заведеніяхъ съ новою силою. Во исполненіе ВЫСОЧАЙШЕЙ воли было составлено подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, особое совѣщаніе нѣкоторыхъ Министровъ для обсужденія причинъ, вызывавшихъ безпорядки и мѣръ, необходимыхъ къ ихъ пресѣченію. Послѣдствіемъ совѣщанія было, между прочимъ ВЫСОЧАЙШЕЕ повелѣніе о пересмотрѣ общаго университетскаго устава 1863 года. Между тѣмъ, волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ усиливались и сдѣлались почти непрерывными. Они возбуждались иногда самыми несправедливыми неудовольствіями учащихся противъ кого-либо изъ профессоровъ, иногда же и большею частью, принимали характеръ политической. Какъ на примѣръ, предсѣдатель Коммиссіи указалъ на исторію съ преподавателемъ петербургскаго университета Шеберомъ, который, желая помочь студентамъ историко-филологическаго факультета въ изученіи латинскаго языка,

стать требовать отъ нихъ письменныхъ переводовъ съ латинскаго на русскій языкъ. Студенты, вмѣсто благодарности за такую о нихъ заботу, не стали ходить на лекціи г. Шебера и возобновили посѣщеніе лекцій только тогда, когда факультетъ, въ угоду студентамъ, отмѣнилъ требованіе означенныхъ переводовъ. Упомянуто было также о волненіи въ Новороссійскомъ университетѣ по поводу замѣчанія, сдѣланнаго профессоромъ Богишичемъ одному студенту за его дурное обхожденіе, волненіе, которое вслѣдствіе ненормальнаго состоянія университета и уступчивости власти, вызвало прекращеніе лекцій на нѣкоторое время. Безпорядки и волненія не прекращались и въ послѣдующіе года. По случаю репетицій, которыя хотѣлъ ввести одинъ изъ профессоровъ харьковскаго ветеринарнаго института, возникли въ 1878 г. неимоверныя буйства въ Институтѣ, онѣ перешли въ Харьковскій университетъ, а потомъ за стѣны университета и продолжались на улицѣ. Для усмиренія студентовъ, харьковское губернское начальство нашло себя вынужденнымъ употребить военную силу. Въ 1877 же году начались сходки студентовъ въ университетѣ Св. Владиміра, сходки собирались въ теченіе всей осени и зимы, до марта 1878 года. Принималъ ли совѣтъ университета какія-либо мѣры къ прекращенію волненій, ему, статсъ секретарю Делянову, неизвѣстно; но слѣдуетъ полагать, что не принималъ, такъ какъ принятіе заблаговременно какихъ-либо мѣръ избавило бы совѣтъ отъ необходимости исключать изъ университета разомъ слишкомъ 150 человекъ (въ мартѣ 1878 г.) Столь же прискорбныя происшествія повторились и въ Медико-Хирургической Академіи, студенты которой двинулись толпою по улицамъ столицы для подачи ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ своихъ петицій.

Пораженный тѣми безобразіями, которыя онъ видѣлъ на мѣстѣ, бывшій въ то время харьковскимъ губернаторомъ, генераль-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ, въ особомъ совѣщаніи министровъ, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію состоявшемся 17 и 19 Іюля 1879 года, подъ предсѣдательствомъ статсъ секретаря Валуева, усиленно настаивалъ на совершенномъ устраненіи въ университетахъ выборнаго начала при назначеніи ректоровъ инспекторовъ и субъ-инспекторовъ; на введеніи обязательной форменной одежды для студентовъ, на выдачѣ въ руки стипендіатамъ назначенныхъ имъ денежныхъ пособій и вообще на усиленіи правительственнаго надзора по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, на крайнемъ недостаткѣ въ ихъ организаціи дисциплины, надзора, отвѣтственности и правильнаго исполненія обязанностей лежащихъ на преподавателяхъ.

Вслѣдствіе требованій генераль-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, въ томъ же году, съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, особымъ положеніемъ Комитета Министровъ возложено было на министра народнаго просвѣщенія графа Толстого составить, по предварительному соглашенію съ мѣстными генераль-губернаторами, инструкцію для инспекціи и правила для студентовъ, не стѣсняясь постановленіями общаго устава университетовъ, изданнаго въ 1863 г. На всеподданнѣйшемъ докладѣ о введеніи составленныхъ новыхъ правилъ въ дѣйствіе въ БОЗѢ почившій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ изволилъ собственноручно не чертать: „надѣюсь, что новыя правила будутъ добросовѣстно исполняться и принесутъ ожидаемую пользу. Ливадія, 5 Ноября 1879 г.“

Къ сожалѣнію, продолжалъ предсѣдатель, правила 1879 г. не были приведены въ дѣйствіе съ надлежащею послѣдовательностью и энергіею. Наступила эра, такъ называемыхъ, новыхъ вѣяній, которую можно назвать эрою пошлаго либерализма и политической недобросовѣстности съ одной стороны, а съ дру-

гой, эрою правительственнаго легкомыслія, непроницательности и слѣпоты. Правила 1879 г. были, въ 1880 году и въ январѣ 1881 г., разными распоряженіями по Министерству Народнаго Просвѣщенія фактически отмѣнены. Вслѣдствіи сего и многихъ другихъ причинъ, безпорядки приняли въ Московскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ небывалые размѣры, учебное время превратилось въ неучебное, а при такомъ положеніи едва ли и экзамены могли совершаться въ надлежащемъ порядкѣ.

Изъ этого краткаго историческаго обзора жизни нашихъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній за 25 лѣтъ, въ которыхъ едва ли приведена и десятая доля совершившихся безобразій, статсъ-секретарь Деяновъ вывелъ прискорбное заключеніе, что упомянутыя учебныя заведенія находятся въ высшей степени ненормальномъ положеніи и что ихъ Совѣты и Конференціи, несмотря на то, что судьба студента, начиная отъ поступленія въ учебное заведеніе и до выхода изъ него, всецѣло зависить отъ этихъ ученыхъ коллегій, не сумѣли вкоренить во вѣрренныхъ имъ юношахъ убѣжденія, что учащіеся поступаютъ въ университеты и другія высшія спеціальныя заведенія единственно для ученія и что единственнымъ стремленіемъ студента должно быть преуспѣяніе въ наукахъ, при повиновеніи постановленіямъ подлежащей власти.

Въ настоящее время ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнымъ 26 мая 1881 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, возстановлено во всей силѣ дѣйствіе общаго университетскаго устава 1863 г. съ отмѣною всѣхъ отступленій отъ него, допущенныхъ въ 1879 году. Министръ Народнаго Просвѣщенія, имѣя въ виду, что съ тѣмъ вмѣстѣ возстановляется, въ каждомъ отдѣльномъ университетѣ, и дѣйствіе тѣхъ правилъ о студентахъ и порядкѣ въ университетахъ, которыя были составлены ихъ совѣтами, на основаніи § 42 устава, и дѣйствовали ранѣе 1879 года, но считая таковыя правила недостаточно обезпечивающими спокойствіе въ университетахъ и серьезность научныхъ занятій, циркуляромъ отъ 30 Мая сего же года за № 7765, черезъ Попечителей учебныхъ округовъ, предложилъ Совѣтамъ университетовъ приступить немедленно къ пересмотру, какъ правилъ о студентахъ и порядкѣ въ университетахъ, такъ и правилъ о взысканіяхъ за ихъ нарушеніе, также правилъ о назначеніи стипендій и объ экзаменахъ, обращая особенное вниманіе на способы удостовѣренія личности слушателей, на условія допущенія въ аудиторіи постороннихъ лицъ, на необходимость оградить университетъ отъ всякой попытки къ возбужденію волненій и отъ повторенія сборищъ, на установленіе, наконецъ, правильныхъ отношеній студентовъ къ инспекціи и ея чинамъ.

Признавая за симъ, что въ настоящее время, при разрѣшеніи предстоящей ей задачи, комиссіи необходимо держаться, на сколько окажется возможнымъ, на почвѣ университетскаго устава 1863 года, члены комиссіи приступили къ разсмотрѣнію всѣхъ вопросовъ, прямо или косвенно касающихся надзора за учащимися и мѣръ, могущихъ способствовать къ огражденію порядка и благочинія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

I. Объ инспекціи надъ учащимися.

На основаніи уставовъ различныхъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, директоры сихъ заведеній назнаются по выбору ихъ высшаго начальства, и вслѣдствіе того несутъ на себѣ полную отвѣтственность за порядокъ и спокойствіе въ учебномъ заведеніи; чины инспекціи подчинены непосредствен-

но директору, а въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ директору предоставлено право увольнять, по своему усмотрѣнію, виновныхъ изъ учебнаго заведенія. Въ университетахъ, ректоръ избирается совѣтомъ и является лицомъ отвѣтственнымъ не только передъ попечителемъ учебнаго округа, но и передъ совѣтомъ университета. Инспекторъ или проректоръ и ихъ помощники также избираются совѣтомъ и состоятъ въ прямой зависимости отъ ректора. Такая двойственность подчиненія крайне затрудняетъ распоряженія попечителя по дисциплинарной части, въ случаѣ какого либо несогласія, возникшаго между нимъ и ректоромъ или совѣтомъ. По точному смыслу § 29 университетскаго устава, попечитель принимаетъ всѣ мѣры, необходимыя, чтобы лица, принадлежащія къ университету, исполняли свои обязанности, и въ случаяхъ чрезвычайныхъ, уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью доводить о подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія министра. Въ виду исключительнаго, расшатаннаго положенія университетовъ, въ настоящее время, комиссія полагаетъ полезнымъ поставить попечителя въ ближайшія отношенія къ инспекціи, разъяснить точнѣе смыслъ вышеприведеннаго параграфа университетскаго устава и вслѣдствіе того, предоставить попечителю право, во всѣхъ случаяхъ, особенно важныхъ, когда распоряженія университетскаго совѣта и ректора, ему представляются недостаточно гарантирующими порядокъ: 1) требовать, чтобы университетская инспекція ежедневно ему доносила о состояніи университета; 2) давать ей по своему усмотрѣнію указанія и предписанія и 3) опредѣлять по собственному усмотрѣнію взысканія съ виновныхъ и наказанія, не исключая увольненія и удаленія студентовъ изъ университета, не стѣсняясь правилами, указанными въ уставѣ, относительно мѣры и порядка ихъ наложенія. Вслѣдъ за симъ, о подобныхъ случаяхъ попечитель доводитъ до свѣдѣнія министра.

То же право комиссія полагала бы распространить и на тѣхъ директоровъ высшихъ учебныхъ заведеній, которымъ это право еще не было предоставлено спеціальными уставами, изданными для завѣдываемыхъ ими заведеній.

II. О назначеніи стипендій.

На основаніи устава 1863 года, назначеніе стипендій студентамъ возложено на факультетскія собранія, которыя представляютъ свои опредѣленія по сему предмету на разсмотрѣніе и утвержденіе университетскаго совѣта (§ 23, Б. п. 9 и § 42, А. п. 2). Такой порядокъ, на практикѣ, поколебленъ въ томъ смыслѣ, что свѣдѣнія о недостаточныхъ студентахъ собираются черезъ нихъ же, что ведетъ къ сходкамъ, обсужденію дѣла между студентами и къ подачѣ мнѣній; а вожаки студенческихъ собраній, очень дорожатъ этимъ правомъ, голосованія, которымъ пользуются, чтобы укрѣпить свое вліяніе на товарищей, наиболѣе недостаточныхъ. Для противодѣйствія столь неправильному направленію дѣла, и признавая, что въ настоящее время зависимость назначенія стипендій отъ попечителя была бы несомнѣнно полезна, такъ какъ въ сущности на попечителѣ лежитъ главная отвѣтственность за порядокъ и благочиніе въ учебномъ округѣ и въ университетѣ, комиссія полагаетъ необходимымъ постановленія Совѣта о назначеніи стипендій студентамъ входить, во всѣхъ случаяхъ, на окончательное утвержденіе попечителя и то же правило распространяется на всѣ прочія высшія учебныя заведенія; что тамъ, гдѣ не существу

еть посредствующаго лица между директоромъ и министромъ, директоръ въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ совѣта или конференціи, представляетъ дѣло на усмотрѣніе того министра, въ вѣдѣніи котораго состоитъ учебное заведеніе.

III. Объ освобожденіи отъ платы за ученіе.

Въ настоящее время весьма значительно число освобождаемыхъ отъ платы, за немногими исключеніями, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, тогда какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ освобождается отъ платы не болѣе 10% общаго числа учениковъ. Принимая во вниманіе, что правительство не обязано давать дарственно желающимъ высшее образованіе, что неограниченное число освобождаемыхъ отъ платы составляетъ искусственное средство къ привлеченію въ высшія учебныя заведенія такихъ лицъ, которыя, не обладая часто особенными способностями и не будучи обеспечены въ средствахъ къ жизни, только удаляются изъ той среды, къ которой принадлежать, и гдѣ могли бы приносить относительную пользу; что, во всякомъ случаѣ, взимаемая плата далеко не покрываетъ всѣхъ издержекъ казны, падающихъ по расчисленію на каждого учащагося; что плата составляетъ спеціальныя средства каждаго учебнаго заведенія и чрезмѣрное число освобождаемыхъ отъ нея уменьшаетъ средства на улучшеніе организаціи учебнаго заведенія, а иногда и на крайне необходимыя расходы, комиссія пришла къ заключенію, что необходимо ограничить число освобождаемыхъ опредѣленною нормою, и полагаетъ: предоставить установленіе процента освобождаемыхъ каждому министру по принадлежности, сообразно съ мѣстными условіями подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній.

При этомъ комиссія считаетъ необходимымъ имѣть въ виду назначеніе меньшаго процента освобождаемыхъ для столичныхъ университетовъ и большаго для провинціальныхъ.

Въ число освобождаемыхъ отъ платы слѣдуетъ зачислять и дѣлаемыя разсрочки, равняющіяся освобожденію отъ платы.

IV. Объ установленіи комплекта или нормы по вмѣстительности аудиторіи.

Число учащихся, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ напримѣръ, въ С.-Петербургскомъ университетѣ, такъ велико, что существующія аудиторіи не могутъ вмѣстить всѣхъ обязанныхъ слушать профессора. Такое положеніе лишаетъ университетское начальство возможности слѣдить за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій каждымъ учащимся, условіе, которое и за-границею требуется, напримѣръ въ Германіи, для допущенія студента къ экзамену. Къ мѣрамъ, полезнымъ для противодѣйствія наплыву студентовъ, незанимающихся и только являющихся въ университетъ или другое учебное заведеніе для произведенія безпорядковъ, комиссія полагаетъ отнести слѣдующія распоряженія: возложить на совѣты и конференціи каждаго высшаго учебнаго заведенія опредѣленіе нормы числа слушателей, по каждому факультету и курсу или классу, соображаясь съ условіями преподаванія каждаго предмета, а также съ утвержденія соответствующаго высшаго начальства; при достиженіи опредѣленной нормы, прекращать приемъ слушателей или открывать параллельныя

курсы съ разрѣшенія того же начальства; въ комплектѣ слушателей и въ комплектѣ освобождаемыхъ отъ платы, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не установлено конкурса по повѣрочнымъ испытаніямъ, зачислять по достоинству представляемыхъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго учебнаго заведенія, а при равныхъ правахъ—по старшинству подаваемыхъ прошеній; но въ университетахъ отдавать предпочтеніе ученикамъ гимназій округа и того изъ сосѣднихъ округовъ, въ которыхъ нѣтъ университета; только при неимѣніи болѣе таковыхъ, допускать пріемъ въ студенты изъ другихъ учебныхъ округовъ.

V. О постороннихъ слушателяхъ.

Посторонніе слушатели, или неправильно такъ называемые вольнослушатели, составляютъ, по выраженію одного изъ членовъ комиссіи, истинную язву нашихъ университетовъ; за ихъ занятіями не установлено никакого надзора и въ ихъ числѣ обыкновенно проникаютъ въ университеты лица, имѣющія цѣлью безпорядки и политическую пропаганду. Опытномъ дознано, что многіе изъ нихъ, для пріобрѣтенія права на посѣщеніе лекцій фиктивно зачисляются на службу по разнымъ вѣдомствамъ или сверхъ-штатными учителями народныхъ школъ. При установленіи опредѣленной нормы слушателей, учебныя заведенія, какъ полагаютъ комиссія, обязаны за недостаткомъ вмѣстительности аудиторій, прежде всего устранять лицъ, не записанныхъ въ число студентовъ, какъ не имѣющихъ полнаго права, наравнѣ со студентами, посѣщать учебное заведеніе. Независимо отъ сего, комиссія признаетъ необходимымъ, въ видахъ огражденія учебныхъ заведеній отъ вредныхъ элементовъ, установить слѣдующія правила: въ качествѣ постороннихъ слушателей допускать въ университетъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и представившихъ свидѣтельство о благонадежности отъ своего непосредственнаго начальства, а также лицъ, хотя и не служащихъ, но представившихъ свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ какомъ-либо среднемъ учебномъ заведеніи и свидѣтельство полиціи о своей благонадежности. Въ этихъ двухъ категорій допускать постороннихъ слушателей въ исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оставить въ своей силѣ дѣйствующія нынѣ правила.

VI. О форменной одеждѣ для учащихся.

Предсѣдатель комиссіи, упомянувъ о побудительныхъ причинахъ, которыя были приняты во вниманіе при отмѣнѣ форменной одежды, изложилъ всѣ доводы, представленные членами комиссіи по пересмотру университетскаго устава, какъ въ пользу возвращенія мундира студентамъ, такъ и противъ введенія этой мѣры. Комиссія, нынѣ разсматривающая тотъ же вопросъ, по обсужденіи всѣхъ упомянутыхъ выше заявленій, пришла къ заключенію, что введеніе обязательной формы для студентовъ было бы весьма полезно преимущественно въ видахъ облегченія надзора за учащимися, при этомъ комиссія разсуждала, что въ случаѣ возстановленія форменной одежды для студентовъ университетовъ, было бы полезно имѣть въ виду прежнюю форму, освященную воспоминаніями и преданіемъ, но съ возстановленіемъ ея не допускать ни малѣйшаго отступленія отъ данной формы, ни тѣхъ безобразныхъ смѣшеній костюма,

которыя допускались въ концѣ пятидесятихъ годовъ при ея ношеніи. Опредѣленіе формы для учащихся въ другихъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ предоставить усмотрѣнію соотвѣтствующаго начальства.

VII. Обь особыхъ учрежденіяхъ, устраиваемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ читаленъ, столовыхъ и. т. п.

Руководствуясь примѣрами, указанными опытомъ, члены комиссіи пришли къ единогласному заключенію о безусловномъ вредѣ подобныхъ учреждений, противныхъ цѣли, духу и достоинству высшаго учебнаго заведенія. Для пользованія удешевленною пищею, студенты, съ разрѣшенія надлежащихъ властей, могутъ устраивать подобныя заведенія на общемъ основаніи, но внѣ стѣнъ учебнаго заведенія и подъ надзоромъ городской полиціи, или входитъ въ соглашенія съ содержателями ближайшихъ кофейныхъ и трактирныхъ заведеній. Исключенія изъ означеннаго общаго запрещенія слѣдуетъ допускать только въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя находятся за городомъ или въ которыхъ существуютъ интернаты, гдѣ особое устройство воспитательнаго института или дальнее разстояніе отъ города и другого жилья вынуждаютъ заботиться о пищѣ для учащихся; въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ устройство столовыхъ слѣдуетъ предоставить вполнѣ усмотрѣнію начальствующихъ въ учебномъ заведеніи. Общее запрещеніе конечно не можетъ касаться тѣхъ спеціальныхъ библиотекъ, которыя устраиваются при особыхъ аудиторіяхъ, кабинетахъ, музеяхъ, лабораторіяхъ, семинаріяхъ, аптекахъ, для справокъ и занятій чисто ученыхъ или учебныхъ, въ которыхъ не допускается журналовъ политическаго направленія или книгъ для легкаго чтенія и препровожденія времени. Съ этою же указанною цѣлью, слѣдуетъ сохранить во всей силѣ п. 4 Высочайшаго повелѣнія 26 мая 1867 г. а также п. 3 и 6 Высочайше одобренныхъ 8 іюля 1869 года „Главныхъ началъ дисциплинарныхъ правилъ“, которыми воспрещается устройство всякихъ сходокъ, концертовъ, чтеній, театральныхъ представленій, балонъ и другихъ публичныхъ собраній въ зданіяхъ учебныхъ заведеній.

VIII. О студенческихъ общежитіяхъ.

Комиссія, считая неумѣстными и несогласными съ характеромъ учебныхъ заведеній учрежденія, указаннаго въ предыдущемъ отдѣлѣ, напротивъ, признала весьма желательнымъ и полезнымъ, какъ для способствованія водворенія порядка въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и для удешевленія жизни учащими, устройствъ особыхъ общежитій внутри зданій учебныхъ заведеній или по смежности съ ними, но при условіяхъ, во 1-хъ соблюденія строгаго въ такихъ общежительныхъ домахъ дисциплинарнаго порядка и во 2-хъ, жительства и постоянного пребыванія кого либо изъ лицъ инспекторскаго надзора.

IX. Обь училиніи мѣръ взысканія за нарушеніе правилъ.

Признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, комиссія обратила вниманіе на опасность и вредъ прайднаго блужданія удаленныхъ и ихъ стараній возвратиться

въ стѣны учебнаго заведенія и высказала желанія, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности касательно лишенія наиболѣе виновныхъ тѣхъ льготъ, которыя имъ предоставлены, и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства; но, въ виду заявленія, сдѣланнаго однимъ изъ членовъ комиссіи, что этотъ вопросъ уже поставленъ на очередь обсужденія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, комиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго его разсмотрѣнія.

Х. Относительно надзора внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній.

Въ виду дѣйствующихъ узаконеній, по которымъ учащіеся внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній подчинены общей городской полиціи и не освобождены отъ повиновенія своему учебному начальству комиссія полагаетъ крайне необходимыми согласное дѣйствіе и взаимное содѣйствіе учебной инспекціи и полиціи городской а также всѣхъ вѣдомствъ и властей, отъ которыхъ зависятъ высшія учебныя заведенія. Объѣздъ и повѣрка квартиръ учащихся въ университетахъ и нѣкоторыхъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ, по значительной ихъ численности представляются невозможными; но признается обязательнымъ сообщеніе полиціею учебному начальству свѣдѣній о перемѣнахъ квартиръ студентовъ (особыми переходными листами, за которые не слѣдуетъ взимать лишней платы) о скрывшихся изъ квартиръ и вообще о всякомъ случаѣ и происшествіи со студентомъ.

ХІ. О высшихъ женскихъ курсахъ.

Комиссія, не имѣя въ виду подробныхъ свѣдѣній объ организаціи женскихъ высшихъ курсовъ, существующихъ въ столичныхъ и другихъ университетскихъ городахъ, не признала для себя возможнымъ предлагать какія либо въ отношеніи къ этимъ курсамъ мѣры. При этомъ она выразила однако же мнѣніе, что въ случаѣ, если высшая административная полицейская власть находитъ эти курсы безусловно вредными, то слѣдуетъ ихъ немедленно закрыть, или прекратить дальнѣйшій въ нихъ пріемъ слушательницъ. Буде же настоятельной надобности въ такой рѣшительной мѣрѣ не настоятъ, надлежало бы представить Министру Народнаго Просвѣщенія войти въ соображеніе какъ по предмету устройства этихъ курсовъ, такъ и по вопросу о болѣе бдительномъ за ними правительственномъ надзорѣ.

Въ заключеніе, Комиссія считаетъ долгомъ выразить убѣжденіе, что предполагаемыми мѣрами можетъ быть достигнута имѣющаяся въ виду цѣль лишь въ томъ случаѣ: 1) если всѣ начальства, въ вѣдомствѣ коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, будутъ другъ другу содѣйствовать, и не иначе принимать какія либо новыя мѣры, касающіяся дисциплины и порядка, какъ по соглашенію между собою; 2) если высшія административныя власти не будутъ, какъ, къ сожалѣнію, нерѣдко бывало до сего времени, въ угоду ложному либерализму и въ погоню за пошлымъ популярничаніемъ, или въ легкомысленной надеждѣ, посредствомъ потворства разнузданнымъ страстямъ, примирить непримиримыхъ, противодѣйствовать мѣстнымъ учебнымъ начальствамъ въ принятіи рѣшительныхъ и строгихъ мѣръ для подавленія беспорядковъ, при первомъ ихъ проявленіи.

На основаніи всего вышеизложеннаго Коммиссія полагаетъ:

1) Разъяснить § 26 п. 1 общаго устава университетовъ 1863 года въ томъ смыслѣ, что попечитель, во всѣхъ случаяхъ, когда распоряженіе совѣта и ректора ему представляются недостаточными для обезпеченія порядка, имѣетъ право: а) требовать, чтобы университетская инспекція ежедневно ему доносила о состояніи университета; б) давать ей по своему усмотрѣнію, указанія и предписанія и в) подвергать виновныхъ взысканіямъ и наказаніямъ, не исключая увольненія и исключенія студентовъ изъ университета и не стѣсняясь правилами, указанными въ уставѣ относительно мѣры и порядка ихъ наложенія.

То же право распространить на тѣхъ директоромъ высшихъ учебныхъ заведеній, которымъ оно не предоставлено спеціальными уставами сихъ заведеній.

2) Въ измѣненіе § 42 устава 1863 года постановить, что стипендіи студентамъ университетовъ могутъ быть назначаемы не иначе, какъ съ утвержденія попечителей учебныхъ округовъ.

Такой же порядокъ назначенія стипендій впредь соблюдать и въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но въ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ нѣтъ посредствующаго начальствующаго лица между директоромъ заведенія и Министромъ предоставить директору, въ случаѣ несогласія съ заключеніемъ совѣта или конференціи, представлять дѣло о назначеніи стипендіи на усмотрѣніе того министра, въ вѣдѣніи коего состоитъ учебное заведеніе.

3) Возложить на министровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, по принадлежности, установленіе на будущее время опредѣленнаго процента студентовъ, освобождаемыхъ отъ платы за ученіе. Процентъ освобождаемыхъ долженъ быть опредѣляемъ сообразно съ мѣстными условіями каждаго учебнаго заведенія; но для столичныхъ университетовъ въ меньшемъ размѣрѣ, а для провинціальныхъ—въ большемъ. Въ число освобождаемыхъ отъ платы зачислять и дѣлаемые разсрочки платежа.

4) Возложить на Совѣты или Конференціи каждаго высшаго учебнаго заведенія, въ томъ числѣ и на университетскіе Совѣты, опредѣленіе нормы слушателей по каждому факультету и курсу или классу, соображаясь съ вмѣстимостью помѣщеній, для нихъ назначенныхъ и съ условіями преподаванія каждаго предмета, съ тѣмъ, чтобы заключенія по этому предмету были представляемы на утвержденіе высшаго начальства

Учебнымъ заведеніямъ предоставляется ходатайствовать объ открытіи параллельныхъ курсовъ. Для зачисленія въ комплектъ слушателей, и по предыдущему пункту въ комплектъ освобождаемыхъ отъ платы въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ не установлено конкурса по повѣрочнымъ испытаніямъ, принимать въ соображеніе достоинство представляемыхъ аттестатовъ объ окончаніи курса средняго учебнаго заведенія, а при равныхъ — старшинство подачи прошеній. Въ университетахъ, зачислять въ комплектъ слушателей, прежде всего учениковъ гимназій округа и того изъ сосѣднихъ округовъ, въ которомъ нѣтъ университета. Только при неимѣніи болѣе таковыхъ, допускать пріемъ въ студенты изъ другихъ учебныхъ округовъ.

5) Въ посторонніе слушатели университетовъ, безъ зачисленія въ студенты, тамъ гдѣ дозволить вмѣстительность аудиторіи, допускать: а) лицъ состоявшихъ на государственной службѣ и представившихъ свидѣтельство о благонадежности отъ своего непосредственнаго начальства; и б) лицъ неслужащихъ, которыя представляютъ свидѣтельство о полномъ окончаніи курса въ ка-

комъ либо среднемъ учебномъ заведеніи и свидѣтельство полиціи о благонадежности; въ этихъ двухъ категоріяхъ допускать постороннихъ слушателей лишь въ исключительныхъ случаяхъ и только съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа. Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ оставить въ своей силѣ дѣйствующія нынѣ по этому предмету правила.

6) Ввести форменную одежду для студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. строго воспретивъ подъ опасеніемъ взысканій, которыя въ каждомъ заведеніи будутъ установлены, всякое отступленіе отъ утвержденной формы и правилъ ея ношенія.

7) Въ зданіяхъ, дворахъ и садахъ высшихъ учебныхъ заведеній безусловно воспретить устройство читаленъ, столовыхъ, кухмистерскихъ, различныхъ сборищъ и сходокъ, а также театральныхъ представленій, концертовъ, баловъ и другихъ подобныхъ публичныхъ собраній, не имѣющихъ научнаго характера. Въ видѣ исключенія допускать, по усмотрѣнію учебнаго начальства, устройство столовыхъ, или приглашеніе постороннихъ торговцевъ для продовольствія студентовъ, въ тѣхъ только учебныхъ заведеніяхъ, которыя находятся въ чертѣ города и въ дальнемъ разстояніи отъ прочаго жилья, какъ напримѣръ, С.-Петербургская Лѣсная академія, или въ такихъ заведеніяхъ, гдѣ устроены интернаты.

Запрещеніе имѣть читальни не распространяется на спеціальныя бібліотеки, устроенныя при отдѣльныхъ аудиторіяхъ, кабинетахъ, музеяхъ, семинаріяхъ, лабораторіяхъ, аптекахъ, обсерваторіяхъ, для справокъ и занятій чисто ученыхъ или учебныхъ.

8) Допускать устройство, гдѣ окажется возможнымъ, съ помощью частныхъ пожертвованій и на экономическія суммы, общежитій для студентовъ; эти общежитія должны состоять подъ бдительнымъ надзоромъ инспекціи и руководствоваться правилами, утвержденными министрами по принадлежности.

9) Выѣздить въ обязанность городской полиціи: а) сообщать начальству учебныхъ заведеній о перемѣнахъ мѣста жительства студентовъ, особыми переходными листками безъ взиманія за нихъ какой либо платы и б) сообщать тому же учебному начальству о студентахъ, скрывшихся изъ квартиръ, и вообще о всякомъ случаѣ и происшествіи со студентомъ при чемъ учебнаго начальства обязываются также сообщать полиціи свѣдѣнія о всѣхъ уволенныхъ изъ учебнаго заведенія, по какой бы то ни было причинѣ.

10) Оставить въ своей силѣ всѣ дѣйствующія правила объ учащихъ (студентахъ и постороннихъ слушателяхъ) не отѣненныя или не измѣненныя вышеизложенными.

11) Подтвердить всѣмъ вѣдомствамъ, въ управленіи коихъ состоятъ учебныя заведенія, чтобы они не вводили какихъ либо новыхъ мѣръ, могущихъ ослабить дисциплину заведеній, безъ согласенія между собою. Подтвердить также надлежащимъ административнымъ начальствамъ, чтобы они по требованію мѣстныхъ учебныхъ начальствъ, содѣйствовали имъ въ поддержаніи порядка въ учебныхъ заведеніяхъ всѣми зависящими способами.

12) Предоставить министру народнаго просвѣщенія войти въ ближайшія соображенія какъ по предмету устройства женскихъ курсовъ, такъ и по вопросу о болѣе бдительномъ за ними надзорѣ.

13) Предположенія комиссіи сообщить на заключеніе г. г. министровъ имѣющихъ въ своемъ завѣдываніи учебныя заведенія, по принадлежности. Подлинное за скрѣпою и надлежащимъ подписямъ.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.

Продолженіе¹⁾.

Управляя м-вомъ вн. дѣлъ всего въ теченіе 9-ти мѣсяцевъ, Плеве сумѣлъ возбудить противъ правительства буквально всѣ слои русскаго и инородческаго населенія. Къ концу 1902 года у правительства, кромѣ сферъ полицейскихъ, не было, собственно говоря, никакихъ уже не только преданныхъ сторонниковъ, а даже пассивныхъ, но вѣрныхъ сотрудниковъ. Среди чиновничества, напр., недовольство развито было въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, чѣмъ и объяснялась массовая присылка въ «Освобожденіе» различныхъ «секретныхъ» правительственныхъ распоряженій. Точно также глухой протестъ слышался и среди арміи, и среди духовенства²⁾.

Вслѣдствіе этого земское движеніе пріобрѣтало все большую и большую популярность. Оно на глазахъ дѣлалось центромъ національнаго открытаго пробужденія³⁾. Помимо русскихъ, къ земскому

¹⁾ См. апрѣль, май, іюнь, іюль и августъ „Бюло“ за 1907 годъ.

²⁾ Плеве, впрочемъ, и самъ рассчитывалъ только на полицію. Въ разговорѣ съ Гастомомъ Леру, сотрудникомъ парижской газеты „*Matin*“, онъ, между прочимъ, высказывалъ такіе взгляды: „да, я думаю, что нашей безопасности постоянно угрожаютъ, но никто не охраняетъ такъ хорошо, какъ министра внутреннихъ дѣлъ“. Далѣе онъ говорилъ: „что касается покушеній, то, быть можетъ, они будутъ происходить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, позже, я увѣренъ, они станутъ гораздо рѣже“. Потомъ, развивая свою мысль, Плеве сказалъ: „Видите-ли, сударь, революціонная партія сильна только слабостью полиціи. Черезъ два мѣсяца полиція станетъ сильна.. Пржежій начальникъ полиціи не зналъ своего дѣла. Онъ былъ слишкомъ слабъ и я его замѣнилъ; а шлѣя абсолютную увѣренность, что новый начальникъ полиціи превосходно выполнитъ свое дѣло. Я самъ былъ никогда призванъ руководить полиціей въ обстоятельствахъ, нѣсколько похожихъ на современныхъ. Мнѣ достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобъ открыть ключъ всей революціи“. Такимъ образомъ, Плеве считалъ необходимымъ только усовершенствовать полицію, — вмѣсто Зволнскаго назначить директоромъ департамента полиціи Лопухина — и дѣло въ шляпѣ. Онъ даже не допускалъ мысли, что съ 1881 года, когда Плеве былъ назначенъ директоромъ департамента полиціи, произошли какія либо измѣненія въ жизни Россіи. Черезъ 21 годъ, въ 1902 г. онъ считалъ условія жизни похожими на таковыя въ 1881 году! Но, какъ увидимъ ниже, черезъ два года, въ 1904 г. Плеве былъ убитъ при „усовершенствованной полиціи“.

³⁾ Скажемъ къ слову, что въ Москвѣ въ 1902 г. было учреждено организационное бюро земскихъ сѣздовъ.

движенію начинаютъ присоединяться поляки, финляндцы, кавказцы, евреи и т. д.

Правительственная дѣятельность въ 1903 году не только не способствовала пониженію этого движенія, но, наоборотъ, углубляла и расширяла его, такъ что уже въ самомъ началѣ 1903 года «Освобожденіе» начало указывать на необходимость земцамъ объединиться въ демократическую партію.

Постараемся однако изложить событія 1903 года въ послѣдовательномъ по возможности порядкѣ.

Однимъ изъ крупныхъ явленій въ сферѣ земскаго движенія въ самомъ началѣ 1903 года былъ съездъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительскаго званія. Этимъ обществамъ сильно покровительствовали земства, субсидировали ихъ, и они организовались во многихъ губерніяхъ. Правительство весьма подозрительно относилось къ обществамъ съ самаго начала ихъ возникновенія, а потому съ большимъ трудомъ удалось выхлопотать разрѣшеніе на съездъ въ Москвѣ делегатовъ Обществъ. Съездъ начался съ 28 декабря 1902 года, но главная дѣятельность его и постановленія осуществились въ 1903 году, такъ какъ съездъ продолжался до 6 января названнаго года. Въ сущности этотъ съездъ слѣдовало бы назвать съездомъ «второго» и «третьяго» земскихъ элементовъ, потому что въ немъ, помимо учителей, участвовали и выборные земцы, близкая къ земству интеллигенція разныхъ земскихъ профессій. Программа съезда была сильно сужена, а дѣятельность всецѣло подчинена попечителю Московскаго учебнаго округа, утвержденію котораго подлежали избранные съездомъ должностныя лица. Предсѣдателю съезда вмѣнено было въ обязанность останавливать ораторовъ и лишать ихъ права голоса, если того требовали наблюдатели, входившіе въ составъ распорядительнаго комитета, какъ непремѣнные члены и т. д. Тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа Некрасовъ при посредствѣ наблюдателей неукоснительно использовалъ всѣ свои неограниченныя права, въ смыслѣ возможнаго суженія дѣятельности съезда. Такъ, между прочимъ, не были допущены къ заслушанію доклады извѣстнаго земскаго дѣятеля А. А. Стаховича, екатеринославскихъ еврейскихъ учительскихъ обществъ о предоставленіи евреямъ учителямъ права жительства во всей имперіи и др. Затѣмъ, по настоянію главнаго наблюдателя, директора народныхъ училищъ В. С. Новицкаго, не разрѣшено для напечатанія въ «Дневникѣ» съезда доклада юридической комиссіи о правовомъ положеніи учителей (его напечатали потомъ въ «Правдѣ»). Однако, не взирая на всѣ репрессіи, съезду удалось коснуться такихъ вопросовъ, какъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, введеніе земскихъ учрежденій въ неземскихъ губерніяхъ, мелкой земской единицы, развитіи общественной самостоятельности. Въ общемъ красною нитью на съездѣ проходило полное недоувѣріе къ правительству и надежды лишь на широкое народное самоуправленіе. Хорошо при этомъ выяснилась личность земскаго народнаго учителя. Это были сознательные граждане и стойкіе защитники земскаго начала въ общественной жизни. «Не былъ и не будетъ чиновникомъ русскій народный учитель,—говорила одна учитель-

ница: я увѣрена, что правамъ государственной службы онъ предпочтетъ право, хотя бы голодной, но свободной профессіи».

Въ концѣ концовъ сѣздъ представителей обществъ вспомошествованія лицамъ учительскаго званія утвердилъ слѣдующія предложенія избранной имъ комиссіи.

1) Признать желательнымъ, чтобы за инспекціей было оставлено право руководить исключительно учебной стороной школьнаго дѣла, полицейскія же функціи надзора за политической и нравственной благонадежностью педагогическаго персонала должны быть сняты какъ съ инспекціи, такъ и съ училищныхъ совѣтовъ; 2) признать желательнымъ, чтобы издаваемые министерствомъ и попечителями циркуляры были въ полномъ соотвѣтствіи съ существующими узаконеніями; 3) чтобы указаніе на политическую и нравственную неблагонадежность учителей подвергалось строгой коллегіальной провѣркѣ, съ предоставленіемъ учителямъ возможности представлять объясненія; 4) чтобы инспекція, руководя учебными дѣлами, давала учителю лишь совѣты и указанія, вліяя только своимъ нравственнымъ авторитетомъ, а не приказаніями властнаго лица; 5) чтобы контроль за преподаваніемъ былъ организованъ самими учащими, для чего необходимо повсемѣстное учрежденіе при земскихъ управахъ комиссій по народному образованію, на основаніи 105 статьи положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, съ участіемъ въ нихъ представителей отъ учителей; 6) признать безусловно необходимымъ исполненіе инспекціей 15-й статьи положеніе 1874 г. о начальныхъ училищахъ; 7) необходимо предоставить учащимъ право пользоваться отпусками въ учебное время съ сохраненіемъ содержанія безъ дозволенія инспекціи и лишь съ разрѣшенія учредителей школы; 8) отчеты директоровъ и инспекторовъ о состояніи обозрѣваемыхъ ими школъ и другія свѣдѣнія, представляемая въ учебный округъ, должны быть предварительно сообщаемы губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ и земскимъ учрежденіямъ; 9) желательно, чтобы инспекція народныхъ училищ направляла свои распоряженія въ школы черезъ земскія управы, которыя, такимъ образомъ, служили бы посредникомъ между инспекціей и учителями; 10) желательно, чтобы приглашеніе, допущеніе и утвержденіе учителей сосредоточивалось въ земской комиссіи по народному образованію; 11) впредь до осуществленія этого порядка, желательно, чтобы инспекція руководилась лишь свѣдѣніями, подлежащими оглашенію и провѣркѣ; 12) желательно, чтобы увольненіе учителей производилось лишь по суду; 13) при существующихъ же условіяхъ желательно, чтобы на засѣданія училищнаго совѣта обязательно приглашались для защиты и объясненія сами учителя; 14) желательно, чтобы при увольненіи не служило достаточнымъ основаніемъ заявленіе священника, благочиннаго, а также и попечителей о недостаточно усердномъ исполненіи учителями своихъ религіозныхъ обязанностей; 15) желательно, чтобы при увольненіи обвиненіе учителей въ политической неблагонадежности являлись достаточно обоснованными подлежащимъ вѣдомствомъ; 16) желательно, чтобы въ составъ учительскаго совѣта входили исключительно лица, выбранныя отъ земства и достаточно компетентныя въ педагогическомъ дѣлѣ; 17) желательно, чтобы

засѣданія учительскаго совѣта происходили подъ предсѣдательствомъ избраннаго самимъ совѣтомъ лица; 18) желательно, чтобы экзамены производились лишь школьнымъ совѣтомъ даннаго училища съ участіемъ, въ случаѣ надобности, преподавателей сосѣднихъ школъ; 19) желательно учрежденіе коллегіальныхъ школьныхъ попечительствъ (впредь до учрежденія мелкой земской единицы для завѣдыванія хозяйственной стороною школьнаго дѣла; 20) желательно устранить попечителя отъ надзора за учителями въ политическомъ нравственномъ и религіозномъ отношеніяхъ; 21) желательно, чтобы жалованье учителей и обезпеченіе школъ въ хозяйственномъ отношеніи производились черезъ земскія управы; 22) желательно освобожденіе учителей отъ всякой зависимости отъ мѣстныхъ сельскихъ властей; 23) желательно, чтобы законоучителя были избавлены отъ надзора за нравственнымъ и религіознымъ поведеніемъ учащихся и несли лишь обязанности законоучителей въ своихъ школахъ; 24) желательно освобожденіе школъ отъ вліянія земскихъ начальниковъ; 25) безусловно необходимо изыятіе учителей отъ дѣйствія 61 статьи положенія о земскихъ начальникахъ; 26) комиссія признаетъ безусловно необходимымъ въ интересахъ школьнаго дѣла и изыятіе отъ тѣлеснаго наказанія всего населенія; 27) комиссія считаетъ желательнымъ учрежденіе юридическихъ бюро при школьныхъ комиссіяхъ по вопросамъ народнаго образованія; 28) комиссія признаетъ, желательнымъ, чтобы при переходѣ изъ одной губерніи въ другую предыдущая служба учащихся давала право на пенсію и чтобы полная пенсія выдавалась учителямъ за 20 лѣтъ; 29) желательно передать дѣло начального народнаго образованія всецѣло въ руки земскихъ и городскихъ учреждений, съ устраненіемъ возможности административнаго вмѣшательства; 30) желательно, чтобы выборные отъ корпораціи учителей имѣли право голоса въ земскомъ собраніи по дѣламъ народнаго образованія; 31) желательно руководство по спеціально учебной части предоставить выборнымъ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ инспекторамъ, которые должны состоять непремѣнными членами въ школьныхъ комиссіяхъ при управахъ; 32) желательно учрежденіе постоянныхъ бюро при учительскихъ обществахъ для всесторонняго выясненія вопроса о правовомъ положеніи учителей; такое бюро могло бы служить средоточіемъ всѣхъ матеріаловъ, полученныхъ обществами по данному вопросу.

Изъ этихъ постановленій, указывающихъ на ненормальность условій въ народной школѣ, трудно уловить что-либо даже намекающее на революцію. Но правительство относилось къ сѣзду учителей иначе. Слѣдствіемъ его были громаднѣйшіе аресты и обыски, произведенные тотчасъ, когда учителя и учительницы прибыли изъ Москвы въ мѣста ихъ служенія. Аресты между прочимъ, имѣли мѣсто: въ Козловскомъ у. Тамбовской губерніи (Кошаровъ и Солопановъ), въ Фатежскомъ и Щигровскомъ у. Курской губерніи (Акрамовскій и Масленниковъ), въ Ярославской губ. (Воронцова), въ Пермской (Ягодниковъ и Черепановъ), въ Донской Области (Чайченко и Коваленко), въ Бессарабской (Баневуръ), въ Саратовской (Куржаевъ и Тарасовъ), въ Херсонской (Перлинь) и во многихъ другихъ губерніяхъ. Кромѣ того, производились

массовые обыски и отдача учителей подъ надзоръ полиціи. Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, 35 учителей отданы были подъ надзоръ полиціи.

Чего же добилась администрація такими нелѣпыми вѣрами по отношенію учителей? Она, какъ увидимъ, не только сплочала ихъ съ земствомъ, но значительную часть превратила въ революціонеровъ.

Съ такимъ же успѣхомъ работало правительство и въ другихъ сферахъ.

Такъ, 3-го января 1903 года предполагалось чествованіе двухсотлѣтія печати, и еще въ ноябрѣ 1902 г. образовался съ этой цѣлью въ С.-Петербургѣ комитетъ. По этому поводу Плеве вызывалъ къ себѣ «побесѣдовать» Н. К. Михайловскаго. Онъ встрѣтилъ его сначала очень любезно, какъ знакомый, сказалъ, что отцы ихъ были знакомы, что они «земляки» и т. п., но затѣмъ заявилъ, что онъ не доволенъ «самочиннымъ устройствомъ комитета для ознаменованія юбилея печати» и что онъ, министръ, вынужденъ предупредить Н. К., и черезъ него и другихъ членовъ комитета, что онъ, Плеве, «не потерпитъ никакихъ демонстрацій въ пользу свободы печати». Даже петиція въ этомъ смыслѣ будетъ сочтена за «дѣйствіе скопомъ», за недозволенную манифестацію. Плеве прямо угрожалъ на случай неповиновенія: «прежде литераторовъ высылали, а теперь будутъ ссы- лать». По тому же поводу Лопухинъ (директоръ департамента полиціи) вызывалъ къ себѣ Н. А. Рубакина, Г. А. Фальборка и В. И. Чернолусскаго и повторилъ въ еще болѣе рѣзкой формѣ то, что было сказано Плеве Михайловскому, съ тѣмъ, чтобы эти лица «повліяли» на товарищей по комитету, и объявили имъ о предостереженіи Лопухина, что въ случаѣ неповиновенія будутъ репрессіи. На это Рубакинъ, Фальборкъ и Чернолусскій отвѣтили, что могутъ частнымъ образомъ передать о слышанномъ отъ Лопухина, но дѣлать это, такъ сказать, официально, въ качествѣ какихъ-то уполномоченныхъ Лопухина, не считаютъ для себя удобнымъ. 24-го, 25-го и 26-го и въ слѣдующіе дни полицейскіе пристава объѣзжали всѣхъ членовъ юбилейнаго комитета по устройству празднованія юбилея печати и отбирали под- писки, что они не будутъ совмѣстно обѣдать 3-го января! ¹⁾

Конечно, писатели вслѣдствіе такихъ дѣяній Плеве не могли сдѣлаться благонадежныѣ, и мы увидимъ, что министру внутреннихъ дѣлъ пришлось еще и еще «говорить» съ представителями прессы, угрожая различными репрессіями.

Въ началѣ же 1903 года правительствомъ не удовлетворены были и мирнѣйшіе пожеланія рабочихъ. 2-го февраля къ министру финансовъ Витте явились рабочіе нѣкоторыхъ промышленныхъ заведеній Петербурга и просили о разрѣшеніи выбирать изъ своей среды уполномо- ченныхъ для упорядоченія отношеній съ работодателями. Министръ заявилъ на это, что рабочіе должны спокойно ждать окончанія пред-

---

¹⁾ А 19 января курское общество содѣйствія начальному народному образованію, собравшись, по случаю 200-лѣтія печати, въ экстренное собраніе, на которомъ присутствовало до 300 лицъ, постановило о необходимости водворенія въ Россіи полной свободы печати и закрытой баллотировкой единогласно избрало почетнымъ членомъ оного кн. П. Д. Долгорукова.

принятыхъ въ этомъ направленіи министерствомъ финансовъ, по приглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, работъ и «довѣрять правительству».

Черезъ 24 дня послѣ этого заявленія Витте стало извѣстнымъ, въ какомъ духѣ правительство рѣшило «реформировать» Россію.

26-го февраля 1903 года былъ опубликованъ манифестъ, въ значительной степени повторившій то, что 22 года тому назадъ, въ 1881 г. говорилось въ манифестѣ при вступленіи на престолъ Александра III-го. Правительство оповѣщало, что оно приступаетъ къ «продолженію» тѣхъ «реформъ», которыя предприняты были, но не закончены, въ царствованіе Александра III-го, вслѣдствіе смерти императора, а послѣ того мѣшала «смута, посѣянная отчасти замыслами, враждебными государственному порядку, отчасти увлеченіемъ началами, чуждыми русской жизни». «Смута эта, волнуя умы, отвлекаетъ ихъ отъ производительнаго труда и нерѣдко приводитъ къ гибели молодой силы, дорогія нашему сердцу и необходимыя ихъ семьямъ и родинѣ». Послѣ такого объясненія причины медлительности въ работахъ слѣдовала правительственная программа. «Требуя, — говорилось въ этой программѣ, — отъ всѣхъ исполнителей Нашей воли, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, твердаго противодѣйствія всякому нарушенію правильнаго теченія народной жизни и уповая на честное исполненіе всѣми и каждымъ ихъ служебнаго и общественнаго долга, Мы, съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо: укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкосновенными, завѣтовъ вѣротерпимости, «начертанныхъ въ основныхъ законахъ»... Продолжить мѣропріятія по улучшенію быта православнаго духовенства, «усугубляя плодотворное участіе священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы»... Далѣе рѣчь шла о дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ, о пересмотрѣ законодательства о сельскомъ состояніи, объ отмѣнѣ круговой поруки, о преобразованіи губернскаго и уѣздныхъ управленій, «руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ нами отвѣтственной», о «сближеніи общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представляется возможнымъ». Заканчивался манифестъ такъ: «призывая всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Намъ къ утверженію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнью Самодержавной власти, только и могутъ развиваться народное состояніе и увѣренность каждаго въ прочности его права, Мы повелѣваемъ нашимъ министрамъ и главноуправляющимъ частямъ, къ вѣдомству коихъ сіе относится, представить намъ соображенія о порядкѣ исполненія предначертаній нашихъ».

На другой же день послѣ опубликованія этого манифеста не оставалось уже никакого сомнѣнія въ усиленіи владычества бюрократіи, рѣшившей единолично «реформированіе» Россіи.

27 февраля, подъ предсѣдательствомъ Плеве, начались засѣданія по преобразованію губернскаго управленія. Въ составъ этого засѣданія, словно бы въ насмѣшку надъ обществомъ, вошли наиболѣе извѣ-

стные представители абсолютизма и враги общественного самоуправления. Въ немъ, между прочимъ, участвовали: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, генераль-лейтенантъ Фонъ-Валь, тайный совѣтникъ Зиновьевъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ гофмейстеръ Штюрмеръ, харьковскій губернаторъ шталмейстеръ кн. Оболенскій, могилевскій—Клингенбергъ и др. А среди лицъ, завѣдывавшихъ дѣлопроизводствомъ, мы встрѣчаемъ такихъ «извѣстныхъ» дѣятелей, какъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, бывшій курскій вице-губернаторъ, Фонъ-Бюнтингъ и с.-петербургскій градоначальникъ въ званіи камергера Фришъ.

Земская оппозиція, уже въ значительной мѣрѣ объединенная, конечно, не могла не воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побудить земскія собранія выступить съ протестомъ противъ реакціонныхъ намѣреній правительства.

Очень скоро послѣ опубликованія манифеста 26 февраля явился поводъ къ объединенію земскихъ дѣятелей различныхъ направленій и собраній, и земская оппозиція не преминула использовать это обстоятельство.

Въ мартѣ 1903 г. Плеве созвалъ три комиссіи «съ участіемъ земскихъ людей», а именно: по продовольственному вопросу, по вопросу объ оскудѣніи центра и по крестьянскому вопросу. Ни по своему составу, ни по характеру комиссіи эти рѣшительно ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ многочисленныхъ, совершенно безплодныхъ и абсолютно безправныхъ «совѣщаній со свѣдующими людьми», которыя практиковали еще въ царствованіи Александра III-го и продолжались въ новомъ царствованіи. Эти комиссіи не имѣли ничего общаго даже съ тѣмъ «совѣщаніемъ изъ всѣхъ предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ», собранъ которыя «лѣтомъ 1902 года» Плеве общалъ Д. Н. Шипову, но не исполнилъ.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ 1903 года Плеве созвалъ, «совѣщаніе» «съ участіемъ земскихъ дѣятелей» по страховому вопросу¹⁾. Вотъ это послѣднее обстоятельство послужило поводомъ для устройства въ Петербургѣ «бесѣды земскихъ людей» въ виду ожидавшагося приѣма министромъ внутреннихъ дѣлъ, предсѣдателей и членовъ губернскихъ управъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи при страховомъ отдѣленіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Было признано полезнымъ обсудить вопросы, возбужденія которыхъ можно было ожидать со стороны министра или со стороны земскихъ представителей. Предсѣдателемъ «бесѣды» избранъ былъ князь Д. И. Шаховской. По предложенію Д. Н. Шипова, въ первомъ засѣданіи, 24 апрѣля, предсѣдатель курской гу-

¹⁾ Въ февралѣ 1903 года тверское губернское земство самостоятельно задумало обмѣняться съ другими земствами взглядами по страховому дѣлу. На устный завѣръ тверской губернаторъ далъ на это словесное согласіе. Тогда тверская управа, возманившись на слова губернатора, снеслась съ другими губернскими земствами, и 20-го изъ нихъ изъявили согласіе участвовать въ страховомъ съѣздѣ, назначенномъ на 16 марта, о чемъ опять-таки еще 1 марта управа уведомила губернатора. Но, увы, наступило 16 марта, съѣхались земцы, а разрѣшенія нѣтъ. Этого мало—когда уже всѣ съѣхались, получилась бумага, что съѣздъ воспрещается!.. Поѣхалъ тогда предсѣдатель управы въ Плеве въ Петербургъ. Тотъ съѣзда не разрѣшилъ. Пришлось земцамъ ограничиться объѣдомъ, за который и дана была надлежащая оцѣнка управительственнымъ репрессіямъ.

бернской земской управы, Н. В. Раевскій, передалъ содержаніе «частныхъ бесѣдъ» Плеве съ земцами, и предводителями дворянства, приглашенными министерствомъ на совѣщаніе по продовольственному вопросу въ мартѣ 1903 года. Въ этихъ бесѣдахъ,—какъ передавалъ Н. В. Раевскій,—шла рѣчь о промысловомъ налогѣ, о фиксаціи земскаго обложенія, о земскомъ представительствѣ, о народномъ образованіи, о крамолѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, о третьемъ элементѣ, о недѣлимости дворянскихъ земельныхъ участковъ въ цѣляхъ сохраненія помѣстнаго дворянства и о крестьянскомъ банкѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, «руководившій преніями» на этихъ бесѣдахъ, не стѣснялся въ выраженіи своихъ взглядовъ. Такъ, по вопросу о фиксаціи земскаго обложенія, считая ее «несовершенною и несправедливою» Плеве высказался за сохраненіе этого закона, «потому что не видить, чѣмъ бы онъ могъ быть замѣненъ въ цѣляхъ нѣкотораго контроля надъ величиною земскихъ смѣтъ». Точно также министръ внутреннихъ дѣлъ отстаивалъ необходимость контроля надъ земскими учрежденіями со стороны губернскихъ присутствій, находя, что «хотя мѣстные люди вошли въ составъ губернскихъ присутствій и въ меньшемъ числѣ, чѣмъ администрація, тѣмъ не менѣе они имѣютъ возможность «убѣждать» въ правильности своихъ взглядовъ и тѣмъ «влиять» на его рѣшеніе. Относительно начальной народной школы министръ внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что «до московскаго сѣзда учителей», о которомъ мы выше говорили,—онъ, Плеве, «былъ убѣжденъ, что это дѣло обстоитъ благополучно, но послѣ этого сѣзда увидѣлъ, что учительскій персоналъ вредно вліяетъ на народъ». Когда г. Раевскій поднялъ вопросъ о недовѣрїи правительства къ мѣстнымъ силамъ, выражающемся въ неутвержденіи выборныхъ собраніями лицъ, безъ указанія причинъ, Плеве замѣтилъ: «что-же, по вашему, утверждать и тѣхъ, у кого тайныя типографіи»? Во время прощальнаго представленія министру всѣхъ участниковъ бесѣды онъ отрицательно отнесся къ сѣздамъ земцевъ, находя, что «общенія ихъ между собою въ Петербургѣ въ родѣ только что состоявшагося (т. е. совѣщанія по страхованію)—вполнѣ достаточно». Далѣе Плеве указалъ на намѣреніе «свое» «преобразовать хозяйственный департаментъ министерства и организовать особый совѣтъ, куда періодически сѣзжались бы предсѣдатели управъ». Наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣтилъ, что «съ высоты Престола объявлено благорасположеніе Государя къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ и что онъ, министръ, надѣется, если не во всемъ сойтись во взглядахъ съ земцами, то, по крайней мѣрѣ, не разойтись во многомъ».

Нужно-ли говорить, что такого рода «бесѣды» могли только возмутить лучшихъ земскихъ дѣятелей, и когда, послѣ сообщенія г. Раевскаго, начались пренія относительно вопросовъ, которые желательно было бы возбудить во время предстоявшаго приѣма земскихъ дѣятелей министромъ, то по адресу правительства были высказаны довольно опредѣленные для того времени взгляды. Такъ, графъ П. А. Гейденъ, указавъ, что «существующая система доносовъ дѣлаетъ невозможною жизнь на мѣстахъ, полагалъ, что первымъ положеніемъ слѣдовало бы выставить необходимость водворенія законности и обезпеченіе лично-

сти каждого». Далѣ онъ находилъ необходимымъ, чтобы «сличный составъ земскихъ представителей не зависѣлъ бы отъ произвола администраціи или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ предоставить право обжаловать въ Сенатъ неутвержденіе губернаторомъ избранныхъ земскими собраніями лицъ». Наконецъ, графъ Гейденъ считалъ нужнымъ заявить, чтобы «въ совѣщанія, организуемая при министерствахъ, приглашались представители земства и дворянства не по выбору администраціи, а по избранію земскихъ собраній и собраній предводителей и депутатовъ дворянства»¹⁾.

С. П. Балохонцевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ гр. Гейдена, полагалъ, однако, что врядъ ли стоитъ на эти темы бесѣдовать съ Плеве, потому что толку изъ этихъ разговоровъ не будетъ, а гораздо лучше возбудить соотвѣтствующія ходатайства въ предстоящихъ земскихъ собраніяхъ. Г. Р. Килевейнъ не видѣлъ даже достаточной гарантіи въ Сенатѣ, а Б. Т. Садовскій указывалъ, что вопросъ о порядкѣ утвержденія лицъ земскаго управления есть только сравнительно неважная часть общаго вопроса объ установившихся отношеніяхъ правительства къ общественнымъ учрежденіямъ, благодаря которымъ число лицъ, желающихъ принять участие въ земскихъ учрежденіяхъ все сокращается, отчего составъ собраній ухудшается, такъ что «скоро и выбирать будетъ некого». М. И. Петрункевичъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ г. Садовскаго, тѣмъ не менѣе находилъ и положеніе гр. Гейдена въ высшей степени важнымъ, такъ какъ «съ принципомъ самоуправленія рѣшительно не согласуется утвержденіе въ должностяхъ избранныхъ собраніями лицъ». А. А. Савельевъ, также поддерживалъ гр. Гейдена, полагая, что обжалованіе дѣяній губернаторовъ заставить ихъ быть болѣе осмотрительными. Д. Н. Шиповъ находилъ, что, кромѣ предоставленія права обжалованія, «надо устранить дискреціонное право губернаторовъ». Далѣ предсѣдатель московской губернской земской управы,—не перестававшій къ слову сказать, по своему добродушію, довѣрять правительству, покуда на собственномъ опытѣ не убѣдился въ полной неискренности послѣдняго и совершенномъ нежеланіи что либо дѣлать на благо страны и населенія,—сталъ утверждать, что, судя по его, Шипова, бесѣдамъ съ... Плеве и Штурмеромъ, правительство... «сознаетъ совершающіяся измѣненія въ условіяхъ общественной и государственной жизни и—необходимость реформъ, но не понимаетъ сущности совершающихся событій и запросовъ общественной жизни, а потому, даже при искреннемъ желаніи разрѣшить назрѣвающіе вопросы въ интересахъ дѣла, сдѣлать этого не въ состояніи». Исходя изъ такихъ, ни на чемъ не основанныхъ

¹⁾ Насколько важно было это заявленіе гр. Гейдена, можно было заключить изъ сообщенія Раевского о бесѣдахъ съ Плеве. Послѣдняго не только поддерживали участвовавшіе въ совѣщаніи такіе предводители дворянства, какъ Арсеньевъ и кн. Касаткинъ-Ростовскій, но шли дальше самого министра внутреннихъ дѣлъ. Они, напротивъ, стояли,—соглашаясь съ взглядами кн. Мещерскаго, высказанными въ „Гражданинѣ“,—за уничтоженіе губернскихъ земствъ. Затѣмъ всѣ 5 предводителей дворянства (Арсеньевъ, Сухомлиновъ, Толстой, кн. Касаткинъ-Ростовскій, Шатиловъ) находили „третій элементъ“ „вреднымъ“. Не далеко отъ дворян уходили и „вазначенные“ Плеве 3) представители губернскихъ управъ.

соображеніяхъ, Д. Н. Шиповъ, желая помочь правительству, въ разговорѣ съ такимъ лицомъ, какъ Штюмеръ, указывалъ послѣдному, что «отношеніе правительства къ интеллигенціи все увеличиваетъ пропасть между правительствомъ и обществомъ. Если помѣстное дворянство все слабѣетъ и опорой для правительства служить болѣе не можетъ, то необходимо правительству войти въ общеніе съ другими группами общества. Нельзя отрицательно относиться къ всесловной интеллигенціи... Надо утилизировать интеллигентныя силы, надо стремиться сдѣлать ихъ, по возможности, консервативными, а не возбуждать среди нихъ недовольство, оскорбляя ихъ самолюбіе, затрудняя имъ путь къ приложенію своихъ силъ и знаній на мѣстахъ». Принимая во вниманіе, что правительство, въ лицѣ именно Плеве и Штюриера, ненавидѣло интеллигенцію, несомнѣнно, «совѣты» Д. Н. Шипова явились однимъ изъ главныхъ оснований скоро возникшихъ гоненій на предсѣдателя московской губернской земской управы. А. А. Савельевъ, выслушавъ приведенное сообщеніе Шипова, совершенно основательно высказалъ опасеніе, что «какъ бы указаніе на все растущее значеніе всесловной интеллигенціи не послужило толчкомъ для выработки мѣръ противъ поступленія «кухаркиныхъ дѣтей» въ учебныя заведенія». В. А. Кудрявый не менѣе основательно выразилъ сомнѣніе, «чтобы правительство желало искать опоры въ обществѣ». А. Н. Рутценъ находилъ, что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ воздѣйствія на правительство будетъ одновременное возбужденіе однородныхъ ходатайствъ многими земскими собраніями. Слѣдовало бы выработать положенія для докладовъ предстоящимъ собраніямъ. Опираясь на манифестъ 26 февраля, можно заявить, что главнымъ препятствіемъ для успѣшной работы земства служитъ недовѣріе къ нему правительства, проявляющееся, между прочимъ, въ предоставленіи администраціи дискреціоннаго права не утверждать избранниковъ земства въ ихъ должностяхъ. М. И. Петрункевичъ предлагалъ подать министру внутреннихъ дѣлъ записку съ установленіемъ въ ней насущнѣйшихъ нуждъ общественныхъ учрежденій. Графъ Гейденъ доказывалъ, что «земцамъ надо перемѣнить тонъ своего разговора съ чинами правительства. Слѣдуетъ говорить, не какъ подчиненнымъ со старшимъ, а какъ равными съ равными, какъ лицамъ, вынужденнымъ говорить изъ личныхъ интересовъ сохраненія государственнаго порядка».

Князь Петръ Д. Долгоруковъ высказалъ взглядъ, что «излишне указывать министру на затрудненія, которыя встрѣчаетъ земство: онъ самъ все это хорошо знаетъ и, быть можетъ, не желаетъ даже, чтобы земство успѣшно работало. Необходимо поэтому направить всѣ усилія, чтобы убѣдить министра, въ интересахъ охраны государственнаго порядка, создать условія, обезпечивающія успѣшность земской работы. Правительство указываетъ, что въ государствѣ существуетъ крамола, требующая подавленія. Земцы должны заявить, что крамола существуетъ и будетъ успѣшно развиваться, пока народная масса будетъ некультурна и потому падка на смуту. Надо сдѣлать народъ культурнымъ и экономически сильнымъ, а для этого необходимо развитіе самостоятельности въ обществѣ, достижимое лишь при существованіи довѣрія къ общественнымъ силамъ со стороны правительства,

при гарантіи личности и законности. Земцы изъ обвиняемыхъ должны стать обвинителями, изъ опекаемыхъ—совѣтчиками правительства». Мнѣніе кн. П. Д. Долгорукова было поддержано В. В. Морковниковымъ, Г. Р. Килевейномъ, Н. В. Раевскимъ гр. П. А. Гейденомъ и В. Т. Садовскимъ, который, между прочимъ, отмѣтилъ, что среда, окружающая министра, не можетъ оказать вліянія на исправленіе политики министерства, а потому, для успѣха дѣла, надо считаться и съ этимъ обстоятельствомъ: тонъ разговоровъ и ходатайствъ, указанной гр. П. А. Гейденомъ и кн. П. Д. Долгоруковымъ, можетъ вліять на эту среду. Но М. П. Колобовъ и В. А. Кудрявый считали бесполезнымъ дѣлать указанія министру, не ожидая отъ того хорошихъ результатовъ для земскаго дѣла. Въ концѣ концовъ вопросъ о бесѣдѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ отложенъ до выясненія, будетъ ли у министра этотъ приемъ официальный или Плеве пожелаетъ говорить съ земцами частнымъ образомъ.

На слѣдующій день, 25 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ того же кн. Д. И. Шаховского, засѣданіе возобновилось.

На обсужденіе были предложены вопросы: 1) объ отношеніи земства къ предстоящимъ законодательнымъ работамъ, касающимся мѣстной жизни и предвозвѣщеннымъ Манифестомъ 26-го февраля 1903 г. и 2) о значеніи и характерѣ участія представителей губернскихъ управъ, приглашаемыхъ министерствами въ совѣщанія по различнымъ вопросамъ.

Всѣми лицами, принимавшими участіе въ бесѣдѣ, было признано, что земство не можетъ и не должно остаться безучастнымъ къ вопросу о порядкѣ и способахъ предстоящихъ законодательныхъ работъ. Манифестъ 26 февраля возвѣщаетъ многочисленныя реформы, касающіяся многообразныхъ нуждъ земской жизни, но къ обсужденію соотвѣствующихъ законопроектовъ имѣется въ виду привлечь «достойнѣйшихъ мѣстныхъ людей», а не земскія учрежденія. Такой порядокъ предстоящей законодательной работы не можетъ быть признанъ обезпечивающимъ ея удовлетворительность. Факты изъ недавняго прошлаго подтверждаютъ основательность такого опасенія. Какъ извѣстно, лечебный уставъ 1893 г. и ветеринарныя правила 1902 г. изданные безъ предварительнаго опроса мѣстныхъ учреждений, послѣ отзывовъ и ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, были признаны самимъ правительствомъ непримѣнимыми на практикѣ, а потому и не подлежащими введенію въ дѣйствіе. Подобные случаи дискредитируютъ законодательную власть въ глазахъ населенія и могутъ быть предотвращены лишь при томъ условіи, если правительство всѣ законопроекты, касающіеся мѣстной жизни, прежде внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, будетъ передавать на заключеніе земскихъ учреждений.

Установивъ, такимъ образомъ, свой взглядъ на желательное отношеніе земства къ предстоящимъ законодательнымъ работамъ, касающимся мѣстной жизни и предвозвѣщеннымъ Манифестомъ 26 февраля, собесѣдники перешли къ обсужденію вопроса о формѣ представленія правительству пожеланія, чтобы проекты законовъ, ка-

сающіеся мѣстной жизни, были передаваемы на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

Нѣкоторые изъ членовъ бесѣды признавали наиболѣе удобною формою представленіе адресовъ Государю отъ губернскихъ земскихъ собраній по поводу Манифеста 26 февраля, при чемъ мотивировали это свое мнѣніе слѣдующими соображеніями. Земства могутъ довести до свѣдѣнія правительства свои мнѣнія и пожеланія двумя способамъ: 1) возбужденіемъ губернскими собраніями ходатайствъ или 2) подачею ими же Государю адреса. Ходатайства собраній могутъ быть оставлены правительствомъ безъ вниманія и отвѣта, тогда какъ адресъ во всякомъ случаѣ дойдетъ до Государя. Затѣмъ, обсужденіе въ земскихъ собраніяхъ вопроса о возбужденіи ходатайства можетъ быть недопущено соотвѣтствующимъ циркулярнымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, чего не можетъ быть сдѣлано по отношенію къ благодарственнымъ адресамъ Государю по поводу обнародованнаго Манифеста.

Большинство членовъ бесѣды стояло за возбужденіе собраніями ходатайствъ, а не за подачу адресовъ. Дѣйствительно, ходатайства отдѣльныхъ земствъ часто оставляются правительствомъ безъ вниманія и безъ отвѣта, но возбужденіе однородныхъ ходатайствъ всѣми или почти всѣми земствами одновременно всегда производило и теперь произведетъ извѣстное впечатлѣніе на правительство и заставить его считаться съ единодушнымъ мнѣніемъ земствъ. Кромѣ того, Манифестъ такъ написанъ, что трудно въ отвѣтъ на него сдѣлать въ адресахъ желаемое указаніе. Въ адресѣ необходимо будетъ выразить благодарность, а соблудность въ этомъ случаѣ середину будетъ весьма трудно. Или благодарность будетъ сочтена за дѣйствительную благодарность земства по поводу Манифеста, или же за порицаніе послѣдняго. Языкъ, которымъ поневолѣ придется говорить въ адресѣ, можетъ послужить причиной неправильнаго пониманія или, по крайней мѣрѣ, истолковыванія правительствомъ истинныхъ пожеланій земства, а въ результатѣ болѣе ясно написанные адреса будутъ сочтены за мнѣніе только нѣкоторыхъ земствъ, съ которыми несогласны другія, такъ что послѣдствія подачи адресовъ могутъ оказаться совсѣмъ нежелательныя. Опасенія, что возбужденіе ходатайствъ можетъ быть недопущено администраціей, едва-ли основательно. Можетъ быть запрещено печатать доклады по обсуждаемому вопросу, но въ такомъ случаѣ или сама губернская управа или, наконецъ, одинъ изъ гласныхъ всегда будетъ имѣть возможность возбудить устно въ собраніи вопросъ о такомъ ходатайствѣ, а затѣмъ соотвѣтствующему постановленію собранія, какъ неоднократно было разъяснено сенатомъ, не можетъ не быть данъ дальнѣйшій ходъ. За возбужденіе ходатайствъ, а не за подачу адресовъ, говорить также и то соображеніе, что объ адресахъ можетъ быть запрещено печатать, тогда какъ о ходатайствахъ будетъ сообщено въ прессѣ и о нихъ станетъ извѣстно всему читающему обществу. А одинъ только фактъ единодушнаго заявленія земствами извѣстнаго положенія будетъ, конечно, имѣть самъ по себѣ важное значеніе въ дѣлѣ развитія общественнаго самосознанія. Само собою разумѣется, что желательно и необходимо,

чтобы ходатайства были возбуждены, по возможности, во всѣхъ земскихъ собраніяхъ и чтобы земства были въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ другихъ, между собой солидарны.

Далѣе нѣкоторыми членами бесѣды было высказано опасеніе, что циркулярнымъ распоряженіемъ министра всѣ вопросы и предложенія, связанные съ Манифестомъ, могутъ быть сняты съ обсуждения собраній, а потому было указано на возможность возбужденія обсуждаемаго ходатайства и не по поводу манифеста. Управа можетъ, напримѣръ, доложить собранію, что ходатайство послѣдняго о пересмотрѣ ветеринарнаго закона было удовлетворено, а затѣмъ, опираясь на этотъ прецедентъ, можетъ предложить возбудить ходатайство о передачѣ на предварительное заключеніе губернскихъ собраній всѣхъ вообще законопроектовъ, касающихся мѣстной жизни.

Но другіе члены бесѣды не раздѣляли вышеуказаннаго мнѣнія. Манифестъ, являясь обращеніемъ Высочайшей власти къ населенію всей страны, даетъ полное право земству ходатайствовать о томъ, чтобы возвѣщенная въ этомъ Манифестѣ работа по реформѣ мѣстной земской жизни была произведена по выслушаніи мнѣнія земскихъ учреждений, ближе всѣхъ знающихъ мѣстныя нужды. Ссылка на Манифестъ при возбужденіи ходатайства безусловно необходима. Если возбудить ходатайства въ общей, неопредѣленной формѣ, безъ указанія, почему именно въ настоящее время возбуждается такое ходатайство и какіе именно законопроекты земства имѣютъ въ виду, то трудно разсчитывать на положительный отвѣтъ на такія общія ходатайства.

Признавая нужнымъ стремиться къ тому, чтобы земскія собранія возбудили ходатайства, но принимая во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, можетъ быть, будетъ поднятъ вопросъ о подачѣ адреса, одинъ изъ членовъ бесѣды предложилъ высказать желаніе, чтобы въ такомъ случаѣ въ адресѣ была проведена та-же мысль, какую признано желательнымъ выразить въ ходатайствахъ.

Послѣ этихъ преній предсѣдатель бесѣды поставилъ на голосованіе слѣдующіе вопросы:

1. Желательно ли довести до свѣдѣнія правительства, что земство признаетъ необходимымъ, чтобы проекты законовъ, касающіеся мѣстной жизни, были переданы на предварительное заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

2. Слѣдуетъ ли теперь же высказаться за ту или иную форму представленія правительству изложеннаго въ первомъ вопросѣ положенія?

3. Если будетъ признано нужнымъ опредѣлить форму, то какова она должна быть—въ видѣ ходатайства или адреса?

4. Если будетъ признано нужнымъ возбудить ходатайство, то надлежитъ ли въ немъ упоминать о Манифестѣ?

Всѣ четыре вопроса рѣшены утвердительно. Затѣмъ состоявшееся заключеніе было сформулировано такъ: желательно, чтобы во всѣхъ губернскихъ собраніяхъ предстоящей очередной сессіи было внесено предложеніе возбудить предъ правительствомъ ходатайство, чтобы имѣющіе быть составленными въ министерствахъ, согласно Высочайшему Мани-

фесту 26-го февраля 1903 г., законопроекты «для усиленія способствъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни», прежде внесенія ихъ на уваженіе государственнаго совѣта, были переданы на заключеніе губернскихъ земскихъ собраній.

О состоявшемся заключеніи было рѣшено поставить въ извѣстность тѣ губерніи, представителей которыхъ не было въ средѣ участниковъ бесѣды, и присутствовавшіе представители 17 губерній условились между собой — кто какія губерніи оповѣстить ¹⁾).

К. К. Арсеньевъ, извѣстный публицистъ, въ дополненіе ходатайства, которое только что было признано нужнымъ предъявить правительству, предложилъ признать необходимымъ одновременно возбудить ходатайство о приглашеніи представителей земства по выбору губернскихъ земскихъ собраній въ центральныя государственныя учрежденія при выработкѣ законопроектвъ. Медлить съ возбужденіемъ такого ходатайства, по мнѣнію Арсеньева, не слѣдуетъ. Весьма возможно, что возвѣщенные Манифестомъ законопроекты будутъ выработаны къ веснѣ будущаго года и тогда же будутъ внесены въ Государственный Совѣтъ такъ что земскія собранія, можетъ быть, могли бы лишь успѣть выбрать своихъ представителей въ центральныя учрежденія, но не успѣютъ дать своихъ заключеній по законопроектамъ. Нѣкоторые изъ участниковъ бесѣды полагали, что ходатайство о приглашеніи представителей земства съ совѣщательнымъ голосомъ въ центральныя учрежденія при разработкѣ законопроектвъ можно обосновать, какъ выводъ изъ Манифеста 26 февраля. Въ Манифестѣ указано, что реформа мѣстнаго управленія должна быть выработана при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ мѣстныхъ людей, какъ истолкователей потребностей мѣстнаго населенія, но таковыми людьми могутъ быть лишь избранники единственнаго организованнаго общественнаго учрежденія—земскаго собранія. Въ новомъ законѣ о государственномъ совѣтѣ значится, что на засѣданіи совѣта могутъ приглашаться постороннія лица, свѣдующія въ обсуждаемомъ совѣтомъ дѣлѣ. Самъ совѣтъ надлежащаго выбора такихъ лицъ сдѣлать не можетъ. Туда пригласятъ лишь тѣхъ мѣстныхъ людей, которыхъ чаще всего видятъ въ Петербургѣ, а не тѣхъ, которые являются наиболѣе знакомыми съ дѣломъ и нуждами мѣстнаго населенія. Ходатайство о приглашеніи избранниковъ земскихъ собраній въ законодательное учрежденіе является логическимъ дополненіемъ къ ходатайству о передачѣ на заключеніе собраній законопроектвъ мѣстной реформы. Разъ земскія собранія дадутъ заключенія по законопроектамъ, необходимо, чтобы въ законодательномъ учрежденіи были представители этихъ собраній, которые живымъ словомъ могли бы разъяснить и дополнить письменныя заключенія собраній. Будетъ ли удовлетворено

---

¹⁾ Д. Н. Шиньовъ—Бессарабскую, Г. Р. Килевейнъ—Владимирскую, М. П. Колобовъ—Воронежскую, кн. П. Д. Долгоруковъ—Вятскую, А. А. Свѣчинъ—Екатеринославскую, Д. Н. Шиньовъ—Калужскую, А. П. Крыловъ—Костромскую, Д. Н. Шиньовъ—Оловецкую, В. Д. Фонъ-Дервизъ—Пензенскую, А. А. Свѣчинъ—Полтавскую, Д. Н. Шиньовъ—Перискую, М. П. Колобовъ—Рязанскую, С. Н. Балохонцевъ—Самарскую, А. А. Савальевъ—Сибирскую, Д. Н. Шиньовъ—Тульскую, Н. К. Раевскій—Харьковскую, Я. Т. Харченко—Херсонскую.

такое ходатайство или нѣтъ—рѣшить сейчасъ невозможно. Еслибы государственная жизнь шла нормальнымъ ходомъ, то можно было бы ждать удобнаго момента для возбужденія этого ходатайства. Но событія идутъ быстро. То, что въ настоящее время можетъ быть высказанно земствомъ правительству въ легальной формѣ, позднѣе, можно опасаться, будетъ навязано ему со стороны. Земство можетъ оказаться въ хвостѣ общественнаго движенія, что едва ли желательно.

Н. Н. Сомовъ находилъ, что скорѣе можно разсчитывать на удовлетвореніе ходатайства о призывѣ представителей земскихъ собраній въ центральное законодательное учрежденіе, чѣмъ ходатайство о передачѣ законопроекта мѣстной реформы на заключеніе земскихъ собраній. Призывъ предсѣдателя губернскихъ управъ на совѣщанія при министерствѣ есть прототипъ вызова выборныхъ представителей земскихъ собраній. Министръ внутреннихъ дѣлъ высказывалъ свое намѣреніе обсуждать законопроекты съ мѣстными людьми, но едва ли правительство, опасаясь критики, сочтетъ возможнымъ передать законопроектъ на обсужденіе земскихъ собраній.

Въ отвѣтъ на это было указано, что опросъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ земскаго управления по выбору самого министерства и по частностямъ нѣкоторыхъ законопроектовъ, также по выбору министерства, не можетъ разсматриваться какъ прототипъ вызова въ центральныя учрежденія выборныхъ представителей земскихъ собраній. Послѣдній порядокъ съ точки зрѣнія бюрократіи является измѣненіемъ существующаго государственнаго строя. Ходатайство же о передачѣ законопроектовъ на заключеніе земскихъ собраній вовсе не является, даже съ точки зрѣнія высшаго правительства, измѣненіемъ государственнаго строя и не представляетъ чего-либо новаго, небывалаго. Всякій законъ, разъ онъ обнародованъ, не можетъ быть освобожденъ отъ общественной критики. Земства критиковали ветеринарный законъ. Почему же правительство не согласится передать на заключеніе тѣхъ же земскихъ собраній лишь законопроекты?

Всѣ участники бесѣды по существу соглашались съ необходимостью участія представителей земства, выборныхъ земскими собраніями, въ центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, но нѣкоторые признавали, что въ практическихъ цѣляхъ было бы лучше идти постепенно и не просить того, въ чемъ навѣрное будетъ отказано. Какое ходатайство будетъ уважено, какое нѣтъ, можно было бы и не принимать во вниманіе и просить о томъ, что признается полезнымъ для дѣла, если бы послѣдствіемъ просьбы былъ лишь отказъ. Но предлагаемое ходатайство можетъ повредить ходатайству о передачѣ законопроектовъ на предварительное заключеніе земскихъ собраній. Нельзя не опасаться, что взамѣнъ этихъ двухъ ходатайствъ, будто въ удовлетвореніе выраженнаго въ нихъ желанія земства, будетъ учрежденъ при министерствѣ совѣтъ со включеніемъ въ составъ его должностныхъ лицъ общественнаго управления, что представляется совсѣмъ нежелательнымъ. Лица доказывавшія необходимость возбужденія ходатайства о приглашеніи въ центральныя учрежденія выборныхъ представителей земства исходили изъ того предположенія, будто

правительство желаетъ знать истинное мнѣніе земства. Но министерство внутреннихъ дѣлъ быть можетъ, вовсе этого и не желаетъ. Оно скажетъ, что ему нужно воспользоваться знаніемъ свѣдущихъ людей по отдѣльнымъ частностямъ законопроектовъ и что таковыми людьми оно считаетъ предсѣдателей управъ. Поэтому въ настоящее время можно было бы лишь попытаться выяснить правительству, что существующій порядокъ приглашенія земцевъ на совѣщанія при министерствахъ представляется неправильнымъ.

Кромѣ высказанныхъ соображеній въ пользу возбужденія лишь одного ходатайства—о передачѣ законопроектовъ на заключеніе губернскихъ собраній—было указано, что заключеніе по этому вопросу состоялось въ средѣ участниковъ бесѣды единогласное и можетъ, вѣроятно, пройти во всѣхъ собраніяхъ, вопросъ же о возбужденіи въ настоящее же время ходатайства о приглашеніи выборныхъ земскихъ представителей въ центральныя учрежденія даже въ средѣ участниковъ бесѣды вызываетъ разногласіе и едва ли пройдетъ благополучно во многихъ собраніяхъ, а въ нѣкоторыхъ можетъ быть рѣшенъ въ нежелательномъ направленіи.

На голосованіе былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: признается ли желательнымъ, чтобы губернскія земскія собранія предстоящей очередной сессіи, совмѣстно съ возбужденіемъ ходатайства о передачѣ законопроектовъ на заключеніе собраній, возбудили также ходатайство о приглашеніи выборныхъ собраніями представителей земствъ въ центральныя учрежденія для обсужденія законопроектовъ мѣстной реформы?

Вопросъ этотъ рѣшенъ отрицательно большинствомъ 15 голосовъ противъ 13.

Послѣ этихъ преній была заслушана записка по вопросу о значеніи и характерѣ участія приглашаемыхъ министерствомъ въ совѣщанія должностныхъ лицъ земскаго управленія.

Всѣ участники бесѣды раздѣляли проведенный въ этой запискѣ взглядъ, что практикуемый нынѣ правительствомъ порядокъ призыва земцевъ на совѣщанія при министерствахъ является неправильнымъ и не гарантирующимъ интересы земства. Было высказано, что личный составъ управъ выбирается не столько по соотвѣтствію взглядовъ входящихъ въ него лицъ на общіе вопросы со взглядами собранія, сколько по степени подготовленности къ хозяйственной ихъ дѣятельности, какъ исполнителей постановленій собранія. Но даже въ томъ случаѣ, когда представитель управы солидаренъ вполнѣ во взглядахъ съ своимъ собраніемъ, то все же онъ, какъ должностное лицо министерства внутреннихъ дѣлъ, не всегда можетъ такъ свободно и авторитетно высказывать и защищать свои взгляды въ центральномъ учрежденіи, какъ спеціально для того выбранный членъ земскаго собранія. Это положеніе представлялось всѣмъ участникамъ бесѣды настолько яснымъ, что останавливаться на выясненіи неудовлетворительности существующаго порядка призыва земцевъ въ совѣщанія при министерствахъ не было признано нужнымъ и было приступлено къ обсужденію того, какимъ путемъ слѣдуетъ довести до свѣдѣнія правительства о необходимости измѣнить установленный имъ порядокъ.

По этому вопросу было признано, что способом доведения до свѣдѣнія правительства взгляда земствъ на неудовлетворительность практикуемаго министерствомъ порядка вызова земцевъ на совѣщанія при министерствахъ должно быть возбужденіе земскими собраніями предстоящей очередной сессіи соотвѣтствующихъ ходатайствъ. Каждый гласный можетъ заявить въ земскомъ собраніи, ссылаясь на то, что въ послѣднее время часто на совѣщанія при министерствахъ приглашаются представители земскихъ управъ, но не изъ всѣхъ губерній и при томъ по выбору министерства, что такой порядокъ открываетъ широкую возможность преднамѣреннаго подбора лицъ, и что мѣстное губернское земское собраніе лучше министра можетъ знать, кто изъ мѣстныхъ людей ближе знакомъ съ вопросомъ, подлежащимъ обсужденію, и мѣстными условіями. Ходатайства должны возбудить всѣ собранія, такъ какъ тѣ собранія, представители коихъ не приглашались на совѣщанія при министерствахъ, еще болѣе имѣютъ основанія для возбужденія ходатайства, чѣмъ земства министерствомъ не обойденныя. Они могутъ указать, что ихъ интересы и нужды вовсе не имѣли на совѣщаніяхъ своихъ защитниковъ.

Затѣмъ единогласно принято слѣдующее заключеніе, которое всѣми присутствующими признано было желательнымъ внести во всѣ губернскія земскія собранія въ предстоящей очередной сессіи:

Принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участию въ совѣщаніяхъ при министерствахъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губернскихъ управъ, возбудить предъ правительствомъ ходатайство: а) чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участию въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались изъ всѣхъ земскихъ губерній и чрезъ посредство губернскихъ земскихъ собраній, б) чтобы губернскимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено уполномочивать, по ихъ усмотрѣнію, къ участию въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого-либо или изъ состава губернской управы, или изъ состава губернскаго собранія и в) чтобы губернскія земскія собранія одновременно съ предложениемъ назначить своего уполномоченнаго были поставляемы въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи и могли, въ случаѣ они то признаютъ нужнымъ, преподать своему уполномоченному руководящія указанія.

Черезъ два дня послѣ этого засѣданія, 27 апрѣля, земцы, какъ это и предсказывали представители оппозиціи, убѣдились, что всѣ ихъ «бесѣды» были совершенно напрасны.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, явившимся къ нему участникамъ совѣщаній по страховому вопросу сказалъ такую рѣчь:

«Я очень радъ видѣть васъ здѣсь. Управляющій страховымъ отдѣломъ уже доложилъ мнѣ, что ваши совѣщанія идутъ очень успѣшно, съ чѣмъ васъ поздравляю. Дѣло земскаго перестрахованія весьма важное и, постепенно развиваясь, въ будущемъ будетъ имѣть большое значеніе.

Ваши совѣщанія при министерствѣ на почвѣ практическаго дѣла сближаютъ васъ съ представителями министерства, облегчаютъ общую

работу и взаимныя отношенія. Въ то же время такого рода совѣщанія даютъ вамъ возможность общенія между собою и по другимъ частнымъ вопросамъ земской жизни. Я очень сочувствую этому общенію и признаю его желательнымъ и необходимымъ. Это, во всякомъ случаѣ, правильнѣе *келейныхъ собраній*, и лицамъ, облеченнымъ общественнымъ довѣріемъ, не слѣдуетъ дѣйствовать съ опущеннымъ забраломъ. Только при этомъ условіи возможенъ честный и открытый споръ.

Я придаю большое значеніе участию земскихъ работниковъ въ подготовительной работѣ при министерствѣ. Въ программу очередныхъ вопросовъ входитъ и вопросъ о сближеніи мѣстныхъ людей съ чинами министерства. Я считаю вашу дѣятельность на почвѣ практическихъ вопросовъ очень полезной,—она лучше *отолеченныхъ ултровоаній*.

Поздравляю васъ съ окончаніемъ вашихъ занятій и благодарю васъ за вашу работу».

Эта рѣчь привела въ негодованіе даже самыхъ консервативныхъ участниковъ «бесѣды», и было рѣшено побудить земское собраніе выступить съ дружнымъ протестомъ.

Въ губернскаія земскія управы было разослано нижеслѣдующее предложеніе:

«Желательно, чтобы въ губернскаія земскія собранія предстоящей очередной сессіи были внесены слѣдующія предложенія:

1. Возбудить предъ правительствомъ ходатайство, чтобы имѣющіе быть составленными въ министерствахъ, согласно Высочайшему Манифесту 26-го февраля с. г., законопроекты „для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни“, прежде внесенія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, были переданы на заключеніе губерnskихъ земскихъ собраній.

2. Принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участию въ совѣщаніяхъ при министерствахъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губерnskихъ управъ, возбудить предъ правительствомъ ходатайство: а) чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлечь къ участию въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались на всѣхъ земскихъ губерній и чрезъ посредство губерnskихъ земскихъ собраній, б) чтобы губерnskимъ земскимъ собраніямъ было предоставлено уполномочивать по ихъ усмотрѣнію къ участию въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого либо или на состав губернской управы, или въ состав губернскаго собранія, и в) чтобы губернскаія земскія собранія одновременно съ предложеніемъ назначить своего уполномоченнаго были поставлены въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи, и могли, въ случаѣ они то признавать нужнымъ, преподать своему уполномоченному руководящія указанія».

Всѣ губернаторы были поставлены на ноги, чтобы земскія собранія не касались «общегосударственныхъ вопросовъ», т. е., другими словами, чтобы даже не заикались о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, но обще-земская организація была уже на столько сильна, что болѣе 70 проц. губерnskихъ земскихъ собраній, пользуясь самими

разнообразными способами сдѣлали, въ общемъ, постановленіе, согласно предложенію участниковъ петербургскаго собесѣдованія ¹⁾).

Но это случилось уже въ концѣ 1903 года, на очередныхъ земскихъ собраніяхъ, и мы въ своемъ мѣстѣ приведемъ эти постановленіе, а сейчасъ перейдемъ къ событіямъ, совершившимся въ ближайшее къ «бесѣдѣ земскихъ людей» время.

Прежде всего мы считаемъ нужнымъ отмѣтить, что, не взирая на всѣ полицейскія мѣры, петербургская интеллигенція въ 1903 г. не только не понизила своего оппозиціоннаго направленія, но умудрилась довольно открыто критиковать дѣйствія правительства и высказывать различныя «порицанія» или даже требованія. Особенною популярностью въ это время пользовались, такъ называвшіеся, «товарищескіе ужины писателей», возникшіе еще въ 1902 году. На восьмомъ такомъ «ужинѣ» состоявшемся въ началѣ марта 1903 года, при участіи до 70-ти литераторовъ, принята, была, на примѣръ, такая «резолуція». Признавая:

1) что факты послѣдняго времени съ особенной ясностью указываютъ на невозможность правдиваго сужденія честной печати о дѣйствіяхъ и заявленіяхъ правительства; 2) что пресса вынуждена молчать или давать объ этихъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ хвалебные отзывы, 3) что, считаясь съ такимъ положеніемъ вещей, нѣкоторые органы печати проводятъ желательныя имъ идеи въ формѣ соотвѣстнаго истолкованія правительственныхъ заявленій, 4) что, такимъ образомъ, печать поселаетъ въ читатель вредное недоразумѣніе относительно истиннаго смысла правительственныхъ актовъ и создаетъ ложное представленіе объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ дѣйствіямъ правительства, — мы еще разъ настоятельно подтверждаемъ необходимость освобожденія печатнаго слова отъ цензурнаго режима и вмѣстѣ тѣмъ признаемъ, что даже полное воздержаніе печати отъ какой бы то ни было оцѣнки правительственныхъ актовъ болѣе отвѣчаетъ ея достоинству и ея задачамъ, чѣмъ такое комментированіе этихъ актовъ, которое даетъ ложное представленіе объ ихъ дѣйствительномъ смыслѣ и значеніи".

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого «ужина», 6—9 апрѣля совершился ужасающій Кишиневскій погромъ, во время котораго было убито 42 человекъ (изъ нихъ 38 евреевъ), ранено 456 человекъ (изъ которыхъ христіанъ только 62), а убытки исчислялись отъ 1,500,000 до 2,000,000 рублей.

20 го апрѣля 1903 года состоялось обычное собраніе петербургскихъ писателей, на которомъ присутствовало много гостей различныхъ интеллигентныхъ профессій. Всего собралось свыше 200 человекъ. Отъ имени этого собранія, за многочисленными подписями, Н. Ф. Анненскимъ было отправлено въ частный еврейскій комитетъ по оказанію помощи отъ погрома письмо слѣдующаго содержанія.

¹⁾ Именно губернскія земскія собранія: Вологодское, Воронежское, Екагеринво-славское, Калужское, Костромское, Курское, Московское, Нижегородское, Новгородское, Орловское, Полтавское, Псковское, Рязанское, С.-Петербургское, Саратовское, Сибирское, Смоленское, Тамбовское, Тверское, Тульское, Уфимское, Харьковское, Черниговское и Ярославское.

«Милостивые государи! Собравшіеся на товарищескую бесѣду свыше двухсотъ человѣкъ литераторы и лица другихъ интеллигентныхъ профессій, выслушавъ подробное сообщеніе о гнусныхъ насиліяхъ, произведенныхъ въ Кишиневѣ надъ беззащитными евреями, выражаютъ свое горячее сочувствіе какъ жертвамъ, такъ и всему безправному еврейскому населенію и свое глубокое негодованіе по поводу той травли евреевъ, въ которой, къ несчастію участвуютъ и нѣкоторые органы печати. По порученію собранія *Николай Анненскій*».

За это письмо Н. Ф. Анненскій былъ вызванъ для объясненій къ директору департамента полиціи Лопухину.

Объ этихъ петербургскихъ «товарищескихъ ужинахъ писателей» упомянули мы потому, что они имѣли отношеніе не только къ общему освободительному движенію, но, въ частности, и къ земскому.

Не говоря уже о томъ, что многія лица, принимавшія непосредственное участіе въ этомъ послѣднемъ движеніи, нерѣдко вообще посѣщали «ужины», апрѣльскій ужинъ, совпавшій со съѣздомъ земцевъ въ Петербургъ, сыгралъ почти такую же, если не большую роль, какъ Кустарный съѣздъ въ 1902 г. Мы уже знаемъ, что во время Кустарнаго съѣзда была набросана программа для изданія за-границею «Освобожденія», а въ апрѣль 1903 года, во время описаннаго ужина, была высказана мысль о необходимости организациі политическаго «Союза Освобожденія», который бы могъ объединить всѣ безъ исключенія, оппозиціонные элементы Россіи, которыхъ, благодаря энергичной чисто революціонной дѣятельности Плеве, накопилось уже многое множество рѣшительно во всѣхъ слояхъ населенія, а въ будущемъ предвидѣлся еще болѣе усиленный ростъ.

Мысль о «Союзѣ Освобожденія» осуществилась черезъ два мѣсяца послѣ ея зарожденія. Основаніе его положено было въ іюль 1903 г. въ южной Германіи. Нѣсколько лицъ, изъ сотрудниковъ и близкихъ лицъ къ газетѣ «Освобожденіе» и нѣсколько выдающихся земцевъ ¹⁾ участвовавшихъ въ апрѣльскомъ собѣдованіи и неучествовавшихъ, но также близкихъ къ «Освобожденію», отправились въ іюль въ южную Германію и тамъ, подъ видомъ «увеселительныхъ прогулокъ», въ городахъ Гогентвилль, Рудольфцелль и знаменитомъ Констанцѣ устроили рядъ засѣданій, на которыхъ и была въ общихъ чертахъ намѣчена дѣятельность «Союза Освобожденія».

Основаніе «Союза Освобожденія» подоспѣло какъ разъ во время: къ этому моменту правительство, въ лицѣ Плеве, уже совершенно подготовляло богатѣйшій для него матеріалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Плеве работалъ, какъ истый революціонеръ, задавшійся цѣлью объединить всю Россію на почвѣ ненависти къ правительству.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ образчиковъ такого рода плодотворной дѣятельности Плеве въ 1903 году является возбужденіе не-

¹⁾ Не получивъ разрѣшенія, мы не считаемъ себя въ правѣ опубликовать фамиліи первыхъ основателей «Союза Освобожденія», какъ и членовъ его въ Россіи. Въ виду возможности изданія моихъ статей о земскомъ движеніи отдѣльною книжкою, я прошу лицъ, принимавшихъ то или иное участіе въ «Союзѣ Освобожденія», сообщить редакціи «Былое» — разрѣшаютъ или не разрѣшаютъ они пронести ихъ фамиліи.

удовольствія въ орловскомъ губернскомъ земствѣ. Послѣднее всегда было однимъ изъ консервативнѣйшихъ земствъ, проникнутое чисто-классовымъ дворянскимъ духомъ. Въ 1903 году орловское чрезвычайное земское собраніе, по настоянію извѣстнаго намъ уже М. А. Стаховича, орловскаго губернскаго предводителя дворянства и, слѣдовательно, предсѣдателя собранія, приняло составленный тѣмъ же Стаховичемъ всеподданнѣйшій адресъ. Написанъ онъ былъ высокопарнымъ слогомъ, въ славянофильскомъ духѣ, и носилъ самый мирный характеръ. Исходя изъ Манифеста 26 февраля, въ адресѣ дѣлался трудно уловимый намекъ на участіе земства въ выработкѣ общаанныхъ въ названномъ Манифестѣ «реформъ». Вотъ это мѣсто: «и не съ заносчивымъ дерзновеніемъ или дерзостнымъ притязаніемъ, а въ прямодушномъ усердіи отклика на милостивый призывъ Вашего Величества «къ единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества» для исполненія Вашихъ «помысленій объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни», мы просимъ Васъ, Государь, чтобы по разработаннымъ предположеніямъ о переустройствѣ управленія въ приходѣ, уѣздѣ и губерніи въ цѣляхъ усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни» предварительно внесенія его въ Государственный Совѣтъ было опрошено самое земство; чтобы Царемъ былъ услышанъ голосъ правимыхъ, надъ кѣмъ законы примѣняются, а не только голосъ создающихъ законы и правящихъ; голосъ земства, голосъ людей, призванныхъ по древнему московскому слову «Его Государево земское укрѣпить и на вѣрѣ поставить», голосъ земства, крѣпче чиновниковъ связаннаго съ землею и народамъ, безкорыстнѣ ихъ преданнаго самодержавію и неустанно несущаго свою присяжную службу».

Этотъ адресъ вызвалъ тогда жестокое осужденіе въ оппозиционныхъ земскихъ сферахъ. Его основательно называли «раболѣпнымъ». Правительство, если бы оно считалось съ дѣйствительностью, должно было бы обѣими руками ухватиться за такое болѣе чѣмъ мирное направленіе орловскаго губернскаго земства. Кромѣ того, названный адресъ, несомнѣнно, соотвѣтствовалъ духу манифеста 26-го февраля.

Но Плеве шелъ до конца въ своей революціонной дѣятельности. Онъ словно бы желалъ изолировать Верховную Власть отъ всѣхъ и вся и направлять ее въ своихъ политическихъ цѣляхъ, какъ ему заблагоразсудится.

И вотъ, «повергнутый на Высочайшее благовозрѣніе» мирнѣйшій изъ земскихъ адресовъ 1 мая 1903 года имѣлъ не тотъ результатъ, котораго ожидали орловскіе земцы. Министръ внутреннихъ дѣлъ препроводилъ орловскому губернатору такое увѣдомленіе: «Государю Императору благоугодно было обратиться вниманію на то, что въ означенномъ адресѣ наряду съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ содержится ходатайство губернскаго земскаго собранія по предмету, не относящемуся къ вѣдѣнію земскихъ учреждений. Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы случаи, подобные настоящему, впредь не повторялись».

Лѣтомъ 1903 года началось преслѣдованіе въ Курскѣ «общества

для содѣйствія начальному народному образованію». Администрація придралась къ удивительному случаю. «Общество» устроило въ земскомъ саду народное гулянье. Въ числѣ развлеченій были и стрѣльба въ цѣль, при чемъ за образецъ принята была какая-то швейцарская игра, согласно которой первый призъ получалъ тотъ, кто собьетъ въ тирѣ корону съ привѣшеннаго орла. Несмотря на то, что программа народнаго гулянья была утверждена полиціймейстеромъ, администрація усмотрѣла въ сбиваніи короны съ орла политическую тенденцію, разогнала публику и... закрыла садъ!..

Въ томъ же Курскѣ возбуждено было удивительное дѣло изъ-за празднованія въ іюль мѣсяцѣ юбилея В. Г. Короленко. Оно произошло, когда въ Курскѣ были обычные педагогическіе курсы. Для учителей и учительницъ были устроены загородныя прогулки, въ которой приняли участіе два члена губернской земской управы — Э. К. Загорскій и А. Н. Лагофеть, лекторы на курсахъ: В. П. Вахтеровъ и приватъ-доцентъ московскаго университета Рожковъ и случайно бывшій въ это время въ Курскѣ пишущій эти строки. Празднованіе юбилея заключалось въ томъ, что на дубѣ были прикрѣплены портреты В. Г. Короленко и говорились рѣчи. Меня, напримѣръ, попросили, чтобы я, какъ лично знающій юбиляра, сообщилъ біографическія свѣдѣнія о писателѣ, Вахтеровъ сказалъ рѣчь на тему, кажется, о дѣтскихъ типахъ въ произведеніяхъ Короленко, говорилъ ли что Рожковъ, не знаю, такъ какъ я не былъ до конца прогулки. Кромѣ помянутыхъ лицъ, говорили учителя; затѣмъ хоръ изъ учителей и учительницъ исполнилъ нѣсколько пѣсенъ; наконецъ, варили кашу и пили чай—вотъ и все наше «государственное преступленіе». Но администрація увидѣла въ этой небольшой прогулкѣ форменное потрясеніе основъ. Начались обыски, допросы и аресты. Арестовали, между прочимъ, служащую въ отдѣлѣ народнаго образованія курскаго земства Благовѣщенскую, учителей—Суханова, Тураева, Лозового и т. д.

До какихъ безобразій доходила курская администрація можно видѣть еще изъ слѣдующаго возмутительнаго произвола со стороны знаменитаго Курлова, бывшаго въ 1903 г. вице-губернаторомъ въ Курскѣ.

Въ качествѣ предсѣдателя губернскаго распорядительнаго комитета, онъ, не увѣдомивъ городскую управу, самолично отвелъ городскія казармы Козловскаго полка, освободившіяся за уходомъ послѣдняго на Дальній Востокъ, подъ Обоянскій резервный баталіонъ. Но когда баталіонъ явился въ казармы, то засталъ ихъ запертыми. Тогда Курловъ «вызываетъ» къ себѣ члена городской управы Сапунова, завѣдывавшаго городскими зданіями, и въ присутствіи полиціймейстера и баталіоннаго командира ругаетъ его, выкрикивая буквально слѣдующую фразу: «какъ же *ты* смѣлъ не исполнить моего приказанія»? При этомъ Курловъ принялъ позу генерала и махалъ карандашомъ передъ лицомъ Сапунова. Послѣдній, оскорбленный и смущенный, хотѣлъ было уйти, но полиціймейстеръ Зарино загородилъ ему путь. Съ представителемъ города сдѣлался обмарокъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что даже въ Турціи немислимъ подобный административный произволъ, такая дикая грубость, какую проявилъ *этотъ* курскій сатрапъ.

Во второй половинѣ 1903 года обстоятельства ухудшились еще въ большей степени.

Въ сентябрѣ, между прочимъ, Витте лишился портфеля министра финансовъ. Это служило доказательствомъ полной побѣды Плеве. Какъ мы уже говорили, послѣдній ненавидѣлъ Витте, какъ своего конкурента, и началъ противъ него походъ тотчасъ по вступленіи въ управленіе министерствою внутреннихъ дѣлъ. Но еще 1 января 1903 года, по случаю десятилѣтія служенія Витте въ качествѣ министра финансовъ, опубликованъ былъ самый лестный для Витте Высочайшій рескриптъ. Мало этого, до самага момента отставки не было, казалось, ни малѣйшихъ признаковъ скорого паденія министра финансовъ. Объ этомъ Витте узналъ лишь въ сентябрѣ, въ тотъ самый день, когда, ничего не подозревая, явился къ Государю испросить кратковременный отпускъ на Кавказъ. Ему въ это время и было объявлено, что онъ назначается предсѣдателемъ комитета министровъ, оставаясь предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, а вслѣдъ за тѣмъ стало извѣстнымъ, что мѣсто Витте получилъ ничѣмъ неизвѣстный чиновникъ министерствъ финансовъ Плеске. При такомъ всевластномъ диктаторѣ, какъ Плеве, постъ предсѣдателя комитета министровъ не имѣлъ ровно никакого значенія, и Витте былъ крайне обезкураженъ потерей портфеля министра финансовъ. Съ этого момента у министра внутреннихъ дѣлъ уже не было соперниковъ ¹⁾.

Въ этомъ же мѣсяцѣ Плеве закончилъ выработку «своей» «конституціи». Она была составлена въ духѣ манифеста 26 февраля и, въ общемъ, была хуже даже «куцой» лорисъ-меликовской конституціи ²⁾.

По проекту Плеве, учреждался Совѣтъ и Главное управленіе по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленіе врачебнаго инспектора. Въ этомъ Совѣтѣ предполагалось участіе «мѣстныхъ дѣятелей, въ видѣ учрежденія постоянного». «Мѣстные дѣятели» — это «предводители дворянства, предсѣдатели губернскихъ и уѣздныхъ управъ и управъ по дѣламъ земскаго хозяйства, городскіе головы—и вообще лица, по своему дѣятельности, близко знакомыя съ нуждами и интересами мѣстнаго хозяйства». Совѣтъ долженъ былъ «имѣть исключительно совѣщательный характеръ и заключенія его отнюдь не могли быть обязательны для министра внутреннихъ дѣлъ и въ чемъ-либо связывать дѣятельность его по руководству мѣстными хозяйствомъ».

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что „по частямъ“ Плеве давно уже сокращалъ власть Витте. Мы знаемъ уже, что еще во второй половинѣ 1902 г. Витте былъ совершенно отстраненъ отъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Затѣмъ, 30 мая 1903 года вышло Высочайшее повелѣніе „о порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекціи начальникамъ губерній и въ которыхъ измѣненія во внутренней организаціи ея“. Этимъ повелѣніемъ, въ сущности говоря, фабричные инспектора сдѣланы были агентами министерства внутреннихъ дѣлъ.

²⁾ Къ слову сказать, носились слухи, якобы Плеве возилъ Лорисъ-Меликовскую конституцію въ Ливадію Государю. Говорили также, будто бы тогда же въ Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ Александра Михайловича, образовался „секретный комитетъ реформъ“, въ которомъ не участвовали ни Витте, ни Плеве. Въ программѣ этого комитета проектировалось, будто бы, расширеніе земскаго самоуправленія, отмена тѣлесныхъ наказаній и передача дѣла народнаго образованія всецѣло въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія.

Равнымъ образомъ, участіе въ совѣтъ мѣстныхъ дѣятелей не должно, конечно, вызывать мысли о какомъ-либо мѣстномъ представительствѣ. Поэтому избраніе членовъ совѣта изъ мѣстныхъ дѣятелей и самый составъ ихъ не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ существующихъ общественныхъ учреждений и сословій, а должны быть представлены на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдательство въ этомъ Совѣтѣ, конечно, возлагалось на министра внутреннихъ дѣлъ, а въ составъ плевенскаго «парламента» входили всѣ начальники учреждений названнаго министерства, представители другихъ вѣдомствъ и всего на-всего 15 человекъ изъ числа мѣстныхъ дѣятелей, «назначаемыхъ Высочайшею властью на 3 года». Совѣтъ долженъ былъ обсуждать «важнѣйшія мѣры», имѣющія цѣлью развитіе и усовершенствованіе способовъ удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, а равно — разсматривать текущія дѣла по мѣстному хозяйству, требующія соглашенія вѣдомствъ или общаго соображенія въ интересахъ единообразія въ ихъ направленіи и разрѣшеніи. Соответственно этому въ Совѣтъ должны были вноситься: 1) предположенія объ изданіи новыхъ законовъ и общихъ распоряженій, относящихся до мѣстнаго хозяйства, а также о дополненіи, измѣненіи и отменѣ нынѣ дѣйствующихъ, 2) ходатайства земскихъ и городскихъ учреждений, касающіяся принятія общихъ мѣръ въ области мѣстнаго хозяйства и другія дѣла этого рода. Заключенія Совѣта должны были прилагаться въ спискахъ къ представленіямъ, вносимымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ высшія государственныя учреждения. На ряду съ этимъ, для обсужденія текущихъ дѣлъ, требующихъ соглашенія вѣдомствъ, проектировалось образованіе особыхъ присутствій совѣта: по земскимъ и городскимъ дѣламъ, по дорожной части и пожарнаго страхованія. Обсужденіе дѣлъ въ этихъ присутствіяхъ совѣта должно было замѣнять письменный порядокъ сношеній между вѣдомствами по предметамъ, требующимъ, по закону, совмѣстнаго ихъ разрѣшенія.

Такова была плевенская «конституція».

Вникая въ ея сущность, прежде всего поражаешься скудоуміемъ бюрократической мысли. Въ проектѣ Плева нѣтъ ровно ничего новаго, ничего оригинальнаго. «Конституція» Плева сшита изъ кусковъ другихъ подобныхъ же чинсвичьихъ «конституцій», которыя выработывались, начиная съ 1881 года.

Плеве, какъ и его предшественники, стремился лишь, выражаясь грубо, чѣмъ нибудь заткнуть глотку проклятому земству. Онъ не желалъ даже считаться съ дѣйствительностью, которая все же была ему извѣстна, хотя до нѣкоторой степени. Конечно, Плева еще не зналъ объ основаніи «Союза Освобожденія», который, какъ ниже увидимъ, началъ функционировать въ Россіи съ конца сентября, но онъ читалъ, и очень аккуратно, «*Освобожденіе*», ему постоянно доносили, хотя и неточно, обо всемъ, что дѣлается въ земскихъ сферахъ. Плева, однако, до конца жизни своей не сожнѣвался, что все удушить, все усмирить, а въ томъ числѣ и земство. И вотъ, онъ все усиливаетъ и усиливаетъ полицейскій надзоръ надъ послѣднимъ, не останавливаясь ни передъ какими мѣрами, чтобы уничтожить въ земствѣ полнѣйшую тѣнь «крамольнаго направленія».

Мы считаемъ необходимымъ привести нѣсколько фактовъ изъ отношеній Плеве къ земству въ 1903 году.

Начнемъ хотя бы съ Вологодскаго земства.

Очередное собраніе его было настроено весьма оппозиціонно. Дѣло началось съ посылки сочувственной телеграммы кн. П. Д. Долгорукову. Затѣмъ въ преніяхъ ясно проглядывало совершенно враждебное отношеніе къ нелѣпымъ правительственнымъ «предначертаніямъ». Особенно рѣзко проявилось это въ преніяхъ о правилахъ 12-го іюня 1902 г. относительно ветеринаріи и санитаріи. На это губернаторъ Ладыженскій выразилъ неудовольствіе гласнымъ «за непочтительное отношеніе къ правительственнымъ предначертаніямъ» и просилъ, чтобы «больше подобныя пренія не повторялись», тѣмъ болѣе, что «они оскорбляютъ лойяльныя вѣрноподанныя чувства нѣкоторыхъ гласныхъ». На возраженіе гласныхъ, что подобныя замѣчанія излишни, такъ какъ въ собраніи за «приличіями» въ преніяхъ слѣдуетъ предсѣдатель, причемъ «лойяльные» гласные могутъ возражать, губернаторъ высказалъ интересный взглядъ, что «проявленіе консервативныхъ убѣжденій на собраніи... неприлично и можетъ компрометировать этихъ гласныхъ» (!!)

Этимъ дѣло не ограничилось: губернаторъ «воспретилъ» собранію заслушаніе доклада управы по медицинѣ и по этому поводу вызывалъ къ себѣ предсѣдателя управы В. А. Кудряваго. Закрытіе собранія сопровождалось также инцидентомъ. Выходя послѣ закрытія изъ залы, губернаторъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ присутствующихъ «сидятъ». Онъ спросилъ у заступающаго мѣсто предводителя Н. Н. Андреева — «что это за мода»? Узнавъ, что сидящіе—публика и служащіе, «хозяинъ губерніи» тотчасъ же потребовалъ для объясненія предсѣдателя управы и сдѣлалъ ему... выговоръ (!!)

А въ концѣ концовъ Н. Н. Андреевъ не постѣснялся сдѣлать выговоръ всей публикѣ, что она «не стояла при выходѣ губернатора» (!!)

При этомъ присутствовавшій въ числѣ публики политическій ссыльный В. А. Дреллингъ далъ надлежащій отвѣтъ губернскому, предводителю дворянства, за что и былъ высланъ въ одинъ изъ глухихъ городовъ Вологодской губерніи!

По поводу проектируемаго калужскимъ губернскимъ земствомъ изданія брошюры для ознаменованія предстоящаго въ 1911 году пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ, Плеве послалъ калужскому губернатору такое письмо.

М. В. Д.

1 іюля 1903 года.
№ 5899.

Секретно.

Его Превосходительству А. А. Офросимову.

Милостивый государь, Александръ Александровичъ!

Имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что предложенное калужскимъ губернскимъ земствомъ, по случаю минувшаго сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ, изданіе брошюры о со-

бытіи 19-го февраля 1861 года и исторію крѣпостного права въ Россіи должно быть признано явно выходящимъ изъ предѣловъ вѣдомства земскихъ учрежденій, а потому покорнѣйше прошу васъ принять зависящія мѣры къ тому, чтобы предположенія земства объ упомянутомъ изданіи не получили осуществленія, равно какъ имѣть надзоръ за тѣмъ, чтобы земства ввѣренной вамъ губерніи и впредь не принимали изданій подобнаго рода».

Тамбовскій губернаторъ фонъ-дербъ-Лауницъ, разославъ въ 1903 г. въ губернскую и во всѣ уѣздныя земскія управы конфиденціальное циркулярное предписаніе, чтобы предсѣдатели губернской и уѣздныхъ управъ извѣщали исправниковъ обо всѣхъ командируемыхъ ими въ уѣзды лицахъ. Во то же время было лишено мѣстъ множество земскихъ учителей и учительницъ. Чрезвычайному тамбовскому губернскому земскому собранію не дозволено было обсуждать нижеслѣдующіе вопросы: о всеобщемъ обученіи, объ учительской семинаріи, объ изданіи мѣстнаго земскаго органа, о мелкой земской единицѣ и о пересмотрѣ правилъ объ учительскихъ курсахъ.

Курское земство получило отказъ на ходатайство объ организациіи всероссійскаго съѣзда представителей учреждений, вѣдающихъ начальное народное образованіе, для обсужденія мѣръ къ осуществленію всеобщаго обученія и о разрѣшеніи въ Курскѣ областного съѣзда учителей по народному образованію.

Ярославскому губернскому земству было отказано въ ходатайствѣ о предоставленіи представителямъ земства участвовать въ пересмотрѣ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ.

Въ іюнѣ 1903 г. въ г. Зѣньковѣ, Полтавской губерніи, былъ арестованъ гласный зѣньковского уѣзднаго и полтавскаго губернскаго земства И. Н. Присѣцкій, членъ училищной, ревизіонной и другихъ комиссій. Арестованъ онъ для отбытія наказанія—одного мѣсяца тюремнаго заключенія,—назначеннаго ему въ административномъ порядкѣ за то, что при обыскѣ, въ августѣ 1901 г. въ его имѣніи Климовѣ, найденъ былъ одинъ экземпляръ изданной за-границею записки Витте—«*Самодержавіе и земство*». Помимо ареста, Присѣцкому за такое «ужасное преступленіе» пришлось предварительно испытать особый надзоръ полиціи въ теченіе 1 года и 10 мѣсяцевъ ¹⁾).

Въ ночь съ 22 на 23 іюля 1903 г. на г. Торжокъ, Тверской губ., и его уѣздъ сдѣлали нашествіе петербургскіе жандармы и произвели громадное число обысковъ. Обыскивали члена уѣздной земской управы Цирга и его брата, врача; старшаго доктора земской больницы Бирштейна, члена правленія банка, Яковлева; былъ обыскъ въ имѣніи княгини Н. Т. Кропоткиной, у завѣдующей земскимъ книжнымъ складомъ Смирновой, въ самомъ складѣ и въ самой земской больницѣ, у учителя Френкея и у многихъ другихъ учителей и учительницъ. Г-жа Смирнова при этомъ была арестована.

Въ августѣ 1903 г. начальникъ тверскаго жандармскаго упра-

¹⁾ И. Н. Присѣцкій, братъ умершей на каторгѣ С. Н. Богомолецъ, въ теченіе 8 лѣтъ,—въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ,—находяся въ административной ссылкѣ въ Сибирь.

вленія, Урановъ, «ученикъ» Зубатова, произвелъ въ Твери свыше 80 обысковъ. При этомъ арестованы были: докторъ Вислоухъ и старѣйшій земець А. П. Апостоловъ. Преступленіе послѣдняго заключалось въ томъ, что при обыскѣ у него найденъ былъ одинъ экземпляръ, изданной за границею записки Витте—«*Самодержавіе и земство*», старая «*Отечественная Записка*» и дозволенная цензурою, но изъятая изъ обращенія въ библіотекахъ, книги. Въ октябрѣ 1903 г. въ Уфѣ были арестованы и высланы административнымъ порядкомъ въ Архангельскую губернію: завѣдующій земскими оцѣночными изслѣдованіями торгово-промышленныхъ заведеній, инженеръ Бриллингъ и завѣдующій статистическимъ отдѣленіемъ Пашковскій ¹⁾. Одновременно были арестованы и высланы на два года изъ предѣловъ губерніи врачи губернской земской больницы—Побѣльскій и Плаксинъ и два адвоката—Козловъ и Синицынъ.

Въ Мензелинскѣ, Уфимской губ., не былъ утвержденъ въ должности предсѣдателя управы избранный единогласно старый земець Мазуревскій, а въ Стерлитамакѣ—Депрейсъ.

Въ Тихвинѣ, Новгородской губерніи, не утвержденъ предсѣдателемъ С. Г. Бередниковъ, пробывшій ранѣе въ этой должности 18 лѣтъ и въ 1903 году выбранный на новое трехлѣтіе.

Саратовскій губернаторъ приостановилъ постановленіе балашовскаго земскаго собранія: 1) по вопросу о возбужденіи ходатайства предъ епархіальнымъ преосвященнымъ, «какъ стоящимъ на стражѣ духовныхъ интересовъ населенія»,—обратить вниманіе на глубокоприскорбные факты въ отношеніи духовенства къ земской школѣ, и о принятіи училищнымъ совѣтомъ мѣръ къ устраненію отъ законоучительства лицъ, обнаружившихъ явное враждебное отношеніе къ земской школѣ, нравственный уровень которыхъ несомнѣстимъ съ высокимъ званіемъ законоучителя; 2) о порученіи членамъ училищнаго совѣта отъ земства не присоединяться къ постановленіямъ совѣта и выражать письменно свой протестъ въ случаяхъ, когда они нашли бы увольненіе отъ должности данного лица незаслуженнымъ, докладывая о томъ, по точному разслѣдованію дѣла, собранію; 3) объ отклоненіи ходатайства училищнаго совѣта на ассигнованіе необходимой суммы для высылки школамъ 24 экземпляровъ журнала «Дружескія Рѣчи» и 4) о предоставленіи самой управѣ разсрочивать недоимки съ недвижимыхъ имуществъ частныхъ владѣльцевъ.

Въ Малоярославскомъ, Калужской губерніи, уѣздномъ земскомъ собраніи, при обсужденіи предложенія училищнаго совѣта о выпискѣ «Дружескихъ Рѣчей» во всѣ земскія школы, предсѣдатель собранія заявилъ, что «преній по этому вопросу онъ допустить не можетъ» и предложилъ прямо ассигновать 25 рублей ²⁾.

¹⁾ Кажется, одновременно уфимскій губернаторъ предписалъ губернской земской управѣ, чтобы она спрашивала его разрѣшенія не только на опредѣленіе тѣхъ или иныхъ лицъ на службу, но и при раздѣлѣ не состоящихъ на земской службѣ лицамъ «дѣльныхъ работъ».

²⁾ Скажемъ къ слову, что «Дружескія Рѣчи» кн. Мещерскаго, а затѣмъ и «Знамя» Крушевскаго положительно насильственно навязывались земскимъ школамъ. При этомъ также была привлечена Верховная Власть: для «Дружескихъ Рѣчей» было добыто. Высочайшее повелѣніе!

Орловское губернское земство получило отказъ по ходатайствамъ: 1) о допущеніи въ школьныя бібліотеки всѣхъ книгъ, не запрещенныхъ ученымъ комитетомъ для обращенія въ бібліотекахъ; 2) о приобрѣтеніи этихъ же книгъ для учительскихъ бібліотекъ, 3) объ образованіи при бібліотекахъ для сельскихъ школъ особыхъ отдѣловъ для взрослыхъ ¹⁾).

Прибѣгло правительство и къ инымъ мѣрамъ для воздѣйствія на земство.

Такъ, въ маѣ 1903 года Плеве таинственно приглашалъ къ себѣ нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей и обсуждалъ съ ними вопросъ объ упраздненіи земской статистики. За обѣдомъ, устроеннымъ земцами, Плеве «внушалъ» послѣднимъ, что «статистики—революціонеры», что они, прикрываясь подворными изслѣдованіями, на самомъ дѣлѣ, занимаются исключительно революціонной дѣятельностью.

Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что въ 1903 году въ государственномъ совѣтѣ былъ утвержденъ безобразнѣйшій проектъ Сипягина о земствѣ въ Витебской, Минской и Могилевской губерніяхъ и то, что въ концѣ 1903 года была назначена ревизія тверского и московскаго земства такимъ лицами, какъ Штурмеръ и Зиновьевъ ²⁾, то ни у кого не останется сомнѣнія, что Плеве не жалѣлъ энергіи, чтобы поставить непреодолимый шлюзъ для земскаго движенія ³⁾.

¹⁾ Отвѣтимъ кстати еще одинъ любопытный фактъ изъ орловской жизни. Городская комссія возбуждала въ 1903 году ходатайство о разрѣшеніи чествованія памяти уроженца Орла, знаменитаго писателя И. С. Тургенева, по случаю 25-ти-лѣтія со дня смерти, исполнившагося 22-го августа. На это послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Никакихъ 25-ти лѣтнихъ обилесей не признавать и праздновать ихъ особымъ образомъ воспретить“. Опять значитъ, для избѣжанія „шума“ была привлечена Верховная власть.

²⁾ Намъ придется говорить еще объ этихъ ревизіяхъ, а здѣсь замѣтимъ, что Зиновьевъ сначала заявилъ Д. Н. Шинону, что ревизія производится вслѣдствіе желанія Плеве поближе познакомиться съ земскимъ дѣломъ, но очень скоро выяснилось, что министръ внутреннихъ дѣлъ преслѣдуетъ исключительно полицейскія цѣли. Сыщики носились по земскимъ шоссе, по училищамъ, больницамъ и т. д. А Зиновьевъ все „критиковалъ“, кабрилличалъ и повышалъ тонъ при разговорахъ, какъ съ выборными земцами, такъ и съ служащими по найму.

³⁾ Конечно, усиленно разсыпалось и „Освобожденіе“. Въ концѣ 1903 г. случился провалъ освобожденскаго транспорта. По этому дѣлу были привлечены: приватъ-доцентъ с.-петерб. университета Е. В. Аничковъ и публичистка А. В. Борманъ, урожденная Тиркова. Въ обвинительномъ актѣ ихъ говорилось, между прочимъ, слѣдующее: „17 ноября 1903 г. на ст. „Вѣлоостровъ“, финляндской ж. д., находящейся въ предѣлахъ Петербургскаго уѣзда, при таможенномъ досмотрѣ вещей пр.-доц. Е. Аничкова, ѣхавшаго изъ Гельсингфорса въ С.-Петербургъ, въ карманѣ висѣвшей въ вагонѣ шинели Аничкова было обнаружено 7 экземпляровъ книги противоправительственнаго содержанія подъ заглавіемъ „Освобожденіе“, а также двѣ изданія редакціей журнала того же наименованія преступныя брошюры: „Самодержавіе и земство“ и „Матеріалы по рабочему вопросу“. Вслѣдъ за этимъ Аничковъ, обращаясь къ находившейся въ сосѣдствѣ кушѣ А. Борманъ, сказалъ ей по-французски: „ваши“. Въ виду сего, Аничковъ, а также и Борманъ были приглашены въ ревизионное помѣщеніе таможи, гдѣ при обыскѣ у нихъ, въ прикрѣпленныхъ подъ платьемъ мѣшкахъ, найдено слѣдующее: 1) у Аничкова 106 экз. журнала „Освобожденіе“ (№№ 4 и 5 за 1903 г.), а также по два экземпляра означенныхъ брошюръ: „Самодержавіе и Земство“ и „Матеріалы по рабочему вопросу“. Въ тотъ же день были произведены обыски въ квартирахъ, занимаемыхъ Е. Аничковымъ и А. В. Борманъ въ Петербургѣ, при чемъ у перваго ничего преступнаго не оказалось, у Борманъ же обнаружены: 1) №№ 1 и 2 1902 г. журнала „Особо-

Но, увы, изъ этого ровно ничего не вышло. Наоборотъ, въ 1903 г. земское движеніе сдѣлало громаднѣйшій успѣхъ.

Выдающіеся моменты этого движенія выпали на вторую половину 1903 года. Momentами этими были—земскій сѣздъ въ Ярославль и харьковскій сѣздъ, на который прямо изъ-за-границы прибыли основатели «Союза Освобожденія».

Въ Ярославль земцы воспользовались областнымъ сельско-хозяйственнымъ сѣздомъ, происходившимъ 15—25 августа. По инициативѣ предсѣдателя ярославской земской комиссіи по народному образованію, избѣстнаго Ярославскаго и общественнаго дѣятеля, кн. Д. И. Шаховскаго къ этому сѣзду была приурочена «вторая» выставка по народному образованію, подобная «первой», бывшей, какъ мы знаемъ, въ 1902 году въ Курскѣ.

Вотъ на эту-то выставку и были приглашены земцы съ предложеніемъ экспонировать предметы, относящіеся къ дѣлу народнаго образованія. Выставка эта имѣла полный и заслуженный успѣхъ и въ свое время была подробно описана какъ въ періодической прессѣ, такъ и въ выпущенномъ отдѣльнымъ изданіемъ «Отчетъ по областной сельско-хозяйственной и культурно-просвѣтительной выставкѣ сѣвернаго края 1903 г.». Не менѣе удаченъ, по своимъ результатамъ, былъ и сѣздъ земскихъ дѣятелей. Совѣщанія ихъ и бесѣды были и открытыя, и частныя. Открытія происходили въ засѣданіяхъ различныхъ комиссій и на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ, а частныя—въ квартирахъ и гостинницахъ. По настроенію и рѣчамъ, произносившимся и въ отдѣльныхъ, и частныхъ засѣданіяхъ, ярославскій сѣздъ былъ несра-

жаніе»; 2) 4 отдѣльныхъ оттиска изъ этого изданія, со статьями: «Отъ русскихъ конституціоналистовъ»; 3) брошюры: «Докладъ Воронежскаго уѣднаго комитета о нуждахъ с.-х. промышленности» (4 экз.) и «Иволгинія русской социалистической мысли». Изъ коихъ первая издана редакціей «Освобожденіе», а вторая «партией социалистовъ-революционеров» и 4) искаженная почеркомъ Аничкова рукописная записка съ редакціонными измѣненіями въ текстъ, начинающаяся словами: «Въ странѣ беззаконіе, насиліе и молчаніе» и написанная по поводу отзывовъ критики Буренина и редактора «С.-Изм. Вѣст.» Столиннича о редакторѣ «Освобожденія» Петрѣ Струве. Статья эта заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія выраженія: «Въ странѣ беззаконія, насилія и молчанія слишкомъ громко прозвучали, наконецъ, голоса открыто конституціоналистическаго органа П. В. Струве, чтобы волки, шакалы и совы нашей подцензурной прессы не успѣли поставить преграды его растущему вліанію». «Великое дѣло русскаго освобожденія—дѣло наше, всѣхъ насъ, здраво понимающихъ благо своей родины, русскихъ людей. Мы приветствуемъ его на его главномъ пути борьбы съ главными и важнѣйшими зломъ русской земли: съ обветшалымъ и затхлымъ самодержавіемъ, опирающимся на продажное и бездарное, пагубное для Россіи чиновничество». Изъ приобщенныхъ къ дѣлу номеровъ журнала «Освобожденіе» и выпущенныхъ редакціей его отдѣльныхъ брошюръ, зятыхъ у Борманъ, усматривается, что означенный органъ издается за-границей, въ Штутгартѣ, подъ редакціей П. В. Струве, при чемъ изощренныя какъ въ журналѣ, такъ и въ упомянутыхъ брошюрахъ статьи, корреспонденція, записки и пр. направлены къ возбужденію русскаго населенія къ виспроверженію установленнаго закономъ самодержавнаго образа правленія для замѣны такового конституціоннымъ строемъ». Дѣло это слушалось при закрытыхъ дверяхъ, такъ что не пускали даже родственниковъ обвиняемыхъ, при чемъ Аничкова приговорили къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и премуществъ и отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія срокомъ на 2 года и 6 мѣсцевъ, а Борманъ—къ заключенію въ тюрьмѣ на тотъ же срокъ. Последняя, однако, скрылась послѣ суда за-границу и не отбывала наказанія.

венно оппозиціоннѣ «слета» на Курской выставкѣ. Тутъ уже прямо высказывалась необходимость тѣсной организаціи оппозиціонныхъ элементовъ и активнаго противодѣйствія всеудушашей дѣятельности правительства ¹⁾). И одно изъ такихъ «противодѣйствій» было осуществлено въ Ярославлѣ же, на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ. Въ качествѣ, членовъ въ этотъ сѣздъ вошли и сѣхавшіе въ Ярославль земцы, и «третій элементъ», не только не имѣющій никакого отношенія къ сельскимъ хозяевамъ, но и не владѣвшій ни единою пядью земли. Это были такіе же «сельскіе хозяева», какъ «кустари» въ Полтавѣ. Вотъ этотъ-то «третій элементъ» совмѣстно съ земскою оппозиціею и учинили противодѣйствіе правительству на сѣздѣ аграріевъ. Дѣло произошло такимъ образомъ. Ярославскій губернаторъ Роговичъ, «другъ» Плеве, неизвѣстно почему запретилъ заслушать на сѣздѣ докладъ владимірскаго земскаго статистика А. В. Смирнова— «Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ». О такомъ отношеніи губернатора къ докладу было извѣстно раньше засѣданія, на которомъ онъ долженъ былъ заслушанъ. Тогда, часть членовъ сѣзда, куда входили земцы и «третій элементъ» устроили совѣщаніе, на которомъ рѣшили протестовать противъ административнаго произвола ²⁾). Въ день засѣданія, когда по программѣ долженъ былъ читаться докладъ Смирнова, предсѣдатель, Кудрявый, сообщилъ, что получилъ отъ губернатора бумагу, въ которой требуется снять этотъ докладъ съ очереди. Вслѣдъ за этимъ одинъ изъ членовъ сѣзда громогласно заявилъ протестъ: «снятіе доклада стѣсняетъ свободу сѣзда и лишаетъ его возможности исполнить возложенную на него задачу: вѣдь, снять докладъ, уже пропущенный распорядительнымъ совѣтомъ сѣзда; къ тому же занятія сѣзда не публичны». Послѣ этого поднимается кн. Д. И. Шаховской и предлагаетъ проектъ такой резолюціи: «областной сѣздъ, освѣдомленный о снятіи съ его обсуждения, по распоряженію г. ярославскаго губернатора, докладъ А. В. Смирнова выражаетъ сожалѣніе о случившемся и, признавая, что настоящее дѣйствіе г. губернатора лишаетъ сѣздъ возможности исполнить возложенное на него важное дѣло, постановилъ: принести жалобу на дѣйствія г. ярославскаго губернатора г. министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ» Кто-то предложилъ послать жалобу немедленно телеграммою. И это предложеніе было принято. Тогда нижегородскій губернский земскій агрономъ Ткаченко сказалъ: «Господа! При такомъ нарушеніи элементарныхъ правъ сѣзда едва-ли возможно продолженіе дальнѣйшихъ занятій

¹⁾ На одномъ изъ большихъ частныхъ совѣщаній въ Ярославлѣ произошелъ такой инцидентъ. Губернаторъ Роговичъ, узнавъ, что въ Ярославлѣ находится в опальный кн. П. Д. Долгоруковъ, написалъ ему письмо съ просьбою оставить г. Ярославль. Доставить это письмо онъ поручилъ, если не ошибаюсь, самому полиціймейстеру. Тотъ искалъ Долгорукова по всему городу и, наконецъ, явился въ квартиру, гдѣ было совѣщаніе. Но П. Д. вышелъ въ прихожую, такъ что полиціймейстеръ сначала, кажется, не сообразилъ, что посылъ на тайное собраніе, на которыхъ было много народныхъ учителей и «третьяго элемента». Но когда мы выходили, благополучно закончивъ бесѣду, то уже видѣли полицію. Однако неблагопріятныхъ послѣдствій не было.

²⁾ Не сообщаемъ фамилій участниковъ, такъ какъ не имѣемъ на это разрѣшенія.

до получения отвѣта министра на телеграмму». Раздались дружные аплодисменты, и залъ моментально опустѣлъ. Оппозиціонная часть членовъ отправилась послѣ этого въ гостиницу и устроила нѣчто въ родѣ банкета. По адресу правительства говорились болѣе чѣмъ откровенныя рѣчи, въ которыхъ рѣзко осуждался произволъ. Между прочимъ, рѣшено было явиться на слѣдующій день на засѣданіе съѣзда и сдѣлать запросъ,—полученъ ли отвѣтъ отъ министра и, если не полученъ, разойтись опять. Такъ и было сдѣлано. Вице-президентъ ярославскаго сельско-хозяйственнаго общества Сабанаевъ выразилъ на это протестъ, но въ результатѣ, въ залѣ засѣданія остались лишь служащіе по вѣдомству министерства земледѣлія и другіе чиновники, а оппозиція ушла. Она опять собралась въ гостиницѣ и послѣ дебатовъ составили протестъ, подписанный 63 лицами.

Какъ разъ въ это время черезъ Ярославль проѣзжалъ Плева. Онъ направлялся, кажется, въ свое имѣніе и ѣхалъ по Волгѣ. Возмущенный оппозиціею съѣзда, ярославскій губернаторъ, Роговичъ, пользовавшійся, какъ мы говорили, расположеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, пожаловался послѣднему.

Этотъ доносъ отразился, между прочимъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при посѣщеніи Нижняго-Новгорода, Плева бесѣдовалъ съ представителями различныхъ учреждений. Между прочимъ, предсѣдателю нижегородской губернской земской управы онъ говорилъ: «На этотъ разъ начну съ непріятности. Вашъ губернскій агрономъ, какъ передалъ мнѣ ярославскій губернаторъ, накуражилъ на ярославскомъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ. Подробности не знаю, но если это было такъ, какъ мнѣ передано, то агрономъ долженъ быть удаленъ съ земской службы».

Отправившись затѣмъ въ больницу губернскаго земства, Плева и тамъ продолжалъ говорить о дѣяніяхъ агронома Ткаченко въ Ярославлѣ. «За послѣднее время—сказалъ при этомъ министр—завелся микробъ общественнаго скандала, мѣшающій мирному теченію дѣлъ въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ». Плева убѣждалъ земцевъ, что «третій элементъ, будирующій общество, не долженъ быть терпимъ на земской службѣ». Съ чувствомъ негодованія министръ указалъ, что этотъ элементъ беретъ на себя на собраніяхъ руководящую роль, «не будучи облеченъ общественнымъ довѣріемъ». Плева такъ возненавидѣлъ неизвѣстнаго ему нижегородскаго агронома Ткаченко, на основаніи доноса ярославскаго губернатора Роговича, что согласился посѣтить губернскую управу лишь при условіи, «чтобы губернскаго агронома между служащими управы не было, ибо я боюсь обойтись съ нимъ слишкомъ сурово».

Въ концѣ сентября 1903 года, какъ мы уже упоминали, состоялся громадный земскій съѣздъ въ Харьковѣ, имѣвшій несравненно большія послѣдствія, чѣмъ устроенный въ этомъ же городѣ съѣздъ 22 года тому назадъ, въ 1881 г.

Для этого съѣзда земцы воспользовались всероссійскою выставкою животноводства, устроенной харьковскимъ губернскимъ земствомъ совмѣстно съ харьковскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ.

Къ съѣзду заранѣе были сдѣланы приготовленія, причемъ «осво-

божденцы» позаботились о подысканіи конспиративной квартиры для своихъ частныхъ засѣданій ¹⁾).

На этихъ частныхъ засѣданіяхъ заслушаны были доклады пріѣхавшихъ въ Харьковъ изъ-за-границы,—какъ мы уже говорили,—основателей «Союза Освобожденія». Въ общемъ программа его была одобрена и тутъ же былъ набросанъ проектъ организациі отдѣловъ «Союза» во всей земской и, по-возможности, неземской Россіи. Какъ ни грандіозенъ былъ этотъ планъ, но для земства осуществить его было не трудно. Мы уже не разъ говорили, что земская организациія, въ сущности говоря, давно существовала.

Выступленіе губернскихъ земствъ, въ качествѣ объединителей дѣятельности уѣздовъ, еще въ началѣ 90-хъ годовъ создало уже правильное представительство въ губерніи уѣздовъ по различнымъ земско-общественнымъ вопросамъ. Изъ этого земскаго представительства не трудно было создать и представительство политическое. Слѣдовало только дать опредѣленный лозунгъ, поднять, такъ сказать, знамя и собрать подъ нимъ всю громадную земскую рать отъ народныхъ учителей въ деревенской глуши до земскихъ организациій въ губернскихъ городахъ. Но мы знаемъ, что у земства связи шли и дальше: представители науки, литературы, столичная интеллигенція, всевозможныя просвѣтительныя, сельско-хозяйственныя и другія организациі—все это, какъ мы видѣли, было соединено съ земствомъ самыми тѣсными узами.

Поэтому въ Харьковѣ въ общихъ чертахъ намѣчался нижеслѣдующій планъ, вытекающій изъ дѣйствительности, и соотвѣтствующій болѣе чѣмъ 40-ка-лѣтнему земскому представительству, выработавшему уже историческія, такъ сказать, традиціи.

Въ обѣихъ столицахъ и въ каждомъ губернскомъ городѣ земскихъ губерній организуются губернскія отдѣленія «Союза Освобожденія». Они, считаясь съ мѣстными условіями и всѣми особенностями своей губерніи, организуютъ уѣздныя отдѣленія, а эти послѣднія—сельскія отдѣленія. При посредствѣ правильнаго представительства, села объединяются въ уѣздныхъ городахъ, а уѣздные города—въ губернскомъ городѣ, въ которомъ сосредоточены: центральная касса изъ членскихъ взносов, взимаемыхъ на основѣ подоходности, центральный складъ литературы, общегубернская агентура по всевозможнымъ надобностямъ и т. п. Нѣсколько губерній, по ихъ естественно-исто-

¹⁾ При этомъ произошла такая инцидентъ. Одна домохозяйка г. Харькова, социаль-демократъ по убѣжденіямъ, охотно согласилась дать свое помѣщеніе для совѣщаній «освобожденцевъ». Адресъ этой квартиры и былъ сообщенъ въ разное время Россіи. Какъ вдругъ утромъ въ день съѣзда у этого домовладѣльца былъ произведенъ обыскъ и поставлена позиція, а вечеромъ должны были въ этотъ домъ пріѣхать земцы. Пришлось тогда разставитъ собственнику «стражу» и на вокзалѣ, и на улицѣ, гдѣ расположеноиъ домъ. Въ концѣ концовъ всѣхъ успѣли предупредить, и все обошлось благополучно. На другой же день двое видныхъ харьковскихъ земскихъ дѣятелей сняли частную квартиру на свое имя, поселились въ ней и устраивали у себя засѣданія. Кромя того, засѣданія происходили въ квартирѣ одного писателя. Не сообщаетъ фамиліи дѣйствующаго лица, потому что не успѣли заручиться согласіемъ. Отмѣтимъ только, что въ этомъ приняло участіе 6 харьковскихъ земцевъ, жившій въ Харьковѣ писатель, 2 земца изъ Курска, 1 земецъ и 1 представитель «третьяго элемента» изъ Чернигова, 1 земецъ изъ Ярославля, 1 профессоръ изъ Кіева, 1 представитель «третьяго элемента» изъ Одессы, 1 земецъ изъ Москвы и 1 писатель и одна писательница изъ Петербурга.

рическимъ условіямъ или по удобству путей сообщенія, объединялись въ области. Областной городъ, удобно расположенный по отношенію ко всѣмъ входящимъ въ область губерніямъ, сносился непосредственно съ центральнымъ комитетомъ, организуемымъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Центральный комитетъ завѣдывалъ всѣми дѣлами «Союза Освобожденія», занимаясь доставкой въ областные города заграничной литературы,—главнымъ образомъ «Освобожденія» и его изданій,—назначалъ общія собранія представителей отъ всѣхъ отдѣленій «Союза», а въ экстренныхъ случаяхъ дѣлалъ распоряженія безъ разрѣшенія собранія, при условіи сообщенія послѣднему о своихъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ безъ санкціи общаго собранія. По мѣрѣ силъ и возможности, центральный комитетъ долженъ былъ организовать отдѣленія «Союза» и въ не земскихъ губерніяхъ, при чемъ въ центральномъ комитетѣ должны быть правильно избранные представители отъ націй, входящихъ въ составъ Россіи, какъ поляки, финляндцы, кавказцы и т. п. Кромѣ того, какъ въ этомъ же комитетѣ, такъ въ областныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ желательное представительство всѣхъ существующихъ въ Россіи политическихъ партій и профессиональныхъ профессій: адвокатовъ, врачей, писателей, агрономовъ, представителей драматическаго искусства, всевозможныхъ рабочихъ организацій и крестьянскихъ, если таковые возникнутъ. Центральный комитетъ для своихъ расходовъ пользуется опредѣленнымъ процентомъ взносовъ, поступающихъ въ губернскіе комитеты.

Таковъ былъ, повторяемъ, грандіозный планъ, намѣченный въ Харьковѣ и въ послѣдствіи вполне осуществленный. Это произошло уже въ началѣ 1904 года, когда названный планъ, дополненный и оформленный, былъ санкціонированъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ названномъ году выработанъ былъ уставъ «Союза» и избранъ центральный комитетъ, названный «Совѣтомъ Союза Освобожденія» (переизбирался ежегодно).

Но объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а сейчасъ возвратимся къ историческому харьковскому съѣзду.

«Освобожденцы», совѣщаясь частнымъ образомъ по дѣламъ «Союза Освобожденія», въ то же время принимали самое близкое и энергичное участіе въ обще-земскомъ съѣздѣ, который работалъ и открыто, въ засѣданіяхъ комиссій по выставкѣ животноводства, и полулегально—въ гостиницахъ.

Въ составѣ обще-земскаго съѣзда были лица самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, но преобладали «шиповцы». Д. Н. Шиповъ, инициаторъ и, можно сказать, создатель обще-земскихъ съѣздовъ, придерживался, какъ мы уже говорили, славянофильскаго толка. Онъ, будучи противникомъ западно-европейскаго парламентаризма, желалъ примирить сѣмодержавный полицейско-бюрократическій строй съ новыми формами общественной и государственной жизни или, вѣрнѣе, возвратиться къ старой, до петровской Руси, къ «земскимъ соборамъ». Въ нашу задачу не входитъ ни критика, ни полемика съ представителями партій или какихъ бы то ни было направленій, а потому мы ограничиваемся лишь констатированіемъ факта для объективнаго, по возможности, изложенія исторіи земскаго движенія.

И вотъ, съ объективной точки зрѣнія, мы не можемъ не отмѣтить громадной заслуги Д. Н. Шипова въ смыслѣ объединенія земствъ еще въ то время, когда политическая сторона дѣла являлась достояніемъ лишь неширокихъ земскихъ сферъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что искренность Д. Н. Шипова, его полная терпимость къ другимъ взглядамъ, его деликатность дѣлали то, что на «шиповскихъ» съѣздахъ господствовали неограниченная свобода слова и мнѣній, а это обстоятельство давало возможность всесторонняго выясненія иныхъ точекъ зрѣнія и, слѣдовательно, — вербовки членовъ изъ состава шиповскихъ съѣздовъ въ другія организациі. Этою важною особенностью, конечно, не могли не пользоваться «освобожденцы». Помимо того, они придерживались правильнаго, по нашему мнѣнію, взгляда, что немислимо всѣхъ людей сдѣлать поклонниками одного направленія, а между тѣмъ каждый человекъ искренно стремившійся ко благу своей родины *чьмъ-нибудь* могъ быть полезенъ. Такъ, напримѣръ, въ программу «Союза Освобожденія», какъ мы видимъ, входитъ и «осуществленіе глубокихъ культурныхъ и правовыхъ преобразованій (школьная реформа, судъ и т. д.). Въ этой реформѣ всѣ участники «шиповскихъ» съѣздовъ могли оказать самыя существенныя услуги, такъ какъ никто изъ нихъ не былъ противникомъ широкаго образованія народа, хорошаго суда и т. п. Затѣмъ всѣ они стояли за широкое земское самоуправленіе, что также входило въ программу «Союза Освобожденія». Слѣдовательно, было бы не только не тактично, а прямо таки вредно, если бы «освобожденцы», фанатически придерживаясь каждаго пункта своей программы, игнорировали «шиповцевъ». Кромѣ послѣднихъ, на харьковскомъ съѣздѣ были чистые конституціоналисты, не-демократы, которые уже не только въ сферѣ культуры и самоуправления ничѣмъ не рознились отъ «освобожденцевъ», но раздѣляли и ихъ политическіе взгляды. Словомъ «освобожденцы» поступали такъ, какъ когда они представляли лишь земскую оппозицію: занимая центральное положеніе, они дѣйствовали на нѣсколько фронтовъ, стремясь, по земской традиціи, объединять, — несогласныхъ съ ними въ цѣломъ, — по отдѣльнымъ пунктамъ своей программы.

Такая тактика дала для «освобожденцевъ» богатые результаты на харьковскомъ съѣздѣ. Въ цѣломъ съѣздѣ былъ настроенъ весьма оппозиціонно, при чемъ рядъ членовъ съѣзда, пользуясь всякимъ случаемъ, выдвигали въ комиссіяхъ по выставкѣ чисто конституціонныя требованія, не говоря уже о разныхъ указаніяхъ на произволъ администраціи, на преслѣдованія печати, на невозможныя условія, въ которыя поставлено земство, и т. п.

Въ Харьковѣ же рѣшено было устроить съѣздъ въ началѣ 1904 г. въ Петербургѣ, во время предполагавшихся тамъ съѣзда и выставки по техническому образованію. И все это происходило въ самый разгаръ реакціи, руководимой Плеве, въ тотъ моментъ, когда онъ избобрѣталъ все новыя и новыя пути для страны, особенно налегая на земство.

Въ самомъ концѣ 1903 года диктатору былъ приподнесенъ еще сюрпризъ, въ видѣ единообразныхъ постановленій очередныхъ губерни-

скихъ земскихъ собраній ¹⁾, о которыхъ мы выше упоминали. Въ виду однообразія этихъ постановленій, сдѣланныхъ согласно петербургскаго «собесѣдованія», мы приведемъ свѣдѣнія лишь о нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ.

Такъ, на костромскомъ губернскомъ земскомъ собраніи гласный Ю. А. Спасскій считалъ необходимымъ къ предлагаемому ходатайству сдѣлать дополненіе, чтобы, кромѣ мѣстнаго обсужденія законопроектовъ на земскихъ собраніяхъ, были приглашаемы въ центральныя и мѣстныя правительственныя учрежденія земскіе представители, избранные губернскимъ земскимъ собраніемъ и чтобы земскимъ представителямъ на этихъ совѣщаніяхъ была гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности при обсужденіи земскихъ вопросовъ. Губернское собраніе, принявъ предложеніе губернской управы, поддержанное подготовительной комиссіей, а также предложеніе гласнаго Ю. А. Спасскаго, постановило возбудить соотвѣтствующія ходатайства.

Костромской губернаторъ, признавая, что возбужденное губернскимъ собраніемъ, въ числѣ другихъ ходатайствъ, ходатайство предъ правительствомъ о томъ, чтобы представителямъ земства была гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности при обсужденіи вопросовъ по дѣламъ земства,—не имѣетъ никакого отнoшенія къ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ, ввѣреннымъ попеченію земскихъ учрежденій, передалъ постановленіе собранія въ указанной части на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Присутствіе, согласившись съ заключеніемъ губернатора, опредѣлило отмѣнить постановленіе губернскаго земскаго собранія въ части его, касающейся возбужденія предъ правительствомъ ходатайства о томъ, чтобы представителямъ земства была гарантирована свобода слова и неприкосновенность личности при обсужденіи вопросовъ по дѣламъ земства.

Курская губернская земская управа представляла очередному губернскому собранію докладъ «по вопросамъ, связаннымъ съ поѣздкой предсѣдателя губернской управы въ Петербургъ для участія въ комиссіяхъ объ упадкѣ средне-черноземныхъ губерній и по народному продовольствію» и въ этомъ докладѣ, между прочимъ, предлагала возбудить ходатайства предъ правительствомъ: 1) о передачѣ законопроектовъ, касающихся мѣстной хозяйственной жизни на заключеніе земскихъ собраній, 2) чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію въ правительственныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ правительство признаетъ нужнымъ участіе земскихъ дѣятелей, сообщались предварительно земскимъ собраніямъ и 3) чтобы въ эти комиссіи приглашались земскіе люди по выбору земскихъ собраній.

---

¹⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что и уѣздныя очередныя земскія собранія 1903 года не могли порадовать Шлеве. Достаточно сказать, что Зарайское, Сѣвское, Пронское, Крестецкое, Слободское, Водичское, Малмыжское, Новосильское, Уржумское, Скопинское, Харьковское, Вязниковское, Ливенское, Владимірское, Сызранское, Анащевское, Валуйское, Гжатское, Тамбовское, Илѣозерское, Вирюченское, Изгнское, Коломенское, Муромское, и многія другія уѣздныя земскія собранія высказались за пониженіе выборнаго деenza, за право сельскимъ обществамъ непосредственно избирать гласныхъ, за избирательное право женщинъ и т. п.

Докладъ этотъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, остался не разсмотрѣннымъ собраніемъ очередной сессіи 1903 г., но при обсужденіи собраніемъ доклада губернской управы «о приостановленіи введенія въ дѣйствіе закона 12 іюня 1902 г. о ветеринарно-полицейскихъ мѣраxъ»—гласный А. Н. фонъ-Рутценъ, отмѣчая съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія, что представленія губернскихъ земствъ побудили правительство приостановить введеніе закона 12 іюня 1902 г. измѣнить его, предложилъ возбудить ходатайство о томъ, чтобы законопроекты, касающіеся мѣстныхъ пользы и нужды, предлагались на обсужденіе земскихъ собраній, а также о томъ, чтобы въ случаѣ желанія правительства ознакомиться при выработкѣ ихъ съ мнѣніемъ мѣстныхъ дѣятелей, назначеніе таковыхъ въ комиссіи и совѣщанія было предоставлено земскимъ собраніямъ. Это предложеніе было принято собраніемъ единогласно, но постановленіе собранія было по протесту губернатора отмѣнено губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Московское губернское земское собраніе, согласно предложенію управы въ докладѣ ея «о новыхъ правилахъ о ветеринарно-полицейскихъ мѣраxъ» единогласно постановило: 1) возбудить ходатайство предъ правительствомъ, чтобы составляемые въ центральныхъ учрежденія, въ цѣляхъ удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни, а слѣдовательно и нуждъ Московской губерніи, законопроекты были предлагаемы, прежде внесенія ихъ на уваженіе Государственнаго Совѣта, на разсмотрѣніе московскаго губернскаго земскаго собранія; 2) принимая во вниманіе, что въ послѣднее время къ участию въ совѣщаніяхъ при центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, касающихся мѣстной жизни, приглашаются представители нѣкоторыхъ губернскихъ управъ и признавая по существу дѣла желательнымъ, чтобы къ участию въ такихъ совѣщаніяхъ были приглашаемы представители земскихъ учреждений изъ всѣхъ губерній,—возбудить предъ правительствомъ ходатайство, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлечь къ участию въ совѣщаніяхъ при центральныхъ учрежденіяхъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались и изъ Московской губерніи, при чемъ: а) губернскому земскому собранію было бы предоставлено уполномочивать по его усмотрѣнію участвовать въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого-либо изъ состава губернской управы, или изъ состава собранія и б) губернское собраніе, одновременно съ предложеніемъ намѣтить своего представителя, было бы поставляемо въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи.

Затѣмъ собраніе принимая во вниманіе производящійся пересмотръ положенія 19 февраля 1861 г., большинствомъ противъ одного голоса постановило—возбудить въ установленномъ порядкѣ ходатайство о томъ, чтобы имѣющіе быть выработанными законопроекты по пересмотру положенія о крестьянахъ были предложены прежде внесенія ихъ на уваженіе государственнаго совѣта, на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія.

Нижегородской губернской земской управой былъ представленъ собранію особый докладъ—«о командировкахъ предсѣдателя и членовъ

нижегородской губернской земской управы по вызову высшего правительства. Представилъ отчетъ объ участіи предсѣдателя и членовъ управы въ разныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ по различнымъ вопросамъ земскаго хозяйства и разработкѣ нѣкоторыхъ законопроектовъ, относящихся къ области дѣятельности земства, губернская управа въ своемъ докладѣ коснувшись вопроса—насколько обезпечивается тѣмъ способомъ приглашеній, который былъ принятъ въ указанныхъ случаяхъ, выраженіе мнѣнія земства, замѣчала, что согласованность выраженного мнѣнія съ мнѣніемъ земства, при данныхъ условіяхъ, подтверждена случайностямъ. Въ заключеніи доклада управа высказала мнѣніе, что въ эту сферу дѣятельности земства поставленную на очередь самимъ высшимъ правительствомъ путемъ вызова съ мѣстъ земскихъ дѣятелей, желательно внести больше опредѣленности, что могло бы быть достигнуто, если бы земскіе дѣятели въ этихъ случаяхъ приглашались изъ всѣхъ губерній, при чемъ собранія могли бы уполномочивать ихъ не только изъ состава управъ, но и изъ состава гласныхъ, кромѣ того было бы весьма желательно, чтобы собранія были освѣдомлены о предметахъ, подлежащихъ обсужденію, дабы имѣть возможность сообщить свои указанія.

Губернское собраніе единогласно согласилось съ докладомъ и высказалось за желательность возбужденія предъ правительствомъ соотвѣтствующаго ходатайства. Это постановленіе, опротестованное губернаторомъ, было внесено на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, которое нашло, что губернское земское собраніе, высказавшись за возбужденіе указаннаго въ докладѣ управы ходатайства, вышло изъ круга вѣдомства, предоставленнаго ему закономъ, и отмѣнило постановленіе собранія.

Новгородское губернское земское собраніе при обсужденіи доклада губернской управы о народномъ продовольствіи, признавъ нужнымъ повторить ходатайство, возбужденное въ прошломъ году о приглашеніи представителей новгородскаго земства къ участію въ предполагаемомъ составленіи новаго общаго продовольственнаго устава, съ правомъ рѣшающаго голоса и о препровожденіи проекта продовольственнаго устава на предварительное разсмотрѣніе земскаго собранія—постановило дополнить ходатайство о приглашеніи представителей новгородскаго земства словами «по выбору земскихъ собраній».

Вслѣдъ за этимъ постановленіемъ гласный А. М. Колюбакинъ предложилъ собранію возбудить ходатайство, чтобы земскимъ собраніямъ было предоставлено право выбора представителей, когда правительство находитъ нужнымъ приглашать при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ мѣстныхъ людей. Возбужденный А. М. Колюбакинъ вопросъ, по предложенію предсѣдателя собранія, былъ переданъ собраніемъ въ засѣданіи его 14 января 1904 г. на предварительное разсмотрѣніе комиссіи. 24 января, когда предложено было разсмотрѣть заключеніе комиссіи по этому вопросу, предсѣдатель собранія заявилъ, что ознакомившись съ вопросомъ въ комиссіи, снимаетъ съ очереди докладъ комиссіи о ходатайствѣ предъ правительствомъ относительно передачи на предварительное заключеніе земскихъ собраній проектовъ

законоположений, касающихся вопросов, входящих въ кругъ вѣдѣнія земствъ и о приглашеніи въ правительственныя комиссіи представителей земствъ по выбору земскихъ собраній, такъ какъ вопросы эти, по мнѣнію предсѣдателя собранія, не входятъ въ компетенцію земскаго собранія, объявивъ при этомъ, что недовольные распоряженіемъ могутъ обжаловать его въ Правительствующій Сенатъ.

Полтавская губернская земская управа представила очередному губернскому собранію докладъ «о возбужденіи ходатайства о томъ, чтобы законопроекты, затрагивающіе интересы Полтавской губерніи и подлежащіе по закону вѣдѣнію земскихъ учреждений, передавались на предварительное обсужденіе губернскаго земскаго собранія». Въ заключеніи этого доклада управа предлагала возбудить предъ правительствомъ два ходатайства: 1) о предварительной передачѣ на обсужденіе полтавскаго губернскаго земскаго собранія, выработанныхъ въ настоящее время административными органами законопроектовъ— о губернскомъ управленіи, о сельскомъ состояніи, о мѣстныхъ дорогахъ и другихъ, непосредственно относящихся къ Полтавской губерніи и входящихъ въ кругъ предоставленныхъ закономъ вѣдѣнію полтавскаго земства предметовъ и 2) чтобы всякій разъ, когда къ участию въ работахъ разныхъ комиссій при министерствахъ, имѣющихъ отношеніе къ Полтавской губерніи, привлекаются мѣстные люди, участвовали бы и гласные по выбору полтавскаго губернскаго земскаго собранія. Докладъ этотъ не былъ рассмотрѣнъ собраніемъ во время очередной сессіи и былъ вновь внесенъ губернской управой въ экстренное собраніе, открывшееся 11 мая с. г. Несмотря на то, что докладъ этотъ былъ допущенъ губернаторомъ къ рассмотрѣнію собраніемъ, предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства, заявилъ, что онъ сниметъ его съ обсужденія, во первыхъ въ виду того, что докладъ затрагиваетъ вопросъ государственной организаціи, который въ компетенцію губернскаго земства входитъ не можетъ, и во-вторыхъ, въ виду того, что не дальше, какъ мѣсяцъ назадъ учрежденъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ департаментъ по мѣстнымъ дѣламъ, при которомъ предположено создать отдѣльный совѣтъ, въ который будутъ входить представители земствъ.

Гласный *К. К. Арсеньевъ* внесъ въ *с.-петербургское* губернское земское собраніе слѣдующее предложеніе: принимая во вниманіе 1) что въ практикѣ с.-петербургскаго губернскаго земства имѣются случаи ходатайства о допущеніи губернскаго земскаго собранія или избранныхъ имъ представителей къ участию въ обсужденіи вопросовъ, близко касающихся земства и земской дѣятельности, 2) что въ настоящее время предстоитъ обсужденіе новыхъ узаконеній о крестьянахъ, долженствующихъ стать на мѣсто положенія 19 февраля 1861 г. и послѣдующихъ, изданныхъ въ дополненіе или измѣненіе ихъ, законодательныхъ актовъ, 3) что земскія учрежденія прямо заинтересованы въ наилучшей организаціи крестьянства, какъ наиболѣе многочисленной и наиболѣе нуждающейся въ поддержкѣ части земства и 4) что они заинтересованы равномѣрно и въ преобразованіи губернскихъ учреждений, среди которыхъ имъ принадлежитъ немаловажное мѣсто,—гласный предлагаетъ возбудить ходатайство о предоставленіи

с.-петербургскому губернскому земскому собранію возможности высказать непосредственно или черезъ избранныхъ имъ представителей свой взглядъ на вышеупомянутыя преобразованія, въ связи съ пользами и нуждами С.-Петербургской губерніи. Собраніе согласилось съ К. К. Арсеньевымъ.

Въ *тамбовскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи предсѣдатель губернской управы доложилъ записку, *подписанную 26-ью маснами*, по вопросу о выборѣ собраніемъ изъ своей среды лицъ для участія въ совѣщаніяхъ, въ которыя правительство признаетъ нужнымъ приглашать мѣстныхъ людей. Собраніе, послѣ преній, единогласно приняло положенія, высказанныя въ запискѣ и постановило возбудить ходатайство передъ правительствомъ о томъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ признано нужнымъ привлекать къ участию въ совѣщаніяхъ при министерствахъ мѣстныхъ людей, послѣдніе приглашались черезъ посредство губернскаго земскаго собранія и чтобы тамбовскому губернскому земскому собранію было предоставлено уполномочивать по его усмотрѣнію къ участию въ означенныхъ совѣщаніяхъ кого либо изъ состава губернской управы или изъ состава губернскаго собранія и чтобы губернское собраніе одновременно съ предложеніемъ назначить своего уполномоченнаго было поставлено въ извѣстность о предметѣ, подлежащемъ обсужденію въ предстоящемъ совѣщаніи и могло въ случаѣ, если оно признаетъ это нужнымъ преподать своему уполномоченному руководящія указанія; кромѣ того ходатайствовать, чтобы представитель Тамбовской губерніи на указанныхъ условіяхъ приглашался во всѣ такія совѣщанія. Затѣмъ собраніе, согласившись съ мнѣніемъ гласнаго Ю. А. Новосильцева, единогласно постановило: въ виду тѣхъ осложненій, которыя происходили въ прошломъ году въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, возбудить ходатайство о томъ, чтобы лица, участвующія въ подобныхъ совѣщаніяхъ, за выраженные ими мнѣнія не могли быть подвергнуты административнымъ изысканіямъ, а отвѣчали бы лишь по суду. Это послѣднее постановленіе было опротестовано тамбовскимъ губернаторомъ и отмѣнено губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ, какъ затрагивающее интересы только отдѣльныхъ лицъ, выразителемъ коихъ не могутъ быть признаны земскія учрежденія и какъ относящееся по существу къ предметамъ внутренняго государственнаго управленія.

Въ *тверскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи въ засѣданіи 10 декабря 1903 г. гласный И. И. Петрункевичъ внесъ слѣдующее предложеніе: Въ виду пересмотра въ настоящее время вопроса о крестьянахъ и тѣхъ законоположеній, которыми регулируется крестьянская жизнь и принимая во вниманіе, что около 80% населенія Тверской губерніи составляютъ крестьяне, интересы которыхъ тѣсно связаны съ интересами земства Тверской губерніи, обратиться съ ходатайствомъ къ правительству, чтобы, прежде чѣмъ заключенія комиссіи по пересмотру положенія о крестьянахъ обратятся въ законоположенія, вопросъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе тверскаго губернскаго земскаго собранія. Предположеніе о возбужденіи указаннаго ходатайства принято было собраніемъ громаднымъ большинствомъ. Въ допол-

неніе къ этому постановленію въ засѣданіи 13 декабря членъ губернской управы, Н. К. Милюковъ, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: Имѣя въ виду, 1) что въ настоящее время въ центральныхъ учрежденіяхъ разсматривается много законопроектовъ, касающихся интересовъ мѣстнаго населенія, его правъ и обязанностей, а также правъ и обязанностей земства, напримѣръ измѣненіе въ положеніи о начальныхъ училищахъ, законопроектъ о мѣстныхъ дорогахъ и др., 2) что въ эти учрежденія для разсмотрѣнія этихъ законопроектовъ приглашаются хотя и совершенно случайно по личному выбору того или иного министра или предсѣдателей комиссіи, представители земства и наконецъ 3) что земство не можетъ предвидѣть, какіе именно законопроекты будутъ обсуждаться въ ближайшемъ будущемъ.—Н. К. Милюковъ предложилъ губернскому земскому собранію ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ: 1) чтобы всѣ законопроекты, касающіеся интересовъ населенія Тверской губерніи, его правъ и обязанностей, а также правъ и обязанностей земства, передавались на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе земскихъ собраній Тверской губерніи, 2) чтобы заключенія земскихъ собраній Тверской губерніи по этимъ законопроектамъ передавались въ подлежащія вѣдомства и послѣдними имѣлись въ виду при составленіи окончательныхъ заключеній и 3) чтобы въ центральныя учрежденія, при разсмотрѣніи этихъ законопроектовъ и заключеній по нимъ земствъ Тверской губ., были приглашаемы лица, избранныя тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ съ правомъ голоса, одинаковымъ съ прочими членами этихъ учреждений. Предложеніе Н. К. Милюкова было принято собраніемъ большинствомъ противъ двухъ.

При обсужденіи въ *тульскомъ* губернскомъ земскомъ собраніи въ засѣданіи 17 декабря 1903 г. доклада губернской управы по поводу предложенія министерства народнаго просвѣщенія принять на счетъ казны жалованье учащимъ въ начальныхъ училищахъ, гласный Р. А. Писаревъ указалъ, что въ настоящемъ случаѣ министерство несомнѣнно проявляетъ стремленіе къ умаленію значенія земства въ дѣлѣ народной школы такъ же, какъ это было очевидно изъ проекта указа училищнымъ совѣтамъ, разсмотрѣннаго на сѣздѣ въ Москвѣ при учебномъ округѣ. Подобныя этому сѣзду обсужденія проектируемыхъ мѣропріятій могли бы предупредить трудное положеніе земства, которому пришлось уже ходатайствовать о непримѣненіи утвержденныхъ законовъ, напримѣръ, лѣчебнаго устава 1893 г. и ветеринарныхъ правилъ 1902 г. Гласный предложилъ собранію ходатайствовать о томъ, чтобы законоположенія, касающіяся мѣстныхъ нуждъ, передавались на предварительное обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній и затѣмъ, чтобы лица, вызываемыя правительственными учрежденіями для обсужденія этихъ законопроектовъ, были избираемы губернскими земскими собраніями. Предсѣдатель губернскаго собранія, губернский предводитель дворянства, заявилъ, что это предложеніе гласнаго Писарева будетъ обсуждаться какъ дополнительное къ предложеніямъ обсуждаемаго доклада управы по народному образованію, по окончаніи его разсмотрѣнія, но назначенное на 20 декабря 1903 г. предсѣдателемъ засѣданія, въ которомъ предстояло обсудить предло-

женіе гласнаго Писарева, не состоялось по случаю неприбытія въ собраніе ни предсѣдателя, ни лица его замѣняющаго. Такъ какъ собравшимся гласнымъ предстояло ожидать неопредѣленное время желаніе правящаго должность губернскаго предводителя дворянства вступить въ исполненіе своихъ обязанностей, то гласные разѣхались и вмѣстѣ съ вопросомъ, возбужденнымъ Р. А. Писаревымъ, остались не разсмотрѣнными еще нѣсколько докладовъ губернской управы.

Въ *уфимское* губернское земское собраніе былъ внесенъ докладъ предсѣдателя бирской земской управы по поводу участія его въ подготовительной при Особомъ Совѣщаніи комиссіи по составленію проекта положенія о мѣстныхъ дорогахъ. Гласный И. Г. Жуковский указалъ на слабыя стороны существующаго порядка приглашенія мѣстныхъ людей въ комиссіи и совѣщанія при центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ и предложилъ возбудить ходатайство, чтобы при предварительномъ обсужденіи законопроектовъ, тѣсно соприкасающихся съ мѣстными экономическими интересами, приглашались къ участію земскіе уполномоченные, избранные земскими собраніями и за симъ проекты такихъ законоположеній передавались на разсмотрѣніе земскихъ собраній. Собраніе единогласно согласилось съ этимъ предложеніемъ и постановило возбудить соотвѣтствующее ходатайство, но постановленіе это было опротестовано губернаторомъ и отмѣнено уфимскимъ губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Соединенная комиссія, ревизіонная и редакціонная, представила *харьковскому* губернскому земскому собранію обширное заключеніе по докладу губернской управы—объ исполненіи постановленій собранія. Въ первой части своего заключенія соединенная комиссія предлагала собранію обжаловать въ сенатъ цѣлый рядъ распоряженій администраціи, которыми нарушались права, предоставленныя земскимъ учрежденіямъ положеніемъ 1890 г., а во второй части комиссія оставливала вниманіе собранія на запискѣ земскихъ дѣтелей, представленной ими предсѣдателю комиссіи объ оскудѣніи центра, образованной при Особомъ Совѣщаніи, о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Соединенная комиссія считала необходимымъ и неотложнымъ поддержать зъ формѣ ходатайства пожеланіе, выраженное въ запискѣ земскихъ дѣтелей, о томъ, чтобы при обсужденіи предстоящихъ реформъ былъ выслушанъ голосъ земскихъ учрежденій и предлагала губернскому собранію возбудить слѣдующія ходатайства: 1) чтобы законопроектъ, касающійся преобразованій въ положеніи о сельскомъ состояніи, былъ, предварительно обсужденія его въ губернскихъ комитетахъ, переданъ на заключеніе экстренныхъ губернскихъ земскихъ собраній, 2) чтобы земскимъ собраніямъ было предоставлено выбрать въ губернскіе комитеты достаточное количество представителей (хотя по числу уѣздовъ, входящихъ въ составъ губерніи), 3) чтобы было предоставлено комитетамъ и губернскимъ собраніямъ обсуждать вопросъ во всей его полнотѣ и чтобы стремленіе къ полнотѣ обсужденія не вызывало негласныхъ административныхъ взысканій для участниковъ земскихъ собраній, 4) объ отмѣнѣ закона о предѣльности земскаго обложенія, 5) объ отмѣнѣ 2-го пункта 87 ст.

полож. о зем. учр., 6) о передачѣ на предварительное обсужденіе земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, касающихся реорганизаціи мѣстной жизни и мѣстныхъ учреждений, 7) о разрѣшеніи созывовъ обще-земскихъ създовъ для обсужденія вопросовъ, касающихся обще-земскихъ нуждъ и 8) чтобы земскіе представители, вызываемые въ Петербургъ въ правительственныя комиссіи, не назначались со стороны министерства, а избирались земскими собраніями. 17 декабря 1903 г. губернское собраніе заслушало докладъ управы «объ исполненіи постановленій собранія», чтеніе же заключенія по нему соединенной комиссіи было остановлено предсѣдателемъ собранія, губернскимъ предводителемъ дворянства, выразившимъ желаніе предварительно ознакомиться съ его содержаніемъ. На слѣдующій день предсѣдатель заявилъ, что докладъ комиссіи не будетъ имъ предложенъ на обсужденіе собранія въ виду того, что во второй части своего заключенія комиссія предлагаетъ возбудить ходатайства, «касающіяся не мѣстныхъ нуждъ, а общегосударственнаго порядка и законовъ», въ первой же части хотя комиссія и предлагаетъ принести жалобы, входяшія несомнѣнно въ кругъ компетенціи земскаго собранія, но «съ одной стороны является затруднительнымъ выдѣлить эту часть изъ доклада и кромѣ того въ мотивировкѣ этого заключенія комиссіей допущены нѣкоторыя соображенія, допустить которыя для предсѣдателя является невозможнымъ».

Такимъ образомъ правительство, въ лицѣ Плеве, добилось въ 1903 году объединенія земствъ не только на легальной, но и на нелегальной почвѣ, въ видѣ «Союза Освобожденія».

Но слѣдя, самодержавная бюрократія не считалась съ дѣйствительностью или, скорѣе всего, не знала о ней во всемъ объемѣ, и попрежнему продолжали свою реакціонную политику, ведя старый режимъ къ пропасти.

Этого достигла она уже въ 1904 году, къ обозрѣнію котораго и перейдемъ.

И. П. Блалонскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записка министра юстиці графа Палена ¹⁾.

Успѣхи революціонной пропаганды въ Россіи (1875 г.)

Въ началѣ 1874 г. въ нѣкоторыхъ изъ губерній средней и преимущественно восточной полосы Россіи, стали обнаруживаться признаки противоправительственной пропаганды: сначала темные и неопредѣленные, потомъ все болѣе и болѣе ясные и несомнѣнные, и, наконецъ, 31 мая того же 1874 года, было возбуждено въ городѣ Саратовѣ дознаніе о распространеніи въ народѣ книгъ революціоннаго содержанія. Первыми же дѣйствіями этого дознанія было установлено, что многіе молодые люди, изъ которыхъ нѣкоторые бросили ученье, одѣлись въ крестьянскіе костюмы, запаслись фальшивыми письменными видами и въ качествѣ простыхъ чернорабочихъ двинулись, по ихъ выраженію „въ народъ“, имѣя задачей проводить въ немъ, путемъ печатныхъ сочиненій и устной пропаганды, революціонныя идеи. Развиваясь далѣе, саратовское дознаніе обнаружило: во 1), что въ Москвѣ уже довольно продолжительное время существуетъ типографія, содержащая правительственнымъ стенографомъ Мышкинымъ и управляемая чиновникомъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора Уткинымъ, въ какой набирались и печатались книги и брошюры преступнаго содержанія, массою захваченныя въ Саратовѣ и долженствовавшія служить дѣлу распространенія въ народѣ вышеозначенной пропаганды; во 2), что пропаганда эта не ограничивалась какой либо отдѣльною мѣстностью, а развивалась въ большинствѣ великорусскихъ и малорусскихъ губерній; въ 3), что дѣятели ея вполнѣ между собою солидарны, какъ по направленію конечной цѣли, такъ и по самымъ приемамъ, средствамъ и способамъ своихъ дѣйствій. Произведенными дознаніями настолько уже выяснились въ настоящее время всѣ фазисы развитія въ Россіи преступной революціонной пропаганды, что представляется полная возможность съ вѣроятностью опредѣлить какъ ея общій характеръ, такъ и тѣ основанія и условія, въ силу существованія которыхъ въ самомъ обществѣ она могла принять столь обширные размѣры и выразиться въ столь прискорбныхъ проявленіяхъ.

Въ главныхъ чертахъ обнаружено слѣдующее: дѣло распространенія революціонной пропаганды есть дѣло не новое, выросшее и созрѣвшее лишь въ 1874 году.

¹⁾ Эта „записка“—образецъ политической мудрости нашей бюрократіи,—должна быть важнымъ историческимъ документомъ. Она была издана еще въ 70-хъ годахъ заграницемъ.
Ред.

Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ городахъ С.-Петербургъ и Москвѣ, въ средѣ учащейся молодежи стало проявляться стремленіе къ образованію ассоціацій, кружковъ съ цѣлью взаимнаго денежнаго вспоможенія, обмена мыслей и пополненія путемъ чтенія и бесѣдъ пробѣловъ школьнаго ученія. Эти кружки „самообразования“, какъ ихъ называли сами участники, въ началѣ имѣли лишь приведенную выше задачу и программа ихъ дѣятельности не переходила за предѣлы чисто—теоретическихъ, литературныхъ споровъ и юношескихъ увлеченій. Матеріальныя же средства, собираемыя другъ съ друга, шли исключительно на поддержку бѣдныхъ товарищей и покупку книгъ дозволеннаго содержанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что направленіе, принятое въ это время нашею, такъ называемою, обличительною литературой и систематическое преслѣдованіе нѣкоторыми изъ повременныхъ издавій, какъ заграничныхъ, такъ и мѣстныхъ, революціонныхъ тенденцій, болѣе или менѣе замаскированныхъ громкими фразами о нуждахъ, пользахъ и бѣдственномъ положеніи низшихъ классовъ народа, не могло пройти безслѣдно и не повліять на впечатлительную и незнакомую съ дѣйствительными условіями и потребностями государственной и экономической жизни народовъ молодежь, столь естественно стремящуюся въ своихъ мечтаніяхъ къ возможности недосягаемыхъ идеаловъ всеобщаго братства, равенства и свободы. И вотъ въ средѣ упомянутыхъ выше кружковъ „самообразования“, стали все чаще и громче подниматься и обсуждаться вопросы о причинахъ существованія и средствахъ облегченія и устраненія того безвыходно-бѣдственнаго, будто бы, положенія нашихъ рабочихъ классовъ, о которомъ писалось и говорилось на всѣхъ тонахъ и которое провѣрить и научить для учащейся молодежи не представлялось возможности. При сужденіяхъ объ этихъ предметахъ указывалось на безграмотность нашей народной массы, какъ на одну изъ главнѣйшихъ причинъ ея угнетеннаго положенія и на необходимость поэтому, прежде всего, озаботиться поднятіемъ уровня ея умственнаго и нравственнаго развитія.

Такими въ сущности еще совершенно безвредными кружками были первоначально кружки студентовъ Петербургскаго университета и академій: Медико-хирургической и Петровской земледѣльческой, а позднѣе и воспитанниковъ гимназій, семинарій и другихъ учебныхъ заведеній, какъ въ столицѣ, такъ и во многихъ губернскихъ городахъ: въ Саратовѣ, Пензѣ, Казани и пр.

Между тѣмъ, въ началѣ 1872 г. стали появляться въ средѣ учащейся молодежи, и при томъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ, книги и изданія заграничной прессы уже прямо революціоннаго характера и направленныя къ испроверженію существующаго въ Россіи государственнаго строя. Изданія эти, будучи произведеніемъ преимущественно русской эмиграціи, имѣющей въ свою очередь близкія сношенія съ Интернаціональнымъ обществомъ, провозились въ Россію или путемъ контрабанды, или лично возвращающимися изъ за-границы русскими путешественниками, которые пропитавшись тамъ теоріями Бакунина и другихъ ультра-демократовъ и социалистовъ, разносили по всѣмъ концамъ и классамъ Россіи ядъ преступныхъ ученій и демагогическихъ стремленій.

Такова между прочимъ личность Сергѣя Ковалекъ, получившаго образованіе въ кievскомъ университетѣ и бывшаго предсѣдателя съезда мировыхъ судей Мглинскаго округа Черниговской губерніи.—Развиваясь все болѣе и болѣе, поддерживаемая и руководимая во всѣхъ своихъ стремленіяхъ постоянными сношеніями съ заграничнымъ міромъ, русская революціонная партія

естественно должна была прежде всего обратить вниманіе на русскую учащуюся молодежь и, проникнув въ нее подъ именемъ „друзей народа“, стать во главѣ ея направленія въ качествѣ „глашатаевъ истины и добра“. Первою, образовавшеюся съ этой цѣлью партией, можетъ быть признана партія, такъ называемыхъ, чайковцевъ, дѣятельность которыхъ сначала проявилась въ С.-Петербургѣ, а потомъ раскинулась и далѣе. Вращаясь преимущественно въ средѣ молодежи и вербуя новыхъ adeptовъ, чайковцы проповѣдывали по бакунинскимъ рукописямъ негодность существующаго порядка; доказывали, что государство окончательно задавило и развратило русскую общину и что девизомъ того знамени, къ водруженію котораго слѣдуетъ стремиться всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ, должно быть: „разрушеніе всѣхъ государствъ, уничтоженіе буржуазной цивилизаціи, вольная организація снизу вверхъ посредствомъ вольныхъ союзовъ,—организація разнузданной народной черни всего освобожденнаго человѣчества, созданіе новаго общечеловѣческаго міра.“ (См. „Государственность и Анархія“ стр. 38). Поддѣлаваясь подъ взглядъ молодежи, лѣстя ея пылкимъ стремленіямъ и увлеченіямъ, называя ее честной и искренней, до конца преданной социально-революціонному дѣлу,—Бакунинъ указываетъ ей на тѣ средства, съ помощью которыхъ можно провести въ жизнь начала социализма, уничтоженіе и замѣну началъ государственныхъ. Средствами онъ признаетъ пропаганду въ народъ, пропаганду „боевую, бунтовскую“, утверждая при этомъ, что народъ всегда глубоко ненавидѣлъ и ненавидитъ государство, „всѣхъ его представителей, въ какомъ бы видѣ они предъ нимъ ни являлись“. Онъ доказываетъ далѣе, что народу необходимо выяснить его отчаянное положеніе, его силы для открытаго возстанія и тотъ способъ организаціи, съ помощью котораго учащаяся молодежь,—умственный пролетаріатъ, сольется съ народомъ и чернью и сдѣлается такимъ связующимъ звѣномъ всѣхъ недовольныхъ—между собою, массы—съ ея руководителями и поджигателями. Однимъ словомъ полное водвореніе „анархіи“ есть тотъ идеалъ къ достиженію котораго должны стремиться всѣ люди, желающіе добра народу. Какъ ни дико подобное ученіе, тѣмъ не менѣе сочиненія Бакунина и проповѣди его послѣдователей имѣли на молодежь поразительное и страшное вліяніе. Не встрѣчая нигдѣ опроверженія, сочиненія эти интересовали молодежь, какъ все запрещенное, увлекали ее, какъ лѣстяція ея инстинктамъ и стремленіямъ; наконецъ раздѣлялись и усвоивались ею какъ разрешающія мучительный вопросъ: „Что дѣлать“?

Съ этого времени (1873 г.) кружки „самообразованія“ теряютъ свой первоначальный, т. е. теоретическій характеръ и мало по малу переходятъ въ сходки съ ясно опредѣленнымъ направленіемъ социальнаго и демагогическаго свойства. Направленіе это растетъ и, наконецъ, подъ вліяніемъ появившихся около этого времени первыхъ выпусковъ, издаваемого за границей Лавровымъ (Миртовымъ), журнала „Впередъ“, въ началѣ истекшаго 1874 года кружки петербургскіе и московскіе приходятъ къ убѣжденію, что „пора идти въ народъ, пора начать дѣйствовать“. (?) Сходясь въ воззрѣніяхъ относительно главныхъ началъ и конечныхъ цѣлей своихъ ученій,—уничтоженіе существующаго порядка,—дѣятели революціонной пропаганды могутъ тѣмъ не менѣе быть раздѣлены на три отдѣльныя группы, отличающіяся другъ отъ друга тѣми средствами и приѣмами, которые каждый изъ нихъ признаетъ за наиболѣе успѣшныя и дѣйствительныя. Дѣятели первой группы утверждаютъ, что никакой научной подготовки не нужно, что достаточно одной грамотности

самыхъ элементарныхъ познаній, и что затѣмъ слѣдуетъ немедленно идти въ народъ подѣ видомъ простыхъ рабочихъ, мастеровыхъ, проповѣдывать въ его средѣ революціонныя идеи и готовить его къ открытому возстанію. Дѣятели второй группы утверждаютъ напротивъ, что для серьезнаго агитатора въ средѣ простого народа необходимы прочныя научныя знанія и нѣкоторая опытность, при чемъ, однако, отрицаютъ ученые дипломы и всякія аттестаты какъ средства, крайне деморализирующія и обращающія свободаго челоуѣка въ буржуа, т. е. въ раба извѣстной обстановки. Наконецъ представители третьей группы—и, быть можетъ, самой опасной—не только требуютъ серьезной научной подготовки и общаго образования, причемъ не отвергаютъ значенія дипломовъ и аттестатовъ, но признаютъ, что для дѣйствительно успѣшнаго и возможно быстро достиженія предположенной цѣли,—разрушенія существующаго строя, отнюдь нельзя ограничиваться революціонною пропагандою исключительно лишь въ средѣ простого народа, а слѣдуетъ каждому революціонеру дѣйствовать въ той средѣ, гдѣ онъ находится,—независимо отъ того, будетъ ли это сфера простого рабочаго, солдата, мастераго, или же учителя, акушерки, врача, вообще государственной службы.

Такимъ образомъ въ началѣ 1874 г. дѣятели революціонной пропаганды начинаютъ одновременно свою преступную дѣятельность въ разныхъ пунктахъ и сферахъ нашего общества. Обладая достаточною энергіею и кое какими матеріальными средствами, они не останавливаются ни передъ чѣмъ, не стѣсняются никакими условіями и препятствіями, организуютъ постоянныя между собою сношенія, при чемъ весьма искусно затемняютъ ихъ различными паролями, лозунгами, условными знаками и шифрами; весьма быстро проникаютъ въ высшія, среднія и низшія учебныя заведенія, семинарія, гимназіи и сельскія народныя школы; совращаютъ молодежь не только путемъ распространяемыхъ книгъ и устной пропаганды, но и путемъ близкихъ отношеній, съ имѣющимися въ нихъ средѣ въ немаломъ количествѣ молодыми женщинами и дѣвушками и къ концу 1874 г. успѣваютъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ и отдѣльныхъ агентовъ большую половину Россіи. Дознаніями раскрыта пропаганда въ 37 губерніяхъ.

Выдающіяся черты дѣятельности пропагандистовъ въ этихъ губерніяхъ выразились въ слѣдующемъ: 1) Въ Петербургѣ: а) значительное количество революціонныхъ кружковъ, дѣйствовавшихъ какъ на мѣстѣ, такъ и внутри Россіи, куда они посылали своихъ агентовъ; б) пропаганда въ заводскомъ и фабричномъ населеніи подѣ видомъ обученія грамотѣ, причемъ были заведены школы для рабочихъ у студентовъ Стаховскаго, Снегуба, Клеменса и отставнаго артиллерійскаго поручика Кравчинскаго; в) столярныя и сапожныя мастерскія у Богомолова и кузницы въ разныхъ мѣстахъ, устроенныя съ цѣлью обученія ремеслу молодыхъ людей, готовящихся идти въ народъ. Однимъ изъ главныхъ дѣателей въ Петербургѣ былъ князь Кропоткинъ, у котораго найдена программа пропаганды. 2) Въ Москвѣ: а) устроенная съ тою же цѣлью какъ и въ Петербургѣ столярная мастерская студента Флоренко и Войнаральскаго, сапожная того же Войнаральскаго, казака Глушкова и дворянина Дубенскаго; в) типографія стенографа Мышкина, въ которой печатались брошюры, предназначенныя къ распространенію въ народѣ; г) агенты, сносившіеся съ провинціальными кружками, доставляя имъ необходимыя свѣдѣнія о ходѣ дѣла; денежныя средства и книги; д) пропаганда отдѣльныхъ лицъ въ средѣ рабочаго класса. 3. Новгородская губернія: сельская школа дочери генераль-маіора

Софія Лешеръ-фонъ-Герцфельдъ. 4) Тверская губ.: кузница крестьянина Павла Григорьева, устроенная на средства пропагандистовъ одного изъ петербургскихъ кружковъ. 5) Ярославская губ.: а) обширная пропаганда, веденная въ средѣ мѣстныхъ крестьянъ помѣщикомъ Иванчицъ-Писаревымъ и нѣкоторыми другими лицами и б) открытая ими столярная мастерская. 6) Тамбовская губ.: а) оружейная мастерская мѣщанина Арева, служившая агентурой для тамбовскихъ дѣятелей и б) пропаганда въ разныхъ слояхъ общества. 7) Пензенская губ.: а) устройство отставнымъ поручикомъ Рогачевымъ, при содѣйствіи Войнаральскаго, особаго революціоннаго кружка изъ мѣстной учащейся молодежи, б) складъ напечатанныхъ въ типографіи противозаконныхъ брошюръ у акцизнаго надзирателя Жилинскаго; в) мелочная лавочка, устроенная Войнаральскимъ въ селѣ Степановкѣ для ближайшаго общенія съ народомъ и г) столярная мастерская мѣщанина Ершова. 8) Саратовская губ.: а) преступная дѣятельность какъ мѣстныхъ, такъ и прибывшихъ изъ Москвы и Петербурга революціонныхъ дѣятелей; б) заведенная ими сапожная мастерская, гдѣ былъ и складъ запрещенныхъ наданій и в) притоны для агитаторовъ у Цвѣтковой-Мейера и Софинскаго. 9) Самарская губ.: а) весьма дѣятельная пропаганда какъ мѣстныхъ, такъ и прїѣзжихъ агитаторовъ; б) два особыхъ мѣстныхъ кружка; в) притонъ на постояломъ дворѣ Фоминскаго и агентура писца Дегтерева и семинариста Пономарева; г) притонъ въ ригѣ у Кадьяна; д) пропаганда въ тюремномъ замкѣ. 10) Казанская губ.: а) агентура у студента Оачникова; б) дѣятельность членовъ Голоушевскаго кружка. 11) и 12) Въ Оренбургской и Уфимской губ. дѣятельность, такъ называемаго, Голоушевскаго кружка, первоначально образовавшагося въ Петербургѣ. 13) Въ Нижегородской губ.: а) пропаганда въ селѣ Павловѣ; б) притонъ у бывшихъ семинаристовъ Серебровскихъ; в) мѣстный кружокъ. 14) Въ Воронежской губ.: а) пропаганда школьнаго учителя Цебенко въ Острогожскѣ. 15) Курская губ.: дѣятельная пропаганда разныхъ лицъ и въ томъ числѣ помѣщицы Субботиной. 16) Харьковская губ.: три отдѣльные кружка Ковалька, дѣвнцы Андреевой и студента ветеринарнаго института. 17) Екатеринославская губ.: а) бовдарная мастерская, открытая на средства членовъ одесскаго кружка (Петръ Макаревичъ, Николай Жебуневъ), прусскаго подданнаго Ланганса. б) библіотека Павловскаго въ Таганрогѣ, изъ которой распространялись книги преступнаго содержанія. 18) Въ Подтавской губ.: а) ферма на хуторѣ помѣщицы Колесниковой, въ которой работали члены кievскаго и харьковскаго кружковъ. 19) Въ г. Одессѣ: а) кузница Николая Жебунова и б) особый кружокъ Макаревича и Волховскаго, присоединившійся къ кружку Жебуновыхъ. 20) Въ Киевской губ.: а) мѣстный кружокъ съ общимъ пригономъ пропагандистовъ подъ названіемъ „Коммуна“ и б) сѣздъ кружковъ Жебуновыхъ, на которомъ выработана ихъ программа. 21) Въ Черниговской губ.: а) кружокъ Жебуновыхъ и б) школы сельскихъ учителей: Сергѣя Жебунова, Михаила Каца и Трезвинскаго. 22) Въ Ковенской губ.: ферма помѣщицы Филиповой, устроенная членомъ кievскаго кружка Екатериной Брыжковской. 23) Въ Каменецъ-Подольской губ.: сельская школа учительницы Александры Охременко и учителя Топчаевскаго. Независимо отъ этого преступная революціонная дѣятельность какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и членовъ, открытыхъ въ другихъ мѣстахъ, кружковъ, обнаружена въ губерніяхъ: Херсонской, Орловской, Смоленской, Калужской, Тульской, Архангельской, Костромской, Владимірской, Вятской, Пермской, Томской, Могилевской, Тифлисской и Землѣ Войска Донскаго.

Всѣхъ привлеченныхъ нынѣ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознанію, произведенному въ этихъ губерніяхъ—770 изъ нихъ мужчинъ—612, женщинъ 158; подлѣ стражи — 265, на свободѣ, съ принятіемъ противъ нихъ другихъ мѣръ,—452; не розысканныхъ—53. Дознанія показали, что многія лица не молодые, отцы и матери семействъ, обеспеченныя и матеріальными средствами и болѣе или менѣе почетнымъ положеніемъ въ обществѣ, не только не противодействовали, а напротивъ нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе, помощь и поддержку, какъ бы не сознавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ. Такъ, довольно богатый землевладелецъ и мировой судья Пензенской губерніи, Эндауровъ способствовалъ укрывательству одного изъ главныхъ и опасныхъ дѣателей—Войнаральскаго, бывшаго прежде того мировымъ судьей въ Городищенскомъ уѣздѣ. Такъ жена оренбургскаго губернскаго жандармскаго управленія полковника Голоушева, не только не отклоняла своего сына отъ участія въ дѣлѣ преступной пропаганды, а напротивъ помогала ему совѣтами и свѣдѣніями. Такъ профессоръ Ярославскаго лицей Духовскій не только принималъ къ себѣ агитатора Ковалика, но познакомилъ его и, такъ сказать, ввелъ во внутреннюю жизнь студентовъ лицеевъ. Такъ весьма многіе изъ уроженцовъ Вятской губерніи, привлеченные къ дознанію въ качествѣ обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ оказались стипендіатами вятскаго земства, а предсѣдатель Вятской губернской управы Колотолъ, въ выборѣ лицъ на земскія должности совѣтовался со студентомъ казанскаго университета Овчинниковымъ (весьма сильно скомпрометированнымъ по дознанію) и безъ его рекомендаціи не давалъ мѣста. Такъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, земскій врачъ Португаловъ принималъ къ себѣ лицъ, заплѣдомъ скрывающихся отъ розысковъ правительственныхъ властей и помогая имъ продолжать свою преступную дѣятельность. Такъ весьма богатая и уже пожилая жевщина, помѣщица Софья Субботина не только лично и открыто вела революціонную пропаганду среди ближайшаго крестьянства, но склоняла къ тому же свою воспитанницу Шатилову, и дочерей, даже несовершеннолѣтнихъ, посылала доканчивать образованіе въ Цюрихъ.

Такъ Плетневъ, отецъ (бывшій Чембарскій казначей) прочитавъ найденную имъ у сына, гимназиста, книгу революціоннаго содержанія, прямо заявилъ, что готовитъ сына „для народа“. Но, къ его несчастію, правительство это преждевременно обнаружило. Такъ дочери дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Наталья Армфельдъ, Варвара Батюшкова и Софія Перовская, дочь генераль-майора Софія Лешеръ-фонъ-Герцфельдъ и многія другія, шли въ народъ, занимались полевыми поденными работами, спали вмѣстѣ съ мужчинами, товарищами по работѣ, и за всѣ эти поступки, повидимому, не только не встрѣчали порицанія со стороны нѣкоторыхъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, а напротивъ сочувствіе и одобреніе. И такихъ примѣровъ много. Примѣры эти, безъ сомнѣнія, должны служить подтвержденіемъ того убѣжденія, что успѣхъ пропагандистовъ зависитъ сколько отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, столько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникаютъ въ разные слои общества и отъ того сочувствія, которое они встрѣчаютъ. Такъ, напримѣръ, трое изъ самыхъ яркихъ вожаковъ крайней революціонной партіи: отставные артиллерійскіе поручики Рогачевъ и Кравчинскій и студентъ Клеменсъ проживали нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ семейныхъ домахъ города Москвы, отнюдь не скрывая, а напротивъ пропагандируя свои

ученія и направленія. И тотъ же вышеупомянутый Рогачевъ въ Пензенской губ. познакомился съ бывшимъ мировымъ судьей Войнаральскимъ, который затѣмъ и обратился въ одного изъ самыхъ ревностныхъ его послѣдователей, пожертвовавъ почти всѣмъ состояніемъ до 40.000 р. на дѣло революціонной пропаганды. Въ виду возможно большаго и быстрого ея распространенія въ городахъ и селахъ устраивались школы, мастерскія, рабочія артели и т. п. Такъ въ Петербургѣ и Москвѣ устроились мастерскія; сапожная, столярная слесарная, и кузнечная; въ Саратовѣ—сапожная, въ Одессѣ—кузнечная; въ Екатеринбургѣ—бондарная, въ губерніяхъ Полтавской, Курской, Ковенской на фермахъ проживали пропагандисты и готовились къ пропагандѣ среди земледѣльческаго класса.

Подготавливая себѣ среди рабочаго класса adeptовъ и помощниковъ, въ свою очередь, пропагандистовъ, вожаки этого дѣла распространили свои мысли и взгляды путемъ устной пропаганды, а также посредствомъ огромнаго количества книгъ и брошюръ, написанныхъ въ формѣ общедоступныхъ народныхъ разсказовъ. Таковы „Дѣдушка Егоръ“, „Митюха“, „Степные очерки“ Левитова, „Очерки фабричной жизни“ Голицынского, „Сила солону ломить“ и т. п. Во всѣхъ этихъ книжкахъ пропагандируется мысль о безвыходномъ положеніи рабочаго класса, объ эксплуатаціи его капиталомъ, о губельныхъ послѣдствіяхъ кулачества и, наконецъ, выставляются рѣзкіе примѣры успѣшнаго протеста со стороны задавленнаго крестьянства и вообще низшихъ классовъ. Къ подобнымъ книжкамъ, но уже съ болѣе опредѣленнымъ бунтовскимъ направленіемъ, относятся брошюры „О Степкѣ Разинѣ“, въ комъ восхваляются и воспѣваются его дѣятели и казни, какъ подвиги великаго гражданскаго мужества на защиту угнетеннаго народа. Далѣе слѣдуютъ книги; „Исторія французскаго крестьянина“, „Сказка о четырехъ братьяхъ“, „Сборникъ новыхъ стиховъ и пѣсень“, „Хитрая Механика“, воззваніе, начинающееся словами; „Чтой то братцы“. Эти послѣдніе сочиненія уже ясно революціоннаго, вызывающаго къ открытому возстанію, направленія. Такъ „Сказка о четырехъ братьяхъ“ оканчивается слѣдующими словами: „Гой вы, братцы мои любезные, ужъ неужто мы станемъ въ Сибири сидѣть, на казну работать государеву!“

Дѣйствуя такимъ образомъ, агитаторы все менѣе и менѣе стѣсняются въ выборѣ средствъ для своей преступной дѣятельности. Такъ князь Кропоткинъ еще въ 1873 г. объяснял на лекціи, въ устроенной въ С.-Петербургѣ школѣ, рабочимъ о значеніи Интернаціональнаго Общества на западъ и проповѣдывалъ революцію; устраивались сходки, бібліотеки, кассы; достаточно подготовленные фабричные мастерские снабжались книгами, деньгами и отправлялись на родину, гдѣ должны были готовить народъ къ возстанію, доводя объ успѣхахъ пропаганды своимъ учителямъ, организаторамъ, самое время для открытаго возстанія уже было ими намѣчено: предполагалось начать его тотчасъ по объявленіи ожидаемой войны съ Германіей, причемъ успѣхъ возстанія обезпечивался отвлеченіемъ военныхъ силъ къ границѣ. Пѣсня играла вслѣдъ немаловажную роль; многія пѣсни крайне возмутительнаго содержанія выучивались наизусть и даже, случалось, распѣвались на улицахъ. Всюду гдѣ появлялись агитаторы,—тотчасъ же образовывались или притоки для укрывательства, или оставались агенты для сообщенія о ходѣ движенія и извѣщенія на случай опасности; у этихъ же агитаторовъ хранились адреса единомышленниковъ въ другихъ городахъ и селахъ, ключи къ шифрамъ, деньги и книги;

къ нимъ же обращался всякій вновь прибывшій агитаторъ и получалъ пособія и указанія какъ и гдѣ дѣйствовать. Въ это же время изъ типографіи Мышкина въ Москвѣ разсылались повсюду въ огромномъ количествѣ книги и брошюры и вмѣстѣ съ тѣмъ печаталось сочиненіе Лассала, предназначенное для молодежи въ видахъ убѣжденія ея въ необходимости измѣненія существующаго экономическаго и социальнаго строя и водворенія коммунистическихъ началъ. На случай опасности пропагандисты нерѣдко запасались револьверами, а въ кievскомъ революціонномъ кружкѣ выработана была планъ вооруженнаго сопротивленія властямъ при арестованіи и даже готовились яды съ тою же оборонительною цѣлью. Вообще агитаторы не отказывались и отъ общихъ преступленій и отъ близкихъ сношеній съ общими преступниками, если находили въ томъ свою выгоду. Такъ въ Саратовѣ предполагалось для обогащенія революціонной кассы напасть съ оружіемъ въ рукахъ и ограбить одну богатую даму, прїѣздъ которой ожидался съ большими деньгами для покупки имѣнія. Въ письмѣ студента Паевского прямо говорится, что онъ вполне сочувственно относится къ возникающему сообществу, имѣющему цѣлью поддѣлку и распространеніе фальшивыхъ ассигнацій. Въ числѣ адресовъ, отобранныхъ отъ Войнаральскаго, Рѣчицкаго, Логинаова оказались адреса нѣвѣстныхъ въ околodкѣ ковокрадовъ, воровъ и мошенниковъ, какъ личностей болѣе для нихъ цѣлей пригодныхъ, чѣмъ элементы чистые и спокойные. Въ городѣ Николаевскѣ, Самарской губерніи, присужденные къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ Сибирь на каторжныя работы и на поселеніе, арестанты были подговорены къ побѣгу, снабжены подделками, фальшивыми печатями для паспортовъ и, наконецъ, ядовитыми порошками для отравленія конвоя,—все это для того, чтобъ обратить ихъ во враговъ правительства и, въ такъ называемыхъ „друзей народа“. На вопросъ одного изъ арестантовъ, зачѣмъ они, арестанты, имъ пропагандистамъ нужны? было получено въ отвѣтъ: „намъ нуженъ такой народъ, который готовъ рѣшиться на все, а народу этого легче набрать изъ арестантовъ, острожниковъ,—изъ свободнаго народа рѣшительныхъ подобрать трудяе. Нужны же намъ рѣшительные люди для того, чтобъ порѣшить власть царя“. Сынъ дворянина Андрей Кулябко 15 лѣтъ, увлеченный въ дѣло пропаганды Рогачевымъ и Войнаральскимъ, какъ можно полагать по приказанію Рогачева, угораривалъ своего брата 17 лѣтъ мальчика обокрасть дядю, который ихъ обоихъ содержалъ и воспиталъ, и затѣмъ бѣжать съ украденными деньгами. Въ кievскомъ кружкѣ предполагалось ограбить почту, для чего 18-ти лѣтній отставной юнкеръ Гиреновичъ долженъ былъ поступить на службу въ мѣстный почтамтъ.

Заканчивая краткій обзоръ, добытыхъ дознаніями данныхъ, нельзя не вывести изъ нихъ слѣдующихъ главныхъ положеній. А). Въ Россіи существуютъ тайныя и противозаконныя сообщества, имѣющія цѣлью испроверженіе государственнаго устройства всего существующаго порядка и водвореніе полнѣйшей анархіи. Б). Сообщества эти состоятъ изъ множества мелкихъ, самостоятельно дѣйствующихъ отдѣльныхъ кружковъ и даже личностей, но связанныхъ между собою, какъ совершенною солидарностью цѣлей и способовъ дѣйствія, такъ и постоянными сношеніями. В). Сношенія между кружками, а равно организація новыхъ, производится уполномоченными на то агентами. Г). Пропаганда производится какъ устно, такъ и прямымъ распространеніемъ книгъ, брошюръ и вообще разнаго рода печатныхъ и рукописныхъ сочиненій. Д). Стремясь къ извѣстной, точно опредѣленной цѣли,—къ испроверженію

существующаго порядка, дѣятели революціи идутъ по строго послѣдовательно выполняемому плану. В). Плашъ этотъ, въ главныхъ чертахъ изложенный программой князя Кропоткина, представляетъ между прочимъ ту опасность, что, какъ бы ни были энергичны разслѣдованія и преслѣдованія виновныхъ, все же несомнѣнно останутся нераскрытыми нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ и личностей, которые и будутъ неумоимо продолжать свою преступную дѣятельность. Ж). Быстрые успѣхи пропаганды должны быть приписаны какъ тому, что дѣятельность агитаторовъ не встрѣчала довольно сильнаго и громкаго порицанія со стороны общества, которое не отдавая себѣ вполнѣ яснаго отчета въ значеніи и цѣли этихъ преступныхъ стремленій, до сихъ поръ относилось къ нимъ съ апатіей, равнодушіемъ, а иногда даже съ сочувствіемъ; такъ въ особенности и тому, что молодежь, составляющая главный контингентъ лицъ, занимающихся пропагандой, не находитъ отпора въ той средѣ, гдѣ она растетъ и развивается ибо тѣ нравственныя основы воспитанія, которыя можетъ дать только семья, повидимому вовсе неразвиты у многихъ изъ этихъ молодыхъ людей, не обладающихъ при поступленіи въ школы никакими твердыми началами уваженія религіи, семейства, чужихъ правъ, личности и собственности.

Характерный документъ.

Совершенно секретно.

М. В. Д.

САРАТОВСКИЙ

ГУБЕРНАТОРЪ.

25 сентября 1882 года.

№ 1129.

Г. уезднымъ исправникамъ:

Циркуляромъ моимъ отъ 6-го июля было обращено вниманіе г.г. исправниковъ на вредный характеръ ученія, распространяемаго отставнымъ подковникомъ *Пашковымъ*.

Въ последнее время сдѣлалось извѣстнымъ, что въ связи съ этимъ ученіемъ представляется не менѣе вредною дѣятельность *графа Льва Толстого* и Члена Географическаго Общества *Александра Прудовика*, вслѣдствіе сношеній ихъ съ сектантами. Изъ нихъ послѣдній своими поѣздками къ сектантамъ и похвальными статьями объ нихъ въ литературѣ не только внушаетъ не знаящимъ дѣла ложныя понятія о расколѣ, но и возбуждаетъ въ самихъ сектантахъ понятіе о сочувствіи ихъ ученію со стороны высшихъ и образованныхъ классовъ общества и самаго правительства.

Въ виду сего и согласно предложенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сего сентября, предписываю г.г. исправникамъ сдѣлать распоряженіе о наблюденіи за дѣятельностью и сношеніями съ сектантами упомянутыхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы о всякомъ проявленіи ихъ въ этомъ отношеніи мнѣ донести.

Губернаторъ *А. Зубовъ*.

ИЗЪ ДАЛЬНИХЪ ЛѢТЪ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

Когда пройдена большая часть жизненнаго пути, когда человѣку стукнуло 57 лѣтъ, у него невольно является потребность оглянуться назадъ и воскресить въ своей памяти дорогія черты лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться при разныхъ обстоятельствахъ и при различныхъ условіяхъ. Эта потребность становится *обязанностью*, если на пройденномъ тобою пути попадались люди, сыгравшіе въ исторіи родины болѣе или менѣе выдающуюся роль и удостоившіеся во имя блага родины терноваго вѣнца.

Приобщившись къ освободительному движенію на зарѣ юности, я въ теченіе болѣе 38 лѣтъ непрерывно оставался въ рядахъ этого движенія, служа ему по мѣрѣ силъ и разумнія въ той или другой формѣ, не будучи всегда строго партійнымъ, не всегда оставаясь въ рядахъ однихъ и тѣхъ же единомышленниковъ, но всегда проникнутый убѣжденіемъ въ правотѣ и цѣлесообразности того пути, который избирался мной въ тотъ или другой моментъ въ интересахъ общаго освободительнаго движенія.

При всѣхъ недомолвкахъ и при всей своей неопредѣленности, Манифестъ 17-го октября 1905 года составляетъ, безспорно, поворотный пунктъ въ нашей исторіи. Онъ завершаетъ собою періодъ неограниченнаго самодержавія и начинается періодъ конституціонной Россіи. Поворотъ этотъ подготовленъ цѣлымъ легиономъ борцовъ за свободу, изъ коихъ многихъ уже нѣтъ, а многіе «далече» томятся въ ссылкѣ, въ казематахъ, въ изгнаніи. Всѣ тѣ, кому пришлось сталкиваться при той или другой обстановкѣ, въ гомѣ или другомъ «дѣлѣ» съ этими борцами, не могутъ не сознавать, что на нихъ лежитъ священный долгъ подѣлиться въ переживаемый нами моментъ съ публикой своими воспоминаніями объ этихъ лицахъ, какъ бы кратки и отрывочны эти воспоминанія ни были.

Мнѣ, участнику «студенческой исторіи» 1869 г. и впослѣдствіи «процесса 193-хъ», человѣку, пробывшему 7 лѣтъ въ тюрьмѣ и 15 лѣтъ въ ссылкѣ по разнымъ угламъ Сибири, приходилось сталкиваться со многими лицами, такъ или иначе прикосновенными къ нашей вну-

тренней политической борьбѣ за послѣднія десятилѣтія, и я наравнѣ съ другими несу на себѣ священную обязанность возстановить для современниковъ и потомства образы нѣкоторыхъ изъ этихъ борцовъ, какъ и нѣкоторые общественные факты и событія.

Давно уже лелѣялъ я мечту о сведеніи своихъ воспоминаній въ одну цѣльную и связную картину. Мечта эта въ послѣднее время всецѣло мною овладѣла. Пользуясь любезнымъ приглашеніемъ редакціи «*Былою*», я рѣшаюсь нынѣ реализовать эту мечту, уповая, что отошли уже въ прошлое тѣ «независящія обстоятельства», которыя властно до сихъ поръ удерживали меня отъ осуществленія этой завѣтной мечты, дѣлая даже невозможнымъ составленіе какихъ либо замѣтокъ. За неимѣніемъ, однако, ни нужнаго для этого досуга, ни необходимой уравновѣшенности чувства и настроенія, врядъ ли удастся мнѣ и на этотъ разъ осуществить свою мечту въ полномъ объемѣ.

Но жизнь кипитъ и бурлитъ, она ежедневно ежечасно предъявляетъ свои властныя требованія, и я рѣшаюсь поэтому предоставить въ распоряженіе уважаемой редакціи «*Былого*» не вполне законченныя и связанныя между собой воспоминанія: если автору самому не удастся при болѣе благоприятныхъ условіяхъ связать ихъ въ единое цѣлое, то они сослужатъ, можетъ быть, службу другимъ, жизнь которыхъ сложилась въ этомъ отношеніи болѣе благоприятно.

1868—1869 г.г. и „студенческая исторія“.

Освободительная волна, хлынувшая на Россію въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, продолжала захлестывать все молодое и свѣжее на всемъ протяженіи нашей обширной родины. Жажда «новаго», недовольство «существующимъ» захватывали (хотя больше инстинктивно) не только воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, но и учащихся старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ Херсонской гимназій, въ которой я учился, какъ и во многихъ другихъ гимназіяхъ, въ серединѣ 60-хъ годовъ учащіеся трехъ старшихъ классовъ (8 класса тогда еще не было), группировались (хотя далеко не всѣ) въ кружки самообразованія для совмѣстнаго чтенія выдающихся журнальныхъ статей и отдѣльныхъ брошюръ, удѣляя при этомъ не мало времени на обмѣнъ мнѣніями и чаяніями по поводу прочитаннаго. Значительную поддержку въ этомъ отношеніи мы херсонцы находили со стороны двухъ нашихъ преподавателей: словесности г. *Горьева* и исторіи *Пильщикова*, память которыхъ намъ свято сохраняется.

Кумиромъ и Богомъ гимназической молодежи въ половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ Д. И. Писаревъ. Статьями его захлебывались, мысли его воспринимались съ благоговѣніемъ, какъ евангеліе, какъ нѣчто непререкаемое, какъ священный завѣтъ. Я помню, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ мы ожидали выхода книжекъ чрезвычайно популярнаго тогда «*Русскаго Слова*», и съ какой жадностью мы набрасывались на полученную «новую» книжку, если только въ ней появлялась статья *Писарева* (а статьи его появлялись почти въ каждой книжкѣ). Не могу не воспроизвести слѣдующаго характернаго эпизода.

Я окончилъ 7-й классъ гимназіи и собирался въ университетъ. Въ одинъ изъ лѣтнихъ іюльскихъ вечеровъ группа учащихся старшихъ классовъ собралась, по обыкновенію, на «Потемкинскомъ» бульварѣ, толпой слонялась по аллеямъ и оживленно болтала о разныхъ разностяхъ. Вдругъ кто то изъ гуляющей публики взволнованнымъ голосомъ сообщаетъ только что полученную ужасную вѣсть: нашъ кумиръ Писаревъ 4-го іюля во время купанья въ морѣ въ Дуббельнѣ утонулъ! Вѣсть эта подѣйствовала на насъ буквально потрясающимъ образомъ; нѣсколько человѣкъ изъ нашей компаніи опрометью и совершенно безсознательно бросились изъ бульвара въ разныя стороны, въ числѣ послѣднихъ былъ и я. Съ сильно бьющимся сердцемъ бросился я на квартиру своего старшаго брата и, глубоко потрясенный, совершенно обезсиленный, опустился на стулъ, не будучи въ состояніи издать хоть какой либо звукъ. Лишь по прошествіи нѣсколько минутъ, выпивъ залпомъ нѣсколько стакановъ воды, я наконецъ захлебывающимся голосомъ передалъ окружающимъ дошедшую до меня новость...

Таково было въ то время настроеніе молодежи и учащихся не одной, конечно, херсонской гимназіи.

Окончивъ въ 1868 году херсонскую гимназію, я отправился съ нѣкоторыми товарищами въ Одессу, подвергся тамъ «повѣрочному испытанію» и былъ зачисленъ студентомъ юридическаго факультета Новороссійскаго университета.

18-ти лѣтній юноша, я весь былъ охваченъ жаждой болѣе широкой жизни, стремленіемъ къ разрѣшенію «проклятыхъ вопросовъ», волновавшихъ меня и нѣкоторыхъ товарищей еще съ гимназической скамьи: сначала Писаревъ, за нимъ Бѣлинскій, а потомъ и Добролюбовъ были властителями нашихъ думъ. Мы ими зачитывались, потому что они звали насъ къ широкому свѣту, къ свѣтлымъ идеаламъ, къ борьбѣ за все чистое и благородное; зовъ ихъ воспринимался нами не столько сознательно, сколько инстинктивно, мы были во власти не столько идеаловъ, сколько лучезарныхъ, возвышенныхъ, повелительно манящихъ мечтаній...

Окружающая мрачная дѣйствительность вызывала тогда во всѣхъ мыслящихъ русскихъ людяхъ недовольство существующимъ и неудержимое инстинктивное стремленіе къ чему-то лучшему, высшему, заоблачно-идеальному... «*Въ Петербургѣ! въ Петербургѣ! въ Петербургѣ!*», — вотъ мысль, поглощавшая меня всецѣло съ самыхъ выпускныхъ экзаменовъ. «Только *тамъ*, только въ этомъ центрѣ русскаго ума найдешь разрѣшеніе всѣхъ мучащихъ тебя вопросовъ, только тамъ набредешь на тотъ путь, который можетъ привести къ счастію родины, къ благу Россіи, къ лучшему будущему для всѣхъ обездоленныхъ»...

И вотъ пробивъ лишь три недѣли студентомъ Новороссійскаго университета, я подалъ заявленіе объ увольненіи и о переводѣ въ Петербургъ, куда (собравъ кое-какія небольшія крохи) я немедленно и отправился.

Въ то время, въ 1868 году, желѣзнодорожное сообщеніе составляло еще привилегію весьма незначительной части Россіи. Одесса не

была еще соединена прямымъ путемъ ни съ Москвой, ни съ Петербургомъ. Мнѣ пришлось попутешествовать всѣми наличными въ то время способами сообщеній: изъ Херсона до Никополя на пароходѣ, изъ Никополя до Харькова «на долгихъ», изъ Харькова до Курска на почтовыхъ и только уже отъ Курска, гдѣ только-что отстроены были вокзалъ, до Петербурга (на Москву) по желѣзной дорогѣ. Путешествіе отняло у меня такимъ образомъ около десяти дней.

И вотъ, я въ Петербургѣ! Этотъ гигантскій для провинціала городъ съ его многоэтажными домами, съ его колоссальными колоннами и историческими статуями, съ его многочисленными набережными, мостами, каналами, съ его дворцами и скверами, поразилъ и ошеломилъ меня. Въ первый день я почувствовалъ себя какимъ-то маленькимъ-маленькимъ, ничтожнымъ, кѣмъ-то заброшеннымъ сюда существомъ, которое неизбежно будетъ раздавлено этими колоссальными глыбами, мнѣ казалось, что на меня несетъ отъ этихъ мостовыхъ, отъ этихъ набережныхъ какимъ-то жесткимъ холодомъ, суровой непривѣтливостью, страшной отчужденностью. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ дней въ моей жизни!.. Но я взялъ себя въ руки. Пространствовать 3—4 дня съ утра до вечера по всѣмъ улицамъ столицы и составивъ себѣ о ней приблизительное представление, я вмѣстѣ съ тѣмъ порѣшилъ посвятить себя медицинѣ, перевелся изъ университета въ Медико-Хирургическую Академію (нынѣ—Военно Медицинскую) ¹⁾, засѣлъ вплотную за... «Исторію десяти лѣтъ» Луи-Блана, приковавшую къ себѣ все мое вниманіе, а черезъ мѣсяць я закрутился въ вихрѣ студенческихъ кружковъ, сходокъ и сборищъ.

Въ то время Медико-Хирургическая Академія считалась (и дѣйствительно была) однимъ изъ наиболѣе образцовыхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Военное министерство не жалѣло средствъ на учебныя пособія, непрерывно возрастающія; 2-й военно-сухопутный госпиталь присоединенъ былъ къ ней еще въ 1840 г., въ 1846 г. открытъ былъ ея знаменитый анатомическій институтъ, на образцовую же ногу поставлены были ея лабораторіи, кабинеты, клиники. Въ М.-Х. Академію стремились лучшія научныя силы, привлекаемая образцовыми пособіями.

Начальникомъ Академіи состоялъ лейбъ-хирургъ, заслуженный профессоръ *П. А. Нарановичъ*, довольно таки ветхій старикъ (ему было около 67 лѣтъ), добродушный и благожелательно-настроенный къ студентамъ. Завѣдывалъ онъ Академіей совмѣстно съ конференціей, ученымъ секретаремъ которой былъ тогда еще сравнительно молодой (31—32 лѣтъ), но приобрѣвшій уже репутацію солиднаго ученаго, профессоръ паталогической анатоміи Рудневъ, извѣстный своимъ авторитетнымъ покровительствомъ высшему образованію женщинъ.

Составъ профессоровъ академіи если и нельзя было назвать особенно блестящимъ, то онъ все-же былъ далеко не изъ посредствен-

---

¹⁾ Основанная въ 1799 г. для подготовки врачей въ военно сухопутное и морское вѣдомства и перебивавъ въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ и просвѣщенія. М. Х. Академія перешла съ 1838 г. въ вѣдѣніе военного министерства и съ 1881 г. переименована въ Военно-Медицинскую Академію.

ныхъ. На кафедрѣ физиологіи я засталъ здѣсь еще чрезвычайно популярнаго въ то время не только между студентами, но и въ широкой публикѣ, И. М. Съченова; на лекціи его стекались студенты всѣхъ курсовъ,—его аудиторія, одна изъ наиболѣе обширныхъ, всегда бывала биткомъ набита студентами. Ясно и удивительно-отчетливое изложеніе,—простое, безискусственное и въ то же время въ высшій степени содержательное и красивое, глубоко-научное и въ то же время до нельзя популярное, обаятельно дѣйствовало на студентовъ, неизмѣнно встрѣчавшихъ и провожавшихъ И. М. единодушными восторженными долго несмолкаемыми привѣтствіями.

На кафедрѣ психіатріи подвизался профессоръ Балинскій,—плавная, красивая и философская рѣчь котораго привлекала также въ его аудиторію студентовъ всѣхъ курсовъ. Химию читали: органическую—извѣстный ученый академикъ Н. Н. Зининъ, умѣвшій самыя сложныя формулы излагать столь общедоступно и понятно, что онѣ усваивались какъ бы на ходу; рѣчь его, весьма образная, пересыпанная прибаутками и анекдотами, приводила аудиторію въ игривое настроеніе. Студенты съ особеннымъ настроеніемъ работали подъ руководствомъ этого «директора химическихъ работъ». Неорганическую химию читалъ Бородинъ; это былъ не столько ученый химикъ, сколько музыкантъ и талантливый композиторъ, посвящавшій музыкѣ гораздо больше времени, чѣмъ химіи; лекціи его, однако, охотно посѣщались, и студенты относились къ нему, вообще, очень благожелательно.

Кафедру описательной анатоміи занималъ Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ, этотъ знаменитый отшельникъ-ученый, дни и ночи проводившій въ своемъ прославившемся анатомическомъ институтѣ за препаратами, лишь здѣсь чувствуя себя въ своей родной стихіи. Въ теченіе почти 45 лѣтъ (Груберъ прибылъ въ Петербургъ въ 1847 г.) Груберъ пользовался глубокимъ и всеобщимъ уваженіемъ. Несмотря на проявляемую имъ на экзаменахъ чрезвычайную строгость, доходившую до педантизма и на почти непрерывность этихъ экзаменовъ (они тянулись почти цѣлый годъ), Груберъ всегда пользовался обширными симпатіями студентовъ, искренно уважавшихъ въ немъ первокласснаго и безкорыстнѣйшаго ученаго, преданнаго наукѣ до самоубвенія¹⁾. Студентовъ привлекало въ немъ, впрочемъ еще въ большей степени (помимо его громадной эрудиціи) его въ высшей степени благожелательное отношеніе къ стремленію русскихъ женщинъ къ высшему образованію. Онъ, чуть ли не первый предоставилъ русской дѣвушкѣ свою аудиторію и свой цѣнный институтъ и сдѣлалъ ее полноправнымъ членомъ въ своемъ секціонномъ залѣ. Хотя высшая администрація официально еще не открывала женщинамъ доступа въ высшія учебныя заведенія, Груберъ грудью, можно сказать, отстаивалъ за ними право доступа туда и нерѣдко вступалъ въ рѣзкія препирательства съ инспекціей при неоднократныхъ ея попыткахъ удалять ихъ изъ его «владѣній»,—заявляя при этомъ гордо, что въ своей аудиторіи и въ своемъ секціонномъ залѣ онъ единственный хозяинъ

¹⁾ Груберъ нерѣдко оставался въ анатомическомъ театрѣ, въ группной атмосферѣ, отъ 8 часовъ утра до 3 час. ночи!

и никому не позволить здѣсь распоряжаться¹⁾. Занимавшимся у него женщинамъ Груберъ выдавалъ свидѣтельства объ окончаніи у него курса практическихъ занятій по анатоміи, а эти свидѣтельства, при громадной авторитетности его имени, сильно облегчали женщинамъ ихъ пріемъ въ заграничные университеты.

На кафедрѣ теоріи я нашелъ пользовавшагося уже тогда, несмотря на молодые еще годы (ему было всего 36 лѣтъ), всемірной извѣстностью клинициста Сергѣя Петровича Боткина, дѣлывшаго свое время между обязанностями лейбъ-медика и обязанностями профессора (къ немалому ущербу для послѣднихъ).—Паталогическую анатомію, какъ уже упомянуто, читалъ Рудневъ,—гистологию—Якобій.

На другихъ профессорахъ останавливаться не буду,—это были второстепенныя и третьестепенныя научныя величины и весьма посредственныя профессора. На кафедрѣ зоологіи и анатоміи доживалъ свой вѣкъ старикъ—Брандтъ, не научившійся за 37 лѣтъ²⁾ сколько-нибудь сносно читать лекціи на русскомъ языкѣ; онъ никакъ не могъ помирится съ теоріей Дарвина: «онъ говоритъ, что шеловѣкъ происходитъ отъ обезяна,—ему нравится, я не хошу, я не отъ обезяна»,—фразу эту приходилось студентамъ слышать изъ его устъ неизмѣнно изъ года въ годъ. Ботанику читалъ тоже нѣмецъ, и читалъ такъ плохо, что лекцій его никто не посѣщалъ; физику читалъ Хлѣбниковъ, хирургию — Сорокинъ и др.

Отношенія между студентами и профессорами были, въ общемъ, сносныя и благожелательныя, хотя профессора, за небольшими исключениями, стояли совершенно въ сторонѣ отъ общественной жизни и даже довольно индифферентно (не считая трехъ-четырехъ: Сѣченова, Грубера, Зинина) относились къ судьбѣ студентовъ. А между тѣмъ реакціонное теченіе, охватившее Россію вообще и Петербургъ въ частности послѣ покушенія Каракозова (4 го апрѣля 1866 г.), добралось уже и до Медико-Хирургической Академіи; имъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вдохновлялась ея инспекція, во главѣ которой стоялъ полковникъ Смирновъ, на долю котораго выпало особенно роковая и плачевная роль въ жизни Академіи. Этотъ заурядный штабъ-офицеръ въ простотѣ души своей полагалъ, что его священная обязанность сводится къ тому, чтобы подтянуть студентовъ, завести между ними строжайшую дисциплину, подобающую «военно-учебному заведенію»...

Съ октября 1868 года началось сильное броженіе въ средѣ петербургскаго студенчества. Оно начало группироваться по кружкамъ, все чаще и чаще стало устраивать сходки, на которыхъ на первыхъ порахъ обсуждались чисто-студенческія дѣла, а затѣмъ и вопросы болѣе широкаго и глубокаго общественнаго значенія.

Правильнѣе говоря, въ петербургскомъ студенствѣ, въ общемъ взятомъ тогда проявились два теченія: одно—«умѣренное»,—другое—

---

¹⁾ Пробивъ въ Петербургѣ около 45 лѣтъ, Груберъ оставался австрійскимъ подданнымъ и при всякомъ конфликтѣ съ администраціей грозилъ отъѣздомъ на родину.

²⁾ Федоръ Федоровичъ Брандтъ переселился въ Россію изъ прусской Саксоніи въ 1831 г.

«радикальное». На сходкахъ «умѣренныхъ» студентовъ почти исключительно трактовались вопросы студенческой академической жизни, — сюда лишь отъ времени-до-времени диссонансъ вносили студенты радикалы» — на сходки являшіяся съ опредѣленной цѣлью: придать имъ, по возможности, болѣе широкой общественной характеръ. Мнѣ лично на сходкахъ «умѣренныхъ» бывать не приходилось; но мнѣ извѣстно, что главными ораторами и, такъ сказать, лидерами на этихъ сходкахъ являлись студенты Езерскій, Шрагъ, Литвиновъ, Бойдаковскій и др. На сходкахъ «радикаловъ», въ которыхъ мнѣ пришлось принять весьма дѣятельное участіе, вопросы студенческой жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, выдвигались лишь какъ ширма и прикрытіе для большинства «свѣженькихъ» студентовъ, не ознакомившихся еще съ болѣе широкими теченіями и задачами нашей общественной жизни. На этихъ сходкахъ въ роли вожаковъ (если память мнѣ не измѣняетъ) выступали студенты Ралли, Алчунинъ, Кориневскій и др. за кулисами же, по упорно державшейся молвѣ, это теченіе какъ и вообще, все студенческое движеніе направлялось народнымъ учителемъ *Нечаевымъ*, лично появлявшимся лишь на менѣе многочисленныхъ и болѣе интимныхъ собраніяхъ.

На этихъ-то сходкахъ, непрерывно слѣдовавшихъ одна за другой, мнѣ уже въ то время въ первые пришлось наткнуться на популярный и почти всеобщій лозунгъ: «*въ народъ!*» Этотъ лозунгъ сдѣлался обязательнымъ предметомъ весьма горячихъ и упорныхъ споровъ: вопросъ становился въ рѣзко-категорической и крайне одной-сторонней формѣ: «*наука или трудъ*», т. е. слѣдуетъ ли отдавать себя (хотя и временно) наукѣ, заниматься ею, добиваться дипломовъ, чтобы потомъ вести жизнь привилегированныхъ интеллигентныхъ профессионалистовъ, или же, помня свой долгъ передъ народомъ, помня, что ты всѣ свои знанія приобретаешь на средства каторжно-работающаго и вѣчно голодающаго народа, мы, учащіеся, обязаны поступиться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, добытымъ цѣлыми вѣками несправедливости и эксплуатаціи, бросить науку, разстаться съ высшими учебными заведеніями, заняться изученіемъ ремесла, а затѣмъ въ качествѣ простыхъ ремесленниковъ и даже горно-рабочихъ и батраковъ отправиться въ самую гущу народную, слиться съ народомъ и всѣмъ его повседневымъ обиходомъ, отказаться отъ всѣхъ интеллигентныхъ навыковъ и привычекъ, зажить съ нимъ одной общей жизнью содѣйствуя всѣми способами поднятію его умственного уровня, возвышенію его культуры и улучшенію его матеріальнаго и духовнаго благосостоянія...

На многочисленныхъ сходкахъ, на которыя собиралось по нѣскольку сотъ человекъ и, въ особенности, на сходкахъ «умѣренныхъ» старались держаться по возможности, исключительно студенческихъ вопросовъ и студенческихъ дѣлъ: здѣсь трактовалось о необходимости всячески добиваться права на учрежденіе студенческихъ кассъ, студенческихъ библиотекъ, студенческихъ кухмистерскихъ и т. п. На сходкахъ «радикаловъ» чисто-студенческіе интересы отодвигались на задній планъ,—на первый же планъ выдвигалась агитація въ пользу обязательности работы въ народѣ и съ народомъ. Здѣсь вопросъ: «наука

или трудъ», послѣ продолжительныхъ и горячихъ обсужденій, ставился даже на баллотировку,—и, увы! въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ громаднѣйшее большинство присутствовавшихъ высказывалось *за* «трудъ» и *противъ* «науки»,—конечно, въ предѣлахъ данной минуты и данныхъ отношеній. Это было очень незрѣло, очень узко, но... но все же какія это были святяя минуты, какой энтузіазмъ охватывалъ обыкновенно при этомъ всѣхъ участниковъ сходки! Глаза горѣли юношескимъ огнемъ, рѣчи лились страстныя, вздохновенныя искреннія, убѣжденныя, спорили въ душной, тѣсной комнатѣ, переполненной клубами табачнаго дыма, спорили до хрипоты, до потери сознания... Святая, трижды благословенная, безвозвратная юность...

И я обязанъ замѣтить, что уже и въ это раннее время, лозунгъ: «въ народъ!» не оставался на одной исключительно-теоретической почвѣ: нѣсколько студентовъ (и въ ихъ числѣ, насколько припоминаю, одинъ или два изъ 4-го курса университета) бросили учебныя заведенія, и проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ разныхъ мастерскихъ, разбрелись изъ Петербурга по глухимъ угламъ безпредѣльной деревенской Россіи съ страстнымъ желаніемъ послужить своей родинѣ и своему народу...

Въ то время, во 2-ой половинѣ 60-хъ годовъ отчетливо выдвигнуть былъ уже на сцену русской жизни, такъ называемый, «женскій вопросъ». Русскія дѣвушки страстно стали добиваться обще-человѣческихъ правъ, они пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы получить доступъ въ высшія учебныя заведенія. Нѣкоторыя (Суслова, Козлова и друг.) находились уже въ заграничныхъ университетахъ, нѣкоторыя (хотя и очень немногія) посѣщали лекціи профессоровъ медицинской академіи: Грубера, Бородина, Зинина, Хлѣбникова,—одна Кашеварова (по мужу Руднева), благодаря исключительнымъ условіямъ, даже официально была принята въ м.-х. академію и уже тогда оканчивала курсъ. А такъ какъ большинство этихъ дѣвушекъ отнюдь не меньше своихъ товарищей студентовъ интересовались окружающей жизнью, то естественно, что и на студенческихъ сходкахъ (и, преимущественно, на сходкахъ «радикаловъ») появлялись тогда и дѣвушки, принимавшія въ нихъ весьма живое участіе (припоминаются мнѣ: Дементьева, Томилова, Святская, сестра Нечаева, Боршева и др.).

Словомъ, петербургское студенчество переживало тогда крайне напряженно-нервное состояніе; оно волновалось, кипѣло, горѣло. Сходка слѣдовала за сходкой. Выпадали дни, въ теченіе которыхъ мнѣ приходилось бывать на двухъ-трехъ сходкахъ, созывавшихся въ разныхъ частяхъ города—на Петербургской сторонѣ, на Васильевскомъ Островѣ, въ Измайловскомъ полку. И малѣйшаго повода достаточно было, чтобы вызвать столкновенія съ гибельными послѣдствіями.

Въ Медико-Хирургической Академіи, для волненій на почвѣ чисто-студенческихъ требованій, формулировавшихся тогда на сходкахъ, повода, собственно говоря, не существовало. Академія находилась въ этомъ отношеніи въ исключительномъ положеніи: я засталъ здѣсь и студенческую кассу, и студенческую библіотеку, и студенческую кухмистерскую; были здѣсь и курсовые старосты, принимавшіе участіе

въ распредѣленіи пособій ¹⁾). Такимъ образомъ, при естественномъ ходѣ вещей, здѣсь для специально-«студенческой исторіи» основаній было меньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было и, при извѣстныхъ условіяхъ, студенты-медики могли бы развѣ присоединиться къ студентамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Вышло же однако какъ-разъ наоборотъ...

Такіе господа, какъ штабъ-офицеръ Смирновъ и ему подобные, стояли совершенно въ сторонѣ отъ студенческаго міра, остававшася для нихъ terra incognita; они ничего не видѣли, ничего не знали, ни съ чѣмъ не считались; они какъ будто бы и не подозрѣвали того лихорадочно-напряженнаго и нервнаго настроенія, въ какомъ находилось студенчество. И вотъ въ 1869 году первый актъ «студенческой исторіи» разыгрался именно въ Медико-Хирургической Академіи, и уже отсюда «исторія» распространилась дальше, перенеслась въ университетъ, въ Технологическій Институтъ, въ Лѣсную Академію, а затѣмъ и въ Москву, и въ провинціальныя учебныя заведенія.

Очевидецъ и дѣятельный участникъ въ разгоравшихся въ Медико-Хирургической Академіи «безпорядкахъ», я остановлюсь лишь на послѣднихъ, ограничиваясь лишь нѣкоторыми замѣчаніями относительно другихъ учебныхъ заведеній.

Инспекторъ Смирновъ, смѣстившій въ 1868 году Мерхелевича, съ перваго же момента своего вступленія въ должность сталъ во враждебныя отношенія къ студентамъ. Онъ полагалъ, что развѣ академія *военная*, то обязательна въ ней *воинская дисциплина*, и таковая должна проводиться имъ послѣдовательно строго, безъ всякихъ послабленій. Такъ какъ онъ въ придачу не отличался особеннымъ тактомъ, то отношенія его къ студентамъ, съ которыми онъ ни умственно, ни духовно никакихъ точекъ соприкосновенія не имѣлъ, сразу же обострились. Для этого штабъ-офицера не существовало различія между существеннымъ и второстепеннымъ, въ предѣлахъ его кумира «дисциплины» все было одинаково важно. Имъ съ одинаковымъ рвеніемъ преслѣдовалось неносеніе студенческой формы, несвоевременный взносъ платы за слушаніе лекцій, длинные волосы, куреніе папирозъ, непочтительное обращеніе съ начальствомъ и т. п.

При такихъ условіяхъ ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что *папироска* явилась каплей, переполнившей чашу.

Въ одинъ злосчастный день до нельзя нервный юноша, студентъ 2-го курса Василевскій въ перерывѣ между двумя какими, то лекціями, чѣмъ-то взволнованный, широко шагаль по корридору въ форменной фуражкѣ на головѣ и съ дымящейся папироской въ зубахъ. Уязвленный до глубины души подобнымъ нарушеніемъ субординаціи, двинулся къ нему навстрѣчу инспекторъ Смирновъ. Василевскій, совершенно игнорируя (возможно даже, что онъ его и не замѣтилъ) его, прошелъ мимо него, не снимая шапки и не выпуская изо рта

¹⁾ Университетскій Уставъ 18 іюня 1863 года запретилъ (§ 59) студентамъ университета всѣ эти учрежденія.

папироски. Бравый штабъ-офицеръ усмотрѣлъ въ этомъ поступкѣ неслыханное преступленіе и приказалъ Василевскому бросить папироску. Студентъ подобнаго *приказанія* исполнить, разумѣется, не могъ. Смирновъ обратился съ жалобой въ конференцію, и это сонмище ученыхъ мужей, ничтоже не сумняшеса, исключило Васильевскаго изъ Академіи! Естественно, что товарищи студенты не могли не реагировать на этотъ вопіющій фактъ, и послѣдовало то, что а priori можно было предположить: начались бурныя сходки, студенты потребовали возвращенія въ Академію Василевскаго. Начальство всполошилось и вступило въ переговоры съ студентами; оно обѣщало не немедленно (престижъ пострадаетъ!), а черезъ самое короткое время разрѣшить Василевскому вновь вступить въ Академію. Студенты нашли возможнымъ успокоиться на этомъ, и «исторія» какъ будто-бы улеглась. Но вотъ въ началѣ марта 1869 года разыгрался конфликтъ между студентомъ Надуткинымъ и конференціей: сдавъ экзамены на 2-й курсъ, Надуткинъ по принятому обычаю передалъ экзаменаціонный листъ конференцъ-секретарю профессору Рудневу и на этомъ совершенно успокоился. Вдругъ въ началѣ марта заявляютъ Надуткину, что онъ не имѣетъ права посѣщать лекціи 2 го курса, такъ какъ онъ де не держалъ экзаменовъ. Надуткинъ обращается тогда къ Рудневу съ просьбой возвратитъ переданный имъ ему экзаменаціонный листъ для предъявленія его инспекціи. Рудневъ же, повидимому, листъ затерялъ, произошло крупное объясненіе между нимъ и Надуткинымъ, Рудневъ наговорилъ послѣднему кучу дерзостей. Вспылившій Надуткинъ подалъ въ конференцію прошеніе объ увольненіи его изъ академіи въ виду нанесенныхъ ему конференцъ-секретаремъ оскорбленій. Въмѣсто того, что серьезно вникнуть въ это прискорбное дѣло и постараться какъ нибудь уладитъ конфликтъ, Совѣтъ академіи съ легкимъ сердцемъ уволилъ Надуткина, которому крайне тяжелымъ трудомъ приходилось добывать себѣ возможность заниматься въ академіи. Этому пермяку не мало труда стоило, чтобы закончить гимназію и добратся до академіи; въ Петербургѣ ему приходилось существовать грошевыми уроками, ночной корректурой и др. тяжелымъ трудомъ, поглощавшимъ почти все его время, такъ что ему пришлось пробить на первомъ курсѣ два года: легко понять, какое значеніе для него имѣла потеря экзаменаціоннаго листа, и какъ глубоко должно было быть нанесенное ему оскорбленіе, если онъ рѣшился уйти изъ академіи! Естественно, что и на этотъ разъ товарищи студенты не могли отнестись индифферентно къ подобному отношенію Совѣта академіи къ студенту. Вновь пошла сходка за сходкой, а такъ какъ начальство подъ шумокъ забыло и объ обѣщаніи своемъ относительно Василевскаго, который еще еще оставался внѣ академіи, то студентами предъявлено было ультимативное требованіе о безотлагательномъ обратномъ приѣмѣ въ академію и Надуткина и Василевскаго.

На первыхъ порахъ въ этой «исторіи» приняло участіе поголовно, все студенчество ¹⁾). Насколько припоминаю, на одной изъ

---

¹⁾ На эти сходки въ М.-Х. академію являлись и студенты другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Особенно бросалась въ глаза крупная фигура студента Лѣсной

первыхъ сходокъ, происходившей (если память мнѣ не измѣняетъ) въ физиологической аудиторіи, собралось свыше 1500 человекъ (изъ общаго числа, кажется, около 2000 студентовъ). Когда же началась борьба, и стали запирать аудиторіи, такъ что приходилось забираться туда силой, число участниковъ постепенно и довольно замѣтно стало сокращаться; наконецъ, на послѣдней сходкѣ, на которой мнѣ пришлось еще присутствовать и которая состоялась 13-го марта въ помѣщеніи буфета, участвовало уже всего около 200 человекъ! Эта сходка отрядила къ инспектору Смирнову депутацію съ требованіемъ явиться для объясненія съ студентами, но Смирновъ какими то окольными путями безъ шинели и шапки сбѣжалъ въ другое зданіе въ клинику профессора Боткина и ни за что не соглашался явиться на сходку. Студенты осадили клинику и заявили, что не разойдутся до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ къ нимъ Смирновъ. Прошло нѣсколько часовъ, бурныя рѣчи лились одна за другой, надвигались уже сумерки. Мы стали было уже располагаться на ночевку. Но вотъ появился проф. Боткинъ и заявилъ студентамъ, что Смирновъ де его «гость» и онъ профессоръ, надѣется, что студенты дадутъ ему возможность выполнить долгъ гостепріимства и проводить Смирнова изъ клиника домой. Какъ ни разгорячены и раздражены были участники сходки, но они не отказали Боткину въ его просьбѣ, хотя не мало при этомъ отпущено было колкостей по адресу и Смирнова и Боткина... Сходка рѣшила разойтись, составивъ письменный протестъ противъ поведения конференціи и инспектора и письменно обязавшись не допускать чтенія лекцій и продолжать непрерывныя сходки въ стѣнахъ Академіи до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены требованія студентовъ. Сходка эта тянулась съ 9 ч. утра почти до 8 ч. вечера. Наконецъ, голодные и измученные, мы разошлись съ тѣмъ, чтобы никуда же собратсь на другой день. Но, увы! немногимъ уже изъ бывшихъ на этой сходкѣ пришлось собратсь на другой день въ Академію.

Живо и отчетливо воскресаетъ въ моей памяти слѣдующая сцена: совершенно обезсиленный и усталый до неизможенія, я спалъ глубокимъ сномъ въ ночь съ 13-го на 14-е марта 1869 года. Вдругъ около 2 часовъ ночи раздаются усиленные стуки въ дверь комнаты, которую я занималъ совмѣстно съ товарищемъ технологомъ (давно уже покойнымъ) Л. Е. Городецкимъ. Мы оба вскочили, предчувствуя смыслъ этого стука. Я отворилъ дверь, въ комнату вошелъ мѣстный околдочный съ двумя городскими и предъявилъ предписаніе тогдашняго петербургскаго оберъ-полицейстера Трепова о моемъ арестѣ. Я наскоро собралъ свои пожитки, распрощался съ товарищемъ и отправился съ своими провожатыми. Путь предстоялъ намъ довольно длинный, такъ какъ нужно было добратсь до Выборгской стороны, гдѣ находилась тогда, на Симбирской улицѣ, «срочная тюрьма». Наконецъ, подѣлжаемъ къ громадному роковому зданію, желѣзныя ворота го-

Академіи—В. И. К.—го (впослѣдствіи извѣстнаго государственнаго дѣятеля), невинно ливляшагося въ нашу академію на всѣ сходки съ неизмѣнной громадной дубовой въ рукахъ...

степриимно раскрываются передъ нами и за тѣмъ съ лязгомъ за нами запираются, и я въ первый (но, увѣ. далеко не въ послѣдній!) разъ въ свою жизнь очутился за тюремной оградой...

Меня ввели въ какую то небольшую камеру, куда принесены были и мои вещи. Засовъ задвинули, замокъ щелкнулъ, и я 19-ти лѣтній юноша (какъ разъ въ этотъ памятный для меня день мнѣ минуло 19 лѣтъ!) впервые столкнулся съ суровой русской дѣйствительностью, которая съ тѣхъ поръ ни на минуту уже не выпускала меня изъ своихъ жестокихъ когтей...

Въ теченіе всей ночи свозили въ эту тюрьму участниковъ нашей послѣдней сходки. Когда на другой день насъ выпустили на общую прогулку, то оказалось, что здѣсь очутилось насъ нѣсколько десятковъ человѣкъ (кажется, около сорока), изъ коихъ нѣкоторые совершенно никакого участія въ «исторіи» не принимали. Отъ явившихся къ намъ въ теченіе дня посѣтителей мы узнали, что въ этотъ день (14-го марта) уволенъ былъ президентъ Академіи Нарановичъ и на его мѣсто назначенъ былъ членъ медицинскаго совѣта—профессоръ Козловъ. Всѣмъ студентамъ разосланы были черезъ полицію (съ отобраніемъ подписокъ) извѣщенія о прекращеніи въ Академіи лекцій. 15-го марта, однако, вновь (и, кажется, въ послѣдній разъ), возлѣ Академіи на улицѣ (ворота Академіи были со всѣхъ сторонъ на глухо заперты) собралась сходка человѣкъ въ 200, которая весьма скоро была разогнана явившеюся полиціей во главѣ съ самимъ Треповымъ.

Само собой разумѣется, что по заведенному разъ на всегда порядку за «преступленіемъ» должно было послѣдовать «наказаніе». По высочайшему повелѣнію наряжена была военно слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ новаго президента Академіи Козлова въ составѣ членовъ-профессоровъ: Зинина, Чистовича и Юнге, двухъ флигель-адъютантовъ и изящнаго петербургскаго полиціймейстера Сверчкова: уже самый составъ коммиссіи въ значительной степени предрѣшалъ дѣло. Если можно было разсчитывать на сколько нибудь разумно-снисходительное отношеніе къ «провинившимся» студентамъ, то развѣ со стороны одного Зинина и отчасти Юнге; остальные же всѣ преисполнены были гнѣвомъ противъ «непослушанія» и «своеволія» молодежи и сознаниемъ необходимости крутого отпора и «спасительнаго урока».

Насъ утѣшали, что слѣдствіе не затянется, что коммиссія будетъ-де до послѣдней степени гуманна, что ея приговоръ (ей поручено было не только произвести *судствоис*, но и постановить приговоръ, подлежащій лишь утвержденію!) будетъ-де справедливый и очень снисходительный...

Тѣмъ временемъ мы продолжали благодушествовать въ тюрьмѣ. Содержали насъ здѣсь довольно льготно. На другой же день удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ тогдашній начальникъ сыскаго отдѣленія, д. с. с. Колышкинъ, который, по порученію Трепова, приказалъ удовлетворять всѣ наши требованія, поскольку они не противорѣчатъ обще-тюремному режиму: давать намъ улучшенную пищу; отпускать табакъ и папиросы (даже сигары!), не стѣснять съ прогулкой, а главное не жалѣть... персидскаго порошка: «сыпать, сыпать, сыпать!», патетически и съ отеческой заботливостью приказалъ онъ смотри-

телю, узнавъ, что въ постеляхъ оказалось обиліе всевозможныхъ паразитовъ. Посѣщали насъ совершенно свободно. Намъ «съ воли» доставляли всевозможную пищу, дамы носили намъ лакомства, конфеты и букеты цвѣтовъ. Посѣщали насъ не только товарищи и благожелатели, но и нѣкоторыя дамы-патронесы. Особенно часто, чуть ли не ежедневно посѣщаль насъ еще очень молодой тогда профессоръ богословія, свящ. Горчаковъ, который всѣмъ намъ подарилъ по экземпляру своей диссертаци; онъ держалъ себя съ нами, при своихъ посѣщеніяхъ, съ большимъ тактомъ, отнюдь не касался «божественнаго», утѣшалъ насъ и старался развлекать насъ бесѣдами на различныя общественныя темы.

Въ числѣ арестованныхъ товарищей былъ, между прочимъ, и студентъ старшихъ курсовъ Ок—въ. Такъ какъ онъ давалъ уроки дѣтямъ Трепова, то его съ утра выпускали «на волю», онъ расхаживалъ свободно по городу, давалъ уроки, а къ вечеру на ночлегъ возвращался къ намъ въ тюрьму съ запасомъ всевозможныхъ газетъ и устныхъ новостей. Благодаря его сообщеніямъ и газетамъ, а также рассказамъ посѣтителей, мы знали, что «безпорядки» охватили всѣ высшія учебныя заведенія. Съ особенной силой они проявились въ университетѣ: на другой день, послѣ закрытія нашей Академіи, въ сборной комнатѣ студентовъ появилось возваніе, приглашавшее отъ имени студентовъ медико-хирургической академіи къ участию въ общестуденческомъ дѣлѣ. Пошли собранія, на которыхъ предъявлены были требованія о правѣ сходокъ, открытія студенческой кухмистерской, студенческой библіотеки, особой студенческой кассы, участія студенческихъ выборныхъ курсовыхъ депутатовъ въ распредѣленіи стипендій и пособій, уничтоженія стѣснительной и оскорбительной для студентовъ полицейской опеки университетскаго начальства. Профессора университета напечатали въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» обращеніе къ студентамъ, въ которомъ они доказывали, что «сходки также какъ и просьба о дозволеніи ихъ противозаконны», что добывающіеся ихъ «ведутъ часть своихъ товарищей къ исключенію, увольненію» и пр., что виновники безпорядковъ даютъ «лишній поводъ къ упреку молодости и прогрессу, знанію и свѣту», доставляютъ «торжество невѣжеству и обратному движенію»; они убѣждали студентовъ остановиться, заняться наукой и содѣйствовать «спокойному, но вѣрному движенію русскаго народа впередъ». Мы узнали, что петербургское студенчество разослало своихъ депутатовъ по всѣмъ другимъ университетамъ съ цѣлью организациі общаго студенческаго движенія. Я теперь еще живо помню, какимъ гомерическимъ хохотомъ сопровождалось чтеніе статьи доставленнаго намъ (къ сожалѣнію не сохранившася) номера «Моск. Вѣдом.» по поводу безпорядковъ: гнѣвно обрушившись на «безпорядки» въ Технологическомъ институтѣ, органъ Каткова категорически утверждалъ, что они, какъ и вообще все студенческое движеніе, не что иное какъ плодъ «польской интриги»: «правда, восклицалъ грозный обвинитель, между арестованными участниками въ безпорядкахъ не оказалось ни одного поляка, но это лишь доказываетъ все коварство и всю зловредность этихъ господъ,—они замутятъ, набезобразничаютъ, другихъ подведутъ, а сами остаются въ сторонѣ: коварная, іезуитская нація!»...

Возвращаюсь къ академіи. Если память мнѣ не измѣняетъ, то уже черезъ недѣлю насъ стали водить изъ тюрьмы группами на допросы, которые производились письменно. Каждому изъ насъ подавался листъ съ заранѣ написанными на немъ вопросами, и мы должны были на томъ же листѣ, тутъ же въ присутствіи комиссіи, параллельно съ вопросами писать соотвѣтствующіе отвѣты. Кромѣ обычныхъ вопросовъ объ имени, отчествѣ, фамиліи, званіи,—предлагались вопросы объ участіи въ беспорядкахъ и зачинщикахъ такихъ, о лицахъ, приглашавшихъ на сходку, о лицахъ, участвовавшихъ на сходкахъ о зачинщикахъ и подстрекателяхъ и т. д. Большинство изъ насъ отвѣчало, кажется, въ такомъ же духѣ, какъ и я: зачинщиковъ и подстрекателей у насъ никакихъ не было, никто специально на сходки не приглашалъ, что если и можно считать кого либо зачинщикомъ и инициаторомъ сходокъ, то развѣ инспектора Смирнова, который держалъ себя вызывающе по отношенію къ студентамъ, позволялъ себѣ оскорбительное съ ними обращеніе и т. д.

Еще до окончанія слѣдствія (чуть ли не до начала его) въ санныхъ сферахъ Петербурга и въ профессорскихъ кругахъ шли уже толки объ участи ожидающей арестованныхъ студентовъ медиковъ. Постановленный военно-слѣдственной комиссіи приговоръ совпалъ почти съ этими толками, изъ чего можно было заключить, что къмъ то уже заблаговременно, по указаніямъ инспекціи, постановлено было рѣшеніе. ¹⁾ Всѣ привлеченные къ слѣдствію, кромѣ оправданныхъ и немедленно освобожденныхъ, раздѣлены были на четыре категоріи: отнесенные къ первой категоріи (кажется, 6 человекъ), въ томъ числѣ и я, исключены были изъ академіи навсегда безъ правъ поступленія въ какія бы то ни было высшія учебныя заведенія; отнесенные ко второй категоріи уволены были съ правомъ поступленія по прошествіи года въ другія высшія учебныя заведенія; попавшіе въ третью категорію уволены изъ академіи съ правомъ тотчасъ же поступить въ другія высшія учебныя заведенія, и наконецъ, отнесенные къ четвертой категоріи присуждены были къ 7 недѣльному тюремному заключенію ²⁾.

Зазеленѣла чахлая петербургская травка во дворикъ нашей тюрьмы, въ Петербургѣ настала весна. Въ одну свѣтлую, сравнительно теплую ночь въ первой половинѣ апрѣля въ тюрьмѣ нашей поднялась тревога: раздавались учащенные звонки, топотъ ногъ, послышались необычные въ ночное время разговоры. Тюремная администрація принялась вызывать насъ по категоріямъ отдѣльными группами, объявляли (уже заранѣ намъ извѣстный) приговоръ военно-слѣдственной Комиссіи и предлагали намъ собирать свои вещи и готовиться къ оста-

---

¹⁾ При встрѣчѣ съ мной однофамильцемъ (проф. Чудиновскимъ), профессоръ И. М. Съченовъ предупредилъ его (еще наканунѣ моего ареста), что, кажется, его братъ будетъ исключенъ изъ Академіи.

²⁾ Насколько помнится, всего было исключено и уволено изъ Академіи около 23-хъ человекъ, а человекъ 12 осуждено было къ короткосрочному аресту. Чувствительнѣе пострадала студента университета: тамъ исключено и уволено 38 человекъ, къ короткосрочному аресту присуждено было 10 человекъ, да выговоръ сдѣлали 16 студентамъ.

влению тюрьмы, тщательно умалчивая о дальнѣйшемъ, о которомъ впрочемъ мы всѣ догадывались въ виду усиленно циркулировавшихъ въ послѣдніе дни слуховъ.

Прибыла въ тюрьму стража, и насъ всѣхъ подѣ конвоемъ разослали по участкамъ, а оттуда уже на другой день раннимъ утромъ насъ доставили на вокзалъ. Академическое начальство нашло вполне совмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ, по исключеніи и увольненіи насъ изъ Академіи препроводить наши документы къ оберъ-полицеймейстеру Трепову, который въ свою очередь призналъ себя вполне компетентнымъ выдворить насъ изъ Петербурга и разослать насъ «на родину» подѣ надзоръ полиціи и наблюденіе родителей...¹⁾

На вокзалѣ насъ ждала большая группа студентовъ и сочувствовавшихъ намъ барынь и барышень. Они лишь наканунѣ поздно вечеромъ узнали о назначенной высылкѣ изъ Петербурга, тѣмъ не менѣе они успѣли собрать деньги, приобрести кое-какія для насъ вещи и провізю. Трогательно и чисто по братски распрощавшись съ нами, они вручили каждому соответствующую сумму денегъ и нужная вещи и напутствовали насъ въ путь теплыми пожеланіями и пылкими надеждами на лучшее будущее...

Насъ нѣсколько человекъ южанъ въ сопровожденіи городовыхъ отправили по Николаевской желѣзной дорогѣ на Москву, гдѣ намъ пришлось прождать нѣсколько часовъ поѣзда на Кіевъ. Такъ какъ одинъ изъ сопровождавшихъ насъ городовыхъ въ дорогѣ увѣрялъ меня, что онъ «самъ изъ гимназистовъ», и что одна лишь нужда заставила его выйти изъ 5-го класса гимназіи и поступить въ городовые, и что онъ даже «либераль», то я предложилъ ему съѣздить со мною, въ ожиданіи поѣзда, въ городъ къ студенту московскаго университета Д. Енкуватову, товарищу моему по херсонской гимназіи²⁾. «Либеральный» городской безъ возраженій согласился, и мы на лихачѣ помчались съ нимъ въ городъ. По дорогѣ какой то встрѣчный съ удивительно знакомымъ мнѣ лицомъ, хотя и сильно измѣненнымъ, отвѣсилъ мнѣ нѣсколько очень низкихъ поклоновъ.

Получивъ въ университетѣ адресъ Енкуватова, я отправился къ нему и засталъ на его квартирѣ (онъ жилъ съ родителями) цѣлую студенческую сходку. Передавъ ему вкратцѣ о послѣднихъ событіяхъ въ петербургскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (отчасти ему уже извѣстныхъ), я въ сопровожденіи Енкуватова (городовой слѣдовалъ за нами на отдѣльномъ извозчикѣ) помчался обратно на вокзалъ, куда и прибылъ за 1/4 часа до отхода поѣзда. Здѣсь поджидалъ меня и тотъ, кто встрѣтилъ меня на улицѣ съ низкими поклонами: это былъ тотъ самый студентъ лѣсной Академіи К—ій, о которомъ мною упомянуто было выше. Онъ явился въ Москву, какъ депутатъ отъ петербургскаго студенчества для привлеченія къ общему движенію московскаго сту-

¹⁾ Разсказъ „на родину“ производилась по документамъ. Одинъ, напр., родил. въ Красноярскѣ (Вост. Сибири), но ему еще и года не было, когда родители переехали въ Евр. Россію,—тѣмъ не менѣе рѣшили препроводить его на родину—въ Красноярскъ! Такихъ курьезовъ было нѣсколько.

²⁾ Въ скоромъ времени послѣ этого онъ фигурировалъ на скамьѣ подсудимыхъ въ Нечаевскому процессу.

денчества. Познакомивъ его съ Енкуватовымъ, я направился къ поѣзду, который умчалъ нашу группу на югъ.

Въ Кіевъ мы прибыли поздно вечеромъ. Заѣхавъ въ гостиницу и сложивъ тамъ свои вещи, мы, согласно инструкціи, отправились въ сопровожденіи городовыхъ пѣшкомъ къ тогдашнему кіевскому губернатору Котокори. Послѣдній принялъ насъ утонченно любезно, предложилъ намъ чай и попросилъ отужинать у него. Во время чая явился (какъ будто невзначай) митрополитъ, благословившій насъ на ходу, направляясь въ другую половину, а вслѣдъ за нимъ явился тогдашній попечитель Кіевскаго учебнаго округа генераль Антоновичъ, который очень сердечно поздоровался съ нами, искренно поскорбѣлъ о томъ, что «молодежь сама себя губить» и очень просилъ насъ «не входить въ сношенія съ мѣстными студентами, такъ какъ и здѣсь волнуются». Тутъ только намъ ясно стало, почему намъ оказано было такое предупредительное и такое продолжительное (до глубокой ночи) гостепріимство у губернатора. Догадка наша вполнѣ подтвердилась послѣ ужина: оберъ-полиціймейстеръ съ изысканной любезностью заявилъ намъ, что желая предоставить намъ возможность хорошо отдохнуть послѣ утомительнаго пути, онъ устроилъ такъ, чтобы одинъ изъ насъ будетъ ночевать у генераль-губернатора, одинъ у губернатора, а третій у него. Мы поблагодарили за любезность, наотрѣзъ отказались воспользоваться ею, заявили съ своей стороны, что, если мѣстныя власти хотятъ дѣйствительно доставить намъ возможность отдохнуть, пусть разрѣшатъ намъ (вѣдь, мы же подъ конвоемъ!) переночевать въ гостиницѣ, въ которую мы заѣхали; въ противномъ же случаѣ, пусть ночью же отправляютъ насъ дальше ¹⁾. Переговоривъ съ губернаторомъ, оберъ-полиціймейстеръ торжественно объявилъ намъ, что онъ уладилъ дѣло, что мы переночуемъ въ гостиницѣ, но мы должны дать слово не вступать ночью въ переговоры съ мѣстными студентами. Несмотря на весь комизмъ этого требованія, мы дали слово и поздно ночью (кажется, послѣ 11 часовъ) отправились каждый въ отдѣльной крытой каретѣ съ провожатымъ. Когда мы зашли въ занятый нами въ гостиницѣ номеръ, мы нашли тамъ мѣстнаго пристава, который немедленно заперъ за нами дверь, положилъ въ свой карманъ ключъ и разлегся на кушеткѣ спать (ногами упираясь въ дверь), любезно предложивъ и намъ лечь, при чемъ впрочемъ не требовалъ отъ насъ слова не входить ночью въ переговоры съ мѣстными студентами ²⁾...

¹⁾ Изъ Кіева на Одессу тогда еще желѣзно-дорожное сообщеніе не существовало.

²⁾ Уже черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось въ Херсонѣ прочесть въ «Од. Вѣсти» (въ № отъ 3 апрѣля за 1869 г.) слѣдующее: «Въ газетѣ *Кіевлянина* пишутъ по поводу недавнихъ печальныхъ явленій въ средѣ петербургской учащейся молодежи говорить, что со стороны виновниковъ безпорядковъ сдѣланъ былъ *призывъ къ студентамъ университета Св. Владиміра* принять участіе въ противозаконномъ заявленіи. Но призывъ этотъ не имѣлъ отклика въ кіевскихъ студентахъ, за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ личностей, которыхъ новитки къ соглашенію не могли проявиться, подъ вліяніемъ общаго несочувствія и заранѣе принятыхъ мѣръ. Не знаемъ, насколько вѣрны эти слухи, но можемъ заявить, что въ редакцію «Кіевлянина» прислана изъ среды студентовъ статья порицающая незаконность и неправильность дѣйствій увлекшихся господъ, которые только вортятъ дѣло о особіяхъ бѣдныхъ товарищамъ».

На другой день рано утромъ подкатили къ гостинницѣ почтовая тройка и мы двинулись въ дальнѣйшій путь.

Черезъ нѣсколько дней я съ землякомъ своимъ Корвацкимъ были уже «на родинѣ» въ Херсонѣ...

На этомъ повѣствованіи мое о «студенческой исторіи», собственно говоря, заканчивается. Это было, такъ сказать, вступленіе къ моей сознательной жизни, безчисленныя перипетіи которой составляютъ, я надѣюсь, предметъ дальнѣйшихъ моихъ очерковъ. Но теперь, въ заключеніе настоящаго очерка, не могу не указать на слѣдующее: Нечаевъ въ этой «студенческой исторіи» какъ мною уже выше упомянуто, принималъ безспорно участіе, и участіе весьма активное и вліятельное; мнѣ припоминается даже его присутствіе на одной изъ сходовъ въ одной изъ аудиторій Медико-Хирургической Академіи, на которой онъ, со свойственной ему рѣзкостью и неразборчивостью въ выраженіяхъ, полемизировалъ съ весьма популярнымъ въ то время между студентами медиками студентомъ 4-го курса Литвиновымъ, настойчиво совѣтовавшимъ товарищамъ не сходить съ строго академической почвы. Но не Нечаевъ, разумѣется, былъ *причиной* этихъ «безпорядковъ», не онъ ихъ вызвалъ. Причина коренилась во всемъ тогдашнемъ ненормальномъ строѣ нашей жизни, вызывавшемъ всеобщее негодованіе и возмущеніе. Въ публикѣ тѣмъ не менѣе держалось въ то время настойчиво мнѣніе, что Нечаевъ былъ главнымъ «подстрекателемъ» этихъ «безпорядковъ», что онъ де создалъ ихъ въ видахъ чисто политическихъ. Мнѣніе это нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»: въ замѣткѣ въ одномъ изъ мартовскихъ номеровъ этихъ «Вѣдомостей» (за 1869 г.) говорилось «молодые люди, замѣшанные въ университетскихъ безпорядкахъ» были привлечены къ суду; нѣкоторые изъ нихъ испортили свое будущее. Посреди этой суматохи слишкомъ замѣтно высказалъ свое усердіе одинъ, какъ сказываютъ, весьма заслуженный нигилистъ чело­вѣкъ далеко не первой молодости, еще лѣтъ за шесть, за семь предъ симъ служившій учителемъ въ уѣздомъ или иномъ училищѣ нѣкто Нечаевъ. Вѣрно то, что этотъ поджигатель молодежи, выказывавшійся уже слишкомъ замѣтно, былъ арестованъ. Но онъ не погибъ и ничего не потерялъ. Онъ ухитрился бѣжать изъ подъ стражи, чуть ли не изъ Петропавловской крѣпости. Онъ не только убѣжалъ за границу, но успѣлъ *chemin foison* сочинить прокламацію къ студентамъ, напечатать ее весьма красиво за-границей и послать цѣлый тюкъ экземпляровъ оной по почтѣ, конечно, не съ тѣмъ, чтобы она разошлась между студентами, на это онъ, какъ чело­вѣкъ неглупый, что доказываетъ самый побѣгъ его, не могъ разсчитывать, да это, по всему вѣроятію, ему не было и нужно. Цѣль его или его патроновъ была, вѣроятно, достигнута тѣмъ, что прокламація была перехвачена и прочтена въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Что же пишетъ этотъ молодецъ? Онъ убѣждаетъ студентовъ крѣпко держаться, но не полагаться на баричей въ своей средѣ. Это-де консервативные элементы, на которые дѣло революціи расчитывать не можетъ. Иное дѣло народъ,

крестьяне, рабочіе: тутъ-де для революціи большая пожизва, и пусть-де студенты обратятся къ рабочимъ и готовятъ ихъ къ революціи».

Мнѣ прокламацію эту не приходилось читать, но насколько мнѣ извѣстно, таковая дѣйствительно существовала, и содержаніе ея (за исключеніемъ, конечно, специфическихъ фигуръ «Моск. Вѣдом.») было въ этомъ родѣ. Въ прокламаціи этой сказалось отчасти міросозерцаніе этого историческаго лица, тогда лишь начинавшаго свою революціонную карьеру, готовившую для него въ близкомъ будущемъ мученичество... Долгъ истины повелѣваетъ мнѣ отмѣтить, что спустя нѣкоторое время послѣ «студенческой исторіи» мнѣ пришлось слышать отъ людей освѣдомленныхъ и заслуживающихъ довѣрія, что пущенный самымъ Нечаевымъ слухъ объ его побѣгѣ изъ Петропавловской крѣпости, въ которой онъ спустя нѣсколько лѣтъ былъ дѣйствительно замурованъ и замученъ, былъ невѣренъ, и что онъ даже и арестованъ не былъ. Распространеніе этого слуха обусловлено было искреннимъ убѣжденіемъ Нечаева, что ему необходимо создать для себя опредѣленный престижъ ради большей продуктивности его будущей революціонной дѣятельности.

С. Чудновскій.

По поводу статьи С. И. Сомова: «Изъ исторіи соц.-дем. движенія въ С.-Петербургѣ въ 1905 г.»

(Письмо въ редакцію).

Заключительныя строки статьи С. И. Сомова (стр. 177—178 майской книги „Былого“) заставляютъ меня внести кое-какія фактическія поправки, свидѣтельствующія, что такъ легко бросаемыя с.-д. партіи упреки и обвиненія не всегда имѣютъ подъ собою фактическое основаніе и покоятся на недоразумѣніяхъ. Эти поправки тѣмъ болѣе умѣстны, что упомянутая статья достаточно вѣрно (если не считать нѣкоторой односторонности автора) характеризуетъ и оцѣниваетъ дѣятельность петербургской социалдемократіи въ опредѣленный періодъ, чтобы пуждаться для полноты и убѣдительности аргументаціи въ неprovѣренныхъ данныхъ, въ разнаго рода слухахъ и сплетняхъ.

1) С. И. Сомовъ говоритъ: „Какъ будто для того, чтобы изгнать приверженцевъ партійнаго бюрократизма и противниковъ демократизма изъ нѣхъ послѣдняго убѣжища, и показать, что отсутствіе демократизма вредно для партіи даже въ конспиративномъ отношеніи (курсивъ въздѣ мой) и отсюда не спасаетъ отъ порученія самыхъ отвѣтственныхъ функцій шпионажъ и провокаторамъ, въ концѣ мая и началѣ іюня въ Петербургѣ начались массовыя аресты среди меньшевиковъ“. Впослѣдствіи выяснилось, продолжаетъ С. И. Сомовъ, что аресты были вызваны провокаторомъ Доброскоковымъ, завѣдывавшимъ техническими предпріятіями меньшевистской организаціи, „привезшимъ изъ за границы хорошія рекомендаціи и потому сразу завоевавшимъ доверіе“. Приверженцы демократизма справедливо доказывали, что такіе... разгрома были бы менѣе возможны при выборномъ началѣ, при которомъ отвѣтственнымъ должности поручались бы людямъ на основаніи дѣлательныхъ, извѣстныхъ массѣ партійныхъ членовъ заслугъ, а не на основаніи дружескихъ связей съ влиятельными лицами въ партіи“.

Итакъ, С. И. Сомовъ вину за проникновеніе Доброскокова въ петербургскую организацію вваливаетъ, съ одной стороны, на „влиятельныхъ въ партіи лицъ“, практиковавшихъ систему протекціи, а съ другой на бюрократизмъ, враждебный демократическому, выборному началу.

По этому поводу долженъ указать слѣдующее: въ числѣ секретарей редакціи „Искры“ былъ пишущій эти строки въ то время, когда Доброскоковъ пріѣхалъ изъ Харькова въ Женеву, а также и когда онъ уѣзжалъ въ Россію. Въ Женевѣ никто его не зналъ и въ партійную среду онъ былъ допущенъ только потому, что привезъ установленный пароль отъ пославшей его на со-

зывавшійся въ ту пору большевиками такъ назыв. „3-й партійный съездъ“ Харьковской организаціи жел.-дор. служащихъ. Узнавъ, что съездъ этотъ не санкціонованъ Совѣтомъ Партіи, Доброскоковъ, съ согласія своихъ избира-телей, на съездъ не поѣхалъ и остался въ Женевѣ, собираясь въ скоромъ времени вернуться въ Россію, но уже не въ Харьковъ, гдѣ его разыскивали жандармы. Тѣмъ временемъ, мнѣ пришлось по поводу названной организаціи желѣзнодорожниковъ списаться съ харьковскимъ комитетомъ партіи, причемъ я не преминулъ навести у него справки о Доброскоковѣ. Отвѣтъ получился удовлетворительный. Доброскоковъ пару лѣтъ работалъ въ комитетской организаціи, былъ арестованъ, просидѣлъ въ тюрьмѣ около года, во время слѣдствія велъ себя хорошо, по освобожденіи оказывалъ услуги комитету, и только въ послѣднее время дѣйствовалъ помимо его, принявъ участіе въ организаціи ж.-д. союза. Въ его прошломъ было указано лишь одно пятно: онъ упорно защищалъ и поддерживалъ одного товарища, который за неблаговидное политическое поведеніе былъ удаленъ изъ партійной организаціи. Въ это же время въ Женеву прибылъ тов. М-въ, харьковецъ, работавшій вѣкогда вмѣстѣ съ Доброскоковымъ; онъ подтвердилъ отзывъ комитета. Естественно, поэтому, что когда Доброскоковъ заявилъ о своемъ желаніи ѣхать въ Петербургъ, пишущему эти строки ничего не оставалось, какъ снабдить его соответствующими явкой и паролемъ, а затѣмъ, какъ это обыкновенно дѣлалось, предупредить петербургскую организацію (въ лицѣ ея секретаря), что къ нимъ ѣдетъ такой то товарищъ, который работалъ тамъ то по такой то специальности. Въ Петербургъ Доброскокову сперва дали работу лишь въ районной техникѣ, и только послѣ арестовъ, онъ по необходимости, помимо всякихъ назначеній, оказался завѣдующимъ всей техникой, замѣнивъ выбывшихъ товарищей. Что при „демократизмѣ“ Доброскоковъ не встрѣтилъ бы препятствій для занятія отвѣтственного поста въ организаціи, а, напротивъ того, достигъ бы большаго, чѣмъ при „бюрократизмѣ“, говоритъ слѣдующій фактъ: въ бытность мою въ іюнѣ членомъ петерб. группы (меньшевиковъ) наши техники всѣхъ районовъ (а въ технику было занято прямо или косвенно 2—3 десятка товарищей) потребовали представительства въ центр. группѣ, чтобы быть освѣдомленными о ходѣ дѣлъ въ организаціи и посылно вліять на него; своимъ кандидатомъ они единодушно выставляли того же Доброскокова, выставляя на видъ его энергію, работоспособность и дѣловитость. И только благодаря тому, что мы, члены группы, рѣшительно воспротивились этимъ требованіямъ, провокаторъ Доброскоковъ не попалъ мизостію демократическаго принципа въ самый центръ организаціи.

Сказаннаго, думаю, достаточно, чтобы увидѣть, какъ опасно, опираясь всего на одинъ другой случай, да и то искаженный, невѣрно сообщенный, дѣлать выводы тѣ или иные о вліяніи бюрократизма и демократизма, протекціи „влиятельныхъ лицъ“ на жизнеспособность организаціи и т. п.

2) Ошибается С. И. Сомовъ и тогда, когда утверждаетъ, что послѣ ареста „мочми есей“ центральной группы „вопреки преобладающему желанію петербургскихъ партійныхъ членовъ... явилось 2—3 лица изъ за-границы, объявили себя руководящей группой, кооптировали кое кого изъ новоприѣзжихъ „профессіональныхъ“ революціонеровъ...“ Такъ какъ С. И. Сомовъ въ это время находился въ тюрьмѣ, онъ, очевидно, рассказываетъ тутъ съ чужихъ словъ, недостаточно провѣренныхъ. Въ дѣйствительности дѣло обстояло такимъ образомъ: при арестѣ центральной группы (если не ошибаюсь, въ середнѣ мая

учаляли три ея члена тов. М., А. И и Н. Изъ нихъ послѣднiя не работали въ районѣ (онъ литераторъ), а тов. М. долженъ былъ немедленно уѣхать, такъ какъ за нимъ слѣдили по пятамъ. Пополнить центр. группу по выбору и изъ состава районныхъ работниковъ не было возможности. Работа была такъ дезорганизована благодаря арестамъ, что нечего было и думать собрать районные комитеты хотя бы въ теченiе одной, двухъ недѣль. Для характеристики положенiя достаточно указать, что группѣ, когда ея составъ былъ доведенъ до 6 человекъ, приходилось собираться за городомъ (даже въ Терюкахъ), ибо въ Питерѣ нельзя было найти подходящей квартиры; что во всемъ Невскомъ районѣ, напр., работало всего 3 интеллигента одному изъ нихъ надо было уѣхать, другой всего лишь 3 мѣсяца передъ тѣмъ началъ работать въ партiю, третья пропагандистка; въ остальныхъ районахъ положенiе было не лучше. Хорошо помню ту отчаянную картину, которую нарисовали тов. М. и А. И. рассказывая о положенiи дѣлъ. Надо было торопиться передать и укрѣпить сохранившiяся связи и потому эти товарищи рѣшили кооптировать насъ трехъ, прiѣхавшихъ по приглашенiю нѣсколькихъ арестованныхъ членовъ группы известныхъ имъ, какъ давно работавшихъ въ партiю. Рѣшено было все усилiя направить на скорѣйшее восстановленiе районныхъ центровъ, чтобы потомъ изъ нихъ среды восстановить руководящую группу. Непрерывавшiеся аресты въ теченiе ближайшихъ мѣсяцевъ, такъ и не позволили сдѣлать это до самаго октября.

Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ дѣло заключается отнюдь не въ поправлiи принциповъ демократизма и не въ бюрократическихъ замашкахъ тѣхъ или иныхъ лицъ, а въ простой цѣлесообразности и властно диктуемыхъ условiями работы требованiяхъ. С. И. Сомову слѣдовало бы, вообще, помнить, что демократизмъ можетъ въ организацiи существовать лишь тогда, когда всѣ члены ея активно проявляютъ себя, связаны живыми нитями съ своей организацiей. Тогда, конечно, не страшны аресты, ибо низы немедленно выдвигаютъ на мѣсто отсѣченнаго органа новый. При пассивномъ же отношенiи массы членовъ къ дѣламъ организацiи, а именно таково было по описанiю самого С. И. Сомова положенiе вещей преимущество и развитiе организацiи по поволѣ зависятъ отъ немногочисленныхъ всегда группъ болѣе инициативныхъ работниковъ.

С. Цедербаумъ.

Къ замѣткѣ Н. Н. о Констант. Гаврил. Неустроевѣ.

Въ замѣткѣ о Констант. Гаврил. Неустроевѣ помѣщенной въ июльской книжкѣ „Былого“ за 1907 годъ вкралась серьезная неточность, которая можетъ ввести въ заблужденіе читателя незнакомаго съ Сибирью и ея правителями. Въ названной замѣткѣ на стр. 295 сказано... на мѣсто его (генерал-губернатора Анучина) отправленъ былъ Педашенко, тогда какъ на мѣсто Анучина былъ отправленъ генералъ-губернаторомъ графъ А. Игнатьевъ, а Педашенко, какъ старшій изъ губернаторовъ Восточной Сибири числился только временно замѣстителемъ Анучина и въ Иркутскѣ изъ Красноярска, кажется, даже не перѣзжилъ. Правда ходила слухи, будто Педашенко хлопоталъ и надѣялся сдѣлаться ген.-губернаторомъ двухъ губершій Енисейской и Иркутской, но надежды его не осуществились. Слухи о его намѣреніи доходили и къ намъ въ Иркутскую тюрьму, гдѣ мнѣ по дорогѣ въ дальнѣйшую ссылку пришлось провести мѣсяца полтора осенью 1883 г. и быть невольной свидѣтельницей трагическаго эпизода, прервавшаго, какъ набѣжавшій вихрь, жизнь Неустроева, этого чуткаго человѣка, прекраснаго въ благородныхъ порывахъ своихъ. Можетъ быть примѣръ недавно мстившей за Каріицель Кутитонской, сидѣвшей тогда послѣ осужденія въ одномъ корридорѣ съ Неустроевымъ и встрѣчавшейся съ нимъ какъ и всѣ мы, можетъ быть этотъ примѣръ послужилъ безсознательнымъ толчкомъ рѣшившимъ такъ трагически его участь. Во всякомъ случаѣ Неустроевъ цѣною жизни своей сдѣлалъ вообще невозможной замѣну одного правителя насильникомъ другимъ, хотя и не столь громкимъ, но все же завѣдомымъ насильникомъ, а въ то время какъ рука Неустроева карала Анучина, за Педашенко числился уже подвигъ насилія, правда не надъ цѣлой политической тюрьмой, какъ было на Карѣ, а надъ одинокой политической осужденной (насильственное переодѣванье въ канцеляріи въ моментъ отправки партіи вмѣсто того чтобы смѣнить арестантское платье въ тюрьмѣ, какъ того требовалъ законъ и совѣсть). Да дѣло это не было такъ громко, какъ карійское, свидѣтелями его была лишь беременная женщина да ея закованный въ цѣпи политическій осужденный мужъ, за которымъ она добровольно слѣдовала. Фактъ этого насилія могъ снова умереть вмѣстѣ съ его жертвою, но этого не случилось; дружеская рука могла и дала силу жить, она же можетъ быть, не умолчавъ о насиліи нанесла и рѣшающій ударъ честолюбію новаго правителя насильника Педашенко въ генералъ-губернаторы не попалъ.

12 іюля 1907 г.

О. Люботовичъ.

Историческая библиографія.

Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. 1854—1855. Под редакціей и съ примѣчаніями Ю. Т. Малиса изданіе русскаго хирургическаго общества Пирогова. СПб. 1907. стр. 230. Ц. 1 р. 50 к.

Русское хирургическое общество имени Н. И. Пирогова достойно почтало память великаго хирурга и знаменитаго гуманиста, выпустивъ къ 25-лѣтію со дня его смерти новое дополненное и исправленное изданіе его „сева­стопольскихъ“ писемъ.

Первое изданіе „писемъ“ вышло въ 1899 г. роскошнымъ, богато снабженнымъ портретами и снимками, томомъ, отпечатаннымъ на картоновой бумагѣ. Но въ этомъ изданіи *письма* подверглись филтраціи.

Но и въ этомъ обезвреженномъ видѣ письма Пирогова являлись выдающимъ вкладомъ въ обличительную литературу 60-хъ годовъ. Тѣмъ болѣе цѣнно настоящее изданіе, выпущенное названнымъ обществомъ при участіи Павловскаго книгоиздательства и подъ редакціей біографа Н. И. д-ра Ю. Т. Малиса.

Въ настоящее изданіе вошли въ полномъ видѣ всѣ доставленные сыномъ покойнаго хирурга В. Н. Пироговымъ обществу письма Николая Ивановича къ женѣ изъ Крыма, куда онъ былъ посланъ „для ближайшаго наблюденія и успѣшнымъ леченіемъ раненыхъ“. Въ это изданіе вошли также обширное интересное письмо Н. И. къ д-ру К. К. Зейдлицу изъ Севастополя и „Историческій обзоръ дѣлствій Крестовоздвиженской общины“ въ Крыму и въ Херсонской губ.

„Севастопольскія“ письма освѣщаютъ личность Пирогова, какъ врача-гражданина, беззаветно преданнаго интересамъ своихъ больныхъ и съ неу­кротимой энергіей борющагося за эти интересы, не потеряли своего значенія и для нашего времени. „Пріѣхалъ, говоритъ Пироговъ въ письмѣ къ женѣ, и видѣлъ, что больные лежатъ въ грязи, какъ свиньи, съ отрѣзанными ногами. И, разумеется, объ этомъ сейчасъ же доношу главнокомандующему, а тамъ эдись на меня, кто какъ хочетъ, я плюю на все. О, какіе будутъ рады многи начальства здѣсь,—которыхъ я также бомбардирую, какъ бомбардируютъ Севастополь,—когда я уѣду“ (135). Его характеристика отношенія къ дѣлу со стороны высшихъ „чиновъ“ также имѣетъ интересъ эпохи дня. „Какой то хвостъ мѣшій и взглядовъ, изъ которыхъ только одно явствуетъ, что никто ничего не понимаетъ, и всякій подставляетъ ногу другому; моряки ненавидятъ сухопутныхъ; пѣшіе—конныхъ; эскадроны—курляндцевъ. Русскій Богъ великъ, да но и русскіе подлецы—велики. Право, если взглянуть на эту смѣсь нашей посредственности, безталантности, односторонности и низости, то поневоля начинаешь опасаться за участь Севастополя, и, слѣдовательно, цѣлаго Крыма“ (134).

Тонкой ироніей наполнены тѣ мѣста писемъ Пирогова, гдѣ онъ говоритъ о спасителяхъ отечества и о „Провидѣніяхъ“ Россіи. „На этихъ дняхъ я видѣлъ двѣ знаменитыя развалины: Севастополь и Горчакова. Бухта разделяется одну отъ другой. вмѣстѣ съ разрушеніемъ Севастополя произошли измѣненія и въ наружномъ видѣ генія отступленія: шапка, которая прежде надѣвалась имъ на затылокъ, теперь надѣвается почти на самый носъ...“ Воровство въ арміи было сверхъестественное. Теперь это извѣстно изъ учебниковъ исторіи даже дѣтямъ. „Транспорты отходятъ отсюда почти ежедневно, писалъ Пироговъ жонѣ; если бы ты знала, что тутъ дѣлается, если бы ты услышала всѣ рассказы о злоупотребленіяхъ и грабежахъ, производимыхъ транспортными начальниками, такъ у тебя волосы бы встали дыбомъ.. По бумагамъ у Горчакова въ Крыму 260.000, да въ Крыму слишкомъ 400.000, такъ что на бумагѣ и на жалованьи до 700.000, а много ли на дѣлѣ, одному Богу извѣстно. 700.000 счесть не бездѣлица, и 200 человекъ начнешь считать, такъ какъ разъ ошибешься... И вездѣ воруютъ, и вездѣ безпорядки попрежнему.. Одинъ другому завидуетъ и другъ другу погу подставляетъ, какъ бы сватать...“ (124, 165).

Знаменитый гуманистъ писалъ доктору Зейдлицу: „Надо надѣяться, что эта проклятая, старая изысканная метода воевать, при которой смотрѣли на людей, какъ на слѣпыхъ стратегическихъ орудій, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ войны и объ общемъ благосостояніи, послѣ этой войны у насъ и союзныхъ получить смертельный ударъ, особенно, если съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ смертность отъ развитія эпидемическихъ болѣзаней значительно увеличится, хотя надежда и дѣйствительность двѣ вещи разныя“ (187).

Книга снабжена интересно составленнымъ на основаніи недоступныхъ широкой публикѣ (въ большинствѣ затерявшихся въ архивныхъ изданіяхъ) данныхъ вступительными очеркомъ д-ра Ю. Т. Малпса: „Н. И. Пироговъ въ Севастополь“. Въ видѣ приложенія даны весьма цѣнныя и чрезвычайно интересныя въ биографическомъ отношеніи примѣчанія (27 страницъ) редактора изданія и алфавитный указатель личныхъ именъ, а также незаданные портреты Н. И. Пирогова и группа, на которой онъ изображенъ со своими дѣтьми: группа сестеръ общины, видъ Севастополя (съ картины Н. К. Лявазовскаго), планъ окрестностей Севастополя, факсимиле письма Н. И. Пирогова.

Съ внешней стороны изданіе исполнено превосходно: прекрасная бумага, четкій шрифтъ, роскошныя иллюстраціи. Цѣна однако нѣсколько высока. Это грѣшно и противъ памяти Пирогова, „письма“ котораго должны быть доступны широкой публикѣ.

Еще нѣсколько словъ. Какъ ни выгодно отличается настоящее изданіе „Севастопольскихъ писемъ“ отъ предыдущаго но по нашему мнѣнію въ это изданіе могли бы въ видѣ приложенія войти между прочимъ еще слѣдующія напечатанныя одновременно статьи и письма Н. И. Пирогова о Севастопольской страдѣ: 1) о подвигахъ сердобольныхъ вдовъ въ Крыму („Свѣ. Пчела“ № 7 за 1856 г. и Сборникъ извѣстій о войнѣ изд. Путилова № 31 за 1857 г.) 2) Извлеченія изъ отчета о дѣятельности общины и врачей (Морск. сборникъ № 5 за 1865 г. и тотъ же сборникъ Путилова) 3) извлеченіе изъ донесенія о Крестовоздвиженской общинѣ отъ 4 января 1855, (М. сборн. № 2 за 1855 г. и сборн. Путилова № 30 за 1856 г.) 4) письма къ В. М. Вакуиной (В. Европы май—іюня 1898 г.) 5) письмо къ іеромонаху Веніамину духовнику общины (Р. Старина, июль 1891 г.).

В. Сиповскій. Пушкинъ Жизнь и творчество. С.-Петербургъ, 1907, 618 стр.

У насъ долго не было биографіи Пушкина. Нѣкогда Меховъ подвелъ итоги пушкинской литературы, они оказались громады; съ тѣхъ поръ биографическая литература о Пушкинѣ продолжала обогащаться непрерывно; одинъ за другимъ слѣдовали пушкинскіе юбилеи, приносящіе каждый разъ огромное количество торжественныхъ рѣчей, биографическихъ „очерковъ“ и „новыхъ матеріаловъ“. А биографіи все не было, хорошей большой биографіи Пушкина, которая использовала бы, по возможности, весь накопившійся и богатѣвшій биографическій матеріалъ, раскрыла бы духовную личность поэта и судьбы его жизни и творчества прослѣдила бы въ широкихъ перспективахъ развитія историческаго литературнаго и общественнаго. Потребность въ такой биографіи ощущалась всѣми и въ школахъ, и въ обществѣ, и въ средѣ специалистовъ историковъ; удовлетворить ея, конечно, не могли переиздававшіеся старыя работы Стоюнина, Венкстерна. Биографія Пушкина стала, наконецъ, самой настоятельной, очередной задачей русской литературной историографіи.

Повѣстно, послѣ этого, съ какимъ жаднымъ любопытствомъ беремся мы за объемистую книгу г. Сиповскаго. Авторъ не новичекъ въ пушкинскихъ наученіяхъ; ему принадлежитъ обширный библиографическій обзоръ юбилейной пушкинской литературы 1899 года и цѣлый рядъ другихъ работъ по Пушкину, биографическихъ и литературныхъ. Многочисленными иными изслѣдованіями автора въ области исторіи русской литературы XVIII и XIX вв., комъ обширный списокъ приложенъ къ книгѣ, давали ему и общую подготовку къ выполненію отвѣтственной и благодарной работы. Однако, новая книга г. Сиповскаго вызоветъ въ читателяхъ полное разочарованіе. Рѣдкій авторъ надаетъ свою книгу съ такимъ пренебреженіемъ и къ читателямъ, и къ собственному доброму литературному имени. Новая биографія Пушкина издана торопиво и прямо веряшаво. Нѣтъ подробнаго оглавленія, алфавитнаго указателя имѣетъ тоже нѣтъ, и справки этимъ очень затрудняются. Масса опечатокъ, часто искажающихъ смыслъ и въ оговоренныхъ въ corrigenda, пострять страницы. Въ торопихъ авторъ не всегда утруждаетъ себя справками въ сочиненіяхъ Пушкина и, цитируя одно письмо Пушкина къ женѣ, онъ дѣлаетъ характерную ссылку на первоисточникъ: „цитата г. Ив. Иванова „Новая культурная сила“, 33 (стр. 347).

Такъ же упрощенно пользуется авторъ и другими биографическими матеріалами. Въ предисловіи онъ утверждаетъ, что для своей работы „использовалъ всѣ новые матеріалы, появившіеся недавно“. Результаты знакомства съ новѣйшей литературой, однако, мало замѣтны въ его изслѣдованіи. Говоря напр., о байронизмѣ Пушкина, авторъ ссылается на „Влиятельное вліяніе“ А. Н. Веселовскаго и умалчиваетъ, что тотъ же вопросъ разработанъ детально въ новѣйшей работѣ о байронизмѣ того же автора, печатавшейся въ „Вѣстникѣ Европы“ за послѣдніе годы. Напротивъ, именно старая и подъ часъ безважно устарѣвшая литература о Пушкинѣ въ большомъ почетѣ у г. Сиповскаго. Изъ старой компиляціи Венкстерна онъ охотно черпаетъ и не только рѣзюмирующія замѣчанія, но и фактическія данныя, которыя должны бы быть ему извѣстны изъ первоисточника. Также охотно обращается онъ и къ компиляціи правды, болѣе новой Ив. Ив. Иванова. Но особенно часто г. Сиповскій пользуется трудами Анненкова. Отсюда онъ выписываетъ цѣлыми парами и фактическія данныя, и психологическія характеристики, и литературныя

оцѣнки, и историческія обобщенія. Въ самыхъ основныя вопросахъ новый біографъ Пушкина не идетъ дальше Анненкова и, такимъ образомъ, старается отъснять читателя къ взглядамъ и вкусамъ пятидесятихъ годовъ. Поторно слѣдуя за Анненковымъ, этимъ явнымъ оппортунистомъ, развращеннымъ старорусскими цензурными и нѣмыми „внѣшними условіями“, г. Сиповскій разсуждаетъ въ своей книгѣ пренебрежительныя замѣчанія о цѣломъ политическомъ движеніи александровскаго времени, о декабристахъ и о политическихъ настроеніяхъ самого Пушкина. Вотъ образчикъ историческаго пониманія г. Сиповскаго: „политическія настроенія русскаго „передового“ общества загниотизировали Пушкина громомъ звонкихъ фразъ, легковѣсныхъ остротъ, банальныхъ повтореній того, что смутно доносилось съ Запада... Немудрено, что въ угарѣ площаднаго либерализма онъ забывалъ спокойныя бесѣды въ уединенномъ кабинетѣ Чаадаева“ (стр. 117—118). Литературныя оцѣнки г. Сиповскаго нѣрѣдко столь же рискованы. Взгляды шиховниковъ онъ опредѣляетъ какъ „непросвѣщенный классицизмъ“; „бой“ ихъ съ карамзинистами, будто бы, „разгорался“ ко времени выхода Пушкина изъ Лицея, а въ дѣйствительности онъ къ тому времени уже кончился: „Бесѣда“ распалась въ 1816 году, а въ быстро угасавшей „Араамасѣ“ Пушкинъ успѣлъ побывать едва ли не единственный разъ по выходѣ изъ Лицея. Вообще, литературная эволюція александровскаго и николаевскаго времени изложена въ книгѣ г. Сиповскаго очень смутно, и связи Пушкина съ культурнымъ движеніемъ его времени безнадежно путаются и обрываются. Едва ли не третья часть всей книги занимаютъ приложения, представляющіе изъ себя перепечатку прежнихъ статей автора по отдѣльнымъ вопросамъ пушкинскаго творчества. Мы не совсѣмъ понимаемъ, зачѣмъ понадобилось это механическое нагроможденіе приложений. Перепечатанныя статьи слѣдовало переработать и ввести въ связный текстъ самой біографіи.

У насъ долго не было хорошей біографіи Пушкина; теперь появилась книга г. Сиповскаго и у насъ, все така, вѣтъ біографіи Пушкина.

М. К. П—въ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ первый (1815—1826). С.-Петербургъ, 1906, 394 стр.

Особая отрасль русской литературной исторіографіи—пушкиновѣдѣніе—обогатилось новымъ цѣннымъ вкладомъ: появился первый томъ переписки Пушкина въ изданіи Академіи Наукъ. Высокое значеніе писемъ Пушкина для его біографіи сознавао очень давно и давно началось собраніе и публикація этихъ драгоценныхъ документовъ. Новѣйшіе своды пушкинскихъ сочиненій, всероссійскіе гг. Ефремовымъ и Морозовымъ, могли уже представить обширную эпистолярную коллекцію. Но академическое изданіе отбѣляетъ теперь всѣ предыдущія, и не потому только, что въ немъ помѣщено большее количество писемъ,—новыя письма Пушкина появляются постоянно, и въ свое время академическое собраніе устарѣетъ какъ и прежнія. Изданіе, редактируемое В. И. Саитовымъ, особенно цѣнно ко методу воспроизведенія пушкинской переписки. Текстъ писемъ тщательно провѣренъ по подлинникамъ или фотографическимъ копіямъ, если только удавалось получить то или другое. Пушкинская орфографія воспроизведена во всей неприкосновенности, безъ произвольныхъ редакторскихъ исправленій. Черновыя редакціи писемъ приведены полностью и съ такимъ же бережливымъ вниманіемъ, какъ и бѣловыя. Особен-

ностью новаго изданія является также включеніе писемъ корреспондентовъ Пушкина, также свѣрженныхъ, по возможности, съ оригиналами. Благодаря такой постановкѣ изданія, оно приобретаетъ высокую научную цѣнность. Возстановленіе пушкинской орфографіи весьма важно для изученія языка Пушкина. Нѣсколько дорогихъ біографическихъ чертъ дадутъ вновь найденныя и опубликованныя письма Пушкина и къ Пушкину, а также и давно известныя старыя письма и черновыя, печатавшіяся прежде небрежно, съ сокращеніями и ошибками и теперь воспроизведенныя полностью и тщательно. Переписка Пушкина читается легко и съ захватывающимъ интересомъ. Она драгоценна не только для біографіи Пушкина, но и для исторіи русской общественности его времени. Жаль только, что историческія, литературныя, бытовые и бібліографическія примѣчанія, которыми необходимо долженъ быть обставленъ текстъ перенесенныя, выдѣлены редакторомъ и являются поодиѣ особю.

Н. К. П.-въ.

Библіотека великихъ писателей, подъ редакціей С. А. Венгерова. Пушкинъ. Т. 1, выпуски 1 и 2. Изданіе Брокгаузъ-Эфрона. С.-Петербургъ, 1906—1907.

Передъ нами начало новаго и крупнѣйшаго литературнаго предпріятія, выполняемаго неутомимымъ С. А. Венгеровымъ. Когда оно закончится, это будетъ однимъ изъ самыхъ дорогихъ вкладовъ не только въ пушкиновѣдѣніе но и въ общую исторію русской культуры. Типъ начатаго изданія тотъ же, что и въ собраніяхъ сочиненій Шиллера, Шекспира и Байрона, изданныхъ уже подъ той же редакціей фирмой Брокгаузъ-Эфрона, но вся постановка новаго предпріятія шире и богаче. Во-первыхъ, къ установленію текста пушкинскихъ произведеній прилагаемая самостоятельная редакторская работа, несомненно, очень ответственная, но и необходимая, такъ какъ академическое изданіе Пушкина подвигается впередъ чрезвычайно медленно, а новѣйшія законченныя изданія г.г. Ефремова и Морозова не свободны отъ крупныхъ и очевидныхъ погрѣшностей. Затѣмъ, комментарий дается необычайно широкое развитіе. Сюда входятъ: отдѣльныя этюды о разныхъ моментахъ біографіи Пушкина, этюды о друзьяхъ и знакомыхъ поэта, о литературныхъ вліяніяхъ на Пушкина писателей русскихъ и иностранныхъ, историко-литературныя введенія къ болѣе значительнымъ произведеніямъ, пояснительныя примѣчанія къ небольшимъ. Чрезвычайно широко ставится иллюстраціонная часть. Предполагается дать всѣ портреты Пушкина, портреты его родственниковъ, друзей и знакомыхъ, русскихъ и иностранныхъ писателей, вліявшихъ на Пушкина, современныхъ историческихъ дѣятелей, виды мѣстностей и зданий, имѣющихъ отношеніе къ біографіи, снимки съ памятникъ поэту, съ картинъ, писанныхъ на пушкинскіе сюжеты, съ театральныхъ постановокъ драмъ Пушкина, наконецъ, стильный орнаментъ: заставки, вѣнчики, концовки и т. д. Общее значеніе и цѣль всего изданія удачно формулирована самимъ редакторомъ въ предисловіи: „сдѣлать изъ будущаго изданія своего рода Пушкинскую энциклопедію, гдѣ должно найтись мѣсто все, что служитъ къ уясненію жизни и творчества великаго поэта“.

Какъ выполняется этотъ обширный планъ,—можно судить по двумъ появившимся выпускамъ. Высказать свое сужденіе о постановкѣ пушкинскаго текста мы, впрочемъ, пока воздержимся: въ двухъ выпускахъ еще не закончены и лицейскія стихотворенія, а редакторскія объясненія и „исторія текста“

появятся только въ концѣ перваго тома. Что же касается комментарія и иллюстрацій, то въ этомъ отношеніи первые выпуски обставлены очень счастливо. Еще ни одно комментированное изданіе Пушкина, да и ни какого другого русскаго поэта, не давало столь богатыхъ матеріаловъ біографическихъ, литературныхъ, историческихъ. Имѣется цѣлый рядъ значительныхъ по объему и написанныхъ специалистами по новѣйшимъ, иногда и архивнымъ, даннымъ отдѣльныхъ экскурсовъ біографическаго характера: „Родъ Пушкина“ (Б. Л. Модзалевскаго), „Дѣтство Пушкина“ (В. В. Синовскаго), „Пушкинъ въ Лицеѣ“ (Н. О. Лернера), „А. П. Галичъ“ (Э. Л. Радлова), „Кн. А. М. Горчаковъ и Пушкинъ“ (П. К. Щеголева) и др. Даны большія статьи, изслѣдующія литературныя вліянія на Пушкина: „Пушкинъ и Батюшковъ“ (П. О. Морозова), „Антонія Гамильтона“ (Э. А. Венгеровой) и др.; даны литературныя справки о французскихъ эротическихъ поэтахъ XVIII в., на которыхъ воспитывался юноша Пушкинъ; каждое отдѣльное стихотвореніе заботливо снабжено исчерпывающими поясненіями. Иллюстраціонный отдѣлъ также очень богатъ. Много здѣсь воспроизведено впервые: портретъ Сергѣя Львовича Пушкина (въ краскахъ), Надежды Осиповны Пушкиной (въ краскахъ), Ольги Сергѣевны Пушкиной-Павлицевой (четыре портрета) снимокъ съ метрической записки о рожденіи Пушкина и т. д.

Не все въ этихъ двухъ выпускахъ удовлетворяетъ насъ. Экономія и пропорціональность въ подборѣ матеріаловъ не всегда соблюдена; біографія Кошанскаго слишкомъ велика, а біографія Парни совсѣмъ нѣтъ; иногда отсутствуетъ необходимая бібліографія. Въ погонѣ за новинками редакторъ воспроизводитъ кое-что лишнее, наир., фотографію дома Ключиныхъ въ Москвѣ, гдѣ и родился Пушкинъ, карикатурный портретъ проф. Кошанскаго—дурно сдѣланный и совершенно фантастическій. Въ такомъ богатомъ изданіи нѣтъ иллюстрацій могли бы быть и помножѣе. Форматъ выбранъ слишкомъ скупо, и послѣ переплета въ книгу совсѣмъ не остается полей. Но въ общемъ, впечатлѣніе отъ изданія прекрасное, и остается пожелать ему столь же удачнаго продолженія.

Н. И. П.—въ.

Библиотека „Свѣточа“. Подъ редакціей С. А. Венгерова. №№ 35—39 и 51—55.

С. М. Степнякъ-Кравчинскій. „Собраніе сочиненій“. Единственное разрѣшенное вдовою автора изданіе.—*Часть I: „Штундистъ Павелъ Руденко“*. Дополнено по рукописи. Съ написанными для настоящаго изданія воспоминаніями П. А. Кропоткина и фототипич. портретомъ Степняка. Спб. 1907. XXXI+1 не-номер.+224 стр. in-8°. Цѣна 1 р.—*Часть III: I. „Домики на Волгѣ“*. 2. „Ново-обращенный“. 3. „Сказка о колѣсикѣ“. IV+3 неномер.+241 стр. in-8°. Съ фототип. портретомъ Степняка. Спб. 1907. Цѣна 1 р.

Мы уже говорили на страницахъ „Вылого“ (1907 г., № 2, стр. 320—324) о 2-мъ томѣ „Собранія сочиненій“ С. М. Кравчинскаго-Степняка. Теперь вышли въ свѣтъ еще 1-й и III-й томы (и, какъ слышно, скоро выйдеть и IV-й).

Вступленіемъ къ 1-тому служатъ прекрасно написанныя воспоминанія князя П. А. Кропоткина, бывшаго близкимъ другомъ Кравчинскаго (какъ въ Россіи, въ 70-хъ годахъ, въ кружкѣ „Чайковцевъ“, такъ и за-границей, въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, вплоть до самой смерти Степняка 11/23 декабря 1895 г.). Воспоминанія кн. Кропоткина, кромѣ того, что они написаны рукою мастера-художника и любящаго друга, даютъ еще рядъ цѣнныхъ фактическихъ и вѣстныхъ данныхъ для біографіи Кравчинскаго-Степняка. Читаются эти вос-

поминанія съ такимъ-же интересомъ, какъ все, что ни писалъ до сихъ поръ кн. Кропоткинъ.

Въ первый томъ вошелъ едва ли не лучший изъ написанныхъ Степнякомъ романовъ—„Штундистъ Павелъ Руденко“. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ объ этомъ романѣ, высказаннымъ въ предисловіи редактора изданія почтеннаго С. А. Венгерова. „До романа Степняка—говоритъ г. Венгерова—мы знали штундистовъ только по изуродованнымъ газетнымъ отчетамъ о штундистскихъ процессахъ и представляли себѣ ихъ въ видѣ какихъ-то отрѣшенныхъ отъ жизни чудаковъ-мистиковъ. Здѣсь же передъ нами живые люди, съ плотью и кровью, во всей реальности ежедневнаго быта. И, вплоть до нашихъ дней, за романомъ Степняка остается круцифѣшая заслуга перваго и единственнаго цѣльнаго изображенія одной изъ интереснѣйшихъ отраслей русскаго сектантства“ (стр. VII).

Подробный критическій анализъ романа вполне подтвердилъ-бы это мнѣніе авторитетнаго критика и историка литературы. Но мы здѣсь этого не сделаемъ. Наши читатели, если не читали, такъ прочтутъ романъ „Штундистъ Павелъ Руденко“. А прочтенія романъ вполне заслуживаетъ. Среди массы всякаго безлестрическаго хлама претенціознаго не только посредственнаго, но прямо бездарнаго,—среди всего этого мусора, ежедневно выбрасывающаго на книжный рынокъ,—на такихъ отградныхъ оазисахъ, какъ произведенія Степняка, всегда пріятно остановиться и отдохнуть умомъ. „Такъ рѣдки книги не пустыя“, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ сказалъ великій поэтъ и эти слова Некрасова, повидному, надолго еще останутся непрекаемой истиной.

Романъ „Штундистъ Павелъ Руденко“ былъ написанъ Степнякомъ въ 1893-94 гг., но изданъ былъ уже черезъ 5 лѣтъ послѣ его смерти, въ Женевѣ (въ ноябрѣ 1900 г.), подъ наблюденіемъ кн. Кропоткина, просматривавшаго корректуры. По англійски же (какъ видно изъ предисловія къ настоящему изданію вдовы покойнаго автора, Фанни Марк. Степнякъ) онъ явился въ 1895 г. въ замѣненномъ („въ христіански-поучительномъ“) видѣ какой-то англійской пуританкой-писательницей, воспользовавшейся русской рукописью автора и обработавшей ее на свой ладъ. Въ изданіи г. Венгерова романъ дополненъ цѣлыми пятью вставками противъ прежнихъ (женевскаго, 1900 года и позднѣйшихъ русскихъ изданій), а именно: вставлена цѣлая послѣдняя (XXVIII-я) глава, глава XXI дополнена описаніемъ сина Павла (героя романа) и, наконецъ, приложены 3 варианта (одинъ изъ нихъ очень большой, представляющій собою почти законченный цѣлый, детально разработанный эпизодъ изъ XXVI-й главы,—эпизодъ, лишь кратко обрисованный въ текстѣ этой главы).

Въ воспоминаніяхъ о Степнякѣ князя Кропоткина мы должны исправить одну крупную хронологическую неточность. Кн. Кропоткинъ говоритъ, что Степнякъ уѣхалъ изъ-за-границы (гдѣ былъ эмигрантомъ) „въ Петербургъ вскорѣ послѣ выстрѣла Вѣры Засудичъ (24 янв. 1878 года). Тамъ онъ основалъ газету „Земля и Воля“, издалъ нѣсколько ея номеровъ, а 4-го августа 1878 г. выступилъ противъ начальника Третьяго отдѣленія, генерала Мезенцева, истиннымъ за безпощаднаго преслѣдованія и наказанія, которымъ подвергался со стороны правительства наше первые социалисты-агитаторы“ (стр. XVII).

Князю Кропоткину замѣняетъ память: первый № „Земли и Воли“ вышелъ только 25 октября, а второй—15 декабря 1878 года, такъ что Степнякъ никакъ не могъ издавать нѣсколькихъ номеровъ этой газеты до 4 августа 1878 г.

(т. е. до дня, когда онъ закололъ Мезенцева). Вѣроятно, кн. Кропоткинъ смѣшалъ здѣсь „Землю и Волю“ съ газетой „Начало“, первый № которой вышелъ около 25 марта 1878 г., а послѣдній № (4-й) — 7 марта того же 1878 г.

Въ III-й томъ сочиненій Степняка вошли: повѣсть „Домикъ на Волгѣ“ (дополненная, нынѣ впервые появляющимися въ печати, двумя послѣдними главами), драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ „Новообращенный“ и знаменитая въ свое время по широкому ея распространенію въ народѣ, въ 70-хъ годахъ, пропагандистами („quom parva minima fui“) „Сказка о копейкѣ“. Всѣ три вещи являютъ собою образцы безспорно-крупнаго художественнаго таланта автора, не только мастера рисовать картины природы и быта, но и психолога. Мѣтко и ярко-талантливо не пишетъ, а живописуетъ (если можно такъ выразиться) Степнякъ положенія, сцены, типы. Ну, вотъ, вамъ—возьмите, напр., хотя бы эту картину изъ первой же главы повѣсти „Домикъ на Волгѣ“. Авторъ рассказываетъ, какъ, конвоируемый двумя жандармами, спасается бѣгствомъ (жандармы заснули) изъ окна вагона летящаго во весь духъ курьерскаго поѣзда одинъ опасный молодой революціонеръ-террористъ:

„Обѣ двери (особаго купе вагона) были заперты. Онъ это зналъ. Но окно было для него достаточно широко. Онъ спустилъ стекло. Шумъ и грохотъ поѣзда ворвался въ вагонъ вмѣстѣ съ струей свѣжаго воздуха.

„Оба жандарма не пошевелились. Молодой человѣкъ высунулъ голову и сталъ всматриваться впередъ, въ темноту. Верхушки кустовъ замелькали у него передъ глазами. Поѣздъ несся по молодой орѣховой поросли, пересыпанной кое-гдѣ темными кустами сорной травы, изъ подъ которой видѣлась бѣлесоватая песчаная почва.

— „Какъ разъ подходить“, подумалъ онъ.

„Но когда онъ опустилъ голову и взглянулъ прямо подъ поѣздъ, то пришелъ въ ужасъ. Быстро уплывавшая спереди почва здѣсь неслась съ одуряющей быстротой. Камни, шпалы, все сливалось въ одинъ непрерывный, бѣшенный смертоносный потокъ. Въ его разстроившемъ долгой бессонницей мозгу живо встала картина, въ которой онъ видѣлъ себя самого разбитаго, растерзаннаго въ клочья этими сучьями, бревнами, камнями. Вздохъ, похожій на стонъ, вырвался у него изъ груди: слабое тѣло сопротивлялось и малодушно молило о пощаду.

„Но это продолжалось, только минуту.

„Теперь или никогда!“ проговорилъ онъ и, вставъ на подушку сидѣнья, скользнулъ на окно, свѣсивши обѣ ноги наружу.

„— Ну, держи... А ты его... Лови!—раздалось вдругъ за его спиной.

„Онъ съ ужасомъ оглянулся,—то говорилъ спросонья жандармъ, подъ вліяніемъ какого-то смутнаго ощущенія дѣйствительности.

„Не теряя ни минуты болѣе, молодой человѣкъ скользнулъ внизъ и опирясь на правомъ локтѣ надъ черной стремительной бездной. У него закружилась голова отъ страшнаго грохота, вихря душившаго его дыма и бившаго ему маленькими горячими угольками. Поѣздъ въ эту минуту заворачивалъ направо. Но въ головѣ его твердо держались инструкція, которыя онъ самъ себѣ давалъ, обдумывая свой отчаянный планъ. Нашупавъ правой рукой точку опоры и держась, по возможности, лицомъ по направленію движенія поѣзда, онъ разомъ оттолкнулся впередъ рукой и ногой и полетѣлъ въ пространство.

„Ему казалось, что онъ летитъ долго, безъ конца. Вихрь прекратился, а онъ все летѣлъ. Онъ думалъ, что никогда не долетитъ. Полно, точно-ли онъ выпрыгнулъ. Не сонъ-ли это все?

„Вдругъ что-то ударило его подъ ноги, точно огромная коса оторвала ему конечности, и страшный толчокъ въ спину растянулъ его ничтою. Изъ глазъ его посыпались искры, и онъ лишился чувствъ“ (стр. 8—9).

Комментаріи къ этой эффектно и художественно начерченной сценѣ, — комментарий, какъ говорится, излишни. А такихъ положеній и сценъ у Степняка не мало. Да и разработка сложныхъ и трудныхъ психологическихъ вопросовъ тоже удается Степняку. Мы имѣемъ дѣло, читая его, повторю, съ сильнымъ художественнымъ талантомъ, — и вотъ почему сочиненія Степняка переведены на многіе европейскіе языки: сила его таланта покорила ему западно-европейскихъ читателей, завоевала ихъ вниманіе и любовь и дала ему популярность.

Что же касается до драмы „Новообращенный“, то и она также является дополненной противъ женеваго изданія (1897 г.). На написаніе этой драмы натолкнули Степняка изданнныя въ Лондонѣ (въ 1894 г.) драматич. сцены покойнаго даровитаго поэта и драматурга Вл. Роман. Щиглева (1840—1903), изданнныя имъ подъ псевдонимомъ *Старикова*. Въ настоящемъ изданіи впервые внесены двѣ большія вставки (монологъ Муринова и реплика Катя въ I-мъ дѣйствіи и въ IV-мъ дѣйствіи — сцена прощанія Норона съ Катей).

Наконецъ, „Сказка о копейкѣ“ въ русской легальной печати является тоже впервые, ибо за распространеніе ея и ея подобныхъ книжекъ еще не далѣе („свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“), какъ лѣтъ 30—35 тому назадъ. пропагандистовъ ссылали на каторгу. А распространяли ее и ея подобныя книжки въ народъ и среди учащейся молодежи среднихъ школъ, семинарій и проч. таки въ довольномъ количествѣ. Говорю это, и на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, такъ-какъ и самъ я, грѣшный человекъ, въ 70-хъ годахъ (начиная съ 1873 г.) не мало потрудился, на свой пай, какъ умѣлъ и какъ могъ, распространять сказки: „О копейкѣ“, „О 4-хъ братьяхъ“. „Мудрицу Наумовну“ и проч., за что въ свое время и не оставленъ былъ безъ возмездія со стороны строгихъ, но несправедливыхъ предержавшихъ властей.

А „Сказка о копейкѣ“ написана, кромѣ обычно всегда присущаго Степняку таланта, еще съ особымъ подъемомъ, съ удивительно мѣткими выморомъ, съ особо-характерными забавными подробностями и даже возмущается (въ концѣ) до пламеннаго пафоса. Прочитайте, напр., двѣ послѣднія заключительныя страницы сказки (240—241), — пламенные рѣчи мужика, проповѣдующаго по всѣмъ весямъ и градамъ великой русской земли новое евангеліе правды, справедливости и братства — социализмъ въ удобопонятной для народа формѣ.

Въ заключеніе, я долженъ еще отмѣтить, что 2-й томъ сочиненій Кравчинскаго-Степняка („Подпольная Россія“), 2-е изданіе котораго и редактировалъ въ „Быломъ“ (въ февральской книжкѣ за текущій годъ), вышелъ тещеръ опять новымъ (3-мъ) изданіемъ, дополненнымъ биографической статьей Степняка о С. И. Бардиной (известной соц.-револ. 70-хъ годовъ) въ связи съ интересными воспоминаніями о ней. Кромѣ того, къ новому изданію 2-го тома, — изи „Подпольной Россія“, — прибавлены 7 прекрасно исполненныхъ фототипич. портретовъ Я. В. Стефановича, Д. А. Клеменца, В. А. Осинскаго, кн. П. А. Кривошкина (въ молодости), В. И. Засуличъ, С. Л. Перовской и С. И. Бардиной (портретовъ Д. А. Лизогуба и Г. М. Гельфманъ почему-то не приложено, несмотря на то, что ихъ характеристики имѣются также въ „Подпольной Россія“).

Д. П. Сильчешскій.

Кіевскій и одесскій погромы въ разслѣдованіяхъ сенаторовъ Турау и Кузьминскаго. С. Петербургъ, книгоиздательство «Лѣтописецъ». 1907 г. Цѣна 70 коп.

Бѣлостокскій погромъ. «Русское свободное издательство» Москва, 1906 годъ. Цѣна 80 коп.

Дѣло объ октябрьскомъ погромѣ въ Симферополѣ. Судебный отчетъ съ иллюстр. приложеніями на отдѣльныхъ листахъ. 1907 годъ. Цѣна 60 коп.

Гомельскій процессъ. Подробный отчетъ дѣла о погромѣ 1903 года. С. Петербургъ. 1907 г. Изданіе «Общественной Пользы». Цѣна 3 руб. Стр. X+1204.

Несмотря на крупную роль, которую играли и продолжают играть въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ погромы, въ нашей литературѣ почти совершенно отсутствуютъ не только какія бы то ни было изслѣдованія этого своеобразнаго, чисто русскаго явленія, но даже не сдѣлано до сихъ поръ простой сводки всего фактическаго матеріала погромной эпопеи, въ массѣ разбросаннаго по газетамъ и журналамъ. Эта эпопея ждетъ своего изслѣдователя и, несомнѣнно, дастъ ему весьма богатый и благодарный матеріалъ для обобщеній, которыя могутъ пролить свѣтъ на причины и виновниковъ погромовъ, переносящихъ насъ въ эпоху средневѣковья. При почти полномъ отсутствіи литературы о погромахъ, книги, названія которыхъ выписаны въ началѣ этой статьи, представляютъ интересный, документальный матеріалъ, пополняющій, до нѣкоторой степени, указанный пробѣлъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна книга, заключающая въ себѣ всеподаннѣйшіе отчеты сенаторовъ Турау и Кузьминскаго о кіевскомъ и одесскомъ погромахъ. Хотя названные сенаторы произвели разслѣдованія объ этихъ погромахъ почти 2 года тому назадъ и результатъ ихъ работы давно извѣстенъ, но правительство почему-то считало нужнымъ сохранять втайнѣ ихъ всеподаннѣйшіе отчеты и только теперь они увидѣли свѣтъ, благодаря частному издательству. Такимъ образомъ, документы эти представляются для публики новыми и проливаютъ яркій свѣтъ на многія обстоятельства печальныхъ октябрьскихъ событій. Извѣстно, что в г. Турау и г. Кузьминскій установили въ своихъ разслѣдованіяхъ виновность мѣстной администраціи—Кіевского полиціймейстера Цихоцкаго и одесскаго градоначальника Нейдгарта, въ бездѣйствіи власти и попустительствѣ, но извѣстно также, что оба названные администраторы вышли совершенно сухими изъ воды. Это обстоятельство заставляло думать, что въ обвиненіяхъ господъ ревизующихъ сенаторовъ не было достаточной доказательности. Но полные отчеты ихъ не были извѣстны обществу, и поэтому не было и возможности безошибочно судить о томъ, на сколько несправедливо была опорочена бѣлостѣжная чистота г.г. Нейдгарта и Цихоцкаго. Опубликованіе отчетовъ обоихъ сенаторовъ уничтожаетъ послѣдніе слѣды неясности въ этомъ дѣлѣ, представляя его, хотя и не съ достаточной безпристрастностью но зато съ совершенною ясностью въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Отчетъ сенатора Турау, занимающій 109 страницъ компактной печати, прежде всего поражаетъ читателя рѣзко выраженной тенденціей представить евреевъ прямыми и единственными виновниками кіевского погрома. Смыслами на преобладаніе евреевъ во всѣхъ событіяхъ нестрять почти всѣ страницы отчета, и даже тамъ, гдѣ евреи, по фактическому положенію вещей, не могли преобладать, какъ напримѣръ, на собраніяхъ фабричныхъ рабочихъ или уча-

щихся, даже тамъ г. Турау усматриваетъ численное преобладаніе евреевъ, приписывая только имъ всѣ дѣйствія, которыя будто вмавали „взрытъ народнаго негодованія“, разръшившіяся погромомъ.

Несмотря однако, на свое явное пристрастіе къ евреямъ, г. Турау не могъ обойти молчаніемъ того обстоятельства, что населеніе Кіева, пострадавшее отъ погрома, не имѣло никакого отношенія къ тѣмъ дѣйствіямъ, въ которыхъ онъ обвиняетъ евреевъ, и которыя будто бы явились главною причиною погрома. Г. Турау высказываетъ даже сожалѣніе о томъ, что погромщики громили всѣхъ евреевъ, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ: „народное негодованіе пало не на тѣхъ, кого народъ считалъ причиною всѣхъ бѣдствій“—такъ формулировалъ онъ свой взглядъ на кіевскія погромы.

Обращаясь къ оцѣнкѣ поведения мѣстныхъ гражданскихъ и военныхъ властей, г. Турау совершенно недвусмысленно предъявляетъ имъ такіа обвиненія, которыя прямо говорятъ объ умышленномъ, заранѣе обдуманномъ, вытекавшемъ изъ принципиальныхъ соображеній, допущеніи погрома. Такъ, начальникъ военной охраны ген. Безсоновъ, стоя среди грома, говорилъ имъ: „громить можно, но грабить не слѣдуетъ“. (стр. 61). Другой ген.—г. Драке на множество просьбъ о присылкѣ охраны къ громящемуся училищу Бродскаго, отвѣчалъ молчаніемъ и далъ громящамъ возможность разнести все училище до основанія. Полиціямейстеръ Цихоцкій, на совѣщаніи въ штабѣ округа, безъ обвиняемыхъ заявилъ, что погромъ хорошъ тѣмъ, что онъ заставить революціонеровъ присмирѣть. Относительно всей кіевской полиціи, г. Турау говоритъ, что „только нѣкоторые, вѣрные долгу службы, добросовѣстно исполняли свои обязанности“.

Совершенно въ такомъ же духѣ составленъ и отчетъ сенатора Кузьминскаго объ одесскомъ погромѣ. Здѣсь фигурируетъ то же желаніе представить евреевъ, какъ одиначенныхъ и непосредственныхъ виновниковъ погрома, какъ создателей и руководителей революціи, вызвавшей варваръ патристическихъ чувствъ одесской черни, налившей свое негодованіе на революціонеровъ въ еврейскомъ погромѣ. Г. Кузьминскому еще меньше, чѣмъ г. Турау удалось замаскировать свое пристрастіе къ евреямъ, и если г. Турау сумѣлъ придать своему отчету хсть вишній видъ объективности, то г. Кузьминскому не удалось достигнуть и этого, и въ отчетѣ его то здѣсь, то тамъ проглядываетъ явное желаніе во что бы то ни стало убѣдить читателя въ справедливости его вывода о томъ, что евреи сами устроили еврейскій погромъ. Для достиженія этой цѣли, г. Кузьминскій не ограничивается сгруппированіемъ подходящихъ для него фактовъ, но и даетъ имъ свою оцѣнку, облегчающую читателю выводы въ духѣ г. Кузьминскаго.

Несмотря на это, и онъ, какъ и г. Турау, вынужденъ былъ признать, что власти въ Одессѣ во время погрома проявили преступное бездѣйствіе. Г. Кузьминскій устанавливаетъ, что Нейдгардтъ все время безпорядковъ почти не показывался на улицѣ, требуя того же и отъ приставовъ, снялъ со всѣхъ постовъ городовыхъ, оставивъ городъ безъ полицейской охраны и отказывалъ въ помощи лицамъ и учрежденіямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами о защитѣ отъ нападѣній и погрома. Ставя ему въ вину перечисленные преступленія, свидѣтельствующія лишь о зловерной пассивности г. Нейдгардта, г. Кузьминскій почти совершенно игнорируетъ тѣ факты дѣятельности г. Нейдгардта во время погрома, которые характеризуютъ его, какъ активнаго организатора погрома. Разслѣдованіемъ г. Кузьминскаго установлено, что вмѣсто

того, чтобы воспрепятствовать погрому, Нейдгардтъ боролся съ милиціей и самообороной, оставляя безнаказанными громилъ, а въ прокламаціяхъ, выпущенныхъ имъ по поводу погрома, онъ не только не старался успокоить населеніе ни увѣщаніями, ни угрозою принятія рѣшительныхъ мѣръ, а наоборотъ, подстрекалъ подонки общества противъ университета и революціонеровъ, опубликовать провокаціонное заявленіе, исходящее будто бы отъ 30,000 одесскихъ мѣщанъ. Въ этомъ заявленіи, дѣйствительность существованія котораго Нейдгардтъ доказать не могъ, содержится прямой призывъ къ погрому, и Нейдгардтъ, публикуя его, не только не отвергъ въ своей прокламаціи, но придалъ ему сугубую достовѣрность. Однако, эта сторона его дѣятельности не была вѣнена ему въ вину, и Нейдгардтъ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію только въ противозаконномъ бездѣйствіи власти. То же самое произошло съ разслѣдованіемъ г. Турау, привлечшаго полковника Цихоцкаго лишь за бездѣйствіе власти, тогда, какъ имъ же самимъ было установлено, что Цихоцкій былъ за одно съ погромщиками. Всѣмъ извѣстно тѣмъ кончили эти разслѣдованія: Нейдгардтъ былъ оправданъ сенатомъ и теперь засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, а о Цихоцкомъ дѣло прекращено и какъ сообщили недавно газеты, онъ снова занялъ прежній постъ кievскаго полиціимейстера. Да и можно ли было ожидать иного исхода при той тенденціи, которая отличаетъ оба разслѣдованія. Вѣдь гг. Турау и Кузьминскій очень не двусмысленно доказываютъ, что погромы явились результатомъ варьива ведоданія патриотически настроеннаго общества противъ революціонеровъ, оскорблявшихъ національное чувство погромщиковъ. Обвинить при такихъ условіяхъ Нейдгардта и Цихоцкаго, значило—осудить ихъ за то, что они сочувствовали патриотамъ. И ихъ оправдали. Отчеты гг. Турау и Кузьминскаго какъ нельзя лучше подтверждаютъ это и дѣлаютъ вполне понятнымъ, почему правительство до сихъ поръ ихъ не опубликовало. Тѣмъ большую цѣнность представляютъ эти документы теперь, когда разоблаченія первой Думы обнаружили истинное отношеніе нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ къ погромамъ и погромщикамъ.

Вторая изъ названныхъ въ заголовкѣ настоящей статьи книгъ—„Бѣлостокскій погромъ“—не имѣетъ характера документа, но въ ней собранъ наиболѣе существенный матеріалъ о бѣлостокскомъ погромѣ. Этотъ погромъ, какъ по огромному числу жертвъ, такъ въ особенности по тѣмъ немовѣрнымъ жестокостямъ и звѣрствамъ, которыя были проявлены погромщиками, занимаетъ самое выдающееся мѣсто въ ряду многихъ погромовъ, омрачившихъ за послѣдніе два года жизнь Россіи. Незавѣстный авторъ собралъ въ этой книгѣ всѣ официальные документы, опубликованные правительствомъ по дѣлу о бѣлостокскомъ погромѣ и, сопоставляя ихъ съ фактами, установленными многочисленными свидѣтельскими показаніями и разслѣдованіемъ парламентской комиссіи, даетъ чрезвычайно яркую характеристику мѣстныхъ властей и условій, при которыхъ произошелъ погромъ. Къ сожалѣнію, авторъ далеко не всегда указываетъ источники, изъ которыхъ онъ черпалъ весьма интересный матеріалъ для своихъ обобщеній, и хотя въ подлинности этого матеріала сомнѣваться невозможно, такъ какъ все это еще слишкомъ свѣжо въ памяти каждаго читателя, но съ теченіемъ времени, когда погромы сдѣлаются достояніемъ исторіи, разсматриваемая книга, являясь единственнымъ въ настоящее время подробнымъ описаніемъ бѣлостокскаго погрома, утратитъ свою достовѣрность. А между тѣмъ, книга эта могла-бы служить крупнымъ

подспорьем для исследователя погромной эпохи. Другой существенный недостаток книги заключается в многочисленных неточностях текста приводимых автором документов. Так, например, известное правительственное сообщение о бѣлостокском погромѣ, опубликованное 21 июня 1906 г., приведено авторомъ съ значительными отступленіями отъ текста, напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“; докладъ парламентской комиссіи о погромѣ изложенъ такъ, что трудно разобрать, гдѣ кончается докладъ и начинаются собственные разсужденія автора; даже телеграммы мѣстныхъ властей, опубликованныя въ свое время въ петербургскихъ газетахъ, переданы не точно и представляютъ нерѣдко отступленія отъ подлиннаго текста. Всѣ эти недостатки, въ связи съ фельетоннымъ языкомъ книги, въ значительной степени умаляютъ достоинства ея, какъ документа о бѣлостокскомъ погромѣ. Но какъ очеркъ погрома, знакомящій со всѣми перипетіями бѣлостокской трагедіи и дающій яркую картину поведенія бѣлостокскихъ властей и центральнаго правительства въ этомъ дѣлѣ, книга эта представляетъ большой интересъ и имѣетъ достаточную достоверность.

Книга о симферопольскомъ погромѣ, представляющая собою судебный отчетъ объ этомъ дѣлѣ, разбиравшемся въ маѣ 1907 г. въ Симферополь, съ непосредственностью судебного протокола знакомитъ съ погромною дѣятельностью полиціи. Изъ 150 погромовъ, которыми реакція наградила Россію въ октябрьскіе дни, симферопольскій погромъ является до сихъ поръ единственнымъ, къ дѣлу о которомъ, въ качествѣ обвиняемыхъ, были привлечены не только громилы изъ числа хулигановъ и союзниковъ, но и ихъ подстрекатели—полицейскіе чины, въ лицѣ помощника пристава Чуприко, околоточнаго надзирателя Ермоленко и шести городовыхъ. На судѣ, цѣлою вереницею свидѣтелей было установлено что симферопольская полиція подготовила и организовала Симферопольскій погромъ. Свидѣтели показали, что во дворѣ перваго полицейскаго участка были заготовлены дубины, которыми громилы убили 18 и 19 октября 47 человекъ: что названные полицейскіе чины, заперевъ публику на бульварѣ, пустили туда громилъ и сами принимали участіе въ избиеніи евреевъ, стрѣляя въ нихъ изъ револьверовъ и рубя шашками; что эти же чины руководили погромомъ и въ другихъ частяхъ города; что покойный полиціймейстеръ Кузьменко, по окончаніи убійствъ, сказалъ собравшимся у перваго участка громиламъ: „спасибо братцы, идите уже по домамъ“ и т. д. Всѣ эти факты были установлены съ такою неопровержимостью, что судъ вынесъ всѣмъ привлеченнымъ полиційскимъ чинамъ обвинительный приговоръ. Отчетъ о Симферопольскомъ дѣлѣ лучше всего подтверждаетъ справедливость не переставающихъ до сихъ поръ раздаваться обвиненій въ участіи полиціи въ большинствѣ погромовъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ почти ни въ одномъ судебномъ дѣлѣ о погромахъ полиційскіе не фигурировали, и отчетъ о Симферопольскомъ дѣлѣ останется можетъ быть единственнымъ уличающимъ полицію документомъ. Вотъ почему наданіе разсматриваемаго отчета слѣдуетъ привѣтствовать. Жаль только, что отчетъ изданъ со значительными сокращеніями, а самыя показанія свидѣтелей воспроизведены не по стенограммѣ, а по записи.

Совершенно другое значеніе имѣетъ книга о Гомельскомъ погромѣ 1903 года. Послѣ 150 октябрьскихъ погромовъ, послѣ Бѣлостока и Сѣдлеца, послѣ новаго Гомельскаго погрома 13 января 1906 г., событія, разыгравшіяся въ Гомелѣ 29 августа и сентября 1903 года, казалось-бы, мало кого могутъ уди-

вить, ибо они кажутся мелкимъ происшествіемъ въ сравненіи съ трагедіей 1905 и 1906 года. Но для исторіи русской общественности весьма цѣнно то, что произошло послѣ Гомельскаго погрома 1903 года. Мы говоримъ о судебномъ процессѣ, въ которомъ въ качествѣ обвиняемыхъ, на скамьѣ подсудимыхъ очутилось гораздо больше жертвъ погрома, нежели погромщиковъ. Въ то время у насъ еще не додумались ни до массовой организаціи погромовъ, ни до образнаго опредѣленія ихъ, какъ продукта контр. революціи или „варына народнаго негодованія“. Но и тогда погромщики были также близки власти и мушкетеръ, и поэтому, гомельскій процессъ неожиданно превратился въ дѣло о русскомъ погромѣ, учиненномъ евреями, будто-бы мстившими русскому населенію за Кишиневъ. Какъ велось слѣдствіе по этому дѣлу, мы узнаемъ изъ предисловія къ рассматриваемой книгѣ: свидѣтелей евреевъ допрашивали явно пристрастно, многого изъ того, что они показывали, не записывали, несмотря на ихъ требованія; евреевъ подсудимыхъ опознавали съ нарушеніемъ основныхъ требованій, установленныхъ закономъ; ихъ вызывали и предьявляли свидѣтелямъ, называя ихъ по фамиліи; конечно, свидѣтели узнавали въ нихъ тѣхъ, кого имъ слѣдовало узнавать. За то свидѣтелей христіанъ допрашивали совершенно иначе; съ ихъ словъ, записывали самыя недѣльныя вещи, если только ихъ показанія были направлены противъ евреевъ. Солдатъ допрашивали по нѣскольку человекъ одновременно, не разъ въ присутствіи ихъ начальниковъ офицеровъ. Многие важныя факты, которые могли бы бросить истинный свѣтъ на гомельскія событія, игнорировались и не выяснялись и т. д. Такое отношеніе судебныхъ властей къ евреямъ и тенденціозность образа дѣйствій всего состава суда проходить красной нитью по всему процессу, и стенографическій отчетъ, занимающій больше 200 печатныхъ страницъ вскрываетъ это съ безпристрастіемъ документа. Это обстоятельство дѣлаетъ отчетъ о гомельскомъ процессѣ внушительнымъ памятникомъ эпохи владыкованія Плеве, стершей почти безслѣдно гранду, отдѣляющую юстицію отъ полиціи.

Ю. Лавриновичъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

- А. Лейгенко. Старое въ новомъ. Изд. Артемьева. СПб. 1907 г. Ц. 1 р.
Ивъ Гюйо. Соціальныя ученія христіанства. Перев. съ послѣд. дополи.
француз. изд. Э. Капелюша. Книгоизд. „Мысль“. Ц. 1 р. СПб. 1907 г.
Жанъ Жакъ Руссо. Общественномъ договорѣ. Перев. Л. Неманова
подъ ред. Д. Е. Жуковского. СПб. 1907 г. Ц. 75 к.
Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Исторія возникновенія
Апокалипсиса. Изд. 2-ое В. М. Саблина М. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Отчетъ Император. Россійскаго Историч. музея имени Александра III въ
Москвѣ за 1906 г. М. 1907 г.
Персидскія вещи Щукинскаго собранія. Описаніе сост. П. П. Щукинымъ
Изд. Отд. Имп. Рос. Ист. Музея имени Ал. III. Музей П. И. Щукина М. 1907 г.
Деревня № 1. Іюль 1907 г. Изд. Поволж. Област. Ком. п. С.-Р.
Борьба № 3. 1 мая 1907 г. Органъ Москов. Окруж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Сибирскія Партийныя Извѣстія № 2. 2-ое авг. 1907 г. съ приложеніемъ.
Изд. Област. Ком. Сиб. Союз. п. С.-Р.
Извѣстія Украинскаго Област. Ком. № 1 п. С.-Р. іюнь 1907 г.
Молнія № 2—3. Органъ Петерб. Ком. Всер. Почт. Телегр. Союза іюнь—
іюль 1907 г.
За народы! № 5 и 6-й. Всерос. союзъ солдатъ и матросовъ 25 іюля
1907 г. Изд. Ц. К. п. С.-Р.
Знамя Труда № 1, 2 и 3-й. Центр. органъ пар. С.-Р.
Калужскій Рабочій № 1-й. 18 авг. 1907 г. Изд. Кал. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Летучій Листокъ № 4 іюнь 1907 г. Изд. Варшав. Окр. Ком. Всерос. Офицер.
Союза.
Листокъ гимназиста № 1 и 2-й изданіе группы учащихся С.-Р.
Борьба № 2. Изд. Мотовилих. рабоч. организ. п. С.-Р. май 1907 г.
Звѣздочка № 2. Февр. 1907 г. Ежемед. журналъ. Изд. Камышлов. Духовн.
Училища.
Каргопольскій Листокъ. Изд. Каргопольск. Общества „Друзей Воздержанія“
№№ 1—8 окт.—декаб. 1905 г.
Впередъ № 12—13. 29 авг. 1907 г. Органъ Моск., СПб., Моск. Окр., Казань,
Курск. и Пермскаго Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Извѣстія Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. № 1 и 2 авг. 1907 г.
Górnik Organ Okregu Zagłębia Dobrowskiego P. P. S. № 40.
Солдатская памятка № 1. Изд. Воен. Орг. п. С.-Р.
Wyuletyn Pwzedzjazdowy № 1 и 2 Р. Р. S.
Солдаты! и Ко всему трудовому народу 2 лист. Поволжск. Обл. Ком.
П. С.-Р. іюнь 1907 г.
Граждане! Ц. К. п. С.-Р. 3 іюня 1907 г.
Къ трудовому крестьянству. Ц. К. п. С.-Р. 25 іюля 1907 г.
Заявленіе Центральнаго Комит. п. С.-Р. 31 іюля 1907 г.
4 листка Сормов. Организ. п. С.-Р. янв. апр. авг. 1907 г.

- Новый избирательный законъ (прил. къ № 3—4 газ. Новгородскій Вѣчевой Колоколь) п. С.-Р.
Товарищи солдаты! Военная организ. Калужскаго гарнизона.
Товарищи рабочіе! Калужскій Город. Район. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
2 листка къ крестьянамъ. Москов. Объед. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Планъ кампаніи относительно Госуд. Думы, предложенный на областной конференціи представит. Центр. Ком.
Резолюція 1-й области. Центр. района Р. С.-Д. Р. П.
Резолюція съезда литераторовъ-пропагандистовъ группы образованной при Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Программа чтенія по социаль-демократіи.
Планъ работы окружной организациі Калуж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Къ рабочимъ. Желѣзнодорож. район. Ком. Калуж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Братья-крестьяне! Калужскій Ком. Р. С.-Д. Р. П.
Султанъ Всероссийскій Р. С.-Д. Р. П.
Тронная рѣчь. Москов. группа Р. С.-Д. Р. П.
Товарищи крестьяне. Группа крестьянъ.
Манифестъ къ арміи и флоту. Труд. гр. и С.-Д. фр. Г. Д.
Къ крестьянамъ. 2 листка Тульск. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 25 іюня 1906 г.
и авг. 1906 г.
Письма къ партійнымъ организациямъ. № 1 и 2 Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Къ русской арміи Ц. К. Всероссийск. Союза Военнослужащихъ.
Къ солдатамъ! М. К. Р. С.-Д. Р. П. нояб. 1905 г.
О чрезвычайномъ партійномъ съездѣ (открытое письмо къ товарищамъ)
Плеханова.
2 листка Рязанскаго Губ. Ком. п. С.-Р.
Извѣщеніе Туркест. Обл. Ком. п. С.-Р. іюль 1907 г.
Письмо политич. заключ. Ташкент. тюрьмы Ташкент. Ком. п. С.-Р.
Докладъ Украинской с.-д. работничей пар. Міжнарод. соціалист. конгресові в Штутгарті.
Къ обществу. Союзъ с.-р. максималистовъ Дон. Ком. с.-р. м-овъ. 10 апр. 1907 г.
Товарищи! Группа учащихся С.-Р.
Всѣмъ табачнымъ работникамъ и работницамъ. Симф. Ком. Евр. С.-Д. Р. П.
Поалей Ціонъ іюль 1907 г.
Резолюція первой конференціи правленія професіон. союзовъ г. Симферополя.
Отъ Думской группы социалистовъ революціонеровъ. Перизд. Перм. Ком. п. С. Р.
Уставъ братства. Тип. Перм. Ком. п. С.-Р.
Отчетъ Тверскаго Губерн. Ком. пар. С.-Р. съ 1 апр.—1 іюня и съ 1 іюня—1 авг. 1907 г.
Извѣщеніе о партійной конференціи 21, 22 и 23 іюля 1907 г. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Воззваніе депутатовъ с.-д. фракціи 2-й Гос. Думы. Изд. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.
Избирательная платформа Р. С.-Д. Р. П. Изд. Ц. К.
Что такое правовое государство. Екатеринбургъ 1905 г. Изд. Шадринск. союза земск. служ.
Н. Бельдыкій. Рѣчь, произнесенная на митингѣ въ Шадринскѣ въ ноябрѣ 1905 г. Изд. Просвѣтит. Общ-ва г. Шадринска.
С. Николаичъ. Шире дорогу! Свободная Россія идетъ! По поводу маниф. 17 окт. Для деревни (начатки первонач. обученія) Екатеринбургъ. 1905 г.
2 листка, изданные въ с. Каргопольскомъ Шадринскаго уѣз. 1906 г.
2 рѣчи, произнесенныя въ с. Каргопольскомъ Шадр. уѣз. по поводу маниф. 17 окт.
3 листка. Изд. Союза земскихъ служащихъ Шадрин. земства 1905 г.
4 рѣчи, произнесенныя по поводу текущихъ событій на митингахъ въ Шадринскѣ въ 1905 г.
Докладъ Шадринскому XXXIX чрезвычайному Земск. Собр. отъ союзн. органа. земскихъ служащихъ.

Журналъ № 1 засѣданія 1-го съѣзда ветеринарныхъ врачей Шадр. уѣз.
12 дек. 1905 г.

3 листка. Союза союзовъ г. Харькова декабрь 1905 г.

Резолюція сходки 12 сент. ст. Харьков. „Ветер. Инст., нап. С.-Д. организ.
студ. ветер.

Письма къ неученымъ людямъ № 1. Изд. Нижегородскаго Листка“.
2-ое изд. 1905 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ:

Отъ обдорчанъ въ память 1 мая 45 руб. Отъ служащихъ Г. Б. за июнь
и июль 26 р. 20 к., за августъ 11 руб. Отъ И. С.—20 руб., отъ W. L. изъ
Вильно—25 руб.

Деньги переданы по назначенію.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г-нъ Редакторъ!

Въ трехъ первыхъ книгахъ „Былого“ за текущій годъ были помѣщены „Воспоминанія народовольца“ Баха. Хотя за „объективную вѣрность“ этихъ Воспоминаній не ручается даже самъ авторъ, но его „субъективность“ мѣстами заходитъ такъ далеко, что я вынужденъ внести кой-какія поправки и обратиться за нѣкоторыми разъясненіями къ автору „Воспоминаній“. Къ сожалѣнію, не имѣя свободнаго времени, я не могъ своевременно познакомиться со статьей г-на Баха и только недавно совершенно неожиданно, прочитавъ его „Воспоминанія“, натолкнулся на нѣсколько замѣчаній, очень близко меня касающихся.

Извиняясь за опозданіе, прошу Васъ, г-нъ Редакторъ не отказать помѣстить въ ближайшемъ же номерѣ „Былого“ предлагаемую замѣтку.

„Воспоминанія“ г-на Баха непохожи на обычные мемуары бывшихъ революціонныхъ дѣятелей, которые стремились въ своихъ приведеніяхъ дать дѣйствительную картину пережитаго, прошлаго, но насъ интересующаго времени, дать матеріалъ для изученія освободительнаго движенія. Нѣтъ „Воспоминанія Народовольца“—это интересный *разказъ*, „быль“, не безъ литературныхъ украшеній и эффектовъ. Авторъ чрезвычайно легко относится къ фактамъ и въ погонѣ за живостью и образностью повѣствованія частенько грѣшитъ истиной. Это, впрочемъ, уже отмѣчено Лопатнымъ въ его замѣткѣ („Былое“ 1907 г. кн. IV, стр. 298) по поводу Воспоминаній, гдѣ онъ, дѣлая двѣ-три поправки, указываетъ на „многочисленныя субъективности“ автора.

Но о „легкомъ“ отношеніи къ фактамъ, объ искаженіи дѣйствительности рѣчь будетъ дальше, а пока я хочу сдѣлать маленькое замѣчаніе. Человѣкъ, выступающій въ печати, при желаніи легко можетъ очернить другого. Для этого не всегда является необходимымъ извращать факты, выдумывать неправду: достаточно взять извѣстный тонъ, дать нѣсколькими штрихами характеристику въ желаемомъ направленіи и цѣль достигнута. Человѣкъ, въ котораго полетитъ нѣсколько комкозъ грязи, не сможетъ защититься, у него не будетъ почвы для возраженія по существу.

Такой литературный пріемъ неумѣстенъ въ статьѣ бывшаго революціонера, пишущаго воспоминанія о людяхъ, борющихся подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, за общее идейное дѣло.

Именно такой литературный пріемъ г-нъ Бахъ употребляетъ поотношенію

ко мнѣ, а быть может и не только ко мнѣ одному. Попробую показать это нѣсколькими ссылками на текст „Воспоминаній“, хотя сдѣлать это не легко и, къ тому же, непріятно.

На стр. 142, 143 („Выход“, январь 1907 г.) г-нъ Бахъ рассказываетъ о своей встрѣчѣ со мною. Сообщивъ читателю (съ нѣкоторыми „субъективностями“) все что ему извѣстно было о моемъ побѣгѣ послѣ ареста типографинъ въ Харьковѣ, онъ, между прочимъ говоритъ (стр. 143): „Мы рѣшили, что окъ ¹⁾ поживетъ нѣкоторое время въ Ярославлѣ (несмотря на свою бычачью комплекцію онъ перво былъ сильно потрясенъ и часто на него нападала нервная дрожь)“... Выше: „до всей вѣроятности, эпизодъ со шпионами не больше, какъ слѣдствие *разоряченнаго воображенія* Воскресенскаго“. На стр. 146: „Чтобы не возвращаться болѣе къ Воскресенскому, расскажу, что мнѣ извѣстно о его дальнейшей судьбѣ. *Проваландавшись* много мѣсяцевъ въ Парижѣ, онъ вернулся въ Россію въ эпоху полнаго разгрома партіи. Узнавъ, что я не арестованъ, онъ сталъ *разъскивать* меня по Россіи и въ началѣ 1885 года таки настигъ меня въ Тифлисѣ. Въ это время я уже пережилъ полную ликвидацію своего прошлаго и ждалъ возможности уѣхать за-границу навсегда. Воскресенскій сталъ меня убѣждать остаться и возобновить организацію, но конечно пожелать принятое мною рѣшеніе не могъ. Чтобы *отдѣлаться* отъ него, я черезъ нѣсколько дней послѣ его появленія уѣхалъ во Владикавказъ“.

„Разгоряченное воображеніе“, „первая дрожь“, „бычачья комплекція“ (не слишкомъ ли вульгарно, г. Бахъ!)—это, конечно, для „образности“ повѣствованія...

„Проваландавшись“ въ Парижѣ...

Конечно, когда г-нъ Бахъ „ликвидируетъ свое прошлое“ и укладывается за-границу, то онъ ѣдетъ не валандаться, а спасать страждущихъ и угнетенныхъ...

„Сталъ разъскивать по Россіи и настигъ таки въ Тифлисѣ“...

Можно подуматъ, что г-нъ Бахъ состоялъ въ чинѣ генерала отъ революціи.

Но тутъ опять „субъективности“. Уѣхалъ я въ Тифлисъ не для встрѣчи съ г. Бахомъ, да и вообще, г-нъ Бахъ въ мои, по крайней мѣрѣ, глаза не игралъ такой роли въ революціонномъ движеніи, чтобы была особенная надобность рыскать за нимъ по всей Россіи. Далѣе, встрѣтившись съ нимъ (случайно) въ Тифлисѣ, я и не думалъ уговаривать его *оставаться* и работать, ибо г-нъ Бахъ ни мнѣ, ни кому другому не говорилъ тогда о своей „ликвидаци“, такъ что для подобныхъ уговоровъ не было повода. Напротивъ, получивъ отъ меня пароль за границу, онъ уѣхалъ во Владикавказъ, оттуда прислалъ любезное письмо съ *приглашеніемъ* заѣхать туда и познакомиться съ тамошнимъ кружкомъ. Разстались мы съ нимъ вообще дружелюбно, а если г. Баху быть можетъ и хотѣлось отъ меня *отдѣлаться* то только вслѣдствіе того, что мнѣ пришлось его нѣсколько поудержать отъ той некраской характеристики которую дѣлалъ онъ по адресу Липатина.

Но довольно. Если бы все ограничивалось только этимъ, то я не сталъ бы писать настоящей замѣтки, ибо очень трудно возражать противъ такихъ мелочей (которыя, однако даютъ извѣстную, нежелательную характеристику).

¹⁾ Крыловъ-Воскресенскій.

трудно „поймать“ неуловимое—тонъ, мимику, такъ сказать, съ которой разсказчикъ передаетъ событія.

Но дѣло въ томъ, что г-нъ Вахъ грѣшитъ не только въ мелочахъ и въ тонѣ, а *застѣдомо* ложно приписываетъ мнѣ позорное дѣяніе.

На стр. 146 (январь) имѣется слѣдующая фраза: „Вскорѣ арестованный онъ ¹⁾ былъ высланъ въ Сибирь, *выдавъ на допросѣ весь ярославскій кружокъ*“. Это категорическое и голословное заявленіе, брошенное съ такой легкостью, заставляетъ меня задать г-ну Ваху вопросъ: на основаніи какихъ *данныхъ* онъ возводитъ на меня такое обвиненіе.

Пока нахожу вполне достаточнымъ поставить этотъ вопросъ автору „субъективныхъ“ „Воспоминаній“ и надѣюсь, что онъ не уклонится отъ отвѣта, ибо то обвиненіе, которое онъ возводитъ на меня, обязываетъ всякаго честнаго человѣка привести основательныя доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ.

Ф. Крылевъ.

Р. В. При этомъ я обращаюсь къ уважаемой Редакціи оказать съ своей стороны возможное содѣяствіе въ раскрытіи всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла. Полагаю, что къ этому не встрѣтятся никакихъ препятствій (прошло болѣе двадцати лѣтъ).

---

¹⁾ Воспресевскій.

О Т Ч Е Т Ъ

о суммахъ, поступившихъ въ пользу бывшихъ членовъ Государственной Думы, пострадавшихъ отъ репрессій: ареста, высылки, потери должностей и занятій и т. п., по 1-е августа 1907 г.

П Р И Х О Д Ъ.

Поступило черезъ быв. членовъ 2-я Государственной Думы: 1) Ш. Е. Березина: Отъ учителя Алмазова черезъ газ. „Костромичъ“ 10 р., Альтмана 3 р., А. М. Брайгольда (Золотоноша) 1 р., Буровой (Волын. г.) 3 р., кр-ть с. Григорьевки, Кононопскаго уѣзда, Черингов. г. 1-го и 2-го обществъ 20 р., Зеленецкаго (Саратовъ) 2 р., Z 7 р. 75 к., Игнатъева 4 р., Кагана (Ростовъ) 5 р., Кошелева 5 р., Мельникова (Царицын. уѣз. Сарат. г.) 2 р., Нахумовича 10 р., Олпча (Вольскъ) 10 р., сельск. уч. Орлика (Курск. г.) 1 р., Шотровскаго (Могилев. губ.) 3 р., служащихъ управленія сл. тяги Рязанск. Уральск ж. д. (Саратовъ) 4 р. 65 к., Серебрякова 1 р., рабочихъ завода „Ураль-Волга“ 36 р., Фаворской 2 р., Хитрова 16 р. 85 к., Чунгурова (Могил. г.) 12 р., Шварца (Сухумъ) 10 р., разныхъ лицъ 30 р.; 2) Черезъ А. Я. Караваева: Отъ Волковой (Москва) 20 р., Галина 3 р., Еленинскихъ 5 р., Кулабко 6 р., Нейманъ 5 р., Позднина 3 р., Скворцова 1 р.; 3) Черезъ А. В. Карташова: Отъ симбирскихъ врачей 35 р., Спасскаго (Астрахань) 45 р., Юргенса 10 р., NN 2 р.; 4) Черезъ А. Е. Кимринова: Отъ жителей Бронницкаго уѣзда 20 р. 50 к., жителей села Павловки Московск. г. 20 р.; 5) Черезъ В. Д. Кузьмина-Караваева: Отъ А. А. Коровкина 5 р., П. Макакова 3 р., Н. Н. Реякина 5 р., NN 5 р.; 6) Черезъ З. М. Таламцова: Отъ разныхъ лицъ 50 р.; 7) Черезъ в. Тихвинскаго: Отъ Владъева и Никулина 5 р., Воробьева 3 р., Епанечникова 15 р., священ. Плына (Оренбургск. г.) 5 р. 85 к., Лебязинскаго 16 р., Любовикова 3 р., Лоренъ 10 р., К. М. (Балайда) 2 р., Петровскаго 41 р., солдатъ изъ Туркестана 10 р., семьи Соловкинныхъ 1 р., Сутивскаго 1 р., Чистова 10 р., мѣщанъ г. Вѣрнаго 100 р., разныхъ лицъ 22 р.; 8) Черезъ М. Н. Полова: Отъ русскихъ живущихъ за границей 300 р.; Отъ бывшихъ депутатовъ 2-ой Думы: М. В. Батурова 3 р., М. Е. Березина 10 р., В. А. Бѣлава 10 р., Л. В. Карташева 10 р., А. Е. Кимрякова 10 р., Л. В. Костяко 5 р., Г. С. Михайлова 20 р., Свящ. Гр. Петрова 25 р., М. Н. Попова 10 р., Р. Я. Смирнова 10 р., Н. Д. Сухорукова 3 р., Д. В. Уразова 10 р., М. П. Федорова 25 р., В. П. Шешина 4 р., П. П. Щипина 10 р.; Черезъ бывшихъ членовъ 1-ой Государственной Думы: 1) Л. М. Брамсона и С. И. Бондарева: Отъ Ю. В. Бака 200 р., О. С. Персона 50 р., М. И. Вивельберга 200 р., В. П. Кафталя 50 р., В. А. Плавскаго 100 р., З. Л. Раппопорта 50 р., Семенова 3 р., Ю. П. Тищенко 200 р., О. Л. Фимкельштейна 3 р., Фрицлера 5 р., NN 25 р.; 2) Черезъ М. И. Латшова: Отъ служащихъ и учителей саратовскаго городского управленія 16 р., служащихъ

саратовскаго губернскаго земства 10 р., саратовскихъ приказчиковъ 8 р. 75 к.
3) Черезъ Т. Т. Местершова: Отъ разныхъ лицъ (собрано въ Киевск. г.) 42 р.,
4) Черезъ А. А. Свѣшна: Отъ неизвестной 1000 р., NN 460 р., В. И. Свѣчиной
25 р.; Отъ бывшихъ депутатовъ 1-ой Думы: А. В. Васильева 100 р., М. М. Винавера
100 р., Н. I. Кацнельсона 100 р., М. М. Ковалевскаго 100 р., С. А. Котляревскаго
10 р., I. I. Кубиласа 5 р., М. И. Шефтеля 100 р.; Черезъ редакціи газетъ
„Виржевыя Вѣдом.“ 5 р., „Думскій Листокъ“ отъ гражданъ Малмыжск. у
30 р., „Каспій“ 57 р. 10 к., „Парусъ“ 12 р. 40 к., „Рѣчь“ 37 р., „Товарищъ“
161 р. 50 к., Черезъ Г-жу Изанаръ 5 р., Я. М. Каплана 15 р., А. А. Корнилова
(отъ Александрова) 100 р., Г. П. Олейникова Отъ М. О. и Л. О. 675 р., раз-
ныхъ лицъ 23 р. 50 к., Черезъ г-жу Перовозкицу 5 р., В. А. Плансона отъ
смоленскаго адвоката (залогъ) 500 р.. По подписному листу Герасимова 11 р.
Черезъ секретаря фракціи Трудовой Группы 3 р., Временно позаимствовано
у разныхъ лицъ для выдачи пособій за июль мѣсяць 557 р., и для залога
500 р.

Всего поступило въ пользу бывшихъ депутатовъ по 1-ое августа
1907 г. 6820 р. 35 к.

РАСХОДЪ.

По 1-е августа 1907 г. выдано бывшимъ членамъ первой и вто-
рой Государственной Думы:

1) единовременныхъ пособій 31 лицу 2529 р. 50 к., 2) ежемѣсячныхъ по-
собій 21 лицу 1365 р., 3) пособій по случаю болѣзни, пребыванія въ тюрьмѣ
и т. п. 4 лицамъ 222 р. 92 к., 4) пособій на переѣзды 10-ти лицамъ 277 р.,
5) уплачено адвокатамъ, защищавшимъ двухъ бывшихъ депутатовъ 400 р.
6) внесены залогъ за двухъ бывш. депутатовъ 1000 р., 7) выдано ссудъ 6-ти
лицамъ 670 р. Всего выдано пособій по 1-е августа 1907 г. 6464 р. 42 к. Ра-
сходы по справкамъ, перепискѣ, письменоводству, телеграфные, почтовые и др.
336 р. 85 к. Всего израсходовано по 1-е августа 1907 г. 6801 р. 27 к. Оста-
токъ на 1-е августа 19 р. 08 к.

Помимо матеріальной поддержки кружкомъ лицъ, завѣдывающихъ дѣ-
ломъ оказанія помощи, подыскивались и подыскиваются занятія оставшимся
безъ должностей бывшимъ депутатамъ, велись переговоры съ адвокатами, на-
водились справки въ различныхъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, давались всевоз-
можные совѣты и указанія, велись переговоры и хлопоты объ освобожденіи
бывшихъ депутатовъ изъ мѣстъ заключенія, о восстановленіи ихъ въ правахъ
и должностяхъ и т. п.

Въ настоящее время имѣются свѣдѣнія о бѣдственномъ положеніи 33-хъ
бывшихъ народныхъ представителей.

Послѣ роспуска второй Думы число выбитыхъ изъ колеи бывшихъ народ-
ныхъ избранниковъ, нуждающихся въ разнообразной помощи, значительно
возросло, и въ настоящее время ощущается крайній недостатокъ средствъ для
оказанія имъ своевременной поддержки.

Денежныя суммы можно по прежнему направлять въ редакціи петер-
бургскихъ изданій „Высое“ (Знаменская, 19), „Русь“ (Невскій, 46), „Рѣчь“
(ул. Жуковскаго, 21), „Слово“ (Невскій, 92), и „Товарищъ“ (Садовая, 32)

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Ежемѣсячный журналъ: „ЯСНАЯ ПОЛЯНА.“

С.-Петербургъ, Лѣсной корпусъ

съ 24 книгами приложений, въ числѣ которыхъ „Полное собраніе сочиненій графа Л. Н. Толстого“ (заграничныхъ), заграничное изданіе романа „Воскресеніе“ и „Молоко“ Герцена, высылается за 7 руб.; допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и по полученіи 4 № № съ 8 книгами 3 руб. Подробное объясненіе высылается бесплатно. Вышло 2 № № съ 4 книгами. Первые 5 тысячъ подписчиковъ при первомъ же взносѣ получать бесплатно еще 4 книги, стоящія въ отдѣльной продажѣ 5 руб. Независимо отъ сего прилагаются талоны, дающіе возможность вернуть высланныя деньги и получить нашъ журналъ совершенно бесплатно.

А. Н. Радищевъ.

Путешествіе изъ Петербурга въ Москву.

Редакція Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева.

Точное воспроизведеніе перваго изданія 1790 года, сдѣланное съ рукописи, представленной Радищевымъ въ Управу благочинія. Портретъ Радищева, сдѣланный гелиографіей съ оригинала. Факсимиле заглавной и первыхъ четырехъ страницъ перваго изданія. Вступительныя статьи Н. П. Сильванскаго и П. Е. Щеголева. При изданіи съ приложеніемъ нѣкоторыхъ неизданныхъ матеріаловъ.

LXXX + 4 ном. + 296. * цѣна 2 рубл.

Складъ изданія въ т-вѣ „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, д. 39).

П. Е. Щеголевъ.

Первый декабристъ Владимиръ Раевскій.

Изъ исторіи общественныхъ движеній въ Россіи въ первой четверти XIX вѣка.

2-ое изданіе т-ва „Общественная Польза“ (Сиб., Б. Подъячская, 39).

80 стр. Цѣна 30 коп.

П. Е. Щеголевъ.

А. С. Грибоѣдовъ и декабристы.

Исслѣдованіе (по архивнымъ матеріаламъ).

Съ приложеніемъ факсимиле подлиннаго дѣла о Грибоѣдовѣ производившагося въ Слѣдственномъ Комитетѣ 1825—1826 г.г. и хранящагося въ Государственномъ Архивѣ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (Сиб., Невскій 40).

Цѣна 10 рублей.

„Библиотека Освободительной Борьбы“.

№ 1.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ (Л. МЕЛЬШИЦЪ).

Шлиссельбургскіе мученики.

Весь чистый сборъ отъ изданія поступитъ въ пользу шлиссельбургскихъ узниковъ.

Цѣна 15 коп.

№ 2:

М. Фроленко.

МИЛОСТЬ.

Цѣна 10 коп.

№ 3.

Вѣра Фигнеръ.

Стихотворенія.

Цѣна 20 коп.

Складъ изданій: 1) въ редакціи журнала «Былое», Знаменская, 19. 2) въ кн. маг. Н. П. Карбасникова, Литейный просп., д. 46. 3) въ книгоиздательствѣ «Донская Рѣчь», Лиговская ул., д. № 44. 4) въ книжн. маг. «Наша Жизнь», Невскій, 19. 5) въ книжн. маг. «Трудъ» Невскій, 60.

Вышла сентябрьская книга журнала „Русская Мысль“.

СОДЕРЖАНИЕ: I) Любовь.—Б. Зайцева. II) Стих.—И. Бунина. III) Лунный сонъ. — Вл. Бонди (Вальди). IV) Овчая купель. — М. Толмачевой. V) Стих. — М. Волошина. VI) Новый Кароагенъ.—ром. Ж. Эгуда. — перев. М. В. Веселовской. *Окончаніе*. VII) Распадъ. — И. Шмелева. *Окончаніе*. VIII) Стих.—Я. Година. IX) Записки Линды Мурри. Перев. съ итал. З. Н. Журавской. *Продолженіе*. X) Послѣдній святой. — Д. С. Мережковскаго. *Окончаніе*. XI) Соціаль-демократія на стражѣ русской революціи. — М. Н. Лемнева. *Окончаніе*. XII) Письмо изъ Германіи.—Вл. Левентона. XIII) Элементы политич. движенія и ихъ взаимоотношенія.—А. Васильева. XIV) Статья 87-ая и условія ея примѣненія.—Г. Н. Штильмана. XV) Воспоминанія чайковца.—С. Синегуба. XVI) Налогъ съ наслѣдства. — П. Гензеля. XVII) Нашъ государственный бюджетъ въ 1907 году.—Л. Н. Яснопольскаго. *Окончаніе*. XVIII) Наступленіе синдикализма. А. С. Изгоева. XIX) Литературн. замѣтки. — Ю. И. Айхенвальда. XX) Журн. обзор. — Ф. Н. Арнольда. XXI) Законод. и жизнь.—В. Н. Линда. XXII) Иностран. политика.—С. А. Котляревскаго. XXIII) Библиографія. XXIV) Объявленія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1907 ГОДЪ.

Условія подписки (безъ гербоваго сбора):

	Годъ.	8 м.	6 м.	3 м.	1 м.
Съ дост. и перес.	12 р.	9 р. — к. 6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.	
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Подписка принимается: Въ Москвѣ въ конторѣ журнала—Воздвиженка, Ваганьковскій пер. д. Куманина. Въ СПБ. въ отдѣленіи к-ры при кн. маг. Н. П. Карбасникова, Гостиный дворъ, со стороны Невскаго, 19; въ Кіевѣ—въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ Вильнѣ—въ кн. маг. Н. П. Карбасникова и въ Одессѣ—въ кн. маг. «Трудъ».

ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Адресъ редакціи и конторы: Лиговская ул., д. № 44.

Вышли №№:

- 1) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“. Сборникъ извлеченныхъ изъ официальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ПЕРВЫЙ. 1825—1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ“. ПЕРВОЕ приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Цѣна 75 к.
- 3) „Процессъ 16 террористовъ“, подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Л. Бурцева. Цѣна 60 к.
- 4) „Былое“—журналъ, издававшійся ЗА ГРАНИЦЕЮ подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ 1. (1900—1902 г.). Съ пред. В. Я. Богучарскаго. Цѣна 50 к.
- 5) „Былое“—журналъ, издававшійся ЗА ГРАНИЦЕЮ подъ редакціей В. Л. Бурцева. Выпускъ 2-й. Цѣна 50 к.
- 6) „Государственныя преступленія въ Россіи“. ТОМЪ ВТОРОЙ. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). (1877 г. Дѣло о демонстраціи на Казанской площади, процессъ 50-ти и др.). Цѣна 1 р.
- 7) „Государственныя преступленія въ Россіи“. Сбор. подъ ред. Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). ТОМЪ ТРЕТІЙ. (1877 г. Процессъ 193-хъ и др.). Ц. 1 р.
- 8) „Революціонная журналистика 70-хъ годовъ“, ВТОРОЕ приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Ц. 1 р.
- 9) „Литература партіи Народной Воли“. ТРЕТЬЕ приложеніе къ сборникамъ „Государственныя преступленія въ Россіи“. Подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Выпускъ первый. Ц. 1 р.
- 10) Тоже. Выпускъ второй. Ц. 1 р.
- 11) Процессъ 20-ти народовольцевъ въ 1882 году. Съ предисловіемъ В. Я. Богучарскаго. Ц. 30 к.
- 12) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1902 годъ. (изъ дѣлъ д-та полиціи). Ц. 50 к.
- 13) А. Д. Михайловъ. Матеріалы для біографіи. Съ пред. В. Л. Бурцева. Ц. 6 к.
- 14) Убійство императора Павла. Разказы современниковъ. Редакція П. Е. Щеголева. Ц. 20 к.
- 15) Декабристъ Пестель передъ Верховнымъ Уголовнымъ судомъ Н. Павлова-Сильванскаго. Ц. 70 к.
- 16) А. И. Желябовъ и С. Л. Перовская. Біографическіе очерки. Съ предисловіемъ В. Л. Бурцева. Ц. 10 к.
- 17) Первое вооруженное сопротивленіе—первый военный судъ. Ч. А. Виташевскаго. Ц. 8 к.
- 18) Къ событію 1-го марта 1881 года. А. В. Тырнова. Ц. 8 к.
- 19) Шесть мѣсяцевъ военно-полевой юстиціи. Н. И. Фалѣева. Ц. 15 к.
- 20) „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. Воспоминанія О. В. Аптекина. Ц. 85 к.
- 21) Обзоръ важнѣйшихъ дознаній, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ за 1901 годъ. Ц. 50 к.

По постановленію судебной власти журналъ приостановленъ впредь до суда. №№ 9 и 10 конфискованы, остальные продаются въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

В. Д. Сильванскій.

Декабриетъ Пестель

предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ.

(„Русская Историческая Библиотека“, № 15).

Стр. VIII+174. Цѣна 70 коп.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

С. В. Алтекманъ.

Изъ исторіи революціоннаго народничества.

„Земля и Воля“

70-хъ годовъ.

(По личнымъ воспомнаніямъ).

Съ приложеніемъ статьи автора — „Письмо къ бывшимъ товарищамъ“, — помѣщенной въ № 1 „Чернаго Передѣла“ за 1879 годъ.

Складъ при книгоиздательствѣ „Донская Рѣчь“.

Стр. 238.

Цѣна 85 коп.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
КОЛЕНКОРОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ

ДЛЯ ЖУРНАЛА

„БЫЛОЕ“,

изготовленные изъ англійскаго коленкора съ тисненіемъ.

шесть переплетовъ

на двѣнадцать книгъ

(по одной крышкѣ на двѣ книги).

Цѣна одной крышки 25 к.,
всѣхъ ШЕСТИ крышекъ 1 р. 50 к.

Пересылка за 5 фуптовъ.

Выписывать и получать можно исключительно изъ конторы
Типо-литографіи „ЭНЕРГІЯ“,

С.-Петербургъ, Загородный проспектъ, 17.

Изданія С. В. БУНИНА

Поступили въ продажу новыя книги:

1. Владиміръ Беренштамъ.

„ОКОЛО ПОЛИТИЧЕСКИХЪ“

Изъ повѣдки адвоката въ Якутскъ на защиту по известному дѣлу о вооруженномъ возстаніи „Романовцевъ“. Въ этой книгѣ авторъ описываетъ свои встрѣчи съ политическими ссыльными и приводитъ рассказы ихъ о собственной жизни и объ условіяхъ ихъ быта. Кромѣ того, въ ней приведено 18 автобіографій ссыльных, изъ которыхъ видно: „какъ кто сдѣлался политическимъ, какъ попалъ въ ссылку и что переживалъ тамъ“...

Съ 7 картинками, изъ которыхъ 6 на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги.

Цѣна 1 руб.

Одновременно съ печатаніемъ, книга переведилась на нѣмецкій языкъ, а въ настоящее время переводится и на французскій.

2. Ивановъ-Разумникъ.

Что такое „МАХАЕВЩИНА“?

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Введеніе.—II. Вопросъ объ интеллигенціи въ русской литературѣ XIX в.—III. Рѣшеніе этого вопроса въ „махаевской“ литературѣ.—IV. Что такое „махаевщина“?—V. „Перлы и адаманты“ махаевщины.—VI. Критика махаевскихъ построеній.—VII. Возраженія махаевщинѣ со стороны марксизма.—VIII. Рѣшеніе махаевщины вопроса объ интеллигенціи.—IX. Центральная ошибка махаевщины. Что такое интеллигенція.

Цѣна 50 коп.

Печатаются и въ теченіе сентября 1907 г. поступить въ продажу:

3. Мих. К. Лемке.

НИКОЛАЕВСКІЕ ЖАНДАРМЫ И ЛИТЕРАТУРА 1826-1855 гг.

По подлиннымъ дѣламъ III Отдѣленія с. е. в. в. канцелярш. Съ портретами шефовъ жандармовъ и ихъ помощниковъ.

Въ книгѣ до 40 печатныхъ листовъ большого формата.

4. Ивановъ-Разумникъ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.

1) (Индивидуализмъ и ищанство въ русск. литер. и жизни XIX вѣка).

2) е дополненное изданіе въ двухъ томахъ.

Цѣна 3 руб.

Отзывы печати о первомъ изданіи: „Книга“, 1906 г., № 2; „Вѣст. Европы“, 1907 г., № 3; „Русск. Вѣд.“, 1907 г., № 82; „Рѣчь“, 1906 г., № 224; „Русская Мысль“, 1907 г., № 6; „Кратч. Обзор.“, 1907 г., выц. I, „Историч. Вѣстникъ“, 1907 г., № 2 и др.

5. А. М. Федоровъ.

РАЗСКАЗЫ (НОВЫЕ).

ИЗДАНІЯ ПОМЪЩАЮТСЯ:

1) въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр. 5 лин., 28.

2) у издателя Сергѣя Викторовича Бунина, Спб., Преображен. ул. д. 5 кв. 27. Книжгопродавцы, выписывающіе отъ издателя, за пересылку не платятъ.

2 1907

БЫЛОЕ

September number
censored and destroyed
by order of Russian
government.

J. B. Powell

This is the final number;
publication suspended
after October. J. B. P.

ОКТАБРЬ
1907

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТР
1. Россія подь охраной. (Историческій очеркъ) Н. И. Фалъева	1
2. Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ. А. И. Иван-чина-Писарева	44
3. Изъ архива Г. И. Успенскаго	59
4. Письма Герцена къ Марко-Вовчку	63
5. Изъ записокъ императора Николая I.	76
6. Изъ прошлаго партіи социалистовъ-революціонеровъ. А. аргу-нова	94
7. „Бунтъ“ пересыльныхъ политическихъ въ красноярской тюрьмѣ. (Изъ воспоминаній). Ян. Заполярнаго.	115
8. „Священная Дружина“ и „Народная Воля“. Записка К. А. Бороздина съ примѣчаніями Н. Я. Николадзе.	123
9. Процессъ пятидесяти. (Всероссійская Соціально-Революціонная Организация. 1874—77. (Окончаніе). И. С. Джабадари.	168
10. Изъ пережитого. В. А. Данилова.	198
11. Изъ дальнихъ лѣтъ. (Отрывки изъ воспоминаній 1869—1872 гл.). С. Л. Чудновскаго	218
12. Отголосокъ давнихъ дней. (По поводу ст. М. Р. Попова). Н. А. Морозова.	247
13. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. (Продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго	257
14. Дѣло о покушеніи 16 лицъ на жизнь генерала въ 1905 году	267

БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ВТОРОИ
№ 10¹/₂₂. ОКТЯБРЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербурвъ, Лиовская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакой участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 20 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятая статья подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) Непринятая рукописи, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ черезъ мѣсяцъ по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР
1. Россія подь охраной. (Историческій очеркъ) Н. И. Фалѣва	1
2. Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ. А. И. Иванчина-Писарева	44
3. Изъ архива Г. И. Успенскаго	59
4. Письма Герцена къ Марко-Вовчку	63
5. Изъ записокъ императора Николая I.	76
6. Изъ прошлаго партіи социалистовъ-революціонеровъ. А. Аргунова	94
7. „Бунтъ“ пересыльныхъ политическихъ въ красноярской тюрьмѣ. (Изъ воспоминаній). Ян. Заполярнаго.	115
8. „Священная Дружина“ и „Народная Воля“. Записка К. А. Бороздина съ примѣчаніями Н. Я. Николадзе	123
9. Процессъ пятидесяти. (Всероссійская Соціально-Революціонная Организациа. 1874—77. (Окончаніе). И. С. Джабадари	168
10. Изъ пережитого. В. А. Данилова.	198
11. Изъ дальнихъ лѣтъ. (Отрывки изъ воспоминаній 1869—1872 г.г.). С. Л. Чудновскаго	218
12. Отголосокъ давнихъ дней. (По поводу ст. М. Р. Потова). Н. А. Морозова.	241
13. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. (Продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго	246
14. Дѣло о покушеніи 16 лицъ на жизнь генерала Трепова въ 1905 году	271

15. Историческая библиографія: I. Декабристы. Тайныя общества. Процессы Колесникова, бр. Критскихъ и Раевскихъ. Изд. В. М. Саблина. — **Н. С. Р**—ва. II. Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Гранатъ и К^о. — **С.** III. *С. А. Венеровъ*. Очерки по исторіи русской литературы. IV. *А. И. Герцень*. — О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Изданія Павленкова и Саблина. — **Д. П. Сильчевскаго**. *Николай Тургеневъ*. — Россія и русскіе. Библіотека декабристовъ. — **Н. Катина**. 308
16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 321
17. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. (Къ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Сообщ. **Н. Ю. Д.** — 73. Къ біографіи Н. И. Костомарова. Сообщ. **В. П. Батуриискій** — 89. Къ біографіи Петра Алексѣева — 113).
18. Письма въ редакцію: I — **Н. Сентянина**, II — **Б. Надера**. 324
19. Объявленія. 326

Къ этой книгѣ приложены портреты Г. И. Успенскаго (не бывшій въ печати), декабриста кн. С. П. Трубецкаго (въ молодости) и рабочаго П. А. Алексѣева.

Сентябрьская книга журнала „Былое“ конфискована по постановленію Спб. комитета по дѣламъ печати и по этой причинѣ не могла быть разослана иногороднимъ подписчикамъ.

ГЛИБЪ УСПЕНСКІЙ.

Россія подъ охраной.

(Историческій очеркъ).

I.

Теоретики-конституціоналисты утверждаютъ, что государство, какъ и отдѣльное лицо, должно обладать правомъ «необходимой обороны», и въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлостности государства или установленному правопорядку грозитъ опасность, оно можетъ дѣйствовать въ качествѣ физическаго лица и отражать нападеніе нападеніемъ.

Колоритное выраженіе этого права можно видѣть въ существованіи исключительныхъ законовъ, которыми государство борется противъ нападений. Такіе законы существуютъ вездѣ, гдѣ есть государство, а у насъ они получили такое богатое развитіе, что никакія аналогіи съ другими государствами положительно недопустимы.

Россія за періодъ около сорока лѣтъ пережила и переиспытала самыя пестрыя и разнообразныя формы правительственной необходимой обороны. Исключительные порядки управленія господствовали въ самыхъ причудливыхъ формахъ: даже болѣе — въ Россіи неизвѣстенъ совершенно тотъ порядокъ управленія, который обыкновенно называется нормальнымъ, и нигдѣ въ законѣ нѣтъ указаній на структуру этого нормальнаго правового состоянія.

И несмотря на длительный процессъ существованія исключительныхъ охранъ, подъ которыми выросло все современное населеніе Россіи, въ обществѣ существуютъ самыя неясныя представленія объ этихъ охранахъ. Исключительный порядокъ за давностью сдѣлался нормальнымъ. Онъ близко стоитъ передъ глазами, настолько близко, что мы съ трудомъ различаемъ его. А между тѣмъ именно теперь онъ достигъ своего апогея и всякое дальнѣйшее его развитіе стало совершенно невозможнымъ и фактически, и юридически.

Въ настоящій моментъ важно не столько уяснить сущность исключительныхъ положеній, сколько историю ихъ развитія. Сущность ихъ воспринята частью теоретически, частью на практикѣ послѣднихъ лѣтъ. Но поразительное вліяніе охранъ на всю политическую, культурную и частную жизнь страны вовсе не обслѣдовано. Съ 1881 года охраны развивались неудержимо, захватывая огромныя территоріи и

милліоны населенія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ единственнымъ во всемирной исторіи случаемъ непрерывающейся необходимой обороны на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Здѣсь наблюдается съ одной стороны постепенное и твердое расширеніе власти администраціи, предоставленіе ей огромныхъ полномочій, а съ другой — самое откровенное и неограниченное стѣсненіе правъ населенія. И чтобы уяснить значеніе этой борьбы, — приходится устанавливать номенклатуру охранныхъ мѣръ.

Низшею ступеню охраны является принятіе отдѣльныхъ охранныхъ мѣръ въ той или другой области Россіи. Обыкновенно въ данномъ случаѣ дѣло ограничивается предоставленіемъ администраціи нѣкоторыхъ полномочій по изданію обязательныхъ постановленій и правъ по производству обысковъ и высылкѣ неблагонадежныхъ лицъ изъ предѣловъ охраняемой мѣстности.

Затѣмъ слѣдуетъ *усиленная охрана* — наиболѣе распространенный способъ расширенія правъ администраціи. Примѣненіе охраны связано съ осуществленіемъ всѣхъ исключительныхъ полномочій въ полной мѣрѣ.

Чрезвычайная охрана предполагаетъ наличность большей опасности для государственнаго порядка и совмѣщаетъ въ себѣ большее расширеніе полномочій администраціи.

Вышею ступеню охраны является объявленіе данной мѣстности на *военномъ положеніи*, при которомъ всѣ права администраціи переходятъ къ представителямъ военной власти. Гражданскія власти несутъ уже ограниченныя обязанности и имѣютъ субсидіарное значеніе въ управленіи.

При недостаткѣ средствъ военнаго положенія, можетъ быть объявлено *осадное положеніе*, при которомъ вступаютъ въ силу нормы, установленныя для мѣстностей, осаждаемыхъ непріателемъ во время войны.

Положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ были созданы въ эпоху самой тяжелой реакціи — въ 1881 году, вскорѣ послѣ событія 1-го марта. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что до этого времени въ Россіи вовсе не было исключительныхъ охранъ; какъ увидимъ ниже, исключительныя полномочія администраціи существовали и ранѣе, и только окончательную формулировку получили въ 1881 году.

Самымъ старѣйшимъ положеніемъ является положеніе военное, начало котораго относится къ эпохѣ Отечественной войны; въ разное время оно пересматривалось и передѣлывалось, пока, наконецъ, недостатки его не были обнаружены на практикѣ въ войну 1877 — 78 гг. Послѣдніе законы о военномъ положеніи были изданы въ 1876 году, современное военное положеніе регламентируется закономъ 26 февраля 1890 года.

Точно также и положеніе осадное выработано въ сравнительно недавнее время. Это объясняется тѣмъ, что прежде считали возможнымъ ограничиваться военнымъ положеніемъ, какъ высшей степенью охраны. Но къ 1903 году выяснилась необходимость усилить охранные средства мѣрами болѣе рѣшительнаго свойства, и 13 сентября того же года было опубликовано новое положеніе объ управленіи

крѣпостями. Оно вошло въ специальное военное законодательство и, хотя и затрагиваетъ всю внутреннюю жизнь страны, тѣмъ не менѣе, стоитъ внѣ всякаго воздѣйствія общей законодательной власти и вѣдѣнія гражданскихъ агентовъ исполнительной власти.

Приведенный нами перечень представляется исчерпывающимъ.

Самое характерное для всѣхъ видовъ охраны — это отсутствіе яснаго и точнаго разграниченія охранныхъ средствъ. Никакая власть не можетъ установить критерій, положенія перепутываются и смѣшиваются, и только одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и смѣшенія — ограниченіе права населенія. Эту характерную черту выдвигали всѣ бюрократическія комиссіи, пересматривавшія охранные законы.

На протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ у насъ господствовало положеніе усиленной и чрезвычайной охраны. Только онѣ имѣютъ право на историческое изученіе. Военное и осадное положенія занимаютъ скромное мѣсто въ циклѣ охранъ; ихъ существованіе очень недавно, и къ нимъ приходится относиться какъ къ существующему факту.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы совершенно отрѣшаемся отъ юридическихъ конструкцій и ограничиваемся общественно-историческимъ изложеніемъ.

II.

Романтическая эпоха великихъ реформъ подходила къ концу. На смѣну ей выступали мѣры полицейскаго предупрежденія и пресѣченія.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Россіи совершенно неожиданно обнаружился рабочій вопросъ. Въ немъ не было современной остроты, промышленность развивалась спокойно и тихо, упорядоченіе рабочаго дня и заработной платы производилось исподволь и зачастую путемъ добровольныхъ соглашеній. И все-таки отношенія между предпринимателями и рабочими вполне уже опредѣлились къ тому времени. Правительство, въ его полицейской дѣятельности, не могло не замѣчать, что рано или поздно отношенія эти должны обостриться, что между двумя сторонами „свободнаго рабочаго договора“ сама собою возникаетъ и длится безпрестанная капиталистическая борьба.

Въ свою очередь и сильные промышленники понимали, во что можетъ вылиться эта борьба съ развитіемъ фабричнаго производства. И правительству, въ лицѣ его полицейскихъ агентовъ, и капиталистамъ приходилось, быть можетъ, впервые задумываться о самозащитѣ и измышлять тѣ приемы, которыми можно было бы обезпечивать себѣ болѣе или менѣе спокойное существованіе. Надо было изобрѣсти мѣры, посредствомъ которыхъ можно было бы вести промышленныя предпріятія съ наименьшимъ рискомъ.

И какъ это ни странно, но изъ этого источника проистекаютъ первыя законодательныя нормы, которыя потомъ легли въ основу охранной дѣятельности государства, поскольку она проявилась потомъ въ законѣ 1881 года.

Въ 1870 году 6 іюля министръ внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ до-

кладъ о необходимости принятія мѣръ противъ стачекъ рабочихъ. Этотъ докладъ утверждается, разсылается мѣстнымъ начальствамъ, но опубликованію не подвергается, «дабы не возбуждать умовъ», — и становится не опубликованнымъ, но обязательнымъ къ исполненію закономъ. Да въ иной постановкѣ въ то время надобности и не встрѣчалось: достаточно было, если органы власти, которые призывались стоять на стражѣ закона, знали этотъ законъ, а всѣ обязанные къ исполненію этого закона, должны были играть пассивную роль въ правительственныхъ экспериментахъ.

Несомнѣнно, неопубликованный законъ исполнялся не вездѣ одинаково. Сами мѣстная власти, по неопытности, по отсутствію практики въ рабочихъ вопросахъ, иногда добросовѣстно заблуждались и просили у центральныхъ учреждений разъясненія. Правительству ничего не оставалось, какъ издать по тому же самому поводу новый законъ, точно также не опубликовать его и направить къ дѣйствию. Этотъ новый законъ по вопросу о стачкахъ былъ изданъ въ сентябрѣ 1871 года, даже безъ точной даты дня утвержденія, и долженъ былъ служить разъясняющимъ предыдущій законъ.

Но это было только началомъ. Стала развиваться печать. Въ обществѣ появились дѣятели и дѣлатели. Земскія и городскія учрежденія насчитывали въ своихъ рядахъ выдающихся людей. Молодежь говорила вслухъ о несовершенствахъ строя. Возникали отдѣльныя группы, ставившія себѣ задачей переустройство всего общественнаго уклада. Началось хожденіе въ народъ. Передъ полицейскими зрачками страны стали выростать новыя явленія, грозящія или могущія грозить государственной привычкѣ къ извѣстному укладу.

Власти принимали мѣры по своему усмотрѣнію, дѣйствовали на собственный страхъ и рискъ, не имѣя ничего другого, кромѣ общихъ законовъ; а ими трудно было бороться съ новыми явленіями. Третье отдѣленіе завалено большими сложными вопросами. Отовсюду приходятъ угрожающіе симптомы. Молодая общественная силы говорятъ слишкомъ громко и властно, призракъ опасности растетъ.

Бороться съ рабочимъ вопросомъ путемъ предупрежденія стачекъ оказывается недостаточнымъ, и 26 августа 1878 г. объявляется законъ, который предоставляетъ чинамъ общей и жандармской полиціи—«свободный доступъ на всѣ фабрики и заводы во всякое время съ тѣмъ, чтобы обыски на нихъ или аресты были производимы въ присутствіи завѣдывающаго фабрикою или заводомъ».

Но въ то же самое время бродильные ферменты разошлись уже по всей территоріи страны. То тамъ, то тутъ губернскія власти соприкасались съ общественными дѣятелями, которые вліяли на общество и присутствіе которыхъ въ губерніи могло оказаться не безопаснымъ для общественнаго порядка. Третье отдѣленіе понимаетъ начавшееся броженіе и принимаетъ полицейскія мѣры; но такъ какъ эти явно реакціонныя мѣры могутъ въ свою очередь вызвать нежелательныя осложненія въ общественной жизни, то приходится маскировать ихъ и въ то же время развязывать стѣсненные руки администраціи. Въ томъ же 1878 году 24 мая третье отдѣленіе ходатайствуетъ объ утвержденіи правилъ объ административной высылкѣ не-

благонадежныхъ элементовъ общества. Законъ этотъ, какъ и всякій рискованный законъ того времени, издается, но не публикуется.

Весь 1878 годъ можетъ быть признанъ критическимъ годомъ въ исторіи нашихъ охранъ. Все, что свершалось до этого времени и что такъ или иначе отражалось на общемъ укладѣ, было извѣстно обществу въ формѣ слуховъ. Печать была нѣма, а событія—иногда мелкія и незамѣтныя, иногда очень крупныя—совершались и колебали общественное спокойствіе. Революціонная пропаганда къ этому времени стала уже достаточно замѣтной. Скрывать начавшееся броженіе было бы едва ли цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что повсемѣстно происходили столкновения властей и населенія, было даже нѣсколько террористическихъ актовъ. Въ такую минуту правительство видитъ себя вынужденнымъ выступить съ деклараціей и открыть свои карты.

Въ именномъ указѣ 9 августа на первое мѣсто выдвигается реальная угроза. «Повторяющіеся въ послѣднее время,—говоритъ указъ,—случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій, несомнѣнно свидѣлствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя».

«Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка,—говорится далѣе,—неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, не останавливаются ни предъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, и дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быстроту и строгость наказуемости оныхъ».

Послѣ такой деклараціи предписывается «подчинить, временно, дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ военно-уголовными законами для военнаго времени».

Этотъ указъ является краеугольнымъ камнемъ въ дальнѣйшей охранной дѣятельности правительства. Здѣсь впервые получили названіе охранныя мѣры, отсюда истекаетъ особая дѣятельность военныхъ судовъ, которая не уменьшаясь продолжается и въ наше время; но самымъ характернымъ является ссылка на «временность» этихъ мѣръ.

Однако, необходимо оговориться, что указъ этотъ явился не самостоятельно: за день до его появленія было издано негласное высочайшее повелѣніе «объ исключительныхъ мѣрахъ къ охраненію общественнаго порядка». Это распоряженіе продолжаетъ оставаться

секретнымъ до настоящаго времени, но содержаніе его разсказывается во всѣхъ послѣдующихъ законахъ. Въ немъ было кодифицировано все, чѣмъ дѣйствовала до того времени полицейская власть, излагались подробно полномочія администраціи по высылкѣ и арестамъ неблагонадежныхъ лицъ, по производству обысковъ, по организаціи сыска, по наблюденію за обществомъ, по мѣрамъ противъ печати, по надзору за агентами власти и общественныхъ организацій и т. п.

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць, именно 1 сентября того же года, — понадобилось новое высочайшее повелѣніе, которое дополнило и развило нѣкоторыя положенія указа 8 августа, и въ теченіе всего года въ разное время издавались отдѣльныя распоряженія по примѣненію военного процесса и смертной казни за нападенія на должностныхъ лицъ.

Однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры, положеніе продолжало обостряться. Жизнь словно издѣвалась надъ принимаемыми мѣрами. Представители полицейской власти вполнѣ искренно полагали, что обостреніе—случайно и преходяще, что «увлеченія» общества легко разсѣять мѣрами репрессіи, что всѣ эксцессы исчезнутъ, разъ только въ дѣятеляхъ не останется сомнѣній въ твердой рѣшимости преслѣдовать и наказывать выдающимися мѣрами всѣ посягательства. Въ такомъ именно духѣ и производились доклады и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и министромъ юстиціи, и начальникомъ третьяго отдѣленія; въ такихъ именно цѣляхъ и устанавливались временныя охраны. Но все, съ чѣмъ боролись и противъ чего изобрѣтали средства, — расширялось качественно и количественно. И чѣмъ строже были мѣры воздѣйствія, тѣмъ больше рѣшимости проявлялось въ странѣ. Печать по-прежнему молчала, кромѣ органовъ явно-реакціонныхъ; эти послѣдніе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы лишній разъ подтвердить необходимость «рѣшительныхъ и крайнихъ мѣръ».

Создавалось представленіе о недостаточности принятыхъ мѣръ. Съ мѣсто приходили категорическія заявленія о невозможности охранять порядокъ, о полезности болѣе точной регламентаціи репрессій, о предоставленіи власти большихъ полномочій. Въ центрѣ прислушивались къ этому, а въ средствахъ не хотѣли видѣть недостатка.

Въ такой обстановкѣ и въ явную противность указаніямъ жизни и дѣйствительности обнародывается 5 апрѣля 1879 года знаменательный указъ сенату, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе отношеніе правительства къ совершающемуся:

«Событія послѣдняго времени, — говорится тамъ, — съ очевидностью указываютъ на существованіе въ Россіи если не многочисленной, то упорной въ преступныхъ заблужденіяхъ своихъ шайки злоумышленниковъ, стремящейся подорвать всѣ основы государственнаго и общественнаго быта. Не ограничиваясь распространеніемъ путемъ печати въ разсылаемыхъ тайно прокламаціяхъ самыхъ возмутительныхъ ученій, клонящихся къ ниспроверженію догматовъ религіи, союза семейственнаго и правъ собственности, злодѣи эти неоднократно покушались на жизни высшихъ сановниковъ Имперіи и другихъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью. Наконецъ рядъ злодѣйствъ завершился преступнымъ покушеніемъ на цареубійство.

«Такія злодѣянiя и отсутствiе всякаго раскаянiя въ тѣхъ изъ злоумышленниковъ, которые до настоящаго времени были обнаружены, обратили вниманiе Наше на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ временнымъ мѣрамъ, какъ для примѣрнаго наказанiя виновныхъ, такъ и для предоставленiя лицамъ, облеченнымъ правительственною властью, особыхъ правъ, въ видахъ охраненiя общественнаго порядка».

Собственно говоря, указъ 5 апрѣля не больше не меньше, какъ вводилъ на огромномъ пространствѣ Имперiи военное положенiе. Уже не было рѣчи о палліативахъ. Прибѣгали къ послѣднему, что было въ распоряженiи власти—къ содѣйствию военной силы.

По этому указу были назначены три временныхъ генераль-губернатора: въ Петербургѣ—генераль Гурко, въ Харьковѣ—гр. Лорисъ-Меликовъ, въ Одессѣ—инженеръ-генераль Тотлебенъ.

Имъ, какъ и генераль-губернаторамъ Москвы, Кіева и Варшавы, были предоставлены временныя исключительныя полномочiя. Прежде всего были только отчасти опредѣлены тѣ мѣстности, которыя входятъ въ районъ исключительныхъ положенiй. Генераль-губернаторамъ этимъ были подчинены всѣ гражданскiя власти въ размѣрѣ, установленномъ для военнаго времени положенiемъ о полевомъ управленiи войскъ. Всѣ учебныя заведенiя, всѣ частныя учрежденiя были поставлены въ зависимость отъ военной власти. Эта власть получила право преданiя военнымъ судамъ гражданскихъ лицъ за всякiя преступленiя, хотя бы не выходящiя изъ рамокъ обыденныхъ; законъ этотъ получалъ обратную силу даже въ отношенiи тѣхъ дѣлъ, которыя были совершены ранѣе обнародованiя закона. Наконецъ, генераль-губернаторамъ было предоставлено право высылать административнымъ порядкомъ всѣхъ тѣхъ лицъ, пребыванiе которыхъ въ мѣстности признается вреднымъ, право подвергать личному задержанiю и по непосредственному своему усмотрѣнiю всѣхъ лицъ, «не смотря на званiе и состоянiе», право пріостанавливать и вовсе воспрещать изданiе журналовъ и газетъ и, наконецъ, право дискреціонной власти—«вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаютъ необходимыми для охраненiя спокойствiя во ввѣренномъ имъ краѣ».

Такія полномочiя совершенно развязывали и безъ того свободныя административныя руки. Теперь уже для мѣстныхъ начальниковъ не оставалось сомнѣнiй о предѣлахъ дозволеннаго и законнаго, ибо они сами творили законъ и принимали любыя мѣры, какія имъ заблагоразсудится. Съ полнымъ основанiемъ тогда говорили въ обществѣ, что страна превратилась въ непріятельскiй лагерь, гдѣ бродили вооруженные люди, опасаясь и за порядокъ, и за себя лично. Никто не зналъ что и какъ можетъ быть наказано. Промышленность должна была неминуемо пасть. Въ учебныхъ заведенiяхъ воцарились порядки, совершенно чуждые образованiю. Въ обществѣ господствовало настроенiе придавленности. Паника была всеобщей. Газеты—и безъ того безцвѣтныя—обезцвѣтились еще болѣе. И въ тайникахъ общества справедливо высказывалось сомнѣнiе въ правдивости правительственнаго сообщенiя: если «шайка злоумышленниковъ—не велика», то для чего

дѣлать Россію, всю огромную Россію на военные участки и вводить полевое положеніе? А если эта «шайка» велика, то могутъ ли временныя мѣры достигь цѣлей, ради которыхъ онѣ приняты?

Ни въ какое другое время—ни прежде, ни потомъ—не создавалось такого невозможнаго гражданскаго состоянія. Дискреціонныя полномочія были непосильны не только для населенія,—сами власти были ими чрезмѣрно перегружены. Зачастую не знали, что предпринять въ томъ или другомъ случаѣ. Нерѣдко сомнѣвались даже въ границахъ предоставленныхъ полномочій, и вслѣдъ за этимъ начинается длинная и малодѣйствительная работа различныхъ министерствъ по разъясненіямъ: разъясняютъ каждый пунктъ новаго указа, комментируютъ всякое положеніе, создаются казуистическія, неточныя опредѣленія, справляться съ которыми представляется затруднительнымъ. Изъ массы разъясненій отмѣтимъ указы 8 апрѣля, 11-го и 20-го апрѣля, 20 іюня, 13 іюля и другіе—всѣ относящіяся къ тому же 1879 году.

Общее впечатлѣніе отъ всей этой массы экстренной законодательной дѣятельности—крайне невыгодно для правительства того времени. Чувствуется за грозными строками и параграфами растерянность власти, которая кидается изъ стороны въ сторону, отыскивая корни нестроений, бродя впотъмахъ, натываясь неожиданно на невѣдомыя явленія и стараясь парализовать ихъ мѣрами, которыя ближе находятся подъ руками въ данную минуту.

Очень характерно для того времени слѣдующее обстоятельство.

Послѣ изданія указа 5 апрѣля въ министерствѣ юстиціи тотчасъ же возникло сомнѣніе относительно пригодности военнаго суда для сужденія всякихъ общихъ преступныхъ дѣяній. Примѣненіе упрощенной юстиціи съ упрощеннымъ процессомъ военнаго времени,—словомъ, самое рѣшительное уклоненіе отъ судебныхъ уставовъ 1864 г., отъ всѣхъ культурныхъ завоеваній царствованія, вдругъ показалось недостаточнымъ. Казалось—мало передать дѣло военному трибуналу. Здѣсь еще недостаточно охраняется быстрота процесса и наказанія. И вотъ спѣшно изговоряется министромъ юстиціи докладъ и черезъ три дня, т. е. 8 апрѣля, преподносится къ Высочайшему подписанію.

Докладъ предлагалъ, въ видахъ достиженія наибольшей скорости и быстроты въ движеніи и «разрѣшеніи дѣлъ», отказаться отъ процессуальныхъ сроковъ военнаго времени и довести ихъ до возможнаго минимума. Предложеніе министра юстиціи предвосхищало идею военно-полевой юстиціи, которой суждено было возникнуть въ 1906 году,—съ одной стороны, и самыхъ послѣднихъ правилъ о сокращеніи сроковъ военнаго процесса—27 іюня 1907 года—съ другой.

Указъ былъ подписанъ и сообщенъ для исполненія. Съ тѣхъ поръ военная юстиція пошла ускореннымъ темпомъ, именно такимъ, какимъ она не шла даже во время военныхъ операцій на полѣ сраженія.

Рѣшили отказаться отъ производства предварительныхъ слѣдствій, которыя только затягивали срочность процесса, и довольствоваться исключительно данными, собранными при дознаніи. Самый процессъ упростили настолько, что дѣло могло оканчиваться въ теченіе

трехъ сутокъ. Самое судебное засѣданіе, какъ и въ наше время, могло происходить въ отсутствіе свидѣтелей, довольствуясь ихъ письменными показаніями при дознаніи. Генераль-губернаторы были облечены правомъ кассационныхъ инстанцій — они могли направлять дѣло на разсмотрѣніе главнаго военнаго суда, могли образовывать самостоятельное кассационное присутствіе, имѣли право вовсе не допускать кассационнаго производства и собственною властью конфирмовать приговоръ и приводить его въ исполненіе.

Паническій страхъ передъ развивающеюся крамолой заставлялъ поступаться многимъ, что было сдѣлано въ эпоху великихъ реформъ. Въ жертву военной юстиціи были принесены принципы единства судебной власти. Недовѣріе къ общественнымъ дѣятелямъ и къ выборному элементу въ управленіи, боязнь неблагонадежныхъ и крамольниковъ на официальныхъ должностяхъ заставили отречься отъ самыхъ святыхъ догматовъ выборнаго управленія и суда.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого правительственнаго шага можетъ служить высочайше утвержденное 19 августа 1879 года положеніе комитета министровъ, которое предоставляло губернскому начальству особыя права при замѣщеніи должностей по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, что нерѣдко вело къ удивительно нелѣпымъ конфликтамъ выборныхъ и назначаемыхъ властей.

Сказаннаго достаточно, чтобы уяснить ту обстановку, въ которой приходилось жить освобожденной отъ крѣпостничества странѣ. Словно отъ завѣтовъ 60-хъ годовъ ничего не осталось, а сами завѣты потеряли свое содержаніе. Полицейская регламентація и сыскъ проникли всюду. Не оставалось уже мѣста для общественной самодѣятельности. Реакція шла неприкрытая, простоволосая...

Цѣлый рядъ мѣстностей объявлялся на военномъ положеніи, огромныя территоріи ставились въ исключительное положеніе по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Обыватели были напуганы. Слухи—самые вздорные и нелѣпые—зрѣли и росли, подогрѣваемые молчаніемъ печати.

Пестрота указовъ и распоряженій, объявленныхъ и не обнародованныхъ, дѣйствовала угнетающе. Никто, даже сами представители администраціи, не могли судить о количествѣ распоряженій этого рода. Самыя возмутительныя насилія совершались подъ охраной неопубликованныхъ законовъ. Протестантамъ указывали на угрозу закона, не указывая самаго закона.

Практика по такого рода дѣламъ отличалась значительнымъ разнообразіемъ. Принципъ дискреціонности власти неминуемо долженъ былъ создать пестроту и разнообразіе въ управленіи. Политика генераль-губернаторовъ, этихъ полновластныхъ начальствъ, опредѣлялась ихъ собственнымъ усмотрѣніемъ. Отсюда легко видѣть, что въ противорѣчій недостатокъ не было. Личный составъ мѣстной администраціи служилъ единственнымъ критеріемъ въ этомъ отношеніи. Что вызывало усиленныя репрессіи въ Петербургѣ, то проходило незамѣченнымъ гдѣ-нибудь въ Харьковѣ и влекло ничтожныя мѣры въ Москвѣ или Кіевѣ. Сами мѣстныя начальства, чтобы парализовать вредность неопубликованныхъ законовъ, издавали отдѣльныя обяза-

тельные къ исполненію распоряженія, но и эти послѣднія часто противорѣчили одно другому и увеличивали безъ того огромный багажъ правительственныхъ распоряженій. Получалась невозможная запутанность понятій.

Наконецъ, законъ 9 августа 1878 года, измѣнившій подсудность дѣлъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ и сопротивленіи властямъ, не могъ имѣть того значенія, какое на него возлагалось. Получилось странное положеніе: законъ имѣлъ въ виду преступленія, совершаемыя по политическимъ побужденіямъ и направленныя всецѣло противъ политическаго уклада того времени. Но на практикѣ, въ жизни, по этому закону стали отвѣчать не политическіе дѣятели, а крестьянскія массы, для которыхъ за малѣйшіе протесты противъ распоряженій мѣстныхъ полицейскихъ дѣятелей наступала исключительная подсудность.

Одно очень важное явленіе, переживаемое нами и въ настоящее время, получило свое начало въ эпоху зарожденія исключительныхъ мѣръ. Право издавать обязательныя постановленія не было введено въ границы. А потому не странно, что генераль-губернаторы присвоили себѣ право не только изыятія изъ общей подсудности цѣлага ряда дѣлъ и подчиненія ихъ административному разсмотрѣнію, но и права увеличенія наказаній, установленныхъ закономъ, до максимальныхъ ступеней своей власти. Уголовный законъ, такимъ образомъ, былъ поставленъ подъ власть губернскаго начальства, а отсюда было уже недалеко до признанія, что власть губернатора превышаетъ всѣхъ властей,—а законодательной власти страны тѣмъ паче.

Что касается объема административной высылки, то въ этомъ отношеніи администрація не хотѣла знать никакихъ ограниченій. Законъ давалъ голое право высылки изъ губерніи неблагодежнаго лица, а мѣстные законодатели устанавливали тѣ пункты, гдѣ административно-ссылаемый долженъ былъ находиться во время ссылки. Изъ мѣры полицейскаго предупрежденія получилась мѣра карательнаго воздѣйствія. А для того, чтобы эта новая карательная мѣра была сильнѣе и устрашительнѣе, нѣкоторые генераль-губернаторы избирали для ссылки не болѣе, не менѣе, какъ мѣста Восточной Сибири. Нѣкоторые изъ нихъ довольствовались ближними окраинами, но всѣ они дѣйствовали такъ, какъ того не требовали интересы охраны порядка.

Глухое недовольство росло съ каждымъ днемъ. Власти слѣпо и безнуждно поддерживали это раздраженіе и своими распоряженіями питали глубокое недовольство, переводя въ ряды недовольныхъ самые благонадежныя элементы населенія.

Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести одинъ яркій примѣръ изъ практики того времени. Дѣятели 60-хъ годовъ такъ привыкли гордиться культурными завоеваніями, администраторы изъ бывшихъ либераловъ такъ хотѣли казаться провомѣрными и хранителями культурныхъ задачъ эпохи. Они на словахъ уважали печать, лишая ее тѣни свободы, уважали судъ, ограничивая его самыми маловажными проступками, уважали мѣстное самоуправленіе. И въ то же самое время, пользуясь закономъ 19 августа 1879 года объ «аттестованіи» лицъ, избираемыхъ на разныя должности, господа губерна-

торы писали длинные секретные трактаты о неблагонадежности самых уважаемых и благонадежных лиц данной мѣстности. Вмѣшиваясь въ выборы, налагая свою тяжелую руку на общественный ростъ, правители иногда добивались полного отреченія отъ институтовъ 60-хъ годовъ. Благодаря этому, вятская губернія, на примѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла завести у себя выборнаго института мировыхъ судей, и край оставался безъ нихъ потому, что мѣстныя начальства никакъ не могли аттестовать избираемыхъ благонадежными хранителями порядка.

Все, что мы рассказываемъ, относится не къ 80-мъ годамъ, которые мы привыкли называть годами тяжелой реакціи. Нарисованное положеніе государственной жизни было въ концѣ 70-хъ годовъ, когда отъ всего предыдущаго оставались только романтическія либеральныя воспоминанія. А все, что совершалось потомъ и въ 80-хъ годахъ, то было только естественнымъ продолженіемъ предыдущаго.

Кажется, дальше идти было уже нельзя. Использовано было все, что можно было использовать. Угроза закона и мѣстнаго властителя висѣла надъ населеніемъ во всѣхъ случаяхъ его жизни.

И тѣмъ не менѣе «крамола» не стихала, она множилась, крѣпла, а въ 1881-мъ году завершилась событіемъ 1-го марта.

Для историка такіе факты являются самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ старой-престарой мысли о бесполезности репрессій. Но власти—центра и периферій—не хотѣли или не могли понимать такихъ важныхъ подтвержденій.

Чтобы окончательно характеризовать разсмотрѣнный періодъ, необходимо привести исчерпывающій перечень тѣхъ отдѣльныхъ законовъ, которые были изданы тогда и которые создали фундаментъ для современной охраны Россіи.

Вотъ этотъ небольшой списокъ: 1, Высочайшее повелѣніе 6 іюля 1870 г. по докладу министра внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ противъ стачекъ рабочихъ, 2, новое повелѣніе въ разъясненіе предыдущаго, изданное въ сентябрѣ 1871 г., 3, Высочайшее повелѣніе 24 мая 1878 г. по докладу главнаго начальника III отдѣленія объ административной высылкѣ, 4, законъ 8 августа того же года объ обыскахъ на фабрикахъ и заводахъ, 5, Высочайшее повелѣніе отъ 8 августа о мѣрахъ къ охраненію порядка, 6, именной указъ 9 августа о подсудности государственныхъ преступленій, 7, разъясненіе къ нему, 8, Высочайше утвержденныя правила 1 сентября объ особыхъ мѣрахъ къ огражденію спокойствія, 9, правила о пропискѣ видовъ на жительство и о надзорѣ за обывателями, 10, законъ 5 апрѣля 1879 г., 11—16—шесть законовъ въ разъясненіе предыдущихъ, 17—19, законы о порядкѣ замѣщенія должностныхъ лицъ по выборамъ,—19 августа и 26 сентября 1879 года.

III.

Мартъ и апрѣль 1881-го года—это эпоха огромнаго государственнаго перелома. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ русло государственной жизни рѣзко мѣняется и безповоротно идетъ по пути усиленія ре-

прессій. Все, что мало-мальски возвышалось надъ общимъ уровнемъ, уходитъ, чтобы уже больше никогда не возвращаться къ дѣятельности. Все, что могло заявить себя со стороны реакціи за время 1879—80 гг., выдвигается, чтобы надолго господствовать и вліять во всѣхъ сторонахъ общественнаго и государственнаго бытія.

Темныя силы изъ тайниковъ притаившейся жизни выползаютъ наружу повсемѣстно и путемъ клеветы, злословій, нелѣпныхъ слуховъ, самыхъ гнусныхъ инсинуацій добираются до самыхъ основъ общественнаго устройства. Реакціонная печать высоко поднимаетъ голову и протягиваетъ указующій перстъ въ сторону дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ виновниковъ событій того времени. Естественно, что всѣ принятыя ранѣ мѣры охраны объявляются недѣйствительными, непригодными; громко говорятъ о необходимости новыхъ мѣръ, болѣе сильныхъ и болѣе рѣшительныхъ. Но въ законодательномъ порядкѣ идти далѣе уже некуда. Использовано все. Кричатъ о слабости власти, о нахожденіи при власти скрытыхъ и потенциальныхъ революціонеровъ. Пускаютъ самые отвратительные слухи въ темную среду народа. Пользуются всякимъ случаемъ, чтобы вызвать народный гнѣвъ на тѣхъ, кто всегда и во всѣхъ настроеніяхъ русской жизни предполагался виновнымъ—на евреевъ.

Террористическіе акты послѣдняго времени, взволнованная общественная мысль—все это приписывается евреямъ и ихъ проискамъ. Въ народъ пошли люди, но уже другого порядка. Началось хожденіе въ народъ особыхъ агитаторовъ, которые пользовались всякимъ представляющимся случаемъ, чтобы посѣять и разжечь вражду къ евреямъ.

И начинаются погромы. Громятъ въ Кіевѣ, громятъ въ Баку, въ Полтавской губерніи, въ Елисаветградѣ, въ многострадальной Одессѣ. Въ другихъ мѣстахъ происходятъ столкновенія между православными и евреями. Громятъ неумѣло, нестройно, но откровенно и примѣшивая къ политическимъ мотивамъ мотивы корысти и самаго гнуснаго разбоя.

Новое массовое явленіе въ тѣ времена вызывало другое отношеніе къ себѣ, нежели теперь. Вотъ, на примѣръ, какъ кіевскій генераль-губернаторъ Дрентельнъ взывалъ къ обществу: онъ просилъ «всѣхъ православныхъ честныхъ людей помочь начальству прекратить безпорядки и разореніе. Много грѣха надѣлали себѣ безумные люди, нападая на евреевъ и думая, что совершаютъ доброе дѣло. Богъ велѣлъ не дѣлать зла никому, а Царь не допуститъ безнаказанно грабежа и разоренія. Чѣмъ дольше будетъ народъ буйствовать, тѣмъ хуже будетъ всѣмъ, за виновныхъ и невинныхъ поплатятся. Пусть же виновные вспомнятъ Бога, котораго они прогнѣвили, пусть подумаютъ о Царѣ, котораго огорчили, пусть пожалѣютъ о своихъ родныхъ, которые за нихъ будутъ лить слезы, пусть подумаютъ обо всемъ этомъ и покаются. Повинную голову мечъ не сѣчетъ, только убійцамъ и тѣмъ злодѣямъ, что сбили съ толку простыхъ людей, прощенія не будетъ».

Несмотря, однако, на принимаемая мѣры, погромы не прекращались: они произошли въ Черниговской и Таврической губерніяхъ, въ Варшавѣ, въ Херсонской губерніи и въ Харьковской.

Полиція не всегда безучастно относилась къ погромной дѣятельности. Есть официальные данныя, заставляющія предполагать съ несомнѣнностью ея участіе въ погромахъ или безучастное отношеніе къ громимымъ. Губернскія власти, тѣмъ не менѣе, принимали различныя мѣры, но и въ ихъ распоряженіяхъ сквозило какое-то недоумѣніе по отношенію къ совершающимся событіямъ, словно онѣ не рѣшались употребить всей полноты власти для прекращенія позорныхъ избиеній и грабежей. Такъ, распоряженіями генераль-губернаторовъ полиціи было предписано производить аресты только въ исключительныхъ случаяхъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность составлять по этому поводу подробные протоколы съ изложениемъ всѣхъ основаній и причинъ, вызывавшихъ лишеніе свободы; за неправильность протоколовъ грозили тяжкими наказаніями. Но—что самое оригинальное и характерное для того времени—это предписаніе дѣлать повсемѣстныя объявленія погромщикамъ и приглашать ихъ къ добровольному возвращенію вещей, награбленныхъ у евреевъ. Лицо, представившее такія вещи, должно быть освобождено отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Укрыватели вещей передавались въ распоряженіе мировыхъ судей. Осѣдлыхъ лицъ города воспрещалось вообще арестовывать, хотя бы улики противъ нихъ были несомнѣнны и въ ихъ владѣніи обнаруживались вещи, отнятыя у евреевъ.

«Правительственный Вѣстникъ» время отъ времени дѣлалъ официальные сообщенія о судьбѣ погромщиковъ. Такъ онъ извѣщалъ, что въ южныхъ губерніяхъ задержано было 3.375 человекъ погромщиковъ и привлечено къ отвѣтственности 2.359 человекъ. Въ Варшавѣ изъ 3.151 погромщика преданы были суду 2.302 человека.

Если, однако, сопоставить эти официальные цифры съ неофициальными свѣдѣніями лондонской «Times», то оказывается, что въ районѣ кievскаго генераль-губернаторства захвачено до 1000 человекъ, но предано суду 105 и административно выслано 274. Въ Одессѣ число арестованныхъ достигало 801 чел., изъ которыхъ 543 подверглось взысканіямъ судебнымъ и административнымъ порядкомъ, а выслано 558 чел. Въ Таврической губерніи было захвачено всего 124 чел., изъ которыхъ 88 подвергнуты наказаніямъ, а остальные освобождены. Въ Елизаветградѣ и другихъ мѣстахъ Херсонской губерніи арестовано было 900 чел., въ Екатеринославской изъ 341 чел. 296 были преданы суду. Въ Черниговской и въ различныхъ частяхъ Полтавской губерніи арестовано было свыше 500 чел. Въ Харьковской губерніи были судимы 795 лицъ.

Но тогда избѣгали процессовъ-монстръ и, по старинкѣ, прибѣгали къ административному воздѣйствію въ видѣ тѣлесныхъ наказаній. Порка примѣнялась особенно часто тамъ, гдѣ въ погромахъ принимали участіе крестьяне. Но и въ большихъ городахъ, какъ, напримеръ, въ Варшавѣ, тѣлесное наказаніе погромщиковъ происходило въ особо-культурномъ бюрократическомъ порядкѣ: тамъ драли по купонамъ. Каждому виновному администрація выдавала купонъ, въ которомъ указывалось количество ударовъ для полученія предъявителемъ отъ особыхъ экзекуторовъ. Самые купоны предусмотрительно занесли въ исходящій журналъ. Газеты того времени приписывали та-

кое удачное изобрѣтенію г. г. Самарину, Сипягину и Мусину-Пушкину.

Администрація, производившая разслѣдованіе еврейскихъ погромовъ и причинъ ихъ, пришла къ самымъ страннымъ выводамъ: виновниками беспорядковъ, главными инспираторами, являлись незнакомые люди, которые говорили, что евреи главные бунтовщики, изъза которыхъ всѣ несчастія обрушиваются на Россію. Въ другихъ мѣстахъ указывали, какъ причину погромовъ, нежеланіе евреевъ переселяться въ «египетскую губернію», специально для нихъ отведенную правительствомъ для расселенія, и погромъ долженъ былъ только побудить евреевъ къ переселенію въ египетское губернаторство.

Погромы питались не только мѣстными нелѣпостями и инсинуациями объ евреяхъ. Съ апрѣля 1881 года правительство публично констатируетъ существованіе въ Россіи крамолы, которую надлежитъ задавить.

Охрана и исключительныя полномочія администраціи—все это должно было служить одной задачѣ—задавленію крамолы. Отсюда легко уже было заключить объ участіи евреевъ въ крамолѣ и порадѣть правительству устройствомъ погромовъ.

«Крамолы» заняла господствующее положеніе во всей внутренней политикѣ того времени. Съ изданія манифеста 29 апрѣля это слово приобрѣтаетъ особое значеніе.

Въ заключеніи къ манифесту было указано слѣдующее:

«Посвящая себя великому Нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіяхъ учреждений, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея».

Скоро вслѣдъ за изданіемъ манифеста на должность министра внутреннихъ дѣлъ назначается гр. Игнатъевъ, и уже одно это обстоятельство создаетъ рѣшительный поворотъ въ сторону репрессій. Новый министръ глубоко проникается идеей объ искорененіи крамолы и въ этомъ видитъ всю свою задачу. Тотчасъ же по вступленіи въ управленіе министерствомъ, гр. Игнатъевъ выпускаетъ циркуляръ, обращенный къ начальникамъ губерній, въ которомъ онъ, признавая тогдашнее время «труднымъ», представляетъ мѣстныя власти въ извѣстность «о взглядѣ правительства на современное внутреннее положеніе».

«Шайка злоумышленниковъ,—говоритъ циркуляръ,—запятнавшая наше отечество рядомъ неслыханныхъ преступленій и завершившая ихъ величайшимъ въ исторіи злодѣяніемъ, посягая на драгоценную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, посягала вмѣстѣ съ тѣмъ на основное начало государственнаго нашего строя—на самодержавіе, въ которомъ весь русскій народъ съ незапамятныхъ временъ привыкъ видѣть оплотъ своей независимости, залогъ своего благоденствія и мирнаго развитія».

«Первою задачею—говорится далѣе—настоящей дѣятельности

правительства, при постоянном и живомъ содѣйствіи общественныхъ силъ страны, поставлено искорененіе крамолы. Въ дѣлѣ этомъ не слѣдуетъ полагаться исключительно на усилія полиціи, собственнымъ начинаніемъ и энергичнымъ сопротивленіемъ всякому появленію мятежнаго духа общество должно оказать противодѣйствіе этому гибельному направленію и тѣмъ лишить злоумышленниковъ всякой опоры».

Этотъ призывъ общества къ искорененію крамолы явился настолько неожиданнымъ, что многіе не могли ничѣмъ объяснить причины его появленія, тѣмъ болѣе, что въ общество уже давно проникли слухи о дарованіи конституціи сверху. И тѣмъ не менѣе циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ настаивалъ на повинности общества во всемъ, что произошло, ибо, въ недавнемъ еще прошломъ, только благодаря безучастному отношенію къ нимъ (злоумышленникамъ) общества, эти люди могли приготовить совершеніе своихъ злодѣяній».

Какъ бы то ни было, но правительство должно было выступить съ объясненіями по поводу происходившихъ еврейскихъ погромовъ и дать имъ толкованіе, достаточно успокоительное. Это было сдѣлано удивительно просто, въ томъ же самомъ циркулярѣ гр. Игнатъева, вслѣдъ за упреками по адресу общества.

«Движеніе противъ евреевъ, проявившееся въ послѣдніе дни на югѣ, представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволие и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долгъ правительства—охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства».

Мы не приводимъ дальнѣйшаго содержанія циркуляра. И сказаннаго достаточно, чтобы уяснить съ какими намѣреніями выступалъ гр. Игнатъевъ въ «трудные дни» въ управленіе Россіей. Полицейскія средства и только они одни признавались неудовлетворительными. На помощь полиціи привлекалось само общество, которое, такимъ образомъ, само должно было становиться въ положеніе самообороны отъ «злоумышленниковъ». Говорятъ, что гр. Игнатъевъ добросовѣстно предполагалъ на первое время, что общество возьметъ на себя предлагаемыя задачи. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и министру пришлось разочароваться въ способностяхъ общества стать на стражу самоохраны отъ крамолы.

Наивное отношеніе къ обществу и легкомысленное обращеніе къ нему, съ указаніемъ на безсиліе полицейскихъ силъ страны, не послужили на пользу новому министерству внутреннихъ дѣлъ. Тогда ждали привлеченія общества къ государственной работѣ, но только не въ сферѣ ея полицейской дѣятельности, а къ работѣ созидательной, творческой, и прокламаціи гр. Игнатъева могла только возбудить насмѣшливое къ себѣ отношеніе. Въ то же время для общества сдѣлалось несомнѣннымъ, что все повертывается въ сторону реакціи и никакихъ реформъ въ ближайшемъ будущемъ не предстоитъ.

Борьба съ крамолой повелась различными путями. Всѣ министерства почли себя обязанными принять участіе въ подавленіи крамолы. Въ проектахъ недостатка не было. Но если правительство одобряло реальные проекты, оно не могло оставлять безъ вниманія проекты другой категоріи. Здѣсь рука-объ-руку съ гр. Игнатьевымъ пошелъ оберъ-прокуроръ синода—К. П. Побѣдоносцевъ.

По его совѣту вѣдомство православнаго вѣроисповѣданія сочло и себя вынужденнымъ принять активное участіе въ борьбѣ съ развивающейся крамолой. Было собрано нѣсколько засѣданій, на которыхъ было рѣшено воздѣйствовать на общество путемъ духовнымъ.

Мы не беремъ на себя оцѣнку пути, на который вступилъ Побѣдоносцевъ. Въ свое время тогда же смѣльчаками печати было высказано нѣсколько соображеній по этому поводу, но фактъ былъ фактомъ: въ синодѣ были выработаны особыя молитвы, сочиненныя спеціально для борьбы съ крамолой. Молитвы эти, при отношеніяхъ синода, были разосланы въ мѣстныя епархіи, и 17 мая 1881 года впервые съ церковныхъ амвоновъ раздались эти молитвы «по случаю крамолы».

Приводимъ дословный текстъ этихъ молитвословій, произносимыхъ во время литургіи.

Прошенія на великой эктениі:

«О, еже не помянути грѣховъ и беззаконій нашихъ и потреби отъ насъ всѣ неистовыя крамолы супостатовъ, Господу помолимся»

«О, еже утвердити въ земли нашей безмятежіе, миръ и благочестіе, Господу помолимся».

Молитва послѣ сугубой эктениі:

«Господи Боже нашъ, великій и многомилостивый. Во умилении сердець нашихъ отъ грознаго посѣщенія гнѣва Твоего, прибѣгаемъ къ Твоему неизреченному благоутробію; призири на моленіе насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ, предъ тобою согрѣшающихъ, но и къ Тебѣ прибѣгающихъ и на Тя уповающихъ и не сотвори съ нами по грѣхамъ нашимъ. Разруши совѣтъ нечестивыхъ, сыновъ погибельныхъ, дерзновенно возстающихъ на поправленіе власти, Тобою установленныя, вразуми заблудшихъ, вложи въ сердца ихъ страхъ Твой божественный и направи ихъ на путь истины; утверди миръ и тишину на землѣ нашей, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Господи Вседержителю! Смиренно помолимся Тебѣ: сохрани подъ кровомъ Твоея благодати отъ всякаго злаго обстоянія Благочестивѣйшаго Государя Нашего Императора Александра Александровича, разруши вся, иже на Него козни вражія, огради его на всѣхъ путяхъ его святыми Твоими Ангелы, да ничто же успѣетъ врагъ на Него и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его. Исполни Его долготю дней и крѣпостью силъ, да совершитъ вся во славу Твою и во благо народа своего. Мы же всеблагодарному Твоему промышленію о немъ радуемся на всякъ день и часъ, благословимъ и прославимъ все-святое Имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!».

Печать того времени не столько изумлялась мѣрамъ борьбы съ крамолой, сколько бюрократическому способу опубликованія молитвы. Съ того времени до нашихъ дней молитвословія эти повторяются на литургіи.

IV.

Въ іюнѣ 1881-го года печать робко и нерѣшительно сообщила важный слухъ о томъ, что образована особая комиссія для организаціи чрезвычайныхъ мѣръ, что задачею этой комиссіи поставлено—общая сводка всѣхъ мѣръ, принимавшихся въ экстраординарныхъ случаяхъ и выработка одного законоположенія, которое будетъ примѣняться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость въ той или другой мѣстности усилить власть и размѣры легальныхъ правъ администраціи. Спустя нѣкоторое время появился новый слухъ объ образованіи при министерствѣ юстиціи особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Э. В. Фриша для пересмотра правилъ о производствѣ дѣлъ по государственнымъ прѣступленіямъ.

Началась спѣшная бюрократическая работа. По общему признанію администраторовъ того времени, нельзя было медлить съ опубликованіемъ новыхъ законовъ объ охранѣ. Крамола росла на глазахъ и угрожала безопасности государства. Каждый день задержки или промедленія совершенно могли быть истолкованъ въ смыслѣ государственной измѣны. И несмотря на лѣтнее время, комиссіи работали съ необычайною быстротою.

Членъ государственнаго совѣта М. С. Кахановъ получаетъ новое назначеніе, при чемъ было опубликовано официально о возложеніи на него особыхъ задачъ, самыя же задачи не были оглашены, и это дало пищу самымъ невозможнымъ предположеніямъ, включительно до предположеній о разработкѣ русской конституціи за увольненіемъ Лорисъ-Меликова. Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Каханова, въ общество проникли достовѣрные слухи о задачахъ Каханова. Ему именно и было поручено составленіе общаго свода исключительныхъ мѣръ по охранѣ. Въ комиссію эту вошло все, что такъ или иначе зарекомендовало себя въ предшествующую эпоху. Со спеціальной эрудиціей въ составъ комиссіи вошелъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Черевнинъ, затѣмъ директоръ департамента полиціи В. К. Плеве, управляющій судебнымъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ Каземъ Бекъ, достаточно популярный въ искорененіи крамолы петербургскій градоначальникъ Барановъ, генераль-адъютантъ Зуровъ и московскій оберъ-полицеймейстеръ Козловъ. Наибольшее значеніе придавалось въ комиссіи представителямъ юстиціи—общей и военной, почему и были приглашены выдающіеся дѣятели того времени, въ достаточной мѣрѣ специализовавшіеся въ охранныхъ процессахъ, это—Н. К. Муравьевъ, въ то время еще только прокуроръ петербургской судебной палаты, и генераль Стрѣльниковъ, прокуроръ кіевскаго военно-окружнаго суда, о которомъ давно говорили, какъ о лицѣ военно-судебнаго вѣдомства, единственно пригодномъ для правительственныхъ экспериментовъ.

Комиссія Каханова быстро работала надъ пересмотромъ, тѣмъ болѣе, что приходилось дѣйствовать не только по готовымъ законодательнымъ образцамъ, но даже при непосредственномъ участіи практиковъ-администраторовъ, которые могли способствовать своими указа-

заніями и большимъ опытомъ въ регламентаціи охранной дѣятельности. Занятій для комиссіи было много. Сверху ее торопили постоянно, и несмотря на то, что она начала свои занятія въ началѣ іюня, ей было предписано закончить проектъ къ іюлю и въ теченіе этого мѣсяца внести свои предположенія въ комитетъ министровъ.

Все предначертанное было выполнено на этотъ разъ съ удивительною точностью. Комиссіа пересмотрѣла всѣ отдѣльные законы, опубликованные и секретные, рассмотрѣла и изучила всю практику мѣстныхъ начальствъ и приступила къ составленію одного общаго положенія. Самымъ существеннымъ препятствіемъ для успѣшныхъ занятій комиссіи было отсутствіе охранной номенклатуры, и приходилось ее измышлять. Рѣшено было ограничить охранные тонусы двумя градаціями: усиленной и чрезвычайной охранами.

Печать знала о существованіи 4-й комиссіи, о ея задачахъ, понимала бесплодность мѣръ, разрабатывавшихся въ ней, и тѣмъ не менѣе, пришибленная и задавленная «свободная пресса» принуждена была молчать и ожидать тѣхъ постановленій, которыя создадутся при участіи такихъ видныхъ охранителей, какъ Плева, Стрѣльниковъ, Муравьевъ...

Только «Голосъ» Краевского единственный разъ позволилъ себѣ раскрыть ротъ и смѣло заявить о желаніяхъ общества. Статья въ «Голосѣ» надѣлала большого шума. Газеты ее не рѣшались цитировать, но въ обществѣ она произвела самое благоприятное впечатлѣніе и открыла глаза на многое.

Мы не будемъ приводить дословно эту статью (см. «Голосъ» 1881 года отъ 20 іюня, за № 169). Отмѣтимъ лишь, что газета отмѣчала и пестроту генераль-губернаторскихъ распоряженій, и противорѣчіе законовъ какъ распоряженіямъ, такъ и самимъ себѣ, указывала на безцѣльность закона объ измѣненіи подсудности по государственнымъ преступленіямъ, въ спокойномъ и дѣловитомъ тонѣ задавала вопросы о томъ, должны ли генераль-губернаторы пользоваться только исполнительною, или также и законодательною властью, приводила данныя изъ практики административной ссылки въ Восточную Сибирь. И теперь еще, читая эту статью изъ «Голоса», чувствуется свѣжесть ея и становится понятнымъ то впечатлѣніе, которое произвела она въ обществѣ.

Но и въ бюрократическихъ кругахъ эта статья удостоилась вниманія, конечно не столько по существу возбужденныхъ ею вопросовъ, сколько по ея вліянію на «общественный порядокъ».

Цѣль комиссіи—говорить «Голосъ» въ своей передовицѣ—сдѣлать общій сводъ мѣръ, принимавшихся въ экстренныхъ случаяхъ и выработать одно законоположеніе, которое будетъ примѣняться... «Такимъ образомъ, комиссіи предстоитъ выработать нѣчто въ родѣ общаго закона объ осадномъ положеніи, который замѣнилъ бы всѣ частныя узаконенія о чрезвычайныхъ мѣрахъ. Дѣятельность комиссіи можетъ принести своего рода пользу, если принять въ расчетъ великое количество чрезвычайныхъ законовъ и распоряженій, которые накопились у насъ по мѣрѣ развитія правительственной борьбы съ кримолюю. Мы не можемъ даже судить о количествѣ распоряженій

этого рода по той причинѣ, что многія изъ нихъ не были обнародованы и существованіе ихъ извѣстно обществу только по слухамъ».

И вотъ какъ умѣренно разсуждалъ «Голось» по своей должности представителя общественнаго мнѣнія. Онъ заявлялъ, что, хотя учрежденіе кахановской комиссіи—вещь полезная, но «въ настоящее время было бы полезнѣе учрежденіе другой комиссіи для изслѣдованія причинъ явленій, вызывающихъ чрезвычайныя мѣры».

И высказавъ такую крамольную мысль, «Голось» тотчасъ же какъ бы извиняется и категорически настаиваетъ:

«... Конечно, въ данную минуту организація мѣръ для борьбы съ политическими злоумышленіями представляется дѣломъ существеннымъ. Такія цѣли, какъ обезпеченіе безопасности монарха и огражденіе общественнаго спокойствія, должны быть достигнуты *непретѣнно*. Но можно опасаться, что безъ надлежащаго изслѣдованія и устраненія причинъ, порождающихъ эти явленія, сводъ «чрезвычайныхъ мѣръ», выработанныхъ комиссіею, окажется недостаточнымъ и потребуются новыя чрезвычайныя мѣры, постепенное наслоеніе которыхъ вызоветъ необходимость въ новой комиссіи для составленія новаго свода и такъ далѣе...»

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи «Голось» оказался пророкомъ, и послѣдніе два-три года у насъ были заняты новымъ сведеніемъ старыхъ репрессій въ одинъ сводъ. Комиссія, о которой говорила газета, должна была изслѣдовать «причины гнетащаго зла». Въ составъ ея газета предлагала «правительственныхъ лицъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей разныхъ направленій» въ качествѣ экспертовъ. «Облеченная правомъ полной свободы изслѣдованія и заключенія, которая были бы представлены на усмотрѣніе верховной власти,—такая комиссія могла бы оказать неоцѣненную услугу Россіи»—заканчиваетъ газета и затѣмъ, вѣроятно, послѣ соотвѣтствующихъ напоминаній администраціи, избѣгаетъ уже говорить о комиссіяхъ съ экспертами изъ общественныхъ дѣятелей. Скоро затѣмъ «Голось» былъ временно приостановленъ.

V.

Тѣмъ временемъ Кахановская комиссія закончила пересмотръ, выработала одно общее Положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и представила его въ комитетъ министровъ. Этотъ послѣдній разсматривалъ положеніе гораздо дольше, чѣмъ оно составлялось, внесъ въ него нѣкоторыя несущественныя поправки и затѣмъ представилъ на утвержденіе. Съ датою 4 сентября 1881 года положеніе это было опубликовано въ формѣ указа сенату.

Отсюда всѣ государствовѣды привыкли считать начало охранъ. Но, какъ уже указывалось нами выше, такое численіе далеко отъ истины, и изданіе новаго положенія ничего собою не знаменовало, кромѣ упроченія и утвержденія охранныхъ мѣръ.

Текста новаго положенія приводитъ нѣтъ смысла, такъ какъ оно, за незначительными измѣненіями, функціонируетъ и до настоя-

шого времени. Съ точки зрѣнія общественной и политической гораздо важнѣе установить дальнѣйшую политику правительства въ отношеніи охранѣ. Здѣсь намъ предстоитъ уже имѣть дѣло съ декларациями правительства, которое, издавая новое положеніе, вполне добросовѣстно предполагало, что оно дѣлаетъ благодѣяніе для страны, поставленной въ невозможныя положенія военнаго и полицейскаго режима.

Знаменательныя слова и тезисы изъ указа 4 сентября заслуживаютъ самаго широкаго вниманія.

Новое положеніе издавалось въ видѣ временнаго закона, въ видѣ исключительной экстренной мѣры, и никому въ головунѣ не могло придти, что положенію суждены многіе десятки лѣтъ, и само оно изъ временнаго мѣропріятія превратится въ постоянный и прогрессирующій жизненно законъ.

Вотъ какъ излагалось значеніе новаго закона въ указѣ:

«Послѣдніе годы . . . были омрачены рядомъ преступныхъ посягательствъ на коренныя основы государственнаго и общественнаго строя нашего отечества.

«Исходя отъ горсти тайныхъ злоумышленниковъ, дерзновенныя посягательства эти наглядно доказали, что дѣйствія постоянныхъ законовъ, сообразованныхъ съ обычнымъ состояніемъ мирнаго обществитія, недостаточно для охраненія порядка и спокойствія, нарушаемыхъ прискорбными событіями чрезвычайнаго свойства. Посему, въ изытіе изъ общаго закона, по отношенію къ предѣламъ вѣдомства и способамъ дѣятельности различныхъ правительственныхъ властей и учреждений, были въ разное время издаваемы отдѣльныя временныя законоположенія.

«Безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей исторіи злодѣяніе, пресѣкшее драгоцѣнную жизнь Возлюбленнаго Родителя Нашего, явственно предъ всѣми обнаружило непреложную необходимость предоставить властямъ, поставленнымъ на стражѣ общественнаго порядка, особыя полномочія, пространство коихъ было бы соразмѣрено съ отвѣтственностью, возлагаемою на нихъ исключительными обстоятельствами настоящаго времени».

Однако, угроза исключительными законами сопровождалась и другими ссылками: на «незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учреждений на твердыхъ основаніяхъ общихъ законовъ».

Въ правительственной деклараціи содержатся цѣнныя указанія на внѣшнія условія существованія новаго закона, которыя потомъ были забыты и совершенно измѣнены практикою. «Мы не могли однако же не признать, что прискорбныя событія и смута въ Государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы. Наше вниманіе равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы временныя исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законныя интересы вѣрнаго Пре-

столу населенія, несомнѣнно искренне желающаго содѣйствовать сохраненію спокойствія и порядка».

Изъ этихъ немногихъ словъ уже является очевиднымъ то разочарованіе, которое наступило у правительства относительно общественныхъ силъ. Гр. Игнатьевъ непосредственно приглашалъ общество къ участию въ задавленіи крамолы въ маѣ мѣсяцѣ, а въ сентябрѣ было уже несомнѣннымъ, что само общество не можетъ быть привлечено къ активному участию и что его значеніе въ государствѣ можетъ быть учитываемо только лишь, какъ разумное основаніе для пріятія репрессивныхъ мѣръ. Общество—изъ активныхъ сотрудниковъ превращалось въ пассивнаго обывателя, жаждущаго исключительныхъ мѣръ для подавленія крамольныхъ теченій.

Что же касается существа полномочій администраціи по новому закону, то правительство нашло нужнымъ преподать новому положенію такое разъясненіе: «Усматривая, что въ изданныхъ разновременно узаконеніяхъ для облегченія борьбы съ крамолой, сущность и предѣлы полномочій административныхъ начальствъ указаны не съ достаточною въ семъ отношеніи опредѣлительностью, Мы сочли за благо повелѣть, подвергнувъ совокупному пересмотру всѣ временные законы, изданные въ послѣднее время, начертать взаимнѣ сихъ узаконеній особое положеніе, въ которомъ были бы указаны съ большею, чѣмъ нынѣ, точностью, съ одной стороны—предѣлы полномочій административныхъ начальствъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а съ другой—сущность обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе исключительными обстоятельствами государственной жизни.»

Указъ 4 сентября заканчивался широкимъ призывомъ, который потомъ послужилъ долговременной темой для газетныхъ статей и политическихъ гаданій въ задушенной и приниженной странѣ.

«Исторія Русскаго народа,—говорилъ въ заключеніи указъ,—свидѣтельствуешь о вѣрной его преданности Самодержавной Государственной Власти, направлявшей силы народныя на созиданіе славы и величія нашего отечества. Мы остаемся въ неизмѣнной увѣренности, что и въ переживаемые Отечествомъ нашимъ трудные дни, неразрывное единеніе всѣхъ сословій вѣрноподданнаго народа Русскаго съ Верховною Властью, въ утвержденіе правды, порядка и закона, пребудетъ надежнѣйшимъ залогомъ народнаго блага»...

Опубликованіе указа состоялось 10 сентября.

Вслѣдъ за введеніемъ новаго положенія въ силу, указъ отмѣнялъ дѣйствіе двадцати одного закона и распоряженія, изданныхъ въ предыдущіе годы. Дѣйствіе положенія въ то же время было распространено на всю Россію безъ исключенія, а особыя права администраціи были переданы губернскимъ начальствамъ мѣстностей, въ которыхъ происходили недавно еврейскіе погромы, или эти мѣстности просто выдѣлялись въ какомъ-либо отношеніи. Усиленная охрана вводится въ губерніяхъ: петербургской, московской, харьковской, полтавской, черниговской, кievской, волынской, подольской, херсонской, бесарабской, въ уѣздахъ: симферопольскомъ, евпаторійскомъ, ялтинскомъ, феодосійскомъ, перекопскомъ, въ городахъ Бердянскѣ, Воро-

нежѣ съ уѣздомъ, Ростовѣ на Дону, Мариуполѣ, въ Одесскомъ и Таганрогскомъ градоначальствахъ и въ Керчь-Эникале.

На всѣ остальные мѣстности Имперіи были распространены правила 28—31 статей новаго положенія. Кромѣ того, совѣщательному присутствію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было поручено озаботиться назначеніемъ срока административной высылки тѣмъ лицамъ, которыя подверглись этой мѣрѣ до изданія новаго положенія.

Переводя всѣ эти многословныя ламентации на простой языкъ, положеніе Россіи оказывалось далеко незавиднымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ перечисленныя мѣстности непосредственно подпали подъ дѣйствіе новыхъ правилъ объ усиленной охранѣ. Но и всѣ другія мѣстности, которыя и не подпали подъ условія усиленной охраны, въ сущности стали въ ненормальное положеніе. Исключительные законы были распространены и на нихъ. Въ любомъ пунктѣ государственной территоріи съ 4 сентября 1881 года мѣстнымъ начальникамъ полиціи и ихъ помощникамъ предоставляется безконтрольное право арестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій и прикосновенныхъ къ нимъ, а также неограниченное право производства обысковъ и выемокъ. Всякія лица, подозрѣваемая въ принадлежности къ «противозаконнымъ сообществамъ», были поставлены точно въ такое же положеніе. Губернскому начальству вмѣстѣ съ тѣмъ присваивалось право контроля надъ лицами выборныхъ учреждений. Министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи предоставлено въ этихъ мѣстностяхъ право изыятія изъ общей подсудности лицъ, обвиняемыхъ по 279 статьѣ воинскаго устава. Словомъ,—нормы усиленной охраны были сами по себѣ и касались строго опредѣленныхъ областей, а полномочія администраціи были распространены безъ всякой усиленной охраны на всю территорію Россіи.

Отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что положеніе 1881 года являлось не исключительнымъ закономъ для тѣхъ или другихъ мѣстностей, а общимъ закономъ для всего государства, каковой законъ непрерывно и примѣняется съ указаннаго времени. Въ этомъ собственно и коренится одно изъ наиболѣе важныхъ внѣшнихъ различій между положеніемъ Россіи до 1881 года и послѣ объявленія новаго закона: до закона исключительныя мѣры примѣнялись только въ строго опредѣленныхъ областяхъ, послѣ—на всѣхъ широтахъ и долготахъ, занимаемыхъ Россіей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія новаго закона въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было опубликовано официальное сообщеніе, въ которомъ разъяснялись всѣ новшества закона и устанавливалась предстоящая политика власти. Правительство заявляло, что «въ видахъ возможно болѣе успѣшной борьбы съ крамолой, «Положеніе» ставить на стражѣ государства и общества правительственные органы во всеоружіи исключительной власти, примѣняемой въ такихъ случаяхъ, когда обыкновенный законъ является не достигающимъ своей цѣли».

Серьезно или въ интересахъ извѣстной тактики «обольщенія» и замазыванія правды, правительство рекомендовало себя и съ дру-

гой стороны: «Въ видахъ же возможно меньшаго стѣсненія преданнаго престолу и отечеству населенія, «Положеніе» устанавливаетъ: 1, органы власти, получающіе исключительныя полномочія, 2, размѣры этихъ полномочій, 3, мѣстности, подчиненныя ихъ дѣйствию и 4, срокъ этого дѣйствія съ условіями его прекращенія».

И угодная властямъ печать раболѣпно привѣтствовала новое положеніе, зачастую повторяя слова изъ оффиціального сообщенія и выхваляя законъ съ той же точки зрѣнія и чуть ли не тѣми же самыми словами. А правительство не ограничивалось этимъ и шло дальше по пути своего неисчерпаемаго милосердія, о чемъ велесловно и заявляло вездѣ и всюду:

«Построенная на такихъ основаніяхъ новая правительственная мѣра является, кромѣ того, временною въ строгомъ и опредѣленномъ смыслѣ этого понятія»—утверждало правительственное сообщеніе, ни единымъ словомъ не подтверждая своихъ заявленій. Какъ ощущивалась эта мысль на практикѣ,—мы видимъ на опытѣ непрекращающагося охраннаго состоянія при разнообразіи и измѣнчивости государственнаго порядка и его состоянія въ то или другое время.

Но выхваляваніе правительствомъ новаго закона шло не только этимъ путемъ: оно заявляло себя сторонникомъ истиннаго исправленія заблудшихъ.

«Озабочиваясь возможнымъ, при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, обезпеченіемъ законныхъ интересовъ благомыслящаго населенія, правительство обратило свое вниманіе и на заблудшихъ. Съ этою цѣлью оно установило рядъ мѣропріятій, которыя дадутъ этимъ заблудшимъ возможность, по надлежащемъ раскаяніи въ преступныхъ увлеченіяхъ, снова стать вѣрными слугами Престола и Отечеству и полезными гражданами своей страны».

Комментировать эти заявленія не приходится. Но нельзя не отмѣтить того умышленнаго наивничанія съ обществомъ, которое допускалось правительствомъ. Подъ «заблудшими» оно разумѣло не больше, не меньше какъ тѣхъ лицъ, которыя подверглись административной высылкѣ за неблагонадежность. Новое положеніе отказывалось отъ практиковавшейся ранѣе системы безсрочной ссылки и установило время отъ одного года до пяти лѣтъ. И все «вниманіе правительства» къ этимъ заблудшимъ ограничилось тѣмъ, что въ силу самаго же закона оно должно было установить сроки административной ссылки. «Заблудшіе» ни на минуту не сомнѣвались въ цѣнности такого правительственнаго вниманія, а для общества правительство докладывало:

«Милостиво снисходя къ заблудшимъ, государь императоръ благоволилъ допустить относительно ихъ, въ данномъ случаѣ, обратное дѣйствіе правила, болѣе мягкаго, чѣмъ то, которое дѣйствовало до настоящаго времени». Мы должны съ своей стороны прибавить:—правила, которое никогда не было обнародовано и потому уже не могло считаться закономъ, тѣмъ болѣе что администраторы при ссылкѣ во все избѣгали точнаго опредѣленія срока. Отмѣтимъ также и другую характерную черту: отъ лицъ, не совершившихъ ничего наказуемаго и признаваемыхъ просто вредными и неблагонадежными, требовалось какое-то раскаяніе, какъ это требуется отъ преступниковъ, совер-

шившихъ опредѣленное дѣяніе и подвергнутыхъ исправительному воздѣйствію тюремнаго заключенія. И заносъ въ оффиціальное сообщеніе требованіе раскаянія, само правительство, можетъ быть и невольно, выступило уже не въ качествѣ охранителя государственной безопасности, а въ роли карающаго за неквалифицируемое дѣяніе органа, мстящаго тяжелыми лишеніями за предполагаемую возможность потенциальной виновности.

Какъ указъ 4 сентября, такъ и правительственное сообщеніе проникнуто насквозь этой идеей всепрощенія и желанія во что бы то ни стало лишить общество вредныхъ увлеченій и направить ихъ по стезѣ добровольнаго содѣйствія уничтоженію крамолы.

Насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ того времени, бюрократическіе круги считали положеніе 1881 года несомнѣннымъ шагомъ впередъ. Полагали, что репрессіи поставятъ въ границы пробуждающагося общественнаго сознанія, что эти репрессіи—вполнѣ дѣйствительны, и что потребуется сравнительно немного времени, чтобы ввести русскую революцію въ предѣлы охраны.

Съ этою цѣлью первоначально положеніе вводится, именно, какъ законъ временный, преходящій. Его дѣйствіе обусловливаютъ трехгодовымъ срокомъ, котораго, по мнѣнію тогдашнихъ представителей полиціи, было вполнѣ достаточно, чтобы отрезвить общество отъ несбыточныхъ мечтаній, въ которыя такъ неосторожно оно было повергнуто «предшествующими администраторами-мечтателями.»

Общее признаніе, которое господствовало въ тѣ времена даже въ средѣ интеллигентныхъ силъ страны, что правительство можетъ и должно бороться съ крамольными силами и что единственной задачей момента является успокоеніе общества и созданіе прочнаго правопорядка. А ради этого идеала не скупились на мѣры, разъ только нельзя было доказать, что онѣ будутъ имѣть совершенно обратное дѣйствіе.

А судить объ исторической роли новаго закона представлялось невозможнымъ: практически потому, что органы печати находились подъ тою же усиленной охраной, а по существу—все грядущее было неясно.

VI.

Въ массѣ русское общество отнеслось довольно индифферентно къ ограниченію своихъ правъ. Для него свершившееся было не болѣе, какъ кодификаціонный приѣмъ, весьма полезный, если не весьма нужный въ условіяхъ того времени.

Откровенная реакція сдѣлала свое дѣло: русское общество было поставлено въ невыносимыя условія существованія; подъемъ, который заявлялъ о себѣ въ эпоху, непосредственно соприкасающуюся съ годами послѣ войны, былъ непродолжительнымъ и скоро уступилъ мѣсто реакціоннымъ настроеніямъ. Сильная и не разсуждающая рука власти сумѣла крѣпко нажать на всѣ стороны общественнаго проявленія. Все затихло, примолкло, выплыли новыя силы—полицейскія и добровольно сыскныя, по всему фронту русской дѣйствительности начался

отбой, и позиціи, завоеванныя 60-ми годами, уступались легко и безъ упорнаго боя, ибо бороться со средствами полицейскими не было никакой возможности.

Все, что не могло подойти къ общему уровню, все мыслящее и искреннее, благородное и неспокойное, было задушено, выслано. Многіе сознательно уходили за предѣлы русскихъ территорій, провидя долгіе годы мрачнаго государственнаго состоянія. У власти стали люди, для которыхъ въ словѣ «крамола» заключались высшія тайны государственнаго управленія. И съ усиліями, достойными полицейскаго режима, они искореняли все, что могло походить на крамолу.

Напрасно мы стали бы искать у печати того времени искреннихъ строкъ. Напрасно было бы ждать отъ тогдашнихъ легальныхъ выразителей стремленій общества правдивыхъ нотъ. Писалось и говорилось или то, что никому было не нужно, или то, что могли выносить бдящія власти, подстерегающія крамолу. Поэтому къ даннымъ печати слѣдуетъ относиться съ большимъ недоувѣріемъ. Нелегальная печать высказывала правду объ истинномъ положеніи вещей, но эта правда оставалась удѣломъ небольшой кучки интеллигентовъ, а въ громадной массѣ общества усиленно культивировались начала непротивленія полицейской регламентаціи.

На изданіе Положенія 1881 года реагировало большинство газетъ.

«Страна» такъ, напримѣръ, опредѣляла значеніе этого законодательнаго акта:

«Правительство желало упорядочить, согласовать всѣ эти мѣры съ болѣе точнымъ обозначеніемъ административныхъ инстанцій, отъ которыхъ онѣ могутъ исходить; желало устранить ненужное для самаго дѣла охраненія частныхъ лицъ порядка безсрочное дѣйствіе мѣръ по высылкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признало нужнымъ придать новую силу полномочіямъ администраціи въ случаяхъ особенно важныхъ». Газета, такимъ образомъ, все значеніе акта видѣла «въ кодификаціи разновременно послѣдовавшихъ повелѣній о чрезвычайныхъ мѣрахъ».

И эти слова, если не были содержательны, были правдивы и только констатировали дѣйствительность.

Другіе органы печати, какъ, напримѣръ, «Порядокъ» ограничивалъ свои сужденія о новомъ законѣ полнымъ невѣдѣніемъ будущаго и съ полнымъ правомъ поэтому могъ писать:

«Нашъ законъ 4 сентября, какъ и всякій законъ вообще, ограничивается опредѣленіемъ новаго положенія усиленной охраны въ общихъ чертахъ... Было бы неосновательно дѣлать какія бы то ни было заключенія о степени и качествѣ наложенія усиленной охраны на нормальное теченіе умственной, экономической, торговой и промышленной жизни населенія». Однако, такое скромное заключеніе не помѣшало тому же «Порядку» черезъ нѣсколько дней, подвліяніемъ неизвѣстныхъ причинъ признать, что новый законъ въ условіяхъ ареста и высылки имѣетъ преимущество передъ «нормальнымъ» положеніемъ, такъ что мѣстности, гдѣ не введено исключительное положеніе, могли бы «желать распространенія (на нихъ) ненормальнаго

положенія». Нѣкоторыя газеты возразили «Порядку». Началась полемика, въ которой между прочимъ тогдашнее «Новое Время» могло высказать нѣсколько справедливыхъ, хотя и не глубокихъ мыслей.

Особенно отличились послѣ объявленія закона 4 сентября «Новости». Какими побужденіями руководилась газета, сказать не трудно, но написанное ею стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія:

«Насталь, наконецъ, пишетъ газета, давно ожидаемый моментъ, когда Россія можетъ вздохнуть свободно. Волею Монарха сняты съ общества тѣ оковы, которыя мѣшали правильному отправленію государственной жизни и вселяли во всѣхъ неувѣренность въ настоящее и страхъ за будущее. Въ настоящее время мы переходимъ именно изъ состоянія полнѣйшей неопредѣленности къ возможности безбоязненнаго пользованія нашими правами и точнаго уразумѣнія нашихъ обязанностей».

Въ исторіи существованія «Новостей» были моменты, когда газета собственнымъ существованіемъ платилась за эти бредовыя строки. Но, кромѣ этого, тѣ же «Новости» впадали въ другую ошибку относительно дальнѣйшей политики правительства и роли общества въ ней. Газета заявляла, что «составители Положенія, принимаясь за исполненіе возложеннаго на нихъ Государемъ порученія изыскать мѣры къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, очевидно совершенно отрѣшились отъ идеи привлеченія общества къ содѣйствию искорененію крамолы въ томъ смыслѣ, въ какомъ это содѣйствіе понималось въ прежнихъ временныхъ постановленіяхъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорятъ «Новости», что въ настоящее время на общество возлагаются исключительно созидательныя задачи, а отнюдь не полицейскія. Это, конечно, самый крупный и важный шагъ, который мы съ должною осторожностью дѣлаемъ теперь на пути осуществленія намѣченныхъ правительствомъ реформъ».

Со всею нѣжностью и приторностью биржевого маклера, «Биржевыя Вѣдомости» выпреннехваляютъ дѣйствія правительства. «Всякій, говорятъ они, кому дорого счастье Россіи и мирное развитіе, всякій, кто преслѣдуетъ не утопію, а дѣйствительность, долженъ сознавать, что только твердая рѣшимость правительства, чуждая реакціонныхъ стремленій и направленная къ подавленію анархіи и водворенію порядка, можетъ служить залогомъ того, что мы не сойдемъ съ пути, начертаннаго всею дѣятельностью покойнаго Государя». Газета словно забывала создателей и насадителей анархіи того времени, анархіи въ худшемъ и вульгарномъ значеніи этого слова, генералъ-губернаторовъ, которые становились превыше всякихъ законовъ, и въ то же время умильно утверждала, что «каждая мѣра, направленная къ скорѣйшему устраненію исключительныхъ условій нашей жизни, должна неминуемо встрѣтить сочувствіе всѣхъ искренно преданныхъ Россіи къ обнародованному вчера Положенію. Очевидно, чѣмъ скорѣе будутъ уничтожены прискорбныя явленія... тѣмъ скорѣе вернемся мы на путь мирнаго развитія».

Услужливая газета пошла далѣе и, по своей спеціальности, сочла нужнымъ засвидѣтельствовать передъ міромъ, что явно реакціонный правительственный шагъ вызвалъ удовольствіе на европейскихъ бир-

жахъ. «Наши фонды—говорять «Биржевыя Вѣдомости» держались вчера и сегодня на всѣхъ континентальныхъ рынкахъ весьма крѣпко, а если вексельный курсъ былъ вновь нѣсколько слабѣе, то это объясняется не политическими соображеніями, а послѣдствіями прекратившейся искусственной поддержки его продажей наличнаго золота. Биржи Европы явно сочувствуютъ политикѣ русскаго правительства».

Намъ остается лишь привести послѣдній отзывъ вліятельнаго въ ту пору и достаточно умѣреннаго политическаго «Новаго Времени». Здѣсь прямо ставится вопросъ безъ всякихъ обиняковъ:

«Идемъ ли мы по пути реакціи, дѣлаемъ ли мы шагъ назадъ? Эти вопросы часто рѣшаются утвердительно. Мы этого не только не думаемъ, но даже убѣждены, что этого нѣтъ, что это невозможно и что это по меньшей мѣрѣ бесполезно».

Нѣтъ сомнѣнія, что такой оригинальный тезисъ защищается не менѣе оригинально: оказывается, что мы потому не дѣлаемъ шага назадъ, что дѣлать то его назадъ именно некуда. «Мы такое молодое государство, утверждаетъ газета, такъ недавно стали жить, какъ народъ свободный, безъ клейма рабства, что намъ некогда, невозможно и некуда идти назадъ». Газета призываетъ затѣмъ къ «дѣлу», къ скучному, мелочному, но полезному дѣлу, хотя къ какому именно остается неизвѣстнымъ. «... Мы вѣримъ, что оно дѣлаться будетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ скорѣе пройдетъ та опасность, та смута, съ которыми мы встрѣчаемся въ первыхъ же строкахъ Высочайшаго указа (?). Мы прибавимъ къ этому совершенно искренно, что намъ, интеллигенціи, быть можетъ, придется поумѣрить свои желанія, заставить поплѣднѣть свою фантазію».

Газета признаетъ условія тогдашней жизни тяжелыми, а исключительныя мѣры необходимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается утверждать, что «однѣми исключительными мѣрами невозможно искоренить крамолу. Скажемъ болѣе: она, по нашему мнѣнію, будетъ вѣчно существовать, какъ существуютъ разные темпераменты, дикія страсти, необузданныя натуры. Все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать ее безсильною, не давать ей возможности проявляться, имѣть на лицо всѣ средства для обузданія ея и приниженія и имѣть вокругъ себя сплоченный и заинтересованный въ порядкѣ, правдѣ и законности народъ». По мнѣнію газеты, само правительство «смотреть на исключительныя мѣры не какъ на панацею отъ этого страшнаго зла. Мѣры эти только необходимый арсеналъ противъ фактическаго проявленія революціонной дѣятельности». Въ заключеніе газета утверждаетъ: «если бы мы спросили себя, облегчается ли настоящимъ правительственнымъ актомъ исключительное положеніе, въ которомъ уже нѣсколько лѣтъ находятся многія мѣстности Россіи, то отвѣтъ можетъ быть лишь утвердительный».

Мы умышленно цитируемъ мнѣнія печати. Конечно, нелѣпо было бы ожидать отъ нея героическихъ поступковъ, тѣмъ болѣе, что новымъ положеніемъ печать была поставлена подъ опеку администраціи. Но для правительства все это было какъ нельзя больше на руку. Общество, еще не привыкшее разбираться въ юридическихъ тонкостяхъ законовъ, читало дозволенныя правительствомъ утвержденія,

европейскія биржи симпатизировали, крамола должна была принизиться, чего же другого было желать въ такихъ обстоятельствахъ?

И потянулись долгіе годы безправія, узаконеннаго и свободнаго, сначала умѣреннаго и бюрократически консервативнаго, пока наконецъ страна не обжилась съ исключительностью своего состоянія и не заговорила другимъ языкомъ. Тогда временныя исключительныя мѣры оказались малосостоятельными, пришлось не только увѣковѣчивать ихъ дѣйствіе, но и прибѣгать къ наиболее тяжкимъ видамъ охраны: къ военному и осадному положенію.

VII.

Чтобы судить о количественной дѣятельности администраціи по вопросу объ административной ссылкѣ, слѣдуетъ познакомиться въ самыхъ общихъ чертахъ съ тѣми мѣрами, какія были приняты въ отношеніи «заблудшихъ». До изданія закона 1881 года точныя числовыя данныя были собраны въ верховной распорядительной комиссіи.

За небольшой промежутокъ времени 1879—1880 г.г. административными властями разныхъ мѣстъ было отдано подъ надзоръ полиціи 2837 человекъ. Къ этому числу относились какъ сосланные административнымъ порядкомъ, такъ и отданные непосредственно подъ надзоръ полиціи.

Всѣ эти поднадзорные были распределены такъ:

Въ С.-Петербургѣ къ августу 1880 г. такихъ лицъ было	243	чел.
» Москвѣ	»	» . . . . . 66 »
» Петербургской губ.	»	» . . . . . 30 »
» Московской	»	» . . . . . 35 »
» Калужской	»	» . . . . . 315 »
» Рязанской	»	» . . . . . 255 »
» Тверской	»	» . . . . . 198 »
» Костромской	»	» . . . . . 165 »
» Архангельской	»	» . . . . . 96 »
Въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи	. .	1165 »

Особое совѣщаніе, образованное при верховной распорядительной комиссіи для пересмотра дѣлъ объ этихъ лицахъ, не торопилось, и за время четырехъ мѣсяцевъ (августъ 1880 г.—31 января 1881 г.) успѣло разсмотрѣть только 1.013 дѣлъ, изъ которыхъ было освобождено отъ надзора 174 лица, и общее число поднадзорныхъ было доведено до цифры въ 2663.

Официальное сообщеніе указывало, что «такъ какъ правительствомъ было поставлено въ необходимость продолжать высылку, то эта цифра поднадзорныхъ нѣсколько увеличилась, хотя и не достигла прежней».

Съ опубликованія положенія объ охранахъ и за упраздненіемъ верховной распорядительной комиссіи, обязанности по возвращеніи заблудшихъ въ число благонадежныхъ гражданъ перешли къ совѣ-

щательному присутствію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. И правительство заявляло официально, что дѣла въ этомъ совѣщаніи будутъ обставлены формальностями, которыя способствовали бы обезпеченію «надлежащаго и правильнаго хода» этихъ дѣлъ.

Опубликованная цифра 2837 крамольниковъ произвела на общество потрясающее впечатлѣніе именно своею ничтожностью. Казалось прямо несоизмѣримымъ: тягость исключительныхъ законовъ и число крамольниковъ. По этому поводу «Порядокъ» справедливо отмѣчалъ, что «исключительное положеніе, въ которое въ теченіе многихъ лѣтъ ставилось все государство и которое болѣе или менѣе отражалось на умственной жизни, на экономической дѣятельности и даже на нравственномъ уровнѣ общества, возбуждало не мало страстей, раздраженія и недовольства и ослабляло чувство законности. Оно могло услѣдить только 2800 человекъ политически-неблагонадежныхъ, включая сюда и лицъ просто порочнаго поведенія. Сравнивая эту цифру со всею многомилліонною массою мирно трудящеюся на разныхъ поприщахъ жизни мы еще болѣе понимаемъ и цѣнимъ ту чрезвычайную заботу верховной власти и высшей администраціи...» Въ дальнѣйшемъ газета впадаетъ очевидно въ цензурный трансъ и говоритъ нѣсколько обычныхъ для того времени комплиментовъ власти. Но несомнѣнно вѣрнымъ было указаніе, что исключительныя мѣры ради двухъ тысячъ человекъ готовляли почву для недовольства распоряженіями правительства всей массы населенія.

VIII.

Въ началѣ 1905 года, въ эпоху правительственнаго самобичеванія послѣ знаменитаго указа 12 декабря о реформахъ, нѣкоторые изъ бюрократическихъ дѣятелей подводили итоги охранной дѣятельности государства. Мы не можемъ сказать, что самобичеваніе это было искреннимъ. Говорилось о недостаткахъ администраціи, но не все договаривалось. Отмѣчали административные дефекты, но не забывали и общество, на которое сыпалось достаточно нареканій. Тѣмъ не менѣе эта эпоха даетъ возможность нарисовать громадную картину административныхъ воздѣйствій на неблагонадежную Россію.

А такъ какъ, кромѣ того, самыя показанія исходятъ отъ носителей административной власти, мало того—отъ самихъ охранителей страны отъ крамолы, то показанія ихъ приобрѣтаютъ особую цѣнность.

11-го января 1905 года состоялось засѣданіе комитета министровъ по поводу предположеній о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ, въ которомъ центръ вниманія былъ обращенъ на заявленія П. Н. Дурново и С. Ю. Витте. Первый долго стоялъ у кормила охранной власти и лучше всѣхъ зналъ дѣйствительное положеніе вещей. Второй могъ свидѣтельствовать о либеральныхъ потугахъ правительства въ годы реакціоннаго воздѣйствія на всѣ стороны жизни.

П. Н. Дурново, какъ извѣстно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ занималъ должность главнаго искоренителя крамолы и стоялъ

во главѣ государственной охранной полиціи; но и покинувъ постъ директора департамента полиціи, онъ въ теченіе послѣдующаго времени, въ роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ, такъ или иначе вліялъ на постановку дѣла охраны. Въ первой роли онъ имѣлъ возможность изучить вопросъ о способахъ примѣненія исключительныхъ законовъ на мѣстахъ, во второй—непосредственно руководить дѣятельностью центральныхъ административныхъ учреждений по охранѣ.

По свидѣтельству П. Н. Дурново, мѣстныя административныя начальства въ области охранъ предпочитали пользоваться, главнымъ образомъ, правомъ воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ и правомъ высылки неблагонадежныхъ элементовъ изъ предѣловъ губерніи.

Для мѣстной власти не было ничего проще и цѣлесообразнѣе, какъ избавиться отъ нежелательныхъ элементовъ простымъ предписаніемъ о воспрещеніи проживанія. И въ первые годы послѣ введенія положенія 1881 года, такія мѣры стояли исключительно въ зависимости отъ усмотрѣнія начальниковъ края. Это создавало соблазнъ среди начальствъ. Многіе изъ нихъ, чтобы пользоваться правомъ высылки, ходатайствовали передъ Петербургомъ о распространеніи на ихъ губерніи правилъ объ усиленной охранѣ и обыкновенно сопровождали эти ходатайства мотивировкой, быть можетъ, и очень далекой отъ истины, но вполнѣ убѣдительною для Петербурга. Исхлопотать усиленную охрану было легко, а за ней тотчасъ же слѣдовали безконечныя ссылки неблагонадежныхъ во всѣ пункты Азіатской и Европейской Россіи.

Общія правила объ усиленной охранѣ давали широкій просторъ мѣстному усмотрѣнію. Изъ нихъ можно было сдѣлать невыносимое существованіе для населенія или просто сдѣлать охрану неощутимой. А отсюда естественно проистекала пестрота и многообразіе пріемовъ и степеней примѣненія усиленной охраны. Дурново говорилъ, что «въ одной и той же губерніи съ перемѣною губернатора нерѣдко измѣнялось и отношеніе администраціи къ разсматриваемому вопросу, между тѣмъ на общемъ положеніи губерніи измѣнчивая административная практика отнюдь не отражалась». Говоря проще, для губерніи въ охранномъ значеніи, было безразлично—высылаются ли неблагонадежные или нѣтъ, отъ этого сама мѣстность не страдала въ охранномъ отношеніи. И все-таки, несмотря на такое категорическое указаніе практики, высылка продолжалась и росла. Но эта мѣра сказала и въ другомъ отношеніи, чего нельзя было вовсе и ожидать и что явилось совершенно непредвидѣнно: административная высылка, установленная въ цѣляхъ охраны страны, оказалась по самому существу своему наилучшей мѣрой для зараженія крамолою не зараженныхъ областей и городовъ.

Тотъ же П. Н. Дурново констатируетъ съ знаніемъ спеціалиста, что неблагонадежные въ политическомъ отношеніи обыватели не допускались къ водворенію на жительство ни въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, которыя, подобно первоначальному мѣсту ихъ жительства, были объявлены въ положеніи усиленной охраны. Вслѣдствіе этого высланнымъ не оставалось другого исхода, какъ водворяться въ райо-

нахъ, которые не состояли въ исключительномъ положеніи. Въ поискахъ заработка они поселялись преимущественно въ губернскихъ городахъ и нерѣдко встрѣчались тамъ «со своими единомышленниками, понесшими одинаковую съ ними административную кару. Въ результатъ же оказывалось, что населеніе такихъ губернскихъ городовъ, въ средѣ обывателей которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчалось неблагонадежныхъ элементовъ, подвергалось тлетворному вліянію сказанныхъ лицъ, заносившихъ въ мѣста новаго водворенія противоправительственную пропаганду».

Съ каждымъ годомъ право высылки выросло и выросло, доходя до необыкновенныхъ размѣровъ. Какъ это бываетъ всегда, администрація начинала съ гомеопатическихъ дозъ и кончала поголовнымъ массовымъ удаленіемъ обывателей. Сначала выбирали изъ среды неблагонадежныхъ болѣе неблагонадежныхъ, затѣмъ выселяли всѣхъ неблагонадежныхъ, а тамъ привыкли къ мѣрѣ и стали распространять ее не только на неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, но на вообще всѣхъ непріятныхъ начальству лицъ, «поведеніе которыхъ, по мнѣнію начальства, нарушало спокойное теченіе общественной жизни».

Администрація зарвалась, и даже центральное правительство рѣшило нѣсколько поумѣрить охранныя стремленія губернскихъ властей. Это было въ 1895 году, когда губернскимъ властямъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы каждое такое распоряженіе о высылкѣ направлялось въ Петербургъ, въ совѣщаніе при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, о которомъ мы говорили выше. Разумѣется, это заставило опомниться властей, но не могло окончательно и навсегда устранить эксцессы въ удаленіяхъ и высылкахъ. Начальство сначала, дѣйствительно, отнеслось къ центральному постановленію, какъ къ сдерживающему стимулу и не всегда рѣшалось вступать съ переписку съ Петербургомъ. Однако, и это скоро потеряло свое значеніе и вотъ именно почему.

Для чиновниковъ мѣстной администраціи высылка даннаго лица представлялась фактомъ желательнымъ, а разъ это было желательно, всегда представлялась возможность поставить въ зависимость высылку даннаго лица и государственный порядокъ въ губерніи. Губернское представленіе въ петербургское совѣщаніе сдѣлалось одной ненужной волокитной формой, и именно потому, что, какъ говорилъ П. Н. Дурново, «совѣщанію приходилось считаться съ мнѣніемъ представителей мѣстной администраціи, обыкновенно заявляющихъ, что они не ручаются за сохраненіе общественнаго спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ, если совѣщаніе не утвердитъ ихъ предположеній». Къ тому же, если бы когда-либо петербургское совѣщаніе и рѣшилось отказать мѣстной администраціи, доказательства колебанія общественнаго спокойствія можно было изобрѣсти и представить сколько угодно.

И никакими мѣрами нельзя было положить предѣлъ усмотрѣнію администраціи, которая дѣйствовала въ предѣлахъ узаконеннаго произвола и иногда явно, иногда скрыто, но всегда упорно стремилась къ исползованію всѣхъ предоставленныхъ ей полномочій. Нерѣдко случалось, что удаленіе обывателя служило только поводомъ для примѣненія къ нему всѣхъ мѣръ репрессій. Безъ основаній заклю-

чали подь стражу, безъ основаній выпускали оттуда, не доводя дѣла до Петербурга.

Совѣщаніе «о заблудшихъ» было образовано при министрѣ внутреннихъ дѣлъ къ 30 сентября того же года. Въ составъ его вошли: въ качествѣ предсѣдателя товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ—генераль-маюръ Черевнинъ, членами были: оберъ-прокуроръ перваго департамента сената д. ст. сов. Евреиновъ и товарищъ оберъ-прокурора уголовного департамента д. ст. сов. Перфильевъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ генераль Зуровъ и директоръ департамента полиціи В. Плеве. Таково было совѣщаніе, о которомъ правительство говорило, какъ о снисходительномъ трибуналѣ, обставленномъ процессуальными формальностями. Прямою и непосредственною задачею совѣщанія было поставлено: разсмотрѣніе дѣлъ о высылкѣ неблагонадежныхъ и опредѣленіе срока высылки лицамъ, подвергшимся высылкѣ до изданія закона 1881 года.

Русскихъ источниковъ о дѣятельности особаго совѣщанія въ первое время его образованія не имѣется. Зато имѣются точныя и подробныя данныя о предметѣ иностраннаго происхожденія. Такъ «Allgemeine Zeitung» передавало, что совѣщаніе разсматривало въ недѣлю не свыше 50 дѣлъ, что за все время 1881 г. оно признало подлежащими высылкѣ только семь человекъ, что о подвергшихся высылкѣ ранѣе было пересмотрѣно 650 дѣлъ. Изъ этого скромнаго числа 328 человекъ вовсе были освобождены отъ надзора и возвращены изъ ссылки, 180 лицъ были оставлены подь надзоромъ на два года, 130—на три года, остальные—на пять лѣтъ.

Таковы были результаты введенія въ дѣйствіе новаго положенія. Нечего говорить, что централизація дѣлъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не могла вести ни къ чему доброму. Въ распоряженіи совѣщанія были только одни данныя: сообщенія мѣстныхъ начальствъ. А если это начальство считало высланнаго безусловно вреднымъ, то совѣщанію не оставалось ничего другого, какъ конфирмовать желаніе мѣстной администраціи, иначе вся отвѣтственность за поддержаніе порядка въ мѣстности всецѣло переходила на само совѣщаніе. А на это оно не могло идти, какъ истинно-бюрократическое учрежденіе.

Точно также и въ вопросахъ опредѣленія сроковъ ссылки совѣщаніе дѣйствовало ощупью и наугадъ. Установить въ Петербургѣ срокъ для превращенія неблагонадежнаго лица въ благонадежное было трудно. Приходилось или пользоваться гадательными данными, или тѣми же сообщеніями мѣстныхъ начальствъ. И щедро, безъ опредѣленнаго плана, раздавались сроки центральнымъ учрежденіемъ. А тѣ формы, которыя такъ выдвигало правительство и которыя должны были гарантировать правильность и цѣлесообразность примѣненія высылки, превратились въ пустой звукъ, такъ какъ въ сущности не было формъ, а была обычная канцелярская проволочка.

Изъ всѣхъ правъ, которыя получило совѣщаніе, самымъ грознымъ являлось право продолжать предварительный арестъ предназначаемымъ къ высылкѣ лицамъ до неопредѣленныхъ сроковъ. Этого правила было достаточно, чтобы превратить предварительный арестъ въ тяжкую мѣру, которой легко и безконтрольно можно было пользоваться. До-

водя заключенныхъ до состоянія крайнихъ мученій. Надо было мѣстной власти отдать распоряженіе о предварительномъ арестѣ и сослаться съ совѣщаніемъ, и сроки ареста увеличивались до безпредѣльности.

Зачастую случалось, что, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, лицо выходило на свободу. И ему предлагалось радоваться, что оно только просидѣло въ ожиданіи высылки, не подвергаясь самой высылкѣ.

Много жестокихъ и нецѣлесообразныхъ мѣръ практиковалось особенно въ первое время примѣненія закона 1881 года. Но острота ихъ еще до сихъ поръ остается неизгладимою изъ русской дѣйствительности.

Съ такимъ же значеніемъ выступала и другая мѣра усиленной охраны—административная высылка, соединенная съ подчиненіемъ подвергшихся высылкѣ гласному полицейскому надзору.

Здѣсь власти предоставлялся широкой просторъ, при томъ и сама мѣра отличалась гибкостью и эластичностью, о которой грезятъ всегда правовѣрные криминалисты, говоря о наказаніяхъ. Высылали въ Европейскую Россію, гнали въ Сибирь—ближнюю и самую дальнюю, гнали въ невыносимыя условія жизни и борьбы за существованіе, гнали съ насиженныхъ мѣстъ людей, подчасъ совершенно непричастныхъ ни къ активной дѣятельности, ни къ политикѣ, ни даже къ либеральному образу мыслей. Гнали только потому, что гнать было можно и надо было свидѣтельствовать передъ Петербургомъ о своей преданности основнымъ уставамъ политической охраны.

Мы умышленно избѣгаемъ казуистики вопроса. Въ нашемъ распоряженіи безчисленное множество фактовъ, вопіющихъ своею откровенностью. Въ общей массѣ они производятъ правдивое впечатлѣніе, но административная ссылка—не только достояніе исторіи и далекаго прошлаго, это—условіе нашего существованія, и каждый изъ насъ можетъ разсказать не мало случаевъ, близко ему извѣстныхъ, вопіющихъ не менѣе тѣхъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи. Для насъ важно отмѣтить возрѣніе администраціи на ссылку. Въ ней видѣли по преимуществу не мѣру охраны, а карательное средство, которое принадлежало исключительно власти администраціи. Никакой судъ не могъ сравнивать свою компетенцію съ полномочіями администраціи, и никакой судебный приговоръ не могъ быть такъ просто, легко и скоро постановленъ, какъ приговоръ администраціи.

Въ засѣданіи комитета министровъ г. Дурново «не счелъ возможнымъ умолчать» о фактахъ «тлетворнаго вліянія» ссыльныхъ на населеніе. Но онъ умолчалъ о тѣхъ лишеніяхъ, правовыхъ и фактическихъ, которыя при его содѣйствіи щедро разсыпались на обывателей.

А, дѣйствительно, вліяніе ссылаемыхъ въ культурномъ отношеніи было громадно. Многіе изъ медвѣжьихъ угловъ Имперіи неожиданно превращались въ умственные центры, малообразованное общество вдругъ получало въ свои ряды наиболѣе культурныхъ дѣятелей, благодаря которымъ обновлялась сѣрая обывательская жизнь, заводились библіотеки, школы, газеты, искусства. Значеніе административной ссылки было необычайно, и это можетъ послужить неисчерпаемой темой для спеціальнаго изслѣдованія. Но вліяніе это съ полицейской точки зрѣ-

нія было неблагонадежнымъ. Г. Дурново не могъ умолчать объ этомъ влияніи и даже въ періодъ самобичеванія въ засѣданіи комитета министровъ 11 января 1905 года высказался буквально такъ:

«Въ частности относительно выселенія въ Сибирь тайный совѣтникъ Дурново не считалъ возможнымъ умолчать, что подвергшіяся такой карѣ и водворяемая въ уѣздныхъ городахъ и даже деревняхъ лица, отличаясь и по развитію, и по образованію, а иногда и по матеріальному достатку, отъ массы мѣстныхъ обывателей, держатъ этихъ послѣднихъ подъ своимъ влияніемъ. Здѣсь, такимъ образомъ, еще въ болѣе сильной мѣрѣ примѣнимы тѣ соображенія, которыя были ранѣе высказаны относительно разселенія неблагонадежныхъ лицъ въ мѣстностяхъ, которыхъ еще не коснулась политическая пропаганда, и, по убѣжденію сенатора Дурново, въ общегосударственныхъ видахъ представлялось бы желательнымъ, если не совсѣмъ вычеркнуть высылку изъ списка карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ административнымъ порядкомъ на политически неблагонадежныхъ лицъ, то по крайней мѣрѣ всемѣрно ограничить ея примѣненіе».

Значеніе совѣщанія при министрѣ внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ объ административной ссылкѣ было ничтожнымъ, и здѣсь руководствовались тѣми же самыми началами, что и при удаленіи неблагонадежныхъ лицъ. Мало того—дальность Петербурга отъ мѣстной власти создавала зачастую ненужное ожиданіе въ тюрьмѣ предрѣшенной уже ссылки.

Но объ мѣры—высылка и ссылка—имѣли ничтожное примѣненіе съ другими средствами охраны, изъ которыхъ на первое мѣсто выдвигается право ареста. Правила объ усиленной охранѣ допускали примѣненіе лишенія свободы только въ случаяхъ, имѣющихъ связь съ преступленіями политическаго свойства. Но съ самаго введенія этихъ правилъ въ силу, заключеніе подъ стражу явилось въ арсеналѣ административныхъ полномочій наиболѣе частымъ и примѣнимымъ способомъ охраны общества отъ предполагаемыхъ виновниковъ мѣстной политической неблагонадежности. Сначала арестовывали только политически-подозрѣваемыхъ въ опредѣленномъ дѣйствіи, затѣмъ просто неблагонадежныхъ, потомъ способныхъ быть неблагонадежными, а затѣмъ и просто обывателей безъ всякаго повода, основанія. Арестовывали на срокъ, безсрочно, пользуясь правилами охраны, очень растяжимыми въ отношеніи лишенія свободы.

Никакой гарантіи личной неприкосновенности не было. Достаточно было неоформленнаго *lettre de cacheés*, и кого угодно можно было арестовать не только по данному поводу, но и «на предметъ выясненія причинъ арестованія».

Въ практикѣ административныхъ начальствъ случалось, что арестовывали солидныхъ капиталистовъ, важныхъ бюрократовъ. Отъ административнаго права страдали иногда сами представители государства и бюрократіи. Въ разное время въ министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлались неофициальныя и негласныя сообщенія авторитетныхъ для власти лицъ, которыя констатировали и легкость примѣненія ареста, и отсутствіе критерія для распознаванія неблагонадежныхъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ разо-

слало административнымъ и полицейскимъ начальствамъ циркуляръ, въ которомъ настаивало на точномъ примѣненіи правилъ закона и въ предѣлахъ закона. Въ циркулярѣ разъяснялась сущность полномочій администраціи по производству арестовъ и ставилось начальствамъ на видъ охранный порядокъ ареста и примѣненіе его только исключительно въ случаяхъ политическихъ основаній.

Но Петербургъ всегда мало значилъ для мѣстной администраціи, И аресты сыпались изъ административныхъ роговъ изобилія.

П. Н. Дурново въ комитетѣ министровъ рассказывалъ, что административныя и полицейскія власти на мѣстахъ пользуются этими полномочіями при условіяхъ, мало соотвѣтствующихъ указаніямъ, содержащимся по этому поводу въ правилахъ объ усиленной охранѣ, чѣмъ вызываютъ въ средѣ мѣстнаго общества глухое раздраженіе противъ исходящихъ отъ нихъ распоряженій. Такой образъ дѣйствій администраціи, при которомъ ни одинъ изъ мѣстныхъ обывателей не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или заключенія его подъ арестъ безъ видимой подачи съ его стороны какого-либо къ тому повода, не можетъ не поселять смуты въ умахъ».

Разумѣется, все, сказанное относительно права заключенія подъ стражу, одинаково относится и къ полномочіямъ по производству обысковъ. Всякое политическое значеніе этой мѣры было подорвано самими администраторами и полиціей. А при некультурности полицейскихъ властей и при общей неосвѣдомленности агентовъ охраны, въ тѣ времена обыски производили часто комическое впечатлѣніе на дѣйствительныхъ дѣятелей политической жизни. Напротивъ, въ средѣ обывателей неограниченное право обысковъ производило панику, а случавшіеся изрѣдка обыски у вполне благонадежныхъ людей, не давая никакого матеріала для охраны, поселали всеобщее недовольство. Дурново говорилъ, что «обыски такого рода, при которыхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не удается обнаружить сколько-нибудь существенныхъ, съ точки зрѣнія полицейскаго розыска, данныхъ, искусственно поддерживаютъ въ обществѣ глухое раздраженіе противъ распоряженій правительственныхъ властей, столь вредно отзывающееся на общемъ настроеніи».

Точно также совершенно неожиданный характеръ получили обязательныя постановленія мѣстныхъ начальствъ. Условія исключительныхъ охранъ давали имъ право издавать административныя постановленія по вопросамъ государственной опасности и общественнаго порядка. Самъ законъ, отказываясь отъ казуистическаго перечисленія всѣхъ возможныхъ случаевъ, ссылаясь лишь на необходимость соотвѣтствія обязательныхъ постановленій съ требованіями охраны государства.

Но пожеланіе закона такъ и осталось пожеланіемъ, и администрація низвела полномочія по охранѣ на степень полицейскихъ необходимостей. Въ самомъ дѣлѣ, какой государственной функціи или учрежденію могла бы грозить слишкомъ быстрая ѣзда извозчиковъ? въ какомъ государствѣ и когда возможно было бы грязное содержаніе лавки относить на счетъ политической неблагонадежности? А

между тѣмъ эти факты не только изъ прошлаго, но изъ текущей дѣйствительной жизни.

По традиціи и усмотрѣнію обязательныя постановленія начальства не только потеряли свой политическій характеръ: они подчинили самыя обыкновенныя проступки, наказуемые уголовными законами, административному разсмотрѣнію. Всѣ нарушенія обязательныхъ постановленій облагались и облагаются штрафами въ административномъ порядкѣ, мало того—административныя полномочія имѣютъ въ законѣ большой максимумъ, настолько большой, что часто угроза закона за данный проступокъ является слабѣйшей, чѣмъ высшая мѣра административнаго штрафа или наказанія. И администраторы становились выше закона и самолично законодательствовали въ своихъ территоріяхъ: простые полицейскіе проступки, не облагаемые закономъ выше ничтожнаго штрафа или заключенія на нѣсколько дней облагались въ административномъ порядкѣ долгосрочнымъ заключеніемъ и тысячными денежными штрафами.

Центральное правительство попробовало было бороться съ такою оригинальною постановкою исполнительнѣйшей власти, при которой законодательная власть получаетъ второстепенное значеніе. Но и изъ этой попытки ничего не вышло. Мы считаемъ необходимымъ болѣе подробно остановиться на этой попыткѣ, такъ какъ она очень ярко характеризуетъ взаимоотношенія центральныхъ и мѣстныхъ властей по охранѣ страны отъ политическихъ экспериментовъ снизу.

На протяженіи 80-хъ годовъ не разъ представители торговаго и промышленнаго міра приносили неофициальныя жалобы на дѣйствія администраціи. Безъ всякихъ основаній закрывали фабрики и магазины, капиталисты несли большіе убытки, полиція ссылалась на свои неограниченныя полномочія по охранѣ государства. Администрация врывалась въ промышленную жизнь и торговыя отношенія, тормозила ихъ, налагала свою крѣпкую руку на самыя обыденныя и внѣполитическія отношенія и тѣмъ самымъ создавала опасность капиталамъ и рынкамъ.

Съ жалобами обращались, повторяю, неофициально, а иногда и черезъ скромныя органы печати. Послѣ нѣсколькихъ явно нецѣлесообразныхъ и вопіющихъ случаевъ, въ 1887 году собрался комитетъ министровъ, который и посвятилъ этому вопросу нѣсколько засѣданій. Выяснилось невозможное положеніе; установлено было, что полиція и администрація изъяли изъ судебного порядка цѣлый рядъ дѣлъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть отнесены къ дѣяніямъ политическимъ и требующимъ наказаній по исключительной охранѣ. Комитетъ министровъ составилъ постановленіе, въ которомъ указывалось, что дѣла, незатрагивающія непосредственно государственную опасность и не относящіяся къ предупрежденію и пресѣченію преступленій государственнаго характера, не могутъ быть подчинены административнымъ взысканіямъ, а должны отойти къ общей подсудности. Положеніе это было объявлено мѣстной администраціи и направлено къ исполненію. Это было въ 1887 году, а въ 1905 году сенаторъ Дурново въ томъ же самомъ комитетѣ министровъ констатировалъ полную невозможность для центра поставить мѣстную админи-

страцію на законное основаніе и принудить ее къ точному исполненію подтвержденнаго закона. «Но административныя власти,—говорилъ г. Дурново,—преимущественно въ столицахъ и другихъ крупныхъ центрахъ, находили, что самая процедура такого разбирательства, въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она нынѣ дѣйствуетъ у насъ, является для подобныхъ случаевъ слишкомъ громоздкою и не обеспечиваетъ достаточно быстро, непосредственно слѣдующаго за обнаруженіемъ даннаго правонарушенія наступленія репрессіи, которая, для дѣйствительности ея, не должна была бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, заставлять себя ждать».

Такимъ образомъ, приведенныя данныя убѣждаютъ насъ, что центральное распоряженіе, встрѣчаясь съ распоряженіемъ мѣстнымъ, невольно теряло свою силу, тѣмъ болѣе, что, какъ на примѣръ въ разсматриваемомъ случаѣ, закону противопоставлялись удобства и легкость административнаго воздѣйствія вмѣсто судебного. И—что оригинальнѣе всего—правительство, которое не разъ заявляло о своей законности, не рѣшилось послѣ 1887 года ни разу вмѣшаться въ дѣйствія мѣстныхъ властей и поставить ихъ на подобающее имъ мѣсто закона.

Приведемъ маленькій примѣръ для иллюстраціи административныхъ распоряженій въ самомъ началѣ дѣйствія охранъ. Случай этотъ раскрылъ глаза многимъ, а печать долго не понимала, что совершается вкругъ нея. А случай былъ необыкновенно простъ. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ усмотрѣлъ, что портерная лавка на Охтѣ содержится «грязно и неопрятно, а также служитъ мѣстомъ сборища для проститутокъ и притономъ разврата». И вмѣсто поддержанія культурныхъ основъ предшествовавшаго царствованія и передачи дѣла въ общія мировыя учрежденія, оберъ-полицеймейстеръ призналъ содержаніе портерной «несогласнымъ съ требованіями общественнаго порядка» и на основаніи правилъ объ охранѣ закрылъ портерную, въ видѣ наказанія, на два мѣсяца. Печать того времени совершенно добросовѣстно спрашивала: «неужели дурное содержаніе портерной грозитъ государственной безопасности и неужели черезъ два мѣсяца эта портерная перестанетъ грозить государственной безопасности?».

Конечно, для молодой печати того времени и закрытіе портерной могло казаться событіемъ огромной государственной важности. Въ наше время о такихъ мелочахъ даже не говорятъ.

Г. Дурново, обрисовывая охранныя полномочія администраціи, не коснулся очень и очень многихъ другихъ полномочій, отражавшихся еще сильнѣе на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ. Мы имѣемъ въ виду права генераль-губернаторовъ въ отношеніи судебномъ. Положеніе объ охранѣ предоставляло имъ права передавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ отдѣльныя преступленія, предусмотрѣнныя общими уголовными законами.

Несомнѣнно, и здѣсь законъ имѣлъ въ виду исключительность самаго преступнаго дѣянія и опасность его для государственнаго порядка. Но на практикѣ получилось нѣчто другое. Военные суды приглашались къ разсмотрѣнію дѣлъ о гражданскихъ лицахъ и по са-

мымъ обычнымъ дѣламъ въ случаяхъ, ничѣмъ не выдающихся. Передача дѣлъ совершалась зачастую не по необходимости, а по капризу генераль-губернаторовъ. Иногда такая передача въ военные суды совершалась по распоряженіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, исходящимъ отъ него лично; а иногда мѣстныя начальства непосредственно обращались къ министру съ просьбою объ измѣненіи общей подсудности на военную. Такія ходатайства очень часто удовлетворялись также безъ видимой необходимости. А передача дѣла въ военный судъ предполагала менѣе сложныя формы процесса, формальное отношеніе къ подсудному, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязательность примѣненія смертной казни и законовъ военного времени.

Напрасно думаютъ, что число такихъ случаевъ было невелико. За послѣднее время число это выросло до невѣроятныхъ размѣровъ, но и въ эпоху 80—90 годовъ къ военнымъ судамъ обращались довольно часто.

Собственно говоря, такимъ постановленіемъ новый законъ лишній разъ подтверждалъ свое рѣшительное уклоненіе отъ началъ процесса Александра II. По военно-судебному уставу, который, какъ и судебные уставы 1864 года, привыкли называть культурнымъ завоеваніемъ,—передача дѣлъ въ военные суды могла имѣть мѣсто только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и за преступленія, особо означенныя въ распоряженіяхъ объ этихъ мѣстностяхъ. Но, какъ мы уже видѣли выше, Александръ II уклонился отъ нормъ; положеніе 1881 года пошло еще далѣе.

Но практика военныхъ судовъ расширила и безъ того широкій законъ. Онъ говорилъ о разсмотрѣннн дѣлъ по законамъ военного времени, и это давало право практическимъ дѣятелямъ толковать исключительный законъ ограниченно, т. е. примѣняя къ преступленіямъ процессуальныя законы военного времени, или просто болѣе упрощенныя формы и болѣе краткіе сроки. Но, подъ влияніемъ событий и внѣшнихъ указаній, главный военный судъ въ своемъ рѣшеніи 1887 года за № 117 рѣшительно сталъ на сторону реакціи и опредѣлилъ, что правило усиленной охраны по 17 статьѣ содержитъ въ себѣ и судопроизводственныя формы военного времени, и карательныя мѣры военного же времени, т. е. смертную казнь.

Съ этого года военный процессъ по политической охранѣ приобрѣтаетъ выдающееся значеніе. Прежде всего, замѣчается полное отсутствіе данныхъ судебной практики и рѣшеній главнаго военного суда, а это служить доказательствомъ, что дѣла этого рода не доходили въ кассационномъ порядкѣ до разсмотрѣнія высшей инстанціи и заканчивались въ производствѣ генераль-губернаторовъ.

Но 1887 годъ знаменателенъ и въ другомъ отношеніи. Всѣ военныя суды, при вступленіи въ должность, знакомились съ секретными распоряженіями по военно-судебной части, которыя хранились въ судахъ. Эти распоряженія были конфиденціальными въ строгомъ смыслѣ слова, и немногіе военно-судебные дѣятели знали о существованіи этихъ конфиденцій. Однако, военные суды обязывались примѣнять эти секретныя распоряженія.

Мнѣ было извѣстно два такихъ распоряженія. Первое изъ нихъ—

эпохи министерства П. С. Ванновскаго о томъ, чтобы давать аттестаціи на временныхъ членовъ военно-окружныхъ судовъ по дѣламъ, передаваемымъ военнымъ судамъ по усиленной охранѣ. Бывали случаи, что предъявленіемъ какому-нибудь временному судѣ такого секретнаго распоряженія совершенно измѣнялась сущность приговора, а это давало поводъ говорить, что нѣкоторые предсѣдатели военныхъ судовъ, желая отличиться передъ начальствомъ, легко могли воздѣйствовать на волю судьи въ желательномъ смыслѣ. Такое положеніе вещей, разумѣется, лишало и приговоры военныхъ судовъ одного изъ необходимѣйшихъ элементовъ—справедливости. Такое распоряженіе существовало нѣсколько лѣтъ, а въ архивѣ главнаго военно-суднаго управленія и теперь еще, вѣроятно, сохраняются циркуляры, не менѣе секретнаго характера, о кажущейся мягкости военныхъ судей по дѣламъ государственной безопасности. Многіе изъ начальствъ въ первое время особенно имѣли основанія быть недовольными дѣятельностью военныхъ судовъ. Военное министерство поэтому не разъ напоминало судьямъ о важности лежащихъ на нихъ обязанностей и о необходимости поддержанія основъ государственнаго порядка.

Другое распоряженіе, о которомъ неосторожно обмолвился помощникъ главнаго военнаго прокурора по дѣлу Персина въ 1906 г., имѣетъ еще болѣе серьезное значеніе и относится къ 11 августа 1887 г. Согласно этому распоряженію, военные судьи лишены права при наличности смягчающихъ обстоятельствъ переходить по собственной власти къ менѣе тяжкимъ наказаніямъ, напимѣръ, отъ смертной казни къ каторгѣ, а лишь могутъ составить соотвѣтствующее ходатайство и направить его къ военно-административной власти, которая вольна совершенно игнорировать это ходатайство и, такимъ образомъ, отказаться отъ смягченія наказанія въ явное противорѣчіе съ требованіями суда по дѣлу.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что процессы по законамъ военнаго времени по самому существу своему являлись отрицаніемъ истины. И никакая власть не могла помѣшать административной власти въ приведеніи приговора въ исполненіе, и никакой судъ не могъ провѣрить, насколько приговоръ дѣйствительно соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей и виновности даннаго лица. Лишеніе права обжалованія и устраненіе кассационнаго порядка—самыя тяжкія лишенія, какія только создавались при условіяхъ исключительныхъ положеній.

Чтобы покончить съ вопросомъ о значеніи въ культурной жизни страны усиленной охраны, намъ предстоитъ ознакомиться съ показаніями, данными С. Ю. Витте въ бытность его предсѣдателемъ комитета министровъ во время засѣданія комитета 11 января 1905 года.

Витте въ своей характеристикѣ исходилъ изъ совершенно другихъ соображеній, нежели его сотрудникъ—П. Н. Дурново. Расширеніе площади примѣненія правилъ объ усиленной охранѣ «лишь до известной степени объясняется личными взглядами того или другого начальника края на цѣлесообразность, въ видахъ охраненія въ данной мѣстности общественнаго спокойствія... На самомъ дѣлѣ истинная причина такихъ явленій коренится глубже. Правительство всегда смо

трѣло на введеніе въ данной мѣстности правилъ объ усиленной охранѣ, какъ на средство, имѣющее цѣлью удаленіе извѣстныхъ нездоровыхъ напией, могущихъ возмутить ровную поверхность нормальной общественной жизни страны. При этомъ, однако, до нѣкоторой степени упускалось изъ виду, что наиболѣе прямымъ и соответствующимъ правильно понимаемымъ интересамъ государства путемъ къ достиженію означенной цѣли является не принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ уже обнаруженнаго зла, но предупрежденіе самаго возникновенія такого зла посредствомъ своевременнаго удаленія основныхъ причинъ, обусловливающихъ его зарожденіе. У насъ же ходъ законодательства призваннаго регулировать важнѣйшія отправленія общественнаго организма, нерѣдко оказывался слишкомъ медленнымъ для своевременнаго удовлетворенія настоячиво заявляемыхъ поступательнымъ движеніемъ народной жизни запросовъ; въ другихъ же случаяхъ результаты законодательныхъ работъ, предварительно не соображенныхъ всесторонне съ насущными общественными нуждами, порождали немаловажныя затрудненія для правительства».

Эти положенія С. Ю. Витте пояснялъ примѣрами изъ области фабричнаго законодательства, гдѣ онъ выхвалялъ свои личныя начинанія, жизни учащейся молодежи и еврейскаго населенія Россіи.

Учащаяся молодежь, по мнѣнію Витте, являлась «другимъ безпкойнымъ элементомъ въ средѣ нашего общества, требующимъ особой бдительности со стороны государственныхъ органовъ, отвѣтственныхъ за охраненіе общественнаго спокойствія».

Волненія среди воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ началѣ 80-хъ годовъ, при введеніи Положенія объ усиленной охранѣ, являлись лишь единичными. Въ то время правительство пресѣкало безпорядки путемъ предоставленія назначеннымъ отъ правительства учебнымъ органамъ права ближайшаго наблюденія за ходомъ академической жизни. Тогда академическая администрація и полицейская власть были синонимами. Между профессорами и учащимися не было никакой внутренней связи. Профессора были поставлены въ положеніе преподавателей научныхъ системъ. Но такая постановка была признана неудовлетворительной самимъ правительствомъ, какъ утверждалъ Витте. И тѣмъ не менѣе молодежь нуждалась въ успокоеніи, но уже мѣрами не полицейскаго свойства.

Точно также и средняя школа разсматривалась съ точки зрѣнія полицейской. Правительство могло видѣть въ ней или рассадникъ будущихъ дѣятелей крамолы, или наоборотъ—признательныхъ и убѣжденныхъ служителей режима. Поэтому были приняты всѣ мѣры, чтобы средняя школа была учрежденіемъ перваго типа, и съ этою цѣлью дѣлалось все, чтобы преподаваніе въ ней велось въ духѣ государственной безопасности. Усиленная охрана давала средства къ уничтоженію школы, какъ таковой, и явно содѣйствовала выработкѣ изъ школы полицейско-воспитательнаго заведенія.

Мы могли бы до безконечности останавливаться на всѣхъ сторонахъ общественной, политической и просто культурной жизни страны и въ каждой изъ нихъ указывать черты, вызванныя борьбою съ крамолою.

Собственно говоря, съ момента изданія положенія объ усиленной охранѣ, все законодательство направлено на борьбу съ крамолою. Отъ этого исходнаго пункта начинаютъ всякій законопроектъ, всякую реформу, всякій правительственный шагъ. Законы за время 88 и 90-хъ годовъ не болѣе, какъ выработка общаго полицейскаго государственнаго кодекса. Все предпринималось въ имя Положенія 1881 года, во имя охраны охранныхъ законовъ, во имя поддержанія того общественнаго порядка, который создавался исключительными мѣрами.

Эта эпоха по справедливости можетъ быть названа эпохой разработки и усовершенствованія положенія 1881 года, которое по самому существу своему было крайне абстрактнымъ, неполнымъ и неяснымъ. Для полицейскихъ дѣятелей нужны были болѣе казуистическія опредѣленія полномочій. И за всякимъ новымъ закономъ стояли интересы государственной полиціи.

Для характеристики отмѣтимъ нѣсколько такихъ явленій.

Просвѣтительная низшая школа допускается въ странѣ, но именно допускается и допускается постольку, поскольку она не противорѣчитъ идеѣ полиціи. Библіотеки, публичныя чтенія, народный театръ— все это средства для крамольной заразы. Прежде чѣмъ допустить ихъ, надо взвѣсить вліяніе ихъ на душу народа. И чѣмъ сильнѣе растетъ потребность въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, тѣмъ сильнѣе и строже полномочія администраціи. Низшая школа переживаетъ кризисъ, идетъ борьба между либеральнымъ земствомъ и церковнымъ приходомъ, между намеками на просвѣщеніе и охраной народныхъ суевѣрій, охраняющихъ бесплатно общественный и государственный порядокъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ охраны и во имя закона 1881 года, интеллигенція не допускается до народа даже въ моменты тяжелыхъ недородовъ и хроническихъ голодовокъ. И не допускается потому, что интеллигенція можетъ оказаться удобной для развитія въ народѣ неблагонадежныхъ элементовъ. А отсюда проистекаютъ самые возмутительные случаи охраны, какъ на примѣръ воспрещеніе кормить «голодныхъ, опрокидываніе столовъ съ пищею, приготовленною для «недородныхъ»».

Агрономическая помощь, врачебно-санитарный надзоръ, само земство— все это разсадники крамолы. Ихъ не только ограничиваютъ, ихъ прикрываютъ, ставятъ подъ правительственный надзоръ, какъ напр. тверское земство.

Не только область образованія и самоуправленія несли въ жертву государственной полиціи свои лучшія достоянія: вся экономическая жизнь страны стояла въ зависимости отъ средствъ охраны. Всякой свободной предприимчивости, всякому промыслу ставились препятствія, и тѣмъ сильнѣйшія, чѣмъ острѣе была охрана. Полное отсутствіе хозяйственной самостоятельности, полицейское обереганіе рынковъ, крѣпостное состояніе многихъ рынковъ, какъ на примѣръ крестьянскаго— должно было вести не только къ полному застою, но и къ обнищанію всего населенія.

Съ 1881 года государственный организмъ Россіи заболѣлъ болѣзью рака. Сначала незамѣтны были болѣзненные явленія, но когда мало-по-малу весь организмъ почувствовалъ себя во власти болѣзни,

въ немъ самомъ оказалось слишкомъ мало здоровыхъ кровей, чтобы излѣчиться.

Въ 1905 году русскую бюрократію бранили на каждомъ шагѣ и считали ее повинной во всѣхъ несчастьяхъ Россіи. Но діагнозъ былъ поставленъ невѣрно, а отсюда—неправильность и самыхъ методовъ лѣченья. Болѣзнь «охраной»—это самое страшное, что когда-либо переживалось странами.

А охраной съ одинаковою любовью занимаются какъ бюрократы, такъ и народные представители, если охрана—цѣль жизни.

Чтобы покончить съ характеристикой усиленной охраны, намъ остается коснуться вопросовъ вѣроисповѣдныхъ и окраинныхъ.

Въ первомъ отношеніи наиболѣе рѣзко выступаетъ вопросъ о раскольникахъ. Въ отношеніи ихъ принимались зачастую мѣры, не столько вызываемыя господствомъ православной церкви, сколько распоряженіями мѣстныхъ дискреціонныхъ властей, осуществлявшихъ долгіе годы свои полномочія. Комитетъ министровъ въ 1905 году на первое мѣсто поставилъ немедленное устраненіе мѣропріятій, принятыхъ на основаніи правилъ объ охранѣ. А власти отдавали раскольниковъ подъ надзоръ полиціи, выселяли на Кавказъ, въ Сибирь, арестовывали ихъ, пока, наконецъ, въ самое недавнее время не было сдѣлано въ центрѣ распоряженія—«не допускать впредь... примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства положеній о государственной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ».

Но что достигнуто раскольниками, то—пока въ идеалѣ для другой жертвы религіознаго отличія—для евреевъ. С. Ю. Витте въ упомянутомъ выше засѣданіи комитета министровъ признавалъ евреевъ—третьимъ элементомъ, враждебно настроеннымъ къ правительству, наряду съ рабочими и учащимися высшихъ учебныхъ заведеній. И правъ былъ Витте, когда говорилъ, что «органы полицейской власти на мѣстахъ будутъ принуждены съ тою же повышенной энергіею, которую они за послѣднее время не переставали проявлять, вести борьбу съ противоправительственною дѣятельностью евреевъ». Разумѣется, это справедливо до тѣхъ поръ, пока государство переживаетъ болѣзненный кризисъ и охрана государства является единственно цѣннымъ для страны благомъ.

Мы не будемъ останавливаться на окраинныхъ вопросахъ. Дѣйствительность еще слишкомъ близка и жива, чтобы забывать о ней. Но мы не можемъ не затронуть въ самыхъ частяхъ вопроса о Финляндіи.

Терпѣть рядомъ съ собой хотя и культурную страну, но живущую особой жизнью, гдѣ всѣ помыслы не вертятся около поддержанія порядка и полиціи, было почти невозможнымъ. Терпѣли долго, пока, наконецъ, въ Финляндіи не утвердились русскія начала. Генералъ Бобриковъ, неожиданно встрѣтившись съ противодѣйствіемъ финновъ при проведеніи устава о воинской повинности,—устава, противорѣчившаго основнымъ законамъ страны, рѣшилъ пойти на все. И 2 апрѣля 1903 года исходатайствовалъ для себя новый законъ, подъ названіемъ «о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія».

Никакихъ разумныхъ основанийъ для введенія въ странѣ осаднаго положенія не было. Финляндія молчала, правовой строй ея отрицалъ всякую возможность зараженія болѣзною Россіи, нигдѣ никакихъ мятежныхъ дѣйствій не замѣчалось. Финны въ своей петиціи совершенно основательно указывали, что эти мѣры охраны представляютъ собою безпримѣрное противорѣчіе всему строю Финляндіи; что всѣ многочисленныя, направленныя противъ безупречныхъ финляндскихъ гражданъ вторженія въ сферу личной свободы и благосостоянія являются самымъ откровеннымъ нарушеніемъ законовъ страны; что вслѣдъ за обнародованіемъ охраннаго закона послѣдовали ненужныя насильственныя выселенія изъ края, ссылки въ Россію, незаконныя заключенія подъ стражу и домашніе обыски.

Но русское правительство не удовлетворилось изданіемъ закона. Какъ и въ Россіи, на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ охранный законъ дополнялся, выросталъ, множился. Дополнительные постановленія, развязывающія руки мѣстной администраціи, явились 13 (26) августа того же года, 27 ноября (10 декабря), 4 (17 декабря) и 21 декабря.

22 октября 1905 года всѣ эти охранныя мѣры были отмѣнены. Такимъ образомъ Финляндія не долго переживала самую страшныя мѣры, которыя способна практиковать государственная власть.

IX.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по отношенію охранной политики къ своимъ собственнымъ агентамъ.

Здѣсь было сдѣлано все, чтобы чины администраціи, полиціи и вообще охраны на первое мѣсто обязанностей ставили обязанности по охранѣ. Статья 22 закона 1881 года положительно требовала отъ агентовъ въ полной мѣрѣ дѣйствія власти. О превышеніи власти при охранѣ статья не обмолвливалась ни однимъ звукомъ, зато всю тяжесть кары она возлагала на тѣхъ, кто въ вопросахъ охраны допустить бездѣйствіе власти.

Въ этомъ же духѣ составлялись циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ и спеціальныя инструкціи мѣстныхъ властей. Въ нихъ выдвигалось это очевидное различіе, которое дѣлаетъ законъ между преступнымъ бездѣйствіемъ и превышеніемъ власти. А отсюда легко видѣть, какъ должны были поступать мѣстныя начальства по охранѣ и въ какомъ направленіи работать, поддерживая государственный порядокъ.

Иногда мѣры, принимавшіяся мѣстными властями, отмѣнялись центромъ. Но никогда центръ не позволялъ себѣ вносить разложеніе въ среду охранителей преданіемъ ихъ суду за превышеніе власти по охранѣ. Къ тому же и законъ 1881 года былъ настолько эластиченъ, что въ его предѣлахъ можно было двигаться совершенно свободно.

Н. И. Фалѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ.

I.

По цензурнымъ условіямъ 1902 г., въ «Матеріалахъ для біографіи Г. И. Успенскаго» Н. К. Михайловскій не могъ опредѣленно говорить объ отношеніяхъ Г. И. къ революціонерамъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, и читателю этихъ «Матеріаловъ» предоставлялось лишь догадываться, какую роль играли эти люди въ жизни Успенскаго, когда «онъ искалъ того равновѣсія, той гармоніи отношеній и пропорцій, гармоніи цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, разума и совѣсти, которой не находилъ въ себѣ и въ непосредственно окружающей его жизни»¹⁾.

«Онъ находилъ гармонію цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, разума и совѣсти... въ живыхъ людяхъ,—говоритъ Михайловскій,—вродѣ дѣвушки «строгаго, почти монашескаго типа», передъ которою онъ почти молитвенно преклонялся. Въ нѣкоторыхъ своихъ очеркахъ онъ самъ рассказывалъ, какъ «выпрямляли», счастливили его такія явленія жизни. Къ числу ихъ принадлежалъ и оригиналь героя романа или повѣсти «Удалой добрый молодецъ».

Теперь можно расшифровать эти строки Н. К. Михайловскаго.

Гл. И. Успенскій, по своему характеру, не могъ быть активнымъ революціонеромъ, но его недовольство «существующимъ строемъ», глубокое пониманіе истинныхъ причинъ всякихъ «неурядицъ», искренность и прямота—всегда тянули его въ сторону представителей активного протеста. Въ нихъ онъ видѣлъ людей, беззавѣтно преданныхъ родинѣ, неспособныхъ ни на какія сдѣлки съ совѣстью, и даже завидоваль имъ.

— Ну, что я?—говорилъ онъ, наримѣръ, про свою литературную дѣятельность.—Пишу ради лавочки! Иной разъ и хочется размахнуться, да вспомнишь прачку, мясника, шляпку съ перомъ для Алекс. Вас.,—и начнешь строчить: «Солнце склонялось къ западу... По небу катилось облако... точно бревно—къ плотамъ на Ветлугѣ...»

¹⁾ Последнія сочиненія Н. К. Михайловскаго. т. II, гл. VII и VIII; стр. 190—191.

Вонъ Бакунинъ или Лавровъ—тѣ пишутъ, не считаясь съ тѣмъ, будутъ-ли *légume* къ завтраку...

Или вотъ что писалъ онъ В. М. Соболевскому, редактору «Русскихъ Вѣдомостей», по поводу своихъ встрѣчъ съ болгарскими революціонерами: ¹⁾

«Да! надобно *дѣйствовать* и дѣйствовать *прямо!*» ты—писатель (думаютъ они), сочувствуешь и тому-то, и тому-то? Ну, такъ докажи. Бѣда тебѣ будетъ? Плохо? До этого намъ нѣтъ дѣла. Мы вѣдь не боимся разстрѣливать подлецовъ, и не боятся ваши, которые ненавидятъ подлецовъ,—умирать. Ты долженъ быть не зайцемъ, боящимся всего этого. Если вы, писатели, пишете то-то и то-то,—то и на дѣлѣ пожалуйста!..» Это все вѣрно, правда сущая. Но я уже напуганъ. Вздохну, обдумаю, немного укрѣплюсь и, повѣрьте, сдѣлаю *такъ!* Если я не сдѣлаю *такъ*, то все—чепуха, вся жизнь—вздоръ, сочиненіе, пустяки, презрѣнные пустяки... Боже мой, какъ мнѣ опротивѣлъ *здѣсь* Толстой. Какой смрадь!..»

Гл. Ив. дружилъ со многими революціонерами 70-хъ и 80-хъ годовъ, и для характеристики его отношеній къ нимъ прежде всего слѣдуетъ остановиться на двухъ лицахъ, упомянутыхъ Н. К. Михайловскимъ, но не названныхъ по имени. «Оригиналъ героя задуманной Г. И. повѣсти «Удалой, добрый молодецъ», это—Г. А. Лопатинъ. О немъ онъ писалъ Михайловскому:

«Повѣсть, которую пишу,—автобіографія, не моя личная, а нѣчто вродѣ Лопатина. Чего только онъ не видалъ на своемъ вѣку! Его метало изъ губернаторскихъ чиновниковъ въ острогъ на Кавказѣ, съ Кавказа въ Италію, прямо къ битвѣ подъ Ментоной, къ Герцену, потомъ въ Сибирь на три года, потомъ на Ангару, по которой онъ плылъ тысячу верстъ, потомъ въ Шенкурскъ, въ Лондонъ, въ Цюрихъ, въ Парижъ. Онъ видѣлъ все и вся. Это—цѣлая поэма. Онъ знаетъ въ совершенствѣ три языка, умѣетъ говорить съ членомъ парламента, съ частнымъ приставомъ, съ мужикомъ, умѣетъ самъ притвориться и частнымъ приставомъ, и мужикомъ, и неучемъ, и въ то же время можетъ войти сейчасъ на кафедру и начать о чемъ угодно вполне интересную лекцію. Это—изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголокъ я постараюсь взять въ свою власть» ¹⁾.

«Дѣвушка, строгаго, почти монашескаго типа, передъ которою онъ почти молитвенно преклонялся»—В. Н. Фигнеръ. За все время знакомства съ В. Н., Гл. Ив. восторгался ея умомъ, энергій и въ особенности—отзывчивостью къ людскимъ страданіямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда причины этихъ страданій могли казаться ничтожными съ ея личной точки зрѣнія.—Она понимаетъ всякое горе,—говорилъ о ней Гл. Ив.,—страдаетъ человекъ изъ-за пустяковъ, а ей все-таки жаль его, готова помочь... Великое сердце!

Глубокія симпатіи Гл. Ив. къ В. Н. Фигнеръ сказались даже въ его бредовыхъ видѣніяхъ въ психіатрической лѣчебницѣ доктора Фрея. Очевидно, образъ кристальной души В. Н. сохранился въ его боль-

¹⁾ Это письмо, не отправленное по назначенію, сохранилось въ бумагахъ Гл. Ив.

²⁾ Ibid., стр. 191.

ной памяти и, въ зависимости отъ его нѣсколько мистическаго настроенія, сталъ воплощаться въ «монахиню Маргариту, приносившую съ собой утѣшеніе и ободреніе» ¹⁾).

— Угрюмый, сидѣлъ я, склонивши голову,—разсказывалъ Гл. Ив. про свое видѣніе.—Вдругъ чувствую... именно чувствую, а не вижу, что ко мнѣ медленно, тихо приближается женщина въ бѣлоснѣжной одеждѣ... Сосредоточенная, строгая, она смотритъ на меня съ глубокой тоской во взорѣ... Такою я видалъ В. Н., когда она бывала удручена чѣмъ-нибудь... Да и видѣніе, какъ мнѣ казалось, походило на нее... Были и другія знакомыя черты, но ея глаза, фигура... Она пошла ко мнѣ и любовно положила на мое плечо свою руку... Я очнулся, поднялъ глаза и увидѣлъ, что все небо, какъ яркими звѣздами, усыпано человѣческими сердцами... все сердца, сердца... Весь міръ она переполнила любовью... Съ этого момента я сталъ замѣчать, что здоровье мое улучшается. Свѣтлые промежутки стали чаще. А чуть, бывало, снова набѣжитъ мракъ, ненависть къ людямъ, жажда смерти—мой ангель-хранитель, Маргарита, опять со мной... Повозилась она со мной достаточно!—шутливо заканчивалъ Гл. Ив. свой трагическій разсказъ.

Кромѣ В. Н. Фигнеръ, Гл. Ив. былъ знакомъ, отчасти даже друженъ со многими видными членами партіи «Народной Воли». Юрій Богдановичъ, Желябовъ, Кибальчичъ, А. П. Корба, Лангансъ, Перовская, Саблинъ, Левъ Тихоміровъ и др. всегда находили у него радужный пріемъ. Въ общеніи съ ними онъ почерпалъ бодрость духа и всякій разъ впадалъ въ уныніе, когда случайно затягивался періодъ неизвѣстности относительно судьбы того или другого. Всѣ платили ему взаимностью. До какой степени доходила искренность и простота отношеній съ обѣихъ сторонъ, можно заключить, напримѣръ, изъ того, что Гл. Ив., точно предчувствуя грядущія событія, непремѣнно хотѣлъ, чтобы всѣ собрались у него для встрѣчи новаго 1881 года, и, несмотря на рискованность этой затѣи для «нелегальныхъ» людей, очень многіе были въ числѣ его новогоднихъ гостей,—можетъ быть, даже съ увѣренностью, что въ послѣдній разъ жмутъ руку любимому писателю и человѣку.

Для иллюстраціи отношеній Гл. Ив. къ политическимъ ссыльнымъ, бывшимъ на свободѣ его друзьями, и отчасти для характеристики его задушевныхъ мыслей, не находившихъ выраженія въ печати, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ ко мнѣ, когда я жилъ въ 1885 г. въ г. Минусинскѣ и въ 1888 г. въ Томскѣ.

28 декабря 1884 г. я послалъ Гл. Ив. рукопись крестьянина изъ молоканъ Минусинскаго уѣзда, Т. Н. Бондарева, подъ заглавіемъ «Трудолюбіе или торжество земледѣльца». Деревенскій философъ объяснялъ всѣ несовершенства жизни тѣмъ, что большинство людей забыло «первородный» законъ: «въ потѣ лица снеси хлѣбъ свой», и для возстановленія правды на землѣ рекомендовалъ «бѣлоручкамъ» земледѣльческимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Гл. Ив., въ интересахъ

¹⁾ Ibid., стр. 218.

«читателя, томящагося рѣшеніемъ вопроса: «какъ жить свято», воспользовался этой рукописью для своей статьи: «Трудами рукъ своихъ»¹⁾. Появленіе его статьи въ «Русской Мысли» говорило мнѣ, что, если онъ получилъ рукопись Бондарева, то долженъ былъ получить и мое письмо, отправленное вмѣстѣ съ нею. Отвѣта долго не было. Наконецъ онъ пришелъ 17 апрѣля 1885 года.

«Дорогой мой А. И.! писалъ Успенскій. Тысячу миллионъ разъ собирался и принимался писать Вамъ,—но такъ ужасно тяжело жить, такая бѣда безконечная тяготитъ надо мною всю жизнь, что едва-едва съ страшнымъ трудомъ и усиліями способенъ только строчить кое-что для хлѣба. Искренности во мнѣ давно, давно нѣтъ. Только нужда, и я ужъ ни о чемъ, ни о какихъ планахъ не мечтаю. Лишь бы чтонибудь, какънибудь написать, и потомъ думать о слѣдующей работѣ. Ни знакомыхъ, ни отдыха никакого никогда. Въ прошломъ году доѣхалъ до Екатеринбургa и хотѣлъ ѣхать къ Вамъ и видѣть васъ всѣхъ,—нѣтъ! Такая тоска взяла меня въ Екатеринбургѣ, что я только промаялся тамъ три дня и уѣхалъ, никого, ничего не видавши. Теперь мнѣ поздно ужъ толкаться между людьми, смотрѣть, какъ живутъ, и т. д. Надо сидѣть съ перомъ и писать, пока не издохнешь. Какъ вы счастливы, сколько вы (всѣ) всего видѣли, и будучь у васъ хорошія, свѣтлыя времена (они, кажется, начинаются), а у меня ничего не будетъ,—только пиши и пиши. Тутъ никуда не хочется поѣхать, все равно надо будетъ истребить въ себѣ все, что привезешь. Лучше сидѣть...

Отчего вы не пишете мнѣ?.. Дмитрій Александровичъ? ²⁾ Марья Павловна? ³⁾ Это не посусѣдски...

Рукопись молоканина сокращена, вычеркнуто множество, и потому вѣдь пишешь положительно съ глубокимъ сознаниемъ, что «не такъ», и это ужъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Но она произвела большое впечатлѣніе, и массу писемъ я получилъ. Въ сочиненіи Л. Толстого, которое не напечатано, та же идея, и едва ли не этотъ молоканинъ вывелъ его изъ той чепухи, въ которую попалъ Толстой съ своей теоріей благотворительности, которую практиковалъ на дѣлѣ. Теперь онъ все это поправилъ и говорить: «пахаты!» Я думаю, что и это не пристало къ барину. Зачѣмъ же тащить изъ мужицкой теоріи въ свою то, что для барина только извиненіе не вмѣшиваться въ политику? Вѣдь пахать то въ самомъ дѣлѣ не будетъ»...

Далѣе, въ письмѣ Гл. Ив. въ юмористическомъ тонѣ рассказываетъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни общихъ друзей изъ литературнаго міра и, сохраняя тотъ же тонъ, продолжаетъ:

«Читалъ у г-жи Минаевой письмо Дмитрія Александровича — чистый академикъ! Съ сѣвера, говоритъ, мы граничимъ сѣверомъ, а съ юга горами Араратскими, а къ западу начинается то-то и то-то... И при томъ сказано: «письма не читаются». Не знаю... А хорошо, если бы вы и Д. А. писали о своемъ житьѣ бытѣ подробно, все что

¹⁾ Соч. Глѣба Успенскаго, т. II. изд. 1889 г.

²⁾ Д. А. Клеменць.

³⁾ М. П. Лешеръ-фонъ-Герцфельдъ.

угодно,—все важно и все по возможности надо бы проводить въ публику теперь...

Скоро къ вамъ поѣдетъ мать Фигнеръ, т. е. не къ вамъ, а къ дочерямъ въ Иркутскъ.

И такъ, милый мой А. И., и всѣ, милые мои,—пишите! Глубоко вамъ благодаренъ за рукопись».

Вопреки увѣренію Гл. Ив., что теперь ему «поздно ужъ толкаться между людьми», онъ все-таки заглянулъ въ Сибирь лѣтомъ 1888 г. Въ то время я жилъ въ Томскѣ и вмѣстѣ съ Ф. В. Волховскимъ, П. А. Голубевымъ и Г. Ф. Здановичемъ принималъ участіе въ «Сибирской Газетѣ». Гл. Ив. попалъ къ намъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы были заняты составленіемъ номера газеты, цѣликомъ посвященнаго открытію перваго университета въ Сибири 22 іюля 1888 г. Онъ быстро вошелъ въ курсъ дѣла и, узнавъ, что въ номерѣ проектируется отдѣлъ: «Замѣчательные сибиряки», предложилъ намъ написать біографію историка А. П. Щапова ¹⁾).

Кромѣ насъ, сотрудниковъ «Сибирской Газеты», въ Томскѣ были еще ссыльные, и, между прочимъ, цѣлая колонія ихъ жила на дачномъ положеніи въ деревнѣ Басандайкѣ. Гл. Ив. хотѣлось видѣть всѣхъ «изгнанниковъ», и онъ собрался непременно заглянуть въ эту Басандайку, почему-то прозванную имъ Бахчисараемъ. Но вышло такъ, что въ приглашеніи одного изъ ссыльныхъ Ш. пріѣхать туда онъ заподозрилъ коварный умыселъ: видѣть его въ колоніи не простымъ гостемъ, а писателемъ, способнымъ освѣтить какіе-то вопросы спорнаго характера. Всегда далекій отъ мысли «поучать» кого-либо, онъ не похалъ въ Басандайку и все время проводилъ въ нашей обществѣ, случайно увеличившемся пріѣздомъ въ Томскъ большой пріятельницы Гл. Ив., О. Н. Фигнеръ. Время его пребыванія съ нами летѣло незамѣтно, и день его отъѣзда сжималъ сердце предчувствіемъ, что безъ него опять начнутся скучные, сѣрые будни. Оторванные отъ Россіи, мы съ жадностью воспринимали его живыя, полныя юмора характеристики разныхъ явленій жизни, общихъ друзей и знакомыхъ, и сознавали, что общеніе съ нимъ дополняетъ и расширяетъ сферу нашихъ представленій о русскихъ дѣлахъ, естественно сократившуюся, благодаря подневольной жизни на чужбинѣ. Между тѣмъ, самому Гл. Ив. все время казалось, что онъ не привезъ намъ ничего утѣшительнаго, а еще больше сгустилъ мракъ нашей неволи своей личной персоной, недовольной условіями своего существованія и неудачами, преслѣдующими его изъ года въ годъ.

28 іюля Гл. Ив. уѣхалъ изъ Томска. Чтобы не возвращаться на пароходѣ по унылымъ сибирскимъ рѣкамъ, онъ предпочелъ проѣхать путь отъ Томска до Тюмени на лошадахъ. Такой способъ передвиженія оказался рискованнымъ. Дорогой онъ чуть не сдѣлался жертвой быстрой сибирской ѣзды, или, какъ онъ писалъ, «сдва не былъ убитъ, и рѣшительно не понимаю, какъ только не переломилъ ногу». Всѣ свои дорожныя приключенія онъ описалъ въ письмѣ ко мнѣ изъ Омска, 30 іюля, и даже графически изобразилъ, какъ лошади тащили

¹⁾ № 55 „Сибирской Газеты“ 1888 г.

тарантасъ, опрокинувшійся на него, и гдѣ именно онъ получалъ наибольшіе удары. «Извозчикъ, весь избитый, стоялъ надо мной, когда я выползъ изъ подъ чемодана и сѣна, блѣдный отъ изумленія,— такъ кончается описаніе пережитыхъ имъ треволненій.—У него кровь была на носу, и онъ понять не могъ, какъ я спасся, и говорилъ одно: «Богъ спасъ!» Да и я, признаться, въ небесахъ увидѣлъ Бога, когда меня стукнуло объ уголъ до того, что искры посыпались»...

«Дружки» и «почтовые недруги» показались Гл. Ив. такими ужасными, что онъ отказался ѣхать дальше на лошадей, и рѣшилъ ждать въ Омскѣ парохода.

«Я легъ спать, пишетъ Гл. Ив., и проспалъ 12 часовъ. Теперь 6 ч. утра. И все таки я чувствую себя хорошо. Я радъ, что видѣлъ васъ, Ольгу, Здановича, Петра Александровича, Волховскаго, но я не радъ, что привезъ себя къ вамъ въ такомъ гнусномъ видѣ. Скучнѣй вамъ, милый А. И., стало отъ моего визита, не ободрилъ я васъ ничѣмъ, ничѣмъ—вотъ что мнѣ горько. Я пріѣхалъ совершенно въ мочальномъ видѣ. Что дѣлать! Надо бы мнѣ пожить у васъ подольше, и я бы поправился, и мысли бы мои посвѣжѣли. Мнѣ и теперь во сто разъ лучше, чѣмъ тогда, когда я пріѣхалъ, и теперь я благодарю васъ до глубины души, говорю вамъ отъ чистаго сердца: спасибо вамъ, слава Богу, что вы живы и такіе славные люди. Я ужасно жалѣю, что не былъ въ Бахчисараѣ. Я долженъ былъ тамъ быть, а главное самъ *хотѣлъ* душевно. Довольно я нажился въ пустопороженемъ обществѣ, мнѣ нужно Ваше и ихнее. Но Ш. какъ-то такъ глупо перековеркалъ мое положеніе относительно ихъ, что оказалось невозможнымъ поѣхать просто, такъ, какъ мы ѣздили къ этимъ братьямъ охотникамъ ¹⁾. Нельзя было *просто* поѣхать, потому что Ш. такъ сдѣлалъ, что, неизвѣстно почему, сталъ приходить ко мнѣ, точно къ попу звать къ родильницѣ. Родильница помираетъ, а попъ не идетъ.

— Такъ мнѣ *можно* уѣхать въ Барнаулъ? Жена больна. Вотъ съ какими рѣчами онъ ко мнѣ приходилъ. Выходило такъ, что если я не поѣду въ Бахчисарай, то у него жена умретъ, и вообще я его задерживаю. Онъ въ чемъ-то тамъ *обѣщался*, и не то я, не то они его «не пушаютъ» ѣхать изъ-за меня, пока *не привезетъ*. (Вотъ вѣдь какое недомысліе!). Зачѣмъ меня привозить «силомъ», когда я самъ хочу ихъ видѣть и быть у нихъ. Вѣроятно, онъ имъ обѣщалъ, что я буду давать какіе-то отвѣты, какъ Іоаннъ Кронштадтскій; они будутъ спрашивать, а я прорицать. Вотъ отъ этого-то я и не поѣхалъ, такъ какъ просто хотѣлъ повидаться съ людьми хорошими, а къ допросу идти не пожелалъ.

— Извозчикъ готовъ сейчасъ!..

Чисто какъ къ попу.

— Батюшка! Помираетъ, родить!..

Ш. очень добрый парень, но самовольно произвелъ меня въ неподобающій чинъ: учителя и указателя путей—разъ; а другое: обѣщалъ этого попу *привезти*: «Привезу!» Я ужасно жалѣю, просто скорблю, скорблю душевно. Вотъ дуралеюшка какой! Сдѣлалъ то,

¹⁾ Къ издателю „Сибирской Газеты“, Н. А. Толкачеву и его брату П. А.

что я не видалъ самаго для меня важнаго. Даже упорство «не ѣхать» возбудилъ во мнѣ, болванушко!..»

Письмо кончается довольно фантастическимъ совѣтомъ сократить срокъ моей ссылки постепеннымъ передвиженіемъ на востокъ «вплоть до Сахалина, а оттуда на пароходъ добровольнаго флота, черезъ Америку, Парижъ и—въ Петербургъ», и сердечными признаніями: «Поцѣлуйте перваго—Здановича, Я его люблю, и П. А. люблю. Подлюбливаю и Волховскаго, Феликса Вадимовича, и если не вполне, то потому, что онъ хочетъ жениться. Я противъ брака. Впрочемъ, не мое дѣло»...

II.

Конечно, сношенія Успенскаго съ революціонерами не проходили безслѣдно: были случаи, что онъ самъ принималъ участіе въ кое-какихъ дѣлахъ революціоннаго оттѣнка и, за свои «предосудительныя» знакомства, числясь вообще «неблагонадежнымъ», два раза имѣлъ дѣло съ жандармами.

Въ Парижѣ въ 1875 г. Гл. Ив. живо интересовался всѣми вопросами, находившими отраженіе, съ одной стороны, въ газетѣ «Впередъ» Лаврова, съ ея проповѣдью «чистой пропаганды», и съ другой—въ органахъ боевого направленія, гдѣ рекомендовался путь «пропаганды дѣйствіемъ». Во «Впередѣ» онъ напечаталъ фельетонъ «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», воспроизведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современность» за 1906 г.

Выступленіе въ революціонномъ органѣ, несомнѣнно, доставило Гл. Ив. удовольствіе, какъ первая попытка писать не «для лавочки», потому что, когда вскорѣ появилась въ газетѣ замѣтка присяжнаго повѣреннаго А. А. Ольхина о русскихъ судахъ, онъ послалъ ему вырѣзку этой статьи вмѣстѣ съ своимъ фельетономъ, чего не сдѣлалъ бы, при обычномъ недовольствѣ своими работами, и поощрялъ его на дальнѣйшее сотрудничество.

Въ письмѣ была, между прочимъ, фраза: «присылайте *намъ* еще», позволяющая допустить, что въ этотъ моментъ Гл. Ив. считалъ газету даже своимъ дѣломъ.

Эта неосторожная фраза оказалась чреватой послѣдствіями. Письмо къ А. А. Ольхину попало въ руки полиціи, и на Успенскаго было обращено вниманіе. Мало освѣдомленные агенты, когда имъ было поручено слѣдить за Гл. Ив., скоро пришли къ выводу, что онъ въ Парижѣ играетъ такую же роль, какую П. Л. Лавровъ—въ Лондонѣ. Этой нелѣпой аттестаціи соответствовалъ финалъ, получившій въ разсказѣ Гл. Ив. большой комическій оттѣнокъ. Въ 1876 г. Успенскій возвращался въ Россію.

— Передъ Вержболовымъ, какъ полагается, отобрали паспортъ.— разсказывалъ Гл. Ив.—Стою у своихъ вещей въ таможнѣ. Вдругъ откуда-то выплываетъ жандармскій офицеръ и прямо ко мнѣ: «Вы—г. Успенскій?.. Глѣбъ Ивановичъ?»—Да,—говорю. «Это ваши вещи?»—Мои. «Неси, приказалъ онъ артельщику,—и вы пожалуйста за мной!»... Очутился я въ присутствіи... Вмѣсто зеркала, бутылка крас-

наго вина, и еще какой-то синій мундиръ. «По приказанію III отдѣленія Е. И. В. канцеляріи, мы должны произвести у васъ обыскъ»,— говоритъ бравый ротмистръ.—Но у меня нѣтъ ничего запрещеннаго,— говорю. «А вотъ увидимъ-съ!»... При помощи унтера стали перебирать мои вещи... «Это—что? Книга?—Клади сюда!.. Письмо?—На столъ!». Былъ у меня номеръ «Отечественныхъ Записокъ» и листочки начатой рукописи. Перетрясли всѣ потроха... Насупился жандармъ и сталъ смотрѣть въ книгу, а въ ней—какъ разъ моя статья. «Вы изволите писать въ «Отечественныхъ Запискахъ»?—Какъ видите... «Гмъ!.. И эта рукопись тоже предназначается для журнала?»—Да. «Странно! въ предписаніи не сказано, что вы—писатель. Просто говорится: «учитель Глѣбъ Ивановъ Успенскій»... И въ паспортѣ тоже: «учитель».— Это я и есть,—говорю:—звание мое—учитель, а занятіе—литература... Оба уставились на меня. «А позвольте узнать въ какихъ же революціонныхъ дѣлахъ вы замѣшаны? Не будутъ же зря давать предписанія объ обыскѣ и, смотря по результатамъ его, объ арестѣ?»—Ужъ этого я не знаю,—говорю.—Какой же я революціонеръ!.. Такъ искренно я изумился.. да и, въ самомъ дѣлѣ, какой же я революціонеръ?—что жандармы переглянулись, что-то пошептали другъ другу, и ротмистръ торжественно произнесъ: «Вы свободны... Въ Петербургѣ разберутъ»... Ну, а въ Петербургѣ меня ужъ не трогали...

Хотя Гл. Ив. и помѣстилъ фельетонъ въ газетѣ «Впередъ», но его симпатіи больше склонялись въ сторону представителей «пропаганды дѣйствіемъ», чѣмъ къ «лавристамъ». Между прочимъ, ему принадлежитъ послѣдній толчекъ, заставившій П. Л. Лаврова признать, что его «Впередъ» уже не отвѣчаетъ настроенію молодежи. Въ 1876 г. «чистые пропагандисты» насчитывались единицами; молодежь, настроенная болѣе революціонно, не прислушивалась больше къ голосу «Впередъ» и въ своей оцѣнкѣ этого органа доходила даже до насмѣшекъ надъ руководящими статьями редакціи. Для подтвержденія этого, достаточно привести эпиграмму, относящуюся къ тому времени:

Ех-профессоръ, ех-философъ—
Революціи оплотъ,
Онъ сидитъ верхомъ на ракъ,
И вричитъ: „впередъ! впередъ!“.

Чуткій Гл. Ив. тоже не раздѣлялъ запоздалыхъ взглядовъ Лаврова и сумѣлъ схватить отрицательное отношеніе къ нему въ своемъ разсказѣ «Неизлѣчимый». Какъ извѣстно, герой разсказа, дьяконъ, ищетъ средствъ привести себя въ равновѣсіе отъ проснувшейся совѣсти и останавливается на чтеніи книгъ въ предположеніи, что оно можетъ «возстановить душу»; читать же книги хочетъ не «мимолетная», не «Португалова», даже не «Шлоссера», а такія, что били бы «въ самую точку, въ корень». Послѣ предложенія разныхъ сочиненій, не удовлетворившихъ радикальныхъ запросовъ діакона, докторъ (другое дѣйствующее лицо разсказа) предлагаетъ ему, наконецъ:

— Не хотите ли вотъ «До человѣка»?

Діаконъ съ радостью ухватывается за эту статью П. Л. Лаврова, сталъ читать, но скоро пришелъ къ выводу: «Ужъ и трудно же на-

писано!»... Всѣ эти «хеліасты», почему «взрослое животное лучше новорожденнаго», «комбинація формъ»—цитаты изъ сочиненія П. Л., приобретающія юмористическій оттѣнокъ въ попыткахъ діакона разгадать ихъ смыслъ.

П. Л. познакомился съ этимъ разсказомъ Успенскаго какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ удрученъ привезенными ему извѣстіями изъ Россіи относительно отношеній молодежи къ его газетѣ.

— Да,—говорилъ П. Л.,—этотъ разсказъ Успенскаго—лучшее доказательство, что мои писанія не удовлетворяютъ. Я знаю Гл. Ив. Онъ—фотографическая пластинка, схватывающая лишь то, что имъ хорошо продумано. Онъ никогда не позволилъ бы себѣ ставить меня на одну доску съ болтуномъ Португаловымъ, если бы моя репутація въ глазахъ молодежи не пошатнулась...

III.

Далекій отъ мысли вести сознательно какую бы то ни было революционную пропаганду, Гл. Ив., тѣмъ не менѣе, въ 1877 г. былъ привлеченъ въ Самарѣ къ дознанію о распространеніи «преступныхъ идей» среди семинаристовъ.

Успенскій жилъ въ то время въ Сколковѣ, имѣніи К. М. Сибирякова, гдѣ его жена была учительницей въ сельской школѣ, а самъ онъ, помимо литературы, занимался дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества вмѣстѣ съ бывшимъ семинаристомъ Александровскимъ. Этотъ развитой юноша пріѣхалъ на лѣто въ деревню отдохнуть отъ семинарской науки и незамѣтно для себя такъ втянулся во всѣ виды помощи крестьянамъ, что къ концу лѣта переживалъ уже душевную драму: стоитъ ли возвращаться въ городъ ради какой то герминефтики, философіи, когда здѣсь, въ деревнѣ, столько живого дѣла, когда чувствуешь и создаешь, что приносишь пользу безпомощному, темному люду, и самъ съ жадностью набираешься знаній, чтобы еще больше расширить кругъ служенія народу? Бросить этихъ обиженныхъ, ободенныхъ людей, опять отдать ихъ въ лапы міроѣдовъ, кулаковъ и другихъ эксплуататоровъ, создающихъ свое благополучіе на ихъ заботности, ѳбдности и невѣжествѣ—ради чего? Чтобы кончить курсъ въ семинаріи и надѣть поповскую рясу, эту длиннополую хламиду, точно нарочно придуманную для того, чтобы суевѣрный народъ запутывался въ ея складкахъ?.. Нѣтъ, никогда!.. И Александровскій остался въ деревнѣ. Успенскій изобразилъ этого юношу въ своемъ очеркѣ «Черная работа».

Гл. Ив. не расширялъ умышленно круга своихъ знакомыхъ въ деревнѣ, но и безъ его участія число знакомыхъ росло въ силу обаятельной его личности, да и тотъ фактъ, что онъ—писатель, придавалъ притягательную силу общенію съ нимъ. Въ числѣ посѣтителей его очутился, между прочимъ, одинъ пройдоха изъ зажиточныхъ крестьянъ сосѣдняго с. Богдановки. Грамотей, ловкій дѣлецъ во всѣхъ областяхъ личной наживы, онъ часто заглядывалъ къ Гл. И. не безъ задней мысли: дать ему матеріалъ для «обработки» кого-либо изъ

своихъ враговъ или обидчиковъ. То расскажетъ про мошенническую продѣлку барина, якобы «нагрѣвшаго» его при продажѣ пшеницы, то приведетъ гнуснѣйшій фактъ изъ сношеній съ молочанами, тоже будто бы причинившими ему непоправимое зло и т. п. Въ жизни Гл. Ив. довольно часто встрѣчались такіе поставщики матеріала съ задней мыслью и не только изъ среды, гдѣ неразборчивость въ средствахъ вполнѣ естественна, а изъ круга людей культурныхъ, развитыхъ, считавшихъ себя прогрессистами, какими были разные земскіе и другіе общественные дѣятели. Сидитъ, бывало, какой-нибудь земець передъ Гл. Ив. и нанизываетъ фактъ за фактомъ для посрамленія въ печати ненавистныхъ ему представителей «Бѣлой Арапіи». Успенскій слушаетъ, пощипываетъ свою бородку, и потомъ—вдругъ статья, гдѣ о «Бѣлой Арапіи» ни слова, зато художественно нарисованъ портретъ «либерала», не замѣчающаго, что вся его дѣятельность—мыльный пузырь. Или желѣзнодорожникъ, недовольный порядкомъ въ мѣстѣ своего служенія, развиваетъ цѣлую систему нововведеній съ расчетомъ встрѣтить защиту ея подъ перомъ Успенскаго,—и вдругъ очеркъ съ цѣлымъ рядомъ желѣзнодорожныхъ преобразователей, воображающихъ, что они дѣло дѣлаютъ, когда на самомъ дѣлѣ лишь «толкнутся у пустого мѣста». Такъ же ошибся въ значеніи своихъ рассказовъ для Гл. Ив. и богдановскій кулакъ. Получивъ, однажды, новую книжку «Отечественныхъ Записокъ» со статьей Успенскаго, онъ, къ ужасу свсему, узналъ, что всѣ его разоблаченія разныхъ конкурентовъ, ненавистныхъ ему сосѣдей—помѣщиковъ и молочанъ послужили автору лишь канвой для характеристики кулаковъ, опутывающихъ деревню, при чемъ, одинъ, наиболѣе типичный, очень похожъ на него: «въ родѣ какъ портретъ»...

Вскипѣло негодованіемъ сердце богдановскаго кулака и онъ принялъ рядъ выслѣживаній полицейскаго сыска, чтобы передъ лицомъ власть имущихъ обнаружить въ Гл. Ив. «опаснаго» человѣка, подрывающаго всѣ основы російскаго государства. Онъ наводилъ справки и о лицахъ, пріѣзжающихъ изъ города навѣстить Успенскаго, и объ его отношеніяхъ къ подозрительному семинаристу Александровскому, непрошенному защитнику крестьянской бѣдности, и особенно старался черезъ кухарку Гл. Ив. выяснитъ вопросъ, картинно изображенный Успенскимъ въ одномъ изъ фельетоновъ газеты «Русскій Курьеръ» за 1879 г.

— Такъ баринъ-то твой пишетъ, говоришь?

— Пишетъ.

— Ну, а писемъ много получаетъ?

— Какъ почта—такъ и везутъ: письма, газеты; книги бываютъ...

— Такъ вѣдь этакъ у него вороха бумагъ накаплиются. Неужто все бережетъ?

— Которые бережетъ, а что не надо—выбрасываетъ, либо въ печку...

— Въ пе—ечку?.. И на твоихъ глазахъ жегъ?

— Жегъ.

Молчаніе.

— Такъ жегъ, говоришь?

— Жегъ.

— Гмъ...

Но всё эти изслѣдованія не давали желательнаго результата: нельзя было состряпать внушительный доносъ. Но вотъ, однажды, Гл. Ив. поѣхалъ въ Самару вмѣстѣ съ Александровскимъ, и оба остановились въ номерѣ довольно невзрачной гостиницы, гдѣ жильцы отдѣлялись другъ отъ друга такими стѣнами, что «каждый могъ слышать дыханіе другого»... Въ такой-то прозрачный номеръ пришли къ Александровскому его товарищи—семинаристы, и скоро завязался общій разговоръ о значеніи духовенства для народа. Довольно часто слышался голосъ Успенскаго, и всякій разъ въ отвѣтъ раздавался раскатистый, здоровый смѣхъ семинаристовъ: Гл. Ив. приводилъ факты довольно позорные для служителей алтаря... Вдругъ дверь сосѣдняго номера распахнулась и на порогѣ появились два жандарма въ сопровожденіи богдановскаго кулака... Оказалось, что кулакъ случайно очутился сосѣдомъ по номеру съ Гл. Ив., подслушалъ его разговоръ съ семинаристами и сбѣгалъ за жандармами, дабы они своими ушами убѣдились, какую преступную пропаганду ведетъ онъ среди молодежи. Жандармамъ удалось записать нѣсколько фразъ, произнесенныхъ Успенскимъ. Конечно, актъ—и началось дѣло.

Къ счастью для Гл. Ив., въ то время начальникомъ жандармскаго управленія въ Самарѣ былъ полковникъ Смальковъ, довольно образованный и толковый человекъ, не допускавшій арестовъ по пустякамъ, и Гл. Ив. могъ спокойно уѣхать въ свое Сколково.

Тѣмъ не менѣе, онъ былъ привлеченъ къ допросу.

На первыхъ же порахъ Смальковъ былъ пораженъ отвѣтомъ Успенскаго.

— Какъ же это вы, Гл. Ив., вели такіе неосторожные разговоры съ семинаристами?—спросилъ полковникъ.

— Это не я, а кн. Мещерскій,—отвѣтилъ Гл. Ив.

— Какъ Мещерскій?

— Да Мещерскій. У меня былъ въ рукахъ его «Дневникъ», и читалъ его отзвы о духовенствѣ... Жандармы кое-что уловили—все слова кн. Мещерскаго, а не мои...

— Смальковъ расхохотался,—разсказывалъ Успенскій, — а все-таки попросилъ меня дать показанія на бумагѣ... Я принялся писать. Такое, знаете, смѣшливое настроеніе охватило меня, что у меня вышелъ преселенскій фельетончикъ... Я изобразилъ, какъ мы сидимъ въ номерѣ, а къ сосѣдней двери прилипло ухо кулака... За нимъ еще два... Каждое съ жадностью голоднаго сыщика ловить... слова Мещерскаго. Привелъ и преступныя цитаты... Никогда такъ живо и легко не писалось!

И можно представить, какой, дѣйствительно, богатый матеріалъ дала вся эта исторія остроумію Гл. Ив. Вѣроятно, этотъ веселенскій «фельетончикъ» хранится въ Архивѣ Казанской Судебной Палаты, откуда черезъ годъ или два Успенскій получилъ увѣдомленіе, что дѣло о его преступной пропагандѣ прекращено... по высочайшему повелѣнію.

— При чемъ же тутъ высочайшее повелѣніе?—съ недоумѣніемъ спрашивали Успенскаго.

— А, видите ли, труба вмѣшалась.

— Какая труба?

— Фаготъ... Есть у меня пріятель инженеръ Горбуновъ... играетъ на трубѣ. И наслѣдникъ престола ¹⁾ обожаетъ этотъ инструментъ. Сошлись на музыкальной почвѣ, Горбуновъ-то и Расскажи его высочеству про кн. Мещерскаго, какъ онъ попалъ въ преступники. Такимъ-то манеромъ, черезъ трубные звуки, и получилось высочайшее повелѣніе...

IV.

Зимой 1877 г., благодаря своему близкому знакомству съ докторомъ О. Э. Веймаромъ, Гл. Ив. узналъ, что замышляется устройство побѣга изъ Литовскаго замка одного изъ видныхъ «лавристовъ», Е. С. Симановскаго, и захотѣлъ непремѣнно «испытать ощущенія» въ качествѣ участника этого рискованнаго предпріятія.

— Буду хоть вишни ѣсть!—смѣялся онъ, вспоминая одну изъ подробностей побѣга кн. П. А. Крапоткина.

Въ то время знаменитый «Варваръ» стоялъ на конюшнѣ Веймара и за оказанную услугу пользовался такой ревливой любовью доктора, что, когда «лавристы» обратились къ нему съ просьбой дать лошадей, онъ наотрѣзъ отказался отпустить ее въ «чужія руки» и предложилъ поручить ему организацію «выѣзда» къ Литовскому замку. Такимъ образомъ въ дѣло вмѣшались двѣ компаніи. Одна вела сношенія съ Симановскимъ, а другая, по указанію первой, должна была явиться въ опредѣленный часъ къ тюремѣ съ лошадыю и съ нужнымъ штатомъ людей для внѣшнихъ операций. Пробовали отговорить Гл. Ив. отъ задуманой имъ затѣи, главнымъ образомъ, изъ боязни подвергать риску любимаго писателя, отчасти и въ силу сомнѣнія, удастся-ли ему выполнить ту или другую функцію, какъ человѣку, не изловчившемуся ни въ какихъ конспираціяхъ. Но онъ такъ хотѣлъ, просилъ и такъ круто ставилъ вопросъ о довѣрїи, что, въ концѣ концовъ, согласились предложить ему наименѣе рискованную операцію: «снять съ поста городского».

По условіямъ тюремной жизни, Симановскій могъ сдѣлать попытку къ побѣгу только въ шестомъ часу утра. Наканунѣ назначеннаго дня была вечеринка въ квартирѣ присяжнаго повѣреннаго Серебрякова, куда былъ открытъ доступъ даже «нелегальнымъ» людямъ. Этой квартирой и рѣшили воспользоваться, какъ для предварительнаго собранія всѣхъ участниковъ въ устройствѣ побѣга, такъ и для превращенія одного изъ танцоровъ на вечеринкѣ въ выѣзднаго кучера, когда въ 4 часа ночи подѣдетъ къ воротамъ дома О. Э. Веймаръ на своемъ «Варварѣ». Гл. Ив. очень занимало это совпаденіе наружнаго веселья съ коварнымъ замысломъ.

— Настоящіе заговорщики!—говорилъ онъ.—Поютъ, танцуютъ, а на умѣ—Литовскій замокъ!.. Вы не очень увлекайтесь танцами,—оберегалъ онъ будущаго кучера:—вспотѣете—а потомъ на морозъ! Долго ли простудиться?..

¹⁾ Впоследствии императоръ Александръ III.

Въ 5 часовъ утра всѣ «заговорщики» были у Литовскаго замка. Побѣгъ не состоялся, потому что, какъ оказалось впоследствии, Симановскому не удалось подпилить тюремную рѣшетку и выскочить изъ окна въ переулокъ, гдѣ стоялъ «Варваръ». Тѣмъ не менѣе, Гл. Ив. выполнилъ возложенное на него порученіе.

— Минута въ минуту, какъ было условлено,—разсказывалъ онъ— я подошелъ къ городовому, вынулъ папироску и говорю: «вы курите?»— Покуриваю,—говорить,—а вамъ не спичку-ли?—«Да». Онъ зажегъ спичку, и мы закурили. «Скажите, какъ пройти поближе на Садовую?» спросилъ я. Городовой сталъ объяснять. Я оказался такимъ непонятливымъ (вѣдь такъ полагается по программѣ?), что все переспрашивалъ: «сначала, говорите, направо? а потомъ налево?»... Всячески старался, да вотъ не вышло!

V.

Всего оригинальнѣе было выступленіе Гл. Ив. въ роли «самозванца». Какъ извѣстно, среди сторонниковъ разныхъ теченій революціонной мысли начала 70-хъ годовъ совершенно особую позицію занимали единичныя личности, мечтавшія организовать бунтъ на почвѣ слѣпой «вѣры въ царя». Судебная хроника отмѣтила активное участіе Я. В. Стефановича и Л. Дейча въ Чигиринскомъ дѣлѣ, гдѣ фигурировала «золотая грамота», приглашавшая отъ имени царя отбирать у пановъ землю и, въ случаѣ сопротивленія, расправляться съ ними «своими средствами». Задолго до этого дѣла, сторонникомъ еще болѣе замысловатаго плана былъ саратовскій уроженецъ, изъ дворянъ, Г. Если Стефановичъ строилъ свою попытку на недомыслии крестьянъ относительно Александра II, связавшаго свое имя съ уничтоженіемъ крѣпостного права, то Г. исходилъ изъ предположенія, что при крестьянскомъ невѣжествѣ достаточно имени миѣческаго «Константина», чтобы организовать бунтъ. Въ саратовскихъ кружкахъ молодежи этотъ взглядъ не встрѣчалъ сочувствія, и, при оцѣнкѣ Г., отмѣчался, какъ курьезъ въ его міросозерцаніи вообще оригинальнаго человѣка. Говорили о его рѣдкой способности къ пропагандѣ среди крестьянъ при умѣнн владѣть въ совершенствѣ простонароднымъ языкомъ; говорили о большой склонности къ литературѣ, вѣроятно, находившей приложеніе въ то время въ составленіи какихъ нибудь прокламацій¹⁾: но никогда не упоминали, чтобы онъ пытался претворить въ дѣло свою идею. Несомнѣнно, и самъ онъ, вращаясь среди крестьянъ, не пускалъ въ ходъ своего «самозванца».

Но вотъ судьба сталкиваетъ Г. съ Успенскимъ. Какъ часто бывало въ сношеніяхъ этого большого писателя и человѣка съ людьми, искавшими общенія съ нимъ, послѣдніе до такой степени очаровывались его умомъ, проницательностью и обаятельными свойствами его характера, что чувствовали потребность не только говорить съ нимъ

¹⁾ Ставилъ впоследствии эмигрантомъ, Г. писалъ въ „Набатѣ“ П. Н. Ткачевъ и въ „Библиотекѣ русской и иностранной беллетристики“, короткое время выходившей подъ редакціей А. В. Каменскаго.

совершенно откровенно, но и провѣрять правильность своихъ взглядовъ освѣщеніемъ предмета съ точки зрѣнія любимаго писателя. Неудивительно поэтому, что и Г. договорился съ Гл. Ив. до своей теоріи о «Самозванцѣ».

Отсутствие у Гл. Ив. предвзятыхъ взглядовъ на явленія русской жизни, гдѣ самому ему приходилось встрѣчать не мало «загадокъ» и несообразностей, всегда располагало его къ наблюденію, къ провѣркѣ. Надо еще замѣтить, что въ тѣ годы въ его характерѣ сказывался временами какой-то игривый задоръ, толкавшій его въ сторону поступковъ, казавшихся въ другое время невысказанными въ связи съ его обычной сдержанностью... И вотъ въ головѣ Успенскаго мелькнула мысль: «а если попробовать «Константина»?

Передать разсказъ Гл. Ив. въ подробностяхъ, со всѣми оттѣнками его остроумія,—немыслимо. Его манера говорить образами, употреблять неожиданныя сравненія, полныя юмора, не говоря уже о выразительной мимикѣ и жестахъ,—не поддаются воспроизведенію. Я могу дать лишь жалкій скелетъ его разсказа, предоставляя тѣмъ, кто помнитъ Успенскаго, представить, въ какую художественную форму отливался, въ его личной передачѣ, этотъ любопытный эпизодъ.

Дѣло происходило зимой, кажется, въ Тульской губерніи.

— Мы рѣшили попробовать,—разсказывалъ Гл. Ив.—Ну-ка, давайте, говорю, пустимъ въ ходъ Константина!.. Распредѣлили роли. «Константиномъ будете вы,—говоритъ Г.,—а я въ родѣ какъ его молочный братъ—мамкинъ сынъ»... Досталъ онъ мнѣ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, чтобы его высочество не замерзло въ дорогѣ въ своемъ пальтишкѣ на сторожковомъ мѣху, а себѣ—короткій полушубокъ по колѣно и трехъ на голову... Вы видали Г.?... Нѣтъ... Нельзя сказать про него: «одно изъ славныхъ русскихъ лицъ»... А въ этомъ костюмчикѣ съ своимъ кривымъ глазомъ вышелъ... истинный мамкинъ сынъ!.. Раздобыли лошаденку съ дровнями и поѣхали... Я лежу въ саняхъ, зкрывшись изъ скромности воротникомъ, а мамкинъ сынъ—на облучкѣ, въ валенкахъ...

Лошаденка дрянная, не царскаго завода... Былъ воскресный день... Вотъ приѣзжаемъ въ первую деревню, мой лейбъ-кучеръ приворотилъ къ кабаку. Я лежу, закрылся поплотнѣе, а мамкинъ сынъ пошелъ въ кабакъ... Что онъ тамъ говорилъ, что дѣлалъ—не знаю, только выходитъ изъ кабака въ сопровожденіи двухъ-трехъ мужиковъ и несетъ бутылку водки со стаканчикомъ... Снялъ шапку. «Отвѣдайте, говоритъ, ваше высочество!..» Меня такъ и обдало жаромъ... Вѣдь не скоро привыкнешь къ такому титулу!.. Я взялъ стаканъ, стараясь по возможности скрыть свое царское обличье... А мамкинъ сынъ, вижу, подмигиваетъ мужикамъ; поднялъ руку и произнесъ загадочно: «Будетъ—что будетъ! Недолго ужъ ждать!..» Онъ почтительно взялъ у меня пустой стаканъ, ушелъ въ кабакъ; за нимъ—мужики... Прекверное, скажу вамъ, положеніе: быть высочествомъ и лежать въ дровняхъ въ ожиданіи своего кучера!.. Угостивши вѣрноподанныхъ остатками водки, мамкинъ сынъ вернулся наконецъ; вскочилъ на облучекъ, а на крыльцѣ кабака—уже съ пятокъ мужиковъ... «Помалкивай, ребята! Знай: будетъ ваша!»—крикнулъ онъ и съ этими

словами стегнуть лошаденку... Такъ мы проѣхали еще двѣ-три деревни. Г. былъ великолѣпный! Какая выдержка! Какое умѣнье плести что-то несуразное, загадочное... Кажется, вотъ несусвѣтная чепуха, а суевѣрные умы что-то улавливають, въ простыхъ сердцахъ загорается надежда... Меня охватила даже оторопь, взмолился: «Разжалуйте, говорю, въ простые смертные!...» Заночевали гдѣ-то ужъ попросту. На утро двинулись въ обратный путь...—Вотъ посмотрите, что сегодня выйдетъ!—сказаль Г.—я предупредилъ, что поѣдемъ назадъ.—Въ этотъ разъ уже не заворачивали къ кабакамъ... И вдругъ представьте, у одной околицы—цѣлая толпа!... встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью!... Я закутался поплотнѣе. Вижу: снимали шапки, опускаются на колѣни... Г. остановилъ лошадь—толпа хлынула къ санямъ. «Рано, православные,—говорить мамкинъ сынъ,—рано! Нельзя ему обозначиться!.. Молчокъ, ребята, молчокъ!» Я лежу, думаю: унеси, Владычица!... Вдругъ: «Ваше высочество, обнадежьте ихъ милостивыми словами!..» Что тутъ дѣлать? Пробормоталь что-то не своимъ голосомъ... Ужъ и натерпѣлся я страху!—говорилъ Гл. Ив. и съ большой тоской въ голосѣ прибавлялъ:—А вѣдь мамкинъ-то сынъ правъ оказался!..

А. Иванчинъ-Писаревъ.

Изъ архива Г. И. Успенскаго.

Сынъ Г. И. Борисъ Глѣбовичъ передалъ намъ два найденныхъ имъ въ бумагахъ Г. И. наброска: набросокъ автобіографіи и набросокъ некролога Веймара. Въ первомъ томѣ сочиненій Г. И. Успенскаго (изд. Фукса, Кіевъ) напечатана маленькая его автобіографія. Въ нашемъ отрывкѣ событія первыхъ лѣтъ жизни разсказаны полнѣе и съ подробностями, опущенными въ напечатанной автобіографіи. Набросокъ некролога Веймара является иллюстраціей къ разсказу А. И. Иванчина-Писарева.

Ред.

1

Отрывокъ изъ автобіографіи Глѣба Успенскаго ¹⁾.

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Родился въ Тулѣ, въ 43 году, 14 ноября. Семейство его состояло,—большая часть,—духовнаго званія; отецъ Иванъ Яковлевичъ, а мать моя была изъ семейства Глѣба Ѳомича Соколова—это семейство по тому времени было образованное. Глѣбъ Ѳомичъ происходилъ едва ли не изъ крестьянскаго сословія, видѣлъ на своемъ вѣку много, пережилъ также много, видѣлъ арацкеевскія времена, бунтъ въ Новгородской губерніи арацкеевскихъ крестьянъ. Первые воспоминанія о себѣ, 9 лѣтъ, относятся къ жизни у дѣда Г. Ѳомича, куда ²⁾ отецъ и мать отвезли меня гостить и учиться. Глѣбъ Ѳомичъ любилъ меня и хотѣлъ оторвать отъ семейства. Тамъ я учился въ школѣ у вдоваго дьякона. Въ Тулѣ семейство Соколовыхъ по переѣздѣ изъ Калуги поселилось въ собственномъ домѣ, такъ какъ Г. Ѳ. получилъ мѣсто управляющаго тульской палатой государственныхъ имуществъ.

былъ художникъ, артистъ Михаилъ Глѣбовичъ удивительный скрипачъ, Дмитрій Глѣбовичъ впоследствии виолончелистъ, учился у Давыдова. Всѣ рѣшительно писали въ Современникѣ, въ Искрѣ. Гр. Л. Н. Толстой сносился писменно съ Г. Ѳ. о разныхъ предметахъ касающихся крестьянскаго быта. Въ дѣтствѣ я много пережилъ и перевидалъ крестьянскихъ бѣдствій и взяточничествово царило повсюду,

¹⁾ Точками обозначены неразобранные слова.

²⁾ Т. е.—въ Калугу, гдѣ Гл. Ѳомичъ служилъ въ палатѣ гос. имущества.

рекрутскіе наборы, волостные старшины, писаря и вся тяжёлая волонка были мнѣ хорошо извѣстны. Въ гимназіи я учился съ 52 года до 56, когда моего отца перевели въ Черниговъ. Настало новое время. Меня кацапа приняли такъ, какъ слѣдовало—поляки, малоросы—вообще люди не застоявшіеся на одномъ мѣстѣ и имѣющіе историческую біографію. Первый годъ я сидѣлъ на послѣдней скамейкѣ, но лѣтомъ мнѣ предложилъ братъ уроки учитель французскаго языка... появились товарищи изъ лучшихъ учениковъ Ив. Ил. Петрункевичъ, М. И. Петр. и ихъ отецъ были мнѣ знакомы. Съ Ив. Ил. и М. И. и я впоследствии жилъ въ Петербургѣ въ домѣ Штрауха (когда уже работалъ въ Русскомъ Словѣ) и потомъ постоянно имѣли знакомство. Тверь—Женева—я бывалъ тамъ въ эти времена. Въ Черниговской гимназіи я кончилъ курсъ въ 61 году ¹⁾. 19 февраля въ соборѣ, гдѣ моши Феодосія, служили благодарственный молебенъ объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля. Мои сестры учились въ пансіонѣ Кораческой (?). Одна изъ ея дочерей впоследствии Менщикова, пѣвица. Изъ Чернигова я уѣхалъ въ Петербургъ. Произошли студенческіе беспорядки—начиналось новое время. Помню сцену въ залѣ Не... говоритъ рѣчь Срезневскій... Сосланъ въ Кронштадъ. (Эти времена можетъ до нѣкоторой степени описать Острогорскій, Коченовскій). Я выѣхалъ въ Москву и поступилъ на 2-ой курсъ. Здѣсь долго голодалъ. Отецъ мой разорился семья была большая, но я получалъ 25 руб. Лѣтомъ я поѣхалъ въ Черниговъ и тогда делижансъ ходилъ отъ Москвы, черезъ... до Чернигова. Ёхалъ я однако въ лѣтнемъ пальто, а рядомъ сидѣла дерев(енская) баба прислон(илась) и пригрѣла меня. Въ Черниговѣ отецъ мой чувствовалъ себя плохо и очень жалѣлъ, что я плохо учился и истратилъ и заложилъ золотыя часы, шубу. Онъ горько страдалъ. Въ делижансѣ я выѣхалъ осенью опять въ Москву и приѣхалъ въ 62 году (осенью) и здѣсь тогда я сталъ писать въ раз. журналахъ, Зритель, служилъ въ типографіи Каткова (польское возстаніе. Типогр. и приѣмъ рукописей въ это время можно было видѣть сколько было враговъ у Польши. Печ. романъ Писемскаго Взбаломуч. Море . . . . .

Затѣмъ я перешелъ въ типографію..., гдѣ печатался *День*. Жилъ я у одной М-те гдѣ были швеи. Одинъ изъ рассказовъ касается этого времени. Въ концѣ 63 года я выѣхалъ въ Петербургъ и приѣхавъ туда остановился у Я. В. Успенскаго. Былъ со мной рассказъ «Старьевщикъ», который я отнесъ въ Б(ибліотеку) дл(я) (чтенія) издав(авшуюся) Боборыкинымъ. Въ іюлѣ 64 года я получилъ извѣстіе о смерти отца. Въ то время жилъ у Н. В. и М. В. ²⁾.

У меня знакомый ректора Петерб. университета Рождественскій: одна изъ дочерей его была женой Андреевскаго. Черезъ него мнѣ удалось выхлопотать въ Мин. Государственныхъ И. на четыре года по 400 рублей пенсію матери на обученіе дѣтей. Получивъ бумагу

¹⁾ Въ 61 году я присутствовалъ на похоровахъ Н. А. Добролюбова. Рѣчи говорили Чернышевскій и Некрасовъ.

²⁾ Успенскихъ.

объ этомъ, я возвратился тогда опять въ Черниговъ, былъ на могилѣ отца. Семья жила въ томъ же домѣ и въ это время. Оставя деньги, я тогда опять возвратился въ Петербургъ, въ дилижансѣ, который шель черезъ Овручъ. Польское дѣло продолжалось и въ Овручѣ я долженъ былъ испрашивать особаго разрѣшенія у исправника. У яма стояли жандармы. Приѣхавъ въ Петербургъ поселился въ домѣ гдѣ жилъ съ . . . . . во время студенческихъ безпорядковъ а въ 64 году помѣщалъ р. Благосвѣтлова. Остановясь у В . . . а, я нѣсколько времени пробылъ у него и печатаясь у Благосвѣтлова переѣхалъ на Николаевскую гдѣ и писалъ въ Русскую Мысль (?) Писалъ цѣлый годъ. Лѣтомъ опять былъ въ Черниговѣ, взявъ мать привезъ ее въ Тулу, куда раньше переѣхали мои сестры Александра, Лизавета, Маня (?) — всѣхъ ихъ перевезъ приѣхавшій въ Черниговъ братъ моего отца Михаилъ Яковлевичъ. Изъ Тулы я проживъ нѣсколько дней писалъ въ Искрѣ и затѣмъ выѣхалъ опять въ Петербургъ: въ Русскомъ Словѣ (65)—прошелъ въ писанинѣ гдѣ придется у кого часто я работалъ, у Генкеля, въ Недѣлѣ въ Русскомъ базарѣ и друг. 65 году я отдалъ Некрасову. Дер . . . . . дневникъ — онъ разсердился; но съ . . . . . позволилъ . . . . . Растеряева улица и затѣмъ я . . . . . я уѣхалъ въ Тулу жилъ на Большой улицѣ и писалъ здѣсь.—66. Покушеніе на Государя. Приѣхалъ въ Петербургъ засталъ А. Н. Некрасова въ редакціи, онъ собиралъ послѣднія бумаги, Современникъ запрещенъ. Съ этого года, съ мая мѣсяца . . . . . гдѣ онъ живетъ! Лѣто все провель. 66 года, появилось *дѣло*, я тамъ написалъ одинъ разсказъ Н. В. У. и помѣстилъ и 3 ч. Растеряевой улицы. Въ томъ же году открылся Женскій Вѣстникъ.—Много тамъ чего наврано.

У кого узнать обо мнѣ:

Знаютъ обо мнѣ Ольга Николаевна Фигнеръ, А. И. Писаревъ, Н. К. Михайловскій.

Знакомство съ Гаршинымъ. Въ Чудовѣ. При поѣздкѣ въ Тихвинъ. Колмыковъ. Одна минута величайшаго счастья (на Петерб. Сторонѣ). Въ Чудовѣ знакомъ Бирюковъ.

Знакомство произошло. Зналъ я его когда онъ поселился въ домѣ гдѣ жилъ Генкель. Потомъ на томъ мѣстѣ гдѣ былъ кабакъ, холодъ, опорки, кухня и . . . , самъ онъ въ тулупѣ читаетъ отчеты о толстовскихъ засѣданіяхъ. Зналъ что толстовки приходили мыть полы. Письмо отъ Бирюкова о Паровомъ цыпленкѣ.

Въ послѣдній разъ я его видѣлъ, когда онъ приходилъ получать карточку Макушину. Макушинъ . . . . . веселый, шель къ С. Илеру смотр . . . . . Балабуха,—«отличаемся».

Кривенко, когда онъ былъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Потомъ онъ издавалъ Слово, Русское Богатство на Знаменской во дворѣ. Русановъ.

Круж . . . жилъ съ горячо его любившей женщиной-врачѣмъ. Она имѣла громаднй успѣхъ и видя что Кр . . . . . какъ то сталъ терять къ ней любовь, она тогда застрѣлилась.

Литературное утро у Тургенева ¹⁾. Однажды я пришелъ къ нему

¹⁾ Въ Парижѣ 75—76 года.
Ред.

и онъ сказалъ, что затѣвается литературное утро въ пользу библіотеки. Я передѣлалъ ему разсказъ *Ходокъ*. Каждый день Ив. С. присылалъ ко мнѣ письма, чтобы я аккуратнѣе. Одинъ разъ онъ заѣхалъ за мной, были мы въ . . . . . , и повезъ съ собой въ каретѣ . . . . . принималъ. Сидѣлъ тутъ же Жуковскій. Тургеневъ началъ читать свой разсказъ *Стучитъ*, удивительно. Потомъ началъ и мой; разбиралъ вставки..

II.

Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ.

Некрологъ.

31 Октября 85 года, умеръ на Карѣ, отъ скоротечной чахотки врачъ О. Э. Веймаръ. 2-го Апрѣля 1879 г. онъ былъ арестованъ по дѣлу Соловьева, 14 Мая 1880 г. приговоренъ, военнымъ судомъ, къ 15-лѣтней каторгѣ въ рудникахъ, но 16-го мая, въ виду обильныхъ заслугъ, оказанныхъ О. Э. въ качествѣ военного врача во время войны 77 года,—срокъ каторги убавленъ съ 15 на 10-ти лѣтній и работы въ рудникахъ замѣнены работою въ крѣпостяхъ. Послѣ суда О. Э. содержался въ Петропавловской крѣпости до марта 81 г. когда заболѣлъ цынгою, невралгіею и плевритомъ, вслѣдствіе чего былъ переведенъ въ Д. предварительнаго заключенія, а 23 Августа того же года былъ отправленъ на Кару. Здѣсь, до Февраля 84-го года все время былъ закованъ въ кандалы, и только 12-го Марта 85-го года былъ выпущенъ въ вольныя команды.

Письма Герцена къ Марко-Вовчку.

28 іюля этого года скончалась извѣстная писательница¹⁾, литературное имя которой, Марко-Вовчокъ, яркою звѣздой засіяло въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Шевченко ее благословилъ, какъ духовную свою дочь, на дѣло служенія народу; съ нею знакомились выдающіеся литераторы и общественные дѣятели той эпохи, восхищались задумшевною прелестью ея расцвѣтающаго таланта, и многіе, не въ меньшей степени, ея правдивою, непосредственною, живою душею.

Оставшіяся письма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ огромномъ впечатлѣніи, которое она производила на окружающихъ, о томъ глубокомъ почтеніи, которое какъ-то само собою внушалось всѣмъ, вступавшимъ съ нею въ личное знакомство.

Какъ матеріалы для біографіи Марко Вовчка, письма Герцена далеко не самыя характерныя, но и онѣ вѣрно отражаютъ общее къ ней отношеніе лучшихъ русскихъ людей той эпохи, и, сами по себѣ, драгоцѣнны.

Знакомство Марко Вовчка съ Герценомъ началось въ 1859 г., тогда же лѣтомъ возникла переписка, длившаяся до весны 1860 г. Послѣ этого вскорѣ Герценъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Парижъ, гдѣ еще раньше поселилась М. А. Марковичъ, и переписка естественно прекратилась. Въ 1867 году М. А. Марковичъ переѣхала въ Петербургъ, но ѣздила иногда за границу и видѣлась съ Герценомъ, привозила ему статьи или порученія. Она и раньше доставляла для „Колокола“ статьи, — что, между прочимъ, видно изъ письма Герцена отъ 23 февраля 1860 г., а также сообщала въ „Колоколь“ корреспонденціи и фактическій матеріалъ изъ писемъ къ ней разныхъ лицъ изъ Россіи.

---

¹⁾ Марія Александровна Виленская родилась въ 1835 году. Въ 1851 году она вышла замужъ за извѣстнаго украинскаго патріота и собирателя малорусскихъ пѣсенъ и сказаній Афанасія Васильевича Марковича, сосланнаго тогда въ Орель по такъ называемому Костомаровскому дѣлу. Въ 1868 г. А. В. Марковичъ умеръ, а въ серединѣ 70-хъ годовъ М. А. вторично вышла замужъ за М. Д. Лобача, на рукахъ котораго она скончалась 28 іюля 1907 г. въ ихъ маленькомъ хуторѣ, близъ Нальчика.

I.

7 Юля 10 *Alpla road.*

S. John's Wood.

Наконецъ то отъ васъ письмо съ обозначеніемъ мѣста. А то я уже начиналъ дуться на васъ—во 1-хъ за то, что вы точно *Маццини*—никогда васъ не найдешь—то въ Палермо, то въ Бернѣ, то въ Мадридѣ, во 2-хъ какъ же вы мнѣ ни слова, ни строки о моей статьѣ—писанной только чтобъ воскурить вамъ фиміамъ лести. Зато посылаю ее еще разъ.

Вашъ червонный *тузъ* (больше чѣмъ король и козырный)—такая изящная прелесть, что я заочно поцѣловалъ вашу руку. А читали ли вы Тургеневскую „Первая Любовь“. По моему это гораздо лучше—„Наканунѣ“.

Читать я вамъ буду многое—но между четырехъ глазъ. Мнѣ очень рѣдко хочется кому нибудь читать—то что вамъ прочту. До 10 Августа вѣроятно мы здѣсь. Въ *Isle of Wight* или возлѣ я буду непремѣнно къ пріѣзду Таты ¹⁾.

Прощайте. Напишите пожалуйста, получили ли письмо.

Огаревъ кланяется и оба жмемъ руку.

А. Герценъ.

Тат. Петр. ²⁾ гдѣ?

II.

27 Юля 10 *Alpla road.*

Regent Park.

Я разъ писалъ къ вамъ въ Швальбахъ, *Марія Александровна*—и потомъ ждалъ, что вы въ первыхъ *Августахъ* какъ снѣгъ на голову. *Аненк.* (*Анпенковъ*) пишетъ, что его какъ вихрь забираетъ *la Russie mobile* (?) и плыветъ въ Англию. *Тургеневъ* ворочаетъ и медленно выступилъ изъ *Constance*. Въ *Isle of Wight* (на островѣ *Уайтъ*), будетъ, какъ я вамъ писалъ, толпа русскихъ—я буду возлѣ. Мнѣ очень хочется вамъ прочесть тѣ нѣсколько главъ, (которыя мнѣ стоили нѣсколько лѣтъ и которыми я былъ до нынѣшняго лѣта недоволенъ), да только мнѣ бы

¹⁾ Наталья Александровна—старшая дочь Герцена.

²⁾ Татьяна Петровна Пассекъ—кузина Герцена, авторъ известныхъ о немъ воспоминаній.

это хотѣлось или въ комнатѣ у васъ читать сглазу на глазъ, или на полѣ. Я шагаль бы на берегу морскомъ, только это смѣшно,—но непремѣнно сглазу на глазъ, такъ я не буду по обычаю дурачиться, могу быть грустенъ, если буду грустенъ—и вы не будете развлечены. Я жду вашего искренняго суда, честнаго—вы—какъ женщина—должны сказать, если что васъ шокируетъ. Я вѣрю въ ваше сердце. А для меня эти главы не шутка. Кромѣ Ог—хъ и С. (Огаревыхъ и?) я *никому* не читаль всего ¹⁾.

Видѣли ли вы Тату? Я ею очень, очень доволенъ... Наши колокольныя дѣла идутъ блестяще. Объ этомъ при свиданіи.

Дайте вашу руку

А. Герценъ.

Я для того взялъ большой листъ, чтобъ письмо показалось коротко. (Написано сбоку):

Если Тат. Петр. у васъ близко, скажите ей что я получилъ письмо отъ Зоненберга (!) и что Медвѣдева умерла (это Вятская дама Р. въ Былое и Думы). Татъ въ Эмсъ ѣхать я не позволю, это слишкомъ долго.

III.

13 Августа, 10 Alpla road.

S. John's Wood.

Тургеневъ вчера уѣхалъ на Isle of Wight—адресъ къ нему просто—Ventnor, post. rest., *Isle of Wight.*

Послѣднее время такъ много было народу у насъ—и все мѣняются лица, точно на смотру, идутъ, идутъ правильно, кричатъ: „здравія желаемъ!“, и опять идутъ—такъ что я усталъ; на меня тоже находятъ иногда хандра—я знаю, что она мнѣ не къ лицу—а туть... сверлитъ съ тѣхъ поръ, пока снова начинаю шумѣть. Вы знаете солдатскую пѣню

Намъ ученье ничего,
Впрочемъ очень тяжело!

---

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сыну, (Б. А. Марковичу), Марья Александровна объясняетъ, что это были за главы, не читанныя Герценомъ никому полностью, кромѣ Огаревыхъ и С. Рѣчь въ нихъ шла о семейной драмѣ, пережитой Герценомъ.

У Герцена былъ знакомый,—или даже пріятель,—политическій поэтъ Гервергъ, пользовавшійся въ свое время громкою репутаціею въ Германіи, какъ одинъ изъ немногихъ современныхъ литераторовъ-радикаловъ. Онъ написалъ нашумѣвшую „Исторію живущаго“ и былъ авторомъ одного письма къ королю прусскому, за что былъ высланъ изъ Пруссіи; наконецъ въ 1848 году онъ принялъ участіе въ баденскомъ возстаніи. Его голова была отсѣчена въ нѣсколько тысячъ талеровъ, но Гервергу удалось бѣжать, и онъ, вмѣстѣ съ женою, укрылся у Герцена, у котораго долго затѣмъ прожилъ. Какъ извѣстно, онъ и былъ виновникомъ семейной драмы Герцена.

Меня многое сердитъ—даже еще раннее намѣреніе Саши жениться, его нѣмецкое состояніе flagrant жениха — невозможность покинуть Англию. До 23 я пробуду здѣсь, потомъ къ морю.

Говорятъ, что изъ Вауменотъ на Wight два шага (морскихъ).

Я буду къ вамъ ѣздить. Тургеневъ очарованъ вами.

Прощайте. Будьте здоровы.

А. Герценъ

IV.

24 Августа 1859

Park House

Fulham.

Огаревъ сообщилъ мнѣ въ Вентнорѣ, что вы будете въ понедѣльникъ и прислалъ мнѣ доброе, милое письмо ваше. Я тотчасъ отправился въ Лондонъ—и жду васъ второй день. Гдѣ же вы? Здоровы вы? Когда будете напишите строчки двѣ. Да получили ли вы письмо Огарева?

Искренно, глубоко сочувствующій вамъ и уважающій васъ

Алек. Герценъ.

V.

7 Сент. 1859 Park House

Fulham.

Благодарю васъ за ваши строки,—благодарю за посѣщеніе и еще (даже?) за намѣреніе. Хотѣлось бы мнѣ прислать вамъ англійскихъ книгъ если вы не приѣдете. Если вы знакомы съ книгопродавцемъ Классенымъ, я могу прислать черезъ него. Для этого надобно знать когда вы ѣдите.

Вчера я для пробы послалъ Колоколь прямо на ваше имя.

Читали ли въ Атенѣ отрывки изъ записокъ И. И. Пущива. Что за гиганты были эти люди 14 Декаб. и что за талантливья натуры.

Можно думать, что это писалъ юноша, а онъ вспоминаетъ въ 1858—о томъ что было между 1812—24.

Какой кладъ хранится еще подъ ключемъ, спрятаннымъ отъ полиціи.

Я говорилъ съ Девилемъ послѣ вашего отъѣзда, онъ говоритъ, что вся ваша болѣзнь—чисто нервная и потому больше безпокойная, чѣмъ опасная.

Очень будемъ мы рады—если вы еще пріѣдите и это искренно и дружески. Тат. Петр. Пассекъ передайте поклонъ, но писать мнѣ ей нечего. Вы можетъ читали въ „Былое и Думы“ о Корчевиной кузинѣ, это она и есть.

Нат. Ав. благодарить за предложеніе, она, кажется, имѣла на дняхъ случай писать.

Кланяйтесь вашему супругу и юному казачку¹⁾. Дѣти также просятъ написать поклонъ.

Будьте здоровы

А. Герцень.

Огаревъ жметъ руку.

VI.

27 Сентября. London 10 Alpa road.

S. John's Wood.

И такъ вы не пріѣдите. Я нѣсколько сомнѣвался и прежде. Теперь я въ Лондонѣ, пріѣхалъ вчера вечеромъ—и тотчасъ посылаю вамъ письмо изъ Россіи. Надобно искать квартиры, учителей и пр.

Вы пишете—что разспрашивали обо мнѣ и все знаете о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Вамъ Тургеневъ и Ан. (Аншенковъ) могли сказать что и я не отсталъ въ этомъ—хотя знать гдѣ вы было потруднѣе. Мѣсяць тому назадъ я получилъ изъ здѣшняго почтамта огромный пакетъ. По русской привычкѣ я большіе пакеты распечатываю съ сердечнымъ біеніемъ—все кажется въ III отдѣленіе зовутъ. Почта возвращаетъ мнѣ письмо to M-rs Markovitch ѣздившее по разнымъ poste restantes.

Прощайте—О. (Огаревъ) вамъ кланяется. Одна дама перевела на англійскій вашего Червоннаго Короля.

А. Гер.

Скажите Тургеневу что я его сильно благодарю—но что уже на-
шеть даму для Таты, а Ольга²⁾ ѣдетъ въ Парижъ.

¹⁾ Сыну ихъ, Богдану.

²⁾ Вторая дочь Герцена.

VII.

1 Октября 1859. Bruxelles.

Hôtel Belle Vue,—cha. № 16.

Мы остановились как видите въ Hôtel Belle Vue. Напишите когда вы ѣдите или просто прѣзжайте. Я можетъ поѣду въ среду вечеромъ.

Теперь, Марія Александровна, позвольте искренно поблагодарить васъ за вчерашній приемъ, за то что вы обрадовались намъ—вы много знаете меня à livre ouvert, но не знаете à coeur ouvert. Я такъ глубоко благодаренъ и такъ долго помню хорошее, не потому что мало его испыталъ, а потому, между прочимъ, что жизнь съ иностранцами и особенно съ англичанами такъ необычайно подымаетъ всякое чувство человѣческаго благоволенія и симпатіи—холодно туманнымъ фондомъ своимъ, отталкивающихъ, безсердечныхъ. Жаль что вы ѣдите, я многое еще показаль бы вамъ изъ рукописей—но оставимъ до будущаго года.

Писаль сей часъ къ Мар. Каси. Я вамъ отдамъ какой-нибудь подарокъ ей, игрушку или такъ вздоръ.

Пожмите руку вашему супругу. Ему я страшно обязанъ за замѣчаніе о народномъ языкѣ. Я много думаль объ этомъ. По дорогѣ—слушаю толпу на ярмаркѣ въ Брюсселѣ.

Прощайте. Будьте здоровы.

Дружески жму вамъ обоимъ руку.

А. Герценъ.

Саша кланяется.

VIII.

5 ноября. Park House.

Fulham.

Я никакъ не думаль, Марія Александровна, что вы такъ долго заживетесь въ Дрезденѣ, мнѣ здавалось, что вы скоро будете на Руси. Тамъ интереснѣе, Ростовцевскія комиссіи, особенно по хозяйственному отдѣленію идетъ богато. Если вы увидите Кошел. (Кошелева), то попросите чтобъ онъ намъ посылалъ записанія (у насъ есть 50).

И такъ вы познакомились съ Т. П. ¹⁾. Она еще ко мнѣ пишетъ:

---

¹⁾ Татьяна Петровна Пассекъ. Заочно онѣ знакомы или раньше, черезъ А. В. Пассекъ, сына Татьяны Петровны.

„Милый Саша“, какъ въ 1824 году и упоминаетъ въ своемъ письмѣ о давно-давно прошедшихъ людяхъ и событіяхъ. По ея письму я вижу что она жива. Она принадлежитъ къ тому выносливому и тягучему кряжу, который замѣнили николаевскими юродивыми, съ рожденія испуганными, нервными чудаками—оттого она и осталась не старою въ 53 года. Если вы еще не читали книгу Елагина „Искандеръ—Герценъ“ напечат. въ Берлинѣ—это поэма, мы съ Ог. (Огаревымъ) вечеръ цѣлый катались со смѣха. Марія Каспаровна тоже должна ее прочесть. Въ слѣдующемъ „Колок.“ будетъ 3-ья статья о русскихъ Нѣмцахъ—потомъ еще двѣ, я ихъ рекомендую вамъ. Что за нихъ меня оборвутъ все отъ Бабста до Станкевича, не говоря о недругахъ,—такая видно ужъ горемычная доля.

Я бы вамъ охотно высылалъ „Колоколь“ — да хорошо ли на ваше имя. Сегодня посылаю два экз. на имя Мар. Касп.—одинъ для васъ, одинъ для Тат. Пет. (Пассекъ).

Жму вашу руку.

А ты, Богданъ, что, помнишь свирѣпаго москаля, который все говорилъ не кавючь, не хвыкай? Поклонись же отъ него твоему папѣ.

IX.

28 Ноября. *Orser House.*

Vestbourne terrace.

Посылаю вамъ—вы думаете „Колоколь“—нѣтъ-съ — одна рѣчь не пословица, посылаю вамъ Ольгу ¹⁾ съ визитомъ и съ этимъ письмомъ. Что вы дѣлаете Марья Александровна — какое упорное молчаніе. Я серьезно рекомендую вамъ Mme Meugenberg и пользуюсь сей вѣрной оказіей жму вамъ руку.

Огаревъ кланяется.

Будьте здоровы.

(Безъ подписи).

X.

26 (14) Декабря 59 г. *Park House.*

Fulham.

Здравствуйте Марія Александровна—собираюсъ васъ поздравить съ новымъ десятилѣтіемъ.—да еще въ какой день — 14 Декабря! Съ

¹⁾ Вторая дочь Герцена.

тринадцатилѣтняго возраста—я свѣтилъ этотъ день—нашего нравственнаго Рождества. 35 годъ наступаетъ съ тѣхъ поръ!...

Увлеченный календарями, я вмѣсто письма, начинаю археологическую статью, ее можно написать цифрами складами—Это несчастіе стариковъ—а съ будущаго года я по всеѣмъ правамъ вступаю въ ихъ почтенную, беззубую, сѣдую среду.

Правильно ли вы получаете Колоколь? Я посылалъ въ день выхода—притомъ скажите совершенно откровенно—о двухъ послѣднихъ статьяхъ о нѣмцахъ, я имъ придаю нѣкоторую цѣну.

— На этомъ словѣ явилось ваше письмо—за которое благодарю.

Я въ переводѣ Библии ни прямо, ни косвенно не участвую, это дѣло Тробизонъ „библейскаго общества“, одного, добраго, бѣднаго литератора, котораго я имъ рекомендовалъ.

Во всякомъ случаѣ я считаю этотъ трудъ—совершенно безполезнымъ. Ну что намъ теперь— за плачь съ Іовомъ и за пророчества—здоровую пищу надобно для народа— а религіозныхъ кликушъ довольно было.

У насъ теперь предстоить новая борьба съ дворянствомъ—я имъ услужилъ первымъ блиномъ къ новому году.

И такъ милости просимъ ждемъ васъ въ Лондонъ ¹⁾

XI.

17 Яно. 1860. Park House.

Fulham.

Дѣйствительно вы меня, Марья Александровна, совсѣмъ съ толку сбили парохомъ, все же вы приѣдите—и я этому очень радъ. Приѣзжайте-ка вмѣстѣ съ Тат. Пет. (Пассекъ) на островъ Вайтъ. Я конечно и самъ мечтаю куда-нибудь уѣхать изъ Лондона... т. е. хотѣлось бы перебраться въ Швейцарію—но врядъ это возможно ли, но только въ городъ, да еще лѣто не останусь.

„Все ревматизмы и головныя боли“.

Передайте. Т. П. (Пассекъ) письмо, скоро пришло ей черезъ васъ книги, она упрекаетъ что я мало пишу, разучился—совершенно разучился писать письма.

Усердно кланяюсь вамъ

А. Гершенъ.

¹⁾ Конца письма—вѣроятно, строки 2-3—не достаетъ. Такъ какъ тутъ складка въ бумагѣ, то можно думать, что она протерлась, и конецъ лѣстка потерялся. *Б. М.—а.*

XII.

26 Января 1860. Park House.

Fulham.

Какъ досадно и смѣшно было намъ, Марья Александровна, узнать нашу ошибку. Вы намъ прислали разные „слочные“ фрукты — а мы благодарили Тат. Петровну — а потому вы простите намъ и дайте вашу руку, чтобъ поблагодарить теперь.

Тихо, ужасно тихо идутъ дѣла на Руси, слабая рука Алекс. Ник. (Александра II) дрожить. Въ Ростовцевской комиссиі — единственный оплотъ освобожденія. Противъ все интригуютъ и дѣлаютъ всякія мерзости. — Самаринъ (онъ толще меня лѣтъ пять) до того горячился — что un beau jour упалъ разбитый параличемъ. Теперь онъ поправился немного и снова явился на своемъ посту. Молодецъ!

Въ Февралѣ — такъ въ Февралѣ милости просимъ — но весной здѣсь лучше, февраль скверный мѣсяць — напротивъ, Мартъ и Апрѣль — лучше иногда Мая и Юня. У меня есть противъ васъ злой умыселъ — мнѣ хочется васъ заставить — вечеръ или два — слушать отрывки изъ „Былое и Думы“ — изъ тѣхъ частей которыя будутъ напечатаны — когда меня запечатаютъ какъ посылку на тотъ свѣтъ (отчего никогда не страхуютъ покойниковъ вотъ было бы вѣрнѣйшее средство узнать есть ли тотъ свѣтъ и есть ли тамъ почтовая контора?) Отрывки эти кромѣ Огаревыхъ никому не читалъ (исключая двѣ, три главы) и мнѣ хотѣлось бы *совершенно искренняго* отзыва — и отзыва немужского.

Я счелъ долгомъ предупредить васъ — что васъ ждетъ сверхъ-качка на Ламаншѣ, туманы въ Лондонѣ — темноты въ полдень и дождь въ 24 часа — еще такой капканъ.

Берите мѣры!

Кстати я съ Ог. избрѣлъ что такъ какъ у Гоголя сумасшедшій пишетъ: „День безъ числа“ такъ въ англійскомъ климатѣ, чисто сумасшедшемъ есть

„часы безъ дня“

Оттого и темно.

(На оборотѣ письма) Много благодаримъ васъ, милая Марья Александровна за присылку и крѣпко жмемъ вашу руку. Г. торопитъ посылать на почту и потому я кончаю

Вашъ Огаревъ.

XIII.

23 Февр. 1860. Park House.

Fulham.

Письмо ваше сегодня получилъ. Такъ это вы хворали въ вашемъ Гейдельбергѣ, — а мы здоровы въ нашей трущобѣ сырости, тумана и мглы. Что это за печальный климатъ — онъ ведетъ къ сосредоточенному озлобленію.

Перечиталъ я вашу „Игрушечку“ — превосходная вещь, вы ее исправили — и кромѣ двухъ, трехъ бездѣлицъ — да вдвое малороссійскихъ словъ — это былъ бы брильянтъ чистѣйшей воды. Я читалъ ее вслухъ — и на всѣхъ она сдѣлала то же впечатлѣніе какъ на меня.

Въ польскомъ Revue выходящемъ въ Парижѣ — двѣ длинныя (и очень умныя статьи) противъ меня.

Ну дѣлать нечего — попробую старческіе мускулы — и проберу его.

Когда вы будете! Вы напишите дня за два.

Статьи о Павлѣ я получилъ.

Будьте же здоровы — кланяйтесь вашимъ и передайте записочку Т. П. (Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ).

Огаревъ — Нат. Ав. и дѣти усердно кланяются.

Къ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

(Изъ старыхъ дѣлъ Рязскаго уѣзднаго полицейскаго управленія).

8 ноября 1849 г. за № 15847 начальникъ рязанской губерніи гражданскій губернаторъ Кожинъ писалъ рязскому городничему официальную бумагу слѣд-содержанія: „Вслѣдствіе отношенія Департамента Полиціи исполнительной, предписываю Вашему высокоблагородію донести мнѣ немедленно, какимъ образомъ производится (въ Рязанской губерніи) наказаніе преступниковъ плетью, вдоль или поперекъ спины, и по одной ли этой части тѣла, или по другимъ“. Огвѣтъ городничаго отъ 18 ноября за № 737: „Его Превосходительству Господину Рязанскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру. Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 8 ноября за № 15877 донести честь имѣю, что наказаніе преступниковъ плетью производилось вдоль спины и по обѣимъ нижнимъ частямъ тѣла, нынѣ же наказаніе плетью черезъ полицейскихъ олужителей отмѣнено и тѣ плети представлены въ Рязанское Губернское Правленіе“.—Въ тѣхъ же дѣлахъ имѣлись копіи указовъ Рязанскаго Губернскаго Правленія Рязскому Земскому Суду, помѣченные февралемъ и декабремъ 1857 года. На этотъ разъ они касались, какъ орудій наказаній, такъ и способа ихъ примѣненія. Первый указъ гласилъ слѣдующее: „Губернское Правленіе, слушая циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сего февраля за № 18, въ коемъ изъяснено: при циркулярахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18 іюня и 30 сент. 1846 г. разосланы къ начальникамъ губерній и областей штемпеля для клейменія каторжныхъ и особый составъ для натиранія наложенныхъ знаковъ клеймъ, а также представленіе объ употребленіи оныхъ ¹⁾. Между тѣмъ въ одной губерніи на нѣкоторыхъ преступникахъ клейма оказались неважными, что произошло, по отзыву мѣстной врачебной управы, отъ небрежнаго намазыванія краскою мѣсть клейменія; губернское правленіе признало виновными въ ненаблюденіи за должнымъ клейменіемъ, членовъ мѣстнаго земскаго суда, уѣзднаго стряпчаго и уѣзднаго врача, присутствовавшихъ при наказаніи. Посему возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли возобновлять на каторжныхъ неважные клейма, по-

¹⁾ Въ XVII в. клейма налагались каленымъ желѣзомъ, а со времени Петра I—особыми штемпелями, на которыхъ были наложены стальные иглы, образовавшія буквы: иглы эти вонзались въ тѣло и производили ранки, которыя до 1846 г. для неизлечимости затирались порошкомъ, а съ этого времени—особо изобрѣтеннымъ средствомъ (смѣсь видію и туши); клейменіе отмѣнено указомъ 17 апр. 1863 г. (*Биштокъ*. „Матеріалы для ист. отмѣны тѣл. наказ. въ Россіи“. „Юрид. Вѣстн.“ 1892, № 7)

добно тому, какъ разрѣшено ихъ возобновлять на бродягахъ, подвергая отвѣтственности виновныхъ въ упущеніяхъ по этому предмету. При разсмотрѣніи означеннаго вопроса, Правительствующій Сенатъ, принявъ на видъ, что наложеніе клеймъ на каторжныхъ, не составляетъ мѣры предупрежденія отъ побѣговъ, но по силѣ 1-го прил. къ 19 ст. улож. 15 авг. 1845 г. относится къ числу наказаній тѣлесныхъ, которымъ подвергаются не всѣ сосланные въ каторжную работу преступники, а лишь подлежащіе тѣлесному наказанію мущины, не нашель основанія къ повторенію этого наказанія надъ тѣми преступниками, которые уже его понесли. Съ тѣмъ вмѣстѣ Правительствующій Сенатъ поручилъ его Высокопревосходительству подтвердить кому слѣдуетъ о точномъ исполненіи предписанныхъ отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ правилъ о постановленіи знаковъ клеймъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгой отвѣтственности по законамъ. Вслѣдствіе сего г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ проситъ г. Начальника здѣшней губерніи строжайше подтвердить всѣмъ чиновникамъ, обязаннымъ присутствовать при наказаніи преступниковъ, о непремѣнномъ наблюденіи съ ихъ стороны за точнымъ исполненіемъ упомянутыхъ правилъ о наложеніи на каторжныхъ клеймъ; виновнаго же въ упущеніяхъ подвергать строгой отвѣтственности по законамъ. *Приказамъ:* О содержаніи настоящаго предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ дать знать всѣмъ здѣшней губерніи Градскимъ и Земскимъ полиціямъ и уѣзднымъ стряпчимъ, строжайше подтвердить указами имѣть наблюденіе за явственнымъ наложеніемъ на каторжныхъ клеймъ при наказаніи ихъ подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности по законамъ, а Рязанской врачебной управѣ предписано вмѣнить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей Городовымъ и Уѣзднымъ врачамъ о правильномъ наложеніи на каторжныхъ клеймъ.—И второй указъ: „Губернское Правленіе, слушая переданное въ сіе правленіе циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшее на имя г. Начальника Губерніи отъ 18 минувшаго октября за № 138, въ коемъ изяснено: по Высочайше утвержденному 10 мая 1839 г. положенію Комитета г. Министровъ, сообщенному къ исполненію Начальникамъ губерній въ секретномъ циркулярѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20 генваря 1840 г. за № 21, заготовлены были Министерствомъ образцы орудій для тѣлеснаго наказанія преступниковъ, какъ то: кнутъ, плеть, притяжные ремни и штемпеля, и разосланы тогда же во всѣ губерніи и области, съ тѣмъ, чтобы употреблявшіеся тамъ прежде орудія тѣлеснаго наказанія преступниковъ были уничтожены, а заготовлены новыя, по упомянутымъ образцамъ. Заготовленіе сіе, какъ тогда такъ и впредь, на основаніи означеннаго Высочайше утвержденнаго положенія Комитета г. Министровъ, предписано производить хозяйственнымъ образомъ, по распоряженіямъ губернскаго начальства и подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ. Изъ числа установленныхъ орудій наказаній, кнутъ въ настоящее время уже отмѣненъ уголовнымъ уложеніемъ и штемпеля измѣненные въ формѣ (вмѣсто буквъ В. О. Р. буквы К. А. Т.)¹⁾ на основаніи циркулярныхъ предписаній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18 іюня и 30 сент. 1846 г. изготовляются и рассылаются по распоряженію Министерства къ Начальникамъ губерній въ слѣдствіе ихъ представленій; заготовленіе плетей и протяжныхъ ремней оста-

¹⁾ Т. е. вмѣсто слова „воръ“ установили слово „кат(оржникъ)“. Эти буквы ставили такъ образомъ, что К. приходилось на лбу, А—на правой щекѣ, а Т—на лѣвой.

лось по прежнему на обязанности губернскихъ начальствъ. Между тѣмъ о заготовленіи вновь плетей, на мѣсто приходящихъ въ негодность отъ употребленія, нѣкоторые начальники губерній входятъ съ представленіями въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Находя такія представленія несогласными съ упомянутымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета г.г. Министровъ, онъ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ Его Превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время заготовленіе плетей для наказанія преступниковъ, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ производимо было хозяйственнымъ образомъ, по распоряженію Губернскаго Правленія и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, не обременяя Министерство подобными требованіями. *Приказали:* О содержаніи настоящаго предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ дать знать Градскимъ и Земскимъ полиціямъ Рязанской губерніи и передать копію въ 9 столъ сего правленія къ свѣдѣнію и руководству*.

Сообщилъ Н. Ю. Д.

Изъ записокъ императора Николая I ¹⁾).

Надо было рѣшиться или остаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстранясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ строгомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участвовать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ по званію ихъ власть находилась: въ первомъ случаѣ, соблюдая форму, по совѣсти я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ изгажаться можетъ быть безвозвратно и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названіе эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собой съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности Матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугадывало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божію я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ: такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ Г. Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнать.

Но въ то же время бунтовщики были уже въ сильномъ движеніи и не понятно, что никто сего не видалъ. Оболенскій, бывшій тогда адъютантомъ у Бистрома, командывавшаго всей пѣхотой гвардіи, одинъ изъ злѣйшихъ заговорщиковъ, ежедневно бывалъ во дворцѣ, гдѣ тогда обычаемъ былъ збираться послѣ развода въ такъ называемой конно-Гвардейской комнатѣ. Тамъ въ шумѣ зборища разныхъ чиновъ офицеровъ и другихъ ежедневно пріѣзжавшихъ во дворецъ узнавать о здоровіи Матушки, но еще болѣе пріѣзжавшихъ за новостями,—съ жадностью Оболенскій подхватывалъ все, что могло быть полезнымъ къ успѣху заговора; и сообщалъ соумышленникамъ узнанное. Зборища ихъ бывали у Рылѣва. Дрянное лицо, извергъ въ семь смыслѣ слова, Якубовскій ²⁾, въ то же время успѣлъ хитростью своей и нѣкоторой наружностью смѣльчака втереться въ домъ Милорадовича, и уловивъ

¹⁾ Печатаемый вами отрывокъ изъ записокъ имп. Николая I написанъ въ 1835 или 1836 году. Имъ пользовался бар. М. А. Корфъ для своей книги о событіяхъ 14 декабря, и Н. К. Шильдеръ, положившій его въ основу изложенія въ книгѣ „Имп. Николай I, жизнь и царствованіе“. Въ полномъ видѣ и подлинникъ отрывокъ появляется въ печати впервые.

²⁾ А. И. Якубовичъ, а не Якубовскій.

Ред.
Ред.

доброе сердце графа, снискалъ даже нѣкоторую его къ себѣ довѣренность. Что Оболенскій не успѣвалъ узнать во дворцѣ, то Якубовскій извѣдывалъ отъ графа, у котораго, какъ говорили часто, *сердце было на языкѣ*. Мы были въ ожиданіи отвѣта Константина Павловича на присягу, и оный ожидали со страхомъ, другіе—и я смѣло себя ставлю въ число послѣднихъ—что онъ велить.

Въ сіе время прибылъ Михаилъ Павловичъ. Ему вручилъ К. П. свой отвѣтъ въ письмѣ къ Матушкѣ и нѣсколько словъ ко мнѣ. Первое движеніе всѣхъ—и справедливое нетерпѣніе сіе извиняло,—было броситься во дворецъ, всякій спрашивалъ присягнулъ ли Михаилъ Павловичъ.—Нѣтъ,—отвѣчали пріѣхавшіе съ нимъ. Матушка заперлась съ Михаиломъ Павловичемъ, я ожидалъ въ другомъ покоѣ—и ожидалъ рѣшенія своей участи—минута неизгладимая!—Наконецъ дверь отперлась и Матушка мнѣ сказала: «*Bien, Nicolas, prosternez vous devant votre frère, me il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandoner le trône.*

Признаюсь, мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюся; но я себя спрашивалъ, кто большую приноситъ изъ насъ двухъ жертву?—Тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство Отцовское подъ предлогомъ своей неспособности, и который разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ;—или тотъ—который, вовсе не готовившійся на званіе, на которое по порядку природы вовсе не имѣлъ никакого права; которому воля братняя была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого!—Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10 лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ, гораздо тягче.—Я отвѣчалъ Матушкѣ: «*Avant de me prosterner, Maman, veuillez me permettre savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand, de celui qui refuse, ou de celui qui accept dans de pareilles circonstances.*

Нетерпѣніе всѣхъ возрастало и дошло до крайности, когда гадавались по продолжительности нашего присутствія у Матушки, что дѣло еще не рѣшилось. Дѣйствительно братъ Константинъ Павловичъ прислалъ отвѣтъ на письмо Матушки хотя и офиціально, но на присягу ему данную не было отвѣта, ни Манифеста, словомъ ничего что-бы въ лицѣ народа могло служить актомъ удостовѣренія, что воля его непремѣнна и отреченіе, оставшееся при жизни Императора Александра тайной для всѣхъ, есть и нынѣ непремѣнной его волей. Надо было рѣшить что дѣлать, какъ выйти изъ затрудненія опаснѣйшаго въ своихъ послѣдствіяхъ; и которымъ, какъ видимъ ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.—Послѣ долгихъ преній я остался при томъ мнѣніи, что брату должно было объявить Манифестомъ, что, оставаясь непреклоннымъ въ рѣшимости, имъ уже освященной отреченіемъ, утвержденнымъ духовной Императора Александра, онъ повторилъ оное и нынѣ не принималъ данной ему присяги. Симъ казалось мнѣ торжественно утверждалась воля его, и отымалась всякая

возможность къ усумленію.—Но братъ избралъ другой способъ; онъ прислалъ письмо официальное къ Матушкѣ, другое ко мнѣ, и наконецъ родъ выговора къ Лопухину какъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта.

Содержаніе двухъ первыхъ актовъ извѣстно: вкратце содержали они удостовѣреніе въ непремѣнной его рѣшимости и въ письмѣ къ Матушкѣ упоминалось, что рѣшеніе его въ свое время получило ея согласіе.

Въ письмѣ ко мнѣ, писанномъ какъ къ Императору, упоминалось только въ особенности о томъ, что Е. В. просилъ оставить его *при прежде занимаемомъ имъ мѣстѣ и званіи*.—Однако удалось мнѣ убѣдить Матушку, что однихъ сихъ актовъ вѣрнѣе явной опасности публиковать нельзя, и что должно непременно вторично убѣдить брата прибавить къ этому другой въ видѣ Манифеста съ изъятіемъ такимъ, которое было развязываемо отъ присяги ему данной.

Матушка и я мы убѣдительно о томъ писали брату; и фельдегеръ офицеръ Бѣлоусовъ, отправленъ съ симъ.

Между тѣмъ, рѣшено было нами акты сіи хрѣнить у насъ въ тайнѣ,—но какъ было уяснить намъ молчаніе передъ публикой! Неперпѣніе и неудовольствіе были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство *не присяги* М. П. навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Константина Павловича. Заговорщики и рѣшили сіе же самое употребить орудіемъ для своихъ замысловъ, время сего ожиданія можно считать подходящимъ междуцарствію, ибо повелѣній отъ Императора, которому присяга принята была, по расчету времени должно было получить,—но еще не приходило; дѣло останавливалось совершенно; все было недоумѣніемъ и къ довершенію всего извѣстно было что М. П. отъѣхалъ уже тогда изъ Варшавы когда и кончина Импер. Александра и присяга К. П. тамъ уже извѣстны были. Каждый извлекалъ изъ сего, что какое то особенно важное обстоятельство, приостанавливало къ вопросу законнаго теченія дѣлъ—но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнѣйшее присутствіе М. П. становилось тягостнымъ и для него и для насъ всѣхъ, и потому рѣшено было ему выѣхать будто въ Варшаву, подъ предлогомъ успокоенія брата К. П. насчетъ здоровья Матушки; и остановиться на станціи въ Ненналѣ далѣе удаленія отъ безпрестаннаго принужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ для остановленія на дорогѣ всѣхъ тѣхъ, кои возвращаясь изъ Варшавы, могли извѣстить въ Петербургѣ настоящее положеніе дѣлъ. Сія же предосторожность приказывала останавливать всѣ письма, приходившія изъ Варшавы; и эстафетъ, ежедневно приходившій съ бумагами изъ канцеляріи К. П., приносимъ былъ ко мнѣ. Бумаги, не терпяція отлагательства, долженъ былъ я лично взять къ себѣ тѣмъ, къ коимъ адресовались, и просилъ ихъ вскрывать въ моемъ присутствіи.

Такъ прошло 8 или 9 дней. Въ одно утро часовъ въ 6 былъ я разбужденъ внезапнымъ пріѣздомъ изъ Таганрога Л. Г. Измайловскаго полка полк. Б. Фредерикса, съ пакетомъ о самонужнейшемъ отъ Г. Дибича нач. Гл. Штаба и адресованнымъ въ собственныя руки Императору! Спросивъ Б. Фредерикса, знаетъ ли онъ содержаніе па-

кета, получилъ въ отвѣтъ, что ничего ему неизвѣстно, но что такой же пакетъ посланъ въ Варшаву по неизвѣстности въ Таганрогъ, гдѣ находится Государь. Заключивъ изъ сего, что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности, я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться? Вскрыть пакетъ на имя Императора, былъ поступокъ столь отважный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью, къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе, и—пакетъ вскрытъ! — Пусть изобразятъ себѣ что должно было произойти тогда во мнѣ, когда бросивъ глаза на включенное письмо отъ Г. Дибича, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространились черезъ всю Имперію отъ Петербурга, на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать не теряя ни минуты съ полной властію, съ опытностью, съ рѣшимостью—я не имѣлъ ни власти, ни права; на случай могъ только дѣйствовать черезъ другого изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося безъ увѣренности, что совѣту моему послѣдуютъ; и притомъ чувствовалъ, что тайну подобной вѣрности должно было наитщательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ Матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заговорщикамъ не открыть, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться *одному, совершенно одному безъ совѣта!*

Г. Милорадовичъ казался мнѣ по долгу его званія первымъ, до свѣдѣній котораго содержаніе сихъ извѣстій довести должно было; К. Голицынъ, какъ начальникъ почтовой части и довѣренное лицо Импер. Александра казался мнѣ вторымъ. Я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ и втроемъ принялись мы за чтеніе приложений къ письму. Писанные рукою Г. А. Чернышева, для большей тайны, въ нихъ заключалось изложеніе открытаго обширнаго заговора, черезъ два разные источника; показаніями юнкера Шервуда, служившаго въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, и открытіемъ капитана Майбороды, служившаго въ тогдашнемъ 3 пѣх. корпусѣ. Извѣстно было, что заговоръ касается многихъ лицъ въ Петербургѣ и наиболѣе въ Кавалергардскомъ полку, но въ особенности въ Москвѣ и въ Главн. Квартирѣ 2 арміи и въ части войскъ ей принадлежащихъ, а также и въ войскахъ 3 корпуса. Показанія были весьма неясны, неопредѣлительны; но однако еще за нѣсколько дней до кончины своей покойный Импер. велѣлъ г. Дибичу по показаніямъ Шервуда послать полк. Л. Г. Каз. полка Никонова взять извѣстнаго Вадковскаго, за годъ выписаннаго изъ Кавалергардскаго полка. Еще болѣе неясны были подозрѣнія на Глав. квартиру 2 Арміи и г. Дибичъ увѣдомлялъ, что вслѣдъ за симъ рѣшился послать Г. Чернышева въ Тульчинъ, дабы увѣдомить Г. Витгенштейна о происходившемъ и арестовать Князя С. Волконскаго, командовавшаго бригадой, и П. Пестеля, въ этой бригадѣ командовавшаго Вятскимъ полкомъ. Подобное извѣстіе въ столь затруднительное и важное время требовало величайшаго вниманія и должно было узнать кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ

и немедля ихъ арестовать; а какъ о К. Майбородѣ ничего не упоминалось, а должно было полагать, что черезъ него получатся еще важнѣйшія свѣдѣнія, то рѣшилъ Г. Милорадовичъ послать адъют. своего Г. Мантейфеля къ Г. Роту, дабы принявъ Майбороду, доставить въ Петербургъ. Изъ Петербург. заговорщиковъ по справкѣ никого не оказалось на лицо; всѣ были въ отпуску, а именно: Свистуновъ, гр. Захаръ Чернышевъ и Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для съѣзда, какъ въ этой запискѣ упоминалось. Г. Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ общалъ обратиться все вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности.

Наконецъ наступилъ роковой для меня день. По обыкновенію обѣдали мы вдвоемъ съ женой, какъ пріѣхалъ Бѣлоусовъ. Вскрывъ письмо брата, удостовѣрился я съ первыхъ строкъ, что участь моя рѣшена, но что единому Богу извѣстно какъ воля Конст. Павл. исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя Императоромъ, отвергая присягу ему данную какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изрѣченія непреклонной своей воли, какъ обнародованія такового Императора Александра и акта отреченія своего отъ Престола. Я почувствовалъ, что повинюсь волѣ братней иду на гибель, но нельзя было иного и долгъ повелѣвалъ сообразить единственно, какъ исполнить не съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ.

Я пошелъ къ Матушкѣ и нашелъ ее въ томъ же убѣжденіи, но довольною, что наступилъ конецъ нерѣшимости. Изготовивъ въ скорости проэктъ Манифеста призвалъ къ себѣ М. М. Сперанскаго и ему поручилъ написать таковой, придерживаясь моихъ мыслей; положено было притомъ публиковать духовную Имп. Александра, письмо къ нему Конст. Пав. съ отреченіемъ и два его же письма къ Матушкѣ и ко мнѣ какъ къ Императору.

Между строкъ рукописи въ этомъ мѣстѣ вписано: «прибавить о Ростовцевѣ».

Въ сихъ занятіяхъ прошелъ вечеръ 12 Декабря. Послано было къ М. П. дабы его воротить и надежда оставалась, что онъ поспѣетъ вѣроятно на другой день, т. е. въ воскресенье 13 числа. Между тѣмъ вѣсть о пріѣхавшемъ фельдъегерѣ распространилась по городу, и всякій убѣдился въ томъ, что подозрѣнія обратились въ истину. Гвардіей командывалъ Г. Войновъ, человекъ почтенный и храбрый, но ограниченныхъ способностей и не успѣвшій пріобрѣсть никакого вѣсу въ своемъ корпусѣ. Призвавъ его къ себѣ, поставилъ его въ извѣстность воли Конст. Пав. и условился, что на другой же день, т. е. въ понедѣльникъ соберетъ ко мнѣ всѣхъ Генераловъ и полковниковъ команд. Гвардіи, дабы лично мнѣ имъ объяснить весь ходъ происшедшаго въ нашей семьѣ и поручить имъ растолковать сіе яснымъ образомъ своимъ подчиненнымъ, дабы не было предлога къ безпорядку. Требованъ былъ также ко мнѣ митрополитъ Серафимъ для

Князь Сергѣй Петровичъ
ТРУБЕЦКОЙ.

Съ миниатюры 1820 года.

нужнаго предваренія и наконецъ К. Лопухинъ, съ которымъ условлено было собрать совѣтъ къ 8 часамъ вечера, куда я намѣренъ былъ явиться вмѣстѣ съ братомъ М. П. какъ личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ братней воли. Но Богу угодно было повелѣть иначе.

Мы ждали М. П. до 1/211 ночи, и его не было. Между тѣмъ весь городъ зналъ, что Государственный Совѣтъ собранъ и всякій подозрѣвалъ, что настала рѣшительная минута, гдѣ томительная неизвѣстность должна кончиться. Нечего было дѣлать и я долженъ былъ слѣдовать одинъ. Тогда Государственный Совѣтъ собрался въ большомъ покоѣ, который нынѣ служить гостинной младшимъ моимъ дочерямъ.—Пройдя къ столу я сѣлъ на первое мѣсто, сказавъ *я выполняю волю брата Константина Павловича* и вслѣдъ за тѣмъ началъ читать манифестъ о моемъ восшествіи на престолъ, всѣ встали и я такъ же; всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи и по окончаніи чтенія глубоко мнѣ поклонились, при чемъ отличился Н. С. Мордвиновъ противъ меня бывший, всѣхъ первый вскочившій и ниже прочихъ отвѣсившій поклонъ, такъ что оно мнѣ страннымъ показалось. За симъ долженъ былъ я прочесть отношеніе К. П. къ К. Лопухину, въ которомъ онъ самымъ сильнымъ образомъ выговаривалъ ему, что ослушался будто воли покойнаго Императора Александра, отославъ къ нему духовную и актъ отреченія и принесъ ему присягу, тогда какъ на сіе права никто не имѣлъ.

Кончивъ чтеніе возвратился я въ занимаемая мной комнаты, гдѣ ожидали меня Матушка и жена; былъ 1 часъ и понедѣльникъ, что многіе считали дурнымъ началомъ; мы проводили Матушку на ея половину и хотя не было еще объявлено о моемъ вступленіи, но комнатные люди Матушки съ ея разрѣшенія насъ поздравляли!

Во внутреннемъ караулѣ стоялъ въ то время К. Одоевскій самый сильный заговорщикъ, но никто сего не зналъ; послѣ только вспомнили, что онъ безпрестанно спрашивалъ придворныхъ служителей о происходящемъ.—Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждого совѣсть была чиста, и мы отъ глубины души предалися Богу.

Наконецъ наступило 14 декабря, роковой день! Я всталъ рано и одѣвшись принялъ г. Воинова; потомъ вышелъ въ залу нынѣшнихъ покоевъ Александра Николаевича, гдѣ собраны были всѣ Генералы и Полковные командиры Гвардіи; объяснивъ имъ словесно какимъ образомъ по непремѣнной воли Константина Павловича, которому не задолго вмѣстѣ съ ними я присягалъ, нахожусь нынѣ вынужденнымъ покориться его волѣ и принять Престолъ, къ которому за его отреченіемъ нахожусь ближайшимъ въ родѣ; за симъ прочиталъ имъ духовную покойнаго Императора Александра и актъ отреченія Константина Павловича; за симъ получивъ отъ каждого увѣреніе въ преданности и готовности жертвовать собой, приказалъ ѣхать по своимъ командамъ и привести къ присягѣ.—Отъ двора повѣщено было всѣмъ имѣющимъ право на пріѣздъ собраться во Дворецъ къ 11 часамъ.

Въ то же время Свнодъ и Сенатъ собирались въ своею мѣстѣ для присяги. Вскорѣ за симъ прибылъ ко мнѣ г. Милорадовичъ съ новыми увѣреніями совершеннаго спокойства. За симъ былъ я у Ма-

тушки гдѣ его снова видѣлъ; и воротился къ себѣ; пріѣхалъ Г. Орловъ командовавшій Конной Гвардіей съ извѣщеніемъ что полкъ принялъ присягу, поговоривъ съ нимъ довольно долго я его отпустилъ. —Вскорѣ за нимъ явился ко мнѣ Командов. Гвар. Арт. Г. М. Сухожанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ Г. Кон. Арт. офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги желая сперва (?) слышать удостовѣреніе сего отъ М. П. котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что г. Сухожанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать.

Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ М. П., котораго я просилъ сейчасъ отправиться въ артилл. для приведенія заблудшихъ въ порядокъ:—спустя нѣсколько минутъ послѣ сего явился ко мнѣ Г. М. Нейдгартъ начальникъ штаба гвар. корпуса и войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ сказалъ: «Sire, le regiment de Moscou est en plein insurrection, Chenchin et Frédericks—(тогдашній бригадный и полковой командиры) sont griévémet blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire, ordonnez de grâce au régiment de Préobragensky et à la garde à cheval de marcher contre».

Меня вѣсть сія поразила какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ послушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасаются, но зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ 1 бат. Преображ. выходить, я дозволилъ Кон. Гвард. сѣдлатъ, но не выѣзжать; и къ нимъ отправилъ Г. Нейдгарта; пославъ въ тоже время Г. М. Стрекалова, дежурнаго при мнѣ въ Преображ. бат. для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя что мнѣ дѣлать?—и перекрестясь отдался въ руки Божіи, рѣшивъ самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала.

Но должно было отъ всѣхъ скрыть *настоящее* положеніе наше и въ особенности отъ Матушки,—и зайдя къ женѣ, сказалъ il y a du bruit au rég. de Moscou, je veux y aller. Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира кавалергард. полка Гр. Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска ему ввѣренныя вышли изъ повиновенія. За мной шелъ Ген. Ад. Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота Л. Гв. Финлянд. полка подъ командой кап. Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошелъ по фронту и спросивъ людей присягнули ли мнѣ и знаютъ ли отъ чего сіе было и что по точной волѣ сіе брата К. П. получилъ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: ребята, Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами—велѣлъ зарядить ружья; и самъ скомандовалъ: дивиз. впередъ, скорымъ шагомъ маршъ повелъ отрядъ лѣвымъ плечемъ впередъ къ Главн. воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ и на лицо была только остальная часть людей.

Съѣздъ ко дворцу уже начинался и вся площадь усѣяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и одни изъ нихъ вошли и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперегъ воротъ, обратился я къ народу, который меня увидя началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ и сказавъ *cela va mal, ils marchent au Senat, mais je vais leur parler*, ушелъ и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ.

Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ необыкновеннымъ;—всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ и я началъ говорить народу, спрашивая читали-ль Мой манифестъ; всѣ говорили что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать, у кого то въ толпѣ нашелся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало признаюся, и единый Богъ меня поддержалъ.

(О Хвоцинскомъ прибавить). N.B. (написано между строкъ).

Наконецъ Стрекаловъ повѣстилъ меня, что Преображенск. 1 б. готовъ; приказавъ коменданту Г. Л. Батуцкому остаться при гауптвахтѣ, и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ бат., сбившемуся—спиной къ камендант. подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерцингаузу; бат. командовалъ П. Микулинъ, а полк. ком. полковникъ Исленьевъ былъ при бат.—бат. мнѣ отдалъ честь; я прошелъ по фронту и спросивъ готовы ли идти за мной куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое рады стараться!—минуты единственныя въ моей жизни;—никакая кисть не изобразить стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 б. въ свѣтъ, въ столь критическую минуту. Скомандовалъ по тогдашнему къ атакѣ въ колонну первый и осьюмъ взводы въ полъ-оборота на лѣво и на право повелъ я бат. лѣвымъ плечомъ впередъ мимо заборовъ тогда достраившагося дома М. Ф. и Иност. Дѣлъ къ углу Адмиралт. бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены велѣлъ бат. остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома Главн. Штаба полк. К. Трубечкого, ниже увидимъ какую онъ тамъ игралъ роль. Зарядивъ ружья пошли мы впередъ; тогда со мной были Г. А. Кутузовъ, Ф. А. Дурновъ, Стрекаловъ и адъют. мой Перовскій и Адлербергъ. Адъют. моего Кавелина послалъ я идти въ Аничкинъ домъ перевезть дѣтей въ Зимній Дворецъ. Перовскаго послалъ я въ Кон. Гвард. съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь.—Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы и вслѣдъ за симъ прибѣжалъ ко мнѣ Ф. А. князь Голицынъ Генеральнаго штаба съ извѣстіемъ, что Г. Милорадовичъ смертельно раненъ.—Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги бат. и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Кон. Гвард. я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ старого рейткнехта изъ Кон. Гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобъ полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы—ура Константинъ на площади про-

тивъ Сената и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не подпускала.

— Въ сіе время замѣтилъ я въ лѣво противъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, котораго чернымъ обвязану голова огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что то особенно отвратительнаго; подозвалъ его къ себѣ узналъ, что онъ Якубовскій; но не зная съ какой цѣлью онъ тутъ былъ спросилъ его чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ—я былъ *съ ними*, но услышавъ что они за Константина бросилъ и явился къ вамъ; я взялъ его за руку и сказалъ спасибо, вы вашъ долгъ знаете.

Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ почти весь участвуетъ въ бунтѣ и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее намѣреніе его было подѣ сей личиной узнавать, что среди насъ дѣлалось и дѣйствовать по удобности.—Въ это время Г. А. Орловъ привелъ Кон. Гвард. обогнувъ Исаіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онимъ и зданіемъ воен. Мин., что тогда было домомъ К. Лобанова; полкъ шель въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ (что ежели возможно мятежникамъ сообщеніе) что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время ее мнѣ доказать на дѣлѣ. Г. Орловъ велѣлъ съ полкомъ идти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобы пересѣчь ежели возможно мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшихся до угла нынѣшняго Синодскаго зданія; уголъ образуемый бульваромъ и берегомъ Невы служилъ складомъ, выгружаемыхъ камней для Собора и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ достигая почти заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ спиной къ старому Сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по Г. Воиновѣ, но не успѣли ранить, тогда, когда онъ подѣхавъ, хотѣлъ уговаривать людей. Ф. А. Бибииковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба былъ ими схваченъ и жестоко избитый отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту Е. В. Преображенскаго полка, П. Исленьевымъ и младшимъ полковникомъ Титовымъ подѣ командой капитана Игнатъева черезъ бульваръ занять Исаіевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ К. Гвардіи. Самъ же съ прибывшимъ ко мнѣ Г. А. Бекендорфомъ выѣхалъ на площадь, чтобы разсмотрѣть положеніе мятежниковъ; меня встрѣтили выстрѣлами. Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь, и воротясь на оную нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка съ большею частью офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ М. П.

Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказатель-

ство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу у забора противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2 б. Преображенскаго полка стояли уже на площади, сей бат. послалъ я вмѣстѣ съ первымъ рядами направо примкнуть къ Кон. Гвардіи. Кавалергарды оставлены были мной въ резервъ у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было идти прямо вокругъ Исакиевскаго Собора къ манежу Кон.-Гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны М. П.—Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула составлявшіе малый б. посланы были по Почтовой улицѣ и мимо Кон.-Гвард. казармъ на мостъ у Крюкова канала и въ Галерную улицу. Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ беспорядокъ и нерѣшительность присягѣ. Сколь мнѣ сіе не больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ; и потому велѣлъ Г. А. Левашеву ко мнѣ явившемуся ѣхать въ полкъ, и буде есть какая-либо возможность двинуть его хотя бы противъ меня, непременно его вывести изъ казармъ. Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ и не предвидя еще чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ Шталмейстеру К. Долгорукому приготовить загород. экипажи для Матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ кавалергардовъ въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ бат. Гвар. и Учеб. Не доѣхавъ еще до дома Глав. Штаба, увидѣлъ въ совершенномъ беспорядкѣ со знаменами безъ офицеровъ Л. Г. полкъ идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ ничего не подозрѣвая я пошелъ останоить людей и выстроить; но на мое *стой*, отвѣчали мнѣ, *мы за Константина*,—я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ, *когда такъ*, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ.

Къ счастью, что сіе такъ было, ибо иначе бы началось кровопролитіе подъ окнами дворца и участь бы наша была болѣе чѣмъ сомнительна,—но подобныя разсужденія дѣлаются *послѣ*; тогда же одинъ Богъ меня наставилъ на сію мысль. Милосердіе Божіе оказалось еще разительнѣе при семъ же случаѣ, когда толпа Л.-Гренадеръ, предводимая офицеромъ Пановымъ шла съ намѣреніемъ овладѣть дворцомъ, и въ случаѣ сопротивленія истребить все наше семейство. Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ почелъ ихъ за присланный мной отрядъ для занятія дворца. Но вдругъ Пановъ, шедшій во главѣ замѣтилъ Л.-Г. Саперн. бат. только что успѣвшій прибѣжать и выстроиться въ колонны на дворѣ; и закричавъ *да это не наши* началъ ворочать входящихъ отдѣленіями кругомъ, и бросился бѣжать съ ними обратно на площадь. Ежели бы Саперн. бат. опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все наше семейство были бы въ рукахъ мятежниковъ, тогда какъ занятый происходившимъ на Сенатской площади и вовсе безпривычный отъ занятой съ тылу иной важнѣйшей опасности, я бы лишень былъ всякой возможности къ сему воспрепят-

ствовать. Изъ сего видно самымъ разительнымъ образомъ, что ни я, никто не могли бы сего дѣла благополучно кончить, ежели бы самому милосердію Божию не угодно было всѣмъ править къ лучшему.

Здѣсь долженъ я упомянуть о славномъ подвигѣ Л. Г. Гренадерскаго полка Кн. Мещерскаго; онъ командовалъ тогда ротой Е. В. и когда полкъ завлеченный въ бунтъ ловкостью Панова и другихъ злоумышленниковъ, отказалъ въ повиновеніи своему полк. Стюрлеръ, изъ опасенія нарушить присягу своему законному Государю К. П., Мещерскій догналъ свою роту на дорогѣ, и убѣжденіемъ своимъ и довѣріемъ которое вселялъ въ людяхъ, успѣлъ остановить большую часть своей роты и нѣсколько другихъ и привелъ ихъ ко мнѣ. Я поставилъ его съ Сапер. на почетное мѣсто, къ защитѣ дворца. Воротившись къ войскамъ, послалъ къ прибывш. артил. но къ несчастію безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усиливался; къ печальной массѣ московскаго полка прибылъ гвардейскій экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной; а толпа гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлается безпрестаннымъ и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться и многіе перебѣгали къ мятежникамъ; передъ которыми видны были люди не военные. Однимъ словомъ ясно становилось, что сомнѣнія въ присягѣ было истинной причиной бунта, что существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. Ура конституціи раздавалось и принималось чернью за ура произносимое въ честь супруги К. П.

Воротился Ген. Ад. Левашовъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ прибылъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста, я поспѣшилъ къ нему, полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе и сказалъ людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что прочемъ ежели среди ихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня идти, что я имъ не препятствую—присоединяться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ; я при себѣ приказалъ всѣмъ зарядить ружья и послалъ ихъ съ Г. М. Мартыновымъ командиромъ бригады на площадь велѣвъ поставить въ резервѣ спиной къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже ставшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полк. Шипова прибылъ въ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ бат. за бат.

М. П. былъ уже тутъ. Съ этого мѣста было еще больше видно, что съ Гвардейскимъ экипаж. стоявшемъ на прав. флангѣ мятежниковъ было много офицеровъ экипажа сего и другихъ; видны были и другіе во фронтѣ расхаживающіе между солдатъ и уговарившихъ стоять твердо.

Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требуемый мной Митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, почтенный пастырь съ однимъ поддіакономъ вышелъ изъ церкви и положи крестъ на голову пошелъ прямо къ толпѣ; онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей шайки ему воспрепятствовали, угрожая стрѣлять, ужели не удалится. М. П. предложилъ мнѣ подѣхать къ толпѣ въ надеждѣ присутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными К.

П., ибо привязанность М. П. къ брату, была всѣмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣннической руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но желая испытать всѣ способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата придавъ ему Г. Ад. Левашова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники *имѣ мѣшали*.

Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса ему не дали совершить. Братъ воротился къ своему мѣсту, а я объѣхавъ вокругъ Собора, прибылъ снова къ войскамъ съ той стороны бывшимъ; и нашелъ прибывшимъ Л. Г. Егерскій полкъ, который оставилъ на площади противъ Гороховой, за пѣшей артилл. бригадой. Погода изъ довольно свѣжей становилась холодной, снѣгу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться ибо было уже 3 ч. пополудни. Шумъ и крикъ дѣлался настойчивѣе; и часты ружейные выстрѣлы многихъ въ Кон. Гвардіи и перелетали черезъ войска; большая часть солдатъ на сторонѣ мятежниковъ стрѣляли вверхъ. Выѣхавъ на площадь желалъ я осмотрѣть не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ, пули просвистѣли мнѣ черезъ голову и къ счастью никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исакиевскаго собора изъ за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни; и тогда окруженные ею войска стали бѣ въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился испробовать атаковать кавалерію; Кон. Гв. первая атаковала по эскадронно но ничего не могла произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротм. В. лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномерно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха. Тогда Г. А. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ сказалъ: *Sire, il n'y a pas un moment à perdre l'on n'y a peu rien maintenant; il faut de la mitraille.* Я предчувствовалъ сію необходимость, но признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру! и меня ужасъ объялъ: *Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne!* отвѣчалъ я Васильчикову;—*pour sauver Votre Empire,* сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись я видѣлъ, что или должно мнѣ (?) взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ, и спасти почти навѣрно все; или *пощадивъ* себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно орудіе 1 легк. пѣш. бат. къ М. П. съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и поставилъ ихъ передъ Преображенскимъ полкомъ, велѣвъ зарядить картечью; оружіями командовалъ М. К. Бакунинъ. Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устроятся такихъ приуготовленій и сдадутся не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ послалъ я Г. М. Сухозанета объявить имъ, что ежели сейчасъ не положить оружіе, велю стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣтомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ.

Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ пли! Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ Сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ — и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка ударили въ самую середину толпы и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійской набережной, на Неву, по Галерной и даже на встрѣчу выстрѣламъ изъ орудія при Семенов. полку дабы достичь берега Крюкова канала. Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ Г. Кон. эскадронъ и часть Кон. Гвард. преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Невѣ, но два выстрѣла картечью ихъ разсѣяли и осталось собирать спрятанныхъ и разбѣжавшихся, что возложено было на Г. А. Бекендорфа съ 4 эскадронами конной гвардіи и конно-піонернымъ эскадронъ подъ ком. Г. А. Орлова на Васильевскомъ острову и 2 эскадронами К. Гвардіи на сей сторонѣ Невы. Вслѣдъ за симъ вручилъ я команду сей части города Г. А. Васильчикову, назначивъ ему оставаться у Сената и отдавъ ему въ команду Семеновскій полкъ, 2 бат. Измайловскаго, сводн. бат. Москов. и Павлов. полковъ; 2 эскадрона кон. гвардіи и 4 орудія кон. артил. Васильевскій островъ поручилъ въ команду Г. А. Бенкендорфу, оставя у него 6 эскадронъ и придавъ Л. Г. Фин. полка 1 б. и 4 оруд. к. а. Самъ отправился ко дворцу; у Гореховой въ видѣ авангарда оставилъ на Адмиралт. площад. 2 б. Л. Г. Егерскаго полка и за нимъ 4 эскадронъ Кавалергардскаго полка. Остальной баталіонъ Л. Г. Егерскаго полка держалъ пикеты у Малой Милліон. у Большой Милліонной у казармъ 1 б. Преображенскаго полка и на Большой набережной у театра. Къ симъ постамамъ придано было по 2 пѣшихъ орудія. Батарея о 8 орудіяхъ поставлены были у Эрмитажнаго съѣзда на Неву, а другая о 4 ор. противъ угла Зимняго Дворца на Неву. 1 б. Измайл. стоялъ на набережной у Параднаго подѣзда, 2 эскадрона кавалергардовъ лѣвѣе противъ угла дворца. Преображенскій полкъ и при немъ 4 орудія роты Его Величества стоялъ на Дворцовой площади спиной ко Дворцу у главныхъ воротъ; въ резервѣ; а на дворѣ оставались оба саперныхъ баталіона и рота 1 грен. Л. Г. Гренадерскаго полка.

Къ біографіи Н. И. Костомарова.

I.

Въ одной изъ книжекъ выходившаго въ концѣ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ въ Львовѣ малорусскаго журнала „Правда“ (май, 1892 г.) было помѣщено очень любопытное письмо Н. И. Костомарова къ кievскимъ семинаристамъ, сохранившееся у одного изъ нихъ, д-ра Ш. По словамъ д-ра Ш., когда Костомаровъ началъ въ 1863 г. издавать начальныя учебники для народныхъ школъ на малорусскомъ языкѣ, кievскіе семинаристы чрезвычайно заинтересовались этимъ предпріятіемъ, собирали для этой цѣли пожертвованія, составляли проповѣди по малорусски и вообще мечтали о томъ, ставши священниками, заняться дѣломъ народнаго образованія. Посылая Костомарову собранныя пожертвованія, довольно обширный кружокъ семинаристовъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ высказывалось глубокое уваженіе украинской молодежи къ великому историку и выражалась готовность со стороны кружка распространять украинскія книжки среди народа и вообще служить дѣлу народнаго просвѣщенія. Отвѣтомъ на это письмо кружка послѣдовало печатаемое ниже письмо Н. И. Костомарова (отъ 19 января 1864 г.). Было еще одно его письмо къ тому же кружку, но оно затерялось. Этимъ и ограничилась переписка Н. И. Костомарова съ кievскими семинаристами,—говоритъ г. Уманецъ, которому д-ромъ Ш. было передано вышеупомянутое письмо. Вскорѣ изданіе малорусскихъ книгъ, какъ извѣстно, было запрещено и было воздвигнуто ожесточенное гоненіе на какое бы то ни было проявленіе „ураинофильства“.

Приводимъ текстъ письма (написаннаго по малорусски):

Генв. 19—1864.

Шановна Громадо, Панове семинаристи!

Великі радости мені сталися, коли я одібравъ листъ Вашъ, и нема въ мене кибети, шчобъ віддячити за ту ласку и увагу, шчо мені есте показали. Дай Боже Вамъ счастья—здоровья и шчобъ ви росли духомъ и сердцемъ. А якъ постановлять Васъ пастирями, нехай каждый запечатае собі у сердці ту любовь до своего краю и до своего народу, шчо теперь маєте; и будете ви світло людямъ вашимъ, и станете ви кріпкою сторожею народовой мові и народовой освіті.

И коли бъ то скрізь по семинаріяхъ бувъ такий духъ, якъ у васъ, не здомила бъ народности нашої ніяка въ світі ворожа сила во віки вічні. Па-

мятайте, панове, про слівця: дай боже, щобъ любовь наша до рідної мови не буга похожа на те насіння, що було зійшло, та росту ему не було. Щобъ люде васъ не звели, шчобъ а ні ради жінокъ і дітей, а ні ради омани світової, кваплючися на лакомство велике, а ні ради страха архіерейська, не покинули ви мови рідней. Бо хто любить народъ, той річъ его любить, а хто каже, шчо любить народъ, а річъ его ненавидить, той бреше, якъ брешуть Гогоцькій та Кульжинській ¹⁾ и ті, шчо на ихъ похожи, шчо ихъ меня покрываются соромомъ и поругаються въ памятьці у потомківъ. Да не смущається сердце Ваше: идіте смілими и твердими ногами до мети своєї.

Щиро прихильний

Н. Костомаровъ.

II.

Если вышеприведенное нами письмо Н. И. Костомарова интересно, какъ выраженіе его взглядовъ въ 60-хъ годахъ на вопросъ объ украинскомъ языкѣ, то не менѣе интересно и его письмо къ М. П. Драгоманову (напечатанное въ № 9, издававшейся во Львовѣ „Литературно-Науковой Библиотекі“), тѣмъ болѣе, что оно находится въ нѣкоторой связи съ письмомъ къ кievскимъ семинаристамъ, затрагивая вопросъ о популярной малорусской литературѣ.

По словамъ М. П. Драгоманова, письмо это къ нему было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Въ концѣ 1875 г., когда печаталось Пражское изданіе „Кобзаря“, Шевченко, кружокъ украинцевъ, завѣдывавшихъ этимъ дѣломъ, получилъ извѣстіе изъ Праги, что не хватаетъ средствъ на выпускъ „Кобзаря“, а, между тѣмъ, типографъ требуетъ уплаты за наборъ. Драгомановъ не принадлежалъ къ кружку лицъ, завѣдывавшихъ изданіемъ „Кобзаря“, но кружокъ обратился къ нему съ просьбой поѣхать въ Петербургъ и тамъ просить Костомарова, чтобы послѣдній занялъ нѣкоторую сумму изъ того капитала, который былъ собранъ въ 1862—63гг. на изданіе малорусскихъ книгъ для народа и Библия въ малорусскомъ переводѣ. Незадолго передъ этимъ П. А. Кулишъ передалъ Драгоманову право собственности на изданные за-границей переводы нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта и рукописи перевода всего Новаго Завѣта. Но дѣло въ томъ, что на изданіе этихъ переводовъ не было средствъ и ихъ приходилось доставать. Выслушавъ просьбу издателей „Кобзаря“, Драгомановъ сказалъ имъ, что онъ поговоритъ съ Костомаровымъ, но прибавилъ при этомъ, что онъ самъ имѣетъ виды на хранящійся у Костомарова денежный фондъ, а именно,—что онъ думаетъ просить пособие изъ этого фонда на изданіе за-границей Новаго Завѣта въ переводѣ Кулиша, имѣя въ виду, что пожертвованія въ этотъ фондъ собирались имѣя въ виду именно изданія подобнаго характера. „Кобзарники“ не имѣли ничего противъ сообщенныхъ имъ намѣреній Драгоманова.

Съ этой двойкою цѣлью Драгомановъ навѣстилъ Костомарова на Рождество 1875 г. въ Петербургъ, но Костомаровъ отнесся отрицательно, какъ къ просьбѣ „кобзарниковъ“, такъ и къ личной просьбѣ Драгоманова; онъ сказалъ, что фондъ созидался для специальныхъ цѣлей, въ которыхъ не было и

¹⁾ И. Кульжинскій издалъ въ 1862 г. въ Кіевѣ брошюру—донесъ. „О зарождающейся такъ называемой малороссійской литературѣ“; проф. С. Гогоцькій нападалъ на украинскую литературу въ кievскихъ газетахъ.

рѣчи объ изданіи „Кобзаря“ или о какихъ либо займахъ; въ отвѣтъ на просьбу Драгоманова Костомаровъ заявилъ, что фондъ имѣлъ въ виду изданіе Библіи на малорусскомъ языкѣ въ Россіи, а не за-границей. Драгомановъ замѣтилъ по этому поводу, что согласно имперскимъ законамъ изданіе Библіи для православныхъ является монополіей Св. Синода и что если бы, въ концѣ концовъ, Св. Синодъ рѣшился издать Библію на малорусскомъ языкѣ, то, конечно, онъ не нуждался бы въ помощи какихъ бы то ни было частныхъ фондовъ, при чемъ Драгомановъ обратилъ вниманіе Костомарова на то обстоятельство, что, вѣроятно, пройдетъ не мало времени, пока Св. Синодъ, который запрещаетъ библію и даже проповѣдь „на престонародныхъ нарѣчіяхъ“, рѣшится издать библію на малорусскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на это, Костомаровъ категорически заявилъ Драгоманову, что онъ не дастъ денегъ изъ имѣющагося въ его распоряженіи фонда на изданіе Новаго Завѣта, не одобренное Св. Синодомъ.

Возвратясь въ Кіевъ, Драгомановъ сообщилъ своимъ друзьямъ отвѣтъ Костомарова. Вскорѣ Драгомановъ уѣхалъ за-границу и уже будучи въ Вѣнѣ лѣтомъ 1876 г. „кобзарники“ обратились къ нему съ новой просьбой: запросить Костомарова, на основаніи объявленія въ „Основѣ“, въ которомъ говорилось объ организаціи фонда для изданія популярной малорусской литературы, о размѣрахъ пожертвованій, поступившихъ въ этотъ фондъ, сколько изъ нихъ было израсходовано и сколько остается денегъ въ фондѣ, кто является членами распорядительнаго комитета фонда и какія приняты мѣры, чтобы фондъ осуществилъ намѣченные при его основаніи дѣли. Отвѣтомъ на эти запросы, отчасти, является печатаемое ниже письмо Н. И. Костомарова къ М. П. Драгоманову:

Январь 8, 1877 года.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

„Я письмо Ваше получилъ не ранѣе половины ноября, а потому и отвѣчаю поздно. Извините меня, что не поступилъ по Вашему желанію и не отдалъ денегъ Н., потому что, еслибъ я такъ сдѣлалъ, то всю жизнь не избѣжалъ бы притирокъ отъ многихъ другихъ хозяевъ этихъ денегъ, которые показали бы претензіи и недовольство: зачѣмъ эти деньги пошли другимъ, а не имъ, и употреблены не такъ, какъ бы имъ того хотѣлось. И въ самомъ дѣлѣ: что Вы скажете, если со мной встрѣчается на желѣзной дорогѣ человекъ, который этихъ денегъ привезъ мнѣ до тысячи рублей (не своихъ, а сборныхъ) и въ 1863 г. распинался за малорусскій языкъ, а теперь совершенно оправдываетъ *legem jusephoviciam* и говоритъ, что, если мнѣ этихъ денегъ не нужно, то—отдать ихъ на какое угодно общественное дѣло! *Mutantur tempora et mores!* Въ настоящее время я эти деньги положилъ въ билетахъ Херсонскаго Земельнаго Земскаго Банка и храню въ банкѣ, составивъ на случай смерти моей завѣщаніе, показывающее—чьи и какого рода эти деньги, которая послѣ меня должны быть препровождены въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и обращены на народное образованіе въ Малороссіи. Денегъ было доставлено до 4000 р., изъ нихъ 1300 р. истрачено на изданіе Опатовича ¹⁾ и ариеметики Конисскаго, да дано авторамъ гонорара впередъ, но съ теченіемъ времени

¹⁾ „Оповідання з святаго письма“ первое изданіе въ 1863 г. Второе изданіе вышло въ Кіевѣ независимо отъ фонда Костомарова (прим. М. П. Драгоманова).

проценты отъ оставшихся накопились до того, что теперь опять скоро сумма достигнетъ 4000 руб.

„Я надѣюсь, что еще доживу до того времени, когда можно будетъ употребить эти деньги на то, на что они присылались, то есть на печатаніе Евангелія, а если не доживу до того, то другіе доживутъ. Меня поучаетъ этому примѣръ прежней нашей исторіи. Возьмите: сколько перемѣнъ въ отношеніяхъ центральной всероссійской власти къ Малороссіи пережито: начиная отъ Мазепы, когда великій Петръ говорилъ, что не намѣренъ ни единого пѣнзая брата изъ Малороссіи въ свою казну ¹⁾, а кончая варварскимъ закономъ (распоряженіемъ, какъ смягчаетъ Главное управленія до дѣламъ печати, во главѣ котораго—профессоръ!) по просту нашего добрѣйшаго друга Михаила Владиміровича. ²⁾

Нека ему буде вѣчна мука!
Богъ убио и со га родно. ³⁾

„Съ каждымъ новымъ царствованіемъ новая политика, новыя отношенія! Кто поручится, зная такую нетвердую у насъ почву, что послѣ запрещенія—пѣть малороссійскія пѣсни и играть малороссійскія піесы, не настанетъ время, когда великіе міра нашего будутъ восхищаться этими пѣснями и покровительствовать преуспѣванію народнаго творчества?

„Повѣрьте, что можетъ придти такой моментъ, когда Вы похвалите мое благоразуміе и поблагодарите меня, что я сохранилъ это ничтожное подаваніе для того, чтобъ оно послужило первымъ подспорьемъ...

„Одно только вѣрно знайте: эти деньги не обратятся ни въ чью частную собственность, пока находятся у меня. Много было уже лицъ, но я не отдамъ имъ, какъ и вамъ.

„Вашихъ плановъ о печатаніи за-границей съ цѣлью—служить Малороссіи—я не раздѣляю. Публики малороссійской—нѣтъ, а есть—народъ, которому нужны элементарныя книги, а не публицистика. Такая литература нужна, которая возможна только при полномъ согласіи съ властью, а не при какой бы то оппозиціи.

Вашъ глубокоуважающій
Н. Костомаровъ.

„Ваши брошюры двѣ я читалъ. ⁴⁾ Въ нихъ много хорошаго, но давно извѣстнаго для тѣхъ, кто вамъ сочувствуетъ, но нѣтъ такого, что нужно для поученія тѣхъ, кто еще думаетъ иначе, потому что не свыклись съ лучшими думами“.

Приведенное выше письмо Н. И. Костомарова показываетъ, что онъ вовсе не „страха ради іудейска“ высказывался въ своихъ публицистическихъ работахъ („Украинофильство“ въ „Русской Старинѣ“ 1881—82 гг. и „Задачи укра-

¹⁾ Дѣйствительно, Петръ I въ горячее время возстанія Мазепы говорилъ, что въ „царскую казну ни единого пѣнзая брата не повелѣно“, что въ дальнѣйшее время не помѣшало правительству преспокойно собирать дань съ Украины (прим. Драгоманова).

²⁾ Юзефовича, который *донесъ* на Костомарова, Шевченко и др. участниковъ „Кирилло-Мефодіевскаго общества“.

³⁾ Пусть ему будетъ вѣчная (адская) мука! Пусть Богъ убьетъ его и родившихъ его (изъ сербской народной пѣсни).

⁴⁾ Брошюры: „По вопросу о малорусской литературѣ“ и „Турки внутренне и вѣнше“ (прим. М. П. Драгоманова).

инофильства“ въ Вѣстникѣ Европы“ 1882 г.) противъ переводовъ на малорусскій языкъ Шекспира, Байрона и т. д. несмотря на то, что самъ въ молодости переводилъ по малорусски произведенія европейскихъ поэтовъ (см. „Збірникъ творивъ Іереміи Галки“. Одесса 1875).

Какъ и многіе украинофилы 60-хъ годовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что развитіе малорусской литературы должно идти *снизу*, путемъ развитія въ широкихъ размѣрахъ популярной народной литературы, при чемъ особенную цѣну придавалъ появленію официально разрѣшеннаго къ обращенію въ народъ перевода Библии на малорусскомъ языкѣ. Будучи, какъ извѣстно, человекомъ не только религіознымъ, но и строго православнымъ, онъ былъ искренно убѣжденъ, что малорусскій переводъ Библии воспрепятствуетъ развитію штундизма и другихъ рационалистическихъ теченій въ малорусскомъ народѣ. Люди, забывавшіе о „православіи“ Костомарова, упрекали его въ неискренности и даже реакціонности, говоря, что онъ готовъ помогать правительству въ искорененіи штундизма, лишь бы правительство дозволило переводъ Библии на малорусскомъ языкѣ. Какъ извѣстно, несмотря на всѣ хлопоты, переводъ этотъ въ началѣ 80 хъ годовъ не былъ разрѣшенъ къ напечатанію и собранный Костомаровымъ фондъ былъ переданъ имъ въ Императорскую Академію Наукъ для выдачи преміи за наилучшій украинско-русскій словарь. Но лишь съ наступленіемъ „эры свободъ“ оказалось возможнымъ осуществленіе даже этого скромнаго желанія великаго историка и одновременно съ появленіемъ разрѣшеннаго Св. Синодомъ перевода Библии, началось печатаніе премированного Академіей Наукъ украинско-русскаго словаря.

В. Батуринскій.

Изъ прошлаго партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

I.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ единая, сплоченная и широкая организація, существуетъ не болѣе 5 лѣтъ. Только съ 1902 г. появляются болѣе или менѣе правильно функционирующія мѣстныя партійныя учрежденія (комитеты, группы), связанные общимъ центромъ, издаются руководящіе органы, и партія начинаетъ быстро завоевывать себѣ популярность.

До этого времени, соціально-революціонное направленіе было представлено отдѣльными группами и организаціями, разбросанными по Россіи и издавна существовавшими также за границей. Исторія возникновенія большинства этихъ организацій начинается съ 90-хъ и даже отчасти съ конца 80-хъ годовъ, т. е. съ послѣднородовольческаго періода и, такимъ образомъ, эти организаціи являются идейнымъ связующимъ звеномъ между соціально-революціоннымъ движеніемъ 70 и 80 г.г.,—закончившимся дѣятельностью партіи „Народной Воли“—и между ея преемницей—партіей соціалистовъ-революціонеровъ.

Я имѣю въ виду познакомить читателя съ исторіей одной изъ такихъ организацій, хорошо мнѣ извѣстной,—а именно съ т. н. *„Сѣвернымъ Союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ“*.

Сознаюсь, нелегка эта задача. Теперь, когда кругомъ развертываются такія грандіозныя событія, особенно въ недавно пережитое время, когда старыи политическій и хозяйственный строй трещитъ по швамъ, когда запретныя, взрощенные „подпольемъ“ лозунги „земля и воля“ и др. становятся достояніемъ широкихъ массъ, превращаясь понемногу въ „извѣстную русскую пословицу“ и когда, наконецъ, есть Государственная Дума, а въ ней засѣдаютъ соціалистическія фракціи, всенародно, открыто говорящія о своихъ соціалистическихъ требованіяхъ,—при такихъ условіяхъ возстановить въ памяти историческую обстановку и „дѣла“ маленькой подпольной организаціи—скупная, трудная задача.

Нѣтъ крупныхъ событій, на которыхъ можно остановить вниманіе, нѣтъ ничего выдающагося, яркаго.

И, однако, такія воспоминанія необходимы; они поучительны во многих отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Пусть вспомнитъ читатель эпоху 90-хъ годовъ. Да и не надо заглядывать въ такую отдаленную эпоху; пусть онъ вспомнитъ совсѣмъ недавнее прошлое—года четыре—пять назадъ,—періодъ владычества Плеве. Что было тогда? Глухое время, незамѣтныя усилія отдѣльныхъ людей и грусть, съ отчаянной энергіей работающихъ въ своемъ глухомъ „подпольѣ“, среди безмолвія, тишины, которую, казалось, ничѣмъ не нарушишь, никакими отчаянными воплями и криками протеста. А тяжелый, беспощадный гнетъ, какъ свинцовая туча, обожилъ весь горизонтъ. И казалось, нѣтъ конца этому безмолвію, этой тишинѣ.

И вотъ, проходитъ два-три года и могильной тишины какъ не бывало. Заклокотало народное море, какъ будто тысячи невидимыхъ горячихъ ключей забили въ нѣдрахъ его. Народъ показался „на улицѣ“. Объявлена была „весна“ Святополкъ Мирскаго. Пошли митинги, демонстраціи, забастовки, избіенія, погромы, массовыя столкновения, вооруженные отпоры..., а тамъ, послѣ перерыва, новая волна вплоть до манифеста 17 октября. Началась великая российская революція. Всѣ были поражены неожиданностью наступившаго переворота и головокружительной быстротой развертывающихся событій. Не ожидало всего этого и „подполье“. Оно глядѣло въ первый моментъ съ изумленіемъ на эту развернувшуюся картину, всею грудью вдохнуло этотъ свѣжій, желанный воздухъ и сердца подпольныхъ людей впервые, быть можетъ, наполнились счастливымъ сознаніемъ не напрасно прожитой жизни, не напрасно принесенныхъ жертвъ...

Да, лѣтопись прошлаго, описаніе эпизодовъ изъ „дореволюціоннаго періода“ имѣютъ значеніе.

Есть и еще одно обстоятельство, по которому полезно становлять картины недавняго прошлаго.

У насъ нѣтъ книги по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, гдѣ была бы представлена полно и точно картина какъ хода событій, такъ и борьбы разнаго рода идейныхъ теченій и партійныхъ программъ. Такіе учебники, какъ Тунъ, устарѣли и очень поверхностны, а такіе „обзоры“, какъ вышедшія въ послѣднее время брошюры Дана и др. социалдемократическихъ авторовъ грѣшатъ однимъ, обычнымъ для этихъ авторовъ, недостаткомъ: въ нихъ исторія революціоннаго движенія отождествляется съ исторіей русской социаль-демократіи, нѣтъ справедливой оцѣнки другихъ теченій, иныхъ программъ или же о нихъ совсѣмъ ни слова не говорится.

Есть еще не мало отдѣльныхъ монографій, описаній отдѣльныхъ эпизодовъ,—но весь этотъ матеріалъ ждетъ опытной руки историка. Въ особенности скуденъ матеріалъ для характеристики конца 80-хъ и 90-хъ годовъ,—періодъ разброда общественной мысли, исканія новыхъ путей, закладки фундамента новыхъ программъ. А между тѣмъ этотъ періодъ русскаго подполья не далекъ, пережившее его поколѣніе не сошло еще со сцены и личныя,

неизгладившіяся еще, воспоминанія могли бы дать достаточно богатый матеріаль для обрисовки этого, бѣднаго событіями, но богатаго своей идейной стороной,—періода.

Сдѣлаю еще одну оговорку. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ одномъ изъ эпизодовъ революціоннаго движенія,—дѣятельности Сѣв. Союза соц.-революціонеровъ,—какъ одного изъ ручьевъ, слившагося впоследствии съ другими ручьями въ одно широкое теченіе,—мнѣ придется, волей неволей, останавливаться на мелочахъ и выходить изъ тѣсныхъ границъ темы, чтобы, хотя въ краткихъ чертахъ, обрисовать идейныя и матеріальныя условія, въ которыхъ приходилось жить и дѣйствовать поколѣнію 90-хъ годовъ.

II.

Карьеру подпольнаго человѣка мнѣ пришлось начать въ концѣ 80-хъ годовъ, въ самое глухое, безотрадное время. Замирала борьба партіи „Народной Воли“, повсюду шель разгромъ ея организацій, реакція торжествовала по всей линіи и партіи плѣнныхъ народовольцевъ потянулись безконечной лентой въ Сибирь, гдѣ къ этому времени существовали уже довольно многочисленныя „колоніи“. Въ одной изъ такихъ колоній, а именно въ г. Томскѣ, мнѣ и пришлось получить первоначальное воспитаніе, стать, выражаясь современнымъ языкомъ „сознательнымъ“.

Во всѣхъ среднихъ учеб. заведеніяхъ г. Томска были кружки самообразованія и руководство ими принадлежало ссыльнымъ. Была хорошая, съ любовью подобранная бібліотека изъ легальныхъ (нелегальныхъ книгъ было вообще тогда крайне мало) книгъ, брошюръ и, особенно, старыхъ журнальныхъ статей. Читались рефераты, шли споры. Въ кружкахъ была принята для домашняго чтенія довольно обширная систематизированная программа.

Мы подготавливались къ будущей общественной дѣятельности добросовѣстно и, во всякомъ случаѣ, болѣе основательно, чѣмъ современная молодежь, захваченная волной общественнаго движенія, когда приходится сокращать до минимума свое самообразованіе, скорѣе становиться въ ряды той или иной партіи и отдавать всего себя кипучей дѣятельности.

Мы жили въ тихое время и мы могли готовиться не спѣша, переходя отъ одной рубрики вопросовъ къ другой, въ строгой постепенности. За беллетристами (особенно народниками), шель критико-литературный отдѣлъ, затѣмъ знакомство съ основаніями социологіи, психологіи и философіи, потомъ политической экономіи, исторіи и уже въ концѣ программы, послѣ обще-философской подготовки, стояли на очереди животрепещущіе вопросы русской дѣйствительности, обзоръ движенія, программъ и т. д.

Конечно, не всѣмъ и не всегда удавалось мыслить по этому плану, чувство и логика нѣтъ нѣтъ да и пытались заскакивать дальше очереднаго отдѣла, но, въ общемъ, все-таки достигалась извѣстная стройность.

Но книжка не являлась единственнымъ источникомъ знанія. Мы были близки и къ жизни, и въ этомъ отношеніи сибирскіе города, особенно тогдашній Томскъ, представляли весьма благопріятныя условія.

Въ эти годы, особенно за время 1885—87 г. г., въ Томскѣ собралась многочисленная колонія ссыльныхъ (въ 1887 г., къ открытію университета, большинство ссыльныхъ были выселены). Почти все русское революціонное движеніе, во всѣхъ стадіяхъ его развитія, было представлено въ лицахъ: тутъ были и каракозовцы, представители процессовъ 193-хъ и 50-ти, лавристы, бунтари, землевольцы и пр. вплоть до „последнихъ“ народовольцевъ. Были старики, было среднее поколѣніе и мы, зеленая молодежь. Получилась живая школа общенія двухъ поколѣній, въ которой мы черпали и знанія и опытъ прошлаго, а изъ споровъ разныхъ теченій выяснялась ихъ сущность и вставали во всей своей сложности задачи будущаго.

Общеніе съ сильными было самое тѣсное. Д. А. Клеменць знакомилъ рядомъ рефератовъ съ исторіей Интернационала, но особенно памятни его остроумные, яркіе рассказы изъ жизни пропагандиста въ деревнѣ. Здановичъ дѣлился своей эрудиціей въ области экономики и особенно въ толкованіи перваго тома „Капитала“ Маркса. Съ общими, философскими вопросами мы шли къ Л. Э. Шишко. Бесѣды съ нимъ оставили едва ли не самый глубокой слѣдъ въ нашемъ самообразованіи. Мягкій, вдумчивый, вѣчно занятый какимъ-нибудь вопросомъ въ области философіи, социологіи (особенно всплывавшимъ тогда и становящимся понемногу „острымъ“— вопросомъ объ „экономическомъ факторѣ“), онъ умѣлъ всегда заинтересовать постановкой вопроса, дать толчекъ къ самостоятельной критикѣ, а главное, къ отыскиванію „упоровъ“ для программы,— общефилософскихъ основъ.

Но не однѣ научныя бесѣды вырабатываютъ людей, даютъ имъ тотъ фундаментъ, который остается непоколебимъ при всѣхъ невзгодахъ судьбы, опредѣляетъ всю дальнѣйшую жизнь. Громадную роль играетъ общеніе съ живыми людьми, нравственное (не только „головное“) перевоспитаніе подъ вліяніемъ знакомства съ личностями, со всѣмъ вообще разнообразнымъ и глубоко интереснымъ укладомъ жизни русскаго подполья.

Какъ живая встаетъ предо мной личность нашего общаго любимца Гамкрелидзе (дядя Гамка—какъ всѣ его называли). По процессу 50-ти онъ попалъ въ Сибирь; наканунѣ окончанія срока ссылки, Гамкрелидзе былъ вновь привлеченъ по мѣстному томскому дѣлу и едва только успѣлъ пріѣхать на свою родину—Кавказъ, (о которомъ страстно мечталъ) былъ снова посланъ въ ссылку, въ Якутскую область на 5 лѣтъ. По окончаніи срока онъ вернулся, наконецъ, на родину, но вскорѣ скорострительно скончался (если не ошибаюсь, въ 1892 г.). Съ сѣдѣющей головой, но юный сердцемъ, искренній, съ горячимъ, кавказскимъ темпераментомъ, онъ весь отдавался молодежи, переходя отъ кружка къ кружку, быстро дружилъ и становился съ нами на равную ногу.

Мы не смотрѣли на него какъ на руководителя въ разрѣшеніи „проклятыхъ“ вопросовъ, да и онъ самъ не претендовать на это.

Въ такомъ общеніи мы перерождались, здѣсь окончательно сбрасывали съ себя ветхаго человѣка, здѣсь росло и крѣпло чувство,—на первыхъ порахъ почти религіозное,—уваженія къ предшественникамъ, къ великой роли „подполья“ и горячая вѣра въ необходимость идти по тому же пути.

Но въ какомъ именно направленіи нужно идти по этому пути,—не такъ легко было рѣшить тогда. Предъ глазами была цѣлая вереница направленій; не ускользало отъ насъ и то обстоятельство, что въ рѣчахъ представителей разныхъ направленій не чувствовалось самоувѣренности. Факты дѣйствительности, неудачи движенія, наложили на всѣхъ печать раздумья, начиналась эпоха переоцѣнки всѣхъ цѣнностей: пересмотръ программъ народничества и народовольчества.

Я уже упоминалъ выше, что всплывалъ вопросъ объ „экономическомъ факторѣ“ и экономическомъ материализмѣ.

Но матеріала для оперирования надъ этими вопросами было еще слишкомъ мало; въ литературѣ они лишь начинали пробивать себѣ дорогу; идеи марксизма только носились въ воздухѣ. Болѣе жгучій характеръ получили вопросы: о капитализмѣ, крестьянствѣ, общинѣ и пр. Къ тому времени появилась, много шумѣвшая, книга В. В. („Судьбы капитализма въ Россіи“). Въ памяти встаютъ наши сборища на дачахъ, въ квартирахъ ссыльных, гдѣ до глубокой ночи шли споры о судьбахъ общины, о внутреннемъ рынкѣ, объ утопізмѣ В. В. и т. д.

Въ общемъ, научныя достоинства книги В. В. подверглись большому сомнѣнію и его аргументація оказалась легко уязвимой. Много споровъ кипѣло также вокругъ вопроса о народовольческой тактикѣ, въ особенности о террорѣ, и я не помню ни одного изъ тогдашнихъ народовольцевъ, который бы отстаивалъ во всей неприкосновенности догму народовольчества, не допуская никакихъ поправокъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, была обстановка нашего самообразованія; обстановка типичная, вѣроятно, для тогдашняго времени и, особенно, для провинціальной молодежи.

Мы вышли изъ этой школы народовольцами. Хотя много еще не хватало для того, чтобы счесть себя „вполнѣ сознательными“ социалистами съ опредѣленной программой, но мы были противъ безконечной подготовки къ этой роли; суть, главное, мы усвоили хорошо, а остальное надѣялись наверстать въ будущемъ.

Въ мою задачу не входитъ излагать программу молодого народовольчества; скажу только, что мы не раздѣляли нѣкоторыхъ пунктовъ въ программѣ Исполн. Комитета, принявъ всѣ тѣ поправки и дополненія, которыя были сдѣланы въ послѣднихъ изданіяхъ „Народ. Воли“ (какъ напримѣръ въ № 10 „Н. В.“ и др.) и въ частности по вопросу о роли крестьянства въ революціонной борьбѣ (на нее мы смотрѣли очень пессимистически), о необхо-

димости широкой организационной работы среди рабочих и др.; постановка вопроса о террорѣ осталась прежнею.

Молодыми народовольцами мы покинули Томскъ и разбрелись по разнымъ университетскимъ городамъ.

III.

При всеобщемъ безмолвіи, которое охватило общество въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ г.г., только среди учащейся молодежи не переставала бурлить жизнь. Въ Москвѣ (къ которой, главнымъ образомъ, относятся мои воспоминанія) въ 1887 г. настроеніе было тревожное, боевое, шли горячіе споры о необходимости дать отпоръ реакціи, подготавливалась почва для студенческихъ волненій. Ходили по рукамъ прокламаціи съ горячимъ призывомъ къ борьбѣ (я помню, на одной изъ такихъ прокламацій „отъ студентовъ Петровско-Разумовской академіи“ стояло эпиграфомъ: „бей въ барабанъ и не бойся“.) Послѣ безпорядковъ осенью 1887 г., которые, начавшись на академической почвѣ въ Москвѣ (сигналомъ послужила пощечина инспектору университета Брызгалову), охватили всѣ университетскіе города, среди студенчества замѣтно усилилась реакція противъ подобныхъ стихійныхъ взрывовъ и уцѣлѣвшая отъ правительственнаго разгрома болѣе сознательная часть молодежи стала сторониться академическихъ дѣлъ. Усилилось тяготѣніе къ кружкамъ саморазвитія, къ конспиративнымъ организаціямъ и вообще къ революціонной дѣятельности. Въ землячествахъ—этихъ единственно тогда болѣе или менѣе устойчивыхъ организаціяхъ, наступило замѣтное оживленіе. Но дальше „оживленія“ дѣло не шло. Революціонной организаціи, которая сумѣла бы использовать эти благоприятныя условія, не оказалось. Въ Москвѣ, да и въ другихъ городахъ „подполье“ совсѣмъ почти пустовало. Существовали кружки, которые слыли за народовольческія группы, но они жили изолированно другъ отъ друга, были законспирированы и о своемъ существованіи рѣдко заявляли. Да и существовать то имъ было очень трудно. Почти вся работа сводилась къ обезпеченію отъ преждевременнаго провала, къ заботѣ о самосохраненіи и къ скромному накопленію силъ. Удавалось такому кружку распространить въ маленькой дозѣ нелегальную литературу, завести кое-какія связи, устроить бесѣды съ молодежью или съ рабочими (последнее, впрочемъ, было рѣдкостью) и онъ не мечталъ о большемъ.

А полицейскія преслѣдованія свирѣпствовали во всю; появился изощренный сыскъ и провокація, вскорѣ и самъ, проклятой памяти, Зубатовъ развернулъ свою „геніальную“ систему. Несмотря на видимое отсутствіе „дѣлъ“, „организацій“, и пр., аресты не прекращались и тюрьмы не пустовали.

Всѣ попытки связать разрозненныя силы, слить маленькіе кружки въ единую организацію,—хотя бы въ предѣлахъ одного

города,—кончались неудачей и, въ худшемъ случаѣ, проваломъ. Даже появился страхъ передъ всякими широкими затѣями, въ виду неизбежно, казалось, сопутствующихъ имъ проваловъ. Все это, конечно, ставило неодолимыя затрудненія для созданія какого-либо крупнаго дѣла. Заводить связи было трудно. Опытныхъ людей „стариковъ“ почти не встрѣчалось, они разбрелись куда-то по глухимъ угламъ. „Либеральное“ общество боялось являться съ революционерами, къ тому же еще изъ молодежи, да и отыскать такихъ либераловъ и сочувствующихъ было чрезвычайно замысловатой задачей. Дѣлались нами попытки создать, напри- мѣръ, въ Москвѣ нѣчто въ родѣ клубовъ, гдѣ бы встрѣчались люди изъ подполья съ людьми „вольнаго воздуха“, и всѣ эти попытки не приводили ни къ чему. Естественные клубы, вродѣ редакцій журналовъ и газетъ, были недоступны для революціонной молодежи. Собраній, на которыхъ выступали бы съ рефератами, рѣчами,—не было. Только въ „Татьянинъ день“ произносились рѣчи въ насыщенной винными парами залѣ трактира Эрмитажъ. Но что это за рѣчи были! Тутъ и Плевако выступалъ частенько съ радикальными рѣчами „о висѣлицахъ, которыми уставленъ путь россійскаго прогресса“,—на что, къ чести молодежи (хотя и пьяной), получалъ весьма недружелюбный приемъ: нелестныя для оратора реплики и свистъ. Другихъ формъ общенія молодежи (по крайней мѣрѣ московской) съ солиднымъ обществомъ не было.

Отъ рабочей массы молодежь была также оторвана; были лишь ничтожныя связи съ отдѣльными фабриками. Между тѣмъ, сочувствіе рабочихъ къ молодежи, особенно въ періодъ „безпорядковъ“, несомнѣнно было и начинало проявляться. Ужъ въ 1887 г., когда насъ жестоко избивала на Страстномъ бульварѣ полиція съ помощью черной сотни изъ Охотнаго ряда, мы видѣли кое-какую помощь съ стороны рабочихъ. Какъ сейчасъ помню такую картину: окруженные полиціей и избитые мы двигаемся по Тверской улицѣ. Впереди меня шель охотнорядецъ. Онъ еще не оправился отъ жаркаго „дѣла“: рукава засучены, лицо и шея налились кровью. Вдругъ изъ толпы выскакиваетъ фабричный и начинаетъ бить охотнорядца. Въ толпѣ одобреніе. Охотнорядецъ получаетъ еще съ другой стороны удары и спѣшитъ улепетнуть. Проявленія такой „активной“ помощи были, какъ приходилось слышать, не единичны.

Во время безпорядковъ 90 года московскіе рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ (Прохоровской, Цинделя) были не прочь поддержать студентовъ уличной демонстраціей, но дальше желанія дѣло не пошло; отъ черной же сотни Охотнаго ряда появилась къ намъ депутація, которая заявила, приблизительно, слѣдующее: „ежели вы бунтуете по своему дѣлу, чтобы значить, бѣднымъ изъ васъ не было утѣшенія отъ профессоровъ, чтобы плата была поменьше и пр.,—то мы препятствовать не будемъ. Но ежели вы что насчетъ царской фамиліи, то такъ и знайте: камня на камнѣ не оставимъ отъ университета“.

Не находя приложенія своимъ силамъ и чувствуя тяжесть административнаго гнета, молодежь, естественно, бросалась въ открытые протесты, вынося ихъ на своихъ плечахъ.

Въ 1890 г. снова вспыхнули безпорядки. Подпольные кружки (и нашъ въ томъ числѣ) рѣшили использовать ихъ и придать имъ политическій характеръ. Но это мало удалось. Правда, въ числѣ требованій демонстрантовъ были на первомъ планѣ выставлены обще-политическія требованія, но на призывъ инициаторовъ откликнулась слишкомъ ничтожная часть молодежи и, такимъ образомъ, правительство безъ труда выхватило изъ ея среды наиболѣе радикально настроенное меньшинство. Кружки были разбиты и разсѣяны. Въ это же время (1889—90) была сдѣлана попытка (наиболѣе крупная, если не ошибаюсь, по тогдашнему времени) слить воедино разбросанные по Россіи народовольческіе элементы, создать живую боевую организацію. Былъ устроенъ съѣздъ изъ представителей отъ разныхъ городовъ, завязаны были сношенія и пр., но все вскорѣ окончилось массовыми арестами и обысками (дѣло Сабунаева и др.).

Трудно было существовать изолированнымъ кружкамъ, безъ поддержки и помощи со стороны. Мы все-таки упорно боролись за свое существованіе. Всѣ помыслы нашего кружка (онъ былъ безъ официальнаго названія, какъ и всѣ кружки) были направлены на постановку литературнаго предпріятія, въ дѣлахъ болѣе широкой пропаганды. Но для этого нужны были средства, а для добычи ихъ нужны связи, а связи можно получить лишь предложивъ что-нибудь, уже начатое дѣло и т. д. и получался, такимъ образомъ, заколдованный кругъ. Помню, мы затѣяли поставить типографію. Денегъ не хватило. И мы прибѣгнули къ экстренной мѣрѣ (да не подумаетъ читатель, что къ экспроприаціи—нѣтъ). Мы рѣшили совершить объѣздъ своихъ знакомыхъ, бывшихъ студентами въ кружкахъ, людей уже сидящихъ на мѣстахъ, занятыхъ и даже богатыхъ и возвать къ ихъ чувству и... карману.

Разъѣзжали мы долго, нѣсколько мѣсяцевъ и, затративъ массу энергіи и весь свой „основной“ капиталъ въ 200 р., собрали въ результатѣ что-то около 500 руб. да кучу обѣщаній. Такъ растрчивалась на мелочи наша энергія.

Голодный 1891—92 годъ внесъ живую струю въ общественное настроеніе. Народное бѣдствіе разбудило дремавшихъ и подбодрило упавшихъ духомъ. Оживилась и литература. Возвратившаяся съ голодныхъ мѣстъ молодежь прошла хорошую школу, познакомилась ближе съ народнымъ горемъ и со всѣмъ безобразіемъ правительственной опеки. Началась усиленная дѣятельность по части всякаго рода организаціоннаго строительства. Сорганизовалась и выступила со своимъ манифестомъ и брошюрой „Насущный вопросъ“ партія „Народнаго Права“, рассчитывавшая объединить широкіе круги революціоннаго общества на платформѣ политическихъ требованій. Вскорѣ, однако, партія подверглась полному разгрому. Въ Москвѣ послѣдовалъ арестъ писателя Астырева и группировавшагося около него кружка, пытавшагося

самостоятельно поставить пропаганду среди крестьянъ и успѣвшаго распространить письма къ крестьянамъ. Въ Петербургѣ появляется группа народолюбцевъ, поставившая типографію и издававшая „Летучій Листокъ“ и серію народныхъ брошюръ. На Югѣ, Волгѣ зашевелились кружки. Заграницей усилилась литературная дѣятельность. Появились и довольно быстро приумножились кружки марксистовъ. Оживилась работа, закипѣли споры въ затихшемъ было подпольѣ російскомъ.

Я не пишу исторіи революц. движенія, а потому и не буду останавливаться на характеристикѣ подполья этихъ годовъ, и перейду непосредственно къ появленію въ немъ социалистовъ-революціонеровъ и въ томъ числѣ нашего Сѣвернаго Союза. Мнѣ важно было лишь отмѣтить тѣ нити, которыя связывали насъ съ прошлымъ и то, что социальное революціонное теченіе, дѣятельность „въ духѣ“ программы „Нар. Воли“ *не прекращалась*, не исчезала съ исторической сцены; она лишь замирала одновременно съ замираніемъ всей вообще подпольной и надпольной жизни.

IV.

Въ 1894—96 годахъ картина положенія несоціалдемократическихъ организацій была такова. Въ Петербургѣ работала группа народолюбцевъ „Летучаго Листка“. На югѣ, центромъ котораго былъ Кіевъ, появился союзъ социалистовъ-революціонеровъ (здѣсь, если не ошибаюсь, впервые въ Россіи былъ принятъ сторонниками народолюбчества терминъ „соц.-революціонеры“). Заграницей появился органъ „Русскій Рабочій“, изданія „Союза русскихъ соц.-революціонеровъ“. За границей же продолжала заявлять о себѣ „группа старыхъ народолюбцевъ“, появились изданія Бурцева и др. По разнымъ городамъ, особенно по Поволжью, были группы, заявлявшія такъ или иначе о своемъ существованіи. Немного позднѣе появились изданія отъ имени партіи политическаго освобожденія Россіи.

Наиболѣе удачно и прочно было поставлено дѣло группой народолюбцевъ въ Петербургѣ и, при благоприятныхъ условіяхъ, къ ней могла бы перейти роль объединительная и, пожалуй, центрального руководства всѣмъ социальное-революціоннымъ направленіемъ. Но въ отношеніи широкаго организаціоннаго строительства группа оказалась безсильной, несмотря на неоднократные разъѣзды членовъ группы по городамъ, на переговоры и пр. Отчасти тутъ играла роль атмосфера бездѣлія или малой самостоятельности мѣстныхъ группъ и недовѣріе ихъ къ широкимъ проектамъ, отчасти причиной было неумѣніе инициаторовъ-объединителей вызвать къ жизни мѣстныя силы, дать общій планъ дѣятельности, а также излишняя, порою, конспирація съ ихъ стороны. Но главной причиной, почему группа не могла достигнуть объединенія, была невыработанность ея программы и постоянныя колебанія. Уже въ первыхъ номерахъ ея „Летучаго Листка“ сказывалась

неустойчивость взглядовъ и болѣе чѣмъ оригинальное толкованіе программы народовольчества. Выпущенный ею № 4 Листка вызвалъ уже открытый протестъ соц.-революціонеровъ и въ Россіи, и за границей. Статьи номера были проникнуты духомъ социалдемократизма и всѣ были въ недоумѣніи, почему группа продолжаетъ называть себя группой „народовольцевъ“. Идейная связь была нарушена, и № 4 Листка подвергся бойкоту. Вскорѣ группа, послѣ ареста Лахтинской типографіи, совсѣмъ сошла со сцены. Возникла въ Петербургѣ послѣ этого другая группа съ планами литературнаго издательства (газета „Борьба“ и др.) но она также скоро прекратила свое существованіе. Такимъ образомъ, созданная инициативой Петербурга связь между разными городами порвалась и на нѣкоторое, правда непродолжительное, время мѣстныхъ группы были предоставлены самимъ себѣ. Одной изъ такихъ мѣстныхъ группъ была наша группа, возникшая въ г. Саратовѣ. Въ эти годы (1894—96.) Саратовъ былъ довольно густо населенъ интеллигенціей и его нерѣдко называли „волжскими Аѳинами“. Интеллигенція группировалась въ т. н. Обществѣ изящныхъ искусствъ, гдѣ, подъ видомъ литературно-художественной секціи, устраивались еженедѣльно большія собранія, представлявшія и по тогдашнему времени нѣчто, дѣйствительно, оригинальное. Собиралось до 150 и болѣе человѣкъ всякаго званія и сословія. Читались рефераты и велись дебаты, при чемъ официально объявленная тема игнорировалась и ораторы пускались въ открытое море вопросовъ о политической свободѣ, социализмѣ, марксизмѣ и пр. Вскорѣ это, существовавшее „по недоразумѣнью“ учрежденіе, было прикрыто администраціей. Однако, какъ ни обилень былъ составъ интеллигентныхъ силъ, онѣ не были захвачены какимъ либо живымъ дѣломъ, и атмосфера бездѣлія и пустословія царствовала повсюду. А между тѣмъ подъ бокомъ было необозримое поле для широкой дѣятельности—крестьянство, настроеніе котораго было къ тому времени уже достаточно приподнятымъ, среди котораго еще сохранились живые слѣды народнической пропаганды и которое жаждало интеллигентныхъ силъ. Я знаю случай, когда одинъ саратовецъ натолкнулся на крестьянина, изъ разговора съ которымъ выяснилось, что онъ по порученію земляковъ отправился изъ деревни спеціально въ поиски за „интеллигентомъ“ и, не имѣя никакихъ связей, обошелъ нѣсколько учрежденій, всюду высматривая этого интеллигента, пока случайно не набрелъ на нужнаго человѣка.

Впрочемъ, такая оторванность города отъ деревни существовала не въ одной Саратовской губ. Еще не пробилъ часъ, не было толчка къ выступленію народной массы и энергичной организаціонной работы интеллигенціи. Процессъ революціонизированія крестьянства былъ незамѣтенъ для постороннихъ глазъ, а неудачный опытъ прошлаго и разочарованіе народовольцевъ въ работѣ среди крестьянства были еще свѣжи въ памяти, и вполне естественно, что городъ мало думалъ о деревнѣ; сыграла тутъ не малую роль и проповѣдь социалдемократовъ съ ихъ тогдашнимъ культомъ пролетарія и презрѣнія къ работѣ въ крестьянствѣ,—

какъ мелкой буржуазіи. Зато нѣсколько мелкихъ заводовъ въ городѣ и желѣзнодорожныя мастерскія старательно обслуживались интеллигенціей, и конкуренція изъ-за привлеченія на свою сторону нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ кипѣла во всю.

Возвращаюсь, однако, къ нашей группѣ. Послѣ разгрома петербургской организаціи, съ которой мы вели постоянныя сношенія, оторванные отъ другихъ организацій, мы рѣшили самостоятельно пробить себѣ дорогу.

Въ 1896 г. группа окончательно конституировалась и выработала программу, которая затѣмъ въ гектографированномъ видѣ была распространена подъ названіемъ: „Основныя положенія программы союза социалистовъ-революціонеровъ“. (Замѣчу здѣсь, что нашъ Союзъ никогда не назывался „Сѣвернымъ“; это было прибавлено къ-то впоследствии, въ отличіе отъ Южнаго (кіевскаго) союза. Мы же именовались всегда просто „союзомъ с.-р.“).

Въ 1898 г. эта программа съ прибавленіемъ краткаго историческаго обзора революціоннаго движенія была издана союзомъ подъ заглавіемъ „Наша Задача“. Въ 1900 г. она вышла въ печатномъ видѣ за границей со статьей Григоровича „Соц.-революціонеры и соц.-демократы“. Въ основу нашей программы была положена программа Исполн. Комитета Н. В. Измѣненія были внесены какъ въ общую, принципиальную часть, такъ и въ тактическую. Кое что пришлось сократить или развить, кое что совсѣмъ вычеркнуть изъ прежняго. Необходимо было подчеркнуть, что мы сторонники революціоннаго социализма,—въ виду сильно распротранившагося тогда „эволюціонизма“, пришлось выставить болѣе выпукло насущность и неизбежность борьбы за политическое освобожденіе,—какъ *conditio sine qua non* экономическаго освобожденія—въ виду господства „экономизма“ социалдемократическихъ круговъ, особенно петербургской организаціи съ газетой „Рабочая Мысль“.

Взглядъ на аграрный вопросъ изложенъ былъ въ возможно менѣе „утопической“ (выражаясь соц.-демократическимъ языкомъ) формѣ, съ цѣлью устранить кривотолкованія. Констатировалась наличность процесса дифференціаціи крестьянской массы, (но процесса, однако, недостаточно широкаго и глубокаго), рядомъ съ этимъ усиленно подчеркивалась солидарность интересовъ громаднаго большинства крестьянства и интересовъ пролетаріата въ борьбѣ за социализмъ, наличность объективныхъ условій для вовлеченія крестьянства въ борьбу за переустройство земельныхъ отношеній на началахъ націонализаціи земли, какъ переходной ступени къ будущему аграрному строю и т. д.

Въ области тактики програмной указывался планъ подготовительной работы для созданія массовой партіи и борьбы за очередныя задачи. На первое мѣсто выдвигалась пропаганда, агитация и организаціонная дѣятельность среди учащейся молодежи и пролетаріата. На второмъ мѣстѣ стояла работа въ крестьянствѣ,—по мотивамъ, о которыхъ я упоминалъ выше т. е. благодаря невѣрью нашему въ возможность разбудить въ то время деревню (въ чемъ мы, конечно, ошибались).

Наконецъ, въ программѣ фигурировала систематическая террористическая борьба, какъ орудіе пропаганды, агитаціи и, въ связи съ массовой борьбой (что нарочно подчеркивалось), какъ средство рѣшающаго характера въ смыслѣ достиженія политическихъ свободъ.

Эта программа, какъ я уже говорилъ, была разслана по кружкамъ, и мы рассчитывали обсужденіемъ ея усилить потребность къ объединенію, дать толчекъ къ организационному сближенію кружковъ. Связи у насъ были съ поволжскими городами, Тамбовомъ, Воронежомъ, Москвой, Петербургомъ, Киевомъ. Былъ сдѣланъ объѣздъ, были переговоры, но дѣло подвигалось туго. Отъ кievскаго союза мы получили извѣстіе, что при обсужденіи нашей программы, вышли разногласія, при чемъ, по словамъ делегата (съ которымъ я имѣлъ дѣло) большинство было противъ включенія въ программу пункта о террорѣ, чтобы не отпугнуть многихъ, что этотъ пунктъ вообще неумѣстенъ въ программѣ, что не надо давать повода трактовать соц.-революціонеровъ какъ простыхъ террористовъ, толкующихъ о массовой борьбѣ, о работѣ въ массахъ и пр. такъ, только для видимости (подобное вульгарное пониманіе было тогда, дѣйствительно, пущено въ ходъ марксистами). Были еще со стороны кievлянъ возраженія на наше толкованіе аграрнаго вопроса, капитализма и еще чего-то. Дѣло въ томъ, что взгляды кievлянъ (поскольку они выражены были въ ихъ изданіяхъ и въ устныхъ бесѣдахъ) были въ то время довольно сильно окрашены марксизмомъ и въ ихъ постановкѣ программныхъ вопросовъ и во виѣшней формѣ изложенія чувствовалась нѣкоторая неувѣренность и преувеличенное опасеніе, какъ бы не прослыть народниками. Въ этомъ отношеніи они пошли значительно дальше насъ, были такъ сказать „правѣ“.

Я помню бывшій у меня въ рукахъ рукописный проектъ ихъ программы (это было, если не измѣняетъ память, въ концѣ 1897 г. или началѣ 1898). Проектъ мало походилъ на революціонно-соціалистическую программу, а скорѣе на статистико-экономическій трактатъ. Особенно врѣзалось мнѣ въ память мѣсто, гдѣ излагался взглядъ на крестьянство. Съ особенною старательностью разрабатывался вопросъ о дифференціаціи, приводились цифры и, что характерно, упоминалось даже о такой отрасли крестьянскаго хозяйства, какъ птицеводство.

Одновременно съ переговорами и сношеніями съ другими городами мы пытались приводить въ исполненіе начертанный программой планъ дѣятельности: заводять связи съ рабочими (каковыхъ у насъ почти не было), молодежью и, при первой возможности, съ крестьянствомъ; но прежде всего рѣшили поставить издательское дѣло.

Въ 1896 г. Союзъ выпустилъ въ незначительномъ количествѣ гектографированную прокламацію по поводу вспыхнувшей въ Петербургѣ стачки ткачей. Другихъ изданій не было, и вообще дѣла Союза были въ незавидномъ положеніи. Очень часто налаженное съ большимъ трудомъ какое нибудь предпріятіе внезапно

рушилось, и приходилось начинать снова, подобно муравьямъ, которымъ нога прохожаго въ одно мгновение уничтожаетъ всю ихъ многотрудную постройку. Для иллюстраціи разскажу, какъ мы ставили типографію.

Нужно было прежде всего добыть шрифтъ, который по тогдашнему времени являлся большою драгоценностью. Небольшую часть его, послѣ хлопотъ, мы достали въ Самарѣ. Но этого было слишкомъ мало. И вотъ, случайно, мы натолкнулись на слухъ, что около города, на островѣ, зарыто значительное количество шрифта какою-то, разгромленной года два назадъ, организаціей. Указывалось и мѣсто, но въ довольно неопредѣленной формѣ: песчаный бугоръ, недалеко отъ сторожевой будки, лѣсокъ, въ 12 шагахъ отъ кривой березы и т. д. Какъ ни отдавало отъ этихъ указаній преданіемъ, легендой о чудодѣйственномъ кладѣ, но жажда наша была велика, и однажды, глухою осенью мы отправились на островъ.

Нашли бугоръ, лѣсокъ, отмѣряли шаги и стали тыкать длинной желѣзной палкой въ песокъ. Долго тыкали мы палкой, промѣряли шаги отъ кривой березы, мѣняли направленіе,—клада не оказывалось. Терпѣніе истощалось, спускалась тьма, сторожевая будка была слишкомъ близка и находженіе въ необычное время и на необычномъ мѣстѣ компаніи могло показаться подозрительнымъ, и мы возвратились домой ни съ чѣмъ.

Но кладъ не давалъ покоя и, спустя нѣкоторое время, мы снова отправились на островъ, на это заколдованное мѣсто (въ верстахъ пяти отъ города), рѣшивъ не уходить съ него, пока не истыкаемъ весь песокъ около этой проклятой кривой березы. Нѣсколько часовъ мы работали желѣзной палкой, отчаяніе уже закрадывалось въ душу, раздавались нетерпѣливые голоса „плюнуть на все“, какъ вдругъ что-то хрустнуло подъ концомъ палки. Лихорадочно принимаемся разрывать песокъ. Показались лохмотья истлѣвшей матеріи, куски дерева и, наконецъ, онъ, желанный кладъ,—шрифтъ!

Нагрузившись и разсыпавъ въ темнотѣ достаточное количество на мѣстѣ преступленія, мы усталые, но счастливые возвратились домой.

Шрифтъ былъ спрятанъ пока въ удобномъ мѣстѣ. Наступило время пустить въ ходъ типографію. Была приготовлена квартира и пр. Нужно было перевезти на нее весь запасъ шрифта. И вотъ тутъ произошло нѣчто трагическое по своей неожиданности и роковому стеченію случайностей. Судите сами.

Мѣсто, гдѣ хранился шрифтъ, находилось отъ города въ верстахъ 6—7. Товарищъ запрегъ въ сани лошадь (была весенняя распутица), взваливъ ящикъ со шрифтомъ и по санный дорогѣ повезъ въ городъ. На полпути отъ города снѣгу оказалось настолько мало, что лошадь остановилась и отказалась везти. Что дѣлать? Товарищъ не нашелъ иного выхода изъ этого затруднительнаго положенія, какъ снести ящикъ подъ близъ стоящій стогъ

сѣна, зарыть его, а самому отправиться обратно, съ тѣмъ, чтобы перепречь лошадей въ колесный экипажъ и немедленно вернуться.

И случилось такъ, что, по отъѣздѣ возницы, въ это же самое время хозяину стога—мужику сосѣдней деревни—понадобилось сѣно и онъ пріѣхалъ и, къ изумленію своему, открылъ въ сѣнѣ ящикъ... Рѣшивъ, что это какая-нибудь кража, онъ заявилъ полиціи. Остальное извѣстно. Началось дѣло, шрифтъ былъ экспропрированъ жандармами. И этимъ закончились наши многотрудныя, въ продолженіе полугода, хлопоты съ типографіей.

Въ 1897 году наша группа разѣхалась изъ Саратова, и главная дѣятельность Союза была перенесена въ Москву.

V.

1897—98 годъ прошелъ въ мелкой организаціонной дѣятельности по укрѣпленію связей въ Москвѣ и съ другими городами. Результаты получились не блестящіе, такъ какъ составъ Союза былъ весьма немногочисленъ, средства скудны, а кругомъ кипѣла дѣятельность социалдемократическихъ организацій.

За это время Союзомъ были изданы прокламаціи: по поводу открытія въ Москвѣ памятника Александра II, по поводу расправы, произведенной конвойнымъ офицеромъ надъ партіей ссыльныхъ въ Сибири, затѣмъ маленькая брошюра: „Два тайныхъ циркуляра“ и, наконецъ, программа Союза съ историческимъ обзоромъ (въ видѣ введенія) подъ названіемъ „*Наши задачи*“.

Нелегальной литературы соц.-революціоннаго направленія было въ обращеніи чрезвычайно мало и шла она исключительно изъ-за-границы. То были, по преимуществу, старыя изданія народолюбцевъ, кое какія народныя изданія, листки лондонскаго фонда, изд. Черткова и нѣкоторыя другія. Всѣ сношенія съ за-границей были у насъ черезъ Союзъ русскихъ соц.-революціонеровъ. Перевозка черезъ границу была затруднительна и стоимость литературы была очень высока. За пудъ иногда приходилось платить на мѣстѣ до 100 р. и получать сплошь и рядомъ въ этомъ пудѣ значительную долю совершенно ненужнаго хлама.

Вполнѣ естественно, что всѣ помыслы наши (да и не только наши) были направлены на то, чтобы поставить въ Россіи издательское дѣло,—что, однако, оказывалось не подъ силу не только слабой организаціи, какъ наша, но и болѣе крѣпкимъ.

Сезонъ 1899—1900 г. отличался нѣкоторымъ оживленіемъ. Прокатилась волна студенческихъ беспорядковъ. Нашъ Союзъ выпустилъ воззваніе къ студенчеству, съ призывомъ къ политической борьбѣ. Воззваніе имѣло успѣхъ и затѣмъ мы были удостоены лестнымъ отзывомъ со стороны правительства. Въ правительственномъ сообщеніи о причинѣ беспорядковъ и пр. нашему воззванію была отведена (не по заслугамъ) почетная роль возбудителя умовъ среди студенчества.

За границей начала свою дѣятельность Аграрная Лига,—что

замѣтно отразилось на притокѣ нелегальной литературы и на поднятіи энергіи у тѣхъ одиночекъ и кружковъ, которые издавна на свой страхъ вели подпольную работу въ крестьянствѣ. Вскорѣ затѣмъ появились первыя крестьянскія „братства“ и былъ изданъ за границей примѣрный уставъ ихъ.

Въ это же время кievскій союзъ соц.-революціонеровъ взялъ на себя починъ „собиранія земли“,—задумалъ широкое объединеніе соц.-революціонныхъ организацій въ партію. Былъ созванъ съѣздъ представителей отъ разныхъ группъ. Нашъ Союзъ также получилъ приглашеніе, но мы по случайнымъ причинамъ не попали на съѣздъ. Результатомъ этого съѣзда было объединеніе нѣсколькихъ организацій въ партію.

Появился „Манифестъ“ партіи соц.-революціонеровъ. Затѣмъ партіей было издано нѣсколько брошюръ („Не убій“ и др.). Манифестъ не удовлетворилъ многихъ и насъ въ томъ числѣ; наше неудовольствіе было вызвано главнымъ образомъ неопредѣленностью постановки въ Манифестѣ вопросовъ тактики вообще и террористической въ частности. Тутъ кстати будетъ отмѣтить, что Манифестъ встрѣтилъ довольно дружелюбный пріемъ со стороны социалдемократіи. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Искры“ въ специально посвященномъ фельетонѣ, авторъ недоумѣвалъ, почему понадобилась какая-то особая партія соц.-революціонеровъ, когда послѣдніе могли бы съ успѣхомъ войти въ соц.-демократическую партію. Тутъ же, для вящаго эффекта, онъ завѣрялъ, что сами Желябовъ и Перовская, еслибы дожили до нашихъ дней, были бы, конечно, въ рядахъ соц.-демократіи. Это дружелюбіе быстро однако исчезло со страницъ „Искры“ и замѣнилось пресловутой искровской полемикой. Причина была ясна и крылась она не во вредности программы соц.-революціонеровъ (ибо программа, въ основаніи своемъ, осталась той же), а въ томъ, что народился сильный конкурентъ, и соц.-революціонеры стали „забирать силу“. Но я забѣжалъ немного впередъ.

Дѣла объединенныхъ въ партію организацій шли не блестяще. Исторія этого объединенія и вообще обзоръ положенія соц.-революціоннаго дѣла на югѣ не входитъ въ мою задачу. Скажу только, что много элементовъ не вошло въ это объединеніе и партія могла бы вѣрнѣе носить названіе „южной“ партіи соц.-революціонеровъ.

Нашъ Союзъ, вполнѣ сочувствуя широкому объединенію (особенно когда, одновременно почти, началось объединеніе въ партію нашихъ друго-враговъ соц.-демократовъ), не особенно энергично однако содѣйствовалъ этому объединенію. Причиной тому было сознание преждевременности объединенія такихъ группъ, которыя не успѣли или не сумѣли еще встать прочно на ноги, окрѣпнуть въ мѣстной работѣ и поставить какое-нибудь прочное практическое предпріятіе. Наши помыслы и были направлены на постановку такого предпріятія и естественнаго объединенія силъ вокругъ него. Будущее показало, что мы не ошиблись.

Мы поставили себѣ задачей во что бы то ни стало завести

печатное дѣло, издавать постоянный органъ и, при первой возможности, серію брошюръ для народа. Потребность въ органѣ, въ которомъ разрабатывались бы вопросы въ духѣ нашей программы и, въ особенности, группировались и освѣщались бы факты текущей дѣйствительности,—была громадна. Появившіеся время отъ времени въ Россіи и за границей листки уже не могли удовлетворять, органа же нашего направленія не существовало; издававшійся за границей Союзомъ русск. соц.-революціонеровъ органъ „Русскій Рабочій“ былъ маленькимъ рабочимъ листкомъ, выходилъ съ громадными перерывами и въ Россію попадалъ рѣдко и въ ничтожномъ количествѣ. Изданіе „Вѣстника Русской Революціи“ за границей тогда только что еще подготавливалось. Весной 1900 г. намъ удалось приобрести шрифтъ, затѣмъ одна бундовская организація сдѣлала намъ, по заказу, типографскій станокъ. Удалось привлечь серьезные литературныя силы, добыты были средства, и мы рѣшили приступить къ изданію органа. Изъ разныхъ названій мы остановились на названіи „Революціонная Россія“ (при чемъ судьбу названія помогъ рѣшить въ значительной мѣрѣ наборщикъ, доставлявшій шрифтъ. Заглавныхъ буквъ у него оказалось только на двѣ комбинаціи: Революціонная Россія и Свободная Россія и мы окончательно выбрали первую ¹⁾). Мѣсто для печатанія было избрано не совсѣмъ близко—въ Сибири и вотъ, лѣтомъ 1900 г., туда отправилась компанія съ громоздкимъ багажемъ типографскихъ принадлежностей.

Неудачи ждали насъ на первыхъ же шагахъ. Когда приступили къ работѣ, то оказалось, что типографскій станокъ не дѣйствуетъ. Сдѣланъ онъ былъ кустарнымъ способомъ, части пригнаны „на глазъ“ и, въ общемъ, онъ никуда не годился. Опытныхъ людей на мѣстѣ не оказалось и работа остановилась. Къ этой неудачѣ присоединились еще кое-какія и, въ результатѣ, пришлось ликвидировать избранное подъ типографію мѣсто и перенести его въ другое—въблизи Петербурга. И вотъ опять двинулся нашъ транспортъ въ далекій обратный путь. Въ такихъ передвиженіяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и только къ зимѣ (декабрю) 1900 г. удалось устроить уютное мѣсто и приступить къ работѣ. Но, какая это была работа! Въ какой примитивной обстановкѣ она совершалась!

Въ типографіи поселились трое: мужчина и двѣ женщины. Никто изъ нихъ не работалъ раньше въ типографіи. Всѣ знанія черпались изъ книжки—печатнаго руководства. Въ распоряженіи было небольшое количество шрифта, при чемъ нехватало очень многихъ необходимыхъ вещей; часть шрифта была сбита, онъ былъ разныхъ номеровъ и, наконецъ, кое-какихъ буквъ было очень мало и пр. Далѣе. Станка не было. Была доска и 30 фунтовый

¹⁾ Стоитъ отмѣтить одно характерное обстоятельство. Изданіе „Рев. Россія“ затѣяно было одновременно съ изданіемъ „Искры“, Пріятель соц.-демократъ пріѣхалъ ко мнѣ съ плакатомъ изданія и съ переговорами о кое-какомъ содѣйствіи въ тотъ моментъ, когда я производилъ такія же хлопоты относительно „Рев. Россія“. Судьба связала дѣлами (не дружбы только) эти два органа и ихъ партіи съ момента рожденія.

валь для ручной катки. Вотъ и вся наша „типографія“. До остального надо было доходить опытомъ. Приступили къ работѣ. Набрали первую страницу, и начался опытъ. Ничего не получается. Въмѣсто передовой статьи, ряда ея строчекъ, — выходитъ какая-то мутная грязь съ кое гдѣ торчащими отдѣльными буквами и фразами. Начинается отыскиваніе первопричины. Растирается иначе краска, подбивается тамъ и тутъ шрифтъ и пр. Не помогаетъ. Только крупныя буквы заглавія: „Рев. Россія, изданіе Союза социаль-революціонеровъ“ начинаютъ выходить довольно отчетливо и дразнить воображеніе. Страница по-прежнему остается грязнымъ полемъ. Лица у всѣхъ пасмурны. Разбираетъ досада на свою беспомощность и въ душу заползаетъ желаніе бросить и отправиться въ поиски за опытными людьми. Но страстное желаніе видѣть въ своихъ рукахъ газету превозмогаетъ. Опыты продолжаются съ упорствомъ. И вдругъ раздается радостное восклицаніе „катальщика“. Изъ подъ вала вышла страница съ напечатаннымъ рядомъ строчекъ. Закипѣла работа. Наборщики съ пѣніемъ принялись за свое кропотливое занятіе, катальщикъ энергично дѣйствовалъ валомъ, вводя все новыя и новыя усовершенствованія. Работали, не замѣчая усталости, недоѣдая и недосыпая по 16—18 часовъ.

За отпечатаніемъ 700—800 экземпляровъ перваго номера „Рев. Россія“ провозились почти мѣсяць, — такова была скорость нашей „ротационной“ машины. Новый, 1901 годъ засталъ типографію въ разгарѣ работы. И я думаю, рѣдко удается такъ радостно, весело встрѣтить новый годъ, какъ тогда, съ бутылкой пива, за рабочимъ столомъ, среди развѣшанныхъ по всей комнатѣ на ниткахъ свѣжеотпечатанныхъ листовъ...

Въ январѣ 1901 г. № 1 „Револ. Россія“ началъ распространяться среди публики. Приѣмъ онъ встрѣтилъ самый разнообразный. Высказывалось неодобреніе по поводу „блѣдности“ номера. Мы сами хорошо понимали, что номеръ блѣденъ. Причина была та, что, выступая передъ широкимъ кругомъ читателей, мы, ради нащупыванія почвы, разбавили краски, а передовая статья и совѣтъ была обезцвѣчена. И несмотря на это, мы встрѣтились съ отзывами, правда, немногочисленными, что въ газетѣ взята черезчуръ революціонный тонъ, и были даже указанія, что газета не пойдетъ изъ-за одного названія (опасно, молъ, и на столѣ держать). Въ концѣ концовъ, имѣя газету въ рукахъ, мы вздохнули свободнѣе, и прокладывая себѣ дорогу къ сердцамъ разнаго рода сочувствующихъ и содѣйствующихъ стало легче. Можно было подумать о болѣе или менѣе правильномъ раздѣленіи труда и выйдти изъ того состоянія, когда редактору газеты приходилось самому ѣздить за матеріаломъ, самому ставить типографію и печатать, да самому и распространять газету. Появились у насъ средства, открылись жертвователи.

Весной 1901 г. было приступлено къ печатанію втораго номера и появился онъ въ концѣ мая. Содержаніе этого номера было уже болѣе опредѣленнымъ и съ болѣе выдержаннымъ направлениемъ. Мы получили одобрительные отзывы. Кромѣ № 2 Рев. Россія

были этимъ же лѣтомъ выпущены два „Летучихъ Листка“ (добавленіе къ № 2 „Рев. Россіи.“) Изданіемъ этихъ листковъ мы рѣшили заполнять промежутки между выходами номеровъ газеты. Въ нихъ долженъ быть помѣщаться матеріалъ не терпящій отлагательства и разрабатываться вопросы, имѣющіе жгучій характеръ. Газету мы рассчитывали выпускать разъ въ мѣсяць, въ виду техническихъ затрудненій.

Къ осени 1901 г. выяснилось, что можно расширить типографское дѣло, и мы рѣшили перенести печатаніе газеты на новое мѣсто, а въ прежней, запасной типографіи печатать листки и прокламаціи. Мѣсто для печатанія „Революціонной Россіи“ было устроено около г. Томска, на переселенческомъ пунктѣ. Къ концу августа все было готово и съ сентября долженъ былъ начаться правильный выходъ газеты.

Къ этому времени связи наши расширились и окрѣпли. Кромѣ столичныхъ городовъ, Поволожья (въ Саратовѣ была солидная группа с.-р.), Урала и Юга—этихъ издавнихъ соц.-революціонныхъ очаговъ, стали появляться сочувствующіе и кружки единомышленниковъ въ другихъ городахъ. Обеспечено было правильное сотрудничество, правильная доставка матеріала, собранъ былъ матеріалъ на нѣсколько номеровъ газеты и пр. Преодолены были затрудненія и съ редактированіемъ: составился редакціонный коллективъ.

Чувствуя почву подъ ногами, мы приступили къ болѣе тѣсному организаціонному сближенію съ „южной“ партіей и за-границей и начаты были переговоры о томъ, чтобы упразднить нашъ Союзъ и сдѣлать „Револ. Россію“ органомъ партіи с. р. и пр.

Все шло хорошо, и въ будущемъ рисовались широкія перспективы.

И вдругъ тр-р ахъ! 23 сентября 1901 г. была арестована въ Томскѣ типографія и при ней 6 человекъ. Явившись по подозрѣнію и по доносу для производства обыска, жандармерія, къ изумленію и удовольствію своему, наткнулась на типографію со свѣже отпечатанными страницами № 3 Револ. Россіи (было отпечатано только три страницы).

Съ передачей дѣла о типографіи московскому охранному отдѣленію (за разслѣдованіе взялся бойкій жандармскій офицеръ Спиридовичъ— „спеціалистъ по Бунду“,—какъ онъ самъ рекомендовался) открылись кое-какія связи и начались аресты: въ Петербургѣ, Москвѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Черниговѣ. Арестовано и привлечено было къ дѣлу о Союзѣ соц.-революціонеровъ 22 человекъ.

Уцѣлѣвшіе члены Союза, стоявшіе близко къ дѣлу, принялись за спасеніе имущества организаціи отъ неожиданнаго погрома и укрѣпленіе оставшихся связей. Кое что удалось сдѣлать въ этомъ направленіи, такъ какъ жандармерія была плохо освѣдомлена, шла ощупью и благополучно прошла мимо многого; аресты членовъ союза растянулись на нѣсколько мѣсяцевъ.

О возобновленіи печатанія газеты въ Россіи на прежнихъ основаніяхъ думать было некогда и всѣ надежды были возложены на за-границу, куда мы и передали все: связи и весь матеріалъ

(между прочимъ, № 3 Рев. Россіи вышелъ впоследствии за-границей въ томъ же составѣ статей, каковой былъ захваченъ жандармами при арестѣ, въ Томскѣ).

Такъ кончялъ свое существованіе нашъ Союзъ.

Московская Таганская тюрьма приняла насъ въ свои объятія за свои рѣшетки. Настроение было подавленное. Рушилось дѣло, въ которое мы вложили душу, которое только что стало расти, шириться...

Неужели, думалось, опять наступитъ перерывъ, пока какая-нибудь организація возьмется за это, столь важное дѣло, съ тѣмъ, чтобы скоро быть разгромленной и снова ждать преемника и т. д., неужели еще долго придется двигаться черепашинымъ шагомъ, съ частыми остановками!

А кругомъ было не слышно нашихъ голосовъ, они терялись въ шумномъ хорѣ противниковъ. Въ тюрьмѣ кругомъ были соц.-демократы, смотрѣвшіе на насъ со снисходительной улыбкой господина положенія (мало-ли, молъ, бываетъ на свѣтѣ рарететовъ!) Такъ продолжалось съ полъ года. Мы были отрѣзаны отъ внѣшняго міра и ничего не знали изъ того, что дѣлалось нашими единомышленниками.

Но вотъ (я хорошо помню тотъ день) меня кто-то громко вызвалъ стукомъ по трубѣ. То былъ сосѣдъ, только что прибывшій съ воли, и труба его рукою передала ошеломившую меня новость: что всѣ соц. револ. организаціи въ Россіи и за-границей соединились въ единую партію соц.-революціонеровъ, что продолжаетъ выходить „Револ. Россія“ и онъ видѣлъ №№ 4 и 5, что она стала центральнымъ органомъ партіи, такъ же какъ журналъ „Вѣстникъ Русс. революціи“, что въ Россіи образовались комитеты партіи и пр. и пр.

У меня дыханіе, какъ говорится, сперло отъ такихъ новостей, скрежещущіе звуки трубы показались дивной мелодіей.

Ликованію нашему не было конца. А тутъ вскорѣ и самая газета попала къ намъ въ руки, а тамъ и единомышленники стали все чаще и чаще занимать по сосѣдству камеры, повалили и студенты, и крестьяне съ юга и даже, къ удивленію соц.-демократовъ, появились рабочіе соц.-революціонеры. Словомъ, по остроумному выраженію одного крестьянина „эсэръ пошла“.

Въ „предварительномъ“ заключеніи насъ продержали весь 1902 г. и половину 1903 г. (нѣкоторымъ пришлось просидѣть, такимъ образомъ, отъ 18—21 мѣс.). Часть арестованныхъ была освобождена, остальные пошли въ В. Сибирь. Приговоръ былъ таковъ:

А. Аргуновъ—8 лѣтъ, М. Аргунова, Е. Поповъ, Е. Попова, П. Куликовскій, В. Павловъ, С. Барыковъ, А. Севостьянова—по 6 лѣтъ, Е. Колосовъ—5 л., Н. Чернова, А. Чепикъ, О. Вербичка—3 года.

Отправились мы въ ссылку съ легкимъ сердцемъ. Любимое дѣло было въ надежныхъ рукахъ. Партія соц.-революціонеровъ энергично и успѣшно расчищала себѣ дорогу.

А. Аргуновъ.

Къ біографіи Петра Алексѣевича Алексѣева ¹⁾.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ
ДЕПАРТАМЕНТЪ
ПОЛИЦІИ.

*Совершенно секретно.
Циркулярно.*

По 3 Дѣлопроизводству

28 Ноября 1891 года.

№ 4898.

Господамъ Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Оберъ-Полиціймейстерамъ, Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ и желѣзно-дорожныхъ Полицейскихъ Управленій и на всѣ пограничные пункты.

Поселенный на Жулейскомъ наслегѣ, Батурускаго улуса, Якутской Области, государственный преступникъ Петръ Алексѣевъ Алексѣевъ, 16-го Августа сего года бѣжалъ изъ мѣста поселенія и, не смотря на всѣ принятія мѣстными властями мѣры, остался до настоящаго времени нерозысканнымъ.

Названный Алексѣевъ крестьянинъ дер. Новинской, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, по ремеслу слесарь (*невѣрно: по ремеслу — ткачъ. Ред.*), въ 1875 году привлекался къ дознанію по обвиненію въ распространеніи революціонныхъ изданій и преступной пропагандѣ среди Московскихъ фабричныхъ и. по приговору Особаго Присутствія Правительствующаго Сената отъ 14-го Марта 1877 года присужденъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. На судѣ Алексѣевъ произнесъ рѣчь весьма возмутительнаго содержанія, которая впоследствии была отлитографирована и напечатана за границей и даже до сего времени вращается въ революціонной средѣ, служа излюбленнымъ орудіемъ пропаганды.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Алексѣевъ, происходя изъ простаго званія, обладая природнымъ умомъ и безспорнымъ даромъ слова, представляетъ собою

¹⁾ Печатаемый циркуляръ департамента полиціи, — мы воспроизводимъ его съ печатнаго подлинника, — замѣчательно прежде всего въ качествѣ показателя поразительной неосвѣдомленности его авторовъ: Петръ Алексѣевъ побѣда никогда не совершалъ, а въ концѣ лѣта 1891 г. по пути къ товарищу былъ убитъ съ цѣлю грабежа якутами. Мѣстнымъ властямъ это стало извѣстно тотчасъ же, и какимъ образомъ могъ родиться на свѣтъ божій печатаемый циркуляръ, — дѣло совершенно неосуществимое. Въ циркулярѣ, однако, вѣрно описана личность Петра Алексѣева и съ этой точки зрѣнія онъ можетъ служить хорошимъ матеріаломъ для біографіи покойнаго. *Ред.*

вполнѣ законченный типъ революціонера-рабочаго, закоренѣлаго и стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, и едва ли послѣ побѣга удовольствуется пассивной ролью, а напротивъ воспользуется обаяніемъ своего имени въ революціонной средѣ и несомнѣнно перейдетъ къ активной дѣятельности, которая можетъ оказаться, въ особенности же въ предѣлахъ Имперіи, весьма вредною для общественнаго порядка и безопасности.

Въ виду изложеннаго, придавая первостепенное значеніе аресту названнаго лица, Департаментъ Полиціи покорнѣйше проситъ Васъ, Милостивый Государь, принять всѣ мѣры къ розысканію Алексѣева, всѣми способами провѣрить подозрительныхъ лицъ и совокупными усиліями чиновъ общей полиціи и корпуса Жандармовъ задержать сего преступника, подлежащаго препровожденію въ распоряженіе Начальника С.-Петербургскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Свѣдѣнія о примѣтахъ. Родился въ 1851 году, росту 2 арш. 7 $\frac{1}{2}$ верш.; тѣлосложенія крѣпкаго, волосы на головѣ, бородѣ, бровяхъ и усахъ черные, глаза сѣрые, носъ умѣренный, прямой, ротъ обыкновенный, зубы: въ обѣихъ челюстяхъ нѣтъ четырехъ коренныхъ зубовъ; лицо рябоватое, продолговатое, лобъ умѣренный, открытый; особыхъ примѣтъ не имѣетъ.

Свѣдѣнія о настоящемъ мѣстѣ жительства родныхъ Алексѣева затребованы, а равно приняты мѣры къ полученію его фотографической карточки и о результатахъ будетъ сообщено дополнительно.

Подписалъ: Директоръ *П. Дурново.*

Скрѣпилъ: Дѣлопроизводитель *Семикинъ.*

„Бунтъ“ пересыльныхъ политическихъ въ красноярской тюремѣ 1).

(Изъ воспоминаній бывшего политическаго ссыльнаго).

I.

Поздней осенью 1879 года наша партія прибыла въ красноярскую тюрьму, гдѣ намъ предстояло пробыть около мѣсяца до дальнѣйшей отправки въ Иркутскъ. Здѣсь же мы разставались съ жандармскимъ конвоемъ, съ маіоромъ Кузевымъ во главѣ, сопровождавшимъ насъ отъ самой Москвы, и сданы были на попеченіе сибирскаго этапнаго начальства, блистательнымъ представителемъ котораго явился начальникъ Восточно-сибирскаго тракта, полковникъ Загаринъ. Онъ встрѣтилъ насъ на границѣ своихъ владѣній, въ г. Ачинскѣ, и до самаго Красноярска сопровождалъ вмѣстѣ съ жандармомъ Кузевымъ, передъ которымъ совершенно ступшевался и не проявлялъ никакихъ своихъ индивидуальныхъ качествъ.

Въ красноярской тюрьмѣ насъ размѣстили въ правомъ крылѣ большого каменнаго зданія. Входъ сюда представлялъ ветхое въ нѣсколько ступеней крылечко съ такими же ветхими дверьми, замыкавшимися снаружи висячимъ замкомъ и ведущими прямо въ корридоръ. Помѣщеніе наше состояло изъ 4 просторныхъ камеръ, изъ коихъ двѣ были расположены въ верхнемъ этажѣ зданія, а остальные въ нижнемъ. Оба этажа соединялись широкой каменной лѣстницей. Началось размѣщеніе по камерамъ. Смотритель тюрьмы—Островскій, небольшого роста, юркій человѣчекъ, предоставилъ размѣщаться гдѣ и какъ кому угодно, предупредивъ, что намъ придется прожить здѣсь долгонько въ ожиданіи, пока совершенно замерзнетъ рѣка Енисей и переправа станетъ безопасной.

Въ нашей партіи было болѣе 50-ти человѣкъ, большинство которыхъ составляли административно-ссылные. Почти всѣ каторжане были одесситы, судившіеся по дѣлу Лизогуба, Чубарова и др. и боль-

1) За описаннымъ въ этомъ воспоминаніи происшествіемъ сохранено то же названіе „бунтъ“, какое дано ему официально красноярскимъ и иркутскимъ начальствомъ.

Примѣчаніе автора.

шинство изъ нихъ были осуждены на вѣчную каторгу. Между ними были Попко, Өомичевъ, Кравцовъ и др. Всѣ они, вмѣстѣ съ осужденными на поселеніе въ Восточной Сибири, между которыми былъ и извѣстный теперь писатель В. Л. Сѣрошевскій, составляли наиболѣе сплоченную группу. Изъ административно ссыльныхъ также едва ли не большую половину составляли одесситы. Первое знакомство началось у насъ въ Вышневолоцкой и Мценской тюрьмахъ, гдѣ мы просидѣли отъ 2 до 3-хъ мѣсяцевъ въ ожиданіи отправки въ Восточную Сибирь. Затѣмъ, когда мценскіе и вышневолоцкіе узники были переведены въ Москву и соединены вмѣстѣ въ «Бутыркахъ», началось общее знакомство всѣхъ отправлявшихся въ Восточную Сибирь, не прерывавшееся въ теченіи почти 2½ мѣсячнаго путешествія до Красноярска, по желѣзной дорогѣ, на арестантской баржѣ и на обывательскихъ тройкахъ. Особенно сближало путешествіе на баржѣ, гдѣ мы были набиты «какъ сельди въ бочкѣ» и гдѣ часто велись общіе разговоры и даже споры. Но все же, повторяю, наиболѣе сплочены были между собою каторжане. Ихъ соединяло и общее дѣло, за которое они пострадали, и общая участь, которую имъ также приходилось раздѣлять вмѣстѣ. Изъ административныхъ ближе другихъ между собою были также одесситы, въ особенности группа служащихъ въ Одесской Городской Управѣ. Секретарь городского головы Гернетъ былъ общій ихъ любимецъ, къ нему хорошо относились такъ же и каторжане. Съ этой группой былъ хорошо знакомъ и писатель С. Н. Южаковъ, бывший въ то время постояннымъ сотрудникомъ «Одесскихъ Вѣдомостей». Кромѣ этой группы среди административныхъ было нѣсколько учителей гимназій, изъ другихъ городовъ, какъ напр., покойный Н. В. Ковалевскій, два врача, нѣсколько студентовъ и болѣе или менѣе сознательныхъ рабочихъ.

У всѣхъ у нихъ сложились опредѣленные общественно-политическіе взгляды, и эти люди, тѣмъ или инымъ путемъ, хоть скольконибудь послужили освободительному движенію. Но были среди административно ссыльныхъ и такіе, которые попали въ ссылку, что называется, «за здорово живешь». Между этими послѣдними особенно выдѣлялись двое проявленной надъ ними злобностью и даже преступностью со стороны высылавшаго ихъ начальства. Первый изъ нихъ былъ юноша Кушниренко, сосланный въ Восточную Сибирь одесскимъ генераль-губернаторомъ Тотлебенемъ, или, вѣрнѣе сказать, его правой рукой Панютинымъ, бывшимъ нѣкогда сподвижникомъ Муравьева-Вѣшателя въ Вильнѣ. Когда Тотлебенъ и Панютинъ появились въ маѣ 1879 года въ Одессѣ, полиція, по ихъ приказанію, начала составлять списки неблагонадежныхъ для высылки въ Восточную Сибирь.

Въ спискахъ этихъ значился социалистъ, нѣкій рѣзчикъ Кушниренко. Въ день высылки этого Кушниренко не оказалось въ городѣ, тогда полиція «ничтоже сумняшеся» арестовала однофамильца его — чернорабочаго, только что прибывшаго изъ деревни въ Одессу.

Это былъ настолько наивный юноша, что на всѣ наши разспросы отвѣчалъ одно, что никакой вины за собой не чувствуетъ, «хоба те, що колись укравъ ковунъ на чужимъ баштани». Сколько мы не хлопотали за Кушниренко передъ начальствомъ, писали даже прошеніе

министру внутреннихъ дѣлъ, ничто не помогло, и Кушниренко увезли таки въ Сибирь и поселили гдѣ-то въ Енисейской губерніи. Другимъ товарищемъ Кушниренко по разыгравшейся надъ ними злобѣ и несправедливости начальства былъ нѣкій Финкельштейнъ изъ Кишинева.

Финкельштейнъ служилъ разносчикомъ еврейской почты, т. е. писемъ съ адресами, написанными по еврейски. Однажды онъ занесъ такое письмо какому то еврею социалисту, у котораго въ это время происходилъ обыскъ.

Финкельштейна, разумѣется, тотчасъ же арестовали и посадили въ острогъ, а затѣмъ при общей высылкѣ крамольниковъ послали и его въ Восточную Сибирь.

Финкельштейнъ не только не былъ причастенъ къ социализму, но зналъ онъ, что несетъ письмо своему единоплеменнику социалисту, навѣрное отказался бы отъ этой чести. Со всѣми нами онъ держался сухо и даже враждебно: ему почему то казалось, что мы всѣ виновники его злополучной судьбы. И этому несчастному, пожилому уже человѣку, оставившему на родинѣ большую семью, единственнымъ кормильцемъ которой онъ былъ, пришлось, какъ и Кушниренко, прожить въ Енисейской губерніи цѣлый годъ, пока злоупотребленія Панютина не были раскрыты.

Размѣщеніе по камерамъ произошло въ такомъ порядкѣ: каторжане и ссыльнопоселенцы помѣстились въ нижнемъ этажѣ, занявъ заднюю камеру; въ передней камерѣ, ближе къ выходнымъ на дворъ дверямъ, помѣстились административные одесситы—Гернетъ, его друзья и знакомые. Здѣсь же устроился и я, хотя и не одесситъ, но имѣвшій среди нихъ нѣсколько товарищей по гимназіи и университету; въ двухъ камерахъ верхняго этажа размѣстились остальные административные, по большей части молодежь—студенты и рабочіе. Наша камера была длинная, но довольно узкая, раздѣлявшаяся выступомъ огромной печи какъ бы на двѣ половины. Сзади за печью стоялъ столъ и даже кровать. Здѣсь расположились Гернетъ и его ближайшіе друзья и знакомые. Едва мы успѣли размѣститься на нарахъ, какъ къ намъ вошелъ, въ сопровожденіи смотрителя, оставшійся отъ предыдущей партіи политическихъ, бывшій студентъ Горнаго Института Бондаревъ. Онъ отсталъ отъ своей партіи благодаря тифу, отъ котораго свалился въ Красноярскѣ, и теперь залѣчивалъ въ тюремной больницѣ пролежень, развившійся у него во время болѣзни. Бондаревъ рассказалъ намъ многое о порядкахъ въ здѣшней тюрьмѣ: смотрителя Островскаго называлъ сноснымъ человѣкомъ, который не прочь сдѣлать значительныя послабленія для заключенныхъ. Отъ него же мы узнали, что за нѣсколько дней до прихода нашей партіи изъ нашего помѣщенія выведены въ пересыльную тюрьму политическія женщины, свиданія съ которыми намъ необходимо добиваться отъ смотрителя. Бондаревъ пробылъ у насъ до повѣрки, послѣ чего былъ увенденъ въ тюремную больницу.

Во время повѣрки многіе изъ нашихъ, у кого были родственницы и знакомыя среди политическихъ женщинъ, просили у смотрителя свиданія на завтра, на что послѣдній охотно согласился, пообѣщавъ дать знать женщинамъ въ пересыльную тюрьму.

На слѣдующій день въ тюремную контору пришло много политическихъ женщинъ, туда же были вызваны и нѣкоторые изъ нашихъ, и съ этого дня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль происходили свиданія, нестѣсняемая назойливымъ окомъ начальства. Въ конторѣ велись громкіе разговоры, а иногда и споры, слышался задорный молодой смѣхъ и все это значительно оживляло и скрашивало бѣдную новыми впечатлѣніями тюремную жизнь.

II.

Дни шли за днями. Мы уже успѣли достаточно отдохнуть и у многихъ явилась потребность двигаться дальше. Особенно это было замѣтно у административно-ссылныхъ. Для каторжанъ дальнѣйшее путешествіе не представляло особеннаго интереса: крайній пунктъ ихъ пути—Карійскіе рудники, гдѣ ждало ихъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣнное тюремное заключеніе. Здѣсь же, въ дорогѣ, было все-таки нѣкоторое разнообразіе и больше свободы.

Тѣмъ не менѣе были и среди нихъ такіе, которые рвались дальше, какъ напр. Попко и другіе, у которыхъ было много друзей и товарищей среди прослѣдовавшей раньше насъ партіи кievлянъ. У нѣкоторыхъ была, быть можетъ, надежда бѣжать съ дороги: вѣдь удалось же обмѣняться съ уголовнымъ и бѣжать Дебагорію-Мокривичу и то же почти удалось Орлову. Что касается административно-ссылныхъ, для тѣхъ интересъ дальнѣйшаго движенія партіи былъ внѣ всякаго сомнѣнія: хотя никто изъ нихъ не зналъ въ какую нору его засадятъ, но все же представленіе о свободѣ, даже и на положеніи поднадзорнаго, не могло не казаться раемъ для людей, сидящихъ много мѣсяцевъ подъ замкомъ, каждый шагъ которыхъ зорко караулятъ. Завидно было освобожденіе нѣкоторыхъ въ Красноярскѣ, какъ напр. писателя С. Н. Южакова, моего школьнаго товарища Е—ова, С—ту и отправка въ Минусинскъ покойнаго Н. В. Ковалевскаго. Отъ первыхъ изъ нихъ уже получались и вѣсточка «съ воли», а С—та самъ приходилъ въ тюрьму и вызывалъ на свиданіе нѣкоторыхъ товарищей. Ежедневныя прогулки по тюремному двору убѣждали насъ, что сибирскіе морозы не шутятъ. Уже въ началѣ ноября выпалъ снѣжокъ и морозы стали крѣпчать настолько, что многіе изъ одесситовъ, одѣтые въ ватныя пальто, должны были уходить съ прогулки раньше срока. Енисей, по словамъ смотрителя, кое-гдѣ уже сталъ, но противъ Красноярска, гдѣ теченіе было быстрое, ледъ все еще не могъ хорошо окрѣпнуть. Кромѣ того, по его словамъ, пройдетъ немало времени, пока расчистятъ неизбѣжные при остановкѣ льда тороса.

Чаще и чаще среди товарищей возникали разговоры о предстоящей дорогѣ, о сибирскихъ морозахъ. Дорога отъ Красноярска до Иркутска (1000 в.) была въ два раза длиннѣе той, которую мы проѣхали по этапамъ отъ Томска до Красноярска (500 верстъ). Кромѣ того до Красноярска мы хотя и ѣхали по этапному распisanію, т. е. проѣзжали два дня по одному станку, ночуя на полуэтапахъ, а въ 3-й день дѣлали дневку, но ѣхали мы независимо отъ партій уголовныхъ ссыльныхъ, которые шли гдѣ-то впереди насъ. Здѣсь же, въ

Красноярскѣ, намъ объявлено было, что дальше мы будемъ слѣдовать вмѣстѣ съ уголовными партіями, нисколько отъ нихъ не отставая, и будемъ находиться въ полномъ распоряженіи этапныхъ начальниковъ. Послѣдніе, по рассказамъ сибиряковъ, представлялись намъ чѣмъ то ужаснымъ, отбросами изъ военной среды, сплошь состоящими изъ пьяницъ и жестокихъ въ обращеніи съ уголовными. Надо не забывать, что большинство нашей партіи состояло изъ молодыхъ, пылкихъ южанъ, богатая фантазія которыхъ разрисовала мрачные узоры предстоящаго намъ путешествія на почвѣ частью вѣрныхъ, а частью и извращенныхъ фактическихъ данныхъ. Рисовалась длинная дорога до Иркутска по сугробамъ снѣга при жестокихъ морозахъ. Одежда у большинства, какъ я уже говорилъ выше, для сибирской зимы заставляла желать много лучшаго, хотя «Приказъ о ссыльныхъ» еще въ Тюмени снабдилъ желающихъ арестантскими шубами и халатами, но тепловое достоинство этой одежды было весьма проблематично. Однажды, вечеромъ, въ одной изъ камеръ на верху разговоръ о предстоящей дорогѣ перешелъ въ открытый споръ, причемъ смотрѣвшіе мрачно на предстоящую дорогу, съ студентомъ Л—омъ во главѣ, утверждали, что эта дорога настоящая ловушка со стороны правительства, которое де задумало всѣхъ насъ переморозить, а потому они настаивали на томъ, чтобы требовать отъ начальства принятаго для всѣхъ политическихъ способа ихъ отправки, т. е. не этапнымъ порядкомъ, а съ жандармами. Въ случаѣ отказа Л—онъ настаивалъ на необходимости сопротивленія. Противники возражали, что сопротивленіе поведетъ только къ примѣненію открытой силы со стороны начальства, что насъ въ лучшемъ случаѣ всѣхъ перевяжутъ и увезутъ, а въ худшемъ—побьютъ прикладами, а то, пожалуй, пустятъ въ ходъ и штыки. Споръ разгорался, спорили долго и, по обыкновенію, ни къ чему опредѣленному не пришли, хотя «страшныхъ словъ» было произнесено не мало. Въ камерѣ собралось много народу и никто не обратилъ вниманія на новичка въ нашей партіи, присоединившагося къ намъ въ Красноярскѣ. По словамъ его, онъ былъ рабочій, судившійся, будто бы, по Московскому процессу, по фамиліи, если не ошибаюсь, О—въ. Приведенъ былъ онъ къ намъ всего нѣсколько дней и показался всѣмъ несимпатичнымъ, мало развитымъ человѣкомъ. Этотъ субъектъ, на другой день послѣ описанной бурной ссоры, казался больнымъ и поступилъ въ больницу. Никто на это, конечно, не обратилъ вниманія.

Прошло еще нѣсколько дней; къ намъ какъ-то пришелъ изъ тюремной больницы Бондаревъ и сообщилъ, что субъектъ, поступившій отъ насъ въ больницу, человѣкъ очень подозрительный, что къ нему ежедневно является смотритель и они вмѣстѣ ходятъ по корридору и о чемъ-то таинственно бесѣдуютъ, что Бондаревъ самъ слышалъ, какъ субъектомъ въ бесѣдѣ были произнесены слова: «бунтъ, смертоубійство», но какой смыслъ имѣютъ эти слова Бондаревъ не знаетъ. Мы, разумѣется, также ничего не знали и не обратили на это никакого вниманія. Дальше узнаемъ, что вокругъ тюрьмы появились казаки, но къ чему и зачѣмъ также никто не зналъ. Случилось такъ, что какъ разъ въ это время въ нашей ка-

мерѣ предстояло празднованіе именинъ одного изъ почтенныхъ одеситовъ, теперь уже покойнаго, Гернета. Какъ я уже сказалъ, Гернетъ былъ секретаремъ одесскаго городского головы; всѣ его тамъ знали и любили.

Сослуживцы Гернета, дѣлопроизводители одесской городской управы, вспоминая прежніе годы и всегда весело проводившійся день именинъ Гернета, гдѣ-то на его дачѣ, на берегу моря, задумали и здѣсь, въ тюрьмѣ, несмотря на скудныя средства, отпраздновать именины товарища. Надо было запасти именинныхъ яствъ и хотя бы одну бутылочку водки, что труднѣе всего достать въ тюрьмѣ. Долго объ этомъ судили-рядили, пока, наконецъ, выискался одинъ изъ знакомыхъ Гернета раздобыть водку отъ уголовныхъ арестантовъ. Это былъ нѣкій Ф—овъ, маленькій, тщедушный, но очень рѣшительный человѣкъ.

Въ день именинъ Гернета, когда насъ всѣхъ вывели на прогулку, Ф—овъ отдѣлился отъ гуляющихъ и незамѣтно проскользнулъ въ отдѣленіе уголовныхъ. Прошло достаточно времени, насъ давно уже ввели въ камеры, а Ф—овъ все не является. Къ закускамъ, разставленнымъ на столѣ въ углу Гернета, никто не дотрагивается въ ожиданіи водки. Подали наконецъ тюремный обѣдъ, всѣ мы, не близкіе знакомые Гернета, начали обѣдать, какъ вдругъ со двора, у наружной двери нашего корридора, раздается громкій крикъ Ф—ова:

— Товарищи! меня грабятъ, выручайте!

Всѣ, кто былъ въ эту минуту въ корридорѣ, а также выбѣжавшіе на крикъ изъ камеръ, моментально очутились у двери, и послѣ дружнаго напора выскочила наружная скобка вмѣстѣ съ замкомъ и дверь раскрылась. Передъ зрителями была такая сцена: на крылечкѣ боролись два человѣка—часовой и Ф—овъ. У часового изъ-подъ борта шинели выглядывало горлышко бутылки, другая была въ рукахъ Ф—ова и ее-то онъ ни за что не хотѣлъ отдать часовому. Десятки рукъ моментально схватили Ф—ова и втащили его въ корридоръ. Дверь наружу была открыта, и на крылечкѣ все еще стоялъ часовой.

Всѣ участники происшествія мирно разошлись по своимъ камерамъ, не обративъ никакого вниманія на часового и не думая о томъ, что послѣдуетъ дальше.

Не прошло и часа послѣ описаннаго, какъ въ корридоръ ввалилась куча солдатъ, побрякивая ружьями, а впереди ихъ полковникъ Загаринъ, запыхавшійся, красный, производившій впечатлѣніе сильно выпившаго человѣка. Широко раскрывъ дверь нашей камеры, Загаринъ закричалъ промовымъ голосомъ:

— «Кто здѣсь бунтуетъ? Кто сломалъ дверь и осмѣлился прикасаться къ часовому?»

Въ камерѣ все молчало; всѣ были заняты своимъ дѣломъ. Участники именинъ Гернета, припрятавъ бутылку съ водкой, продолжали закусывать; остальные, сидя на нарахъ, доканчивали свой обѣдъ. Окрикъ Загарина повторился нѣсколько разъ. Наконецъ, ему отвѣтилъ Бор--овъ:

— Кричать тутъ незначѣмъ, мы не глухіе, дверей никто не ломаль, а вольно же вамъ держать въ тюрьмахъ такія гнилыя двери, что къ нимъ нельзя дотронуться.

Загаринъ разсвирѣпѣлъ еще больше, спросилъ Б—ова кто онъ такой? и когда тотъ отвѣтилъ, что онъ «кандидатъ правъ», Загаринъ прогремѣлъ:

— Здѣсь нѣтъ никакихъ кандидатовъ, ни магистровъ, здѣсь всѣ арестанты, а я начальникъ восточно-сибирскаго тракта воленъ дѣлать съ бунтовщиками, что мнѣ заблагоразсудится. Я сейчасъ же велю заковать васъ въ ручные и ножные кандалы.

Тотчасъ же онъ приказалъ солдатамъ взять Б—ова и посадить въ карцеръ. Б—овъ пошелъ безъ сопротивленія. Въ это время послышался шумъ и топотъ шаговъ на лѣстницѣ съ верхняго этажа. То спускались товарищи сверху, слышавъ крикъ Загарина. На этотъ шумъ Загаринъ вышелъ изъ нашей камеры въ корридоръ. Мы всѣ также пошли за нимъ, вышли и каторжане изъ своей камеры. Загаринъ красный, сильно возбужденный, стоя позади солдатъ, кричитъ идущимъ сверху товарищамъ: «Что за шумъ? Стой!»

Тѣ продолжаютъ медленно идти впередъ и, когда разстояние между ними и солдатами стало не больше аршина, Загаринъ еще разъ закричалъ стой! а затѣмъ скомандовалъ солдатамъ: «Ружья на перевѣсъ!»

Прошла минута, въ которую насъ обуялъ такой ужасъ, что мы всѣ стали кричать и просить товарищей остановиться. Благоразуміе взяло верхъ, и они остановились.

Картина была ужасная: передъ безоружной и беззащитной толпой людей, чуть не прикасаясь къ ихъ грудямъ, блестѣлъ рядъ направленныхъ въ нихъ штыковъ. Послѣ команды солдатамъ: «впередъ» ссыльные не оборачиваясь стали медленно отступать назадъ; солдаты съ протянутыми штыками, а за ними и Загаринъ, поднимались медленно, шагъ за шагомъ вверхъ по лѣстницѣ. Насъ, оставшихся сзади и каторжанъ тотчасъ-же заперли по камерамъ. Сверху вскорѣ стали доноситься шумъ и крикъ все того же Загарина. Тамъ въ одной изъ камеръ повторилась та же сцена, что и у насъ. На тѣ же окрики Загарина — «кто бунтовалъ, кто ломаль дверь», студентъ Л—онъ отвѣчалъ: «Вы пьяны, чего вы кричите?» Загаринъ приказалъ солдатамъ взять Л—она и отвести въ карцеръ. Произошла борьба: товарищи схватили Л—она сзади и не давали солдатамъ, пока самъ Л—онъ, боясь быть перерваннымъ на двое, сталъ просить товарищей опустить его. Во время этой борьбы одинъ изъ ссыльных—Ш—ерь, здоровенный мужчина, схвативъ пустую парашу, бросилъ ее въ стоящаго у двери Загарина. Послѣдній какъ то ловко увернулся, и параша попала въ стѣну корридора. Послѣ этого Загаринъ окончательно потерялъ самообладаніе, сталъ неистово кричать, браниться и, наконецъ, велѣлъ позвать тюремнаго кузнеца съ кандалами. Вскорѣ послышался сверху лязгъ желѣза и стукъ молота. То заковывали всѣхъ бывшихъ въ камерѣ въ ручные кандалы.

Во все время этого заковыванія присутствовалъ самъ Загаринъ и не переставалъ кричать: «Я вамъ покажу, какъ бунтовать» и пе-

деругиваться съ ссыльными. Часа два длилась эта тяжелая сцена. Наконецъ, все кончилось, камеры были заперты, въ корридорахъ, кромѣ надзирателей, оставлены были солдаты, и все замолкло...

Потянулись томительные дни сидѣнія запертыми въ камерѣ безъ прогулокъ, безъ добавочной на нашъ счетъ пищи. Четверо изъ товарищей: Б—овъ, Бать, Л—онъ и Ш—ерь, закованные въ ручные кандалы, сидѣли въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ. Около 20-ти чело-вѣкъ, также закованные, были заперты въ камерѣ верхняго этажа.

Тѣмъ временемъ между Красноярскомъ и Иркутскомъ усердно работаль телеграфъ: отсюда доносили о бунтѣ и бунтовщикахъ и спрашивали высшее начальство, какъ поступить съ послѣдними. Въ это время насъ, какъ-то, посѣтилъ красноярскій губернаторъ, сѣдой, благообразный старикъ. Онъ сообщилъ, что насъ на дняхъ отпра-вятъ дальше, ждуть только послѣднихъ распоряженій изъ Иркутска. Его осадилъ жалобами на Загарина, придавшаго характеръ бунта са-мому обыкновенному событію въ тюрьмѣ и приняшему ничѣмъ не вызванныя рѣшительныя мѣры. Губернаторъ тотчасъ же велѣлъ осво-бодить заключенныхъ изъ карцера и снять кандалы со всѣхъ, на кого они по распоряженію Загарина были наложены. Всѣ камеры были снова открыты, и мы теперь могли свободно дѣлиться впечатлѣніями пережитаго. Прошло еще нѣсколько дней и, наконецъ, послѣдовала расправа за «бунтъ»: Б—ова, Батя, Л—она и Ш—мера, признанныхъ Загаринымъ зачинщиками, вскорѣ увезли въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири—Верхоянскъ и Колымскъ. Отдѣлили и также скоро увезли каторжанъ, предварительно заковавши ихъ въ ножные кандалы и переодѣвъ въ арестантское платье.

Административно-ссылные были отправлены нѣсколько позже. Ихъ прежде всего раздѣлили на двѣ категоріи: привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Послѣднихъ Загаринъ хотѣлъ заковать въ ручные кандалы и вести пѣшкомъ, какъ уголовныхъ, но эта затѣя ему не удалась, такъ какъ и привилегированные потребовали примѣ-ненія къ себѣ той же мѣры.

Такъ печально окончилось одно изъ невиннѣйшихъ тюремныхъ происшествій, принятое плохо освѣдомленнымъ и злобнымъ сибир-скимъ начальствомъ за «бунтъ».

Як. Заполярный.

„Священная Дружина“ и „Народная Воля“.

Записка К. А. Бороздина.

Въ сентябрьской книгѣ «Былого» за 1906 годъ Н. Я. Николадзе подробно разсказалъ о своемъ посредничествѣ въ переговорахъ сановной знати съ народовольцами въ 1882 году. Статья Н. Я. Николадзе оглашеніемъ многихъ неизвѣстныхъ подробностей содѣйствовала уясненію этого эпизода, имѣющаго несомнѣнно немаловажное историческое значеніе, но далеко не раскрыла всей его дѣйствительной сущности. Оставались неразрѣшенными вопросы о томъ, отъ кого же въ концѣ концовъ исходила инициатива переговоровъ—отъ правительства или отъ сановныхъ добровольцевъ; какіе виды преслѣдовали инициаторы переговоровъ—умиротворенія или уловленія; каково было дѣйствительное положеніе въ дѣлѣ участниковъ этого эпизода и, прежде всего, того К. А. Б—на, который, по разсказу самого Н. Я. Николадзе, явился чуть ли не устройтелемъ всего дѣла. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность опубликовать разсказъ о переговорахъ, написанный самимъ К. А. Б—нымъ, и огласить его имя: это—Корнилій Александровичъ Бороздинъ. Историческая цѣнность его записки не подлежитъ сомнѣнію, но до ознакомленія съ ней считаемъ необходимымъ предположить ей нѣкоторыя данныя, безъ знанія которыхъ чтеніе этого документа не могло бы принести надлежащей пользы. И изъ словъ Бороздина, и изъ другихъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, съ полной достоверностью извѣстно, что переговоры съ народовольцами при посредничествѣ Николадзе такъ же, какъ и переговоры при посредничествѣ д-ра Нивинскаго, были начаты и ведены по инициативѣ, на средства и подъ непосредственнымъ руководствомъ «Священной Дружины»—организациі, выросшей изъ «Добровольной Охраны», создавшейся въ первые же дни по смерти Александра II. Кое-какія подробности объ устройствѣ этой организациі читатель найдетъ и въ разсказѣ Бороздина, другія, многочисленнѣйшія, мы надѣемся опубликовать въ недалекомъ будущемъ. Бороздинъ даже и не былъ членомъ «Священной Дружины»: онъ былъ лишь на службѣ у «Дружины», былъ дѣятельнѣйшимъ ея агентомъ. И врядъ ли мы ошибемся, если будемъ утверждать, что Бороздинъ, какъ никто другой изъ членовъ «Священной Дружины», содѣйствовалъ теоретическому обоснованію принциповъ «Священной Дружины» (понятно, этотъ терминъ нужно понимать въ *условіяхъ тѣста*), и что чуть ли не однимъ Бороздинымъ были доставлены всѣ свѣдѣнія, которыми располагала «Священная Дружина» по вопросу о политической благонадежности и даже преступности всей нашей литературы и всей нашей интеллигенціи. Стоя на этой точкѣ

зрѣнія, читатель пойметъ цѣну характеристики Н. Я. Николадзе, сдѣланной Бороздинымъ, и значеніе его сообщеній.

Слѣдя принятому нами правилу, мы ознакомили съ текстомъ «Записки» К. А. Бороздина Н. Я. Николадзе. Послѣдній сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчаній, которыя мы и печатаемъ вслѣдъ за «Запиской». Н. Я. Николадзе указалъ не мало ошибокъ и невѣрностей и отмѣтилъ ихъ тенденцію. Съ своей стороны мы не можемъ не указать на такой, напримѣръ, грубый промахъ «Записки». Все, что разсказано въ ней о Л. К. Бухѣ, объ его арестѣ въ типографіи въ Саперномъ переулкѣ, о его осужденіи,—все это невѣрно. Взятъ былъ въ типографіи, осужденъ и находился въ каторгѣ не Л. К., а его братъ Н. К. Бухъ; побѣга съ каторги онъ не совершалъ. За-границей же, дѣйствительно, проживалъ въ 1882 году Л. К., но въ этомъ дѣлѣ и онъ никакой активной роли не игралъ. И такая ошибка въ «Запискѣ» Бороздина далеко не единственная. Всѣ неоговоренныя примѣчанія подъ текстомъ принадлежать Бороздину.

Дѣйствующихъ лицъ Бороздинъ въ своей запискѣ обозначаетъ литерами и прозвищами. Мы имѣемъ возможность ихъ вскрыть. Х. у него—Н. Я. Николадзе; *Наболшій*—вождь «Священной Дружины» графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, кн. Щ.— князь А. П. Щербатовъ; гр. Ш.— графъ П. П. Шуваловъ; К.—М. Н. Катковъ. Ред.

Въ ходѣ исторіи борьбы нашего правительства съ крамолою постоянно проявлялись и одно другое смѣняли два различныя теченія: то крайняя репрессія нигилистовъ, то какое то заискиваніе въ нихъ. Объясняется это неточнымъ пониманіемъ явленія, съ которымъ власти приходилось имѣть дѣло, и она дѣйствовала по большей части эмпирически.

Въ процессахъ, бывшихъ въ Петербургѣ и другихъ нашихъ городахъ, прокуратура въ обвинительныхъ рѣчахъ представляла иногда крамолу въ самыхъ колоссальныхъ размѣрахъ, насматривала въ фактахъ, разбивавшихся на судѣ, существованіе цѣлой организаціи, глубоко пустившей корни и за неимѣніемъ положительнаго матеріала для подкрѣпленія своей теоріи, вдавалась въ область фантазіи и догадокъ *).

А иногда та же прокуратура силилась доказывать противное, а именно, что въ крамолѣ никакой организаціи не существуетъ, а все дѣло состоитъ въ замыслахъ и продѣлкахъ нѣсколькихъ личностей, успѣвшихъ набрать себѣ шайку единомышленниковъ, и что съ поимкой ея все само собою прекращается **).

*) Этими приѣздами отличался въ особенности кievскій военный прокуроръ В. Стрѣльниковъ. Цѣля въ рукахъ своихъ матеріалъ, въ которомъ „ни собственного признанія, ни свидѣтельскихъ показаній“ почти не было, онъ строилъ свое обвиненіе на однихъ лишь косвенныхъ доказательствахъ и устроялъ въ соисканіи логическую формулу: *„доказательствъ историческаго устройства въ болше или менше отдаленномъ будущемъ“*. Ораторскій талантъ, талантъ крѣпка при страстности натуры, часто заставляли его до того увлекаться, что онъ позволялъ себѣ неумѣнную иронию и сарказмы надъ подсудимыми и выводы свои основывалъ не на сплоченномъ безъ страстности рѣ сужденіи, а на остроумныхъ догадкахъ и логическихъ скачкахъ.

**) Бывшій прокуроръ с.-вѣст. рѣдиската окр. с. г. Муравьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣлшихъ значеніе крамолы до такой степени, что в ъжелбова онъ считалъ въступавшаго организацию, которой на самомъ дѣлѣ не существовать.

Въ томъ же духѣ дѣйствовала и административная власть. Въ одномъ мѣстѣ наваливалась она всею тяжестью репрессіи на личности, по мнѣнію ея, подозрительныя, безъ всякой церемоніи и безъ всякаго разбора, задерживала ихъ, наполняла ими тюрьмы, по цѣлымъ годамъ томила ихъ тамъ *) или высылала въ мѣста отдаленныя. А въ другомъ мѣстѣ она видѣла въ нигилистахъ не болѣе, какъ мальчишекъ, которыхъ слѣдуетъ лишь постычь, а прибѣгать къ высылкамъ и арестамъ считала жестокостью. Были такіе администраторы**), которые съ особенною любезностью относились къ нигилистамъ, высылаемымъ въ ихъ губерніи, и явно имъ покровительствовали.

Такая двойственность въ дѣйствіяхъ суда и администраціи еще болѣе расшевелила крамолу, и дошло, наконецъ, до проявленія ея насилія: пущены были въ ходъ кинжалъ и револьверъ.—Правительство обратилось тогда къ висѣлицѣ, а разъ до нея дошло, въ отвѣтъ на нее дѣйствія крамолы стали принимать болѣе мрачный характеръ: на сцену выступилъ динамитъ. Послѣ взрыва во дворцѣ—5 февраля 1880 года, предсѣдатель верховной распорядительной комиссіи, впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, взялся за лекарство уже запоздалое. Онъ искалъ себѣ опоры въ либеральствующей нашей интеллигенціи, стоящей за какой-то правовой порядокъ, и въ угоду ей упразднилъ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, столь претившее нашему либеральному судебному вѣдомству. Какъ самостоятельное учрежденіе, каковымъ было III отдѣленіе, оно, дѣйствительно, было несообразностью и понятна вся разумность присоединенія его, какъ вѣдущаго государственною полиціею, къ министерству внутреннихъ дѣлъ; но гр. Лорисъ-Меликовъ до того вѣрилъ въ могущество вліянія либераловъ на нигилистовъ и на существенность союза своего съ первыми, что нашелъ возможнымъ совсѣмъ обойтись безъ тайной полиціи и даже закрылъ кредитъ на нее въ 900 тыс. рублей. Но и такая сильная доза лекарства оказалась недѣйствительною: между либералами и ихъ питомцами—нигилистами, дошедшими до динамита, образовалась уже непересегаемая пропасть, и катастрофа 1 марта 1881 года краснорѣчиво доказала всю несостоятельность «диктатуры сердца и новаго вѣянія» (1). Ужасъ, наведенный на всю Россію, вызвалъ тогда, какъ чрезвычайную мѣру, учрежденіе охраны священной особы государя императора.

Въ эту страшную минуту всякій готовъ былъ жертвовать и своею жизнью и своимъ имуществомъ, чтобы послужить чѣмъ могъ своему отечеству и государю, и при такомъ общемъ воодушевленіи нашлось нѣсколько лицъ въ Петербургѣ, вліятельныхъ, располагающихъ значительными средствами, которыя составили между собою кружокъ, съ цѣлью собрать негласнымъ путемъ, какъ можно болѣе

*) Кибальничъ три года просидѣлъ въ кievской тюрьмѣ за переданную имъ книжку „Хитрую механику“ какому-то грамотному рабочему.—Судъ за это присудилъ его къ двухмѣсячному аресту.

**) Князь Гагаринъ, (уже покойный) сынъ кн. Павла Павловича, въ бытность свою архангельскимъ губернаторомъ принималъ у себя въ домѣ сосланныхъ въ эту губернію нигилистовъ. Она были у него интимными людьми.

данныхъ о крамолѣ и тѣмъ содѣйствовать къ установленію правильнаго ея діагноза, а въ то же время и изыскать наилучшіе способы для борьбы съ нею и полнаго ея прекращенія. Въ основу программы этого кружка была положена совершенно правильная мысль, что противъ тайнаго врага надо дѣйствовать тайно; если существуетъ тайное политическое общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя, то противъ него успѣшно дѣйствовать можетъ лишь невидимое, тайное общество.

Вступивъ въ этотъ кружокъ съ самаго его зарожденія и имѣя въ теченіе цѣлаго года нѣсколько весьма серьезныхъ отъ него порученій, я былъ посвященъ во многія главнѣйшія свѣдѣнія, добытыя совокупною его дѣятельностью и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя считаю недалекими отъ истины и которыми считаю, быть можетъ, неизлишнимъ подѣлиться со всѣми интересующимися этимъ дѣломъ.

I.

Бывшіе политическіе процессы и подпольная пресса внутри Россіи и за границей ясно опредѣлили значеніе существующихъ партій «Народной Воли» и «Черная Передѣла». Эти два развѣтвленія одной русской социально-революціонной партіи преслѣдуютъ различныя цѣли: первое добивается полнаго разрушенія существующаго государственнаго и общественнаго строя, — второе, не касаясь до государства, преслѣдуетъ однѣ лишь социалистическія цѣли и стремится къ такому передѣлу земель, въ которомъ онѣ должны остаться исключительно въ рукахъ крестьянъ, земледѣльцевъ, ихъ обрабатывающихъ. Въ самой партіи «Народной Воли» существуютъ двѣ категоріи: *постепеновцевъ*, желающихъ вести революцію путемъ медленнымъ, мирнымъ, и *террористовъ*, ведущихъ ее огнемъ и мечемъ.

Остановимся на партіи народовольческой, какъ самой опасной и многочисленной.

1) Катихизисъ кратокъ, несложенъ и вытекаетъ изъ жалобы на существующій порядокъ. Мы передадимъ его въ той формѣ, какъ слышали сами изъ устъ народовольца.

«Народъ приниженъ, загнанъ, разоренъ, обезличенъ; грабятъ его всякій имѣющій власть, а царь не только не защищаетъ, но и не желаетъ защищать. Онъ не желаетъ свободы народу. Съ прежнимъ царемъ за все это учинена уже расправа, а настоящій потерялъ довѣріе къ себѣ и заслуживаетъ того же. Землю народу онъ не даетъ; окружилъ себя опричниками чиновниками и шпионами, народу недоступенъ, войску ввѣрилъ свою охрану и вполнѣ оправдываетъ на себѣ пословицу: «попъ съ крестомъ, а царь съ кнотомъ». Милосердію его никто не вѣритъ; помилованіе осужденныхъ къ смертной казни—вынужденный маневръ и притомъ фиктивный,—на дорогѣ въ ссылку ихъ придушаютъ. Судомъ допускаются пытки, всѣхъ казненныхъ пытали между приговоромъ и казнью; всѣхъ сосланныхъ въ каторгу истребляютъ медленнымъ тиранствомъ: примѣръ на тюрьмѣ въ Нижней Карѣ. Всякій русскій честный человекъ, любящій

свою родину, долженъ стремиться къ тому, чтобы разрушить этотъ невыносимый порядокъ государственнаго строя».

2) Организациа народовольческой партіи въ фундаментъ своемъ имѣеть, по преимуществу, учащуюся молодежь. Фактъ этотъ крайне прискорбенъ, но несомнѣненъ.—Въ теченіе двадцати лѣтъ вырабатываются у насъ уставы для высшей школы и ничего не могутъ придумать такого, что бы ставило молодежь въ надлежащія условія, при которыхъ она могла бы только учиться и отнюдь не выходить изъ сферы учебныхъ интересовъ.—Въ дѣйствительности же оказывается, что между молодежью и ученой корпораціею профессоровъ вырастаетъ все большій разладъ, учебныя цѣли замѣтно отодвигаются на второй планъ, и студенты все болѣе и болѣе втягиваются въ политическое движеніе, охватившее современное общество. Слово студентъ сдѣлалось уже синонимомъ «политическаго агитатора» и повторяется въ этомъ значеніи даже сѣрымъ людомъ; мы слышали сами, какъ извозчики съ отгѣнкомъ ироніи перебранивались этой кличкой. Высшая школа приняла характеръ политическаго клуба и приобрѣла въ этомъ смыслѣ значеніе извѣстной силы, къ активности которой прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ.—Понадобилось, на примѣръ, народовольцамъ удалить съ министерства г. Сабурова, обманувшаго ихъ надежды, и вотъ они дѣлають орудіемъ своимъ студентовъ: говорятъ, Желябовъ и Перовская были въ актовомъ залѣ университета въ то время, какъ дѣйствовали Бернштейнъ и Подбѣльскій. Понадобилось министру народнаго просвѣщенія г. Делянову исходатайствовать Полякову баронскій титулъ, и вотъ университетское начальство подстраиваетъ адресъ 100 человѣкъ студентовъ, поселенныхъ въ коллегіи императора Александра II, построенной Поляковымъ. Адресъ этотъ влечетъ за собою извѣстную исторію, вслѣдствіе которой исключается другихъ 100 человѣкъ. При дѣйствіяхъ своихъ въ этой исторіи начальство университетское показало крайнее неуклюжество обратившись къ содѣйствію полиціи. Триста человѣкъ студентовъ были окружены городскими и ихъ отвели въ манежъ Павловскаго военнаго училища. Народъ видѣлъ эту процессію и по своему истолковалъ ее: «студенты бунтуютъ», вотъ что онъ говорилъ и это накопляло чувство неудовольствія его на «студента»; чувство, которое можетъ при случаѣ проявиться въ той же формѣ, какъ и съ мясниками Охотнаго ряда.

Словомъ высшая наша школа стоитъ на почвѣ ей совсѣмъ неподобающей, и этотъ фактъ въ особенности чувствуется въ Петербургѣ, гдѣ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ насчитывается до 7000 студентовъ. Цыфра весьма почтенная, если принять во вниманіе интеллигентность этой среды и бродящую въ ней народовольческую закваску, за послѣдніе два года сильно растворившуюся. Первоначальными клѣточками народовольческой партіи являются студенческая землячества и отдѣльные кружки. Въ каждомъ изъ нихъ, сформировавшихся съ цѣлью самопомощи, находится нѣсколько группъ, каждая имѣеть своего выборнаго представителя, а во главѣ землячества или кружка стоятъ распорядитель и его товарищъ. У нихъ находится касса, образуемая изъ единовременныхъ взносовъ и выручки отъ вечеровъ, пикниковъ и пр., ими устраиваемыхъ. Извѣстный

процентъ изъ кассы предназначается на помощь ссыльнымъ и заключеннымъ, и онъ вносится распорядителемъ въ другую уже высшую клѣточку—*центральный кружокъ студенческой*. Этотъ кружокъ передаетъ деньги делегату кружка высшаго и ему неизвѣстнаго и такимъ образомъ схема организаціи образуетъ видъ пирамиды, вѣнчающейся мѣстнымъ центральнымъ комитетомъ. Сверху идутъ приказанія, а снизу безусловное повиновеніе.

У насъ есть одно ходячее мнѣніе, что крамола наша есть явленіе беспочвенное, не имѣющее никакой угрожающей будущности, и что если бы только приняты посерьезнѣе въ смыслъ репрессивномъ, то, конечно, съ нею давно бы справились. Говорятъ при этомъ, что разбирая всѣ факты изъ террористической хроники, которымъ мы были свидѣтелями, приходишь къ тому убѣжденію, что во всѣхъ бывшихъ процессахъ фигурировали почти все однѣ и тѣ же личности и притомъ по большей части рецидивисты. Почти всѣ они, по крайней мѣрѣ самые главные, были задержаны, казнены и сошли уже со сцены, а затѣмъ, оставшаяся незначительная наличная группа не представляетъ собой ничего серьезнаго, и тѣхъ изъ нихъ, которые не ушли за границу, не трудно прикончить. Но такое мнѣніе можетъ поддерживатьсъ людьми, незнакомыми съ внутреннимъ міромъ нашего студенчества и умственного пролетаріата вообще, съ прямолинейностью характеровъ, встрѣчающихся въ этой средѣ, далеко не въ видѣ исключеній, и съ тѣмъ ужасающимъ разладомъ, который царитъ между ихъ идеалами и дѣйствительностью. Тутъ всегда готовъ легионъ Желябовыхъ, Гартмановъ, Перовскихъ и т. п.

Проникнуть въ эту среду, хотя и было весьма не легко, но я достигъ этого при посредствѣ внутреннихъ тайныхъ агентовъ, которыхъ мнѣ удалось найти въ нѣсколькихъ землячествахъ и кружкахъ студенческой молодежи. Все это были молодые люди самаго честнаго направленія, они были посвящены въ цѣли и возвышенныя стремленія тайнаго кружка, къ которому я объяснилъ свою принадлежность, не видѣли ничего общаго между нимъ и какимъ либо тайнымъ полицейскимъ учрежденіемъ и потому съ полною добросовѣстностью и охотою чуть не изо дня въ день, сообщали мнѣ обо всемъ совершающемся въ жизни тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежали.—Они сами были проникнуты твердымъ намѣреніемъ препятствовать проявленію какихъ либо замысловъ террористическаго характера. Эти сообщенія, записываемыя мною весьма точно и подробно, представляютъ собою чрезвычайно интересный сырой матеріалъ, обрисовывающій собою міръ внутренней въ жизни народовольческой молодежи.

3) Но если народовольческую партію можно такимъ образомъ оглядѣть снизу и составить себѣ приблизительное понятіе о ея организаціи, сводящейся къ центру или центральному комитету, то составъ террористической ея фракціи возможно знать только сверху, т. е. будучи посвященнымъ въ тайны центрального комитета. Комитетъ самъ вербуетъ и распредѣляетъ по категоріямъ группы, необходимые для практическихъ цѣлей. Этихъ группъ четыре: 1) пропагандисты и агитаторы рабочаго движенія, 2) пропагандисты и агитаторы среди интеллигенціи, 3) силы боевыя и группы террора (развѣдчики и

Петръ Алексѣвичъ
АЛЕКСѢЕВЪ.

топографы), 4) группа присканія и добыванія средствъ. За точность этихъ свѣдѣній мы не можемъ ручаться, такъ какъ они извлечены лишь изъ гектографическихъ программъ, вращающихся въ кружкахъ народовольцевъ; но мы можемъ только высказать свое глубокое убѣжденіе, что самый усовершенствованный аппаратъ тайной полиціи, при самомъ искусномъ содѣйствіи полиціи наружной, можетъ только выхватывать изъ рядовъ, какъ народовольческой организаціи, такъ и ея фракціи террористической, время отъ времени, отдѣльныя личности, группы и, быть можетъ, даже и главарей ихъ, но дойти до полного уничтоженія кадровъ организаціи онъ безсиленъ, такъ какъ они немедленно пополняются свѣжими силами, выдѣляющимися изъ многочисленной среды русскаго мыслящаго пролетариата. Всякая казнь террористовъ вызываетъ въ этой средѣ лишь большее воодушевленіе, доходящее до изступленія. — Софія Перовская была первая повѣшенная женщина и ея казнь вызвала сразу колоссальный приростъ женскаго персонала партіи Народной Воли. Всѣ эти неопитки обрели себя на висѣлицу и мечтаютъ съ женскою нервозностью о висѣннѣи на веревкѣ, какъ о какомъ то высшемъ наслажденіи *). Поэтомъ одна система наступательная, а съ нею вмѣстѣ и репрессія являются не только палліативами, но факторами къ искусственному развитію террористическаго движенія.

4) Терроръ не есть догматъ ученія народовольческой партіи, а лишь крайнее проявленіе борьбы ея съ сильнѣйшею властью: онъ вытекаетъ изъ убѣжденія и является средствомъ своему безсилію дать силу устрашенія. — Нашъ нигилизмъ имѣетъ большую аналогію съ расколомъ и ее не отрицалъ такой глубокой мыслитель и знатокъ русскаго народа, какъ Достоевскій. — Расколъ выросъ и дошелъ до крайняго фанатическаго своего проявленія *самосторанія* вслѣдствіе репрессіи, направленной на него, и та же причина довела нигилистовъ до кинжала, револьвера и наконецъ динамита. — Различіе крайнихъ исходовъ того и другого явленія объясняется различіемъ догматовъ ученія. — Съ одной стороны мученическая смерть за святую, чистую вѣру, завѣщанную Спасителемъ, которой угрожалъ антихристъ сошедшій въ міръ, съ другой — отрицаніе всякой вѣры, одна лишь позитивная философія и полное социальное переустройство человѣчества, для достиженія котораго всѣ средства доступны и крайними изъ нихъ являются огонь и мечъ.

Какъ бы то ни было, но мы полагаемъ, что для борьбы съ подобнымъ явленіемъ однѣ полицейскія и карательныя мѣры недостаточны, такъ же, какъ онѣ были недостаточны и съ расколомъ.

Вотъ заключенія, къ которымъ я пришелъ, и послѣ того знакомство съ верхами народовольческой партіи представлялось для меня наиболѣе интереснымъ. Но какъ туда, на эти самые верхи проникнуть, задача въ высшей степени трудная. Мнѣ предстояло заручиться такимъ опытнымъ и толковымъ туда проводникомъ, который былъ бы тамъ не чужимъ и въ то же время могъ бы быть и моимъ сотрудникомъ

*) Кутитонская уже послѣ казни Перовской стрѣляла въ губернатора Шляшевича въ Сибири.

въ дѣлѣ извѣстнаго воздѣйствія на среду народовольческую въ смыслъ прекращенія террора. Въ нашемъ кружкѣ имѣлось много именъ, принадлежащихъ къ такъ называемой высшей интеллигенціи, тутъ были и литературныя и ученыя и адвокатскія извѣстности, которыхъ считали имѣющими большое значеніе въ народовольческой партіи; со многими изъ нихъ я былъ знакомъ и сблизиться представлялась возможность,—вся суть была въ выборѣ.—Послѣ строгаго обсужденія я остановилъ его на Х., редакторѣ одной провинціальной газеты. Черезъ посредство его я рѣшилъ дѣйствовать, и планъ мой былъ одобренъ кружками.

Но прежде чѣмъ излагать отчетъ о дальнѣйшихъ моихъ дѣйствіяхъ, считаю необходимымъ остановиться на личности самого Х., и очеркомъ ея выяснитъ мотивы, опредѣлившіе мой выборъ.

III.

Х., уроженецъ Кутаисской губ., Шорапанскаго у., имеретинъ. Отецъ его крестьянинъ, торговавшій по купеческому свидѣтельству, зажиточный человекъ; сознавая важность образованія, опредѣлилъ старшаго сына своего въ кутаисскую гимназію и тотъ вскорѣ обнаружилъ замѣчательныя прилежаніе и способности. По мѣрѣ успѣховъ его стали обозначаться въ немъ и мыслящій, серьезный юноша, въ высшей степени самолюбивый и чувствительный ко всякой несправедливости.

Эта послѣдняя черта въ особенности обнаружилась при одномъ случаѣ, когда ему было еще 12 лѣтъ.

За убійство въ минуту гнѣва и запальчивости кутаисскаго генераль-губернатора князя Гагарина, Сванетскій владѣлецъ князь Константинъ Дадешкиліани былъ приговоренъ къ разстрѣлію. Казнь происходила за городомъ; въ толпѣ, окружавшей столбъ, къ которому привязали осужденнаго, стоялъ и мальчикъ Х. рядомъ съ богатымъ помѣщикомъ, княземъ Н. Ц., какъ извѣстно было мальчику, близкимъ пріателемъ Сванетскаго князя.

Къ удивленію своему мальчикъ услышалъ изъ устъ своего сосѣда самую площадную брань на осужденнаго и понялъ всю фальшь его. Когда же раздался залпъ и Дадешкиліани, пораженный градомъ пуль, повалился въ яму вмѣстѣ со столбомъ, а князь Ц., поднявъ съ земли камень, бросилъ имъ еще въ находившагося въ конвульсіяхъ казненаго, Х. не вытерпѣлъ, плюнулъ ему въ лицо и обругалъ его подлцомъ, а самъ упалъ въ истерическомъ припадкѣ. Происшествіе эго огласилось на весь городъ, отцу пришлось какъ богатому крестьянину заплатить значительный кушъ князю Ц., чтобы того умилоствовать. Онъ заставилъ сына униженно просить прощенія у Ц. и жестоко наказалъ его розгами (2).

Никто конечно въ душѣ не сочувствовалъ князю; фактъ говорилъ самъ за себя, но онъ во всякомъ случаѣ обнаружилъ крайнюю силу впечатлительности мальчика.

По окончаніи курса гимназіи въ 1861 г., 18 лѣтъ, первымъ учени-

комъ, X. просилъ отца разрѣшить ему ѣхать учиться въ университетъ. Тотъ смотрѣлъ на высшее образованіе, какъ на роскошь, и желалъ имѣть въ сынѣ прежде всего помощника по торговлѣ, а сынъ, не чувствуя призванія къ этого рода занятію, мечталъ черезъ университетъ дойти до права поступленія въ военную службу; крестьянинъ тогда не могъ иначе достигнуть офицерскаго чина.

Послѣ нѣкоторой борьбы, отецъ далъ однако же средства сыну ѣхать въ Петербургъ. Экзамены происходили въ концѣ августа. X. пріѣхалъ еще весною, готовился нѣсколько мѣсяцевъ изъ латинскаго языка, котораго не учили тогда въ кутаисской гимназіи, а случай свелъ его съ писателемъ Чернышевскимъ; онъ познакомился съ его семьей и прожилъ съ ними все лѣто въ Царскомъ Селѣ. То были первые русскіе люди, съ которыми онъ сблизился, и конечно, вліяніе Чернышевскаго тотчасъ на него воздѣйствовало (3). Въ началѣ сентября, выдержавъ экзаменъ, онъ сталъ ходить на лекціи, но не прошло и двухъ недѣль, какъ произошли извѣстные университетскіе безпорядки по случаю матрикуль. Увлеченный общимъ движеніемъ, X. былъ арестованъ, какъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ содержался съ 12-го октября по 6-ое декабря. Затѣмъ, когда его выпустили и объяснили, что онъ выключенъ изъ университета, какъ непринявшій матрикулы, и долженъ возвратиться на родину, онъ оставилъ Петербургъ (4).

Весь 1862 годъ прожилъ X. у себя дома, а въ концѣ года поѣхалъ въ Казань, для того, чтобы попытаться вступить въ тамошній университетъ, но это ему не удалось и тогда направился онъ снова въ Петербургъ, гдѣ при покровительствѣ генераль-губернатора, князя Суворова, добился разрѣшенія быть вольнослушателемъ (5). Году не прошло, какъ климатъ петербургскій до того неблагоприятно подѣйствовалъ на его здоровье, что онъ сталъ проситься за границу; министръ внутреннихъ дѣлъ долго не разрѣшалъ и наконецъ, опять же при содѣйствіи князя Суворова и послѣ освидѣтельствованія физикатомъ, онъ получилъ заграничный паспортъ. Связь съ Чернышевскимъ привела его къ знакомству съ Герценомъ въ Парижѣ; тотъ самъ отыскалъ его на одной изъ мансардъ Латинскаго квартала и предложилъ сотрудничество въ «Колоколѣ» (6).

Эго знакомство окончательно опредѣлило направленіе молодого человека (7), съ жадностью проглотившаго цѣликомъ, или лучше сказать заучившаго наизусть безпочвенное ученіе, которымъ Герценъ погубилъ цѣлый рядъ поколѣній нашей русской молодежи. Вся суть этого ученія была въ простотѣ и отрицаніи, и если X. былъ къ нему въ особенности воспріимчивъ, то это еще объясняется и тѣмъ, что между Герценомъ и имъ была одна общая черта—неудовлетворенность своимъ личнымъ социальнымъ положеніемъ: Герценъ никогда не могъ примириться со своимъ происхожденіемъ незаконнорожденнаго, а X. сильно тяготился безправностью своею—крестьянствомъ (8).

Статьи его въ «Колоколѣ» подъ псевдонимомъ Ріонели о Закавказскомъ краѣ не отличались ни зрѣлостью, ни знаніемъ мѣстныхъ условій, ни пониманіемъ правительственныхъ видовъ; за то богаты были фантазіей, претензіей на ядовитость, и пропагандой сепаратизма (9).

Герценъ въ это время переносилъ свою типографію изъ Лондона въ Женеву, а туда же переселился и Х., поступивъ на юридической факультетъ тамошняго университета. Вскорѣ освоился онъ на столько съ французскимъ языкомъ, что могъ сотрудничать въ мѣстной радикальной газетѣ (*Organe radical*)—*Nation Suisse*, редакторомъ которой былъ нѣкій г. Фази (10); Х. умѣлъ до того оживить своимъ перомъ эту газету, что на него обратили вниманіе и ему было предложено сотрудничество въ газетахъ «*Le Temps*» и въ «*Correspondance Havas*» (11).

Получая весьма немного отъ отца, недовольнаго долгимъ пребываніемъ его за границей, онъ содержалъ себя литературнымъ трудомъ, и въ то же время, подъ руководствомъ профессора Діамета, усердно занимался «политической экономіей», кончилъ же курсъ въ Цюрихѣ, подъ руководствомъ знаменитаго тогда профессора Бемерта и получилъ степень доктора правъ. Вернувшись въ 1863 году въ Петербургъ, онъ просилъ университетъ выдать ему, вмѣсто его докторскаго, дипломъ кандидатскій, и когда ему отказали, сталъ готовиться къ экзамену изо всего курса.

Но пріѣхалъ сюда его отецъ и склонилъ его, бросивъ все, ѣхать съ нимъ на родину; старикъ былъ уже дряхль, слабъ здоровьемъ и Х. не могъ идти противъ его воли.

Въ 1871 году, Х. похоронилъ отца. Распорядиться оставшимся ему значительнымъ наслѣдствомъ онъ не сумѣлъ, его заманили грандіозные проекты. Приобрѣлъ онъ участокъ земли, содержащій въ себѣ каменный уголь, вошелъ въ сношеніе съ одной французской компаніей, съ цѣлью его эксплуатаціи, затратилъ много денегъ, надѣлалъ долговъ и запутался (12). Вредила ему много и репутація нигилиста. Мѣстный губернаторъ гр. Левашевъ, недовольный имъ за рѣзкія противъ себя корреспонденціи, явно ему надоброжелательствовалъ. Въ 1875 г. бросивъ каменный уголь, началъ онъ заниматься привычнымъ ему дѣломъ, редакціей сначала грузинской газеты «Дрозба», а потомъ редакціей «Тифлискаго Вѣстника». Газета шла не въ убытокъ. Въ 1877 году открылась война и онъ, по предложенію «Гаваса» и «Голоса» поѣхалъ съ значительными отъ нихъ вознагражденіями въ качествѣ корреспондента на театръ ея.

Состоя при штабѣ генерала Лорисъ-Меликова, былъ свидѣтелемъ всѣхъ сраженій и очень сблизился съ генераломъ. Корреспонденціи его были талантливы и полны интереса.

Въ 1878 году по окончаніи войны, онъ основалъ въ Тифлисѣ свою собственную газету «Обзоръ» и въ скоромъ времени сумѣлъ дать ей настолько интереса, что она не только нашла массу подписчиковъ въ Закавказскомъ Краѣ, но и обратила на себя вниманіе русскаго читающаго общества, въ особенности процессомъ между нимъ и тифлискимъ цензурнымъ комитетомъ. Судъ въ обѣихъ инстанціяхъ оправдалъ редактора, защищавшагося съ замѣчательною энергіею. Рѣчи его приобрѣли ему такую популярность среди туземнаго городского класса, что его выбрали въ гласные тифлисской городской думы (13). При этомъ новымъ официальномъ положеніи редакторъ «Обзора» выступилъ ревностнымъ защитникомъ интересовъ города и повелъ атаку на дѣйствія тогдашняго губернатора князя Гагарина.

Тутъ подвернулась извѣстная исторія съ хлѣбомъ, о которой такъ много было писано во всѣхъ газетахъ, и воспользовавшись ею, Х. довелъ свою полемику до такого рѣзкаго тона неприличія, что великій князь намѣстникъ (14) долженъ былъ выслать его въ Ставропольскую губернію. Это было въ 1880 году. А въ 1881 году, въ февралѣ мѣсяцѣ съ него была снята опала и разрѣшено снова возвратиться въ г. Тифлисъ. Туда пріѣхалъ онъ не надолго и вскорѣ переселился въ Петербургъ, гдѣ при близкихъ связяхъ съ строителемъ Бакинской жел. дор., г. Палашковскимъ и при его содѣйствіи, получилъ мѣсто секретаря правленія Либаво-Роменской ж. д.

Этотъ, какъ бы формуляръ Х. мы считаемъ необходимою отбѣнить нѣкоторыми частностями, лучше всего рисующими его дѣятельность на родинѣ.

Вернувшись въ 1870 году, онъ нашелъ уже среди грузинской молодежи готовую почву для нигилистической пропаганды (15). До него еще учитель тифлисской гимназіи Виссаріонъ Гогоберидзе первый сталъ проповѣдывать сепаратизмъ и воспитывать молодежь въ такомъ направленіи, чтобы она ко всѣму русскому относилась враждебно и стремилась къ возрожденію какъ своей политической автономіи, такъ и своей національности (16). Кружокъ молодежи, недовольной русскими порядками, былъ уже сформированъ, увеличивался, и тутъ весьма удобно было начать пропаганду нигилизма, за что и взялся Х. Проповѣдь началась съ его сестеръ и кузинъ, а отъ нихъ она пошла распространяться и далѣе.

Редактируя грузинскую газету «Дрозба» и благодаря полному равнодушію и невниманію администраціи къ этой газеткѣ, рядомъ статей ознакомилъ онъ молодую Грузію съ ученіемъ социалистовъ. Дѣлалось это, конечно, при извѣстной подтасовкѣ: говорилось о Швейцаріи, о высокомъ просвѣщеніи ея, объ освобожденіи изъ-подъ владычества Австріи, о свободномъ проживаніи въ ней социалистовъ подъ покровительствомъ законовъ этой страны, излагались при этомъ догматы ихъ ученія и въ заключеніе проводилась аналогія между Швейцаріей и Грузіей (17).

Успѣхъ былъ блистательный, и мѣстныя власти—губернаторъ и жандармскій штабъ-офицеръ (18), все это видѣвшіе, тщетно указывали на творящееся высшему начальству; оно смотрѣло на все это, какъ на пустяки, которымъ лучше не придавать серьезнаго значенія. Интересна была форма, въ которой выразились отношенія туземнаго дворянства къ Х. Онъ всячески старался втереться въ дворянскую среду, а какъ мать его была дворянка Лордкипанидзе, то по довѣренности отъ нея пытался попасть на дворянскіе съѣзды, но все, что было постарше, смотрѣло на него съ пренебреженіемъ, не забывая его мужицкаго званія, и онъ даже подвергся раза два и побоямъ отъ нѣкоторыхъ князей стариковъ (19), за то въ средѣ молодежи онъ былъ кумиромъ и пророкомъ. Она обожала его и горячо поддерживала его домогательство добиться участія въ дворянскихъ дѣлахъ. Такъ наприимѣръ, когда умеръ управляющій кутаисскимъ дворянскимъ банкомъ Гогоберидзе, то молодежь желала выбрать Х. на его мѣсто; на выборахъ произошло столкновение между стариками и молодыми, дошло

до рукопашной, и Х., присутствовавшему. при этомъ, пришлось въ своего спасенія выскочить въ окошко и бѣжать. Всѣ эти неудачи его а въ особенности арестъ и запрещеніе выѣхать за границу, способствовали лишь сильнѣйшему поднятію его значенія среди туземныхъ нигилистовъ; имъ извѣстно было, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашей заграничною эмиграціей (20), часто бывали въ его рукахъ произведенія подпольной прессы, и это высоко ставило его въ ихъ глазахъ.

Составъ редакціи «Дрозды» всегда набирался изъ нигилистовъ а когда онъ издавалъ «Обзоръ», къ нему присланъ былъ центральнымъ комитетомъ делегатъ (по словамъ его (21) никто иной, какъ знаменитый Кобозевъ), который имѣлъ порученіе предложить ему редакторство «Народной Воли». Они не сговорились и Кобозевъ уѣхалъ. Самый же фактъ присылки делегата центральнымъ комитетомъ показываетъ степень значенія, придаваемого ему народолюбцами.

Люди серьезные, живущіе въ томъ краѣ и наблюдавшіе надъ дѣятельностью Х., утверждаютъ, что онъ не столько разстроилъ свои дѣла неудачными коммерческими предпріятіями, сколько щедрою раздачею денегъ нуждающимся нигилистамъ изъ среды туземной. Многихъ онъ училъ на свой счетъ, отправлялъ въ Москву, Петербургъ и за границу. Словомъ онъ занялъ руководящее между нихъ положеніе, воспитывалъ ихъ для такъ называемой «легальной оппозиціи правительству» (это его собственное выраженіе), весь отдавался редакціи газетъ въ томъ же оппозиціонномъ направленіи и наконецъ дошелъ до полнаго торжества, до апофеоза, при процессѣ своемъ съ тифлисскою цензурой. Объ этомъ процессѣ много шумѣли и ликовали наши либеральствующія газеты обѣихъ столицъ; что и вызвало даже «Московскія Вѣдомости» на передовую статью, имѣвшую значеніе холоднаго душа.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ, чтобы дать понятіе о характерѣ и смыслѣ рѣчи Х. на судѣ. — «Былъ судъ», говоритъ г. Катковъ, «судили въ Тифлисі, въ судебной палатѣ; обвинялъ, и обвинялъ энергически редакторъ мѣстной газеты «Обзоръ» г. Х. Обвиняемымъ было тифлисское цензурное вѣдомство; въ качествѣ прикосновеннаго къ дѣлу привлечено къ суду управленіе намѣстника кавказскаго. Судъ вынесъ обвинительный приговоръ. Восторгъ по его поводу сообщился въ Петербургъ. «Какая талантливая, глубоко прочувствованная, гуманная рѣчь!» воскликнулъ одинъ изъ петербургскихъ фельетонистовъ, говоря о рѣшившемъ дѣло обвинительномъ словѣ г. Х. съ пафосомъ, напоминающимъ восторги по поводу осужденія генерала Трепова въ дѣлѣ Вѣры Ивановны Засуличъ. Правда, между дѣлами этими есть нѣкоторая аналогія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, судъ занимался не тѣмъ собственно дѣломъ, какое подлежало обсужденію. Въ Тифлисі на судъ было принесено неважное обвиненіе въ нарушеніи цензурныхъ правилъ (наказаніе для виновности ограничивается штрафомъ скромныхъ размѣровъ), а судили наши общіе порядки. Г. Х., какъ самъ объяснилъ это на судѣ, хотѣлъ изданіемъ своей газеты испытать, до какой границы можетъ идти у насъ «свобода» легальной оппозиціи существующему порядку.

Въ этихъ видахъ онъ примкнулъ къ крайнимъ органамъ столичной печати». Но газета подцензурная, какъ тутъ быть?... Х. выходитъ изъ затрудненія. Ему запрещаютъ статью, а онъ ее печатаетъ, ночью вламывается въ квартиру къ цензору и чуть не силою вырываетъ у него наборъ и печатаетъ, словомъ, какъ самъ онъ признается, идетъ путемъ самоуправства и оправдываетъ его тѣмъ, что цензоръ самозванецъ, назначенный неправильно предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Но вотъ на судъ выступаетъ онъ самъ съ защитительнымъ словомъ.

«Въ этомъ словѣ главная суть процесса. Это не столько защитительная рѣчь по неважному обвиненію, сколько въ нѣкоторомъ родѣ манифестъ. Г. Х. вполне откровенно объясняетъ исторію и характеръ своей дѣятельности. «Уже десять лѣтъ назадъ», говоритъ онъ, «я задалъ себѣ цѣль—испробовать собственнымъ опытомъ, въ какой мѣрѣ возможно у насъ въ Россіи примирить интересы желательнаго и необходимаго общественнаго прогресса съ требованіемъ легальности, т. е. въ какой мѣрѣ наши законы, обычаи и порядки допускаютъ заботы (чьи?) объ общественномъ развитіи. Съ этой цѣлью я рѣшился исчерпать все, что наши законы дозволяютъ оппозиціи, разумѣется, легальной. Съ душевнымъ прискорбіемъ приходится мнѣ заявить теперь, что десятилѣтній мой опытъ не оправдалъ надеждъ и иллюзій друзей спокойнаго и мирнаго совершенствованія общества».

«Мирное и спокойное совершенствованіе при нашихъ порядкахъ», прибавляетъ отъ себя г. Катковъ, «оказывается невозможнымъ, остается прогрессъ немирными и неспокойными средствами. Дипломатическіе переговоры прерваны, приходится объявить войну. Съ своей стороны г. Х., оставивъ безполезный путь легальности, сдѣлалъ по отношенію къ тифлисской цензурѣ опытъ, надо сказать, удачный, немирнаго прогресса».

«Во всякомъ обществѣ, продолжаетъ Х. далѣе въ своей рѣчи, на ряду съ довольными и счастливыми членами являются и недовольные, обездоленные, находятся люди, стремящіеся къ лучшимъ порядкамъ и судьбамъ. Мыслимъ ли былъ бы общественный прогрессъ безъ существованія такихъ элементовъ? Для мирнаго развитія страны желательно и необходимо, чтобы эти элементы имѣли возможность проявлять свои стремленія и доказывать свои убѣжденія. Когда элементы эти находятъ въ свободной печати возможность пропагандировать свои мысли и стремленія, въ нихъ оживаетъ надежда на будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается и терпѣливость, и они убѣждаются, что сразу всего не передѣлаешь, что всѣхъ сразу не убѣдишь, и ждутъ десятки лѣтъ, не бросаясь въ крайности и не компрометируя выходками кропотливаго труда времени. Но когда эти жизненные элементы поневолѣ убѣждаются, что имъ не оставлено ни малѣйшаго мѣста на аренѣ открытой и легальной борьбы за убѣжденія, куда же вы прикажете имъ дѣться, какъ не въ область подпольной дѣятельности, для всѣхъ такъ нежелательной?»—«Такъ какъ дѣло идетъ», по замѣчанію г. Каткова, «не объ отвлеченномъ какомъ государствѣ, для котораго проектируется наилучшее устройство, и всякій понимаетъ о какихъ нашихъ «недовольныхъ» и «подпольныхъ» жизненныхъ эле-

ментахъ идетъ рѣчь, то едва ли совѣтъ г. Х. можно счесть достаточно практичнымъ. Да и сулитъ онъ не особыя блага. Дайте имъ свободу доказывать и они, видите ли, будутъ терпѣливѣе, перестанутъ компрометировать «дѣло» выходками и на нѣсколько лѣтъ отложатъ операцию, давъ времени сдѣлать работу...

Но этихъ выписокъ совершенно достаточно для того, чтобы вполне выяснитъ «процессъ» и «содержаніе рѣчи» или какъ называетъ ее г. Катковъ «манифестъ» г. Х. Оправданіе его судомъ было апофеозомъ его среди тифлисской и всей закавказской интеллигенціи. Фонды его поднялись и въ матеріальномъ отношеніи. Армяне, народъ практической, сейчасъ же смекнули, что такой человѣкъ имъ очень пригоденъ для отстаиванія ихъ интересовъ въ думѣ и выбрали его въ гласные (22). Опыяненный блистательнымъ успѣхомъ на судѣ, Х. горячо взялся за городское дѣло, столкнулся съ кн. Гагаринымъ и на этотъ разъ угодилъ въ Ставропольскую губернію.

Замѣчательно, что когда его отправляли изъ Тифлиса, у него было всего 50 руб., несмотря на то, что и армяне не скупились на содержаніе его, какъ гласнаго (23), и газета давала доходъ; деньги всегда разбирала у него масса прихвостней-нигилистовъ.

III.

Итакъ, вотъ что была за личность, на которой я остановилъ выборъ для того, чтобы при ея содѣйствіи—проникнуть въ верхи народофильской партіи.

Жизнь, исковерканная съ самой молодости, положеніе общественное шаткое, вслѣдствіе политической неблагонадежности, запутанность въ матеріальномъ отношеніи, разбитое честолюбіе, вслѣдствіе того глубокое озлобленіе противъ правительства и при всемъ этомъ блестящій умъ, обширное образованіе, даръ слова и несомнѣнный талантъ публициста; мнѣ сдавалось, что съ такимъ человѣкомъ, если имъ овладѣть, воодушевить и увлечь, можно многое сдѣлать.

Я всегда былъ того мнѣнія, что только начальство наше могло проглядѣть такого человѣка, осыпая въ то же время и деньгами и наградами массу бездарностей, коптящихъ лишь небо. Въ Закавказскомъ краѣ онъ могъ быть положительною, а не отрицательною силою; мнѣ сдавалось, что и теперь еще не поздно сдѣлать изъ Х. полезнаго дѣятеля, расшевеливъ его честолюбіе (24).

Но какъ подойти къ нему, не возбудивъ въ немъ, прошедшемъ черезъ огонь и воду, подозрительности и не спугнуть эту чуткую птицу?

Я знаю Х. съ самаго ранняго дѣтства, ласкалъ его, когда онъ еще былъ ребенкомъ, видѣлъ его юношей лѣтъ 17, гимназистомъ старшихъ классовъ, говорилъ съ нимъ тогда съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, которое невольно вызываетъ къ себѣ умный и хорошо учащійся юноша; и встрѣтилъ прошлой весной уже сорокалѣтнимъ, зрѣлымъ человѣкомъ. Мы обѣдали съ нимъ у Палкина и долго бесѣдовали. Онъ передалъ мнѣ, что служить на Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ, что это занятіе ему не подходящее и онъ подалъ М. В. Д. прошеніе о разрѣшеніи издавать газету «Обзоръ» здѣсь въ Пе-

тербургѣ въ формѣ большой газеты безъ предварительной цензуры. Зная, что я самъ изъ пишущихъ и притомъ близко знакомъ съ Закавказскимъ краемъ, онъ предложилъ мнѣ участіе въ газетѣ и мы много говорили объ этомъ. Затѣмъ мы не встрѣчались мѣсяца два и въ это время отъ общихъ нашихъ знакомыхъ кавказцевъ я услышалъ, что гр. Игнатьевъ отказалъ ему въ изданіи «Обзора», о чемъ искренно пожалѣлъ.

Въ іюлѣ, когда я рѣшилъ попытаться подойти къ нему по своему дѣлу, и когда уже вмѣсто гр. Игнатьева на министерствѣ былъ гр. Толстой, я выбралъ предлогомъ желаніе потолковать съ нимъ о той же газетѣ и зашелъ къ нему. Объяснивъ ему, что по мнѣнію моему, моментъ для возобновленія его ходатайства благоприятный, во-первыхъ, потому что у насъ такъ уже вездѣ ведется, что каждый новый начальникъ всегда охотно отмѣняетъ распоряженіе своего предшественника, а во-вторыхъ, что я могу поддержать его ходатайство по старинному знакомству съ К.*) (25), къ которому нарочно поѣду въ Москву и буду просить содѣйствія,—предложилъ свои услуги. Мысль эта понравилась Х., онъ за нее ухватился, и мы условились въ дальнѣйшихъ свиданіяхъ для подробныхъ переговоровъ **).

При переговорахъ о газетѣ я нашелъ въ Х. смотрящаго на самодержавіе, какъ на единственную силу, которая можетъ вывести наше отечество изъ настоящихъ затрудненій, но въ то же время требующаго отъ него самой энергической поддержки русскому социализму, а именно поощренія развитію въ экономической жизни народа двухъ ея естественныхъ факторовъ, артели и общины. Правительство, по мнѣнію Х., есть продуктъ самого общества, и потому въ ошибкахъ правительственныхъ надо возлагать отвѣтственность прежде всего на само общество, оно преступно въ равнодушіи и апатіи ко всѣмъ явленіямъ своей собственной и народной жизни.

Набрасываться на правительство и повторять, что при конституціи того и того не случилось бы, значило бы забывать, что всѣ печальныя явленія нашей жизни постепенно созрѣваютъ въ той апатичной, равнодушной средѣ, какою является наше общество.

Мыслимы ли были бы разные Юханцевы, Макшеевы, Буши ***) и tutti quanti, если бы общество само ихъ не плодило своимъ равнодушіемъ? а потому не правительство, а его слѣдуетъ бить и обличать, выворачивая всю изнанку его частной, внутренней жизни, на которой строится жизнь политическая. Вотъ въ общихъ чертахъ основы, на которыхъ Х. полагалъ вести газету.

Послѣ нѣсколькихъ свиданій, набросавъ ея prospectus для доклада К., я поѣхалъ въ Москву. Поддержку К. въ этомъ дѣлѣ я въ дѣйствительности считалъ совершенно излишней, увѣренный, что и помимо его это дѣло устроится, если Х. окажется тѣмъ, что я отъ

*) М. Н. Катковъ.

Гед.

**) Въ тотъ же день сообщилъ я вкругу о началѣ моихъ сношеній съ Х. и предвидя, что въ ходѣ моихъ переговоровъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ средствъ можетъ быть свиданіе и бесѣда Х. съ *Наболинимъ*, просилъ на то разрѣшенія послѣдняго, и оно было мнѣ дано.

***) Герои нѣсколькихъ громкихъ уголовныхъ процессовъ того времени. Гед.

него ожидалъ. Не менѣ того, я видѣлся съ К., говорилъ съ нимъ и по возвращеніи въ Петербургъ сказалъ Х., что К. готовъ содѣйствовать. Это крайне его обрадовало и наши бесѣды приняли характеръ полной искренности и одушевленія. Само собою разумѣется, что дошло до разговора о крамолѣ и до ея дѣйствительнаго значенія. Онъ находилъ весь корень зла въ непослѣдовательности правительства и главнымъ образомъ въ репрессіи, которая хотя иногда и скрывалась за ширмою компромиссовъ, любезничанія, обѣщанія уступокъ и т. п., но все-таки оставалась тою же слѣпою и немилосердною основою всѣхъ дѣйствій власти. Въ правительство, не отступающее отъ этой системы, всѣ безусловно извѣрились, и крамола все болѣе и болѣе выростаетъ. На это я ему объяснилъ, что изъ источника весьма близкаго къ государю, мнѣ извѣстно, что онъ весьма далекъ отъ желанія дѣйствовать однимъ лишь гоненіемъ; напротивъ, онъ крайне скорбитъ о массѣ молодежи, еще не совсѣмъ погибшей, но идущей къ вѣрной гибели, и чтобы спасти ее и повернуть назадъ, онъ склоненъ къ милосердію и къ мѣрамъ кротости.

«Если бы я положительно зналъ, что это такъ, что это не ваша иллюзія, было отвѣтомъ мнѣ, то я нашель бы средство къ полному прекращенію крамолы. Отъ государя все зависитъ и на него одного лишь возлагается надежда».

Воспользовавшись этимъ счастливымъ настроеніемъ, я просилъ его развить мнѣ свою мысль болѣе конкретно.

По мнѣнію его въ такомъ важномъ дѣлѣ прежде всего должна быть установлена самая безусловная правда. Если государь дѣйствительно склоненъ къ милосердію, ничто не должно помѣшать ему подтвердить это своимъ словомъ, тутъ форма не имѣетъ значенія никакого, тутъ не нужно указовъ, а достаточно провести его слово въ сознаніе общественное и въ особенности въ сознаніе той среды, до которой оно относится.

Большая разница между амнистіей какого-нибудь французскаго правительства и амнистіей самодержавнаго царя, а у насъ не хотять понять этой разницы и возстають противъ всякаго проявленія милосердія, указывая на печальныя послѣдствія его во Франціи. Но при этомъ забываютъ, что тамъ амнистія есть не что иное, какъ вынужденный мирный компромиссъ между двумя враждебными партіями, пустившими въ ходъ оружіе: версальцы, взявъ верхъ надъ коммунарами, карали ихъ и то же самое сдѣлали бы коммунары съ ними, если бы остались побѣдителями. Понятно послѣ того, что помилованные и возвращенные изъ ссылки явились домой еще болѣе озлобленными и понимающими, что вернули ихъ, главнымъ образомъ потому, что въ національномъ собраніи партія ихъ добилась подобающаго значенія. Какое же можетъ быть тутъ сходство съ амнистіей самодержавнаго царя, олицетворяющаго собою въ понятіяхъ своего народа божескую справедливость и милосердіе. Если государь сознаетъ, что милосердіемъ своимъ можетъ спасти массу своихъ подданныхъ, идущую къ вѣрной гибели, при этомъ массу молодежи, еще не зрѣлой, то что же можетъ останавливать его въ этомъ милосердіи. Не организація ли тайныхъ обществъ и подпольная лите-

ратура; вѣдь они сами собою распадутся и исчезнутъ, когда всѣ лучшія силы будутъ оттуда отвлечены въ другую сторону. Наши самые крайніе революціонеры ведутъ войну не съ обществомъ, какъ въ Западной Европѣ, а лишь съ правительственной властью, и лозунгомъ своимъ выставляютъ свободу народа и общества; въ правительстве не только они, но и всѣ, извѣрились. Но царь, который станетъ выше бюрократической среды и камарильи его окружающихъ, проявитъ свою отзывчивость къ правдѣ—привлечетъ къ себѣ сердца всѣхъ безусловно. Катастрофа съ Александромъ II должна лечь всею тяжестью на его правительство. воспитавшее искусственно своею слѣпою системою крамолу. Молчаніе новаго царя и неизвѣстность о томъ, что будетъ впереди, а въ то же время продолжающіеся аресты и высылки, поддерживаютъ панику, парализующую всѣ дѣла. Не знаю, что будетъ дальше, но могу сказать только, что если надежда на царя не оправдается, будетъ скверно. Общество возмущено дѣйствіями террористовъ, но само оно недовольно правительствомъ, неудовольствіе это растетъ съ каждымъ днемъ и пожалуй можетъ дойти до такого момента, когда дѣйствія террористовъ станутъ ему сочувственными. Террористы не могутъ находить сочувствія людей, не дошедшихъ еще до отчаянія.

Тутъ онъ мнѣ разказалъ о присылкѣ къ нему делегатомъ Кобозева въ Тифлисъ (26).

«Три дня настаивалъ онъ на моемъ вступленіи въ ихъ партію, но я ему на-отрѣзъ отказалъ, объяснивъ, что мнѣ претягъ способы насилія и убійства, ими избранные. Вслѣдствіе того мы и разошлись. Я и теперь не террористъ и не только не стану содѣйствовать ихъ плану, но если бы что-нибудь дошло до меня объ ихъ замыслѣ, я немедленно доведу о томъ до власти и все это, повторяю, сдѣлаю вслѣдствіе моихъ глубокихъ убѣжденій и вслѣдствіе того, что я еще не пришелъ въ отчаяніе...»

Выслушавъ все это, я резюмировалъ его слова въ слѣдующей формѣ:

«Вы говорите, что если бы узнали, во 1-хъ, что государь склоненъ къ милосердію по отношенію къ заблудшимъ, что онъ не противъ расширенія свободы слова и самоуправленія; во 2-хъ, если бы вы имѣли возможность надѣяться на разрѣшеніе вамъ газеты, при условіи не стѣснять васъ высказываться, конечно, въ программѣ, вами самими объясненной,—вы тогда могли бы взять на себя миссію прекращенія крамольныхъ дѣйствій народовольческой партіи и, главнымъ образомъ, террористической фракціи.»

«Да, это все такъ, я покончилъ бы съ ними въ самомъ непродолжительномъ времени.»

«Но мнѣ было бы желательно знать при этомъ, на какія средства вы рассчитываете издавать газету?»

«Мнѣ дано обѣщаніе первоначальнаго содѣйствія тремя капиталистами: Закомъ, Палашковскимъ и Романовскимъ, я могу имѣть отъ нихъ до 50.000 рублей (27). Имѣя этотъ первоначальный фондъ я рассчитываю на образованіе акціонерной компаніи или товарищества на паяхъ.»

— «Все это мнѣ кажется не совсѣмъ прочно. Для большой газеты необходимъ значительный капиталъ въ видѣ депозита, по мнѣнію моему отъ 200 до 300.000 рублей. Что бы вы сказали, если бы вамъ была сдѣлана субсидія негласная».

Х. востепенулся: «Это значило бы погубить дѣло, у насъ былъ уже примѣръ на «Берегѣ» Цитовича. Опытъ основанія офиціознаго органа, котораго важность признаютъ всѣ самыя либеральныя государства, у насъ окончательно провалился».

«Да, но кто же вамъ говорить объ офиціозномъ органѣ? Маковъ распорядился крайне неумѣло и безтактно, мало того, что онъ чуть не гласно выдавалъ деньги, но и въ редакцію насадилъ своихъ чиновниковъ. Тутъ ни о чемъ подобномъ не говорится, а если бы вы получили негласно, изъ рукъ въ руки, отъ лица, умѣющаго хранить тайну, необходимую сумму, я думаю, что это было бы самымъ надежнѣйшимъ путемъ къ осуществленію вашей газеты».

«По правдѣ вамъ сказать, признавая важность такой субсидіи, крайне сомнѣваюсь въ возможности устроить такъ дѣло, чтобы все, о чемъ мы съ вами говорили, осталось бы непроницаемой тайной» (28).

«Чтобы разсѣять всякое ваше сомнѣніе, я попрошу теперь у васъ согласія на слѣдующее мое предложеніе. Я васъ представлю лицу, очень близко стоящему къ государю, онъ васъ выслушаетъ. Вы скажете ему все то, что сказали мнѣ относительно вашей готовности содѣйствовать прекращенію крамолы. Вы изложите ему всѣ данныя, которыя имѣете о ней и объясните свой взглядъ на наилучшіе способы дѣйствій правительства. Въ заключеніе вы упомянете о своей газетѣ и о тѣхъ надеждахъ, которыя вы на нее возлагаете».

«Если вы говорите мнѣ опять же, не увлекаясь какими-либо иллюзіями, взвѣсивъ и обдумавъ каждое слово, то я вамъ могу отвѣтить съ полною искренностью, что къ прискорбію моему принадлежу къ числу людей, извѣрившихся въ наше правительство и его личный составъ. Я былъ одинъ изъ ближайшихъ людей Лорисъ Меликова, онъ достаивалъ меня полной откровенности о той же крамолѣ, я ему говорилъ почти то же, что говорю и теперь, онъ со мною совершенно во всемъ соглашался, а на практикѣ дѣлалъ совершенно иное: (29) одной рукой ласкалъ, Богъ знаетъ какую сволочь, придавая ей значеніе, а другой подъ сурдиной продолжалъ аресты и высылки; выходило ни то, ни се, и кончилось ужасомъ. Теперь вы меня хотите свести съ другимъ лицомъ высокопоставленнымъ, я не отрицаю, что между ними есть люди высокихъ качествъ души, ума и сердца и потому охотно соглашаюсь на ваше предложеніе, повторяю только: дай Богъ, чтобы я и въ этотъ разъ не ошибся» (30).

Эта бесѣда была у насъ въ самыхъ первыхъ числахъ сентября, а 5-го вечеромъ, я былъ въ Петергофѣ у Набольшаго, доложилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ разрѣшенія представить Х. Онъ мнѣ назначилъ привезти его на другой день, т. е. 6-го вечеромъ въ половинѣ девятаго и присовокупилъ: «дайте ему понять, что я его выслушаю, mais que je ne puis traiter avec lui».

Когда на другой день утромъ я пришелъ къ Х. и сказалъ ему, что мы поѣдемъ въ Петергофъ, и назвалъ лицо, которому я его пред-

ставлю, то я замѣтилъ, что это было для него совершенной неожиданностью. На лицѣ его отразилось сильное впечатлѣніе и онъ сказалъ мнѣ: «Дай Богъ! объ этомъ человѣкѣ я слышалъ только одно хорошее». Я ему передалъ и тѣ слова, которыя были мнѣ сказаны относительно формы предстоящей ему бесѣды.

Въ половинѣ девятаго, когда мы входили въ кабинетъ Набольшаго, по блѣдному лицу Х. я замѣтилъ, что онъ внутренне взволнованъ и сказалъ ему, чтобы онъ призывалъ на помощь всю силу своего духа, не робѣлъ и старался бы высказать все, какъ можно полнѣе. Представивъ его Набольшому, самъ вышелъ въ другую комнату для того, чтобы не мѣшать ихъ аудіенціи. Она продолжалась болѣе, чѣмъ 1½ часа и когда изъ двери кабинета вышелъ Х. лицо его сіяло одушевленіемъ и онъ сказалъ мнѣ: «Ну, мнѣ никогда и во снѣ не могло присниться того, что со мною сейчасъ было и что я слышалъ» (31).

Я попросилъ его идти въ садъ и ожидать меня тамъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ. Набольшій объяснилъ мнѣ, что онъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Х., «онъ можетъ быть очень полезенъ, если дѣйствительно выполнить принимаемому на себя миссію. Я общалъ опять увидаться съ нимъ на-дняхъ, о времени Васъ извѣщу», сказалъ онъ, прощаясь со мною.

Отыскавъ Х. въ саду, я вернулся съ нимъ въ Петербургъ; разговоръ шель въ вагонѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ Набольшаго гораздо больше, чѣмъ могъ предполагать изъ моихъ словъ. Тотъ очаровалъ его, и онъ душой и тѣломъ готовъ посвятить себя этому дѣлу, не сомнѣваясь въ полномъ успѣхѣ. Въ какихъ-нибудь два, три мѣсяца все будетъ кончено. Онъ поѣдетъ за-границу, тамъ будетъ необходимо и мое присутствіе, какъ лица, облеченнаго довѣріемъ Набольшаго. Черезъ меня будутъ идти сношенія съ нимъ, а при этомъ онъ ничего не скроетъ, для него не будетъ никакой тайны.

На это я просилъ Х., чтобы онъ всякое свиданіе свое съ Набольшимъ и всякое свое дѣйствіе разрѣшилъ мнѣ формулировать и, такимъ образомъ, оставлять ихъ слѣдъ, я находилъ это важнымъ для упорядоченія хода столь важнаго дѣла. Онъ согласился на это и обѣщавъ на другой же день составить мнѣ отчетъ о сегодняшнемъ своемъ докладѣ.

На станціи желѣзной дороги мы разстались, а на другой день вечеромъ я получилъ отъ него мемуаръ, въ которомъ изложено было говоренное имъ вчера.

Мемуаръ этотъ слѣдующій.

«Современныя затрудненія не только не требуютъ отъ правительства ступать передъ общественнымъ движеніемъ и передать свои права представителямъ общества,—т. е., средняго сословія, но напротивъ того, прямо налагаютъ на власть обязанность усилить и развить ея дѣятельную роль, взявшись мощной и энергической рукой за разрѣшеніе задачъ русскаго развитія.

Всякій разъ, когда въ Россіи самодержавіе стояло во главѣ движенія, на сторонѣ прогресса народной жизни, оно пользовалось безграничной преданностью всѣхъ лучшихъ людей страны и всего молодого поколѣнія. Недоразумѣнія и сопротивленія возникли лишь въ тѣ эпохи, когда самодержавіе становилось ретрограднымъ либо неподвижнымъ. И теоретически и практически самодержавіе *прогрессирующее*, ведущее за собою народъ и общество, есть идеальнѣйшая форма правленія, ибо прогрессъ при этой формѣ осуществляется легче и быстрѣе, чѣмъ при всякой другой.

Нашъ народъ представляетъ собою глубоко и искренно преданную массу, богато одаренную во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ и всѣ народы земного шара, онъ пассивенъ и не только не можетъ составить для власти активной, дѣятельной поддержки, но и самъ требуетъ, или вѣрнѣе, ждетъ отъ самодержавія помощи и содѣйствія въ улучшеніи своего экономическаго положенія, невообразимо затруднительнаго.

Нигдѣ въ мірѣ не случалось еще, чтобы такую активную поддержку власть находила въ среднемъ сословіи: даже и цѣною полного ступенія передъ этимъ сословіемъ власть никогда не заручалась его содѣйствіемъ. Ни Луи Филиппъ, ни Наполеонъ III, ни англійскіе короли не могли извлечь никакой выгоды ни для себя, ни для народа изъ уступокъ, сдѣланныхъ ими среднему сословію.

Въ Россіи тѣмъ менѣе можно ждать такого чуда, что это сословіе только теперъ нарождается и пока крайне безсильно даже и въ связи съ дворянствомъ, все болѣе и болѣе оскудѣвающимъ.

Поэтому самодержавію возможно у насъ *разсчитывать лишь на самою себя*, на непосредственное воздѣйствіе на судьбы народа, при помощи не особо сплоченныхъ сословій, ихъ интересовъ, а лучшихъ людей, какіе производятся народомъ и всѣми остальными сословіями.

Самодержавіе можетъ стать во главѣ движенія, взявъ все, что имѣется разумнаго и осуществимаго въ соціальныхъ ученіяхъ, и поручивъ ихъ осуществленіе всѣмъ искренно и беззавѣтно преданнымъ народу мододымъ энтузіастамъ, которые нынѣ, за неимѣніемъ практической возможности приносить пользу народу, гибнутъ въ братоубійственной борьбѣ съ властью, народу же служащую. Осуществленіе многихъ частей этихъ ученій, близко подходящихъ къ исторически сложившемуся духу и характеру міросозерцанія народа, по сіе время сохранившаго артель и общину, несомнѣнно могло бы улучшить его матеріальное положеніе, избавивъ его отъ кулаковъ и эксплуататоровъ.

Такая благая дѣятельность молодежи, руководимой властью, повела бы въ близкомъ будущемъ къ дисциплинированію богатыхъ и энергическихъ силъ молодого русскаго поколѣнія и тѣмъ создала бы для власти положеніе непримѣрное въ Европѣ: власти, опирающейся на массу глубоко ей преданнаго народа, и имѣющей въ своемъ распоряженіи легіоны самоотверженныхъ, безкорыстныхъ, искренно любящихъ народъ, молодыхъ людей, способныхъ на всякій героизмъ. Систематическая работа надъ установленіемъ такой дисциплины, конечно, нелегка, она требуетъ большого такта и искусства, но она все-таки

во сто кратъ легче, чѣмъ нынѣшня борьба съ крамолой, которая только этимъ путемъ можетъ быть вырвана съ корнемъ.

Смѣло можно поручиться, что разъ правительство твердо, рѣшительно и искренно станетъ на этотъ путь, не только уничтожится крамола, но не пройдетъ и пяти-шести лѣтъ, какъ наше финансовое, экономическое, а стало быть и политическое положеніе достигнетъ небывалаго въ Россіи цвѣтушаго состоянія, ибо только по прекращеніи внутренней борьбы можно будетъ съ одной стороны дѣйствительно сократить расходы, а съ другой—вызвать тотъ подъемъ экономическихъ и промышленныхъ силъ страны, который нынѣ перерождается въ хищенія и грабежъ казны и народа.

Для выполненія всего этого: а) полной амнистіи, б) простора для легальной дѣятельности молодежи, путемъ печати и устной пропаганды, в) расширенія сферы общественнаго самоуправленія, а главное, г) твердой рѣшимости правительства стать во главѣ современнаго движенія умовъ и воспользоваться всѣми разумными сторонами этого движенія на пользу народа и во славу власти самодержавія».

Прочитавъ этотъ мемуаръ, я объяснилъ Х., что по мнѣнію моему послѣ свиданія его съ Набольшимъ было бы необходимо и формулировать планъ, котораго онъ полагаетъ придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ при выполненіи принятой имъ на себя миссии. Онъ вполне согласился со мною въ этомъ и вотъ какъ мы сообщаемъ его формулировали:

«1) Х. считаетъ первымъ условіемъ успѣха полученіе промесса амнистіи, свободы печатнаго слова и совѣщательнаго участія выборныхъ отъ народа и общества въ дѣлахъ правленія.

2) Имѣя этотъ промессъ, онъ обязуется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организаціи. Дѣло борьбы съ крамолой послѣ того значительно упростится и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, не стоящихъ въ связи съ организаціей.

3) Для свиданія съ главарями народовольческой партіи, онъ приметъ поѣздку за границу и внутри имперіи (32), при чемъ за-границей онъ полагаетъ удобнымъ образовать одинъ или два съѣзда, на которые вышлются уполномоченные изъ Россіи, и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ для Х.

4) Поѣздки эти онъ сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ (33) невидимое сопровожденіе его г. Б., который будетъ всегда у него подъ рукой и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ Х., имена всѣхъ лицъ будутъ ему также открыты (34) и все это должно сообщаться имъ *Набольшему*, а отъ послѣдняго требуется содержаніе всего этого въ величайшей тайнѣ, непроницаемой ни для какого учрежденія политической полиціи.

5) Х. признаетъ это необходимымъ для того, чтобы дѣйствія его всѣ были извѣстны *Набольшему*, а тотъ могъ бы судить объ ихъ правильности и въ случаѣ нужды руководить ими.

6) Если вся эта предварительная работа Х. будетъ доведена до удовлетворительнаго результата, то для дальнѣйшаго успѣха дѣла,

онъ полагаетъ полезнымъ разрѣшеніе ему изданія большой газеты безъ предварительной цензуры при условіяхъ имъ объясненныхъ (субсидія отъ 200 до 300.000 р.) Газета эта будетъ по мнѣнію его самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ *отвлеченію* молодыхъ силъ отъ народовольческаго направленія. Молодая среда ищетъ и не находитъ умственного удовлетворенія ни въ одномъ изъ органовъ печати, и если на это не будетъ обращено вниманія, въ ней неизбѣжно возникнетъ своя собственная, новая организація, съ которою труднѣе станетъ считаться, чѣмъ съ настоящей» (35).

IV.

Набольшаго я зналъ еще молодымъ человѣкомъ, адъютантомъ фельдмаршала кн. Барятинскаго на Кавказѣ. Въ то время уже привлекалъ онъ къ себѣ всѣхъ благородствомъ своего характера и необыкновеннымъ тактомъ въ обществѣ, — два качества, въ особенности скрасившія его независимое положеніе, по богатству, связямъ и близости ко двору, каждый поступокъ его проявлялъ собою въ полномъ смыслѣ джентльмена. Извѣстно было, что послѣ того, какъ онъ оставилъ Кавказъ, обстоятельства близко свели его съ наслѣдникомъ престола; говорили, что между ними установилась серьезная дружба. При новомъ императорѣ онъ сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ и притомъ такимъ, котораго нельзя было заподозрѣть, какъ карьериста, въ честолюбивыхъ стремленіяхъ, а передъ богатствомъ его смолкала всякая мысль о какихъ-либо своекорыстныхъ побужденіяхъ. Конечно въ ряду лицъ заботящихся объ охранѣ священной особы государя, какъ ближайшій другъ царя, былъ передовымъ, и вотъ почему, поставивъ съ нимъ въ непосредственныя отношенія Х., и послѣ того, какъ послѣдній дѣйствительно сумѣлъ произвести на него серьезное впечатлѣніе, я надѣялся, что онъ будетъ одинъ руководить этимъ дѣломъ безъ всякаго посторонняго участія; но я упустилъ изъ виду, что Набольшій былъ предсѣдателемъ нашего кружка и по принципу этого учрежденія не могъ устранить совѣщательнаго участія главнѣйшихъ его членовъ; а подобныя дѣла врядъ ли выигрываютъ въ своемъ ходѣ отъ коллегіальнаго способа ихъ веденія.

Не менѣе того, дня черезъ два, Набольшій видѣлся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстымъ и говорилъ о газетѣ Х., тотъ вполне одобрилъ мысль этого мѣропріятія и обѣщаль разрѣшить изданіе газеты. Х. я конечно это сообщилъ, что придало ему еще болѣе увѣренности въ поддержкѣ Набольшаго, и онъ просилъ меня лишь поскорѣе устроить вторичное съ нимъ свиданіе для того, чтобы, не теряя ни минуты, тотчасъ же приступить къ дѣлу и ѣхать за-границу.

Въ кружкѣ, при разсмотрѣніи вышеизложенныхъ документовъ, высказалось нѣсколько мнѣній, касающихся, какъ до существа, такъ и до формы дѣла.

Первое мнѣніе было кн. Щ. Онъ находилъ, что въ планѣ Х. самымъ главнымъ является пунктъ 4, а именно, что называя всѣхъ лицъ, съ которыми войдетъ еще въ сношенія, тѣмъ самымъ и рас-

кроетъ составъ организаціи подпольной, на которую правительство будетъ имѣть возможность наложить въ свое время руку, не компрометируя X., вслѣдствіе чего кн. Щ., считалъ необходимымъ не замедливать вторичнаго свиданія съ X. и разрѣшить ему начало дѣйствій.

Другое мнѣніе принадлежало гр. Ш. Онъ находилъ, что ставить себя Набольшому исключительно на мелкую почву полицейскую, о которой говоритъ князь Щ., значило бы ронять свое достоинство. X. требуетъ отвѣта ему на пункты, изложенные въ его планѣ. Отвѣчать ему на нихъ значило бы вести съ нимъ переговоры, становится въ извѣстныя къ нему обязательства, уполномочивать его на какіе-то переговоры съ главарями народовольческой партіи,—все это немислимо, такъ какъ правительству стать въ договаривающееся положеніе съ какою то партіею, по меньшей мѣрѣ, неприлично, а потому дѣло это лучше всего прекратить, или поставить его на иную почву, а именно, если то возможно, категорически предложить X. быть агентомъ кружка, конечно не скупясь въ значительномъ вознагражденіи и не останавливаясь въ разрѣшеніи ему газеты.

Третье мнѣніе принадлежало сенатору Ш. Какъ бывшій управляющій III Отдѣленія, онъ по имѣющимся у него даннымъ прежняго времени, имѣлъ объ X. свое собственное составленное понятіе. Онъ видѣлъ въ немъ человѣка дѣйствительно бывшаго въ постоянной оппозиціи правительству, но въ то же время не настоль глубоко стоящаго въ народовольческой средѣ, чтобы для него не существовало никакой ея тайны. Конечно онъ можетъ подойти легче, чѣмъ другой, къ главарямъ организаціи, онъ имѣетъ большую цѣнность, изъявляя свою искреннюю готовность дѣйствовать въ этомъ направленіи, но покуда, врядъ ли онъ располагаетъ такими свѣдѣніями, которыя имѣли бы серьезное значеніе. Видя во всѣхъ объясненіяхъ и планахъ X. предложеніе имъ своихъ услугъ, сенаторъ Ш. полагалъ полезнымъ воспользоваться ими и установить при этомъ такія отношенія между нимъ и Набольшимъ, чтобы послѣдній былъ совершенно выгороженъ отъ какихъ либо обязательствъ по отношенію къ X. Для выполнения въ точности всего, упоминаемаго имъ въ пунктѣ 4 своего плана, въ особенности будетъ важна поѣздка его за границу, а тамъ за дѣйствіями его должно быть установлено особенно внимательное наблюдение.

Я долженъ оговориться при этомъ, что всѣ эти дебаты кружка были для меня въ то время тайной и я узналъ о нихъ уже впоследствии, но если бы тогда уже спрошено было мое мнѣніе, то я сказалъ бы слѣдующее.

Въ X. кружокъ находилъ живую и большую силу, пылающую честолюбіемъ достигнуть положенія публициста. Эта профессія его жизнь, его сфера, а за полученіе ея онъ весь цѣликомъ отдастъ себя и, ставъ въ ряды людей, беззавѣтно служащихъ принципу самодержавія, сдѣлается всѣмъ, чѣмъ нужно будетъ правительству, и конечно оно не всякій день и не на всякомъ шагу можетъ находить себѣ такихъ агентовъ. Форма протоколовъ, въ которой излагались переговоры его съ Набольшимъ, вещь не существенная, онъ готовъ былъ измѣнять ее по указанію свыше, и потому придавать ей особенно

важное значеніе не слѣдовало. Тутъ главное надо было ковать желѣзо, пока горячо и не давать X. понять, что онъ имѣеть дѣло не съ однимъ лицомъ, обаяніемъ котораго онъ былъ всецѣло поглощенъ, а съ цѣлою группою лицъ, составляющею особое учрежденіе. Какъ только это становилось ему понятнымъ, всякое право на искренность его теряло мѣсто. Вотъ что я сказалъ бы, если бы меня тогда спросили мнѣнія, и быть можетъ мои слова были бы приняты во вниманіе, и свиданіе съ нимъ Набольшаго не замедлилось бы. А между тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мнѣ приходилось выдумывать, что попало, для успокоенія X., нетерпѣливо ожидавшаго этого свиданія.

То говорилъ я, что Набольшій очень занятъ приготовленіями къ коронаціи, то поѣхалъ съ государемъ на охоту, то на нѣсколько дней въ Москву по дѣламъ коннозаводства, и т. п. Между тѣмъ явилось одно новое обстоятельство, крайне усложнившее личное положеніе X. Торговый домъ Палашковскаго и Бунге, желая взять на себя снабженіе Тифлиса водою, предложилъ X., какъ бывшему гласному тифлисской думы, имѣющему и теперь популярность въ этомъ городѣ, мѣсто управляющаго съ 20.000 руб. содержанія, буде эта операція останется за ними на торгахъ. X. вызывали въ Тифлисъ, телеграмма получалась за телеграммой, и онъ поставленъ былъ въ крайнее затрудненіе, что ему дѣлать. Начатое имъ дѣло съ Набольшимъ настолько было грандіозно, что передъ нимъ всѣ другія дѣла, конечно, блѣднѣли, но почему же онъ медлитъ отвѣтомъ, быть можетъ и передумалъ? Между тѣмъ Палашковскій, считая участіе въ своемъ дѣлѣ X. настолько важнымъ, что выдалъ ему на поѣздку въ Тифлисъ 3000 рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ отпускъ X. у управляющаго Либаво-Роменскою дорогою, торопилъ его немедленнымъ выѣздомъ. Каждый день справлялся я объ томъ, когда назначится свиданіе X. съ Набольшимъ, но получалъ одинъ отвѣтъ: «подождите, онъ очень занятъ дѣлами, болѣе важными». Наконецъ въ телеграммѣ своей изъ Тифлиса, Бунге извѣщалъ, что торги въ думѣ назначены въ 20-хъ числахъ сентября. X. просилъ отсрочить ихъ на 10 дней. Просьба его была уважена, дума отсрочила. Но вотъ прошелъ весь сентябрь, Набольшій все не назначалъ дня свиданія, второй срокъ, назначенный думою для торговъ, миновалъ, положеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ, X. терялъ вѣрное и промѣнивалъ на невѣрное.

Все это ежедневно доводилъ я до свѣдѣнія кружка и получалъ лишь одинъ отвѣтъ:

«Удерживайте X., онъ нуженъ, Набольшій на дняхъ съ нимъ увидится».

5-го октября мы были приглашены въ Петергофъ, но и тутъ вышла неудача. Государь потребовалъ къ себѣ Набольшаго за полчаса передъ нашимъ приѣздомъ и мы уѣхали, не дождавшись его.

Нѣсколько дней спустя пригласилъ меня къ себѣ сенаторъ Ш. и объяснилъ мнѣ, что Набольшій находитъ редакцію плана дѣйствій, представленнаго X., неудобною для назначенія ему свиданія съ нимъ (36). Онъ не можетъ входить въ переговоры и трактовать съ X., что неизбѣжно вызывается смысломъ его программы, и поэтому редакция должна быть совершенно измѣнена, въ ней не должно быть никакихъ

пунктовъ, выполненіе которыхъ на себя принималъ бы Набольшій, тутъ все должно быть такъ формулировано, какъ бы все дѣло исходило изъ одной личности X., предлагающаго свои добровольныя услуги. Понявъ въ чемъ суть, я составилъ новую редакцію, она была одобрена сенаторомъ Ш.; на другой день X., прочитавъ ее, ничего не возражалъ, и она въ томъ видѣ, какъ значится ниже, была подана Набольшему (37).

«Глубоко и всесторонне обсудивъ снова все дѣло послѣ свиданія съ Набольшимъ, X. пришелъ къ двумъ выводамъ (38):

1) Вѣруя безгранично въ наивозвышеннѣйшія стремленія нашего государя къ дарованію своему народу всѣхъ возможныхъ благъ, не сомнѣвается въ томъ, что государь милостиво отнесется къ заблудшимъ сынамъ отечества и не преминетъ при первой же возможности даровать имъ разрѣшеніе возвратиться изъ ссылки, эмиграціи и т. п. къ своимъ семьямъ и

2) Вѣруя въ серьезность предпринимаемаго имъ дѣла, X. не считаетъ возможнымъ, ни просить, ни требовать никакихъ общаній, а предлагаетъ свои услуги въ порядкѣ, прежде имъ объясненномъ, т. е. онъ обязуется:

1) Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организациіи. Дѣло борьбы съ крамолоу послѣ того значительно упростится, и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, не стоящихъ въ связи съ организацией.

2) Для свиданія съ главарями народовольческой партіи, онъ приметъ поѣздки за границу и внутри имперіи, при чемъ за границей онъ полагаетъ удобнымъ образоватъ одинъ или два сѣзда, на который вышлются уполномоченные изъ Россіи и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ X.

3) Поѣздки эти онъ сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ невидимое сопровожденіе его господиномъ У., *) (39) который будетъ всегда у него подъ рукою и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ X., имена всѣхъ лицъ также будутъ ему открыты и все это должно сообщаться имъ Набольшему, а отъ послѣдняго требуется содержаніе всего этого въ величайшей тайнѣ, неприкосновенной ни для какого учрежденія политической полиціи.

4) X. признаетъ это необходимымъ для того, чтобы дѣйствія его всѣ были извѣстны Набольшему, а тотъ могъ бы судить объ ихъ правдивости и въ случаѣ руководить ими.

5) Не касаясь въ настоящей запискѣ вовсе вопроса изданія газеты: вопросъ этотъ въ свое время представленъ будетъ на усмотрѣніе правительственной власти».

Послѣ всего этого 15-го октября состоялось свиданіе Набольшаго съ X. уже въ Петербургѣ. При этомъ свиданіи и разговорѣ находился и я. X. повторилъ о своей готовности дѣйствовать согласно изложенному имъ плану и объ увѣренности въ успѣхѣ; Набольшій освѣдо-

*) Т. е. г. Бороздинъ.

Ред.

мился, скоро ли онъ думаетъ выѣхать за границу? X. на это отвѣчалъ, что онъ пробудетъ здѣсь еще недѣли двѣ, такъ какъ ему необходимо повидаться съ нѣкоторыми личностями вліятельными въ народовольческой партіи и, заручившись отъ нихъ полезными данными, уѣдетъ за границу (40). Конечно всѣ сношенія его здѣсь и переговоры будутъ сообщены ему черезъ мое посредничество. Прощаясь съ X. Набольшій ему сказалъ: *«вы не забывайте только одного, что всѣ наши свиданія и переговоры должны оставаться тайной, я съ вами незнакомъ и вамъ ничего не объщаю; до свиданія, желаю вамъ счастливаго пути и успѣха»* (41).

И на этотъ разъ, выходя изъ кабинета, X. мнѣ сказалъ, что онъ глубоко проникнуть увѣренностью въ успѣхъ миссіи.

Затѣмъ начались у насъ частныя свиданія и бесѣды. X., что называется, вполнѣ уже передо мной распахнулся и вотъ что мнѣ выяснилось.

V.

Крамола, какъ болѣзненное эпидемическое явленіе нашей жизни, различно отражается въ различныхъ слояхъ населенія нашего отечества.

Терминъ, усвоенный революціонерами: *«идти въ народъ»* ясно показываетъ, что народъ составляетъ для нихъ область чуждую, проникнуть въ которую—задача нелегкая; крамола скользитъ по ней, но не можетъ пустить въ нее корни. Совсѣмъ не то значеніе имѣетъ она по отношенію къ нашей интеллигенціи, тутъ въ основѣ тенденцій нѣкоторой части ея лежитъ принципъ оппозиціи правительству.

Само собою разумѣется, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ мѣръ пишушій, литературный и по преимуществу сдѣлавшій себѣ ремесломъ изданіе газетъ и журналовъ. Эта отрасль прессы во всѣхъ государствахъ европейскихъ и въ Америкѣ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ у насъ; тамъ каждая газета является органомъ отдѣльной, общественной, самостоятельной партіи, какъ у насъ такихъ партій на самомъ дѣлѣ не существуетъ, то и газеты, и періодическія изданія русскія, представляютъ собою не болѣе, какъ органы субъективные редакцій, которыми руководятъ отдѣльныя литературныя группы. Сама эта пресса наша въ междоусобной своей полемикѣ, мимоходомъ сказать, составляющей самый обильный для нея матеріалъ,—сдѣлала себѣ подраздѣленіе на два лагеря: органовъ консервативныхъ или охранительныхъ, и органовъ прогрессивныхъ или либеральныхъ.

Первый изъ этихъ лагерей немногочисленъ, потому уже, что въ немъ нельзя вести дѣло безъ дѣйствительнаго таланта и знанія. Тутъ необходимо пониманіе историческаго образованія нашего государственнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезное знакомство съ исторіей и законодательствами Европы, и при этихъ только условіяхъ возможно правильное освѣщеніе современныхъ отечественныхъ событій; все это дѣлаетъ число консервативныхъ газетъ весьма ограниченнымъ. А за то большинство наполняетъ собою другой лагерь; газетное дѣло сошло тутъ на степень гешефта, писать такъ, чтобы

нравилось публикѣ, пропагандируя пикантныя ученія политическія и соціальныя (42).

Самъ редакторъ «Обзора»—газеты этого послѣдняго лагеря и притомъ имѣвшей популярность, Х. въ большей части редакцій либеральныхъ, не только имѣетъ связи и знакомства, но и считается однимъ изъ такихъ бойко пишущихъ, которымъ столбцы ихъ всегда открыты.

«*Вѣстникъ Европы*»—органъ русскаго западничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и инородческой интеллигенціи, по преимуществу польской.

«*Голосъ*» (уже покойный)—органъ бюрократическаго міра; и затѣмъ вообще либеральствующіе «*Русскія Вѣдомости*», «*Русскій Курьеръ*» и «*Наблюдатель*»—всѣ эти редакціи, проповѣдующія правовой порядокъ, считаютъ Х. своимъ; но самъ онъ ближе всего стоитъ къ другой группѣ, называемой *народнической*, а именно къ «*Отечественнымъ Запискамъ*», къ «*Дѣлу*» и къ «*Устоямъ*».

Отсюда выдѣлилась подпольная партія «Чернаго Передѣла», а потому черезъ посредство нея не особенно затруднительно ему проникнуть и въ верхи партіи народовольческой; онъ рѣшилъ поэтому попытаться дѣйствовать прежде всего черезъ лицъ, поставленныхъ во главѣ этихъ редакцій—*Шелунова*, (43) *Станюковича*, *Михайловскаю* и *Кривенко*. Знакомый съ ними коротко, пользующійся ихъ безграничнымъ довѣріемъ, онъ счумѣлъ придать подходящую форму своимъ планамъ, посвящая въ нихъ этихъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привлекая ихъ къ содѣйствію.

Не сочувствуя самъ по себѣ способу дѣйствій народовольцевъ, посредствомъ убійства, онъ зналъ, что также думаютъ и лица, привлекаемая имъ: по мнѣнію ихъ ничто такъ не затормозило и не испортило общаго дѣла, какъ пассажъ Софіи Перовской. Вотъ уже скоро 2 года, какъ паника и репрессіи гнетутъ всякое проявленіе мысли и все парализуютъ. Онъ объяснилъ имъ, что вращается въ средѣ крупныхъ капиталистовъ и лицъ высокостоящихъ, знакомыхъ ему еще съ Кавказа. Отсюда вынесъ онъ увѣренность, что правительство не прочь было бы расширить рамки самоуправленію общественному, не стѣснять печатнаго слова, но его сдерживаетъ народовольческая партія, наводящая общую панику; всякій либеральный шагъ его имѣлъ бы видъ уступки террору. Если же это такъ, то почему бы, въ интересахъ русской интеллигенціи, ей самой не воздѣйствовать на эту партію, въ смыслѣ прекращенія ею террора?

Государь, говорятъ, склоненъ въ извѣстной мѣрѣ къ амнистіи, которая раскрыла бы двери многимъ эмигрантамъ, ничего такъ не желающимъ, какъ возвращенія на родину, для того, чтобы отказаться отъ всякой политической агитаціи, а вѣдь это было бы могущественнымъ средствомъ къ возстановленію общаго спокойствія, столь необходимаго для теченія всѣхъ дѣлъ безъ исключенія. Х. искренно желалъ бы войти въ непосредственныя сношенія съ главарями народовольческой партіи и склонить ихъ къ прекращенію террора для начала хотя на извѣстный періодъ времени. Онъ готовъ для этой цѣли ѣхать за границу и устроить тамъ съѣздъ главарей этой

партіи; ему не вѣрится, чтобы они не отозвались на его призывъ, въ виду общихъ интересовъ всей либеральной русской интеллигенціи.

Программа X. была принята сочувственно, Шелгуновъ вызвался (44) быть посредникомъ между нимъ и Вѣрой Николаевной Филипповой (урожденной Фигнеръ), стоящей въ ряду главнѣйшихъ лицъ народо-вольческой партіи. При этомъ X. воспользовался еще близостью Шелгунова къ Кобозеву, чтобы подойти и къ нему, какъ уже знакомому по Тифлису.

Шелгуновъ женатъ на г-жѣ Михаэлисѣ, а ея сестра—жена Богдановича, сосланнаго въ Сибирь, старшаго брата Кобозева. Обѣ онѣ какъ Шелгунова, такъ и Богдановичъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ нигилистки, а братъ ихъ, компрометированный въ дѣлѣ Чернышевскаго, сосланъ былъ въ Сибирь.

Г-жа Богдановичъ (45) не разставалась съ своимъ мужемъ и принимала участіе, какъ въ его пропагандѣ, такъ и въ организациі кузницы, въ которой работала нѣкоторое время и Соловьевъ (46). Обѣ сестры имѣютъ значеніе въ народо-вольческой партіи, черезъ нихъ шли и идутъ денежные сборы (47).

Къ судьбѣ арестованнаго Кобозева (Богдановича) онѣ не могли быть равнодушны. Родной братъ его Алексѣй Николаевичъ Богдановичъ, прѣхавшій съ своей родины (Псковской губ.), часто у нихъ бывалъ, и его познакомили съ X., который сдѣлалъ ему предложеніе быть защитникомъ брата на судѣ (48). Тотъ отнесся признательно къ предложенію X. и вслѣдствіе того просилъ департаментъ полиціи о разрѣшеніи ему свиданія съ братомъ.

Алексѣй Николаевичъ Богдановичъ, молодой человекъ лѣтъ 28-ми, далекаго отъ народо-вольческой партіи и не желаетъ входить съ нею въ какія-либо сношенія, но онъ горячо любитъ своего преступнаго брата и готовъ всячески хлопотать о смягченіи его участи. Онъ имѣлъ уже нѣсколько свиданій съ нимъ въ крѣпости, всегда въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, и убѣдился, что несмотря на строгій надзоръ и заключеніе, Кобозевъ имѣетъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

Между тѣмъ Шелгуновъ, храня тайну мѣстонахожденія Вѣры Николаевны, видѣлся съ нею, а изъ того, что для этого потребовалось 3—4 дня, можно было заключить, что она находится, если не въ самомъ Петербургѣ, то недалеко отъ него. Ей были объяснены намѣренія X. ѣхать за границу для свиданія съ главарями организациі и цѣли этого свиданія. На это она отвѣтила, что «завѣдуя здѣшнимъ отдѣломъ, она съ своей стороны вполне сочувствуетъ намѣреніямъ X., но послѣдняго слова не можетъ сказать до полученія инструкціи изъ за границы. Дня два тому назадъ, она послала туда делегата и на этой же недѣлѣ будетъ отвѣтъ. Ея предложеніе, посланное за границу, состоитъ въ томъ, чтобы приостановить всякій терроръ до 19 февраля 1883 г. Она говоритъ, что если программа X. хотя отчасти осуществится, терроръ не только навсегда прекратится, но и вся народо-вольческая партія станетъ за самодержавіе и будетъ служить ему вѣрно» (49).

Зная, что Михайловскій имѣетъ возможность также видѣться

Вѣрой Николаевной, Х., чтобы провѣрить Шелгунова, просилъ и такъ же повидаться съ нею и разспросить о разговорѣ съ послѣднимъ. Михайловскій видѣлся и оказалось, что сообщеніе Шелгунова было совершенно вѣрно. Сочувствуя вполнѣ стремленіямъ и программѣ ., В. Н. сдѣлала уже распоряженіе о приостановкѣ террора внутри Россіи до 19 февраля 1883 года. Видѣться самой ей съ Х. нельзя; а ней зорко слѣдитъ государственная полиція и священная дружина. Послѣднюю она считаетъ несравненно опаснѣе, такъ какъ она располагаетъ большими средствами и дѣйствуетъ иногда съ большою обдуманностью. Ей извѣстно, что не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ за границей былъ эмиссаръ дружины. Онъ велъ переговоры съ террористами и предлагалъ имъ амнистію, но былъ обнаруженъ и всѣ отъ него оттолкнулись. Все это заставляеть ее, ради интересовъ народовольческаго дѣла, сохранять величайшую тайну своего мѣсто-пребыванія и не видѣться съ людьми близко знакомыми. Она не сомнѣвается въ вѣрности Х., знаетъ, что онъ не правительственный агентъ, но видѣться съ нимъ можетъ только за-границей, куда вѣроятно и поѣдетъ слѣдомъ за нимъ, а съ нею и нѣсколько делегатовъ, интересующихся его предложеніемъ.

Михайловскій придавалъ серьезное значеніе словамъ В. Н. и совѣтовалъ Х. не долго оставаться здѣсь, а спѣшить съ отъѣздомъ, такъ какъ всякая медленность могла бы быть истолкована колебаніемъ. По мнѣнію его для начала совершенно достаточно сношенія съ В. Н., за-границей же онъ увидится съ Иваномъ Григорьевичемъ, а тотъ держитъ теперь въ рукахъ все дѣло.

Иванъ Григорьевичъ—псевдонимъ, подъ которымъ скрывается *Левъ Тихоміровъ*. Личность эта является въ народовольческой партіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и когда Кобозевъ былъ въ Тифлисѣ, то переговоры съ Х. велъ отъ имени Ивана Григорьевича, занимавшаго тогда уже важное положеніе въ организаціи (50).

Тихоміровъ затѣмъ неоднократно упоминается въ бывшихъ политическихъ процессахъ и въ спискахъ лицъ, находящихся подъ наблюденіемъ тайной полиціи, а въ 1882 году онъ былъ редакторомъ «Народной Воли».

Уроженецъ города Ейска, сынъ доктора, онъ получилъ высшее образованіе въ военно-медицинской академіи, гдѣ впрочемъ не окончилъ курса и вышелъ за годъ до выпуска, служилъ потомъ секретаремъ городской думы въ Ростовѣ и обратилъ на себя вниманіе статьями социалистическими и этнографическими объ юго-востокѣ Россіи, помѣщаемыми имъ въ журналъ «Дѣло» подъ псевдонимомъ «Кольцова». Въ 1882 году послѣдняя его тамъ статья была озаглавлена «Съ низовьевъ Дона». Народовольцы, давая большое значеніе литературному таланту Тихомірова и видя, какъ ихъ главнѣйшіе дѣятели попадаютъ въ руки полиціи, сочли за лучшее охранить Ивана Григорьевича удаленіемъ его за-границу. Онъ оставилъ Россію полгода тому назадъ, съ трудомъ избѣгнувъ преслѣдованія, и въ настоящее время, проживая въ Швейцаріи, продолжаетъ сотрудничать въ журналѣ «Дѣло».

Шелгуновъ и Михайловскій объяснили Х., (51) что Иванъ Григорье-

вичь одинъ изъ главнѣйшихъ лицъ партіи и свиданіе съ нимъ долѣе опредѣлить программу дальнѣйшихъ дѣйствій въ миссіи, принятъ на себя X.

Такимъ образомъ изъ первыхъ своихъ сношеній съ Шелгуновымъ и Михайловскимъ, X. убѣдился, что черезъ этихъ лицъ о-положительно проникаетъ въ верхи народовольческой партіи; и этомъ его утвердило сношеніе съ Вѣрой Николаевной. Но въ то же самое время онъ видѣлъ, что очень усиленно хлопотать тотчасъ объ установленіи непосредственныхъ сношеній съ другими здѣшними главарями, будетъ съ его стороны неосторожностью; и Шелгуновъ, Михайловскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и Станюковичъ, и Кривенко дали ему понять, что всякая суетливость и поспѣшность могутъ повредить дѣлу. Въ обществѣ столько теперь агентовъ государственной полиціи и дружины, и ихъ приемы такъ хитро обдуманы, что все это усугубляетъ осторожность и опасливость народовольцевъ. Такъ, на-примѣръ, Кривенко разсказалъ X., что на-дняхъ у него былъ Ярмонкинъ и прежде всего сталъ онъ говорить объ амнистіи, потомъ объ земскомъ соборѣ, увѣрялъ, что эти свѣдѣнія получены имъ отъ гр. Игнатѣева, и что отъ него же онъ слышалъ о склонности государя къ дарованію конституціи. Кривенко знаетъ Ярмонкина съ весьма двусмысленной стороны. Тотъ разсказывалъ, что лѣтомъ ѣздилъ куда то на югъ, тогда какъ ему было извѣстно, что онъ ѣздилъ за-границу. Подобная поѣздка не могла быть предпринята имъ на свой счетъ, онъ дѣлалъ ее конечно на счетъ государственной полиціи или дружины съ цѣлью войти кое съ кѣмъ изъ социалистовъ въ переговоры. Послѣ разныхъ вступленій Ярмонкинъ заговорилъ, наконецъ, о своей газетѣ «Свѣточъ» и сталъ приглашать Кривенко къ сотрудничеству, тотъ отказался на-отрѣзъ, зная, что «Свѣточъ» издается на деньги дружины, а тогда Ярмонкинъ заговорилъ о журналѣ «Устой», редактируемомъ Кривенко, и предложилъ устроить этому журналу субсидію частнаго лица и даже назвалъ какую то г-жу Робендеръ. Кривенко отвѣчалъ, что онъ подумаетъ. Дня черезъ два послѣ того къ нему явился какой то ливрейный лакей, и на словахъ передалъ ему приглашеніе отъ какой то дамы, которая желала видѣться съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Дюссо. Догадываясь, что это все продолженіе комедіи, разыгрываемой съ нимъ Ярмонкинымъ, онъ никуда не пошелъ и тѣмъ дѣло и покончилось. Но изъ этого всего онъ дѣлаетъ выводъ, что общаніемъ амнистіи и дарованія конституціи пользуются тайная полиція и дружина, какъ однимъ изъ маневровъ агентурныхъ, а потому то надо быть крайне осторожнымъ, ведя дѣло серьезное и имѣющее аналогическую основу, какъ, на-примѣръ, миссія, принятая на себя X.

Имѣя все это въ виду и воздерживаясь спѣшить установленіемъ непосредственныхъ сношеній съ главарями здѣшней организаціи, X. нашель весьма полезнымъ для дѣла выпросить разрѣшеніе для свиданія съ Ольгой Любатовичъ, содержащейся въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Съ нею онъ знакомъ съ давнихъ временъ и она къ нему имѣетъ неограниченное довѣріе (52). Если бы можно было выпустить ее на поруки (а она предназначена къ администра-

тивной ссылкой) до окончательнаго разрѣшенія ея дѣла въ министерствѣ юстиціи, и ей было бы объяснено, что она можетъ облегчить участь своего мужа, пропагандируя приостановленіе всякихъ террористическихъ замысловъ, то нѣтъ сомнѣній, что она безусловно во всемъ подчинялась бы руководству X. Отъ нея онъ узналъ бы и другихъ лицъ здѣшной организаціи и вошелъ бы съ ними въ сношенія. Это ходатайство X. было доложено *Набольшему*, тотъ имѣлъ разговоръ по этому предмету съ генераломъ Оржевскимъ, но послѣдній не нашель возможнымъ ни свиданія съ Люботовичъ, ни отдачи ея на поруки (53).

Съ принятой на себя миссіей X. знакомиль и другихъ народовольцевъ, составляющихъ какъ бы кружокъ вокругъ него; тутъ были *Надгинъ* и *Павленковъ*, занимающіеся литературнымъ издательствомъ и переводами; послѣдній находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ по издательству съ Элизе Реклю; сношенія эти установиль Мечниковъ, секретарь Реклю, живущій у него въ Швейцаріи, въ мѣст. Кларанъ, братья Карауловы, содержащіе бібліотеку и читальню на Петербургской сторонѣ и нѣкій *О—въ*—личность, заслуживающая особаго вниманія. Онъ былъ учителемъ одной изъ гимназій Сибири и за нигилистическую пропаганду административнымъ порядкомъ высланъ въ Вологду, но бѣжалъ оттуда и пріѣхавъ въ Тифлисъ съ поддѣльнымъ паспортомъ, на имя *Карпакова*, пристроился въ редакціи газеты «Обзоръ».

Тутъ онъ работалъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ, когда же графъ Лорисъ-Меликовъ сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, *О—въ* по совѣту X. и по его протекціи, явился къ министру, объяснилъ, кто онъ такой дѣйствительно и просиль освобожденія изъ подъ надзора полиціи. Лорисъ-Меликовъ, уваживъ его ходатайство, снялъ съ него административную кару и разрѣшилъ подъ настоящей его фамиліей проживать въ Петербургѣ.

Занимаясь здѣсь литературнымъ трудомъ, по преимуществу переводами съ иностранныхъ языковъ, трудомъ весьма скудно оплачиваемымъ, *О—въ* представляетъ собою типъ травленаго и опаснаго нигилиста, бывшаго учителя гимназій, а этотъ разрядъ ихъ много надѣлалъ вреда, пропагандируя свое ученіе въ провинціальныхъ разсадникахъ педагогій.

Изъ женщинъ этого кружка, кромѣ княжны Гурамовой, мы можемъ назвать *Софію Васильевну Никитину*, дочь священника Волковскаго кладбища, 20 лѣтъ, красавицу. Она служила въ правленіи Либаво-Роменской дороги, оставивъ службу, скрылась куда-то и была арестована на югѣ; содержится теперь въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. *Лидію Хелтупову* (двоюродная сестра X.) слушательница Бестужевскихъ курсовъ, нигилистка; живетъ съ сестрой своей Евфиміей, ни къ чему непричастной. Лидія и Никитина служили дѣятельными сборщицами денегъ на народовольческое дѣло.

Елизавета Николадзе (сестра) (54) слушательница тѣхъ же курсовъ, и тоже нигилистка; въ ссорѣ съ братомъ по случаю отношеній его къ княжнѣ Гурамовой.

Въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» Х. назвалъ мнѣ *Глѣба Успенскаю, Златовратскаю, Елистева, Абрамова и Воронцова*, а въ редакціи журнала «Дѣло» *Русанова, Протопопова, Аншрскаю, Алббова и Анненскаю* (женатаго на сестрѣ Ткачева),—какъ своихъ единомышленниковъ и будущихъ сотрудниковъ «Обзора», если только онъ будетъ ему разрѣшенъ здѣсь, въ Петербургѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ также посвятилъ въ цѣли предстоящей ему поѣздки за границу (55).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ мы рѣшили наконецъ выѣхать и передъ отъѣздомъ Шелгуновъ (56) объяснилъ Х., что адресъ Ивана Григорьевича онъ получитъ въ Женевѣ отъ книготорговца Георга, имѣющаго магазинъ и въ Базелѣ. Шелгуновъ далъ къ Тихомирову письмо, со вложеніемъ гонорара за послѣднюю статью (57). Письмо Х. было дано также *Наумову*—сотрудникомъ журнала «Дѣло» ко Льву Константиновичу *Буху*, женатому на его племянницѣ. Бухъ былъ въ числѣ лицъ, заарестованныхъ при открытіи типографіи «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ. Выпущенный на поруки, онъ бѣжалъ за границу. Станюковичъ далъ Х. письмо къ *Сергѣю Александровичу* (Михайловичу. *Ред.*), *Кравчинскому* (58) (убійца Мезенцева), въ письмѣ этомъ (которое надо было бросить въ почтовый ящикъ въ Берлинѣ) просилъ о высылкѣ его книги, изданной въ Италіи. Принесено было также письмо Антоновскимъ для передачи черезъ Ивана Григорьевича Плеханову. Оно было писано отъ какого то псевдонима *Варьки Козы* и было любовнаго содержанія. Эта же особа просила передать Ивану Григорьевичу нѣсколько рукописей, имѣющихъ значеніе матеріаловъ для будущей исторіи русскаго социализма. Мы условились съ Х. выѣхать изъ Петербурга въ разные дни и по разнымъ направленіямъ: онъ изъ Петербурга на Вержболово, а я черезъ Москву на Вѣну; съѣхаться мы должны были въ Швейцаріи. Онъ прямо направился въ Женеву, а мнѣ нужно было быть въ Лозаннѣ и ожидать тамъ его оповѣщенія. 23-го ноября выѣхалъ Х., а затѣмъ 25-го выѣхалъ и я.

Всѣ изложенныя нами дѣйствія Х. въ Петербургѣ имѣли, главнымъ образомъ, задачею своею по возможности наглядѣть нѣсколькихъ лицъ, близко стоящихъ къ народовольческой организаціи, черезъ которыхъ можно было бы, такъ сказать, оповѣстить ее, что онъ Х., принявъ на себя отъ группы своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ миссію прекращенія террора переговорами съ главарями партіи, ѣдетъ съ этою цѣлью за-границу для свиданія съ Иваномъ Григорьевичемъ. Въ двухъ редакціяхъ—«Отеч. Зап.» и «Дѣла»—нашелъ онъ лицъ, стоящихъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ В. Н. Филипповой (скрывающейся гдѣ то невдалекѣ отъ Петербурга), съ Ив. Гр., Кравчинскимъ, Плехановымъ и др. (находящимися за границей) (59) и ему удалось получить отъ нея обѣщаніе, что въ виду важности его миссіи до 19-го февраля 1883 г. всякій терроръ будетъ приостановленъ. Если это было важно само по себѣ, то для его миссіи обѣщаніе это имѣло двоякое значеніе: съ одной стороны, какъ обезпеченіе ему тыла во время нахождения его за-границей—онъ зналъ, что тутъ ничего не произойдетъ тревожнаго въ это время; а съ другой стороны такое условіе, при которомъ онъ несомнѣнно приобрѣталъ довѣріе лица, дѣйствительно его уполномочившаго на эту миссію. Лицо это при

момъ началъ переговоры X. съ народовольцами убѣждалось, что переговоры эти не безплодны и этимъ лишь можно было снискать эргическую его поддержку въ правительственной средѣ въ смыслѣ я всѣхъ желательномъ не исключительной репрессіи.

VI. (60)

X. прибылъ въ Женеву 26 нояб.—8 декабря. Въ тотъ же день былъ въ книжномъ магазинѣ Георга и, назвавъ себя, получилъ хозяина письмо Ивана Григорьевича, назначавшаго ему свиданіе, одномъ изъ домиковъ по дорогѣ отъ Женевы въ деревнѣ Сагоуге. Въ тотъ же день сошелся онъ съ нимъ въ назначенномъ мѣстѣ.

«Сюда прѣзжалъ делегатъ изъ Россіи, началъ Иванъ Григорьевичъ, и сообщилъ мнѣ о цѣли вашей поѣздки за границу; я васъ ждалъ и назначилъ вамъ свиданіе здѣсь, такъ какъ очень прошу васъ въ Женевѣ со мною не видаться и вообще избѣгать встрѣчи съ кѣмъ либо изъ нашихъ соотечественниковъ. Тутъ до того развито шпионство, что надо быть крайне осторожнымъ».

Послѣ этой встрѣчи X. снова сошелся съ Иваномъ Григорьевичемъ 27 ноября—9 декабря по дорогѣ въ лѣсъ и наконецъ третье свиданіе ихъ состоялось 28 ноября—10 декабря, опять за городомъ на берегу Роны.

При этихъ свиданіяхъ X. изложилъ Ивану Григорьевичу свой планъ (извѣстный намъ) прекращенія навсегда террористическихъ дѣйствій народовольческой партіи; Иванъ Григорьевичъ много возражалъ и, главнымъ образомъ, интересовался: на чемъ основываетъ X. свои надежды на то, что правительство, съ своей стороны, тоже склонно принять эту программу и, отказавшись отъ репрессіи, идти инымъ путемъ? Исполнительный Комитетъ недовѣрчиво относится ко всѣмъ подобнымъ предложеніямъ, такъ какъ онѣ практиковались уже отъ имени графовъ Воронцова, Игнатъева и Шувалова и еще въ болѣе либеральныхъ формахъ, чѣмъ предлагаетъ X.; такъ, напримѣръ, давалось понять, что государь ничуть не противъ конституціи и что названные государственные люди стремятся къ ней. Всѣ эти подходы дѣлались съ цѣлью войти въ сношеніе съ организаціей, узнать ея составъ; словомъ то былъ одинъ изъ маневровъ государственной полиціи, или Св. Др., который не удался, и всѣ аккомодации предлагавшіяся остались отвергнутыми, —переговорамъ не дано было хода.

На это X. объяснилъ, что онъ не знакомъ вовсе ни съ однимъ изъ поименованныхъ государственныхъ людей, ему неизвѣстны дѣйствія тайной полиціи и тѣмъ менѣе могутъ быть они извѣстны ему, что онъ съ этимъ учрежденіемъ былъ всегда въ оппозиціи, да и теперь врядъ ли не находится подъ ея надзоромъ. Чернышевскій и Герценъ были его учителями; дѣятельность его, какъ публициста, не безъизвѣстна, и его честные русскіе люди изъ интеллигентной среды не сторонятся; онъ всегда былъ послѣдователемъ социалистической доктрины, и если не шель рука объ руку съ социально-революціонною партією, то только потому, что не раздѣлялъ никогда приемовъ терро-

ристической фракціи и способовъ ея дѣйствій. Это хорошо извѣстно и самому Ивану Григорьевичу, присылавшему къ нему делегатомъ въ Тифлисъ Кобозева. Настоящее положеніе нашего отечества тяготитъ всѣхъ, всѣмъ связываетъ руки, изъ него необходимо выйти во что бы то ни стало. Такъ думаютъ многія лица, съ которыми онъ близокъ, лица съ солиднымъ положеніемъ, располагающія значительными матеріальными средствами. Изъ нихъ можетъ онъ назвать банкира Зака, инженеровъ Палашковскаго и Романовскаго; со многими изъ окружающихъ великаго князя Михаила Николаевича онъ хорошо знакомъ по Кавказу и сохранилъ эти отношенія; графъ Лорисъ-Меликовъ считаетъ его своимъ другомъ, графъ Н. П. Граббе тоже хорошо знакомъ съ нимъ. Всѣ эти лица имѣютъ возможность знать, что дѣлается и думается наверху, и отъ нихъ онъ вынесъ убѣжденіе, что государь вовсе не поборникъ исключительной репрессіи, а въ виду спасенія массы еще не совсѣмъ погибшихъ личностей, склоненъ къ мѣрамъ милосердія и кротости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не противъ прогрессивнаго движенія интеллигенціи, направленнаго къ разработкѣ вопросовъ нашего русскаго социализма. Все это вызвало его, Х., на эту попытку, которая была имъ изложена Ивану Гр. Пусть террористы прекратятъ свои дѣйствія, откажутся отъ нихъ и они тотчасъ же увидятъ, что развязываютъ руки правительству выступить на путь прогрессивный. При связяхъ своихъ, онъ имѣетъ основаніе надѣяться на разрѣшеніе ему изданія газеты «Обзоръ» въ Петербургѣ, въ размѣрахъ большой газеты, на это готовы уже у него средства поименованныхъ имъ капиталистовъ, а вокругъ этого органа онъ разсчитываетъ сгруппировать лучшія литературныя силы, передовыя силы русской интеллигенціи. Путемъ мирнаго, но широко поставленнаго прогресса, можно больше сдѣлать, чѣмъ динамитомъ, кинжаломъ и револьверомъ».

Вслушавъ все это Ив. Гр. сказалъ, что не можетъ покуда дать никакого отвѣта, прежде чѣмъ не снесется съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Онъ тотчасъ же снесется съ Россією, а его, Х., просить ни минуты не оставаться въ Женевѣ, и ѣхать въ Парижъ, куда онъ и самъ пріѣдетъ по полученіи отзыва изъ Комитета, и остановится у Льва Константиновича Буха, который живетъ въ Mont Rouge, 107, Avenue d'Orléans.

При свиданіи съ Ив. Гр., Х. передалъ ему корреспонденцію изъ Петербурга, а письмо къ Кравчинскому было имъ брошено въ почтовый ящикъ въ Берлинѣ; 29 ноября—11 декабря выѣхалъ онъ изъ Женевы и оставилъ въ гостинницѣ Швейцергофъ приказаніе немедленно пересылать ему въ Парижъ письма и телеграммы. 30 ноября—12 декабря былъ уже въ Парижѣ и остановился въ 8, rue Daunon, Hotel d'Orient.

Между тѣмъ я пріѣхалъ въ Лозанну 3—15 дек. и тотчасъ же послалъ письмо въ Женеву; отвѣтъ получилъ 7—19 декабря съ адресомъ Х. изъ Парижа, 8—20 дек. выѣхалъ изъ Лозанны и пріѣхалъ въ Парижъ 9—21 дек. въ тотъ же день имѣлъ свиданіе съ Х., сообщившимъ мнѣ все вышеизложенное о свиданіи его съ Ив. Гр. Наканунѣ моего пріѣзда (8—20 д.) пріѣхалъ сюда и тотъ съ отзывомъ Исполнительнаго Комитета.

Остановился, какъ было сказано, у Буха. По словамъ Х., И. К. Бухъ, человекъ лѣтъ 30, женатый на племянницѣ Наумова, довольно хорошенькой и молодой женщиной, живетъ въ Парижѣ уже два года и специально занятъ изученіемъ экономическихъ и финансовыхъ наукъ, сотрудникъ «Отеч. Зап.»; пользуется большимъ уваженіемъ редакціи. У него Х. встрѣтилъ личность покуда ему неизвѣстную по имени и фамилии, но какъ онъ имѣетъ основаніе предполагать, присланную изъ Россіи партією народовольцевъ. Онъ, конечно, узнаетъ, кто это и съ какою цѣлью присланъ, но всякое выясненіе не въ обычаяхъ народовольцевъ. При первой бесѣдѣ съ Ив. Гр. въ Парижѣ, тотъ высказалъ Х. слѣдующее.

«Лично я (какъ и Исполнительный Комитетъ) признаю, что въ вашей программѣ вѣрная идея. Мы готовы честно выполнить обязательство ступешаться и помочь во всемъ, что касается легальнаго государственнаго социализма. Но высказавъ это по отношенію къ главному предмету нашихъ переговоровъ, я долженъ къ сожалѣнію передать вамъ и одну детальную сторону, одно желаніе или условіе Исполнительнаго Комитета, желаніе мною лично называемое неправильнымъ или неудобноисполнимымъ. Очевидно Исполнительный Комитетъ не совсемъ вѣрно понялъ мои слова о томъ, что за вами (т. е. Х.) стоятъ капиталисты; онъ увлекся этою стороною и теперь говоритъ слѣдующее.

«Если Х. дѣйствительно уполномоченъ капиталистами на свою миссію, то пусть они дадутъ намъ матеріальную гарантію въ томъ, что всѣ обѣщанія Х. не останутся однѣми пустыми фразами. Пусть они внесутъ заруки *милліонъ* рублей, который долженъ, въ случаѣ неудачи его попытки, поступить въ социалистическій фондъ. Прекращая свою дѣятельность, упраздняя свою организацію, народовольческая партія сразу лишаетъ себя всѣхъ источниковъ для своего матеріальнаго существованія. Источниками этими служатъ покуда: 1) пожертвованія значительныхъ суммъ отдѣльными лицами, 2) средства, добываемыя ловкими и практическими личностями партіи, не останавливающимися ни передъ чѣмъ, считающими и всякаго рода гешефты, воровство, грабежъ дозволенными средствами для достиженія своихъ цѣлей, т. е. добыванія денегъ на дѣло революціонное и 3) сборы, получаемые повсемѣстно въ Россіи среди учащейся молодежи, прекратить которые будетъ всегда безсильна власть» (61).

«Представьте себѣ, что вдругъ все это пріостановится бесплодно, потому что либеральное теченіе правительства, какъ это неоднократно уже и бывало, приметъ противоположное направленіе, всплыветъ опять привычная репрессія; что прикажете тогда дѣлать? Куда дѣваться тогда тысячамъ людей, отдавшихъ всецѣло революціонному служенію и находившихъ въ этихъ источникахъ революціонную поддержку. Конечно поддержка эта никогда не была особенно значительна, а въ настоящій моментъ (между нами сказать) средства партіи очень скудны, но все-таки то была поддержка. Поэтому, если вы хотите вывести насъ изъ темнаго лѣса, въ которомъ мы заблудились, то дайте намъ матеріальную гарантію; если вы увѣрены въ успѣхѣ своей миссіи, если свѣдѣнія ваши о склонности царя къ милосердію вѣрны, то вы ничѣмъ не рискуете, вашъ миллионъ останется неприкосновеннымъ».

Х. на это отвѣчалъ, что поставивъ вопросъ на эту почву, Ив. Гр. дѣлаетъ невозможнымъ всякій серьезный разговоръ; подобныя аккомодациі могутъ имѣть мѣсто между народовольцами и правительствомъ или его агентами, какъ вообще аккомодациі двухъ враждебныхъ лагерей, выговаривающіяся до окончательнаго заключенія мира и обезпеченныя извѣстными матеріальными гарантіями. Онъ же, Х. вовсе не представитель или делегатъ вражескаго лагеря, онъ приходитъ изъ лагеря во многомъ союзнаго, приходитъ сказать, что пора подумать о прекращеніи борьбы, неприносящей никакихъ иныхъ результатовъ, какъ общаго смущенія, тормозящаго правильное развитіе общественной жизни, тѣсно связанной съ жизнью народа.

Иванъ Григорьевичъ, вполне соглашаясь лично за себя, съ этими доводами, обѣщалъ выяснитъ Исполнительному Комитету необходимость отбросить это невозможное условіе и затѣмъ, считая пунктъ этотъ поконченнымъ, съ своей стороны онъ нашелъ возможнымъ продолжать дальнѣйшіе переговоры.

Переговоры велись нѣсколько дней и въ нихъ принимали участіе (62) кромѣ Ив. Гр. и Х.,—Лавровъ, (проживающій въ Парижѣ 328, rue st. Jacques), Л. К. Бухъ и Петръ Андреевичъ, делегатъ Центрального Комитета. Послѣдній не подавалъ никакого мнѣнія и былъ лишь слушателемъ. На этихъ совѣщаніяхъ былъ бы и князь Кропоткинъ, если бы его не задержала болѣзнь брата жены, Ананьева, и онъ не былъ бы затѣмъ арестованъ въ Ліонѣ. Онъ направился въ Парижъ и былъ оповѣщенъ о пріѣздѣ сюда Ив. Гр. и Х. Кравчинскій, тоже приглашенный, отвѣчалъ, что выѣхать во Францію онъ не можетъ, такъ какъ полиція тамошняя его задержитъ, и потому онъ будетъ ожидать Х. въ Вервѣ, въ Бельгіи. Былъ бы, конечно, и Ткачевъ; но за двѣ недѣли до того помѣшавшійся, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ maison de santé Парижа. Результатомъ переговоровъ былъ слѣдующій меморандумъ, сообщенный мнѣ Х.

Меморандумъ о переговорахъ Х. съ уполномоченнымъ на это Исполнительнымъ Комитетомъ Ив. Гр.

Х. отъ имени группы своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ предлагаетъ Исполнительному Комитету испробовать путь мирнаго осуществленія необходимыхъ для Россіи соціальныхъ реформъ, утверждая, что при дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства это совершенно возможно и задерживается только террористическою дѣятельностью революціонеровъ, вынуждающихъ правительство къ суровымъ мѣрамъ. Въ удостовѣреніе такой оцѣнки настроенія правительства Х. заявляетъ, что его политическіе друзья и единомышленники, подъ условіемъ отсутствія террористическихъ фактовъ, имъ мѣшающихъ, надѣются достигнуть при предстоящей коронаціи государя слѣдующихъ мѣропріятій со стороны правительства.

1) Полной и всеобщей, безъ всякихъ исключеній, амнистіи всѣмъ государственнымъ преступникамъ прошлаго и настоящаго царствованія, 2) свободы печати, общества и собраній, 3) расширенія земскаго самоуправленія.

Исходя из такой оценки настроений правительства, Х. полагаетъ, что для блага Россіи Исполнительный Комитетъ и вся народо-вольческая партія должна измѣнить свою программу въ томъ смыслѣ, чтобы отказаться отъ стремленія къ ограниченію самодержавія и, напротивъ, присоединить свои усилія къ усиліямъ самодержавной власти, взявшей за проведеніе необходимыхъ для народа реформъ.

Въ отвѣтъ на такое предложеніе Х., уполномоченный для переговоровъ отъ Исполнительнаго Комитета, на основаніи инструкціи этого послѣдняго, заявляетъ:

1. Не видя возможности судить о дѣйствительной политической силѣ друзей г. Х., Исполнительный Комитетъ полагаетъ прежде всего необходимымъ, чтобы они доказали чѣмъ-нибудь эту силу. Для такой цѣли Исполнительный Комитетъ предлагаетъ г. Х., въ видѣ отдѣльнаго опыта, добиться до февраля 1883 года помилованія Н. Г. Чернышевскаго и назначенія строгаго и безпристрастнаго разслѣдованія высшимъ правительствомъ причинъ Карскихъ волненій съ отмѣною безчеловѣчныхъ притѣсненій, введенныхъ тамъ циркуляромъ гр. Лорисъ-Меликова, не только не вытекающимъ изъ закона, но прямо противоположнымъ и *) внести одинъ милліонъ рублей въ руки какого нибудь благонадежнаго лица за-границей (по обоюдному выбору) съ тѣмъ, чтобы эти деньги были немедленно возвращены г. Х., по осуществленіи мѣропріятій, имъ указанныхъ (свобода печати, полная амністія, свобода обществъ и собраній, расширеніе земскаго самоуправления); въ противномъ случаѣ деньги поступаютъ въ окончательное распоряженіе Исп. Ком. Для того же, чтобы доставить возможность г. Х. и его друзьямъ удачно выполнить этотъ опытъ, Исп. Ком. обязывается до 20 февраля 1883 г. не производить никакихъ насильственныхъ покушеній на особу государя **).

2. Убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Х. и его друзей, Исполнительный Комитетъ обязется не производить впредь до коронаціи и во время коронаціи никакихъ покушеній на особу государя; что же касается до разныхъ агенто-въ власти, то Исполнительный Комитетъ не можетъ дать по отношенію къ нимъ никакого обязательства, такъ какъ не желаетъ отказаться отъ само-защиты ***).

*) По предложенію г. Х., уполномоченный Исп. Ком. согласился замѣнить здѣсь слово „и“ словомъ „или“, съ тѣмъ, однако, что такое измѣненіе должно подвергнуться обсужденію Исп. Ком., который о своемъ окончательномъ рѣшеніи увѣдомитъ г. Х.

**) Это обязательство Исп. Ком., по предложенію г. Х. измѣняется въ томъ же смыслѣ, какъ оно измѣняется въ слѣдующемъ § 2, конечно если измѣненіе § 2 будетъ принято Исп. Ком.

***) По соглашенію Х. съ уполномоч. Исп. Ком. этотъ § долженъ быть редактированъ такъ: „убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Х. и его друзей, Исп. Ком. обязется не производить впредь до коронаціи и во время ея никакихъ вооруженныхъ *нападеній* на правительство, т. е. на особу государя и государственныхъ дѣятелей, какъ-то министровъ, ген.-губернаторовъ и т. д. Но Исп. Ком. не отказывается отъ *самозащиты*, хотя бы и въ формѣ террористическихъ фактовъ противъ агенто-въ власти, подвергающихъ своею инвизитионною дѣятельностью опасности ту или другую группу организаціи (какъ-то было въ случаѣ съ ген. Стрѣльниковымъ). Это измѣненіе вступаетъ въ силу только по утверженіи его Исп. Ком., о чемъ г. Х. получить увѣдомленіе.

3. Само собою разумѣется, что въ теченіе этого временнаго воздержанія Исп. Ком. отъ вооруженнаго нападенія на правительство, Исполнительный Комитетъ и партія «Народной Воли» не отказываются ни отъ своей пропагандистской, ни отъ организаціонной дѣятельности.

4. Что касается измѣненія программы «Народной Воли», о которомъ говоритъ г. Х., то оно немыслимо въ настоящій моментъ, такъ какъ отношеніе партіи къ правительству обуславливается прежде всего отношеніемъ правительства къ Россіи. Въ этомъ отношеніи Исполнительный Комитетъ можетъ теперь высказать г. Х. и его друзьямъ свое credo, а именно: При *искреннемъ* соблюденіи правительствомъ свободы слова, печати, обществъ и собраній, т. е. при возможности свободнаго развитія народа, собственно *террористическія* дѣйствія противъ государственныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе противъ особы государя, теряютъ всякій смыслъ и дѣлаются въ глазахъ Исполн. Ком. вполнѣ абсурдными. Но Исполн. Комит. и народовольческая партія считаютъ необходимымъ совершеніе социальныхъ реформъ, осуществленіе которыхъ требуетъ не только свободы слова и т. д. но и энергическаго содѣйствія власти. Поэтому Исп. Ком. и народовольческая партія не могутъ отказаться отъ стремленія совершить *въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ* государственный переворотъ, если правительство станетъ подавлять развитіе народной жизни.

По мнѣнію партіи, Россія нуждается въ правительствѣ, активно содѣйствующемъ совершенію социальныхъ реформъ. Поэтому отреченіе партіи отъ борьбы съ самодержавіемъ возможно единственно въ томъ случаѣ, если самодержавіе оказывается способнымъ къ этой великой исторической роли. Признавая для осуществленія социальной реформы необходимость революціонной диктатуры, народовольческая партія логически не можетъ не подчиниться самодержавному царю, *высказавшему рѣшимость и способность самодержавнымъ путемъ осуществить рядъ необходимыхъ социальныхъ реформъ*» (63).

На другой день послѣ составленія этого меморандума Ив. Гр. обратно выѣхалъ въ Женеву, сдѣлавъ предварительно слѣдующія распоряженія. Онъ далъ Х. два адреса въ Парижѣ: 1) Distellerie Lyonnaise, 9, rue des Lyonnais, M-r Carrière; 2) 70, Boulevard St. Michel, docteur Letourneau. По этимъ двумъ адресамъ должны доставляться корреспонденціи Х. для Ив. Гр. Затѣмъ онъ далъ Х. слѣдующее открытое письмо:

«Любезный другъ, рекомендую подателя сего 3, 8, 15, 17, 3, 4, 2, 8, 16, 29, 26, 3, 7, 17, 14, 3, 2, 6, 13, 10, 28, 15, 30, 16, 4, 5, 2, 24, 17, 9, 14, 30, 2, 15, 15, 5, 6, 3, 25, 4, 2. Онъ тебѣ объяснить. Я съ своей стороны прошу тебя выйти изъ уединенія. Дѣло стоитъ того. Что касается самого его (подателя), то отчасти самъ можешь знать его репутацію. Я ему очень и очень довѣряю въ этомъ случаѣ, т. е. не говоря уже о личности (объ этомъ не стоило бы и говорить),

но главное—его способности и энергии, съ которыми онъ, конечно, сумѣетъ дать реальную постановку и содержаніе этому дѣлу, которое тебѣ можетъ сперва показаться фантазіей. Повторяю, что при такомъ случаѣ тебѣ съ твоими дѣльными способностями будетъ стыдно не помочь.

Твой Лавровъ.

Письмо это должно было быть показаннымъ *въ Петербургъ* Софьѣ Ермолаевнѣ Усовой (слушательницѣ медицинскихъ курсовъ), живущей на углу Забалканскаго проспекта и Обводнаго канала, д. № 139/1, кв. 3. Послѣ того, какъ оно будетъ ей показано, дня черезъ 3 придетъ къ Х. личность и подастъ ему записку, въ которой будутъ всего четыре слова, а изъ начальныхъ буквъ ихъ должно составиться слово *арва*. Податель этой записки *большое* лицо въ петербургской организации; съ нимъ Х. можетъ говорить съ полнымъ довѣріемъ и тотъ посвятить его въ составъ организации. Въ *Москвѣ*, онъ долженъ итти съ этимъ письмомъ къ бывшему профессору *Гольцеву*, онъ, по словамъ Ив. Гр., тамъ главный и тоже войдетъ съ нимъ въ ближайшія отношенія и раскроетъ ему организацію (64).

Такимъ образомъ Х. получилъ, такъ сказать, ключъ къ дверямъ Исполнительнаго Комитета, и ему не оставалось ничего болѣе дѣлать въ Парижѣ, а какъ въ то же время телеграммы изъ Петербурга извѣщали его о тяжелой болѣзни княжны Гурамовой, онъ и поспѣшилъ выѣхать. Нѣсколько дней спустя выѣхалъ и я и 31 декабря былъ уже въ Петербургѣ. Тутъ встрѣтило меня обстоятельство совершенно неожиданное: кружокъ нашъ въ моемъ отсутствіи прекратилъ свое существованіе...

Я былъ у Набольшаго, далъ ему подробный отчетъ обо всемъ происшедшемъ за границей, о важномъ въ высшей степени результатѣ переговоровъ Х. и просилъ его наставленія о томъ, что мнѣ дѣлать. На это получилъ отвѣтъ, что онъ увѣдомитъ меня о томъ, продолжить ли мнѣ это дѣло или прекратить его.

Х. я не объяснилъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, такъ какъ это значило объявить ему о принадлежности моей къ извѣстному кружку, которую онъ безусловно игнорировалъ; онъ самъ былъ у Набольшаго, шла опять бесѣда, а какъ изъ нея онъ не вынесъ того заключенія, которое въ правѣ былъ ожидать, то все это привело его въ крайнее недоумѣніе. О разрѣшеніи газеты не было ни малѣйшаго намека. Онъ понялъ, что что-то совершилось особенное на верхахъ, да и самые факты стали говорить о рѣзкой перемѣнѣ тамъ направленія. Сталъ объяснять онъ это немилостью къ Набольшему, и я его въ этомъ не разувѣрялъ. До всѣхъ личностей, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ, по принятой имъ на себя миссіи (65) вскорѣ коснулась рука. Вѣра Николаевна Филиппова (Фигнеръ) была арестована съ цѣлою группою лицъ; Шелгуновъ и Михайловскій высланы въ Выборгъ; «Отечественнымъ Запискамъ» сдѣлано второе предостереженіе съ поименованіемъ автора статьи о Гамбетѣ и Луи Бланѣ самого Х.; Салтыкову предложено было выѣхать въ Вятку за «Пискаря», но его оставили лишь по причинѣ болѣзни. Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ разрѣшеніе изданія «Обзора»

сдѣлалось немислимымъ, а какъ разъ въ это время Х. лишился мѣста секретаря правленія съ окладомъ въ 700 руб. въ мѣсяцъ, кредиторы осадили его, и для спасенія имущества его отъ продажи съ аукціона, мнѣ, чловѣку бѣдному, пришлось дѣлать ему ссуды изъ своихъ крайне скудныхъ средствъ (66). Я вѣдь не могъ же забыть, что былъ орудіемъ лишенія его въ сентябрѣ мѣсяцѣ выгоднаго мѣста у Палашковскаго и Бунге въ Тифлисѣ. Онъ отказался отъ этого мѣста вслѣдствіе моихъ увѣреній и настояній.

Кому подробно извѣстны обстоятельства, вызвавшія такое внезапное закрытіе кружка, тотъ со временемъ конечно разскажетъ ихъ; мы же скажемъ нѣсколько заключительныхъ словъ по поводу крамолы, изученіемъ которой намъ привелось заниматься въ теченіи болѣе чѣмъ полтора года.

Въ началѣ этой записки я сказалъ, что меня крайне интересовало знакомство съ верхами народовольческой партіи послѣ того, какъ я уже познакомился отчасти съ нижними ея слоями. Выбравъ себѣ проводника, смѣю сказать, одного изъ даровитѣйшихъ, энергичныхъ и страстныхъ представителей нашей прогрессивной среды, я успѣлъ возбудить въ немъ живой интересъ и при помощи его наглядѣлъ рядъ личностей, руководящихъ народовольческою партіею. Тутъ, въ этомъ высшемъ слобѣ партіи, по мнѣнію моему нѣтъ той искренности и непосредственности вѣры въ правоту своего дѣла, которая встрѣчаются внизу, ихъ замѣняютъ здѣсь доктринерство, дошедшее логически до оправдыванія такого страшнаго пріема дѣйствій, какъ терроръ; и не менѣе того, какъ внизу, такъ и наверху ясно проглядываетъ у всѣхъ нашихъ нигилистовъ желаніе вернуться назадъ, прекратить борьбу, вносящую смущеніе во всѣ дѣла внутреннія нашего отечества, готовность при первомъ серьезномъ и честномъ призывѣ ихъ верховною властью бросить крамолу и стать въ ряды вѣрноподанныхъ самодержавнаго царя. Настроеніе это въ душѣ нигилистовъ несомнѣнно и слово помилованія, изреченное всемилостивѣйшимъ государемъ, будетъ имѣть могущественное значеніе для успокоенія нашего отечества. Тутъ одни пріемы полицейской практики недостаточны.

4-го апрѣля 1883 года.

К. А. Бороздинъ.

Примѣчанія Н. Я. Николадзе.

- 1) Лорисъ-Меликовъ ничево другого и не домогался, какъ отколоть либеральное общество отъ революціонеровъ. Значить онъ достигъ своей цѣли.
- 2) И истерическій припадокъ, и наказаніе—все это неправда.
- 3) Случай сблизилъ меня не съ самимъ Чернышевскимъ, а съ его семьей, въ Царскомъ (это было въ 1862 году) я прожилъ дѣто не съ ними, а около нихъ.
- 4) Арестованъ я былъ, какъ заурядный студентъ, не отстававшій отъ другихъ, а въ своемъ кружкѣ передъ началомъ демонстрацій я принадлежалъ къ тому меньшинству, которое доказывало, что не слѣдуетъ участвовать въ демонстраціи, а сперва надо учиться, а потомъ дѣйствовать.

5) Никакимъ особымъ покровительствомъ я не пользовался, кн. Суворовъ вообще ко всемъ относился снисходительно. Суворовъ разрѣшилъ мнѣ остаться въ Сиб., а вольнослушателемъ я никогда не былъ.

6) Это тоже невѣрно. Чернышевскій не при чемъ въ моемъ знакомствѣ съ Герценомъ.

7) Это тоже невѣрно. Мое направленіе было сформировано раньше моего выѣзда изъ Россіи. Оно опредѣлилось подъ вліяніемъ событій 1862—1863 гг. и главнымъ образомъ польскаго возстанія, и было въ основныхъ чертахъ совершенно противоположно ученьямъ Герцена, о чемъ въ „Колоколѣ“ сдѣланы формальныя заявленія именно въ моихъ статьяхъ.

8) Напротивъ, я никогда не хотѣлъ выйти изъ того социальнаго положенія, въ которомъ родился, хотя сотни разъ имѣлъ возможность получать дворянство чинами или орденами.

9) Напротивъ, уже въ этихъ статьяхъ я прямо возставалъ противъ всякихъ сепаратистскихъ тенденцій, видя въ нихъ гибель Грузіи.

10) Фази, какъ вождь радикальной партіи, былъ только номинальнымъ редакторомъ газеты; редакторомъ же ея состоялъ Феликсъ Дюкасъ.

11) Въ дѣйствительности я былъ изгнанъ изъ газеты за социалистическія тенденціи и за то, что „обругалъ“ въ ней Паскаля Дюпра, друга Фази.

12) Это дѣло досталось мнѣ въ наследство отъ отца, принявшаго по отношенію къ владѣльцамъ копей обязательства, отъ которыхъ я отказаться уже никакъ не могъ.

13) „Туземный городской классъ“ выбралъ меня въ гласные не за эти рѣчи, а за статьи о городскихъ дѣлахъ.

14) По предписанію выше.

15) Невѣрно. Никакой готовой почвы не было, и пропаганда моя была не нигилистическая, а земская: призывъ къ самоуправленію. Это доказывается первою моею брошюрой на грузинскомъ языкѣ, изданной въ 1871 году: „Земство и его значеніе“.

16) Невѣрно. Покойный В. І. Гогоберидзе былъ вовсе не сепаратистъ а чистокровный „академистъ“, ревнитель просвѣщенія, вѣрнѣе, народнаго образованія, на чиновничьей подкладкѣ. Кружокъ молодежи былъ недоволенъ не *русскими* порядками, а безправіемъ и застоємъ.

17) Цензура была ужасающая. Въ газетѣ не было ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ Бороздинъ. Говорилось о русскомъ земствѣ, о русской литературѣ, о заграничномъ самоуправленіи, о наукѣ и т. п.

18) Они домогались моей высылки не за литературную дѣятельность, а чтобы помочь Н. А. Новосельскому избавиться отъ конкуррента по Ткобульскимъ каменноугольнымъ копьямъ.

19) Ничего подобнаго.

20) Съ эмиграціей я тогда ни въ какихъ, ни въ тайныхъ, ни въ явныхъ сношеніяхъ не былъ.

21) Этого я никогда Бороздину не говорилъ.

22) Совершенный вздоръ! Рѣчь, разобранная Катковымъ, произнесена мною лѣтомъ 1879 года, а въ гласные тифлисской Думы я избранъ былъ въ концѣ 1878 года. Высланъ же былъ лѣтомъ 1881 года.

23) Гласные никакого содержанія не получаютъ. Армяне же въ 1879 и 1880 гг. вели противъ меня ожесточенную борьбу, данныя о которой можно

найти въ нихъ тогдашнемъ органѣ: „Тифлисскій Вѣстникъ“. Армяны, впрочемъ поддерживали и грузины въ своихъ органахъ.

24) Чтобы выгородить „начальство“ отъ незаслуженнаго обвиненія долженъ заявить, что кавказское начальство съ самаго появленія моего въ мѣстной аренѣ настойчиво (иногда даже съ угрозами) предлагало мнѣ завидныя мѣста и положеніе. Въ числѣ другихъ могу указать на предложеніе губернатора К. И. Орловскаго въ 1870 году, кн. Д. И. Святополкъ-Мирскаго въ 1879 г. (вести финансовую часть крестьянскихъ выкуповъ), начальника штаба кавказской арміи г.-л. Павлова (предлагавшаго мнѣ сразу чинъ полковника и мѣсто въ штабѣ, не то—исторіографа, не то—редактора всѣхъ бумагъ) и, наконецъ, и. д. намѣстника кавказскаго кн. Л. И. Меликова въ 1882 г. (мѣсто члена совѣта намѣстника). Не отъ начальства зависѣло исполнять меня.

25) Бороздинъ говорилъ мнѣ все время не о Катковѣ, а о Георгіевскомъ.

26) Не я ему разсказалъ, а онъ мнѣ сказалъ про письмо Кобозева. Ничего подобнаго я ни сказать, ни сдѣлать, конечно, не могъ. Иначе Бороздинъ меня спросилъ бы: „а почему не выдали вы правительству Кобозева въ Тифлисѣ?“

27) Этого я не говорилъ. Но Бороздинъ, знавшій мои связи, могъ думать, что эти господа мнѣ дадутъ или достанутъ деньги. Имъ я объ изданіи говорить не могъ, ибо не вѣрилъ, что получу право изданія.

28) Весь этотъ разсказъ—жестоко подтасованъ. Въ моей статьѣ объ освобожденіи Чернышевскаго этотъ эпизодъ разсказанъ болѣе точно. Въ промежуткѣ этихъ разговоровъ былъ мой разговоръ съ Б. и его насильственное врываніе въ мой кабинетъ.

29) За все то время, пока Лорисъ Меликовъ былъ во власти, т. е. въ 1880 году, я былъ далеко отъ него: сначала въ Тифлисѣ, а потомъ въ ссылкѣ. Свидѣлся я съ нимъ уже послѣ его паденія. Слѣдовательно никакой откровенности онъ мнѣ выказать не могъ. Когда Лорисъ-Меликовъ назначилъ начальникомъ Верховной Комиссіи, я напечаталъ въ „Обзорѣ“, что онъ „вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей 13 февраля“. Никто кромѣ насъ обоихъ не понималъ этого намека. Графъ, суевѣрно боявшійся 13 числа, не прощаль мнѣ этой выходки.—„Вы мнѣ накаркали первое марта“—не разъ говорилъ онъ мнѣ.

До 1882 года никакихъ разговоровъ у меня съ Лорисъ-Меликовымъ о крамолѣ не было, и не могло быть въ 1877 году.

30) А я говорилъ Б., что даже и люди съ высокими качествами ума и сердца ничего не могутъ сдѣлать въ этомъ направленіи, ибо невозможно примирить непримиримое, какъ нельзя достать холоднаго огня или горячаго льда и т. д.

31) А я почти ничего не слышалъ, такъ какъ гр. Воронцовъ все время молчалъ.

32) Я именно всегда доказывалъ, что въ имперіи ни съ кѣмъ не могу видѣться.

33) Т. е. я согласился не имѣть ничего противъ.

34) Это *неверно*. Имена я общалъ не открывать никому.

35) Ничего подобнаго ни мнѣ не было сказано, ни мною не было предложено ни Бороздину, ни Воронцову.

36) Я никакихъ редакцій плановъ не составлялъ и не передавалъ Бороздину, думая что все дѣло—въ словесныхъ уговорахъ моихъ съ гр. Ворон-

цловымъ-Дашковымъ. Бороздину я на память далъ только скелетъ того, что говорилъ я графу, по соглашенію съ Н. К. Михайловскимъ и С. Н. Кривенко.

37) Я не помню, чтобы Бороздинъ мнѣ ее показывалъ, но если бы показалъ, я непременно представилъ бы ее Кривенко и Михайловскому.

38) Повторяю, такого резюме я не видѣлъ, и если бы увидѣлъ, то отпачнулся бы отъ дѣла.

39) Это „сопровоженіе“ было пристегнуто къ дѣлу передъ моимъ отъѣздомъ за-границу. Ни въ началѣ, ни въ серединѣ переговоровъ о немъ рѣчи не могло быть.

40) А я графу Воронцову-Дашкову и Бороздину все время твердилъ, что здѣсь я ни съ кѣмъ видѣться не могу.

41) Ну, а обѣщаніе про освобоженіе Чернышевскаго, данное мнѣ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ передъ отъѣздомъ моимъ?

42) Всѣ эти разсужденія и факты общедоступны для всякаго журналиста или литератора, въ родѣ Бороздина, посѣщавшаго разныя редакціи того времени. Я же не имѣлъ доступа ни въ какую редакцію, кромѣ „Отеч. Записокъ“ и „Утѣвъ“ (сотрудники обоихъ журналовъ были одни и тѣ же). Бороздинъ приписываетъ шутя мнѣ свои собственные мысли и заключенія, съ моими вовсе не сходныя. Всѣ отзывы Б. про журналы и газеты—сущій вздоръ. Ни „Русскія Вѣдомости“, ни „Русскій Курьеръ“, ни „Наблюдатель“ меня не знали вовсе, а своимъ и подавно считать не могли. Между мною и этими органами не было никакихъ сношеній и отзываться про нихъ передъ Бороздинымъ я въ такомъ смыслѣ не могъ: не было ни смысла, ни нужды въ такихъ отзывахъ.

43) Съ Н. В. Шелгуновымъ я былъ знакомъ по пріятельски, но недавно, а съ К. Станюковичемъ—очень мало (встрѣчался я съ нимъ лишь на литературныхъ обѣдахъ). Ни тому, ни другому про свои переговоры съ Бороздинымъ и съ гр. Воронцовымъ я никогда не говорилъ ни слова. Откуда Бороздинъ взялъ этотъ вздоръ—не понимаю. Довѣріемъ Шелгунова и Станюковича я располагать не могъ. Все это—слѣдствіе стремленія раздуть мое значеніе, для чего и понадобилось выдать за революціонеровъ и террористовъ всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Впослѣдствіи Н. В. Шелгуновъ, узнавъ отъ Н. К. Михайловскаго про переговоры 1882 года, досадовалъ на меня, почему я скрылъ отъ него про нихъ.

44) Это неправда: никогда я ничего подобнаго Шелгунову не предлагалъ, а слѣдовательно и онъ не вызывался ни на что подобное.

45) Про нее впервые слышу.

46) Откуда я это могъ тогда знать?

47) Этого даже теперь не думаю.

48) Предложеніе это сдѣлалъ мнѣ С. Н. Кривенко, а о братѣ я ничего не слышалъ. Я повятія не имѣлъ объ его существованіи, мѣстопробываніи и пріпадѣ. Никогда я знакомъ съ нимъ не былъ. Очевидно, все это—свѣдѣнія почерпнутыя изъ тайной полиціи, а не отъ меня.

49) Все это я узнаю теперь въ первый разъ. Видно (если это правда) къ Шелгунову подходили тоже съ тѣмъ, съ чѣмъ и ко мнѣ.

50) Кобозевъ мнѣ ни Ивана Григорьевича, ни Тихомирова никогда не называлъ, а говорилъ отъ имени безымяннаго Исполнительнаго Комитета.

51) Никогда никто изъ нихъ мнѣ этого не говорилъ. Михайловскій оста-

новился на его имени, направляя меня къ нему въ Женеву, какъ на личность уже вполне скомпрометированной въ глазахъ правительства

52) Я только одинъ или два раза въ жизни встрѣтилъ Ольгу Люботовичъ и дальше шалочнаго знакомства съ нею не шелъ. Какимъ же ея доверіемъ я могъ располагать.

53) А теперь изъ воспоминаній самой Люботовичъ въ „Быломъ“ видно, что Плева самъ предлагалъ ей освобожденіе, но она отказалась вслѣдствіе условій, ставившихся ей полиціей.—Не помню, кто, Н. К. Михайловскій или С. Н. Кривенко посоветовалъ мнѣ просить объ освобожденіи О. Люботовичъ. Я это сдѣлалъ, но безуспѣшно.

54) Никогда никакихъ разговоровъ подобнаго рода у меня ни съ Надѣинымъ, ни съ Павленковымъ, ни съ О. не было. Но теперь для меня ясно, откуда Бородинъ взялъ все это: около того времени Павленковъ велъ споръ съ какимъ-то лицомъ по поводу изданія ими обоими порознь „Зоологія“ Поля Бера. Павленковъ, предлагая противнику третейскій судъ, избралъ меня однимъ изъ арбитровъ. По этому поводу друзья Павленкова Надѣичъ и О. часто видались со мною. Отсюда, вѣроятно подозрѣніе, что и они—революціонеры!!

54) Такой сестры у меня вовсе нѣтъ.

55) Мнѣ незачѣмъ было называть этихъ общезвѣстныхъ публикъ сотрудниковъ журнала. Изъ нихъ я Елисеѣва видѣлъ только въ 1872 году, а Воронцова и Абрамова вовсе до того времени не видѣлъ, такъ же какъ и Ангирскаго и Анненскаго, съ прочими же былъ знакомъ лишь по шалочному знакомству. Въ цѣли же побадки рѣшительно никого изъ нихъ я не посвящалъ.

56) Все не онъ.

57) Неправда.

58) Я никакого письма не получалъ вовсе.

59) Ни съ кѣмъ изъ этихъ главарей, кромѣ Тихомирова, мнѣ не приходилось ни встрѣчаться, ни переговариваться. Всѣ эти фамиліи нагромождались Бородиннымъ очевидно, для убѣжденія кружка въ томъ, что я верчусь въ революціонной средѣ.

60) Дальнѣйшій разсказъ—фантазіи Бородина. Все это невѣрно начная съ числа моихъ свиданій съ Тихомировымъ въ Женевѣ.

61) Этого мнѣ Тихомировъ не говорилъ, и я Бородину не передавалъ.

62) Неправда; никто рѣшительно не принималъ участія въ этихъ переговорахъ, кромѣ Тихомирова. Онъ, Т., и свелъ меня къ Лаврову, но вовсе не для разговоровъ объ этомъ предметѣ, а такъ просто познакомиться. Ни Лаврову, ни Л. К. Вуху я объ этихъ переговорахъ ничего не говорилъ.

63) Не знаю откуда взялся этотъ протоколъ и какъ онъ очутился у Бородина. Я такого не помню.

64) Все это—непонятныя для меня вещи. Такого письма я не получалъ и такихъ порученій не имѣлъ.

65) Нужно ли повторять, что ни съ В. Н. Фигнеръ, ни съ Н. В. Шелгуновымъ, ни съ М. Е. Салтыковымъ я никогда не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ по принятой мною на себя миссіи.

66) Это былъ возвратъ забранныхъ у меня денегъ, а не помощь мнѣ изъ средствъ Бородина.

Въ 1883 и 1884 гг., уже послѣ прекращенія всѣхъ моихъ „политическихкихъ“ сношеній съ Бороздинымъ, мнѣ вновь пришлось столкнуться съ нимъ на дѣловой почвѣ. Будучи крупно заинтересованнымъ въ Ткабульскомъ каменноугольномъ дѣлѣ на Кавказѣ, я получилъ отъ Н. А. Новосельскаго и полковника Н. В. Принца, владѣльца сосѣднихъ каменноугольныхъ копей-предложеніе слить наши интересы воедино для продажи ихъ одной и той же компаніи. Послѣ того, какъ наши переговоры подвинулись успѣшно, Н. П. Принцу внезапно пришлось уѣхать въ Кутаисъ. вмѣсто него, представителемъ его интересовъ и въ то же время повѣреннымъ г. Новосельскаго явился К. А. Бороздинъ, своякъ Н. П. Принца. Дѣло не выгорѣло. Послѣднія мои письма къ Бороздину за 1883 и 1884 гг. относятся къ этимъ моимъ сношеніямъ съ нимъ по дѣламъ моимъ съ Принцемъ и Новосельскимъ. О переговорахъ политическаго свойства у меня съ Бороздинымъ, съ того времени какъ Шуваловъ показалъ мнѣ его записку, никогда не было и рѣчи.

Процессъ пятидесяти.

(Всероссійская Соціально-Революціонная Организациа 1874—1877 г.г.)

(Окончаніе)¹⁾.

IX.

По возвращеніи въ Петербургъ первой моей задачей было постараться выдѣлить болѣе активныхъ революціонеровъ преимущественно изъ рабочаго кружка воздвиженской артели и, объединивъ ихъ съ нами, отправить ихъ въ Москву, гдѣ въ то время было гораздо легче работать, нежели въ Петербургѣ. Кромѣ того, Петръ Алексѣевъ и Мих. Грачевскій, съ которыми я переговорилъ уже объ этомъ до отъѣзда за-границу, заявили мнѣ, что сознательные заводскіе рабочіе проявляютъ мало дѣятельности, корчатъ изъ себя студентовъ и не желаютъ знаться съ рабочими другихъ профессій, то ли изъ боязни попасться, то ли изъ пренебрежительнаго отношенія къ массѣ неразвитыхъ и непосвященныхъ рабочихъ; Грачевскій и Петръ Алексѣевъ находили, что фабричныя рабочіе, напр., ткачи, хотя и менѣе развитые, гораздо воспримчивѣе къ революціонной пропагандѣ, нежели заводскіе, являющіеся своего рода аристократіей въ рабочемъ мірѣ; кромѣ того, фабричныя рабочіе раза 3—4 въ годъ посѣщаютъ свои села, гдѣ соприкасаются съ крестьянскимъ міромъ, и пропаганда на фабрикахъ останется такимъ образомъ не безъ вліянія на крестьянъ-сельчанъ; между тѣмъ какъ сфера вліянія пропаганды среди заводскихъ рабочихъ ограничивается лишь городомъ, т. е. рѣдко кто изъ заводскихъ рабочихъ сохранилъ тѣсную связь съ деревней; они большей частью омѣщаниваются и порываютъ связь съ родиной; наконецъ, принималась во вниманіе однородность московскихъ и подмосковныхъ фабричныхъ рабочихъ (почти исключит. русскіе), что облегчало сближеніе, а также численность рабочаго населенія города Москвы и его окрестностей. Принято было во вниманіе и то, что въ Москвѣ оставалось нѣсколько цѣнныхъ людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ кружкѣ чайковцевъ, какъ наприм., Ал. Осип. Лукашевичъ, рабочій Ив. Ос. Союзовъ и другіе, которые могли быть полезны для сношеній съ трудовымъ міромъ; кромѣ того, въ Москвѣ жилъ въ то время Гамовъ, который съ своей стороны могъ помочь возстановить связи Долгушинцевъ.

¹⁾ См. „Былое“, августъ и сентябрь 1907 г.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ первыми выѣхали въ Москву Мих. Грачевскій, Василій Грязновъ и Петръ Алексѣевъ съ братомъ своимъ Нисифоромъ Алексѣевымъ; Грачевскій немедленно завязалъ сношенія съ Лукашевичемъ и стояромъ Ив. Ос. Союзовымъ, а Петръ Алексѣевъ съ фабричнымъ міромъ, поступивъ самъ съ братомъ своимъ, въ качествѣ ткачей, на фабрику Тимашева; Василій Грязновъ, какъ кузнецъ и слесарь, завязалъ сношенія съ желѣзнодорожными рабочими района московскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ декабрѣ пріѣхали въ Москву послѣдовательно Здановичъ, я, Софья Бардина, Лидія Фигнеръ, Бетя Каминская, Евгенія Субботина, а къ Рождеству съѣхались и остальные «фричи», кромѣ Ольги и Вѣры Любатовичъ, которыхъ, впрочемъ, къ новому году освободили изъ черниговской тюрьмы и отдали на поруки отцу, который жилъ въ Москвѣ. Нѣсколько позднѣе пріѣхали Хоржевская и Варвара Александрова.

Я поселился съ Здановичемъ въ номерахъ Андреева въ Казакомъ переулкѣ, Грачевскій и Грязновъ поселились въ рабочемъ кварталѣ Яузской части и на ихъ квартирѣ собирались въ первое время исключительно рабочіе и то только по субботамъ и канунамъ праздниковъ. Затѣмъ, я нашель у одного знакомаго комнату на Патриаршихъ прудахъ, гдѣ хранились нами документы и куда заходили переодѣваться рабочіе и интеллигенты въ соотвѣтствующій костюмъ для посѣщенія тѣхъ или другихъ слоевъ общества. Несмотря на то, что комната эта посѣщалась многими, не исключая пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстностей и изъ за-границы, квартира эта осталась неизвѣстной полиціи и потому не фигурируетъ въ обвинительномъ актѣ процесса 50-ти. Тутъ же находился и складъ нелегальныхъ изданій. Въ нашъ тѣсный кругъ рабочихъ былъ скоро введенъ московскій рабочій Николай Васильевъ, опытный ткачъ, человекъ среднихъ лѣтъ, весьма вліятельный въ фабричномъ мірѣ, а за нимъ Филатъ Егоровъ, ткачъ-кустарь, Василій Бариновъ и другіе.

Такимъ образомъ нашъ основной рабочій кружокъ былъ очень силенъ по тогдашнему времени; онъ состоялъ изъ Ник. Васильева, Ивана и Прокофья Барановыхъ, Филата Егорова, Василья Грязнова, Петра и Никифора Алексѣевыхъ, Ивана Союзова, Пафнутья Николаева, Семена Агапова и наконецъ, Мих. Грачевскаго.

Желая охватить революціонной пропагандой еще большій кругъ фабрикъ, а также и женскую рабочую среду, наши члены женскаго кружка при помощи Петра Алексѣева и Михаила Грачевскаго поступили также на фабрики. Первыми поступили Бетя Каминская, Ольга Любатовичъ и Бардина. Нужно замѣтить, что мужчины, члены нашего объединеннаго кружка (я, Грачевскій, Лукашевичъ) были противъ поступленія женщинъ на фабрики; намъ было жаль бросать молодыхъ дѣвушекъ, никогда въ жизни не соприкасавшихся съ фабричной средой, въ такія тяжелыя условія, выносить которыя было не подъ силу даже многимъ рабочимъ-женщинамъ. Меня до такой степени пугалъ фабричный міръ своимъ невѣдомымъ загадочнымъ ужасомъ, что однажды я нарочно посѣтилъ фабрику, на которой жилъ и работалъ Петръ Алексѣевъ, чтобы лично видѣть, какъ придется жить нашимъ женщинамъ; Петръ Алексѣевъ показалъ мнѣ жилия

помѣщенія, условія, при которыхъ придется жить нашимъ дѣвушкамъ, познакомиль съ нѣкоторыми изъ фабричныхъ женщинъ, и мнѣ стало нѣсколько легче; но когда онъ сказалъ, что на этой фабрикѣ помѣститъ ихъ нельзя и что придется искать для нихъ мѣсто на другихъ фабрикахъ, я не соглашался допустить это до тѣхъ поръ, пока онъ не познакомиль меня, Грачевскаго и Чикоидзе съ тѣми рабочими, которые поручились за полную безопасность нашихъ женщинъ. Объ этихъ нашихъ заботахъ мы конечно не говорили имъ ни слова, онѣ засмѣяли бы насъ, гордя и сильныя своимъ незнаніемъ жизни.

Помню я ту ночь, какъ съ воскресенья на понедѣльникъ въ часа утра я и Грачевскій сдавали на фабрику Моисѣва Бетю Каминскую; наканунѣ мы взяли два номера въ какой-то гостиницѣ на Трубномъ бульварѣ; въ одномъ ночевали Каминская и Евг. Субботина, въ другомъ я и Грачевскій; никто въ сущности не спалъ; Субботина одѣла Бетю Каминскую въ простой русскій ситцевый сарафанъ съ пышными рукавами и повязала ей на шею простыя стеклянныя бусы, какъ носить крестыанскія дѣвушки; она ухаживала за нею, какъ ухаживаетъ подруга, обряжая невѣсту; мы съ Грачевскимъ прилегли не раздѣваясь окончивъ рабочій туалетъ Каминской, Субботина постучала къ намъ въ 3 часа; мы вскочили и, выйдя въ корридоръ, увидѣли Субботину со свѣчой въ рукѣ; вся гостиница спала; ведите же скорѣе Бетю, господа, торопливо прошептала Субботина; она обняла Каминскую и заплакала;—Зачѣмъ же вы плачете, съ изумленіемъ спросилъ я Субботину.—Ахъ господа, вы не знаете, какъ ей будетъ тяжело, отвѣтила она.—Если тяжело, зачѣмъ же идти ей, замѣтилъ я въ недоумѣніи. Бетя торопливо и молча направилась къ подъѣзду, мы поспѣшили за нею. Была январская морозная ночь; мы прошагали въ темнотѣ версты три, не сказавъ другъ другу ни слова; сцена прощанія подругъ буквально потрясла меня; мнѣ казалось, что мы ведемъ эту дѣвушку на какую-то ужасную казнь, и что Субботина плакала, какъ бы почувствуя эту казнь. Когда мы подошли наконецъ къ небольшой ветхой, тряпичной фабрикѣ Моисѣва, у воротъ уже толпились фабричные мужчины и женщины; они спѣшно входили въ ворота, въ которыхъ виднѣлся подворотный, тщательно обыскивавшій всѣхъ входившихъ, точно они шли не на работу, а въ тюрьму. Каминская отступила было, но потомъ, ни слова не сказавъ, дала себя обыскать и быстро вошла въ калитку. Мы долго стояли у воротъ въ раздумьи, не зная что дѣлать; насъ вывелъ изъ этого раздумья окрикъ подворотнаго: а вамъ чего тутъ надо? крикнулъ онъ; мы, не отвѣчая, пошли своей дорогой; отойдя нѣсколько шаговъ отъ фабрики, Грачевскій предложилъ мнѣ вернуться сюда обратно черезъ чась и повидать Каминскую; мы вернулись въ нашъ номеръ, Грачевскій захватилъ съ собою какой-то платочекъ и связку баранокъ; вернувшись на фабрику, онъ вызвалъ Машу Краснову (такъ звали на фабрикѣ Каминскую), какъ свою сестру. Она вышла къ Грачевскому и была несказанно рада, что ее навѣстили такъ скоро. Въ теченіе недѣли Грачевскій ходилъ къ ней, кажется, ежедневно въ качествѣ брата, а въ субботу вечеромъ онъ отправился за нею и привезъ ее на извозчикѣ къ намъ. Мы встрѣтили Каминскую, точно нѣсколько лѣтъ

е видались. И въ самомъ дѣлѣ, она сильно измѣнилась, точно прошли бѣлые годы. Раньше обыкновенно краснощекая и свѣжая, она теперь выглядела блѣдной, похудѣвшей, утомленной, но замѣчательно довольной разговорчивой. Въ одну недѣлю она сблизилась съ нѣсколькими женщинами и рабочими мужчинами, изъ которыхъ одинъ даже явился къ намъ на рабочую квартиру въ Сыромятникахъ, въ домъ Костомарова; это былъ молодой парень лѣтъ 18 ти—Иванъ Спиридоновъ, хорошо грамотный и удивительно симпатичный; онъ увѣрялъ всѣхъ рабочихъ, что эта дѣвушка должно быть ангелъ небесный, посланный богомъ, и что всѣмъ надо познакомиться съ нею поближе; Каминская подарила ему нѣсколькихъ легальныхъ книгъ; онъ былъ въ восторгѣ и за недѣлю перечелъ ихъ всѣ; на слѣдующей недѣлѣ онъ явился къ намъ съ другими рабочими, тоже грамотными и взялъ съ собою нѣсколько книжекъ, которыя прочиталъ почти всей фабрикѣ; рабочіе были въ восторгѣ отъ чтенія Спиридонова и отъ содержанія книгъ.

Первый опытъ былъ такъ удаченъ, что мы уже не опасались за другихъ женщинъ—за Бардину и Ольгу Любатовичъ, которыя были болѣе самостоятельными и умѣлыми въ обращеніи съ простымъ народомъ. Бардина поступила на фабрику Лазарева, Любатовичъ—на фабрику Носова, куда вскорѣ перешла и Каминская.

Мы съ Грачевскимъ рѣшили больше трехъ женщинъ не пускать на фабрики; но осуществить это намъ не удалось. Вслѣдъ за Бардиной и Ольгой Любатовичъ поступили на фабрики Вѣра Любатовичъ и Лидія Фигнеръ, которыя однако чѣмъ-то сразу обратили на себя вниманіе фабричной администраціи, такъ-что черезъ двѣ недѣли должны были оставить фабрики, иначе рисковали быть выданными и арестованными.

Во второй половинѣ января 1875 года наша едва только сформировавшаяся организація потеряла уже двухъ весьма цѣнныхъ членовъ—Михаила Грачевскаго и Ивана Союзова; первый былъ выданъ полиціи въ трактирѣ рабочимъ Скворцовымъ, который, не ограничиваясь этимъ предательствомъ, оговорилъ еще Ивана Союзова и брата его Петра Союзова, жившаго въ деревнѣ въ Московской губерніи; такъ какъ Иванъ Союзовъ и раньше въ 1874 году привлекался уже по дѣлу чайковцевъ, то потерявъ Грачевскаго, мы рѣшили выпроводить его изъ Москвы куда нибудь подальше; онъ уѣхалъ, кажется, на югъ, гдѣ вскорѣ и былъ арестованъ. Связь съ Скворцовымъ была заведена нами черезъ Ивана Союзова. Когда Грачевскаго вели изъ трактира въ жандармское управленіе, онъ бросилъ большимъ комомъ снѣга въ сопровождавшаго его городского и бѣжалъ, но по близорукости своей, споткнулся и упалъ, это было на Таганкѣ; уличная толпа схватила его и передала полиціи; я скоро завязалъ съ нимъ сношенія, но всѣ попытки освободить его были тщетны, т. к. его держали въ Пугачевской башнѣ, откуда побѣгъ былъ невозможенъ.

Потеря этихъ двухъ очень дѣятельныхъ членовъ организаціи въ рабочей средѣ заставила меня, а также и Лукашевича временно прекратить хожденіе въ трактиры, которыми раньше мы широко пользовались для пропаганды въ средѣ мало знакомыхъ рабочихъ; съ тѣхъ поръ члены нашей организаціи посѣщали трактиры только для свиданія съ болѣе близкими.

Двухмѣсячный опытъ пропаганды среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ далъ блестящіе результаты; мы охватили до 20-ти фабрикъ: Тимашева, Моисѣева, Носова, Лазарева, Альберта, Гюбнера, Тютчева, Шибаева, Горячева, Соколова, Рошфоръ и др., а также мелкія мастерскія—столярныя, слесарныя, кузнечныя и мастерскія Курско-Харьковской жел. дороги. Во всѣхъ этихъ фабрикахъ и мастерскихъ у насъ были небольшія группы рабочихъ изъ 4—5 человекъ, дѣлавшихъ свое дѣло по намѣченной нашей организаціей программѣ; члены этихъ новыхъ возникающихъ группъ еще не знали о существованіи нашей организаціи, но посѣщали нашу рабочую квартиру сначала въ Яузской части города, а потомъ въ Сыромятникахъ (въ д. Коститорова), затѣмъ на Краснопрудскомъ проспектѣ, недалеко отъ Николаевского вокзала и наконецъ на Красносельскомъ проспектѣ въ д. Корсака.

X.

Всѣ вышепоименованныя лица, съѣхавшіяся въ Москву въ цѣляхъ пропаганды социальна-революціонныхъ идей среди рабочаго населенія города Москвы, его окрестностей, а затѣмъ и другихъ городовъ и губерній Россійской Имперіи, уже съ конца 1874 года были связаны между собою словесными условіями работать вмѣстѣ, но эти свои отношенія не успѣли еще оформить уставомъ; первые мѣсяцы своей совмѣстной работы они посвятили прежде всего постановкѣ практическаго дѣла пропаганды и лишь въ первыхъ числахъ февраля 1875 года смогли приступить къ окончательной выработкѣ устава, долженствовавшаго скрѣпить ихъ отношенія формальной организаціонной связью.

Согласно желанію большинства членовъ вышеназваннаго московскаго кружка, въ первыхъ числахъ февраля приступлено было такимъ образомъ къ выработкѣ устава организаціи.

Мнѣ было поручено написать проектъ устава и программы этой организаціи сообразно съ данными условіями революціонной дѣятельности и согласно со взглядами, въ общемъ уже извѣстными, членовъ нашего кружка.

Для ближайшаго же ознакомленія со взглядами женской половины формирующейся организаціи мнѣ переданъ былъ набросокъ программы и устава, составленный кружкомъ фричей на съѣздѣ ихъ лѣтомъ 1874 года въ Невшателѣ и формулированный тогда Ольгой Любатовичъ.

Этотъ набросокъ представлялъ краткую формулировку отрицательныхъ сторонъ современнаго русскаго политическаго и экономическаго строя, какъ нравственное основаніе борьбы съ нимъ въ цѣляхъ осуществленія свободы и социальной правды въ политическихъ и экономическихъ формахъ жизни Россіи. Это вступленіе завершалось краткимъ уставомъ, связывавшимъ членовъ даннаго революціоннаго общества на основахъ полнаго равенства, но въ немъ очень немного говорилось о способахъ борьбы для достиженія поставленнаго имъ идеала; а на практикѣ это было главное; идея нравственнаго начала въ борьбѣ проходила красной нитью, какъ основа этого устава.

Когда проект новаго устава былъ мною написанъ, для обсужденія его собрались тѣ изъ членовъ кружка, которые смогли освободиться въ этотъ день отъ своихъ работъ. Присутствовали: Софья Бардина, Бетя Каминская, Лидія Фигнеръ, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Варвара Александрова, Евгенія Субботина и Александра Хоржевская; изъ мужчинъ присутствовали: Михайль Чикоидзе, Иванъ Жуковъ, Александръ Лукашевичъ, Василій Грязновъ, Петръ Алексѣевъ, Филатъ Егоровъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ и я.

Изъ женщинъ, заочно примыкавшихъ къ нашей организаціи, отсутствовали: Марія Субботина и Анна Топоркова; изъ мужчинъ— Александръ Циціановъ и Георгій Здановичъ.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительные члены организаціи вошли 17 человекъ, 9 мужчинъ и 8 женщинъ и 4 человека условно, т. е. когда они подписали бы вырабатываемый уставъ; оставшіеся два бывшихъ члена фричей за-границей—Вѣра Фигнеръ и Дора Аптекманъ могли бы примкнуть къ этой сформировавшейся въ Москвѣ организаціи, если бы пріѣхали въ то время работать въ Россію. Что же касается Циціанова и Здановича, то первый еще въ январѣ уѣхалъ на Кавказъ по дѣламъ нашего кружка, а Здановичъ тоже съ января былъ въ отъѣздѣ по устройству пути для перевозки нелегальныхъ изданій изъ-за-границы, а потому Здановичу былъ предъявленъ уставъ уже въ Одессѣ Ольгой Любатовичъ лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 года, въ копіи, писанной рукой Вѣры Любатовичъ, а Циціанову уставъ совсѣмъ и не предъявлялся, хотя фактически онъ исполнялъ такія функціи, для исполненія которыхъ требовалось быть дѣйствительнымъ членомъ организаціи.

Первый день засѣданія былъ посвященъ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вырабатывать детали формы будущаго строя, или ограничиться выработкой устава организаціи и способовъ революціонной дѣятельности.

Вопросъ этотъ былъ поставленъ, помнится, Жуковымъ, но я, Бардина и другіе энергично возстали противъ этого. Въ самомъ дѣлѣ какой былъ смыслъ вырабатывать форму будущаго строя, когда цѣлые десятки лѣтъ, мы знали, придется посвятить одной лишь разрушительной работѣ. Достаточно было для насъ и того, что мы всѣ были приверженцами ученія социализма, хотя и разныхъ толковъ; были между нами коммунисты, коллективисты и даже катедеръ-соціалисты, какъ напр. Жуковъ. Въ политическомъ же отношеніи наши требованія сводились къ свободѣ слова, собраній, равенства всѣхъ передъ закономъ безъ различія пола и національности и проч. Выработку деталей будущаго экономическаго и политическаго строя мы предоставляли тѣмъ, кому посчастливится присутствовать при ликвидаціи стараго порядка, на развалинахъ котораго придется осуществлять новыя политическія и экономическія формы, сообразно условіямъ времени и свободнаго желанія народа. Мы всѣ хорошо сознавали и то, что прежде, чѣмъ удастся восторжествовать социалистическому строю, неизбежно будутъ переходныя экономическія и политическія формы жизни, которыя, вопреки нашимъ теоретическимъ построеніямъ, будутъ приняты народомъ въ силу необходимости. Поэтому мы рѣшили никому не показывать детальной программы. Организація наша преслѣ-

давала объединеніе всѣхъ русскихъ социалистическихъ кружковъ; намъ не было, слѣдовательно, никакого расчета выдвигать еще свою новую программу и тѣмъ еще болѣе разъединять силы. Напротивъ, мы стремились отиѣчать общія намъ всѣмъ стороны нашего идеала и сблѣжать, по возможности, всѣхъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. А нашимъ врагомъ было все то, что поддерживало политическій и экономическій гнетъ, все то многоголовое самодержавіе полицейско-чиновническаго уклада страны,—поддерживаемаго капиталомъ и крупнымъ землевладѣніемъ,—которое давило все и вся вокругъ.

Будучи крайне уступчивъ въ вопросахъ деталей будущаго строя, каждый изъ насъ былъ крайне требователенъ въ вопросѣ о способахъ организациі революціонной дѣятельности; насъ не столько интересовалъ въ данную минуту будущій строй, сколько то положеніе, въ которое каждый изъ насъ долженъ поставить себя, отдавая на революціонную дѣятельность всего себя, всю свою жизнь; въ этой дѣятельности, несмотря на всю исключительность нашего положенія, мы стремились осуществлять на дѣлѣ самую строгія нравственныя начала, которыя должны были руководить какъ дѣятельностью самихъ членовъ организациі, такъ и воздѣйствовать на массу, съ которой приходили въ соприкосновеніе члены организациі, хорошо понимая, что только нравственный идеалъ можетъ освѣщать намъ путь и привлекать сердца, ищущія правды. Словомъ, до момента революціи, въ наступленіе которой мы не могли не вѣрить, мы хотѣли словомъ, дѣломъ и всѣмъ образомъ жизни своей расположить къ себѣ не только революціонныя кружки, но и широкую индифферентную массу, а можетъ быть и враговъ своихъ; и въ этомъ отношеніи, по общему признанію нашихъ современниковъ, наша организациія достигла дѣйствительно многого.

Итакъ, въ первое засѣданіе нашего кружка на обсужденіе товарищей былъ представленъ мною проектъ устава нашей *организациі*, которой мы дали названіе: «*Всероссійской Соціально-революціонной*». Нѣкоторые пункты моего проекта вызвали горячія пренія, а потому для переработки его была назначена комиссія изъ трехъ лицъ: Ив. Жукова, Лукашевича и Бардиной, въ то время уже оставившихъ фабрику, которые вмѣстѣ со мною и выработали тотъ уставъ, который фигурируетъ въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти и который былъ отобранъ у Здановича.

Редакціонная комиссія засѣдала въ номерахъ Руднева, на Тверской ул., гдѣ жила Евг. Субботина; въ общемъ проектъ остался безъ измѣненія, но благодаря настоянію Лукашевича и Жукова былъ введенъ такой пунктъ, который повлекъ за собою большія неудобства, не мало способствовавшія провалу организациі; пунктъ этотъ гласитъ: «*Членъ долженъ быть въ положеніи простою работника, обв исключеніяхъ рѣшаетъ община*». (См. Уставъ, III, условія приема въ члены общины, п. 4).¹⁾

¹⁾ Уставъ этотъ напечатанъ въ отчетѣ о процессѣ 50-ти. См. Сборникъ „Государственныя преступленія въ Россіи“ Базилевича-Богучарскаго. Загр. изд. т. II стр. 190 и слѣд. и Сборн. подъ тѣмъ же заглавіемъ, изданный въ Россіи. (Русская Исторія. Библиотека № 6) стр. 155 и слѣд. *Ред.*

Я возражалъ противъ этого пункта во-первыхъ потому, что большинство членовъ организаціи были интеллигенты, которые рано или поздно, должны были бросить фабрики и мастерскія и продолжать пропаганду въ интеллигенціи, такъ какъ для связей съ рабочими у насъ уже было достаточно членовъ рабочихъ; во-вторыхъ, этотъ пунктъ лишалъ насъ возможности свободно распространять организацію внѣ рабочаго круга; наконецъ, провалъ интеллигентовъ на двухъ фабрикахъ (Вѣра Люботовичъ и Лидія Фигнеръ) меня убѣдилъ, что кожденіе интеллигентныхъ женщинъ въ работницы на фабрики, можетъ иногда вредно отзываться на организаціи.

Но всѣ наши доводы остались гласомъ вопіющаго въ пустынь и послѣ моего ареста (въ апрѣлѣ 1875 г.) половина членовъ организаціи изъ женщинъ все же отправилась на фабрики въ Иваново-Вознесенскъ, гдѣ произошелъ второй огромный провалъ, повлекшій за собой провалы въ Москвѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Одессѣ, Воронежѣ и другихъ мѣстахъ.

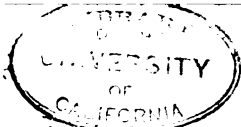
Организація наша была построена на принципѣ безусловнаго равенства всѣхъ членовъ и отсутствіи всякой власти въ рукахъ центрального бюро организаціи—такъ называемой «администраціи» или «управленія», которая даже не *выбиралась*, а назначалась *по очереди* изъ состава членовъ черезъ опредѣленный промежутокъ времени; единственнымъ связующимъ началомъ, объединяющимъ членовъ организаціи было начало нравственнаго долга. Никакого принужденія организація не признавала; вступая въ нее, человѣкъ добровольно отказывался ото всего, что связывало его съ остальнымъ окружающимъ его міромъ, и весь отдавался революціонному дѣлу—отдавалъ ему все свое имущество, свою свободу и жизнь. Порукой тому, что онъ будетъ вполнѣ товарищемъ, было одно добровольно данное слово. Но обособляя себя для борьбы и выдѣляя себя изъ круга согражданъ, членъ этой организаціи не освобождалъ себя отъ нравственнаго долга къ нимъ и къ человѣку вообще; онъ не смотрѣлъ на міръ, какъ на безразличный матеріалъ для своей дѣятельности, такъ какъ, только послѣ свободно даннаго слова кого-либо, организація допускала за собою право располагать имуществомъ, свободою и жизнью человѣка, но тогда онъ становился уже ея сочленомъ (См. Уставъ I, III и VI).

Возмущаясь правительствомъ, какъ организованнымъ насиліемъ, наша организація не допускала ни нравственнаго, ни физическаго насилія надъ народомъ, надъ согражданами ни въ подготовительный періодъ, ни даже въ разгаръ революціи, а сосредоточивала всю свою борьбу исключительно на правительствѣ. Поэтому члены нашей организаціи, какъ враги всякаго организованнаго и легализованнаго насилія, естественно были также горячими противниками якобинизма и не стремились къ захвату власти въ свои руки. Уважая право народа самому свободно устраивать свою жизнь и не допуская съ чьей бы то ни было стороны насилія надъ нимъ, мы въ отношеніи къ правительству допускали въ борьбѣ его же средство, т. е. не только борьбу оружіемъ, если понадобится, но и косвенную конфискацію прави-

тельстванныхъ фондовъ, наприм. въ видѣ фальшивыхъ денегъ; но дѣлая это въ предположеніи, наша организація фактически этого не осуществляла во-первыхъ потому, что организація при скромныхъ условіяхъ быта своихъ членовъ, обладала въ лицѣ ихъ же очень крупными денежными средствами и въ деньгахъ не нуждалась, а во-вторыхъ, присущая ей инстинктивная брезгливость къ такимъ средствамъ принудила бы ее обратиться къ другимъ, болѣе подходящимъ для этого дѣла людямъ, а этого она естественно избѣгала (См. Уставъ IX и X).

Уставъ нашей организаціи, какъ я уже сказалъ выше, носитъ заглавіе: «*Уставъ Всероссийской Соціально-Револуціонной Организациі*» что указываетъ на наше стремленіе поставить дѣло на широкую всенародную почву; то заглавіе, которое приведено въ обвинительномъ актѣ («Программа дѣятельности, Уставъ революціонера и организаціи тайнаго общества») принадлежитъ, конечно, кому-либо изъ переписчиковъ, приписавшему это для поясненія, такъ какъ уставъ, въ цѣляхъ конспираціи, вѣроятно, былъ переписанъ совсѣмъ безъ заглавія. Я знаю только, какъ я уже сказалъ, что въ рукахъ Здановича была копія, переписанная рукою Вѣры Люботовичъ и врученная ему Ольгой Люботовичъ въ іюль 1875 года въ Одессѣ. Въ подтвержденіе того что уставъ носилъ названіе, какое я привожу выше, я укажу на пунктъ 8-й послѣдней главы устава—«Условія межобщиннаго сношенія», гдѣ говорится: «увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется общины *всероссійской организаціи*». А что эта *всероссійская организація* называлась также и *соціально-революціонной*, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ устава: «направленіе тамъ должно быть чисто *соціально-революціонное* (см. Уставъ, IX объ агитаціи, 1, ж.) и «при бунтахъ выдвигаются личности и члены общины должны давать имъ направленіе *соціально-революціонное*» (см. Уставъ IX, 2, б.).

Въ поясненіе содержанія устава нужно сказать еще нѣсколько словъ относительно выраженія «*организованныхъ шайкъ*», которое можетъ навести на мысль о допущеніи разбоевъ со стороны организаціи; но всякій, кто внимательно прочтетъ весь отдѣлъ С, главы IX, чистая агитація, 1, отъ а до ж., тотъ увидитъ, что наши шайки не могли имѣть ничего общаго съ обыкновеннымъ стяжательнымъ разбойничествомъ, мы просто хотѣли въ сущности найти такое названіе для свободныхъ вооруженныхъ революціонныхъ отрядовъ, которое даже по имени не напоминало бы правительственной военной организаціи, слово «*дружина*» подходило бы, м. б., ближе, но и оно употреблялось въ правительственномъ войскѣ; поэтому мы сочли лучшимъ, чтобы наши военные отряды «*удалыхъ*» назывались «*шайками*»—это все таки напоминало свободную организацію свободныхъ людей, но какъ я уже сказалъ, слово «шайка» ни въ коемъ случаѣ не было выраженіемъ поклоненія обыкновенному стяжательному разбойничеству. Наши *шайки* брали его удалъ, его соціальныи протестъ и только. Лучшимъ подтвержденіемъ справедливости вышесказаннаго могутъ служить слѣдующія строки устава, въ главѣ: «*Денежная сторона организаціи*»: «*Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не*

вредили бы безопасности и кредиту организации. (См. уставъ, X, 2); эти строки имѣютъ въ виду, конечно, *кредитъ нравственный*, такъ какъ о *финансовомъ* кредитѣ тайной революціонной организаціи рѣчи быть не могло.

Относительно слова «*шайка*», употребляемаго въ уставѣ, нужно замѣтить, что въ представленномъ мною проектѣ устава это слово употреблено еще не было, а употреблено было однозначашее слово «*банды*»; а такъ какъ противъ слова *банда* возстали члены рабочіе, то пришлось замѣнить его равнозначашимъ словомъ «*шайки*»; это послѣднее слово не могло въ то время особенно шокировать нашъ слухъ, такъ какъ литература наша идеализировала понизовую вольницу (Мордовцевъ), и имя Стеньки Разина съ его шайкой отважныхъ удалцовъ, вызывало въ насъ большую симпатію къ себѣ.

Обращаясь къ отношенію нашей организаціи къ вопросу о *бунтахъ, возстаніяхъ* и другихъ формахъ движенія въ народѣ, а также къ вопросу о способахъ *дезорганизаціи* и *устрашенія* правительства (см. уставъ, IX, С, 1, в, 2, Во время бунтовъ, а, б, в) необходимо замѣтить, что организація допускала брать на себя инициативу возбужденія къ бунту и возстанію только для поддержки уже возникшаго *естественнымъ путемъ* возстанія или бунта, а не позволяла себѣ вызывать ихъ *искусственно*, такъ какъ она бережно относилась къ силамъ народнымъ и была чужда идеи какого бы то ни было нравственнаго давленія. Что же касается *дезорганизаціи* и *устрашенія* правительства, то это допускалось только въ самыхъ крупныхъ и необходимыхъ случаяхъ, не размѣниваясь на мелочи, которыя могли бы лишить этотъ способъ дѣятельности всякой нравственной опоры.

Переходя къ денежной сторонѣ организаціи (см. уставъ, X), нужно прежде всего отмѣтить, что въ 70-хъ годахъ, едва ли была болѣе богатая организація, чѣмъ наша. Нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ располагали большими денежными средствами; правда, большая часть этихъ средствъ заключалась въ недвижимомъ имуществѣ (имѣнія сестеръ Субботиныхъ), или находились еще въ рукахъ родителей (Хоржевской, Любатовичъ и друг.), но большую часть ихъ можно было во всякое время реализовать, что и было бы сдѣлано, если бы не преждевременный арестъ шести членовъ организаціи 4 апрѣля 1875 года. Изъ членовъ мужчинъ, никто, кромѣ кн. Циціанова не располагалъ серьезными личными средствами. Циціановъ, прибывъ изъ Москвы въ Тифлисъ въ февралѣ 1875 г. для организаціи кавказской общины, приступилъ также къ реализаціи своего недвижимаго имущества въ наличныя деньги; но ему помѣшало то обстоятельство, что послѣ моего ареста его сейчасъ же выписали въ Москву, гдѣ онъ и оставался вплоть до своего ареста. Его чрезвычайно волновало въ тюрьмѣ, что онъ не успѣлъ перевести своего имущества въ революціонный фондъ; но все же онъ это сдѣлалъ, кажется за день до своего осужденія, но сдѣлалъ это очень неудачно, такъ какъ унаслѣдовавшіе намъ революціонеры смогли выручить изъ его огромнаго имѣнія кажется всего только нѣсколько тысячъ руб., а между тѣмъ оно стоило не менѣе сотни тысячъ руб., по крайней мѣрѣ

теперешній обладатель имущества кн. А. Циціанова оцѣниваетъ его въ 200.000 руб.

При такихъ обстоятельствахъ, когда денежные средства организациі были обезпечены на много лѣтъ, для посторонняго являются странными слѣдующія строки устава: «черезъ нихъ (т. е. шайки) приобрѣтать денежные средства для дѣятельности общины» (см. уставъ, IX, 1, д). *Во идее* конфискація казенныхъ средствъ допускалась нашей организацией только въ періодъ открытой революціонной борьбы, какъ это допускается вообще на войнѣ. Введенія этого пункта устава требовали, главнымъ образомъ, члены рабочіе, которые казенныя деньги считали народными, а слѣдовательно, до нѣкоторой степени и своими. Чтобы избѣжать слишкомъ распространительнаго толкованія этого пункта, другіе члены организациі внесли съ своей стороны слѣдующую поправку: «средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организациі» (см. уставъ X, 2); т. е. организациі не признавала ни разбоя, ни воровства.

Когда уставъ, нѣсколько переработанный вышеназванной комиссіей, былъ окончательно принятъ всѣми членами, то, вмѣсто того, чтобы подписывать его, рѣшено было, чтобы каждый членъ написалъ собственноручно часть текста устава; подлинный уставъ былъ, такимъ образомъ, написанъ всѣми присутствовавшими членами основателями организациі, за исключеніемъ Николая Васильева, который за безграмотствомъ начертилъ въ концѣ какой то загадочный іеороглифъ, при чемъ не преминулъ выругаться по адресу дворянъ, купцовъ и поповъ, благодаря которымъ, по его мнѣнію, онъ остался безграмотнымъ до сѣдыхъ волосъ.

Резюмируя содержаніе этого устава, нужно сказать, что онъ, какъ набросокъ, вмѣщаль въ себѣ всѣ формы революціонной борьбы, выработанныя исторіей другихъ народовъ, приспособляя ихъ къ русской почвѣ и предчувствуя въ будущемъ ихъ неизбѣжный партизанскій характеръ въ борьбѣ слабаго съ сильнымъ.

Уставъ написанный всѣми членами организациі, былъ сданъ въ «храмушку», (такъ мы тогда называли архивъ организациі) которая помѣщалась въ квартирѣ на Патріаршихъ прудахъ, уже упоминавшейся мною раньше. Послѣ гибели организациі храмушка эта перешла къ лицамъ хотя и близкимъ къ организациі, но не членамъ ея; поэтому я и теперь не знаю, куда дѣвался подлинный уставъ со всѣми другими бумагами, книгами и документами, хранившимися тамъ. Но имѣю основаніе предполагать, что они попали къ Вѣрѣ Шатиловой, родственницѣ Субботиныхъ.

XI.

По написаніи устава, была сформирована наша первая администрація; въ нее вошли: Василій Грязновъ, Евгенія Субботина и я. Функции администраціи мы распредѣлили такъ: Евгенія Субботина завѣдывала финансовой частью организациі, Василія Грязновъ, какъ рабочій, завѣдывалъ сношеніями съ рабочими, а я велъ сношенія съ интеллигентными легальными и нелегальными лицами и кружками.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій нашей администраціи я внесъ слѣдующія предложенія: 1) о необходимости выдѣлить изъ состава членовъ новыя организаціонныя общины въ виду многочисленности членовъ организаціи въ Москвѣ, гдѣ пока можно было ограничиться двумя-тремя членами, сверхъ трехчленной администраціи; для основанія новыхъ общинъ я предложилъ командировать нѣкоторыхъ членовъ въ другіе рабочіе центры и крупные города, какъ-то въ Иваново-Вознесенскъ, Серпуховъ, Шую, Тулу, Кіевъ, Одессу, Тифлисъ и другія мѣстности, кромѣ Петербурга, куда вернулся обратно Жуковъ и продолжалъ организацію петербургскихъ рабочихъ и молодежи; 2) я предложилъ также приступить немедленно къ реализаціи денежныхъ средствъ организаціи, которыя, какъ я уже сказалъ, заключались, главнымъ образомъ, въ недвижимыхъ имѣніяхъ, чтобы, по продажѣ ихъ, образовать фондъ и вложить его въ одинъ изъ заграничныхъ банковъ, поручивъ завѣдываніе имъ одной изъ Субботинныхъ, которая и должна была жить для этого за-границей, производя расходы на нужды организаціи, какъ въ Россіи, такъ и за-границей, гдѣ уже издавался въ то время на средства нашей организаціи періодической органъ «Работникъ», въ которомъ участвовалъ Ник. Жуковский, Ник. Морозовъ и другіе; и, наконецъ, 3) я предложилъ организовать въ Россіи особую редакцію по изданію революціонныхъ книгъ и мелкихъ изданій какъ въ Россіи, такъ и за-границей, для чего предполагалось устроить типографію на Кавказѣ; въ этихъ цѣляхъ былъ даже добытъ шрифтъ, который впрочемъ послѣ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ разгромовъ былъ зарытъ въ Сокольничьемъ лѣсу подъ Москвой, въ надеждѣ на лучшее будущее.

Первый изъ поднятыхъ нами вопросовъ—объ учрежденіи новыхъ общинъ, былъ въ такой степени назрѣвшимъ, что уже въ началѣ марта рѣшено было разѣхаться въ различные заранѣе намѣченные центры; Петръ Алексѣевъ вызвался ѣхать въ Иваново-Вознесенскъ, Ник. Васильевъ и Ив. Бариновъ—въ Серпуховъ, Ал. Лукашевичъ въ Тулу, Варвара Александрова—въ Шую, куда она ѣздила съ Ник. Васильевымъ еще въ мартѣ, Александра Хоржевская—въ Кіевъ, Ольга Любатовичъ—въ Одессу, Мих. Чикоидзе и Ал. Циціановъ (выѣхавшій еще раньше) на Кавказъ и т. д.

Второй вопросъ принять былъ также единодушно; но осуществить реализацію средствъ въ фондъ не только при мнѣ, но и послѣ моего ареста, не удалось, отчасти потому, что сестры Субботины стремились сами принять непосредственное участіе въ революціонной работѣ и неохотно соглашались сидѣть, какъ онѣ выражались, сложа руки въ своемъ имѣніи или за-границей, отчасти потому, что реализація крупнаго имѣнія вообще не легка; мѣшало также и то, что эта семья была уже подъ подозрѣніемъ, такъ какъ мать ихъ С. А. Субботина и третья сестра—17 лѣтняя Надежда были привлечены уже къ дознанію по процессу 193-хъ и даже въ одно время сидѣли въ тюрьмѣ.

Къ осуществленію же третьяго предположенія даже приступить не пришлось.

Для осуществленія задачъ организаціи революціонныхъ общинъ въ новыхъ центрахъ, нѣкоторымъ членамъ пришлось оставить мѣста

на фабрикахъ, съ которыми можно было продолжать сношеніе и безъ нихъ, чрезъ вновь примкнувшихъ къ организаціи рабочихъ. Началъ сборы къ отъѣзду въ намѣченныя мѣста; рѣшено было также ликвидировать квартиру въ домѣ Корсака, хозяйкой которой была Софья Бардина, уже оставившая тогда фабрику; эта квартира служила пріютомъ для всѣхъ членовъ организаціи, приходившихъ съ фабрикъ и заводовъ, а отчасти и мѣстомъ свиданія съ новыми рабочими.

Къ тому дню, когда совершился нашъ первый большой провалъ, т. е. къ 4 апрѣля 1875 года, почти всѣ члены организаціи, кромѣ Ольги Любатовичъ, продолжавшей работать на фабрикѣ, уже оставили свои мѣста и проживали временно нѣсколько дней въ этой же квартирѣ (въ д. Корсака), чтобъ окончательно перетолковать между собою и разъѣхаться. Но намъ не суждено было осуществить этотъ планъ. На мнѣ, какъ на членѣ администраціи лежала большая отвѣтственность за безопасность этой квартиры, куда приходили, какъ я уже сказалъ, кромѣ интеллигентовъ, и многіе рабочіе; собирать ихъ въ другихъ интеллигентскихъ квартирахъ было неудобно; разрѣшить же имъ оставаться въ этой общей квартирѣ было бы прямо преступно, такъ какъ только что (29 марта) арестовали нашего наиболѣе дѣятельнаго рабочаго—Николая Васильева, и жена его Дарья Скворцова, неожиданно для насъ всѣхъ появилась на этой квартирѣ, которую она не должна была знать; она рассказала намъ, что Ник. Васильевъ арестованъ по доносу его врага и давнишняго соперника по вліянію на московскихъ фабрикахъ—крестьянина Яковлева; она говорила, что мужа ея забрали съ кистенемъ, который онъ всегда носилъ въ карманѣ, и это еще болѣе ухудшаетъ его положеніе; она рыдала и просила помощи. Я успокаивалъ ее, какъ умѣлъ; посоветовалъ просить свиданія съ мужемъ, увѣренный, что привязанность къ мужу скуетъ ея языкъ передъ властями, а мы пока успѣемъ ликвидировать квартиру. Я далъ ей денегъ и посоветовалъ снабдить Николая Васильева всѣмъ нужнымъ въ тюрьмѣ. Это видимо утѣшило ее, но нѣкоторые изъ рабочихъ (Пафнутій Николаевъ и Семень Агаповъ) позволили себѣ безтактныя выходки, они подсмѣивались надъ нею и раздражали ее. Я сейчасъ же почувствовалъ послѣ этого, что нашей квартирѣ грозитъ большая опасность, неминуемый провалъ и сталъ просить всѣхъ разойтись отсюда немедленно; недалеко отъ насъ была квартира Молодецкаго, гдѣ можно было пріютить нѣсколькихъ рабочихъ; Василія Грязнова я выпроводилъ сейчасъ же въ Петербургъ, такъ какъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Москвы онъ былъ уже извѣстенъ, и его могли арестовать на улицѣ, интеллигентнымъ же членамъ организаціи я предложилъ переѣхать въ гостинницы, а оттуда уже разъѣхаться по назначенію. Я позаботился также, чтобъ всѣ нелегальныя вещи были унесены съ квартиры и въ ней оставались только простая мѣщанская мебель и самоваръ съ чайной посудой, что можно было бросить во всякую минуту.

И странное дѣло, несмотря на глубокое сознаніе всѣхъ о грозившей опасности, мы все же не могли оставить квартиру, куда почти поминутно приходили рабочіе со всѣхъ фабрикъ, встревоженные арестомъ Николая Васильева, Ивана Барина, Прокофья Барина и

Филата Егорова. Надо было каждого изъ нихъ ободрить, сказать слово утѣшенія, а не скрываться отъ нихъ, иначе мы возбудили бы въ нихъ недовѣріе и вся полугодовая дѣятельность наша среди рабочихъ пропала бы безвозвратно. Но для этого не было нужды оставаться всѣмъ, а потому я нанялъ номеръ въ меблированныхъ комнатахъ Келлера, далъ всѣмъ членамъ организациі этотъ адресъ и просилъ въ другія конспиративныя квартиры не ходить. Это было 2 апрѣля. Фабричныя рабочіе всѣ уже были предупреждены и рѣшено было, что 3 апрѣля уже никто изъ насъ не долженъ явиться въ домъ Корсака и что сама хозяйка этой квартиры—Бардина должна была оставить ее. Не вполне полагаясь на осторожность товарищей, я, несмотря на нашъ уговоръ, пошелъ все-таки провѣдать квартиру Бардиной, желая узнать все ли исполнено такъ, какъ было рѣшено наканунѣ; были сумерки; въ окнахъ нижняго этажа виднѣлся свѣтъ, условный знакъ на окнахъ былъ на мѣстѣ; я подошелъ ближе и сквозь занавѣсы увидѣлъ Бардину и другихъ, сидѣвшихъ спокойно за столомъ, точно они и не думаютъ перебираться; я быстро направился къ калиткѣ, чтобъ войти къ нимъ; на встрѣчу мнѣ шелъ городской съ книгой въ рукѣ и, посторонившись, сказалъ: ты лучше, братъ, сюда не ходи!

Эти слова поразили меня, но я все же осторожно вошелъ во дворъ и, не входя въ сѣни, сталъ прислушиваться; слышу веселыя шутки Бардиной, громкій смѣхъ Чикоидзе и шутивыя реплики Петра Алексѣева. Я вошелъ въ квартиру и обратился къ Бардиной съ серьезнымъ упрекомъ, зачѣмъ она до сихъ поръ не очистила квартиру; я рассказалъ имъ странное предупрежденіе городского и сталъ прямо умолять ихъ, бросить все и бѣжать немедленно, чтобы не быть застигнутымъ здѣсь. Бардина и Чикоидзе отнеслись къ этому предупрежденію шутивно; «ну, вотъ, говорили они, если бы была настоящая опасность, городской не сталъ бы предупреждать тебя; что ему до тебя». На минуту эти слова пошатнули и мою увѣренность, но потомъ я опять сталъ всѣхъ просить разойтись; Бардина настояла, чтобъ выпить по стакану чаю, а затѣмъ уже идти; никакіе доводы не могли поколебать этого рѣшенія. Мнѣ оставалось сѣсть и ждать, чтобъ уйти послѣднимъ; не успѣла Бардина поднести перваго стакана къ губамъ, какъ дверь съ трескомъ распахнулась и къ намъ въ комнату ввалила масса народа безъ предупрежденія, безъ словъ, какъ врываются разбойники. Первымъ вступилъ къ намъ генераль Воейковъ и наскочилъ прямо на меня, стоявшаго еще на ногахъ.

«Арестовать всѣхъ!» крикнулъ онъ своей многочисленной свитѣ; какой-то молодой офицеръ окружилъ насъ солдатами; ихъ было человѣкъ 20, насъ—9: Бардина, Каминская, Чикоидзе, Петръ Алексѣевъ, Лукашевичъ, Пафнутій Николаевъ, Семень Агаповъ, Василій Георгіевскій и я; о сопротивленіи, о побѣгѣ не могло быть и мысли; тѣмъ не менѣе Чикоидзе предложилъ намъ вдругъ броситься всѣмъ на стражу и, такимъ образомъ, дать возможность хоть кому-нибудь изъ насъ бѣжать въ окно; я отдернулъ занавѣсъ и увидѣлъ, что весь домъ оцѣпленъ кругомъ; сопротивляться было бесполезно. У Чикоидзе оказался полный карманъ конспиративныхъ бумагъ; надо было уничтожить ихъ во что бы то ни стало. Чобъ оттянуть обыскъ, мы зая-

вили, что безъ прокурора обыскивать насъ не позволимъ.—А дѣ чего вамъ прокуроръ? Прокурора нѣтъ и не будетъ, крикнулъ Воейковъ.— Не будетъ, такъ не имѣете права и обыскивать насъ, заявили мы. Воейковъ смутился нѣсколько и сказалъ: ну, хорошо, будетъ вамъ и прокуроръ; сдѣлавъ строгій наказъ своей свитѣ, сторожить насъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Мы усѣлись за столъ и съ горя стали опять пить чай, только уже закусывая его конспиративными бумагами Чикоидзе; нѣкоторые изъ насъ успѣли проглотить и подложные паспорта, по которымъ мы жили, къ 9-ти часамъ вечера все, подлежащее уничтоженію, было съѣдено и запито чаемъ на глазахъ всей стражи.

Прокуроръ Кларкъ пріѣхалъ около полуночи; за это время мы, конечно, успѣли говорить какъ держать себя и какія показанія давать относительно посѣщенія дома Корсака; этимъ только и объясняется отсутствіе противорѣчій въ показаніяхъ всѣхъ насъ, арестованныхъ въ домѣ Корсака. Мнѣ, Бардиной и Чикоидзе надо было скрыть свои фамиліи, чтобы очистить тѣ квартиры, гдѣ мы были прописаны подъ своимъ именемъ; поэтому мы назвали себя литератами А, Б, В.

Выходя послѣдній разъ изъ этой роковой квартиры, уже несвободнымъ, а подъ охраной жандармовъ, я оглянулся назадъ; картина погрома была полная, мебель, посуда и другія вещи, въ безпорядкѣ разбросанныя по полу, по столу и по окнамъ, напоминали картину жилища въ только что взятомъ штурмомъ городѣ. Я взглянулъ на первое окно; разорванная занавѣсъ, служившая намъ сигналомъ, грязная и смятая валялась запрятанная въ углу. Никто, подумалъ я, не попадетъ въ западню; я вспомнилъ, что въ это утро должна была оставить свою фабрику, Ольга Любатовичъ, которая условилась съ Каминской встрѣтиться въ церкви, чтобы вмѣстѣ отправиться на неизвѣстную еще ей квартиру. Если она заглянетъ сюда, подумалъ я, отсутствіе знака на окнѣ остановитъ и спасетъ ее. И дѣйствительно, продавъ безплодно четыре часа въ огромной, пустой старообрядческой церкви, она пришла все-таки къ квартирѣ дома Корсака и увидѣла вмѣсто занавѣски въ окнѣ красное пьяное лицо посаженнаго для засады дворника, спокойно распивавшаго чай изъ нашего, какой-то судьбой уцѣлѣвшаго блюдечка. Въ окнѣ висѣлъ клочокъ сорванной занавѣски, предательски зацѣпившись за гвоздь, какъ бы знаменуя свершившуюся драму... Уже черезъ два года послѣ этого она рассказывала мнѣ, что ее все-таки подмывало войти въ этотъ домъ, но благоразуміе одержало верхъ; къ счастью, уже наступали сумерки и она, какъ была въ сарафанѣ и крестьянской душегрѣйкѣ, должна была отправиться къ Евгеніи Субботиной въ номера Руднева на Тверскую, гдѣ та жила какъ интеллигентная барышня и откуда такую деревенскую дѣвку могли пожалуй и прогнать; но этого не случилось. Евгенія Субботина уже знала или догадывалась о погромѣ, и съ ея приходомъ всѣ ея сомнѣнія разсѣялись. Велико было ихъ горе; онѣ условились во что бы то ни было освободить насъ; и много дней выслѣживали, стоя по очереди близъ жандармскаго управленія, иногда съ лоткомъ яблокъ въ рукахъ, переодѣвшись торговкой, чтобы узнать, куда насъ посадили, и завести сношеніями съ нами, часто рискуя быть узанными Дарьей Скворцовой или другими оговорщиками. Сношенія

были заведены скоро, но вести ихъ пришлось потомъ уже другимъ; Евгений Субботиной нужно было скоро уѣхать въ Петербургъ, а Ольгѣ Люботовичъ—въ Одессу.

Когда насъ, арестованныхъ, вывели подъ конвоемъ изъ дома Корсака и усадили на девяти экипажахъ, то весь этотъ длинный поѣздъ направился къ Бутырскому замку; насъ всѣхъ посадили въ такъ называемую, Пугачевскую башню, гдѣ, какъ говорятъ, сидѣлъ въ желѣзной клѣткѣ Пугачевъ, дерзавшій пошатнуть своей рукой тронъ Екатерины.

Непростительная оплошность наша, благодаря которой произошла проваль 6-ти членовъ организаци и трехъ другихъ, которымъ предстояло скоро войти въ нее, потрясла меня до глубины души; я и до сихъ поръ укоряю себя, зачѣмъ не хватило у меня характера вытолкнуть всѣхъ въ шею изъ этого проклятаго дома, когда я вошелъ къ нимъ въ этотъ памятный вечеръ, уже предупрежденный городовымъ; еслибы я это сдѣлалъ, кто знаетъ, можетъ быть и до сихъ поръ были бы живы и Бардина, и Петръ Алексѣевъ, и Чикоидзе, и Каминская и другіе, которые такъ безвременно погибли потомъ! Конечно, арестъ въ концѣ концовъ не миновалъ бы ихъ, какъ не миновалъ онъ и всѣхъ остальныхъ членовъ нашей организаци; но нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ выбыть изъ строя въ самомъ началѣ борьбы.

Подкошенный страшнымъ горемъ, я бросился на грязную постель въ номерѣ 1-мъ пугачевской башни и три первые дня спалъ непробудно, точно одурманенный; цѣлыми часами будили меня жандармы, спрашивая меня, не надо ли мнѣ чего-нибудь поѣсть, но я, какъ разсказывали они потомъ, не просыпаясь, сквозь сонъ отвѣчалъ: ничего не надо.

Да, было о чемъ горевать; еще наканунѣ мы мечтали о томъ, какъ въ недалекомъ будущемъ покроемъ Россію сѣтью нашей соц.-революціонной организаци; и вдругъ, благодаря простой случайности, благодаря тому только, что мы не сумѣли исполнить въ точности своего же собственнаго рѣшенія и не разѣхались немедленно, мы нанесли непоправимый уронъ нашей молодой организаци, отнявъ у нея цѣлыхъ 6 дѣятельныхъ и очень цѣнныхъ членовъ; ударъ былъ страшный, тѣмъ не менѣе въ душѣ таилась надежда, что насъ скоро выпустятъ, потому что я былъ увѣренъ, всѣ будутъ держать себя хорошо, о существованіи организаци никто не обмолвится, а остальные улики были такъ несущественны, что мы могли отдѣлаться однимъ предварительнымъ заключеніемъ. Такъ оно дѣйствительно и было бы, не послѣдуй осенью 1875 г. ареста другихъ членовъ организаци, при которыхъ найдены были крайне неосторожныя письма Георгія Здановича, благодаря которымъ прямо устанавливалась принадлежность всѣхъ насъ къ одной и той же общей организаци, а арестомъ самого Здановича въ октябрѣ того же года, при которомъ найденъ былъ и нашъ уставъ, существованіе организаци, пока только предполагавшейся дознаніемъ, было окончательно установлено. До ареста Здановича меня причисляли только къ процессу 193-хъ по оговору Рабиновича, который почему-то считалъ меня членомъ кружка чайковцевъ, (вѣроятно,

потому, что въ студенческихъ кружкахъ я слылъ за бакуниста); а послѣ ареста Здаѳовича, благодаря найденнымъ документамъ при немъ и въ Иваново-Вознесенскѣ, составилъ самостоятельный процессъ, куда привлекли и меня. Отцу моему, которому предъ тѣмъ категорически обѣщано было въ Петербургѣ освободить меня на поруки, окончательно отказали въ этомъ.

Итакъ, пришлось засѣсть въ тюрьмѣ крѣпко. Почти черезъ годъ послѣ моего ареста закончилось предварительное дознаніе по процессу 50-ти, и въ мартѣ 1876 года мы всѣ изъ вѣдѣнія жандармовъ перешли въ вѣдѣніе городской полиціи. Къ этому времени всѣхъ обвиняемыхъ по процессу 50-ти стали свозить въ Петербургъ. За нѣсколько времени до отправки въ Петербургъ меня увезли изъ Пугачевской башни и посадили въ Пречистенскую часть, гдѣ я впервые былъ пріятно пораженъ отсутствіемъ жандармовъ; меня посадили въ одинъ изъ номеровъ 2-го этажа этой части; черезъ нѣсколько минутъ обнаружилось, что я нахожусь въ общемъ корридорѣ съ Бардиной, Чикоидзе и Ник. Морозовымъ, съ которымъ я въ послѣдній разъ видѣлся мелькомъ въ Бернѣ.

Здѣсь въ присутствіи скучающаго городского мы свободно говорили о пережитомъ. Уже тогда, взвѣсивая, какихъ огромныхъ жертвъ стоила намъ мирная пропаганда въ народѣ, мы искали другихъ путей. Со мною рядомъ сидѣлъ Николай Морозовъ, это облегчало бесѣду нашу черезъ окна, выходящія на большую поляну, на которой лѣниво расхаживалъ единственный городской, совершенно неинтересовавшійся ни нами, ни нашимъ разговоромъ. Уже тогда меня поражало увлеченіе Николая Морозова широкими планами террористической дѣятельности; онъ часто говорилъ объ орсиньевскихъ бомбахъ и утверждалъ, что все спасеніе русской революціи въ нихъ, по крайней мѣрѣ теперь, когда насъ такъ мало. Недостатокъ численности нужно замѣнить силой и энергіей дѣйствія, говорилъ онъ, какъ бы предвосхищая будущее. Эту нашу бесѣду я невольно вспомнилъ въ апрѣлѣ 1881 г., когда переведенный изъ центральной каторжной тюрьмы въ Мценскъ для отправки на Кару вмѣстѣ съ другими товарищами моими по Централкѣ, я съ захватывающимъ интересомъ слѣдилъ за процессомъ по дѣлу 1-го марта и не удивился, когда узналъ, что авторомъ брошюры «Террористическая борьба» былъ Ник. Морозовъ.

Здѣсь же, въ той же Пречистенской части я встрѣтилъ впервые послѣ ареста и рабочаго Николая Васильева; въ то время, какъ мы, интеллигенты, взвѣшивали пройденный путь, этотъ сынъ народа, еще такъ недавно исходившій всѣ фабрики Москвы, ссылая на дѣло освобожденія своихъ братьевъ рабочихъ, среди которыхъ онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, положительно изнывалъ въ тюрьмѣ отъ вынужденнаго бездѣлья. Первые дни я не зналъ, что онъ сидитъ тамъ; однажды въ полдень я слышу голосъ съ нижняго этажа; прислушиваюсь, это голосъ Николая Васильева; часовой показываетъ мнѣ знакомъ, что со мною изъ нижняго этажа хотятъ говорить.—Господинъ, слышу я, а господинъ, слышите или нѣтъ?—Слушаю, слушаю, отвѣтилъ я. Кто вы такой, спрашиваю.—Я Николай Васильевъ; неужто же вы по голосу не узнаете меня, обидѣлся онъ; а я васъ сейчасъ же

го голосу узналъ, какъ вы съ сосѣдомъ стали перекликаться.—Какъ же твоего голоса не узнать, и я узналъ, здравствуй Николай, говорю я; я хотѣлъ убѣдиться только, не ослышался ли я; какъ живешь можешь?

Это была первая наша встрѣча послѣ того, какъ мы видѣлись съ нимъ годъ тому назадъ на очной ставкѣ въ московскомъ жандармскомъ правленіи.—Ахъ, чортъ тебя возьми, Михайловъ, продолжалъ онъ, называя меня по привычкѣ моимъ рабочимъ именемъ; а вѣдь я думалъ, что ты и говорить-то со мною не станешь.—Почему же?—спросилъ я.—Да, такъ... вѣдь ты оказываешься баринъ, да еще какой: дворянинъ столбовой; мнѣ вѣдь капитанъ Ловягинъ все рассказалъ. А ловко ты нашего брата-мужика околпачилъ, мнѣ ни въ жисть не пришло бы въ голову, что ты баринъ...—Да, не все ли равно тебѣ, баринъ или мужикъ, лишь бы я съ тобою за одно былъ, спросилъ я.—Нѣтъ, не все равно; я, на примѣръ, думалъ, что всѣ господа мошенники, да и при тебѣ я всегда говорилъ это нашему брату фабричному, а вотъ оказывается, межъ господъ есть такіе люди, какъ ты да Федоръ (Чикоидзе), а можетъ и другіе, а вѣдь этого ни въ жисть бы положительно не подумалъ; помилуй Богъ, чтобъ баринъ, да всей душой за мужика; чтобъ изъ-за мужика онъ въ острогъ пошелъ, да это и въ сказкахъ не сказывается... Эхъ, Михайло, грѣхъ на твоей душѣ, ты долженъ былъ сказать мнѣ, кто ты такой; скажи ты мнѣ, что ты самъ—баринъ, я на всю Москву крикнулъ бы: правда взяла и господа на нашей сторонѣ; а то, что одни мужики могутъ сдѣлать противъ господъ, поповъ (Николай Васильевъ былъ старовѣръ), купцовъ и всякой сильной сволочи... Поддержки со стороны нѣтути, поддержка нужна. Вотъ къ примѣру, посадили меня въ острогъ и сижу я, какъ въ ямѣ, положительно какъ въ ямѣ (Ник. Вас. злоупотреблялъ словомъ «положительно»); караулить меня нашъ же братъ-мужикъ и не выпуститъ онъ меня до самой смерти; затоскуешь по волѣ, подойдешь къ нему и говоришь, какъ своему брату: что, милый человѣкъ, слышь, долго ли меня тутъ будутъ томить? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: ступай, ступай отъ фортки, не велѣно разговаривать. Ну, да и понятно: онъ самъ тоже попалъ въ яму. А тутъ приходитъ капитанъ Ловягинъ, я къ нему: что господинъ, милый, долго ли еще меня будутъ томить въ ямѣ? Не знаю, Николай Васильевъ, не знаю; а что вамъ, скучно? Вы бы книгу почитали. — Да, кабы я книги то умѣлъ читать, въ острогъ бы не попалъ, а попалъ, такъ скоро бы вышелъ; сколько вѣдь господъ попадаетъ въ острогъ за разное мошенство, онъ напишетъ письмо и смотришь, опять на свободѣ гуляетъ; а нашъ братъ, какъ попалъ ни за что въ тюрьму, такъ тамъ и пропадай.—Вамъ надо грамотѣ научиться, говорить капитанъ Ловягинъ. Поздно, говорю, пробовалъ и раньше, а теперь въ сорокъ лѣтъ не научишься.—А я васъ въ двѣ недѣли научу и читать и писать, говоритъ мнѣ капитанъ, говоритъ такъ убѣдительно.—Ну, ладно, говорю. На другой день капитанъ приходитъ ко мнѣ въ камеру и приноситъ четверку табаку Габая; да я, говорю, старовѣръ, не курю; да и не надо, говорить; вотъ тутъ написано: *табакъ Габая*; возьмите да и рисовывайте, да по рисованному читайте и научитесь. И что же бы

ты думалъ, въ одинъ мѣсяцъ всю премудрость одолѣлъ; а сначала ты я думалъ, что разъ стоитъ буква Г, значить: это гусь, б—это братъ, какъ въ азбукѣ показано; а потомъ сразу понялъ всю музыку и теперь умѣю и читать и писать. Съ недѣлю тому назадъ, сижу я въ Сушевской части, строгости такія, что хоть вѣшайся; я говорю унтеру: жаловаться хочу; онъ мнѣ въ отвѣтъ: что же, пиши прокурору; я написалъ и черезъ недѣлю меня переводятъ сюда, а здѣсь хорошо... вотъ что значить грамота... Хочешь, Михайло, я тебѣ прочту, что я прокурору написалъ? И Николай Васильевъ прочелъ приблизительно слѣдующее:

«Господинъ прокуроръ, баринъ ты мой милый, посадили меня въ эту яму, т. е. положительно ни за что; лишили меня свѣту, воздуха пространства и людей; что же, неужто прикажешь мнѣ вѣшаться гдѣ же у васъ Богъ; неужто царь приказалъ положительно ни за что людей въ яму сажать; освободите меня изъ этой ямы, верните мнѣ свѣтъ, воздухъ и пространство»... Ты слушаешь, Михайло? спросилъ онъ, окончивъ чтеніе. Ну, что скажешь?—Очень, братъ, хорошо. Неужли ты самъ это писалъ?—Да, что ты? Неужели ты не вѣришь? Вотъ я сейчасъ напишу тебѣ записку и пришлю съ часовымъ, чернило то будетъ мокрое, и ты повѣришь тогда.

Дѣйствительно, я сейчасъ же получилъ записку съ невысохшими чернилами; бѣдняга, впрочемъ писалъ, печатными буквами, подражая обложкѣ этикетки Габая. А сколько возился съ Николаемъ Васильевымъ на волѣ кузнецъ Василій Грязновъ, чтобъ научить грамотѣ этого оригинальнаго и талантливаго пропагандиста! А жандаржскій капитанъ Ловягинъ, тотъ самый Ловягинъ, въ котораго стрѣлялъ при арестѣ князь Циціановъ, научилъ его грамотѣ въ 5 минутъ; странная иронія судьбы!

Однажды я спросилъ Николая Васильева: вотъ, хорошо, ты пишешь; а что ты читаешь?—Все читаю, а толку никакого; т. е. положительно не понимаю для чего это люди пишутъ; пишутъ совсѣмъ не то, что надо бы писать, а такъ, какую-то чушь; читалъ и про мужика, и про рабочаго и вовсе эти господа писатели не знаютъ, чего нашъ братъ хочетъ; надоть освободить нашего брата отъ всякой неправды, чинимой барамъ, попами да купцами; а какъ освободить? этого никто не пишетъ. Я тебѣ сколько разъ сказывалъ, Михайло, что надоть въ одинъ часъ собраться всѣмъ фабрикамъ московскимъ да подмосковнымъ на Покровкѣ, да оттуда идти въ Кремль, а тамъ всенародно судъ учинить надъ господами; какъ засверкають топоры, неправды не будетъ.

Дѣйствительно, Николай Васильевъ не разъ предлагалъ намъ поднять возстаніе въ Москвѣ и учинить въ Кремлѣ судъ всенародный: я помню, какъ въ одно воскресенье вѣждалъ онъ къ намъ въ рабочую квартиру вмѣстѣ съ Иваномъ и Прокофьемъ Бариновыми и требовалъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье учинить этотъ всенародный судъ. Когда мы стали возражать противъ этого предложенія и называли его безуміемъ, Николай Васильевъ возмущенно сказалъ: доколь же пропагандой заниматься? Вѣдь положительно ни одного противника среди фабричныхъ нѣтъ, всѣ согласны за правду идти; такъ

его же ждатель-то? по моему либо сейчас, либо никогда; нашему рату не надо вздоху давать, а какъ дашь, онъ сейчасъ на попятный; ачнетъ затылокъ чесать и поминай, какъ звали; другой разъ кала-омъ къ себѣ не заманишь, потому—нельзя народъ долго томить; огласны, такъ надо идти, а не идешь, значить самъ не хочешь идти; такъ зачѣмъ же зовешь, спрашиваютъ всѣ меня...

Я объяснилъ ему, что если встанетъ одна Москва, ее задушатъ; нужно, говорю, чтобы за Москвою пошла вся Россія; тогда только правда настанетъ.

— Вся Россія, промолвилъ онъ; ужъ велика же она, не скоро это будетъ; а что мы съ тобою, Михайло, въ острогъ угодимъ, это зѣрно; такъ коли попадать, такъ попадать не зря.

Николай Васильевъ былъ замѣчательный знатокъ народа; сознательнымъ рабочимъ онъ не придавалъ значенія въ моментъ борьбы и даже нѣсколько презиралъ ихъ. Когда такой сознательный рабочий, какъ Василій Грязновъ, возражалъ ему, Николай Васильевъ говорилъ: поди ты къ чорту съ своимъ сознаньемъ; вотъ ты сознательный да что въ тебѣ проку; ты съ книгой въ рукахъ умрешь, а на Кремль все же не пойдешь; а мы не сознательные всѣ до одинаго хоть сейчасъ на Кремль поидемъ и за правду русскую ляжемъ.

Онъ хорошо видѣлъ жизненную неправду; онъ испыталъ ее на себѣ; зная, что эту неправду инстинктивно сознаетъ всякій рабочий, и въ этомъ общемъ сознаніи чувалъ согласіе массы на борьбу. Вотъ почему онъ считалъ прямо потерей времени развивать въ массѣ сознаніе; онъ заботился лишь о томъ, чтобы поскорѣе повести ее на борьбу. Пропаганду и распространеніе книгъ онъ считалъ бесполезнымъ и даже вреднымъ дѣломъ; такъ думалъ этотъ народный трибунъ и во многомъ былъ правъ.

Неудивительно поэтому, что всю жизнь тоскуя по грамотѣ и овладѣвъ ею въ сорокъ лѣтъ, онъ кончилъ все же тѣмъ, что въ одну ужасную ночь онъ обложилъ себя книгами и сжегъ себя вмѣстѣ съ ними; спасти его не удалось... Это была натура сильная и могучая, тоску бездѣйствія перенести онъ не могъ; онъ потерялъ надежду, а быть можетъ и вѣру; его не спасли ни богъ, ни царь, въ которыхъ онъ такъ горячо вѣрилъ въ сердцѣ своемъ.

Мнѣ недолго пришлось оставаться въ Пречистенской части; одного за другимъ перевезли насъ въ Петербургъ, и я попалъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ я и пробылъ почти до суда, то есть до февраля 1877 года.

Нашъ перевозъ въ Петербургъ уничтожилъ послѣднія иллюзіи возможной свободы; насъ будутъ судить, это мы знали; а что кромѣ неволи дастъ намъ судебный приговоръ!...

XII.

За нѣсколько дней до открытія засѣданія Особого Присутствія Сената, на разсмотрѣніе котораго было отдано наше дѣло, всѣхъ насъ перевезли въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Разъ утромъ меня вызвали въ школьное помѣщеніе этого дома; меня встрѣтилъ

тамъ В. Д. Спасовичъ, который уже разъ посѣтилъ меня въ крѣпости.—Ну, вотъ, скоро и судъ, сказалъ онъ. Я хотѣлъ бы знать, продолжалъ онъ, думаете ли вы во-первыхъ произнести рѣчь на судѣ во-вторыхъ, разрѣшите ли мнѣ, какъ защитнику вашему по назначенію отъ суда, говорить о Васъ, не *pour plaider coupable*, конечно и въ-третьихъ, всѣ мои товарищи по защитѣ: Герардъ, Боровиковскій, Ольхинъ, Бардовскій и другіе желали бы устроить въ Вашемъ присутствіи совѣщаніе, чтобы заранѣе ознакомить Васъ съ содержаніемъ защитительныхъ рѣчей каждаго изъ насъ; это необходимо во избѣжаніе недоразумѣній.—Я отвѣтилъ Спасовичу, что заранѣе никакой рѣчи не przygotowляю, что судебное слѣдствіе само покажетъ, что мнѣ говорить, и что все будетъ зависѣть отъ отношенія предсѣдательствующаго къ намъ; будетъ позволять говорить, найдемъ что сказать, не позволитъ, и не надо. Во всякомъ случаѣ, кто-нибудь изъ 50-ти чело-вѣкъ найдеть что нибудь сказать.

— Да, — перебилъ меня Спасовичъ, — все это такъ, но имѣйте въ виду, что говорить рѣчь на судѣ, не подготовившись, экспромптомъ очень трудно. Скажу вамъ про себя: когда я оставилъ кафедру и выступилъ въ качествѣ защитника, въ первое время я такъ терялся, что принужденъ былъ писать рѣчи и читать ихъ на судѣ, только продолжительная практика научила меня говорить рѣчи безъ помощи тетрадокъ. Ну, хорошо,—продолжалъ добродушно Спасовичъ,—вы не думаете писать рѣчи; по крайней мѣрѣ, вы заранѣе должны рѣшить вопросъ, будете ли признавать свою принадлежность къ организаціи?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Вѣдь я сказалъ же вамъ еще въ крѣпости, что я не признаю возможнымъ признавать участіе въ организаціи.

— Какъ, вы до сихъ поръ стоите на этомъ? А я со своими товарищами и съ согласія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ находимъ необходимымъ признать существованіе организаціи.

— Интересно бы знать, по какимъ это мотивамъ, спросилъ я.

— А вотъ, если хотите, я сейчасъ приглашу моихъ товарищей, которые всѣ здѣсь, и мы потолкуемъ, сказалъ Спасовичъ; онъ быстро вышелъ, кого-то куда-то послалъ и чело-вѣкъ семь присяжныхъ повѣренныхъ вошли къ намъ. Это были: Ольхинъ, Бардовскій, Боровиковскій, Герардъ, Хартунать, Коршъ и Зубаревъ.

— Вотъ, господа, сказалъ Спасовичъ, г. Джабадари стоитъ на своемъ, попробуйте-ка уломать его.

— Думаю, никакой необходимости нѣтъ уламывать меня; вы лучше скажите господа, кому и для чего нужно наше признаніе въ существованіи организаціи вообще и въ частности моя принадлежность къ ней. Если другіе товарищи мои по процессу настаиваютъ на этомъ, я ихъ не удерживаю; что же касается лично меня, я не буду признавать своего участія въ организаціи по мотивамъ, которые я сообщилъ уже Владимиру Даниловичу.

— Помилуйте, возразилъ мнѣ Ольхинъ, вѣдь уставъ отобранъ у Здановича, связь его со всѣми обвиняемыми доказана его же письмами, отрицать организацію, значитъ заператься и усугублять вину.

— Это вѣрно, это вѣрно, подхватили всѣ.

— Уставъ попался у Здановича, связь его съ другими доказана по же письмами, это вѣрно; но вѣдь неизвѣстно, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ написанъ этотъ уставъ; подумайте же, чего вы отъ насъ хотите; вы хотите, чтобъ мы повѣдали суду и то, что му, слава богу, еще неизвѣстно.

Тутъ Бардовскій вступился за меня и сказалъ:—Это правда, это правда; для чего въ самомъ дѣлѣ давать суду лишній поводъ доказываться до корней; мы такъ и поставимъ дѣло: уставъ самъ по себѣ, неизвѣстно откуда онъ взялся, а каждый обвиняемый самъ по себѣ; пусть что хочеть, то и говоритъ о себѣ, но объ уставѣ не слѣдуетъ заикаться; объ уставѣ придется говорить только тому, у кого онъ найденъ, т. е. Здановичу.

На этомъ мы и покончили, сообщивъ членамъ организациі о нашемъ рѣшеніи.

Мнѣ кажется, что нашихъ защитниковъ не столько интересовало наше усугубляющее вину заперательство, сколько желаніе увидѣть всю картину возникновенія этой организациі, что облегчило бы имъ задачу защиты.

21 февраля 1877 года въ 10 часовъ утра всѣхъ насъ, въ числѣ 50 человекъ, приводя по очереди, собрали въ рядъ въ корридорѣ петербургскаго окружного суда, разставивъ такимъ образомъ, что между каждыми двумя стояло по жандарму съ обнаженной саблей. Тутъ были всѣ, кромѣ Бети Каминской, дѣло о которой было прекращено, вслѣдствіе ея душевнаго расстройства.

Началась перекличка по алфавиту. Перекличку дѣлаеть офицеръ, немилосердно коверкая фамилии, обвиняемые поправляютъ его; дойдя до буквы Г, офицеръ съ большимъ усиліемъ старался разобрать фамилію Гамкрелидзе; ему это не удается и онъ громко выкрикиваетъ: Гам..., гам..., гам...; раздается всеобщій неудержимый смѣхъ, показавшій, что и послѣ двухмѣсячнаго предварительнаго заключенія подсудимые нисколько не потеряли душевной бодрости, что они весело и спокойно идутъ на судъ, который, какъ всѣ знали, долженъ сурово осудить ихъ. Настроеніе ихъ было приподнято радостью первой встрѣчи, и они не хотѣли думать о будущемъ. Офицеръ, смущенный общимъ смѣхомъ, спѣшитъ закончить перекличку и командуетъ ввести подсудимыхъ на судъ; двинулась торжественная длинная процессія; подсудимые шли по одиночкѣ въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, какъ ихъ выстроили въ корридорѣ, въ перемежку съ жандармами. Черезъ длинный, почти подземный проходъ, соединяющій домъ предв. заключенія съ зданіемъ окружного суда, они вступаютъ спокойно и молча въ залъ суда.

По лѣвую сторону отъ судей, на обычномъ мѣстѣ возвышалось мѣсто для 3—4 обвиняемыхъ, названное нами Голгофой, гдѣ посадили Кардашева, Здановича, крестьянина Острова и Сидорацкаго. По правую сторону на скамьяхъ, расположенныхъ уступами одна надъ другой, размѣстили остальныхъ подсудимыхъ. Внизу подъ хорами былъ разставленъ рядъ стульевъ для привилегированной публики; она была уже въ сборѣ и съ холоднымъ любопытствомъ, казалось намъ, наблюдала насъ. Позади судей занимали мѣста высокопоставленныя лица.

тамъ были: канцлеръ князь Горчаковъ, министръ юстиціи графъ Пилень, принцъ Ольденбургскій, князь Мингрельскій и друг.; на хорахъ помѣщалась другая публика, среди которой изрѣдка мелькали знакомыя лица родственниковъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ.

Когда подсудимые размѣстились на своихъ мѣстахъ, жандармы съ обнаженными шашками стали по сторонамъ. Многіе изъ насъ, въ особенности женщины, жившія въ юности за-границей, никогда еще не бывали въ судахъ, и онѣ съ непривычнымъ изумленіемъ смотрѣли на всю эту обстановку. Впереди насъ размѣстились защитники.

Пока длился обычный опросъ обвиняемыхъ о лѣтахъ, званіи и проч., большинство членовъ организаціи размѣстились ближе другъ къ другу, чтобы выработать программу, какъ держать себя на судѣ, въ случаѣ вопроса о принадлежности къ организаціи. По окончаніи допроса началось чтеніе обвинительнаго акта, длившееся нѣсколько часовъ, послѣ чего предсѣдательствующій Петерсъ объявилъ, что Особое Присутствіе постановило раздѣлить подсудимыхъ на восемь группъ и что судебное слѣдствіе будетъ происходить по каждой группѣ отдѣльно, что на завтрашній день будетъ вызвана одна первая группа, остальные будутъ вызываться въ судъ послѣдовательно.

Это заявленіе грозило намъ разлукой, мы не хотѣли уступить безъ борьбы свое право быть вмѣстѣ. Было очевидно, что судъ именно и не желаетъ видѣть насъ вмѣстѣ, а потому собственно и рѣшилъ разбить на группы.

Защита нерѣшительно просила судъ о допущеніи всѣхъ группъ совмѣстно присутствовать на засѣданіяхъ, мотивируя тѣмъ, что иначе придется постоянно прибѣгать къ просьбѣ о вызовѣ подсудимыхъ изъ другихъ группъ для выясненія нѣкоторыхъ фактовъ; первоприсутствующій не соглашался съ доводами защиты и возражалъ противъ нихъ. Недалеко отъ меня сидѣлъ Боровиковскій; я шепнулъ ему, что желалъ бы по этому поводу сказать нѣсколько словъ и вкратцѣ объяснилъ ему, что именно хочу сказать. — Прекрасно, прекрасно, вставайте скорѣе, просите слова, поощрилъ онъ меня. Я всталъ и заявилъ слѣдующее: ничего не имѣя противъ раздѣленія насъ на группы, я предлагаю суду, чтобы прокуратура отказалась въ такомъ случаѣ отъ обвиненія въ принадлежности всѣхъ насъ къ одному и тому же противозаконному сообществу, къ одной и той же организаціи и чтобы судили насъ cadaго за отдѣльныя, только ему принадлежащія дѣйствія, не обвиняя уже въ составленіи антиправительственнаго сообщества.

Боровиковскій былъ въ восторгѣ.—Ловко, ловко, говорилъ онъ мнѣ. Вѣдь вотъ намъ, юристамъ и въ голову это не пришло. А почему? Потому что мы стояли за признаніе организаціи, а вы все время противъ; понятно, что вы и нашли привести неотразимый доводъ. Судъ уважить, конечно, ваше ходатайство, иначе прокурору придется отказаться отъ самаго главнаго обвиненія, отъ обвиненія въ составленіи преступнаго сообщества.

Послѣ краткаго совѣщанія судей, Особое Присутствіе вынесло постановленіе допустить присутствовать на судебномъ слѣдствіи всѣхъ подсудимыхъ вмѣстѣ, причемъ само слѣдствіе вести по группамъ.

Побѣда была огромная; эта побѣда обусловила дальнѣйшій успѣхъ процесса; во-первыхъ, члены организаціи въ теченіе почти пяти нелѣтъ находились въ соприкосновеніи съ остальными товарищами не-тенными, что дѣйствовало на нихъ, въ особенности на рабочихъ, бодряющимъ образомъ; благодаря этому отчасти всѣ безъ исключенія обвиняемые держали себя безукоризненно хорошо; во-вторыхъ, выгнала и публика, которая ломилась въ залъ засѣданія отчасти по-ому, что желала присутствовать на большомъ процессѣ, гдѣ пред-гавлялась возможность лицезрѣть сразу цѣлую полсотню обвиня-ыхъ; вѣдь это былъ первый большой политической процессъ, гдѣ одновременно фигурировали, почти въ равномъ числѣ, интеллигентные мужчины, рабочіе и женщины. Эта большая, пестрая, но дружная группа обвиняемыхъ, не выдѣлившая изъ себя ни главарей, ни второ-епенныхъ участниковъ, ни измѣнниковъ, эта группа, спокойно и ордо смотрящая въ лицо своей участи, внушала публикѣ невольное удивленіе и уваженіе къ себѣ. Впечатлѣніе, конечно, было бы слабѣе, если бы подсудимыхъ вывозили на судъ по группамъ. Правда, мы не-думали импонировать публикѣ, мы не знали ея состава, хотя съ воли-амъ уже писали еще до суда, что обвинительный актъ произвѣдиль-ильное и хорошее впечатлѣніе на молодежь; требуя, чтобъ насъ су-дили вмѣстѣ, мы прежде всего хотѣли, какъ можно дольше, остаться вмѣстѣ; вѣдь это м. б. была послѣдняя наша встрѣча въ жизни.

Показанія свидѣтелей-рабочихъ на судебномъ слѣдствіи давали понять и суду и публикѣ, что народъ относится къ обвиняемымъ со-чувственно; наприм., рабочіе, которые хорошо знали меня и съ ко-торыми я бесѣдовалъ не разъ и не два, на судѣ безъ всякаго уго-вора съ кѣмъ-либо, отрицали всякое со мною знакомство; то же было и съ другими. Изъ сотни свидѣтелей единственнымъ да и то мягкимъ обвинителемъ оказалась Дарья Скворцова, которая слиш-комъ много сказала раньше, чтобъ идти назадъ, и ткачъ Яковлевъ, который питалъ личную вражду къ Николаю Васильеву. Свидѣтелямъ обвинения, по требованію прокурора, то и дѣло представлялись пока-занія, данныя ими при дознаніи, но свидѣтели оставались при пока-заніяхъ судебного слѣдствія. Интересъ публики видимо возрасталъ съ каждымъ днемъ. Я не могу умолчать объ одномъ происшествіи, имѣв-шемъ мѣсто во время судебного слѣдствія; я говорю о поддѣлкѣ би-летовъ на входъ публики въ залъ засѣданія, куда по распоряженію суда болѣе 50-ти человекъ не допускалось.

Слѣдствіе приближалось къ концу, когда однажды, во время до-проса какого-то свидѣтеля, поднялась страшная возня на хорахъ; мы видѣли только, что хоры наводнились вдругъ жандармами, вытѣснив-шими оттуда всю публику. Не зная въ чемъ дѣло, мы думали, что Петерсъ распорядился на дальнѣйшія засѣданія публики не допускать; только вечеромъ, когда я пришелъ къ себѣ въ камеру и въ обычное время принялъ участіе въ своеобразномъ засѣданіи нашего тюрем-наго клуба (такъ назывались разговоры черезъ водосточныя трубы), вдругъ въ моемъ клубѣ, гдѣ были, между прочимъ, Купріяновъ, Бого-любовъ (впослѣдствіи жертва Трепова) и другіе, я слышу, ко мнѣ обращается незнакомый голосъ: «Здравствуйте, Иванъ Спиридоно-

вичъ, я такъ полюбилъ васъ и всѣхъ вашихъ товарищей, познак- мившись съ вами изъ чтенія обвинительнаго акта, что самъ попалъ къ вамъ въ тюрьму.»

Это былъ Валеріанъ Осинскій, о которомъ я еще ничего не слышалъ раньше и обращеніе котораго по имени-отчеству, что в нашей средѣ не было принято, поразило меня.—Неужели вы попали сюда изъ любви къ намъ? полушутя спросилъ я Осинскаго.

— Изъ любви, Ив. Спир., ей, ей изъ любви. Я такъ полюбилъ вашихъ женщинъ, этихъ небесныхъ ангеловъ, я такъ полюбилъ вашихъ рабочихъ и всѣхъ васъ кавказцевъ и русскихъ, что хотѣлъ дать возможность полюбить васъ и широкой публикѣ и задумалъ съ товарищами снабдить публику, не имѣющую билетовъ на входъ въ залъ засѣданія, поддѣльными билетами, которые мы и отпечатали сами. Въ первый день, т. е. вчера намъ удалось вмѣсто 50-ти впустить свыше 200 человекъ, но на 2-й день, когда мы роздали уже болѣе 500 билетовъ и вся эта публика разомъ осадила хоры, жан-дармы догадались, и я вмѣстѣ съ товарищами моими, раздававшими билеты у входа, попали сначала въ участокъ, а затѣмъ и къ вамъ въ тюрьму.

Все это Осинскій говорилъ спѣша и волнуясь отъ непривычнаго и крайне неудобнаго способа разговора по трубамъ. Такое открытое выраженіе любви къ единомышленникамъ, столь рѣдко встрѣчавшееся въ революціонной средѣ того времени, меня чрезвычайно поразило и возбудило во мнѣ горячее чувство къ нему. Я просилъ, чтобы на другой день во время гулянья онъ подошелъ къ моему окну перваго этажа, чтобъ я могъ видѣть его; онъ подошелъ, и мы долго и молча смотрѣли другъ на друга; я до сихъ поръ помню это прекрасное юношеское лицо съ большими горѣвшими радостью глазами. За это недозволенное, хотя и молчаливое свиданіе, его сейчасъ же перевели въ другую камеру, и съ тѣхъ поръ я его больше никогда не видѣлъ: я пошелъ въ Каторжную Центральную тюрьму, а онъ черезъ два года былъ казненъ.

Въ 1877 году Домъ предвар. заключенія представлялъ обширную политическую лабораторію, гдѣ производился тщательный анализъ пережитаго и гдѣ намѣчались новые пути борьбы съ врагомъ, съ которымъ, какъ всѣ видѣли, трудно было бороться одними мирными средствами, какъ боролись до сихъ поръ; насъ было собрано тамъ около 225 человекъ (по казанск. процессу, по большому, по нашему процессу и по другимъ мелкимъ процессамъ); собственно говоря уже здѣсь, въ Д. пр. закл., положены были первые зачатки сформировавшейся партіи «Земли и Воли» и «Народной Воли»; вдохновителями этихъ партій, а впослѣдствіи и прямыми участниками ихъ, были по преимуществу люди этихъ процессовъ, вынашивавшіе свои думы подъ кровлей этой тюрьмы. Тѣ осужденные, кому не суждено было скоро увидѣть свободу, клялись стойко нести свой крестъ, а освобожденные клялись продолжать дѣло до послѣдняго вздоха; и тѣ и другіе остались вѣрны своей клятвѣ.

Въ этой политической лабораторіи обсуждались и нѣкоторыя рѣчи, которыя предстояло произнести на судѣ; рѣчи Петра Алексѣева,

Зардиной, Филата Егорова, а впоследствии по процессу 193-хъ и Мышина были предварительно просмотрѣны многими изъ заключенныхъ, уже по одобреніи близкихъ, сказаны на судѣ. Впечатлѣніе, произведенное этими рѣчами, было такъ сильно, что князь Горчаковъ, заслушавъ объясненіе подсудимыхъ, выразилъ сожалѣніе въ кругу правящихъ лицъ, зачѣмъ допустили публичность этого (нашего) процесса.—Вы думали, сказалъ онъ, убѣдить наше общество и Европу, что это дѣло кучки недоучившихся мечтателей, мальчишекъ и дѣвчонокъ и съ ними нѣсколькихъ пьяныхъ мужиковъ, а между тѣмъ вы убѣдили всѣхъ, что это не дѣти и не пьяные мужики, а люди вполне зрѣлые умомъ и крупнымъ самоотверженнымъ характеромъ, люди, которые знаютъ за что борются и куда идутъ; я это предвидѣлъ и предупреждалъ Васъ, говорилъ онъ, графу Палену; теперь Европа видитъ, что враги правительства не такъ ничтожны, какъ Вы это хотѣли показать.

Этотъ разговоръ кн. Горчакова я знаю изъ устъ В. Д. Спасовича.

Имѣя въ виду, что организація наша носитъ характеръ преимущественно рабочей, явилась необходимость, чтобы рѣчь была услышана судомъ и публикой изъ устъ не интеллигента, а самого рабочаго; по начитанности и интеллигентности Петръ Алексѣевъ уступалъ многимъ другимъ рабочимъ, участвовавшимъ въ этомъ процессѣ, напр. братьямъ Жуковымъ и другимъ; но во-первыхъ, эти рабочіе не были еще членами организаціи, а потому неловко было выпускать ихъ съ публичной програмной рѣчью, а во-вторыхъ, необходимо было обладать тѣмъ сильнымъ характеромъ, упрямой энергіей и могучимъ голосомъ, какимъ обладалъ Петръ Алексѣевъ, чтобы во что бы то ни стало сказать такую рѣчь, выполнить взятую на себя задачу. А выполнить было трудно потому, что защитники заранѣе предупредили насъ, что нужно быть краткимъ и энергичнымъ въ рѣчи, иначе Петерсъ не дастъ договорить до конца и лишитъ слова въ самомъ началѣ рѣчи.

Итакъ, выборъ нашъ палъ на Петра Алексѣева; ему въ общихъ чертахъ намѣчено было, о чемъ говорить, и предложено было, чтобы онъ самъ написалъ свою рѣчь; онъ ее написалъ въ главныхъ чертахъ такъ, какъ она была произнесена на судѣ и какъ она появилась въ печати; когда онъ передалъ ее мнѣ на просмотръ, я исключилъ нѣкоторыя длинноты, исправилъ грамматическія ошибки, вотъ и все; въ окончательной редакціи рѣчь была просмотрѣна и другими членами организаціи, Чикоидзе, Циціановымъ, нѣкоторыми женщинами, которые сидѣли рядомъ со мною и Петромъ Алексѣевомъ на судѣ. Затѣмъ, я просилъ Петра, чтобы онъ заучилъ рѣчь наизусть, какъ отче нашъ и декламировалъ бы ее у себя въ камерѣ; онъ ее выучилъ и читалъ на память мнѣ и Чикоидзе, между которыми онъ сидѣлъ. За день или за два до произнесенія этой рѣчи, мы съ Чикоидзе произвели нѣчто вродѣ генеральной репетиціи. Во время обѣденнаго перерыва засѣданія мы заставили Петра Алексѣева, вытянувшись во весь ростъ, держать рѣчь, какъ бы обращаясь къ предсѣдательскому креслу; онъ произнесъ ее безъ запинки и крайне выразительно; когда посреди рѣчи Чикоидзе перебилъ его обычнымъ предсѣдательскимъ окрикомъ «подсудимый остановитесь», Петръ Алексѣевъ, вмѣсто того, чтобы

остановиться, повысилъ голосъ, оттолкнулъ Чикоидзе и докончилъ рѣчь. Мы беззвучно аплодировали къ великому удивленію окружающихъ насъ жандармовъ. А Петръ, обратившись къ Чикоидзе, сказалъ ишь, ты какой, хотѣлъ меня сбить, нѣтъ братъ, теперь не собьешь.

— Молодецъ, Петруха, молодецъ, говорилъ Чикоидзе, съ силой ударяя его по плечу.

Во время произнесенія имъ рѣчи передъ судомъ, мы сидѣли на томъ же мѣстѣ, на послѣдней скамьѣ и въ томъ же порядкѣ; между мною и Чикоидзе сидѣлъ Петръ; Чикоидзе держалъ написанную рѣчь передъ собою на случай, если бы Петруха сбился, онъ долженъ былъ подсказать ему. Дѣйствительно, въ серединѣ рѣчи, при глубокомъ молчаніи всѣхъ, когда и судъ, и публика, и въ особенности подзудимые слушали его съ затаеннымъ дыханіемъ, вдругъ Петръ на мгновеніе запнулся и остановился; я положительно обмеръ отъ этой паузы, которая мнѣ показалась вѣчностью; но Петруха, сказавъ почему то «виноватъ», пошелъ дальше и блестяще закончилъ рѣчь при громкихъ аплодисментахъ публики и при неистовомъ крикѣ представителя Петерса «подсудимый, остановитесь, я прикажу васъ вывести». Но Петръ, повысивъ голосъ и перекрикивая весь этотъ шумъ, закончилъ рѣчь, какъ бы бросая послѣднія слова: «и ярмо деспотизма огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ»!

Это была огромная побѣда, обратившая въ бѣгство весь судъ. Тотчасъ объявленъ былъ перерывъ засѣданія. Петруха, этотъ высокій здоровенный мужчина охваченъ былъ такимъ волненіемъ, что по окончаніи рѣчи трясся, какъ въ лихорадкѣ; руки и ноги дрожали до такой степени, что онъ не могъ стоять на ногахъ и когда къ нему потянулись руки защитниковъ и товарищей съ поздравленіемъ, онъ еле могъ протягивать свою дрожащую руку.—Это народный трибуналъ взволнованно воскликнулъ Спасовичъ, обращаясь къ намъ.

Триумфъ Петра былъ полный, но это былъ его первый и послѣдній триумфъ! Замуравленный въ центральной тюрьмѣ, переведенный потомъ на Кару, а затѣмъ водворенный въ Якутской области, онъ безвременно погибъ, убитый какимъ то дикимъ якутомъ, позарившимся на небольшія деньги, хранившіяся у него въ подушкѣ для побѣга.

Сочувствіе публики къ Петру Алексѣеву послѣ произнесенной имъ рѣчи было такъ сильно, что на другой день вся камера Петрухи была завалена табакомъ, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индѣйками, конфектами и печеніями, а также платьемъ и бѣльемъ. Петруха, вскормленный на черномъ хлѣбѣ, иногда быть можетъ пополамъ съ лебедой, дивился, какими сладостями питаются бары, купцы и попы и шутя говорилъ, что если бы всегда его кормили такъ на убой, онъ пожалуй и не произнесъ бы своей рѣчи.

Забота о Петрухѣ, объ успѣхѣ его рѣчи волновала меня больше его самого; я такъ былъ занятъ имъ, что мнѣ самому ничего ужъ не удалось сказать тѣмъ болѣе, что всѣхъ интеллигентовъ Петерса немилосердно прерывалъ; вотъ почему никому ничего произнести не удалось, кромѣ Бардиной, начавшей свою рѣчь очень мягкимъ вступленіемъ. Рѣчь Бардиной была написана по соглашенію ея съ бли-

жайшими подругами своими и была передана въ рукописи и намъ. Я былъ въ восторгѣ отъ этой рѣчи больше, когда я читалъ, чѣмъ, когда я слышалъ ее изъ ея устъ на судѣ: Бардиной удалось сказать всю рѣчь, благодаря тому, что она умѣла говорить замѣчательно вкрадчиво, непринужденно и слушателямъ казалось, что она говоритъ о самыхъ невинныхъ вещахъ, точно бесѣдуетъ съ близкими; простота рѣчи и скромность, съ какой она защищалась отъ нелѣпыхъ обвиненій прокурора въ отрицаніи семьи, собственности и проч., ея увѣреніе, что она, напротивъ, думала защитить и то и другое, все это обезоруживало довольно корректнаго предсѣдателя суда Петерса и хотя онъ прерывалъ ее, но прерывалъ, какъ бы извиняясь передъ нею.

Михаиль Чикоидзе сказалъ всего нѣсколько словъ, но эти слова заставили плакать не только публику, но и подсудимыхъ. Онъ сказалъ: «что мнѣ говорить; я знаю, вы меня не оправдаете; какой бы вы приговоръ ни вынесли, будетъ ли это поселеніе или каторга, мнѣ все равно; вы меня мучаете вотъ уже два года, вы властны мучить и дальше, пока не отнимете у меня жизнь, я отдаю вамъ ее.»

У него былъ замѣчательно пріятный тембръ голоса, захватывающій за душу; при послѣднихъ словахъ его на хорахъ послышались едва сдерживаемыя рыданія, точно человѣка дѣйствительно осудили на смерть.

Послѣднія слова его рѣчи оказались, на самомъ дѣлѣ, какъ бы пророчествомъ для него: сосланный въ Восточную Сибирь въ 1877 году и бѣжавшій оттуда въ 1881 г., онъ примкнулъ къ «Народной Волѣ», но скоро опять арестованный и сосланный административно въ Сибирь, онъ по приговору Киренскаго полицейскаго дореформеннаго суда былъ отправленъ за побѣгъ на каторгу на Кару, а оттуда въ Якутскую область. Эти вторичныя мытарства окончательно подорвали его физическія силы, и онъ умеръ отъ чахотки въ больницѣ на рукахъ чужихъ людей, въ захолустномъ углу Сибири, по дорогѣ въ Россію, куда ему вернуться такъ и не было суждено.

Нѣсколько словъ сказалъ также и крестьянинъ, ткачъ кустарь Филать Егоровъ. На вопросъ предсѣдателя, что имѣете сказать, онъ произнесъ слѣдующее:

А вотъ, что я могу сказать: Вы обижаетесь, когда мы осуждаемъ ваши порядки, вы, пожалуй, правы, потому что Спаситель (при этомъ онъ указалъ на образъ, висѣвшій въ залѣ суда) сказалъ: не судите да не судимы будете; но если эти слова относятся къ намъ, они должны относиться и къ вамъ; такъ зачѣмъ же вы меня судите, если вы христіане? Я думаю, что васъ также будутъ судить, но не здѣсь, а тамъ (онъ поднялъ руку кверху).... на страшномъ судѣ господнемъ.

Пытались говорить и другіе, но ихъ останавливали съ первыхъ же словъ; такъ, рѣчь Здановича, опубликованная въ сборникѣ Базилевскаго, не была произнесена; онъ успѣлъ сказать только нѣсколько словъ въ объясненіе своихъ писемъ и документа, отобраннаго у него, правдиво заявивъ суду, что авторомъ устава онъ не былъ. Не про-

износилъ рѣчи и Семень Агаповъ, хотя почему то его рѣчь также опубликована въ сборникѣ Базилевскаго ¹⁾).

Стенографическій отчетъ по нашему дѣлу, который вѣроятно сохранился, можетъ вполне возстановить все, что было говорено подсудимыми въ ихъ послѣднихъ рѣчахъ.

Приговоромъ, объявленнымъ 14 марта 1877 года были присуждены къ каторжнымъ работамъ 15 человекъ, изъ нихъ 9 мужчинъ и 6 женщинъ.

Этотъ приговоръ поразилъ своей суровостью всѣхъ, не исключая и Спасовича, который былъ заранѣе приблизительно освѣдомленъ объ исходѣ процесса. Такъ, мнѣ онъ сказалъ, что меня осудятъ на 5 лѣтъ каторги и не ошибся; но когда онъ услышалъ суровый приговоръ многимъ и въ особенности женщинамъ, онъ воскликнулъ: это возмутительно, это даже незаконно; они зарѣзали себя такимъ приговоромъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней судъ и прокуратура опомнились; они стали подсылать къ намъ нѣкоторыхъ товарищей прокурора, которые ходили по камерамъ и уговаривали насъ подать кассационныя жалобы. Мы, осужденные, рѣшили, что мужчинамъ лучше не кассировать; женщинамъ же послали коллективную просьбу, чтобы онѣ непременно обжаловали приговоръ; онѣ долго колебались, съ отвращеніемъ думая о новыхъ судебныхъ мытарствахъ, но, по настоянію Боровиковскаго и Спасовича, подписали кассационную жалобу. Жалоба эта была написана Боровиковскимъ и имъ же поддерживалась въ Сенатѣ. Приговоръ, послѣ кассациі, былъ оставленъ въ силѣ только въ отношеніи тѣхъ пяти подсудимыхъ, которые не подавали жалобы, т. е. въ отношеніи Циціанова, Петра Алексѣева, Кардашева, Здановича и Джабадари, которые и были заключены въ Центральную тюрьму.

5 апрѣля 1877 года мы собрались еще разъ для выслушанія приговора въ окончательной формѣ. Это былъ послѣдній день свиданія нашей дружной товарищеской семьи. Въ память этого дня намъ принесли съ воли 50 маленькихъ серебряныхъ позолоченныхъ крестиковъ, которыми мы обмѣнялись другъ съ другомъ. Крестъ—единственная дозволенная вещь, которую могли взять съ собою даже каторжане; эти кресты были заказаны нами; на одной сторонѣ было рельефное изображеніе распятія, а на другой едва замѣтная надпись: 5 апрѣля 1877 г. и начальныя буквы Р. С. Р. Б., т. е. Русское Соц. Революц. Братство. Крестъ этотъ я берегъ долго, пронесъ его черезъ Центральную каторжную тюрьму, до Карійской тюрьмы; но въ 1882 году, когда послѣ побѣга Мышкина и другихъ, губернаторъ Ильяшевичъ разнесъ всю Карійскую тюрьму, а насъ маленькими партіями, босякомъ, въ одномъ бѣльѣ, по снѣгу прикладами перегонялъ въ другую тюрьму (верстахъ въ 9-ти отъ Карійской), я потерялъ этотъ

¹⁾ Она перепечатана мною изъ V тома заграничнаго журнала „Впередъ“ за 1877 годъ, гдѣ она помѣщена рядомъ съ рѣчами Бардиной, Алексѣева и Здановича.

В. Богуцарскій.

крестъ и мнѣ такъ было грустно, точно съ нимъ я потерялъ всѣхъ своихъ друзей. Тогда я еще вѣрилъ въ возрожденіе нашей тѣсной Братской семьи, но съ тѣхъ поръ прошло 25 лѣтъ, суровые вихри жизни развѣяли ее въ разныя стороны, заматая самые слѣды ея когда то кипучей жизни.

И. С. Джабадари.

Изъ пережитаго.

Въ 1885 г., я вмѣстѣ съ Люстигомъ былъ отправленъ съ каторги—карийской политической тюрьмы—на поселеніе въ Якутскъ. Намъ пришлось ждать въ иркутской тюрьмѣ открытія лѣтняго воднаго пути по Ленѣ. Въ это время, въ иркутской женской тюрьмѣ сидѣли каторжанки съ Кары за бунтъ. Между ними была Богомолецъ. Въ той же иркутской тюрьмѣ ждали открытія лѣтняго пути братъ Богомолецъ, административно-ссылный Присѣцкій съ женой. Во время прогулки Богомолецъ разговаривала со своимъ братомъ черезъ окно, которое выходило на дворъ женскаго отдѣленія изъ нашихъ мужскихъ политическихъ одиночекъ. Часовой запрещалъ разговаривать и замахнулся на Богомолецъ прикладомъ. У меня, на окнѣ, лежалъ брусокъ, и я бросилъ имъ черезъ рѣшетку въ часового.

За это меня привлекли къ суду, какъ лишеннаго правъ, но такъ какъ я заявилъ, что никакого суда не признаю, считаю себя плѣннымъ и сторонникомъ социалистическихъ идей, то судили губернскимъ судомъ заочно, меня же отправили дальше.

На поселеніе въ Якутскую область я прибылъ въ сентябрѣ 1885 г. Въ юнѣ 1886 г., въ Якутскъ прислали рѣшеніе суда, въ силу котораго я былъ приговоренъ къ 50 ударамъ плетью и 8 мѣс. каторжныхъ работъ. Плети къ политическимъ не примѣнялись, а для отбыванія каторжныхъ работъ меня отправили изъ Якутской области этапнымъ порядкомъ съ казаками и подъ сельскимъ конвоемъ въ Александровскую центральную тюрьму въ Иркутской губ., отстоявшую отъ Иркутска въ 60 верстахъ.

Я ѣхалъ изъ Якутской области вмѣстѣ съ тремя уголовными—двумя скопцами и сахалинцемъ, судившимся за какое то убійство. Одинъ изъ скопцовъ былъ бродяга, другой обвинялся въ убійствѣ. Головы мнѣ не брили; только заковали въ кандалы; въ кандалахъ были и уголовные. Одинъ изъ скопцовъ былъ достаточно богатъ, чтобы напоить и подкупить казаковъ, и они сняли съ насъ кандалы. Доѣхавъ до Киренска и переѣхавъ черезъ Лену, я условился съ сахалинцемъ, и мы завели казаковъ въ кабакъ. Пока они угощались, я потихоньку вышелъ изъ кабака и бѣжалъ въ Киренскъ, гдѣ сталъ розыскивать живущихъ тамъ ссыльныхъ товарищей. Нашелъ я ихъ

жоро. Они были нѣсколько озадачены моимъ побѣгомъ, такъ какъ у нихъ не было притона. Пришлось вернуться въ полицейское управленіе, гдѣ меня заковали въ кандалы и отправили дальше, снабдивъ конвойныхъ двумя бумагами, одной—запечатанной, другой—открытой; въ послѣдней значилось, что я долженъ слѣдовать закованный въ кандалы.

Послѣ Киренска бѣжать казалось возможно. Мѣста были населенныя. Сахалинецъ, богатый скопецъ, хромой на одну ногу, и я рѣшили вмѣстѣ бѣжать на пути между Жигаловымъ и Верхоленскомъ. Въ Киренскѣ партія наша увеличилась. Къ ней присоединили пріискателя и уголовного поселенца. Оба они, какъ безпаспортные, возвращались на родину.

Изъ Киренска насъ сопровождали новые казаки, служившіе на пріискахъ. Какъ всѣ пріискатели, они любили выпить. Сахалинецъ угощалъ ихъ на деньги скопца и поддерживалъ постоянно въ веселомъ настроеніи. Изъ разговоровъ съ сахалинцемъ выяснилось, что онъ находитъ нужнымъ, по дорогѣ, когда мы бѣжимъ, убить хромого скопца: возиться, молъ, въ тайгѣ съ хромымъ не стоитъ, да и убить скопца не грѣхъ (какой онъ работникъ! что онъ за человѣкъ!) Кромѣ того, пустившись въ откровенность, онъ сказалъ, что по дорогѣ мы должны раздѣлаться еще съ одной содержательницей кабака, которая измѣнила и выдала его товарищей. Перспектива участвовать въ двухъ убійствахъ, хотя бы и пассивно, заставила меня отказаться отъ побѣга съ сахалинцемъ.

На переправѣ черезъ какую-то рѣчку или черезъ рѣку Лены (я уже не помню) сахалинецъ сильно подпоилъ казаковъ и «чадо», какъ мы называли административно-пересылаемаго, и подзадорилъ «чадо» на ссору съ казаками. Пьяный «чадо» оскорбилъ и выругалъ казаковъ, тѣ пригрозили его побить, онъ ударилъ одного и началась свалка. Въ это время, часть нашего поѣзда уже переправилась черезъ рѣку на паромѣ. Сахалинецъ и хромой скопецъ, какъ бы желая пройтись, пошли впередъ. Дорога шла просѣкой, въ густомъ лѣсу. Пройдя немного, они скрылись изъ нашихъ глазъ. Драка стражи съ «чадомъ» продолжалась. Наконецъ, послѣ получаса съ небольшимъ борьбы, свободолюбивый пріискатель былъ скрученъ казаками. Когда все успокоилось, казаки обратили вниманіе на отсутствіе двухъ арестантовъ. Мы успокоили ихъ, говоря, что, вѣроятно, отсутствующіе дойдутъ до слѣдующаго станка, гдѣ и будутъ насъ ждать. Но на слѣдующемъ станкѣ ихъ не оказалось. Они ушли. Во время свалки уголовный тоже воспользовался удобнымъ случаемъ и стянулъ у одного изъ казаковъ, старшаго, сторублевую бумажку.

Въ то патріархальное время важнѣе было доставить бумагу, чѣмъ арестованнаго человѣка, и за побѣгъ арестанта казаки не отвѣчали.

Въ партіи осталось три человѣка—я, уголовный и скопецъ. Я рѣшилъ бѣжать одинъ. Уголовному и скопцу бѣжать не было никакого разсчета. Желая возможно больше проѣхать на казенный счетъ, я рѣшилъ бѣжать со станціи Вальзовой, которая была въ такъ называемой «братской степи», между притокомъ р. Лены и Ангарскимъ

горнымъ хребтомъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною у бродягъ, я зналъ, что «братскіе» (буряты) безъ церемоніи убиваютъ бродягъ при встрѣчѣ. «Убьешь бѣлку—получишь 15—20 коп., а убьешь бродягу—наберется все-таки копѣекъ 50—60»,—говорятъ братскіе шаманы.

Я думалъ пройти братскую степь ночью, прячась днемъ въ кусты. Понятіе о степи въ Сибири иное, чѣмъ у насъ въ Россіи; у насъ степью называютъ безлѣсное пространство; тамъ, въ Сибири, степью называется мѣсто ровно поросшее мѣстами лѣсомъ и кустами, голое для сѣнокоса и хлѣбопашества. Вальзовскій поселокъ расположенъ былъ въ яру на какой-то маленькой рѣчкѣ, лѣвый берегъ которой крутой, горный, а правый поднимается покато и тянется до горизонта. Вся картина мѣста открывалась мнѣ съ птичьяго полета. Начался спускъ съ горы версты три, если не болѣе, въ длину. Мнѣ видны были дома селенія, зады которыхъ выходили на пологій скатъ. Виденъ былъ одинъ строящійся домъ, который я замѣтилъ, чтобы ночью пробраться черезъ него и такимъ образомъ пройти не черезъ селеніе. Далѣе я составилъ планъ: выйти на Ангару, перерѣзавъ братскую степь, пройти по Ангарѣ, затѣмъ, по старому, теперь брошенному извозчиками пути пройти на, такъ называемый, Московскій трактъ, а тамъ я считалъ себя уже въ Россіи.

На ночлегъ мы остановились на обывательской квартирѣ, недалеко отъ недостроеннаго дома. Обычай того времени для арестантовъ былъ таковъ: придя на ночлегъ, они вмѣстѣ съ конвойными отправлялись запасаться пищей; у кого денегъ не было, тотъ христарадничалъ. Я пошелъ купить себѣ хлѣба и еще разъ, такимъ образомъ, осмотрѣлъ дворъ, гдѣ строился новый домъ. Онъ былъ совсѣмъ пустъ. По возвращеніи домой, у меня разболѣлась голова, вѣрно отъ угара. Я занявилъ сельской стражѣ, что не могу ночевать въ избѣ, а буду спать во дворѣ. Взялъ мѣшокъ и незамѣтно сунулъ въ него принесенный хлѣбъ. Въ мѣшкѣ уже были двѣ пары портянокъ, зеркало, сибирскій озямъ (верхняя короткая свитка изъ желтой верблюжьей шерсти; въ Сибири про нее говорятъ, что «дождь за горой, а она уже мокра». Дѣйствительно, намокая быстро, она потомъ не пропускаетъ воду). Кромѣ того, въ моемъ мѣшкѣ была еще пара гражданскаго бѣлья. Всѣ эти приготовления я дѣлалъ незамѣтно отъ стражи. Наполненный мѣшокъ имѣлъ форму подушки. Самъ я былъ въ арестантскомъ платьѣ.

Бумага о кандалахъ была мною украдена еще раньше. Въ одномъ волостномъ правленіи я замѣтилъ валяющуюся на столѣ испи. санную бумажку такой же формы, какъ и бумага о кандалахъ. Писарь былъ выпивши; я этимъ воспользовался, чтобы подмѣнить. Бумаги сдавались по счету и мое воровство не было обнаружено; кандалы я свои снялъ, войдя въ соглашеніе съ казаками. Всѣмъ сельскимъ конвоирамъ-крестьянамъ я говорилъ, что возвращаюсь на родину, но мнѣ все-таки они не довѣряли.

Такъ и теперь, два сельскихъ стражника легли по обѣимъ сторонамъ около меня на концы моего халата въ надеждѣ проснуться если я повернусь. Съ вечера я осмотрѣлъ дворъ; онъ оказался хорошо приспособленнымъ для арестантской ночевки: кругомъ были вы-

окія постройки, перелѣзть черезъ которыя было довольно трудно; войти во дворъ можно было только черезъ форточку или ворота, запиравшіеся на ночь общимъ засовомъ со вбитымъ въ него клиномъ.

Ночью, когда я услышалъ мѣрное дыханіе моей стражи, я погихоньку дернулъ съ одной стороны халатъ—мѣрное дыханіе не прерывалось; дернулъ съ другой стороны—спячь. Такимъ образомъ прежде придавливавшій меня халатъ сталъ свободнымъ. Изъ подъ халата я вытолкнулъ мѣшокъ-подушку и вылѣзъ самъ. Осторожно, расшатывая, вынулъ клинъ, отворилъ форточку и вышелъ на улицу. Была ясная, лунная ночь. Черезъ дворъ, гдѣ строился домъ, я вышелъ на выгонъ, гдѣ виднѣлись силуэты лошадей. Мнѣ приходилось пройти мимо нихъ. Я прятался въ неровностяхъ почвы, такъ какъ нужно было избѣгать возможности попасть на глаза караульщикамъ лошадей.

Шель я быстро... Чувство свободы, добытой своими собственными силами, наполнило мой внутренній міръ свѣтлымъ, радостнымъ настроеніемъ... Ясная, лунная ночь, свѣжая, осенняя, какія бывають только въ Сибири, привѣтствовала мое освобожденіе... Объективная природа и субъективное настроеніе совпадали въ стройную гармонию... Я съ восторгомъ наслаждался блѣднымъ, покойнымъ, нѣжнымъ свѣтомъ луны, сіяніемъ звѣздъ на осеннемъ синемъ сибирскомъ небѣ, свѣжимъ, слегка морознымъ воздухомъ ночи...

Хорошо переживать такія минуты...

Это было 13 августа 1886 года.

Въ эту ночь я прошелъ верстъ 40—50. Разсвѣтъ меня засталъ невдалекѣ отъ буерачнаго, тощаго лѣса, гдѣ я и спрятался. Нужно было отдохнуть и измѣнить свой внѣшній видъ: сбрить бороду, принять видъ отставнаго солдата, такъ какъ въ паспортѣ я значился отставнымъ солдатомъ какого-то сибирскаго стрѣлковаго батальона.

Когда я достаточно приглядѣлся къ окружающей мѣстности, оказалось, что мнѣ угрожала опасность: отары овецъ съ собаками и пастухами приближались къ лѣску. Лѣсокъ былъ выбитъ скотомъ, со множествомъ проторенныхъ тропинокъ и настолько рѣдокъ, что только издали можно было незамѣтить челоуѣка.

Закусивъ хлѣбомъ, я пошелъ вдоль лѣса въ направленіи моего пути. Предо мной была пологая гора, оканчивающаяся обрывомъ; на краю этого обрыва видна была густая сосновая роща. Чтобы добраться до нея, нужно было перебѣжать $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$ версты. Прибѣжавъ въ рощу, я подошелъ къ обрыву. Черезъ стволы деревъ предо мной открылась трехугольная площадь, съ обѣихъ сторонъ которой текли двѣ рѣки, восточная съ моей стороны и западная—съ другой. Западная рѣка вытекала изъ ущелья, черезъ которое я именно и долженъ былъ пройти. Ущелье это виднѣлось какъ въ туманѣ, на разстояніи верстъ 20-ти если не болѣе отъ меня. Я подождалъ пока зашло солнце. Небо заволкло тучами, пошелъ мелкій осенній дождь. Днемъ въ рощѣ я составилъ планъ моего пути: мнѣ нужно было пройти вдоль восточной рѣки и потомъ, перерѣзавъ площадь, достигнуть ущелья, не доходя котораго было братское поселеніе.

Ночь была темная, трудно было различать окрестности, но въ

моей головѣ такъ запечатлѣлась картина этой площади, что я въ потьмахъ не измѣнялъ направленія.

По пути попалося болото; сначала я хотѣлъ по кочкамъ перейти его, но разстояніе между кочками становилось все больше и больше. Палкой я нащупывалъ кочки и глубину болота. Наконецъ, разстояніе оказалось черезчуръ большимъ, переходить было невозможно, пришлось возвратиться обратно и обойти болото.

Путь мой пересѣкала рѣка. Ее же нужно было перейти опять въ бродъ и за поселкомъ братскимъ. Переходя рѣчку, я палкой ощупывалъ глубину (вода доходила подъ мышки), а другой рукой придерживалъ на головѣ одежду. Я уже подходилъ къ противоположному берегу, какъ вдругъ блеснулъ огонекъ. Я остановился, прислушался: это убиравшіе сѣно бурята разводили костеръ. Освѣщенные костромъ, они не могли меня замѣтить въ темнотѣ, и я благополучно выбрался на берегъ. Прежде чѣмъ одѣться, пришлось, изъ предосторожности, нагнѣмъ пройти около версты.

Начало свѣтать, когда я подходилъ къ братскому поселку близъ ушеля. День и двѣ ночи безъ сна настолько утомили меня, что за бывъ всякую осторожность, я забрался на братскую одноколку подъ навѣсомъ двора и улегся спать. Вздремнувъ, какъ мнѣ показалось, минуты 3—4, я быстро вскочилъ и пошелъ черезъ спящій еще братскій поселокъ.

Ушелье оказалось коротко, но когда я вышелъ изъ него, предомною, вмѣсто ожидаемой тайги, было открытое мѣсто съ длиннымъ рядомъ разбросанныхъ братскихъ дворовъ. По моему расчету, до Тальянъ оставалось верстъ около 40 (Тальянъ отъ Вальзова, по словамъ бродягъ, былъ на разстояніи 120—140 верстъ). Мнѣ можно бы еще переждать день въ лѣсу, но почему-то я хотѣлъ скорѣе добраться до русскаго поселка, гдѣ я былъ бы въ безопасности. Съ рискомъ быть замѣченнымъ, пошелъ я вдоль поселка, направляясь опять къ тому мѣсту, гдѣ, по рассказамъ бродягъ и по моимъ соображеніямъ, долженъ былъ быть водораздѣлъ—приблизительно на разстояніи версты 1¹/₂.

Я шелъ выгономъ. Во дворахъ поселка слышались голоса. Пробуждалась жизнь; гдѣ то лаяли собаки, мычали телята, блеяли овцы. Доили коровъ. Нѣкоторые выгоняли скотину изъ хлѣва. Словомъ поселокъ ожилъ.

За поселкомъ, на разстояніи версты или немного менѣе, начинался лѣсъ. Я пошелъ по заросшей дорогѣ, узкимъ лѣснымъ опасомъ, эланью (долиной). Это было сѣнокосное мѣсто. По элани тянулся рядъ копенъ сѣна, были еще и ряды несобраннаго сѣна. Послышался торохъ братской одноколки, все ближе и ближе; я ушелъ въ лѣсъ и спрятался, желая наблюдать незамѣченнымъ за одноколкой. На ней бхало двое бурятъ. Поровнявшись со мной, бурята подбѣжали къ копенъ и остановились. Мнѣ показалось, что я внѣ опасности, что они пріѣхали осматривать сѣно, а не гнались за мной. Я вышелъ на поляну и пошелъ вдоль нея. Черезъ нѣсколько времени, братскіе

¹⁾ Братскимъ называются бурята-шаманы и ламиты, а принявшіе православіе называются ясачными.

обогнали меня. Одинъ изъ нихъ предложилъ подвезти. Я отказался. Они остановили лошадь и, учтиво предлагая сѣсть, взяли меня за руку. На одноколкѣ лежалъ топоръ и дубина, и у каждого бурята былъ ножъ за поясомъ. Было очевидно, что они замышляютъ что-то недоброе, но пришлось подчиниться. Они заѣхали въ лѣсъ, выѣхали на небольшую покосную поляну, на которой лежали ряды скошеннаго сѣна, и привязали лошадь къ дереву.

По рассказамъ бродягъ, я зналъ корыстную натуру братскихъ. Какъ и вообще сибиряки, они не стѣснялись пріобрѣтать деньги какими бы то ни было путемъ и занимались распространениемъ фальшивыхъ монетъ. Коренные сибиряки не дѣлаютъ сами денегъ, а пользуются для этого бродягами, способными къ этому ремеслу.

Чтобы заинтересовать бурятъ своею личностью, я сталъ рассказывать, что умѣю дѣлать фальшивыя монеты, именно двугривенные. обладаю секретнымъ составомъ и, если они хотятъ, могу работать для нихъ. Для этого, молъ нужно вмѣстѣ поѣхать въ Иркутскъ за покупкой необходимаго матеріала. Они отвѣтили, что оставляютъ меня здѣсь, въ лѣсу, въ заимкѣ; чтобъ я далъ имъ выписку всего того, что нужно купить, и они поѣдутъ сами. Я не согласился, подъ предлогомъ, что открыть секретъ я не могу, а могу только дѣлать деньги, помогая добрымъ людямъ.

Буряты говорили между собою на своемъ языкѣ. Нѣсколько словъ на этомъ языкѣ общія со словами якутовъ. Слово „елеръ“, часто повторяемое ими, мнѣ было знакомо: по-якутски, какъ и у бурятъ, оно означаетъ—„убить“. Очевидно, они хотѣли убить меня.

Одинъ изъ нихъ, лучше одѣтый, съ симпатичнымъ лицомъ, не хотѣлъ, какъ мнѣ казалось, совершать надо мной грубаго насилія и былъ противъ убійства. Другой, кривой на одинъ глазъ, плохо одѣтый, можетъ быть работникъ перваго, часто повторялъ слово „елеръ“.

Они схватили меня за руки, Я обратился къ нимъ по-русски, приблизительно, съ такими словами:

— Убить меня вамъ нѣтъ никакого расчета; деньги, которыя у меня есть, я вамъ отдамъ.—(У меня было 10 р. 60 коп.) тутъ въ мѣшкѣ, только портянки, рубаха и хлѣбъ.

— Дай сюда мѣшокъ,—сказали они и начали вынимать и разсматривать мои вещи, а я продолжалъ рассказывать имъ, что иду въ Тальяны, что я тамъ работаю, что меня знаютъ тамошніе крестьяне: одинъ далъ мнѣ озямъ, другой—бѣлье. Тамъ въ Тальянахъ, меня ждуть. Если я не приду сегодня, меня бросятъ и по одеждѣ узнаютъ убійцу. Убивать меня имъ нѣтъ никакой корысти.

На груди у меня висѣлъ простой мѣдный осьмиконечный крестъ въ четверть величины.

— Это что такое?—спросилъ меня одинъ изъ бурятъ.

— Это спасетъ меня отъ злого человѣка; если кто-нибудь захочетъ мнѣ сдѣлать зло или убить, мой богъ отомститъ за меня.

— Ну, не сердись, не сердись, старикъ,—сказалъ бурятъ съ симпатичнымъ лицомъ,—мы тебѣ нечего дурного не сдѣлаемъ.

Они раздѣли меня до-нага, разсмотрѣли всѣ швы моего платья

и обувь; для полной безопасности скрутили мнѣ руки на спинѣ и связали меня веревкой.

— Мы тебя, братъ, здѣсь бросимъ, а сами уѣдемъ.

Я сталъ сердито кричать на нихъ, требуя, чтобы они меня немедленно убили или, если не хотятъ убить, развязали руки и освободили. Я опять указалъ на то, что если они меня оставятъ голымъ— на сѣденіе комарамъ, какъ они говорятъ,—мой богъ отомститъ имъ за это еще больше.

Въ это время я припомнилъ сцену Ламарка съ матросомъ изъ романа Виктора Гюго, «93-й годъ»; я, какъ Ламаркъ, думалъ поразить ихъ своимъ хладнокровіемъ.

Бурягъ съ симпатичнымъ лицомъ просилъ меня, чтобы я не сердился, и развязалъ мнѣ руки. Въ это время другой бурягъ пряталъ что-то подъ сѣно. Замѣтивъ это, стоявшій подлѣ меня бурягъ бросился къ нему. У нихъ завязалась борьба. Одинъ наступилъ ногой на мѣсто, гдѣ что-то было спрятано, другой старался столкнуть его. Это нѣчто, какъ я догадываюсь теперь, было простое жестяное складное зеркало, въ серединѣ котораго они предполагали деньги.

Около лошади я остался одинъ. «Уходи, уходи скорѣй, старикъ!» крикнулъ одинъ изъ бурягъ. Я быстро началъ одѣваться, захватилъ хлѣбъ, портянки и пошелъ. Я плохо обернулъ ноги въ портянки, потому что бурягъ съ симпатичнымъ лицомъ торопилъ меня уходить, можетъ быть, желая мнѣ добра, можетъ быть опасаясь, чтобы я не сѣлъ въ одноколку и не уѣхалъ съ лошадыю.

Черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ, я вышелъ на прежнюю свою дорогу. Не прошло 15—20 мин., какъ опять послышался торохъ позади. Дорога шла узкой долиной, которая суживалась иногда настолько, что тропа переходила на правую сторону косогора. Меня видѣть не могли, я былъ закрытъ суживающейся долиной. Услышавъ торохъ, я бросился въ лѣсъ. Пробѣжавъ достаточное разстояніе лѣсомъ, я остановился, прилегъ и началъ прислушиваться: одноколка быстро проѣхала по дорогѣ. Нельзя было терять время. Я шелъ лѣсомъ, ориентируясь противоположнымъ спускомъ въ долину. Такъ прошелъ я около часу, не показываясь на дорогу. Вдали послышался стукъ одноколки. Это возвращались бурята. Они ѣхали шагомъ, мирно о чемъ то разговаривая, и проѣхали мимо того мѣста въ лѣсу, гдѣ я опять прилегъ. Стукъ становился слабѣе и слабѣе...

Я вышелъ на дорогу. Уже вечерѣло. До Тальянъ оставалось, по моему расчету, верстъ 6—7. Деревня Тальяны была первая русская деревня на моемъ пути. Я прибавилъ шагу и подошелъ, наконецъ, къ Тальянамъ.

Уже была ночь. Ярko горѣли звѣзды. Деревня вся спала. Въ одной избѣ свѣтилось въ окнахъ. Я вошелъ, перекрестился на образа и сѣлъ на лавку. Хозяева этой избы лучили рыбу и только что возвратились съ промысла. На сковородѣ жарилась рыба. Меня пригласили ужинать; за ужиномъ спросили откуда я. Сибиряки задаютъ этотъ вопросъ не изъ любопытства, а просто такъ: нужно же начать разговоръ. Я имъ рассказалъ свое происшествіе. Поговорили о

братскихъ; считали, что я счастливо отдѣлался, такъ какъ братскіе имѣютъ обыкновеніе убивать всѣхъ прохожихъ.

На утро я вышелъ. Пришлось идти до города Балаганска, русскими поселками, еще около ста верстъ. Первые два дня я покупалъ пишу на тѣ шестьдесятъ копеекъ, которыя мнѣ оставили бурята. Я шель значительно медленнѣе, чѣмъ прежде: плохо обутия портянки, когда я спѣшилъ уйти изъ лапъ бурятъ, натерли мнѣ ноги въ кровь.

Оставалось еще верстъ двадцать до Балаганска, а у меня уже не было денегъ на хлѣбъ. Пришлось христарадничать. Однажды молодуха открыла окно: «Ишь ты какой—еще и просить не умѣть». Махнувъ рукой, я вышелъ на середину улицы и пошелъ деревней. Пройдя нѣсколько шаговъ, я услышалъ крикъ той же молодухи: «вернись, вернись!» Она догоняла меня съ хлѣбомъ въ рукахъ и вручила мнѣ полъ ковриги. Сибиряки боятся бродягъ и не хотятъ ихъ раздражать, потому что бродяги могутъ въ отместку спалить селеніе. Мой сердитый видъ, вѣроятно, подѣйствовалъ устрашающе на молодуху.

Въ дальнѣйшемъ пути я, обыкновенно, шель днемъ, и гдѣ принимали на ночлегъ, тамъ и кормился. Въ крайнемъ случаѣ, проходя деревню въ обѣденное время, я замѣчалъ изъ какой трубы идетъ дымъ, заходилъ туда и просился отдохнуть. Меня угощали хлѣбомъ и водой, а иногда бараньей похлебкой и блинами.

Въ Балаганскѣ, у знакомыхъ, я досталъ достаточное количество денегъ—рублей 50. Я могъ бы нанять подводу, но, опасаясь облавы, предпочелъ идти пѣшкомъ. По пути меня подвозили двѣ-три версты крестьяне. Среднимъ числомъ я проходилъ въ день около пятидесяти верстъ. Наконецъ, я вышелъ на Московскій трактъ. По этому тракту мнѣ нужно было пройти болѣе тысячи верстъ до Томска.

Сибирскія деревни окружены поскотиной. Въ этой поскотинѣ пасутъ скоть безъ пастуховъ. На дорогѣ, ведущей къ деревнѣ, у воротъ поскотины, стоитъ что-то вродѣ шалаша или избушки, въ которой живетъ поскотникъ. На обязанности его лежитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ворота были заперты и скотина не вышла изъ поскотины въ хлѣба. Онъ знаетъ всякаго вѣзжающаго и выѣзжающаго изъ деревни. Поскотники обыкновенно—бродяги; они любятъ природу. Поочередно ходятъ въ избы получать молоко, хлѣбъ, пшено. У этихъ поскотинцевъ можно всегда узнать проѣзжало ли въ деревню начальство, есть ли «стрема», т. е. не ищутъ ли кого. Если я узнавалъ, что въ деревнѣ «стрема», я поскотиной обходилъ деревню.

Разъ какъ-то случилось, что я пренебрегъ справиться у поскотника или, можетъ быть, его не было. Это было уже, когда я довольно много прошелъ по Московскому тракту. Вошелъ я въ большую деревню. Проходя мимо церкви, по обыкновенію перекрестился. Бродяги крестятся проходя мимо церкви, обыкновенно говоря: «унеси, Богъ, дальше отъ злыхъ людей». Въ открытое окно двухэтажнаго дома меня окликнули: «Служилый, служилый, зайди - ка сюда». Возгласъ «служилый» меня успокоилъ. Я зашелъ. Это было волостное правленіе. Писарь мнѣ рассказалъ, что бѣжалъ политическій, поэтому они опра-

шиваютъ каждого человѣка и требуетъ паспорта. Я ему подаль мой паспортъ отставного солдата. Въ паспортѣ значились свѣтло - сѣрые глаза, а у меня были темно-сѣрые. Слово «свѣтло» было мною выжжено, какъ бы папироской. Писарь спросилъ: «Кто тебѣ глаза выжегъ?» Я отвѣтилъ, что разъ писарь смотрѣлъ паспортъ, а у него въ рукахъ была папироска; онъ уронилъ пепель съ огнемъ на бумагу и выжегъ. Меня отпустили.

Вообще, дорога была для меня безъ особенныхъ приключеній. Угрожающихъ мнѣ поимкой. Всѣ принимали меня за бродягу—уголовнаго. Даже и потомъ, когда я пришелъ къ политическимъ ссыльнымъ въ Томскъ, меня считали чуть не за жулика.

Въ Томскѣ я пришелъ къ Ш. ¹⁾. Его не было дома. Обратившись къ сидѣвшимъ у него юношѣ и барышнѣ, я спросилъ: могу ли видѣть Ш.? Юноша рѣзко сказалъ:

— Что тебѣ надо?

— У меня къ господину Ш. записка изъ Маринска, его товарищ просилъ передать въ собственныя руки.

— Дай, я передамъ.

— Не могу.

Барышня по французски обратилась къ юношѣ: «Вѣроятно онъ хочетъ получить двадцать копѣекъ отъ Ш., предложите ему».

Я спросилъ, когда можно видѣть Ш. Мнѣ назначали черезъ 1¹/₂ часа. Когда я снова пришелъ, дворникъ прогонялъ меня, ворча: васъ тутъ много шляется, того и гляди, что что-нибудь стяпнете.

Все это доставляло мнѣ большое самоудовлетвореніе. Я чувствовалъ себя вполне гарантированнымъ отъ подозрѣнія, что я бѣжавшій политическій.

Мнѣ нужно было взять нѣкоторые адреса въ Россію, перемѣнить костюмъ на болѣе подходящій, сдѣлать переводъ денегамъ, которыя оставались въ Якутской области. Устроивъ всѣ дѣла въ Томскѣ, я сѣлъ на пароходъ.

На пароходѣ были возвращающіеся прискатели и два, какъ мнѣ показалось, подозрительныхъ для меня человѣка. Одинъ скоро самъ сознался мнѣ, что онъ бѣглый поселенецъ, выдававшій себя за возвращающагося по манифесту; другой, своимъ разговоромъ, усилилъ мое подозрѣніе. Какъ бы разболтавшись, онъ рассказалъ, что былъ ординарцемъ у губернатора и, ѣздивши курьеромъ, обгонялъ пароходъ. Онъ сильно напоминалъ жандарма. Особенно подозрительно было то, что онъ называлъ себя, и только наединѣ, чиновникомъ казенной палаты. Пройдя всю Сибирь, мнѣ неинтересно было быть открытымъ на пароходѣ. Наблюдая предполагаемаго жандарма, я рѣшился на крайнее средство, если бы онъ дѣйствительно оказался сыщикомъ. Но прежде нужно было окончательно удостовѣриться; для этого я ночью подошелъ вмѣстѣ съ нимъ впередъ къ колесамъ, нагнулся и началъ смотрѣть въ воду. Я хотѣлъ завести съ нимъ разговоръ и, если онъ окажется жандармомъ, рѣшилъ бросить его подъ колеса, схвативъ за ноги. Но изъ разговора оказалось, что онъ сѣлъ на пароходъ на

¹⁾ Товарищ по процессу 193-хт.

двое сутокъ раньше меня; потомъ онъ сознался въ одномъ преступленіи, совершенномъ имъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ Томскѣ, въ какомъ то грабежѣ, и предложилъ мнѣ, если я желаю, скрываться въ Тюмени у его любовницы. И такъ, оказался свой братъ, бѣглый. Я пожалъ ему руку. Когда пріѣхали въ Тюмень, я, разумѣется, не пошелъ къ его любовницѣ, но помогъ снести ему вещи, можетъ быть даже краденныя.

Отъ Тюмени до Перми я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ; отъ Перми— Камой и Волгой до Казани—ѣхалъ съ полнымъ сознаниемъ своей безопасности...

Первые адреса мнѣ были даны для Казани. Я зашифровалъ ихъ и, пріѣхавъ въ Казань, хотѣлъ ими воспользоваться. Но не пришлось—забылъ ключъ. Ѣхать въ Харьковъ для восстановленія старыхъ знакомствъ нечего было и думать: тамъ всѣ власти знали меня. Мнѣ нужно было непременно найти въ Казани какого нибудь революціонера и взять адреса въ Москву.

Для этого я пришелъ въ швейцарскую университета и началъ разсматривать фізіономіи студентовъ, ища между ними революціонера. Въ глаза мнѣ бросились двѣ фізіономіи: средняго роста блондинъ, на лицѣ котораго такъ и видно было—конспираторъ; другой—отважный, мужественный, энергичный брюнетъ или шатенъ, высокаго роста. Я рѣшилъ, что отъ этого я могу получить, что мнѣ нужно. Я подошелъ къ нему со словами: «мнѣ нужно съ вами поговорить». На его впросительный взглядъ я сказалъ слѣдующее:

— Я бѣжалъ изъ Сибири, у меня никого нѣтъ здѣсь знакомыхъ: былъ въ каторжныхъ работахъ, фамилія моя—Даниловъ. Вы видите, я вполне надѣюсь на васъ, говорю вамъ о себѣ все, не спрашиваю о васъ ничего, слѣдовательно шпиономъ быть я уже не могу; кромѣ того, въ Харьковѣ студенты 80—81 г.г. знали меня, можетъ быть здѣсь найдется кто нибудь изъ Харькова, кто можетъ удостовѣрить мою личность; тогда вы мнѣ окажете услугу. Въ 4 часа дня я буду ждать въ садикѣ (я назвалъ скверъ).

Онъ сказалъ: хорошо. Я ушелъ.

Въ 4 часа я сидѣлъ на скамейкѣ въ скверѣ. Мимо прошелъ юноша, посмотрѣлъ на меня сбоку, потомъ возвратился, сѣлъ рядомъ и закурилъ папиросу; лицо его мнѣ было совершенно незнакомо. Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что онъ меня знаетъ, что видѣлъ меня на такихъ то сходкахъ въ Харьковѣ, назвалъ мою фамилію, сказалъ, что здѣсь, въ Казани, проживаетъ моя дальняя родственница, Ольга Фигнеръ. Такимъ образомъ, личность моя была удостовѣрена. Онъ далъ мнѣ адресъ кружка, гдѣ я могу переночевать и ближе познакомиться со студентами. Между прочимъ сказалъ, что нелегальные являются бременемъ для легальныхъ, поэтому мнѣ лучше будетъ уѣхать за границу. На это я ему ничего не отвѣтилъ.

Придя, по данному мнѣ адресу, на квартиру, я засталъ тамъ именно тѣхъ двухъ юношей, которыхъ опредѣлилъ, какъ революціонеровъ, въ швейцарской университета. Они были членами одного кружка въ Казани. Всѣ прежнія организациі Народной Воли потерпѣли крушеніе, и молодежь вела безконечные споры о новой программѣ.

Самымъ симпатичнымъ для меня теченіемъ въ казанскомъ университетѣ того времени было теченіе опять таки въ народъ. Студенты 4-5 курса бросали университетъ и шли фельдшерами въ деревню. Въ этомъ кружкѣ меня опять стали уговаривать уѣхать за границу, а не оставаться въ Россіи.

Были довольно продолжительные разговоры и споры по поводу русской революціи. Вопросъ относительно давленія и чувствительности къ давленію, поставленный мною, казался для нѣкоторыхъ новымъ; другіе считали, что только крупное несчастье можетъ призвать народъ къ возстанію. Это подходило однимъ концемъ къ теоріи—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Я указалъ на то, что степень чувствительности развитого человѣка дѣлаетъ, въ его сознаніи, хуже то, что казалось вчера, если не хорошо, то сносно; кромѣ того, производительное слово возстанетъ дружно, когда у него будутъ достижимыя, конкретныя формы его желаній; указалъ на то, что паріи Индіи не возстаютъ несмотря на то, что хуже ихъ положенія трудно себѣ представить. Потомъ говорили объ особенностяхъ русскаго народа и т. д.

Мнѣ дали адреса въ Москву. И съ этими адресами случилась та же исторія, что и съ первыми: я опять забылъ ключъ.

Но въ Москвѣ дѣло обстояло лучше. Въ Петровско-Разумовскій академіи былъ братъ якутскаго товарища—ссылнаго. Недоумѣніе выразилось въ его глазахъ, когда я пришелъ къ нему на квартиру, хладнокровно поставилъ стулъ, сѣлъ противъ него и началъ разсказывать про его брата съ такими подробностями, которыя могутъ быть извѣстны только хорошо съ нимъ знакомому. Опять таки объявилъ ему, что я бѣжавшій, что мнѣ нужно познакомиться съ теперешними революціонными дѣятелями. Отъ него я не могу этого ожидать, но онъ, какъ студентъ, знаетъ и можетъ указать мнѣ людей, и черезъ нихъ я получу то, что мнѣ нужно. Послѣ минутнаго колебанія, справившись о томъ, не слѣдятъ ли за мной—я его успокоилъ: если бы за мной слѣдили, меня арестовали бы уже въ Москвѣ или въ Казани—онъ отвелъ меня на квартиру, гдѣ жили радикалы цѣлымъ кружкомъ. Черезъ нихъ я познакомился съ болѣе активными студентами въ Москвѣ и, наконецъ, съ Богоразомъ (Таномъ).

Его въ это время въ Москвѣ не было, онъ мыкался, «какъ Мартынь по пеклу», по всей Россіи. Типографія его была въ Тулѣ. Я уже не знаю какимъ образомъ, дали ли ему знать, или онъ самъ пріѣхалъ въ назначенный день, но только меня увѣдомили, чтобы въ этотъ день я былъ у Семи Прудовъ. На свиданьи, Богоразъ, какъ совершенно меня не знавшій, попросилъ, чтобы я ему разсказалъ, кто я такой. Мы быстро познакомились, я началъ его спрашивать о положеніи дѣлъ въ Россіи. Говорилъ ему о необходимости издавать солидный органъ, о томъ, что я поѣду для этой цѣли въ Питеръ, спросилъ его не слѣдятъ ли за нимъ; «я чистъ, какъ кристалль», отвѣтилъ онъ. Въ дѣйствительности, за нами уже слѣдилъ и засматривалъ въ лицо высокій блондинъ. «Эта фізіономія мнѣ очень не нравится», сказалъ Богоразъ. Онъ былъ крайне оживленъ и увлекался своею дѣятельностью.

Характеризовать программу Богоразы того времени въ болѣе

опредѣленныхъ чертахъ было бы довольно трудно: такой опредѣленной программы не было ни у кого. Это былъ переходный моментъ движенія, и Богоразъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія; вообще онъ придерживался партіи «Народной Воли» въ программѣ, выяснившейся въ первыхъ 5-ти нумерахъ. Та же часть программы, которая излагалась на диспутахъ, въ рѣчахъ Желябова и другихъ, болѣе широко обнимавшая всѣ слои общества, отсутствовала у Богораза, между прочимъ за недостаткомъ матеріала, несуществовавшего тогда въ литературѣ. Мнѣ онъ представлялся человѣкомъ, способнымъ специализироваться только въ литературной нелегальной дѣятельности.

На свиданіи съ Богоразомъ я былъ два-три раза. Каждый разъ ночевалъ въ поселкѣ Петровско-Разумовской академіи, на разныхъ квартирахъ, и каждый разъ замѣчалъ, что за мной слѣдитъ подозрительная личность. Чтобы избавиться отъ нея, я выходилъ изъ вагона до конечной станціи у парка, быстро шелъ по темнымъ аллеямъ, сворачивалъ въ кусты и смотрѣлъ—не слѣдитъ ли за мной кто-нибудь. Разъ или два видѣлъ человѣка, въ недоумѣніи возвращавшагося обратно. Выйдя изъ кустовъ, я шелъ мимо озера и засыпаннаго грота, гдѣ былъ убитъ Ивановъ. Шпіоны, слѣдившіе за мной, не рѣшились бы, по моему мнѣнію, темною ночью проходить мимо этого опаснаго для нихъ мѣста.

Послѣ послѣдняго свиданія съ Богоразомъ, я рѣшилъ уѣхать въ Питерь. Совершивъ нарочно прогулку по разнымъ конкамъ, я пріѣхалъ къ вокзалу и, чтобы еще болѣе скрыть свою цѣль, зашелъ въ трактиръ пить чай. Послѣ меня вошелъ туда тотъ же самый блондинъ, который слѣдилъ за мной и Богоразомъ въ первое наше свиданье. Напившись чаю, я пошелъ на вокзалъ и сѣлъ въ вагонъ. Мнѣ показалось подозрительнымъ оживленіе среди жандармовъ и я подумалъ: «Вѣроятно кого-нибудь хотятъ арестовать». Передъ третьимъ звонкомъ въ вагонъ, гдѣ я сидѣлъ, вошли два жандарма, пробѣжали одинъ, другой разъ и вышли. У меня что-то екнуло внутри. Черезъ минуту или меньше дверь отворилась и ко мнѣ подошли два жандарма. «Господинъ жандармскій офицеръ желаетъ съ вами поговорить». Дѣлать было нечего. Я всталъ и пошелъ.

Въ дежурной комнатѣ меня раздѣли до-нага. Начали обыскивать очень тщательно всѣ вещи и платье; вещей было всего—узелокъ съ хлѣбомъ и колбасой.

Бердяевъ, начальникъ московской охраны, самъ явившійся арестовать меня, обратился полушепотомъ къ жандарму: «А гдѣ его записная книжка, я самъ видѣлъ у него въ рукахъ». Оказалось, какъ потомъ мнѣ говорилъ самъ Бердяевъ, онъ видѣлъ меня съ Богоразомъ изъ подъ воротъ, когда мы были на свиданьи у памятника Пушкина. За записную книжку онъ принялъ планъ Москвы, который я оставилъ у Богораза.

Разочарованный по поводу записной книжки, онъ съ пренебреженіемъ взялъ бумажку въ 32-ю долю листа, гдѣ было написано нѣсколько десятковъ буквъ—это и были тѣ адреса, ключъ къ которымъ я забылъ.

Въ Москвѣ меня снабдили новымъ паспортомъ на имя крестьянина какой-то волости московскаго уѣзда, И. Н. Голикова.

— Вы, дѣйствительно, Голиковъ, ничего то у васъ нѣтъ,— сострилъ Бердяевъ.

Садины на ногахъ еще не зажили у меня. Бердяевъ по поводу ихъ тоже сострилъ: «Старый революціонеръ, а молодежь не жалѣеть— не могла купить ему хорошіе сапоги». Лично ко мнѣ онъ не обращался, а дѣлалъ замѣчанія какъ бы въ третьемъ лицѣ. Осмотрѣвъ бѣлье и платье, мнѣ предложили одѣться. Въ каретѣ на резиновыхъ шинахъ отвезли меня въ охранный отдѣленіе и помѣстили въ большую комнату, во второмъ этажѣ, рядомъ съ квартирой Бердяева. Между двойными дверьми, ведущими въ мою комнату, сидѣлъ жандармъ. Мнѣ предложили обѣдать; затѣмъ я легъ на кровать.

Если бы Бердяевъ былъ догадливѣе, онъ отпустилъ бы меня въ Питеръ и тамъ, слѣдя за мной такъ же, какъ за Богоразомъ въ Москвѣ, могъ захватить многихъ моихъ старыхъ знакомыхъ, теперь не участвующихъ въ движеніи, но на помощь которыхъ я вполне могъ рассчитывать. Именно возможность ихъ ареста, если бы я былъ въ Питерѣ, раздражала меня противъ меня самого. Но Бердяевъ этого не сдѣлалъ. Онъ не хотѣлъ уступить другому факта моего ареста.

Вечеромъ того же дня жандармъ пригласилъ меня въ кабинетъ Бердяева, черезъ двѣ комнаты. Бердяевъ предложилъ, по обыкновенію, сѣсть. Нашъ разговоръ начался такъ:

— Мы, разумѣется, другъ друга знаемъ и понимаемъ; документъ, который взять у васъ, фальшивый, въ такой волости его не выдавали, и явка, написанная на документѣ, фальшивая; это они (нелегальные) для васъ сдѣлали новую печать.

Я сострилъ:

— Документъ я не считаю фальшивымъ, такъ какъ тотъ, кто мнѣ его продалъ, сказалъ, что самъ его дѣлалъ, и обмана съ его стороны не было.

— Безъ дальнѣйшихъ околичностей,— возразилъ Бердяевъ, — такъ какъ я знаю, кто вы такой, мы можемъ говорить откровенно. Онъ удивился, что у меня нѣтъ вещей.

— Почему вы знаете, что у меня не было вещей?

— Вѣдь въ вашемъ вагонѣ ничего не нашли.

— Въ поѣздѣ былъ не одинъ вагонъ и не одинъ я—пассажиръ.

Онъ ударилъ себя по лбу и сказалъ: «Какъ я не догадался обыскать весь поѣздъ». При этомъ онъ рассказалъ мнѣ, что у офицера Рогачева (судившагося по дѣлу Вѣры Фигнеръ) въ погонахъ нашли какіе-то революціонные документы.

— Вы Крыловъ-Вознесенскій.

Онъ сказалъ это утвердительно и я ему отвѣтилъ уклончиво:

— Если бы я хотѣлъ назвать свою фамилию, я не покупалъ бы паспорта; помогать вамъ, назвавъ свою фамилию, я, понятно, не намѣренъ. Крыловъ-Вознесенскій я или какой-нибудь другой политическій или уголовный, разумѣется, сказать вамъ не могу. Это не въ моихъ интересахъ. Вы сами считаете меня революціонеромъ. Допустимъ, что ваше предположеніе справедливо. Съ какой стати, какъ

революционеръ, я буду помогать вамъ въ вашихъ цѣляхъ сыска. Вы за это получаете деньги, я же ничуть не заинтересованъ, а если заинтересованъ, то, напротивъ, въ томъ, чтобы ваши сыскныя цѣли не были достигнуты.

— Для васъ молодежь собираетъ деньги, чтобы отправить васъ за-границу. Я васъ жду цѣлый мѣсяцъ. Въ вашей дѣятельности есть нѣкоторые пункты очень для меня интересные, и я надѣюсь, что вы поможете мнѣ разобраться въ нихъ. Въ знакомствѣ Дегаева съ Судейкинымъ осталось много необъяснимаго. Вы, какъ хорошо знакомый съ Дегаевымъ, можете разъяснить темныя мѣста. Мы устроимъ съ вами союзъ, будемъ издавать нелегальный органъ, руководить революціоннымъ движеніемъ.

Бердяевъ призывалъ меня къ себѣ нѣсколько разъ, разговоры наши продолжались часа 3—4. Я ему говорилъ, что для того, чтобы быть товарищами, нужно находиться въ одинаковыхъ условіяхъ, я же арестантъ, а онъ свободный. Я всегда могу сказать, что вынужденное согласіе не обязательно; это съ одной стороны, а съ другой—если я войду съ нимъ въ соглашеніе, скажу ему все, что ему нужно, товарищество станетъ для него лишнимъ. Товарищество только тогда можетъ быть полнымъ, когда я буду свободенъ. Въ серьезномъ дѣлѣ ничего не можетъ быть основано только на довѣриі, на однихъ словахъ, а нуженъ реальный фактъ. Если я, какъ идейный революционеръ, стою на нравственно-общественной почвѣ, отрицаю, можетъ быть, терроръ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я былъ такъ довѣрчивъ, рассказалъ все, что ему нужно, и не потребовалъ бы прежде гарантіи своей свободы.

Когда онъ становился въ затруднительное положеніе, что обыкновенно случалось послѣ 2—3 часовъ разговора, онъ теръ лобъ, тщетно желая выжать что либо вѣское для убѣжденія меня, что я долженъ ему довѣриться. Разговоръ оканчивался обыкновенно фразой въ родѣ слѣдующей:

— Какъ я утомился! Знаете, цѣлый день работаешь, ничего не могу теперь сообразить.

Во время нашихъ бесѣдъ, намъ приносили на серебрянномъ подносѣ чай, ромъ, варенье. Онъ предлагалъ налить мнѣ рому въ стаканъ, я, разумѣется, отказывался; онъ наливалъ себѣ щедрой рукой и видимо пьянѣлъ. Въ нашихъ разговорахъ мы также касались и вопроса о Священной Лигѣ. Онъ спрашивалъ совѣта, какъ ее можно реформировать, чтобы она могла достигать болѣе успѣшно своей цѣли теперь.

Жаловался на то, что приходится расходовать много денегъ, посылая по дѣлу своихъ служащихъ.

— Между тѣмъ какъ революціонеры цѣлые чемоданы динамита провозятъ изъ Петербурга до Москвы, тратя 20 коп. въ сутки, намъ приходится выдавать рубль въ сутки, да еще другіе расходы; все достается намъ за деньги, это для насъ чрезвычайно убыточно.

— Отъ этого вы не можете избавиться, говорилъ я, потому что вы сами и ваши помощники предлагаете свои услуги за деньги, а не служите идеѣ. Кромѣ того, за деньги никто не станетъ рисковать

своею жизнью. Удовлетвореніе вашей дѣятельности въ деньгахъ, а удовлетвореніе революціонеровъ въ сознаніи, что они исполнили свой долгъ.

— Мы тоже люди идеи, онъ всталъ при этомъ и указалъ на портретъ Александра III, вотъ кому я преданъ, я люблю моего царя.

Бывало уже поздно, около полуночи, когда мы расходились ни на чемъ не порѣшивъ. Онъ начиналъ тереть лобъ, ссылаясь на то, что умъ работаетъ плохо, и мы разставались. Вообще наши свиданья начинались не ранѣе 9 ч. и рѣдко кончались ранѣе 12.

Только первые два—три дня я прожилъ наверху; потомъ меня перевели внизъ того же охраннаго отдѣленія, въ отдѣльную комнату съ большимъ венеціанскимъ окномъ. Комната была шириной шага въ 4. Окно занимало почти всю наружную стѣну. Оставался небольшой уголокъ. Приходя къ себѣ отъ Бердяева, я становился въ этотъ уголокъ и сдавливалъ руками свою фізіономію, чтобы удержать смѣхъ; потомъ садился у стола и закрывалъ лицо, пока не успокаивался. Вообще мнѣ приходилось сильно сдерживать себя во время разговора съ Бердяевымъ, чтобы не разсмѣяться. Этотъ мой приемъ въ углу моей комнаты Бердяевъ объяснялъ моею набожностью и еще болѣе увѣрился, что я Крыловъ-Вознесенскій, который изучалъ сектанство и, по мнѣнію Бердяева, долженъ былъ быть набожнымъ человѣкомъ. Сомнѣнія въ томъ, что я Крыловъ-Вознесенскій, у него не было никакого. Директоръ департамента полиціи не раздѣлялъ его мнѣнія по этому поводу и требовалъ отъ него дѣйствительныхъ доказательствъ, что я Крыловъ-Вознесенскій.

Бердяевъ предлагалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ по желѣзной дорогѣ въ разныя мѣста, гдѣ бывалъ Крыловъ-Вознесенскій, и соблазнялъ меня всѣми удобствами путешествія. Онъ такъ увлекся своими интересами, что совершенно забывалъ про мою личность. Онъ вѣрилъ, что я не уйду, если дамъ ему слово, и не сомнѣвался, что я могу дать это слово, хотя я ни однимъ намекомъ не давалъ на это права. На его предложеніе я отвѣчалъ, что по желѣзной дорогѣ мы можемъ ѣхать на совершенно равныхъ условіяхъ; кромѣ того, поѣздка вмѣстѣ съ нимъ не представляетъ для меня никакого интереса и вредила бы даже нашему союзу, если бы онъ состоялся, такъ какъ совмѣстное путешествіе стало бы извѣстно многимъ.

Черезъ два-три дня явился изъ Черниговской или какой то западной губерніи жандармскій офицеръ удостовѣрить мою личность, какъ Крылова-Вознесенскаго. Бердяевъ мнѣ сказалъ потомъ, что этотъ офицеръ хорошо помнитъ лицо Крылова-Вознесенскаго, но сомнѣвается въ томъ, чтобы я былъ имъ. Бердяевъ приписывалъ это моему искусству мѣнять фізіономію, а не тому, что дѣйствительно Крыловъ-Вознесенскій и я лица совершенно различныя.

Эта игра продолжалась около мѣсяца. Наконецъ, Крыловъ-Вознесенскій былъ арестованъ. Бердяевъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что я не могу быть Крыловымъ-Вознесенскимъ, такъ какъ послѣдній арестованъ.

Приѣзжала изъ Петербурга, изъ департамента полиціи, еще какая то особа посмотрѣть на меня. Во время осмотра, особа вполголоса обратилась къ Бердяеву:

— Скажите, почему вы думаете, что онъ политическій? онъ можетъ быть и уголовный.

Потомъ особа обратилась ко мнѣ и сказала:

— Для политическихъ нѣтъ десятилѣтней давности.

Прежде этого заявленія, особа спросила меня, почему я не говорю своей фамилии? Я объяснилъ, что мои семейныя дѣла, можетъ быть, заставляютъ скрывать мое имя, чтобы не пала тѣнь на мою семью. Говорилъ я такимъ убитымъ голосомъ, что стоявшій около меня молодой помощникъ частнаго пристава чуть не прослезился. Когда прїѣхавшая особа выразила Бердяеву сомнѣніе относительно того, что я политическій, Бердяевъ съежился, пожалъ плечами и такимъ же театральнымъ шепотомъ сказалъ:

— Я самъ его видѣлъ на свиданіи съ нелегальнымъ.

Потомъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, я добавилъ, что, можетъ быть, я открою свою фамилію, но только черезъ извѣстное время и на извѣстныхъ условіяхъ.

— Но теперь вы можете сказать эти условія? спросила особа.

— Еще время не настало, отвѣчалъ я.

Черезъ нѣсколько времени является ко мнѣ опять Бердяевъ и начинаетъ такъ:

— Представьте себѣ, все, рѣшительно все приходится дѣлать самому.—Онъ сѣлъ на мою кровать, у дверей стоялъ какой то агентъ.— Я знаю, кѣмъ бы вы могли быть; вотъ это—мой служащій (онъ указалъ на агента), много помогаетъ мнѣ; онъ замѣтилъ, что у васъ одно плечо ниже другого, несмотря на то, что вы это стараетесь скрыть. Я только что сейчасъ вспомнилъ, что въ Кіевѣ, у Скрипки, была именно такая же особенность. Онъ обвинялся въ участіи при убійствѣ шпіона у памятника Св. Владиміра.

Мнѣ открывалась новая перспектива быть участникомъ въ убійствѣ шпіона.

— . . . Это было въ 79-80 г.,—продолжалъ Бердяевъ,—потомъ онъ былъ арестованъ, бѣжалъ съ поѣзда желѣзной дороги. Вмѣстѣ съ нимъ обвинялись Горскій и Овсянниковъ (карійскій).

— Скрипка я или нѣтъ, не скажу по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не говорилъ, что я Крыловъ-Вознесенскій. Какъ вы меня назовете, для меня рѣшительно все равно. Я скажу даже больше: если бы вы назвали меня моей фамиліей, то и тогда я сказалъ бы то же самое.

— Вамъ ничего не стоитъ согласиться, что вы Скрипка. Я вамъ ручаюсь, что вы будете помилованы. Мы поѣдемъ вмѣстѣ къ нашему монарху, я упаду къ его ногамъ, испрошу вамъ помилованіе. Если вы боитесь отвѣтственности, обнаруживъ свою фамилію, я увѣренъ въ милости нашего монарха, онъ проститъ вамъ все, что вы сдѣлали до 1-го марта 81 г., если вы скажете, что послѣ 1-го марта вы не принимали участія въ революціи.

— Не въ моихъ интересахъ ограничить вамъ области, въ которыхъ вы можете искать мою личность; поэтому я вамъ ничего не скажу.

— Моя служебная карьера зависитъ отъ того, обнаружу я вашу личность или нѣтъ. Вы представьте, что намъ извѣстны всѣ неле-

гальные; мы содержимъ студентовъ, и отъ нихъ то я узналъ, что Крылову-Вознесенскому собираютъ деньги. И вдругъ, въ Москвѣ появляется совершенно неизвѣстный челоѡкъ; мы знаемъ, что изъ за-границы онъ тоже не прїѣзжалъ, откуда же онъ взялся? Директоръ департамента полиціи не хочетъ согласиться, что вы политическій; съ другой стороны, падаетъ на меня обвиненіе въ томъ, что, по своей небрежности по службѣ, я плохо слѣжу за тѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ... Я прошу васъ, для меня, согласиться назваться Скрипкой.

Онъ началъ ловить мою руку, какъ бы въ знакъ согласія. Я не давалъ руки и говорилъ, что ни коимъ образомъ не согласенъ: «Называйте меня, какъ хотите, для меня все равно». Онъ схватилъ мою руку.

— Вы согласны.

— Нѣтъ, нѣтъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Чувствуя полное безсиліе узнать мою фамилію, Бердяевъ сказалъ мнѣ однажды:

— Я положительно не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать. Если бы можно было, я сталъ бы пытаться васъ. Какъ жаль, что нѣтъ пытки! Я посмотрѣлъ на него, улыбнулся и сказалъ:

— Я сожалею болѣе, чѣмъ вы, что нѣтъ пытки. Тогда я могъ бы испытать силу своего характера—сказалъ ли бы я подъ пыткой то, что не желаю сказать безъ нея. Теперь я могу только предполагать, фактическаго доказательства у меня нѣтъ.

— Да, я васъ понимаю, — сказалъ Бердяевъ, — для васъ пытка была бы торжествомъ.

Черезъ два-три дня, онъ входитъ ко мнѣ съ помятымъ лицомъ, съ какой-то толстой книгой подъ мышкой. Съ торжественно-серьезнымъ видомъ разворачиваетъ книгу, садится на стулъ и читаетъ статью закона: «Бродягой называется тотъ, кто присваиваетъ себѣ чужое имя; онъ подвергается шестидесяти ударамъ розгами и ссылагается въ Сибирь на поселеніе».

— Вы назвали себя Скрипкой. Скрипка, подъ своей фамиліей, умеръ въ одесской городской больницѣ.

Онъ сказалъ годъ и мѣсяць. Тутъ торжественность ему изменила и онъ опять сталъ дѣлиться со мной своими несчастьями:

— Представьте себѣ, вызываютъ меня въ департаментъ полиціи и даютъ мнѣ справку, что Скрипка умеръ; а я васъ называлъ Скрипкой.

— Я не называлъ себя Скрипкой, и если кто долженъ подвергаться наказанію за присвоеніе чужого имени, такъ это вы. Вы мнѣ дали это имя, я своего согласія не изъявлялъ.

Онъ опять впалъ въ торжественный тонъ:

— Даю вамъ двадцать четыре часа на размышленіе. Черезъ 24 часа я васъ сдамъ въ вѣдѣніе судебного слѣдователя, какъ уголовнаго.

Я, не говоря ни слова, собираю свои убогіе пожитки.

— Мнѣ совершенно достаточно двадцати четырехъ секундъ. Можете отправить меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу васъ отправить, я знаю, что вы политическій. Я васъ отправлю въ Петербургъ.

Онъ мнѣ прочелъ бумагу гдѣ директоръ департамента полиціи требуетъ моего отправленія. Я зналъ, что по прибытіи въ Питеръ моя фамилья будетъ открыта: жандармы Петропавловской крѣпости знали меня. Я рѣшилъ тогда предложить свои условія, при которыхъ я могу сказать свою фамилью. Условія я поставилъ такія:

Я скажу свою фамилью, если меня—или повѣсятъ черезъ два мѣсяца, т. е. 9 февраля 1887 г., или, 4 ноября 1888 г., въ Москвѣ, освободятъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я былъ арестованъ, и втеченіе двухъ недѣль не будутъ слѣдить за мной.

— Впродолженіе этихъ двухъ лѣтъ даю свое тѣло въ ваше распоряженіе; при условіяхъ, чтобы не было членовредительства.

— Я согласенъ на эти условія,—сказалъ Бердяевъ.

— Вашего согласія не достаточно. Ваша компетенція не обнимаетъ этихъ условій. Нужно согласіе лица, которое можетъ ихъ выполнить. Это лицо—министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Я буду телеграфировать.

Съ этими словами Бердяевъ вышелъ.

Черезъ день или два онъ пришелъ ко мнѣ съ отвѣтомъ:

— Министръ внутреннихъ дѣлъ согласенъ на ваши условія.

Это было въ сочельникъ, 24 декабря. Я хотѣлъ видѣть бумагу, какъ офиціальное удостовѣреніе въ согласіи, но бумагу показать Бердяевъ отказался, мотивируя тѣмъ, что бумага шифрованная и показать ее онъ не можетъ. Кромѣ того, онъ сказалъ, что министръ требуетъ немедленнаго отправленія меня въ Петербургъ.

Я сказалъ, свою фамилью.

— Только!—вырвалось у Бердяева и, разочарованный, онъ ушелъ къ себѣ.

Часа черезъ полтора я былъ на вокзалѣ, и меня увезли въ Питеръ. На второй день праздника, меня привели, кажется, къ директору департамента полиціи, Дурново. Въ пріемной, пока я ожидалъ свиданья съ директоромъ, ко мнѣ подошелъ какой то генераль.

— Скажите, пожалуйста, какъ вы могли бѣжать?

— Въ тайгѣ для меня одна дорога, а искать меня тысячи дорогъ,—отвѣтилъ я.

Когда я вошелъ въ кабинетъ директора, мнѣ предложили сѣсть. Я сѣлъ и въ упоръ смотрѣлъ въ глаза моему визави. Онъ немного замаялся, какъ бы не зная съ чего начать.

— Вы, старый революціонеръ, закаленный въ бояхъ, повѣрили какому то жандармскому офицеришкѣ.

Я смотрѣлъ на него, не спуская глазъ.

— Я повѣрилъ не жандармскому офицеришкѣ, а начальнику московской охраны, вашему уполномоченному.

Онъ перемѣнилъ разговоръ, началъ спрашивать о ссылкѣ, спросилъ меня, какая у меня была цѣль бѣжать изъ Сибири.

— Я хотѣлъ видѣть Россію и потомъ, черезъ Петербургъ, проѣхать въ единственное, по моему мнѣнію народное государство—Норвегію, гдѣ хотѣлъ поселиться, такъ какъ я человѣкъ старый. Тепе-

решнее движеніе приняло иное направленіе, чѣмъ было въ мое время. Оріентироваться мнѣ трудно, и мнѣ хотѣлось отдохнуть въ народномъ государствѣ.

— Какъ досадно! что бы вамъ пріѣхать въ Петербургъ, явиться ко мнѣ и сказать мнѣ про это ваше желаніе. Я бы васъ съ удовольствіемъ пропустилъ въ Норвегію. Теперь, вы представьте себѣ наше положеніе: въ Москвѣ, посреди города, оказывается неизвѣстный человекъ. Исполнительный Комитетъ мы разсѣяли, его нѣтъ, но кто можетъ поручиться, что разсѣяныя искры костра не зажгли новаго Исполнительнаго Комитета въ каждомъ домѣ. Проходя мимо какого-нибудь дома, невольно думаешь—не тутъ ли опять Исполнительный Комитетъ? Вы были спицей, которая попала въ колесо нашей машины и остановила весь механизмъ.

Потомъ онъ говорилъ о Карѣ и закончилъ такъ:

— Ваши условія все-таки странныя.

— Въ вашемъ распоряженіи было согласиться на нихъ или нѣтъ.

— Но помилуйте, за что мы васъ повѣсимъ!

— Можете освободить.

— Нѣтъ, русское правительство никогда не согласится, чтобы вы были въ предѣлахъ Европейской Россіи.

— Ну повѣсьте.

Онъ позвонилъ и потребовалъ мой «формулярный» списокъ. Какъ бы не зная его, онъ началъ перелистывать машинально.

— Совершенно нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы васъ повѣсить.

Я посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— На праздникахъ мы еще увидимся и тогда окончательно рѣшимъ вопросъ о вашей участи.

Я всталъ, поклонился и вышелъ.

Разумѣется, я предполагалъ, что меня обманутъ, но все таки предположеніе обмана и увѣренность въ дѣйствительномъ обманѣ—разница. Мнѣ было досадно, что я такъ глупо повѣрилъ и не взялъ отъ Бердяева письменнаго удостовѣренія.

Для того, чтобы окончить эту игру, которая стала мнѣ омерзительна, я, возвращаясь въ Петропавловскую крѣпость, на вопросъ сопровождавшаго меня жандармскаго полковника—зачѣмъ я бѣжалъ изъ Сибири—отвѣтилъ такъ:

— Я бѣжалъ изъ Сибири, чтобы увидѣть дорогу для меня Россію, ея жизнь. Я видѣлъ. Теперь я еще болѣе убѣдился, что на здоровомъ тѣлѣ русскаго народа живетъ, какъ наростъ, гнилая, промозглая бюрократія, и министръ внутреннихъ дѣлъ такъ же держитъ свое слово, какъ московскій жуликъ.

Жандармскій полковникъ молчалъ. Мною это было сказано съ цѣлью, чтобы онъ передалъ по назначенію. Я такимъ образомъ избѣжалъ бы второго свиданья, о которомъ намекали въ департаментѣ полиціи. Цѣль моя была достигнута, на второе свиданье меня не возили.

Это было въ декабрѣ; до начала апрѣля я просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Потомъ меня перевели въ домъ предварительнаго заключенія, тамъ заковали въ кандалы, перебрили поль-головы

и отправили въ московскую пересыльную тюрьму. За побѣгъ меня должны были бы присудить въ каторжныя работы. Это сдѣлать устыдились. Довольно было обмана...

Въ новомъ статейномъ списокѣ я числился: дворянинъ, административно-ссылный въ колымскій округъ, бывший каторжникъ.

Такой заголовокъ въ «формулярномъ списокѣ» былъ сдѣланъ, вѣроятно, по распоряженію департамента полиціи. Нужно было какъ нибудь сгладить свое неловкое положеніе. Обѣщать исполнить условія, поставленныя мною при открытіи своей фамилии,—потомъ отказаться отъ исполненія...

У человѣка, кто бы онъ ни былъ, остается скверный, прокисшій осадокъ на душѣ послѣ обмана... Осадокъ нужно растворить въ сахарномъ сиропѣ по адресу обманутаго. Этимъ сиропомъ было избавленіе отъ суда за побѣгъ и заголовокъ въ статейномъ списокѣ... Человѣкъ—общественное животное... Не можетъ онъ избавиться отъ общественныхъ чувствъ и долженъ откупаться отъ нихъ хотя бы грошевою цѣной.

В. А. Даниловъ.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

(1869—1872 г.г.).

1.

Весною 1869 года привезли меня „на родину“—въ г. Херсонъ, какъ „поднадзорнаго“.

Херсонскимъ полицеймейстеромъ былъ въ то время артиллеріи полковникъ Гриневицъ.—Это былъ предобродушный „полковникъ“, простоватый и довольно ограниченный человекъ, очутившійся во главѣ полиціи только потому, что незадолго передъ этимъ губернаторомъ херсонскимъ назначенъ былъ бывший правитель канцеляріи новороссійскаго генераль-губернатора Коцебу, артиллеріи генераль-маіоръ Старынкевичъ: послѣдній былъ прежде всего математикъ и человекъ книги, а потомъ уже администраторъ,—и ему хотѣлось на мѣстѣ полицеймейстера имѣть также прежде всего „не полицейскаго“, а добраго малаго—артиллериста, какового онъ и обрѣлъ въ лицѣ своего бывшаго товарища Гриневица.

Я и товарищъ мой Корвацкій, какъ „политическіе поднадзорные“ составляли предметъ всеобщаго опасенія и сугубаго вниманія въ Херсонѣ. Такихъ „преступниковъ“ мѣстная полиція давно уже не имѣла въ своемъ вѣдѣніи; она очень не рада была нашему появленію,—тѣмъ болѣе, что ей приходилось собственнымъ творчествомъ создать наиболѣе удобную форму надзора за нами. Изобрѣтательность далеко не творческаго ума Гриневица не шла дальше того, что онъ предложилъ намъ являться къ нему ежедневно съ визитомъ въ полицейское управленіе въ 12 часовъ по-полудни, при чемъ вниманіе наше обращено было на послѣдствія неподчиненія „законнымъ распоряженіямъ“ полиціи. Дней пять мы распоряженіе это скрѣпя сердце исполняли: я являлся ровно въ 12 часовъ въ „присутствіе“ полицейскаго управленія, здоровался,—Гриневицъ ставилъ мнѣ вопросъ: „Какъ Ваше здоровье?“ и моимъ неизмѣннымъ отвѣтомъ: „спасибо, здоровъ!“ визитъ заканчивался. Естественно, что уже на 6-й день терпѣнія

нашего для продѣлыванія подобной процедуры не хватило,—я прекратилъ свои посѣщенія въ „присутствіе“. Гривевичъ къ „последствіямъ“ не прибѣгъ, а счелъ нужнымъ немного понизить насъ въ рангѣ, сдавъ насъ уже подѣ ближайшей надзоръ частнаго пристава, который „убѣдительно“ просилъ насъ „запросто“ посѣщать его разъ въ недѣлю (кажется по пятницамъ), чтобъ „за чайкомъ“ покаякатъ о томъ—о семъ. Такъ какъ частный приставъ оказался большимъ любителемъ „политики“ и пятничныя бесѣды посвящали почти исключительно политикѣ, припоминая неизмѣнно разные эпизоды изъ временъ своей службы въ Польшѣ въ періодъ послѣдняго возстанія, при чемъ онъ старательно подчеркивалъ свою дружбу съ повстанцами, то и эти „пятницы“ были очень недолговѣчны, — черезъ 3 — 4 недѣли мы забастовали, и тогда полиція на „гласный надзоръ“ махнула рукой и замѣнила его „не гласнымъ“, который въ тѣ „до-политическія“ времена (если позволено будетъ такъ выразиться) былъ (по крайней мѣрѣ, въ Херсонѣ) очень незамысловатъ и наивенъ: неоднократно прислуга-дѣвушка конфиденціально сообщала мнѣ, что ухаживающій за ней жандармскій унтеръ-офицеръ „очень интересуется“ книгами, которыя лежатъ у меня на столѣ, письмами, если таковыя остаются на столѣ и т. п. Раза два-три я наталкивался на субъектовъ, являвшихся подѣ разными предлогами къ хозяйкѣ квартиры, у которой я нанималъ комнату, спрашивая ее о моемъ образѣ жизни, занятіяхъ, знакомствахъ и т. д., часто ампула этихъ субъектовъ выдавали (несмотря на переодѣваніе) то форменные брюки, то казенные сапоги. „Надзоръ“ за нами былъ по истинѣ первобытный, и теперь трудно даже представить себѣ, какую громадную эволюцію за эти неполные 40 лѣтъ продѣлали и надзирающіе, и надзираемые, „прогрессъ“ по этой части оказался необычайнымъ...

2.

Для моего старика-отца на свѣтѣ не было ничего страшнѣе „полиціи“, онъ боялся „городовыхъ“ (о квартальныхъ надзирателяхъ я уже не говорю) пуще огня и обходилъ ихъ за цѣлые кварталы. Понимая, что при моемъ „поднадзорномъ“ положеніи, посѣщенія полиціи неизбѣжны,—я, не желая причинять старику лишннихъ огорченій, нанялъ себѣ отдѣльную комнату. Последнюю нужно было, конечно, оплачивать, пользоваться же для этого „средствами“ отца, обстоятельства котораго были очень плохи, я не находилъ возможнымъ,—необходимо было, стало быть, позаботиться о какомъ-либо источникѣ для своего пропитанія и содержания.

И теперь еще Херсонъ не можетъ похвалиться ни торговой, ни промышленной своей жизнью, а 37 лѣтъ назадъ онъ былъ совершенно мертвымъ въ этомъ отношеніи городомъ, такъ что ни о какихъ „конторскихъ“ занятіяхъ, какъ и вообще о „письменныхъ“ работахъ намъ и мечтать нельзя было; единственно возможнымъ и

подходящимъ занятіемъ для „бывшихъ студентовъ“ были „уроки“, которые намъ и удалось раздобыть. Но тутъ являлась серьезная преграда: преподаваніе „поднадзорнымъ“ строго воспрещалось „существующими циркулярами“, а учебная администрація, до мозга костей пропитанная тенденціями режима графа Дмитрія Андреевича Толстого, по части „нюха“ и „сыска“ въ сферѣ „благонадежности“ далеко оставляла за собой общую полицію: очень скоро доведено было первой до свѣдѣнія послѣдней о страшной опасности, которая грозитъ отечеству отъ нашего преподаванія. Бѣдный Гриневичь совсѣмъ растерялся, ему, человѣку по натурѣ доброму, тяжело было прибѣгнуть къ „крутымъ мѣрамъ“, да къ тому же онъ простымъ умомъ своимъ никакъ не могъ постичь, чѣмъ могло бы быть опаснымъ для отечества преподаваніе Чудновскимъ арифметики или латыни. Поэтому онъ ограничился лишь намеками и „добрыми совѣтами“—быть осторожнымъ, такъ чтобъ „не было разговоровъ“ о нашей преподавательской дѣятельности.

Учебная администрація, однако, не дремала,—она довела „о преступной“ моей дѣятельности до свѣдѣнія губернатора Старынкевича.—Человѣкъ для своего времени очень образованный и просвѣщенный, а по характеру своему добрый и гуманный, генераль Старынкевичь, по собственной инициативѣ (даже безъ вѣдома моего) обратился къ генераль-губернатору Коцебу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи мнѣ заниматься преподаваніемъ. Слишкомъ далекій отъ гуманно-просвѣщенныхъ взглядовъ на вещи и инспирируемый, очевидно, надлежащимъ образомъ тогдашнимъ попечителемъ одесскаго округа (ставленникомъ гр. Д. А. Толстого) Голубцовымъ, Коцебу въ рѣзкой и далеко не деликатной формѣ отклонилъ ходатайство Старынкевича. Послѣдній, пригласивъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ въ присутствіи полковника Гриневича о возбужденномъ имъ за меня ходатайствѣ и объ отклоненіи этого ходатайства, выразивъ крайнее свое сожалѣніе по этому поводу. Гриневичь обратился послѣ этого къ Старынкевичу съ заявленіемъ, что вотъ-де, В. П., мнѣ извѣстно, что г. Чудновскій даетъ уроки,—какъ мнѣ въ этомъ случаѣ быть? Сурово взглянувъ на Гриневича, Старынкевичь отвѣтилъ: „вы понимаете, полковникъ, что послѣ объявленнаго мною въ вашемъ присутствіи г. Чудновскому отвѣта генераль-губернатора, я не могу разрѣшить ему давать уроки“, а затѣмъ повернувшись и медленно удаляясь изъ пріемной въ свой кабинетъ, онъ добавилъ на ходу тихо, внутренительно отчеканивая каждое слово: „но я и не запрещаю“. Совершенно растерявшійся Гриневичь, оставшись со мною наединѣ, удивленно развелъ руки и трагически воскликнулъ: „вотъ—тутъ и понимай,—разрѣшить не разрѣшаетъ, и запрещать не запрещаетъ! ¹⁾, затѣмъ прощаясь со мною, онъ заявилъ мнѣ, что онъ,

¹⁾ Я считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что генераль Старынкевичь въ средѣ тогдашней російской бюрократіи составлялъ рѣдкое исключеніе. Онъ придерживался того взгляда, что самымъ полезнымъ администраторомъ въ Россіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ будетъ тотъ, кто не будетъ проявлять никакой активной силы и будетъ предоставлять полный просторъ земскому и городскому самоуправленію. Когда министр

конечно, будетъ смотрѣть на мое „преподаваніе сквозь пальцы („вы не думайте, что я полицейскій крючекъ,—Боже меня избави!“), но „покорнѣйше“ просить меня ставить его всегда свое временно въ извѣстность гдѣ, у кого и что я преподаю, дабы онъ—въ случаѣ доноса со стороны учебной администраціи—имѣлъ возможность и право, при первомъ же запросѣ, представить объясненіе, что онъ исполняетъ—де свои обязанности по совѣсти, бдительно за мною надзираетъ, прекрасно знаетъ, что и гдѣ я преподаю, и въ дѣятельности моей преподавательской до сихъ поръ ничего предосудительнаго не находилъ. Признаться, мнѣ не малаго труда стоило, чтобы не расхотѣться отъ столь оригинальнаго выхода Гриневича изъ его затруднительнаго положенія. Я далъ ему просимое слово, и мы дружески распростились...

По прошествіи нѣкотораго времени, когда обязанности губернатора временно исправлялъ вице-губернаторъ, камеръ-юнкеръ Корн—чь, я былъ приглашенъ къ послѣднему.—Человѣкъ крайне ограниченнаго ума, широко жившій исключительно на средства своей жены, урожденной М—вой, Корн—чь почти исключительно занимался флиртомъ, „ухаживая“ на-пропалую за мѣстными „дамами“ и „барышнями“ и посвящая все остальное „свободное“ время свое охотѣ, доставлявшей ему особенное удовольствіе, такъ какъ она сопряжена была съ хорошими винами и закусками и приключеніями съ „простыми здоровыми русскими бабами“. Въ интересахъ флирта, Корн—чь принималъ самое дѣятельное и неизмѣнное участіе во всѣхъ любительскихъ спектакляхъ и придумывалъ всевозможныя увеселенія—пикники, танцевальныя вечера, живыя картины и т. п. „Службой“ онъ любилъ заниматься лишь изрѣдка, когда губернаторъ отлучался по дѣламъ службы въ Петербургъ или производилъ ревизію по губерніи: нашъ камеръ-юнкеръ вступалъ тогда въ роль „хозяина губерніи“, становился серьезнымъ „государственнымъ мужемъ“, на время прекращалъ всякое участіе въ любительскихъ спектакляхъ и сокращалъ даже до крайнихъ предѣловъ свой любимый флиртъ. Этими краткими моментами Корн—чь пользовался, чтобы по возможности ярче пофрондировать и проявить свой „либеральный“ государственный умъ и показать, какого „губернатора“ имѣла бы въ немъ Россія, еслибы правительство умѣло цѣнить людей и надумилось призвать его на этотъ „постъ“, который ему, увы! никакъ не давался...

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда Корн—чь священнодѣйствовалъ въ роли „хозяина губерніи“, онъ черезъ Гриневича пригласилъ меня къ себѣ.—Въ напыщенной рѣчи, блиставшей всѣми красотами увѣковѣченнаго Щедринымъ помпадурскаго либерализма, онъ высказалъ сочувствіе моему положенію, которое хотя и является плодомъ „заблужденія“, но заблужденія

въ дѣлѣ потребовалъ отъ губернаторовъ стѣснить дѣятельность земскихъ учреждений, Старикевичъ предпочелъ выйти въ отставку и баллотироваться въ секретари Кіевской городской думы. Въ послѣдствіи онъ былъ назначенъ президентомъ г. Варшавы и старался всячески привлечь общественныхъ дѣятелей въ управленіе городомъ.

благороднаго и безкорыстнаго, свойственнаго юности (о, онъ самъ былъ юнъ и понимаетъ юность!) и потому вполне извинительнаго. Входя въ мое положеніе,—полагая, что въ задачи разумной администраціи, сознающей свой долгъ, не входитъ раздражать молодежь, впавшую въ ошибки, а ей, наоборотъ, слѣдуетъ способствовать вернуться на путь истинный,—и зная, что, не взирая на ходатайство губернатора, мнѣ преподаваніе воспрещено, — онъ. Корн—чь, просить указать, чѣмъ онъ могъ бы быть мнѣ полезенъ. Выслушавъ терпѣливо до конца довольно длинную эффектно-либеральную рѣчь Корн—ча, я объяснилъ ему, что единственное, чѣмъ онъ можетъ быть мнѣ полезенъ при настоящихъ условіяхъ,— это—распорядиться о выдачѣ мнѣ полагаемаго (въ 1869 г.) „поднадзорнымъ“ казеннаго пособія въ размѣрѣ шести рублей въ мѣсяцъ. Такого скромнаго заявленія съ моей стороны К—чь, очевидно, не ожидалъ: „помилуйте“, возразилъ онъ мнѣ патетически-взволнованнымъ голосомъ,—„что значить для интеллигентнаго человѣка 6 рублей въ мѣсяцъ?“ Развивая затѣмъ дальше эту мысль, онъ постепенно сталъ готовить меня къ неожиданному, заранѣе, повидимому, подготовленному эффекту и, въ концѣ концовъ, предложилъ мнѣ поступить на службу въ канцелярію губернатора, гдѣ найдется должное примѣненіе моимъ способностямъ и идеальнымъ стремленіямъ..

Долго говорилъ каммеръ-юнкеръ на эту тему и былъ крайне удивленъ и огорченъ, когда я, поблагодаривъ его за доброжелательное ко мнѣ отношеніе, отклонилъ его предложеніе и вернулся къ ходатайству о казенномъ пособіи.

На этомъ мы разстались. Я въ канцелярію не поступилъ, а онъ, считая 6-рублевое пособіе слишкомъ ничтожнымъ, скоро со-всѣмъ позабылъ и о немъ, и обо мнѣ.

3.

Херсонское „общество“ въ 1869 г. было типично-провинціальное общество второй половины прошлаго столѣтія; совершенное отсутствіе высшихъ интересовъ, низкій уровень идейности, мелочность, дразги, взаимные пересуды и сплетни. Мало здѣсь кто что читалъ, да и никакой бібліотеки для чтенія во всемъ городѣ не было,—въ губернскомъ городѣ съ 40000—нымъ населеніемъ! На весь городъ существовалъ одинъ книжный магазинъ Ш—ха, да и тотъ снабжалъ городъ и окрестности исключительно учебниками; книги общаго характера для „общаго“ чтенія выписывались магазиномъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, да и то лишь по спеціальнымъ заказамъ.—Обязательно существовало, конечно, „Благородное собраніе“, въ которомъ „собирались“ исключительно дворяне и торазъ—два раза въ годъ во время „выборовъ“,—въ остальное время помѣщеніе это сдавалось подъ „концерты“, „благотворительные вечера“ и разныя „юбилейныя“ торжества.—Недалеко отъ „Благороднаго Собранія“ противъ „Потемкинскаго бульвара“ находился

бширный ветхій сарай давнымъ-давно уже передѣланный въ театръ, въ который отъ времени до времени навѣжали провинціальныя группы (часто даже недурныя). — Незадолго передъ этимъ въ Херсонѣ устроенъ былъ „клубъ“, который долженъ былъ („въ то время, когда...“), такъ сказать, объединять всѣ слои общества; но здѣсь центр тяжести лежалъ въ танцевальныхъ вечерахъ, картахъ и разныхъ развлеченіяхъ; клубъ выписывалъ, впрочемъ, нѣкоторые журналы и газеты, а также книги—преимущественно беллетристическаго характера. Это и была чуть-ли не первая „библиотека“, которою пользовались сравнительно немногіе члены клуба.

Прибытіе въ такой городъ двухъ „исключенныхъ студентовъ“, состоящихъ „подъ надзоромъ полиціи“, не могло не произвести въ средѣ херсонскихъ обывателей большой сенсаціи: „Мамаши рѣшили прежде всего воспользоваться нами, какъ „буками“: собравъ торжественно своихъ домочадцевъ (въ особенности гимназистовъ), онѣ энергически разъяснили, что прибывшіе „сосланные“ должны служить для нихъ предостереженіемъ,—такая судьба неизбѣжно ждетъ и ихъ въ случаѣ непослушанія и неповиновенія „старшимъ“; не слѣдуетъ, убѣждали онѣ, вмѣшиваться не въ свое дѣло: студенты должны учиться, чиновники должны служить, купцы—торговать, но (не приведи Богъ!) не заниматься „политикой“, — это грозитъ потерей карьеры и разбитой навсегда жизнью. Книгопродавецъ Ш—хъ, искренно считавшій себя самымъ умнымъ членомъ херсонскаго общества, въ интимномъ кругу своихъ „болѣе уважаемыхъ кліентовъ“ шопотомъ объяснялъ, что К. и Ч. сосланы изъ Петербурга въ Херсонъ потому, что имъ „не понравился“ Александръ II и они хотѣли „сѣсть на его мѣсто.“—Агенты же „тайной полиціи“—жандармы, а также „будочники“ конфиденціально сообщали базарнымъ торговкамъ и мелкимъ лавочникамъ, что К. и Ч. сосланы въ Херсонъ потому, что они бунтовали противъ Царя.

Таково было то общее настроеніе, которое вызвало наше необычное прибытіе въ городъ. Были конечно, исключенія, но это само собою разумѣется. Полное же исключеніе составляла молодежь, отношеніе которой къ „пострадавшимъ“ было діаметрально противоположное. Страхи „мамашъ“ и политико-философскія рѣчи Ш—ха и его знакомыхъ возбуждали только въ учащихся сочувствіе и интересъ къ „поднадзорнымъ“ студентамъ,—и они (въ особенности гимназисты старшихъ классовъ), пренебрегали предостереженіями и мамашъ, и гимназическаго начальства, и всячески старались свести съ нами знакомство. У меня, окончившаго херсонскую гимназію лишь годъ тому назадъ, сохранились еще связи съ ней въ лицѣ нѣкоторыхъ учениковъ старшихъ классовъ, и знакомства со мною завязывались главнымъ образомъ черезъ ихъ посредство.

Я еще вѣсь былъ подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ кружковъ и „сходокъ“ петербургской „радикальной“ молодежи. Непосредственное столкновеніе съ дѣйствительностью во время студенческихъ „беспорядковъ“, грубое вмѣшательство полиціи въ чисто

академическій инцидентъ, жестокое и деспотическое насиліе, учиненное надъ участниками въ „безпорядкахъ“, заставили меня глубоко и серьезно вдуматься въ царящій въ Россіи порядокъ вещей. *Теперь* я сдѣлался уже убѣжденнымъ и непримиримымъ врагомъ послѣдняго, я пришелъ къ опредѣленно-формулированному заключенію, что всякій сознательный и искренно-мыслящій русскій гражданинъ обязанъ объявить безоцѣдную войну подобному порядку вещей и бороться съ нимъ непрерывно и повсюду всѣми доступными въ данный моментъ средствами, помня твердо, что всякая (хотя и само-малѣйшая) крупица сознательности имѣетъ въ общемъ ходѣ вещей свое несомнѣнное значеніе.

При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ я находился въ Херсонѣ, я считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и почти единственно-доступнымъ для меня способствованіе всѣми мѣрами пробужденію политической мысли и общественнаго сознанія въ учащейся молодежи старшаго возраста. Преслѣдуя эту цѣль, я организовалъ при посредствѣ нѣкоторыхъ гимназистовъ и гимназистокъ нѣсколько кружковъ для самообразованія, которые комплектовались изъ учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ мужской и женской гимназій и очень не многихъ постороннихъ лицъ. Въ двухъ-трехъ кружкахъ я участвовалъ непосредственно, въ другіе я считалъ болѣе цѣлесообразнымъ лично не являться, а быть связаннымъ съ ними черезъ посредство пріятелей-гимназистовъ. Нѣкоторые изъ участниковъ этихъ кружковъ черезъ 5—6 лѣтъ очутились (напр. Лангансъ, Л—чъ и др.) въ центрѣ нашего революціоннаго движенія, нѣкоторые, не примыкая къ активному политическому движенію, не мало внесли въ сознаніе нашей передовой части общества...

Кружки собирались болѣе или менѣе регулярно въ опредѣленные дни. На собраніяхъ читались выдающіяся статьи новыхъ книжекъ журналовъ, — читались статьи Писарева, Добролюбова и Вѣлинскаго; особеннымъ же успѣхомъ пользовались старыя книжки „Современника“ со статьями Чернышевскаго и только что вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ „Историческія письма“ Миртова (Лаврова). Читенія сопровождались взаимнымъ обмѣномъ мнѣній, продолжительными преніями и горячими, юношески-увлекательными спорами, нерѣдко затягивавшимися глубоко за полночь...

Долгъ сердца и памяти повелѣваетъ мнѣ остановиться здѣсь на одномъ юношѣ, съ которымъ судьба меня особенно сблизила въ этотъ періодъ моей жизни въ Херсонѣ и сдѣлала меня, такъ сказать, воспріемникомъ первыхъ шаговъ его сознательной жизни столь рано и, увы, столь трагически прекратившейся: я имѣю въ виду *Андрея Афонасьевича Франжолы* или, по-просту *Андрюшу*, какъ его любовно называли всѣ близко его знавшіе...

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Херсонѣ самой популярной аптекой была аптека Миллера. Въ этой аптекѣ находились на службѣ въ качествѣ аптекарскихъ помощниковъ И. Н. Болотниковъ и А. А. Франжолы. Эти-то „аптекарскіе помощники“ были, можно сказать, болѣе всѣхъ заинтригованы водворенными въ

Херсонъ „поднадзорными“ студентами. Оба они очень тяготились своей профессіей, ничего не дававшей ихъ уму и сердцу. Но первый—Болотниковъ былъ человѣкъ, по преимуществу, реально-практическаго направленія, никогда изъ-за идеальныхъ стремлений и потребностей не терявшій изъ вида реально-практической почвы; послѣдній же—Франжолли былъ идеалистъ до мозга костей, человѣкъ, въ высшей степени увлекающійся, энтузіастъ, чуждый всякихъ практически-реальныхъ соображеній,—одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ принято говорить, что они „не отъ міра сего“; въ тиши своей аптекарской каморки онъ взростилъ въ своемъ умѣ и сердцѣ строго-демократическіе принципы и убѣжденія, которыми онъ былъ преданъ до фанатической нетерпимости ко всѣмъ тѣмъ, кто ихъ не раздѣлялъ, при чемъ онъ не щадилъ даже самыхъ близкихъ и любимыхъ имъ людей.—Разница эта обусловливается до нѣкоторой степени національнымъ темпераментомъ обоихъ юношей: Болотниковъ былъ коренной русской человѣкъ (если не ошибаюсь, уроженецъ Екатеринославской губерніи); Франжолли же и по отцу, и по матери былъ *итальянецъ*, родомъ изъ подвластной Австріи Италіи, и не только его отецъ, но и самъ Андрей оставались (что весьма огорчало послѣдняго) австрійскими подданными, хотя Андрей и душой, и тѣломъ былъ самымъ преданнымъ сыномъ Россіи, до самозабвенія любившимъ ее, болѣвшимъ всѣми ея скорбями и печальми...

Эти „фармацевты“ были одни изъ первыхъ, которые свели со мною знакомство. Мы очень коротко сошлись и между нами очень скоро завязалась тѣсная дружба. Комнатка, отведенная имъ при аптекѣ, была наиболѣе любимымъ мѣстомъ моего времяпровожденія. Здѣсь я былъ весьма желаннымъ гостемъ днемъ и ночью. Оба „фармацевта“ готовы были дѣлиться со мною послѣднимъ кускомъ. Частенько приходилось у нихъ и ночевать, такъ какъ увлекающійся Андрей по цѣлымъ часамъ разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ въ Питерѣ, о вопросахъ, волнующихъ молодежь, о видахъ на будущее, надеждахъ и чаяніяхъ и т. п. Не прошло и мѣсяца послѣ нашего знакомства, какъ оба друга объявили мнѣ о своемъ категорическомъ рѣшеніи похерить аптеку и фармацевтическую дѣятельность и поступить въ технологическій институтъ, предложивъ мнѣ при этомъ довать имъ уроки по математикѣ. У Франжолли такое рѣшеніе созрѣло послѣ упорной внутренней борьбы. Дѣло въ томъ, что семья его была крайне бѣдная, и за смертью отца, вся (мать, двѣ сестры и два брата) существовала почти исключительно его скуднымъ заработкомъ. Къ этой семьѣ онъ былъ очень привязанъ, и судьба ея его очень заботила. Но тутъ съ одной стороны явилась на помощь старшая сестра, получившая мѣсто народной учительницы; съ другой стороны твердая вѣра въ собственныя силы и увѣренность, что въ технологическомъ институтѣ ему удастся „уроками“ поддерживать семью: Къ тому же Андрей принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые готовы всѣмъ пожертвовать ради достиженія *идеальной цѣли*...

Закипѣла у пріятелей-фармацевтовъ работа. Я просто диву давался при видѣ трудоспособности этихъ двухъ юношей. въ особенноти Франжоли. Работая на ногахъ почти круглый день кропотливую, тяжелую и неприятную работу, вынужденные зачастую работать и ночью, выскакивая полуодѣтыми при каждомъ звонкѣ ночныхъ посѣтителей, они умудрялись удивительно много работать и надъ предметами гимназическаго курса, экзаменъ по которому былъ обязательенъ для поступленія въ технологическій институтъ. По прошествіи года они оставили аптеку и отправились въ Петербургъ. Съ дальнѣйшей судьбой Франжоли читатели могутъ познакомиться въ напечатанномъ въ мартовской книжкѣ „Былого“ за 1907 г. очеркѣ Николая Морозова. Въ 1879 г. я получилъ отъ него послѣднее письмо изъ Сольвычегодска, письмо. по обыкновенію, восторженное и жизнерадостное, хотя онъ страдалъ уже и тогда неизлечимою болѣзнію. Нѣсколько лѣтъ спустя я уже въ Енисейскѣ узналъ о его смерти. Что касается Болотникова, съ которымъ мнѣ пришлось вновь столкнуться черезъ много лѣтъ, уже по возвращеніи изъ ссылки, незадолго до его смерти, то онъ всецѣло отдалъ себя своей новой спеціальности, много работалъ въ технологическомъ институтѣ, а по окончаніи посвятилъ себя педагогической дѣятельности въ качествѣ полезнаго и честнаго преподавателя, а затѣмъ и директора полтавскаго земскаго ремесленнаго училища. Женатый на любимой сестрѣ Франжоли (Евгеніи Афанасьевнѣ), онъ навсегда сохранилъ дружескія связи съ послѣднимъ; жизненные пути ихъ разошлись, какъ и можно было ожидать, хотя Болотниковъ до самой смерти сохранилъ чуткость ко всему благородному и возвышенному...

Уже изъ первой главы моихъ воспоминаній читатель знаетъ, что въ концѣ 60-хъ годовъ въ Россіи въ разгарѣ былъ „женскій вопросъ“, однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ котораго былъ Михайловъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ дѣвушки проникали на лекціи и на практическія занятія на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ. Официально, однако, доступъ женщинамъ въ высшія учебныя заведенія былъ еще (въ 1869—1870 г.) закрытъ, и женщины русскія стремились въ заграничныя университеты, въ особенности швейцарскіе—Цюрихскій и Бернскій.—Провинція въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, шла въ хвостъ столичнаго движенія, но все же послѣднее не было ей чуждо. Въ Херсонѣ мнѣ пришлось познакомиться съ интеллигентной и симпатичной семьей вдовы Герценштейнъ; старшая дочь Аннета Марковна сразу обращала на себя вниманіе, какъ чрезвычайнаго способная и талантливая дѣвушка. Въ этой глуши она первая поставила себѣ цѣль поступить въ Цюрихскій университетъ и увлекла за собой свою подругу—Берлинерблоу. Въ то время въ провинціи это было цѣлое событіе. Понятно, что я съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся къ рѣшенію этихъ дѣву-

шекъ и предложилъ имъ свои услуги, чтобы помочь имъ подготовиться по математикѣ, которая въ то время въ женскихъ гимназіяхъ преподавалась въ слишкомъ скромныхъ дозахъ. Это были первыя двѣ піонерки въ нашей провинціальной глуши (и чуть ли и вообще въ провинціи), которыя въ 1870 г. послѣ упорной борьбы съ родными (особенно упорную борьбу пришлось выдержать Берлинерблоу) отправились въ Цюрихъ. Для херсонскаго юношества, въ особенности для части, группировавшейся по кружкамъ самообразованія, это былъ истинный праздникъ. Я живо припоминаю, какъ къ отходу парохода (въ Одессу) вся набережная наполнилась молодежью, съ какими почтительными поклонами она встрѣтила прибывшихъ на пароходѣ двухъ дѣвушекъ (большинству изъ нихъ лично совершенно незнакомыхъ) и какъ въ моментъ отхода парохода всѣ провожавшіе юноши почтительно обнажили головы и простояли въ торжественномъ молчаніи нѣсколько минутъ, пока пароходъ былъ виденъ. Дѣвушки отправились въ Цюрихъ, гдѣ и поступили послѣ успѣшно выдержаннаго экзамена на медицинскій факультетъ. А. М. Герценштейнъ сдѣлалась скоро жертвой черной оспы, и ей, талантливой и многообщавшей, не суждено было больше увидѣть Россію, а Берлинерблоу, успѣшно окончивши медицинскій факультетъ и не найдя приложенія своимъ профессиональнымъ занятіямъ въ Россіи, переселилась въ Америку, гдѣ и устроилась при одной изъ бостонскихъ больницъ, въ которой пребываетъ, кажется, и нынѣ.

Къ этому же періоду пребыванія моего въ Херсонѣ относится и основаніе (хотя и зародышевое) нынѣшней общественной херсонской бібліотеки, занимающей видное мѣсто между провинціальными общественными бібліотеками.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, какъ мною выше упомянуто, въ Херсонѣ не существовало ни одной бібліотеки для чтенія. Въ книгахъ для чтенія чувствовалась большая нужда, новые журналы добывались съ большимъ трудомъ. И вотъ нѣсколько человекъ херсонской молодежи, къ которымъ и я примкнулъ, рѣшили выписывать въ складчину два-три журнала; группа быстро разрослась, вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и число выписываемыхъ журналовъ, съ теченіемъ времени стали выписывать и новыя книги по общественнымъ вопросамъ. Юноши очень усердно занимались своей „бібліотечкой“,—въ особенности много времени удѣляли ей Рябковъ и Лангансъ. По простетвіи нѣсколькихъ лѣтъ составилось уже дѣйствительно нѣчто въ родѣ маленькой бібліотеки, постепенно и быстро расширявшейся. Я былъ уже далеко-далеко отъ своей родины, когда узналъ, что учрежденіе, возникшее въ столь скромныхъ размѣрахъ, единичными усиліями отдѣльныхъ немногочисленныхъ лицъ, превратилось въ общественную бібліотеку, пользующуюся ежегоднымъ пособіемъ городского общественаго управленія, являясь до нѣкоторой степени гордостью небольшо-

численной херсонской интеллигенціи. Этотъ фактъ личной инициативы въ провинціальной глуши заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ.

Поднадзорное положеніе мое въ Херсонѣ продолжалось около двухъ лѣтъ. Я все время существовалъ „уроками“ въ домахъ мѣстныхъ видныхъ обывателей, которые я давалъ совершенно открыто, не скрываясь, что было бы впрочемъ и безцѣльно, такъ какъ даже учебная администрація въ своемъ ревностномъ сыскѣ не рѣшилась бы на конфликтъ, напр., съ генераломъ Слезкинымъ (братомъ извѣстнаго въ то время начальника московскаго жандармскаго управленія), съ младшими сыновьями котораго я занимался, или съ членомъ окружного суда Давиденко и бригаднымъ генераломъ (въ домахъ которыхъ давалъ уроки товарищъ мой Корвацкій.) Обезпеченный въ своемъ матеріальномъ существованіи, я почти всѣ вечера свои проводилъ въ кружкахъ самообразованія мѣстной молодежи, посильно помогая ей разбираться въ интересовавшихъ ее вопросахъ жизни.

Хотя я и не оставался въ Херсонѣ совершенно бесполезнымъ и продолжалъ неизмѣнно пользоваться симпатіями молодежи, тѣмъ не менѣе этотъ глухой провинціальный уголокъ съ почти полнымъ отсутствіемъ внутренней самостоятельной общественной жизни сталъ сильно меня тяготить, и я принялся хлопотать о разрѣшеніи переѣхать на жительство въ Одессу.—Благодаря содѣйствію губернатора Старынкевича и генерала Слезкина ходатайство мое было уважено, и въ мартѣ 1871 г. (послѣ почти двухлѣтняго поднадзорнаго пребыванія въ Херсонѣ), я переѣхалъ въ Одессу, оставаясь и здѣсь попрежнему подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

II.

1.

Одесскій (правильнѣе, „Новороссійскій“) университетъ, какъ таковой, въ моментъ прибытія моего изъ Херсона въ Одессу, существовалъ всего около шести лѣтъ: лишь въ маѣ 1865 года бывшій Ришельевскій лицей преобразованъ былъ въ университетъ съ тремя, на первыхъ порахъ, факультетами: юридическимъ, физико-математическимъ и историко-филологическимъ.—Въ памяти одеситовъ свѣжъ былъ еще тогда „героическій періодъ“ студенчества лица, отмѣченный въ его лѣтописяхъ всевозможными удачными скандалами и всякаго рода „молодечествомъ“. Современники и очевидцы (кто съ пафосомъ, кто иронически-юмористически) передавали о легендарныхъ подвигахъ студента К—ва, появлявшагося передъ изумленной публикой, расходившейся изъ „Дворянскаго Собранія“, по окончаніи концерта, верхомъ на жандармѣ, переносившемъ его за соблазнительное вознагражденіе на спинѣ черезъ

грязную улицу возлѣ подъѣзда Собранія, или умудрявшагося размѣщаться въ одномъ нижнемъ бѣльѣ на подоконникѣ 4-этажа, чтобы этимъ путемъ быть выдвореннымъ изъ квартиры безъ уплаты за квартиру и т. п.

Этотъ „героическій“ періодъ миновалъ, но онъ не былъ еще замѣненъ какимъ-либо новымъ реально-прогрессивнымъ академическимъ или общественнымъ теченіемъ.—Новороссійскій университетъ, вообще, на первыхъ порахъ своего существованія очень слабо отражался на культурно-духовной физиономіи Одессы, слишкомъ ярко окрашенной въ мѣщанско-буржуазный торгово-коммерческій цвѣтъ. Ни профессора, ни студенты ничего почти тогда не вносили въ умственную и нравственную атмосферу среднихъ обывательскихъ круговъ. Со стороны получалось впечатлѣніе, что университетъ существуетъ *für und an sich* и старательно выполняетъ свою спеціальную миссію: готовить для учебныхъ заведеній учителей-чиновниковъ и адвокатовъ,—но совершенно игнорируетъ *человѣка* въ томъ высокомъ и благородномъ смыслѣ, каковой вкладывалъ въ это слово еще недавно вынужденно-оставившій свою административно-педагогическую дѣятельность въ одесскомъ, а затѣмъ и въ кievскомъ учебномъ округѣ знаменитый Н. И. Пироговъ, имя котораго многіе еще произносили съ глубокимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ. А между тѣмъ въ числѣ профессоровъ новороссійскаго университета я засталъ такія крупныя и выдающіяся научныя и умственныя силы, какъ *Съченовъ*, *Мечниковъ*, *Ценковский*, *Соколовъ*, *Головкинскій*,—на лекціи которыхъ (въ особенности *Съченова* и *Мечникова*) стекались студенты всѣхъ факультетовъ, а устраиваемые ими публичные курсы усердно и жадно посѣщались лицами обоюго пола всѣхъ слоевъ и классовъ общества, въ особенности необыкновенно талантливыя лекціи *Мечникова* и *Съченова*, пользовавшихся обширною популярностью, при чемъ, напр., на знаменитыя лекціи по эмбриологіи восходившаго лишь тогда свѣтила—*Мечникова* стекалось столько народа, что всѣхъ желающихъ не вмѣщала обширнѣйшая университетская аудиторія.

2.

Число слушателей въ Новороссійскомъ университетѣ, не только сравнительно съ теперешнимъ, но даже сравнительно съ тогдашнимъ ихъ количествомъ въ другихъ университетахъ, было очень ограничено; на всѣхъ трехъ факультетахъ оно не превышало 450 человекъ, изъ коихъ около двухъ третей приходилось на юридическій факультетъ.

Я нашелъ въ средѣ одесскаго студенчества одинъ лишь организованный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ окончившій уже незадолго передъ этимъ историко-филологическій факультетъ Г. Е. Ае—въ, оставленный при университетѣ въ качествѣ магистранта по кафедрѣ всеобщей исторіи. Это былъ человекъ съ сильнымъ характеромъ, большого ума и солидной эрудиціи; благодаря его выдающемуся ораторскому таланту и умѣнию прекрасно управлять

преніями и формулировать послѣднія, онъ являлся неизмѣннымъ предсѣдателемъ на всѣхъ студенческихъ сходкахъ и всякаго рода собраніяхъ.—Къ кружку этому примыкали юноши (главнымъ образомъ, студенты), изъ которыхъ нѣкоторые сыграли впоследствии замѣтную роль въ нашей общественной и государственной жизни, а также на поприщѣ науки, журналистики и публицистики; таковы, напр., Южаковъ, И. Корвацкій, Авдѣевъ, Гернетъ, Л—ва, Р—нъ и др.—Кружокъ этотъ въ то время преслѣдовалъ почти исключительно культурно-просвѣтительныя задачи какъ въ сферѣ студенческой жизни, такъ и въ соприкасавшейся съ нею общественной средѣ.

Центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сталкивались всѣ интересовавшіеся тогда студенческими дѣлами, являлась спеціально-студенческая кухмистерская, которая существовала хотя и не вполне легально, но совершенно открыто. Въ этой-то кухмистерской, помѣщавшейся, насколько припомню, на Гулевой улицѣ—возлѣ Собора, я вскорѣ по прибытіи въ Одессу столкнулся съ названными лицами и нѣкоторыми другими, изъ которыхъ впоследствии одни замѣтно повернули, вправо, другіе—влѣво и лишь немногіе остались совершенно въ сторонѣ отъ всякой эволюціи.

Стремясь къ сближенію съ молодежью и, преимущественно, университетскою, я сдѣлался завсегдатаемъ этой кухмистерской, а вскорѣ и однимъ изъ ея распорядителей.—„Гласный полицейскій надзоръ“ въ Одессѣ въ то время былъ совершенно номинальнымъ и ограничивался (по отношенію ко мнѣ, напр.) лишь тѣмъ, что по прибытіи изъ Херсона въ Одессу, я предъявилъ въ полицейскомъ управленіи свое проходное свидѣтельство, взаимѣнъ котораго мнѣ выданъ былъ видъ на жительство,—до-поры-до-времени на этомъ собственно и кончились всѣ отношенія мои къ полиціи, во главѣ которой скоро стали быстро прославившіеся по всей Россіи своимъ лихоимствомъ знаменитый полковникъ Антоновъ (авторъ „одесскихъ гекатомбъ“) и секретарь его Болотовъ, розыскивавшійся (за разныя „художества“) по Россіи и, въ качествѣ секретаря полиціи, лично отписывавшійся (какъ меня увѣряли) о „ненахожденіи въ Одессѣ“ такового: этимъ господамъ въ сущности наплевать было и на государство, и на политику, и на „поднадзорныхъ“, и на обывателей вообще,—все ихъ вниманіе сосредоточено было на... публичныхъ домахъ, превращенныхъ ими, въ источникъ столь крупныхъ и беззастѣнчивыхъ доходовъ, что очутились, наконецъ, на скамьѣ подсудимыхъ.

Итакъ, полицейскій надзоръ меня на первыхъ порахъ въ Одессѣ совершенно не стѣснялъ и въ теченіе нѣкотораго времени ничѣмъ не связывалъ меня и моего образа жизни.

На первыхъ порахъ интеллигентски-культурный кружокъ отнесся ко мнѣ не совсѣмъ благосклонно, усматривая (хотя и не совсѣмъ основательно) во мнѣ противника его задачамъ и стремленіямъ. Кто-то пустилъ даже слухъ, что я примыкаю къ нечаевской организаціи, намѣренъ организовать въ Одессѣ кружокъ по типу и характеру нечаевскихъ и т. д. А надо сказать, что

только что закончился процессъ по нечаевскому дѣлу, который довольно подробно печатался въ газетахъ. Процессъ произвелъ на провинціальную молодежь крайне неблагоприятное впечатлѣніе. Выяснившееся изъ печатнаго (въ газетахъ) процесса совершенно безпричинное убійство Иванова и генеральское отношеніе Нечаева къ другимъ участникамъ его организаціи вызвали въ тотъ моментъ крайне отрицательное и чрезвычайно подозрительное отношеніе ко всякаго рода конспиративной дѣятельности....

Итакъ пущенный слухъ (никакой реальной почвы подъ нимъ не было) предрасположилъ противъ меня культурно-просвѣтительный кружокъ, что обнаружилось на первыхъ же порахъ въ слѣдующемъ фактѣ: въ числѣ негласныхъ студенческихъ учреждений существовала тогда въ Одессѣ и „студенческая бібліотека“, которой пользовались не исключительно одни студенты, но и другія лица, принятые въ ея составъ закрытой баллотировкой по большинству голосовъ. Бібліотека эта цѣнилась не столько сама по себѣ, какъ таковая, а какъ одинъ изъ объединяющихъ центровъ. Кто-то предложилъ избрать меня членомъ этой бібліотеки (предложеніе сдѣлано было безъ моего вѣдома). И вотъ какъ-то во время обѣда въ кухмистерской одинъ изъ моихъ знакомыхъ сообщилъ мнѣ, что я избранъ въ члены бібліотеки. Присутствовавшій при этомъ Ае—въ къ сообщенію этому присовокупилъ: „Вы избраны почти единогласно, за васъ поданъ былъ лишь одинъ черный шаръ, и я считаю долгомъ объяснить вамъ, что черный шаръ положилъ я, и положилъ я его вамъ потому, что во мнѣ сложилось убѣжденіе, что мы съ вами преслѣдуемъ различныя политическія цѣли...“ Такая честная прямота привлекла мои симпатіи къ Ае—ву и обусловила навсегда чувства искренняго уваженія и расположенія къ этому человѣку, отношенія къ которому спустя много лѣтъ стали почти дружескія: открытый и честный противникъ, вѣдь, далеко не заурядное явленіе въ нашей жизни....

3.

Но тогда же въ той же одесской студенческой средѣ и даже въ той же студенческой кухмистерской формировался и другой кружокъ, который не удовлетворялся одними мирно-культурно-просвѣтительными цѣлями и задачами.

Во главѣ этого кружка стояли филологъ Ш—скій, юристы Г—цкій и В—скій и... Андрей Ивановичъ Желябовъ, тогда большой другъ и пріятель, съ которымъ они (какъ часто бываетъ въ жизни) скоро разошлись въ разныя стороны. Группа эта жила въ самой кухмистерской, занимая въ ней двѣ-три свободныя комнаты...

Когда я пишу эти строки, въ моей памяти ярко воскресаютъ прекрасныя черты лица Желябова въ первый моментъ первой моей встрѣчи съ нимъ.—Я явился однимъ изъ первыхъ въ комнату, въ которой должна была состояться (не припомню уже по

какому поводу) сходка. Вскорѣ послѣ меня въ эту же комнату вошли III—скій съ пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ въ высшей степени симпатичный юноша въ накинутомъ на плечи пледѣ, — одинъ изъ тѣхъ далеко не часто встрѣчающихся людей, которые не могутъ не обратить на себя самаго серьезнаго вниманія, какъ люди какъ-бы судьбой отмѣченные и ею предназначенные для чего-то весьма важнаго и крупнаго. — Выше средняго роста, изящной и красивой наружности, съ розовыми щеками, большими, чрезвычайно выразительными смѣющимися глазами, черными волнистыми волосами, Желябовъ невольно привлекъ къ себѣ мое вниманіе, какъ только онъ появился на сходку, на которой по обыкновенію—предсѣдательствовалъ Ae—въ. Я не мало былъ удивленъ, когда узналъ, что этотъ изящный юноша съ тонкими чертами лица сынъ заправскаго (а не „вышедшаго въ люди“) крестьянина, который и въ тотъ моментъ, и впоследствии до конца дней своихъ таковымъ и остался...

Не помню, для чего именно собралась сходка и о чемъ на ней трактовалось; если не ошибаюсь, обсуждались на ней чисто хозяйственные вопросы, касавшіеся кухмистерской. Въ преніяхъ принималъ участіе и Желябовъ, который и при этомъ ординарномъ случаѣ проявилъ уже недожинный ораторскій талантъ, живое остроуміе и находчивость. Его логическая, живая, умно-построенная рѣчь-импровизація выдвинула его, какъ оратора, на первый планъ. На этой заурядной сходкѣ уже бросалась въ глаза способность Андрея Ивановича увлекать за собою толпу, электризовать ее и незамѣтно господствовать надъ нею...

Въ отличіе отъ кружка Ae—ва, явно сторонившагося тогда отъ меня, какъ отъ человѣка съ радикальными и даже революціонными (по его мнѣнію) стремленіями, кружокъ III—го, въ особенности Желябовъ въ этомъ самомъ предположеніи усматривалъ, наоборотъ, поводъ къ сближенію со мною. Организовавъ бюро для доставленія уроковъ и другихъ занятій нуждающейся молодежи симпатичнаго для нихъ направленія, группа эта—по собственной инициативѣ—помогла мнѣ добыть для себя работу, сначала переписку, а потомъ и уроки...

4.

На Пасхѣ этого 1871-го года мнѣ пришлось пережить и быть очевидцемъ перваго на моихъ глазахъ еврейскаго погрома въ Одессѣ.

Старшій братъ Л. Л. съ семьей отправился на праздники въ Херсонъ, я же по его просьбѣ остался на его квартирѣ, помѣщавшейся (если память мнѣ не изменяетъ) на Еврейской улицѣ, на которую выходили окна нѣкоторыхъ комнатъ. Съ разрѣшенія директора химической лабораторіи Новороссійскаго Университета, профессора Соколова, я занимался въ послѣдней практически химіей, работая тамъ въ свободное время подъ руководствомъ тогда еще доцента неорганической химіи А. Вериги и лаборанта

Блименко, посвящая праздничные дни теории химии, и изучалъ съ увлеченіемъ классическій учебникъ Менделѣева. И вотъ, приблизительно черезъ мѣсяць послѣ прибытія моего въ Одессу въ первый день Пасхи (она началась 28-го марта) я съ утра расположился въ кабинетѣ брата и внимательно штудировалъ какую-то главу учебника Менделѣева, увлекшись прекраснымъ строго-научнымъ изложеніемъ. Вдругъ послышался какой-то грохотъ и шумъ; я не обратилъ вниманія и продолжалъ свои занятія; но черезъ нѣсколько минутъ посыпались осколки разбитыхъ стеколъ, и я почувствовалъ острую боль въ правой ногѣ. Я вскочилъ и осмотрѣлся. Оказалось, что въ мою ногу ударился брошенный въ окно большой булыжникъ; почти всѣ стекла въ окнахъ этой комнаты были уже разбиты; и въ окна комнатъ квартиры, помѣщавшейся во 2-мъ этажѣ, градомъ сыпались съ Еврейской улицы камни всевозможныхъ величинъ. Моментально выскочивъ въ сосѣднюю комнату, выходящую во дворъ, я забаррикадировалъ дверь въ кабинетъ, переждалъ тамъ минутъ 15—20, пока близости все стихло. Комнаты, выходящія окнами на улицу, представляли картину полного разрушенія; во всѣхъ семи окнахъ стекла разбиты были вдребезги, повреждены были столы и стулья. Бушующая толпа покоячилась съ этимъ кварталомъ и умчалась дальше. Я заперъ ставни, одѣлся и пошелъ бродить по городу въ качествѣ наблюдателя и созерцателя, чтобы впервые въ свою жизнь увидѣть въ дѣйствиіи и реальности ту стихійную и бессознательно-разрушающую толпу, о которой приходилось многое читать.

Ни какой „самообороны“ тогда еще и въ поминѣ не было ¹⁾, о „политикѣ“ въ еврейской массѣ и о мести со стороны „истинно-русскихъ“ людей евреямъ за ихъ „революціонное настроеніе“ не могло быть и рѣчи; самой „русской революціи“ еще слыхомъ не слышать было, г.г. Плеве, Нейдгарты, Курловы и имъ подобные еще на горизонтѣ нашего не появлялись, да и „истинно-русскихъ“ людей тогда еще не было, какъ не было такихъ фигуръ, какъ Дубровинъ, Никольскій, Булацель, Тороповъ и имъ подобные...

Изъ разсказовъ толпы я на улицѣ узналъ, что дѣло началось возлѣ ограды греческой церкви. По какому-то поводу возникла тамъ ссора между греками и евреями, ссора перешла въ драку,—къ оградѣ нахлынула толпа подростковъ и подвыпившихъ рабочихъ. Явились казаки и принялись отгѣснять отъ ограды толпу, которая тогда разсѣялась по ближайшимъ улицамъ и приступила, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ „вожаковъ“, къ расправѣ съ евреями. Начался „погромъ“...

Повторяю, „истинно-русская“ эпоха была еще далеко впереди; однако, погромъ былъ полный. Онъ не отличался свирѣпой

¹⁾ Однако, уже и тогда—въ 1871 г. еврейская масса не представляла сплошное стадо, безропотно подставляющаго свою шею подъ удары гнусныхъ хулигановъ. Напр., около еврейскихъ рѣзницъ на Старомъ базарѣ небольшая кучка евреевъ храбро и съ полнымъ усміхомъ отразила нападеніе громилъ.

жестокостью и дикимъ изувѣрствомъ грядущихъ погромовъ. До повальныхъ убійствъ, до вколачиванія гвоздей въ черепъ, до насильственной дочерей въ присутствіи матерей, до распарыванія животомъ беременныхъ женщинъ и сбрасыванія съ четвертыхъ этажей грудныхъ дѣтей тогда еще не доходили но, безотносительно говоря, картина погрома для меня, впервые присутствовавшего при подобныхъ сценахъ, была ужасна. Толпавъ нѣсколько сотъ человекъ, въ которой преобладали подростки и молодые парни—рабочіе, сильно подгулявшіе на счетъ дарового спирта изъ питейныхъ домовъ, спокойно двигалась по улицамъ, вооруженная ломами, молотками, листами жести и желѣзными палками. Подходя къ какому-нибудь еврейскому дому, она принималась громить его, разбивала окна и двери, забиралась въ комнаты и магазины, срывала вывѣски съ лавокъ и магазинововъ, выбрасывала въ окна на улицу все, что попадалось подъ руку: столы, стулья, зеркала, подушки, перины, всякаго рода товары и т. д. Изъ нѣкоторыхъ домовъ умудрились выбрасывать съ верхнихъ этажей рояли и піанино, которые разбивались вдребезги. Пухъ отъ перинъ и подушекъ бѣлой пеленой покрывалъ массу улицъ, по которымъ проходила дикая орда. Не церемонились также съ еврейской святыней—синагогами и молитвенными домами: разрывали, топтали ногами и оскверняли священную тору—свитки, разбивали кивоты, уничтожали драгоценную утварь.

Питейные дома (казенной монополюшки тогда еще не было) предавались полному истребленію. Встрѣчныхъ евреевъ если не убивали, то жестоко избивали, бросая на улицѣ раненыхъ, которыхъ въ послѣдствіи подбирали (каретъ скорой помощи еще не было)...

Оргія эта длилась 3—4 дня. Въ первые дни полиція совершенно бездѣйствовала. На моихъ глазахъ городовые христосовались съ громиллами, получали отъ нихъ часть награбленной ими добычи и поощряли ихъ, приговаривая, добродушно ухмыляясь: „бей, братъ, жиновъ!“, какъ будто бы рѣчь шла о зайцахъ или собакахъ... Отъ-времени-до-времени появлялся военный (пѣшіи или конный) патруль и разгонялъ громилъ, которые преспокойно переходили на другую сторону улицы и продолжали свое разрушительное дѣло. Нѣсколько разъ на моихъ глазахъ подъѣзжали къ бушующей толпѣ окруженный блестящей свитой и эскортомъ конныхъ жандармовъ и городовыхъ тогдашній Новороссійскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ П. Е. Коцебу, предъявлялъ ей грозное требованіе: „расходись!“ и мчался дальше, сопровождаемый улюлюканіями толпы и возгласами: „Кудый Коцеба, кудый Коцеба!“¹⁾ при чемъ громилы преспокойно продолжали свое жестокое дѣло... Христіане, а также нѣкоторые напуганные ужасами евреи выставляли въ окнахъ иконы, кресты и пасхи,—и это въ значительномъ большинствѣ случаевъ дости-

¹⁾ Коцебу былъ маленькаго роста, что вызывало къ нему презрѣніе со стороны толпы.

гало цѣли: громилы проходили мимо, направлялись къ другимъ домамъ...

Итакъ, три дня я бродилъ по улицамъ, на которыхъ бушевала толпа, стараясь уловить хоть какой-либо сознательный мотивъ къ буйству—въ родѣ негодованія на „жидовскую эксплуатацію“ и т. п., но ничего подобнаго не уловилъ. Я рассказывалъ въ компаніи съ однимъ изъ представителей тогдашняго „уक्रанофильскаго“ студенчества Г—мъ, который неумоимо развивалъ свою излюбленную тему о еврейской эксплуатаціи и т. п., но доводы его и вся его логика не могли не разбиваться о такія, напр., сцены: идемъ по Новому Базару; здѣсь ютятся десятки бѣдныхъ, жалкихъ и несчастныхъ лавченокъ. Вдругъ баба (отнюдь не свирѣпаго вида), заручившись гдѣ-то горящей лучиной, подноситъ ее къ одной лавченкѣ и поджигаетъ ее,—поднимается зарево, и жалкое грошевое достояніе десятковъ несчастныхъ становится добычей огня. Мы подходимъ къ бабѣ, и я спрашиваю ее, за что же она губитъ такихъ же бѣдняковъ, какъ и она сама; баба въ сильномъ смущеніи отвѣчаетъ, что вышелъ де такой приказъ начальства,—велѣно три дня громить и бить „жидовъ“: затѣмъ какъ бы подбодрившись своимъ объясненіемъ, навѣяннѣмъ ей очевидно извнѣ изъ авторитетнаго для нея источника, она спрашиваетъ меня: „нешто вы думаете, что мы могли бы громить жидовъ цѣлыхъ три дня, кабы на то не была воля начальства“. На это убѣжденіе, что избиваютъ ни въ чемъ неповинныхъ людей съ разрѣшенія начальства, приходилось наталкиваться очень часто,—и бороться съ нимъ, въ виду очевидности, было почти невозможно!...

На третій день буйная толпа громилъ окончательно разошлась. Къ ней присоединилось много наѣхавшихъ изъ ближайшихъ деревень, явившихся съ возами, чтобы поживиться „жидовскимъ“ добромъ. Коцебу, совершенно бездѣйствовавшій въ первые дни и этимъ самымъ поддерживавшій внушенное кѣмъ-то толпѣ убѣжденіе въ безнаказанности разгромленія „жидовъ“,—получивъ, въ виду энергическихъ представленій по телеграфу представителей мѣстнаго еврейства,—строгое предписаніе изъ Петербурга о прекращеніи безпорядковъ, принялся съчъ народъ розгами: изъ бушующей толпы выхватывали громилъ цѣлыми десятками, препровождали ихъ за ограду греческой церкви и тамъ солдаты изъ специально для этого отряженнаго наряда сѣкли ихъ розгами безъ всякой пощады. При этомъ (какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ) хватали не мало и такихъ, которые никакого участія въ погромѣ не принимали, а находились въ толпѣ лишь случайно, какъ зрители; экзекуція подверглась даже на моихъ глазахъ одна довольно нарядная дама, ни въ чемъ рѣшительно неповинная; наиболѣе свирѣпые „вожаки“ совершенно ускользали отъ полиціи, ловко затесывались въ толпѣ при всякомъ ея появленіи...

На 4-й день праздниковъ, когда уже стало все стихать, на улицахъ расклеено было воззваніе къ населенію отъ тогдашняго

одесскаго градоначальника Бухорина, предупреждавшаго, что войскамъ отдано приказаніе дѣйствовать безъ послабленій въ случаѣ продолженія беспорядковъ; въ городъ прибыли войска, а на Никольскомъ бульварѣ разставлены были четыре орудія...

Насколько я негодовалъ на толпу за ея звѣрскую расправу съ евреями, ¹⁾ а еще болѣе на тѣхъ, кто оправдывалъ эти безобразія „эксплуатаціей“, настолько же меня возмущали безобразныя сцены огульнаго стѣненія народа, — варварскій произволъ высшей администраціи, подарившей Россіи, „стѣненую Одессу“ (такъ называли ее тогда въ столичныхъ газетахъ). Желябовъ и большинство его кружка раздѣляли и мое негодованіе, и мой общій взглядъ на это трагическое событіе: виновникомъ его нельзя считать темную стихійную толпу громилъ или пресловутую „жидовскую эксплуатацію“, а общее безправное гражданское положеніе еврейскаго населенія, составлявшее частный фактъ обще-русскаго безправія и являвшееся лишь на общемъ фонѣ безправія линіей наименьшаго сопротивленія, по которой направлялось общее недовольство существующимъ политическимъ и экономическимъ порядкомъ вещей... ²⁾ Такимъ образомъ это печальное событіе послужило болѣе тѣсному сближенію моему съ кружкомъ Желябова. ³⁾

б.

Еще болѣе сблизила меня съ Желябовымъ и его кружкомъ разыгравшаяся въ октябрѣ 71-го года въ Новороссійскомъ Университетѣ „студенческая исторія“, извѣстная подъ названіемъ „Богышичевской исторіи“. ⁴⁾

Въ числѣ профессоровъ юридическаго факультета по кафедрѣ исторіи славянскаго законодательства Новороссійскаго университета находился тогда (съ 1870 г.) Балтазаръ Власевичъ Богышичъ, уроженецъ Далмаціи, окончившій Вѣнскій университетъ. Онъ пользовался репутаціей солиднаго ученаго, и по предложенію проф. Леонтовича факультетъ и совѣтъ возвели его (въ 1869 г.) въ званіе почетнаго доктора государственнаго права (иначе онъ не могъ бы занять въ Новороссійскомъ университетѣ кафедру) и пригласили его въ ординарные профессора.

¹⁾ Но что значать эти расправы сравнительно съ позидѣйшими погромами! За 4 дня оказалось два десятка раненныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько тяжело раненныхъ, убитыхъ же, кажется, вовсе не было.

²⁾ Даже „Од. Вѣстн.“ того времени, редакторъ котораго Н. Сокольскій далеко не симпатизировалъ евреямъ, полагалъ, что для устраненія на будущее время столь печальныхъ „беспорядковъ“ желательно „прежде всего распространить право евреевъ на жительство по всей Россіи“, а затѣмъ „было бы желательно и полезно, чтобы евреямъ, оканчивающимъ съ успѣхомъ въ университетахъ курсъ наукъ, предоставлены были права государственной службы“.

³⁾ Долженъ оговориться, что и кружокъ Ае—ва, въ большинствѣ своемъ, отнесся совершенно отрицательно къ погрому.

⁴⁾ Чрезвычайно характерно, что въ историческомъ очеркѣ перваго 25 лѣтія Новороссійскаго Университета (1865—1890 г.) ни единымъ словомъ объ этой исторіи не упоминается!...

Лекторомъ онъ оказался очень плохимъ, такъ какъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ (говорили, что ему писали его лекціи по-русски латинскими буквами). Къ тому же онъ былъ очень педантиченъ на экзаменахъ и грубъ въ обращеніи со студентами, которыхъ онъ третировалъ совершенно, какъ школьниковъ. Все это, конечно, не могло располагать къ нему студентовъ, весьма неохотно посѣщавшихъ его лекціи.—Въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1871 г. Богишичъ, на одной изъ своихъ лекцій, позволилъ себѣ крайне-грубую, безтактно-дерзкую выходку по отношенію къ студенту Бару. Товарищи вознегодовали и рѣшили потребовать удаленія Богишича.

Самъ по себѣ Баръ принадлежалъ къ самымъ зауряднымъ студентамъ, ничѣмъ кромѣ лекцій онъ не интересовался и даже слабо реагировалъ на нанесенное ему Богишичемъ оскорбленіе. Но студенчество, и главнымъ образомъ кружокъ Ш—го (и прежде всего, и больше всего Желябовъ) рѣшили, что слѣдуетъ воспользоваться этимъ фактомъ для привлеченія обще-студенческаго вниманія къ его корпоративнымъ интересамъ. Желябовъ полагалъ, что исторіей этой слѣдуетъ воспользоваться для „крещенія Новороссійскаго студенчества“ и приобщенія его къ духу и интересамъ студенчества другихъ университетовъ,—и, въ этихъ видахъ, онъ полагалъ, что слѣдуетъ цѣною чего бы то ни было добиться удовлетворенія со стороны Богишича.—При всей своей надменности и при всемъ своемъ высококомѣрно-пренебрежительномъ отношеніи къ русскому студенчеству (неспособному-де оцѣнить его глубокой учености), Богишичъ, какъ мнѣ говорили, склонялся было (отчасти подъ влияніемъ убѣжденій нѣкоторыхъ профессоровъ) къ подачѣ въ отставку, чтобы этимъ путемъ успокоить студентовъ; но высшая администрація полагала, что подобный благородный поступокъ вызвалъ бы умаленіе „престижа власти“ и потребовала отъ Богишича продолжать чтеніе лекцій. Результатомъ было то, чего и можно было ожидать: пошла сходка за сходкой какъ въ помѣщеніяхъ Университета, такъ и за его стѣнами. Волненіе съ каждымъ днемъ росло. Разыгралась „студенческая исторія“. Умѣренно-культурный кружокъ отнесся къ „исторіи“ отрицательно и въ этотъ моментъ совершенно ступшевался. Заправилами движенія стали члены кружка Ш—го, а главнымъ, почти безсмѣннымъ ораторомъ на всѣхъ сборищахъ явился Желябовъ, агитаторская натура котораго впервые нашла себѣ болѣе или менѣе широкій просторъ. На сходкахъ по дѣлу Богишича Желябовъ положительно электризовалъ студентовъ своимъ пламеннымъ и страстнымъ краснорѣчіемъ...

Богишича освистали и заставили таки прекратить лекціи ¹⁾. Университетъ былъ закрытъ, и начался судъ надъ „зачинщиками“ и „главарями“ беспорядковъ. Въ число таковыхъ прежде всего попалъ, конечно, Желябовъ и вмѣстѣ съ нимъ еще студентъ

¹⁾ Онъ уѣхалъ временно изъ Одессы (22-го октября), но въ слѣдующемъ году вернулся и преспокойно продолжалъ лекціи, пока выслужилъ пенсію.

Бѣлкинъ. Ихъ исключили изъ университета, а администрація, забравъ—по принятому обычаю—ихъ „бумаги“ изъ канцеляріи, рѣшила выслать ихъ „на родину“. Въ памяти моей съ полной яркостью (какъ будто это было лишь вчера) воскресаетъ сцена проводовъ этихъ двухъ „зачинщиковъ“ на пристань: толпа юношей въ нѣсколько сотъ человекъ хлынула туда и, снабжая уѣзжающихъ деньгами и вещами, сердечно-братски прощалась съ ними подъ наѣвомъ наиболѣе популярныхъ въ то время пѣсенъ. Но поднялась буря, отходъ парохода былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Полиція хотѣла препроводить Желябова и Бѣлкина на ночь въ участокъ, но провожавшая толпа запротестовала и потребовала выдачи ей обоихъ товарищей на поруки—подъ честное слово, что оба на другой день рано утромъ явятся на пароходъ. Полиція уступила, и устроилась импровизированная сходка-вечеринка. Сходка тянулась всю ночь, Желябовъ, стоя на столѣ, произносилъ рѣчь за рѣчью, смѣнясь изрѣдка другими ораторами, въ числѣ которыхъ были, кажется, и Тригопи. Тутъ же шла прощальная студенческая пирушка. На разсвѣтѣ я заснулъ, и когда проснулся, въ комнатѣ не было уже ни Желябова, ни Бѣлкина: строго соблюдая честное слово товарищей, они рано утромъ отправились на пароходъ, куда вскорѣ прибыли и всѣ участники послѣдней прощальной сходки. Прощаніе было трогательно-братское. Богшичевская исторія сослужила таки для Новороссійскаго студенчества роль „крещенія“... Раздался 3-ій свистокъ, пароходъ отчалилъ, а съ нимъ и козлы отпущенія за наши обще-россійскія нестроенія.

Съ Желябовымъ я встрѣтился вновь года черезъ два...

6.

Въ той же кухмистерской судьба свела меня съ другою личностью, впоследствии сыгравшею видную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, въ лѣтописяхъ котораго имя этой личности отмѣчено, какъ имя одного изъ родоначальниковъ новаго направленія въ русской революціонной тактикѣ.

Я имѣю въ виду И. М. Ковальскаго.

Въ одинъ прекрасный день, явившись еще задолго до обѣда въ кухмистерскую, я засталъ тамъ совершенно новое для меня лицо.—На диванѣ первой комнаты сидѣлъ плотный юноша—широкій въ плечахъ, бѣдно одѣтый, въ широкомъ длиннополомъ скюртукѣ, съ чрезвычайно-угловатыми манерами; около него на полу лежала связка книгъ и небольшой узелокъ съ вещами. Я разговорился съ нимъ. Оказалось, что онъ не окончившій курсъ духовной семинаріи (кажется, каменецъ-подольской) и только накануне прибылъ въ Одессу, крайне неудовлетворенный семинаріей и ощущая большую потребность пожить въ обществѣ студентовъ, сблизиться съ ними и заняться своимъ самообразованіемъ. Такъ какъ средства его были крайне ограниченны,—правильнѣе

говоря, такъ какъ у него такихъ совсѣмъ не было, то онъ рѣшилъ поселиться въ кухмистерской, т. е. спать здѣсь на свободномъ диванѣ и тутъ же кормится въ минимальныхъ размѣрахъ, располагая для этого 5—6 рублями въ мѣсяцъ. Все же имущество его заключалась въ лежавшей около него связкѣ книгъ и узелкѣ.

Съ тѣхъ поръ Ковальскій (это былъ именно онъ) въ продолженіи почти всего моего пребыванія въ Одессѣ (съ небольшимъ перерывомъ) не разставался съ кухмистерской; ему скоро поручили кассу, предоставивъ за это помѣщеніе и содержаніе. Онъ безотлучно находился въ кухмистерской, участвовалъ во всѣхъ сходкахъ и сборищахъ, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ спорахъ и преніяхъ. Въ этотъ періодъ знакомства моего съ нимъ, онъ мало еще чѣмъ выдавался изъ среды окружающихъ его и отнюдь не производилъ впечатлѣнія человѣка выдающагося ума и таланта.—Онъ немного заикался, говорилъ далеко не гладко,—меньше всего его можно было назвать ораторомъ. Но онъ былъ человѣкъ начитанный, досконально знавшій Вѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и чрезвычайно интересовавшійся социальными и экономическими вопросами. Это былъ убѣжденный социалистъ и, если можно такъ выразиться, прирожденный демократъ съ головы до ногъ. Все „буржуазное“, „барское“, „чиновничье“ возмущало его и вызывало съ его стороны негодующе-презрительное отношеніе. Прямой, искренный, откровенный и до крайности прямолинейный, Ковальскій вѣчно спорилъ и воевалъ со всѣми бѣлоподкладочниками (тогда они не составляли еще зауряднаго явленія), издѣваясь и насмѣхаясь надъ ихъ предразсудками и привычками. Къ культурно-просвѣтительному кружку онъ относился отрицательно, не совсѣмъ также сходился съ кружкомъ III—го. Когда я и близко сошедшійся со мною студентъ Ж—кій (впоследствии промѣнявшій свой радикализмъ на прокурорскій мундиръ) устроили нѣчто вродѣ коммунальнаго общежитія, одинъ изъ первыхъ присоединился къ намъ Ковальскій, который чрезвычайно строго въ очередь исполнялъ всѣ свои обязанности (мыть полы, приготовлялъ чай, убиралъ и т. д.) и зло подтрунивалъ надо мной и дѣвушкой С—нко, которымъ отправление обязанностей по хозяйству не особенно легко давалось. Когда мы затѣяли устройство кружка, который путемъ рефератовъ по социальнымъ и экономическимъ вопросамъ, изучалъ бы социальное движеніе, Ковальскій одинъ изъ первыхъ на это откликнулся, сдѣлался усерднымъ членомъ этого кружка и принималъ самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи рефератовъ, такъ и въ ихъ обсужденіи... Это былъ человѣкъ цѣльный, чуждый рефлексій и резонерства, врагъ компромиссовъ и сдѣлокъ съ совѣстью, но (по крайней мѣрѣ въ годы 1871—73, когда я его зналъ) безъ опредѣленнаго плана и программы, каковыя впрочемъ въ то время составляли удѣль очень и очень немногихъ, если не считать умѣренно-либеральныхъ круговъ...

Строго говоря, къ этому же періоду относится и первое знакомство мое (на территоріи той же кухмистерской) съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми сталкивала меня судьба—съ *Феликсомъ Вадимычемъ Волховскимъ*. Но такъ какъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ мы шли рука объ руку очень долго и онъ явился, можно сказать, основателемъ перваго народническаго кружка въ Одессѣ, то предпочитаю повести о немъ рѣчь въ другой разъ.

С. Чудновскій.

Отголосокъ давнихъ дней.

(По поводу статьи М. Р. Попова: „Изъ моего революціоннаго
прошлаго“. Былое, Іюль, 1907 г.)

Въ апрѣлѣ этого года я зашелъ въ редакцію „Былого“. Узнавъ о моемъ приходѣ, одинъ изъ редакторовъ сейчасъ же повелъ меня въ свой кабинетъ и показалъ тамъ мнѣ недавно полученную рукопись М. Р. Попова.

Я тутъ же просмотрѣлъ конецъ рукописи и, признаюсь, былъ очень огорченъ. Одностороннее освѣщеніе фактовъ, касающихся меня, не было въ ней для меня неожиданнымъ. Михаилъ Родіоновичъ еще до того времени, когда тайное общество „Земля и Воля“ распалась на „Народную Волю“ и на „Черный Передѣлъ“, куда онъ ушелъ отъ насъ, былъ очень немилостивъ ко мнѣ. Въ концѣ статьи, которую показали мнѣ въ редакціи „Былого“, это давнишнее предубѣжденіе Михаила Родіоновича противъ меня (возникшее вѣроятно потому, что мы всегда находились въ различныхъ фракціяхъ), вдругъ проявилось очень рѣзко.

Статья его является историческимъ документомъ, и если факты въ ней не всѣ вѣрны, то отношенія выясняются очень хорошо.

Дѣйствительно, исторія должна изучать не только поступки, но и отношенія людей. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ отрицать существованія у многихъ дѣятелей революціоннаго движенія губительной партіозности, или того, что въ ихъ среду время отъ времени попадаютъ люди неосторожные, даже прямо малодушные, предававшіе своихъ товарищей передъ лицомъ смерти. Конецъ статьи Михаила Родіоновича показался мнѣ очень цѣннымъ для историка взаимныхъ отношеній революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ именно потому, что въ ней лучше всего характеризуются его личныя отношенія, какъ одного изъ этихъ дѣятелей.

Фактическія же неточности въ ней настолько явны, что сами бросаются въ глаза.

Дѣйствительно, кромѣ меня здравствуетъ до сихъ поръ и другой основатель и первоначальный редакторъ „Земли и Воли“, К—ъ, отъ котораго можно узнать лучше, чѣмъ отъ кого другого, исторію основанія этого журнала. Да и я самъ какъ могъ оши-

биться въ томъ, съ какого времени я состоялъ тамъ редакторомъ? Составъ редакціи, какъ я и говорилъ въ своей статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“, два раза мѣнялся: сначала вслѣдствіе отъѣзда Кравчинскаго за-границу, а затѣмъ вслѣдствіе ареста К—а.

Каждый номеръ редактировался собраніемъ всѣхъ редакторовъ, на которое не допускалось никого изъ постороннихъ лицъ, (только партійныя деклараціи редактировались въ присутствіи всѣхъ наличныхъ членовъ „Земли и Воли“), а потому и недоразумѣнія, кто редакторъ, а кто нѣтъ, не могло быть. Вотъ кто редактировалъ „Землю и Волю“, номеръ за номеромъ:

№ 1.—Кравчинскій, К—ъ и я.

№ 2.—К—ъ, Плехановъ и я.

№ 3.—К—ъ, Плехановъ, Тихоміровъ и я.

№ 4.—Плехановъ, Тихоміровъ и я.

№ 5.—Плехановъ, Тихоміровъ и я.

Что же касается до „Листковъ Земли и Воли“, то они все время редактировались единолично мною.

Плехановъ вступилъ въ редакцію только съ № 2 по причинѣ уѣзда Кравчинскаго за-границу, а Тихоміровъ пріѣхалъ съ Кавказа уже къ 3-му номеру и, насколько я помню, присутствовать при его редактированіи. Это былъ единственный случай, когда въ редакціи насъ было сразу четыре человѣка.

Заявленіе же Михаила Родіоновича, что разговоры о необходимости издавать свободный безцензурный органъ были въ кружкѣ Натансона еще задолго до основанія нами „Земли и Воли“, не только не можетъ удивить кого либо изъ знающихъ исторію освободительной борьбы въ Россіи, но даже не представляетъ изъ себя ничего новаго. Объ этой необходимости всѣ говорили еще со времени декабристовъ и даже не разъ пытались осуществить такія изданія.

Что же касается до высказаннаго мною въ статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“¹⁾, мнѣнія, что причиной распадѣнія „Земли и Воли“ были *идейныя разногласія*, а не „недостатокъ *товарищества* между прежними членами кружка Натансона и примкнувшими къ нему вмѣстѣ со мной и поглотившими его дѣятелями процесса 193-хъ“, (какъ это старались показать М. Ф. Фроленко и М. Р. Поповъ), то я и теперь остаюсь при своемъ старомъ мнѣніи. Причины были идейныя, а не личныя. Посмотрите только на названія двухъ фракцій, на которыя распалась „Земля и Воля“, и вы увидите ясно въ чемъ дѣло.

Первая часть этого названія „Земля“ превратилась въ „Черный Передѣлъ“, какъ видно изъ самаго смысла словъ, а вторая часть „Воля“ превратилась въ „Народную Волю“. Вы видите, что каждая изъ двухъ распавшихся частей своимъ именемъ хотѣла показать, что въ одной преобладающее значеніе приписывалось аграрнымъ вопросамъ, а въ другой —гражданской свободѣ. И это

¹⁾ „Былое“, декабрь, 1906.

совершенно согласно съ моими воспоминаніями, такъ какъ я былъ тамъ идейнымъ представителемъ второго теченія.

Михаилъ Родіоновичъ говоритъ, что нетерпимыя отношенія сторонниковъ преобладанія аграрныхъ вопросовъ къ новому теченію въ „Землѣ и Волѣ“ были лишь въ моемъ воображеніи, потому что я былъ въ моментъ распадешя „Земли и Воли“—еще „новичкомъ“. Но это невѣрно.

Подъ новичкомъ подразумѣвается обыкновенно совсѣмъ неопытный человекъ, а за мной во время вступленія въ нее были уже *три года* одиночнаго заключенія, приговоръ Сената къ тюремному заключенію, полгода эмиграціи въ Женевѣ, усиленные розыски полиціи въ Россіи и прошлая дѣятельность въ народѣ и революціонной литературѣ въ качествѣ члена кружка Чайковцевъ (т. е. Большого Общества пропаганды 70-хъ годовъ). Михаилъ же Родіоновичъ былъ въ это время еще студентомъ Медицинской Академіи, хотя и старше меня по возрасту.

Вступилъ я въ „Землю и Волю“ совсѣмъ не наканунѣ ея распадешя, а въ моментъ образованія изъ остатковъ (какъ говоритъ М. Ф. Фроленко) разгромленнаго въ то время „кружка Натансона“ и присоединившихся къ нему заключенныхъ по процессу 193-хъ, выброшенныхъ теперь на свободу.

Конечно, Михаилъ Родіоновичъ имѣетъ право назвать „кружокъ Натансона“ родоначальникомъ „Земли и Воли“, но назвать его „Землей и Волей“ значило бы впадать въ анахронизмъ. Я нарочно спрашивалъ многихъ дѣятелей конца 70-хъ годовъ, живущихъ теперь въ Петербургѣ, напримѣръ, В. И. Засуличъ и др.,—слыхали ли они названіе „Земля и Воля“ по отношенію къ кружку Натансона до выхода нашего журнала, и всѣ мнѣ говорили, что никогда не слыхали. Кружокъ этотъ часто въ шутку называли „троглодитами“, т. е. пещерными людьми за то, что они скрывали свои квартиры отъ всѣхъ постороннихъ, но „Землей и Волей“ до выхода нашего журнала называли только прежнее общество 60-хъ годовъ, сошедшее со сцены еще со времени Чернышевскаго и не имѣвшее съ нами никакой преемственной связи.

Но допустимъ даже, что я вступилъ въ уже готовое общество „Земля и Воля“. Былъ ли я въ немъ „новичкомъ“ въ моментъ его распадешя осенью 1879 года? Средній срокъ жизни членовъ революціонныхъ организацій отъ ихъ вступленія до гибели, не превышаетъ полугода, а я къ этому времени находился въ „Землѣ и Волѣ“ уже цѣлый годъ!

Въ какую глубь ни заходили бы корни этого тайнаго общества, но *только со времени возникновенія журнала* начинается та „Земля и Воля“, дѣятельность которой оставила прочные слѣды въ исторіи освободительной борьбы. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть литературу того времени и судебные процессы. Значитъ весь блестящій періодъ дѣятельности „Земли и Воли“ я пробылъ въ ней членомъ центральной петербургской группы и редакторомъ журнала. И ко времени распадешя никакъ не могъ быть въ ней „новичкомъ“, какъ Михаилъ Родіоновичъ

нарочно повторяетъ нѣсколько разъ въ своей статьѣ, чтобъ запечатлѣть это слово въ головѣ читателя.

Точно также не могу я согласиться и съ тѣмъ мѣстомъ статьи Михаила Родіоновича, гдѣ онъ говоритъ, что отношенія сторонниковъ аграрной дѣятельности, перешедшихъ впоследствии въ „Черный Передѣлъ“, къ сторонникамъ будущей „Народной Воли“ были вполне товарищескими. Зачѣмъ же иначе было и дѣлиться? Зачѣмъ перешли къ намъ въ „Народную Волю“ Александръ Михайловъ, Квятковский и нѣкоторые другіе изъ первоначальнаго кружка Натансона? Возьмемъ хоть біографію самого Михаила Родіоновича, написанную Сватиковымъ по его собственнымъ рассказамъ и во многихъ мѣстахъ, какъ видно по мелкимъ деталямъ, даже прямо списанную съ его автобіографическихъ замѣтокъ съ простой замѣной словъ я на слово онъ. Вѣдь и въ ней другими словами рассказано то же, что написалъ и я въ статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“.

Вотъ какъ говоритъ тамъ Сватиковъ съ собственнымъ словомъ Михаила Родіоновича о бурной сценѣ въ „Землѣ и Волѣ“ по поводу приготовлявшагося тогда Соловьевымъ покушенія на жизнь императора Александра II.

„Возмущенный анархическимъ заявленіемъ неизвѣстнаго (оказавшагося потомъ Соловьевымъ), нежелавшаго считаться съ требованіями партійной дисциплины въ такомъ высоко важномъ вопросѣ, Поповъ заявилъ: „Г. г., если среди насъ возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ среды нашей не явятся и Комиссаровы со своимъ намѣреніемъ (помѣшать этому поступку) не стѣсняясь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація?“ На это Квятковский съ меньшей запальчивостью отвѣтилъ по адресу Попова: „Если Комиссаровымъ будешь ты, то я и тебя застрѣлю!“¹⁾

Мои воспоминанія объ этой бурной сценѣ рисуютъ мнѣ ее еще въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ она осталась въ памяти Михаила Родіоновича. На слова Александра Михайлова, что покушеніе это дѣлается по личной инициативѣ извѣстнаго ему лица, и что общество „Земля и Воля“ можетъ только или помочь ему, или устраниваться отъ этого дѣла, одинъ изъ членовъ, ушедшихъ потомъ въ Черный Передѣлъ—Игнатовъ—воскликнулъ: „надо донести!“, а Михаилъ Родіоновичъ сказалъ вышеприведенную фразу несравненно въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ сообщилъ съ его словъ Сватиковъ.

Михаилъ Родіоновичъ старается показать въ своей статьѣ, что все это были только одни слова, не вредившія совмѣстной работѣ. Я съ этимъ не могу согласиться. Все это были глубокія идейныя разногласія, портившія въ послѣдніе дни „Земли и Воли“ много крови ея дѣятелямъ, и затѣмъ бросившія меня въ „Народную Волю“, а Михаила Родіоновича въ „Черный Передѣлъ.“ Эти идейныя

¹⁾ Галерея Шлиссельбургскихъ Узниковъ подъ ред. Аввенскаго, Богучарскаго, Семеновскаго и Якубовича т. I стр. 160.

разногласія были настолько сильны, что не улеглись совсѣмъ у Михаила Родіоновича даже и во время нашего послѣдующаго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости, много лѣтъ послѣ гибели того и другого общества, да и теперь даютъ себя чувствовать въ неожиданномъ полемическомъ окончаніи его статьи „Изъ моего революціоннаго прошлаго“.

Еще разъ повторяю — для историка она очень интересна, но не съ точки зрѣнія вѣрности излагаемыхъ въ ней фактовъ, а для характеристики отношеній.

Николай Морозовъ.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Можно съ увѣренностью сказать, что за все время существованія полицейско-бюрократическаго режима въ Россіи не было для него столь рельефнаго, столь выпуклаго, если можно такъ выразиться момента, какъ начало 1904 года. Съ рѣдкою, бросающеюся въ глаза очевидностью для всѣхъ ясно было, что самодержавный строй изжилъ свой вѣкъ. Въ то же время никогда еще, какъ въ началѣ 1904 г., въ такомъ размѣрѣ не была представлена новая Россія: безсословная интеллигенція, «третій элементъ»,—и земскія силы. Эта новая Россія явилась въ началѣ 1904 года въ С.-Петербургѣ и, не взирая на ужасающій полицейскій гнетъ, объявила открытую войну старой Россіи, во всеуслышаніе заявивъ, что самодержавно-бюрократическій строй не долженъ болѣе существовать.

Эти заявленія сдѣланы были на двухъ сѣздахъ: на III-мъ сѣздѣ дѣятелей по техническому образованію и IX-мъ Пироговскомъ сѣздѣ.

Въ виду громаднаго значенія этихъ сѣздовъ для земскаго движенія, мы сообщимъ о нихъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія.

Первымъ изъ нихъ происходилъ III-й сѣздъ дѣятелей по техническому образованію.

Разрѣшивъ этотъ сѣздъ, правительство обтянуло его самой тонкою паутиною всевозможнѣйшихъ полицейскихъ формальностей, причемъ комитетъ сѣзда состоялъ исключительно изъ чиновниковъ, долженствовавшихъ направить дѣятельность сѣзда въ узкое бюрократическое русло.

Засѣданія сѣзда, по мысли правительства, должны были быть закрытыми, рѣчи ораторовъ—умѣренными, а постановленія не выходили бы изъ рамокъ ходатайствъ.

Но, какъ только въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ происходили засѣданія сѣзда, нахлынула трехтысячная масса, состоявшая, въ подавляющемъ числѣ, изъ оппозиціонной петербургской и провинціальной интеллигенціи, включая народныхъ учителей и земцевъ,—отъ

¹⁾ См. „Былое“ апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ и сентябрь за 1907 годъ.

правительственной паутины въ одинъ мигъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ первый же день засѣданій руководящую роль на съѣздѣ заняла X-ая секція,—по образованію рабочихъ,—куда записалось болѣе 1000 членовъ. Секція эта, при громѣ аплодисментовъ всѣхъ участвовавшихъ, прежде всего *единогласно* постановила, что резолюціи свои она будетъ формулировать не какъ ходатайства предъ правительствомъ, а въ видѣ заявленій и пожеланій вообще. Затѣмъ, на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій эта же секція объявила свои засѣданія открытыми и устранила правительственнаго предсѣдателя. Сдѣлала она это, избравъ комиссію, куда вошли всѣ члены съѣзда, а комиссіи имѣли право сами избирать предсѣдателей. Такъ X-ая секція все время и работала, какъ комиссія, привлекая на свои засѣданія громаднѣйшее количество публики. Администрація съѣзда ничего не могла подѣлать съ этою секціею, засѣданія которой, въ сущности говоря, представляли собою политическіе митинги, на которыхъ, какъ ниже увидимъ, совершенно открыто и рѣзко осуждался самодержавный режимъ.

Устроивъ собственныя дѣла, X-ая секція постаралась на свой ладъ направить и весь съѣздъ, чего вскорѣ и достигла путемъ единенія съ представителями другихъ секцій. Это единеніе происходило въ извѣстномъ трактирѣ «Малый Ярославецъ», во время организованныхъ тамъ обѣдовъ и ужиновъ. Здѣсь ежедневно дѣлались доклады о дѣятельности всѣхъ секцій, и, если въ какой либо изъ нихъ замѣчалось реакціонное теченіе, X-ая секція посылала туда своихъ членовъ. Последніе легко достигали преслѣдуемыхъ ими цѣлей, такъ какъ, въ общемъ, реакціонное направленіе во всѣхъ секціяхъ проскакивало совершенно случайно и рѣшительно нигдѣ не было господствующимъ. Въ короткій промежутокъ времени уже весь съѣздъ работалъ въ одномъ, чисто демократическомъ направленіи.

Въ X-й секціи, между прочимъ, приняты были такого рода резолюціи—признать необходимымъ: 1) уничтоженіе всѣхъ ограничительныхъ условий, тяготѣющихъ надъ частной инициативой въ дѣлѣ народнаго образованія, 2) всеобщее обученіе, 3) свобода слова, печати, собраній и союзовъ, 4) восьмичасовой рабочей день, 5) отмѣна религіозныхъ и національныхъ ограниченій и т. п. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что приведенныя резолюціи были много умѣреннѣе предшествовавшихъ имъ рѣчей и преній, въ которыхъ буквально громился существующій порядокъ, прямо указывалось на необходимость другого, парламентарнаго режима.

Подобныя X-ой, прошли резолюціи и въ другихъ секціяхъ. Въ I-й, на примѣръ, секціи (высшаго образованія) заявлено было о необходимости уничтоженія черты еврейской осѣдлости и уничтоженія вѣроисповѣдныхъ и національныхъ ограниченій, въ VII—(ремесленныя училища) требовалось введеніе 8-ми часового рабочаго дня, права организаціи рабочихъ союзовъ и т. д. Съѣздъ долженъ былъ закончиться 6-го января, но правительство прекратило его дѣятельность ночью 5-го января. Этому предшествовала совершенно неожиданная крупная демонстрація.

Изъ Кишинева на съѣздъ явились два активные участника ужаснаго еврейскаго погрома въ 1903 году и записались въ VII-ую секцію.

Это были два пріятели, нѣкіе Степановъ и Пронинъ ¹⁾. Узнавъ объ этомъ члены названной секціи сначала подвергли допросу погромщиковъ. Послѣ допроса Степановъ исчезъ, но 5-го января вдругъ опять появился, и вотъ VII-ая секція рѣшила изгнать его. Узнавъ объ этомъ, погромщикъ скрылся въ бюро сѣзда. За нимъ направились и члены VII-ой секціи. Секретарь сѣзда, г. Альмедингенъ, заперъ Степанова въ отдѣльную комнату, а членамъ секціи далъ слово, что и Степановъ, и Пронинъ немедленно будутъ исключены изъ членовъ сѣзда, но просилъ при этомъ дать спокойно уйти Степанову изъ зданія университета. Но когда послѣдній появился въ корридоръ, раздались свистъ, шиканье и крикъ: «вонъ—убійца»!

И громадная толпа двинулась по корридору университета за бѣжавшимъ почти Степановымъ.

Вышедши изъ университета, онъ отправился непосредственно къ Плеве, который и воспользовался этимъ инцидентомъ, чтобы закрыть сѣздъ и тѣмъ выразить свое негодованіе на X-ую секцію, въ лицѣ видныхъ ея представителей, совершенно, къ слову сказать, не принимавшихъ участія въ изгнаніи Степанова.

Я утверждаю это, потому что лично присутствовалъ въ этотъ моментъ въ X-ой секціи. Если мнѣ не отказываетъ память, то въ этотъ моментъ биткомъ набитый публикой актовъ залъ университета, гдѣ происходили засѣданія названной секціи, со вниманіемъ слушалъ докладъ извѣстнаго писателя Н. А. Рубакина о цензурѣ. Вдругъ, послышались шумъ, свистъ и крики.—Что это такое?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ бывший не подалеку отъ меня нервный Г. А. Фальборкъ.—Не знаю,—отвѣтилъ я. Въ это время всѣ присутствовашіе поднялись со своихъ мѣстъ и тѣ, которые ближе были къ дверямъ, хотѣли выйти въ корридоръ, но въ немъ была такая тѣснота, что проникнуть туда не было возможности, но все же удалось узнать, въ чемъ дѣло. Тогда предсѣдательствовавшій въ засѣданіи X-ой секціи В. И. Чарнолусскій всталъ и сказалъ приблизительно слѣдующее: «успокойтесь господа! это происходитъ изгнаніе тѣхъ, чьи руки запачканы въ крови невинныхъ жертвъ кишиневскаго по-

---

¹⁾ Вотъ что, между прочимъ, говорить въ своихъ „Запискахъ“ о Пронинѣ бывшій бессарабскій губернаторъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. С. Д. Урусовъ, ва котораго мы уже ссылались: „Бойкій выходецъ изъ Орла, Пронинъ быстро нажался въ Кишиневѣ, на счетъ молдаванской темноты и бессарабской нерасчетливости... Дальнѣйшему росту его богатства положили, однако, предѣлы евреи... Выступая въ двойной роли—защитника православнаго люда отъ евреевъ, съ одной стороны, и русскаго чело- вѣка—щита самодержавія, съ другой,—Пронинъ имѣлъ какія-то связи и съ Петербургомъ, и съ мѣстнымъ охраннымъ отдѣленіемъ. Встрѣтивъ во мнѣ чело- вѣка, предубѣ- жденнаго противъ его прошлой дѣятельности, и тяготясь высказываемымъ мною пре- бреженіемъ къ его занесиваніямъ, Пронинъ не разъ пытался намекать мнѣ на нѣко- торую близость свою къ министру внутреннихъ дѣлъ, рассказывая о своихъ разговорахъ съ Плеве, о томъ, какъ министръ принималъ его наединѣ и подожду съ нимъ разговари- валь... Великимъ постомъ (1903 г.) я сталъ получать донесенія о томъ, что Пронинъ усердно агитируетъ среди рабочаго люда Кишинева...“ Въ концѣ концовъ кн. Урусовъ выслалъ Пронина изъ Кишинева за самую гнусную, ни предъ чѣмъ не останавливавшуюся пропаганду избіенія евреевъ (стр. 92—96). Въ одномъ мѣстѣ бывшій бессарабскій губернаторъ прямо говорить, что „Пронинъ и Крушевanzъ сыграли очень зна- чительную роль въ погромномъ движеніи 1903—1906 года“.

грома». Публика тотчасъ же заняла свои мѣста и продолжала слушать прерванный докладъ.

Такимъ образомъ, X-ая секція не участвовала въ изгнаніи Степанова и, что важно, Фальборкъ и Чарнолусскій не выходили даже въ корридоръ.

А между тѣмъ они, особенно Г. А. Фальборкъ, явились одними изъ первыхъ, надъ которыми разразилась правительственная гроза. И это обстоятельство доказываетъ, что Плеве срывалъ свою злобу надъ названными лицами за всю ихъ предшествующую дѣятельность и за роль, которую они играли на съѣздѣ вообще. Дѣйствительно, Г. А. Фальборкъ и В. И. Чарнолусскій, въ качествѣ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, занимали весьма видное мѣсто въ общественномъ и, особенно, — земскомъ движеніи. Они долгое время стояли во главѣ знаменитаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности до его закрытія, и въ этотъ періодъ оказали большія услуги земскому дѣлу вообще и особенно въ дѣлѣ народнаго образованія. И послѣ закрытія Комитета и самого Вольно-Экономическаго Общества эти два лица, какъ мы говорили, продолжали свою работу въ прежнемъ направленіи, игнорируя правительственныя мѣропріятія. Плеве давно уже искалъ случая «избавиться» отъ Фальборка и Чарнолусскаго, приобрѣвшихъ популярность во всей Россіи, и съѣздъ, на которомъ они играли такую выдающуюся роль, особенно въ крамольной X-ой секціи, явился лишь предлогомъ, чтобы «сплавить» названныхъ дѣятелей. Г. А. Фальборкъ былъ арестованъ еще въ ночь съ 5 на 6 января, когда университетъ былъ оцѣпленъ полиціей ¹⁾ и съѣздъ закрытъ, а 6-го января были арестованы: В. И. Чарнолусскій, присяжные повѣренные: П. Н. Переверзевъ и А. Н. Кремлевъ и литераторъ Ю. Н. Лавриновичъ. Явилась полиція и къ Н. А. Рубакину, но не тронула его, такъ какъ застала больнымъ. Черезъ недѣлю, Г. А. Фальборкъ уже высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Иркутскъ, П. Н. Переверзевъ отправился на 3 года въ Архангельскую губернію. Высланъ былъ туда же и В. И. Чарнолусскій.

Намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о причинахъ закрытія техническаго съѣзда, но предварительно сообщимъ свѣдѣнія о съѣздѣ Пироговскомъ.

Онъ начался тотчасъ по закрытіи перваго, такъ что члены Техническаго Съѣзда, оставляя Петербургъ, успѣли уже поужинать совмѣстно съ представителями Пироговскаго съѣзда, обмѣняться мыслями, сообщить о дѣятельности техническаго съѣзда и передать пироговцамъ лозунги. Но въ послѣднемъ Пироговскій Съѣздъ не нуждался: настроеніе его было, пожалуй, оппозиціоннѣе Техническаго. Свои засѣданія онъ началъ тѣмъ, чѣмъ и Технической Съѣздъ, заявивъ, такимъ образомъ, свою солидарность съ послѣднимъ. На пер-

¹⁾ Никто изъ членовъ Съѣзда не предвидѣлъ такого быстрого закрытія Съѣзда, и утромъ 6-го января всѣ отправились въ университетъ. Но оказалось, что въ послѣднемъ всѣ входы заперты, такъ что членамъ съѣзда не разрѣшено было даже взять оставленные въ университетѣ матеріалы: собственныя записныя книжки, дневники Съѣзда, доклады. Все это забрано было полиціей при обыскѣ и не возвращено до сихъ поръ.

вомъ же засѣданіи была принята такая резолюція: «имѣя въ виду, что громадное большинство ходатайствъ пироговскихъ съѣздовъ передъ правительствомъ оставалось безъ удовлетворенія или было совершенно игнорировано, а также въ виду того, что необходимость облегчить рѣшеніе Съѣзда въ форму ходатайствъ стѣсняетъ свободу резолюцій— воздержаться отъ возбужденія ходатайствъ передъ правительствомъ на будущее время и формулировать всѣ свои постановленія, указывая лишь, что необходимо или желательно и что должно быть устранено». Официальный предсѣдатель на этомъ засѣданіи, г. Сахаровъ, основательно опасаясь «послѣдствій» для себя, сдѣлалъ такого рода приписку подъ резолюціей: «означенное постановление состоялось, благодаря настойчивому требованію большинства собранія и вопреки неоднократному моему заявленію о неудобствѣ такого постановления».

Мѣсто не позволяетъ намъ сообщать подробности о IX Пироговскомъ Съѣздѣ, а потому ограничимся нѣкоторыми резолюціями, какъ нельзя лучше характеризующими его настроеніе и направленіе.

По вопросу объ алкоголизмѣ секція душевныхъ и нервныхъ болѣзней, соединенная съ секціею общественной медицины, высказалась, между прочимъ, такъ: «правильная и цѣлесообразная борьба съ алкоголизмомъ, представляющимъ въ Россіи соціальное зло огромной важности, возможна только при полномъ обеспеченіи свободы личности, слова, печати и собраній, какъ условій, при которыхъ только и возможно широкое распространеніе среди населенія свѣдѣній о вредѣ алкоголизма».

Соединенныя секціи общественной медицины, внутреннихъ болѣзней и туберкулеза сдѣлали такого рода постановленіе: «правильная и цѣлесообразная борьба съ дѣтскою смертностью, алкоголизмомъ, туберкулезомъ, сифилисомъ и другими народными болѣзнями, представляющими въ Россіи общественное бѣдствіе огромной важности, возможна только при условіяхъ, обеспечивающихъ широкое распространеніе свѣдѣній объ истинныхъ причинахъ ихъ развитія и способахъ борьбы съ ними, для чего необходима: полная свобода личности, слова, печати и собраній». Въ соединенномъ засѣданіи секцій общественной медицины, гигиены, статистики и дѣтскихъ болѣзней принята была слѣдующая резолюція: «исходя изъ того, что главною причиною необыкновенно высокихъ размѣровъ дѣтской смертности въ Россіи является матеріальная небезпеченность и недостаточное умственное развитіе населенія, Съѣздъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что успѣшная борьба съ этимъ зломъ возможна только на почвѣ широкихъ социальныхъ реформъ. Борьба съ дѣтскою смертностью такъ же, какъ и съ другими недугами, можетъ быть успѣшна только съ устраненіемъ препятствій, тормозящихъ дѣятельность земствъ и другихъ общественныхъ учреждений, какъ и народную самостоятельность вообще». Секція общественной медицины, кромѣ того, постановила: «признавая, что распространеніе въ народѣ всѣхъ вообще знаній, а въ томъ числѣ и медико-гигиеническихъ, является однимъ изъ краеугольныхъ камней народнаго просвѣщенія и здравоохраненія, секція полагаетъ, что дальнѣйшее развитіе этого дѣла рѣшительно невозможно при существующемъ режимѣ: поэтому она считаетъ настоя-

тельно необходимымъ: а) чтобъ всѣ ограничительныя постановленія, въ корнѣ убивающія свободу распространенія въ народѣ какъ печатнаго, такъ и устнаго слова, были отмѣнены, б) въ цѣляхъ освобожденія этого животворнаго дѣла отъ тисковъ административнаго произвола, настоятельно необходимо, чтобы всѣ просвѣтительныя начинанія мѣстныхъ союзовъ осуществлялись явочнымъ порядкомъ, а право административнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь было бы ограничено лишь преслѣдованіемъ судомъ въ случаяхъ какихъ-либо явныхъ правонарушеній. Затѣмъ, наконецъ, въ другихъ секціяхъ были выставлены требованія: 1) отмѣны черты еврейской осѣдлости и равноправія всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, 2) распространенія на всю Россію земскихъ учреждений съ широкимъ представительствомъ отъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія, 3) реформы городского самоуправления на тѣхъ же началахъ, 4) учреждения мелкой земской единицы, 5) уравниенія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, уничтоженія сословной исключительности вообще и установленія въ деревнѣ прочнаго правового порядка, 6) охраненія и развитія трудовыхъ силъ трудящагося населенія, помощью увеличенія благосостоянія послѣдняго и организаціи само- и взаимопомощи и коопераціи, 7) широкаго общественнаго контроля надъ условіями производства, при полноправномъ участіи рабочихъ, упорядоченія фабричнаго законодательства также при участіи рабочихъ, нормированія рабочаго дня до 8 часовъ и допущенія рабочихъ организацій и союзовъ, 8) обезпеченія рабочихъ врачебной помощью, 9) обязательнаго страхованія рабочихъ, 10) отмѣны тѣлесныхъ наказаній ¹⁾.

Словомъ, если изложить всѣ резолюціи, принятія Техническимъ и Пироговскимъ съѣздами 1904 г., участниками которыхъ были земцы, «третій элементъ» земства и всероссійская всесословная интеллигенція, то получатся почти всѣ тѣ требованія, которыя выставлены въ программѣ «Союза Освобожденія» и которыя впоследствии, начиная съ второй половины 1904 года и дальше, въ теченіи всего 1905 года, громогласно и болѣе рѣзко высказывались на всѣхъ банкетахъ и митингахъ.

Два названные съѣзда еще, конечно, не были революціею. но они, несомнѣнно, предсказывали ее, особенно если мы добавимъ здѣсь, что, помимо открытыхъ заявленій на съѣздахъ, члены послѣднихъ въ громадномъ числѣ устраивали частныя засѣданія, ничѣмъ не отличающіяся отъ устраиваемыхъ впоследствии банкетовъ и митинговъ.

Въ періодъ, напримѣръ, засѣданія технического съѣзда была организована встрѣча новаго, 1904 года въ трехъ мѣстахъ, при участіи отъ 400 до 700 лицъ.

И здѣсь уже прямо кричали: «долой самодержавіе!» «да здравствуетъ политическая свобода!» Тутъ шли рѣчи и о свободѣ стачекъ, и о принудительномъ отчужденіи земли и т. д.

¹⁾ Дополнимъ, что Съѣздъ послалъ пріѣздившимъ телеграммы: бывшему извѣстному профессору московскаго университета Ф. Ф. Эрисману, который въ 1896 г. вынужденъ былъ оставить Россію, земскому дѣятелю и врачу С. В. Мартынову, который, какъ мы знаемъ, сосланъ былъ въ Архангельскую губ., и саратовскому земскому дѣятелю и врачу В. Д. Ченъкаеву, сосланному въ Вологодскую губ.

Технической и пироговской съезды, стянувшие в Петербург земские и интеллигентные силы со всей России, конечно, выражали настроение интеллигенции.

Председатель VII секции технического съезда, г. Исаковъ, в заседании комитета, послѣ закрытія съезда, совершенно основательно сказалъ: «Господа, мы знаемъ правду о съѣздѣ, но почему-то умалчиваемъ о ней. Я думаю, что пора сказать ее. Дѣло въ томъ, что съѣздъ собранъ былъ въ періодъ чрезвычайно высокаго подъема общественной температуры. Мы всѣ знали, что повсюду въ Россіи растетъ недовольство существующими порядками, что это недовольство проявляется въ самомъ широкомъ общественномъ движеніи. Понятно, что съѣздъ неизбежно долженъ былъ отразить подъемъ, который замѣчался во всей Россіи... Я предлагаю указать въ запискѣ министру на то, что съѣздъ прошелъ такъ оживленно и потому въ немъ замѣчалась горячая атмосфера, что онъ отразилъ состояніе умовъ въ Россіи»¹⁾.

Затѣмъ, извѣстный земскій врачъ Д. Н. Жбанковъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей всѣхъ пироговскихъ съездовъ, о которомъ мы не разъ уже упоминали, о IX пироговскомъ и III-мъ техническомъ съѣздахъ, въ статьѣ своей «Прошлое и будущее пироговскаго общества»,²⁾ между прочимъ, говоритъ: «III-й техническій и IX-й пироговскій съѣзды впервые въ Россіи, при огромномъ стеченіи членовъ и публики, открыто и во всеуслышаніе заявили о томъ, что такъ дальше жить нельзя, необходимы свободы и социальныя реформы»³⁾.

Какъ же смотрѣло на съѣздъ правительство? Поняло ли оно, при посредствѣ съѣздовъ, что это первые удары грома революціи? Приняло ли оно мѣры, чтобы хотя изучить это явленіе, сдѣлать всесторонній анализъ его? Ничуть не бывало! Оно было глухо и слѣпо. Такое состояніе правительства очень рельефно выразилось въ словахъ официального председателя VI секціи, который на приведенную рѣчь г. Исакова отвѣтилъ: ...«Я никакой общественной температуры не знаю, а если она есть, то почему же разрѣшали при такихъ обстоятельствахъ съѣздъ?» Это, можно сказать, золотыя слова! Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразился во весь ростъ полицейско-бюрократическій режимъ: «не разрѣшили бы съѣздовъ—и ничего бы не было»... Дѣло, значитъ, не въ условіяхъ жизни всей страны, не въ настроеніи населенія, а въ *самихъ* съѣздахъ. Слѣдовательно, надо лишь потушить этотъ *мигнущій* пожаръ,—съѣзды. Плеве такъ и поступилъ. Онъ, какъ мы знаемъ, закрылъ техническій съѣздъ, разослалъ пер-

¹⁾ Директоръ С. Петербургскаго Технологическаго Института г. Зерновъ доказывалъ, что министру народнаго просвѣщенія слѣдуетъ просто заявить, что «не было рѣшительно никакихъ поводовъ къ полицейскому вмѣшательству въ дѣла съѣзда». Съ нимъ согласился и Исаковъ.

²⁾ „Журн. Об-ва русск. врач. въ память Пирогова“, № 5, 1906 г.

³⁾ Слѣдуетъ добавить, что резолюціи пироговскаго съѣзда не были допущены къ заслушанію въ день заключительнаго торжественнаго собранія. Правительство не нашло другого способа сокрытія постановленій пироговскаго съѣзда, какъ прислать въ залъ заседанія... духовой оркестръ! Какъ только скороговоркою представитель правительства заявлялъ, что нельзя огласить резолюцій, тотчасъ грянулъ военный оркестръ, чтобы заглушить рѣчи...

выхъ попавшихся ему на глаза виновниковъ, а относительно пировскаго съѣзда назначено было жандармское дознаніе и произведенъ былъ обыскъ у земскаго врача Дорфа. А дальше, продолжая безумныя репрессіи, правительство, всего черезъ двѣ недѣли послѣ съѣздовъ, для поднятія патріотизма, затѣяло войну съ Японіей, что было равносильно гибели самодержавнаго бюрократическаго строя.

Но объ этомъ ниже, а сейчасъ возвратимся немного назадъ.

Во время техническаго съѣзда состоялся и съѣздъ «освободителейъ» для окончательной организациі «Союза Освобожденія». Этотъ съѣздъ заложилъ прочныя основы для дальнѣйшаго существованія Союза ¹⁾.

Засѣданій освободенскаго съѣзда состоялось 3. Они сопровождались весьма горячими преніями, но въ концѣ концовъ программа «Союза Освобожденія» была утверждена; на послѣднемъ засѣданіи тайнымъ голосованіемъ былъ избранъ Совѣтъ Союза, составъ котораго не былъ оглашенъ и, согласно общему желанію, онъ остался извѣстенъ только тѣмъ лицамъ, которыя дѣлали подсчетъ тайному, по запискамъ, голосованію. Организованъ Союзъ былъ въ общемъ на тѣхъ же началахъ, которыя выработаны были на харьковскомъ съѣздѣ, о чемъ мы уже говорили, при чемъ установленъ былъ подходящий прогрессивный налогъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1904 года въ Петербургѣ образована была замѣчательная, единственная въ своемъ родѣ тайная организациа, объединившая всѣ оппозиціонныя силы населенія, направленныя къ одной цѣли: уничтоженію самодержавія и замѣнѣ его демократической конституціей. Эта организациа сыграла громадную роль въ освободительномъ движеніи вообще и въ земскомъ въ частности.

Участники этихъ совѣщаній, какъ учредители «Союза Освобожденія», должны были въ назначенныхъ имъ районахъ приводить въ исполненіе уставъ «Союза».

Но, какъ мы уже говорили, земская Россія была совершенно готова къ осуществленію такого плана, такъ что очень скоро организациа «Союза» была проведена въ цѣломъ рядѣ губерній. Трудно это было сдѣлать для неземскихъ губерній и для окраинъ. Однако, давно уже практиковавшееся земцами представительство, приглашенія на съѣзды и совѣщанія лицъ изъ разныхъ мѣстностей, помогло довольно быстрому распространенію организациі «союза» и не въ земскихъ губерніяхъ, до Сибири включительно ²⁾.

Въ то же время правительство все повышало и повышало свою разрушительную дѣятельность и, по прежнему, какъ нельзя болѣе способствовало мобилизациі общественныхъ силъ.

¹⁾ Не заручившись согласіемъ, не сообщаемъ фамилій участниковъ этихъ тайныхъ засѣданій Съѣзда, какъ не называемъ и помѣщеній, гдѣ они происходили. Скажемъ только, что правительство не знало ничего объ этихъ засѣданіяхъ.

²⁾ Этому способствовали также ближайшія земскія губерніи. Такъ, на примѣръ, Харьковъ, являвшійся областнымъ пунктомъ для губерній: Курской, Полтавской, Воронежской, Таврической, — а нѣкоторое время для Черниговской, Кіевской и Херсонской, — въ то же время распространялъ свои дѣйствія, по «Союзу Освобожденія», на неземскую Донскую область и на весь Кавказъ. Саратовъ могъ обслуживать, на примѣръ, Астраханскую губ., Вологда — Архангельскую и т. д.

По отношенію къ земствамъ Плеве въ самомъ началѣ 1904 г. открыто повелѣ боевую атаку.

Дѣло началось съ разгрома тверского земства. Уже 8-го января 1904 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ, о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.

Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ 1) предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе председателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія; 2) сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской смѣты и раскладки предшествовавшего года съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-й статьёй положенія о земскихъ учрежденіяхъ; 3) подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95-й статьѣ того же положенія; 4) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрещать пребываніе въ предѣлахъ тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія; 5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной, по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ председателей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ этомъ государь написалъ «согласенъ».

Затѣмъ слѣдовало объясненіе причинъ, вызвавшихъ эти репрессіи со стороны Плеве. Въ объясненіи говорилось нижеслѣдующее:

Дѣятельность земскихъ учреждений Тверской губерніи давно уже обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соотвѣтствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, принимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За послѣдніе годы вредное настроеніе тверского губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, бесплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла, идти на перекоръ мѣстной власти. Наряду съ симъ въ Тверской губерніи обнаружилось отступленіе отъ закона въ самомъ устройствѣ земскихъ учреждений. Въ составѣ ихъ постепенно возникали не предусмотрѣнныя закономъ самостоятельныя учрежденія, въ видѣ особыхъ комиссій и совѣтовъ,

состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такія комиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ управленіи земскихъ дѣлъ мало-по-малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данной мѣстностью не связаннымъ.

Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей съ ними единомышленныхъ. Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ Тверской губерніи возникали при управахъ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства. Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета. Заявленіе учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердилось обзорѣніемъ дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію, произведеннымъ гофмейстеромъ Штюмеромъ въ концѣ 1903 года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ Тверской губерніи значительнаго количества лицъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40% предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующаго государственнаго строя, но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивали мысль, что нѣтъ Божества и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей Новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, при чемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослога населенія. Обнаружено, что учителя читали уче-

никамъ литературныя произведенія, рассчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтеніе произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождалось объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противо-государственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; на примѣръ, чтеніе «Капитанской дочки» Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежною чернью и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподавателей, видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніе прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кошунственные сужденія о церкви и духовенствѣ. При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губерніи знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ Тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства тверскаго уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно—закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленнаго возвращенія всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала и т. д., при чемъ, какъ значитъ въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отражается предложенная мѣра на населеніи Тверскаго уѣзда.

Все изложенное, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе—1904—1906 гг.—составъ Тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія ходатайства тверскаго уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 г., поставило министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учреждений Тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ Тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣренными лицамъ въ составѣ земскихъ учреждений водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ законами и дѣйствительными потребностями населенія направленіе ¹⁾.

¹⁾ Разгромъ тверскаго земства повлекъ за собой удаленіе до 100 человекъ изъ числа земскихъ служащихъ. Особенно большое количество пришлось на новоторжское земство, обратившее на себя преимущественное вниманіе г. Штюрмера и его „адъютанта“, аксъ-профессора „знаменитаго“ Гурлянда, руководивших, помимо личныхъ хозяинъ, еще и доносомъ инспектора народныхъ училищъ Лилеева. Вскорѣ послѣ

Изложенный актъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Тѣ явленія, которыя отмѣчены въ немъ по отношенію къ Тверской губерніи, имѣли мѣсто, какъ мы уже знаемъ, и во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Они правительству извѣстны были и раньше и подтверждены нарочно устроенными ревизіями наиболѣе «опасныхъ» земствъ. У Плеве сосредоточилось уже значительное количество данныхъ, чтобы быть хотя до нѣкоторой степени освѣдомленному относительно существованія и явной, и тайной земской организаціи для борьбы съ полицейско-бюрократическимъ строемъ и для перехода къ парламентаризму. И вотъ онъ стремится, по примѣру своихъ предшественниковъ, воскресить изъ мертвыхъ и пробудить къ жизни реакціонные дворянскіе и духовные элементы. Министръ внутреннихъ дѣлъ питаль на это нѣкоторую надежду, такъ какъ, начиная, приблизительно, со второй половины 90-хъ годовъ крѣпостническое дворянство было задѣто за живое прогрессивнымъ повышеніемъ земскихъ смѣтъ, являвшимся результатомъ усиленной дѣятельности оппозиціонныхъ земцевъ, все расширявшихъ земское хозяйство и особенно налегавшихъ на народное образованіе. Несомнѣнно, что фиксація земскаго обложенія своимъ происхожденіемъ въ значительной мѣрѣ обязана представителямъ земской реакціи. Точно также они не мало способствовали правительству въ гоненіяхъ на «третій элементъ», основательно видя въ немъ союзниковъ оппозиціонныхъ земскихъ дѣятелей. Начиная со второй половины 90-хъ годовъ уже нерѣдко были походы противъ «третьяго элемента», особенно противъ статистиковъ, со стороны самихъ земствъ, и мы видѣли, что Плеве даже таинственно «бесѣдовалъ» на эту тему съ нѣкоторыми земцами и даже угощалъ ихъ обѣдомъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, у Плеве была тайная надежда, что авось въ самой земской средѣ организуется правительственная партія и поможетъ диктатору, выражаясь фигурально, взорвать земство, такъ сказать, изнутри. Поэтому актъ 8-го января и былъ заполненъ всевозможнѣйшими, доходящими до смѣшного, жупелами, необходимыми для приведенія въ панической ужасъ духовенства и дворянства. Прежде всего конечно, выставленъ «третій элементъ», какъ виновникъ всѣхъ бѣдъ, подкапывающійся подъ основные устои государства. Въ самомъ дѣлѣ, онъ развиваетъ «мысль, что нѣтъ Божества», онъ доказываетъ, что «въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы», наконецъ, онъ, при посредствѣ «Капитанской дочки» Пушкина, добивается....

опубликованія изложеннаго высочайшаго повелѣнія, изъ предѣловъ Тверской губ. были высланы новоторжскіе земцы: Ив. И. Петрункевичъ, А. И. Бакунянъ, М. И. Литвиновъ. Затѣмъ, въ видѣ протеста, сами оставили службу: всѣ врачи, въ числѣ 11 человекъ, большая часть фельдшерницъ (около 15 чел.), 2 техника, 2 агронома, часть учительскаго персонала, ветеринарный врачъ и т. д. Этотъ добровольный уходъ былъ признанъ по отношенію къ учителямъ за государственное преступленіе, и департаментъ полиціи въ скоромъ времени (12 марта 1904 г.) оповѣстидъ всѣхъ губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полиціймейстеровъ, дабы нигдѣ и ни на какую службу не принимались слѣдующіе учителя и учительницы новоторжскаго уѣзда: В. Лихачевъ, И. Назаровъ, М. Стасюкъ, А. Нестеровъ, И. Смирновъ, В. Рахмановъ, В. Шлеймеръ, Е. Васильева, Е. Громова, Е. Бакулина, В. Таирова, Е. Барсова, Е. Покровская, Е. Шириева, М. Пухлимская, К. Любомирова, Н. Лисенкова, О. Спасская, Е. Юнова, А. Бѣлокурова, М. Стрѣльцова, Е. Андреева, Н. Мамадышская, А. Томилова.

перевѣшать всѣхъ помѣщиковъ! Но, увы, крѣпостники надлежащимъ образомъ не проснулись! Хотя земское обложение и достигло значительныхъ размѣровъ, конечно, относительно, ибо оно было всегда ничтожно сравнительно съ государственнымъ, но еще до нихъ не дошелъ слухъ о проектѣ принудительнаго отчужденія земли, и крѣпостники ограничивались лишь жалобами, доносами и ходатайствами, ничего не сдѣлавъ въ смыслѣ организациі ¹⁾. Да, наконецъ, если бы въ 1904 году они и достигли этого, то было уже поздно.

Сдѣлавъ это необходимое, на нашъ взглядъ, отступленіей, перемѣмъ къ послѣдовательному обозрѣнію 1904 года.

Въ тотъ самый день, т. е. 8 января, когда было опубликовано Высочайшее повелѣніе относительно тверского земства, какъ бы въ противовѣсъ ему, былъ опубликованъ Высочайшій указъ объ образованіи губернскихъ совѣщаній для пересмотра законодательства о крестьянахъ, въ губерніяхъ, въ коихъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, а также въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской.

Этимъ правительство, съ одной стороны, хотѣло показать, что оно занимается не только разрушительной работой, но и созидательной, съ другой оно желало вызвать успокоеніе крестьянской массы и, съ третьей, наконецъ, подтвердить, что его политическій курсъ неизмѣненъ. Но это подтвержденіе въ то же время показывало всю бесплодность «совѣщаній». Въ самомъ дѣлѣ, они образовывались подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго предводителя дворянства, изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій, изъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ члена отъ правительства губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, изъ предсѣдателя губернской управы, изъ представителей дворянства и земства, изъ земскихъ начальниковъ не менѣе четырехъ, и также изъ лицъ, которыя своимъ опытомъ или познаніемъ могутъ содѣйствовать возложенной на совѣщаніе задачѣ. Но... какъ члены отъ дворянства, такъ и отъ земства «приглашались» губернаторомъ, а порядокъ обсужденія и дѣлопроизводство въ совѣщаніяхъ опредѣлялись «инструкціями министерства внутреннихъ дѣлъ». Словомъ, правительство, подъ видомъ рѣшенія громаднаго крестьянскаго вопроса, проектировало устроить чисто бюрократическія учрежденія, находившіяся въ полномъ вѣдѣніи чиновниковъ и губернаторовъ. Нужно ли говорить, что эти «совѣщанія» вызвали сначала самое ироническое отношеніе со стороны земства, а впослѣдствіи оно воспользовалось уже этимъ указомъ для своихъ частныхъ засѣданій, на которыя приглашался не только «третій элементъ», но вызывались и крестьяне.

Черезъ двѣ недѣли послѣ опубликованія приведеннаго Высочайшаго указа, 26 января 1904 года, была объявлена война съ Японіею ²⁾.

¹⁾ Такая организациія образовалась уже послѣ первой Государственной Думы, въ наше время, когда крѣпостники увидѣли, что дѣло идетъ о принудительномъ отчужденіи, выставленномъ партіею, вышедшею изъ земской же среды. Это было ужасно! Несомнѣнно, что, вслѣдствіе такого «коварства» партіи Народной Свободы, ей и дано было названіе «партіи политическихъ іезуитовъ».

²⁾ Какъ разъ въ этотъ самый день страхлось надъ Россіей и другое великое горе: умеръ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей, Н. К. Михайловскій, до самой

Это былъ послѣдній козырь правительства, послѣдняя ставка самодержавія. Въ этомъ отчаянномъ средствѣ съ необыкновенною ясностью обнаружилась полная несостоятельность самодержавнаго режима. Оказалось, что правительство было совершенно дезорганизовано. Оно не имѣло понятія даже о состоянїи арміи, т. е. не знало о качествѣ единственнаго устоя, на которомъ еще держалось. Въ этой арміи происходило нѣчто неопишное. На ней болѣе всего отразилось разложеніе стараго строя. На первыхъ же порахъ выяснилось, что въ арміи есть только солдаты и больше ничего. Орудія, оружіе, корабли, т. е. все то, безъ чего самые храбрые солдаты не въ силахъ воевать, были, въ сущности говоря, фикція. Миллиарды народныхъ денегъ, затраченные на армію, исчезли неизвѣстно куда. Въ то же время стало извѣстно, что причиною войны явились совершенно невѣроятныя злоупотребленія на Дальнемъ Востокѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также вслѣдствіе всеобщаго недовольства разоренной и угнетенной страны, объявленіе о войнѣ встрѣчено было далеко не восторженно ¹⁾.

Правительство было обезкуражено такимъ настроеніемъ населенія, но ему не было уже больше никакого выхода. Оно начало искусственно подогрѣвать патріотизмъ, обвинять всѣхъ, кто такого патріотизма не проявляетъ, въ измѣнѣ, въ предательствѣ, въ подкупѣ.

При этомъ придумана была своеобразная «амнистія» на патріотической подкладкѣ, а еще вѣроятнѣе было намѣреніе избавиться отъ неблагонадежныхъ элементовъ отправкой ихъ на театръ военныхъ дѣйствій, какъ это практиковалось въ николаевскія времена.

Черезъ недѣлю послѣ объявленія войны, 2 февраля 1904 г., несомнѣнно, по совѣту Плеве, было опубликовано Высочайшее повелѣніе «о предоставленіи лицамъ, отбывающимъ гласный надзоръ полиціи по политическимъ дѣламъ, права поступать рядовыми въ войска дѣйствующей арміи».

Мотивировано это повелѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы какой-то субъектъ, содержащійся гдѣ-то въ тюрьмѣ за распро-

своей смерти бывшій однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣателей освободительнаго движенія и присообщившій къ нему не одно доколѣнїе. Громадный 0/0 земскаго „третьяго элемента“ и всесловной интеллигенціи вообще, можно сказать, воспитались на идеяхъ Н. К. Бюрократія, понятно, не выносила Михайловскаго, преслѣдовала его, но тѣмъ только повышала къ нему симпатіи. Похороны Н. К. были необычайно грандіозны. Они одновременно были и враждебною демонстраціею противъ правительства. Гробъ писателя, который на рукахъ несла интеллигенція, сопровождала толпа около 5.000 человекъ; за гробомъ слѣдовали три экипажа съ вѣнками. Надписи на нихъ показывали, какъ Михайловскій былъ дорогъ новой Россіи. Къ слову сказать, Н. К. интересовался и слѣдилъ за дѣятельностью техническаго съѣзда, происходившаго за нѣсколько дней до его смерти. Многіе члены этого съѣзда, и въ томъ числѣ пишущій строки, посѣщали Н. К., какъ и члены пироговскаго съѣзда.

¹⁾ Плеве вѣрилъ въ побѣду, что доказываетъ его близорукость и полную неосвѣдомленность о состоянїи арміи и флота. Плеве рассчитывалъ исключительно на грубую, физическую силу, не понимая значенія культуры и государственнаго строя. Когда директоръ департамента полиціи Лопухинъ проявилъ пессимизмъ на счетъ исхода войны, то, по словамъ кн. Урусова, Плеве разсердился на Лопухина и съ досадою спросилъ: неужели для васъ не ясна слѣдующая арифметическая задача: что больше—пятьдесятъ или полтораста милліоновъ (населенія)?

страненіе прокламацій, «раскаялся» и просилъ дозволенія искупить свой грѣхъ на войнѣ.

Какъ отнеслись къ этому «неблагонадежные», можно видѣть изъ нижеслѣдующаго письма земскаго дѣятеля и врача С. В. Мартынова, высланнаго, какъ намъ уже извѣстно, въ Архангельскую губернію за докладъ, прочитанный въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

„9-го февраля,—писалъ С. В. Мартыновъ архангельскому губернатору,—ваше превосходительство изволили обратиться ко мнѣ, такъ же какъ и къ другимъ лицамъ, съ предложеніемъ, принявъ участіе въ настоящей войнѣ, заслужить тамъ амнистію. Съ своей стороны полагаю, что Россія не нуждается въ дальнѣйшемъ расширеніи своихъ границъ и что приращенія, сдѣланныя правительствомъ за послѣднее время на Дальнемъ Востоцкѣ, не будучи вызваны жизненными интересами страны, ложатся тяжелымъ бременемъ на населеніе. Государство, полагаю, слишкомъ нуждается въ коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, потребность которыхъ выражается весьма настойчиво не только зажиточными и просвѣщенными классами, но и самимъ народомъ. Я считаю бы для себя возможнымъ трудиться только въ направленіи преобразованій народной жизни, на что готовъ отдать въ распоряженіе правительства свои силы и знанія. Всякаго же рода дѣятельность, клонящуюся къ расширенію территоріи или къ сохраненію ненужныхъ для Россіи областей, я считаю не соотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ страны и никакого участія въ ней принять не нахожу возможнымъ. Полагалъ бы, что ни международнымъ положеніемъ государства, ни потребностью обезпечить свои границы, ни интересами торговли не можетъ быть оправдана русско-японская война. Склоненъ думать, что и національное самолюбіе не препятствовало бы прекратить разорительную для Россіи войну и, продавъ портовые и желѣзнодорожныя сооруженія, направить матеріальныя и духовныя силы страны на свои собственные внутренніе интересы. Дѣлая такое заявленіе, я, конечно, предвижу, что оно поведетъ новыя для меня репрессіи со стороны Департамента Полиціи. Но иного пути я не вижу и могу лишь повторить то, что высказано было мною о потребностяхъ страны въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Не сдѣлаю, увѣренъ, ошибки, если позволю себѣ добавить, что мнѣніе мое не останется моимъ единоличнымъ“.

Что касается оппозиціонной части земства, то еще при выработкѣ устава «Союза Освобожденія» было высказано, что, въ случаѣ русско-японской войны, о которой прошелъ тогда слухъ, никакой помощи правительству не оказывать. Но такъ постановили «освобожденцы»,—какъ же отнеслось къ войнѣ земство вообще?

Въ земскихъ сферахъ былъ цѣлый рядъ теченій. Воспользовавшись благоприятнымъ случаемъ, на сцену прежде всего выступили реакціонные элементы.

Въ чрезвычайныхъ февральскихъ и мартовскихъ собраніяхъ раздались напыщенные, патриотическіе призывы. При этомъ они носили такой характеръ, что трудно было выступить противъ съ открытымъ протестомъ.

Постановка вопросовъ была чисто полицейская, провокаціонная: «кто противъ—тотъ измѣнникъ отечества». По всякому поводу при-

влекалась Верховная власть. Характернымъ образчикомъ подобнаго рода пріемовъ можетъ быть чрезвычайное харьковское губернское земское собраніе, ухлопавшее «на патріотизмъ» 1.000.000 рублей народныхъ денегъ. Ему предшествовало дворянское собраніе. Здѣсь раздавались самыя отчаянныя патріотическія рѣчи и призывъ, но «своихъ» денегъ дворянство не дало ни мѣднаго гроша, ни полушки. Собравшись же въ земское собраніе, тѣ же самыя дворяне, по предложенію, кажется, того-же самаго дворянина Неклюдова, который взывалъ и на дворянскомъ собраніи, постановило въ «закрытомъ засѣданіи» ассигновать на флотъ 1.000.000 рублей... изъ страхового капитала, т. е. изъ мужицкихъ денегъ! При этомъ говорили, что какой-то дворянинъ билъ себя въ грудь и кричалъ, что, «если враги наши и Европа узнаютъ, что земство такъ щедро жертвуетъ на войну, то испугаются». Тщетны были протесты небольшой группы оппозиціи—1.000.000 руб. былъ ассигнованъ исключительно на флотъ.

Другое теченіе въ земскихъ сферахъ занимало среднее мѣсто между «патріотическимъ» и освобожденскимъ. Оно шло изъ Москвы.

Представители этого теченія не безъ основанія говорили, что, не принимая участія въ войнѣ, какъ таковой, земство, какъ и въ вопросѣ, напримѣръ, народнаго продовольствія, должно, тѣмъ не менѣе, объединиться и оказать помощь раненымъ и больнымъ на войнѣ, а на мѣстахъ—семьямъ убитыхъ. Вѣдь армія—это тотъ же народъ, не говоря уже о семьяхъ воиновъ.

Освобожденцы, всегда стремившіеся къ объединенію возможно большаго числа земскихъ силъ по вопросамъ, не противорѣчающимъ ихъ основнымъ взглядамъ, и въ данномъ случаѣ пошли на встрѣчу названному земскому теченію, расширивъ его въ томъ смыслѣ, что, помимо чисто филантропической дѣятельности на театрѣ военныхъ дѣйствій,—слѣдуетъ представителямъ земства имѣть въ виду и культурно-политическую работу: снабженіе арміи лучшими книгами, газетами и, кромѣ того, земство, въ лицѣ своихъ агентовъ, должно препятствовать различнаго рода злоупотребленіямъ, слѣдить за ходомъ войны во всѣхъ ея проявленіяхъ, вести записки, которыя послужатъ матеріаломъ для докладовъ въ земскихъ собраніяхъ. Вообще, земство должно представительствовать на войнѣ, какъ стражъ общественныхъ интересовъ и, по мѣрѣ силъ и возможности, бороться съ бюрократизмомъ.

Въ виду такого рода соображеній земская оппозиція на земскихъ собраніяхъ отбивала обще-земскую организацію на театрѣ военныхъ дѣйствій, и этотъ вопросъ дружно прошелъ во всей земской Россіи.

Но бюрократія увидѣла въ этомъ весьма опасное явленіе и постаралась устроить препятствіе вопреки ясно выраженной волѣ Верховной власти, еще и еще разъ доказавъ тѣмъ безсиліе послѣдней при самодержавіи чиновниковъ.

27 апрѣля 1904 года предсѣдатель тульской губернской земской управы князь Г. Е. Львовъ представлялся Государю, какъ уполномоченный отъ общеземской организаціи. 2-го мая въ Москвѣ создано было совѣщаніе представителей земствъ, чтобы сговориться о совмѣстной дѣятельности на театрѣ войны. Князь Г. Е. Львовъ доложилъ, что Государь, при аудіенціи 27 апрѣля, «благословилъ его» и просилъ

«передать представителямъ земствъ, принимающимъ участіе въ объединенной земской организаціи, и персоналу земскихъ отрядовъ свое сочувствіе предприняемому земскому дѣлу, напутственное благословеніе и пожеланіе успѣха въ святомъ дѣлѣ челоуѣколюбія».

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель московской губернской земской управы Д. Н. Шиповъ доложилъ нижеслѣдующее «предложеніе» московскаго губернатора:

„Вслѣдствіе предложеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ 17 апрѣля, за № 2623, предлагаю губернской земской управѣ: 1) о всѣхъ безъ исключенія предложеніяхъ организованнаго при губернской земской управѣ совѣщанія земскихъ уполномоченныхъ по оказанію совѣстной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ предварительно приведенія таковыхъ въ исполненіе представить мнѣ и 2) ни въ какомъ случаѣ не допускать дальнѣйшихъ соглашеній совѣщанія съ земствами, до настоящаго времени не присоединившимся къ организаціи. Кроме сего, въ виду того-же предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю губернской земской управѣ представить мнѣ теперь же списокъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ образованные земствомъ врачебно-санитарные отряды, а также и впредь представлять о таковыхъ лицахъ, имѣющихъ войти въ составъ будущихъ отрядовъ, предварительно допущенія ихъ до отправленія обязанностей.

Трудно себѣ представить негодованіе, которое охватило участниковъ совѣщанія послѣ заслушаннаго «предложенія».

Только что передано было имъ «благословеніе» и «сочувствіе» Царя и одновременно съ этимъ... чисто полицейскій «приказъ» Плеве! Совѣщаніе отвергло этотъ «приказъ» и постановило не исполнять его.

Кромѣ того, было возбужденъ вопросъ о правильномъ представительствѣ всѣхъ губернскихъ городовъ на обще-земскихъ совѣщаніяхъ: по одному отъ городовъ съ населеніемъ менѣе 200.000, по два—съ населеніемъ превышающимъ 200.000 и четыре представителя отъ С.-Петербурга и Москвы.

Плеве словно обезумѣлъ отъ негодованія и сталъ по пятамъ преслѣдовать земцевъ и земство.

10 февраля вызванъ былъ въ Петербургъ кн. Д. И. Шаховской, при чемъ Плеве заявилъ ему, что онъ докладывалъ Государю о высылкѣ кн. Шаховскаго, что Государь на этотъ разъ не согласился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе заслугъ Д. И., но, если въ чемъ-либо онъ, кн. Шаховской, еще провинится, то будетъ высланъ безъ предупрежденія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Д. Н. Шиповъ, корректнѣйшій изъ земцевъ, не былъ утвержденъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы, въ каковой должности до тѣхъ поръ онъ состоялъ 11 лѣтъ).

1) Бумага о неутвержденіи Д. Н. Шипова прислана была въ Москву въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Между тѣмъ, незадолго передъ тѣмъ Шиповъ былъ въ Петербургѣ, видѣлся съ Плеве и чуть ли не получилъ отъ него рядъ комплиментовъ. Кажется, послѣднее свиданіе это произошло по поводу инцидента, бывшаго на совѣщаніи представителей губернскихъ земствъ о перестрахованіи имущества. Совѣщаніе было созвано 2-го марта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ немъ принимали участіе предсѣдатели и члены

Это обстоятельство вызвало добровольную отставку члена той же управы М. В. Челнокова. Служащіе московскаго земства поднесли адресъ Шипову съ 300-ами подписей, а вслѣдъ за этимъ и со всѣхъ мѣстъ организованной земской Россіи посыпались ему адреса и привѣтствія, и скоро отставка предсѣдателя московской губернской земской управы получила чуть не всероссійское значеніе¹⁾. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому инциденту, здѣсь же скажемъ, что послѣ удаленія Д. Н. Шипова гласные московскаго губернскаго земства долго совѣщались, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ—выбирать или не выбирать новаго предсѣдателя. Сначала по запискамъ избранъ былъ все же Шиповъ, но затѣмъ рѣшили остановиться на Э. А. Головинѣ, но при этомъ ясно показать, что дѣятельность земства будетъ прежняя. И Головинъ передъ баллотировкой, происходившей 22 мая, сказалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что собраніе 3 мѣсяца тому назадъ, избравъ на должность предсѣдателя управы Д. Н. Шипова, этимъ своимъ актомъ выразило свою солидарность со взглядами и направленіями, которыхъ придерживался Д. Н. въ теченіе 11 лѣтъ въ качествѣ предсѣдателя управы. Всѣмъ г.г. гласнымъ хорошо извѣстно, что Д. Н. является не только талантливымъ, неутомимымъ работникомъ, но прежде всего выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, всегда руководящимся вполне опредѣленнымъ, твердо устоявшимся взглядомъ на значеніе и задачи земства въ государственной жизни Россіи и стремившимся всегда осуществить его на дѣлѣ. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что за истекшіе со дня выборовъ 3 мѣсяца собраніе не могло измѣнить своихъ взглядовъ, своего направленія, а потому и въ настоящую минуту можетъ избрать на должность предсѣдателя только лицо, вполне раздѣляющее взгляды Д. Н. Тотъ фактъ, что большинству г.г. гласныхъ угодно было намѣтить меня на должность предсѣдателя, подтверждаетъ только что высказанныя предположенія. Большинству

управъ 18-ти земствъ и „третій элементъ“, въ лицѣ, главнымъ образомъ, служащихъ въ страховыхъ отдѣленіяхъ при управахъ. Явились представители и отъ разгромленнаго тверскаго земства: назначенный правительствомъ членъ тверской губернской земской управы Н. А. Повомаревъ и оставшійся на службѣ въ управѣ (откуда ушли всѣ лучшіе служащіе) страховой инспекторъ Л. Я. Левшинъ. По этому поводу земцы другихъ губерній рѣшили заявить предсѣдателю совѣщанія, завѣдующему страховымъ отдѣломъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, г. Остроградскому, что ни одно земство не заключаетъ союза съ управою, назначенною правительствомъ. Между тѣмъ Левшинъ былъ назначенъ въ подготовительную комиссію, состоящую преимущественно изъ „третьяго элемента“. Представитель послѣдняго, — дѣлопроизводитель московской губернской управы П. А. Серебряковъ и страховой инспекторъ исковскаго земства Н. Ф. Лопатинъ, — заявили Левшину, что если онъ явится на засѣданіе, ему не подадутъ руки. На другой день послѣ этого товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьевъ призвалъ къ себѣ предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова и члена исковской управы фонъ-деръ-Беллена и заявилъ имъ, что поступокъ ихъ служащихъ онъ считаетъ протестомъ противъ..... Высочайшаго повелѣнія. Въ ночь со 2 на 3 марта Серебряковъ и Лопатинъ были арестованы. 4 марта всему составу подготовительной комиссіи предписано было оставить Петербургъ, а скоро послѣ этого всѣ 4 челоѣка были, по требованію Плеве, удалены со своихъ мѣстъ.

¹⁾ Негодующій Плеве издалъ распоряженіе, чтобы въ прессѣ не печатали ничего, касающагося выраженного московской городской думой, по предложенію московскаго городского головы кн. Голицына, сочувствія Д. Н. Шипову. Только, кажется, въ „Руси“, до полученія министерскаго приказа, успѣло объ этомъ проскользнуть извѣстіе.

г.г. гласныхъ, я думаю, извѣстно, что я вполне раздѣляю взгляды и убѣждения Д. Н. и что ни по одному серьезному вопросу въ земской жизни за всю 6-ти лѣтнюю работу въ управѣ съ Д. Н. у насъ не было разногласія. Если мнѣ суждено занять мѣсто предсѣдателя управы, то я не сомнѣваюсь, что Д. Н. будетъ всегда служить для меня примѣромъ, приблизиться къ которому будетъ составлять мою задачу, что въ своей дѣятельности я всегда буду руководиться тѣми же принципами, тѣмъ же направлениемъ, которымъ руководился и Д. Н. Думаю также, что и при выборѣ члена управы собраніе будетъ имѣть въ виду тѣ же соображенія, что и при выборѣ предсѣдателя и что, благодаря этому, управа составитъ, какъ то всегда было при Д. Н., дружный кружокъ лицъ, солидарныхъ по всѣмъ принципіальнымъ вопросамъ земской жизни. Я счелъ необходимымъ сдѣлать настоящее заявленіе передъ баллотировкой, чтобы всѣ г.г. гласные знали, какихъ взглядовъ и какого направленія я стану придерживаться въ должности предсѣдателя, имѣя это въ виду, баллотировали за и противъ меня».

Отсюда видно, что Плеве, удаливъ Д. Н. Шипова, ровно ничего не выигралъ въ московскомъ земствѣ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Этотъ инцидентъ вызвалъ негодование даже въ самыхъ мирныхъ земствахъ. Такъ, на примѣръ, въ кишиневскомъ земствѣ, никогда не отличавшемся либерализмомъ, неутвержденіе Д. Н. Шипова и воспрещеніе земствамъ присоединяться къ общеземской организаціи по оказанію помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ вызвали небывалый протестъ. «Это ужъ слишкомъ!»—воскликали кишиневскіе гласные: «Это просто оскорбленіе земству!» На майскомъ экстренномъ собраніи, при обсужденіи вопроса о пожертвованіи на военныя нужды, было отмѣчено, что правительство, въ лицѣ Плеве, считая не соотвѣтствующимъ закону участіе въ общеземской организаціи и ассигновкѣ на помощь больнымъ и раненымъ, какъ выходящее за предѣлы нуждъ губерніи, въ то же время поощряло земскія пожертвованія на Красный Крестъ. «Въ такомъ случаѣ,—протестовали гласные,—мы ничего не дадимъ Красному Кресту—мы ему не довѣряемъ... Дѣятельность Краснаго Креста во время войны съ Турціей въ 1878 г. ознаменовалась «моковщиной». О дѣятельности своей во время войны съ Китаемъ Красный Крестъ до сихъ поръ не далъ отчета. И теперь, едва началась война съ Японіей, сейчасъ же обнаружился и злоупотребленія въ Красномъ Крестѣ. Такъ, въ одной изъ первыхъ его отправокъ на театръ войны, оказались въ тюкахъ стружки вмѣсто больничныхъ вещей. Собраніе поэтому постановило: «признавая, что участіе въ общеземской организаціи врачебно-санитарной помощи раненымъ и больнымъ воинамъ является лучшимъ способомъ помощи имъ, бессарабское земство присоединяется къ общеземской организаціи, ассигновавъ для этого 60.000 рублей». Затѣмъ собраніе постановило послать адресъ государю по поводу войны, въ которомъ изложить о присоединеніи къ общеземской организаціи и послать не черезъ Плеве, а помимо его.

Кажется, одновременно съ Д. Н. Шиповымъ, былъ не утверждень предсѣдателемъ вологодской губернской земской управы В. А. Ку-

явный. По этому поводу въ Вологдѣ состоялся товарищескій обѣдъ, въ которомъ присутствовало болѣе 70 человекъ, причѣмъ выра-
енъ былъ шумный протестъ дѣяніямъ правительства.

Изъ предѣловъ Тверской губерніи, по распоряженію Плеве, были
сланы, безъ объясненія причины, бывший предсѣдатель Тверской
бернской земской управы В. Д. фонъ-Дервизъ и членъ той же
равы Н. К. Милуковъ ¹⁾.

Въ Суджѣ и Суджанскомъ уѣздѣ, подъ видомъ «ревизіи» зем-
сой управы, свирѣпствовалъ курскій вице-губернаторъ Курловъ. Въ
уджанской управѣ, предварительно его пріѣзда, были дневные и ноч-
ые обыски, а затѣмъ арестованъ былъ завѣдующій столомъ по на-
одному образованію Афонинъ. Вскорѣ послѣ обыска прибылъ и самъ
урловъ. Стремясь, во что бы то ни стало «упечь» управу, которая,
акъ мы уже видѣли, давно была заражена крамолою, вице-губерна-
оръ съ двумя чиновниками цѣлыхъ 12 дней «ревизовалъ» ее, выпы-
ывая, главнымъ образомъ, какую роль играли комиссіи учрежденныя
н. Долгоруковымъ въ бытность его предсѣдателемъ, какое значеніе
мѣлъ «третій элементъ», какія книги въ библіотекѣ. Развѣзжая по
иколамъ, Курловъ спрашивалъ учениковъ титулы царствующихъ
особъ, экзаменовалъ по Закону Божію, «изучалъ» письменныя ра-
боты учениковъ и т. п.

Въ то же время ревизовать курское губернское земство былъ
назначенъ знаменитый Зиновьевъ, закончившій ревизію Московскаго
и Вятскаго земствъ.

Ревизуя земства Вятской губерніи, Зиновьевъ велъ себя, какъ
восточный сатрапъ. Его грубость, доказывая невоспитанность, прево-
сходила всякіе предѣлы. Предсѣдателей уѣздныхъ управъ, которые яв-
лялись представителями миллионнаго населенія, онъ не просилъ даже
садиться. Особенно пренебрежительно относился онъ къ тѣмъ зем-
ствамъ, которыя болѣе всего заботились о повышеніи умственного и
экономическаго уровня населенія, гдѣ больше всего было школъ, боль-
ницъ, агрономическихъ организацій и т. д.

Въ присутствіи вятскаго губернатора сатрапъ осмѣлился даже
кричать на предсѣдателя орловской уѣздной земской управы, укоряя
земство за учрежденіе комиссіи по народному образованію, чѣмъ де
«наносить... оскорбленіе представителю министерства народнаго про-
свѣщенія—инспектору народныхъ училищъ».

Въ Вятской губернской управѣ Зиновьевъ держался презритель-
наго тона и говорилъ отрывисто, по-генеральски, въ родѣ: «народъ
не нуждается въ попеченіяхъ земства»... «Народъ знаетъ, что о немъ
заботится правительство»... «Земствомъ сдѣлано мало, а что сдѣлано,
то скверно сдѣлано»... «На собраніяхъ вы привыкли говорить слова о
мужикѣ съ приправой иностранныхъ словъ, которыхъ большинство
изъ васъ не понимаетъ»... «Вы печатаете груды докладовъ,—только
деньги тратите напрасно»... «Въ дѣлахъ у васъ сумбуръ, а вы заняты

¹⁾ Не знаемъ, въ какомъ мѣсяцѣ, но въ 1904 г. былъ арестованъ бывший пред-
сѣдатель Воропежской губ. з. управы В. И. Колюбакинъ „за распространеніе нелегалъ-
ныхъ изданій“.

вздоромъ, вродѣ изданія никому ненужной газеты или созданнаго какого то внѣшкольнаго образованія, какъ будто можно, не участвуя въ образованномъ... «Смотрите за больницами да за дорогами — въ этомъ ваши обязанности»... «Вятское земство на ложномъ пути»... «я давно это подозрѣвалъ»... «Вы даете мужику туманныя картинныя фонари, а ему нужна земля и соха»... «Вы даете мужику въ разсрочку даже трехрублевые предметы и этимъ въ конецъ развращаете его — какъ будто у мужика не найдется трехъ рублей: будьте увѣрены когда ему понадобится дѣйствительно косуля или плугъ, онъ найдетъ деньги»... «Вы ему навязываете орудія, съ которыми онъ не умѣетъ справиться, образованіе, которое ему не нужно»... «Учите крестьянскихъ дѣтей въ гимназіяхъ и въ высшей школѣ—это баловство, ужасное баловство!.. Нѣтъ, это даже грѣхъ»...

Мы нарочно привели подлинныя выраженія Зиновьева, чтобы показать всю глубину его невѣжества, абсолютное незнаніе, ни земской, ни народной жизни и чисто крѣпостническіе взгляды. Кому, на примѣръ, неизвѣстно, что «Вятская Газета», издававшаяся вятскимъ земствомъ, была единственный въ своемъ родѣ, прекрасный народный органъ? Но Зиновьевъ, конечно, понятія объ этомъ не имѣлъ. Далѣе, — кто не знаетъ о громадной, рѣшающей роли внѣшкольнаго образованія въ дѣлѣ культуры? А Зиновьевъ называетъ его «какое-то» внѣшкольное образованіе. Затѣмъ безподобенъ взглядъ Зиновьева на образованіе «мужика» — «учить крестьянскихъ дѣтей въ гимназіяхъ и въ высшей школѣ—это баловство! Нѣтъ, это грѣхъ!» И такого господина Плеве послалъ ревизовать земство!

Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ опубликованъ его всеподданѣйшій докладъ о московскомъ земствѣ.

Въ этомъ докладѣ невѣжественный бюрократъ больше всего говорилъ о стремленіи Московскаго губернскаго земства объединить дѣятельность уѣздныхъ земствъ, что Зиновьевъ объяснялъ «укоренившимся въ земствѣ вреднымъ спутникомъ централизаціи—пришлымъ элементомъ, который современемъ можетъ вполне подавить мѣстную самостоятельную дѣятельность. При искусственномъ расширеніи круга вѣдѣнія губернскихъ земствъ, губернская управа уже не могла непосредственно завѣдывать обширнымъ хозяйствомъ, разбросаннымъ къ тому же на пространствѣ всей губерніи. вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ помощи уѣздныхъ земствъ, что, разумѣется, усиливало бы въ нихъ сочувствіе къ дѣлу, губернская управа предпочла ввѣрить земское дѣло лицамъ, служащимъ по найму, поставивъ ихъ къ тому же внѣ всякой зависимости отъ земскихъ управъ, въ районѣ уѣздовъ которыхъ лица эти должны дѣйствовать»...

Это свое мнѣніе Зиновьевъ далѣе подтверждаетъ заявленіемъ Д. Н. Шипова, который говорилъ: «ни дворянство, ни купечество, ни крестьянство, отдѣльно взятое, не могутъ претендовать на руководящую роль въ общественной жизни. Такая роль можетъ принадлежать только всесословной интеллигенціи не какъ особому какому-либо классу, а какъ совокупности людей, наиболѣе просвѣщенныхъ, наиболѣе сознающихъ долгомъ обязанность общественнаго служенія».

Такими людьми и считаютъ себя руководители многочисленнаго персонала лицъ, служащихъ въ земствѣхъ.

Зиновьевъ думаетъ, что, «при дальнѣйшемъ развитіи такого направленія, отъ участія въ этомъ дѣлѣ могутъ устраниться всѣ лучшіе представители земствѣхъ».

Затѣмъ Зиновьевъ, какъ и слѣдовало ожидать, доказывалъ, что дѣла въ Московскомъ земствѣ ведутся очень плохо и что во всѣхъ дѣлахъ отражается вліяніе «третьяго элемента».

Къ срединѣ 1904 года правительство, въ лицѣ Плеве, довело свою разгромную политику до апогея не только по отношенію къ земству, но и по отношенію ко всѣмъ сословіямъ и учрежденіямъ,— по отношенію ко всѣму населенію, какъ коренному, такъ и не русскому. У правительства къ этому времени, за исключеніемъ высшихъ придворныхъ и бюрократическихъ сферъ, рѣшительно не было друзей. Все волновалось, все негодовало и нерѣдко проявлялись уже чисто революціонные признаки, хотя еще въ единичныхъ фактахъ.¹⁾

Но Плеве былъ глухъ и слѣпъ и не понизилъ своего полицейскаго самоуваженія.

Еще въ іюнѣ, за мѣсяць или даже того менѣе до своей смерти, онъ, въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ журнала «Revue», Юларомъ, между прочимъ говорилъ, что, «въ Россіи недовольны существующимъ строемъ одни «иностранцы», какъ-то: поляки, финляндцы и въ особенности—евреи». «Россія и самодержавіе»,—продолжалъ далѣе Плеве,— «синонимы, а потому русскіе, избивая евреевъ, проявляютъ какъ патриотизмъ, такъ и лойяльность».

Когда французскій корреспондентъ замѣтилъ, что «противъ существующаго режима борются и настоящіе русскіе люди, отстаивающіе идеи конституціонализма и социализма», Плеве сказалъ: «Совершенно вѣрно. Только ихъ не стоитъ принимать въ расчетъ. Они не пользуются у народа ни каплей довѣрія, народъ издѣвается надъ ними, такъ какъ чувствуетъ, что они дѣйствуютъ въ ущербъ его интересамъ. И, кромѣ того, народъ вовсе не понимаетъ ихъ. Эти люди, сроднившись съ идеями, привезенными изъ за-границы, потеряли всякую духовную связь съ русскимъ народомъ».

Закончилъ же свою бесѣду Плеве такими словами: «Революція производится большинствомъ, а большинство—за насъ. Несомнѣнно

¹⁾ Во теченіе первой половины 1904 г. начавшіяся еще въ 1903 г. и ранѣе волненія въ городахъ все увеличивались и увеличивались. Въ Ломжѣ было покушеніе на жизнь губернатора, барона Корфа, въ Карсѣ—на полиціймейстера Херхелидзе, въ Эчмиадзинѣ было покушеніе на жизнь уѣзднаго начальника, въ Бѣлостоцкѣ—на полиціймейстера Пеленкина, 3-го іюня сынъ сенатора Шаумана убилъ въ Финляндіи генералъ-губ. Бобрікова и самъ застрѣлился, оставивъ замѣчательное письмо на имя государя, въ которомъ, объясняя причину своего рѣшенія, всесторонне охарактеризовалъ ужасное положеніе Россіи.

Носились слухи, что письмо его произвело сильное вліяніе въ высшихъ сферахъ. Говорили также, что кн. И. М. Оболенскій, назначенный вмѣсто Бобрікова, показывалъ Шаумана своимъ близкимъ знакомымъ. Соблюдая справедливость, мы должны здѣсь замѣтить, что кн. Оболенскій, свирѣпствовавшій въ бытность свою херсонскимъ и харьковскимъ губернаторомъ, велъ себя въ качествѣ финляндскаго генералъ-губернатора въ высшей степени корректно.

кой-то нужно сдѣлать, но въ революціи, которую вы предвидите, нѣтъ надобности. Нужно лишь уничтожить слѣды того, что сдѣлано г. Витте, и вернуть земледѣльцамъ спокойствіе, вырвавъ изъ ихъ среды тѣ беспокойные элементы, которые создалъ г. Витте. Если вы (т. е. Юларъ) можете разъяснить всѣ эти простыя истины радикаламъ вашей страны, вмѣсто того, чтобы ихъ еще болѣе настраивать противъ насъ, то я не буду сожалѣть о томъ, что пригласилъ васъ на эту бесѣду».

Вотъ какой «проницательный» государственный мужъ стоялъ во главѣ Россіи въ самый критическій моментъ того самодержавнаго строя, который онъ думалъ не только защитить, но и незыблемо укрѣпить! Вотъ что говорилъ онъ за мѣсяцъ до собственной гибели и за два мѣсяца до открытаго выступленія объединенной и организованной въ недовольствѣ противъ самодержавія страны! Весь его узкій кругозоръ застлала Витте—единственный виновникъ всѣхъ бѣдъ Россіи! Онъ не успѣлъ окончательно утопить своего конкурента, боялся возстановленія его авторитета и, быть можетъ, всѣ помыслы Плеве только и были направлены на предсѣдателя совѣта министровъ? ¹⁾ Тамъ, въ глубинѣ Россіи, гдѣ, по мнѣнію Плеве, «царила нѣмая тишина», тамъ «возвращала земледѣльцамъ спокойствіе и вырывала изъ ихъ среды беспокойные элементы, которые создалъ Витте»,—полиція, а здѣсь въ Петербургѣ онъ лично слѣдилъ за своимъ врагомъ!

Таковъ былъ главный слуга самодержавія, его основа, его надежда!

Въ 10 ч. утра 15 июля не стало и его: бывший студентъ московскаго университета, сынъ уфимскаго купца Сазоновъ въ этотъ день убилъ всесильнаго, временщика.

«Освобожденіе», органъ безусловно отрицательно относившійся къ террору, по поводу убійства Плеве, между прочимъ, писало: «Русское самодержавіе упорно отрѣзывало и отрѣзываетъ странѣ всѣ пути къ легальному и политическому развитію и, наконецъ, стало лицомъ къ лицу съ ужасающею дѣйствительностью неизбѣжныхъ, одно за другимъ слѣдующихъ политическихъ убійствъ. Страшно для правительства не физическое устраненіе Сипягиныхъ и фонъ-Плеве, а та создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодованія и возмущенія, которая рождаетъ изъ рядовъ русскаго общества одного мстителя за другимъ. Политическій заговоръ и террористическую организацію можно изловить и задушить. Напряженную политическую атмосферу, рождающую убійцъ, нельзя разрѣдить и обезвредить никакой полиціей. Ровно два года тому назадъ фонъ-Плеве хвалился, что мѣрами умѣлой полиціи онъ быстро подавитъ русскую смуту. И что же оказалось? Онъ даже технически, для своей собственной особы на огромныя средства департамента полиціи не сумѣлъ разрѣшить задачи внѣшней охраны»... Плеве «думалъ, что, истязая инородцевъ на потѣху бессмысленнаго націонализма, предавая разгрому конституціонную Финляндію, подавляя русскую печать, систе-

¹⁾ Другіе министры не тревожили Плеве, такъ какъ держали его руку и не конкуррировали съ нимъ. Онъ почелъ нужнымъ только въ апрѣлѣ 1904 г. смѣстить министра народнаго просвѣщенія Зенгера и замѣнить его безличнымъ генераломъ Глазовымъ, которому предложено было задерживать ходъ народнаго образованія во всѣхъ инстанціяхъ, что онъ и исполнялъ.

матически подкапываясь подъ земство и снова настѣжь раскрывъ полиціи двери университета и средней школы,—онъ раздавить ненавистную «смуту». Онъ думалъ, что, подмѣнивъ настоящую программу коренныхъ реформъ тщательно обдуманними реакціонными предначертаніями и оболстительными неясностями пресловутаго манифеста 26 февраля 1903 года, онъ, какъ великій реформаторъ русскаго самодержавія, начнетъ собой новой періодъ его исторіи, откроетъ его несмущаемое ничѣмъ торжественное шествіе. Онъ думалъ, что самодержавіе, которое ввело полицію во все и вся: законодательство, управленіе, науку, церковь, школу и семью превращаетъ въ полицію, сможетъ предписывать великому народу законы его историческаго развитія. А полиція фонъ-Плеве не сумѣла даже предотвратить бомбы. Какой онъ жалкій былъ безумецъ! Не горсть смѣльчаковъ, идущихъ на вѣрную смерть, физическими своими ударами разить самодержавіе въ лицѣ его сановниковъ. Самодержавіе разить та политическая атмосфера, которая неизбѣжно рождаетъ этихъ убійцъ, и тотъ морально-политическій резонансъ, который ихъ акты находятъ въ странѣ. Чувство радости и удовлетворенія, охватывающее русское общество при извѣстии объ убійствахъ вершавшихъ его судьбы сановниковъ, конечно, указываетъ на глубокую ненормальность во всемъ положеніи общества и народа. Но гдѣ же источникъ этихъ ненормальныхъ чувствъ, какъ не въ самомъ самодержавіи?.. Выходъ изъ этого трагическаго положенія только въ томъ, чтобы болѣзненную реакцію замѣнить нормальной, чтобы, наконецъ, громко и отчетливо потребовать политическаго освобожденія». Даже умѣренная западно-европейская печать и та находила естественнымъ убійство Плеве.

Напримѣръ, консервативная *«Berliner Neueste Nachrichten»* писала, между прочимъ: «какъ сильно ни поражаетъ такое преступленіе, однако, мы не можемъ удивляться тому, что оно было совершено». Національ-либеральная *«National Zeitung»* говорила: «Если бы половину тѣхъ силъ, которая всякими Сипягиными и Плеве были истрачены на подавленіе всякаго свободнаго движенія, употребить на уходъ за такъ или иначе уже существующими теченіями, если бы были созданы условія, въ которыхъ они могли бы съ пользою развиваться, тогда никогда бы Россія не дошла до тѣхъ ужасныхъ вспышекъ, которыя теперь непрерывно слѣдуютъ одна за другой. Даже клерикальная *«Germania»* писала слѣдующее: «Въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ Россія можетъ остаться побѣдительницей только съ обновленіемъ всѣхъ внутреннихъ порядковъ подъ знаменемъ справедливости и свободы».

Англійскій консервативный *«Times»* писалъ: «Плеве довелъ самодержавную теорію и практику до такихъ предѣловъ, которые даже въ Россіи казались ненормальными. Онъ завинтилъ наглухо всѣ предохранительные клапаны, и въ концѣ концовъ міръ нисколько не удивляется, что котелъ взорвало».

Наконецъ органъ Клемансо, *«L'Aurore»* писалъ: «Безчисленныя несчастія, которыя Плеве посѣялъ, акты самовласти: уничтоженіе юстиціи, отрицаніе права, поразительное презрѣніе къ страданіямъ ближняго, воздвигли ему при жизни пьедесталъ, которому позавидовали бы Чингисханъ или Тамерланъ. И онъ это вполнѣ сознавалъ». Достаточно

и приведенныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ европейскихъ органовъ, чтобы видѣть, что Плева оцѣненъ былъ Европою также, какъ и Россією.

Но въ средѣ нашего правительства по прежнему не было ни одинаго прозорливаго государственнаго мужа, ни одинаго искренняго патріота, любящаго свою родину выше своихъ личныхъ интересовъ. И вотъ правительство, не сообразуясь съ ростомъ общественнаго самосознанія, не освѣдомленное о настроеніи страны, прибѣгаетъ къ тому же методу, который былъ уже испытанъ 24 года тому назадъ, въ 1880 году, когда Лорисъ-Меликову поручено было «выразить довѣріе обществу». Эту задачу въ 1904 году возложилъ на князя Святополкъ-Мирскаго.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣло о покушеніи 16-ти лицъ на жизнь генерала Трепова въ 1905 году.

Это выдающееся по своему интересу и характерное по своимъ подробностямъ дѣло произошло въ Петербургѣ, въ 1905 году. Составъ группы лицъ, входившихъ въ „Боевую Организацию“ былъ весьма разнообразный, и людей разныхъ положеній по воспитанію и происхожденію спаяла общая идея.

Особымъ интересомъ отличается въ этомъ дѣлѣ дѣйствіа агентовъ охраны, въ которыхъ видно и умѣніе и ловкость въ выслѣживаніи своихъ жертвъ, на что охрана положила видимо очень много умѣнія и энергіи. Съ другой стороны нельзя того же сказать про участниковъ, особенно нѣкоторыхъ, этого дѣла слишкомъ довѣрчиво, порой наивно вели они свое дѣло, результатомъ чего и было, что вся организація была арестована и разсѣяна.

9 января 1905 года утромъ въ Сестрорѣцкій курортъ пріѣхалъ съ поѣздомъ изъ Петербурга молодой человекъ, который выйдя изъ вагона III класса, имѣлъ въ рукахъ небольшой чемоданъ и связку съ подушкой, одѣяломъ и ватнымъ полупальто. Корридорный курорта Ацеуловъ предложилъ ему свои услуги отнести въ пансіонатъ его вещи. Встрѣченный въ пансіонатѣ швейцаромъ Орловскимъ, вызвавшимъ въ швейцарскую надзирательницу пансіоната г-жу Юраго, пріѣзжій выбралъ себѣ комнату. Спустя нѣсколько минутъ Орловскій понесъ къ пріѣзжему въ № курортную книгу и бланкъ полицейскаго листка для прописи самимъ постояльцемъ свѣдѣній о его личности. Предложеніе Орловскаго написать требуемыя свѣдѣнія настолько, однако, смутило пріѣзжаго, что Орловскій успѣшилъ его успокоить, предложивъ оставить ему книгу и листокъ для внесенія справки и вышеть. Черезъ 1/2 часа пріѣзжій, проходя въ паркъ, сказалъ Орловскому, что требуемыя свѣдѣнія имъ написаны и вмѣстѣ съ паспортомъ положены на столъ въ номерѣ. Орловскій пошелъ за книгой, листкомъ и паспортомъ пріѣзжаго и увидѣлъ, что послѣдній назвалъ себя полтавскимъ мѣщаниномъ и торговцемъ Захаренко. Такое несоотвѣтствіе записи съ наружнымъ видомъ пріѣзжаго возбудили въ швейцарѣ подозрѣнія, усилившіяся, когда онъ

увидѣлъ въ паспортѣ прїѣзжаго визу по гор. Двинску отъ 8-го января 1905 г., исключаящую, по его мнѣнію, возможность уѣхать 9 января утромъ быть въ Сестрорѣцкѣ. Свои подозрѣнія о нелегальности прїѣзжаго Орловскій тотчасъ сообщилъ уряднику Скорбѣ. Когда послѣдній пришелъ въ пансіонатъ, то Орловскій всѣмъ передалъ ему о своихъ наблюденіяхъ, а Ацеуловъ къ этому добавилъ, что у прїѣзжаго онъ замѣтилъ такую грязную подушку, какой ему не приходилось видѣть у обычныхъ посѣтителей курорта. За Захаренко былъ установленъ надзоръ, а вечеромъ 11 января урядникъ Скорбѣ, представляя мѣстному приставу Лидвенгаузенъ-Вольфу паспортъ Захаренко, доложилъ кромѣ того, что горничная курорта Александра Ацеулова, приготовляя Захаренко постель, усмотрѣла у него подъ подушкой пистолетъ Вольфъ, разсмотрѣвъ паспортъ Захаренко, замѣтилъ, что всѣ графы въ паспортѣ и подпись его владѣльца написаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Тогда приставъ приказалъ осмотрѣть въ время отсутствія Захаренко его вещи и Скорбѣ вмѣстѣ съ Ацеуловымъ, воспользовавшись выѣздомъ Захаренко 11 января въ Петербургъ, осмотрѣли его вещи и нашли въ нихъ личные документы на имя Бориса Маркова. Это обстоятельство окончательно убѣдило пристава Вольфа въ нелегальности Захаренко и онъ рѣшилъ арестовать послѣдняго. Ночью на 12 января урядникъ Скорбѣ доложилъ, что Захаренко намѣревается совсѣмъ уѣхать изъ курорта съ побѣдомъ, уходящимъ въ 9 часовъ 25 минутъ. Прибывъ на вокзалъ къ указанному времени съ переодѣтымъ въ штатское платье урядникомъ Семеновымъ и городовымъ Прохоровымъ, приставъ Вольфъ, при участіи урядниковъ Мамакина и Скорба арестовалъ Захаренко, въ тотъ моментъ, когда онъ, ничего не ожидая, входилъ въ вокзалъ, сопровождаемый Ацеуловымъ несшимъ его вещи. Схваченный внезапно сзади, Захаренко былъ настолько ошеломленъ, что не оказалъ никакого сопротивленія. Въ то время, когда Прохоровъ скрутилъ ему назадъ руки, Семеновъ вынулъ изъ наружнаго правого кармана его пальто оказавшейся тамъ заряженный револьверъ. Захаренко былъ немедленно сведенъ въ контору начальника станціи, гдѣ и былъ подвергнутъ личному осмотру, при чемъ въ карманахъ у него были найдены стальная обойма съ 7 боевыми патронами къ пистолету системы Браунинга, письмо, начинающееся словами „дорогой товарищъ“ и подписанное „Б. Марковъ“, паспортная книжка и другіе документы на имя Маркова. Вслѣдъ затѣмъ Захаренко былъ доставленъ подъ конвоемъ въ канцелярію Сестрорѣцкой мѣстной команды, гдѣ былъ произведенъ осмотръ его вещей. Будучи въ нервномъ состояніи, Захаренко, расхаживая здѣсь по комнатѣ, два раза громко произнесъ: „рушилось!“

Составленный приставомъ протоколъ о задержаніи и обыскѣ Захаренко послѣдній подписать отказался, но въ присутствіи свидѣтелей Мамакина и Семенова заявилъ, что письмо „дорогой товарищъ“ написано имъ. Какъ видно изъ протокола осмотра предметовъ и переписки, отобранныхъ по обыску у Захаренко,

упомянутое выше письмо оказалось слѣдующаго содержания:
„Дорогой товарищъ. Моя карьера двинулась впередъ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Завтра я иду на... Какъ видишь, Б. О. поставлена несравненно лучше той, гдѣ мнѣ пришлось работать раньше. Бомбу здѣсь мнѣ удалось получить скорѣе, чѣмъ тамъ. Здѣсь передовой кружокъ. Отсутствие проволочки свидѣтельствуешь въ пользу постановки дѣла. Ѣхать домой я раздумалъ за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, а предпринимать поѣздки для своихъ личныхъ надобностей на счетъ Б. О. я не считаю себя въ правѣ, къ тому же всѣ подготовительныя къ акту работы какъ разъ оказались законченными и поэтому я на вопросъ о моихъ личныхъ дѣлахъ отвѣтилъ, что раздѣлался съ ними. Да и что могутъ значить всѣ личныя печали по сравненію съ тѣмъ, что мнѣ пришлось пережить, отрываясь отъ только что начатой организаторской дѣятельности.... Но революціонеръ, признающій терроръ и считающій себя способнымъ на него, никакъ не можетъ не воспользоваться первымъ же случаемъ попасть въ Б. О.... Я не оставляю письма для печати... Теперь я представляю себѣ, какъ вся жизнь можетъ пройти передъ умственнымъ взоромъ въ часъ какой-нибудь и какъ можно все пересмотрѣть, взвѣсить, подвести итогъ и со всѣмъ проститься. Затѣмъ я былъ занятъ, искалъ мѣстечко для упражненія въ стрѣльбѣ и метаніи снаряда, отпарывалъ фабричныя клейма у одежды, спиливалъ №№ браунинга... Завтра я не долженъ волноваться... У тебя существуетъ предубѣжденіе, что здѣсь приходится быть пѣшкой. Совсѣмъ нѣтъ. Ни одна подробность не обсуждалась безъ меня. Я уношу съ собой твердую и непоколебимую вѣру въ васъ, дорогие друзья, во всѣхъ, вообще, товарищей по работѣ и въ рабочія массы, а слѣдовательно, и въ успѣхъ нашего великаго дѣла“.... Письмо написано: „11 янв. 1905 г. Б. Марковъ“. Пистолеть отобранннй у Маркова (Захаренко), оказался заряженнымъ 7 патронами. На одной изъ сторонъ пистолета выпарапана печатными буквами надпись: „По дѣламъ Вашимъ воздастся Вамъ“. На другой сторонѣ такая же надпись выпарапана отъ руки и затѣмъ сильно зацарапана. Номеръ пистолета совершенно спилень въ трехъ мѣстахъ. Произведенной экспертизой установлено, что изъ этого пистолета производилась стрѣльба. Въ вещахъ Захаренко оказались и двѣ обоймы къ этому пистолету, изъ которыхъ одна заполнена боевыми патронами, а другая пустая; кромѣ того найдено было шестнадцать боевыхъ патроновъ къ тому же пистолету и картонная небольшая коробка изъ подъ боевыхъ патроновъ съ 25 гнѣздами, по вложенію въ каковыя всѣхъ патроновъ, оказалось, что два боевыхъ патрона израсходованы. Это обстоятельство подтверждаетъ указаніе въ изложенномъ выше письмѣ, о томъ, что Захаренко, дѣйствительно, упражнялся въ стрѣльбѣ. Осмотромъ одежды и бѣлья на Захаренко, при задержаніи, установлено, что у пальто магазинный ярлыкъ видимо былъ отпороть, на что указываютъ нитки, которыми онъ былъ пришить. Независимо отъ упомянутыхъ предметовъ, отъ Захаренко были отобраны: а) паспортная книжка,

выданная на два года изъ Барнаульскаго уѣзднаго полицейскаго управленія 6 апрѣля 1902 года за № 10 на имя сына отставнаго коллежскаго секретаря Бориса Дмитріевича Маркова, съ видами на ней, указывающими, что паспортная эта книжка была явлена: 1) 3 февраля 1904 года за № 1224 въ канцеляріи начальника Кругобайкальскаго отдѣленія Забайкальскаго жандармскаго управленія Сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2) 18 сентября 1904 года въ г. Одессѣ по Провіантской улицѣ въ домѣ № 14 Бронштейна, 3) 22 сентября 1904 года въ г. Одессѣ по м. Арнаутской улицѣ въ домѣ № 305, 4) 27 декабря 1904 года въ г. Ялтѣ по гостинницѣ „Грандъ-Отель“. б) Паспортная книжка отъ 25 ноября 1904 года за № 4С7, выданная изъ полтавской Мѣщанской Управы полтавскому мѣщанину Константину Петрову Захаренко; на этомъ паспортѣ имѣется виза отъ 8 января 1905 года за № 3250 по дому Большой въ г. Двинскѣ; в) удостовѣреніе управленія работъ по постройкѣ Кругобайкальской желѣзной дороги отъ 28 іюля 1904 года за № 35823, на имя Маркова; 2) аттестатъ объ окончаніи образованія въ Барнаульскомъ Окружномъ Горномъ училищѣ на имя того же Маркова; метрическая справка, выданная изъ Салаирской Петро-павловской церкви 2 іюля 1894 за № 67 о рожденіи того же Маркова и т. д. Всѣ эти документы указывали на то, что личность, задержанная подъ фамиліей Захаренко, въ дѣйствительности была Борисомъ Марковымъ.

Принимая во вниманіе вышеизложенные обстоятельства, указывающія, что Захаренко былъ задержанъ въ тотъ моментъ, когда уѣзжалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ совершить террористическій актъ противъ какого-либо правительственнаго лица, какъ членъ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ, онъ былъ спрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, но не пожелалъ дать никакихъ объясненій по дѣлу и отказался подписать протоколъ. Однако, личность Маркова была съ точностью установлена дознаніемъ. Изъ показаній упомянутыхъ выше служащихъ въ Сестрорѣцкомъ пансіонатѣ и урядника Скорба, выяснилось, что Марковъ во время своего пребыванія въ пансіонатѣ ежедневно уѣзжалъ въ Петербургъ.

Кромѣ того, показаніями спрошенныхъ въ качествѣ свидѣтелей начальника Сестрорѣцкой почтово-телеграфной конторы надворн. совѣтн. Ефцихевича и служащихъ въ названной конторѣ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ Павлова и Тюля, а также купца Горшкова, приказчика въ его магазинѣ Трусова и діакона Баротинскаго установлено, что Захаренко 10 января отправилъ изъ Сестрорѣцка 2 посылки, которыя, какъ видно изъ подавательскихъ книгъ конторы, были адресованы: 1) на станцію Черемовскую Иркутской губ. на имя Маркова и 2) въ Барнаулъ, Томской губ., на имя Маркова. Осмотромъ послѣдней посылки установлено, что она была адресована Аннѣ Дмитріевнѣ Марковой и заключала 3 фотографическихъ группы, на одной изъ которыхъ имѣется портретъ Маркова, самоучитель французскаго языка и письмо, начинающееся словами: „здравствуй Агнія, Маруся.

и Сережа". Въ письмѣ этомъ разсыпаны намеки на принятія его авторомъ рѣшенія совершить какой-то важный шагъ, который измѣнитъ его нынѣшній „кочевой образъ жизни“. „О себѣ напишу что получилъ не только то, что желалъ, а даже и то, о чемъ и думать-то ни смѣлъ, о чемъ и не дерзалъ даже мечтать раньше... не потому, что кусокъ не по зубамъ, а потому, что съ величайшимъ уваженіемъ смотрѣлъ на эту вещь и не считалъ ее настолько для себя доступной... Ждите болѣе подробнаго письма. Я еще одинъ разъ напишу Вамъ объ этомъ“...

Подпись подъ этимъ письмомъ неразборчива, но похожа на Б. Марковъ. Посылка на имя штейгера Николая Дмитриевича Маркова заключала въ себѣ двѣ книги спеціальнаго содержания.

Произведеннымъ дознаніемъ установлены личности адресатовъ, которые, допрошенные по сему поводу, объяснили, что посылки эти и письма присланы имъ отъ брата ихъ Бориса Дмитриевича Маркова, котораго они признаютъ въ предъявленной имъ фотографической карточкѣ именующаго себя Захаренко. Личность Маркова установлена такъ же показаніями его сестры Маріи и отца отставнаго коллежскаго секретаря Дмитрія Маркова. Независимо отъ того, почеркъ адресовъ на упомянутыхъ посылкахъ и письмѣ „здравствуй Агнія, Маруся и Сережа“ были сличены съ почеркомъ, которымъ были написаны 9 января Захаренко на паспортномъ бланкѣ въ Сестрорѣцкомъ пансіонатѣ свѣдѣнія для полиціи и экспертизой установлена тождественность почерковъ Маркова и Захаренко. Дознаніемъ были провѣрены такъ же и паспорта, отобранные у Маркова, при его задержаніи, при чемъ оказалось: паспортъ за № 467, выданный изъ полтавской мѣщанской управы полтавскому мѣщанину К. П. Захаренко, какъ обнаружилось изъ осмотра паспортной книги полтавской мѣщанской управы за 1904 г., сличенія подлинной печати полтавскаго мѣщанскаго старосты съ оттискомъ печати на паспортѣ Захаренко, осмотра алфавита къ посемейнымъ спискамъ мѣщанъ гор. Полтавы, а также изъ показаній полтавскаго мѣщанскаго старосты Ничипоренко, оказался подложнымъ. Между тѣмъ паспортъ за № 10, выданный на имя Б. Маркова, оказался дѣйствительнымъ, что установлено телеграммой помощника начальника Томскаго губернскаго жандармскаго управленія за № 1081, показаніемъ помощника Барнаульскаго уѣзднаго исправника Данорскаго, осмотромъ книги Барнаульскаго уѣзднаго полицейскаго управленія на выдачу паспортныхъ книжекъ на 1902 г. Другія отобранные у Маркова личные документы, а именно: удостовѣреніе управленія по постройкѣ Кругобайкальской жел. дор. за № 35823, аттестатъ за № 591 объ окончаніи Барнаульскаго окружнаго горнаго училища, также оказались подлинными. Кромѣ того, инженеръ путей сообщенія Пузекинскій, у котораго подъ начальствомъ служилъ Б. Марковъ штейгеромъ и техникъ Рогаль-Левидкій, сослуживецъ Маркова, признали послѣдняго по фотографической карточкѣ, снятой съ Захаренко и при этомъ охарактеризовалъ Маркова,

какъ человека, легко поддающагося чужому вліянію, пылкаго, слабохарактернаго но любознательнаго и свободомыслящаго.

Наконецъ, дознаніемъ были провѣрены по подлинному паспорту Маркова всѣ имѣющіяся на немъ визы и установлено, что Марковъ въ августѣ 1904 г. выбылъ въ Петербургъ изъ Барнаула. 3-го февраля 1904 г. его паспортная книжка была явлена въ канцеляріи начальника кругобайкальскаго отдѣленія забайкальскаго жандармскаго управления сибирской ж. д., что удостовѣрено провѣркой по алфавиту служащихъ и проживающихъ въ районѣ отдѣленія, а 18 сент. 1904 г. паспортъ Маркова былъ уже визированъ въ Одессѣ по Провіантской улицѣ въ д. № 14, гдѣ онъ прожилъ отъ 16 до 20 сентября. По фотографической карточкѣ Захаренко-Маркова признали за своего жильца квартирохозяйка Лининецъ и дворникъ Пашчицъ; правильность же визы на паспортѣ удостовѣрена надзирателемъ Рейтманомъ и Жихаревымъ.

22 сентября паспортъ Маркова вновь визированъ въ Одессѣ, но уже по Малой Арнаутской улицѣ въ д. № 96, куда онъ прибылъ съ прежней квартиры 21 сент. и прожилъ до 24 декабря 1904 г., правильность этой визы удостовѣрена показаніемъ пристава Погребнаго, а личность Маркова—показаніемъ дворника Петренко. 27 декабря паспортъ Маркова былъ явленъ къ г. Ялтѣ по „Грандъ-Отелю“. Осмотромъ книги жильцовъ названной гостиницы за 1904 годъ установлено, что Марковъ прожилъ здѣсь отъ 26 до 28 декабря 1904 г. и отмѣтился выбывшимъ въ Барнаулъ. Правильность визы удостовѣрена сличеніемъ печати и показаніемъ подписавшаго ее Дерь-Ованесова. Личность же Маркова призналъ по карточкѣ швейцаръ Храмцовъ.

Что же касается до подложнаго паспорта на имя Захаренко, то имѣющіяся на немъ визы по гор. Двинску по провѣркѣ оказались дѣйствительными. Осмотромъ книги для пріѣзжающихъ въ „Большой гостиницѣ“ установлено, что Захаренко прибылъ туда 7 января изъ гор. Полтавы и выбылъ 8 янв. 1905 г., отмѣтившись въ Полтаву; подлинность визы установлена показаніями полицейскаго чиновника Дегтярева и пристава Курляндскаго; въ личности же Захаренко свидѣтелемъ—швейцаръ упомянутой гостиницы Камбаръ и лакей Юкумъ признанъ по фотографической карточкѣ Марковъ. Гдѣ пробылъ Марковъ съ 28 декабря 1904 г. по 6-е января 1905 г. дознаніемъ не установлено, но, во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ онъ въ 1904—1905 годахъ не проживалъ ни подъ фамиліей Маркова, ни подъ фамиліей Захаренко. Изъ сличенія почерковъ на паспортѣ Маркова, подлиннаго и составленнаго на имя Захаренко, а также письма, начинающагося словами: „Дорогой товарищъ“, оказывается, что подписи подъ упомянутыми письмами „Константинъ Захаренко“, „В. Марковъ“ и „Дорогой товарищъ“ писаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ, при чемъ, по заключенію экспертовъ, почеркъ этотъ по своему характеру вполне тождественъ съ несомнѣннымъ почеркомъ Маркова, имѣющимся въ собственноручно писанныхъ имъ и подписанныхъ заявленіяхъ.

При производствѣ дознанія по дѣлу между прочимъ выясни-

лось, что на имя Захаренко въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи сестрорѣцкаго курорта имѣется письмо, вслѣдствіе чего произведена была выемка этого письма. На его конвертѣ кромѣ адреса: Е. В. Б. Господину Захаренко. Сестрорѣцкій курортъ, гостиница при курортѣ, имѣлся почтовый штемпель: Петербургъ, 16 января 1905 г. 3 экспедиція городской почты. По вскрытіи конверта, въ немъ оказалось письмо слѣдующаго содержания: „Не откажите, пожалуйста, отобѣдать со мной въ понедѣльникъ въ 2 часа дня тамъ же, гдѣ обѣдали съ Вами въ прошлый вторникъ. Моя жена очень желала бы съ Вами познакомиться. Уважающій В. Безсоновъ. 15/1 1905 г.“ Кромѣ того о Захаренко въ сестрорѣцкомъ пансіонатѣ справлялся еще нѣкій Дормидонтовъ. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 14 января, около 5 часовъ пополудни, когда производившій дознаніе по дѣлу о Марковѣ жандармскій генераль-маіоръ Ивановъ допрашивалъ свидѣтелей въ № 45 пансіоната, въ которомъ передъ тѣмъ проживалъ Марковъ, къ пансіонату подошелъ какой-то молодой человекъ и, войдя въ швейцарскую, сталъ разсматривать висѣвшую на стѣнѣ доску, на которой отмѣчались постояльцы. Въ швейцарской въ это время находились надзирательница пансіоната Юраго и швейцары Орловскій и Васильевъ. Пришедшій, обратившись къ Юраго, сказалъ: „Здѣсь у васъ долженъ находиться г. Захаренко, а его на доскѣ нѣтъ“, и тогда Орловскій объяснилъ, что Захаренко „вчера“ уѣхалъ, то пришедшій вышелъ въ паркъ и пошелъ по направленію къ ресторану. Орловскій тотчасъ же сообщилъ о прибытіи этого молодого человека производящему дознаніе генераль-маіору Иванову, который распорядился о его задержаніи. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, управляющій меблированными комнатами „Версалѣ“, Коптевъ между прочимъ сказалъ, что минутъ за пятнадцать до явки полиціи для производства обыска въ номерѣ Дормидонтова, въ швейцарскую вошелъ господинъ лѣтъ около тридцати и спрашивалъ дома ли Дормидонтовъ. Дѣйствительно, швейцаръ въ „Версалѣ“ Митрофановъ подтвердилъ, что въ указанное выше время 15 января въ швейцарскую вошелъ господинъ лѣтъ 32-хъ, высокаго роста, безъ очковъ, съ короткими волосами на головѣ и безъ бороды, которую онъ видимо брѣлъ. Господинъ этотъ спросилъ Дормидонтова и, узнавъ отъ Митрофанова, что его нѣтъ дома, написалъ на поданной швейцаромъ почтовой бумагѣ записку, которую запечатавъ въ конвертъ и попросилъ Митрофанова передать Дормидонтову, какъ только послѣдній вернется. Оставленное въ „Версалѣ“ письмо Дормидонтову оказалось слѣдующаго содержания: „Господину Дормидонтову. Честь имѣю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что въ Акціонерное управленіе Вамъ завтра въ четвертомъ часу ходить не надо, такъ какъ и безъ просьбы желаемое Вами исполнено. Съ почтениемъ Леопольдъ Бауманъ“. Какъ видно изъ сообщенія департамента полиціи, при ликвидаціи 6-го февраля въ гор. Москвѣ группы социалистовъ-революціонеровъ въ квартирѣ арестованныхъ жены потомственнаго почетнаго гражданина Инессы Армандь и сту-

дента Вл. Армандь было отобрано конспиративное письмо, писанное тѣмъ же почеркомъ.

Существовавшіе между Басовымъ и Марковымъ конспиративныя отношенія независимы отъ того, что Басовъ былъ задержанъ, именно, въ тотъ моментъ, когда пришелъ навѣстить Маркова, подтверждаются и тѣмъ, что по сличенію почерковъ, которыми было написано письмо Маркову-Захаренко и подписанное: „В. Безсоновъ“ съ почеркомъ письма Леопольда Баумана, составленнаго для передачи Дормидонтову-Басову въ гост. „Версаль“ эксперты признали, что оба эти письма писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вскорѣ затѣмъ лицо это было обнаружено при такихъ обстоятельствахъ: въ ночь на 26 февраля 1905 г. въ гор. Петербургѣ, въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, помѣщающихся въ д. № 39—12 на улицѣ Морской и Вознесенскаго проспекта произошелъ приблизительно часа въ 4 утра взрывъ. Произведеннымъ слѣдственной властью осмотромъ мѣста взрыва обнаружено, что взрывъ произошелъ въ кв. № 10, расположенной во второмъ этажѣ, въ комнатѣ № 27. Силою взрыва въ означенномъ домѣ, по фасаду, обращенному къ Исаакіевскому скверу, во всѣхъ четырехъ этажахъ выбиты стекла въ 36 окнахъ. Прилегающая часть Вознесенскаго проспекта (панель и часть мостовой) въ безпорядкѣ завалена досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными силою взрыва изъ разрушенныхъ помѣщеній. Часть этихъ вещей перекинуло черезъ всю ширину проспекта (37 шаговъ) въ Исаакіевскій соборъ, въ которомъ на протяженіи 16 шаговъ повалило даже чугунную рѣшетку въ трехъ пролетахъ. Взрывами произвело болѣе или менѣе значительное разрушеніе въ прилегающихъ къ комнатѣ № 27 номеровъ 25, 26 и 24-мъ, въ корридорѣ, соединяющемъ эти номера, а также въ прилегающемъ къ № 27-му ресторанѣ Мишель. Замѣтныя разрушенія произвелъ взрывъ и въ меблированныхъ комнатахъ въ 3 этажѣ, расположенныхъ надъ комнатой № 27, а также въ магазинахъ, расположенныхъ въ 1-мъ этажѣ.

Номеръ 27 носилъ слѣды полного разрушенія; состоялъ онъ изъ комнаты, въ 6 аршинъ 5 вершковъ вышины, съ 2 окнами и дверью въ корридоръ. Стѣны этой комнаты оказались частью разрушенными, частью выпученными наружу. Штукатурка потолка и карнизовъ растрескалась и мѣстами обвалилась. Въ окнахъ всѣ стекла и рамы выбиты и разрушены. Подоконникъ и часть рамы окна, ближайшаго къ ресторану Мишеля, обуглены, какъ равно и обои на этомъ мѣстѣ. Въ амбразурѣ второго окна, на штукатуркѣ откосовъ и въ остаткахъ рамы имѣются выбоины, а откосъ окна забрызганъ кровью. Печка частью разрушена. Полъ комнаты сплошь покрытъ обломками деревяной перегородки, отдѣлявшей сосѣдній номеръ, штукатурки и мебели. Металлическая кровать съ двумя матрацами, стоявшая у капитальной стѣны, отдѣлявшей ресторанъ Мишеля, въ безпорядкѣ и засыпана штукатуркой; на ней въ скомканномъ видѣ лежали двѣ подушки, двѣ простыни, два байковыхъ одѣяла, № газеты «Neue Freie Presse» отъ 28 фе-

враля и книги на французскомъ языкѣ. По заявленію присутствовавшей при осмотрѣ горничной Высоцкой—у капитальной стѣны, прилегающей къ свѣтовому дворику, стояли комодъ и шкафъ, отъ которыхъ послѣ взрыва остались только обломки заднихъ стѣнъ. У капитальной стѣны, выходящей на Вознесенскій проспектъ стояли, по удостовѣренію той же горничной, письменный столъ, трюмо и этажерка, но отъ этихъ вещей не осталось даже слѣдовъ. У капитальной стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились комодъ и шкафъ, на грудѣ обломковъ досокъ и мебели, въ разстояніи одного аршина отъ стѣны, лежитъ обезображенный трупъ мужчины. Голова его, обращенная къ окнамъ, откинута назадъ, такъ что открыта шея, лицо обращено прямо къ окнамъ. Туловище лежитъ спиною книзу. Грудная полость совершенно открыта спереди, въ правой ея половинѣ ничего нѣтъ, позвоночникъ въ грудной и отчасти брюшной полости, открытъ. Въ лѣвой половинѣ грудной полости видны оба легкія. Въ связи съ головою сохранились части плечевого пояса съ прилегающими мышцами, а также руки безъ кистей и части предплечья. Брюшная полость совершенно разорвана; сердце было найдено среди обрывковъ мышцъ въ области лѣваго плечевого сустава. Правая нога съ частью таза лежитъ параллельно туловищу; на ней имѣются остатки нижняго бѣлья. Лѣвая нога съ частью тазовой кости лежитъ на разрушенной стѣнѣ, служившей перегородкой между 26 и 27 номерами. Части пальцевъ и мягкихъ частей тѣла были найдены въ Исаакіевскомъ скверѣ. Въ комнатѣ № 27 были найдены вещи, принадлежавшія погибшему при взрывѣ: иностранный паспортъ на имя великобританскаго подданнаго Артура-Генри Мюръ Макъ-Кулона и различныя предметы, составлявшіе, повидимому, части разорвавшагося снаряда. Эти послѣднія были изслѣдованы экспертомъ, который, на основаніи результатовъ изслѣдованія, далъ слѣдующее заключеніе: взорвавшійся въ № 27 мебелированныхъ комнатъ „Бристоль“, снарядъ былъ устроенъ такъ, что могъ употребляться какъ метательный снарядъ. Оболочка его была легкая, изъ жести, 0,3 мил. Разрывной зарядъ снаряда составлялъ магнезіальный динамитъ, приближающійся по силѣ къ гремучему студню, наиболѣе сильному изъ нитроглицериновыхъ препаратовъ. Взрывъ произошелъ отъ взрывчататаго вещества детонатора, помѣщеннаго въ детонаторной трубкѣ снаряда, повидимому, гремучей ртути. Самъ снарядъ могъ быть значительныхъ размѣровъ для ручнаго снаряда и допускать наполненіе зарядомъ взрывчататаго вещества въ количествѣ 4—5 фунтовъ. Надо предполагать, что изготовленіе нѣкоторыхъ частей снаряда и собираніе его производилось въ самомъ номерѣ мебелированныхъ комнатъ „Бристоль“, въ которомъ произошелъ взрывъ. Судя по неудовлетворительности изготовленія свинцовыхъ грузиковъ и пробковаго кружка съ отверстіемъ, а также по подкладыванію двухъ монетъ вмѣстѣ, взамѣнъ одной, слѣдуетъ допустить, что работа изготовленія частей детонаторной трубки и сборка ихъ велась неумѣло, а, слѣдовательно, въ собранномъ видѣ части имѣли такую слабую устойчивость, что отъ не-

сильнаго сотрясенія снаряда, могъ послѣдовать его взрывъ. Судя по многочисленности попаданій осколковъ въ амбразуру и косяки окна, у котораго стоялъ письменный столъ, а также по находженію осколковъ въ паркетѣ пола, подъ этимъ столомъ и по выбоинѣ въ полу въ этомъ мѣстѣ, надо допустить, что взрывъ снаряда произошелъ около этого окна, вслѣдствіе какого-либо толчка, который могъ быть несильнымъ. Судебно-медицинскимъ осмотромъ и вскрытіемъ остатковъ трупа человѣка, убитаго при взрывѣ и проживавшаго въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ по паспорту великобританскаго подданнаго Макъ Кулона и по заключенію эксперта установлены наружныя примѣты послѣдняго и приблизительная обстановка взрыва. Тѣло убитаго взрывомъ человѣка, принадлежитъ мужчинѣ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, приблизительно 35 лѣтъ. Личныя особенности покойнаго слѣдующія: на головѣ густые волосы, длиною до 5 сантиметровъ, темно-русые, почти чернаго цвѣта, волосы на бровяхъ, верхней губѣ и подбородкѣ рѣдкіе, жесткіе, прямые, длиною до двухъ сантиметровъ, на концѣ округленные, свѣтло-рыжеватые; широкіе и, сравнительно съ другими зубами, крупныя внутренніе верхніе рѣзцы, а также отсутствіе въ верхней челюсти малыхъ коренныхъ зубовъ, что могло быть замѣтно при болѣе значительномъ открытіи рта, напримѣръ, при смѣхѣ, зѣвотѣ и т. п. Радужныя оболочки глазъ сѣро-голубыя. Наростовъ и слѣдовъ старыхъ поврежденій или замѣненій органовъ, особенно рукъ, характерныхъ для какой-нибудь профессіи, на уцѣлѣвшихъ частяхъ тѣла не найдено. На трупѣ имѣются множественныя и обширныя поврежденія,—разрывы и отрывы важныхъ для жизни частей, съ несомнѣнными признаками прижизненнаго ихъ происхожденія въ видѣ многочисленныхъ кровоизлияній въ разрушенныхъ частяхъ; кромѣ того, на передней поверхности плечъ, на волосахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, имѣются слѣды высокой температуры, также прижизненнаго происхожденія; поэтому слѣдуетъ заключить, что смерть Макъ Кулона наступила отъ дѣйствія на тѣло силы, имѣющей одновременно свойства механическаго насилія и высокой температуры; такою силою могли быть только газы при воспламененіи взрывчататаго вещества. По находженію въ тѣлѣ покойнаго многочисленныхъ кусковъ сплавленнаго металла и пластинокъ жести, слѣдуетъ полагать, что взорвавшееся вещество имѣло форму и свойства разрывнаго снаряда. Взрывчатое вещество это обладало особою силою взрыва и сгорало не оставляя слѣдовъ самаго вещества, съ образованіемъ окиси углерода.

Судя по расположенію наиболѣе глубокихъ и обширныхъ поврежденій въ области передней поверхности туловища и на нижнемъ отдѣлѣ верхнихъ конечностей, принимая во вниманіе расположенія ожоговъ, слѣдуетъ полагать, что въ моментъ взрыва покойный былъ обращенъ ближе всего передней и нижней частью туловища къ снаряду; напримѣръ, если онъ стоялъ у стола, на которомъ разорвался снарядъ. Судя же по остаткамъ одежды на трупѣ, можно думать, что въ моментъ взрыва покойный былъ

одѣтъ только въ бѣлье. Взрывъ повидимому, произошелъ у окна и силою взрыва тѣло Макъ Кулона было брошено на противоположную капитальную стѣну и въ верхъ, гдѣ имѣются обильные слѣды крови въ видѣ мазковъ и брызгъ; оттуда, въ силу тяжести, оно упало на мѣсто, гдѣ было найдено. Смерть наступила моментально. Для выясненія личности человѣка, погибшаго при взрывѣ въ комнатѣ № 27, были провѣрены всѣ отмѣтки на паспортѣ Макъ Кулона и самый паспортъ, причемъ оказалось: департаментъ полиціи уведомилъ судебного слѣдователя, что, по полученнымъ отъ нашего посла въ Лондонѣ свѣдѣніямъ, Великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что Артуръ Мюръ Макъ Кулонъ, получившій въ октябрѣ 1904 г. заграничный паспортъ, никогда изъ Англіи не выѣзжалъ и нынѣ состоитъ актеромъ въ одномъ изъ театровъ Сѣверной Англіи, при чемъ названное министерство добавило, что полицейское слѣдствіе, по дѣлу о передачѣ имъ паспорта, производится. Затѣмъ изъ секретной телеграммы графа Бенкендорфа отъ 20-го апрѣля 1905 года видно, что фотографическое изслѣдованіе паспорта Макъ Кулона открыло, что подпись на паспортѣ не является подписью настоящаго Макъ Кулона. Министерство иностранныхъ дѣлъ не требуетъ обязательно этой подписи отъ владѣльцевъ паспорта, не имѣя на то законныхъ полномочій. Она не обязательна. Въ другой телеграммѣ отъ 16-го марта 1905 года, графъ Бенкендорфъ уведомляетъ, что согласно конфиденціальнымъ свѣдѣніямъ, паспортъ Макъ Кулона попалъ въ руки иностранца, заподозрѣннаго въ революціонныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, лицо, погибшее во время взрыва въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, не было англійскихъ подданнымъ Макъ Кулономъ.

Подтверженіе этого обстоятельства имѣется и въ показаніи нѣкоторыхъ свидѣтелей, опрошенныхъ при повѣркѣ дѣйствительности имѣющихся на паспортѣ Макъ Кулона—визъ. Изъ показаній свидѣтелей: горничной Высоцкой (въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“), ея мужа комиссіонера Высоцкаго и корридора Федорова выяснилось, что Макъ Кулонъ за нѣсколько дней до взрыва ѣздилъ на Николаевскій вокзалъ, какъ онъ объяснилъ управляющему Степанову, въ Колпино, откуда вернулся на второй или третій день. Вообще же, онъ въ своемъ номерѣ только ночевалъ, уходя изъ дому утромъ и возвращаясь довольно поздно вечеромъ. По-русски онъ говорилъ, но съ нѣкоторымъ акцентомъ. У него никто не бывалъ и никто не замѣтилъ, чтобы онъ что-нибудь приносилъ къ себѣ въ номеръ. Во время производства слѣдствія по дѣлу о взрывѣ въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, выяснилось, между прочимъ, что найденное въ вещахъ Макъ Кулона заявленіе, подписанное фамиліей Верховскаго, поданное въ публичную бібліотеку, имѣетъ по почерку сходство съ письмомъ, подписаннымъ Леопольдомъ Бауманомъ, оставленнымъ въ гостиницѣ „Версаль“ на имя Дормидонтова оказавшагося Басовымъ. Тотчасъ же были допрошены разсылный въ меблированномъ домѣ „Версаль“ Фоминъ и швейцаръ Митрофа-

новъ, которые признали по одеждѣ, фотографической карточкѣ, Фоминъ и по трупу убитаго при взрывѣ лицо, очень похожее на того, кто оставилъ письмо Дормидонтову. Принадлежность Макъ Кулону пальто, предъявлявшагося свидѣтелямъ, установлена показаніемъ портного Сниткова, чинившаго это пальто. Для прѣвѣрки этого обстоятельства была произведена экспертиза, которой установлено, что письмо на имя Захаренко-Маркова подписанное Владимиромъ Безсоновымъ, письмо на имя Дормидонтова Басова, подписанное „Леопольдъ Бауманъ“ и найденное въ вещахъ Макъ Кулона заявленіе Верховскаго, писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. При предъявленіи дознанія Басову, послѣдній, однако, заявилъ, что ему вовсе неизвѣстно, кто такой Леопольдъ Бауманъ, о равно не знаетъ и личности, жившей въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, подъ фамиліей Макъ Кулона. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ выяснено, что Марковъ, Басовъ и необнаруженное слѣдствіемъ лицо, проживавшее по паспорту Макъ Кулона, принадлежали къ одному и тому же кружку, которымъ, какъ видно изъ письма Маркова, — „Дорогой товарищъ“...—является боевая организація социалистовъ-революціонеровъ. Вслѣдъ за арестомъ Маркова и Басова, подготовленіе террористическихъ предпріятій не остановилось, причемъ видную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ погибшій во время изготовленія взрывчатаго снаряда отъ взрыва послѣдняго, человекъ, именовавшій себя Макъ Кулономъ. Въ скоромъ времени въ Петербургѣ была обнаружена и ликвидирована „боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ“, при чемъ оказалось, что нѣкоторые письма и фальшивые личные документы, найденные у указанныхъ членовъ боевой организаціи, были писаны лицомъ, жившемъ въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ подъ фамиліей Макъ Кулонъ и, наоборотъ, нѣкоторые документы, найденные у этого послѣдняго, на примѣръ телеграмма, подписанная „Louis“, были писаны обнаруженными затѣмъ членами упомянутаго общества. Въ среднихъ числахъ января 1905 года, наружное наблюденіе С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія обнаружило конспиративныя сношенія именовавшаго себя Макъ Кулономъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, изъ которыхъ только одна дочь статскаго совѣтника Татьяна Леонтьева, проживала въ столицѣ подъ своимъ именемъ, а прочіе прибыли въ Петербургъ съ фальшивыми или чужими паспортами. Въ февралѣ же мѣсяцѣ, какъ видно изъ сообщенія охраннаго отдѣленія отъ 23-го марта 1905 года за № 5313, были получены агентурныя свѣдѣнія, что группа лицъ, составляющая отдѣльную фракцію „партіи социалистовъ-революціонеровъ“, именуемую „боевой организаціей“, приготовляетъ рядъ послѣдовательныхъ террористическихъ актовъ по отношенію нѣкоторыхъ Высочайшихъ Особъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, причемъ указывалось, что въ числѣ первыхъ жертвъ „боевой организаціи“ намѣченъ генераль-губернаторъ свиты Его Величества, генераль-майоръ Треповъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, во главѣ организаціи стоитъ извѣстный революціонеръ Сергѣй Барыковъ, проживающій

незаконно въ Петербургѣ по паспорту сына чиновника Евсея Ивановича Уланова.

Наблюденіе, установленное за Сергѣемъ Барыковымъ, въ связи съ имѣвшимися агентурными указаніями, выяснило составъ и дѣятельность боевой организаціи. 21-го февраля наблюденіемъ было установлено, что С. Барыковъ вышелъ изъ квартиры въ 11¹/₂ часовъ вечера и отправился на Николаевскій вокзалъ, гдѣ его уже ожидалъ неизвѣстный господинъ лѣтъ 27, средняго роста, шатенъ, носъ съ горбинкой, бородка „буланже“, одѣтый въ черное пальто съ кенгуровымъ воротникомъ, съ черною мягкой котиковою шапкой, съ полями, впередъ немного опущенными. Какъ оказалось впоследствии, это лицо было никто иной, какъ Макъ Кулонъ, погибшій при взрывѣ въ мебелированныхъ комнатахъ „Бристоль“. Объ этой поѣздкѣ на Николаевскій вокзалъ сообщалось выше, по показаніямъ управляющаго мебелированными комнатами, Степанова и корридорнаго Федорова. Поговоривъ до второго звонка, Макъ Кулонъ простился съ Барыковымъ и ушелъ съ вокзала, а Барыковъ съ поѣздомъ, отходящимъ въ 12 часовъ 20 минутъ ночи выѣхалъ изъ С.-Петербурга. Изъ числа вошедшихъ въ наблюденіе лицъ, состоящихъ членами „боевой организаціи“, Барыковъ состоялъ особенно въ близкихъ отношеніяхъ съ проживающими въ С.-Петербургѣ Прасковьей Семеновной Волошенко, проживающей по паспорту на имя вдовы чиновника Маріи Егоровны Надеждиной и неизвѣстнымъ лицомъ, прописаннымъ по паспорту на имя минскаго мѣщанина Іосифа Іосифовича Жемайтиса, а также дочерью статскаго совѣтника Татьяной Александровной Леонтьевой. Всѣ эти лица, являясь дѣятельными организаторами террористическихъ актовъ, представляютъ собою кадръ „боевой организаціи“. При наблюденіи за Волошенко (Надеждиной) было замѣчено, что 25 февраля она вмѣстѣ съ женою Барыкова Надеждой Михайловой, по выходѣ изъ квартиры, отправилась въ Лѣтній садъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ Макъ Кулонъ и вмѣстѣ съ ними отправился въ боковую аллею сада. Волошенко и Барыкова сѣли на лавочку, а Макъ Кулонъ стоялъ передъ ними, о чемъ то разсуждая.

Часъ спустя Макъ Кулонъ, простившись съ Волошенко и Барыковой, поѣхалъ на Англійскую набережную, гдѣ встрѣтилъ Леонтьеву. Дойдя съ нею до Средняго проспекта Васильевскаго острова, они повернули обратно и, взявъ извозчика, около часа катались по кругу въ Петровскомъ паркѣ. 26-го февраля, какъ указано выше, въ 4 часа утра произошелъ взрывъ въ мебелированныхъ комнатахъ „Бристоль“. Взрывъ этотъ констатировалъ возможность совершенія террористическаго акта въ непродолжительномъ времени, въ виду чего за всѣми наблюдаемыми охраннымъ отдѣленіемъ лицами, входящими въ составъ „боевой организаціи“, было усиленно наблюденіе въ цѣляхъ немедленнаго выясненія всѣхъ членовъ названной организаціи. 13-го марта наблюденіемъ было замѣчено, что въ буфетѣ Народнаго Дома, состоялась сходка нѣкоторыхъ членовъ „боевой организаціи“. На этомъ

собрании принимали участие: Надеждина (Волошенко), Жемайтис (Шиллеровъ), Барыкова, лицо, въ которомъ охранное отдѣленіе предполагало розыскиваемого революціонера-соціалиста, Савинкова (Моисеенко), неизвестный, проживавшій по паспорту Агапова съ которымъ Волошенко имѣла 11 марта конспиративное свиданіе. Просидѣвъ въ буфетѣ около 3½ часовъ, они разошлись. Въ тотъ же день, личность, считаемая Савинковымъ (Моисеенко), выѣхала ночнымъ поѣздомъ изъ С.-Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ на ст. Вишера, гдѣ пересѣла на обратный поѣздъ и утромъ 14 марта возвратилась въ С.-Петербургъ. Точно также та же личность съ 14-го на 15-ое марта провела ночь въ поѣздѣ Варшавской желѣзной дороги. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Моисеенко остановился въ гостинницѣ „Пале-Рояль“ прописавшись по удостовѣренію Нижегородскаго Полицеймейстера на имя сына надворнаго совѣтника Александра Алексѣевича Никольскаго. 14 марта наблюдаемый Агаповъ, одѣтый извозчикомъ, выѣхалъ изъ дому и отправился на Морскую улицу, гдѣ останавливался нѣсколько разъ вблизи и около дома, въ которомъ проживаетъ С.-Петербургскій генераль-губернаторъ. Во время стоянки Агапова по Морской прошелъ Никольскій и отдалъ письмо посыльному Сидоренко, который, какъ замѣтилъ наблюдение, все время стоялъ на углу Морской и Почтамтской улицъ, обращая все вниманіе на генераль-губернаторскій поѣздъ. Получивъ письмо, Сидоренко подошелъ къ извозчику Агапову и, поговоривъ съ нимъ, они поѣхали на Алексѣевскую улицу, гдѣ противъ дома № 18 на серединѣ улицы остановились поговорили минуты двѣ и „посыльный“, не расплачиваясь, ушелъ въ домъ № 18, гдѣ, повидимому оставилъ письмо и затѣмъ возвратился на прежнее мѣсто, а извозчикъ остановился по другую сторону Мойки, наблюдая за квартирой генераль-губернатора. Въ 5 часовъ дня Агаповъ отѣхалъ, а его мѣсто занялъ товарищъ, также одѣтый извозчикомъ оказавшійся впоследствии Егорьескимъ мѣщаниномъ Григоріемъ Федотовичемъ Запольскимъ (Подвицкимъ). Въ этотъ день все наблюдение извозчиковъ было сосредоточено за выходомъ лицъ изъ генераль-губернаторскаго дома. 15-го марта извозчики и посыльный также производили наблюдение, но вниманіе ихъ было преимущественно сосредоточено на площади Маріинскаго дворца въ которомъ въ этотъ день назначено было засѣданіе комитета министровъ, а также на Фонтанкѣ возлѣ дома, гдѣ проживаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Такія данныя, полученныя агентурнымъ путемъ, въ связи съ результатами наружнаго наблюдения приводили къ несомнѣнному заключенію о готовящемся на дняхъ покушеніи на жизнь свиты Его Величества генераль-маіора Трепова и министра внутреннихъ дѣлъ гофмейстера Булыгина, а потому было признано своевременнымъ приступить къ ликвидаціи террористической группы, именуемой „боевой организаціей“ партіи социалистовъ-революціонеровъ, и 16-го марта были на улицѣ задержаны члены этой организаціи: Агаповъ, Запольскій (Подвицкій) Жемайтисъ (Шиллеровъ), Леонтьева, Волошенко (Надеждина).

Моисеенко (предполагаемый Савенковъ), Сидоренко и Барыковъ (Улановъ). Въ то же время въ Москвѣ были задержаны: жена Барыкова, проживающая по документу на имя мѣщанки Анны Михайловны Фроловой, известная по принадлежности къ той же группѣ дочь купца первой гильдіи Сура Иосифовна Эфрусса и повивальная бабка Фейга-Гея Лейбова Капъ, которая, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, предполагала держать конспиративную квартиру для членовъ „боевой организаціи“. Затѣмъ былъ арестованъ знакомый Волошенко, личный почетный гражданинъ Моисей Абрамовичъ Новомѣйскій, который, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, обѣщаль Волошенко оказывать содѣйствіе „боевой организаціи“.

Изъ осмотра нелегальной литературы, изданной партией социалистовъ-революціонеровъ и вполне характеризующей ея программу, слѣдуетъ отмѣтить взглядъ партіи на роль и значеніе такъ называемой „боевой организаціи“, къ которой принадлежало большинство изъ поименованныхъ выше обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. По взглядамъ партіи, террористическіе акты, карающіе отвѣтственныхъ виновниковъ наиболѣе возмутительныхъ проявленій правительственнаго произвола и насилія,—говорится въ одной изъ подпольныхъ брошюръ, воспроизведенной мимеографическимъ способомъ съ рукописи и заключающей изложеніе программы партіи социалистовъ-революціонеровъ,—представляютъ собою необходимыя средства самообороны. Во избѣжаніе перехода террористической борьбы во власть случайности, въ видахъ успѣха, въ интересахъ цѣлесообразнаго выбора момента и цѣли, во избѣжаніе злоупотребленія этимъ средствомъ борьбы, наконецъ, во избѣжаніе отвлеченія силъ, необходимыхъ въ другихъ отрасляхъ революціонной работы, партія социалистовъ-революціонеровъ считаетъ цѣлесообразнымъ террористическую борьбу возложить на специальную, строго обособленную боевую организацію. Конечною задачею партіи социаль-революціонеровъ является: „слить движенія разрозненныхъ элементовъ освободительной борьбы въ одинъ общій, единый революціонный потокъ, который своимъ девятымъ валомъ снесетъ, наконецъ, плотину самодержавнаго деспотизма и откроетъ широкую дорогу социальному возрожденію нынѣ скованной, обезсиленной, истощенной и ограбленной трудовой Россіи. Въ лицѣ самодержавія социалистическое движеніе столкнулось съ препятствіемъ, котораго нельзя обойти, но только можно сломить, въ виду чего партія социаль-революціонеровъ смотритъ на борьбу съ самодержавіемъ, какъ на неотложную задачу своей социально-революціонной программы.“ Пунктъ о террорѣ—говорится въ № 3 „Революціонной Россіи“ долженъ и можетъ войти въ общую программу партіи... признавая неизбежность и цѣлесообразность террористической борьбы, партія оставляетъ за собою право приступить къ ней... когда она признаетъ это возможнымъ. Согласно рѣшенію партіи,—говорится въ статьѣ „Террористическій элементъ въ нашей программѣ“,—изъ нея выдѣлилась специальная боевая организація, принимающая на себя, на началахъ строгой конспираціи и раздѣленія труда, исключительно дѣятельность дезорга-

низационную и террористическую. Эта боевая организация получает от партии, через посредство ее центра, общія директивы относительно выбора времени для начала и остановки военных дѣйствій и относительно круга лицъ, противъ которыхъ эти дѣйствія направляются. Во всемъ остальномъ она надѣлена самыми широкими полномочіями и полной самостоятельностью. Она связана съ партией только посредствомъ центра и совершенно отдѣлена отъ мѣстныхъ комитетовъ. Она имѣетъ вполне обособленную организацию, особый личный составъ, по условіямъ самой работы, конечно, крайне немногочисленный, отдѣльную кассу, отдѣльные источники средствъ. Эта боевая организация беретъ всецѣло на себя роль охранительнаго отряда, освобождая мѣстные комитеты партии отъ обязанности отвлекаться отъ своего главнаго дѣла, для самозащиты и обузданія насильниковъ.

Обрисовавъ такимъ образомъ роль и значеніе террора и участіе боевой организации, исполняющей террористическіе акты, партия революціонеровъ опредѣляетъ значеніе такихъ террористическихъ актовъ боевой организации, какъ убійство министра Сипягина, покушеніе на жизнь князя Оболенскаго и т. д. Виновники этихъ террористическихъ актовъ боевой организации были уже суждены и къ настоящему дѣлу приложены приговоры: 1) о сынѣ купца Егорѣ Сергѣевѣ Сазоновѣ и мѣщанинѣ Шимелѣ Лейбѣ Вульфовѣ Сикорскомъ, обвинявшихся въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве, 2) о Варшавскомъ мѣщанинѣ Иванѣ Платоновѣ Калевѣ, обвинявшемся въ убійствѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича 3) о дворянинѣ Степанѣ Валерьяновичѣ Балмашевѣ, обвинявшемся въ убійствѣ егермейстера Сипягина и 4) о происходящемъ изъ мѣщанъ города Шавли провизорѣ Гершѣ Ицковичѣ Гершуни, мѣщанинѣ Михаилѣ Михайловичѣ Мельниковѣ и др. обвинявшихся въ принадлежности къ боевой организации и другихъ государственныхъ преступленіяхъ.

Указанныя выше свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности боевой организации, ликвидированной 16-го марта 1905 года, были получены главнымъ образомъ отъ филеровъ С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія. Спрошенные на дознаніи, они показали слѣдующее: полицейскій надзиратель Гурьяновъ и городской Жйдинъ, что въ 11 ч. 30 м. утра 21-го февраля Сергѣй Барыковъ, за которымъ онъ наблюдалъ, вышелъ изъ своей квартиры, а за нимъ номерной несъ два небольшихъ чемодана. Сѣвъ на извозчика, Барыковъ поѣхалъ съ вещами на Николаевскій вокзалъ, гдѣ въ залѣ I класса встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ по описанію слѣдуетъ признать именующаго себя Макъ-Кулономъ. Переговоривъ около 1/2 часа, они ко второму звонку вышли на перронъ, гдѣ распростались. Барыковъ сѣлъ въ вагонъ II кл. и доѣхалъ до Твери, гдѣ слѣзъ съ поѣзда и на хорошемъ извозчикѣ уѣхалъ. Вернулся онъ на вокзалъ въ 1 1/2 часа ночи того же дня и поѣхалъ въ Москву, гдѣ 22 февраля за нимъ наблюдало московское охранное отдѣленіе. Какъ видно изъ дневника и показанія агента Губанова, Барыковъ посѣщалъ въ Москвѣ разныхъ лицъ (Пере-

верзева, Петлина, Ростовцева), извѣстныхъ департаменту полиціи вслѣдствіе ихъ противоправительственной дѣятельности, а 24 февраля выѣхалъ въ Петербургъ. 25 февраля полицейскій надзиратель Горбатенковъ, наблюдая съ 10 ч. утра за обвиняемой Волошенко, видѣлъ какъ она вышла вмѣстѣ съ Барыковой изъ своей квартиры (Садовая 9) причемъ Барыкова вышла на улицу на 10 мин. раньше Волошенко и соединились онѣ лишь на углу Инженерной и Садовой, откуда вмѣстѣ отправились въ Лѣтній садъ, гдѣ на средней аллеѣ къ нимъ подошелъ невыясненный дознаніемъ мужчина лѣтъ 50, блондинъ, съ легкою просѣдью, съ подстриженной бородкой безъ очковъ. Черезъ 10 м. къ нимъ подошелъ второй господинъ, который по примѣтамъ былъ, повидимому, Макъ-Кулонъ. Всѣ они отправились къ аллеѣ, идущей параллельно рѣкѣ Фонтанкѣ. Дойдя до домика Петра I, они, за исключеніемъ Макъ-Кулона, сѣли на скамейку, а Макъ-Кулонъ сталъ передъ ними и что-то имъ говорилъ, сильно жестикулируя руками. Такъ они просидѣли около часу, послѣ чего всѣ направились къ выходу, ведущему къ Инженерному мосту.

Макъ-Кулонъ распрощался со всѣми и уѣхалъ на извозчикѣ въ ресторанъ Максимова (Садовая 14), гдѣ его наблюдали агенты Петровъ, Шагиновъ и Гурьевъ. Минуть черезъ 40 Макъ-Кулонъ вышелъ изъ ресторана и поѣхалъ на извозчикѣ на Англійскую Набережную, гдѣ, отпустивъ извозчика, онъ, перейдя рѣку, подошелъ къ поджидавшей его Леонтьевой. Поздоровавшись съ нею за руку, они пошли вдвоемъ по шестой линіи Васильевского Острова, послѣ чего, взявъ извозчика, поѣхали въ Петровский паркъ, гдѣ катались по кругу шагомъ около часа, а затѣмъ, быстро спустившись къ Невѣ, скрылись отъ наблюденія. Тѣмъ временемъ, Волошенко, Барыкова и пожилой господинъ вновь воротились въ Лѣтній садъ, который прошли весь и вышли на набережную Невы у часовни, откуда повернули къ Литейному. Пройдя Прачешный мостъ, они свернули направо и пошли по другому берегу Фонтанки, но, не доходя Сергіевской улицы, разстались и сѣли на 2-хъ извозчиковъ: Волошенко и Барыкова на одного, а пожилой господинъ на другого. Ночью въ этотъ день, какъ уже было выше указано, въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ произошелъ взрывъ, при которомъ погибъ Макъ-Кулонъ. 26 февраля въ 10 приблизительно часовъ утра, Волошенко вмѣстѣ съ Барыковой и упомянутымъ выше пожилымъ господиномъ уже сидѣли на скамейкѣ на главной аллеѣ въ Лѣтнемъ Саду, недалеко отъ выхода на рѣку Неву. За ними стали наблюдать агенты Горбатенковъ и Гурьевъ. Минуть черезъ 10—15 къ нимъ подошелъ какой-то господинъ, послѣ чего они вскорѣ встали и разошлись. Волошенко съ пожилымъ господиномъ поѣхала на Каменноостровскій въ домъ № 24, откуда часа чрезъ 2 Волошенко, уже одна, поѣхала къ Лѣтнему саду; здѣсь, встрѣтившись съ Барыковой, поѣхали вдвоемъ сперва въ одинъ изъ домовъ по 11 линіи Васильевского Острова и, выйдя оттуда часа черезъ 2, взяли вейку и поѣхали къ Народному Дому, гдѣ около часу кого-то поджидали. Отъ На-

роднаго Дома онѣ поѣхали къ Академіи Художествъ, гдѣ и были утеряны наблюдениемъ. На слѣдующій день 27 февраля Волошенко, Барыкова и упоминавшійся уже пожилой господинъ опять встрѣтились въ Лѣтнемъ Саду, откуда приблизительно въ 11 ч. дня Волошенко и Барыковъ вышли и стали прощаться, при чемъ Волошенко перекрестила и поцѣловала Барыкову, послѣ чего послѣдняя поѣхала на Пушкинскую улицу въ „Пале-Рояль“. Въ 11 ч. вечера Барыкова вышла оттуда съ вещами и поѣхала на Николаевскій вокзалъ, откуда въ Тверь. Въ Твери Барыкова прожила въ Центральной Гостиницѣ до 2 марта, нѣсколько разъ прѣзжая за это время на Почтамскую площадь къ зданію тверской губернской Земской Управы, гдѣ она, видимо, кого-то поджидала. 2-го марта, ночью, Барыкова выѣхала въ Москву, гдѣ сѣвъ на трамвай, поѣхала сперва въ Сокольники и, пересѣвъ тамъ въ городскія сани, поѣхала въ Богородскъ. Въ Богородскѣ она вошла въ ворота фабрики „Товарищество Резиновой Мануфактуры“, откуда черезъ 2 часа вышла съ Сурой Эфрусси. Обѣ эти женщины поѣхали на Николаевскій вокзалъ, имѣя при себѣ сверточекъ, въ видѣ ящика вершка 4 длины и ширины и вершка 2 вышиною. Въ этотъ день Барыкова съ Эфрусси побывали въ нѣсколькихъ домахъ, посѣщая разныхъ лицъ. 4-го марта Барыкова съ тѣмъ же сверткомъ опять поѣхала на фабрику резиновой мануфактуры, откуда, вскорѣ послѣ ея прибытія, вышла Эфрусси и куда-то уѣхала на извозчикъ; Барыкова же, пробывъ на фабрикѣ еще около 3-хъ часовъ, поѣхала на Николаевскій вокзалъ, а затѣмъ взявъ свои вещи, на Нижегородскій и съ почтовымъ поѣздомъ уѣхала въ Нижній Новгородъ. 6-го марта Барыкова выѣхала изъ Нижняго Новгорода обратно въ Москву, куда и прибыла 7-го марта, а черезъ часъ выѣхала въ Тулу и Самару. Въ Самарѣ она 10 марта посѣтила контору Самарской Газеты. 13 марта Барыкова выѣхала изъ Самары въ Рязань, откуда поѣхала въ Москву, куда и прѣехала 15-го марта. Прямо съ Рязанскаго вокзала она поѣхала на фабрику резиновой мануфактуры, откуда вышла съ Эфрусси и поѣхали вмѣстѣ въ городъ. 16 марта Барыкова вновь встрѣтилась съ Эфрусси въ домѣ Коровина, послѣ чего онѣ сдѣлали въ городѣ нѣсколько закупокъ. Во время отсутствія Барыковой изъ Москвы, а именно 10-го марта, агентъ Мѣшковъ наблюдалъ свиданіе Эфрусси съ Шиллеровымъ въ кофейной Филиппова на Тверской.

Когда Эфрусси вошла въ кофейную, Шиллеровъ ее уже тамъ поджидалъ. Они вмѣстѣ вышли затѣмъ отъ Филиппова и дошли до Камергерскаго переулка, гдѣ разстались. 17-го марта Барыкова и Эфрусси были одновременно арестованы на улицѣ. Тѣмъ временемъ наблюдение за оставшимися въ Петербургѣ участниками боевой организаціи, продолжалось. 28 февраля, т. е. черезъ сутки послѣ прощанія съ Барыковой у Лѣтняго сада, агенты Вавилинъ и Гурьяновъ наблюдали Волошенко, когда она въ 1½ ч. дня, изъ своей квартиры (Садовая, 9) вышла и поѣхала на извозчикъ къ Столярному переулку д. № 6, гдѣ въ то время жили

Кацъ и Новомѣйскій, откуда черезъ 20 минутъ воротилась домой. Второй разъ Волошенко вышла изъ дому въ 2 ч. 40 м. дня и поѣхала въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, а затѣмъ въ нѣкоторые другіе дома въ разныхъ частяхъ города. 1 марта Волошенко вышла уже изъ новой своей квартиры (по Столярному 6, тамъ же, гдѣ проживали обвиняемые Кацъ и Новомѣйскій) и поѣхала сперва въ Клиническій институтъ по Кировочной, а затѣмъ къ Лѣтнему саду, въ который вошла со стороны Невы. Едва она туда вошла, какъ къ ней подошла Леонтьева, съ которой онѣ въ продолженіе не менѣе часа гуляли по боковой аллеѣ, послѣ сего онѣ вышли на набережную Невы и у Лебяжьего моста разошлись по домамъ. 3-го марта Волошенко тоже не надолго выходила изъ дому. 4-го марта Волошенко въ полдень пошла въ Гостинный дворъ, откуда прошла по Казанской улицѣ и у Демидова переулка встрѣтилась съ Новомѣйскимъ. Поговоривъ съ нимъ 5 минутъ, Волошенко пошла домой, а Новомѣйскій пошелъ въ лабораторію министерства финансовъ. Въ 3 часа дня Волошенко вновь вышла и отправилась на извозчикъ на шестую линію, гдѣ, сойдя съ извозчика, стала кого-то поджидать, засматривая въ окна магазиновъ. Въ это время мимо нея прошла Леонтьева, какъ бы не обративъ на нее вниманія. Волошенко же взглянувъ ей вслѣдъ, сейчасъ же пошла за нею. Вскорѣ Леонтьева повернула назадъ и онѣ, встрѣтившись, поздоровались за руку и пошли вмѣстѣ по направленію къ Невѣ, послѣ чего, нанявъ извозчика, поѣхали въ Петровский паркъ. 5 марта Волошенко вышла изъ дому около 11³/₄ дня, отправилась въ Гостинный дворъ и стала его обходить, кого-то ожидая. Наконецъ, она встрѣтила обвиняемую Кацъ и долго гуляла съ нею по Думской улицѣ. Минутъ черезъ 20 онѣ пошли къ Казанскому собору. Вечеромъ Волошенко опять выходила изъ дому, имѣя какой-то свертокъ въ видѣ двухъ апельсинавъ; на этотъ разъ она имѣла въ Гостинномъ дворѣ свиданіе съ какой-то невыясненной дознаніемъ барышней. Въ этотъ же день, 5 марта, изъ дому въ которомъ жили Волошенко, Кацъ и Новомѣйскій (Столярный 6), послѣдній выѣхалъ съ вещами на Николаевскій вокзалъ, заѣхавъ попутно на Садовую въ д. № 1. На вокзалѣ онѣ передалъ на храненіе свои вещи багажному кондуктору, приказавъ обращаться съ ними осторожно, т. к. тамъ хрустальные вещи. Съ вокзала онѣ поѣхалъ сперва въ этнографическій музей по Таможенному переулку, затѣмъ на Невскій, гдѣ сталъ осматривать квартиры. Въ первомъ часу ночи взялъ на вокзалѣ свои вещи и поѣхалъ въ д. № 29 на углу Фонтанки и Невскаго, гдѣ и поселился въ меблиров. комнатахъ „Дюментонъ“. 6 марта Волошенко, около 1 часа дня, поѣхала на извозчикъ къ дому № 48-23 на углу Средняго проспекта и 12 линіи, въ который и вошла, а черезъ нѣкоторое время туда же пришелъ и С. Барыковъ. 8 марта агентъ Петровъ наблюдалъ Барыкова и видѣлъ, какъ онѣ вошелъ въ д. № 22 24 по Крюкову каналу. Черезъ 1¹/₄ ч. онѣ поѣхалъ къ Румянцевскому скверу, гдѣ отпустилъ извозчика. Въ это время сюда же подошла и Леонтьева, но они не показали

даже вида, что знакомы другъ съ другомъ. Барыковъ прошесть на 5 линію и встрѣтилъ тамъ Волошенку, поздоровался съ нею и они вдвоемъ пошли по направленію къ Невѣ. По дорогѣ имъ встрѣтился молодой человекъ лѣтъ 30-ти и они уже втроемъ пошли къ набережной. Здѣсь Барыковъ, не прощаясь съ ними, отсталъ. Сѣлъ на электрической трамвай и уѣхалъ, а Волошенку продолжала разговаривать съ упомянутымъ господиномъ.

Впродолженіе всего времени ихъ свиданія на 4 линіи Леопольда ходила противъ нихъ по 5 линіи, смотрѣла на нихъ и какъ бы желала оградить ихъ своимъ присутствіемъ отъ наблюденія. 9 марта Волошенку въ 11½ ч. дня изъ своей квартиры отправилась въ Гостинный дворъ, гдѣ на углу Невскаго и Садовой имѣла свиданіе съ Кацъ, съ которой около 40 м. просидѣла въ боковомъ проходѣ на лавочкѣ. Вечеромъ уже Волошенку вновь поѣхала въ тотъ же домъ по 12 линіи, гдѣ 6 марта имѣла, повидимому, свиданіе съ Барыковымъ. Кацъ же отправилась искать себѣ квартиру. 10 марта Волошенку, въ 1½ ч. дня, поѣхала къ Александровскому саду и, рассчитавъ извозчика, стала тамъ кого-то дожидать. Встрѣтившись съ Барыковымъ, они поѣхали въ кухню-стерекую обѣдать, затѣмъ въ теченіе цѣлаго часа прогуливались, послѣ чего поѣхали въ Перинную линію, гдѣ купили одѣяло, подушку и простыню. Поѣхавъ далѣе, они на углу Садовой и Чернышева переулка разстались. 11 марта Волошенку, выйдя изъ своей квартиры (Столярный, 6), прошла къ Казанскому собору, гдѣ, гуляя между колоннами собора, кого-то поджидала, но, не дождавшись, уѣхала. Около 4 ч. пополудни Волошенку въ Зеркальной линіи Гостиннаго двора встрѣтилась съ Барыковымъ и, сдѣлавъ съ нимъ нѣкоторыя покупки, прошли до Александровскаго сада, гдѣ разошлись. Волошенку отсюда поѣхала на извозчикѣ къ Зоологическому саду и, отпустивъ извозчика, пошла по Александровскому парку. Недалеко отъ Народнаго Дома она встрѣтила Подновскаго, съ которымъ отправилась къ катку Народнаго дома. Здѣсь она оставила Подновскаго и направилась къ Агапову, стоявшему у входа на катокъ. Агаповъ былъ одѣтъ въ ватную куртку, высокіе русскіе сапоги и барашковую конусомъ шапку. Поговоривъ о чемъ-то съ минутой, они пошли на заднюю дорогу Зоологическаго сада, причемъ Подновскій послѣдовалъ за ними шагахъ въ 10, а затѣмъ—подошелъ къ нимъ. Здѣсь они гуляли около часа и Волошенку передала Агапову деньги. Наконецъ, они всѣ трое, вышли задней алеей сада; Агаповъ на электрической конкѣ уѣхалъ къ Невскому, а Волошенку съ Подновскимъ, взявъ извозчика, поѣхали на Невскій къ кондитерской Андреева, гдѣ Подновскій слѣзъ съ извозчика, а Волошенку поѣхала домой. Въ кондитерской Подновскій имѣлъ свиданіе съ какимъ-то, невыясненнымъ дознаніемъ, господиномъ, съ которымъ, выйдя изъ кондитерской, они направились къ мебелированнымъ комнатамъ „Бристоль“, въ которыхъ еще не были вставлены разбитыя взрывомъ оконныя стекла. Проходя мимо „Бристоль“ Подновскій нѣсколько разъ кивалъ по направленію мѣста взрыва головой и показывать

глазами. 12-го марта Волошенко въ 11^{1/2} утра направилась въ Казанскій соборъ. Въ соборѣ она подошла сперва къ свѣчному ящику, а потомъ къ просфорному столу и, вставъ затѣмъ около западныхъ дверей, стала молиться. Въ это время къ ней подошелъ Шиллеровъ, только-что прибывшій, поздоровался съ ней и сталъ съ нею разговаривать. Минуть черезъ 20 они вышли изъ собора и долго гуляли по различнымъ улицамъ, заходя по дорогѣ въ паштетную на Литейной, а затѣмъ разстались и возвратились домой: Волошенко на свою квартиру въ Столярный 6, а Шиллеровъ въ Балабинскую гостиницу. Въ этотъ самый день С. Барыковъ переѣхалъ изъ д. № 57 по Литейному на новую квартиру по Гороховой, № 64. 13 марта Волошенко, около 2 ч. дня, проходя по Крюкову каналу, стала часто оглядываться, кого-то высматривая. Выйдя по Никольскому переулку къ углу Екатерингофскаго проспекта, она встрѣтилась съ Моисеенко, который ее, видимо, поджидалъ. Они поздоровались, послѣ чего Волошенко взяла Моисеенко, какъ близкаго человѣка, правой рукой за лѣвую, и такъ они прошли черезъ Поцѣлуевъ мостъ, Александровскій садъ на Гороховую въ кухмистерскую. Минуть черезъ 50 они по набережной Мойки, черезъ Цѣпной мостъ, вышли на Пантелеймоновскую къ зданію департамента полиціи; проходя мимо этого зданія они, внимательно заглянули во дворъ. Послѣ этого они вышли на Литейный и на углу Кирочной остановились. Здѣсь Моисеенко, вынувъ портмоне, передалъ Волошенко деньги, послѣ чего они распрощались. Моисеенко, нанявъ извозчика поѣхалъ въ Народный Домъ, а Волошенко первоначально заѣхала на Сергіевскую, а затѣмъ также въ Народный Домъ. Въ этотъ же день Барыковъ въ 1 часу дня ѣздилъ въ Александро-Невскую Лавру и кого-то тамъ поджидалъ, но, не дождавшись, вернулся; затѣмъ въ чайной на Знаменской имѣлъ свиданіе съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, послѣ чего также отправился въ Народный Домъ. Кромѣ названныхъ лицъ, въ это утро подъ наблюденіемъ находился и Шиллеровъ. Выйдя въ 9 ч. утра, онъ зашелъ въ кофейную „Парижъ“ подъ Пассажемъ, откуда направился къ департаменту полиціи, остановившись у новаго, взамѣнъ Пантелеймоновскаго моста, сталъ внимательно смотрѣть на департаментъ полиціи. Простоявъ т. обр. около 1/4 часа, Шиллеровъ перешелъ къ старому Пантелеймоновскому мосту, откуда опять въ продолженіе пяти минутъ смотрѣлъ на д-тъ полиціи. Затѣмъ онъ перешелъ Пантелеймоновскій мостъ и, обойдя Инженерный Замокъ, вышелъ къ Фонтанкѣ и опять сталъ смотрѣть на д-тъ полиціи. Простоявъ съ 1/4 часа, онъ пошелъ къ Симеоновскому мосту, перешелъ Фонтанку и по набережной прошелъ мимо д-та полиціи; затѣмъ, остановившись у новаго моста, сталъ слѣдить за проезжающими каретами. Направившись затѣмъ по Пантелеймоновской улицѣ, Шиллеровъ вошелъ въ ворота дома д-та полиціи, прошелъ навѣсь, гдѣ стояли курьерскія департаментскія лошади. Наблюдавшій за нимъ агентъ Сергѣевъ, боясь, не задумалъ ли онъ чего-либо противъ самого зданія д-та полиціи,

бросился въ д—ть предупредить. Тѣмъ временемъ Шиллеровъ скрылся и былъ вновь замѣченъ уже на Невскомъ проспектѣ. Приѣхавъ къ Народному дому, Волошенко сперва встрѣтила тамъ Агапова, потомъ Шиллерова и, наконецъ, Барыкова. Всѣ они при встрѣчѣ поздоровались другъ съ другомъ, а затѣмъ направились въ ту часть Народнаго Дома, гдѣ находился буфетъ, и заняли въ ближнемъ отъ него углу столикъ. Черезъ часъ послѣ того, какъ они усѣлись, Агаповъ, поднявшись изъ-за стола, направился на-лѣво къ вѣшалкѣ и тутъ вскорѣ встрѣтилъ Моисеенко, который, раздѣвшись, пошелъ съ нимъ въ верхнюю галлерею, гдѣ они проходили около 20 минутъ. Возвращаясь обратно, они продолжали разговаривать, и агенту Вавилину удалось услышать, какъ Моисеенко сказалъ Агапову:— „Нужно помнить губернію, деревню, имя, отчество и фамилію“. Моисеенко съ Агаповымъ направились къ сидѣвшимъ за столомъ Волошенко, Барыкову и Шиллерову, къ которымъ и присоединились. Это конспиративное собраніе о чемъ-то серьезно совѣщалось и продолжалось до 10 ч. 40 м. вечера когда Волошенко, Барыковъ и Шиллеровъ встали изъ-за стола и вышли изъ Народнаго Дома и всѣ втроемъ направились къ Биржевому мосту. Но вскорѣ разстались. Волошенко, прощаясь, что-то передала Шиллерову, который поѣхалъ съ Барыковымъ до угла Невскаго и Литейной, гдѣ они распрощались и Шиллеровъ поѣхалъ къ себѣ въ Балабинскую гостиницу. Въ 11 ч. 10 м. ночи изъ Народ. Дома вышелъ Моисеенко, а слѣдомъ за нимъ Агаповъ, показывая видъ, что они другъ друга не знаютъ. Моисеенко, выбравъ лучшаго извозчика, поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ и съ поѣздомъ, отходящимъ въ 12¹/₂ ч. ночи, уѣхалъ на ст. М. Вишера, гдѣ пересѣлъ въ ярославскій поѣздъ и возвратился 14 марта въ 9 ч. утра въ Петербургъ, проведя т. обр. ночь въ поѣздѣ. Приѣхавъ въ Петербургъ, Моисеенко пошелъ пѣшкомъ по Невскому и Литейному, заходя по дорогѣ въ кофейную и парикмахерскую. Въ кондитерской „Парижъ“ подъ Пассажемъ онъ встрѣтился съ Шиллеровымъ и съ невыясненной дознаніемъ барышней, съ которой направился по Невскому и Морской. Проходя мимо мебелированныхъ комнатъ „Бристоль“, Моисеенко, видимо, показывалъ своей спутницѣ тѣ окна, которыя были разбиты взрывомъ 22 февраля.

Посмотрѣвъ на окна „Бристоль“, они дошли до Морской, до начала дома № 61, въ которомъ квартируетъ генераль-губернаторъ, затѣмъ повернули назадъ и, перейдя Почтамтскій переулокъ, подошли къ стоявшему здѣсь Сидоренко, переодѣтому посыльнымъ. Барышня прошла дальше и стала ходить взадъ и впередъ, а Моисеенко минутъ 5 разговаривалъ съ Сидоренко, о чемъ-то смѣясь. При расставаніи съ посыльнымъ (Сидоренко), Моисеенко передалъ ему что-то вродѣ книжечки, завернутой въ бумажный конвертъ. Затѣмъ Моисеенко съ барышней поѣхали сперва на Петербургскую сторону въ ресторанъ „Яръ“. Въ 10 ч. вечера Моисеенко приѣхалъ уже одинъ на Варшавскій вокзалъ и, взявъ билетъ II класса, поѣхалъ въ Псковъ, откуда черезъ 1¹/₂ часа

возвратился съ первымъ же поѣздомъ въ С.-Петербургъ, проведя такимъ образомъ, и вторую ночь въ поѣздѣ. Приѣхавъ въ 9^{1/2} часовъ утра 15 марта, онъ на извозчикѣ, взявъ хранившіяся съ 13 марта у носильщика вещи, поѣхалъ въ меблированныя комнаты „Пале-Рояль“ на Пушкинскую. Въ 9 часовъ вечера онъ былъ въ ресторанѣ „Квисисана“, откуда вышелъ съ какою то барышней и на лихачѣ уѣхалъ съ нею на Острова. Послѣ конспиративнаго свиданія обвиняемыхъ въ Народномъ Домѣ, и въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ, очевидно выслѣживали кого-то около дома генераль-губернатора и департамента полиціи, за ними было усилено наблюденіе. 14 марта С. Барыковъ, выйдя изъ своей квартиры въ 10^{1/2} часовъ утра, отправился въ Румянцевскій скверъ, гдѣ кого-то поджидалъ, безпрестанно свѣряясь съ часами. Затѣмъ на электрическомъ трамваѣ онъ переѣхалъ Неву и отправился къ Главному Почтамту, гдѣ отослалъ переводомъ кому-то деньги. Около 6 часовъ вечера онъ опять вышелъ изъ дому и на Садовой около Пажескаго корпуса имѣлъ свиданіе съ Шиллеровымъ, съ которымъ ходили къ одному изъ домовъ по Поварскому переулку. 14 и 15 марта было произведено наблюденіе и за Новомѣйскимъ, который оба эти дня посѣщалъ въ различныхъ частяхъ города неустановленныхъ дознаніемъ лицъ, а въ 7 часовъ вечера 15 марта поѣхалъ съ вещами на Николаевскій вокзалъ, намѣреваясь уѣхать, но тамъ былъ арестованъ. Шиллеровъ 15 марта вышелъ изъ Балабинской гостиницы около 11 ч. дня и пошелъ въ кондитерскую „Парижъ“ у Пассажа, гдѣ онъ встрѣтился, какъ уже было выше указано, съ Моисеенко. Пробывъ всего около 5 минутъ въ кондитерской, Шиллеровъ отправился домой.

Около 6 ч. онъ поѣхалъ на извозчикѣ къ Гостиному двору, откуда, направившись къ Пажескому корпусу, имѣлъ свиданіе съ Моисеенко, побывавъ съ которымъ въ различныхъ домахъ и частяхъ, воротился домой. 15 марта Шиллеровъ, выйдя изъ дому въ 11-мъ часу дня пошелъ въ кондитерскую на углу Невскаго и Троицкаго проспектовъ и сталъ тамъ кого-то ожидать, сидя за столикомъ. Черезъ ¹/₂ часа сюда же пришелъ Моисеенко, съ которымъ Шиллеровъ провелъ за кофе около ¹/₂ часа. Послѣ этого они вышли вдвоемъ и пошли къ Лѣтнему саду, а затѣмъ по Фонтанкѣ (по лѣвой сторонѣ) къ подъѣзду министра внутреннихъ дѣлъ. Въ это время у подъѣзда стояла карета министра. Шиллеровъ и Моисеенко заглянули черезъ лѣвое стекло кареты въ ея глубь. Это было въ 12 ч. 15 м. дня. Пройдя мимо кареты, они направились къ Симеоновскому мосту, перешли его и, повернувъ направо, прошли мимо цирка по Фонтанкѣ, обращая все время вниманіе на карету министра, которая продолжала стоять по-прежнему у подъѣзда. По Фонтанкѣ они дошли до Лѣтняго сада, затѣмъ повернули налѣво, прошли Марсово поле и по Малой Коюшешной, Невскому и Мойкѣ, вышли къ зданію Государственнаго Совѣта. Пройдя мимо него, они, по Вознесенскому проспекту, Максимилиановской и черезъ Прачешный переулокъ вышли на Мойку и черезъ пѣшеходный мостикъ направились по Морской

мимо дома генераль-губернатора, а затѣмъ прошли на Конно-Гвардейскій бульварь, гдѣ разстались. Шиллеровъ поѣхалъ на Васильевскій островъ, а Моисеенко, сперва на конкѣ, а затѣмъ пѣшкомъ прошелъ къ Лебяжьей Канавкѣ, гдѣ сталъ прохаживаться, кого-то поджидая. Несмотря на большой дождь, онъ прождать здѣсь около 2 часовъ, а затѣмъ пошелъ по направленію къ Пантелеймоновскому мосту и тутъ, не доходя до Лѣтняго сада, встрѣтилъ Леонтьеву. Съ Леонтьевой Моисеенко, несмотря на дождь, прогулялъ еще около 2 часовъ, при чемъ, отъ Лѣтняго сада они прошли на улицу Жуковского, а затѣмъ взяли извозчика и поѣхали къ Маринскому театру, желая, повидимому, купить билетъ. Но театръ оказался запертымъ. У театра они разстались: Леонтьева поѣхала къ Большой Морской, а Моисеенко поѣхалъ въ Гостинный дворъ, гдѣ встрѣтился съ необнаруженной дознаніемъ барышней, съ которой и отправились, какъ было уже выше указано, въ ресторанъ „Квисисана“.

16 марта агентъ Горбатенковъ арестовалъ Моисеенко въ 1 ч. дня, когда послѣдній, выйдя изъ „Пале-Рояля“, шелъ къ Невскому проспекту. Моисеенко при арестѣ сопротивленія не оказалъ, въ карманѣ пальто у него оказался пистолетъ Браунинга. 16 го же марта былъ арестованъ и Шиллеровъ, когда онъ вышелъ изъ Балабинской гостиницы въ 10¹/₂ ч. утра на улицу. Что касается Волошенко, то послѣ конспиративнаго собранія въ Народномъ Домѣ 13 марта, ее на слѣдующій день наблюдалъ агентъ Жидинъ, который видѣлъ, какъ она въ 2 часа дня 14 марта вышла изъ дому и поѣхала за Невскую Заставу къ церкви Михаила Архангела по Шлиссельбургскому проспекту; отсюда она пѣшкомъ прошла на Муравьевскую улицу въ домъ Леонтьева. Пробывъ въ этомъ домѣ съ ¹/₂ часа, она вернулась въ городъ.

15 марта Волошенко приблизительно въ 2¹/₂ ч. дня, выйдя изъ дому, стала гулять по разнымъ улицамъ и на Екатерининскомъ каналѣ встрѣтила Фейгу Кацъ. Поздоровавшись, онѣ стали смотрѣть на билеты о сдачѣ квартиръ, а потомъ поѣхали вмѣстѣ искать квартиру, послѣ чего возвратились къ Столярному переулку, гдѣ обѣ онѣ жили въ домѣ № 6. Здѣсь Кацъ, не добѣжавъ Столярнаго, сошла съ извозчика, а Волошенко доѣхала до угла Вознесенскаго и Садовой. Разсчитавъ здѣсь извозчика, она пошла въ Александровскій рынокъ, гдѣ имѣла свиданіе съ Барыковымъ. Установленное 14 марта наблюдение за Агаповымъ, обнаружило, что въ этотъ день онъ выѣхалъ изъ дома № 163 по Лиговкѣ, гдѣ проживалъ переодѣтый извозчикомъ. Въ 12¹/₂ часовъ дня онъ подѣхалъ къ дому генераль-губернатора, гдѣ простоялъ вблизи, но постоянно мѣняя мѣсто, около 3-хъ часовъ. Въ 5 ч. вечера онъ уѣхалъ къ Маринскому Дворцу, гдѣ простоялъ нѣсколько минутъ, послѣ чего поѣхалъ къ Департаменту полиціи, но не останавливаясь поѣхалъ домой. 14 го же марта установлено было специальное наблюдение за появленіемъ заподозрѣнныхъ лицъ возлѣ домовъ генераль-губернатора, Государственнаго Совѣга и Департамента полиціи. Около 2 часовъ дня въ извозничьей пролеткѣ

подъѣхалъ одѣтый извозчикомъ Агаповъ и сталъ на углу Морской и Почтамтскаго переулка, лицомъ къ дому генераль-губернатора. Съ нимъ заговорилъ городской. Боясь быть заподозреннымъ городскимъ, Агаповъ молча поѣхалъ впередъ и остановился не доѣзжая дома генераль-губернатора. Простоявъ минутъ 10, онъ проѣхалъ мимо этого дома, проѣхалъ Поцѣлуевъ мостъ и остановился на улицѣ Глинки.

Въ это же время вблизи Поцѣлуева моста появился одѣтый также извозчикомъ Подвицкій и всталъ на углу Морской и Конногвардейской, имѣя голову лошади по направленію къ генераль-губернаторскому дому. Здѣсь онъ стоялъ, отказывая всѣмъ своимъ нанимателямъ. Когда начало темнѣть, то Подвицкій, для удобства наблюденія, продвинулся ближе къ генераль-губернаторскому дому и сталъ у полицейскаго участка, гдѣ простоялъ около часу. Между тѣмъ Агаповъ съ улицы Глинки переѣхалъ на уголъ В. Морской и Почтамтской, гдѣ сталъ переговариваться съ одѣтымъ посыльнымъ Сидоренко. Послѣдній черезъ нѣкоторое время сѣлъ къ нему въ экипажъ и поѣхалъ на Алексѣевскую улицу. 15 марта Подвицкій, вновь разыгрывая роль извозчика, подъѣхалъ со своимъ экипажемъ по Мойкѣ у Нѣмецкаго клуба, при чемъ лошадь его мордою стояла по направленію къ Государственному совѣту. Подвицкій остановился здѣсь, повидимому, поджидая приѣзда министра внутреннихъ дѣлъ, т. к. вскорѣ послѣ приѣзда послѣдняго, поѣхалъ въ трактиръ на Васильевскій островъ. Въ этомъ же трактирѣ въ то время были и Агаповъ. Выѣхавъ оттуда вмѣстѣ, они остановились на 3 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ и стали о чемъ-то разговаривать. Вдругъ откуда то появился Шиллеровъ, который, повидимому, ихъ здѣсь поджидалъ. Шиллеровъ сѣлъ на пролетку къ Агапову, который и повезъ его по направленію къ Николаевскому мосту. Что же касается Подвицкаго, то онъ, разставшись съ Агаповымъ, вновь отправился къ зданію Государственнаго совѣта, гдѣ сталъ на прежнее мѣсто у Нѣмецкаго клуба и, видимо, зорко наблюдалъ за выѣдомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ отѣзда министра изъ Государственнаго совѣта, Подвицкій черезъ $\frac{1}{4}$ часа поѣхалъ по Гороховой, купивъ по дорогѣ 2 газеты, изъ которыхъ 1 номеръ „Руси“ и направился къ себѣ домой на Лиговку д. № 138. 16 марта Подвицкій выѣхалъ одѣтый извозчикомъ въ 11 ч. утра къ дому генераль-губернатора, гдѣ съ перерывами простоялъ около 3 часовъ, послѣ чего приѣхалъ на Конногвардейскій бульваръ. Здѣсь онъ и былъ арестованъ агентомъ Коняевымъ. Этотъ послѣдній наблюдалъ 17 марта и за посыльнымъ Сидоренко, который пришелъ на уголъ Морской и Почтамтскаго переулка; приблизительно въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра и сталъ прогуливаться, не принимая ни отъ кого никакихъ порученій. Въ $1\frac{1}{2}$ ч. дня онъ былъ здѣсь арестованъ Коняевымъ и еще 2 филерами, причемъ оказалъ вооруженное сопротивленіе. Въ эти же дни были арестованы и всѣ другіе обвиняемые, за исключеніемъ отсутствовавшихъ Загороднаго, Шиллерова, Подновскаго и Надеждиной. По наблюденію

агента Коняева Загородній 7 апрѣля имѣлъ свиданіе съ Подновскимъ въ Одессѣ. Встрѣтились они тамъ въ Александровскомъ паркѣ, откуда Загородній возвратился къ себѣ домой въ гостиницу „Биржа“. 9 апрѣля онъ уѣхалъ съ поѣздомъ въ Петербургъ; на ст. „Вилейка“ вышелъ съ вещами изъ поѣзда и въ продолженіе 5 часовъ ожидалъ поѣзда на Минскъ. 11 апрѣля онъ пріѣхалъ въ Минскъ и, оставивъ свои вещи на храненіе у носильщика, поѣхалъ въ Витебскъ. 26 апрѣля вечеромъ, Загородній возвратился въ Минскъ съ передаточнымъ поѣздомъ со Смоленска и, когда хотѣлъ получить отъ носильщика свои вещи, былъ арестованъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ.

При ликвидаціи боевой организаціи и задержаніи участниковъ, сопротивленіе оказалъ одинъ только Сидоренко. Когда къ нему приблизились служащіе въ С.-Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи агентами полицейскій надзиратель Григорьевъ, Кирсановъ и Коняевъ, то Сидоренко выхватилъ изъ кармана пистолетъ „Браунингъ“ и произвелъ въ названныхъ членовъ охраннаго отдѣленія выстрѣлъ, причинивъ агенту Григорьеву легкое поврежденіе въ руку, послѣ чего былъ схваченъ и задержанъ. (Сообщеніе прокурора Судебной палаты судебному слѣдователю № 1028). Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей полицейскій надзиратель Василій Григорьевъ, агентъ Николай Кирсановъ и ротмистръ отд. корпуса жандармовъ фонъ Катень показали въ частяхъ до нихъ относящихся, что распоряженіе объ арестѣ именующаго себя мѣщ. Ивановъ Сидоренко, отдавно было охраннымъ отдѣленіемъ 17 марта 1905 г. Арестъ былъ порученъ Григорьеву и Коняеву, при чемъ было указано, что Сидоренко стоитъ посыльнымъ у дома № 8—53 на углу Морской и Почтамскаго переулка. Около 2-хъ часовъ дня Григорьевъ съ Коняевымъ стали подходить къ Сидоренко по Морской со стороны Николаевской площади, а Кирсановъ подъѣзжалъ въ это время къ Сидоренко по Почтамскому переулку, съ тѣмъ, чтобы на этого извозчика усадить арестованнаго, когда первые его схватятъ. Посыльный Сидоренко стоялъ въ это время на своемъ посту, обернувшись лицомъ по направленію къ дому генералъ губернатора Трепова и держалъ обѣ руки въ карманахъ. Приближаясь къ Сидоренко Коняевъ, по уговору, нѣсколько отсталъ, для того, чтобы приблизиться къ посыльному съ лѣвой стороны, а Григорьевъ обошелъ Сидоренко и приблизился къ нему съ правой стороны. Сидоренко, стоя прижавшись спиною къ рѣшеткѣ расположеннаго здѣсь виннаго погреба, повидимому, не ожидалъ ареста. Въ этотъ самый моментъ Коняевъ и Григорьевъ схватили его одинъ за правую, другой за лѣвую руку. Григорьевъ задержалъ правую руку Сидоренко, своей правой, выше кисти у самаго кармана, а лѣвой выше локтя. Сидоренко первоначально со словами „зачѣмъ“, двинулся было впередъ, но не могъ сдвинуться съ мѣста. Тогда Григорьевъ сказалъ ему: „Васъ простятъ“ и онъ отвѣтилъ: „ну пойдёмъ“. Двинулся къ извозчику, съ лѣвой стороны котораго стоялъ Кирсановъ, отстегнувъ полость. Сдѣлавъ

2 шага, Сидоренко неожиданно встряхнул руками и, вырвав лѣвую руку, ударилъ ею по лбу Григорьева. Послѣдній отъ полученнаго удара, ослабилъ невольно свои руки чѣмъ, Сидоренко воспользовался и, подпрыгнувъ вверхъ, вытащилъ кисть правой руки съ пистолетомъ изъ кармана и направилъ его прямо на Кирсанова, который въ этотъ моментъ приближался спереди къ посыльному. Увидя пистолетъ, Григорьевъ схватилъ правой рукой пистолетъ за дуло и сталъ гнуть руку Сидоренко назадъ, но въ это самое время произошелъ выстрѣлъ, которымъ Григорьеву обожгло большой палецъ правой руки. Кирсановъ въ этотъ моментъ схватилъ уже Сидоренко за руки спереди, выше кисти; выстрѣлъ произошелъ съ правой стороны Кирсанова, нѣсколько ниже пояса. Вслѣдъ затѣмъ Коняевъ схватилъ Сидоренко съзади, а Григорьеву удалось вырвать пистолетъ, который Сидоренко уже держалъ обѣими руками. Выстрѣлъ былъ произведенъ обвиняемымъ, очевидно, съ цѣлью убить арестовывавшихъ его агентовъ, не попалъ онъ ни въ кого только потому, что Григорьевъ гнулъ ему назадъ руку, при этомъ Григорьевъ держалъ пистолетъ за дуло въ такомъ положеніи, что произвести выстрѣлъ безъ воли Сидоренко онъ не могъ. Когда пистолетъ былъ вырванъ, Сидоренко сказалъ: „Сдаюсь“, послѣ чего его усадили на извозчика и доставили въ охранное отдѣленіе. Дорогою Сидоренко сказалъ: „хорошо, что скоро догадались“, а затѣмъ прибавилъ, обратившись къ Григорьеву: „счастливъ ты для сегодняшняго дня“. Въ охранномъ отдѣленіи Сидоренко спросилъ Григорьева: „что, за меня награду получишь?“ Хотя арестовавшіе его агенты были одѣты въ штатское платье и не предупредили его, что онъ подлежитъ арестовыванію, тѣмъ не менѣе Сидоренко понялъ, что его арестовываютъ, если сказалъ: „ну пойдѣте“. Сопротивленіе же онъ оказалъ лишь послѣ этихъ словъ. Судебно-медицинскимъ освидѣтельствомъ Григорьева и заключеніемъ врача эксперта установлено, что оказавшійся при освидѣтельствovanіи рубецъ на рукѣ Григорьева произошелъ отъ раны, причиненной какимъ-нибудь тупоугранымъ твердымъ орудіемъ, напримѣръ ударомъ края затвора пистолета, при быстромъ отодвиганіи затвора назадъ во время выстрѣла; рана относится къ разряду легкихъ. Ожогъ руки, на который указываетъ Григорьевъ, могъ произойти отъ пламени при выстрѣлѣ изъ пистолета и также долженъ быть отнесенъ къ разряду легкихъ. При обыскѣ въ охранномъ отдѣленіи у Сидоренко были найдены, кромѣ отнятаго у него при задержаніи пистолета Браунинга—за № 107.526 съ обоймой, еще одна запасная обойма отъ того же пистолета съ патронами отъ того же пистолета, барашковая шапка, кромѣ форменной фуражки посыльнаго 6 артели № 86, бывшей у него на головѣ, квитанціонная книжка, квитанція въ пріемѣ залога отъ Ивана Сидоренко, квитанція въ пріемѣ мѣсячнаго взноса отъ того же лица, разрѣшеніе стоять Сидоренкѣ на углу Морской и Почтамтскаго переулка у д. № 7—55 и клочекъ бумаги съ написанной на ней фамиліей Демина, а также кусокъ шоколада. Кромѣ этихъ вещей, у Сидоренко ока-

зался кошелекъ съ деньгами на сумму болѣе 40 рублей. Объявить свое званіе, имя и фамилію арестованный отказался и не пожелалъ подписать протоколъ о его задержаніи. Осмотромъ отобраннаго у Сидоренко пистолета и обоймы съ патронами, а также экспертизой установлено, что пистолеть этотъ системы Браунинга № 107526, боковыя деревянные щеки отсутствуютъ, вполнѣ исправенъ, экстракторъ свободно выбрасываетъ гильзу, предохранитель дѣйствуетъ, каналъ ствола закопченъ. Обѣ обоймы соотвѣтствуютъ пистолету и наполнены патронами (по 7 штукъ) стрѣльная гильза того же образца, имѣетъ тѣ же клейма, что и на патронахъ: на капсулѣ гильзы замѣтенъ отпечатокъ ударника. Изъ этого пистолета несомнѣнно былъ произведенъ выстрѣлъ, при чемъ выстрѣлъ былъ произведенъ изъ патрона, предварительно вложеннаго въ стволъ. (8). Послѣ перваго выстрѣла, несмотря на отомкнутый предохранитель, не послѣдовало слѣдующихъ выстрѣловъ только по той причинѣ, что затворъ не могъ отодвинуться назадъ, вслѣдствіе того, что пистолеть былъ зажатъ въ задней его части во время борьбы при отниманіи его отъ Сидоренко. Спрошенный на слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго по сему обвиненію Сидоренко, не признавая себя виновнымъ, тѣмъ не менѣе не отрицалъ того, что выстрѣлъ былъ имъ произведенъ съ цѣлью избѣжать задержанія его чинами с.-петербургскаго охраннаго отдѣленія, умышленно, съ намѣреніемъ лишить одного изъ нихъ жизни. По объясненію Сидоренко, въ глубинѣ праваго кармана его пальто 17 марта у него подъ носовымъ платкомъ былъ спрятанъ пистолеть Браунинга, заряженный 8 патронами, съ закрытымъ предохранителемъ.

Кромѣ того, въ лѣвомъ карманѣ имѣлась запасная обойма съ 7 патронами. Когда онъ, Сидоренко, стоялъ на посту, его неожиданно схватили 2 человѣка, подошедшіе къ нему съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣли его о чемъ-то спросить, при чемъ одинъ, схвативъ его за правую руку, сказалъ: „Пойдемте“. Онъ, Сидоренко, понялъ, что его арестовываютъ, но не оказалъ тотчасъ сопротивленія лишь потому, что пистолеть былъ съ закрытымъ предохранителемъ; чтобы выиграть время онъ сперва послѣдовалъ, но сдѣлавъ 3 или 4 шага, успѣлъ отодвинуть въ карманъ платокъ, мѣшавшій вынуть пистолеть, и большимъ пальцемъ открыть предохранитель. Когда все было готово, онъ рѣшилъ вырваться отъ арестовавшихъ его, хотя бы даже пришлось кого-нибудь изъ нихъ убить. Съ этой цѣлью онъ рванулся обѣими руками и ему удалось освободить лѣвую свою руку, которой онъ и нанесъ ударъ въ лицо человѣку, державшему его правую руку т. к. этотъ послѣдній сталъ на ходу ощупывать его правый карманъ. Ударъ этотъ ошеломилъ державшаго его за правую руку, на столько, что онъ невольно ослабилъ руки, чѣмъ Сидоренко воспользовался. Онъ быстро вытащилъ изъ кармана свою руку съ пистолетомъ, который и направилъ въ лѣвую сторону, чтобы выстрѣлить въ человѣка, схватившаго его снова за правую руку, но въ этотъ моментъ, человѣкъ, стоявшій съ правой стороны

схватилъ за пистолеть сзади и сверху, онъ же, Сидоренко, чтобы произвести выстрѣль въ стоявшаго позади его человѣка, схватилъ пистолеть и сталъ его гнуть въ лѣвую сторону. Въ этотъ же моментъ онъ нажалъ на спускъ и произвелъ выстрѣль. Въ это только время приблизился спереди третій человѣкъ. Послѣ выстрѣла, человѣкъ, стоявшій съ правой стороны, отнялъ свою руку отъ пистолета, и онъ, Сидоренко направилъ пистолеть на державшаго его лѣвую руку съ тѣмъ, чтобы произвести слѣдующій выстрѣль. Но какъ сильно ни нажималъ спускъ, выстрѣла почему то не произошло. Рѣшивъ тогда, что испортился экстракторъ, онъ, Сидоренко, дальнѣйшаго сопротивленія не оказывалъ. Не убилъ онъ агента, стоявшаго съ лѣвой стороны, только потому, что стоявшій справа помѣшалъ, оттягивая въ сторону пистолеть... По мнѣнiю обвиняемаго, пуля попала въ землю, съ лѣвой отъ него стороны. Гдѣ имъ былъ приобрѣтенъ пистолеть, онъ объяснить отказался. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго въ принадлежности къ „боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“, Сидоренко заявилъ, что онъ никакихъ свѣдѣній о себѣ, и равно и показаній давать не желаетъ, но признаетъ себя „сознательнымъ членомъ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“; программу этой организаціи онъ излагать не хочетъ, т. к. она, какъ онъ знаетъ, извѣстна русскому правительству. Протокола Сидоренко не подписалъ. Вслѣдствіе изложеннаго, дознаніе было направлено къ установленію личности Сидоренко. Обыскомъ, произведеннымъ 17 марта въ квартирѣ послѣднѣнаго, занимавшаго уголь у Казакова, хозяина квартиры № 16 въ домѣ № 26 по 7 линіи Васильевского острова, ничего, явно преступнаго обнаружено не было; при осмотрѣ же вещей, отобранныхъ у Сидоренко при арестѣ, оказались слѣдующіе предметы и переписки, могущіе имѣть значеніе для дѣла: 1) паспортъ выданный изъ Полтавской мѣщанской управы отъ 15 ноября 1905 г. за № 385, на имя полтавскаго мѣщанина Ивана Петрова Сидоренко; на этомъ паспортѣ оказались 2 визы 1 уч. Васильевской части города Петербурга, отъ 23 декабря 1904 г. и 7 марта сего года по д. № 26 по 7 линіи Васильевского острова 2) пистолеть Браунинга за № 107526 съ 2 обоймами съ 7 боевыми патронами каждая и, кромѣ того, одна стрѣлянная гильза. Пистолеть купленъ въ Берлинѣ. 3) Ключекъ напирсной бумаги съ запиской: „№ 613 Пензенской губерніи, Красносельскаго уѣзда, Дѣвиченской волости с. Дѣвичья Герасимъ Максимовъ Демянь по 15 мая 1905 г. 19 лѣтъ“; въ концѣ замѣтки изображена печать Дѣвиченской волости. 4) Печатная квитанція за № 1826 артели посыльныхъ отъ 5 февраля 1905 г. за подписью старосты Матросова въ принятіи отъ Сидоренко членскаго мѣсячнаго взноса. 5) Квитанція за № 86 той же артели, за подписью старосты Мананькова и казначея Рулева въ принятіи отъ Сидоренко залога 100 рублей 28 декабря 1904 года. 6) Печатная подписка, подписанная Сидоренко о томъ, что имъ внесено въ пользу той же артели 80 руб. которые онъ согласенъ отдать въ случаѣ могущихъ быть въ ар-

тели растраты. 7) Удостоверение старосты артели Матросова от 9 марта 1905 г. о томъ, что Сидоренко дозволено стоять на углу Морской и Почтамской; 8) Печатная квитанционная книжка той же артели, при чемъ на квитанціяхъ № 1 и № 2 карандашемъ за подписью „И. Сидоренко“, приписано: „5 . . . года . . . февраля, № 86“. 9) Фуражка, у коей дно ея и бока сдѣланы изъ краснаго сукна, околышъ черный. 10) Маленькій пакетикъ съ какимъ то порошкомъ 11) Вырѣзанные изъ газетъ 2 столбца о приемныхъ дняхъ и часахъ у вышнихъ административныхъ лицъ. 12) Знакъ, на которомъ вырѣзано: „С. П. Б. шестой, 86 артели посыльный“. и т. д. Проверкою по надворной книгѣ въ домѣ № 26 по 7 линіи Васильевского острова, установлено, что Сидоренко жилъ въ квартирѣ № 16 съ 23 декабря 1004 г. (прибылъ съ родины изъ Полтавской губ.) по 28 февраля 1905 г. когда выбылъ неизвестно куда. По второй записи онъ значится прибывшимъ съ родины 6 марта, а выбывшимъ 18 марта 1905 г. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей квартиро-хозяинъ крестьянинъ Казаковъ и старшій дворникъ Гнѣвышевъ удостовѣрили, что въ квартирѣ этой занималъ уголь именно обвиняемый Сидоренко, котораго никто не посѣщалъ. 28 февраля Сидоренко выѣхалъ на нѣсколько дней, объяснивъ, что выѣзжаетъ на Пески, помочь въ продолженіи масляной недѣли своимъ товарищамъ, снявшимъ тамъ чайнукъ. Паспортистъ Каменевъ удостовѣрилъ правильность визы на паспортъ Сидоренко. Личность Сидоренко удостовѣрили также жители его крестьянинъ Волковъ и крестьянка Дарья Андреева: послѣдняя показала, что видя Сидоренко часто что-то пишущимъ, она попросила его написать письмо ея матери. Письмо это Андреева предъявила. Какъ видно изъ протокола осмотра этого письма, оно писано хорошимъ бойкимъ почеркомъ и носитъ по содержанию совершенно литературный характеръ. При сличеніи черезъ экспертовъ подлинной подписи Сидоренко на упомянутой выше подпискѣ о внесеніи 80 р. въ пользу артели, на случай разраты (см. вещ. доказат.) съ почеркомъ означеннаго письма, оказалось, что почерки эти тождественны. Затѣмъ дознаніемъ были проверены данныя относительно паспорта крестьянина Демина, указаннаго на отобранномъ у Сидоренко клочкѣ бумаги, для чего произведена раньше всего экспертиза сличенія почерка этой записки съ почеркомъ Сидоренко при чемъ оказалось, что почерки эти совершенно разнovidны. Затѣмъ въ виду телеграфнаго сообщенія начальника Пензенскаго губернскаго жандармскаго управленія о томъ, что выписки на отобранномъ у Сидоренко клочкѣ бумаги вполне соотвѣтствуютъ дѣйствительному паспорту крестьянина Демина, проживающаго въ Петербургѣ, у поименованнаго крестьянина произведенъ былъ обыскъ, но ничего предосудительнаго обнаружено не было. Спрошенный же въ качествѣ свидѣтеля, Демина призналъ по фотографической карточкѣ Сидоренко то самое лицо, которое проживало вмѣстѣ съ нимъ въ квартирѣ Казакова на Васильевскомъ островѣ. Выписка, отобранная у Сидоренко, сдѣлана изъ его, Демина паспорта, срокъ которому уже

теперь истекъ и который поэтому отосланъ для обмѣна на новый, въ чемъ свидѣтель представилъ росписку. Кѣмъ писана выписка свидѣтелю неизвѣстно; своего паспорта онъ ни Сидоренко, ни кому-либо другому не показывалъ. Осмотромъ книги посемейнаго списка алфавита лицамъ, получившимъ письменные виды на жительство, установлена подлинность паспорта Демина, а показаніями крестьянина Демина—отца и Демина—брата установлено, что на фотографической карточкѣ Сидоренко изображена личность совсѣмъ не похожая на ихъ сына и брата. Что же касается отобранныхъ у Сидоренко документовъ, относящихся къ поступленію его въ артель посыльныхъ, то такыя были проверены допросомъ старосты этой артели, Матросова, казначея Рулева и новаго старосты той же артели, Манянькова, причемъ оказалось, что обвиняемый Сидоренко именно то самое лицо, которому выданы отобранные у него документы, что эти послѣдніе подлинны и что Сидоренко лично просилъ выдать ему удостовѣреніе на право стоять посыльнымъ на углу Морской и Почтамскаго переулка, т. к. это мѣсто, по его мнѣнію, бойкое и выгодное. До него на этомъ мѣстѣ никто изъ посыльныхъ не стоялъ. Разсматривая квитанціонную книжку, отобранную у Сидоренко, свидѣтель Маняньковъ удостовѣрилъ, что Сидоренко ни съ какими порученіями не ходилъ; хотя для видимости онъ и позволилъ себѣ занести въ книжку подъ квитанцію № 1 и № 2 нѣкоторыя свѣдѣнія, но т. к. квитанціи всѣ цѣлы, то видно, что въ дѣйствительности съ порученіями отъ публики онъ не ходилъ. Экспертизой установлено, что всѣ имѣющіяся на упомянутыхъ документахъ подписи, сдѣланы рукою обвиняемаго Сидоренко; такимъ образомъ, дознанію не удалось установить личности именующаго себя полтавскимъ мѣщаниномъ Сидоренко и предъявившаго подложный паспортъ на это имя. Паспортъ Сидоренко, какъ установлено экспертизой, оказался написанный почеркомъ Баумана, которымъ написаны были письма Маркову за подписью „Безсоновъ“ и Васову (за подписью „Бауманъ“); что безспорно указываетъ на существованіе между всѣми этими лицами конспиративныхъ отношеній, какъ между собой, такъ и съ Бауманомъ, т. е. другими словами, какъ по почерку установили эксперты, Макъ Кулономъ. Мало того, экспертизой сличенія почерковъ установлено, что и подлинныя паспорта на имя Бѣлова и Афанасьева, отобранные отъ обвиняемой Леонтьевой, также писаны тѣмъ же почеркомъ, а экспертизою сличенія оттисковъ печати полтавской мѣщанской управы, установлено, что печати на паспортѣ Захаренко, отобранномъ у Маркова, и на паспортѣ Сидоренко по размѣру, рисунку и имѣющимся въ немъ дефектамъ между собою одинаковы и вполне совпадаютъ съ фальшивой печатью Полтавской мѣщанской управы, отобранной у Леонтьевой, т. е. что этой самой печатью сдѣланы оттиски на паспортахъ Сидоренко и Захаренко. При предъявленіи оконченнаго дознанія Сидоренко на всѣ вопросы отвѣчать отказался и собственноручно подписалъ протоколъ именемъ Сидоренко. Вышеизложенными

обстоятельствами настоящего дѣла и наблюденіями чиновъ охраннаго отдѣленія вполнѣ установлено, что задержанные 16 марта и въ послѣдующее затѣмъ время нижепоименованныя лица, а именно: 1) сынъ коллежскаго секретаря Борисъ Марковъ, 2) дворянинъ Сергѣй Басовъ, 3) именовавшій себя британскимъ подданнымъ Макъ-Кулономъ, 4) дочь статскаго совѣтника Татьяна Леонтьева, 5) именующій себя мѣщаниномъ Григоріемъ Агаповымъ, 6) сынъ ветеринарнаго врача Борисъ Подвицкій, 7) сынъ священника Василій Шиллеровъ, 8) ссыльно-поселенка Прасковья Волошенко, 9) дворянинъ Борисъ Моисеенко, 10) именующій себя мѣщаниномъ Иваномъ Сидоренко, 11) дворянинъ Сергѣй Барыковъ, 12) жена дворянина Надежда Барыкова, 13) сынъ зубного врача Моисей Шнееровъ, 14) именующій себя мѣщаниномъ Болеславомъ Подновскимъ, 15) мѣщанинъ Яковъ Загородній, 16) дочь надворнаго совѣтника Анна Надеждина, 17) личн. почетный гражданинъ Моисей Новомѣйскій, 18) докторъ медицины Михаилъ Шерговъ, 19) дочь купца Сурра Эфрусси и 20) повивальная бабка Фейга Капъ—принадлежали къ сообществу социаль-революціонеровъ, причемъ какъ установило дальнѣйшее разслѣдованіе обстоятельствъ настоящаго дѣла, первыя 15 поименованныя выше лица составляли, такъ называемую, „боевую организацію“ этой партіи, завѣдомо поставившую цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ Россіи общественнаго строя и тѣсно съ нимъ связанной самодержавной формы правленія, причемъ въ число задачъ этой организаціи, завѣдомо для всѣхъ ея членовъ, входило совершеніе тяжкихъ преступленій—убійствъ должностныхъ лицъ съ террористическими цѣлями посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ дознаніемъ не установлено, чтобы всѣ поименованныя выше 15 лицъ, составляющіе „боевую организацію“ партіи социалистовъ-революціонеровъ, знали, что эта организація въ періодъ времени, обслѣдованный дознаніемъ, имѣла въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія. Исключеніе кромѣ упомянутыхъ выше Бориса Маркова и Макъ-Кулона, составляли Леонтьева и Подновскій, относительно которыхъ дознаніемъ выяснено слѣдующее: 1) Въ отношеніи Леонтьевой: 16-го марта при ликвидаціи „боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“, была между прочимъ, арестована также дочь якутскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Леонтьева Татьяна Александровна Леонтьева въ тотъ моментъ, когда она выходила изъ парикмахерской на Морской. Обыскъ, тогда же произведенный въ квартирѣ Леонтьевой, жившей у своего дяди, отставнаго подполковника Леонтьева въ домѣ № 23 по Желѣзнодорожной улицѣ, а также личный осмотръ обвиняемой въ охранномъ отдѣленіи обнаружили: 1) 19 чистыхъ бланковъ паспортовъ, 2) 14 чистыхъ паспортныхъ книжекъ и 3) паспортныя книжки: на имя Бѣлова, на имя Макѣва, на имя Васильева, на имя Голубенко, на имя Воронина и на имя Афанасьева. 4) Заряженный револьверъ системы Браунинга. 5) 7 стеклянныхъ шариковъ съ жидкостью. 6) Раз-

личныя нелегалныя изданія. 7) Квитанціи бакинскаго дома бр. Джамгаровыхъ въ Москвѣ за № 251 и № 4525 и разные другіе предметы. Затѣмъ, вслѣдствіе сообщенія начальника с.-петербургскаго охраннаго отдѣленія о томъ, что въ квартирѣ Леонтьевой обнаруженъ складъ взрывчатыхъ веществъ, былъ произведенъ обыскъ, которымъ обнаружено: 1) Завернутый въ бѣлую тряпку кусокъ студенистой массы вѣсомъ около $\frac{3}{4}$ фунта, завернутый въ клеенку и желтоватую тряпку кусокъ студенистой массы вѣсомъ около 7 фунтовъ и запасная обойма къ пистолету „Браунингъ“ съ 2 патронами, склянка съ густой сѣрой жидкостью; 2) 7 двойныхъ стеклянныхъ трубокъ съ утолщеніями, наполненные безцвѣтной жидкостью, 7 оловянныхъ цилиндрическихъ грузиковъ съ каналомъ внутри и продольнымъ разрѣзомъ; 3) пистолетъ Браунинга за № 102959 съ обоймой и 8 патронами, купленный въ Парижѣ и бывший уже въ употребленіи, и др. предметы.

Осмотромъ и изслѣдованіемъ черезъ врача-эксперта этихъ вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ у Леонтьевой, которыя могли бы оказаться принадлежностями и составными частями взрывчатыхъ снарядовъ, установлено, что всѣ эти предметы представляютъ 2 группы: 1) Гремучій студень или динамитъ, гремучая ртуть, трубки съ сѣрой кислотой и свинцовые грузики—матеріалы для устройства не менѣе 3-хъ метательныхъ разрывныхъ снарядовъ, обладающихъ каждый силой, значительно болѣе разрушительной, чѣмъ, напримѣръ, взрывъ въ „Сѣверной гостиницѣ“ въ ночь на 1-ое апрѣля 1904 г. 2) Шашки чернаго призматическаго пороха и прутковое олово, которыя также могли быть употреблены при изготовленіи взрывчатого снаряда.

Изъ показанія свидѣтелей; горничной Леонтьевыхъ Ефимовой, кухарки Рѣщиковой, а также и тетки обвиняемой Леонтьевой, видно, что 14 марта около 3-хъ часовъ дня къ дому подполковника Леонтьева пришла пожилая незнакомая дама, оказавшаяся, какъ впоследствии при предъявленіи признали эти свидѣтели, обвиняемой Волошенко и спрашивала Татьяну Леонтьеву, которую желала видѣть, объяснивъ при этомъ, что она мать ея подруги. Не заставъ Леонтьеву дома, она написала записку, которую и просила передать Леонтьевой. Записку эту тетка обвиняемой положила въ комнату племянницы на ея столѣ. Кромѣ того и посылный меблированныхъ комнатъ на Надеждинской, гдѣ жила Татьяна Леонтьева, Таборскій показалъ, что у Леонтьевой 2 раза въ январѣ 1905 г. бывалъ обвиняемый Марковъ. Выше уже были указаны результаты наружнаго наблюденія агентовъ департамента полиціи за Леонтьевой, устанавливающіе ея конспиративныя сношенія съ прочими членами „боевой организаціи“. Отобранныя же у Леонтьевой вещественныя доказательства подтверждаютъ это еще болѣе. Такимъ образомъ этими вещественными доказательствами подтверждается существованіе конспиративныхъ отношеній Леонтьевой съ обвиняемыми Басовымъ, Марковымъ, Агаповымъ, Барыковымъ и другими. *Отобранныя* у Леонтьевой 2 квитанціи отъ 8 мая 1904 г., выданныя банкирской конторой бр. Джамго-

ровыхъ въ Москвѣ, дали возможность обнаружить, что въ означенную контору былъ сданъ на храненіе нѣкимъ Томашевичемъ какой-то вкладъ, вслѣдствіе чего произведена была выемка этого вклада Томашевича и по вскрытіи помѣщенія, въ которомъ онъ хранился, тамъ оказался жестяной ящикъ со шкатулкой, а въ ней обнаружено 6 метательныхъ круглой формы снарядовъ, 6 запаловъ къ нимъ и 10 кусковъ гремучаго студня. Завѣдывающій стальной комнатой конторы Джамгоровыхъ Суворовъ и артельщикъ Дмитріевъ весьма обстоятельно рассказали объ обстоятельствахъ, при которыхъ Томашевичемъ былъ вложенъ вкладъ, но дознаніемъ, однако, не удалось обнаружить личности Томашевича. Спрошенная въ качествѣ обвиняемой Татьяна Леонтьева, не скрывая своей личности, заявила, что она принадлежитъ къ боевой организациі партіи социалистовъ-революціонеровъ и считаетъ это для себя великой честью. Относительно задачъ этой организациі она будетъ говорить на судѣ. Найденныя въ ея комнатѣ взрывчатыя вещества имѣютъ прямое отношеніе къ дѣятельности боевой организациі. На вопросъ о томъ принимала ли она участіе въ приготовленіи къ опредѣленному политическому убійству, а равно была ли она знакома съ лицомъ, убитымъ при взрывѣ въ мебл. комнатахъ „Бристоль“ Леонтьева отвѣтить не пожелала. Въ доплененіе къ этому показанію Леонтьева затѣмъ объяснила, что найденныя въ ея комнатѣ взрывчатыя вещества имѣютъ прямое отношеніе къ дѣятельности боевой организациі лишь потому, что ими она одна готовилась лично казнить одно правительственное лицо, назвать которое не желаетъ, по соображеніямъ, кои выяснитъ на судѣ. Въ Петропавловской крѣпости Леонтьева, по показаніямъ надзирателя Григорьева и протоколовъ осмотра и сличенія почерка, выпарапала на клочкѣ бумаги: „Умираю со свѣтлой надеждой въ душѣ“, и написала письмо слѣдующаго содержанія:

„Крѣпость. 17 мая 1905 года. Обращаюсь ко всему суду. Не могу долше молчать; мнѣ совѣсть моя говоритъ слишкомъ ясно, что я должна сдѣлать одно признаніе и, какъ бы это для меня ни было тяжело, должна сказать правду. Я преступница, которой нѣтъ имени на человѣческомъ языкѣ, и нѣтъ мѣста въ мірѣ. Я преступница, хотя и совершенно невольная, противъ боевой организациі; почему же, сейчасъ объясню: когда меня привели на допросъ началась моя первая открытая революціонная борьба съ правительствомъ и тутъ сразу я совершила преступленіе въ томъ, что со слишкомъ сильнымъ энтузіазмомъ пошла на эту борьбу, т. е. этотъ энтузіазмъ привелъ меня, да, меня къ тому, что я, Татьяна Леонтьева нечаянно дала на боевую организацию ложное показаніе. Да, когда мнѣ задали такой вопросъ: „имѣли ли взрывчатыя вещества, найденныя въ моей комнатѣ, прямое отношеніе къ дѣятельности боевой организациі“, я въ какомъ-то бѣшенномъ порывѣ преданности революціонному дѣлу, подумала „оконечно, каждая, имѣющая въ распоряженіи боевой организациі вещь, если будутъ продолжаться существующіе теперь въ

вой соли и сахара. Оставалось только вложить стеклянный сосудъ съ сѣрной кислотой, съ надѣтыми на него свинцовыми грузиками. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Подновскій заявилъ, что онъ никакихъ объясненій давать не желаетъ. Поэтому для выясненія личности Подновскаго былъ составленъ протоколъ его примѣтъ. При дальнѣйшемъ выясненіи личности Подновскаго возникло предположеніе, что Подновскій важный политическій преступникъ Блюменфельдъ. Возникло далѣе другое предположеніе, что Подновскій—Мендель-Гутманъ, но эти предположенія не подтвердились, такъ какъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній было отвергнуто между ними сходство. Паспортная книжка Подновскаго оказалась подложной. Свидѣтели—артельщикъ при Сѣверной Гостинницѣ Шагинъ и Карвовскій признали въ Подновскомъ человѣка, который ночевалъ у нихъ въ гостинницѣ 2 ночи подрядъ, не оставаясь на день. Это показаніе совпадаетъ со свѣдѣніями Департамента полиціи. Такимъ образомъ по паспортной книжкѣ установить личность Подновскаго оказалось невозможнымъ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ и Марковъ, Сидоренко также документовъ не имѣютъ. На основаніи изложеннаго военно-прокурорскій надзоръ Военно-Окружного суда предъявилъ обвиненіе къ Маркову и Подновскому въ томъ, что будучи недовольными существующимъ въ Россіи общественнымъ строемъ и самодержавной формой правленія и стремясь къ ниспроверженію и къ переустройству этого строя на социалистическихъ началахъ, они въ 1904 и 1905 годахъ приняли участіе въ сообществѣ „боевой организаціи социалистовъ-революціонеровъ“, поставившей себѣ тѣ же, указанныя выше, цѣли, зная, что въ число задачъ этого сообщества входило убійство должностныхъ лицъ съ террористическими цѣлями и, что означенное сообщество имѣло средства для взрыва, вслѣдствіе чего Марковъ, подготовившись предварительно въ Сестрорѣцкѣ къ метаню разрывныхъ зарядовъ и, имѣя при себѣ заряженный пистолетъ „Браунингъ“ съ выцарапанными на немъ словами „По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ“, прибылъ на вокзалъ Сестрорѣцкаго курорта, чтобы отправиться въ Петербургъ для совершенія террористическаго акта, но былъ задержанъ полиціей. Подновскій съ тою же цѣлью, имѣя при себѣ Браунингъ и разрывной метательный снарядъ, отправился по Пет.-Варшавской жел. дорогѣ изъ Минска, но былъ задержанъ на ст. Малкинъ жандармскими чинами. Дѣяніе это въ отношеніи каждаго изъ нихъ предусмотрено II ч. 126 ст. уг. уложенія. Именующій себя Иваномъ Сидоренко, обвинялся въ томъ, что принадлежа къ той же организаціи и преслѣдуя тѣ же цѣли, принялъ въ началѣ 1905 г. наблюденіе за выѣздами петербургскаго генераль-губернатора генераль-маіора Трепова, для чего подъ видомъ посыльнаго расположился на углу Морской и Почтамтскаго переулка и, когда къ нему 17 марта подошли полицейскій надзиратель Григорьевъ и агенты Петербургскаго охраннаго отдѣленія Кирсановъ и Коняевъ, чтобы его арестовать, онъ произвелъ

въ нихъ выстрѣлъ изъ браунинга, но ни кого не задѣлъ потому, что Григорьевъ отклонилъ пистолетъ въ моментъ выстрѣла, при чемъ экстракторъ не выкинулъ гильзы, помѣшавъ тѣмъ производству дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Это дѣяніе на основаніи пункта статьи 18 положенія объ усиленной охранѣ предусматрѣно ст. 279 Военскаго Устава о наказаніяхъ.

Что же касается возникшаго обвиненія противъ Басова, Агапова, Подвицкаго, Шиллерова, Волошенко, Моисеенко, Барыкова, Барыковой, Шнеерова, Загородняго, Надеждиной, Новомѣйскаго, Шергова, Эфрусси и Кацъ, то такое за силой Высочайшаго Указа отъ 21 октября прекращено, равнымъ образомъ прекращено дѣло въ отношеніи именовавшаго себя Макъ Кулономъ за смертью, а въ отношеніи Леонтьевой—за душевной болѣзвью. На основаніи III пункта ст. 92 Уложенія о нак. угол. и испр.

21 ноября 1905 г. пет. военно-окружный судъ подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Арбузова, при членахъ полковникахъ Масалитиновѣ, Пржилуцкомъ, Крузенштернѣ и Фуфаевскомъ выслушавъ дѣло объ указанныхъ трехъ лицахъ, назвавшихся своими настоящими фамиліями, а именно: Подновскій—Шевелемъ Давыдомъ Барышанскимъ, Сидоренко—сыномъ полковника Трофимовымъ, Марковъ—тѣмъ же Марковымъ, признавъ ихъ виновными, приговорилъ ихъ въ каторжныя работы Маркова на 4 года, Барышанскаго на 7 лѣтъ, Трофимова на 10 лѣтъ, а главный военный судъ подъ руководствомъ главнаго военнаго прокурора Павлова, не удовольствовавшись симъ приговоромъ, усугубилъ его въ отношеніи Трофимова-Сидоренко и назначилъ ему безъ всякаго основанія 15 лѣтъ каторжныхъ работъ, а помощникъ главнокомандующаго великаго князя Николаевича генераль Газенкампфъ 16 января утвердилъ этотъ исправленный приговоръ.

Оскаръ.

Историческая библиографія.

Декабристы. Тайныя общества. Процессы Колесникова, бр. Критскихъ и Раевскихъ. *Издание В. М. Саблина. Москва. 1907. 276 стр. Ц. 1 р.*

Послѣ великой битвы, гдѣ пало столько героевъ, какъ только утихаетъ боевой громъ, на поле сраженія слетаются коршуны, сбѣгаются шакалы, сходятся мародеры. И всѣхъ этихъ двуногихъ и четвероногихъ сознательныхъ и бессознательныхъ хищниковъ объединяетъ одна цѣль: поживиться на счетъ мертвыхъ и умирающихъ.

У великой вѣковой битвы русской свободы противъ тиранніи есть также свои герои и свои мародеры. Когда напоръ революціоннаго авангарда націи на старый строй нанесъ рѣшительный ударъ режиму произвола, не только живые борцы освободительнаго движенія получили,—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—возможность пробиться къ гражданской жизни страны, но и павшіе герои стали предметомъ почтенія, любви, апофеоза. Въ частности содалась цѣлая историческая литература, ставящая своей задачей познакомить молодую Россію съ великими предками современныхъ борцовъ за свободу. И эту литературную отрасль можно бы только привѣтствовать, если бы къ серьезнымъ работникамъ, знакомящимъ людей нашихъ дней съ славнымъ прошлымъ и его героями, не примѣшалась все растущая и растущая рать печатныхъ мародеровъ, превратившихъ эту область буквально въ затихнувшее поле битвы, на которомъ они продѣлываютъ свои стяжательные подвиги, заботясь исключительно о наполненіи своихъ кармановъ на счетъ читателей, путемъ низменной эксплуатаціи памяти тѣхъ, какъ говоритъ поэтъ, „великихъ душъ, что своею кровію создали намъ отечество“,—

Egregias animas qui sanguine nobis
Hanc patriam peperere suos...

Эти мысли не оставляли ни на минуту пишущаго эти строки, когда онъ перечислявалъ новое „изданіе“ В. М. Саблина, носящее громкое заглавіе, которое выписано въ началѣ рецензіи, а на самомъ дѣлѣ представляющее собою самый беззастѣнчивый плагиатъ уже появившихся вещей, представляющихъ результатъ труда серьезныхъ работниковъ на поприщѣ исторіи русской революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое лежащая предъ нами книга?

Это, во-первыхъ, 30 страницъ (1—30) „введенія“, написаннаго лицомъ которое скрылось за щитъ стыдливаго анонима, очевидно чувствуя, что участвуетъ въ неблаговадной плагиаторской продѣлкѣ.

Это, во-вторых, 173 страницы (33—206) „официальных публикацій о дѣлѣ декабристовъ и польскихъ тайныхъ обществъ“, представляющихъ буквальную перепечатку.—*вплоть до редакціонныхъ примѣчаній*,—*двухъ пятыхъ* первого тома „Сборника“ „Государственные преступления въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, составленнаго подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго) и изданнаго сначала за-границей (Stuttgart, 1903), а затѣмъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Россіи.

Это, въ-третьихъ, 5 страницъ (209—214) „неопубликованныхъ высочайшихъ конфирмацій по военно-суднымъ дѣламъ о декабристахъ“, взятыхъ изъ замѣтки М. Соколовскаго въ „Всемирномъ Вѣстникѣ“ 1906 г.

Это, въ-четвертыхъ, 27 страницъ (217—244) „Разказа о моемъ заключеніи въ Санкт-Петербургской крѣпости“ В. П. Зубкова, переводъ съ французскаго, сдѣланный по брошюрѣ г. Модзалевскаго „Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 года“ (Спб., 1906) и являющийся, вмѣстѣ съ анонимнымъ введеніемъ, единственной частью книги, не представляющей прямого плагиата и безцеремонной перепечатки.

Это, въ-пятыхъ, 29 страницъ (247—276 и послѣдняя) „Процессы Колесникова, Критскихъ и Раевскихъ“, каковыя 29 страницъ въ свою очередь состоятъ: изъ трехъ статей „Полярной Звѣзды“ 1862, кн. VII, стр. 91—111, и изъ перепечатки статьи г. Лемке, предшествуемой слѣдующимъ по истинѣ монументальнымъ примѣчаніемъ, проливающимъ яркій свѣтъ на психологію г.г. литературныхъ мародеровъ. „Послѣ того, какъ настоящая книга была уже составлена, въ „Быломъ“ (1906, VI, 41—57) появилась статья г. Лемке: „Тайное общество братьевъ Критскихъ“ съ очень существенными дополненіями и поправками къ даннымъ „Полярной Звѣзды“ (сообщеннымъ г. Ефремовымъ). Перепечатываемъ ее дальше съ сокращеніями“ (стр. 261)... Какъ вамъ нравится это, читатель? „Послѣ того, какъ была уже составлена изъ ряда плагиатовъ, перепечатокъ и т. п. эта книга, вышедшая въ 1907 г., вдругъ появилась—*больше юда тому назадъ статья г. Лемке*, которую мы, молъ, тоже своруюемъ, и своруюемъ съ довкостью профессиональнаго мародера, помѣщающаго ее „съ сокращеніями“, ибо нашъ мародеръ твердо знаетъ законъ, запрещающій перепечатывать безъ разрѣшенія автора болѣе печатнаго листа его произведеній. И вотъ въ подлинникѣ статья имѣетъ 16 страницъ, а у насъ 15,—что и требовалось доказать!..

Совсѣмъ было забытъ сказать: въ-шестыхъ... Итакъ, въ-шестыхъ „изданіе“ В. М. Саблина состоитъ изъ обложки, — тоже наиболѣе „оригинальный“ части книги, потому что на ней красуется многообъщающее заглавіе и цѣна въ „одинъ рубль“ за вещи уже существующія на книжномъ рынкѣ...

Такъ какъ такіе литературные подвиги могутъ показаться иному читателю просто невѣроятными, то я постараюсь теперь документально и съ достаточной подробностью установить наименѣе откровенный и наиболѣе важный плагиатъ книги, а именно перепечатку значительной части сборника Базилевскаго (Богучарскаго), ибо относительно другихъ плагиатовъ, совершаемыхъ на точномъ знаніи мародеромъ дѣйствующихъ законовъ, не можетъ быть и рѣчи: экспроприаторъ и не стѣсняется называть экспропрированныхъ имъ авторовъ и указывать источники позанимствованія на основаніи восхитительной ормулы „послѣ того какъ!“

Цитированный нами первый том „Сборника“ включает въ себя, какъ известно, свѣдѣнія о государственныхъ преступленіяхъ 1825—1876 г. Первые двѣсти страницъ его представляютъ перепечатку изъ официальныхъ изданій различныхъ правительственныхъ сообщений, касающихся, главнымъ образомъ, декабристовъ. Эта перепечатка предполагаетъ громадный предварительный трудъ, такъ какъ для этого надо было *пересмотрѣть цѣлыя десятки лѣтъ* „Русскаго Инвалида“ „С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей“ перелистовать полный Сводъ Законовъ и т. д. Такъ, гдѣ было надо, составитель дѣлалъ краткія, но любопытныя въ томъ или иномъ отношеніи примѣчанія отъ „редакціи“, въ отличіе отъ примѣчаній находившихся въ самомъ текстѣ изданій. И вотъ плагиаторъ, ничтоже сумняшеся, цѣликомъ перепечаталъ официальный текстъ съ примѣчаніями какъ самихъ документовъ, такъ и составителя сборника, г. Базилевскаго, отнюдь не различая между этими двумя категориями и вводя читателей такимъ путемъ въ курьезныя *qui pro quo*, а себя самого наивно изобличая въ качествѣ присвоителя чужого труда.

При самомъ поверхностномъ сличеніи сборника г. Базилевскаго и „изданія“ В. М. Саблина читатель встрѣчается съ плагиатомъ редакціонныхъ примѣчаній сборника на стр. 121, 154, 158, 204, 205 рецензируемой книги (соответствующихъ страницамъ 88, 120, 125, 197, 198 сборника). При чемъ экспроприаторъ повсюду оставляетъ самыя подлинныя слѣды этого отнюдь не литературнаго занятія, сажая себя отъ времени до времени въ самыя курьезныя западни. Совѣтую съ этою цѣлю читателю сравнить довольно длинное редакціонное примѣчаніе на стр. 125 сборника и по обыкновенію ничѣмъ не отмѣченное, значить являющееся какъ бы официальнымъ, прим. на стр. 158 „изданія“. Это примѣчаніе буквально воспроизведено плагиаторомъ за слѣдующимъ исключеніемъ: г. Базилевскій начинаетъ свое примѣчаніе со словъ „нижепомѣщаемый, *ставшій* *чрезвычайною библіографическою рѣдкостью*, документъ былъ начатъ печатаньемъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, а мародеръ замѣняетъ слово „нижепомѣщаемый“ словами „помѣщенный ниже“ и выбрасываетъ слово „ставшій *чрезвычайною библіографическою рѣдкостью*“. Да и, дѣйствительно, какая же это для плагиатора „рѣдкость“: нашелъ сборникъ, содралъ съ него требуемый документъ—и basta! Великолѣпное *qui pro quo*, кричащее всему міру о неприимчивости мародера, приключилось съ нимъ, когда онъ нашелъ на стр. 27 сборника слѣдующее примѣчаніе „Если не ошибаемся, двое изъ этихъ лицъ были: В. А. Перовскій и Илья Гавриловичъ Вибиковъ“. Онъ по обыкновенію воспроизвелъ его (см. стр. 60 книги) замѣнивъ „если не ошибаемся“ словомъ „вѣроятно“, но не замѣтилъ, несчастный, что подъ этимъ примѣчаніемъ у г. Базилевскаго стоятъ инициалы П. Б. и присвоилъ себѣ просто-на-просто его, какъ дѣлаетъ всегда съ примѣчаніями сборника. Между тѣмъ это примѣчаніе является единственнымъ неточнымъ или, лучше сказать, неполнымъ примѣчаніемъ г. Базилевскаго, забывшаго дать ему подробную форму: *И(етръ) Б(артеневъ)*, не безызвѣстный редакторъ „Русскаго Архива“, съ соответствующей ссылкой на журналъ. Такимъ образомъ, на сей разъ всѣмъ и каждому видно, откуда и какимъ образомъ получилась перепечатка издательствомъ В. М. Саблина „официальныхъ публикацій о декабристахъ“, ибо неполное примѣчаніе громко кричитъ о своемъ происхожденіи...

Сказаннаго достаточно, чтобы читатель получилъ понятіе о литературной дѣятельности „издательства“, живущаго эксплуатаціей освободительнаго движенія. И хотѣлось бы надѣяться, то публика будетъ наказывать мародеровъ

самымъ большимъ для нихъ способомъ: отказываясь покупать у нихъ книги, рассчитанныя на грубую спекуляцію общественныхъ чувствъ читателей...

Н. С. Р—въ.

Р. S. Къ свѣдѣнію переводчика „Разказа“ о заключеніи В. П. Зубкова: être rossé значить по русски „быть биты“, а не „терпѣть“ (стр. 220, соответствующая стр. 32 французскаго подлинника въ находящейся у меня подъ руками брошюрѣ „Записки В. П. Зубкова“), rosser—„бить, дуть, дупить, а не „бранить“ (стр. 220 и стр. 33), prendre note—„замѣтить, затѣять“, а не „взять списокъ“ (225 и 40), (225 и 41), gruau—вообще „каша“, а не „черная каша“ (226 и 43). Наконецъ, на стр. 59 Зубковъ употребляетъ, очевидно, по оплошности, неправильный оборотъ: voilà comme ces messieurs étaient au point de tout—вмѣсто au courant de tout), въ смыслѣ: „вотъ какъ были освѣдомлены эти господа“. Переводчикъ храбро перевозитъ: „Невъроятно, на что способны эти господа!“ (стр. 235).

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Т ва бр. А. И. Гранатъ и К^о, вып. 1—5.

Это очень интересный опытъ изученія русской исторіи прошлаго столѣтія соответственно господствующимъ въ наше время требованіямъ новой исторической науки. Это—такъ называемая по старому, исторія внутренняя, или исторія культуры, или то именно, что въ наше время понимаютъ подъ старымъ терминомъ „исторія“, впагая въ него новое содержаніе. Новая исторія очень далека отъ традиціонной исторіи царствованій, главное содержаніе которой составляетъ хроника придворная, дипломатическая и военная: подробное описаніе личностей государей и государынь и ихъ фаворитовъ, описаніе придворныхъ интригъ, дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ походовъ. Взамѣнъ всего этого въ новой „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“—на первомъ планѣ экономическое развитіе Россіи, ея развитіе умственное, въ областяхъ науки, литературы и народнаго образованія, и тѣсно связанныя съ этимъ развитіемъ общественныя движенія и правительственныя реформы.

По вышедшимъ пока пяти первымъ выпускамъ еще трудно судить, въ какой мѣрѣ успѣшно въ общемъ будетъ выполнена сотрудниками новаго изданія эта широкая задача. Эти выпуски еще не заканчиваютъ перваго тома, который долженъ обнять время отъ 1800 до 1850, до начала такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“. Но, судя по этому началу, несмотря на неизбежную въ коллективномъ трудѣ неравноцѣнность отдѣльныхъ главъ, „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ составитъ цѣнный общій обзоръ нашего историческаго развитія за минувшее столѣтіе.

Изъ отдѣльныхъ главъ заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи о Россіи въ концѣ XVIII вѣка, по преимуществу съ точки зрѣнія народнаго хозяйства М. Н. Покровскаго, объ экономическомъ развитіи въ первой половинѣ XIX вѣка Н. А. Рожкова, о внутренней политикѣ въ царствованіе Николая I-го А. А. Кизеветтера, а также обстоятельная статья З. Ленскаго, о Польшѣ въ той же первой половинѣ XIX вѣка.

Рядомъ съ этимъ, нѣкоторыя статьи, какъ напримѣръ, статья К. Левина о декабристахъ должна быть признана безусловно неудовлетворительной.

Отмѣтимъ въ статьѣ г. Кизеветтера его выразительное и поучительное заключеніе о дѣятельности Николая I, который въ теченіе всего своего цар-

ствованіи среди дворянских полицейскаго и цензурнаго произвола“ тщето пытался разрѣшить „квадратуру круга, т. е. произвести реформы ничего не реформируя“. Въ началѣ настоящаго очерка—пишетъ г. Кизеветтеръ—я привелъ докладную записку Боровкова, въ которой были сведены указаніе декабристовъ на общественныя язвы Россіи. То было на порогѣ царствованія императора Николая Павловича. Теперь предъ нами—записка Кутузова отъ второй половины того же царствованія. Чѣмъ разнятся другъ отъ друга эти двѣ картины внутренняго состоянія Россіи? Не повторяетъ ли Кутузовъ все то же, на что указывали декабристы—тѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Во что разрѣшилась, что принесла многолѣтняя работа секретныхъ комитетовъ и комиссій, претендовавшихъ на то, чтобы вѣщать и рѣшить судьбы страны? Жизнь выдвигала на очередь крупныя и сложныя задачи, но старый режимъ, въ которомъ цепенѣла Россія, не былъ способенъ ни разрѣшить, ни снять ихъ съ очереди. Ему оставался только одинъ исходъ: пасть жертвой собственнаго безумія“.

Съ внѣшней стороны изданіе очень изящно. Хороши портреты, значительная часть которыхъ воспроизведена новымъ способомъ существенно усовершенствованной двойной автотипіи. Мы не понимаемъ только, зачѣмъ издателя называютъ эти портреты гелиографюрами. Какъ они ни хороши, но все же, вследствие автотипической сѣтки, хотя и чуть видной, они очень далеки отъ настоящей гелиографюры, которая по легкости перехода тѣней и по ихъ теплотѣ такъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ фотографическихъ способовъ воспроизведенія картинъ, и одна только по своей художественности приближается къ старой гравюрь.

C.

С. А. Венгеровъ. „Очерки по исторіи русской литературы“. 8 нумер.—488 стр. in 8°. Спб. 1907. Цѣна 2 р. 50 к. (Библіотека „Свѣточа“ подъ редакціей С. А. Венгерова. №№ 56—65).

Въ объемистую книгу нашего талантливаго историка литературы и критика г. Венгерова вошло 5 статей, написанныхъ въ 1887—1907 годахъ. За исключеніемъ первой изъ этихъ статей („Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы“), представляющей собой вступительную лекцію, читанную авторомъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1897 г., остальные 4 статьи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе своимъ большимъ объемомъ—отъ 5 до 9 печ. листовъ каждая. Изъ нихъ статья „Передовой боецъ славянофильства (Константинъ Аксаковъ)“ относится еще къ 1887 году, когда она была помѣщена въ „Критико-біографич. словарь“ автора; статьи же „Великое сердце“ (Вѣлинскій) и „Писатель-гражданинъ“ (Гоголь) были въ свое время напечатаны въ „Рус. Богатствѣ“ (первая въ 1898, а вторая въ 1902 г.) и теперь являются только дополненными нѣкоторыми позднѣ опубликованными данными. Самою же большою и почти совершенно новою (только краткій эскизъ-конспектъ ея былъ помѣщенъ въ Брокгаузъ-Ефроновскомъ „Энцикл. Словарѣ“) статьею въ настоящей книгѣ является цѣлая монографія—„Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы“ (стр. 23—163), гдѣ г. Венгеровъ излагаетъ факты русской литературы и характеризуетъ писателей (часто въ краткой, справочной, такъ сказать, „словарной“ формѣ), начиная съ 1848 г. (со смерти Вѣлинскаго) и вплоть до марта текущаго 1907 года. (Предисловіе книги датировано 20-мъ мая)

Въ этомъ обширномъ очеркѣ г. Венгеровъ поставилъ себѣ цѣлью dati

щую картину не одного литературного, а и литературно-общественного движения в России во 2-й половине XIX и в первое пятилетие XX вѣка. Г-нъ Венгеровъ совершенно вѣрно и правильно видитъ въ нашей литературѣ (художественной и публицистической) „яркое выраженіе русской общественной“, „признавая основной чертой русскаго литературнаго творчества его вѣсную и неразрывную связь съ общественной жизнью“. Какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Съ этой точки зрѣнія авторъ и рассматриваетъ ходъ и развитіе нашей литературной эволюціи за послѣднія 60 лѣтъ. Эта же точка зрѣнія красной нитью проходитъ и вообще во всей книгѣ г. Венгерова. Такой взглядъ на нашу литературу далеко не новъ. Его держались лучшіе передовые вожди нашей литературы (Добролюбовъ, Чернышевскій, Михайловскій); этотъ взглядъ проникъ даже въ нашу академическую среду (труды покойнаго академика А. Н. Пыпина); но заслуга г. Венгерова состоитъ въ томъ, что онъ примѣнилъ этотъ взглядъ и къ фактамъ и явлениямъ *новѣйшей* нашей литературы вплоть до текущаго момента, при чемъ въ изложеніи литературныхъ данныхъ и въ характеристикахъ писателей (какъ бы кратки ни были эти характеристики) онъ отличается живостью изложенія, опредѣленностью и вѣрностью своихъ сужденій.

Въ данной книгѣ г. Венгерова насъ интересуютъ, главнымъ образомъ, факты и явленія нашей литературной исторіи по ихъ отношенію къ исторіи нашего освободительнаго движенія и движенія революціоннаго, а такихъ фактовъ и данныхъ въ книгѣ г. Венгерова указано въ изобиліи, начиная со ссылки Салтыкова-Щедрина въ 1848 г., ареста и высылки (въ Сибирь) Юрія Самарина, дѣла петрашевцевъ въ 1849 г. и т. д.

Очень удачно обрисована, между прочимъ, г. Венгеровымъ эпоха 60-хъ годовъ (стр. 67—84), далѣе время 70-хъ годовъ (стр. 85—121), „время разброда и унынія“, какъ характеризуетъ авторъ 80-е года (стр. 121—146), но сравнительно слабѣе и блѣднѣе вышла у него картина годовъ 90-хъ или, какъ называетъ ихъ авторъ, „начала возрожденія“ (стр. 146—163), которое онъ заканчиваетъ, однако, яркой и красочной характеристикой таланта Максима Горькаго, о которомъ онъ, въ заключеніе, говоритъ: „... Выдвинутый вѣкогда Вакунинымъ лозунгъ: „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust“ (страсть къ разрушенію—страсть творческая) несомнѣнно ярко проходитъ черезъ настроеніе всего творчества Горькаго. Идеаль его—„буревѣстникъ“ изъ написанной ритмической прозой „Пѣсни о буревѣстникѣ“... И яркое сознание личности, конечно, составляетъ тотъ Leitmotiv, который проходитъ черезъ всю литературную дѣятельность Горькаго. Но столь же важно для характеристики Горькаго и то, что сознание личности тѣснѣйшимъ образомъ связано въ немъ съ стремленіемъ къ идеалу... И въ общемъ, всю совокупностью своей общественно-политической и литературной дѣятельности Горькій входитъ въ исторію литературы, какъ человекъ, пропѣвшій могучую пѣсню „безумству храбрыхъ“ (стр. 160б—160в).

Далѣе слѣдуютъ у г. Венгерова характеристики „побѣдоносцевщины“, Чехова, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и, въ особенности, П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго.

Справедливо оцѣниваетъ г. Венгеровъ и самоотверженное движеніе въ народъ нашей молодежи въ 70-хъ годахъ. „Никогда еще—говоритъ авторъ (стр. 88)—русское общество не присутствовало при такомъ взрывѣ беззаветной готовности отдать себя угнетеннымъ и оскорбленнымъ. Новое поколѣніе

полюбило отвлеченное понятие „народъ“ съ такимъ конкретнымъ пыломъ, съ такимъ душевнымъ жаромъ, что едва ли юноша, въ первый разъ полюбившій прекрасную дѣвушку, могъ бы больше волноваться, больше страдать, больше горѣть страстнымъ желаніемъ отдать всего себя, всю свою жизнь для счастья дорогого существа.“

Добавимъ, что книга г. Венгерова разошлась въ 4 мѣсяца и теперь (въ октябрѣ) вышло ея 2-ое изданіе съ поправками немногихъ ошибокъ, встрѣчавшихся въ 1-мъ изданіи, въ именахъ и отчествахъ нѣкоторыхъ писателей.

Д. П. Сильчевскій.

А. И. Герценъ. „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Переводъ съ французскаго А. *Тверитинова*“. Изданіе Ф. Павленкова. 169+7 нумер. стр. in-16°. Спб. 1907. Цѣна 40 коп.

А. И. Герценъ. „Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. Переводъ со второго, просмотрѣннаго авторомъ, изданія 1853 года. Лондонъ“. Изданіе В. М. Саблина. 132 стр. in-8°. Москва. Цѣна 50 коп.

Въ собранныхъ Н. Г. Чернышевскимъ и изданныхъ К. Т. Солдатенковымъ „Матеріалахъ для біографіи Н. А. Добролюбова“ (М. 1890), между прочимъ, имѣется любопытное письмо Добролюбова, отъ 1 августа 1856 г., къ одному изъ его друзей Н. П. Турчанинову. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Добролюбовъ говоритъ (стр. 319) о книжкѣ Герцена „*Du développement des idées revolutionnaires en Russie*“, явившейся теперь одновременно въ двухъ русскіихъ переводахъ: „... Я, наконецъ, доставилъ ему (Чернышевскому) ту книгу, которой мы долго ждали, и онъ сказалъ мнѣ потомъ, что, прочитавъ эту книгу... онъ приходитъ къ мысли, что дѣйствительно авторъ (т. е. Герценъ—Д. С.) человекъ весьма замѣчательный,—независимо отъ того, что мы его любимъ за идеи его. Этотъ отзывъ меня, конечно, чрезвычайно порадовалъ, потому что оба эти человека (т. е. Герценъ и Чернышевскій—Д. С.) для меня авторитеты“. Къ этимъ словамъ добролюбовскаго письма Чернышевскій сдѣлалъ слѣдующее весьма характерное подстрочное пояснительное примѣчаніе: „Книга, о которой говоритъ Николай Александровичъ, была одной изъ написанныхъ Герценомъ за-границей... „*Du développement des idées revolutionnaires*... Литераторъ (т. е. Чернышевскій, говорящій здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ—Д. С.), о которомъ говоритъ Николай Александровичъ, ужъ имѣлъ тогда образъ мыслей, не совсѣмъ одинаковый съ понятіями Герцена и, сохраняя уваженіе къ нему, уже не интересовался его новыми произведеніями. Видя, что Николай Александровичъ огорчается холодными отзывами о нихъ, этотъ литераторъ (Чернышевскій—Д. С.) перешелъ отъ разъясненія причинъ своего недовольства нѣкоторыми понятіями Герцена къ похваламъ тому, что находить у него хорошимъ, и, между прочимъ, говорилъ о томъ, что высоко цѣнить его блестящій литературный талантъ, что собственно *по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену* (курсивъ мой—Д. С.). Это утѣшало Николая Александровича“.

Итакъ еще въ 1856 г., т. е. болѣе полустолѣтія тому назадъ, Чернышевскій находилъ, что „по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену“. А тогда вѣдь Герценъ еще не издалъ лучшаго своего произведенія—„*Вылого и Думъ*“—этого несравненнаго шедевра между всѣми его сочиненіями. Не было тогда опубликовано и нѣсколькихъ другихъ крупныхъ и ярко талантливыхъ трудовъ Герцена.

Приговоръ Чернышевскаго вѣренъ и до сего дня, да „по блеску талант въ Европѣ не было публициста, равнаго Герцену“. Нѣкоторыя частности во взглядахъ Герцена были ошибочны, нѣкоторыя его объясненія устарѣли, а нѣкоторыя подлежатъ поправкамъ и пересмотру. Теперь, напр., нельзя уже безусловно соглашаться съ его взглядами на общинное землевладѣніе и его значеніе для будущаго крестьянства. Нельзя соглашаться также и съ нѣкоторыми изъ его теоретическихъ положеній по философіи исторіи Россіи и славянства и проч. Но, какъ бы тамъ ни было, въ основныхъ чертахъ своей литературной дѣятельности Герценъ и до сихъ поръ *современенъ* и вѣренъ, и большинство изъ его писаній имѣетъ значеніе какъ бы живой современности для насъ и сохранить, вѣроятно, еще надолго такое значеніе. Въ сущности, мы еще не такъ далеко ушли впередъ (а во многомъ такъ подались даже назадъ) отъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, когда жилъ и писалъ Герценъ (сравните хотя бы сколько было тогда смертныхъ казней и всяческаго полицейскаго произвола и сколько теперь). Многія статьи Герцена изъ „Колокола“ кажутся какъ будто написаны только вчера или сегодня,—перемѣните только числа и имена... А о публицистическомъ талантѣ—даже прямо таки гениальности—ужь и говорить нечего.

1 е изданіе книги „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ вышло по французски въ 1851 г., а черезъ 2 года (въ 1853 г.) появилось на томъ же языкѣ 2-е изданіе. Въ этой книжкѣ, не включавшейся до сихъ поръ ни въ заграничное (1875—78 гг.), ни въ вышедшее въ Петербургъ (въ 1905 г.) изданіе „Сочиненій А. И. Герцена“,—авторъ задался цѣлью познакомиться западноевропейскую публику съ исторіей Россіи и съ тогдашнимъ ея положеніемъ. Нечего и говорить, что Герценъ исполнилъ свое намѣреніе удивительно мастерски. Рука художника, работа свѣтлаго ума и печать глубокой и философской, и поэтической мысли видны на каждой страницѣ этой небольшой по объему, но глубоко-содержательной книжки, отъ чтенія которой съ трудомъ можно оторваться.

Чтобы не быть голословнымъ, я приведу изъ книжки Герцена три-четыре выдержки, вполне увѣренный, что мои читатели не только не посѣтуютъ за нихъ на меня, но, напротивъ, съ удовольствіемъ прочтутъ блестящія и глубоко-мѣткія характеристики Герцена.

Разсуждая, напр., о Пушкинѣ и созданныхъ имъ типахъ Евгенія Онѣгина и Ленскаго, Герценъ замѣчаетъ: „Рядомъ съ Пушкинымъ тоже помѣщается другой Ленскій, то былъ Веневитиновъ, чистая, поэтическая душа, задуманная въ двадцать два года грязными руками русской жизни.

„Между этими двумя типами, между поэтомъ, вѣчнымъ энтузіастомъ, и человѣкомъ усталымъ, ожесточеннымъ, бесполезнымъ,—между могилой Ленскаго и скукой Онѣгина влачитъ глубокая, грязная рѣка цивилизованной Россіи съ ея аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами, великими князьями и императоромъ (Николаемъ I—Д. С.); масса безформенная и нѣмая отъ низости, холопства, звѣрства и зависти, которая увлекаетъ и поглощаетъ все, „эта пучина,—какъ говоритъ Пушкинъ,—гдѣ, дорогой читатель, мы съ вами купаемся“ (стр. 91).

Или вотъ вамъ,—посмотрите, какъ художественно и ярко рисуетъ Герценъ положеніе николаевской Россіи въ двадцатипятилѣтіе 1825—1850 гг. „На поверхности официальной Россіи, „показанной имперіи“ были видны только одвѣ потери, свирѣпая реакція, безчеловѣчныя преслѣдованія, усугубленіе

деспотизма. Николай былъ окруженъ посредственностями, показными солдатами, балтійскими нѣмцами и дикими консерваторами, самъ недовѣрчивый, холодный, упрямый, бездушный, посредственный, какъ его приближенные. Затѣмъ, ниже его стояло высшее общество, которое при первомъ ударѣ грома, разразившейся надъ его головой послѣ 14 декабря, потеряло едва приобретенныя понятія чести и достоинства. Русская аристократія уже не поднималась при Николаѣ, она уже отцвѣла; все, что имѣлось въ ея средѣ благороднаго и великодушнаго, было въ рудникахъ или въ Сибири. Все, что оставалось или держалось въ благоволеніи господина, пало до послѣдней степени низости или холопства, что узнаешь по картинѣ, нарисованной маркизомъ де-Кюстиномъ.—Далѣе шли гвардейскіе офицеры; изъ блестящихъ и образованныхъ они становились все болѣе и болѣе полированными унтерами. Гвардія раздѣлила участь аристократіи: лучшіе офицеры были сосланы, многіе оставили службу, не будучи въ состояніи выносить грубый и нахальный тонъ, введенный Николаемъ. Торопились заполнить пустыя мѣста хорошими служаками, или казарменными, или манежными завсегдатаями. Офицеры упали во мнѣніи общества, фракъ одолѣлъ, и мундиръ господствовалъ только въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ и при дворѣ, въ этой первой гауптвактѣ имперіи.—Члены императорской фамиліи и самъ глава ея выказываютъ военнымъ преувеличенное и неповадительное предпочтеніе. Холодность публики къ мундиру не доходила, однако, до допущенія чиновниковъ въ общество. Даже въ провинціи было непреодолимое отвращеніе къ нимъ, что однако не мѣшало вліянію бюрократовъ возрастать. Вся администрація стала изъ аристократической и невѣжественной, какою она была раньше, казуистичной и мелочной послѣ 1825 г. Министерства превратились въ конторы, управляющіе ими и высшіе чиновники сдѣлались дѣловыми людьми или писарями. Они по отношенію къ гражданской службѣ были тѣмъ, чѣмъ безнадежные служаки были по отношенію къ гвардіи. Идеальные знатоки всѣхъ формальностей, холодные и лишены здраваго смысла исполнители высшихъ приказаній, они были преданы правительству изъ любви къ вѣткамъ. Николаю нужны были такіе офицеры и такіе администраторы.—Казарма и канцелярія сдѣлались основаніемъ политической науки Николая. Слѣпая и бессмысленная дисциплина, соединенная съ бездушнымъ формализмомъ австрійскихъ казначеевъ, таковы дѣятели знаменитой организаціи сильной власти въ Россіи. Какая бѣдность правительственной мысли, какая проза самодержавія и какая жалкая пошлость! Это самая простая, самая грубая форма деспотизма, идеаль Фридриха II и его отца.—Прибавимъ къ этому графа Бенкендорфа, шефа корпуса жандармовъ, шефа вооруженной инквизиціи, полицейскаго массонства, у котораго были во всѣхъ концахъ имперіи, отъ Риги до Нерчинска, свои братья, слушающіе и подслушивающіе; начальника 3-го отдѣленія собственной К. И. В. канцеляріи (такъ называется центральная шпіонская контора), судящаго все, кассирующаго рѣшенія судовъ, вмѣшивающагося во все и въ особенности въ политическіе проступки. Передъ этой судебной конторой привлекалась отъ времени до времени цивилизація въ видѣ какого-нибудь литератора или студента, котораго ссылали или запирали въ крѣпость, но который вновь и вновь появлялся.—Однимъ словомъ, смотря на официальную Россію, на душѣ была одна только безнадежность...

„Но внутри дѣлалось важное дѣло, дѣло подпольное, но съ энергіей и непрерывностью: недовольство росло вездѣ, революціонныя идеи за эти 25 лѣтъ

Болѣе распространились, чѣмъ за цѣлое столѣтіе, что имъ предшествовало. и все же онъ не проникли до народа“ (стр. 95—97).

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ характеристики Бѣлинскаго. „Бѣлинскій—говорить Герценъ—былъ совершенно свободенъ отъ вліяній, которыми мы поддаемся, когда мы не умѣемъ отъ нихъ себя защитить. Соблазненные новизной, мы усваиваемъ множество вещей памятью, не провѣряя ихъ разумомъ. Эти воспоминанія, которыя мы принимаемъ за приобретенныя истины, связываютъ нашу независимость. Бѣлинскій началъ свои занятія съ философіи, когда ему было 25 лѣтъ. Онъ приступилъ къ наукѣ съ серьезными вопросами и со страстной діалектикой. Для него истины, выводы не были ни абстракціями, ни игрой ума, но вопросами жизни и смерти; свободный отъ всякаго посторонняго вліянія, онъ вступилъ въ науку съ большой искренностью; онъ не старался что-либо спасти отъ огня анализа и отрицанія и онъ, совершенно естественно, возсталъ противъ половинныхъ рѣшеній, робкихъ заключеній и малодушныхъ уступокъ... Бѣлинскій много сдѣлалъ для пропаганды. Вся учащаяся молодежь читала его статьи; онъ образовалъ эстетическій вкусъ у публики, онъ придавалъ мысли силу. Его критика шла гораздо дальше, чѣмъ критика Полевого, поднимая другіе вопросы, возбуждалъ другія сомнѣнія. Его мало цѣнили; онъ въ теченіе своей жизни затронулъ много самолюбій, оскорбилъ много честолюбій; послѣ его смерти правительство запретило писать о немъ... Его слогъ былъ часто угловатъ,—но всегда полонъ энергіи. Онъ сообщалъ свою мысль такъ, какъ понималъ ее, со страстью. Чувствуешь въ каждомъ словѣ, что этотъ человѣкъ пишетъ своей кровью, своими нервами, чувствуешь, сколько онъ ихъ растрачиваетъ и какъ онъ чашеетъ; болѣзненный, раздражительный, онъ не зналъ границъ ни любви, ни ненависти. Онъ часто увлекался, иногда даже очень неосновательно, но онъ всегда оставался абсолютно искреннимъ... Онъ былъ одинъ изъ самыхъ свободныхъ людей, онъ не былъ связанъ ни вѣрованіями, ни традиціями. Онъ не зависѣлъ отъ общественнаго мнѣнія и не признавалъ никакихъ авторитетовъ; онъ не боялся ни гнѣва друзей, ни ужаса добрыхъ душъ. Онъ всегда былъ на стражѣ критики, готовый опубликовать, заклеить все то, что онъ считалъ низкимъ или подлымъ. Какъ же могъ онъ оставить въ покоѣ православныхъ и ультрапатріотическихъ славянофиловъ, онъ, который видѣлъ тяжелыя цѣпи во всемъ томъ, что славянофилы считали за узы самыя священныя? Между славянофилами были талантливые люди, ученые, но ни одного публициста, ихъ журналъ (*Москвитянинъ*) не имѣлъ успѣха. Талантливые люди этой партіи почти никогда не писали, а неспособные писали постоянно.—Славянофилы передъ европейцами (западниками) имѣли большое преимущество, но такія преимущества пагубны: они защищали православіе и національность, тогда какъ европейцы нападали на то и на другое; они, такимъ образомъ, могли говорить почти все, за что получали ордена, пенсіи, мѣста придворнаго учителя или камеръ-юнкера; Бѣлинскій же, напротивъ, не могъ ничего говорить; одно прозрачное слово, неосторожная фраза могли привести его въ казematъ, компрометировать журналъ, редактора и цензора. Но именно благодаря этому всѣ симпатіи были приобретены смѣлымъ писателемъ, который въ виду Петропавловской крѣпости, защищалъ независимость, а всѣ антипатіи—его противниками, показывавшими кулакъ изъ-за Кремля и Успенскаго собора, такъ хорошо покровительствуемыхъ петербургскими нѣмцами“ (стр. 130—133).

Приведенныя мною цитаты показываютъ, съ какимъ великимъ талантомъ мы здѣсь имѣемъ дѣло. Въ заключеніе я долженъ сказать о характерѣ двухъ изданій герценовой книжки, лежащей теперь передо мною. Изданіе Павленкова (всѣ цитаты сдѣланы мною по этому изданію), хотя оно и дешевле, но гораздо полнѣе московскаго изданія В. М. Саблина. Въ павленковскомъ изданіи имѣются (стр. 158—163) характеристики тогдашней русской заграничной эмиграціи (Ив. Головина, Бакунина въ 40-хъ гг., Н. Сазонова и проч.), чего нѣтъ въ изданіи г. Саблина, какъ нѣтъ въ немъ и имѣющагося въ павленковскомъ изданіи приложенія „О сельской общинѣ въ Россіи“ (стр. 163—169). Да и переводъ лучше и литературнѣе анонимнаго весьма плохого перевода саблинскаго изданія.

Д. П. Сильчевскій.

Николай Тургеневъ. Россія и русскіе. Первое русское изданіе. (Библіотека декабристовъ 1907 годъ. Выпуски второй и пятый).

Книга Н. И. Тургенева „Россія и русскіе“ врядъ ли нуждается въ какихъ-либо рекомендаціяхъ, какъ матеріалъ по исторіи Александра I и въ частности по исторіи декабристовъ. Писанный по французски, хотя авторъ въ мысляхъ, по его собственнымъ словамъ, предпочтительно обращается къ русскимъ, этотъ трудъ слишкомъ 60 лѣтъ находился подъ цензурнымъ запретомъ. Только въ нынѣшнемъ 1907 году вышли въ русскомъ переводѣ первый и часть второго тома этого замѣчательнаго труда.

Что касается перваго тома, то къ сожалѣнію переводъ оставляетъ желать многого. Недостаткомъ его являются пропуски, какъ крупныя, такъ и мелкія, которыхъ такъ много, что собственно говоря даже затрудняешься признать данное изданіе переводомъ книги Н. Тургенева: это скорѣе извлеченіе изъ нея. Чтобы не быть голословнымъ, приведу слѣдующія доказательства. Начну съ конца книги. Изъ помѣщенныхъ въ приложеніи замѣтокъ автора о разныхъ лицахъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, о баронѣ Штейнѣ, Лагарпѣ, Карамзинѣ и др., а также „записка Паццо-ди-Борго, представленная императору“ и т. д., переведена только одна замѣтка о Сперанскомъ. Можетъ быть скажутъ, что въ настоящее время эти примѣчанія лишены интереса. Съ этимъ возраженіемъ врядъ ли можно вполне согласиться. Конечно „записку о древней и новой Россіи“ Карамзина лучше печатать цѣликомъ, или совсѣмъ не печатать, чѣмъ помѣщать изъ нея отрывокъ. Но что касается другихъ замѣтокъ Тургенева, такъ вѣдь это „записки современника“, и выбрасывать ихъ изъ книги нѣтъ большого основанія. Что всего курьезнѣе, на стр. 53-ей настоящаго изданія находимъ сноску: „см. письмо Карамзина къ императору въ концѣ перваго тома“, а самаго письма нѣтъ.

Далѣе, кромѣ этого пропуска такъ сказать цѣлаго отдѣла 1-го тома, есть пропуски страницами. Такъ не переведены почти цѣлая страница 92—93, 160—165, 197—200 (оригинала).

Затѣмъ чуть-ли на на каждой страницѣ попадаются пропуски цѣлыхъ предложеній или отдѣльныхъ выраженій.

Въ нѣкихъ случаяхъ въкоторыя мѣста изъ текста перенесены въ примѣчанія, что находимъ напр. на страницѣ 62—63, стр. 77, 111-ой (оригинала).

За VII главой въ оригиналѣ слѣдуетъ „оправдательная записка“, о которой находимъ слѣдующее примѣчаніе въ нашемъ изданіи: „въ оправдательной запискѣ Н. Тургеневъ очень повторяется, такъ что редакція, вообще

Ридерживаясь возможно ближе къ тексту, принуждена дѣлать нѣкоторые пропуски, чтобы не говорить по нѣскольку разъ одно и то же". Жаль, что переводчикъ не сдѣлалъ подобной оговорки и вообще о всемъ своемъ переводѣ.

Но какой характеръ имѣютъ эти пропуски и какъ они вліяютъ на весь переводъ? Для этого должно привести нѣсколько примѣровъ этихъ пропусковъ. Такъ на стр. 12 (перевода) говорится о любви Тургенева къ крестьянамъ, благу которыхъ онъ „посвящалъ весь свой досугъ, доказательствомъ того служить и настоящая книга". Послѣ этихъ словъ въ оригиналѣ слѣдуетъ такая фраза: „oui, je les aime ces bons serfs russes, et jusqu'a la sainte barbe, qui les distingue encore, tout en eux est pour moi object de respect". Слова, несомнѣнно характерныя для личности Н. Тургенева, остались однако безъ перевода. Можно согласиться съ возраженіемъ, которое могутъ сдѣлать, что въздъ въ данномъ случаѣ эта черта Тургенева (любовь къ крестьянамъ) остается отмѣченной, и такимъ образомъ все дѣло сводится здѣсь къ тому, что характеръ оригинала въ переводѣ не передается. Такихъ примѣровъ можно набрать не мало. Въ этомъ отношеніи характерны пропуски и отдѣльныхъ словъ, напр. „les idees généreuses", переведено просто „тѣ идеи" (стр. 13), „la légitime aversion"—„свое отвращеніе" (стр. 13).

Иногда такого рода пропуски вредятъ ясности и полнотѣ изложенія; напр. въ переводѣ (стр. 17) читаемъ: „Францискъ II былъ такъ же безучастенъ къ участи Гофера", но кто такой Гоферъ, неизвѣстно, между тѣмъ какъ въ оригиналѣ это объяснено.

Или о Штейнѣ говорится: „довѣріе, равнымъ которому никто тогда не пользовался, императора Александра ставило его въ совершенно исключительное положеніе", тогда какъ въ оригиналѣ упоминается еще и о сходствѣ взглядовъ императора Александра и Штейна.

Или вотъ еще характерный примѣръ. Говоря о бесѣдахъ своихъ съ Мордвиновымъ и гр. Потоцкимъ, Тургеневъ замѣчаетъ о желаніяхъ Мордвинова политической свободы, верхней палаты и организованной аристократіи, о чемъ въ переводѣ нѣтъ ни слова.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть характерную черту настоящаго перевода, стремленіе къ сокращенному изложенію оригинала. Укажу еще примѣры: на 11-ой страницѣ 15 строкъ текста оригинала уложились въ 3 строки перевода, на 119—120 стр. 11-ти строкамъ оригинала соответствуютъ 3 строки перевода.

Мнѣ остается сказать еще о вѣрности перевода. Если не принимать во вниманіе пропусковъ перевода, то его можно признать вѣрнымъ. Отмѣчу лишь два случая. На стр. 36 оригинала между прочимъ говорится о женевцѣ, который „тогдашъ по прибытіи въ главную квартиру былъ назначенъ avec le titre de conseiller d' état русской службы при баронѣ Штейнѣ". Приведенныя французскія слова въ переводѣ переданы: „государственнымъ совѣтникомъ". Не идетъ ли здѣсь рѣчь просто о статскомъ совѣтникѣ. Затѣмъ въ примѣчаніи на стр. 82—83 говорится объ „идеяхъ и политическихъ ученіяхъ, провозглашенныхъ французской революціей", surtout par l'immortelle Constituante; въ переводѣ оказалось, что эти идеи провозглашены „безсмертнымъ Константиномъ". Отмѣчу опечатку на стр. 195 (русс. изд.): игуменамъ напечатано вмѣсто игуменьямъ; рѣчь идетъ о женскомъ монастырѣ и игумену тутъ не мѣсто.

Что касается втораго тома, то пока изъ него переведено только 4½ главы. Пропусковъ порядочно и въ этомъ томѣ.

Отмѣчу слѣдующую неправильность въ переводѣ: въ предисловіи 2-му тому на стр. 5-ой въ концѣ слово „partout“ передано словомъ „ради“, что совершенно искажаетъ смыслъ фразы. Не вполне понятнымъ является слѣдующее мѣсто: „особенно часто идеи не могли занимать страны, въ которыхъ волненія въ эти времена привлекали общее вниманіе“. Очевидно перекладомъ словомъ „страны“ пропускъ предлога „у“; въ оригиналѣ „avoir été empruntés aux pays“. Несомнѣнно опечатки и въ слѣдующихъ мѣстахъ: „не много земель не слишкомъ-то тогда родной“, нужно: „не слишкомъ-то плодородной“ (teruk), вмѣсто „другіе министры“ нужно „друзья министра“ (les intimes du ministr- (стр. 84).

Н. Натанъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей Э. Берта, Г. Лагарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве. Перев. съ рукописи подъ редакціей и съ предисл. Л. Козловскаго. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника 1908 г. Ц. 1 р.

Изданія Т-ва „Общественная Польза“:

Гомельскій процессъ. Подробный отчетъ. СПб. 1907 г. Ц. 3 р.

Вернеръ Зомбартъ. Почему нѣтъ социализма въ Соедин. Штатахъ. Перев. съ нѣм. М. Панина. Ц. 50 к.

Академическая женщина во Франціи. Лицеистка, курсистка, профессоръ. Составленъ по книгамъ Реваль М. А. Лялиной. 1907 г. Ц. 75 к.

Г. Цыперовичъ. За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Сибири. СПб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Василичъ. Междуцарствіе и возстаніе 1825 г. Историческій очеркъ И-во „Русская Жизнь“. Ц. 1 р.

Пр. Мих. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и Украинскій вопросъ. Ц. 1 р.

Пр. Мих. Грушевскій. Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. СПб. 1907 г. Ц. 30 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Вопросъ объ украинскіхъ кафедрахъ и нужды украинской науки. Ц. 20 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Единство или распаденіе Россіи. Ц. 8 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Національный вопросъ и автономія. Ц. 8 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст. Ц. 8 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Украинскій вопросъ. Ц. 15 к.

Михайло Грушевскій. Про старіе часи на Україні. Ц. 20 к.

С. Сташинскій. Новое теченіе въ социализмѣ. (Очеркъ революціоннаго синдикализма во Франціи, Италиі и Германіи) 1907 г. СПб. К-во „Трудъ и Борьба“. Ц. 30 к.

Отчетъ библиотеки Общества взаимнаго вспомошествованія евреевъ г. Одессы имени С. Л. Бернфельда янв. 1906 г.—янв. 1907 г. 31-й годъ существованія.

В. Бернштамъ. Около политическихъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ „гиблыя мѣста“—Якутскую область. Изд. С. В. Бунина. Ц. 1 р. СПб. 1908 г.

Александръ Цитронъ. 103 дня Второй Думы. К-во „Думская Трибуна“. СПб. 1907 г. Ц. 75 к.

Л. Кульчицкій (Мазовецкій). Исторія русскаго революціоннаго движенія. (Съ портретами русскихъ революціонныхъ дѣятелей). К-во О. С. Іодко. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ. (Изъ дальнихъ лѣтъ) въ 3-хъ томахъ. Изд. 2-ое. А. Ф. Маркса. Ц. 5 р. 50 к.

М. Винаверъ. Конфликты въ Первой Думѣ. СПб. 1907 г. Ц. 60 к.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. К-во „Скорпионъ“. Ц. 80 к.

Альбертъ Вандаль. Армяне и Турецкія реформы. Пер. съ франц. М. Я. Алавердянца. СПб. 1908 г.

- Францъ Лютгенау. Естественная и социальная религія. Перев. съ нѣк. В. Величкиной. Ц. 1 р. СПб. 1908 г.
- Иванъ Вермишевъ. Созидательный социализмъ. Опытъ проекта и смѣты социалистической колоніи. СПб. 1907 г. Ц. 30 к.
- А. Б. Декабрьскіе дни. Сборникъ стихотвореній. Ц. 10 к.
- Любовь Бѣлкина. Лейтенантъ Шмидтъ. Поэма. Ц. 25 к.
- М. Слобожанинъ. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.
- Борьба № 1—9. Социаль-демократическая газета. Москва 27/11—7/12 1905 г.
- Кіевская Молва № 2. 1906 г. 31 декабря.
- Голосъ народа № 1. 23 декабря 1905 г.
- Рабочій Голосъ № 1. 26 ноября 1905 г.
- Впередъ! Двухнедѣльное обозрѣніе. Годъ I. 1875 г. №№ 1—24. Лондонъ.
- Впередъ! Двухнедѣльное обозрѣніе. Годъ II. 1876 г. №№ 25—27 и № 37. Лондонъ.
- Борьба № 3 и № 4. (15 мая и 9 июня 1907 г.) Мотовилихин. Рабоч. Организация П. С.-Р.
- Знамя Труда № 4 и № 5. (30 авг. и 12 сент. 1907 г.) Центр. Органъ П. С.-Р.
- Впередъ № 2. 1 окт. 1907 г. Изд. Пермс. Ком. П. С.-Р.
- Земля и Воля № 11. Крестьянская газета. Изд. Ц. К. П. С.-Р. 15 сент. 1907 г.
- Arbeiter Stimme № 29 и 30 (1902 г.) и №№ 31, 35 и 32 (1903 г.) Цент. Орг. „Бунда“ на евр. яз.
- Послѣднія Извѣстія „Бунда“. Изд. загранич. комит. №№ 246, 247, 254 (1905 г.) и 255 и 256 (1906 г.).
- Солдатскій Листокъ № 5. Забайкальск. Отд. Всероссійск. Воен. Союза авг. 1907 г.
- Der Bund № 5 (1904 г.) и №№ 8 и 11 (1905 г.).
- Красное Знамя. Еженедѣльный журналъ № 1. 12 авг. 1907 г. Украинск. гр. П. С.-Д. Харьков. губ. Купянского уѣз.
- За народъ! № 6. 25 іюля 1907 г. Всерос. союзъ солдатъ и матросовъ. Изд. Ц. К. П. С.-Р.
- Письмо № 1. Гродненской Округ. Организ. Р. С.-Д. Р. П. (по поводу организ. работы въ деревнѣ).
- Братья крестьяне! Перм. Ком. П. С.-Р.
- Уставъ братства п. с. р. Типогр. Перм. Ком.
- Ко всѣмъ. Перм. Ком. П. С.-Р.
- Товарищи рабочіе! Отказывайтесь отъ выборовъ въ 3-ью Думу Перм. Ком. П. С.-Р. 8 сен. 1907 г.
- Крестьяне дѣйствуйте сами! Воронеж. Ком. П. С.-Р. іюль 1907 г.
- Граждане! Дума умерла, да здравствуетъ Всенародное Учредительное Собраніе. Ворон. Ком. П. С.-Р. 7 іюня 1907 г.
- 3 листка Рязан. Губерн. Ком. П. С.-Р.
- 3 убитыхъ 11 раненныхъ. Сапожковская гр. П. С.-Р. 1907 г.
- Товарищи приказчики! Рязан. город. гр. П. С.-Р. 1907 г.
- Программа „Белоруской соціалистичной громады“ іюнь 1906 г. 1-й Крест Ком. Б. С. Гр.
- 10 листовъ различныхъ организацій П. С. Гр.
- Анархія по Прудону въ 2 част. Изд. 1874 г. (соціально револ. партіи).
- Парижская коммуна. № 2. Револ. Общ. Русскихъ Анархистовъ. Женева 1874 г.
- Историческое развитіе Интернаціонала. Изд. соціально-револ. пар. т. II. 1873 г.
- По поводу самарскаго голода. Втор. изд. Лондонъ. Изд. жур. „Впередъ“. 1874 г.
- Новыя истязанія на каторгѣ. Письма изъ Алгачинской тюрьмы. (Изъ Револ. Слова).
- Граждане! Приближаются новые выборы въ Госуд. Думу. Ц. К. „Бунда“ авг. 1907 г. (на рус. польск. и евр. яз.).
- Къ крестьянамъ. Крестьян. Ком. Тавр. Союза П. С. Р.
- Ко всѣмъ приказчикамъ и приказчицамъ булочнаго и кондитер. цеха. Группа приказчиковъ и приказницъ булоч. и кондит. цеха.

Уставъ Общества вспомошествованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Контръ-революція идетъ! Ц. К. „Бунда“ ноябрь 1905 г.

Отчеты Курскаго Ком. П. С.-Р. май и июнь 1907 г. июль и августъ 1907 г.

Уставъ Крестьянскаго Сельскаго Союза. Харьк. Губ. Крестьян. Ком.

П. С.-Р. авг. 1907 г.

Крестьянамъ и Гдѣ зло. Старый служивый.

Ко всѣмъ гражданамъ. Калуж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Избирательная платформа. Р. С.-Д. Р. П. Переп. Кубан. Ком. Р. С.-Д.

Р. П. 28 ав. 1907 г.

Ко всѣмъ избирателямъ. Крым. Союз. Р. С.-Д. Р. П. Тип. Мелитоп. Ком.

Проектъ программы Евр. С.-Д. Раб. Партіи „Поалей-Ціонъ“, предлагаемый

Цент. Комитетомъ. Мартъ 1906 г.

Къ еврейской учащейся молодежи. Организациія учащихся при Полт. Ком.

Е. С.-Д. Р. П. „Поалей-Ціонъ“.

Boltisch-deutsche Edelmannsbestien (Separatabdruck aus dem Volksrech

Der Verband lettischen Sozialdemokr.

Резолюція съѣзда Совѣта Уральской обл. П. С.-Р. (прил. къ № 2 „Впередъ“)

Ко всѣмъ крестьянамъ, борющимся за землю и волю. Опросный листъ

для крестьянъ Ц. К. П. С.-Р.

Товарищи! Центр. группы студ. фракціи Р. С.-Д. Р. П. Бунда 3 окт. 1907 г.

По поводу рекрутскаго набора. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Листокъ Союза Союзовъ № 1 и № 6. 1906 г. Органъ Уссурійскаго Союза

Союзовъ. Владивостокъ № 4. 12 янв. 1906 г.

Постановленія, выработанныя выборными нижними чинами отъ Влади-

восток. гарнизона на собраніяхъ 7, 9 и 12 дек. 1905 г.

Граждане! Комитетъ Владивост. Отд. Всер. Почт.-Тел. Союза 22 дек. 1905 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ поступило:

Изъ Вильны отъ Р. К. 50 р. Отъ г. Тифлиса 80-го года—10 р. Отъ
врачей—10. Отъ Дункеля Ив. Солом.—2 р. 50 к. W. L. изъ Вильны—28 руб.
Отъ служащихъ Г. Б. за сентябрь 17 р.

Деньги переданы по назначенію.

Письма въ редакцію.

I.

Милостивый Государь

г. Редакторъ

На страницахъ уважаемаго журнала Вашего я нѣсколько разъ встрѣчалъ имя покойнаго брата Александра Евграфовича Сентянина, безвременно погибшаго въ мрачныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости.

Въ майской книжкѣ „Былого“ о немъ упоминають нѣсколько авторовъ въ своихъ воспоминаніяхъ и вскользь передають исторію его ареста въ г. Харьковѣ, кстати сказать не совсѣмъ точно.

Въ одномъ мѣстѣ онъ даже ошибочно названъ студентомъ Александромъ „Васильевичемъ“ вмѣсто „Евграфовичемъ“.

Нашъ близкій родныхъ и знакомыхъ, въ свое время сильно интересовала загадочная смерть талантливаго юноши, но всѣ усилія узнать какія-либо подробности остались безуспѣшными.

Я помню только, что чрезъ Славяносербское уѣздное полицейское управленіе (Екатер. губ.) изъ Петропавлов. крѣпости было получено отцомъ лаковическое извѣщеніе о смерти „дворянина Александра Сентянина“, при чемъ препровождались вещи его: коробка съ какими то медикаментами, большая висточка для смазки горла, кажется смазные сапоги и кусокъ частаго гребня -- вотъ и все.

Даже теперь, когда прошло болѣе 20 лѣтъ послѣ смерти брата, многимъ близкимъ къ нему лицамъ интересно узнать подробности о жизни его, въ особенности за послѣдніе годы, такъ какъ уйдя изъ дома родителей, будучи еще гимназистомъ, Александръ Евграфовичъ порвалъ всѣ связи съ семьей и нерѣдко появлялся на родинѣ, уже преслѣдуемый и гонимый полиціей.

Этимъ письмомъ я обращаюсь къ сверстникамъ и товарищамъ покойнаго съ просьбою подѣлиться тѣми свѣдѣніями о немъ, какими они располагають.

Я же приведу здѣсь краткія біографическія данныя о немъ.

Алек. Евг. происходилъ изъ старо-дворянской семьи Екатеринослав. губ., нѣкогда довольно богатой, но впоследствии совершенно раззорившейся.

Имѣніе отца его, Сентяновка, гдѣ родился братъ, принадлежитъ нынѣ, если не ошибаюсь, Голенищеву-Кутузову и расположено верстахъ въ 30 отъ уѣзднаго города Славяносербска (теперь заштатнаго).

Образованіе онъ получилъ въ Харьковской третьей гимназіи, откуда вышелъ изъ 6-го класса и бѣжалъ изъ родительскаго дома къ родственникамъ на Донъ, гдѣ въ Новочеркасской гимназіи держалъ экстерномъ.

Затѣмъ онъ поступилъ въ горный институтъ и дошелъ, кажется, до 3-го курса.

Раззорившіяся отецъ нашъ служилъ одно время даже стѣновымъ привомъ и, какъ говорятъ, долженъ былъ принять однажды дѣятельное участіе поимкѣ сына въ д. Софіевкѣ, куда братъ явился съ агитаціонными цѣли—въ районѣ его полицейскаго участка.

Послѣ ареста брата отецъ немедля лишился мѣста и долго не имѣлъ возможности найти себѣ какихъ либо занятій.

Н. Сентянинъ.

II.

Родственникамъ ссыльно-каторжнаго П. М. Андреева (Симакова).

М. Г. Въ моемъ распоряженіи имѣется нѣкоторая сумма денегъ для ссыльно-каторжнаго *Петра Михайловича Андреева* (онъ же *Симаковъ*). Въ виду явленія главнаго тюремнаго управленія, что для ссыльно-каторжнаго арестанта деньги могутъ быть посланы лишь ближайшими его родственниками (родителями, женою, дѣтьми, родными братьями и сестрами), прошу ближайшихъ родственниковъ Андреева (*Симакова* то-жъ), знающихъ его мѣстопробываніе, и лицъ, могущихъ посовѣтовать мнѣ, какъ доставить ему эти деньги, обобщить мнѣ письменно по адресу: *С.-Петербургъ, Вознесенскій, 37, кв. 21, студенту Б. М. Кадеру.*

Примите и проч. Б. Кадеръ.

Р. С. Прошу газеты, провинціальныя, а главнымъ образомъ сибирскія, перепечатать настоящее письмо.

Б. К.

Опечатки.

Въ статью Н. С. Русанова „Идейныя основы Народной Воли“, помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ „Былого“, вкрались нижеслѣдующія крупныя опечатки:

Напечатано:		Должно быть:	
Стран. 38, стр.	8 снизу	Припоминаніе	Упоминаніе
„ 39, „	17 сверху	торжества	тожества
„ 40, „	1 снизу	соціалистами	соціологами
„ 47, „	13 сверху	соціалистическихъ	соціологическихъ
„ 61, „	3 снизу	несложнаго	несходнаго
„ 67, „	19 сверху	во имя	ради
„ 69, „	16 снизу	„монархистовъ“	„монархомаховъ“

Въ статьѣ С. Л. Чудновскаго „Изъ дальнихъ лѣтъ“ въ той же книжкѣ:

Стран. 283 стр.	6 сверху	теоріи	терапіи
„ 284 „	15 снизу	Алчуницынъ	Аметистовъ
„ 293 „	6 сверху	Котокори	Катакази

